

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Kostomarov

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ:

Томы XIX-й, XX-й и XXI-й.

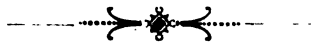
Девятнадцатый томъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ и старинные земскіе соборы.

Двадцатый томъ. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Двадцать первый томъ. Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ
(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1906.

Digitized by Google

С. ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. ПЕТЕРБУРГ

CARPENTIER

8326

DK5
K6
1903
v. 19-21

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Томъ девятнадцатый.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и
XVI столѣтїяхъ и старинные земскіе соборы.

	СТАН.
I. Жилыя мѣстности	6
II. Города	8
III. Москва	16
IV. Посады	22
V. Слободы	26
IV. Села и деревни	27
VII. Дворы и дома	30
VIII. Домашняя мебель и утварь	24
IX. Одежда	52
X. Пища и питье	67
XI. Образъ домашней жизни	76
XII. Здоровье и болѣзни	81
XIII. Семейные нравы	84
XIV. Порядокъ домоуправленія	90
XV. Вѣздъ изъ дома и путешествіе	97
XVI. Приемъ гостей. Обращеніе	101
XVII. Пиршества. Пьянство	105
XVIII. Увеселенія, Игры, Забавы	112
XIX. Праздники	112
XX. Домашніе обряды. Родины и крестины. Бракъ. Новоселье. Смерть. По- гребеніе	125
XXI. Вѣрованія	146
Старинные земскіе соборы	177

Томъ двадцатый.

Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтїяхъ.

	СТРАН.
Глава первая	233
Глава вторая	241
Глава третья	271
Глава четвертая	312
Глава пятая	335
Глава шестая: 1. Предметы царства ископаемаго	349
2. Предметы царства растительнаго	361
3. Предметы царства животнаго	385
4. Шерстяныя и шелковыя матерїи	413

Томъ двадцать первый.

Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

	СТРАН.
Введеніе	429
I. Перїодъ языческій.—Отдаленная древность	439
II. Южная Русь до козачества	677
Исторїя козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества	693

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Kostomarov
" —————

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ девятнадцатый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

770 2000
A. 5000 1000

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ
ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА
ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ
и
СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

100

100

Наша историческая литература не бѣдна сборниками актовъ и лѣтописей и многими добросовѣстными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ русской старины. Но это составляетъ драгоцѣнность или для специальныхъ ученыхъ, или для лицъ, которымъ положеніе ихъ и воспитаніе дозволяетъ слѣдить постоянно за ходомъ науки и знакомиться со всѣми текущими явленіями въ ея области. Но за этимъ немногочисленнымъ классомъ читателей есть гораздо бѣльшая масса публики, погруженная въ занятія, которыя лишаютъ ее и времени, и средствъ, чтобъ обращаться къ чтенію ученыхъ изслѣдованій, рѣшающихъ тотъ или другой вопросъ прошедшей русской жизни. Нерѣдко случается слышать укоры въ невѣжествѣ и отсутствіи мысли, обращенные на тѣхъ, которые, получая журналы, читаютъ въ нихъ однѣ легкія статьи и оставляютъ неразрѣзанными ученые; но часто такъ поступаютъ люди образованные и развитые и столько же въ своей сферѣ полезныя для общества, какъ и авторы ученыхъ статей, нечитаемыхъ ими. Нельзя ихъ обвинять, если послѣ трудовъ на своемъ поприщѣ они ищутъ въ чтеніи отдохновенія: невозможно требовать, чтобъ ихъ интересовалъ частный вопросъ по наукѣ, когда ихъ дѣятельность обращена къ другимъ предметамъ. Еще менѣе возможно, чтобъ они читали сырые матеріалы, какъ, наприимѣръ, Акты Археографической комиссіи. Но это не значитъ, чтобъ прошедшая жизнь не возбуждала въ нихъ никакого интереса: для этой части публики нужны только не частныя изслѣдованія, а очерки, изъ которыхъ они могутъ составить себѣ цѣлостныя представленія.

Для этого класса читающей публики я предпринялъ составить очеркъ прошедшей русской жизни во всѣхъ ея видахъ. Отрывокъ моего труда — О торговлѣ въ нашемъ государствѣ — былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1857 года ¹⁾; теперь я предлагаю «Очеркъ домашней жизни». Такимъ образомъ я надѣюсь составить впоследствии очерки церковнаго устройства, администраціи, судопроизводства, военнаго быта. Я далекъ отъ того, чтобъ считать предлагаемый очеркъ оконченнымъ трудомъ, но смѣю надѣяться, что собраніе разбѣянныхъ въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣній о нашей старой домашней жизни не останется безъ нѣкоторой пользы.

¹⁾ *Прим. изд.* „Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (изд. Тиблена) напечатанъ въ Спб. въ 1862 году.

I.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ старой Руси были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погость, село, сельцо, деревня, починокъ.

Названіе городъ принималось въ различныхъ смыслахъ. Первоначально это слово значило огороженное мѣсто, то-есть то, что нынѣ *ограда*, *огорожа*. Въ старыя богатырскія времена людскимъ жилищамъ часто угрожали то нашествія чужихъ, то свои домашніе непріатели, при частыхъ неурядицахъ и междоусобіяхъ, поэтому ихъ старались укрѣплять — огораживать. Для такой важной цѣли достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово городъ (огородъ, городъ) въ смыслѣ огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилище отъ животныхъ, и твердыню отъ непріятельскаго нашествія. Мѣстности, гдѣу крѣпленія представляли больше надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападеній, сдѣлались центрами прилива народонаселенія: одни селились въ самыхъ городахъ, другіе поблизости къ нимъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать въ охранное мѣсто, когда наступитъ опасность. Всѣ больше или меньше имѣли нужду въ городахъ; отсюда возникло, что города получили значеніе преимущественно предъ неукрѣпленными поселеніями и послѣднія подпадали имъ въ зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась часто и легко порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство по своей крѣвности: крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись другіе. Тогда между городами образовались два рода — старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или города и пригороды. Въ связи съ стратегическими условіями подчиненію меньшихъ городовъ болѣшимъ способствовали историческія обстоятельства народной жизни. Такимъ образомъ, собственно слово *городъ* начало означать господствующее мѣсто — столицу надъ краемъ, заключавшимъ нѣсколько пригородовъ, сель, деревень. Такъ Кіевъ былъ городомъ земли полянъ или Земли Русской, Черниговъ — городомъ Земли Сѣверской, Новгородъ — Земли Новгородской, Псковъ — Земли Псковской, Хлыновъ — Земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ были пригороды Кіева, Ладога — пригородъ Новгорода, Изборскъ — пригородъ Пскова, и такъ далѣе. Когда раздѣльныя части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смыслъ города всей Русской Земли, — но тогда самое слово городъ измѣнило прежнее значеніе. Городомъ не называлось уже главное *правительственное* мѣсто, гдѣ находился центръ прав-

ленія, напротивъ, это слово начали употреблять въ обратномъ смыслѣ. Москва называлась Москвою: собственное имя ея нерѣдко принималось нарицательнымъ именемъ русской столицы; говорилось: «на Москвѣ и въ городахъ», какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ названіе городъ сохраняло два значенія: укрѣпленной мѣстности и административнаго провинціального пункта. Въ городахъ происходило соприкосновеніе народа съ властью; тамъ была складка военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ, наконецъ, тамъ жители края искали убѣжища во время военныхъ опасностей. По мѣрѣ расширенія народонаселенія возникали города одинъ за другимъ и, сообразно благоприятнымъ условіямъ, одни получали предъ другими преимущества въ отношеніи важности своей. Такимъ образомъ, города были большіе и меньшіе, и большіе начальствовали надъ послѣдними. Кромя городовъ постоянно населенныхъ, существовали еще укрѣпленныя мѣста, называемыя острогами; они находились преимущественно въ отдаленныхъ отъ средоточія власти пограничныхъ и малонаселенныхъ областяхъ, были вообще меньше городовъ и часто не имѣли постоянного населенія: изъ городовъ посылались туда служилые люди, для стражи, на переѣзку. Мало-по-малу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались въ города.

Посадамъ называлось то, что теперь мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадскій человекъ* означало то же, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности. Они строились близъ городовъ, такъ что городъ находился посреди посада, и въ этомъ смыслѣ назывался кремль, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посадъ внизу. Въ мѣстахъ, гдѣ жителямъ посада опасно было оставаться въ своихъ жилищахъ безъ защиты, посады обводились валами, стѣнами и рвами. У насъ въ отношеніи посада къ городу было то же, что на Западѣ; то, что у насъ называлось посадъ — на Западѣ было city, cité, stadt, miasto, mesto, и то, что на западѣ было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grad, у насъ называлось городъ, а въ древности градъ. То же было въ древнемъ классическомъ мѣрѣ: такъ акрополисъ былъ градъ Аѳинъ, а самыя Аѳины около него посадамъ. Въ нашей старой Руси поселеніе, подобное тому, что въ настоящее время называется городомъ, состояло нерѣдко изъ трехъ частей: градъ или городъ, посадъ и слободы. Посадъ раздѣляется на двѣ части: острогъ или укрѣпленная часть околороднаго поселенія и поселокъ внѣ острога или собственно посадъ, а за нимъ слободы. И теперь въ земляхъ турецкихъ славянъ та же троичность; градъ, соответствующій нашему городу, варошь — острогъ, и *паланка* — поселеніе за укрѣпленіемъ, которое можетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, соответствовать нашему посаду или слободамъ.

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими-нибудь особенными условіями; но такъ какъ эти условія давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ-нибудь особымъ занятіямъ, то за такими обществами преимущественно удерживались названія слободъ. Онѣ были большею частію около посадовъ и городовъ.

Погостъ, село, сальцо, деревня, поселокъ, займище были поселенія земледѣльческаго класса. Въ древности погостомъ называлось поселеніе съ церковью, при которой всегда сосредоточивались сношенія окрестныхъ жителей и установлялся административный центръ. Но когда число церквей умножилось и такихъ

поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались вообще только селами. Слово погость, бывшее нѣкогда въ повсемѣстномъ употребленіи, въ XVI и XVII вѣкѣ сохранилось только въ Новгородской Землѣ, въ смыслѣ большого села со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Различіе между селомъ и сельцомъ заключалось только въ величинѣ ихъ. Деревни были поселенія безъ церквей. Починки были маленькія деревушки, недавно заселенныя. Займища было небольшое поселеніе на дикой землѣ, занятое обыкновенно однимъ дворомъ. Когда къ этому двору присоединялись другіе, то изъ займища образовался починокъ; починокъ по прошествіи времени, которое лишило его значенія новизны, и по мѣрѣ возрастающаго населенія, переименовывался въ деревню; а наконецъ съ постройкою церкви деревня измѣнялась въ сельцо и, съ умноженіемъ народонаселенія, въ село. Жилыя земледѣльческія мѣстности безъ церквей и даже небольшія сельца принадлежали къ селамъ. Такая принадлежность однихъ мѣстностей другимъ не была только административнымъ распоряженіемъ, а истекала изъ образа ихъ основанія, ибо новыя поселенія основывались посредствомъ выселковъ изъ старыхъ. Изъ селъ выходило нѣсколько семействъ: основывали деревню; когда она значительно возрастала или же находились въ ней зажиточные люди, чтобъ построить церковь (т. к. въ то время это было не трудно по обилію лѣса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась въ сельцо, потомъ въ село. Въ свою очередь изъ новаго села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшіяся въ свою очередь въ сельца и села и такъ далѣе. Первое родоначальное село удерживало старшинство надъ своими выселками и оставалось между ними центромъ сношеній по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время не изглаживало изъ памяти этой старинной исторической связи. Такимъ образомъ, въ Новгородской Землѣ погосты, въ смыслѣ первенствующихъ поселеній, были старыя поселенія съ старыми церквами, а села, съ новопостроенными церквами были ихъ выселками. Смотра по историческимъ обстоятельствамъ, измѣнявшимъ движеніе народонаселенія и по относительной быстротѣ его размноженія, эта связь поселеній удерживалась долѣе или ослаблялась скорѣе.

II.

Г о р о д а .

Потребность возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде, чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ незаселенныхъ, чтобъ дать возможность жителямъ существовать на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ южныя степи Московскаго Государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, засѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другого, указывали на господство русской державы въ безлюдной землѣ. Въ Сибири каждый шагъ подчиненія земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ. Повсюду въ XVI и XVII вѣкѣ постройка городовъ была одною изъ первыхъ заботъ правительства и городовое дѣло важ-

нѣйшею изъ повинностей всего народа. Когда въ старыхъ актахъ говорится о постройкѣ городовъ, то разумѣется подъ этимъ возведеніе и устройство укрѣпленій, и въ этомъ случаѣ самое слово городъ означало ограду, а не то, что находилось въ ней; говорились: города каменные (включая въ это названіе и кирпичные), города деревянные и земляные. Въ XVI вѣкѣ каменныхъ и кирпичныхъ оградъ было чрезвычайно мало, исключая монастырскихъ стѣнъ, которыя чаще, чѣмъ городскія, дѣлались изъ кирпича. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ того, какъ Смутныя времена показали ненадежность деревянныхъ твердынь, ощутительная потребность охраненія государства отъ всѣхъ сторонъ побуждала выписывать изъ Голландіи мастеровъ для каменныхъ построекъ. Какъ медленно шло это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ Астрахани, несмотря на ея одинокое и небезопасное положеніе, прежде 1625 года не было каменныхъ стѣнъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, во всемъ Московскомъ Государствѣ были, исключая монастырей, въ двадцати городахъ каменные или кирпичныя укрѣпленія; но это число, кажется, преувеличено; по крайней мѣрѣ, собирая разсѣяныя извѣстія того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать ихъ столько (Москва, Новгородъ, Ладога, Псковъ, Смоленскъ, Тула, Нижній, Казань, Астрахань, Яикъ, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцкъ). Вообще же безчисленные города, усѣвавшіе пространство русскихъ владѣній, были съ укрѣпленіями деревянными или земляными, то-есть валами и съ тыномъ по валу. Города располагались такъ, чтобъ около нихъ находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стѣны, а иногда и нѣсколько сторонъ принимали къ озеру, пруду или болоту; съ другихъ сторонъ, менѣе обезопасенныхъ мѣстоположеніемъ, подъ стѣнами проводился ровъ. По большей части деревянныя укрѣпленія соединялись съ земляными разнымъ способомъ: наприимѣръ, насыпался валъ или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стѣна или тынъ; или же стѣна стояла на плоской землѣ, но за нею слѣдовала осыпь; или же деревянныя стѣны были присыпаны хрящемъ, то-есть кучею каменьева, песку и земли. Простые остроги или острожки дѣлались безъ осыпей и ихъ деревянныя стѣны были ограждены только рвами. Часто городъ, окруженный деревянною стѣною и рвомъ, былъ еще разъ обведенъ осыпью или деревянною стѣною — такъ называемыи острогомъ, а между городомъ и острогомъ находилось поселеніе. Такое городовое расположеніе было и въ самой Москвѣ: Кремль съ Китайскъ-городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна такъ называемаго Вѣлаго-города; далѣе, также послѣ значительнаго промежутка, земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Подобное устройство было и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, окруженный острожною деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ каменный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою вдоль Волги, и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этою послѣднею назывался, какъ и въ Москвѣ, Бѣлымъ-городомъ. Въ Псковѣ среднее укрѣпленіе называлось Дѣтинецъ: оно стояло въ углу, образуемомъ рѣкою Великою и впадающею въ нее Псковою. Отъ угла, противоположнаго той сторонѣ, гдѣ была Великая, шла стѣна вдоль рѣки Псковы и упиралась въ башню; отъ этой башни въ обѣ стороны шли стѣны, огивавшія городъ, построенный на двухъ сторонахъ рѣки Псковы; эти стѣны сходились къ двумъ угламъ Дѣтинца на берегу рѣки Великой. Сверхъ

того въ срединѣ города, на лѣвой сторонѣ Псковы, въ сторону отъ Дѣтина, существовалъ еще одинъ внутренній городъ, называемый Кромъ, а за предѣлами большой вѣшной стѣны, огибавшей весь городъ, былъ ровъ, за которымъ расположено было многолюдное поселеніе, называемое *Застѣнне*, обведенное деревянною стѣною. Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ былъ каменный городъ, окруженный землянымъ валомъ; между тѣмъ и другіе находились посады; укрѣпленія земляного города шли неправильными линіями, то приближаясь къ каменному, то удаляясь отъ него; за предѣлами земляного расположены были поселения, тоже въ древности еще разъ обведенныя стѣною, а на Торговой сторонѣ былъ другой городъ съ башнями и ровомъ. Нѣкоторые монастыри (они вообще въ тотъ вѣкъ были твердынями) имѣли такую же форму укрѣпленій; напримѣръ, въ Кирилловскомъ въ началѣ XVII вѣка была кругомъ монастырскаго строенія каменная стѣна, а подалѣе, на значительномъ отъ нея разстояніи, по тому же направленію. эту каменную стѣну окружала деревянная острожная стѣна. за которою съ вѣшной стороны проходилъ вокругъ нея ровъ. Во множествѣ небольшихъ городовъ былъ такой же порядокъ: за стѣною, обыкновенно деревянною, опоясанною ровомъ по наружной сторонѣ, часть посада, иногда же и весь посады, окраивался другою стѣною, острожною.

Какъ каменные, такъ и деревянные стѣны не составляли правильныхъ очертаній; такъ, напримѣръ, въ одномъ деревянномъ городѣ стѣна въ одномъ мѣстѣ суживалась до 31 сажени, а въ другомъ расширялась до 98 ¹⁾. Почти всегда городъ въ однихъ мѣстахъ былъ шире, въ другихъ, параллельныхъ нервыиъ, уже. Окружность городовъ соразмѣрялась съ мѣстоположеніемъ и важностью города. Въ Новгородѣ, напримѣръ, каменный городъ былъ въ четыреста девяносто восемь саженой кругомъ, земляной въ семьсотъ двѣнадцать, деревянный въ двѣ тысячи четыреста шесть. Окружность астраханскаго каменнаго города заключала тысячу семнадцать саженой ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ окружность второстепенныхъ городовъ въ сто двѣнадцать ³⁾, въ сто восемьдесятъ четыре ⁴⁾, въ триста девяносто пять, въ пятьсотъ пятьдесятъ ⁵⁾ сажень и такъ далѣе.

Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались наверху зубцы, такіе высокіе, что иногда занимали болѣе трети вышины всей стѣны ⁶⁾. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменные, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянные; но случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ башни были каменные, какъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ (Кн. Больш. Черт.) Кромѣ башенъ, въ стѣнахъ дѣлались различной формы выступы, носившіе названія: городни, выводы, костры, кружала (круглыя выемки, гдѣ обыкновенно помещались кладовыя со входами изнутри и амбары); обломы (скатныя пристройки, выдававшіяся въ наружную сторону) съ деревянными котами (катками или колесами безъ спицъ), которые спускались на непріятеля во время осады; печоры (углубленія

¹⁾ Доп., III, 163—164.

²⁾ А. И., III, 217.

³⁾ А. А. Э., III, 447.

⁴⁾ Доп., VI, 155.

⁵⁾ Доп., VI, 130.—Влад. Сборн., 141.—А. Ю., 253.

⁶⁾ А. И., IV, 134.

внутри стѣны); бѣги—расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились укрѣпленія, образовывавшія сверху другую стѣну¹⁾. Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями, называемымъ пряслами. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ въ новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 сажень, въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ новгородскомъ земляномъ городѣ между одними башнями было до 150 сажень, между другими 46²⁾. Въ Тотмѣ вообще отъ 17 до 25 саж.³⁾ Въ одномъ деревянномъ городѣ, въ южномъ краю Московіи, на одной сторонѣ вся стѣна имѣла 35 сажень, на другой 44⁴⁾. Въ Воронежѣ въ 1666 г. въ одномъ мѣстѣ пространство между башнями заключало 155 сажень, въ другомъ 30, въ третьемъ только 18 и т. п.⁵⁾ По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобъ метать на осаждающихъ, и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такіихъ боевъ въ большихъ городахъ было три ряда и назывались: подошвенный, средній и верхній. Въ Астрахани на пространствѣ четырехъ сотъ двадцати пяти сажень, составлявшихъ часть городской стѣны, было пятьдесятъ девять боевъ. Въ малыхъ городахъ ихъ было обыкновенно два ряда: подошвенный и верхній⁶⁾. Толщина и высота стѣнъ въ разныхъ городахъ была такъ же различна, какъ и окружность. Въ Астрахани въ 1649 г. каменная стѣна въ толщину была въ полторы сажени, а въ вышину съ зубцами четыре сажени, безъ зубцовъ двѣ сажени съ половиною; самые зубцы возвышались надъ стѣною на сажень съ половиною и въ толщину были въ полъ-сажени⁷⁾. Стѣны московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству англичанъ⁸⁾, имѣли въ толщину восемнадцать футовъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ вышина внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней десять; толщина первой въ девять съ половиною, а внутренней въ полтора аршина⁹⁾. Въ Суздали валъ съ приступной, то-есть съ внѣшней стороны, имѣлъ отъ восьми до десяти сажень вышину, а съ внутренней отъ трехъ до шести. Земляные валы дѣлались внизу шире, сверху уже: такимъ образомъ, въ этомъ же суздальскомъ валѣ толщина его съ ночью была отъ восьми до десяти сажень, а наверху ширина простиралась только до полторы сажени¹⁰⁾.

Изнутри по стѣнамъ проводились лѣстницы и ходы, обыкновенно изъ башенъ отъ одной къ другой; по мѣстамъ эти ходы имѣли тайные выходы наружу. На большихъ выступахъ или бѣгахъ устраивались мосты, на которыхъ, какъ сказано прежде, возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности¹¹⁾. Очень

¹⁾ Доп., II, 91, III, 6, V, 295.—А. И., III, 284.—Ворон. Акты, II, 99.

²⁾ Доп., III, 161, 162.

³⁾ Доп., VI, 155.

⁴⁾ Врем., V, Смѣсь, 29, 30.

⁵⁾ Вор. Акты, I, 135.

⁶⁾ А. И., IV, 312.—Доп., IV, 3, 29.—А. И., III, 217.

⁷⁾ А. И., IV, 134.

⁸⁾ Angl. Navig, 7, edit. Starcz.

⁹⁾ Поездка въ Кирилл.-Бѣл. мон., 25.

¹⁰⁾ А. И., III, 382.

¹¹⁾ Доп., III, 6, VI, 130.

часто стѣны города были двойныя, тройныя и четверныя. Пространство между стѣнами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставался промежуткомъ ¹⁾. Сверху дѣлались надъ ними кровли изъ теса или рѣшетны ²⁾. Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшіяся надъ стѣнами городовъ, были по фигурѣ круглыя, четверугольныя, шестиугольныя, осьмиугольныя. Кровли на нихъ иногда были такъ велики, что сами по себѣ превышали вышины остальнаго строенія: такъ въ Олонцѣ высота башни до кровли была пять сажень, а съ кровлею одиннадцать. Вообще высота, длина и ширина башенъ была очень различна и не одинакова въ одномъ и томъ же городѣ. Напр., въ Воронежѣ въ 1666 году одна башня имѣла въ высоту семь сажень, а другія—пять, четыре, три и даже одну. Высота вообще не соразмѣрялась съ объемомъ башенъ: напримѣръ, въ одномъ городѣ изъ двухъ башенъ въ полтора сажня въ диаметрѣ, одна была вышиною въ три сажня съ половиною, другая въ полтора сажня. Рѣдко длина башни была одинакова съ шириною. Чаще всего въ одну сторону онѣ были длиннѣе, въ другую, внутреннюю, короче, напр., четыре сажня длины и два съ половиною ширины. Но самая обыкновенная мѣра башенъ была около трехъ сажень въ длину и двухъ въ ширину. Въ нѣкоторыхъ городахъ башни строились въ уровень съ стѣною, въ другихъ выступали сажня на два, на три и даже на четыре въ наружную сторону. Количество башенъ въ городахъ было чрезвычайно различно, смотря по объему стѣны; въ новгородскомъ каменномъ городѣ ихъ было десять, въ земляномъ девять, въ деревянномъ тридцать семь; въ Астрахани десять, въ Янкѣ восемь, въ Олонцѣ тринадцать, въ Тотмѣ семь, въ Смоленскѣ и Муромѣ четырнадцать, въ Воронежѣ семнадцать, въ Архангельскѣ девять, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ двадцать три. Тѣ, которыя стояли по угламъ, назывались наугольными, стоявшія по срединѣ стѣны—средними, съ воротами—проѣзжими, безъ воротъ—глухими. Вездѣ были тайныя башни, стоявшія обыкновенно поблизости къ рѣкѣ; отсюда дѣлались подземные ходы со струбями, иногда сажень на шесть, десять и болѣе. Башни назывались по урочищамъ, по мѣстности, или же по ихъ назначенію, напр., розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная,—также по именамъ праздниковъ или святыхъ, напр., пречистенская, введенская, никольская. Последняго рода названія давались преимущественно проѣзжимъ башнямъ. Башни раздѣлялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строенія, называемыми въ тѣ времена мостами. Этихъ ярусовъ было обыкновенно три: нижній или подошвенный, средній и верхній, а иногда, особенно въ небольшихъ городахъ, только два. Въ каждомъ ярусѣ устраивались бои; въ подошвенномъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался пушечнымъ, а въ верхнихъ надъ нимъ изъ пищалей и мушкетовъ и потому они назывались пищальнымъ и мушкетнымъ боями. Не всегда въ одномъ и томъ же городѣ были башни съ равнымъ количествомъ боевъ. Такъ въ Смоленскѣ въ нѣкоторыхъ башняхъ были неполные бои, хотя съ полнымъ количествомъ мостовъ. Напримѣръ, въ одной башнѣ бои устроены были только въ среднемъ мосту, въ другой только въ верхнемъ, а въ нижнемъ и среднемъ не было боевъ. Ходы по башнѣ были

¹⁾ Поездка въ Кир.-Бѣлов. мон., 26.—А. И., I, 322.—Влад. Сб., 140.

²⁾ Доп., III, 169, 229, 230.—А. И., III, 285.

иногда снаружи, иногда изнутри, такъ что башня въ срединѣ по столбу раздѣлялась на отдѣлы, а верхніе отдѣлы съ нижними соединялись посредствомъ лѣстницъ. Иногда на кровляхъ башенъ устраивались чердаки, клѣтки, или караульни, небольшія надстройки для обозрѣнія далекихъ предметовъ; въ нихъ также были наготовѣ пищали. Число проѣзжихъ башенъ соразмѣрялось съ величиною города. Въ каменномъ новгородскомъ городѣ изъ десяти башенъ было шесть проѣзжихъ, въ земляномъ изъ девяти три, въ Воронежѣ изъ семнадцати шесть, въ Бѣлозерскѣ изъ восьми двѣ, въ Инсарѣ изъ восьми три, въ Муромѣ изъ четырнадцати двѣ проѣзжихъ и третья съ воротами водяными, то-есть ведущими къ водѣ; въ небольшихъ городкахъ изъ четырехъ башенъ строилось по двѣ проѣзжихъ; никогда не строились города съ однимъ только выходомъ. Ворота въ башняхъ были толсты и широки, и потому проѣзжія башни всегда значительно были и выше, и массивнѣе глухихъ; напр., въ семь сажень съ половиною дливою и столько же шириною. Въ воротахъ вѣдывались боевыя окна, какъ въ глухихъ башняхъ и въ пряслахъ. Надъ ними находился образъ святого или какого-нибудь большого праздника и по имени образа называлась башня; а въ вѣкторныхъ городкахъ въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви. Ворота запирались огромными замками. Въ мирное время, однако, створы воротъ не запирались, а только на ночь опускалась рѣшетка, а для удобства въ самыхъ воротахъ продѣлывались калитки, которыя также запирались особыми замками. Обыкновенно на проѣзжихъ башняхъ устраивались боевыя часы и вѣстовой колоколъ, который всегда былъ массивнѣе и громче обыкновенныхъ церковныхъ или благовѣстныхъ колоколовъ. Его называли также полошнымъ колоколомъ, потому что звонили въ него на тревогу и призывали народъ къ сбору. Въстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ стояла вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли только тогда, когда подавали сигналъ. На прочихъ башняхъ привѣшивались также колокола; въ нихъ звонили во время отбоя непріятеля или вылазки, для возбужденія охоты къ битвѣ и храбрости. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Случалось, что передъ самыми проѣзжими башнями дѣлали острожки или города въ маломъ видѣ. Такъ въ Муромѣ передъ двумя проѣзжими воротами сдѣланы были острожки: одинъ длиною въ восемь сажень, а поперекъ въ три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня ¹⁾).

Городовыя стѣны или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направленію твердынь съ ихъ вѣшной стороны. Въ небольшихъ городкахъ встрѣчались рвы глубиною въ сажень и шириною въ двѣ сажени, или глубиною въ двѣ сажени, шириною въ двѣ съ тремя четвертями сажени ²⁾; но въ большихъ городкахъ рвы были и глубже, и шире, и достоинство ихъ вообще полагалось въ томъ, чтобъ они были глубоки и круты ³⁾. Въ нѣкихъ мѣстахъ въ эти рвы проводили воду, а въ другихъ забивали сваи, на-

¹⁾ А. Ю., 253, 366.—А. А. Э., III, 447.—А. И., IV, 339, 502. V, 81—82.—Доп., II, 55, 229, 266. III, 169, 225. V, 294—302. VI, 130, 225.—Временн., V. Смѣсь, 30. XIV, 11—14.—Русск. Вѣстн. 1843 г., 341, 353.—Владим. Сборн. 140, 141.—Воронежск. Акты, 1, 133—138.

²⁾ А. А. Э., III, 447.—Доп., IV, 29.—Временн., V. См., 30.

³⁾ Доп., IV, 29.

зывается частикомъ или чеснокомъ; а иногда самый чеснокъ утыкали сверху желѣзными спицами; иногда кромѣ того рвы ослоняли особую оградю изъ дубовыхъ бревенъ. Случалось, что такихъ рововъ за главною стѣною или городскимъ валомъ было нѣсколько рядовъ, одинъ возлѣ другого по одному направлению ¹⁾.

Отъ рововъ въ наружную сторону проводили отводныя стѣны и дѣлали длинный рядъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами. То были столбы изъ толстыхъ бревенъ (обыкновенно дубовыхъ), поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другого и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбы были двойныя и тройныя, то-есть въ два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями изъ бревенъ наверху и такимъ образомъ представляли видъ корридоровъ, всегда въ извѣстномъ направленіи. Около Воронежа такіе корридоры шли отъ города на протяженіи пяти съ половиною верстъ до караульнаго городка, устроеннаго для наблюденія и для подачи вѣстей въ городъ; иногда же ряды надолбъ шли отъ города верстъ на двадцать и даже болѣе и были окаймлены рвами, а по мѣстамъ между ними устраивались башенки. Тамъ, гдѣ нужно было сдѣлать выходъ, устраивались ворота съ опускаемыми колодами. Отъ такихъ мѣстъ пускались въ стороны ряды новыхъ надолбъ, называемыхъ отметными, а отъ этихъ въ надлежащихъ мѣстахъ расходились въ боковыя стороны другія отметныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ надолбахъ дѣлались тайныя выходы, извѣстныя однимъ служилымъ людямъ. Надолбы на своихъ поворотахъ упирались въ лѣсныя завалы, то-есть кучи срубленнаго и сваленнаго лѣса, шириною саженой въ двадцать или тридцать. Непритель, подступая къ городу, долженъ былъ сначала пройти черезъ эти завалы, потомъ путаться около лабиринта надолбъ, уничтожать ихъ, и тогда уже достигнуть городскихъ укрѣпленій, которыя, какъ выше сказано, были нерѣдко двойныя и тройныя и сопровождались двойнымъ и тройнымъ рядомъ рововъ. Дороги, служившія сообщеніемъ для городовъ, пролагались вдоль надолбъ и проходили черезъ устроенныя въ нихъ ворота, которыя, въ случаѣ нужды, запирались, какъ выше сказано. Кромѣ надолбъ, существовали еще укрѣпленія, называемыя тарасами. Они состояли изъ бревенъ продольныхъ и положенныхъ на нихъ поперечныхъ и если были въ два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрѣпленія береговъ отъ полои воды близъ города ставили такіе тарасы и насыпали внутрь рядовъ ихъ землю. Тарасы приставлялись также къ прясламъ городскихъ стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ ²⁾.

Въ украинскихъ странахъ отъ городовъ до городовъ проводились земляныя насыпи, и по ихъ протяженію устраивались въ разныхъ мѣстахъ жилые и стоялыя острожки. Первые были тѣ, гдѣ постоянно жили служилые: они впоследствии обращались въ города; въ другіе же посылались служилые на временную службу: послѣдніе нерѣдко возникали и скоро потомъ исчезали. По сторонамъ устраивались лѣсныя засѣки, состоявшія изъ кучъ наваленнаго лѣсу, обведенныя ровомъ, но иногда дѣлались въ нихъ башни и онѣ принимали видъ построенныхъ наскоро городовъ. Эти засѣки возводились преимущественно въ лѣсныхъ мѣстахъ; туда отряжался засѣчный приказчикъ съ отрядомъ служилыхъ: они должны были, слышавъ о непрителѣ, тотчасъ подавать вѣсть въ городъ. Такимъ образомъ

¹⁾ Доп., IV, 29, 281.—А. И., I, 322.—А. А. Э., III, 447, 475.

²⁾ Вор. Акты, I, 187.—А. А. Э., II, 447.—Врем., XIV. См., 14.—Доп., IV, 236.

жная часть Московіи представляла ту особую физиогномію, что, при своей малонаселенности, усѣяна была городами и острогами съ надолбами по окрестностямъ и была изрѣзана земляными валами въ разныхъ направленіяхъ, со множествомъ лѣсныхъ застѣкъ и заваловъ. Всѣ эти укрѣпленія дѣлались нѣско, а потому скоро и разрушались; теперь, кромѣ остатковъ валовъ, нѣтъ и слѣдовъ ихъ, да и въ то время, когда они строились, край былъ больше защищаемъ твердостью служилыхъ людей, чѣмъ этими бревнами. Наши городки не корыстны,—говорили въ XVI вѣкѣ донскіе козаки крымскому хану:—оплетены плетнями, увѣшены тернами, да доставать ихъ надобно твердо головами ¹⁾).

Во внутренности этихъ каменныхъ, земляныхъ и деревянныхъ оградъ, называемыхъ общими именемъ городовъ, стояли казенныя зданія. Тамъ была приказная изба, гдѣ сосредоточивалось управленіе города, посада и всего уѣзда, если городъ былъ уѣздный; предъ сѣнами приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводскій дворъ, огороженный заборомъ или замѣтомъ съ разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, какъ-то: горницами, избами, погребомъ, ледникомъ, мыльней, поварнею. Затѣмъ слѣдовали дворы священниковъ и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною надъ церквами всего посада, прилегавшего къ городу. Далѣе были казенный погребъ для храненія зеленой казны (то-есть пороху), пушечный амбаръ, гдѣ хранились свинецъ въ свиньяхъ, пули, ядра и оружія. Для этихъ хранилищъ дѣлались зданія земляныя или каменныя, а иногда вмѣсто особыхъ построекъ они помѣщались въ стѣнахъ и башняхъ или же во внутреннихъ пристройкахъ къ стѣнамъ. Въ городѣ находилась государева житница, откуда раздавались служилымъ хлѣбные запасы или хлѣбное царское жалованье. Въ городѣ была тюрьма, иногда помѣщаемая въ деревянной избѣ, врытой въ землю и огороженной тыномъ, иногда же въ струбѣ, засыпанномъ совершенно землею. Въ городѣ находились избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затышниковъ; но въ каменныхъ городахъ эти помѣщенія устраивались и въ стѣнахъ. Наконецъ, въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ-нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для престопаго на случай военнаго времени, когда воеводы посылали черезъ бирючей свикать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до двухсотъ человекъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду.

Количество строеній въ городахъ было различно, смотря по величинѣ города. Въ большихъ городахъ помѣщались даже и гостинныя дворы; города въ

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 471.—Врем., II, Разр. кн., 124, 17.—А. А. Э., III, 272, 411.—Доп., III, 167. Доп., VI, 182.

такомъ случаѣ дѣлались средоточіемъ торговли и оттого-то впоследствии название города стало вообще означать мѣсто торговой и промышленной дѣятельности. Прежде другихъ такой характеръ получили тѣ города, гдѣ сосредоточивалось управленіе нѣсколькими уѣздами.

III.

М о с к в а.

Переходя отъ городовъ къ посадамъ, слѣдуетъ остановиться на Москвѣ, которая въ большей части своего протяженія была и городомъ, и посадомъ вмѣстѣ.

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно, онъ существовалъ съ основанія самой Москвы и былъ, какъ вообще русскіе города, деревянный. Въ 1367 году впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 году правительницею Еленю. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирались посады, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями, и назывался Бѣлыиъ-городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этою стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который также былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ-городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Земляного-города, стоялъ городокъ, и наконецъ многіе монастыри, укрѣпленные по тогдашнимъ обычаямъ стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Такъ при Михаилѣ Феодоровичѣ, во время нашествія королевича Владислава, монастыри Симоновъ и Новодѣвичій обращены были въ отдѣльные форты.

Москва своею огромностію изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. Въ XVI вѣкѣ она была больше, чѣмъ въ XVII. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41.500 домовъ. Посѣтившій ее при Феодорѣ Іоанновичѣ Флетчеръ полагаетъ, что въ прежнее время было въ ней то же количество домовъ, но присовокупляетъ, что она очень потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 году ¹⁾. Олеарій, посѣщавшій Москву при Михаилѣ Феодоровичѣ, также говоритъ, что она была огромнѣе до этого бѣдствія и что внѣшняя ограда имѣла тогда двадцать-пять верстъ въ окружности. По его извѣстію, разореніе кримицами было для нея губительнѣе, чѣмъ разореніе во время поляковъ, хотя послѣднее въ то время свѣжѣе впечатлѣвалось въ народномъ воспоминаніи. Тогда она занимала три нѣмецкихъ

¹⁾ Fletch., 13.

или кругомъ ¹⁾). Мейербергъ, посѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ окружность ея съ одной стороны въ 12.000 сажень, а съ другой въ 7.000— это составляетъ девятнадцать верстъ, но какъ тогда версты были тысяча-саженныя, то это значить, что Москва имѣла въ окружности нынѣшнихъ тридцать восемь верстъ ²⁾). Мейербергъ полагаетъ ее съ слободами, а Оlearій, кажется, не считаетъ слободъ, ибо онѣ въ его время были истреблены пожаромъ уничтожившимъ до пяти тысячъ домовъ. Изъ этихъ извѣстій можно только приблизительно и не вполне ясно представить себѣ величину древней столицы; да и сами описатели ея не могли соблюсти точности, потому что сама Москва безпрестанно измѣняла свой видъ отъ частыхъ пожаровъ ³⁾).

Кремль занималъ средину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Тамъ жилъ царь, и Кремль былъ священнымъ мѣстомъ русскаго народа. Съ трехъ сторонъ Кремль окруженъ былъ водою; съ юга окаймляла его Москва-рѣка, съ запада и съ сѣвера Неглинная. Эта болотистая рѣка, теперь уже не существующая, въ верхней части Кремля образовала прудъ, изъ котораго была проведена вода въ каналы, прорытыя около кремлевскихъ стѣнъ. Въ XVI вѣкѣ каналы эти были такъ многоводны и глубоки, что на нихъ были построены мельницы. При Михаилѣ Федоровичѣ онѣ сдѣлались только рвами, однако значительной глубины ⁴⁾. По направленію канавъ или рововъ Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, одиѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ ⁵⁾. Башни проѣзжія, были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія, въ 1658 г. переименованныя въ Спасскія и теперь удержавшія это названіе, Никольскія, Константиновскія (теперь несуществующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія, переименованныя Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 году въ Предтеченскія ⁶⁾, Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомоинныя на юго-западномъ углу у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія ⁷⁾. Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги ⁸⁾. Кремлевскія стѣны были уставлены пушками ⁹⁾.

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы

¹⁾ Olear., 140, 144.

²⁾ Mejerb., 200.

³⁾ Carlisle, 71.

⁴⁾ Olear., 146.

⁵⁾ Jenkins. Nacl., 350.—Math. Mieh., 4.

⁶⁾ П. С. З., I., 450.

⁷⁾ Das Gr. Reich von Mosc., 21.

⁸⁾ Mejerb., 61.

⁹⁾ Carlisle, 71.

были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. При Иоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 году. Ужасный пожаръ въ 1547 г. повредилъ этотъ дворецъ. Иоаннъ возобновилъ его и украсилъ золоченою кровлею ¹⁾, но въ 1571 г. онъ былъ разоренъ Девлетъ-Гиреемъ. При Федорѣ онъ былъ, однако, уже отдѣланъ и находился въ нарядномъ видѣ. При Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ и въ первую половину царствованія Михаила строили только деревянные дворцы. Но послѣ пожара 1626 г., въ другой разъ при Михаилѣ истребившаго царское жилье, принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Федоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу, и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянныя здорověе каменныхъ ²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца ³⁾. При Федорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII в. цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья, и для каждого члена царскаго семейства строили особыя домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. Царскій дворъ огороженъ былъ рѣшеткою ⁴⁾ съ воротами, на которыхъ висѣли образа. Эти ворота были: Курятныя, Колчмажныя, украшенныя высокою башнею и часами, Воскресенскія и Золотыя или Гербовыя съ башнею, на вершинѣ которой находился золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ были изображены гербы областей Московскаго Государства. Курятныя ворота въ 1658 г. переименованы въ Троицкія ⁵⁾ и находились на сѣверѣ, безъ башни наверху, подъ палатами царскихъ мастерницъ; за ними внѣ двора было множество зданій, занимаемыхъ разными отраслями царскаго хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлѣбный, приспѣшныя палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная, аптека, денежный дворъ, конюшенный дворъ и проч. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасный дворецъ—каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбныя запасы) и церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкаскаго, Бориса Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній остававляли на себѣ глаза путешественниковъ, но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ

¹⁾ Гербер., 9.

²⁾ Olear., 146.—Carlisle, 71.

³⁾ Das Gr. Reich von Mosc., 121.

⁴⁾ Jenkins. Nacl., 350.

⁵⁾ П. С. З., I., 460.

были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца ¹⁾. Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменные, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ ²⁾, а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ только тридцать ³⁾. Вѣрно только то, что ихъ было больше, чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ: Срѣтенскій соборъ, Троицкій монастырь, церковь Сергія Чудотворца ⁴⁾. Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями; близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ ⁵⁾. Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать-четыре человѣка, чтобъ раскатать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-городъ. Китай-городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта (побѣленной при царевнѣ Софьѣ), которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ Бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было доброе мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимскою, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. Недалеко отъ нея былъ амфитеатръ изъ тесанаго камня, поднимавшійся вверхъ уступами, мѣсто значительное въ старой обрядности нашей въ праздникъ вербнаго воскресенія. Близъ амфитеатра стояла церковь св. Меркурія Смоленскаго; съ другой стороны амфитеатра находился Земскій приказъ — покрытое землею зданіе съ двумя огромными орудіями наверху и съ другими двумя внизу на землѣ ⁶⁾. На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднолюбцы, а вблизи амфитеатра сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія ⁷⁾. На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждого товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, дома знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегій англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостинныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по рассказу иностранцевъ сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ.

¹⁾ Olear., 146.—Jenkins. Nacl., 350.—Mejerb., 160.—Домаш. б. русск. цар. Забѣл. О. 3. 1851.

²⁾ Olear., 146.

³⁾ Das Gr. R. von Mosc., 121.

⁴⁾ Mejerb., 160.

⁵⁾ Olear., 147.

⁶⁾ Mejerb., 161.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 119.

⁷⁾ Olear., 147.

За предѣлами Китай-города слѣдоваль Вѣлый-городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-города. До Федора Іоанновича стѣна, построенная на этомъ мѣстѣ, была деревянная; при этомъ государѣ вмѣсто нея сооружена каменная. Она была высока и толста, шла въ видѣ полумѣсяца отъ одного пункта близъ Москвы-рѣки до другого близъ той же рѣки, въ обонѣхъ пунктахъ загибалась и примыкала съ запада къ Кремлю, а съ востока къ Китай-городу, такъ что у подножія царскаго двора всѣ три города соединялись въ одну кремлевскую стѣну, которая шла вдоль Москвы-рѣки. По стѣнамъ Вѣлаго-города шли башни; изъ нихъ двѣнадцать были проѣзжихъ съ воротами: на юго-западѣ Троицкая, въ поворотѣ, посредствомъ котораго Вѣлый-городъ соединялся съ Кремлемъ; отсюда по круговой линіи на западъ, съ запада на сѣверъ, а съ сѣвера на востокъ слѣдовали одни за другими ворота въ проѣзжихъ башняхъ: Чертольскія, переименованныя въ 1658 году въ Пречистенскія ¹⁾, Арбатскія, въ томъ же году нареченныя Смоленскими, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Дмитровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, переименованныя въ 1658 г. въ Фроловскія, Покровскія, Яузскія и Васильевскія. Между Срѣтенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, черезъ которую проходила рѣка Неглинная, протекавшая черезъ Вѣлый-городъ по направленію отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу. Эта башня называлась Неглинною Трубой. Между проѣзжими башнями стояли глухія: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по двѣ; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное названіе Наугольной ²⁾. Въ началѣ XVIII вѣка только между двумя воротами было по одной башнѣ, между другими вездѣ по двѣ, а между нѣкоторыми и по три ³⁾. Стѣны Вѣлаго-города шли по линіи нынѣшнихъ бульваровъ и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Вѣлый-городъ, или Царь-городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частью Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола; въ другомъ мѣстѣ былъ царскій конюшенный дворъ съ конюшнями ⁴⁾. Еще въ концѣ XVII вѣка на правой сторонѣ Неглинной возвышался построенный Іоанномъ Грознымъ въ 1565 году въ итальянскомъ вкусѣ дворецъ ⁵⁾.

За предѣлами Вѣлаго-города былъ расположенъ Земляной-городъ. Стѣну его построили въ 1591 году по поводу опасенія отъ набѣга крымцевъ, кото-

¹⁾ П. С. З., I, 451.

²⁾ С. Г. Гр., III, 173—176.

³⁾ De Bruyns, 41.

⁴⁾ Olear., 149.

⁵⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 117.

рых посѣщеніе двадцать лѣтъ передъ тѣмъ слишкомъ много надѣлало горя московскимъ жителямъ. Эта стѣна была построена очень скоро и вѣроятно отъ этой скорости весь Земляной-городъ назывался Скородумомъ, то-есть скоро-задуманнымъ городомъ. Англичанинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчалъ, что въ этой стѣнѣ было такъ много дерева, что изъ него можно было построить рядъ тонкостѣнныхъ англійскихъ домиковъ на тринадцать миль длины ¹⁾. Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленными очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ Земляномъ-городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсные издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ ²⁾. Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ ³⁾. Жители здѣсь были большею частью посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Дома были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Великій князь Василій Ивановичъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ: имъ дозволяли пить вино, потому-то ихъ и вывели отдѣльно отъ русскихъ, которымъ вино разрѣшалось только по праздникамъ ⁴⁾. Отъ этого Зарѣчье прозвано *Належки* отъ слова «наливай». Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлечья слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Земляного-города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. Двое воротъ—Серпуховскія и Калужскія—въ проѣзжихъ башняхъ служили выходомъ и вхо-домъ для этого города ⁵⁾.

За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много; одиѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ; мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотень), ордынцевъ, сѣдельниковъ, гончаровъ, котельниковъ, серебрянниковъ, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ, воротниковъ, граватниковъ, кречетниковъ, трубниковъ, барашей, пушмарей, сокольниковъ, хлѣбниковъ; Бронная, Коношенная, Казенная; другія носили названія по собственнымъ именамъ: Семеновская, Воронцовская, Алексѣевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было сверхъ того нѣсколько ямскихъ слободъ: Тверская, Дорогомилловская, Рогожская, Напрудная ⁶⁾. За Яузою, гдѣ помѣщались многія изъ численныя здѣсь слободы, была, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Послѣ Смутнаго времени нѣмцы расселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ-городѣ; но по настоянію духовенства при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселяли въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви.

¹⁾ Колинсъ, 20.

²⁾ Olear., 149.

³⁾ А., отн. до юр. быта, I, 16.

⁴⁾ Herberst., 113.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 173.

⁶⁾ А. И., III, 104.—Доп., VI, 183.—Врем., XI, О поз. влад., 39.

Сверхъ всѣхъ слободъ, по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать ¹⁾. Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусъ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали ихъ, какъ свою собственность, подъ загородные дворы. Но въ 1649 году правительство со всѣхъ такихъ дворовъ постановило собирать въ казну оброкъ и запретило впередъ селиться на выгонной землѣ. Такимъ образомъ было остановлено естественное расширеніе столицы ²⁾.

IV.

П о с а д ы.

Посады, какъ выше сказано, обыкновенно располагались при городахъ и часто укрѣплялись острогами ³⁾ или осынями ⁴⁾; но въ мѣстахъ, гдѣ отдаленность отъ границы не представляла опасности, посады были безъ городовъ. Жители посадовъ — торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; ихъ тяглые дворы служили единицами въ полицейскихъ и финансовыхъ отношеніяхъ посадовъ къ государству. Кромѣ тяглыхъ дворовъ были на посадахъ дворы *нетяглые* или *бѣлые*, не подлежашіе тѣмъ повинностямъ, какія налагались на тяглыхъ. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырскія подворья, гдѣ жили старцы, завѣдывавшіе дѣлами своихъ монастырей, участвовавшихъ, какъ извѣстно, въ торговлѣ, дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые рѣдко жили въ нихъ сами, а чаще содержали тамъ своихъ дворниковъ. Были еще на посадахъ оброчные дворы, то-есть такіе, которые сдавались отъ казны въ оброкъ на подобныхъ основаніяхъ, какъ и поземельные участки. Этотъ обычай велся издавна и существовалъ еще при великихъ князьяхъ. Наконецъ, въ посадахъ между дворами составляли особый разрядъ дворы бобылей, людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія и платившихъ соотвѣтственно своему состоянію меньшіе налоги ⁵⁾.

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ русскихъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская, — иногда же по занятіямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по какимъ-нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напримѣръ, Букрѣва, Парфеновка. По крайямъ улицъ, или гдѣ онѣ пересѣкались между собою, ставили

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 215.

²⁾ П. С. З., I, 222—223.

³⁾ А. И., III, 56.

⁴⁾ Влад. Сб., 140.

⁵⁾ С. Г. Гр., I, 180.—Врем., VI. Писц. кн. 65. XI, 114.—Доп., I, 391.—А. г. Шуч, 182.—А. А. Э., III, 212.—А. И., III, 64.

образа въ кіотахъ. Вообще онѣ были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглыя деревяшечки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирався съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобы не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человекъ нятдесять, однако въ переулкахъ столицы валялось стерво и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Если въ самой столицѣ такъ мало наблюдали чистоту, то еще менѣе заботились о ней въ посадахъ, но зато при малолюдствѣ ихъ въ сравненіи съ Москвою не столько причиняла зла такая небрежность ¹⁾.

Вездѣ въ посадахъ были площади, иногда очень пространныя и всегда почти неправильныя. Въ Бѣлозерскѣ въ XVI вѣкѣ при трехстахъ дворахъ была площадь въ двѣсти сорокъ сажень длиною, а шириною въ одномъ концѣ въ шестьдесятъ восемь сажень, а въ другомъ тридцать шесть, въ серединѣ семьдесятъ. Въ Муромѣ площадь была въ длину 94 сажня, а въ ширину въ одномъ мѣстѣ 26, а въ другомъ 12 сажень. Обыкновенно всѣ улицы посада съ разныхъ сторонъ неправильными линіями сходились къ площадямъ, которыя были центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній жителей посада. Тутъ стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ разными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, гдѣ собирались гуляки, и земская изба—мѣсто выборнаго управленія. Въ большихъ посадахъ также торговые рынки находились въ той части, которая окружена была стѣною и часто называлась городомъ; напримѣръ, въ Астрахани въ той части посада, которая была окружена каменною стѣною и называлась Бѣлымъ - городомъ, была площадь, гдѣ находился большой гостинный дворъ и торговыя заведенія, а въ другомъ мѣстѣ была площадь, гдѣ продавалось дерево. Около посадовъ оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною, если тамъ были луга, то луговою, или же боровою, когда посадъ окружали лѣса ²⁾.

Главнымъ украшеніемъ посадовъ были церкви. Не говоря уже о Москвѣ, гдѣ число всѣхъ церквей, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрившихъ наблюденія одинъ другого ³⁾, простиралось до двухъ тысячъ, вообще въ посадахъ, даже немногочисленныхъ, находилось множество церквей, несоразимѣрное съ населеніемъ. Въ Бѣлозерскѣ, гдѣ всѣхъ душъ въ 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и изъ нихъ одна каменная соборная ⁴⁾. Въ Муромѣ въ 1687 году было, кромѣ трехъ церквей въ городѣ, четыре монастыря

¹⁾ А. Ю., 248—251.—А., отн. до юр. б., I, 463.—А. И., III, 117; IV, 24—27.—Olear., 146.—Struiss., 188.—Carlisle, 71, 353.

²⁾ А. Ю., 248, 253.—А., отн. до юр. б., I, 368.—Влад. Сборн., 141.—Доп., II, 92. VI, 283.

³⁾ Варб., 9.—Olear., 149.—Carlisle, 71.

⁴⁾ А. Ю., 256.

и двадцать церквей въ посадѣ, а между тѣмъ Муромъ не отличался многолюдствомъ ¹⁾. Въ старыя времена каждый зажиточный человѣкъ строилъ церковь, содержалъ для нея попа и молился въ ней съ своею семьею. Зато многія церкви были такъ малы, что простирались не болѣе, какъ на пятнадцать футовъ ²⁾; онѣ были деревянные, небѣленныя, крытыя тесомъ или гонтомъ, но часто главы покрывались бѣлымъ желѣзомъ и блистали противъ солнца. Въ Вологодѣ всѣ главы церквей, которыхъ было всего 67 (21 каменныхъ, 43 деревянныхъ и три монастыря), были покрыты такимъ образомъ (de Bruyns).

Вообще посады наши были не многолюдны. Разныя бѣдствія, столь обильно изливаемая судьбою на Русь, оказывали постоянно вредныя послѣдствія на размноженіе населенія посадовъ. На югѣ Россіи никакъ не могли процвѣтать посады, потому что беспрестанныя набѣги крымцевъ не давали народу возможности вести осѣдлой жизни, тѣмъ менѣе заботиться о житейскихъ удобствахъ. Очень часто посѣщали Русь моровыя повѣтрія; какъ страшно они опустошали посады, можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ, напримѣръ, въ Шуѣ, гдѣ въ 1654 и 1655 гг. послѣ морового повѣтрія изъ двухсотъ двадцати-четырехъ дворовъ вымерли совершенно обитатели девяносто-одного двора и послѣ трехъ лѣтъ, въ 1658 г., многіе дворы еще оставались по той же причинѣ пустыми ³⁾. Дурное управленіе и тягости, возложенныя на посадскихъ отъ правительства, побуждали жителей оставлять свои жительства и шататься съ мѣста на мѣсто; другіе, гонимые бѣдностью, закладывались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ; нныя постригались въ монахи ⁴⁾.

Выше показана скудость населенія въ Бѣлозерскѣ и Шуѣ: въ другихъ мѣстахъ и въ различное время представляется то же. Такъ напримѣръ, въ 1574 году въ Муромѣ было 738 дворовыхъ мѣстъ, назначенныхъ для поселенія, но изъ нихъ только сто-одиннадцать было жилыхъ, сто-семь дворовъ съ своими строеніями стояли пустыми, а прочія мѣста не были и застроены, или, можетъ быть, бывшія на нихъ строенія уже исчезли ⁵⁾. Въ 1637 году въ Устюжнѣ было всего 178 дворовъ, а людей въ нихъ 254 человѣка ⁶⁾. Около того же времени или нѣсколько позже въ Чердынѣ было 304 двора, а въ Соли-Камской 355 ⁷⁾; а эти города по своему мѣстоположенію, удаленному отъ внезапныхъ набѣговъ хищническихъ народовъ, и по приволью представляли возможность правильнѣйшаго населенія. Въ Холмогоряхъ, которыя стояли недалеко отъ моря и притомъ на главномъ торговомъ пути, въ 1675 году было всего 645 дворовъ, а людей въ нихъ 1.391 человѣкъ ⁸⁾. Сама власть не способствовала развитію посадской жизни. Пржевніе цвѣтушіе города — Новгородъ, Псковъ, Тверь, потерявъ свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся къ единовластію, не допускало въ посадахъ развитія самоуправленія, которое всегда

¹⁾ Влад. Сборн., 160.

²⁾ Olear., 179.

³⁾ Ол. г. Шуи, 334.

⁴⁾ А. г. Шуи, 80.

⁵⁾ А. Ю., 251.

⁶⁾ А. А. Э., III, 419.

⁷⁾ А. И., III, 361.

⁸⁾ Доп., VI, 396.

идеть рука-объ-руку съ благосостояніемъ ¹⁾. При безпрерывныхъ, неотвратимыхъ бѣдствіяхъ, побуждавшихъ народъ къ шатавію, было невозможно, чтобы въ посадахъ заботились о красотѣ и прочности постройки зданій; притомъ же пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе ²⁾. Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоить припомнить пожаръ 1493 года, истребившій всю Москву и Кремль ³⁾, славный пожаръ 1547 года ⁴⁾, когда, кромѣ строеній, сгорѣло болѣе двухъ тысячъ народа, пожаръ 1591 года, доставившій Борису случай показать предъ народомъ свою щедрость; пожары при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были такъ часты, что не обходилось безъ нихъ ни одного мѣсяца; иногда на нихъ было такое плодородіе, что они слѣдовали одинъ за другимъ каждую недѣлю и даже случалось, что въ одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ были такъ опустошительны, что истребляли въ одинъ разъ третью часть столицы ⁵⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ Москва нѣсколько разъ испытывала подобные пожары, напр., во время возмущенія народнаго по поводу пошлины на соль въ 1648 г., потомъ въ 1664 и 1667 годахъ ⁶⁾.

Въ другихъ городахъ пожары были такъ же опустошительны; наприимѣръ, въ Псковѣ въ 1623 г. былъ пожаръ, истребившій городъ до-тла, такъ что жители, обдѣлѣвши, долго не могли послѣ того поправиться ⁷⁾. Несмотря, однако, на такія частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ пошелами; запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ и притомъ не всѣ ей подлежали: нѣкоторымъ зажиточнымъ хозяевамъ, такъ называемымъ служилымъ людямъ, по хорошимъ ихъ отношеніямъ съ воеводами, позволялось то, что вообще запрещалось другимъ; воевода могъ разрѣшить топить лѣтомъ избу, если находилъ, что день довольно пасмуренъ или влаженъ, и мыльню изъ снисхожденія къ больнымъ и родильницамъ ⁸⁾. Когда вспыхивалъ пожаръ, всѣ дѣйствія противъ него ограничивались тѣмъ, что старались ломать строенія, стоявшія близъ горящихъ зданій. Только въ Москвѣ были нѣкотораго рода обычныя мѣры гашенія огня при пожарахъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ существовали какіе-то холстинные парусы сажень въ пять длиною и щиты изъ лубьевъ съ рукоятями ⁹⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было, чтобы всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 173.

²⁾ Маржер., 3.

³⁾ Карамз. И. Г. Р., VI, 73.

⁴⁾ Ibid., VIII. Прим., 173.

⁵⁾ Olear., 149.

⁶⁾ Olear., 144.—Carlisle, 206.—Struiss., 128.

⁷⁾ А. А. Э., III, 19.

⁸⁾ П. С. З., I, 675—677.—С. Г. Гр., III, 163.

⁹⁾ А. И., III, 102.

складывались вѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

V.

С л о б о д ы.

На Руси встрѣчались слободы трехъ родовъ: служилыхъ людей, промышленниковъ и, наконецъ, вообще поселянъ, пользующихся льготами. Къ слободамъ служилыхъ людей относились: стрѣлцкая, пушкарская, пшчальная, затянщиковъ, воротниковъ, козацьи, ямскія. Въ нихъ были поселены служилые люди одного какого-нибудь наименованія, которые составляли корпорацію и исполняли опредѣленную служебную обязанность въ отношеніи правительства. Слободы этого рода пользовались особымъ управленіемъ и особыми правами. По большей части онѣ находились близъ городовъ и составляли предмѣстья посадовъ, если подъ городомъ находился посадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, особенно на югѣ Московскаго Государства, мѣсто самаго посада занимали слободы. Близъ одного острога были слободы: стрѣлцкая, козацьи и пушкарская, а посадскихъ было одинъ только дворъ; такимъ образомъ весь посад хотя и числился существующимъ, но заключался въ одномъ только дворѣ ¹⁾. Величина служилыхъ слободъ соразмѣрялась съ потребностью военной силы по важности города, близъ котораго онѣ были расположены; иногда онѣ были очень не велики, напр., человекъ въ пятьдесятъ жителей и даже менѣе ²⁾.

При исчисленіи слободъ, находившихся близъ Москвы, показаны роды промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ слободъ. Подобныя названія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Руси. Нѣкоторыя промышленныя слободы были въ то же время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ царскому двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и кречетниковъ и проч., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно такъ же, какъ близъ Москвы жители слободы Кадашевки занимались тканьемъ полотенецъ и отбывали повинности доставкой своихъ произведеній на потребности двора.

Въ Сибири, кромѣ служилыхъ слободъ, такое же названіе носили поселенія, гдѣ жители занимались земледѣліемъ и пользовались льготами, которыя давались новоприбывшимъ туда поселенцамъ въ уваженіе къ ихъ недавней осѣдлости. Въ XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народъ въ Сибирь, заманивая общаніями разныхъ льготъ; сверхъ того, для перехода давались охотникамъ подможныя деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать извѣстное количество земли и, собирая съ нея хлѣбъ, доставлять его въ города для прокормленія служилыхъ; такія слободы назывались пашенными ³⁾.

¹⁾ Временн., XIII. Приправоч. кв. Ряз. уѣзда, Моржевск. стана, 7124 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ А. И., V, 20.

VI.

Сѣла и деревни.

Земледѣльческія жилия мѣстности вообще по административному положенію были: черныя тяглыя, дворповыя, помѣстья и вотчины. Первые были государственныя имѣнія, вторыя — собственность государя и его фамиліи; помѣстья были казенныя имѣнія, которыя раздавались служащимъ людямъ, какъ бы вмѣсто жалованья за ихъ службу: владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни завѣщать ихъ, и хотя они очень часто переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, но не по праву наслѣдства, а по новой отдачѣ отъ правительства, такъ что каждый разъ, получая во владѣніе отцовское помѣстье, сынъ долженъ былъ справлять его за собою, т.-е. приобретать отъ правительства на него право съ обязанностью нести за то службу. Вотчины были собственностью владѣльцевъ. Вотчины были: владычія, то-есть принадлежавшія архіереямъ или соборамъ, или, какъ тогда говорилось, домамъ святыхъ, напр., дому Пресвятыя Богородицы, дому Софійскому, — монастырскія и наконецъ частныя лицъ, т.-е. бояръ, окольничихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Сельскіе жители всѣхъ наименованныхъ здѣсь поселеній вообще назывались крестьяне и для означенія, къ какого рода владѣніямъ они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырскіе крестьяне, владычніе крестьяне, дворцовые крестьяне, помѣщичьковы и вотчинниковы крестьяне. Въ XVII вѣкѣ крестьяне въ вотчинахъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, вообще назывались боярскими, и господскія имѣнія носили общее имя боярщины ¹⁾. Съ прекращеніемъ личнаго права крестьянъ на переходъ съ владѣльческихъ земель, на которыхъ они были поселены, по мѣрѣ большаго прикрѣпленія къ землѣ, крестьяне мало-по-малу входили въ одинъ разрядъ съ холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, въ XVII вѣкѣ село чаще было раздроблено между разными владѣльцами, чѣмъ составляло собственность одного: только владѣнія бояръ и князей представляли исключенія. По большей части въ одномъ селѣ было нѣсколько владѣльческихъ усадебъ ²⁾. Около нихъ поселены были обыкновенно рядами дворы ихъ подданныхъ и раздѣлялись на дворы людскіе, крестьянскіе и бобыльскіе. Въ людскихъ жили люди или холопы, обращенные господами на полевыя работы; иногда въ одномъ дворѣ и даже въ одной избѣ помѣщалось нѣсколько семей этихъ рабовъ, не имѣвшихъ ничего собственнаго и жившихъ на скаредномъ содержаніи отъ владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ обыкновенно жилъ хозяинъ не только съ семьей, состоящею изъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ и раздѣлявшеюся на двѣ, на три и четыре семьи съ общими достояніемъ (не въ раздѣлѣ), но часто съ нѣсколькими посторонними семьями работниковъ или подсосѣдниковъ, которые не имѣли своего угла, жили по найму и въ отношеніи юридическомъ и административномъ вмѣстѣ съ хозяйскою семьей

¹⁾ А., отн. до юр. б., I, 354.

²⁾ Временн., XIII. Припр. кн. 7124.

составляли одну единицу ¹⁾). Отличіе крестьянъ отъ бобылей возникло въ давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянамъ съ извѣстными условіями переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, крестьянинъ, поселявшійся на землѣ вотчинника или помѣщика, бралъ отъ него участокъ, носившій юридическое названіе жеребья, и долженъ былъ отбывать повинности, лежавшія на этомъ жеребѣ. Тѣ, которые не могли брать цѣлыхъ жеребьевъ, селились на владѣльческихъ земляхъ, плата только за свой дворъ и обрабатывая землю по добровольнымъ особымъ условіямъ съ владѣльцемъ, а потому не подчинялись уже обязанностямъ, лежавшимъ на жеребьяхъ. Такіе назывались бобылями ²⁾). Послѣ укрѣпленія крестьянъ бобыльскому сословію предстояло современемъ сѣмшаться съ крестьянскимъ, но и въ XVII в. еще оно не успѣло совершенно потерять свое отличіе. Бобыльскіе дворы всегда писались отдѣльно отъ крестьянскихъ ³⁾), ибо всякій крестьянинъ, какъ и прежде, отправлялъ свои повинности съ тяглаго жеребья, хотя назначеніе такого жеребья и зависѣло отъ владѣльца, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Бобылями, то-есть немнѣющимися жеребья, стали называться тогда тѣ, которые, по бѣдности, не могли удержать за собою жеребьевъ. Но въ старину, въ XVI вѣкѣ, не всякій бобыль былъ бѣднякомъ. Когда поселяне имѣли право переходить съ земель владѣльческихъ на другія, многіе могли не обизываться жеребьемъ не потому только, что по скудости не въ силахъ были вынести лежавшихъ на жеребьяхъ повинностей, но также и для того, что не нуждались въ такомъ количествѣ земли, какое приходилось на жеребій, и сверхъ земледѣлія извлекали изъ другихъ занятій средства къ содержанію. Послѣ воспрещенія перехода и укрѣпленія крестьянъ, когда распределеніе жеребьевъ зависѣло уже отъ владѣльца, естественно тѣ, которыхъ владѣлецъ не считалъ удобнымъ посадить на тяглый жеребій, были только бѣдные люди; безъ того владѣлецъ, конечно, далъ бы имъ жеребій и обложилъ повинностью. Такимъ образомъ, слово бобыль перешло въ значеніе бѣдняка, пролетарія и осталось съ нимъ до нашего времени.

До прекращенія перехода земледѣльцевъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ было всегда значительное число пустыхъ дворовъ съ строеніями, готовыми принять къ себѣ новыхъ жильцовъ ⁴⁾). Одни строились самими владѣльцами и сдавались приходившимъ крестьянамъ; другіе крестьянами, смотря по договорамъ. Но и въ XVII вѣкѣ, несмотря на укрѣпленіе крестьянъ, повсюду въ имѣніяхъ было не менѣе прежняго пустыхъ дворовъ, потому что многіе изъ земледѣльцевъ бѣгали, оставляя свои жилища; другіе, вѣроятно, сами были увольняемы владѣльцами. Сельская жизнь попрежнему носила на себѣ явный недостатокъ осѣлости.

Вообще сельское народонаселеніе, какъ и посадское, было скудно и бѣдно. Частыя войны и моровыя повѣтрія истребляли его. Въ украинныхъ земляхъ татары сожигали до-гла поселенія, умерщвляли и забирали въ плѣнъ людей, не успѣвшихъ скорониться въ городахъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не

¹⁾ Доп., I, 279. V, 96.

²⁾ Доп., I, 278.

³⁾ Врем., VI. Писц. кн.

⁴⁾ А. И., I, 130, 136.

упадало духомъ и дѣятельно старалось о заселеніи ея вновь; но долго еще несчастныя условія препятствовали всякимъ усиліямъ. Земледѣлецъ не могъ спокойно располагать своимъ временемъ и часто среди лѣтнихъ работъ принужденъ былъ покидать на полѣ не собранный хлѣбъ и по зову бирючей спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось отъ правительства строить житницы, а велѣно было держать зерновой хлѣбъ въ ямахъ. Самыя избы обыкновенно сожигались, какъ только непріятель приближался, и крестьянинъ убѣгалъ въ городъ съ тѣмъ, что успѣвалъ захватить съ собою. Нерѣдко плоды долготѣхъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ плодороднѣйшія полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными ¹⁾. Подобныхъ бѣдствій не чужды были и другія русскія области. Такъ, въ раздѣлѣ между Строгоновыми постановленными были условія, чтобъ строенія, построенныя за укрѣпленіями въ ихъ сибирскихъ владѣніяхъ, были сожигаемыя во время опасности ²⁾.

Недостатокъ прочной осѣдлости не допускалъ жителей прилагать стараній о сборѣ запасовъ продовольствія на случай скудныхъ лѣтъ. Отъ этого въ случаяхъ неурожаевъ, которые, благодаря климату и почвѣ, были нерѣдки, пустѣли цѣлыя края отъ голода, какъ отъ заразы ³⁾. Слѣдуетъ прибавить, что неправосудное управление, отягощавшее жителей, принуждало ихъ къ побѣгамъ и пріучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь осѣдлой. Всѣ эти причины препятствовали увеличиваться народонаселенію и мѣшали его благосостоянію. Многія извѣстія старыхъ временъ указываютъ на повсемѣстные пустыя дворы, которыхъ обитатели или вымерли, или побиты, или разбѣжались. Цѣлыя села исчезали, оставляя по себѣ названіе пустыхъ селищъ ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ, неподалеку отъ Москвы, слѣдовательно, въ самомъ населенномъ краѣ, въ двухъ селахъ и одной деревнѣ насчитано только двѣсти-шестнадцать дворовъ и въ нихъ 299 душъ ⁵⁾. Въ 1675 году въ Двинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ его станахъ и волостяхъ, было всего 2.531 дворъ и въ нихъ 5.602 человекъ ⁶⁾. Во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка было всего до трехъ тысячъ дворовъ ⁷⁾. Какъ сельское населеніе колебалось въ каждомъ мѣстѣ, то увеличиваясь, то умаляясь, можно видѣть изъ описанія одного стана въ Вятскомъ уѣздѣ: въ 1629 году тамъ было 44 деревни и 23 починка; въ нихъ дворовъ было живущихъ сто, а людей 106; въ 1646 году тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей 1.055 человекъ, да сверхъ того пять деревень и семь дворовъ пустыхъ; въ 1658 году въ томъ же станѣ 53 деревни, 44 починка, живущихъ дворовъ 133, а людей 714 человекъ ⁸⁾. Волѣ чѣмъ въ другіе края населеніе въ XVII вѣкѣ подвигалось, кажется, на востокъ, именно въ края, занимавшіе нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Ниже-

¹⁾ А. А. Э., III, 99, 111, 409.—С. Г. Гр., III, 362.—Вор. Акты, I, 54.

²⁾ Доп., II, 94.

³⁾ А. А. Э., III, 99.

⁴⁾ Доп., I, 279.—Ворон. Акты, 54.—О Пятии. Новг. Невол.

⁵⁾ Врем., V, См., 2.

⁶⁾ Доп., VI, 396.

⁷⁾ А. А. Э., IV, 6.

⁸⁾ Доп., VI, 76.

городской, гдѣ въ XVI вѣкѣ почти не было русскихъ жителей, а въ половинѣ XVII является много городовъ, слободъ и селъ, какъ видно изъ дѣлъ о возмущеніи Стеньки Разина. Этому причиною, кажется, было то, что воинственность тамошнихъ туземцевъ — мордвы и чувашей — была уступчива къ силѣ русскихъ поселенцевъ. Вообще событія XVII вѣка одно за другимъ представляли очень неблагоприятныя условія для осѣлости и умноженія народонаселенія. Въ первыхъ годахъ XVII вѣка эпоха самозванцевъ со всѣми ея послѣдствіями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всѣхъ ея концахъ. При Михаилѣ Оедоровичѣ не успѣла Русь еще оправиться отъ прошедшихъ бѣдствій, какъ ее терзали непрерывныя набѣги татаръ на южныя области. Отдохнувъ немного въ первые годы царствованія Алексѣя, русское населеніе вслѣдъ затѣмъ подверглось цѣлому ряду бѣдствій: изнурительныя войны съ поляками, набѣги крымской орды, моровыя повѣтрія, внутренніе мятежи истощали его. Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пятисотъ-верстъ едва можно было встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину ¹⁾. Не должно обольщаться обиліемъ селъ и деревень, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ актахъ: были села съ церквами, въ которыхъ всего навсего было одиннадцать дворовъ ²⁾, а деревни были столь малолюдны, что въ нихъ значилось двора по три, по два и даже по одному ³⁾. Избѣгая непрерывныхъ бѣдствій, народъ переселялся въ Сибирь; нѣсколько времени она была обѣтованною страной Россіи; но правительство, покровительствуя заселенію этого края, неоднократно и останавливало стремленіе народа на дѣвственную, плодородную, хотя и студеную ея почву. Уже въ 1658 году сибирскій владыка просилъ о прибавкѣ земли въ его домовыхъ волостяхъ и представлялъ, что народонаселеніе увеличилось, а земля выпахалась ⁴⁾. Впрочемъ и въ Сибири *солнце сътитъ*, гласитъ русская пословица: и тамъ были воеводы, поборы, разметы, набѣги иноземцевъ, моровыя повѣтрія и неурожай.

VII.

Дворы и дома.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что для предохраненія отъ пожаровъ приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ ⁵⁾. Въ старину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ ⁶⁾. Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ,

¹⁾ Колл., 13.

²⁾ Врем., XIII. Припр. кн., 58.

³⁾ Ibid., 2.

⁴⁾ Доп., IV, 148.

⁵⁾ П. С. З., I, 165.

⁶⁾ С. Г. Гр., I, 79.

касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины ²⁾. Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе девяти десятинъ ³⁾. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ; напр., въ Хлынѣ дворъ владыки имѣлъ 85 сажень въ длину, а поперекъ въ переднемъ концѣ сорокъ четыре и въ заднемъ пятьдесятъ четыре сажени, да сверхъ того отведенъ былъ дворъ для его церковныхъ дѣтей боярскихъ въ 61 сажень въ длину и 12 въ ширину ⁴⁾. Торговый дворъ Печенскаго монастыря въ Вологдѣ имѣлъ въ длину 60 саж., а поперекъ восемь ⁵⁾. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажень въ длину ⁶⁾. Какъ велики бывали въ Москвѣ дворы бояръ и знатныхъ особъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ XVII вѣка: боярскій дворъ въ длину тридцать семь сажень безъ трети и поперекъ въ одномъ концѣ — переднемъ — девять, а въ заднемъ тридцать три сажени ⁷⁾; другой дворъ (стольника) въ длину двадцать пять сажень съ половиною, поперекъ въ одномъ концѣ девятнадцать сажень съ половиною, а въ другомъ двѣнадцать безъ чети ⁸⁾. При сдачѣ земли подъ постройки загородныхъ домовъ считалось достаточнымъ на дворъ двадцать сажень въ длину, а десять въ ширину ⁹⁾. Встрѣчались примѣры усадебъ гораздо меньшаго пространства, какъ-то: четырнадцать сажень въ длину, а поперекъ въ одномъ концѣ тринадцать, а въ другомъ десять ¹⁰⁾. Въ посадахъ обыкновенная средняя величина усадебъ была отъ 10 до 20 сажень въ длину; встрѣчались даже и менѣе, напр., въ 7 саж. въ длину и въ три сажени поперекъ ¹¹⁾. Вообще форма дворовъ была неправильная и поперечникъ не только не равнялся длинѣ, но въ переднемъ концѣ былъ иной мѣры, чѣмъ въ заднемъ. Всего чаще онъ подходилъ къ равной мѣрѣ съ длиною собственно въ городахъ, гдѣ ограниченность пространства не позволяла слишкомъ широко располагаться.

Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ ¹²⁾. Обыкновенно эта городьба была деревянная, но въ XVII вѣкѣ нѣкоторые дѣлали каменныя или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Такъ въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и ка-

¹⁾ С. Г. Гр., I, 397.

²⁾ Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 г. Мартъ.

³⁾ Влад. Сборн., 173.

⁴⁾ Доп., VI, 76.

⁵⁾ Доп., VI, 381.

⁶⁾ Влад. Сборн., 170.

⁷⁾ Русск. Вѣстн. 1841, I, 229.

⁸⁾ Доп., VI, 351.

⁹⁾ П. С. З., I, 232.

¹⁰⁾ А. г. Шуи, 58.

¹¹⁾ А., отн. до юр. б., I, 681. — Доп., VI, 310.

¹²⁾ А. г. Шуи, 58. — А. Ю., 130.

менными оградами ¹⁾). Точно также въ царскомъ имѣніи, въ Измайловскомъ селѣ, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная съ своеобразными жильями внутри для прислуги и для хозяйственныхъ принадлежностей ²⁾). Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ ³⁾). Въ ограду вело двое и трое (иногда болѣе: пять и семь) воротъ ⁴⁾) и между ними одни были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе. Они украшались съ особенною заботливостью и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣзднаго строенія съ надстроенными наверху башенками; самыя створки украшались разными изображениями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и тому подобное. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы въ дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только приперты, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею ⁵⁾).

Въ самой Москвѣ въ XVI вѣкѣ большая часть зданій были деревянные ⁶⁾), и во всей столицѣ едва можно было насчитать одну восьмую часть каменныхъ ⁷⁾), и тѣ занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильемъ: никто не почиталъ каменныхъ зданій удобнѣе деревянныхъ для жилья. При Михаилѣ Федоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменные постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. При царскомъ дворѣ существовали такъ называемыя палатныхъ и городовыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики каменныхъ дѣлъ, не только иностранцы, но и русскіе, украшавшіе Москву зданіями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все-таки сохраняли старинное убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе,—и самыя иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ этимъ соглашались ⁸⁾). Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ въ Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ строить исключительно одни каменные строенія и для этого выдавали изъ Приказа Большого Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменные постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменные ограды ⁹⁾). Это была первая обязательная мѣра о каменныхъ постройкахъ въ Россіи.

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 391.

²⁾ Русск. Стар. Мартин., 131.

³⁾ Домостр., 87.

⁴⁾ А. Ю., 130, 132.—Русск. Стар. Мартин., 131.

⁵⁾ А. Ю., 130.—Домостр., 87.—Русск. Стар. Мартин., 131.—Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851. Мартъ.

⁶⁾ Jenkins, 150.

⁷⁾ Раф. Барб., 9.

⁸⁾ Carlisle, 323.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 391.

Форма домовъ была четверугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ ¹⁾, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусевъ ²⁾. Складывали брусья съ большими умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха и притомъ не употребляя въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя ³⁾, но скрѣпляли брусья, положенные одинъ сверхъ другого, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки ⁴⁾. Цѣлые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ ⁵⁾. Это называлось строить избу во мху, а если продавалась изба, необитая мхомъ, такая изба называлась не избой, а струбомъ ⁶⁾.

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посредникъ отъ главныхъ воротъ пролегалъ къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее и сугробы въ зимнее время ⁷⁾. Въмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хорошъ ⁸⁾. Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее, или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для приѣма гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и значить кладовую, обыкновенно холодную. Въ старину хотя повалуши и служили для храненія вещей ⁹⁾, но были также и жилыми покоями: неизвѣстно, въ чемъ состоятъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что и повалуши иногда надстраивались надъ нижними строеніями, какъ горницы. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ.

Очень часто по нѣскольку строеній всѣхъ этихъ видовъ находилось въ одномъ и томъ же дворѣ. Напримеръ, три горницы и одна повалуша ¹⁰⁾ или двѣ горницы и три повалуши ¹¹⁾. При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, а часто двое сѣней, однѣ переднія, другія заднія, и тѣ и другія теплыя; иногда же два или три жилыхъ строенія подъ одной крышей соединялись теплыми сѣнями, которыя были общими для того и другого жилья. Обыкновенно жилья

¹⁾ Насл., 183.

²⁾ Русск. Стар. Мартыя., 140.

³⁾ Petr., 314.

⁴⁾ Fletch., 94.

⁵⁾ Petr., 314.—Mejerb., 165.

⁶⁾ Доп., IV, 97.

⁷⁾ Домостр., 98.

⁸⁾ Оп. г. Шун, 309.—Акты, отн. до юр. б., I, 566.

⁹⁾ Акты, отн. до юр. б., I, 263.

¹⁰⁾ А. Ю., 132.

¹¹⁾ А. Ю., 128..

располагались такъ, что главный домъ былъ съ одной стороны стѣней, а по другую сторону, въ заворотъ, другой домъ, а отъ этого дома еще какое-нибудь составляющее съ нимъ уголь строеніе ¹⁾). Иногда въ одномъ дворѣ нѣсколько домовъ соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолженіемъ стѣней. Эти переходы различными линіями проходили отъ одного строенія къ другому. Въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ у царей такіе переходы, покрытые тесомъ и съ слюдяными окончинами въ окнахъ, сходились, какъ у центра, у домовыхъ церквей ²⁾). Такое устройство, вѣроятно, было и въ домахъ знатныхъ людей, у которыхъ были церкви, ибо въ тѣ времена многіе бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имѣли у себя домашнія церкви ³⁾, и тогда изъ всѣхъ жильевъ члены семейства могли сходитьсь всѣ разомъ для слушанія богослуженія.

Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ дворъ знатнаго человѣка, обнесенный снаружи каменнымъ заборомъ, представлялъ внутри нѣсколько каменныхъ строеній, стоявшихъ на погребкахъ и нижнихъ этажахъ. Передъ каждымъ были стѣни. Между ними торчали деревянныя зданія, избы, горницы, свѣтлицы и множество избъ людскихъ и службъ каменныхъ и деревянныхъ, и все это было соединено переходами.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ, способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ ⁴⁾. У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно такъ же и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою стѣнями ⁵⁾, иногда нѣсколько избъ связывались переходами.

Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родового единства съ личною и семейною отдѣльностью и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилища помещенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наследникамъ раздѣлиться между собой, а въ случаѣ еслибъ кто пожелалъ выслѣдиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу ⁶⁾.

У простолюдиновъ избы были черныя, то-есть курныя, безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусьями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила

¹⁾ А. Ю., 132—134.

²⁾ Оп. Изм. дв. О. З. 1851 г. Мартъ, 18—10.—Русск. Стар. Мартыи., 140.

³⁾ Доп., II, 91.—Котоших., 119.

⁴⁾ Petr., 319.

⁵⁾ А. г. Шун, 178.

⁶⁾ А., отн. до юр. 6., I, 634.

договищем цѣлому семейству, а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полата ¹⁾). Къ избамъ придѣлывались разные пристѣнки и прирубки ²⁾). У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то-есть двухъэтажные домики ³⁾). Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ ⁴⁾). Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ ⁵⁾).

Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилья, нередко съ надстройкою наверху, которая придавала дому снаружи видъ трехъ-яруснаго.

Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца съ ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передомъ ⁶⁾). Въ простыя деревянные домахъ оно огораживалось только перилами ⁷⁾). Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями ⁸⁾). Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ черезъ особую отъ крыльца дверь или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балюсами ⁹⁾, потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя ¹⁰⁾).

Нижній этажъ назывался подклѣтомъ и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во второмъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Въ купеческихъ домахъ въ подклѣтахъ сваливались товары. Въ казенныхъ зданіяхъ подклѣтамъ давали назначеніе, сообразное потребностямъ, для которыхъ существовало зданіе; напр., подклѣты подъ стѣзжею избою занимались тюрьмою; въ кабачныхъ зданіяхъ тамъ устраивались вообще подвалы. Иногда подъ самымъ подклѣтомъ былъ выходъ или погребъ для храненія напитковъ; но когда подклѣты были жилые, въ нихъ дѣлались печи, и оттуда проводились во второй этажъ нагрѣвательныя цѣвныя трубы ¹¹⁾).

Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія онъ заключалъ по три, а иногда только по два по-

¹⁾ Carl., 335.—Петр., 414.—Барбер., 10.—Оп. г. Шуи, 13.—Врем., XX.

²⁾ А. Юр., 147.

³⁾ Доп., III, 97.

⁴⁾ Раф. Барб., 10.

⁵⁾ А. г. Шуи, 58.

⁶⁾ А. Юр., 130.

⁷⁾ Акты, отн. до юр. б., I, 263.

⁸⁾ Русск. Стар. Мартин., 146.

⁹⁾ Подр. на постр. дома цар. Ив. О. З. 1851 г. Мартъ, 23.

¹⁰⁾ А. Ю., 132.—Доп., II, 91.

¹¹⁾ Домостр., 94.—Подр. на постр. О. З. 1851 г. Мартъ, 21.—А. г. Шуи, 164.—Лѣтоп.

Нормантс. Врем., V, 12.—Доп., III, 97.

коя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня, но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напр., горница съ комнатою (слѣдовательно, два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ ¹⁾, или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльными строеніями, напр., двѣ горницы на подклѣткахъ и три повалуши, соединенныя между собою сѣвными ²⁾. Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣвными, такъ называемая столовыя ³⁾. Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня. Въ избыткахъ же, построенныхъ для особъ царскаго семейства, покоевъ было не болѣе трехъ, а иногда и двухъ ⁴⁾. У зажиточныхъ людей, сверхъ горницы и комнаты, была также крестовая или обрзая, гдѣ хозяинъ молился съ своимъ семействомъ; но иногда такая комната находилась и въ особомъ жильѣ. Самая обычная постройка была въ два покоя, да сверхъ того при комнатѣ дѣлалась каморка, гдѣ ставилась постель; другія же горницы о-бокъ главнаго дома дѣлались въ одинъ покой и назывались одноконни ⁵⁾.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣвными вышками. Иногда эти надстройки имѣли затѣливыя фигуры, какъ, напримѣръ, на рисункѣ посольскаго двора у Олеарія: на одномъ концѣ зданія башни съ окномъ, а въ другомъ съ куполомъ, а на куполѣ шарикъ; на другомъ концѣ четверугольная башня съ зубцами, посрединѣ шпиць ⁶⁾. Иногда чердаки дѣлались четверугольными зданіями, менѣе второго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовывали третій этажъ, равный второму; напримѣръ, горница, а надъ нею повалуша съ полатками ⁷⁾. Въ царскихъ зданіяхъ верхніе этажи имѣли такое же расположеніе, какъ и средніе, съ передними и задними сѣвными, но съ большими отличіями; такъ, напримѣръ, въ Измайловскомъ въ верхнемъ ярусѣ было три покоя, тогда какъ въ среднемъ четыре. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлѣе и убрались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которыми на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокигъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ самымъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня ⁸⁾.

Сѣвны вообще дѣлались пространнѣе самихъ покоевъ и особенно въ нижнемъ этажѣ, или подсѣвнѣ, такъ что въ домѣ, который заключалъ наверху

¹⁾ Д. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 г. Февраль.

²⁾ А. Ю., 126.

³⁾ А. Юр., 132.

⁴⁾ Оп. Изм. дв. От. Зап. 1885 г. М., 18—21.—Русск. Стар. Март., 131.

⁵⁾ А., отн. до юр. б., I, 673.

⁶⁾ Олар., 128.

⁷⁾ Врем., XIV. Смѣсь, 13.

⁸⁾ Русск. Стар. Мартян., 62, 131.—Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 г. Мартъ.—Доп.,

два покоя съ сѣнными, подсѣнье внизу охватывало пространство, занимаемое во второмъ этажѣ не только сѣнными, но и частью покоевъ ¹⁾). Бывало и наоборотъ: сѣни были обширнѣе подсѣнья и среднее жилье выдавалось впередъ изъ линіи. Такимъ образомъ, не всегда соблюдалась пропорціональность между этажами и средній бывалъ снаружи больше нижняго, даже и по величинѣ самыхъ покоевъ, напр., подклѣтъ въ полторы сажени, а средній этажъ или горница въ три ²⁾). Заднія сѣни большею частью были просторнѣе переднихъ, напр., переднія въ четыре, заднія въ десять сажень ³⁾). Вообще же средняя величина сѣней была отъ четырехъ до шести саженей; въ малыхъ домахъ, разумѣется, и менѣе. Изъ покоевъ только передняя или горница да столовая изба въ большихъ домахъ отличались просторомъ, напр., горницы въ четыре сажени, а столовая въ шесть или семь сажень ⁴⁾). Комната всегда дѣлалась меньше и уже, чѣмъ передній покой или горница. Но въ домахъ небольшого пространства иногда комнаты были одинаковы съ горницами, напр., обѣ по двѣ сажени. Самая же обшная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ сажень длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Такъ и въ Москвѣ палатныя строения богатыхъ господъ имѣли отъ 2½ до трехъ сажень длины и около двухъ шириною ⁵⁾. Верхніе этажи или чердаки по большей части были хотя меньше среднихъ, но покои въ нихъ не были тѣснѣе, напротивъ, просторнѣе, и для того сокращалось ихъ число противъ числа въ среднемъ этажѣ; напр., если въ среднемъ этажѣ было три покоя, на чердакѣ два. Иногда же чердакъ строился не надъ однимъ среднимъ этажемъ, а надъ двумя, тремя и даже четырьмя строениями, соединенными связями; тогда комнаты въ немъ были значительно просторнѣе, напр., въ среднихъ жильяхъ отъ двухъ до двухъ съ половиною сажень, а на чердакѣ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною въ длину и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ ширину ⁶⁾. Средняя высота покоевъ вообще была отъ трехъ до четырехъ аршинъ ⁷⁾.

Обыкновенная крыша русскихъ домовъ была деревянная, тесовая, гонтовая или изъ драни. Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ въ предохраненіе отъ пожара. Обыкновенная форма крышъ была скатная на двѣ стороны, съ фронтонами на другихъ двухъ сторонахъ, какъ теперь дѣлается у простолудиновъ. Иногда всѣ отдѣлы дома, то-есть подклѣтъ, средній ярусъ и чердакъ находились подъ однимъ скатомъ, но чаще чердакъ, а у другихъ и средніе этажи имѣли свои особыя крыши. У богатыхъ особъ были кровли затѣйливой формы, напр., бочечная въ видѣ бочекъ, япанечная въ видѣ плаща. По окраинѣ кровля окаймлялась прорѣзными гребнями, рубцами, подицами, или перилами съ точеными балясами. Иногда же по всей окраинѣ дѣлались теремки — углубленія съ полукруглыми или сердцевидными линіями.

1) А. Юр., 132.

2) Доп., I, 391.

3) Оп. Изм. дв.

4) Русск. Стар. Мартыи., 131.

5) Доп., VI, 351.

6) Доп., VI, 351.—Оп. Изм. дв., 18.—Русск. Стар. Март., 131.

7) Подр. на постр.

Такія углубленія преимущественно дѣлались на теремахъ или чердакахъ и были иногда такъ малы и часты, что составляли койму кровли, а иногда такъ велики, что на каждой сторонѣ было ихъ только по парѣ или по три, и въ среднѣ ихъ вставлялись окна ¹⁾).

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники на коняхъ и проч. На каменныхъ зданіяхъ они дѣлались изъ камня или кирпича. Такъ въ древнемъ углицкомъ домѣ царевича Димитрія по фронтову во всю стѣну проведены широкія линейки, раздѣляющіяся на три меньшія, и въ каждой изъ послѣднихъ своеобразныя фигуры: узоры, башенки, города, трехъугольники и проч. ²⁾. На деревянныхъ зданіяхъ эти украшенія были рѣзныя. Рѣзба была старинною принадлежностью славянской образованности и до сихъ поръ у русскихъ поселянъ составляетъ наружное украшеніе избъ. На царскихъ теремахъ рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками; то же было и у частныхъ лицъ зажиточнаго состоянія, какъ это сохранилось отчасти и теперь въ житьѣ-бытьѣ поселянъ. Такими украшеніями особенно пестрили чердаки, чтобъ издали плѣнять взоры проезжихъ. Въ Коломенскомъ селѣ наверху были поставлены щиты и на нихъ написаны четыре части свѣта и судъ царя Соломона ³⁾).

Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу ⁴⁾); вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы, для сохраненія теплоты ⁵⁾, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, послѣднія были по фигурѣ своей продолговатыя и узкія ⁶⁾. Въ каменныхъ зданіяхъ они были еще уже, тѣмъ въ деревянныхъ. Иногда въ одномъ и томъ же покоѣ дѣлались окна и красныя, и малыя, послѣднихъ числомъ больше, такъ, напримѣръ, одно красное и два малыхъ ⁷⁾. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями; послѣднее было въ обыкновеніи въ каменныхъ домахъ въ Москвѣ и служило предохраненіемъ отъ пожаровъ ⁸⁾. вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду ⁹⁾, которая вставлялась въ окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способъ вставки слюдяныхъ кусковъ былъ посредствомъ снурковъ ¹⁰⁾. Но они располагались иногда съ большимъ искусствомъ и нарядностью; дѣлался желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры

¹⁾ Jenkins. Nacl., 349. Chansl., *ibid.*—Olear., 144.—Petr., 319.—Русск. Стар. Март., 131, 137.—Доп., VI, 351.—Дом. бытъ русск. цар. Отеч. Зап. 1851 г. Мартъ.

²⁾ Русск. Стар. Март., 137.

³⁾ Русск. Стар. Март., 140.—Дворц. Прих. XVII в. въ Дом. Бытъ Русск. Цар. О. Зап. 1851 г. Сентябрь.

⁴⁾ Chansl., 163.

⁵⁾ Petr., 314.

⁶⁾ Chansl., 277.—Olear., 146.

⁷⁾ Врем., XIV. См., 13.

⁸⁾ Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1851 г. Сент.—Olear., 146.—Carlisle, 74.—Jenkins. Nacl., 350.

⁹⁾ Врем., XIV. См., 13.

¹⁰⁾ Tuberv. Nacl., 433, 437.

вставлялись кусочки слюды; такимъ образомъ окна были образчатыя, когда слюда была вставлена четверугольными кусочками, репьястыя, когда вставляли ее репейками ¹⁾. Слуду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи: до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ въ Новгородѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Преимущественно употреблялись стекла цвѣтныя, бывшія въ повсемѣстномъ употребленіи въ Западной Европѣ ²⁾.

Большія или красныя окна назывались косячетыми, — эпитетъ столь употребительный въ народной поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ красныхъ оконъ были двойныя, то-есть два одинакихъ окна стояли рядомъ и раздѣлялись одно отъ другого продольною перекладиною. Въ расположеніи оконъ не соблюдалось соразмѣрности. Большія и малыя перемеживались безъ разбора между собою и стояли въ одномъ и томъ же поясѣ строенія не на одной линіи. Разстояніе между одними и другими было неравномѣрное съ разстояніемъ другихъ между собою. Въ подклѣткахъ вообще оконъ было меньше. Въ изображеніи посольскаго дома, снятаго у Олеарія, въ нижнемъ ярусѣ только два окна, выше ихъ ряды съ обѣихъ сторонъ, выше ихъ на одной сторонѣ четыре окна четверугольной фигуры, имѣющія ширины больше, чѣмъ длинныя, а далѣе на этой же сторонѣ еще выше два окна, на другой сторонѣ рядъ четверугольныхъ оконъ, неправильно между собою размѣщенныхъ ³⁾. Кромѣ четверугольной формы, окна дѣлались еще съ дугowymi верхами, а иногда такъ, что дуги раздѣлялись на три меньшихъ дужки или выемки. Вообще русскіе любили свѣтъ въ парадныхъ своихъ покояхъ, и потому, если большая часть оконъ была узкихъ и маленькихъ, зато иногда въ одной комнатѣ было ихъ нѣсколько, кромѣ краснаго окна. Чердаки дѣлались всегда свѣтлые. Случалось, что окна были съ трехъ, а если чердакъ былъ холодный, то и съ четырехъ сторонъ, и притомъ нерѣдко они были двойныя. Такіе-то покои назывались преимущественно свѣтлицами. Съни освѣщались окнами обильно.

Потолки въ каменныхъ зданіяхъ строились сводомъ, а въ деревянныхъ были плоскіе и назывались подволоками; ихъ часто обивали крашенымъ тесомъ. Полы дѣлались изъ такъ называемаго дубоваго кирпича (родъ торпа). Стѣны, какъ и потолки, не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ строеніяхъ обивались краснымъ тесомъ; для чистоты ихъ нужно было мыть, но вообще русскіе держали ихъ неопрятно. Сверхъ теса богатые обивали стѣны красною кожей, а люди посредственнаго состоянія рогожами. Въ XVII вѣкѣ начало входить во вкусъ расписывать потолки и своды, а иногда и стѣны. Печи дѣлались муравленныя, зеленныя, совершенно круглой, иногда четверугольной формы, съ желѣзными заслонами. Часто тонка, какъ уже было замѣчено, была только въ подклѣтѣ, а въ верхній этажъ проводились нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя не принадлежали къ мебели, но составляли часть постройки зданія и были прикрѣплены къ стѣнамъ неподвижно. Двери дѣлались деревянныя, столярной работы, на желѣзныхъ крюкахъ или на

¹⁾ Дом. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 г. Сент.

²⁾ Доп., I, 144.

³⁾ Olear., 128.

мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ (петляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно; двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти; въ каменныхъ палатахъ и кладовыхъ дѣлались желѣзныя двери ¹⁾.

Весь дворъ жилищнаго человѣка, кромя домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Такъ называемые лучшіе люди, которымъ было дозволено варить пиво, дѣлать медъ и курить вино для собственнаго обихода, имѣли въ своихъ дворахъ особыя пивоварни и покои, гдѣ сытили меду, а нѣкоторые и винокурни. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Вездѣ почти она составляла особое строеніе; но въ домахъ царей и, вѣроятно, у знатныхъ особъ, кромя мыленъ въ особыхъ строеніяхъ, для ежедневныхъ омовеній устраивались еще небольшіе закоулки для мытья въ подклѣткахъ и домахъ. Часто у хозяевъ очень небогатыхъ въ числѣ надворныхъ строеній была мыльня, какъ принадлежность первыхъ жизненныхъ потребностей. Она состояла изъ комнаты съ печью для мытья, съ притворомъ, который равнялся сѣнямъ въ жилыхъ покояхъ и назывался передмыленье и передбанникъ. Для храненія домашняго имущества строились клѣти: у богатыхъ было по нѣскольку клѣтей на дворѣ; каждая стояла на подклѣтѣ и такимъ образомъ состояла изъ двухъ этажей. Въ подклѣткахъ, которые дѣлались шире самыхъ клѣтей, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, страдные одры (работія носилки) и проч. Наверху же были кладовыя, и если клѣтей было во дворѣ нѣсколько, то для каждой назначались особые предметы; напримѣръ, въ одной находились принадлежности ѣзды: сѣдла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; въ другой хранилось оружіе: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; въ третьей— все относящееся до столовой утвари; въ четвертой — одежды, и такъ далѣе. Погреба и ледники обыкновенно помѣщались вмѣстѣ, а надъ ними дѣлались надпогребницы: иногда онѣ занимаемы были клѣтьми, иногда повалушами, иногда хлѣбнею, чаще всего тамъ складывались разные припасы, не требующіе помѣщенія въ погребахъ и ледникахъ. Случалось, что надпогребницы служили мѣстомъ угощеній прислуги, прибывшей съ господами, приглашенными на домашній пиръ хозяиномъ. Въ самыхъ погребахъ и ледникахъ хранилось питье, всякаго рода зелень, сыръ, яйца, молоко и проч. Кромя этихъ хозяйственныхъ службъ, въ дворахъ были житницы, гдѣ хранился зерновой хлѣбъ, мука и сухари, заготовляемые въ большомъ количествѣ въ бочкахъ, сундукахъ, пошевахъ, ночвахъ, коробахъ; надъ житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было надъ погребомъ или надъ конюшнею), гдѣ висѣло солевое мясо, вялая, вѣтряная, прутовая и пластовая рыба въ рогожахъ. Далѣе слѣдовалъ другой дворъ, отгороженный отъ главнаго заметомъ; тамъ находилась конюшня съ сѣнницею наверху: въ сѣнницахъ дѣлалось два отдѣленія, одно для сѣна, другое для соломы. 0-бокъ ея были разные сараи съ экипажами, приготовленными для обычной ѣзды и вытасченными заранѣе изъ подклѣтовъ, сарай для дровъ и дерева, за нимъ

¹⁾ Herberst., 38.—Chansl. Nacl., 277,—Olear., 203.—Mejerb., 136.—Врем., VII, 73.—От. Зап. 1851 г. М., 25. Оп. Изм. дворца.

слѣдовали хлѣвы для коровъ и свиней, птичники для куръ, утокъ, гусей, иногда надъ этими обитателями четвероногихъ и пернатыхъ надстраивались сѣнники. Въ деревенскихъ имѣніяхъ для скота, лошадей, также и для хлѣбнаго зерна были особые дворы, построенные о-бокъ главнаго и назывались: скотный дворъ, овечій дворъ, конюшенный дворъ, житный дворъ, льняной дворъ. Конюшенные и скотные дворы, заключаая большое количество домашнихъ животныхъ, раздѣлялись на десятны и въ каждой десятинѣ содержалось извѣстное количество штукъ. Житные дворы заключали въ себѣ строенія, называемыя житницами, куда сыпалось хлѣбное зерно, по мѣрѣ умолата доставленное съ гумна, а льняной дворъ имѣлъ нѣсколько амбаровъ, гдѣ складывались ленъ, конопля и пряжа. Между этими дворами помѣщалось гумно и вмѣстѣ съ нимъ овинъ съ печами и ригами. По краю усадебныхъ строеній находились кузницы. Такъ какъ очень часто владельческія усадьбы находились близъ воды, рѣки или пруда, то вслѣдъ за дворомъ находилась водяная мельница ¹⁾.

Вообще хорошій зажиточный хозяинъ старался, чтобъ его усадьбы имѣли возможнѣйшую полную и заключали въ себѣ всѣ нужныя хозяйственныя заведенія и постройки, но само собою разумѣется, что не всѣ дворы имѣли такое множество зданій; иногда вся постройка ограничивалась одною избою, клѣтью, банею да погребомъ съ надпогребницею ²⁾. Въ посадахъ иногда дворы заключали только избу съ сѣнями, сарай и погребъ, надъ которымъ находилась клѣть ³⁾. Въ самой Москвѣ встрѣчались дворы, небогатыя количествомъ зданій, напримѣръ, три избы съ двумя пристѣнами, клѣть, мыльня, погребъ да ледникъ съ надпогребницами ⁴⁾. Вотъ примѣръ деревенскихъ усадебъ: двѣ горницы, одна на подклѣтахъ, другая большая съ сѣнями, сѣнница, стоящая на подсѣвнѣ, клѣть съ перерубами на подклѣтахъ, хлѣвецъ малый, сосновый сарай; или: изба съ приврубомъ, противъ нея клѣть, на подклѣтахъ хлѣвъ, сѣнникъ, да мыльня, сарай, овинъ съ ригичемъ, огороженный тыномъ. Примѣръ крестьянскаго строенія: изба трехсаженная, клѣть, сѣнникъ, сарай* (иногда не было сѣнника, иногда сарая, иногда клѣти), мыльня, амбаръ, иногда омшанникъ ⁵⁾.

Казенныя зданія имѣли постройку, приноровленную къ ихъ назначенію, напр., кабаки строились обыкновенно такъ: во дворѣ возвышался деревянный домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненія питья, а о-бокъ его омшанникъ съ печью, гдѣ ставили питье; вѣроятно, печь была для того, чтобъ имѣть горячую воду для разведенія водки. Другія зданія на дворѣ были: ледникъ, надъ которымъ надстроено сушило, поварня, гдѣ производились работы и стояли инструменты, и стояльная изба, гдѣ находилась стойка, за которою сидѣли цѣловальники и продавали вино, а собираемыя ими деньги были относимы и хранимы въ горницѣ, стоявшей, какъ выше сказано, надъ погребомъ ⁶⁾.

¹⁾ Русск. Стар. Март., 128.—А. И., II, 283.—А. Юр., 125, 126, 129, 130, 132.—Доп., I, 391. VI, 351.—Оп. Шуи, 304.—А. г. Шуи, 58, 100—Врем., VII. Кн. посѣв. Мороз.—XIII. Расх. кн., 26.—Досмотр. Врем., I, 92, 94.

²⁾ Оп. Шуи, 309.

³⁾ А., отн. до юр. б., I, 681.

⁴⁾ А. Юр., 147.

⁵⁾ А. Юр., 129, 198, 202, 205.—А., отн. до юр. б., I, 684.

⁶⁾ Доп., III, 97.

При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада ¹⁾. На посадахъ почти повсемѣстно встрѣчались при домахъ сады и огороды съ плодовыми деревьями ²⁾. Сады садились не только для удовольствія, но и для пользы, а потому они вездѣ почти были плодовые. Обыкновенныя деревья были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишенъ было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Нѣкоторые дѣлали парники и воспитывали на нихъ дыни. Около тына или забора, ограждавшаго садъ, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ, напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ, напр., рябина или катина ³⁾.

VIII.

Домашняя мебель и утварь.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ; ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ и амбарахъ ⁴⁾. Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что встарину было въ обычаѣ дарить друзей образами; такимъ образомъ, царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре ⁵⁾. То же наблюдалось и въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою.

Образа были иконописныя произведенія русскихъ художниковъ: по всеобщему вѣрованію, благодать не пребываетъ надъ тѣмъ образомъ, который писанъ человѣкомъ не православной вѣры ⁶⁾. Образа писались на доскахъ, по краскамъ или по золотому полю. Около головы святыхъ дѣлали вѣнцы изъ золота или позолоченнаго серебра, украшенные по ободку драгоценными камнями или жемчужною обнизью. Часто цѣлый образъ окладывался золотымъ или серебрянымъ окладомъ — работы басмянной, чекавной, сканной, канфаренной и другихъ видовъ, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились въ кіоты. Кромѣ кіотовъ съ окончивами, дѣлали кіоты со створками, и какъ на наружной, такъ и на внутренней сторонѣ створокъ писались изображенія. Одни образа представляли картины изъ священной исторіи, другіе изо-

¹⁾ Пав. Іов., 33.

²⁾ А. Юр., 130.

³⁾ Доп., I, 391. VI, 351.—Врем., I, Домостр., 78.

⁴⁾ Carl., 355.—Petr., 387.

⁵⁾ Врем., VII. См. Оп. им. и. Ив. Вас., 3—6.—Врем., II. См., 22.

⁶⁾ Carlisle, 351.

бражали святыхъ во весь ростъ и назывались стоячими, а иные только по грудь и назывались онлечными образами. Кромѣ дерева, изображенія святыхъ вырѣзывались на перелефти, камяѣ или бѣлой кости; встарину въ большемъ употребленіи были металлическіе складни со створками, и на каждой створкѣ, и снаружи, и изнутри, нарѣзывались изображенія; средній образъ, закрываемый створками, былъ больше прочихъ. Иногда на складняхъ нарѣзывались или начеканивались молитвенныя слова, какъ, напр., *О тебѣ радуется благодатная или Хвалите имя Господне*, смотря по содержанію изображеній. Кромѣ складней, можно было часто встрѣтить осмиконечные кресты золотые, серебряные и больше всего мѣдные съ распятіями литыми или рѣзными. Наконецъ, въ употребленіи были золотыя и серебряныя круглыя медали съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Такія медали давали родственники своимъ кровнымъ: родители дѣтямъ, свекры невѣсткамъ, и проч. Примѣромъ такой медали можно указать одну, XV вѣка, съ изображеніями: на одной сторонѣ Христа Спасителя, на другой св. Николая въ святительской одеждѣ съ евангелиемъ, подаренную княземъ Холмскимъ своей невѣсткѣ. Такія медали привѣшивали къ образамъ. Другіе кромѣ этихъ медалей прицѣпляли къ нимъ старинныя гриввы, червонцы, золотыя цѣпи, жемчужныя серьги, перстни съ драгоценными камнями ¹⁾).

Трудно опредѣлить, какихъ святыхъ иконы встрѣчались чаще. Это зависѣло отъ вкуса и отъ обстоятельство жизни хозяевъ домовъ; но, кажется, въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить нѣсколько образовъ Божіей Матери въ различныхъ наименованіяхъ; какъ-то: Одигитрія-Пятницы, Богородицы милостивыя, Умиленія, Скорбящія и т. д. У Ивана Грознаго изъ тридцати семи образовъ двадцать одинъ изображалъ Пресвятую Дѣву. Затѣмъ очень часто можно было встрѣтить образъ св. Николая Чудотворца, котораго, какъ извѣстно, рускіе особенно уважали.

Образа ставились въ переднемъ углу покоя и этотъ уголъ задерживался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того, каждый образъ поодиначкѣ задерживался привѣшеннымъ къ концу его убрuscемъ, а внизу спускался кусокъ матеріи, называемый пеленою. Застѣнки, убрuscы и пелены у богатыхъ людей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блестящими), особенно по концамъ, а иногда на нихъ вышивались изображенія святыхъ. Убрuscы и пелены переменялись на образахъ, и въ извѣстные праздничные дни привѣшивались болѣе нарядныя, чѣмъ въ будни и въ посты. Передъ иконами висѣли лампы и стояли восковыя свѣчи. Между всѣми образами, стоявшими въ одномъ углу, былъ одинъ главный, поставленный на первое мѣсто посрединѣ угла, а всѣ прочіе ставились по важности своего содержанія ближе или далѣе отъ него. Нѣкоторымъ образамъ почему-нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали ихъ преимущественно передъ другими. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ и жилыхъ, и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора Пресвятыя Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а

¹⁾ А. П., I, 283. II, 405.—Собр. госуд. гр., I, 301.—А., отн. до юр. б., 556.—Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 3, 5.—Chaud., 113.

по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на полицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для отиранія. Такія-то комнаты. какъ сказано выше, назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ домашнихъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневное служеніе: заутреню, часы и вечерню ¹⁾).

Вообще въ домашнемъ устройствѣ замѣтенъ былъ у русскихъ обычай укрывать и покрывать. Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ стѣнахъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя, какъ сказано уже, къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же самымъ, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другого; первое закрывало лавку во всю ея длину, а послѣднее свѣшивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина соразмѣрялась съ пространствомъ покоевъ. Были, напримѣръ, полавочники въ шесть аршинъ длиною и въ два шириною. Но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась ширина всего полавочника въ двухъ полотнищахъ ²⁾. Полавочники переменялись: въ будни клались попроще, въ праздники и во время пріема гостей понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни клались полавочники суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другого цвѣта. Такіе же куски клались на окна и назывались наоконниками; въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковые куски, вышитые золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно, они спадали внизъ съ оконнаго карниза. Вообще, какъ полавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтло-зеленаго, голубого, кирпичнаго, граватнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На полавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр., до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Стольцы были четвероугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и стольцовъ въ домѣ было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ, въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались дереянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшались рѣзбою. Кромѣ большихъ столовъ, были столы маленькіе, у богатыхъ людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками,

¹⁾ Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 1, 4.—Домостр. Врем., I, 8—9. А. И., II, 405. IV, 399.—Собр. гос. гр., I, 301.—Котош., 119.—Mejerb., 2, 76.—Доп., I, 192.

²⁾ Оп. хороми. нар. О. З. 1851 г. Сент., 115.

тоже аспидные. Большіе столы ставили передъ лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работались обыкновенно дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ полавочники и наоконники, такъ и скатерти и подскатертники переменялись по праздникамъ; въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ были полотняныя, грубой отдѣлки, у богатыхъ шитыя браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромными нарядами. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было. Церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность жевскаго туалета. Такъ же точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ, но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между другими сословіями, и уже въ концѣ XVII вѣка ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они не имѣли вовсе священнаго значенія.

Кроватью встарину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Было два изголовья—нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею изъ полотна или шолковой матеріи, а сверху закрывалась одѣяломъ, входившимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ варядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя, обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окантамъ; одѣяла постилались, подбитыя соболями, атласныя, краснаго цвѣта съ гривами, то-есть каймами золотой или серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижевымъ пухомъ. Наволоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя бѣлыя или красныя, подбитыя крашевиною. Простыня одѣяла подбивались заячьими мѣхами. Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрацѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печкахъ, посплавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались височія, всегда широкія и длинныя для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики ¹⁾.

¹⁾ Оп. хоромн. нар. О. З. 1851 г. Сентябрь. — Древн. Русск. Вивл., 1, 9—А. И.,

Для хранения домашних вещей употреблялись скрини (родъ комодцевъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ: это были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками; книзу ихъ дѣлали шире, кверху уже, на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами; такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ драгоценностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоценныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями и миниатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: ящикъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, рассольникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки, и проч., все въ маломъ видѣ, такъ что все вмѣстѣ вѣсило два фунта 38 золотниковъ; или, напримѣръ, серебряный ставецъ, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европою ввело къ намъ часы. Такъ, у Артамова Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ: одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, а третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы зѣнные (карманные) составляли рѣдкость и гораздо употребительнѣе были часы боевыя, стѣнные и столовыя; устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка ходила по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались съ затѣливыми фигурами, напримѣръ, съ четверугольною скринькою съ перилами наверху, или мѣдное изображеніе слова съ сидящимъ на немъ человекомъ, или въ видѣ башни; на чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой вершинѣ изображеніе сидящаго орла.

Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богатей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраний; въ самомъ царскомъ дворцѣ въ XVI вѣкѣ зажигали сальные свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые или ручныя. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемыя струнные мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобъ имѣть огонь, держались ночники. По случаю большихъ собраний освѣщали дома висячими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами. Для домашняго обихода держались слюдяные фонари; съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами ¹⁾.

I, 285. II, 405.—Доп., V, 471.—С. г. гр., I, 303.—Оп. Шуи, 419 —Досмотр. Врем., I, 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Тат., 8, 31.—Olear., 204, 319.—Mejerb., 91, 137.—Tuber. Nacl., 433—434. Кильбург., 67.

¹⁾ Chensl. Nacl., 277.—Коллинсъ, 21.—Матер. для ист. возм. Стеньки Раз., 200.—

Для хранения громоздких хозяйственных припасовъ въ клѣткахъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки встарину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстительствомъ и жидкостей, и сыпучихъ тѣлъ, напримѣръ: хлѣбнаго зерна, муки, льна, рыбы, мяса сушеного, поскони и разнаго мелкаго товара, какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ и всѣхъ вообще принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенья въ поварняхъ были котлы мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготавлилась пища на большое количество людей въ дворѣ, они достигали большихъ размѣровъ, напримѣръ, въ семь ведеръ; другіе были въ четыре ведра, въ ведро, въ полведро, и вообще назывались поваренными или ѣстовыми котлами, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведеръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородахъ не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ луженыхъ, съ рукоятками; для мѣсива тѣста употреблялись деревянные корыта и большіе чаны; для мытья бѣлья корыта, ночвы, бунки, для носки воды вѣдра, кучаны, корчаги, енды, кувшины. По окончаніи обѣда у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались и вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или въ чуланѣ. Въ праздники, когда въ домѣ все облекалось въ нарядный видъ, и въ поварню отпускалась посуда лучшей работы ¹⁾).

Для умыванья употреблялись рукомойки и лохани; у богатыхъ людей они были серебряные и позолачивались, у людей средственнаго состоянія мѣдные или оловянные. Нерѣдко рукомоиикъ былъ оловянный, а лохань мѣдная. Пригѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванья можетъ служить рукомоиикъ Ивана Васильевича, серебряный позолоченный съ изображеніемъ фигуры (образинъ), на стоянцѣ, тоже испещренномъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ ²⁾).

Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судюковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловяникахъ— мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, съ покрывниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была рассольникъ, также съ покрывкою, родъ соусника; онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловяныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостями такъ, чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода блюда назывались блюдцами. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ овощниками. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца, по два и по четыре; это показываетъ, что ихъ несли человѣка по два. У богатыхъ

Врем., V. См., 22. VIII. См. Оп. им. Тат., 37. XIII. Расх. кн. Ник., 9—52. — Дом. б. русск. нар. Забл. От. Зап. 1851 г. Сент. А. Ю., 445.—А. И., II, 406. IV, 399. Доп., VI, 105.—Mejerb., 232.—Барбер., 32.

¹⁾ А. И., I, 285.—А. Ю., 444—445.—Врем., VIII. См. оп. им. Тат., 22, XIII. Расх. кн. Ник., 43.—Досмотр. Врем., 1, 66, 92—93.

²⁾ А. И., II, 406.—Врем., VII. Смѣсь, 45.

блюда были серебряныя съ выбоичатыми мишенцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія—оловянныя или полуженныя мѣдныя. Тарелки, называемыя торели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного; у богатыхъ онѣ были серебряныя гравенныя, иногда позолоченныя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Вѣсомъ онѣ были до полфунта, а нѣкоторыя и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе торели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостями, называли торелями, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежить. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчицница. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, поставши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрывками и рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; иногда эти сосуды соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а наверху ея перечница. Серебряныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ ¹⁾).

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мушормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли разную величину, напримѣръ, нныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другія по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки. Рѣдко употребляемыя при столѣ, въ обычномъ обиходѣ онѣ были мѣдныя вылуженныя, съ носкомъ и съ рукояткою. Мушорма была сосудъ, близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукояткою. Въ чемъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были не только служебною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебряныя сосуды въ формѣ ведра, носившіе это названіе, съ дужкою наверху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшиннами, какъ теперь, называли сосуды съ раздутыми боками посрединѣ, съ суженною шейкою, съ расширившимися краями, съ носками и съ кругообразною рукояткою. Были кувшины серебряныя съ обручами на шейкахъ, съ крышкой наверху, на которой ставились какія-нибудь выпуклыя фигуры, напр., яблоко и т. д.; иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. Четвертиною, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы—ведра, то-есть кварта; но въ домаш-

¹⁾ А. Юр., 444, 445.—Врем., V. См., 22. VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас., VIII. См. Оп. им. Тат., XIII. Расх. кн., 58.—Собр. гос. гр., I, 32, 40, 407—409.—Достоп. Кремля, 36, 49.—А. И., II, 405—406, 428.—Доп., VI, 105.—Русск. Стар. Мартн., 87.—Пов. о пос. Щилъ. Рук. И. Публ. Библ.

нихъ приборахъ этииъ именовъ называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожий на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ знакомымъ. Четвертины были разной величины и даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, была сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки, на подобіе горшка съ крышкой. Изъ нихъ пили, черная чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. Сулен были маленькія бутылки съ узкимъ и продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ¹⁾).

Къ сосудамъ, изъ которыхъ пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, стаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрическіе сосуды съ рукоятью и крышкой, всегда въ одну стѣну снизу доверху, кверху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осьмигранныя и четырехгранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, ибо кружками собственно называлась опредѣленная мѣра—половина четвертины, $\frac{1}{2}$ ведра; но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса (напр. въ 4 ф. и въ одинъ фунтъ), слѣдовательно, объемъ кружекъ былъ различенъ. Чашами назывались круглые разложистые сосуды съ рукоятками, съ кольцами, съ пелюстками, съ скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: «въ сію братину наливается богородицина чаша». Пить чашу чью либо значило пить въ честь кого-нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: «государева чаша, патриаршая чаша».

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышкою, на подставкѣ, иногда на ножкахъ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то-есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубковъ была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный кубокъ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки, вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они въ небольшомъ количествѣ стояли только для украшенія на поставцахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ и около того. Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, носками и крышкой. Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукояткою, на ножкахъ. обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькыхъ поддонахъ. Ковши были низенькіе сосудцы, круглые или овальные, съ круглымъ дномъ, съ досчатою ручкою, называемою полкою, иногда съ загибомъ на концѣ. Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ

¹⁾ С. г. гр., I, 409, 410.—Врем., V, Сж., 20. VII. Сж. Оп. им. Им. Вас., 25, 34. VIII. Сж. Оп. им. Тат., 22, 35.—А. г. Шуи., 176.—А. И., I, 285.

съ закругленною ручкою, иногда съ покрывшкою. Подлинно неизвестно, какая была отличительная черта сосудовъ, называемыхъ болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, какъ это доказывается описаніемъ одного болванца въ числѣ посуды царя Михаила Теодоровича, гдѣ значатся болванцы 4 ф. 62 зол. и въ девять фунтовъ слишкомъ¹⁾.

Кромѣ этихъ названій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ особою формою, существовали разные сосуды затѣливой фигуры, напр., орѣхъ индійскій съ серебряною золоченою формою; рога, оправленные въ серебро; сосуды въ видѣ челнока, вола, лошади, пѣтуха и проч.

Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, сканные, т.-е. витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, скляннстые, пупчатые, рѣшетчатые; иногда нѣсколько видовъ работъ соединялись въ одномъ сосудѣ, такъ что часть его была отдѣлана однимъ, другая инымъ видомъ. Фонъ стѣны сосуда назывался землею, а по землѣ дѣлались разные фигурныя украшенія. На братинахъ чаще всего были узоры и травы. На стѣнахъ кубковъ и чашъ дѣлались широкія выпуклости, называемыя пузами, и углубленія, называемыя ложками; сверхъ того, неширокія, но высокія возвышенія, называемыя пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и т. д. Часто пупыши чередовались съ ложками. Иногда на фонѣ одной работы дѣлались кружки другой и въ этихъ кружкахъ помѣщались изображенія и надписи. По краямъ сосудовъ проводились вѣдцы, составлявшіе линіи разныхъ узоровъ; часто такихъ линій было нѣсколько одна возлѣ другой, каждая работы отличной отъ другой. Фигуры, украшавшія сосуды, изображали цвѣты, плоды, листья, звѣрей, птицъ, рыбъ, людей; послѣдніе носили названіе личинъ или образинъ. Литыя фигуры ставились на верхахъ покрывшекъ; такъ, наприимѣръ, были сосуды, особенно кубки, наверху которыхъ стояли орлы, пѣтухи, яблоки, лодки, терема, города съ башнями. Наприимѣръ, въ кубкѣ, вѣсомъ въ одиннадцать гривенокъ, принадлежавшемъ царю Ивану Васильевичу, на покрывшѣ былъ теремъ о трехъ столбахъ, между столбами три человѣческія изображенія въ кругахъ, а наверху самаго терема человѣческая фигура, держащая кошь. На привозныхъ изъ Западной Европы сосудахъ встрѣчались миеологическія изображенія, наприимѣръ, Аполлона или Сатира. Иногда чеканныя фигуры представляли цѣлыя происшествія или картины, напр., на кубкѣ круги, въ которыхъ изображены *царства*. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; онѣ находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда онѣ чередовались между собою, въ кружкахъ, обручикахъ, связяхъ или стѣновидныхъ каймахъ, на полкахъ ковшей и корцевъ. Иногда рукояти и стоянцы сами по себѣ составляли фигуру, напр., рукоять въ видѣ змѣи, а стоянецъ въ видѣ тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудовъ иногда дѣлались чеканныя и литыя изображенія.

Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разные надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя

¹⁾ Времен., I. Домост., 66. V. См., 20, 22. VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас., 25, 34—35, 40—46. VIII. См. Оп. им. Тат., 22, 34—35.—С. г. гр., I, 40, 407—409.—Достоп. Кремля, 131.

изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, а если сосудъ былъ подаренъ, то надписывалось объ этомъ, напр., *ударилъ челомъ боярыня Ульяна Федоровна Романова*. Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на днѣ, по ободамъ, по эмалѣ или финифти, которою нерѣдко украшались сосуды. Чтобы имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изреченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: *чарка добра человѣчку, пить изъ нея на здравіе, хвала Бога, про государево многотѣнее здоровье*; внутри другая: *не змишь, смиришь, человѣче, желаеши славы земныя, зато ненастѣдишь небесныя*; по бокамъ вокругъ: *зри, смотри, и люби и не проси*. Внутри братины, подвешенной царю думнымъ дьякомъ Третьяковымъ въ 1618 году, надпись такая: «Человѣче! что на мя зриши? Не проглотить ли мя хочеши? Авъ есмь бражникъ; воззри, человѣче, на дно братины сея, окрыеши тайну свою». А на вѣнцѣ другая надпись: «Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный другъ во время утѣшенія и скорби, и вси убо прикасающіися сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе съ други, и тѣлесежь красоту, и сердце и ума пространство почерпають, и радостію со други своими веселящеса, испіють, хотящими же убо къ сему приступити со враждою—несытное ихъ убо достонть отъ сего дому всегда отгоняти заботно»¹⁾.

Количество дорогихъ сосудовъ, переходившихъ по наслѣдству, не только какъ матеріальная драгоценность, но какъ память отцовъ, умножалось подарками; въ обычаѣ было дарить сосуды для изъявленія привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великимъ князьямъ, а потомъ царямъ въ подарокъ сосуды въ торжественные дни: при вступленіи государя на престолъ, на именины, по случаю бракосочетанія, рожденія дѣтей. Такъ же точно и въ частномъ быту дарились сосуды именовникамъ, дарились новорожденнымъ, дарили ихъ подначальнымъ начальникамъ, начальники подначальнымъ. Тамъ, гдѣ ихъ такимъ образомъ накоплялось много, ихъ сортировали для застольнаго употребленія, такъ что въ большіе праздники подавали лучшіе, въ другихъ случаяхъ попроче. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ повсюду было ихъ такое множество: нѣкоторые поставляли домашнее богатство въ вещахъ другого рода и потому довольствовались незначительнымъ количествомъ золота и серебра. Такимъ образомъ случилось, что все серебро въ домѣ составляли три-четыре серебряныхъ ложки²⁾.

Кромѣ металлической посуды, въ XVI и XVII вѣкахъ у богачей были сосуды каменные, агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хрустала, а между тѣми входила въ употребленіе и стеклянная и хрустальная посуда съ тѣми же названіями, какія исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы, стекла преимущественно разноцвѣтнаго, полосами, съ позолоченными вѣнчиками. Сверхъ того, существовали простыя стеклянныя фляги и склянницы для храненія вина и деревяннаго масла. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоценныя, и носили

¹⁾ Достоп. Кремля, 117, 123, 129, 130.—Собр. г. гр., I, 407—410.—Врем., VII. Сибѣ, 34—35, 40—45.

²⁾ А. И., IV, 399.

тѣ же названія. Какъ посуда для пищи—мисы, торели, солоницы,—такъ и питьевые сосуды, — братины, ковшы, корцы — дѣлались изъ дерева въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и продавались на рынкахъ; но изъ нихъ особенно славилась по работѣ калужскіе, гороховецкіе и корельскіе. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса. Не гнушались деревянною посудою и дворяне, а каповые сосуды были въ употребленіи у бояръ и даже у царей и считались роскошью ¹⁾.

IX.

Одежда.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства между собою, чѣмъ отличія, которое преимущественно основывалось на особенностяхъ покрою, къ сожалѣнію, теперь мало понятныхъ для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убрательства.

Обувь простаго народа была лапти изъ древесной коры—обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ лозы ²⁾; вѣроятно эту обувь разумѣли подъ названіемъ пленицы ³⁾; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги ⁴⁾. Какъ крестьяне, такъ и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфты, у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна ⁵⁾. Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами, со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и у знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. Чоботы были полусапожки съ остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги или ичетоготы, иначе ноговицы (нынѣ еще употребляютъ кое-гдѣ эту старую, заимствованную отъ татаръ обувь подъ именемъ ичетъ и ноговицъ); это были сафьянные чулки и раздѣлялись на два вида, полные, достигавшіе до колѣнъ, и полу-полные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки, шерстяные или шелковые, а

¹⁾ Достоп. Кр., 128, 130.—А. А. Э., III, 363.—А. И., I, 285.—Врем., I. Домостр., 93, VIII. См. Оп. им. Тат., 22. XIII. Расх. кн. Ник., 30.

²⁾ Петр., 314.

³⁾ А., отн. до ю. б., 53.

⁴⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc., 187.

⁵⁾ А. И., IV, 399.—Доп., III, 145.—Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 60.—Ворон. Акты, I, 117.—Olear., 182.

зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти та же, что и у мужчинъ; башмаки были съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки. Посадскія жены носили также большіе сапоги до колѣнъ, но дворянки ходили только въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые — иногда зеленые, голубые, лазоревые, бѣлые, тѣлеснаго цвѣта; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ на голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну ¹⁾. Въ зажиточныхъ русскихъ домахъ обувь вообще дѣлалась дома и для этого держали въ дворѣ знающихъ холоповъ ²⁾.

Рубахи у простолюдины были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ наряднымъ бѣльемъ. Домострой совѣтуетъ обращать особое вниманіе на мытье красныхъ рубахъ, какъ на принадлежность лучшей одежды. Русскія мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія и едва достигали до ляжекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясывались низко и слабо узкимъ пояскомъ, называемымъ оюяскою. Въ холщевыхъ рубахахъ подъ мышками дѣлали треугольныя вставки изъ другого полотна, расшитаго пряжею или шелкомъ, или же изъ цвѣтной тафты. По подолу и по краямъ рукавовъ рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотомъ и шелками, шириною пальца въ два; у знатныхъ и богатыхъ вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою изъ-подъ платья. Такія вышитыя рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ-подъ верхнихъ одеждъ пальца на два и окружалъ затылокъ въ родѣ вышнихъ мундирныхъ воротничковъ. Этотъ воротникъ назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней, когда было нужно, у богатыхъ золотыми и серебряными золочеными, у бѣдняковъ мѣдными пуговицами, иногда же вмѣсто пуговицъ употреблялись запонки съ петлями. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Это-то ожерелье собственно въ старину называлось рубашкою; но въ XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою одежду, къ которой оно пристегивалось.

Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашеннаго, изъ сермяги—грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой-нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, напр., изъ обьяри. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ, дѣлались съ

¹⁾ Вых. цар., 492, 494.—Врем., I. Домостр., 54. Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас., 8, VIII. См. Оп. им. Тат., XIII. Расх. кн. Ник., 60.—Ворон. Акты, I, 115.—А. г. Шув., 119, 174.—Олеар., 182.—Раф. Барб., 97.—Crull., 135.—Carlisle, 332.—Fletch., 97.—Petr., 306, 307.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 203.

²⁾ Врем., I. Домостр., 54, 55.

карманами, называемыми зелью, и были разных цвѣтовъ: напр., желтые, лазоревые и чаще всего красные ¹⁾

На рубаху и штаны надѣвались три одежды: одна на другую. Исполняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ видовъ.

Исполняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колѣнъ, рѣдко до икорь, но часто не доходящее даже и до колѣнъ, въ родѣ камзола. Въ кроильной книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ шесть вершковъ, когда платье, сдѣланное на то же лицо во весь ростъ, имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашевины, зимнѣе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напр., тафты, часто бѣлаго цвѣта съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матеріи; напримѣръ, зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава къ нему изъ серебряной обьяри; но часто зипуны были со-всѣмъ безъ рукавовъ, въ родѣ нынѣшнихъ поддевокъ. Воротники дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый и разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ, называемый обнизью. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя. Если обнизь употреблялась большая, то къ рубахѣ вовсе не пристегалось ожерелье, а если малая, то изъ-подъ нея виднѣлось ожерелье рубахи. Кромѣ зипуна, въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда сарафанецъ, какъ кажется, начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи; ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизями; они были длинны.

На зипунъ надѣвали вторую одежду, которая имѣла нѣсколько названій; но ихъ различіе между собою въ отношеніи покроя теперь опредѣлить трудно. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять напоказъ раззолоченные сапоги. Иногда сзади дѣлали его на вершокъ или на полвершка короче, чѣмъ напередѣ, и по длинѣ различали два рода кафтановъ: кафтаны и кафтанцы. Рукава ихъ были чрезвычайно длинны, достигали до земли и собирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напр., горячую посуду. Въ нарядныхъ кафтанахъ часть рукава при концѣ называлась запястье, вышивалась золотомъ, украшалась жемчугами и пристегивалась къ кафтану особо. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою; такъ же точно оторочивался и подолъ. Къ этой

¹⁾ А. И., I, 335.—Выход. нар., 219, 622.—А. Ю., 371.—Оп. Шун, 453.—А. г. Шун, 174.—Врем., I. Домостр., 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Тат.—Herberst., 36.—Барб., 54.—Tuberv., 455.—Petr., 306.—Olear., 181.—Mejerb., 100.—Strauss., 197.—Crull., 135.—Carlisle, 332.

тесью прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебряное), сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другого цвѣта, въ видѣ четверугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и шурки, чтобы застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ на нашивкахъ висачія петли, на другой также къ нашивкамъ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегались чаще завязками, на подобіе татарскихъ; но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегали не на лѣвой, а на правой сторонѣ. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы—до двѣнадцати и до тринадцати на кафтанѣ: онѣ всѣ были на груди; остальная часть разрѣза всегда оставалась не застегнутою. Воротники на кафтанахъ были узкіе и малые; изъ-подъ нихъ высывалась обнизъ зипуна или ожерелье рубахи; но иногда къ кафтану пристегались отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая, и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесмы по подолу, подъ нею и выше нея, окаймлялись полоскою матеріи другого цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкой. Зимніе кафтаны дѣлались и на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр., на собольихъ пупкахъ, или на бѣлыхъ черевахъ: такіе теплые кафтаны назывались кожухами.

Къ этому разряду средней одежды относится чуга—одежда, приспособленная къ путешествію и верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ, съ рукавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо когда кафтанъ былъ длиною въ два аршина шесть вершковъ, съ рукавами длиною въ одинъ аршинъ пять вершковъ, чуга для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями и съ рукавами въ девять вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложка, а на грудь привѣшивалась перевязъ съ дорожною сумкою. Тѣ же принадлежности, какими украшались кафтаны—нашивки, кружева, подпушки—были, по желанію, и на чугахъ; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надѣваемые такъ же, какъ и кафтанъ, на зипуны; онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложного ожерелья, лѣтомъ изъ какой-нибудь легкой матеріи, зимою теплыя на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтана. У Флетчера при описаніи русской одежды она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ—первое зипунъ, второе или среднее узкій кафтанъ съ ножомъ и ложкою за поясомъ (подъ которымъ англичанинъ разумѣлъ чугу), третье ферязь—просторное платье, окаймленное позументомъ ¹⁾. У Оларія, напротивъ, говорится, что русскіе одѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь, сдѣланную изъ какой-нибудь легкой матеріи, а на ферязь кафтанъ ²⁾, такъ что у него выходитъ четыре одежды (съ верхнею или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ. Все, что можно вывести изъ сбивчивыхъ извѣстій объ этомъ родѣ одежды, это—то, что ферязь была болѣе компактный родъ кафтана. Названіе его персидское и вошло къ намъ въ XVI вѣкѣ. Оно было въ употреб-

¹⁾ Fletch., 27.

²⁾ Olear., 181.

леніи какъ у царей, такъ и у простого народа. На ферязяхъ дѣлались нашивки, называемыя образцами. Это были нѣсколько вышитыя золотомъ или шелками небольшихъ мѣстъ, формы круглой или четырехугольной, отдѣленные другъ отъ друга другой матеріей Ферязи застегивались завязками.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей, къ разряду средней одежды относились: ормякъ, тегилай, терликъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, образцами, какъ ферязи, и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую. Тегилай была одежда со множествомъ пуговицъ, напр., съ шестидесятью восемью или съ пятидесятью-шестью. Особенности покроя его неизвѣстны, какъ и терлика. Впрочемъ, подъ послѣднимъ, кажется, разумѣли то же, что и подъ именемъ чуги, то-есть короткое платье, удобное для верховой ѣзды; но онъ носился также разомъ съ кафтаномъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ описаніи свадебъ свадебные поѣзжане описываются одѣтыми въ терликахъ и кафтанахъ разомъ.

Верхнія или накидные одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезя, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда, ибо въ царскихъ выходахъ упоминается только лѣтомъ; осенью и весной и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богатой нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капишомъ сзади. Ферезя — плащъ съ рукавами — надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорежная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались передъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плечи и застегались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признаковъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только для щегольства. На шубы употреблялись разныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою; шубы дѣлались на пупкахъ, черевахъ и хребтахъ и нитѣи по этому свои названія: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщали по бокамъ разрѣза нашивки, но другой матеріи, а не той, которою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Но щегольство не всегда требовало пышной покрывки и блестящихъ украшеній для шубы; иногда русскіе щеголяли одними мѣхами и полагали, что достоинство мѣха выказывается ярче, когда онъ лишенъ всякихъ постороннихъ прикрасъ; такимъ образомъ, иногда ходили просто въ нагольныхъ

шубахъ. Такъ однажды царь Михаилъ Теодоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу ¹⁾.

Для всѣхъ вообще мужскихъ одеждъ, описанныхъ здѣсь, люди средняго состоянія употребляли сукна, привозимыя изъ-за границы, зуфъ (родъ камлота), а для праздничныхъ платьевъ шелковыя матеріи. У людей болѣе зажиточныхъ покрывались шелковыми тканями и будничныя одежды. Шелковыя матеріи старину болѣе употребительныя были: дороги, киндяки, тафта (роды дешевые), камки, бархатъ, атласъ, объяръ, алтабасъ и зарбевъ. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, какъ на сукнахъ, такъ и на матеріяхъ. Черные и вообще темные цвѣта употреблялись только на печальныхъ (траурныхъ) или такъ называемыхъ смиренныхъ одеждахъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе, и потому цари приказывали начальствующимъ лицамъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать на народъ, одѣваться въ цвѣтное платье. Служилые люди во время какого-нибудь торжественнаго событія, выходящаго изъ повседневной среды, одѣвались въ цвѣтныя одежды ²⁾. Всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣнковъ можно было встрѣтить на русскихъ одеждахъ, но преимущественно красные; изъ нихъ особенно любили червчатый отливъ (красно-фіолетовый). Этотъ цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи, что одинъ иностранецъ замѣтилъ, что всѣ городскіе жители (посадскіе) носятъ платье такого цвѣта. Даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ. За красными цвѣтами въ числѣ болѣе употребительныхъ были цвѣта лазоревый, зеленый и вишневый, за этими слѣдовали рудожелтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, цѣнный и проч. Шелковыя матеріи, исключая невысокихъ сортовъ, какъ, напр., дорогъ, киндяка и тафты, ткались вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, однѣ съ золотыми и съ серебряными узорами по цвѣтному фону ткани, другія были затканы золотомъ и серебромъ, такъ что по золотому полю выводились серебряныя, а по серебряному золотыя узоры и фигуры, какъ, напримѣръ: чешуи, большіе и малые круги, струи (преимущественно въ объярѣ), рѣки, травы, листья, птицы, звѣйки, изображенія людей, и стоящихъ, и лежащихъ, и съ крыльями и проч. и проч.; иногда серебро и золото переплеталось съ шелками, напр., по серебряной землѣ (фондѣ) золотыя узоры пополамъ съ шелками трехъ цвѣтовъ, или, напр., круги изъ золота, переплетеннаго съ зеленымъ и червчатымъ шелками, а между кругами листья; иногда золотыя и серебряныя узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебряной или по золотой землѣ вышивались узоры шелками и выбивался бархатъ; иногда золотыя и серебряныя полосы на ткани чередовались съ шелковыми, напр., атласъ золотой, а по немъ полосы червчатого, лазореваго и вишневаго цвѣтовъ. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій самыя цѣнныя были: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зарбевъ: послѣдніе два вида привозились съ Востока и употреблялись на самыя драгоценныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотое платье считалось атрибутомъ достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружавшихъ царскую особу, и когда принимали по-

¹⁾ А. И., III, 334.

²⁾ Доп., II, 267.

словъ, то всѣмъ, не имѣющимъ такого рода платьевъ, раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоцѣнность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ. Нашивки, какъ сказано, дѣлались всегда изъ матеріи, отличной отъ той, которая была на лицевой сторонѣ всей одежды, напримѣръ: при зеленомъ сукнѣ нашивки красныя; при красномъ или червчатомъ нашивки зеленыя или голубыя. Подъ цвѣтъ нашивокъ дѣлались завязки и кисти, называемыя ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатыхъ унизывались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, на ожерельяхъ, кромѣ жемчуга и камней, всегда ставились золотыя пуговицы, у бѣдныхъ для нихъ служили куски матеріи, а пуговики на ожерельяхъ были изъ шелка или изъ пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своимъ формамъ разныя названія, напр., кольчатое, колѣнчатое, рѣшетчатое, плетеное, петельчатое, цѣпиковое; кружево окаймлялось бахромою. Пуговицы у богатыхъ дѣлались иногда изъ жемчужинъ, и щеголи отличались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жемчужины; золотыя и серебряныя пуговицы носили разныя названія по роду работы, какъ, напр.: канфаренныя, сканныя, грановитыя, или по своей формѣ, какъ, напр., грушевидныя, остроконечныя, прорѣзныя, сѣбчастыя, клинчатыя, половинчатыя, желобчатыя. Случалось, пришивали, вмѣсто металлическихъ пуговицъ, плетеныя изъ канители и трупала и хрустальныя. Бѣдняки носили оловячныя пуговицы такихъ же формъ, какъ и богачи. Величина ихъ была очень различна, напр., иногда онѣ доходили до размѣра яйца. Число ихъ было чаще всего одиннадцать и двѣнадцать на одеждѣ, иногда четырнадцать и пятнадцать; онѣ пристегивались на нашивкахъ. Только въ тегиляѣ, какъ выше сказано, число ихъ было значительно больше, но онѣ были малы.

Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ и длинныя рукава одежду замѣняли ихъ необходимостью. Только цари и знатныя особы надѣвали *перчаткия рукавицы*, и то преимущественно зимою отъ холода, а потому онѣ у нихъ были мѣховыя или оторочивались бобромъ ¹⁾. Зато и простыя, и средней руки лица зимою надѣвали рукавицы; у небогатыхъ онѣ были кожаныя, у болѣе зажиточныхъ суконныя, цвѣта червчатого, зеленого и проч., подложенныя мѣхомъ ²⁾. По величинѣ онѣ назывались рукавицы, а другія—поменьше—рукавки.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорожные и гафтяные; но у богатей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоцѣнностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоцѣнность ³⁾. Они дѣлались полосатыя, напр., бѣлыя, съ червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или, напр., полосы червчатыя, лазоревыя и вишневыя съ золотомъ, и въ каждой полосѣ своеобразные узоры: въ одной змѣйки, въ другой копытцы, въ третьей шильцы ⁴⁾. Пояса украшались золотыми и серебряными бляхами, которыя назывались *пращами*,

¹⁾ Паэрле, 37. Кильбург, 76

²⁾ Оп. Шуй, 253.

³⁾ С. г. гр., I, 61.

⁴⁾ Врем., VII. См. Оп. им. ц. Нв. Вас.

фигуры круглой, продолговатой, четырехугольной и многоугольной, съ выемками по угламъ; между плащами накладывались другія металлическія украшенія, называемыя переченки. На самыхъ плащахъ чеканились разныя фигуры, какъ-то: зѣбри, птицы, всадники, травы. Иногда на поясахъ, вмѣсто металлическихъ плащей, нашивались косые образцы изъ матерій другого рода, чѣмъ самъ поясъ. Къ поясамъ придѣлывались крючья, которыми они застегивались. О величинѣ поясовъ можно судить по тому, что у одного боярина въ XVII вѣкѣ былъ поясъ длиною въ пять аршинъ пять вершковъ и въ шесть вершковъ шириною.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили и въ комнатѣ, а царь Иванъ Грозный ходилъ въ ней въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филіппомъ. Другой видъ шапки — остроконечный, назывался колпакомъ. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго; по его окраннымъ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, унизанный жемчугомъ и золотыми пуговками, иногда съ драгоценными камнями. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимомъ такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напередѣ и сзади до половины; разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимомъ подбитыя овчиною или какимъ-нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четырехугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра; лѣтомъ этотъ околышекъ пристегался для красоты, а зимомъ вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакѣ, съ пуговками, по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего суконный, вишневаго, червчатаго, зеленаго и часто также чернаго цвѣта: избѣгая черваго цвѣта на платьяхъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ парадѣ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки — исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхождение и достоинство ¹⁾. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ — обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью носившаго шапку.

Горлатная шапка дѣлалась изъ драгоценныхъ мѣховъ съ суконнымъ верхомъ, а иногда съ мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже. Спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣтками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшія какую-нибудь фигуру, напримѣръ, въ видѣ змѣйки, львиной головки и проч., на другой сторонѣ прикрѣплялись золотыя пуговки, иногда съ драгоценными камнями въ срединѣ. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ,

¹⁾ Вѣроятно, отсюда возникла пословица: по Сенькѣ шапка.

а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно больше голову, и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то, снявъ шапку, напяливали ее на болванецъ, расписанный нарядво иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Обычай такъ закутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отращивали на головѣ волосы въ знакъ печали; безъ этого всѣ старались стричься какъ можно плотнѣе и передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непремѣнно остричься. Зато всѣ носили бороды, и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ санка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ холилъ ее, берегъ и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. При Василии Ивановичѣ начало было входить въ обычай бритье бородъ, и самъ великій князь слѣдовалъ этому обычаю; но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію Церкви дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ Церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недобвѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло ¹⁾).

Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоценныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства, такъ называемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье, да и люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознавать ихъ достоинства ²⁾).

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Просто-

¹⁾ Fletch., 271. — Olear., 179, 184. — Jenkins, 157. — Carlisle, 329. — А. И., III, 334. — Врем., VII. Матер. для ист. икон., 73. — Chensl., 284. — Врем., XIII. Расх. кн. Никона. — Доп., I, 189. III, 145.

²⁾ Времен., VII, 28, 37. — С. г. гр., I, 271, 406. — Котоших., 22. — Petr., 290. — А. И., II, 406.

народіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы.

Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣщивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольныхчимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ¹⁾, зато и знатные, и незнатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Набалдашникъ раскрашивался или окладывался перламутромъ²⁾. Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого царя не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинными. Но, однако, въ одеждахъ двухъ половъ были и особенныя, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово «женскій», напр., женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго: красныя рубахи, какъ и у мужчинъ, считались наряднымъ бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья, вышитыя золотомъ и украшенныя жемчугами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царю Евдокію Лукьяновну полагается для длины лѣтника аршинъ съ тремя четвертями, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простирается до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ, и чрезвычайно широки, напрямѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался иною матеріею съ золотою тесьмою, со снуркомъ и бахромою. Вдоль одежды на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался до самаго горла, потому что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимомъ лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями.

Принадлежность лѣтника составляли вошвы, то-есть шитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ именно онѣ вшивались; нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напр., семнадцать вершковъ, то едва ли была возможность пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. Если только онѣ не одно и то же, что накапки, то, быть можетъ, онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда расцѣплены и распещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матерія, изъ которыхъ дѣлались лѣтники, у зажиточныхъ были по большей части легкія, такъ какъ для мужского зипуна, напр., тафта, но иногда эти

¹⁾ С. г. гр., IV, 466—467.

²⁾ Кильбург., 32.

одежды дѣлались также изъ тяжелыхъ золототканыхъ и сребротканыхъ матерій. На подкладку употребляли менѣе цѣнные матеріи, напр., киндаки или дороги. Цвѣта ихъ были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобы имѣть понятіе о наружномъ видѣ этой одежды, приведемъ нѣсколько примѣровъ лѣтниковъ изъ богатой матеріи. Вотъ лѣтникъ червчатого атласа, сотканнаго пополамъ съ золотомъ; вошвы черного бархата съ вышитыми узорами. Вотъ другой лѣтникъ: онъ сдѣланъ изъ червчатой камки съ серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы къ нему изъ червчатого бархата, расшитого канителью и трупцаломъ; подолъ изъ лазореваго атласа. Вотъ третій лѣтникъ: онъ изъ матеріи сребротканной пополамъ съ золотомъ, вошвы къ нему черного бархата, съ расшитыми по немъ узорами. Вошвы чаще всего были другого цвѣта, чѣмъ самый лѣтникъ, напримѣръ: лѣтникъ желтой камки, а вошвы къ нему золотнаго бархата; лѣтникъ полосатый, а вошвы черного бархата; лѣтникъ червчатый, вошвы изъ синяго аксамита. Небогатія женщины носили лѣтникъ изъ зуфи, дороговъ, киндака, а вошвы расшивали шелками и цвѣтною пражею.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ запунамъ, пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ, и потому иностранцы находили его похожимъ на собачій ошейникъ. Оно состояло изъ тесьмы, очень часто черного цвѣта, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числомъ до пяти ¹⁾.

Верхняя женская одежда была опашень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу; у богатыхъ онѣ были золотыя или серебряныя вызолоченныя, у бѣдныхъ оловянныя. Эта одежда дѣлалась изъ сукна, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но пониже плеча дѣлались прорѣзы или проймы, сквозь которыя свободно входила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накладки своего лѣтника, но и запястья своей рубахи, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый ожерельемъ, круглаго вида, покрывавшій грудь, плечи и спину. По прорѣзу и по подолу опашни окаймлялись кусками другой матеріи, расшитыми шелками и золотомъ ²⁾.

Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опашни невѣстно; въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинны съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этихъ рукавовъ пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ окладывался (подпущался) широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатью, окаймлялся металлическимъ кружевомъ или же тесьмою, густо расшитою золотомъ. Тѣлогрѣи были холодныя и теплыя, напр., на кунцахъ или соболяхъ ³⁾.

¹⁾ С. г. гр., I, 302—303, 340.—Оп. Шун, 403.—Времен., V. См., 22—25.—А. Юр., 47, 444.—А., отн. до юр. быта, 563.—Olear., 212.—Паэрле, 54.—А. г. Шун, 186.—Das Gr. Reich. von Mosc., 208—Доп. къ Акт. Ист., I, 76.

²⁾ А., отн. до юр. б., 563.—А. И., I, 211. III, 63.—Olear., 183.—Carlisle, 333.—Crull., 138.—Das Gr. R. v. Mosc., 205.

³⁾ Доп., I, 76.—А. И., II, 405.—Достоп. Кремл., 61.—Опис. Шун, 403.

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ, ибо упоминается названіе женская шуба. Шуба, повидимому, у женщинъ означала не всегда одно только мѣтовое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба ¹⁾). Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соответствовалъ шипуну въ мужскомъ, то опашень и тѣлогрѣя соответствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы, встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, фразей, которые женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисницахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами и шелковыми матеріями, какъ-то: обьярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатого, желтого, зеленого и бѣлаго; послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVI вѣкѣ, но въ XVII шубы покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу напередѣ былъ разрѣзъ; онъ застегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическимъ, кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другого мѣха, напр., шуба бѣличья или лисья, а ожерелье къ ней бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ матерей къ дочерямъ, какъ фамильная драгоценность ²⁾).

Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя свои платья богатую мантию, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатого, бѣлаго, но чаще всего изъ золотой или сребротканной, съ вошвами (вѣроатно, вшитыми мѣстами). Края этой мантии были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; они пристегались къ подволокѣ и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запусьемъ ³⁾). На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подбрусники: то были шапочки на подобіе скуфы изъ шелковой матеріи, перѣдко изъ золотой, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ служивать и расширять и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданого. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять напоказъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ; а въ Новгородской Землѣ вошло-было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся Церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы

¹⁾ А. г. Шуи, 187.

²⁾ С. г. гр., I, 303, 340, 407. — Olear., 220. — А. П., II, 18, 21. — Доп., I, 76. — Бильбург., 76. — А. г. Шуи, 133, 174, 187.

³⁾ С. г. гр., I, 302, 340. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 206.

подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрисомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кичу: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемую кичными челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подобнаго матерію. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя переперы, также разукрашенные; изъ-подъ нихъ, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числомъ около четырехъ или до шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, или соболинаго, или боброваго мѣха и называлась подзатыльникъ. По окраинѣ всей кики пристегалась жемчужная бахрома, называемая поднизью. Третій родъ головного убора былъ кокошникъ, у богатыхъ также обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на уборъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытыми золотными матеріями, жемчужинами и камнями; съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки, очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотою запоною напередѣ и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвцы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшіеся одинъ отъ другого жемчужными поясками. У вѣнцовъ были подножи, называемыя рясъ. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвчества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка сѣуживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимомъ дѣвцы покрывали голову широкою шапкою, соболюю или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась столбунцемъ; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя влетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ. Дѣвцы простого состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади сѣуживались и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвцы остригали себѣ волосы, какъ мужчины ихъ растили по этому поводу. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ и у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пучкамъ волосъ на вискахъ ¹⁾.

Какъ женщины, такъ и дѣвцы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ, и у простыхъ. Самая обычная форма се-

¹⁾ De Bruyns, 48.—С. г. гр., I, 303, 406.—А. И., II, 406.—А. Ю., 419.—А., отн. до юр. 6., 563.—Достоп. Крем., 72.—Olear., 135, 179, 211.—Fletch., 273, 275.—Crull., 138.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 205.—Опис. Шуи, 403.

режь была продолговатая; нитя назывались двочны, то-есть двойныя, другія одицы. Вообще серьги русскія были очень длинны. Бѣдныя женщины носили жѣдныя, болѣе зажиточныя—серебряныя, богатыя женщины—золотыя съ драгоценными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотыя со множествомъ мелкихъ камушковъ, называемыхъ искрами. У нѣкоторыхъ были серьги изъ цѣльныхъ драгоценныхъ камней, обдѣланныхъ въ формахъ: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленныхъ насквозь, съ двумя вставленными въ дырочки жемчужинами¹⁾.

На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, то-есть браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нѣрѣдко было такъ же много, какъ и у мужчинъ. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ между прочимъ тѣмъ, что на нихъ не вырѣзывалось печатей и они вообще не были такъ массивны, какъ мужскіе; перстни эти были большею частью золотые съ искрами, то-есть мелкими камешками, или съ сердоликами; у небогатыхъ серебряные позолоченные, съ мелкими жемчужинами. Шея женщины и дѣвцы была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные филифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія вели на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпного жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она повесила его немного, заболѣли ноги²⁾.

Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собою отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, по замѣчанію Олеарія, казалось, будто бы кто-нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самыми уродливыми образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ не идетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Федоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться, но тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ сидѣнь былъ этотъ обычай; а между тѣмъ Церковь его не оправды-

¹⁾ А. Ю., 47, 419.—А. И., II, 406.—А. г. Шун, 185.—Барбер., 85.

²⁾ А. г. Шун, 183, 186.—А. Юр., 418, 423.—А. И., II, 405.—Барбер., 50.—С. г. гр., I, 34.—Fletch., 274.—Petr., 317.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 215.—Врем., V. См., 22.

вала, и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣденныхъ женщинъ ¹⁾).

Въ рукахъ у женщины былъ платокъ, называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми каймами и кистями. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ; ихъ носили надъ ними рабыни ²⁾).

Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали лѣтники, иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вѣсто накидного платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или сереяги, называемую сѣринкѣ. При болѣе зажиточности поселянки носили на головахъ платки шелковыя, а сверху лѣтника однорядку изъ красной или синей крашенины, зендея или зуфи; зимю носили овчинные тулупы. Дѣвцы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры въ видѣ короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ. О томъ, чтобы платье сидѣло хорошо — не имѣли понятія. По болѣе части одежды кроились и шились дома: отдавать на сторону не считалось даже признакомъ хорошаго хозяйства. Русскіе не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы блестяло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было тали: онѣ были мѣшки, приходившіеся на каждую, лишь бы не очень высокаго и не очень низкаго роста и вполне соответствовали пословицѣ: не ладно скроено, да крѣпко шито. По русскимъ понятіямъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стана не считалась красавицею, напротивъ, ей предпочитали тучную, мясистую. Притомъ русскіе считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатыя уши, и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваньемъ и съ покроемъ платьевъ, чтобы для иностранцевъ и для насъ въ настоящее время, усвоившихъ западныя понятія, представить въ русской женщинѣ верхъ безвкусія и уродливости.

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды почти всегда лежали въ клѣткахъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затлости. Только въ большіе праздники и въ торжественные случаи, какъ, напр., свадьбы, ихъ доставали и надѣвали; въ обыкновенные воскресные дни русскіе ходили въ менѣе богатомъ нарядѣ, а въ будни не только простой народъ, но и люди обоего пола средняго сословія и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и ихъ жены ходили въ платьяхъ изъ грубаго холста или сукна, притомъ грязныхъ, поношенныхъ и часто съ заплатками; зато, когда надобно было показать себя, русскій скидалъ свои отрепья, вытаскивалъ изъ клѣтѣй отцовскія и дѣдовскія одежды и навѣшивалъ на себя, на женъ и на дѣтей все, что собрано было по частямъ имъ самимъ, отцами, дѣдами и бабками. Имѣть хорошее платье почиталось необходимымъ для сколько-нибудь зажиточнаго хозяина. Богатая одежда служила при-

¹⁾ Olear., 180.—Crull., 139.—Petr., 307.—А. Н., IV, 297.

²⁾ А. г. Шуй, 174.—Mejerb.

знакомъ благосостоянія и достоинства, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда приходилась ему нужда прикинуться не бѣднякомъ, бралъ у сосѣда на прокатъ платье и платилъ за это. Съ этимъ взглядомъ во время прїѣзда въ Москву чужеземныхъ пословъ правительство раздавало дьякамъ, придворнымъ и гостямъ вышитые золотомъ кафтаны, чтобы прїѣзжигъ чужеземцамъ показать толпу одѣтыхъ въ золото, чтобъ чужеземцы заключили о Россіи, что эта страна сильная, богатая и народъ въ довольствѣ живетъ подѣ царскимъ скипетромъ ¹⁾.

Чтобы дать понятіе о гардеробѣ мужчины средняго состоянія, мы приведемъ здѣсь одежду подъячяго Красулина, сосланнаго въ Колу. У него было три однорядки—одна тешнозеленая, двѣ вишневыя; три кафтана: одинъ праздничный камчатный, другой дорогильный, третій суконный; два были червчататаго цвѣта, а третій зеленый; штаны красныя суконныя; красныя ферязи; четыре шубы, изъ которыхъ одна покрыта камкою съ серебрянымъ кружевомъ и серебряными пуговицами, а три покрыты дорогами желтаго и краснаго цвѣтовъ; два ожерелья стоячихъ, одно оксамитное, другое шитое золотомъ пополамъ съ серебромъ по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и нѣсколько лоскутовъ сукна и небогатыхъ матерій ²⁾.

Х.

Пища и питье.

Русская кухня вполне была національная, то-есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Богатые господа составляли себѣ роспись кушаньевъ на цѣлый годъ; счетъ шелъ по церковнымъ праздникамъ, по мясоѣдамъ и по-стамъ; для каждаго дня, сообразно со значеніемъ его въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ; впрочемъ, это не стѣсняло возможности выбора кушаньевъ и по охотѣ, потому что въ росписи писалось множество кушаньевъ, изъ которыхъ можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями, и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный, а по припасамъ, изъ которыхъ готовились кушанья, они могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ: мучнистыя, молочныя, мясныя, рыбныя и растительныя.

Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе хлѣбъ значило собственно ржаной. Иногда, впрочемъ, къ ржаной мукѣ примѣшивали ячную, но

¹⁾ Врем., I. Домостр., 54.—Petr., 2, 86.—Carlisle, 322.—Mejerb., 100.

²⁾ Врем., VI. Сибѣрь, 33—34.

это не могло быть постояннымъ правиломъ, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и пословица: калачомъ не заманишь. Лучшій сортъ калачей пекся изъ крупчатой муки въ видѣ колець не въ большомъ размѣрѣ; другой сортъ дѣлался изъ толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; былъ третій родъ, называемый смѣсными калачами: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаномъ. Это дѣлалось не только отъ недостатка, но находили въ такой смѣси особый вкусъ: къ царскому столу подавались такіе калачи. Вообще хлѣбы, какъ ржаные, такъ и пшеничные, готовились безъ соли, и не всегда заботились, чтобъ мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина въ XVI вѣкѣ, соотвѣтуетъ печь хлѣбы преимущественно изъ муки, которая уже подвергается заплесени, и научаетъ давать такую же муку взаимы тому, кто попросить ¹⁾.

Въ XVI и XVII в. въ большомъ употребленіи въ народѣ было толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою; въ сухомъ видѣ оно отпускалось служивымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаномъ мукою ²⁾.

Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. По способу печенія они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ квасного тѣста, пряженые иногда изъ квасного, иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная крупчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги встарину имѣли продолговатую форму и различную величину; большіе назывались пирогами, малые пирожками. Въ скоромные дни они начинались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, напр., бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ; съ прибавкою каши или лапши. На масленицѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яйцами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ съ искрошенными яйцами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо, приготовляемое въ родѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, особенно съ сигаи, снѣтками, лодогой, съ однѣми рыбными молоками или съ визигой, на маслѣ конопляномъ, маковомъ или орѣховомъ; крошенная рыба перемишывалась съ кашей или съ сарадинскимъ пеномъ. Въ постные нерыбные дни пеклись они съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, на какомъ-нибудь растительномъ маслѣ, или сладкіе съ изюмомъ и другими разными ягодами. Сладкіе пироги пеклись и не въ постъ вмѣсто пирожныхъ. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему: *межъ узъ*.

Другой видъ печенія изъ тѣста былъ коровой—сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ коровой битый, который взбивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный—въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій на большомъ количествѣ яицъ, коровой съ сыромъ, коровой братскій и проч. Яйца, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ короваѣ, а различные

¹⁾ А. П., II, 283, 428—Коших., 63.—Steph. Borr. Nacl., 308.—Мейерб. прилѣч., 476.—Колл., 17. Врем., I. Домост., 102.

²⁾ А. П., I, 327.

виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть пастеть, начиненный курицею, яйцами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ; оладьи, котломъ, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи дѣлались изъ крупчатой муки, яицъ, коровьяго масла, а въ постные дни безъ яицъ съ орѣховымъ масломъ и подавались вообще съ патокой, сахаромъ или медомъ. Оладьи огромнаго размѣра назывались приказными оладьями, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся отъ оладей тѣмъ, что количество яицъ въ ней было меньше; она подавалась съ патокой. Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока съ небольшимъ количествомъ крупчатой муки. Блины дѣлались красные и молочные: первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яйца входили въ послѣдній сортъ. Блины не составляли принадлежности масленицы, какъ теперь,—символомъ масленицы были пироги съ сыромъ и хворосты,—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстяныя шипки, левашники, перепечи, орѣшки: всѣ эти виды подавались въ маслѣ; такія же кушанья готовились въ постъ съ растительнымъ масломъ. Кисели дѣлались изъ овсяной и пшеничной муки и подавались въ скоромные дни съ молокомъ, въ постные съ постнымъ масломъ. Каша приготавливалась изъ крупъ овсяныхъ или гречневыхъ, пшенная каша была рѣдко. Изъ молочныхъ кушаньевъ въ употребленіи была вареная лапша съ подливомъ въ нее свѣжаго топленаго молока, варенцы, молочная каша разныхъ видовъ, губчатый сыр изъ творога со сметаню, кислый сыр¹⁾.

Мясныя кушанья были варенныя или жаренныя. Варенныя подавались въ штяхъ, ухѣ, рассолѣ и подъ зварами; шти забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ штямъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая кауста. Къ штямъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляли принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикомъ называлась черною ухю, съ перцемъ бѣлою, а безъ пряностей голою. Рассолъ былъ родъ нынѣшней солянки: варилося мясо въ огуречномъ рассолѣ съ прихѣсью пряностей. Зваромъ назывался всякаго рода соусъ. Жаренныя мясныя кушанья были верченныя, шестыня, печенныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ дѣлаго барана, слѣдовало облупить его и распределить на нѣсколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или шти; лопатки и почки на жареное; кроки подавались подъ зваромъ; ножки начинивались яйцами, рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и, обернувъ перепонкою, жарили на сковородѣ; легкое приготавливали со взболтанномъ молокомъ, мукою и яйцами; изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку или соусъ съ пряностями, а изъ густо-свареной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготавливали холодный студень. Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила встарину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили въ прокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы,

¹⁾ А. И., I, 327, 328. II, 428. IV, 150.—Врем., VI, Книги о ѣствахъ.

уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обыденной пищи и подавались подъ студнемъ, подъ зварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свинное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимнія шты, а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе встарину любили свинину, кажется, больше, чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (дуговые), рассольные (въ рассолѣ вареные), и подъ зварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь, но другіе объясняли, что зайца ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобъ онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать на торгахъ зайцевъ безъ испущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. ¹⁾; но нигдѣ не видно, чтобы Церковь вооружалась противъ употребленія зайцевъ въ пищу вообще. Наравнѣ съ зайцами нѣкоторые чуждались, или, по крайней мѣрѣ, остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ звѣрей составляли роскошь царскихъ и боярскихъ торжествъ.

Куры подавались въ штыяхъ, ухѣ, рассолѣ, жареныя на рожнахъ, вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія нарожными и верченными. Шты съ курицей назывались богатыми штыми и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавали что-нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Кура рафленое былъ употребительный въ XVII в. соусъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями, кура безкостное—соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ баранины или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другія птицы, употребляемыя въ пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки—во штыяхъ и жареныя, гуси—шестные, начинивались гречневой крупой и приправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей готовили полотки, которые ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ; гусиные потроха шли въ уху или въ особыя кушанья подъ зварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимнія—обыкновенно подавались: первый приправленный съ молокомъ, прочіе жареныя съ сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ зваромъ съ топешками, т.-е. изрѣзанными ломтиками калача, опущенными въ коровье масло; потроха лебяжьи, какъ и гусиные, подавались подъ медвянымъ зваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Московіи было много и она была дешева, но вообще русскіе не очень любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и пряныя приправы; такъ, рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Исчисляя мясныя кушанья, нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньѣ, которое называлось *позмелье*; это изрѣзанные ломтики колодной

¹⁾ А. А. Э., III, 402.

баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречныйъ рассоломъ, уксусомъ и перцемъ; его употребляли на похмелье ¹⁾).

Московское Государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыбъ были: лососина, привозимая въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская лодога и сырть, бѣлозерскіе снятки и рыбы всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискарки, ерши, вандыши, кохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ щипавая, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома свѣстные припасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ и складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ, и это называлось вывѣтривать: тогда уже рыба получала названіе провѣсной, а если хорошо вывѣтривалась, то *оттреной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась уже не въ погребъ, а въ сушильѣ пластами и прутами; пластовая рыба клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушила подицахъ, а прутовая кучею подъ рогожами. Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла; но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ нея, но еще предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ: достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: еще не поспѣла. При затруднительности путей сообщенія свѣжей рыбой могли пользоваться только жившіе около рыбныхъ мѣстъ; въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ; она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ; масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою на астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: шти, уха и рассольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбныхъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченники, приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Шти дѣлались кислыя съ свѣжей и съ соленою рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой въ родѣ истертой въ порошокъ муки; при эти горячихъ кушаньяхъ подавали пироги съ рыбными начинками или кашею. Рассольное приготовлялось обыкновенно изъ красныхъ рыбъ: осетрины, бѣлужины и лососины. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни лѣтомъ подавалось ботвинье съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсю крупы или пшена, приготовлялось кушанье, называемое рыбная каша; а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу клали и въ пироги. Приготовляли изъ рыбъ

¹⁾ Врем., VI, Книги о ѣствахъ.—А. II, II, 431.—Пав. Юв.—Oleag., 209.—Petr., 318.—Jenkins, 350.

тѣльное въ родѣ котлетъ: смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какинъ-нибудь зваромъ. Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ: свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбцы составляла роскошь; но во всеобщемъ употребленіи была наосная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства, и мятая—самаго низшаго достоинства, которую покупали бѣдные простолюдины. Икру вообще употребляли съ уксусомъ, перцемъ и искрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры, употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и жареную; въ посты русскіе дѣлали икрайки или икраные блины: это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупчатой муки, и потомъ запаренная.

Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашинки, оладьи съ медомъ, короваи съ грибами и съ пшеномъ, разнаго рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжники), разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженный, сыръ гороховый, то-есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдьку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ большого употребленія чесноку русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою неприятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Эти два зелья—лукъ и чеснокъ—дѣлались какъ бы предметомъ первой необходимости: такимъ образомъ, они давались въ числѣ кормовъ, которые обязаны были жители давать псацамъ, посылаемымъ для составленія писцовыхъ книгъ. Перецъ, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда, и каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это дѣлается во многихъ мѣстахъ и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ русскіе не любили соленаго: это дѣлалось для того, чтобы каждый гость могъ брать сколько хотѣлъ, и въ тѣ времена русскіе не находили разницы во вкусѣ того, что послено во время приготовленія кушанья, отъ того, что солили уже на столѣ. Зато всѣ любили соленое въ прокъ, и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу больше въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими соленьями, нагнетенныхъ камнями и засѣченныхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ ¹⁾.

Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ

¹⁾ Врем., I, Домостр., 102. VIII, Торг. книг. — Русск. Вѣстн. 1841, 733. — Olear., 209. — Кильбург., 20. — Ювій, 16. — Барбер., 56. — Herberst., 38. — А. И., I, 328. IV, 520. — Доп., III, 206, 327. — Колинсъ, 40. — Strauss, 195.

въ патоку, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патоку и въ квасу, то-есть клали въ боченки и наливали патокой, потомъ закрывали, но не плотно, чтобы «кислый духъ выходилъ», или же, отобравши свѣжихъ яблоковъ, прорѣзывали въ нихъ отверстія и наливали туда патоки; изъ малины дѣлали морсъ, употребляемый съ водою, изъ брусники брусничную воду. Было въ обыкновеніи лакомство, называемое ловаши: его дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потомъ протирали сквозь сито и вслѣдъ затѣмъ варили снова, уже съ патокой, густо мѣшая во время варенія, потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки. Другое лакомство было пастила, приготовляемая изъ яблокъ. Яблоки клали въ сито и парили, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мѣшали, били, мели, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдные луженныя творила, давая закинуть, и опрокидывали внизъ. Пастилу дѣлали также и изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Рѣдку въ патоку приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики, вздѣвали на спицы, такъ, чтобы ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ, и вываливали на солнцѣ или въ печатъ послѣ печенья хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ приностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паясная игла, и называлась маэюня; такую же маэюню приготовляли подобнымъ способомъ изъ сухихъ вишенъ. Изъ арбузовъ, которые привозились въ Московію съ низовьевъ Волги, приготовлялось такое лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры кусками не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ. между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, нибиремъ, корицею и мускатомъ и потомъ клали туда арбузы. Подобнымъ образомъ приготовляли лакомства и изъ дынь. Русскіе варили въ сахарѣ и въ патоку привозные плоды: изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы, нибирь и разныя приности. Обыкновенное русское лакомство было изваръ, приготовляемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокой, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, нибиря и проч.; одинъ родъ завара назывался медвянымъ, другой кваснымъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также прыники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько видовъ сахара; сахаръ свороборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось чрезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ ¹⁾.

¹⁾ Врем., VI, Кн. о ѣств., 28.—Olear., 174. А. И., I, 327. II, 14, 426.—Доп., III, 206.

Напитки, употребляемые русскими встарину, были квась, морсь, пиво, медь, водка и виноградныя вина. Квась пили всѣ, отъ цара до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квась въ лавкахъ и красныя кабакахъ. Въ монастыряхъ квась былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простого, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся изъ разсыченаго въ водѣ меда, процѣженнаго, съ примѣсью калача вмѣсто дрожжей. Этотъ растворъ стоялъ нѣсколько времени съ калачомъ, потомъ сливали его въ бочки. Его качество зависѣло отъ сорта и количества меда: для царей, напримѣръ, собирали лучшей медь во всемъ государствѣ на квась; такого же рода медвяные квасы дѣлались въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, имѣвшихъ свои пчельники; и оттого медвяный квась въ народѣ носилъ эпитетъ монастырскаго. Ягодные квасы дѣлались такимъ же образомъ изъ меда и воды съ добавкою ягодъ, вишенъ, черемухи, малины и проч.; этого рода квась также можно встрѣтить было чаще всего въ монастыряхъ, а у зажиточныхъ людей онъ служилъ для угощенія людей низшаго званія. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе готовить у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ сѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по зашѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Нѣкоторые хозяева *подпаривали* его патокою, то-есть готовое пиво спѣживали съ дрожжей и сливали въ другую бочку, потомъ, взявши этого пива ведро, примѣшавъ туда патоки, варили до кипятка, потомъ простуживали и сливали назадъ въ бочку, а иногда подбавляли туда ягодныхъ смѣсей. Послѣдняго рода пиво называлось поддѣльнымъ пивомъ.

Оригинальное и лучшее русское питье было медь; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разливали его въ далекихъ странахъ.

Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторіе только наливались. Кромѣ того, по способу приготовления и по разнымъ приправамъ меды имѣли названія: простой медь, медь прѣсный, бѣлый, красный, медь обарный, медь боярскій, медь ягодный. Медь, называемый обарнымъ, приготовляли слѣдующимъ образомъ: разсычали медовый сотъ теплою водою, процѣживали сквозь частое сито, такъ, чтобы медь отдѣлился отъ восчины, потомъ клали туда хмелю, полагая на пудъ меда полведра хмеля, и варили въ котлѣ, безпрестанно снимая пѣну ситомъ; когда же эта жидкость уваривалась до того, что въ котлѣ оставалась ея только половина, тогда выливали изъ котла въ мѣрникъ и простуживали не на сильномъ холодѣ, бросали туда кусокъ ржаного хлѣба, натертаго патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобы она окисла совершенно, наконецъ сливали ее въ бочки. Боярскій медь отличался отъ обарнаго тѣмъ, что при разсыченіи меда бралось медоваго сота въ шесть разъ больше, чѣмъ воды; онъ кясъ въ мѣрникахъ недѣлю, потомъ его сливали въ бочку, гдѣ онъ стоялъ другую недѣлю съ дрожжами; потомъ уже его сливали съ дрожжей, подпаривали патокой и наконецъ сливали въ другую бочку. Ягодный вареный медь приготовлялся такимъ образомъ: ягоды варились съ медомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно раскипани;

тогда эта смѣсь снималась съ огня; ей давали отстояться, потомъ ее процѣживали, сливали въ медъ, уже сваренный прежде съ дрожжами и хмелемъ, и запечатывали.

Ставленные меды приготавливались какъ квасы, но съ дрожжами или хмелемъ и потому отличались отъ квасовъ своимъ охмеляющимъ свойствомъ. Ставленный ягодный медъ былъ прохладительный и пріятный напитокъ. Его дѣлали обыкновенно лѣтомъ изъ малины, смородины, вишенъ, яблокъ и проч. Въ посудину клали свѣжихъ спѣлыхъ ягодъ, наливали водою (вѣроятно отварною) и давали стоять до тѣхъ поръ, пока вода не принимала вкуса и цвѣта ягодъ (дня два или три), потомъ сливали воду съ ягодъ и клали въ нее отдѣленного отъ воска чистаго меда, наблюдая, чтобъ выходило по кружкѣ меда на двѣ или на три воды, сообразно желанію придать напитку болѣе или менѣе сладости, потомъ бросали туда нѣсколько кусковъ печеной корки, дрожжей и хмеля, и когда смѣсь эта начинала вскисать, то хлѣбъ вынимали прочъ, чтобъ она не приняла хлѣбнаго вкуса, медъ на дрожжахъ оставляли отъ пяти до восьми дней въ тепломъ мѣстѣ, а потомъ снимали и ставили въ холодное. Нѣкоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамонъ, нибиръ. Медъ ставленный держался въ засмоленныхъ боченкахъ и былъ иногда до того крѣпокъ, что сшибалъ съ ногъ.

Къ разряду прохладительныхъ напитковъ относился березовый сокъ или березовецъ, добываемый въ апрѣлѣ изъ березъ.

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта: обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четверную, то-есть четыре раза перегонную водку и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяйка настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, зѣробоѣ, бадягѣ, съ амброй, на селитрѣ, съ померанцевой и лимонной коркой, съ можжевельникомъ и дѣлали наливки на разныхъ ягодахъ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и во время обѣда, и послѣ обѣда, и во всякое время дня.

Иностранная вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но по мѣрѣ того, какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большемъ употребленіи были: греческое, перковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое и красное французское, рейское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности.

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или подвалахъ, которыхъ было иногда нѣсколько при домѣ. Они дѣлались съ разными отдѣлами, въ которыхъ ставили бочки, лѣтомъ во льду. Бочки были беременныя или полубереженныя. Вѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку въ тридцать, а полубереженную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отлича-

лись своею огромностью, наприѣръ, въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ своего мѣста, а питье пропускалось въ нихъ и добывалось изъ нихъ черезъ отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловяники или жѣрники—большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды ¹⁾.

Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Первый разъ чай былъ присланъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу отъ монгольскаго государя. Во второй половинѣ XVII вѣка знатныя лица употребляли его какъ лекарство и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ отдаленнаго народа сдѣлается современнымъ національнымъ русскимъ питьемъ.

XI.

Образъ домашней жизни.

Предки наши, какъ знатные, такъ и прѣстые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Само собою разумѣется, что при такомъ времясчисленіи количество дневныхъ и ночныхъ часовъ на самомъ дѣлѣ могло быть одинаково и равно только во время равноденствія, а потому это время и принималось за норму: изъ двадцати-четырехъ суточныхъ часовъ двѣнадцать относили къ дню, а другіе двѣнадцать къ ночи; несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время лѣтняго солнцестоянія число дневныхъ, а во время зимняго число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати. Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ: на исходѣ ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третій, шестой и девятый значеновали равноименные дневные часы, а вечерня—окончаніе дня. Русскіе согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ, и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла расплагать временемъ по произволу.

Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось причинѣе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди

¹⁾ А. И., I, 335. II, 18, 286.—А. А. Э., I, 308. III, 92.—Petr., 318.—Др. Русск. Вивл., VI, 298.—Доп., I, 217. III, 305. VI, 87, 88, 824.—С. г. гр., III, 254.—Русск. Достоп., I, 63.—Коших., 61.—Контар., 20—Olear., 205.—Jenkins., 358, 361.—Herberst., 29, 43.—Барбер., 79.—Врем., I, Домостр., 81. VI, Книг. о ѣств., 28—26.—Кыльб., 190.

мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ омовеній и умываній одѣвались и приступали къ моленію.

Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ.

Въ комнатѣ, назначенной для моленія,—крестовой—или когда ея не было въ домѣ, то въ той, гдѣ стояло побольше образовъ, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свѣчи, курили ладаномъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; иногда читались такъимъ образомъ заутрени и часы, смотря по степени досуга, умѣнья и благочестія; умѣвшіе пѣть пѣли. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домашнія церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, смотрѣвшій за церковью или часовнею, и послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святою водою.

Окончивъ молитвословіе, погасили свѣчи, задергивали пелены на образахъ и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домою, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, чтѣ дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на пѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будить госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію: и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочки послать, и такимъ своимъ умѣньемъ внушала къ себѣ уваженіе. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужевъ, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ голлоповъ. Такого рода хозяйки послѣ утренняго моленія отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками со своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Ключникъ не всегда спрашивалъ объ этомъ хозяина, а зналъ напередъ, чтѣ слѣдуетъ готовить по годовой росписи; обыкновенно въ такомъ случаѣ ключникъ получалъ отъ хозяина деньги на извѣстный срокъ и по истеченіи срока отдавалъ отчетъ. Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ: наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложены ли имъ корѣя, приказывалъ предъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса, а страднымъ (т.-е. рабочимъ) овсяной муки или невѣяницы, приказывалъ проводить лошадей передъ собою къ желобамъ, устроеннымъ въблизи конюшни для водоноя; потомъ заходилъ въ хлѣвы: коровій, свиной, птичій, приказывалъ скотникамъ пригонять передъ себя нѣсколько отборныхъ штукъ скота, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ и посыпалъ зерно курамъ и гусямъ, потому что когда самъ хозяинъ изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ, то отъ того плодо-

родіе умножается. Иногда, воротившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, завѣдывавшего всѣми кладовыми и надворными строеніями, и слушалъ его доклады; когда нужно было, то осматривалъ съ нимъ что-нибудь, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Приступая къ началу дневного занятія, будь то приказное писательство, или черная работа, русскій считалъ приличнымъ вымыть руки, сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами, а если предстоптъ случай или возможность, то принять благословеніе священника.

Въ десять часовъ по нашему счету (въ шестомъ часу дня) служились обѣднн. По духу времени въ тѣ времена цари, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, всякій день ходили въ церковь, да и частые люди, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при первой возможности хаживали къ обѣднн и въ будни, особенно въ пятницы и субботы; всякій же церковный праздникъ толпа народа наполняла храмы, но текуція дѣла, однако, не прерывались отъ этого.

Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ проstonародія, холопы, прѣбавіе въ городахъ и посадахъ наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ. Цари и званые люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; жены съ дѣтьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне — хозяева осыдае, виѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи; впрочемъ, иногда семейные члены, составлявшіе съ своими семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него и особо; во время же званыхъ обѣдовъ особы женскаго пола никогда не обѣдали тамъ, гдѣ сидѣлъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служебныхъ чиновъ завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ находился въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставкѣ съ посудой, стоявшей всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ.

Въ обычномъ царскомъ быту кушанье прежде всего отвѣдывалъ поварь, въ присутствіи дворецкаго, который являлся за каждою перемѣною съ толпою жильцовъ; сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шель впереди ихъ въ столовую и передавалъ крайнему, который также отвѣдывалъ и ставилъ предъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали разрѣзанное на тонкіе куски, такъ что можно было взять ихъ въ руки и понести въ ротъ; отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго предъ гостями блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человека

въ одной мисѣ, и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; ни не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивались, рыгали и къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другія непріятныя зловонія.

Прежде всего пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя, а далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья и, наконецъ, овощныя сласти. Въ постные дни тѣмъ же порядкомъ подавали холодную рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. На званныхъ обѣдахъ было иногда чрезвычайное множество кушаньевъ—до сорока и до пятидесяти перемѣнъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притомъ нечистыми руками.

Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду, и находя все въ порядкѣ, тѣшилъ дворецкого и стряпчихъ, потчивалъ ихъ хмельнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали, пообѣдавши, и цари, спали бояре, свали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ; тогда-то въ Москвѣ на Вшивомъ рынкѣ собиралась толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторой мѣрѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ Самозванцѣ недарское происхождение и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, имѣя возможность и достатокъ.

Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычные занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера по нашему счету предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Въ 1669 году постановлено правиломъ, чтобы приказные люди сидѣли съ перваго до восьмого часа ночи,—такъ какъ это было зямою, то, вѣроятно, до десяти часовъ по нашему счету, считая первымъ часомъ ночи не седьмой часъ суточнаго дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зямою собирались другъ къ другу родные и пріятель въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампы, зажигались свѣчи передъ образами; домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имѣли всегда особые покои съ тою цѣлю, чтобъ не спать вмѣстѣ въ ночи предъ господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и въ посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились предъ образами въ спальняхъ; ночная молитва считалась пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная;

«тогда бо ношю умъ ти есть легчае къ Богу и могутъ тя убо на покаянiе обратити ношныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ... и паче дневныхъ молебъ приклонитъ ухо свое Господь въ ношныя молитвы». Впрочемъ, нѣкоторые старинныя духовныя поученiя не обязывали супруговъ удалаться отъ общаго ложа въ посты Петровскiй и Рождественскiй: «а въ Петрово говѣнiе и въ Филиппово невозбранно мужемъ съ своиими женами совокуплятися, развѣ блюсти среду, пятокъ и субботу и недѣлю и господскихъ праздникоу». На Святой недѣлѣ цари обыкновенно опочивали отдѣльно отъ царицъ, и когда царю угодно было спать вмѣстѣ съ царицею, то послѣдней давалось объ этомъ звать заранее и называлось: или приходитъ къ царю, или царя къ себѣ ожидать, а на другой день оба ходили въ мыльню. Такъ наблюдалось между всѣми болѣе или менѣе и вообще считалось необходимымъ послѣ вочи, проведенной супругами вмѣстѣ, ходить въ баню прежде, чѣмъ подойти къ образу. Набожные люди почитали себя недостойными даже и омывшись на другой день вступить въ церковь и стояли предъ дверями храма, хотя черезъ это и подвергались двусмысленнымъ взглядамъ, а иногда и замѣчанiямъ молодыхъ людей, которые догадывались, чѣмъ это значило ¹⁾.

Русскiе вообще ходили въ баню очень часто; она была первою потребностью въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденiя. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня, какъ уже сказано объ этомъ; сверхъ того для простонародiя и для прiѣзжихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскiя мыльни, гдѣ за входъ платили деньги, составлявшiя во всемъ государствѣ вѣтвь царскихъ доходовъ. По извѣстiю Кошкинна, ежегодно собиралось такимъ образомъ до двухъ тысячъ рублей со всѣхъ мыленъ, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго дворца. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Въ лѣтнiе жары запрещалось ихъ топить въ предупрежденiе пожаровъ, съ нѣкоторыми исключенiями для больныхъ и родильницъ, по волѣ воеводъ. Тогда-то особенно наполнялись царскiя мыльни; впрочемъ, запрещенiе топить свои собственныя касалось болѣе посадскихъ и крестьянъ; люди высшаго значенiя всегда пользовались исключенiемъ. Баня для русскаго была такою необходимостью, что по поводу запрещенiя топить ихъ жители грозили правительству разбрестись врознь въ своия домовъ.

Обыкновенно ходили въ мыльню послѣ обѣда, не страшась отъ этого вредныхъ послѣдствiй. Жаръ былъ нестерпимый. На скамьяхъ и полкахъ постилалось сѣно, которое покрывали полотномъ. Русскiй ложился на него и приказывалъ себя бить до усталости, потомъ выбѣгалъ на воздухъ и бросался лѣтомъ въ озеро или рѣку, подлѣ которыхъ обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снѣгу или обливался холодною водою на морозѣ. Всегда кто ходилъ въ мыльню, тотъ и парился: это было всеобщимъ обычаемъ. Въ общественныхъ мыльняхъ было два отдѣленiя, мужское и женское; они отдѣлялись одно отъ другого перегородками, но входъ и въ то, и въ другое былъ одинъ; и мужчины,

¹⁾ Рук. Пого. Собр. Публ. Библ. № 1310. — Рум. Муз. № 359. — А. И., II, 287. — Врем., I. Домостр., 17, 27, 64, 75. — П. С. З., I, 828. — Доп., I, 55. — Fletch., 254—260. — Olear., 142, 193. — Mejerb., 60—63. — Petr., 318. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 196—203. — Маржер., 29. — Кизлб., 67.

и женщины, входя и выходя въ одну дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагиномъ, закрывались вѣшниками и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою, а иногда разомъ выбѣгали изъ мыльни и вѣстѣ катались по снѣгу. Въ болѣе отдаленную старину было въ обычаѣ и мужчинамъ, и женщинамъ мыться въ одной мыльнѣ, и даже чернецы и черницы мылись и парились вѣстѣ.

Жившіе въ Москвѣ нѣмцы заимствовали отъ русскихъ ихъ мыльни, но придали имъ болѣе комфорта. Эти мыльни приобрѣли въ Москвѣ славу. Вмѣсто голыхъ скамей, у нихъ были тюфяки, набитые пахучими травами; передбанники были особые и чистые, гдѣ можно было удобно раздѣваться и одѣваться; такого удобства нельзя было встрѣтить въ русскихъ баняхъ. Послѣ мытья обтирали и клали въ постель; тутъ женщина приносила медъ для подкрѣпленія.

Баня была самымъ главнымъ лекарствомъ отъ всякихъ болѣзней: коль скоро русскій почувствуетъ себя нездоровымъ, тотчасъ выпьетъ воды съ чеснокомъ или перцемъ, закуситъ лукомъ и идетъ въ баню париться.

Для простого народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какою отличались русскіе, удивляя этимъ иностранцевъ. Но что касается до высшихъ классовъ общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездѣйствіе и изнѣженность; въ особенности женщины высшаго состоянія отличались этимъ и казались хилыми и брюзгливыми ¹⁾.

ХП.

Здоровье и болѣзни.

Въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскою изнѣженностью и византійскою расслабленностью. Когда знатный человѣкъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушавьевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ во время частыхъ неурожаевъ ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвцы не занимались даже хозяйствомъ и, осужденныя на бездѣйствіе только для того, чтобъ убить томительную скуку своихъ горницъ и повалушъ, брались за вышиванья убрусовъ и церковныхъ облаченій, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужьевъ. Съ одной стороны, достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка поставялась недѣятельность, изнѣженность, неподвижность; русскія женщины нерѣдко пили особаго рода водку, чтобъ растолстѣть; съ другой стороны, русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостью, твердостью, равнодушіемъ ко всякимъ лишениямъ удобствъ жизни, тяжелымъ для европейца, умѣренно трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ правильнымъ и разсчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства приучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ

¹⁾ А. И., II, 417.—А. А. Э., IV, 58.—Сторж. Вопр., 18.—Olear., 268.—Mejerb., 151.—Strauss., 205.—Fletch., 268.—Carl., 347.—Jenkins. Наcl., 361.

грудей послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятишки бѣгали въ однихъ рубашкахъ, безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ, какъ уже было замѣчено, вообще не зналъ, что такое постель. Посты приучали народъ къ грубой и скудной пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жаждѣ. Подвиги служивыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые края съ скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги, истративъ ихъ, принуждены бывали по нѣскольку мѣсяцевъ сразу питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на Ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были избираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простаку поблагоприятствуетъ счастье, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатаго или знатнаго лица; зато знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкнется съ суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. Съ одинакимъ возрѣніемъ на жизнь, съ тѣми же вѣрованіями и понятіями, какъ у простолюдиновъ, знатные люди не успѣли отдѣлиться отъ массы народа и образовать замкнутое въ себѣ сословіе. Посты имѣли въ этомъ отношеніи благотѣльное вліяніе на нравственность и на поддержку основъ равенства въ народѣ; посты не давали богачу утопать въ обжорствѣ и сластолюбіи до невозможности низойти къ убогому столу простолюдина. Въ посты царь ѣлъ одну пищу съ крестьяниномъ. Небезопасное положеніе края, частыя войны, неудобства путей и затруднительность сообщенія между частями государства не допускали высшіе слои русскаго народа опуститься въ восточную нѣгу: они всегда должны ожидать слишкомъ внезапной разлуки съ своими теплыми домами и потому не могли къ нимъ пристраститься; слишкомъ часто приходилось голодать имъ повеломъ, чтобъ быть не въ силахъ обходиться безъ пряностей и медовъ; слишкомъ повсемѣстно встрѣчали смерть, чтобъ дорожить вялою жизнью. Съ другой стороны, въ простолюдинѣ, даже въ его нищетѣ проглядывала наклонность къ восточной извѣженности и вялости, одолѣвавшей богачей: русскій мужикъ любилъ поспать, покачаться на печкѣ, повѣжиться и, если удивлялъ иностранцевъ терпѣніемъ, то не отличался сознательнымъ трудолюбіемъ.

При способности и готовности переносить труды и лишения, русскій народъ хотя не отличался долговѣчностью, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней только эпидемическія наносили иногда значительныя опустошенія, потому что мѣры противъ нихъ были слабы и ограничивались неискуснымъ стараніемъ не допустить заразы распространяться съ мѣста на мѣсто. Моровыя повѣтрія нерѣдко оставляли ужасные слѣды по всей Россіи. Изъ обыкновенныхъ болѣзней, которымъ русскіе чаще всего подвергались, были геморроидальныя, столь свойственныя нашему климату, упоминаемая встарину

подъ разными наименованіями припадковъ головной боли, теченія крови, запоровъ (закладъ), болей въ спи́нѣ и тому подобное. Нервные болѣзни если не были слишкомъ часты, зато обращали вниманіе своими явленіями: эпилептическіе, каталептическіе, истерическіе припадки приписывались порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, при посредствѣ злыхъ духовъ; болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ, напримѣръ, камчугъ, френъчугъ, бѣснованіе, разслабленіе, трясеніе, икота и проч.; въ некоторые случаи происходили отъ дѣйствительныхъ болѣзней, иные отъ воображенія. Въ XVI вѣкѣ занесена въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ согнтіе), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ. Простудныя болѣзни рѣдко поражали русскаго, приученнаго къ перемѣнамъ воздуха и температуры. Какъ особые случаи, упоминаются встарину: каменная болѣзнь, отекъ, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шолуди, происходившіе отъ неопрятности, которая нерѣдко порождала и другія болѣзни, такъ, наприм., имѣла вредное вліяніе на зрѣніе. Вообще отъ болѣзней искали средствъ болѣе всего въ церковныхъ обрядахъ и прибѣгали также къ травникамъ, составлявшимъ классъ самоучекъ-лекарей, отдавались имъ часто съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ. Ученые медики были иностранцы и находились только при царскомъ дворѣ, и то въ небольшомъ количествѣ. При Иванѣ Васильевичѣ лекаръ иноземецъ былъ необходимымъ лицомъ для царя, но лечится у него частнымъ лицомъ было можно не иначе, какъ подавши челобитную объ этомъ¹⁾. То же соблюдалось долго и впослѣдствіи, когда число врачей при дворѣ увеличилось. При Михаилѣ Федоровичѣ въ Москвѣ существовала одна аптека, изъ которой отпускались лекарства по челобитнымъ, и притомъ такъ, что тѣмъ, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то, что дешевле стоило, не обращая вниманія, могло ли оно принести дѣйствительную пользу. Иногда лекаря отправлялись на войну съ лекарствомъ и тамъ вообще мало приносили пользы. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ были двѣ аптеки, но только изъ одной продавали жителямъ лекарства, и то по высокимъ цѣнамъ²⁾, а потому эта аптека гораздо менѣе приносила дохода казнѣ, чѣмъ стоявшій рядомъ съ нею кабакъ. Разумѣется, врачи, призываемые изъ-за границы, не всегда были хороши, и по зову русскаго царя отважно спѣшили въ Россію шарлатаны. Поэтому было опредѣлено, чтобъ врачъ, пріѣзжающій въ Россію, прежде въ пограничномъ городѣ показалъ степень своего искусства и вылечилъ кого-нибудь. Медики, жившіе при дворѣ, были чрезвычайно стѣснены обычаями и предрасудками. Въ ихъ занятіяхъ не уважали науки, не ставили ихъ искусства выше знахарскаго. Часто сами цари обращались къ травникамъ и знахарямъ, какъ бы въ укоръ медикамъ, состоявшимъ при ихъ дворѣ. Когда медикъ пользовалъ особу женскаго пола, принадлежащую къ царскому семейству—для него не нарушались строгія восточныя церемоніи, всегда окружавшія эту особу. Медикъ долженъ былъ пользоваться больную и угадывать болѣзнь, не видя ея лично, а единственно слѣдуя рассказамъ прислужницы. Если при такомъ способѣ лѣченія онъ ошибется, ему ставили ошибку въ вину. Ему не дозволяли узнать дѣйствіе лекарства на организмъ больной: если съ одного

¹⁾ А. И., Ц, 82.—Доп., I, 156.

²⁾ Князьб., 184.

пріема болѣзнь не облегчилась — по понятіямъ русскихъ, это значило, что лекарство не поможетъ, медику приказывали давать другое и не дозволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ. Что касается до народа, то вообще онъ не вѣрилъ иноземнымъ врачамъ. Духовенство признавало грѣхомъ лечиться у человѣка не православной вѣры и въ особенности вооружалось противъ медиковъ-евреевъ, такъ что въ XVI вѣкѣ русскій за то, что прибѣгалъ къ пособію еврея, подвергался отлученію отъ церкви. Время, однако, брало свое и въ этомъ отношеніи: при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царѣ столь набожномъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ былъ еврей ¹⁾.

XIII.

Семейные нравы.

Всѣ иностранцы поражались избыткомъ домашняго деспотизма мужа надъ женою. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одно животное влеченіе. Въ Москвѣ, замѣчаетъ одинъ путешественникъ ²⁾, никто не унижится, чтобъ преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею енциамъ. По законамъ приличія, порожденнымъ византійскимъ аскетизмомъ и грубою татарскою ревностью, считалось предосудительнымъ даже вести съ женщиною разговоръ. Вообще женщина считалась существомъ ниже мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нечистымъ; такимъ образомъ женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: полагали, что мясо его не будетъ тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщина считалась недостойною, чтобъ съ нею виѣсть ѣсть.

Въ одномъ старинномъ поученіи такъ отзываются о прекрасномъ полѣ: «Что есть жена? Сѣтъ утворена прельщающи чловѣки во властехъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо узавивши визложи, тѣмже въ доброты женстѣй мнози прельщуются и отъ того любы яко огнь возгарается... Что есть жена? Святнымъ обложница, покоище змигно, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, подиѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская» ³⁾. Русская женщина была постоянною невольницею съ дѣтства до гроба. Въ крестьянскомъ быту хотя она находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ работъ, хотя на нее, какъ на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднѣе, но по крайней мѣрѣ не держали взаперти. У козаковъ женщины пользовались сравнительно большею свободою: жены козаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы ⁴⁾. У знатныхъ и зажиточныхъ людей Московскаго Государства женскій полъ находился взаперти, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ. Дѣвицы содержали

¹⁾ А. И., III, 289, 390, 474.—Доп., II, 179, 242. V, 401—Jenkins., 361.—Fletch., 247—268.—Ювій, 45, 51.—Колл., 22.—Crull., 146.—Olear., 201, 215, 217.—Herberst., 39.—Petr., 314.—Врем., I. Домостр., 40.

²⁾ Mejerb., 145.

³⁾ Пор. Собр. Публ. Библ., Рук. № 1298.

⁴⁾ А. И., III, 43.

въ уединеніи, укрывая отъ человѣческихъ взоровъ; до замужества мужчина долженъ быть имъ совершенно неизвѣстенъ; не въ правахъ народа было, чтобъ юноша высказалъ дѣвухѣ свои чувства или испрашивалъ лично ея согласія на бракъ. Самые благочестивые люди были того мнѣнія, что родителямъ слѣдуетъ бить почаще дѣвицъ, чтобы онѣ не утратили своего дѣвства. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала дѣвица, тѣмъ болѣе строгости ожидало ее: царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ; погребенныя въ своихъ теремахъ, не смѣя показываться на свѣтъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти замужъ, онѣ, по выраженію Кошкина, день и ночь всегда въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами. При отдачѣ замужъ дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ, не видѣла своего жениха до замужества, когда ее передавали въ новое рабство. Сдѣлавшись женою, она не смѣла никуда выйти изъ дома безъ позволенія мужа, даже, если шла въ церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободнаго знакомства по сердцу и праву, а если дозволялось нѣкотораго рода обращеніе съ тѣми, съ кѣмъ мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставленія и замѣчанія: чтѣ говорить, о чемъ умолчать, чтѣ спросить, чего не слышать. Въ домашнемъ быту часто ей не давали права хозяйства, какъ уже сказано. Ревнивый мужъ приставлялъ къ ней шпионовъ изъ служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая поддѣлаться въ милость господину, нерѣдко перетолковывали ему въ другую сторону каждый шагъ своей госпожи. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, неотступныя стражи слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и обо всемъ передавали мужу. Очень часто случалось, что мужъ на разговоръ любимаго холопа или женщины билъ свою жену изъ одного только подозрѣнія. Даже и тогда, когда мужъ поручалъ женѣ смотрѣть за хозяйствомъ, она была не болѣе, какъ ключница: не смѣла ни послать чего-нибудь въ подарокъ другнѣ, ни принять отъ другого, не смѣла даже сама безъ позволенія мужа сѣсть или выпить. Рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать въ послѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскія дѣтей подъ властью отца семейства. Обращеніе мужьевъ съ женами было таково: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены и называемая *дуракъ*; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ до-нага, привязывалъ веревками и сбѣлъ дуракомъ до крови — это называлось учить жену; у иныхъ мужьевъ вмѣсто плети играли ту же роль розги, и жену сбѣли, какъ маленькаго ребенка, а у другихъ, напротивъ, дубина—и жену били, какъ скотину. Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вѣнялось мужу въ нравственную обязанность. Кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ домъ свой не строитъ и о своей душѣ не радитъ, и самъ погубленъ будетъ и въ семь вѣщѣ и въ будущемъ, и домъ свой погубить. Домострой челоуѣколюбиво совѣтуетъ не бить жены кулакомъ по лицу, по глазамъ, не бить ее вообще желѣзнымъ или деревяннымъ орудіемъ, чтобъ не изувѣчить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; онъ находитъ, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповѣдовалось православною церковью, и самими царямъ, при вѣнчаніи, митрополиты и патріархи

читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое влачить суждено было имъ отъ пеленокъ до могилы, женщины не имѣли понятій о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобъ мужья ихъ били, и даже самые побои считали признакомъ любви. Иностранцы рассказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ, переходившій изъ устъ въ уста въ различныхъ вариацияхъ. Какой-то итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «За что ты меня не любишь?»—«Я люблю тебя», сказалъ мужъ и поцѣловалъ ее.—«Ты ничѣмъ не доказалъ мнѣ этого», сказала жена.—«Чѣмъ же тебѣ доказать?» спрашивалъ онъ.—Жена отвѣчала: «ты меня ни разу не билъ».—«Я этого не зналъ,—говорилъ мужъ,—но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ». Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она послѣ того нѣсколько времени пролежала въ постели, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она послѣ того черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти; мужъ не зналъ, что у русскихъ побои значатъ любовь и хотѣлъ доказать, что любить сильнѣе, чѣмъ всѣ русскіе; онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ. Женщины говорили: «кто кого любитъ, тотъ того лупить, коли мужъ не бьетъ, значитъ не любить»; пословицы эти и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, такъ же, какъ и слѣдующая: «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ на волѣ», показывающая, что неволя считалась принадлежностью женскаго существа. Иногда родители жены при отдачѣ ея замужъ заключали письменный договоръ съ зятемъ, чтобъ онъ не билъ жены. Разумѣется, это исполнялось неточно. Положеніе жены всегда было хуже, когда у нея не было дѣтей, но оно дѣлалось въ высшей степени ужасно, когда мужъ, соскучивъ ею, заводилъ себѣ на сторонѣ любовную. Тутъ не было конца придиркамъ, потасовкамъ, побоямъ; нерѣдко въ такомъ случаѣ мужъ заколачивалъ жену до смерти и оставался безъ наказанія, потому что жена умирала медленно и, слѣдовательно, нельзя было сказать, что убилъ ее онъ, а бить ее, хотя по десяти разъ на день, не считалось дурнымъ дѣломъ. Случалось, что мужъ такимъ образомъ приневоливалъ ее вступить въ монастырь, какъ свидѣтельствуется народная пѣсня, гдѣ изображается такого рода насиліе. Несчастливая, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное самозаключеніе, тѣмъ болѣе, что и въ монастырѣ ей было больше свободы, чѣмъ у дурного мужа. Если бы жена заупрямилась, мужъ, чтобъ разлучиться съ немилую-постылою, нанималъ двухъ-трехъ негодяевъ джесвидѣтелей, которые обвиняли ее въ прелюбодѣяннн; находилъ за деньги и такой, что бралъ на себя роль прелюбодѣя: тогда жену насильно запирали въ монастырь ¹⁾.

Не всегда, однако, жены безропотно и безответно сносили суровое обра-

¹⁾ Врем., I. Домостр., 29, 68.—Доп., I, 54.—Павл. Iов., 51.—Fletch., 246.—Olear., 217.—Petr., 324.—Mejerb., 145.—Carlisle, 341.—Crull., 160, 162.—Strauss, 203.—Herberst., 34.

женіе мужевъ и не всегда оно оставалось безъ наказанія. Иная жена, бойкая отъ природы, возражала мужу на его побой бранью, часто неприличнаго содержанія. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужевъ, и за это ихъ закапывали живыхъ въ землю, оставляя наружу голову, и оставляли въ такомъ положеніи до смерти; имъ не давали ѣсть и пить, и сторожа стояли при нихъ, не допуская, чтобъ кто-нибудь изъ состраданія не покормилъ такую преступницу. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ для осужденной или на свѣчи для умиловленія Божія гнѣва къ ея грѣшной душѣ¹⁾. Впрочемъ, случалось, что имъ оставляли жизнь, но замѣняли смерть вѣчнымъ жестокимъ заточеніемъ. Двухъ такихъ преступницъ за отравленіе мужевъ держали трое сутокъ по шею въ землѣ, но такъ какъ онѣ попросились въ монастырь, то ихъ откопали и отдали въ монастырь, приказавъ держать ихъ порознь въ уединеніи и въ кандалахъ. Другія жены мстили за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена передъ мужемъ, но точно такъ же были мужья безгласны передъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу царскаго дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы рассказываютъ замѣчательное событіе: жена одного боярина, по злобѣ къ мужу, который ее билъ, доводила, что онъ умѣетъ лечить подагру, которою царь тогда страдалъ, и хотя бояринъ увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и обѣщали смертную казнь, если онъ не сыщетъ лекарства для государя. Тотъ въ отчаяніи нарвалъ какихъ попало травъ и сдѣлалъ изъ нихъ царю ванну; случайно царю послѣ того стало легче, и лекаря еще разъ высѣкли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое униженіе женщины отомщали обычнымъ своимъ способомъ: тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому, чтобъ положить мужа подъ лавку, какъ выражались въ тотъ вѣкъ. Такъ и быть должно. По свойству человѣческой природы, рабство всегда рождаетъ обманъ и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчинѣ.

Иностранцы единогласно говорятъ, что русская женщина не была неприступна и для нихъ, несмотря на всеобщее омерзѣніе, внушаемое нехристями, къ которымъ въ Россіи причисляли всѣхъ вообще неправославныхъ. На эти случаи у женщинъ образовались свои собственные догматы. «Женщинѣ соблудить съ иностранцемъ», говорили онѣ: «простительно; дитя отъ иностранца родится—крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе: некрещеная вѣра множитса».

У зажиточныхъ домовитыхъ людей все было такъ устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчинѣ съ ихъ женами; однако примѣры измѣнъ такихъ женъ своимъ мужьямъ были нерѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ жена проводила время съ служанками, а отъ скуки вела съ ними, какъ говорилось, пушторшныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпныя и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговковъ, гадальщицъ и въ томъ числѣ такихъ женщинъ, которыя назывались «потворенныя бабы», то-есть, *что молодая жена съ чу-*

1) De Bruyns, 20.

жыми мужи сваживаютъ. Эти соблазнительницы вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно вѣдрались въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно, даже набожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напимѣръ: на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, куда ходили съ ведрами, на рынкахъ и т. п. Заводили знакомство съ служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожь; такая искусница, коль скоро вотрется въ домъ, непременно надѣлаетъ тамъ какой-нибудь бѣды: или самой госпожу соблазнить, или же дѣвку-служанку подманить обокрасть госпожу и бѣжать съ любовникомъ, съ которымъ нерѣдко вмѣстѣ ограбятъ ее и даже утопятъ. Вотъ такого рода женщины были пособницами волокитъ, и случалось такъ, что разомъ одна тайно служила мужу отъ жены, а женѣ отъ мужа.

Хотя блудодѣяніе и преслѣдовалось строго нравственными повятіями и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, но русскіе мужичины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кромѣ женъ, имѣли у себя любовницъ, которыхъ доставляли имъ потворенныя бабы, да сверхъ того не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ своемъ домѣ, часто насильно. По извѣстіямъ одного англичанина, одинъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича завелъ у себя цѣлый гаремъ любовницъ, и такъ какъ его жена была этимъ недовольна, то онъ почелъ лучшимъ отравить ее ¹⁾. Вообще же мужичинѣ и не вѣнялся развратъ въ такое преступленіе, какъ женщинѣ. Многие, чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напимѣръ, снимали съ себя крестъ и занавѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Въ простонародѣ развратъ принималъ наглые формы. Патриархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и предоставляли имъ право имѣть съ ними сожительство, какъ будто вмѣсто процентовъ за полученную сумму. Если же мужъ не выкупалъ жены въ означенный срокъ, заимодавецъ продавалъ ее для блуда кому-нибудь другому, другой — третьему, и такъ женщина переходила изъ рукъ въ руки. Другіе, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерью и дочерью ²⁾. Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда, напимѣръ, голыя выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и закликали къ себѣ охотниковъ. Олеарій рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородѣ во время стеченія народа по случаю богомолья пьяная баба, выходя изъ кружала, упала на улицѣ въ непристойномъ положеніи. Вдругъ идетъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, бросился на нее, какъ звѣрь, но упалъ безъ чувствъ, потому что и самъ былъ мертвецки пьянъ. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали надъ нею ³⁾.

Женщина получала больше уваженія, когда оставалась вдовою и притомъ была матерью. Тогда какъ замуженная не имѣла вовсе личности сама по себѣ,

¹⁾ Колл., 36.

²⁾ С. г. гр., III, 245, 246.

³⁾ Olear., 394.

вдова была полная госпожа и глава семейства. Личность вдовицы охранялась религиозным уваженіемъ. Оскорбить вдовицу считалось величайшимъ грѣхомъ. «Горе обидящему вдовицу», говоритъ одно старое правоученіе: «лучше ему въ дождь свой свергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовицы быть ввержену въ геену огненную» ¹⁾. Впрочемъ, какъ существу слабому, приученному съ дѣтства къ униженію и неволѣ, и тутъ не всегда приходилось ей отдохнуть. Примѣры непочтенія дѣтей къ матерямъ были нерѣдки. Бывало, что сыновья, получивъ наслѣдство послѣ родителя, выгоняли мать свою, и та должна была просить покаянія. Это не всегда преслѣдовалось, какъ видно изъ одного примѣра XVI вѣка, гдѣ выгнанной матери помѣщиковъ царь приказалъ удѣлить на содержание часть изъ помѣстьевъ ея мужа, но сыновьямъ, какъ видно, не было никакого наказанія ²⁾. Иногда же, напротивъ, овдовѣвшая поступала безжалостно съ дѣтьми, выдавала дочерей насильно замужъ, бросала дѣтей на произволъ судьбы и т. п. ³⁾.

Между родителями и дѣтьми господствовалъ духъ рабства, прикрытый ложною святостью патриархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось по нравственнымъ понятіямъ ручательствомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ родителей, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Была и есть на Руси пословица: «отчая клятва иссушить, матерная искоренить». Впрочемъ, отецъ, какъ мужчина, и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ. «Игѣй, чадо»,—поучаетъ отецъ сына:—«отца своего, аки Бога, мать свою, аки самъ себе» ⁴⁾. Несмотря на такіа нравственныя сентенціи, покорность дѣтей была болѣе рабская, чѣмъ дѣтская и власть родителей надъ ними переходила въ слѣпой деспотизмъ, безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнуть былъ ученіемъ православія, тѣмъ суровѣе обращался съ дѣтьми, ибо церковныя понятія предписывали ему быть какъ можно строже: «Накажу отца сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе: учи его ранами бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если смолода не научишь—большого какъ можно научить» ⁵⁾. Слова почитались недостаточными, какъ бы они убѣдительны ни были, нужно учить дѣтей «розгами, да не прииши про нихъ нынѣ отъ человекъ сорома и будущиxъ музъ» ⁶⁾; и общее нравственное правило отцовъ въ отношеніи къ дѣтямъ выражалось въ такой формулѣ, какую передаетъ намъ благочестивый авторъ Домостроя: «Сына ли инаши, не доведъ внити въ юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезломъ биеши его, не укрегъ, но здравъ будетъ, дщерь ли инаши—положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моралистъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. Зато и дѣти, рабобѣныя въ присутствіи родителей, съ дѣтства приучались насмѣхаться надъ ними вѣстѣ съ сверстниками изъ слугъ, представленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи, говоритъ одинъ иностранецъ

¹⁾ Публ. Библи. Погод. Собр., 1813.

²⁾ Доп., I, 110.

³⁾ Доп., I, 116.

⁴⁾ Пор. Собр. рук. П. Б., 1772.

⁵⁾ Рум. Муз. Сборн., 359.

⁶⁾ Пор. Собр., № 1024.

нець, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью ¹⁾). Грубыя привычки усвоивались ими съ малолѣтства и сопровождали ихъ до старости. «Лучше, говорить одинъ русскій моралистъ, имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходить—молоко принесть; дочь по селищу ходить—стыдъ принесть отцу своему» ²⁾).

XIV.

Порядокъ домоправленія.

При маломъ развитіи городской ремесленности и мелочной торговли дворъ зажиточнаго человѣка, не только въ его вотчинѣ, но и построенный въ самой Москвѣ, представлялъ подобіе цѣлаго города: тамъ производились всевозможнѣйшія работы, нужныя для домашняго обихода; тамъ ткали холсты, шили бѣлье, сапоги, платье, дѣлали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотомъ и шелками. Все нужное для дома обыкновенно покупалось оптомъ. Поставы матерій и суконъ накапливались въ господскихъ сундукахъ, такъ что доставало на много лѣтъ, на цѣлую жизнь и передавалось дѣтямъ. У расчетливаго хозяина всегда былъ огромный запасъ разнаго съѣстнаго: хлѣба, соленаго мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и проч. Благоразумный человѣкъ не только ничего не покупалъ врознь, но иногда еще и продавалъ изъ остатковъ. Только незначительные и бѣдные люди питались съ рынка и зато платили въ три раза дороже, чѣмъ богачи, покупавшіе все нужное оптомъ ³⁾).

Когда у хозяина рождалась дочь, онъ для нея дѣлалъ особый сундучокъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущество въ счетъ будущаго приданаго, и въ то же время возвращали на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ ея смерти до замужества надѣлокъ обращался на поминованіе души усопшей. Такимъ образомъ съ самаго рожденія члена семейства приготавливали ему запасъ на жизнь.

Все въ такомъ домѣ носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣми остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходящій долженъ былъ, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!» и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ: аминь». По нравственнымъ понятіямъ вѣка, честный человѣкъ долженъ былъ стараться, чтобы никто того не слышалъ, не видалъ, чтó у него дѣлается во дворѣ, и самъ не пытался узнавать, какъ живутъ въ чужихъ дворахъ. Все въ домѣ и кладовыхъ хранилось подъ замками. Многое извѣстно было одному только хозяину, какъ, наприжѣръ, деньги, которыя почитались драгоценнѣе вещей; такъ что многіе держали ихъ не иначе, какъ зарытыми въ землѣ, а иные отдавали на сохраненіе въ монастыри, чтó называлось поклажею. Обиліе домовитаго двора и разобщеніе домашней жизни съ

¹⁾ La Relig. des Moscov., 87.

²⁾ Сборн. Рум. Муз., 359.

³⁾ Доп., I, 76.

внѣшностью совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ ними не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вмѣстѣ, или старшій дядя ихъ отдавалъ ту часть, какая слѣдовала членамъ многочисленнаго семейства; тогда отдѣлялись другія семьи и образовывали новые дворы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи этотъ обычай наблюдался въ большемъ размѣрѣ и строже въ своемъ основаніи, въ другихъ слабѣе, такъ что наслѣдники спѣшили дѣлиться и основывать новыя семьи. Въ новгородскихъ областяхъ дѣти обыкновенно дѣлились отповскимъ имуществомъ, но оставляли одну часть общую для всѣхъ ¹⁾. Обычай жить вмѣстѣ съ родственниками наблюдался болѣе или менѣе во всѣхъ сословіяхъ, — менѣе у знатныхъ людей, имѣвшихъ способы дѣлиться скорѣе. У иныхъ родственники, жившіе при дворѣ, входили въ уровень съ прислугой. Такъ, напримѣръ, одинъ гость въ 1696 году, нанимая сторожа, заключалъ съ нимъ условіе, что онъ будетъ ѣсть и пить съ хозяйскими братьями ²⁾. У крестьянъ и у посадскихъ этотъ обычай соблюдался при значительномъ развѣтвленіи рода; тогда, когда связь между родственниками дѣлалась уже слабою, они расходились, а иногда тѣ, которые бѣднѣли и поставляли себя въ обязательное отношеніе къ главнымъ хозяевамъ, нисходили на степень подсосѣдниковъ, приписанныхъ къ семьѣ, но не составляли ея прямыхъ членовъ. Несмотря на то же совокупленіе кровныхъ, обыкновенно мало было ладу въ семьяхъ, и всѣ члены большой семьи нерѣдко жили между собою во враждѣ ³⁾. Зато духъ общинности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивалъ такихъ скуповъ однимъ родствомъ, но соединялъ людей, не имѣвшихъ между собою кровныхъ связей. Такъ былъ примѣръ, что нѣсколько человекъ соглашались и покупали одинъ дворъ, совершивъ купчую на общее имя, и дворъ принадлежалъ не одному лицу, а всѣмъ вмѣстѣ ⁴⁾. Кромѣ родственниковъ, при дворѣ знатнаго господина, имѣвшаго у себя домашнюю церковь, жилъ священникъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы членомъ семьи. Если онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, то жилъ въ особой избѣ и получалъ мѣсячный кормъ, а если былъ монахъ или вдовецъ, то пользовался обѣдомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ ⁵⁾. Сверхъ священника жилъ въ такихъ дворахъ крестовый дякъ домашней церкви, завѣдывавшій ея устройствомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ жили сироты, мальчики и дѣвочки, которыхъ благочестивые отцы семействъ воспитывали и обучали какому-нибудь занятію, а по достиженіи совершеннолѣтія отпускали, что называлось благословлять въ міръ ⁶⁾.

Все это вмѣстѣ уясняетъ систему построекъ старинныхъ дворовъ, заключающихъ въ себѣ по нѣскольку избъ. Но то, что составляло общее достояніе сколько-нибудь зажиточнаго человѣка, это—множество слугъ при дворѣ. Богатые

¹⁾ А. Ю., 53.

²⁾ А., отн. до ю. б., I, 711.

³⁾ La Relig. des Mosc., 87.

⁴⁾ А., отн. до юр. б., I, 462.

⁵⁾ Кош., 119.

⁶⁾ Врем., I. Домостр., 109.

и знатные держали у себя огромное число прислуги мужского и женского пола, иногда число их превышало пятьсотъ, а у важныхъ лицъ доходило даже до тысячи. Господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. Это были или вѣчные холопу проданные, или сами себя продавшіе въ рабство съ потомствомъ, или военно-плѣнные, или кабальные, то-есть такіе, которые, занимая деньги, обязывались служить вмѣсто платежа процентовъ, или отданные въ кабалу по суду за неплатежъ долга, или наконецъ бѣглецы люди, то-есть посадскіе, убѣжавшіе отъ тягла, служилые, бѣжавшіе изъ службы, и наконецъ чужіе холопы и крестьяне, перебѣжавшіе отъ одного господина къ другому.

Всякій господинъ старался населить свой дворъ преимущественно мастеровыми и вообще умѣлыми людьми. По ихъ занятіямъ и свѣдѣніямъ давались имъ должности. То были повара, приспѣшники, хлѣбники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и проч. ¹⁾. У знатныхъ господъ были люди, вооруженные луками, стрѣлами и самопалами, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ, въ татарскихъ шапкахъ: они исполняли должность тѣлохранителей. Но кромѣ дѣловыхъ людей, были еще толпы слугъ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій и въ самомъ дѣлѣ ничего не дѣлали. Обыкновенно двое изъ слугъ были главноначальствующими лицами: ключникъ и дворецкій. Ключникъ былъ главный распорядитель, иногда значившій у господина больше, чѣмъ жена и родня, жившая въ дворѣ. Не занимаясь хозяйствомъ, господинъ отдавалъ ключнику на руки все домоуправленіе. Онъ былъ приходорасходчикъ, завѣдывалъ кѣстями и всѣми строевіями, держалъ у себя повѣренные ему ключи и отъ этого получалъ наименованіе своего званія. Господинъ выдавалъ ему содержаніе иногда за недѣлю, а иногда за мѣсяцъ впередъ. По окончаніи срока господинъ повѣрялъ его, при повѣркѣ вычиталъ то, что ему слѣдовало на проѣсть, и сверхъ того дарилъ за службу. Другое начальственное лицо изъ двора—дворецкій, завѣдывалъ вообще всѣми дворовыми людьми, доносилъ обо всемъ случившемся въ дворѣ господину, разбиралъ разные случаи спора между слугами, наказывалъ ихъ по приказанію господина. Нѣкоторые изъ слугъ приобретали особенную довѣренность и благосклонность господина; увѣрившись, что на нихъ можно положиться, онъ отправлялъ своихъ холоповъ для управленія вотчинами, дѣлалъ имъ порученія по торговлѣ или по хозяйству. Прислуга женскаго пола находилась подъ управленіемъ хозяйки, если мужъ довѣрялъ ей; въ противномъ случаѣ ею завѣдывала какая-нибудь изъ женщинъ, обыкновенно жена ключника. Одна изъ прислужницъ была приближенная къ госпожѣ и называлась ея постельницею. Кормилицы и няньки дѣтей были большею частью изъ прислуги и пользовались предъ другими особеннымъ почетомъ. Однѣ изъ служанокъ—обыкновенно дѣвцы—занимались исключительно вышиваньями вмѣстѣ съ госпожою и другими особами хозяйскаго семейства женскаго пола, другія—обыкновенно замужнія—исправляли черныя работы, топили нечи, мыли бѣлье и платье, пекли хлѣбы, готовили разные запасы, третьимъ отдавалась на уроки пряжа и тканье. У лицъ, жившихъ нераздѣльно съ хозяиномъ, прислуга была общая. Въ распорядкѣ домашняго быта у домохозяевъ соблюдались такіе же обычаи, какъ въ царской придворной жизни: главный хозяинъ въ своемъ дворѣ игралъ роль государя, и въ самомъ дѣлѣ назывался государемъ: слово это означало домо-

¹⁾ А. И., II, 176.—Вор. Акты, I, 145.—Petr., 313.

владыку, другіе члены семейства находились у него въ такомъ же отношеніи, какъ родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя,—и потому-то всѣ, служащіе царю, начиная отъ бояръ до послѣднихъ ратныхъ людей, такъ какъ и слуги частнаго домохозяина, назывались холопами. Господинъ, какъ царь, осуждалъ себя церемоніями; напримѣръ, когда онъ ложился спать, то одинъ изъ слугъ стоялъ у дверей комнаты и охранялъ его особу. Господинъ награждалъ слугъ и оказывалъ имъ свое благоволеніе точно такъ же, какъ поступалъ царь съ своими служилыми: жаловалъ имъ шубы и кафтаны съ своего плеча, или лошадей и скотину, посылалъ имъ отъ своего стола подачу, что означало милость. То же дѣлала госпожа съ женщинами: одѣтъ примолвляла, т.-е. награждала ласковыми словами, другихъ дарила или посылала имъ подачу съ своего стола. При дворѣ частныхъ домохозяевъ, какъ и при дворѣ царскомъ, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слугъ большимъ количествомъ пищи. При огромномъ количествѣ слугъ въ дворѣ богатаго господина существовали приказы, такіе точно, какъ въ царскомъ управленіи государствомъ, подъ главнымъ контролемъ ключника и дворецкаго, какъ сказано выше. Прислуга вообще раздѣлялась, какъ служилые царскіе люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшіе къ большей статьѣ получали большее содержаніе; нѣкоторые получали, сверхъ одежды, денежное жалованье отъ двухъ до десяти рублей въ годъ, другіе же одежду, нѣкоторые одно содержаніе. Домострой советуетъ, чтобъ слуги по возможности были сыты государскимъ жалованьемъ и одѣты своимъ рукодѣльемъ. Такимъ образомъ имъ давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для приобрѣтенія себѣ одежды. Вообще слуги у русскихъ господъ ходили въ изорванныхъ одеждахъ, но когда нужно было показаться предъ гостями, имъ выдавалось платье, лежавшее въ клѣткахъ; ключникъ, по приказу господъ, выдавалъ имъ его, а они впоследствии обязаны были воротить все въ цѣлости, въ противномъ случаѣ подвергались побоямъ. Въ этомъ отношеніи въ господскихъ домахъ дѣлалось то же, какъ въ царскомъ дворѣ, гдѣ въ важное время приѣма иноземныхъ пословъ служилымъ людямъ выдавалось платье и потомъ отбиралось.

Женатые служилые жили отдѣльно въ избахъ; нѣсколько семей помѣщались въ одной и получали на содержаніе мѣсячину; холостые и дѣвки обыкновенно жили при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сарагахъ, въ людскихъ избахъ, для того построенныхъ; дѣвушки, занимавшіяся вышиваньемъ, спали въ сѣняхъ и отъ этого назывались *спынными*. Господа соединяли парней и дѣвушекъ бракомъ, часто противъ ихъ желанія, и праздновали ихъ свадьбы у себя въ домѣ: это доставляло для господъ развлеченіе въ однообразной ихъ жизни.

Содержать хорошо слугъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ милостыней. Въ нашихъ старыхъ книгахъ благочестиваго содержанія были правозушенія такого рода: *имѣйте рабы свои, аки братію и рабами аки сестры свои, яко и тѣ стѣмя адамле есть* ¹⁾. По большей части прислуга содержалась дурно, даже и тамъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ благія намѣренія въ отношеніи своей дворни: потому что ключники и дворецкіе, выбранные господиною изъ нихъ же, завѣдуя ихъ содержаніемъ, старались половину положить въ свой карманъ. Во многихъ боярскихъ домахъ многочисленную дворню кормили дурно испе-

¹⁾ Румянц. Сборн., 359.

ченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мясо рѣдко они видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Голодные и оборванные, и при этомъ ничѣмъ не занятые, они шатались по городу, братались съ нищими, просили милостыни и часто по ночамъ нападали на прохожихъ съ топорами и ножами, или запускали въ голову имъ кистени, производили пожары, чтобъ во время суматохи расхищать чужое достояніе. Господа смотрѣли на такіе поступки своихъ рабовъ сквозь пальцы ¹⁾.

Вообще господа обращались съ своими слугами деспотически и охотнѣе слѣдовали такимъ пастырскимъ правоученіямъ, какъ, напр., *«аще мѣ рабъ или рабыни тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ то плети намъ не щади»* ²⁾, чѣмъ такимъ, гдѣ заповѣдовалось господамъ считать рабовъ за братьевъ. Нерѣдко случалось, что господинъ насилывалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, растлѣвалъ дѣвицъ: случалось, что убивалъ до смерти людей изъ своей дворни,—все ему сходило съ рукъ ³⁾. Самые слуги не имѣли понятія, чтобъ могло быть иначе и не оскорблялись побоями и увѣчьями: за всякимъ тычкомъ не угоняешься, гласитъ пословица; рабу все равно было, справедливо ли или несправедливо его били: господинъ същелъ вину, коли захочетъ ударить,—говорили они. Тѣ слуги, которые не составляли достоянія господъ, конии присуждены были къ работѣ за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами отъ безусловной воли господъ, но даже подвергались болѣе другихъ побоямъ и всякаго рода стѣсненіямъ ⁴⁾. У русскихъ было понятіе, что служить слѣдуетъ хорошо тогда только, когда къ этому побуждаетъ страхъ,—понятіе общее у всѣхъ классовъ, ибо и знатный господинъ служилъ вѣрою и правдою царю, потому что боялся побоевъ; нравственное убѣжденіе вымыслило пословицу: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Самые милосердые господа должны были прибѣгать къ палкамъ, чтобъ заставить слугъ хорошо исправлять ихъ обязанности: безъ того слуги стали бы служить скверно ⁵⁾. Произволь господина удерживался только тѣмъ, что слуги могли отъ него разбѣжаться, притомъ обокравши его, и другіе не пойдутъ къ нему въ кабалу. Напротивъ, господинъ славился тѣмъ, что хорошо кормилъ слугъ. Русскіе не цѣнили свободы и охотно шли въ холопы. Въ XVII вѣкѣ иные отдавали себя рубля за три на цѣлую жизнь. Получивъ деньги, новый холопъ обыкновенно пропивалъ ихъ и проматывалъ, и потомъ оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ. Иногда же бравшіе деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дѣти жили въ неволѣ за родителей. Были и такіе, которые поступали въ холопы насильно: еще до воспрещенія перехода крестьянамъ, помѣщикъ нерѣдко обращалъ ихъ въ холопы. Въ XVII вѣкѣ служилые люди торговали самымъ возмутительнымъ образомъ женскимъ поломъ въ Сибири. Они насильно брали безпомощныхъ сиротъ дѣвицъ, иногда сманивали у своихъ товарищей женъ, дѣлали на нихъ фальшавые крѣпостные

¹⁾ Mejerb., 139.—Str., 197, 199.

²⁾ Пог. Собр., 1228.

³⁾ А., отн. до юр. быта, I, 558.

⁴⁾ Колл., 34.

⁵⁾ Барбер., 32.—Olear., 797.—Strauss, 194.

акты и потомъ передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Толпы слугъ вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многіе изъ дневного пропитанія отдавали себя навѣки въ рабство, а во время войнъ дворяне и дѣти боярскіе, убѣгая отъ военной службы, записывались въ холопы, а тѣ, которые возвращались съ войны, приводили домой военно-плѣнныхъ, которыхъ обращали въ рабство: такимъ образомъ въ классѣ холоповъ было много поляковъ и литовцевъ; ихъ заставляли насильно принимать православіе и насильно женили или выдавали замужъ. Правительство въ XVII вѣкѣ хотѣло оградить военноплѣнныхъ отъ жестокаго жребія и потому запрещало обращать ихъ въ рабство. Уложеніе предоставляетъ свободу тѣмъ изъ плѣнниковъ, которые сами не пожелаютъ остаться. Рабъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ этого слова, русскій холопъ готовъ былъ на все отважиться, все терпѣть за своего господина и въ то же время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, ихъ люди, встрѣтившись гдѣ-нибудь въ веселомъ мѣстѣ, напр., въ корчмѣ или въ кабацѣ, заводили споры и драки за честь своихъ господъ; это переходило иногда въ большіе размѣры, когда людей у господина было очень много или же крестьяне точно такъ же принимали участіе. Люди и крестьяне враждующихъ между собою владѣльцевъ нападали другъ на друга по дорогамъ, дѣлали набѣги за границы, били другъ друга, поджигали, неистовствовали всякими способами ¹⁾. Зато въ то же время толпы рабовъ были зломъ для своихъ господъ; въ домѣ они заводили между собою смуты, драки и убійства, иногда изъ мщенія къ господину доносили на него, обвиняя въ злоумышленіи на царя, и даже выдерживали пытку, которой ихъ предавали. Очень часто холопы обкрадывали господъ и убѣгали; иные молодцы тѣмъ и промышляли, что, давши на себя кабалы, проживали нѣсколько времени у тѣхъ, кому ихъ давали, потомъ обкрадывали своихъ хозяевъ, убѣгали отъ нихъ, приставали такимъ образомъ къ другимъ, къ третьимъ. Правительство приказывало господамъ не принимать никого въ холопы безъ отпускныхъ, но этого приказанія не всѣ слушались; притомъ же многіе молодцы являлись съ нарядными (фальшивыми) отпускными. Нерѣдко тѣмъ дѣло не оканчивалось, что кабалный обкрадетъ хозяина да уйдетъ отъ него; удалцы сталкивались съ подобными себѣ пріятелями, поджигали дома и дворы своихъ господъ, иногда убивали или сожигали ихъ самихъ съ женами и дѣтьми, а потомъ бѣжали на Донъ или на Волгу. Когда помѣщикъ отправлялся на войну и оставлялъ управленіе своего дома старикамъ и женщинамъ—тутъ своеволие дворни не находило предѣловъ; часто, воротившись на родину, помѣщикъ ихъ находилъ весь свой домъ въ разореніи и запустѣніи. Кромѣ множества слугъ, въ господскихъ дворахъ проживали иногда нищѣ, прирѣзаемые изъ милосердія, въ надеждѣ этимъ угодить Богу. Они носили названіе богомольцевъ. Этотъ обычай существовалъ и у царей, у которыхъ жили такъ называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увѣчные воины, потѣшавшіе государя въ часы вечернихъ досуговъ разсказами о приключеніяхъ своей молодости, проведенной въ брани и опасностяхъ ²⁾.

¹⁾ Улож., гл. XI, 134.—А. А. Э., II, 258.—П. С. З., I, 732.

²⁾ Доп., I, 398. III, 138, 318. IV, 246, 261.—П. С. З., I, 360.—Улож., гл. XX.—А. Н., I, 327. II, 176, 220.—А., отн. до юр. б., I, 15, 377, 411, 558, 574, 615.—С. г. гр., III, 240.—Врем., I. Домостр., 15, 52, 83.—Herberst., 34, 54.—Fletch., 28.—Chensl.,

Представленная здѣсь картина домашняго образа жизни была возможна только у зажиточныхъ господъ. Нельзя сказать, чтобы такихъ хозяевъ было много: несмотря на пышность, господствующую въ показной сторонѣ русской жизни и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бѣдная; ея богатства лежали въ землѣ нетронутыя, а тѣ, которыя обращались въ общество, распределялись неблагоприятнымъ для массы народа образомъ. Самые бояре и знатные люди не такъ были богаты, какъ то казалось. Для нихъ не было никакого ручательства противъ произвола. Грозный у многихъ богатыхъ вельможъ отнималъ родовыя имѣнія, чтобы искоренить въ нихъ чувство предковскаго права, и взаимно давалъ помѣстья въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцы не могли уже получать прежнихъ доходовъ ¹⁾. Кромѣ воли царя, для всѣхъ всемогущей, какъ воля неба, всегда существовали обстоятельства неблагоприятныя для упроченія состоянія. Дворяне и дѣти боярскіе безпрестанно жаловались на тяготу службы и разоренія своихъ имѣній. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали въ залогъ свои наряды, чтобы сварядить на войну мужа или сына. Много обѣдѣвшихъ дворянъ, дѣтей убитыхъ на царской службѣ, скитались безъ насущнаго пропитанія. Интересъ казенный или царскій поглощалъ всѣ интересы. Начнетъ ли торговый и промышленный человѣкъ жить съ устроениемъ (съ комфортомъ), на него навязываютъ какую-нибудь разорительную должность вдалекѣ отъ его обычнаго мѣста жительства. Начнетъ ли допускать въ образѣ жизни устроение приказный человѣкъ, — его подозрѣваютъ въ плутовствѣ, запутываютъ въ какое-нибудь дѣло, касающееся интересовъ казны и обираютъ или засылаютъ куда-нибудь на службу, гдѣ онъ прослуживается. Но въ особенности тяжело было состояніе сельскаго крестьянскаго класса. Пять дней работалъ крестьянинъ на господѣ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники ²⁾, и поэтому крестьяне находились въ плачевномъ положеніи, такъ что у многихъ ничего нельзя было сыскать дома, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не послѣдней бѣдности. На сѣверѣ три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселеннаго; если же, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, пять паръ овецъ да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже былъ богачемъ ³⁾. Лѣтомъ крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пилили дѣсь и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явленіе во время неурожаевъ, потому что тогда не принимали никакихъ мѣръ противъ нихъ, а они были часты. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями, государственными и владѣльческими, при случившемся неурожаѣ, они часто умирали съ голода или въ отчаяніи разбѣгались врознь: пустѣли цѣлыя уѣзды. Многіе толпами уходили въ Сибирь. Крестьяне, жившіе у дѣтей боярскихъ и у дворянъ, были особенно обременяемы, и зато, когда господа ихъ уходили на службу, разбѣгались, и, воротившись въ имѣніе со службы, владѣлецъ нерѣдко находилъ его пустымъ.

251.—Оп. Шуи, 391.—А. г. Шуи, 70.—Olear., 197, 207.—Petr., 313.—Mejerb., 166.—Коших., 61.

¹⁾ Fletch., 28.

²⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc.

³⁾ А. А. Э., I, 192.

Отыскиваніе крестьянъ для владѣльцевъ было такъ же затруднительно, какъ и отыскиваніе холоповъ, въ особенности тогда, когда крестьяне приставали къ зватнымъ владѣльцамъ; притомъ же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владѣлецъ не всегда получалъ отъ этого выгоды, часто выходило наоборотъ: крестьяне подговаривали и другихъ къ новому бѣгству и тогда же сожигали владѣльческую усадьбу изъ мщенія. Повсюду ходили такъ называемые бобыли и захребетники, то-есть люди, не имѣвшіе у себя ничего, кромѣ того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне, шатались и посадскіе,—одни подъ именемъ старцевъ изъ монастыря въ монастырь, другіе нищенъ братіемъ, ибо общество, безжалостное къ нуждамъ и скудости семействъ, было милостиво для нищаго, хотя неоднократно случалось, что такая нищая Христова братія сталкивалась съ боярскими холопами и производила пожаръ, чтобъ потомъ грабить и красть въ суматохѣ ¹⁾).

XV.

Выѣздъ изъ дома и путешествіе.

По стариннымъ понятіямъ русскихъ, ходить пѣшкомъ для важнаго человека считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и хотя бы нужно было сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ, бояринъ или значительный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Мужчины по городу ѣздили, лѣтомъ верхомъ, зимою въ саняхъ. Русскія сѣдла дѣлались изъ дерева и сухихъ жигъ; они были низкія, плоскія, стремена короткія; сѣдло клалось на чепракъ, который накладывался на попону и покровецъ. Края попоны или покровца выказывались изъ-подъ чепрака и поэтому красиво убирались; чепракъ украшался различно, смотря по достатку и по случаю выѣзда. Сѣдла чаще всего были обиты сафьяномъ съ золотыми узорами, иногда же бархатомъ; луки позолачивали. Чепракъ покрывался всегда другою матеріею. Узды дѣлались съ серебряными ухватами и съ серебряными оковами на мордѣ лошади и, сверхъ того, снабжались серебряными, иногда позолоченными цѣпочками, издававшими звуки при каждомъ движеніи лошади. Подъ морду лошади подвѣшивались ожерелья, составленныя изъ ремней, унизанныхъ серебряными, у богатыхъ даже золотыми бляхами; ближе къ головѣ лошади эти ожерелья были уже, а къ концу расширялись до двухъ пальцевъ шириною; на ногахъ, сверхъ копытъ, у верховой лошади привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебряныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали дорогу. Бичи дѣлались изъ татарской жимолости (привозимой съ береговъ Волги); ручка ихъ обдѣлывалась мѣдью или моржевою костью. Молодцы, сидя верхомъ, гарцовали и красовались тѣмъ, что, ударяя въ литавры, заставляли лошадей дѣлать внезапный прыжокъ, и при этомъ кольца, цѣпочки и колокольчики на ногахъ лошади издавали звуки.

Зимнія мужскія сани обыкновенно запрягались въ одну лошадь и покры-

¹⁾ А. И., II, 167. IV, 537. V, 120.—Доп., III, 114. IV, 177.

вались медвѣжьей шкурою, называемою медвѣдно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто изъ простого войлока, а иногда суконная съ образцами или нашивками изъ бархата и другой какой-нибудь дорогой матеріи; къ краямъ полсти привѣшивались ремни или свурки другого цвѣта, чѣмъ самая полсть, и обыкновенно одинакаго съ образцами. У знатныхъ самыя сани обивались атласомъ или адаманшюмъ. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидскій или турецкій коверъ; края его свѣшивались назадъ: въ этомъ поставляли щегольство. Вообще, русскія сани были невелики, дѣлались для одного только человѣка, рѣдко для двухъ, но не болѣе; онѣ имѣли часто форму лодки съ краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучеръ — обыкновенно молодой паренъ — сидѣлъ верхомъ на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, невысокую и наклоненную назадъ. Голова лошади убиралась цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣринными хвостами — лисьими, волчьими или собольими. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его становились на тѣхъ же саняхъ два холопа; нѣсколько холоповъ шло по бокамъ, а сзади ѣхалъ мальчикъ-козакъ. Царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣднѣ въ саняхъ, представлявшихъ видъ длиннаго ящика, который служивался къ ногамъ, а съ задней части сдѣланы были уступы, какъ полки въ банѣ; сани были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побракушками и перьями. Два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ, на полозьяхъ и поддерживали полсть. По сторонамъ шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями. Всѣ были безъ шапокъ, и только ближніе бояре держали ихъ въ рукахъ ¹⁾.

Кромѣ обыкновеннаго стариннаго способа ѣздить въ саняхъ на одной лошади, въ XVII вѣкѣ начали ѣздить въ нѣсколько лошадей въ каретахъ и зимою и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники на четырехъ, во время же свадебъ и створовъ на шести. Всѣ прочіе, не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ непременно верхомъ, а зимою въ саняхъ на одной лошади ²⁾. Вообще, ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣйшею ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особливо духовными лицами. Такъ, патриархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патриархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24 іюня. Архіерей обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою: спереди служка несъ посохъ, позади шли служки ³⁾.

Жены и особы женскаго пола семействъ боярскихъ и дворянскихъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ, и зимою. Лѣтніе назывались колымаги, зимніе каптаны. Колымаги дѣлались на высокихъ осяхъ, иногда съ лѣстницами, иногда же вовсе безъ ступеней, какъ лѣтнія, такъ и зимнія. Внутри онѣ обивались красными сукномъ или червчатымъ бархатомъ и закрывались по бокамъ суконными или шелковыми занавѣсами, иногда съ дверцами въ нихъ; въ эти дверцы вставлялись маленькія слюдяныя окна, задернутыя занавѣсками. Боковые занавѣ-

¹⁾ Mejerb., 101, 198.—Барбер., 37, 51.—Olear., 48, 205.—Carlisle, 337.—Jenkins. Nacl., 351.—Врем., XIII, 8.—А. И., II, 72.—Кильб., 32.

²⁾ С. Г. Гр., IV, 395.

³⁾ Доп., II, 215.

ѣсы пристегивались плотно къ краямъ экипажа такъ, чтобъ вѣтеръ никакимъ образомъ не могъ распахнуть ихъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ особъ такіе экипажи были чрезвычайно богаты; напримеръ, у боярина Морозова была карета, ограбленная народомъ во время бунта, снаружи она была обложена золотомъ, обита внутри собольими высококаго достоинства съ окованными серебромъ колесами ¹⁾).

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидѣла въ своей колымагѣ или каптанѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Такую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатныя лица ѣздили и на нѣсколькихъ: тогда лошади припрягались одна къ другой не рядомъ, какъ дѣлается теперь, а гуськомъ, одна спереди другой; постромки между послѣднею и предпослѣднею на край поѣзда были вдвое длиннѣе, чѣмъ между предшествовавшими. Лошадь обѣшивались еще наряднѣе, чѣмъ въ мужскихъ поѣздахъ, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, дѣпочками и круглыми шариками, въ видѣ львиной головки, и покрывались попонами изъ бархата, или объяри, обложенными золотомъ и серебряною бахромою съ кистями по угламъ. Кучеръ или сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, или шелъ пѣшкомъ; вожжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда онѣ привѣшивались; идя возлѣ лошадей, кучеръ помахивалъ арапникомъ изъ заячьей кожи съ набалдашникомъ изъ сайгачьяго рога. По бокамъ шли тридцать или сорокъ холоповъ, называемыхъ скороходами. Въ числѣ ихъ черѣдко находились и такіе, которымъ, по приказанію господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи, и смотрѣть, чтобъ какъ-нибудь ея взоры чрезъ приподнятую занавѣску не встрѣтились со взорами молодыхъ людей, способныхъ, при случаѣ, на всякую наглость. Если, такимъ образомъ, проѣзжалась сама царица, то экипажъ ея везли двѣнадцать лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали ее придворныя рабочія женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадяхъ верхомъ по-мужски. Обычай женщинъ садиться верхомъ на лошадь по-мужски былъ встарину въ среднемъ классѣ народа, но сталъ выходить въ XVII вѣкѣ ²⁾).

Лошади въ Москвѣ были въ употребленіи татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани и ея окрестностей каждагодно. Онѣ не отличались ни красотой, ни статностью, напротивъ, были даже дурны собою, узкобрюхія, съ тяжелой головой, съ короткой шеєю, зато очень крѣпкія, бѣжали скоро и сносили всякій трудъ. Но такъ какъ эти достоинства годились не столько для городской ѣзды, сколько для дорожной, то у богатыхъ были лошади персидскія и арабскія, очень красивыя, хотя, по замѣчанію иностранцевъ, дурно выѣзженныя. Русскіе щеголяли особенно бѣлыми лошадьми. У зажиточныхъ хозяевъ во дворахъ было всегда много лошадей разныхъ разрядовъ: однѣ были исключительно верховыя; другія запрягались въ сани и назывались санники; третьи носили имя колымажныхъ, потому что закладывались только въ лѣтніе экипажи; четвертыя служили для носылокъ и разѣздовъ ³⁾).

Въ дорогу отправлялись зимою въ саняхъ; женщины въ закрытыхъ каптангахъ; обыкновенно сани везли двѣ лошади. Протяженія измѣрялись верстами:

¹⁾ Olear., 255.—Кошх., 14.—Das Gr. Reich, v. Mosc., 208.

²⁾ Барбер., 50.—Olear., 215, 217, 255.—Petr., 307.—Кошх., 26.—Кильб., 13.—Доп., IV, 103.

³⁾ Кошх., 65.—Olear., 28.—Mejerb., 101.

въ верстѣ считалось тысяча сажень; но въ XVII вѣкѣ возникла новая верста въ 700 сажень; кромѣ того, существовала приблизительная мѣра днящами, употребительная въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи. Русскія дорожныя сани были четверугольной формы, напоминавшія собою гробъ, назади шире, напередѣ уже. Ихъ дѣлали по большей части изъ древесной коры или дубя и предпочитали деревяннымъ по легкости. Собственно мужскія сани были не широки и очень длинны, такъ что можно было лечь въ нихъ свободно человѣку, а иногда и двумъ рядомъ. Сзади ихъ обивали рогожею, на бокахъ кожей и закрывали сверху мѣхомъ. Отправляясь въ дорогу, русскій одѣвался какъ можно теплѣе и сверху набрасывалъ епанчу, въ предохраненіе отъ снѣга и дождя; на головѣ у него была шапка, покрытая и подбитая мѣхомъ, на рукахъ теплыя рукавицы, на ногахъ мѣховыя ноговицы, а за пазухой на цѣпочкѣ или на ремнѣ скляница съ виномъ; сверху онъ укрывался медвѣдиномъ или медвѣжьимъ шкурою. Путешественникъ вылѣзалъ изъ своей берлоги одинъ разъ въ сутки поѣсть. Запасы хранились въ тебенъяхъ. Женскія дорожныя сани были такой же формы, снабжались по сторонамъ жердями, постановленными перпендикулярно со всѣхъ сторонъ по краямъ, на нихъ навѣшивалось сукно; сани закрывались имъ сверху и съ боковъ и только на одной сторонѣ оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женскія дѣлались гораздо шире мужскихъ, такъ что въ нихъ можно было сидѣть и лежать двумъ или тремъ женщинамъ вмѣстѣ, потому что госпожа не ѣздила безъ прислужницъ.

Зимній путь считался удобнѣе и легче лѣтняго, и всѣ иностранцы отдавали честь скорой ѣздѣ зимою. Только съ начала зимы встрѣчались неудобства, когда пролагались вновь зимнія дороги; разъ проложенная тропа оставалась въ первоначальномъ видѣ на всю зиму. Если мужику случалось проѣхать въ началѣ зимы и онъ выбиралъ непрямую дорогу — колея эта не измѣнялась, потому что искать новыхъ путей по сугробамъ было опасно. При ѣздѣ на ямскихъ упряжкахъ были очень велики: наприимѣръ, шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ и болѣе; однако, русскіе ямщики бѣжали безъ отдыха, особенно когда возили царскихъ гонцовъ. Чтобъ частному человѣку ѣхать на ямскихъ, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожныя встарину наводили страхъ. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали въ дудочки, давая этимъ знать, чтобъ всѣ встрѣчные сворачивали съ дороги, а опоздавшимъ отвѣчивали по спинамъ удары кнутомъ. Проѣхавши каждую версту, ямщикъ давалъ объ этомъ знать пронзительнымъ крикомъ: верста! Подѣзжая къ яму, начиналъ ямщикъ свистать сквозь зубы и этимъ подавалъ знакъ; услыша сигналъ, въ яму начиналась бѣготня: одни выводили лошадей, другіе несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двухъ рублей за 350 верстъ. Что касается до частныхъ лицъ, если они не имѣли протекціи для того, чтобъ приобрести подорожную, то должны были нанимать частныхъ ямщиковъ, которыхъ вездѣ было много; но тогда ѣзда обходилась дороже.

Лѣтомъ ѣзда была несравненно хуже, ибо русскія дороги представляли во все лѣто не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о веснѣ, во время водоразлитія, когда цѣлыя села казались плавающими. Починка дорогъ возлагалась на жителей по сошному дѣленію, подъ надзоромъ руководителей, называемыхъ вожами, при выборныхъ цѣловальникахъ, — они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исполнялись очень

небрежно и дороги были до крайности дурны. Проѣзжіе лѣтомъ старались избѣгать сухопутныхъ повѣдокъ и чрезвычайно мало ѣздили, особенно съ женщинами; самые ящики лѣтомъ пренебрегали своими обязанностями, и проѣзжіи, достигавшіи яма, могъ дожидаться нѣсколько часовъ, пока соберутъ ящиковъ и приведутъ лошадей изъ табуна или съ полевыхъ работъ. У кого не было своего лѣтнаго экипажа, тому давался возъ, покрытый рогожю; коверъ и подушку проѣзжающій долженъ былъ везти съ собою. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ охотнѣе и чаще ѣздили по рѣкамъ на судахъ, которыя можно было найти съ гребцами вездѣ, гдѣ дорога прилежала къ рѣкѣ; съ казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно такъ же, какъ ящиками и ихъ лошадьми. Величина струговъ и количество гребцовъ на нихъ соразбрядилъ съ шириною рѣки и протяженіемъ пути отъ одной пристани до другой. Струги, на которыхъ усаживалось много пассажировъ, напр., чelовѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, дѣлались широкіе, съ одной мачтой и обыкновенно съ шестнадцатью веслами; подъ палубой устраивались кѣтки и перегородки для пассажировъ и ихъ багажа. Къ мачтѣ привязывался огромный холщевой парусъ, распускаемый во время попутнаго вѣтра. Вмѣсто руля употреблялся длинный и широкій шестъ, опущенный въ воду; другой его конецъ прикрѣплялся къ шесту, который утверждался неподвижно на стругѣ. Рулевой шестъ имѣлъ при своемъ окончаніи двѣ рукоятки; когда нужно было поворотить стругъ, кормщикъ дѣйствовалъ посредствомъ веревокъ, которыя обвязывались около этихъ рукоятокъ ¹⁾). На волокахъ, то-есть на переѣздахъ отъ одной рѣки до другой, стояли наготовѣ ящики, для найма проѣзжающимъ и для возки тяжестей.

Величайшее неудобство русскихъ дорогъ, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, было отсутствіе гостинницъ и всякаго рода пристанищъ для путешественниковъ. Правда, кое-гдѣ при монастыряхъ существовали гостинницы, служившія иногда облегченіемъ для путешественника, но не могли входить въ условія повсемѣстныхъ дорожныхъ удобствъ. Зимю останавливались въ крестьянскихъ избахъ большею частью курныхъ, гдѣ нестерпимый жаръ и вонь приводили въ трепетъ иностранцевъ, но мало беспокоили русскую натуру. Лѣтомъ не заходили въ строенія вовсе и готовили себѣ пищу на воздухѣ. Какъ зимю, такъ и лѣтомъ проѣзжіи брали съ собою большой запасъ хлѣба, сушеного мяса, рыбы, сала, меду, а другіе припасы набиралъ отъ города до города ²⁾).

XVI.

Пріемъ гостей.—Обращеніе.

Въ пріемѣ гостей русскіе наблюдали тонкія различія сословныхъ отношеній. Лица высшаго званія подъѣзжали прямо къ крыльцу дома, другіе въѣзжали

¹⁾ De Bruyns, 76.

²⁾ А. И., II, 25. III, 107, 210. IV, 365. — А. А. Э., I, 431. — Доп., III, 99, 103. IV, 13. — С. Г. Гр., II, 61. — Врем., XIII. Расх. вн. Никона. — Русск. Вѣстн., 1861, IX, 606. — Барбер., 38. — Petr., 283, 312, 319. — Olear., 152. — Borrow., 309. — Crull., 154. — De Bruyns, 19.

на дворъ. но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ, которые почитали себя гораздо низшими предъ хозяиномъ, привязывали лошадей у воротъ и пѣшкомъ проходили весь дворъ—одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытой головою. Въ отношеніи царскаго этикета были подобныя же различія: одни имѣли право только въѣзжать въ Кремль, другіе останавливались у воротъ царскаго двора, и никто, подъ опасеніемъ кнута, не смѣлъ провести черезъ царскій дворъ лошади. Со стороны хозяина встрѣча гостя также соразмѣрялась съ его сословнымъ достоинствомъ. Важныхъ гостей сами хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатахъ. Существовалъ обычай дѣлать нѣсколько встрѣчъ прибывающимъ гостямъ. Такимъ образомъ у воротъ гостя встрѣчаетъ лицо низшаго званія въ домѣ; въ другомъ мѣстѣ, напр., у крыльца, другое лицо, выше перваго; въ третьемъ—еще высшее, или самъ хозяинъ. На этомъ обычай устраивали при дворѣ почетныя встрѣчи: въ одномъ мѣстѣ встрѣчалъ гостя стольникъ, въ другомъ сокольничій, въ третьемъ бояринъ. Когда отецъ Михаила Теодоровича, Филаретъ Никитичъ, возвратился изъ пѣвна, то ему устроено было три встрѣчи на дорогѣ: первая въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ, третья въ Звенигородѣ, гдѣ уже встрѣчалъ его самъ царь. Такъ же точно и по пріѣздѣ его въ Москву къ церкви у саней встрѣтили его архіепископъ съ двумя архимандритами, у дверей митрополита съ архимандритами и двумя игуменами, а въ церкви митрополитъ по степени достоинства выше предыдущаго ¹⁾.

Въ отношеніи права входить во дворецъ—одни, ближайшіе люди, пользовались правомъ входить въ комнату государя; другіе, ниже первыхъ, только въ переднюю; третьи ожидали царскаго выхода на крыльцѣ; а люди меньшихъ чиновъ не смѣли взойти и на крыльцо.

Подобныя отгѣнки различія въ пріемѣ гостей наблюдались у частныхъ лицъ. Вообще старшіе не ѣздили въ гости къ младшимъ; на этомъ основаніи и царь никогда не посѣщалъ подданнаго. Но если къ хозяину пріѣзжалъ гость, котораго хозяинъ особенно чествовалъ и который по служебнымъ, семейнымъ или общественнымъ условіямъ требовалъ уваженія, хозяинъ разставлялъ слугъ встрѣчать гостя: напримѣръ, у воротъ его встрѣчалъ дворецкій, у крыльца сынъ или родственникъ хозяина, а потомъ въ сѣняхъ или передней хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головою, смотря по достоинству гостя. Другихъ же гостей не встрѣчали; напротивъ, сами гости ожидали выхода хозяина въ передней. Въ жилищѣ требовала, чтобъ гость оставилъ въ сѣняхъ свою палку, и вообще говорить, держа въ рукѣ палку, а тѣмъ болѣе опершись на нее, считалось невѣжествомъ. Снявъ шапку, гость держалъ ее въ рукѣ съ платкомъ въ ней. Вошедши въ комнату, гость долженъ былъ прежде всего креститься, смотря на иконы, и положить три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, потомъ уже кланяться хозяину; въ поклонахъ ему соблюдалась также степень уваженія къ его достоинству. Такимъ образомъ, предъ одними только наклоняли голову, другими наклонялись въ поясъ, предъ третьими вытаскивали руки и касались пальцами до земли; тѣ же, которые сознавали свое ничтожество предъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣни и касались лбомъ земли: отсюда выраженіе «бить челомъ». Равные и пріатели привѣтствовали другъ друга подачею правой руки,

¹⁾ Доп., II, 215.—С. Г. Гр., III, 184.

ноцѣлуемъ и объятіями, такъ что одинъ другого цѣловали въ голову и прижимали къ груди. Хозяинъ приглашалъ гостя садиться или говорилъ съ нимъ стоя, также соразмѣряя степень его достоинства: на этомъ основаніи, не приглашая гостя садиться, и самъ или стоялъ, или сидѣлъ. Самое почетное мѣсто для гостя было подъ образами; самъ хозяинъ сидѣлъ по правую сторону отъ него. Гость изъ сохрaненія приличія воздерживался, чтобъ не кашлять и не сморкаться. Въ разговорѣ наблюдалось тоже отношеніе достоинствъ гостя и хозяина; такъ, пріѣзжая къ свѣтскихъ особъ, спрашивали о здоровьѣ, а монаховъ о спасеніи; однимъ говорили *вы*, а себя въ отношеніи высшихъ лицъ называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, къ кому обращались, а себя унижая, въ родѣ слѣдующихъ: «благодѣтелю моему и кормилицу рабски челомъ бью; кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего; прости моему окаянству; дозвожь моею худости». Въ обращеніи съ духовными въ особенности изливалось тогдашнее риторство: говоривши съ какимъ-нибудь архіереемъ или игуменомъ, расточали себя названія грѣшнаго, нищаго, окаяннаго, а его величали православнымъ учителемъ, великаго свѣта смотрителемъ, и пр. ¹⁾). Вообще, желая оказать уваженіе, называли лицо, съ которымъ говорили, по отчеству, а себя уменьшительнымъ полуименемъ. Было въ обычаѣ гостю предлагать что-нибудь съѣстное во всякое время, а особенно водку и какія-нибудь лакомства, какъ, напримѣръ, орѣхи, фиги, финики и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего къ образамъ, полагалъ на себяъ троекратно крестное знаменіе съ поклонами, потомъ цѣловался съ хозяиномъ, какъ и при входѣ въ домъ, если хозяинъ его удостоивалъ этимъ по достоинству, и, наконецъ, уходя, опять знаменовалъ себя крестомъ и кланялся образамъ. По мѣрѣ достоинства, хозяинъ провожалъ его ближе или дагѣе порога.

Въ обращеніи съ низшими себя по большей части русскій былъ высокоимѣренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли передъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмененъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Въ русскомъ характерѣ было мало искренности; дружба цѣнилась по выгодамъ; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала ихъ взаимная польза, и часто задняя мысль таялась за изліяніями дружественнаго расположенія и радушнымъ гостепримствомъ. Довольно было любимцу государя пріобрѣсть царскую немилость, чтобъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекратили съ нимъ знакомство, но не хотѣли съ нимъ говорить и даже причиняли ему оскорбленія. Такъ, заточенную въ монастырь великую княгиню Соломону оскорбляли не только словами, но и побоями ²⁾).

Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и перемонности съ грубостью татарскою. Въ разговорѣ наблюдались церемоніи и крайняя осторожность; нерѣдко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счетъ; отсюда возникали тяжбы, которыхъ смыслъ состоялъ только въ томъ, что одинъ про другого говорилъ дурно ³⁾; съ другой стороны, при малѣйшей ссорѣ не было удержу въ самыхъ грубыхъ изліяніяхъ негодованія. Обыкновенно,

¹⁾ Доп., I, 27, 31.

²⁾ Olear., 189, 205.—Mejerb., 75.—Herberst., 10.—Tuberv., 435.—Барбер., 33.

³⁾ Mejerb., 66.—Оп. Шун, 345.

первое проявленіе ссоръ состояло въ неприличной брани, которая до сихъ поръ къ сожалѣнію, составляетъ дурную сторону нашихъ нравовъ; эта брань до того была обыкновенна, что позволяли ее себѣ духовныя лица, даже монахи, и притомъ въ самой церкви ¹⁾. Самыя женщины и дѣвѣцы слѣдовали общему обыкновенію ²⁾, и даже дѣти,—говоритъ Оlearій,—разсердившись на родителей, повторяли слышанное ими отъ взрослыхъ, а родители не только не оставаленвали ихъ, а еще и сами бранили ихъ такъ же. Церковь преслѣдовала это обыкновеніе и духовные поучали, чтобъ люди другъ друга не лаяли позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самую позорною нечистотою языка свои и души не сквернили ³⁾. Неоднократно цари хотѣли вывести русскую брань кнутомъ и батогами. При Алексѣѣ Михайловичѣ ходили въ толпахъ народа передѣтые стрѣльцы и замѣчая, кто бранился позорною бранью, тотчасъ того наказывали ⁴⁾. Разумѣется, эти средства были неэффективны, потому что сами стрѣльцы въ свою очередь не могли удержаться отъ крѣпкаго слова. Впрочемъ, очень часто всплывшая ссора тѣмъ и ограничивалась, что обѣ стороны поминали своихъ родительницъ, и не доходили до драки; а потому брань сама по себѣ не вмѣнялась и въ брань: «красна брань дракомъ» — говоритъ пословица. Если же доходило дѣло до драки, тутъ русскіе старались прежде всего вцѣпиться одинъ другому въ бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на сабляхъ и пистолетахъ, обычные на Западѣ, у русскихъ были совершенно неизвѣстны. У насъ были своего рода дуэли: поссорившись между собою, люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другого бичами. Другіе бились палками и часто другъ друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести одинъ другому удары или прямо въ лицо, или въ дѣтородныя части ⁵⁾. Смертные случаи были нерѣдки, но уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ прекратились судебные поединки на палкахъ и дубинахъ. Зато въ XVII вѣкѣ развилось другого рода ищеніе — доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его въ разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпѣть, но зато такая тяжба имѣла въ некоторомъ образѣ характеръ поединка. Иногда изъ злобы подкладывали къ недругу вещь, потомъ подавали челобитную о пропажѣ этой вещи и изъявляли подозрѣніе, что она у того-то; производился обыскъ и вещь находилась: тутъ начинался длинный процессъ тяжбы, сопровождаемый пытками ⁶⁾. Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ. Одни изъ нихъ промышляли собственно для себя. Такимъ образомъ посвящали себя этому занятію служащіе люди и дѣти боярскіе: они развѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и рассыль-

¹⁾ Ворон. Акты, I, 158.—А. И., III, 319.—Стогл., в. 29.

²⁾ Москвит. 1843, I, 238.

³⁾ А. А. Э., III, 404.

⁴⁾ Olear., 195.—Crull., 141.

⁵⁾ Crull., 141.—Olear., 190.—Strauss, 127.

⁶⁾ Olear., 187.

щиковъ ¹⁾). Другіе, напротивъ, работали для другихъ и, точно какъ итальянскіе *bravi* кинжаломъ, служили своимъ искусствомъ тѣмъ, которые у нихъ его покупали. Хотя ихъ и преслѣдовали и клеймили позоромъ, но правительство вѣстѣ съ тѣмъ покровительствовало само доносамъ, когда они касались его интересовъ. Такимъ образомъ служилый человѣкъ, помѣщикъ или вотчинникъ, если открывалъ за своимъ товарищемъ какія-нибудь уклоненія отъ обязанностей службы, влекущія потерю помѣстья, то вознаграждался именно тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, кого онъ уличалъ. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; всѣ другъ другу старались повредить, чтобъ выиграть самимъ. Но всего дѣйствительнѣе для ябедника, всего опаснѣе для соперника, было объявленіе слова и дѣла государева, то-есть обвиненіе въ нерасположеніи къ царю. Обвиненнаго подвергали пыткамъ, и когда онъ въ бреду страданія наговаривалъ на себя, то казнили, — что нужды, что онъ могъ быть невиненъ? Дѣло, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика бѣда, если за него пострадаютъ и невинные. Нагдѣ не было откровенности; всѣ боялись другъ друга; негодяй готовъ былъ донести на другого: всегда въ такомъ случаѣ можно было скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; отъ этого въ рѣчахъ господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпіоновъ было чрезвычайное множество: въ ряды ихъ вступали тѣ бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, которые, за уклоненіе отъ службы, тоже по доносу другихъ, лишились своихъ помѣстьевъ; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. И царь, такимъ образомъ, многое зналъ, чтѣ говорилось при него подданными.

XVII.

Пиршества.—Пьянство.

Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., встарину выражалось пирами. Пиръ былъ обыкновенною формою общественнаго сближенія людей. Праздновала ли Церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала изъ земного міра своего сочлена, или же Русь раздѣляла царское веселіе и славу побѣдъ—пиръ былъ выраженіемъ веселости. Пиромъ тѣшились цари; пиромъ веселились и крестьяне. Желаніе поддержать о себѣ доброе мнѣніе у людей побуждало каждого порядочнаго хозяина сдѣлать пиръ и созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ.

Какъ все въ русской жизни, при рѣзкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бѣдности, носило одинакія основанія, русскіе пиры у всѣхъ сословій сопровождались одинакими чертами, пріемами и обрядами. Русскія пиршества были двухъ родовъ: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторыя были складчины многихъ хозяевъ и преимущественно существовали между поселянами. Пиръ частныхъ лицъ давались въ дни Пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и масленицы, при торжественныхъ семейныхъ случаяхъ — бракахъ, рожденіи и крещеніи дѣтей, при

¹⁾ Доп., IV, 849.

погребеніи, поминовеніи усопшихъ, въ день именинъ, по случаю новоселья и при вступленіи служащаго лица въ должность. Царскіе пиры, кромѣ семейныхъ случаевъ и церковныхъ торжествъ, давались по поводу коронаціи, посвященія митрополитовъ и патріарховъ, при объявленіи царевича народу и по случаю пріема иностранныхъ пословъ.

Когда домовитый хозяинъ учреждалъ пиръ и приглашалъ гостей, то звать однихъ посылалъ слугъ, а къ другимъ ѣздилъ самъ, различая тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь приглашеніемъ, отъ тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ искать чести пріѣзда въ его домъ. При семейныхъ и пріятельскихъ пиршествахъ приглашались и жены гостей, но не къ мужскому столу, а къ особенному женскому, который жена хозяина учреждала въ то же время гостямъ своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранѣе убиралась, устилалась коврами; на окнахъ висѣли занавѣсы, на карнизахъ клали наоконники, постилали на столы и лавки нарядныя скатерти и полавочки, заправляли свѣчи въ панникадилы и уставляли поставецъ посудой. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сѣни, которыя были просторнѣе всѣхъ покоевъ. Столы устанавливались вдоль стѣны передъ лавками, а если было много гостей, то и рядами; мѣсто подъ образами въ углу было для хозяина, дававшего пиръ.

Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился въ шапкѣ на мѣсто, сообразное своему званію и достоинству. Мѣсто по правую руку отъ хозяина считалось самымъ почетнымъ. За нимъ другія мѣста нисходили по степенямъ, такъ что одно было ниже другого и, такимъ образомъ, существовало три разряда мѣстъ: высшій, средній и низшій, какъ это выражается въ поэмѣ XVII вѣка «Горе-Злочастіе»:

„А идетъ онъ въ мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинные!“

Сѣсть выше другого, считавшаго себя выше достоинствомъ, значило нанести ему оскорбленіе; на частныхъ пирахъ наблюдался, какъ въ царскихъ пиршествахъ и въ боярской думѣ, обычай мѣстничества. Скромный и благочестивый человѣкъ, исполняя буквально евангельскія слова, садился нарочно на мѣсто ниже того, какое ему слѣдовало, чтобъ хозяинъ свелъ его оттуда и перевелъ на высшее. Напротивъ, заносчивые люди, встрѣтаясь съ соперниками, съ которыми у нихъ давно не ладилось, пользовались случаемъ, чтобъ насолить имъ, и садились выше ихъ, заводили споры, поставляли хозяина въ затрудненіе, и нерѣдко доходило до дракъ.

Предъ началомъ пира выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ малымъ обычаемъ, то-есть кланялась въ поясъ, потомъ становилась у дверей. Господинъ кланялся имъ до земли и просилъ цѣловать жену. Въ отвѣтъ на это каждый гость также кланялся до земли и цѣловался съ хозяйкой, а отошедши отъ нея, опять дѣлалъ поклонъ. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получалъ чарку и отдавалъ ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ прежде начать женѣ. Та отвѣдывала и отдавала мужу. Муж выпивалъ. Тогда уже начинали пить гости, одинъ за другимъ, и всякій разъ какъ только гость пилъ, кланялся ему до земли. Окончивъ эти церемоніи, жена уходила въ свое женское обще-

ство. Гости усаживались за столомъ. Тогда хозяйинъ разрѣзывалъ хлѣбъ на кусочки и изъ собственныхъ рукъ подавалъ гостямъ, одному за другимъ, виѣсть съ солью. Этотъ обрядъ символически означалъ радушіе и гостепримство. Существовало повѣрье, что хлѣбъ-соль прогоняетъ вредное вліяніе злыхъ духовъ. За обѣдомъ получать хлѣбъ-соль отъ хозяина—значило пользоваться его дружелоубіемъ; ѣсть виѣсть хлѣбъ-соль—вообще означало согласіе и любовь. Послѣ раздачи хлѣба-соли, носили кушанье обычнымъ порядкомъ.

Гости ѣли обыкновенно по два человѣка съ одного блюда; хотя передъ ними и становились тарелки, но онѣ не перемѣнялись, какъ уже было сказано. Предъ почетнѣйшими гостями ставили опричныя блюда, т.-е. особня. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, сидѣвшимъ близко него, а тѣмъ, которымъ не могъ подать, отсылалъ на тарелкахъ съ слугами. Эти куски означали расположеніе. Въ то же время самъ хозяйинъ накладывалъ кушанья въ блюда и тарелки и отсылалъ отсутствующимъ, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, поднося подачу отъ хозяина, говорилъ: «чтобъ тебѣ, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорбленіемъ.

Когда былъ пиръ во полупирѣ, какъ выражаются пѣсни, и приносили круглые пироги, — кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира, — тогда двери изъ внутреннихъ покоевъ растворялись; изъ нихъ выходили жены сыновьевъ хозяина, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками. Мужья этихъ женщинъ вставляли изъ-за стола, становились у дверей и, кланаясь, просили гостей цѣловать ихъ жевъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ и цѣловались съ каждой, съ поклонами, какъ прежде съ хозяйкой. У нѣкоторыхъ этотъ обрядъ исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась предъ началомъ пира, а приходила теперь, въ сопровожденіи женскихъ особъ семейства и прислужницъ, неся вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнѣйшему гостю вино и немедленно удалялась, потомъ приходила снова въ другомъ уже платьѣ и угощала другого гостя, опять уходила и снова являлась переряженная въ иное платье и потчивала третьяго гостя; то же дѣлалось въ отношеніи всѣхъ гостей по одиночкѣ, и каждый разъ хозяйка являлась въ новомъ нарядѣ. Эти переряживанья служили для показанія роскоши и богатства хозяина. Обнесши такимъ образомъ всѣхъ гостей, хозяйка становилась у стѣны, при край столу, опустивши голову. Гости подходили къ ней и цѣловались; иногда, послѣ поцѣлуевъ, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Этотъ обычай цѣлованья съ хозяйскими женами очень древній; еще въ XII вѣкѣ не одобрялъ его Іоаннъ Пророкъ¹⁾; онъ удержался, какъ памятникъ древней славянской свободы женскаго пола, несмотря на то, что вліяніе Византіи и татаръ измѣнило убѣжденіе русскаго народа въ этомъ отношеніи.

Отличительная черта русскаго пиршества была — чрезвычайное множество кушаньевъ и ебиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пирѣ — гостьба толсто-трапезна! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобъ ихъ отвезти безъ памяти во-своихъ; а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ не пьетъ, не ѣсть, — говорили о такихъ, — онъ не

¹⁾ Русск. Достоп., I, 98.

хочетъ насъ одолжать!» Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прилебывать, какъ дѣлають куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ то же время пировавшія съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьи гостя. — «Благодарю за угощеніе, — отвѣчала въ такомъ случаѣ гостя: — мнѣ вчера было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой добрела!» Но, съ другой стороны, считалось постыднымъ сдѣлаться скоро пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признавать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобъ ихъ болѣе не привуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись съ полудня до вечера и позже. По окончаніи стола еще продолжалась попойка. Всѣ сидѣли на прежнихъ мѣстахъ. Хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посредникъ съ открытой головою и, поднося вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье-нибудь здоровье: начинали съ царя, а потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей и за разныхъ лицъ, смотря по пѣли, съ которою давали пиръ. Выпивъ, хозяинъ оборачивалъ чашу вверхъ дномъ надъ головою, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посредникъ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста. При этихъ заздравныхъ тостахъ пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Можно представить, какъ долго тянулась эта церемонія, когда, вопреки мѣрѣ, пивши за государя, слѣдовало приговаривать его полный титулъ.

Во время пировъ кормили и слугъ, пріѣзжавшихъ съ гостями, и одинъ довѣренный слуга долженъ былъ наблюдать, чтобъ эти низшаго достоинства гости не передрались между собою и не надѣлали чего-нибудь вреднаго хозяину.

Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки. Нерѣдко русскій дѣлалъ пиръ и щедро повѣлъ и кормилъ гостей для того, чтобъ потомъ получить отъ нихъ подарковъ гораздо на большую сумму, чѣмъ какой стоило ему угощеніе. Такъ поступали въ городахъ воеводы: они учреждали пиры и зывали къ себѣ гостей для того, чтобъ выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, поневолѣ, въ угожденіе сильному человѣку, являлись на пиршество. Впрочемъ, существовалъ обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай въ свою пользу. Чтобъ болѣе обязать своихъ гостей, воевода созывалъ къ себѣ на пиръ богатыхъ посадскихъ, самъ дѣлалъ имъ подарки, а тѣ должны были отдавать за нихъ четверо. Если же бы кто-нибудь былъ невнимателенъ и оставилъ безъ подарка начальственное лицо, учреждавшее пиръ, то у него безъ церемоній вымогали и насильно, потому что требовать подарковъ не считалось предосудительнымъ. Поднося подарокъ, говорились: «чтобъ тебѣ, государь, здравствовать!» Обычай дарить соблюдался и въ царскихъ пирахъ, приглашен-

ные на пирь во время царскихъ свадебъ или по поводу коронаціи должны были подносить царю дары, а на праздничныхъ царскихъ столахъ духовные, приглашенные къ обѣду, получали отъ царя подарки.

Праздничныя и семейныя пиршества у степенныхъ и набожныхъ особъ отличались характеромъ благочестія. Обыкновенно послѣ литургіи духовенство приносило въ домъ крестъ, иконы, частицы св. мощей, святтили воду, назали ею въ домъ всѣ иконы, кропили во всѣхъ покояхъ, окуривали весь домъ ладаномъ, иногда же приносили святую воду изъ церкви и кропили ею домъ. По окончаніи молитвословія начиналась трапеза. Духовныя лица занимали почетнѣйшія мѣста между гостями. Въ одномъ старинномъ поученіи говорится: «посади ихъ и постави ихъ трапезу, якоже самому Христу; самъ же ихъ буди во службѣ, и жена твоя, и дѣти твои, аще ли нужда будетъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди, и твори ихъ ния твоя знаемо, да у олтаря Божія молитва за тя, яко темьянъ возносится»¹⁾. На столѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, ставили просфору Пресвятыя Богородицы, какъ это дѣлается въ монастыряхъ. Трапеза начиналась молитвою «Достойно есть»... При поставкѣ на столѣ перваго кушанья хозяинъ приглашалъ гостей ласковымъ и благочестивымъ словомъ. Во время всего пира дьячки пѣли духовныя пѣсни, приличные празднику или событію, по поводу котораго учреждалась трапеза. Въ сѣняхъ и на дворѣ кормили нищихъ. Пируя съ духовенствомъ и гостями, хозяинъ высылалъ своихъ сыновей и родныхъ угощать эту меньшую братію. Нѣкоторые очень благочестивые люди даже сажали нищихъ за одинъ столъ съ собою и съ гостями. По окончаніи обѣда возносилась чаша Пресвятыя Богородицы; всѣ пили во славу Божіей Матери, потомъ пили за здоровье царя, бояръ, за воинство, за хозяина и гостей съ пѣніемъ всѣмъ многолѣтія, а также и за упокой усопшихъ, если это согласовалось съ цѣлью пиршества или съ значеніемъ праздника, когда пиршество отправлялось. Послѣ стола хозяинъ раздавалъ нищимъ, у него обѣдавшимъ, милостыню.

Не таковъ былъ характеръ пиршествъ у разгульныхъ людей. На этихъ пирахъ иногда не удаляли и женскій полъ; мужчины и женщины подавали другъ другу питье и пѣловались, брались за руки и играли между собою. Хозяинъ приглашалъ гусяровъ и скомороховъ: тутъ-то пѣлись старинныя геройскія пѣсни; потомъ, когда хмель далеко заходилъ въ голову, начинали пѣть пѣсни удалыя, срамныя; скоморохи тѣшили компанію непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали, плескали одинъ въ другого виномъ, а иногда и дрались; и часто хозяинъ вмѣстѣ съ слугой выталкивалъ ихъ, облитыхъ кровью. Случались и убійства, особенно изъ-за мѣсть. Въ началѣ, когда сходятся на пирь, говорить одно старое обличительное слово, каждому хочется сѣсть на высшее мѣсто, но надобно же кому-нибудь сидѣть и на низшемъ; огорченный не хочетъ и скрываетъ гнѣвъ въ сердцѣ, пока трезвъ, когда же напьется, то въ изступленіи ума начинаетъ словами задирать того, на кого сердится; если тотъ еще не напился, то промолчитъ; забіяка отпустить ему еще что-нибудь похуже и доведетъ до того, что тотъ выйдетъ изъ себя, начнется брань и одинъ другого шпырнетъ ножомъ. «Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, томко въ пиянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздничѣхъ», — говорить это обличительное слово²⁾.

¹⁾ Поход. Сборн. № 1024.

²⁾ Арх. вст. юр. св. Калач. Кн. II, пол. 2-я. Пирь и братч., 49.

Крестьянскія пирушки, даваемые по поводу семейныхъ праздничныхъ торжествъ хозяевами, назывались *особымъ пищомъ*, потому что тогда дозволялось имъ варить пиво, брагу и медъ для домашняго питья. Обыкновенно это позволеніе дѣлалось четыре раза въ годъ: на Великій день, Дмитріевскую субботу, на масленицу и на Рождество Христово или въ другой день, вмѣсто какого-нибудь изъ этихъ праздниковъ. Право это крестьянинъ имѣлъ на три дня, иногда же и на недѣлю; сверхъ того, такое же разрѣшеніе давалось по поводу крестинъ и свадебъ. Крестьянинъ долженъ былъ каждый разъ испрашивать дозволенія начальства, и это дозволеніе давалось съ разборомъ — только лучшимъ людямъ. По окончаніи льготнаго времени кабацкій голова печаталъ оставшееся питье до другого праздника.

Братчины носили названіе ссыпныхъ братчинъ или ссыпчинъ, и участники въ братчинѣ назывались ссыпцами, вѣроятно оттого, что встарину каждый жертвовалъ на вареніе пива и браги зерномъ. Такъ какъ ссыпцовъ могло быть много, то для распоряженія и соблюденія порядка выбирался староста. На братчинахъ происходили разныя происшествія и споры, а потому братчинамъ издавна давали право самосуда. Такъ въ Псковской судной граматѣ говорилось: «и братчины судить, какъ судили». Это право предоставлялось братчинамъ и до конца XVII вѣка. Однако, въ послѣднее время уголовныя дѣла не подлежали ихъ домашнему разбирательству. Братчины собирались по большей части въ праздники и потому назывались именами праздниковъ, какъ-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними заурядъ. Братчины еще чаще, чѣмъ частныя пиры, сопровождались безчинствами и на нихъ нерѣдко происходили драки и убійства, а потому благочестивые люди не совѣтовали участвовать на этихъ складчинахъ ¹⁾.

Русскій народъ издавна славился любовью къ попойкамъ. Еще Владимиръ сказалъ многозначительное выраженіе: «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти!» Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностью перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: были случаи, что знатный человекъ, ради забавы, поилъ простого, и тотъ, не смѣя отказываться, пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія — и съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью. Одинъ русскій посолъ въ Швеціи въ 1608 г., въ глазахъ чужестранцевъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жаденъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханиотовъ, сдѣлался пожаръ. Очень

¹⁾ А. И., IV, 340. — А. А. Э., I, 80, 421. III, 199. — Древн. Русск. Вивл., VI. — Доп., I, 195. VI, 99. — Пск. Суд. Гр., 17. — Olear., 193, 205, 260. — Mejerb., 63, 137. — Коших., 49, 119. — А. г. Шун, 119. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 196, 203. — Carlisle, 148.

скоро дошелъ онъ до главнаго кабака... народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами, всѣмъ хотѣлось напиться дарового вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный мертвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, и большая часть столицы превратилась въ пениель. До того времени, какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статьею государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впоследствии. Простой народъ нилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники; но когда вино начало продаваться отъ казны, когда къ слову «кабакъ» приложился эпитетъ царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Размножились жалкіе пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидецъ рассказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распѣвая пѣсни и отпускакая крѣпкое словцо нѣмцамъ, которые вздумали-было сдѣлать ему замѣчаніе. Эти случаи были часты въ Москвѣ; и въ городахъ, и въ деревняхъ — вездѣ можно было видѣть людей, лежащихъ безъ чувствъ въ грязи или на снѣгу. Воры и мошенники обирали ихъ и часто послѣ того зимою они замерзали. Въ Москвѣ на масленицѣ и на святкахъ въ земскій приказъ каждое утро привозили десятками замерзшихъ пьяницъ.

Распространенію пьянства въ народѣ способствовали кабацкіе головы и цѣловальники, которые прибѣгали ко всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобъ избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобъ воротить заплаченное въ казну, если брали вино на откупъ. Они давали пьяницамъ въ долгъ какъ можно побольше, а между тѣмъ прибавляли счетъ, пользуясь тѣмъ состояніемъ, когда пьяные не въ силахъ уже были ни размышлять, ни считать; потомъ, когда искушенные такимъ легкимъ средствомъ получаютъ хмельное даже и безъ валичныхъ денегъ, пьяницы порядочно закупаются въ разставленной на нихъ сѣти, кабацкіе головы объявляютъ, что пора платить; оказывается, что платить нечѣмъ; тогда забирала имущество должниковъ вдвое дешевле настоящей его цѣны; при этомъ страдали и невинные, жившіе не въ раздѣлѣ съ должниками.

Случалось, что люди порядочнаго происхожденія, то-есть дворяне и дѣти боярскіе, запивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до-нага. Изъ такихъ-то молодцовъ образовался особый классъ пьяницъ, называемый кабацкіе ярыги. У этихъ удалцовъ не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщемъ презрѣніи и таскались по міру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаковъ и въ кабакахъ, униженно вымаливая у приходящихъ чарочку вина Христа-ради. Готовые на всякое злодѣяніе, они составляли при случаѣ шайку воровъ и разбойниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ они представляются искусителями молодыхъ неопытныхъ людей. Нѣкоторые пьяницы оправдывали себя тѣмъ, что они, напившись, ведутъ себя смирно: «то есть не пьяница, — говорили они, — иже упися ляжетъ спать, то есть пьяница, иже упися толчетъ; бьетъ, сварится». На это проповѣдники Церкви отвѣчали имъ: «и кроткій упися согрѣшаетъ, аще и спати ляжетъ: кроткій убо пьяница, аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многожды бо осквернився и домочився смердитъ, егда убо кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ не могій двину-

тиса аки мертвъ, расслабивъ свое тѣло, мокръ, нальвася яко мѣхъ до горла: богобоязливый же, наслаждающій сердца въ церквахъ пѣнія и чтенія, аки на небесахъ мняся стояще; а пьяница не ногій главы своея возвести, смрадомъ отрыгая отъ многа питья, чимъ есть рознь поганыхъ» ¹⁾). Церковные наставники объясняли, что отъ пьянаго человѣка удаляется ангель хранитель и приступаютъ къ нему бѣсы ²⁾); пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ лжи и зла говорить, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ: «николи же тако возвеселился о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяницахъ бо вся дѣлеса моего хотѣнья: лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоецъ, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяни» ³⁾).

Духовенство не только не отличалось трезвостью, но еще перешеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. На свадьбахъ священнослужители до того напивались, что надобно было ихъ поддерживать.

Чтобъ положить границы неустовому пьянству въ кабакахъ, правительство, вмѣсто нихъ, завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино пропорціями не менѣе кружекъ, но это не помогло. Пьяницы сходились въ кружечные дворы толпою и шли тамъ по цѣлымъ днямъ. Другіе охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя въ корчмахъ.

Болѣе всего пристанищемъ самыхъ отъявленныхъ негодаевъ были тайныя корчмы или ропаты. Подъ этимъ названіемъ разумѣлись еще въ XV и XVI вѣкахъ притоны пьянства, разврата и всякаго безчинства. Содержатели и содержательницы такихъ заведеній получали вино въ казенныхъ заведеніяхъ или курили тайно у себя и продавали тайно. Вмѣстѣ съ виномъ въ корчмахъ были игры, продажныя женщины и табакъ. Какъ ни строго преслѣдовалось содержаніе корчемъ, но оно было до того выгодно, что многіе рѣшались на него, говоря: «барыши, полученные отъ этого, до того велики, что вознаграждаютъ и за кнутъ, котораго можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнаетъ о существованіи корчмы» ⁴⁾).

XVIII.

Увеселенія.—Игры.—Забавы.

У высшихъ классовъ порывы всякой веселости были подчинены правиламъ церковнаго порядка. У тѣхъ, которые хотѣли быть и казаться благочестивыми, церковное пѣніе было единственнымъ развлеченіемъ. Встарину существовали для него школы: мальчики учились у церковныхъ дьячковъ и составляли пѣвческіе

¹⁾ Злат. мат. рук., л. 341. Сл. о постѣ.

²⁾ Румян. Сборн., № 359.

³⁾ Румянц. Сб., 186.

⁴⁾ Врем., IV. См., 58. V. Лѣт. Норманск., 4. — Доп., I, 55. — А. г. Шуг, 197. — Маржер., 16. — Olear., 194, 195, 258. — Petr., 309. — Fletch., 44. — Crull., 145. — Mejerb., 139. — Strauss, 196, 214.

горы. Нищѣ, прося милостыню, и колодники, которыхъ выводили изъ тюрьмы собирать подаваніе, съ жалобными причетами пѣли пѣсни нравственнаго и религіознаго содержанія и приводили въ чувство тогдашнюю публику. Музыка преслѣдовалась Церковью положительно. Самыя народныя пѣсни считались бѣсовскими потѣшеніемъ. Православная набожность хотѣла всю Русь обратить въ большой монастырь. Однако, русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ; даромъ, что инструментальная музыка возбранялась не только Церковью, но даже и свѣтскою властью, славянская натура вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить. Въ поученіи Ефрема Сирива, передѣланномъ на русскій ладъ, говорится, что Христосъ посредствомъ пророковъ и апостоловъ призываетъ насъ, «а дьяволъ зоветъ гуслими и плесцѣмъ и пѣснями неприязненными и свирѣлыми». Богъ вѣщаетъ: придите ко мнѣ вси, и никто не двинется; а дьяволъ устроитъ сборище (заречеть сборъ), и много набирается охотниковъ. Заповѣдай постъ и бдѣнье — всѣ ужаснутся и убѣгутъ, а скажи «пирове ли, вечера ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крылаты» ¹⁾. У русскихъ были свои національные инструменты: гусли, гудки (ящички со струнами), сопѣли, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (родъ лютавръ), волынки, ленки, мѣдные рога и барабаны ²⁾. Всѣмъ этимъ тѣшили православный людъ скоморохи, составлявшіе у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенный ремесленный цехъ, постоянно преслѣдуемый ревнителями благочестія. Иногда они образовывали вольную труппу изъ гулящихъ людей всякаго происхожденія, иногда же принадлежали къ дворнѣ какого-нибудь знатнаго господина. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выученныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ позорами или дѣйствами, т.-е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное (скоморошное) платье и надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древенъ, и еще въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кириллъ осуждалъ «позоры нѣкакы бѣсовскіе со свистаніемъ, и кичемъ, и воплемъ». Въ числѣ такихъ позоровъ было, между прочимъ, вожденіе кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бѣсовскимъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти позоры заключали въ своихъ основаніяхъ остатки древней славянской мѣологии, сильно искаженные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Скоморохи ходили большими компаніями, человекъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ посада въ посадъ, изъ села въ село и представляли свои позоры преимущественно въ праздники; «глѣбныя безумныя невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобъ собираться на улицахъ и на играхъ», — говорится въ предисловіи къ слову о недѣлѣ св. Евсеія ³⁾, — «и тутъ обратиши ина гудяща, ина плещуща, ина

¹⁾ Рум. Муз., рук. 186.

²⁾ Рум. Муз., рукоп. № 374.

³⁾ Румянц. Муз., № 182. Злат. мат., 210.

воюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа другъ друга на зло». Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія, и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь; мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улица» иногда означало веселое игрище; и старыя, и малыя глазѣли на нихъ и давали имъ—кто денегъ, кто вина и пищи ¹⁾). Скоморохи возбуждали охоту въ зрателяхъ, и послѣдніе сами принимались пѣть, играть, плясать и веселиться. Зимю разгулье скомороховъ было преимущественно на святкахъ и на масленицѣ; тутъ они ходили изъ дома въ домъ, гдѣ были попойки, и представляли свои потѣхи; нѣкоторые, не совсѣмъ разборчивые въ средствахъ возбудить веселіе гостей, приглашали ихъ на свадьбы; когда ѣхали къ вѣнцу, впереди ѣхали смѣхотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебномъ вѣру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментовъ своихъ свадебныя пѣсни. Вообще же пѣсни ихъ были большею частью содержанія, оскорбляющаго стыдливость; ихъ танцы были непристойны; наконецъ, ихъ позоры также имѣли предметомъ большею частью что-нибудь соблазнительное и тривіальное, какъ это можно видѣть изъ сохранныхъ Олеаріемъ изображеній скомороха, сидящаго верхомъ на другомъ скоморохѣ и представляющаго, какъ видно, половое совокупленіе животныхъ, и другого скомороха въ самомъ отвратительномъ и непристойномъ образѣ. Веселость неразвитого человѣка всегда ищетъ потѣшнаго въ томъ, что образованное чувство находитъ только пошлымъ.

Правительство, слѣдуя внушеніямъ Церкви, не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцевъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ музыкальныя инструменты сожигали; такимъ образомъ ихъ было истреблено пять возовъ. Лишенные всякаго покровительства власти, скоморохи нерѣдко терпѣли и отъ частныхъ лицъ; ихъ зазывали въ дома и, вмѣсто того, чтобъ давать имъ, отнимали у нихъ, что они получали, ходя по міру, да вдобавокъ еще колотили. Эти случаи побуждали ихъ также прибѣгать къ насильственнымъ поступкамъ: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящихъ и проѣзжихъ, грабили и убивали ихъ. Было повѣрье, что подъ видомъ такихъ весельчаковъ ходили бѣсы: «умысли сатана, какъ отвратить людей отъ церкви, и собравъ бѣсы, преобрази въ человѣки и идяше въ сборѣ велицѣ устренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзи въ козицы и въ свирѣли и ини, возложше на яскураты, идяху на злоумысленіе къ чловѣкомъ; мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсовъ течаху». Прозорливые мнихи видѣли, какъ лукавыя бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ и «ужами за сердце почепивше и влечаху» ²⁾).

Въ праздничныя дни народъ собирался на кулачныя и палочныя бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимю чаще

¹⁾ Слово о Христ. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. Октябрь.

²⁾ Погод. Сборн., № 1288.—Оп. арх. Нв., 296, 298.—Стогл., вопр. 16, 18.—Русск. Достоп., I, 114.—А. И., IV, 125, 855.—Оп. Шуя, 452.—Москв., 1843, 288.—Herberst., 42.—Olear., 98, 302.—Carlisle, 206.

всего на льду. Охотники собирались въ партіи, и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ обѣ бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты тутъ же были въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Зато на нихъ-то въ особенности русскіе приучались къ ударамъ и побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ. Сверхъ того, молодые люди собирались въ праздники—боролись, бѣгали взапуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, метали копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляли изъ луковъ въ войлочные цѣли и въ поставленныя шапки. Въ этихъ играхъ побѣдители получали награды и выигрывали заклады. Вѣроятно, встарину существовалъ обычай увѣнчивать удамыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла, вошедшемъ въ Коричую и такимъ образомъ постоянно служившемъ церковнымъ закономъ, участники такихъ забавъ изгонялись изъ церкви (да изгнани будутъ отъ сыновъ божьихъ церквей); а убитые въ примѣрныхъ сиваткахъ, кулачныхъ и палочныхъ бояхъ и вообще заплатившіе печально жизнью за удовольствіе потѣшиться на этихъ турнирахъ «да будутъ, — сказано въ томъ же правилѣ Коричей,—прокляти и въ сей вѣкъ и въ будущій; аще ли нашему законоположенію кто противится, ни привошенія изъ нихъ принимать, рекше просфуры и кутія, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творить»¹⁾. Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и всѣ игрыща.

Женщины и дѣвицы, лѣтомъ, въ праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугахъ близъ селеній. Русскія пляски были однообразны: онѣ состояли въ томъ, что дѣвицы, стоя на одномъ мѣстѣ, притопывали, вертѣлись, расходились и сходились, хлопали въ ладоши, выворачивали спину, подпирались руками въ бока, махали вокругъ головы вышитымъ золотымъ платкомъ, двигали въ разныя стороны головою, подмигивали бровями,—всѣ эти движенія дѣлались подъ звуки инструмента какого-нибудь скомороха. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; во господа и госпожи по праздникамъ иногда заставляли предъ собою плясать своихъ рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. По церковному воззрѣнію, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: «о, злое проклятое плясаніе! (говоритъ одинъ моралистъ); о, лукавыя жены многовертливое плясаніе! пляшущи бо жена любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящии плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творять — со Иродѣю неугасимый огонь и неусыпая червь осудитъ!»²⁾. Даже смотрѣть на пляски считалось предосудительнымъ: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсов-

¹⁾ Публ. Библ., рукоп. № 49.

²⁾ Злат. Мат. рук. Публ. Библ., стр. 341.

скихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы» ¹⁾). Любимое препровождение времени женскаго пола во всѣхъ классахъ были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; перваго рода качели дѣлались очень просто: прикрѣплялась къ веревкѣ доска, на нее садилась, а другіе веревками качали: другаго рода качели строились сложнѣе, какъ и въ настоящее время дѣлаются въ городахъ.

Въ праздникъ Пасхи нѣкоторые составляли себѣ изъ этого прибыточный промыселъ: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый разъ брали по серебряной деньгѣ съ лица. Женщины простаго званія, посадскія и крестьянки качались на улицахъ, а принадлежащія къ зажиточнымъ и знатымъ семействамъ — у себя въ дворахъ и садахъ. Качанье на доскахъ происходило такъ: на бревнѣ клали доску, двѣ женщины становились по краямъ ея и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, такъ-что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверхъ того, женщины качались какъ-то на колѣсѣ.

Зимнее увеселеніе мужчинъ и женщинъ было кататься на конькахъ по льду: дѣлали деревянныя подковы съ узкими желѣзными полосами, которые напередѣ загибались вверхъ, такъ что желѣзо удобно рѣзало ледъ. Русскіе катались на конькахъ съ удивительною легкостью и проворствомъ. Также зимою катались на салазкахъ. Зимніе праздничные вечера проводились въ домашнемъ кругу и съ пріятелями: пѣлись пѣсни, бахары (разсказчики) разсказывали сказки, собесѣдники загадывали загадки, наряжались, смѣшили другъ друга, дѣвушки гадали. Вообще и на эти увеселенія Церковь смотрѣла неблагосклонно: «не есть законъ христіанину всякому баснословити, ибо рече Христосъ во Евангелии: о всякомъ глаголю прайдѣ воздадутъ слово челоуѣци въ день единый» ²⁾). Цари запрещали народу всякую веселость; но въ то же время и царскія семейства забавлялись пѣснями, которыя пѣли имъ потѣшники, сказками, смотрѣніемъ на пляску и даже разными дѣйствами или сценическими представленіями. Во дворцѣ были веселые гусельники, скрипичники, домрачен, цымбальники, органисты; штатъ двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потѣшавшіе высокихъ особъ своими шалостями. Это дѣлалось даже и при благочестивомъ Теодорѣ Іоанновичѣ, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно такъ же и у знатныхъ господъ былъ свой подобный придворный штатъ шутовъ, шутихъ, сказочниковъ, пѣсельниковъ, скомороховъ, не знавшихъ никакой другой обязанности, кромѣ той, чтобы въ часы досуга потѣшать господъ и гостей. Изъ такихъ потѣшниковъ были такіе, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ напиваться до-пьяна и дѣлать всякаго рода дурачества въ пьяномъ состояніи ³⁾). Строгий и набожный царь Алексѣй Михайловичъ, при всемъ своемъ аскетическомъ благочестіи, въ дни рожденія и крещенія дѣтей своихъ устраивалъ на дворѣ музыку изъ инструментовъ того времени, несмотря на то, что духовные называли такіе инструменты бѣсовскими сосудами; а подъ конецъ своего царствованія этотъ государь до того подчинился иноземному вліянію, что допустилъ у себя театр; сначала играли предметы изъ священной исторіи, а далѣе,

¹⁾ Публ. Библ., рукоп. № 1, 64.

²⁾ Пог. Сборн. Публ. Библ., № 1321.

³⁾ De Bruyns, 12.

узнавши, что другіе монархи увеселяются танцами, царь отважился смотрѣть на балетъ «Орфей».

Игры, имѣвшія цѣлью выигрышъ, были въ употребленіи въ Россіи: зернь, карты, шахматы и тавлен или шашки. Зернь—были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены; искусники умѣли всегда бросать ихъ такъ, что онѣ падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ времени, и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ ею заниматься. При Алексѣѣ Михайловичѣ однажды жадность къ деньгамъ пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири въ 1667 г. зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Игры эти тѣмъ менѣе казались возможнымъ допустить, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣвтяевъ, гулякъ, негодаевъ, развратныхъ людей; пристанище ихъ было въ корчмахъ или въ кабакахъ, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Какъ бываетъ всегда со всѣмъ запрещеннымъ, по мѣрѣ большихъ преслѣдованій зернь и карты болѣе привлекали къ себѣ охотниковъ. Игры эти были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и такъ какъ русскіе играли лучше инородцевъ, то оставались всегда въ выигрышѣ и приобрѣтали отъ нихъ дорогіе мѣта. Карты были въ меньшемъ употребленіи, но, какъ забава, были допущены даже при дворѣ; такъ, при Михаилѣ Федоровичѣ для забавы маленькому Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахматовъ, эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили играть встарину, какъ и тавлен или шашки. Однако, благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты, музыку.

На ряду съ зернью и картами считали не позволительнымъ удовольствіемъ табакъ; но какъ ни строго преслѣдовали это бѣсовское зелье, однако, въ XVII вѣкѣ онъ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его отчасти отъ европейскихъ торговцевъ, отчасти съ Востока отъ грековъ, армянъ, персіянъ, турокъ, отчасти отъ малороссіянъ. Были такіе охотники до табаку, что готовы были отдать за него послѣднюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое противъ настоящей цѣны, потому что онъ былъ запрещенъ. Табакомъ по Россіи торговали удалыя головы, готовые рисковать и познакомиться съ тирьюмою и съ кнутомъ, лишь бы копѣйку зашибить. При продажѣ табаку его вазывали не настоящимъ именованіемъ, а какимъ-нибудь условнымъ названіемъ, напримѣръ: свекольный листъ, толченый яблочный листъ. Табакъ курился не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посредникъ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики затыгивались до того, что въ два или въ три приема оканчивали большую трубку, и нерѣдко ослабѣвали и падали безъ чувствъ. Нѣсколько такихъ молодцовъ сходились «попить заповѣднаго зелья табаку» и передавали другъ другу трубку. «Ахъ, какое чудесное зелье табакъ! Нѣтъ ничего лучше въ свѣтѣ табаку; онъ мозгъ прочищаетъ!»—говорили они, очнувшись отъ одурѣнія, сопровождавшаго излишнее куреніе слпшкомъ крѣпкаго табаку. Люди благоче-

стивые и степенные, напротив, остерегали. что если «который человекъ начнетъ дерзати бѣсовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то въ того человекъ мозгъ ускрутить и вмѣсто того мозга впадетъ въ главу его тая смердящая воня, изгубить въ немъ весь мозгъ его, начнетъ тако смердящая тая воня пребывать во главѣ его и неточію во единой главѣ его, но и во всѣхъ костяхъ его тая смердящая воня вселится вмѣсто мозговъ. И аще ли кій человекъ которымъ ухищреніемъ начнетъ творити такое дѣло бѣсовское, такому бо человекъ не подобаетъ въ церковь божію входить, и креста и евангелія цѣловати, и причастія отнюдь не давати, свѣщи или просфоры или ефиману и всякаго приношенія, и съ людьми ему не мытиса и не ясти, дондеже престанетъ отъ такова дерзости»¹⁾. Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что бѣсъ досталъ сѣмена табачныя изъ глубины ада и посеялъ ихъ на могилѣ блудницы. Воспитанныя разложившимся ея тѣломъ, адскія сѣмена произвели траву, а бѣсъ научилъ употребленію ея людей, которые, сами того не зная, отдаются въ державу дьявола.

Какъ зернь и карты, табакъ при Алексѣѣ Михайловичѣ однажды нѣсколько времени служилъ корыстолюбію правительства, и въ Сибири былъ отданъ на продажу отъ казны, но вскорѣ опять подвергся запрещенію, по убѣжденію духовенства.

Самую достойнѣйшую высшаго класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрѣли неблагосклонно. У насъ она не была принадлежностью только высшихъ классовъ, какъ на Западѣ, потому что звѣрей было слишкомъ много; но простолюдины занимались ею для выгодъ и какъ повинность. Въ XVI вѣкѣ тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвѣжьи поля, что на тогдашнемъ языкѣ значило гоняться за звѣремъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ не рѣдъ государи выѣзжали изъ Москвы охотиться около Можайска, гдѣ было множество зайцевъ, и около Переяславля. Въ разныхъ мѣстахъ были устроены дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для приѣрной травли. Владѣльцы имѣній собирали сосѣдей, устраивали поля и приготовляли все необходимое для стола. Государь выѣзжалъ въ поле съ большою свитою князей и бояръ, самъ одѣтый въ золотомъ терликѣ или чугѣ, съ двумя продолговатыми ножами и кинжаломъ за поясомъ и съ кистенемъ за спиною; въ рукахъ у него былъ хлыстъ, длиною въ локоть, съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ; ближніе люди около него держали сѣкиры и шестоперы. Половина охотниковъ были одѣты въ черномъ, другая половина въ желтомъ платьѣ. Окруживъ рошу, всѣ разомъ вскрикивали и пускали гончихъ собакъ, тѣ выгоняли зайцевъ, а тутъ спускали другихъ собакъ, называемыхъ курцы (борзыя), съ пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцевъ, охотники кричали: уй! уй! Такимъ образомъ затравляли до трехсотъ зайцевъ заразъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной башнѣ, около которой были раскинуты шатры; шатеръ государя отличался, какъ и слѣдовало, особымъ великолѣпіемъ. Всѣ входили въ свои шатры. Государь перемѣнялъ платье и приглашалъ гостей; подавали закуску, преимущественно изъ лакомствъ; придворные подносили государю кушанье съ подобострастіемъ на колѣняхъ; по обычному столовому этикету, государь подавалъ и посылалъ отъ себя подачи; между закусками подавали на-

¹⁾ Рум. Муз., рукоп. № 374.

питки. Такъ описывается охота Василя Іоанновича ¹⁾. Это описаніе можетъ подать вообще понятіе о ходѣ охоты и у частныхъ лицъ. Было въ обычаѣ ловить медвѣдей и волковъ живыхъ тенетами, чтобъ потомъ устраивать зрѣлища изъ травли. Какъ государи, такъ и знатные господа любили эту забаву. По современнымъ извѣстіямъ, такіа забавы владѣльцевъ были нерѣдко очень тяжелы для крестьянъ и людей ихъ. Насильно ихъ сгоняли, «неволею было собирать людское множество», держали по нѣскольку дней, отбивая отъ земледѣльческихъ работъ; приставники, т.-е. холопы, близкіе къ господину, брали съ нихъ посулы, чтобъ не гонять. И гоняли тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ дать: во время охоты, придираясь къ чему-нибудь, били и истязали ихъ; да вдобавокъ нерѣдко такіа увеселенія оканчивались «многообразнымъ человѣкомъ губительствомъ на различныхъ игращахъ и въ ловитвахъ ²⁾; въ лѣсахъ и въ болотахъ свѣгомъ и студеніемъ померзаеми, дождемы и бурю пореваеми, всяческимъ же голодомъ изнураеми, и мнози человѣци многими виды живота лишаеми, отъ звѣрей уязвляеми и умерщвляеми, и ныи многи напасти содѣваеми имъ таковыми въ ловитвахъ злыми стремленіи; ихъ же въ грѣсѣхъ нещечаеми, о семъ же и вины на ся не полагаеми, но паче радоваеми, во утѣшеніе вмѣняеми себѣ и глаголаеми: велии утѣшихомся; еще же и покаяніа о сихъ не поминаеми». Охотники, доставлявшіе живыхъ медвѣдей, всегда получали награжденія кубками и одеждами. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину не вздумается посмотреть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устраивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену входили охотники, потомъ выпускали медвѣдя и запирали арену. Звѣрь становился на заднія лапы и ревелъ; искусство бойца состояло въ томъ, чтобъ не допустить его броситься на себя: предупреждая нападеніе, онъ самъ бросался на него, поражалъ между переднихъ лапъ рогаткою и упирался въ нее ногою; такимъ образомъ случалось, что медвѣдь погибалъ съ перваго удара. Побѣдителя призывали передъ господъ и давали ему выпить, а потомъ жаловали матеріями или сукномъ ³⁾. Благочестивые пастыри тщетно вопли противъ такихъ увеселеній и забавъ и грозили епитиміею не только тѣмъ, которые ихъ устраивали, но и тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралица прехищрая, и глумы бѣа, и на позоры человѣки собираяи, и ловитвамъ прилѣжаяи, и ристанія творяи на коняхъ и колесницахъ, и самоборства, и прочая боренія и всякіа скоморошества — и не токмо самъ кто сіа творяи, но и слушаи, и то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ епитиміею каятися и престати отъ таковыхъ» ⁴⁾.

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились въ Сибири и на берегахъ Печоры посредствомъ сѣтей, къ которымъ привязывали для приманки голубей. Кречеты цѣвились въ особенности; этотъ родъ соколовъ былъ огромнаго роста—до двухъ футовъ, съ необыкновенною легкостью въ полетѣ, цвѣтовъ: бурога, пестрага, сѣрага, красно-

¹⁾ Herberst., 87

²⁾ Рук. Рум. Муз., № 330.

³⁾ Fletch., 203.—Strauss, 185.—Herberst., 83.—Доп., I, 199, 205.

⁴⁾ Рум. Муз., № 330.

ватаго и бѣлаго; бѣлые кречеты цѣнились выше всѣхъ по достоинству. Птицъ этихъ слѣдовало приучать и сдѣлать ручными, то-есть, чтобъ онѣ, по желанію охотника, слетали съ его руки, хватали налету добычу и возвращались къ нему съ нею. Чтобъ довести ихъ до такого состоянія, нѣсколько сутокъ (трое или четверо) не давали имъ спать: для этого надѣвали имъ на ноги путы и сажали на кольцо, повѣшенное на веревку. Какъ только птица начинала засыпать, сокольникъ потрясалъ кольцо; отъ этого безпокойства она забывала прежнюю свободу и впадала въ безпамятство. Однако, послѣ нѣкотораго времени птица опять дичала и снова надобно было ее приучать. У царей этихъ занимались сокольники, составлявшіе особый отдѣлъ въ числѣ царской дворни. Званіе это существовало встарину при князьяхъ. Еще въ XIV вѣкѣ великіе московскіе князья по договорамъ съ Великимъ Новгородомъ посылали въ Двинскую Землю своихъ сокольниковъ на промыселъ за птицами. Василій Іоанновичъ, любитель охоты, бралъ вмѣстѣ съ собаками на охоту и кречетовъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ сокольники получили правильную организацію; учреждено было званіе сокольникаго, начальника сокольниковъ. Изъ сѣверовосточной Руси привозили царю ежегодно кречетовъ въ большихъ коробахъ, обитыхъ въ средивѣ овчинами. При царѣ Борисѣ охота съ кречетами и соколами составляла обычную царскую потѣху. Но никогда соколиная охота не была въ такой чести, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ царь любилъ ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольниковъ, а сокольникій былъ царевъ любимецъ. У него былъ помощникъ, называемый подсокольникимъ и начальныя сокольники; въ вѣдѣніи каждого изъ нихъ были рядовые сокольники, а при нихъ состояли поддатни или ученики; царь облекалъ возведеніе ихъ въ должности византийскою обрядностью. Каждый изъ царскихъ кречетовъ носилъ особое названіе; изъ такихъ названій нѣкоторыя были и не русскія (Гамаюнъ, Малець, Бѣлая, Смѣлая, Уморъ, Ширяя, Промышляя, Мастеръ, Арбачъ, Буянъ, Армачъ, Ардачъ, Казакъ, Алай, Адаръ, Бумаръ, Амаръ, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексѣя было въ Коломенскомъ селѣ; но иногда царь ѣздилъ съ сокольниками по болѣе отдаленнымъ краямъ, напримѣръ, около Твери и Владиміра. Охотились за всѣми птицами; но преимущественнѣе царь любилъ охоту за такими, съ которыми дѣло не обходилось безъ боя, и гдѣ его любимые соколы и кречеты одерживали побѣды. Каждая такая стычка называлась ставкомъ; царь особенно любилъ ставки съ коршунами. Кречеты дѣлали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этомъ пространствѣ происходило до семидесяти ставокъ въ одну добычу. Случалось, что кречеть залеталъ далеко и пропадалъ: тутъ наступало время досады и гнѣва; но зато наступало время радости, когда бѣглець возвращался. Царь записывалъ время знатныхъ побѣдъ, одержанныхъ кречетами, челигами и соколами, ихъ полеты кверху и книзу. Иногда царь посылалъ своихъ птицъ въ подарокъ постороннимъ государямъ, особенно въ Персію, потому что шахъ персидскій ихъ любилъ. Русскія птицы цѣнились до 1.000 руб. за штуку.

XIX.

П р а з д н и к и.

Праздники были временемъ отклоненія отъ обычнаго порядка по ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися въ домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличнымъ ознаменовать праздничное время дѣлами благочестія и христіанскаго благотворенія. Ходить въ церковь къ установленному богослуженію была первая потребность; кромѣ того, хозяева приглашали къ себѣ духовенство, служили въ домѣ молебны и считали долгомъ кормить нищихъ и подавать милостыню. Такимъ образомъ цари учреждали трапезы на нищихъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ и, покормивши ихъ, изъ собственныхъ рукъ раздавали деньги, отправлялись въ богадѣльни, посѣщали тюрьмы и давали милостыню заключеннымъ. Такія благотворительныя путешествія происходили особенно предъ большими празниками: предъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ, также на масленицѣ; но совершались и въ другіе господскіе и богородичные праздники. Обычай этотъ наблюдался повсемѣстно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчныхъ кормить, жадныхъ поить, нагихъ одѣвать, больныхъ посѣщать, въ темницы приходить и ноги умыть — по выраженію времени, составляло самое богоугодное препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Были приѣтры, что за такіе благотворительные поступки цари повышали въ чины, какъ за службу. Дни праздничные считались приличнѣйшимъ временемъ для пировъ, какъ уже было сказано выше. Законодательство русское помогало Церкви, возбранявшей отправлять житейскіе труды въ праздничное время¹⁾; запрещало судить и сидѣть въ приказахъ въ большіе праздники и воскресные дни, кромѣ, впрочемъ, важныхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ; торговые люди должны были прекращать свои занятія наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня за три часа до вечера; и даже въ будни, по случаю храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, запрещалось работать и торговать до окончанія богослуженія; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковнымъ формамъ въ жизни, несмотря на то, что русскіе даже время считали не иначе, какъ праздниками, къ изумленію иностранцевъ, они торговали и работали и по воскресеньямъ, и по господскимъ праздникамъ. Зато простой народъ находилъ, что ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ; чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ ниже былъ разгулъ, тѣмъ болѣе выбиралось въ казну дохода въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ,—даже во время богослуженія пьяницы уже толпились около питейныхъ домовъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», говорилъ и говорить народъ великорусскій.

Въ XVI и XVII вѣкахъ новый годъ праздновался 1 сентября. Этотъ праздникъ назывался днемъ лѣтопровожденія. Въ Москвѣ все духовенство собиралось въ Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патріархъ съ клиромъ и духовенствомъ выходилъ на Красную площадь; выходилъ царь въ сопрово-

¹⁾ Уложение X, § 25.

жденіи множества бояръ и ближнихъ людей, въ великолѣпныхъ нарядахъ. Патриархъ цѣловался съ царемъ въ церкви, осыпалъ его благословеніемъ, потомъ осыпалъ весь народъ на всѣ стороны, призывая благословеніе на предыдущій годъ. Такое же благословеніе торжественно давали и епископы. День этотъ проводился весело русскимъ народомъ.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ толпы привлекались на зрѣлище пешнаго дѣйствія, которое отправлялось во многихъ мѣстахъ и долѣе сохранилось въ Новгородѣ. Что оно нѣкогда было и въ Москвѣ, указываетъ существованіе «халдеевъ», которые, по извѣстію Олеарія, дурачились по улицамъ во время святокъ. Зрѣлище происходило въ церкви ¹⁾. Особенностью праздника

¹⁾ Этотъ оригинальный обрядъ совершался въ воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова. Если праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда пешное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. праотца, а если праздникъ былъ въ одинъ изъ прочихъ пяти дней, то въ недѣлю св. отца. Приготовленія къ нему начинались еще за нѣсколько дней, напримѣръ, въ среду. Тогда въ церкви разбирали паникадо надъ амвономъ и приготовляли подобіе печи. Въ субботу, послѣ обѣдни, пономари по приказанію ключаря принимали амвонъ: на его мѣсто ставили печь и около нея большіе жѣззные *шандалы* съ витыми свѣчами. Начинаясь вечерня; благовѣсть къ ней, ради торжественности, длился цѣлый часъ. Тутъ въ первый разъ появлялись люди, которые должны были представлять дѣйство чуда надъ отроками. Это были: отроцкій учитель съ тремя отроками и халдеи. Отроки одѣты были въ стихари съ вѣнцами на головахъ, халдеи въ странномъ одѣяніи, называемомъ халдейскимъ платьемъ, въ шлемахъ, съ трубками, въ которыхъ была вложена плавучая трава, съ свѣчами и съ пальмами. Когда святитель входилъ въ храмъ, впереди его шествовали отроки съ зажженными свѣчами; одинъ халдей шелъ по правую руку, другой по лѣвую. Во время входа въ алтарь святителя халдеи оставались въ трапезѣ,—отроки входили въ алтарь съверными дверьми и пѣли вмѣстѣ съ подъяками. Въ заутрени, за 6 часовъ до разсвѣта, происходило представленіе. Святитель входилъ въ храмъ также съ отроками и халдеями въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, въ вечернѣ; отправлялась заутрени, отроки все это время находились въ алтарѣ. Но когда оканчивали седьмую пѣснь канона, посвященную, какъ извѣстно, воспоминанію событія трехъ отроковъ, тогда начинали пѣть особый канонъ въ честь ихъ, гдѣ ирмосы и причеты были составлены примѣнительно къ повѣствованію пророка Давида объ отрокахъ. На седьмой пѣснѣ этого канона отроцкій учитель творилъ по три поклона предъ образами и, поклонившись святителю, говорилъ: „благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!“ Святитель благословлялъ его по главѣ, говоря: „благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!“ Тогда учитель отходилъ, обвязывалъ отроковъ по шеямъ убрисами и, по знаку святителя, отдавалъ халдеямъ; халдеи, держась за концы убрисовъ, шли: одинъ впереди, другой позади отроковъ; отроки держались другъ друга руками. Доехши до приготовленной печи, одинъ изъ халдеевъ, указывая на печь пальмою, говорилъ: „дѣти царевы!... видите ли сію печь, огнемъ горящу и вельми распалемую!“ Другой добавлялъ: „сія печь уготоваса вамъ на мученіе“. Одинъ изъ отроковъ, представлявшій лицо Аваніи, говорилъ: „видимъ мы печь сію, но неужасаеяса ея: есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ,—той силею изыати насъ отъ печи сея!“ Представляющій лицо Азаріи продолжалъ: „и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ“; а Мисаилъ доканчивалъ: „а сія печь будетъ не намъ на мученіе, но намъ на обличеніе“. Потомъ протодіаконъ зажигалъ свѣчи отроцскія и стоялъ на царскихъ дверяхъ, а отроки пѣли: „и потщимся на помощь“, какъ бы приготовляясь къ мученію. По окончаніи пѣнія протодіаконъ, стоявшій со свѣчами, вручалъ ихъ святителю; отроки подходили къ нему и каждый получалъ отъ

Рождества Христова было славить Христа. Священники ходили изъ дома въ домъ. Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, какъ и теперь, были временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохранились въ эти дни заветные обряды язычества. Въ навечеріе Рождества Христова бѣгали по

него свѣчу, цѣлуя руку святителя. Учитель развязывалъ каждаго отрока предъ полученіемъ святительскаго благословенія. Послѣ того начинался такой діалогъ между халдеями: „Товарищъ!“—Чего?—„Это дѣти царевы?“—Царевы.—„Нашего царя повегвнѣи не слушаютъ?“—Не слушаютъ.—„А златому тѣлу не поклоняются?“—Не поклоняются.—„И мы выкинемъ ихъ въ пещь?“—И начнемъ ихъ жечь.—Тогда брали подъ руки Аванію и вкидали въ пещь, потомъ говорили Азаріи:—„А ты, Азарія, чего сталъ? И тебѣ у насъ то же будетъ“. Тоже брали Азарію и вели въ пещь. Наконецъ, такимъ же образомъ поступали и съ Мисаиломъ. Чередной звонарь являлся съ горномъ, наполненнымъ угольями, и ставилъ подъ пещь. Протодіаконъ возглашалъ: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ! Хвадно и прославлено имя твое во вѣки!“ Отроки повторяли этотъ стихъ, а халдеи ходили около печи съ трубкою, со свѣчами и съ пальмами, метали изъ трубокъ плавучую траву, примѣриваясь пальмами, какъ будто раздувая огонь. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: „И правн путіе твои, и судьби истинни сотворилъ еси“. За нимъ шли дьяки; когда же протодіаконъ возглашалъ: „и распалился пламень надъ пещію“,—отроки пѣли: „аже обрѣте о пещи халдейстѣй“. Тогда ключарь принималъ отъ священника благословеніе *ангела ступати въ пещь*. Діаконъ бралъ у халдеевъ трубки съ плавучей травой и огнемъ; протодіаконъ громко возглашалъ: „Ангель же Господень свидѣ купно со Азаріиною чадію въ пещь“, и когда доходилъ до стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“, тогда являлся ангелъ, держа свѣчу и спускаясь сверху съ громомъ въ пещь; халдеи, державшіе въ это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опалили ихъ свѣчами. Отроки зажигали въ вѣнчи свои три свѣчи ангела. Халдеи между собою вступали въ такой разговоръ: „Товарищъ!“—Чего?—„Видиши ли?“—Вижу.—„Было три, а стало четыре“... Гроветъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію.—Отроки въ пещи держали ангела—два за крылья, а одинъ за лѣвую ногу. Потомъ ангелъ поднимался и бросалъ отроковъ сверху. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ; отроки пѣли ее въ пещи, а вслѣдъ за ними повторяли ее дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса: халдеи зажигали вновь потухшія свѣчи и стояли съ поникшими головами; когда же пѣснь доходила до мѣста „благословите тріе отроци“, ангелъ снова спускался съ громомъ и трасеніемъ въ пещь, а халдеи отъ страха падали на колѣни. По окончаніи всей пѣсни ангелъ поднимался вверхъ; халдеи подходили къ пещи, отворяли двери пещи, стояли безъ шлемовъ или туриковъ (которые спадали у нихъ при первомъ появленіи ангела) и вели между собою слѣдующій разговоръ: „Аванія! гряди вонъ изъ пещи!“—„Чего сталъ? Поворачивайся,—неиметь васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра“. „Мы чаяли—васъ сожгли, а мы сами сторѣли!“—Послѣ того халдеи выводили за руки отроковъ изъ пещи, одного послѣ другого, сами надѣвали на себя турики, брали въ руки свои трубки съ плавучею травой и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ. Обрядъ оканчивался многолѣтніемъ царю и всѣмъ властямъ. Заутрени продолжалась обычнымъ порядкомъ. Послѣ славословія протопопъ съ отроками входилъ въ пещь и читалъ тамъ Евангеліе. По окончаніи заутрени пещь принималась и ставилась снова амвонъ на прежнее мѣсто (Древн. Русск. Вивлісе, VI, 371 и дал.). Новгородская халдейская пещь до нашего времени сохранилась въ главѣ собора св. Софій и въ настоящемъ (1860) году перезезена въ Императорскую Академію Художествъ. Это, такъ сказать, полукруглый шкафъ безъ крышки, съ боковымъ входомъ, на подмосткѣ. Стѣны ея раздѣлены на части продольными колонками, очень искусно украшенными рѣзбою. По стѣнкамъ находилась нѣкогда изображенія, теперь несуществующія. Рѣзба была позолочена.

городу или по селу и кликали коледу и усень или таусень; въ навечеріе Богоявленія кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и въ столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пьянство доходило до безчинства, тутъ-то чаще происходили кулачные бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдеи, отправлявшіе предъ праздникомъ дѣйство чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды. На праздникъ Богоявленія нѣкоторые купались въ рѣкѣ, послѣ окончанія водоосвященія; въ особенності подвергали себя такой пыткѣ тѣ, которые во время святокъ позволяли себѣ разныя увеселенія и переряживанья.

На масленицѣ безчинства было еще болѣе; тогда ночью по Москвѣ опасно было пройти чрезъ улицу; пьяницы приходили въ неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитыхъ. Въ воскресенье, передъ постомъ, родные и знакомые посѣщали одинъ другого и прощались. Равнымъ образомъ и, встрѣтаясь на улицахъ, говорили другъ другу: «прости меня, пожалуй!»—Отвѣтъ былъ: «Богъ проститъ тебя».—Тогда, послѣ обѣдни, вспоминая родителей, ѣздили по церквамъ и монастырямъ и прощались съ гробами усопшихъ. Съ наступленіемъ великаго поста начинались дни воздержанія; тѣ самыя, которые въ мясоѣдъ и на масленицѣ позволяли себѣ неуиѣренность въ пищѣ и питъѣ, теперь питались однимъ кусочкомъ хлѣба съ водою въ день; мужья убѣгали женъ; встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые напоминали одинъ другому о христіанскомъ житъѣ и постѣ, въ ожиданіи свѣтлаго праздника. Встарину, какъ принадлежность поста, существовалъ обычай посылать другъ другу такъ называемыя укурки съ разными фруктовыми лакомствами и виномъ. Это дѣлалось, какъ видно, по праздникамъ и субботамъ, когда Церковь ослабляетъ строгость великаго поста. День вербнаго воскресенія привлекалъ зрителей на оригинальную церемонію веденія осла, принадлежащую къ сферѣ церковныхъ обрядовъ. Пасха праздновалась, какъ и теперь, всю недѣлю, и крашенныя яйца, какъ и теперь, составляли особенность праздника. Всю страстную недѣлю повсюду толпились продавцы красныхъ яицъ; другіе расписывали ихъ золотомъ; нѣкоторыя яйца были гусиныя или куриныя, вареныя, а нынѣ деревянные; при христосованіи считали необходимымъ дать яйцо, а если христосовались люди неравнаго достоинства, то яйцо давалъ высшій низшему. Въ этотъ праздникъ существовалъ обычай, по которому бояре, а за ними и другія сословія, являлись къ царю и подносили подарки; точно такъ же подносили дары крестьяне господамъ. Эти подарки назывались великоденскими припасами; съ своей стороны и господа ихъ дарили, когда цѣловали¹⁾. На святой недѣлѣ по улицамъ городовъ и посадовъ господствовала крайняя пестрота одеждъ и всеобщее удовольствіе; всю недѣлю звонили въ колокола, вѣруя, что этотъ звонъ утѣшаетъ на томъ свѣтѣ усопшихъ. Русскіе, встрѣчаясь между собою, цѣловались: никто не могъ отказаться отъ пасхальнаго поцѣлуя; однако, высшіе не всегда позволяли это низшимъ себя; такъ, царь не христосовался ни съ кѣмъ, исключая патріарха, а давалъ цѣловать свою руку. Встарину существовалъ обычай христосоваться съ мертвыми, теперь почти уже вышедшій изъ употребленія. Въ день Пасхи, послѣ заутрени, ходили на могилы родителей и родственниковъ и восклицали: Христосъ воскрес!

¹⁾ De Bruyns, 33.

и бросали яйцо на могилу. Такъ точно и царь христосовался съ усопшими предками въ Архангельскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Благочестивые люди старались святые дни воскреснаго праздника провести въ дѣлахъ милосердія, и въ эти дни особенно кормили нищихъ, раздавали милостыню, посылали пособіе заключеннымъ. Но въ массѣ простого народа духовное торжество воскресенія Христова уступало мѣсто матеріальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицахъ шатались пьяные, и такъ же, какъ на масленицѣ, по ночамъ случались убійства.

Изъ церковныхъ праздниковъ въ простомъ народѣ суббота передъ Троицынымъ днемъ и рождества Іоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщаго поминовенія усопшихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ забавъ и веселишей. Народъ собирался на кладбищахъ (по жальничкомъ): сначала плакали, голосили, причитывали по роднымъ, потомъ появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плачь и сѣтованіе измѣнялись въ веселіе; пѣли пѣсни и плясали ¹⁾. Въ праздникъ Купала во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно праздновалъ языческую ночь, проводя ее въ забавахъ. Мы нигдѣмъ любопытное описаніе такого народнаго праздника въ Псковѣ въ 1505 г. Когда наступалъ вечеръ 23 іюня, весь городъ поднимался; мужчины, женщины, молодые и старыя, наряжались и собирались на игрище. Тутъ являлись неизбѣжные скоморохи и гудцы съ бубнами, сопѣлами, дудками и струнными гудками: начиналось, по выраженію современника, *ночю скаканіе, хребтамъ выхланіе*. Женщины и дѣвцы плясали, прихлопывая въ ладоши, и пѣли пѣсни, принадлежашія этому празднику. По извѣстію монаха, который считалъ эти забавы угодженіемъ бѣсамъ, въ эту ночь происходило много соблазнительнаго, по поводу сближенія молодыхъ людей обоеихъ половъ.

XX.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ.

Родины и крестины.—Врачъ.—Новоселье.—Смерть.— Погребеніе.

Пиръ и увеселенія сопровождали семейныя событія. Рожденіе младенца ознаменовывалось всегда домашнимъ торжествомъ. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне готовили особое пиво и брали для того разрѣшеніе отъ начальства ²⁾. Родильницы получали отъ гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычаевъ; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому, хотя такая сумма не могла чего-нибудь составить для тѣхъ, кому дарили ³⁾. Русскіе спѣшили крестить; и чаще всего крещеніе совершалось въ восьмой день по рожденіи, но иногда въ сороковой, такъ какъ эти числа наименовали въ младенческой жизни

¹⁾ Стогл., вопр. 27.

²⁾ А. А. Э., I, 421.

³⁾ Mejerb., 159, 161.

Иисуса Христа событія Обрѣзанія и Срѣтенія; имя нарекали чаще всего случайно, по названію святого, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденнаго, да и тогда соблюдалось, чтобы обрядъ происходилъ непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ дитя родилось ¹⁾). Истари, какъ показываютъ это Вопросы и отвѣты Кирика, комната, гдѣ родился младенецъ, нѣсколько дней считалась оскверненною. Выборъ восприемниковъ падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи на младенца надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который оставался на немъ во всю жизнь, какъ символъ его принадлежности къ христіанскому обществу. Восприемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обоими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви ²⁾). Послѣ обряда въ тотъ же день учреждался крестинный столъ, и при этомъ, кромѣ гостей, кормили и нищихъ. Царь въ день крещенія своего дитяти дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ; по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія;—съ тѣхъ поръ оно оставалось на долгое время погребеннымъ въ глубинѣ постельныхъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ крестиннымъ столомъ. По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщающими о рожденіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили вести новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра царскимъ дѣтямъ. Въ свою очередь, однако, по случаю рожденія дитяти царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ различныя милости ³⁾).

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и оттого день рожденія оставался незавѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому состояніе позволяло. Съ утра именинникъ или имениница разсылала гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили именинникамъ подарки; духовные благословляли именинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матеріи, кубки или деньги ⁴⁾). Въ царскомъ быту царь въ день своихъ именинъ, по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именинные пироги; то же дѣлала царица у себя на свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи сами за себя раздавали пироги, а въ день именинъ царевны или малолѣтняго царевича раздавалъ ихъ за именинниковъ царь; но все-таки почиталось необходимымъ, чтобы отъ именинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьѣ, потомъ именинникъ представлялся царю и также подносилъ ей пироги ⁵⁾). Съ другой стороны, царю, какъ и частнымъ лицамъ, на

¹⁾ Strauss, 217.

²⁾ Стогл., гл. 45.

³⁾ Доп., I, 119.

⁴⁾ Доп., I, 141.—Врем., XIII. Расх. кн. Никона, 10, 30 и дал.

⁵⁾ Котоших., 25.

именины подносили подарки, и эти подарки, какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговые люди необходимо должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда-то подарилъ царю, и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ, съ своей стороны, иногда отдаривалъ гостей: по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей ¹⁾.

Несмотря на предпочтеніе духовнаго рожденія плотскому, у русскихъ долго было въ обычаѣ, кромѣ христіанскаго имени, имѣть еще прозвище или некрестное имя; обычай этотъ водился въ удѣльныя времена между князьями, которые, кромѣ крещенаго имени, всегда имѣли еще княже старославянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человекъ не христіанскимъ своимъ именемъ, а прозвищемъ; напр. Первый, Смирный, Девятый, Злодѣй, Козель, Паукъ, Руснякъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Нехорошко, Бѣляница, Дунай, Май, Пospѣлка, Роспута, Мясоѣдъ, Кобякъ ²⁾. Даже священники носили такія имена ³⁾. Иногда было три имени: прозвище и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человека, могутъ дѣлать ему вредъ чародѣйственными способами и вообще иногда легко сглазить человека ⁴⁾. Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человека, котораго всѣ знакомые знали подъ именемъ Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовные поминали Ѳедотомъ; и только тогда открывалось, что онъ былъ Ѳедотъ, а не Дмитрій. Случалось, что крещеное имя переименывалось на другое, по волѣ царя; напр., дѣвицу Марію Хлопову, взятую въ царскій дворъ въ 1623 г. съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали въ Анастасію; но когда государь раздумалъ и не захотѣлъ взять ее себѣ женою, тогда она опять стала Марія ⁵⁾. Другіе—особенно бѣглецы—самопроизвольно переименывали свои имена, прозвища, и оставались навсегда съ новыми и такъ были записываемы ⁶⁾. Нерѣдко цари давали почетныя прозвища людямъ, и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ фамильныя прозванія; наприимѣръ, въ 1564 году одного мордвина царь нарекъ Дружиною ⁷⁾. Прозвища классическія, столь обыкновенныя впоследствии въ семинаріяхъ, были

¹⁾ Дом. Б. Русск. Цар. От. Зап. 1854 г. Январь, 33.

²⁾ А. И., II, 213. III, 192. IV, 19, 75.—Доп., I, 76, 83, 85. II, 154.—Врем., XVIII. См., 54.

³⁾ Доп., I, 392.

⁴⁾ Это свѣдѣніе, какъ кажется, нигдѣ не напечатанное, открыто Н. В. Калачовымъ, сообщившимъ его мнѣ.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 261.

⁶⁾ П. С. З., I, 596.

⁷⁾ Врем., V. См., 52.

въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ ¹⁾.

Бракъ сопровождался самыми затѣйливыми обрядами, и никогда семейная жизнь не облакалась такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты жизни.

Русскіе женились вообще очень рано. Бывало, что женихъ нѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ ²⁾. Русскіе какъ будто сѣвшии уйти отъ соблазновъ холостой жизни. Рѣдко случалось, чтобъ русскій долго оставался неженатымъ, если только не болѣзнь была этому причиною, или какое-нибудь горе не мыкало нѣтъ въ разныя стороны, или если онъ не расположенъ былъ вступить въ монастырь. При ранней женитьбѣ совершенно было естественно, что женихъ и невѣста не знали другъ друга до брака: а тотъ, и другая, будучи еще дѣтьми, играли страдательную роль подъ вліяніемъ родителей и удалены были отъ людскаго взора. Вообще нравственные понатія того времени не позволяли молодымъ людямъ обоимъ половъ видѣться и уговариваться между собою. Женихъ не смѣлъ даже сказать, что желаетъ жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою. Только тогда, когда женихъ вступалъ во второй бракъ, или былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, или не нѣлъ родителей, приступъ къ бракосочетанію дѣлался нѣтъ самимъ лично. Иногда же первый шагъ начинался и со стороны родителей невѣсты. Желая сбыть дочку, родители засылали къ жениху близкаго нѣтъ человѣка сватомъ: онъ обыкновенно начиналъ рѣчь похвалою честному имени рода жениха и невѣсты, говорилъ о взаимной любви двухъ родовъ и представлялъ выгоды, какія могутъ произойти отъ соединенія ихъ родствомъ. Если родители жениха соглашались, то приступали къ сватовству обычнымъ порядкомъ ³⁾. Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ, — Михаилъ Федоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца ⁴⁾. Иногда браки начинались по волѣ высшихъ лицъ; такъ, цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали нѣтъ невѣсть, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣло непременно, чтобъ пашенные крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльныхъ; но какъ честные поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятя мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню ⁵⁾.

Родители, вознамѣрясь женить сына, совѣтовались съ близкими родственниками и часто не говорили объ этомъ самому жениху ничего. Избравши домъ, съ которымъ не стыдно было породниться, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія. Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочери за предлагаемаго жениха, то отговаривались обыкновенно тѣмъ, что она еще молода или подобнымъ предлогомъ. Если же были согласны, то не заявляли объ этомъ тотчасъ, но говорили, что носовѣтуются съ роднею и назначали день рѣшительнаго отвѣта. Когда наконецъ давалось со-

¹⁾ А. И., III, 333.

²⁾ Jenkins. Nacl., 360.

³⁾ Petr., 321.

⁴⁾ С. Г. Гр., III, 406.

⁵⁾ А. И., IV, 60.

гласіе, свать или посредникъ просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случалось, что такое дозволеніе не получалось, иногда отъ гордости, иногда оттого, что невѣста была дурна собою. Но чаще случалось, что родители дозволяли видѣть дѣвицу, и тогда посылалась какая-нибудь родственница жениха, или же вѣхала сама его мать: во всякомъ случаѣ эта женщина называлась смотрительницею. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ: иногда смотрительницу вводили въ убраную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась съ нею по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли. «не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена» ¹⁾. Бывало, если у родителей дочь-невѣста уродъ, то вмѣсто ея приводили меньшую и выдавали смотрительницѣ за невѣсту, а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Женихъ не имѣлъ права самъ видѣть невѣсты до брака, и слѣдовательно долженъ былъ довольствоваться тѣми извѣстіями о ней, какія передавала ему смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ не прежде, какъ послѣ вѣчанья. Обманутой женихъ могъ завоваться духовнымъ властямъ; производился розыскъ; спрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко; гораздо обыкновеннѣе подводили дѣло такъ, что женихъ поневолѣ долженъ былъ жить съ своею суженой, и ему говорили позднее нравоученіе: «не провѣдавъ подлинно, не женись!» Зато мужъ въ такомъ случаѣ, въ утѣшеніе себя, колотилъ жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семейю невѣсты, настаивали, чтобы имъ самимъ дозволено было видѣть невѣсту, и родители дозволяли, если дорожили женихомъ; но тогда уже отдѣлаться жениху было трудно. Правда, если невѣста ему не нравилась, онъ не женился; зато долженъ былъ убѣгать всякаго разговора о своихъ прошедшихъ отношеніяхъ, а иначе родители невѣсты, злясь на него, могли подать жалобу духовнымъ властямъ о томъ, что онъ ихъ безчеститъ: дурно говорить о невѣстѣ и отбиваетъ жениховъ; такая жалоба могла послѣдовать даже и въ такомъ случаѣ, когда женихъ вовсе ничего не говорилъ; жениха принуждали жениться, или заплатить безчестье, если онъ уже успѣлъ жениться на другой ²⁾. Впрочемъ, если женихъ и видѣлъ невѣсту—и тогда онъ не могъ уберечься отъ обмана, ибо онъ ее послѣ того уже не видалъ болѣе до самой свадьбы, и родители невѣсты, если были безчестные люди, могли все-таки подмѣнить невѣсту, какъ и въ томъ случаѣ, когда видѣла ее смотрительница. Одинъ молодой человѣкъ—вѣроятно не имѣвшій родителей—задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ обмануть его; у этого посадскаго была кривая на одинъ глазъ дочка. Родитель этой красавицы обѣщалъ пріятелю награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Свать отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ увидѣть невѣсту изъ окна, когда она пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ, и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна; дѣвица, идя, держалась такъ, чтобъ жениху виденъ былъ одинъ ея здо-

¹⁾ Котоших., 120.

²⁾ Котоших., 126.

ровый глазъ. Женихъ не замѣтилъ другого и согласился жениться. Плохое житье было и мужу, и женѣ: выигралъ зато одинъ сватъ ¹⁾).

Великокняжескія, а послѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвицъ. Собирали изъ разныхъ сторонъ дѣвицъ дворянскихъ фамилій, и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ себѣ по вкусу. Когда великій князь Василій Ивановичъ собирался жениться, то на смотръ къ нему собрали тысячу пятьсотъ дѣвицъ ²⁾). Иванъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ *дѣвокъ*. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ должны были помѣщики свозить ихъ въ Новгородъ къ намѣстнику, а намѣстникъ обязанъ былъ доставлять ихъ къ царю, по требованію. Это была обязанность всѣхъ отцовъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи и медленности, тотъ подвергался опалѣ и казни ³⁾). Эта честь вообще не слишкомъ соблазняла отцовъ, ибо тогда многіе вяземскіе и дорогобужскіе дворяне получали выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домъ Артамона Сергѣевича Матѣева, и царь, — въ противность принятому издавна обычаю не посѣщать домовъ поданныхъ своихъ, — смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства, а потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ, избралъ Наталью Кирилловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облакали въ драгоценныя одежды, нарекали царевною, и она жила въ совершенномъ отчужденіи отъ царя до самаго брака; ибо и цари, подвергаясь общимъ народнымъ нравственнымъ обычаямъ, дозволяли себѣ только однажды видѣть невѣсту.

Послѣ смотра происходилъ сговоръ — первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назывался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря по тому, какъ угодно было назначить хозяевамъ. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу, а сами садились подлѣ нихъ. Нѣсколько времени они молчали, глядя другъ на друга: такъ слѣдовало по приличію. Потомъ жениховъ отецъ или его старій родственникъ говорилъ церемоніальную рѣчь и въ ней выражалъ, что они пріѣхали для добраго дѣла, а родители невѣсты отвѣчали, что рады такому пріѣзду. Тогда составлялся уговоръ, писалась рядная запись, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: въ такое-то время женихъ обязывался взять себѣ въ жену такую-то, а родственники ея должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различныя, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и черезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣнчаніемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постели, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ, въ деньгахъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, если дѣвица была дворянскаго

¹⁾ Strauss, 199. — Колл., 11.

²⁾ Herb., 19.

³⁾ С. Г. Гр., II, 48.

происхожденія. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невѣсту вѣно въ XVI и XVII в. совершенно исчезъ ¹⁾). Обыкновенно приданое доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы; но недобѣрчивые родители жениха нерѣдко требовали, чтобъ оно было доставлено до свадьбы, держась по-словницы: «денежки на столъ, дѣвушку за столъ». Все писалось въ рядныя записи подробнымъ образомъ, и въ обезпеченіе вѣрности условій назначалась неустойка или попятное ²⁾). Та сторона, которая отступала, обязывалась платить известную сумму: такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть тягостны для несоблюдающаго обязательство. Рядную записъ писалъ подъячій, котораго нарочно при этомъ приглашали ³⁾, иногда въ той же рядной записи прибавлялось условіе, чтобъ мужу не бить жены своей ⁴⁾, и въ случаѣ нарушенія условія ея родители могли искать судомъ на зятѣ, который безъ того не обязывался къ такой кротости по одному своему званію супруга. Невѣсты не было при сговорѣ. Но по окончаніи условій одна изъ женицннъ, изъ семейства или изъ родни невѣсты, приносила жениху и его родственникамъ подарки отъ имени невѣсты. Сговоръ имѣлъ юридическую силу. Отказъ послѣ него отъ брака—значило оскорбить семью.

Долго ли, коротко ли было время отъ сговора до свадьбы, только женихъ не выдалъ своей невѣсты, какъ выше сказано. Когда день, назначенный для бракосочетанія, приближался, у жениха и у невѣсты дѣлались приготовленія; собирали поѣзжанъ, снаряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшіе необходимость брачнаго торжества; они должны были исполнять разныя символическія должности какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. Свадебные обряды изображали вступленіе жениха и невѣсты въ иную жизнь и представляли какъ бы торжественное возведеніе ихъ въ новое достоинство. Они имѣли подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому—то женихъ носилъ названіе князя, а невѣста—княгини. Главный чинъ со стороны жениха былъ тысяцкій, точно такъ же, какъ нѣкогда существовала должность съ подобнымъ названіемъ во времена удѣльно-вѣчевья. Онъ сопровождалъ повсюду жениха, такъ что безъ него женихъ не ступалъ шагу. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ, въ противномъ случаѣ ихъ должность исполняли настоящіе родители. Отецъ и мать жениха благославляли его на бракъ; отецъ и мать невѣсты выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ: одна сваха женихова, другая невѣстина. Съ обѣихъ сторонъ выбирались сидячіе бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный советъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались свадебные дѣти боярскіе или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоній представлявшіе второй классъ гостей послѣ бояръ. Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчкики, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ, очень важный, котораго должность была отпускать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ кол-

¹⁾ Fletch., 240.

²⁾ Оп. г. Шун, 415.

³⁾ Petr., 321.

⁴⁾ Колл., 11.

довства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для цорть и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій ¹⁾).

Наканунѣ свадьбы собирались къ жениху его гости, а къ невѣстѣ гости, составлявшіе ея поѣздъ; и тѣ, и другіе перовали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же въ эти дни выбранныя свадебныя чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, пару сапоговъ, ларецъ, въ которомъ находились румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальце ²⁾; а нѣкоторые (XVI вѣка, а можетъ быть также и въ XVII) посылали еще принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы, а вмѣстѣ съ ними лакомства, состоявшія въ изюмѣ и фигахъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее стануть за это кормить сладостями и баловать, а иначе будутъ сѣчь розгами ³⁾).

Вѣнчаніе происходило большею частью вечеромъ. Утромъ въ день торжества (иногда же наканунѣ) сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха готовить брачное ложе. Существовало вѣрованіе, что лихіе колдуны и колдуньи могутъ внести порчу и нагнать злыхъ духовъ въ тотъ домъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*. Противъ этого наблюдали разныя средства. Между прочимъ, сваха обходила кругомъ хорошину, гдѣ устраивалось брачное торжество, и кровать, гдѣ постигалось брачное ложе, съ рябиною въ рукахъ, на которой нарѣзывались символическіе знаки ⁴⁾. Ея шествіе совершалось церемонно. За сваюю человекъ пятьдесятъ, а иногда и до ста прислужниковъ несли на головахъ разныя принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленный. Необходимо было, чтобъ на потолокъ не было земли, чтобъ, такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами всегда были лавки съ полавочниками; по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали соболей, въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ по сороку, а въ другихъ по одному соболю; да сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался калачъ. На лавкахъ по угламъ ставили по оловянику питейнаго меда; надъ дверьми и надъ окнами, какъ внутри, такъ и снаружи, на стѣнахъ прибавали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ. Постель готовилась на кровати или на широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридцать, то-есть двадцать-семь, а въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сороку: то и другое число имѣли символическія значенія и вѣроятно употреблялись по произволу); на снопы клали коверъ, а на него перины; на свадьбѣ Михаила Феодоровича положено было семь перинъ, одна на другую ⁵⁾ у простыхъ клали иногда по двѣ перины и болѣе, по желанію. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя

¹⁾ Оп. г. Шун, 456.

²⁾ Олеар., 215.—А. г. Шун, 63.

³⁾ Дженк., 560.

⁴⁾ Буслаева. О нар. поэз., 32.

⁵⁾ Др. Русск. Вивл., XIII, 169.

наволоки; постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло, соболье и кунье съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло, — шубу и коверъ, и закрывали простынею ¹⁾. Вокругъ постели устраивались тафтяные занавѣсы. Надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самыя, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрсами или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кадн или открытыя бочки съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ. Это означало обиліе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ ²⁾. На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ, и у жениха, и у невѣсты несли свадебныя хлѣбы или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невѣсту начинали одѣвать въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвицы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно-убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертьми, уставляли украсницами, солонницами и перечницами, устраивали поставецъ, какъ водилось вообще на пирахъ, и убирали мѣсто для жениха и невѣсты на возвышеніи или рундукѣ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотныя изголовья, а сверху покрывали ихъ собольими; подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ: это лицо держало въ рукѣ пукъ соболоей; его должность была *опашивать* новобрачныхъ. Передъ мѣстомъ ставили столъ, накрытый тремя скатертьми, одна на другой; на нихъ клали соль въ солонницѣ, калачъ или перепечу и сыръ. • Надъ мѣстомъ прибывали икону, и, кромѣ того, въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжавыми. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему дадутъ знать, что пора ѣхать за невѣстою. Съ гостями его находился непремѣнно и священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ невѣсты все было готово и сама невѣста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ—символь дѣвчества, и вели съ торжественнымъ шествіемъ въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины-плясцы, которыя плясали и пѣли пѣсни. За ними коровайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями, короваи. На короваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ пѣнзями. Потомъ слѣдовали свѣчники съ свѣчами и фонарики съ фонарями для свѣтъ. Какъ у жениха, такъ и у невѣсты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, потому что онѣ были массивны, напримѣръ, женихова въ три пуда, невѣстива въ два пуда. На свѣчахъ надѣвались серебряныя или серебряно-вызолоченныя обручи и бархатныя или атласныя кошельки. Возлѣ свѣчъ несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (водокрещенную) свѣчу, которою зажигали брачныя свѣчи. Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыхъ во дворцѣ, свѣчи жениха и невѣсты несли разомъ предъ будущою царицею. Въ частныхъ свадьбахъ жениховы короваи, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невѣстѣ. За коровайниками, свѣчниками и фонарниками невѣсты шель дружка и несь опашало:

¹⁾ Оп. г. Шук, 187, 403.

²⁾ Olear., 211.

то была большая металлическая миса; въ ней лежали на третѣ углахъ хмель, собольи и бѣличьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ или невѣстѣ и *держали путь*, чтобы никто не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ. подѣ покрываломъ. За невѣстою слѣдовали сидачія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ: двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика—головной уборъ замужвей женщины съ принадлежностями, какъ-то: подубрусничокъ или волосничокъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведеннымъ въ водѣ или винѣ. На другомъ лежали убусы, назначенные для раздачи гостямъ. Ближе съ осыпаломъ и съ убрусами ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились коровайники, свѣчники и фонарики. Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое-нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ составлявшіе чинъ невѣсты садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ усаживались, отецъ и мать невѣсты, дѣйствительные или нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: «Достойно есть!» Вставали родители, брали по образъ и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цѣловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли коровайники съ короваями, свѣчники и фонарики съ своими принадлежностями, потомъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, за ними женихъ, котораго вели подѣ руки тысяцкій, за ними поѣзжане, то-есть всѣ, составлявшіе чинъ жениха. Они садились на лошадей верхами или въ сани. Когда такимъ образомъ шествіе достигало двора невѣсты, родители невѣсты выходили къ нимъ на встрѣчу. Они входили въ приготовленный покой, гдѣ уже сидѣла невѣста. Женихъ молился, знаменуясь крестомъ, и кланялся образамъ на всѣ четыре стороны, потомъ вмѣстѣ съ дружкомъ подходилъ къ своему мѣсту; слѣдовало выкупать это мѣсто у того мужчины или мальчика, который сидѣлъ подлѣ невѣсты; послѣдній, получивъ нѣсколько монетъ, уступалъ свое мѣсто и женихъ садился подлѣ невѣсты на одну подушку съ нею. Въ царскихъ свадьбахъ лицо, сидѣвшее подлѣ невѣсты, сводили съ мѣста, взявши подѣ руки.

Эти обычай сходки жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одной изъ палатъ, царица въ другой; сначала царица шла въ Грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ она садилась. На этомъ мѣстѣ лежало сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась: возлѣ нея садился какой-нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлялъ прежде своего нареченнаго отца; тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Послѣдѣвъ немного, зтотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: «государь царь и великій князь всея Россіи! бояринъ такой-то велѣлъ говорити: прося у Бога милости, время тебѣ идти, государю, къ своему дѣлу». Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ

побѣдомъ шелъ въ Грановитую палату. Впереди его шли двое духовныхъ особъ: благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысяцкій велъ царя подъ руку, за нимъ слѣдовали стольникъ съ колпакомъ и стряпчѣ. Прибывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту, большой дружка подымалъ посаженное близъ невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто возлѣ будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ѣли, но, впрочемъ, какъ говоритъ Котошихинъ, не для того, чтобъ наѣсться, а только для чина. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ «Отче Нашъ», потомъ молитву покровенія главы. По окончаніи послѣдней молитвы сваха подходила къ отцу и матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. «Благослови Богъ!» отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоявленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женикомъ и невѣстою большой кусокъ тафты съ наштымъ крестомъ, такъ что женихъ и его побѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кивкой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кивку и подзатыльникъ и наконецъ закрывала, иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе на память о дѣвчествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и опаивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый держальникомъ. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли, отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ ними держали зеркальце, и женихъ здѣсь могъ увидѣть въ зеркалѣ лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченномъ шерстью вверхъ тулупѣ и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько было шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда укучиванія невѣсты сидячія боярыни и дѣвнцы пѣли свадебныя пѣсни, а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ: «благословите рѣзать перепечу и сыръ». «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Дружка рѣзалъ перепечу и сыръ на мелкіе куски, клалъ на большое блюдо, накладывалъ туда же множество ширинокъ и отдавалъ подружкѣ или меньшему дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрूसъ и подносилъ его жениху, а меньшей дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширики, также посылалъ отцу и матери жениха, остававшимся въ своемъ домѣ. Въ то же время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то-есть бросала въ толпу ихъ горстами все, что было на осыпалѣ — серебряныя деньги, хмель, куски матеріи и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ, подавали другую яству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія — *молодыхъ везти къ тѣнцу*. «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ, съ драгоцен-

ными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословіе. Отецъ и мать раздѣливали ихъ кольцами, и взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу. Наконецъ, отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня за послушаніе тебя будетъ учить этою плетью мужъ!» Съ этими словами онъ передавалъ плеть жениху, а тотъ, принявъ плеть, говорилъ: «я не думаю имѣть въ ней нужды, но беру ее и буду беречь, какъ подарокъ». Онъ закладывалъ ее за кушакъ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого обряда коровайники и свѣчки выходили. За ними выступали свадебные гости. Устился путь кусками матеріи, и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысячій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ, тѣ, которые держали сорокъ соболей, взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ опять на то же мѣсто, а скатерть, на которой рѣзали перепечу и сыръ, складывали и отдавали ключнику.

На дворѣ передъ крыльцомъ стояло множество охладившихъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояръ, близкиихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались какъ можно понаряднѣе, поволакивались атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугою привѣшивались, какъ водилось, лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста; въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводился сидѣвшій подлѣ невѣсты вмѣсто жениха. Невѣста садилась въ сани вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали соболей. Подобный обрядъ наблюдался и въ отношеніи жениха: у крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сидѣлъ другой; и когда являлся женихъ, тотъ вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣнчанью. Если же, по причинѣ непогоды, нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысяцкиимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ саняхъ, шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть въ церковь ранѣе невѣсты. Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камками, и двадцать человекъ дѣтей боярскихъ царичиныхъ наблюдали, чтобъ никто не переходилъ пути между женихомъ и невѣстою. Въ простонародныхъ свадьбахъ впереди поѣзда пѣли свадебныя пѣсни, и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось Церковью, и духовные называли вообще свадебныя пѣсни нелѣпнымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто-нибудь не перешелъ дороги между верхнимъ конемъ жениха и санями невѣсты, и чтобы вообще лихіе люди не надѣлали чего-нибудь дурного козловствомъ.

Путь отъ церковныхъ дверей до налоя устилался кусками матеріи; самое мѣсто передъ налоемъ также устилалось и, сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста тотчасъ послѣ прихода въ церковь становились на свои мѣста; но иногда свадьбы бывали послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столовъ, слушали литургію

и по окончаніи ея подходили къ налою. Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣнчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII — вечеромъ, и тогда высокая чета вѣнчалась тотчасъ по прибытіи въ храмъ. Послѣ вѣнчанія невѣсту раскрывали, и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе: въ немъ обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться своихъ духовниковъ, хравить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ учить жену палкою, какъ подобаеть главѣ. Потомъ онъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ поцѣловаться. Жена иногда въ знакъ повинновенія припадала къ ногамъ супруга и касалась челою его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты ¹⁾. Наконецъ, священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и передавала опять мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ донивалъ, бросалъ подъ ноги чарку и топталъ ее. разомъ съ женою, приговаривая: «пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые стануть посягать между нами раздоръ и нелюбовь». Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде усльветъ наступитъ ногою на чашу, тотъ надъ другимъ будетъ сохранять первенство; но какъ ни старались воспользоваться этимъ жены, однако рѣдко имъ удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысячкій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвѣнчались въ добромъ здоровьѣ. Въ то же время дружка разрѣзывалъ коровай, и священникъ отсылалъ его (вѣроятно, черезъ того же дружку) отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни ²⁾, и оба рода давали обѣтъ быть людьми одного стола и одного хлѣба — *хлебосолами*, и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ обычаѣ рассказываетъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно, обычай соблюдался черезъ посылку. Впрочемъ, вѣроятно, онъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, ибо тамъ равенства между семьями не было и быть не могло.

При выходѣ изъ церкви свага осыпала новобрачныхъ сѣменами льна и конопля, желая имъ счастья; другіе дергали жену за рукавъ, показывая видъ, будто хотять разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому. На знатныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты ³⁾. Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, у простого народа съ свадебными пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царской свадьбѣ въ тотъ покой, гдѣ было окручиваніе; но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и коровай уносили въ сѣнникъ къ постели, а царь ѣздилъ по монастырямъ и, возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разѣжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену привозили въ домъ мужа

¹⁾ Fletch., 247.

²⁾ Fletch., 247.

³⁾ Пазрае, 60.

и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и благословляли новобрачныхъ. При входѣ въ домъ потѣшники, по распоряженію ясельничаго, играли въ сурьмы и бубны «чтнно. нематежно, благолѣпно, доброгласно». Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста. Невѣста была уже открыта, и должна была непремѣнно плакать, выражая разлуку съ родителями и страхъ новаго образа жизни, а женщины и дѣвцы пѣли печальныя пѣсни. Ни женихъ, ни невеста ничего не должны были ѣсть, хотя передъ ними и ставили кушанья. Когда гостямъ подавали третью переѣмну—лебеда, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружка бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, вторую изъ трехъ скатертей, положенныхъ на столѣ передъ новобрачными до вѣнчанья. Онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ: «благословите вести молодыхъ опочивать». Тѣ отвѣчали: «благослови Богъ!» и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать уходила къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ символическую курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣчники и коровайники и ставили свѣчи въ кадъ съ пшеницею, стоявшую у изголовья брачнаго ложа. Тысяцкій, дружка, свахи вставали. Вставали женихъ и невеста и подходили къ дверямъ; отецъ бралъ за руку невесту и говорилъ жениху: «Сынъ нашъ! Божіимъ повелѣніемъ» (если же свадьба устраивалась по приказанію царя, то прибавлялось: и царскимъ жалованьемъ) «и благословеніемъ нашими и матери твоей велѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять *такую-то*; приеми ее и держи, какъ человѣколюбивый Богъ устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры, и святые апостолы и отцы предаша». Сынъ бралъ свою жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ до сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать или сваха въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ и осыпала новобрачныхъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходили въ покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали съ новобрачными въ сѣнникъ и раздѣвали ихъ: дружка жениха, сваха невесту, и сами потомъ уходили къ гостямъ.

Тогда встарину между женихомъ и невестою происходилъ обрядъ разуванія, очень древній обрядъ, дошедшій къ русскимъ отъ временъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ покорности, должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапоговъ была монета. Если ей удавалось снять прежде тотъ сапогъ, въ которомъ была монета — это значило, что ей будетъ счастье; въ противномъ случаѣ значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этомъ мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую спутницу своей жизни по спинѣ плетью, полученною отъ тестя.

Когда молодые были въ сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатахъ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. По прошествіи нѣкотораго времени отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьѣ новобрачныхъ; если женихъ черезъ дверь отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, это значило, что между ними *доброе совершилось*, и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невесты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьѣ; дружка за то получалъ подарки, и всѣ свадебныя гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ,

такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день; теперь пищею для нихъ была та самая курица, которую дружка прежде ихъ уносилъ въ сѣнникъ, обернувши скатертью; кромѣ этого символическаго блюда, давали еще и другія кушанья. На царскихъ свадьбахъ государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обряду, отломить у нея ножку и крыло и бросить черезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ, этотъ обрядъ совершался предъ положеніемъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укладывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться; тогда веселіе часто переходило въ оргію и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыка не было: только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вези, при звукѣ сурьмы и литавръ и пѣніи пѣсенъ, въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню съ свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нею снимали сорочку и виѣсть съ простыней прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкимъ и дружкой; тогда молодая жена присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугомъ. На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльнѣ, а царицы въ избушкѣ. По выходѣ изъ мыльни новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ, за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди нихъ сваха несла горшечекъ или два горшечка, поставленные на одномъ блюдѣ и обернутые соболями; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха; этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванья; бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣнчанія ее никто не видалъ; только послѣ этого обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастье увидать ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу. Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею женихъ, виѣсть съ своимъ родителемъ, съ тысяцкимъ, дружкой и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты. Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, со всѣми гостями невѣстина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый княжимъ: это названіе было и у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые всегда были выше всѣхъ князей. Когда въ концѣ пира подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями. Всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились. Но если бы случилось, что невѣста не сохранила своего дѣвства — общее веселье омрачалось. Посрамленіе ожидало бѣдныхъ родителей новобрачной. Отецъ мужа подавалъ имъ кубокъ, проверченный снизу, заткнувъ отверстіе пальцемъ; когда свать бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ и вино проливалось на одежду при всеобщемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и тогда самая печальная участь ожидала въ будущемъ ихъ дочь въ чужой семьѣ. Впрочемъ, этого избѣгали, если бы и такъ случилось. Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ

новобрачный тайно пенялъ тестя и тещу. Вѣроятно, что такіе случаи не только въ высшихъ кругахъ, но даже и между посадскими были очень рѣдки, тѣмъ болѣе, что дѣвицъ отдавали молодыми.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посвященія родителей невѣсты являлся во дворецъ со всѣми поѣздомъ, состоявшимъ обыкновенно изъ лицъ, имѣвшихъ право являться къ царской особѣ. Государь принималъ ихъ сидя и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьѣ (такой вопросъ считался большою милостію), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболахъ и разныхъ матеріалъ или серебряныхъ сосудахъ, а въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романаеи, да по ковшу вишневаго меда: всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрusy. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали ихъ о здоровьѣ. Если же бы случилось, что невѣста не сохранила дѣвства, то мужъ, имѣвшій несчастіе взять за себя такую жену, не смѣлъ явиться царю на глаза.

На слѣдующій день, т.-е. на третій день послѣ брака, было пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли новобрачныхъ, а гости дарили ихъ. На свадьбахъ рѣдко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми. По окончаніи пировъ дары отсылались на рынокъ и оцѣнивались, потому женихъ долженъ былъ отдаривать за нихъ подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что, по обычаю, женихъ долженъ былъ въ теченіе года непремѣнно отдарить всѣхъ, которые ему поднесли подарки послѣ свадьбы; иначе же, если онъ въ продолженіе этого времени не исполнилъ своего долга, то долженъ былъ дарить вдвое. Если же онъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили. Въ эти послѣсвадебные дни пиршество невѣста почти ничего не говорила, кромя формальныхъ обрядныхъ рѣчей. Ея малословность считалась достоинствомъ. Зато всѣ другія женщины, приглашенныя на свадебное торжество, пользовались большою свободою, чѣмъ когда-либо, и часто случалось, что доходили до безумія, женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, тогда напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже неволью впадали въ грѣшки среди общаго смятенія. Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдуны могли портить людей, не огражденныхъ молитвою и богомысліемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ на кого-нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбѣ, въ XVII в., мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но, набравши за это денегъ, не сдѣлалъ ничего хорошаго, и онѣ подали на него челобитную.

Царскія свадебныя торжества продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій — столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству, и при окончаніи обѣда патриархъ и власти благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отдаривалъ ихъ деньгами, тканями и чествовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: стольникамъ, страпичимъ,

дворянамъ, гостямъ, иноземнымъ людямъ и выборнымъ посадскимъ, которые нарочно къ царскому торжеству прѣзжали съ поздравленіями. Всѣ подносили царю дары. Зато и царь, въ эти свѣтлые въ его жизни дни, изливалъ обильно щедроты: нѣсколько дней кормилъ простое духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, посылалъ въ города деньги и молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею по монастырямъ, кормилъ и дарилъ чернецовъ; вездѣ чернецы привѣтствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлѣбъ и соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы, и отпускалъ на свободу узниковъ, посаженныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимые царямъ дары принимались; такъ, при бракосочетаніи царицы Натальи Кирилловны царь ихъ не принялъ.

Свадебные обряды были одинаковы какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и третій разъ; но второй бракъ не имѣлъ уже той святости, какою облекался первый. Если оба изъ супруговъ были вдовцы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ на голову, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака состоялъ въ одномъ молитвословіи, безъ вѣнчанія, и вообще третій бракъ не одобрялся Церковью. Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій, писанныхъ въ началѣ XV вѣка, приказываетъ священникамъ и вообще не допускать мірянъ до третьяго брака, приводя слова Григорія Богослова: «первый бракъ законъ, второй по нужи прощенье слабости ради чловѣчьскыя, третій—законопреступленіе, четвертый — нечестіе, понеже свинское есть житіе»¹⁾. Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ Церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ, рожденнымъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наследства²⁾. Нѣкоторые сходились для брачнаго сожитія безъ всякаго благословенія Церкви³⁾, и жены такихъ назывались невѣнчанными. Эти браки были въ обычаѣ у козаковъ⁴⁾. Встарину нѣкоторые, вопреки кореннымъ основаніямъ христіанскихъ понятій о семейной нравственности, имѣли у себя двѣ жены разомъ, вѣроятно, по языческому обычаю⁵⁾.

Новоселье въ старой русской жизни было торжественнымъ событіемъ; хозяинъ, входившій въ новопостроенный домъ, приглашалъ духовенство освящать его и созывалъ родныхъ и знакомыхъ. Гости являлись непременно съ хлѣбомъ и солью—символами желанія обилія и благополучія; русскіе вѣрили, что приносимый хлѣбъ съ солью въ новомъ домѣ изгонялъ вліяніе злого духа⁶⁾. Люди, не чуждавшіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтукомъ, тащили растворенную квашню и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились, и записывали «на картіяхъ, и ключи въ псалтырь вложить, оттуду ложная вѣщающе»⁷⁾. Надобно было умѣючи выбрать самое мѣсто, на которомъ хотять строить новый домъ;

¹⁾ Доп., I, 329.

²⁾ П. С. З., I, 828.

³⁾ А. А. Э., I, 462.

⁴⁾ А. И., III, 43, 1615 года

⁵⁾ Р. Дост., 91.

⁶⁾ D. Gr. R. v. Mosc., 200.

⁷⁾ Рум. Муа., рукоп. № 374.

для узнавiя хорошо или дурно мѣсто наблюдались разныя гаданья: наирншѣръ, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замѣчали, что подъ корою; если тамъ находили паука или муравья — то считали мѣсто лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно было ставить домъ безопасно. Гадали еще о томъ же посредствомъ трехъ хлѣбовъ, которые спускали на землю изъ-подъ пазухи: «если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху коркою верхнею, то мѣсто добро; тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставить избу и всякія хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покнинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро, а когда же падеть одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ» ¹⁾. Во время пиршества на новосельѣ конвата устилалась травомъ, и на большомъ столѣ, покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солоницахъ соль. Послѣ пиршества каждый изъ гостей долженъ былъ что-нибудь подарить хозяевамъ.

Смерть человѣка сопровождалась завѣтными обычаями. По понятію русскихъ, умирать среди семейства въ полной памяти считалось благодатью небесною для человѣка. Чувствуя приближеніе смерти, русскій составлялъ завѣщаніе, распредѣлялъ свое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ назначалъ для усокоенія своей души какія-нибудь добрыя дѣла. Богоугодными дѣлами, достойными великой минуты смерти, почиталось раздаваніе милостыни, надѣленіе монастырей и въ особенности освобожденіе рабовъ ²⁾. Предъ смертію вспоминалось увѣщаніе Церкви, которая хотя и терпѣла рабство, но въ сущности не одобряла его, и поучала, что «вси еси созданіе Господне, вси плоть едина, и вси міромъ единѣмъ помазани, и вси въ рудѣ Господни, его же хочеть обнищаваетъ» ³⁾. Такъ въ завѣщаніяхъ князей нашихъ всегда почти есть распоряженія объ отпускѣ рабовъ ⁴⁾. То же соблюдалось до позднѣйшихъ временъ господами. Нерѣдко господинъ не только отпускалъ на волю всѣхъ холоповъ, но еще раздавалъ отпущеннымъ по нѣскольку рублей, что называлось выдѣлкою ⁵⁾. Также благочестивымъ дѣломъ считалось платить и прощать долги ⁶⁾. Иногда умирающій учреждалъ послѣ себя монастырямъ кормы и кормы на нищую братію, самъ раздавалъ попомъ разныя вещи и суммы на церкви ⁷⁾, назначалъ по себѣ чтеніе псалтыря. Все это называлось строить душу. Все это соединялось съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ осуждаемъ послѣ кончины по тѣмъ поступкамъ, съ которыми застанеть его смертный часъ: «въ коемъ бо дѣлѣ въдосить ти смерть, въ томъ же осужденъ будещи, ли въ постѣ, ли въ бдѣніи, ли въ лѣности» ⁸⁾. Около умирающаго собиралось семейство, слуги и близкіе знакомые; ему подносили образа и онъ каждого благословлялъ особымъ образомъ; въ числѣ

¹⁾ Буслаевъ, О нар. поз., 35.

²⁾ Herberst., 30.

³⁾ Доп., I, 361.

⁴⁾ С. Г. Гр., I, 51, 82.

⁵⁾ А., отн. до юр. б., I, 551, 556, 565.—А. г. Шуи, 136.

⁶⁾ С. Г. Гр., I, 272, 303.

⁷⁾ С. Г. Гр., I, 82.

⁸⁾ Погод. Сборн., № 1298.

окружавших его смертную постель непременно находился духовный отец ¹⁾. Многие для большей вѣрности спасенія души облекались предъ смертію въ монашескую одежду, а иные принимали и схиму, какъ это дѣлали цари. Если больной послѣ того жилъ нѣсколько времени, то уже ничего не вкушалъ, и на землѣ находился какъ бы за предѣлами земной жизни; и если бы случилось ему выздоровѣть, то непременно долженъ былъ поступить въ монастырь ²⁾. Когда начиналось предсмертное томленіе, тогда читалась отходная. Когда умиралъ царь или особа изъ царской семьи, звонили въ колокола и пѣли великій канонъ; бояре, думные и ближніе люди являлись во дворецъ въ черныхъ платьяхъ.

Какъ только человѣкъ испускалъ дыханіе, на окнѣ ставили чашу съ святой водой и нису съ мукой или съ кашей ³⁾ (вѣроятно съ кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій не у однихъ русскихъ, но и у татаръ. Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали сорочку и заворачивали въ бѣлое покрывало или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надѣвали царское одѣяніе, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомыхъ стекались въ домъ умершаго; начинался плачь и причитаніе. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая «ахъ ты, мой милый, мой ненаглядный! Какъ же ты меня покинул! На кого меня, сироту, оставилъ? Али я тебѣ не хороша была; али не хорошо наряжалась и убиралась? али мало тебѣ дѣтей народила?» Другіе вопили: «зачѣмъ тебѣ было умирать? Ты былъ такой добрый, щедрый! Али у тебя не было чего съѣсть и спать? Али у тебя женушка некрасива была? Али царь тебя не жаловалъ?» Посылали собирать духовенство, и при этомъ обычай требовалъ каждому духовному лицу, приглашаемому на погребеніе, послать въ подарокъ водки, меда и пива. Тѣло лежало на столѣ, пока изготовлялся гробъ. Обыкновенно гробъ дѣлался деревянный, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, съ тою разницею, что у богатыхъ обивался внутри и снаружи матеріями разнаго цвѣта: напримѣръ, внутри червчатыхъ, а снаружи вишневымъ бархатомъ. Когда мертвеца клали въ гробъ, нѣкоторые, по какому-то повѣрью, привѣщивали къ гробу кафтанъ покойника, а въ ротъ ему клали нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ-будто для поддержки въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ. Дѣтомъ русскіе хоронили очень скоро—обыкновенно въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ по смерти, и нерѣдко скончавшійся утромъ былъ уже погребенъ при захожденіи солнца. Если по какому-нибудь случаю, напр., ожидая прибытія родныхъ, погребеніе откладывалось, то трупъ вносили въ ледникъ, для предупрежденія зловонія. Мертвеца выносили изъ дома закрытымъ гробовою крышкою, сверху покрытою покровомъ или же шубою; такъ, на погребеніе князьямъ Черкасскимъ выдавались изъ казны соболи шубы ⁴⁾. Гробъ не везли, а несли на рукахъ, обыкновенно шесть человѣкъ, и если покойникъ или покойница успѣвали принять монашество, то непременно монахи или монахини. Въ такомъ случаѣ обыкновенно хоронили въ монастыряхъ. Для эффекта нанимались плакальщицы, которыя шли впереди и по бокамъ похороннаго шествія съ распущенными волосами и нарочно искажен-

¹⁾ А. А. Э., II, 86.

²⁾ Mejerb., 483.

³⁾ Колл., 7.—Strauss, 207.

⁴⁾ А. И., IV, 300.

ными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и заливались плачевными причетами, то заводили тихимъ, пискливымъ голосомъ, то вдругъ умолкали и потомъ заводили снова; въ своихъ причетахъ онѣ изображали заслуги покойника и скорбь родныхъ и близкихъ. Всѣ сопровождавшіе гробъ шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы. Мертвого иногда вносили въ церковь и оттуда по совершеніи панихиды выносили на кладбище.

Когда гробъ готовились опустить въ могилу, крышу приподнимали и всѣ должны были подходить къ тѣлу и цѣловаться съ мертвымъ, впрочемъ позволялось прикладываться и къ гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хоромъ. Священникъ давалъ въ руки мертвого отпустительную грамату которую иностранцы, по невѣдѣнію, почитали рекомендательнымъ письмомъ — сами не знали къ кому, кто думалъ къ св. Петру, а кто къ св. Николаю. Послѣ опущенія гроба въ могилу всѣ цѣловали образа, а потомъ ѣли кутью, непременно каждый три раза, наблюдая такой порядокъ, что прежде всего подходила къ кутьѣ жена, за нею дѣти, потомъ родственники, наконецъ гости, слуги и всѣ посторонніе.

Зимой не слѣзили хоронить, и особенно знатныхъ и богатыхъ предавали землѣ не въ первый день послѣ смерти. Тѣло выносили въ холодную церковь и ставили тамъ иногда дней на восемь; въ это время духовенство служило каждодневно литургію и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертвого землѣ. Для людей бѣднаго и даже средственнаго состоянія было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницу или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны. Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность эту исправляли особые рабочіе, которые назывались гробокопателями. Они получали плату съ каждаго погребенія. Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить своихъ родныхъ, просили милостыни на погребеніе, и благочестивые зажиточные люди считали богоугоднымъ дѣломъ похоронить бѣдняка; также изъ христіанской благотворительности отправляли погребеніе содержавшимся въ тюрьмахъ преступникамъ.

Кладбища располагались отдѣльно за городомъ, но часто хоронили близъ церквей въ селеніяхъ и посадахъ. По понятію русскихъ, мѣсто для кладбища было свято, и тревожить прахъ мертвыхъ считалось преступленіемъ. Такъ, когда Іоаннъ III перестроилъ Москву и переставляли церкви и монастыри, его поступокъ возбудилъ негодованіе архіепископа Геннадія. «А вѣдь тое дѣло—писалъ онъ—что будетъ воскресеніе мертвыхъ не велѣно ни съ мѣста двинути, опречь тѣхъ великихъ святыхъ». Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьевъ. Это считалось нечестіемъ, на основаніи словъ Второзаконія: «не насадиши садовъ, ни древа подлѣ тѣмпища Господа Бога твоего» ¹⁾. Неприкосновенность кладбищъ долго наблюдалась свято, и въ 1672 г., когда до свѣдѣнія царя дошло, что въ Архангельскѣ на мѣстѣ, гдѣ было кладбище, поставили торговые амбары, царь велѣлъ ихъ снести ²⁾. Въ самой Москвѣ повсюду при церквяхъ были могилы, и земля подъ кладбищами считалась церковною; духовные, пользуясь этимъ, строили на ней свои лавки и амбары; но въ 1681 г. опять велѣно прекратить такіа постройки ³⁾.

¹⁾ Посл. Генн. А. А. Э., I, 481.

²⁾ Доп., VI, 208.

³⁾ А. И., V, 117.

Издавна могилы родителей и предковъ были святыней для русскаго народа, и князья наши, заключая договоръ между собою, считали лучшимъ знаменіемъ его крѣпости, если онъ будетъ произнесенъ на отцовскомъ гробѣ ¹⁾.

Утопленниковъ и удушенниковъ не хоронили на кладбищахъ; напротивъ, существовало даже вѣрованіе, что если гдѣ-нибудь похоронятъ утопленника или удушенника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на этомъ основаніи встарину народъ, приведенный въ волненіе какимъ-нибудь несчастіемъ, напр., неурожаями, выгребалъ такія мертвецовъ изъ могилы ²⁾. Но вообще ихъ хоронили въ убогомъ домѣ, если они не были самоубійцы. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Въ нихъ хоронили вообще отверженныхъ, которые не считались достойными быть погребенными на кладбищѣ. Такъ и воровъ и разбойниковъ, казенныхъ или умершихъ отъ ранъ, хоронили въ убогомъ домѣ ³⁾ безъ отпѣванія. Самоубійцъ зарывали въ лѣсу или въ полѣ, но даже и не въ убогомъ домѣ ⁴⁾.

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти. Тѣло государя шесть недѣль стояло въ домовоѣ церкви въ гробу: крестовые дьяки дено и ночью читали надъ нимъ псалтирь, и попеременно дневали бояре, окольниковъ и стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздникі при служеніи панихиды ставили кутью; эти панихиды по всѣмъ церквамъ и монастырямъ царства русскаго служились въ теченіе шести недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ. Въ сороковой день послѣ кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отовсюду стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены. Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобъ важнѣйшія особы, архіереи и патріархъ, шли сзади прочаго духовенства, а за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольниковъ, за ними царское семейство, а за нимъ боярыни. Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различія достоинства. Прощанія съ царственными особами не происходило при опущеніи гроба; съ ними прощались ближніе прежде, при выносѣ въ домашнюю церковь послѣ кончины. Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ сорокъ дней послѣ смерти опредѣлялись на поминованіе. Семейные занимали духовныхъ читать псалтирь по усопшимъ. Чтеніе это у иныхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ: въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ, и каждое утро при зажженной свѣчѣ монахъ или церковный дьячекъ читалъ псалтирь ⁵⁾. Семейные носили скорбное платье цвѣта чернаго или снѣга, и непремѣнно худое и изодранное;

¹⁾ С. Г. Гр., I, 35.

²⁾ Поѣздка въ Кирилл.-Б. монаст., 2, 37.

³⁾ Врем., XI. См., 35.

⁴⁾ Врем., XI. См., 34.

⁵⁾ Olear., 316.

быть одѣту опрyatно и прилично въ это время считалось неуваженіемъ къ памяти усопшаго. Вмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ отправляли кормы, или поминальные обѣды; такіе было, смотря по обстоятельствамъ и желанію семейныхъ, не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ—въ третій, девятый и двадцатый и, наконецъ, очистительный въ сороковой день, такъ называемый сорочини: тогда снимался трауръ. Чаше всего поминали три раза; толковали, что трехкратное поминовеніе совпадаетъ съ черемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу; въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Это трехкратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на томъ свѣтѣ: въ третій день ангелъ приводитъ душу на поклоненіе Богу. «Яко жь бо отъ царя земнаго послани будутъ воини привести нѣкоего и связавше его повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещеть же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу человѣчу». Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ «утѣшеніе отъ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго, и разумѣеть отъ водащаго ю ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей принесена, и такъ радости бываетъ». Съ тѣхъ норъ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ. Душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная посѣщаетъ мѣсто, гдѣ она «имѣяше обычай дѣлать въ правду». Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она согрѣшала, и ей необходима для ободренія молитва Церкви. Наконецъ, въ сороковой день ангелъ приводитъ ее снова къ Богу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: «добрѣ держитъ святая церковь въ четыредесятый день, память сотворяя о мертвомъ»¹⁾. Кутья была главною принадлежностью постнаго обѣда. О кутьѣ говорилось такъ: «кутья благовѣрная святымъ воия; святини бо не ядятъ не пьютъ, но воню и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть»²⁾. Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому къ нему примѣшивались посторонніе обряды, неодобряемые Церковью. Такъ преподобный Феодосій запрещаетъ ставить по усопшимъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; безъ сомнѣнія, яйца и вода были символами древняго языческаго поминовенія.

XXI.

Вѣрованія.

Въ нашихъ лѣтописяхъ принятіе христіанства выставляется какъ бы безъ борьбы; кажется, будто Русь, омывшись въ купели крещенія, тотчасъ же забыла свой прежній языческій міръ со всѣми твореніями его вымысла. Не совсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались такіе отрывки духовнаго противо-

¹⁾ Св. Макарія. Погод. Сборн. Публ. Библ., № 1321.

²⁾ Публ. Библ., рукоп., стр. 208.

дѣйствія остаткамъ язычества со стороны духовныхъ пастырей, что мы по нимъ не можемъ себѣ уяснить теперь ни сущности языческихъ вѣрованій, ни степени ихъ перерожденія, ни исторіи ихъ измѣненій, ни приложенийъ къ разнымъ видамъ внутренней и внешней жизни. Духовные равнымъ образомъ порицали и преслѣдовали все, что носило на себѣ память язычества—были ли то дѣйствительныя вѣрованія и убѣжденія, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшіе уже прежній смыслъ и серьезное значеніе, такъ точно, какъ теперь купальскій огонь, вожанье козла на масленицѣ, или малороссійское колядованье. Изъ многого, что осталось и теперь, мы не знаемъ, то ли значеніе оно имѣло въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ въ XIX. Выше было показано, что въ XVI вѣкѣ купальское празднество, какъ народная забава, съ примѣсю таинственнаго вѣрованія, отправлялось во всей силѣ. Точно такъ же и языческое веселье: призваніе мертвыхъ выразилось въ обрядѣ жечь солому и кликать мертвыхъ, осуждаемыхъ «Стоглавомъ». Въ XVII вѣкѣ во многихъ мѣстахъ отправлялись разныя увеселенія—остатки язычества. Въ 1620 г. царь Михаилъ Федоровичъ велѣлъ кликать кличъ чрезъ бирючей, чтобъ люди не ходили съ кобылками, не сидѣлись на игрища мирскія «и коледы бѣ и овсена и плуги не кликали»¹⁾. Но соединялся ли съ этими забавами какой-нибудь смыслъ для народа и въ какой степени—неизвѣстно. Долѣе и полнѣе всѣхъ языческихъ вѣрованій сохранялись, кажется, остатки поклоненія роду и рожаницамъ. По свидѣтельству «Домостроя», въ XVI вѣкѣ еще вѣрили въ *родословіе*, рекше въ *розсаницы*²⁾. По толкованію въ словѣ св. Григорія въ сборникѣ, хранящемся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ³⁾, видно, что ученые люди стараго времени признавали родъ и рожаницъ божествами славянъ-язычниковъ наравнѣ съ упырями и берегинями (извѣстными намъ изъ чешскихъ памятниковъ), Перуномъ, Хорсомъ, Моконью (о которыхъ упоминаетъ намъ Несторова лѣтопись) и вилами, нимфами, о которыхъ фантастическія преданія сохранились у сербовъ. Обряды, сопровождавшіе поклоненіе роду и рожаницамъ, состояли въ приношеніи этимъ фантастическимъ существамъ въ жертву хлѣба, сыра, меда, куръ и какого-то смѣшаннаго питья (Вопросы Кириковы изъ наравейнаго списка XV вѣка). Обряды эти имѣли смыслъ какъ для рожденія, такъ и для смерти человѣка. Бабы (воспринимавшія младенцевъ) варили кашу *на собраніе рожаницамъ*; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и рожаницамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время готовили кутейную трапезу, принятую Церковью. Трапеза называлась трапезою роду и рожаницамъ⁴⁾. Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 181), можно заключить, что поклоненіе роду и рожаницамъ сопровождалось разными увеселеніями: пляскою, музыкою, пѣснями, зажиганіемъ огня; во крайней мѣрѣ, объ этомъ говорится разомъ: «не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти: иже есть плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскія, и жертвы идольскія, иже огневи молятся и вилажь, и Моконя и Симу реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна».

¹⁾ А. И., III, 96.

²⁾ Врем., I, Домостр., 43.

³⁾ Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон., 2, 93.

⁴⁾ Ст. Срезневск. въ „Архивѣ Калачова“, II, 1, 102, 103.

Что при поклоненіи роду и рожаницамъ дѣйствительно пѣли пѣсни, видно изъ Троицкаго сборника XVI вѣка, гдѣ въ укорѣ говорится: «а вы поете пѣсны бѣсовскую роду и рожаницамъ». Въ одномъ старинномъ переводѣ пророка Исая, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еврейскій народъ порицается за поклоненіе идоламъ, эти идола нѣсколько разъ названы родомъ и рожаницами, съ очевиднымъ намѣреніемъ переводчика пригнѣвить мѣсто пророка къ современнымъ заблужденіямъ: это показываетъ, что вѣрованіе роду и рожаницамъ держалось долго и сильно. Что собственно разумѣлось въ языческія времена подъ этими именами, объяснить трудно и было бы здѣсь неумѣстно, еслибъ существованіе этого остатка язычества не удерживалось въ описываемое нами время. Подъ родомъ, кажется, слѣдуетъ понимать вообще судьбу или участь—долю (греческое слово *Κύμαρμεν* переведено словомъ *рожденіе*). Родъ употребляется всегда въ единственномъ числѣ, и, слѣдовательно, по древнему вѣрованію существовалъ одинъ родъ для всѣхъ; напротивъ, рожаницы всегда въ множественномъ числѣ, и это показываетъ, что для каждого полагалась своя рожаница. Существовало вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, по вліянію рожаницы, давался ему *норовъ* и *осудъ*. Это вѣрованіе совпало вмѣстѣ съ астрологическими вѣрованіями о вліяніи планетъ на рожденіе человѣка; ибо въ одномъ азбуковникѣ о рожаницахъ говорится, что «рожаницами елліны называли семь звѣздъ, называемыхъ планеты, и кто въ какую планету родился, тотъ по той планетѣ любопрятся предвозвѣщать нравъ младенца». Несомнѣнно, что рожаницы были гении—хранители жизни. Ихъ изображали кумирами, какъ это видно изъ выраженія: «служать Богу и волю его творять, а не рожаницамъ—кумирамъ суетнымъ». Передъ этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницамъ.

Что поклоненіе частнымъ семейнымъ языческимъ божествамъ оставалось долѣе другихъ вѣрованій язычества, это понятно и естественно, потому что человѣкъ изъ сферы мисеологии долѣе удерживаетъ то, что относится къ его личности и къ тѣсному кругу жизни, и, напротивъ, легко забываетъ преданія и складъ понятій о существѣ міра, твореніи земли, исторію боговъ и героев. Мы, однако, не знаемъ, въ какой степени и гдѣ именно и между кѣмъ въ XVI и XVII в. удержались эти поклоненія старымъ божествамъ.

Полигѣ обрисовываются для насъ языческіе обычаи у финскихъ народовъ, населявшихъ сѣверную Русь. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ въ Водской пятинѣ (нынѣшней Санктпетербургской губерніи) сельскіе жители были только по имени христіане. Они совершали моленія деревьямъ и каменьямъ и приносили жертвы, сопровождаемыя пированьемъ. Вмѣсто священниковъ, они призывали къ себѣ чуждскихъ колдуновъ *арбуевъ*: рождался ли младенецъ—прежде позвать арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ. Не носили хоронить мертвыхъ на кладбища, а погребали ихъ на курганахъ и коломищахъ (?). Эти полухристіане не соблюдали постовъ и въ особенностях не терпѣли Петрова поста,—вѣроятно потому, что тутъ у нихъ было время языческихъ празднествъ,—убѣгали христіанскаго брака и предпочитали жить съ женщиною по взаимной любви, безъ вѣнчанія. Архіепископъ Макарій обратилъ вниманіе на такія уклоненія отъ Церкви, приказывалъ священникамъ сожигать мольбища, вѣнчать тѣхъ, которые соединялись бракомъ безъ обряда, освящать ихъ святою водою, какъ бы возобновляя утраченную благодать, при-

нѣкую нѣкогда въ таинствѣ крещенія, и увѣщавать арбузовъ, а непослушныхъ изъ нихъ отправлять въ Новгородъ. Дѣти боярскіе, поселенные въ этихъ мѣстахъ, были обязаны наблюдать, чтобъ народъ не убѣгалъ отъ церковныхъ обрядовъ. Въ Периской землѣ въ XVI вѣкѣ ¹⁾ люди ходили на поклоненіе истукану золотой бабѣ; когда кого постигало бѣдствіе или болѣзнь, передъ истуканомъ колотили въ бубны и этимъ думали помочь своей бѣдѣ. Такимъ образомъ, финскіе народы на пространномъ сѣверѣ тогдашней Россіи были въ такомъ же положеніи, какъ теперь чувашы и черемисы или какъ въ прежніе, болѣе отдаленные вѣка были крещенные русскіе, когда, по свидѣтельству Іоанна Пророка, приносили жертвы болотамъ и колодцамъ, и безъ благословенія пастырей сходились и расходились съ женами ²⁾. Около Казани и во всѣ стороны въ ея окрестностяхъ въ XVI вѣкѣ такъ называемые новокрещенные чувашы, черемисы и вотакы не ходили въ церковь, не соблюдали постовъ и призывали къ родильницамъ не поповъ, а бабъ; хоронили на кладбищахъ татарскихъ; по необходимости новѣнчавшись въ церкви, совершали еще разъ брачныя обряды дома, или вмѣсто жезъ держали у себя плѣнныхъ ливонскъ ³⁾.

Въ описываемое нами время русскій народъ, если и потерялъ старыя формы язычества, но сохранялъ его духъ въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Безъ званія законовъ, безъ малѣйшаго понятія о существованіи ихъ, неразвитый человѣкъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ чего-то такого, на чтѣ хочетъ опереться въ своемъ безсиліи. Обычныя явленія природы наводили страхъ: явленіе кометы, затменіе солнца, падающіе камни производили волненіе умовъ и умыслъ ⁴⁾. Въ народномъ воображеніи существовали разныя фантастическія существа, помышляемыя въ природѣ. Обыкновенно отдаленныя страны служили для воображенія мѣстопребываніемъ такихъ существъ и сценою чудесныхъ событій. Такъ, на сѣверѣ Россіи, врачномъ, дѣсистомъ, суровомъ, народная фантазія помышала пещеру змѣи аспиды, змѣя крылатая съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами, — эта пестрая змѣя живетъ въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетѣтъ, можетъ всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари—обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать ⁵⁾.

Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зіева,

¹⁾ Chensl. Nacl., 213.

²⁾ Прав. Іоан., 94.

³⁾ А. А. Э., I, 436.

⁴⁾ А. И., IV, 381.

⁵⁾ Аспидъ, змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичей и два хобота, и въ коей землѣ вселится — ту землю пугу учинить; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнога гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копаютъ ямы и садятся въ ямы съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себе угліе горячее: да разжигаютъ клещи, и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ яко горѣ потрился, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ дыру малу, начнетъ битися; человекѣ же ухвативши ю клещами горящими держатъ крѣпче; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои и не трои, и тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣты и на земли не садится, только на камень. (Погод. Сборн. Публ. Библ., 1344).

гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинившій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень ¹⁾). Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животное-растеніе—баралецъ: оно приноситъ плодъ, похожій на агневка. Стебель его идетъ черезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть какъ у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живетъ, не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока нѣтъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣловныя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣла «баранца».

Съ утратою мнелогическихъ образовъ, съ потерю антропоморфическихъ представленій силъ природы еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда истекаетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по мѣрѣ болшей или меньшей личной склонности къ мистической озерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ систему. Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ волховники или сборники примѣтъ и гаданій, въ назиданіе людямъ. Вотъ, напримѣръ, какого рода примѣты имѣли знаменательность для воображенія: кракъ трещитъ (трескъ въ стѣнѣ), ухловонъ, кости подъ колпиками свербятъ—путь будетъ; длани свербятъ—пѣвца имать; очи свербятъ—плакать будутъ; воровоградъ, курокликъ (пѣніе курицы)—худо будетъ; утица крикнетъ, гусь гогочетъ, окомигъ (дрожь въ рѣсницахъ), огнь бучитъ (трескъ дровъ), песь воетъ, мышенискъ (янкъ мышей), мышь порты (платье) грызетъ, кошка въ окнѣ мышца держать, сонъ страшень, сѣнца встрѣтитъ—изгоритъ нѣчто; огонь пичитъ, мокра изъ огня, кошка лужаетъ—падетъ человекъ; свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока цоцекочетъ, дятель желна (долбитъ дерево), стѣноцелкъ (червячки въ стѣнахъ), жаба воркуетъ ²⁾). Нѣкоторыя примѣты служили къ предугаданію погоды и физическихъ явленій: дымъ высоко въ нѣбѣ ходить (въ курной)—къ погодѣ; мышь въ жильѣ высоко гнѣздо советъ—снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ. Другія служили признаками войны, голода и другихъ народныхъ бѣдствій; наприм., «берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облака дождевыя и сѣжныя и вѣтряныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачутъ—моръ будетъ, и война возстанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умалится» ³⁾. Вотъ сколько примѣтъ, и сверхъ того втрое было больше, чѣмъ здѣсь означено; а изъ нихъ многія сохранились до сихъ поръ. Вѣрили въ сонъ и составляли обширную систему знаменательныхъ истолкованій; вѣрили въ чохъ, въ полазъ (вѣроятно насѣкомыхъ, — выводъ предвѣщаній изъ различныхъ ихъ движеній), вѣрили въ

¹⁾ Olear., 361.

²⁾ Русск. Вѣстн., 1842, 2, 259.

³⁾ Рум. Сборн., рукоп. № 374.

встрѣчу ¹⁾, то-есть считали встрѣчу съ одними предметами счастливымъ, съ другими несчастнымъ предзнаменованіемъ. Къ несчастнымъ въ древности принадлежали: встрѣча съ монахомъ, съ лысымъ конемъ, съ свиньею. Преподобный Феодосій въ XII вѣкѣ укорялъ ²⁾ тѣхъ, которые при такихъ встрѣчахъ ворочались назадъ. Эти примѣры изъ XII вѣка, безъ сомнѣнія, существовали въ XVI и XVII вѣкахъ, потому что сохранились и въ наше время. Кромѣ множества гаданій, которыя и теперь служатъ святочной забавой, встарину были цѣлыя системы гаданій, записанныя въ книгахъ и гадальныхъ тетрадахъ. Они носили общее названіе Рафли ³⁾. Къ такимъ книгамъ принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрыль» и астрологическія гаданья, занесенныя къ намъ съ Запада: «Острономы», «Зодіакъ», «Альманахъ», «Звѣздочетъ»,—сущность послѣднихъ состояла въ отысканіи вліянія, какое имѣли на судьбу человѣка и на обстоятельства его жизни небесныя свѣтила, дни и часы: «о злыхъ часѣхъ и о народженіи человѣчествѣ въ которую звѣзду или часть, добръ или золь, и величая счастковъ и богатству и нищеты и въ народженіи добродѣтелемъ, и злобамъ, и долготѣству житія и скращенія смерти—и сія вся кошуны и басни суть» ⁴⁾. Въ этихъ разнообразныхъ учебникахъ волшебства заключались, по выраженію одного іерарха ⁵⁾, такія вещи, «нихъ же не подобаетъ не точію описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многія скверности и отступничества». Къ этой категоріи гаданій относились такъ называемыя *рождественныя волшебстванія*, которыя производили чародѣи по призыву матерей надъ младенцами. узавали и опредѣляли ихъ судьбу ⁶⁾. Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родитъ, дѣлала изъ рукъ своихъ медвѣдю (конечно, ручному, которыхъ часто водятъ скоморохи на потѣху людямъ) хлѣбъ и прислушивалась къ гелосу, какой издастъ звѣрь: если онъ рыкнетъ—значить, она родитъ дѣвцу, а если замычетъ, то мальчика ⁷⁾. Объ образованіи младенца составились полумызическія, полухристіанскія вѣрованія. Одно писаніе говорить, что человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: «сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ свята Духа» ⁸⁾. Другое писаніе объясняетъ, что во время беременности женщины ея ангель-хранитель беретъ части «у земли, или у воды, или у желѣза, или у камня, или у дерева, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возметъ отъ того ангель материнъ и кинетъ на строча то, и отъ того зараждается въ немъ духъ» ⁹⁾. Человѣческія свойства зависятъ отъ преобладанія какой-нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: «отъ земли—тѣло: тотъ человѣкъ темень, неговорящъ; отъ моря—кровь въ человѣцѣ и тотъ человѣкъ прохладенъ; отъ огня—жаръ: тотъ

¹⁾ А. И., IV, 125. С. Р. Барбер, 43.

²⁾ Изв. Акад., VI, 278.

³⁾ А. А. Э., III, 259. Стогл., вопр. II, 22.

⁴⁾ Пог. Сборн., № 1294.

⁵⁾ Прав. Собесѣдн. 1855. Кн. 11, 64.

⁶⁾ Ст. Срезн. Арх. Калач., II, 1, 105.

⁷⁾ Рукон. Румяниц. Муз., № 374.

⁸⁾ Рукон. Румяниц. Муз., № 358.

⁹⁾ Погод. Сборн. Публ. Библ., № 1315.

человѣкъ сердить; отъ камня — кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ; отъ солнца — очи: тотъ человѣкъ богатырять и безстрашенъ; отъ вѣтра — дыханіе: тотъ человѣкъ легкоуменъ; отъ облака — мысль: тотъ человѣкъ похотливъ; отъ свѣта — свѣтъ: тотъ человѣкъ святъ, не мыслить земнаго, но мыслить небесная¹⁾. Къ другимъ гаданьямъ прибѣгали въ разныхъ предначинавіяхъ, чтобы узнать, удачно ли они пойдутъ, въ разныхъ неудачахъ и бѣдствіяхъ, чтобы узнать, чѣмъ помочь. Одинъ изъ старинныхъ родовъ гаданій назывался *получай*²⁾. Какъ онъ совершался — неизвѣстно, но его названіе заставляетъ думать, что цѣль его была — отысканіе средствъ къ приобретенію.

Самое распространенное вѣрованіе было въ могущество человѣческой воли и выражающаго ее слова. Все собственно такъ называемое наше старое чародѣйство основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи въ силу воли и слова. Волшебникъ или чародѣй въ обширномъ смыслѣ былъ человѣкъ, который силою своего слова могъ производить желаемое, узнавать будущее, измѣнять направленіе обстоятельствъ, властвовать надъ судьбою другихъ людей и даже повѣлывать силами природы. Заговоръ, или *примолвленіе*, игралъ главную роль въ волшебствѣ. Правда, волшебники дѣйствовали и посредствомъ разныхъ вещей; но народное понятіе приписывало силу не самимъ вещамъ, а слову, которое имъ сообщало эту силу. Сила исходила не изъ природы, а изъ человѣка, изъ его души. То была сила духовная. Даже самое леченіе или отравы людей посредствомъ травъ приписывались не цѣлебному или вредоносному свойству самихъ растений по ихъ природѣ, а человѣку, который сообщалъ имъ это свойство своею волею, и потому леченіе травами преслѣдовалось Церковью наравнѣ со всякими другими волшебствами, подѣ именемъ *зелейничества*. Полагали, что растеніе совершенно безвредное можетъ быть убійственно, если волшебство сообщитъ ему злокачественную силу. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, запрещено ввозить въ Московское Государство хмель, потому что лазутчики донесли, что какая-то *баба-вѣдунья* наговариваетъ на хмель, чтобы тѣмъ хмелемъ, когда онъ будетъ ввезенъ въ Московію, произвести моровое повѣтріе³⁾. Волшебники носили разныя наименованія, которыя имѣли свои особые оттѣнки, хотя часто значеніе ихъ смѣшивалось. Между такими видами волшебниковъ были волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздо-четы, облако-прогонники, облако-хранительники, вѣдуны, вѣдунья, лихія бабы⁴⁾. Обаянниками назывались фокусники, которыхъ призывали или посѣщали. «хотяще нѣкая отъ нихъ увидѣти неизреченная»⁵⁾. Они же заклинали злѣй и злыхъ животныхъ. Кудесникъ совершалъ разныя заклинанія и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. Сновидцы разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они пріяли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій они толковали народу причины несчастія, часто уязвляли на какія-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Врем., I, Домострой, 43.

³⁾ А. А. Э., III, 283.

⁴⁾ Доп. къ Суд. Д. И., I, 252.

⁵⁾ Врем., I, Домострой, 43.

нибудь лица, называя их виновниками, и обрекали ихъ народному ищению. Облакопрогонники, какъ ихъ называютъ «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и черезъ то самое могли насыпать урожай или неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ XI вѣкѣ и въ Суздальѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и сѣбствыя запасы. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 году, татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну («погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи снѣдаемое солнце». Ил. Лѣт.). Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками («вълкодлаци луну изѣдоша или слънце». Арх., II, стр. 48). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще лица обоого пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали одинъ другимъ свое искусство и промышляли имъ, помогая тѣмъ, которые къ нимъ прибѣгали въ житейскихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины ¹⁾, по чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которые жили на сѣверѣ въ Корельской Землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій князь Василій Іоанновичъ, когда, женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобъ они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуний и преимущественно въ Замоскворѣчьи. Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Фекилица, Манька Козлиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокии ²⁾. Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою-нибудь вещью. Такимъ образомъ, къ московской чародѣйкѣ Наськѣ Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать серцо и ревность у мужьего*; а когда жены жаловались на холодность мужьевъ, приворожить ихъ и отнять *серцо и умъ*. Она наговаривала на соль, мыло и бѣлила, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣлиться бѣлилами, а соль давать въ питье и въ ѣству мужьямъ, брала у женщины воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пепелъ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: «какъ тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ». Надъ мыломъ говорилось: «сколь скоро мыло съ лица смоеся, столько бы скоро мужъ жену полюбилъ»; когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: «какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ». Сожженный воротъ рубашки служилъ также слугамъ для умилостивленія господъ: надобно было этого пепла насыпать на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти. Одна изъ такихъ жертвъ обмана наввно сознавалась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой переменъ

¹⁾ Правосл. Собес. 1855, кн. II, 64.

²⁾ О ворожбѣ, Забѣлина. Ком., 491—492.

поведенія и ласки, чуть не убила ее; тогда она, увидя, что нѣтъ помощи отъ чародѣйства, бросила съ досады наговорныя вещи. Ревнивые мужья хотѣли отъ ворожей узнавать о невѣрности своихъ женъ. Ворожея призывали въ домъ: она присматривалась къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности и отдавала невинную на произвольную расправу мужа. Если въ домѣ случилась пропажа, призванная ворожея пристально присматривалась къ брѣху. Другія колдуньи своими наговорами помогали купцамъ, когда у нихъ заляжется товаръ. Тогда колдунья наговаривала на медь, приговаривая: «какъ пчелы ярося роятся, такъ бы къ такому-то торговому человѣку купцы для его товару сходились». Потому она приказывала торговому человѣку умываться этииъ медомъ. Мужчины-колдуны заговаривали ратныиъ людемъ отъ стрѣльбы и отъ меча, когда тѣ шли на войну, «къ ласковости отъ человѣкъ», когда подначальный хотѣлъ расположить своего начальника; охотникамъ на ловленіе звѣрей, а охотникамъ до прекраснаго пола на блудъ ¹⁾. Если на кого царь или князь гнѣвъ держитъ—надобно при себѣ носить подъ лѣвою пазухою правое око орла, *завязавъ въ ширинку*. Этого орла нужно поймать непрежѣнно на Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутье между дорогъ и заколотъ острою тростію. Лѣвый глазъ того же орла, смѣшанный съ коровьею кровью, рекомендовался охотникамъ и рыболовамъ: «лѣвое око его добро смѣшать съ коровьею кровію и селезеневою, да все то засуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ цѣпу и наловить рыбы много. Та же вещь ко многимъ ловушкамъ годна—ко звѣриннымъ и птичьимъ и ко всякой ловлѣ» ²⁾. Начинавшій судиться или позванный черезъ пристава или недѣльщика къ судебному отвѣту смѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ ³⁾. Идя на судъ, надобно снять съ березки *перенеръ*, который трясется, и говорить: «такъ, какъ сей перенеръ трясется, такъ бы мой супостатъ (нирекъ) и его языкъ трепетался» ⁴⁾. Когда еще въ обычаѣ были судебныя поединки, чародѣи являлись на помощь; верѣдѣ спорщики готовы были помириться, но чародѣи начинали предъ ними *быть чудесе* и разжигали снова ⁵⁾. Чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запасаться силою для судебного поединка: «убей змѣю черную саблею или ножомъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ самогъ въ лѣвой, а обуй на томъ же мѣстѣ. Идя прочь назадъ, не оглядывайся. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ ты, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно и ты въ тотъ самогъ положи три зубчика чесноковыя, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы». Когда холовъ обкрадывалъ господъ и бѣжалъ, призывали ворожею и она провозносила заклятіе надъ бѣжавшимъ.

Невозможно перечислить всѣхъ вещей, надъ которыми вѣдуны и вѣдуньи совершали свои таинственныя заклинанія и призывленія, но между прочимъ они

¹⁾ Прав. Собес. 1855, кн. II, 64.

²⁾ Бусл. О нар. позз., 31.

³⁾ Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 50.

⁴⁾ Бусл. О народ. позз., 30.

⁵⁾ Стогл., вопр. 17.

совершались надъ кореньями, зельями, водою, огнемъ, костями, громовыми стрѣлами, каменьями, надъ медвѣжьими ноготками, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой жертвеца, надъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги слѣдомъ, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и проч. Вѣра въ чудодѣйственную силу кореньевъ была распространена въ Россіи повсемѣстно. Цари и сильные міра боялись отъ кореньевъ не только вреда своему здоровью, но даже политическихъ перемѣнъ. Влюбленные и охотники до прекраснаго пола прибѣгали къ колдуньямъ просить приворотнаго корешка или приворотныхъ зелей, собираемыхъ, какъ думали, въ таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался «обратимъ», т.-е. обращающій ¹⁾). Колдунья давала этотъ корень женщинамъ, та должна была положить его на зеркало и смотрѣться въ него. «Какъ смотрюсь въ зеркало да не посмотрюсь (приговаривалось при этомъ), такъ бы такой-то на меня не посмотрѣлся». Въ одномъ изъ травниковъ XVII в. подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, наприимѣръ, травѣ *кужоосъ*: «въ ней корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка: мужичекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любить, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы ставеть любить». То же приписывалось травѣ *одомень*: «кто тебя не любить, то дай пить,—не можетъ отъ тебя до смерти отстать; а когда шастукъ хочеть стадо пасти и чтобъ у него скоть не раскодилса—держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешъ звѣрей приучить,—дай ѣсть, то скоро приучишь» ²⁾). Къ числу вѣрованій о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ «ситаринѣ», которую называли во травахъ царь трава, о шести листахъ: «первый синь, другой червленъ, третій желтъ, а четвертый багровъ; а братъ вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человѣка, изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любить, возьми голову его и поставь противъ мужа,—только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его—добро; если которая жена мужу не вѣрна или мужъ женѣ, стерши низиннымъ перстомъ, дай пить» ³⁾). Насылка на вѣтеръ и выборъ слѣда были чародѣйства злыя: они производились съ цѣлью сдѣлать зло человеку, и потому ихъ боялись особенно. Въ подкрестныхъ записяхъ на вѣрность царю вѣрноподаанный присягалъ, между прочимъ: *отдомствомъ по вѣтру никакою мизу не насылнати на слѣду не отнимати*. Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пылъ и примонялялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пылъ на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, изло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней сбывалось все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ-подъ ноги сохраняется до сихъ поръ. Выбранный слѣдъ замазывали въ нечи или сжигали, и оттого испытывалъ тотъ, изъ-подъ чьей ноги былъ ваять слѣдъ. Впрочемъ, выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, чтобъ приворожить къ себѣ. Заговоры надъ мерт-

¹⁾ Доп., I, 18.

²⁾ Арх. Кал. 1858, I, 78, 81.

³⁾ Буслаева О народн. поэз., 31.

выми человеческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *ма татьбу мертваго зубы волшебникомъ*¹⁾. Тогда, какъ и теперь, вору уночребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ въ домѣ, когда хотѣли ихъ обокрасть. Встарину также наговаривали на просфору. Приносили просфору къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней примолвленія, и этой просфорѣ сообщалась сила давать успѣхъ въ дѣлахъ тому, кто ее держитъ у себя²⁾. Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ передачи волшебной силы были наузы или узлы; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей («Баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плюющее на землю, рекше бѣса проклинати»). Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхвованія); ему волхвы навязали наузу на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилости въ кровопролитіе»). Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ наузы для предохраненія отъ всякаго рода опасностей («нѣкая бѣсовская обаянія наузы»).

Встарину узлы навязывали на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «завяжу я по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищаляхъ, на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, поважите всѣ ратныя оружія; въ мои узлахъ сила могуча!» На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что имъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ и отъ зломыслия враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ, и упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ черница, отъ черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго, и отъ упирца»³⁾. Ковечью, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить. Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «завязанный свѣтъ!» «Мини якъ завязано» (т.-е. неуддется). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобъ сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобъ предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаше всего наузы давались противъ болѣзней не какъ лекарьство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ или даже сами были злыми духами, или отъ злого умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка, обыкновенная болѣзнь, представлялась бѣсомъ-тряпцею («недуги летать чарами и

¹⁾ Прав. Собес. 1856, кн. II, 64.

²⁾ А. А. Э., I, 228—229.

³⁾ Арх. Казач., кн. II, полов. 2. Отд. шестое, 53.

наузы, нѣкотораго бѣса глаголемаго трящю прогоняюще». Арх. Кал., II, полов. 2). Этому бѣсу трящѣ подвластны выходящіе изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другамъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ, дочерей Иродовыхъ (Невѣя, Снѣя, Легкая, Трасуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Аки-ледь, Временная, Безымянная, Вешняя, Листопадная). Имена семи—не русскія: Лелія, Хорторія, Зыгрѣя, Невея, Тухія, Нешія, Жыдѣя, еще старшая Трасавица; «а нынѣшнѣ всѣ повинны насъ слушати» (вѣроятно каждая изъ насъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались «еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ; другіе писали имена лихорадокъ на яблокѣ и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разутьілись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрыя взоры ¹⁾. Лечение состояло въ томъ, чтобъ отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожен употребляли наузы, примовленія, разныя манипуляціи и зелья ²⁾. Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, когда придетъ случай («Хотя мало поболѣимъ, или жена, или дѣтя, то оставаше Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйницъ наузовъ... глаголюще нань наузы навязывати»). Примовльки и заговоры употреблялись какъ для предотвращенія болѣзней, такъ еще болѣе какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившаго болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожен наговаривали на какіе-нибудь предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своего желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ болѣзняхъ, когда признавалось, что онѣ постигли болящаго отъ призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то-есть вліяніе дурнаго взора. Вросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примовленіи уговаривала воду обмыть съ хвораго «хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзани, шипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновымъ лѣсъ, за осиновымъ тынъ». Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерлахъ во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время ³⁾. Время предъ восходомъ солнца считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣетъ что-то особенно важное ⁴⁾. Кромѣ воды, очень часто ворожен наговаривали на вино, на чеснокъ, на укусъ, на соль; а когда заговаривали грыжу, то употребляли медвѣжьей ноготокъ и гроховую стрѣлу, обмывали ихъ и приговаривали: «какъ старой женкѣ дѣтей не

¹⁾ Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 56.

²⁾ А. А. Э., I, 462.

³⁾ А. И., IV, 125.—Арх. Кал., II, 2, 51.

⁴⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

раживать, такъ бы у такого-то грыжи болѣзни не было». Громовыя стрѣлки ¹⁾, то-есть камешки на подобіе стрѣлъ, которые почитались упавшими съ неба во время удара молніи, служили у ворожей средствомъ при многихъ леченіяхъ; но Церковь преслѣдовала ихъ, какъ и всякія другого рода средства. «Стрѣлки, топоры громовыя—нечестивая, богомерзкая вещь; аще недуги и подсыванія и огненные болести лечить, аще и бѣсы изгоняеть, и замѣнія творить—проклята естъ, и ти исцѣляема ею» ²⁾. Если у кого-нибудь случалась жаба въ горлѣ, ворожея лечила тогда *придавливаніями* съ приколвленіями; когда большой животъ болѣлъ на боль въ желудкѣ, ворожея называла это вообще *нутряною* болѣзью и лечила разными манипуляціями, между которыми самый обыкновенный способъ былъ накладывать горшки съ приколвленіями. Для всякихъ болѣзней были свои особыя примолвки и свои обряды, по правиламъ патологии знахарей. Наружное обмываніе или мазаніе больного тѣла было обычнымъ приемомъ волхвовъ: для мазанія употреблялись всевозможнѣйшія вещи, какія только могли прийти наобузданной фантази: «мастію, коею либо мажутъ или скипидаромъ, или нефтью, или мышьякомъ, или кровію человѣческою, или млекою, женскимъ и скотскимъ, или медомъ, или росою, или сѣрою, или дегтемъ, или хмелемъ» ³⁾.

Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали въ XVII вѣкѣ орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному свѣдѣнію, «Богъ далъ дивныя угодья таковы, что несѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять». Воображали, что этотъ камень находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. «А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганія дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ вѣтровъ и отъ всякихъ золъ» ⁴⁾. Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоценнымъ средствомъ не только для исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г. соглашался за три такіе рога заплатить десять тысячъ рублей соболями и мягкой рухлядью ⁵⁾. Говорили, что овъ длиною до шести надей и свѣтелъ, какъ свѣтло ⁶⁾. Небогатые не могли доставать такихъ дорогихъ средствъ и употребляли такъ называемыя змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой-нибудь «нутряной» болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были не что иное, какъ простыя кости ⁷⁾. Нѣкоторыя предохранительныя симпатическія средства назначались для скотины: «около скота волхвуетъ: и съ камешемъ, и желѣзомъ, и сковородою, и съ мѣнами спускаютъ скоты свои» ⁸⁾. «Если хочешь скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца и внопаи посреди двора, и скотъ будетъ вестися; а если у кого скотъ шретъ, и ты съ

¹⁾ Врем., I. Домостр., 38.

²⁾ Румянц. Муз., рук. № 231. Кормч.

³⁾ Румянц. Муз., рукоп. № 374.

⁴⁾ Буслаева О народн. поэзіи, стр. 28.

⁵⁾ А. И., IV, 242.

⁶⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

⁷⁾ А. И., II, 46.

⁸⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

ушерлаго вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ѣшь съ той сковороды что хочешь, а скоть твой съ тѣх мѣстъ не иреть и здравъ будетъ. Кто животину купить приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растануть поясъ женскій отъ верев до верев, да замокъ положить къ веревѣ, а колоду замочную къ другой веревѣ, и проведенн животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять опоясаться, и черезъ мужской поясъ животину водять же отъ верев до верев растанувши»¹⁾.

Къ числу чародѣевъ принадлежали, какъ выше было сказано, и зелейщики—анатоки силы травъ и кореньевъ: у нихъ былъ свой травникъ, который они передавали другъ другу. Эти травники переходили изъ рукъ въ руки въ сивскахъ. Травы собирались *знаючи*, то-есть съ таинственными умѣньемъ доставать ихъ: въ какихъ мѣстахъ, въ какое время и какими способомъ. Купальская ночь признавалась лучшимъ временемъ для этого; нѣкоторыя травы считались цѣлительными въ извѣстныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. По приказанію Алексѣя Михайловича, одинъ сибирскій знахарь сообщилъ черезъ воеводу правительству подмѣченныя имъ свойства нѣкоторыхъ травъ. Изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ мы узнаемъ, что у знахарей были травы на всѣ болѣзни и на всѣ случаи. Изъ донесенія упомянутого выше знахаря видно, что въ грыжѣ давали сѣмя травы, называемой зелейщиками — *елкии*, настоенное для взрослыхъ въ винѣ, а для дѣтей въ молокѣ; другіе совѣтовали пить въ укусѣ траву *ушко*; въ болѣзняхъ застоя мочи и въ трудныхъ родахъ давали въ окуновой теплой ухѣ или въ молокѣ траву *колушъ*. Коревъ девясила употреблялся для жеванія отъ зубной боли; ирвой корень наставлялся на водкѣ и давался отъ удущья; отъ запоровъ давали губку лиственницы, называемую *хмманя*, въ винѣ или въ горячей водѣ; отъ той же болѣзни сибирскій знахарь рекомендовалъ корень травы, называемой *земляная сетка*. Изъ травы подъ названіемъ *тутушковы палыи* дѣлали припарку противъ желваковъ и другихъ затвердѣній. Отъ побоевъ и ранъ лечили питьею изъ звѣробоя на водкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ употребляли винный настой травы *изамодынъ* и травы *марта*. По другому травнику, отъ побоевъ и ранъ рекомендовали травы: *девятисилъ* (или девясилъ), *хмельникъ*, *ужмыкъ* и *панутникъ*²⁾. Настой послѣдней травы давали пить внутрь и прикладывали имъ больныя мѣста снаружи. Иногда знахари лечили мѣстурою изъ разныхъ травъ, кореньевъ и животныхъ веществъ; вотъ, наиримѣръ, образецъ знахарскаго рецепта: «знаеть (онъ) около Якутска масло, ростомъ кругло, что яблоко большое и малое, ходитъ живо, а живетъ въ глухихъ и глубокихъ озерахъ; будетъ какой человекъ боленъ нутряною красною грыжею или ложъ въ костяхъ, или мокрота бываетъ нутряная, и сидѣти въ банѣ и послѣ того баннаго сидѣнья сдѣлать составъ: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревяннаго масла, да добыти полевыхъ кузнечиковъ зеленыхъ, что по травамъ скачють, да наловить коростеликовъ красныхъ, что летаютъ въ поляхъ и гѣ статьи положить въ горячее вино, и дать стоять день одиннадцатъ или тринадцатъ; и послѣ того баннаго сидѣнья велѣть того больного человека гѣмъ составомъ тереть по всему тѣлу, и велѣть быть въ теплой хороминѣ, пока

¹⁾ Бусл. О нар. поэзіи, 35.

²⁾ Арх. Кал. 1858, I, 82.

тотъ составъ войдетъ; а дѣлать такъ не по одно время; и то масло ѣдятъ и пьютъ отъ многихъ нутряныхъ болѣзней» ¹⁾). Нѣкоторыя травы приписывалось чародѣйственное вліяніе противъ душевныхъ недуговъ и вредоноснаго дѣйствія зависти одного человѣка къ другому. Тотъ же сибирскій знахарь совѣтуетъ наставлять на винѣ или на укусѣ земляныя груши и ѣсть ихъ сырыя въ случаѣ тоски или сердечной болѣзни; а противъ испуга или дурного вліянія, оставленнаго осужденіемъ завистливаго человѣка, указываетъ, какъ на цѣлительное средство, на траву, называемую *срола*: слѣдуетъ болящаго окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча въ водѣ, давать ѣсть ²⁾). Были травы, которыя приписывали значеніе универсальныхъ лекарствъ; такъ, въ одномъ травникѣ XVII вѣка ³⁾ о травѣ *излюдинъ* (растетъ по старымъ рощицамъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: «кто тое траву ѣсть, и тотъ человекъ, живучи, никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу». Трава *кудрявый купыр* имѣла силу предохранять отъ отравы того, кто ее ѣлъ ватощакъ. О травѣ *плакунъ* говорится, что ее надобно заранѣе приобрѣсть для того, чтобъ искать всякую другую траву, «а безъ тое травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ». Существовало повѣрье о разрывѣ-травѣ, съ помощью которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава въ травникѣ, о которомъ упомянуто выше, называется *бѣль*: растетъ въ водѣ, а коренья добры; возьми и положи въ замокъ, то отомкнется. Другія травы приписывали предохранительную силу; о травѣ *Петровъ крестъ* говорится, что отъ нея «никакая скорбь, не вяжется, помилуетъ Богъ отъ всякія пакости; а въ пирѣ поѣдешь, возьми ее съ собою отъ еретика и напрасныя смерти». То же думали о *паперть*, которую доставать слѣдовало только въ Купальскую ночь и потомъ носить всегда при себѣ; «гдѣ пойдешь—на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и не другъ, а на зло и не помыслить». О травѣ *золотой нить* существовало такое наставленіе: «надобно кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы. да стоя на колѣнѣ хватать траву ту, обертевъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую, и беречь ту траву отъ мерзкаго часа; а хочешь идти на судъ, или на бой, ино никто тебя не переможетъ» ⁴⁾). Траву *осотъ* рекомендовали держать торговымъ людямъ: «хочешь богатъ быть—носи на себѣ; гдѣ ни поѣдешь, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, а въ людяхъ честно вознесешься». Зелѣе *попутникъ*, повѣшенное на дворѣ, отгоняло всякихъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Травѣ *переносъ*, кромѣ такихъ же предохранительныхъ свойствъ отъ укушенія гадовъ и дѣйствія нечистыхъ духовъ, приписывалась такая сила, что если изъ нея «сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода разступитца»; а травы *прострѣль* (сонъ трава) и *укрой* предохраняли дома, гдѣ ихъ держали, отъ нечистыхъ духовъ. Когда рвать прострѣль, то слѣдовало положить на то мѣсто, откуда взять корень, великоденское яйцо. Подобныя средства употреблялись противъ порчи: подъ этичъ ииенемъ въ обширномъ смыслѣ разумѣлось во-

¹⁾ Доп., VI, 364.

²⁾ Ibid., 361, 364.

³⁾ Арх. Кал. 1858, I, 78—83.

⁴⁾ Бусл. О нар. поэз., 80.

обще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства, при участіи нечистой силы; но въ тѣсномъ смыслѣ сюда относились по преимуществу тѣ нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такихъ явленій надобно искать исключительно во влияніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши; въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая-нибудь чудотворная икона или мощи святого, — вообще мѣста, прославленныя религиозною святостью. Кликушами они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого-нибудь, то-есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка, они *мечтаются всякими казюдойствами*. Женщины страдали этимъ преимущественно. О такихъ бѣснующихся ходили изустныя и письменныя исторіи самыя мрачныя и вѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосвѣщенною крестнымъ знаменіемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она дѣлалась беременною и рождала чудовищъ, на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ влияніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными недугами, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ воображенія, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпѣ видъ, будто пророчествуютъ. Стоглавыи соборъ просилъ царя, чтобъ онъ повелѣлъ жителямъ гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босмы, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали народу равныя заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ: «бабы, не прядите и нечешьте по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Другія же подушала людей на всякіе пороки. Появленіе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею человѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подушала ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобъ потомъ придирается и обирать послѣднихъ; а если кто-нибудь, обезумленный страданіями пытки, наскажетъ на себя, что онъ дѣйствительно колдунъ, того сжигали въ струбѣ. Между тѣмъ правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ-нибудь краѣ, посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь человѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ ¹⁾. Большое воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происхо-

¹⁾ А. г. Шун, 95.—Опис. Шун, 337, 340.

дять отъ супостать ¹⁾. Томить сухота сердечная, ѣсть-пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ,—вѣрно напустили, можетъ быть, изъ-подъ вѣтру, или со слѣда. а можетъ быть, зелья чревоотравнаго дали, что чаровница собирала въ ночь Купала. Домашніе придумывали, отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобъ только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки недалеко, особенно если у истцовъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 году въ Перми производилось дѣло о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операций подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ: священники, посадскіе, старосты и цѣловальники съ выборными обывателями подавали голоса для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители, и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобъ обвинить человека въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ при Михаилѣ Федоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ ²⁾.

Порча сообщалась черезъ разные предметы. Выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человека, посредствомъ вѣтра или вымки слѣда. Равнымъ образомъ, колдуны пересылали свое зложелательство черезъ *подметъ* разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ, напримѣръ, въ Шуѣ въ 1672 году производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда ³⁾. Волшебство также легко переходило черезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобъ «лихой человекъ не положилъ зелья и коренья лихова въ нѣтъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку». Въ 1598 году русскіе присягали Борису, своему государю «въ ѣствѣ и въ питьѣ, и въ платѣ или въ иномъ въ чемъ лиха напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ, да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывать, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати», и проч. ⁴⁾. Во время войны боялись, чтобъ чужіе государи не подослали волшебниці испортить государеву семью ⁵⁾, и успѣхи Самозванца всеобщее мнѣніе ничему другому не могло приписать, кромѣ вѣдовства ⁶⁾. Опасеніе, чтобъ лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ или кому-нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили, сглазили или напустили на нихъ ху-

¹⁾ С. Г. Гр., III, 264.

²⁾ Olear., 184.

³⁾ Оп. гор. Шуи, 841.

⁴⁾ А. А. Э., II, 58.

⁵⁾ О ворожбѣ, Забѣл., 485.

⁶⁾ Доп., I, 255.

дому. Женщины, составлявшія дворню царицы, жили, по большей части, въ неприязни между собою, соперничали одна съ другой и взаимно одна на другую доносили. Если въ домашнемъ царскомъ быту возникалъ какой-нибудь споръ между супругами—и этому искали причины въ вѣдовствѣ и порчѣ¹⁾. Болѣзнь царскаго младенца приписывалась глазу и порчѣ, и оттого маленькихъ царевичей и царевенъ старательно оберегали отъ чароушескихъ взоровъ, полагая, что дурное дѣйствіе недобраго глаза легче подѣйствуетъ на малолѣтняго, чѣмъ на взрослога²⁾. То же господствовало и въ домахъ знатныхъ господъ; господа, заболѣвши, подозрѣвали слугъ, что они нанесли имъ вредъ вѣдовствомъ, а слуги, разсердившись на господъ, дѣйствительно прибѣгали къ вѣдунамъ и вѣдуньямъ, чтобъ съ помощью ихъ знаній отомстить господамъ. Между тѣмъ, волхвы, знахари, ворожен, вѣдуны пользовались всеобщимъ легковѣріемъ и дѣлались повѣренными въ житейскихъ дѣлахъ всѣхъ классовъ народа; одни портили, другіе снимали порчу, предохраняли отъ нея или отгадывали, кто испортилъ. Такимъ образомъ, между чародѣями происходили своего рода поединки, гдѣ оружіемъ было ихъ искусство. Они соперничали другъ съ другомъ; одинъ думалъ своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другого, а между тѣмъ, кто-нибудь доказывалъ на нихъ, и обѣ стороны попадались въ руки блюстителей порядка и правосудія, собиравшихъ равные плоды и съ злого, и съ добраго колдовства, а еще болѣе тѣхъ, кто прибѣгалъ къ тому и другому роду колдовства. Церковь строго преслѣдовала всякое вѣдовство, не шадя даже и леченія, принадлежавшаго вообще къ зелейничеству. Въ монастырскихъ имѣніяхъ волхвовъ и бабъ ворожей считали наравнѣ съ ворами и разбойниками. Правительство въ XVI в. опредѣлило, слѣдуя внушеніямъ Церкви, преслѣдовать волхвовъ, чародѣевъ и звѣздочетовъ, какъ клятвopреступниковъ, хулителей и подстригателей усевъ³⁾. Не только преступниковъ подвергали кнуту и лишенію имущества, но цѣлая община, гдѣ жили чародѣи и волхвы, облагалась денежною пеней⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ повсемѣстно преслѣдовали вѣдуновъ, вѣдуній и зелейниковъ⁵⁾, сажали подъ стражу провѣзжихъ людей за то единственно, что находили у нихъ корешокъ⁶⁾, заточали въ монастырь того, кто вздумалъ бы попробовать поучиться заговорнымъ словамъ⁷⁾; сожигали и тѣхъ, кто имѣлъ ихъ при себѣ⁸⁾. Народная мсть преслѣдовала колдуновъ и колдуній въ эпохи общественныхъ бѣдствій, напр., засухи или излишней мокроты, вредной для хлѣба; тогда дѣлали заключеніе, что несчастіе происходитъ отъ вѣдуновъ, умѣющихъ владѣть обиліемъ и скудостью, и обрекали на сожженіе тѣхъ, къ которымъ рѣдкій изъ народа не прибѣгалъ прежде въ своихъ нуждахъ⁹⁾. Вообще преслѣдовавшіе чароушество, какъ ало, часто уступали всеобщему суевѣрію и обращались къ нему за помощью. Самъ благо-

1) О ворожбѣ, Забѣл. Ком., 490.

2) Котоших., 14.

3) Доп. къ судеб. А. И., I, 252.

4) А. А. Э., I, 267.

5) Доп., III, 79.

6) А. И., III, 225.

7) А. А. Э., IV, 31.

8) Дѣло о Ст. Раз., А. И., IV.

9) Поѣздка въ Кирилл.-Бѣлоз. мон., II, 37.

честивый царь Алексѣй Михайловичъ, столь преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ Купальскую ночь искать серабориннаго цвѣта, империковой и мятной травы и дягилю ¹⁾, а предъ концомъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ ²⁾ воеводамъ въ Сибири, которая по своей отдаленности представлялась въ народномъ воображеніи страной таинственныхъ силъ и чудесъ, собирать знахарей, узнавать отъ нихъ о травахъ и самыя травы присылать въ Москву.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастій. кроиъ молитвы, и приписывать ихъ чему бы то ни было, кроиъ Божія гнѣва.

Во время морового повѣтрія при Алексѣѣ Михайловичѣ многіе полагали, что бѣдствіе это происходитъ «отъ звѣздъ тлетворныхъ, и воздымленій, и воспареній земныхъ и морскихъ, и праховъ, и зловонія мертвечины, и дождей лѣтнихъ»; другіе же укоряли такихъ толкователей и доказывали, что другой причины, кроиъ кары Божіей за грѣхи, не слѣдуетъ искать. Патріархъ Никонъ, не отвергая послѣдняго толкованія, допускалъ, однако, и толкованія перваго рода ³⁾, и на этомъ основаніи доказывалъ, что тотъ не грѣшитъ, кто уклонится изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ зараза, что, напротивъ, тотъ, кто подвергаетъ себя явной опасности, равняется тому, кто самъ на себя наложитъ оружіе. Но такъ какъ встарину даже въ «Стоглавѣ» объяснено, что Богъ наказываетъ страну, человѣковъ и скотовъ падежемъ и тлетворными вѣтрами, иногда же пожарами, иногда же голодомъ и войною за тяжелые пороки и, въ томъ числѣ, за содомскій грѣхъ ⁴⁾, то старыя благочестивцы вооружались противъ подобныхъ умствованій и совѣтовали, по примѣру святыхъ мужей, Бога ради переносить съ благодареніемъ многоразличные недуги и болѣзни ⁵⁾.

Убѣгая чародѣйства, набожныя люди вѣрили его силѣ въ простотѣ ума, и если случалось кому заболѣть, то хотя и приписывали свое несчастіе напуску или волхвованію, однако, не прибѣгали къ добрымъ колдунамъ, а искали помощи въ религіозныхъ обрядахъ и всегда были подъ страхомъ вліянія таинственныхъ силъ; вездѣ видѣли бѣсовъ, которые очень часто въ ихъ воображеніи походили больше на шалуновъ, чѣмъ на искусителей къ пороку. Духовныя лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бѣсовъ, а другіхъ ими пугали и требовали, чтобъ чловѣкъ былъ всегда насторожѣнъ противъ враговъ чловѣческаго рода, вооруженный молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Иногда бѣсы поселялись во дворахъ и домахъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр., «сожечь совиныя кости и тѣмъ дыномъ грамину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ, а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуя двери, и всякое зло, которое найдеть на дворъ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое камень: отъ него нечистый духъ бѣ-

¹⁾ Доп., III, 254.

²⁾ Доп., VI, 375.

³⁾ П. С. З., I, 895—399.

⁴⁾ Стогл., гл. 15.

⁵⁾ Врем., I. Домостр., 41.

гаетъ, потому что тотъ камень крестообразно растеть». Набожные люди прогоняли изъ домовъ своихъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласить надпись на оградѣ церкви Гребенской Вожіей Матери въ Москвѣ. Ангель хранитель всегда стоитъ на стражѣ вѣренной ему души противъ дѣйствія злого духа, и потому къ нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, въ первый часъ дня, ангель хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно когда ангелы являются для поклоненія Богу ¹⁾). Этою молитвою человѣкъ предохраняетъ себя отъ навѣтовъ злыхъ духовъ. Приступая къ какому-нибудь дѣлу, слѣдовало прежде всего помолиться и освѣтить себя крестнымъ знаменіемъ, иначе бѣсы сдѣлаютъ какую-нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь или варить ѣству, или садится она за палыцы,—слѣдовало прежде всего умыть руки, сдѣлать три земныхъ поклона, проговорить *«достойно естъ»*, перекреститься и, принимаясь за самую работу, еще разъ призвать Божіе благословеніе, сказавши «Господи, благослови!» Если это исполняется, тогда сами ангелы помогаютъ невидимо, и дѣло спорится и хорошо дѣлается, и ѣства и питье выйдутъ въ прокъ, и шитво крѣпко сошьется. Напротивъ, если при работѣ начнутся смѣхи, игры и празднословіе, тутъ нечистые духи-бѣсы радуются и пошѣиваются, а ангелы отойдутъ въ сторону и тоскуютъ: тогда и ѣство плохо сварится, и хлѣбъ дурно спечется, и шитво сошьется не крѣпко и не ладно ²⁾). Идя по воду къ источнику или рѣкѣ, женщина должна была, опуская въ воду ведра, сказать молитву, а иначе бѣсы какъ разъ испортятъ воду. Многіе освящали свою посуду и, принося въ церковь, просили священниковъ окропить ее святою водою, прочесть надъ ней молитву и пропѣть духовную пѣснь. Послѣ этого надѣялись, что кушанье, сваренное и поданное въ такой посудѣ, будетъ и лучше, и неприступнѣе для шалостей бѣса. Ложась спать, слѣдовало окрестить кругомъ ложе и всѣ углы, чтобъ не допустить бѣсовъ до какихъ-нибудь проказъ надъ спящимъ. Существовали особныя молитвы, которымъ приписывали бѣсонизгонительную силу. Между прочимъ, обращались и въ этомъ къ святому врачу Никитѣ такимъ образомъ: «за шесть дней бѣгайте отъ меня бѣсы молитвами святого, славнаго мученика, врача Никиты. Благословенъ Богъ во вѣки, аминь. Самъ Господи бляди раба своего (нирекъ) на пути, на постели, у воды, на встрѣчѣ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Его; отпусти сатана и отъ сего дома, и отъ всего созданія, и отъ всѣхъ сихъ четырехъ стѣнъ и отъ четырехъ угловъ. Здѣ святая Богородица Христа рождаетъ, здѣ четыре евангелиста почиваютъ, здѣ святые апостолы Петръ и Павелъ, здѣ святой Кириллъ крестъ держитъ и хранитъ ложеніе раба Вожія (нирекъ) во имя Отца и Сына и святого Духа. Крестъ на нивѣ, крестъ у меня, крестъ надо мною, крестомъ ся огражаю, крестомъ діавола побѣждаю и отъ 4-хъ стѣнъ, отъ 4-хъ угловъ; здѣ тебѣ, окаянный діаволе, ни части, ни мѣста, всегда нивѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» ³⁾). Передъ посѣвомъ приносили хлѣбное зерно въ церковь и святили его; такъ дѣлали и послѣ жатвы ⁴⁾). Во время ѣства или питья благочестивые крестились чуть не

¹⁾ Рукоп. Рум. Муз., № 358.

²⁾ Врем., I. Домостр., 27, 28.

³⁾ Рук. Рум. М., 359.

⁴⁾ Fletch., 217, 251.

за каждымъ глоткомъ, прогоняя дьявола ¹⁾. При выѣздѣ изъ дома непременно нужно было призвать священника и отслужить молебенъ, иначе бѣсы чего-нибудь настроятъ въ дорогѣ. Когда дворянинъ отправлялся въ дальнѣйшій путь на воеводство, тогда ужъ недостаточно было моленія простого священника; онъ отправлялся къ архіерею и получалъ отъ него благословенную икону ²⁾. Нѣкоторые были столь благочестивы, что носили въ рукахъ четки и, при всякомъ свободномъ случаѣ, перебирали ихъ, ходя и сидя, шептали сряду шестьсотъ разъ: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго», а потомъ сряду сто разъ: «Владычица моя Богородица, помилуй мя грѣшнаго!» Грамотные объясняли, что если кто такъ дѣлаетъ три года сряду, то въ первый годъ въ него вселится Христосъ, во второй годъ Духъ святой, а въ третій годъ самъ Богъ отецъ ³⁾. Такииъ образомъ, при всякомъ начинаніи дѣла, и важнаго, и неважнаго, русскій благочестивый человѣкъ всегда прибѣгалъ къ религіозному обряду. Одно старинное поученіе о крестномъ знаменіи говоритъ: «безъ него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и сна, и вставая, и дѣлая, и путье шествуя, аще или по морю плаваеши, или рѣкою возниши—вся своя узы животворящимъ крестомъ утверди и не причинить тебѣ зло» ⁴⁾. Быть благочестивымъ, по понятію большинства, значило: знаменоваться крестомъ, класть земные поклоны, почитать образа, ходить въ церковь съ приношеніями, слушаться духовенства и хранить посты.

Чѣмъ кто былъ благочестивѣе, тѣмъ больше у него было въ домѣ образовъ, тѣмъ наряднѣе они были украшены. Иконы были первою необходимостью; гдѣ не было иконъ, тотъ домъ для русскаго не могъ показаться христіанскимъ. Украшенія образамъ давались часто въ благодарность за оказанную помощь: напримеръ, русскій купецъ молится предъ образомъ св. Николая и проситъ успѣха въ торговлѣ; если ему повезетъ, онъ, въ знакъ признательности, дѣлаетъ угодику золотой или серебряный окладъ. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идутъ дѣла, несмотря на его усердныя молитвы, онъ, помогая себѣ въ житейскихъ нуждахъ, сниметъ съ образа окладъ. Повсюду было множество чудотворныхъ образовъ. Они являлись гдѣ-нибудь на поляхъ и въ лѣсахъ, производили чудеса; о нихъ доносили правительству, а правительство устанавливало празднество ⁵⁾. Кромѣ такихъ св. иконъ, которыхъ чудотворенія признавались Церковью, были въ частныхъ домахъ иконы, которыя почитались чудотворными въ тѣсномъ кругу семейныхъ знакомыхъ. Молещикъ замѣчалъ, что желаніе его исполняется, когда онъ молится особенно такому-то образу. Дѣйствіе приписывалось не только заступничеству святого, котораго ликъ изображался на образѣ, а силѣ, заключающейся въ самой иконѣ. Поэтому, если, напримеръ, русскій былъ съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ или тяжбѣ, то боялся, чтобъ соперникъ его не помолился этому образу и чтобъ такимъ образомъ не получилъ успѣха противъ него самого. Изъ уваженія къ св. иконамъ считалось грѣхомъ прикоснуться рукою къ лику святого, и это вѣрованіе было, между прочимъ,

¹⁾ Petr, 317.

²⁾ Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

³⁾ Врем., I. Дожостр., 19.

⁴⁾ Рук. Рум. М., 186.

⁵⁾ А. И., IV, 52.

поводомъ къ тому, что иконы обкладывались одеждою ¹⁾). Когда образъ несли, то изъ благоговѣнія держали надъ головою высоко, и всякъ, кто встрѣчался, долженъ былъ креститься и кланяться ²⁾). Если въ комнатѣ совершалось что-нибудь непристойное—образа задергивали пеленою. Уваженіе къ иконамъ не дозволяло выражаться, что образа покупаются; говорили же: мѣняются; хозяинъ, желая промѣнить свой старый образъ на новый, приносилъ его въ иконную лавку, оставлялъ и клалъ деньги; если купецъ находилъ, что даютъ дешево, то, ни слова не говоря, отодвигалъ отъ себя деньги, и покупатель долженъ былъ прибавлять, пока купецъ находилъ достаточнымъ. Если образъ сгорить, непристойно было сказать: онъ сгорѣлъ, а слѣдовало выразиться: *онъ выбылъ*, какъ и о сгорѣвшей церкви говорилось: *она вознеслась*, а не сгорѣла. Впрочемъ, старые образа позволялось бросать въ рѣку, сказавши *прости* ³⁾; но тотъ, кто находилъ образъ на водѣ, почиталъ такую находку знакомъ благодати. Поруганіе св. иконъ, по русскимъ понятіямъ, наводило гнѣвъ Божій на цѣлый край; въ 1642 году многіе подавали царю совѣты начать войну съ турками на томъ основаніи, что турки овладѣли въ Азовѣ образомъ св. Іоанна Предтечи; это внушало опасность навлечь на всю Россію месть святого ⁴⁾). Въ равной степени русскіе чествовали книгу св. Евангелія, хотя бы и въ частномъ домѣ. Св. Евангеліе слѣдовало брать въ руки не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, съ пониженною главою и послѣ крестнаго знаменія ⁵⁾).

Св. крестъ считался знаменіемъ мира и союза. Всякій договоръ или обѣщаніе по своей важности подтверждались цѣлованіемъ креста, а нарушеніе такого договора называлось преступленіемъ противъ крестнаго цѣлованія. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные запрещали снимать крестъ съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться въ рѣку или мыться въ мыльнѣ ⁶⁾). Коль скоро приводилось что-нибудь важное обѣщать или утвердить истину сказаннаго, снимали его съ себя и цѣловали. Встарину было въ обычаѣ мѣняться грудными крестами; сдѣлавшіе такую мѣну, считали себя обязанными быть душевными друзьями и помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни.

Св. мощи были всеобщимъ предметомъ поклоненія; къ нимъ стекались болящіе и искали исцѣленій. Независимо отъ поклоненія мощамъ, хранившимся въ церквахъ и монастыряхъ, многіе богатые люди нѣсли у себя въ домѣ частицы мощей въ крестахъ или на образахъ; возбранялось носить крестъ съ мощами на шеѣ ⁷⁾). Вода, которою обмывали мощи, считалась цѣлительною и употреблялась набожными людьми въ разныхъ недугахъ. Встарину очень часто появлялись мощи, и кромѣ тѣхъ, которыя были открыты и признаны Церковью, возникало въ разныхъ мѣстахъ поклоненіе памяти усопшихъ, которые, по образу жизни, заслуживали уваженія народа. Такъ, въ 1626 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ народъ сталъ собираться около рябины, которая выросла на могилѣ убитаго разбойни-

¹⁾ Дженк., 359.

²⁾ Herberst., 28.

³⁾ Колл., 9.

⁴⁾ С. Г. Гр., III, 389.

⁵⁾ Relig. des Moscov., 13.

⁶⁾ Румянц. Сборн., 359.

⁷⁾ Румянц. Муз., рукод. № 359.

ками икоа Адриана, и народный говоръ гласилъ, что многіе страждущіе получили на этомъ мѣстѣ исцѣленіе ¹⁾).

Съ этими вѣрованіями соединялось уваженіе къ храму Божию. Строятъ церковь считалось дѣломъ христіанской добродѣтели и лучшимъ средствомъ къ спасенію и отпущенію грѣховъ. Нельзя было пройти мимо церкви, не сдѣлавши троекратнаго знаменія съ поклономъ.

Благочестивый человѣкъ считалъ большимъ грѣхомъ не пойти въ церковь въ праздникъ не только къ литургіи, но къ вечернѣ и къ заутренн. «Когда вы услышите клепаніе въ церкви,—говорить одно духовное поученіе,—оставляйте всякое дѣло и идите въ церковь» ²⁾. Слѣдовало въ церкви стоять со тщаніемъ и трепетомъ, не обращая взоровъ, потупивъ глаза и сложивъ крестообразно руки, и не вести другъ съ другомъ пустошныхъ рѣчей: «велико милосердіе Божіе (говорить то же поученіе), что огонь,—не сойдетъ съ неба и не пожретъ ведущихъ разговоры во время божественнаго гнѣія». Склоняться на стѣну и переступать съ ноги на ногу отъ усталости считалось грѣхомъ; равнымъ образомъ, считалось недостойно славы Божіей уходить изъ церкви прежде окончанія служенія ³⁾. Палку оставляли внѣ церкви. Во избѣжаніе сходства съ католиками, встарину православные не становились на колѣни, но благочестивые люди усердно клали поклоны и отъ этого на лбу у нихъ были шишки ⁴⁾. Женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ; знатныя госпожи становились въ церквахъ за рѣшетками, стояли, потупя глаза въ землю, и старались особенно показывать видъ скромности, когда мимо нихъ проходилъ священникъ. Простыя женщины не такъ часто ходили въ церковь, какъ мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобъ поклониться иконамъ ⁵⁾. Всякому сколько-нибудь достаточному человѣку виѣнялось въ благочестивую обязанность явиться въ храмъ Божій съ приношеніемъ, напримѣръ, со свѣчемъ, съ просфоромъ, еміаномъ, ладаномъ, кутьею или милостынею ⁶⁾. По толкованію набожныхъ людей, даръ тогда только принимался Богомъ, когда было приношеніе отъ праведнаго ииѣнія ⁷⁾, и когда богомолецъ не таитъ въ душѣ ни къ кому ни злобы, ни гнѣва. «Аще кто идетъ къ церкви со страхомъ Божиимъ, со всѣмъ сердцемъ, гнѣва не имѣетъ, но сияетъ душа его яко солнце, и восходитъ молитва его яко темьянъ: тогда ангелъ мой исходитъ изъ алтара, нося кисть въ руку своею и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ святой» ⁸⁾. Давать въ монастыри считалось особенно спасительнымъ дѣломъ: «что имате потребно—несите къ намъ, то бо все въ рудѣ Божіи влагаете» ⁹⁾. Кромѣ денежныхъ вкладовъ и недвижимыхъ ииѣній, нѣкоторые дарили одежды ¹⁰⁾ и посылали братіи

¹⁾ А. И., III, 229.

²⁾ Рум. Муз., рукоп. № 359.

³⁾ Рум. Муз., рукоп. № 359.

⁴⁾ Колл., 26.—Дженкинс., 338.

⁵⁾ Mejerb., 169.—Olear., 348.

⁶⁾ Злат. Матица. Публичн. Вибл., стр. 203.

⁷⁾ Врем., I. Домостр., 9.

⁸⁾ Румянц. Муз., рукоп. 182.

⁹⁾ Поуч. всяк. христ. рукоп.

¹⁰⁾ С. Г. Гр., I, 342.

корны, то-есть съѣстные припасы. Нѣкоторые знатные люди доставляли въ монастыри ежегодныя пропорціи. Во время болѣзни или предъ кончиною страждущіе думали уменьшить тяжесть грѣховъ вкладами въ церковь, и завѣщали иногда въ разныя церкви и монастыри особые вклады ¹⁾ и кормленія на братьев ²⁾. Если умирающій не успѣвалъ распорядиться формально, то наследники, зная его волю, считали долгомъ поскорѣе исполнить ее для успокоенія души усопшаго ³⁾. Нерѣдко старый человекъ, чувствуя истощеніе силъ, поступалъ въ иноческій чинъ и при этомъ всегда давалъ даръ или доходъ; въ такихъ случаяхъ богатые помогали бѣднымъ, давая имъ на постриженіе ⁴⁾. По народнымъ понятіямъ, сдѣлать вкладъ по душѣ значило проложить душѣ вѣрный путь къ спасенію, и это вѣрованіе было причиною большихъ богатствъ монастырскихъ.

Но уже распространилось достаточно ученіе о томъ, что давать на монастыри недвижимое имѣніе не только не спасительно, а даже вредно. Въ книгѣ «Златой Матицѣ» ⁵⁾, въ одномъ поученіи рассказывается, что нѣкій святой отецъ имѣлъ видѣніе объ одномъ умершемъ, котораго считали всѣ спасеннымъ, потому что онъ записалъ въ монастырь имѣніе, и который въ самомъ дѣлѣ за то самое былъ осужденъ: «и осуждена бысть душа его мучитися святаго ради, и молящися святой Богородицѣ и предтечѣ Іоанну о душѣ той и слышалъ гласъ глаголющъ: кто дастъ село, да отпустятъ то село отъ монастыря, тогда душа отпущена будетъ отъ муки».

Священники и монахи были лучшими совѣтниками и друзьями благочестивыхъ людей. Каждый имѣлъ у себя духовника, къ которому прибѣгалъ въ своихъ житейскихъ нуждахъ: приглашалъ для совѣта и утѣшенія во время какой-нибудь печали, болѣзни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Онъ былъ наставникомъ и другомъ, занималъ въ домѣ всегда первое мѣсто; для него не щадили приношеній; ему кланялись до земли ⁶⁾. Осуждать духовныхъ считалось, по нравственному ученію, большимъ грѣхомъ: «нѣсть вамъ подобно на священники хулы возвѣщати», говоритъ одно поученіе ⁷⁾, «ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся вѣрныя службу творить и завтра, и въ полудни, и въ вечеръ молятъ Бога въ церкви и въ домѣхъ, и у креста молитвы творять... Ученія его (священника) слушай, и аще право учить, не пытай его ученія и не укоряй его, добре бо за тя Бога молить. Клеветы же не принимай ни на одинаго чернца глаголю; аще видини согрѣшивша, послушай Бога рекшаго: не осужайте, да не осужени будете; минувшу же тя на пути не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышленіе о судномъ днѣ ⁸⁾ восклицаетъ: «о, горе тому человеку въ день судный, аще кто станетъ попа укоряти: не попа укоряетъ, но Церковь Божию». Государи, столь неприступные, преклонялись предъ духовными властями

¹⁾ А., отн. до юр. б., I, 557.

²⁾ Доп., I, 186.

³⁾ Доп., I, 5.

⁴⁾ Врем., XIII, Расх. кн., 39.

⁵⁾ Погод. Сб., № 1024.

⁶⁾ Врем., I, Домостр., 21.

⁷⁾ Пог. Сборн. Публ. Библи., № 1313.

⁸⁾ Сборн. XVII в., принадл. профессору Буслаеву.

и Алексѣй Михайловичъ обращался съ патриархомъ Іосифомъ столь почитательно, что кланялся ему до земли ¹⁾. Конечно, этотъ обрядъ смиренія не мѣшалъ царямъ поступать иногда очень самовластно съ духовными лицами. Съ своей стороны, духовенство, котораго было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобъ не получить выгоды отъ своихъ совѣтовъ. На большой дорогѣ и на берегу рѣкъ всегда можно было встрѣтить духовныхъ, которые, завидя проѣзжаго, спѣшили благословить его крестомъ, чтобы получить награду за свое благословеніе ²⁾.

Послѣ духовныхъ благочестіе обращалось къ такъ называемымъ юродивымъ и нищимъ. Въ какомъ почетѣ были встарину юродивые, видно изъ того, что самъ Иванъ Васильевичъ Грозный терпѣливо выслушалъ горькія рѣчи юродиваго, приглашавшаго его въ постъ поѣсть мяса, на томъ основаніи, что царь ѣстъ человѣческое мясо. Кромѣ юродивыхъ мужчинъ были также юродивыя жонки, ходившія со двора на дворъ, уважаемыя хозяевами и вмѣстѣ забавлявшія хозяйскихъ дѣтей. Иногда юродивые жили при домахъ, особенно при архіерейскихъ; такъ, Никонъ, когда выѣзжалъ въ дорогу, то бралъ съ собой какаго-то юродиваго Василія Восога.

Вѣра, что подача нищему есть достойное христіанское дѣло и ведетъ къ спасенію, породила толпы нищенствующихъ на Руси. Не одни калѣки и старцы, не люди здоровые прикидывались калѣками. Множество нищихъ ходило по міру подъ видомъ монаховъ и монахинь и странствующихъ богомольцевъ, съ иконами,—просили какъ будто на сооруженіе храма, а въ самомъ дѣлѣ обманывали. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ поношенное платье раздавалось нищимъ ³⁾. Въ большихъ городахъ на рынкахъ каждое утро люди покупали хлѣбъ, разрѣзывали на куски и бросали толпѣ оборванныхъ и босыхъ нищихъ, которые такимъ образомъ выпрашивали себѣ дневное пропитаніе. Случалось, что эти самые нищіе, напросивши кусковъ, засушивали ихъ въ печкѣ и послѣ продавали сударями ⁴⁾, а потомъ снова просили. Часто дворяне и дѣти боярскіе, пострадавшіе отъ пожара или непріятельскаго нашествія, просили милостыни, стыдятся заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошай скажутъ, что онъ здоровъ и можетъ работать, дворянинъ обыкновенно отвѣчалъ: «я дворянинъ, работать не привыкъ; пусть за меня другіе работаютъ! Ради Христа, Пресвятыя Дѣвы и святаго Николая чудотворца и всѣхъ святыхъ, подайте милостыню бѣдному дворянину!» Часто такія лица, наскуча просить милостыню, переищивали нищенское ремесло на воровское и разбойничье ⁵⁾. Вообще, прося милостыни, нищіе возбуждали состраданіе унижительными причетами, напримѣръ: «дайте мнѣ и побейте меня. Дайте мнѣ и убейте меня!» Другіе читали нараспѣвъ духовные стихи жалобнымъ голосомъ. Благочестивые люди приходили въ умиленіе отъ этого рода пѣсенъ. Между нищими вообще было множество злодѣевъ, способныхъ на всякія беззаконныя дѣла. Въ XVII вѣкѣ они крали дѣтей, уродовали ихъ, калѣчили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то ихъ

¹⁾ А. А. Э., IV, 79.

²⁾ Карл., 32.

³⁾ Врем., I. Домостр., 51.

⁴⁾ Olear., 317.

⁵⁾ Petr., 314.

горонили въ погребѣхъ, а если переживали муку, то возили по селеніямъ, чтобъ возбуждать видомъ ихъ страданій участіе. Случалось, что вдругъ пропадетъ дитя, игравшее гдѣ-нибудь на улицѣ: его сманивали нищіе, соблазняя яблоками и орѣхами. Въ XVII вѣкѣ рассказывали одинъ ужасный случай. Пропало у матери дитя. Черезъ нѣсколько времени въ толпѣ нищихъ мать услышала жалобный крикъ: «мама! мама!» Открылось, что эти нищіе, числомъ четверо, отправляли уже семнадцать лѣтъ такую спекуляцію и много дѣтей украли и изуродовали ¹⁾. Несмотря на такіе случаи, расположеніе къ нищимъ отъ этого не охладѣвало. Русскій, видя несчастнаго, который проситъ подаванія во имя Христа и святыхъ, не считалъ себя въ правѣ судить его, а полагалъ, что долгъ христіанна помочь тому, кто проситъ; справедливо ли или несправедливо онъ проситъ, и куда бы ни употребилъ то, что ему дано — въ этомъ судить его Богъ. На такомъ основаніи русскіе также сострадательны были къ колодникамъ, преступникамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, которыхъ посылали съ сторожами просить милостыни для пропитанія. Благочестивые люди отправляли въ тюрьмы коры и раздавали колодникамъ передъ праздниками одежды. Самъ царь въ урочные святые дни, когда ради вселенскихъ церковныхъ воспоминаній кормили нищихъ и раздавали имъ подаваніе, отправлялся лично въ тюрьмы къ заключеннымъ и подавалъ имъ милостыню изъ собственныхъ рукъ. Даже иногда *тюремные сидѣльцы* получали сравнительно болѣе, чѣмъ содержавшіеся въ богадѣльняхъ раненные войны ²⁾. Иностранцамъ казалось странно, что люди, наказанные кнутомъ, не только не отиѣчались народнымъ презрѣніемъ, но еще возбуждали къ себѣ участіе и внушали даже нѣкотораго рода уваженіе къ своимъ страданіямъ. Никто не стыдился не только ласково говорить съ ними, но даже вѣстѣ съ ними ѣсть и пить ³⁾. Съ другой стороны, и палачи не были въ презрѣніи ⁴⁾; это званіе отдавалось иногда торговымъ людямъ и такъ было выгодно, что его перебывали другъ у друга. Такимъ образомъ всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло въ несчастномъ видѣть одно несчастіе и подходить къ нему съ добрымъ движеніемъ сердца, а не съ осужденіемъ.

Храненіе поста было для всѣхъ безусловною обязанностью. Начиная отъ царя и доходя до послѣдняго бѣдняка, всѣ строго держались употребленія пищи по предписаніямъ Церкви въ извѣстныя времена. Великій постъ и успенскій, среды и пятни соблюдались съ большею строгостью, а прочіе два: петровъ и рождественскій (филиппово заговѣнье) слабѣ ⁵⁾; лицамъ, находящимся въ супружескомъ союзѣ, не предписывается тѣлеснаго воздержанія въ эти посты; многія благочестивыя семейства въ продолженіе сорокадневныя ѣли только въ опредѣленные недѣльные дни, а въ другіе совсѣмъ не вкушали пищи. Послѣдніе два дня передъ Пасхою почти повсемѣстно проводились безъ пищи, по церковному уставу. Постъ считался средствомъ умилостивленія Божія гнѣва и въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и въ частныхъ несчастіяхъ. Въ эпоху Смутнаго времени, въ 1611 г., наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду

¹⁾ Mejerb., 166—167.

²⁾ Дож. Б. Р. Ц. О. З., 1853 г. Янв., 58.

³⁾ Olear., 175.

⁴⁾ Strauss, 25.

⁵⁾ Рум. Муз., рук. 359.

не вѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу сухопаденіе ¹⁾. Въ 1650 году, по поводу сѣжденія хлѣба саранчею, наводненій, пожаровъ и скотскаго падежа, положено въ рождественскій постъ поститься строже обыкновеннаго и ходить каждый день къ заутренѣ, литургіи и вечернѣ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всеобщій постъ налагался на жителей въ предупрежденіе бѣдствій, о которыхъ носились слухи со стороны; такъ въ 1668 году, по случаю разнесшейся вѣсти о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ, наложили строгій постъ. Если въ какой-нибудь общинѣ, посадской или сельской, случалась болѣзнь, скотскій падежъ, неурожай или какое-нибудь другое несчастье, жители думали избавиться отъ него наложеніемъ строгаго поста на всѣхъ членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, налагались обѣтныя *пятницы*, то-есть столько-то пятницъ проводить безъ пищи. Другіе, по благочестію, сверхъ установленныхъ Церковью ежеднедѣльныхъ постныхъ дней—середы и пятницы,—постились постоянно по понедѣльникамъ. Но если по понятіямъ маломыслящаго постъ достаточно достигался соблюденіемъ воздержанія отъ пищи и неотступленіемъ отъ налагаемыхъ обычаевъ правилъ, то для истинно благочестиваго наружный постъ былъ бесполезенъ безъ дѣлъ христіанской любви. Въ одномъ старинномъ словѣ «Хлѣбъ» говорится: «кій успѣхъ убо человѣку алевати плотію, а дѣлы разоряюще; кій успѣхъ человѣку отъ яди воздержатися, а на блудъ совокуплятися; кая убо польза немьющемуся, а нагого не одѣжуще. Кая польза есть плоть свою иссушающему, а не кормящему алчнаго; кій успѣхъ есть уди съкрушати, а вдовицъ не милovati, кій успѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти» ³⁾. Другое поученіе съ такою рѣзкостью выражается о безплодіи соблюденія наружнаго поста безъ внутренняго благочестія: «аще кто не пьетъ питья, ни мясъ ясть, а всяку злобу держитъ, то не хуже есть скота; всякъ бо скоть не ясть мясъ, ни питья пьетъ; аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зломыслитъ на друга, то ни тако хвалися; скоть бо постели не трепуетъ, ни постелющаго имать» ⁴⁾.

Несмотря на глубоко-правственное значеніе, какое вообще придавали строгому подчиненію Церкви, русское благочестіе основывалось больше на вниманіи къ внѣшнимъ обрядамъ, чѣмъ на внутреннемъ религиозномъ чувствѣ. Духовенство почти не говорило проповѣдей, не было училищъ, гдѣ бы юношество обучалось закону Божию.

Русскіе вообще рѣдко исповѣдывались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполненіемъ этихъ важныхъ обрядовъ только однажды въ годъ—въ великую четьредесятницу. Другіе не исповѣдывались и не подходили къ святымъ дарамъ по нѣскольку лѣтъ. Притомъ исповѣдь для толпы не имѣла своего высокаго значенія: многіе, чтобъ избѣжать духовнаго наказанія отъ священниковъ, утаивали свои согрѣшенія и послѣ даже хвалились этимъ, говоря съ насмѣшкою: «что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться» ⁵⁾. Часто владыки жаловались на холодность къ религіи и обличали мірянъ въ

¹⁾ А. А. Э., II, 247 (387).

²⁾ С. Г. Гр., III, 459.

³⁾ Погод. Сборн., № 1024.

⁴⁾ Рум. Муз., рук. № 186.

⁵⁾ Mejerb., 181—182.

уклоненіи отъ правилъ Церкви. Въ XVI вѣкѣ митрополитъ Макарій замѣчалъ, что въ Новгородской Землѣ простолудины не ходятъ въ церковь, избѣгаютъ причащенія; а если и приходятъ когда-нибудь въ храмъ, то сѣются и разговариваютъ между собою, не показывая вовсе никакого благочестія ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ до свѣдѣнія патриарха Филарета дошло, что въ Сибири русскіе, скрывшись съ некрещеными народами, забыли даже носить на себѣ кресты, не хранятъ постныхъ дней и сообщаются съ некрещеными женщинами ²⁾. Нѣкоторые русскіе въ восточныхъ провинціяхъ Московскаго Государства, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями ихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру ³⁾. Коль скоро нѣтъ внутреннего благочестія, наружное соблюдается только до тѣхъ поръ, пока дѣйствующія извнѣ обстоятельства поддерживаютъ привычку; въ противномъ случаѣ и самые обряды не тверды, и человекъ гораздо легче ихъ нарушаетъ, нежели какъ кажется, судя по той важности, какую онъ придаетъ имъ. Сообщники Стеньки Разина ѣли въ постъ мясо, безчинствовали во время богослуженія, кощунствовали надъ святынею и убили архипастыря, несмотря на его священный санъ; а при Михаилѣ Федоровичѣ Иванъ Хворостининъ, какъ только познакомился съ литературными трудами Запада, тотчасъ началъ вести такую жизнь, что навлекъ на себя укоръ патриарха въ томъ, что противъ Свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, до свѣта за два часа ѣлъ мясную ѣству и пилъ вино ⁴⁾.

Отдѣленные отъ прочихъ народовъ, съ своей особой вѣрой, русскіе составили себѣ дурное понятіе о другихъ христіанскихъ народахъ, а долгое страданіе подъ игомъ нехристіанъ укоренило въ нихъ непріязненность вообще къ иновѣрцамъ. Русскіе считали только однихъ православныхъ въ цѣломъ мірѣ христіанами и въ отношеніи вѣры смотрѣли съ презрѣніемъ на всѣхъ иноземцевъ ⁵⁾. Хотя они мало-по-малу сближались съ ними, принимали начала ихъ жизни въ свою жизнь, но вѣдѣтъ съ тѣмъ, чувствуя, что они многому должны отъ нихъ учиться, вознаграждали это непріятное сознаніе національнымъ высокомеріемъ. Греція передала намъ къ мусульманамъ свою антипатію, которая еще болѣе усилилась на русской почвѣ, соединившись съ воспоминаніями татарскаго ига. Всѣ западныя христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными ⁶⁾. По понятію строгаго благочестія не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобъ стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика ⁷⁾. Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и арианами ⁸⁾ и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближеніе съ иностранцами. Въ 1620 году духо-

¹⁾ А. И., I, 287. Доп., I, 27—30.

²⁾ С. Г. Гр., III, 245.

³⁾ А. А. Э., I, 436—438.

⁴⁾ С. Г. Г., III, 331.

⁵⁾ Olear., 189.

⁶⁾ Доп., III, 250.

⁷⁾ Herberst., 83.

⁸⁾ А. А. Э., I, 463.

венство просило не допускать вѣмцевъ покупать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ вѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе ¹⁾. Такъ патріархъ Никонъ, человѣкъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго-города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры ²⁾. Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкѣ ненависть къ католичеству. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклатая ³⁾, и католики считались погибшими для царствія Божія людьми ⁴⁾. Послѣ Смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристіями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать о нихъ, имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго Государства ⁵⁾. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ Западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять всѣхъ униатовъ, и требовалъ, чтобъ тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію ⁶⁾; а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками ⁷⁾. Народъ ненавидѣлъ также наравнѣ съ католиками и жидовъ ⁸⁾. ни одному жида не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лекарствъ.

Съ непріязнью къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для русскихъ достоиніе чужеземщины. Такимъ образомъ, русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли какъ на колдовство или навожденіе дьявола ⁹⁾. Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ ¹⁰⁾. Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запираться въ свои избы, «какъ будто бы,—говоритъ одинъ англичанинъ,—мы были зловѣщія птицы или какія-нибудь пугалы» ¹¹⁾; только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы ¹²⁾.

Правительство хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину,—взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользо-

¹⁾ А. И., III, 115.

²⁾ Библ. для Читен., XV, отд. III, стр. 101.

³⁾ Дѣло Башкина. А. А. Э., I.—С. Г. Гр., III, 19.

⁴⁾ Контор., III.

⁵⁾ Olear., 317.

⁶⁾ А. И., IV, 261.

⁷⁾ А. И., IV, 227.

⁸⁾ Olear., 317.

⁹⁾ Crull., 143.

¹⁰⁾ Olear., 189.

¹¹⁾ Карл., 205.

¹²⁾ Olear., 346.

ваюсь услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи, одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови ¹⁾ и оправдывалъ передъ ними свои злодѣяства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми ²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правотворіе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и наконецъ при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобъ народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянъ, повосными словами ³⁾; а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно ⁴⁾ и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще неприязнь къ иноземцамъ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной неприязни къ иностранцамъ: она была только религіозная, какъ къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ ⁵⁾. Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ ⁶⁾. Такимъ образомъ разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностью, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ ⁷⁾. Какъ ни казалась велика неприязнь ко всему польскому, въ Смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и официальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западнорусской рѣчи ⁸⁾.

¹⁾ Флетч., 15.

²⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc., 152—153.

³⁾ С. Г. Гр., IV, 469.

⁴⁾ А. И., IV, 109.

⁵⁾ Herberst., 31.

⁶⁾ А., отн. до ю. б., I, 556.

⁷⁾ Доп., V, 285.

⁸⁾ А. И., II, 357.

СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

I.

Въ древности, когда народъ не сплотился еще въ политическія общества, каждое поселеніе управлялось сходомъ хозяевъ жилищъ и выбранными отъ нихъ, изъ ихъ же среды лицами. Такой порядокъ былъ общимъ всемъ народамъ, стоявшимъ на первобытныхъ ступеняхъ гражданственности. И у насъ было то же. «Живяше кождо съ родомъ своимъ», выразился древній лѣтописецъ о бытѣ нашихъ предковъ въ отдаленныя невѣдомыя времена. Наша историческая жизнь въ послѣдовательномъ повѣствованіи источниковъ является со времени возникновенія единаго княжескаго рода и съ усвоенія за нимъ права имѣть своихъ членовъ правящими лицами у всѣхъ народцевъ, составлявшихъ славяно-русское племя. Русь въ это время дѣлится на земли, и въ каждой землѣ долженъ быть князь, какъ правитель, судья и предводитель военныхъ силъ по признанію въ такомъ достоинствѣ всею землею, которая по отношенію къ нему, какъ къ властвующей силѣ, называлась его «волостью». Главнымъ пунктомъ въ землѣ былъ городъ, укрѣпленное поселеніе, гдѣ пребывалъ князь и гдѣ обыкновенно сходились на совѣтъ съ нимъ объ общихъ дѣлахъ жители земли; совѣтъ этотъ назывался вѣчемъ. Но земли, въ свою очередь, дѣлились на болѣе мелкія земли, и въ такихъ мелкихъ земляхъ возникали города, называемые по отношенію къ главному городу пригородами; они вѣстѣ съ послѣднимъ составляли одну единицу общей земли, а потому и были подчинены главному городу. Однако, при стеченіи благоприятныхъ для пригородовъ обстоятельствъ пригороды иногда приобрѣтали самобытность и даже полную независимость и тогда призывали къ себѣ особу князей. Дробились такимъ образомъ земли, дробились и княженія. Въ древней Руси все отличалось неопредѣленностью: не было ни точнаго раздѣленія жителей на сословія, ни законности въ приобрѣтеніи княженія для лицъ княжескаго рода, ни правилъ составленія вѣтъ, ни условій состоятельности вѣчевыхъ приговоровъ; во всемъ господствовала личная свобода и все направлялось по стеченію событій. Г. Сергіевичъ превосходно изобразилъ этотъ характеръ нашей старинной политической жизни въ своей книгѣ «*Вѣче и князь*», которая, будучи лучшимъ изслѣдованіемъ въ нашей наукѣ, должна надолго остаться настольною книгою для всякаго желающаго уразумѣть нашу древнюю жизнь, хотя едва ли можно согласиться съ почтеннымъ авторомъ ея въ томъ, что будто ¹⁾ племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образование

¹⁾ Мнѣніе г. Сергіевича справедливо только до извѣстной степени. Несмотря на долгое пребываніе народныхъ частей въ одномъ политическомъ единеніи, и теперь еще

волостей. Это утверждает авторъ на томъ основаніи, будто славянскія племена, заселявшія Россію, не отличались рѣзкими особенностями, которыя бы могли надолго обусловить особый для каждаго племени ходъ политическаго развитія. При увеличивавшемся дробленіи русско-славянскаго міра издавна, однако, свѣтилось сознание, что Русская Земля есть одна, отлична отъ другихъ, нерусскихъ странъ и всѣ части Русской Земли составляютъ одно общее для всѣхъ отечество. Такая идея еще въ темныя для насъ времена привела къ единству княжескаго рода; эта идея высказалась и въ томъ вниманіи, какое оказывала къ ней лѣтописцы, охватывая въ своихъ повѣствованіяхъ всѣ русскія земли разомъ. Эта идея выразилась и въ поэтической скорби о раздробленіи русскихъ силъ пѣвца Игорева. Но болѣе всего эту идею проводила и поддерживала православная церковь, которая при всѣхъ политическихъ дробленіяхъ пребывала всегда единою для цѣлаго русско-славянскаго міра, какъ въ своемъ іерархическомъ строѣ, такъ и въ единообразіи богослуженія и церковнаго вѣрованія. Древняя дотатарская Русь не додумалась до соединительнаго органа всѣхъ земель своихъ; попытки нѣкоторыхъ князей устроить княжескіе сѣзды остались неудавшимися и притомъ сами по себѣ были недостаточными для цѣли. Удѣльно-вѣчевой строй представлялъ такое броженіе, въ которомъ ощутительными были противорѣчивыя стихіи: изъ него могла выработаться и федерація свободныхъ земель, и строгая монархія, смотря по тому, куда событія повернутъ судьбу русско-славянскаго міра. Татарское завоеваніе повернуло его къ тому, что въ ея историческомъ ходѣ явился перевѣсъ къ единовластію.

Справедливо можно усматривать первичныя зачатки единовластія въ Ростовско-суздальской Землѣ уже въ XII вѣкѣ, но они, безъ сомнѣнія, не пустили бы такихъ ростковъ, если бы не явилось на содѣйствіе ихъ развитію иноплеменное завоеваніе. Въ XIV вѣкѣ возникло ясное и опредѣлительное стремленіе къ единовластію надъ всею Русью въ Москвѣ, прямой отрасли Владиміра на Клязьмѣ, взявшей надъ ними первенство подобно тому, какъ Владиміръ нѣкогда захватилъ первенство надъ старѣйшими городами своей земли—Суздалемъ и Ростовомъ. Въ Москвѣ развилось это стремленіе, въ Москвѣ окрѣпло оно въ XV вѣкѣ, а въ XVI Москва стала центромъ Московскаго Государства, подчинившаго всѣ русскія области, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отошли къ иному, образовавшемуся изъ русскихъ же стихій государству—Великому Княжеству Литовскому. Признаками московскаго владычества было поглощеніе земской областной жизни, уничтоженіе вѣчевого строя, стѣсненіе личной свободы и порабощеніе народныхъ массъ волѣ великаго князя и его намѣстниковъ и волостей. Здѣсь не мѣсто вспоминать, какъ русскія земли одна за другою подпадали подъ власть Москвы: фактъ былъ для всѣхъ неизбежный и необходимый, но вездѣ онъ возбуждалъ горькія жалобы привыкшихъ къ прежнему свободному строю. Дошли до потомства и стenanія ростовцевъ, потерявшихъ свою областную самобытность еще при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ ¹⁾, и стenanія псковичей, ли-

можно замѣтить въ нравахъ, образѣ жизни, вѣрованіяхъ и въ языкѣ народа нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ отъѣны, соотвѣтствующія древнему дѣленію на земли и волости.

¹⁾ „Увы, увя тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отыяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь, и слава, и потягнуша къ Москвѣ... егда внидоста во градъ

нившихъ своей свободѣ уже при Василии Ивановичѣ, въ началѣ XVI вѣка ¹⁾. Господство великокняжескихъ намѣстниковъ дѣлалось сноснѣе только тогда, когда присланный изъ Москвы намѣстникъ былъ самъ по себѣ человекъ добраго нрава, но вообще приходило въ званіи намѣстниковъ больше такихъ, которыхъ управляемые жители находили «лихими». Но мало-по-малу начались дѣлаться шаги къ возвращенію покореннымъ областямъ если далеко не полной былой свободы, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго участія жителей въ ихъ мѣстномъ управленіи. При великомъ князѣ Василии Ивановичѣ велѣно было въ Новгородѣ выбрать изъ улицы лучшихъ людей сорокъ восемь человекъ и къ цѣлованію привести, а по государеву великаго князя Іоанна Васильевича слову «оставили судити съ намѣстники старосту купецкого, а съ тиуны судити цѣловальникомъ по четыре на всякій мѣсяцъ» ²⁾. Въ малолѣтство Іоанна Васильевича, когда государствомъ управляли бояре, начались подаваться отъ жителей разныхъ областей жалобы на злоупотребленія и насилія намѣстниковъ, и бояре стали давать грамоты, дозволявшія участіе выборныхъ отъ народа лицъ въ судѣ и расправѣ. Такъ, въ управленіе Шуйскаго даны грамоты каргопольцамъ ³⁾ и бѣлозерцамъ ⁴⁾. Сущность этихъ грамотъ, выданныхъ въ 1539 году, состояла въ томъ, что довѣрялось въ волости избрать трехъ или четырехъ лицъ изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ быть старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ изъ крестьянъ, человекъ по пяти и по шести, и передать имъ судъ и расправу по уголовнымъ дѣламъ. Въ послѣдовавшее затѣмъ управленіе Вѣльскаго возвращено было псковичамъ ихъ старинное право «по всѣмъ городамъ большимъ и по пригородамъ и по волостямъ лихихъ людей обыскивать самимъ крестьянамъ между собою по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертною казнію, не вода къ намѣстникамъ и ихъ тиунамъ». «Намѣстники, сообщаетъ лѣтописецъ, были этимъ очень недовольны, а крестьянамъ была великая радость и облегченіе, и судъ перешель въ руки псковскихъ цѣловальниковъ и сотскихъ, которые стали прозводить судъ въ «судницѣ» (судной избѣ) на княжешъ

Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ и не мало отъ ростоведъ москвичемъ имѣнія своя отдаваху съ нужею, а сами противу того рани на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе» (Карамз., IV, прим. 303).

¹⁾ «И начаша намѣстники надъ псковичами силу велику чинити... и отъ ихъ насилства и налоговъ многіе разбѣгошася по чужимъ городомъ, а кои пноземцы жили во Псковѣ и ти розыдошася во свои земли, ано не мочно во Псковѣ жити, толко одны псковичи осташа, ано земля не разступится, а вверхъ не валегѣтъ». (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 288).

²⁾ Это свидѣніе Карамзинимъ заимствовано изъ извѣстной ему архивной ростовской лѣтописи. Оно сбивчиво: установленіе 48 цѣловальниковъ приписывается великому князю Василию Ивановичу, о введеніи же въ судъ съ намѣстниками старосты купецкаго и съ тиунами цѣловальниковъ говорится, что это совершилось по слову великаго князя Іоанна Васильевича. Изъ этого мы предполагаемъ, что собственно это учрежденіе въ его исполненіи относится къ государствованію сына Василія Ивановича, великаго князя Іоанна Васильевича и, вѣроятно, къ его младенчеству или отрочеству, такъ какъ онъ въ юности принялъ уже титулъ царскій, а не назывался только великимъ княземъ (Карамз. Ист. Госуд. Росс., т. VII, прим. 362).

³⁾ Дополн. къ Акт. Истор., I, стр. 32.

⁴⁾ А. Арх. Эксл., I, стр. 164.

дворѣ, надъ рѣкою Великою» ¹⁾). Въ короткій періодъ управленія Бѣльскаго не только во Псковѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ дано или, правильнѣе сказать, возвращено было жителямъ участіе въ судѣ. Такъ, въ Сольгаличѣ дано обывателямъ право избрать десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ и предоставить имъ вмѣстѣ съ городовымъ приказчикомъ (такіе были въ дворцовыхъ волостяхъ, а Сольгаличъ былъ волостью дворцовой) творить судъ и казнить смертью преступниковъ ²⁾). Такое же право дано крестьянамъ селъ Прилуцкаго монастыря. То же произошло на сѣверѣ, въ Двинской Землѣ, гдѣ керетчанамъ и ковдянамъ дано право выбирать пѣловальниковъ, которые должны быть на судѣ съ великокняжескими денщиками и слободчиками, посылаемыми въ эти края, а послѣднимъ запрещалось безъ пѣловальниковъ творить судъ и расправу ³⁾).

Есть основаніе думать, что извѣстными намъ актами не ограничивалась тогдашняя дѣятельность правительства, и что эти акты стали намъ извѣстны только потому, что попались въ Сборникъ Археографической Комиссіи случайно; но въ оное время дано было еще не мало такихъ грамотъ и въ другія мѣста, и при Бѣльскомъ положено основаніе того самоуправленія областного, которое распространилось такъ широко впоследствии подъ вліяніемъ избранныхъ совѣтниковъ, окружившихъ на нѣкоторое время молодого царя Ивана Васильевича. Не даромъ Курбскій, одинъ изъ такихъ совѣтниковъ, съ сочувствіемъ и похвалами отзывается объ этомъ Бѣльскомъ ⁴⁾. Но туго на Руси могли прививаться подобные начатки свободной жизни, несогласныя съ утвердившимся уже господствомъ произвола власти.

Въ 1547 году пріѣхали въ Москву псковичи жаловаться на намѣстника государева. Московскій государь, уже достигшій тогда совершеннолѣтія, опалился на нихъ, безчествовалъ ихъ, обливалъ горячимъ виномъ, жегъ имъ бороды и волосы на головѣ и приказалъ разложить ихъ нагишомъ на землѣ съ тѣмъ, чтобы истязать. Къ счастью псковичей, въ это время неожиданно московскій «колоколъ благовѣстникъ отпаде», государь ускакалъ въ Москву по такой вѣсти и «жалобщиковъ не истеря» ⁵⁾. Скоро затѣмъ случился въ Москвѣ страшный пожаръ, а за пожаромъ и страшный народный бунтъ, въ которомъ не оказывалось пощады государевымъ родственникамъ, а затѣмъ произошло многозначительное по послѣдствіямъ явленіе священника Сильвестра передъ царемъ. Молодой царь впалъ въ ребяческую боязнь и подпалъ подъ вліяніе умныхъ людей, на которыхъ указалъ овладѣвшій совѣстью царя Сильвестръ. Тогда царь приказалъ собрать со всего государства земскихъ людей на соборъ. Явленіе новое и никогда не бывалое. Прежде, какъ мы выше привели, существовали вѣча, собранія народныя по землямъ, но общаго вѣча, такъ сказать, вѣча вѣтъ, не было, и никто даже не подавалъ объ этомъ мысли. На прежнихъ вѣчахъ не было никакого выбора, никакого представительства отъ мѣстностей или сословій, каждый какъ свободный человѣкъ шелъ самъ за себя, и дѣла рѣшались на вѣчѣ не большинствомъ, а общими

¹⁾ Пск. первая лѣт. П. С. Р. Лѣт., IV, 305.

²⁾ А. Арх. Эксп., I, 169—170.

³⁾ Ibid., стр. 176.

⁴⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., VIII, прим. 117.

⁵⁾ Пск. первая лѣт. П. Собр. Р. Л., IV, 307.

желаніемъ, выражаемымъ тѣмъ, что кто сильнѣе духовно и матеріально, тотъ и беретъ верхъ. Это было возможно въ каждой изъ земель, да и то инны были до того пространны, что затруднительно было изъ отдаленнаго пригорода идти на вѣче въ главный городъ, и это, между прочими другими побужденіями, содѣйствовало отложеніямъ пригородовъ и образованію отдѣльныхъ земель и княженій. Теперь, когда Москва подчинила себѣ такія широкія пространства русскихъ земель, немисливо было уже сходиться на общій совѣтъ людямъ за какихъ-нибудь триста или пятьсотъ верстъ. Немѣжно вытекало отсюда, что если призывать на совѣтъ Русскаго Государства людей, то надобно въ областяхъ выбирать нѣсколькихъ и отправлять въ столицу въ качествѣ пословъ или представителей своей области. Такъ и возникли земскіе соборы — сходки выборныхъ людей всего Московскаго Государства по призванію верховной власти — явленіе, въ первый разъ возникшее при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и нѣсколько разъ повторявшееся по разнымъ важнымъ случаямъ вплоть до царствованія Петра Великаго, начавшаго преобразовывать весь строй своего государства на западно-европейскій образецъ того времени. Чтѣ побудило царя Ивана Васильевича вызвать такое явленіе къ жизни? Мы едва ли ошибемся, когда, принимая во вниманіе нравственныя свойства этого государя, скажемъ, что его побудила къ этому трусость, составлявшая отъ юности до старости отличительную черту его характера. Царя Ивана Васильевича перепугалъ народный бунтъ. Онъ трепеталъ отъ страха не только за свою родню, которую москвичи стали истреблять, но и за собственную жизнь. Шелъ вопросъ о томъ, какъ спасти себя и свою царскую власть. Онъ тогда слушался совѣтовъ и совершенно отдался въ руки Сильвестра и людей, на которыхъ послѣдній указалъ ему, какъ на умныхъ и полезныхъ помощниковъ. На это есть указанія источниковъ того времени и собственное признаніе царя Ивана Васильевича въ его письмахъ къ Курбскому. Тутъ-то, вѣроятно, и подали ему совѣтъ обратиться ко всему русскому народу, покаяться передъ всѣмъ міромъ въ своихъ ошибкахъ, въ дурномъ управленіи государствомъ и приступить къ усовершенствованію законодательства гражданскаго и церковнаго. Въ такихъ-то видахъ былъ созванъ въ Москву земскій соборъ изъ выборныхъ людей всего Русскаго Государства. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но и главныхъ чертъ этого перваго земскаго собора. Не дошло до насъ ни царской грамоты о созваніи выборныхъ людей, ни дѣяній соборныхъ. Знаемъ только, что царь, благословившись у митрополита и духовныхъ властей, вышелъ на лобное мѣсто передъ толпу собравшихся изъ городовъ русскихъ выборныхъ людей, проговорилъ предъ ними рѣчь, кааяся въ томъ, что до сихъ поръ управленіе государствомъ велось дурно, просилъ у всѣхъ прощенія, но приписывалъ все бывшее зло боярѣмъ, правившимъ государствомъ во время его малолѣтства, увѣрялъ, что самъ онъ отъ всего чистъ, кланялся на всѣ стороны, сознавалъ, что уже воротить того, чтѣ было прежде сдѣлано, нельзя, убѣждалъ до срока оставить всѣмъ свою вражду другъ къ другу и прекратить ссоры и распри, кромѣ важныхъ дѣлъ, и общалъ самъ бытъ всѣмъ судьей, неправды разорять и похищенное возвращать. Въ заключеніе царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать отъ всѣхъ и разсматривать челобитныя и назначилъ изъ боярѣй верховныхъ судей¹⁾. Послѣ этого собора принялись за работу:

¹⁾ Карамз. Ист. Гос. Росс., т. VIII, примѣч. 182, 183, 184.

составленъ былъ новый судебникъ, составлены уставныя грамоты, въ силу которыхъ по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ и погостамъ велѣно выбрать старость и пѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ: судъ и мѣстное управленіе передавались отъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей народу въ лицѣ выбранныхъ послѣднихъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ занялись церковною реформою, слѣдствіемъ чего былъ Стоглавъ. Не только церковныя законоположенія обсуждались и утверждались духовенствомъ, самый судебникъ, касавшійся исключительно гражданскихъ или мірскихъ дѣлъ, и уставныя грамоты—все это было представлено на обсужденіе духовенства для разсмотрѣнія: согласно ли оно съ правилами Церкви и съ прежними законами царскихъ прародителей ¹⁾. Царь просилъ духовныхъ, собранныхъ на церковный соборъ, побесѣдовать, посоветовать и извѣстить его на счетъ обычаевъ, которые въ послѣднее время «поиспаталися, или что въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены» ²⁾. Духъ новыхъ законодательныхъ преобразованій былъ въ высшей степени консервативенъ и даже, такъ сказать, ретрограденъ: идеалъ правды былъ позади, а не впереди, и не даромъ все отдавалось подъ окончательный контроль Церкви, которая всегда привыкла мыслить такъ, что вообще лучшимъ надобно признавать то, что было старѣе. Если въ новомъ устройствѣ является свобода для областной народной жизни, то это потому, что дѣйствительно была у русскаго народа свобода встарину; хотя уже она и не могла воскреснуть въ прежнемъ видѣ, но теперь, однако, она должна была отзываться въ жизни поколѣній не твердыми, какъ показало будущее, чертами. Духовенство не могло не одобрить такихъ измѣненій, когда усматривало, что они дѣлались на томъ основаніи, что такъ было встарину. Такое подчиненіе царя духовенству было только временное, совершившееся подъ влияніемъ трусости; впоследствии, когда царь Иванъ Васильевичъ удостовѣрился, что власть его тверда, онъ въ письмѣ къ Курбскому указывалъ, что «никакъ не подобаетъ священникомъ царская творити», что каждое царство, обладаемое попами, подвергается разоренію, и ссылался на примѣръ Византійской державы, подчинявшейся духовенству ³⁾. О томъ, кто все это дѣлалъ и кто всѣмъ тогда заправлялъ, мы находимъ достаточное указаніе въ повѣствованіи Курбскаго ⁴⁾, который сообщаетъ, что Сильвестръ и Адашевъ «собрали къ царю мужей разумныхъ и совершенныхъ, стариковъ, украшенныхъ благочестіемъ и страхомъ божіимъ, а также и такихъ, которые были еще не стары, но искусны въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и до такой степени усвоилъ ихъ къ нему въ дружбу, что онъ безъ ихъ совѣта ничего не устраивалъ и даже не мыслилъ». Согласно съ этимъ извѣстіемъ самъ царь сознается, что отъ него тогда «отнята была власть, данная отъ прародителей, все дѣлалось такъ, какъ захотятъ бояре, которые утвердились между собою дружбою и даже у царя ничего не спрашивали, какъ бы его вовсе не было» ⁵⁾. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ перваго земскаго собора было ограниченіе царской воли и отдача власти въ руки кружка бояръ, указанныхъ царю Адашевымъ и Сильвестромъ. Имѣлъ ли бывшій соборъ прямое вліяніе на такое явленіе—мы

¹⁾ Стогл., стр. 39.

²⁾ Ibid., стр. 40.

³⁾ Сказ. кн. Курбск., II, стр. 33—39.

⁴⁾ Ibid., I, стр. 11—12.

⁵⁾ Ibid., т. II, стр. 57.

не знаемъ, такъ какъ объ этомъ соборѣ намъ извѣстно только очень немногое. Впрочемъ, ограниченіе царской воли было только фактическое, а не легальное, и потому временное, продолжавшееся только до той поры, пока самому царю угодно будетъ находиться въ возложенныхъ на него путяхъ.

Итакъ, первый земскій соборъ, о которомъ мы такъ мало знаемъ, не оставилъ непосредственно отъ себя какихъ-нибудь прочныхъ плодовъ, потому что законодательныя преобразованія хотя и явились тотчасъ послѣ него, однако нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ они исходили изъ него и не могли бы возникнуть и быть приведены въ исполненіе, еслибъ выборныхъ на земскій соборъ не было вовсе присылаемо въ Москву. Замѣчательно, что этотъ соборъ происходилъ на площади, по крайней мѣрѣ, тамъ говорилъ съ нимъ царь, тогда какъ о многихъ другихъ земскихъ соборахъ, бывшихъ въ Московскомъ Государствѣ, намъ извѣстно, что они отправлялись въ царскихъ палатахъ. Никакихъ законоположеній о созывѣ выборныхъ для земскаго собора не начертывалось ни тогда, ни послѣ; важнымъ почитали тогда не форму земскаго собора, не способъ, какимъ онъ отправлялся, а только главную цѣль, для которой онъ собирался; цѣль эта была потребность верховной власти взглянуть на какое-нибудь важное событіе. Достигалась ли эта цѣль созваніемъ собора или какими-либо иными путями—все равно, лишь бы цѣль была достигнута. Отъ этого царю по надобности созывали соборы неполные, то-есть изъ нѣкоторыхъ только сословій или кѣстностей, причастныхъ къ вопросамъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь, или даже безъ призыва выборныхъ обращались къ массамъ сословій и жителей. Въ 1565 г. тому же царю Ивану Васильевичу оказалась надобность говорить съ народомъ. Было это по поводу опричнины. Хотѣлось царю Ивану Васильевичу заручиться народнымъ согласіемъ на совершеніе казней, которыя онъ задумывалъ надъ тѣми, которыхъ не любилъ, или, по крайней мѣрѣ, народнымъ равнодушіемъ къ такия казнямъ. Царь прибѣгнулъ къ такой выходкѣ. Онъ уѣхалъ въ Александровскую слободу и оттуда послалъ сказать митрополиту, что отходить вонъ изъ царства, и отправилъ къ нему списокъ измѣнамъ бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, обвинялъ ихъ, что захватили царскія земли и пораздавали своей роднѣ, что они не хотятъ оборонять государство отъ иноземныхъ непріятелей, удаляются отъ службы и творятъ насилія крестьянамъ; жаловался и на то, что духовные заступаются за виновныхъ, когда царь замыслить кого-нибудь изъ нихъ подвергнуть суду и расправѣ. Царь извѣщалъ, что по этой причинѣ онъ удаляется отъ престола и намѣренъ поселиться тамъ, гдѣ ему Богъ извѣститъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена была грамота къ купцамъ и московскимъ посадскимъ людямъ; грамоту эту велѣно было прочесть дякамъ; въ ней говорилось, чтобъ жители Москвы не держали никакого сомнѣнія, что на нихъ нѣтъ царскаго гнѣва и царской опалы. Царь образовывалъ между своими подданными въ Москвѣ какъ бы два враждебные одинъ другому стана: въ одномъ—бояре и служилые, въ другомъ—торговые и черные люди. Но общее недоразумѣніе соединило тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, хотя, быть можетъ, по разнымъ побужденіямъ. Отправилась къ царю депутація съ челобитною отъ всѣхъ: править какъ ему угодно и казнить измѣнниковъ ¹⁾). Царь послѣ того учредилъ опричнину и воз-

¹⁾ См. Александроневск. лѣтоп. Русск. Истор. библіот., III, стр. 247—255.

вратился въ Москву: оба чина, и служилый, и не служилый (beide Stände) явился къ нему, и потомъ всё чины государства изъявили ему благодарность за его заботливость (von allen Ständen für solche vorwilligte Sorgfältigkeit Dank gesagt) ¹⁾. Это, конечно, не былъ земскій соборъ въ его формѣ, но цѣль, въ главахъ верховной власти была достигнута та же, для которой долженъ былъ, повидимому, созываться земскій соборъ: царь объяснялся съ народомъ и слышалъ отъ него мнѣніе. Полнаго собора царь, какъ видно, созывать не рѣшался, но тутъ было заявлено мнѣніе и духовныхъ, и служилыхъ, и неслужилыхъ, правда, только московскихъ и тѣхъ, которые случайно находились въ Москвѣ. Но и въ другихъ соборахъ не отовсюду непременно вызывали выборныхъ людей.

Но черезъ годъ, въ іюль 1566 года, тѣмъ же царемъ былъ созванъ земскій соборъ, уже по формѣ болѣе имѣющій права на это названіе, хотя все-таки неполный. Еще въ 1558 году началась война у царя съ Ливонскимъ Орденомъ. По поводу начатія этой войны разстроилось согласіе въ боярскомъ кружкѣ, овладѣвшемъ царскою волею: одни были за войну, другіе противъ войны. Съ нѣмцами война велась чрезвычайно удачно для Московскаго Государства, но оно втянулось въ войну съ другимъ государствомъ—польско-литовскою Рѣчью-Посполитою, которой отдался въ подданство бывший гротмейстеръ Ордена, снявшій съ себя рыцарскій санъ. Тогда война пошла съ поперебвннымъ счастіемъ. Успѣхъ царя Ивана Васильевича былъ великъ: онъ завоевалъ Полоцкъ съ его территоріею, но потомъ князь Радзивиллъ, военачальникъ силъ литовскихъ, разбилъ при Оршѣ московское войско. Король Сигизмундъ Августъ предложилъ перемиріе. Царю не легко было вести эту войну, такъ какъ она длилась уже восемь лѣтъ и стоила государству большихъ издержекъ. И вотъ царь собралъ земскихъ людей на совѣтъ. Соображая тогдашнія обстоятельства, можно открыть побужденія, руководившія царемъ при созывѣ этого собора. При самомъ начатіи войны онъ слышалъ мнѣнія, не одобрявшія эту войну, и хотя тѣ, которые тогда были противъ войны, служили царю добросовѣстно въ этой же войнѣ, но на искренность ихъ онъ не могъ положиться. По справедливому замѣчанію историка Соловьева ²⁾, царю хотѣлось знать, что думаютъ о войнѣ другія сословія, а при раздѣленіи на опричнину и земщину, совершенномъ въ прошломъ передъ тѣмъ году, онъ не могъ узнать этого ни черезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ опальныхъ земскихъ бояръ, которые бы никакъ не посмѣли сказать ему правды, какъ сами думаютъ. Притомъ отъѣздъ Курбскаго сильно тревожилъ его и онъ безпрестанно боялся, чтобы и другіе бояре и военачальники не послѣдовали примѣру Курбскаго. Ему хотѣлось поставить на видъ всѣмъ, что война ведется по общему хотѣнію всей Русской Земли.

На созванномъ тогда соборѣ было девять архіереевъ, двадцать два монаха, изъ которыхъ пятнадцать были настоятелями монастырей съ титулами архимандритовъ и игуменовъ; были бояре, окольничьи и всё думные люди, были дворяне, дѣти боярскіе, гости и купцы изъ Москвы и Смоленска. Духовенство одно услышало лично отъ государя извѣстныя вопросы, предложенныя къ обсу-

¹⁾ Taube und Kruse. Ewers, Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, 196.

²⁾ Ист. Россіи, VI, стр. 259.

жденію; боярамъ и другимъ членамъ царской думы дали такіе же вопросы—на письмѣ. Главный вопросъ заключался въ томъ: стоять ли противъ недруга короля польскаго или согласиться на предлагаемое примиреніе? Польская сторона уступала царю Полоцкъ и занятіе въ Ливоніи московскими силами мѣста; царь уступалъ съ своей стороны Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины, но требовалъ уступить ему Ригу. Соглашеніе на томъ не состоялось и польско-литовскіе послы предлагали государю сѣзяться съ нѣмъ королемъ на границѣ. Вотъ чтó слѣдовало обсудить и по всему этому подать мнѣніе.

Духовенство дало въ такомъ смыслѣ коллективный отвѣтъ: велико смиреніе государеву, что онъ уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, да въ Задвиннѣхъ земли верстъ на 60 или на 70 въ стороны, да Озериче и волость Усвятскую, а въ Ливонской Землѣ и въ Курляндской за Двиною шестнадцать городовъ, да на сей сторонѣ Двины пятнадцать ливонскихъ городовъ съ уѣздами и со всѣми угодьями, принадлежащими къ этимъ городамъ, и вдобавокъ отпускаетъ взятыхъ въ плѣнъ въ Полоцкѣ Довойну съ товарищами и съ семьями ихъ безъ окупа, своихъ же плѣнныхъ дѣтей боярскихъ выкупаетъ за деньги. Болѣе уже ничего нельзя уступать и за тѣ города, что хочетъ забрать къ себѣ король: Ригу, Кесь (Венденъ), Володимерецъ (Вольмаръ), Ровно (по-латышски Раунасъ-Пильлисъ, по-нѣмецки Раненбургъ) и Куконосъ (Кокенгузенъ) — слѣдуетъ стоять, потому что эти города близко подошли къ Юрьеву (Дерпту) и Пскову. Иначе изъ тѣхъ городовъ будетъ происходить разореніе церквей, построенныхъ въ тѣхъ городахъ, чтó отошли подъ власть великаго государя, да не мало тѣсноты станетъ и Пскову и Новгороду. При этомъ замѣчали, что царь началъ войну по правдѣ, магистра (Фюрстенберга) и епископа (дерптскаго Герлава) взяли въ плѣнъ, многіе города царь покорилъ и православіемъ просвѣтилъ. Остальные же, видя свое изнеможеніе, отдались королю. Еслибъ великій государь не наступилъ на Ливонскую Землю, то король не могъ бы ни одного города ливонскаго себѣ взять. Не по правдѣ король беретъ эти города: они—вотчина великаго государя отъ прародителей, начиная съ великаго князя Ярославъ Владимировича. У короля съ великимъ государемъ перемирье было, а война началась отъ короля: его люди напали на городъ Тарвасть, уже покоренный царскимъ оружіемъ, и взяли его. Предлагаетъ король Полоцкъ, и земли къ нему даетъ по сей сторонѣ Двины на пятнадцать верстъ и на пять верстъ ввѣзь, а за Двиною земли не даетъ, чтобъ Двина была рубежемъ. Можно ли городу стоять безъ уѣзда и сель? И деревня не живетъ безъ полей и угодьевъ. Какъ же городу-то быть безъ уѣзда?

Видно, что духовные говорили такъ, какъ было угодно государю. Бояре и всѣ думные люди сказали отъ себя то же, чтó и духовные, но въ прибавку къ тому указали, что на сей сторонѣ Двины мѣста, уступаемыя королемъ къ Полоцку, все дурныя по своимъ качествамъ, а лучшія мѣста остались за рѣкою Двиною, и если въ такомъ положеніи принять условія и постановить перемирие, то какъ только пройдетъ перемирный срокъ, Полоцкъ неволею долженъ будетъ сдать королю; сверхъ того, если оставить ливонскіе города королю, то король пополнитъ въ нихъ свои военныя силы, и тѣ будутъ угрожать не только Юрьеву, но и Пскову. Лучше, коли такъ, не мириться, а биться. Насчетъ сѣзда московскаго государя съ польскимъ королемъ на границѣ всѣ думные люди представляли это волѣ государя, но замѣтили, что литовскіе послы нарочно вы-

думываютъ предлоги, чтобъ имѣть время укрѣпить ливонскіе города, заключить договоръ Литвы съ Польшею и усилиться. Теперь,—соображали они,—у короля съ цесаремъ не согласно, а какъ начнется у ляховъ съ цесаремъ война, тогда ляхи не подадутъ уже помощи литовцамъ. Этого король опасается, а потому и хочетъ скорѣе съ нами замириться. Не пригоже намъ поэтому теперь съ королемъ мириться, а возложимъ надежду на Бога: онъ гордымъ противникъ. Будемъ класть головы свои за великаго государя.

Дворяне и дѣти боярскіе, прибывшіе на соборъ по выбору, дѣлились на двѣ статьи: первой статьи было 97, второй съ дѣтьми боярскими 99. Они представили тѣ же доводы, что и думные люди, и выразились такъ: вѣдаетъ то Богъ и великій государь: его государская воля, а мы, холопы государевы, готовы на государское дѣло. Спрошенные особо торопецкіе и великолудцкіе помѣщики (первые въ числѣ трехъ, послѣдніе въ числѣ шести), какъ ближайшіе тогда участники въ войнѣ, сказали то же, что и прежніе и, кромѣ того выразились такъ о земляхъ, należących къ Полоцку, въ такихъ словахъ: За одну десятину земли Полоцкаго и Озеринскаго повѣтовъ лучше головы положимъ, чѣмъ намъ быть запертыми въ Полоцкѣ!

Дьяки и приказные люди въ числѣ двадцати восьми были такого же мнѣнія, что лучше отважиться на войну, чѣмъ согласиться на перемиріе, предлагаемое королемъ.

Гости, въ числѣ двѣнадцати, московскіе торговые люди въ числѣ тридцати восьми и смольняне въ числѣ двадцати двухъ, изложивши мысль о невозможности мириться на предлагаемыхъ условіяхъ, сказали: мы люди не служилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да государь, мы же не токмо за свои животы не стоимъ, но и головы свои кладемъ за государя, чтобъ государева рука была вездѣ высока. Смольняне прибавили: и село безъ земли стоитъ покинуть, и черезъ улицу лхой сосѣдъ лхо, а городу безъ земли какъ быть! Только будетъ около Полоцка королевская земля, король около Полоцка городъ поставитъ и дороги отниметъ и Полоцкъ будетъ тѣснить ¹⁾.

Соборъ этотъ былъ не полный, потому что выборныхъ отъ посадовъ и уѣздовъ изъ неслужилыхъ людей, кромѣ Москвы и Смоленска, не было.

II.

Въ 1580 году при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ соборъ еще болѣе предыдущаго неполный, такъ какъ на немъ были только духовные и думные люди; и тѣ и другіе всегда на соборахъ участвовали по ихъ сану, а не по выбору. Велась тогда тяжелая для Московскаго Государства война противъ польскаго короля Стефана Баторія. Предложено было на обсужденіе то обстоятельство, что государству угрожаютъ и угры, и поляки, и литовцы, и нѣмцы ливонскіе и свейскіе, и татары крымскіе, и ногайцы, всѣ они «образомъ дивіаго звѣря распытахуса, гордостію дмящеса, хотяху истребити православіе»; между тѣмъ во владѣніи епархій и монастырей состоятъ принесенныя нѣкогда въ даръ

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., I, 554.

Богу села и пожни, они «въ пустошь изнуряются на пьянственные и иные прогоры, ... а воинственному чину оскудѣніе приходитъ велие». По этому предложению митрополитъ Антоній и духовныя власти вмѣстѣ съ царскимъ синклитомъ уложили: всѣ недвижимыя имущества, села, пожни и сѣножати, данныя Богу и состоящія въ вѣдѣніи митрополита, архіереевъ и монастырей, не должны исходить изъ-подъ ихъ вѣдѣнія, никакимъ судомъ и тяжбою не могутъ быть отчуждены, и если бы какое-либо имущество стояло за монастыремъ безъ крѣпости, должно за нимъ оставаться, а впередъ не тягаться съ монастырями о вотчинахъ. Затѣмъ на будущее время, начиная съ 15-го января 1580 года, вотчинники не должны по душамъ отдавать своихъ вотчинъ въ монастыри, но могутъ давать деньги по цѣнѣ вотчинъ, самыя же вотчины должны переходить къ наслѣдникамъ, за неимѣніемъ же наслѣдниковъ вотчины эти будутъ отбираемы на государя, а монастырямъ будетъ выплачиваемо изъ государственной казны. Затѣмъ архіереямъ и монастырямъ вотчинъ не покупать, и въ залогомъ не брать, а что послѣ этого уложенія будетъ поступать къ нимъ покупкою или залогомъ, то отбирать безденежно; все же, состоящее въ залогѣ у архіереевъ и монастырей въ настоящее время, слѣдуетъ отобрать на великаго государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ и государь, какъ пожалуетъ своихъ богомольцевъ. Впередъ вообще владыкамъ и монастырямъ не прибавлять своихъ земель, а довольствоваться тѣми землями, которыя теперь у нихъ остались, бѣдные же монастыри пусть бьютъ челомъ великому государю и государь, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и съ боярами, приговоритъ какъ устроить тѣ монастыри ¹⁾.

По смерти царя Ивана Васильевича, очень скоро послѣ вступленія на престолъ его преемника или, быть можетъ, въ самое время этого вступленія, былъ въ Москвѣ земскій соборъ, который по недостаточности остается еще какъ бы загадкою. Въ ночь, послѣдовавшую за днемъ смерти царя Ивана Васильевича, по извѣстію русскихъ источниковъ, въ царскомъ дворцѣ происходили между боярами какія-то смуты. Нагіе, родственники послѣдней изъ женъ царя Ивана Васильевича, были взяты подъ стражу и разосланы по городамъ, а ихъ имущества были отписаны на государя. Потомъ отправлена была въ Угличъ сама царица Марія съ малолѣтнимъ сыномъ Димитріемъ. По объясненіямъ, сообщаемымъ иностранцами Горсеємъ и Петреємъ, въ пользу Димитрія былъ тогда изъ бояръ Богданъ Вѣльскій, которому царь Иванъ поручилъ въ опеку Димитрія; подобравши на свою сторону людей, Вѣльскій заперся въ Кремлѣ и хотѣлъ овладѣть правленіемъ, но бояре, поднявши толпу народа, пошли на него съ пушками и провозгласили царемъ Феодора Ивановича ²⁾. И въ русскихъ источникахъ есть намеки на эту смуту, но чрезвычайно разнорѣчивые, неясные и сбивчивые ³⁾, сходящія только въ томъ, что въ концѣ концовъ Богданъ Вѣльскій былъ отправленъ именемъ царя Феодора Ивановича въ Нижній-Новгородъ. Такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Богданъ Вѣльскій былъ отъ покойнаго государя назначенъ опекуномъ Димитрію, а ссылка Богдана совпадаетъ съ отправкою самого Димитрія съ матерью въ Угличъ, то кажется вѣроятнымъ, что смута, происхо-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., I, 584—585.

²⁾ Сказ. иностр. о Росс., т. I, стр. 148.

³⁾ Ник. лѣт., VIII, стр. 6.—Арцыбаш. Повѣств. о Россіи, т. III, стр. 2.

дившая въ то время, имѣла тотъ смыслъ, что Богданъ Вѣльскій пытался объявить государемъ Дмитрія.

По извѣстію англичанина Горсея, 4-го мая собрался земскій соборъ, состоявшій изъ духовныхъ, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и вообще служилыхъ, составлявшихъ въ государствѣ какъ бы высшій классъ народа (and all the nobility whatsoever). Этотъ соборъ призналъ царемъ Феодора Ивановича. Съ этимъ извѣстіемъ иностраннаго источника совпадаетъ, по смыслу, русское извѣстіе о томъ, что «придоша къ Москвѣ изъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства и молиша со слезами царя Феодора Ивановича, чтобы не мѣшкая, тѣлъ на Московское Государство и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ»¹⁾. Справедливо замѣтилъ Соловьевъ, что, вѣроятно, въ царской думѣ возникъ вопросъ: кому изъ двухъ оставшихся сыновей умершаго царя передать престолъ, и тогда созвали земскій соборъ рѣшить, кто будетъ государемъ²⁾. Вопросъ былъ, дѣйствительно, запутанъ и рѣшить его могла только воля всей Земли. Изъ этихъ двухъ сыновей Ивана Васильевича оба не обладали тогда качествами, пригодными къ принятію на себя верховной власти: одинъ былъ малолѣтокъ, другой слабоумень. Къ большому сожалѣнію, въ современныхъ документахъ не отыскано до сихъ поръ даже упоминовенія объ этомъ соборѣ. Быть можетъ, этотъ соборъ совпадаетъ съ извѣстнымъ намъ по актамъ³⁾ соборомъ, происходившимъ 1584 года въ іюнѣ, составленнымъ изъ духовенства, бояръ и сниклито (подъ послѣднимъ могла разумѣться не только постоянная царская дума, но и привлеченные къ ней выборные дворяне и дѣти боярскіе, тѣмъ болѣе, что вопросъ, разрѣшаемый тогда на соборѣ, ихъ особенно касался) объ уничтоженіи тарханъ, то-есть грамотъ на изытіе нѣкоторыхъ имѣній отъ общихъ всѣмъ другимъ повинностей. Наибольшая часть такихъ имѣній принадлежала архіереямъ и монастырямъ; тарханныя владѣнія не платили никакой царской дани, не несли никакихъ розметовъ; при такой льготѣ вся тягость того, отъ чего тарханныя владѣнія были освобождены, падала на земли, розданныя служилымъ людямъ. Отъ этого крестьяне съ земель, принадлежавшихъ служилымъ, уходили на тарханныя земли и «великая тощета воинскимъ людямъ прииде». Митрополитъ Діонисій со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и сниклитомъ приговорили тогда: всѣ тарханы отставить и платить всякія царскія подати и земскіе розметы тарханамъ, какъ духовныхъ лицъ, такъ и боярскихъ и княжескихъ владѣній, а всякимъ людямъ изъ тархановъ, которые стануть торговать, платить таксу государеву. Это постановлялось въ тѣхъ видахъ, «чтобы не было оскуднѣнія воишеству и убытку царской казны». Тотъ же соборъ подтвердилъ приговоръ собора, бывшаго въ 1580 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о вотчинныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ⁴⁾.

Смерть царя Феодора Ивановича прекращала царственную линію. Предстоялъ вопросъ: кто теперь будетъ царемъ и откроетъ собою дорогу новому царскому роду въ Русскомъ Государствѣ, Рѣшить его могла только сама Русская Земля. Главное лицо въ государствѣ, оставшееся послѣ кончины царя и послѣ отхода

¹⁾ Ник. лѣтоп., т. VIII, стр. 5.

²⁾ Ист. Росс., т. VII, стр. 251.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 594—596.

⁴⁾ Собр. госуд. гр., *ibid.*

его вдовы въ монастырь, былъ патриархъ Іовъ. Онъ созвалъ земскій соборъ для выбора новаго государя, но самъ, расположенный къ Борису Годунову, уже на дѣлѣ правившему всею Россіею при покойномъ царѣ, слабоумномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, патриархъ думалъ заранѣе устроить выборъ такъ, чтобы престолъ достался Годунову. Было даже намѣреніе не созывать выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства, а ограничиться спросомъ московскихъ жителей и тѣхъ съ ними пріѣзжихъ изъ городовъ, которые на ту пору случайно очутились въ столицѣ; но самъ Борисъ тогда объявилъ, что не приметъ вѣнца безъ воли людей, выбранныхъ отъ всей Земли Русской. На этотъ соборъ собралось до ста духовныхъ особъ, бояръ, окольныхчихъ и прочихъ думныхъ людей сорокъ пять, стольниковъ сорокъ пять, дьяковъ по приказамъ двадцать семь, стряпчихъ девятнадцать, ключниковъ тринадцать, барашей два, жильцовъ тридцать восемь, дворянъ (по подписямъ включая тѣхъ, которые за другихъ подписывались) сто девятнадцать, головъ стрѣльцкихъ пять, гостей двадцать одинъ, гостинной сотни два, суконной сотни три; изъ жилацкихъ торговыхъ людей тридцать четыре принадлежали Москвѣ, а изъ городовъ только двое изъ новгородскихъ пятинъ и одинъ изъ Ржева. Соборъ былъ не полный и вообще все дѣло заранѣе было рѣшено, такъ что всѣ были настроены въ большинствѣ избрать Годунова. Духовные не смѣли противорѣчить представленіямъ патриарха, которому были подчинены, служилыхъ большинство располагалось въ пользу Годунова надеждами на его щедрость и обѣщаніями. Московскіе торговцы ожидали отъ его царствования милостей и льготъ. Борисъ, какъ извѣстно, игралъ роль не желающаго принимать царскаго вѣнца, и удалился въ Новодѣвичій монастырь и на всякія просьбы отвѣчалъ отказомъ, пока, наконецъ, патриархъ Іовъ не поднялъ на ноги московскаго народа и не устроилъ крестнаго хода въ монастырь съ цѣлью умолять упрямаго Бориса сдѣлаться государемъ. Есть извѣстіе (хотя передаваемое Татищевымъ, которому нельзя во всемъ вѣрить, однако, тѣмъ не менѣе, принятое историкомъ Соловьевымъ за достовѣрное), что князья Шуискіе стали-было говорить, что если Борисъ не хочетъ принимать престола, то не надобно его къ этому приневоливать, а слѣдуетъ выбирать кого-нибудь другого ¹⁾ и что тогда именно рѣшился патриархъ устроить крестный ходъ. Наканунѣ того дня, какъ долженъ былъ совершиться этотъ крестный ходъ, патриархъ Іовъ, показывая видъ недовольства упряимствомъ Бориса, говорилъ, что если на этотъ разъ не упрости они его принять престолъ, то онъ, патриархъ, и съ нимъ всѣ русскіе архіереи снимутъ съ себя свои святительскія облаченія, за послушаніе Бориса не будутъ въ Москвѣ отправляться литургии и тогда взычетъ Богъ на Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ. Это было средство, съ одной стороны, понудить Годунова поступить по желанію избравшихъ его, а съ другой возбудить народъ поступать такъ, какъ хотѣлось патриарху. Для русскаго человѣка того времени страшнымъ дѣломъ было прекращеніе богослуженія и можно было на все уговорить его, лишь бы избѣжать ему такой бѣды. Собственно просить Бориса должны были только выборные люди, собравшіеся избирать государя, но при ничтожномъ числѣ въ числѣ выборныхъ неслужилыхъ для городовъ ихъ мѣсто пополняла московская чернь, увлеченная въ крестный ходъ. Современники, описывая, какъ народъ во дворѣ Новодѣвичьяго монастыря умолялъ Бориса принять русскій вѣнецъ, со-

¹⁾ Соч. Ист. Росс., т. VIII, примѣч. 12.

общаютъ, что сторонники Бориса сгоняли туда московскихъ посадскихъ людей и приказывали имъ плакать, вопить и просить Бориса вступить на престолъ, и заранѣе угрожали пенею въ два рубля тому, кто не отправится съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь; когда же толпа стояла на монастырскомъ дворѣ у келліи, гдѣ сидѣлъ Борисъ и гдѣ его упрасивали духовные сановники и бояре, то изъ оконъ этой келліи подавались знаки, приставы побуждали стоящихъ на дворѣ кланяться и вопить со слезами, а неохотно кланявшихся ободряли пинками; многіе, за недостаткомъ слезъ, натирали себѣ глаза слювою, и хотъ не хотѣли, но поневолѣ были по-волчьи, а патриархъ и архіереи, упрасившіе въ келліи Бориса, указывали ему на трогательное зрѣлище плачущаго народа ¹⁾). И такое зрѣлище, наконецъ, до того привело Бориса въ умиленіе, что онъ изъявилъ согласіе принять вѣнецъ.

Этотъ земскій соборъ былъ не полонъ и поставленъ былъ въ такое положеніе, что долженъ былъ дѣлать угодное патриарку, но трудно рѣшить: слѣдуетъ ли поэтому назвать его неправильнымъ, такъ какъ ни до того времени ни послѣ не было начертано правилъ для отправленія земскихъ соборовъ и, слѣдовательно, нельзя было опредѣлить законности или незаконности пріемовъ, съ которыми они происходили. При нихъ созываніи была, какъ мы уже выше сказали, одна руководящая мысль—говорить съ Землею, съ народомъ; но если мы видимъ, что призывались одни служилые, а неслужилыхъ не было, или послѣднихъ было мало, то это только показываетъ, что такой неполный созывъ признавался достаточнымъ, чтобы говорить власти съ Землею и слышать голосъ народный.

Были примѣры, что считалось возможнымъ не созывать вовсе выборныхъ, а извѣщать народъ, что извѣстное государственное дѣло свершилось по единодушному желанію народа, хотя никто въ самой Москвѣ изъ народа не показывалъ такого желанія.

Такой случай произошелъ въ Московскомъ Государствѣ скоро.

Царь Борисъ, какъ извѣстно, умеръ скоропостижно, оставивъ престолъ въ крайней опасности. На Московское Государство шелъ претендентъ, угрожавшій отнять власть у династїи Годуновыхъ. Сынъ Бориса Федоръ объявленъ былъ паремъ, но патриархъ Іовъ, зная, что новая династія еще не укрѣпилась и соображая, что противъ нея ополчается врагъ, который можетъ склонить на свою сторону чувство и совѣсть народа, счелъ полезнымъ издать грамоту, въ которой воцареніе Борисова наследника изображалъ дѣломъ народного избранія и извѣщалъ въ ней всѣхъ русскихъ людей, будто «всенародное множество народа Россійскаго царствія» молило со слезами Федора Борисовича, чтобы онъ принялъ послѣ отца власть, а его мать царицу Марію Григорьевну просило благословить сына на царство ²⁾). Не зная хорошо событій того времени, по этой грамотѣ можно было бы предположить, что тогда съѣзжались выборные люди изъ всѣхъ областей Русской Земли, потому что только такимъ способомъ могъ бы въ Москвѣ услышаться голосъ «всенароднаго множества народа Россійскаго царствія» и молитъ Федора Борисовича о принятїи на себя царской власти. Ничего подобнаго не было, и въ то время, когда въ однихъ официальныхъ актахъ старались по-

¹⁾ Врем. Общ. моск. ист. и древн., т. XVI. Иное сказаніе о Самозванцахъ, стр. 8.

²⁾ Акты Арх. Эксп., II, 87.

казать видъ, будто власть принята Федоромъ Борисовичемъ по единодушному волеію всего народа, въ другихъ высказывается недобѣріе къ народу и опасеніе сопротивленій. Такъ, въ окружной грамотѣ, посланной отъ имени молодого царя и его матери въ разныя стороны, приказывалось воеводамъ и приказнымъ людямъ беречь накрѣпко, чтобы не оставалось ни единого человѣка, который бы не цѣловалъ креста ¹⁾. Названный Дмитрій предъ прибытіемъ своимъ въ Москву извѣщалъ окружную грамотою всю Россію, что его признали и приглашали всѣ сословія на прародительскій престолъ ²⁾. И здѣсь показывалось дѣло такъ, какъ будто былъ тогда созванъ земскій соборъ, но его не было. Впрочемъ, Дмитрій сдѣлался царемъ по волѣ народа болѣе, чѣмъ кто иной.

Существовала издавна идея, что въ важныхъ случаяхъ самъ народъ устраиваетъ судьбу свою и земскій соборъ является только одной изъ формъ, въ которой стала выражаться эта идея. Однако, эта форма еще не установилась, не осыятилась долговременнымъ обычаемъ и многими приѣмами, не вошла въ государственное законодательство, и та идея, которой выраженіемъ эта форма служила, могла высказываться равносильно и другими способами. При воцареніи названнаго Дмитрія она такъ и явилась: бояре и думные люди представлялись ему въ Тулѣ и принесли челобитную отъ всего Московскаго Государства ³⁾. Когда послѣ того онъ слѣдовалъ къ Серпухову, по дорогѣ встрѣчали его собравныя толпы народа и привѣтствовали новаго государя. Въ Серпуховѣ въ богато-убранномъ шатрѣ молодой царь угощалъ думныхъ людей, прибывшихъ къ нему снова изъ Москвы встрѣчать его и ударить челомъ. Подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ опять привѣтствовала его огромная толпа: тутъ были и духовные, и мірскіе люди всякаго чина, тутъ были и посадскіе, и уѣздные люди, прибывшіе изъ разныхъ городовъ и селъ. Всѣ люди Московскаго Государства были тогда въ восторгѣ отъ радости, что найденъ законный царь, считавшійся погибшимъ; всѣ несли ему, по обычаю, и дары, и хлѣбъ-соль.

20-го іюля онъ въѣхалъ въ Москву при громадномъ стеченіи ликующаго народа. Не только москвичи, не только прибывшіе изъ близкихъ городовъ и селъ привѣтствовали его, пріѣхало туда не мало изъ далекихъ русскихъ краевъ смотреть на невиданный праздникъ Руси, по случаю чуднаго обрѣтенія царя, о которомъ давно уже служились панихиды. Это было истинное всенародное признаніе, гораздо искреннѣйшее и дѣйствительнѣйшее, чѣмъ то, которое совершилось бы при посредствѣ съѣзда выборныхъ отъ всей Земли Русской. При названномъ Дмитріи земскій соборъ не собирался; но по поводу суда надъ Василіемъ Шуйскимъ было какое-то собраніе изъ всѣхъ сословій; къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ и изъ кого оно составлялось. Названный царь Дмитрій, хотя не истинный сынъ царя Ивана Васильевича, но тѣмъ не менѣе талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ московскихъ государей, погибъ жертвою собственнаго добродушія и легкомысленности. Его низложила и умертвила шайка злоумышленниковъ при содѣйствіи подущенной толпы пьяницъ и отъявленныхъ негодяевъ, нарочно выпущенныхъ изъ тюремъ. Воцареніе Шуйскаго было дѣломъ кружка бояръ и толпы подкупленныхъ сторонниковъ, между тѣмъ хотѣли придать ему видъ законности

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 187.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 200.

³⁾ Костомаровъ. Смутн. время М. Г., I, стр. 207—209. Изд. 1868.

и разослали во всё предѣлы Московскаго Государства грамоту, въ которой увѣряли русскихъ, будто всё духовные сановники, такъ называемый освященный соборъ, всё бояре и думные люди, всё дворяне и дѣти боярскіе, гости, торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства были челомъ князю Василю Шуйскому, чтобъ онъ принялъ престолъ¹⁾. И теперь дѣлался видъ, какъ будто по поводу этого событія созываемо было всенародное собраніе чиновъ Московскаго Государства, но его отнюдь не было. При изложеніи Шуйскаго Затаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ да съ кружкомъ единомышленныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за Серпуховскими воротами собрали «всенародное множество», пригласили туда духовныхъ и мірскихъ сановниковъ и дали этому сборищу видъ земской думы московскихъ людей всякихъ чиновъ. Тутъ, послѣ недолгихъ возраженій патріарха Гермогена, хотя не любившаго Шуйскаго, но считавшаго долгомъ поддерживать его, какъ лицо, облеченное верховною властью, это сборище порѣшило бить челомъ Шуйскому, чтобъ онъ оставилъ царство. И здѣсь голосъ этого сборища имѣлъ или хотѣлъ имѣть значеніе земскаго собора; оно хотя имъ никакъ не было, но, какъ мы выше сказали, не все только въ этой послѣдней формѣ могла, по народному возрѣнію того вѣка, выражаться воля Земли; въ этомъ сборищѣ за Серпуховскими воротами такая воля выразилась даже правильнѣе, чѣмъ при восшествіи Шуйскаго на престолъ. За Шуйскаго никто не хотѣлъ стоять на этомъ сборищѣ, а во все продолженіе четырехлѣтняго царствованія царя Василя Ивановича вся земля Московскаго Государства относилась къ нему такъ, что сборище за Серпуховскими воротами смѣло могло говорить, что Русская Земля не хочетъ, чтобъ онъ оставался долге на престолѣ²⁾.

Признаніе царемъ вмѣсто низложеннаго Василя Шуйскаго королевича Владислава было дѣломъ партіи, состоявшей изъ бояръ и дворянъ. Но по приглашенію старѣйшаго изъ бояръ князя Мстиславскаго они собирались за городомъ и такому сборищу придано было значеніе собранія всей Земли Русской. Вслѣдъ затѣмъ 17 августа 1610 года бояре, князя Мстиславскій, Голицынъ и Мезецкій и двое думныхъ дьяковъ заключили съ польскимъ военачальникомъ Жолкѣвскимъ договоръ, по которому, отъ лица всей Земли: духовныхъ и мірскихъ властей, служилыхъ и неслужилыхъ, жидецкихъ людей всего Московскаго Государства, изъявлялось желаніе имѣть на московскомъ престолѣ польскаго королевича, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру³⁾. Здѣсь была ложь; но она объяснялась тогда крайнею необходимостью, потому что Москву окружали враги, собравшіеся съ двухъ сторонъ терзать Россію и требовавшіе отъ русскихъ покорности.

III.

Въ годы междуцарствія русскій народъ оставался безъ руководящей верховной власти, долженъ былъ самъ собою выбиваться отъ многихъ постигшихъ

¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог., II, 304.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., I, 607.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., II, стр. 406.

его напастей и устраивать свою судьбу. Тогда политическая его дѣятельность проявилась въ частныхъ собраніяхъ по городамъ и ихъ уѣздамъ. Народныя сходки составляли постановленія, города сносились съ городами, гонцы бѣжали изъ одного города въ другой съ отписками, толковали повсюду о томъ, какъ спасти православію вѣру отъ насилія и Русское Государство отъ иноземнаго покоренія, составлялись въ областяхъ ополченія, соединялись съ ополченіемъ другихъ областей и такимъ образомъ поднимались народныя возстанія съ цѣлью изгнать враговъ, зашедшихъ тогда въ столицѣ. Такъ составилось первое ополченіе, неудавшееся отъ преждевременной гибели Ляпунова. Такъ впоследствии составилось другое ополченіе, нижегородское, избравшее предводителемъ князя Пожарскаго. Находясь еще въ Ярославлѣ на пути къ Москвѣ, руководители возстанія разсылали грамоты въ разные города и приглашали избрать и прислать къ нимъ выборныхъ земскихъ людей, которые бы могли обсудить и рѣшить, что дѣлать далѣе и какъ устроить отечество. Пожарскій, въ виду разнородныхъ мнѣній и попытокъ, не бралъ на себя слишкомъ многого, а просилъ присылать выборныхъ по два человека изъ всякаго чина людей и описать мнѣствъ съ присланными своей совѣтъ объ избраніи государя ¹⁾. Послѣ освобожденія Москвы была разослана другая грамота о томъ, чтобъ вездѣ по городамъ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя на государство Владимирское, Московское, Новгородское, на царство Казанское, Астраханское и Сибирское и на всѣ государства русскія кого Богъ дастъ, чтобъ такое избраніе было отъ Бога, а не отъ человѣка ²⁾. По оставшимся намъ извѣстіямъ онаго времени было два съѣзда выборныхъ людей подъ Москвою: одинъ въ декабрѣ 1612 года, о которомъ мы почти не имѣемъ свѣдѣній ³⁾, второй въ январѣ 1613 года, и тогда открытъ былъ земскій соборъ. Но и здѣсь показалось, что, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, главное состояло не въ формѣ собора, какъ способа выраженія народной мысли, а въ самой цѣли, для которой соборъ созывался, хотя бы такая цѣль была достигнута и инымъ путемъ. Хотя подъ Москвою были уже выборные люди, съѣхавшіеся съ цѣлью избранія царя, но сочли нужнымъ еще послать «вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обирание превѣдывать» во всѣхъ городахъ и уѣздахъ ⁴⁾ и, кажется, избраніе Романова рѣшили полученные на соборѣ отзывы болѣе, чѣмъ согласіе выборныхъ лицъ, находившихся тогда подъ Москвою въ качествѣ членовъ самаго собора. Изъ этого видно, что хотя русскій народъ по необходимости избралъ присылку выборныхъ лицъ изъ всѣхъ мѣстностей своего жительства способомъ заявленія всеобщей народной воли, но не могъ еще усвоить себѣ такого способа исполнѣ, какъ бы чувствовалъ его недостаточность и возвращался по возможности къ прежнему, давнему способу вѣчевого строя, когда общее мнѣніе всѣхъ выражалось на самомъ дѣлѣ всѣми, а не довѣренными отъ всѣхъ немногими лицами, которыя, по человѣческому естеству, не всегда могли быть вѣрными носителями чужихъ мнѣній. То же народное воззрѣніе просвѣчиваетъ въ грамотѣ объ избраніи Михаила, когда разсказывается, что приходили просить на царство Михаила Феодоровича Рома-

¹⁾ Акты Арх. Эксп., II, 256 (346).

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., III, 9.

³⁾ Времен. моск. общ. ист. и др., III, стр. 292.

⁴⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. I, стр. 613.

нова не только выборные люди, прибывшіе отъ земскаго собора, но и все православное христіанство всея Русскія земли съ жёнами и дѣтьми, тогда «жены сущихъ своихъ младенцевъ на землю пометаху» ¹⁾).

Когда на земскій соборъ привезено было изъ Костромы согласіе избраннаго въ цари Михаила Феодоровича Романова, тогда была составлена утвержденная грамота за благословеніемъ владыкъ и за подписомъ духовныхъ и мірскихъ особъ, участвовавшихъ на соборѣ ²⁾). Всѣхъ подписей насчитать можно 262, но сколько именно было тогда участниковъ на этомъ соборѣ—теперь рѣшить невозможно, такъ какъ и въ грамотѣ, созывавшей выборныхъ, не указывалось сколько прислать ихъ, а предоставлялось всѣмъ выбрать ихъ «сколько пригоже» ³⁾). При томъ же подѣ Москвою была тогда вся вооруженная земская сила и никого нельзя было изъять отъ права заявлять гласно свою мысль объ избраніи, да и въ видахъ руководившихъ дѣломъ было, напротивъ, предоставлять русскимъ людямъ какъ можно шире и свободнѣе объ этомъ важномъ вопросѣ высказаться: доказательствомъ тому служить упомянутая посылка по разнымъ городамъ съ цѣлью узнать о всеобщемъ народномъ мнѣніи. Въ самой грамотѣ лица, прилагавшія тамъ свои подписи, прилагали ихъ не только за себя, но и за своихъ земляковъ, находившихся тогда вмѣстѣ съ ними, а сколько такихъ земляковъ было налицо съ тѣми, которые подписывались—неизвѣстно. Выборные были не отъ сословій, а отъ мѣстностей, отъ городовъ и уѣздовъ, и оттого за нѣкоторые города подписывались мѣстные духовные, хотя духовенство выставяло за свое сословіе подписи впереди.

По мнѣнію Бѣляева ⁴⁾), соборъ, избравшій Михаила, оставался при царѣ до конца 1615 или до начала 1616 года. Это мнѣніе основано на томъ, что въ періодъ этого времени были издаваемы грамоты отъ земскаго собора, но мы собственно не знаемъ всѣ ли избравшіе царя оставались членами оставшагося собора или только изъ всѣхъ удержаны немногіе, а также неизвѣстно—не были ли они всѣ распущены тотчасъ, а потомъ вмѣсто нихъ выбирались и присматривались иные. Акты онаго времени не даютъ на счетъ этого свѣдѣній, но что земскій соборъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича сильно дѣйствовалъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Земскій соборъ занимался устройствомъ разоренной Русской Земли и охранялъ царское самодержавіе, которое при молодости и неопытности царя совсѣмъ было пошатнулось: бояре, писавшіе условія Василію Ивановичу Шуйскому при его воцареніи и избиравшіе на условіяхъ въ цари Владислава, думали-было и новозбраннаго царя Михаила Феодоровича опутать выгодными для нихъ ограниченіями самодержавной власти. По извѣстію Котошихина ⁵⁾), всѣ цари послѣ царя Ивана Васильевича, вплоть до Алексѣя Михай-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 627.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 636.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., I, 612.

⁴⁾ Рѣчь, читанная 12-го января 1867 года на торжественномъ актѣ московскаго университета, стр. 269.

⁵⁾ Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обирали на царство: и на нихъ были иманы писма, чтобъ имъ быть не жестокимъ и неопалчивымъ, безъ суда и безъ вѣны никого не казнить ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собача, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣ-

ловича, и въ числѣ ихъ Михаилъ Теодоровичъ давали на себя обязательство не казнить никого безъ суда и безъ вины, совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ съ боярами и безъ вѣдома ихъ ничего ни явно, ни тайно не дѣлать. По извѣстію, записанному въ Псковской лѣтописи, бояре, пользуясь молодостью Михаила Теодоровича, взяли съ него подъ присягою грамату, которою царь обязывался никого изъ людей знатнаго происхожденія не казнить смертью, а въ случаѣ преступленій отсылать виновныхъ въ заточеніе, но если кому-нибудь изъ нихъ приходилось быть отправленнымъ въ заточеніе, то они за виновнаго ходатайствовали, пока не успѣвали въ своемъ ходатайствѣ ¹⁾. Они высокомерно обращались съ своимъ государемъ, не хотѣли покоряться ему и слушаться его, отнюдь его не боялись, надѣясь на то, что онъ былъ милостивъ къ нимъ, любилъ ихъ и все дѣлалъ по ихъ прошеніямъ. Не даромъ они еще прежде хотѣли себѣ государя взять изъ чужихъ странъ, много разъ просили себѣ на царство изъ Польши, изъ Швеціи, а своего государя Василия задали въ Литву, возлюбили-было литовскаго короля, но отъ него же были разорены и Богъ воздалъ имъ по ихъ же хотѣнію. Къ счастью, премилосердный Господь не изволилъ отдать христіанской вѣры въ разореніе латинамъ и вложилъ православнымъ въ умъ избрать и посадить на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіанъ царя, а окаянный злой совѣтъ (бояръ) отвергли ²⁾.

Лѣтописецъ, знавшій событія своего времени, ясно показываетъ, что въ эпоху избранія на царство Михаила Теодоровича Романова желанія и виды бояръ и думныхъ людей стояли въ разрѣзъ съ желаніемъ большинства народа и содѣйствіе земскаго собора въ правленія, въ первые годы царствованія молодого

лати... А блаженныя памяти царь Михайло Теодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего (Котоших. О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича. Гл. VIII, стр. 100).

¹⁾ Сему благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ діаволь древній, возвыся наки владущахъ на мздоиманіе, наипаче же насловаху православнымъ, емлюще въ работу силно собѣ... а царя нивотчже виѣниша и не болящся его, понеже дѣтескъ смй. Еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царство посадиша, и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велможска роду и боярска, аще и вива будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но расмылати въ затокѣ; сиде окаянный умыслиша, а въ затоцѣ коему случитися быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость наки обратитися (Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, стр. 64).

²⁾ Гнушахуся своего государя и гордяхуся, не хотяше въ покореніи и въ послушаніи пребивати и не болящся отнюдь, понеже милостивъ бѣ, и любимъ и миловаше ихъ и вся подаваше имъ, яже они прошаху, и своеволи бѣша, якоже и преже рѣхъ; издавна бо похотѣша собѣ государя взяти отъ чуждыхъ странъ, просиша многаяжды изъ Поли и изъ Свен, а своего государя царя Василия въ Литву отдаша и литовскаго короля возлюбша, отъ него же и разорени бѣша, Богъ имъ воздалъ по ихъ желанію. Но и еще премилостивый Владыка Господь не изволи разорити вѣры христіанскія отъ латинъ, и вложи во умъ православнымъ избрати и посадити на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіанъ царя въ Русіи, а ихъ окаянный и злой совѣтъ отвергоша и не восхотѣша; аще бы и попустилъ Богъ по ихъ повелѣнію тако быти, то не бы такъ обладаи Русскою землею и насловали христіаномъ, но и сами бы до конца погублени были отъ любимыхъ ими. (Полн. Собр. русск. лѣтоп., т. V, стр. 66).

и неопытнаго государя, было очень полезно, потому что сдерживало боярскія козни. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только въ общихъ чертахъ и только по оффиціознымъ памятникамъ о дѣятельности земскаго собора въ тогдашніе смутные годы; мы ничего не знаемъ въ подробностяхъ объ отношеніяхъ и бывшихъ столкновеніяхъ выборныхъ земскихъ лицъ съ боярствомъ, а если опираться на исходившіе тогда акты, то можно заключить, что у выборныхъ съ боярствомъ все обстоило согласно. Земскій соборъ послѣ избранія царя послалъ во всѣ города Московскаго Государства грамоты о томъ, чтобы всѣ принесли присягу ¹⁾, и грамоту къ польскому королю о несоблюденіи имъ данныхъ обѣщаній, объ отказѣ королевичу Владиславу въ московскомъ престолѣ, съ требованіемъ вывести изъ предѣловъ Московскаго Государства польскія войска и отпустить задержанныхъ въ плѣну пословъ ²⁾. Грамоты эти были запечатаны красною печатью казанскаго митрополита и черною печатью земскаго собора, изъ чего видно, что въ это время созданное собраніе земскихъ людей считало себя какъ бы уже правильнымъ государственнымъ учрежденіемъ, съ собственнымъ порядкомъ дѣлопроизводства. Въ 1613 и 1614 годахъ издавались указы о сборѣ денегъ на содержаніе ратныхъ людей не только отъ имени царя, но и «по приговору духовныхъ и мірскихъ всякихъ чиновъ людей» ³⁾. Къ атаману Заруцкому, волновавшему юго-востокъ Россіи вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ, отправлена была увѣщательная грамота отъ собора всѣхъ духовныхъ и земскихъ людей, хотя другая такая же грамота къ тому же Заруцкому послана отъ имени государя ⁴⁾. Въ томъ же 1614 году, въ сентябрѣ, земскій соборъ послалъ такую же увѣщательную грамоту въ Ярославль атаманамъ и козакамъ, убѣждая отстать отъ воровства и идти на службу царю противъ нѣмецкихъ людей къ Тихвину, а если они будутъ упрямиться, то поручалось мѣстной власти, собравши охочихъ боярскихъ людей, монастырскихъ слугъ и даточныхъ съ посадовъ и уѣздовъ, промышлять надъ ворами ⁵⁾.

IV.

Въ теченіе 1615 года не видно грамотъ по приговору земскихъ людей, но тѣмъ не менѣе значительно то, что въ актахъ того года различаются между собою дѣла государскія отъ дѣлъ земскихъ. Такъ въ наказѣ князю Куракину, посланному съ товарищи въ Тулу, говорится, что имъ поручаются дѣла государскія и земскія ⁶⁾. Тоже въ наказѣ, данномъ въ іюлѣ 1615 года князю Пожарскому, отправленному въ Карачевъ и Брянскъ противъ шайки Лисовскаго, сказано, что государь посылаетъ его для своего государскаго и земскаго дѣла ⁷⁾. И въ наказѣ Федору Шереметеву, посланному во Исковъ для защиты этого города отъ шведовъ, говорится, что онъ посылается «для государева и земскаго

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 14.

²⁾ Ibid., стр. 22—31.

³⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 70.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 64.

⁵⁾ Собр. госуд. гр. и догов., т. III, стр. 102.

⁶⁾ Ibid., т. III, стр. 125—130.

⁷⁾ Ibid., стр. 131—136.

дѣла» ¹⁾. Въ 1616 году въ январѣ послѣдовала царская грамота въ Пермь о томъ, чтобы прислано было въ Москву для государева «и земскаго дѣла на совѣтъ пермичь посадскихъ лучшихъ и середнихъ трехъ чловѣкъ добрыхъ и разумныхъ и постоянныхъ» ²⁾. Это было уже вторичное требованіе, въ которомъ сказано было, чтобъ они по прежней и по настоящей грамотѣ прислали выборныхъ людей, чтобъ затѣмъ государское и земское дѣло не стало. Этотъ земскій соборъ установилъ налогъ съ посадскихъ, съ ихъ торговъ и промысловъ пятую деньгу, то-есть пятый процентъ, а съ уѣздныхъ, съ поселянъ по 120 рублей съ сохи. Этотъ налогъ опредѣлялся на жалованье ратнымъ людямъ. По разсчету, основанному на опредѣленіи такого налога, слѣдовало взять со Строгановыхъ, богатѣйшихъ въ то время гостей и солепромышленниковъ, шестнадцать тысячъ рублей ³⁾, и о взысканіи съ нихъ такой суммы состоялся царскій указъ отъ 20 апрѣля, но въ указѣ отъ 23-го того же мѣсяца ⁴⁾ говорится, что по всемірному приговору съ нихъ, Строгановыхъ, слѣдовало получить сорокъ тысячъ рублей по ихъ вотчинамъ и промысламъ. Изъ этого оказывается, что сначала на соборѣ составили приговоръ въ одномъ смыслѣ, а потомъ обсуждали вопросъ снова и пришли къ другому приговору. Налогъ на Строгановыхъ былъ для нихъ обременителенъ и это сознавалъ самъ царскій указъ, въ которомъ уговаривали Строгановыхъ заплатить эту сумму, хотя бы имъ пришлось разориться, потому что иначе, если не будетъ средствъ содержать ратную силу, то постигнетъ разореніе все православное государство и тогда у самихъ Строгановыхъ животовъ и дворовъ не будетъ. Положеніе государства было критическое: шла война разомъ и со шведами, и съ Рѣчью-Посполитою и внутри еще не вполнѣ улеглось броженіе; нужны были чрезвычайныя усилія, которыя только и были возможны при единомыслии всей Русской Земли; а чтобъ достичь такого единодушія, необходимы были земскіе соборы.

Въ 1618 году угрожалъ Московскому Государству королевичъ Владиславъ, предъявлявшій свои права на Московскій престолъ по избранію, состоявшемуся послѣ низложенія Шуйскаго. Въ августѣ этого года польскій королевичъ распустилъ грамоту, въ которой хотѣлъ обольстить московскихъ людей обѣщаніемъ охранить всѣ права и обычаи и прибавить народу новыя права и льготы «по приговору съ боярами и со всею Землею» ⁵⁾. Въ противодѣйствіе врагу царь Михаилъ Федоровичъ въ сентябрѣ того же года созвалъ земскихъ выборныхъ на соборъ и объявилъ «митрополитамъ, архіереямъ и всему освященному собору, боярамъ и прочимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, дворянамъ городовымъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, что итти въ Москву королевичъ Владиславъ съ польскими и литовскими людьми и съ нѣмцами, хочетъ Москву взять, церкви разорить, вѣру попортить и учинить свою проклятую еретическую латинскую вѣру». Царь, изъявляя намѣреніе защищаться противъ врага, убѣждалъ всѣхъ противъ него биться и не поддаваться на непріятельскія предлоги. Всѣ обѣщали, и тогда соборъ приговорилъ боярамъ

¹⁾ Ibid., стр. 141—145.

²⁾ Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 111.

³⁾ Актн Арх. Эксп., т. III, стр. 118—114.

⁴⁾ Ibid., стр. 114—116.

⁵⁾ Собор. госуд. грамоты и договор., т. III, стр. 168.

(которые поименованы въ приговорѣ) и другимъ думнымъ людямъ заняться обороною столицы, ставши со вѣренными ихъ начальству ратными отрядами по разнымъ частямъ Москвы—на Замоскворѣчьи, у Чертольскихъ, у Арбатскихъ, у Никитскихъ, у Срѣтенскихъ веротъ и за Яузю: поименовывалось, сколько войска числомъ должно стоять въ каждомъ мѣстѣ и изъ какихъ городовъ служилые будутъ составлять каждый отрядъ. Кромѣ служилыхъ въ войскѣ, назначенныхъ для обороны столицы, значились торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотень и даточные люди съ пищалами и рогатинами ¹⁾, а по городамъ назначены были бояре съ ратными силами въ Нижній-Новгородъ, во Владимиръ, въ Рязань и въ украинные города на югъ отъ столицы ²⁾ съ правомъ, предоставленнымъ этимъ боярамъ, верстать служилыхъ людей помѣстьями, назначать имъ жалованье, сыскивать и наказывать непослушныхъ и уклоняющихся отъ службы. Кромѣ служилыхъ, опредѣлено было взять на ратную службу даточныхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ по десяти человекъ съ соли и околчить татаръ, мордву и черемисъ, чтобы воспрепятствовать шедшимъ на содѣйствіе королевичу черкасамъ перейти рѣку Оку ³⁾).

Послѣ заключенія мира, который, по выраженію царской грамоты, «царь общимъ совѣтомъ прія» ⁴⁾, созванъ былъ снова земскій соборъ. Въ грамотѣ, посланной по этому поводу въ Новгородъ, заранее излагались вопросы, предлагавшіе къ обсужденію на этомъ соборѣ земскихъ людей. Царь, совѣтуясь съ возвратившимся изъ плѣна своимъ родителемъ, возведеннымъ теперь въ санъ патріарха, Фидаретомъ Никитичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, усмотрѣли, что Московское Государство разорилось во время прошедшихъ войнъ отъ непріятелей и своихъ воровъ и вездѣ возникъ безпорядокъ; подати берутся неправильно, то по писцовымъ, то по дозорнымъ книгамъ, и выходило, что инымъ приходилось тяжело, другимъ легко; дозорщики, отправляемые для осмотра пострадавшихъ отъ разоренія областей, дѣлали свое дѣло неправильно. Изъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ посадскіе люди, льгота себѣ, навѣали въ Москву и жили у своихъ родныхъ и друзей, а назадъ возвращаться не хотѣли, чтобы въ своихъ городахъ имъ податей не платить, иные заложились за монастыри и за бояръ и также не хотѣли платить въ тѣхъ посадахъ и уѣздахъ, куда были приписаны, оставшіеся же на прежнихъ мѣстахъ жалуются на тягость и просятъ о льготахъ, иные молятъ, чтобы ихъ оборонить отъ сильныхъ людей. Тогда на съѣхавшемся соборѣ приговорено было въ разоренные города и уѣзды послать писцовъ, а въ разоренные дозорниковъ, приведа напередъ тѣхъ и другихъ къ присягѣ. Посланные съ такимъ порученіемъ должны будутъ сыскивать посадскихъ и высылать въ ихъ прежніе города и уѣзды, а разореннымъ мѣстностямъ давать льготы, сообразно степени разоренія; также закладчиковъ отъ владыкъ, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ особъ, за которыми они заложились, вернуть въ ихъ прежнія мѣста жительства, а на тѣхъ, за которыми они, самовольно заложась, проживали, доправить всякія подати, слѣдующія съ закладчиковъ за прошлые годы, и, наконецъ, сыскивать просильныхъ людей, на

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 169—177.

²⁾ Собр. гос. грам. и догов., III, 177—184.

³⁾ Ibid., 182.

⁴⁾ Ibid., стр. 184—185.

которых послѣдуютъ жалобы, указъ же о такомъ сыскѣ учинить князьямъ Черкасскимъ и Мезецкому. Наконецъ, поручалось посылаемымъ узнать и выписать: сколько съ какихъ городовъ слѣдуетъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, сколько въ дѣйствительности въ послѣднихъ годахъ было дохода и расхода, и что осталось недобраннаго, что упѣхло отъ бывшаго разоренія, что гдѣ роздаво въ помѣстья и вотчины, и сколько затѣмъ доходовъ и расходовъ указано, и что останется за расходами. Число выборныхъ на этомъ соборѣ было заранѣе опредѣлено: изъ духовнаго чина по одному, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два, да изъ посадскихъ по два человека добрыхъ и разумныхъ, которые бы сумѣли разсказать про все бывшія обиды, насильства и разоренія, и подать бы могли совѣтъ—чѣмъ полниться Московскому Государству, чѣмъ ратныхъ людей пожаловать и какъ устроить Московское Государство, чтобы все въ немъ пришло въ достоинство ¹⁾. Царская грамота о созваніи этого собора прочитывалась вслухъ всѣмъ въ соборной церкви города, куда приходила, потомъ производился выборъ; воеводы брали выборные списки и отправляли выборныхъ людей въ столицу.

Въ 1621 году былъ созванъ опять земскій соборъ ²⁾ по поводу угрожавшей снова войны съ Польшею. Соборъ этотъ открылся 12-го октября въ Золотой большой грановитой палатѣ въ присутствіи царя и патріарха. На этомъ соборѣ были: духовные сановники, владыки, настоятели монастырей и протоіерей, бояре и думные люди, стольники, стряпціе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе, выборные изъ городовъ, дьяки и приказные люди, головы, сотники стрѣльцкіе, довскіе атаманы и козаки, и разныхъ городовъ гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства.

Царь и патріархъ объявили всему собранію, что съ польской стороны нарушается восстановленное перемиріе, порубежные люди пишутъ своего королевича Владислава московскимъ царемъ, чинятъ задоры въ пограничныхъ мѣстахъ Московскаго Государства, присваиваютъ государевы земли, строятъ на нихъ свои слободы и остроги, въ Путивльскомъ уѣздѣ дѣлаютъ салитру, въ уѣздахъ Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ грабятъ помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, бьютъ ихъ самихъ и сгоняютъ изъ помѣстій. Кромѣ того, полоняниковъ русскихъ всѣхъ оставшихся въ Польшѣ не отпускаютъ и государево имя пишутъ съ укорожию; въ прошломъ (1620) году прислали въ Москву посланниковъ и тѣ отзывались о государѣ непригоже: будто царя Ивана Васильевича не слѣдуетъ писать дѣдомъ, а царя Федора Ивановича дядею нынѣшнему государю. Поэтому царь, съ благословенія отца своего патріарха, желаетъ стоять противъ польскаго короля. Турскій султанъ уже десятый годъ ведетъ войну съ поляками и въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грека Кантакузина и двухъ чаушей, съ подарками къ царю: желаетъ онъ быть въ братской любви съ великимъ государемъ и проситъ, чтобы великій государь помогаль ему въ войнѣ противъ поляковъ и свои города отобралъ бы у поляковъ; крымскій царь къ великому государю пишетъ, что польскій король подущалъ его воевать Московское Государство, но онъ воевать не пошелъ, а пошелъ вмѣстѣ съ турками на поляковъ, и онъ, крымскій царь,

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 208—210.—Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 143—145.

²⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 227.

просить, чтобъ Московскаго Государства ратныя силы пошли на поляковъ. Еще и свейскій король присылалъ къ великому государю пословъ не разъ, съ тѣмъ, чтобъ заодно воевать противъ польскаго короля. Великій государь уже посылалъ въ Польшу къ панамъ-радѣ свои грамоты объ исправленіи и грозилъ, что если не исправятся, то пойдетъ войною. Теперь поляки въ тѣснотѣ отъ свейскаго короля, отъ турокъ и татаръ; если намъ смолчать польскому королю, а они отъ тѣсноты избавятся и съ непріятелями своими помирятся, тогда будутъ большіе замыслить на Московское Государство. Съ другой стороны, если намъ теперь съ туркомъ и съ Крымомъ заодно, по ихъ прошенію, не воевать противъ поляковъ, то какъ бы намъ черезъ то не войти въ большую недружбу съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, да еще и со свейскимъ королемъ».

На это заявленіе всѣ участвовавшіе на соборѣ отвѣчали, что надобно стоять противъ враговъ. Духовные обѣщали молить Бога о побѣдѣ и одолѣніи, бояре, думные и служилые люди сказали, что рады биться, не щадя головъ своихъ. Гости и торговые люди изъявили готовность въ помощь государевой казнѣ давать деньги, «какъ кому мочно по ихъ прожиткамъ».

Тутъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, чтобъ ихъ въ городахъ разобратъ кому лично государеву службу служить, чтобъ изъ нихъ никакой челоувѣкъ «въ избылыхъ не былъ».

На основаніи этого собора указано было послать бояръ, дворянъ и дьяковъ въ города: Ярославль, Кострому, Галичь, Вологду, Нижній, Великіе Луки, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Кашинь, Торонецъ, Брянскъ, Владиміръ, Муромъ, Рязань, Шацкъ, Тулу, Калугу, Бѣлевъ, Мценскъ, Путивль и въ такъ называемые тогда польскіе города: Бѣлгородъ, Осколъ, Курскъ, Елецъ, Воронежъ, Казань, Ливны, — разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ въ уѣздахъ тѣхъ городовъ и въ другихъ сопредѣльныхъ уѣздахъ, нарочно для того по разбору служилыхъ, приписанныхъ къ этимъ указаннымъ поименно городамъ ¹⁾. Посланные по приговору земскаго собора бояре и дворяне, прибывши въ назначенный каждому городъ, должны были созывать для пересмотра дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ мѣстностей, указанныхъ по росписи, но не всѣхъ вдругъ, чтобы лишняго скона людей въ городѣ не было, потому надлежало прибывшихъ пересмотрѣть и произнести къ нимъ рѣчь по данному наказу, въ которой излагалась предыдущая исторія неправдъ съ польской стороны и необходимость снова начать съ поляками войну, если они не исправятся. Послѣ того посланные, сообразно земскому приговору, должны были выбрать изъ тѣхъ же дворянъ и дѣтей боярскихъ окладчиковъ, и привести ихъ къ крестному цѣлованію. Окладчики обязаны были по правдѣ показать за кѣмъ состоятъ какія помѣстья, сколько получается дохода и какова можетъ быть каждому помѣщику служба, сообразно съ своимъ помѣстьемъ. но слѣдовало также разспрашивать и самихъ помѣщиковъ, о которыхъ будутъ показывать окладчики, и если между окладчиками и окладываемыми помѣщиками возникнетъ споръ, то разспрашивать цѣлымъ городомъ, а если и тогда произойдетъ споръ, то посылать дозирать такіа помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ иныхъ городовъ. Затѣмъ молодыхъ дѣтей дворянъ и дѣтей боярскихъ, годныхъ къ службѣ, верстать помѣстьями и денежнымъ окладомъ по статьямъ, а также и тѣхъ, которые хотя уже отставлены, но еще могутъ нести служебныя обязан-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 227—233.

ности, обратить на службу. Нужно было прозвезсти дознание о запустѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчиннахъ отъ чего онѣ запустѣли: отъ военнаго ли разоренія или отъ собственнаго «воровства» ихъ владѣльцевъ, и сдѣлать тѣмъ и другимъ списки особыми статьями, а у тѣхъ помѣщиковъ, о которыхъ окладчики покажутъ, что они уклоняются отъ службы воровствомъ, отбирать и отписывать на великаго государя помѣстья и вотчины; указано такъ же поступать и съ тѣми, которые бы явились на службу не въ томъ надлежащемъ видѣ, въ какомъ показали о нихъ окладчики. Но самихъ окладчиковъ за неправду, если сыщется, бить кнутомъ. Наконецъ, слѣдовало сыскивать тѣхъ помѣщиковъ, которые покинули свои помѣстья и, не сдавши ихъ другимъ, живутъ въ закладчикахъ или холопахъ ¹⁾.

Ожидаемой войны противъ Польши тогда не послѣдовало, потому что у Московскаго Государства разомъ отнялись союзники, предлагавшіе дѣйствовать заодно противъ поляковъ. Султанъ Османъ, воевавшій съ Польшею, былъ умерщвленъ своими янычарами, а съ шведскимъ королемъ польскій король успѣлъ заключить перемиріе; отважиться одному Московскому Государству на войну при тогдашней своей слабости, не оправившись еще отъ недавнихъ разъ, нанесенныхъ ему тѣми же поляками, было невозможно.

Черезъ одиннадцать лѣтъ, однако, въ 1632 году вспыхнула война съ Польшею, гдѣ уже воцарился сынъ короля Сигизмунда III, Владиславъ, вѣкогда избранный московскимъ царемъ. Тогда въ ноябрѣ собранъ былъ земскій соборъ, на которомъ были созваны духовные сановники, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне, приказные люди, гости и торговые люди и всякіе чиновъ люди Московскаго Государства. Вопросъ шелъ о деньгахъ на жалованье ратнымъ людямъ и на содержаніе ихъ во время войны. На торговыхъ людей во всемъ Московскомъ Государствѣ наложена была пятая деньга съ ихъ животовъ и промысловъ, какъ дѣлалось прежде, но распространялся ли соотвѣтствующій налогъ на сошныхъ людей, земледѣльцевъ—неизвѣстно. Съ бояръ же, съ думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и приказныхъ людей въ городахъ положено взять на жалованье ратнымъ людямъ, кто что дастъ. По этому приговору всѣ означенныя лица приносили пожертвованія на вспоможеніе ратнымъ людямъ по составленнымъ росписямъ и отдавали назначенному для приема такихъ денегъ князю Пожарскому съ товарищами ²⁾, а для сбора пятой деньги съ торговыхъ людей посылали въ города архимандритовъ и игуменовъ и дворянъ добрыхъ, которые получали деньги отъ выборныхъ самими посадскими людьми лицъ. Въ 1634 г. января 29 созванъ былъ опять земскій соборъ, отправлявшійся въ столовой избѣ царскихъ палатъ. Указано быть на этомъ соборѣ духовнымъ сановникамъ, боярамъ и другимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчинъ, дворянамъ, гостямъ, торговымъ и всякимъ чиновъ людямъ Московскаго Государства.

Отъ имени царя было объявлено, что за многія неправды была объявлена война польскому королю и послано было царское войско съ бояриномъ Шенинымъ, который многіе города литовскіе повоевалъ и осадилъ Смоленскъ. Но польскій король Владиславъ «накупнѣя» крымцевъ и тѣ украинные царскіе города по-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 235—245.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 318—314.

воевали, и дворяне, и дѣти боярскіе, у которыхъ помѣстья въ тѣхъ городахъ. услышавши объ этомъ, ушли изъ-подъ Смоленска, оставя Шенна съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей. Польскій король пришелъ съ своимъ войскомъ къ Смоленску, чтобъ удержать этотъ городъ за Польшою и Литвою и чтобы, «по умышленію проклятаго папы римскаго, въ Московскомъ Государствѣ истинную нашу православную вѣру христіанскую греческаго закона превратить въ свою еретическую проклятую папезскую вѣру». Вспоминалось затѣмъ разореніе, какое прежде претерпѣла Русская Земля отъ поляковъ и литовцевъ. Извѣщалось, что государь послалъ на выручку войска своего къ Смоленску боярина своего кн. Черкаскаго Дмитрія Мамстрюковича съ ратными людьми, но государева казна, собранная прежде на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ, была истратена и ей «безъ прибыльныхъ казны быть не умѣть». Въ прошломъ году, по приговору властей, бояръ и всѣхъ чиновъ людей выборныхъ Московскаго Государства, посылались въ города архимандриты, лучшіе дворяне и приказные люди собирать пятую деньгу съ животовъ и промысловъ торговыхъ людей. Но въ Москвѣ и въ городахъ гости и торговые люди многіе давали ту пятую деньгу не по соборному уложенію и не по своимъ промысламъ, а неправдою. Въ вѣрнее же время, когда воцарился государь Михайль Федоровичъ, въ казвѣ денегъ не было, а со всей Земли Московской на ратныхъ людей были поборы, и было тогда собрано денегъ больше, чѣмъ въ послѣднее время, хотя въ то время было скуднѣе, теперь же «Московское Государство въ тишинѣ пополнилось гораздо. И вамъ бы, властямъ духовнымъ и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, стольникамъ, дворянамъ, которые на Москвѣ, и которые въ городахъ воеводами, дать денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, что съ боярами и воеводами подъ Смоленскомъ, а торговымъ людямъ дать пятую деньгу по животамъ и промысламъ».

Всѣ бывшіе тогда на соборѣ отвѣчали, что готовы дать денегъ; тѣ, которымъ не назначенъ былъ размѣръ взноса, обѣщали сколько можно, торговые люди обязались платить пятую деньгу ¹⁾. Однако и на этотъ разъ сборъ шелъ также не совсѣмъ охотно, какъ и въ началѣ войны. Въ мартѣ того же года посланъ былъ указъ Печерскаго нижегородскаго монастыря архимандриту: ему поручено было въ Нижнемъ-Новгородѣ собрать запросныя деньги съ духовныхъ властей, монастырей, бояръ, воеводъ, дьяковъ, губныхъ старостъ, городовыхъ приказчиковъ и со всѣхъ приказныхъ людей, а съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу по ихъ животамъ и промысламъ. Но архимандритъ прислалъ денегъ скудно и теперь снова указывалось ему прислать своихъ монастырскихъ и келейныхъ денегъ и обложить своихъ монастырскихъ служекъ, смотря по ихъ животамъ и промысламъ ²⁾.

Въ 1637 году былъ созванъ опять земскій соборъ по повѣду нападенія на украинные города крымцевъ въ отищеніе за взятіе донскими козаками Азова. На этомъ соборѣ были духовныя власти, бояре и думные люди, стольники, стряпчие, дворяне и всякаго чина люди. Приговорили боярамъ, стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, козакамъ, всякимъ ратнымъ людямъ идти на службу противъ непріятеля, съ двор-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 345—347.

²⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 348—349.

цовыхъ сель взять ратныхъ даточныхъ по человѣку съ двадцати дворовъ, а съ земель и вотчинъ митрополитовъ, архіереевъ и большихъ монастырей по человѣку съ десяти дворовъ, съ поиѣстій же и вотчинъ бояръ и думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ иныхъ чиновъ по человѣку съ двадцати дворовъ, съ среднихъ и меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади; а съ городовъ, посадовъ и съ уѣздовъ съ черныхъ волостей съ десяти дворовъ вмѣсто даточнаго человѣка двадцать рублей, по два рубля съ двора, но разверстывали бы межъ себя такъ, чтобы людямъ бѣднымъ передъ прожиточными людьми тягости не было ¹⁾).

V.

Въ 1642 году созванъ былъ соборъ, о которомъ сохранились полнѣе свѣдѣнія, чѣмъ о другихъ, происходившихъ въ царствованіе Михаила Федоровича. Этотъ соборъ былъ созванъ по случаю завоеванія турецкаго города Азова донскими козаками. Шелъ вопросъ: отдавать ли Азовъ туркамъ или удержать его и отважиться на войну съ бусурманами? Царь указалъ быть на соборѣ: «крутицкому митрополиту, владыкамъ и всему освященному собору, боярамъ и всѣмъ думнымъ сановникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, московскимъ жильцамъ, головамъ и сотникамъ стрѣleckимъ, дворянамъ изъ городовъ и дѣтями боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ сотенъ: гостинной, суконной и черныхъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ». Указано было выбрать по городамъ «людей разумныхъ и свѣдущихъ изъ всякихъ чиновъ и лучшихъ, и среднихъ, и меньшихъ людей: изъ большихъ статей человѣкъ по 20, и по 15, и по 10, и по 7, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6, и по 4, и по 3 и по два». Вѣроятно, подъ большими статьями разумѣлись крупныя собирательныя числа, изъ которыхъ собирали выборныхъ людей на соборъ, и предоставлялась по жѣстностямъ свобода, сколько гдѣ ихъ выбрать. Въ столовой избѣ, куда вошли прибывшіе въ Москву выборные, были уже царскіе бояре и прочіе члены царской думы: тамъ было всѣмъ вслухъ прочтено дѣло о взятіи козаками Азова и сдѣланы были вопросы: разрывать ли миръ съ турками и Крымомъ и принимать ли Азовъ отъ козаковъ? Если разрывать миръ и принимать Азовъ, то нужно будетъ много войска и много денегъ на жалованье ратныхъ людямъ и на хлѣбныя и пушечныя запасы не на одинъ годъ. Гдѣ взять денегъ и запасовъ?

По прочтеніи всего этого, выборнымъ розданы были списки всего прочтеннаго для вѣдома. Такое же писаніе послано къ крутицкому митрополиту, которому поручалось собрать духовенство, чтобы всѣ объявили свою мысль государю на письмѣ.

Въ столовой избѣ тѣхъ, которымъ сдѣлано было объявленіе и розданы списки, было:

1) Стольниковъ десять; при нихъ особый дьякъ.

2) Дворянъ московскихъ двадцать два, головъ стрѣleckихъ четыре, жильцовъ двѣнадцать. У нихъ у всѣхъ особый дьякъ.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 419.

3) Дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ: Владимира—три, Суздаля—три, Юрьева Польскаго—три, Лука—одинъ, Гороховца—одинъ, Переяслава-Залѣскаго—три, Нижняго-Новгорода—два. Муромъ—три, Арамакса—три, Мещеры—три, Коложны—три, Рязани—восемь, Тулы—три, Коширы—три, Алексина—три, Серпухова—два, Калуги—три, Воротынска—два, Лихвина—два, Серпейска—три, Вѣлева—три, Козельска—три, Мещовска—три, Можайска—два, Звенигорода—одинъ, Ярославца-Малаго—два, Черни—два, Новосила—три, Рязска—три, Великаго-Новгорода: изъ Деревской пятны—одинъ, изъ Вѣжецкой—одинъ, Ржевы-Володиміровой—два, Зубцова—два, Торопца—два, Смоленска—четыре, Вязмы—три, Ростова—два, Ярославля—три, Костромы—четыре, Галича—четыре, Торжка—два, Старицы—одинъ, Вѣлоозера—два. У нихъ у всѣхъ одинъ особый дьякъ.

4) Гостей—три, торговыхъ людей гостинной сотни—пять, суконной сотни—четыре, черныхъ сотенъ: Дмитровской—два, Новгородской—два, Срѣтенской—два, Заяузской слободы—два, Покровской сотни—два, Кожевницкой полусотни—одинъ, Устюжской полусотни—одинъ, Ордынской сотни—два, Мясницкой полусотни—одинъ, Кузнецкой слободы—одинъ, Голутвинской слободы—одинъ, Екатерининской слободы—одинъ, Алексѣвской слободы—одинъ, Никитской слободы—одинъ.

Января 13 получено отъ крутицкаго митрополита заявленіе духовенства въ такомъ смыслѣ, что предлагаемое дѣло—царскаго синклита, а не духовное, ихъ же духовныхъ лицъ дѣло молить Бога, а «въ подможенье рады они помогать сколько силъ ихъ станеть».

Стольники, спрошенные 8 января, въ поданномъ отъ нихъ письмѣ отвѣчали, что во всемъ воля великаго государя, а ихъ мысль такова, что Азовъ велѣтъ взять и быть въ немъ донскимъ козакамъ, въ прибавку же къ нимъ послать рать изъ воинскихъ вольныхъ людей, а сами они, столтники, на службу идти готовы.

Дворяне московскіе, спрошенные 3 генваря, отвѣчали на поданномъ письмѣ, что оставляется на волю государеву принять Азовъ и послать туда ратныхъ людей, а нынѣ держать бы Азовъ донскимъ атаманамъ, и велѣлъ бы государь помочь имъ людьми и хлѣбными и пушечными запасами, и велѣлъ бы охочихъ прибрать въ украинныхъ городахъ изъ своего государева жалованья, потому что тамошніе люди на Дону бывали, и имъ та служба за обычай, если же охочихъ людей будетъ мало, то велѣлъ бы государь помочь имъ людьми изъ украинныхъ же городовъ, а хлѣбные и пушечные запасы тѣмъ людямъ въ Азовъ будутъ доставляться откуда государь укажетъ.

Изъ дворянъ московскихъ подали особое мнѣніе Никита Беклеишевъ и Тимофей Желябужскій въ такомъ изложеніи: «государю извѣстны неправды турецкаго салтана и крымскаго царя. Крымскій царь всегда великому государю шертъ давалъ и всегда лгалъ: по вся годы воевали татары украинные города, увозили въ Азовъ православныхъ христіанъ и тамъ продавали въ свои бусурманскія орды въ порабощеніе, а крымскій царь за то бралъ пошлины съ девяти десятка. Когда король польскій воевалъ подъ Смоленскомъ, крымскій посылалъ своихъ царевичей съ крымскими людьми на войну противъ парской державы въ украинныя мѣста, и оттого украинныхъ городовъ помѣщики разѣхались изъподъ Смоленска. За такія неправды не велѣлъ бы государь посылатъ казны

своей въ Крымъ, и та его казва пригодится ратнымъ людямъ на жалованье. Азовъ взять немногими донскими козаками, и съ той поры, какъ взять Азовъ, украинные города стали покойнѣе отъ татаръ. Въ прошломъ году турскій царь присылалъ подъ Азовъ пашей и крымскаго царя, но ихъ злую мысль Господь разрушилъ: козаки отсидѣлись и бусурманы погубли. И теперь ему великому государю велѣть бы принять Азовъ, держать его донскими атаманами и козаками, а въ прибавку козакамъ послать бы охочихъ вольныхъ людей, oprичъ крѣпостныхъ и кабальныхъ, и дать имъ денежное и хлѣбное жалованье. А сидѣть бы имъ въ Азовѣ подъ атаманскимъ началомъ, городъ поправлять и укрѣплять, пока Богъ Азова отъ турокъ и крымцевъ не защититъ, собирать же имъ деньги на жалованье съ тѣхъ, которые великому государю не служатъ ни въ Москвѣ, ни въ городахъ, да и съ тѣхъ, которые хотя и служатъ, но находятся по воеводствамъ и по приказамъ у корыстныхъ дѣлъ, сколько государь укажетъ, чтобъ неслужилые со служилыми вровнѣ были; сборъ этотъ производить добрымъ лицамъ, выбраннымъ нарочно для того изъ всякихъ чиновъ по два или по три человекъ. Даточныхъ людей указалъ бы великій государь имать съ большихъ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми вотчинъ и помѣстій много. А у другихъ не состоящихъ постоянно въ службѣ (не у слугъ) за окладами много лишней земли, да они ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть. И велѣлъ бы государь разобрать: съ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ даточныхъ людей, и за даточныхъ денегъ не брать противъ городскихъ дворянъ, потому что городовые послѣ службы живутъ себѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а московскіе по его государеву указу на Москвѣ живутъ безъ сѣзда и колодниковъ держать и въ посылки ихъ посылають такіа, которыя никакой корысти имъ не приносятъ, и Земляной городъ и всякіа городовыя дѣла они дѣлають, и деньги платять на колодцы, парусы, мосты, рѣшеточныя и посаженныя со дворовъ, а городовые дворяне всего этого не знаютъ. А если угодно будетъ великому государю еще сверхъ того ратнымъ людямъ на жалованье собирать, то указалъ бы выборнымъ людямъ со всѣхъ земель, съ вотчинъ и съ помѣстій собирать поворотню хотя бы по гривнѣ со двора, и тѣхъ денегъ на многіе годы станеть на жалованье войску и на запасы. Затѣмъ, какъ великій государь укажетъ. Если Азовъ останется за великимъ государемъ, то и нагай большой, и казыевы, и кантемировы улусы, и горскіе черкасы, и темрюцкіе и кженскіе, и бесленѣевскіе, и адинскіе—всѣ будутъ служить великому государю, а только Азовъ будетъ за туркомъ, тогда и послѣдніе нагаи изъ-подъ Астрахани откочуютъ къ Азову».

Головы и сотники стрѣлцкіе во всемъ положились на волю государеву, а сами за себя изъявили готовность служить гдѣ имъ великій государь укажетъ.

Володимирцы дворяне и дѣти боярскіе сказали: пусть будетъ такъ, какъ укажетъ великій государь и его бояре, они же сами готовы служить, но при этомъ замѣтили, что бѣдность ихъ города извѣстна великому государю и его боярамъ.

17 января дали отвѣтъ дворяне и дѣти боярскіе городовъ Нижняго-Новгорода, Муромъ и Луза: «во всемъ его государева воля, принять или не принять Азова и гдѣ денегъ взять, во всемъ его воля, а бояре вѣчные ихъ промышленники, и они готовы служить гдѣ укажутъ, сколько мочи станеть».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Суздаля, Юрьева-Польскаго, Перея-

славя-Залѣскаго, Вѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода, Ржевы, Зубцова, Торонца, Ростова, Пошехонья, Нового-Торга. Горюховца дали такой отвѣтъ: «надобно велѣть принять Азовъ, а если не принять Азова, то съ нимъ вмѣстѣ образъ Іоанна Предтечи достанется бусурманамъ. Не навѣсть бы черезъ то гнѣвъ отъ Бога и отъ святого Іоанна Предтечи и чудотворца Николая на все Русское царство, потому что ихъ помощью по изволенію Божію такой дальній украинный городъ достался благочестивому государю безъ государевой казны, безъ подъема большихъ ратей, какими малыми людьми. Они, великіе свѣтильники, подали милость и заступленіе такимъ малымъ людямъ отсидѣться отъ многихъ нечестивыхъ ордъ и многочисленныхъ людей помощью Бога, который хотѣлъ явить преславныя чудеса благочестивому государю и всей Русской Землѣ. Послать бы къ козакамъ на помощь пѣшихъ ратныхъ людей государевыхъ стрѣльцовъ, да стараго сбора солдатъ, сколько государь укажетъ; пушечнаго запаса у тебя, государь, много, а хлѣбныхъ запасовъ можно для стараго подъема взять изъ украинныхъ зарѣцкихъ (т.-е. за Окою) городовъ, съ живущаго со всѣхъ безъ выбора и изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ; а для великаго поспѣшенія взять бы запасовъ съ Троицкаго Сергіева монастыря и съ иныхъ монастырей, сколько государь укажетъ. Людей ратныхъ въ полевые и повольскіе города веди, государь, въ Москвѣ и другихъ городахъ прибрать стрѣльцовъ и солдатъ сколько надобно, на будущее же время хлѣбныхъ запасовъ веди, государь, брать со всей земли безъ выбора и будетъ тѣхъ запасовъ ратнымъ людямъ не на одинъ годъ. Учинилось государю вѣдомо, что турскій визирь идетъ Азовъ осадить: велѣть бы рать строить и людей собирать, какъ бывало при прежнихъ царяхъ, при Иванѣ Васильевичѣ и при Федорѣ Ивановичѣ, и при иныхъ государяхъ, когда они съ боярами сами въ походъ ходили, а съ вотчинъ боярскихъ и съ помѣстій, и монастырей, и отъ властей даточные люди были конные и пѣшіе. И нынѣ, государь, при тебѣ многіе бояре пожалованы многими вотчинами и помѣстьями, и съ нихъ бы ратныхъ конныхъ и пѣшихъ взять для бусурманскаго нашествія; а твои, государь, дьяки и подъячіе пожалованы вотчинами и помѣстьями, и будучи у твоихъ государевыхъ дѣлъ они богатыютъ неправеднымъ мздоимствомъ: купили себѣ вотчины и дома построили, палаты каменные такія неудобосказаемыя, какихъ прежде у великородныхъ людей не было, которымъ бы и достойно было въ такихъ палатахъ жить; съ нихъ бы вотчинъ и помѣстій взять конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей и противъ домовъ ихъ и пожитковъ обложить бы ихъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ, сколько государь укажешь».

«Съ вотчинъ властей и монастырей взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, сколько государь укажешь; да веди, государь, отъ нихъ росписи взять по ихъ святительскому и иноческому обѣщанію, сколько за ними крестьянъ въ вотчинахъ, а за утайку утаенныхъ крестьянъ отбирать бы отъ нихъ на великаго государя. Да и нашей братьи есть такіе, что, не хотя государевой службы отбывать, пишутся по московскому списку и въ иные государевы чины, и будучи въ городахъ у государевыхъ дѣлъ отяжелѣли и обогатѣли большими богатствами, а ныне пожалованы вотчинами и помѣстьями большими и черезъ то еще купили себѣ многія вотчины. Съ ихъ помѣстій и вотчинъ взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, и самихъ ихъ съ ихъ пожитковъ обложить бы деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Кромѣ всѣхъ этихъ, дворцовые царскіе всякихъ чи-

новъ люди пожалованы вотчинами и помѣстьями, да имъ же ежегодно идетъ государево денежное жалованье; а они бывають черезъ годъ или черезъ два года на приказать (приказчиками) въ дворцовыхъ селахъ и навивають великіе пожитки, полевой же службы не служатъ, а когда бывають въ Москвѣ, то, находясь у царскихъ дѣлъ, не проживають тамъ нажитаго прежде. И съ нихъ, государь, когда не будутъ нести полковой службы, вели взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, а съ ихъ пожитковъ деньги въ свою государеву казну. Со вдовъ, недорослей и съ отставныхъ нашей братьи дворянъ и дѣтей боярскихъ взять бы также даточныхъ людей. Вмѣсто тѣхъ людей, которые посланы будутъ въ Азовъ въ украинныя и повольтскіе города, вели, государь, набрать стрѣльцовъ и солдатъ, только не изъ нашихъ крѣпостныхъ и старинныхъ людшекъ и крестьянишекъ. Мы готовы работать головами и всею душою. Вели, государь, нашу братью, бѣдную безпомѣстную, взискать помѣстными и денежными жалованьями. Вели, государь, учинить по всей землѣ роспись всѣмъ вотчинамъ и помѣстьямъ, сколько за кѣмъ крестьянъ у всякихъ чиновъ людей, допрашивая ихъ по ихъ крестному пѣлованію. Вели, государь, установить: со сколькихъ крестьянъ служить государеву службу безъ жалованья, а за лишнихъ крестьянъ брать бы деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Если же кто при допросѣ утаитъ своихъ крестьянъ, у тѣхъ вели утаенныхъ крестьянъ отбирать безповоротно на себя, великаго государя. Коли нужно еще будетъ денегъ, вели, государь, взять у патриарха и у властей ихъ домовую казну, а съ торговыхъ людей, съ ихъ промысловъ, вели, государь, взять на то же, сколько тебѣ, государю, Богъ извѣститъ. Вели, государь, счесть приказныхъ людей и дьяковъ, и подъячихъ, и таможенныхъ головъ по приходнымъ книгамъ въ Москвѣ и въ городахъ, чтобъ государева казна не потерялась, а пошла бы ратнымъ людямъ на жалованье. Вели ту свою государеву казну собирать своимъ гостямъ и земскимъ людямъ; тѣмъ же, которые нынѣ по городамъ на воеводствахъ и у приказныхъ дѣлъ, вели, государь, быть на твоей государевой службѣ противъ бусурманъ. Вотъ тебѣ, государь, насъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ наша мысль и сказка. Затѣмъ, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ и твоя государева дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Коширы, Алексина, Калуги, Торусы, Серпухова, Бѣлева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Воротынска, Медыни, Ярославца-Малаго, Боровска, Болхова, Мценска, Рязска, Карачева, дали отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и предыдущіе, прибавивши, что «если отдать Азовъ бусурманамъ, то ихъ тѣмъ не укротить, а можно еще пуще тою отдачею турокъ на себя подвинуть». Взять запасы для ратныхъ людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, совѣтовали они изъ шацкихъ и тамбовскихъ волостей, да изъ комарицкой волости. Они совѣтовали обязать нести службу безъ жалованья всѣхъ тѣхъ, у кого окажется пятьдесятъ крестьянъ, а съ тѣхъ, за кѣмъ крестьянъ болѣе, брать деньги и запасы на ратныхъ людей. «А мы, холопи твои»,—выражались они въ концѣ своей сказки,—«съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, государь, укажешь; только разорены мы, холопи твои, пуще турецкихъ и крымскихъ бусурманъ московскою волокитою и отъ неправдъ и неправедныхъ судовъ. Вотъ наша, холопей твоихъ, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мысль и сказка».

Гости и торговые люди сотенъ гостинной и суконной насчетъ Азова и посылки туда ратныхъ и ихъ содержанія сказали, что то дѣло служилыхъ людей, за которыми есть вотчины и помѣстья. «За нами, торговыми людьми, нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службы мы—замѣчали они—несемъ въ Москвѣ и въ городахъ по вся годы безпрестанно и многие изъ насъ оскудѣли и обнищали отъ такихъ службъ и отъ платежа пятинныхъ денегъ, которыя давали во время смоленской войны. Мы за крестнымъ цѣлованьемъ собираемъ твою государеву казну противъ прежнихъ лѣтъ съ прибылью, въ прежнее время собиралось ее сотъ до пяти и до шести, а нынѣ собирается нами со всей земли тысяча до пяти, до шести и болѣе. Наши торжишки стали худы оттого, что иноземцы, нѣмцы и кизильбаши, пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные города съ большими торгами, и въ городахъ наши люди обнищали отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, и торговые людишки, что ѣздятъ по городамъ для торговаго промысла, отъ воеводскихъ задержаній и насильствъ, торговъ своихъ избыли. При прежнихъ государяхъ были губные старосты и тогда посадскіе люди сами судились промежъ себя, и воеводъ въ городахъ не бывало; воеводы посылались только въ украинные города для береженья отъ турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ непріятелей. Просимъ пожаловать свою государеву вотчину, возрѣть на бѣдность нашу. Если изволишь, государь, принять Азовъ, если для содержанія ратныхъ положишь на всю землю, вели, чтобы въ твоёмъ государствѣ никто въ твоей вотчинной землѣ въ избылыхъ не былъ. Мы же готовы служить тебѣ, государю, своими головами и помереть за Божіи церкви, за твое государево здоровье и за православную вѣру».

Черныхъ сотенъ и слободъ старосты насчетъ Азова и ратныхъ людей сказали то же, что и торговые люди гостинной и суконной сотенъ, а о себѣ заявили: «Мы—сироты твои сотскіе, старостишки и всѣ тяглые людишки оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей и отъ подводъ во время смоленской службы, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городского земельного дѣла, отъ платежа великихъ государевыхъ податей и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ, которыя мы служимъ въ Москвѣ и въ городахъ съ гостями и oprичъ гостей. Въ твоихъ государевыхъ приказахъ на всякій годъ съ насъ берется сто сорокъ пять цѣловальниковъ, да на земскомъ дворѣ стоять безъ сѣзда нашихъ семьдесятъ пять человекъ яржныхъ, да извозчиковъ съ лошадьми на случай пожаровъ, и мы платимъ этимъ яржнымъ и извозчикамъ каждый мѣсяцъ большія подможныя деньги и отъ великой бѣдности многие тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и дворички свои покинули»¹⁾.

Акты, относящіеся до этого земскаго собора, не дошли до насъ цѣликомъ; нѣтъ окончательнаго приговора, но изъ событій онаго времени мы узнаемъ, что хотя на соборѣ служилые люди оказали полную готовность начать войну съ турками, однако, правительство сообразило, что на такое смѣлое предпріятіе отважиться опасно; къ этому же молдавскій господарь увѣдомилъ московское правительство, что султанъ поклялся, въ случаѣ войны съ Московскимъ Государствомъ, истреблять православныхъ въ своемъ государствѣ. Царь приказалъ донскимъ козакамъ оставить Азовъ, а на слѣдующій годъ отправилъ въ Констан-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 378—400.

тинополь посольство съ подарками визирю и султанскимъ приближеннымъ, и дѣло съ Турціей покончилось тѣмъ, что султанъ на отпускѣ московскихъ пословъ обѣщалъ послать повелѣніе крымскому хану и кафискому пашѣ, чтобъ они не посылали воинскихъ людей на земли московскаго государя, за то потребовалъ, чтобы и московскій государь далъ повелѣніе донскимъ козакамъ не беспокоить владѣній турецкаго султана ¹⁾.

Соборъ 1642 года, однако, тѣмъ памятенъ и замѣчательнъ, что на немъ такъ гласно заявлялись жалобы на злоупотребленія тогдашняго управленія воеводами и приказными людьми, возбуждавшія, какъ видно, повсемѣстный ропотъ въ народѣ. Не менѣе замѣчательно, что у людей, не владѣвшихъ вотчинами и помѣстьями, существовала неурязнь и зависть къ землевладѣльцамъ, особенно богатымъ. Послѣдствій, въ смыслѣ улучшеній, не было, потому что такіе соборы не имѣли обязательной силы надъ правительствомъ и стремленія приобрѣсть ее не было замѣтно. Изъ того же дѣянія земскаго собора видно, что земскіе люди все полагали на волю великаго государя. Русскіе не смѣли даже подумать, чтобы отъ нихъ государя могло происходить что-нибудь худое, а еслибъ и чувствовали какой-нибудь гнетъ, то всегда готовы были приписать это карѣ Божіей за свои собственные грѣхи. Не такъ, однако, относились они къ боярамъ и вообще высокопоставленнымъ лицамъ, управлявшимъ государствомъ: оправдывая царя, они всегда рады были взвалить на нихъ всякія обвиненія, и когда мѣра терпѣнія переполнялась, то не останавливались ни предъ какими крайностями, что и показали народные бунты, вспыхнувшіе въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ городахъ,—бунты, сопровождавшіеся и убійствами начальствовавшихъ лицъ.

По извѣстію Котошихина, при восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича созывался земскій соборъ, который и избралъ на царство сына умершаго государя ²⁾. Что это былъ настоящій земскій соборъ, показываетъ то, что авторъ, сообщая о томъ извѣстіе, говоритъ о числѣ выборныхъ изъ каждаго города и описываетъ пиры, происходившіе послѣ избранія, на которыхъ новозбранному царю подносили подарки. Объ этомъ соборѣ нѣтъ никакихъ упоминаній въ дошедшихъ до насъ актахъ того времени, но это не даетъ права подвергать сомнѣнію дѣйствительность передаваемого Котошихинимъ событія, такъ какъ до насъ многое не дошло изъ старыхъ дѣлъ, а многое еще не обнаружено изслѣдователями и издателями.

Мало официальныхъ свидѣтельствъ осталось и о другомъ земскомъ соборѣ, созванномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу составленія Уложенія. Юля 16-го 1648 года государь съ патриархомъ, духовенствомъ, боярами и думными людьми, по челобитью многихъ всякихъ чиновъ людей, приговорили: «вы-

¹⁾ Соловьевъ. „Ист. Росс.“, т. IX, стр. 303—308.

²⁾ Патриархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь духовный чинъ, соборовали, и бояре, и окольные, и думные люди, и дворяне, и дѣти боярскіе и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь послѣ смерти прежнего царя обрали на царство сына его нынѣшняго царя и учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви и молили Бога... а было тѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и посадскихъ людей, для того избранія, челоуѣка по два изъ города. (Котоших. О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Гл. I, стр. 4).

писать изъ правилъ св. Апостолъ и св. отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей пригодныя для государскихъ и земскихъ дѣлъ статьи, и собрать указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры, справить ихъ съ старыми судебниками, а на которыя статьи указовъ государевыхъ и боярскихъ приговоровъ не было, и тѣ бы статьи вновь написать и изложить по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго Государства людемъ отъ большаго до меньшаго чина судъ и расправа были во всѣхъ дѣлахъ всѣмъ равно». Указалъ государь все то собрать и въ докладъ написать князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, Федору Федоровичу Волконскому, Семену Васильевичу Прозоровскому и дьякашъ Гаврилѣ Леонтьеву и Федору Грибоѣдову. Для такого великаго государскаго и земскаго дѣла царь указалъ и бояре приговорили: «выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ изъ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятны по человѣку—изъ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей—трехъ человѣкъ, изъ гостинныя и суконныя сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ — по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы государево его царственное и земное дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити» ¹⁾. По царскому указу въ городахъ воеводы или губные старосты въ губныхъ станахъ должны были собирать тѣхъ, которые должны выбирать выборныхъ, прочитавъ имъ царскій указъ, а по исполненіи выбора—отправить выбранныхъ въ Москву ²⁾. Въ октябрѣ 1649 составленное Уложение слушалъ государь съ патриархомъ, духовенствомъ, боярами и другими думными людьми, а въ отвѣтной палатѣ, гдѣ сидѣли выборные люди съ бояриномъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, было предъявлено имъ Уложение и, по царскому указу, всѣ къ тому Уложению подписались и съ этого экземпляра напечатана была книга и разослана въ Москвѣ по приказамъ и въ города для руководства—всѣмъ судящимъ лицамъ ³⁾.

Хотя дѣянія этого важнаго земскаго собора до насъ вполнѣ не дошли и мы не имѣемъ подъ рукою всѣхъ заявленій, представленныхъ тогда выборными людьми, но остались, однако, нѣкоторыя указанія на подававшіяся тогда челобитныя выборныхъ, которыя были приняты во вниманіе и внесены въ законодательство. Такъ, выборные всякихъ чиновъ указали, что около Москвы и другихъ областныхъ городовъ, именемъ патриарха, владыкъ, монастырей, бояръ, думныхъ людей, дворянъ и т. п. зватныхъ того времени особъ, заведены двory и цѣлыя слободы, гдѣ жили въ качествѣ закладчиковъ за сильными особами бѣжавшіе отъ тяготы люди, занимались торговлею и промыслами и пользовались льготами, тогда какъ черезъ то самое увеличивалась тягость на людяхъ, оставшихся въ тѣхъ тяглыхъ общинахъ, откуда закладчики ушли. Такихъ много было въ Москвѣ и въ ея предѣльяхъ, называемыхъ слободами. Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Благовѣщенской слободѣ, принадлежавшей патриарху, сверхъ записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, было до шестисотъ ремесленныхъ и торговыхъ людей, которые туда сошлись изъ разныхъ городовъ «для легости». Около Москвы за

¹⁾ Собр. госуд. гр. и догов., т. III, стр. 438.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 40.

³⁾ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. I, стр. 2—3.

Земляными городомъ были изстари версты на три и на четыре отъ города выгоны для выпуска скота, и близъ другихъ городовъ около посадовъ были такіе же выгоны и выѣзды въ лѣсъ по дрова, а все это захватили бояре и ближніе люди, и московскіе дворяне, и дьяки подъ свои загородные дворы и огороды, а въ иныхъ мѣстахъ монастырскіе люди и ящички (пользовавшіеся также льготами) распахали тамъ землю и въ лѣса не стало проѣзда. Выборные просили всѣхъ такихъ торговыхъ и промышленныхъ людей на посадахъ и въ слободахъ взять за великаго государя въ тягло, наравнѣ съ посадскими. По этой челобитной состоялся указъ: всѣ заведенные частными лицами дворы и слободы, гдѣ жили ихъ закладчики, взять въ тягло, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде находились въ тягдѣ въ посадахъ, воротить на ихъ прежнія мѣста, впредь же состоящимъ въ тягдѣ не записываться въ закладчики подъ страхомъ жестокаго наказанія кнутомъ и ссылки въ Сибирь на Лену. О тѣхъ же селахъ, слободахъ и деревняхъ, которыя хотя не близко отъ посада, но въ которыхъ живутъ торговые и промышленные люди, указано было произвести сыскъ: если по этому сыску окажется, что они были издавна городскіе посадскіе люди, такихъ переводить въ посады, а тѣхъ, которые, издавна бывши крестьянами, завели себѣ лавки и начали заниматься торговлею и промыслами, велѣно торговня и промысловыя заведенія продать тяглымъ людямъ. Но о такихъ селахъ, которыя не очень близко были къ посадамъ, велѣно ждать дальнѣйшаго указа ¹⁾. Челобитныя эти подавались въ смыслѣ уравнинія всѣхъ въ отправленіи государственныхъ и земскихъ повинностей. Другая челобитная выборныхъ людей указывала на то, что послѣ указовъ и соборныхъ приговоровъ, состоявшихся еще при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Федорѣ Ивановичѣ, о неприниманіи впередъ духовныхъ властей и монастырей земель, многіе приобрѣли себѣ и по царскому пожалованію, и чрезъ выкладъ отъ всякихъ чиновъ людей по душамъ своимъ и, наконецъ, покупками и взятіемъ въ залогъ вотчины, села и всякія угодья. Челобитчики домогались, чтобъ эти земли, взявъ отъ монастырей, раздать по разбору служилымъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. На эту челобитную не послѣдовало полнаго рѣшенія, а велѣно было сдѣлать выписку о вотчинахъ духовныхъ властей, монастырей и церквей ²⁾. Но не ко всѣмъ заявленіямъ, сдѣланнымъ тогда на соборѣ, правительство отнеслось такъ снисходительно. Есть извѣстіе, что князь Львовъ, а съ нимъ сто двадцать человекъ, осмѣлились выразить свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ статей Уложенія и за то сосланы были въ Соловецкій монастырь ³⁾. Впослѣдствіи этимъ Уложеніемъ недоволенъ былъ патріархъ Никонъ, называлъ его книгою проклятою, противною св. Евангелію, правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ ⁴⁾. Въ своихъ отвѣтахъ боярину Стрѣшневу патріархъ выразился объ этомъ соборѣ: вѣдомо всѣмъ, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради междоусобія отъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды ⁵⁾. Но и заклятые враги Никона, раскольники, были также недовольны уложеніемъ и называли его «книгою богопротивною,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 44—47.

²⁾ Акты Арх. Экспед., т. IV, стр. 49.

³⁾ Шаповъ. Земскій соборъ 1648—1649 годовъ, стр. 6.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Росс., т. XI, стр. 352.

⁵⁾ Рѣчь Бѣлаева, стр. 224.

антихристово»¹⁾. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключить, что соборъ, утвердившій Уложение, не былъ дѣломъ всего народа русскаго и много было въ послѣднемъ противнаго. Тѣмъ не менѣе, однако, созданное имъ Уложение надолго оставалось единственнымъ кодексомъ законодательнымъ, единственнымъ мѣриломъ правосудія для русскаго народа.

VI.

Въ 1653 году 1 октября былъ созванъ соборъ по поводу присоединенія Малороссіи. Сначала отправлялось праздничное богослуженіе въ церкви Покрова (Василія Блаженнаго), гдѣ присутствовалъ царь съ боярами и, вѣроятно, со всѣми выборными, потомъ совершенъ былъ крестный ходъ въ Кремль. Соборъ собрался въ Грановитой палатѣ. Были на этомъ соборѣ участниками: патріархъ Никонъ, владыки, въ числѣ которыхъ митрополитъ сербскій, архимандриты, игумены, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре, окольнічіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне изъ городовъ, дѣти боярскіе, гости, торговые люди сотенъ гостинои, суконной и черныхъ, и «всякихъ чиновъ люди» и стрельцы²⁾.

Прочтено было всѣмъ вслухъ о прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, о томъ, что, вопреки договору, нѣкоторые поляки пишутъ царское именованіе и царскій титулъ не по вѣчному докончанію, а иные «злодѣи» пишутъ о московскомъ государѣ съ большою укоризною и своего короля пишутъ царемъ московскимъ и обладателемъ. По этому поводу хотя и были посольства отъ царя въ Польшу, но король и польскіе паны-рада государскую честь поставили ни во что. Сверхъ того происходили въ порубежныхъ мѣстахъ отъ польскихъ людей большіе задоры и насилія людямъ царскимъ, и поляки не учинили по письмамъ царскихъ воеводъ никакой расправы. Наконецъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское много разъ присылали къ великому государю пословъ, жалуясь, что паны-рада и вся Рѣчь-Посполитая неволятъ православныхъ запорожскихъ черкасъ къ римской вѣрѣ и они поневолѣ призывали къ себѣ на помощь противъ поляковъ крымскаго хана съ ордою, а теперь просятъ царское величество принять ихъ подъ свою крѣпкую руку и учинить имъ своими войсками помощь на гонителей христіанской вѣры — поляковъ. Государь посылалъ къ польскому королю и къ панамъ-радѣ пословъ и объявилъ, что онъ проститъ вины тѣмъ людямъ, которые неправильно писали царское именованье, если король и паны-рада помирятся съ запорожскими черкасами, по Зборовскому договору отдадутъ имъ церкви, обращенныя въ унію, и впередъ не стануть дѣлать гоненій на христіанскую вѣру греческаго закона, но король и паны-рада и то дѣло поставили ни во что, отказали въ мирѣ черкасамъ и пошли на нихъ войною при царскихъ великихъ послахъ. Гетманъ Богданъ Хмельницкій нынѣ съ своимъ посланцемъ писалъ, что если великій государь надъ ними, православными христіанами, не

¹⁾ Шаповъ. Земск. соб., 1648—1649, стр. 6.

²⁾ Собр. госуд. гр. и догов., томъ III, стр. 481. — II. С. З. Р. Имп., т. I, стр. 293—301.

сжалится и войска своего имъ не пошлетъ, а иновѣрцы ихъ подъ себя подобьютъ, то они волю ихъ по нуждѣ чинить будутъ.

Бояре царскіе первые подали голосъ, что нельзя болѣе терпѣть польскому королю и слѣдуетъ принять въ подданство гетмана Богдана Хмельницкаго. При этомъ кто-то изъ бояръ далъ такое оправданіе подобному поступку со стороны московскаго государя: король Янъ Казимиръ присягалъ, что ему вѣры христіанской не тѣснить и другихъ къ тому не попускать, а будетъ онъ присяги своей не сдержитъ, то тѣмъ чинить своихъ подданныхъ свободными отъ всякой вѣрности и послушанія. А какъ Янъ Казимиръ присяги своей не сдержалъ и на православную христіанскую вѣру греческаго закона возсталъ и многія церкви разорилъ и въ унию обратилъ, то запорожскіе черкасы стали теперь присягою королевскою вольные люди, и чтобъ ихъ не отпустить въ подданство турецкому царю или крымскому хану, доведется гетмана Богдана Хмельницкаго и все Войско Запорожское съ городами и землями принять.

Затѣмъ были допрашиваемы по чинамъ порознь всѣ бывшіе на соборѣ. Всѣ рѣшали, что великому государю — пожаловать гетмана Богдана Хмельницкаго и все Войско Запорожское для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, велѣть, по ихъ челобитью, принять ихъ подъ свою государскую высокую руку. Служилые люди объявили, что они за государскую честь учнутъ съ литовскимъ королежъ битися, не щадя головъ своихъ, и рады помереть за государскую честь; торговые и всякихъ чиновъ люди — что они вспоможемъ и за государскую честь головами своими рады помереть.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, уже въ послѣдній годъ его царствованія и жизни, царь дѣлалъ созвывы выборныхъ лицъ, но не разомъ призывалъ всѣ чины Московскаго Государства, а созывалъ чины отдѣльно, сообразно специальностямъ, касавшимся этихъ чиновъ. Такъ, въ ноябрѣ 1681 года состоялся церковный соборъ, столько же важный, какъ тотъ, который собирался при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и составилъ Стоглавъ¹⁾. Подобно тому, какъ дѣлалось при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и теперь отъ имени царя предлагались вопросы или предложенія, а духовный соборъ подавалъ на нихъ отвѣты или рѣшенія. Такихъ предложеній было шестнадцать. Указана была потребность основать новыя епархіи, особенно въ виду того, что умножились церковные противники. Правительство предлагало завести у митрополитовъ подначальныхъ имъ епископовъ, но соборъ нашелъ это неудобнымъ, опасаясь, что тогда между архіереями будутъ происходить распри о «высости». Соборъ предпочелъ учредить въ нѣкоторыхъ городахъ новыя независимыя епархіи. Такимъ образомъ основаны были архіепископства въ Сѣвскѣ (къ нему города съ уѣздами: Сѣвскъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Путивль и Рыльскъ), въ Холмогорахъ (къ нему города съ уѣздами: Холмогоры, Архангельскъ, Мезень, Кевроль, Пустозерскъ, Пинега, Вага съ пригородками), въ Устюгѣ (къ нему Устюгъ, Сольвычегодскъ, Тотыма съ пригородками), епископства въ Галичѣ, Арзамасѣ, Уфѣ, Тамбовѣ (Тамбовъ, Козловъ, Доброе Городище съ пригородками), Воронежѣ (Воронежъ, Елецъ, Романовъ, Орловъ, Костянскъ, Коротоаякъ, Усмонь, Острогжскъ и пр.), Болховѣ (Болховъ, Мценскъ, Карачевъ, Кромы, Орелъ, Новосиль) и въ Курскѣ; вятская епископія повышена въ архіепископію. На содержаніе новыхъ архіерействъ отчислялись

¹⁾ См. дѣванія этого собора: Акты Историческіе, т. V, стр. 108—118.

разные монастыри съ ихъ вотчинными крестьянами и со всѣми угодьями. Со стороны царя сдѣлано было указаніе на отдаленныя страны Восточной Сибири, гдѣ пространства были такъ велики, что до епархіального города приходилось ѣхать годъ и болѣе, а между тѣмъ, эти страны удачно становятся притономъ противниковъ Церкви. Но соборъ не рѣшалъ тамъ учреждать епархій, малолюдства ради христіанскаго народа, ограничился одною архіепископіею въ Енисейскѣ и постановилъ посылать на Лену и въ Даурію архимандритовъ и священниковъ для наученія въ вѣрѣ.

По вопросу о противодѣйствіи расколу духовный соборъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи матеріальной силы, отдавалъ это дѣло мірской власти. Вотчинники и помѣщики должны извѣщать воеводъ и архіереевъ о раскольникахъ, архіереи прикажутъ дѣйствовать противъ нихъ духовными мѣрами увѣщаній, а воеводы будутъ посылать служилыхъ людей противъ тѣхъ раскольниковъ, которые окажутся непослушными увѣщаніямъ архіереевъ. Сверхъ того соборъ просилъ государя не давать грамотъ на дозволеніе основывать новыя пустыни, въ которыхъ обыкновенно отправляли богослуженіе по старымъ книгамъ. Въ тѣхъ же видахъ велѣно уничтожить въ Москвѣ палатки и албарты съ иконами, называемыя часовнями, въ которыхъ священники служили молебны по старымъ книгамъ и куда народъ стекался толпами, вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь и слушать литургію. Наконецъ, постановлено учредить надзоръ, чтобы не продавались старопечатныя книги и разные писанные листочки и тетрадки съ выписками изъ св. писанія, направленными противъ господствующей Церкви въ защиту старообрядства.

На этомъ же церковномъ соборѣ обращено было вниманіе на разные безчинства, противъ которыхъ напрасно вооружались и прежніе соборы: запрещалось монахамъ шататься, въ монастыряхъ держать крѣпкіе напитки подъ предлогомъ, что держать ихъ для гостей, устраивать пиры, разносить по кельямъ пищу; вездѣ, какъ настоятелю, такъ и братіи, одежду надлежало получать изъ монастырской казны, а денегъ на одежду никому не выдавать; въ домахъ внѣ монастыря никого не постригать, для бродящихъ чернецовъ устроить принадлежавшій Троицко-Сергіеву монастырю Пятницкій монастырь, собрать ихъ туда изъ Москвы и держать подъ строгимъ надзоромъ, и подобное устроить въ другіхъ епархіяхъ. Замѣчено, что много было черницъ, которыя, постригшись дома, пребывали не въ монастырѣ, а въ мірскихъ жилищахъ, или шатались по перекресткамъ и улицамъ и просили милостыню. Такихъ черницъ велѣно собрать и устроить для нихъ обители изъ нѣкоторыхъ монастырей, бывшихъ прежде мужскихъ. Монахинямъ запрещалось самимъ управлять своими вотчинами, а это поручалось назначеннымъ отъ правительства старымъ дворянамъ. Въ домовыхъ церквахъ запрещалось держать вдовыхъ священниковъ, потому что они, какъ было замѣчено, вели себя безобразно, а тѣмъ «великимъ» людямъ, которымъ дозволялось имѣть у себя домовыя церкви, слѣдовало испрашивать къ этимъ церквамъ священниковъ отъ архіереевъ. Обращено было вниманіе на нищихъ, которые, толпясь въ церкви, своими криками о подаваніи прерывали ходъ богослуженія. Ихъ велѣно было разобрать, слабыхъ и больныхъ содержать въ особомъ мѣстѣ на счетъ государевой казны, а лѣнныихъ, но здоровыхъ приставить къ работѣ. Въ монастыряхъ—завести больницы.

Дозволено было посвящать священниковъ въ православныя приходы, на-

ходившіеся во владѣніи Польши и Швеціи, но только съ тѣмъ, если послѣдуетъ о томъ просьба отъ прихожанъ съ надлежащими документами и грамотами отъ своего правительства. Это правило было важно въ томъ отношеніи, что открывало путь русской Церкви вмѣшиваться въ духовныя дѣла сосѣдей.

Все это было предложено отъ имени государя и только одобрено, принято и установлено соборомъ. Но по одному сдѣланному предложенію соборъ уклонился отъ принятія царскаго желанія. Указывалось собору, что въ печатной чиновной книгѣ, по которой приводились къ присягѣ и состоявшіе на службѣ въ вѣрности своему долгу и во всякихъ расправныхъ дѣлахъ, находятся многія страшныя и непрощаемыя клятвы, которыя къ тѣмъ дѣламъ неприличны. Соборъ далъ такой отвѣтъ: такъ какъ многіе грѣшатъ особенно при сборахъ царской казны, нарушая данную присягу, и тѣмъ подвергаются клятвѣ и убиваютъ себя вѣчною смертію, то пусть великій государь изволить наложить на такихъ людей прещеніе и страхъ по своимъ градскимъ законамъ.

Кромѣ всего изложеннаго, на этомъ соборѣ постановлено нѣсколько частныхъ правилъ о содержаніи нѣкоторыхъ предметовъ благочестія, хранившихся собственно въ Москвѣ: о частицѣ животворящаго древа, о частицахъ святыхъ мощей, о рязѣ Господней, присланной изъ Персіи еще при патриархѣ Филаретѣ, разрѣзанной на кусочки: по опредѣленію настоящаго собора всѣ эти кусочки велѣно было собрать вмѣстѣ въ одинъ ковчегъ и хранить въ Успенскомъ соборѣ.

Столько же важно, если еще не важнѣе, былъ соборъ служилыхъ людей. 24 ноября 1681 года указомъ царскимъ велѣно было созвать, подъ предѣтельствомъ боярина князя Вас. Васильев. Голицына, выборныхъ изъ служилаго сословія—изъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они собрались 12 января 1682 года. Бояринъ князь Голицынъ съ товарищи объявилъ имъ царскій указъ:

«Въ мимошедшее время на бояхъ съ государевыми людьми, государевы неприятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы и поэтому надлежитъ въ государскихъ ратахъ учинить разсмотрѣніе и лучшее устройство и перемѣнить на лучшее то, что показалось на бояхъ неприбыльно».

Выборные люди нашли, что полковую службу стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ удобнѣе будетъ росписать не въ сотни, какъ прежде бывало, а въ роты, считая въ полку по шести ротъ, а въ ротѣ по 60 человекъ, и быть въ ротахъ начальниками ротмистрамъ и поручикамъ, изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ изъ всѣхъ родовъ и чиновъ безъ мѣстъ и безъ подбора, кому въ какомъ чинѣ быть великій государь укажетъ. Послѣ принятія такого желанія выборные подали челобитную такого рода: они, выборные люди и братья ихъ, и дѣти, и сродники написаны въ ротмистры и поручики, а изъ родовъ Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Троекуровыхъ, Репниныхъ, Шейныхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ важныхъ родовъ въ эти чины никого не написали за малолѣтствомъ; опасно, чтобъ отъ нихъ послѣ не было укоризны и попреку тѣмъ, которые въ означенные чины поступили, поэтому выборные люди бьютъ челомъ, чтобъ тѣхъ высокихъ родовъ дѣти были также написаны въ ротмистры и поручики, какъ они въ службу поспѣютъ. Затѣмъ для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и другихъ всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и въ

полкахъ у ратныхъ дѣлъ, и у посольскихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣстами не считаться, всѣ разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлахъ помѣшки не было.

Это челобитье было представлено государю. До сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: было ли оно составлено по добровольному начинанію, возникшему среди выборныхъ, или какъ-нибудь было имъ намѣчено сверху. Во всякомъ случаѣ мысль о необходимости искоренить старинный обычай мѣстничанья въ то время уже достаточно созрѣла, такъ какъ во всѣ предшествовавшія войны при Михаилѣ и Алексѣѣ, по царскому повелѣнію, всѣ были безъ мѣстъ, а въ посольскихъ дѣлахъ мѣстничанье давно было устранено. Царь, получивши такую челобитную, представилъ этотъ вопросъ на обсужденіе и на совѣтъ собранію изъ духовныхъ лицъ и думныхъ особъ. Духовенство признало обычай мѣстничанья противнымъ духу христіанства, Божіей заповѣди о любви, источникомъ вреда для царственныхъ дѣлъ. Бояре и всѣ думные люди сказали, «что въ мимошедшія лѣта во многихъ государскихъ ратныхъ, и въ посольскихъ во всякихъ дѣлѣхъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости и нестроеніе и непріятелямъ радованіе», а между царскими людьми «нелюбовь и великія продолжительныя вражды»; а потому приговорили «разрядные случаи отставить и искоренить». Государь указалъ «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была. А что еще есть въ Разрядѣ случаевъ и о мѣстахъ записки, а у кого такія жъ книги и записки»,—приказано собрать и сжечь. Затѣмъ впередъ вездѣ на службѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ, никакими прежними случаями не считаться, никому ни надъ кѣмъ «мимошедшими находы не возноситься», никому въ укоризну прежняго ничего не ставить и не безчестить.

Слыша царское рѣшеніе, патриархъ и духовные сановники, а за ними и члены царской думы воскликнули: «да погибнетъ во огни оное Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!»

Въ тотъ же день всѣ разрядныя книги преданы были огню въ сѣняхъ государевой передней палаты. Тамъ во время ихъ горѣнія стояли: князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, думный дьякъ Василій Семеновъ и нѣсколько архіереевъ по указанію патриарха.

Довесли государю и патриарху объ исполненіи указа. Патриархъ сказалъ тогда думнымъ людямъ: «Дѣло, совершенное съ благословенія освященнаго собора совѣтомъ всего синклита, соблюдайте крѣпко и нерушимо; а буде кто не принесетъ хранящіяся у него книги и записки, надлежащія до такихъ случаевъ, а станетъ держать у себя въ дому, тотъ пусть опасается за то гнѣва отъ великаго государя и церковнаго запрещенія, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и нашего благословенія презиратель».

«Да будетъ тако, яко рече онъ святѣйшій патриархъ!» единогласно произнесли бояре и всѣ думные люди.

Государь похвалилъ бояръ и всѣхъ думныхъ людей за совершенное доброе дѣло и объявилъ, что прикажетъ въ разрядѣ держать родословныя книги всѣмъ

изъ родамъ и дозволяетъ каждому хранить такія же книги и у себя въ дому. Указано быть нѣсколькимъ родословнымъ книгамъ по различнымъ достоинствамъ службы. Въ одну изъ этихъ книгъ помѣщались тѣ роды, которыхъ члены были въ званіи бояръ и вообще думныхъ людей еще въ царствованіе царя Ивана Васильевича, а также и тѣ, которыхъ члены въ оное время находились въ посольствахъ, на воеводствахъ или у царя въ близости. Въ другую книгу вписывались тѣ роды, изъ которыхъ съ царствованія царя Михаила Феодоровича были въ званіи воеводъ, въ посольствахъ, или записаны были въ десятняхъ (войсковыхъ спискахъ) въ первой высшей статьѣ. Въ третью вписывались тѣ, которые въ десятняхъ были записываемы въ среднюю или меньшую статью, а въ четвертую—которые за службу своихъ отцовъ или за свою собственную были записаны въ московскій списокъ. Такой указъ былъ прочитанъ вслугъ бояриномъ на Постельномъ крыльцѣ. Соборное дѣявіе объ уничтоженіи мѣстничества было подписано патриархомъ, всѣми духовными властями, всѣми думными и выборными людьми ¹⁾). Неизвѣстно, этихъ ли только дѣломъ ограничилась тогдашняя дѣятельность земскаго собранія выборныхъ служилыхъ людей или они послѣ того занимались еще какими-нибудь дѣлами по устроению службы.

За собраніями по дѣламъ церковнымъ и служебнымъ въ декабрѣ 1681 года указано было на слѣдующій годъ созвать въ Москву выборныхъ людей торговаго званія съ посадовъ во всѣхъ городахъ, кромѣ сибирскихъ, для уравненія ихъ выборныхъ службъ, всякихъ повинностей и платежа податей. Для такой цѣли указано было выбрать изъ гостей четырехъ человекъ, а изъ сотенъ: гостиной, суконной и московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, изъ всѣхъ посадовъ и изъ дворцовыхъ селъ и слободъ по два человека добрыхъ и знающихъ дѣло. Они обязаны были привезти съ собою окладныя книги, хранившіяся постоянно въ земскихъ избахъ и именныя списки лучшихъ, середнихъ и меньшихъ людей ²⁾). Что дѣлали они въ Москвѣ—намъ неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно, не состояла ли дальнѣйшая дѣятельность выборныхъ людей служилого сословія послѣ уничтоженія мѣстничества въ какой-нибудь связи съ дѣятельностью этихъ вышесказанныхъ неслужилыхъ выборныхъ людей.

Въ концѣ апрѣля 1682 года скончался царь Федоръ Алексѣевичъ. Между близкими вельможами возникло разногласіе по вопросу о престолонаслѣдіи. Изъ двухъ братьевъ умершаго бездѣтнымъ царя одинъ былъ слабъ здоровьемъ и малоуменъ, другой малолѣтенъ. При старшемъ братѣ, Іоаннѣ должна была бы управлять ушная сестра его Софія, при меньшомъ, малолѣтнемъ Петрѣ, мать послѣдняго Наталья Кирилловна, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича. Съ возведеніемъ того и другого на престолъ не самъ царь своею особою управлялъ бы государствомъ. Одни вельможи, соображая свои личные интересы, были за объявленіе царемъ Іоанна, другіе—за Петра. Патриархъ предложилъ вопросъ тотъ предать рѣшенію всѣхъ чиновъ Московскаго Государства.

Созвали всѣ чины Московскаго Государства. Соловьевъ ³⁾ догадывается, что въ этомъ случаѣ въ смыслѣ Московскаго Государства понимался одинъ царствующій градъ Москва. Но нельзя не принять во вниманіе, что незадолго до

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. IV, стр. 396—410.

²⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, томъ II, стр. 366.

³⁾ Истор. Росс., томъ XIII, стр. 338.

конца царствованія Ѳедора Алексѣевича созванные выборные изъ служилыхъ и неслужилыхъ, оставаясь еще въ Москвѣ, могли представлять собою чины Московскаго Государства. По официальному документу того времени ¹⁾, подтверждаемому и извѣстіями другихъ современниковъ и очевидцевъ событій ²⁾, тогда созвали стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ городовыхъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей московскихъ сотенъ и иныхъ чиновъ людей. Патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и прочими думными людьми вышелъ на крыльцо, что передъ Переднею, а созванные поставлены были наверху, разѣстившись на площадкахъ верхней и нижней, что передъ церковью Нерукотвореннаго Спаса. Патріархъ произнесъ имъ рѣчь, и спрашивалъ: кого желаютъ избрать на царство? Всѣ провозгласили Петра, одинъ только голосъ Сумбулова раздался за Іоанна ³⁾. Тогда духовенство и бояре обратились къ Петру и, какъ говорятъ, старшій братъ добровольно уступилъ меньшому свое первородное право. «Тогда ему, великому государю, подданные государевы: касимовскіе и сибирскіе царевичи, и бояре, и окольнічіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и генералы, и полковники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дьяки, и жильцы, и начальныя люди, и городовыя дворяне, и дѣти боярскіе, и приказныя, и всякихъ чиновъ ратныя люди, и гости, и гостинныя сотни, и стрѣльцы, и пушкари, и черныхъ сотенъ сотскіе, и торговые, и тяглые, и всякихъ чиновъ Московскаго Государства люди всѣ вѣру учинили» ⁴⁾. Уже одно уномяніе объ участіи дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ показываетъ, что тогда въ Кремлѣ спрашивались не одни только жительствовавшіе въ столицѣ постоянно. То же подтверждается царскою грамотою отъ 3-го мая донскому войску: въ ней излагается избраніе въ цари Петра всѣми чинами Московскаго Государства и притомъ говорится, что въ числѣ этихъ чиновъ Московскаго Государства и «донскіе казаки, которые нынѣ на Москвѣ, станичный атаманъ Пахомъ Сергѣевъ съ товарищи всѣ вѣру учинили» ⁵⁾. Что во время кончины царя Ѳедора Алексѣевича и избранія Петра были въ столицѣ выборные люди, созванные еще покойнымъ царемъ, показываетъ царская грамота отъ 6-го мая о расиущеніи всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые по указу бывшаго государя присланы были къ Москвѣ для разборовъ и изравненія во всякихъ службахъ и податяхъ ⁶⁾. Сопоставляя эти извѣстія, кажется, можно остановиться на томъ, что выраженіе официальныхъ памятниковъ объ избраніи Петра Алексѣевича по смерти царя Ѳедора Алексѣевича всякими чинами Московскаго Государства нельзя относить къ области той риторики, какую мы встрѣчаемъ въ грамотахъ объ избраніи на престолъ Ѳедора Борисовича, Василія Шуйскаго или королевича Владислава.

По окончаніи послѣдовавшихъ затѣмъ смуть и номинальнаго двупарствія,

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, томъ II, стр. 384—388.

²⁾ Сахаровъ. Записки русскихъ людей: Желябужскаго, стр. 2; Медвѣдева, стр. 3—4; Крещина, стр. 27—28; Матвѣева, стр. 6.—Голицы. Дѣянія Петра Великаго, томъ I, изданіе 2-е; стр. 13.

³⁾ Матвѣева, стр. 6.—Голицы. Дѣянія, томъ I, стр. 13.

⁴⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имп., т. II, стр. 386.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон., т. II, стр. 393.

⁶⁾ Акты Истор., т. V, стр. 133.

утвердилось единовластіе Петра и для Россіи наступили нныя времена. Страстный преобразователь не созывалъ къ себѣ на совѣтъ выборныхъ Русской Земли, потому что замыслилъ преобразовать Русскую Землю такъ, какъ ему казалось лучшимъ, по западно-европейскимъ образцамъ своего вѣка, а не такъ, какъ бы, можетъ быть, захотѣло большинство такихъ выборныхъ, еслибъ, ихъ созвавши, о томъ стали спрашивать. Не малочисленная часть русскаго общества сочувствовала главной задачѣ своего царя-преобразователя и простила ему то, что не могло нравиться въ приложеніяхъ къ жизни, а противники трепетали предъ жесткою волею и суровостью властелина, не остававдивавшагося ни передъ чѣмъ, когда нужно было карать своихъ противниковъ. Нныя времена пошли для Россіи и послѣ Петра. Нѣсколько разъ оставался престолъ празднымъ, прекращались царственныя линіи, но въ такихъ случаяхъ не созывали къ совѣту и устройнію государства всякіе чины государства, какъ бывало въ прежній московскій періодъ русской исторіи; дѣло рѣшалось кружкомъ вельможъ или дворцовымъ переворотомъ при содѣйствіи гвардіи въ столицѣ, издавались законы, но при составленіи ихъ не приглашались тѣ, которые должны были этимъ законамъ подчиняться. Только при Еватеринѣ II, которая, при своемъ совершенно иноземномъ происхожденіи, хотѣла болѣе другихъ русскихъ государей казаться русскою, явилась попытка возобновить оставленный и забытый способъ единенія власти съ народомъ.

VII.

Дѣятельная и заботливая государыня, замѣтивъ въ своемъ государствѣ недостатокъ правосудія, начертала наказъ проекта новаго Уложенія законовъ и, «дабы лучше можно было узнать нужды и чувствительные недостатки народа», повелѣла собрать по Имперіи депутатовъ по одному отъ дворянъ каждаго уѣзда, отъ жителей каждаго города, отъ однодворцевъ, государственныхъ крестьянъ, палотныхъ солдатъ и другихъ наименованій служилыхъ, составляющихъ ландмилицію, по одному изъ каждой провинціи и отъ осѣдлыхъ инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ, каждаго народца по одному также въ каждой провинціи, а опредѣленіе числа депутатовъ отъ козаковъ и Войска Запорожскаго предоставлено было ихъ начальству. Всѣ депутаты получали отъ избирателей полномочія и наставленія.

Эта выборная коммиссія открыла свои засѣданія въ числѣ 460 человекъ въ Москвѣ 31-го іюля 1767 года. До конца этого года ея засѣданія происходили въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году, съ половины февраля по декабрь, въ Петербургѣ. По видамъ занятій учреждено было изъ членовъ этой коммиссіи три коммиссіи: дирекціонная, организовавшая девятнадцать частныхъ коммиссій для разныхъ отраслей законодательства; экспедиціонная, занимавшаяся редакціею и наблюдавшая, чтобы труды всѣхъ коммиссій частныхъ были изложены по правиламъ языка и слога, и коммиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ и проектовъ, представлявшая выписки изъ нихъ полному собранію коммиссій, отсылавшему ихъ въ дирекціонную коммиссію.

Характеристическою чертою этой коммиссій, этого воскрешеннаго земскаго

собора выборныхъ русскихъ людей, былъ антагонизмъ между сословіями, чего не представляли земскіе соборы до-петровской московской Руси. Каждое сословіе старалось удержать свои права и расширить ихъ даже въ ущербъ другимъ сословіямъ. Дворяне ревниво стояли за свое право рабовладѣнія и хотѣли лишить купцовъ предоставленнаго послѣднимъ отъ Петра Великаго права приобретать населенныя имѣнія къ своимъ заводамъ и фабрикамъ, а купцы не только желали сохранить право, которое за ними уже было, но домогались права покупать крѣпостныхъ людей по одиночкѣ съ тѣмъ, чтобъ имѣть приказчиковъ и подносчиковъ изъ невольниковъ. Купцы указывали на то обстоятельство, что вольнонаемнымъ трудомъ невозможно было имъ пробавляться. Духовные требовали для себя также права покупать крестьянъ и дворовыхъ людей. Того же добивались козаки. Дворяне, стараясь не допустить другія сословія до рабовладѣнія, подъ самыми гуманными и благовидными предложениями вооружались противъ этого, но доказывали, что для государства очень полезно оставлять право рабовладѣнія исключительно за дворянами, потому что долгъ дворянъ—служить отечеству и государю съ особеннымъ усердіемъ и своимъ воспитаніемъ приготавливать себя къ управленію подданными государя, а потому полезно для нихъ имѣть рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они становились бы способными управлять частями государства. Когда слышались было голоса о томъ, что надобно ограничить произволь дворянъ-рабовладѣльцевъ, то противъ такихъ заявленій поднялся сильный ропотъ. Купцы, домогаясь уравненія съ дворянами по праву рабовладѣнія, хотѣли, однако, за своимъ сословіемъ оставить исключительное право вести торговлю, воспретивъ ее другимъ сословіямъ безусловно, не дозволяя дворянамъ имѣть заводы и фабрики въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ. Въ средѣ самого дворянства происходили горячіе споры между защитниками права лицамъ, рожденнымъ не въ дворянскомъ званіи, приобретать его службою, какъ было установлено Петромъ Великимъ и сторонниками родовитости, хотѣвшими до крайней степени ограничить доступъ къ дворянству, дѣлая дворянское достоинство привилегією знатныхъ и старинныхъ родовъ. Вообще въ этой комиссіи былъ одинъ только согласный кличъ, что необходимо въ Россіи рабство. Оказывалось, что русскій народъ все еще дwoится на двѣ половины—властвующихъ и безправныхъ, бьющихъ и бѣмыхъ. Это требованіе рабства, противъ котораго, за недопущеніемъ поработенныхъ въ число депутатовъ, невозможно было подняться энергическимъ голосамъ, было прямо противоположно тогдашней наклонности государыни уничтожить рабство въ Россіи; однако, общій духъ общества до того былъ за рабство, что Екатерина сама прониклась имъ, и во вторую половину своего царствованія уже не только не стремилась искоренить рабство, а еще сама поддерживала и распространяла. Замѣчательно, что депутаты комиссіи заявили убѣжденія, противоположныя убѣжденію своей государыни и по отношенію къ пыткѣ. Они не только не признавали безчеловѣчность и юридическую неполезность этого способа добиваться на судѣ истины, но приписывали умноженіе преступленій тому, что вмѣсто пытокъ стали довольствоваться увѣщаніями преступниковъ, и произносили такой мудрый приговоръ, что «безъ пытки никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести нельзя».

Наши либеральные мыслители ставили въ заслугу комиссіи, что въ ней говорилось о необходимости заводить училища. Но дворянство, говоря о такой

необходимости, хлопотало только о себѣ, такъ какъ въ предполагаемыхъ имъ училищахъ допускались только лица дворянскаго званія, а хотя дворяне въ некоторыхъ уѣздахъ просили о заведеніи для бѣдныхъ дворянъ такихъ училищъ, куда бы допускались дѣти купцовъ и приказныхъ, но добивались, чтобы дворяне пользовались передъ другими сословіями такими преимуществами, чтобы опредѣлялись въ службу оберъ-офицерскими чинами, умѣя читать и писать и зная немного ариметики и географіи. Общимъ приговоромъ комиссіи положено было завести въ городахъ и мѣстечкахъ приходскія школы, подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, съ учрежденіемъ званія главнаго начальника земскихъ школъ. Въ этихъ школахъ дѣти должны были обучаться азбукѣ церковной и гражданской, краткому катехизису и началамъ ариметики, геометріи и русской географіи. Городскіе депутаты заговаривали даже объ учрежденіи академій и университетовъ, но то были не болѣе, какъ хорошія и праздныя рѣчи.

Въ числѣ депутатовъ были также прибывшіе изъ тѣхъ краевъ Имперіи, въ которыхъ, по прежней ихъ мѣстной исторіи, существовали иныя стремленія, чѣмъ въ остальныхъ краяхъ государства. Такими краями были тогда Малороссія и Остзейскій край. Въ Малороссіи недавно только было упразднено выборное гетманское управленіе, но порядокъ козацкій еще оставался; тамъ было желаніе возстановить Гетманщину, между тѣмъ какъ такое желаніе противорѣчало видамъ государственной политики, какой держалась Екатерина. Самъ присланный въ комиссію депутатъ Скоропадскій былъ поборникомъ мѣстнаго національнаго направленія, и какъ говорили, самъ надѣялся быть избраннымъ въ гетманы. «Но я осмѣливаюсь увѣрять ваше величество»,—писалъ Екатеринѣ Румянцевъ, управлявшій тогда Малороссіею, — «что когда таковыя и ему подобныя останутся безъ дѣйствія и дѣла, а напротивъ, благонамѣренныя и сею болѣзнию самовладства и независимости не зараженныя вашего императорскаго величества милостію отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительства жъ и служба получать прямыя для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро переимѣнятъ мысли и поступки»¹⁾). Румянцевъ зналъ и понималъ малороссіянъ. Старшины, въ разныя времена присвоившіе своимъ родамъ козацкія земли, добивались законнаго признанія за ними въ собственности этихъ земель; малороссійское шляхетство хотѣло уравненія правъ своихъ съ великорусскимъ дворянствомъ, хотѣло герольдіи, дворянскихъ дипломовъ сравненія малороссійскихъ военныхъ и статскихъ чиновъ съ чинами общими въ Имперіи, и паче всего хотѣло по закону крѣпостнаго права, драгоцѣннѣйшей изъ привилегій дворянскаго званія, которымъ фактически малороссійское шляхетство уже пользовалось, потому что даже многіе изъ вольныхъ козаковъ обращены были въ мужики и очутились въ рабскомъ положеніи. Лифляндцы и эстляндцы ссылались на свои старинныя права, оставленныя краю по присоединеніи къ Россіи, и депутаты ихъ подали въ комиссію особо выработанный для своего края проектъ Уложенія законовъ. Императрицѣ это показалось очень непріятно, и заявленія малороссіянъ и остзейцевъ способствовали закрытію комиссіи, которое послѣдовало подъ предлогомъ открывавшейся войны съ Турціею²⁾).

¹⁾ Солов. Ист. Росс., т. XXVII, стр. 138.

²⁾ О комиссіи, Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XIV.

Одинъ изъ нашихъ либеральныхъ мыслителей Шаповъ находитъ ¹⁾, что «собрание этой комиссіи вдругъ повернуло государство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движенію путемъ разнообразныхъ, всестороннихъ радикальныхъ реформъ. Одни данные необработанные матеріалы для новаго Уложения, доставленные и собранные комиссіею 1767 года и 19 частными комиссіями, подвинули на полстолѣтіе впередъ законодательную дѣятельность и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учреждений, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины и ознакомились въ Россіи семидесятыя и восьмидесятыя года прошедшаго вѣка. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), уставъ благотворности (8 апрѣля 1782 года), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 года), городское положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и многіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были комиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 году всѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ архива комиссіи и, подверженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами петербургскаго правительства, уже подъ редакціею и прессомъ бюрократіи, приводились въ исполненіе. Главная же существенная работа и заслуга въ составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно принадлежатъ общей комиссіи 1767 года и частнымъ комиссіямъ. Многія идеи депутатской комиссіи 1767 года стали насущными вопросами XIX вѣка, заняли лучшіе государственные умы». Таковъ взглядъ Шапова. Все это можетъ казаться послѣдовательнымъ, но не надобно упускать изъ вида той двигательной силы, которая и въ XVIII, и во всякомъ другомъ вѣкѣ руководитъ человѣческими мыслями и дѣлами. Эта сила—духъ времени. Конечно, нѣкоторые изъ депутатовъ были изъ немногихъ еще въ тѣ годы русскихъ, усвоившихъ до извѣстной степени плоды западно-европейскаго просвѣщенія, и находились подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда на Западѣ философскихъ идей; несомнѣннѣе еще то, что сама великая государыня была пропитана этими идеями, а съ нею вмѣстѣ оказывали онѣ свое дѣйствіе и на государственныхъ людей, принимавшихъ участіе въ законодательствѣ и управленіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ учрежденіяхъ семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ прошлаго вѣка проглядываетъ сходство съ нѣкоторыми проектами, подававшимися въ комиссію. Не видимъ, однако, чтобы такіе проекты принимались цѣликомъ и съ сознаніемъ, что имѣютъ особую цѣну именно оттого, что были одобрены этой комиссіей; напротивъ, по выраженію самого Шапова, «приводились въ исполненіе пересмотрѣнные и измѣненные согласно видамъ петербургскаго правительства». Гораздо правильнѣе можно признать важность вліянія комиссіи на перемѣны, происшедшія во взглядахъ и направленіи внутренней политики Екатерины. До тѣхъ поръ мы видимъ, что императрица была податлива къ французскому ученію о равноправности и свободѣ и ненавидѣла крѣпостное право. Не такова была она впоследствии. Никто изъ русскихъ государей не возвысился до такой степени дворянства въ смыслѣ привилегированнаго сословія, никто не упрочилъ такъ власти дворянъ надъ ихъ рабами. Многія обстоятельства произвели такую перемѣну и поддерживали новое направленіе государыни, а въ числѣ ихъ была, безспорно, комиссія. Государыня приказала собрать со всей Земли депутатовъ и дозволила

¹⁾ Земск. соборъ 1648—1649 годовъ и собраніе депутатовъ 1767 г.

нигъ высказываться въ извѣстной степени свободно для того, чтобы этимъ способомъ имѣть возможность познакомиться съ умоначертаніемъ народнымъ, чтобы узнать, чего желаетъ себѣ Россія? И что же узнала она? Что Россія болѣе всего желаетъ рабства, что Россія держится раздѣленіемъ своихъ жителей на гнетущихъ или желающихъ гнестъ другихъ и на безгласныхъ, гнетомыхъ. Послѣ такого дознанія, какое же примѣненіе французскихъ либеральныхъ идей къ русской жизни могла сдѣлать великая государыня? И ея здравый природный умъ, и ея начитанность и, наконецъ, болѣе всего опытъ показали ей, что въ ея положеніи для охраненія самодержавія верховной власти и всего соединеннаго съ нимъ порядка и спокойствія въ государствѣ необходимо не только не разрушать правъ высшаго класса надъ крѣпостными крестьянами, но расширять ихъ и поддерживать, чтобы тѣмъ привязать къ самодержавной власти дворянъ, мелкихъ властелиновъ. И великая государыня не ошлблась. Въ Малороссіи и въ Слободской Украинѣ поселене еще не были прикрѣплены къ землѣ за своими помѣщичками. Екатерина сравняла эти края съ остальной Россією, а черезъ то, безспорно, выиграла много. Гетманщина не могла бы такъ скоро и легко примириться съ уничтоженіемъ своего давняго порядка, если бы тамошніе сильные и вліятельные люди не увидали собственной выгоды въ такомъ уничтоженіи. И кто же первый указалъ эту истину либеральствовавшей еще государынѣ, какъ не депутаты этой комиссіи, показывавшіе, что людямъ, ее составляющимъ, болѣе всего желательно быть рабовладѣльцами? Да, если что важнаго учинило въ нашей исторіи это послѣднее собраніе земскихъ людей, то именно, что оно освятило и узаконило рабовладѣніе въ Россіи почти на цѣлое столѣтіе.

Наши земскіе соборы нельзя ни въ какомъ отношеніи разсматривать какъ что-то похожее на западно-европейскіе парламенты и національныя собранія народныхъ представителей. Это не были учрежденія, установленныя закономъ, съ своими пріемами въ составѣ, дѣлопроизводствѣ и съ опредѣленною сферою для дѣятельности. Они не опирались ни на какой государственный актъ, въ родѣ какой-нибудь великой хартіи, золотой буллы или чего-нибудь подобнаго. Не было опредѣленныхъ навсегда правилъ: по какимъ поводамъ созывать соборы, въ какіе сроки должны быть созываемы подобныя собранія; не было опредѣлено обязанностей ни предсѣдателя, ни секретаря этого собранія, и тому подобнаго. Все зависѣло отъ воли царя—прикажетъ выбрать изъ такихъ-то мѣстъ столько-то лицъ, изъ такого-то и такого чина, и выборнымъ ѣхать въ Москву... тамъ ихъ спрашиваютъ, о чемъ сами хотятъ спрашивать, не болѣе,—они отвѣчаютъ, толкуютъ, но толки ихъ и замѣчанія не имѣютъ сами по себѣ смысла верховнаго рѣшенія: ихъ слушаютъ, сколько хотятъ, и распускаютъ выборныхъ, когда захотятъ. Словомъ сказать, это былъ способъ узнать въ данное время народное умоначертаніе, какъ говорилось при Екатеринѣ, и, кажется, пришли къ мысли созывать въ столицу такія собранія главнымъ образомъ по причинѣ всеобщей малограмотности въ оное время. Если бы въ XVII вѣкѣ могли существовать, какъ въ нашъ вѣкъ, журналы и газеты, то не нужно было бы созывать земскихъ соборовъ: достаточно было бы дозволить объ извѣстныхъ вопросахъ излагать свободно разсужденія, и потомъ правящая власть могла бы сообразить различныя мнѣнія, уразумѣть, что думаетъ о такихъ-то данныхъ русское общество, а потомъ уже полагать отъ себя рѣшенія. Все равно, сужденія земскихъ соборовъ не имѣли обязательной для власти силы; напримѣръ, въ 1642 году зем-

скіе люди рѣшили, чтобъ вести войну съ турками, однако, войны не послѣдовало. Соборамъ, какъ можно видѣть, придавалась большая сила по вопросу объ избраніи царей, и это, очевидно, оттого, что избранный могъ забрать въ свои руки матеріальную силу, способную укрощать противниковъ. Но и въ такихъ случаяхъ мы видаемъ, что согласіе земскихъ выборныхъ не обезпечивало власти царя, если на противной царю сторонѣ оказывалась сила. Бориса избраніе не спасло отъ Самозванца, явившагося съ такимъ именемъ, которое въ глазахъ народа имѣло болѣе права, а Петръ хотъ и выбранъ былъ выборными людьми, но подъ напоромъ стрѣлцаго бунта принужденъ былъ раздѣлить престолъ съ братомъ. Внутреннія и внѣшнія обстоятельства подняли-было земскіе соборы при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, когда Земля, сплотивши безъ государя расшатанное государство и избравши себѣ царя, должна была вмѣстѣ съ нимъ приводить къ совершенію дѣло, ею начатое еще безъ государя. Тогда земскіе соборы стали собираться такъ часто, что, казалось, становились необходимыми органами государственнаго управленія. Но государство начало приходить въ прежній строй, и земскіе соборы собираются рѣже, а наконецъ, къ концу XVII вѣка, такъ сказать, испаряются. Мы не встрѣчаемъ и тѣни существованія въ нихъ чего-нибудь подобнаго тому, чтò называется на Западѣ оппозиціею власти. Выборные люди всегда почти, заявляя свое мнѣніе, когда у нихъ его спрашиваютъ, обыкновенно прибавляютъ, что во всемъ будетъ государская воля, какъ великому государю Богъ извѣститъ. Не видно также, чтобъ русскіе люди сколько-нибудь дорожили созываніемъ выборныхъ людей, какъ своимъ правомъ, а скорѣе смотрѣли на выборы и на поѣздку въ Москву, какъ на повинность, исполняемую по царской волѣ, чтò доказывается примѣрами. когда правительство, созывая выборныхъ, принуждено бывало писать повторительные указы объ ихъ прибытіи въ столицу, чтобъ не было остановки государевымъ и земскимъ дѣламъ. При такомъ взглядѣ и при такихъ отношеніяхъ къ дѣлу понятно, что эти соборы собирались только до тѣхъ поръ, пока верховной власти угодно было ихъ собирать, а когда государи перестали устраивать земскіе соборы, то никто не домогался, чтобъ они созывались, никто не заявлялъ потребности въ нихъ, и они забылись до такой степени, что въ настоящее время исторія ощущаетъ недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о земскихъ соборахъ едва ли не болѣе, чѣмъ о многихъ другихъ общественныхъ явленіяхъ старинной русской жизни.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

	СТРАН.
I. Жилія мѣстности	6
II. Города	8
III. Москва	16
IV. Посады	22
V. Слободы	26
VI. Села и деревни	27
VII. Дворы и дома	30
VIII. Домашняя мебель и утварь	42
IX. Одежда	52
X. Пища и питье	67
XI. Образъ домашней жизни	76
XII. Здоровье и болѣзни	81
XIII. Семейные нравы	84
XIV. Порядокъ домоуправленія	90
XV. Выѣздъ изъ дома и путешествіе	97
XVI. Приемъ гостей. Обращеніе	101
XVII. Миршества. Пьянство	105
XVIII. Увеселенія. Игры. Забавы	112
XIX. Праздники	121
XX. Домашніе обряды. Родины и крестины. Бракъ. Новоселье. Смерть. Погребеніе	125
XXI. Вѣрованія	146
<hr/>	
Старинные земскіе соборы	177

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ двадцатый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

ОЧЕРКЪ ТОРГОВЛИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Совокупность мѣстныхъ особенностей и вѣковыя обстоятельства исторіи наложили своеобразное очертаніе на всѣ проявленія жизни народа, населявшаго Россію. Плоскость пространства, суровый климатъ, отдаленность отъ театра умственной и гражданской дѣятельности цивилизованнаго человѣчества, близость къ кочующимъ племенамъ, отъ которыхъ Россія должна была защищать первые зачатки своей образованности, слишкомъ слабые не только для того, чтобъ обновить жизнь другихъ, но и для того, чтобъ развиваться своенародно при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, долговременное иго татарское, изъ-подъ котораго Россія освобождалась медленно, не путемъ открытаго сопротивленія и борьбы, но пользуясь игрою случая и выборомъ обстоятельствъ,—все это вмѣстѣ приготовило для Россіи тотъ образъ, въ которомъ быть ей явился въ XVI вѣкѣ, когда она, освободившись отъ чуждаго завоеванія, установилась на основаніи государственнаго единства и начала новый періодъ своей исторіи, опредѣляемый названіемъ московскаго. Эти условія жизни отразились, между прочимъ, и на русской торговлѣ. Количественное богатство матеріаловъ страны, болѣе дѣвственной и обширной, чѣмъ плодородной; скудость руководѣльныхъ произведеній; трудъ производителя, тяжелый, вынуждаемый чаще всего вѣдѣнными побужденіями необходимости и неизбежности, иногда тою отвагою, которая рождается вслѣдствіе терпѣнія, рѣдко изобрѣтательностью и сознательною надеждою на успѣхъ; неудобства путей сообщенія, подвергавшія торговцевъ невыразимымъ лишеніямъ и опасностямъ; незнаніе техники чужеземныхъ произведеній; невѣдѣніе способовъ ихъ пріобрѣтенія и сбыта своимъ собственнымъ; недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности, а вслѣдствіе того стремленіе обманомъ предупредить обманъ; задержки и препятствія, которыя на каждомъ шагѣ полагались торговой дѣятельности,—вотъ черты, отличавшія русскую торговлю и составлявшія ея исключительный характеръ.

Паденіе Новгорода, убивъ древній порядокъ раздѣльности и вѣчевого порядка удѣльнаго періода, не осталось безъ важныхъ измѣненій въ торговлѣ. Іоаннъ III, переселивъ во внутренность Московіи знатнѣйшія новгородскія фамиліи, разрушилъ вѣковую корпорацію новгородскихъ гостей, которые до того времени составляли какъ бы компанію, державшую въ своихъ рукахъ всю торговую дѣятельность древняго русскаго міра и исключительно управлявшую тор-

говлею съ Западомъ. Но собственно Новгородъ, въ смыслѣ его мѣстности, еще долго не терялъ прежняго значенія; подъ властью Москвы онъ, по крайней мѣрѣ, до открытія бѣломорскаго пути, не перестаетъ быть важнѣйшимъ пунктомъ торговыхъ сношеній Россіи съ Европою. Въ Новгородѣ былъ главный обмѣлъ русскихъ сырыхъ произведеній на иноземныя рукодѣльныя. Съ разныхъ сторонъ Россіи стекались туда купцы, москвичи, тверитяне, смоляне, съ медомъ, воскомъ, мѣхами, солью, рыбою, лѣсомъ, пенькою, льномъ, угольями ¹⁾. и возвращались съ сукнами, матеріями, драгоценными металлами ²⁾. Покупаемые или вымѣняемые русскіе товары отправлялись изъ Новгорода двумя путями: въ Иванъ-городъ и въ Псковъ, а изъ Пскова въ Ригу и Литву ³⁾. Изъ иностранныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ въ началѣ XVI вѣка, первое мѣсто занимали фламандцы, за ними литвины. Такое стеченіе купцовъ давало ему значеніе перваго торжища во всей Россіи ⁴⁾.

Изъ городовъ, сосѣднихъ съ Новгородомъ, занимало важное мѣсто Бѣлоозеро, перевалочный торговый пунктъ между Новгородомъ и сѣверо-востокомъ Россіи; тамъ былъ постоянный торгъ или ярмарка, куда съѣзжались купцы тверскіе, новгородскіе и другихъ городовъ, а равно и изъ монастырей, занимавшихся тогда большою торговлею. Сами бѣлоозерскіе торговцы производили значительныя закупы разныхъ оптовыхъ товаровъ, напримѣръ, соли съ Сѣвернаго моря, и перепродавали кушачъ другихъ городовъ. Въ XVI вѣкѣ не только самый городъ, но и прилежащія къ нему населенія начали принимать торговый характеръ; но московское правительство, наблюдая свои выгоды и опасаясь, что при расширеніи торговыхъ пунктовъ трудно будетъ слѣдить за собираніемъ пошлинъ, въ 1497 году уничтожило торги въ селахъ, исключая одного города и волости Углы ⁵⁾. Судьба Пскова была подобна судьбѣ Новгорода. Паденіе вѣча въ 1510 году сопровождалось такими же переселеніями псковскихъ купеческихъ фамилій во внутренность Московскаго Государства и замѣщеніемъ ихъ москвитянами. И здѣсь угасла вѣковая торговая корпорація мѣстныхъ старожилловъ, а новыя общественныя условія не дозволяли новому купечеству современемъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ было врежнее. Василій Іоанновичъ уничтожилъ вмѣстѣ съ гражданскою свободою Пскова и торговую вольность его, ввелъ тамъ и пошлины, лежавшія на торговлѣ въ Московскомъ государствѣ, которыхъ никогда не знали во Псковѣ ⁶⁾. Такимъ образомъ, выгоды, которыя извлекали псковскіе купцы, бывшіе, по положенію своего отечества, факторами между Европою и Россією, не оставались уже для нихъ исключительнымъ достояніемъ, а переходили въ руки правительства. Но Псковъ не пересталъ быть городомъ, важнымъ для торговли. Онъ стоялъ на распутіи торговаго обмѣна. Мы выше замѣтили, что часть товаровъ, выходящихъ изъ Новгорода, проходила въ Псковъ. Самый Псковъ имѣлъ три пути сбыта и привоза: первый до Иванъ-города, вѣроятно, водяной, второй къ Ригѣ,

¹⁾ Акты Археографической Экспедиціи, изд. 1836 г., I, 323, 324.

²⁾ Ibid., I, 398—400.

³⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, II, 89—91.

⁴⁾ *Anglorum Navigatio ad Moscovitas*, 10. (Edit. Starczewski).

⁵⁾ А. А. Э., I, 100—101.

⁶⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. IV, изд. Археогр. Ком., 1848 г. Псков. лѣт., I, 262.

третій въ Литву ¹⁾). Главные иностранные купцы, торговавшіе во Псковѣ, были ливонцы, скупавшіе въ этомъ городѣ огромное количество воску и меду. Эти два матеріала изъ всей обширной Россіи приходили преимущественно во Псковъ и оттуда шли въ Ригу, которая снабжала ими всю Европу ²⁾).

Въ Москву въ XV вѣкѣ стекалось множество европейскиѣ купцовъ изъ Польши и Германіи ³⁾ для покупки мѣховъ, которые въ московской торговлѣ занимали первое мѣсто между вывозными товарами ⁴⁾. Торговля эта происходила въ гостинномъ дворѣ; онъ въ началѣ XVI вѣка помѣщался въ обширномъ каменномъ зданіи, котораго лавки поражали глаза разнообразіемъ привозимыхъ товаровъ. Самое торговое время въ Москвѣ была зима, по причинѣ болѣе удобнаго сообщенія, въ особенности для пріѣзжавшихъ изъ Литвы чрезъ Смоленскъ, потому что лѣтная дорога этого пути находилась постоянно въ самомъ дурномъ положеніи. Лѣтнимъ путемъ служила Москва-рѣка, судоходная вереть за сорокъ выше Можайска; по ней проходили въ Москву суда съ товарами и пригоняли лѣсь, но вообще этотъ путь не былъ вполне удобенъ по причинѣ извилистаго русла рѣки, и зимній путь считался лучшимъ. Въ XVI вѣкѣ не всѣ иностранцы имѣли право торговать въ Москвѣ; туда пріѣзжали преимущественно поляки; нѣмцы, шведы и ливонцы ѣздили въ Новгородъ ⁵⁾. Каждый торговецъ, привозившій въ Москву свои товары, долженъ былъ показать ихъ таможеннымъ чиновникамъ, которые составляли имъ подробную опись и оцѣнку и представляли на благоусмотрѣніе государя; если великій князь пожелаетъ купить въ свою казну что-нибудь изъ привезенныхъ товаровъ, то купецъ не имѣлъ права торговать, пока не окончится выборъ для великокняжеской казны. Такія задержки и стѣсненія, вѣроятно, были причиною того, что вообще иноземные купцы охотнѣе ѣздили въ Новгородъ, гдѣ это правило не наблюдалось въ такой строгости, и если существовало, то ограничивалось нѣкоторыми статьями, а потому-то англичане, пріѣзжавшіе въ Россію, нашли Новгородъ въ торговомъ отношеніи значительнѣе царской столицы ⁶⁾).

На сѣверо-востокъ отъ Москвы въ первой половинѣ XVI вѣка имѣлъ торговое значеніе Дмитровъ ⁷⁾, потому что изъ него открывался важный путь въ Волгу: суда шли по Яхрому въ Сестрью, изъ Сестри въ Дубну, а Дубною входили въ Волгу. Такимъ образомъ, товары, привозимые изъ восточныхъ странъ, могли доходить водою въ Дмитровъ, а оттуда сухопутнымъ перевозились въ Москву. Дмитровъ, между прочимъ, былъ средоточіемъ рыбной торговли, имѣвшей въ тотъ вѣкъ важное значеніе внутри края; по вышеупомянутому пути доставлялась рыба изъ Шексны ⁸⁾. Въ окрестныхъ селахъ Кимрѣ и Рогачевѣ образова-

¹⁾ Herberstein. *Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI.* (Изд. Старчевскаго), I, 51—52.

²⁾ Кампензе (Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Калистр. и Семенова), 31.

³⁾ Контарини (Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Калистратова и Семенова), 111.

⁴⁾ Herberst., 40.

⁵⁾ Ibid., 41.

⁶⁾ Angl. Navigat., 10.

⁷⁾ Herberst., 52.

⁸⁾ А. А. Э., I, 309.

лись также торговые пункты для хлѣба, соли и скота ¹⁾. Далѣе, на устьѣ Шексны образовался рыбный рынокъ; множество купцовъ съѣзжались туда изъ разныхъ краевъ Россіи для скупа шексенской рыбы, которая славилась повсюду; между прочимъ, монастыри посылали туда своихъ людей и крестьянъ для покупки значительныхъ партій рыбы.

На устьѣ Мологи существовала первая въ то время въ Россіи ярмарка. Она была близъ прежняго Холопьяго-городка, построеннаго, какъ говорило преданіе, новгородскими рабами, которые въ отсутствіе господъ воспользовались ихъ супружескими правами, а по возвращеніи господъ обѣжали на устьѣ Мологи и тамъ построили укрѣпленіе и защищались въ немъ отчаянно, но наконецъ были взяты силою ²⁾. Подъ именемъ Холопьяго-городка еще въ XVI вѣкѣ существовало поселеніе; въ разстояніи же нѣсколькихъ верстъ отъ него, при самомъ устьѣ Мологи, стояла на скалѣ церковь; въ виду ея простирался широкій лугъ, на которомъ собиралась знаменитая ярмарка. Преданія, сохранившіяся о ней въ концѣ XVII вѣка, когда она давно уже не существовала, уступивъ мѣсто другимъ торжищамъ, даютъ ей очень важное значеніе. Торгъ продолжался ежегодно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Широкое устье Мологи до того было заграждено судами, что люди безъ перевозовъ переходили по судамъ съ одного берега на другой. Купцы разныхъ странъ—нѣмцы, поляки, литовцы, греки, итальянцы и персіяне—раскладывали на обширномъ лугу свои товары, удивлявшіе красотой и узорочьямъ незнакомую съ фабричною и искусственною производительностью Россію. Семьдесятъ кабаковъ съ питьемъ разливали веселость въ толпѣ. Обороте на этой ярмаркѣ былъ такъ великъ, что сборщики пошлинъ пріобрѣтали въ казну великаго князя до 180 пудовъ серебра. *Бывшии тогда въ память свою намъ повѣдаши яже отъ отецъ своихъ слышаша*, говоритъ описывавшій невданную уже имъ ярмарку діаконъ Каменевичъ-Рвовскій, писавшій въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія ³⁾. Герберштейнъ, посѣщавшій Россію тогда, когда ярмарка Холопьяго-городка еще существовала, говоритъ, что туда стекались шведы, поляки, литовцы, но преимущественно татары и турки ⁴⁾. Торгъ этого торжища былъ преимущественно мѣновой, такъ что почти обходилось безъ серебра и золота. Пріѣзжіе купцы промѣнивали шитыя одежды, ткани, ножи, топоры и посуду на сырыя произведенія края, въ особенности на мѣха ⁵⁾. Это извѣстіе современника показываетъ, что сказаніе конца XVII вѣка преувеличено, но тѣмъ не менѣе послѣднее служитъ доказательствомъ, что ярмарка Холопьяго-городка дѣйствительно была очень важною въ свое время, когда оставила въ грядущихъ вѣкахъ такую память о своемъ существованіи.

Въ сѣверо-восточной Россіи Вологда и Устюгъ были города уже съ торговымъ значеніемъ. Край Вологодскій былъ богатъ льномъ и саломъ, и Вологда была сборнымъ пунктомъ этихъ произведеній, отправляя ихъ въ Новгородъ ⁶⁾. Въ Устюгѣ былъ мѣновой торгъ мѣхами, которые добывались на Двинѣ и на Вагѣ,

¹⁾ Ibid., 218.

²⁾ Herberst., 51.

³⁾ Карамзинъ. Истор. Гос. Росс., изд. 1817, IV. Пр. 323.

⁴⁾ Herberst., 40.

⁵⁾ Herberst., 53.

⁶⁾ Angl. Navig., 10.

а также привозимы были сосѣдними восточными инородцами: югрою, вогуличами, печерянами, перьяками и отчасти русскими промышленниками, которые сами ходили въ глубины сѣверо-восточныхъ лѣсовъ ¹⁾. Изъ Бѣлоозера приходили въ Устюгъ, черезъ Кубенское озеро, суда съ хлѣбомъ и разными произведеніями природы и рукодѣля для обитѣна съ инородцами на мѣхъ; между прочимъ, Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь ежегодно отправлялъ въ Устюгъ суда съ товарами, преимущественно съ кожей ²⁾. Торговое плаваніе отъ Устюга до Холмогоръ по Двинѣ существовало въ началѣ XV вѣка, и въ Холмогорахъ была ярмарка, на которой торговали мѣхами ³⁾. Смѣльчаки-промышленники спускались изъ Холмогоръ въ Сѣверное море, направляли путь вдоль праваго берега, входили въ Мезенскую губу, проплывали по Мезенѣ, потомъ по Цезѣ, а оттуда короткимъ волокомъ переходили въ рѣку Цыльму и входили въ широкую Печору, по которой достигали Пустозерска. Нѣкоторые ходили въ Усу, а оттуда волокомъ переправлялись въ Сыгву, спускались въ Обь и доходили даже до Иртыша ⁴⁾. Само собою разумѣется, что этотъ путь былъ продолжителенъ и исполненъ опасностей и большихъ затрудненій. Тамъ промышленники ловили пушныхъ звѣрей или вымѣнivalи мѣхъ у туземцевъ; другіе вымѣнivalи моржей для зубовъ, цѣнныхъ въ то время въ торговлѣ; иные привозили изъ отдаленныхъ краевъ рѣдкихъ птицъ—соколовъ и кречетовъ, составлявшихъ любимую забаву знатныхъ ⁵⁾. Въ землѣ самоѣдовъ, недалеко Мезеня, въ селеніи Лампожнѣ, была ярмарка, на которую съѣзжались изъ Холмогоръ разные купцы, для вымѣна шкуръ и мѣховъ отъ самоѣдовъ, какъ это свидѣтельствуеетъ грамота Іоанна IV, въ 1547 году, гдѣ сказано: «Самоѣды прѣѣзжаютъ въ Лампожны торговати съ русаки». Нѣкоторые изъ Устюга предпринимали промышленныя и торговыя путешествія въ Вятку и Пермь: путь ихъ лежалъ изъ Устюга по рѣкѣ Югу, а потомъ волокомъ они переходили въ Вятку; этотъ путь, однако, не считался безопаснымъ, потому что купцы претерпѣвали несчастія отъ разбоевъ воинственныхъ черемисъ ⁶⁾. Въ Вятскомъ краѣ привлекала промышленниковъ ловля бобровъ въ рѣчкахъ и бѣлокахъ въ дремучихъ лѣсахъ: этимъ промысломъ занимались татары и продавали свою добычу русскимъ купцамъ. Такимъ образомъ, ловля бобровъ происходила въ XVI вѣкѣ въ рѣкѣ Чепцѣ и въ озерѣ того же имени ⁷⁾. Кроме мѣховъ, русскіе торговцы покунали въ Вятскомъ краѣ лошадей, которыя тогда уже приобрѣли извѣстность ⁸⁾.

Какъ ни затруднительны, какъ ни опасны были путешествія въ глубинѣ суроваго, негостепріимнаго, дикаго сѣверо-востока, однако, польза, какую полу-

¹⁾ Павелъ Іовій (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова).

²⁾ Дополненія къ Актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею, 12 томовъ. 1846—1872, т. I, 236.

³⁾ *Angl. Navigat.*, 10.

⁴⁾ *Herberst.*, 55.

⁵⁾ Раф. Варберини (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова), 49.

⁶⁾ *Herberst.*, 57.

⁷⁾ *Акты Археогр. Эксп.*, I, 217.

⁸⁾ *Herberst.*, 56.

чали отъ нихъ торговцы, была столь велика, что заставляла ихъ отваживаться на все: въ XVI вѣкѣ въ короткое время торговцы могли составить огромный капиталъ отъ такихъ поѣздокъ, потому что они выѣздили дѣнные пушные мѣха на совершенную бездѣлицу; напримѣръ, за желѣзный топоръ перскій дикарь давалъ столько мѣховъ, сколько можно было, связавъ ихъ вмѣстѣ, продѣть въ отверстіе топора, куда вкладывается топорнице ¹⁾. Эта торговля знакомила сѣверо-восточныхъ дикарей съ первыми зачатками цивилизаціи, ибо русскіе привозили имъ хлѣбъ, одежды, посуду ²⁾. Тогда какъ одни промышленники, выплывая изъ Двины въ море, отправлялись на востокъ, другіе отправлялись по морю на западъ, въ землю лопарей, и выѣздили рыбу за первые предметы гражданственнаго быта ³⁾. По берегамъ Ледовитаго моря русскіе промышленники занимались ловлею бѣлыхъ медвѣдей, моржей, рыбы и вываркою соли. Каргопольцы, порожане, устьюшане, мекренжане ѣздили къ морю лѣтомъ на судахъ, зимою на саняхъ и привозили оттуда большой запасъ соли, которую складывали въ Турчасовѣ и Порогѣ, гдѣ наемные козаки набирали ее въ рожи. Они продавали ее, между прочимъ, бѣлоозерскимъ купцамъ ⁴⁾. Соль вываривалась въ большомъ количествѣ въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря и составляла важный доходъ его, приобретаемый торговлею ⁵⁾. И другіе монастыри имѣли тамъ соляныя варницы, напримѣръ, монастырь св. Николая у Неноксы.

Изъ городовъ волжскаго бассейна Ярославль, Нижній и Балахна въ первой половинѣ XVI вѣка были торговыми городами. Страна, прилегавшая Ярославлю, славилась своимъ хлѣбородіемъ, а потому городъ Ярославль былъ мѣстомъ хлѣбнаго закупа ⁶⁾. Въ Нижнемъ и Балахнѣ существовали торжища: это видно, между прочимъ, изъ привилегіи, данной Данилову монастырю въ Переяславлѣ, на безошлинную отправку разныхъ произведеній изъ монастырскихъ мѣстъ на продажу въ Нижній и Балахну ⁷⁾. Казань еще въ XV вѣкѣ ⁸⁾ передавала Россіи мѣха, получаемые изъ Джагатая, и, вѣроятно, черезъ Казань доставлялись въ Россію бухарскія шелковыя ткани ⁹⁾. Изъ мѣховъ, доставляемыхъ въ Россію Казанью, славилась преимущественно бѣлка, которыхъ ловили на Яикѣ, куда русскіе еще не успѣли проникнуть ¹⁰⁾. Что въ XV вѣкѣ русскіе купцы ѣздили также въ Казань, это видно изъ грамоты митрополита Іоны въ 1461 г. къ казанскому царю, въ которой онъ проситъ покровительства къ своимъ людямъ, отправленнымъ въ Казань съ *рухлядью*; митрополитъ напоминаетъ казанскому царю, что онъ всегда былъ благосклоненъ къ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Казань для торговли ¹¹⁾. Торговля съ татарами не всегда была без-

¹⁾ Пав. Іов., 41.

²⁾ Herberst., 78.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ А. А. Э., I, 200.

⁵⁾ Herberst., 52.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ А. А. Э., I, 212.

⁸⁾ Барберини, 96.

⁹⁾ Ibid., 57.

¹⁰⁾ Herberst., 41.

¹¹⁾ Акты Историческіе, I, 119.

опасна; такъ, въ 1528 году въ Казани перебили всѣхъ русскихъ купцовъ ¹⁾. Но русскіе вели постоянную съ ними торговлю: доставляли татарамъ европейскія шерстяныя матеріи, отъ нихъ получали лошадей, которыя были тогда въ большомъ уваженіи ²⁾. Татары обыкновенно вели съ русскими мѣновую торговлю, но иногда продавали свои товары на чистую монету ³⁾. По извѣстію Варбаро ⁴⁾, въ XV вѣкѣ русскіе посылали суда свои по Волгѣ въ Астрахань за солью. Въ концѣ XV вѣка между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествіе это было очень затруднительно, по недостатку пристанища, продовольствія и чистымъ разбоемъ на пути. Поэтому купцы старались везти свои товары тогда, когда астраханскій царь посылалъ московскому великому князю подарки, чтѣ случалось почти каждый годъ. Съ этимъ посольствомъ отправлялось до трехсотъ русскихъ и восточныхъ купцовъ съ товарами, а татары за караваномъ гнали стада лошадей, которыя служили имъ не только для продажи въ Россію, но и для пищи во время дороги, потому что они не брали съ собой хлѣба. Караванъ шелъ по правой сторонѣ Волги, но иногда сначала по лѣвой, для избѣжанія нападенія отъ татаръ Золотой Орды; самое опасное мѣсто было тамъ, гдѣ Волга въ своемъ теченіи сближается съ Дономъ. Потомъ караванъ переправлялся на правую сторону Волги на плотамъ и шелъ по стени до жилищъ предѣловъ Россіи. Путь его лежалъ черезъ Рязань и Коломну. Дорогъ совершенно не было. Негдѣ было укрыться отъ дождя и зноя. Путники ночевали подъ открытымъ небомъ, ограждаясь повозками въ видѣ укрѣпленія. Для предосторожности ставили трехъ часовыхъ: одного на правой, другого на лѣвой сторонѣ табора, третьяго позади. Каждую минуту можно было ожидать нападенія. Глава не встрѣчалъ въ этой безбрежной степи ничего, кромѣ верблюдовъ и растерянныхъ лошадей или татаръ въ повозкахъ. Такъ передаетъ намъ картину этого путешествія очевидецъ Контарини, который ѣхалъ въ Москву съ караваномъ съ 10 августа по 23 сентября ⁵⁾. Въ Астрахани въ XV—XVI вѣкахъ, до покоренія ея Юанномъ, была ярмарка, куда съѣзжались армянскіе и персидскіе купцы ⁶⁾. Астрахань была тогда важнѣйшимъ пунктомъ торговли Венеціи съ Востокомъ. Торговля эта шла черезъ Тану или Азовъ, отстоявшій на восемь дней пути отъ Астрахани. Но уже въ послѣдней половинѣ XV вѣка Контарини замѣтилъ, что Астрахань представляла новыя мазанки среди старухъ красивыхъ развалинъ ⁷⁾. Она не могла поправиться со времени разрушенія ея Тамерланомъ.

Другой путь Россіи на югъ былъ Дономъ до Азова и по Азовскому морю до Кафы ⁸⁾. Мѣстомъ отправки русскихъ произведеній, выходящихъ изъ Руси этимъ путемъ, и пунктомъ складки привозимыхъ былъ Данковъ, городъ обширный и замѣчательный. Плаваніе по Дону до Азова совершалось въ двадцать

¹⁾ Ист. Г. Росс., VII, 124.

²⁾ Пав. Іовій, 27.

³⁾ Контарини, 92.

⁴⁾ Барбаро (Библиотека иностр. писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова), 95.

⁵⁾ Контарини, 92—103.

⁶⁾ Пав. Іовій, 68.

⁷⁾ Контарини. Capit., VII, 170—174.

⁸⁾ Барбаро, 60.

дней ¹⁾. Въ 1499 году мы встрѣчаемъ еще другой пунктъ нагрузки на рѣкѣ Мечѣ, на урочищѣ, называемомъ Каменнымъ Конемъ ²⁾. Азовъ былъ наполненъ торговцами, и не только выгоды привлекали иноземцевъ въ тотъ городъ, но и свобода и веселость жизни ³⁾. Впрочемъ, донская торговля не могла достигнуть большого размѣра, потому что Донъ не во всякое время былъ судоходенъ, а только весною и въ дождливое осеннее время ⁴⁾. Третій путь Россіи на югъ былъ по Днѣпру. Вазья была главнымъ пунктомъ, гдѣ нагружались и разгружались суда съ товарами ⁵⁾. Водяной путь оканчивался Кіевомъ: отсюда товары шли до Кафы караваномъ по степи. Это путешествіе сопровождалось большими опасностями отъ татарскихъ набѣговъ, а потому торговля по днѣпровской системѣ не могла имѣть большаго успѣха ⁶⁾.

Таковы были главные пункты и главные исходы русской торговли до прібытія англичанъ. Пути сообщенія находились вообще въ самомъ невыгодномъ состояніи и ужасали иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Вся Московія (говорить Павелъ Ювій) была непроходима въ лѣтнее время по причинѣ грязи и дурныхъ дорогъ; весною таящіе снѣга превращали поля въ совершенныя болота и въ дождливое лѣто лужи стояли по дорогамъ до осени. Не говоря уже о такихъ путяхъ, какъ, напримѣръ, на сѣверо-востокъ или въ Астрахань, гдѣ путешественникъ каждый разъ отправлялся какъ бы для открытія новыхъ земель, самые обыкновенные торговыя пути были въ дурномъ состояніи. Дорога изъ Новгорода къ Ивань-городу—важнѣйшій путь сбыта русскихъ произведеній за границу—шла по узкимъ, невыносимымъ тропинкамъ, посреди лѣсовъ и степей; не было ни гостиницъ, ни дворовъ, гдѣ бы путешественникъ могъ отдохнуть; окрестности казались безлюдною пустынею; только кое-гдѣ мелькали деревушки ⁷⁾. Дорога отъ Новгорода въ Москву шла по дикой пустынѣ ⁸⁾. Путь отъ Вильны до Москвы чрезъ Смоленскъ былъ непроходимъ лѣтомъ и только одна дорога изъ Пскова въ Ригу была самая удобная и населенная ⁹⁾.

Изъ всѣхъ статей русской торговли мѣха занимали въ то время важнѣйшее мѣсто. Торговля съ Россією, несмотря на всѣ затрудненія, занимала умы въ Европѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Во-первыхъ, въ Европѣ была тогда чрезвычайная мода на мѣха ¹⁰⁾, а Россія могла доставлять этотъ товаръ; во-вторыхъ, при неточности тогдашнихъ географическихъ свѣдѣній торговли Европы вдумали проложить путь въ Индію чрезъ Россію и тѣмъ подорвать монополію Испаніи и Португаліи. Генуэзецъ Павелъ Ювій предполагалъ, что стоило только перевезти товары изъ Индіи волокомъ въ рѣку Оксъ (Аму-Дарью), которая, по его мнѣнію, впадала въ Каспійское море, и потомъ провозить ихъ Волгою, по Россіи,

¹⁾ Раф. Барбер., 13.

²⁾ Ист. Г. Р., VI, 268.

³⁾ Herberst., 46.

⁴⁾ Ibid., 45.

⁵⁾ Ibid., 41.

⁶⁾ Контар., 135.

⁷⁾ Раф. Барберини, 9.

⁸⁾ Пав. Юв., 70.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Chancellor, Hakluyt's, 280.

а потомъ до Бѣлаго моря, и оттуда въ Европу ¹⁾. Эта-то надежда, основанная на недостаточности географическихъ свѣдѣній, привела къ намъ предприимчивыхъ англичанъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Англіи образовалось общество подъ названіемъ Мистерія (The Mistery) Его основателемъ былъ знаменитый Себастьянъ Каботъ, открывшій Сѣверную Америку. Ближайшая цѣль этой компаніи была—открытие новаго пути въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны стараго полушарія; къ тому побуждало стремленіе Англіи подорвать монополію Португаліи и Испаніи во всемірной торговлѣ. Эта компанія въ 1552 году снарядила три корабля: «Бона-эсперанца» (120 тоннъ), «Бона-конфиденція» (90 тоннъ) и «Эдуардъ Бонавентура» (160 тоннъ). Главнымъ командиромъ экспедиціи былъ Гугъ Виллоуби, помощникомъ его Ричардъ Ченслеръ. Это была первая экспедиція англичанъ въ полярныя страны. 11 мая 1553 года три корабля снялись съ якорей у Гетфорда. Два изъ нихъ, «Эсперанца» и «Конфиденція», подъ начальствомъ Виллоуби, отделились отъ третьяго, осенью 1553 года попали въ сувой около Святого Носа и, загнанные непогодомъ въ Нокуевскую губу, были заперты льдомъ. Адмиралъ погибъ со всѣмъ экипажемъ отъ холода и голода. Весною на слѣдующій годъ русскіе рыболовы нашли тѣла несчастныхъ мореходцевъ съ ихъ кораблями.

Третій корабль экспедиціи, «Эдуардъ Бонавентура», присталъ 24 августа 1553 года къ устью Двины и высадился у посада, называемаго Ненокса. Оттуда командиръ корабля отправился въ Холмогоры, явился тамъ воеводѣ Фофану Макарову и земскому судѣ; они послали къ царю Ивану Васильевичу съ донесеніемъ о прибытіи странниковъ, а между тѣмъ перевели корабль въ безопасную Увскую губу. Не дожидаясь царскаго позволенія, которое должно было послѣдовать въ отвѣтъ на донесеніе холмогорскаго начальства, Ченслеръ самъ поѣхалъ на саняхъ въ Москву и получилъ желаемое царское дозволеніе на дорогѣ. Допущенный къ царской аудіенціи, Ченслеръ подалъ царю Ивану Васильевичу грамоту отъ имени Эдуарда VI, написанную ко всѣмъ вообще владыкамъ сѣверныхъ странъ, куда судьба бросила бы посланную экспедицію. Англійскій король просилъ благосклонно принять отправленныхъ мореходцевъ. Иоаннъ Васильевичъ обласкалъ странниковъ какъ нельзя лучше и отвѣчалъ Эдуарду VI дружескою грамотою, въ которой изъявлялъ позволеніе англійскимъ торговцамъ торговать въ Россіи свободно безъ всякихъ задержекъ. Ченслеръ уѣхалъ изъ Москвы въ мартѣ 1554 года и возвратился въ отечество прежнимъ путемъ. Тогда въ Лондонѣ образовалось другое общество или торговая компанія съ цѣлью торговли съ Россією и открытія неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ. Компанія эта перемѣнила свое названіе; такимъ образомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ она называлась

¹⁾ Пав. Іов., 59.

Компанією для торговли съ Россією, Персією и сѣверными странами, вообще же въ сокращенномъ образѣ выраженія она называлась *русскою компанією*. Патентъ королевы Маріи ¹⁾ утвердилъ ея организацію. Первенствующее лицо компаніи назывался губерноръ; Себастьянъ Каботъ былъ назначенъ въ эту должность на всю жизнь, а по смерти его члены компаніи должны были выбрать другого голосами. Сверхъ того, компанія ежегодно выбирала двадцать восемь правительственныхъ главныхъ членовъ; изъ нихъ четверо назывались консулами, а двадцать четыре ассистентами. Въ отсутствіе губернатора три консула съ двѣнадцатью ассистентами управляли компанією. Торговля и судебныя дѣла требовали рѣшенія пятнадцати голосовъ, включая въ это число голоса губернатора и двухъ консуловъ; если же губернатора не было налицо, то для составленія законнаго рѣшенія нужно было не двухъ, но трехъ консуловъ. Компанія имѣла право покупать и вообще приобрѣтать земли, не болѣе, однако, какъ на 60 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, издавать свои правила и учрежденія, если только они не были противны законамъ государства, наказывать членовъ компаніи, налагать на нихъ пени и для того имѣть въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить члены, полицейскихъ чиновниковъ, называемыхъ сержантами, плавать по морю, но подъ англійскимъ флагомъ, строить и снаряжать свои корабли, нанимать матросовъ, торговать во всѣхъ портахъ, дѣлать завоеванія и приобрѣтать страны и города въ новооткрытыхъ земляхъ, пользоваться ласковымъ приемомъ русскаго государя и противодействовать всякому совѣстничеству не только торгующихъ въ Россіи иностранцевъ, но и англійскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ компаніи.

Въ 1555 году Ричардъ Ченслеръ отправился самъ въ Москву въ качествѣ посла, былъ принятъ отлично и выхлопоталъ у Іоанна льготную грамоту для англійской компаніи ²⁾. Русскій царь давалъ ей право свободной и безмошплиной торговли оптомъ и въ розницу, дозволялъ заводить дворы въ Холмогоры и Вологдѣ, безъ платежа съ нихъ податей, подарилъ дворецъ въ Москвѣ у церкви св. Максима; дозволилъ имѣть собственный судъ и расправу, а если кто-нибудь войдетъ съ ними въ торговое состояніе, то судъ принадлежалъ царскому казначею; ни таможенники, ни воеводы и намѣстники не смѣли вмѣшиваться въ ихъ торговныя дѣла и задерживать ихъ; они могли держать у себя русскіхъ приказчиковъ, но не болѣе одного въ каждомъ дворѣ; царь обѣщалъ имъ справедливость, въ случаѣ какого-нибудь оскорбленія со стороны русскихъ.

Когда Ченслеръ отправился въ отечество, съ нимъ поѣхалъ посланникъ Іоанна Васильевича къ англійской королевѣ, Непеа. У береговъ Шотландіи корабль «Эдуардъ Бонавентура» потерпѣлъ крушеніе, Ченслеръ утонулъ, а Непеа благополучно избѣгнувъ опасности, прибылъ въ Лондонъ и пользовался тамъ чрезвычайною радушиемъ приема. Такъ основалось торговое сношеніе Англій съ Россією.

Съ тѣхъ поръ каждый годъ приходилъ въ Россію большой поѣздъ англійскихъ кораблей съ товарами. Они плавали вокругъ Норвегіи и Швеціи и доплывали къ устью Двины, стараясь всегда совершить это путешествіе въ благопріятное лѣтнее время до наступленія заморозовъ на Сѣверномъ морѣ. Компанія не

¹⁾ Nakl., 298—307.

²⁾ Nakl., 295—298. С.-Петербург. Вѣдомости 1857 г., № 46, стр. 224.

ограничивалась торговлею съ Россією, но хотѣла продолжать первоначальные свои планы открытія новыхъ путей на Востокъ. Лѣтомъ 1555 года Стефанъ Ворро, съ товарищами, изъ Колы совершилъ путешествіе до Оби, посѣтилъ Печору, Новую Землю и Вайгачъ ¹⁾. Познакомившись съ берегами Сибири и увидѣвши невозможность проникнуть этимъ путемъ туда, куда бы хотѣлось, англичане начали искать другого направленія. Въ 1557 году явился къ царю одинъ изъ членовъ компаніи, Антоній Дженкинсонъ, уже бывшій передъ тѣмъ въ Россіи. Онъ предложилъ царю открыть торговую дорогу Россіи съ Китаемъ чрезъ Бухарію. Это казалось тѣмъ возможно, что въ то время было слышно, что изъ Китая ходятъ въ Бухару караваны. Дженкинсонъ былъ человекъ бывалый, образованный; Востокъ уже былъ ему извѣстенъ, ибо онъ передъ тѣмъ жилъ въ азіатскихъ турецкихъ владѣніяхъ. Юанъ далъ ему дозволеніе на проѣздъ до Астрахани, велѣлъ всѣмъ воеводамъ на пути оказывать путешественнику всевозможнѣйшія пособія, снабдилъ Дженкинсона рекомендательными письмами къ каспійскимъ владѣтелямъ, подражая въ этомъ случаѣ англійскому правительству, такимъ же образомъ познакомившему его съ англичанами. Путешествіе это совершено по водѣ Московоу-рѣкою съ Коломны, оттуда Окою до Нижняго-Новгорода, а потомъ Волгою въ Астрахань. Дженкинсонъ оставилъ Москву 23 апрѣля 1558 года, а въ Астрахань прибылъ 14 іюля. Изъ Астрахани онъ поплылъ по Каспійскому морю, счастливо достигъ Бухары, но тутъ узналъ, что Китай еще слишкомъ далеко и что караваны, ходившіе между Китаемъ и Бухарою, уже перестали ходить. Онъ отказался отъ своихъ плановъ и воротился въ Москву, куда прибылъ въ сентябрѣ 1559 года ²⁾.

Въ 1561 году Дженкинсонъ снова прибылъ въ Москву и предложилъ новый проектъ: проектъ торговли съ Персією. Въ это время случился въ Москвѣ персидскій посланникъ. Дженкинсонъ, снова напутствуемый Иваномъ Васильевичемъ, отправился съ персидскимъ посланникомъ по Волгѣ, достигъ до Астрахани, и поѣхалъ оттуда въ Персію; но это путешествіе было столь же неудачно, какъ и бухарское. Персія была передъ тѣмъ въ войнѣ съ Турцією. На это рассчитывала компанія, думая, что неприязненныя отношенія къ этой державѣ поставятъ Персію въ необходимость получать европейскіе товары чрезъ Россію. Вышло на этотъ разъ не такъ, какъ хотѣли англичане и русскіе. Персія опять получала товары черезъ Турцію. Во всякомъ случаѣ, предприимчивость Дженкинсона не осталась безъ важныхъ результатовъ для Россіи впоследствии.

Въ 1567 году королева Елисавета утвердила торговлю англичанъ съ Россією новымъ патентомъ компаніи. Въ этомъ патентѣ она предоставила и другимъ подданнымъ своимъ, не принадлежащимъ компаніи, торговать въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ, кромя порта св. Николая. Въломорскій путь предоставлялся компаніи потому, что, какъ думали на Западѣ, былъ открытъ людьми, составлявшими компанію. Компанія должна была вести торговлю не иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, и непремѣнно держать на нихъ матросовъ англійскихъ, а не другихъ націй ³⁾. Иванъ Васильевичъ опредѣлилъ права компаніи другою льготною грамотою, выданною Дженкинсону и послѣ утвержденною при посольствѣ

¹⁾ Hakl., 318.

²⁾ Jenkinson, Hakluyt's, 362.

³⁾ Hakl., 415—418.

Рандольфа въ Россію ¹⁾). Компанія попрежнему могла торговать въ Россіи безпошлинно и свободно, но обязана была показывать привозимые товары въ царскую казну, для выборки изъ нихъ того, что понадобится—старое русское право, соблюдаемое еще въ XV вѣкѣ въ Москвѣ. Члены компаніи могли торговать черезъ Россію съ Востокомъ, но также съ соблюденіемъ подобнаго условія доставки привозимыхъ съ Востока товаровъ для выборки въ царскую казну; нигъ дозволено въ русскихъ городахъ заводить конторы и подворья, а въ Вологдѣ канатную фабрику ²⁾; въ Вологдѣ отведено мѣсто для вску желѣзной руды; судъ между купцами компаніи и русскими отданъ опричникамъ, а въ случаѣ вины английскихъ купцовъ и вообще лицъ, принадлежавшихъ къ вѣдомству компаніи, царь предоставлялъ себѣ право арестовать ихъ и налагать секвестръ на ихъ имущества, равно разбирать долговныя дѣла чрезъ своихъ совѣтниковъ. Не позволялось заимодавцу посадить должника англичанина въ тюрьму, но велѣно брать за него поручительство въ уплатѣ; дозволялось английскимъ купцамъ посылать свои комиссіи въ русскіе города для защиты отъ воровъ и разбойниковъ; купцы компаніи могли держать русскихъ работниковъ; допускалось кожденіе английской монеты въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ; дозволялось англичанамъ для своихъ торговыхъ поѣздокъ брать яскихъ лошадей, давъ только знать чиновникамъ, сколько они ихъ берутъ, чтобы не было убытка казнѣ. Царь предоставлялъ английской компаніи исключительно Холмогоры, рѣку Печору, рѣку Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкій островъ и всѣ гавани двинскія и на сѣверъ отъ Двины, такъ что никакой корабль, хотя бы и англійскій, не могъ приставать туда, если не принадлежалъ англійской компаніи. Наконецъ англичане не имѣли права, безъ особаго дозволенія королевы, приставать къ Нарвѣ и Ивань-городу, и никакой иностранецъ и не принадлежащій компаніи англичанинъ не имѣлъ права проходить черезъ Россію въ Персію, Вухарію, Индію и Китай; члены компаніи имѣли право сами ловить такихъ путешественниковъ и конфисковать ихъ имущества ³⁾). Пользуясь такими важными правами, компанія захватила важнѣйшія мѣста въ Россіи. Въ 1567 году въ Москвѣ у св. Максима была главная контора англичанъ; въ Холмогорахъ у нихъ открыта была прядильная фабрика, заведенная купцомъ Ричардомъ Греемъ; въ Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Казани, Астрахани, Костромѣ, Ивань-городѣ, Корелѣ были у нихъ подворья, гдѣ они продавали свои товары ⁴⁾). Торговля съ русскими была для нихъ такъ же выгодна, какъ торговля русскихъ съ сѣверовосточными инородцами; ваприлѣрь въ 1557—1562 годахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанію, стоявшее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано ⁵⁾). Захвативъ въ свои руки торговые пути, произвольно возвышая цѣны на свои произведенія, понижая на русскія, англичане оказывали презрительное обхожденіе русскому народу и черезъ то возбуждали противъ себя неудовольствіе; нерѣдко самъ царь, ихъ покровитель, раз-

¹⁾ Hакл., 425—429.

²⁾ *Historica Russiae Monumenta, etc.* (А. И. Тургенева, изд. Археографической Коммиссіи, 1841—1842. Спб. Два тома), II, 367.

³⁾ Hакл., 418.

⁴⁾ Hакл., 426.

⁵⁾ Журналъ Минист. Народн. Просв. 1856. Часть 89, Отд. V, 96.

дѣлалъ его. Уже въ 1569 году онъ жаловался на англичанъ послу Рандольфу ¹⁾. То же было въ 1572 году. Царь разгнѣвался на членовъ компаніи и по этому поводу пріѣзжалъ въ Москву старый знакомецъ Дженкинсонъ ²⁾. Многие казенныя Іоанномъ въ припадкѣ его страсти къ мучительству остались должными компаніи, и англичане не знали, съ кого получать долги свои; сверхъ того, за многие товары не были выплачены деньги изъ казны. Іоаннъ хотя удовлетворилъ требованія компаніи, но ограничилъ торговлю ея Москвою и городами собственно московскими, а въ Казань и Астрахань англичане могли ходить только съ царскаго дозволенія и должны были платить половину положенной таможенной пошлины ³⁾. Послѣ несчастной ливонской войны, когда Іоаннъ уступилъ Швеціи Нарву и другимъ европейцамъ дозволено было торговать въ Сѣверномъ морѣ, англичане, постоянно стремясь къ тому, чтобъ вытѣснить совѣстниковъ и распорядиться самовольно торговымъ бытомъ Россіи, сильно негодовали на это; съ своей стороны, русскіе обвиняли ихъ въ плутовствѣ, жаловались, что они продаютъ гнилыя сукна и матеріи, сносятся съ царскими непріятелями и называютъ русскихъ глупцами и невѣждами. Посланникъ англійскій, Томасъ Боусъ, несмотря на то, что въ началѣ былъ принятъ дурно, началъ было преклонять царя снова на сторону англичанъ, но Іоаннъ умеръ внезапно. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ англичанъ и благопріятель нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ сказалъ тогда англійскому послу: англійскій царь умеръ ⁴⁾.

Англичане домогались вытѣснить окончательно изъ Россіи голландцевъ, фламандцевъ и нѣмецкихъ купцовъ, желали торговли исключительно для себя. Но противники ихъ также дѣйствовали и, какъ увѣряли англичане, склоняли дьяковъ въ свою пользу подарками. Царь Феодоръ отпустилъ Боуса ласково, а вслѣдъ затѣмъ послалъ въ Лондонъ гонца Бекмана, предлагая возвратить всѣ прежнія привилегіи англичанамъ, если королева Елисавета дозволитъ также свободную торговлю въ Англіи русскимъ. Елисавета замѣтила, что это несомнѣнно съ выгодами Англіи, но не отвергала совершенно предложенія и домогалась прежде всего исключительно торговли въ Россіи для компаніи, закрытія входа въ Россію всѣмъ иностранцамъ купцамъ и даже англичанамъ, не принадлежавшимъ къ компаніи ⁵⁾. Съ отвѣтомъ на такое предложеніе царь отправилъ въ Лондонъ англійскаго гостя, жившаго въ Россіи, Іеронима Горсея. Въ письмѣ царя было сказано, что нельзя выгнать изъ Россіи купцовъ различныхъ государствъ, недавно здѣсь торговавшихъ, единственно изъ угожденія нѣсколькимъ англичанамъ, съ которыми королева не хочетъ равнять своихъ подданныхъ. Елисавета, узнавъ, что русскій государь находится въ рукахъ своего любимца Бориса Годунова, обратилась къ нему; любимецъ заранѣе думалъ воздвигнуть себѣ тронъ, а потому и считалъ нужнымъ расположить въ свою пользу Англію, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ отдать русскую торговлю и весь зависящій отъ нея бытъ русскаго общества въ руки англичанъ. Въ 1587 году дана англичанамъ новая привилегія, которою царь позволялъ англійской компаніи торго-

¹⁾ Накл., 225—329.

²⁾ Накл., 452.

³⁾ И. Г. Р. IX. Прим. 382.

⁴⁾ Накл., 521.

⁵⁾ Ист. Г. Росс., X, 29.

вать свободно и беспошлинно, но не иначе, какъ оптовою торговлею, а отнюдь не въ развѣсъ и не въ аршинъ, а винами не въ разливку; повелѣвалъ не брать въ кабалу русскихъ людей, не позволять подъ своимъ именемъ торговать русскимъ; членамъ компаніи позволялось ходить черезъ Россію въ прочія земли только съ тѣмъ, чтобы брать товары отъ казны и промѣнивать и продавать ихъ для казны. Такимъ образомъ, русское правительство, повидимому, исполняла требованіе англичанъ, тѣмъ не менѣ хотѣло обратить данныя льготы въ свою пользу. Эта жалованная грамота обезпечивала имущество разбитыхъ бурей кораблей. Право держать подворья для компаніи предоставлено въ городахъ: Москвѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Вологдѣ и у морского пристанища у Пудожемскаго устья, о дворахъ другихъ городовъ не упоминается; нѣтъ въ числѣ такихъ городовъ даже Новгорода и Пскова ¹⁾.

Англія не была довольна этими правами, потому что хотѣла полного преобладанія. Какъ видно, англійское правительство, требуя для компаніи исключительныхъ правъ, таяло за этимъ другіе болѣе обширные виды политическаго преобладанія въ Россіи. Съ этой цѣлью Елисавета и не хотѣла допускать въ Россіи торговли другихъ англичанъ, непринявшихъ компаніи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы позволить англичанамъ вообще торговать въ Россіи, то естественно цѣны на продукты, ихъ количество, сбытъ, — все это подвергалось бы вліянію обстоятельствъ, во компанія, состоящая изъ тѣснаго кружка купцовъ, имѣющая исключительное право торговли во всей странѣ, могла управлять всѣми торговыми дѣлами этой страны произвольно и назначать какія ей угодно цѣны; владея капиталами, могла увеличивать и уменьшать количество вывозныхъ и ввозныхъ статей, давать направленіе торговымъ путямъ, — однимъ словомъ, обращать всю торговлю чужой страны въ исключительную пользу своей націи. Компанія не связана была прямо съ остальными англійскими народами; компанія знала одно правительство, отъ правительства зависѣло ея существованіе, ея права, слѣдовательно, обязанная исключительно правительству, она должна была сдѣлаться его органомъ и орудіемъ. Утверждать въ Россіи монополію компаніи, значило подчинить Россію англійскому правительству. Русскіе купцы видѣли, что англичане подчиняютъ ихъ себѣ и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, и роптали; иностранные торговцы были также ожесточены противъ англичанъ, нехотѣвшихъ давать ходу другимъ народамъ.

Вскорѣ снова возникли недоумѣнія между русскимъ правительствомъ и компаніею.

Англійскіе гости въ XVI вѣкѣ составляли одно цѣлое тѣло. Каждый членъ компаніи производилъ торговыя операціи и займы на имя всей корпораціи. Это повлекло къ недоразумѣніямъ. Одинъ изъ членовъ компаніи, Антонъ Мершъ, задолжалъ болѣе 23.000 рублей. Гости отказывались платить за него на томъ основаніи, что онъ занималъ на свое имя, а не на имя цѣлаго общества, и притомъ указывали на то, что царскіе приказные люди выдали ему особую льготную грамоту на торговлю, безъ вѣдома и спроса гостей, что нѣкоторые русскіе купцы, стаскнувшись съ Мершемъ, торговали съ нимъ тайно отъ прочихъ гостей, дали ему на себя кабалы съ умысломъ, что Мершъ никогда не за-

¹⁾ Ibid. Прим. 53.

платить, а будут платить за него прочіе гости ¹⁾. Русскіе же представляли, что все, взятое Антономъ Мершемъ, должно быть выплачено всѣми членами компаніи, къ которой принадлежалъ англійскій банкротъ. Это послужило поводомъ къ пріѣзду посла, доктора Флетчера, въ 1588 году. Споръ былъ продолжителенъ съ обѣихъ сторонъ. Англичане жаловались, что русскіе покупали у нихъ товаръ въ долгъ и, не заплатя денегъ, отдавали товаръ назадъ; другіе же, надѣлавши долговъ, не платили ихъ ²⁾, а приказные люди не давали англичанамъ управы и даже подстрекали русскіхъ не платить долговъ своимъ ³⁾. Англичане жаловались и на самое русское правительство за то, что ограбили Джона Копеля, одного изъ членовъ англійской компаніи. Русскіе бояре возражали, что Джонъ Копель не былъ англичаниномъ, а родомъ изъ Любека, жилъ въ Россіи, ложно именуя себя англійскимъ гостемъ, и оказался виновнымъ въ сношеніяхъ съ шведскимъ и датскимъ правительствами, жаловались, что англичане нанимають русскіхъ работниковъ и употребляютъ ихъ на противозаконныя дѣла; такъ одинъ ярославецъ Вахрумъ, живучи у англійскаго гостя, былъ у него лазутчикомъ и тайно перевозилъ за границу черезъ литовскія земли англичанъ ⁴⁾; указывали на то, что англичане, желая отстранить совмѣстничество другихъ націй, покушаются на мѣры насильственныя: перехвачено было письмо Горсея, котораго такъ еще недавно правительство облекало своимъ довѣріемъ, къ другому англичанину Тромболу; въ этомъ письмѣ налагается намѣреніе задержать корабль кунца Бѣлборода, которому правительство дѣлало препорученія, приказывая ихъ держать втайнѣ отъ англичанъ ⁵⁾: на этотъ разъ ѣхали на кораблѣ Бѣлборода гамбургскіе кунцы, враги англичанъ. Правительство нашло такой замыселъ въ высшей степени преступнымъ. Флетчеръ оправдывалъ своихъ единосемцевъ, доказывалъ, что торговля съ Англійей приноситъ Россіи выгоды, что привилегіи англичанамъ слѣдуетъ восстановить ради того, чтобъ не прекратилась дружба между англійскою королевою и русскимъ царемъ ⁶⁾. Главное требованіе его—не допускать другихъ иноземцевъ въ Бѣлое море и въ Новгородъ безъ воли королевы, кромѣ членовъ компаніи,—требованіе, справедливость котораго англичане доказывали тѣмъ, что тѣ, которые нашли новый торговый путь, должны пользоваться имъ исключительно,—это требованіе было отвергнуто. Бояре, бывшіе на переговорахъ съ англійскимъ посольствомъ, доказывали, что несправедливо закрывать для всѣхъ море изъ угожденія какимъ-нибудь десяти человекамъ ⁷⁾. Равномѣрно отвергнуто было домогательство способствовать англичанамъ въ отысканіи новыхъ земель и китайскаго пути, но позволено ѣздить свободно изъ Москвы въ Персію, Бухарію и Шемахию, не платя пошлинъ съ товаровъ. Этого права не имѣли другіе иностранцы въ Россіи и царь давалъ

¹⁾ Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей (25 томовъ, изд. 1849—1857 г.), т. VIII, Статейный списокъ Флетчера, стр. 9.

²⁾ Ibid., 27.

³⁾ Врем., VIII, Ст. сп. Флетч., 41.

⁴⁾ Ibid., 30.

⁵⁾ Памятники Дипломатическихъ Сношеній Древней Россіи съ державами иностранныхъ (С. П. Б. изд. 1851). Часть I, 1214.

⁶⁾ Врем., VIII. Ст. сп. Флетч., 48.

⁷⁾ Ibid., 46.

его англичанамъ изъ особенной любви къ королеви¹⁾. Также только подъ предлогомъ особаго расположенія къ английской королеви царь дозволялъ англичанамъ имѣть свои дворы въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, тогда какъ торговцы другихъ націй, напримѣръ, подданные султана, королей польскаго и французскаго должны были ставить свои товары на общихъ гостинныхъ дворахъ²⁾. Русское правительство обѣщало справедливую управу для англичанъ, въ чемъ только они себя найдутъ обиженными, и принять иѣры, чтобы царскіе чиновники не дѣлали английскимъ купцамъ никакихъ стѣсненій³⁾. Впрочемъ, правительство не согласилось на домогательство англичанъ имѣть право всякаго должника изъ русскихъ, задолжавшаго английскимъ гостямъ, преслѣдовать посредствомъ своего гостиннаго приказчика и отбирать у него имущество безъ суда, а предоставило англичанамъ взыскивать съ должника обыкновеннымъ порядкомъ, по суду и управѣ, чрезъ приказныхъ людей⁴⁾. Дѣло Мерша трудно было рѣшить; оно окончено тѣмъ, что русскій царь согласился, чтобъ англичане заплатили половинну требуемой суммы: двѣнадцать тысячъ рублей⁵⁾. Чтобы на будущее время избѣгнуть недоразумѣній относительно того, кого слѣдуетъ считать гостемъ и кого не слѣдуетъ, Флетчеръ далъ предложеніе, чтобы всѣ английскіе гости, торговавшіе въ Россіи, должны были состоять подъ вѣдѣніемъ гостиннаго приказчика, который имѣлъ у себя списокъ гостей и вообще всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣдомству компаніи; другой экземпляръ того же списка долженъ находиться въ Посольскомъ приказѣ. Приказчикъ могъ вычеркнуть имена тѣхъ, которые у него записаны въ списокѣ, и тотчасъ же эти имена были вычеркиваемы изъ экземпляра, хранившагося въ Посольскомъ приказѣ. Такимъ образомъ, компанія отвѣчала только за дѣла тѣхъ, которыхъ имена находились въ обоихъ экземплярахъ гостиннаго списка и помѣщались въ жалованной грамотѣ⁶⁾. Въ эту категорію входили не только гости, но и всѣ, которые у нихъ жили и служили. За нихъ поступки, исключая уголовныхъ, отвѣчала вся компанія, и всякій заемъ, сдѣланный кѣмъ бы то ни было, лежалъ равно на всѣхъ членахъ. Флетчеръ напрасно хотѣлъ отиѣнить правило въ отношеніи служившихъ у членовъ компаніи людей: русскіе не согласились и имена всѣхъ людей компаніи должны были быть вписанными въ списокъ вмѣстѣ съ гостями. Англичане домогались, чтобы судъ надъ членами компаніи былъ отданъ правителю государства, Борису Годунову; но имъ отвѣчали, что Годуновъ озабоченъ государственными дѣлами, судъ будетъ отданъ его приказнымъ людямъ, впрочемъ, вершить дѣла окончательно будетъ самъ Борисъ⁷⁾. До сихъ поръ англичане имѣли право держать русскихъ приказчиковъ и скушничковъ, но теперь оно было у нихъ отнято подъ предлогомъ противозаконныхъ поступковъ жившаго у нихъ ярославца Вахруша⁸⁾. Въ самомъ же дѣлѣ правительство хотѣло этихъ за-

¹⁾ Ист. Г. Росс., X, 204.

²⁾ Ст. сп. Флетч., 17.

³⁾ Hist. Russ. Monum., II, 406.

⁴⁾ Ст. сп. Флетч., 31.

⁵⁾ Ист. Г. Росс., X. Приж. 337.

⁶⁾ Ст. сп. Флетч., 23.

⁷⁾ Ст. сп. Флетч., 27.

⁸⁾ Ibid., 30.

прецедентом остановить исключительное господство англичанъ въ торговлѣ, подрывавшее русскіихъ купцовъ и самыя доходы правительства. Такъ же точно правительство не согласилось на просьбы англичанъ давать имъ ямскія подводы для торговыхъ поѣздокъ, объясняя, что ямы учреждены для государственныхъ, а не для торговыхъ дѣлъ; удобство поѣздокъ предоставлено было добровольному уговору съ извозчиками. Правительство разрѣшило англичанамъ покупать всѣ русскіе товары невозбранно, но опредѣляло, что воскъ не иначе можетъ идти за границу, какъ въ промѣнѣ на сѣру, порохъ и селитру ¹⁾).

Изъ донесенія Іеронима Горсея, писаннаго около этого времени, видно, что англичане снова получили право беспошлинной торговли, но английскіе купцы должны были заплатить 500 фунт. стерл. за пошлины прошлыхъ годовъ и пожертвовать 350 фунт. стерл. на постройку новой каменной стѣны въ Москвѣ ²⁾).

Тогда Флетчеръ подавалъ своему правительству предложеніе, въ случаѣ царя разгнѣвается на английскихъ гостей, послать военные корабли къ берегамъ Печоры и захватить русскіе товары тамошней ярмарки, оборотъ которой простирается до 16.000 фунтовъ стерлинговъ ³⁾. Но Елисавета, казалось, очень дорожила дружественными отношеніями къ Россіи и, какъ бы въ угодность русскому царю, запретила сочиненіе Флетчера о Россіи; въ сущности это сочиненіе вообще написано въ такомъ духѣ, который не могъ нравиться властолюбивой Елисаветѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, торговля съ Россіею приносила Англіи неисчислимыя выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Современные англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искусствъ и ремеслъ, которыя еще чужды были русскому народу, такъ равно вся Западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ сѣвера. До того времени торговля Европы съ Россіею производилась чрезъ Данію, Швецію, Любекъ, Гамбургъ, Лифляндію и Польшу. Англія была чужда выгодъ, которыя приносила эта торговля. Но открытіе сѣвернаго пути давало англичанамъ новое, независимое отъ участія другихъ странъ сообщеніе съ Россіею. Англія могла получать изъ Россіи и, какъ надѣялась, изъ Персіи и вообще съ Востока нужныя для Европы статьи, не опасаясь соперничества ни Даніи, ни Швеціи, ни Германіи, которыхъ совѣстничество было бы необходимо въ торговлѣ балтійской; даже въ случаѣ войны, задерживавшей торговлю, Англія спокойно могла бы совершать свои торговныя операціи чрезъ Ледовитое море. Проложеніе пути чрезъ Россію въ Персію, о которомъ тогда всѣ мечтали, указывало англичанамъ надежду на то преобладаніе въ торговлѣ, которымъ пользовались тогда Португалія и Испанія. Англичане думали доставлять въ Европу восточныя произведенія скорѣе чрезъ Астрахань, Волгу и сѣверныя страны Россіи, чѣмъ Венецію, Генуя, Мессину, Рагузу путемъ Средиземнаго моря. Такъ рассуждали въ тотъ вѣкъ англичане ⁴⁾).

Несмотря на дружелюбныя сношенія правительства, торговля въ Россіи

¹⁾ Ibid., 6.

²⁾ Hist. Russ. Monum., II, 399—400.

³⁾ Ист. Г. Росс., X, Прим. 344.

⁴⁾ Hist. Russ. Monum., II, 379—381.

встрѣчала, однако, безпрерывныя недоразумѣнія. Въ 1592 году лордъ Борлей, отправляя въ Москву новаго агента компаніи, Джона Мерика, жаловался Борису, что русскіе чиновники въ двинскомъ портѣ, имѣя право, по договору, выбирать предварительно англійскіе товары для царской казны, сулят англійскимъ купцамъ чрезвычайно низкія цѣны, такъ что англичанамъ невозможно продавать свои товары сообразно ихъ требованіямъ; тогда чиновники обязывают англійскихъ купцовъ продавать всѣ товары непремѣнно въ теченіе трехъ недѣль, и такимъ образомъ принуждаютъ поневолѣ отдавать товары въ казну съ убыткомъ ¹⁾. На слѣдующій годъ Елисавета обращалась къ Борису съ письмомъ о покровительствѣ англійскимъ купцамъ чрезъ своего посланника Томаса Мильда. Правитель въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ обѣщалъ всю свою готовность къ исполненію желанія королевы ²⁾. Вступивъ на престолъ, Борисъ оказывалъ англичанамъ постоянное покровительство, но не только не распространялъ ихъ правъ, стѣснительныхъ для другихъ иностранцевъ, а еще старался даровать торговцамъ другихъ націй свободу торговли въ Россіи. Посланникъ короля Іакова I, Джонъ Смитъ, просилъ для англичанъ свободнаго прохода въ Персію и Китай, но получилъ уклончивый отвѣтъ; царь изъяснялъ ему, что въ Персіи господствуютъ безпорядки, путешествіе очень опасно, и онъ, заботясь объ англійскихъ гостяхъ, не можетъ позволить имъ отваживаться на явные опасности ³⁾.

По восстановленіи порядка въ Россіи, при Михаилѣ Феодоровичѣ, англійскіе купцы получили подтвержденіе своихъ привилегій на безошлинную торговлю ⁴⁾, съ уговоромъ доставлять въ царскую казну сукна, матерій и прочія руководѣльныя произведенія непремѣнно по той цѣнѣ, по какой они продаются въ собственномъ ихъ отечествѣ ⁵⁾, прибывая къ Архангельску, объявлять и заносить вредъ таможенными головами и цѣловальниками свои товары, отнюдь не брать чужихъ товаровъ вмѣсто своихъ, не вывозить шелку за границу и не ввозить табаку. Въ 1619 году имъ воспрещено было держать закладней изъ русскихъ людей ⁶⁾. Привилегіи англичанамъ даны на двадцать-три челоуѣка ⁷⁾, но они торговали въ числѣ семидесяти. Захвативъ въ руки свои всю торговлю и стремясь къ монополіи, они раздражали русскихъ гостей. Англичане искусно поддерживали высокую цѣну своихъ и низкую русскихъ товаровъ ⁸⁾. Они придерживали привозимые товары и не пускали ихъ въ продажу, пока, отъ недостатка ихъ въ оборотѣ, цѣны на нихъ поднимались; тогда только англичане начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали демереть. Такимъ образомъ, то подымая, то понижая цѣны, они наживали огромные проценты на свои капиталы ⁹⁾. Они всюду разсылали своихъ агентовъ для закупокъ русскихъ товаровъ, и такъ какъ пользовались правомъ не платить пошлинъ, чрезвы-

¹⁾ Ibid., 408.

²⁾ Ibid., 413.

³⁾ Ист. Г. Росс., XI, 78.

⁴⁾ Доп. къ Акт. Ист., III, 149. V, 182.

⁵⁾ Ibid., V, 183.

⁶⁾ Собр. Гос. Гр., III, 214.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 14.

⁸⁾ Доп., V, 187.

⁹⁾ Собр. Г. Гр., III, 455—456.

чайно стѣснительныхъ не столько по суммѣ платежа, сколько по самой процедурѣ, то естественно могли всегда имѣть перевѣсъ предъ русскими закупщиками; притомъ, владѣя большими капиталами, они давали мелкимъ торговцамъ и промышленникамъ чистыя деньги впередъ, брали съ нихъ кабалы, и такимъ образомъ мелкие торговцы были уже обязаны доставлять свои товары и произведенія непременно англичанамъ: не платя пошлинъ, англичане всегда могли имъ дать выгоды цѣну, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Такой порядокъ, какъ и замѣтилъ англійскій посланникъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ выгоденъ для мелкихъ и небогатыхъ торгашей и для народа вообще, но разорителенъ для русскихъ оптовыхъ торговцевъ ¹⁾.

Правда, англичане не могли добиться исключительной торговли въ Россіи, но послѣ увидѣли, что совѣстничество нѣмцевъ, голландцевъ, датчанъ для нихъ не страшно; напротивъ, и его можно обратить въ свою пользу. Закупая русскіе товары, они продавали ихъ въ Архангельскомъ портѣ купцамъ другихъ націй, которые въ нихъ вуждались, и тѣмъ же порядкомъ покупали у нихъ ихъ привозимые товары, а потомъ перепродавали русскимъ съ барышемъ; такимъ образомъ, русскіе купцы никакъ не въ силахъ были тягаться съ ними и не могли ничего ни купить у иностранцевъ, ни продать имъ безъ посредства англичанъ. Случалось, что русскій гость, рѣшившись на конкуренцію съ англичанами, посылалъ свои товары въ Архангельскъ; но члены компаніи сговарятся и понизятъ цѣну, а напротивъ, цѣнность иностранныхъ товаровъ повысятъ, такъ что русскій торговецъ принужденъ бываетъ уѣхать назадъ, истратившись напрасно за провозъ ²⁾. Сверхъ того, англичане привозили сукна и матеріи худого достоинства и вмѣсто того, чтобы продавать по условію въ казну по заморской цѣнѣ, продавали съ выгодою, прибавляя цѣнность товара ³⁾. Всѣ эти причины въ совокупности побудили въ 1646 году русскихъ гостей подать челобитную на англичанъ: изложивъ всѣ обстоятельства, служившія къ подрыву русскаго купечества, они просили ограничить ихъ произволъ изданіемъ такихъ учрежденій, которыя бы передали торговлю въ руки русскихъ купцовъ. Алексѣй Михайловичъ придрался къ политическому перевороту, извѣдшему въ 1649 году короля Карла на эшафотъ, и въ качествѣ карателя народа, который «убилъ до смерти государя своего Карлуса» ⁴⁾, закрылъ для него входъ въ Россію, ограничивъ торговлю его только Архангельскимъ портомъ ⁵⁾. Послѣ вѣцаревія Карла II прибылъ въ Москву англійскій посолъ графъ Карлейль съ предложеніемъ возобновить прежнія торговыя сношенія и выдать компаніи подтвержденіе старинныхъ привилегій. Уже нельзя было отговариваться смертью Карла, ибо графъ Карлейль извѣщалъ, что новый король все простилъ своимъ подданнымъ; русское правительство прямо высказало свои обвиненія на англичанъ, именно, что они умышленно привозятъ въ Россію дурные товары, что продаютъ въ казну товары вовсе не по заморской цѣнѣ, какъ было постановлено въ условіи, съ которымъ единственно имъ позволили торговать свободно и беспошлинно, и что, пользуясь отъ Россіи важными льготами,

¹⁾ Carlisle. Relat., 137.

²⁾ А. Арх. Э., IV, 15—18.

³⁾ Док. къ А. И., V, 182—183.

⁴⁾ Ibid., V, 187.

⁵⁾ Собр. Гос. Гр., III, 455—456.

они не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, наложенной на всѣхъ вообще торговыхъ людей для содержанія войска ¹⁾). На это англійскій посоль въ возражалъ, что, напротивъ, англійскіе гости говорятъ, что они доставляли въ Москву товары дешевле, чѣмъ доставляли ихъ голландцы и гамбургцы, именно по той цѣнѣ, по какой они продавались въ Англии, но съ трудомъ получали деньги, а получая ихъ, принуждены были давать чиновникамъ подарки и взятки ²⁾); что же касается до тѣхъ, которые не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, то они уже умерли, а нѣмѣшніе обѣдѣли отъ потери привилегій. Когда бояре говорили, что ограниченіе англичанъ сдѣлалось по челобитью русскихъ торговыхъ людей, посоль замѣтилъ, какъ выше было сказано, что русскіе гости для того желаютъ вытѣснить англичанъ, чтобъ самимъ захватить въ свои руки торговлю; но не то сказали бы мелкіе торговцы, еслибъ спросили ихъ ³⁾). Вопреки выраженію русскихъ гостей, будто англичане *омолодимъ* ⁴⁾ русское царство, вывозя отсюда стѣстные припасы, Карлейль припомнилъ, что во время голода англичане привозили въ Россію хлѣбъ и продавали его по умѣренной цѣнѣ, стараясь объ избавленіи отъ ужаснаго бича страны, которая ихъ пріютила. Но всѣ старанія графа Карлейля остались напрасны; все чѣмъ могъ Алексѣй Михайловичъ усладить для англичанъ свой горькій отказъ, было оставленіе имъ надежды на возвращеніе прежнихъ правъ, которыхъ дѣйствительно не думали болѣе возвращать вѣкогда ⁵⁾).

Голландцы постоянно пользовались значительными правами, хотя меньшими, чѣмъ англичане, ихъ соперники. При Іоаннѣ Васильевичѣ, Феодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Василіи Шуйскомъ они составляли компанію гостей и пользовались жалованными грамотами царей ⁶⁾). Подобно англичанамъ, они имѣли свои дворы въ Архангельскѣ, Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Усть-Колѣ и освобождались отъ обязанности становиться на гостинныхъ дворахъ ⁷⁾). Царь Михаилъ Феодоровичъ въ 1614 году подтвердилъ прежнія права грамотомъ, выданномъ тремъ факторамъ гостинной голландской компаніи. Они могли постоянно пріѣзжать въ Архангельскъ и Колу и торговать всякими товарами по вольной цѣнѣ; дворы ихъ освобождались отъ всякихъ пошлинъ и тягла; они не подлежали суду бояръ и воеводъ по городамъ, исключая уголовныхъ дѣлъ; въ торговыхъ и вообще во всякихъ гражданскихъ они судились въ Посольскомъ приказѣ. Во уваженіе къ потерямъ, которыя компанія понесла въ продолженіе Смутнаго времени, царь далъ имъ право на беспошлинную торговлю въ теченіе трехъ лѣтъ, а послѣ того они должны были платить половину установленной въ Россіи торговой пошлины ⁸⁾). Голландцы, какъ англичане и другіе иноземцы, должны были, прибывши къ Архангельску, прежде всего продавать лучшіе товары въ казну и не производить

¹⁾ Carlisle, 136.

²⁾ Ibid., 174.

³⁾ Ibid., 137.

⁴⁾ А. Арх. Эксп., IV, 15.

⁵⁾ Самуилъ Колинсъ. Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей, изд. 1846, I, Отд. III, 33.

⁶⁾ А. Арх. Эксп., III, 20—21.

⁷⁾ Доп. къ А. И., III, 194—195.

⁸⁾ А. Арх. Эксп., III, 20—21.

частной торговли до совершеннаго закупа для казны ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ, когда устье Двины было исключительною собственностью англичанъ, голландцы, фламанцы и датчане торговали черезъ Ревель, Ригу и Дерпт ²⁾; но вскорѣ Вѣлое море было открыто и для другихъ народовъ: тогда голландскіе корабли ежегодно прибывали въ Архангельскъ съ грузомъ. Такъ было въ XVII вѣкѣ ³⁾. Между ними и англичанами господствовала постоянная вражда; голландцы, говорилъ Самуилъ Коллинсъ, налетаютъ какъ саранча и всюду бросаются, куда нанять ихъ выгоды; они отбиваютъ у англичанъ хлѣбъ. Они старались унижить и осмѣять англичанъ, рисовали на нихъ каррикатуры, сочиняли пасквили. изображали Англію въ видѣ безхвостаго льва, съ тремя опрокинутыми коронами, или въ видѣ множества собакъ, съ обрѣзанными ушами и хвостами ⁴⁾. Англичанинъ жалуется, что голландцевъ принимаютъ лучше, чѣмъ англичанъ, потому что они, подкупая подарками бояръ, располагаютъ правительствомъ въ свою пользу. Неудовольствіе русскихъ купцовъ на иностранцевъ, торговавшихъ въ Россіи, которое мы видѣли преимущественно относительно англичанъ, распространялось и на голландцевъ. Въ 1629 году новгородскіе гости жаловались на торговлю голландца, что онъ торгуетъ всякими товарами врознь и посылаетъ русскихъ людей, служащихъ у него приказчиками, въ заонезскіе погосты для скупа хлѣба и рыбы, съ цѣлью отправки за границу ⁵⁾. Въ челобитной 1646 года московскіе торговцы высказали негодованіе свое на голландцевъ. Голландцевъ они обвиняли, такъ же, какъ и ихъ враговъ англичанъ, въ умышенномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары. Какъ англичане, такъ равно и голландцы дорожили неопытностью русскихъ. Когда какой-то ярославецъ, торговый человекъ, ѣздилъ съ пушными товарами въ Амстердамъ, тамошніе купцы, сговорясь, не купили у него товаровъ ни на одинъ рубль, и русскій купецъ долженъ былъ воротиться со своимъ грузомъ въ Архангельскъ; едва онъ вступилъ на русскую почву, какъ тѣ же самые голландскіе купцы, которые плыли съ нимъ изъ Амстердама, купили у него весь его пушной товаръ по высокой цѣнѣ. Русскіе укоряли ихъ въ неблагодарности. «Вы торгуете у насъ свободно, говорили они, и мы не составляемъ противъ васъ заговоры». Голландцы чистосердечно отвѣчали, что это сдѣлано было именно для того, чтобъ русскіе не ѣздили къ нимъ; иначе они, голландцы, потеряютъ свои выгоды, коль скоро русскіе станутъ пріѣзжать къ нимъ ⁶⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ голландцы были сравнены съ другими иностранцами, но послѣ паденія англичанъ голландцы пользовались въ Россіи большими выгодами; по крайней мѣрѣ, голландскіе купцы могли брать жалованныя грамоты и торговать въ Россіи, не страшась грозныхъ совѣтниковъ. Ихъ товары въ это время покупались съ болѣею охотою, чѣмъ англійскіе ⁷⁾.

Ганзеатическіе города послѣ паденія Новгорода не имѣли уже того преобладанія въ русской торговлѣ, какъ въ Средніе вѣка. Стремленіе Іоанна III

¹⁾ Доп., IV, 143.

²⁾ Hakl., 287.

³⁾ А. Арх. Эксп., passim.

⁴⁾ Коллинсъ, 38—39.

⁵⁾ А. Арх. Эксп., III, 264.

⁶⁾ Ibid., IV, 19.

⁷⁾ Коллинсъ, 38.

ввести въ Россію иноземные приемы гражданственности возбуждало зависть въ ливонцахъ и въ купцахъ ганзеатическихъ городовъ. Нѣмцы боялись образованности въ Россіи; для нихъ гораздо выгоднѣе было имѣть дѣло съ народомъ, стоящимъ только на степени земледѣльческаго развитія. Ревельскій Городовой Совѣтъ, по наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, ѣзавшихъ въ Россію по приглашенію великаго князя; нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ ¹⁾. Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны Ганзы и Ливоніи была непріязнь къ нимъ русскаго правительства. По поводу задержанія и грабежа псковскихъ купцовъ въ Дерптѣ и Ригѣ и нападенія русскихъ на предѣлы Ливоніи началась опустошительная война съ Орденомъ, задерживавшая ходъ торговыхъ сношеній ²⁾. Въ 1492 году Іоаннъ III построилъ Иванъ-Городъ: это возбудило досаду не только Ордена въ политическомъ отношеніи, но и городовъ въ торговомъ: имъ опасно казалось образованіе новаго порта, когда прежде иностранные товары приходили въ Россію черезъ ливонскіе города. Въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ торговцевъ; въ отищеніе за то Іоаннъ уничтожилъ ганзеатическую контору въ Новѣгородѣ, столь долгое время приносявшую Ганзѣ неисчислимыя выгоды, задержалъ купцовъ и, засадивъ ихъ въ тюрьму, конфисковалъ ихъ имущество. То былъ важный ударъ для торговли Ганзы съ русскими. Дѣло по поводу этого происшествія тянулось и при Василіи Іоанновичѣ; по ходатайству императора Максимилиана, великій князь хотя изъявлялъ охоту дозволить возобновить торговныя сношенія съ Ганзою, но отказывалъ въ удовлетвореніи убытковъ, понесенныхъ купцами въ Новѣгородѣ ³⁾. Въ 1539 году правившіе въ малолѣтство царя Ивана Васильевича бояре подтвердили торговый договоръ съ Ганзою ⁴⁾. Въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Іоанна IV, ганзейскія торговля въ Россіи находилась не въ цвѣтущемъ состояніи. Тому причиною было соперничество англичанъ, отстранявшихъ всѣми силами иностранныхъ торговцевъ, внутреннее ослабленіе союза черезъ взаимныя несогласія ⁵⁾, соперничество съ ливонскими городами ⁶⁾, искавшіи извлечь для себя личныя выгоды изъ этой торговли, и, наконецъ, тяжелыя и продолжительныя военныя обстоятельства въ Прибалтійскомъ краѣ. По утишеніи ливонской войны ганзеатическіе города тщетно думали возобновить древнюю новгородскую контору ⁷⁾. На пяти сеймахъ никакъ не могли согласиться послать въ Москву посольство для ходатайства о восстановленіи конторы; ливонскіе города сильно этому препятствовали, желая, чтобы торговля съ Россією непременно шла черезъ нихъ. Наконецъ, въ 1593 году Любекъ, отъ лица соединенныхъ съ нимъ семидесяти двухъ городовъ, отправилъ въ Москву пословъ Захарія Малера, съ предложеніемъ возобновить дружескія торговныя связи съ Россією, даровать

¹⁾ G. Fr. Müller. Sammlung russischer Geschichte. 9 томовъ. Petersb. 1732 — 1764, т. V, 484.

²⁾ Псковск. Лѣт., 151.

³⁾ Пам. Диплом. снош., I, 158.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VIII, 57.

⁵⁾ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, изд. Археографической Комиссіи. Спб. 1848, 249.

⁶⁾ Ibid., 272.

⁷⁾ Ibid.

нѣмецкимъ купцамъ право производить торговлю въ Россіи свободно и безпошлинно, и держать собственныя подворья. Царь Феодоръ далъ имъ жалованную грамоту, по которой позволено имъ торговать свободно въ Иванъ-Городѣ, Новгородѣ и Псковѣ, съ платежемъ пошлины, взимаемой съ прочихъ торговцевъ ¹⁾. Эта грамота исполнялась плохо, ибо на другой же годъ любечане жаловались, что таможенное начальство во Псковѣ беретъ съ нихъ пошлины болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ по жалованной грамотѣ. Въ 1608 году Любекъ, съ другими союзными городами, снова обратился къ царю, и царь дозволилъ имъ свободно торговать въ Россіи, въ Новгородѣ и Псковѣ, приплывать съ кораблями въ Архангельскъ и Холмогоры за грузомъ, продавать товары и возвращаться назадъ, общалъ ввести одинакіе вѣсы и мѣры, содержать ганзейскихъ купцовъ подъ своимъ покровительствомъ. Любечане опять домогались безпошлинной торговли, но имъ отвѣчали, что если позволить торговать безъ платежа пошлины имъ, то слѣдуетъ позволить то же и другимъ; однако, въ знакъ особаго расположенія, царь опредѣлялъ, чтобъ они платили только половину обыкновенной пошлины, какъ и голландцы ²⁾. Но вскорѣ подъ фирмою Любека начали пріѣзжать торговцы изъ другихъ городовъ, и царь отмѣнилъ платежъ половиною пошлины, а опредѣлялъ, чтобъ и любечане платили полную наравнѣ съ другими ³⁾. Въ смутное время торговля съ Ганзою упала. При Михаилѣ Феодоровичѣ ганзейскіе города просили снова о свободной торговлѣ въ Россіи, и вмѣстѣ съ ними за нихъ ходатайствовали Нидерландскіе Штаты ⁴⁾, но права по этой просьбѣ, вновь данныя городомъ, были нарушены ими же, неизвестно какъ ⁵⁾. Купцы ганзейскіе получили запрещеніе ѣздить въ Россію; только нѣкоторые изъ нихъ подкупили дьяковъ и брали жалованныя грамоты ⁶⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 году, дана новая грамота Любеку на право торговли, съ платежемъ пошлины въ Россіи наравнѣ съ другими; сверхъ того, купцамъ позволено пріѣзжать въ Москву, привозить узорочные товары для царской казны и ефинки, которые слѣдовало брать у нихъ по ходячей цѣнѣ ⁷⁾. Въ XVI вѣкѣ торговля ганзейскихъ городовъ совершалась черезъ Ливонію ⁸⁾, въ XVII черезъ Архангельскъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ гамбургцы ежегодно приплывали къ Архангельску ⁹⁾, а нѣкоторые вели въ Россіи торговлю сухопутнымъ отъ Архангельска ¹⁰⁾.

Изъ другихъ европейскихъ сосѣднихъ державъ Швеція является въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россією, однако, часто прерываемыхъ войнами. Такимъ образомъ, при Іоаннѣ III торговля съ Швеціей пришла въ упадокъ. Василій возобновилъ торговую взаимность народовъ договоромъ съ Густавомъ

¹⁾ Ibid., 240.

²⁾ Supplem., 259—264.

³⁾ Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи, изд. 1830 г., I, 267.

⁴⁾ Supplem., 268.

⁵⁾ П. С. З., I, 267.

⁶⁾ А. Арх. Эксп., IV, 17.

⁷⁾ П. С. З., I, 268.

⁸⁾ Supplem., 268.

⁹⁾ Доп. къ А. И., V, 287.

¹⁰⁾ Князьбургеръ, 156.

Вазою, которымъ предоставлена свобода шведскимъ купцамъ торговать во всей Россіи ¹⁾ и имѣть свое подворье въ Новѣгородѣ. Правительница Елена въ 1537 году заключила съ тѣмъ же государемъ договоръ, утверждавшій взаимную торговлю. Въ царствованіе Іоанна IV съ тѣмъ же государемъ установленъ договоръ, по которому русскимъ купцамъ позволялось ѣздить чрезъ Швецію въ европейскія страны на шведскихъ корабляхъ, а шведамъ дозволено торговать въ Новѣгородѣ, Москвѣ, Казани и Астрахани и проходить въ Индію и Китай ²⁾. Но вообще въ царствованіе Іоанна торговля съ Швеціею была въ упадкѣ отъ совиѣстничества англичанъ и отъ военныхъ обстоятельствъ. Между пограничными жителями обѣихъ сторонъ въ XVI вѣкѣ не переставали драки, грабежи и убійства ³⁾. Въ 1595 году дана шведамъ привилегія на свободную торговлю въ Россіи. Шведскіе купцы, какъ изъ собственно шведскихъ, такъ изъ финляндскихъ и эстляндскихъ городовъ, могли свободно плавать по Ладожскому озеру и приставать повсюду своими судами, равно подниматься по Нарвѣ, входить въ Чудское озеро и достигать Пскова. Сверхъ того, шведскимъ купцамъ дано право торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ во всей Россіи на востокъ, сѣверъ, югъ, западъ, и не только въ мѣстахъ, уже принадлежавшихъ русскому государству, но и въ тѣхъ, которыя впередъ могутъ быть когда-нибудь присоединены къ Россіи, держать свои подворья не только въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, гдѣ они ихъ уже имѣли, но и въ другихъ городахъ, гдѣ до того времени ихъ не было. Слѣдовало только наблюдать, чтобъ это право принадлежало буквально шведамъ, а не торговцамъ другихъ націй подъ шведскою фирмою; поэтому на русскихъ границахъ не слѣдовало основывать новыхъ пристаней; зато шведы обязывались пропускать торговцевъ всѣхъ націй, которые будутъ везти товары для царской казны, съ тѣмъ только, чтобъ на такіе товары были взяты выписи въ Ревель или Выборгѣ. Съ своей стороны шведское правительство позволяло русскимъ купцамъ ѣздить съ товарами въ Швецію, Финляндію и Эстляндію и торговать свободно. Относительно платежа пошлинъ положено, чтобъ какъ шведскіе купцы въ Россіи, такъ и русскіе въ Швеціи платили пошлины, установленныя въ обонхъ государствахъ ⁴⁾. Эти привилегіи были возобновлены и послѣ Столбовскаго мира. Въ Новгородѣ вообще позволено было торговать только тѣмъ изъ иностранныхъ торговцевъ, которые будутъ имѣть жалованныя грамоты; одни шведскіе торговцы могли торговать тамъ безпрепятственно и держать свою контору ⁵⁾. Тогда по Ладожскому озеру и Пейпусу происходило плаваніе торговыхъ шведскихъ судовъ, а суда русскія ходили въ Выборгъ, Ревель ⁶⁾ и Стокгольмъ, называвшійся у русскихъ *стекольнымъ городомъ* ⁷⁾. Въ это время многіе русскіе изъ края, уступленнаго Швеціи, разсѣялись по русскимъ селеніямъ Новгородскаго края и вели выгодную для себя и для жителей Россіи контрабандную торговлю, но на это обратило вниманіе правительство въ 1628 году ⁸⁾. Между вывози-

¹⁾ Ист. Г. Росс., VII, 144.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, VI, 34, 188.

³⁾ Доп. къ А. И., I, 71—72.

⁴⁾ Suppl., 242—244.

⁵⁾ А. Арх. Эксп., III, 265.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак., I, 541.

⁷⁾ Акты Историческіе, IV, 128.

⁸⁾ А. Арх. Эксп., III, 261.

ины изъ Швеціи товарами первое мѣсто занимало желѣзо, какъ въ массѣ, такъ и въ издѣліяхъ ¹⁾). Русскіе возили въ Швецію, между прочимъ, хлѣбъ; въ 1649 году запрещено было возить хлѣбъ въ Швецію; но этотъ вывозъ былъ такъ выгоденъ для русскихъ, что крестьяне продолжали контрабандную торговлю. Впрочемъ, вообще торговля Россіи съ Швеціею не была значительна, ибо возраставшая въ большомъ размѣрѣ торговля на Вѣломъ морѣ съ англичанами, голландцами и Гамбургомъ ²⁾ убивала торговлю какъ съ Швеціею, такъ съ Даніею и Пруссіею. Мы имѣемъ извѣстіе подъ 1630 годомъ, что въ балтійскіе порты Нарву и Иванъ-Городъ не приходило почти никакихъ грузовъ ³⁾. Въ половинѣ XVI вѣка война съ Швеціею прервала торговля сношенія. По Кардисскому договору шведскимъ купцамъ предоставлено торговать свободно по всей Россіи, но преимущественно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Ярославлѣ, Холмогоряхъ, Переяславлѣ, Тихвинѣ и Александровской пустынѣ ⁴⁾. Они могли имѣть свои подворья въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ, а изъ шведскихъ городовъ, предоставленныхъ по договору для пріѣзда русскихъ купцовъ, были Стөжгольмъ, Рига, Выборгъ, Ревель, Ижора, Корела, Ругодивъ (Нарва), Канцы; изъ нихъ въ Стокгольмъ, Ригѣ, Ревелѣ и Ругодивѣ русскіе могли строить торговые дворы ⁵⁾. Впрочемъ, Кардисскій договоръ въ отношеніи торговли есть повтореніе условій 1595 года. Въ платежѣ пошлины торговцы обомъ народовъ подвергались мѣстнымъ условіямъ, безъ всякихъ особыхъ привилегій. Во второй половинѣ XVII вѣка нѣсколько разъ было то запрещается, то вновь разрѣшается вывозить хлѣбъ и сѣяныя припасы въ Швецію. Такъ, въ 1685 году запрещено вывозить лѣсъ, свиное и говяжье сало и мясо въ Швецію, но на слѣдующій годъ, по просьбѣ олонцакаго земскаго старосты, снова позволено. Сукопутная торговля съ Швеціею шла черезъ Олонекъ, гдѣ устроена была таможня ⁶⁾.

Вракосочетаніе Іоанна III съ Софіею Палеологъ имѣло значеніе передачи интересовъ угасшей Греціи обновлявшейся Россіи. Это событіе освѣжило и скрѣпило древнюю связь Россіи съ Греціею, и Греція виѣсть съ тѣмъ передала Россіи ненависть къ своимъ завоевателямъ. Поэтому между русскими и турецкими правительствнами никогда не могло существовать согласія, напротивъ, постоянно господствовала тайная непріянь; однако, взаимныя нужды связывали обѣ націи торговыми сношеніями, тѣмъ болѣе, что торговый классъ въ Турціи состоялъ изъ грековъ, пользовавшихся особымъ сочувствіемъ въ Россіи. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя встрѣчаемъ пріѣзды въ Россію съ товарами не только грековъ, но даже и турковъ. Въ 1499 году Іоаннъ III посмалъ въ Турцію пословъ и исходатайствовалъ свободу торговли русскимъ купцамъ во владѣніяхъ султана, гдѣ они до того времени подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и насиліямъ ⁷⁾. Въ государствование Василія турки и греки пріѣзжали въ Москву для

¹⁾ Доп. къ А. И., V, 219.

²⁾ Доп. къ А. И., V, 287.

³⁾ Собр. Г. Гр., III, 309.

⁴⁾ Доп. къ А. И., IV, 271.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., I, 541—Доп., IV, 270—272.

⁶⁾ Акты Ист., V, 238.

⁷⁾ Ист. Г. Росс., VI, 268.

торговли: такъ турецкій посолъ Искандеръ, родомъ грекъ, три раза ѣздилъ въ Москву для покупки товаровъ ¹⁾; то же повторялось и въ малолѣтство Ивана Васильевича ²⁾; въ 1576 и 1580 годахъ были подобныя торговыя посольства, султановы послы прїѣзжали въ Москву для покупокъ ³⁾. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, несмотря на нерасположеніе Россіи къ Турціи, турецкіе подданные торговали въ Москвѣ, какъ и подданные русскаго государя въ турецкихъ владѣніяхъ ⁴⁾. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ торговля съ Турціею была обезпечена договоромъ 1594 года, но торговыя сношенія не приняла большого размѣра, по причинѣ возникшихъ тогда неприязненныхъ отношеній между державами. Въ это время путь между Россіею и Турціею былъ уже не безопасенъ отъ нападеній запорожцевъ. Такимъ образомъ, въ 1564 году кїевскіе черкасы на Овечьихъ водахъ погромили турчанъ и арменскихъ торговыхъ людей, изъ турецкихъ подданныхъ ⁵⁾.

Греки всегда пользовались особыми привилегіями, платили меньше пошлинъ и получали ласковый прїемъ отъ правительства ⁶⁾. Это дѣлалось изъ уваженія къ ихъ единовѣрїю съ русскими. Греки и молдаване každогодно привозили въ столицу драгоцѣнные камни, жемчугъ, металлическія издѣлія и вообще разныя женскія украшенія и конскіе приборы. Русскіе также получали отъ нихъ драгоцѣнныя турецкія ткани и матерїи ⁷⁾. Прїѣзжая въ Москву, эти греческіе торговцы подносили въ даръ царю лучшіе изъ своихъ товаровъ, и вообще были обязаны, явившись въ столицу, прежде всего показывать свои товары для выборки въ царскую казну: только тогда давалось имъ позволеніе торговать въ городѣ ⁸⁾. Во вниманіе къ ихъ единовѣрїю, прїѣзжіе греки получали помѣщеніе, кормъ отъ казны хлѣбомъ и мясомъ, конскій кормъ и дрова ⁹⁾. Нѣкоторые изъ греческихъ торговцевъ жили въ Москвѣ постоянно, на особомъ греческомъ подворьѣ ¹⁰⁾. Въ половинѣ XVII вѣка греки и волохи торговали въ Путивлѣ, пограничномъ на югѣ городѣ Московскаго Государства ¹¹⁾. Послѣ торговаго устава 1667 года, когда русскіе купцы успѣли выпросить у правительства стѣснительныя для иностранцевъ торговыя учрежденія, и греки подверглись платежу пошлинъ наравнѣ съ другими иностранцами ¹²⁾. Впрочемъ, если они торговали на золотые и ефимки, то освобождались отъ платежа пошлинъ, съ обязанностью отдавать монеты въ казну и брать изъ нея русскія деньги ¹³⁾. Несмотря на это уравненіе съ другими иностранцами, греки дозволяли себѣ контрабандныя выходы, и оттого въ

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 143.

²⁾ Ист. Росс. Солов., VI, 41.

³⁾ Ист. Г. Росс., IX, прим. 133.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., IX, 259.

⁵⁾ Ibid. Прим. 103.

⁶⁾ Carlisle, 73.

⁷⁾ Врем., II, 83.

⁸⁾ Кошихинъ, Григорій. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Спб. 1840, 117.

⁹⁾ Коших., 84.

¹⁰⁾ Кильбург., 13.

¹¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 202.

¹²⁾ Полн. Собр. Зак., I, 827.

¹³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 202.

1672 году приказано осматривать ить построже ¹⁾. Торговля съ греками тогда упала; вриѣзжали въ Россію только мелкіе торговцы, продавашіе поддѣльные стекла за драгоценныя камни, поэтому они потеряли право торговли ²⁾. Въ 1676 году ить позволено снова торговать въ Путивлѣ ³⁾. Но они опять были обвинены въ претивозаконныхъ развѣздахъ съ товарами по носелкамъ, почему снова послѣдовали распоряженія о строжайшемъ надворѣ за ними ⁴⁾.

Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ русскіе вели торговлю съ восточными народами, бухарцами, персами, шамаханцами, крымцами, калмыками ⁵⁾. Торговля съ Хивою, Бухарією и Шамахією перешла къ русскимъ по завоеваніи Астрахани, гдѣ издавна она находила себѣ истокъ и гдѣ попрежнему сосредоточивалась, когда уже Астрахань сдѣлалась русскимъ городомъ. Въ 1557—1558 годахъ владѣтели Хивы и Самарканда прислали къ покорителю Астрахани Іоанну Васильевичу пословъ для обезпеченія правъ своихъ торговцевъ, и торговля Россіи съ ить землями утверждена была взаимнымъ договоромъ. Астрахань начала наполняться купцами изъ Шамахин, Дербента, Юргенджа и другихъ восточныхъ городовъ. Въ послѣдующіе годы царствованія Іоанна IV торговля была обезпечена новыми договорами съ шамахинскимъ царемъ въ 1563 году, а съ бухарскими владѣтелями въ 1567 и 1569, и *исударь грамоты къ ить исударемъ послалъ о кумечествѣ* ⁶⁾. Съ тѣхъ поръ установилась правильная торговля съ этими странами. Между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ дважды въ годъ было торговое сообщеніе на государевыхъ бусахъ, на которыхъ юргенджскіе и бухарскіе купцы привозили въ Астрахань, платя за помѣщеніе на бусахъ во время проѣзда, другіе же ѣздили въ Астрахань степью ⁷⁾. Они останавливались въ Астрахани съ своими товарами на особомъ подворѣ, которое называлось бухарскимъ ⁸⁾. Русскіе купцы съ своей стороны ѣздили компаніями или артелями въ Хиву и Бухарію: эти путешествія были не безопасны; такъ, въ 1646 году татары ограбили русскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Хиву, за это арестовали въ Астрахани съ товарами хивинцевъ и бухарцевъ ⁹⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ возникла конкуренція между астраханскими мѣстными купцами и хивинцами. Русскіе подговаривали воеводъ не брать на судъ хивинцевъ, чтобы заставить ить продавать дешевле свои товары ¹⁰⁾. Это показываетъ, что торговля русская была очень важна для Хивы, и что въ Астрахани было много хивинскихъ купцовъ, ибо въ противномъ случаѣ купцы страшались бы стѣснять ить. Алексѣй Михайловичъ расширилъ эту торговлю, давъ въ 1668 году, по просьбѣ юргенджскаго хана, привилегію на свободное прибытіе хивинскихъ купцовъ въ Астрахань, обещающъ ить покровительство правительства, обезпеченіе со стороны

¹⁾ Полн. Собр. Зак., I, 886.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 75.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 104.

⁵⁾ Кильбург., 10.

⁶⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 415. Т. IX, прим. 258.

⁷⁾ Доп., IV, 257.

⁸⁾ Акты Ист., III, 253.

⁹⁾ Акты Ист., IV, 50.

¹⁰⁾ Акты Ист., III, 475.

жѣстныхъ властей и дачу подводъ по достоинству изъ товаровъ промысловъ и пошлиннаго сбора ¹⁾. Черезъ руки бухарцевъ къ русскимъ доходили и индійскіе товары. Бухарцы, кромя Астрахани, вели торговлю въ Сибири и торговали на гостиниомъ дворѣ въ Тобольскѣ; они снабжали Сибирь рукодѣльными потребностями жизни, и торговля съ ними была очень важна въ Сибири, какъ видно изъ челобитной сибиряковъ въ 1597 году, въ которой они просятъ, какъ милости, чтобъ къ нимъ приходили изъ Бухаріи торговые люди съ товарами ²⁾. Бухарцы, торгуя въ Тобольскѣ, составляли тамъ нѣкотораго рода компанію, почему въ дѣловыхъ бумагахъ употребительно выраженіе *тобольскіе бухарцы*. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ имъ льготу ѣздить для торговаго промысла въ Казань, Астрахань, въ Архангельскъ къ пристани и въ приморскіе города, съ правомъ не быть задержанными судомъ, исключая должныхъ обязательствъ и уголовныхъ дѣлъ, нанимать подводы, покупать суда и вообще быть безопасными отъ притѣсненій воеводъ. Въ 1686 году эта грамота была подтверждена снова ³⁾. Торговля съ бухарцами въ Тобольскѣ въ половинѣ XVII вѣка была стѣснительнѣе, что бухарцамъ не позволено было вывозить главнаго и почти единственнаго произведенія сибирскаго края—пушныхъ товаровъ ⁴⁾.

Ни съ какою страню торговля не имѣла въ тотъ вѣкъ такого значительнаго вліянія на умы, какъ торговля съ Персією, ибо, какъ мы сказали, на нее смотрѣли какъ на средство произвести совершенное измѣненіе въ торговыхъ сношеніяхъ цѣлаго міра. Этотъ взглядъ, безъ сомнѣнія, раздѣляли тогда и русскіе, а потому русское правительство находилось постоянно въ дружественномъ отношеніи къ персидскому; при томъ два государства—Россію и Персію—связывала обоюдная неприязнь къ Турціи. Еще до прибытія англичанъ у русскіхъ были сношенія съ Персією, и въ Москву пріѣзжали персидскіе посланники по торговымъ дѣламъ: это видно изъ того, что Дженкинсонъ поѣхалъ въ Персію вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ, возвращавшимся тогда изъ Москвы. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, во время царствованія шаха Аббаса, образовались болѣе тѣсныя и самыя дружественныя отношенія двухъ государствъ, поддерживаемыя взаимною ненавистью къ туркамъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ежегодно отправлялись въ Персію царскіе посланники, которые, поддерживая торговныя сношенія подданныхъ обѣихъ державъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ закупщиками товаровъ для царя и пользовались при персидскомъ дворѣ всею нужною содержаніемъ ⁵⁾. Въ 1634 году основана была голштинская компанія, которая получила право торговли съ Персією черезъ Россію на десять лѣтъ съ платомъ шестисотъ ефимковъ въ годъ и съ воспрещеніемъ вывозить изъ Россіи такіе товары, которыми торговали русскіе, какъ-то: издѣлія шелковыя, бумажныя и металлическія; эта компанія, по своему ограниченію и притомъ по большому количеству пошлинъ, какими подвергались ея члены въ Россіи, не могла приносить выгодъ ⁶⁾. При Алексѣѣ Ми-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., I, 742.

²⁾ Собр. Г. Гр., II, 129.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 816.

⁴⁾ Доп., IV, 355, 361.

⁵⁾ Olearius, Adam. Vermehrte Neue Beschreibung der Moscovitischen und Persischen Reuse и проч., изд. 1656, стр. 225.

⁶⁾ Акты Ист., III, 830.

тайлотѣ торговли съ Персією приняла большій размѣръ: шахъ Аббасъ II въ 1664 году далъ русскимъ привилегію на свободную торговлю во всѣхъ персидскихъ владѣніяхъ безъ платежа пошлинъ, найма за подводы и платы за стоянку на гостинныхъ дворахъ и въ лавкахъ съ товарами; сверхъ того, шахъ приказывалъ мѣстнымъ властямъ своего государства оказывать русскимъ купцамъ особую почетность ¹⁾. Средоточіемъ персидской торговли для Россіи была Астрахань ²⁾, которая вела эту торговлю черезъ Дербентъ ³⁾. Персидскіе купцы, пріѣзжая въ Астрахань, становились на особомъ дворѣ, называемомъ Гилянскимъ ⁴⁾. Они прибывали въ Астрахань по Каспійскому морю на государевыхъ бусахъ; у иныхъ были товары отъ шаха, а у иныхъ свои собственные. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1628 года) съ первыхъ, во уваженіе къ шаху, не брали пошлинъ, а вторые были обложены пошлинами, довольно высокими ⁵⁾. Нѣкоторые персидскіе купцы отправлялись изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ до Казани ⁶⁾, а иные доплывали до Москвы и тамъ предоставлялось имъ стоять съ товарами на посольскомъ дворѣ ⁷⁾. Наравнѣ съ греками они пользовались правомъ получать *поденный кормъ*—хлѣбомъ и мясомъ, равно сѣно и дрова ⁸⁾. Казна выбирала для себя лучшіе изъ товары, обыкновенно вознаграждая за то мѣхами; на возвратномъ пути они пользовались правомъ брать гребцовъ на суда безденежно и также во время дороги получали содержаніе ⁹⁾. Персидскіе товары были въ большомъ ходу въ Россіи; въ Москвѣ былъ особый Персидскій гостинный дворъ съ лавками ¹⁰⁾. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, который велъ значительную персидскую торговлю, подобно своему отцу, безпрестанно посылалъ въ Персію посланниковъ къ шаху съ цѣловальниками и приказывалъ закупать персидскіе товары, которые провозождались въ Шамаху, а оттуда въ Баку, гдѣ нагружались въ бусы и отправлялись въ Астрахань ¹¹⁾. Главнымъ вывознымъ изъ Персіи товаромъ былъ шелкъ-сырецъ и его-то правительство брало исключительно въ свои руки, такъ что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе, покупая или выдѣливая шелкъ-сырецъ, привозили его въ Москву и сдавали въ казну государя, а казна продавала европейскимъ купцамъ ¹²⁾. Въ 1667 году правительство, по соглашенію съ персидскимъ шахомъ, поручило это дѣло *армянской компаніи*: основатели ея были персидскіе подданные, армяне Стефанъ Ромоданскій и Григорій Дусиковъ. Эта компанія обязывалась закупать въ Персіи и возить въ Россію шелкъ, который до того времени въ большомъ количествѣ шелъ въ Европу другими путями. Складочнымъ мѣстомъ шелковой торговли была Астрахань, куда компанія подрядилась возить свой товаръ двумя путями: по морю и

1) Полн. Собр. Зак., I, 608.

2) Кильбург., 123.

3) Акты Ист., III, 21.

4) Акты Ист., III, 253.

5) Акты Ист., III, 259.

6) Коших., 116.

7) Собр. Г. Гр., IV, 73.

8) Коших., 84.

9) Ibid., 116.

10) Кильбург., 127.

11) Акты Ист., IV, 238.

12) Собр. Г. Гр., IV, 277.

сухопутьемъ черезъ городъ Терекъ. Въ случаѣ, если бы продажа шолка не могла состояться въ Астрахани, армянамъ предоставлялось вести шолкъ въ Москву и далѣе въ порубежные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ, наконецъ, при *накопчившемся* количествѣ шолка имъ позволялось ѣздить и за границу, съ тѣмъ, однако, чтобъ непремѣнно возвращаться чрезъ Россію и платить на возвратномъ пути пошлины. Эта компанія торговала и другими товарами, какъ-то: верблюжьей шерстью. Правительство обязывалось давать ея членамъ для обереганія отъ разбоевъ во время плаванія по Волгѣ ратныхъ людей и вознаграждать ихъ въ случаѣ потопленія судовъ или убытка, происшедшаго отъ небреженія провожатыхъ. Компанія не освобождалась отъ разныхъ поборовъ и пошлинъ ¹⁾, но могла возить съ собою безпошлинно до десяти пудовъ разной домашней рухляди и съѣстныхъ припасовъ; въ томъ числѣ вино и табакъ, которыхъ, однако, не могла продавать ²⁾. Привилегія, данная компаніи, возбудила зависть русскаго купечества. Гости жаловались, что у нихъ отнимать хлѣбъ, доказывали, что до основанія армянской компаніи русскіе гости сами покупали у восточныхъ купцовъ товары и доставляли въ царскую казну, а потому брали ихъ изъ казны на комиссію и перепродавали иностранцамъ, а полученную за то звонкую золотую и серебряную монету сполна доставляли въ казну; тогда какъ теперь получившая права компанія, продавая персидскіе товары иностранцамъ, отвозитъ золото и серебро въ свое отечество; европейскіе товары переходятъ къ восточнымъ народамъ черезъ руки армянъ, а восточные товары доставляются европейцамъ чрезъ тѣ же руки; напротивъ, они бы переходили черезъ русскія руки и доставляли пользу, какъ казнѣ, такъ и купечеству, еслибъ персидская торговля сосредоточивалась исключительно у русскихъ гостей и они были бы посредниками между Востокомъ и Европою ³⁾. Эти представленія имѣли только отчасти успѣхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ 1673 году заключенъ новый договоръ съ армянскою компаніею въ прежнемъ смыслѣ, но съ нѣкоторыми отиѣнами, а именно: армяне не могли уже ѣздить съ персидскими товарами за границу, *коль скоро съ тѣми государствами какія споры будутъ*. Эта послѣдняя оговорка была поставлена только для вида, сущность же дѣла была та, что правительство, настроенное гостямъ, хотѣло ограничить ихъ поѣзды за границу и собирать ихъ товары въ Россію. Сверхъ того, правительство уже болѣе не обязывалось давать вознагражденія за товары, погибшіе отъ потопленія или отъ небреженія провожатыхъ, но въ первомъ случаѣ давало имъ единственно ту льготу, что потонувшіе товары освобождались отъ платежа за нихъ пошлинъ, а во второмъ предоставляло имъ искать судомъ на тѣхъ, которыхъ небрежность и неисполнительность были виною повесенныхъ убытковъ. Такимъ образомъ, правительство представленіемъ гостей воспользовалось настолько, насколько могло принести выгоды самому себѣ. Для большаго успѣха въ дѣлѣ съ компаніею правительство выпросило у шаха грамоту, которая воспрещала его подданнымъ продавать шолкъ мимо армянской компаніи и обязывали армянъ возить его единственно въ Россію ⁴⁾. Закоренѣлая вражда съ Турціею была причиною такой

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 205

²⁾ Ibid., IV, 206—207.

³⁾ Ibid., IV, 277—278.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 280—283.

сговорчивости шаха въ пользу Россіи. Персіи не хотѣлось, во что бы то ни стало, чтобъ персидскіе товары, особенно шолкъ, проходили въ Европу чрезъ Турцію и доставляли послѣдней средства къ выгодамъ. Притомъ отправка до Персидскаго залива шолку, который родился въ Гиллянѣ, стояла дороже, чѣмъ отправка до Астрахани Каспійскимъ моремъ. Русскіе, говоритъ одинъ иностранецъ ¹⁾, не умѣли, однако, пользоваться неисчислимыми выгодами, какія представляла имъ торговля съ Персією, и стѣсняли ее. Персидскіе купцы при вѣздѣ въ Астрахань подвергались обременительному для нихъ пересмотру всего товара, перепискѣ, оцѣнкѣ. Если они хотѣли ѣхать въ Россію, то платили, сверхъ заплаченныхъ уже съ товаровъ пошлинь, еще пробѣжія пошлины. При всякомъ переѣздѣ изъ города въ городъ ихъ пускали не иначе, какъ пославши напередъ туда, куда они ѣдутъ, росписи ихъ товарамъ. Если они не успѣли распродать въ Россіи всѣхъ товаровъ, то, возвращаясь въ отечество, платили отъѣзжія пошлины ²⁾.

Русскіе неохотно допускали иностранцевъ пользоваться черезъ Россію выгодною торговлею съ Персією. При Іоаннѣ IV только англичанамъ и отчасти шведамъ дозволено чрезъ Россію посѣщать Персію и восточныя страны; прочіе иностранные купцы не имѣли права даже торговать безъ особаго дозволенія съ Казанью и Астраханью ³⁾, которыя считались хотя принадлежащими Русскому царству, но не Московскому Государству. При Михаилѣ Феодоровичѣ хотя дано право на торговлю съ Персією голштинской компаніи, но съ высокими пошлинами. При Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно послѣ Торговаго устава 1667 года, правительство стремилось, сколько возможно, отстранить иностранцевъ отъ восточной торговли. Но желаніе пріобрѣтать больше выгодъ для казны заставляло поручить значительнѣйшую часть этой торговли армянской компаніи. Правительство не надѣялось и не могло получить столько выгодъ отъ русскихъ купцовъ, сколько отъ армянъ; ибо при покровительствѣ, какое оказывалъ русской торговлѣ шахъ, можно было предполагать, что весь персидскій шолкъ перейдетъ въ Россію. Шахъ много давалъ для подданныхъ царя; надобно же было и въ Россіи дать что-нибудь для подданныхъ шаха. Видя, что Россія не слѣдитъ съ мыслью извлечь пользу изъ торговли шолкомъ, голландскій посолъ предлагалъ позволять голландцамъ торговать съ Персією и съ армянами и обѣщалъ Россіи цвѣтущее состояніе ея торговли. На это гости, постоянно стараясь отстранить иностранцевъ отъ преобладанія въ русской торговлѣ, возражали, что лучше вмѣсто цвѣта пусть голландцы покажутъ плодъ, а по ихъ мнѣнію, гораздо будетъ выгодаѣ для Россіи, если сами русскіе станутъ скупать шолкъ у персіянъ и перепродавать его европейцамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ очень нуженъ для Западной Европы. Голландцы не могли добиться дозволенія, по крайней мѣрѣ, на два года въ видѣ опыта торговать съ персіянами черезъ Россію. Гости возражали, что если въ теченіе двухъ лѣтъ голландцы не нанесутъ вреда русской торговлѣ и даже доставятъ ей видимую пользу, то дозволеніе будетъ вредно потому, что договоръ продолжится на дальнѣйшій срокъ и окрѣпнетъ, а потомъ голландцы овладѣютъ русскою торговлею навсегда, какъ сдѣлали въ Восточной Индіи. Въ случаѣ крайности, гости соглашались только дозволить въ

¹⁾ Кильбург., 122.

²⁾ Акты Ист., III, 259.

³⁾ Ст. сп. Флетч., 47.

Архангельскѣ армянамъ торговать съ иноземцами, но отнюдь не въ цѣлой Россіи ¹⁾.

Россіи суждено было только предупредить другихъ европейцевъ въ географическихъ открытіяхъ, которыя послѣ, однако, въ наукѣ остались не за русскими. Такъ, прежде путешествія Ченслера по Вѣлому морю, которое англичане называли *открытіемъ* сѣвернаго пути, русскіе, дьякъ Григорій Истома, а потомъ Власовъ совершили морскія путешествія вокругъ Норвегіи ²⁾. Такъ же точно козакъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ прежде Беринга, имя котораго осталось за отдаленнымъ проливомъ ³⁾. Такъ предприимчивый тверской купецъ Аванасій Никитинъ посѣтилъ Индію прежде открытія туда пути португальцами ⁴⁾. Съ первой половины XVI вѣка начинаются у насъ сношенія съ Индіею, правда, не важныя, но замѣчательныя по характеру рѣдкости. Въ 1533 году ⁵⁾ прибыло въ Москву посольство отъ индійскаго султана Бабуръ, и хотя это посольство не установило прочныхъ сношеній Россіи съ Индіею, но русское правительство изъявило желаніе, чтобъ *моды промежь насъ ѣздили*. Послѣ покоренія Астрахани въ числѣ восточныхъ народовъ, толпившихся въ этомъ городѣ, были индійцы, пріѣзжавшіе туда чрезъ Персію ⁶⁾. Первое посольство въ Индію было въ 1646 году. Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ великому шаху посломъ князя Козловскаго и съ нимъ двоимъ купцовъ, казанскаго Сыроѣжнина и астраханскаго Тушканова. Купцы эти имѣли наказъ извѣдать страну въ торговомъ отношеніи, ея произведенія, ея вывозныя статьи, цѣнность ихъ, торговлю съ западными европейцами, таможенное устройство и пути сообщенія. Имъ дано 5.000 рублей для покупокъ тамошнихъ произведеній. Но эта торговая экспедиція не достигла своей цѣли. Персидскій шахъ, бывши во враждѣ съ великимъ моголомъ, не пропустилъ русскихъ гонцовъ. Притомъ же Персія, конечно, должна была завистливо смотрѣть на возникающія сношенія Россіи съ Индіею, ибо индійскіе товары, состоявшіе преимущественно во врачебныхъ потребностяхъ и пряностяхъ, шли черезъ Персію. Шахъ вѣжливо отдѣлался отъ просьбы дать русскимъ гонцамъ провозатыкъ, указывая на опасный путь по причинѣ междоусобій и беспорядковъ. Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ ограничить свое желаніе сблизиться съ Индіею единственно тѣмъ, что приказалъ астраханскимъ воеводамъ доставлять индійскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Астрахань, большія удобства передъ другими восточными торговцами. Индійцы получали право посѣщать не только Астрахань, но столицу и внутренніе города Россіи. Такимъ образомъ, въ январѣ 1650 года два индійскіе купца Солокна и Лягутъ продавали въ Ярославлѣ разныя ткани, кушаки, кофры, платки, фаты, шелькъ, набранные или отчасти въ Индіи, отчасти въ Персіи. Въ столицѣ они познакомили русскихъ съ индійскою матеріею каккою. Въ 1651 году русскіе гости просили царя дозволить имъ отправлять свои товары въ Индію и устроить, при посредствѣ персидскаго правительства, свободное сообщеніе Россіи съ Индіею

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 337—339.

²⁾ Herberst., 77.

³⁾ Доп., IV, 15.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VI, прим. 629.

⁵⁾ Ibid., VII, 158.

⁶⁾ Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн., VII, 124.

через Персію. Алексѣй Михайловичъ дозволилъ гостю Шорину, отправить двухъ гостинныхъ приказчиковъ Родіона и Ивана Никитинныхъ съ русскими товарами и свободилъ ихъ грамотами къ персидскому шаху и великому моголу. Но и это торговое посольство не достигло своей цѣли, отчасти снова отъ неблагорасположенія Персіи, отчасти же въ самомъ дѣлѣ отъ безпорядковъ въ Индіи, возникшихъ по смерти великаго могола между его сыновьями, оспаривавшими другъ у друга наслѣдство. Въ 1663 году прибыли въ Москву индійскіе армяне съ грузомъ товаровъ и поднесли Алексѣю Михайловичу въ даръ разныя украшенія: корону, перстни, запону, нашивки, матеріи, ладанъ, благовонія и фрукты. Царь взялъ у нихъ не все, но часть, и по средней оцѣнкѣ выдалъ имъ настоящую цѣну въ 10.472 руб. соболями, сукнами и другими товарами, но не деньгами. Армяне были недовольны такимъ приемомъ, потому что обыкновенно царская щедрость награждала подносителей даровъ вдвое противъ настоящей цѣны самихъ даровъ. Армяне заключили съ правительствомъ договоръ доставлять въ аптекарскій приказъ лекарства, особенно чепучинный корень (*Radix chinae*), но правительство не согласилось, чтобъ привозъ этихъ товаровъ былъ освобожденъ отъ пошлинъ. Въ 1669 году царь, не оставляя мысли о постоянной торговлѣ съ Индіею, задумалъ отправить туда русскій караванъ. Предпріятіе это было столь ново, что надлежало предварительно отправить кого-нибудь для изслѣдованія пути, а потому Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Бухарію, Хиву и Балкъ посланникомъ Бориса Пазухина для извѣданія пути въ Индію. Пазухинъ возвратился въ 1673 году. Онъ доносилъ, что центромъ, куда нужно будетъ посылать караванъ, долженъ быть Джанабадъ, индійская столица. Путь къ нему идетъ отъ Астрахани моремъ, до Караганскаго пристанища, оттуда въ теченіе трехъ недѣль до Хивы, изъ Хивы въ теченіе трехъ недѣль до Балка, отъ Балка на Шарванъ, оттуда на Чарикуръ, Кабуль, Нѣшауръ, Аттокъ, Ротасъ, Лагоръ, Султанпуръ и Джанабадъ, что выходило отъ Астрахани путя четыре мѣсяца съ половиною верблюжьимъ ходомъ. Спрошенные по поводу этого донесенія индійцы, случившіеся въ то время въ Москвѣ, совѣтовали держать другой путь изъ Караганскаго пристанища въ Юргенджъ, Бухару, а оттуда въ Балкъ, изъ Балка въ Кабуль. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ 1675 году отправленъ чрезъ Бухарію, по указанію индійцевъ, караванъ подъ начальствомъ посла астраханца Маметъ-Исупа Касниова съ разными товарами, состоящими преимущественно въ мѣлахъ, предназначенныхъ для подарковъ властителю индійскому Эвреннзебу. Пропущенные дружелюбно бухарскимъ и балквинскимъ властями, русскіе достигли Кабула въ 1676 году. Вассалъ Эвреннзеба Мекреметъ-Ханъ, управлявшій Кабуломъ, донесъ о прибытіи гостей своему властителю, но тотъ принялъ новость вовсе не такъ, какъ ожидали. Онъ не захотѣлъ быть въ сношеніяхъ съ Россіею, отговариваясь тѣмъ, что прежде не было такихъ сношеній и что магометанская вѣра пріятствуетъ дружитья съ христіанами. Мекреметъ-Ханъ не позволилъ русскимъ продавать товары; опечаталъ какъ подарки царскіе, такъ и товары купцовъ, привезенные для продажи, взялъ товары эти по той цѣнѣ, по какой ему было угодно, и еще съ вычетомъ пошлинъ, да при этомъ таможенныя чиновники замѣтили, что у нихъ и холопи не носятъ такихъ дурныхъ соболей, какіе русскій царь присылаетъ въ подарокъ ихъ государю. Впрочемъ, индійскій шахъ выдалъ имъ въ видѣ подарка двѣ тысячи рупій, подтверждая, чтобы русскіе немедленно удалились изъ его владѣ-

ній. Съ этихъ поръ, какъ видно, индійцы перестали пользоваться въ Россіи такимъ гостепріимствомъ, какъ прежде, ибо въ 1684 году одинъ индеецъ жаловался на притѣсненія его единоземцамъ, которыя дѣлали астраханскіе воеводы, а въ 1688 году, по просьбѣ гостей, право индійцевъ торговать въ Россіи ограничено одною Астраханью. Неудачи въ устроеніи торговыхъ сношеній съ Индією не удержали русское правительство еще разъ въ 1695 году попытаться послать въ Индію купца Семена Маленькаго съ товарищами, съ наказомъ продать тамъ русскіе товары и купить для царской казны индійскіе произведенія. Эта новая экспедиція была удачнѣе. Русскіе купцы безпрепятственно достигли Индіи и получали отъ наиѣстника индійскаго шаха грамоту на безостановочный пропускъ. На возвратномъ пути моремъ изъ Сурата они были ограблены морскими разбойниками ¹⁾.

Покореніе Восточной Сибири повело Россію къ торговымъ сношеніямъ съ отдаленнымъ Китаемъ. Они возникли не ранѣе половины XVII вѣка. Первый гоноецъ въ Китай былъ Ярмжинъ. Въ 1654 году было посольство въ Китай Ѳедора Байкова, сибирскаго козака Малнина и бухарца Вабураль-Бабаева съ товарами ²⁾. Байковъ воротился въ Tobольскъ въ 1658 году. Послѣ него ѣздилъ тарскій сынъ боярскій Иванъ Перфильевъ, а въ 1675 году Николай Спафарій. Такимъ образомъ возникли торговыя сношенія съ Китаемъ. Начало ихъ Языковъ относитъ къ Спафарію, но Кильбургеръ, писавшій въ 1674 году, приписываетъ ихъ Байкову. Главный пунктъ этой торговли былъ въ Tobольскѣ. Годъ отъ году она принимала бѣльшіе размѣры. Китайскіе купцы привозили туда пестрыя ткани, одноцвѣтную китайку, разные драгоцѣнные камни, фарфоръ, чай, бодянь, хину, ревенъ, бобровую струю, шолкъ, который оказался лучше и крѣпче персидскаго и шамахинскаго. Право купцовъ пріѣзжать въ Россію ограничивалось Tobольскомъ. Отсюда купленные и вытѣнные товары развозились по Россіи; часть ихъ направлялась въ Москву, другая въ Архангельскъ для передачи иностранцамъ ³⁾. Въ 1689 году бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ посломъ въ Китай, заключилъ съ китайскимъ правительствомъ мирный договоръ, по которому установлено правильное и постоянное сношеніе съ Китаемъ. Съ тѣхъ поръ русскіе начали ѣздить въ Китайскую Имперію съ русскими товарами и промѣнивали ихъ на китайскіе. Вскорѣ для предотвращенія контрабандной торговли правительство стѣснило свободныя поѣздки въ Китай и приказало не иначе пускать русскихъ торговцевъ въ Китай, какъ съ грамотою, выданною изъ Сибирскаго Приказа; слѣдовательно, купецъ, желавшій изъ Сибири отправиться въ Китай, долженъ былъ прежде обратиться въ Москву и выхлопотать себѣ грамоту, что составляло для него источникъ многихъ издержекъ, проволочекъ и затрудненій. Купецъ, получившій наконецъ грамоту, долженъ былъ ѣхать непременно черезъ Иркутскъ и Нерчинскъ, и возвращаться тѣмъ же путемъ, чтобы платить пошлины съ вывозимыхъ и привозныхъ товаровъ ⁴⁾. Правительство хотѣло, чтобы китайская торговля сосредоточивалась въ его рукахъ и производилась чрезъ его посредство. Въ 1694 году опредѣлено ежегодно посылать

¹⁾ Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн., VII, 125—167.

²⁾ Акты Ист., IV, 202.

³⁾ Кильбург., 132.

⁴⁾ Акты Ист., V, 373.

въ Китай купцовъ отъ нравительства для торговли съ китайцами ¹⁾. Въ 1695 году отправлены въ Китай священныя принадлежности для основанія русской церкви, учреждаемой для русскихъ купцовъ, пребывающихъ въ Китаѣ ²⁾. Въ 1696 году купецъ Спиридонъ Лангусовъ получилъ отъ казны порученіе везти въ Китай шѣла и промѣнивать на золото и разныя ткани ³⁾. Торговымъ пунктомъ китайской торговли избранъ Нерчинскъ, туда прибывали и отбывали караваны съ русскими и китайскими товарами ⁴⁾.

Вообще русская власть въ отношеніи торговли съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобъ производить то, что привозили ему иностранцы, давало имъ въ Россіи большія торговыя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привилегіи англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недоброуе къ иностранцамъ, боясь, чтобъ не употребили во зло покровительства и гостепріимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и то, и другое. Они наполняли казну царей и дома знатныхъ особъ предметами изысканной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства, но они постоянно, на каждомъ шагу не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію, какъ на страну дикую и необразованную и потому-то особенно имъ полезную. Пребываніе въ Россіи иностранцевъ не оказывало ни малѣйшаго благотворнаго вліянія ни на улучшеніе нравовъ, ни на просвѣщеніе, ни на благосостояніе народа; иностранцы всѣми способами старались отклонить Россію отъ уровня съ западными странами, чтобъ самимъ не терять выгоды, которыя они получали отъ русскаго государства. Съ своей стороны, власть, сохраняя неприкосновенность православнаго ученія и древняго гражданскаго порядка, установившагося въ Россіи, отстраняла всякое нравственное обліженіе русскихъ съ иностранцами. Вообще, торговые иностранцы въ Россіи пользовались большею благосклонностью правительства до половины XVII вѣка, тѣмъ послѣ того до Петра. Объ англичанахъ и говорить нечего; но и торговцы другихъ народовъ—голландцы, шведы, персы, греки—всѣ имѣли какія-нибудь льготы или привилегіи, показывавшія, что власть дорожитъ сношеніями съ иноземными державами ⁵⁾. Между прочимъ, всѣ иностранцы пользовались особымъ отъ русскихъ судопроизводствомъ, ибо ихъ не предавали пыткамъ; но въ половинѣ XVII вѣка, въ 1661 году, персіяне, тезики (азиатскіе турки) и греки (объ иноземцахъ другихъ націй неизвѣстно) подвергались торговой казни за продажу табаку ⁶⁾. Кромѣ льготъ, предоставляемыхъ торговцамъ извѣстныхъ націй по договорамъ съ правительствами вообще, нерѣдко царіи давали въ знакъ особыхъ милостей лицамъ и обществамъ изъ европейскихъ торговцевъ льготныя привилегіи. Царь Іоаннъ Васильевичъ даровалъ дерптскимъ купцамъ право безпошлинной торговли въ Новгородѣ, Псковѣ и Иванъ-Городѣ, съ оговоромъ, что если

¹⁾ Ibid., 519.

²⁾ Ibid., V, 445.

³⁾ Ibid., V, 470.

⁴⁾ Ibid., V, 473.

⁵⁾ Ст. сп. Флетч., Врем., VIII, 25.

⁶⁾ Собр. Г. Гр., IV, 74.

они повезутъ свои товары въ Москву, Казань, Астрахань или другіе города Россіи, то должны платить пошлины наравнѣ съ русскими ¹⁾. Царь Борисъ въ 1599 году далъ жалованныя грамоты нѣмцамъ Игнатію Поперзаку и Андрею Витину, позволилъ имъ торговать въ Новгородѣ, Псковѣ, Иванъ-Городѣ безошлинно, даровалъ право ѣздить обратно изъ Россіи въ Литву, Ливонію и Германію. Какъ внутри государства въ вышеупомянутыхъ городахъ, такъ и при отъѣздѣ за границу и пріѣздѣ въ Россію они освобождались отъ пошлинъ ²⁾. Михаилъ Феодоровичъ далъ подобныя же грамоты нѣмцамъ, Буку и Ивану Юрьеву; они могли торговать всякими товарами безошлинно, но съ условіемъ, не возить вмѣсто своихъ чужихъ товаровъ и не давать русскимъ людямъ торговать комиссіи ³⁾. Были заграничныя торговыя дома, долго торговавшіе въ Россіи и приобретающіе особенное расположеніе правительства. Таковъ былъ въ XVII вѣкѣ гамбургскій торговый домъ Марселльсовъ. По даннымъ имъ жалованнымъ грамотамъ они и ихъ приказчики не освобождались отъ платежа пошлинъ, не могли торговать въ раздробъ, а непремѣнно оптомъ; но зато могли нѣтъ свои дворы въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Колѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ (но не въ другихъ городахъ), и разъѣзжать по всей Россіи съ товарами; воеводы не смѣли судить ихъ и придраться къ нимъ; въ случаѣ какого-нибудь иска на нихъ, они отъѣзжали въ Посольскомъ приказѣ ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ пользовалась особымъ расположеніемъ царей торговая фамилія Келдермановъ, жившихъ въ Москвѣ. Они оказывали услуги царямъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Андрей Келдерманъ при Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ трижды былъ посломъ въ Англію, сынъ его Томасъ — въ Голландію, къ императору Леопольду и къ венеціанскому дожу. Царь довѣрялъ ему въ Архангельскѣ надсмотръ за продажей шолка и препоручалъ покупки разныхъ товаровъ для царскаго обихода; въ 1671 году наименовалъ его почетнымъ именемъ повѣреннаго Московскаго Государства и чести достойнаго, а въ 1685 году этотъ титулъ внесенъ въ его жалованную грамоту ⁵⁾. Многіе брали жалованныя грамоты отъ приказовъ, подкупивъ дьяковъ и приказныхъ людей, — въ томъ вѣкѣ это было легко; посулы и поминки могли тронуть сердца блюстителей администраціи и хранителей царской прибыли; такимъ путемъ иностранцы получали грамоты на разные льготы; иногда на торговлю съ пошлинами, а иногда даже и безъ пошлинъ ⁶⁾. Нерѣдко иностранцы, получивъ такія грамоты, передавали ихъ другимъ, и послѣдніе спокойно торговали подъ именемъ тѣхъ, кому даны грамоты, называя себя то ихъ братьями, то племянниками, то приказчиками: ибо всякая такая жалованная грамота распростиралась не только на одно лицо, но и на тѣхъ, которые состояли съ нимъ въ одномъ торговомъ капиталѣ и даже на тѣхъ, которые у нихъ служили. Такимъ образомъ, жалованная грамота, данная одному лицу, давала права, въ ней означенныя, цѣлой компаніи, произвольно составленной. Были и такіе иностранцы, которые не задавали себѣ труда брать жалованныхъ

¹⁾ Suppl., 284.

²⁾ Собр. Г. Гр., II, 151.

³⁾ Собр. Г. Гр., III, 63, 88.

⁴⁾ Ibid., III, 370 - 372.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 491, 492.

⁶⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 17.

грамать изъ приказа, а торговали себѣ, какъ хотѣли ¹⁾). Россія была широка, мало населена,—поймать трудно; а въ случаѣ и пойманы—посулы и поминки выручатъ. Вообще же побужденіе брать жалованныя граматы зависѣло не отъ однихъ торговыхъ причинъ; если жалованная грамота не давала торговцу безпошлинной торговли, то освобождала его отъ мѣстныхъ судовъ, а передавала всякій судъ съ нимъ Посольскому приказу; это уже было немаловажно. Всѣ вообще иноземцы и состоили въ вѣдѣніи Посольскаго приказа; но когда случалось какое-нибудь дѣло, какая-нибудь жалоба иностранца на русскаго, — дѣло производилось въ томъ приказѣ, въ которомъ вѣдомъ былъ отвѣтчикъ. Такой приказъ требовалъ къ своему суду иностранцевъ, и тутъ-то начиналось судебное *волокительство*, и происходила для нихъ въ *торгахъ безпромыслица*, особенно тогда, когда отвѣтчикъ самъ служилъ въ приказѣ, а это случалось часто: подъячій, наприѣръ, наберетъ у иностранца въ долгъ и не платитъ, а иностранецъ долженъ тягаться съ нимъ въ томъ же приказѣ, гдѣ сидитъ самъ подъячій, а съ нимъ его пріятели, которые не только не думаютъ удовлетворить иноземца, но еще и сами хотятъ поживиться на его счетъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ, въ 1628 году, однимъ только англичанамъ вообще дана была грамота на право быть судимыми единственно въ Посольскомъ приказѣ; другіе иноземные торговцы подвергались суду тѣхъ приказовъ, гдѣ былъ отвѣтчикъ. Исключались изъ этой категоріи тѣ, которые имѣли особия жалованныя граматы. По Уложенію, всѣ иноземцы, живущіе въ Россіи, должны судиться тѣмъ же судомъ, какъ и подданные Московскаго государства ²⁾). Въ 1653 году дана была грамота голландцамъ и вообще всѣмъ торговымъ иноземцамъ на право быть судимыми въ одномъ Посольскомъ приказѣ; но послѣ того возникали челобитныя отъ иноземцевъ: они жаловались, что ихъ непрежнему тягаютъ въ другіе приказы. Поэтому, въ 1664 году подтверждено было распоряженіе 1653 года ³⁾).

Между иноземцами и русскими господствовала неприязнь, переходившая часто въ явныя ссоры. Такъ въ Архангельскѣ, когда иноземные корабли приставали къ берегу и къ нимъ подходили русскіе досчанки и барки, всегда почти между гостями и домашними происходила драка; нерѣдко доходило и до смертоубійства ⁴⁾); это, впрочемъ, не мѣшало врагамъ торговать между собою тайкомъ и вѣстѣ обманывать правительство ⁵⁾). Волѣ недружелюбны были отношенія иностранцевъ къ начальствовавшимъ лицамъ; послѣдніе жаловались, что иноземцы бываютъ дерзки и не даютъ осматривать своихъ товаровъ. Въ особенности же споры происходили по поводу выбора товаровъ для царской казны, ибо иностранцамъ не дозволялось продавать своихъ товаровъ прежде, чѣмъ не сдѣлаютъ выборовъ для казны. Тогда иноземцы, вопреки требованіямъ начальства продавать въ казну самые лучшіе товары, скрывали ихъ, чтобы тайкомъ продавать въ частныя руки, а чиновникамъ показывали на выборъ товары похуже и назначали высокую цѣну: иноземные торговцы вообще находили, что имъ невы-

¹⁾ Ibid., IV, 18.

²⁾ Полн. Собр. Зак., I, Улож., гл. X.

³⁾ Доп., IV, 339.

⁴⁾ Ibid., 142.

⁵⁾ Ibid., 143.

годно и неприятно было имѣть дѣло съ казною, а еще болѣе съ чиновниками, которые всегда готовы были къ нимъ придратъся. Но въ особенности не терпѣли иноземныхъ торговцевъ русскіе оптовые торговцы-*юсты* и богатые *кумичсы*. Они не могли не скорбѣть, видя, какъ иностранные торговцы отнимаютъ у нихъ хлѣбъ, занимаясь тѣмъ, чѣмъ бы по всѣмъ правамъ, какъ они думали, слѣдовало заниматься русскимъ: скупаютъ русскіе товары у мелкихъ торговцевъ, тогда какъ этотъ скупъ долженъ бы исключительно принадлежать торговцамъ, торгуютъ въ розницу, и притомъ или вовсе не платя пошлины, или платя ихъ меньше, чѣмъ русскіе, да вдобавокъ не подвергаясь различнымъ повинностямъ, которыя отбывали русскіе торговые и промышленные люди. При Михаилѣ Феодоровичѣ, на Земскомъ Соборѣ 1642 года, гости и торговые люди въ своей сказкѣ жалуются, что ишцы, визильбанцы (персіяне) и всякіе иноземцы торгуютъ всякими товарами, какъ въ столицѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и черезъ то *оъ городѣхъ всякіе люди обнищали* ¹⁾. Въ 1646 году русскіе гости подавали челобитную, въ которой излагали всѣ обстоятельства, вредныя для казны и торговли, притекающія отъ правъ, которыми пользовались въ Россіи иностранные торговцы. Постигавшія англичанъ обвиненія въ умышленномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары для своекорыстныхъ видовъ касались тогда въ болѣе или меньшей степени вообще торговцевъ всѣхъ иностранныхъ націй. Гости хотѣли захватить въ свои руки торговлю. Когда иностранцы, говорили они, приходили единственно въ порты, а не торговали въ Россіи, русскіе товары были дороже, а иностранные дешевле; теперь вышло наоборотъ: русскіе продаются за безцѣнокъ, а иностранные дорожаютъ, и притомъ иностранцы привозятъ къ намъ чтò поуже ²⁾. Такой протестъ гостей, лицъ близкихъ къ правительству и часто служившихъ ему въ торговыхъ и финансовыхъ операціяхъ, мало-по-малу расположилъ правительство въ ихъ пользу и противъ иностранцевъ. По торговому уставу 1653 г. иностранцы, торговавшіе въ Россіи, обложены были высшею пошлиною, чѣмъ русскіе торговцы; именно, вмѣсто десяти денегъ—двумя алтынами съ рубля, кромѣ, однако, Ариангельска, да сверхъ того, по четыре деньги съ рубля за товары, которые они везутъ изъ Россіи къ порту ³⁾. Но еще болѣе ограничены были льготы иностранныхъ торговцевъ, торговавшихъ по Россіи по Торговому уставу 1667 года. Они были обложены по гривнѣ съ рубля (20 денегъ), слѣдовательно, двойною въ сравненіи съ русскими купцами, такъ называемую *пропъжеско* пошлиною, какъ за товары, которые они везутъ внутрь государства, такъ и за тѣ, которые будутъ вывозить изъ Россіи за границу; независимо отъ того они должны были платить двухалтынную пошлину съ рубля, наложенную на нихъ уставомъ 1653 года ⁴⁾. Сверхъ того, они обязаны были, пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, продавать свои товары непременно иѣстнымъ купцамъ, и не иначе, какъ оптомъ, равно должны были покупать и выѣзживать русскіе товары не иначе, какъ у иѣстныхъ торговцевъ, а отнюдь не у пріѣзжихъ; если-жъ бы открылось, что иноземецъ продалъ свой товаръ инопородцу или купилъ русскій товаръ у инопородца, пріѣхавшаго въ городъ, то такой товаръ,

¹⁾ Собр. Г. Гр., III, 395.

²⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 16—18.

³⁾ Полн. Собр. Зак., I, 304.

⁴⁾ Ibid., I, 686, 687.

какъ у того, такъ и у другого, отбирался на государя. Имъ запрещалось въ Россіи торговать между собою, за исключеніемъ московскихъ купцовъ иностраннаго происхожденія, которые могли привозить съ товарами и за товарами во всѣ ярмарки и въ порубежные города. Иностранцы не могли торговать въ розницу ни подъ какими условіями. Наконецъ, стѣсня болѣе и болѣе иноземцевъ въ торговлѣ, уставъ 1667 года постановилъ брать съ нихъ пошлины даже и за тѣ товары, которые они привезли изъ-за границы и уже оплатили, но которые, не бывъ проданы въ Россіи, увозятся за границу снова. Вообще весь этотъ уставъ клонится къ тому чтобъ вытѣснить иностранцевъ изъ торговли внутри Россіи, ограничить ихъ торговыми операціи портами и поставить въ такое отношеніе, чтобъ выгода въ торговлѣ оставалась на сторонѣ гостей, которыми такимъ образомъ предоставляется возможность и свобода захватить въ свои руки оптовую торговлю Россіи ¹⁾. Хотя это слишкомъ ограничило иностранныхъ торговцевъ, но не уничтожило ихъ стремленія къ преобладанію въ русской торговлѣ. Иностранцы были стѣснены во внутренней торговлѣ Россіи, но не отстранены отъ нея. Въ Россіи жили иностранные торговцы, которые были полезны царю, исполняли его порученія, которыхъ нельзя было возложить на гостей, и потому получали особые права торговать внутри Россіи и съ иностранцами въ Архангельскѣ ²⁾. При посольствахъ отъ европейскихъ государей привозили торговые люди съ товарами, которыми дозволялось торговать на Посольскомъ дворѣ ³⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ уступалъ гостямъ, потому что они умѣли показать ему, какъ ихъ интересы совпадаютъ съ интересами казны, но дорожили торговыми сношеніями съ Европою и не отступали отъ своихъ приказаній таможенныхъ начальникамъ: обходиться съ иноземцами вѣжливо и *принять къ нимъ дерзость, чтобъ ихъ не отогнать* ⁴⁾. Москвитине,—замѣчаетъ англійскій посланникъ ⁵⁾,—охотно терпѣли всѣхъ европейцевъ въ своей странѣ, лишь бы они были протестанты; только католики и жиды подвергались изгнанію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Открытіе бѣломорскаго пути произвело важное измѣненіе въ путяхъ и пунктахъ русской торговли. До того времени главнымъ мѣстомъ сношеній съ Европою была Нарва или Иванъ-Городъ (Ругодиль) на Балтійскомъ морѣ, но послѣ основанія англійской компаніи этотъ портъ началъ упадать и упадалъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развивалась бѣломорская торговля ⁶⁾. Глав-

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 196—199.

²⁾ Ibid., 491.

³⁾ Полн. Собр. Зап., II, 323.

⁴⁾ Док., III, 194.

⁵⁾ Carlisle, 73.

⁶⁾ Ст. Сп. Флетч., 16.

нымъ приморскимъ торговымъ городомъ сдѣлался Холмогоры ¹⁾. Здѣсь было первое складочное мѣсто привозныхъ товаровъ ²⁾. Кроме того, что преимущество положенія края, прибрежнаго къ судоходной рѣкѣ и близкаго къ морю, благоприятствовало процвѣтанію этого города, вся окрестность его изобилвала многими статьями тогдашняго вывоза: мѣлами, львомъ, пенькою. Ототники привозили въ Холмогоры въ большомъ количествѣ звѣринныя шкуры, изъ Лапландии доставляли оленьи кожи и зубы моржей, съ Сѣвернаго моря — соль и ворвань ³⁾. Англичане избрали этотъ незначительный до того времени городокъ пристанью, построили въскоро нѣсколько красивыхъ домовъ по англійскому образцу ⁴⁾ и завели прядильную фабрику, покупая для нея матеріалы въ Россіи, посредствомъ своихъ агентовъ ⁵⁾. Торговля въ Холмогорахъ была преимущественно оптовая и жѣловая; хотя англичане и занимались розничною торговлею въ Россіи, но въ другихъ городахъ. Металлы принимались въ Холмогорахъ какъ товаръ, а не какъ номинальное выраженіе цѣнности. Если русскій продавалъ англичанину свои товары и получалъ за нихъ звонкую монету, то взвѣшивалъ ее и принималъ по сравненіи вѣса и стоимости съ своими деньгами, тѣмъ болѣе, что въ XVI вѣкѣ и русская монета имѣла значеніе товара, котораго стоимость каждый опредѣлялъ вѣсомъ и достоинствомъ, такъ же какъ и всякую другую вещь ⁶⁾.

Когда Холмогоры были главнымъ торговымъ пунктомъ бѣломорской торговли, далѣе къ устью Двины стоялъ одиноко Архангельскій монастырь; близъ него былъ построенъ англійскій гостинный дворъ, а при немъ четыре дома. Тамъ была первая, вступательная пристань ⁷⁾; тамъ купеческія суда разгружались и оттуда товары на досчатникахъ шли до Холмогоръ, а иногда прямо до Вологды. Въ 1584 году вокругъ монастыря и стоявшихъ около него строений построены городъ, то-есть стѣна, и названъ Архангельскъ ⁸⁾. Вскорѣ въ этотъ новопостроенный городъ перешла холмогорская торговля. Неудивительно, что онъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ истока и притока торговли въ Россіи. Многие купцы изъ торговыхъ городовъ: Москвы, Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска, Сольвычегодска построили тамъ себѣ дома, нѣкоторые перешли туда на постоянное жителство, оставаясь безвыѣздно въ продолженіе двадцати и тридцати лѣтъ, тогда какъ ихъ агенты (покрученики) закупали по Россіи товары и доставляли къ порту ⁹⁾. Другіе если не жили сами, то завели тамъ дворы, ежегодно посѣщая Архангельскъ въ торговое время. Между тѣмъ, туда же стекались промышленники и съ другихъ сторонъ, какъ, напримѣръ, съ *Мурманскаго* моря съ рыбою и саломъ ¹⁰⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Архангельскъ приходило ежегодно отъ три-

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 408.

²⁾ Врем., VIII. Торг. кн.

³⁾ Chancellor. Nakl., 280.

⁴⁾ Randolph. Nakl., 422.

⁵⁾ Rich. Gray. Nakl., 338.

⁶⁾ Врем., VIII. Торг. кн.

⁷⁾ Randolph. Nakl., 422.

⁸⁾ Ист. Г. Росс., X, 30. Прим. 135.

⁹⁾ Доп., IV, 143.

¹⁰⁾ Ibid., III, 117.

дцати до сорока кушеческих иностранных (английских, голландских, гамбургских, бременских) кораблей¹⁾. Обыкновенное время торговли был исходъ лѣта, и это время называлось ярмаркою. Было ли прежде положительно опредѣлено время начала и окончанія этой ярмарки—неизвѣстно; но въ 1663 году иноземцы жаловались, что время для ярмарки въ Архангельскѣ очень коротко. Тогда по ихъ просьбѣ установленъ былъ трехмѣсячный срокъ, именно: мѣсяцы июль, июль и августъ, и притомъ съ тѣмъ, чтобы послѣ указнаго срока не было торговли въ Архангельскѣ. Но въ 1664 году русскіе торговцы разныхъ городовъ были челомъ, что иноземные корабли приходятъ въ Архангельскъ поздно, къ 15 августа, а русскіе торговцы, рано являясь въ Архангельскъ, терпятъ убытки отъ простаю, поэтому разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку и послѣ 1 сентября до прихода послѣднихъ кораблей²⁾. Въ 1667 году время ярмарки опять ограничено первымъ числомъ сентября, подъ тѣмъ предлогомъ, что многія суда, уходя поздно изъ Архангельска къ Вологдѣ, бывають застигнуты льдомъ и оттого портятся товары³⁾. Это сдѣлано собтвенно въ видахъ сбереженія царскихъ товаровъ⁴⁾. То же подтверждено въ 1674 году. Но въ самомъ дѣлѣ, несмотря на запрещенія, торгъ всегда оканчивался не ранѣе конца сентября. Иностранные купцы, приготовляясь къ отплытію въ Архангельскъ, дѣлали въ маѣ и июнѣ закупы товаровъ, назначеннымъ въ Россію, и потомъ уже отправлялись въ Архангельскъ, не ранѣе какъ въ половинѣ июля. Зная это, и московскіе купцы выѣзжали изъ Москвы въ Архангельскъ на почтовыхъ во второй половинѣ июля и никакъ не могли прибыть на мѣсто ранѣе двухъ недѣль. Самый дѣятельный торгъ происходилъ въ августѣ, но расплата и расчеты продолжались до конца октября, и это было болѣе всего причиною продолжительности ярмарки. Иностранцы рассчитывали, что они дѣлають оборотъ своего капитала въ торговлѣ съ Россією въ теченіе пяти мѣсяцевъ, именно: въ маѣ и июнѣ закупають товары, въ июлѣ и августѣ привозять въ Архангельскъ, а въ концѣ сентября возвращають капиталъ съ процентами⁵⁾. При Феодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1679 году, разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку на безсрочное время, и всѣмъ, которые не успѣють продать и промѣнять своихъ товаровъ во время ярмарки, позволялось сложить ихъ въ амбары и лавки и торговать по произволу⁶⁾.

Каждогодно, вмѣстѣ съ открытіемъ торжища, правительство назначало для него торговое начальство. Главнымъ лицомъ былъ гость, опредѣленный для сбора пошлинъ и управленія торговыми дѣлами; когда ярмарка оканчивалась, то и онъ уѣзжалъ въ Москву съ собранною казною и таможенными книгами для отдачи думному дьяку Новгородской Чети. Когда начали посылать такихъ начальствовавшихъ лицъ—неизвѣстно, но обычай этотъ былъ наблюдаемъ уже въ царствованіе Миханла Феодоровича⁷⁾. Подъ начальствомъ гостя было двое таможен-

¹⁾ Кильбург., 154.

²⁾ Доп., IV, 378—379.

³⁾ А. Истор., IV, 517.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 201.

⁵⁾ Кильбург., 154—156.

⁶⁾ Акты Ист., V, 69.

⁷⁾ Полн. Собр. Зак., II, 222.

ныхъ головъ и выборные цѣловальники ¹⁾). Таможенные головы выбирались изъ торговыхъ людей московской гостинной сотни, а изъ цѣловальниковъ двое были изъ гостинной сотни, двое изъ суконной, и сверхъ того еще нѣсколько—скольже *притомже* — изъ мѣстныхъ жителей ²⁾). Но въ 1658 году замѣчено, что цѣловальники послѣдняго сорта выбраны были изъ пахотныхъ людей, ничего не смыслившихъ въ торговлѣ, а потому постановлено впередъ выбирать шесть цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей городовъ: Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска ³⁾). Вскорѣ это число цѣловальниковъ было удвоено. Въ 1667 году постановлено, чтобъ передъ открытіемъ ярмарки гости выѣзжали въ Архангельскъ съ однимъ таможеннымъ головою и шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Каргополя, Устюга и Сольвычегодска, а другой таможенный голова или товарищъ гостя долженъ былъ ѣхать въ Вологду также съ шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Ярославля, Костромы и Вологды, и находиться тамъ во все время нагрузки и сплава въ Архангельскъ куческихъ судовъ съ товарами, а по окончаніи сплава ѣхать въ Архангельскъ; тамъ все таможенное начальство должно находиться вмѣстѣ въ продолженіе всей ярмарки ⁴⁾). Сверхъ того, имъ придавались подъячіе для веденія торговыхъ дѣлъ и записки пошлинь ⁵⁾).

Въ Архангельскѣ устроена была корабельная пристань и при ней таможенный дворъ ⁶⁾). Еще въ 1635 году устье Двины съ обѣихъ сторонъ было ограждено стрѣлецкими караулами, которые останавливали плывущія суда ⁷⁾). Въ 1667 году всякій иностранный корабль на самыхъ устьяхъ Двины встрѣчалъ шавцы, гдѣ былъ построенъ дворъ. Командиръ плывущаго корабля долженъ былъ объявить находящемуся въ этотъ дворъ приказному человѣку названіе корабля, имя хозяина, имена торговцевъ, прибывшихъ или посылаемыхъ свои товары въ Россію на этомъ кораблѣ, и подать росписи самымъ товарамъ. Приказный человѣкъ дѣлалъ съ этой росписи выписку (копію) и отдавалъ шкиперу, а самый подлинникъ оставлялъ у себя; корабль слѣдовалъ къ Архангельску и, ставши на якорь, предъявлялъ копію, данную приказнымъ человѣкомъ, гостю, который записывалъ ее въ книги, а потомъ дѣлалъ повѣрку, и если бы оказалось что-нибудь лишнее противъ выписи, то отбиралъ это лишнее на государя ⁸⁾). Въ 1689 году начальствовавшій Архангельскомъ и корабельною гаванью стрѣлецкій полковникъ долженъ былъ разспросить прибывающихъ черезъ вожей или же таможенныхъ цѣловальниковъ: нѣтъ ли въ той странѣ, откуда они приходятъ, морового повѣтрія, и только послѣ такого разспроса допускать новопривышій корабль къ Архангельску. При этомъ слѣдовало каждому кораблю напоминать, чтобъ не бросали песку и каменьевъ, служившихъ балластомъ, въ Двину и не засаривали ея устья ⁹⁾).

¹⁾ Доп., III, 200.

²⁾ Ibid., III, 185.

³⁾ Доп., IV, 143—144.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

⁵⁾ Доп., V, 200.

⁶⁾ Ibid., III, 204.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., III, 391.

⁸⁾ Собр. Г. Гр., IV, 197.

⁹⁾ А. Ист., V, 309.

Какъ только корабль станетъ на якорѣ, таможенное начальство дѣлало осмотръ: нѣтъ ли на кораблѣ пушекъ, огнестрѣльнаго снаряда и военныхъ людей. Если бы отыскалось подобное, то таможенные начальники обязаны сдѣлать допросъ: для чего корабли привели съ собою военныхъ людей и привезли военные снаряды?

Иностранцы легко могли отговариваться тѣмъ, что это дѣлается для предохраненія во время плаванія, но тогда корабль долженъ былъ стоять за устьемъ, а не подходить къ городу ¹⁾. У иностранцевъ, съ нѣсколькими кораблями, приходящими изъ одной и той же страны, былъ одинъ корабль конвойный, вооруженный, и этотъ корабль долженъ былъ не входить въ устье, а стоять въ морѣ ²⁾; но въ 1685 году, по просьбѣ голландцевъ, гамбургцевъ и торговцевъ другихъ націй, позволено было входить въ устье и конвойнымъ кораблямъ ³⁾. Потому таможенники пересматривали всѣ товары въ тюкахъ, сундукахъ, кипахъ, считали ихъ и дѣлали *примерный отъсъ*; при этомъ не обходилось безъ споровъ, часто жаркихъ съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ 1667 году голландцы и гамбургцы жаловались на таможенного начальника гостя Шорина, что онъ ставитъ неправильный вѣсъ, беретъ за модель для вѣса (примѣтываетъ) самыя большіе тюки, заключаетъ по ихъ вѣсу о вѣсѣ другихъ, гораздо меньшихъ, и притомъ кладетъ въ вѣсъ веревки, самыя коробки и тюки. Гости имѣли наказъ вѣсить по согласію съ иноземными торговцами, но, однако, примѣняясь, чтобъ государевой казнѣ было *прибыльнѣе*, и такъ, чтобъ можно было взять побольше вѣсовыхъ пошлинъ.

Сообразно вѣсу и счету производима была вѣстѣ съ цѣловальниками оцѣнка ⁴⁾. Иноземцы должны были объявлять цѣну своимъ товарамъ по совѣсти, и еслибъ оказалось, что они сказали не дѣйствительную цѣну, то ихъ товары отбирались въ казну ⁵⁾. При этомъ товары раздѣлялись на вѣсчіе (вѣсомые) и невѣсчіе (невѣсомые). Тогда спрашивали иноземныхъ торговцевъ: желаютъ ли они оставаться и торговать въ Архангельскѣ или ѣхать далѣе, и, сообразно ихъ отвѣту, облагали ихъ пошлинами. Вопросъ о желаніи ѣхать внутрь государства относился къ тѣмъ, которые на это имѣли право по жалованнымъ грамотамъ.

Торговля съ русскими происходила двумя способами: или на самыхъ корабляхъ безъ разгрузки иностранныхъ товаровъ, или же послѣ разгрузки въ гостиныхъ дворахъ. Русскіе могли подвозить на судахъ свои товары въ гавань, входить на иностранные корабли и тамъ производить мѣновую и покупную торговлю. При такомъ торгѣ должны были присутствовать таможенные головы, а если торгъ былъ не на слишкомъ большія суммы, то цѣловальники ⁶⁾. Таможенные чиновники ходили на иноземные корабли въ сопровожденіи вооруженныхъ служилыхъ людей—сотниковъ съ стрѣльцами—для обереганія русскихъ торговцевъ и для рѣшенія споровъ, которые безпрестанно возникали между рус-

¹⁾ Доп., III, 197.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 675.

³⁾ Ibid., II, 675.

⁴⁾ Доп., III, 188.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 198.

⁶⁾ Доп., III, 192.

скими и иностранными торговцами; въ случаѣ же важныхъ ссоръ, таможенное начальство обращалось къ воеводѣ ¹⁾.

Когда иностранный корабль хотѣлъ разгружаться, то объ этомъ объявлялъ гостю, начальнику таможи, который составлялъ роспись товарамъ, записывалъ каждый товаръ въ книги особою статью, именно, какой товаръ, сколько его и кому принадлежить. Въ 1667 году гостю съ товарищами приказано было смотрѣть, чтобы на иностранныхъ товарахъ, получающихъ право разгрузки, были наложены клейма, съ обозначеніемъ, въ какихъ городахъ эти товары дѣлались и у какихъ фабрикантовъ. Это постановлено было въ предупрежденіе продажи дурныхъ товаровъ и ихъ поддѣлки ²⁾. Для выгрузки иностранныхъ товаровъ, равно какъ и для нагрузки русскихъ на иностранные корабли употреблялись *дрянми*, работники, опредѣленные для такого занятія отъ правительства. Они получали царское жалованье, за которое обязаны были носить царскіе товары, и сверхъ того отъ всякаго подъема съ частныхъ лицъ брали по двѣ деньги ³⁾. Они также стояли у вѣсовъ и взвѣшивали товаръ по требованіямъ. Впослѣдствіи они брали съ торговцевъ заработную плату по взаимному договору, а въ 1680 году было постановлено быть дрянгилямъ безъ жалованья, а у иноземцевъ брать то, что дадутъ, безъ уговора ⁴⁾. Выгруженные товары ставились на общемъ гостиномъ дворѣ; но англичане и голландцы имѣли привилегіи держать собственные дворы и амбары. Въ 1649 году какъ на общемъ гостиномъ дворѣ, такъ и на англійскомъ и голландскомъ, поставлены были цѣловальники, бравшіе пошлины съ торга, а съ ними стояли на караулахъ стрѣльцы и дѣти боярскіе, которые должны были смотрѣть, чтобы никто не вносилъ и не выносилъ товаровъ безпошлинно. Эти караульные отнюдь не должны были мѣшаться въ таможенные сборы. Сверхъ того, два цѣловальника стояли у воротъ гостиннаго двора и также наблюдали, чтобы никто не вносилъ и не вывозилъ товаровъ, не записавъ въ таможенныя книги. До 1658 года караульныхъ на гостиномъ дворѣ назначали воеводы, но оказалось, что воеводы посылали ихъ туда для *кормленья*, что они брали съ русскихъ и иноземныхъ купцовъ поминки и пропускали контрабанду, а если цѣловальнику и удавалось захватить кого-нибудь съ *тайными* товарами, то караульные не допускали вести его въ таможду, а требовали, чтобы прежде сдѣланъ былъ докладъ воеводѣ, который умышленно протягивалъ дѣло, пока торговцы, давшіе взятки, успѣвали прятать свои товары и такимъ образомъ избавляться отъ преслѣдованія. Поэтому въ 1658 году велѣно было стрѣльцкимъ головамъ и сотникамъ отводить пойманныхъ съ контрабандою прямо къ таможенному головѣ, а не къ воеводамъ ⁵⁾.

Вообще торговля какъ на корабляхъ, такъ и въ гостинныхъ дворахъ была оптовая: иностранцамъ запрещено было торговать въ розницу, сукна можно было продавать только кипами и поставами, шелковыя матеріи—косьяками, вѣсчіе товары пудами, а питья бочками ⁶⁾. Поэтому такая торговля легко сохраняла

¹⁾ Ibid., III, 197—198.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 197.

³⁾ Доп., III, 149.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 326.

⁵⁾ Доп., IV, 144.

⁶⁾ Ibid., V, 195.

свой мѣновой характеръ. Съ мѣнового торга брались пошлины такъ же, какъ и съ товаровъ, продаваемыхъ на деньги; мѣнявшіеся товарами должны были объявлять цѣну своихъ товаровъ, и если таможенные начальники замѣчали хитрость, то могли цѣнить товары сами, и притомъ *большую, а не меньшую цѣною* ¹⁾. При всякой торговой сдѣлкѣ иностранецъ обязанъ былъ записывать свой торгъ въ книги и прикладывать свою руку ²⁾. Въ 1667 году, по предложенію иностранца Марселіса, постановлено, чтобъ для каждаго изъ торговавшихъ въ Россіи народовъ—именно, голландцевъ, англичанъ, гамбургцевъ, бременцевъ—былъ въ архангельской таможенѣ особый подъячій, и у него особыя книги, гдѣ бы записывалось количество привозимаго товара и получаемыя пошлины ³⁾. При запискахъ въ книги покупокъ, продажъ и мѣнъ очень часто происходили недоразумѣнія и споры: такъ въ 1665 году голландскіе купцы жаловались, что гости не допускаютъ ихъ записывать въ книги своихъ торговъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы продавцы объявили слишкомъ дешевую цѣну продаваемыхъ товаровъ ⁴⁾. Такая же жалоба послѣдовала отъ голландцевъ и гамбургцевъ въ 1685 году. Они жаловались, что гости и товарищи его съ мѣнового торга берутъ пошлины выше той цѣны, которая выставлена въ выписяхъ, данныхъ русскимъ купцамъ на ихъ товары въ тѣхъ городахъ, откуда они ихъ привозили. Но такая жалоба оказалась несправедливою, и правительство приказывало цѣнить товары такъ, какъ они продавались въ Архангельскѣ, принимая во вниманіе издержки провоза отъ того мѣста, откуда ихъ привезли въ Архангельскъ ⁵⁾. При отплытіи иностраннаго корабля за границу хозяинъ его или начальникъ долженъ былъ явиться въ таможеню, и гость или товарищи его давали ему свидѣтельство (выпись) за таможенною печатью, съ которымъ иностранцы свободно могли пройти черезъ устье въ море. Выстъ съ тѣмъ, таможенное начальство должно было сообщать объ отходѣ кораблей воеводѣ и дьяку; городское начальство обязано было наблюдать за отплывающими, чтобъ за ними не оставалось пошлинъ, казенныхъ и частныхъ долговъ ⁶⁾.

Русскіе купцы, привозившіе въ Архангельскъ свои товары на судахъ, должны были прежде всего подать въ таможеню выпись, данному имъ при нагрузкѣ ихъ суденъ въ Вологдѣ, и никто не смѣлъ выносить на берегъ ничего прежде предъявленія этой выписи. Таможенное начальство записывало выпись въ книгу и выдавало *память* на выгрузку, а между тѣмъ, цѣловальники отправлялись на судно и провѣряли: дѣйствительно ли товары въ томъ количествѣ и въ томъ видѣ, какъ записаны въ выписи, и еслибъ оказалось что-нибудь лишнее, то конфисковалось. Впрочемъ, для бѣсовыхъ товаровъ допускался привѣсокъ. Послѣ мѣны или покупки товаровъ и платежа пошлинъ русской купецъ долженъ былъ записать въ книгу свой торгъ выстъ съ иностранцемъ, приложить руку и взять отъ таможеннаго начальства выпись за таможенною печатью для представленія въ томъ мѣстѣ, куда его товаръ послѣдуетъ ⁷⁾.

¹⁾ Доп., III, 188.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 198.

³⁾ Доп., V, 287.

⁴⁾ Ibid., V, 205—206.

⁵⁾ Полн. Собр. Зах., II, 675—677.

⁶⁾ Доп., III, 192; V, 188.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191—192.

Покупаемые русскими купцами въ Архангельскѣ иностранные товары нагружались въ досчаники, которые иногда принадлежали самимъ хозяевамъ товаровъ, а иногда другимъ лицамъ, занимавшимся судовымъ промысломъ, преимущественно жителямъ Вологды, куда отправлялись товары. До уничтоженія привилегій авглійской компаніи ходили досчаники, принадлежавшіе этой компаніи; въ началѣ ихъ было не болѣе трехъ, но въ 1646 году число ихъ возросло до сорока ¹⁾. Хозяинъ товара являлся къ гостю и подавалъ роспись товарамъ, которые онъ хочетъ везти изъ Архангельска; въ росписи означено было его имя и имя владѣтеля судна, на которое нагружали товаръ. Таможенное начальство записывало роспись въ книги, подписывало самый оригиналъ, прикладывало къ нему печать, потомъ производило осмотръ, и если все оказывалось вѣрно, то дозволяло нагружать судно, а если бы случилось, что товару болѣе, чѣмъ сколько написано въ росписи, то конфисковало лишнее. Такъ какъ часто случалось, что на одно судно складывались товары разныхъ купцовъ, то хозяинъ судна обязанъ былъ составить и принести гостю оптовую роспись всему товару, какой у него на суднѣ. Таможенное начальство подписывало ее, прикладывало печать, свѣряло съ частными росписями товаровъ, принесенными прежде каждымъ изъ купцовъ, и если роспись, представленная хозяиномъ судна, не противорѣчила росписямъ, принесеннымъ хозяевами товаровъ, то судно могло отправляться ²⁾. Непроданные русскіе товары, отправляемые назадъ, не подлежали пошлинамъ, но ихъ слѣдовало заявить въ таможенѣ и записать въ *остальге*. Впрочемъ, купецъ могъ складывать непроданные товары въ Архангельскѣ до будущей ярмарки, но не иначе, какъ взявши на нихъ выписи изъ таможи ³⁾.

Кромѣ Архангельска, торговая пристань на сѣверѣ существовала въ Колѣ, гдѣ поэтому былъ и таможенный дворъ ⁴⁾. Жители Колы промѣнивали англичанамъ и датчанамъ рыбу на сукна и металлы и возили вымѣненное по морю въ Двину до Холмогоръ, а впоследствии до Архангельска, съ цѣлью промѣнять эти иностранные товары на хлѣбъ ⁵⁾. Въ Кемѣ ежегодно въ день св. Петра собирался торгъ съ лопарями. Привозили тѣда англичане, норвежцы, датчане свои товары и промѣнивали лопарямъ на ворвань, мѣха и рыбу. Въ этотъ торгъ, какъ кажется, датчане имѣли перевѣсъ. Туда присылался таможенный русскій чиновникъ для собранія пошлинъ ⁶⁾. Въ Варужской волости близъ Архангельска производилась торговля рыбою и таможенные головы посылали туда цѣловальниковъ для наблюденія надъ правильнымъ ходомъ торговли и для взятія десятой пошлины ⁷⁾. Нѣкоторые иноземные корабли ходили въ устье Печоры и приставали въ Пустозерскѣ для торговли, но это запрещалось строго, и пустозерскій воевода въ 1664 году получилъ приказаніе не давать иноземнымъ кораблямъ пристанища ⁸⁾. Другіе плавали по берегамъ моря и приставали къ селамъ,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 17.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 192.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 192.

⁴⁾ Доп., III, 146; V, 193.

⁵⁾ Ibid., I, 213.

⁶⁾ Fletcher, The Russ. Commonwealth., 185.

⁷⁾ Доп., III, 203.

⁸⁾ Ibid., IV, 348.

вели контрабандную торговлю саломъ, рыбою и кожами ¹⁾, а чтобъ избѣгнуть преслѣдованія, подкупали волостныхъ цѣловальниковъ и брали отъ нихъ выписи, въ которыхъ было написано, что съ нихъ взята пошлина, но сколько и за что именно—не означено; съ такою фальшивою выписью иностранцы являлись въ Архангельскъ и, въ случаѣ придирки къ нимъ со стороны таможеннаго начальства, отдѣльвались тѣмъ, что показывали выписи. Въ 1667 году было снова подтверждено отнюдь не допускать иноземныхъ кораблей къ какому бы то ни было береговому поселенію, исключая Архангельска и Колы ²⁾. Впрочемъ, недалеко отъ самой корабельной пристани въ Архангельскѣ происходила контрабандная торговля. Иностранные корабли не ставились въ гавани, а избирали себѣ мѣсто между островами въ Двинскомъ устьѣ; ночью русскіе на паузкахъ (родъ лодокъ) подплывали къ нимъ съ товарами; иностранцы нагружали или свои корабли, а русскіе передавали свои товары. Въ 1646 году, въ предупрежденіе такихъ злоупотребленій, правительство хотѣло устроить на островахъ каменные башни и протянуть черезъ рукава устья желѣзные цѣпи; но посадскіе, которыхъ, какъ мѣстныхъ жителей, спрашивали объ удобствѣ исполненія проекта, убѣдили, что вовсе не знаютъ удобныхъ для этого мѣстъ; въ самомъ же дѣлѣ они боялись прекращенія контрабанды, которую занимались ³⁾. Въ 1649 году строго постановлено, чтобъ иноземные корабли отнюдь не становились внѣ корабельной гавани ⁴⁾. Въ 1658 году состоялся проектъ устроить надолобы, которыя были бы замкнуты желѣзными цѣпями, и ставить у надолобовъ сильный караулъ изъ стрѣльцовъ, которые дено и ношно должны тамъ стоять, пока продолжается ярмарка, а когда ярмарка окончится, тогда бревна, разомкнувъ, складывать на берегу. Такими же надолобами преднамѣревались оградить самую гавань, чтобъ не допускать русскія суда подплывать къ иноземнымъ ⁵⁾. Этотъ проектъ, вѣроятно, въ нѣкоторой степени исполненъ, какъ видно изъ Торговаго устава 1667 года, гдѣ говорится о шанцахъ и караулахъ. Сверхъ этихъ контрабандныхъ выходовъ иноземцы ставивались съ русскими купцами, нанимали ихъ себѣ прибайщиками и, избѣгая таможенной бдительности, отправляли свои товары въ Холмогоры, гдѣ продавала безошлинно, показывая видъ какъ будто бы товары были уже куплены русскими въ Архангельскѣ; въ Холмогорахъ же таможенное начальство состояло изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ цѣловальниковъ, которыхъ назначали изъ Архангельска и съ которыми легко было сладить ⁶⁾. Въ самомъ Архангельскѣ на гостинныхъ дворахъ происходила тайная безошлинная торговля: цѣловальники и дѣти боярскіе, стоявшіе на караулѣ, легко поддавались влиянію взятокъ, которыя имъ давали купцы, и пропускали ихъ товары, веошляченные пошлиною ⁷⁾. Большія злоупотребленія дѣлались иноземцами, торговавшими внутри Россіи, въ отвозѣ нихъ товаровъ изъ Архангельска въ Москву, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка. Иноземцы отговаривались въ Архан-

¹⁾ Ibid., III, 194.

²⁾ Ibid., V, 197.

³⁾ Доп., III, 61, 62, 203.

⁴⁾ Ibid., III, 204.

⁵⁾ Ibid., IV, 142.

⁶⁾ Ibid., V, 191—194.

⁷⁾ Ibid., III, 194.

гельскѣ, что будутъ платить пошлины въ Москвѣ при продажѣ, брали съ собой больше товаровъ, чѣмъ сколько записывали въ росписяхъ, и на дорогѣ торговали беспошлинно. Иные покупали товары у пріѣзжихъ иноземцевъ и сказывались ихъ комиссіонерами, увѣряя, будто бы они везутъ товары не отъ себя, а отъ нихъ. Отпущенные изъ Архангельска, они сбывали эти товары не въ Москвѣ, куда дана имъ проѣзжая грамота, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ 1658 году по поводу открывшихся злоупотребленій такого рода велѣно пересматривать въ подробности товары, которые иноземцы повезутъ въ Москву, тогда какъ прежде того ихъ записывали только оптовыми числами ¹⁾. Пріѣзжающіе въ Архангельскъ иноземцы получали предувѣдомленія, что за контрабандную торговлю у нихъ отнять на государя товары, и сверхъ того при многочисленномъ стеченіи народа назовутъ позорнымъ именемъ воровъ ²⁾.

При Михаилѣ Феодоровичѣ воеводы имѣли нѣкоторое вліяніе на торговныя дѣла въ Архангельскѣ, но при Алексѣѣ Михайловичѣ они были переданы совершенно въ распоряженіе гостя и его товарищей—таможеннаго начальства. Воеводы не вмѣшивались въ торговныя дѣла. Ихъ отношенія ограничивались только тѣмъ, что безъ ихъ вѣдома не долженъ былъ становиться на якорь и отходить иноземный корабль. Но иногда административная власть имѣла болѣе вліянія на торговныя дѣла въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ, въ 1689 году стрѣлцкій полковникъ Ружницкій, бывъ начальникомъ корабельной гавани, свидѣтельствовалъ приходившіе корабли, вѣдалъ поплавленную и морскую заставы, разставлялъ у амбаровъ, чулановъ и лавокъ на гостиномъ дворѣ караульныхъ и даже цѣловальниковъ, смотрѣлъ за правильнымъ производствомъ торговли, чтобъ мѣшани и продавали оптомъ, а не въ розницу, чтобъ на гостиныхъ дворахъ не сидѣли съ огнемъ, чтобъ русскіе ночью не вели съ иноземцами контрабандной торговли, а оказавшіеся виновными представлялъ воеводѣ въ сѣзскую избу. Ему предоставлено было разбирательство дѣлъ между торговцами, судъ по долговымъ обязательствамъ и взиманіе судебныхъ пошлинъ ³⁾.

Доходъ, доставляемый таможеню казнѣ, до 1689 года не превышалъ суммы 72.000 рублей, ибо въ перечневыхъ росписяхъ этого года говорится, что до такой суммы сборъ не доходилъ въ теченіе двадцати лѣтъ слишкомъ со времени установленія Новоторговаго устава. Въ слѣдующіе затѣмъ годы сумма эта увеличивалась почти до 75.000 рублей (74.936), но потомъ стала упадать, изъ чего можно заключить, что сумму 70.000 р. можно признать среднею цифрою дохода казны съ архангельской таможни. Сборъ былъ русскими деньгами, золотыми и ефимками. Большая часть сбора употреблялась на мѣстѣ для царскихъ покупокъ и на издержки для содержанія таможни, и вообще гости привозилъ въ Москву небольшую часть сбора въ звонкой монетѣ ⁴⁾.

Кораблеплаваніе въ Архангельскѣ развило особый свойственный краю промыселъ корабельныхъ вожей; это были русскіе лоцманы, хорошо знавшіе мѣстность, какъ на морѣ, такъ особенно на Двинѣ. Они нанмались водить суда изъ

¹⁾ Доп., IV, 142—143.

²⁾ Ibid., III, 189.

³⁾ Акты Ист., V, 307—310.

⁴⁾ Перечн. росписи тамож. сбора, хранящ. въ рукоп. въ Румянц. Муз.

моря до Двинѣ до Архангельска, а равно и выводить, и брали за то хорошія деньги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дополняли собою полицію, ибо слѣдили за контрабандными поступками и доносили о нихъ. Составляя какъ бы особый, замкнутый въ себѣ самоѣ цѣхъ, вожи долго пользовались монополією, причиняли иностранцамъ большія притѣсненія, вымогали большую плату, выдумывали разныя прищѣпки и придирки, и всячески отстраняли другихъ архангелогородцевъ отъ участія въ кораблеводствѣ, стараясь, чтобы этотъ промыселъ оставался исключительно за ихъ артелью. Но въ 1671 году правительство позволило всѣмъ безъ исключенія опредѣляться въ лодчаны и договариваться съ иностранцами ¹⁾. Въ 1685 году подтверждено, чтобы этотъ промыселъ отнюдь не стѣснялся откупными и подрядными, но чтобы каждый, кто хотѣлъ, могъ наняться у иностранцевъ. Вожи были въ вѣдомствѣ таможеннаго начальства ²⁾.

Морская торговля на Сѣверномъ океанѣ совершалась исключительно на иностранныхъ корабляхъ: русскіе если и отправлялись за границу этихъ путей, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, то на отходящихъ чужеземныхъ судахъ. Проектъ построения русскаго купеческаго флота явился, какъ кажется, не ранѣе 1666 года, по предлеженію служившаго въ Россіи иностранца Густава фонъ-Кеннена ³⁾. Но онъ остался проектомъ.

На востокъ отъ Двины, на одномъ изъ острововъ Мезени—Лампоженскомъ, непрерывно производился торгъ въ селеніи Лампожнѣ, съ самоѣдами, югрой и другими сѣверовосточными иностранцами. Послѣ прибытія англичанъ, какъ видно, въ Лампожнѣ было двѣ армарки въ годъ; на нихъ сѣзжались купцы изъ Холмогоръ и другихъ городовъ съ сукнами, оловянною и мѣдною посудою и проч. и привозили оттуда кожи, мѣла и рыбій зубъ. Путь отъ Холмогоръ до Лампожни производился на оленяхъ ⁴⁾.

Изъ Архангельскаго порта водной торговой путь шелъ по Двинѣ до Устья Великаго, а оттуда Сухоною и Вологдою до города Вологды. Этотъ путь заключалъ въ себѣ тысячу стѣ верстъ и проходилъ мимо торговыхъ городовъ: Холмогоръ, Устья, Сольвычегодска и Тотьмы ⁵⁾. Изъ этихъ городовъ Тотьма при Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлалась мѣстою значительной продажи заграничныхъ товаровъ и обмѣна сибирскихъ ⁶⁾. Плаваніе отъ Архангельска до Вологды совершалось въ досчаникахъ, насадахъ и болѣе мелкихъ судахъ, смотря по грузу. Досчаникъ нигдѣ до десяти сажень и болѣе ⁷⁾. Обыкновенные русскіе насады, плававшіе по Двинѣ и Суховѣ, были длинными и широкія плоскодонныя суда, сверху покрытыя. Они шли надъ водою не выше четырехъ футовъ; для легкости при постройкѣ въ нихъ вовсе не клали желѣза: все было сдѣлано изъ одного дерева. При попутномъ вѣтрѣ употреблялись паруса, но въ противномъ случаѣ плаваніе было очень затруднительно, особенно когда плыли противъ теченія, тогда гребная работа оказывалась недостаточною;

¹⁾ Акты Ист., IV, 477.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 675.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 179.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., 1856, II, Отд. V, 94—95.

⁵⁾ Nakl., 408.

⁶⁾ Доп., III, 105.

⁷⁾ А. Арх. Эксп., I, 482.

къ носу судна привязывали длинные канаты, иногда нѣ привязывали къ бревнамъ; люди, идя по берегу, тянули судно вверхъ по рѣкѣ ¹⁾). Это составляло промыселъ рабочихъ людей, которые по этому толпами собирались на берега и занимались у судовладельцевъ. Иногда нужно было до трехсотъ человекъ, чтобы тянуть большое нагруженное судно. Лошадей не употребляли. Во время плаванія судовъ нерѣдко случались несчастія отъ неовѣстки и непредусмотрительности. Во время путешествія Карлейля англичане были свидѣтелями, какъ двѣ барки столкнулись вѣсть и при этомъ утонуло семь человекъ ²⁾).

Вологда послѣ Архангельска была важѣйшимъ мѣстомъ сѣвернаго края. Англичане, по открытїи Бѣломорскаго пути, угадали важность этого города и хотѣли сдѣлать его средоточїемъ торговли. Отсюда былъ удобный путь въ Холмогоры водою ³⁾. Вологда въ XVI вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ английскихъ товаровъ ⁴⁾, и до построенія Архангельска самымъ главнымъ, ибо товары, нагружаясь въ устьѣ Двины съ кораблей на суда, шли прямо въ Вологду, и весь путь по Двинѣ и Сухонѣ былъ исключительно въ рукахъ англичанъ ⁵⁾. Англичане обратили особенное вниманїе на русскїй лѣсъ, какъ на главный продуктъ вывоза; а какъ страна около Вологды особенно производила лѣсъ, то это тѣмъ болѣе утвердило ихъ въ намѣренїи основать въ Вологдѣ главный торговый пунктъ. ибо лѣсъ до того времени стекался въ Новгородъ, гдѣ англичане должны были выдерживать конкуренцію съ торговцами другихъ городовъ, между тѣмъ какъ въ Вологдѣ они были исключительно господами этой торговли. Вслѣдъ за лѣвомъ большая часть и другихъ товаровъ шла въ Вологду; равнообразно и ввозимые товары, на которые выѣздивались русскїе, можно было всего удобнѣе найти въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, быстро процвѣтавшая Вологда подрывала старый Новгородъ ⁶⁾. Въ XVI вѣкѣ въ Вологдѣ были деревянныя строенія и городъ не отличался ни красотой, ни многолюдствомъ ⁷⁾; но въ половинѣ XVII вѣка англичане находили его большимъ и многолюднымъ ⁸⁾. Онъ былъ обилѣтъ каменными домами, и самые вологодцы приобрѣли себѣ славу каменщиковъ и кирпичниковъ.

Послѣ построенія Архангельска Вологда сдѣлалась перевозочнымъ путемъ между Москвою и внутренностью Россїи съ одной стороны и Архангельскомъ и Европою съ другой. Въ продолженїе зимы товары на санныхъ подводахъ стекались въ Вологду со всей Россїи ⁹⁾. Это было самое дѣятельное время года для Вологды ¹⁰⁾. Товары приходили преимущественно изъ Москвы, но также изъ Ярославля и Костромы ¹¹⁾. Эти товары лежали въ Вологдѣ въ складахъ до полой

¹⁾ Jenkins, Hakl., 348.

²⁾ Carlisle, 27—36.

³⁾ Hasse, Hakl., 287.

⁴⁾ Killingsworth, Hakl., 298.

⁵⁾ Раф. Барбер., 40.

⁶⁾ Hasse, Hakl., 287.

⁷⁾ Jenkins, Hakl., 349.

⁸⁾ Carlisle, 38.

⁹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

¹⁰⁾ Carlisle, 38.

¹¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

воды; съ наступленіемъ навигаціи начиналась ихъ нагрузка въ досчаники и насады и отправка до Архангельска. Обыкновенная плата за провозъ съ пуда была 15 коп. ¹⁾). Равнымъ образомъ, въ Вологду прѣзжали иностранцы и дѣлали большой закупъ для отправки въ Архангельскъ ²⁾). Весною прѣзжалъ въ Вологду одинъ изъ товарищей гостя начальника таможи въ Архангельскѣ, обыкновенно одинъ изъ членовъ московской суконной сотни, а съ нимъ цѣловальники отъ торговыхъ городовъ. Они наблюдали за нагрузкою товаровъ. Товары въ бочкахъ, кнпгахъ, ящикахъ и т. п. нагружались на суда, а таможенный начальникъ подписывалъ росписи товарамъ, отправляемымъ съ судномъ, по которой судно могло разгрузиться у Архангельска ³⁾).

На время ярмарки въ Архангельскѣ Вологда теряла свой торговый характеръ, но пріобрѣтала его снова, когда досчаники и насады прибывали съ грузомъ *заморскихъ* товаровъ. До половины XVII вѣка таможня въ Вологдѣ устраивалась только временно на лѣто. Пользуясь этимъ, иностранцы прѣзжали зимою въ Вологду и покупали тамъ русскихъ товаровъ, которые съ намѣреніемъ были оставляемы въ городѣ. Иностранцы покупали ихъ и отправляли по льду и, такимъ образомъ, избѣгали платежа пошлинъ. Но правительство, узнавъ о такомъ злоупотребленіи, оставляло цѣловальниковъ постоянно на зиму ⁴⁾). Тогда зимній провозъ контрабандныхъ товаровъ до Архангельска сталъ опасенъ, а провозить ихъ, оплачивая пошлинами, не представляло выгоды, ибо за провозъ зимнимъ путемъ платили по 25 к. съ пуда и болѣе ⁵⁾). Зимній путь остался господствующимъ для товаровъ, отправляемыхъ изъ Вологды въ Москву и обратно ⁶⁾). Нѣкоторые же, воспѣшая, отправляли товары и осенью, если успѣвали рано воротиться изъ Архангельска; но колесный путь сопряженъ былъ съ большими затрудненіями по причинѣ дурныхъ дорогъ ⁷⁾). Ранѣе другихъ товаровъ отправлялись царскіе товары, купленные въ Архангельскѣ для царскаго обихода, и они ранѣе всѣхъ доходили до Москвы, ибо ихъ возили на яскихъ и земскихъ подводахъ, что составляло повинность жителей ⁸⁾).

Торговый путь изъ Вологды въ Москву лежалъ на Ярославль, Ростовъ, Переяславль ⁹⁾). По этой дорогѣ устроено было четырнадцать ямовъ ¹⁰⁾). Каждый ямъ отстоялъ отъ другого на тридцать и на сорокъ верстъ. О скорости зимняго пути на этой дорогѣ можно судить по тому, что Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Вологды 1 декабря, а прибылъ въ Москву 6 того же мѣсяца ¹¹⁾). Карлейль говоритъ ¹²⁾, что между Вологдою и Москвою въ его время было только три пере-

¹⁾ Кильбург., 156.

²⁾ Доп., IV, 141.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

⁴⁾ Доп., IV, 141.

⁵⁾ Кильбург., 140.

⁶⁾ Раф. Барбер., 40.

⁷⁾ Killingsworth. Hakl., 298.

⁸⁾ Доп., III, 205—206.

⁹⁾ Hakl., 408.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Jenkins. Hahl., 349.

¹²⁾ Carlisle, 50.

мѣны лошадей: въ Ярославѣ, Переяславѣ и Троицкѣ, и англійское посольство ѣхало отъ Вологды до Москвы семнадцать дней. Впрочемъ, торговцы везли свои товары на ямахъ только по особымъ привилегіямъ; обыкновенно товары отправлялись обозами, только царскіе товары, какъ выше сказано, поспѣвали на перемѣнныхъ подводахъ. Однако, самые обозы ѣхали не мѣшкотно: они дѣлали отъ пятидесяти до семидесяти верстъ въ одну упряжку ¹⁾. Лѣтній путь по этой дорогѣ былъ очень затруднителенъ, по причинѣ лѣсовъ, болотъ и дурныхъ дорогъ ²⁾. Поэтому существовалъ другой путь, по которому представлялось болѣе возможности совершить лѣтнее путешествіе по водѣ. Герберштейнъ говоритъ, что ѣхали сухопутьемъ изъ Москвы въ Ростовъ, а оттуда водою, то-есть, Которостью, Волгою и Костромю, переходили семь верстъ волокомъ и входили въ какую-то небольшую рѣку (вѣроятно Лежу) и такимъ образомъ доходили до Вологды и Сухоны ³⁾. Независимо отъ Москвы, многіе товары изъ Архангельска отправлялись въ Ярославль, а оттуда сплавлялись въ Нижній, а равно изъ Нижняго стекались въ Ярославль и изъ Ярославля отправлялись въ Вологду. Такъ бывались иностранцамъ разныя произведенія восточнаго края—кожи, овчины, кра, рыба, известь ⁴⁾.

Москва была средоточіемъ торговой дѣятельности для всей Россіи. Значеніе ея возвышалось тѣмъ, что правительство само занималось торговыми операціями, и самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, былъ первый купецъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорочные товары, металлическія вещи и всякія драгоценности; все, что европейцы привозили лучшаго въ Россію, шло въ царскую казну. Лучшіе русскіе мѣха и, сверхъ того, разныя продукты сѣвера, напримѣръ, моржовая кость и проч. были достояніемъ казны. Цари жаловали изъ своихъ сокровищницъ товарами и продавали ихъ иностранцамъ и русскимъ. Въ Москвѣ жили знатные и богатые, слѣдовательно, большая часть привозныхъ товаровъ сбывалась въ столицѣ. Изъ Москвы отправляемы были въ провинціи на службу начальники и служилые люди и дѣлали себѣ закупы. Въ Москвѣ жили богатѣйшіе оптовые торговцы—гости и гостинные люди, и потому значительнѣйшая часть вывозныхъ товаровъ собиралась здѣсь для слѣдованія къ Архангельскому порту. Сильная правительственная централизація, соединявшая всю Россію, отразилась и на торговлѣ: торговля всей Россіи управлялась Москвою; Москва давала ей вѣсъ, мѣру, монету, направленіе. Московскіе гости и торговые люди были ближе къ правительству, чѣмъ торговцы другихъ городовъ, и потому переходъ въ московскіе списки торговыхъ людей изъ другихъ городовъ былъ почетенъ и совершался не иначе, какъ по милости правительства ⁵⁾. Всѣ эти обстоятельства условливали торговый характеръ русской столицы. Торговля Москвы не теряла своей дѣятельности круглый годъ, но вообще оживлялась зимой, послѣ привоза свѣжихъ заграничныхъ товаровъ изъ Архангельска. Иностранные торговцы—греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане посѣщали столицу. Нѣбцы составляли значительную часть въ народонаселеніи. Впрочемъ,

¹⁾ Das Grosse Reich von Moscovien, 179.

²⁾ Herberst., 53.

³⁾ Ibid., 77.

⁴⁾ Доп., III, 145.

⁵⁾ Акты Ист., IV, 65.

въ числѣ знатныхъ торговцевъ въ 1674 году было не болѣе десяти нѣмецкихъ семействъ. Такъ какъ русская торговля была болѣе частью мѣновая, то это было, по замѣчанію одного иностраннаго купца ¹⁾, въ числѣ причинъ, что въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича можно было купить произведе- нія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи почти за ту же цѣну, какъ въ ихъ отечествѣ, и это побуждало чужеземцевъ, посѣщавшихъ русскую старую сто- лицу, называть ее счастливейшимъ мѣстомъ въ мірѣ.

Вся столица наполнена была признаками торговли, и ея особенность, по- ражавшая иностранцевъ, состояла въ томъ, что для каждаго рода товаровъ въ Москвѣ были особые ряды и рынки. Средоточіемъ московской торговли въ XVII вѣкѣ былъ Китай-городъ, обнесенный красною стѣною; внутри этой стѣны вовсе не было домовъ—находились одни ряды лавокъ. Въ тысяча шестьсотъ семиде- сятыхъ годахъ онѣ были по большей части каменные; однѣ принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе, а другія составляли собственность част- ныхъ лицъ. Тамъ было три гостинные двора: Старый, Новый и Персидскій. Но- вый дворъ былъ большое четырехугольное каменное зданіе, двухэтажное, въ верхнемъ и нижнемъ ярусахъ погнѣщались лавки со сводами. Онъ построенъ Але- ксѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году. Въ срединѣ зданія находился большой дворъ въ сто восемьдесятъ квадратныхъ футовъ, гдѣ посрединѣ висѣли большіе городскіе вѣсы. Этотъ внутренній дворъ обыкновенно былъ въ родѣ биржи, ибо торговые люди приходили сюда для сдѣлокъ. Зимой онъ былъ загроможденъ са- нями съ товарами до такой степени, что невозможно было просунуться. Лавки принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе отъ 18 до 25 руб. въ годъ. Нѣкоторыя же лавки были съ царскими товарами и открывались для торговли въ извѣстныя времена. Старый гостинный дворъ былъ не такъ наря- денъ, какъ Новый, и лавки отъ казны отдавались дешевле, напримѣръ, отъ 6 до 12 р. въ годъ ²⁾. Въ этомъ дворѣ продавались болѣею частью оптомъ мел- кіе товары ³⁾. Третій гостинный дворъ назывался Персидскій, и назначенъ былъ исключительно для персидскихъ товаровъ. Тамъ было двѣсти оводовобразныхъ лавокъ, гдѣ сидѣли персіяне, армяне и русскіе. Прежде продажа персидскихъ товаровъ на Персидскомъ дворѣ была дѣломъ казны, и для этого сидѣли въ лавкахъ гости и ихъ приказчики, которымъ довѣрялась казенная продажа, но потомъ торговля разрѣшена каждому русскому ⁴⁾. Надъ самой Неглинной нахо- дился Шведскій гостинный дворъ ⁵⁾. На Срѣтенской улицѣ въ XVI вѣкѣ были два гостинные двора: Литовскій и Армянскій ⁶⁾. Греки торговали на особомъ Гре- ческомъ дворѣ, а у св. Максима Исповѣдника (на Варваркѣ), до уничтоженія привилегіи англійской компаніи, былъ знаменитый Англійскій дворъ—средоточіе европейской торговли для Россіи въ свое время. Сверхъ того, Посольскій дворъ, гдѣ останавливались иноземныя посольства, пріѣзжавшія къ царю, былъ также мѣстомъ торговли: въ свитѣ посланниковъ обыкновенно прибывали купцы съ то-

1) Кильбург., 176.

2) Кильбург., 175—177.

3) Das Gr. Reich v. Moscov., 118.

4) Кильбург., 127.

5) Das Gr. Reich v. Moscov., 119.

6) Акты Ист., II, 19.

варями и вели съ русскими торговлю на Посольскомъ дворѣ ¹⁾. На гостинныхъ дворахъ торговали только оптомъ и вообще большими партиями; всѣ прїѣзжіе обязаны были складывать свои товары единственно въ гостинныхъ дворахъ, нанная тамъ лавки и амбары ²⁾.

Розничная продажа товаровъ происходила въ *рядахъ*, и этихъ рядовъ было много въ Москвѣ, потому что каждому товару назначенъ былъ свой рядъ и свое мѣсто. Вблизи рынка, называемаго *Виннымъ*, былъ доскутный рядъ или ветошный ³⁾. Но это названіе не шло къ нему, потому что тамъ можно было покупать очень цѣнные вещи ⁴⁾. Неподдалеку отъ Кремля былъ Охотный рядъ, гдѣ продавались съѣстные припасы и живыя животныя. Были ряды: горшечный, пряничный ⁵⁾, птицй, харчевой ⁶⁾, калачный, крашенинный ⁷⁾, сушонный, сапожный, шапочный ⁸⁾, свѣчной ⁹⁾, коробейный ¹⁰⁾, соляной, медовый, восчаный ¹¹⁾, дожерный, гдѣ продавались бубны, домры и барабаны, сурожскій, гдѣ, между прочимъ, продавались шелковыя матеріи ¹²⁾, житный и мучной ряды ¹³⁾. Послѣдніе въ первой половинѣ XVII вѣка находились въ той части города, которая называлась Царь-городъ; здѣсь же преимущественно жили хлѣбники и калачники съ своими мастерскими; здѣсь же были мясныя скамьи, гдѣ продавалось мясо; около нтъ былъ рынокъ, куда пригонялся скоть, назначенный для убоа; тутъ же стояли царскіе кружежныя дворы съ питьемъ ¹⁴⁾. Въ Китай-городѣ былъ *сѣвжій рыбакій рядъ* ¹⁵⁾. Наконецъ, всѣ ремесленники, серебряники, мѣдники, скорняки, продавцы румянъ и даже кнутовъ и тростей имѣли свои особые ряды въ Москвѣ ¹⁶⁾. Улица отъ Персидскаго двора до Москвы-рѣки шла мимо овощнаго ряда, гдѣ торговали всякаго рода овощами лѣтомъ въ лавкахъ, а зимою въ погребкахъ; она упиралась въ Рыбный рынокъ, находившійся на берегу Москвы-рѣки противъ Козьяго болота. Зимою здѣсь лежала горами замороженная рыба, привезенная на саняхъ изъ Новгорода, Ярославля, Астрахани и другихъ мѣстъ. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была до того нестерпима, что иностранецъ не могъ пройти мимо, не зажимая себѣ носа, но русскіе, по замѣчанію иноземцевъ, не чувствовали этого вовсе ¹⁷⁾. Впрочемъ, не только здѣсь, но и въ Китай-городѣ, средоточіи московской торговой дѣятельности, была грязь и нестерпимая вонь ¹⁸⁾.

1) Полн. Собр. Зак., II, 323.

2) Ibid.

3) Акты Ист., III, 343.

4) Кильбург., 180.

5) А. Ист., V, 35.

6) Ibid., III, 108.

7) Времени., XIII. Расх. Кн. Никона, 5, 8.

8) Расх. Кн. Никона, 8, 60.

9) Ibid., 19.

10) Ibid., 84.

11) Полн. Собр. Зак., II, 323.

12) Расх. Кн. Ник., 8, 12, 34.

13) Полн. Собр. Зак., II, 326.

14) Olear., 147.

15) А. И., III, 286.

16) Olear., 147.—Кильбург., 52.

17) Кильбург., 60—64.

18) А. И., III, 117.

Передъ Кремлемъ, на Красной площади, находилса главный рынокъ, гдѣ можно было закупать всякія домашнія потребности ¹⁾). Этотъ рынокъ постоянно былъ наполненъ и торгующими и празднующимися. Вблизи полукруга, устроеннаго для торжественныхъ церемоній во время праздника Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали свои издѣлія домашней работы ²⁾). Около самаго Кремля было разставлено множество *шалашей, рундуковъ, скамей, вешковъ*, гдѣ мелочные торговцы торговали всякой всячиной; то же встрѣчалось и по другимъ улицамъ и переулкамъ; но при Теодорѣ Алексѣевичѣ было приказано ихъ снести, потому что они загромождали дорогу проезжимъ и подрывали торговлю въ рядахъ ³⁾). Вблизи главнаго рынка былъ рядъ винныхъ погребовъ: въ концѣ XVII вѣка иностранцы насчитывали ихъ до двухсотъ: въ однихъ продавались иноземныя вина, въ другихъ меду и проч. ⁴⁾. Некоторые лавки и торговыя помѣщенія принадлежали частнымъ лицамъ, другія—казнѣ и отдавались въ оброкъ изъ Большаго прихода торговымъ людямъ съ грамотою, въ которой прописывались правила, какъ пользоваться ими ⁵⁾.

Базары въ Москвѣ происходили обыкновенно по средамъ и пятницамъ. Летомъ они отправлялись на большомъ рынокѣ, близъ церкви Василія Блаженнаго, а зимою на льду ⁶⁾). Во время торговаго сходбища тамъ была чрезвычайная лавка, и надобно было, идя по базару, держать руки въ карманахъ ⁷⁾). Въ Москвѣ, кромѣ рынковъ Главнаго и Рыбнаго, было нѣсколько другихъ рынковъ или торжковъ преимущественно надъ рѣкою у пристаней, гдѣ останавливались суда. Такимъ образомъ, существовало нѣсколько глѣбныхъ и сѣбныхъ торжковъ ⁸⁾. У Яззы былъ древесный рынокъ, на которомъ продавались лѣсъ, дрова и готовые срубленные избы: этотъ послѣдній промыселъ распространился въ Москвѣ отъ непрерывныхъ пожаровъ ⁹⁾. На Ивановской площади происходилъ торгъ льдами; русскіе продавали глѣбниковъ своимъ и чужимъ и совершали купчія крѣпости, которыя писались площадными подъячниками ¹⁰⁾. Важное мѣсто въ московской торговлѣ занимаетъ близъ города конская площадка, гдѣ продавались пригонныя лошади, особенно татарскія, которыхъ изъ Астрахани въ Москву пригоняли ежегодно до 36.000 ¹¹⁾.

Если мы къ этому прибавимъ, что по всей Москвѣ были разсыяны мелкія лавки, то легко себѣ представить торговый характеръ старой столицы, который не покидалъ ее даже и въ праздники, ибо, несмотря на благочестіе русскихъ, они даже и въ праздничные дни не переставали торговать; но зато каждый день, и въ праздники, и въ будни, послѣ обѣда, лавки запирались, а передъ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 119.

²⁾ Olear. Reisebeschr., 147.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 76.

⁴⁾ Das Grosse Reich v. Mosc., 118.

⁵⁾ Улож., т. XVIII, § 9.

⁶⁾ Jenkins. Nakl., 350.—Das Gr. Reich v. Mosc., 119.

⁷⁾ Кильбург., 180.

⁸⁾ Полн. Собр. Зак., II, 326—328.—Das Gr. Reich v. Mosc., 120.

⁹⁾ Olear., 149.

¹⁰⁾ Собр. Г. Гр., IV, 145.

¹¹⁾ Главныхъ. У Мейерб. Аделунга, 167.

лавочками лавочники лежали на улицѣ: вся Москва спала мертвымъ сномъ послѣ каждаго обѣда ¹⁾.

Изъ Москвы шло шесть торговыхъ путей: одинъ вологодскій, о которомъ мы говорили; за нимъ слѣдуютъ: новгородскій, новолжскій, сибирскій, смоленскій и украинскій. Новгородскій путь лежалъ черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочокъ и Валдай на разстояніи 435 верстъ ²⁾.

Несмотря на то, что открытіе бѣлморскаго пути подрывало значеніе Новгорода, онъ долго еще оставался болѣе или менѣе значительнымъ торговымъ городомъ. При началѣ двинской торговли англичане нашли Новгородъ большимъ и многолюднымъ городомъ, не менѣе Москвы ³⁾. Онъ имѣлъ свою монету и это право оставалось у него еще долго: послѣ возвращенія отъ шведовъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ, въ Новгородѣ былъ устроенъ денежный дворъ ⁴⁾. Когда англичане привозили и увозили товары черезъ Вологду, русскіе купцы торговали съ нѣмцами и шведами и возили товары черезъ Новгородъ въ Нарву ⁵⁾ и Нienъ (С.-Петербургъ). Во второй половинѣ XVI вѣка въ Новгородѣ было четыре гостинныхъ двора: 1) на Торговой сторонѣ, 2) на Софійской, 3) на Псковской, 4) на Тверской ⁶⁾. Дворъ на Торговой сторонѣ былъ исключительно предоставленъ нѣмцамъ, и, обнесенный острогами, представлялъ видъ твердыни ⁷⁾. Сверхъ того въ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ былъ особый дворъ для чужинцевъ и латышей, пріѣзжающихъ изъ Орѣшка, Яма, Копорья ⁸⁾. Тяжелые товары складывались въ гостинныхъ дворахъ за городомъ, а легкіе въ тѣхъ, которые были устроены въ городѣ ⁹⁾. Гостинные дворы находились въ завѣдованіи головъ, которые смотрѣли за порядкомъ, начальствовали надъ дворниками и производили судъ между становившимися на гостинныхъ дворахъ какъ русскими, такъ и иноземцами ¹⁰⁾. Сельскія произведенія—сѣстные припасы, сѣно, овесъ, кожи, уголь, соль, хлѣбъ въ зернѣ, лѣсъ и проч. привозились на судахъ, а потому въ Новгородѣ существовали главныя пристани: у Ильинской улицы, у Ивановской улицы, подъ рыбнымъ рядомъ и подъ Псковскимъ дворомъ ¹¹⁾. На этихъ пристаняхъ могли вести торговлю не разгружаясь ¹²⁾. Въ гостинныхъ дворахъ торговля производилась оптовая, и пошлины, означаемыя въ граммахъ, касались объемистыхъ партій, напримѣръ, тысячей и сотенъ мѣховъ, кадей, лукнъ, пудовъ и тому подобное; равномерно сукна и матеріи продавались большими штуками, поставами и косяками ¹³⁾. Въ гостинномъ дворѣ въ Новгородѣ, какъ и въ Москвѣ, пріѣзжизнѣ предоставлялась торговля исключительно; поэтому существованіе нѣсколькихъ гости-

1) Olear., 206.

2) Nakl., 408.—Врем., XIII. Расх. Кн. Никона, 2—4.

3) Chancelor, Nakl., 28.

4) Врем., III. Разр. Кн., 81.

5) Доп., I, 124.

6) А. Арх. Эксп., I, 398.

7) Врем., III, Разр. Кн., 77.

8) Ibid., 75.

9) Ibid., 79.

10) Ibid., 75.

11) А. Арх. Эксп., I, 401.

12) Ibid., 326—327.

13) Собр. Гос. Гр., IV, 196—197.

ных дворовъ показывается, что Новгородъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли произведеній края и что съ разныхъ сторонъ торговцы привозили для сбыта скупленные ими въ своихъ городахъ русскіе товары и скупали въ Новгородѣ для своихъ городовъ иностранные. Мѣстные купцы возили свои оптовые товары къ себѣ въ дворы, гдѣ у нихъ были построены амбары и лавки. Подобно какъ въ Москвѣ, и въ Новгородѣ были также *ряды*, гдѣ находились въ связи между собою лавки, предвзвѣченныя для продажи какого-нибудь одного товара, какъ, напримѣръ, были ряды: *саадашннй*, гдѣ продавалось все, чтѣ касалось до вооруженія, рядъ *сѣделннй*, гдѣ можно было купить все, чтѣ относилось до верховой ѣзды, *серебрннй*, *иконннй*, *суконннй*, въ которомъ продавались сукна и матеріи, и гдѣ были лавки богатѣйшихъ гостей; рядъ *кннжннй*, гдѣ сидѣли помы и дяконы ¹⁾. Сверхъ того, по всему посаду встрѣчались лавки съ мелочными товарами, и самый мостъ на Волховѣ въ XVI вѣкѣ былъ застроенъ лавками и жилицами при нихъ ²⁾. Было въ Новгородѣ нѣсколько торговыхъ площадей, гдѣ торговали лѣсомъ, сѣномъ, лошадьми ³⁾; разнаго рода промышленники, напримѣръ, квасники, рукавичники, желѣзники, скорняки, сапожники, холщевники ⁴⁾ торговали своими произведеніями при своихъ мастерскихъ. Изъ иностранныхъ торговцевъ многіе часто посѣщали Новгородъ; другіе жили тамъ постоянно: то были нѣмцы, шведы, литвины. Права ихъ въ XVII вѣкѣ, между прочимъ, были огривичены тѣмъ, что они не могли входить въ каменный городъ, и торговали только въ земляномъ. Въ 1632 году хотя позволено было имъ ходить и въ каменный, но для домашнихъ дѣлъ, а не для торговли ⁵⁾. Новгородцы также посѣщали заграничныя края для торговли цѣлей. Борисъ Федоровичъ дозволилъ всѣмъ новгородскимъ людямъ ѣздить въ нѣмецкіе и литовскіе города ⁶⁾. Въ XVII вѣкѣ бывали частыя поѣздки торговцевъ изъ Новгорода за границу, и не только сами новгородцы, но осташковцы, ярославцы, москвичи, отправляя товары за границу, должны были везти ихъ черезъ Новгородъ ⁷⁾ и возвращаться черезъ него назадъ. Нерѣдко изъ Москвы нанимали извозчиковъ большими обозами черезъ Новгородъ вплоть до Нарвы, съ платою по 16 коп. съ пуда. Эти обозы состояли изъ множества саней, запряженныхъ каждая въ одну лошадь; на каждыя сани вваливали по три берковца московскаго вѣса, а если товаръ былъ очень тяжелъ, то по три берковца нарвскаго.

Война Ливонская и лишеніе Балтійскаго моря не могли оставаться безъ вредныхъ послѣдствій для торговаго значенія Новгорода, которое и безъ того страдало отъ англійской конкуренціи. Наружное спокойствіе подъ правленіемъ Бориса, покровительствовавшаго мирной торговлѣ, было вскорѣ нарушено смутами эпохи самозванцевъ. Новгородъ подпалъ подъ чужую власть. Послѣ восприсоединенія его къ Россіи правительство хотѣло оживить торговое значеніе не только Новгорода, но и цѣлаго края, прилежащаго къ нему, поэтому дозволено

¹⁾ Врем., VIII, Оп. им. Тат., 32.

²⁾ Раф. Барб., 9.

³⁾ Врем., III, Разр. Кн., 125.

⁴⁾ Доп., I, 81; II, 77.

⁵⁾ А. Арх. Эксп., III, 286.

⁶⁾ Доп., I, 249.

⁷⁾ А. Арх. Эксп., III, 462.

всѣмъ прїѣзжающимъ изъ внутреннихъ областей Россіи и иностранцамъ торговать въ Новгородѣ во всякое время невозбранно, а иноземцамъ позволено даже ѣздить съ товарами по новгородскимъ пригородамъ, въ Псковъ и по псковскимъ пригородамъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ, особливо, когда шведы завели здѣсь главную контору, Новгородъ сдѣлался центромъ металлической торговли, которая въ немъ была тогда значительнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ: свинець, мѣдь, желѣзо, получаемые изъ-за границы, шли черезъ Новгородъ ²⁾. Важнымъ предметомъ вывоза, между прочимъ, былъ хлѣбъ, такъ что русская хлѣбная торговля преимущественно направлялась въ эту сторону ³⁾. При Теодорѣ Алексѣевичѣ новгородцы привозили въ Москву иностранные товары; это показываетъ, что торговля Новгорода тогда поднялась, ибо вмѣсто нѣмцевъ, привозившихъ въ Москву иностранныя пята, начали ихъ привозить новгородцы ⁴⁾. Конецъ XVII вѣка, поднимая старый балтійскій торговый путь, какъ бы приготовлялъ реформу Петра Великаго, которая убила Архангельскъ и перенесла къ берегамъ Балтійскаго моря средоточіе торговли и администраціи

Пути сообщенія Новгорода съ заграничными краями шли, первый на сто шестьдесятъ пять верстъ до Нарвы ⁵⁾, другой до Ніена. Въ XVII вѣкѣ въ зимнее время брали до Нарвы отъ двухъ съ половиною до трехъ копѣекъ съ пуда, въ лѣтнее—отъ четырехъ до шести копѣекъ; до Ніена, зимою отъ трехъ до трехъ съ половиною копѣекъ, лѣтомъ отъ четырехъ до пяти копѣекъ ⁶⁾. Кромя сухопутной дороги изъ Новгорода въ Нарву, былъ туда же путь водяной по Лугѣ и Мшагѣ, впадающей въ Шелонь, которая вливается въ Ильмень. Пространство между Лугой и Мшагой въ семь верстъ переѣзжали волокомъ. Третій путь шелъ на Псковъ, а оттуда въ Ригу двѣсти верстъ черезъ Нейгаузенъ, Говень, Венденъ и Нейшлотъ ⁷⁾ въ Литву. Тогда какъ англичане дали русской торговлѣ преобладающее направленіе къ Вѣлому морю, Псковъ образовался отдѣльнымъ пунктомъ торговаго сношенія Россіи съ Ливонією и черезъ нее съ Германією. Въ царствованіе Іоанна IV военныя обстоятельства Ливоніи на продолжительное время задерживали торговую дѣятельность этого города. Послѣ того Смутныя времена Россіи отражались неблагоприятно и на немъ, какъ на другихъ западныхъ городахъ Россіи. Когда спокойствіе возстановилось, Псковъ опять сдѣлался важнымъ мѣстомъ закупа русскихъ товаровъ и отправки ихъ въ Германію: товары эти были: ленъ—главное произведеніе Псковскаго края,—пенька, кожа, сало и красная юфть, которую выдѣлывали въ самомъ Псковѣ ⁸⁾. Эти товары составляли исключительный предметъ вывозной торговли въ Псковѣ и обозначались общимъ именемъ русскихъ товаровъ ⁹⁾. Они отправлялись въ Ригу, Ревель и Дерптъ; нѣмцы были главными ихъ закупщиками, но при Михаилѣ Теодоровичѣ

¹⁾ Врем., III. Разр. Кн., 76—77.

²⁾ А. Арх. Эксп., III, 462.

³⁾ Врем., III, Разр. Кн., 77.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 149.

⁵⁾ Накл., 408.

⁶⁾ Кильбург., 140.

⁷⁾ Накл., 408.

⁸⁾ Доп., V, 84.

⁹⁾ Ibid., 20.

и англичане успѣли проникнуть во Псковъ; пользуясь своими правами, они дѣлали тамъ значительный закупъ льна, вѣроятно для отправки въ Архангельскъ. Такимъ образомъ, въ 1619 году одинъ англійскій гость получалъ право покупать самъ и черезъ своихъ агентовъ ленъ въ Псковѣ и воеводы обязаны были давать ему дворъ въ городѣ ¹⁾. Гостинный дворъ для прїѣзда иноземныхъ купцовъ былъ не въ самомъ городѣ, но подъ городомъ ²⁾. Туда привозили на оптовую продажу разныя матеріи, сукна, металлическія издѣлія, жемчугъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ казна брала съ купцовъ лучшія вещи вмѣсто пошлинъ, а также покупала ихъ ³⁾.

Военныя обстоятельства при Алексѣѣ Михайловичѣ снова ослабили торговлю Пскова. Но болѣе всего препятствовала надлежащему развитію торговли и благосостоянія этого города домашняя, закоренѣлая вражда богатыхъ съ бѣдными, которая составляла отличительную черту Пскова. Эта вражда существовала въ былыя времена республики, какъ неотъемлемое качество всѣхъ республикъ, до сихъ поръ извѣстныхъ въ исторіи. Послѣ паденія свободы Пскова великій князь московскій перевелъ туда на жительство москвичей и эти москвичи сдѣлались людьми сильными; природные псковитяне остались *маломочными* и небогатыми. Послѣдніе ненавидѣли первыхъ уже не столько какъ высшее сословіе, но какъ пришельцевъ, поселенныхъ между ними съ тѣмъ, чтобъ унижить ихъ древнее отечество. Псковская лѣтопись упоминаетъ о враждѣ богатыхъ съ бѣдными подъ 1544 годомъ ⁴⁾. То же встрѣчаемъ мы, болѣе тѣмъ черезъ сто двадцать лѣтъ, въ Псковѣ. Правительство, замѣчая упадокъ торговли въ Псковѣ и безпорядки, возмущавшіе спокойствіе города, приказало собраться въ земской избѣ выборными людямъ и сдѣлать постановленія. По этому предмету постановленія составлены были такъ, что вообще клонились въ выгоды богатыхъ и въ ущербъ бѣдныхъ, потому что выборные были изъ *первыхъ* или *лучшихъ*, какъ они назывались. *Маломочные*, то-есть небогатые посадскіе люди, будучи не въ состояніи долго выдерживать застоя товаровъ, отдавали ихъ за дешевую цѣну иноземцамъ, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ деньгахъ, брали отъ иноземцевъ деньги впередъ и подряжались поставлять въ срокъ товары, а за то, что брали впередъ деньги, дѣлали значительныя уступки. Нѣкоторые же занимались у иноземцевъ комиссіонерами, брали отъ нихъ деньги и ѣздили дѣлать для нихъ закупы, а черезъ то подрывали русскіхъ оптовыхъ торговцевъ. Поэтому, въ 1665 году выборные люди въ земской избѣ постановили, чтобъ маломочные торговцы не забирали впередъ отъ иноземцевъ денегъ, не подряжались поставкою товаровъ, не принимали у нихъ комиссій и вообще не сносились бы непосредственно съ иностранными купцами, чтобъ, такимъ образомъ, вѣдшая торговля была исключительно въ рукахъ оптовыхъ торговцевъ. Но чтобъ, въ то же время, не лишитъ и бѣдныхъ тѣхъ средствъ, которыя они имѣли при свободномъ торговомъ обращеніи съ иностранными закупщиками, постановили, что маломочные могутъ быть комиссіонерами у богатыхъ псковитянъ, а отнюдь не у иностранцевъ. Для этого лучшіе люди росписали во всемъ посадѣ и въ псковскіхъ

¹⁾ Собр. Г. Гр., III, 213—214.

²⁾ Доп., V, 20.

³⁾ А. Арх. Эксп., III, 209.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., IV, 299.

пригородахъ (Торопцѣ, Великихъ Лукахъ, Островѣ), сохранявшихъ еще древнюю зависимость отъ главнаго города, маломочныхъ по *свойстѣ* и *знакомстѣ*, обозначивъ ихъ промыслы и занятія и давали имъ ссуды изъ земской избу. На эти ссуды маломочные могли покупать товары, исключительно русскіе, и въ декабрѣ и въ маѣ доставлять ихъ въ земскую избу, гдѣ *сидятъ / лучшие люди, у кого они будутъ въ запискѣ*. Для мѣновой торговли съ иностранцами устроили въ Псковѣ двѣ беспошлинныя ярмарки: одну въ январѣ, съ 9-го числа, другую въ маѣ, также съ 9-го числа, на двѣ недѣли, но за указанными недѣлями предоставленъ еще льготный мѣсяцъ. Эти ярмарки должны были отправляться въ гостинныхъ дворахъ: въ двухъ изъ этихъ дворовъ продавались иноземные товары, а въ третьемъ, устроенномъ въ городѣ, русскіе: ленъ, пенька и кожевенныя произведенія. Пріѣзжіе въ Псковъ русскіе купцы могли торговать съ иноземцами только въ это время и то отъ лица псковскихъ купцовъ, именно, взявши отъ какого-нибудь мѣстнаго купца записку; притомъ обязаны были продавать товары не иначе, какъ по цѣнѣ, установленной въ земской избѣ, а отнюдь не произвольно. При продажѣ иноземцамъ русскихъ товаровъ двѣ трети уплаты могли приниматься иноземными товарами, а одна треть непременно чистыми деньгами, ефимками, которые торговцы обязаны были приносить въ устроенный въ Псковѣ денежный дворъ и получать за нихъ русскія деньги: за одинъ фунтъ ефимковъ семь рублей. Этою денежною пріемною казна заимѣвала для себя выгоды, какія могла бы получать отъ пошлиннаго сбора съ товаровъ во время ярмарки. Въ другое время года не позволялось торговать этими товарами съ иноземцами. Ярмарка, какъ кажется, относилась исключительно къ такъ называемымъ пяти большимъ товарамъ: салу, юфти, козамъ, льну и пенькѣ, ибо въ одномъ современномъ актѣ говорится: *отричь того всѣ товары, какъ у кого что будетъ, продавать иноземцамъ безсрочно* ¹⁾. Торговые иноземцы во всякое время года могли свободно пріѣзжать въ Псковъ, привозить и складывать свои товары въ гостинныхъ дворахъ, приготовляясь къ мѣновому торгу на ярмарочный срокъ ²⁾. Земское правленіе города Пскова и пригородовъ сосредоточилось въ рукахъ богатыхъ, изъ которыхъ ежегодно пять или шесть должны были выбираться для засѣданія въ земской избѣ и составлять правительственный совѣтъ. Посылая къ царю челобитную объ утвержденіи новаго порядка, богатымъ нужно было собрать болѣе или менѣе значительную сумму на посулы и поминки дьякамъ въ приказахъ; они не затруднялись взвалить такія издержки, простиравшіяся до 400 рублей, на шею бѣднякамъ и разложили ихъ на среднихъ и меньшихъ людей, не удостоивая ихъ вносльствіемъ даже отчетомъ, куда истрачены эти деньги. Напрасно бѣдные, пользуясь своимъ гражданскимъ правомъ, сами собирались въ земской избѣ и составляли облегчительныя для себя постановленія: послѣ ихъ собранія, въ той же земской избѣ, собирались снова богатые и передѣливали все по-своему. Способы, какими образомъ богатые торговцы утѣсняли бѣдныхъ, изложены въ любопытной челобитной послѣднихъ, поданной въ 1666 году. Между прочимъ, богатые выбирали свою братію въ таможенные головы, въ цѣловальники и въ разныя должности, сопряженныя съ наблюденіемъ казеннаго интереса; эти выборные обкрадывали казну, дѣлились съ

¹⁾ Доп., V, 29.

²⁾ Ibid., V, 20.

товарищами, которые их выбирали, а потомъ, безъ согласія съ середними и меньшими, богатые выбирали изъ послѣднихъ въ цѣловальники вмѣсто своихъ и изваливали на нихъ весь недоборъ. Если же злоупотребленія открывались и дѣлался повальный обыскъ, то бѣдные должны были давать такія сказки, какія угодно было богатымъ, которые принуждали ихъ къ этому батогами ¹⁾. Такъ описываютъ свое состояніе бѣдные въ челобитной; но вообще надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ какъ тою, такъ и другою стороною, нельзя искать безпристрастной истины. Несомнѣнно только то, что управление богатыхъ не послужило ни къ развитію торговли, ни къ благосостоянію жителей. На другой же годъ воевода доносилъ, что *пожары великіе учинились, хлѣбъ и соль вздорожали, богатые наживались, бѣдные нищали* ²⁾; и потому правительствомъ приказано этотъ *новый судъ отставить*, а вѣдать псковитянъ всякихъ чиновъ людей судомъ и расправою воеводамъ ³⁾. Къ этой скрѣпой пережѣнѣ не мало послужило и то, что едва только купцы захватили въ руки правленіе края, какъ начали своевольно давать за границу проѣзжія грамоты, арестовать дворянъ, и наконецъ, что всего важнѣе, писать неправильно титулъ великаго государя ⁴⁾. Вражда маломочныхъ съ лучшими не прекратилась: одни другимъ старались вредить всѣми способами. Богатые доносили, что маломочные тайно возили за границу товары; въ томъ же обвиняли богатыхъ ихъ соперники: дѣйствительно, стрѣльцы поймали пятьдесятъ восемь саней съ товарами, отправленныхъ мимо таможи въ Ливонію псковскимъ купцомъ Поганкинымъ ⁵⁾. При такомъ общественномъ состояніи Псковъ не могъ быть цвѣтущимъ торговымъ городомъ и торговля его болѣе не возвышалась.

Изъ городовъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ Москвы, выказываются предъ другими: Орѣшекъ, Вѣлоозеро, Тихвинъ, Устюжна, Каргополь, Ярославль, Весьегонскъ. Орѣшекъ по своему положенію былъ торговымъ пунктомъ сношеній съ шведами въ XVI вѣкѣ: тамъ были лавки съ сукнами, шелковыми тканями и разными иностранными товарами ⁶⁾. Такъ какъ желѣзо, будучи всегда главнымъ ввознымъ шведскимъ товаромъ, переходило черезъ Орѣшекъ, то въ немъ развился промыселъ кузнечества. По уступкѣ его шведамъ, онъ въ XVII вѣкѣ подъ именемъ Нотебурга былъ пристанью для торговаго плаванія по Ладожскому озеру ⁷⁾. Вѣлоозеро вело значительную оптовую торговлю солью, рыбой, хлѣбомъ ⁸⁾. Въ городѣ существовалъ обширный гостинный дворъ; главный торговый предметъ составляла рыба, добываемая изъ озера ⁹⁾. Въ XVI вѣкѣ Вѣлоозеро было перевалочнымъ пунктомъ торговаго сообщенія Вологды съ Нарвою и тѣмъ самымъ бѣломорской торговли съ балтійскою ¹⁰⁾. Въ Кирилло-Вѣлозерскомъ монастырѣ

¹⁾ Доп., V, 23—24.

²⁾ Ibid., V, 33.

³⁾ Ibid., V, 30.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Доп., V, 36.

⁶⁾ Ibid., I, 165.

⁷⁾ А. Арх. Эксп., III, 459.

⁸⁾ А. А. Э., I, 223—224.

⁹⁾ Доп., III, 327.

¹⁰⁾ Nakl., 408.

были большія ярмарки, три раза въ годъ: на Успенъевъ день, на Введеніе и на память св. Кирилла Бѣлозерскаго. Туда съѣзжалось множество торговцевъ, и такъ какъ разомъ съ ними пріѣзжали кабацкіе цѣловальники съ питьемъ, то поэтому торжища отличались такимъ пьянствомъ, что часто случались смертоубійства. Игуменъ просилъ перевести торгъ на Словенскій Волокъ, въ имѣніе монастыря. Ярмарки отправлялись здѣсь въ тѣ же сроки, какъ и на прежнемъ мѣстѣ. Туда съѣзжались торговые посадскіе люди и крестьяне уѣздовъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Каргопольскаго, Новгородскаго, съ разными товарами, а въ томъ числѣ и хлѣбомъ. На срокъ ярмарки изъ Бѣлозерска пріѣзжало таможенное начальство ¹⁾. Другая славная ярмарка въ XVII вѣкѣ была близъ Александровской пустыни: туда пріѣзжали, между прочимъ, шведскіе купцы ²⁾. Тихвинцы занимались иностранною торговлею, возили русскіе товары водянымъ путемъ по Сяси, Ладожскому озеру до Орѣшка и вывозили ихъ въ Швецію, а товары иноземные доставляли черезъ Устюжну до Дмитрова въ Москву ³⁾. Въ XVII вѣкѣ въ Тихвинѣ зимою собиралась чрезвычайная ярмарка ⁴⁾. Устюжна Желѣзнополюская въ XVI вѣкѣ была торговымъ городомъ, ибо туда съѣзжались за покупкою желѣза и судовыхъ принадлежностей. Весеьгонскъ славился своею ярмаркою: она была возвышена Іоанномъ Грознымъ, который въ 1563 году, изъ угожденія Симонову монастырю, владѣвшему Весеьгонскомъ, запретилъ всякіе торги во всемъ округѣ. Ярмарка открывалась на заговѣнье Петровки. Рыба, соль, хлѣбъ и вообще сельскія произведенія находили себѣ сбытъ на этой ярмаркѣ. Туда съѣзжалось множество поселянъ изъ сосѣднихъ краевъ, приплывали по Мологи купцы изъ Ярославля, Углича, Казани, Рязани, бывали купцы изъ Москвы, Твери, Великаго Новгорода. Весь пошляинный сборъ на этой ярмаркѣ принадлежалъ Симонову монастырю, который платилъ въ царскую казну 38 рублей въ годъ ⁵⁾. Старинный скупъ соли въ Каргополѣ и на Онегѣ не только не упалъ, но еще болѣе развился въ XVI и XVII вѣкахъ. Жители Турчасова, Мехреинги, Порога привозили соль съ моря и складывали ее въ Турчасовѣ, а каргопольцы скупали и переправляли въ свой городъ ⁶⁾. Каргополь былъ главнымъ мѣстомъ закупа сѣверной соли. Бѣлозерцы и вологодцы, а иногда торговцы изъ другихъ городовъ пріѣзжали туда для покупки соли и развоза по Россіи. Соляная торговля развилась въ мѣстныхъ жителяхъ трудолюбіе и судовой промыселъ. Каргопольцы, турчасовцы и крестьяне другихъ поселеній записывались въ казаки, которые составляли особый цехъ, обязанный приготавливать соль къ вывозу. Каргопольцы имѣли готовые суда для перевозки соли, и въ XVI вѣкѣ городъ получалъ ту привилегію, что пріѣзжавшіе для покупки соли торговцы непременно должны были нанимать суда у однихъ каргопольцевъ. Кромѣ соли, каргопольцы торговали въ большомъ количествѣ ворванью и рыбою, добывая эти товары изъ Колы. Словомъ, Каргополь былъ важнѣйшимъ мѣстомъ вывоза въ Россію произведеній Сѣвернаго моря. Неудивительно, что эта промышленность привлекла въ Карго-

¹⁾ А. А. Э., II, 72.

²⁾ Доп., IV, 272.

³⁾ А. А. Э., III, 461.

⁴⁾ Ibid., IV, 427.

⁵⁾ Ibid., I, 296—297.

⁶⁾ Собр. Г. Гр., II, 141—142.

поль ввозную торговлю. Изъ таможенной грамоты 1598 года видно, что въ Каргополѣ и Турчасовѣ было два гостинныхъ двора, на которыхъ продавались иноземныя сукна и русскіе мѣха. Сверхъ того часто и лѣтомъ на судахъ, и зимою на саняхъ прибывали къ городу русскіе торговцы съ товарами.

Водяное сообщеніе Москвы съ Астраханью, а черезъ этотъ городъ съ Персією и Востокомъ было: Москвою-рѣкою до Коломны, изъ Коломны Окою до Нижняго и отъ Нижняго Волгою до Астрахани. Плаваніе отъ Москвы до Нижняго требовало около одиннадцати сутокъ при благополучныхъ обстоятельствахъ. По пути лежали города: Коломна, Рязань, Касимовъ, Муромъ ¹⁾. Изъ города Шуи, Гороховца и другихъ, сосѣднихъ рѣкъ Тезѣ, городовъ и сель купцы плавали по этой рѣкѣ и достигали Оки ²⁾. Вообще окскій путь въ XVII вѣкѣ былъ не совсѣмъ безопасенъ, по причинѣ разбоевъ, господствовавшихъ и на Окѣ, какъ на Волгѣ ³⁾. Другая дорога лежала сухопутнымъ на Ярославль, а изъ Ярославля на судахъ Волгою ⁴⁾. Города Ярославль, Кострома, Кинешма, Юрьевецъ-Повольскій, лежавшіе на этомъ судоходномъ пути, имѣли торговое значеніе; тамошніе торговцы сплавливали свои товары по Волгѣ и привозили покупные въ свои города ⁵⁾. Въ Ярославлѣ особенно занимались судовымъ промысломъ ⁶⁾.

Нижній-Новгородъ съ половины XVI вѣка началъ возрастать въ торговомъ отношеніи. Уже англичане нашли выгоднымъ возить туда свои товары. Въ XVII вѣкѣ онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для торговли всего востока Россіи; товары стекались туда со всѣхъ сторонъ: и европейскіе изъ Архангельска черезъ Ярославль и Москву, и азіатскіе изъ Астрахани, и сибирскіе изъ Казани, и русскіе, предназначенные для отправки на Востокъ. Безпрестанно прибывали туда частныя достачники сверху и снизу по Волгѣ и по Окѣ, а зимою длинные ряды обозовъ тащились во всѣ стороны. С одного богатаго нижегородскаго купца въ XVII вѣкѣ въ Нижнемъ развилась хлѣбная торговля. По мѣрѣ населенія плодороднаго края, лежавшаго на югъ отъ Нижняго, городъ сдѣлался мѣстомъ сбыта и закупа хлѣба для отправки его въ столицу и сѣверныя провинціи. Въ особенности при отплытіи судоходнаго каравана въ Астрахань въ Нижнемъ было огромное стеченіе торговаго народа, такъ что все носило видъ ярмарки. Конечно, онъ обязанъ своимъ торговымъ значеніемъ счастливому положенію посредниѣ продольнаго волжскаго пути, при соединеніи двухъ судоходныхъ рѣкъ Россіи. Правительство учредило тамъ главную таможеню, гдѣ брали проѣзжія пошлины за всѣ города, слѣдующіе за нимъ по теченію Волги.

Недалеко отъ Нижняго торговцевъ привлекала Макарьевская ярмарка, собиравшаяся ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ монастыремъ святого Макарія Желтоводскаго. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ подарилъ всѣ пошлинные доходы этому монастырю *на стѣчи и ладанъ, и церковное строеніе, и братіи на пропитаніе*. Цари Алексѣй, Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ подтверждали это монастырское право, которое, такимъ образомъ, не отмѣнялось весь XVII вѣкъ.

¹⁾ Olear. Reisebeschr., 334.

²⁾ Оп. гор. Шуи, 344.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Акты Ист., III, 210.

⁵⁾ А. А. Э., III, 278.

⁶⁾ Johnson. Nakl., 397.

Купцы съѣзжались туда какъ съ верховыхъ, такъ и съ низовыхъ городовъ (Свияжска, Чебоксарь, Казани, Алатыря, Симбирска, Саранска). Доставка и отправка товаровъ совершалась болѣе водянымъ путемъ, рѣже сухопутнымъ; но независимо отъ такихъ путей развозка товаровъ главнымъ образомъ направлялась въ одну сторону на Москву, а въ другую на Казань. Такимъ образомъ, эта ярмарка сдѣлалась посредницею торговаго сообщенія Европейской Россіи съ Сибирью—значеніе, остающееся за нею (нижегородскою) до сихъ поръ. Всякій купецъ, отправляясь на Макарьевскую ярмарку, долженъ былъ въ томъ городѣ, откуда выѣзжалъ, взять проѣзжую грамоту, и везъ свои товары безпрепятственно до мѣста назначенія, безъ всякаго осмотра и задержекъ, а прибывъ на мѣсто, показывалъ свою проѣзжую грамоту, по которой производилась повѣрка, и если бы что-нибудь оказалось лишнее, то подвергалось конфискованію. Въ 1662 году царь Алексѣй Михайловичъ далъ право купцамъ, пребывающимъ на ярмаркѣ, быть свободными отъ всякихъ позывовъ, исковъ, отвѣтовъ и тяжбъ. Всякое разбирательство возникшаго между торговцами торговаго или долговаго дѣла принадлежало архимандриту Желтоводскаго монастыря съ братією, исключая дѣлъ о воровствѣ и разбояхъ. Несмотря на такіа права, процвѣтаніе ярмарки задерживалось отъ непрерывнаго несоблюденія царскихъ привилегій. Воеводы, приказные и таможенники по дорогамъ придирались къ купцамъ, требовали осмотра, вымогали пошлины, брали поминки и взятки; а въ самое время ярмарки воеводы, по извѣтамъ ябедниковъ, посылали за купцами приставовъ съ наказными памятями, требуя ихъ къ суду, или разсылщиковъ подъ предлогомъ искать бѣглыхъ: эти разсылщики нападали на купцовъ среди ихъ торговой дѣятельности, придирались къ нимъ, отрывали отъ занятій и не отходили, пока неудовольствовались поминками, а между тѣмъ, жили, ѣли на счетъ монастыря, очень негодовавшаго на такихъ гостей, которые вообще нахальными поступками доводили купцовъ до того, что тѣ боялись ѣздить на Макарьевскую ярмарку. По жалобѣ архимандрита, правительство въ 1692 году снова подтвердило старыя привилегіи ярмарки, но онѣ все-таки плохо исполнялись ¹⁾.

Ярмарка въ Макарьевѣ развила судовой промыселъ. Купцы, покупая товаръ, занимали у судопромышленниковъ струги и заключали съ ними условія везти товаръ къ мѣсту ²⁾. Плаваніе отъ Нижняго до Астрахани продолжалось около мѣсяца. Пристани, имѣвшія торговое значеніе на этомъ пути, были: Василь, Чебоксары, Кокшажскъ, Свияжскъ, Казань ³⁾. Изъ этихъ городовъ Казань въ XVII вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ астраханской соли и рыбы, и вообще астраханскихъ товаровъ, назначаемыхъ для сѣверо-востока, а равно товаровъ, приходящихъ изъ Вятской и Пермской сторонъ. Въ Казани производилась казенная постройка судовъ, какъ для нуждъ правительства, такъ и для торговцевъ ⁴⁾. Тетюши были послѣднимъ городомъ населенной страны. За ними, до самой Астрахани, берега Волги представляли пустыню. Въ первой половинѣ XVII вѣка на этомъ длинномъ пространствѣ были только Самара, Саратовъ и Черный Яръ, позже построенъ Симбирскъ. Въ Самарѣ образовался перевозочный

¹⁾ Акты. Ист., V, 155—161.

²⁾ Опис. гор. Шуи, 343.

³⁾ А. Арх. Эксп., I, 405.

⁴⁾ Доп., IV, 314.

пунктъ янцкой рыбной промышленности, которая возникла въ 1639 году трудами гостя Гурьева, а потомъ сдѣлалась достояніемъ казны, и годъ отъ году принимала болшіе размѣры ¹⁾. Торговцы черезъ Самару ѣздили на Янкъ покупать рыбу и икру, и привозили въ Самару, гдѣ съ нихъ брали десятую пошлину. Такихъ промышленниковъ въ концѣ XVII вѣка стало чрезвычайное множество и это сообщило Самарѣ торговую физіономію ²⁾. Несмотря на запустѣніе, въ какомъ находилось Поволжье, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, путешествовашіе при Михаилѣ Теодоровичѣ голштинцы не встрѣчали никакихъ селеній, торговля съ Астраханью постоянно оживляла пустынную Волгу. Такъ какъ плаваніе по Волгѣ сопряжено было съ опасностями, то суда шли вмѣстѣ другъ съ другомъ въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ, плившихъ на передовомъ суднѣ. Это конвойное судно снабжалось орудіями. Такой поѣздъ назывался караваномъ. Судовые караваны ходили по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью дважды въ годъ; одинъ рейсъ назывался весеннимъ, другой осеннимъ караваномъ. Верховые товары приходили въ Астрахань лѣтомъ (напр., въ іюль), а низовые и персидскіе товары приходили въ Нижній осенью, и. по наступленіи зимы, развозились изъ Нижняго на саняхъ. Каждый годъ назначался начальникъ каравана, командовавшій стрѣльцами и дѣтьми боярскими; въ караванѣ бывали нослы персидскіе въ Москву, московскіе въ Персію и служилые люди, отправлявшіеся въ Астрахань и низовые волжскіе города. Съ ними-то обыкновенно плыли съ товарами купцы разныхъ городовъ: москвичи, ярославцы, кинешемцы, костромляне, юрьевцы, нижегородцы, арзамасцы, казанцы ³⁾. Уже при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ караваны, плававшіе между Нижнимъ и Астраханью, состояли изъ пяти-сотъ большихъ судовъ, изъ которыхъ одни построены были въ Нижнемъ, а другія приплывали съ товарами изъ разныхъ сторонъ въ Нижній и ожидали тамъ начальника каравана. Когда все было готово, караванъ выступалъ съ обиліемъ запасовъ лѣсныхъ и военныхъ и съ каменными пушками ⁴⁾. Судна приводились въ движеніе гребцами, а при попутномъ вѣтрѣ распускались паруса. Приходъ каравана въ Астрахань возвѣщался двукратною пальбою изъ пушекъ, и весь берегъ внезапно оживлялся. Одни изъ прибывшихъ торговцевъ выгружались на берегъ, другіе оставались въ судахъ и ожидали къ себѣ покупателей ⁵⁾.

Кромѣ каравановъ, по Волгѣ по одиночкѣ ходили суда казенныя и частныя ⁶⁾. Иногда частные торговцы составляли товарищества и отправляли свои суда, связавъ ихъ вмѣстѣ, такъ что большое судно тянуло за собой маленькія ⁷⁾. Плаваніе по Волгѣ вверхъ было затруднительно, ибо гребцы могли управлять судами только при попутномъ вѣтрѣ (низовомъ), съ трудомъ управляли ими въ безвѣтріе, но когда подымался верховой вѣтеръ, тогда гребцы и рабочіе выходили на берегъ и тянули суда *лямкою*, проплывая въ день не болѣе четырна-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 222.

²⁾ А. Ист., V, 171.

³⁾ А. Истор., IV, 206.

⁴⁾ Jenkins. Nakl., 351.

⁵⁾ А. И., IV, 15.

⁶⁾ Ibid., III, 211.

⁷⁾ Olear., 361.—Доп., III, 145.

дцати верстѣ. Нерѣдко суда насакивали на мели, которыми Волга и въ то время была обильна ¹⁾).

Торговныя русскія суда, плававшія по Волгѣ, были плоскостовныя, различались по длинѣ, ширинѣ и фигурѣ, и сообразно этому носили разныя названія. Большое судно длиною до десяти сажень и болѣе называлось *досчаникъ*, меньше досчаника были насады и кладныя струги ²⁾). Струги были *досчатые, полубленые* и *не полубленые; струги съ набоями*; они были мѣрою отъ шести до восьми сажень въ длину ³⁾); меньше ихъ были *кладныя лодки*, а еще менѣе — *неводники*; менѣе *неводника* — *плавная лодка, одноподеревка* и *ботникъ* ⁴⁾). При большихъ судахъ, т.-е. досчаникахъ, стругахъ и насадахъ были маленькія лодки, называемыя *завозны, подвозки, паузки* ⁵⁾). Название струга самое употребительное, и часто принималось для означенія судна вообще.

Въ 1634 году на Волгѣ большой стругъ или насадъ вмѣщалъ отъ 300 до 500 ластовъ, и когда былъ нагруженъ, то опускался на двѣнадцать футовъ въ воду ⁶⁾). Въ концѣ XVII вѣка насады поднимали до тысячи ластовъ ⁷⁾). Для струга въ семь сажень длиною считалось достаточнымъ двѣнадцать челоувѣкъ гребцовъ ⁸⁾). Когда голштинское посольство по торговымъ дѣламъ отправлялось въ Персію, то, съ помощью русскихъ плотниковъ, сдѣлало себѣ судно, приспособленное къ плаванію по Волгѣ. Это судно было построено изъ досокъ, имѣло 120 футовъ въ длину, съ тремя мачтами и плоскимъ дномъ; въ глубину оно входило до семи футовъ; для него приготовлены были двадцать-четыре весла; на суднѣ устроены каюты, а подъ палубою подвалъ для кухни и кладовой. Это судно было вооружено каменными пушками, снабжено свинцомъ, порохомъ и оружіемъ противъ разбойниковъ. Къ судну была привязана шлюпка ⁹⁾). Оно было построено вообще по образцу тогдашнихъ русскихъ судовъ, но отличалось тѣмъ, что имѣло три мачты и превосходило русскія суда отдѣлкою, такъ что, когда голштинцы выплыли на немъ на Каспійское море, то персіяне говорили, что *Кюльзюмъ* (Каспійское море) еще не видывалъ такого судна ¹⁰⁾).

Торговое плаваніе по Волгѣ чрезвычайно затруднялось разбоями волжскихъ козаковъ, жившихъ въ неизвѣданныхъ еще закоулкахъ лѣсистаго и скалистаго праваго побережья Волги. Не только большія суда погибали со всѣмъ грузомъ и экипажемъ добычею ихъ звѣрства, но случалось, что разбойники разбивали самыя караваны, прославляя свои подвиги въ пѣсняхъ:

„Мы рукой махнемъ, караванъ возьмемъ!“

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ козаки напали на русскій караванъ у Чернаго Яра и истребили его. Они воспользовались тѣмъ, что суда

¹⁾ Olear., 372.

²⁾ А. А. Э., I, 390; II, 408.

³⁾ Доп., III, 144—145.

⁴⁾ А. А. Э., I, 390.

⁵⁾ Ibid., I, 432.

⁶⁾ Olear., 301.

⁷⁾ Кильбург., 122.

⁸⁾ Доп., III, 144.

⁹⁾ Olear., 337.

¹⁰⁾ Ibid., 378.

плыли по Волгѣ растянувшись, и напали на заднія; переднія же, гдѣ были стрѣльцы, охранявшіе караванъ, не могли скоро поспѣть къ заднимъ на помощь противъ теченія воды. Это событіе подало поводъ къ построенію Чернаго Яра ¹⁾. Были на Волгѣ мѣста, особенно прославленныя разбоями, и торговцы всегда радовались, коль скоро удавалось проплыть ихъ благополучно. Таково было устье Уссы въ Жегулевскихъ горахъ, гдѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ козаки ограбили большое купеческое судно, плывшее съ грузомъ въ Нижній ²⁾; таковы были: Козачья гора въ 115 верстахъ ниже Самары ³⁾, устье Камышинки, гдѣ голштинцы встрѣтили рядъ деревянныхъ крестовъ, поставленныхъ въ память падшихъ въ битвѣ съ козаками ⁴⁾.

Трудности плаванія по Волгѣ, особенно вверхъ, были поводомъ сухопутныхъ путешествій изъ Астрахани въ Москву и середину Россіи. Эти путешествія предпринимались въ то время, когда татары гоняли въ Москву лошадей для продажи, что носило названіе *ордо-базарной* станицы. Тогда за татарскими табунами ѣхалъ обозъ куцовъ разныхъ націй: русскихъ, армянъ, персіянъ, бухарцевъ и индійцевъ ⁵⁾.

Городъ Астрахань вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи найденъ посѣщавшими его англичанами незначительнымъ въ торговомъ отношеніи ⁶⁾. Русскіе привозили туда кожи, овчины, сбрую, посуду, хлѣбъ, дрова въ небольшомъ количествѣ, единственно для нуждъ служилыхъ людей, которые поддерживали русскую власть въ отдаленномъ городѣ и составляли единственное русское народонаселеніе города. Персидскіе товары, именно: шелковыя и бумажныя ткани, краски, шелкъ, доставлялись татарами и были худого достоинства. Купцы, торговавшіе этими товарами, были бѣдны. Однако, съ этого уже времени Астрахань начинаетъ приобрѣтать свое высокое торговое значеніе, которое постепенно увеличивается. Въ Смутную эпоху оно было нарушено Заруцкиимъ, разграбившимъ и разорившимъ городъ ⁷⁾. Но послѣ успокоенія Россіи Астрахань возвысилась снова. Въ 1670 году ея богатства были расхищены Стенькою Разиннымъ. Хотя Астрахань послѣ того и поправилась, но уже къ концу XVII вѣка начала упадать всеобщая увѣренность въ возможности направить черезъ Россію торговлю всего Востока, — увѣренность, которая поддерживала торговое значеніе Астрахани. Еслибъ такое предположеніе осуществилось, Астрахань была бы важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ цѣлаго міра. Но не такъ рѣшила исторія.

Сосѣдство съ Востокомъ дало Астрахани самое разнообразное народонаселеніе. Оно состояло изъ смѣси русскихъ съ азіатскими пришельцами: персіяне, бухарцы, хивинцы, армяне, азіатскіе турки, греки, индійцы со всѣми отливами свейхъ народностей не только посѣщали городъ, но владѣли въ немъ домами и вели постоянную торговлю ⁸⁾. Это разнообразіе особенно увеличивалось въ то

) Olear., 362.

2) Ibid., 356.

3) Ibid., 359.

4) Ibid., 363.

5) А. И., IV, 214—217.

6) Jenkins. Nakl., 365.

7) А. И., III, 27.

8) Olear., 374.

время года, когда Астрахань наполнялась иноземными и русскими торговцами, прибывавшими туда для временной торговли и раскладывавшими свои товары, то въ гостинныхъ дворахъ, то въ насадахъ и бусахъ на пристани. Въ Астрахани было нѣсколько гостинныхъ дворовъ, какъ кажется, особыхъ для каждаго народа, напримѣръ: гялянскій, тезикскій, бухарскій, русскій и татарскій — не гостинный дворъ, но базаръ, у Мочаговскихъ воротъ ¹⁾. Тогда какъ другіе иностранцагъ позволялось обзаводиться даже домами, татары могли торговать не въ самомъ городѣ, а только за оградою его на базарѣ: на этомъ татарскомъ базарѣ были татарскія лавки съ разными товарами; важный торгъ былъ овцами, которыхъ пригоняли изъ ногайскихъ степей ²⁾, и раскупали въ Астрахани, вѣроятно, для вытопки сала. Не одни только татары подвергались ограниченіямъ. При Михаилѣ Теодоровичѣ, въ 1625 году, тезики—подданные турецкаго султана изъ Азіатской Турціи—были отстранены отъ астраханской торговли ³⁾, вѣроятно, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній дворовъ.

Мѣстная розничная торговля въ Астрахани велась въ рядахъ, лавкахъ, полкахъ, шалашахъ. Мелкою торговлею занимались не только посадскіе, но и стрѣльцы, и вообще служилые люди. Торговля помѣщенія давались отъ казны на оброкъ. Въ 1623 году доходъ этотъ простирался до 341 руб. 32 алтынъ 4 деньги ⁴⁾.

Важность астраханской торговли должна разсматриваться въ двойномъ отношеніи: по передачѣ въ Россію восточныхъ произведеній и по снабженію Россіи мѣстными произведеніями астраханскаго края. Торговое сообщеніе Астрахани съ Персією, Хивою и Бухарією совершалось, какъ мы уже сказали, по Каспійскому морю и сухопутьемъ.

Для торговли по Каспійскому морю правительство держало такъ называемыя *бусы*, приспособленныя къ морскому плаванію суда. Судовой промыселъ составлялъ въ Астрахани достояніе власти: существовало большое казенное заведеніе, называемое дѣловой дворъ, который былъ управляемъ начальникомъ, назначеннымъ изъ дѣтей боярскихъ, и цѣловальниками ⁵⁾. Бусы ходили постоянно дважды въ годъ между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ для торговли съ Хивою и Бухарою. Одинъ поѣздъ совершался весною, другой осенью. Отправляя бусу, воевода поручалъ управленіе ея какому-нибудь сыну боярскому или служилому человѣку, давалъ ему стрѣльцовъ, пушкарей и нѣсколько пушекъ съ военными запасами. Въ 1687 году на такой бусѣ была одна пушка, пудъ пороха, полпуда дрови, сорокъ ядеръ, двадцать стрѣльцовъ, пушкаръ, плотникъ и пять человѣкъ юртовскихъ татаръ. Въ 1661 году на такой бусѣ было двѣ пушки—одна нарядная пшаль да мѣдный тюфякъ. Начальникъ бусы обязанъ былъ пересматривать проѣзжія грамоты своихъ торговыхъ пассажировъ и повѣрять ихъ товары; а если бы оказалось что-нибудь сверхъ того, чтò написано въ проѣзжей грамотѣ, или же при купцѣ нашелся такой *покручникъ* или работникъ, который не записанъ въ грамотѣ, то начальникъ отводилъ незаписан-

¹⁾ А. П., III, 163—164. Доп., IV, 256.

²⁾ Доп., IV, 255—256.

³⁾ А. И., III, 213.

⁴⁾ Доп., II, 85.

⁵⁾ А. П., III, 203.

ныхъ людей и отправлялъ незаписанный товаръ къ воеводѣ. Повѣрка товаровъ не производилась посредствомъ подробнаго пересмотра и взвѣшиванія ихъ: начальникъ бусы осматривалъ только цѣлость таможенныхъ печатей, которыми должны быть опечатаны нагруженные товары. Во время плаванія начальникъ обязанъ былъ охранять бусу и отражать разбойничьи нападенія, еслибъ они случились. По прибытіи въ Караганское пристанище онъ выбиралъ двухъ или трехъ иноземцевъ и отправлялъ въ Хиву и Бухарію извѣщать народъ, что пришла русская буса и туземные купцы должны послѣдовать на торгъ. Эти посланцы носили мѣстное названіе *хабарчинокъ*. Тогда къ берегу съѣзжались купцы и начинался торгъ. Командиръ бусы долженъ былъ наблюдать, чтобъ иноземцы не дѣлали русскимъ оскорбленій. Какъ долго продолжался торгъ—неизвѣстно; но судя потому, что буса отплывала изъ Астрахани въ октябрѣ, а послѣвала назадъ къ зимѣ, должно думать, что онъ продолжался около мѣсяца. При окончаніи торжника командиръ бусы извѣщалъ, что кто изъ иноземцевъ захочетъ ѣхать съ ними тотчасъ, тотъ можетъ нагружаться; равнобрно, кто захочетъ, можетъ пріѣзжать въ Астрахань сухопутнымъ, или, наконецъ, ѣхать на будущій годъ съ весеннимъ поѣздомъ русской бусы, и въ такомъ случаѣ дожеть послѣдовать явиться на берегъ, чтобъ не опоздать. По возвращеніи домой командиръ, не приставая къ городу, посылалъ на лодѣхъ извѣстить воеводу, что буса возвратилась; являлись таможенники, осматривали, описывали товары и облагали ихъ пошлинами. Тогда уже буса могла пристать и разгрузиться¹⁾.

Сношенія съ Персією производились также на казенныхъ бусахъ, которыя приставали въ Баку и Дербентъ; оттуда купцы ѣздили въ Шамаху, гдѣ происходилъ торгъ персіянъ съ русскими. На этихъ бусахъ ѣздили въ Персію русскіе купцы разныхъ городовъ и пріѣзжали въ Астрахань персіяне. Этимъ путемъ ѣздили бусы съ царскими товарами. Довѣренные торговцы, которые везли эти товары, прибывали въ Шамаху; тамъ оставалось нѣсколько цѣловальниковъ, другіе ѣздили во внутренность Персіи, скупали товары и свозили въ Шамаху; отсюда ихъ везли къ пристани, нагружали и доставляли до Астрахани. Воеводы обязаны были посылать навстрѣчу паузки для принятія товаровъ²⁾. Сверхъ того въ Астрахань приходили персидскія бусы, по наружному виду отличныя отъ русскихъ. Это были суда небольшія, высоко стоящія надъ водою, фигурою похожія—по замѣчанію европейскаго путешественника—на ванны, со множествомъ бревенъ и перекладнъ, утвержденныхъ между собою клинами, открытыя, безъ насосовъ, такъ что воду выливали мѣхами, съ однимъ парусомъ, какъ и русскія, но лучше русскихъ судовъ умѣвшія лавировать въ морѣ³⁾. Какъ только такая буса приближалась къ Астрахани, воевода посылалъ къ ней таможеннаго голову, или нарочнаго цѣловальника, подъячаго и стрѣлцаго сотника съ стрѣльцами для выгрузки. Таможенники прежде всего требовали отъ управлявшаго бусою, обыкновенно называемаго шаховымъ гонцомъ, свѣдѣнія—есть ли у него шахова граната, сколько у него людей, купцовъ, съ какими товарами? Послѣ допроса происходила перепись всѣхъ людей и товаровъ. Тогда лучшіе изъ товаровъ—узорочные, т.-е. драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя цѣпи, складни, за-

¹⁾ А. И., IV, 50, 205.—А. И., V, 265.—Доп., IV, 257—260.

²⁾ А. И., IV, 238.

³⁾ Olear., 378.

поны, перстни — отбирались въ пользу царя, а купцамъ выдавали деньги. Въ случаѣ отысканія заповѣдныхъ товаровъ, наиримѣръ, табаку, ихъ отбирали въ сѣзскую избу. По окончаніи обыска и переписи буса подплывала ближе, но никто не смѣлъ выходить на берегъ, пока роспись не представится воеводѣ и отъ него не послѣдуетъ разрѣшенія ¹⁾. Во время пребыванія въ городѣ иноземные купцы были подъ строжайшимъ наблюденіемъ; послы съ своею свитою подвергались также строгому надзору: имущество ихъ перерывали, чтобъ отыскать какіе-нибудь заповѣдные товары; пятьдесятъ человекъ стрѣльцовъ стояли постоянно на караулѣ; послы жили на Посольскомъ дворѣ и не смѣли сноситься съ единоземцами; тѣмъ не менѣе, однако, съ ними обращались очень почтительно ²⁾.

Плаваніе по Каспійскому морю подвергало купцовъ различнымъ опасностямъ: во-первыхъ, нерѣдко бусы были разбиваемы бурями, господствующими на этомъ морѣ; во-вторыхъ, по морю крейсировали морскіе разбойники, которые нападали на суда, грабили и умерщвляли людей. Слѣдствіемъ такихъ приключеній были неоднократно разоренія купеческихъ семействъ и вообще то, что торговля на Каспійскомъ морѣ не достигала высокой степени, но постоянно оставалась въ одномъ и томъ же положеніи. Для охраненія купцовъ царь Алексѣй построилъ первый русскій корабль «Орель», но Степка Разинъ истребилъ его. Послѣ того переводчикъ посольскаго приказа Виниусъ подалъ проектъ соорудить галеры или каторги (вооруженныя суда) для перевоза грузовъ и вмѣстѣ для защиты отъ разбойниковъ ³⁾.

Туземныя произведенія, вывозимыя въ Россію изъ Астраханскаго края, были соль и рыба (отчасти вино), но объ этомъ войдемъ въ подробности при исчисленіи статей торговли вообще.

Сибирская торговля возникла вскорѣ по открытіи Сибири и достигла важнаго значенія, ибо предметы вывоза изъ Сибири состояли преимущественно въ мѣхахъ, которые были важнѣйшимъ произведеніемъ Россіи. Вскорѣ по завоеваніи Сибири многіе смѣльчаки отправились въ невѣдомыя пустыни для звѣринныхъ промысловъ; потомъ страсть отыскивать *новыя земли* и принуждать инородцевъ платить ясакъ сдѣлалась господствующею между служилыми людьми: это привлекало въ Сибирь русскихъ. Само правительство старалось о заселеніи новопріобрѣтеннаго края, строило города, поселяло пахотныхъ людей для земледѣлія и населяло Сибирь ссыльными. Русское населеніе, отодвинутое отъ прежняго отечества на большое разстояніе, нуждалось въ подвозѣ пищи, одежды, предметахъ домашняго быта, а потому товары, удовлетворявшіе этой потребности, были первыми статьями ввоза въ Сибирь изъ Россіи. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII русскіе купцы возили въ Сибирь хлѣбъ ⁴⁾, также русскій холстъ ⁵⁾, готовыя однорядки, юфти, кожи, оружіе и военные снаряды, столь необходимыя въ этой странѣ противъ звѣрей и людей, и прочіе товары, боль-

¹⁾ А. И., IV, 38—39.

²⁾ Ibid., IV, 17.

³⁾ Доп., V, 405.

⁴⁾ А. А. Э., II, 163, 257.

⁵⁾ Доп., IV, 276.

шею частью простого достоинства русскаго издѣлія ¹⁾). Купцы, которые вели торговлю съ Сибирью, были изъ Москвы—большою частью знатные гости, пославшіе въ Сибирь своихъ покручениковъ и приказчиковъ, родомъ изъ Казани и такъ называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга-Великаго, Вятки, Перми, Тотмы и Сольвычегодска; эти агенты, скупая хлѣбъ въ Россіи, отправляли его въ Сибирь водою, потому-то въ этихъ послѣднихъ, такъ называемыхъ поморскихъ городахъ образовался складъ хлѣба, назначеннаго для Сибири. Торгъ былъ больше мѣновой, какъ съ инородцами, такъ и съ русскими поселенцами; первые не знали толку въ монетѣ, а послѣдніе нуждались болѣе въ произведеніяхъ Европейской Россіи, чѣмъ въ деньгахъ; деньги, прибывая въ Сибирь, скоплялись тамъ безъ ходу; такимъ образомъ, когда при Алексѣѣ Михайловичѣ выпущены были мѣдные деньги, то купцы, вздвигшіе за мѣтами, скупали на нихъ дешевою цѣною мѣта, а сами вымѣнивали у сибиряковъ серебряныя деньги и не привозили въ Сибирь русскихъ товаровъ; отъ этого въ Сибири сдѣлалась страшная дороговизна на всякіе русскіе товары—сукна, холсты, кожи, и правительство приказало у купцовъ, привозящихъ въ Сибирь деньги, отбирать на государя деньги и купленные на нихъ мѣта ²⁾). Простота жизни въ Сибири долго исключала потребности изысканнаго быта, удовлетворяемаго въ Россіи заграничными товарами. Въ 1609 году въ Пермской землѣ во всѣхъ городахъ не оказалось иноземныхъ суконъ, камокъ, тафты; торговые люди не привозили этихъ товаровъ въ Сибирь ³⁾). Впослѣдствіи, однако, во второй половинѣ XVII вѣка, большая развитость жизни привлекала въ Сибирь и иностранные товары, доставляемые изъ Архангельска ⁴⁾).

Торговый путь, какъ равно и служилый, изъ Москвы въ Сибирь былъ водной, до самаго Соликамска, то-есть Москвою-рѣкою, Окою, Волгою и Камою. Изъ Соликамска везли товары волокомъ до Верхотурья, которое считалось первымъ сибирскимъ городомъ. Тамъ была учреждена таможня: вѣдущіе съ товарами должны были оплачивать ихъ пошлинами и брать проѣзжія грамоты. Кромѣ Верхотурья поставлены были еще двѣ заставы—Собская и Обдорская для сбора пошлинъ; но купцы, чтобъ избѣжать платежа пошлинъ и, главное, придирокъ и задержекъ отъ чиновниковъ, самовольно проложили себѣ другой путь черезъ Кунгуръ и Уфу на Катайскій острогъ. Воеводы посылали стрѣльцовъ для преслѣдованія ихъ. Только въ 1680 году учреждена была въ Катайскомъ острогѣ постоянная таможенная застава ⁵⁾).

Въ Верхотурьѣ служилые люди, вѣзшіе въ Сибирь на службу, дѣлали закупы разныхъ потребностей въ большомъ количествѣ, не надѣясь ихъ найти въ Сибири, или желая купить дешевле, и это побуждало купцовъ привозить туда значительное количество разныхъ запасовъ. Тутъ же, и еще въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ Ляминской волости, производился торгъ съ вогуличами; русскіе вымѣнивали у нихъ мѣта, лосинныя и оленье кожи, хмель, рыбу, и потому въ послѣднемъ мѣстѣ учреждена была таможня для пошлиннаго сбора. Другое тор-

¹⁾ А. И., IV, 327.

²⁾ Ibid., IV, 327.—Доп., IV, 276.

³⁾ А. А. Э., II, 256.

⁴⁾ Meyerberg, 241.

⁵⁾ А. И., V, 90, 368.

говое мѣсто въ томъ же уѣздѣ была слобода Ирбитъ, гдѣ еще въ первой половинѣ XVII вѣка образовалась ярмарка, существующая и въ наше время. Въ 1649 году туда стекалось множество промышленниковъ и торговцевъ ¹⁾. Къ концу XVII вѣка Ирбитская ярмарка стала главнымъ мѣстомъ закупа хлѣба и вообще всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Сибирь. Туда приходили товары бухарскіе и китайскіе и раскупались для вывоза въ Россію. Ярмарка эта происходила въ январѣ, послѣ Богоявленія. По отдаленности мѣста тамъ вкралась злоупотребленія относительно пошлинныхъ сборовъ, такъ что торговля велась часто совсѣмъ безпошлинно; постоянной таможи не было, а верхотурскіе воеводы, обязанные посылать туда людей для сбора, не исполняли этого точно. Правительство въ 1687 году обратило на это вниманіе, тѣмъ болѣе, что ирбитскій торгъ тогда почти совершенно подорвалъ торговлю въ Верхотурьѣ; оно приказало постоянно посылать туда цѣловальниковъ для пошлиннаго сбора. Это подтверждено въ 1689 году ²⁾. Въ 1694 году правительство, наблюдая свои выгоды, постановило, чтобъ торговцы въ Ирбитской слободѣ во время ярмарки торговали не иначе, какъ въ государевыхъ амбарахъ и лавкахъ, а не въ собственныхъ, и велѣло всѣ частныя лавки, какія были построены въ слободѣ, описать и запечатать впередъ до государева указа ³⁾.

Изъ Верхотурья путешественники садились на казенныя досчаники, складывали свои товары, платили за это въ казну и плыли водою мимо Туринска и Тюмени до Тобольска ⁴⁾. Тобольскъ былъ въ XVII вѣкѣ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Сибирскаго края ⁵⁾. Хлѣбъ, назначенный для Сибири, стекался въ этотъ городъ, скупался тамъ и развозился повсюду. Тобольскъ имѣлъ обширный гостинный дворъ. Туда пріѣзжали бухарцы, которымъ дана была привилегія такого рода, что никто, кромѣ нихъ, не могъ торговать бухарскими товарами, но зато они не могли, какъ мы уже замѣтили, покупать дорогихъ мѣловъ, да и самыя мѣха низшаго достоинства позволено было имъ покупать только въ маломъ числѣ и не иначе какъ для собственнаго употребленія. Бухарскіе товары изъ Тобольска развозились русскими купцами по Сибири и на Ирбитскую ярмарку; а между тѣмъ со всей Сибири стекалась въ Тобольскъ мѣховая торговля. Сверхъ того калмыки пригоняли въ Тобольскъ значительныя партіи своихъ лошадей ⁶⁾.

Промышленники и торговцы пускались внутрь Сибири на царскихъ досчаникахъ, устроенныхъ собственно съ цѣлью провоза служилыхъ людей и казенныхъ снарядовъ. Эти досчаники дѣлались обыкновенно въ восемь сажень длиною и снабжались огромнымъ парусомъ. Они плыли мимо Сургута, Нарыма и Кетскаго острога до Маковского острога; тутъ товары укладывались на сухопутныя подводы и везлись до Енисейска ⁷⁾; другіе же разгружались въ городахъ, мимо которыхъ плыли и къ которымъ приставали. Въ Сибири, гдѣ только былъ городъ, тамъ образовывалась и торговля, ибо огромное разстояніе между

¹⁾ А. Н., IV, 125.

²⁾ А. Н., V, 335.

³⁾ Ibid., V, 421—423.

⁴⁾ Доп., II, 169—170.

⁵⁾ Meyerberg, 241.

⁶⁾ Доп., IV, 335, 360—362.

⁷⁾ Ibid., II, 170.

жилими мѣстами не дозволяло торговлѣ сосредоточиваться въ извѣстных мѣстахъ преимущественно. Такимъ образомъ Туринскъ, Тюмень, Сургутъ, Нарымъ, Кетскъ были посѣщаемы купцами, которые привозили туда русскіе товары и продавали мѣстнымъ торговцамъ. Въ Енисейскѣ въ 1647 году была значительный наплывъ торговцевъ, существовали гостинный дворъ и таможенная изба ¹⁾).

Промышленники и купцы являлись изъ Енисейска по Верхней Тунгузкѣ и по впадающему въ нее Илимю. На рѣкѣ Илимѣ въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки Муки, принадлежащей къ левскому бассейну, былъ Илимскій острогъ, близъ котораго происходилъ значительный торгъ. Это мѣсто извѣстно было подъ именемъ *Ленскаго волока*: тамъ было зимовье, гостинный дворъ, албары, таможня, казенные постоялые дворы для прїѣзжающихъ торговцевъ и гарнизонъ служилыхъ людей для ихъ охраненія. Сюда прїѣзжали туземцы для промѣна мѣховъ на русскія надѣла и русскіе поселенцы Сибири для покупки припасовъ. Въ числѣ товаровъ былъ лѣсъ для постройки и топлива ²⁾). Плаваніе по Тунгузкѣ и Илимю отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжалось шестьдесятъ одинъ день. Путь считался по рѣкамъ, впадающимъ въ Тунгузку и Илимъ, а этихъ рѣкъ было чрезвычайное множество. Плаваніе замедлялось по причинѣ пороговъ, ибо надобно было выходить на берегъ и проводить черезъ пороги достанники; при этомъ грузъ выносили и несли на себѣ, а суда взводили черезъ скалы канатами. Сухопутный путь по Ленскому волоку до рѣки Муки продолжался одинъ только день для пѣшехода съ ношею. Но этотъ путь затруднялся горами. Торговцы имѣли примѣтомъ какой-то колодезь; до этого колодца нанимали вьючныхъ лошадей, платя по гривнѣ съ пуда, а у колодца стояли извозчики съ телегами, которыхъ нанимали до Муки, платя лѣтомъ по пяти алтынъ, а осенью по полтинѣ съ пуда. Такимъ образомъ они достигали рѣки Муки, гдѣ весною ходили суда, а лѣтомъ плоты, и отправлялись по рѣкѣ Мука въ рѣку Куту, куда впадаетъ Мука, а Куюю входили въ Лену; зимою же торговцы нанимали на Ленскомъ волокѣ извозчиковъ и ѣхали влодъ до Муки по льду въ теченіе двухъ дней. По берегамъ рѣкъ Муки и Куты въ 1651 году были уже русскія поселенія, исключительно занимавшіяся судопромышленностью ³⁾). Въ половинѣ XVII вѣка промышленники плавали по рѣкамъ Чичую, Олекмѣ, Омкѣ и другимъ и промѣнивали тунгузамъ разныя вещи на мѣха ⁴⁾), и потому на Левѣ рано развился судовой промыселъ, ибо въ 1639 году были суда: достанники, шитики, каюки, струги, набойни ⁵⁾), разной величины и вѣстимости. Въ половинѣ XVII вѣка русскіе торговали въ Якутскѣ ⁶⁾); въ Жиганскомъ зимовьѣ и Молодахъ съ 1645 года жили торговые люди и учреждена была таможня съ цѣловальниками ⁷⁾). Съ 1660 года нѣкоторые привозили товары въ Охотскъ временно для промѣна, а другіе оставались тамъ на жительство ⁸⁾). Въ это время тамъ уже

¹⁾ Доп., III, 108.

²⁾ Ibid., II, 154—160.

³⁾ Ibid., II, 239, 245.

⁴⁾ Ibid., II, 162.

⁵⁾ Ibid., II, 157.

⁶⁾ Доп., III, 305—309.

⁷⁾ Ibid., III, 40.

⁸⁾ Ibid., IV, 213.

развивался судовой промыселъ: продавали суда разной величины—шитики, каюки зырянскіе, струги, набойницы и мелкія лодки ¹⁾. Русскіе промышленники и торговые люди были товарищами служилыхъ людей въ ихъ изумительныхъ подвигахъ открытія новыхъ земель, и вмѣстѣ съ ними выдерживали героическую борьбу съ ужасною стужей, недостатками и дикими народами ²⁾. Эти промышленники составляли партіи, выбирали себѣ *ватага*, строили стругъ или дощаники, наполняли его хлѣбными запасами пушковыхъ до трехсотъ и болѣе, и отправлялись въ невѣдомыя страны. Такъ торговецъ Григорій Вижевцовъ съ пятью своими покручениками по Оленки открылъ путь въ Тунгирь ³⁾. Въ 1635 г. такая партія была истреблена тунгузами на устьѣ Вилюя. Въ 1650 году такая же ватага промышленниковъ достигла устья Лены на восьми кочахъ, соединилась съ партіею служилыхъ людей,—они поплыли по морю до Яны, миновали ея устье, дошли до Святого Носа и до Хромоу Губы; 29 августа хотѣли сойти на твердую землю, но, охваченные южнымъ вѣтромъ, унесены на досчанкахъ въ открытое море и носились въ немъ пять дней, пока сѣверный вѣтеръ не принесъ ихъ къ берегу; такимъ образомъ они достигли устья Индигирки, а потомъ устья Колымы ⁴⁾. Въ этомъ путешествіи промышленники составляли какъ бы запасную экспедицію для служилыхъ и снабжали ихъ запасами, однако товарищеское отношеніе не мѣшало имъ брать съ служилыхъ огромныя цѣны на съѣстные припасы. Въ эти негостеприимныя края завлекала ихъ также охота добывать моржовую кость ⁵⁾.

Въ концѣ XVII вѣка Нерчинскъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ для возникшей торговли съ Китаемъ. Въ 1697 году постановили, чтобъ всѣ уѣзжающіе въ Китай и пріѣзжающіе изъ Китая непременно являлись въ Нерчинскъ для платежа пошлины, а потомъ Нерчинскъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ китайской торговли ⁶⁾, и въ 1699 г. былъ построенъ въ Нерчинскѣ гостинный дворъ ⁷⁾.

Торговля въ Сибири была до крайности стѣснена, во-первыхъ, самимъ правительствомъ, во-вторыхъ, чиновниками. Страсть къ мѣхамъ у правительства была столь велика, что кромѣ ясака и поминочной рухляди (т.-е. той, которую иногородцы приносили въ дары воеводамъ, а послѣдніе должны были отдавать въ казну) правительство вымѣнивало мѣха на разные русскіе товары и тѣмъ подрывало операціи купцовъ ⁸⁾. Никакой торговецъ не смѣлъ приступить къ покупке мѣховъ, прежде чѣмъ соберутъ царскій ясакъ; это дѣлали изъ боязни, чтобъ въ руки торговцевъ не попадали отличные мѣха; когда же соберутъ ясакъ, тогда позволялось купцамъ торговать мѣхами, но не иначе какъ на гостинныхъ дворахъ: положительно было запрещено купцамъ ѣздить по юртамъ и покупать мѣха; они могли дѣлать эти покупки на гостинныхъ дворахъ у пріѣзжавшихъ въ

¹⁾ Ibid., IV, 211.

²⁾ Ibid., II, 231.

³⁾ Ibid., III, 102.

⁴⁾ Ibid., III, 280—283.

⁵⁾ Ibid., III, 283, 349.

⁶⁾ А. И., V, 466—468.

⁷⁾ Ibid., V, 519.

⁸⁾ Ibid., IV, 521.

городъ инородцевъ. Естественно, что купецъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ платить дороже ¹⁾. Вислѣдствіи даже постановлено (въ 1674 году), что если въ ясакѣ окажется какая-нибудь недоника, то отбирать у туземцевъ лучшіе мѣха въ пользу царя; а какъ всегда въ ясачныхъ мѣхахъ могла оказаться недоника, то и всегда можно было придратъся; и здѣсь-то открывались случаи воеводамъ дѣлать разныя прижимки съ цѣлью взять взятку ²⁾. За торговыя поѣздки въ юрты отбирали въ казну товары, а за такую поѣздку, совершенную въ другой разъ, наказывали кнутомъ ³⁾. Только въ отдаленныхъ земляхъ Сибири, напримѣръ, въ Якутскѣ, дозволялось торговцамъ покупать мѣха и въ юртахъ, но непремѣнно послѣ сбора царскаго ясака и притомъ съ тѣмъ, чтобъ они возвращались въ Якутскъ и отдавали въ казну десятого звѣря самаго лучшаго ⁴⁾. Несмотря на трудность путешествія, промышленники подвергались разнымъ стѣснительнымъ пошлинамъ и, сверхъ того, исполняли отяготительную повинность—быть выбранными въ дѣловальники къ ясачному сбору и къ разнымъ статьямъ казеннаго интереса. Въ Якутскѣ воеводы и дьяки—въ другихъ мѣстахъ Россіи вообще отстраненные, хотя на бумагѣ, отъ торговаго управленія—могли быть батогами и кнутомъ головъ и дѣловальниковъ ⁵⁾. Всего обременительнѣе для торговцевъ было то, что они находились въ безусловномъ распоряженіи воеводъ, дьяковъ и подъячихъ, которыхъ поступки нигдѣ не были столь произвольны, какъ въ Сибири. Торговцы въ городахъ обложены были взятками въ пользу властей: такъ въ Енисейскѣ приказчики торговцевъ гостиной сотни, отправляемые въ Сибирь для скупа мѣховъ, должны были давать воеводамъ и подъячимъ сорокъ рублей съ тысячи соболей и по четыре рубля съ сотни всякихъ другихъ мѣховъ; въ городѣ Кетскѣ брали съ тысячи тридцать рублей, а съ сотни три рубля. Въ 1646 году эти злоупотребленія вынудили жалобы торговцевъ, и правительство, снисходя къ ихъ жалобамъ, запретило воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и вообще служилымъ людямъ мѣшаться въ торговыя дѣла, исключая тобольскаго воеводы, дававшего тогда купцамъ проѣзжія памяти ⁶⁾, а равно запретило имъ торговать самимъ ⁷⁾. Но это мало помогло. Въ Сибири воеводы перемѣнялись часто, и въ наказѣ каждому изъ нихъ при вступленіи въ должность прописывалось, чтобъ онъ не поступалъ какъ его предшественникъ; но едва проходилъ годъ, какъ возникали жалобы, что новый воевода идетъ по слѣдамъ прежняго. Притѣсенія, дѣлаемые воеводами и подъячими торговцамъ въ Сибири, были такъ велики, что въ 1609 году, избѣгая притѣсеній воеводъ, грабившихъ у купцовъ хлѣбъ, никто не возилъ въ Сибирь хлѣба и отъ того тамъ произошла ужасная дороговизна ⁸⁾. По закону, каждый торговецъ, пріѣзжая въ Сибирь, обязанъ былъ платить годовой оброкъ за право промысловъ и торговли въ Сибири какъ за свою особу, такъ и за всѣхъ своихъ приказчиковъ и покру-

¹⁾ Ibid., III, 219—220.

²⁾ Ibid., IV, 525.

³⁾ Ibid., III, 220.

⁴⁾ Ibid., IV, 446.

⁵⁾ Доп., III, 308.

⁶⁾ А. И., IV, 83.

⁷⁾ Доп., III, 309.

⁸⁾ А. А. Э., II, 257.

чениковъ, которые съ нимъ прибывали. Этотъ оброкъ платили въ Верхотурьѣ, какъ ближайшемъ къ Россіи сибирскомъ городѣ, и послѣ платежа торговецъ бралъ отпись (квитанцію) въ платежѣ, но на такія отписи другіе воеводы не обращали вниманія и вымогали отъ него чуть не въ каждомъ городѣ такіе же годовые оброки. Сверхъ того воеводы обязаны были давать проѣзжимъ купцамъ сѣно и брани съ нитъ *стнное* (въ Верхотурьѣ по 6 алт. 4 ден. съ воза), но въ самомъ дѣлѣ никакого сѣна не давали ¹⁾.

Кромѣ изложенныхъ торговыхъ путей, были еще два: на Смоленскъ въ Литву и на югъ къ предѣламъ Малороссіи. Оба эти направленія не могли способствовать цвѣтущему состоянію торговли. Торговля Москвы съ Польшею и Литвою въ XVI и XVII вѣкахъ нарушалась непрерывными войнами и постоянною враждою двухъ правительствъ. Положеніе торгующихъ купцовъ было не безопасно, когда были примѣры, что правительства, возобновивъ между собою едва потухающую вражду, задерживали купцовъ и конфисковали ихъ имущество. Такъ было при Василии Іоанновичѣ въ 1508 году ²⁾. Въ промежутки, когда военныхъ дѣйствій между Литвою и Москвою не было, жители порубежныхъ земель безпрестанно дѣлали другъ на друга разбойничьи наѣзды, грабежи и разоренія. Такое сочетаніе обстоятельствъ, конечно, не благоприятствовало развитію торговли. Купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ пріемомъ правительства, ни расположеніемъ народа, особенно католики и жида, которыхъ не терпѣли москвитяне. Такъ въ 1673 году царь Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что въ Москвѣ находятся съ товарами литовскіе купцы изъ Могилева и Шклова, приказалъ ихъ выслать изъ Москвы въ порубежные города, гдѣ единственно и предоставлялось имъ торговать ³⁾. Только въ 1678 г. ⁴⁾ постановлено, что торговцы польскіе подданные могутъ пріѣзжать въ Москву, а русскіе въ столицы Рѣчи-Посполитой: Варшаву, Краковъ и Вильно, но ограничиваясь единственно столицами, непременно съ проѣзжими памятьми и съ платомъ пошлинъ по уставамъ обоихъ государствъ, равномѣрно постановили, чтобъ торговое плаваніе по Двинѣ открыто было для русскихъ. На такихъ же условіяхъ утвердилъ торговыя сношенія такъ называемый вѣчный миръ, заключенный послѣ долгой войны въ 1686 году ⁵⁾.

Въ Сѣверской области въ половинѣ XVII вѣка началось нѣкотораго рода торговое движеніе. Средоточіемъ его былъ Путивль. Туда, какъ выше было замѣчено, пріѣзжали съ своими товарами греки и молдаване ⁶⁾. Въ Торговомъ уставѣ 1667 года Путивль означенъ между значительными торговыми городами на ряду со Псковомъ и Новгородомъ, куда русскіе купцы привозили свои товары и гдѣ находили заморскіе ⁷⁾. Въ Брянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка славилась Свинская ярмарка. О ней упоминается подъ 1681 годомъ. Въ объясненіи гостей и торговыхъ людей, данномъ по поводу указа о выборѣ въ та-

¹⁾ А. И., V, 250.

²⁾ Акты, отн. къ Зап. Росс., II, 46.

³⁾ Полн. Собр. Зак., I, 912.

⁴⁾ Ibid., II, 172.

⁵⁾ Ibid., II, 781.

⁶⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 195.—П. С. З., II, 104.

⁷⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 195.

моженные чиновники, говорится, что изъ разныхъ торговыхъ городовъ *посадскіе лучшіе люди отъѣзжаютъ къ городу Архангельску и на Макарьевскую, и на Свинскую, и на иныя ярмарки для торговли своихъ промысловъ и съ дома свои не пріѣзжаютъ много время.* Изъ этого видно, что Свинская ярмарка, поставленная въ числѣ первоклассныхъ торжищъ, была значительна и привлекала къ себѣ многихъ торговцевъ ¹⁾. Въ числѣ привозимыхъ съ этой ярмарки въ Москву товаровъ значатся сафьяны и хозы, носившіе тогда названіе свинскихъ ²⁾. Въ 1683 году вѣсовыя пошлины, собираемыя на этой ярмаркѣ, пожалованы Киевопечерскому монастырю въ вознагражденіе потерянныхъ въ Подоліи старинныхъ имѣній ³⁾. Торговля съ Малороссією не могла быть въ цвѣтущемъ состояніи по причинѣ смутнаго состоянія этой страны. Послѣ пораженія поляковъ гетманомъ Хмельницкимъ въ 1648 году великороссійскіе купцы нахлынули въ Малороссію и очень выгодно покупали и вымѣнивали разныя драгоценности, пріобрѣтенныя козаками на поляхъ Корсунскихъ и Пылавецкихъ ⁴⁾. Послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи царь Алексѣй Михайловичъ, лаская новыхъ подданныхъ, даровалъ Киеву жалованную грамоту, по которой киевскимъ торговымъ людямъ предоставлялась вольная и беспошлинная торговля по всей Россіи ⁵⁾. Но эти права не могли имѣть важныхъ результатовъ для торговли.

По мѣрѣ населенія украинскихъ городовъ Великой Россіи и обработкн плодородныхъ земель, возникали тамъ торговыя сношенія. Плодородіе почвы Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго края въ половинѣ XVII вѣка начало привлекать туда скупщиковъ хлѣба. Въ Воронежѣ въ 1640 году были оброчныя торговыя лавки и ряды, подобно какъ въ Москвѣ, особые для разныхъ предметовъ, наиримѣръ, мясной рядъ, рыбный рядъ ⁶⁾. Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка города Лебедянь, Елецъ, Козловъ, Воронежъ, Коротоякъ, Острогожскъ начинали быть рынками мѣстныхъ произведеній, но вообще въ слабой степени, ибо край не былъ еще достаточно населенъ, пути были затруднительны, а чиновники притѣсненіями отговяли торговцевъ. Въ 1695 году донскіе козаки, пріѣзжавшіе туда по случаю неурожая на Дону покупать хлѣбъ, жаловались, что съ нихъ берутъ страшныя пошлины и за *тяжкими взятками купить хлѣба невозможно* ⁷⁾. Города Бѣлгородъ и Валуйки были пунктами торговыхъ сношеній съ ногайскими татарами, жившими на берегахъ рѣки Донца. Они пріѣзжали туда для покупки хлѣбныхъ и вообще съѣстныхъ запасовъ, но должны были, для предостереженія, останавливаться не иначе, какъ за чертою, и являться въ небольшомъ числѣ ⁸⁾.

Вообще торговые поѣзды въ древней Россіи совершались лѣтомъ преимущественно водою, зимою на саняхъ. Торговцы везли свои товары по широкимъ рѣкамъ на судахъ большого размѣра, а для малыхъ рѣкъ употребляли суда, при-

¹⁾ П. С. З., II, 340.

²⁾ Ibid., II, 322.

³⁾ Ibid., II, 500.

⁴⁾ Пам. Киевск. Ком., I, 3, 358.

⁵⁾ Акты, отн. къ Зап. Росс., IV, 408.

⁶⁾ Ворон. Акты, I, 59.

⁷⁾ С. Г. Гр., IV, 648—649.

⁸⁾ Ibid., IV, 68.

способленныя къ руслу этихъ рѣкъ, и потому товары при переходѣ изъ малыхъ рѣкъ въ большія и обратно перекладывались въ суда, соразмѣрныя предстоящему водяному пути. Обыкновенно при впаденіи однихъ рѣкъ въ другія жили судопромышленники, снабжавшіе торговцевъ судами; у иныхъ же торговцевъ были въ такихъ мѣстахъ собственные дворы и тамъ стояли въ запасъ суда. Такъ, напримѣръ, монастыри, занимавшіеся встарину обширною торговлею, имѣли въ такихъ мѣстахъ свои подворья ¹⁾. Необходимость въ судахъ развила и оразнообразила изстари судовой промыселъ; для всякаго русла были свои суда, и потому въ старыхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ множество названій разнаго рода судовъ и лодокъ, которыя отчасти сохранились и теперь, отчасти утратились. Самое большое судно на всѣхъ большихъ рѣкахъ называлось досчавикъ, за нимъ слѣдовали насады, суда полубленыя, набон, суда прикольныя, суда поводцовыя, набабъ, байдакъ, барка, шестерикъ, стругъ, матица, оханка, каюкъ, морянка, водовикъ, карбась, коломенка, учанъ ²⁾. Изъ нихъ стругъ сначала означалъ лодку. Казенный стругъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ помѣщалъ отъ пяти до шести человекъ ³⁾. Впослѣдствіи этииъ названіемъ обозначали вообще средняго размѣра судно. Нѣкоторыя суда назывались по мѣсту и происхожденію своего употребленія: тихвинка, бѣлозерка, ржевка, устюжка. Маленькія лодки при большихъ назывались паузки, завозни и подвозки. Отличительная черта русскихъ судовъ того времени была та, что они строились совершенно безъ желѣза, вмѣсто желѣзныхъ гвоздей употреблялись деревянные и доски были соединены лыками изъ древесной коры. На суднѣ была поставлена мачта, къ ней привязанъ широкій парусъ ⁴⁾. Плаваніе по рѣкамъ, особенно малымъ, сопряжено было съ затрудненіями и опасностями: когда дулъ противный вѣтеръ, приходилось по три дня и по недѣлѣ стоять на мѣстѣ, и оттого происходила *беспромислица*, какъ выражались на промышленномъ языкѣ ⁵⁾. Случалось, что торговецъ, рѣшившись отправиться по рѣчному пути осенью, застигнутъ былъ заморозами и зимовалъ съ своимъ стругомъ на рѣкѣ ⁶⁾. Случались иногда потопленія. Для этого правительство предписывало воеводамъ, въ случаѣ потопленія купеческихъ судовъ, изыскивать мѣры къ отысканію товаровъ и, по нахожденіи, отдавать ихъ хозяевамъ, съ платою въ государеву казну десятаго процента, что называлось *десятаю выть* ⁷⁾. Кромѣ борьбы съ природою, которую побѣждать русскіе умѣли болѣе желѣзнымъ терпѣніемъ, чѣмъ искусствомъ, торговцы терпѣли часто отъ мытчиковъ, которые собирали съ плывущихъ судовъ пошлины, извѣстныя подъ названіемъ мытъ. Эти мытчики брали отъ казны ея доходъ на откупъ и дозволяли себѣ всяческой произволь. Плаватели, кромѣ опредѣленнаго мыта, не отдѣлывались отъ нихъ безъ того, чтобъ не заплатить еще взятку, а иначе продержатъ ихъ мытчики самовольно недѣли двѣ или три ⁸⁾.

¹⁾ А. И., IV, 550.

²⁾ А. А. Э., I, 296, 401.—С. Г. Гр., I, 173.—П. С. З., II, :23.

³⁾ Врем., VIII. Ст. Спис. пос. Милославскаго, 2.

⁴⁾ Petrei Chronic., 312.

⁵⁾ Врем., VII. Матер. для Истор. Иконоп., 106.

⁶⁾ А. И., IV, 375.

⁷⁾ Врем., III. Разр. Кн., 78.

⁸⁾ А. И., II, 85. А. И., III, 112.

Такъ какъ встарину въ Россіи каналовъ не существовало, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было изъ одной рѣки въ другую близкую достигнуть водянымъ путемъ, плаватели выгружались изъ судовъ и перевозили товары волокомъ до другой рѣки. На волокаѣ находились извозчики, которые подряжались везти товары въ телѣгахъ и *посмычняхъ двойныхъ или одинакихъ*, судя по клажѣ ¹⁾, иногда же товары возили на *выюкахъ*, то-есть, выючныхъ лошадакъ ²⁾. Пока совершался подрядъ съ извозчиками, товары складывались въ устроенныя мѣста, называемыя *пристанища*. Въ XVII вѣкѣ при выкладкѣ товаровъ изъ рѣки на волокъ торговцы обязаны были платитъ хозяевамъ земель, гдѣ были пристанища, не съ вѣса, но съ кладу или съ судна. Въ Казани платили на пристанищѣ съ соляной кладу во рублю, съ рыбной по полуполтинѣ ³⁾.

Правительство не заботилось объ улучшеніи лѣтнихъ дорогъ и потому то же, что писали о русскихъ лѣтнихъ дорогахъ путешественники XVI вѣка, повторилось и въ концѣ XVII вѣка. Мосты были рѣдки, а тѣ, которые существовали, по выраженію иностранцевъ въ XVI вѣкѣ, не держались, а плавали ⁴⁾. Обыкновенно употреблялись вмѣсто мостовъ перевозы на судахъ и плотахъ, которые содержались отъ правительства съ платою въ казну. По Торговому уставу 1653 года постановлено на большихъ рѣкахъ брать за перевозки весною и осенью: съ товарной телѣги десять денегъ, но съ торговыхъ людей того же уѣзда, гдѣ находился перевозъ, только шесть денегъ, съ проѣзжей телѣги четыре деньги, съ верхового три деньги, съ пѣшаго двѣ деньги, а въ межонѣ лѣтомъ съ товарной телѣги шесть денегъ, съ торговцевъ того же уѣзда три деньги, съ верхового двѣ деньги, съ пѣшаго одну деньги; на малыхъ рѣкахъ во всякое время съ торговой телѣги двѣ деньги, съ проѣзжей и верхового одну деньги, а съ пѣшаго полденъги ⁵⁾. Въ большихъ городахъ для перевозовъ воеводы назначали команды. Такъ въ Астрахани перевозъ былъ подъ завѣдованіемъ назначеннаго сына боярскаго съ двумя цѣловальниками и десятию стрѣльцами, которые обязаны были перевозить всякаго, кто имѣетъ проѣзжія грамоты ⁶⁾. Тамъ, гдѣ были мосты, собиралась мостовщина. Въ частныхъ имѣніяхъ владѣльцы устанавливали перевозки и собирали за нихъ деньги, а равно и мостовщину, но это не всегда позволялось. Вообще правительство хотѣло оградить путешественниковъ отъ притѣсненій частныхъ владѣльцевъ. По Уложенію ⁷⁾ запрещено замышлять владѣльцамъ всякаго рода сборы въ имѣніяхъ, кромѣ тѣхъ, которые съ давнихъ лѣтъ утверждены жалованными грамотами, и притомъ владѣльцы обязаны были починивать мосты и дороги въ своихъ владѣніяхъ. Запрещалось, между прочимъ, строить мельницы и класть гати на рѣкахъ, гдѣ былъ струговой ходъ ⁸⁾.

¹⁾ П. С. З., I, 331.—Доп., I, 77.

²⁾ А. А. Э., I, 296.

³⁾ Ibid., I, 390.

⁴⁾ Herberst., 81.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 492.

⁶⁾ А. И., III, 203.

⁷⁾ Гл. IX.

⁸⁾ Оп. Шун, 370.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зимнія дороги Россіи славилась своими удобствами ¹⁾. Но мы думаемъ, что это удобство удвоивалось въ глазахъ современника отъ сравненія съ крайнимъ неудобствомъ лѣтнихъ путей: и въ настоящее время зимнія дороги у насъ не совсѣмъ удобны по причинѣ ухабовъ. Зима собирала со всѣхъ сторонъ извозчиковъ къ подрядамъ ²⁾. Извозчики эти были крестьяне, преимущественно дворянские и монастырскіе. Они нанимались по заказамъ въ *двозы*, то-есть, обязывались доставлять товары по назначенію ³⁾. Иные возили свои товары на ямахъ ⁴⁾, но подъ этимъ именемъ, вѣроятно, надобно разумѣть частные ямы, то-есть то, что теперь называется сдаточные. Ящики везли въ одну упряжку по пятидесяти тогдашнихъ (семисотсаженныхъ) верстъ ⁵⁾ въ одну лошадь.

Торговыми пунктами были посады; это слово означало встарину то, что теперь городъ. Слово же городъ означало каменное, земляное или деревянное укрѣпленіе, гдѣ жили воеводы и служилые и приказные люди, и гдѣ находились административныя и казенныя зданія. Торговныя заведенія хотя и были иногда въ тогдашнихъ городахъ, но гораздо чаще въ посадахъ. Торговныя заведенія въ посадахъ были: гостинные дворы, ряды и дворы посадскихъ, гдѣ часто были ихъ собственные лавки и амбары ⁶⁾.

Гостинные дворы были назначены для пріѣзжихъ купцовъ и уѣздныхъ (сельскихъ) людей съ товарами ⁷⁾. Торгъ въ нихъ производился оптомъ. Во всякомъ посадѣ, гдѣ былъ торгъ, долженъ былъ находиться и гостинный дворъ ⁸⁾. Открывая торгъ, правительство учреждало таможеню и изъ таможенныхъ доходовъ строило гостинныя избы для пріѣзжихъ торговцевъ и брало съ нихъ плату: *избное и полавочное* ⁹⁾. Величина гостинныхъ дворовъ была различна, смотря по важности города въ торговлѣ, но вообще гостинные дворы имѣли общія черты: это были обширные дворы, обнесенные заборами, съ кровлями и съ воротами подъ навѣсомъ, съ висячими замками; на дворѣ ставилась важня, то-есть бѣсы съ принадлежностями; по срединѣ двора устраивалась таможенная изба и стоялыя избы для пріѣзжихъ торговцевъ, которыя дѣлались различной величины, напримѣръ, въ три или четыре сажени шириною и длиною, и строились на омшеникахъ или погребкахъ, также, вѣроятно, для храненія товаровъ; при избахъ были сѣни, а въ сѣняхъ чуланы. Для лошадей устраивались конскіе сараи. Соб-

¹⁾ Carlisle, 373. Jenkins. Hakl., 351.

²⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 179.

³⁾ С. Г. Гр., IV, 203.

⁴⁾ Das Gr. Reich v. Mosc.

⁵⁾ Сказ. о Самозв., III. Примѣч. 182.

⁶⁾ А. И., IV, 546.

⁷⁾ А. А. Э., I, 399.

⁸⁾ А. И., II, 58.

⁹⁾ Доп., II, 160.

ственно гостинный дворъ, помѣщеніе товаровъ, было длинное зданіе, въ родѣ внутренней галлерей, часто двухъэтажной, съ отдѣленіями, которыя назывались амбары и лавки. Въ новгородскихъ гостинныхъ дворахъ было три разряда такихъ отдѣленій: 1) амбары—общія отдѣленія, которыя находились въ завѣдованіи дворниковъ гостиннаго двора: тамъ могли помѣщаться нѣсколько купцовъ съ своими товарами; 2) затворныя лавки: тамъ помѣщалось два или три купца по взаимному соглашенію между собою.—эти отдѣленія отличались отъ амбаровъ тѣмъ, что запирались; 3) отдѣльныя лавки, гдѣ помѣщался исключительно одинъ торговецъ съ своимъ товаромъ. Товары, помѣщенные въ амбарахъ, хранились въ коробахъ, которые прикрѣплялись къ шестиамъ: по величинѣ своей коробки раздѣлялись на большіе, средніе и малые, и носили названіе по товарамъ, которые въ нихъ заключались; такимъ образомъ были коробки: мѣховыя, шелковыя, румяненныя, шапочныя, красильныя, женскіе (то-есть, съ товарами, относящимися къ женскому убранству), суконныя, и т. п. Кроме коробовъ, товары складывались на *носильцы*. Нѣкоторые же товары обходились безъ коробовъ и прямо вѣшались на шести или спицы. Такимъ образомъ были, напримѣръ, сапожные шести и сѣдельныя спицы. Громоздкіе товары, какъ-то: соль, рыба, хлѣбное зерно, шерсть, складывались въ особуихъ пристроенныхъ амбарахъ, если нѣ хозяева не наняли затворныхъ лавекъ. Дворники гостиннаго двора завѣдовали порядкомъ, собирали плату за помѣщенія и отвѣчали за цѣлость товаровъ въ амбарахъ; по въ отдѣльныхъ и затворныхъ лавкахъ купцы сами хранили свои товары и получали отъ дворниковъ замки.

Дворники собирали съ пріѣзжихъ торговцевъ за избу избуное, за амбары амбарное, или амбарщину, за лавки полавочное. Въ Новгородѣ въ XVI вѣкѣ амбарщину собирали съ коробовъ, отъ семи денегъ до двухъ алтынь за коробъ, смотря по величинѣ короба и по цѣнности товаровъ, а за громоздкіе товары по уговору, за лавку по десяти денегъ. За лавки затворныя и отдѣльныя брали отъ алтыня до четырехъ съ половиною алтынь, смотря по цѣнности и объему товаровъ. Купцы, державшіе свои товары въ амбарахъ, могли на ночь складывать ихъ въ затворной лавкѣ съ особою платою. Такіе поборы въ разныхъ городахъ были различны: напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ гостинномъ дворѣ въ XVI вѣкѣ брали амбарщины по четыре деньги на недѣлю ¹⁾.

Очень часто гостинные дворы, какъ и таможи, были на откупахъ у торговыхъ людей, а иногда откупщики брали на откупъ какую-нибудь одну вѣтвь доходовъ, напримѣръ, поворотную пошлину ²⁾.

Лавки раздѣлялись на настоящія или *полныя лавки* и *полулавки*. Лавкою считалось такое помѣщеніе, которое простиралось мѣрою до двухъ сажень, а полулавка была вдвое меньше. Впрочемъ, были лавки и большей и меньшей величины. Въ такомъ случаѣ полавочное собиралось по расчету, по мѣрѣ уклоненія отъ нормальной двухсаженной лавки. За полулавку платилась половина ³⁾.

Никто изъ пріѣзжихъ торговцевъ, не владѣвшихъ въ посадѣ собственными дворами, не имѣлъ права становиться съ товарами и торговать въ посадѣ гдѣ бы то ни было, исключая гостиннаго двора. Несоблюденіе этого правила наказыв-

¹⁾ А. А. Э., I, 225.—Доп., V, 433.—Старин. А. гор. Шун, 206.

²⁾ С. Г. Гр., II, 89—90.

³⁾ Доп., I, 165.

валось штрафомъ ¹⁾). Впрочемъ, тѣмъ, которые привозили свои товары на судахъ и на саняхъ или на возахъ, позволялось продавать ихъ оптомъ, не выкладывая изъ саней и не выгружая изъ судовъ, но притомъ платя дворникамъ гостинаго двора пошлину подъ названіемъ *поворотной*, которая взимаема была вообще съ отъѣзжающихъ изъ города за товары ²⁾). Это дозволеніе торговать не раскладываясь подчинялось различнымъ правиламъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ Каргополѣ позволялось торговать съ саней и съ возовъ и въ розницу, но съ тѣмъ, чтобъ цѣнность продаваемого не превышала двухъ рублей, и всякій торговецъ, если не хотѣлъ торговать въ самомъ городѣ, могъ складывать свой товаръ въ частныхъ домахъ, только заплативъ за то дворникамъ гостинаго двора *тепловое* ³⁾). По указу 1681 года ⁴⁾ дозволялось закупать оптомъ хлѣбъ у пріѣзжихъ съ саней и съ возовъ; сверхъ того, многіе оптовые торговцы, не принадлежавшіе къ посаду, а также и монастыри, имѣли на посадахъ свои дворы и пользовались особыми правами складывать въ нихъ свои товары и торговать ими. Впрочемъ, несмотря на свои права, они нерѣдко подвергались притѣсненіямъ отъ воеводъ, которые, желая придратъся, чтобы сорвать что-нибудь, принуждали ихъ раскладываться непременно на гостинныхъ дворахъ ⁵⁾). Нерѣдко пріѣзжіе по необходимости должны были нарушать правила и не везти своихъ товаровъ на гостинные дворы, потому что эти дворы находились въ неисправномъ состояніи ⁶⁾).

Главная мѣстная торговля производилась въ рядахъ. Въ обзорѣни Москвы и другихъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ показаны были главнѣйшія черты этихъ торговыхъ заведеній. Почти вездѣ наблюдалось то же разграниченіе предметовъ торговли и каждый изъ нихъ имѣлъ свой рядъ въ посадѣ. Но до 1667 г., то-есть до Новоторговаго устава, это не наблюдалось строго, ибо каждый торговецъ имѣлъ право свободно торговать у себя на дворѣ и строить лавку или амбаръ. Торговья помѣщенія, какъ въ рядахъ, такъ и дворахъ ⁷⁾, были: амбары, погреба, лавки, прилавки, полки, шалаши, веки, столы, скамьи, рундуки. Прилавокъ былъ не то, что полулавка въ гостинномъ дворѣ: такъ, напримѣръ, въ Переяславлѣ-Разанскомъ въ XVII вѣкѣ брали за лавку оброкъ одиннадцать алтынъ двѣ деньги, а за прилавокъ только десять денегъ. Стулья и скамьи стояли для мелкихъ торговцевъ между лавками и прилавками; на скамьяхъ, между прочимъ, продавали мясо. Въ шалашахъ продавались разные мелкіе, болѣею частью изготовленные съѣстные припасы, напримѣръ, пироги, печенка, вареное мясо и проч., для удовлетворенія голода простолудниковъ, собирающихся на торгахъ. Всѣ эти мелкія торговья помѣщенія были на торгахъ или базарахъ ⁸⁾. Со всѣхъ нихъ, какъ и съ лавокъ, собирался оброкъ посредствомъ цѣловальниковъ, которые вели счетъ полученнымъ деньгамъ и записывали приходъ

¹⁾ А. А. Э., I, 399.

²⁾ С. Г. Грам., II, 90.—А. гор. Шун, 206.

³⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 327—328.

⁵⁾ А. И., IV, 546.

⁶⁾ А. г. Шун, 91—92.

⁷⁾ Доп., V, 434.

⁸⁾ Врем., XI. О позем. влад. въ Моск. Госуд., 35.—Доп., II, 85.

въ оброчныя книги. Но иногда, вмѣсто выборныхъ цѣловальниковъ, этотъ оброкъ собирали служилые люди, напримѣръ, стрѣльцкіе головы, а цѣловальники были при томъ только свидѣтелями; такъ дѣлалось въ Астрахани въ XVII вѣкѣ. Этотъ оброкъ составлялъ казенный интересъ и относился въ сѣзжую избу. Такъ какъ всякій самъ, имѣя на посадѣ дворъ и принадлежа къ сословію торговцевъ, могъ держать лавки и амбары въ своемъ дворѣ, то долженъ былъ платить пошлины таможенникамъ, когда отвозилъ къ себѣ купленный на торгу товаръ, но дворники гостиннаго двора не имѣли права брать съ него что бы то ни было ¹⁾. Кромя того, многіе въ XVI вѣкѣ продавали свои товары, нося по городу и по дворамъ. Торговый уставъ 1667 года, стараясь вообще подвести торговлю подъ опредѣленные и точныя правила, запретилъ торговать мимо *извычайныхъ* рядовъ и лавокъ: *и тѣмъ бы ряды не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были бы* ²⁾. Однако, это строго не соблюдалось, ибо при Теодорѣ Алексѣевичѣ въ 1676 году правительство подтверждало, чтобъ мелкіе торговцы не торговали въ шалашахъ и на скамьяхъ, рундукахъ и векахъ, на Красной площади въ Москвѣ, и вообще, чтобъ не было нигдѣ торговли, кромя рядовъ ³⁾. Въ 1681 году опять подтверждалось ⁴⁾, *чтобъ всякихъ чиновъ люди не въ указныхъ мѣстѣхъ не торювали и отъ тою его великаго государя казнь напрасной истери и недоборовѣ не было.*

Кромя гостинныхъ дворовъ, частныхъ дворовъ, подворьевъ и лавокъ, внутренняя торговля происходила на ярмаркахъ и рынкахъ, которые носили встарину названіе торговъ и торжковъ. Большое разстояніе между торговыми городами и неудобство частаго сообщенія условливали необходимость размноженія годовыхъ торжищъ, куда бы могли сѣзжаться торговцы въ опредѣленное время. Эти торжища открывались съ разрѣшенія правительства, и власть, наблюдая свои доходы, ограничивала слишкомъ большое размноженіе торговъ, стараясь соединить торжища въ нѣкоторыхъ городахъ и важнѣйшихъ селахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1539 году въ Новоторжскомъ уѣздѣ запрещена торговля въ селеніяхъ, исключая посада Нового Торга и села Мѣдни ⁵⁾. Также точно для поддержки Весегонской ярмарки запрещено торговать во всемъ околоткѣ около Весегонска ⁶⁾. Торги были годовые, каждонедѣльные и каждодневные. Достоинно замѣчанія, что болшею частью торги открывались въ монастырскихъ имѣніяхъ, отчасти потому, что жители церковнаго вѣдомства были зажиточнѣе и не такъ стѣснены, какъ жители другихъ вѣдомствъ, а во-вторыхъ, потому, что монастыри нерѣдко испрашивали ярмарочные доходы въ свою пользу на церковное строеніе, свѣчи и ладанъ, и для собственной пользы старались привлекать къ себѣ торговцевъ. Вообще съ лицами духовнаго званія было удобнѣе и легче имѣть дѣло. Такъ лучшія русскія ярмарки, и въ томъ числѣ Макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюденіемъ и управленіемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу пре-

¹⁾ С. Г. Гр., II, 90.—А. А. Э., I, 399—400.

²⁾ С. Г. Гр., IV, 204.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 76.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 385.

⁵⁾ А. А. Э., I, 165.

⁶⁾ Ibid., 296.

стольныхъ праздниковъ и, слѣдовательно, соединялись съ религіознымъ значеніемъ. Чѣмъ святѣе мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣзжало туда людей и для благочестія, и для мірскихъ выгодъ, а равно и для мірскаго веселія, потому что съ открытіемъ торжища являлись и кабаки. Подобная ярмарка, хотя и не столь важная, какъ другія, встрѣчается въ день Рождества Христова въ ижмнѣ Евфиміевскаго монастыря, селѣ Ковровѣ (нынѣшнемъ городѣ Владимірской губерніи). Въ 1641 г. она была отдана отъ казны на откупъ, а потомъ передана въ распоряженіе монастыря ¹⁾. Въ вотчинѣ Николаевскаго монастыря, въ уѣздѣ Бѣжецко-Верхскомъ ²⁾, былъ торжокъ, отданный монастырю; въ городѣ Торжкѣ на посадѣ торгъ былъ въ распоряженіи Борисоглѣбскаго монастыря ³⁾.

При открытіи каждаго недѣльнаго торга или рынка правительство брало во вниманіе члѣобитную жителей и положеніе мѣста, особенно степенъ его отдаленности отъ другого торга ⁴⁾. Иногда разстояніе пятнадцати верстъ отъ рынка признавалось достаточнымъ для заведенія новаго ⁵⁾. Для торга назначался какой-нибудь недѣльный день. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Грязлевицахъ Вологодскаго уѣзда, принадлежавшемъ Корниліеву монастырю, былъ торгъ по понедѣльникамъ ⁶⁾. Въ селѣ Борисоглѣбской, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, былъ торгъ по пятницамъ ⁷⁾. Въ одной изъ вотчинъ Ярославскаго Спасскаго монастыря былъ торгъ по субботамъ ⁸⁾. Въ большихъ городахъ были каждодневные рынки ⁹⁾. Въ небольшихъ селахъ отправлялись торжки, гдѣ продавались съѣстные принасы и потребности крестьянскаго быта, обыкновенно по воскресеньямъ: эта торговля подчинялась однимъ общимъ правиламъ о сборѣ пошлинъ. Въ концѣ XVII вѣка, имено въ 1682 году, правительство воспретило торговать по воскресеньямъ и установило: когда случится время торга въ воскресенье, отлагать его на другой день ¹⁰⁾. Случалось, что цари уступали доходы съ торговъ и частнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ, при Теодорѣ Іоанновичѣ торги въ селахъ Чаромѣ и Коротковѣ уступлены боярину Дмитрію Годунову ¹¹⁾. Монастырскія начальства и частныя лица, получавшія права сбора торговыхъ доходовъ, нерѣдко отдавали ихъ на откупъ своимъ крестьянамъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ волостяхъ Троицко-Сергіева монастыря ¹²⁾. Гостинный дворъ, важная, ряды и вся операція вѣса и сбора была въ распоряженіи владѣльцевъ торга, такъ что не допускались даже работники или извозчики не изъ крестьянъ того вѣдомства, которому принадлежитъ торгъ. Такъ въ XVII вѣкѣ въ Торжкѣ, гдѣ торгъ на посадѣ, какъ выше сказано, былъ отданъ Борисоглѣб-

¹⁾ А. А. Э., III, 445.

²⁾ Ibid., 443.

³⁾ А. А. Э., II, 275.

⁴⁾ А. А. Э., I, 443.

⁵⁾ Ibid., 452.

⁶⁾ П. С. З., II, 88.

⁷⁾ А. А. Э., II, 64.

⁸⁾ А. А. Э., I, 414.

⁹⁾ Ibid., 431.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Зак., II, 485.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 431.

¹²⁾ А. А. Э., II, 64.

скому монастырю, не позволялось подражаться въ извозъ и быть у вѣсовъ никому, кромя крестьянъ этого монастыря ¹⁾). Тамъ, гдѣ надзоръ за торгами и торговые сборы были въ распоряженіи казны, назначались или выбирались таможенные чиновники и получали уставную грамоту, которая опредѣляла какъ сборъ пошлинъ, такъ равно и порядокъ торга ²⁾). Но часто казенные доходы съ торга отдавались на откупъ ³⁾).

По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе отъ большихъ до малыхъ чрезвычайно любили торговлю ⁴⁾). Европейцы, бывавшіе въ Россіи послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія и сами посланники, отправляемые въ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлею. Русскіе сановники, говоритъ Мейербергъ ⁵⁾), продаютъ, покупаютъ и мѣняютъ, не замѣчая, что унижаютъ этимъ свое достоинство. Но многое, что было для европейцевъ униженіемъ, не имѣло тогда того же значенія для русскихъ. Такимъ образомъ, и русскіе монастыри не только не считали предосудительнымъ участвовать въ торговыхъ оборотахъ, но значительная часть внутренней торговли Россіи въ XVI вѣкѣ была въ ихъ рукахъ, какъ это доказываютъ ярмарки. Многіе изъ монастырей пользовались правами беспошлинной торговли до извѣстной степени. Въ особенности торговля солью находилась въ распоряженіи монастырей. Троицкій монастырь въ XVI вѣкѣ получилъ отъ Іоанна IV привилегію торговать беспошлинно солью и разными товарами ⁶⁾). При Михаилѣ Феодоровичѣ этотъ монастырь ежегодно посылалъ за солью въ Астрахань. Судно имѣло право, сверхъ беспошлинной порціи, брать неопредѣленное количество соли для торговли, но съ платою пошлинъ ⁷⁾). Соловецкій монастырь, владѣвшій соляными промыслами, имѣлъ право продавать беспошлинно до 130.000 пудовъ соли ⁸⁾). Свѣяжскій-Богородицкій монастырь могъ ежегодно нагружать 20.000 пудовъ соли въ Астрахани на собственное судно и продавать ее или мѣнять на товары, нужные для монастырскаго обихода. При Михаилѣ Феодоровичѣ количество это увеличено на 30.000; соль эта продавалась или промѣнивалась въ Казани, Нижнемъ, Москвѣ, и взаимно монастырь получалъ за нее хлѣбъ, масло, медъ, сукна, мѣха, овчины, лошадей, скотъ беспошлинно ⁹⁾). Такія же привилегіи на извѣстныхъ количествахъ имѣли монастыри: Кирилловскій, Архангельскій, Каргопольскій, Симоновъ, Спасо-Прилуцкій ¹⁰⁾). Многіе имѣли право вести беспошлинную оптовую торговлю извѣстными количествами хлѣба, рыбы, масла, скота и покупать фабричныя произведенія на монастырскій обиходъ ¹¹⁾); если же покупали на продажу въ количествѣ, превышавшемъ дозволенное для беспошлинной торговли, то платили обычныя по-

¹⁾ Ibid., 275.

²⁾ А. А. Э., I, 452.

³⁾ Ibid., 414, 452. — Доп., V, 382.

⁴⁾ Князьбург., 11.

⁵⁾ Meyerberg, 165.

⁶⁾ А. А. Э., I, 381.

⁷⁾ А. И., III, 272.

⁸⁾ А. А. Э., III, 426.

⁹⁾ А. А. Э., III, 119.

¹⁰⁾ А. А. Э., III, 427. — А. И., I, 462; III, 76, 185, 375; IV, 57.

¹¹⁾ А. А. Э., III, 120.

шины ¹⁾). Но иногда количество груза для беспошлинной торговли не ограничивалось, напримѣръ, для Иверскаго монастыря на Валдаѣ-озерѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ ²⁾). Монастырскою торговлею занимались старцы, которымъ поручаемо было это занятіе, купчины, то-есть коммиссіонеры, и монастырскіе слуги ³⁾). Во многихъ городахъ и въ разныхъ пунктахъ торговой дѣятельности, напримѣръ, на волокахъ, монастыри имѣли свои подворья, которыя въ торговомъ отношеніи пользовались разными льготами, напримѣръ, свободою отъ сбора повинностей, лежавшихъ вообще на дворахъ ⁴⁾). Подобныя подворья бывали иногда очень обширны, какъ, напримѣръ, монастырскій дворъ въ Вологдѣ имѣлъ шестьдесятъ сажень въ длину и восемь поперекъ, и эта обширность свидѣтельствовала о большомъ размѣрѣ торговли. Монахи XVI и XVII вѣковъ занимались повсюду торговлею хлѣбомъ, скотомъ и другими произведеніями монастырскихъ имѣній ⁵⁾). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ занимались разными ремеслами и продавали свои произведенія, какъ, напримѣръ, въ Ферапонтовскомъ монастырѣ близъ Каргополя корельчатныя ложки съ костями, бывшія въ употребленіи на Руси ⁶⁾). Съ 1667 г., когда сдѣланы большія преобразованія въ торговлѣ, запрещено было монахамъ и монахинямъ торговать, кромѣ произведеній своего руководѣя, и то съ разрѣшенія игумена и игуменьи ⁷⁾). Но это не относилось къ праву торговли произведеніями монастырскихъ имѣній. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство уклонялось отъ дарованія правъ беспошлинной торговли монастырямъ, какъ это видно изъ отвѣта Тихвинскому монастырю, просившему о беспошлинной покупкѣ желѣза въ Швеціи: правительство дозволяло покупать желѣзо, но съ платежемъ пошлины по Торговому уставу ⁸⁾). Феодоръ Алексѣевичъ въ 1677 году уничтожилъ тарханныя грамоты, даваемыя монастырямъ на беспошлинную торговлю, но между тѣмъ все еще были незначительныя исключенія, напримѣръ, Вязицкому Николаевскому монастырю въ 1679 году дано право на беспошлинную покупку для монастыря на 420 рублей, а продать онъ могъ только на 100 рублей ⁹⁾.

Собственно торговые люди, то-есть исключительно торговое сословіе, были: гости, сотни—гостинная, суконная и черныя въ Москвѣ и посадскіе люди въ городахъ. Сословіе гостей, очень древнее, пользовалось еще въ X вѣкѣ важными правами, какъ это видно изъ Игорева Договора ¹⁰⁾. Въ XV вѣкѣ гости и гостинная сотня составляли одно сословіе, какъ видно изъ акта подъ 1433 годомъ, гдѣ между первоклассными торговыми людьми поставлены *гости и суконники* ¹¹⁾. Впоследствии почетнѣйшіе—лучшіе, по старинному выраженію—люди гостинной

¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 212.

²⁾ Полн. Собр. Зак., I, 337.

³⁾ А. А. Э., I, 405.

⁴⁾ Ibid., 429.

⁵⁾ Коллинсъ, 9.

⁶⁾ Врем., XIII, Расх. Кн. Ник., 55.

⁷⁾ П. С. З., I, 699—701.

⁸⁾ Доп., V, 409.

⁹⁾ А. И., V, 29.—П. С. З., II, 212.

¹⁰⁾ П. С. Русск. Лѣт., I, 29—33.

¹¹⁾ С. Г. Гр., I, 104.

сотни получали жалованныя грамоты, которые давались не сословію, но лицу ¹⁾. Они образовали уже какъ бы нѣсколько отличное отъ другихъ членовъ гостинной сотни сословіе. Въ ихъ жалованныхъ грамотахъ дозволялось имъ ѣздить въ пограничныя государства, находящіяся въ мирныхъ отношеніяхъ съ Россією, и торговать разными товарами, исключая заповѣдныхъ; гость и его дѣти, братья, племянники, жившіе съ нимъ не въ раздѣлѣ, освобождались отъ суда и расправы воеводъ и дьяковъ и судились въ опредѣленномъ Приказѣ,—при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Приказѣ Большой Казны,—имѣли право не цѣловать креста сами, если это имъ нужно было по судебному дѣлу, но посылали вмѣсто себя своихъ людей; могли держать для дома *безявочно* и *безвыимочно* всякое питье, освобождались отъ всякихъ поборовъ во время пути по рѣкамъ и дорогамъ, отъ мытъ, перевозовъ, головщины и тому подобнаго,—отъ лежащихъ на торговыхъ посадскихъ людяхъ обязанностей мостить мосты, давать суда и запасы, ставить подводныя на ямахъ для казенной надобности, отъ выбора въ службу въ гостинной сотнѣ; имѣли право топить бани и держать во всякое время въ домѣ огонь; могли покупать вотчины; дворы ихъ освобождались отъ тягла, дачи подмоги на земскій дворъ, отъ постоевъ и всякихъ тяглыхъ повинностей ²⁾. Торговые люди гостинной сотни пользовались въ царствованіе Грознаго, Феодора, Бориса и Шуйскаго почти такими же правами. Михаилъ Феодоровичъ подтвердилъ эти права въ награду за терпѣніе и вѣрность, оказанную въ Смутное время ³⁾. Но права торговцевъ гостинной сотни отличались отъ правъ гостей тѣмъ, что послѣдніе могли свободно ѣздить за границу и покупать вотчины, а на гостинно-сотенныхъ торговыхъ людей эти права не простирались ⁴⁾; сверхъ того, члены гостинной сотни по обязанности и по очереди были избираемы въ должности, а гости освобождались отъ выбора товарищами, но назначались по особому царскому распоряженію ⁵⁾. Впрочемъ, что касается до покупки вотчинъ, то въ 1666 году и гостямъ запрещено покупать вотчины безъ особыхъ подписныхъ челобитныхъ, то-есть безъ особаго разрѣшенія, послѣдовавшаго на ихъ челобитную ⁶⁾. То же подтверждено и въ 1679 году ⁷⁾.

Имѣли ли подобныя права, и если имѣли, то въ какой степени, члены суконной сотни, объ этомъ нѣтъ ясныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что и они, какъ члены гостинной сотни, могли держать питье безвыимочно и безявочно ⁸⁾. Какъ торговцы гостинной, такъ и суконной сотни могли покупать на свой обиходъ безоплатно съѣстныхъ припасовъ на 60 рублей, *по человѣку смотря* ⁹⁾.

Нравственное различіе между этими отдѣлами высшаго русскаго купечества—гостями, торговцами гостинной и суконной сотни, состояло въ чести, которою отличалось каждое сословіе по выбору своихъ членовъ въ болѣе или ме-

¹⁾ Коших., 28—29.—Доп., IV, 149.

²⁾ Доп., IV, 149—150.—П. С. З., II, 221—224.—А. И., V, 68.

³⁾ А. И., V, 67.—Доп., III, 150.

⁴⁾ Коших., 111.

⁵⁾ А. И., V, 68.

⁶⁾ П. С. З., I, 640.

⁷⁾ П. С. З., II, 210.

⁸⁾ Коших., 111.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 196.

нѣе важныя должности и по величинѣ суммы, слѣдующей за безчестье, нанесенное торговцу, которая была различна не только для сотенъ, но и для подраздѣленій каждой сотни: ибо вся сотня, какъ и всякое сословіе въ Россіи, раздѣлялась на *лучшихъ, среднихъ и меньшихъ* членовъ ¹⁾. Они различались по службѣ тѣмъ, что гостямъ поручаемы были самыя высшія торговныя и финансовыя должности, а торговые люди гостинной сотни были у нихъ товарищами: суконники выбирались въ должности, меньшія въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ выбирались торговцы гостинные, напримѣръ, гости назывались таможенными головами, гостинники у нихъ старшини, а суконники меньшими цѣловальниками ²⁾; или же торговецъ гостинной сотни выбирался головою, а суконники у него товарищами. Сверхъ того, гостей посылали головами въ самыя важнѣйшія торговые города, а гостинники выбирались во второстепенные. Бывали случаи, что гости были возводимы въ санъ думныхъ дьяковъ ³⁾ и, вѣроятно, изъ этого при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1659 году возникъ между гостями и дьяками споръ о шервенствѣ: этотъ споръ продолжался десять лѣтъ и окончился, однако, тѣмъ, что дьяки признаны выше гостей ⁴⁾.

Гости, а иногда и торговцы гостинной сотни, смотря по важности порученій, надзирали надъ приставями, надъ рыбными и соляными промыслами; имъ поручали покупать для царской казны товары и запасы и производить отъ казны торговныя операціи ⁵⁾. Государь поручалъ имъ заключать подряды съ иноземцами ⁶⁾. Лица высшаго купечества были призываемы царемъ на совѣтъ; они подавали разные финансовые проекты, какъ, напримѣръ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ гость Веневитиновъ подалъ проектъ брать съ мордвы деньги, вмѣсто запасовъ ⁷⁾. За подобныя-то услуги они получали особенныя жалованныя грамоты. Случалось, что иноземцы были возводимы въ санъ гостей за услуги русскому царю; напримѣръ, въ 1660 году, братья Вернарды, голландцы, пожалованы титуломъ гостей ⁸⁾. Право за возвышеніе предъ глазами правительства представлялъ размиръ капитала, на который торговцы совершали свои обороты. Такимъ образомъ, гости торговали суммою отъ 20.000 до 100.000, что составляло въ тотъ вѣкъ большія деньги ⁹⁾.

Какъ гости, такъ и торговцы гостинной и суконной сотни, имѣли своихъ головъ и старшинъ ¹⁰⁾. Сотни составляли корпораціи, обязанныя повинностями, относящимися до городского порядка, а главное, до выборовъ въ должности. Поэтому сотни выбирали изъ своихъ членовъ служилыхъ на очередь и, когда приходила надобность, стоявшій на очереди обязанъ былъ принимать должность, въ которую предназначался.

¹⁾ Улож., гл. X, § 94.—Доп., III, 151.

²⁾ Коших., 111.

³⁾ Коших., 18.

⁴⁾ П. С. З., I, 484.

⁵⁾ А. И., V, 68.

⁶⁾ С. Г. Гр., IV, 202—203.

⁷⁾ А. И., V, 68.

⁸⁾ С. Г. Гр., IV, 66.

⁹⁾ Коших., 111.

¹⁰⁾ Кильбург., 256.

Число членовъ въ сословіяхъ высшаго купечества вообще не было значительно. При Феодорѣ Іоанновичѣ число торговцевъ гостиной сотни въ Москвѣ было 350, суконной 250, но въ Смутное время сотни пришли въ упадокъ, такъ что надобно было наполнять ихъ. Въ 1649 году гостей было 13 человекъ, гостиной сотни 158, суконной 116. Нѣсколько позже, по извѣстію Кошкина, число гостей простиралось до 30, а людей гостиной и суконной сотни около 200 человекъ въ каждой. Впрочемъ, корпораціи ихъ заключали гораздо болѣе лицъ, которыя пользовались вообще правами сословія. Въ приведенныхъ числахъ означаются только хозяева, а привилегіи и права, данныя хозяину, простирались не только на его родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, но и на приказчиковъ ¹⁾).

Гостиная и суконная сотни были пополняемы изъ черныхъ сотенъ и посадскихъ людей, изъ лучшихъ между ними, т.-е. такихъ, которыхъ торговля занятія по своему размѣру поставляли выше ихъ собратьевъ. Для этого нужно было согласіе сотенъ. Когда правительство повелѣвало пополнить сотню, члены ея сами выбирали новыхъ членовъ изъ черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ. Часто по этому поводу происходили споры, потому что черныя сотни и посады старались удержать у себя въ общинѣ тѣхъ, которые побогаче, чтобъ повинность, которая прежде падала на послѣднихъ, не падала теперь исключительно на остальныхъ: повинности не уменьшались отъ уменьшенія членовъ общины. Намъ неизвѣстны примѣры перехода изъ суконной сотни въ гостиную, но часто, какъ въ ту, такъ и другую, брали изъ однихъ и тѣхъ же низшихъ торговыхъ сословій ²⁾). Въ 1647 году постановлено, чтобъ тѣ, которые взяты изъ городовъ въ московскія сотни, служили выборную службу въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились прежде, и, какъ видно, въ то время не было взято новичковъ для московскихъ сотенъ изъ Архангельска, Астрахани и Казани, потому что въ эти города на службу посылались обыкновенно природные москвичи ³⁾). Такой переходъ почитался честью, но не всегда подобная честь была пріятна тѣмъ, которымъ оказывалась. Такимъ образомъ, въ 1654 году гороховцы, назначенные въ гостиную сотню, били челомъ, чтобъ ихъ не брали, отговариваясь недавнимъ разореніемъ отъ пожара, и при этомъ заплатили взятку воеводѣ и дьяку ⁴⁾). Торговые люди, переходя въ высшія сотни, должны были жить въ Москвѣ, продать свои тяглыя дворы на прежнихъ мѣстахъ и оставить прежніе промыслы, съ которыми свыклись, или же, въ противномъ случаѣ, платить двойное тягло, въ Москвѣ и городахъ ⁵⁾). Притомъ же они знали, что по переходѣ въ Москву ихъ выберутъ въ должности и оторвутъ отъ обычныхъ торговыхъ и промышленныхъ занятій.

Вообще высшія купеческія сословія не пользовались расположеніемъ низшихъ; гости были въ особенности нетерпимы и торговцами и народомъ. Въ случаѣ какого-нибудь смятенія гостямъ первымъ сломать головы, замѣчаетъ во

¹⁾ А. А. Э., I, 115.—А. А. Э., II, 116.—А. И., III, 118.—Доп., III, 153—160.—Кошк., 111.

²⁾ Доп., III, 153.

³⁾ А. А. Э., IV, 42.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., I, 332.

⁵⁾ Улож., гл. XIX, § 34.

второй половинѣ XVII вѣка голландецъ ¹⁾. Назначаемые въ разныя должности по посадамъ, они утѣсняли мѣстныхъ торговцевъ ²⁾. Разсѣявшись по всѣмъ предѣламъ государства, ихъ приказчики дѣлали вездѣ закупы и, пользуясь льготами, предоставленными хозяевамъ, подрывали второстепенныхъ купцовъ ³⁾. Приближенные къ царю гости умѣли сочетать интересы казны съ собственными выгодами, и подавали проекты монополій, которыя были стѣснительны для низшихъ торговцевъ и обременительны для народа, а полезны только для собственного кармана гостей ⁴⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ особенности высшее московское купечество возвышалось въ своемъ значеніи. Новоторговый уставъ 1667 года былъ преимущественно его дѣломъ. Онъ показываетъ стремленіе вышшаго купечества умножать свои выгоды, обогащая царскую казну.

Низшіе слои торговаго класса въ Москвѣ были черныя сотни и слободы, въ городахъ посадскіе и слободскіе люди. По смыслу закона, они имѣли равныя права ⁵⁾. Въмѣстѣ съ торговцами сюда входили ремесленники и промышленники; впрочемъ, въ самыхъ посадахъ нѣрѣдко послѣдніе составляли отдѣльныя корпораціи. Такъ въ Переяславль-Залѣскомъ были оброчники, между которыми числились разныя ремесленники: сапожники, купцы, хлѣбники; они получали отъ царя Іоанна Васильевича несудимыя грамоты и, составляя часть посадской общины, въ то же время были отдѣльными обществами.

Посадскіе и слобожане носили вообще названіе людей, съ прибавленіемъ эпитета: посадскіе или черныхъ сотенъ, или такой-то слободы, для отличія отъ сельскихъ, носившихъ названіе крестьянъ ⁶⁾.

Число московскихъ черныхъ сотенъ при Михаилѣ Феодоровичѣ простиралось до десяти; въ указѣ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсѣ ⁷⁾ для взвѣски хлѣбовъ и калачей велѣно было изъ каждой сотни выбрать по одному цѣловальнику, и вслѣдствіе этого приходилось выбрать десять цѣловальниковъ. Кромя сотенъ, были еще полусотни, что видно, между прочимъ, изъ того же указа: *черныхъ сотенъ устюжскія полусотни* ⁸⁾. Въ числѣ полусотенъ была мясничная, которой названіе указываетъ на ея занятія. Названія другихъ сотенъ давались по мѣстности, гдѣ они жили въ частяхъ города, напримѣръ, дмитровская, срътенская, покровская, ордынская; а нѣкоторыя носили названіе другихъ городовъ, напримѣръ: новгородская, устюжская полусотня. Это указываетъ на то, что онѣ первоначально переведены изъ этихъ городовъ ⁹⁾.

Каждая сотня составляла одну цѣлую общину, такъ что самое мѣсто, гдѣ она была поселена, соединялось съ понятіемъ о ея повинностяхъ. Судьба заключенная однимъ изъ членовъ сотни, часто падала на цѣлую общину. Такъ многіе члены черныхъ сотенъ закладывали свои мѣста нестяглымъ или бѣло-

¹⁾ Кильбург., 156.

²⁾ Доп., III, 240.

³⁾ Meyerb., 165.

⁴⁾ Кильбург., 156—158.

⁵⁾ Улож., гл. X, § 94.

⁶⁾ А. А. Э., II, 61.

⁷⁾ Врем., IV, 12.

⁸⁾ Врем., IV, 30.

⁹⁾ С. Г. Гр., III, 384.

мѣстамъ, т.-е., непринадлежавшимъ къ общинѣ, и кредиторы взыскивали свой долгъ съ цѣлой сотни. По этому поводу при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ запрещено продавать или закладывать тяглыя мѣста, принадлежавшія не лицамъ, но общинамъ ¹⁾. То же подтверждалось въ 1649 году ²⁾. Обязанности черныхъ сотенъ были тѣ же, какъ и въ другихъ городахъ, съ тою разницею, что Московское правительство занималось болѣе, чѣмъ другими городами, а потому на черныхъ сотняхъ лежали болѣе сложныя повинности въ отношеніи городского благоустройства, какъ-то: мощеніе улицъ, содержаніе разнаго рода лицъ, которые отводились квартиры и которыхъ въ Москвѣ было всегда больше, чѣмъ въ другихъ городахъ ³⁾. Онѣ давали каждагодно сто сорокъ пять цѣловальниковъ и семьдесятъ пять ярыжекъ на земскій дворъ, обязаны были содержать ихъ, а также и извозчиковъ, стоявшихъ на земскомъ дворѣ съ лошадьми на случай пожара ⁴⁾, и платить имъ жалованье. Сверхъ того, черносотенные люди были избираемы въ разныя должности и исправляли различныя казенныя порученія ⁵⁾. Кромѣ черныхъ сотенъ и подусотенъ, около Москвы были слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя составляли собственно служилыя общины, какъ, напри- мѣръ, стрѣleckая, пушкарская, но иныя были населены торговцами и промышленниками и составляли общины съ такимъ же управленіемъ и повинностями, какъ и сотни. Такова была, между прочимъ, слобода Кадашевка, состоявшая изъ двухъ тысячъ дворовъ, гдѣ жители занимались дѣланіемъ холста, имѣли свои лавки и промышленныя заведенія ⁶⁾.

Черныя сотни и слободы раздѣлялись на десятки и имѣли выборныхъ начальниковъ—сотскихъ и десятскихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка упоминается объ административномъ мѣстѣ, называемомъ сотенною палатою, гдѣ сидѣли выборные совѣтники, называемые старостами ⁷⁾.

Посады, населенныя торговцами и промышленниками, составляли общины—миръ. Земля подъ посадами и около нихъ, принадлежавшая посадѣ по праву, была достояніемъ цѣлой общины, и никакъ не лицъ ⁸⁾. Основная связь, соединявшая общину, состояла, какъ и въ черныхъ сотняхъ, въ тяглѣ, т.-е. платѣ съ мѣста и съ промысловъ. Раскладка такой платы зависѣла отъ общины, и всѣ поборы налагались миромъ. Всякій, какого бы онъ званія ни былъ, поселившись на тягломъ мѣстѣ, обязанъ былъ нести тягло, и самыя духовныя лица не освобождались отъ него ⁹⁾. Отъ поселенія на тяглой землѣ зависѣло участіе въ дѣлахъ и повинностяхъ общины ¹⁰⁾. Вообще, поборы были съ мѣстъ, такъ что правительству въ отношеніи финансовъ нужно было знать только мѣста на посадѣ; посадѣ обязанъ былъ платить и за пустыя мѣста, какъ и за жилия,

1) А. И., III, 96.

2) А. А. Э., IV, 57.

3) А. И., III, 104.

4) С. Г. Гр., III, 397.

5) Кошх., 111.

6) Кошх., 84.

7) С. Г. Гр., IV, 351.

8) Оп. гор. Шуи, 309.

9) А. А. Э., IV, 52, 71.—А. А. Э., III, 178.

10) А. А. Э., III, 16.

коль скоро они значились въ писцовыхъ или дозорныхъ книгахъ ¹⁾. Въ 1649 году запрещалось посадскимъ продавать и закладывать свои дворы, погреба, варницы и вообще всякія промышленныя и торговыя заведенія, подъ опасеніемъ кнута ²⁾.

Повинности, которымъ подвергались посады, были тѣ, отъ которыхъ освобождались гости ³⁾. Нѣкоторые изъ посадскихъ, въ знакъ особой милости, пользовались иногда какими-нибудь особыми привилегіями, напримѣръ, въ Псковѣ ⁴⁾. Инымъ посадскимъ правительство давало право держать *безъотмочно* питье въ разные торжественные случаи, напримѣръ, во время свадебъ и крестинъ, но съ явкомъ таможенному головѣ и съ платежемъ опредѣленной за то суммы ⁵⁾. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Угличѣ, такое право давалось на большіе праздники ⁶⁾. Вообще же такія права жаловались только лучшимъ и середнимъ посадскимъ людямъ, а не худшимъ или молодчимъ ⁷⁾.

Связь общины не ограничивалась однимъ тяглою и повинностями, но имѣла и нравственное значеніе. Община посадскихъ считала себя въ правѣ заступаться за своего члена, какъ бы за цѣлую общину, и всякая обида, нанесенная посадскому, касалась всего міра. Челобитная подавалась отъ лица всей общины міромъ ⁸⁾. Равнообразно, въ случаѣ дурного поведенія члена, община дѣлала распоряженіе о высылкѣ его изъ посада, хотя при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ видно, посады уже не самовольно изгоняли своихъ членовъ, а должны были подавать о томъ челобитныя ⁹⁾. По мѣрѣ большаго или меньшаго объема независимости въ выборномъ порядкѣ, была сильнѣе или слабѣе нравственная связь посадской общины.

Посады раздѣлялись на сотни и десятки. Это дѣленіе обществъ торговыхъ людей было стариннымъ обычаемъ. Въ Новѣгородѣ старинну торговецъ долженъ былъ быть записанъ непремѣнно въ сотню, какъ крестьянинъ—смердь—въ погость: «кто купецъ, поидетъ въ свое сто, а смердь поидетъ въ свой погость» ¹⁰⁾. Выборныя лица, наблюдавшія за порядкомъ въ посадахъ, назывались сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе ¹¹⁾; обязанность ихъ была смотрѣть за благочиніемъ и предупрежденіемъ преступленій. Число ихъ было неравно, смотря по величинѣ и населенности посадовъ, или по болѣе и менѣе спокойному состоянію края. Такимъ образомъ, если увеличивалось число уголовныхъ преступленій, то увеличивалось число выборныхъ полицейскихъ чиновниковъ посада ¹²⁾. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ посады имѣли свои выборныя управленія и свой судъ, не-

¹⁾ А. гор. Шун, 74.

²⁾ А. И., IV, 63.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ А. А. Э., I, 323.

⁵⁾ А. А. Э., III, 212.

⁶⁾ А. А. Э., IV, 90.

⁷⁾ А. А. Э., III, 191.

⁸⁾ А. г. Шун, 18, 137.

⁹⁾ Оп. г. Шун, 455.

¹⁰⁾ С. Г. Гр., I, 8, 12, 20, 28.

¹¹⁾ А. И., IV, 312.

¹²⁾ Оп. г. Шун, 225, 230—231.

зависимый от воеводъ и приказныхъ людей, и такимъ образомъ составляли муниципальныя корпораціи, но въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ началъ измѣняться. Хотя на земскомъ соборѣ 1642 года торговые люди осмѣлились припомнить, что при прежнихъ государяхъ посадскіе торговые люди управлялись и судились сами собою и приписывали этому прежнее цвѣтущее состояніе посадовъ, но уже не домогались явно возстановленія прежняго порядка ¹⁾.

Впрочемъ, по наружности эта выборная власть существовала еще и въ XVIII вѣкѣ и сосредоточивалась въ земской избѣ. Тамъ засѣдали земскій староста, ларечный цѣловальникъ—блюститель общинной казны, и земскіе цѣловальники. Они составляли правленіе посада, завѣдовали сборомъ податей, собирали миръ или посадское собраніе и хранили казну. Эти земскіе старосты, а вмѣстѣ съ ними и цѣловальники, выбирались на одинъ годъ, съ 1 сентября по 1 сентября, и по окончаніи службы сдавали дѣла и деньги другимъ, послѣ нихъ выбраннымъ ²⁾. Обыкновенно въ посадѣ былъ одинъ только земскій староста, но въ Новѣгородѣ по числу концовъ города было ихъ пять и они назывались пятиковецкими старостами ³⁾, а при каждомъ были выборные цѣловальники. Сверхъ того, въ Новѣгородѣ были еще уличскіе старосты, собиравшіе дани и распредѣлявшіе повинности по дворажъ ⁴⁾. Всѣ челобитныя, равно какъ и всѣ приговоры писались и составлялись отъ имени этихъ выборныхъ правителей и отъ лица всей общины, выбравшей ихъ ⁵⁾. Но кромѣ земскихъ старостъ, были еще въ нѣкоторыхъ посадахъ излюбленные судьи, которыхъ кругъ юридической дѣятельности былъ обширнѣе, ибо они имѣли право уголовного слѣдствія и суда вмѣстѣ съ губными старостами, такъ что составляли совѣтъ у губныхъ старостъ ⁶⁾. Объемъ ихъ власти и судебного дѣйствія былъ въ разныхъ городахъ различенъ; напримѣръ, въ одномъ они разбирали и уголовныя дѣла, но въ другихъ судебская ихъ дѣятельность касалась только разбирательства ссоръ между посадскими объ имуществѣхъ и оскорбленіяхъ, а уголовныя дѣла не подлежали ихъ сужденію. Въ городахъ, гдѣ являются излюбленные судьи, не видно земскихъ старостъ, но остается одна полицейская власть сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ ⁷⁾. Эти излюбленные судьи собирали вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы казны. Для сбора торговыхъ доходовъ выбирались таможенные головы и цѣловальники, составлявшіе таможенное управленіе; иногда же этихъ таможенниковъ въ посады правительство назначало само ⁸⁾. Вообще права посадскихъ въ отношеніи ихъ управы и суда чрезвычайно сбивчивы, представляютъ въ разныхъ мѣстахъ различныя отгѣнки и измѣненія, и эта сбивчивость замѣтнѣе въ XVIII вѣкѣ, когда цари утверждали грамоты своимъ предшественниковъ, часто противорѣчащія одна другой. Напримѣръ, царь Іоаннъ Васильевичъ далъ Устюжнѣ-Желѣзнопольской гра-

¹⁾ С. Г. Гр., III, 395.

²⁾ Опис. гор. Шун, 315—318.—А. И., IV, 40; А. И., V, 214—215. Доп., IV 341.

³⁾ Доп., II, 78.

⁴⁾ Доп., I, 134.

⁵⁾ Опис. гор. Шун, 317.

⁶⁾ А. А. Э., III, 73.

⁷⁾ А. А. Э., II, 118, 120.

⁸⁾ А. А. Э., III, 216.

мату, по которой судъ предоставлялся волостелю и при немъ выборнымъ отъ посада лицамъ ¹⁾, а въ другой своей грамотѣ, писанной уже послѣ отъѣзду суда волостелей, отдалъ судъ въ посадѣ излюбленнымъ судьямъ, которые въ уголовныхъ дѣлахъ находились какъ бы свидѣтелями при губныхъ старостахъ ²⁾. Михаилъ Теодоровичъ утвердилъ объ эти грамоты ³⁾. Впрочемъ, несмотря на грамоты, ни на вѣдшее подобіе свободного выбора управленія, торговые посадскіе люди на дѣлѣ оставались во власти воеводъ, а ихъ земскіе старосты и цѣловальники были не болѣе какъ сборщики податей и зависѣли отъ произвола воеводъ и приказныхъ.

Издавна посадскіе люди составляли отдѣльное сословіе; издавна считалось необходимымъ поддерживать общинное единство, и потому никто не долженъ былъ жить въ посадѣ, не будучи записанъ въ тягло, которое несли торговые люди. Въ 1555 году въ Новгородѣ священники жаловались, что уличскіе старосты брали съ нихъ двойныя дани за то, что они поселены на тяглои землѣ, и правительство, по такой просьбѣ, повелѣло ихъ перевести на бѣлыя (нетяглыя) мѣста ⁴⁾, но не сочло несправедливымъ, что старосты повышали на нихъ дань, потому что посады имѣли право повышать и понижать раскладку поборовъ по своему усмотрѣнію. Послѣ Смутнаго времени эта замкнутость посадской общины начала нарушаться. Многіе посадскіе выходили самовольно изъ посада и закладывались въ крестьяне или холопы, а между тѣмъ община должна была отбывать тягло за ихъ пустыя мѣста; равномерно многіе, не принадлежавшіе къ посадскому сословию, селились на посадскихъ мѣстахъ и занимались торговлею и промыслами. Къ такимъ лицамъ принадлежали служилые люди, стрѣльцы, козаки, пушкарки, крестьяне патриаршіе, властелинскіе, монастырскіе, люди и крестьяне помѣщиковъ и вотчинниковъ, подъячіе, священническія и церковнослужительскія дѣти, пономари и вообще люди не тяглые, извѣстные подъ общиннымъ именемъ гулящихъ. Они заводили въ посадахъ лавки, погреба, амбары и торговли, не отбывая никакого тягла, ни повинностей. Другіе жили въ посадѣ подъ видомъ приказчиковъ посадскихъ людей, дѣлились съ своими иными хозяевами, а въ самомъ дѣлѣ торговали отъ себя. Пользуясь этимъ, многіе посадскіе записывались въ служилые для вида и продолжали торговать на прежнемъ мѣстѣ, убѣгая повинностей общины подъ тѣмъ предлогомъ, что они болѣе не посадскіе, а служилые. Такимъ образомъ вся тягость повинностей лежала исключительно на остальныхъ, записанныхъ въ тягло, а изъ нихъ также многіе начинали идти по слѣдамъ товарищей: выписывались изъ тягла въ служилые или же разбѣгались съ своихъ мѣстъ ⁵⁾. Это неоднократно возбуждало ропотъ; правительство же теряло свои доходы и потому при Алексѣѣ Михайловичѣ принялось за уничтоженіе такихъ злоупотребленій. Сначала въ Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ, живущіе на посадскихъ тяглыхъ мѣстахъ, несли тягло, давали поборы, были избираемы въ службу, чтобы такимъ образомъ

¹⁾ А. А. Э., III, 76—78.

²⁾ А. А. Э., III, 73—76.

³⁾ Ibid., 76—78.

⁴⁾ Доп., I, 134.

⁵⁾ А. А. Э., IV, 37, 52.—Поли. Собр. Зак., I, 235.—А. А. Э., IV, 54.—Улож., гл. XIX, стр. 108—113.—А. Ист., IV, 65.—Доп., IV, 339.

занятіе торговлей и промыслами соединялось непременно съ исполненіемъ посадскихъ повинностей ¹⁾). Въ 1649 году это распространилось на всѣ посады. Всѣ, которые въ посадахъ устроили торговныя и промышленныя заведенія, должны были записаться въ тягло, не исключая и крѣпостныхъ людей, коль скоро они приобрѣли въ посадахъ дворы; если же у нихъ не было дворовъ, а однѣ лавки, погреба и проч., то они должны были въ теченіе трехъ мѣсяцевъ продать ихъ посадскимъ людямъ, подѣ опасеніемъ безплатнаго лишенія, въ случаѣ непродажи въ урочное время. Виѣсть съ тѣмъ постановлено, что всякій, кто будетъ жить въ посадѣ, хотя бы и временно, долженъ записаться въ тягло ²⁾). Въ эту категорію входили и лица, происходившія изъ духовнаго званія, дьячки и пономари ³⁾). Постановлено, чтобъ всѣ, бѣжавшіе изъ посадовъ, были возвращены на прежнія мѣста, не взирая ни на какія ихъ сдѣлки во время побѣга ⁴⁾). Дѣти и племянники тяглыхъ посадскихъ впередъ не смѣли оставлять посада ⁵⁾, и никто изъ посадскихъ не могъ опредѣляться въ службу, если только онъ не былъ по крайней мѣрѣ третьимъ изъ сыновей посадскаго человѣка ⁶⁾). Для большей замкнутости посадскаго сословія постановлено, чтобъ непосадскій человѣкъ былъ бращенъ въ тягло, если женится на дочери посадскаго съ условіемъ жить въ домѣ отца ея ⁷⁾, или же на бѣглой посадской дѣвкѣ ⁸⁾ или, наконецъ, на вдовѣ, которая, по смерти мужа, сообразно старымъ обычаямъ, составляла тягло ⁹⁾. Посадскимъ запрещено торговать въ селахъ, какъ это прежде дѣлалось ¹⁰⁾; запрещено также нетяглымъ покупать лавки, амбары и брать ихъ въ залогъ ¹¹⁾. Впрочемъ, и послѣ того строгость этихъ правилъ нарушалась; напримѣръ, въ Шуѣ въ 1654 году крестьянинъ продалъ свою постройку, поставленную на посадской землѣ ¹²⁾. Само правительство въ 1649 году сдѣлало исключеніе въ пользу служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, козаковъ, затинщиковъ, кузнецовъ, вортниковъ, предоставляя имъ право торговать въ посадахъ, не записываясь въ тягло ¹³⁾. Въ Новгородѣ это право ограничивалось, однако, суммою ста рублей; сумма выше этой подвергала запискѣ въ тягло. Пользуясь исключеніями, предоставляемыми служилымъ, не только служилые, но и другіе, напримѣръ, монастырскіе и владѣльческіе крестьяне продолжали торговать въ посадахъ.

Пригородныя села около посадовъ назывались слободами. Именемъ слободы въ старой Руси означалось такое поселеніе, гдѣ жители занимались какими-нибудь ремесломъ или промысломъ и вообще какими-нибудь однимъ занятіемъ.

¹⁾ А. А. Э., IV, 87, 51.

²⁾ А. И.; IV, 65.

³⁾ А. А. Э., IV, 52.

⁴⁾ Собр., Гос. Грам., III, 209.

⁵⁾ А. И., IV, 67.

⁶⁾ Улож., гл. XIX, § 26—32.—А. И., IV, 64.

⁷⁾ А. И., IV, 64.

⁸⁾ А. И., IV, 65.

⁹⁾ А. А. Э., IV, 55.—А. И., IV, 64.

¹⁰⁾ Улож., гл. XIX, § 9, 20.

¹¹⁾ А. А. Э., IV, 53.

¹²⁾ Оп. г. Шуѣ, 309.

¹³⁾ А. А. Э., IV, 54.—Доп., III, 45.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слободы рыболовныя, слободы бобровниковъ и такъ далѣе. Эти названія означаютъ, что жители были исключительно преданы ловлѣ рыбы или звѣрей. Слободы около посадовъ населены были разнаго рода промышленниками и торговцами; по закону, онѣ должны были быть приписаны къ посаду и составлять съ нимъ одно тягло ¹⁾. Но во многихъ мѣстахъ около посадовъ, на посадскихъ земляхъ, слободы заведены были боярами и вообще частными владѣльцами и населены ихъ людьми, которые занимались торговлею, не участвуя въ тяглѣ. Поэтому въ 1648 году по просьбѣ тяглыхъ посадскихъ людей разныхъ городовъ всѣ такія слободы велѣно отобрать и приписать къ посадамъ въ тягла ²⁾.

Въ 1667 году подтверждено, чтобы всякій занимающійся торговлею или ремесломъ, былъ непремѣнно записанъ въ чинъ, хотя бы даже онъ торговалъ только временно, напримѣръ, на одинъ годъ, и повсемѣстно приказано не допускать торговли безъ объявки и записки ³⁾. Правительство ставило преграду къ повсемѣстному занятію торговлею, потому что оно наносило ущербъ земледѣлію, которое русскіе нерѣдко покидали, предпочитая торговые промыслы. Такъ, напримѣръ, въ Сибири, куда правительство, поощряя земледѣліе, выселяло пашенныхъ крестьянъ, эти крестьяне разбѣгались и занимались торговлею по разнымъ городамъ ⁴⁾; правительство въ 1621 году приказало ихъ собирать и посадить вновь на пашню. Эта черта указываетъ на врожденную старинную склонность великорусскаго народа къ торговлѣ.

Посадскіе раздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ или молодчихъ. Въ основаніе такого различія принимались ихъ капиталы и промыслы. При раскладкѣ посадскихъ людей въ соху (административное дѣленіе жителей вообще по сбору податей) полагали меньшее число дворовъ лучшихъ посадскихъ людей въ одной единицѣ, чѣмъ число дворовъ среднихъ и меньшихъ людей; наоборотъ, полагали большее число дворовъ бѣдныхъ посадскихъ, дабы на каждого приходилось платить менѣе и чтобъ такимъ образомъ богатый платилъ болѣе, чѣмъ бѣднякъ ⁵⁾. Но это не всегда соблюдалось съ должною справедливостью и часто случалось, что богатые въ посадѣ утѣсняли бѣдныхъ, какъ мы видѣли тому примѣръ при обзорѣни Пскова.

Духъ общинности, исконная и отличительная черта великорусскаго народа старину, скрѣплявшій торговцевъ въ ихъ посадахъ, сотняхъ, слободахъ, соединялъ ихъ торговыя предпріятія и способствовалъ образованію компаній и товариществъ или складчинъ. Нѣсколько купцовъ складывали вмѣстѣ свои капиталы, а къ нимъ присоединялись другіе, побѣдѣе, каждый съ своею частью, и предоставляли смышленнымъ товарищамъ торговые обороты. Часто къ нимъ приставали стрѣльцы, козаки и разныя служилые люди, а иногда и воеводы, но тайкомъ, потому что воеводамъ запрещалось торговать какими бы то ни было образомъ, а между прочимъ и участвовать въ торговыхъ складчинахъ. Такія

¹⁾ А. А. Э., IV, 37, 51.

²⁾ А. А. Э., IV, 45—47.

³⁾ С. Гос. Гр., IV, 204.

⁴⁾ С. Гос. Гр., III, 219.

⁵⁾ Врем., XI. О поз. влад. въ Моск. Гос., 60.

складчины предпринимали торговые операции въ отдаленныхъ странахъ. Подобная компанія была ограблена въ Хивѣ въ 1646 году. Торговля въ Сибиря также производилась складчинами ¹⁾. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне уѣздовъ Шуйскаго, Суздальскаго и другихъ, прилежащихъ Клязьмѣ и ея бассейну, составляли пѣшеходныя компаніи, что называлось «въ ходьбу ходить», и они сами назывались *ходьбушниками*. Они отправлялись въ украинные города; предметъ ихъ торговли были *шконы*, что называлось не *продавать*, но *мѣнять* шконы ²⁾).

Зажиточные торговцы, какъ, напримѣръ, гости, держали у себя покрученниковъ и приказчиковъ, которыхъ посылали въ разныя стороны. Они торговали отъ имени своего хозяина и каждый, кто имѣлъ съ ними дѣло, имѣлъ его какъ бы съ самимъ хозяиномъ. Впрочемъ, Торговый уставъ 1653 года освобождалъ хозяевъ отъ ответственности за братьевъ, племянниковъ и приказчиковъ, если они окажутся виновными въ нарушеніи торговыхъ сдѣлокъ безъ вѣдома хозяевъ. Приказчики и покрученники находились у хозяина въ такой патріархальной зависимости, какъ его домочадцы. У хозяина, который велъ торговлю лавочную, они сидѣли въ лавкахъ, а по вечерамъ являлись къ нему для счетовъ. Нерѣдко хозяинъ проводилъ въ бесѣдѣ съ ними цѣлыя часы, посвящая одинъ вечеръ одному приказчику или покрученнику, другой иному и т. д. Эти молодые люди, служа у хозяевъ, научались отъ нихъ торговой оборотливости и въ свою очередь современнѣе дѣлались купцами. Если хозяинъ находилъ особенную исправность и прилежаніе въ своемъ покрученникѣ, то отличалъ его какою-нибудь почестью, напримѣръ, сажалъ съ собою обѣдать, или подавалъ отъ себя кушанье, или дарилъ ему платье съ своего плеча, соблюдая тѣ же обычаи, какіе бывали при дворѣ у царя съ вельможами. За дурное поведеніе, лѣность и нерасторопность онъ бранилъ его, а смотря по винѣ и бывалъ, или налагалъ на него пеню. Если же никакими мѣрами нельзя было привести покрученника на путь истинны, то хозяинъ ссылалъ его со двора; добрый хозяинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой послѣдней мѣрѣ безъ запальчивости, ласково, съ сожалѣніемъ, послѣдній разъ покоривши своего покрученника, и приписывать его неисправность врожденной глупости, потому что если кого и *ударъ не иметъ*, то это было явнымъ признакомъ крайней непоятливости ³⁾. Молодые купцы научались отъ родителей и старыхъ родственниковъ изъ нихъ примѣра, ихъ словесныхъ наставленій и, наконецъ, изъ ихъ записокъ, ибо въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ составлять торговые книги или памятные записки о торговлѣ, какъ это показываетъ одна уцѣлѣвшая торговая книга ⁴⁾. Она, какъ будто, написана опытнымъ торговцемъ съ цѣлью служить руководствомъ для молодыхъ. Впрочемъ, не думаемъ, чтобы подобные мемуары были встарину въ большомъ употребленіи, при всеобщей малограмотности тогдашняго общества, когда самые богатые торговцы, какъ, напримѣръ, гости, не знали грамоты: такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ полученіи

¹⁾ А. Ист., IV, 50.—Доп., IV, 354.—Улож., гл. X, § 276.

²⁾ А. гор. Шун, 120—123.

³⁾ Врем., I Домостр. Сильвестра, 99.

⁴⁾ Врем., VIII. Торговая книга.—Зап. Арх. Общ., изд. 1851 г., т. I. Торговая книга, стр. 106—189.

жалованной грамоты вмѣсто безграмотнаго гостя Аванасія Федотова подписался духовный его отецъ ¹⁾).

Малообразованность русскаго купечества не мѣшала ему изумлять иностранцевъ природною смѣтливостью и оборотливостью. Московскій купецъ, торгующій съ англичаниномъ, дѣлалъ въ годъ нѣсколько оборотовъ съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ. Онъ бралъ у англичанина оптомъ товары—сукна и матеріи—въ долгъ, съ уговоромъ выплатить деньги въ теченіе года или полугода, и сбывалъ тотчасъ же на деньги мелкимъ торговцамъ, которые продавали купленное въ розницу. Получивъ деньги, купецъ тотчасъ же покупалъ на нихъ товаръ, который скоро промѣнявалъ на другой, другой на третій и при каждой мѣнѣ получалъ малые проценты, но выигрывалъ быстротою оборота, такъ что нерѣдко могъ купленное у англичанина за два рубля сукно продавать за полтора ²⁾. Нѣмцы особенно изумлялись этой непонятной для нихъ быстротѣ и изворотливости. Случалось, что русскій, промѣнявши нѣмцу юфть, пеньку, поташъ на сукна и матеріи, чрезъ нѣсколько времени вымѣненный у нѣмца товаръ продаетъ ему же по такой дешевой цѣнѣ, что хотъ сейчасъ можно отвезть въ Амстердамъ ³⁾. Безъ сомнѣнія, этому способствовалъ нѣмой характеръ торговли: русскій пріобрѣталъ свой товаръ у производителей по очень дешевой цѣнѣ и могъ отдавать нѣмцу хотя съ барышемъ для себя, но чрезвычайно выгодно для послѣдняго. Зато цѣны на товаръ въ Россіи до крайности мѣнялись иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, особенно на предметы повседневнаго удобства жизни. Недостатокъ путей сообщенія ставилъ такой порядокъ дѣлъ непремѣннымъ условіемъ, ибо коль скоро подвозъ произведеній увеличивался—цѣнность его упала, коль скоро подвозъ пріостанавливался, она поднималась. Отъ этого купцы считали всего выгоднѣе пріѣзжать на торги съ товаромъ какъ можно ранѣе, пока не успѣютъ навестить такого же товара, и этимъ часто выигрывали ⁴⁾.

Владѣльцы земель продавали купцамъ свои произведенія обыкновенно заранее и обязывались къ сроку доставить на торгъ; для этого заключались торговые записи. Въ обезпеченіе вѣрности доставки на срокъ, а равно вѣрности пріема, съ обѣихъ сторонъ, а иногда съ одной, полагалась двойная недоимка; такая запись, въ случаѣ несоблюденія условія, могла быть купчимъ актомъ. Такимъ же порядкомъ и купецъ накупалъ оптомъ товару изъ первыхъ рукъ и перепродавалъ его иностранцамъ. Годовыя условія обыкновенно писались съ сентября по сентябрь.

Замѣчательною чертою русской старой торговли было то, что продажа была чаще всего оптовая. Въ старыхъ актахъ, гдѣ говорится о поминкахъ, всегда упоминаются большею частью опковыя единицы. Домовитый и расчетливый хозяинъ всегда старался покупать для себя запасы оптомъ на долгое время, потому что при этомъ выигрывалъ четверть съ рубля. Рано вставши, онъ самъ ходилъ на рынокъ присматриваться, нѣтъ ли *навозу*, и какъ купецъ норовилъ поспѣть съ своимъ товаромъ, когда подобнаго товару было меньше, такъ, напротивъ, покупатель старался явиться къ торгу, когда навезутъ побольше то-

¹⁾ Доп., IV, 150.

²⁾ Olear., 206.

³⁾ Кильб., 15.

⁴⁾ Herberst., 41.

вару. Товаръ, который не портится, закупался на годъ и больше, какъ, напримеръ, лѣсъ и дрова, доски, лубя и прочее. Съѣстные припасы покупались пудами и бочками, ибо мясо и рыба употреблялись большею частью соленая, а зиню и свѣжее не портилось. Рукодѣльные товары, закупаемые въ лавкахъ, приобретались также большими пропорціями. Зажиточный хозяинъ покупалъ сукна и матеріи поставали и косяками, матеріалы для женскихъ работъ литрами, и потому домъ его былъ полонъ всякой всячины на долгое время: это считалось знакомъ расчетливости и ума. При этомъ замѣчали, что покупаемые въ розницу товары хуже, и при такой продажѣ больше обмана. Накупивъ товара, домохозяинъ считалъ долгомъ пригласить купца къ себѣ на *почестку*, угостить хлѣбомъ-солью, а напоследокъ еще и подарить. *Въ томъ убытка нѣтъ*, говорили старички, *дружба-де впередъ познать: всегда мимо тебя товару доброго не продасть и мимою не возметъ и худова не дастъ*. Къ числу старинныхъ обычаевъ принадлежатъ обычай давать въ *помомокъ* (на придачу) какую-нибудь незначительность. Поэтому, розничная продажа была преимущественно для небогатыхъ и простолюдиновъ ¹⁾.

Иностранцы описываютъ русскихъ купцовъ большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться былъ искони характеристикой русскаго торговца. Если вещь стояла рубль, купецъ непрежѣнно запроситъ за нее десять рублей, смотря по лицу, которое у него покупаетъ. Отъ этого многие, желая купить большую пропорцію товара, приходили въ лавки не иначе, какъ въ сопровожденіи звантковъ, на которыхъ они, впрочемъ, не всегда могли положиться, потому что эти звантки бывали въ стачкѣ съ купцами, и взявши съ покупателя за то, чтобы торговать для него дешево и хорошо, возьмутъ тоже съ купца, чтобы помочь ему обмануть покупателя. Божиться въ торговлѣ было впрочемъ, хотя божбамъ русскихъ купцовъ никто не вѣрилъ ни изъ ихъ соотечественниковъ, ни изъ иностранцевъ ²⁾, и даже замѣчали, что чѣмъ болѣе русскій купецъ божится, тѣмъ скорѣе обманывается. Иногда торговецъ, раскваливая свой товаръ, ссылался на покупателей, называлъ ихъ по именамъ, подтверждалъ слова свои божбою, а на самомъ дѣлѣ обманывалъ ³⁾. Поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ: часто русскій надѣлялъ иностранца подкрашенными мѣлами; а иногда покупатель идетъ въ лавку и начнетъ торговать вещь, купецъ запрашиваетъ за нее большую цѣну, покупатель даетъ менѣе; купецъ какъ будто не слышитъ и уходитъ прочь, потомъ начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ желанію покупателя; но въ самомъ дѣлѣ онъ ловко успѣетъ обмѣнить вещь, такъ что покупатель самъ этого не замѣчаетъ и беретъ не то, что торговалъ прежде ⁴⁾. Подобные поступки не казались русскому предосудительными; онъ оправдывалъ себя пословицею: «на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ!» ⁵⁾—пословицею, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы утверждали ее.

Замѣчательно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи охотнѣе покупали у ино-

¹⁾ Доп., II, 139.—Домостр., 70.—А. И., I, 301.

²⁾ Olear., 272.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Раф. Барбер., 34.

⁵⁾ Кильбург., 15.

странцевъ, тѣмъ у своихъ; но русскіе купцы умѣли сами прикидываться иностранцами, къ удивленію посѣщавшихъ Россію чужеземцевъ ¹⁾. Такая смѣтливость и изворотливость торговаго человѣка была причиною, что правительство довѣряло купцамъ политическія шпіонства: напримѣръ, въ 1650 году велѣно было въ Псковѣ набрать торговыхъ знающихъ людей и послать въ Ригу, Ревель и шведскія владѣнія, чтобъ вывѣдать о политическихъ дѣлахъ Швеціи ²⁾.

Не должно приписывать плутоватость русскаго торговца какой-нибудь народной порчѣ. Нѣтъ, это было необходимое условіе той степени образованности, на которой еще стояла Россія, и обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе торговли. Торговля, какъ и всякая другая вѣтъ человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя положенія. Въ первобытныя времена она была соединена съ разбоемъ и набѣгами; на низкой степени цивилизованнаго общества она неразлучна съ коварствомъ и обманомъ, и тѣмъ выше общество становится на пути нравственнаго и умственнаго образованія, тѣмъ болѣе и торговья отношенія принимаютъ характеръ честности. Но иностранцы, изображающіе совершенно справедливо русскихъ купцовъ въ столь грязномъ видѣ, не были, однако, и сами вполнѣ изъяты отъ того же взгляда на дѣло торговли. Герберштейнъ сознается, что русскіе, обманывая иностранцевъ, въ свою очередь покупаютъ у нихъ за тринадцать червонцевъ вещи, которыя стоятъ не болѣе одного или двухъ ³⁾. Иностранцы смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно по ея невѣжеству, потому что русскихъ можно было легко обманывать; русскіе купцы недовѣряли имъ и платили имъ тою же монетою. Притомъ, русская торговля встрѣчала безчисленныя препятствія и затрудненія, заставлявшія купца быть всегда въ страхѣ и смотрѣть на свой промыселъ, какъ на войну, ибо онъ вездѣ видѣлъ покушенія на свое достоинствѣ и выгоды. Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ челоуѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣдѣнія и враждебности ко всему остальному. Если иностранцы старались держать русскаго купца въ невѣжествѣ, то и власть не жалала, чтобъ русскіе сближались съ европейцами и ѣздили въ чужіе края. Торговыхъ лицъ отпускали съ товарами за границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукою и съ особымъ дозволеніемъ, которое получить было не легко. Если-жъ бы торговецъ вздумалъ поѣхать самовольно за границу, то у него отбиралось все имущество, родственниковъ его подвергали пыткамъ, допрашивая, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ, а послѣ пытокъ отправляли въ ссылку ⁴⁾. Впрочемъ, Уложеніе сдѣлало исключеніе въ пользу жителей порубежныхъ городовъ; отъѣздъ за границу былъ смягченъ для нихъ ⁵⁾. Иностранцы, которые бы могли заводить въ Россіи какія-нибудь промышленныя заведенія и знакомить Россію съ техникою товаровъ, покупаемыхъ русскими купцами у иностранцевъ, не поощрялись отъ правительства достойнымъ образомъ ⁶⁾, да притомъ и правительство не могло имъ довѣрять, потому что

¹⁾ Herberst., 44.

²⁾ А. А. Э., IV, 69.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Кошх., 41.—Das Gr. Reich v. Mosc., 178.—Кильбург., 13.

⁵⁾ Улож., VI, § 5.

⁶⁾ Кильбург.

къ услугамъ его всегда готовы были явиться шарлатаны, авантюристы, съ единственною цѣлью обмануть невѣжество и довѣріе.

Такимъ образомъ, купцы русскіе постоянно были во мракѣ относительно большей части того, чѣмъ торговали, страшились обмена, не довѣряли, были обманываемы и въ своемъ очерѣдѣ обманывали.

Совмѣстничество власти чрезвычайно останавливало дѣятельность торговаго класса. Царская казна имѣла въ своихъ рукахъ не только значительныя вѣтви торговли, но и вообще вела торговлю всѣми предметамъ: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляла въ Архангельскъ и промѣнивала на заграничныя товары и тѣмъ подрывала купцовъ, торговавшихъ тѣми же товарами ¹⁾). Никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ на торговомъ поприщѣ. Купецъ, явившись на ярмарку въ Архангельскъ, не смѣлъ торговать, прежде чѣмъ не окончится торговля царская. Этого мало. Обычай выбирать изъ купленныхъ или вымѣненныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе виды для царской казны, не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простоемъ и ожиданіями. Наконецъ и то, чѣд оставалось на долю купца, было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Множество случаевъ, когда купца могла постигнуть конфискація всего его имущества, внушали ему вѣчную боязнь; русскіе купцы страшились обращаться явно съ большими капиталами и сохраняли ихъ тайнѣ, дабы сберечь копѣйку про черный день ²⁾, когда постигнетъ ихъ опала или невзгода и отнять у нихъ все явное имущество. Этому обычаю прятать деньги также не мало способствовало тогдашнее понятіе вѣка, поставлявшее все народное богатство исключительно въ звонкой монетѣ: власть старалась сосредоточить въ своемъ владѣніи какъ можно больше золота и серебра; торговцы, собирая деньги, подражали въ этомъ власти. Торговецъ былъ всегда подъ надзоромъ власти какъ ребенокъ, не могъ составлять никакихъ соображеній, не зная, чѣд съ нимъ будетъ завтра; такъ, напримѣръ, онъ не могъ заключить никакого договора съ иностранцемъ, ибо не зналъ, утвердить ли или не утвердить его власть. Небезпеченный закономъ, онъ былъ постоянно подъ производомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей, которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. Русскій купецъ, говорить одинъ англичанинъ ³⁾, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобъ взять у него чѣд получше, и притомъ даромъ. Собиратели пошлинъ непремѣнно постараются сорвать съ торговца что-нибудь лишнее ⁴⁾. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки ⁵⁾. Посадскія общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе. Воеводы и приказные люди, подъ разными предлогами сохраненія порядка, хватали торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали на-

¹⁾ Коллинсъ, 18—19.—*Das Gr. Reich v. Mosc.*, 176.

²⁾ *Das Gr. Reich v. Mosc.*, 178.

³⁾ *Fletch. The Russ. Commonw.*, 46.

⁴⁾ *Доп.*, I, 213.

⁵⁾ *Доп.*, II, 77—78.

сильно товары, били торговцевъ батогами ¹⁾; сталкивались съ ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточныхъ торговцевъ; воеводы и подъячіе, несмотря на явную лживость иска, заводили дѣло съ тѣмъ, чтобъ обирать купцовъ ²⁾. Правда, правительство не лишало посадовъ права жаловаться на этихъ судей и правителей; намъ остались жалобы цѣлыхъ посѣдовъ на воеводъ,—жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись разво ³⁾. Правительство дѣйствительно старалось ограничить своеволие воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ. Въ 1620 году имъ запрещено не только участвовать въ торговлѣ, но даже покупать что-нибудь у посадскихъ, исключая съѣстного ⁴⁾. Но эти ограниченія ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти незаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года, для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ Приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ *воеводскихъ маломовъ* ⁵⁾; но, во-первыхъ, воеводы и приказные все-таки имѣли возможность чинить свои *маломы*, а во-вторыхъ, въ Приказѣ, который долженъ былъ охранять ихъ, сидѣли такіе же подъячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ, утучная подъячійхъ плодами своей изворотливости прежнихъ лѣтъ. Жалобы посадовъ на свое начальство поступали въ руки подъячійхъ Приказа, которые танули дѣло по нѣскольку лѣтъ; воевода, на котораго жаловались посадскіе, смѣнялся, а вмѣсто него былъ присылаемъ другой и поступалъ такъ же, какъ и прежній ⁶⁾. Но не только воеводы и подъячіе утѣсняли торговцевъ, случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ наѣзжалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались, дѣло длилось; съ нихъ брали взятки и, наконецъ, изъ Приказа присылали воеводѣ грамоту, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства ⁷⁾. Купецъ терпѣлъ и отъ своего же брата, коль скоро онъ былъ выбранъ въ таможенники и дѣлался нѣкоторымъ образомъ чиновнымъ человекомъ; таможенники, *по свойству* и дружбѣ, пропускали безъ пошлины своихъ, а съ чужихъ брали лишнее, чтобъ наверстать недоборъ ⁸⁾.

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность перевозки торговыхъ грузовъ и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ, и на сухихъ путяхъ ⁹⁾, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ

¹⁾ А. А. Э., III, 421.—Оп. гор. Шуй, 317, 325—327.

²⁾ А. гор. Шуй, 106.

³⁾ Оп. г. Шуй, 279.

⁴⁾ А. А. Э., III, 159.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 203.

⁶⁾ Доп., I, 82.

⁷⁾ А. г. Шуй, 106.

⁸⁾ Русск. Вѣстн., 1842, VI, 62.

⁹⁾ А. И., V, 465.—Улож., X, § 276.

былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, несмотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, русскій купецъ былъ обѣденъ ¹⁾).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русскій вѣсъ въ основаніи своемъ не сложенъ. Высшая единица, бывшая повсемѣстно въ употребленіи, называлась берковецъ и заключала десять пудовъ ²⁾; каждый пудъ имѣлъ сорокъ *гривенъ* или *гривенокъ большихъ*, т.-е. фунтовъ; гривна дѣлилась на двѣ *гривенки малыя* или *скаловыя*; гривенка скаловая имѣла сорокъ восемь золотниковъ ³⁾. *Золотникъ* имѣлъ двадцать пять *почекъ* ⁴⁾, а при взвѣшиваніи денегъ считались *пирогы*, которыхъ было въ почкѣ четыре ⁵⁾. Кромѣ обыкновеннаго фунта, были еще *литра* и *ансырь*: литра—фунтъ греческій, заключала семьдесятъ два золотника; на нее вѣсили преимущественно шелкъ и пряденое золото и серебро ⁶⁾; *ансырь*, вѣсъ бухарскій, заключалъ сто двадцать восемь золотниковъ, но уже въ концѣ XVI вѣка онъ сравнялся съ русскимъ фунтомъ или большою гривною ⁷⁾, и скоро вышелъ изъ употребленія. *Безмень*—вѣсовая единица, бывшая въ большомъ употребленіи въ XVI вѣкѣ ⁸⁾, и вѣсъ на безмень назывался *безменнымъ*. Онъ заключалъ два фунта съ половиною или пять гривенокъ, нѣсколько подходилъ къ нынѣшнему килограмму и, въ свою очередь, раздѣлялся на *полубезмень* ⁹⁾. Но впоследствии единица безменнаго вѣса постепенно увеличивалась до десяти, пятнадцати и до двадцати фунтовъ, и, наконецъ, сдѣлалась совершенно неопредѣленною, такъ что самое названіе осталось только за орудіемъ вѣса. Сто фунтовъ или большихъ гривенокъ, или два пуда съ половиною составляли единицу вѣса, называемую *контарь* ¹⁰⁾,—названіе, которое соединялось, какъ и безмень, съ орудіемъ вѣса. Десять пудовъ составляли *батманъ*, вѣсъ, татарскій, переименный къ русскимъ, какъ видно, изъ Казани, ибо носилъ названіе *казанскаго*. Онъ въ свою очередь раздѣлялся на *полубатманы*, заключавшіе пять пудовъ ¹¹⁾. Кромѣ берковца, воскъ вѣсился на *четверть восковую*, заключавшую двѣнадцать пудовъ ¹²⁾. Са-

¹⁾ Fletch.—Кильбург.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 179.

³⁾ John Nasse. Nakl., 285.—Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

⁴⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

⁵⁾ Ист. Г. Росс., X, прим. 487.

⁶⁾ А. И., V, 46.—Домостр., 90.—Зап. Арх. Общ., I, 114.

⁷⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

⁸⁾ Ibid.—Nasse. Nakl., 285.

⁹⁾ А. А. Э., I, 138.

¹⁰⁾ Уст. рат. дѣлъ, I, 85.

¹¹⁾ Зап. Арх. Общ., I, 72. Въ поволжскихъ городахъ онъ въ употребленіи до сихъ поръ въ томъ же видѣ.

¹²⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

мая большая единица вѣса была *ласть*, заимствованный съ Запада, но этотъ вѣсъ, кажется, не былъ постояннымъ и опредѣленнымъ. Въ началѣ XVI вѣка въ *ласть* было 180 пудовъ, но потомъ только 90 ¹⁾, въ Псковѣ *ласть* соли вѣсилъ отъ 12 до 14 берковцевъ, слѣдовательно, отъ 120 до 140 пудовъ, а въ Торговой книгѣ *ласть* полагается въ 12 бочекъ, а каждая бочка въ шесть пудовъ, что составляетъ въ *ласть* 72 пуда ²⁾.

Вообще, однако, употребительнѣйшими вѣсовыми единицами были берковцы, пуды, гривны и гривенки. Вѣсовые единицы дѣлились еще на *половины* и *четверти* или *чети*, напр., *полпуда*, *полгривенка*, *четь гривенки*, а *чети* въ свою очередь на *пол-чети* ($\frac{1}{8}$), *пол-чети* на *пол-пол-чети* ($\frac{1}{16}$), эти же на *пол-пол-пол-чети* ($\frac{1}{32}$). Было также дѣленіе третное, напр., *гривенка* на *пол-трети гривенки* ($\frac{1}{6}$), *пол-пол-трети* ($\frac{1}{12}$), *пол-пол-пол-трети* ($\frac{1}{24}$). При счетѣ вѣса иногда единица ставилась съ прибавленіемъ, а иногда съ вычетомъ дробей, напр., вмѣсто того, чтобы сказать: двѣ гривенки и пол-гривенки, говорили: *три гривенки безъ полгривенки* ³⁾.

Вѣсъ новгородскій и псковской были отличны отъ московскаго до конца XVII вѣка. Новгородскій былъ менѣе московскаго на восемь фунтовъ и семьдесятъ-два золотника въ берковцѣ, а псковской на десять фунтовъ и тридцать два золотника, или иначе: новгородскій фунтъ равняется 93 золотникамъ, 92 долямъ, а псковской 92 золотникамъ и $76\frac{4}{5}$ долямъ московскаго ⁴⁾.

Орудія вѣса были *пудовые вѣсы*, *безмены*, *контари*, *терези* и *скалы*. Пудовые вѣсы дѣлались съ пудовыми, полупудовыми, четыпудовыми и гривенными гириями ⁵⁾. Терези были большіе вѣсы для громоздкихъ товаровъ, на нихъ употребляли кладовыя гири пудовъ по пяти и по шести. Безмены были издавна въ употребленіи, какъ и теперь: ихъ дѣлали въ Костромѣ, ибо въ XVI вѣкѣ упоминается о костромскихъ безменахъ ⁶⁾. Контари употреблялись на таможенныхъ, а также на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ ⁷⁾. Скалы были меньшіе вѣсы для взвѣса мелкихъ товаровъ; въ томъ числѣ на нихъ вѣсили золото, серебро и разныя драгоценности. Самый мелочный вѣсъ называется *скаловый* ⁸⁾.

У иностранцевъ берковецъ назывался шиффунтъ. Русскій фунтъ или гривна расходился съ англійскимъ на одну унцію, такъ что въ русской гривнѣ было 12, а въ англійскомъ фунтѣ 13 унцій ⁹⁾. Въ отношеніи голландскаго вѣса рус-

¹⁾ Ист. Г. Росс., VI, прим. 421.

²⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

³⁾ Ук. о хлѣбн. и калачн. вѣсу. Врем., IV, 2—8.

⁴⁾ Кильбург., 265.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., II, 321, 323.

⁶⁾ Акты Ист., I, 285.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., IV, 193. — Теперь на соляныхъ промыслахъ контарями называются большіе вѣсы, состоящіе изъ рычага и присоединенной къ нему доски, на которую ввозятъ тѣлгу съ грузомъ. Повидному, такую же форму они имѣли и прежде, потому что правительство, запрещая частнымъ лицамъ держать вѣсы, дѣлало исключеніе для контарей на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ не для торговца, но для смѣты вѣса при наймѣ съ извозчиками. Происхожденіе этого названія—итальянское, и теперь въ южной Италіи существуетъ оптовая единица *сантаго*.

⁸⁾ John Hasse. Nakl., 285.

⁹⁾ Hasse. Nakl., 285.

скій пудъ былъ менѣе голландскаго на 7 фунтовъ 18 золотниковъ $54^{6/10}$ доли. Въ сравненіи съ гамбургскимъ вѣсомъ, русскій пудъ заключалъ гамбургскихъ 33 фунта съ четью. Въ Нарвѣ русскій пудъ вѣсилъ $34^{3/4}$ нарвскихъ, а въ Либекѣ 35 фунтовъ любскихъ ¹⁾. Въ Двинскомъ портѣ при торговлѣ съ иноземцами употреблялся нѣмецкій *пудокъ* (лисфунтъ), который равнялся полнуду русскаго вѣса ²⁾.

Мѣры сыпучихъ тѣлъ были *оковы* или *бочки*, *четверти*, *осьминны* и *четверики*. Вочка или кадь называлась *оковою*, потому что была окована ³⁾. Окова имѣла четыре четверти, каждая четверть двѣ осьминны, осьминна четыре четверика или мѣры ⁴⁾. Сверхъ того употреблялись четвертныя и третныя дѣленія каждой единицы, напр., *пол-четверти*, *пол-пол-четверти*, *пол-осьминны*, *пол-четверика*, *пол-пол-четверика*, *пол-пол-пол-четверика*, или *пол-трети*, *пол-пол-трети четверика*, равномѣрно и съ вычитаніемъ дробей, напр., *четверикъ безъ пол-пол-трети четверика* ⁵⁾. Четверть московская муки въ 1620 и въ 1660 годахъ вѣсила пять пудовъ ⁶⁾, а ржи зерножъ $6^{1/4}$ пудъ ⁷⁾, но въ 1681 году это отношеніе было уже измѣнено, ибо названо *прежнимъ вѣсомъ* ⁸⁾. Въ XIV вѣкѣ четверть равнялась тремъ бушелямъ лондонской мѣры ⁹⁾, слѣдовательно, въ сравненіи съ нынѣшнею мѣрою старая четверть имѣла около четырехъ четверниковъ съ гарницель. Но хлѣбныя чети не вездѣ были равны. Кромя московской, существовали чети новгородская, псковская, печорская. Чтобы составить двѣ новгородскихъ чети, нужно было три чети московскихъ. слѣдовательно, новгородская вѣсила восемь съ половиною пудовъ; псковская была нѣсколько болѣе новгородской, а печорская на незначительный объемъ болѣе псковской ¹⁰⁾. Въ XVI вѣкѣ зерно мѣрили *пузами*. Подлинно неизвѣстенъ объемъ этой мѣры, но это была опредѣленная, а не глазомѣрная единица, ибо существовали пузы клейменные таможенными печатами, чтобы сохранить узаконенную ихъ пропорцію ¹¹⁾. Въ сѣверныхъ странахъ мѣрили *коробьями*, которые имѣли три *зобня*. Но въ концѣ XVI вѣка эта мѣра замѣнена четвертною.

Линейныя русскія мѣры были *аршинъ*, *локоть* и *сажень*. Аршиномъ преимущественно мѣрили иностранныя, а локтемъ туземныя произведенія. Аршинъ заключалъ четыре *пяди*; каждая пядь дѣлилась на четыре *четверти*; но впоследствии пядь начали называть четвертью, а четверть *вершкомъ*. Эти единицы дѣлились тоже на половинныя, четвертныя и, вѣроятно, третныя дроби, напримеръ *пол-пяди* или *полторы пяди* ¹²⁾. Изъ иностранныхъ мѣръ того вре-

¹⁾ Кильбург., 138—139.

²⁾ Торг. кн., 14. Врем., VIII.

³⁾ Русск. достоп., I, 176.

⁴⁾ Торг. кн., 115. Зап. Арх. Общ., I.

⁵⁾ Акты Ист., III, 206.

⁶⁾ Акты Ист., III, 119.

⁷⁾ Доп., IV, 197.

⁸⁾ А. П., V, 119.

⁹⁾ Hasse. Nakl., 286.—Fletch. The Russ. Commonw., 14.

¹⁰⁾ Кильбург., 139—140.

¹¹⁾ Русск. достоп., I, 132.

¹²⁾ Доп., V, 195.—А. Н., I, 283.—А. А. Э., IV, 102.—З. А. О., I. Записка для обозрѣнія Русскихъ Древностей, 72, 77.

мени русскій аршинъ ближе всего подходилъ къ фландрійскому элю, но былъ длиннѣе на палець ¹⁾). Локоть равнялся половинѣ англійскаго ярда ²⁾). Торговая книга опредѣляетъ локоть 10 вершковъ, и два аршина составляли три локтя ³⁾). Локотью измѣряли, между прочимъ, иконы, отчего попадаетъ названіе *икона локотница* ⁴⁾). Косовая сажень заключала три аршина ⁵⁾).

Жидкости измѣрялись бочками, котлами, ведрами, джбанами, корчагами, братинами, ендовами, галенками (галлонами), кружками, чарками, ковшами. Вѣстимость большей части этихъ мѣръ неизвѣстна, да и врядъ ли она была опредѣлена, но зависѣла отъ различной величины сосуда. Такъ, напр., котелъ могъ быть въ три ведра, въ два ведра, въ полуведро и въ двадцать ведеръ ⁶⁾). Болѣе опредѣленною изъ этихъ единицъ было ведро, потому что на него продавались казенныя питія, и поэтому ведро было самая обычная единица въ торговлѣ. Въ половинѣ XVII вѣка ведро было въ восемь вершковъ и раздѣлялось на полуведро, четь ведра, кружки и чарки.

Чаще всего у русскихъ употреблялись произвольныя глазомѣрные единицы, какъ-то: лунны, кади, рогозины, пузы, узолки, круги и т. п. ⁷⁾). Поэтому, когда англичане начали торговлю съ Россією, то нашли такое разнообразіе въ вѣсахъ и мѣрахъ, что первое изъ требованіе было установить однообразный вѣсъ и мѣры ⁸⁾). Правительство еще до пришествія англичанъ обращало на это вниманіе. Въ 1550 году учреждены печатныя мѣдныя мѣры для сыпучихъ тѣлъ; онѣ посылались въ посады и уѣзды, гдѣ старосты, сотскіе и цѣловальники обязаны были, собравшись съ земскими людьми, сдѣлать по такимъ моделямъ деревянныя мѣры, которыя клейнили *ялтомомъ* (клеймомъ) и отдавали *помирщикамъ*, лицамъ, опредѣленнымъ для мѣры во время продажи. Продавцы и покупатели хлѣба и другихъ сыпучихъ тѣлъ обязаны были являться къ *помирщикамъ* и продавать по установленной мѣрѣ; въ случаѣ же нарушенія правилъ торговли подвергались штрафу въ первый разъ двухъ рублей, во второй—четырехъ, а въ третій тюремному заключенію ⁹⁾). Эти мѣры были *осьминны*. Въ 1555 году были повсюду государевы (казенныя) вѣсы и при нихъ вѣсчій сторожъ и вѣсцы,—лица, опредѣленныя для вѣса товаровъ ¹⁰⁾). При Іоаннѣ Васильевичѣ запрещено имѣть кому-нибудь вѣсы; хотя бы даже и не для продажи, но вѣсы должны были ходить къ городскимъ вѣсамъ и вѣсить на нихъ товары съ платежомъ вѣсового *пудовщикамъ* ¹¹⁾). Обвѣсъ и обманъ считался издавна преступленіемъ; старинная пословица говорить: въ цѣвѣ купецъ воленъ, а въ вѣсѣ неволенъ ¹²⁾).

¹⁾ Кильбург., 146.

²⁾ Hasee. Nakl., 286.

³⁾ Торг. кн., 113. З. А. О., I.

⁴⁾ А. И., I, 283.

⁵⁾ Торг. кн., 115.

⁶⁾ А. И., I, 285.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., II, 135.

⁸⁾ Killingsw. Nakl., 293.

⁹⁾ Доп., I, 62.

¹⁰⁾ Ibid., I, 82.

¹¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 324.

¹²⁾ Арх. Историко-Юрид. Свѣд., относящихся до Россіи, изд. Нек. Калачова, II, половина вторая, 86.

Однако, народъ всегда уклонялся отъ единообразія установленныхъ вѣсовъ и мѣръ и продолжалъ продавать по старинѣ на круги, рогожи, лукна, пузы, возы и пр. Правительство нѣсколько разъ подтверждало однообразіе вѣса и мѣръ. Въ 1598 году было запрещено продавать сыпучія тѣла возами и вообще неопредѣленными единицами, а равно вѣсовые товары на кади, пузы и пр.; первые слѣдовало продавать въ пятенныя (клеименныя) мѣры, а вторые на пуды. съ платою въ первомъ случаѣ *полтрянно*, во второмъ *тѣсчаю* ¹⁾. Въ Москвѣ опять были слиты мѣдныя осьмины и разосланы во всѣ города для сдѣланія по нѣмъ образцу деревянныхъ осьминокъ ²⁾. Нарушеніе строгости узаконенныхъ правилъ мѣръ и вѣса заставляло правительство еще нѣсколько разъ возобновлять такія же распоряженія. Въ 1624 году опять установили мѣдныя осьмины, полусосьмины и четверки въ гребло, и приказали по нѣмъ образцу сдѣлать деревянные съ желѣзными гребломъ, причѣмъ также установлена высокая *заповѣдь* или пеня за нарушеніе правилъ ³⁾. Въ 1645 году являются установленныя печатныя аршины ⁴⁾. Въ 1653 году, по изданному тогда Торговому уставу, во всей Россіи учреждены мѣдныя мѣры въ кружало съ желѣзными обручами, печатныя сажени въ три аршина, желѣзные аршины и вѣсы противъ фунтовъ ⁵⁾. По Новоторговому уставу 1667 года подтверждено, чтобъ вездѣ въ рынкахъ были казенныя вѣсы, дабы при продажѣ и покупкѣ можно было на нихъ взвѣшивать. Иностранцамъ запрещено держать у себя вѣсы, но русскимъ дозволялось имѣть въ домахъ вѣсы, не заключавшіе болѣе десяти пудовъ и безмены въ три пуда, а на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ позволялось имѣть контари для смѣты при наймѣ извозчиковъ, но не для продажи ⁶⁾. Въ 1681 году подтверждено, чтобъ, согласно Торговому уставу, нигдѣ не держали вѣсовъ, кромя узаконенныхъ мѣстъ. Нормальные пудовые вѣсы съ полупудовыми и четь-пудовыми гирями, вѣсчье контари, терези находились подъ надзоромъ таможеннаго головы, котораго обязанность была вообще наблюдать за правильностью развѣски на гостинномъ дворѣ и въ рядахъ, а для вѣсовой операціи приставлены были дрягили, бравшіе за то плату. Тогда же для измѣренія суконъ и матерій учреждены были желѣзные печатныя аршины, которые на гостинныхъ дворахъ давались пріѣзжимъ торговцамъ съ платою по гривнѣ съ человека за аршинъ, а при окончаніи торга торговецъ обязанъ былъ отдавать его назадъ въ таможеню. Въ рядахъ должны были находиться такіе же аршины. Хлѣбныя мѣры въ Москвѣ въ рядахъ и на торгахъ были за орлевою печатью ⁷⁾.

Въ XVI и XVII вѣкѣ монетный счетъ заключалъ *рубли, полтины, гривны, гроши, котыжки, денги, полуденги и тулы*. Подъ именьѣ рубля разумѣлось числительное количество монетъ, подобно фунту стерлинговъ въ Англіи. Главная ходячая монета была деньга (отъ татарскаго слова *дингъ* серебро),

¹⁾ Собр. Г. Гр., II, 135—138.

²⁾ А. И., II, 25.

³⁾ А. А. Э., III, 217.

⁴⁾ З. Арх. Общ., 72.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 492.—А. А. Э., IV, 102, 131.—П. С. З., I, 304.

⁶⁾ С. Г. Гр., IV, 193.

⁷⁾ П. С. З., II, 321—326.

монета мелкая, имѣвшая два вида; *большая* и *малая*, *новгородка* и *московка*, деньга *копѣйная* или копѣйка и деньга *мечевая* или собственно *деньга*. Въ XIV вѣкѣ былъ только одинъ родъ денегъ, которыя нормальное количество въ рублѣ было сто; два рубля, т.-е. двѣсти такихъ мелкихъ монетъ, называемыхъ деньгами, вѣсили гривенку. Но въ Москвѣ начали удаляться отъ этой норм. При Донскомъ деньги вѣсили отъ 24 до 17 долей, при Василии Дмитріевичѣ отъ 22 до 15 долей, при Василии Темномъ вѣсъ ихъ началъ значительно уменьшаться и низошелъ до 12 и 11 долей, а при Іоаннѣ III до 9 долей, такъ что московская деньга, расходясь съ новгородскою, которая оставалась съ большимъ вѣсомъ, стала половиною: новгородская вѣсила 18, а московская только 9 долей ¹⁾. Впрочемъ, не должно думать, что такое положеніе было установлено правительствомъ: такъ какъ производство денегъ было дѣломъ мастеровъ, то, поэтому, господствовалъ произволъ, и въ одно и то же время дѣлались деньги и съ большимъ и съ меньшимъ вѣсомъ. Несомнѣнно только, что, колеблясь три государствования: Донского, Василия Дмитріевича и Темнаго, вѣсъ ихъ постепенно понижался, пока образовались двѣ различныя монеты. При Василии Іоанновичѣ велѣно было дѣлать 250 денегъ на гривенку, такъ что изъ гривенки слѣдовало дѣлать новгородками два рубля съ половиною и съ одною гривною или десятью новгородками ²⁾, что даетъ $17\frac{46}{76}$ на новгородку и $8\frac{57}{70}$ долей на московку ³⁾. Но это правило подвергалось произволу; мастера старались выдѣлывать изъ гривенки серебра болѣе положеннаго, а плуты разрывали монеты пополамъ и каждую половину давали за цѣльную, такъ что вскорѣ число денегъ въ рублѣ дошло до пятисотъ. Во время правленія Елены это злоупотребленіе наказывалось чрезвычайно строго: преступникамъ лили въ ротъ расплавленное олово или отсѣкали руки. Правительница постановила дѣлать изъ гривенки серебра безъ примѣси триста денегъ или три рубля. Новая деньга имѣла изображеніе всадника съ копьемъ, поражающаго змія, отчего и начали называться копѣйками ⁴⁾. Съ этихъ поръ въ Москвѣ было двѣ деньги: копѣйная, большая, равная новгородской, и малая или мечевая—съ изображеніемъ всадника на конѣ съ мечемъ или бичемъ въ рукѣ. Первая имѣла $15\frac{27}{75}$, а послѣдняя $7\frac{54}{75}$ долей. Рубль заключалъ 16 золотниковъ серебра (слѣдовательно, равнялся 3 р. 20 к. по нынѣшнему счету). Но количество серебра въ рублѣ постепенно уменьшалось вмѣстѣ съ объемомъ денегъ. Такъ, при Іоаннѣ Васильевичѣ дѣлали изъ гривенки уже $3\frac{1}{10}$ или $6\frac{1}{5}$ изъ фунта. При Θεодорѣ Іоанновичѣ число 3 оставалось нормальнымъ, но при Михаилѣ Θεодоровичѣ изъ фунта чеканили $8\frac{77}{100}$ или въ каждомъ рублѣ 10 золотниковъ $90\frac{750}{877}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. $18\frac{3}{4}$ к.), при Алексѣѣ Михайловичѣ изъ фунта— $9\frac{21}{100}$ или въ рублѣ 10 золот. $40\frac{600}{921}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. 8 к.). При Θεодорѣ Алексѣевичѣ эта такса поддерживалась, но во время двупарствія изъ фунта чеканили $10\frac{1}{4}$ руб. или на рубль 9 золотниковъ $35\frac{5}{41}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $87\frac{1}{2}$ к.); въ 1697 году— $10\frac{3}{4}$ или въ рублѣ 8 золотниковъ $89\frac{13}{48}$ до-

¹⁾ Chandoir, S. baron. „Aperçu sur les monnaies russes“, I, 121.—Опнск. Русск. Монетъ Черткова, 412.

²⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 67.

³⁾ Chaud. Aperçu sur les monn. russes, 121.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 67.

лей (по нынѣшнему счету 1 р. $78\frac{3}{4}$ к.); въ 1698 году—13 р. 16 к., или въ рублѣ 7 золотниковъ $27\frac{56}{1366}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $45\frac{1}{2}$ к.); въ 1699 году—14 р. 18 к., или въ рублѣ 6 золотниковъ $73\frac{668}{1779}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 35 к.); въ 1703 году—15 р. или въ рублѣ 6 золотниковъ $38\frac{1}{15}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 27 коп.), а 16 августа 1711 года прекратился выпускъ мелкихъ денегъ и возникли настоящіе серебряные рубли изъ фунта 14 р. 40 коп. При уменьшеніи количества серебра естественно уменьшился размѣръ денегъ, но число монетъ въ рублѣ оставалось то же ¹⁾. Притомъ, такъ какъ прежнія деньги всегда были цѣннѣе послѣдующихъ, то въ народѣ постоянно существовало понятіе о старыхъ и новыхъ деньгахъ, и за старыя деньги давали новыя съ *наддачею* ²⁾.

Послѣ Елены копѣчный или стодеженный счетъ уступилъ въ обычаяхъ двухсотдежнему счету. По крайней мѣрѣ во всѣхъ старинныхъ актахъ XVI и XVII вѣковъ до половины царствованія Алексѣя Михайловича почти не упоминается о копѣйкахъ и когда говорится *рубль*, то большею частью принимаются его дѣленія на двѣсти денегъ и десять гривенъ, полагая въ каждой гривнѣ по 20 денегъ. Но какъ новгородская денѣга была больше московской малой и подюдяла къ копѣйкѣ, то въ народномъ языкѣ различались двѣ денѣги: новгородка и москвока. Нормальное отношеніе ихъ было таково, что новгородскую составляли двѣ московскія. Привыкнуши измѣрять количество рубля двумястами денегъ, русскіе самыя новгородскія денѣги клали по 200 денегъ на рубль, почему возникло два рубля, рубль новгородскій и рубль московскій. Нормальное дѣленіе рубля было таково: рубль раздѣлялся на полтины, гривны и алтыны; полтина означала половину рубля, гривна заключала двадцать денегъ, а алтынъ шесть денегъ (отъ татарскаго слова *алти*—шесть). Но какъ рубль новгородскій былъ вдвое болѣе рубля московскаго, то три денѣги новгородскія равнялись алтыну московскому, и алтынъ новгородскій равенъ былъ двумъ московскимъ. Но такое отношеніе не оставалось неизмѣннымъ. Изъ Уставной грамоты 1587 года на отдачу въ откупъ пошлинъ говорится: *и на тѣхъ заповѣди полтина новгородская безъ гривны, а въ московское число рубль и два алтына четыре денѣги* ³⁾. Если мы допустимъ, что слово *безъ гривны* слѣдуетъ принимать въ московскомъ значеніи, перевода на новгородскій счетъ, то выйдетъ, что 80 денегъ новгородскихъ равнялись 216-ти, а не 160, какъ бы слѣдовало; если-жъ мы допустимъ, что *безъ гривны* значить *безъ десяти новгородскихъ денегъ*, тогда этому послѣднему количеству будетъ равняться 40 денегъ новгородскихъ, ибо въ такомъ случаѣ мы должны будемъ принимать полтину въ 50, а не въ 100 денегъ и въ первомъ случаѣ получимъ, что сто денегъ новгородскихъ равнялись двумстамъ семидесяти московскимъ, а въ послѣднемъ, что онѣ равнялись 540. Вѣроятнѣе принять первое.

При Василии Іоанновичѣ, по извѣстію Герберштейна, были еще денѣги тверскія и псковскія. Тверскія были равны московскимъ ⁴⁾, а псковскія было

¹⁾ Chaud., 124. („*Нынѣшній счетъ*“ опредѣленъ авторомъ въ 1862 г., въ послѣднемъ изданіи „Очерки Торговли М. Г.“ *Примѣч. издат.*). •

²⁾ Доп., V, 190.

³⁾ С. Г. Гр., II, 93.

⁴⁾ Herberst., 39.

два рода: большая и малая; первая имѣла отъ 14 до 19 долей, вторая, полшка, $3\frac{1}{2}$ доли ¹⁾; проба новгородокъ была $81\frac{1}{6}$, псковской $83\frac{1}{6}$, московской $88\frac{1}{2}$, копѣйки Ивана Васильевича $92\frac{1}{2}$ ²⁾.

Кромѣ вышеозначенныхъ денегъ, были еще *полуденьги* ³⁾. Дѣй полуденьги составляли деньгу. Въ нашихъ грамотахъ часто упоминаются полуденьги; иначе онѣ назывались полшками ⁴⁾; кажется, эта микроскопическая монета заимствована изъ Пскова, гдѣ, какъ выше упомянуто, были московскія деньги въ $3\frac{1}{2}$ доли. Въ концѣ XVII вѣка полшки вышли изъ употребленія.

Первый опытъ къ выпуску серебряной монеты высшаго разиѣра сдѣлавъ былъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году. Издавна въ царскую казну собирали иностранную монету, преимущественно нѣмецкіе рейхсталеры, и перечекаивали на мелкую русскую монету. Но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ каждый рейхсталеръ перечекаивать въ рубль безъ всякой добавки металла и выпускать за рублевую монету, хотя рейхсталеръ въ обращеніи не стоилъ и половины русскаго рубля ⁵⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ начали чеканить четверти рублевая и выпускать ихъ по 5 алтынъ 2 деньги. Вскорѣ правительство, вмѣсто перечекаенныхъ рублевиковъ, начало къ самымъ рейхсталерамъ прикладывать *признаки*, то-есть штемпели безъ перечековки, и выпускало ихъ по 21 алтыну съ 2 деньгами ⁶⁾. Должно думать, и рублевики ходили не полный рубль, то-есть не 33 алтына 2 деньги, заключавшіеся въ русскому рубль, но также 21 алтынъ 2 деньги, потому что четверти рублевая, выпущенная вмѣстѣ съ рублевыми, составляли дѣйствительно четверть суммы въ 21 алтынъ 2 деньги, принятой для рейхсталеровъ съ *признаками*. Если же на этихъ рублевикахъ начеканено *рубль*, то, при тогдашней неопредѣленности монетнаго содержанія, можно было понимать рубль и въ большемъ и въ меньшемъ разиѣрѣ.

Мѣдныя монеты встарину назывались пулы ⁷⁾. По свидѣтельству Герберштейна, при Василии Ивановичѣ шестьдесятъ пулъ шло на одну московскую деньгу. Очень трудно услѣдить видоизмѣненія отношеній этой монеты къ серебру и опредѣлить ея дѣйность. Въ половинѣ XVI вѣка одинъ англичанинъ говорилъ, что въ одной серебряной монетѣ заключалось 18 пулъ ⁸⁾. Гвагини полагаетъ въ московской деньгѣ сорокъ пулъ ⁹⁾. Но въ 1586 году въ Новгородѣ въ деньгѣ считалось приблизительно сто пулъ, какъ это видно изъ грамоты о сборѣ поворотной пошлины, гдѣ опредѣляется со ста стерлядей пошлины три деньги, а съ одной стерляди по три пула ¹⁰⁾. Петрей говоритъ, что въ одной серебряной деньгѣ заключалось сто двадцать пулъ ¹¹⁾. Вѣроятно при высокихъ

¹⁾ Чт. въ И. М. О. И. и Др. № 4, 127—137.

²⁾ Chaud., 126.

³⁾ Hasse. Nakl., 285.

⁴⁾ Маржереть, 50. Petrei Chronic., 310.

⁵⁾ Meyerberg, 180.

⁶⁾ Коших., 78.

⁷⁾ Herberst., 39.

⁸⁾ Hasse. Nakl., 285.

⁹⁾ Gwagnini. Mosc. Descript., 5. Editio Starzewski.

¹⁰⁾ А. А. Э., I, 399.

¹¹⁾ Chronic. Mosc., 310, изд. Археогр. Ком.

количествахъ слѣдуетъ принимать деньги новгородскую, а при меньшихъ московскую. Цѣнность пулы естественно должна была измѣняться при тѣхъ измѣненіяхъ, какія подвергались серебряныя монеты, притомъ собственный размѣръ ея былъ чрезвычайно неодинаковъ, какъ это можно видѣть изъ приводимаго г. Чертковымъ извѣстія, что пулы существовали въ 9 и въ 79 долей. Петрей говоритъ о пулѣ, какъ о монетѣ въ его время, въ началѣ XVII вѣка, уже вышедшей изъ употребленія, и прибавляетъ, что она пригодна была только для платы бѣднякамъ, которые работали четверть часа. Въ XVII вѣкѣ нѣтъ поминна объ этой монетѣ.

Но Алексѣй Михайловичъ возобновилъ въ другомъ видѣ мелкую монету. Видя, что финансы государства пришли въ разстройство отъ продолжительной войны съ Польшею, царь, желая скопить какъ можно болѣе серебра, приказалъ всѣмъ мѣрами собирать въ казну ходячія серебряныя деньги и выпустить вмѣсто нихъ мѣдныя копѣйки, денежки, грошевики и полтинники ¹⁾. Мейербергъ говоритъ, что царь, накупивъ на 160 серебряныхъ копѣекъ мѣди, выпустилъ изъ нихъ денегъ сто рублей и съ тѣми издержками, какія нужны были для содержанія одного воина, содержалъ ихъ шестьдесятъ ²⁾. Чтобы привлечь къ себѣ все серебро, велѣно было собирать недомки прошлыхъ лѣтъ ³⁾, а равно десятую и пятую деньги, собираемую съ торговыхъ людей на содержаніе войска, непременно серебряными деньгами, а ратнымъ людямъ давать жалованье мѣдью ⁴⁾. Хотя правительство строго приказывало, чтобъ никто не смѣлъ возвышать цѣнность товаровъ, и чтобъ вездѣ мѣдныя деньги принимались за ту же цѣну, по какой прежде ходили серебряныя, но такъ какъ и тогда понимали, что серебро дороже мѣди, то, поэтому, на мѣдныя деньги стали скупать серебряныя и прятать ихъ и тѣмъ подыали цѣну серебра; между тѣмъ товары начали возвышаться въ цѣнѣ, и служилые люди, получая жалованье мѣдными деньгами, начали покупать по возвышеннымъ цѣнамъ необходимыя средства для содержанія, а легкость производства мѣдной монеты искушала многихъ на такое художество. Во-первыхъ, гости и цѣловальники изъ торговыхъ людей, которымъ порученъ былъ надзоръ за работою мѣдныхъ денегъ на денежныхъ дворахъ, привозили туда купленную на собственное иждивеніе мѣдъ и работали деньги для себя, а потомъ ихъ выпускали; во-вторыхъ, денежныя мастера, служившіе на денежномъ дворѣ, также серебряники, оловянщики, работали по ночамъ въ погребкахъ своихъ мѣдныя деньги и также распускали ихъ въ народъ ⁵⁾. Отъ этого количество мѣдныхъ денегъ до чрезвычайности увеличилось. Въ одной Москвѣ выпущено было поддѣльной монеты на 620.000 рублей ⁶⁾. Между тѣмъ въ Сибири не позволено было вводить мѣдныхъ денегъ; но купцы, отправляясь туда съ запасомъ мѣдныхъ, вымѣнивали на нихъ серебряныя, и такимъ образомъ собирали серебро въ свои руки. Правительство никакъ не въ силахъ было собрать прежняго серебра въ ходячей монетѣ, ибо всѣ старались припрятывать его подалше, или

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 26.—Коших., 79.

²⁾ Meyerb., 315—319.

³⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 26—27.

⁴⁾ Коших., 78.

⁵⁾ Коших., 79—80.—С. Г. Гр., IV, 124—125.

⁶⁾ Meyerb., 315—319.

перелить на вѣщи. Цѣнность серебра такимъ образомъ увеличивалась, искусственная же цѣнность мѣди упала. Мѣдныя деньги выпущены были въ 1658 году. Съ сентября 1658 по 1 число марта 1659 года на рубль серебряныхъ денегъ было прибавки только восемь денегъ, съ 1 марта по 1 іюля 2 алтына 4 деньги, съ 1 іюля по 1 сентября 3 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 5 алтынъ, съ 1 декабря по 1 марта 1660 года 10 алтынъ, съ 1 марта по 1 іюня 20 алтынъ, съ 1 іюня по 1 сентября 23 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 26 алтынъ 4 деньги, съ 1 декабря по 1 марта 1661 года за 1 рубль серебряныхъ денегъ давали мѣдныхъ 2 рубля, съ 1 марта по 1 іюня 2 р. 8 алтынъ 2 деньги, съ 1 іюня по 1 сентября 2 рубля съ половиною, съ 1 сентября по 1 декабря 3 р., съ 1 декабря по 1 марта 1662 года 4 р., съ 1 марта по 1 іюня 6 р., съ 1 іюня по 1 сентября 8 р., съ 1 сентября по 1 марта 1663 года 9 р., съ 1 марта 1663 года по 1 апрѣля 10 р., съ 1 апрѣля по 1 мая 12 р., съ 1 мая по 15 іюня 15 р. ¹⁾ За сто копѣекъ серебряныхъ давали 1500 мѣдныхъ. Такой кризисъ прозавелъ всеобщій ропотъ и наконецъ возмущеніе. Народное негодованіе преслѣдовало царскаго тестя Милославскаго и царицына родственника Матюшкина. Толпа народа, заволнованная крикунами, бросилась въ село Измайловское, требуя отъ царя расправы, но стрѣльцы укротили мятежниковъ. Жестокія казни и ссылки постигли, по словамъ современника, до 15.000 народа ²⁾. Тогда царь увидѣлъ необходимость уничтожить мѣдныя деньги и снова ввести серебряныя. Приказано упразднить производство мѣдныхъ денегъ, выдавать служилымъ жалованье снова серебряномъ, въ рядахъ торговать на серебро и платить серебряными деньгами всякіе долги, хотя бы занятыя и на мѣдныя деньги. Всѣ мѣдныя деньги дозволено сносить въ Приказъ въ теченіе срока въ Москвѣ двухнедѣльнаго, а въ городахъ мѣсячнаго для выдачи за нихъ по двѣ серебряныхъ деньги за рубль, а равно позволено всѣмъ перелить въ посуду и на всякія другія вещи мѣдныя деньги, но отнюдь не держать ихъ въ домахъ, подъ страхомъ наказанія ³⁾. Послѣ того снова начали ходить однѣ серебряныя деньги и копѣйки и серебряныя алтыники, но полупекъ уже не было. Такъ было до Петра, когда начали бить серебряныя рубли.

Правительство приписало неудачу своей операціи (нѣсколько разъ отчасти возобновленной и въ XVIII вѣкѣ) только однимъ поддѣлкамъ, но иностранцы замѣчали, что само правительство слишкомъ горячо начало собирать золото и серебро и раздавать за нихъ мѣдь. Такимъ образомъ, народъ въ свою очередь собиралъ драгоцѣнные металлы ⁴⁾.

Русскія золотыя монеты почти не употреблялись въ торговомъ оборотѣ. Цари чеканили ихъ только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, чтобы раздать ихъ въ награду особамъ, оказавшимъ услуги престолу и отечеству. Есть много случаевъ, когда цари раздавали военачальникамъ золотыя монеты, но, быть можетъ, это были монеты иностранныя. Нѣмого такихъ случаевъ, гдѣ положительно извѣстно, что монеты эти были дѣйствительно русскія. Такъ въ 1469 году

¹⁾ П. С. З., I, 578—579.

²⁾ Коших., 88.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121—124.

⁴⁾ Meyerberg, 315—319.

Иванъ Васильевичъ послалъ князю Василю Ухтомскому двѣ золотыя деньги. Существуетъ золотая монета Ивана Васильевича, чеканенная по образцу венгерскихъ червонцевъ и, вѣроятно, венгерскими мастерами.

При Феодорѣ Ивановичѣ были русскія золотыя монеты съ изображеніемъ св. Георгія. При Владиславѣ были русскія копѣйки, вѣсившія отъ 9¹/₂ до 11¹/₂ долей золота. Русскія золотыя монеты извѣстны были подъ названіемъ золотыхъ московокъ. При Михайлѣ Феодоровичѣ и Алексѣй Михайловичѣ чеканили въ Россіи иностранные червонцы, какъ это видно изъ экземпляра, хранящагося въ вѣнскомъ кабинетѣ. Русская золотая монета изображала одинъ рубль или сто копѣекъ ¹⁾.

Русскія деньги по наружному виду показываютъ, что форма ихъ заимствована отъ татаръ. Онѣ были неправильной фигуры, болѣе овальныя и столь малы, что легко могли затеряться. Купцы при расчетѣ имѣли привычку набирать ихъ въ ротъ до пятидесяти штукъ и, такимъ образомъ, иногда обсытывали покупателей ²⁾. Встарину изображенія на нихъ были произвольныя: пѣвцы, четвероногія, птицы, деревья и проч., но въ XVI вѣкѣ онѣ принимаютъ однообразный видъ. Копѣйка, какъ выше сказано, имѣла изображеніе всадника на конѣ, поражающаго копьемъ змія; на другой сторонѣ надпись: царь и великій князь (такой-то). Новгородская денга, равная, по закону, въ цѣнности копѣйкѣ, имѣла изображеніе князя, сидящаго на престолѣ: передъ нимъ кланяющійся до земли человѣкъ; на другой сторонѣ также царское имя ³⁾. Московская малая денга, московка, имѣла изображеніе скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ или бичемъ. Тверская имѣла съ обѣихъ сторонъ надписи ⁴⁾. Серебряныя рублевки, перечеканенныя Алексѣемъ Михайловичемъ изъ рейхсталеровъ, носили изображеніе двуглаваго орла, съ надписью вокругъ головы: *мта* (такого-то), а подъ ногами *рубль*, на оборотѣ изображеніе всадника на конѣ, а кругомъ вычеканенный царскій титулъ; серебряныя четвертины или полуполтины носили изображеніе человѣка на конѣ съ надписью вокругъ: *полуполтина*, а на оборотѣ царское имя; на серебряныхъ алтынникахъ, попадающихся отъ конца XVII вѣка, былъ двуглавый орелъ, на оборотѣ слово *алтынникъ*, а вверху годъ. На мѣдныхъ полтинникахъ было такое изображеніе, какъ и на серебряныхъ рублевкахъ, только подъ двуглавымъ орломъ вмѣсто слова *рубль* выбито было слово *полтинникъ*; на мѣдныхъ алтынникахъ и грошовикахъ было такое же изображеніе всадника на конѣ съ надписью вокругъ: *алтынникъ*, а на грошовикахъ *четыре деньги*. Мѣдныя копѣйки и деньги носили такія же изображенія, какъ и серебряныя ⁵⁾. Золотыя деньги имѣли тѣ же изображенія.

Въ XVI вѣкѣ каждый золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ могъ чеканить монету. Правительство требовало отъ нихъ, чтобы эта монета имѣла опредѣленный вѣсъ и чистоту. Жители приносили къ мастерамъ слитки серебра и получали отъ нихъ выдѣланную монету. Великіе князья иногда давали позволеніе мастерамъ чеканить монету съ ихъ именемъ, какъ, наприимѣръ, Иванъ

¹⁾ Chaud., 109.

²⁾ Olear. Reisebeschr.

³⁾ Gwagn. Mosc. Descr., 5.

⁴⁾ Herberst., 39.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 26—27.

Васильевичъ позволилъ Аристотелю Болонскому чеканить монету съ собственнымъ именемъ и съ изображеніемъ всадника, а подъ нимъ цвѣтка ¹⁾). Въ торговыхъ оборотахъ на монету смотрѣли, какъ на товаръ и взвѣшивали ее на скаловые вѣски. Естественно, что отъ права всякому производить монету возникали большія злоупотребленія и обманы, какъ этому мы видимъ примѣры при Василии Ивановичѣ и при правительницѣ Еленѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ денежные мастера были уже подъ болѣе строгимъ надзоромъ правительства. Еще въ малолѣтство этого государя въ Новѣгородѣ былъ денежный дворъ, гдѣ по царскому указу назначенный московскій гость съ товарищами вѣдалъ денежныхъ мастеровъ ²⁾). Въ Торговой книгѣ, писанной въ послѣднихъ годахъ царствованія Іоанна Васильевича, говорится, что иностранные рейхсталеры *плаваютъ на юсударевомъ дворѣ денежномъ* и какъ притомъ идетъ рѣчь о доставкѣ купунного серебра въ Москву, то изъ этого видно, что и въ Москвѣ въ то время монетное производство было въ рукахъ правительства ³⁾). Но въ XVI вѣкѣ оно не было еще совершенно изъято отъ участія частныхъ лицъ. Петрей говоритъ, что монету дѣлали въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и Твери, и что были знатнѣйшіе граждане и купцы, облеченные дозволеніемъ чеканить монету, только съ именемъ царя и съ опредѣленнымъ изображеніемъ ⁴⁾). При Михаилѣ Теодоровичѣ монету чеканили въ тѣхъ же четырехъ городахъ ⁵⁾) и для того въ этихъ городахъ были заведены денежные дворы. Денежные мастера, работавшіе на дворахъ, получали царское жалованье. Для предупрежденія злоупотребленій на денежныхъ дворахъ были двое головъ: одинъ изъ дѣтей боярскихъ, другой изъ гостей или торговыхъ людей и, сверхъ того, нѣсколько цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ посадскихъ людей и приведенныхъ къ крестному цѣлованію ⁶⁾).

По поводу распространившагося въ 1637 году дѣланія фальшивой монеты и привоза ея изъ-за границы правительство издало строгія мѣры въ таможенныхъ и преслѣдовало жестоко тѣхъ, которые имѣли у себя денежные формы (наточники) ⁷⁾). Всѣ старыя деньги велѣно было собрать и перечеканить на денежномъ дворѣ ⁸⁾). Такимъ образомъ въ это время русская монета была исключительно произведеніемъ казны. При Алексѣѣ Михайловичѣ денежные дворы были въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ ⁹⁾); на денежномъ дворѣ начальствовали дворянинъ и дьякъ, а при нихъ для приема и опѣнки серебра находились вѣрные (выборные и приведенные къ крестному цѣлованію) головы и цѣловальники ¹⁰⁾). Во время выпуска мѣдныхъ денегъ въ тѣхъ же городахъ учреждены были *денежные дворы мѣднаго дѣла*, но по прекращеніи выпуска уничтожены и попрежнему возстановлены денежные дворы серебрянаго дѣла ¹¹⁾). Къ концу XVII

¹⁾ Библ. иностр. писат. о Росс., 190.

²⁾ Соф. Врем., 387.

³⁾ Торг. кв., 116. З. А. О., I.

⁴⁾ Petrei Chronic., 319.

⁵⁾ Olear. Reisebeschrg., 213.

⁶⁾ Врем., III. Разрядн. кн., 81.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., III, 360.

⁸⁾ Доп., III, 193.

⁹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121.

¹⁰⁾ Кошх., 77, 79.

¹¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121—126.

вѣка денежные дворы въ городахъ не существовали: оставался одинъ денежный дворъ въ Москвѣ ¹⁾).

Русская страна, не знавшая у себя ни золота, ни серебра, естественно должна была заботиться о привлеченіи драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы, и въ томъ числѣ иностранной монеты: русскіе перечекаивали ее на свою монету. Поэтому правительство постоянно хлопотало, чтобъ чрезъ торговлю и платежъ пошлинъ переходило какъ можно болѣе иностраннаго золота и серебра въ Россію. Еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ правительство имѣло объ этомъ сильное попеченіе ²⁾. При преемникахъ его оно держалось того же направленія, обращало иностранную монету въ свою собственность и выпускало русскія деньги ³⁾. Но при царѣ Алексѣ Михайловичѣ стремленіе собирать въ казну иностранныя деньги доходило до страсти ⁴⁾.

Звонкая иностранная монета, ходившая въ Россіи, была золотая и серебряная и принималась на вѣсъ, какъ и всякій другой товаръ ⁵⁾. Иностранныя золотыя монеты, ходившія въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были:

Червонцы или дукаты угорскіе (23³/₄ карата), голландскіе (23⁷/₁₂ карата), польскіе (23¹/₂ карата), флорентинскіе (въ 72 грана), рейнскіе, корабленики или англійскіе шифснобли (shiffs pobles или Roses pobles), имѣвшіе на одной сторонѣ изображеніе корабля съ мечемъ и щитою, а на другой розы (въ 136³⁶/₇₂ грановъ три), португальскіе, самыя большіе по объему (въ португальскую унцію) ⁶⁾. Русскіе имѣляли ихъ вѣсъ своими деньгами; въ концѣ XVI вѣка угорскіе вѣсили 10 денегъ съ полуденьгою, корабленики 3 алтына 3 деньги, а португальскіе 17 алтынъ и 3 деньги ⁷⁾.

Цѣнность иностранныхъ золотыхъ монетъ въ сравненіи съ русскими была подвержена измѣненіямъ. Она возвышалась передъ важными торжественными случаями, какъ, напр., передъ царскою свадьбою или крестинами царевичей, когда бояре и представители общинъ приносили царю подарки, состоявшіе изъ червонцевъ, положенныхъ въ дорогихъ кубкахъ или на блюдахъ; равнообразно червонцы дорожали каждый годъ передъ Пасхою, ибо русскіе, приходя христоваться къ боярамъ и вообще знатымъ лицамъ, приносили имъ въ подарокъ разныя драгоцѣнности и въ томъ числѣ червонцы ⁸⁾. Притомъ, такъ какъ червонцы принимались на вѣсъ и по качеству золота, то цѣнность ихъ зависѣла и отъ этихъ обстоятельствъ. Чѣмъ золото было красивѣе, тѣмъ считалось лучше и дороже, чѣмъ блѣднѣе, тѣмъ хуже и дешевле ⁹⁾; наконецъ измѣненіе цѣнности русскаго рубля имѣняло и отношенія къ нему иностранныхъ монетъ. Угорскіе и голландскіе червонцы были въ одинаковой цѣнѣ между собою ¹⁰⁾. Въ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 181.

²⁾ Раф. Барб., 85.

³⁾ А. И., IV, 313.—Доп., III, 190.

⁴⁾ Кошх., 77.

⁵⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 10.

⁶⁾ Chaud., 62—64.

⁷⁾ Торг. кн., 117. Зап. Арх. Общ., I.

⁸⁾ Маржер., 50, 51.

⁹⁾ Кильбург., 146.—Gwagn. Mosc. Descript., 5.—Fletch. The Russ. Commonw., 32.

¹⁰⁾ Ист. Г. Росс., IX. Прим. 731.

концѣ XVI вѣка иностранцы опредѣляли цѣнность ихъ отъ 50 до 60 денегъ (вѣроятно новгородскихъ), въ Торговой книгѣ дукать угорскій оцѣненъ въ 17 алтынъ 3 деньги ¹⁾. Въ началѣ XVII вѣка цѣнность дукатовъ была отъ 18 до 21 алтына, а иногда, по мѣрѣ большаго требованія, достигала и одного рубля ²⁾. Въ половинѣ XVII вѣка червонецъ стоилъ рубль. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича и при Θεодорѣ Алексѣевичѣ они колебались между рублемъ и рублемъ двадцатью пятью копѣйками. Но вообще въ это время нормальная цѣнность его была рубль, ибо такъ велѣно было брать его отъ иностранцевъ за пошлины въ казну. Если мы переведемъ тогдашнюю цѣнность на нынѣшній вѣсъ металла, то увидимъ, что цѣнность червонца колебалась между 1 руб. 80 коп. и 2 руб. 50 коп. русской настоящей монеты. Рейнскіе червонцы были равновѣсны дукатамъ, но какъ впоследствии начали ихъ чеканить изъ 72 долей чистаго золота, дополняя остальное количество серебромъ, то они упали въ цѣнѣ. Польскіе червонцы въ XVI вѣкѣ были меньше рубля: ихъ было $2^{916}/_{1000}$ въ одномъ русскому рублю, но въ началѣ XVII вѣка 200 рублей оцѣнено въ 660 флоринновъ польскихъ, слѣдовательно $2^{14}/_{60}$ составляли рубль. Португальскіе червонцы съ крестомъ составляли относительную рѣдкость. Каждый вѣсилъ десять дукатовъ; въ концѣ XVI вѣка онъ принимался за пять рублей съ четвертью; корабленики—за одинъ рубль десять денегъ.

Изъ иностранныхъ серебряныхъ монетъ ходили въ Россіи англійскіе шиллинги, голландскіе гульдены, нѣмецкіе рейхсталеры и разные талеры, вообще называемые у насъ ефимками (Joachim's Thaler). Номинальная цѣна шиллингу была два алтына, и рубль ходилъ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ, но въ самомъ дѣлѣ русскій рубль по его измѣнчивости принимали за 13 и даже за 12 шиллинговъ ³⁾; голландскіе гульдены въ XVII вѣкѣ ходили отъ шести алтынъ четырехъ денегъ до восьми алтынъ ⁴⁾. Рейхсталеры, называемые у насъ ефимками, составляли особую заботу правительства, старавшагося наполнять ими казну ⁵⁾. Цѣнность ихъ на русскія деньги была различна, но вообще вращалась около полтины. При Иванѣ Васильевичѣ талеры ходили 13 алтынъ $1^{5}/_{6}$ деньги ⁶⁾, въ Торговой книгѣ имъ назначена цѣна отъ 12 алт. съ деньгою до 14 алт. 5 денегъ, смотря по качеству, ибо замѣчено было, что прежніе талеры были доброкачественнѣе, а потому и цѣнились дороже ⁷⁾. Маржеретъ говоритъ, что въ его время русскіе покупали ефимки за 12 алтынъ или 36 большихъ денегъ (72 московки), а при перечеканкѣ получали 42 большія деньги (84 московки) или 14 алтынъ ⁸⁾.

При Михаилѣ Θεодоровичѣ рейхсталеръ цѣнился въ половину ⁹⁾. Русскіе выдѣлывали свой рубль изъ двухъ рейхсталеровъ и при этомъ получали выгоду,

¹⁾ Торг. кн. З. А. О., I, 117.

²⁾ Дневн. Марини.

³⁾ Накл., 285.

⁴⁾ Доп., V, 218, 234.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., III, 316, 409.

⁶⁾ Солов., Истор. Россіи, VI, 143.

⁷⁾ Торг. кн., 116. З. А. О., I.

⁸⁾ Маржер., 50.

⁹⁾ Olear., 49.

ибо тогдашній рубль былъ менѣ двухъ рейхсталеровъ двумя лотами вѣса серебра ¹⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно брать у пріѣзжихъ иностранныхъ торговцевъ талеры по 13 алт. 2 деньги и по 14 алтынъ, а правительство сначала, какъ выше сказано, перечекивало ихъ, впоследствии выставляло на нихъ только московскій горбъ и годъ и пускало въ оборотъ по 21 алтыну съ двумя деньгами. При этомъ казна выигрывала на каждомъ талерѣ отъ 7 алтынъ двухъ денегъ до 8 алтынъ. По выпускѣ мѣдныхъ денегъ, когда серебро поднялось въ цѣнѣ, возвысилась цѣнность талеровъ. Мейербергъ говоритъ, что 64 серебряныхъ копѣйки составляли рейхсталеръ ²⁾, что при переводѣ на болѣе обычный тогдашній счетъ составляло 20 алтынъ 4 деньги. По Торговому уставу 1667 г. приказано было брать у пріѣзжихъ иностранцевъ въ помилну рейхсталеръ по полтинѣ (по 14 талеровъ въ фунтѣ) ³⁾. При этомъ велѣно было брать любскіе талеры, а избѣгать *крестоватъ* (съ изображеніемъ креста), въ которые тогда подѣшивали мѣди. Въ 1674 году рейхсталеръ ходилъ отъ 55 до 58 копѣекъ ⁴⁾. Итальянскіе талеры принимались дешевле, потому что были легче; шведскіе, носившіе простонародное названіе плѣшивцевъ, при передѣлкѣ въ деньги обходились въ 12 алтынъ безъ новгородки, то-есть, безъ двухъ денегъ. Отъ этого торговцы совѣтовали ихъ брать въ вѣсъ четвертью меньше, потому что въ нихъ серебро было нечисто ⁵⁾.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Описавъ пути торговли и законы, которымъ она была подчинена, изложивъ состояніе торговаго класса въ Русскомъ Государствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, исчисливъ мѣры, вѣсы и деньги, употреблявшіяся въ тогдашней русской торговлѣ, мы теперь приступимъ къ исчисленію ея предметовъ:

1. Предметы царства ископаемаго.

Соль. Русская земля производила въ различныхъ мѣстахъ значительный запасъ соли, хотя производство ея далеко не обнимало всей возможности добыванія даже и по тогдашнимъ силамъ. Соль добывалась на Сѣверномъ морѣ, въ Вычегдѣ, въ Пержской землѣ—Соликамскѣ, Чердынѣ, въ Тотмѣ, Сольгаличѣ, Киржачѣ, Мангазин, Старой Русѣ, на Холуѣ въ Ряполовскомъ Стародубѣ, на Волгѣ въ различныхъ мѣстахъ и особенно около Астрахани. На всемъ протяженіи запад-

¹⁾ Olear., 213.

²⁾ Meyerb., 315.

³⁾ Доп., V, 185.

⁴⁾ Кильбург., 119.

⁵⁾ Торг. кн., 16. Врем., VIII.

наго берега Онежской Губы занимались вываркою морской соли. Соловецкій монастырь имѣлъ варницы, между прочимъ въ Керецкой волости, и добывалъ соль посредствомъ наемныхъ солепромышленниковъ, которыхъ въ половинѣ XVII вѣка было у него до 700 человекъ, постоянно жившихъ и получавшихъ отъ монастыря денежное жалованье и готовое содержаніе. Добывая ежегодно до 100.000 пудовъ соли, монастырь отправлялъ ее въ Вологду и Устюгъ, для проѣзна на разные запасы и хлѣбъ, котораго не было въ сѣверныхъ приморскихъ странахъ. Монастырь пользовался правомъ безошлинной торговли солью, но вообще платилъ въ казну 530 р. за всѣ угодья и промыслы, какіе только принадлежали ему ¹⁾. Ко времени подвоза монастырской соли въ Вологду купцы, торговавшіе ею, прибывали въ этотъ городъ. Въ 1668 году продажа монастырской соли въ Вологдѣ подчинилась правиламъ; выбирались нарочные цѣловальники изъ посадскихъ людей и назначалось двое отставныхъ дворянъ: они обязаны были наблюдать за продажей соли, записывать деньги, взятыя за нее, по статьямъ и по числамъ, и увѣдомлять Разрядъ о количествѣ проданной соли ²⁾. На Онегѣ Каргополь былъ, какъ уже замѣчено, важнымъ пунктомъ соляной сѣверной торговли. Немаловажная часть соли сбывалась въ Холмогорахъ, ибо сосѣдніе жители береговъ Ваги привозили туда хлѣбъ, масло, простыя сукна и прочіе товары, которые проѣздивали поморцамъ на соль ³⁾. Каргопольцы, усть-мекренжане и верожане ѣздили за солью къ солеварнямъ, а равно и сами солепромышленники привозили соляные грузы и складывали въ Турчасовѣ и Каргополѣ. Соль доставлялась въ эти мѣста по Онегѣ съ большимъ затрудненіемъ по причинѣ пороговъ; поэтому на порогахъ были всегда готовы козаки и тяглецы; нерѣдко исключительно занимались выгрузкою и нагрузкою соли, послѣдніе были изъ мѣстныхъ жителей; ихъ промыселъ былъ—тянуть суда черезъ пороги и вообще вверхъ по рѣкѣ. Коль скоро судно, нагруженное солью, достигало пороговъ, таможенники, постоянно долженствовавшіе находиться на этомъ мѣстѣ, посылали козаковъ и тяглецовъ, первыхъ для перегрузки, вторыхъ для перетяжки и провоза судовъ. Привозимая на мѣсто соль складывалась въ амбарахъ у мѣстныхъ купцовъ или въ особо устроенныхъ сараяхъ на гостиномъ дворѣ. При выгрузкѣ соли козаки должны были складывать ее въ стопы, а при продажѣ пріѣзжимъ купцамъ набивать въ рогажи, и брали за то по полуденьгѣ отъ рогажины или мѣха ⁴⁾. Козаки были въ завѣдованіи таможенниковъ, которые должны были всегда имѣть ихъ шестьдесятъ человекъ наготовѣ, и никто, кромѣ козаковъ, не смѣлъ заниматься этимъ промысломъ. Соль изъ Каргополя шла преимущественно въ Бѣлоозеро, а оттуда развозилась по всей Россіи. Въ Пермской землѣ были значительныя солеварни у Строгановыхъ ⁵⁾. Вываренная на нихъ соль складывалась въ сапцы: въ каждомъ сапцѣ было шесть пудовъ ⁶⁾; она отправлялась въ Нижній на продажу ⁷⁾. На мѣстѣ она стоила за пудъ 1¹/₂ коп. или

¹⁾ А. А. Э., III, 153—154.

²⁾ Доп., V, 389.

³⁾ А. А. Э., III, 154.

⁴⁾ А. А. Э., I, 179.

⁵⁾ Доп., II, 105.

⁶⁾ Доп., II, 138.

⁷⁾ С. Г. Гр. IV, 194.

3 деньги, но въ Москвѣ 6 алтынъ 2 деньги. Соль тотемская вываривалась въ незначительномъ количествѣ и отправлялась также въ Нижній. Она была достоинствомъ лучше морской и пермской и бѣлизною не уступала люнебургской, которая тогда славилась въ Европѣ. Соль, добываемая въ Сольгалитѣ, служила только для удовлетворенія потребности сосѣдняго народонаселенія ¹⁾. Недалеко отъ Новгорода, близъ Старой Русы, добывалась соль натуральная изъ озера, и въ концѣ XVI вѣка почиталась лучшею въ Россіи ²⁾. Въ XV вѣкѣ еще не было добыванія этой соли и Великій-Новгородъ получалъ соль изъ-за границы, а въ XVII вѣкѣ соль старорусская продовольствовала сѣверо-западный край Россіи ³⁾. Соляные промыслы на озерѣ принадлежали посадскимъ людямъ, хотя и находились въ дворцовыхъ и черныхъ селахъ, и посадскіе очень ими дорожили, ибо въ 1617 году просили не раздавать въ помѣстья волостей, лежащихъ близъ озера, чтобъ имъ самимъ не лишиться у частныхъ владѣльцевъ права добывать соль ⁴⁾. При соляной операціи назначались цѣловальники, выборные изъ посадскихъ, находившіеся подъ надзоромъ воеводы и обязанные наблюдать за операціею ⁵⁾. Старорусская соль сбывалась въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Рязвѣ, Дорогобужѣ ⁶⁾. Соляные промыслы въ Старой Русѣ, и, какъ кажется, повсюду, въ XVI вѣкѣ были обложены податью, такъ называемою сотною солью ⁷⁾. Эта пошлина состояла изъ трехъ денегъ на сотню (вѣроятно пудовъ) ⁸⁾. Въ 1646 году была положена высокая пошлина на соль—каждый солеторговецъ обязанъ былъ платить по 2 гривны съ пуда ⁹⁾. Но вскорѣ вспыхнувшее неудовольствіе народа заставило уничтожить эту подать.

Самые важнѣйшіе соляные промыслы въ Россіи, безспорно, были волженскіе. Около Нижняго существовало добываніе соли, впрочемъ незначительное. Понизже Симбирска русскіе выламывали соль, сушили на солнцѣ и складывали въ кучи на подобіе кургановъ, потомъ клали въ суда и отправляли въ Нижній ¹⁰⁾. Между Симбирскомъ и Самарой въ половинѣ XVII вѣка заведено было усолье, бывшее на откупъ отъ казны, потомъ въ 1660 году оно пожаловано монастырю Саввы Сторожевскаго, а въ 1674 году поступило въ завѣдованіе казеннаго воеводы. Оно не имѣло важнаго значенія, тѣмъ болѣе, что его разорили казаки ¹¹⁾. Самое обильное добываніе соли было около Астрахани изъ соленыхъ озеръ. Эта соль находилась исключительно въ вѣдѣніи казны, а промышленникамъ предложено было являться на озера и нагребать соль, съ платою за то въ казну. При Михаилѣ Феодоровичѣ за право нагребать соль въ астраханскихъ озератъ платили по 1 деньгѣ съ пуда. При Алексѣѣ Михайловичѣ, во время всеобщаго

¹⁾ Кильбург., 58.

²⁾ Fletch. The Russ. Commonw., 22.

³⁾ Пам. Дипл. Сион., I. 35.—А. И., V, 413.

⁴⁾ А. А. Э., III, 125.

⁵⁾ Доп., V, 389.

⁶⁾ А. И., V, 413.

⁷⁾ С. Г. Гр., I, 387.

⁸⁾ The Russ. Commonw., 22—23.

⁹⁾ А. А. Э., IV, 5.

¹⁰⁾ Olear., 353.

¹¹⁾ А. И., V, 187.

повышенія пошлины на соль, астраханское соледобываніе обложено было только половиннымъ количествомъ этой пошлины ¹⁾. Впослѣдствіи плата за соль оставалась та же, какъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: по 1 деньгѣ за пудъ, но сверхъ того за право нагребать соль платили по 1 алтыну съ сотни пудовъ. Во все продолженіе XVII вѣка въ астраханскихъ соленыхъ озерахъ наблюдали такой порядокъ: соляные торговцы, отправляясь въ Астрахань за солью, должны были брать изъ Приказа подписныя челобитныя, т.-е. подавать челобитныя, на которыхъ дьяки подписывали позволеніе. Эти подписныя челобитныя служили торговцамъ вѣсто свидѣтельства. На соляныя озера посылаемы были дѣти боярскіе и цѣловальники (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ одинъ сынъ боярскій съ двумя цѣловальниками). Они обязаны были надзирать за правильностью промысла, между прочимъ, чтобъ торговцы не продавали никому нагребенной соли; при нихъ складывали соль въ паузки, завозни и струги, а они взибрали эти небольшія суда въ длину и ширину и отсылали въ Караузыкъ, гдѣ была общая соляная пристань. Тамъ находились ларечный цѣловальникъ съ двумя цѣловальниками, а при Алексѣѣ Михайловичѣ и отрядъ стрѣльцовъ. Они обязаны были надзирать за пересыпкою соли изъ мелкихъ судовъ въ большія. Эта пересыпка производилась черезъ заорденныя (клеименныя) кады въ двадцать пудовъ каждая, а какъ предполагалось, что вѣсъ соли впослѣдствіи отъ высушки убавится, то насыпали съ *наддачею* ²⁾. Здѣсь промышленники платили пошлину. Астраханская соль отправлялась на казенныхъ судахъ въ Нижній и тамъ оплачивалась ³⁾ пошлиною, исключая той, которую нагребали монастыри, имѣвшіе привилегію на беспошлинную торговлю известнымъ количествомъ соли. Провозъ до Нижняго-Новгорода предполагалъ увѣсъ (уменьшеніе вѣса) отъ высушки соли: при обложеніи пошлинами, а равно и при продажѣ происходили споры и недоумѣнія, поэтому въ 1667 году велѣно въ Нижнемъ-Новгородѣ на тысячу пудовъ набранной въ астраханскихъ озерахъ соли и записанной въ такомъ числѣ въ проѣзжихъ грамотахъ считать сто пудовъ увѣсу ⁴⁾. Такимъ образомъ, Нижній-Новгородъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ соли въ государствѣ: отсюда она развозилась во всѣ стороны и продавалась на ярмаркахъ и торгахъ, на гостинныхъ дворахъ, въ амбарахъ и въ лавкахъ.

Въ XVI вѣкѣ соль продавалась мѣхами, рогозинами и лубьями. Рогозина заключала въ себѣ десять пудовъ, а три луба составляли рогозину, но были рогозины и въ шесть пудовъ; а въ XVII вѣкѣ правительство приказывало продавать соль на пуды, взвѣшивая ее; въ Новгородѣ соль привозилась на оптовую продажу бочками, вѣсомъ отъ трехъ до девяти пудовъ въ бочкѣ ⁵⁾. Соль составляла предметъ торговли на всѣхъ рынкахъ и назначалась преимущественно для внутреннего потребленія. Потребность ея въ большихъ количествахъ поддерживалась обычаемъ употреблять рыбу и даже мясо солеными. Въ XVI вѣкѣ русская соль не вывозилась за границу. Англичанѣ не признали ее въ числѣ то-

¹⁾ А. А. Э., IV, 5.

²⁾ А. И., III, 277.—А. И., IV, 519.

³⁾ Кильбург., 57.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 194.

⁵⁾ С. Г. Гр., II, 137.—А. А. Э., II, 275.—Таможенная Новгородская книга 1613 года, хранящаяся въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ.

даровъ, годныхъ къ вывозу, и нашли въ ней дурныя качества ¹⁾, но въ XVII вѣкѣ голландскій кунецъ Кильбургеръ не находилъ ее дурною; изъ этого можно заключить, что въ теченіе столѣтій русскіе соляные промыслы не остались безъ улучшенія. Соль отправлялась, какъ мы выше сказали, въ Швецію и въ Литву. Въ половинѣ XVII вѣка соль значится и между товарами, которые въ Вологдѣ покупали англичане ²⁾. Впрочемъ, отвозъ соли за границу не могъ быть значителенъ, ибо правительство не только не поощряло его, но часто и восарещало. Такъ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ въ Псковѣ запрещено было подъ смертною казнью вывозить соль за рубежъ ³⁾. Притомъ для иностранцевъ соль русская годилась, какъ видно, только въ крайности, такъ что нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, не могли къ ней привыкнуть и вынуждывали себѣ соль изъ Германіи ⁴⁾. Цѣна на соль въ половинѣ XVII вѣка и въ среднѣ Россіи была за пудъ около шести алтынъ и двухъ гривенъ ⁵⁾ (при сравненіи съ деньгами настоящаго времени около сорока копѣекъ). Цѣна эта не всегда и не вездѣ была одинакова, ибо въ строгановскихъ солеварняхъ сапець соли въ шесть пудовъ стоилъ иногда двѣ гривны, а иногда цѣна, возвышаясь, достигала четырехъ гривенъ. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка былъ въ употребленіи родъ соли, называемой крупкою; цѣна соли была тогда въ Новгородѣ отъ 2¹/₂ до 4¹/₄ рублей за берковецъ ⁶⁾.

Металлы. Россія почти не обрабатывала своихъ металловъ. При Іоаннѣ III находка нечерскихъ рудниковъ была, кажется, столь же бесплодна, какъ многочисленныя попытки правительства къ отысканію руды въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Только желѣзо выдѣлывалось съ *горнаго* и *домницкаго* ⁷⁾ въ Оувинѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ, прозванной Желѣзнопольскою ⁸⁾ и около Коширы ⁹⁾. Это не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты. Феодоръ Ивановичъ даровалъ англичанамъ право завести желѣзные заводы на Вычегдѣ ¹⁰⁾. Русское желѣзо не считалось хорошимъ по качеству. Изъ него выдѣлывались сошники, гвозди и разныя принадлежности крестьянскаго быта. Укладъ тихвинскій былъ дешевле новгородскаго и продавался по 4 рубля за 1000 вершковъ, а укладъ новгородскій 10 рублей за 1000 вершковъ. Укладъ керельскій стоилъ за пудъ отъ 20 до 29 алтынъ ¹¹⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ нѣмцы, по приглашенію царя присланные саксонскимъ герцогомъ, открыли желѣзную руду близъ Тулы и начали ее обработку ¹²⁾. Въ сени верстахъ отъ Тулы поставленъ былъ горнъ, гдѣ вытягивалось прутовое желѣзо. Потомъ этотъ заводъ отдавъ иностранцамъ Петру Марселюсу и Тильману Аленѣ или Акиану, съ условіями пользоваться имъ безоборочно двадцать лѣтъ, а по-

¹⁾ Lett. of the Mosc. comp. Nakl., 345.

²⁾ Доп., III, 148.

³⁾ А. А. Э., III, 192.

⁴⁾ Кильбург., 82.

⁵⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Никона, 26.

⁶⁾ Тамож. Новг. кн. въ Столг. Госуд. Арх.

⁷⁾ Доп., I, 163.

⁸⁾ Ист. Г. Росс., X, 253.—Торг. кн., 136. Зал. Арх. Общ., I.

⁹⁾ Herberst., 44.

¹⁰⁾ Ст. Спис. Флетч., 28 —Nakl., 227.

¹¹⁾ Торг. кн., 136. З. А. О., I.

¹²⁾ Olear., 157.

томъ платитъ съ каждой плавильной печи по сту рублей и въ продолженіе какъ льготныхъ лѣтъ, такъ и послѣднихъ доставлять въ казну желѣзо оружейное по 20 алтынѣ, досчатое по 26 алтынѣ 4 деньги, прутковое по 13 алтынѣ 2 деньги, ядерное по 10 алтынѣ за пудъ, а проволочное съ убавкою противъ ходячей цѣны ¹⁾. Въ 1656 году существовали въ томъ же краю еще два завода: одинъ на рѣкѣ Угодѣ, а другой въ Поротовскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Протвѣ. Въ 1664 году у Марселиса заводы были отняты, а поротовскій и угодскій отданы Акману (Акману) съ племянниками и имъ дана на содержаніе волость. Царь подтвердилъ имъ тѣ же привилегіи, какія даны были заводчикамъ отцомъ его, съ уговоромъ доставлять 11.250 пудовъ пруткового и 3.750 пудовъ связнаго желѣза въ казну по установленной цѣнѣ 16 алтынѣ 4 деньги за пудъ. Вскорѣ Марселису возвращенъ былъ заводъ, и въ 1668 году онъ доставлялъ въ казну 20.000 пудовъ пруткового и связнаго, 5.000 кованыхъ досокъ, 6.000 ядеръ, 20 пушекъ и разной мелочи по условленнымъ съ казною цѣнамъ ²⁾. Эти заведенія имѣли право, сверхъ доставки въ казну, продавать желѣзо въ частныя руки и за границу, но непременно за звонкую монету, которую были обязаны доставлять въ казну и брать за нее русскую монету по установленной цѣнѣ ³⁾. Заводъ Марселиса имѣлъ три печи и десять молотовъ съ двойными горнами; заводъ протвинскій—двѣ печи и четыре молота; состояніе угодскаго завода неизвѣстно. Сверхъ того, въ 52 верстахъ отъ Москвы былъ казенный павловскій заводъ, но онъ шелъ плохо. Въ самой Москвѣ за Неглинной былъ монетный заводъ, существовавшій еще прежде: тамъ лили пушки и колокола ⁴⁾. Лучшій заводъ былъ протвинскій. На этомъ заводѣ выдѣлывалось полосовое желѣзо трехъ сортовъ, пушки, выдержавшія опыты въ Голландіи, двери, ставни, якоря въ 22 четв. длины и столько же ширины, солеварные цѣбны, сабельные клинки, ядра, ручныя мукомольныя мельницы, топоры, бердыши, лопаты, засовы, телѣжныя принадлежности, гвозди и проч. Въ 1668 году желѣзо съ заводовъ продавалось въ казну отъ 8 алтынѣ до 1 р. 15 алт. за пудъ. Самое цѣнное желѣзо было листовое кровельное по 1 р. 15 алт. за пудъ. Кованья дверныя доски продавались по 30 алт. за пудъ, желѣзо въ ядрахъ, пушкахъ и плитахъ по 8 алт. за пудъ. Топоры, бердыши, шпаги, пики, полуники продавались поштучно; стволъ мушкетный, шпага, сабля продавались по 20 алтынѣ, полуника 4 деньги, топоръ и бердышъ 5 алт., ручная мельница 5 руб., гвозди и всякая мелочь 23 алт. 2 деньги за пудъ, связанное желѣзо 16 алт. 4 деньги за пудъ, сохи по 2 гривны за пару. Въ 1674 году въ общей продажѣ желѣзо полосовое продавалось у Марселиса отъ 5 до 5½ гривенъ или отъ 16 алт. 4 деньги до 19 алт. 2 денегъ; у Акмана отъ 6 до 6½ гривенъ или отъ 20 алт. до 22 алт. 2 денегъ, листовое у Марселиса по рублю, у Акмана по 1 р. 3 алт. 2 деньги, двойное по 1 р. 6 алт. 4 деньги, литыя вещи по полтиннѣ ⁵⁾.

Несмотря на эти домашнія заведенія, Россія не обходилась безъ иностраннаго желѣза. Въ 1671 году привезено въ Россію 1.957 пудовъ, въ 1672—

¹⁾ С. Г. Гр., III, 408—409.

²⁾ Доп., V, 390—394.

³⁾ С. Г. Гр., III, 409.

⁴⁾ Olear., 149.—Кильбург., 69—71.

⁵⁾ Доп., V, 390—399.—Кильбург., 71.

123.901 пуд., въ 1673—672 пуда. Желѣзо, привозимое въ Россію, доставлялось преимущественно изъ Швеціи черезъ Новгородъ. Привозъ желѣза подвергался общему характеру русскаго привоза: именно, одинъ разъ привозили значительное количество товаровъ, а въ другіе годы несравненно менѣе, и отъ того случался недостатокъ въ странѣ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Тихвинскій монастырь, нуждаясь въ желѣзѣ для связокъ въ каменной постройкѣ, проситъ особаго дозволенія послать въ Швецію свои товары для промѣна на желѣзо¹⁾. Видно, что поблизости нельзя было купить желѣза. Въ Россіи издавна работали всякія желѣзные издѣлія. Такъ въ Муромѣ дѣлали клепаны, которые украшались серебряными рѣзными черенками и носили названіе муромскихъ²⁾; въ Бѣжецкомъ-Верху — а можетъ быть и въ другія мѣстахъ — работали косы и серпы³⁾. Въ Ярославлѣ дѣлались разныя стальные вещи и въ томъ числѣ висячіе замки, сходные по фигурѣ съ персидскими⁴⁾. Въ Астрахани занимались дѣланіемъ булатныхъ сабель и панцирей; особенно этимъ искусствомъ отличались черкесы, тамъ жившіе. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ ихъ потребовать въ Москву⁵⁾. Но тѣмъ не менѣе Россія получала изъ-за границы отъ шведовъ, голландцевъ, англичанъ, частію изъ Персіи разныя желѣзные и стальные вещи, и въ томъ числѣ оружіе: послѣднее было особенною заботою правительства, желавшаго, чтобы въ Россіи было побольше оружія. Въ 1633 году торговцы голландскіе условились доставлять въ Россію сабельныя полосы, ядра и порохъ⁶⁾. Напротивъ, правительство запрещало продавать оружіе и всякія металлическія вещи татарамъ и прочимъ инородцамъ⁷⁾. Здѣсь дѣйствовали двѣ причины: предотвращеніе бунтовъ и желаніе сохранить въ государствѣ побольше оружія. Нельзя не замѣтить, что такая продажа оружія была очень выгодна, потому что, несмотря на запрещеніе правительства, русскіе вели съ инородцами тайную торговлю оружіемъ.

Изъ привозныхъ въ Россію стальныхъ издѣлій расходились въ торговлѣ ножи, ножницы, замки, булавки и иголки. Ножи привозились въ Архангельскъ *штерскіе*, съ желтыми черенками, *чанскіе* (датскіе) съ черными черенками, *свицкіе* (шведскіе) разносторонніе: одна сторона *сандальная*, другая бѣлая, и *уорскіе*; ножи считались въ оптовой продажѣ парами, десятками паръ, сотнями паръ. Они были разной величины. Шилья отличались *халльскія*, продавались въ оптовой продажѣ тысячами и были трехъ сортовъ. Иголокъ и булавокъ привозили въ Россію довольно большое количество: въ 1671 году привезено 623.000 иголокъ и 154.000 булавокъ, въ 1672 году пять тоннъ и 1 нищикъ, въ 1673 году 639.000 большихъ иглъ, 545.000 иголокъ и 120.000 булавокъ⁸⁾.

Въ XVI вѣкѣ привозимое въ Россію желѣзо продавалось *четвертинами*,

¹⁾ Доп., V, 409.—А. И., IV, 193.

²⁾ Врем., VII, Оп. Им. Ц. Им. В., 12.

³⁾ П. С. З., I, 281.

⁴⁾ Кальбург., 69—70.

⁵⁾ А. И., IV, 301.

⁶⁾ С. Г. Гр., III, 886.

⁷⁾ А. А. Э., III, 362.

⁸⁾ Кальб., 89. Торг. кн., 126, З. А. О., I.

которыя заключали въ себѣ *поллицы*. Въ Торговой книгѣ четвертина иностраннаго желѣза означена въ 300 поллицъ. Въ концѣ XVI вѣка сто паръ ножей угорскихъ и посольскихъ стоили отъ 6 рублей до 2¹/₂, свицкихъ 2 рубля, чацкихъ 40 алтынъ, а стырскихъ 20 алтынъ; четвертина, заключавшая 300 поллицъ, цѣнилась отъ 2¹/₂ до 6 рублей, изъ чего видно, что цѣны на этотъ предметъ были очень неровны ¹⁾. Желѣзной проволоки пудъ стоилъ отъ 1 до 3 р. ²⁾; четвертина бѣлаго желѣза или жести 5 рублей ³⁾; дюжина круглыхъ замковъ 1 рубль ⁴⁾. Въ половинѣ XVII вѣка за пудъ желѣза заплачено 1 р. 10 алт. ⁵⁾. Въ 1674 году шведское желѣзо цѣнилось отъ 4³/₄ до 6 руб. за берковецъ ⁶⁾. Двѣ цѣпи людскихъ стоили 16 алт. 4 деньги, два замка—4 алт., большой замокъ 2¹/₂ алт. ⁷⁾, тысяча гвоздей отъ 1 руб. 3 алт. до 2 руб. ⁸⁾; большой котелъ 1 рубль 19 алтынъ 2 деньги ⁹⁾; тошаръ 3 алт. 2 деньги ¹⁰⁾ или гривна, а въ Сибири топоръ продавался за 1 рубль и дороже ¹¹⁾; коса стоила 5 алт., серпъ 1 алт. ¹²⁾. За подковку лошадей за четыре ноги съ подковами въ XVII в. брали 4 алтына ¹³⁾. Оружіе въ XVII вѣкѣ можно было купить: мушкетъ отъ 1¹/₂ руб. до 2 руб., самопалъ за ³/₄ руб., списъ за 24 алт., алебарду за 2 р., протазанъ за 4 руб., сайдакъ за 1¹/₂ руб. ¹⁴⁾; панцырь можно было купить за 20 алт. ¹⁵⁾; самопалы, карабины и булатныя сабли шведскаго желѣза цѣнились отъ 5 до 7 руб. ¹⁶⁾, но булатныя сабли персидскія цѣнились очень дорого, по 40 и по 50 руб., а тошаръ персидскій можно было купить около 25 р. ¹⁷⁾.

Прочіе металлы всѣ безъ исключенія доставлялись въ Россію изъ чужихъ краевъ. Мѣдь доставляли намъ англичане, датчане, шведы и голландцы. Она была красная и желтая ¹⁸⁾ и привозилась въ полидахъ, т.-е. пластинкахъ и надрѣляхъ. Въ торговлѣ различали разные виды мѣди: однопечатную, троепечатную, трубчатую, козарскую, тазовую въ сосудахъ и колокольную. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка тазовая цѣнилась за берковецъ отъ 14 до 80 р., трубчатая и троепечатная отъ 14 до 24 р., однопечатная отъ 13¹/₂ до 20¹/₂ р., мѣдная проволока отъ 14 до 30 р. за берковецъ ¹⁹⁾, колокольная мѣдь отъ 2 р. до

¹⁾ Торг. кн., 126—127, З. А. О., I.

²⁾ Ист. Г. Росс., X. Пр. 462.—Торг. кн., 127.

³⁾ Ист. Г. Р., X. Пр. 462.

⁴⁾ Ист. Г. Р., X. Пр. 462.

⁵⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 57.

⁶⁾ Кильб., 118.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 23, 26.

⁸⁾ Доп., III, 168.

⁹⁾ Доп., V, 240.

¹⁰⁾ Врем., XX, Смѣсь, 28.

¹¹⁾ Доп., II, 173.

¹²⁾ Врем., XX, См., 28.

¹³⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 21.

¹⁴⁾ С. Г. Гр., III, 325.—Оп. г. Шун, 385.

¹⁵⁾ Оп. им. Тат., 38, Врем., VIII.

¹⁶⁾ Кильб., 89.

¹⁷⁾ Врем., VIII. Оп. Им. Тат., стр. 10.

¹⁸⁾ Доп., III, 143.

¹⁹⁾ Торг. кн., 126. З. А. О., I.

2½, за пудъ или отъ 20 до 25 руб. за берковецъ; мѣдные тазы въ концѣ XVI вѣка 2½ р. за пудъ, кровельная мѣдь отъ 4½ до 6 р. за пудъ; мѣдный водсвѣчникъ стоилъ 8 алт., мѣдный рукоявникъ полтину, мѣдная лохань тоже, мѣдное панвеадило 1 р. ¹⁾). Въ началѣ XVII вѣка гривна мѣди цѣнилась въ 2 алт. 4 деньги, или 6 р. 12 алт. 2 деньги за пудъ ²⁾; въ половинѣ XVII в. мѣдная емдова съ носкомъ стоила полтора рубля, братина съ узорами полтину ³⁾; въ 1674 году пудъ тазовой мѣди отъ 5 до 7 руб., котлы отъ 4½ до 6 руб., колокольной мѣди отъ 4½ до 5 руб., проволоки 5 руб., кровельной мѣди отъ 4½ до 6 руб. ⁴⁾, въ 1675 году 8 пудовъ мѣди стоили 38 руб. и 13 алтынъ.

Олово привозили въ Россію датчане и англичане. Оно было брусчатое (брусана), лычное (полосовое), рогожное (свертками). Оловянные издѣлія, привозимыя къ намъ, были: блюда, тарелки, чашки, стаканы, кружки, вообще столовая посуда, которая встарину была во всеобщемъ употребленіи между зажиточнѣйшимъ классомъ. Цѣнность олова въ концѣ XVI вѣка была: за пудъ брусчатого отъ 40 алт. до 60 алт., лычного отъ 1½ до 3 р., рогожного отъ 1 р. 13 алт. 2 деньги до 2 р. ⁵⁾; въ началѣ XVII вѣка гривенка олова въ издѣліи стоила 2 алтына 2 деньги ⁶⁾. Англійское олово привозилось прутьями и продавалось во второй половинѣ XVII вѣка отъ 5¼ до 6 р. за пудъ, и отъ 5½ до 7½ р. Олово привозилось въ боченкахъ и ящикахъ. Такимъ образомъ въ 1671 году привезено 57 боченковъ блюдъ и тарелокъ 18 ящиковъ, да 117 дюжинъ стакановъ ⁷⁾. Свинецъ привозился къ намъ *семьями* ⁸⁾, въ десяти свинцяхъ было вѣса 82 пуда съ четвертью. Царь Алексѣй Михайловичъ позволялъ всякому свободно покупать свинецъ, только записывая въ таможенѣ, и привозить въ Москву, для отдачи въ казну, откуда купцу выдавались деньги ⁹⁾. Пудъ свинца стоилъ въ XVI вѣкѣ 10 алт. ½ деньги; въ 1649 году въ Новгородѣ продавался отъ 20 до 30 алт. за пудъ ¹⁰⁾, въ 1674 году въ Москвѣ отъ 7 до 12 р. за берковецъ ¹¹⁾.

Золото и серебро привозились въ Россію въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ. О привозѣ золота и серебра въ монетахъ мы уже имѣли случай говорить. Въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 16.200 талеровъ ¹²⁾. Въ 1671 г. привезено 27.839 червонцевъ, 50.000 рейхсталеровъ; въ 1672 г. 111.320 червонцевъ, 56.629 рейхсталеровъ; въ 1673 г. 15.682 червонца и 12.000 рейхсталеровъ ¹³⁾. При покупкѣ золота и серебра въ слиткахъ купецъ поставлялъ

1) И. Г. Р., X. Пр. 462.

2) Оп. им. Тат. Врем., VIII.

3) А. г. Шун, 176.

4) Кильб., 118.

5) Торг. кв., 125—126, З. А. О., I.

6) Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

7) Кильб., 116.

8) А. И., II, 185.

9) Доп., III, 189.

10) Доп., III, 177.

11) Кильб., 118.

12) И. Г. Р., X. Пр. 462

13) Кильб., 81, 115.

обязанностью не иначе покупать его, как разсѣкая пруть металла, дабы увидѣть средину. Плата за металл въ слиткахъ и издѣлїяхъ разсчитывалась всегда по отношенію къ цѣнности монеты. Слитки покупались цѣною ниже монеты, потому что разсчитывали на передѣлку ихъ въ монету и принимали во вниманіе угаръ, а издѣлія покупались выше монетной цѣны осьюю долею при простой работѣ; болѣе изысканная работа цѣнилась дороже, по договору. Былъ обычай вѣсить золото на русскую монету; считалось, что золотникъ золота вѣсилъ 1 алтынъ съ полуденьгою ¹⁾. Естественно, когда деньги были меньше вѣсомъ, то ихъ должно было идти болѣе. Предки наши любили украшать свои поставцы (буфеты) золотомъ и серебряною посудомъ, а себя разными золотыми и серебряными украшенїями, которыя частію дѣлаемы были русскими мастерами, а еще болѣе получались изъ-за границы. То были: золоченые серебряные кубки, братины, стопы, ковши, солонки, чарки, стаканы, кружки, золотыя кольца, перстни, серьги, пуговицы, бляхи и проч.

Золотникъ золота въ концѣ XVI вѣка цѣнился въ слиткахъ въ 13 алт. 2 деньги ²⁾. Но если золото было краснѣе — что считалось за достоинство, — то платили дороже; за блѣдное платили дешевле. Непоятна такая дешевизна золота. Въ 1585 году гривенка серебра оцѣнена въ 5 р., слѣдовательно, фунтъ въ 10 руб. ³⁾ (32 руб. на наши деньги). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ фунтъ позолоченаго серебра оцѣненъ въ 9½ руб. ⁴⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка въ 10 руб. Золото въ издѣлїяхъ цѣнилось чрезвычайно различно, тѣмъ болѣе, что золотыя вещи были украшаемы драгоценными камнями; такъ золотая чаша съ тремя яхонтами и двумя изумрудами стоила 444 руб. 13 алт. 2 деньги, образъ въ 87 золотниковъ съ двумя изумрудами и четырьмя яхонтами 273 р. ⁵⁾. Въ началѣ XVII вѣка чарка золотая въ 41 золотникъ оцѣнена въ 28 р., а 20 гривенокъ и 5 золотниковъ разной серебряной посуды оцѣнены въ 60 р. 10 алт. 2½ деньги ⁶⁾. Въ XVII вѣкѣ серебряный стаканъ стоилъ 3 р. и 3 р. 16 алт. 4 деньги, серебряная чарка золоченая 3 р., серебряная ложка 16 алтынъ. По извѣстію Кильбургера, въ 1671 году привезено въ Архангельскъ для ввоза въ Россію пять пудовъ серебряной посуды, въ 1672 году 3 серебряныхъ кружки, 22 фунта серебряной посуды, 6 печатей съ камнями, 9 перстней, 34 серьги; въ 1673 г. 4 дюжины серебряныхъ стакановъ, двѣ съ половиною дюжины серебряныхъ чарокъ, 84 перстня, 7 золотыхъ колецъ и одна серебряная курильница. Привозъ, видно, былъ не равный, а разный и вообще незначительный, но въ то время русскіе получали эти товары отъ грековъ и отъ армянъ изъ Персіи.

Ежегодно въ Россію ввозилось значительное количество золота и серебра для вышиванїа: пряденаго, волоченаго и цѣвочнаго золота и серебра, бѣги, канители, трупала, проволоки и фольги или блестокъ. Обычай вышивать одежды распространилъ торговлю этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что русскіе не умѣли

¹⁾ Торг. кн., 118. З. А. О., I.

²⁾ Торг. кн., 117—118. З. А. О., I.

³⁾ Доп., I, 199.

⁴⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 10.

⁵⁾ Врем., II. См. 23.

⁶⁾ Оп. им. Тат., 34—35. Врем., VIII.

сами приготавливать металловъ для вышиванья ¹⁾). Золото и серебро для вышиванья продавалось на литры ²⁾ и катушками или цѣвками. Въ цѣвкѣ *цвочни* золота было обыкновенно 6 золотниковъ, и каждый золотникъ заключалъ 10 нитей. Самое дорогое золото было ниренбергское, за нимъ венеціанское, миланское, гамбургское; серебро извѣстно амстердамское ³⁾. Кромѣ настоящаго золота и серебра, было золото и серебро низшаго сорта: полузолотье и полу-серебрье ⁴⁾. и, наконецъ, ниже этого сорта было поддѣльное золото и серебро или ишюра. О количествѣ привоза этого товара приблизительно можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ. Такъ въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 200 литръ пряденаго золота ⁵⁾. Въ 1672 году привезено изъ-за границы 3.131 клубковъ венеціанской и голландской золотой проволоки и только 19 серебряной, два ящика золотой и серебряной биты и 70 фунтовъ галуна; въ 1673 году до 3.000 клубочковъ золота и серебра, два ящика и сверхъ того еще два пуда золотой бахромы. Поддѣльнаго золота и серебра въ 1672 году привезено 111.180 клубочковъ, заключавшихъ въ себѣ 6 пудовъ 25 фунт., и 206 коробовъ канители, да кромѣ того много поддѣльной серебряной фольги, которую небогатые щеголи украшали свои одежды ⁶⁾. Въ половинѣ XVI вѣка фунтъ золотой проволоки цѣнился отъ 7 до 8 руб. ⁷⁾. Въ 1585 г. цѣвка съ четвертью пряденаго золота стоила 18 алтынъ двѣ деньги ⁸⁾. По Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка литра цѣвочнаго золота стоила отъ 4 съ половиной до 6 руб. ⁹⁾. Литра пряденаго золота вообще стоила 5 руб., мужское канительное ожерелье 20 руб. ¹⁰⁾.

Сверхъ покупаемыхъ разныхъ металлическихъ надѣлій, предметомъ торговли служили произведенія русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ и оловянныхъ. Золото и серебро въ надѣліяхъ обращалось на предметы религиозныя: на распятія, ризы, иконы, оклады евангелій и пр. ¹¹⁾, не также работали кубки *скляничною, куповою и рѣзною* работомъ ¹²⁾, золотыя цѣпи съ кольцами разнаго вида: *репейватая, мушфаренная, ребристая, витая, соболья, гнутыя* ¹³⁾. Мѣдники и оловятники приготавливали тазы, котлы, подсвѣчники съ большою затѣйливостью ¹⁴⁾; золотошвей продавали разныя вышитыя вещи, напримѣръ, *золотыя шапки* и проч. ¹⁵⁾.

Кромѣ этихъ металловъ, въ Россію ввозили другіе металлы и минералы:

1) С. Г. Гр., III, 337.

2) С. Г. Гр., II, 89.—Доп., III, 143.

3) Кильб., 115—116.

4) Доп., III, 106.

5) И. Г. Росс., X, Прим. 462.

6) Кильб., 115—117.

7) Раф. Барбер., 156.

8) Доп., I, 193.

9) Торг. кн., 129. З. А. О., I.

10) И. Г. Р., X, Пр. 462.

11) Врем., VII. Оп. им. царя Ив. Вас.

12) Ibid., 25.

13) Ibid., 28—29.

14) Расх. кн. Ник., 44. Врем., XIII.

15) Ibid., 33.

киноварь, которую употребляли для печатей и продавали за фунтъ отъ 9 алт. до 2 р. ¹⁾, а за золотникъ въ половинѣ XVII вѣка по 1 деньгъ ²⁾, сурьму, ртуть, сулему, квасцы, купоросъ, буру, арь ³⁾, и между прочимъ значительное количество бѣлалъ, бывшихъ тогда въ большомъ употребленіи у русскихъ женщинъ.

Драгоценные камни. Обычай украшать драгоценными камнями золотые сосуды и наряды привлекалъ въ Россію драгоценные камни; они составляли предметъ покупокъ значительныхъ лицъ и богачей. Они доставлялись отчасти изъ Европы черезъ Архангельскъ, но болѣе отъ грековъ и персіянъ. Употребительные у русскихъ камни были: яхонты синіе и красные, лалы, изумруды, вареники, бирюзы, бечеты, баканы, яциры, достоканы (топазы), внисы. Яхонтъ былъ самый дорогой камень. Красный яхонтъ продавался до 10 р. за золотникъ, синій 4 р., лаль до 10 р., лаловыя серьги стоили отъ 50 до 60 р., изумруды отъ 4 до 10 р. ⁴⁾.

Строительный камень и кирпичъ. Постройка каменныхъ церквей, а впоследствии и каменныхъ домовъ, развивала у русскихъ торговлю известью, камнемъ и кирпичемъ. Во многихъ городахъ преимущественно занимались каменнымъ и кирпичнымъ промысломъ. Къ нимъ принадлежатъ: Вологда ⁵⁾, Псковъ ⁶⁾, Бѣлоозера ⁷⁾, Переяславъ ⁸⁾, гдѣ занимались дѣланіемъ извести. Эти мѣста были исходными пунктами торговли камнемъ и кирпичемъ, которую занимались гости въ большомъ размѣрѣ. По Волгѣ ходили суда, нагруженные кирпичемъ, известью и бутовымъ камнемъ. Кремни составляли также немаловажную вѣтвь этого рода торговли, ибо въ 1648 году одинъ купецъ отправилъ 87.000 кремней съ однимъ транспортомъ ⁹⁾. Камень назывался наузкамъ ¹⁰⁾, кремни сотнями, а известь бочками ¹¹⁾. Иностранцы покупали у русскихъ алебастръ, и Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что во ста верстахъ отъ Холмогоръ находится алебастровая гора, хотѣлъ захватить въ свои руки этотъ промыселъ для отправки за границу ¹²⁾. О цѣнности каменныхъ матеріаловъ можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ. Въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ кирпичъ продавался отъ 2 р. 10 алт. до 2 р. съ полтиною за тысячу, а въ городахъ дешевле и дороже, судя по мѣрѣ близости къ заводамъ; на заводахъ отъ 1 р. 10 алт. до 2 р. Известь въ Москвѣ продавалась отъ 4 алт. до 6 алт. 4 деньги за бочку ¹³⁾.

Слюда. Встарину вмѣсто стекла употребляли слюду для оконницъ и фонарей. По извѣстію англичанина въ XVI вѣкѣ она пропускала болѣе свѣта, чѣмъ

1) Торг. кн., 125. З. А. О., I.

2) Расх. кн. Ник., 24. Врем., XIII.

3) Кильб., 99.

4) Врем., VIII. Оп. им. Тат., 35.

5) А. И., IV, 357.

6) Доп., I, 136.

7) Доп., II, 146.

8) А. А. Э., I, 167.

9) Доп., III, 145.

10) А. И., IV, 136.

11) Кильбург., 78.

12) С. Г. Гр., IV, 179.

13) Кильб., 94.

тогдашнее стекло и притомъ въ фонаряхъ не подвергалась воспламененію ¹⁾. Главное добываніе слюды было въ Керецкой волости Соловецкаго монастыря, который обязанъ былъ давать въ пользу царя десятину. Работа при добывкѣ слюды производилась бобылями ²⁾. Въ 1667 году царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ искать слюду въ казенныхъ селеніяхъ и хотѣлъ этотъ промыселъ, какъ многіе другіе, сдѣлать удѣломъ правительства ³⁾. Въ XVII вѣкѣ находили слюду около Енисейска ⁴⁾. Слюда продавалась пудами, фунтами ⁵⁾ и четями. Первоначальная торговля ею была совершенно мѣновой, ибо сѣверъ нуждался въ хлѣбѣ и получалъ его за слюду. 350 четей ржи въ Керецкой волости отдать за полторы чети слюды казавось дешево ⁶⁾. По виду и качеству своему она раздѣлялась на бѣлую и красоватую. Последняго рода слюда цѣнилась гораздо дешевле бѣлой ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ большая часть слюды большею частью въ длину принадлежала казнѣ, ибо и съ частными промысловъ брали парскую десятину лучшими кусками, а обрѣзки оставляли людямъ ⁸⁾. Пудъ слюды продавался въ Москвѣ отъ 15 до 150 р., смотря по качеству и по величинѣ кусковъ ⁹⁾. Слюдный фонарь въ Москвѣ стоилъ два алтына съ деньгами ¹⁰⁾.

2. Предметы царства растительнаго.

Земледѣльческая и огородная произрастения Россія въ XVI и XVII вѣкахъ не заключала въ себѣ такого хлѣбнаго богатства, какъ впоследствии, потому что плодороднѣйшіе края настоящаго нашего отечества не составляли еще его достоянія; наши значительныя пространства земли были бесплодны. Сѣверная Россія вообще не представляла убогой плодородія. Въ Сибири хлѣбопашество хотя и возникло въ XVII вѣкѣ, но не могло удовлетворять потребностямъ страны. Плодороднѣйшія части Московіи были: на сѣверо-востокъ отъ Москвы Ярославская область, на югъ все побережье Оки, земля Рязанская и земля Нижегородская ¹¹⁾. Берега Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ ¹²⁾. На сѣверъ были плодородныя берега Сѣверной Двины, которая весеннимъ разливомъ такъ увлажняла землю, что, несмотря на суровость климата, произрастения родились безъ особыхъ усилій человека ¹³⁾. Въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ заселенія пространства на

¹⁾ Fletch.

²⁾ А. И., IV, 365.

³⁾ А. И., IV, 441.

⁴⁾ Док., IV, 224.—Доп., V, 96.

⁵⁾ Зап. Арх. Об., I. Торг. кн., 134.—Доп., V, 96.

⁶⁾ Док., V, 341.

⁷⁾ Торг. кн., 134.

⁸⁾ Кильб., 46.

⁹⁾ Кильб., 40.

¹⁰⁾ Расх. кв. Ник., 9. Врем., XIII.

¹¹⁾ Раф. Барб., 13, 31, 38.—Fletch. The Russ. Commonw., 7.

¹²⁾ Herberst., 44.

¹³⁾ Пав. Іов., 30.

югѣ отъ Оки, между Окою, Волгою и Дономъ развивалось земледѣліе и эта страна сдѣлалась мѣстою хлѣбнаго закупа.

Болѣе распространенные роды хлѣбныхъ произрастеній въ Россіи были: рожь, овесъ и гречиха. Пшеница производилась въ маломъ количествѣ, какъ это можно видѣть изъ того, что при Феодорѣ Іоанновичѣ для англійскаго посольства, вѣзавшаго въ Москву, приказано было устроить на всю дорогу запасъ пшеничной муки, какъ такого предмета, который не вездѣ можно было достать, тогда какъ другого рода муку ¹⁾ велѣно было забирать на дорогѣ. Въ одной ружной грамотѣ ²⁾ царь жалуетъ монастырю въ ругу разнаго рода хлѣбъ, а пшеницы даетъ только на просфоры. Сатирическій русскій поэтъ XVII вѣка Недаромъ выразился, что русская земля *оретъ все рожью*.

Хлѣбная торговля происходила вездѣ, гдѣ только были торги; крестьяне привозили туда свои хлѣбныя произведенія ³⁾. Но главный обывъ хлѣба былъ: 1) на вино; купцы скупали хлѣбъ у производителей и подражали откупщикамъ и кабацкимъ головамъ, а равнымъ образомъ доставляли на винокурни хлѣбъ, а сами владѣльцы пахотныхъ земель; нѣкоторые же занимались сами винокурениемъ и поставляли въ казну готовое вино; 2) въ Москву, гдѣ купцы скупали его значительными партіями; 3) въ безплодныя страны сѣвера и въ Сибирь; 4) за границу. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ хлѣбные торговцы составляли товарищества, и, по мѣрѣ дѣйствій такихъ товариществъ, цѣны на хлѣбъ то возвышались, то упадали. Весною на стругахъ, зимою на саняхъ привозили въ Москву хлѣбъ разнаго рода; зорко сторожили его закупщики, кулачки и вязчики, которые *идъ покупать, вяжутъ вязку и вязкою мноую цинну на все прибалываютъ* ⁴⁾. Они покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ оптомъ и ссылали въ свои амбары и лавки, а иногда, чтобъ не допустить товарищей купить въ Москвѣ дешево, заранѣе выѣзжали изъ города и покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ на дорогѣ до вѣзда въ столицу. Другіе посылали своихъ агентовъ въ хлѣбородные уѣзды: Темниковскій, Краснослободскій, Шацкій, Разанскій, Мосальскій, Калужскій и другіе, и покупали на мѣстѣ дешево, а привезя въ Москву, продавали по высокой цѣнѣ. Эти-то скупщики доставляли хлѣбъ на винокурение. Въ 1660 году правительство собрало московскихъ гостей, торговцевъ гостиною сотен, суконной и черныхъ сотенъ. Послѣ многихъ толковъ и разсужденій опредѣлено ограничить покупку хлѣба такъ, чтобъ утреннее время до шестого часа въ Москвѣ опредѣлить исключительно на покупку хлѣба бѣдными людьми, по малымъ количествамъ, а потомъ уже допускать скупщиковъ, которые покупали хлѣбъ для перепродажи ⁵⁾. Въ этомъ же году правительство приказало всенародно объявить жителямъ уѣздовъ Калужскаго, Воротынскаго, Мосальскаго, Медвигскаго, Перемышльскаго, чтобъ они непремѣнно возили хлѣбъ въ города, и особенно въ Москву, и не продавали его на мѣстахъ скупщикамъ ⁶⁾. Но закупки хлѣба въ Москвѣ не прекращались, какъ это видно изъ постановленія въ 1681 году ⁷⁾,

¹⁾ Ст. Сп. Флетч., I. Врем., VIII.

²⁾ А. А. Э., I, 168.

³⁾ А. А. Э., I, 416.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 69.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 69.

⁶⁾ П. С. З., I, 518.

⁷⁾ П. С. З., II, 328.

по которому закупщикамъ и подрядчикамъ запрещено покупать большія партіи хлѣба и отдавать ихъ въ казенные подряды, а равно не перекупать хлѣба за городомъ, съ цѣлью вздорожить его.

Хлѣбная торговля была обложена пошлиною, называвшеяся помѣрной, прежде съ разныхъ мѣръ, а съ 1653 года съ цѣнности: по 10 денегъ съ рубля, на основаніи общепринятой тогда таможенной системы пошлинъ. Въ Москвѣ хлѣбная торговля была въ завѣдованіи помѣрной избы, гдѣ находился голова, ларечный цѣловальникъ и выборные цѣловальники. Они обязаны были ходить по хлѣбнымъ торжкамъ и на хлѣбныя пристани и осматривать каждый приходившій съ хлѣбнымъ грузомъ стругъ, допрашивать: какой хлѣбъ, сколько мѣрою, по какой цѣнѣ, и собирать помѣрную пошлину. Другіе цѣловальники собирали пошлины съ мелкой продажи. Вообще цѣловальники помѣрной избы обязаны были наблюдать за правильностью мѣръ, чтобъ вездѣ были казенные четверки и чтобъ закупщики не отступали отъ установленнымъ правилъ. Собирая пошлины, они записывали въ книги: сколько съ кого ихъ взято, чей хлѣбъ, откуда привезенъ, и вели такимъ образомъ статистику хлѣбной торговли ¹⁾.

Въ сибирской торговлѣ хлѣбъ занималъ важнѣйшее мѣсто; купцы приобрѣтали сибирскіе мѣта, промѣнивая на нихъ русскіе товары и хлѣбъ въ особенности. Въ Верхотурьѣ, Соликамскѣ, Чердынѣ—вездѣ былъ большой закупъ хлѣба, какъ казеннаго, поставляемаго для служилыхъ, отправляемыхъ въ Сибирь на службу, такъ и частаго, скупаемаго промышленниками ²⁾. Главный торговый пунктъ былъ Верхотурье, а потомъ Ирбитъ. Правительство приказывало, чтобъ покупаемый въ Ирбитѣ хлѣбъ непремѣнно былъ отправляемъ въ Сибирь, а отнюдь не въ русскіе города. Въ Сибири средоточіемъ хлѣбной торговли былъ Тобольскъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы въ Сибири не поднималась цѣна хлѣба, а потому въ наказѣ, данномъ въ 1664 году тобольскому воеводѣ, приказывается не допускать служилыхъ людей до покупки большого количества хлѣба, свыше пяти или шести четвертей ³⁾. Купцы возили хлѣбъ въ сѣверныя области для промѣна его на рыбу и ворвань. Сбытъ за границу происходилъ черезъ Архангельскъ и Нарву, и также въ Польшу и Малороссію западнымъ сухимъ путемъ. Но вообще торговля хлѣбомъ не могла принять большого размѣра отъ разныхъ причинъ. Европейцы въ тѣ времена еще не нуждались въ хлѣбѣ до такой степени, какъ впоследствии. Правда, Россія и тогда уже могла продавать большее или меньшее количество избытка, но за границу отправлялся преимущественно только хлѣбъ, купленный казною, которую частные люди были ограничены въ вывозѣ. Вообще же, по стариннымъ понятіямъ, вывозить въ большомъ количествѣ хлѣбъ за границу считалось опаснымъ и вреднымъ. Такимъ образомъ, торговцы, жалующься въ своей челобитной на англичанъ и прочихъ иностранцевъ, выражаются, что они оголодали русскую землю, вывозя за границу хлѣбъ. Мы часто встрѣчаемъ запрещеніе вывозить хлѣбъ за границу. Такъ при Михаилѣ Федоровичѣ въ 1622 году запрещено вывозить за границу хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, воскъ и благородные металлы ⁴⁾. Въ 1649 году запрещено вывозить хлѣбъ въ Швецію ⁵⁾. Въ

¹⁾ С. Г. Гр., II, 92; III, 490—492; IV, 71, 384.—П. С. З., II, 326—328.

²⁾ А. И., III, 176.

³⁾ Доп., IV, 354.

⁴⁾ А. И., III, 173.

⁵⁾ Доп., III, 237.

1661 году запрещено на бусахъ, отправляемыхъ на Караганское пристанище для торговли съ Хивой и Бухаріею, возить на продажу хлѣбъ и металлы ¹⁾. Въ особенности правительство воспрещало отпускъ хлѣба въ Литву, когда съ этимъ государствомъ происходили непріязненные столкновения ²⁾.

Хлѣбъ продавался зерномъ, мукою, толокномъ и печеными хлѣбами. Продажа зерномъ была въ большомъ ходу, потому что, по старому обычаю, многіе шли у себя ручныя мукомольныя мельницы и приготавливали муку для домашняго употребленія ³⁾. Но во многихъ мѣстахъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, были водяныя и вѣтряныя мукомольныя мельницы; нѣкоторыя водяныя мельницы принадлежали казѣ и отдавались въ оброкъ ⁴⁾. Мельники покупали зерно у прѣзкихъ землевладѣльцевъ, превращали его въ муку и были сами продавцами своего произведенія на рынкахъ и торжкахъ ⁵⁾. Мука содержалась въ рогожевыхъ мѣкахъ ⁶⁾ или въ куляхъ: въ кулѣ вѣшалось двѣнадцать четей съ осминою муки, а зерна до тринадцати четей ⁷⁾. Мука пшеничная была трехъ сортовъ: *расхожая*, *толченая* и *крупчатая*. Первая была достоинствомъ вдвое ниже второй, вторая вдвое ниже третьей. Мука ржаная была *несыпан* или *рышетная* и *ситная*; послѣдняя высшаго достоинства и высшей цѣны ⁸⁾. Обыкновенно *хлѣбами* назывались хлѣбы ржаные, пшеничные назывались *колаци*. Ячмень сѣялся мало въ сравненіи съ другими хлѣбными произрастеніями и употреблялся на солодъ для пива. Крупа была гречневая и овсяная, пшено же было въ большомъ употребленіи. Хлѣбное зерно продавали бочками и полубочками, изъ нихъ извѣстны бочва *селедовка* и бочка *смоленская*, составлявшая половину первой ⁹⁾; овесъ въ XVI вѣкѣ продавался *мѣлами* и *полумѣлами*; мѣлъ имѣлъ четыре *зобны*. Въ Новгородской землѣ хлѣбное зерно имѣлось коробами, во многихъ другихъ мѣстахъ и на сѣверѣ *пузами*. Но узаконенныя мѣры были: чети, осмины, полусыныны и прочія дѣленія осмины, какъ выше объяснено ¹⁰⁾.

Урожай и неурожай хлѣба опредѣлялъ его дешевизну или дороговизну. По случаю неурожая цѣнность хлѣба возвышалась иногда въ десять разъ болѣе обыкновенной. Въ XVI вѣкѣ стоившее три деньги въ неурожайный годъ стоило тридцать денегъ ¹¹⁾. Относительная дешевизна или дороговизна хлѣба зависѣла также отъ большаго или меньшаго удаленія отъ хлѣбныхъ полей, напр., въ Сибири и сѣверныхъ странахъ хлѣбъ былъ постоянно дороже, чѣмъ въ среднѣ Россіи. Большій или меньшій закупъ хлѣба имѣлъ влияние на повышение цѣнъ. Наконецъ, военныя обстоятельства измѣняли цѣнность хлѣба въ высокой степени,

¹⁾ Доп., IV, 257.

²⁾ Раар. кн., 77. Врем., III.

³⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 115.

⁴⁾ А. А. Э., III, 89.

⁵⁾ А. А. Э., III, 362.

⁶⁾ А. И., III, 119.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 46.

⁸⁾ А. И., I, 327.

⁹⁾ Торг. кн., 184. З. А. Общ., I.

¹⁰⁾ Доп., IV, 196.

¹¹⁾ Herberst, 42.

потому что правительство должно было кормить все свое войско, собирая таким образом значительное количество хлѣба отъ жителей. При Іоаннѣ III бочка овса стояла 10 денегъ, десять печеныхъ хлѣбовъ 10 денегъ ¹⁾. При Василіи Ивановичѣ рожь цѣнилась отъ 4 до 6 денегъ за четверть, въ Вологдѣ до 14 денегъ ²⁾. Въ Новгородѣ коробъ ржи цѣнился въ 10 денегъ, коробъ овса отъ 5 до 10 денегъ ³⁾. Въ 1589 году средняя цѣнность сѣна означена по четверти рубль за копну вообще, возъ соломы стоялъ двѣ деньги ⁴⁾. Въ Москвѣ пшеница, по извѣстію Флетчера, никогда была столь дешева, что продавалась по 2 алтына за четверть ⁵⁾, но въ неурожайные годы она доходила до 13 алтынъ ⁶⁾. По Торговой книгѣ ⁷⁾ бочка (заключавшая въ себѣ четыре четверти) пшеницы продавалась въ Москвѣ 13 алт. 2 д. (около 1 р. 27, на нынѣшнія деньги). гречневыхъ крупъ 6 алт. 4 д.; провозъ до Мурманскаго (Сѣвернаго) моря обходился въ 10 алтынъ, а составитель Торговой книги, исчисливъ московскую цѣну, пять назначенную, и провозъ въ 10 алтынъ съ бочки, почему-то говорить, что бочка пшеницы обойдется самому купцу въ 33 алт., а бочка гречневыхъ крупъ въ 22 алтына. Въ началѣ XVII вѣка цѣны на хлѣбъ въ Новгородѣ ⁸⁾ были: овесъ по 5 алт., рожь по 10 алт., пшеница 25 алт., мука пшеничная 1 р. за четь. Въ Москвѣ, во время осады Тушинскихъ воровъ, цѣна на рожь поднялась до 2 р., пшеницы и крупъ до 3 р., сѣна возъ стоялъ до 4 р. ⁹⁾. Когда положеніе столицы стало оводеніе, то Шуйскій, желая успокоить жителей провинцій на счетъ распространившихся слуховъ объ ужасной дороговизнѣ въ столицѣ, писалъ, что четь ржи стоитъ полтину, четь овса 4 гривны, возъ сѣна 20 алтынъ; слѣдовательно, эти цѣны въ то время были довольно обыкновенными ¹⁰⁾. Въ 1614 году въ Бѣлозерскѣ четверть овса продавалась по 8¹/₂ алтынъ ¹¹⁾. Въ Пермской землѣ въ 1615 году четь ржи стояла 1¹/₂ р., крупъ и толокна 2 р. ¹²⁾; въ Чердынѣ крупа, толокно и рожь круглымъ числомъ цѣнились около 2¹/₂ р. за четверть ¹³⁾. Въ Шуѣ четь муки ржаной стояла полтину, пять четей сухарей полтора рубля ¹⁴⁾. Цѣна ржаной муки въ Москвѣ при Михаилѣ Феодоровичѣ была отъ 6 алт. 4 д. до 31 алт. 4 д. за четь, пшеничной отъ 10 алт. до 40 алт. за четь ¹⁵⁾; но обычная цѣна была первой отъ 8 до 16 за четь, пшеничная же мука была очень разноцѣнна, судя по качеству; такимъ образомъ,

1) А. А. Э., I, 92.

2) Herberst., 54.

3) Врем., XI. Перелисная Оклад. кн., 2.

4) Врем., XI. О поз. влад., 22.

5) The russ. commonw., 14.

6) Карамз. Ист. Гос. Росс., X, 250.

7) З. А. Общ., I, 134.

8) Оп. им. Тат., 20—21. Врем., VIII.

9) А. И., II, 250.

10) С. Г. Гр., II, 346.

11) Доп., II, 37.

12) А. И., III, 56.

13) А. А. Э., III, 90.

14) Оп. г. Шуи, 385.

15) Врем., IV. Указъ о хлѣбн. и колач. вѣсу, 13, 23, 29.

раскожая была въ 12 алт. 3 д., а лучшая 13 алт. 3 д. за осьмину ¹⁾. Въ среднѣ Россіи, напр., въ Калугѣ, средняя цѣна ржаной муки и овса была 12 алт. На сѣверѣ Россіи рожь цѣнилась отъ 7 алтынъ до 1 р. за четверть ²⁾. Въ западной Сибири средняя цѣнность ржаного глѣба и овса была 1 р. за четверть, а крупъ и толокна до 1½ р. ³⁾; въ Енисейскѣ пудъ ржаной муки стоилъ полтину, на Ленѣ пудъ ржи стоилъ полтора рубля ⁴⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ первой половинѣ его царствованія, средняя цѣна ржаной муки въ Москвѣ была 18 алт. за четверть (около 1 р. 10 к. по нынѣшнему счету), пшеничной отъ 30 алт. до 1 р. 6 алт. 4 д. (около 1 р. 86 к. и 2 р. 50 к. на наши деньги), гречневыхъ крупъ до 22 алтынъ 4 д., гороху четь отъ 5 алт. до 32 алтынъ; въ Вологдѣ, въ тѣ же времена, ржаная мука стоила 11 алт. 2 д., гречневая крупа 18 алт. 4 д., овсяная крупа 21 алт., пшеница отъ 26 алт. до 1 р., просо 1 р. 10 алт., толокно 13 алт. за четь, а пшено 53 алт. 2 д. за пудъ ⁵⁾. Въ 1674 году рожь цѣнилась за четверть 60 и 70 тогдашнихъ копѣекъ (отъ 20 до 23 алт. 2 д.), солодъ 45 коп. (15 алт.), овесъ 32 к. (10 алт. 2 д.), гречневая крупа 1 р. 20 к. (1 р. 6 алт. 2 д.), пшено 1 р. 60 к. (1 р. 20 алт.) ⁶⁾, бѣлой муки пудъ 1 р. Въ Псковѣ и Новгородѣ во второй половинѣ XVII вѣка средняя цѣна ржи, овса, ячменя вообще была отъ 10 до 22 алт. ⁷⁾. Въ Суздальѣ и Владимірѣ четверть ржаной муки стоила около полъ-рубля или 16 алтынъ 3 д. ⁸⁾; въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, рожь продавалась отъ 16 алт. 2 д. до 20 алт. за четь, пшеница 16 алт. 4 д. за четь, но дурная пшеница продавалась даже по 6 алтынъ, ржаные сухари по 10 алт. за четь, а овесъ отъ 5 до 10 алт., смотря по качеству: пять алтынъ платили за самый дурной овесъ ⁹⁾. Въ Олонцѣ въ 1658 г. четверть ржи стоила 40 алтынъ съ полугривною ¹⁰⁾. Въ западной Сибири и въ Пермской области цѣна ржи была отъ 1 р. до 2 р. 11 алт. за четь ¹¹⁾, гречневыхъ крупъ и толокна до 1½ рублей за четверть ¹²⁾. Въ 1689 году четверть ржи оцѣнена въ 4 гр., что составляетъ 13 алт. 2 д., овесъ въ полуполтину, а четверть пшеницы въ 20 алт. ¹³⁾. Цѣнность глѣб-ныхъ произведеній въ оптовой продажѣ была дешевле, чѣмъ при продажѣ четвериками ¹⁴⁾.

Печеный глѣбъ для продажи приготавливали глѣбники и калачники, и часто сами были продавцами своихъ издѣлій. Впрочемъ, въ городахъ существовали

¹⁾ Ук. о глѣбн. и колач. вѣсу, 2, 57, 58.

²⁾ А. И., III, 370.

³⁾ А. И., III, 151, 169.

⁴⁾ Доп., II, 252.

⁵⁾ Расх. кн. Ник., 28, 37, 45, 46, 59.

⁶⁾ Князьб., 71, 187.

⁷⁾ Доп., III, 132. Доп., V, 28.

⁸⁾ Оп. гор. Шуи, 385.

⁹⁾ Врем., VI, См., 1—13.

¹⁰⁾ Доп., IV, 395.

¹¹⁾ Доп., V, 332.

¹²⁾ Доп., IV, 197.

¹³⁾ Врем., XX, Смѣсь, 28.

¹⁴⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 4.

хлѣбные и калачные прасолы, которые сами не пекли хлѣбовъ, но покупали у хлѣбниковъ и калачниковъ и продавали ¹⁾. Въ Москвѣ хлѣбники и калачники составляли особыя корпораціи, обязанныя наблюдать установленныя отъ правительства правила. Для этого издавна производилась хлѣбная *измѣстка*, посредствомъ выборныхъ цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей, которые, соображая цѣнность муки, устанавливали: сколько слѣдуетъ изъ четверти муки выпекать хлѣбовъ. Такія извѣстки производились не ежегодно, но возобновлялись въ неопредѣленные сроки; всегда бралась большая или меньшая цѣнность муки, какая по соображеніямъ могла оказаться на будущее время, и по этимъ предполагаемымъ цѣнамъ опредѣлялось, сколько изъ четверти слѣдуетъ печь хлѣбовъ и калачей. Хлѣбы и калачи были алтынныя, грошевыя, двухденежныя и денежныя. Число выпекаемыхъ изъ четверти хлѣбовъ и калачей разныхъ цѣнъ было различно, смотря по цѣнности муки; чѣмъ мука дороже, тѣмъ больше изъ четверти выпекалось алтынныхъ, грошевыхъ, двухденежныхъ и денежныхъ калачей, и наоборотъ, при дешевизнѣ муки хлѣбовъ и калачей было меньше, но зато они были обильнѣе. Хлѣбники покупали муку несѣянную, и для того въ своихъ заведеніяхъ имѣли *мукоство*. Хлѣбы были ситные и рѣшетные, калачи тертые и коврижчатые ²⁾. Кромѣ хлѣбовъ, продавались пироги: это были большіе пшеничныя хлѣбы и стоили до трехъ алтынъ ³⁾. Передъ Пасхою продавались кучки. Въ 1651 году кучка стоила 3 алтына 2 деньги ⁴⁾. Повсемѣстное употребленіе пива, браги и кваса развило у русскихъ издавна промыселъ солодовничества. Въ Москвѣ солодовники составляли особое сословіе, и жили на извѣстныхъ отведенныхъ мѣстахъ. Въ Твери занимались солодовничествомъ многія посадскія семейства и вывозили солодъ на продажу ⁵⁾. Въ разныхъ мѣстахъ этотъ промыселъ занималъ рабочія руки и составлялъ предметъ торговли ⁶⁾.

Встарину продажа нѣшрная на четверти, осьминны и четверки касалась не только однихъ хлѣбныхъ произрастеній, но относилась также къ овощамъ и плодамъ. Лукъ, клюква, брусника, сухіе грибы, рѣпа, орѣхи, яблоки, груши и проч. продавались четями ⁷⁾. Впрочемъ, для нихъ существовали и другія мѣры: яблоки внешнихъ сортовъ, такъ называемыя *наливныя* ⁸⁾, сохранявшіяся въ Москвѣ въ погребкахъ, продавались счетомъ, огурцы *тысячами*, малина и вишня *кузовами*, чеснокъ *плетенцами*, соленья *кадами* и *чанами*. Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ четвертикъ луку стоилъ 3 алт. 2 деньги, въ Вологдѣ четверть луку 21 алт. 2 деньги ⁹⁾. Въ Москвѣ свѣжихъ огурцовъ тысяча стоила 9½ алтынъ, кадъ соленыхъ огурцовъ 10 алт., чанъ соленой капусты 20 алт., ведро ружиковъ 9 алт., кузовъ малины 11 алт. ¹⁰⁾. Арбузы и дыни составляли ла-

¹⁾ Врем., IV. Ук. о хлѣбн. и колачн. вѣсу.

²⁾ Ibid.

³⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ннк., 17.

⁴⁾ Расх. кн. Ннк., 52.

⁵⁾ Доп., V, 407.

⁶⁾ Доп., V, 422.

⁷⁾ А. А. Э., III, 444.

⁸⁾ Кильб., 190.

⁹⁾ Расх. кн. Ннк., 30, 49. Врем., XIII.

¹⁰⁾ Ibid., 57, 61.

кошество знатныхъ, привозились изъ Астрахани или воспитывались въ парники, и вообще были немногочисленны въ торговлѣ ¹⁾. Въ 1674 году въ Москвѣ дьяна продавалась отъ 1 до 4 алт. ²⁾.

Хмель составлялъ предметъ повсемѣстной внутренней торговли. Его разводили повсюду, между прочимъ въ Пермской землѣ у солвнскихъ и у иренскихъ татаръ и вогуличей; хмель употреблялся ими на русскій хлѣбъ. Въ Москвѣ продажа хмеля производилась въ особомъ ряду. На всѣхъ торжкахъ это былъ обыкновенный товаръ. Хмель продавался по 12 рублей за берковецъ. Продавался также и кнѣпи; это были огромныя кучи; цѣна ихъ зависѣла отъ вѣса ³⁾. Дрожжи въ Москвѣ продавались такъ, что за 2 алт. 2 деньги можно было закупить дрожжей для выпеченія хлѣбовъ изъ цѣлой четверти муки ⁴⁾.

Торговля сѣномъ производилась на сѣнныхъ площадкахъ, и самая продажа носила названіе *трушенья сѣнного*. Сѣнное *трушенье* отдавалось на откупъ, а иногда на волю посадскихъ людѣмъ. Такимъ образомъ, въ Муромѣ сѣнное трушенье было шестнадцать лѣтъ на откупѣ, а въ 1640 году пожаловано посаду безоброчно ⁵⁾. Сѣно продавалось *коннами*, *возами* и *острашками*; два острашка составляли возъ. Въ концѣ XV вѣка возъ сѣна цѣнился въ 2 алт.; въ 1582 году конна сѣна стоила полполтины ⁶⁾. Въ 1652 году острашокъ сѣна стоялъ отъ 5 до 6 алт. ⁷⁾.

Казенное вино. Въ XVI вѣкѣ, до Теодора Іоанновича, продажа вина ограничивалась ярмарками и торжками, гдѣ ставились временныя кабаки ⁸⁾. Но вообще правительство преслѣдовало порокъ пьянства и не хотѣло его распространенія въ народѣ. Борисъ ввелъ казенную продажу вина съ цѣлью доставить казнѣ новый источникъ доходовъ ⁹⁾. Въ первые годы правительство получало отъ 800 до 3000 рублей. Съ тѣхъ поръ казенное вино, пиво и медъ составляли собственность государя. Продажа напитковъ совершалась въ кабакахъ, а съ 1658 года на кружечныхъ дворахъ ¹⁰⁾. Борисъ хотя первый ввелъ казенныя кабаки, но вскорѣ долженъ былъ уступить народному нерасположенію къ этой мѣрѣ и, вступивъ на престолъ, уничтожилъ кабаки въ Новгородѣ, желая склонить къ себѣ народъ, ибо *отъ тѣхъ кабаковъ были великія торгашамъ посадскимъ людѣмъ муча, и убитки, и тѣснота, и оскуднѣніе* ¹¹⁾. Воеводы жаловались Михаилу Теодоровичу, что пьянство въ кабакахъ производило разореніе народа, и за такія замѣчанія получали выговоръ, съ подтвержденіемъ увеличивать кабацкіе сборы и унимать отъ пьянства служилыхъ людей.

Продажа вина совершалась двумя способами: чрезъ вѣрныхъ кабацкихъ

¹⁾ Оlear., 373.

²⁾ Кильбург., 187.

³⁾ Кильбург., 28. Новг. Там. кн. 1613 г. въ Столк. Госуд. Арх.

⁴⁾ Ук. о хлѣбн. и колачн. вѣсу. Врем., IV.

⁵⁾ А. А. Э., III, 437.

⁶⁾ Врем., XI. О позем. влад., 22.

⁷⁾ Расх. кн. Ник., 4. Врем., XIII.

⁸⁾ А. А. Э., I, 292.

⁹⁾ Fletch. The Russ. Commonw., 44—45.

¹⁰⁾ А. И., IV, 199.

¹¹⁾ Доп., I, 249.

головъ и цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ торговыхъ людей и приведенныхъ къ присягѣ, и чрезъ отдачу на откупъ. Впослѣдствіи, при Алексѣѣ Михайловичѣ, откупы были уничтожены. Въ Москвѣ царское вино хранилось въ царскихъ подвалахъ ¹⁾ и продавалось съ отдаточнаго двора ²⁾. Производство вина было казенное и подрядное. Около Москвы въ XVII вѣкѣ было много казенныхъ винокуренъ, но количество производимаго ими вина далеко не было достаточнымъ ³⁾. Кабачные головы и откупщики (гдѣ продажа была на откупѣ) гнали сами вино, покупая нужные запасы: первые на казенныя, вторые на собственные деньги ⁴⁾. Поэтому, кружечные дворы представляли большія фабричныя заведенія: это были обширные дворы, обнесенные со всѣхъ сторонъ заборомъ и стѣною, на подобіе укрѣпленій. Въ дворѣ находились избы, гдѣ собирались *тытухи* ⁵⁾, — ледники, подвалы, поварня, гдѣ дѣлалось пиво и медъ, винокурня съ кладовою и торговыми бани. Кружечные дворы заводными были въ большихъ городахъ и селахъ. Въ 1677 году постановлено, чтобы кружечные дворы существовали только въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ не менѣе 500 душъ, и притомъ непременно на вѣрѣ, а не на откупѣ ⁶⁾. Изъ кружечныхъ дворовъ головы и цѣловальники посылали цѣловальниковъ съ виномъ на ярмарки и торжки, гдѣ были заводными временныя кабаки ⁷⁾.

Кромѣ производства вина на казенныхъ винокурняхъ и кружечныхъ дворахъ, владѣльцы ииѣній держали у себя винокурни и уговаривались съ вѣрными головами или откупщиками доставлять на кружечные дворы известное количество ведеръ. Въ случаѣ неустойки, они подвергались пени противъ подрядной цѣны вдвое ⁸⁾; почему, вступая въ подрядъ, непременно должны были представить поручительство. Подобные подрядчики или уговорщики, какъ они назывались, выставляли вино и на московскій отдаточный дворъ ⁹⁾, но сверхъ того казною покупалось вино въ Малороссіи и Ливоніи, и привозилось въ Москву для продажи ¹⁰⁾.

Казенное вино продавалось ведрами, полуведрами, четями ведра, братнями, кружками и чарками. Вино продавалось дороже послѣдними тремя мѣрами, чѣмъ ведрами, полуведрами и четями. Братнины составляли восьмую часть ведра ¹¹⁾, а кружка составляла двѣнадцатую часть кабацкаго ведра ¹²⁾. По качеству вино въ XVII вѣкѣ раздѣлялось на простое, вино съ махомъ, двойное и тройное. Вино съ махомъ заключало $\frac{2}{3}$ простого и $\frac{1}{3}$ двойного ¹³⁾.

Цѣнность вина была различна, смотря по урожаю или неурожаю хлѣба и

¹⁾ Кошх., 60.

²⁾ П. С. З., II, 486.

³⁾ Кильбург., 74.

⁴⁾ Доп., II, 66.

⁵⁾ Доп., III, 118.

⁶⁾ П. С. З., II, 149.

⁷⁾ П. С. З., II, 386.

⁸⁾ П. С. З., II, 340.

⁹⁾ Кошх., 60—61.

¹⁰⁾ Кильбург., 74.

¹¹⁾ Кильбург., 141.

¹²⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 18.

¹³⁾ Кошх., 60.

вообще по цѣнѣ его, и потому въ однихъ мѣстахъ Россіи вино было дешевле, въ другихъ дороже. Въ 1607 году въ Новгородѣ вино на публичной продажѣ мѣвня было продано за 10 алтынъ ведро ¹⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ, въ 1619 году, въ Шуѣ цѣна вина была четыре рубля съ полтиною за шесть ведеръ ²⁾, а въ 1625 году въ Москвѣ ведро вина продавалось по два рубля ³⁾. По извѣстію Кошкина, при Алексѣѣ Михайловичѣ подрядчики ставили на отдаточный московскій дворъ вино отъ 8 до 10 алт. за ведро, а въ 1660 году подрядчики ставили на кружечные дворы вино отъ 16 до 23 алт. за ведро, а казна продавала отъ 4 до 8 р. ⁴⁾. Въ 1668 г., по уничтоженіи мѣдныхъ денегъ, вино вездѣ продавалось ведрами, полуведрами, четвертями по 1 р., кружками по 1 р. 16 алт., а чарками ведро по 2 р. ⁵⁾. Позже братина вина въ продажѣ стоила отъ 5 до 9 алтынъ, слѣдовательно, за ведро отъ 1 р. 7 алт. до 2 р. 7 алт. 2 деньги. Въ 1681 году постановлено, чтобы на московскомъ отдаточномъ дворѣ и вездѣ въ Москвѣ вино продавалось ведрами, полуведрами, четвертями, по полтинѣ за ведро, а при продажѣ кружками и чарками по 20 алт. за ведро, а въ городахъ различно, судя по тому, какъ дорогъ хлѣбъ, но принято правиломъ, чтобы неизрѣнно цѣна продаваемаго отъ казны вина была вдвое выше той, по которой сама казна покупаетъ вино, а при продажѣ кружками и чарками прибавлялась, сверхъ этой двойной цѣнности, одна гривна. Такъ въ сѣверныхъ городахъ: Устюгѣ, Холмогорахъ, Келѣ назначено продавать вино по 20 алт. за ведро, въ расливной же продажѣ кружками и чарками по 23 алт. 2 деньги; въ Восточной Россіи, напр., Кай-городкѣ, ведрами по 1 р. 8 д. за ведро, а кружками и чарками дороже этой суммы одною гривною ⁶⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ ведро простого пива оцѣнено въ 4 алтына ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ бочка пива стоила 2 р., и эта цѣна приносила казнѣ большія выгоды, ибо солоду четверть стоила 45 коп., а берковецъ хмеля отъ 11 до 12 руб. ⁸⁾.

Казенная продажа вина оказывала тѣмъ вреднѣйшее вліяніе на нравственность и благосостояніе жителей, что она предназначалась почти для одного только простонародья. Вопрѣ, дворяне, помѣщики, вотчинники, гости, торговля гостинной и субойной сотенъ и многіе знатные посадскіе люди имѣли право—одни всегдашнее, другіе временное—приготавливать вино, пиво и медъ для домашняго обихода. Это право уничтожено отчасти въ 1682 году на томъ основаніи, что правительству сбавило цѣну на казенное вино кружечныхъ дворовъ и ограничило ее двойнымъ количествомъ той суммы, по какой оно приобреталось казною; однако, помѣщикамъ и вотчинникамъ предоставлялось еще право приготавливать въ своихъ домашнихъ поварняхъ горячіе напитки. Въ то же время постановлено

¹⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

²⁾ Оп. гор. Шуѣ, 385.

³⁾ А. И., III, 212.

⁴⁾ Кошк., 61.—П. С. З., I, 169.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 122.

⁶⁾ П. С. З., II, 311, 333.

⁷⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

⁸⁾ Кильбург., 187.

покупать вино не иначе, какъ на чистыя деньги ¹⁾, а не въ долгъ, по чьямъ-либо, за поручательствомъ, и подъ заклады, какъ это дѣлалось прежде ²⁾.

Всякое тайное производство вина и горячихъ напитковъ называлось контрабандою и преслѣдовалось строго закономъ ³⁾. Относительно покупки иностраннаго хлѣбнаго вина и разныхъ привозныхъ водокъ еще въ 1649 году сдѣланы были запрещенія ⁴⁾, но, впрочемъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ можно было покупать иностранныя водки на аптекарскомъ дворѣ штофами. Штофъ тинной водки въ 1674 году стоилъ 16 коп. или 5 алт. 2 д. ⁵⁾.

Ленъ, пенька и холстъ. Ленъ и пенька были важными произведеніями въ древней русской заграничной торговлѣ ⁶⁾, и англичане почитали ихъ главнымъ предметомъ отвоза. Ленъ разводился преимущественно около Вологды, въ странѣ, прилегающей этому городу, что, какъ мы уже замѣтили, подало англичанамъ попятіе о важности этого города въ торговомъ отношеніи, а также въ Новгородской и Псковской областяхъ. Коноплю преимущественно разводили въ Смоленской области около Дорогобужа, Вязмы ⁷⁾ и Трубчевска. Иностранцы замѣчали, что производстоо льна и пеньки, равно и торговля этими произведеніями не могли въ Россіи достигнуть той степени развитія, какъ въ можно было надѣяться. по причинѣ налоговъ и стѣсненій, какими были отягощены и торговцы, и поселяне, не обеспеченные въ своемъ имуществѣ ⁸⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ близъ Москвы разводили значительное количество льна и пеньки въ селѣ Назайдовскомъ ⁹⁾. Русскій ленъ былъ двухъ родовъ: большой и малый; первый цѣнился выше втораго въ алтыны на берковецъ; онъ былъ длиннѣ послѣдняго, чище и безъ костриць; его шло на берковецъ 22 тюка, а послѣдняго 27 и 28 тюковъ. Въ Новгородѣ былъ родъ льна, называемый сланецъ. Въ Новгородѣ ленъ и пенька продавались связками. Въ 1613 году въ Новгородѣ сто тридцать связокъ льна и пеньки укладывались на двухъ возахъ и цѣнились въ 20 р. ¹⁰⁾.

Русскіе въ половинѣ XVI вѣка не умѣли дѣлать канатовъ, почему англичане завели прядильную канатную фабрику, допуская на нее и русскихъ рабочихъ. Основателемъ ея былъ Ричардъ Грей; и въ 1558 году приготовили на ней 70.000 пудовъ ¹¹⁾. Въ концѣ XVI вѣка русскіе уже отправляли за границу чesаный ленъ, трепаную коноплю и канаты ¹²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ семи верстахъ отъ Москвы построено заведеніе для обработки льна и пеньки. Оно находилось подъ завѣдованіемъ царьцы и приносило царской казнѣ большія выгоды. Царь содержалъ работниковъ съ ничтожными издержками и, получая большое количество пеньки и льна, промѣнивалъ на дорогія иностранныя сукна

¹⁾ П. С. З., I, 337.

²⁾ Доп., III, 278.

³⁾ П. С. З., II, 332.

⁴⁾ Доп., III, 199.

⁵⁾ Кильбург., 167.

⁶⁾ Пав. Ювій, 40.

⁷⁾ Fletch. The Russ. Commonw., 22.

⁸⁾ Fletch., 18.

⁹⁾ Русск. Стар. (Мартынова), 12³⁾.

¹⁰⁾ Hasse. Nakl., 227. — Новгород. Там. кн. 1613 г. въ Стогг. Госуд. Арх.

¹¹⁾ Nakl., 338.

¹²⁾ Торг. кн., 133. З. А. Общ., I.

и мавери́и ¹⁾). Въ дворцовыхъ селахъ Смоленскаго края съ крестьянъ соби́рался оброкъ пенькою, что составляло въ 1667 году 881 берковецъ ²⁾).

Въ XVI вѣкѣ русскіе выдѣлывали холстъ очень дурно, и знатные выпи́сывали для себя заграничный ³⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка изъ Архангельска отправлено за границу русскаго холста, называемаго *ватманомъ*, 168.500 аршинъ ⁴⁾. Около Москвы дворцовая слобода Кадашевка вся населена была *хамовниками* (ткачами), выработывавшими полотно, и царица Наталья Кирилловна носила исключительно русское кадашевское полотно: это подвигало вообще знатныхъ особъ употреблять отечественныя полотняныя издѣлія вмѣсто выписныхъ ⁵⁾). Въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ селахъ Бретовѣ и Черкасовѣ, жили *хамовники* и *дѣловцы* и ткали уборы, полотенца, скатерти: имъ заказывали за деньги работать и цари ⁶⁾. Въ Вологдѣ приготавливали холщевыя цвѣтныя палатки, такіе же пологи, продаваемые въ Москвѣ ⁷⁾. Въ Валдайскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, на Двинѣ и Вагѣ также занимались приготовленіемъ холста. Несмотря, на то, русскіе не переставали выписывать иностранныя полотна изъ Голландіи, и притомъ совсѣмъ не умѣли дѣлать парусины, такъ что, когда для новопостроеннаго при Алексѣѣ Михайловичѣ корабля «Орла» нужно было на паруса парусины, то выписано изъ Голландіи 5000 аршинъ ⁸⁾. Каждо-годно въ Архангельскѣ привозили нѣсколько сотъ кусковъ холста, сшитыя рубашки, постельныя наволоки, салфетки, одѣяла и проч. ⁹⁾.

Вывозъ льна и пеньки за границу происходилъ у насъ двумя путями: черезъ Архангельскъ и Нарву, и направлялся во Фландрію, Голландію и Испанію. Въ XVI вѣкѣ этотъ товаръ направлялся въ Балтійское море, но уже въ концѣ XVI вѣка туда отправлялось незначительное количество ¹⁰⁾, а главный сбытъ его былъ въ Холмогорахъ. Въ концѣ XVII вѣка этотъ товаръ отправлялся снова преимущественно въ Балтійское море; замѣчали, что количество вывозимой пеньки увеличивалось съ каждымъ годомъ ¹¹⁾. Въ половинѣ XVI вѣка берковецъ конопля въ Новгородѣ стоилъ 1½ руб., въ Холмогорахъ 2 руб., льна въ Новгородѣ 3 р., въ Холмогорахъ 4 р. ¹²⁾. Въ 1557 г. англичане получали ленъ, платя отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ ¹³⁾. Фунтъ бѣлыхъ нитокъ стоилъ отъ 3 до 4 денегъ ¹⁴⁾. Въ концѣ XVI вѣка ленъ продавался въ Холмогорахъ 27 алт. 3 д. за пудъ или 8 р. съ четвертью за берковецъ, а конопля трепаной пудъ 11 алт. или берковецъ 3 р. 10 алт. Во

1) Кильбург., 39.

2) Доп., V, 326.

3) Барбер., 50.

4) Кильб., 40.

5) Кильбург., 75.

6) А. А. Э., III, 424.

7) Кильбург.

8) Доп., V, 378.

9) Кильбург., 87.

10) Fletch., 18.

11) Кильбург., 35.

12) Hawtreu. Nakl., 387.

13) Killingsw. Nakl.

14) Раф. Барбер., 57.

Фландрии пудъ русскаго льна цѣнился по 1 руб., конопля пудъ по полтиннѣ; въ Голландіи пудъ льна — 40 алт., конопля 13 алт. 2 д.; въ Испаніи пудъ льна—2 р., конопля по 1 р. Какъ много вывозилось того и другого, видно изъ того, что въ Торговой книгѣ совѣтуютъ договариваться съ иностранцами на большія количества, напр., на 100 и на 1.000 берковцевъ ¹⁾. Въ Новгородской землѣ ленъ продавался *кирбелями*, въ Олонецкой землѣ *куделями*, каждая кудель стоила въ 1658 году 30 алт. ²⁾. Въ 1674 г. берковецъ льна стоилъ въ Нарвѣ 7 р. ³⁾. Русское полотно продавалось на *холсты*; холсты раздѣлялись на аршинны и локте. Холсты, т.-е. куски полотна, были разножѣрны: напр., были куски въ двѣнадцать арш. и въ 10 аршинъ, въ двѣнадцать локтей и въ 10 локтей ⁴⁾. Русскій холстъ былъ не шире трети четвертой аршина. Въ началѣ XVII вѣка холстъ лощеный въ 12 аршинъ продавался за 12 алт., холстъ въ 10 локтей за 9 алтынъ ⁵⁾. Холстъ, называемый людской, т.-е. тотъ, который покупался господами для нѣ слугъ, въ XVII вѣкѣ продавался за аршинъ по одному алтыну и дешевле, напр., 5 алт. 2 д. за 10 локтей; крашевина (крашеный холстъ) по 2 алтына. Въ Сибири, въ Енисейскѣ, аршинъ холста стоилъ 3 алт. съ гривною. Холстъ ватманъ, отправляемый, какъ выше сказано, за границу, стоилъ отъ 5 до 6 к. или до 2 алт. за аршинъ ⁶⁾. Рубаха, годная для простонародія, стоила отъ 8 до 10 алтынъ, а портки 3 алт. ⁷⁾, рубаха женская вышлага разряда—1 р., рубаха мужская, вышитая золотомъ по воротнику—2 р., портки съ тачками, какъ носили зажиточные люди, 12 алтынъ ⁸⁾; простыня бѣлая въ началѣ XVII вѣка стоила 2 алт. 2 д., вологодскій пологъ на большую кровать стоилъ въ Москвѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. ⁹⁾.

О цѣнности въ Россіи привозныхъ полотенеъ можемъ судить изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ извѣстій. Такъ, въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезли 23 амстердамскихъ полотенца въ 2 р. и 155 въ 1 р. Полотна продавались поставами. Они были различнаго цвѣта. Поставецъ амстердамскаго полотна дычатого цвѣта стоилъ отъ 40 алт. до 1 р. 10 алт.; сахарнаго цвѣта полотна были дороже ¹⁰⁾. Нѣмецкія нитки продавались мотками на фунты: фунтъ стоилъ 3 алт. 2 деньга ¹¹⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка гамбургское полотно продавалось отъ 6 до 9 р. за кусокъ, англійское отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 90 к., рашъ отъ 5 1/2 до 9 р. Куски были различны: иногда въ 22 аршина и больше ¹²⁾. Между полотняными матеріями былъ въ употребленіи *отласецъ поскокельскій*, употребляемый на переплетъ церковныхъ книгъ въ XVI вѣкѣ ¹³⁾.

1) Торг. кн., 131. З. А. Общ., I.

2) Доп., IV, 395.

3) Кильбург., 40.

4) Оц. им. Татищ., 8. Врем., VIII.

5) Оц. им. Татищ., 8. Врем., VIII.

6) Кильбург., 35.

7) Врем., XIII. Расх. кв. Ник., 25, 39.

8) А. г. Шуй, 111, 176.

9) Кильбург., 35.

10) И. Г. Р., X. Прим. 462.

11) Торг. кн., 127. З. А. О., I.

12) Кильбург., 115.

13) А. И., I. 284.

Льняное сѣмя и масло скупались купцами въ Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и сбывались за границу черезъ Архангельскъ. Въ концѣ XVI вѣка бочка-селедовна масла стоила въ Москвѣ 2 р. 25 алтынъ, а въ Архангельскѣ продавалась по 6 р. 20 алтынъ ¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка чельняного сѣмени стоила отъ 18 алт. до 26 алт.; пудъ сѣмяннаго масла стоилъ 1 р. 10 д., а ведро 27 алт. ²⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича ежегодно отпускалось его въ Архангельскъ до 600 ластовъ, цѣною по 24 р. за ластъ ³⁾.

Бумага писчая хотя дѣлалась еще при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, но дурно ⁴⁾, а потому русскіе постоянно получали ее изъ-за границы. Въ Торговой книгѣ цѣнность бумаги означена 4 гривны за стопу ⁵⁾. Въ половинѣ XVII вѣка стопа бумаги стоила 22 алтына, въ мелкой продажѣ дестями она продавалась отъ 7 до 8 денегъ за дестъ ⁶⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ было въ Россіи двѣ бумажныя фабрики, одна на рѣкѣ Нахрѣ, другая на Яузѣ. Обѣ производили дурную бумагу ⁷⁾, а потому правительство не могло обойтись безъ ввозной бумаги. Цари поручали покупать бумагу для производства дѣлъ въ приказахъ гостямъ въ Архангельскѣ, и въ 1645 году куплено было 860 стопъ ⁸⁾; въ 1664 году куплено 300 стопъ ⁹⁾; въ 1671 году привезено 28.454 стопы обыкновеннаго формата, въ 1672—3.079, въ 1678—643 стопы. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича бѣлая бумага хорошаго достоинства стоила отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. за стопу, низшаго—отъ 70 к. до 1 р. 20 к., амстердамская—отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. за стопу; французская ноттовая была въ той же цѣнѣ. Русская бумага, несмотря на то, что была ниже иностранной, продавалась по той же цѣнѣ: отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Игральныя карты были предметомъ торговли: въ 1674 году онѣ стоили отъ 23 до 36 к. за дюжину ¹⁰⁾.

Хлопчатая бумага привозилась къ намъ кипами и ящиками, отчасти изъ Европы черезъ Архангельскъ, отчасти съ Востока черезъ Астрахань. Въ 1585 году гривенка хлопчатой бумаги стоила 2 алтына ¹¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка фунтъ хлопчатой бумаги стоилъ 4 алтына ¹²⁾. Въ 1674 году пудъ ея стоилъ отъ 2½ до 5 рублей. Изъ бумажныхъ матерій, привозимыхъ въ Россію, извѣстны: базъ, бумага, книжка бумажная, намка бумажная, кумачъ, китайка, миткаль, разныя узорчатыя одѣяла и скатерти. Онѣ получались преимущественно съ Востока, но въ XVII вѣкѣ начали ввозить къ намъ бумажныя матеріи и европейцы. Въ

¹⁾ Торг. кн., 134. З. Арх. Общ., I.

²⁾ Расх. кн. Ник., 21, 36, 53. Врем., XIII.

³⁾ Кильбург., 38.

⁴⁾ Раф. Барб., 34.

⁵⁾ З. Арх. Общ., I, 127.

⁶⁾ Расх. кн. Ник., 28, 51, 55. Врем., XIII.

⁷⁾ Кильбург., 73.

⁸⁾ Доп., III, 143.

⁹⁾ Доп., IV, 378.

¹⁰⁾ Кильбург., 73, 115.

¹¹⁾ Доп., I, 193.

¹²⁾ Расх. кн. Ник., 10. Врем., XIII.

XVI вѣкѣ аршинъ бязи стоилъ 1 алтынъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ кумачъ продавался по 40 алт. за кусокъ, бумага около алтына за аршинъ ²⁾, узорчатая скатерти и бумажныя матеріи отъ 3 до 3¹/₂ алт. за аршинъ; за 27 аршинъ китайки можно было заплатить около десяти алтынъ.

Поташъ, смола, смольчуга составляли постоянно предметъ вывоза въ большомъ количествѣ, но торговля этими произведеніями была чрезвычайно стѣснена участіемъ власти. Эти статьи въ Россіи легко было добывать по причинѣ большого количества лѣсовъ. Цари вѣли казенные заводы, на которыхъ производились работы подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ; сверхъ того, многія частныя лица содержали заводы, называемые на тогдашнемъ языкѣ будными станами. Нѣкоторые принадлежали боярамъ и ближнимъ людямъ, другіе гостямъ и торговцамъ. Со всѣхъ заводовъ собиралась въ пользу царя десятая бочка ³⁾. Множество такихъ заводовъ разсыяно было по землямъ Новгородской и Двинской. Въ украинскіхъ геродахъ развели поташные заводы въ такомъ изобиліи, что правительство счло это вреднымъ, какъ по причинѣ истребленія лѣсовъ, такъ и потому, что на эти заводы опредѣлялись бродяги, и будные станы сдѣлались притонами безчинства ⁴⁾. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича лучшій поташный заводъ принадлежалъ Морозову и находился въ Сибири, а второй послѣ него былъ казенный заводъ ⁵⁾. Поташъ покупался былъ голландцами и фламандцами. Въ Москвѣ покупали его бочками и продавали въ Архангельскъ на вѣсъ. Бочки, въ которыхъ содержался поташъ и зола, носили особое названіе волыныхъ бочекъ и заключали каждая полъ-ласта ⁶⁾. Кромѣ собственно поташу, выдѣлывали еще низкій сортъ его, называемый вайдашъ, въ который русскіе для плутовства подмѣшивали и прстой золы ⁷⁾. Поташъ продавался вудами, хотя и въ бочкахъ, а вайдашъ просто бочками.

Смола покупалась иностранцами преимущественно для шорабельныхъ потребностей ⁸⁾. Смола въ 1647 году сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ царской казны. Ее покупали големы и цѣловальники у жителей, а казна перепродавала иностранцамъ. Съ 1659 по 1664 годъ вывозная торговля смолою отдана на откупъ англичанину Гобдону, такъ что всѣ производители должны были сбывать ее непременно этому откупщику ⁹⁾.

Царь Алексѣй Михайловичъ взялъ въ свои руки торговлю поташемъ и смольчугою; вмѣстѣ съ пенькою, юфтью, соболями и говяжьими саломъ, они были въ числѣ указанныхъ шести товаровъ, которые запрещалось частнымъ торговцамъ сбывать прямо иностранцамъ, но слѣдовало доставлять въ казну, въ Приказъ большого прихода, черезъ выборныхъ людей, скупавшихъ ихъ повсюду; казна же продавала ихъ иностранцамъ ¹⁰⁾. Эти товары сбывались въ Архангельскъ

¹⁾ Доп., I, 193.

²⁾ Кильбург., 115.

³⁾ Кошх., 116.

⁴⁾ П. С. З., I, 486.

⁵⁾ Кильбург., 38.

⁶⁾ Торг. кн., 6. Врем., VIII.

⁷⁾ Кильбург., 38.

⁸⁾ Доп., III, 199.

⁹⁾ Доп., V, 196.

¹⁰⁾ Доп., IV, 281.

на царскихъ подводахъ ¹⁾. Такимъ образомъ, казна была факторомъ между русскими промышленниками и иностранными купцами. Въ 1664 году эта монополія была уничтожена; позволено всѣмъ и каждому торговать съ иностранцами, а вмѣсто того повышена пошлина гривною съ рубля ²⁾.

Въ XVI вѣка поташъ покупался у смолянъ, производившихъ этотъ матеріалъ, по 12 р. за ластъ. Бочка русскаго поташа стоила въ Голландіи отъ 4 до 8 рейхсталеровъ. Бочка смолы стоила 1 р. 10 алт. 4 деньги; смола была двухъ сортовъ: черная и бурая; первая была выше достоинствомъ и выше цѣною ³⁾. Бочка вару въ 7 пудовъ стоила 2¹/₂ р., деготь 5 р. за берковецъ. Въ половинѣ XVII вѣка бочка смолы въ Москвѣ стоила 1 р., въ Архангельскѣ продавали ластомъ отъ 18 до 20 р. за ластъ, какъ дегтя, такъ и смолы ⁴⁾; тогда производствомъ ея занимались преимущественно на берегахъ Онеги и Ваги.

Въ половинѣ XVII вѣка заведены были въ Россіи мыльные заводы, куда находить сбытъ поташъ. Лучшимъ русскимъ мыломъ считалось костромское—крѣпкое и сѣрое цвѣтомъ. Мыло продавалось досчетками. Досчетка простого мыла въ 2¹/₂ локтя стоила 50 к., а костромское 2 р. 70 к. ⁵⁾. Изъ привознаго мыла въ Торговой книгѣ упоминается мыло холяпское и испанское: оно продавалось брусками и на вѣс. Холяпскаго тысяча брусковъ стоила отъ 16 до 25 р., а испанское отъ 2¹/₂ до 4 алтынъ за фунтъ ⁶⁾.

Производство стекла въ Россіи началось при Михаилѣ Феодоровичѣ ⁷⁾ и развилось при Алексѣѣ Михайловичѣ. Существовало два завода, визмайловскій и дуганинскій ⁸⁾. Стекло обрабатывалось довольно сносно, но не могло удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Въ половинѣ XVII вѣка каждый годъ въ Россію привозилось отъ 80.000 до 90.000 листовъ стекла изъ Ливоніи и Малороссіи, а изъ Европы привозили зеркала, зеркальцы и зеркальныя стекла въ большемъ количествѣ, въ особенности мелкаго развѣра, потому что такія были въ ходу, и всякій женихъ считалъ обязанностью подарить своей невѣстѣ зеркальце. Въ концѣ XVI вѣка дюжина зеркалецъ стоила 40 алтынъ. Привозили также стеклянныя стаканы, чарки, разныя скляницы, очки и прочія издѣлія ⁹⁾. Зеленая скляница въ XVII вѣкѣ цѣвилась въ 2 алт. ¹⁰⁾, веницейская скляница въ гривну ¹¹⁾. Хрустальныя вещи были очень дороги; хрустальная бѣльничка при Алексѣѣ Михайловичѣ стоила 2 р. ¹²⁾. Янтарь въ концѣ XVI вѣка стоилъ фунтъ отъ 10 алт. до 4 рублей ¹³⁾.

¹⁾ Кошк., 116.

²⁾ Доп., IV, 377.—П. С. З., I, 577.

³⁾ Торг. кн., 184—196. З. Арх. О., I.

⁴⁾ Кильбург., 40.

⁵⁾ Кильбург., 70.

⁶⁾ Торг. кн., 127. З. Арх. О., I.

⁷⁾ С. Г. Гр., III, 352.

⁸⁾ Кильбург., 77.

⁹⁾ И. Г. Росс., X. Прямыч. 462.—Кильбург., 91.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 50.

¹¹⁾ Врем., VIII.—Оп. им. Тат., См., 21.

¹²⁾ Врем., V, См., 22.

¹³⁾ Торг. кн., 126. З. А. О., I.

Лѣсной товаръ: бревна, кражи, брусья, дрова, дубья, тесь, доски, верев, жолобы, лыки, уголь, мохъ, лапти, рогожи и разныя деревянныя издѣлія, ложки, оследи, блюда, солонки, чашки, лучины и также срубы или готовыя избы служили предметомъ торговли на торгахъ, въ особенности въ городахъ, прилежавшихъ къ судоходнымъ рѣкамъ. Въ такихъ городахъ образовывались лѣсныя пристани или лѣсныя рынки ¹⁾. Въ столицу привозили трезвычайное множество лѣса и дровъ, а также деревянныя хоромы, нужныя для жителей по причинѣ безпрестанныхъ пожаровъ. Вместе съ тѣмъ привозилось много мѣа, нужнаго для законопаченья этихъ складныхъ домовъ ²⁾. Лѣсная порубка производилась преимущественно на Двинѣ, на Клязьмѣ, по Волгѣ, около Вязьмы, Калуги, Козельска и другихъ мѣсть, прилежавшихъ къ Окскому бассейну ³⁾. Вывозъ лѣса за границу происходилъ черезъ Двинскій портъ изъ ближайшихъ придвинскихъ лѣсовъ, а также изъ Смоленской области по Западной Двинѣ ⁴⁾. Иностранцы покупали у русскихъ старыя хвойныя деревья на матчы.

Въ половинѣ XVI вѣка англичане покупали въ Тотмѣ бревна отъ 15 до 16 сажень въ длину и въ полъ-аршина въ узкомъ концѣ отруба ⁵⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ на рѣкѣ Югѣ нашли превосходныя матчы и тогда составила изъ иностранцевъ компанія для вывоза лѣса за границу; она взяла у казны на откупъ торговлю лѣсомъ и въ 1670 году нагрузила 4 корабля. Эта компанія получала огромныя барыши, ибо дерево обходилось за всѣми издержками отъ 25 до 30 коп., а она продавала его отъ 4 до 5 рублей ⁶⁾.

Мастерства: плотничное, столярное, судостроительное и мелкиихъ деревянныхъ издѣлій были издавна растространены въ Россіи. Были мѣста, которыя славились какими-нибудь издѣліями; такъ, напр., въ Козьмодемьянскѣ работали ящики и сундуки ⁷⁾; въ Калугѣ дѣлали красивыя ложки и разныя деревянныя вещи, нужныя для домашняго обихода ⁸⁾; въ Каргополѣ красныя корельчатыя ложки ⁹⁾; въ Холмогорахъ дѣлались сундуки, обитыя красною юфтью или тюленью кожей, извѣстныя въ Москвѣ подъ именемъ холмогорскихъ: въ нитъ привозили въ Москву товары и потомъ продавали для домашняго обихода очень дешево ¹⁰⁾. Въ Вязьмѣ работали сани, извѣстныя по всей Россіи подъ именемъ вязьмскихъ ¹¹⁾.

Бревна, брусья и тесницы продавались, смотря по ихъ величинѣ. Въ Новгородѣ въ XVII вѣкѣ большое бревно въ длину отъ 8 до 9 саж., а въ отрубѣ отъ 8 до 9 вершковъ стоило отъ 8 до 10 алтынъ. Бревна меньшей величины продавались дешевле, напр., 7 сажень въ длину за 5 алт., въ 3 сажени — полъ-алтына, причеиъ, разумѣется, бралась во вниманіе толщина. Тесь въ Новгородѣ

¹⁾ А. А. Э., III, 363.

²⁾ Olear., 146, 149.

³⁾ Дов., V, 223.—А. А. Э., III, 363.

⁴⁾ Fletch., 33.

⁵⁾ Hawtrey. Nakl., 337.

⁶⁾ Кильбург., 51.

⁷⁾ Olear., 346.

⁸⁾ Herberst., 44.

⁹⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 55.

¹⁰⁾ Кильбург., 64.

¹¹⁾ Оп. им. Тат., 13. Врем., VIII.

продавался сотнями, и сотня стояла отъ 1 р. до 2 р., смотря по величинѣ досокъ отъ 2 до 6 саженихъ ¹⁾). Въ Москвѣ семисаженный брусъ стоялъ 15 алт., брусъ въ 5 саженихъ 8 алт. 2 деньги, четырехъ и трехсаженный брусъ отъ 5 до 6 алтынъ, бревна еловые въ три сажени четыре деньги съ половиною за бревно. Тридцать тесницъ сосновыхъ стояли 2 р., сорокъ тесницъ въ три сажени каждая длиною 1 р. 16 алт. 4 д. ²⁾). На Олонцѣ сто бревенъ стояли 6 р. ³⁾). О цѣнности дровъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ можно судить по тому, что дровъ на восемь денегъ достаточно было для того, чтобъ нанечь хлѣба изъ четверти муки ⁴⁾). Въ XVI вѣкѣ (1582 г.) сажень дровъ цѣнилась отъ 3 до 4 алтынъ, или около 40 коп. серебромъ на нынѣшнія деньги ⁵⁾). Въ Галичѣ сажень дровъ продавалась по 10 и 14 к. ⁶⁾). Въ Верхотурьѣ сажень дровъ цѣнилась отъ 20 алтынъ до 1½ р., тысяча вѣшниковъ 2 р., пудъ лыка 10 алт., досчаникъ, приготовленный для плаванія, отъ 40 до 50 р. ⁷⁾). Изъ деревянныхъ издѣлій красныя ложки работы Кирилловскаго и Терапонтскаго монастырей съ костями въ Вологдѣ проданы десятокъ за 4 алтына, а безъ костей—60 окрашенныхъ стояли 8 алтынъ. Въ Москвѣ десять ложекъ стояли отъ 5 денегъ до 2 алтынъ. Онѣ покупались и сотнями. Сотня ложекъ цѣнилась 20 алтынъ. Столъ дубовый съ ящикомъ стоялъ 9 алт. 2 деньги ⁸⁾, сани и телѣга въ XVI вѣкѣ около ¼ р. ⁹⁾, а въ половинѣ XVII вѣка сани стояли около пяти алтынъ съ половиною; за десять саней заплачено одинъ рубль пятнадцать алтынъ; дуга 2 деньги ¹⁰⁾, коробъ лубяной для укладки товаровъ въ XVI вѣкѣ 4 алтына ¹¹⁾, а коробъ для сѣдла въ XVII вѣкѣ 8 денегъ, дубовый сундукъ, окованный желѣзомъ, съ замкомъ, 6 р. 8 алт. 2 д. ¹²⁾. Въ Сибири изъ деревянныхъ издѣлій въ повсемѣстной продажѣ были лыжи, продаваемыя около 3 р. ¹³⁾. Рогожи преимущественно дѣлались въ Валдайскомъ уѣздѣ, и, кромѣ большого внутренняго употребленія, отправлялись за границу. Онѣ раздѣлялись въ торговлѣ на большія, малыя и двойныя или цыновки; послѣднія были особенностью Россіи: отъ дѣлались изъ липовой коры очень плотно. Рогожи продавались сотнями и тысячами по разнымъ цѣнамъ: малыя отъ ¼ до 2 р., большія отъ 2¼ до 3 руб., цѣна же цыновокъ простиралась до 4, 5 и 6 р. за сотню. Въ половинѣ XVI вѣка ежегодно вывозили ихъ въ Двинскій портъ до 400.000, въ Нарву болѣе 2.000 ¹⁴⁾. Тысяча рогожъ продавалась тогда отъ 12 до 18 р. ¹⁵⁾. Три рогожныхъ мѣшка,

¹⁾ Доп., III, 167—168.

²⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 10, 27.

³⁾ Доп., IV, 895.

⁴⁾ Ук. о хлѣб. и колач. вѣсу. Врем., IV.

⁵⁾ Врем., XI. О позем. влад., 22.

⁶⁾ Кильб., 168.

⁷⁾ А. И., III, 365—366.

⁸⁾ Расх. кн., 9. Врем., XIII.

⁹⁾ А. А. Э., I, 414.

¹⁰⁾ Расх. кн., 21, 37. Врем., VI.

¹¹⁾ Доп., I, 193.

¹²⁾ Расх. кн., 34, 37. Врем., XIII.

¹³⁾ Доп., II, 173.

¹⁴⁾ Кильб., 45.

¹⁵⁾ Доп., III, 148.

въ которыхъ возили муку, стоили 6 денегъ, по 2 деньги за мѣшокъ, въ Москвѣ ¹⁾).

Вина, бакалейные и москотильные товары. Иностранцы привозили въ Россію вина, сахаръ, пряности, лакомства. Вина продавались бочками, которыя были *бераметная* и *полубереметная* ²⁾, также *галенками*. Но съ 1614 года запрещено иностранцамъ продавать привозныя вина галенками, а позволено единственно бочками и *куфами* ³⁾. Это постановлено въ предупрежденіе розничной продажи, которую, однако, и потомъ иностранцы позволяли себѣ въ подрывъ хѣстимыхъ торговцамъ ⁴⁾ въ Архангельскѣ. Продолженіе тайной розничной винной продажи принудило правительство въ 1667 году издать новыя строжайшія правила и назначить въ наказаніе двойную пошлину за противозаконную розничную продажу вина, а русскимъ, покупающимъ такимъ образомъ, постановило подвергать пени (заповѣди): за первый разъ $\frac{1}{2}$ р., за второй 1 р., а за третій два рубля ⁵⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка вообще вкусъ къ винамъ въ Россіи распространился такъ, что иностранцы привозили винъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и потому правительство, страшась, чтобъ распространеніе вина не подрывало казенной продажи хлѣбнаго вина, повысило пошлины на иностранное вино ⁶⁾.

Въ XVII вѣкѣ иноземныя вина были преимущественно французскія и испанскія, продавались бочками, куфами, пипами и океофтами ⁷⁾. Ихъ привозили голландцы, англичане, нѣмцы и шведы: послѣдніе покупали французское вино и доставляли въ Россію ⁸⁾. Распоряженіе, чтобъ иностранцы продавали привозныя вина единственно оптомъ, сосредоточивало эту торговлю въ рукахъ гостей и вообще первоклассныхъ купцовъ. Купленные у иностранцевъ вина содержались въ погребахъ въ бочкахъ и продавались галенками и кружками; галенкою называлась посуда изъ луженой мѣди, довольно непріятная по своей физиономіи. Въ Москвѣ погреба были вмѣстѣ и тавернами, потому что покупателю всегда предлагали пробовать покупаемое вино изъ скляницъ, и подъ этимъ предлогомъ продавали его чарками и рюмками. Погреба были частные и казенные ⁹⁾. Каждогодно царь, отравляя гостей съ дѣловальниками въ Архангельскъ для закупки товаровъ, приказывалъ въ числѣ ихъ покупать значительныя пропорціи винъ, которыя служили не только для царскаго стола и нужды двора, но и для публичной продажи ¹⁰⁾. Всѣ частные погреба были обложены оброкомъ. Въ Москвѣ, при Алексѣй Михайловичѣ, за погребъ платили до 9 р. годового оброка ¹¹⁾.

Употребительные у русскихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ виды винъ были: мускатель, аликанте, канарское, романея, бастертъ или бастръ, испанское, пен-

¹⁾ Расх. кн., 37. Врем., XIII.

²⁾ Доп., III, 206.

³⁾ А. А. Э., III, 21.

⁴⁾ Доп., III, 196.

⁵⁾ Доп., V, 192—193.

⁶⁾ С. Г. Гр., IV, 198.

⁷⁾ Кильб., 93.

⁸⁾ Доп., V, 411.

⁹⁾ Кильб., 189.

¹⁰⁾ Доп., III, 206.

¹¹⁾ Кильб., 189.

ское ¹⁾, малвазія, киварея, бѣлое и красное французское церковное ²⁾, разные привозныя водки ³⁾, укусы романейскій, ренскій съ травкою и безъ травки ⁴⁾ и разносолъ, питье, воспрещаемое въ розничной продажѣ вмѣстѣ съ другими винами и водками ⁵⁾. Въ концѣ XVI вѣка платили за бочку аликанте и мускателя 12 р., канарскаго—10 р., ренскаго краснаго и испанскаго—6 р., жуискаго—2 р. ⁶⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ ведро романен продано за 25 алт., ведро ренскаго—30 алт., аликанте—1 р., разносолу 13 алт. 2 д. ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ цѣны на вина были гораздо значительнѣе: за пину испанскаго платили отъ 50 до 80 р., бѣлаго французскаго—отъ 20 до 30 р., краснаго—отъ 10 до 18 р. ⁸⁾. Вина высшаго достоинства подвергались большой пошлинѣ; аликанте, бастръ, малвазія и мускатель облагались пошлинами въ 60 ефимковъ за бочку, романен по 40 ефимковъ, ренское 20 ефимковъ, а церковное вино подвергалось только шести ефимкамъ съ бочки; съ водокъ брали по 6 ефимковъ съ погребца. Сверхъ того иноземцы, которые пожелаали бы сами везти на оптовую продажу во внутренность государства свое вино, платили еще пятиалтынную съ рубля пошлину ⁹⁾.

Торговля съ англичанами развивала въ русской жизни употребленіе сахара и сахарныхъ лакомствъ. Подъ именемъ сахара у русскихъ разумѣлся не одинъ собственно сахаръ, но вообще всякія лакомства, конфеты и пряности, приготовленныя въ сахарѣ, такъ, напр., говорилось: сахаръ на гвоздикѣ, сахаръ на корицѣ, сахаръ на миндальныхъ ядрахъ и проч. Собственно сахаръ у насъ раздѣлялся на головной ¹⁰⁾, коробчатый, сахаръ на спицахъ ¹¹⁾, горшечный или медисъ и леденецъ ¹²⁾. Головной сахаръ былъ бѣлый и желтый. Въ концѣ XVI вѣка фунтъ бѣлаго продавался отъ 1 гривны до $\frac{1}{4}$ р., желтаго отъ 8 д. до гривны, коробчатого—отъ полугривны или 1 алт. 4 д. до гривны или 3 алт. 2 д., сахаръ на спицахъ стоилъ отъ 3 до 5 алтынъ, леденецъ отъ 10 до 20 алтынъ ¹³⁾. По другому извѣстію, въ концѣ XVI вѣка головного сахару привезено было однажды 42 пуда по 4 р. пудъ, и 12 пудовъ коробчатого также по 4 р. пудъ ¹⁴⁾. Переводя тогдашнія деньги на настоящія по вѣсу и принимая рубль XVI вѣка за 3 р. 20 к. XIX вѣка, мы найдемъ, что пудъ сахару стоилъ тогда на наши деньги 12 р. 80 к., а фунтъ продавался отъ 32 коп. до $\frac{3}{4}$ р. и до 80 коп., но худшаго сахару фунтъ доходилъ и до 16 коп. Въ 1674 году пудъ горшечнаго сахару или медиса стоилъ отъ 4 до 6 р. (на наши деньги отъ 8 р.

¹⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 21.

²⁾ Доп., III, 206.

³⁾ П. С. З., II, 558.

⁴⁾ Доп., III, 206.

⁵⁾ Доп., V, 195—196.

⁶⁾ Торг. кн., 21. Врем., VIII.

⁷⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 17.

⁸⁾ Кильб., 115.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 198.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Торг. кн., 16. Врем., VIII.

¹²⁾ С. Г. Гр., IV, 198.—Кильбург.

¹³⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 16.

¹⁴⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

32 к. до 12 съ полтиною), сѣраго леденцу отъ 6 до 10 р. (отъ 12¹/₂ до 21¹/₂ на наши деньги). Сахаръ привозился въ Россію въ бочкахъ, ящикахъ, коробкахъ въ небольшомъ количествѣ, потому что онъ составлялъ только принадлежность лакомствъ. Въ 1673 г. ввезено леденца 42 бочки, горшечнаго сахара—2 бочки, конфетнаго—2 бочки и 6 ящиковъ леденца. Вообще каждому можно положить количество привозимаго въ Россію сахара отъ 50 до 60 бочекъ, но каждаго рода привозъ былъ то болѣе, то менѣе въ тотъ или другой годъ; напр., одинъ годъ привозили болѣе горшечнаго сахара, другой годъ болѣе леденца. Приготовленныхъ въ сахарѣ плодовъ и приностей привозили болѣе, чѣмъ чистаго сахара, напр., въ 1671 году привезено было 943 бочки винныхъ ягодъ, 367 бочекъ и 200 коробовъ изюму, 98 бочекъ варенаго инбирю, 70 бочекъ конфетъ; въ 1672 году—677 боченковъ винныхъ ягодъ, 481 тонна изюму и 1 бочка коринокъ; въ 1673—834 тонны и 1608 коробовъ варенаго инбирю и 35 бочекъ вареныхъ лимоновъ ¹⁾. Въ числѣ подобныхъ лакомствъ были сахаръ на инбирѣ и арбузы, вареные въ сахарѣ; перваго въ XVI вѣкѣ фунтъ стоилъ отъ 10 до 20 алт., а послѣднихъ—фунтъ отъ 3 до 10 алт. ²⁾. Въ XVII вѣкѣ пудъ цукатовъ стоилъ отъ 3¹/₂ до 6 рублей.

Русскіе чрезвычайно любили всякія пряности, особенно перецъ, шафранъ и корицу; вообще пряности составляли необходимую принадлежность хорошаго стола ³⁾. Изъ привозимыхъ въ Архангельскъ пряностей упоминаются: перецъ, шафранъ, мускатный цвѣтъ, корица, кардамонъ, гвоздика; они продавались мѣшечками, ящиками, боченками, кипами и связками. Перцу привезено было въ 1671 году 162 связки, въ 1672—121 связка, въ 1673—5 боченковъ, 116 кипъ и 50 связокъ; шафрана въ 1671—4 бочки, 3 ящ., 2 пуда, въ 1672—4 мѣшечка, 1 ящ., 3 ф., въ 1673—1 ящ., 11 ф.; кардамона въ 1671—3 боч., 2 мѣшка, въ 1672—6 тоннъ, 1 связка, 5 п. и 5 ф.; гвоздики въ 1671—11 бочекъ, въ 1672—6 бочекъ 3 п., въ 1673—9 боч. 4 п.; корицы въ 1672—2 пучка, 3 ящ., въ 1673—6 пуч., 2 связки и одинъ мѣшокъ ⁴⁾. Мускатный орѣхъ и цвѣтъ привозились въ небольшомъ количествѣ. Деревянное масло привозилось въ значительномъ количествѣ; въ 1671 привезено 666 бочекъ, въ 1672—135, въ 1673—801.

Перецъ былъ черный и дикій; первый цѣнился выше—въ 5 р. за пудъ, а дикій—въ 1 р. за пудъ ⁵⁾. Въ розничной продажѣ въ XVI вѣкѣ перецъ продавался за фунтъ отъ 20 денегъ ⁶⁾ до 12 алт. ⁷⁾, но средняя его цѣна была отъ 6 до 8 алтынъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка фунтъ перцу стоилъ 6 алтынъ ⁸⁾. Шафранъ въ XVI вѣкѣ продавался за фунтъ отъ 2 до 3 р., въ половинѣ XVII вѣка—отъ 1 р. 8 алт. и 1 р. 25 алт. до 2 р. 10 алтынъ ⁹⁾.

¹⁾ Кильбург.

²⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 16, 18.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Кильбург., 87, 117.

⁵⁾ Ист. Г. Р., X. Прим. 462.

⁶⁾ А. А. Э., I. 403.

⁷⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 124.

⁸⁾ Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

⁹⁾ Ibid.—Кильбург.

Гвоздика и корица въ половинѣ XVI вѣка продавались фунтъ по 1 р. ¹⁾, въ концѣ XVI вѣка по 20 алтынъ ²⁾, въ половинѣ XVII вѣка по 26 алт. 4 д. ³⁾; въ 1674 г. пудъ отъ 25 до 70 рублей ⁴⁾. Кардамонъ въ XVI вѣкѣ фунтъ стоилъ полтину ⁵⁾, въ 1674 году пудъ стоилъ отъ 13 до 25 р. ⁶⁾. Имбирю фунтъ стоилъ въ половинѣ XVI вѣка отъ 5 до 8 алтынъ ⁷⁾, въ концѣ XVI вѣка отъ 4 до 6 алтынъ 4 д. ⁸⁾, а въ половинѣ XVII вѣка отъ 2 алт. 8 д. до 5 алт. 2 д. ⁹⁾. Пудъ изюму въ концѣ XVI вѣка продавался отъ 13 алт. 2 д. до 1 р. ¹⁰⁾, средняя же цѣна была ему 23 алт. 2 д. за пудъ ¹¹⁾, а въ половинѣ XVII вѣка, отъ 1¹/₂ р. до 2 р. ¹²⁾. Черносливу пудъ стоилъ въ XVI вѣкѣ отъ 11 грошей до 1¹/₂ р. ¹³⁾. Винныя ягоды продавались въ XVII вѣкѣ отъ 1¹/₂ до 2¹/₄ р. за пудъ ¹⁴⁾. Пудъ сарацинскаго шмена въ XVII вѣкѣ стоилъ 2 р. 19 алт. 4 д. ¹⁵⁾, рису отъ 80 коп. до 1 р. 60 к. ¹⁶⁾. Орѣхи были въ торговлѣ: скатные, зеленые, бѣлые, синіе; зеленые цѣнились въ XVI вѣкѣ 2 р. за пудъ, а синіе—отъ 2 алт. до гривны за фунтъ, орѣхи бѣлые—отъ 1 алт. до 1 алт. 4 д. за фунтъ ¹⁷⁾; въ XVII вѣкѣ орѣхи вообще продавались отъ 16 до 30 р. за пудъ ¹⁸⁾. Грецкіе орѣхи продавались счетомъ. Въ концѣ XVI вѣка тысяча грецкихъ орѣховъ стоила 11 алтынъ. Лимоны покупались поштучно; въ концѣ XVI вѣка платили 2 д. за штуку ¹⁹⁾. Чернильные орѣшки въ XVI вѣкѣ продавались отъ 6 до 8 талеровъ за пудъ, т.-е. отъ 2 р. 5 алт. 3 д. или отъ 2 р. 18 алт. 1 д. до 2 р. 29 алт. 2 д. или до 3 р. 12 алтынъ ²⁰⁾. Въ XVII столѣтіи пудъ чернильныхъ орѣшковъ продавался отъ 3 до 6 рублей ²¹⁾. Цѣнность деревяннаго масла въ первой половинѣ XVII вѣка была отъ 3 алт. 1 д. до 4 алт. 2 д. за фунтъ ²²⁾, во второй половинѣ—за фунтъ отъ 2 алт. 2 д. до 12 алт. 3 д., или отъ 2 до 5 р. за пудъ ²³⁾. Ладанъ привозился въ

1) Раф. Барб., 56.

2) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

3) Расх. кн., 35. Врем., XIII.

4) Кильбург.

5) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

6) Кильбург.

7) Барбер., 56.

8) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

9) Расх. кн. Врем., XIII.

10) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

11) Ист. Г. Р., X. Прим. 462.

12) Врем., XIII. Расх. кн. Кильбург., 116.

13) Ibid.

14) Кильбург.

15) Расх. кн., 47. Врем., XIII.

16) Кильбург.

17) Торг. кн., 122—123. З. А. О., I.

18) Кильбург.

19) Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

20) Барберини.

21) Кильбург., 116.

22) Расходн. кн., 56. Врем., XIII.

23) Кильбург., 116—117.

Россію въ значительномъ количествѣ: такъ въ 1671 г. привезено было 401 бочка и 13 ящиковъ ладану. Русскіе любили самый лучший ладанъ. Въ XVI вѣкѣ ладанъ продавался около 7 р. 5 алт. 5 д. или около 8 р. 13 алт. 2 д.; въ концѣ XVI вѣка пудъ бѣлаго ладана продавался отъ 2 до 9 р., желтаго—отъ 1 р. 21 алт. 4 д. до 7 рублей ¹⁾. Въ первой половинѣ XVII вѣка ладанъ продавался и по 10 д. и по 5 алт. за фунтъ ²⁾, слѣдовательно пудъ отъ 1 руб. 13 алт. до 6 рублей. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича бѣлый ладанъ продавался отъ 6 до 10 р., а сѣрый отъ 3 до 6 р. за пудъ ³⁾. Кромя еврапейцевъ, къ намъ привозили ладанъ съ Востока: такъ въ 1694 году армяне привезли 95½ пудовъ ладану ⁴⁾. Ладанъ худшаго достоинства назывался темьянъ: пудъ его стоилъ отъ 20 алт. до 1 р. ⁵⁾. Въ Россіи обрабатывали его темьянные мастера. Въ 1623 году въ Псковѣ такая работа происходила въ темьянной избѣ передъ таможенными головами и цѣловальниками, съ платою пошлыны по 7 алт. съ пуда. Они обязаны были класть двѣ доли ладанной муки и одну долю воску ⁶⁾.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ числѣ разныхъ привозныхъ травъ явился и чай: его привозили изъ Китая вмѣстѣ съ бадьяномъ. Онъ продавался фунтами въ бумагѣ, на которой были написаны китайскія буквы. Иностранцы говорили о немъ, какъ о рѣдкости. Русскіе начинали употреблять его въ нить съ сахаромъ и приписывали ему цѣлительную силу противъ желудочнаго разстройства ⁷⁾, а также считали предохранительнымъ средствомъ противъ пьянства и пили его на похмелье ⁸⁾. Сибирскіе купцы привезли хину: ее продавали въ Москвѣ отъ 10 алт. до 13 алт. 2 деньги.

Солодковый корень и ревенъ составляли предметы вывозной торговли. Солодковый корень собирался по берегамъ Волги и продавался въ Москвѣ кусками, очищенными отъ коры. Въ концѣ XVI вѣка онъ стоилъ отъ 1 д. до 3 алт. за фунтъ ⁹⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка за пудъ до 2 р. 13 алт. 2 д. ¹⁰⁾. Торговля ревенемъ была собственностью казны. Ревенъ получался изъ Бухаріи и переходилъ въ Европу черезъ Россію. Главное мѣсто его склада было въ Тобольскѣ, куда привозили его бухарцы и татары, а также и русскіе, вѣздившіе за нимъ въ Вухарію. Въ 1657 году подъ смертной казнью запрещалось торговать ревенемъ. Привозившіе въ Тобольскъ ревенъ должны были отдавать его начальству, которое препровождало его въ казну ¹¹⁾. При Теодорѣ Алексѣевичѣ позволялось купцамъ, записавшимся въ Тобольскѣ, везти самнитъ ревенъ въ Москву на продажу въ казну, но отнюдь не торговать имъ на дорогѣ, такъ чтобы количество,

¹⁾ Торг. кн., 124. З. Арх. Общ., I.

²⁾ Расх. кн., 24, 27. Врем., XIII.

³⁾ Кильбург., 116—117.

⁴⁾ А. И., V, 420—421.

⁵⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 18.

⁶⁾ А. А. Э., III, 192.

⁷⁾ Кола., 23.

⁸⁾ Кильбург., 65.

⁹⁾ Торг. кн., 122. З. А. Общ., I.

¹⁰⁾ Кильбург., 71.

¹¹⁾ С. Г. і'р., IV, 28—29.

доставляемое въ Москву, было именно то, которое значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной въ Тобольскѣ ¹⁾). Въ концѣ XVII вѣка ревенъ отыскивали и въ Сибири. Въ 1696 году приказано искать это растение вокругъ Нерчинска ²⁾, а годъ передъ тѣмъ торговля ревенемъ въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тарѣ и повсюду въ Сибири, какъ въ городахъ, такъ и въ степяхъ, гдѣ ревенъ могъ быть найденъ, отдана на откупъ гамбургскому торговцу Поппе на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ не продавалъ его безплатно за границу ³⁾ и не посылалъ для закупки его по Сибири нѣмцевъ.

Несмотря, однако, на строгія мѣры, тайная торговля ревенемъ была сильно распространена въ Россіи ⁴⁾. Въ торговлѣ отличали два рода корня ревеня: копытчатый и черенковый ⁵⁾. Первый, высшаго достоинства, различали по добротѣ, круглостѣ, плотности и черноокрасному цвѣту ⁶⁾; фунтъ ревеня въ XVI вѣкѣ стоилъ отъ 2 до 10 алтынъ ⁷⁾.

Въ XVII вѣкѣ довольно важна сдѣлалась торговля мареною. Многие торговцы оставляли другіе предметы, чтобъ обратить дѣятельность на марену. Марена произрастала около Терка на протяженіи шестидесяти верстъ. Жители Терка и гребенскіе козаки собирали ее и продавали персидскимъ купцамъ. Каждогодно изъ Персіи приходило по шести и осьми бусъ, которыя нагружались единственно мареною. Потребность ея увеличилась отъ того, что въ Персіи въ то время распространено было тканье окрашенныхъ матерій. Марена продавалась мѣнами; каждый мѣхъ заключалъ полтора пуда. Персидскіе купцы платили за пудъ отъ 17 до 20 алт., а въ Персіи продавали отъ 1¹/₂ р. до двухъ рублей. Однажды, когда воровскіе козаки преградили путь персидскимъ купцамъ до Терка, цѣна на марену въ Персіи возросла до 7 р. за пудъ. Правительство долго не знало объ этомъ промыслѣ, пока одинъ казановецъ, желая отличиться, не подалъ проекта взять его промыселъ въ казну. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ объявить жителямъ Терка, чтобъ они не продавали марены въ Персію, а доставляли ее въ казну, которая будетъ платить имъ съ прибавкою. Въ 1650 году велѣно было соорудить въ Теркѣ амбары для складки марены и выбрать поля для обработки марены наймомъ отъ казны ⁸⁾.

Изъ произведеній Россіи, вывозимыхъ за границу, остается упомянуть о листовничной губкѣ и капѣ. Первая добывалась на сѣверѣ и отпускалась за границу; въ половинѣ XVII вѣка отпускъ ея приблизительно доходилъ до 60 пудовъ. Купцы различали ея доброту по мѣрѣ мягкости, легкости, ломкости, бѣлизны и сладости на вкусъ. Древесная губка считалась хуже, ибо она была жестка ⁹⁾. Капомъ назывался застывшій березовый сокъ, который въ твердомъ состояніи можно было употреблять на токарныя работы. Изъ него дѣлали ложки

¹⁾ А. И., V, 91.

²⁾ А. И., V, 468.

³⁾ А. И., V, 444.

⁴⁾ Кильбург., 49.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 28.

⁶⁾ Кильбург., 49.

⁷⁾ Торг. кн., 122. З. А. О., I.

⁸⁾ А. И., IV, 143.

⁹⁾ Кильб., 49.

и чарки для питья. Онъ былъ очень дорогъ. Ложка изъ капа стоила отъ 40 до 60 коп., чарка до 5 рублей.

Табакъ—зелье, строго запрещенное—былъ, однако, въ повсемѣстномъ употребленіи, ибо русскіе его любили. Въ половинѣ XVII вѣка фунтъ табаку стоилъ 40 алтынъ ¹⁾).

3. Предметы царства животнаго.

Многочисленныя рѣки Россіи издавна были богаты рыбою. Обычай свято сохранять посты, установленные Церковью, развилъ у насъ повсемѣстно рыбные промыслы и рыбную торговлю. Не было рѣки или озерца, гдѣ бы не занимались рыболовствомъ; не было базара, гдѣ бы рыба не была самымъ обыкновеннымъ товаромъ ²⁾). Но мѣста, гдѣ производились рыбныя ловли и куда поэтому склонялась рыбная торговля, были берега Сѣвернаго моря, русла рѣкъ: Двины, Ваги, Пинеги, Мезени, Волхова; озера: Ладожское, Вѣлое, Ильмень, Селигеръ, Переяславское, Галицкое; русла Шексны, Оки, Дона и Волги на всѣмъ ея протяженіи, а въ особенности въ низовьяхъ около Астрахани ³⁾). Обыкновенные, составлявшіе цѣнные предметы оптовой торговли, роды рыбъ были: семга, треска, лососина, сиги, лодога, снятки и красная рыба, подъ которою разумѣлись: осетръ, стерлядь, бѣлорыбца, бѣлуга, севрюга (по старинному шеврига). Ловля семги производилась у Колы, на лапонской границѣ, въ Двинѣ выше Архангельска, въ Мезенѣ, Пинегѣ, Емцѣ и вообще по морю, но главный промыселъ былъ въ Колѣ, гдѣ ежегодно налавливали ее до 200 ластовъ ⁴⁾). Треска и палтусъ ловились на Ледовитомъ морѣ ⁵⁾). Сиги, лососи, лодоги, сырты были рыбы Ладожскаго озера и его протоковъ, напримѣръ, рѣки Волховца ⁶⁾). Снятки ловились въ Вѣломъ озерѣ и также въ сѣверныхъ рѣкахъ ⁷⁾). Сельди—въ Вѣломъ морѣ ⁸⁾, въ разныхъ рѣкахъ и озерахъ: въ Селигерѣ ⁹⁾, въ Валдайскомъ ¹⁰⁾, въ Галицкомъ ¹¹⁾, но лучшими сельдями считались переяславскія ¹²⁾). Ловля красной рыбы производилась преимущественно въ Волгѣ ¹³⁾; но красная рыба попадалась также

¹⁾ Кильб., 60.

²⁾ А. г. Шун, 64.

³⁾ П. С. З., I, 286, 368. II, 213. — А. А. Э., I, 113, 389. II, 117, 275. III, 13, 16, 79, 158, 219, 248. — А. И., I, 327. III, 193. IV, 360, 460. V, 28. — Доп., I, 125, 213, 394. II, 87, 93, 151. III, 327. IV, 338. V, 48. — Врем., XIII. Расх. кн. Ник. — Olear., 204, 353, 361, 367, 373. — Fletch., 27. — Jenkins., 364. — Herberst., 44. — Кильбург., 22.

⁴⁾ Кильбург., 22. — Доп., IV, 338, 380.

⁵⁾ А. И., IV, 360.

⁶⁾ А. А. Э., III, 157—158.

⁷⁾ А. А. Э., II, 180.

⁸⁾ Herberst., 52.

⁹⁾ А. А. Э., II, 275.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 2.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 387.

¹²⁾ А. И., I, 327.

¹³⁾ А. И., III, 272—274.

въ Окѣ ¹⁾, въ Бѣломъ озерѣ и въ Шексѣ ²⁾, гдѣ стерляди отличались вкусомъ. Въ Волгѣ ловилась рыба, обращающая на себя вниманіе по своей оригинальности, подъ названіемъ чибрика; у ней носъ былъ длинный, какъ у утки, на обоихъ бокахъ спины черныя и бѣлыя пятна, брюхо бѣлое; она была очень вкусна ³⁾. Кромѣ этихъ породъ, во всѣхъ русскихъ рѣкахъ ловились и продавались для мѣстнаго продовольствія: щуки, пискаръ, окуни, карпы, лещи, судаки, караси, гольцы и проч. Мѣста, удобныя для рыбной ловли, назывались *тонями*, съ придачею названія рыбъ, которыхъ преимущественно ловили въ этихъ тоняхъ. Такъ, напримѣръ, были тони сиговыя, снятейныя ⁴⁾. Въ Заонежѣ рыбныя ловли означались *мердами* ⁵⁾, на Волгѣ *связками* и *частиками*. Частикъ составлялъ сто саженой: въ частичкѣ было двѣ связки съ четвертью, слѣдовательно, въ связкѣ было около 45 саженой ⁶⁾. Въ Астрахани мѣста, гдѣ ловили красную рыбу и приготавливали ее соленьемъ, назывались *учуи* ⁷⁾. Ловля рыбы совершалась неводами, баграми, крюками, которые у рыболововъ назывались *гарями*, *переметными керешками*, *тагасами* и проч.; рыболовы во время ловли плавали на карбасахъ, челнахъ и сакахъ, а иногда строили *нзы* или заборы для загона туда рыбы ⁸⁾. По временамъ года рыбная ловля называлась вешняя, осенняя и подледная ⁹⁾. Хотя рыболовствомъ занимались повсюду, но во многихъ мѣстахъ рыболовы составляли слободы, т.-е. корпораціи или цехи, съ правами, сопряженными съ этимъ занятіемъ. Такія рыболовныя слободы существовали, напримѣръ, на Галицкомъ озерѣ ¹⁰⁾, на Переяславскомъ, гдѣ жили царскіе рыболовы ¹¹⁾, на Волгѣ близъ Романова ¹²⁾, на Бѣломъ озерѣ, на Дону, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Они носили названіе *рыбныхъ ловцовъ* ¹³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимались рыбнымъ промысломъ другого рода работники, и назывались *неводчики* ¹⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Переяславскомъ озерѣ, рыбные ловцы обязаны были доставлять натурою сельдей въ опредѣленное время, и такое хозяйственное для царя значеніе Переяславскаго озера сохранялось неизмѣнно въ продолженіе вѣковъ ¹⁵⁾. На Бѣломъ озерѣ рыбный промыселъ отправлялся также записанными въ особый списокъ и составлявшими корпорацію ловцами; они были обязаны ловить рыбу для царской казны. Въ городѣ былъ построенъ рыбный дворъ, гдѣ находился приказчикъ, а съ нимъ пѣловальники, выбранные изъ бѣлозерскихъ посадскихъ: они выбирались жителями для надзора,

¹⁾ Herberst., 114.

²⁾ Доп., IV, 92. V, 48.

³⁾ Olear., 367.

⁴⁾ А. А. Э., III, 157.

⁵⁾ А. И., III, 71.

⁶⁾ А. А. Э., I, 412.

⁷⁾ А. И., IV, 193.

⁸⁾ А. И., I, 327.—А. А. Э., I, 425.—Доп., II, 99.

⁹⁾ А. А. Э., I, 389.

¹⁰⁾ А. А. Э., I, 113.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 114.—А. И., IV, 458.

¹²⁾ А. А. Э., III, 248—251.

¹³⁾ Доп., V, 47.

¹⁴⁾ С. Г. Гр., I, 327.

¹⁵⁾ А. А. Э., I, 114.—А. И., IV, 458.

укладки, отправки рыбы, для строенія садковъ, гдѣ хранилась пойманная живая рыба до отправки. Сверхъ того, жители были обязаны доставлять гребцовъ. Живая рыба отправлялась въ прорѣзныхъ судахъ до Ярославля, подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ и доходила до Москвы, гдѣ шла во всеобщую продажу отъ казны. Рыбные ловцы не смѣли никому продавать царской рыбы на сторону ¹⁾. Но кромѣ рыбныхъ ловцовъ, составлявшихъ сословіе, обязанное ловить рыбу для царской казны, на бѣлозерскія ловли допускались и другіе оброчники или закупщики—крестьяне и бобыли разныхъ вѣдомствъ, платя пошлины съ лодокъ, съ челновъ, съ саковъ, съ керешекъ, а впоследствии, въ половинѣ XVII вѣка, съ цѣнности рыбы ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ рыбные ловцы хотя составляли сословіе, но, вмѣсто доставки рыбы натурою, платили оброкъ по оброчнымъ грамотамъ и продавали уловъ свой свободно. Такимъ правиламъ, между прочимъ, подчинены были ильменскіе и галицкіе рыболовы ³⁾. Тверскія и городенскія рыбныя ловли отдавались на оброкъ. На Ладожскомъ озерѣ хотя ладожскіе рыболовы и ловили для царя извѣстное количество рыбъ, напримѣръ, при Феодорѣ Іоанновичѣ 640 сиговъ, 640 лодогъ и 640 сыртей ⁴⁾, иной годъ болѣе, другой менѣе, смотря по приказанію, но тѣмъ не менѣе промышленникамъ предоставлялось свободно заниматься рыбною ловлею, съ платою оброка или бережной пошлины. Отъ этихъ пошлинъ освобождались только монастыри, нѣкѣшніе тарханныя грамоты ⁵⁾. На рѣкѣ Волховцѣ, на Птиновскомъ островѣ (и вѣроятно на всемъ Ладожскомъ озерѣ) за ловлю сиговъ бралась, кромѣ бережной пошлины, за отвозъ въ Ладогу наловленной рыбы *ладощина*, а за набивку рыбъ въ бочку *бочечное* ⁶⁾. Въ Вотской и Обонежской патинахъ рыбныя ловли отдавались въ оброкъ рыболовамъ и для сбора законныхъ пошлинъ посылались сытники ⁷⁾. На Сѣверномъ морѣ, Двинѣ и вообще на сѣверныхъ рѣкахъ рыбныя ловли были свободны, и, повидимому, не считались царскою собственностью, какъ въ другихъ мѣстахъ, но въ пользу царя собиралась десятая рыба со всѣхъ, кромѣ монастырскихъ людей и крестьянъ, когда монастыри пользовались тарханскими грамотами, освобождавшими ихъ отъ этихъ повинностей ⁸⁾. Выборные цѣловальники ѣздили по рыболовнымъ и собирали рыбу натурою, а потомъ привозили къ воеводамъ. Такъ въ 1663 году значится 61 пудъ десятой рыбы, доставленной двинскому воеводѣ ⁹⁾. На Волгѣ, какъ, напримѣръ, въ Казани, Самарѣ, Саратовѣ и Царицинѣ ¹⁰⁾, царскія ловли отдавались съ оброка. Астраханскіе рыбные промыслы, самые важнѣйшіе въ Россіи, составляли исключительное достояніе царской казны и производство ихъ совершалось различнымъ способомъ: или вѣрные головы и цѣловальники держали ихъ на вѣрѣ, и про-

¹⁾ Доп., I, 349, 396.—Доп., IV, 92—93.

²⁾ Доп., V, 48.

³⁾ А. А. Э., I, 113, 387.—Доп., I, 125.—П. С. З., I, 368.

⁴⁾ А. А. Э., I, 389.

⁵⁾ А. И., V, 28.—П. С. З., II, 212.

⁶⁾ А. А. Э., III, 158.

⁷⁾ Доп., I, 188.

⁸⁾ А. И., III, 52.

⁹⁾ Доп., IV, 338.

¹⁰⁾ А. А. Э., III, 219.

изводили промышленныя работы хозяйственнымъ образомъ, или они отдавались на откупъ, или на оброкъ. Тѣ же мѣста, которыя оставались безъ производства работы, назывались порожнии ¹⁾). Рыбная ловля въ Астрахани обходилась вообще дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волги, потому что наемъ работниковъ стоилъ дороже, поэтому производство работъ отъ казны и содержаніе рыболовныхъ заведеній на вѣрѣ почиталось не вполне выгоднымъ дѣломъ и правительство считало гораздо удобнѣе отдавать учуги на откупъ, а собственно рыбныя ловли (связками и неводами) на оброкъ. Въ половинѣ XVII вѣка высокая откупная плата за учуги произвела то, что множество учуговъ оставались порожниими; поэтому правительство приказывало отдавать ихъ дешево, лишь бы они не оставались пустыми ²⁾). Нѣкоторые же учуги отдавались въ оброкъ, напротивъ, въ 1652 году патриарху, съ платою 427 р. 24 алт. 1 д. въ годъ. Работы на учугахъ производились наемными людьми, прибывавшими для этого промысла ежегодно изъ верховныхъ провинцій, а на патриаршихъ учугахъ патриаршими людьми, нарочно для того посылаемыми подъ надзоромъ патриаршихъ приказныхъ или дѣтей боярскихъ ³⁾). Откупщики учужинные и рыболовы-оброчники были сами продавцами рыбы, и правительство приказывало, чтобъ рыбные ловцы продавали одну только свѣжую рыбу, а отнюдь не соленую, чтобъ не подрывать учужниковъ. Поэтому, продажа свѣжей рыбы съ астраханскихъ ловель была подъ надзоромъ нарочно назначенныхъ для того дѣтей боярскихъ ⁴⁾).

Владѣльцы частныхъ рыбныхъ ловель также производили работы или посредствомъ своихъ людей и крестьянъ ихъ, или отдавали ихъ на оброкъ. Рыбныя ловли Соловецкаго монастыря въ XVII вѣкѣ были всѣ отданы на откупъ ⁵⁾. Оброчная плата за частныя ловли зависѣла нерѣдко отъ положенія ихъ и отъ сосѣдства, такъ что иногда никто не хотѣлъ брать въ оброкъ рыбныхъ ловель по причинѣ безпокойнаго сосѣдства ⁶⁾). Ловли, производимыя посредствомъ крестьянъ, назывались въ Новгородской землѣ вежами, какъ это видно изъ одной грамоты, гдѣ ловля *вежами* противопоставляется ловлѣ *съ оброка* ⁷⁾). Вообще частныя рыбныя промыслы не могли имѣть большого значенія по причинѣ совмѣстничества казенныхъ. Достаточно для подтвержденія этого указать на нѣкоторые случаи. Въ Казани при Михаилѣ Феодоровичѣ, въ 1624 году ⁸⁾, были различныя рыбныя ловли: царскія, митрополичья, монастырскія, — всѣ онѣ отдавались на оброкъ. Было замѣчено, что царскій рыбный доходъ началъ уменьшаться оттого, что оброчные ловцы, вмѣсто того, чтобъ брать въ оброчное содержаніе царскія рыбныя ловли, находили для себя выгоднѣе снимать ловли митрополичья и монастырскія, да кромѣ того отправлялись въ Самару и Саратовъ, гдѣ тогда уже развивалось рыболовство. Правительство запретило имъ брать въ оброкъ владычнія и монастырскія ловли, равно уходить въ низовья, но

¹⁾ Доп., II, 151.

²⁾ А. И., IV, 133.

³⁾ П. С. З., I, 286.

⁴⁾ А. И., III, 193.

⁵⁾ Кильб., 28.

⁶⁾ Оп. г. Шуй, 346—347.

⁷⁾ А. И., V, 2.

⁸⁾ А. А. Э., III, 219.

приказывало непремѣнно брать въ оброкъ царскія рыбныя ловли. На Волгѣ и Шекснѣ въ 1626 году запрещено было продавать красную свѣжую рыбу ¹⁾, а при Теодорѣ Алексѣевичѣ митрополичьи рыбныя ловли на Ильменѣ, отдаваемыя оброчникамъ, которые, въ свою очередь, раздавали ихъ захребетникамъ, велѣно отобрать въ казну и платить митрополиту ту сумму, какую давали оброчники ²⁾.

Торговля рыбою въ Московскомъ Государствѣ была царская и частная. Рыба, доставляемая съ астраханскихъ царскихъ рыболовныхъ заведеній, состоявшихъ на вѣрѣ, отправлялась на судахъ въ Москву и лучшая изъ нея доставлялась къ царскому столу, а остальная шла на продажу ³⁾. Астрахань—важнѣйшее мѣсто добыванія рыбы—была вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій рыбный рынокъ. Торговля производилась какъ свѣжою, такъ и соленою рыбою. Свѣжая продавалась въ городѣ на *исадахъ*, какъ выше сказано, самими ловцами, снимавшими воды на оброкъ ⁴⁾. Такъ какъ у нихъ скупали рыбу прасолы, которые потомъ значительно набавляли цѣну на рыбу, то правительство, стараясь остановить ихъ самовольство, установило, чтобы прасолы являлись на торгъ не иначе, какъ послѣ 3-го часа дня, и притомъ дозволяло имъ брать барышей не болѣе пяти алтынь съ рубля ⁵⁾. Каждый годъ приплывали въ Астрахань весною и осенью суда и привозили хлѣбныя запасы, а вывозили рыбу и икру ⁶⁾; купцы прѣзжали за рыбою изъ разныхъ верховыхъ мѣстъ, особенно изъ Казани, Нижняго и Ярославля ⁷⁾.

При наборѣ рыбы на учугахъ покупатели обращались къ начальству и просили дать имъ сына боярскаго или цѣловальника для безспорной укладки рыбы и платежа пошлины. При нагрузкѣ измѣряли рыбу казенною мѣрою. Въ Астрахани и вообще на Волгѣ подъ словомъ *рыба* разумѣлась известная единица рыбной мѣры. Такъ, напримеръ, чтобы составить рыбу, нужно было то или другое количество рыбнаго товара. Рыба раздѣлялась на *полурьбники*. Два полурьбника составляли рыбу; пять *шевринь*, три *теши* и три *косяка* въ Астрахани принимались за рыбу ⁸⁾. Въ гребномъ суднѣ укладывалось отъ 3.000 до 5.500 рыбъ ⁹⁾, но обыкновенно судно измѣривали въ длину и поперекъ и дѣлали гадательныя заключенія о вмѣщеніи въ негъ рыбнаго товара. Купцы, возившіе изъ Астрахани рыбу вверхъ по Волгѣ, оплачивали ее пошлиною въ Нижнемѣ, и при этомъ, какъ и по поводу соляныхъ грузовъ, происходили недоумѣнія: глазомѣрные расчеты величины суда, безъ знанія геометріи, оказывались ошибочными; при томъ счетъ рыбъ въ Нижнемѣ былъ не тотъ, что въ Астрахани, такъ что въ Нижнемѣ считали на рыбу не пять, но три шевриги и принимали каждую тѣшу и косякъ за цѣлую рыбу ¹⁰⁾ въ измѣрительномъ смыслѣ этого слова.

1) А. И., III, 235.

2) А. И., V, 2.

3) Кошх., 116.

4) А. И., III, 192.

5) А. И., III, 193.

6) А. И., III, 278.—П. С. З., I, 286.

7) А. И., III, 272.

8) Доп., II, 86—87.

9) А. И., III, 272.

10) А. И., III, 273.

Рыба въ продажѣ была свѣжая, просольная и сушеная. Свѣжая—лѣтомъ доставлялась къ мѣсту продажи въ прорѣзныхъ судахъ, а зимою мерзлая; просольная продавалась бочками. Бѣлуга и осетрина продавались штуками, что называлось *длинною рыбою*, тешами, косяками и спинками, также разбѣкались по звенамъ и клались въ бочки ¹⁾. Осетринные и бѣлужьи *пучки* продавались лукнами. Соленые сига, семга, лососина, лодога продавались всегда бочками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на вѣсъ пудами, а мелкія рыбы: снятки, вандыши, хохолки—осьминами, какъ и грибы ²⁾. Сушеная рыба была прutowая, вяленая и вѣтреная ³⁾. Икра въ торговлѣ различалась по цвѣту, по приготовленію и по мѣсту добыванія. По цвѣту встрѣчается различіе между черною и темносѣрою; оба рода добывались въ Астрахани и вообще на Волгѣ; первый родъ добывался изъ осетровъ и стерлядей, а второй изъ бѣлугъ и назывался также армянскою икрою: зерна ея были величиною съ перецъ ⁴⁾. Довля бѣлугъ предпринималась преимущественно для икры, такъ что при большомъ изобиліи, добывши икру, выбрасывали прочь самое туловище бѣлуги ⁵⁾. Была еще икра желтая, добываемая изъ шукъ; она составляла пищу для простого народа. По способу приготовленія икра раздѣлялась на зернистую или *немятую* и *паюсную*, которая продавалась *стулами* ⁶⁾. Главное мѣсто добыванія икры была Астрахань, гдѣ она солилась и часто высушивалась на солнцѣ ⁷⁾. Посоливъ икру, ее клали въ корыта, чтобъ вытекли жирные соки, потомъ укладывали въ бочки и давили крѣпко, пока она не превращалась въ твердую массу ⁸⁾. Мятая или паюсная икра составляла достояніе казны. Въ половинѣ XVII вѣка никто не смѣлъ ею торговать, исключая откупщиковъ, которые снимали казенные икрыные учуги ⁹⁾. Немятая икра была свободный товаръ и цѣнилась ниже паюсной. Въ Москву привозили ее зимою на саняхъ, и хозяева, купивъ ее, держали въ погребахъ на льду ¹⁰⁾. По мѣсту приготовленія у насъ икра была: астраханская учужная, казанская, яицкая. Коллинсъ говоритъ, что въ его время была въ продажѣ икра, которую дѣлали изъ бѣлугъ, добываемыхъ въ Оби ¹¹⁾. Въ XVI вѣкѣ икра продавалась *корсоками* и *лукнами* ¹²⁾. Но обыкновенная продажа икры была *мошевами*. Пошевъ заключалъ въ себѣ шесть пудовъ или немного болѣе ¹³⁾. Но икра, какъ и рыба, продавалась и бочками, а также и на вѣсъ пудами.

Торговля рыбой подвергалась безчисленнымъ мелкимъ поборамъ, принадлежавшимъ собственно этой вѣтви торговли, какъ-то: съ рыбной кладки, съ рыб-

1) А. И., I, 327.—Коших., 62—63.

2) А. А. Э., II, 180.

3) Домостр., 90.

4) Olear., 21.

5) Коллинсъ, 39—40.

6) Коших., 63.

7) Olear., 204.

8) Колл., 39.

9) Olear., 204.

10) Кильбург., 21.

11) Коллинсъ, 32.

12) А. А. Э., I, 295.

13) Доп., III, 146.

наго боя, съ рыбной выборки, съ рыбной раздѣлки, съ мытья, со складки, съ бочки. Но въ 1654 году эти поборы замѣнены обычной рублевою пошлиною ¹⁾).

Рыбный товаръ былъ предметомъ вывоза за границу, но трудно опредѣлить, въ какой степени. Роды рыбъ, отправляемыхъ за границу, были: семга, палтусъ и треска — вообще рыбы водъ сѣвернаго бассейна. Жители Кольской области, занимаясь ловлею трески и палтуса, промѣнивали ихъ англичанамъ и датчанамъ на сукно, мѣдъ и олово ²⁾). Соленая семга въ изобиліи отправлялась за границу и продавалась въ Голландіи, Фландріи и Франціи ³⁾). Икра отправлялась съ царскихъ волжскихъ учуговъ въ Архангельскъ. Алексѣй Михайловичъ отдалъ всю торговлю пашною икрой иностранцу Ферпортену на десять лѣтъ, съ условіемъ платить за пудъ по три рейхсталера, что приносило царю до 40.000 рейхсталеровъ. Большое количество русской икры шло въ Англію, Нидерланды, Францію и особенно Италію, гдѣ она считалась лакомствомъ, подъ именемъ *saviago* ⁴⁾). Въ числѣ вывозныхъ статей рыбнаго товара былъ клей, вазываемый карлукъ. Онъ добывался изъ бѣлугъ около Астрахани и принадлежалъ казнѣ. Въ 1637 году отпущено было въ Нарву 1.450 пудовъ этого товара ⁵⁾). Ежегодная добыча его простиралась до 300 пудовъ. Въ Москвѣ онъ продавался отъ казны.

Въ половинѣ XVI вѣка (1563 года) лучшая свѣжая осетрина продавалась по 30 алтынъ за штуку, стерлядь по 4 алтына, лосось по 3 алт. 2 д., бѣлорыбца 5 алтынъ ⁶⁾); но во время подвоза въ приволжскихъ городахъ, какъ, напримѣръ въ Ярославлѣ, гдѣ число привозочной рыбы простиралось до 3.000 штукъ однихъ осетровъ, можно было купить цѣлаго осетра за 7 алтынъ ⁷⁾). Соленая осетрина продавалась по полтинѣ за штуку, бѣлорыбца по 2½ алт., бочковая рыба: лососина, лодожина, сиговина продавалась за бочку по 1 руб. 22 алтына, бочка соленой щуки по 40 алтынъ, семга — за пудъ 3 алт. 2 д., пашсная икра — 13 алт. 2 д. за пудъ ⁸⁾). Въ концѣ XVI вѣка соленая кольская семга въ Холмогорахъ продавалась по 2 алтына за штуку; въ бочкѣ вмѣщалось до двадцати штукъ, а иногда цѣлая бочка достигала цѣны 4 руб. ⁹⁾). Бочка переяславскихъ сельдей, въ которую входило слишкомъ до двухсотъ штукъ, стоила 11 алтынъ 4 деньги ¹⁰⁾). Треска продавалась сухая и соленая. Первая отправлялась болѣе въ Балтійское море, послѣдняя въ Сѣверное. Сто штукъ сухой трески составляли четыре пуда, и пудъ продавался по 13 алт. 2 д., а соленая на Сѣверномъ морѣ стоила 23 алт. 2 д. ¹¹⁾). Въ XVII вѣкѣ пудъ трески въ Москвѣ стоилъ 26 алт. 2 д. ¹²⁾). Въ Астрахани въ 1623 году се-

¹⁾ П. С. З., I, 330.

²⁾ Доп., I, 213.

³⁾ Торг. кн., 3. Врем., VIII.

⁴⁾ Olear., 204.

⁵⁾ Кильбург., 46.

⁶⁾ А. И., I, 327.

⁷⁾ Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр., 104.

⁸⁾ А. И., I, 327.

⁹⁾ Торг. кн., 3. Врем., VIII.

¹⁰⁾ А. И., I, 327.

¹¹⁾ Торг. кн., 3. Врем., VIII.

¹²⁾ Кильбург., 187.

врюга по такѣ стояла: съ икроу 7 денегъ, безъ икры 5 денегъ; осетръ и бѣлуга мѣрю *съ пять шевриъ* продавались: икрыные по 5 алт. 4 ден., а яловые по 4 алт. 1 ден. ¹⁾ Но позже, въ 1628 году, сто рыбъ осетровыхъ отбѣнено въ 70 рублей, что выходитъ по 23 алтына за штуку ²⁾. Вообще въ Астрахани можно было у ловцовъ получать рыбу очень дешево, напр., за 200 стерлядей по 15 грошей или десять алтынъ, а за 12 большихъ карповъ четыре деньги ³⁾. Въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка двадцать бѣлугъ стоили 18 р., а 20 осетровъ 8 р. ⁴⁾. Семга въ половинѣ XVII вѣка продавалась по полтинѣ, а иногда цѣна ея возвышалась и до 70 и до 80 коп.; соленая при отвозѣ за границу продавалась по 12 коп. или 4 алтына ⁵⁾. Пошевъ икры въ 6 пудовъ съ меньшимъ цѣнился въ XVII вѣкѣ около 13 руб., слѣдовательно, пудъ немного болѣе 2-хъ рублей ⁶⁾. Фунтъ икры въ Москвѣ продавался 2 алт., десятокъ пучковъ вязиги — 1 алт. 3 деньги съ полуденгою ⁷⁾. Пудъ клею въ XVI вѣкѣ—отъ 2 до 5 рублей ⁸⁾. 0 цѣнъ шукъ, лещей, окуней и проч. можно заключить приблизительно изъ того, что въ 1652 году въ Валдаѣ 200 окуней и 27 шукъ стоили 1 р. 26 алт. 4 д., а 50 шукъ, 16 окуней и 17 лещей—1 р. 11 алт. 4 д. ⁹⁾.

Жемчугъ былъ важнымъ предметомъ ввоза, потому что составлялъ самое обычное украшеніе русскихъ нарядовъ. Жемчугъ раздѣлялся на буринтскій и зерновой. Въ торговлѣ смотрѣли, чтобъ жемчугъ былъ окатеиъ (круглѣ), сложивъ и водою чистъ. Цѣнность его была различна, смотря по величинѣ и чистотѣ. Жемчугъ буринтскій продавался на жемчужины. Жемчужина, вѣсившая двѣ серебряныя деньги, продавалась рубля за два, вѣсившая 4 д.—за 4 р., а вѣсившая алтынъ—рублей по 8. Зерновой жемчугъ продавался на золотники и цѣна золотнику была различна, смотря по тому, сколько зеренъ войдетъ въ золотникъ: тѣмъ меньше, тѣмъ дороже и наоборотъ. Золотникъ жемчуга изъ 20 зеренъ стоилъ 1 р. 6 алт. 4 д., изъ 25 зеренъ—1 р. 3 алт. 2 д., золотникъ въ 30 зеренъ—1 р., золотникъ изъ 50 зеренъ—полтину, а изъ шестидесяти зеренъ—13 алт. 2 д. Цѣтъ жемчуга всегда принимался во вниманіе: тѣмъ бѣлѣе, тѣмъ онъ былъ дороже; желтаго жемчугу никто не хотѣлъ покупать ¹⁰⁾. Жемчужное ожерелье, какое носили мужчины въ XVII вѣкѣ, можно было купить за 6½ руб., а женскія, судя по достоинству, были иногда очень дороги, напр., въ 200 рублей. 0 степени привоза можно приблизительно судить изъ извѣстія, относящагося къ концу XVI вѣка, гдѣ сказано, что на кораблѣ привезено жемчугу 1.203 золотника по 2 руб. съ полтиной, а 476 золотн. по 1 руб. 26 алт. ¹¹⁾. По свидѣтельству Кильбургера, въ 1672 году привезено въ

¹⁾ А. И., III, 193.

²⁾ А. И., III, 274.

³⁾ Olear., 372—373.

⁴⁾ Кильбург., 21.

⁵⁾ Кильбург., 22.

⁶⁾ Доп., III, 146.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 25, 29.

⁸⁾ Торг. кн., 7. Врем., VIII.

⁹⁾ Расх. кн. Ник., 2. Врем., XIII.

¹⁰⁾ Торг. кн., 122. З. А. О., I.

¹¹⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

Россію 2.000 штук крупнаго и 9 фунтовъ мелкаго, въ 1618 году — 26 фунтовъ 22 золотника, 21 ящикъ, 2 дюжины, 19 нитокъ и 420 штук крупнаго ¹⁾). Сверхъ привознаго жемчугу, у насъ былъ свой, добываемый въ Двинѣ ²⁾), но онъ уступалъ привозному.

Моржовая кость, называемая въ русской торговлѣ *рыбимъ зубомъ*, добывалась на Сѣверномъ морѣ ³⁾), напр., около Мезеня; лѣтомъ промышленники для моржоваго промысла плавали на Новую Землю, на Вайгачъ ⁴⁾), но обильнѣйшее добываніе моржовой кости было въ Сибири, на Восточномъ Океанѣ, по берегамъ Мотыляея, Анадыря ⁵⁾ и на Сѣверномъ Океанѣ у устья Колымы. Въ этихъ странахъ въ половинѣ XVII вѣка найдено такое огромное количество костей, что ими можно было нагружать суда ⁶⁾). Она сбывалась преимущественно въ Царьградъ, Крымъ, Персію и Бухарію ⁷⁾), гдѣ ее употребляли на оправу ножей и кинжаловъ; отчасти она шла и въ Европу; сверхъ того, нѣкоторые употребляли внутрь порошокъ изъ моржовой кости, приписывая ему цѣлительную силу. До половины XVII вѣка промышленники обязаны были платить десятую моржовую костью въ казенную монополію. Въ 1649 году въ Архангельскѣ и Холмогорахъ велѣно объявить, чтобъ всѣ вели кости въ таможеню, а таможенники будутъ выдавать имъ деньги по оцѣнкѣ; на всѣхъ торгахъ велѣно отбирать *рыбий зубъ* и отсылать въ казну ⁸⁾). Чѣмъ крупнѣе кость, тѣмъ считалось цѣннѣе. Иногда пудъ выходилъ изъ трехъ костей, иногда изъ четырехъ, иногда изъ восьми и болѣе. Мельче кость, именно отъ 8 до 16 костей въ пудъ, считалась гораздо малоцѣннѣе ¹⁰⁾). Въ половинѣ XVII вѣка въ Сибири моржовая кость цѣнилась среднею цѣною по 1 р. за фунтъ ¹¹⁾). Кромѣ моржей, ловили еще морскихъ волковъ, изъ зубовъ которыхъ дѣлались ножи ¹²⁾).

Пушные товары въ глазахъ иностранцевъ казались самымъ важнѣйшимъ источникомъ богатства Россіи. Но это богатство не было неисчерпаемо. Въ началѣ XVI вѣка вся Россія была наполнена безчисленнымъ множествомъ звѣрей, но въ половинѣ XVII вѣка въ Европейской Россіи промыслы пушныхъ звѣрей упадали ¹³⁾), а въ концѣ XVII вѣка чувствовался недостатокъ мѣховъ уже въ самой Сибири. Впрочемъ, XVI и XVII вѣка были временемъ высшаго значенія мѣховою торговлею. До перехода русскихъ за Уральскія горы Россія получала мѣха изъ лѣсовъ, которыми покрыты были ея европейскія владѣ-

¹⁾ Кильбург., 107.

²⁾ Herberst., 59.

³⁾ Доп., III, 81.

⁴⁾ Доп., V, 172.

⁵⁾ Доп., III, 348; IV, 10.

⁶⁾ Доп., III, 349.

⁷⁾ Доп., III, 81.—Fletch., 28.

⁸⁾ Доп., III, 81.

⁹⁾ Доп., III, 191.

¹⁰⁾ Доп., IV, 99.

¹¹⁾ Доп., III, 349.

¹²⁾ Раф. Барб., 47.

¹³⁾ Кошх., 74.

нія. Лѣсистые берега Оки доставляли бѣлокъ, куницъ, горностаевъ ¹⁾. Въ Смоленской области непроходимые лѣса изобиловали лосями, вепрями, рысями, куницами и бобрами ²⁾. Во многихъ мѣстахъ на рѣкахъ и озерахъ жили такъ называемые бобровники, которые, какъ и рыболовы, составляли особую корпорацію звѣролововъ, обязанныхъ доставлять ко двору мѣха ³⁾. Такіе бобровники жили, между прочимъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Но важнѣйшія и богатѣйшія мѣста звѣринныхъ промысловъ были берега Ваги, Двины и Печоры ⁴⁾. На Устюгѣ ловились черныя лисицы, а на Вагѣ лисицы черныя и лисицы пепельнаго цвѣта ⁵⁾. Берега Печоры обильны были соболями, куницами, бобрами, волками и бѣлками ⁶⁾. Открытіе Сибири развернуло для Россіи неслышанныя сокровища пушного богатства на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго Океана. Съ тѣхъ поръ вся дѣятельность мѣхового промысла перешла въ Сибирь.

Торговля мѣхами раздѣлялась между правительствомъ и купцами или, лучше сказать, главное ядро ея было въ рукахъ власти, а купцамъ доставались избытки. Власть приобрѣтала мѣха слѣдующими способами: 1) отъ инородныхъ подданныхъ, платившихъ мѣхами дань, называемую ясакомъ; эта дань или доставлялась самими инородцами начальствующимъ лицамъ того уѣзда, гдѣ они жили, или же служилые люди посылаемы были въ юрты (жилища инородцевъ) и приносили ясакъ воеводамъ, которые поручали выборнымъ торговымъ людямъ оцѣнивать мѣха и потомъ отправлять въ Москву. 2) Кромѣ ясака, воеводы получали отъ инородцевъ при платежѣ ясаковъ *помимки* мѣхами. Воеводы, какъ и служилые люди, законно могли принять ихъ, но не смѣли оставлять у себя, тѣмъ менѣе продавать, а должны были препровождать въ казну, откуда имъ выдавали деньги. 3) Торговцы, покупая мѣха въ Сибири, обязаны были давать въ казну десятого звѣря и притомъ самаго лучшаго; сверхъ того начальство могло у промышленниковъ и торговцевъ во всякое время отобрать въ казну мѣха, коль скоро они окажутся высшаго достоинства. Кромѣ употребленія мѣховъ на царское жалованье, казна вела ими значительный торгъ. Торговля эта поручалась гостямъ и цѣловальникамъ изъ торговцевъ ⁷⁾. При Феодорѣ Іоанновичѣ купцы отъ казны посылались для скупа мѣховъ и получали награды за удачныя приобрѣтенія ⁸⁾. Въ Москвѣ были казенныя лавки, гдѣ продавались мѣха. Казенные мѣха отправлялись въ Сѣверный портъ, а также промѣнивались грекамъ, армянамъ, персіянамъ, бухарцамъ на восточные товары. Впослѣдствіи, когда возникли торговныя сношенія съ Китаемъ, мѣха сибирскіе сдѣлались важнымъ предметомъ вывоза въ Китай. Вообще очень часто казенные мѣха имѣли значеніе ходячей монеты и выдавались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было выдавать деньги. Такимъ образомъ, посольству, отправленному въ Константинополь, вмѣсто необходимой суммы для раздачи милостыни разнымъ церквамъ и монастырямъ, правительство дало

¹⁾ Herberst., 46.

²⁾ Доп., V, 76.

³⁾ А. А. Э., I, 120.

⁴⁾ Chancellor, 80.

⁵⁾ Herberst., 54.

⁶⁾ Herberst., 55.

⁷⁾ Кошх., 74.

⁸⁾ Доп., I, 199.

мѣха ¹⁾. Стараясь привлечь въ Россію серебро, правительство давало порученія гостямъ и цѣловальникамъ въ Архангельскѣ промѣнивать мѣха на ефимки ²⁾.

Частная торговля мѣхами была чрезвычайно стѣснена совѣстничествомъ власти, какъ мы уже имѣли случай объяснить. Русскіе купцы во многихъ мѣстахъ не смѣли торговать въ юртахъ, а въ отдаленной Сибири хотя это и было дозволено, но не иначе, какъ послѣ сбора ясака и притомъ съ условіемъ отдавать въ казну лучшихъ звѣрей. Во многихъ мѣстахъ русскимъ промышленникамъ было вовсе запрещено самимъ заниматься звѣроловствомъ, а предоставлялось это занятіе однимъ инородцамъ, платившимъ ясакъ; это касалось до татаръ, остяковъ, вогуличей, чувашей ³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ купцы не имѣли права продавать мѣха высокаго достоинства свыше 20 р. за пару и 300 р. за сотню ⁴⁾ по московской цѣнѣ. Запрещалось въ Сибири частнымъ торговцамъ отпускать мѣха въ другія государства, особенно въ Вуларію, откуда купцы привозили для закупки мягкой рухляди ⁵⁾. Въ Европейской Россіи запрещалось продавать мѣха грекамъ, армянамъ, персіянамъ ⁶⁾, потому что казна принимала на себя надбѣленіе мѣхами торговцевъ этихъ народовъ. Что касается до торговли въ Архангельскѣ, то купецъ, отправляющій за границу мѣха, былъ стѣсненъ тѣмъ, что не смѣлъ продавать своихъ товаровъ, прежде чѣмъ не продадутся казенные; притомъ казенные были лучше и могли продаваться дешевле, чѣмъ частные, поэтому купецъ всегда рисковалъ понести убытки. Иногда правительство устанавливало запрещенія торговать какими-нибудь изъ мѣховъ, напр., въ 1675 году запрещено было торговать голубыми и черными песцами и повсюду велѣно было у проѣзжихъ торговцевъ отбирать этого рода мѣха и выдавать за нихъ деньги ⁷⁾. Такъ въ числѣ указныхъ шести товаровъ (вмѣстѣ съ пенькою, смольчугошъ, вѣтью, поташемъ, саломъ) при Алексѣѣ Михайловичѣ были соболи ⁸⁾.

Частные торговцы приобретали мѣха посредствомъ мѣны съ инородцами въ Сибири и въ Сѣверной Россіи ⁹⁾, мѣны, дозволенной на гостиныхъ дворахъ, а въ отдаленной Сибири и въ юртахъ, и посредствомъ покупки отъ казны. Они сбывали мѣха внутри Россіи и вывозили въ Архангельскъ и Нарву ¹⁰⁾. Нерѣдко мѣха привозили въ Архангельскъ не изъ Москвы, гдѣ было главное средоточіе мѣховой торговли, но прямо изъ Сибири по Двинѣ. Гости и торговцы, стѣсняемые коммерческимъ совѣстничествомъ власти, умѣли изворачиваться въ свою пользу. Такъ торговцы въ Сибири давали воеводамъ взятки, и воеводы оставляли въ ихъ рукахъ лучшие мѣха, а въ казну отсылали мѣха худшаго достоинства, увѣряя, что лучше достоинствомъ доставленныхъ въ казну не было; въ самой Москвѣ гости, бывъ призваны для оцѣнки казенныхъ мѣховъ, оцѣнивали казен-

¹⁾ Врем., IX. Наказъ посламъ, 49.

²⁾ Доп., III, 190.

³⁾ Доп., V, 429.

⁴⁾ Коших., 74.

⁵⁾ Доп., IV, 355.

⁶⁾ П. С. З., II, 325.

⁷⁾ А. И., IV, 539.

⁸⁾ Доп., IV, 273, 281.

⁹⁾ А. И., II, 27, 57.

¹⁰⁾ Кильбург.

ные мѣха дороже, чѣмъ они стояли, а между тѣмъ сами торговали мѣхами и скупали въ Сибири мѣха посредствомъ своихъ агентовъ, успѣвавшихъ подкупать воеводъ и прибрѣтать для своихъ хозяевъ лучшіе мѣха. Такимъ образомъ у казны были мѣха поуже, чѣмъ у гостей, а казна должна была продавать ихъ дороже, чѣмъ гости. Эти злоупотребленія, однако, послужили еще къ большому стѣсненію мѣховой торговли. Въ 1697 году совершенно запрещено частнымъ торговцамъ покупать въ Сибири мѣха соболей и черныхъ лисицъ, а предоставлялось купцамъ, желающимъ вести этого рода торгъ, и внутри и вывоза за границу, не иначе, какъ купивъ мѣха въ казнѣ ¹⁾).

Изъ пушныхъ звѣрей первое мѣсто занимали соболи и лисицы. Соболей продавали парами и сороками. Сверхъ цѣлыхъ мѣховъ продавали отдѣльно собольи лапки, брюшки, душки, собольи опушки. Хвосты продавали поштучно, а лапки, брюшки, душки шивались въ мѣха и продавались парами и сороками. Лучшіе соболи продавались всегда отдѣльно отъ брюшекъ ²⁾). Соболи держались въ мѣшкахъ изъ синей холстины, которые сверху и снизу открывались, и чѣмъ тѣснѣе былъ мѣшокъ, тѣмъ считалось лучше для мѣховъ. Соболи сортировались на три рода: добрые, середніе и плохіе. Низшій сортъ соболей назывался недособолі ³⁾). Въ концѣ XVI вѣка въ Холмогорахъ соболи, которые обходились въ Перми по 10 р. за сорокъ, продавались по 25 р. ⁴⁾). Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ разныя цѣны соболей, смотря по достоинству. Въ 1608 году пара соболей въ Новгородѣ продавалась за 2¼ р. ⁵⁾). Въ 1647 году въ Кансѣ, слѣдовательно, на мѣстѣ добыванія, 11 сороковъ соболей оцѣнены въ 951 р. 16 алт. 4 деньги, слѣдовательно, по 86 р. 13 алт. за сорокъ, а 11 сороковъ собольихъ пупковъ 44 р. 23 алт. 2 деньги, слѣдовательно, по 4 руб. 2 алт. ^{10/11} д. ⁶⁾). При Михаилѣ Феодоровичѣ средняя цѣна соболей означена въ 50 р. за сорокъ ⁷⁾), т. е. соболи въ эту цѣну расходились болѣе другихъ сортовъ. По отличные соболи цѣнились до 200 р. за сорокъ; такимъ образомъ, десять сороковъ соболей, посланныхъ въ даръ визирю въ 1643 году, оцѣнены въ 2.000 р. ⁸⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ обращались казенные соболи, достоинствомъ отъ 30 до 300 рублей за сорокъ; при раздачѣ дворянамъ жалованья соболями давали особамъ первой статьи въ 50 р., второй—въ 40, третьей—въ 30 р. за сорокъ, или парами: людямъ первой статьи—по 10 р., второй—по 7 р., третьей—по 5 р., а *доставленнымъ*—по 3 р. за пару ⁹⁾). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича собольи мѣха были отъ 10 до 1.000 р. за сорокъ ¹⁰⁾), но соболи въ 1.000 р. за сорокъ были чрезвычайная рѣдкость и даже соболи выше 400 р. за сорокъ не составляли обыкновеннаго товара. По средней цѣнности можно по-

1) А. И., V, 472, 474.

2) Кильбург., 23.

3) А. И., IV, 53.

4) Врем., VIII.—Торг. кн., 5.

5) Оп. им. Тат., 5.—Врем., VIII.

6) Доп., III, 109.

7) Оlear., 226.

8) Наказъ посл. Врем., IX, 80.

9) Коших., 52.

10) Кильбург.

ложить, что соболья шуба въ XVII вѣкѣ стоила отъ 40 до 50 р. ¹⁾). Соболья хвосты цѣнились отъ 3 алт. 2 д. до 10 алт. за штуку, или отъ 6 р. до 18 р. за сорокъ ²⁾). Хвосты цѣною выше составляли уже рѣдкость ³⁾). Иностранцы, покупая у русскихъ соболей сороками, считали ихъ циммерами; циммеръ составлялъ 20 паръ ⁴⁾).

При сборѣ ясаковъ слово *соболь*, какъ въ рыбной торговлѣ слово рыба, нѣло вообще значеніе мѣха, такъ что, напримѣръ, три бобра зачислены были за восемь соболей; шкуры другихъ звѣрей измѣрялись также единицею названія *соболь*: говорилось, что столько-то шкуръ такого-то звѣря составляютъ соболя ⁵⁾).

Лисицы были семи родовъ: черныя, чернобурья, черночервыя, бурья, сиводушчатая, бѣлая и красныя ⁶⁾). Черныя лисицы доставались въ Восточной Сибири ⁷⁾); были извѣстны лисицы *уфимскія*, *устюжскія*, простыя *русскія*. Лисьи мѣха были въ большомъ употребленіи, особенно на мужскія шапки ⁸⁾). На шубы зажиточные люди употребляли соболей. Большое употребленіе лисьихъ мѣховъ было причиною, что цѣны на эти мѣха поднимались до чрезвычайности, такъ что въ концѣ XVII вѣка иностранцы находили выгоднымъ ввозить въ Россію французскихъ лисицъ ⁹⁾). Лисицы въ Сибири цѣнились: бурая и красная по полтинѣ, сиводушчатая—по 26 алтынъ за штуку ¹⁰⁾), а черная—отъ 10 до 50 р. ¹¹⁾). Въ XVI вѣкѣ за мѣхъ чернобурой лисицы платили отъ 30 до 40 червонцевъ ¹²⁾). Въ началѣ XVII вѣка пара лисицъ въ Новгородѣ куплена за 30 алт. ¹³⁾), а при Алексѣѣ Михайловичѣ мѣхъ черной лисицы стоилъ въ Москвѣ до 60 р., лапчатый мѣхъ, сшитый изъ черныхъ лисицъ, стоилъ отъ 20 до 36 р. Бѣлая лисица цѣнилась отъ 25 до 30 коп. за штуку ¹⁴⁾). Простыя лисицы продавались сотнями, и сотня въ XVI вѣкѣ стоила 2 р. ¹⁵⁾). Горлатныя лисьи шапки, которыя были въ большомъ употребленіи, стоили отъ 1 р. до 10 р. ¹⁶⁾).

Куницы въ XVI вѣкѣ ловились по берегамъ Оки, но впоследствии оны тамъ уже составляли рѣдкость и этотъ звѣрь добывался на сѣверо-востокѣ и востокѣ Россіи. Лучшими куницами считались башкирскія. Въ XVI вѣкѣ замѣчали, однако, что русскія куницы уступали шведскимъ ¹⁷⁾). Въ XVII вѣкѣ въ торговлѣ оны раздѣлялись на лѣсныхъ и каменныхъ. Каменныхъ вообще было

1) А. И., IV, 276.

2) Кильбург., 27.

3) Ibid.

4) Olear., 50.

5) А. И., IV, 53.

6) З. А. О., I.—Торг. кн., 133.—Доп., III, 109; IV, 72.

7) Доп., IV, 120.

8) Herberst., 41.

9) Кильбург., 28.

10) Доп., III, 109.

11) Доп., II, 158.

12) Раф. Барбер., 41.

13) Оп. км. Тат., 6. Врем., VIII.

14) Кильбург., 25.

15) Врем., VIII.—Торг. кн., 5.

16) А. И., IV, 276.—Доп., I, 205.

17) Herberst., 41.

мало. Куньи мѣха продавались сороками и всегда почти въ цѣлостномъ состояніи, а не такъ, какъ соболя, т.-е. съ лапками, брюшками, душками вмѣстѣ; только куньи хвосты продавались отдѣльно ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ кунницы продавались по 13 р. 2 гр. или по 40 еф. за сорокъ; онѣ служили предметомъ отправки за границу. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подряжаться на сто сороковъ. Вообще кунница цѣнилась втрое ниже соболя, соразвѣрно относительному ихъ достоинству. Англичане обратили вниманіе на мѣха этого рода, потому что они были дешевле и, слѣдовательно, доступнѣе большинству покупателей ²⁾. Въ XVI вѣкѣ русскія кунницы въ изобиліи отправлялись изъ Фландріи въ Испанію, гдѣ стоили 40 червонцевъ за сорокъ ³⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ кунница стоила около 6 алтынѣ. Кунья шуба безъ покрывки стоила около 12 рублей. Кунницы употреблялись на рукавицы ⁴⁾.

Бобры встарину были повсемѣстнымъ звѣремъ, какъ это доказываютъ частные случаи, гдѣ упоминается о бобровникахъ ⁵⁾ и о бобровыхъ гонгахъ. Въ XV и XVI вѣкѣ въ землѣ Рязанской и около Воронежа производилась значительная ловля бобровъ. Но умноженіе народонаселенія истребило этихъ пугливыхъ звѣрей и ограничивало мѣсто ихъ ловли преимущественно Сибирью. Впрочемъ, русскіе бобры были ниже достоинствомъ, чѣмъ сибирскіе. Количество бобровъ, столь обильное, уменьшилось скорѣе другихъ звѣрей. Въ 1635 году правительство заботилось уже о сохраненіи бобровъ и строго запрещало ловить бобровъ и выдръ капканами ⁶⁾. Въ концѣ XVII вѣка мѣха бобровъ уже къ намъ ввозили и промѣнивали на бобровую шерсть ⁷⁾. Бобры раздѣлялись на настояще и кошлоки, а по цвѣту были черные, червокаріе, каріе, рыжіе ⁸⁾. Лучшими считались черные. Бобры продавались десятками ⁹⁾ и юфтями. Въ выписи объ отправленныхъ черезъ нижегородскую таможену въ 1648 году товарахъ сказано: четыре юфти бобровъ ¹⁰⁾. Въ Торговой книгѣ XVI вѣка обычная цѣна черному бобру означена 2 р., причѣмъ авторъ совѣтуетъ подряжаться доставлять заграничнымъ торговцамъ до 5.000 бобровъ разомъ ¹¹⁾. Судя по степени вниманія пошлины, въ 1586 году въ Новгородѣ боберъ въ $\frac{1}{4}$ былъ цѣннѣе соболя, ибо за 30 бобровъ брали ту же пошлину, какъ за 40 соболей ¹²⁾. При Феодорѣ Іоанновичѣ 5 бобровъ, подаренныхъ царицѣ, стоили 8 рублей.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича цѣнность бобровъ за десятокъ въ оптовой продажѣ была отъ 8 до 30 рублей ¹³⁾. Бобры употреблялись преимущественно на женскія шапки и ожерелья, но нигдѣ не видно, чтобы бо-

¹⁾ Кильб., 25.

²⁾ Lett. of the Mosc. Comp. Nakl., 333.

³⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

⁴⁾ Оп. им. Тат., 6.—Врем., VIII.—Оп. гор. Шуя, 454.

⁵⁾ С. Г. Гр., I, 327.

⁶⁾ А. А. Э., III, 393.

⁷⁾ Кильбург., 75.

⁸⁾ Доп., IV, 201.

⁹⁾ С. Г. Гр., II, 89, 139.

¹⁰⁾ Доп., III, 145.

¹¹⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 133.

¹²⁾ С. Г. Гр., II, 89.

¹³⁾ Кильб., 115.

бровые мѣла служили для шубъ. Пудъ бобровой струи въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 рубля ¹⁾. Въ 1674 году фунтъ сибирской бобровой струи стоилъ 4^{1/2}, а украинской—1^{1/2} рубля. Фунтъ бобровой шерсти въ то же время въ Архангельскѣ стоилъ около 3 рублей ²⁾. Русскіе вычесывали бобровую шерсть не только изъ новыхъ бобровыхъ мѣховъ, но и изъ поношенныхъ и продавали иностранцамъ; она отправлялась во Францію, гдѣ изъ нея дѣлались шляпы. При этомъ русскіе дозволяли себѣ подгѣшивать въ бобровую шерсть нѣсколько кошачьей; это побудило французское правительство запретить покупку русской бобровой шерсти, а между тѣмъ и голландцы начали заниматься выческою бобровой шерсти ³⁾.

Бѣлки были самымъ употребительнымъ мѣхомъ. Ихъ добывали повсюду; но добываемыя въ средней Россіи были худшаго достоинства—рыжія и короткошерстныя. Таковы были бѣлки кляземскія. Лучше ихъ считались бѣлки устюжскія, вологодскія, шувайскія ⁴⁾, еще лучше мезенскія, казанскія и вятскія, но самыя лучшія сибирскія, которыя вообще мало доходили до Москвы съ тѣхъ поръ, какъ китайцы стали скупать ихъ и вывозить въ свою землю ⁵⁾. Въ началѣ XVI вѣка бѣлки продавались пучками; въ каждомъ пучкѣ было по десяти мѣховъ. Бѣличьи мѣла различались по достоинству; лучшіе были съ краснымъ отливомъ (прокрасныя), а худшіе—молочнаго цвѣта. Бѣлки послѣдняго сорта продавались отъ 1 до 2 денегъ за штуку ⁶⁾. Вообще же бѣлки въ Московскомъ Государствѣ продавались тысячами ⁷⁾. Бѣличьи брюшки отрѣзывались отъ спинки, шивались и продавались отдѣльно мѣхами. Въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ бѣлки служили предметомъ вывоза и стоили за тысячу 40 ефимковъ, шевней тысяча—10 ефимковъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иностранцами на 100.000 штукъ ⁸⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ мѣхъ бѣличій хребтовый стоилъ около 2 р., а черевій—около 40 алтынъ ⁹⁾. Во Фландріи тысяча русскихъ бѣлокъ стоила отъ 25 до 40 рублей. При Алексѣѣ Михайловичѣ тысяча бѣлокъ стоила отъ 23 до 30 рублей ¹⁰⁾. Хребтовая бѣличья шуба, покрытая краснымъ сукномъ, стоила около 8 рублей, а крытая бархателю 5 рублей ¹¹⁾, непокрытая до 3 р. 20 алт. 4 д.; шуба изъ бѣличьихъ черевъ—двумя рублями ниже хребтовой.

Изъ другихъ пушныхъ звѣрей въ торговлѣ были употребительны мѣла горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, лосей, рысей, росомахъ, зайцевъ, выхолоей. Лучшіе горностаи были сибирскіе, но они сдѣлались рѣдкостью въ Москвѣ, ибо китайцы во множествѣ вывозили ихъ изъ Сибири. Горностаи цѣнились по своей бѣлизнѣ. Въ началѣ XVI вѣка можно было купить горностаю по 3 или 4 деньги

¹⁾ Раф. Барбер., 57.

²⁾ Кильб., 40.

³⁾ Кильбург., 47.

⁴⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁵⁾ Кильбург.

⁶⁾ Herberst., 41.

⁷⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁸⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

⁹⁾ Оп. им. Тат., 6.—Врем., VIII.

¹⁰⁾ Кильбург., 26.

¹¹⁾ А. И., IV, 161.

за штуку ¹⁾). Въ половинѣ XVI вѣка 14 горностаевъ стоили 8 алтынъ 2 д. ²⁾); въ концѣ XVI вѣка горностаи продавались сотнями по 3 р. за сотню, а во Фландріи сотня русскихъ горностаевъ стоила 5 рублей. Они вывозились за границу и шли болѣе всего въ Испанію. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иноземными купцами на пятьсотъ штукъ ³⁾). Нагольная горностаевая шуба стоила 17 рублей ⁴⁾). Песцы были бѣлые, черные и голубые. Черные въ концѣ XVI вѣка продавались по 5 алтынъ за штуку, бѣлые стоили, кажется, вдвое. Въ мѣнливой торговлѣ вообще они продавались десятками. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иностранцами на 500 штукъ ⁵⁾). Въ XVII вѣкѣ они очень вздорожали. Медвѣды были черные, бѣлые и бурные. Въ концѣ XVI вѣка медвѣжья шкура бурныхъ и черныхъ стоила 20 алтынъ, шкура молодыхъ медвѣжатъ 10 алтынъ. Ихъ вывозили, вѣроятно, не въ большомъ количествѣ, ибо въ Торговой книгѣ совѣтуютъ подражаться только на 40 или 50 ⁶⁾). Шкура бѣлаго медвѣда въ XVII вѣкѣ стоила въ Москвѣ отъ 2¹/₂ до 3 рублей ⁷⁾). Медвѣды употреблялись на шубы, на полости и на рукавицы. Барсуки употреблялись не въ большомъ количествѣ на обивки сундуковъ и на хомуты. Волки въ концѣ XVI вѣка продавались у Двинского порта, и авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иноземцами на 5.000. Цѣна волка была 3 ефшика—отъ 1 р. 3 алт. 2 д. до 1 р. 11 алт. 1 д.; во Фландріи русскій волкъ стоилъ 8 ефшиковъ ⁸⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе волки продавались по 80 к. или 23 алт. 2 деньги, сибирскіе отъ 90 к. или 30 алт. до 1 р., а черные сибирскіе, отличавшіеся мягкостью и длиннотою шерсти, до 4 р. ⁹⁾). Россомехи служили предметомъ вывоза и отправлялись болѣе всего къ англичанамъ, которые сбывали ихъ въ Австрію. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться на 8.000. У Двинского порта россомеха стоила 1 р. 13 алт. 2 деньги, а въ Англіи продавалась отъ 3 до 4 р. ¹⁰⁾). Въ началѣ XVII вѣка россомехны рукавицы стоили 4 алтына; въ то же время цѣна россомехи была отъ 90 коп. до 1 р. съ полтиною и болѣе. Кошки черныя въ XVI вѣкѣ въ Холмогоряхъ продавались по 2 алт. за штуку и отправлялись къ фландрійцамъ, которые сбывали ихъ во Францію и Италію; во Фландріи русская кошка стоила 4 руб. за сорокъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ сговариваться на сто тысячъ ¹¹⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ черная кошка продавалась отъ 30 до 36 к. или отъ 10 до 12 алтынъ за штуку ¹²⁾). Лучшіе зайцы ловились въ степяхъ, прилегающихъ къ Крыму и назывались русаками. Они были свѣтлосѣраго цвѣта. Въ концѣ XVI вѣка зайцы продавались по полтиннѣ за десятокъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подра-

¹⁾ Herberst., 40.

²⁾ Раф. Варбер.

³⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 183.

⁴⁾ Доп., I, 205.

⁵⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 192.

⁶⁾ Ibid., 183.

⁷⁾ Кильбург., 29.

⁸⁾ З. А. О., I, 192.

⁹⁾ Кильбург., 29.

¹⁰⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 192.

¹¹⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 192.

¹²⁾ Кильбург., 29.

жаться съ иностранцами на тысячу мѣховъ. Въ XVII вѣкѣ заячій мѣхъ на шубу стоилъ отъ 1 р. до 1 р. 3 алт. 2 д. Выхоль продавалась отъ гроша до алтына за штуку. Въ крымскихъ степяхъ ловились кабарги, изъ которыхъ добывался мускусъ. Кабарги продавались отъ 1 р. до 1 р. съ полтиною и до 4 р. за штуку, ибо были рѣдки. Фунтъ мускуса стоилъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ отъ 12 до 15 р., а кабаргинской струи 8 рублей ¹⁾: Кильбургеръ упоминаетъ объ одномъ степномъ звѣрѣ, называемомъ перевозчикъ; онъ былъ величиною съ крысу, цвѣта пестраго, желтаго, чернаго и бѣлаго; онъ смирался въ мѣха. Сайгачьи шкуры и рога были предметомъ торговли; изъ роговъ дѣлались набалдашники для тростей и равныя токарныя вещи.

Несмотря на богатство Россіи звѣрьми, въ XVII вѣкѣ русскіе получали мѣха изъ-за границы. Въ Россію привозились, кромѣ французскихъ лисицъ, какъ было сказано выше, еще выдры и ильи. По извѣстію Кильбургера, въ 1673 г. ввезено французскихъ лисицъ черезъ Архангельскъ 330, а черезъ Нарву 180 штукъ, ильковъ до 40 сороковъ: ильки всѣ шли по Волгѣ въ Персію ²⁾.

При Феодорѣ Іоанновичѣ вывозилось изъ Россіи мѣховъ на 500.000 рублей ³⁾, а о вывозѣ мѣховъ при Алексѣѣ Минайловичѣ можно приблизительно судить по извѣстіямъ, сообщаемымъ Кильбургеромъ. Такъ въ одно лѣто отпущено изъ Архангельска соболей 579 сороковъ, собольихъ хвостовъ 18.742 штуки, собольихъ опушекъ 598, собольихъ кончиковъ 15.550, лисицъ 15.970 штукъ разныхъ сортовъ, кунницъ 300 сороковъ, звѣрей, называемыхъ иностранцами *pinken* (?), 281 сороковъ, горностаевъ 288 сороковъ, кошекъ 180.795 штукъ ⁴⁾.

Лошади составляли важную вѣтвь внутренней торговли. Народъ русскій, находясь въ такомъ положеніи, что долженъ былъ всегда ожидать войны, необходимо дорожилъ лошадьми; притомъ самое обработываніе полей производилось лошадьми. Главный пунктъ конской торговли была Москва, ибо туда ежегодно разъ, а иногда и нѣсколько разъ, татары изъ Астрахани пригоняли большія партіи татарскихъ лошадей для продажи. Отправка конскаго базара или ордобазарной станицы въ Москву происходила въ Астрахани. Воеводы призывали въ приказную избу нагайскихъ мурзъ и спрашивали ихъ, сколько они могутъ въ предстоящее лѣто отправить въ Москву лошадей; послѣ того табунныя головы составляли росписи, въ которыхъ означали, сколько будетъ отправлено лошадей и съ кѣмъ именно. Для охраненія коноподавцевъ воеводы отряжали до двухсотъ человекъ стрѣльцовъ, подъ главнымъ предводительствомъ сотниковъ; вѣдѣтъ съ ними выбирались распорядители всей компаніи—*станичники* изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ толмачъ. Наконецъ, съ стрѣльцами отряжалось до 150 человекъ конныхъ вооруженныхъ татаръ. Съ станичниками былъ станичный вожь, знавшій примѣты степи, по которой имъ приходилось слѣдовать. При выступленіи изъ Астрахани лошади не подвергались оплатѣ пошлинами. Но зато татары не смѣли продавать лошадей на пути до Москвы. Вѣдѣтъ съ этою ордобазарною станицею отправлялись въ Москву купцы съ разными товарами ⁵⁾, а по заклю-

¹⁾ Кильбург., 40.

²⁾ Кильбург., 75.

³⁾ Fletch., 16.

⁴⁾ Кильбург., 28, 39.

⁵⁾ А. И., IV, 217.

ченному Феодоромъ Алексѣевичемъ съ калмыцкими тайшами договору къ татарамъ присоединялись и калмыки съ своими лошадьми ¹⁾). На урочищѣ Коровьи Луки станичники дѣлами смотрѣ людямъ, лошадямъ, и всѣмъ, кто оказывался лишнимъ противъ списка, составленнаго въ Астрахани, записывали особо, ибо эти лишніе люди не получали царскаго жалованья по прибытіи въ Москву. Одинъ экземпляръ составленной такимъ образомъ станичниками росписи отсылался обратно въ Астрахань, другой они везли съ собою въ Москву. Въ то же время станичники отличали аргамаковъ и вообще лучшихъ лошадей, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли оказаться пригодны для царской конюшни. Послѣ этого смотря станица слѣдовала до Царицына, гдѣ воевода давалъ имъ еще придаточный отрядъ стрѣльцовъ. Путь ихъ лежалъ на Тамбовъ и Шацкъ, но иногда они шли по берегу Волги черезъ Саратовъ. Во время пути станичники не позволяли ни татарамъ, ни торговцамъ, ни стрѣльцамъ отлучаться изъ каравана, назначали караулы на станахъ, когда приходилось становиться на отдыхъ или на ночлегъ, наблюдали за согласіемъ между членами каравана, и въ случаѣ нападенія на караванъ калмыковъ должны были биться прѣтнвъ ннхъ внѣстѣ съ охранявшнми караванъ стрѣльцами и вооруженными татарами. Достигнувъ такимъ образомъ перваго украиннаго города Рязанской провинціи или жилихъ мѣстѣ, они снова производили смотрѣ всему каравану, посылали нѣсколькихъ стрѣльцовъ по окрестнымъ селамъ съ предостереженіемъ, чтобъ жители берегли свои поля, а по возвращеніи разсыльныхъ отпускали назадъ конвойные отряды стрѣльцовъ и татаръ и ѣхали вплоть до Москвы съ торговцами и только девятью стрѣльцами. Достигнувъ столицы, станичники посылали въ казенный дворецъ извѣстнть о своемъ прибытіи ²⁾).

Торгъ происходилъ въ концѣ города на конской площади. Сначала воеводы выбирали лошадей для царской конюшни, пятали ихъ и отсылали, а деньги за этихъ лошадей выдавались уже послѣ. Такихъ выбранныхъ для царскихъ конюшенъ лошадей бывало отъ 5.000 до 8.000 ³⁾). Послѣ того позволялся свободный торгъ всѣмъ ⁴⁾). Во время торга брали пятенныя деньги и деньги за записку въ книгу каждой проданной лошади. Эти деньги составляли доходъ конюшеннаго приказа. По окончаніи торга татарамъ и калмыкамъ дѣлали угощеніе: устраивали столъ на царскомъ дворѣ и, по окончаніи стола, дарили на платье. Возвращаясь домой, они получали суда и проводниковъ до Казани безденежно. Количество пригоняемыхъ въ Москву татарскихъ лошадей ежегодно простиралось до 50.000 и болѣе ⁵⁾), но въ концѣ XVII вѣка станицы перестали-было приходить, и правительство дозволилось, что татары нашли для себя выгоду бывать лошадей въ Крымъ и Азовъ. Тогда запрещено было татарамъ подъ смертною казнью продавать лошадей мимо власти ⁶⁾). Страхась подрыва своихъ интересовъ, власть запрещала русскимъ покупку лошадей въ Астрахани у татаръ. До 1625 года астраханскіе воеводы и приказные люди покупали у татаръ лошадей

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 348.

²⁾ А. И., IV, 218—219.

³⁾ Коших., 78.

⁴⁾ А. И., IV, 219.

⁵⁾ Коших., 78.

⁶⁾ А. И., V, 419.

и отправляли въ свои имѣнія въ Россію, а за ними и торговые люди, прїѣзжавшіе въ Астрахань, покупали у татаръ лошадей и гоняли ихъ въ Россію, но въ 1625 запрещена такая торговля ¹⁾. Равно и татарамъ воспрещалось гонять куда бы то ни было лошадей для продажи, кромѣ Москвы ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ это правило наблюдалось во всей силѣ. Власть не хотѣла, чтобъ частные люди владѣли отличными лошадьми, достойными быть въ царской конюшнѣ. На этомъ основаніи въ 1665 году въ поволжскихъ городахъ у торговцевъ отбирали на царя лошадей, когда почитали ихъ достойными царской конюшни, платя хозяевамъ отъ 1 до 2 рублей ³⁾. Поэтому, такъ какъ пригонъ татарскихъ лошадей въ Москву происходилъ только въ извѣстные сроки и какъ притомъ только въ Москвѣ совершался большой торгъ нагайскими лошадьми, то цѣны на этихъ лошадяхъ очень поднимались: послѣ отхода станицы барышники, скуная татарскихъ лошадей отъ 5 до 15 р. за лошадь, покормивъ ихъ съ мѣсяцъ, продавали за большія деньги ⁴⁾. Въ Сибири торгъ лошадьми производился свободнѣе, ибо калмыкамъ позволялось пригонять лошадей въ Тобольскъ и другіе города и продавать безпрепятственно ⁵⁾.

Впрочемъ, кромѣ лошадей, покупаемыхъ отъ татаръ и калмыковъ, рускіе покупали ихъ еще и отъ персіянъ, турковъ и дагестанцевъ ⁶⁾. Наконецъ, изъ Европы доставляли унажныхъ лошадей, но уже къ концу XVII вѣка этотъ пригонъ прекратился. Рускіе имѣли и свои конскіе заводы. Еще Іоаннъ Васильевичъ считалъ необходимымъ улучшить породы домашнихъ лошадей ⁷⁾. Торговля русскими лошадьми происходила повсемѣстно по одиночкѣ на конскихъ площадкахъ, которыя были почти въ каждомъ торговомъ городѣ и на сельскихъ торгахъ. Торговля лошадьми подлежала издавна пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ пятенной и сопровождалась стѣснительными административными и юридическими обрядами. По Судебнику, при покупкѣ лошадей должно находиться пять или шесть свидѣтелей ⁸⁾. Продавецъ лошади давалъ покупателю купчую или конскую записъ, гдѣ обозначались лѣта и шерсть лошади; въ этой купчей продавецъ обязывался очищать покупателя отъ всякихъ убытковъ, могущихъ возникнуть отъ нечистой продажи и, въ такомъ случаѣ, платить проторы, какія покупатель займетъ въ своей сказкѣ. Продавецъ долженъ былъ представить за себя поручителя, который бы могъ платить за него, въ случаѣ его несостоятельности ⁹⁾. Брали пошлинъ съ рубля по 3 деньги, да сверхъ того съ записки, съ лѣтъ, съ шерсти, *по чемъ уложено*. Не заплатившій пошлинъ и продавшій лошадь мимо этихъ формъ, равно какъ и купившій подвергались пени по рублю съ человекѣка. Эти пошлины доставляли царской казнѣ до 10.000 руб. въ годъ доходу ¹⁰⁾. Такая процедура установлена какъ для увеличенія доходовъ власти,

¹⁾ А. И., III, 215.

²⁾ А. И., III, 210.

³⁾ А. И., IV, 344.

⁴⁾ Коших., 73.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 164.

⁶⁾ Кнльб., 81.

⁷⁾ Барбер., 36.

⁸⁾ А. И., I, 248 - 249.

⁹⁾ Оп. гор. Шум., 401.

¹⁰⁾ Коших., 66.

такъ равно и для предупрежденія коновкрадства. Сборъ пошлинъ на конскихъ площадкахъ отдавался иногда на откупъ ¹⁾.

Увеличеніе цѣнности лошадей указываетъ намъ сличеніе оцѣнки лошадей по поводу иска о покражахъ, составленной при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и оцѣнки, составленной по тому же поводу при Михаилѣ Феодоровичѣ. При Іоаннѣ Васильевичѣ положено взискивать за коня (нагайскаго) 5 руб., за нагайскую кобылу—3 р., за жеребенка конскаго (подростка)—2 р., за мерина 2 р., за кобылу (русскую)—1½ р.; при Михаилѣ Феодоровичѣ за коня 8 р., за нагайскую кобылу—6 р., за жеребенка конскаго—3 р., за мерина—4 р., за кобылу—3 р., за жеребенка—1½ рубля. Но въ народной торговлѣ они были дороже, ибо въ Бѣловерскѣ въ 1614 году меринъ оцѣненъ въ 10 р. ²⁾, а въ 1619 году въ Шуѣ меринъ цѣнился отъ 4½ до 6 р., кобыла отъ 3 до 3½ р. ³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ родственныя татарскія лошади цѣнились отъ 5 до 15 р.; въ Сибири меринъ стоилъ отъ 3 до 6 р. ⁴⁾; въ Устюгѣ—отъ 1 до 10 р. ⁵⁾. Въ Новгородской землѣ хорошій меринъ цѣнился отъ 4 до 5 р. ⁶⁾. Въ Черномъ Яру лошадь можно было купить отъ 1 р. до 2 р. ⁷⁾. Лошади боярскія, аргамаки, цѣнились значительно дороже. Въ началѣ XVII вѣка грузинскій аргамакъ оцѣненъ въ 65 р., другіе два отъ 30 до 40 р., боярскій меринъ отъ 12 до 16 р.; лошади же людей боярскихъ отъ 2 до 10 р.; старыя и большыя продавались отъ 20 до 40 алтынъ. Кобылы были дешевле. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка цѣнность лошади колебалась между 1½ и 3 р. ⁸⁾.

Скоть и жиеность. Изобиліе даровъ природы, сравнительная многолюдность и недостатокъ сбыта производили при благоприятныхъ обстоятельствахъ дешевизну, удивлявшую иностранцевъ. Корова составляла *стльцъ*, и эта мѣра была сравнительною единицею для предметовъ живности. Говядина продавалась *стыгами*, стягъ дѣлился на полоти и заключалъ въ себѣ иногда десять, иногда пять полотей, ибо полоти были не равны. Въ торговомъ быту стягъ равнялся десяти баранамъ, двадцати гусямъ и зайцамъ, тридцати поросатамъ, уткамъ и тетеревамъ, тридцати сырамъ, тридцати курамъ и тысячѣ яицъ ⁹⁾. *Окорокъ* обыкновенно равнялся половинѣ полоти и раздѣлялся на *части*. Коровье масло продавалось *вѣсомъ, юршиками и берестянами* ¹⁰⁾, сало свиное *коровалямъ* ¹¹⁾, молоко *ведрами и кувшинами*. Средняя цѣна стягу въ XVI и XVII вѣкѣ приводится около 2 р., но иногда спускалась до 1 р. Въ 1555 году въ Новгородѣ яловица цѣнилась въ 2 руб. ¹²⁾. При царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ оцѣнка для иска

¹⁾ А. А. Э., II, 62.

²⁾ А. А. Э., III, 85.

³⁾ Оп. г. Шуя, 385.

⁴⁾ А. И., III, 74, 167.

⁵⁾ Доп., III, 100.

⁶⁾ А. И., V, 62.

⁷⁾ А. И., IV, 344.

⁸⁾ Оп. им. Тат., 31. Врем., VIII. — Новгород. Тамож. кн. 1613 г. въ Стокгольм. Гос. Арх.

⁹⁾ А. А. Э., I, 295, 322.—С. Г. Гр., II, 137.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Нив., 26, 27.—С. Г. Гр., II, 140.

¹¹⁾ Врем., VII. Кн. посѣв., ужни. и умолот., 9, VIII.—Оп. им. Татищева, 19.

¹²⁾ А. И., III, 301.—Доп., I, 125.

о покражахъ составлена была такъ: корова и быкъ 1 р., коза 6 алт. 4 д., свинья и овца 1 гривна ¹⁾). Въ 1573 году полоть мяса въ Новгородской землѣ оцѣнена въ 5 новгородскихъ денегъ ²⁾). Въ 1582 г. цѣнились: баранъ живой гривна, полоть свиного мяса гривна, гусь живой и битый 2 алт. 2 д., пороса живое и битое 1 алт., 40 яицъ 2 д., гривенка масла коровьяго 1 деньга. При Теодорѣ Иоанновичѣ въ Москвѣ часть говядины стоила 4 д., баранья туша безъ кожи—2 алт., курица—2 д., гусь—2 гроша, утка—4 д., ведро молока 6 д. ³⁾). Мясо говяжье соленое, равно и соленое масло коровье составляли предметы вывоза. Въ концѣ XVI вѣка соленое говяжье мясо продавалось по 2 р. 10 алт. 2 д. за бочку въ 8 пудовъ, пудъ коровьяго масла, покупаемый иностранцами для суконныхъ красокъ — 20 алт., а безмень продавался среднею цѣною по одному алтыну и по 8 денегъ. Составитель Торговой книги совѣтуетъ подражаться перваго на сто бочекъ, а послѣдняго на тысячу пудовъ. Цѣнность говяжьяго мяса въ Голландіи доходила до 7 ефим., или отъ 2½ р. до 3 р. 5 алт., а масла пудъ продавался во Фландріи по рублю, въ Испаніи по 2 р.; свиное мясо, соленое по-русски безъ копоти, оказывалось иностранцамъ негоднымъ для покуки, и потому русскіе выучились его коптить, и составитель Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иностранцами на сто полотей. Пудъ его ободился купцу 26 алт. 4 деньги; коровье масло соленое привозилось на продажу бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка масла въ 6 пудовъ съ половиною стоила 12 р., и вообще въ то время средняя цѣна пуду масла была 2½ р. ⁴⁾). При Михаилѣ Теодоровичѣ оцѣнка по поводу исковъ о покражахъ поставлена такъ: за корову и быка 2 р., за козу 10 алт., за овцу и свинью 2 гривны ⁵⁾, слѣдовательно, вдвое противъ оцѣнки при царѣ Теодорѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка мы находимъ цѣны: агненокъ — 10 к., курица — 7 денегъ ⁶⁾, небольшой, но жирный быкъ — 1 р., баранъ и овца—3 алт. 2 д., а въ Ладогѣ овца отъ 12 до 18 к. ⁷⁾. Въ Шуѣ, 1619 г., корова стоила 3 р., быкъ — 2 р., овца—2 гривны ⁸⁾, полоть ветчины — 13 алт. 2 д. ⁹⁾, гусь — 2 алт. съ деньгомъ. Въ 1633 по дорогѣ изъ Москвы яловница стоила отъ 1½ до 2 р., баранъ отъ 5 алтынъ до 2 гривенъ, курица—отъ 4 до 6 д. ¹⁰⁾. Въ первыхъ десяти годахъ царствованія Алексѣя Михайловича пудъ коровьяго масла продавался отъ 30 алтынъ до 1 р. 10 алт., а гривенками въ розницу по алтыну за гривенку, яицъ десятокъ 3 д., а сотня до 2 алт. 4 д., въ Вологдѣ 400 яицъ—11 алт. 2 деньги; за 120 красныхъ яицъ—5 алт. 2 д., за триста 10 алтынъ; ведро сметаны (въ Вологдѣ) 11 алт. 4 д., кувшинъ молока (въ

¹⁾ А. И., III, 301.

²⁾ А. И., I, 349.

³⁾ Ст. Сп. Флетч., 2.

⁴⁾ Торг. кн., 134. З. Арх. О., I.—Новгор. Тамож. кн. 1613 г. въ Стокгольмск Госуд. Арх.

⁵⁾ А. И., III, 301.

⁶⁾ Маржер., 15.

⁷⁾ Olear., 151, 338.

⁸⁾ Оп. г. Шуя, 386.

⁹⁾ Ibid., 385.

¹⁰⁾ Olear. Ibid.

Москвѣ) — 8 денегъ, пудъ свиного мяса — 11 алт. ¹⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ пудъ говядины стоилъ 9 алтынъ 2 д. (на наши деперешніа деньги 57 коп.), овца (около Новгорода) — отъ 4 алт. до 4 алт. 5 д. и (ближе къ Москвѣ) отъ 10 алт. (60 коп. сер. нашихъ) до 12 алтынъ, поросенокъ — отъ 1 алтына четырехъ денегъ до двухъ алтынъ (отъ 8 до 12 коп.), гусь — отъ 3 алтынъ (18 коп. нашихъ) до трехъ алтынъ двухъ денегъ, утка — 1 алтынъ 4 д. (10 коп. сер. нашихъ), курица — 1 алтынъ (нашихъ 6 коп.). пара цыплятъ и голубей 4 деньга, заяцъ отъ 1 алт. до 1 алт. двухъ денегъ, тетеревъ отъ 2 алт. четырехъ денегъ до трехъ алтынъ (18 коп. нашихъ), рябчикъ 2 деньга; пудъ копченаго мяса и сала 13 алт. (нашихъ около 80 коп. сер.), коровьяго масла пудъ 1 р., а фунтъ отъ 5 алт. 2 д. до 6 алт. (нашихъ 36 коп.), десятокъ яицъ 4 деньга (нашихъ 4 коп.), индѣйка отъ 5 алт. до 5 алт. 4 д. ²⁾. Эти припасы были всегда дешевле зимою, чѣмъ лѣтомъ, по удобству подвоза. Правительство строго приказывало наблюдать, чтобъ не торговали большою скотиною ³⁾.

Сало было однимъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли. Русское сало, отпускаемое за границу (не включая свиного), было ворвань (китовое, моржовое и тюленье) и говяжье. Китоловничество производилось на Сѣверномъ и Бѣломъ морѣ. Каждогодно передъ заморозами китоловы отпраплялись къ морю и оставляли тамъ суда свои до весны. Эти суда рѣдко принадлежали одному лицу, но почти всегда нѣсколькимъ, составлявшимъ артель или компанію. Такимъ образомъ, пять или шесть судовъ принадлежали такой компаніи. При появленіи весны, но прежде чѣмъ ледъ начнетъ таять, китоловы приходили къ своимъ судамъ и тянули ихъ въ открытое море по льду. Такой флотъ состоялъ обыкновенно изъ семнадцати судовъ; суда эти были большія и широкія, и служили имъ домами во время китоловнаго похода. Въ это весеннее время происходила самая дѣятельная китовая ловля, ибо тогда киты выходили изъ глубины моря и ложились на льдинахъ противъ солнца. Иногда ихъ было до 4.000 и до 5.000 на одной льдинѣ. Китоловныя судна плавали отрядами, подавая другъ другу сигналы, чтобъ не потерять между собою связь, и какъ только одному отряду удавалось завидѣть китовъ, онъ тотчасъ подавалъ сигналъ другимъ; всѣ спѣшили къ указанному мѣсту и нападали на китовъ съ баграми; иногда китамъ удавалось схватить багоръ, разломать льдину, обдавать своихъ враговъ водою и подвергать ихъ опасностямъ. Послѣ бойни китовъ китоловы тянули ихъ, обдирали шкуру, извлекали сало, а тѣла покидали, и уходили съ добычею на берегъ, гдѣ немедленно принимались варить добытое сало ⁴⁾. Сбытъ ворвани производился въ Холмогорахъ и на Двинѣ ⁵⁾. Сверхъ того ворвань привозилась на продажу въ Каргополь ⁶⁾. Отсюда она, вѣроятно, шла въ Нарву, ибо часть сѣверной ворвани сбывалась и въ балтійскіе порты. Сало китовое отпускалось за границу въ бочкахъ и шло во Фландрію и Испанію, гдѣ употреблялось на мыло и на

¹⁾ Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

²⁾ Кильбург.

³⁾ А. А. Э., III, 361—362.

⁴⁾ Fletch., 19, 20.

⁵⁾ Дон., III, 117.—Торг. кн. Врем., VIII.

⁶⁾ С. Г. Гр., II, 141.

разныя техническія работы. Правительство облагало этотъ промыселъ десятимъ процентомъ, какъ и рыбный ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ, однако, китоловный промыселъ былъ очень стѣсненъ тѣмъ, что правительство, признавъ его своею собственностью, отдавало на откупъ, и предоставляло единственно откупщикамъ, а не другимъ, покупать ворвань у китолововъ. Откупщики давали имъ какую угодно цѣну и тѣмъ принуждали покидать промыселъ. Эта откупная система вовсе не была полезна власти, потому что прежде казна получала съ китоловнаго промысла отъ 4.000 до 5.000 р., а откупъ могъ давать ей едва только 200 рублей ²⁾.

Говяжье сало вывозилось за границу въ большомъ количествѣ, ибо русскіе не употребляли телятины, и откармливая подростковъ телковъ, убивали ихъ на сало. Купцы скупали его въ провинціяхъ: Казанской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Тверской, въ Городецкѣ, Угличѣ, Смоленскѣ, въ Украинныхъ городахъ, и отправляли въ Архангельскъ, пользуясь водными путями ³⁾. Въ торговлѣ различалось бѣлое и желтое сало; первое было дороже послѣдняго; какъ то, такъ и другое было *черешеное* (вареное) и *сырое*. Первое было предпочтительнѣе другого.

Вообще салотопные промыслы и отпуски сала за границу были производимы въ большемъ размѣрѣ въ XVI вѣкѣ, чѣмъ послѣ того. Въ половинѣ XVI вѣка вывозилось за границу до 100.000 пудовъ сала, а въ концѣ этого столѣтія только до 30.000 ⁴⁾. Въ Торговой книгѣ, составленной около того же времени, авторъ не совѣтуетъ подражаться на количество, превышающее 1.000 пудовъ ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ этотъ упадокъ былъ значительнѣе. Причиной тому—стѣсненіе торговли отъ власти, дошедшее до того, что говяжье сало сдѣлалось исключительно монополіею казны ⁶⁾, въ числѣ указныхъ шести товаровъ, и никто не могъ продавать его иноземцамъ, а долженъ былъ представлять въ казну. Но уменьшенію вывоза способствовало и плутовство русскихъ при продажѣ сала иностранцамъ. Уже въ половинѣ XVI вѣка англичане замѣтили, что русскіе мѣшали въ продаваемое сало часть чернаго и пригнилаго, а въ ворвань подливали воды ⁷⁾. То же самое говорили о русскомъ салѣ иностранцы въ XVI вѣкѣ, прибавляя, что русскіе дѣлали нарочно для сала толстыя бочки, чтобъ прибавить вѣсу ⁸⁾. Сверхъ того, уменьшенію вывоза способствовало распространеніе салныхъ свѣчъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Прежде знатные употребляли восковыя свѣчи, а бѣдные довольствовались лучинами ⁹⁾. Говяжье сало отправлялось въ Европу на дѣланіе свѣчъ. Оно продавалось *бочками* и *коробьями*, но также и на вѣсъ, берковцами и пудами ¹⁰⁾.

При Іоаннѣ Васильевичѣ пудъ сала въ Москвѣ стоилъ 9½ алтынъ ¹¹⁾.

¹⁾ А. И., IV, 550.

²⁾ А. А. Э., IV, 19.

³⁾ Fletch., 18.—Кильбург., 36.

⁴⁾ Fletch., 18.

⁵⁾ Торг. кн., 130. З. Арх. Общ., I.

⁶⁾ Доп., IV, 273, 281.

⁷⁾ Lett. of the Mosc. Comp. Nakl., 346.

⁸⁾ Fletch., 18.

⁹⁾ Fletch., 18.

¹⁰⁾ Lett. of the Mosc. Comp.

¹¹⁾ Раф. Барбер., 56.

Въ 1557 году англичане за центнеръ говяжьяго сала платили 17 шиллинговъ, а за тонну ворвани 9 ф. стерл. ¹⁾. Вскорѣ, по поводу требованія за границу, цѣна сала поднялась. Сало говяжье обходилось купцамъ въ покупкѣ: бѣлое по 22 алтына (на наши деньги около 2 р. сер.), а желтое по 19 алтынъ 5 д. за пудъ; сами купцы поставляли сало иностранцамъ по 40 алтынъ, лучшее же и по 2 р. ²⁾. Цѣнность его за границею простиралась: во Фландріи до 1 р. въ Испаніи до 2 р. Ворвань продавалась въ бочкахъ отъ 1 р. 26 алт. до 2 р. 5 алт. за бочку, въ Голландіи—до 3 р. 32 алт., а во Фландріи—до 4 р. за бочку ³⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Вологдѣ берковецъ сала стоилъ отъ 7¹/₂ до 10 руб. ⁴⁾. Въ Москвѣ пудъ сала стоилъ около 7 алтынъ ⁵⁾. Ворвань, привозимая на продажу иностранцамъ въ Архангельскѣ, продавалась отъ 1 до 1¹/₂ р. за бочку и покупалась преимущественно бременцами, до 600 бочекъ въ годъ ⁶⁾. Свѣчи продавались сотнями, полсотнями и десятками. Въ 1652 году сотня салныхъ свѣчъ стоила отъ 7 до 10 алтынъ ⁷⁾.

Конскій волосъ, свиная щетина и лусинный пухъ закупались купцами въ разныхъ городахъ и селахъ и отправлялись за границу. Въ концѣ XVI вѣка конскій волосъ продавался по 1 алтыну за фунтъ. Пухъ былъ сѣрый и бѣлый: сѣрый стоилъ 3 р., а бѣлый 6 р. за пудъ ⁸⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка пудъ лучшаго бѣлаго луха стоилъ 8 руб., а сѣраго 4 руб. Свиная щетина при Алексѣѣ Михайловичѣ возилась за границу въ количествѣ отъ 5.000 до 6.000 пудовъ, приблизительно по цѣнѣ отъ 4 до 4¹/₂ р. за пудъ ⁹⁾.

Кожы, составлявшія предметъ и внутренней и вывозной торговли, были яловичныя, оленьи, лошадинныя, лосиныя, буйволовыя, козлиныя и овечьи. Мѣстомъ закупа оленьихъ кожъ была Лампожня, гдѣ, какъ мы уже говорили, скупались онѣ у самоѣдовъ и откуда отправлялись въ Холмогоры. Прочіе роды кожъ выдѣлывались въ разныхъ краяхъ Россіи. Въ Холмогорахъ занимались кожевничествомъ, и Кандалакскій монастырь ежегодно отправлялъ туда оленьи и конскія кожи для обработки. Кожевенное производство наиболее процвѣтало въ областяхъ: Казанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, въ Бѣжецкомъ Верху ¹⁰⁾, Новгородской и Псковской ¹¹⁾. Выдѣлкою лошадиныхъ и соленыхъ буйволовыхъ кожъ занимались въ Ростовѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Перми; другими же кожами преимущественно въ Казани. Лошадиныя кожи дѣлались широкими, а яловичныя были узки и приготавливались изъ маленькихъ телковъ ¹²⁾. Яловичныя кожи окрашивались чернымъ цвѣтомъ, и чѣмъ

¹⁾ Killingsw. Nakt.

²⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 129—130.

³⁾ Ibid., 130.

⁴⁾ Доп., III, 148.

⁵⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 9.

⁶⁾ Кильбург., 38.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 14, 18.

⁸⁾ Торг. кн., 184. З. Арх. О., I.

⁹⁾ Кильбург., 71.

¹⁰⁾ П. С. З., I, 230.

¹¹⁾ Кильбург., 34.

¹²⁾ Fletch., 18. З. А. О., I.

цвѣтъ кожи былъ чернѣе, тѣмъ она считалась выше достоинствомъ ¹⁾. Красная шѣть выдѣлывалась въ областяхъ: Казанской, Новгородской, Псковской, въ Москвѣ, Костромѣ и Ярославлѣ. Лучшею шѣтью считалась казанская и вообще восточныхъ провинцій, за нею по достоинству слѣдовала новгородская, а псковская была хуже ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ уже сказано, красная шѣть была въ числѣ указныхъ шести товаровъ. Красная шѣть продавалась въ оптовой торговлѣ кипами: 5.000 кипъ заключали въ себѣ 225.000 паръ шѣти. Высота кипа была отъ 1 до 1½ пуда. Лосиные кожи доставлялись изъ сѣверныхъ провинцій, къ югу отъ Двинскаго устья и изъ Сибири, были въ употребленіи въ Россіи, особенно на нижнюю одежду военныхъ и служили предметомъ вывоза ³⁾. Въ 1634 году правительство дало одному нѣмцу привилегію на выдѣлку лосиныхъ кожъ, запрещая въ теченіе десяти лѣтъ русскимъ выдѣлывать лосиные кожи въ разстояніи пятидесяти верстъ отъ завода ⁴⁾. Овчины были простыя и нагайскія; послѣднія получались, между прочимъ, и изъ персидскихъ владѣній ⁵⁾. Скупая ихъ въ сыромъ состояніи, купцы доставляли ихъ въ города, гдѣ занимались ихъ выдѣлкою ⁶⁾. Между прочимъ, въ Вологдѣ занимались этимъ промысломъ. Въ оптовой торговлѣ овчины продавались портищами ⁷⁾. Сафьяны вывозились въ Россію изъ Персіи и Турціи. Турецкіе считались по достоинству выше персидскихъ. По цвѣту они были зеленые, красные, синіе, черные; зеленые и красные считались лучшими и продавались дороже ⁸⁾. Сафьяны въ оптовой торговлѣ продавались *сафьянами* и *бучтами* ⁹⁾.

Содержатели кожевенныхъ заводовъ или сами скупали кожи въ деревняхъ, или закупали сырыя отъ купцовъ, а обдѣланныя кожи сбывали купцамъ, которые продавали ихъ частью въ большихъ городахъ, а частью отвозили большими партіями въ Архангельскъ. Въ Тотмѣ и Вологдѣ ¹⁰⁾ въ зимнее время былъ значительный складъ кожевеннаго товара, который съ весною отпирался къ Двинскому порту. Запросъ на русскія кожи изъ-за границы былъ такъ великъ, что Московское государство не въ силахъ было удовлетворять его собственными произведеніями, и купцы закупали значительные запасы кожъ въ Ливоніи и Малороссіи ¹¹⁾, обыкновенно зимою. Эти сырыя кожи они сбывали по кожевеннымъ заведеніямъ. Но, въ свою очередь, выдѣланныя въ Великой Россіи кожи находили себѣ сбытъ въ Малороссіи.

Въ XVI вѣвѣ англичане обратили вниманіе на лошадиныя кожи преимущественно предъ другими кожевенными произведеніями и наблюдали, чтобы при скупкѣ ихъ онѣ были цѣлы и сухи ¹²⁾. При Іоаннѣ IV въ Холмогоры вывози-

1) Торг. кн., 131. З. А. О., I.

2) Кильбург., 48.

3) Кильбург., 34.

4) С. Г. Гр., III, 350.

5) А. И., V, 421.

6) Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 48.

7) С. Г. Гр., II, 140.

8) Кильбург., 129.

9) А. И., V, 46.

10) Доп., III, 106.—Кильбург., 48.

11) П. С. З., I, 535.

12) Lett. of the Mosc. Comp. Hakl., 342.

лось ихъ до 100.000 кожъ, а въ концѣ XVI вѣка количество вывоза упало до 30.000 ¹⁾). Въ половинѣ XVII вѣка вывозъ русскихъ кожъ увеличивался годъ отъ году. Около 1674 года вывозилось въ годъ до 75.000 шубъ; буйволовыя соленыя и козлиныя вывозилось въ Архангельскъ до 4.500 штукъ, тюленьихъ около 30.000.

Русскіе издавна славятся искусствомъ выдѣлывать кожаныя произведения ²⁾). Между прочимъ, бичи нигдѣ не дѣлались такъ хорошо, какъ въ Россіи ³⁾).

Цѣнность кожъ по Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка означена такимъ образомъ: сырыя яловичныя кожи продавались по 2 р. 10 алт. 1 д.; во Фландріи цѣна ихъ колебалась между 3 и 4 р.; въ Испаніи доходила до 7 р.; телячьи бѣлыя, покупаемыя на опушка платья въ мѣсто горностаева, продавались по 2 алт. 3 д.; кожа дубленая въ Вологдѣ стоила отъ 20 алтынъ до 23 алт. 2 денегъ; красная шуба стоила отъ 40 алтынъ до 2 р., желтая шуба продавалась по 4 алт. 2 д.; лосиные кожи—по 27 алт. 3 д.; во Фландріи онѣ доходили до 2 р., а въ Испаніи—до 3 и до 4 р. Замша продавалась по 1 р. 10 алт. 4 д. Оленьи кожи—отъ 10 алт. до $\frac{1}{2}$ р. ⁴⁾). За выдѣлку кожъ платили въ XVI вѣкѣ по 5 алт. за кожу ⁵⁾).

Въ XVII столѣтіи соленыя кожи стоили до 70 р. за сотню, буйволовыя до 50 р., козлиныя до 36 р., одна тюленья стоила 5 алтынъ. Кожаныя рукавицы продавались отъ 3 алт. 2 денегъ до 4 алт. за пару и служили предметомъ вывоза за границу. Въ 1673 г. въ Нарву отправлено было ихъ до 4.300 паръ; онѣ продавались въ оптовой продажѣ отъ 5 до 8 р. за сотню ⁶⁾). Въ Сибири русскія кожаныя рукавицы продавались дорогою цѣною. Сафьянъ голубой, желтый и красный стоилъ за пару отъ 26 до 30 алтынъ, а турецкій зеленый—отъ 1 рубля 10 алт. до 1 рубля 13 алтынъ, бѣлый турецкій—до 4 р. ⁷⁾). Въ 1678 году бунтъ сафьяна стоилъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 р. ⁸⁾). Сапоги яловичные стоили 8 алтынъ, тимовые—4 гривны; сафьянные—отъ 10 алт. до 14 алт., бакинскіе—6 алтынъ; сапоги красные телячьи—отъ 18 алт. до 22 алт., а за четверо дано 1 р. 20 алт. Тулупъ овчинный стоилъ отъ 25 алт. до 1 р., бурка изъ войлока—12 алт., а самый войлокъ—8 алтынъ. Сѣдло простое съ войлокомъ среднею цѣною отъ полтины до 20 алт. и болѣе. Сафьянное сѣдло съ войлокомъ—около сорока алтынъ и болѣе, смотря по отдѣлкѣ и украшенію. Простая узда стоила около двухъ гривенъ; но узды, украшенныя серебромъ и бархатомъ, разумѣется, цѣнились по степени украшенія. Вожжи въ Москвѣ стоили по 2 деньги за каждую; три хомута съ личными шлеями стоили 12 алт. 4 д. Патронташъ стоилъ отъ 24 до 80 к., кушакъ верблюжьей шерсти—отъ 25 до 36 к., кожаный кошелекъ кошачьей кожи—отъ 4 до

¹⁾ Fletch., 18.

²⁾ Раф. Барбер., 34.

³⁾ Кильбург., 51.

⁴⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 131—132.

⁵⁾ Раф. Барб., 57.

⁶⁾ Кильбург., 43.

⁷⁾ Кильбург., 128.

А. И., V, 46.

12 к., кожаный стулъ — 11 алтынъ, тюфякъ красной кожи — отъ 20 алтынъ до 1¹/₂ р. ¹⁾).

Воскъ и медь. Съ незамятныхъ временъ Россія производила въ изобиліи воскъ и медь ²⁾; эти произведенія служили предметомъ торговли. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ пчеловодствомъ занимались преимущественно въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской, Сѣверской, Смоленской, около Дорогобужа и Вязьмы ³⁾. Въ Рязанской землѣ издавна существовалъ ичелиный промыселъ ⁴⁾. Въ Казанской и Нижегородской земляхъ имъ занимались инородцы: черемисы, чувашы и особенно мордва, доставлявшая самый лучший сортъ меда ⁵⁾. Находящіеся въ вѣдомствѣ Верхотурья татары и остяки сѣльвинскіе и иренскіе занимались пчеловодствомъ и платили подати медомъ и воскомъ ⁶⁾. Пчелы водились въ лѣсахъ и содержались въ бортяхъ; но подѣ именовъ борти разумѣлось не только вѣстилище пчелъ, но и цѣлое заведеніе. Люди, занимавшіеся пчеловодствомъ, назывались бортники ⁷⁾. Въ нынѣшней Нижегородской губерніи цѣлыя села не занимались ничѣмъ другимъ, кромѣ пчелъ, и носили названіе бортниковъ ⁸⁾. Часто бортники составляли особую корпорацію, какъ рыболовы и бобровники; такъ, въ великокняжескихъ дворцовыхъ селахъ были бортники, обязанные доставлять медъ и воскъ для обихода двора ⁹⁾.

Въ XVII вѣкѣ цари старались о поддержаніи пчелинаго промысла въ своихъ вѣдѣніяхъ ¹⁰⁾.

Торговлею воскомъ и медомъ занимались сами производители; они и крестьяне разныхъ вѣдомствъ привозили въ города медъ и воскъ большими массами. Такъ, напр., жители с. Костры привозили въ Москву на продажу большое количество, такъ что однажды для патріарха куплено у нихъ 72 пуда, а въ другой разъ 113 пудовъ ¹¹⁾. Но также и купцы скупали въ разныхъ мѣстахъ медъ и воскъ отъ производителей, привозили на продажу въ большіе города и отправляли за границу. Такъ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ русскіе купцы дешево покупали медъ и воскъ у татаръ и остяковъ ¹²⁾. Торговля этими произведеніями образовала между крестьянами классъ медовыхъ подвозниковъ ¹³⁾, которые подражались везти медъ и воскъ по назначенію; медъ патокою продавался бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка меду-патоки вѣсила 10 пудовъ и цѣнилась до 14 р. ¹⁴⁾. Воскъ продавался кругами ¹⁵⁾, медъ въ кадьяхъ;

¹⁾ Врем., VIII. Смѣсь. Оп. им. Татищева, 8, 11—15. Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 21, 38, 41, 48, 60.—Оп. г. Шун, 385.—Кильбург., 78.

²⁾ Несторъ, II. С. Р. Лѣт., I.

³⁾ Fletch., 17.

⁴⁾ С. Г. Гр., I, 393.

⁵⁾ Кильбург., 61.

⁶⁾ А. А. Э., III, 84.

⁷⁾ С. Г. Гр., I, 74.

⁸⁾ А. И., II, 141.

⁹⁾ С. Г. Гр., I, 397.

¹⁰⁾ Доп., V, 327.

¹¹⁾ Врем., XIII. Расход. кн. Некона, 15, 22, 26.

¹²⁾ А. А. Э., III, 84.

¹³⁾ С. Г. Гр., I, 327.

¹⁴⁾ Новгород. Тамож. кн. 1613 г.

¹⁵⁾ А. А. Э., I, 321.

въ XVI вѣкѣ кадъ заключала отъ 7 до 8 пудовъ, а въ XVII вѣкѣ около 4 п. или отъ 3 п. 8 гривенокъ до 3 пуд. 12 фунт. 34 золотн. ¹⁾ Въ древности воскъ продавался на капи ²⁾. Но въ XVI и XVII столѣтияхъ при оптовой продажѣ медъ и воскъ взвѣшивался на важняхъ ³⁾ и продавался на берковцы, пуды, безмены и востанья четверти ⁴⁾, ибо пошлины взимались съ вѣса. Продажа воска и меда издавна подвергалась высокимъ пошлинамъ и подчинялась строгимъ правиламъ. Въ Новгородѣ, между прочимъ, сообразно очень древнему уставленію, воскъ могъ продаваться единственно у св. Ивана на Опокахъ.

Эти товары были у насъ старинными статьями вывоза. Въ удѣльные времена воскъ вывозили въ Ригу ⁵⁾; въ XV вѣкѣ ливонцы покупали его у русскихъ и снабжали имъ цѣлую Европу ⁶⁾. По открытіи Бѣломорскаго пути воскъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ покупки для англичанъ. Въ царствованіе Грознаго они ежегодно вывозили изъ Россіи болѣе 50.000 пудовъ воска; но при Феодорѣ Иоанновичѣ число пудовъ вывозимаго ими воска упало до 10.000 ⁷⁾. Иногда правительство налагало временныя запрещенія на выпускъ воска за границу, или устанавливало особыя правила для торговли имъ. Такъ, при Иоаннѣ Грозномъ въ 1555 г. послѣдовало запрещеніе вывозить воскъ ⁸⁾, а при Феодорѣ Иоанновичѣ было позволено не иначе отдавать его иностранцамъ, какъ въ промѣнъ на сѣбу. Правительство, какъ кажется, старалось сдерживать слишкомъ большой вывозъ воска, дабы онъ не вздорожалъ во внутренности государства: повсемѣстное употребленіе восковыхъ свѣчъ въ церквахъ при богослуженіи и въ зажиточныхъ домахъ требовало заботиться объ оставленіи въ Россіи значительнаго количества его. Въ XVII вѣкѣ ежегодно вывозили за границу до 35.000 пудовъ воска ⁹⁾.

Въ началѣ XV вѣка въ Новгородской землѣ берковецъ меда стоилъ 1 р. Въ половинѣ XVI в. цѣнность воска и меда была: перваго по 10 алтынъ, второго по полтинѣ за пудъ. Въ 1557 г. англичанинъ цѣнилъ русскій медъ въ 4 ф. ст. за центнеръ ¹⁰⁾. Къ исходу XVI вѣка пудъ воска стоилъ 4½ р., а безмень продавался до 10 алтынъ, но позже цѣна его упала до 2 р. 10 алт. 2 д. за пудъ, а наконецъ, до 1½ р. и 20 денегъ за пудъ, такъ что составитель Торговой книги называетъ такую цѣнность за *воскъ* дешевой. Безмень меда продавался до 6 алт. 4 ден., средняя же цѣна его была 3 алт. 2 ден., а пудъ 3 р. 6 алт. 4 денги, но позже она упала до 1 р. 20 алт. Во Фландріи русскій воскъ продавался по 3 р., а въ Испаніи по 6 р. за пудъ. На количество вывоза его за границу въ послѣдней половинѣ XVI в. приблизительно указываетъ составитель Торговой книги, советуя договариваться съ иностран-

¹⁾ Расх. кн. Никона, 15. Врем., XIII.

²⁾ С. Г. Гр., II, 4.

³⁾ Расх. кн. Никона, 15. Врем., XIII.

⁴⁾ Торг. кн., 114, 131. З. А. О., I.

⁵⁾ С. Г. Гр., II, 4.

⁶⁾ Кампензе, 31.

⁷⁾ Fletch., 17.

⁸⁾ Доп., I, 124.

⁹⁾ Бильбург., 74.

¹⁰⁾ Killingsw. Hakl.

цами на сто берковцевъ воску ¹⁾. При Михаилѣ Теодоровичѣ пудъ воска стоилъ 3 р. 4 алт. 1 ден., а пять пудовъ меда оцѣнены въ 1¹/₄ р. ²⁾. Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ пудъ воска стоилъ 3 руб. 25 алт., а пудъ меда отъ 22 алт. до 28 алт., пудъ патоки 26 алт. 4 ден., а въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Вологдѣ, 25 алт., въ Холмогорахъ 28 алт. 2 ден.; за фунтъ восковыхъ свѣчей въ Вологдѣ задрачено 4 алт., а въ Москвѣ 4 алт. 2 деньги. За сосканіе свѣчь свѣчной мастеръ (свѣчникъ) бралъ задѣльной платы 9 алт. съ 30 гривенокъ или 15 фунтовъ ³⁾.

4. Шерстяныя и шелковые матеріи.

Русскіе не умѣли дѣлать суконъ и матерій, и потому должны были получать ихъ изъ-за границы, плата за нить туземными произведеніями ⁴⁾. Впрочемъ, въ русскихъ селахъ дѣлались простыя сукна, составлявшія предметъ потребленія для низшаго, преимущественно сельскаго класса; это были сукна сермяжныя, однорядочныя ⁵⁾. По достоинству они различались на лучшія, среднія и худшія и составляли предметъ торговли на сельскихъ торгахъ ⁶⁾. Сермяжное сукно было бѣлое ⁷⁾ и сѣрое: изъ послѣдняго дѣлались верхнія одежды или епанчи; въ половинѣ XVII вѣка сѣрая суконная епанча стоила 13 алт. 2 д.; зипунъ сермяжный стоилъ 20 алтынъ ⁸⁾. Впрочемъ, въ половинѣ XVII вѣка русскіе занимались и окраскою своихъ домашнихъ произведеній; такъ, тогда уже въ селѣ Тейковѣ (нынѣшней Владимірской губерніи) крестьяне занимались красильными работами ⁹⁾. Кромѣ суконъ, русскіе дѣлали шерстяныя полсти и войлоки. Этими занимались преимущественно въ Калугѣ и вообще на берегахъ Оки. Войлоки употреблялись на сѣдла, на бурки и находили себѣ сбытъ за границею ¹⁰⁾. Въ 1584 г. полсть оцѣнена въ 6 алт. ¹¹⁾. Въ исходѣ XVI в. полсть шириною въ 2 аршина безъ 3 вершковъ и длиною до 3³/₄ арш. продавалась по 1 р. ¹²⁾. Войлочную бурку можно было купить за 12 алт. ¹³⁾.

Уже Борисъ намѣревался ввести въ Россію фабричное суконное производство и поручалъ нѣмцу Бекману достать въ Любекѣ суконныхъ мастеровъ ¹⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ московскій купецъ иностраннаго происхожденія, фонъ-Шведень, завелъ суконную фабрику, но получилъ убытокъ; между тѣмъ иностранцы за-

¹⁾ Торг. кн. З. А. О., I, 131.

²⁾ А. А. Э., III, 90.

³⁾ Расх. кн. Врем., XIII, 5, 46, 47, 49.

⁴⁾ Раф. Барб., 36.

⁵⁾ А. И., IV, 327.

⁶⁾ А. А. Э., II, 64.

⁷⁾ А. И., I, 285.

⁸⁾ Расх. кн. Ник., 35, 37, 59. Врем., XIII.—Оп. г. Шум, 885.

⁹⁾ Оп. г. Шум, 343.

¹⁰⁾ Кильб., 40.

¹¹⁾ Доп., I, 198.

¹²⁾ Торг. кн. З. А. О., I.

¹³⁾ Варберлин.

¹⁴⁾ А. И., II, 33.

мѣчали у насъ, что около Каспійскаго моря водятся довольно тонкорунныя овцы и полагали, что изъ шерсти русскихъ овецъ можно дѣлать даже такое сукно, какое въ тѣ времена выдѣлывалось въ Гамбургѣ ¹⁾. До открытія Вѣломорскаго пути сукна и матеріи доходили къ намъ черезъ Ригу, Ревель и Польшу ²⁾. Во время господства англичанъ надъ русской торговлею, предки наши получали сукна и матеріи чрезъ ихъ руки и цари жаловали обыкновенно англійскими сукнами ³⁾. Эта торговля приносила англичанамъ большія выгоды: сорокъ процентовъ на сто не были необыкновеннымъ барышомъ ⁴⁾.

Торговцы Любека и Гамбурга также привозили въ Россію мануфактурныя издѣлія Европы, а во второй половинѣ XVII вѣка ихъ доставляли русскимъ преимущественно голландцы ⁵⁾. Кромѣ европейцевъ, русскимъ доставались восточныя ткани изъ Турціи ⁶⁾, Персіи, Индіи черезъ руки персіянъ ⁷⁾, и наконецъ отъ китайцевъ, когда возникли съ ними торговыя сношенія ⁸⁾. Старые акты указываютъ на древній бытъ нашъ и сохраняютъ множество наименованій суконъ и матерій, изъ которыхъ многія объяснить трудно; русскіе давали имъ собственныя названія и употребляли иноземныя, но не уступали другимъ народамъ въ обыкновеніи коверкать чужестранныя названія. Обыкновенныя названія суконъ, бывшія у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ, слѣдующія: брюкишъ (брюгтское, brügisch), полубрюкишъ, облякишъ, аглинское, полуаглинское, лундышъ (лондонское), ипское (ипрское), настрафиль, новоееское, рословское (рослагенское), свицкое (шведское), новогонское, колтырь, костришъ, трекунское, голландское, анбурское (гамбургское), шебединское, мехельвское, влосское (итальянское), гунгилинень, лимбарское (лимбургское), брабантское, шарлатъ и скорлатъ (французскія сукна), муравское (моравское), четцкое (богемское), мышенское, лятчина или лѣтчина (употребляемыя на одежды: *лѣтники*), еренга, гловское, инбарское, жегавское, утрофимъ (утрехтское); иные сорты назывались по цвѣту, напр., багрець, кармазинъ и пр. ⁹⁾. Сукна въ торговлѣ продавались *кипами, половинками, поставами, портищами, аршинами, локтями* и просто *сукнами*. Кипа раздѣлялась на половинки. Кипы были разныя и заключали въ себѣ различное число половинокъ; такъ, въ концѣ XVI вѣка въ кипѣ рословскаго сукна было 25, а въ кипѣ новоеесскаго 57 половинокъ ¹⁰⁾. Половинка заключала отъ 20 до 25 аршинъ. Предъ концомъ царствованія Іоанна Грознаго половинка сукна, данная въ золотую палату подъ образа, стоила 2 р., а въ другомъ мѣстѣ говорится, что сукно продавалось по гривнѣ аршинъ, и 23 аршина стоили 2 р. ¹¹⁾.

¹⁾ Кильб., 174.

²⁾ Lett. of the Mosc. Comr.

³⁾ Матер. для истор. иконоп.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр., 96.

⁵⁾ Кильб.

⁶⁾ Оп. им. Ив. Вас., 11, 15. Врем., VII.—Врем., II. См., 23.

⁷⁾ А. И., III, 330.

⁸⁾ А. И., V, 104.

⁹⁾ Торг. кн. Врем., VIII. З. А. Общ., I.—Доп., I, 197—199, 209. Доп., III, 106, 186, 207. — С. Г. Гр., II, 139.—Кильб., 87, 118.

¹⁰⁾ Торг. кн., 118. З. А. О., I.

¹¹⁾ Доп., I, 192—193.

Въ Торговой же книгѣ сказано, что въ кипѣ было 25 половинокъ, а изъ половинки выходило 25 аршинъ. Поставъ ¹⁾ былъ оптовая единица, равнозначительная нынѣшнему слову штука или кусокъ. Едва ли существовало опредѣленное правило относительно содержанія аршиновъ въ поставѣхъ, и когда говорилось, что такое-то сукно заключаетъ столько-то аршинъ, то подъ этимъ разумѣлся поставъ. Такъ, въ Торговой книгѣ сказано, что мѣра сукну настрафилю отъ 32 до 40 аршинъ, а вслѣдъ затѣмъ прибавлено, что въ Ругодивѣ (Нарвѣ) поставъ покупають за 40 ефимковъ ²⁾; изъ другихъ же извѣстій ³⁾ мы узнаемъ, что настрафилю продавался за аршинъ $\frac{1}{3}$ рубля, что довольно приблизительно совпадаетъ съ цѣвною ефимковъ въ отношеніи рублей, опредѣляемою тою же Торговою книгою. Поставы были въ 40, 30 и, наконецъ, 20 аршинъ, и такимъ образомъ часто означаютъ то же, что и половинка. При Алексѣѣ Михайловичѣ кусокъ привознаго сукна имѣлъ отъ 22 до 24 аршинъ ⁴⁾. Но вообще оптовая единица суконныхъ товаровъ не могли означать опредѣленныхъ и постоянныхъ мѣръ, потому что сукна привозились въ Россію изъ разныхъ мѣстъ и оптовые количества соображались съ тѣми мѣрами, которыя были въ употребленіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ дѣлались сукна; а въ тотъ вѣкъ, какъ извѣстно, въ Европѣ господствовало еще большее разнообразіе, чѣмъ теперь. Портиссе, какъ кажется, означало кусокъ сукна около четырехъ аршинъ. ибо мы находимъ указанія на подобное содержаніе этой единицы ⁵⁾. Портиссе сукна давалось, какъ приблизительно мѣра на одежду человѣка, ибо четыре аршина считалось достаточнымъ для взрослого; но такъ какъ одно сукно было шире, другое уже, то, поэтому, англійскаго сукна на одежду давалось 4 аршина, а гамбургскаго пять ⁶⁾. Подобное значеніе имѣло неопредѣленное названіе *сукно*, когда давалась кому-нибудь на одежду пропорція сукна: такъ въ 1585 году въ числѣ подарковъ, розданныхъ духовнымъ лицамъ и причту, пономарю дано сукно рословское, стоящее полтину, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что аршинъ рословскаго сукна стоялъ гривну, слѣдовательно, *сукно*, данное на одежду, заключало пять аршинъ, именно столько, сколько приблизительно могло быть потребно на одежду ⁷⁾. Мы уже выше, при исчисленіи мѣръ, говорили объ отношеніяхъ аршина и локтя между собою. Русскіе мѣрили сукна аршинами и переводили на нихъ иностранныя мѣры. Торговая книга учитъ, что въ 52 локтяхъ самой употребительной тогда мѣры надобно считать 43 аршина ⁸⁾. Ширина суконъ была различна, но вообще вращалась около двухъ аршинъ съ частями третьяго. Такимъ образомъ мехельское сукно имѣло два аршина три четверти ширины, англійское — два аршина шесть вершковъ, настрафилю — два аршина съ четвертью, латчина — два аршина съ двумя верхками. Поставы и половинки оказывались покромками раз-

¹⁾ Доп., III, 207.

²⁾ Торг. кн., №88.

³⁾ Доп., I, 209.

⁴⁾ Кильб., 115.

⁵⁾ Доп., I, 199.

⁶⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 89.

⁷⁾ Доп., I, 198, 197.

⁸⁾ Торг. кн., 118.—Врем., VIII.

личной ширины, которыя продавались особо и употреблялись на дѣланіе шатровъ ¹⁾.

Употребительнѣйшихъ цвѣтовъ сукна были: червчатая, синія, темносинія, вишневыя, лазоревыя, желтыя, лимонныя, инбирныя, свѣтлозеленыя, темнозеленыя, аспидныя, голубыя, мурамлиныя. Въ нѣкоторыхъ видахъ суконъ одни изъ цвѣтовъ были дороже, другіе дешевле, такъ, напримѣръ, въ новоесскомъ голубой, синій и лазоревый цвѣта были дороже, а въ настрафилѣ лазоревый, голубой и зеленый дешевле; въ лунскомъ — свѣтлозеленый дороже, въ брикнишѣ — свѣтлозеленый и цѣнный дешевле ²⁾. Червчатый цвѣтъ и вообще красныя отливы были въ большомъ употребленіи. Послѣ нихъ въ модѣ были голубые цвѣта; такъ въ XVI вѣкѣ изъ разныхъ цвѣтовъ дѣлаемыхъ въ Англіи каразей, называемыхъ русскими еренгою, доставлялись преимущественно голубыя ³⁾. Черныя цвѣта почти не употреблялись ⁴⁾.

Лунское, англійское, багрець, скорлата были дорогими сортами, настрафилъ — средній сортъ, сколько замѣтно, бывшій въ большомъ употребленіи; ролловское, еренга, гамбургское, муравское, лимбургское были дешевые сорта. Когда, напримѣръ, царь жаловалъ сукнами, то особамъ первой статьи давались лунское и англійское, а второй и третьей статей — настрафилъ и гамбургское. Лунское сукно въ XVI вѣкѣ цѣнилось отъ 16 р. до 30 р. ⁵⁾ за поставъ, смотря по относительной добротѣ его. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ аршинъ темнозеленаго лунскаго стоилъ 1½ р. ⁶⁾. Въ XVI в. поставъ англійскаго червчатаго стоилъ 15 р. ⁷⁾, но низшаго достоинства, или, какъ говорилось тогда, средней земли, можно было поставъ купить за 6 р. ⁸⁾. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 62 поставы англійскаго сукна оцѣнены въ 500 р. ⁹⁾. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ аршинъ англійскаго вишневаго сукна оцѣненъ въ 31 алтынъ 4 д., а темнолимоннаго — въ 34 алтына 2 деньга ¹⁰⁾. Въ концѣ XVI вѣка можно было приобрести однорядку краснаго лунскаго сукна за 13 р. 21 алтынъ 4 деньга ¹¹⁾. Въ XVII вѣкѣ однорядка англійскаго темносиняго сукна оцѣнена въ 5 р. ¹²⁾. Аршинъ скорлата въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 р. ¹³⁾; въ половинѣ XVII вѣка аршинъ кармазина 1 р. 10 алтынъ ¹⁴⁾. Мехельское высшаго сорта обходилось купцу за аршинъ отъ 2 р. до 1 р. 21 алт., а низшаго — отъ 1 р. 11 алт. съ деньгою до 1 р. 3 алт. съ деньгою ¹⁵⁾. Настрафилъ въ XVI вѣкѣ стоилъ полтину за ар-

¹⁾ Оп. им. Татис., 4. Врем., VIII.

²⁾ Торг. кн., 118.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1856, II, 92.

⁴⁾ Торг. кн. З. А. Общ., I.

⁵⁾ Доп., I, 199.—И. Г. Р., X. Прим. 462.

⁶⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 8.

⁷⁾ Доп., I, 191.

⁸⁾ И. Г. Росс., X. Прим. 462.

⁹⁾ Ст. Сп. Флетч., 40.

¹⁰⁾ Врем., XII. Мат. для ист. иконоп., 8.

¹¹⁾ Доп., I, 199.

¹²⁾ Оп. г. Шуй, 453.

¹³⁾ Доп., I, 199.

¹⁴⁾ А. И., V, 46.

¹⁵⁾ Торг. кн. З. Арх. Общ., I.

иннъ ¹⁾); на кораблѣ, привеземъ въ Россію разные товары, поставъ настрофия оцѣненъ въ 13 р. ²⁾). Въ началѣ XVII вѣка аршинъ кострына связаго съ искрой оцѣненъ въ полуполтину, гунгилиннень—30 алтынъ, стажедъ вишневыи—12 алт., шебединское зеленое и вишневое—по гривнѣ за аршинъ ³⁾). Рословское въ концѣ XVI вѣка продавалось по 1 р. 20 алтынъ за половинку въ 25 аршинъ, слѣдовательно, по 12²⁰/₂₅ денегъ за аршинъ, и по 1 р. за половинку или по 8 денегъ за аршинъ: первое называлось двоепечатное, второе—однопечатное. Аршинъ новоеесскаго приходился около двухъ алтынъ; колтырь, утрофимъ продавались за поставъ отъ 13 р. 13 алтынъ 2 денегъ до 10 р. 31 алт. 4 деньги. Каразеи или еренги были двухъ родовъ: англійскія и шотландскія. Первые по-русски назывались большою, а послѣднія малую еренгою. Первые стоили за поставъ отъ 4 р. 12 алт. 4 д. до 5 р. 11 алтынъ 2 денегъ, а вторыя отъ 5 р. 15 алт. 5 денегъ до 6 р. 22 алт. 3 денегъ. Муравское отъ 5 р. 28 алтынъ до 7 р. 4 алт. за поставъ. Лимбургское было самое дешовое: отъ 2 р. 30 алт. 4 денегъ до 3 р. 18 алт. 4 денегъ ⁴⁾). Вообще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка одѣться порядочно, но не богато, въ суконное платье стоило около 2 руб. Аршинъ порядочнаго краснаго сукна можно было купить отъ четырехъ гривенъ или 13 алтынъ 2 деньги ⁵⁾ до 1 рубля ⁶⁾). Въ половинѣ XVII вѣка шелковыя и бумажныя ткани вытѣснили изъ употребленія сукна, и англійскія сукна падали въ цѣнѣ ⁷⁾); но купцы жаловались, что англичане возвысили цѣну сукнамъ до того, что сукно, стоявшее прежде 4 гривны и полтину за аршинъ, доходило до 40 алтынъ ⁸⁾). Сверхъ того замѣчено, что англичане, вмѣсто хорошихъ суконъ, которыя находили себѣ сбытъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, удовлетворяя Россію худшими сортами, которые въ мочкѣ сбѣгали отъ 6 вершковъ до полуаршина въ портищѣ, тогда какъ въ сукнахъ, которыя они привозили прежде, сбѣгало въ портищѣ не болѣе одного вершка или двухъ ⁹⁾).

Въ 1671 году привезено было кармазиннаго сукна 22 кипы, 587 половинокъ, полукармазиннаго — 8 кипъ, 248 половинокъ; въ 1672 г. кармазиннаго—47 половинокъ; въ 1673 г. кармазиннаго—77 и полукармазиннаго—12; въ 1671 году англійскаго—81 кипа, 64 половинки, голландскаго—9 кипъ, 22 половинки, гамбургскаго—41 кипа и 267 половинокъ; въ 1672 г. англійскаго и голландскаго 9 половинокъ и 3 связки, голландскаго—13 половинокъ, гамбургскаго—294 половинки и 19 связокъ; въ 1673 году—на тридцати корабляхъ—13 гамбургскаго, 6 голландскаго и 1 англійскаго, на четырнадцати корабляхъ—21 половинка голландскаго, 13 гамбургскаго и 18 изъ сорта, называемаго vierlothen. Кромѣ суконъ привозили камлоты, трипъ, саржу, шерстяную камку ¹⁰⁾

¹⁾ Доп., I, 209.

²⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

³⁾ Оп. им. Татищ., 4. Врем., VIII.

⁴⁾ Торг. кн. З. Арх. Общ., I, 118—120.

⁵⁾ Доп., I, 198.

⁶⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 36.

⁷⁾ Сам. Колл., 98.

⁸⁾ А. А. Э., IV, 20.

⁹⁾ А. А. Э., IV, 16.

¹⁰⁾ Кильбург., 87, 117.

и ковры. Въ XVI вѣкѣ большой коверъ на бѣлой землѣ длиною 5 аршинъ и шириною 3 аршина стоилъ 10 р. ¹⁾).

Шелковая матерія, употреблявшіяся встарину, были: бархатъ, камка, атласъ, объяръ, тафта, мухояръ, дорѣги, зедець, зуфъ, байберекъ, киндякъ, безинь, грогрень. Но болѣе другихъ были употребительными: бархатъ, атласъ, камка, объяръ и тафта. Онѣ, какъ мы уже говорили, привозились изъ Европы и также съ Востока и носили названія по мѣстамъ своей обработки. Современный вкусъ любилъ матерія вышитыя и вытканныя золотомъ и серебромъ, а потому бархатъ, атласъ, камка и объяръ очень часто были *золотые*. Фонъ матерія назывался *землею*, а золотое или серебряное тканье или же цвѣты по фону назывались *травами*. Цѣны ихъ были чрезвычайно различны, смотря по работѣ и по количеству золота.

Бархаты были венецицкіе, бурскіе, бурматные, литовскіе. Бурскій (изъ города Bourge) бархатъ былъ часто золотной, или же земля его была одноцвѣтная, а по ней травы вытканы шелкомъ другихъ цвѣтовъ, напримѣръ, на червцѣ (на красномъ полѣ) шелкъ зеленъ съ золотомъ ²⁾). Малиновая земля была въ болѣе употребленіи у русскихъ. Цѣна бурскаго бархата въ XVI вѣкѣ была отъ 40 алтынъ до 2 рублей ³⁾). Венецицкій гладкій бархатъ одноцвѣтный продавался въ концѣ XVI вѣка по 1 руб. за аршинъ ⁴⁾). Между привезенными въ Россію товарами въ концѣ XVI вѣка бархатъ оцѣненъ въ 1¹/₂ рубля за аршинъ ⁵⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ европейскій бархатъ цѣнился отъ 2¹/₄ до 3¹/₄ р. за аршинъ ⁶⁾). Литовскій косматый бархатъ былъ изъ низшихъ сортовъ и цѣнился въ началѣ XVII вѣка около 6 алтынъ за аршинъ ⁷⁾). Самый низшій сортъ бархата назывался бархатель ⁸⁾)—родъ нынѣшняго плица. Но самый высокій сортъ бархата былъ турецкій; онъ обыкновенно былъ малиноваго цвѣта съ золотыми, серебряными или разноцвѣтными шелковыми узорами ⁹⁾).

Камка въ торговлѣ различалась: бурская, венецицкая, — мисюрская ¹⁰⁾ (очень старинный сортъ, употребительный еще въ XV вѣкѣ), куфтеръ (очень толстая, плотная матерія), соломянка ¹¹⁾ кармазинная, есская, итальянская, амстердамская ¹²⁾), — адамашка двоеличная, кизильбашская ¹³⁾, индійская ¹⁴⁾, китайская ¹⁵⁾). Эта шелковая матерія была самая употребительная встарину и отличалась вообще плотностью и толщиной; чѣмъ камка толще, тѣмъ была цѣннѣе. Почти

¹⁾ Торг. кн., 22. Врем., VIII.

²⁾ Доп., I, 197.

³⁾ Доп., I, 209.

⁴⁾ Доп., I, 193.

⁵⁾ И. Г. Росс. Прям. 462.

⁶⁾ Кильбург., 115.

⁷⁾ Оп. им. Тат., 5. Врем., VIII.

⁸⁾ А. И., IV, 161.

⁹⁾ Врем., II. См., 23.

¹⁰⁾ Доп., I, 199.—С. Г. Гр., I, 302—303, 339—340.

¹¹⁾ Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

¹²⁾ Кильбург., 115.

¹³⁾ А. И., II, 17.

¹⁴⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 8, 104.

¹⁵⁾ А. И., V, 104.

всегда камка была узорчатая; на иной былъ узоръ большой, на другой малый; тѣмъ больше узоръ, тѣмъ цѣннѣе считалась матерія. Земля или фонъ матеріи дѣлалась цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, желтаго, рудожелтаго, бѣлаго, лазореваго, вишневаго, двоеличневаго ¹⁾, но чаще всего русскіе выбирали красный цвѣтъ а узоры по ней были или золотые, или серебряные, или шелковые другихъ цвѣтовъ, отличныхъ отъ цвѣта земли, или шелковые вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ. Узоры изображали листья, деревья, травы, рѣки, горы и т. п. По величинѣ и расположенію узоровъ камка раздѣлялась на травчатую и шелкотравчатую. Камка была гораздо уже сукна, напримѣръ: кармазинная въ аршинъ безъ четверти или безъ двухъ вершковъ, соломянка аршинъ съ двумя верхками или полтора верхкомъ ²⁾, индійская вдвое менѣе англійскаго сукна ³⁾. Камка была нѣсколько уже бархату, ибо когда бархату нужно было на одежду 12 аршинъ, камки 13 аршинъ ⁴⁾. На перину въ два аршина безъ двухъ вершковъ длиною и въ одинъ аршинъ съ четвертью шириною шло камки (червчатого кармазина) 6 аршинъ, и ширина ея равнялась ширинѣ тогдашняго тверскаго и тронскаго холста ⁵⁾. Для женской одежды потребно было камки девять аршинъ: вѣроятно, почти столько же достаточно было и для мужской, потому что мужская одежда въ то время также дѣлалась до пять ⁶⁾. Вообще среднимъ выводомъ камка была въ полтора раза дороже сукна и немного не вдвое дешевле бархата, такъ что когда аршинъ бархата стоилъ 1 р., аршинъ камки соразмѣрнаго достоинства стоилъ отъ 18 до 19 алтынъ ⁷⁾. Венеδικая камка цѣнилась въ XVI вѣкѣ отъ 19 до 20 алтынъ за аршинъ ⁸⁾; куфтеръ была разныхъ родовъ и продавалась отъ 40 алт. до 1¹/₂ р. ⁹⁾, а въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ камка-куфтеръ продавалась по рублю ¹⁰⁾ (вѣроятно пониже сорта); адаманшка продавалась отъ 20 алт. до ¹/₂ р., соломянка—отъ 10 до 13 алтынъ, кармазинная—отъ 40 алт. до 1 руб. ¹¹⁾. Но эти цѣны означены для оптовой продажи; въ розницу камка продавалась дороже. Камка бурская, часто вытканная золотомъ, цѣнилась выше другихъ сортовъ ¹²⁾. Индійская камка при Михаилѣ Теодоровичѣ цѣнилась въ 20 алтынъ за аршинъ ¹³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ амстердамская камка цѣнилась отъ 11 алт. 4 д. до 18 алт. 2 д., итальянская отъ 25 алт. до 30 алт. ¹⁴⁾.

Объяръ была золотная, серебряная и шелковая. Первая составляла самые богатые наряды царей и вельможъ. Объяръ была цвѣтовъ: желтаго, бѣлаго, рудо-

¹⁾ Доп., III, 207.

²⁾ Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

³⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 104.

⁴⁾ Доп., I, 200.

⁵⁾ Дож. бытъ Русск. Цар. Забѣл. От. Зап. 1850. Июль, 55.

⁶⁾ Доп., I, 199.

⁷⁾ Доп., I, 197, 200.

⁸⁾ Доп., I, 199—200.

⁹⁾ Зап. А. О., I. Торг. кн., 128.

¹⁰⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 10.

¹¹⁾ Зап. А. О., I. Торг. кн., 128.

¹²⁾ Доп., I, 199.

¹³⁾ Врем., VII. Мат. для ист. икон., 8.

¹⁴⁾ Кильбург., 115.

желтого, зеленого, малинового. Ширина ея была различна. Золотная и серебряная обьярь дѣлалась часто съ узорами и такъ, что по золотной землѣ выдѣлывались серебряные узоры, а на серебряной золотые. Венецкая обьярь была безъ золота съ разноцвѣтными травами по бѣлой землѣ. Аршинъ золотной и серебряной обьяри съ узорами цѣнился въ XVII вѣкѣ отъ 10 до 11^{1/2} р. и вообще принималось, что цѣнность аршина обьяри приближалась къ цѣнѣ фунта серебра ¹⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича обьярь (вѣроятно шелковая) продавалась отъ 1 р. до 6 алт. 4 денегъ до 2 р. за аршинъ ²⁾. Шелковая обьярь, употребляемая женщинами на ихъ тѣлогрѣи и лѣтвики, цѣнилась наравнѣ съ тафтой высшаго достоинства; напримѣръ, въ описаніи приданого княгини Лыковой обьярь зеленая и алая тафта оцѣнены были въ 4 р. Не дороже считалась обьярь, вышитая *вошью* ³⁾.

Атласъ былъ немного ниже бархата въ цѣнѣ, но очень часто ткался съ золотомъ и серебромъ и потому цѣны на него были разнообразны. Въ XVI вѣкѣ аршинъ атласа стоилъ 40 алтынъ, въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что аршинъ атласа стоилъ 2^{1/3} и 4 алтына 2 деньги ⁴⁾. Когда давали атласъ въ награду за службу, онъ стоилъ 40 р., а иногда сто рублей ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ цвѣтной атласъ привозился изъ Голландіи и Италіи, и первый извѣстенъ былъ подъ названіемъ амстердамскаго, послѣдній болонскаго; первый былъ въ одной цѣнѣ съ амстердамскою, а второй съ итальянскою камкою. Атласы турецкіе дѣлались малиновые съ золотыми узорами. Высокаго достоинства была матерія *алтабасъ*, получаемый тоже изъ Турціи—золотной съ серебряными травами ⁶⁾, но былъ и алтабасъ простой разныхъ цвѣтовъ; въ XVII вѣкѣ аршинъ зеленого атласа стоилъ 30 алтынъ ⁷⁾.

Тафта въ торговлѣ различалась: шамская, бурская, венецкая, нѣмецкая, такайская, лукская, китайка. Ширина этой матеріи была различна: шамская и бурская девяти вершковъ, венецкая полтора аршина. Иногда была тафта шириною равна сукну; такъ при Михаилѣ Теодоровичѣ давалось на платье сукна и тафты равное количество, четыре аршина, а напротивъ камки восемь аршинъ ⁸⁾. Отъ ширины ея и отъ достоинствъ зависѣла разная цѣна: шамская стоила отъ 8 до 10 алтынъ, лучшую считалась червчатая и стоила до 12 алт., бурская отъ 3 до 5 алтынъ, венецкая широкая отъ 19 до 21 алтына, нѣмецкая отъ 3 до 5 алтынъ ⁹⁾. При Михаилѣ Теодоровичѣ аршинъ широкой тафты продавался отъ 22 до 28 алтынъ ¹⁰⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ лукская тафта продавалась отъ 20 до 26 алт. 4 денегъ, волнистая отъ 21 алтына до 30 алтынъ ¹¹⁾. При Теодорѣ Алексѣевичѣ аршинъ

¹⁾ Врем., II. См., 23.

²⁾ Кильбург., 115.

³⁾ Врем., V. Смѣсь, 24.

⁴⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 10.

⁵⁾ Врем., VII. Смѣсь, 60—61.

⁶⁾ Врем., II. См., 22—23.

⁷⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 10.

⁸⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 9.

⁹⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 128.—Оп. им. Татищ., 4, 5. Врем., VIII.

¹⁰⁾ Матер. для ист. иконоп., 10. Врем., VII.

¹¹⁾ Кильбург., 115.

узкой тафты можно было купить за 5 алтынъ ¹⁾. Худшіе сорта тафты были китайка и клеенка: первая продавалась отъ 2 до 3 алтынъ за аршинъ ²⁾, а вторая отъ 8 до 12 денегъ ³⁾.

Дороги — матерія старинная восточнаго произведенія, ибо между прочимъ славилась дороги шлянскія и дороги канаваты. Эта матерія отличалась тѣмъ, что дѣлалась съ полосами, напримѣръ: зелеными, бѣлыми и вишневыми, или, напр., съ бѣлыми, багровыми и червчатыми ⁴⁾. Мужьяръ былъ какъ шелковый, такъ и бумажный ⁵⁾, и употреблялся преимущественно на покрывку шубъ и верхнихъ одеждъ. Зуфъ, называемая восточная, принадлежала къ болѣе простымъ шелковымъ матеріямъ, ибо три рубля можно было заплатить за такое количество зуфи, за какое камки слѣдовало заплатить 5 р. ⁶⁾. Между шелковыми произведеніями въ торговлѣ были въ большомъ употребленіи кушаки: изъ нихъ турецкіе были самаго высшаго достоинства; бѣлый атласный турецкій кушакъ длиною въ 5 аршинъ и 5 вершковъ, поперекъ 6 вершковъ, стоилъ 4 руб., червчатый съ золотомъ стоилъ отъ 1 р. до 2 р. ⁷⁾, поясокъ шелковый простой стоилъ 3 алтына 2 деньги ⁸⁾. Изъ Персіи вывозили въ Россію персидскіе шелковые платки, продаваемые въ оптовой торговлѣ тонами ⁹⁾. Матеріи продавались въ оптовой продажѣ косяками. Косякъ заключалъ въ себѣ разное число аршинъ, напримѣръ, иногда 81, иногда 37, иногда 25 и такъ далѣе ¹⁰⁾. Косяки дѣлились еще на полукосьяки и кондики ¹¹⁾. Кондикъ, повидимому, равнялся полукосьяку, ибо съ двухъ кондиковъ брали ту же пошлину, какъ и съ одного косяка.

Шелкъ былъ исключительнымъ достояніемъ казны, которая вымѣнивала его у персіянъ; пудъ обходился казнѣ 30 р., а перепродавался 45 рублей. Эта торговля впоследствии была разрѣшена подданнымъ, и въ 1674 году можно было доставать шелкъ и у частныхъ лицъ, какъ и въ казнѣ. Партія атласскаго шелку стоила 36 р., черный мохнатый шелкъ былъ дешевле: сученый шелкъ привозился не изъ Персіи, но изъ Европы. Десять золотниковъ бурскаго шелку въ XVI вѣкѣ стоили 10 алтынъ ¹²⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича золотникъ сученаго чернаго шелку стоилъ 5 денегъ, а краснаго одинъ алтынъ двѣ деньги ¹³⁾.

Количество привозимыхъ въ Россію въ годъ шелковыхъ издѣлій было неравномѣрно, какъ это видно изъ извѣстій о привозѣ и вывозѣ, сообщаемыхъ за три года — 1671, 1672 и 1673. Въ 1671 году было привезено объярн сере-

¹⁾ А. И., V, 46.

²⁾ Ист. Г. Росс. Прим. 462.

³⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 128.

⁴⁾ А. И., II, 18. А. И., V, 320.

⁵⁾ П. С. З., II, 122.

⁶⁾ Доп., I, 199.

⁷⁾ Врем., VIII. Оп. им. Татищ., 2, 3.

⁸⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 29.

⁹⁾ А. И., V, 320.

¹⁰⁾ Доп., III, 143.

¹¹⁾ С. Г. Гр., II, 89.

¹²⁾ Доп., I, 193.

¹³⁾ Кильбург., 127.

бряной 32 куска, шелковой—84, атласа—342 куска, брикъсъ-атласа 34 куска, бархата — 28 кусковъ, камки — 204 штукъ, тафты — 441 штука; въ 1672—объари золотной и серебряной—14 куск., шелковой—43, атласа—192 куска, камки—259, тафты—53; въ 1673—золотной и серебряной объари болѣе 10 кусковъ, шелковой—162 куска, атласа—212, бархата—20 куск., камки—378, тафты — 977 ¹⁾). Вообще и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, Кильбургеровы извѣстія неясны, отрывочны и могутъ только приблизительно служить для сужденія о ввозѣ, пока не отыщутся другія извѣстія.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТАГО ТОМА.

¹⁾ Кильбург., 87.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТАГО ТОМА.

	СТРАН.
Глава первая	233
Глава вторая	241
Глава третья	271
Глава четвертая	312
Глава пятая	335
Глава шестая: 1. Предметы царства ископаемаго	349
2. Предметы царства растительнаго	361
3. Предметы царства животнаго	385
4. Шерстяныя и шелковыя матеріи	413

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ двадцать первый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ЮЖНО-РУССКАГО

НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВВЕДЕНИЕ.

Къ произведеніямъ народной словесности принадлежатъ: 1) сказанія, сказки и легенды, 2) загадки, 3) поговорки и пословицы, 4) заговоры и заклинанія, 5) преданія и 6) пѣсни. Въ первыхъ преимущественно выражается фантазія народа, во вторыхъ—его остроуміе, въ третьихъ — его умъ, въ четвертыхъ—его вѣрованія, въ пятыхъ—его память, въ пѣсняхъ, обнимающихъ, впрочемъ, кругъ и всего предыдущаго, главнымъ образомъ выражается его чувство. Въ настоящемъ сочиненіи мы будемъ имѣть дѣло только съ пѣснями. Народными пѣснями мы называемъ только такія, которыя въ данномъ ихъ видѣ не имѣютъ и никогда не имѣли единаго автора, не только такого, котораго бы мы могли назвать по имени, но даже и безыменнаго, о существованіи котораго было бы основаніе догадываться. Въ европейской наукѣ такое понятіе не господствуетъ: на Западѣ собиратели и изслѣдователи народныхъ произведеній причисляютъ къ нимъ и такія, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они созданы единымъ лицомъ; это дѣлается потому, что народъ усвоилъ эти произведенія. У нихъ народная пѣсня—то, что поется народомъ, у насъ же то, что создано народомъ. Если сопоставить произведенія изустной словесности, обращающіяся въ простонародіи, съ произведеніями словесности письменной, то различіе между чисто народными и популярными пѣснями въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ различіе между оригинальными сочиненіями и подражательными и даже переводными. Хотя послѣдніе и часто оказываютъ громадное вліяніе на развитіе образованнаго общества, но нельзя признавать за ними того значенія, какое признаемъ за оригинальными. Необходимость положить грань между чисто народнымъ и популярнымъ для насъ вытекаетъ изъ того коренного различія, какое существуетъ въ натурѣ между нашею народною жизнью и жизнью западныхъ народовъ. Нашъ народъ стоитъ на болѣе первобытной почвѣ, чѣмъ народы западные. У насъ сравнительно меньше распространена грамотность, и жизнь менѣе усвоила тѣхъ формъ, которыя выработала западная цивилизація.

Поэзія прирождена человѣку, и поэтическое творчество, слѣдуя однимъ общимъ для всѣхъ законамъ, можетъ, относительно своего проявленія, найдется на различныхъ степеняхъ, сообразно постепенному ходу культуры. Чѣмъ общество первобытнѣе, тѣмъ меньше въ немъ простора для личности, тѣмъ незамѣтнѣе проявленіе нравственныхъ индивидуальныхъ особенностей, тѣмъ крѣпче

единство въ понятіяхъ, нравахъ и пріемахъ жизни у членовъ общества между собою,—тамъ и поэзія не представляетъ признаковъ личнаго творчества; плоды поэтического вдохновенія, зарождаясь отрывочными чертами, не записываются и не берегаются, какъ достойніе личностей: письменность — важнѣйшій рычагъ для поднятія личности — еще не служитъ для выраженія и укрѣпленія человѣческой мысли; поэтическіе проблески, появляясь въ началѣ двумя-тремя чертами, образомъ, сравненіемъ, очертаніемъ, короткимъ рассказомъ или воспоминаніемъ, — передаются изъ устъ въ уста и подъ вліяніемъ поэтического настроенія другихъ лицъ видоизмѣняются, добавляются; выраженное однимъ принимается другимъ такъ близко къ сердцу, что послѣдній не сознаетъ, что это не его собственное созданіе и потому нимало не стѣсняется прибавлять что-нибудь, сообразно впечатлѣніямъ, производимымъ явленіями окружающей его среды или ощущеніями собственного сердца; такимъ образомъ, зачатки пѣсни, добавляясь, расширяются и вмѣстѣ съ тѣмъ сталкиваются съ зачатками другими, соединяются съ ними, перекрещиваются: иное переходитъ отсюда туда, другое — отсюда сюда, и такъ образуются большія пѣсни, имѣющія видъ цѣльности содержанія и законченности: но, достигши такого вида, пѣсня хотя получаетъ уже нѣкоторую прочность и крѣпость, однако, обращаясь въ народѣ всуеинымъ путемъ, не изымается отъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій и подъ вліяніемъ такихъ перемѣнъ въ народной жизни, которыя производятъ переворотъ въ народной поэзіи, разлагается совершенно, отчасти оставляя свои элементы для составленія новыхъ пѣсень.

Пѣсня всегда близка къ жизни; народный человѣкъ выражаетъ ею то, что у него на душѣ въ данную минуту; онъ принимается за пѣсню потому, что она подходит къ тому, что онъ чувствуетъ, а чувствуетъ онъ всегда то, что вызывается у него явленіями дѣйствительной жизни. Эта чрезвычайная близость пѣсни къ сердечнымъ ощущеніямъ, истекающимъ прямо изъ жизни, и побуждаетъ измѣнять пѣсню, чтобы сдѣлать ее примѣнительнѣе къ ближайшей средѣ. Такимъ образомъ, не говоря уже объ общемъ качествѣ человѣческой природы — забывать и измѣнять подробности и выраженія слышаннаго, причина, почему пѣсня разбивается всегда на различные варианты, лежитъ въ самомъ ея существѣ. Но такъ какъ при всемъ разнообразіи въ частныхъ явленіяхъ народная жизнь въ своей общности долго остается одна и та же, то при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, въ какихъ является народная поэзія, она долго сохраняетъ въ главныхъ чертахъ своихъ однообразіе; пѣсни прежнихъ поколѣній переходятъ къ послѣдующимъ поколѣніямъ въ продолженіе вѣковъ, и поздніе варианты, отступая отъ прежнихъ въ подробностяхъ, удерживаютъ духъ и суть содержанія. Рѣшительные перевороты въ народной поэзіи происходятъ только тогда, когда перевороты происходятъ и въ ходѣ самой народной жизни. Но и тогда, когда уже новыя условія жизни творятъ новыя пѣсни, въ этихъ новыхъ можно открывать заимствованные изъ прежнихъ, уже отжившихъ пѣсень глубоко усвоенные народомъ обороты, краски, образы, даже цѣлыя повѣствованія, примѣненные уже къ признакамъ болѣе поздняго времени. Насколько двигалась жизнь, настолько и пѣсенность. Насколько народная жизнь позднѣйшихъ поколѣній при всѣхъ переворотахъ, мало оставившихъ измѣненій въ культурномъ отношеніи, обращалась къ старымъ началамъ, за неизмѣнимъ новыхъ, настолько и новыя пѣсни походили на старыя.

Развѣтвленіе народныхъ пѣсенъ имѣеть различныя степени, зависяція отъ условій народной жизни. Пѣсня, сложившись въ одномъ углу народнаго отечества, переходитъ въ другой, въ третій и видоизмѣняется. Если между разными, даже отдаленными, краями, населенными однимъ и тѣмъ же народомъ, образуется постоянное и дѣятельное сообщеніе, то народныя пѣсни поются въ болѣе близкіе между собою вариантахъ и, напротивъ, скудость сообщенія производитъ такое сильное разнообразіе, что одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстахъ поется въ такихъ отличныхъ одинъ отъ другого вариантахъ, что они кажутся отдельными пѣснями.

Этому процессу подвергались всѣ народы въ мірѣ. Но такъ какъ извѣстныя и неувольнимыя условія ихъ дѣтства образовали у нихъ различныя способности, нравы, стремленія, то и ходъ ихъ развитія былъ неодинаковъ; этому полагали и климатическая обстановка, и перевороты въ народномъ бытѣ, и сношенія съ иноплемениками. Духовная дѣятельность однихъ была богаче, другихъ бѣднѣе, у однихъ направлена въ одну, у другихъ въ иную сторону.

Самый важнѣйшій переворотъ въ народной жизни есть распространеніе грамотности и книжности. Оно совершенно измѣняетъ ходъ и способы проявленія поэтическаго творчества. Грамотность не даетъ уже проблескамъ вдохновенія разгуливать по свѣту и, будучи общими для всѣхъ достояніемъ, служитъ элементами для бессознательнаго составленія пѣсенъ. Грамотный поэтъ передаетъ плодъ своего вдохновенія письму, сразу даетъ ему и объемъ и крѣпость, обдумываетъ его, трудится надъ нимъ,—оно является въ законченной формѣ, оно дѣлается духовнымъ достояніемъ личности. Другіе грамотные люди если полюбятъ это созданіе и станутъ повторять его, то сознаютъ, что произведеніе, которое дѣйствуетъ на ихъ душу, принадлежитъ не имъ; извѣстно ли по имени лицо поэта, или неизвѣстно—все равно: на его твореніи лежитъ отпечатокъ того, что оно первоначально есть твореніе единой личности. Если отъ долгаго изустнаго обращенія возникаютъ варианты, то они болѣе или менѣе имѣютъ значеніе искаженій, а не нормальнаго состоянія, какое имѣютъ, напротивъ, варианты чисто народныхъ произведеній. Благодаря письменности, существуетъ первоначальная форма, служащая нормою. Это постоянство формы поэтическаго произведенія, это появленіе его въ законченномъ видѣ изъ-подъ рукъ единаго автора, наконецъ, эта принадлежность его этому автору—вотъ важныя отличія произведенія литературнаго отъ чисто народнаго, такъ какъ существенныя признаки послѣдняго — принадлежность всей массѣ народа и неизбѣжная безграничная варіація. Кромѣ того, грамотность ведетъ за собою измѣненіе въ языкѣ и пріемахъ выраженія настолько, насколько она способствуетъ развитію образованности. Отличіе языка книжнаго, языка образованнаго общества отъ языка простонароднаго есть явленіе повсемѣстное и зависитъ отъ того неравенства, съ какимъ обыкновенно народъ идетъ по пути къ образованности. Конечно, если бы вся народная громада одновременно получала образованіе—такого бы различія не было; но обыкновенно образованный классъ народа малочисленнѣе остальной массы, коснѣющей, сравнительно, въ большемъ невѣжествѣ; знакомство образованныхъ людей съ большимъ запасомъ предметовъ, большая широта взглядовъ и понятій неизбѣжно порождаютъ значительное количество словъ, выраженій, оборотовъ, построеній рѣчи, чуждыхъ для простолюдина; создается литература, недоступная для послѣдняго, по недостатку свѣдѣній и привычки обобщать и

раздѣлять понятія. Все написанное примыкаетъ къ этой литературѣ, а также и пѣсня, какъ только начнетъ писаться и составляться лицами грамотными, усвоиваетъ свойства образованнаго языка и входитъ въ область литературы. Эта литература состоитъ изъ твореній различныхъ личностей, поэтому уже составляетъ противоположность съ безличными твореніями изустной народной словесности. Сила образованности такъ велика, что народъ, чувствуя ея превосходство, при всякомъ близкомъ соприкосновеніи съ образованнымъ обществомъ, по возможности, перенимаетъ его приемы, подражаетъ языку образованныхъ людей и съхватываетъ пѣсни, составленныя болѣе или менѣе литературнымъ складомъ. Такимъ образомъ литературная поэзія проходитъ и въ народъ, начинаетъ дѣлаться популярною. Но такъ какъ число не только образованныхъ, но даже просто только грамотныхъ возрастаетъ все-таки не въ сильной пропорціи въ сравненіи съ массою, пребывающею въ прежнемъ положеніи, то рядомъ съ письменною пѣсенностью, понемногу входящею въ народъ, продолжаетъ существовать прежняя, изустная, творятся и перетворяются чисто народныя пѣсни стародавнимъ способомъ, подвергаясь, однако, вліянію литературности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ простолюдинъ находится безпрестанно въ такихъ условіяхъ, которыя помогаютъ ему усвоивать приемы образованнаго общества. Отъ этого нерѣдко происходитъ искаженіе и упадокъ поэзіи. Простолюдинъ, не получивъ правильнаго образованія даже и въ первоначальномъ видѣ, а только нахватавшись кое-чего изъ образованной среды, думаетъ примкнуть къ ней; онъ начинаетъ пренебрегать своими старыми пѣснями: онѣ уже не соответствуютъ стремленіямъ къ той жизни, какою ему хочется жить: онъ перенимаетъ пѣсни литературнаго склада, но, по недостатку знакомства и съ языкомъ, и съ способами выраженія чувствъ и мыслей, и съ предмѣтами образованной среды, уродуетъ ихъ иногда самымъ дикимъ и бессмысленнымъ образомъ, а между тѣмъ онъ еще не настолько разорвалъ связь съ условіями прежней жизни, чтобъ отрѣшиться отъ ея проявленій, и потому, рядомъ съ заимствованными пѣснями литературнаго склада онъ поетъ пѣсни чисто народнаго происхожденія, искажая ихъ добавками и видоизмѣненіями, смѣшивающими на приемы и рѣчь того класса, который стоитъ выше простолюдина въ культурномъ отношеніи. Въ такъ называемыхъ захолустьяхъ, то-есть въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, народная поэзія менѣе испытываетъ этого вліянія, хотя она тамъ съуживается, подобно тому, какъ съуживается самая жизнь, изъ которой она истекаетъ.

На западѣ литературное вліяніе давно уже начало сталкиваться съ поэзіею чисто народнаго происхожденія. Еще ранѣе XVI вѣка въ массѣ народа расходились пѣсни, заведомо сложенные едиными авторами, нерѣдко такими, которые приобрѣли громкое имя и оставили на письмѣ потомству свои произведенія. Поэтому тамъ не такъ легко и наглядно отдѣляется популярное отъ народнаго, какъ у насъ, и въ сборникахъ пѣсенъ западно-европейскихъ народовъ слова: *popular songs, chansons populaires, canti popolari, die Volkslieder* не вполне имѣютъ то значеніе, какое мы соединяемъ съ словомъ народныя пѣсни. Въ настоящее время тамъ, гдѣ грамотность и школьное образованіе распространились сильно, безсознательное народное творчество исчезло; пѣсни чисто народныя еще существуютъ тамъ, гдѣ образованіе слабѣе, но уже въ смѣшеніи съ популярными.

У насъ (болѣе или менѣе и у другихъ славянъ) этого рода творчество еще

можно назвать живучимъ, но оно сильно склоняется къ паденію, по мѣрѣ того какъ грамотность и житейское сближеніе съ образованною средою измѣняютъ жизнь и воззрѣнія простолюдина. Навѣрное можно сказать, что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ его; само собою разумѣется, мы не пожалѣемъ, если ради всеобщаго просвѣщенія необходимо пожертвовать этимъ драгоценнымъ достояніемъ протекшихъ вѣковъ, памятниками духовной дѣятельности нашихъ предковъ. Остается только желать, чтобы эти памятники были поскорѣе собраны и сохранены для науки.

Историческое значеніе народныхъ пѣсенъ можетъ опредѣлиться для насъ сообразно тому, чего мы желаемъ отъ исторіи. Если мы станемъ отыскивать въ народныхъ пѣсняхъ источники для исторіи политическихъ перемѣнъ, государственнаго строя, войнъ, развитія общественнаго быта,—пѣсни окажутся скудными источникомъ. Не надобно забывать, что пѣсня принадлежитъ простолюдину и можетъ выражать только его жизнь и его взгляды. Если прежде пѣсни были равнымъ достояніемъ цѣлаго народа, то это было въ такое время, когда весь народъ стоялъ на той же первобытной малокультурной почвѣ, на какой теперь остался простолюдинъ. Но и въ этой сферѣ онѣ во многомъ не дадутъ намъ желаемыхъ свѣдѣній. Такъ, для познанія устройства матеріальнаго быта простолюдина онѣ недостаточны, хотя мѣстами и заключаютъ въ себѣ вѣрныя черты. Пѣсни—важный, но никакъ не исключительный источникъ для нашего знакомства съ народными понятіями, воззрѣніями, вѣрованіями, воспоминаніями: для этого необходимы, и часто болѣе, чѣмъ пѣсни, другіе памятники народнаго слова. Но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чувствѣ народа—пѣсни незамѣнимы ничѣмъ. Быть можетъ, намъ возразятъ, что это относится только къ одному роду пѣсенъ—къ лирическимъ, а не къ эпической поэзіи. Но мы, въ такомъ случаѣ, замѣтимъ, что эпическій элементъ входитъ въ пѣсню только подъ условіемъ возбужденія чувства. Пѣсни былевыя, то-есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ и лицамъ, поются именно оттого, что поющей сочувствуетъ этимъ событіямъ или лицамъ, и оттого-то былевыя пѣсни скоро забываются и исчезаютъ, какъ скоро предметъ ея содержанія перестаетъ трогать сердце. Есть въ народѣ преданія и воспоминанія, которыя хотя сохраняются въ памяти, но не переходятъ въ пѣсни: это оттого, что они недостаточно прилегаютъ къ народному сердцу или слишкомъ мѣстны, чтобы подѣйствовать на чувства большой массы народа. Самъ народъ, говоря о какомъ-нибудь событіи или личности съ сердечнымъ участіемъ, какъ бы въ усмѣненіе этого участія говорить: у насъ про это даже пѣсня сложена. Что касается древняго эпоса, то настоящая его форма есть сказаніе (die Sage), вногда подходящее къ пѣснѣ по мѣрности рѣчи, но вполне отличное отъ нея по духу, составу, изложенію и способамъ передачи и распространенія. Это можно замѣтить и на великорусскихъ такъ называемыхъ былинахъ, которыя собственно не поются, а пересказываются нараспѣвъ; однородность ихъ съ сказками доказывается тѣмъ, что онѣ (какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ) совершенно превращаются въ сказки и произносятся, какъ послѣднія. Въ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ эпическая форма касается только историческихъ событій, вообще совершающихся въ мѣрѣ дѣйствительномъ и всегда подъ условіемъ возбужденія чувства. Только въ образахъ, отрывочно уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, преимущественно въ обрядныхъ (напримѣръ, въ галицкихъ колядкахъ, но не безъ опасности попадать въ натяжки) можно отыскивать слѣды

древняго эпоса. Господство чувства въ пѣсняхъ тѣсно связано съ ихъ близостью къ жизни.

Безспорно, пѣсни составляютъ, рядомъ съ другими произведеніями народнаго слова, драгоценный источникъ для знакомства со всякаго рода проявленіями духовной жизни; но самымъ первостепеннымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ источникомъ для историка пѣсни представляются со стороны народнаго чувства. Чувство есть основа всякаго проявленія духа, возбуждатель мысли и поступковъ, корень нравственнаго бытія. Познать чувство человѣка—значитъ познать его сокровенную природу. Понятно, что при такомъ значеніи пѣсенъ историкъ народа долженъ считать ихъ для себя однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, такимъ; безъ котораго онъ едва ли можетъ ясно разумѣть тотъ человѣческій міръ, который хочетъ изображать.

Составляя исключительно достояніе простонародья, пѣсни окажутся историкъ полезными и важными для уразумѣнія и культурныхъ сферъ общества, такъ какъ духовное состояніе простолюдина во многомъ близко къ тому состоянію, въ какомъ находится и весь народъ, изъ котораго выдѣлилось образованное общество, неизбѣжно удержавшее въ себѣ, однако, коренныя народныя свойства, унаслѣдованныя отъ предковъ, и притомъ же духовная связь образованнаго общества съ массою простонародья не разрывается, если только первое не усваиваетъ чужого языка и чужой народности и не отрѣзывается совершенно отъ своего корня. У насъ образованное общество, при всѣхъ отличіяхъ отъ народа, даже при напускномъ пренебреженіи къ родной рѣчи, гораздо болѣе заимствовало отъ простаго русскаго народа, чѣмъ ему давало.

Русская народность дѣлится на двѣ вѣтви: южно-русскую (иначе малорусскую) и сѣверно-русскую (иначе великорусскую). Этнографическое различіе между ними такъ велико, что народная пѣсенность той и другой должна разсматриваться отдѣльно. Мы займемся южно-русскою.

Языкъ южно-русскій, составляя одно изъ нарѣчій славянскихъ, раздѣляется на три нарѣчія: украинское (самое распространенное), полѣско-сѣверское (отличное отъ перваго нѣкоторыми фонетическими особенностями, изъ которыхъ самое видное перемѣна гласныхъ не въ мягкое *i*, какъ въ украинскомъ, а въ средній звукъ *yi*, а иногда въ *y*) и червоно-русское или русинское (одинакое по фонетикѣ съ украинскимъ, но отличающееся отъ него нѣкоторыми грамматическими особенностями, между прочимъ—поставкою возвратнаго *ся* впереди глагола, къ которому принадлежитъ, удержаніемъ вспомогательнаго глагола въ прошедшихъ временахъ глаголовъ—«*хидивъ емъ*», какъ въ славяно-церковномъ, сохраненіемъ твердаго знака вмѣсто мягкаго при окончаніи третьяго лица настоящаго времени глаголовъ, напр., *стоятъ* вм. *стоитъ*. а также достаточнымъ запасомъ словъ, ему только принадлежащихъ, неупотребительныхъ въ украинскомъ и полѣско-сѣверскомъ). Тонкій наблюдатель можетъ въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій подмѣтить разнорѣчія, замѣтныя. впрочемъ, на пограничныхъ рубежахъ нарѣчій, вслѣдствіе перелива признаковъ одного нарѣчія въ другое или переселенія жителей. Особое разнорѣчіе у южно-руссовъ, живущихъ въ Венгрии, еще мало обследованное, хотя принадлежитъ къ червоно-русскому нарѣчію, но имѣетъ свои признаки, любопытные по близости къ древнему языку. Всѣ три нарѣчія не представляютъ между собою такой разницы, чтобы говорящіе ими не понимали другъ друга

или могли признавать одни других за иной народъ. Литературныя произведенія, писанныя въ Россіи всѣ на украинскомъ нарѣчїи, читаются съ равнымъ наслажденіемъ и въ Галиціи. На всѣхъ трехъ нарѣчїяхъ поется множество пѣсень одного содержанія, одного дуза и размѣра, хотя въ разныхъ вариантахъ. Въ Червоной Руси, кромѣ большинства пѣсень, общихъ для всего южно-русскаго края, есть запасъ и своихъ мѣстныхъ, сколько намъ извѣстно, такихъ, какихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ; таковы нѣкоторыя изъ коллдокъ, замѣчательныя по своей древности, коломійки—афористическія коротенькія пѣсни, былевыя пѣсни о событіяхъ, случившихся въ Галиціи. Какъ въ Галиціи, такъ и въ западной Украинѣ есть пѣсни, сочиненныя въ полупольскомъ тонѣ и до нѣкоторой степени пріобрѣвшія популярность. Подобно тому, въ мѣстахъ, гдѣ южно-русская народность соприкасается съ сѣверно-русскою, возникаютъ пѣсни съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ сѣверно-русскаго элемента. Кромѣ того, развѣтвленіе пѣсень въ разныхъ краяхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого, доходитъ до того, что варианты одной и той же пѣсни съ перваго раза кажутся пѣснями отдѣльнаго мѣстнаго происхожденія.

Всѣ пѣсни могутъ быть раздѣлены на три главныхъ отдѣла: обрядныя, былевыя и бытовыя.

Обрядныя раздѣляются на два вида: а) относящіяся къ временамъ года и б) относящіяся къ семейной жизни. Къ первому виду принадлежатъ: весеннія пѣсни—веснянки, большею частью съ играми; лѣтнія: троицкія и петривочныя, купальскія—припадающія къ народному празднику купала (24 юня); рабочія: гребцкія, заживныя и (не вездѣ) обжиночныя съ обрядами, отправляемыми по уборкѣ хлѣба,—наконецъ, колядки—пѣсни святочныя—и щедрівки, которыя поются накануне новаго года. Ко второму виду принадлежатъ свадебныя, которыхъ чрезвычайное множество, колыбельныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенныя пѣсни при крестинахъ и, наконецъ, погребальныя или причитанья.—Былевыя пѣсни по формѣ распадаются на два отдѣла: а) собственно пѣсни, которыя содержаніе составляетъ какое-нибудь событіе, и б) думы. Слово дума въ народѣ, сколько мы знаемъ, не употребительно: это слово сочиненное; но такъ какъ оно получило гражданство въ литературѣ, то мы оставляемъ его. Думою называется такое повѣствованіе, которое излагается ирѣчною рѣчью съ римами, расположенными такъ, что одна повторяется нѣсколько разъ сряду. Количество слоговъ между римами неравноиѣрное. Нельзя думу назвать стихами въ нашемъ смыслѣ, но нельзя назвать и прозою: когда дума поется, тотчасъ видно, что это не проза, и раздѣленіе рѣчи на стихи опредѣляется интонаціею пѣнія. Думы поютъ только слѣпцы, сопровождая звуками бандуры или кобзы; этому даже учатся, какъ особому искусству. Свойственныя эпической поэзіи повторенія очень обычны въ думахъ. Думы проникнуты одною мыслью и представляютъ нѣкоторую стройность, но развѣтвляются на варианты, какъ и пѣсни. Способъ ихъ пѣнія склоняется къ речитативу, но не отличается монотонностью великорусскихъ былинь,—это все-таки пѣніе; бандуристы не всѣ думы поютъ однимъ и тѣмъ же голосомъ и стараются придать различную экспрессию повышеніемъ и пониженіемъ голоса, скоростью и медленностью пѣнія. Съ сказкою думы не имѣютъ ничего общаго: въ нихъ господствуетъ историческая жизненная стихія, чудснаго и преувеличеннаго нѣтъ, исключая вариантовъ явно съ позднѣйшими передѣлками. Хотя многое отличаетъ ихъ отъ остальныхъ пѣсень, но еще больше признаковъ,

побуждающихъ причислять ихъ къ пѣснямъ. Самъ народъ, отличаетъ ихъ отъ другихъ пѣсень настолько же, насколько иные роды пѣсень, оставаясь несомнѣнно пѣснями, отличаются другъ отъ друга. Такимъ образомъ, если думы поются исключительно бандуристами и кобзарями, и притомъ не иначе, какъ съ музыкою, то есть пѣсни, которыя также поются подь извѣстными условіями, не иначе, какъ извѣстнаго рода лицами и при опредѣленныхъ обстоятельствахъ: напримеръ, свадебныя пѣсни поются только дѣвницами, составляющими группу сопутницъ невѣсты—дружками, веснянки также дѣвницами не иначе, какъ весною, а колядки и щедривки не иначе, какъ зимою на святкахъ.

Самый важнѣйшій признакъ, побуждающій признавать думы пѣснями, есть тотъ, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ, и главною ихъ цѣлью возбуждать чувство. Этотъ признакъ въ думахъ бросается въ глаза даже болѣе, чѣмъ въ пѣсняхъ, гдѣ иногда чувство скрывается подь свойственными народной поэзіи символическими изображеніями.

Былевыя пѣсни въ южно-русской поэзіи не имѣютъ той плавности разсказа, какою отличаются думы; въ нихъ болѣе преобладаетъ и, главное, непосредственнѣе выказывается драматическая форма.

Бытовыя пѣсни съ меньшею строгостью и точностью могутъ быть раздѣлены на отдѣлы, чѣмъ былевыя и обрядныя; одна и та же пѣсня можетъ принадлежать къ двумъ и нѣсколькимъ изъ разрядовъ, на которые мы захотимъ ихъ раздѣлить; кромѣ того, не всегда строго можно отличить бытовую пѣсню отъ бытовой, такъ какъ драматическая форма, особенно свойственная южно-русской народной поэзіи, преобладаетъ вездѣ, и нерѣдко бытовая пѣсня изображаетъ какъ будто какое-то событіе, такъ что причислять ее къ бытовымъ можемъ мы только на томъ основаніи, что изображаемое въ ней событіе оказывается повседневымъ и всеобщимъ явленіемъ бытовой жизни. Мы въ числѣ бытовыхъ пѣсень различаемъ пѣсни козацкія, изображающія обычныя и повседневыя явленія козацкой жизни; къ нимъ подходятъ и нѣкоторыя думы, которыя хотя и воспѣваютъ опредѣленное событіе, но такое, которое слишкомъ часто могло повторяться; прощаніе козака съ семьею или съ милою женщиною и смерть козака—самыя обычныя темы этихъ пѣсней. За ними слѣдуютъ чумацкія пѣсни, потомъ пѣсни бурлацкія или сиротскія: бурлакъ—бездомовный и безсемеинный молодецъ—составляетъ особый типъ въ народной поэзіи; потомъ—пѣсни рекрутскія, въ которыхъ всегда почти представляется скорбь разлуки рекрута съ семьею и семьи о судьбѣ его; за ними—пѣсни поселянскія, изображающія общественныя условія быта поселянна: здѣсь всего любопытнѣе тѣ, которыя касаются крѣпостнаго права; наконецъ, слѣдуютъ два самыхъ плодovitыхъ разряда бытовыхъ пѣсней: пѣсни семейно-родственныя и пѣсни любовныя, и эти пѣсни всего труднѣе подчиняются строгому отдѣленію отъ прочихъ, такъ какъ многія изъ нихъ въ равной степени могутъ относиться къ различнымъ ступенямъ народваго быта и жизни. Мы коснулись этой классификаціи только для того, чтобъ уяснить наши указанія на пѣсни, такъ какъ намъ придется часто дѣлать эти указанія въ ходѣ настоящаго сочиненія; собственно же для нашей цѣли—представитъ въ пѣсняхъ народа его исторію, эта классификація имѣетъ второстепенное значеніе. Для исторіи, въ ея истинномъ, обширномъ смыслѣ, пѣсня изъ каждаго разряда можетъ доставлять матеріалъ не по одной ея принадлеж-

ности къ этому разряду, а по различнымъ жизненнымъ чертамъ, разбѣяннымъ по всѣмъ вообще пѣснямъ.

Прямыми важнѣйшими источниками для знакомства съ пѣсенностью южно-русского народа, при составленіи настоящаго труда, служили намъ, во-первыхъ, печатные, а, во-вторыхъ, рукописные сборники.

Важнѣйшіе изъ печатныхъ были слѣдующіе:

1. Три сборника М. А. Максимовича: одинъ, изданный подъ названіемъ «Малороссійскія пѣсни» въ 1826 г., другой—«Украинскія пѣсни», изданный въ 1834 г.; третій, изданный подъ названіемъ: «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ. Отдѣлъ первый. Украинскія думы» въ 1849 г.

2. «Запорожская Старина» И. Срезневскаго, въ 2 ч. 6 тетр. 1833—38.

3. «Малороссійскія и червоно-руссія думы и пѣсни». 1836. (Изданы г. Лукашевичемъ безъ имени автора).

4. «Народныя южно-руссія пѣсни» Аввросія Метлинскаго. 1854.

5. «Пісни украинського люду». Д. Лавренка. 1864. (Помѣщены только любовныя).

6. «Записки о Южной Руси». Кулиша. 1856.

7. «Українськи піснни». Валлиноі. Харьковъ. 1863.

8. «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ», изд. подъ редакцію г. Гильтебранта. 1866.

9. Очень богатый сборникъ галицкихъ пѣсенъ, напечатанный въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ разныхъ нумерахъ съ 1863 по 1866 г. включительно. Сюда вошли пѣсни изъ прежде изданныхъ галицкихъ сборниковъ: Вацлава изъ Олеска (Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego. 1833), Жероты Паула (Piesni ludu Ruskiego w Galicyi. 1840); Русалки (Русалка Днестровая. 1841); Русской свадьбы (Ruskoje wesile opisanoje szeg J. Lozińskiego. 1835).

Кромѣ печатныхъ источниковъ, у автора этого сочиненія было подъ рукою значительное рукописное собраніе пѣсенъ, записанныхъ имъ самимъ въ разныхъ краяхъ, населенныхъ южно-рускимъ народомъ еще въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія; одна часть изъ нихъ, именно пѣсни, записанныя на Волыни, была напечатана въ Малорусскомъ сборникѣ, изданномъ г. Мордовцевымъ (этотъ печатный сборникъ сильно пострадалъ отъ цензора, который, находя въ этихъ пѣсняхъ на каждомъ шагѣ не нравственное и неприличное, выдеркивалъ и цѣлыя пѣсни, и мѣста изъ пѣсенъ и черезъ то изуродовалъ ихъ); нѣкоторыя сообщены были собирателемъ покойному А. Л. Метлинскому и поступили въ его сборникъ; остальные нигдѣ не были напечатаны (и передадутся для напечатанія Географическому Обществу). Независимо отъ этого, сверхъ того, г-жа М. А. Маркевичъ передала автору этого сочиненія довольно значительное количество пѣсенъ, записанныхъ отчасти ею, а также ея покойнымъ супругомъ, А. В. Маркевичемъ; передъ самымъ уже приготовленіемъ къ печати общилъ ему сборникъ пѣсенъ Д. К. Морозъ. Наконецъ, профессоръ Дерптскаго университета А. А. Котляревскій удѣлилъ автору право пользоваться для настоящаго труда сборникомъ думъ, записанныхъ въ началѣ текущаго, а можетъ быть еще и въ концѣ прошедшаго столѣтія. Авторъ считаетъ долгомъ изъявить всѣмъ этимъ лицамъ свою благодарность. Въ послѣднее время русское Географическое Общество предприняло издать сборникъ какъ пѣсенъ, такъ и другихъ

памятниковъ народной южно-русской словесности, собранныхъ по порученію общества и приведенныхъ въ порядокъ П. П. Чубинскимъ. Намъ извѣстна только часть этого богатаго собранія.

Мы выше сказали, что пѣсни подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, какія испытываетъ народная жизнь. Естественно, эти измѣненія и опредѣляемые ими періоды народной жизни живо отражались въ пѣсняхъ, но самая близость пѣсень къ жизни дѣлается причиною ихъ исчезанія. По мѣрѣ того, какъ перестаютъ дѣйствовать на народъ условія прежняго, но уже измѣненнаго строя жизни, перестаютъ дѣйствовать на его сердце и воображеніе пѣсни, вытекавшія изъ впечатлѣній, полученныхъ подъ вліяніемъ этого строя, и забываются. Если бы пѣсни записывались въ прежнія времена, то, конечно, мы бы имѣли въ нихъ самую богатую, вѣрную и полную картину народной жизни того періода, въ которомъ возникали. Но этого не было. Пѣсни исчезали за явленіями, ихъ вызывавшими, некому было ихъ сохранять въ безграмотномъ народѣ, когда онѣ болѣе не удовлетворяли этого народа. И теперь до насъ дошли только остатки прежняго въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ; слѣды прошлаго отражаются въ нихъ настолько, насколько вліяніе самыхъ жизненныхъ признаковъ, съ которыми эти пѣсни состояли въ связи, напечатлѣлось на жизни послѣдующихъ поколѣній; чѣмъ болѣе времени проживалъ народъ, удаляясь отъ прошедшаго, тѣмъ это прошедшее теряло для него свои подробности, оставляя въ народной жизни только главныя черты, и періоды прошлаго въ народныхъ пѣсняхъ отражаются только самыми продолжительными временами и общими чертами. Такимъ образомъ, все прошедшее южно-русскаго народа въ его пѣсняхъ выражается: 1) *періодомъ язычества или отдаленной древности*, 2) *періодомъ княжескимъ* или вообще историческимъ *до-казацкимъ*, 3) *періодомъ козичества* и, наконецъ, 4) *періодомъ по-казацкимъ* ¹⁾.

¹⁾ Мы избрали для малорусскихъ пѣсней, которыя по необходимости должны будутъ приводиться въ настоящемъ сочиненіи, правописаніе, состоящее въ томъ, что мягкое *и* выражается буквою *і*, твердое—буквою *и*, а буква *е* выговаривается твердо, исключая послѣ гласныхъ.

Примѣчаніе редакціи. По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, правописаніе, указанное авторомъ, измѣнено.

I.

Періодъ языческой.—Отдаленная древность.

Наши свѣдѣнія о язычествѣ нашихъ предковъ столько же скудны, сколько и неясны. Намъ остались названія языческихъ божествъ, которыя намъ не вполне понятны или вовсе непонятны. О большинствѣ этихъ божествъ и вообще мифологическихъ названій трудно окончательно сказать: народныя ли они или заимствованныя, были ли они въ уваженіи у цѣлой массы или только у одного класса народа; равнымъ образомъ трудно рѣшить, въ какой степени мы имѣемъ право прилагать къ своей языческой древности извѣстія о язычествѣ другихъ славянъ. Но кромѣ извѣстій о мифологическихъ божествахъ и способѣ поклоненія имъ, извѣстій темныхъ, есть въ нѣкоторыхъ памятникахъ хотя немногочисленные, но, сравнительно, болѣе ясныя указанія на обожаніе природы вообще, важныя преимущественно оттого, что ихъ смыслъ объясняется нашими пѣснями. Такъ, напримѣръ, намъ прямо говорятъ, что предки наши обожали стихіи, небесныя свѣтила, огонь (напримѣръ, у Кирилла Гуровскаго: уже не нарекоша Богомъ стихія, ни солнце, ни огонь; или у другого: и огневи молятся, зовуть его сварожичемъ), воду, деревья, животныхъ (напримѣръ, въ словѣ Григорія: «Овъ требу створить на студеньци, дъжда иску отъ него... овъ рѣку богинею нарицаеть и звѣръ живущъ въ ней яко Бога нарицаая»; или у Іоанна пророка: «еже жрутъ бесомъ, болотомъ и колодеземъ»; или въ лѣтописи: «бяху же тогда поганіи жруще озеромъ, кладяземъ и рощеніемъ», или въ разныхъ порченіяхъ: «уже бо не нарекутси богомъ дресеса», «жертву приносяще огневи и каменію, и рѣкамъ и источникамъ и берегѣнямъ»; или въ уставѣ Владиміра: «аще кто молится подъ овиномъ или у рошенія или у воды»; или въ житіи Константина Муромскаго: «дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеса», и проч.). Кромѣ прямыхъ указаній, есть много еще такнхъ, которыя, при составленіи зтхъ между собою и съ народными вѣрованіями, обычаями, пѣснями, приводятъ также къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что предки наши обожали природу; слѣды этого обожанія остались въ народной поэзіи такъ, какъ, быть можетъ, многіе и не допускаютъ.

Отличительная и господствующая черта поэтическаго воззрѣнія въ нашихъ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ есть символизанія природы. Подъ именемъ символа мы разумѣемъ образное выраженіе нравственныхъ идей посредствомъ

нѣкоторыхъ предметовъ физической природы, причѣмъ этимъ предметамъ придается болѣе или менѣе опредѣленное духовное свойство. Такого рода воззрѣніе не могло возникнуть иначе, какъ въ глубокой древности, въ періодъ юношескаго состоянія народа. Пѣсня въ моментъ своего образованія выражаетъ только то, что чувствующая и творящая сила души считаетъ правдою, во что вѣрить, а вѣрить въ духовное свойство воды, деревьевъ, камней—человѣкъ могъ только при условіяхъ пребыванія въ слишкомъ юношескомъ состояніи своего духовнаго развитія. Одухотвореніе или — что совпадаетъ у юнаго народа — обоготвореніе разныхъ явленій физической природы составляло, по всему видно, сущность нашей мифологіи. Это, однако, не было уже признакомъ первобытнаго, младенчествующаго состоянія. Еще прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ придавать то и другое духовное качество разнымъ предметамъ, встрѣчаемымъ въ окружающей его природѣ, и такимъ образомъ создавалъ для себя въ ней символы, онъ относился ко всей природѣ во всей цѣлости, не отличая въ ней частей и образовъ, обращаясь ко всему безразлично. Раздѣленіе представленій совершалось постепенно: прежде для него существовала только вода, а потомъ уже онъ различалъ рѣки, озера, источники, болота. Точно такъ же было время, когда человѣкъ относился ко всѣмъ деревьямъ вообще, какъ къ лѣсу, а потомъ уже началъ отличать дубъ, липу, кленъ и т. п., или къ птицамъ вообще, какъ къ летающимъ существамъ, а потомъ уже выдѣлялъ изъ нихъ кукушку, орла, голубя и проч. И теперь еще можно замѣтить, какъ простолюдинъ, выдѣляя изъ огромной массы травъ такіа, которыя то тѣмъ, то другимъ обратили на себя его вниманіе, относится безразлично ко множеству такихъ, для которыхъ у него нѣтъ особаго названія, повидимому не желая себѣ задавать труда отыскивать въ нихъ особенности и означая ихъ общимъ именемъ — трава: «*такъ себѣ, трава*», говоритъ онъ. Древній человѣкъ, у котораго воспримчивость къ явленіямъ природы была сильнѣе, привыкшій видѣть въ цѣлой природѣ себя и не отдѣлять себя отъ природы, соединялъ съ выдѣлявшимися въ его созерцаніи явленіями и предметами природы особые признаки и явленія своего нравственнаго міра: раздѣленіе признаковъ послѣдняго развивалось вѣстѣ съ раздѣленіемъ признаковъ окружающей его природы. Такимъ образомъ, во-первыхъ, въ силу качества, заключающагося во внѣшнихъ предметахъ и вызывавшихъ сообразныя впечатлѣнія въ человѣческой душѣ, а во-вторыхъ, въ силу отношеній, въ какія былъ человѣкъ поставленъ къ этимъ внѣшнимъ предметамъ, они стали дѣлаться для человѣка символами; вѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ создавалъ объ этихъ предметахъ мифы, вымышленныя событія изъ нравственнаго міра приимчиво къ этимъ физическимъ предметамъ. Мифы и символы обуславливаютъ и взаимно производятъ другъ друга. Мифъ, соединенный съ какимъ-нибудь предметомъ физической природы въ сознаніи человѣка, сообщаетъ этому предмету постоянное присутствіе того духовнаго значенія, которое заключается въ самомъ мифѣ.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи мифологіи въ челоѣчествѣ было отложене мифовъ отъ тѣхъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, и полное ихъ облеченіе въ идеальныя челоѣческія формы. Такъ, въ греческой мифологіи Зевсъ означалъ небо, Аполлонъ—солнце, Артемиды — луну, Посейдонъ—воду, Гефестъ—огонь и проч. Но эти мифическія существа отличались уже отъ тѣхъ физическихъ предметовъ, которые означали и съ которыми прежде были нераздѣльны; они стали челоѣчкообразными владыками, божествами

надъ тѣми предметами, которыми они были сами. Вслѣдъ затѣмъ воображеніе устроило между ними семейную жизнь, разныя связи и отношенія, создало для нихъ исторію, примѣнило къ опредѣленнымъ мѣстностямъ ихъ подвиги и мнимыя событія, происходившія съ ними. Затѣмъ начали твориться и плодиться новыя божества, которыхъ значеніе соединялось уже не съ предметами, непосредственно ощущаемыми посредствомъ чувствъ, но съ свойствами, признаками и дѣйствіями, постигаемыми посредствомъ размышленія: такъ производительная сила природы явилась въ личности Афродиты, а половое влеченіе приняло образъ ея неизмѣннаго сопутника Эроса; борьба въ природѣ нашла себѣ олицетвореніе въ Арѣ; быстрота воздушныхъ перемѣтъ, въ сопоставленіи съ измѣняемостью житейскихъ положеній человѣка — въ Гермесѣ; таинственный мракъ смерти преобразился въ Плутона со всѣмъ его подземнымъ царствомъ; земледѣльческая культура человѣческаго общества олицетворилась въ Димитрѣ, а человѣческій разумъ сталъ поклоняться своей могучей красотѣ въ образѣ прекраснѣйшей, непорочной дѣвы — Аѳины. У нашихъ предковъ процессъ отложенія миеовъ отъ предметовъ физической природы и ихъ человѣческаго обособленія не совершился и, вѣроятно, едва только начинался: это наглядно подтверждается символическою природою въ нашихъ пѣсняхъ, — символическою, воплотѣ соответствующему болѣе ранней, хотя и не самой первой ступени миеологическаго развитія. Несомнѣнное отсутствіе жрецовъ и храмовъ у нашихъ предковъ, а слѣдовательно, и недостатокъ положительной религіи совмѣстны только съ этою раннею ступеню. Иностранныя названія нѣсколькихъ божествъ, которыхъ истуканы, по свидѣтельству нашей древней лѣтописи, были поставлены въ Кіевѣ уже не задолго до господства христіанства, — названія Мокоши, Хорса, Симарегла и, вѣроятно, Перуна — заставляютъ полагать что зачатки положительной религіи привносились къ намъ извнѣ и не успѣли пустить корней въ народѣ. Отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Названія Дажьбога и Стрибога, безспорно, славянскія (мы оставляемъ подѣ сомнѣніемъ загадочнаго Велеса, требующаго особаго ученаго разъясненія); но, насколько они намъ извѣстны, эти миеическія существа, должно быть, находились еще въ тѣсной связи съ физическими предметами. Дажьбогъ значилъ солнце, Стрибогъ — дѣдъ или отецъ вѣтровъ (въ малорусской сказкѣ «вѣтривъ бытко»), предполагаемую силу, производящую вѣтры. Если, какъ вѣроятно, о нихъ (особенно о первомъ, такъ какъ въ «Словѣ о полку Игоря» Дажьбогъ является прародителемъ, а въ лѣтописи онъ сравнивается съ подобнымъ существомъ у египтянъ, царствовавшимъ на землѣ, слѣдовательно, можно предполагать, что существовали какіе-нибудь мномъ о воплощеніи солнца и вообще о пребываніи его на землѣ въ человѣческомъ видѣ) и были мномъ, соответствующіе процессу отложенія отъ физическаго предмета, то эти мномъ должны были принадлежать къ числу первичнообразныхъ и малоразвитыхъ миеовъ челоѣчества; въ противномъ случаѣ, они, во-первыхъ, пустяки бы отъ себя отпрыски другихъ развѣтвленныхъ миеовъ, во-вторыхъ, они едва ли бы могли такъ утратиться, не оставивъ важнаго вліянія и отпечатка на народѣ, такъ долго сохранявшемъ слѣды приемовъ языческой жизни. Есть извѣстіе объ обоготвореніи огня подѣ миеическимъ названіемъ Сварожича: «и огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ»; но изъ этого самаго извѣстія очевидно, что миеическое названіе давалось самому веществу огня; такимъ образомъ, божество огня, нашъ Гефестъ, не отложилось еще отъ своего матеріала.

Остатки древних мифических названий в наших пѣснях очень незначительны. Къ нимъ принадлежатъ: имя Ладо, обыкновенно встрѣчаемое вѣ весеннихъ пѣсняхъ съ пригѣвами: лею-Ладо, и диду-Ладо; имя Купала—въ смыслѣ народнаго праздника (по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, вѣ древности отпращивавшагося въ честь солнца и воды); имя Морена—олицетвореніе воды или моря и вѣсѣтъ — смерть, убивающая сила; быть можетъ, сюда отнести слѣдуетъ и пригѣвъ «ой дай Боже!», часто употребительный вѣ колядкахъ, допуская, что здѣсь сохранилось древнее призваніе Дажьбога, хотя, съ другой стороны, сомнѣніе вѣ справедливости такого толкованія не будетъ лишнею основаніемъ.

При такой скудости всего того, что можетъ указывать на признаки обособленія мифовъ и отложенія ихъ отъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, природа является вѣ этихъ пѣсняхъ съ глубоко-древнимъ символическимъ и мифическимъ характеромъ. Со многими предметами до сихъ поръ соединяются мифы, хотя большею частью вѣ неясныхъ обломкахъ. Но еще болѣе вѣ южно-русскихъ пѣсняхъ со многими изъ явленій и предметовъ физической природы связано символическое значеніе. Мы, конечно, не станемъ утверждать, чтобы вся символика существующихъ теперь пѣсень была тою же и такою же, какою она была вѣ отдаленной языческой древности; многое утратилось, другое сбилось, перепуталось, иное видоизмѣнилось подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій или, оставаясь вѣ сущности древнимъ, до такой степени укрылось подъ новѣйшимъ способомъ выраженія, что уже кажется новымъ явленіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что народъ послѣ принятія христіанства продолжалъ жить съ прежними языческими воззрѣніями и привычками, сохранившимися до сихъ поръ, но вѣ то же время подвергался и вліянію своей послѣдующей исторіи. Эта живучесть древняго язычества, способствуя сохраненію главной сути старины, вѣ то же время способствовала и измѣняемости вѣ формахъ выраженія; древнія поэтическія мировоззрѣнія не могли сберегаться, какъ археологическія драгоценности; они не были предметомъ благоговѣнныхъ воспоминаній объ отжившемъ, давно минувшемъ; они продолжали вращаться вѣ дѣйствительной духовной жизни народа и потому неизбежно должны были подчиняться жизненному потоку и подвергаться видоизмѣненіямъ; отъ этого нныя формы возникали вновь, но вѣпрямѣнно на старой подкладкѣ. Ниже, при изложеніи символики, мы увидимъ, что нѣкоторыя символическія растенія вѣ Малороссіи носятъ латинскія названія, но самая ихъ символика и приемы, съ которыми она проявляется вѣ народной поэзіи, заставляютъ насъ видѣть вѣ сущности древнюю туземную основу. Вообще приемы отношеній человѣка къ природѣ вѣ южно-русскихъ пѣсняхъ таковы, что могли образоваться только во времена господства мифологическихъ воззрѣній вѣ духовной жизни народа. Нѣтъ описаній ради самыхъ описаній, исключая развѣ самыхъ новѣйшихъ пѣсень; предметы физической природы всегда почти являются вѣ сопоставленіи съ явленіями нравственнаго человѣческаго міра; часто человѣкъ говоритъ съ ними, какъ съ подобными себѣ по разуму существами, часто и они отзываются ему человѣческимъ языкомъ, да и они сами между собою нерѣдко обращаются, какъ существа мыслящія и чувствующія по-человѣчески. Иныя, сохраняя постоянно одинъ главный символическій смыслъ, служатъ какъ бы іероглифами для выраженія человѣческихъ ощущеній. Однимъ изъ позднѣйшихъ видоизмѣненій, вѣроятно, слѣдуетъ считать сопоставленіе по созвучію, когда предметъ физической

природы приводится, потому что его названіе созвучно съ какимъ-нибудь словомъ въ изображеніи человѣческаго состоянія; но и здѣсь едва ли можно искать причины такой формы въ одномъ только созвучіи и часто не трудно бываетъ подмѣтить, что сопоставляемый предметъ своимъ свойствомъ или обычнымъ уже символическимъ значеніемъ производилъ впечатлѣніе, которое способствовало появленію формы сопоставленія по созвучію. Однимъ словомъ, при всѣхъ неизбежныхъ отпечаткахъ, какіе наложили послѣдующія времена на символику народа, безспорно истекающую изъ отдаленной древности, она въ южно-русскихъ пѣсняхъ сохранила свои глубоко древнѣ основы и приемы, что можетъ еще служить превосходнымъ источникомъ для уразумѣнія духа народа въ эпоху сѣдой древности, особенно при совмѣстномъ изученіи другихъ памятниковъ народнаго слова. Мы, однако, не касаемся послѣднихъ, такъ какъ цѣль наша—представить только то, что дадутъ намъ исключительно пѣсни. Отсюда само собою разумеется, что трудъ нашъ не будетъ ученымъ изслѣдованіемъ о язычествѣ и языческой древности нашихъ предковъ; довольно будетъ того, если, какъ мы надѣемся, изслѣдователи этой древности найдутъ въ немъ указанія, болѣе или менѣе приведенныя въ порядокъ, на драгоценный и едва ли чѣмъ-либо замѣняемый матеріалъ для своихъ изслѣдованій.

Изъ всѣхъ славянскихъ пѣсенъ южно-русскія особенно богаты и важны для древней символики, гораздо богаче великорусскихъ. Мы рѣшились изложить здѣсь народную символику, насколько она высказывается въ этихъ пѣсняхъ, раздѣливъ ее, сообразно естественной классификаціи и предметовъ, на четыре отдѣла: 1) символика небесныхъ тѣлъ и воздушныхъ явленій, 2) символика земли, мѣстностей и воды, 3) символика растений и 4) символика животныхъ.

Небесныя свѣтила.—Солнце, луна и звѣзды чаще всего встрѣчаются въ колядкахъ, особенно всѣ виды вмѣстѣ. Это побуждаетъ думать, что празднество Рождества Христова замѣнило у нашихъ предковъ такое языческое празднество, которымъ чествовались небесныя свѣтила. Иногда солнце и мѣсяць, вмѣсто звѣздъ, являются съ дождемъ и вѣтромъ, иногда солнце съ мѣсяцемъ безъ звѣздъ.

Въ колядкахъ, особенно карпатскихъ, мы усматриваемъ слѣды мифологической исторіи, соединенной съ чествованіемъ небесныхъ свѣтилъ. Божья мать идетъ по «давней» тропинкѣ; ищетъ она своего сына. Она встрѣчаетъ свѣтлое солнце.—Помогай Богъ, мать Божія! говоритъ ей солнце.—Дай Богъ тебѣ здоровья, свѣтлое солнышко! отвѣчаетъ ему Божія мать.—Ты, солнышко, высоко свѣтишь, далеко видишь,—не видало ли ты моего сына?—Солнце отвѣчаетъ ей: Не видало, не слыхало.—Идетъ она дальше и встрѣчаетъ мѣсяць. То же привѣтствіе, тотъ же вопросъ. Мѣсяць отвѣчаетъ то же, что солнце.—Божія мать встрѣчаетъ звѣздочку:—Ты, звѣздочка, высоко восходишь, далеко видишь,—говоритъ она,—не видала ли ты моего сына?—Звѣздочка отвѣчаетъ: И видала, и слыхала, онъ стоитъ на горной равнинѣ и устраиваетъ свадьбу¹⁾.

¹⁾ Ой доловъ, доловъ на колоцини,

Славенъ си, нашъ милый Боже,

На високости славенъ еси!

Тамъ ми лежить давно стежейка,

Ойшла ми нѣвъ Бижая мати,

А стричать ея свитле сонейко,

Что здѣсь Божія матеръ (вѣроятно) замѣнила собою другое оненское языческое божество, видно изъ того, что въ другой колядкѣ то же самое, что здѣсь, относится ко вдовацѣ, и конецъ пѣсни нѣсколько иной. — И здѣсь сынъ той, которая о немъ спрашиваетъ, устраиваетъ свадьбу, но уже ясно—себѣ; у него, Иваненька, какъ онъ называется въ этомъ вариантѣ, сваты—гѣсныя птицы, соловьи — музыканты; мелкая рыба ему жена, а водяная лоза дружина ¹⁾.

Бигъ помогай, Бигъ, Бижая мати!

„Боже, дай здоровья свитле сонейко!

„А ти, сонейко, високо свитишь,

„Високо свитишь, далеко видишь,

„Цись не видило моего сына?

— Нить, не видило, нить, не слыхало. —

Ой пишла жъ она дале стежейковъ,

Ой стричать ей асенъ мисячокъ.

— Бигъ, помогай Бигъ, Бижая мати!

„Боже дай здоровья, асенъ мисячокъ!

„А ти, мисячку, високо свитишь,

„Високо свитишь, далеко видишь.

„Ци есь не видивъ моего сына?

— Нить, я не видивъ, нить, я не слыхавъ.

Ой пишла жъ она дале стежейковъ.

Та стричать ей ясна зирничка.

— Бигъ помогай ти, Бижая мати!—

„Боже, дай здоровья, ясна зирничко.

„А ти, зирничко, високо сходишь,

„Цись не видила моего сына?

— Ой я видила, ой я слыхала,

Ой доловъ, доловъ на полонини,

Тамъ овинъ стоить, весилъзя стронть.

(Чт. 1864. I, 38).

¹⁾ Ходить вдовойка, глядять синойка,

Ей стричать ей свитле сонейко:

„Бигъ, помогай Бигъ, свитле сонейко!

— Боже, дай здоровья бядна вдовице!

„А ти, сонейко, яснейко свитишь,

„Яснейко свитишь, далеко видишь.

„Цись не видало мого синойка,

„Мого синойка, ей Ивановка“.

— Нить, не видало, нить, не слыхало!—

Тотъ же вопросъ дѣлается такимъ же порядкомъ мѣсяцу, а потомъ вдова встрѣчаетъ звѣзду:

„А ти, зирничко, високо сходишь.

„Високо сходишь, далеко видишь,

„Цись не видило мого синойка,

„Мого синойка, ей Ивановка?“

— Ой я видала, ой я слыхала

— Твого синойка, ей Ивановка;

— Ему сваткове—въ лиси птачковс,

— Ему музика—въ лиси словники,

— Ему жинойка—дрибна рыбойка,

— Ему дружина—въ води лозина.

(Ibid. 44).

Изъ третьей колядки можно даже предположить, что эта вдовица могла быть не кто иная, какъ то же солнце, а мужъ ея, отецъ новорожденнаго — мѣсяцъ, звѣзды же — его братья, и что при послѣдующемъ смѣшеніи образовъ меньшее существо, играющее здѣсь главную роль, до того отдѣлилось отъ солнца, съ которыми было тождественно, что даже говорить съ нимъ какъ съ постороннимъ. Въ этой колядкѣ Иванойко или Иванцѣ поѣхалъ за горы за виномъ (покавъ до гирь на вино) или, можетъ быть, за виноградомъ, потому что въ карпатскихъ пѣсняхъ нерѣдко виноградныя ягоды называются виномъ. Встрѣтили его семь разбойниковъ. Они стали вывѣдывать у него, есть ли у него отецъ, мать, братья и сестры, Иванцѣ открываетъ имъ, что у него отецъ — мѣсяцъ, мать — солнце, сестры — звѣзды, да еще прибавилъ брата — сокола, уже не на небѣ, а на землѣ, чтѣ, впрочемъ, на символическомъ пѣсенномъ языкѣ означаетъ удалого красиваго молодца ¹⁾).

Не удивительно такое разнообразіе и противорѣчіе въ пѣсняхъ: вообще мифологическое представленіе о солнцѣ вездѣ подвергалось противорѣчивымъ образомъ, — солнце представлялось то мужскимъ, то женскимъ существомъ, то братомъ, то мужемъ, то женою мѣсяца. Мы едва ли ошибемся, если въ этомъ новорожденномъ младенцѣ, о которомъ идетъ рѣчь во многихъ колядкахъ на разные лады, будемъ видѣть рождающійся годъ, возвращающуюся силу жизни, которая проявляется въ природѣ возрастаніемъ солнечной теплоты и у всѣхъ почти племенъ, сколько извѣстно, въ болѣе ясныхъ или тусклыхъ образахъ выразилась представленіемъ о рождающемся божествѣ. Къ этому образу относится также карпатская колядка объ Оленѣ, называемой «Матерью Бога милаго», колядка, которой половина есть варіантъ приведенной нами колядки о матери; но послѣ того, какъ звѣздочка объявляетъ матери о ея сынѣ, начинается описаніе съ христіанскими признаками ²⁾).

- 1) Поухавъ Иванцѣ до гирь на вино,
 Самъ молодецъ, гей самъ молодецъ,
 Самъ молодецкій,
 У тимъ лисойку у зеленейкимъ спочивать;
 Подибали жъ го снмъ розбійникивъ.
 Стали ся его вывѣдовати:
 „Ци маешъ ти, Иванцю, ридногъ батейка?“
 — Въ мене батейко—ясень мислячокъ!
 „Ци маешъ, Иванцю, ридну матинку?“
 — Въ мене матинка—ясне сонейко!
 „Ци маешъ, Иванцю, ридну сестройку?“
 — Въ мене сестройка—ясна зирнойка!
 „Ци маешъ, Иванцю, ридного братейка?“
 — Въ мене братейко—сивъ соколойко.

(Чт. 1864. I. 53).

- 2) „Әй я видила, ей я стригила,
 „Синойка твого, Бога милого,
 „Пишовъ же овниъ на монастыри,
 „Сами му ся врата й отворили,
 „Сами му дзвони передзвонили,
 „Сами му свичи та взгаряли,
 „Свичи взгаряли, ангели грали.
 „Поздри, панночко, у гору високу,

Въ святочныхъ пѣсняхъ поется о построеніи храма или церкви; въ ней одно окно—солнце, другое—мѣсяцъ, третье—звѣзда или звѣзды. Этотъ образъ мы встрѣчаемъ въ колядкахъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи обыкновенно съ при-мѣненіемъ солнца къ хозяйкѣ, мѣсяца къ хозяину, а звѣздъ къ его дѣтямъ ¹⁾. Но въ галицкихъ колядкахъ строеніе такой церкви приписывается вороному коню.

Сынъ разгвѣвался на отца и отдѣлялъ для себя изъ стада вороного коня. Стадо пошло на тихій Дунай на золотые мосты. Обвалились золотые мосты, потонуло стадо, погибъ и вороной конь. По этому поводу вспоминаются, отъ лица сына, разгвѣвавагося на отца, достоинства погибшаго коня. «Онъ замѣчалъ все, что я ему покажу: ушами подслушивалъ, глазами считалъ звѣзды, копытами билъ бѣлый камень и строилъ церковь съ тремя окнами и съ тремя дверьми: первое окно—ясное солнце, второе окно—ясный мѣсяцъ, третье—ясная звѣзда; одними дверьми самъ Господь входилъ, другими св. Пречистая, третьими св. Николѣй» ²⁾.

„А на тій гори три деревини
 „А на тѣмъ дрѣви крести роблено,
 „Крести роблено, Христа мучено“.
 Поздрила она на гору високу,
 На гори високій три гроби лежить:
 У однимъ гроби лежить самъ Господь,
 А въ другимъ гроби лежить синь Божій,
 А въ третимъ гроби сама Пречиста;
 Предъ самимъ Богомъ ангели грають,
 Предъ синомъ Божиимъ свичи вгарають,
 Предъ святовъ Пречистовъ ружа проквитать.
 А зъ тои ружи пташокъ вилитать,
 Пташокъ вилитать по цилимъ свиту,
 По цилимъ свиту то росповидать.

(Чт. 1864. I. 47).

- ¹⁾ Ой на гори на камяній
 Тамъ волохи церкву ставляють,
 Церкву ставлять, вкно будують,
 Одно вконеце—яснее сонце,
 Друге вконеце—ясень мисячокъ,
 Трете вконеце—ясни зирки,
 Ясне сонечко—то господиня,
 Ясенъ мисячокъ—то господарь,
 Ясни зирочки—то его дяточки.
- ²⁾ Ой бо винъ мене добре готовавъ.

(Метл. 343).

А ушеньками слухи слуховавъ,
 А оченьками звизди раховавъ,
 А копытами билъ каминь лунавъ,
 Билъ каминь лунавъ, перковь муровавъ.
 Съ трома вконецями, съ трома дверцами,
 Одно жъ оконце—ясное сонце,
 Друге жъ оконце—чомъ ясень мисяцъ,
 Трете жъ оконце—ясна зпринди,
 Одними жъ дверци самъ Господь ходить,
 Другими дверци—свѣта Пречиста,
 Третими жъ дверци—свѣтый Миколой.

(Чт. 1866. I. 609).

Едва ли можно оспаривать, что личности христіанскаго міра подставлены или представлены послѣ и притоимъ до крайности непрочно и некстати. Повидимому, храмъ, въ которомъ окна — солнце, мѣсяцъ и звѣзды, долженъ означать небо, а гнѣвъ сына на отца даетъ поводъ полагать, что въ языческой древности было что-то похожее на борьбу юныхъ божествъ съ старѣйшимъ поколѣніемъ. Чудный конь — выраженіе творческой силы — божескій конь, конечно, стоитъ въ ближайшемъ отношеніи и съ конями Перкуна (deewe sigai) и съ конями Одина и, вѣроятно, еще ближе съ конемъ Свентовита, котораго холили и кормили жрецы при храмѣ этого божества въ Арконѣ.

Безразличное отношеніе звѣздъ къ людской жизни удалило въ пѣсняхъ звѣзды отъ мѣсяца и солнца; онѣ замѣстились дождемъ и отчасти вѣтромъ. Въ тѣхъ же карпатскихъ колядакахъ, на которыя мы указываемъ, какъ на самый богатый запасъ остатковъ языческой старины въ народной поэзіи, солнце, мѣсяцъ и дождь являются тремя братьями; мѣсяцу приписывается сила замораживанья, солнцу — размораживанья, а дождь даетъ зелень ¹⁾. Женская личность, которая переименовалась то въ христіанское имя Богородицы, то въ неопредѣленное названіе вдовицы, сама происходитъ изъ источника, который образовался изъ слезъ, надавшихъ изъ очей какого-то лица, которому въ колядкѣ усвоено имя Николая. Она бѣлила ризы и крѣпко заснула; къ ней приходятъ три гостя неодинакіе: то были солнце, мѣсяцъ и дождь. Солнце хвалитъ себя и говоритъ: «Нѣтъ никого важнѣ меня: я какъ взойду — освѣщу церкви, костелы и всѣ престолы». Мѣсяцъ говоритъ: «Нѣтъ никого важнѣ меня: я какъ взойду — освѣщу гостей на дорогѣ, воловъ въ возѣ». А дождь говоритъ: «Я какъ пойду три раза на яровой хлѣбъ — возрадуются жита, пшеницы и всякая ярина» ²⁾.

- ¹⁾ Зъ за тон гори, зъ за високои,
Видни ми виходять трѣхъ бративъ риднихъ:
Еденъ братцейко — свитле сонейко,
Другий братцейко — ясенъ мисячокъ.
Третій братцейко — дробень дожчейко,
Мисячокъ ся бере заморозити
Гори й долини и верховини,
Глубокъ поточейки и бистри ричейки;
Сонейко ся бере розморозити
Гори й долини и верховини,
Глубокъ поточейки и бистри ричейки;
Дождчикокъ ся бере зазеленити
Гори, долини и верховини.

(Чт. 1864. I. 4).

- ²⁾ Эй двори метени, столи стелени,
А за тимъ столомъ св. Никола,
Головойку схиливъ, слезойку вронивъ,
А зъ той слезойки ясна керничка,
Зъ ясной кернички Богородичка,
Риза билила, твердо заснула!
Пришла до нею гостейки трое,
Гостейки трое не еднакіи,
Еденъ гостейко — ясне сонейко,
Другий гостейко — ясенъ мисячокъ,
Третій гостейко — та дробень дождякъ.

Эти же три гостя въ другой колядкѣ изображаются приходящими къ тому хозяину, которому колядуютъ, и ему говорить тѣ же самыя слова о своихъ достоинствахъ, какія говорили Богородицѣ ¹⁾. Въ той же колядкѣ приходятъ въ гости къ хозяину самъ Богъ съ товарищами: первый товарищъ — ясное солнышко, другой — бѣлый мѣсяць, а третій — дробный дождикъ. Смыслъ таковъ, что пришествіе Бога знаменуется собственно приходомъ однихъ только этихъ товарищей. Поется еще колядка, гдѣ рассказывается, какъ хозяинъ приготовляетъ столъ и проситъ Бога къ себѣ на вечерю. Въ одно окно свѣтитъ солнце, въ другое — мѣсяць, кругомъ ясныя звѣзды. Приходитъ Богъ съ Богородицею и святыми, а хозяинъ угощаетъ Бога зеленымъ виномъ, Богородицу сладкимъ медомъ, а святыхъ производящею горилкою ²⁾. Въ Карпатской ще-

Сонейко гварить: не е надъ мене!
 Ой якъ я зйду въ недѣлю рано,
 Поосвчаю церкви, костѣли,
 Церкви, костѣли и вси престолы.
 А мисаць, гварить не е надъ мене!
 Ой якъ я зйду въ ночи съ пивночи:
 Поосвчаю гости въ дорози,
 Гости въ дорози, волойки въ вози,
 А дождчикъ гварить: не е надъ мене!
 Ой якъ я впаду три рази на яръ,
 Та зрадуется жита-пшеница,
 Жита-пшеница и вся ярина.

(Чт. 1864. I. 40).

- ¹⁾ Та вжеш до тебе въ рикъ Бигъ приходитъ,
 Въ рикъ Бигъ приходитъ—три товарищи;
 Первый товарищъ—ясне соненько,
 Другій товарищъ та бѣлий мисаць,
 Третій товарищъ—дрибній дождчикъ.
 А що жъ намъ рече первый товарищъ,
 Первый товарищъ—ясне соненько?
 — Ой якъ зйду разомъ зъ зорями,
 Та врадуюся весь миръ на земли.
 А що жъ намъ рече другій товарищъ,
 Другій товарищъ—та бѣлий мисаць?
 — Ой якъ я зйду темной ночи;
 Та врадуюся весь миръ на земли.
 А що намъ рече третій товарищъ,
 Третій товарищъ—дрибній дождчикъ?
 Ой якъ я зйду разомъ зъ зорями,
 Та врадуюся жито-пшеница,
 Житій пшеница и всяка пашница.
 Ой якъ зйду мисаца малъ,
 То врадуюся весь миръ на земли.

(Чт. 1864. I. 19—20).

- ²⁾ Проситъ Боженька на вечереньку, —
 Въ одно віконце свѣтитъ му сонце,
 Въ друге віконце та ясець мисаць,
 Ясні зорі свѣтятъ въ-около.
 Посадишь Бога посередъ стола,
 Святу Пречисту при другіємъ столі,

древѣ¹⁾ (поется наканурѣ Новаго года) посылается орелъ (въ одномъ стигѣ онъ названъ орломъ, а въ другомъ замѣненъ соколомъ) сѣсть на море. И онъ сидитъ на морѣ и видитъ, какъ плыветъ корабль съ тремя воротами: въ одну изъ воротакъ—свѣтитъ мѣсяць, въ другихъ восходитъ солнце, а въ третью—самъ Господь держитъ ключи, отворяетъ и выпускаетъ души. Христіанское вліяніе прибавило къ этому, что не выпускается туда тѣ души, которыя не уважали родителей, обижали старшихъ братьевъ и сестеръ. Господь, отворяющій рай, вѣроятно, тождественъ съ тѣмъ лицомъ, которое въ одной веснянкѣ отпираетъ небо и выпускаетъ весну, а по другому варианту росу.

Въ колядакахъ и щедрикахъ частая форма представлять хозяина—мѣсяцекъ, его жену—солнцекъ, а дѣтей его—звѣздами: это выражается съ разными измѣненіями. Какъ на особенно оригинальный оборотъ, мы уважаемъ на одну колядку, въ которой говорится, что плывъ²⁾ по рѣкѣ кленовый листъ и на немъ написано три имени: солнца, мѣсяца и звѣздъ: солнце означаетъ хозяйку, мѣсяць—хозяйина, а звѣзды—его дѣти, точно такъ же, какъ и въ приведенномъ выше образѣ построенія церкви съ тремя окнами.

Солнце (одно). Изъ историческихъ памятниковъ намъ извѣстно, что рускіе въ язычествѣ боготворили солнце, и, какъ оказывается, у нихъ была миеологическая исторія о царствованіи его подъ именемъ Дождь-Бога. Есть одна пѣсня, въ которой съ перваго раза можно признать (какъ нѣкоторые ученые и дѣлали) слѣды явнаго боготворенія солнца. Въ этой пѣснѣ женщина, обращаясь къ солнцу, называетъ имя Бога³⁾.

Уси святни на-коло неи,
Пріймае Бога зеленемъ виномъ,
Свату Пречисту солодкимъ медомъ,
Уси святни шумновъ горивковъ.

(Чт. 1864. I. 31).

- 1) Ой вирле вирле,
Синий сокол!
Високо сидишь, далеко видишь,
Сидай ти соби на синимъ мори:
На синимъ мори корабель въ водѣ.
Въ тимъ кораблю трое воротца:
Въ першихъ воротейлахъ мисячокъ свѣтитъ,
Въ другихъ воротейлахъ—сонейко зходитъ,
Въ третихъ воротейлахъ—самъ Господь ходитъ,
Самъ Господь ходитъ, ключи тримае,
Ключи тримае—рай одникае,
Рай одникае, души выпускае, и пр.

- 2) Тамъ плавае кленовъ листокъ,
На тимъ листку написано
Три писмечка:
Первое письмо—ясень мисячокъ,
Другое письмо—ясне сонечко,
Третье письмо—ясни зори
Ясний мисячокъ—самъ господарь,
Ясне сонце—ѣго жинка,
Ясни зирки—ѣго дити.

(Метл. 342).

- 3) Ой пиду я темнимъ лугомъ,

Но трудно утверждать, что она подъ этимъ словомъ Богъ разумѣтъ солнце. Быть можетъ, она произноситъ эти слова: помогай Боже, какъ междометіе, равносильное «дай Богъ». Во всякомъ случаѣ, здѣсь все-таки обращеніе къ солнцу, какъ къ живому существу. Вѣроятно, слѣды древняго уваженія къ солнцу отразились и въ одной карпатской пѣснѣ, совершенно проникнутой, впрочемъ, христіанскимъ элементомъ. Въ ней говорится, что ясное солнышко жаловалось Богу на людскія беззаконія: «не буду», говорить оно, «рано вслѣдить свѣтъ освѣщать; стали теперь злые хозяева: въ воскресный день рано дрова рубать, а мнѣ въ лицо летать щепки; злые хозяйки въ пятницу рано бучать платки, а мнѣ на лицо выбрасываютъ золу, а злые дѣвушки въ воскресные дни рано чешутъ косы и мечутъ мнѣ въ лицо волосы»¹⁾.

Богъ отвѣчаетъ ему: «Свѣтъ, солнышко, такъ, какъ свѣтло. Я буду знать, какъ покарать ихъ на томъ свѣтѣ, на страшномъ судѣ».

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце изображается колесомъ, — представляемъ старое, общее многимъ мнѣніямъ²⁾, также и яблокомъ³⁾. Въ одной свадебной пѣснѣ оно представляется купающимися въ разъяренномъ морѣ⁴⁾. Образъ

Оре мѣлий своимъ плугомъ,
Чужа мила погане,
Икъ сонечку промовляе:
Поможь, Боже, человеку,
Щобъ такъ оравъ поколь вѣку!

(Метл. 57).

1) Скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано схожати,
Рано схожати, свѣтъ оснѣмати,
Бо зли газдове понаставали,
Въ неділю рано дрова рубали,
А ми до личка триски падали;
Бо зли газдини понаставали,
Въ пятночку рано хуста зворали,
А ми на лица золу виливали,
Бо зли дивойки понаставали,
Въ неділю рано коси чесали,
А ми до лица волоса метали.

(Малкъ. XI, 51).

2) Напр., въ веснянкѣ:
Крошное (вѣроятно, жгучее—отъ кропъ, укропъ) колесо
По надъ лисомъ котиться.

Или въ слѣдующей свадебной:

Колесомъ, колесомъ въ гору
Сонце йде
Въ нашій Маріи
Рай ся вѣ.

(Чт. 1864. I. 102).

3) Котилося яблочко зъ гори до долу,
Чась вамъ, дивочки, зъ гулянья до дому.

4) У неділеньку рано
Море ся розъярало;
Сонейко ся купало.

(Лозинск. 42).

купанья солнца въ морѣ встрѣчается и въ сказкахъ и есть остатокъ мѣтеорологическаго представленія объ отношеніяхъ солнца къ водѣ, какъ супруговъ.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ и любовныхъ пѣсняхъ солнце не принадлежитъ къ предметамъ, особенно часто употребляемымъ. Вообще оно носитъ эпитетъ *ясное* и сохраняетъ въ поэзіи характеръ радостный, веселый. Есть народное выраженіе: «совейко играло»; народъ вѣрить, что солнце играетъ утромъ въ воскресные дни, особенно въ день Пасхи. Это выраженіе встрѣчается и въ пѣсняхъ ¹⁾. Разсвѣтъ и восходъ солнца представляется временемъ особенно веселымъ и сравнивается съ веселымъ гуляньемъ ²⁾. Невѣста, возвращающаяся съ вѣнчанія или идущая къ вѣнцу, сравнивается съ солнцемъ, которое поднимается вверхъ по небу ³⁾.

Дѣвица называетъ своего возлюбленнаго своимъ солнцемъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ сопоставляется съ солнцемъ ⁵⁾. Какъ тучи закрываютъ солнце, такъ враги лишаютъ женщину присутствія милаго ⁶⁾. А когда ова лишается навсегда своего милаго, то блескъ солнца представляется ей противоположностью съ тьмою безнадежности въ ея душѣ ⁷⁾. Закрытіе солнца тучами есть образъ печальнаго расположенія духа ⁸⁾. Съ яснымъ солнечнымъ днемъ, когда вѣтеръ не даетъ солнцу слишкомъ грѣть, сравнивается мѣтніе сердца, когда хотя не потеряна еще надежда, но нѣтъ вблизи милаго предмета ⁹⁾.

Солнце—женскій образъ. Изъ приведенной колядки объ Иванцѣ, у котораго отецъ—мѣсяцъ, а мать—солнце, видны слѣды представленія солнца въ

- 1) Ой у недлю рано сонечко грало;
Мати свого сына въ походѣ виражала.

Или въ купальской:

Купала на Ивана!
Играло сонечко на Ивана.

- 2) Безъ малого соловейка и *свиць* не свѣтае,
Безъ мого миленького *гулянье* не мае.

И въ свадебныхъ пѣсняхъ востся:

Ой красно, красно, звѣздки сонечко ходить,

- 3) Сонечко гори йде;
Ганночка въ виччаня йде.

(Гильтебр. 83).

или

Въ крузи сонечко йде,
Молода Маруса до шлюбу йде.

- 4) Нема мого миленькаго, нема *мого сонця*.

- 5) Одсунь, Марусю, виконце,

Та поднясь на сонце:

‘Ін високо сонце на небі,

Чи хороший Ивасько на коні?

- 6) За тучами громовими *сонечко* не сходить,
За вражними ворогами мій *милий* не ходить.

- 7) Свитить сонце, свитить сонце, на *хату* леліе:

Не ма того я не буде на кого наді.

- 8) Ясно, ясно сонце сходить, хмаренько заходить.

Смутенъ, смутенъ нашъ отаманъ по табору бродить.

- 9) Ой соненько ясно свитить, вѣтеръ новиває,

Ой якъ я ёго не вижу, мое сердце мліє.

(Метл. 443).

женскомъ видѣ и притомъ въ любовныхъ отношеніяхъ къ мѣсяцу. Въ одной веснянкѣ разговоръ дѣвicy съ молодымъ предпосылается, для сопоставленія, разговоръ солнца съ мѣсяцемъ; солнце спрашиваетъ мѣсяцъ: рано ли онъ восходитъ, поздно ли заходитъ? Мѣсяцъ недоволенъ этимъ вопросомъ: что тебѣ до этого?—говоритъ онъ,—я всюгу на равсвѣтѣ, а захожу въ сумеркахъ ¹⁾.

Съ жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ сравнивается горячее сердце дѣвicy, а зимнее солнце уподобляется сердцу вдовы, уже пережившему пламень любви. Лѣтнее солнце хотя иногда и покрывается облаками, но все-таки даетъ тепло, а зимнее хоть и ярко свѣтитъ, но не грѣетъ; вѣтъ тогда холодный вѣтеръ ²⁾. Заходящее солнце, какъ соответственный образъ, сопоставляется съ кончиною человѣка. Такъ въ одной чумацкой пѣснѣ описывается сначала заходъ солнца, а потомъ смерть чумака ³⁾.

Но палящій жаръ, иссушающій растенія, наводитъ подобіе съ бѣдностью и лишениями: такъ, въ одной пѣснѣ бѣдная женщина говоритъ, что недостатка иссушили ее, какъ ясное солнце иссушаетъ красную (червонную) камню. Однобразное теченіе солнца сравнивается съ блужданіемъ молодца, не знающаго отдыха и покоя ⁴⁾.

1) Ой тамъ за лисомъ, за боромъ,
За синенькимъ моремъ,
Тамъ сонечко грало,
Зъ мисяцемъ розмовляло,
Мисяця питаю:
— Чи рано сходишь, чи пизно заходишь?—
— Ясное мое сонечко!

А що тобі до того.
До зиходу мого?
Я зйду свитаючи,
А зйду смеркаючи.

2) У вдови сердце, якъ зимнее сонце:
Ой хочъ воно яснешенько грає,
Холодний витьеръ віє;
А въ дивчини сердце, якъ лятнее сонце:
Хочъ воно й хмаресеньке,
Все телесеньке.

3) Котилося та яснеє сонце
По надъ горомъ,
А по надъ тею чумацьвою
Та дорогою;
Та котилося та яснеє сонце,
Стало примеркати;
Ой ставъ же той слааний чумаценько
Товариства прохати:
Ой ви товарищи, ви милі брата,
Товарищи мои,
Та не кидайте мене, молодого,
У чужій стороні, и пр.

4) Хожу блужу, хожу блужу, якъ те сонце въ крузі!
Чи я стану, чи я роблю, мое сердце въ тузі.

Мысли. Въ пѣсняхъ есть слѣды того міросозерцанія, при которомъ обращались къ этому свѣтлу, какъ къ разумному и могучему существу, и просили у него помощи. Это ясно указываетъ въ одной волынской веснянкѣ, гдѣ дѣвица идетъ ночью къ колодцу, находящемуся на горѣ подѣ вербою, обращается къ мѣсяцу и проситъ объявить ей, за кого она выйдетъ — за милого или за нелюба ¹⁾. Въ другой пѣсенѣ — обращеніе къ мѣсяцу съ просьбою засвѣтить на весь прекрасный міръ, спустить внизъ рога свои, освѣтить дуброву и показать стѣнныя дороги. Такое обращеніе можно почестъ остаткомъ языческой молитвы ²⁾. Въ галицкой свадебной пѣсенѣ полумѣсяцъ, окончивъ свой путь и освѣтивъ только половину земли, приходитъ къ морю и не почиваетъ, а говоритъ: Вотъ, Господи Боже, если бы я былъ цѣлѣй, я бы всю землю освѣтилъ ³⁾. Въ болѣе слабой степени, чѣмъ приведенные образчики, носятъ на себѣ слѣды того же первобытнаго отношенія къ свѣтлу, какъ къ разумному существу, нерѣдкія въ любовныхъ пѣсняхъ обращенія къ мѣсяцу; напр., дѣвица обращается къ мѣсяцу и проситъ, чтобъ онъ свѣтилъ ей милому, когда милый пойдетъ отъ нея домой или въ долину съ своими волами, но чтобъ не свѣтилъ ему и зашелъ въ тучу, когда милый войдетъ къ другой дѣвицѣ ⁴⁾. Молодые люди обоюго пола сходятся на ночныя игрища (улицы), и такія игрища можетъ быть нѣсколько въ одномъ селѣ; и вотъ дѣвицы, посѣщающія одну изъ этихъ улицъ, просятъ мѣсяцъ къ себѣ на улицу, потому что у нихъ на улицѣ красивыя молодцы ⁵⁾. Такъ какъ

¹⁾ Ой на гори подѣ вербою

Стоявъ колодавъ зъ водою;
Тамъ дивчинонька воду брала,
До мисця промовляла:
Мій місяченьку, мій батеньку,
Скажи мни всю правдоньку:
Чи я иду за милого,
Чи я иду за нелюба.

²⁾ Ты мисцяю, якій же ти асній!
Ой засвѣти на весь свѣтъ прекрасный!
Ой спусти внизъ роги,
Засвѣти по дуброви,
Покажи вси въ стѣну дороги!

³⁾ Половиною місяченько на небо
Половину земли освѣтитъ,
Прийшовъ надъ море, не спочивъ:
Ой, милий Боже, люби цѣлий,
То би землейку освѣтитъ. (Лозинск. 23).

⁴⁾ Ой засвѣти, місяченьку, тими долами,
Куда иде мій миленькій на пичѣ зъ волоньками.
Ой мисцяю, місяченьку, не свѣти нікому,
Тільки мому миленькому, якъ иде до дому.
Ой засвѣти, місяченьку, тай розвѣси хмару,
А якъ иде до другою, то зайді за хмару.

⁵⁾ Перейди, мисцяю,
Та на нашу улицу,
А на нашій улиці
Та все хлопци, молодци.

эти улыбки оканчиваются обыкновенно парными любовными свиданиями, то дѣвушка просит мѣсяцъ покровительствовать ея свиданію съ милымъ и называетъ мѣсяцъ перекроемъ, то-есть «перекрывающимъ» любовниковъ, такъ какъ слабый свѣтъ его благоприятствуетъ тайнымъ свиданіямъ¹⁾. Дѣвица проситъ мѣсяцъ и звѣздочку не свѣтить, когда на вечерницахъ нѣтъ ея милаго, и свѣтить, когда онъ тамъ²⁾. Иногда даже дѣвица требуетъ отъ мѣсяца невозможнаго, напр., чтобъ онъ разбился на двѣ половины и одною свѣтилъ ей, а другою ея милому.

Мѣсяцъ часто является въ пѣсняхъ съ звѣздой (зорею), которая изображается его сестрою. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: послалала звѣзда къ мѣсяцу: мѣсяцъ, мой братецъ, не выходи раньше меня; взойдемъ оба разомъ, осветимъ небо и землю; ужаснется звѣрь въ полѣ, обрадуется путникъ въ дорогѣ³⁾. Въ галицкой колядкѣ поется, что мѣсяцъ шелъ посломъ отъ Бога къ хозяину (которому колядуютъ) съ извѣстіемъ, что къ нему будетъ въ гости самъ Богъ. Сестра звѣздочка просила его подождать, но мѣсяцъ отвѣчалъ, что ему надобно спѣшить: онъ въ послахъ отъ Бога⁴⁾.

Въ другихъ пѣсняхъ мѣсяцъ и звѣздочка не братъ и сестра, а между ними показываются какъ будто любовныя отношенія. Такъ, въ одной, очень распространенной, пѣснѣ вечерняя звѣзда говоритъ, что ей неприлично выходить «противъ» мѣсяца (или прежде него), какъ и дѣвицѣ неприлично выходить самой къ козаку прежде него⁵⁾. И молодецъ съ дѣвицею, какъ пара, ставятся въ подобіе мѣсяца и звѣздочки⁶⁾. Восходъ мѣсяца—образъ брака; дѣвица говоритъ,

1) Ой мисяцю перекрою, зайдѣ за комору,
А я зъ своимъ миленькимъ троня поговорю

2) Не свити, мисяченьку, не свити, зирнице,
Нема мого миленькаго—смутиа вечерниці...
Свити, свити, мисяченьку, най свитати зирниці...
Есть мій милий чернобривий—весели вечерниці.

3) Слала зоря до мисяця:
Мисяченьку, мій братику,
Не зиходь попередъ мене,
Та зійдемо обоє разомъ,
Освитимо небо и землю,
Та острахнется звиръ у поли,
Та зрадується гистъ у дорози.

4) Ой ишовъ мисяць черезъ небоилю,
За нимъ зирничка ёго сестричка:
Мисяце брате, почекай мене.
Я не чекаю, бо часу не маю,
Бо иду въ плеси видѣ Господа Бога,
Видѣ Господа Бога до ёго жосценки.

5) Не подоба зирци противъ (по другому варианту—раньше) мисяця зиходити.
Не подоба дивци противъ (по другому варианту—раньше) козака виходити.

6) Зійшла зоря, зійшла зоря, мисяць олизнився,
Вийшла дивка на улицю, козаць олизнився. (Метл. 118).

Или:

Вийди, вийди, молода дивчино,
Поговоримъ зъ тобою,
Якъ мисяць зъ зорею...

что она жала рожь, но не вязала сноповъ, — любила молодца, но не говорила ему правды; что она тогда снопы повяжетъ, когда мѣсяць взойдетъ; тогда скажетъ правду милому, когда онъ возьметъ ее за себя замужъ ¹⁾. Молодецъ, находясь посреди множества дѣвицъ, выбираетъ себѣ одну и чувствуетъ недостатокъ, когда ея нѣтъ съ нимъ; и у мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть любимая звѣздочка ²⁾. Нередко замѣчаемое явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, подало поводъ къ составленію такого представленія, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяць, какъ его близкая подруга. Время явленія мѣсяца вмѣстѣ со звѣздочкою считалось счастливымъ временемъ для рожденія, и козакъ, родившійся въ такое время, успѣваетъ во всемъ что задумаетъ, особенно въ любви ³⁾. Въ этомъ же смыслѣ молодецъ приглашаетъ мѣсяць и звѣздочку свѣтить надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится предметъ его сердечнаго вниманія ⁴⁾. Поэтому и въ свадебныхъ пѣсняхъ, величая жениха и желая ему счастья, поютъ, что мать обгородила его мѣсяцемъ и опоясала солнцемъ ⁵⁾. Мать вѣсты, отправляя новобрачную въ домъ мужа, даетъ ей въ проводники и покровители мѣсяць и звѣздочку ⁶⁾. Сами новобрачные унодобляются мѣсяцу и звѣздочкѣ ⁷⁾. Въ смыслѣ пары въ коляскахъ хозяина сравни-

1) Тоди снопи вазатиу,
Коли мисаць зійде;
Тоди скажу ёму правду,
Якъ винъ мене вивьме.

2) Уси мои звиздочки,
Уси изо мною,
Та вси, мои асни,
Передо мною,
Тыльки мои зрочим
Нема зо мною,
Одною мою асною
Нема зо мною.

3) Зійшовъ мисаць изъ зорею, та й обгородився,
Счастливою годишчиюю козакъ уродився,
Куди винъ подумавъ, тои Богъ помагавъ,
Черезъ ту диччиночку, що ёго помавъ.

4) Свѣти, свѣти, мисиченьку, и ти, зоре асна!
Ой свѣти тамъ на подвѣрѣ, де диччина красна.

5) Мисацемъ обгородила,
Сонечкомъ подперезала.

6) Отсе тобі проводничомъ —
Ясний мисичомъ.
Отсе тобі проводничка —
Ясна зирница.

(Метл. 228).

7) Сіла зрочка, сіла;
Зъ книъ ти, Марьечко, шлюбъ брала?
Зъ тобою, Ивасю, въ тебею,
Якъ асний мисаць въ зорею.
Почимъ ти мене, Марьечко, шивнала,
Що ти мене мисацемъ назвала?
По мови, по мови,
Що бувъ царський винецъ на голови.

вають съ мѣсяцемъ ¹⁾, а хозяйку съ звѣздочкой ²⁾. Но съ мѣсяцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ звѣздочкою, сравнивается въ другой колядкѣ сама дѣвица ³⁾.

Такъ какъ въ поэтическомъ представленіи народа составился образъ, что мѣсяць и звѣздочка — любовная пара, то въ пѣсняхъ является по нѣскольку мѣсяцевъ разомъ. Въ весеннихъ играхъ пересчитываются присутствующіе молодцы, и всякій изъ нихъ называется мѣсяцемъ ⁴⁾, съ прибавленіемъ его собственнаго имени; точно такъ же пересчитываются присутствующія дѣвицы и каждая называется звѣздочкою, съ прибавленіемъ ея собственнаго имени ⁵⁾; а потомъ соединяютъ молодцовъ и дѣвицъ попарно, указывая, что такая-то дѣвушка — звѣздочка такого-то мѣсяца ⁶⁾. Въ такомъ же смыслѣ въ одной галицкой пѣснѣ два солдата называются двумя мѣсяцами ⁷⁾, подобно тому, какъ въ словѣ объ Игоревомъ походѣ два княжича названы двумя мѣсяцами. Но такъ какъ народъ подумѣлъ, что мѣсяць не всегда идетъ по небу со звѣздочкою и не всегда одна и та же звѣздочка провожаетъ его, то мѣсяць получилъ прозвище непостояннаго (перебирчика) ⁸⁾; и если сближеніе молодца и дѣвицы нашло себѣ подобіе въ отношеніяхъ мѣсяца и звѣздочки, то разлука и непостоянство также находятъ себѣ подобіе на небѣ ⁹⁾. Съ мѣсяцемъ сравнивается молодецъ, которому дѣвицы не должны вѣряться ¹⁰⁾. Тотъ же смыслъ и въ той пѣснѣ, гдѣ,

¹⁾ По двору ходить, якъ мисаць зходитъ.

²⁾ По синяхъ зходитъ, якъ зоря зходитъ.

³⁾ Ой рясна красна калина въ лузі,
А ще красниша (имарекъ отца) дочка;
По двору ходять, якъ мисаць сходитъ.
Въ синечки вйшла, якъ зоря вйшла.

⁴⁾ Первый мисацьокъ—молодий Василью,
Другий мисацьокъ—молодий Иванько.

⁵⁾ Первая зирка—молода Оленка,
Другая зирка—молода Маруся.

Или:

Черезъ наше село везено деревце.
Везено деревце зъ за моря далеко,
А зъ того деревця зроблено коширку.
Стояло святило мисацьонъ чотири.
У тій коширки роблено кроватки.
Стояло святило зирочокъ чотири;
На тій кроватки дивочки спали,
Дивочки спали, писни синвали.

⁶⁾ Молода Оленка—Василькова зирка,
Молода Маруся—Иванькова зирка.

⁷⁾ У Тарнополи два мисацьоньки асли,
Ой вандровали два жовнироньки краси.

⁸⁾ Перебирчику, мисацьоньку, перебирчику,
Уснхъ зирочокъ перебравъ,
Одну соби зирочку сподобавъ.

⁹⁾ Розійдемось, серце, зъ тобою,
Якъ на небі мисаць зъ зорею.

¹⁰⁾ Зійшовъ мисаць, нема ёму впняу,
Не стій, дивко, зъ парубкомъ, не йми ёму впри.

(Метл. 55).

утѣная дѣвину, плачущую о невѣрномъ, говорятъ ей, что она полюбила молодца *стоя по мѣсяцу* ¹⁾). Сообразно съ этимъ представленіемъ о мѣсяцѣ, съ мѣсяцемъ сравнивается волокита, подбирающийся къ чужой женѣ и получившій за то наказаніе ²⁾). Свѣтъ мѣсяца, холодный и слабый, сопоставляется съ томленіемъ сердца ³⁾, а отсутствіе солнца и свѣтъ мѣсяца, вмѣсто солнца, выражаетъ грусть, сопровождающая печальное прощанье матери съ сыномъ ⁴⁾).

Звѣзды. Во множественномъ числѣ это слово рѣдко встрѣчается въ народной поэзіи. Исключеніе составляютъ тѣ обрядныя пѣсни, о которыхъ мы говорили уже, и гдѣ звѣзды встрѣчаются вмѣстѣ съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ или съ однимъ мѣсяцемъ. Есть, кромѣ того, немногія мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ говорится, и то вскользь, о звѣздахъ, напр., сравниваются войны глѣба со звѣздами ⁵⁾ (въ заживившихъ пѣсняхъ и колядкахъ) или колодець приглашаетъ дѣвицу считать звѣзды, что означаетъ проведеніе времени ночью на воздухѣ ⁶⁾. Гораздо чаще въ пѣсняхъ упоминается одна звѣздочка (зирка или зора), подъ которою чаще всего разумѣется вечерняя звѣзда.

Звѣзда (зора)—символь радости, счастья и красоты. Въ колядкахъ поется, что мѣсяцъ, идя по небу, встрѣчается съ ясною звѣздой и спрашиваетъ ее, гдѣ она остановится. — У такого-то (имя того, кому колядуютъ), на его дворѣ, на его хатѣ, — отвѣчаетъ звѣзда, — у него въ хатѣ будетъ двѣ радости: первая радость—сына женить, а другая радость—дочь отдавать замужъ ⁷⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста сравнивается съ звѣздой ⁸⁾. Въ одной пѣснѣ рассказы-

¹⁾ Не плачь, не плачь, дивчиннюкы, така твоя доля,
Полюбила козаченька по мѣсяцу стоя.

²⁾ Ой невдтнль мѣсяцъ свѣте,
Видкнль ясни зирки;
Унадвѣся коломиць до чужої жиннѣ;
Унадвѣся, унадвѣся, якъ кабанъ у жито:
Та вже въ его реберъ нема,
Голова побита.

³⁾ Свѣтитъ мѣсяцъ та не грѣе;
У дивчини сердце мліе.

⁴⁾ Свѣтитъ мѣсяцъ надъ горою, а сонда не має,
Мати сына въ дороженьку смутно проважале.

⁵⁾ Скільки на небі зирочокъ,
Тільки на полі копочокъ;
Зироньки небо свѣтили,
Копоньки поле укрили.

⁶⁾ Ти въ коморѣ, а на дворѣ,
Видѣмъ разомъ, зничимъ зори.

⁷⁾ Ишовъ перейшовъ мѣсяцъ по небу
Та стрѣвся мѣсяцъ зъ ясною зорею.
—Помагай Бигъ, зоре! де маешъ стати?
„У пана Хоми на ёго дворѣ,
На ёго дворѣ, у ёго хатѣ;
У ёго хатѣ двѣ радости буде:
Першая радисть—сына женити,
Другая радисть—дочку отдавати.

⁸⁾ Походома зирочко—
Та Марьчико дивочко.

вается, что козаку приснился сонъ, будто надъ его хатю упала звѣзда, и эта звѣзда, какъ, оказалось впоследствии, значила новорожденнаго сына ¹⁾. Молодецъ, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, ожидая съ нею счастья, сравниваетъ ее съ звѣздою ²⁾, а также дѣвица, прося отъѣзжающаго милаго ворочаться къ ней скорѣе, обращается къ звѣздѣ и проситъ ее свѣтить, а не скрываться ³⁾; постоянное расположеиіе молодца къ дѣвицѣ, радующее ее, вызываетъ сравненіе съ теченіемъ звѣзды ⁴⁾. Мерцаніе звѣзды, которое выражается глаголомъ *зоріе*, сравнивается съ счастиемъ женщины смотрѣть на своего возлюбленнаго ⁵⁾. Звѣзда посреди темной ночи означаетъ единственное угѣшеніе посреди житейскихъ невгодъ. Такъ, женщина, рассказывающая въ пѣснѣ, какъ отъ нея отрывается отецъ, мать, родные, а не покидаетъ одинъ милый, прибавляетъ къ каждому отдѣлу своей пѣсни стихъ: ночь моя темная, а звѣздочка ясная ⁶⁾.

О, еслибъ я была такъ хороша, какъ ясная звѣздочка!—воскликаетъ дѣвица:—свѣтила бы моему милому, пока бы не угасла ⁷⁾.

Звѣзда—блестящая красота дѣвицы. «Я знаю», говоритъ молодецъ, «отчего моя Марья такая прекрасная: вредъ нею упала звѣзда; упала съ неба звѣзда и разсыпалась, а Марья собрала ее и заткнула себѣ за волосы ⁸⁾. Въ другой пѣснѣ, очень распространенной, козакъ увидалъ, какъ между двумя горами восходила звѣзда: думалъ онъ, что это звѣзда, но то была молодая дѣвица, шел-

1) А зиронька—то дитиньонька.

2) Въ мене худибонька—

Ты сама,

Якъ на небі зиронька ясна.

3) Свѣти, зоре, свѣти, зоре, свѣти, не ховайся,
Якъ поедешь, мое сердце, то швидко вертайся.

4) Якъ зиронька по хмароньцѣ бродить,
Такъ Василько до Марьечки ходить.

5) Зійшла зоря, зійшла зоря,
Та не назорилася,
Прийшовъ милій ізъ походу—
Я й не надивилася.

6) Та казали люде,
Батько въ гости буде,
А батенько інде,
На двіръ не погляне....
Ничь моя темна, а зиронька ясна....
Тільки моя доленька безцална.

То же повторяется о матери, братѣ, сестрѣ, наконецъ о миломъ:

А мій милій інде,
У двіръ завертає.
Ничь моя темна, а зиронька ясна!
А вжежъ моя доля не безцална!

7) Кобъ я була така красна, якъ зиронька ясна,
Свѣтила би миленькому, доки би къ не згасла.

8) Ой упала зоря въ неба, та й розсыпалася;
Марья зорю позбирала, та й заткнулася!

ная за ведом¹⁾. Въ пѣсняхъ заживныхъ жѣны сравниваютъ свою госпожу (юзянку) съ вечернею звѣздой²⁾. Красота дѣвцы заставляетъ засматриваться на нее самую вечернюю звѣзду, что выражаетъ желаніе счастья дѣвицы, такъ какъ звѣзда—символъ счастья и радости³⁾.

Такъ какъ звѣзда означаетъ радость и счастье, то паденіемъ звѣзды выражается прекращеніе радостей и удовольствій. Отсутствие милаго въ одной пѣснѣ выражено паденіемъ звѣзды⁴⁾, а въ другой пѣснѣ этимъ образомъ означено прекращеніе гулянья на улицѣ. Дѣвица говоритъ, что покатила и упала звѣзда, и затѣмъ проситъ козака провести ее домой⁵⁾.

Паденіе звѣзды въ источникъ значитъ выхолъ замужъ—и, кажется, неудачный.

Говоря объ участіи небесныхъ свѣтилъ въ народной поэзіи, нельзя не остановиться на одной пѣснѣ, принадлежащей къ разряду тѣтъ, которыя поются тѣтомъ и, по имени Петрова поста, называются петровичини. Въ этой пѣснѣ рассказывается, какъ невѣстка подговариваетъ свою золовку спать у нея и какъ потомъ отдаетъ ее одному изъ жившихся четверть братьевъ. «О, невѣстка моя, предательница!»—восклицаетъ дѣвица:—«предала ты меня въ темную ночь, ровно въ полночь! Не знаютъ о случившемся со мною ни отецъ, ни мать. Выпровожала меня ночь темная, сваряжаетъ меня ясный мѣсяцъ, пляшутъ по мнѣ ясныя звѣзды, тоскуешь обо мнѣ зеленая дуброва...⁶⁾».

¹⁾ И видсиль гора
И видтиль гора,
А промижь теми горами
Зходила зоря;
Я жь думавъ зоря;
Я жь думавъ ясна,
А жь то моя молода дичина
По водницю йшла.

²⁾ Розгорися, вечерняя зоре, передъ ранкомъ стол,
Приберися, наша господня, передъ нами желями. (Метл. 322).

³⁾ Ой ти, зирочно вечерняя,
Чому рано не зиходила?
Чомъ місяця не догонила?
Ой я рано ископалася,
На дивчину задивилася,
Якъ дивчина та кувалася....

⁴⁾ Ой упала зоря зъ неба —
Никому свѣтити;
Нема мого миленького,
Немаю зъ кимъ жити!

⁵⁾ Котилася зоря зъ неба, —
Та й впала до дому;
А хто жь мене, молодую,
Проведе до дому?
Проводи, проводи, козаченьку,
Проводи, не барися.

(Метл. 277).

⁶⁾ Кликкала невѣстка зованицю на-ничъ.

Принимъ послѣ каждаго стиха съ послѣдующимъ затѣмъ повтореніемъ двухъ словъ предшествовавшего стиха:

Видоизмѣненія дня. Заря въ малорусской поэзиі не имѣетъ олицетворенія и, кажется, не имѣла прежде особаго названія, кромѣ — утро (ранокъ), передъ разсвѣтомъ (досвѣтокъ), вечеръ (вечирь). Названіе заря хотя употребляется въ настоящее время въ смыслѣ зари (Morgenröthe), но, повидимому, это слово заимствовано уже въ послѣднее время. Раннее утро—самое обычное время въ народной поэзиі. Въ *раннюю пору* (особенно въ недѣлю—въ воскресенье) мать провожаетъ сына въ походъ; *рано* умираетъ козакъ или чумакъ въ дорогѣ; *рано* разбуджаетъ дѣвица милаго, чтобъ ему идти въ дорогу; *рано* начинается свадебное веселье; *рано* мать приходитъ къ дочери изъ далекой стороны; *рано* веселые соловьи поютъ, возвѣщая разсвѣтъ; *рано* кукуетъ зозуля (кукушка); *рано* плачетъ мать по сынѣ и жена по мужѣ, сидя подъ окошечкомъ. Вечеръ и ночь — обычное время любовныхъ свиданій: «не ходи ко мнѣ днемъ», говоритъ молодцу дѣвица, «приходи ночью при свѣчахъ, чтобъ люди не знали» ¹⁾. Это совпадаетъ и съ ходомъ жизни: поселяне днемъ заняты работою, но какъ настаетъ вечеръ, молодые люди обоюго пола собираются вѣсть—гѣтомъ на воздухѣ на улицѣ, вилкою — въ хатахъ на вечерницѣхъ, и тутъ-то, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, поется пѣсонъ, и тутъ происходятъ тѣ любовныя отношенія, которыя воспѣваются въ пѣсняхъ; такимъ образомъ, въ пѣсняхъ любов-

Гей рано моя!

Ой ходи, зовице, до мене на ничь.
 А въ мене компрочка та рубленая,
 А въ мене двери тесовні,
 А въ мене замки та немецкні,
 А въ мене короватъ та новенькая,
 А въ мене постель та биленькая,
 А въ мене положокъ переберчастнї.
 Теменькои ночи, та й опивочи,
 Стукотить, гривотить у компрочки,
 Та мовило моя, та голубко мей!
 Ой татаре йдуть, та мене вивзмутъ!
 Ой зовице моя, та голубко моя!
 Тожь то не татаре, то поночлежнички,
 То поночлежнички—чотири братички.
 Що у свѣму—замки видбивае,
 А въ голубому—двери видчинае,
 А въ зеленому—положокъ пиднявъ,
 А въ чорвоному—тай зовице ваявъ.
 Ой невихно моя, та израдище!
 Израдила мене темкои ночи,
 Темкои ночи та й опивочти.
 Не зна обь мни ни отець ни мати.
 Виправляе мене темкои ночи,
 Варляе мене ясенъ місяць,
 Пляшуть по мни ясні зари,
 Тужить по мни зелена дуброва...

¹⁾ Ой не ходи въ день, не смини людей,
 Приходи въ ночи, при ясніи свѣчи,
 Щобъ люде не знали, та й не осужали.

ныхъ, которыя составляютъ чуть ли не половину всѣхъ существующихъ народныхъ пѣсенъ, болѣе всего чувствуется вечернее и ночное время. Но темная ночь является въ пѣсняхъ и печальнымъ образомъ ¹⁾. Изъ одной галицкой пѣсни оказывается, что рожденіе ночью считалось несчастливымъ для рожденнаго. Женщина говоритъ своей матери: или ты меня родила ночью, что всѣмъ дѣтямъ дала добрую судьбу, а мнѣ лихую ²⁾. Впрочемъ, такое представленіе рѣдко. Вообще ночь въ малорусской народной поэзіи не имѣетъ значенія ни страшнаго, ни убивающаго, ни печальнаго.

Небо носить въ народномъ поэтическомъ языкѣ эпитетъ—высокое; оно же и мѣстопребываніе Бога ³⁾. Оно имѣетъ предѣлы: соколъ, хотя съ трудомъ, можетъ до него долетать ⁴⁾. Въ одной коладѣ Богъ съ Петромъ разговариваютъ о томъ, что болѣе — небо или земля. «Ссучимъ шнурокъ, извѣримъ небо: небо оказывается больше: оно ровнее, а на землѣ горы и долины, разные возвышенія» ⁵⁾. Небо запирается и отпирается, и во всему видно, запирается на зиму и отпирается весною. Въ одной веснянкѣ говорится о вѣсомахъ Урай, который проситъ мать отдать ему ключи отомкнуть небо и выпустить весну, по другимъ вариантамъ росу ⁶⁾. Въ соответствующей (отчасти) бѣлорусской пѣснѣ онъ называется Юріемъ ⁷⁾. Вѣроятно, это Яръ—Ярило, олицетвореніе весны, божество, известное у западныхъ славянъ подъ именемъ Яровита, однозначительный съ скандинавскимъ Фро или Фрикко, какъ олатинизировалъ его Адамъ Временскій, котораго древнее чествованіе осталось въ весеннихъ обрядахъ разныхъ странъ Россіи, и во многихъ отношеніяхъ его личность замѣнилась св. Юріемъ. То же

1) Темная ниченька невѣдая,

Головонька моя бѣдная!

2) Чи ти мене, мати, въ ночи уродила:

У всихъ дітей добра доля, въ мене несчастлива.

3) Боже мій зъ високого неба!

4) Ой високо соколови до неба летати;

Хоть високо не високо—треба долетати.

5) Петро каже: земля больше;

Господь каже; небо больше.

Посучимо шнуръ, змиряймо небо!

Небо больше, що скризъ воно ривне,

Земля маленька, що гори, долини,

Гори, долини, всяки могили.

6) Та Урай матку кличе:

Та подай, матко, ключи,

Одмикнути небо,

Випустити весну.

Или же:

Випустити росу,

Дивоцую красу, и пр.

7) Святий Юрій, Божій посолъ,

До Бога пашовъ,

А узавъ ключи золотые.

Атамкнувъ землю сыресенькую,

Пусьднвъ росу циплюсенъкую.

(Афан. поэт. возвр. сл., на пр. II, 402 обз Уранъ см. Ibid. 437).

понятіе объ отпираниі неба выражается, хотя въ болѣе христіанской одеждѣ, въ карпатской колядкѣ, въ которой разсказывается, какъ по дорогѣ къ небу пришли души къ воротамъ небеснымъ, и одну изъ нихъ Богъ не пустилъ за грѣхи ¹⁾).

Вітєрь въ народной поэзіи представляется олицетвореннымъ, напримѣръ, въ веснянкахъ о Шумѣ и Шумихѣ; къ сожалѣнію, пѣсня эта потеряла древній свой образъ, отъ котораго, вѣроятно, остались, сравнительно въ цѣломъ видѣ, одинъ или два первыхъ стиха ²⁾. Вѣтеръ носить обычные эпитеты — буйный и тихій или (въ Галиціи) повольный; иногда употребляется во множественномъ числѣ; такъ, напр., голубь, вылетѣвъ изъ тумана, ищетъ своей голубки и, встрѣчаясь съ буйными вѣтрами, спрашиваетъ, не видали ли они ее ³⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ приглашаютъ вѣтеръ провожать невѣсту и развѣвать ея косу ⁴⁾; развѣвающіеся волосы—образъ дѣвства ⁵⁾. Вѣтеръ—собесѣдникъ грустной женщины ⁶⁾; она проситъ его развѣять тоску ея и лихую долю ⁷⁾; въ разлукѣ съ милымъ она проситъ вѣтеръ повѣять въ ту сторону, гдѣ находится ея милый, извѣстить его, что она тоскуетъ о немъ ⁸⁾. Призывая милаго къ себѣ, она умо-

¹⁾ По нидь небо е стежайка,
Стежайка ажъ до неба,
Що шли ми нѣвъ три душейки,
Пришли вони передъ небо,
Затуркали о двереньки, и пр. (Чт. 1863. IV. 24).

²⁾ Шумъ ходитъ по диброви,
А Шумиха рябу ловє;
Що вловила, то й провила,
Своїй дочці не вгодила.

³⁾ Литає, голубки шукає,
Зустрівся въ яру міжъ горами
Зъ буйними вітрами.
Ой, ви вітри буйнесенькі;
Ви далече пробували,
Чи не чули, а чи не видали голубки моєї?
— Хочъ и чули, хочъ видали—не знаєть лаял.

⁴⁾ Не вий, вітре, дибровою,
Повій, вітре, дорогою,
За нашев молодю,
Розмай косу...

⁵⁾ Нехай мои чорні кудри буйний вітеръ має;—
Нехай мене, молодю, ніхто не займає.

⁶⁾ Чомусь, моя мила, важенько водикає,
Зъ буйнесенькимъ вітромъ розмовляє.

⁷⁾ Повій, вітре, повій, вітре, по волю, по полю,
Та рознеси, та рознеси мою лиху долю.

Или:

Повій, вітре буйнесенькій, звідки я тя прошу,
Розвій тугу, розвій тугу, що на сердці ному, (Чт. 1864. IV, 328).

⁸⁾ Повій, вітре, у гороньку.
Зъ України у Литовьку,
Занєси вѣсть милому,
Що я тужу по нему.

доблаетъ его вѣтру, обращаясь къ послѣднему и заставляя его отвѣчать на ея обращеніе: какъ трудно вѣять вѣтру черезъ глубокія ущелья, такъ трудно прибывать милому изъ далекаго края ¹⁾. Она проситъ вѣтеръ перевести милому въ чужбину всю любовь, всѣ сладкія воспоминавія ²⁾. Она по вѣянію вѣтра узнаетъ, когда онъ пишетъ письма ³⁾, но также вѣтеръ своимъ вѣяніемъ даетъ ей знать о разговорѣ ея милаго съ иною дѣвицею ⁴⁾. Отданная въ другую сторону замужъ, женщина посылаетъ вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ у ней родные ⁵⁾. Ей грустно на чужой сторонѣ, когда она смотритъ на рощу и замѣчаетъ, что вѣтеръ не колышетъ вѣтвями ⁶⁾. Она проситъ вѣтеръ, чтобы онъ принесъ къ ней родныхъ надалека ⁷⁾. Въ одной пѣснѣ такая грустная женщина пишетъ письмомъ слезами и пересылаетъ съ буйными вѣтрами ⁸⁾. Преступная мать, бросившая свое дитя—плодъ незаконной любви—въ колодець, обращается къ вѣтру, проситъ его покрыть ея преступленіе, нанести тучу съ дождемъ, чтобы дождь залилъ всѣ дорожки и тропинки, чтобы люди не ходили къ колодецу, не будили ея сына ⁹⁾. Но иногда вѣтеръ усиливаетъ грусть и его просятъ затихнуть ¹⁰⁾. Буйный вѣтеръ сопровождаетъ казака въ степи и на морѣ; онъ ему высушиваетъ кудри, расчесавшия терномъ и вымытыя дождемъ ¹¹⁾; иногда онъ бываетъ

1) Повій витре, повій буйний, изъ глубокого яру!

Прибуди, прибуди, мій миленькій, зъ далекаго краю!

Ой радъ би я повивати, та яри глубоки,

Ой радъ би я прибувати, та край далеки!

2) Повій, витре буйнесецькій зъ за крутомъ горі;

Та забери изъ собою усі любощи мої;

Однеси ихъ у чужину, де миленького маю!

3) Витеръ віе, витеръ дуе, калину колише,

Деся мій милий червобривий мина листоньки пише,

4) Витеръ віе, витеръ повивае;

Деся мій милий зъ вшою розмовляе.

5) Повинь, витроньку, зъ гори въ долиноньку,

А зъ гори въ долину, де маю родину.

(Метл. 244).

6) Ой гаю мій, гаю зелененькій,

Що на тобі, гаю, витроньку не має,

Витроньку не має, гилля не колише?

7) Ой повій, витроньку, зъ гори на долину,

Та впрнеси до мене адалека родину.

8) Писала листи дрибинки слезами,

А посилала буйними вистрами

9) Намеси хмарочку, хмарочку чорвеньку,

Та щобъ нимовъ та дрибиний же дождчикъ,

Та щобъ позаливавъ вси стежки-дорожки,

Щобъ туди люди, люди не ходили,

Щобъ зъ колодезя води не носили,

Щобъ мого сына, сына не збудили.

10) Ой не шуми, витре, въ зеленімъ гаю,

Не задавай, жалю, бо я въ чужинѣ краю.

11) Мене, мене, змиють дожди,

А розчесуть густі терни,

А висунуть буйні витри.

и враждебенъ ему, сбиваетъ его съ ногъ въ степи ¹⁾, и на морѣ, когда скроется на небѣ звѣзды, вступить мѣсяцъ въ тучи, подуетъ буйный вѣтеръ, поднимется противная волна черноморская и разбиваетъ врознь козацкія суда ²⁾. Въ одной козацкой пѣснѣ буйный вѣтеръ увидѣлъ козацкія кости на чужой сторонѣ и принесъ ихъ на его родину ³⁾. Самъ удалый молодецъ сравнивается съ буйнымъ вѣтромъ ⁴⁾.

Тучи и облака часто сливаются въ одною словѣ хмара, а большая туча называется черна хмара. Въ пѣсняхъ вообще хмара — образъ житейскихъ препятствій; какъ тучи и облака закрываютъ солнце, такъ разныя неудачи и лишения мѣшаютъ счастью и наслажденіямъ жизни. Дѣвица, которую перестаетъ посѣщать милый по просякамъ враговъ, сравнивается этихъ враговъ съ тучами, закрывающими солнце ⁵⁾. Закрытіе звѣзды чернымъ облакомъ сопоставляется съ положеніемъ дѣвицы, которую мать не пускаетъ къ милому ⁶⁾. Хмара означаетъ также клевету, дурную молву. Молодецъ говоритъ: надъ конни воротами черна хмара, а на мою дѣвицу дурная молва. А я эту черную хмару розмаху перомъ, а худую молву я ни во что ставлю: возьму дѣвицу за себя замужъ ⁷⁾.

Черныя тучи — образъ чего-то непривѣтливаго, недобраго, угрожающаго. Смѣлый козакъ выражаетъ свою отвагу тѣмъ, что не боится ни грома, ни тучи ⁸⁾. Есть употребительная въ нѣсколькихъ пѣсняхъ форма: шла черная туча, шла туча и синяя;— всегда этотъ образъ заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что было горе, а настало еще и горшее ⁹⁾. Туча—гнѣвъ: «видно, что находять тучи—

1) Буйный вѣтеръ въ поли повивае,
Видного козака зъ нигъ вале.

(Макс. ук. д. 44).

2) На неби уси звѣзди пошмарило,
Половина мѣсяца въ хмарѣ вступило,
А изъ низу буйный вѣтеръ повивае,
А по черному морю супротивная фила встаетъ:
Судна козацкія на три части розбивае.

3) А я (говорить вѣтеръ), побачивъ,
Що нивъ въ чужій сторони,
Та принисъ козакови
Кости у ридний край.

4) Изъ за гори буйный вѣтеръ въ за гори,
Прихавъ козаченько въ сторони.

5) За тучами громовими сонечко не сходить,
За вражими ворогами мій милый не ходить.
Ой ви, тучи громовні, розійдигтесь ривно!
Ходи, ходи, мій миленький, хочъ не рано—пизно!

6) Рада бъ зирна вийти,—черна хмара закривае;
Рада бъ дивка вийти,—мати не пускае.

7) Надъ конни воротами черненькая хмара,
А на мою дивчиноньку потоворъ та слава.
А я тую черну хмару перомъ розмахав,
А я тую худу славу за промаху маю,
А я свою дивчиноньку за себе приймаю.

8) Не боється козаченько ни грома, ни тучи:
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчини идучи.

9) Наступала черна хмара,—настала и синя;
Не одбуде синь за батька, а батько за сына.

дождикъ каплетъ; видно, что сердится, — поглядываетъ искоса» поетъ дѣвица, забывъ, что ея милый недоволенъ. Въ одной галицкой пѣснѣ поется: какой чертъ тебя прогнѣвилъ, тотъ пусть тебя и упрасиваетъ; куда черныя тучи ходятъ, туда и тебя пусть носятъ ¹⁾. Здѣсь смыслъ тотъ, что мѣсто, куда уходятъ тучи—мѣсто страшное. Быть можетъ, здѣсь остатокъ первобытнаго мифическаго представленія о борьбѣ свѣтлаго начала съ темными силами, которому выражалось явленіе грозы на небѣ. Есть карпатская колядка, гдѣ представляется, что изъ-за горной равнины выходитъ черная туча; то не туча, говоритъ пѣсня, то—стадо овецъ; впереди него идетъ овчаръ; подпоясана онъ тремя шурками, а за шурками у него три трубы: первая дубовая, вторая оловянная, третья золотая. Слышно по чистому полю, какъ онъ затрубитъ въ дубовую трубу; слышно по лѣсамъ-борамъ, какъ онъ затрубитъ въ оловянную; слышно даже на небѣ, какъ онъ затрубитъ въ золотую ²⁾. Въ этой колядкѣ хотѣтъ польстить козанину овцеводу: представляютъ его очень богатымъ: овецъ у него такое изобиліе, что стадо ихъ кажется тучею. Что касается до трубъ, то это идеализація пастушьаго рожка, подобно тому, какъ идеализацію военной трубы представляетъ колыбельная пѣсня, гдѣ мать воображаетъ себѣ, какъ сынъ ея, достигши совершеннѣтїа и вступая въ козацкое войско, возьметъ съ собою три трубы: въ первую заиграетъ, когда будетъ садиться на боевого коня, во вторую, когда съѣдетъ со двора, а въ третью, когда станетъ въ ряды козаковъ. Подобный образъ выходенія тучъ въ другой колядкѣ (волинской) сопоставляется съ войскомъ ³⁾.

¹⁾ Якій тебе дидько гнивавъ, —
Най та такий просить;
Куди ходять чорни хмари,
Най та туди носитъ.

(Чт. 1864. IV. 390).

²⁾ Ой за гори, изъ-за полонини,
Гой дай Боже!
Виходить же ми чорна хмарочка,—
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой е жъ то ми овецъ гурмочка.
Идежъ передъ нихъ овчарничка,
Заперезався трома ужевками,
А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубинная,
Друга трумбета гей цинволая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути-чути въ чистее поле,
Ой якъ затрубить а въ дубинную,
Ой чути-чути а въ лиси въ бори.
Ой якъ затрубить а въ цинвовую;
Ой чути-чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.

(Чт. 1866, I. 610).

³⁾ По за лисомъ, лисомъ темненькимъ
Виступала чорная хмарочка,
Ой тожъ не хмара—то въ виська пара;
Тамъ (имя, кому коладують) конникомъ игравъ,
Конникомъ игравъ, мичемъ воювавъ.

Въ пѣснѣ о нашествіи турокъ на Почаевъ съ черною тучею сравнивается турецкое войско ¹⁾).

Туча, выступающая по небу, — образъ грядущей бѣды. Въ рекрутской пѣснѣ (Харьк. г.) наступающія тучи означаютъ приближеніе рекрутскаго набора. «Изъ-за темнаго лѣса, изъ-за зеленой рощи выступала туча черная, а другая непогодная; тамъ лежало три дороженьки битыя, слезами политыя; надуть три молодца, впереди Ивасенько: въ правой рукѣ онъ коня ведетъ, а въ лѣвой держитъ листъ бумаги: написано, нарисовано—кому въ службу идти ²⁾).

Подобное начало есть въ другой пѣснѣ, которой содержаніе — прощаніе дочери съ матерью ³⁾).

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго тучи, закрывающія солнце, составляются съ печалью козаковъ о своемъ гетманѣ ⁴⁾).

Скорое исчезновеніе облаковъ служить образомъ прекращенія любовныхъ сношеній ⁵⁾. Туча, но безъ дождя, сравнивается съ лихою судьбою ⁶⁾).

Влюбленный молодецъ, у котораго съ ума не выходитъ возлюбленная, сравниваетъ состояніе своего духа съ нависшими тучами ⁷⁾).

Дождь вообще въ народной поэзіи имѣетъ доброе значеніе и сравнивается со счастьемъ любви, тогда какъ черная туча, исчезающая безъ дождя, озна-

¹⁾ Ой вступає турецьке військо,
Якъ чорная хмара.

²⁾ Изъ-за лису, лису темного,
Изъ-за ганка зеленого,
Виступала туча чорная,
А другая непогодная;
Тамъ лежало три дороженьки,
Три дороженьки та убитні,
Слизоньками та прижитні;
Туди шли три молодція;
Попереду Ивасенько иде,
Въ правій руки кониченька веде,
Въ лівій бийій листъ бумаги несе:
Написано, намалевано—
Кому-кому та у службу йти.

³⁾ Изъ-за лису, лису темного,
Изъ-за ганка зеленого,
Выходила туча чорная,
А другая непогодная...

⁴⁾ То не чорні хмари ясне сонце заступали,
Не буйні витри въ темнімъ лузі бушували,
То козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

(Макс. Укр. Д. 80).

⁵⁾ Кохалися, любилися, якъ голубивъ пара,
А тепера розійшлися, якъ чорная хмара.

⁶⁾ Чи зъ хмарою, чи зъ дождичкомъ, чи зъ лихою долею?
Хочъ зъ хмарою, не зъ дождичкомъ, а зъ лихою долею!

⁷⁾ Ой звисли чорні хмароньки, звисли,
Не зійде мнѣ одна дивчина зъ мисли.

часть разлуку ¹⁾). Дѣвица, приглашая къ себѣ козачка, говоритъ: дождикъ по-ливайчикъ! поливай, поливай, а козачъ къ дѣвицѣ: приходи, приходи!—Радъ бы я поливать, да облачка нѣтъ; радъ бы я приходить, да ночка мала ²⁾). Съ своей стороны дѣвица общается прилѣтѣть къ милому черною тучкою и пасть на его подворье частымъ дождичкомъ ³⁾). Дождь сопоставляется съ бракомъ ⁴⁾, а тучи и громъ, сопровождающіе дождь, съ толками и пересудами людскими ⁵⁾). Дождь—благодать. Выше приводились пѣсни, гдѣ солнце, мѣсяцъ и дождь описываютъ свои благодѣянія человѣку; въ одной колядкѣ—дождь приходитъ въ гости къ юзянну одинъ, безъ небесныхъ свѣтилъ, и общается ему упасть на его ниву въ маѣ три раза: у него родятся рожь, пшеница и всякое хлѣбное зерно ⁶⁾). Въ такомъ же смыслѣ счастья, благодати, дѣвица проситъ дождь полить на ея дѣвичьи символическіе цвѣты—розу, борвннокъ, василекъ, мяту, на ея красу—русую косу и румяное лицо ⁷⁾; а въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-невѣстѣ, умершая мать проситъ Бога пустить ее на землю къ дочери въ видѣ дожда, иглы, сопровождающей дождь, и росы на травѣ ⁸⁾). Подобно тому, въ галицкихъ пѣсняхъ усопшій отецъ невѣсты проситъ Бога пустить его черною тучею, частымъ дождичкомъ и яснымъ солнцемъ въ окно ⁹⁾).

Въ значеніи веселія и радости о пляшущихъ свадебныхъ дружкахъ пѣсня

1) Чорни хмари розійдуться и дождю не буде;
Изъ нашего коханячка ужитку не буде.

2) Дождичку-поливайчику! поливай, поливай,
Козаченьку, до дивчини прибувай, прибувай!
Ой радъ би я поливати—хмарочки нема;
Ой радъ би я прибувати—ниченька мала.

3) Коя не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тоби сама приляну,
По надъ селенько чорновъ хмаровьковъ,
На подвиренько дрибнимъ дождичкомъ. (Чт. 1866. I. 611).

4) Ой, Боже, Боже, погода,
Дрибний дождчикъ, вийди!

5) Ой не пиде дробний дождчикъ безъ тучи, безъ грому;
Ой не вийде дивка за-мижъ та безъ поговору.

6) Та упаду на маи тричи,
Та уродиться жито-пшеница,
Жито-пшеница, всяка пашнища.

7) Стороною, дождичку, стороною,
Та на мою рожу повную,
Та на мій барвннокъ хрещатенькій,
Та на мій василечокъ запашенькій,
Та на мою мяту кучеряву,
Та на мою косу русяву,
Та на мое личко рум'яне.

8) Дрибнимъ дождичкомъ,
У поли мигляцею,
У трави росицею.

(Гильтебр. 277).

9) Зъ чорновъ хмаровъ на село
Дрибнимъ дождичкомъ на землю,
Яснимъ сонечкомъ въ виконце.

(Лозняск. 32).

выражается, что онѣ навели облака своими (движущимися при пляскѣ) одеждами и произвели дождь своими косами ¹⁾).

Роса въ веснянкахъ сравнивается съ дѣвичьей красотой ²⁾. Роса—благодать, называется—Вожія роса. Съ росой сравниваются воли и коровы, означающіе зажиточность поселеннаго ³⁾. Опаденіе росы съ вербы отъ вѣянія вѣтра—утрата дѣвичьей красоты отъ сближенія съ красивымъ молодымъ ⁴⁾. Паденіе росы на волосы дѣвцы—символь потери дѣвства ⁵⁾. Съ лѣтнею росой, скоро исчезающею отъ солнечныхъ лучей, сравнивается скоропреходящая невзгода молодыхъ лѣтъ ⁶⁾.

Туманъ, подобно тучамъ, есть образъ неизвѣстнаго угрожающаго. Изъ тумана выступаетъ молодецъ на бой. Въ одной колядкѣ, очень распространенной, сохранившей, какъ кажется, остатокъ мнѣологическаго міросозерцанія и, быть можетъ, воспринявшей воспоминанія о древнихъ походахъ на Византію, изъ тумана выѣзжаетъ молодецъ на дивномъ конѣ, подъѣзжаетъ къ Цареграду, вызываетъ на бой царя изъ Цареграда: происходитъ битва, и царь, видя его богатство, изъявляетъ желаніе отдать за него дочь, а съ нею половину царства и треть счастья ⁷⁾. Подобно тому, въ пѣснѣ о поединкѣ между козаками Шам-

¹⁾ Наробили хмарно юпочками,
Испустили дождчикъ кисоньками.

²⁾ Выпустити росу,
Дивоцькую красу...
Дивоцькая краса,
Якъ висинна роса.

³⁾ Воли та корови—
То Божа роса.

⁴⁾ Въ концѣ гребли—стоять верби, припали росю;
Не хвалися, дивчинонько, своєю красою;
Бо якъ вѣтеръ повиває—роса опадає,
Якъ приступить гарний хлопцець—красу утерешь.

⁵⁾ Ой ти парубокъ, а я дивчина красна,
Ой ти ниченьку спавъ, а я твои воли пасла;
Упала роса на біле личко;
Не такъ на личко, якъ на русу косу;
Ей Богу, мамцю, винчика не доношу.

⁶⁾ Моя пригода, моя пригода, якъ въ лѣтку роса;
Якъ сонце пригріє, а вѣтеръ повіє—спаде вона вся.

⁷⁾ Изъ поля-поля туманъ утає,
А зъ того туману молодець иде;
Та підъїзжає підъ Царегородъ,
Та викликає царя зъ города:
Ой царю, царю, ввидь на войну!
Якъ вѣзихались—такъ и вдарились;
Ударили копити, якъ громъ на неби,
Засяли шабли, якъ сонце въ хмарн...
Підъ ними кони поприпадали,
Золоти гривни поприлягали,
Турецькій царь другимъ наказавъ:
Ой колибъ я знавъ, чий то сивъ воювавъ,
То я бъ за ёго свою дочерь оддавъ,

раеш и Зарваеш — оба выѣзжаютъ на битву другъ противъ друга изъ тумана ¹⁾.

Въ козацкихъ пѣсняхъ туманъ сопровождаетъ разные случаи, когда предполагается неизвестность и опасность. Мать прогоняетъ сына: въ это время туманъ покрываетъ поле ²⁾. Сынъ пускается въ даль, въ неизвестность. Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, по нѣкоторымъ вариантамъ, сопоставляетъ актъ отважное бѣгство съ образомъ поднимающагося тумана ³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ туманъ, вмѣстѣ съ громомъ и звономъ, предшествуетъ нашествію турокъ ⁴⁾. Въ семейныхъ пѣсняхъ женщина, тоскующая о томъ, что у ней есть родные далеко и отрываются отъ нея, видитъ на полѣ туманъ ⁵⁾. Вьющійся кудрями во дорогѣ туманъ сопоставляется съ лихою долею, которая гдѣ-то бродитъ по дорогѣ ⁶⁾.

Въ общераспространенной пѣснѣ, которая начинается словами: туманъ, туманъ по долинь, и гдѣ описывается, какъ плачетъ дѣвица, которую возлюбленный покинулъ и приглашаетъ къ себѣ на свадьбу съ другою ⁷⁾, — туманъ при другихъ символическихъ образахъ означаетъ грустное расположеніе духа и чувство неизвестности оставленной дѣвицы. Подобно тому, и въ другой пѣснѣ,

Свою дочеръ отдавъ, царство одписавъ:

Половину царства, третину счастья!

- 1) Ой зъ-за гори, зъ-за кругенькомъ густий туманъ уставае...
 А зъ-пидь туману козакъ Шамрай сивимъ конемъ вигравает...
 Ой зъ-пидь гаю, зъ-пидь зеленого густий туманъ уставае,
 А зъ-пидь туману, зъ-пидь густенького козакъ Зарвай стрілае...
 (Метл. 451).

- 2) Туманъ поле покриваетъ,
 Мати сына проганяетъ.

- 3) Не великиі тумани вставали,
 Якъ три брати зъ турецкомъ навоми втикали.

- 4) Ци то въ поли туманъ кнѣтитъ,
 Ци гримъ гремитъ, ци звинъ звенить... (Чт. 1868. III. 41).

- 5) Туманъ полемъ, туманъ полемъ, туманъ туманитъся,
 Хочъ и е въ мене рилъ далеко,
 Та мене цураетъся.

- 6) Туманъ, туманъ по дорози у кучери вѣтється;
 Десь-то моя лиха доля шляхомъ волочетъся. (Метл. 463).

- 7) Туманъ, туманъ по долини,
 Широкий листъ на калини,
 А ще ширший на дубочку,
 Кличе голубъ голубочку...
 За густими за лозами
 Плаче дивка сивозьками.
 „Не плачь, дивко, не журися,
 Ще я, молодъ, не женився:
 А якъ буду женитися,
 Прошу, сердце, диватися,
 Меду-пива налитися“.
 —Твое пиво та не диво.
 Дивниша твоя зрада...

въ которой дѣвица груститъ о своей будущности, съ туманомъ сопоставляется гнетущая сердце тоска ¹⁾. Такой же смыслъ неизвѣстности и грусти имѣетъ пѣсня, описывающая, что изъ тумана вылетаетъ голубь и спрашиваетъ у буйныхъ вѣтровъ, не видали ли они его голубки ²⁾.

Въ любовныхъ пѣсняхъ страннымъ образомъ сравниваются съ туманомъ черныя брови красавицы ³⁾. Но это чуть ли не позднѣйшая перестановка стиха о туманѣ совсѣмъ изъ другой пѣсни, именно той, гдѣ женщина говоритъ, что у ней далеко есть родные, но отрекаются отъ нея.

Громъ въ пѣсняхъ упоминается рѣдко, и обыкновенно съ тучею. Народное воображеніе выдумало громовую стрѣлу, и въ одной пѣснѣ есть это сурьере ⁴⁾. Сонъ дѣвочки, слышавшей громъ, значилъ то, что ея малый былъ убитъ въ чужомъ краѣ ⁵⁾. Пораженіе громомъ — божіе наказаніе. Угнетенные крестьяне изъявляютъ желаніе, чтобы ихъ пановъ поразилъ громъ ⁶⁾. Но въ свадебныхъ пѣсняхъ дождевая туча означаетъ невѣсту, а громъ съ своими раскатами — жениха, котораго сопровождаютъ музыканты ⁷⁾.

Стиль не принадлежитъ къ любимымъ въ пѣсняхъ явленіямъ природы. Малорусскій пѣсенный міръ вращается посреди цвѣтущей весенней и лѣтней природы. Даже въ колядкахъ, которыя поются исключительно зимою, не видно зим-

- 1) Ой на гори дождь иде,
А въ долини туманъ;
На моему серденьку
Туга та печаль.
- 2) Горамъ-рами туманъ налагае;
Помижъ тими туманами сивъ голубъ литае,
Якъ полетивъ свий голубонько помижъ туманами,
Та й зъустрился свий голубонько зъ буйними витрами.
Ви, витроньки, ви буйнесеньки, далече бували:
Чи видали, чи не видали ви моеи пари?
- 3) Туманъ полеми, туманъ полеми, туманочку трошки,
А въ дичини чорни брови, якъ у тиен волошки.
- 4) Ой упала стріла посередъ двора,
Та вбила стріла вдовинного сына.
- 5) Носивсь по за хмарами страшний гримъ:
То забить козаченьку у краю чужимъ.
- 6) Бодай панивъ громи вбили,
Якъ намъ руки потомли.
- 7) Ой говорила туча зъ громомъ.
Чи славень ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ?
Та що ти прийдешъ зъ стукомъ-грюкомъ,
А я за тобою зъ дрибненькимъ дождемъ.
Чи славень ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ,
Чи я славнѣша зъ дрибнимъ дождемъ?
Ой говорила Маруса зъ Иванькомъ:
Ой ходимо, Иванько, до церкивки,
Та що ти прийдешъ зъ музиками,
А я за тобою изъ дружечками;
Чи славень ти будешъ та музиками,
А чи я славнѣша изъ дружечками?

ного времени. Снѣгъ въ пѣсняхъ—иногда образъ терпѣнія. Бѣдный сирота, работникъ, подгибая ноги, идетъ по выпадающему снѣгу и жалуется на мать—зачѣмъ она родила его ¹⁾). Несчастливая въ замужествѣ женщина, вспоминая, что ей лучше было въ дѣвчачь, сопоставляетъ свое положеніе со снѣгомъ, который, выпавъ, растаялъ и сдѣлался водою ²⁾). Въ одной любовной пѣснѣ дѣвица сравниваетъ свою сердечную тоску со снѣгомъ, таяющимъ въ рукѣ ³⁾). Крѣпкій замерзшій снѣгъ сопоставляется съ холодностью сердца къ женщинѣ ⁴⁾), и также съ тоскою и скукою. Образъ падающаго снѣга на замерзшую криницу, у которой козакъ поить коня, а дѣвица наливаетъ ему воду — сопровождаетъ разлуку съ дѣвцею молодца, идущаго въ военную службу ⁵⁾).

Мятедь—символъ непристойнаго брака, брака не кстати. Во полѣ мятедь; зачѣмъ старикъ не женится; какъ ему жениться, когда нѣкому печалиться ⁶⁾). Въ этой пѣснѣ тотъ смыслъ, что такъ какъ прошло для старика время жениться, то на свадьбѣ приличнѣе тосковать, чѣмъ веселиться. Подобный смыслъ въ галичской пѣснѣ, гдѣ подъ образомъ мятели говорится о вступленіи въ бракъ недостойной женщины и отъ нея другой дается жениху совѣтъ покинуть негодную и взять другую—ее, трудолюбивую ⁷⁾).

Морозъ — символъ страданія. Пѣсенный міръ вообще чуждается зимняго времени года, а мороза тѣмъ болѣе. Ой! дай, Боже, дождь, лишь бы не морозъ ⁸⁾),—такъ начинается одна пѣсня. Съ морозомъ, поражающимъ орѣшникъ,

¹⁾ Билій снѣжокъ выпадае,
Бурлакъ нижки підгинае,
Отца невѣрку споминае:
Мати моля старенькая!
На що мене породила—
Счастья-доли не видила?

²⁾ Упавъ снѣжокъ на обличокъ, та ставъ водницею,—
Лучче було дивчиною, чѣмъ молодницею.

³⁾ Ой визьму я снѣгъ у руку—снѣгъ у руки танае,
Тяжко-важко на серденьку, якъ вечеръ настане.

⁴⁾ Упавъ снѣжокъ на обличокъ, та вже не ростане:
Пашовъ би я до иншого—серце не пристане.

⁵⁾ Ой у поли снѣжокъ пролітае,
А въ криници вода замерзае,
Ой тамъ козакъ коня наповнае,
А дивчина воду підливае;
Козакови серденько виливае,
Поиду я государю служити!

⁶⁾ Ой у поли метелиця:
Чому старій не жениться?
Ой якъ ёму женитися,
Що нікому журитися.

⁷⁾ Ой на горі метелиця:
Виддаєся негідниця;
Покинь, покинь негіднику;
Возьми мене, робитишу!

⁸⁾ Ой дай, Боже, дождь,
Аби не морозъ...

сравнивается судьба женщины, у которой недобрый мужъ ¹⁾. Дурное обращение мужа съ женою выражается образомъ, что мужъ водить ее босикомъ на морозъ ²⁾. Морозъ, сдавливающей воду, сравнивается съ сердцемъ, недружелюбно относящимся къ другому сердцу ³⁾. Морозъ, поражающій дубъ,—образъ несчастія козака, котораго постигаетъ необходимость идти въ походъ и разлучиться съ своею милою ⁴⁾. Въ одной пѣснѣ (вѣроятно, купальской, доставленной намъ изъ Подолія) смерть сопоставляется съ морозомъ и представляется танцующею съ морозомъ ⁵⁾.

Огонь въ малорусскихъ пѣсняхъ не принадлежитъ къ часто упоминаемымъ предметамъ и не имѣетъ яснаго символическаго значенія. Общее въ поэзіи другихъ народовъ сравненіе любовнаго чувства съ жаромъ, пламенемъ—почти чуждо малорусской поэзіи, если изъ области ея выбросить пѣсни, недавно уже записованныя. Исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи, между чисто малорусскими пѣснями игра въ «горю дуба», гдѣ на вопросъ: зачѣмъ ты горшишь? слѣдуетъ отвѣтъ: за тобою, или: по тебѣ, молодой ⁶⁾. Въ купальскихъ пѣсняхъ, гдѣ огонь долженъ бы играть важную роль, онъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчается только два раза (да и то въ одной, не чисто купальской), а это такъ-называемыхъ петривочныхъ, которыя нерѣдко смѣшиваютъ съ купальскими; но въ обѣихъ пѣсняхъ дальнѣйшее содержаніе не имѣетъ отношенія къ огню, о которомъ упоминается въ началѣ. Въ первой, послѣ пылающаго дуба слѣдуетъ описаніе, какъ дѣвица бѣлила полотно и воображала себѣ свою будущность—пойдетъ ли она за милого или за немилago ⁷⁾. Содержаніе второй ⁸⁾—шутливое.

1) Зеленеякая лециновья, чого гилья опускаешь?

Молодая молодежи, чого слѣзи проливаешь?

Ой я гилья опускаю, бо морозъ натискае;

Ой я слѣзи проливаю, шо лихого мужа маю.

2) Запорожець, мамо, запорожець

Водивъ мене босу на морозень!

3) Витерь віе, вода шумить—морозъ натискае,

Твое серце мому серцю вирне не спріае. (Чт. 1863. IV. 269).

4) Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде!

Убирайся, козаченько, завтра походъ буде!

Я морозу не боюся—вранци розвивюся:

Я походу не боюся—вранци уберуся.

5) Смерте, смерте, иди на лиси,

Иди на безвисть, иди на море,

И ти, морозе, великий, лисий,

Не приходи до насъ зъ своей комори!

Смерть зъ морозомъ танцювала

И на море десь погнала.

6) Горю, горю дубе.

Чого ти горшишь?

Краснои дивиди.

Яков?

Тебе молодон.

7) Ой гори, гори, сухой дубе!

Паше поломья зъ тебе дуже.

8) На Купала огонь горить

Нашимъ хлопцямъ живить болить.

Въ веснянкахъ огонь встрѣчается нѣсколько разъ и притомъ въ непонятныхъ образахъ. Въ одной говорится, что дѣвица въ день Преполовенія погнала стадо рогатаго скота, потеряла корову и зажгла ¹⁾ дуброву. Еще загадочнѣе другая веснянка, гдѣ представляется, что дѣвица зажгла дубраву своею блестящею одеждою ²⁾. Изъ третьей веснянки можно предполагать, что тутъ есть какая-то связь съ веснянкою о воротарѣ (см. ниже). Такимъ образомъ, въ игрѣ, которую сопровождаетъ пѣніе веснянки о воротарѣ, дѣвицы носятъ на протянутыхъ рукахъ ребенка; въ другихъ мѣстахъ та же игра—хождение съ ребенкомъ, и непремѣнно жевскаго пола, на протянутыхъ рукахъ—сопровождается пѣсней о зажженной дубровѣ, и погашеніе этого пожара приписывается лицу ³⁾, которое изображаетъ носимая на рукахъ дѣвочка. Это, должно быть, обломки древняго мифологическаго представленія, относящагося къ почитанію солнца, огня и воды, наиболѣе выразившагося въ весеннихъ празднествахъ. Быть можетъ, зажигающая дѣвица была образъ солнечной палашей силы, а гасящая вода,—дождь, обращающій палашую силу въ плодотворную. Одежда дѣвицы, зажигающая своимъ блескомъ дуброву, вѣроятно, есть тѣ же ризы, которыя въ колядакахъ, по однимъ вариантамъ, просто госпожа, а по другимъ—Богородица, бѣлила на Дунай, и которыя вѣтры унесли на небеса на одѣяніе Богу ⁴⁾, тѣмъ болѣе, что

1) У преполовну середу
Погнала дивка череду,
Та загубила корову,
Та запалила дуброву?

2) Ой шла дивонька черезъ двуръ, черезъ двуръ,
На вен суконька въ девять пугъ, въ девять пугъ;
Стала суконька сляти, сляти,
Стала диброва палати, палати.
Идти, парубки, диброви гасити, гасити;
Решетомъ водицю носити, носити,
Скільки въ решети води е, води е,
Стільки въ парубкивъ правди е, правди е.

Потомъ опять повторяются первые четыре стиха, а затѣмъ поется:

Идти, дивоньки, диброви гасити, гасити,
Кубонькомъ водицю носити, носити;
Скільки въ кубоньку води е, води е
Стільки въ дивочокъ правди е, правди е.

3) Ой вербовая дочечка, дочечка,
Тамъ ходила Настечка, Настечка,
Та цебромъ воду носила, носила,
Зелену диброву гасила, гасила,
Скільки въ цебри води е, води е,
Стільки въ дивочокъ правди е, правди е.

Потомъ повторяются первые два стиха, а за ними:

Решетомъ воду носила, носила,
Зелену диброву гасила, гасила;
Скільки въ решети води е, води е,
Стільки въ парубкивъ правди е, правди е.

4) На тихимъ Дунаи, на крутимъ березку,
Тамъ господиня ризи билила...

въ другой коладкѣ самый праздникъ Рождества представляется въ видѣ огненнаго дива ¹⁾, что дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что праздникъ Рождества замѣнилъ языческія празднованія—возвращенія или возрожденія солнечной ялящей силы. Съ образомъ зажженной дубровы состоитъ въ переносной связи пѣсня о курящейся дубровѣ, съ которою сравнивается дѣвица тоскующая ²⁾.

Въ одной веснянкѣ поется о пожарахъ (т.-е. огняхъ) на пятой недѣлѣ великаго поста ³⁾. Здѣсь можно было бы разумѣть обычай выжигать на степяхъ сухую прошлогоднюю траву раннею весною, но такъ какъ это не единственный признакъ огня въ веснянкахъ, то и въ этой пѣснѣ скорѣе надобно видѣть указаніе на древнее значеніе огня въ языческія времена. Игра «горю дуба», о которой мы упоминали, относится къ тому же.

Въ одной пѣснѣ пыланіе зажженной соломы сооставляется со смертью дѣвицы ⁴⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста говоритъ матери: загребай, матушка жаръ: будетъ тебѣ жалко дочки ⁵⁾. Здѣсь, кажется, та мысль, что когда мать будетъ тошнить нечъ, то пожалѣетъ о своей дочери, вспоминая, какъ она раздѣлила и

Ой десь узались буйніи витри,
Та взяли ризи падъ небеса,
Вси небеса ровчинилися,
А въ тні ризи самъ Богъ убрався.

- 1) Уси святіи ослономъ сили,
Тильки немає святого Ряздвѣ.
Рече Господь святому Петру:
„Петре, Петре, послуго моя!
„Пиди принеси святее Ряздво“.
Не вѣйшовъ Петро якъ пивъ-дороги,
Здѣбало Петра чудо чуднее,
Чудо чуднее, огнемъ страшное.
Петро злякнувся, назадъ вернувся.
Рече Господь до святого Петра:
„Ой Петре, Петре, послуго моя!
„Чожъ ти не принишь святого Ряздва?“
— Ой здѣбало мене чудо чуднее,
— Чудо чуднее огнемъ страшное!
— А я жакнувся, назадъ вернувся.—
„Ой не естъ то, Петре, ніяке чудо,
„А то естъ святее Ряздво:
„Було ёго взяти, Петре, на руки,
„Сюди принести, на стіль покласти.
„Зрадовались би уси святіи,
„Що передъ ними Ряздво сило“.

2) Зелененькая дибриновья, чомъ не горнишь, тильки курнився?
Молодая дивчинья, чомъ не живешъ, тильки журнився?

3) Пожари горили
На билій недѣли.

4) Роспалю я куль соломи, не горить—палае.
Бижи, бижи, козаченьку,—дивчина вмирае.

5) Загрибай, мати, жаръ, жаръ,—
Буде тоби дочки жалъ, жалъ.

облегчала труды матери.—Дѣвица сравниваетъ сожалѣніе молодца о томъ, что она не вышла на улицу съ горящими угольями тогда, какъ она не топила печи и ничего не варила ¹⁾. Здѣсь топка печи и варка сопоставляется съ выходомъ на улицу и бесѣдой дѣвицы.

Горящая свѣча символизируетъ доброе желаніе и какъ будто заключаетъ въ себѣ таинственную силу помощи. Дѣвица хочетъ зажечь свѣчу и послать къ Богу, чтобы ея милому былъ счастливый путь ²⁾. Козакъ проситъ дѣвицу засвѣтить восковую свѣчу, пока онъ перейдетъ въ бродъ быстрюу рѣку ³⁾. Въ одной веснянкѣ поется о зажженныхъ свѣчахъ предъ солнцемъ и предъ мѣсяцемъ ⁴⁾. Не было никакого повода возникнуть такому образу въ христіанскія времена, притомъ же этотъ образъ встрѣчается въ весеннихъ пѣсняхъ, въ которыхъ болѣе сохранилось слѣдовъ глубокой старины. Поэтому мы думаемъ, что символизмъ свѣчи (или вообще свѣтильника) въ малорусскихъ пѣсняхъ не возникъ изъ христіанскихъ пріемовъ, а составляетъ одинъ изъ признаковъ древняго языческаго міросозерцанія.

Сгорѣніе — образъ невозвратной потери. Несчастнѣйшій сирота спрашиваетъ свою судьбу: не утонула ли она, или не сгорѣла ли? Если утонула, то проситъ приплыть ее къ берегу, а если сгорѣла, то ему остается только сожалѣть ⁵⁾.

Четыре времени года въ малорусскихъ пѣсняхъ выразились неравно. Какъ мы уже сказали, зима почти ускользаетъ изъ нихъ; зимнихъ образовъ нѣтъ даже въ колядкахъ, которыя поются исключительно въ зимнее время. То же и съ осенью, хотя это веселое время свадебъ ⁶⁾ и вечер-

- 1) Не топила, не варила — на припичку жаръ, жаръ,
Якъ не выйду на улицу, — комуся буде жаль, жаль.
- 2) Ой засвичу яру свичу, та пошлю до Бога,
Та щобъ мому миленькому счастлива дорога.
- 3) Ой засвичи, двичионько, восковуу свичу:
Нехай же я перебреду сю биструю ричку.
- 4) Засвичу свичу
Проти сонечка.
Тихо йду,
А вода по камню.
А вода по білому,
Ище тихше.
Засвичу свичу
Проти мисяца.
Тихо йду, и пр.
Не горить свича
Проти (т.-е. въ сравненіи съ свѣтомъ солнца) сонечка,
Тихо йду, и пр.
Не горить свича
Проти мисяца,
Тихо йду.
- 5) Чи ти въ води потонула, чи въ огни згоріла?
Коли въ води потонула — приплинь къ береженьку,
Коли жъ въ огни погоріла — жаль мому серденьку.
- 6) А Маруся Ивасеви рученьку даіа:

ницъ ¹⁾, сборищъ молодежи обоого пола, происходящихъ не подъ открытымъ небомъ, а въ хатахъ, о чемъ вскользь сообщаютъ и пѣсни. Время глубокой осени живо представляется только въ одной шуточнѣй пѣснѣ, гдѣ о молодцѣ, любителя пережѣвннхъ сердечныхъ ощущеній, говорится, что онъ прозябъ какъ песь, стоя подъ окномъ, и промокъ какъ волкъ, шатаясь по улицѣ ²⁾. Самое любимое время—весна, которой посвященъ цѣлый рядъ пѣсенъ—веснянки или (въ Подоліи и въ Галиціи) гавки. Признаки весенней природы разсѣяны въ этихъ пѣсняхъ повсюду: разлитіе водъ, разживаніе деревьевъ, сѣяніе лѣбныхъ и огородныхъ растений, пѣніе птицъ и болѣе всего—беззаботная, игривая веселость, отгнѣваемая, однако, сумракомъ ожиданія житейскихъ невзгодъ ³⁾, верѣдко наситѣливая, сообразно малорусской натурѣ ⁴⁾. Последнее качество высказывается въ цѣломъ рядѣ пѣ-

Отсежь тобі, Ивасеньку, рученька моя;
Яко дидемо до осени—буду я твоя!

Или:

Ой коли бъ намъ у осени на ручничку стати,
Не разлучать насъ зъ тобою ни отецъ, ни мати.

¹⁾ Уже минули суниченьки и полуниченьки,
Уже настали осинні та вечериченьки. (Метр. 328).

²⁾ Измерзъ якъ песь, нидъ виконечкомъ стоя;
Промокъ якъ вовкъ, по улицяхъ хода.

³⁾ Розлилися води на четири броди,
(Припѣвъ): гей дивки, весна красна, зилья зелененьке.
У першому броди зовули ковала;
У другому броди—соловейко шебече,
У третѣму броди—сонюлочка грае,
Въ четвертому броди—дивчина плаче.
Зовуленька куче—литетько чуче,
Соловейко шебече—сади розживае,
Сонюлочка грае—улицю скликае,
Дивчина плаче—недоленку чуче,
Недоленку чуче, за нелюба йдучи.

Или:

Ой чижку, мала пташечко,
Скажи мни щирю правдочку,
Кому воля, кому нема воленьки:
Дивонькамъ своя воленька:
То за стричечку, то за виночокъ,
То на улочку, то у таночокъ.
Молодичкамъ нема воленьки:
На припичку горщикъ бжитъ,
У заличку буркунъ сидить,
У колісца дитя кричить.
Горщикъ каже—одставъ мене,
Буркунъ каже—укрий мене,
Дитя каже—росповий мене.

⁴⁾ Спывали дѣвочки, спывали,
Въ решето писеньки складали,
Тай повисли на верби;
Якъ налинули горобци—

сень, гдѣ дѣвицы подсмѣиваются надъ молодцами, самниъ себя изображаютъ въ хорошемъ свѣтѣ, а ихъ въ комическомъ видѣ ¹⁾).

Значительная часть этихъ пѣсней сопровождается игроми сценическаго свойства. Должно быть, въ языческое время многія изъ нихъ были религіознымъ освященіемъ разныхъ занятій, предстоящихъ въ наступающее лѣто ²⁾). Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь сѣяніе проса, жита, льна, мака, гороха, пасеніе скота; въ число такихъ занятій входила и война, какъ показываетъ одна веснянка, въ которой дѣвицы, разбиваясь на двѣ половины, показываютъ видѣ, что идутъ воевать однѣ противъ другихъ и поютъ: «пустите насъ воевать этотъ свѣтъ! Не пустимъ, не пустимъ ломать мосты—отвѣчаютъ другія. А мы какъ заготовимъ—мосты разломаемъ и заберемъ всѣ деньги» ³⁾). Игра въ зайчика съ пѣсенкою, гдѣ изображается пойманный зайчикъ ⁴⁾), указываетъ на охоту. Многія игры и пѣсни изображаютъ событія семейной жизни. Есть пѣсни, въ которыхъ весна представляется олицетворенною. Ее торжественно приглашаютъ (закликаютъ), обращаясь къ какой-то матери съ пригѣвомъ, безспорно языческимъ: ой лелю-ладо ⁵⁾),—пригѣвомъ, который вообще употребляется при многихъ ве-

Звалили решето до долу:
Чась вамъ, дивочки, до дому,
Мишати свинямъ полову;
А ви, хлопци, за нами,
Ижьте полову зъ свинями!

¹⁾ Ой наши парубки
Похали на лови,
Та вловили комаря,
Стали ёго дилити:
Сему-тому по стегну,
А Микити тулупецъ,
Що хороший молодець;
А Василеви голова,
Що великий безъ ума;
А Йвасеви хвостиче,
Що великий хвостиче.

²⁾ Ой збирайся, родино,
Щобъ намъ жито родило,
И житечко и овесь,
Ой збирайся ридь увесь;
И пшеница и ячмень,
Щобъ намъ жать було смашній.

³⁾ Пустите насъ, пустите насъ сей свить воювати,—
Не пустимо, не пустимо мости шоламати.
А ми якъ схочемо—
Мости поломимо,
То вси гроши заберемо.

(Чтен. 1864. III. 191).

⁴⁾ Зайчику сиренький,
Зайчику биленый,
Якъ зажену зайчика
Клвнцемъ булавачкомъ,
Та нкуда зайчику вискочкты.

⁵⁾ Благослови, мати,

снянкахъ. Въ другой веснянкѣ, обращаясь къ веснѣ, приглашаютъ развиваться дуброву ¹⁾. Въ третьей поется: «о, весна, весна, съ красными днями! Что ты намъ принесла? Я принесла вамъ лѣто, зелень хлѣбную, хрещатый барвинокъ, пахучій василекъ» ²⁾. Въ четвертой перечисляются занятія, ожидающія людей разнаго возраста—дѣтей, стариковъ, старухъ, хозяевъ-земледѣльцевъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ ³⁾. Сама весна изображается матерью: у нея дочь—дѣвица; она, сидя въ садикѣ, шьетъ рубашку къ своей свадьбѣ ⁴⁾, или, выгнавъ бычка за ворота, прядетъ, съ намѣреніемъ употребить пряжу отцу на полотенце, матери на серпанокъ (головное бѣлое покрывало) ⁵⁾, а милому на подарокъ ⁶⁾. Эта весна или же, можетъ быть, дочь ея—веснянка—олицетворяется въ игрѣ; дѣвицы выбираютъ изъ среды своей самую красивую, обвѣщиваютъ ее всю зеленью, на голову кладутъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, сажаютъ на возвышенномъ мѣстѣ, а передъ нею кладутъ кучу вѣнковъ. Всѣ поютъ и пляшутъ передъ нею. Потомъ она бросаетъ на воздухъ вѣнки, и дѣвицы должны ловить ихъ. Такой вѣнокъ сохранялся до будущей весны, какъ память прошедшей весны, если дѣвица не выходитъ замужъ до будущаго года. Вѣроятно, всѣ эти представленія олицетворенной весны какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ играхъ истекаютъ изъ глу-

Ой лелю-ладо, мати!

Весну заливкати,

Зяму провозжати.

1) Ой весно, весно, веснице,

Часть тобі, диброво, розвѣтися.

2) Ой весна, весна, днемъ красна,

Що ты намъ, весна красна, пранесла?

Принесла вамъ лѣтечко,

Зеленее житечко,

Хрещатенькій барвиночокъ,

Запахненій василечокъ.

3) Ой весна, весна, що намъ принесла?

Ой принесла тепло й добре лѣтечко,

Малимъ дѣткамъ ручечки бити,

А старимъ дадамъ раду радити,

А старимъ бабамъ посиданьячко,

А господарямъ поле орати,

А молодцямъ кросенди ткати,

А дивонькамъ та й погуляти!

4) Весна, весна весняночка,

Де твоя дочка паняночка?

Моя дочка у садочку,

Шне вона сорочку

Шовкомъ та бвлью,

Къ своему весилью.

5) Весна, весна весняночка,

Де твоя дочка паняночка?

Погнала бичка за воритечка:

Пасяся бичку, поки спрѣду мичку

Свому батецьку на рукавичку,

Свойй матици на серпаночокъ,

6) Свому миленькому на подарочокъ.

бокой языческой древности. Вѣроятно, также слѣдуетъ видѣть остатокъ древняго мифологическаго изображенія наступающаго лѣта или начала плодотворной дѣятельности солнца въ видѣ новорожденнаго младенца—въ веснянкѣ, соединенной съ игрою, называемою воротарь, распространенной во всемъ малорусскомъ краѣ, и во многихъ мѣстахъ или вовсе потерявшей названіе воротаря, или измѣнившей его на «володаря». Зовутъ привратника (воротаря). Онъ спрашиваетъ: кто тамъ у воротъ кличетъ? Царская (или панская) слуга. Что принесла? Крошечное дитя.—Въ чемъ оно посажено? Въ золотомъ креслѣ.—Чѣмъ оно играетъ? Серебряными орѣшками.—Что оно подкидаетъ вверхъ? Золотое яблочко¹⁾. Точно также древнее представленіе упадающей и снова воскресающей въ теченіи круга годичнаго силы солнца образомъ умершаго и ожившаго человѣческаго существа—отразилось въ игрѣ Кострубонько, съ соотвѣтствующими пѣснями²⁾, которыя, однако, въ настоящее время уже сильно разложились. Этотъ Кострубонько—то же, что великорусскій Ярило, или сохранившееся въ нѣкоторыхъ великорусскихъ мѣстностяхъ безымянное погребеніе весны. Пѣсня говоритъ: «умеръ, умеръ Кострубонько (уменьшительное отъ Кострубъ—вечоса, насмѣшливое прозвище,

¹⁾ Воротаря, воротарю?

Хто, хто у ворить кличе?

Царская (или панская) служетка.

А що въ неѣ принесено?

Мизильнее дитя.

А въ чѣмъ воно посажено?

Въ золотимъ креслѣ.

А чѣмъ воно цятається?

Срибними орѣшками.

А чѣмъ воно подкидається?

Золотимъ яблужкомъ.

Или:

Володарь, володарь,

Чи дома господарь?

Та нема ёго въ дома:

Понхавъ по дрова.

Церква замкнана.

Церква одмикана...

А хто въ теѣ церквини?

Золотее дитятко.

А що зъ воно робить?

Золотого ножика держить.

А що воно крає?

Срибнее яблочко.

(Вить Подол. Шейк., ч. 1, 27).

²⁾ Умеръ, умеръ Кострубонько,

Умеръ, умеръ голубонько.

Умеръ та ѣ не дше...

Кострубонька поховали,

Ниженьками притоптали.

Прийди, прийди, Кострубонько,

Стану зъ тобою на шлюбоньку,

Унедилю въ недилочку,

При раннѣму снѣданьчкѣ.

безъ сомнѣнія, явившееся вполнѣдствіи, подѣ внушеніемъ христіанскаго презрѣнія къ языческимъ празднествамъ и забавамъ), умеръ голубчикъ, умеръ и не дышетъ» (только... колышетъ, прибавляютъ молодцы, тѣмъ самымъ подавая поводъ искать связи Кострубовька съ великорусскимъ непристойнымъ Ярилою и съ древнимъ мнѳологическимъ символизмомъ дннгама и фальлуса, особенно съ египетскимъ мнѳомъ о воссозданіи умерщвленнаго Тифномъ Озириса изъ его дѣтродныхъ частей, спасенныхъ Изидою); его похоронили, приптали ногами. Это одна половина пѣсни. Другая представляетъ Кострубовька ожившимъ и говоритъ о бракѣ Кострубовька: «приди ко мнѣ, Кострубовько, вступи въ бракъ со мною въ день недѣльный, при раннемъ завтракѣ». Въ западной Малороссіи игра въ Кострубовька сопровождается неоднократными восклицаніями «Христокъ Воскресе», что еще болѣе побуждаетъ предполагать, что въ древности пѣсня эта со сценическими дѣйствіями выражала такой образъ, который, по внѣшнимъ признакамъ, имѣлъ сходство съ христіанскимъ представленіемъ о смерти и воскресеніи Христа.

Лѣту также посвящены особые разряды пѣсенъ—троицкія, петровочныя, купальскія, наконецъ, пѣсни, сопровождающія сельскія работы—гребецкія и заживныя. Всѣ носятъ на себѣ признаки времени года. Здѣсь встрѣчите короткую ночь, которая не дала дѣвницѣ выспаться ¹⁾, вѣнки изъ дѣтнихъ цвѣтовъ, купанье ²⁾, высокую траву въ саду, гдѣ могутъ скрываться волки ³⁾, и бѣленье полотень ⁴⁾, и комаровъ, которые кусаются ⁵⁾; здѣсь являются и русалки ⁶⁾—

¹⁾ Мала ничка петровочка—

Не виспалась наша дѣвочка.

²⁾ Купалочка купалася

На бережку сушилася.

³⁾ А въ мого батька садъ надъ водою,

Садъ надъ водою—зилья горю,

А въ тому зилью вовки завилн.

⁴⁾ Тамъ Катерина билъ билала,

А билачи говорила:

Биле мое, биле крамне, тоненьке.

⁵⁾ Та вже три дни три недели,

Якъ мого нелюба комари зьяли

Или:

Та вже сонце на горн:

Кусаються комари.

⁶⁾ Сидли русалки

На кривій берези;

Просили русалки

Въ дѣвочокъ сорочокъ,

Въ молодницъ наметокъ:

Хочъ вона худенька,

Та аби бѣ биленька.

Или:

Проведу я русалочку до бору,

Сама я вернуся до дому.

Ой коли жъ ми русалочки проводили,

Щобъ до насъ часто не ходили,

Та нашого жятечка не ломали.

(Метл. 309).

эти фантастическія существа, въ поэтическомъ міровоззрѣніи народа составляющія принадлежность лучшаго періода лѣтнаго времени. Лѣтнее время, особенно до начала работъ, такъ называемой рабочей поры—время веселое. Дѣвица жалуется, что она не видала лѣта, что для нея ни кукушка не куковала, ни соловьи не щебетали,—ее мать не пускала гулять на улицу ¹⁾. Мы не встрѣчали олицетворенія лѣта съ именемъ лѣта, какъ весны, но есть пѣсня, гдѣ олицетворяется петровка, т.-е. время Петрова поста, срединное лѣто, обыкновенно время наибольшей солнечной силы и высшаго блеска природы. Дѣвицы встрѣчаютъ петровку и заплетаютъ ей русую косу; потомъ проводятъ ее и расплетаютъ, когда кукушка прячется въ капусту, т.-е. перестаетъ куковать ²⁾.

Земля—мать; обыкновенный ей эпитетъ—матушка сырая земля. Она—символь богатства и изобилія. Она запирается и отпирается какъ небо. Это отпирание, символизующее весеннее оживленіе природы, совершается въ одной колѣдкѣ святымъ Юріемъ, вѣроятно, замѣнившимъ, подъ христіанскимъ вліяніемъ, другое мифическое лицо ³⁾. На свадьбахъ говорятъ такое обычное привѣтствіе: будь здорова какъ вода, а богата какъ земля.

Земля—главное мѣстопробываніе умершихъ. Повидимому, пѣсенный міръ, насколько онъ еще пребываетъ съ языческимъ міросозерцаніемъ, за предѣлами земли, не знаетъ никакого общаго для всѣхъ отжившихъ мѣстопробыванія. Иногда пѣсня встрѣчаетъ ихъ въ деревьяхъ, птицахъ, камняхъ, но чаще всего ищетъ ихъ въ землѣ,—той самой землѣ, куда живые положили ихъ послѣ смерти; пѣсня заставляетъ ихъ изъ-подъ земли вести разговоры съ ходящими по землѣ и приписываетъ имъ такія ощущенія, какія бы могъ имѣть живой человѣкъ,

¹⁾ На моря вода хитається,

Дивчина лита питається:

— Ой молоди молодни,

— Чи були ви на юлиці?

— Ой чи було літо, чи не було;

— Чомусь мині невеличке воно?

— Ни зозуленьки не кували,

— А ни соловейки не щебетали;

— Мене мати гулять не пускала!

²⁾ Ой коли ми Петрівочки дивдали,

То ми їй русу косу заплитали;

Теперь же ми Петрівочку проведемо,

Ми жь їй русу косу расплетемо..

Ужеж тая Петрівочка минається,

Зозуля у капусту ховається.

³⁾ Ой вставай, пане, вельми рано,

И самъ уставай и челядь буди.

По твою полю самъ Госпидь ходить,

Самъ Госпидь ходить—три святци водить;

Ой першій святець—святий Юрья,

А другій святець—святий Петро,

А третій святець—святий Илья:

Святий Юрій—землю одминає,

Святий Петро—жито зажинає,

А святий Илья—въ копи складає.

положенный въ могилу и остающійся тамъ съ призывами жизни. На свадьбѣ сиротѣ-невѣстѣ поютъ, что она проситъ къ себѣ на пирь умершаго родителя или мать: умершіе подають ей голосъ не съ неба, не изъ рая, но также не изъ ада,—чего можно было ожидать отъ народа, много вѣковъ исповѣдующаго христіанскую вѣру,—они отвѣтъ дають изъ земли; они сообщаютъ дочери, что хотѣли бы придти къ ней да не въ силахъ: на грудь имъ земли навалили, глаза ихъ засыпаны пескомъ—нельзя имъ глянуть, уста ихъ запеклись кровью—не могутъ они проговорить слова ¹⁾. То же говоритъ и умершій отецъ женига, если женихъ не имѣетъ родителей ²⁾. Умершій молодецъ также изъ глубины земли говоритъ своей милой, чтобъ она не плакала по немъ, стоя на его могилѣ, и не сыпала бы на него земли, потому что сама она знаетъ, что тяжело подъ землею ³⁾. Въ другомъ варіантѣ этой же пѣсни прибавляется еще матеріальнѣе: тяжело сердцу и животу ⁴⁾. Въ иной пѣснѣ, очень распространенной, овдовѣвшій отецъ носитъ на рукахъ ребенка надъ могилою своей жены и взываетъ къ ней, чтобъ она встала, потому что расплакалось дитя. Умершая изъ-подъ земли отвѣчаетъ: «пустъ оно плачетъ: оно перестанетъ, а мать не встанетъ изъ могилы; пустъ оно плачетъ; оно перетерпитъ, а матери никогда не будетъ» ⁵⁾. Подобно тому въ пѣснѣ о чумаки, умершемъ во время путешествія и погребенномъ въ зеленомъ буеракѣ, мать въ видѣ кукушки прилетаетъ на его могилу и проситъ подать ей правую руку. «Я бы радъ былъ и обѣ руки подать,—отвѣчаетъ ей умершій,—да насыпали сырой земли—поднять не могу» ⁶⁾. Такой способъ воззрѣнія указываетъ на ту отдаленную эпоху первобытнаго человѣческаго развитія, когда, похоронивъ себѣ подобное существо, люди, не успѣвшие

1) Прибуди, прибуди, мій таточку (моя матинка), тепера ко мнѣ.

Ой дай мнѣ порадоныку бидній сироти!
Ой рада бѣ я, дитя мое, прибути къ тоби:
Насыпано сиромъ земли на груди мнѣ,
Засыпани пескомъ очи—не гляну къ тоби,
Захыпани уста кровью—не моваю къ тоби.

2) Ой радъ би я соловейкомъ прилетати,
Придавила сыра земля, та не могу встати.

3) Не стій на могилѣ, не плачь надо мною,
Не плачь надо мною, не сыпай землю,
Сама мила знаешь, що важко нидь нею!

4) А моя могила край Дунаечку,
Ой край Дунаечку—тяжко на сердечку.
Не стій на могилѣ, не кидай писочку,
Бо з тяжко и важко сердцю й животочку.

(Метл. 72).

5) Та встань мила, та встань, дорогая,
Росплакалась дитина малая!
Нехай плаче—воно перестане,
А матинка изъ земли не встане!
Нехай плаче—воно неребуде,
А матинки до вѣку не буде!

6) Прилетѣла зозуленька, та й сказала: куку!
Подай, сину, подай, орле, хочь правую руку.
Ой радъ би я, моя мати, обидвѣ подати:
Насыпано сирій земли—не можно пидняти.

расширить своего мыслительнаго горизонта до созданія болѣе сложныхъ и свободныхъ образовъ, воображали себѣ умершихъ съ признаками жизни тамъ, гдѣ оставили ихъ трупы, и для этого, погребая мертвыхъ, клали съ ними съѣстные припасы. Первобытныя вѣрованія угасли, но представленія, соединенныя съ этими вѣрованіями, удержались и въ противоположность христіанскимъ понятіямъ, которыя мало отразились въ пѣсняхъ. Эти древнія представленія въ настоящее время имѣютъ значеніе какъ бы отрицанія всякаго существованія послѣ смерти и погребенія, по крайней мѣрѣ, такъ само собою показывается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ отъ имени умершей жены, которую мужъ умоляетъ встать, говорится: еще никто не видѣлъ того, чтобы умершій всталъ изъ навъ ¹⁾. Нава, очевидно, какая-то область мертвыхъ; но эта область не что иное, какъ глубина земли. Вышеприведенныя слова пѣсни показываютъ, что, по народному воззрѣнію, въ этой навѣ лежатъ безъ движенія.

Любовники въ своихъ взаимныхъ обѣтахъ надѣются жить вмѣстѣ только на этомъ свѣтѣ; о мечтаніяхъ за гробомъ нѣтъ и помину: ихъ на вѣкъ разлучаетъ заступъ, лопата, дубовая хата, глубокая могила и высокая насыпь ²⁾.

Впрочемъ, народная фантазія, какъ извѣстно, допускаетъ иногда и явленіе умершихъ между живыми; самое слово нава близко съ стариннымъ словомъ навъ—мертвецъ, но этотъ навъ все-таки имѣлъ пребываніе въ землѣ (навъ изъ гроба исходящій); съ перемѣною буквы *н* въ *ж* образовалось слово жавки—русалки, несомнѣнно тѣни умершихъ, пугавшія живыхъ людей, но ихъ постоянное жилище въ той же землѣ, почему онѣ и называются «земляночки» ³⁾. Встрѣчаемый въ пѣсняхъ образъ превращеній въ деревья и травы также не выводитъ умершихъ изъ земли болѣе того, насколько корень растенія остается въ землѣ. Такимъ образомъ, все указываетъ, что, по древнимъ понятіямъ, преимущественное и общее для всѣхъ отжившихъ пребываніе было въ землѣ. Согласно этому представленію, земля, въ пѣсняхъ, есть послѣднее желанное убѣжище для страданія. Въ валорускихъ пѣсняхъ несчастный не боится смерти и не льститъ себя надеждами благополучія на томъ свѣтѣ: онъ надѣется на одну дѣйствительную успокоительницу—землю. Къ ней припадаетъ и проситъ принять себя сиротка-дѣвица, у которой земля уже приняла дорогихъ родителей ⁴⁾. Въ ней

¹⁾ Та ще того никто не видавъ,
Щобъ умершій зъ навѣ вставъ.

²⁾ Вже насъ не розлучать ни пиць, ни громада,
Тільки насъ розлучить заступъ та лопата.
Заступъ та лопата, дубовая хата,
Глибокая яма, висока могила!

³⁾ Русалочки-земляночки
На дубъ лзли,
Кору гризли...

⁴⁾ Ой дивчина плоскинь брала,
Къ сирій земли припадала:
Земле моя, сиренькая,
Приняла ти отця й нещюку.
Прийми мене молоденьку,
Якъ вишеньку зелененьку,
Якъ агидку червоненьку.

ищеть прибіжница и атаманъ погибшаго, вѣроятно въ бою, военнаго отряда: «о, земля сырая, матушка родная!—восклицаетъ онъ, припадая къ землѣ:— много приняла ты войска запорожскаго, прими и меня молодца-атамана»¹⁾. Могила въ иносказательномъ образѣ выраженія представляется женою или не-вѣстою погребеннаго. Есть чрезвычайно распространенная въ разныхъ видахъ пѣсня, гдѣ козакъ посылаетъ коня къ родителямъ передать имъ вѣсть о судьбѣ сына и приказываетъ ему не говорить, что онъ убитъ, а велитъ сказать, что онъ женился, взявъ себѣ въ полѣ могилу—красную дѣвицу²⁾. Къ этому, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, прибавляется: она горда и пышна; ходитъ въ зеленой одеждѣ, не склонитъ головы ни предъ царемъ, ни предъ королемъ³⁾. Другой обычный образъ могилы въ видѣ дома или хаты. Вотъ везутъ козака съ поля битвы, изрубленнаго, изстрѣленнаго. Мать и сестра встрѣчаютъ его. Мать хочетъ искать цѣлебныхъ средствъ. Зачѣмъ ихъ искать?—говорятъ ей козаки:—надобно хату строить: три доски сосновыхъ, а четвертая кленовая, безъ оконъ, безъ дверей: тамъ почиваетъ козакъ-молодецъ⁴⁾. Изъ пѣсенъ видно, что надъ гробомъ насыпали высокую «могилу»—холмъ⁵⁾.

Могилою называется въ пѣсняхъ не только обычное мѣсто погребенія, но также насыпь—курганъ, который, какъ извѣстно, очень часто дѣйствительно оказывается могилою отдаленныхъ временъ. Въ малорусскихъ пѣсняхъ эти могилы—одинъ изъ любимыхъ поэтическихъ предметовъ. Есть очень распространенный пѣсенный мотивъ о томъ, что могила говорила въ степи съ вѣтромъ и просила вѣтеръ повѣять, утолить зной, чтобы на ней росла зеленая трава. Къ этому мотиву прилетаются пѣсни различнаго содержанія, напр., на могилѣ, говорящей съ вѣтромъ, сидитъ козакъ, тоскующій въ чужомъ краю, сопоставляющій свою грусть съ грустнымъ видомъ кургана, который никакъ не уприситъ вѣтеръ по-

1) Ой ударивсь панъ отаманъ обь сирую землю:

Земле, земле сирая, ти матуся риднаа!
Приняла ти виська много запорожского:
Прійми мене отамана молоденького.

2) Не кажи, коню, що я вбитий лежу,

А скажи, коню, що я оженився:
Та взявъ соби дивчяноньку—
Въ чистимъ поли могилоньку.

Или:

Та взявъ соби паняночку,
Въ чистимъ поли земляночку.

3) Горда та пишна въ зеленій сукни ходить,

Цареви королеви голови не склонить.

4) На що, мати, лики одати?

Треба хату добувати,
Ой три доски сосновіи,
А четверта клиновая,
Безъ виконецъ, безъ дверецъ,
Тамъ спить козакъ молодець.

5) Сосновая хата—висока могила,

Висока могила на рученькахъ,
Червона калина въ головонькахъ.

вѣять на него ¹⁾). Въ другой пѣснѣ на могилу, обожженную солнцемъ и напрасно умоляющую вѣтеръ повѣять на нее, приходитъ дѣвица, утратившая своего милаго ²⁾). Въ третьей пѣснѣ, которая также начинается разговоромъ могилы съ вѣтромъ, рассказывается, какъ молодая женщина, отравившая своего мужа, плачетъ о своемъ горѣ и преступленіи ³⁾).

Могилы въ пѣсняхъ—мѣсто разныхъ житейскихъ положеній, преимущественно военного быта, но иногда и сельскаго. У могилы прощается козакъ съ родными; они долго стояли на могилѣ, провожая глазами родного ⁴⁾). На могилѣ засыпаетъ козакъ, привязавши своего коня къ дереву, вдругъ является дѣвица, бьетъ его ударомъ дубовой вѣточки по лицу, извѣщаетъ, что татары хотятъ изрубить молодца ⁵⁾). На могилѣ происходитъ побоище; слѣдъ его остался на могилѣ; она покрыта кровью ⁶⁾).

¹⁾ У степену могила зъ витромъ говорила:

Повій, витре, буйнесенькій, щобъ я не чорнила,
Щобъ я не чорнила, щобъ я не жарнила,
Щобъ на мнѣ трава росла, та щобъ зеленіла.
Ой вѣтеръ не віе, а сонечко гріе,
Тільки краємъ край дунаю трава зеленіе.
Сидить козакъ на могилі, та й гадку гадає,
На Вкраїну поглядає, тяженько вздымає.
Бодай тая ричка куширомъ заросла,
Що вона мене молодого въ чужай край занесла.

²⁾ Гей въ полю могила зъ витромъ говорила,
Гей повій ти, витре, гей повій, буйневський,
Щоби мѣ ся змнишила!

И вѣтеръ не віе—сонце доникає,
Гей та ино мене дивча якъ калина
Квитомъ прикриває,
Квитомъ прикриває и росить слезами. (Чт. 1863. IV. 176).

³⁾ Де у полі могила зъ витромъ говорила,
Тамъ молода старого изъ гроба будила.

(Чт. 1863. IV. 191).

⁴⁾ Довго, довго вони на могилі стояли,

Довго, довго вони козаченька вѣчьми провозали (ук. д. Мак., с. 8)

⁵⁾ Привязавъ коня къ дубиньонци,

А самъ спать лягъ на могилоньци,
Де взялася молода дивчина,
Та зломилъ зъ дуба гилочку,
Та вдарила козаченька по личеньку:
Встань, козаче, татари йдуть.

⁶⁾ Козакъ полежъ проѣжає,

Ой выхвавъ край могили,
Край могили верховини.
Ой могило верховинно,
Чому рано не горіла?
Ой я рано не горіла,
Бо кривцею обкинула.
А яко? Козацькою
Половину изъ лаяцькою.

Изъ безчисленныхъ кургановъ южнаго края нѣкоторые прославлены народною поэзіею по именамъ. Такова Савурь-могила, сдѣлавшаяся нарицательнымъ именемъ высокой степной могилы, подобно тому, какъ Дунай сталъ нарицательнымъ именемъ большой рѣки. Вотъ близъ этой Савурь-могилы по широкой долинѣ проходятъ запорожцы ¹⁾. Вотъ на Савурь-могилу вѣзжаетъ козакъ—посмотрѣть, гдѣ ему придется погибнуть въ бою ²⁾. На этой Савурь-могилѣ, по одному варианту, козакъ Голота побѣждаетъ бородача татарина и потомъ восклицаетъ: о, Савурь-могила! сколько я на тебѣ гулялъ, а еще такой добычи не добывалъ! ³⁾. На Савурь-могилѣ умираетъ несчастный бѣглець изъ Азова, покинутый своими конными братьями ⁴⁾. Съ именемъ Савурь-могилы соединяется имя любимѣйшаго народною поэзіею героя Морозенка: татары, предъ страшною казнью, съ него содрали кожу и ведутъ его на Савурь-могилу, чтобы онъ съ ней взглянулъ послѣдній разъ на свою Украину ⁵⁾.

На другой могилѣ—Сорочей, происходить битва съ ляхами ⁶⁾ и близъ этой могилы погибаетъ Перебийнисъ ⁷⁾. Есть еще могила Товста, гдѣ палъ Цимбаленко, одинъ изъ героевъ гайдамачины ⁸⁾. Могила, подъ названіемъ Костяная, представляется въ пѣсняхъ рубежомъ Украины, отбитой козаками и утраченной безпокойными польскими павами ⁹⁾.

Въ пѣсняхъ сельскаго и семейнаго быта могила упоминается всегда почти какъ мѣсто грусти. На могилѣ козакъ, одинокій горемыка, думаетъ о своемъ тяжеломъ житѣ на чужбинѣ; на могилѣ сирота плачетъ о своемъ сиротствѣ ¹⁰⁾:

¹⁾ Ой Савурь-могила, широка долина, орель пролітає,
Иде висько, славе запоризьке, якъ макъ процвітає.

²⁾ Ой бижи, бижи, вороний коню, на Савурь-могилу;
Ой нехай же я тамъ побачу, де я молодь загину.

³⁾ Ой Савурь-могило! скільки я по тобі гуляв,
А ще такий здобичи не добував! (Укр. думи Макс. 16).

⁴⁾ Кул. З. о Южн. Росс., I, 38. Макс. Сб. Укр. п. 1849, 22. См. ниже объ этой думѣ.

⁵⁾ Ой повели Морозенка на Савурь-могилу;
Дивись, дивись, Морозенко, на свою Вкраину!

⁶⁾ Ой поведемъ, джуро малий, на Сорочу могилу;
Одвідаємъ, джуро малий, вражу лядську силу.

(Метл. 401).

⁷⁾ Оттеперь же, ляхи, оттеперь же, паны, ви слави зажили,
Що неживого Перебийниса нидь могилою положили.

(Метл. 401).

⁸⁾ Пили, пили запорозци, та гуляли,
Нидь Товстою могилою баталію мали,
Нидь Товстою могилою зацвила калина,
Тамъ убито Цимбаленка—вдовинного сина.

⁹⁾ Оттакъ знай, ляше, що по Случѣ наше, по Костяную могилу,
Якъ не схожили, забунтовали, та й утериали Вкраину.

¹⁰⁾ Ой зійду я на могилу,
Та погляну на долину:
Могила висока,
Долина глибока;
Тяжко въ свѣти жити.

на могилу хочеть взойти бѣдная мать, которая съ ироніей надъ своею судьбою говорить, что заберегъ дѣтей въ мѣшокъ и распуститъ ихъ по всей Украинѣ¹⁾. (Степную могилу проклинаеть дѣвица за то, что она утратила подъ нею свое счастье²⁾).

Гора въ пѣсняхъ чаще всего носить эпитеты крутая и высокая, она— символъ трудности и невозможности. Такимъ образомъ, желаніе воротить протекшія лѣта молодости сравнивается съ желаніемъ развернуть крутыя горы³⁾. Трудность выражается образомъ—перескочить или перейти черезъ крутую гору⁴⁾. Препятствіе въ любви изображается хожденіемъ по калину черезъ крутую гору⁵⁾. Твердость каменной горы сравнивается съ молчаливостью и скрытностью дѣвицы, гранищей свои тайны⁶⁾. Въ малорусской пѣсенности вообще одинъ изъ любимыхъ приемовъ начинать пѣсню горою или какимъ-нибудь признакомъ, соединеннымъ съ горою⁷⁾. Три горы—признакъ отдаленія вмѣстѣ съ тремя рѣками и

1) Ой годи вже журитися—нехай на петривку,
Ой заберу дити въ торбу—пиду у мавдривку;
Ой зійду я на могилу, та розвяжу я горбину,
Та распушу дрибни дити на всю Украину.

2) Бодай тая степовая могила запала,
Що я пидъ нею взъ козакомъ жито жала,
Счастя-долю утерала!

3) Ой тамъ дивка воду брала,
Крути гори розвертала,
Лята свои завертала.
Крути гори, розвернитесь,
Лята мои, завернитесь!
Крути гори розвернуться,
Лята мои не вернуться!

4) Круту гору перескочу.

5) Черезъ круту гору у лугъ по калину;
Любивъ козакъ дивчиноньку, якъ батько дитину.
Чи я жъ ёго не люблю, самъ Богъ тее знае,
Карай, Боже, розлучника, що насъ розлучае.

6) Ой ти горо камьяная, чомъ не лупаєшься?
Скажи, скажи, дивчинонько, зъ кимъ кохаєшься.
Хиба жъ би я зъ писку була, щобъ я лупалася,
Хиба жъ би я дурна була, щобъ я призналася.

7) Ой по горахъ, по долинахъ,
По козацькихъ украинахъ,
Савий голубъ вилтає;
Ой тожъ козакъ вихожає,
Товарища викликає и пр.

Или:

Ой на гори, на гори,
Тамъ горили огни,
А за тими огнями
Столи тесовні,
За тими столами
Чумаки сидили.

Или:

тремя степями ¹⁾). Въ одной, очень распространенной пѣснѣ съ двумя горами сравниваются двѣ дѣвицы ²⁾).

Долина въ пѣсняхъ нерѣдко мѣсто свиданія молодцовъ съ дѣвицами, особенно близъ ключа, куда дѣвица ходитъ за водою ³⁾). Молодецъ находитъ свою красавицу въ долину ⁴⁾). Долина также мѣсто сбора молодцовъ ⁵⁾). Эпитеты долины—широкая и глубокая. Вмѣстѣ съ горами три глубокихъ долины—символъ дали ⁶⁾). Въ козацкихъ пѣсняхъ долина—иногда мѣсто смерти козака ⁷⁾). Въ одной думѣ воспѣвается долина, на которой умираетъ козакъ, смертельно раненый; эта долина называется Кудина; умирающій проклинаетъ ее, потому что онъ потерялъ на ней сначала коня, потомъ товарища, наконецъ и самъ на ней кладетъ голову ⁸⁾). Другая знаменитая долина—Черкена, гдѣ палъ прославленный думою Ивась Коновченко.

За горою за високою
Сидитъ голубъ въ голубкою.

Или:

Ой на гори, на гори,
Тамъ ихали мазури.

Или:

Изъ-за гори изъ-за кручи
риплять вози йдучи;
Попереду чумаченько
курить лальку йдучи.

Или

Какъ поетъ дѣвица:

Ой зйду я на гороньку,
Та погляну въ долиньку,
Ой тамъ ходять паняночки,
Та збирають хвйялочки.

- ¹⁾ За три гори та високиі,
За три реки та глибоккі,
За три степи та широкиі.

Или:

За горою за крутою
Живуть люде слободою,
То не люде—сопостати,
Взали парня у салдати.

- ²⁾ Одна гора високая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.

³⁾ Чт. 1863. IV. 302.

- ⁴⁾ Ой тамъ гора, ой тамъ гора, ой тамъ долинька,
А міжъ тими гороньками моя дивчинька.

⁵⁾ ... Не такъ горочки, якъ долиночки,
Де збиралися парубочки.

- ⁶⁾ За три гори та високиі,
За три долини глибоккі!

⁷⁾ Ой загинула козацька головонька
На широкой на долини,
Та безъ отца, безъ матусеньки,
Безъ ридної родини.

- ⁸⁾ На узбоччи долина била двоохъ Сокиривъ козацкихъ,
Тамъ козакъ пострелений, порубаний, на рани на смерть знеможе
При соби отца—неньки немає;

Степь—по-малорусски *степь*—встрѣчается въ пѣсняхъ только какъ черта мѣстности. Это—отечество запорожцевъ; они называютъ ее: степь широкая, край веселый ¹⁾. Кому случилось на степи гулять, тому можно было угадать, что такое запорожець ²⁾. Степь часто бывала мѣстомъ битвы. «Случалось мнѣ», говоритъ козакъ, въ подписи подъ его стариннымъ народнымъ изображеніемъ,— «варить на степи пиво; пили его и турки, и татары, и ляхи на удивленіе; много и теперь лежитъ съ похмелья отъ этой пивушки мертвыхъ головъ и костей» ³⁾. Степь—предполагаемое мѣсто кончины козака. Тотъ же козакъ, который рассказываетъ, какъ онъ варилъ на степи пиво, соболѣзнуетъ, что если придется ему умирать на степи, то некому будетъ похоронить его: татаринъ погнушается, а ляхъ не приступитъ, развѣ какое-нибудь звѣрье стащить въ бугракъ ⁴⁾. Подобно тому въ другой пѣснѣ мать, провожая сына, восклицаетъ: «кто-жь будетъ глядѣть за тобою при смерти, когда ты будешь умирать на степи!» ⁵⁾. Прекрасная дума обо азовскихъ братьяхъ представляеть образчикъ смерти козака на степи не отъ ранъ, а отъ тѣхъ лишений и трудностей, которыя были соединены съ характеромъ степи.

Дорога въ пѣсняхъ носить различные эпитеты: убитая, широкая; большая дорога называется *шляхъ*, маленькая тропинка—*стежка*. Есть употребительный мотивъ, который прилагается къ пѣснямъ разнаго содержанія (козацкии, рекрутскии): шли ляхи на три шляхи, а козаки на четыре, а татары покрыли собою поле ⁶⁾,—мотивъ, перешедшій въ различныя пѣсни изъ одной, относящейся къ совмѣстной войнѣ поляковъ и козаковъ противъ татаръ. Въ ко-

Тоди козакъ долину Кодиу трома клятьбами проклинае:
 Бодай ти, долино Кодино, лихими болотами западала,
 Щобъ у весну Богу николи не зорала, не позорала,
 Що я на тоби тричи гуляв:
 Перший разъ гуляв—
 То коня вороного втеривъ;
 Другий разъ гуляв—
 Товарища сердечно втеривъ;
 Третій разъ гуляв—
 Свою голову козацьку накладав.

¹⁾ Степь широкий—край веселый та занастела.

²⁾ Кому трапилось хочъ разъ у степу гуляти,
 То може той и прозвище мое угадати.

³⁾ Лучалось мни на степу варити пиво;
 Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво;
 Багато и теперь лежить на степу зъ похмелья—
 Мертвихъ головъ и кистокъ одъ того веселья.

(Кул. Зап. о Ю. Р. 1. 318).

⁴⁾ Хоча мици не страшно на степу вмирати,
 Тильки жалко, що нивому буде поховати:
 Татаринъ цурается, а ляхъ не приступитъ,
 Хиба яка звирюка за ногу у байракъ спунитъ. (Ibid.).

⁵⁾ Якъ ти будешъ на степу вмирати,
 А хтожъ буде смерти доглядати.

⁶⁾ Ишли ляхи на три шляхи,

зацких пѣсняхъ отъѣзжающій козакъ проситъ своихъ родныхъ, чтобы приливали дорожку, — что означаетъ воспоминаніе (сопровожаемое попойкою), — и утѣшать его дѣвицу ¹⁾. Въ чумацкихъ пѣсняхъ ходить по дорогамъ значитъ вообще путешествіе ²⁾. Слежки, протоптанныя къ окнамъ хатъ, показываютъ, что такъ есть дѣвицы ³⁾, а заростаніе стежки — символъ разлуки ⁴⁾.

Песокъ — принадлежность смерти. Въ одной пѣснѣ выражается досада такимъ образомъ: «пусть бѣлый песокъ точитъ твои вражьи очи!» ⁵⁾. Это значитъ — чтобы ты умеръ. Несчастливая женщина, томясь въ чужой семьѣ, говоритъ: «пусть мои глаза точить песокъ въ сырой землѣ; пусть не кручинитъ моею головою чужая мать» ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ жена, ненавидящая мужа, говоритъ, что ей лучше ѣсть въ землѣ песокъ, чѣмъ ужинать съ немилымъ ⁷⁾. Умершій отецъ, котораго въ свадебныхъ пѣсняхъ призываютъ на свадьбу его дочери, говоритъ, что онъ — подѣ тремя замками, и одинъ изъ этихъ замковъ — песокъ ⁸⁾. Въ козацкихъ пѣсняхъ невозможность козаку возвратиться домой сравнивается съ произрастаніемъ песку, посяяннаго на камни и политаго слезами: здѣсь песокъ избранъ потому, что онъ — символъ смерти ⁹⁾.

Камень — символъ трудности. Дѣвица, которую хотять отдать замужъ за немилаго, катитъ камень по слѣдамъ его и говоритъ: «какъ тяжело катитъ этотъ камень, такъ мнѣ тяжело жить съ немилымъ» ¹⁰⁾. Сирота на чужбинѣ сравниваетъ себя съ камнемъ, которому бы вужно было плыть по водѣ ¹¹⁾.

А козакъ на чотири,
А татари поле вкрили.

1) Ой приливайте дороженьку, щобъ пиломъ не припала,
Та розважайте дивчиноньку, щобъ зъ личка не спала.

2) По дорогахъ ходати,
Спри воли водячи.

3) Ой знати, знати, въ кого есть дочки:
Топтани стежечки пидъ виконечки.

4) По стеженци, куди ходивъ, трава зеленіе.

5) Бодай твои вражи очи билий песокъ точивъ!

6) Нехай мои чорни очи въ земліи песокъ точе!
Нехай мині чужа мати голови не клопоче!

7) Лучче мині, мати, въ земліи песокъ исти,
Нижъ изъ нелюбимъ вечерати систи.

8) Першій замочокъ — гробочокъ,
Другій замочокъ — писочокъ,
Третій замочокъ — трава мурава.

(Гильтебр. 200).

9) Возьми, сестро, писку жменю,
Посій ёго на каменю,
Ходи, сестро, зироньками,
Поливай ёго слизоньками:
Колн той писокъ зійде,
Тоди братъ твій зъ всьєма приїде.

10) По ёго слівду каменемъ поточила:
Ой якъ мині важко сей камінь точити,
То такъ важко зъ нелюбомъ жити.

11) Ой якъ тяжко каменеви пидъ воду пливнути,
А ще тяжче сиротини на чужини жити.

Женщина, проживающая съ немилымъ мужемъ, говорить, что ей легче поднимать тяжелый камень, чѣмъ проводить жизнь съ нелюбимъ ¹⁾. Въ козацкихъ пѣсняхъ отъѣзжающій изъ родины везакъ говорить, что онъ воротится тогда, когда тяжелый камень поплыветъ по водѣ, а перье павлина потонетъ ²⁾. Невозможность провзрастать чему-нибудь на камнѣ сопоставляется съ такими явлениями нравственнаго міра, которыя хотятъ сдѣлать невозможными. Дѣвица даетъ извѣнвшему ей козаку заклятіе, чтобъ онъ женился тогда, какъ въ мельницѣ на камнѣ родится куколь ³⁾. Неподвижность камня сопоставляется съ привычкою: въ одной галицкой пѣснѣ тяжесть разлуки сравнивается съ разлукою камня съ тою водою, въ которой онъ лежалъ ⁴⁾. Но въ одной веснянкѣ камень или камушекъ означаетъ милаго (въ смыслѣ перстня) ⁵⁾.

Есть пѣсни о превращеніи живыхъ существъ въ камень. Молодецъ, женатый и имѣющій дѣтей, влюбился въ чужую жену и задумалъ бѣжать съ нею. Онъ пришелъ къ своему коню и сталъ съ нимъ совѣтоваться. Конь просидѣлъ не дѣлать того, чтò онъ замышлялъ. Молодецъ не послушался и поѣхалъ. Ёдутъ они черезъ поле, ёдутъ черезъ другое; на третьемъ полѣ стали они отдыхать. Сталъ чужой мужъ у чужой жены разспрашивать: «послушай, чужая жена, дуброва ли это шумить, или моя жена ёдетъ въ погоню за нами? Соловьи ли это щебечуть, или мои дѣтки плачуть?—Не дуброва шумить: то моя жена въ полѣ ёдетъ; не соловьи щебечуть: это мои дѣтки плачуть. Бѣги, жена чужая, бѣги по полю куницею, а ты, конь вороной, стань зеленымъ яворомъ, а я, молодой козакъ, лягу бѣлымъ каменемъ! Бѣжала жена, бѣжала и сѣла на камнѣ, жалобно заплакала. О, чтобъ этому камню было тяжело лежать здѣсь, мнѣ же еще тяжелѣе горевать съ дѣтками ⁶⁾.

¹⁾ Легше минн, мати, тяжкий камень зняти,

А ніжъ изъ нелюбомъ вѣкъ коротати.

²⁾ Якъ тяжкий каминь на верхъ виплине,

А павине пирья на спидъ потоне.

³⁾ Бодай же ти, козаченьку, тоди оженився,

Якъ у млини на камини кукиль уродився.

⁴⁾ Розлучили каминь зъ водовъ,

Розлучили мене зъ тобовъ.

(Чт. 1868. IV. 24).

⁵⁾ Якъ покотяться каминець

Молодій Настенци въ рукавець,

Якъ думала—каминець,

Ажъ то Иванько молодець;

Якъ думала биленький,

Ажъ то Иванько молоденький.

⁶⁾ Ой идуть вони поле, идуть другее,

На третьему поли стали вони спочивати.

Ой ставъ чужий мужъ до чужой жони промовляти:

Ой послушай, чужа жоно, чи дибривонька гуде?

Чи дибривонька гуде, чи милая въ погоню иде?

Чи соловейки щебечуть, чи то жъ мои дитки плачуть?

Не дибривонька гуде—то милая въ погоню иде;

Не соловьи щебечуть—ой то жъ мои дитки плачуть.

Бижн, чужа жоно, по полю куною,

А ти кинь вороненький, стань зеленымъ яворомъ,

Въ другой пѣснѣ, наоборотъ, въ яворъ превращается молодець, а въ камень его конь. Въ народныхъ разсказахъ есть еще разныя превращенія въ камень. Такимъ образомъ, тѣ каменные бабы, которыя попадаются нерѣдко на степяхъ южной Руси, по народному воззрѣнію, были люди, превращенные въ камень за то, что певали на солнце. Вѣроятно, этому соотвѣтствуетъ и заклятіе, выражающее желаніе, чтобы тотъ, на кого оно падетъ — окаменѣлъ. Такъ русская плѣнница, которую татарка (оказавшаяся потомъ ея дочерью) заставляеть качать своего ребенка, говорить: «чтобъ это дитя окаменѣло»¹⁾.

Въ пѣсняхъ нерѣдко на камнѣ — мѣстопробываніе птицъ, орла и сокола. Съ сидящимъ на камнѣ орломъ разговариваетъ козакъ и спрашиваетъ его о милой²⁾.

Золото и серебро — символы (преимущественно золото) богатства, великолѣпія, обилія. Народный образъ выраженія многія вещи называетъ золотыми и серебряными, означая тѣмъ ихъ изящество, превосходство. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ золотыя удила, золотыя подковы³⁾, серебряныя сѣдла⁴⁾, золотыя гривы у коней⁵⁾, серебряныя весла⁶⁾. Въ колядкахъ поется, что Богъ пашеть, у воловъ его золотые рога, и то, что родится на этой нивѣ, будетъ имѣть серебряный стебель, золотой колось⁷⁾. Въ галицкихъ колядкахъ поется о какой-то золотой растѣ — золотомъ растеніи, которое стерегла красная дѣвица⁸⁾.

Вода, въ различныхъ видахъ и примѣненіяхъ, играетъ важную роль въ народной поэзіи. Известно, что въ языческія времена приносились жертвы «озеромъ и кладеземъ»; въ числѣ случаевъ, подлежащихъ епископскому суду, сообразно церковному уставу Владимира, было языческое моленіе у воды. Водопоклоненіе оставалось долго у русскихъ въ своей силѣ, какъ показываетъ правило митрополита Іоанна, осуждающее тѣхъ, которые «жрутъ бѣсомъ, и болотомъ, и колодяземъ». Русскій народъ уже по принятіи христіанства избѣгалъ

А я ляжу, молодъ козакъ, та билесенькимъ каменемъ.
Та бигла жона, бигла, та на камени сила;
Та на камени сила, жалибенько заплакала:
Ой щобъ сѣму камню тутъ тяжко-важко лежати,
А ще жъ мнѣ тяжче й важче въ дитками горевати!

(Метл. 228).

¹⁾ Бодай дитя скаменило.

²⁾ Ой у поли край дороги билий каминь лежить.

А на тмѣ камини сизъ орелъ сидить;
Ой сидить же винь, сидить и думку гадае,
Йде козакъ дорогою в орла патае

Или:

На Чорному морі, на білому камні,
Тамъ ясенький сокілъ квилить, проквиліае.

³⁾ Метл. 112, Пѣс. Балл. 89.

⁴⁾ Чт. 1863. III. 40.

⁵⁾ Чт. 1864. I. 33.

⁶⁾ Мидяни човна, срибніи весла,

(Колянд.).

⁷⁾ Посіємо ми яру пшенцяю,

Та вродить же са що стебло-срибло,
Що стебло-срибло, золотий колось.

⁸⁾ См. ниже: Божье дерево.

церковнаго брака и замѣнялъ вѣнчаніе языческимъ обрядомъ плесканія. Этотъ обрядъ, потерявъ свою религіозную силу, долго еще сохранялся какъ забава— въ обычаѣ дѣвицъ и молодцовъ обливать другъ друга водою, что соблюдалось въ Малороссіи весною, преимущественно на святой недѣлѣ. Можно признати остатками древняго водопоклоненія тѣ частыя упоминанія о водѣ въ веснянкахъ и купальскихъ пѣсняхъ, особенно въ припѣвахъ ¹⁾, которые вообще долѣе сохраняются въ древнемъ видѣ, чѣмъ самыя пѣсни. Въ купальскихъ пѣсняхъ, какъ и въ обрядѣ этого языческаго праздника, вода играетъ важную роль, купанье въ водѣ составляетъ необходимую принадлежность праздника. Въ самыхъ пѣсняхъ во многихъ видахъ является вода; поется о купаньи Ивана, о паденіи его въ воду ²⁾, о блескѣ и волненіи моря ³⁾, о купаніи Купалочки ⁴⁾. Но что всего важнѣе, поется о Моренѣ или Морянѣ, которая была, вѣроятно, не что иное, какъ олицетворенная вода, море,—богиня водъ и вѣстѣй, какъ показываютъ чешскіе памятники, богиня смерти, такъ какъ и въ самомъ языкѣ названія смерти и моря. повидимому, сродны (море, мру, морз, mate). Понятно, что пѣсни, относившіяся къ этому мнѣологическому существу, искажались по мѣрѣ того, какъ религіозный культъ обратился въ забаву и въ пѣсни вошли шутки, хотя болѣе или менѣе соответствующія прежнему содержанію, черты. Такъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлають чучело, называемое Мореною, украшаютъ его вѣнкомъ изъ черноклена съ разными полевыми цвѣтами, наряжаютъ въ дѣвичью одежду, а потомъ, раздѣвши, бросаютъ въ воду. Это чучело означало морскую богиню, и бросаніе въ воду было, вѣроятно, символомъ ея господства надъ водою. Но съ забвеніемъ языческихъ вѣрованій обрядъ бросанія въ воду женскаго изображенія подалъ поводъ къ представленію объ утонувшей дѣвицѣ, за которою, однако, осталось мнѣологическое имя Морены, верѣдко, по созвучію, замѣняемое христіанскимъ именемъ Маринны. Такимъ образомъ, пѣсни, касающіяся Морены, въ настоящее время есть пѣсни объ утонувшей дѣвицѣ ⁵⁾. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ поется, что Морена, утопая, уро-

1) Тихо йду,
А вода по камню,
А вода по бѣлому
Еще тихше.

Или:

Ой ви рики, розливайтесь,
Луга-берега, заливайтесь,
Къ намъ (нижъ села сосѣдняго) передайтесь!

2) Ой купаяся Иванъ
Та въ воду впавъ.

3) Стріль-вода олегла,
А на моря хвѣля била.
Купала на Ивана!

4) Купалочка купалася.
Та на бережку сушилася.

5) Прийшлось дивці Маринци передъ вѣсти.
Передъ вѣсти, на дунай плісти,
Дивка Маринка утонула.

Или:

Ой ненько, ненько, Моренка втонула,

вила въ воду серебряные ключи, потомъ слѣдуетъ обращеніе къ рыбакамъ, чтобъ они не ловили Морены, а только достали серебряные ключи ¹⁾. Предоставляя толкованіе значенія этихъ ключей специальнымъ изслѣдованіямъ, касающимся мифологии, укажемъ, какъ на важную черту, на то, что о серебряныхъ ключахъ, брошенныхъ въ море, мы встрѣтили упоминаніе уже не въ купальской пѣснѣ, а въ простой любовной, какъ въ качествѣ сравнительнаго сопоставленія. «Зазвѣтели ключи серебряные, утопая въ морѣ; заплакала дѣвица, высматривая своего милаго» ²⁾. Если мы сопоставимъ эти ключи съ тѣми, которыми, въ веснянкѣ, отпирается небо, то придетъ къ заключенію, что между всѣми этими ключами надобно искать древней связи.

Одно и то же лицо Морены является и подъ другими названіями: такимъ образомъ, ту же Морену слѣдуетъ видѣть въ одной загадочной петровочной пѣснѣ о сироткѣ, которая, стоя на камнѣ въ морѣ, заклинаетъ козака и превращаетъ его въ яворъ, растущій посреди моря ³⁾. Та же Морена является въ купальскихъ пѣсняхъ, а въ Галиціи въ веснянкахъ подъ именемъ Ганны. Этой Ганинѣ братья дали держать коней; она ихъ упустила въ чистое поле, а сама спряталась въ синее море, и какъ погружалась, три слова сказала: «чтобъ люди не брали въ морѣ воды, не собирали на водѣ пѣны, не стриживали съ травы росы. Въ морѣ вода — Ганнина красота, на водѣ пѣна — Ганнина измѣна (?), на травѣ роса — Ганнина коса ⁴⁾. Къ этому прибавляютъ еще березу,

Моренка втонула, плахта зринула.

Или:

Ой наша Моренонька гуляла,
Зъ високого терему въ воду скакала.

1) Утонула Моренонька, утонула,

Та срибни ключи впустила.

Ой рибалки, рибалочки,

Не ловить мни Мореночки,

Уловить мни срибни ключи!

2) Ой бразнули срибни ключи, въ моря ипопаючи;

Заплакала двичинонька, много виглядаючи.

3) На моря, на синѣму,

На каменю та на билому,

Тамъ сиритка хусти прала

Дунай рьку сколотила,

Ставъ козаченько коня наловати,

Ставъ сириточку проклинати:

— Бодай же ти, сиритко, лить не дойшла,

Лить не дойшла, замужь не пишла,

А молодю завдовила,

Зъ маленькими диточками,

Обливалася слизоньками!

«Бодай же ти, козаченько,

Середъ моря яворомъ ставъ,

Сиделечко ялиною,

Нагаечка гадиною!»

4) Дали ей кони держати;

Упустила кони въ чистое поле,

Сама сховалась (въ другихъ вариантахъ винулась) въ синее море,

калинну, теренъ, грушу, а въ иныхъ мѣстахъ другія растенія ¹⁾, такъ какъ эта пѣсня представляетъ разнообразныя варианты. Безъ сомнѣнн, мифологической элементъ водопоклоненія отражается и въ колядкахъ, гдѣ рассказывается, какъ святой Никола уронилъ слезу и изъ этой слезы образовалось озеро, въ которое купался самъ Богъ ²⁾. Еще нагляднѣе выразилось водопочитаніе въ пѣснѣ, въ которой богъ попросилъ у дѣвнцы пить, но дѣвнца не дала ему пить, сказавши, что вода нечиста: «нападало въ воду кленоваго листья, а съ горы налетѣло песку». — «Сама ты, дѣвка, не чиста», сказалъ ей богъ, «а вода всегда чиста». За это дѣвнца понесла наказаніе и провалилась сквозь землю ³⁾. Замѣчательно, что образъ наденія листьевъ въ воду, и непремѣнно кленовыхъ, а въ галицкихъ пѣсняхъ и яворовыхъ встрѣчается нѣсколько разъ въ народной поэзіи.

Вода дунайская въ свадебныхъ пѣсняхъ упоминается какъ особенно достойная быть употребленною для коровай ⁴⁾.

Вода—символь здоровья, молодости и красоты. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣстѣ желаютъ быть здоровою, какъ вода ⁵⁾. Вода—символь веселости и благодушія ⁶⁾.

Якъ пуринала, три слова сказала:
Щобъ на синьмъ мори води не брали,
На води пни щобъ не собирали,
На трави роси щобъ не трусилі:
На мори вода—Ганнина краса,
На воді пина—Ганнина змйна,
На трави роса—Ганнина коса.

¹⁾ Чт. 1866. III. 680 (см. ниже деревья).

²⁾ Головку склонивъ—слизюньку зронивъ;
Де слиза впала, тамъ озеро стало,
А въ тымъ озері самъ богъ кунавса.

³⁾ Ишовъ божокъ дорогою,
Зустрівъ дивку изъ водою.
— Ой дай, дивко, води пити,
Смажни уста окропити.—
„Не дамъ, старцю, води пити,
„Бо вода есть нечиста:
„Нападало зъ клѣну листа,
„Зъ клѣну листу нападало,
„Зъ гори песку налетѣло“.
— Ой, ти дивко, сама нечиста,
А вода есть завше чиста.—
Стала дивка, влякалась,
Передъ богомъ заховалясь;
Скоро дивка въ церкву вйшла,
На сивъ сажень въ землю вйшла.

⁴⁾ У нашому короваю
Пшениченька зъ гаю,
Водниця зъ дунаю.

⁵⁾ Щобъ наша Марусенька здорова була,
Здорова, здорова, якъ вода...

⁶⁾ А щобъ ти, моя миленька, така веселенька,

Вода—зеркало для дѣвicy, отражающее ея красоту ¹⁾.

Вода имѣетъ значеніе для любви и брака. Одна пѣсня какъ бы напоминаетъ древніе брачныя обычаи, совершавшіеся при водѣ и при посредствѣ воды ²⁾. При водѣ происходитъ любовный разговоръ ³⁾ и сравнивается съ ея шумомъ ⁴⁾.

Хожденіе около воды — символъ ухаживанія за женщиною ⁵⁾, а дѣвица, отвѣчающая любви молодца, приглашая его къ себѣ, воспоминаетъ при этомъ о волненіи или плесканіи воды ⁶⁾. Если хожденіе около воды означаетъ ухаживаніе, то питье воды—взаимную любовь, сватовство и бракъ. Дѣвица говоритъ своей матери: «пей, матушка, ту воду, что я наносила; зови, матушка, затемъ того, кого я полюбила!—Не буду воды пить, буду разливать, отвѣчаетъ мать; не любъ мнѣ зять—буду разлучать!—Не разливай воды, матушка, возражаетъ дочь, тяжело носить; не разлучай меня съ милымъ, не тебѣ съ нимъ жить!» ⁷⁾.

Якъ у лѣти въ чорній гори вода холодненька.

Или:

Тимъ травка зелена, що близько вода,

Тимъ дівка хороша, що ще молода.

¹⁾ Пусти мене; моя мати, до броду по воду,
Нехай же я подивлюся та на свою вроду.

²⁾ Ой у поли озеречко,
Тамъ плавало ведеречко,
Сосновее ведеречко,
Дубовее денечко.
Ходимо, повинчаймось,
Мое сердечко

(Метл. 127).

³⁾ Ой у броду беру воду, на камини стою;
Люба минн розмовонька, миленький, зъ тобою.

⁴⁾ Вода шумить, зъ берега ломить,
Калина процвітає.

Десь мій миленький голубонько сивенький
Зъ ншою розмовляє.

⁵⁾ Ой не ходи коло води, жовтоногий копче;
Есть у мене красчий тебе, дороженьку топче.
Ой не ходи коло води билими ногами,
Есть у мене красчий тебе зъ чорними бровами.

⁶⁾ Хитай вода берегами,
Хитай вода лугомъ,
Чомусь до ми не приходивъ,

Якъ есь вшовъ зъ плугомъ,

(Чт. 1864. IV. 339).

⁷⁾ Ой пій, мати, ту воду,
Що я наносила,
Зови, мати, того зятемъ,
Що я полюбила.—
— Ой не хочу води пити —
Буду розливати;
Нелюбого зятя маю—
Буду разлучати.—
— Не разливай води, мати,
Бо тяжело носити;

Въ другой пѣснѣ козакъ, обращаясь къ матери дѣвицы, проситъ воды напиться—выслать дочь на улицу. Мать отвѣчаетъ: «стоитъ вода въ сѣняхъ, коли хочешь — напейся; сидитъ дочь у окна, коли хочешь — смотри; не за тѣмъ я вскормила дочь, чтобъ пускать ее гулять на улицу; я вскормила ее для своей пользы, чтобъ она принесла мнѣ изъ кринницы холодной воды (то-есть, чтобы честно вышла замужъ).—Негодная вода въ прудѣ, пойду къ кринницѣ, говорить на это козакъ; не хороша дочь твоя, пойду ко вдовѣ» ¹⁾. Пить — на поэтическомъ языкѣ значитъ любить ²⁾. Козакъ, встрѣчая дѣвицу, проситъ у ней пить воды и развеселить ему сердце. Здѣсь—иносказаніе: козакъ ухаживаетъ за дѣвицею и добивается взаимности. Дѣвица хочетъ ему высказать, что мать не велѣла ей отдаваться козаку легкомысленно, что слѣдуетъ сдѣлать его привязанность прочною, чтобъ онъ пересталъ ходить ночью къ другой дѣвицѣ. Это выражается также иносказательнымъ способомъ. Дѣвица говоритъ, что мать не велѣла давать этой воды; вотъ какъ принесетъ она ее домой, такъ стануть чаровать; очаруютъ ему руки и ноги и черные глаза, чтобы не ходилъ въ темную ночь къ другой ³⁾.

Умыванье также означаетъ любовь. Дѣвица говоритъ своему милому: «у меня есть кринница подъ заборомъ—умоемъ, душа моя вжѣстѣ; у меня есть и платокъ, вышитый шелкомъ, — утремъ оба, хоть я и буду за то битомъ» ⁴⁾. Умыванье и питье, особенно изъ кринницы—средства нравятся. «Ахъ, бѣда мнѣ!—

Не разлучай, мати, зъ милымъ:

Не тоби зъ нимъ жити.

- 1) Добри вечеръ, стара мати, дай води напиться,
Вишли доньку на улицу та хочь подивитися.—
„Стоить вода у синечкахъ—коли хочь напийся,
Сидитъ донька у вконци—коли хочь дивися.
Не для того я, козаче, дочку годувала,
Щобъ я ні на улицу гуляти пускала.
Годувала собі доньку для свой пригоди,
Щобъ принесла изъ кринници холоднои води“.
—Непогожа въ ставу вода—пиду до кринници;
Нехороша дочка твоя—пиду до вдовици.—
- 2) Всюди гори, всюди гори, вигде води пити;
Пишли хлопци за границу—никого любити.

или:

- Ой у поли кринница безодна,
Тече зъ неи водици холодна,
Якъ я схожу, то й напьюся,
Кого люблю—обіймуся
И никого не боюся.
- 3) Ой дай, дивко, води пити, розвесели сердце.
—Не веліла мнѣ мати тебѣ води дати;
Якъ привесу до домоньку—будемъ чаровати,
Очаруемъ руки й ноги и чорні очі,
Щобъ не ходивъ до дивчини (также до иншої) теменькои ночи.
- 4) Ой тамъ кринница пидъ нерелазомъ;
Умиймось, серденько, обоє разомъ.
Въ комори хусточка шовками шита,
Утримось, серденько, хочь буду бита.

поеть молодець: — я бѣжалъ черезъ рѣку и не умылся! Вернусь и умоюсь да на свою милую посмотрю!»—Не ворочайся и не умывайся, отвѣчаетъ дѣвица, ты мнѣ и безъ того, душа моя, нравишься ¹⁾. Мать посылаетъ сына къ криницѣ умыться водою и напиться воды, чтобъ его полюбили всѣ замужнія женщины и дѣвицы въ слободѣ ²⁾.

Въ пѣсняхъ остались слѣды древняго значенія купанья для дѣтей и вліянія на нихъ будущую судьбу въ жизни. Несчастливая женщина восклицаетъ: «или ты, мать, меня маленькую не купала, или ты меня проклинала, чтобъ я была бездольная» ³⁾. А также: «или ты меня, мать, купая, проклинала, чтобъ я была бездольная?» Что здѣсь разумѣется не христіанское крещеніе, видно изъ того, что въ пѣсняхъ говорится о купаньи дѣтей съ барвинкомъ, мятою, любисткомъ, съ разными травами ⁴⁾. Съ этимъ соотношеніемъ купанья и «доли» стоитъ, вѣроятно, въ связи и тотъ образъ, что дѣвица сѣетъ долю (судьбу) надъ водою, въ нѣкоторыхъ вариантахъ надъ мормрь, и говорить своей долѣ: «сиди, доля, за водою, а я пойду за тобою» ⁵⁾. Въ другой пѣснѣ мать изъ могилы говоритъ взывающей къ ней дочери: «какъ ты сюда ко мнѣшла дорогу: черною ли тучею, частымъ ли дождичкомъ, или тихою водою, пошла твоя доля за водою» ⁶⁾.

Здѣсь вода какъ будто служитъ путемъ къ умершимъ. Доля, идущая за водою—образъ печальный и означаетъ несчастную судьбу. Подобно тому, дѣвица, потерявшая дѣвственность, пускаетъ на дунай свою косу—символь дѣвическаго состоянія ⁷⁾, и самое грустное чесаніе косы сопоставляется съ тихимъ теченіемъ дуная ⁸⁾. Сирота безпріютный, плача о томъ, что у него нѣтъ доли, блуждаетъ

- 1) Ой беда, беда, що я не вдавса,
Бигъ черезъ риченьку та не вмывався;
Ой завернуса та й умюся,
На свою милую хочь подивлюся.
Ой не вертайся и не вмывайся;
Ти жь мни, серденью, й такъ сподобався!
- 2) Пиди, синку, до криници, умийся водою,
Та щобъ тебе полюбили уси слободою.
Пиди, синку, до криници—напийся водици,
Та щобъ тебе полюбили дѣвки й молодици.
- 3) Чи ти мене, мати, малою не купала,
Чи ти мене проклинала, щобъ доли не мала?
- 4) Чи ти мене, мати, въ барвинку купала,
Купаючи проклинала, щобъ доли не мала?
- 5) Сіе долю изъ приполю:
Иди, доле, за водою,
А я у слидъ за тобою!
- 6) Ой куди ти, доню, йшла
Що тутъ мене знайшла?
Чи черною хмарою,
Чи дрибнимъ дождичкомъ.
Чи тихою водою?
Пшла твоя доля за водою.
- 7) Пливи, косо, за водою,
Щобъ наложивъ нелюбъ головою.
- 8) Ой тихо, тихо дунай воду несе,

надъ водою ¹⁾). Вообще вода, будучи въ природѣ стихіею оживляющею, благотвѣтельно, виѣсть съ тѣмъ имѣетъ и убывающее свойство, такую же является и въ пѣсняхъ; вода, будучи символомъ красоты, здоровья и веселости, имѣетъ и печальное значеніе. Какъ холодная вода сопоставляется съ веселостью, такъ теплая съ бѣдою ²⁾). Мутная вода—образъ печали дѣвицы ³⁾, а тоска, охватывающая сердце, сравнивается съ водою, покрывающею луга и берега ⁴⁾). Любовное страданіе находитъ себѣ подобіе въ шумѣ воды ⁵⁾). Вода сравнивается также со слезами ⁶⁾ и кровью ⁷⁾). Но болѣе всего мрачная сторона воды выражается въ образахъ утопленія и произвольнаго и невольнаго. Произвольное утопленіе обычный способъ самоубійства въ пѣсняхъ. Это средство избавиться и отъ житейскихъ невзгодъ, и отъ житейской скуки. Дѣвица, потерявшая любовь милого или же просто томимая недостаткомъ взаимной любви, говоритъ: «къ чему мнѣ красота и статность? Развѣ пойти утопиться съ высокаго моста?» ⁸⁾). Несчастливая въ замужествѣ женщина говоритъ своей матери: «завяжи мнѣ, матушка, глаза китайкою, веди меня топить въ Дунаѣ темною ночью» ⁹⁾). Въ другой пѣснѣ съ подобнымъ мотивомъ дочь говоритъ матери, что надобно было утопить ее

А ще тихие дивка косу чеше.

Или (свадебная):

До дунаа стечечка
Туда бигла Настечка;
Надъ дунаемъ стояла
Русу косу чесала.
Ой падайте, волоси,
Та изъ моеи коси,
Ой падите, не тоните,
До батенька плините.

(Лозинск. 40).

- ¹⁾ Хожу блужу по берегу—тижененько вздыхаю,
Бидна моя головонька, що доли не маю.
- ²⁾ Бижить вода зъ пидѣ камня, не холодна, тенла,
Мати моя ридненькаля—визволь зъ сѣго пекла.
- ³⁾ Чого вода воломутна? чи не хвила била?
Чого дивка заплакана? чи не мати била?
- ⁴⁾ Ой лужечки бережечки вода поняла,
Молодую дивчиноньку журба обняла.
- ⁵⁾ Шумить вода, шумить вода, по каминью гучить—
Хто плакати та й не уміе—люба то научать. (Чт. 1864. IV. 331).
- ⁶⁾ Де матинка плаче—
Кривавая ричка,
Де сестричка плаче—
Слизная криничка. (Чт. 1863. IV. 193).
- ⁷⁾ А въ нашон Бондаривни червоная стричка,
Куди несли Бондаривну—кривавая ричка.

Или:

Поглянется козакъ Нечай на правее плече;
За нимъ, за нимъ, Нечаенкомъ, кривавая ричка тече.

- ⁸⁾ Шкода моеи уродоньки й високого росту;
Хиба пиду утоплюся зъ високого мосту!
- ⁹⁾ Ой завяжи, моя мати, китайкою очи,
Веди топить до дунаа темненькой ночи!

тогда, когда она была еще ребенкомъ. «Не смотрѣть было на красоту—утопить было меня въ холодной водѣ; не смотрѣть было на то, что я одна дочь у родителей—топить было меня въ глубокой криницѣ»¹⁾. Мысль, что лучше утопиться, чѣмъ выходить замужъ за немилаго человѣка, выразилась въ образѣ разсказа; дѣвица проситъ козака взять ее съ собою въ челнокъ, вдругъ вѣтеръ поднимаетъ волны, грозитъ вывернуть дѣвицу.... она проситъ козака спасти ее, общается отъ имени родителей коня и сѣдло. Козакъ изъявляетъ желаніе взять ее за себя замужъ. Дѣвица говоритъ, что ей лучше утонуть, чѣмъ выходить за него замужъ: въ морѣ утонетъ—успокоится, съ нимъ навѣкъ пропадетъ²⁾. Несчастнѣй горемыка всходитъ на крутую гору, глядитъ на быстрюю воду, ему приходитъ въ мысль утопиться³⁾, и даже молодецъ, которому на свѣтѣ скучно оттого, что ему не удастся жениться, думаетъ броситься въ воду⁴⁾. Есть въ пѣсняхъ разные разказы о невольномъ утопленіи. Такова очень распространенная пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ, послѣ котораго плаваютъ платокъ; видитъ это дѣвица, ломаетъ руки и проситъ рыбаковъ вытянуть утонувшаго молодца, чтобъ посмотреть на него, общая имъ за то и деньги и меду⁵⁾. Эта пѣсня разбилась на разные варианты, смѣшалась съ другими пѣснями, но въ сущности она есть пѣсня о Василѣ, превратившемся по смерти въ цвѣтокъ василекъ. Въ другой пѣснѣ, весенней, безспорно глубоко древней, описывается, какъ дѣвица пускаетъ на воду вѣнокъ изъ винограда, приговаривая: кто этотъ вѣнокъ поймаетъ, тотъ меня возьметъ. Молодецъ бросается ловить вѣнокъ и тонетъ, призывая своему коню не говорить, что онъ утонулъ, а сказать, что онъ женился, взявъ себѣ женище—чистое водище, собиралъ себѣ въ сваты морскихъ раковъ, а въ свахи щукъ; рыбы языки были у него музыкою, а вѣнчалъ его, вмѣсто лоша, желтый песокъ⁶⁾. Есть также пѣсня о томъ, какъ тонетъ чумакъ въ синемъ

- 1) Булюбъ тоби не вважати на хорошу вроду;
Булюбъ мене утопити въ холодную воду.
Булюбъ тоби не вважати, що я единця;
Булюбъ мене утопити, де глужа криница.
- 2) Лучче буду въ синимъ мори потопати,
Нежь зъ тобою виць коротати:
Въ мори утону—одпочину,
А зъ тобою на виць загину!
- 3) Ой вийду я, вийду на гору крутую,
Ой стану я, гляну на воду биструю:
Тамъ вода леіе—на неі дивлюся,
Таку думку маю—пиду утоплюся.
- 4) Чорни брови маю, та й не оженюся:
Хиба пиду до риченьки—та й утоплюся.
- 5) Втонувъ, втонувъ козаченько, лишъ хусточка плаве,
Ходить дивча по берегу, блии ручки ламле.
Ой нате вамъ, рибалочки, та пивзолотого,
Та витягнѣть козаченька та хочъ неживого:
Ой нате вамъ, рибалочки, меду нивбарильца,
Та витягнѣть козаченька та хочъ подивиться.
- 6) По саду хожу, виноградъ сажу,
А посадивши та й поливаю,
А поливаючи та й наципаю,

морѣ, мать хочеть спасти его и не можетъ ¹⁾). Потонуть вообще—образъ всякой гибели. Въ этомъ смыслѣ несчастіе описывается иносказательно потопленіемъ доли обыкновенно въ морѣ, и несчастная дочь просить у матери пустить ее купаться въ морѣ, нырять и искать своей доли ²⁾).

Есть образъ, любимый народною поэзіею и повторяемый во многихъ видахъ: что дѣвица утопаетъ и приглашаетъ отца, мать, братьевъ, сестеръ спасти ее; они не идутъ, а ея милый бросается къ ней на помощь ³⁾).

Въ числѣ образовъ, въ которыхъ является въ пѣсняхъ вода, довольно частый — челнокъ, наполненный водою; онъ вообще символъ полноты чувствъ, вариритръ: «плыветъ челнокъ полонъ воды и качается, сидитъ молодець близъ дѣвицы и выспрашиваетъ ее» ⁴⁾; или: «плыветъ челнокъ полонъ воды, плыветъ и весло: зачѣмъ, душа моя, ты меня такъ не любишь, какъ я тебя?» ⁵⁾; или: «плыветъ челнокъ полонъ воды, — какъ бы онъ не перевернулся: пошолъ мой

А нащипавши, виночокъ зовью,
Виночокъ зовью, на воду пушу.
Хто винокъ піймае, той мене вьзьме!
Обизвався молодець на сивнѣи кони:
— Я винка піймаю и тебе возьму! —
Ступивъ ногою — по поясъ въ воду,
Ступивъ ногою — та й зъ головою.
— Ой бижи, коню, зъ седломъ до дому,
— Не кажи, коню, що я вбився,
— А кажи, коню, що я женився,
— А взявъ жонухну чисту водухну,
— Збиравъ я свати — изъ моря раки,
— Збиравъ свашечки зъ моря шучечки,
— Мнѣи музички — рибичи язички,
— Мнѣи попочокъ — жовтий височокъ.

¹⁾ Та не найшовъ счастья доли, найшовъ смие море,
Ой якъ зійшовъ середъ моря, та й ставъ потонати,
Червоною хустиною на берегъ махати;
Нихто того чумаченька не йде рятовати,
Тільки йде рятовати ридненькая мати.
Изострѣла рибалочокъ, та й стала прохати;
Рибалочки молоді чинить мою волю,
Ой розкиньте тонкій невидъ по сивѣму морю! —
Рибалочки молоді воленку вводили,
Розкинули тонкій невидъ — сына уловили:
Тагнувъ сына до бережка — вода зъ рота льється,
Его мати старенькая въ сирю землю бється. (Метл. 462).

²⁾ Потопае моя доля у синѣму морі!
Пусти мене, моя мати, на море купаться:
Буду плавать, пуривати, доленьки шукати.

³⁾ За рученьку схопивъ
Зъ дунаечку вихопивъ.

⁴⁾ Пливе човенъ, води повенъ та й ся вихиліе:
Сидить хлопець коло панни, та й ся випитіе.

⁵⁾ Пливе човенъ води повенъ, пливе и весельце;
Чомъ ти мене такъ не любишь, якъ я тебе, сердце.

милый въ путь,—какъ бы онъ скоро не вернулся»¹⁾. Въ послѣднемъ примѣрѣ дѣвица сравниваетъ съ челнокомъ, наполненнымъ водою, своего милаго, думая, что онъ такъ ее любитъ, что не станетъ долго странствовать и вернется домой, соскучившись о ней.

Изъ видовъ естественнаго собранія водъ въ пѣсняхъ встрѣчаются чаще криница, рѣка и море. Озеро и прудъ рѣдки.

Криница значитъ вообще ключъ, источникъ; но специальное значеніе этого слова остается за такимъ ключемъ, который обдѣланъ въ срубъ и отличается отъ колодца (колодязъ) тѣмъ, что края сруба почти наравнѣ съ землею и воду можно доставать не посредствомъ машины, называемой журавлемъ, какъ изъ колодца, а черпая прямо ведромъ. Впрочемъ, въ пѣсняхъ «колодязъ» нѣрѣдко смѣшивается съ криницею.

Мы знаемъ, что источники и колодцы въ язычествѣ имѣли религиозное значеніе: имъ приносили жертвы. Поэтому едва ли мы ошибемся, если будемъ видѣть остатки мифологическихъ представленій въ той колядкѣ, въ которой изъ слезъ святого Николы образуется вода. Выше мы приводили ее по одному варианту: тамъ изъ слезъ образовалось озеро. Въ другомъ вариантѣ изъ тѣхъ же слезъ происходитъ криница, а изъ криницы богородица²⁾. Эту богородицу ничто не позволяетъ намъ считать христіанскою; вѣроятно, это существо языческое, олицетворенная криница, богиня, нимфа, впоследствии принявшая христіанское имя. Копаніе криницы—образъ ухаживанія за дѣвцею, приготовленія къ сватовству и самаго сватовства³⁾. У криницы мѣсто первой любви и вообще любовныхъ свиданій. Молодецъ вспоминаетъ, что у полевой криницы дѣвица плѣнила его сердце⁴⁾. Особенно любимый народною поэзіею образъ — козакъ поить коня, а дѣвица беретъ воду; тутъ между ними происходитъ разговоръ⁵⁾:

¹⁾ Пливе човень води повень—колибъ не схитнувся;

Пшовъ мильй у дорогу—колибъ не вернувся!

²⁾ Головку склонивъ, слизоньку зронивъ.

А зъ той слизоньки ясна криница,

А зъ тей кринички богородичка.

³⁾ Не копавши криниченьку водици не пити;

Не сватавши дивчиноньки, изъ нею не жити.

Или:

Викопаю криниченьку въ зеленімъ саду.

Чи не піде дивчинонька рано по воду.

Пришла моя дивчинонька раніше усихъ,

Та набрала ведерочка повнише усихъ.

Просивъ въ неѣ ведеречка—вона не дала;

Бодай тебе, дивчинонько, журба обняла.

⁴⁾ Ой у поли криниченька,

Тамъ холодна водиченька:

Тамъ дивчина воду брала,

Мое сердце завязала.

⁵⁾ Ой зъ-за гори туча вихожає,

А зъ другон дождчикъ накралає,

А въ криници вода прибуває,

Тамъ козакъ коня наповає,

Молода дивчина воду подливає,

козакъ просить дѣвицу напоить коня изъ криницы, а скромная дѣвица отвѣчаетъ, что она еще не принадлежитъ ему, чтобъ пить его коня ¹⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ, встрѣчаясь съ дѣвицею у криницы, замѣтилъ, что она боса,—хочетъ купить ей черевички, а дѣвица говоритъ, что у ней есть отецъ и мать,—они ей купятъ ²⁾. Дѣвица близъ криницы приглашаетъ козака въ домъ своихъ родителей ³⁾. У криницы стоитъ дѣвица, ожидая своего милаго ⁴⁾. Когда же придется ей слишкомъ застояться съ своимъ милымъ у криницы, милый научаетъ ее, какъ отолгаться предъ матерью, когда ее станетъ расспрашивать, гдѣ она такъ долго была,—«налетѣли сѣрые гуси, возмутили воду въ криницѣ, а я молода постояла, пока вода стала свѣтлюю» ⁵⁾. Пѣсня хочетъ выразить, что за молодца хотятъ выйти замужъ вдова и дѣвица, а мать молодца желаетъ, чтобы сынъ ея женился на дѣвицѣ, а никакъ не на вдовѣ; это выражается въ такихъ образахъ: и вдова и дѣвица ходятъ къ источнику близъ дома молодца, и молодецъ говоритъ вдовѣ, чтобъ она не ходила, потому что мать его не любитъ этого, не сдѣлаетъ сруба для криницы, не оплететъ ее барвинкомъ, не обмететъ василькомъ (символизмъ этихъ растений см. ниже въ отдѣлѣ о растеніяхъ); но дѣвицѣ онъ говоритъ совсѣмъ противоположное ⁶⁾.

Козакъ до дѣвични стиха промовлає.

Бо винъ ні сватити має.

- ¹⁾ Козаченьку мій, ще я не твоя,
Щобъ я тобі наповала коника зъ видра.
- ²⁾ Ой у поли верба—холодна вода,
Тамъ дѣвичина чорнаваа водицю брала.
Дѣвка одъ води, козакъ до води:
— Постій, дѣвко чорнаваа, дай коню води!—
— Не могу я встать, трава, роса,
Дѣвка боса, ниженькє болятъ.—
— Коли моя дѣвка будеть, черевички куплю.
— Не купуй ти мѣни, купи самъ собі,
Есть у мене отецъ-мати, куплять и вони.
- ³⁾ Ой у поли криниченька на чотири зводи.
Тамъ козаки наповали воронні кони.
Тамъ дѣвичина воду брала, руту пидливала,
Молодого козаченька у гости прокала.
Есть у мене отецъ-мати—будуть шанувати;
Медомъ виномъ козаченька будуть частувати.
- ⁴⁾ Ой у поли криниченька: видно дно:
Чомусь мого миленького не видно?
Ой стояла при криници цїлий день.
Не видала миленького вже тиждень. (Метл. 206).
- ⁵⁾ Налетїли сїри гуси,
У криници воду зколотили,
А я молода постояла,
Пока водица свѣтла стала.
- ⁶⁾ Ой на гори новий дїмъ,
Тамъ рублена криниця,
И холодна водиця;
Та внадилась удова ходити,
Молодого Петруся любити.

Полный воды колодець — символъ отдачи дѣвицы въ замужство. Мать, почерпая изъ колодца воду, сожалѣетъ о предстоящей разлукѣ съ дочерью ¹⁾ (о печальномъ образѣ замерзшей криницы см. выше о снѣгѣ).

Криница между дорогами — символъ сиротства и безпомощности. Подобно тому, какъ изъ криницы, находящейся близъ дорогъ, кто пожелаетъ, тотъ и пьетъ воду, такъ надъ сиротой всякій, кто захочетъ, тотъ и ругается ²⁾. Колодець въ пѣсняхъ — мѣсто сокрытія дѣвичьихъ преступленій. Есть общераспространенная пѣсня о Ковалевой дочери Катеринѣ, утопившей своего ребенка въ колодець (см. выше о вѣтрѣ).

Рѣка часто называется дунаемъ, въ смыслѣ нарицательнаго имени большой рѣки, и вообще носить эпитеты тихой или быстрой. Маленькая рѣка — ричка — почти всегда «быстрая».

То мнѣологическое представленіе объ образованіи изъ слезъ св. Николай воды, которое, по однимъ вариантамъ, относится къ озеру, по другимъ къ криницѣ, примѣняется также и къ рѣкѣ; здѣсь роняетъ слезу не святой Николай и не святой Петръ — ангелъ. По этой рѣкѣ плыветъ корабль, на которомъ сидитъ молодець, читающій книгу и пишущій письма. «Кто научилъ тебя читать книгу и писать письма?» Такой вопросъ ему задается. Онъ отвѣчаетъ: «меня научила мать родная, купая меня въ кудрявомъ пивѣ (по другому варианту въ кудря-

Обизветься Петрусь молоденький;

— Не ходи, вдово, по воду;
Моя матинка сѣго не любить,
И криниченьки не зрубить,
И барвиночкомъ не оплете,
И василечкомъ не обмете. —
Ой, на гори новый димъ,
Тамъ рублена криница,
И холодна водица,
Та внадилась дивчина ходити,
Молодого Петруса любити.
Обизветься молодой Петрусь:
— Ой, ходи дивчино, по воду,
Моя матинка сее любить,
И криниченьку зрубить,
И барвиночкомъ оплете,
И василечкомъ обмете —

¹⁾ Ой у городи стоявъ колодець,
Стоявъ колодець новень воды.
Ой вийде мати тей води брати,
Та зъ новенькими ведерками,
И тихъ повненькихъ не набрала.
Та слизюньками доливала:
Ой годувала дочку не годъ не два.
Та згудуваши — людамъ слуга,
Батеньку й матинци на вилъ туга.

²⁾ Ой такъ миня добре промижь ворогами,
Якъ тои криниченьци промижь дорогами;
Хто инде, хто йде — водици ваньеться,
Зъ мене молодон хто схоце сміється.

вой нятъ)» ¹⁾. Быть может, это—какой-то мнѳологическій изобрѣтатель письменъ, такъ какъ у языческихъ славянъ существовали, по свидѣтельству монаха Храбра, какія-то черты и рѣзы, которыми они передавали свои мысли до нѣкоторой степени; но, быть можетъ, этотъ образъ молодца на кораблѣ есть не богѣе, какъ способъ величанія молодца, которому колядуютъ. Но этотъ образъ, составляя самъ по себѣ предметъ особой колядки, является въ другой колядкѣ съ солнцемъ, мѣсяцемъ и происхожденіемъ рѣки изъ слезы. Пусть этотъ вопросъ рѣшатъ ученые, болѣе и спеціальнѣе насъ занимающіеся мнѳологіею.

Въ другой пѣснѣ, также колядки, дунай истекаетъ изъ крови замученнаго Христа ²⁾; вѣроятно, здѣсь именовъ Христа, какъ часто бывало, замѣнилось другое, мнѳическое имя, и самый этотъ образъ состоитъ въ связи съ происхожденіемъ Дуная изъ крови въ великорусскихъ пѣсняхъ. Въ одной бѣлорусской пѣснѣ мы встрѣтили также черты, указывающія на превращеніе въ дунай человѣческаго существа. «Суди, Воже, дождать весны! Поѣду, разгонюсь, превращусь въ дунай». Молодая вдова брала воду изъ дуная, разговаривала съ дунаемъ: «Дунай, дунайчик! Не тяжело ли тебѣ плескаться въ луга, обмывать бѣлый камень, разрывать желтый песокъ?» Потомъ слѣдуетъ обращеніе ко вдовѣ какъ бы отъ дуная ³⁾. Такой оборотъ напоминаетъ разговоръ князя Игоря съ Донцомъ въ «Словѣ о полку Игоря». Въ одной старой думѣ, сообщенной намъ почтеннымъ профессоромъ Дерптскаго университета А. А. Котляревскимъ, изображается разговоръ Днѣпра Словуты (Днѣпре Словутицю—«Слово о полку Игоря») съ Дунаемъ: здѣсь Дунай уже имя собственное. Днѣпръ спрашиваетъ Дуная: «Что это я своихъ козаковъ не видалъ? Или твое дунайское гирло ихъ пожрало, или твоя дунайская вода моихъ козаковъ забрала?—Промолвилъ тихій Дунай: Днѣпръ, батюшка Словута, самъ я себѣ думаю и гадаю, что дѣтей своихъ у себя не вижу; уже четверть года—три мѣсяца—проходитъ, какъ твоиъ

- ¹⁾ А въ бору, въ бору волохи гудуть,
Волохи гудуть, церковь будутъ,
Зъ трома верхаи, зъ трома викнаи.
Въ перше виконце—вдарило сонце,
Въ друге виконце—ясний мѣсячокъ,
Въ третье виконце—анголь линувъ.
Анголь линувъ, слязоньку вронивъ,
А зъ тоя слѣзи бжигить риченька:
На тій риченьци плыве корабель,
На тимъ корабли молодой козакъ.
Въ книжку читае, лѣстоньки пише.
Хто тебе навчивъ книжку читати,
Книжку читати, листи писати?
Навчила мене ридная мати,
Въ кудравинѣ ниви купаючи,
Въ дорогѣ крамнину сповѣваючи.
- ²⁾ Колись то було изъ предка вика,
Коли жидовъ Христа мучила,
Шипови шпильки за ногти гнала,
Зъ пальца-мизниця кривця капала.
Де кривця капне, тамъ дунай стане.

³⁾ См. пѣсни изд. Гильтебрантомъ, стр. 228.

дѣтей у меня нѣтъ. Не мое дунайское гирло ихъ пожрало, не моя дунайская вода твоихъ дѣтей забрала,—турки ихъ не перестрѣляли, не изрубили, не отослали въ Царьградъ. Всѣ мои цвѣты луговые и низовые поблекли, не видя твоихъ козаковъ»¹⁾).

Далѣе разсказывается о томъ, что козаки разорили огнемъ и мечомъ бурсманскіе города, набирали вдоволь добычи и возвращались до рѣки (?) Хортицы, тамъ переправлялись, прибывали къ стародавней Сѣчѣ и въ Сѣчѣ дѣлили добычу, пили медъ и водку, просили Господа Бога за весь міръ. Это разсказывается какъ бы по свидѣтельству низовыхъ рѣкъ, названныхъ помощницами Днѣпра²⁾. Подобное же выраженіе о рѣкахъ помощницахъ Днѣпра встрѣчается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ³⁾, гдѣ рѣки, помощницы Днѣпра, означаютъ козаковъ гетмана. Есть еще иное представленіе о Дунаѣ: въ одной изъ колядокъ онъ истекаетъ изъ божьихъ слезъ и объ этомъ говорятъ между собою мѣсяцъ и звѣздочка⁴⁾.

Разливъ рѣки сопоставляется съ разгуломъ любви⁵⁾... Но вообще въ малорусской пѣсенности рѣка приходится чаще всего въ значеніи препятствія.

1) Пѣтається Днѣпро тихого Дунаю:

Тихий Дунаю, що я своїхъ козаківъ не видаю?
Чи твое дунайське гирло моихъ козаківъ пожерло,
Чи твоя Дунай—вода моихъ козаківъ забрала?
Промовить тихий Дунаю до Днѣпра Словути:
Днѣпре, батько Словуто! самъ я собі думаю-гадаю,
Що твоихъ козаківъ у себе не видаю;
Уже чверть рока—три місяці вибиває,
Якъ твоихъ козаківъ у мене немає;
Не мое Дунайське гирло твоихъ козаківъ пожерло,
Не моя Дунай-вода твоихъ козаківъ забрала,
Іхъ турки не ворубали, не постріляли,
До города Царьграда въ полонъ не забрали.
Всі мої квіти луговні й низовні понидили,
Що твоихъ козаківъ у себе не видили.

2) Которіи козаки черкескимъ полемъ гуляли,
Ріки низовні, помощници Днѣпровні, добре знали.

3) Ой ріки, каже, ви, ріки низовні,
Помощници Днѣпровні,
Або мнѣ помочи дайте,
Або мене зъ собою вивзміте!

(Метл. 380).

4) Ишовъ, перейшовъ місяць по небу,
Та й зустрічався зъ ясною зорею.
Зирнице-сестрице, ходимо вкупи,
Ходимо вкупи Бога шукати,
Найти намъ Бога въ пана господаря,
На стіль схилився, слизеньку зронивъ,
Де слеза капне, тамъ дунай стане.

5) И на той бочокъ
И на сей бочокъ
Ріка розлилася;
Стоить дивка зъ парубкомъ,
Та ще й обнялася.

Перейти или даже перескочить рѣку значить преодолѣть препятствія. Молодецъ, разлученный съ возлюбленной, которая въ его отсутствіе вышла замужъ за другого, изображаетъ свои чувства такимъ образомъ: онъ хотѣлъ бы поѣхать на другой берегъ рѣки, гдѣ находится его милая, но она ему говоритъ, что достаточно посмотрѣть на нее издали; вѣдь говорила она ему, когда стояли они вѣсть подъ навѣсомъ: не ходитъ бы ему въ Крымъ за солью, а то застанеть ее подъ уборомъ замужней женщины ¹⁾. Подобно тому, молодецъ, который не можетъ придти ночью къ своей милой на свиданіе, воображаетъ предъ собою дунай: вѣтъ ни челна, ни весла, вѣтъ ему возможности добраться до своей цѣли ²⁾. Молодецъ приглашаетъ дѣвицу подать ему руку черезъ рѣку ³⁾, то-есть разрушить ту преграду, которая поставляется между молодежью обоого пола, или же—идти къ нему въ бродъ черезъ рѣку ⁴⁾, что уже значить предаться ему, несмотря ни на что. Съ своей стороны молодецъ бредетъ черезъ рѣку къ своей милой ⁵⁾ и въ такихъ-то случаяхъ является образъ зажженной свѣчи, которую дѣвица должна освѣщать путь своему милому ⁶⁾. Дѣвица хочетъ сказать, что она во что бы то ни стало хочетъ выйти замужъ за своего милаго и выражаетъ эту мысль образомъ перескакиванія черезъ рѣку ⁷⁾, а въ одной галиц-

1) Колибъ минн новий човенъ, та й новее ще веселечко,
Сивъ би поихавъ на той бережечокъ, де дивчина мое сердечко.
На що тобі новий човенъ и новее ще веселечко?
Стань, подивись здалека на мене, козаченько мое сердечко.
Чи я жъ тобі не казала, якъ стояли пидъ повиткою,
Не ходитъ було у Крымъ по сіль—то застанешъ пидъ намиткою.

2) Пробиваю край Дунаю,
Я за тебе все думаю,
Коби човенъ и веселце,
Ночовалъ бихъ у тя сердце.
А ни човна, ни повода,
Мушу почувати дома. (Чт. 1866. I. 535).

3) Черезъ риченьку, черезъ биструю,
Подай рученьку, подай другуу...
Или:
Ой тамъ за ричкою ходитъ молоденька,
„Черезъ ричку подай ручку дивчино миленька!“
— Ой рада бъ я, мій миленькій, обидви подати,—
Сидитъ въ хати пидъ виконцемъ ридненская мати.—

4) Нема броду, нема лѣду, нема переходу,
Коли мене вирне любишь,—бреди черезъ воду!
— Перебрела дви риченьки, половину ставу:
Не вводи мене, козаченько, въ великую славу.

5) Нема лѣду, нема броду, нема переходу..
А Василько до Оксани бреде черезъ воду.

6) Ой засвिति, дивчинонько, восковуу свичку:
Нехай же я перебреду съ биструю ричку.

Или:

Ой зсучу я яру свичку, та й пошлю на ричку;
Буде мому миленькому видно на всю ричку.

7) Тече ричка невеличка—схочу перескочу:
Одай мене, моя мати, за кого я схочу!

кой пѣснѣ съ трудностью полюбить старика сопоставляется трудность перескочить рѣку ¹⁾. Рѣшительное расторженіе любовной связи также выражается образом перескакиванія черезъ рѣку ²⁾. Разлука съ родными и близкими также вызываетъ образъ перехода черезъ рѣку: «Хоть по шею въ воду, лишь бы къ своимъ роднымъ; хоть и обмокну, да у своихъ родныхъ обсохну,—все-таки съ своимъ родными побѣдую» ³⁾. Эта же мысль выражается цѣлымъ разсказомъ. Женщина, грустя въ чужой сторонѣ, недовольная и своимъ замужествомъ, по-рывается къ роднымъ и воображаетъ себѣ, что приглашаетъ перевозчиковъ перевезти ее: перевозчики не дослышали, и она сама садится въ челнокъ, отпихиваетъ его отъ берега и плыветъ къ своимъ роднымъ. Съ берега заглядываетъ ее мать и зоветъ къ себѣ ⁴⁾.

Подобно тому сирота, молодецъ, находясь на чужбинѣ, изображаетъ свое горькое житіе такъ, какъ будто ему велятъ плыть черезъ Дунай, и онъ въ раздумьи—плыть ли ему или утопиться ⁵⁾. Рѣка—путь въ чужую сторону и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы виновница сиротства въ чужой сторонѣ. Молодецъ про-кликаетъ ту рѣку, которая занесла его въ чужой край и разлучила съ родными ⁶⁾. Сообразно съ этимъ представленіемъ рѣка Дунай—символъ отдаленности. Молодецъ, находясь въ разлукѣ съ дѣвицею, спрашиваетъ ее: гдѣ она находится? и затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ отъ дѣвицы: «я нахожусь близъ Дуная. вспоминаю о тебѣ, душа моя». Мужъ, которому жена опротивѣла, хочетъ спровести ее далеко отъ себя и выражаетъ эту мысль такимъ образомъ, что онъ

¹⁾ Колибъ ричка не величка—я бъ перескочила,
Колибъ милій не сивенькій—я бъ его любила!

²⁾ Перескочу бистру ричку, а ни доторкнуся,
Перестану ты любить, а ни подивлюся. (Чт. 1664. 388).

³⁾ Хоть по шию въ воду, та до своего роду,
Хоча обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки съ своимъ родомъ та наговорюся.

⁴⁾ Сама я сама лѣзъ билина въ поля:
Не давъ мнѣ Господь Богъ ни счастья, ни доли,—
Ни счастья, ни доли, ни дружини по любви.
Ой иду я молодая, до броду по воду.
Перевизчики! перевизить до роду!
Перевизчики де-сь то не ночули.
Сила соби въ човничокъ, одъ берега одишнула,
Оглянулась назадъ себе, та въ долони плеснула.
Нихто не почуе, тильки ридная мати,
Одчиняе кватироньку: „ходи, дою, до хати.
Бреди, бреди, моя дою, холодною рикою,
Ходи, дою, до хати, поговори зо мною!“

⁵⁾ Горе мнѣ на чужини—зовуть мене заволокою,
Велятъ мнѣ Дунай плести, Дунай ричку та глибокую.
Чи мнѣ плести, чи мнѣ брести, чи мнѣ въ неи утопитися,
Видна моя та головонько, ни до кого прихилитися!

⁶⁾ Бодай тая ричка куширомъ заросла,
Що вона мене молодого въ чужий край занесла!
Бодай тая ричка риби не вилодила;
Що вона мене молодого зъ родомъ розлучила!

сажает свою немилую жену на корабль и пускает ее по Дунаю ¹⁾. Въ за-
порожской пѣснѣ плачь кошевого атамана о разрушеніи Сѣчи сравнивается съ
рѣвою, которая поднимаетъ утѣсь: этияъ выражается глубина печали ²⁾.

Море—хотя въ настоящее время предметъ мало знакомый большей части
малорусскаго народа по нѣстамъ его жительствова, но встарину оно, какъ и
поле, было поприщемъ козацкаго удалства. Козакъ любилъ море и вспоминалъ
о немъ, уже переставъ быть участникомъ геройской славы отцовъ своихъ ³⁾.

Въ разрадѣ былевыхъ думъ есть нѣсколько специально освѣщенныхъ ко-
зацкини подвигами на морѣ. Въ одной изъ нихъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ—море
представляется живымъ существомъ; кошевой велитъ ему исповѣдывать грѣхи ⁴⁾
и одному изъ козаковъ, за кѣмъ больше грѣховъ, броситься въ море для уто-
ленія его гнѣва ⁵⁾. По одному изъ вариантовъ этой думы, сознавшемуся въ
грѣхахъ своихъ онъ приказываетъ разрубить мизинецъ и спустить въ море крови,
и море, умиловленное этою кровью, успокоивается ⁶⁾.

Здѣсь, вѣроятно, остатокъ языческаго мировоззрѣнія, напоминающій тѣ че-
ловѣческія жертвы, которыя совершали древніе южноруссы въ своихъ морскихъ
походахъ для спасенія себя отъ морскихъ бурь.

Къ веснянкамъ есть припѣвъ: играй, море, играй, синее ⁷⁾, и это заста-
вляетъ предполагать, что въ древности почитаніе моря входило въ весенній

1) Та купивъ чумака корабель новий,
Корабель новий, ще веселечко;
Посадивъ милу у корабличокъ,
Одпихнувъ ні та одъ бережка.
Корабель плыве, ажъ Дунай реве,
А мила сидить, якъ свича горить.

2) Тече ричка невеличка, підмиває кручи;
Ой заплакавъ панъ кошовий до цариди йдучи.

3) Гуляли ми на полі и на морі,
А теперъ zostалися боси и голи.

4) Сповидайтеся, панове, Черному морю
И мина отаману кошовому.

5) Въ Чорнее море владите,
Виська козацкаго не губите!

6) Добре ви дбайте,
Олексія Поповича на чердакъ виводите,
Правои руки пальца мизинця урубайте,
Християнської крови въ Чорнее море впускайте.
Якъ буде Чорнее море кровъ християнску пожирати,
То буде на Чорному мори супротивна валечная—хвиля утихати.
Тоди козаки добре дбали,
Олексія Поповича на чердакъ виводили,
Правое руки пальца мизинця урубали,
Християнської крови въ Чорнее море впускали.
Стало Чорнее море кровъ християнської пожирати,
Стала на Чорнимъ мори супротивна валечная хвиля утихати.

(Вариантъ Котляревск.).

7) Грай, море, грай, синье!
Или:

Грай, море; свити, зоре!

культъ Лады. Тотъ же припѣвъ встрѣчается ¹⁾ и въ другого рода пѣсняхъ.

Въ пѣсняхъ, вообще, море, являясь съ признаками, общими водѣ, чаще всего имѣетъ мрачное значеніе. Даже играніе моря сопровождается грустными событіями: напримѣръ, рано въ воскресенье играло синее море, а мать отправляла дочь въ далекій путь ²⁾; или, какъ поется въ свадебной пѣснѣ ³⁾: играло море, а дѣвица тонула. Несчастная дочь просить у матери позволить ей купаться въ морѣ—искать утраченной доли ⁴⁾. Мать надъ синимъ моремъ плачетъ о погибшемъ сынѣ ⁵⁾. Козакъ сидитъ надъ моремъ и жалуется - на свою долю; чужіе люди ничего не дѣлаютъ и хорошо живутъ, а онъ работаетъ, старается—и у него нѣтъ ничего; доля изъ-за моря отвѣчаетъ ему, что виновата не доля, а его воля ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ также козакъ тяжело плачетъ надъ моремъ ⁷⁾.

Въ иной пѣснѣ молодецъ сидитъ на камнѣ, стоящемъ на синемъ морѣ, играетъ на сопилкѣ и груститъ о своемъ одиночествѣ ⁸⁾.

Видя летающаго орла надъ моремъ, козакъ груститъ о своемъ сиротствѣ въ чужой сторонѣ ⁹⁾. Птицы на морѣ—образъ нерѣдкій и всегда почти печальный ¹⁰⁾, потому что здѣсь играетъ роль море: безъ него птицы эти не составляютъ въ народной поэзіи печальнаго символа. Иногда образомъ птицъ на морѣ начинаются пѣсни: такъ, соколъ съ орломъ купаются на морѣ, соколъ разспрашиваетъ орла, а орелъ рассказываетъ ему, что гдѣ-то въ полѣ стоитъ шатеръ

1) Грай, море, грай, синье,
Чорне море, добре море...

2) Въ неділю рано синье море грало;
Виражала мати дочку въ чужу стороночку,
Въ чужу стороночку, въ далеку дорогу.

3) Въ неділю рано синье море грало,
Настусенька потопала.

4) Пусти мене, мол мати, на море купаться;
Буду плавать, пурнати, доленьки шукати.

5) Ой при мори, при синьему,
Плаче мати по синові.

6) Тай сивъ надъ водою, проклинае долю:
Доле моя, доле, чомъ ти не такаа,
Чомъ ти не такаа, якъ доля чужаа?..
Обизвалась доля по тимъ боци моря:
Козаче-бурлаче, дурний розумъ маєшь,
Що ти свою долю марно проклинаєшь:
Та невинна доля, винна твоя воля.

7) Сидить козакъ біля моря,
Та й тяженько плаче.

8) На синимъ мори каминь мармуровий,
На нимъ сидить хлопець чорнобровий,
Сидить собі, въ сопилочку грає;
Тажко ёму на серденьку, що дружиньки немає.

9) Летивъ орелъ по надъ моремъ, та й летючи крикнувъ:
Тажко жити на чужини, бо я не привикнувъ.
Летивъ орелъ по надъ моремъ: ой дай, море, пити!
Ой якъ тяжко сиротини на чужини жити.

10) Ой надъ моремъ та білий каминь,
Тамъ козакъ зъ орломъ гадає.

и такъ лежитъ убитый козакъ ¹⁾); или «плавали лебеди на морѣ синемъ,—заплакали черноморцы о своемъ горѣ» ²⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ соколы купались на морѣ, пили воду и полетѣли на сговоръ, гдѣ разлучаютъ невесту съ родителями ³⁾). Въ другой пѣснѣ эти соколы замѣнены ангелами на морѣ ⁴⁾): образъ все-таки печальный, потому что главнымъ образомъ идетъ дѣло о разлукѣ.

Трудность переплыть море служитъ сравненіемъ трудности перенести горе ⁵⁾. Утопленіе въ морѣ ⁶⁾ имѣетъ ту особенность, что море не принимаетъ желающаго утопиться. Замѣчательно, что такого оборота нѣтъ тамъ, гдѣ говорится объ утопленіи въ рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ море принимается въ смыслѣ смерти. Вообще, это выраженіе равносильно выраженію: земля не принимаетъ. Тутъ слышится древняя связь моря съ смертью, выражающаяся рѣзко въ образѣ Морены—богини смерти и воды. Въ купальской пѣснѣ смерть посылается на море. Въ древности море было общинъ кладбищемъ: самый древній способъ погребенія былъ пусканіе мертвца на лодкѣ по водѣ. Дно моря—символь погибели; несчастный, не ожидая себя облегченія, говорить, что его доля утопула и находится на двѣ моря. И въ думѣ объ Олексѣ Поповичѣ, о которой мы упоминали выше, выраженіе: молитва вынимаетъ душу изъ дна моря—значитъ вообще, что молитва спасаетъ отъ крайней погибели. Отсюда и рекрутскій наборъ, который всегда ненавидѣлъ народъ, вызываетъ сближеніе съ моремъ: создается образъ, что по морю плыветъ корабль, на которомъ сидятъ молодцы, ѣдятъ, пьютъ и совѣтуются между собою, кого отдавать въ рекруты ⁷⁾.

- 1) Ой на моря, на синѣму,
Сокиль зъ орломъ кудается,
Сокиль орла питається:
— Чи не бувъ орле на чужій сторони?
Ой у поли та наміть стоить,
А тамъ козакъ убитъ лежить.
- 2) Ой плавали лебедоньки на синѣму моря,
Заплакали черноморци объ своему гори.
- 3) Ой на моря, на камини
Два соколи воду пили,
Злились вони, политили
До Маруси на заручини,
Де Марусю розлучають
Изъ батенькомъ и зъ ньенькою.
- 4) Ой на моря, на камени
Тамъ стояли два анголи.
- 5) Ой якъ тяжко плисти море,
Ой такъ тяжко знести горе.
- 6) Ой зійду я на гороньку,—
Синье море грає;
Ой радъ би я утопитись,—
Море не приймає:
Прийми мене, синє море,
Бо й такъ мини горе.
- 7) Ой по морю, по синему морю.
Тамъ плавало суденце, малѣване денце,
А у тому суденцю пятьдесятъ молодцнвъ,

Символика растений.

А. Травянистая.

Рута, мята, шевлія (*salvia*) шалфей, также фіалка ¹⁾, и отчасти, вѣроятно, лебеда—въ народной поэзіи символы дѣвственности, строгости нравовъ, женской неподатливости, удаленія отъ любви, разлуки и одиночества. *Рута* занимаетъ первое мѣсто. Святъ руту, поливать ее—образы, частые въ народной поэзіи, всѣ вообще имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ дѣвческаго незнакомства съ пологою любовью и храненія чистоты. Вѣнокъ вообще есть символъ дѣвческаго состоянія, а вѣнокъ изъ руты самый дѣвственный ²⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ рута играетъ важную роль въ значеніи чистоты невѣсты; въ веснянкахъ рута прославляется припѣвами ³⁾, какъ образъ дѣвственности и весенней природы и вѣстѣ юнаго, полного невинности возраста дѣвицы, которымъ почти исключительно принадлежитъ пѣніе веснянокъ. Рута носитъ эпитетъ ярой (то-есть молодой, яркозеленой) и крутой, то-есть суровой, крутой въ томъ смыслѣ, въ какомъ это прилагательное припѣвается къ чедовѣку.

Дѣвица, выражая свою рѣшимость хранить свою дѣвственность, говорить, что она посѣтъ руту и будетъ ее поливать ⁴⁾, а при первомъ сближеніи съ молодцомъ, опасаясь увлечься и потерять невинность, проситъ его не пускать своего коня топтать ея руту, то-есть не воспользоваться ея молодостью и не обмануть ее ⁵⁾. Если дѣвица въ обращеніи съ молодцомъ не дозволяетъ себѣ никакихъ изліяній любви—это выражается образомъ поливанія руты; въ одной пѣснѣ, приведенной уже нами выше, дѣвица, разговаривая съ козакомъ близъ

Вони пють, идять, соби раду радять,
Кого въ некрути взять.

¹⁾ Названія этихъ травъ не туземныя, а латинскія. Рута и шалфей играли важную символическую роль въ среднихъ вѣкахъ, но не въ томъ смыслѣ, какой получили у малоруссовъ. Имъ приписывали охранительную силу, какъ показываютъ латинскіе стихи:

Non est metus mortis
Cui est salvia in hortis.

Или:

Salvia cum ruta
taciunt tibi pocula tuta. (Макс. Малор. пѣс. 1867. XVII).

²⁾ Въ западной средневѣковой Европѣ вѣнокъ изъ руты и шалфея былъ символомъ весни. Въ римованной хроникѣ Оттокара, гдѣ разсказывается убійство императора Альбрехта племянникомъ его Іоанномъ Альбрехтомъ, на праздникъ первого мая раздавались рыцарямъ вѣнки изъ руты и шалфея (*Uhlandvolkeslieder. II. R. Abhandlung. стр. 32.*

³⁾ Зеленая рутоныка жовтий цвѣтъ!

⁴⁾ Ой посію яру руту, буду пидливати.

⁵⁾ Пусти коня по отави, та въ зализнимъ пути,
Прошу тебе—хай не ходитъ по моеи рутѣ.
Бо на рутѣ жовтий цвѣтъ, сама зелененька,
Прошу тебе: не зрадь мене, бо я молоденька!

криницы, воду брала, руту поливала, козачка въ гости зазывала къ ея отцу и матери, а не тайно къ себѣ. Невѣста, сожалѣя о покидаемомъ родительскомъ домѣ, просить отца не отдавать ее и дозволить ей еще сносить въ его домѣ вѣнокъ изъ руты, то-есть остаться непорочно дѣвнцемъ, но отецъ отвѣчаетъ, что и такъ уже она сносила не одинъ и не два вѣнка изъ руты, и не разъ пренебрегала добрыми людьми ¹⁾). Свадебныя дружки поютъ невѣстѣ: «отчего ты печальна? Вѣдь твоя рута зелена» ²⁾), разумѣя чистоту ея до замужества. Вражное нарушеніе дѣвства выражается образомъ разсыпанной руты ³⁾). Какъ молодой дѣвицѣ, чуждой еще любовнаго чувства, идетъ рута, такъ она не встаетъ замужней женщиной, особенно пожилой; въ одной насмѣшливой пѣснѣ говорится о пожилой женщинѣ, которая имѣетъ притязаніе казаться подобною молодой дѣвицѣ, что она себѣ заткнула руту за наметку ⁴⁾).

Молодцу, ищущему взаимности отъ дѣвицы, естественно, не нравится строгость дѣвицы, и онъ просить ее не поливать руты ⁵⁾). Сама дѣвица, желая предаться любви, говоритъ, что ей досадно, затѣмъ рута растетъ въ огородѣ и разрастается по берегу ⁶⁾), ей за врагами, поддѣлывающими ея свиданія, нельзя любить милаго, и она рѣшается истребить суровую траву: ея враги лягутъ спать, а она погуляетъ ⁷⁾). Образъ срыванія руты, а также увяданія означаетъ прекращеніе дѣвства и податливость дѣвицы любовнымъ ощущеніямъ. Рута увядаетъ подъ ногами дѣвицы, которая стоитъ (выраженіе само по себѣ въ народномъ языкѣ означающее или предполагающее любовь) съ молодцомъ ⁸⁾). Лишеніе невинности дѣвицы выражается также срываніемъ вѣнка изъ руты. Дѣвица, сознаваясь матери, что она потеряла невинность, говоритъ, что съ нея сорвалъ вѣнокъ изъ руты молодой козакъ ⁹⁾).

Если половая любовь не терпитъ руты, то любовь родственная не чуждается ея, выражается такими образами, относящимися къ рутѣ, которыми обыкновенно означаетъ удаленіе отъ половой любви ¹⁰⁾).

- ¹⁾ Не дай мене, мій батенько, одъ себе,
Най же я схожу зъ руты виночокъ це въ тебе!
— Не единъ-есть не два зъ руты виночки зходила;
Не разъ-есть не два добрыми людьми згордала.

(Жет. Паул. I. 99).

- ²⁾ Чого, Марьечко, смутненька:
Твоя рутонька зелененька!
³⁾ Росипалася руточка
Зъ золотого кубочка.
⁴⁾ Захотила вража баба молодою бути:
Напихала за наметку зеленои руты.
⁵⁾ Ой перестань, дивчинонько, руту підливати;
Нехай же я перестану тяженько вдихати:
⁶⁾ Крута рута берегами поре.
⁷⁾ Ой иду я руты крутій верхи позриваю;
Вороженьки спати ляжуть, а я погуляю.
⁸⁾ Де Маруся зъ Иванькомъ стоила,
Тамъ ярая рутонька зивляла.
⁹⁾ Ихавъ полемъ козакъ молоденькій,
Зирвавъ зъ мене винокъ рутяненський.

- ¹⁰⁾ Подолянка руту сіе,

Рута не всегда непременно соединяется съ представлѣніемъ о дѣвственности, но иногда означаетъ удаленіе отъ половой любви, разлуку съ предметомъ любви и одинокую жизнь, хотя бы это относилось къ лицамъ, не сохранившимъ дѣвства, или, по крайней мѣрѣ, уже знакомымъ съ любовнымъ чувствомъ. Молодецъ, разлучаясь съ возлюбленною, проситъ ее каждый день утромъ и вечеромъ прикладывать зеленую руту къ головѣ, чтобы быть здоровою ¹⁾, то-есть не предаваться любовной тоскѣ и удаляться отъ любовныхъ ощущений вообще. Быть можетъ, прежде здѣсь былъ смыслъ буквальный: рута дѣйствительно при знавалась съ свойствомъ утоленія любовныхъ побужденій. Умершій изъ супруговъ завѣщаетъ оставшемуся въ живыхъ не вступать въ бракъ и не печалиться, а посвятить ярую руту на надгробномъ камнѣ ²⁾. Дѣвица-сирота, живя между врагами, не имѣя никого близкаго сердцу, выражаетъ свое житье образомъ посѣянной руты ³⁾; а также дѣвица, разлучившись съ милымъ, зная, что ей уже не сойтись съ нимъ, говоритъ, что у нея въ саду три куста руты ⁴⁾.

Рута также символъ непривѣтливости женщины ⁵⁾ и даже жестокости и злодѣянія, совершаемаго надъ личностью другого пола. Такъ въ пѣснѣ, въ которой описывается отравленіе молодца посредствомъ яда, даннаго ему дѣвцею въ пироги, говорится, что въ одномъ концѣ этого пирога была крутая рута (по другому варианту шевлія и рута), а въ другомъ гибельный ядъ ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ мужъ, отравленный своею женою, которая потомъ на его могилѣ раскаивается въ своемъ поступкѣ, отвѣчая ей изъ могилы, называетъ ее крутою рутю ⁷⁾. Наконецъ, рута вырастаетъ на могилѣ пана, убитаго своею паньею ⁸⁾

Сіе-сіе, пидливае,
Ой братъ сестру обіймае,
Обіймае не чужую.

1) Приложи ти, моя мила, до головки руты;
Клади рамо, изъ вечера, щобъ здоровій бути.

2) Не кажу тобі женитоньки,
Не кажу тобі тужитоньки,
Посій же ти руту круту на снѣгъ каменю.

3) Насіяла кругомъ руты поміжъ берегами;
Ой якъ мнѣ тяжко-важко проміжъ ворогами.

4) Ой у мене у городи три копчики руты;
Кохавшися, любившися, вкупи намъ не бути.

5) У заличку рута,
Господина крута.

6) Въ першимъ рози у пирози та крутая рута,
Въ другимъ рози у пирози лихая отрута.

7) Руту моя круто, зелена руту,
Першесь мене истроила, не дала-сь ми жити,
А теперъ ми не даешъ щей въ гроби лежати.

(Чт. 1868. IV. 190).

8) Пани пана забила,
Въ огородку ёго сховала,
Рутку на немъ посіяла:
Росни, рутко, високо,
Якъ панъ въ земли глибоко;
А рутка си збахтала,
Ажъ до вигна достала.

(Чт. 1868. III. 729).

(бѣлорусскій вариантъ этой пѣсни послужилъ Мицкевичу основой для его баллады—Лилія).

Въ тѣхъ же значеніяхъ, въ какихъ является въ пѣсняхъ рута одна, она является вмѣстѣ съ мятою и даже какъ бы составляя одно растеніе съ двойнымъ названіемъ *рута-мята*. Въ свадебныхъ пѣсняхъ дружки спрашиваютъ невѣсту: зачѣмъ она болѣе не ходитъ въ садъ и не полетъ своей руты-мяты? Невѣста влагается такой отвѣтъ: «уже мнѣ теперь, подружки, не до руты, когда связали съ Иваномъ руки» ¹⁾, то-есть—теперь уже она лишается дѣйства, выходя замужъ. Оставляя родительскій домъ, невѣста хочетъ выразить мысль, что мать, разлучившись съ дочерью, будетъ скучать о ней и, вспомя гдѣа ея дѣйства, заплачетъ; она говоритъ къ матери: вставай, матушка, раненько, поливай мою руту-мяту частенько, поздними вечерними зорями—своими частыми слезами ²⁾. Прополоть (въ смыслѣ—не выполоть другую траву между рутю, а вырвать ту самую, о которой идетъ рѣчь) руту-мяту значитъ овладѣть любовью дѣвицы ³⁾. Подобно тому, какъ рута, и рута-мята, враждебная половой любви, можетъ служить символомъ любви родственной,—женщина, ожидавшая къ себѣ отца и мать, садитъ руту-мяту, но рута-мята не принимается, это—символь того, что отъ бѣдной женщины отрекаются родные ⁴⁾.

Рута является также съ *шевлією* символомъ разлуки съ милымъ, а соединеніе съ нимъ выражается образомъ вырванія этихъ растений по слѣдамъ возлюбленнаго ⁵⁾.

Мята одна, подобно рутѣ, носитъ эпитетъ крутой и является почти со-

- 1) Чому ти, Марусенько, у садъ неходишь,
Ой чому ти руты-мяты не полешь?
Ой теперь мині, дівочки, не до руты,
Що звязали изъ Іванькомъ руки.

(Метл. 125).

- 2) Ой оддаешъ мене, матинко, одъ себе
Зостається рута-мята уся въ тебе.
Уставай, моя матинко, раненько,
Та поливай руту-мяту частенько,
Пизними вечерними зорями
И своїми дрибними слизами.

- 3) Посію я руту-мяту надъ водою,
Та вродиться рута-мята зъ лободою.
Ой хто тую руту-мяту прополе,
То той мене, молодую, пригорне.

- 4) По городу хожу,
Руту-мяту сажу;
Рута-мята та не принялася,
Родиноньба видрилася.
Та казали люде:
Батько въ гости буде,
А батенько інде,
На двирь не погляне.

- 5) Нема мого миленького, нема ёго тута,
Посходила по слидонькамъ шевлія та рута;
Я шевлію пересію, руту пересмичу,
Таки свого миленького къ соби перекличу!

вершенно въ тѣхъ же образахъ и всегда въ томъ же смыслѣ, какъ и рута; напр., дѣвица съетъ крутую мяту между берегами: ей тяжело отъ враговъ; она рѣшается сорвать верхи у крутой мяты: уже ея враги спать легли ¹⁾, подразумевается—она уйдетъ на свиданіе съ молодцомъ; здѣсь—то же, что и въ вышеприведенной пѣснѣ о рутѣ. Отказывая молодцу во взаимности, дѣвица говоритъ ему: «не ходи по избѣ, не топчи кудрявой мяты» ²⁾; напротивъ, предаваясь милому, она проситъ его вмѣстѣ съ нею походить по избѣ и потоптать кудрявую мяту ³⁾. Дѣвица, желая молодцу дать знаніе аллегорически, что она не очень податлива, на вопросъ его: «не изъ барвинка (символь любви) ли ты свита?» отвѣчаетъ: «нѣтъ, не изъ барвинка, а изъ кудрявой мяты» ⁴⁾. Подобно тому, какъ невѣста, уходя изъ родительскаго дома, поручаетъ матери ходить за своею рую-мятою, такъ невѣста поручаетъ своей матери мяту, которая пригодится ея младшей сестрѣ, остающейся пока въ дѣвчествѣ. Эта сестра будетъ украшать себя мятою и любоваться ея благовоннымъ запахомъ ⁵⁾. Мята, съ одинакомъ символическимъ значеніемъ, какъ и рута, отличается отъ послѣдней тѣмъ, что рута никогда не примѣняется къ мужскому полу; напротивъ, мята, въ пѣсняхъ, представляется украшеніемъ шапокъ молодцовъ ⁶⁾. Есть также образъ купанья въ мятѣ, примѣняемый къ лицамъ мужского пола: мы уже приводили такой образъ; въ другой пѣснѣ дѣвица спрашиваетъ молодца: «не въ любисткѣ ли ты купался?» Молодецъ отвѣчаетъ ей: «не въ любисткѣ, а въ мятѣ, потому что хочу тебя взять за себя замужъ» ⁷⁾. Въ этихъ примѣрахъ примѣненія мяты къ мужскому полу проглядываетъ тотъ же символъ чистоты, незнакомства съ любовными наслажденіями и нравственной крѣпости. Такъ какъ молодецъ намѣренъ жениться на дѣвицѣ, то, изъ уваженія къ ея чистотѣ и

- 1) Ой посію круту мяту промезъ берегами.
Ой якъ мени та тяженько передъ ворогами.
Ой буду я крутій мяти вершечки зривати,
Та вже мой вороженьки полягали спати.
- 2) Не ходи по хати,
Не топчи кудрявой мяти.
- 3) Ой походимо по хати:
Потопчимо, мій миленький,
Кудрявую мяту.
- 4) Либонь же ти, дивчинько,
Зъ барвиночку звита?
Не зъ барвинку, не зъ барвинку,
Зъ кудрявой мяти...
- 5) Чи я тобі, Марусенько, зъ весни не казала:
Не копай градки, не сади мятки,—хто буде їй поливати.
Ой есть у мене невѣка старенька—буде їй поливати,
Раннею зорею, вечирнею водою буде їй проймаи.
Ой есть у мене молодша сестра—буде їй затикати,
Іи запахомъ найпахнющимъ буде ся любовати.
- 6) Крутая мята хлопцямъ на шапята
- 7) Чи ти въ любистку купався,
Що ти мни сподобався?
Не въ любистку—тільки въ мяти,
Бо я хочу тебе взяти!

своей собственной, не хочет предаваться любви, болѣе или менѣе безпорядочной и непослушной по принятымъ понятіямъ, а потому и выражаетъ эту мысль тѣмъ символическимъ образомъ, что онъ купался въ мятѣ—цѣломудренномъ зельѣ.

Шевлія сама по себѣ выдается, какъ символъ одиночества и удаленія отъ половой любви. Сынъ говоритъ матери: «хожу по саду, сажу шевлію, черезъ тебя, матушка, остаюсь неженатымъ» ¹⁾). Женщина, у которой мужъ пьяница и драчунъ, говоритъ, что она посѣяла бы шевлію, но за морозами не всходитъ это растеніе, а еслибъ оно и взошло, то отъ солнца засохнетъ ²⁾), то-есть: женщина хотѣла бы избавиться отъ мужа и брачной жизни, да нѣтъ ей возможности. Шевлія также символъ сохраненія супружеской вѣрности. Въ одной пѣснѣ мужъ, застающій въ своемъ домѣ разные признаки, обличающіе недавнее любовное свиданіе его жены съ другимъ лицомъ, говоритъ между прочимъ: отчего эта шевлія истоптана?—Жена, выдумывающая всякую всячину въ отвѣтъ на мужнины вопросы, говоритъ, что разыгрались лошади и истоптали шевлію ³⁾). Купанье въ шевліи, какъ и въ любисткѣ, сообщаетъ, повидимому, способность нравиться. Дѣвица спрашиваетъ милого: не купался ли онъ въ шевліи? «Не тебѣ, отвѣчаетъ молодецъ, знать, въ чемъ меня купала мать: въ любисткѣ ли въ шевліи—за тобою томится сердце» ⁴⁾).

О значеніи шевліи въ смыслѣ разлуки мы говорили уже, упоминая о рутѣ.

Фіалка является рѣдко и, сколько намъ извѣстно, только въ галицкихъ пѣсняхъ. Нѣкоторыя черты указываютъ въ ней также символъ дѣвственности: такъ, напримѣръ, дѣвица, утратившая невинность, видитъ, что дѣвщины ходятъ по долинкамъ и собираютъ фіалки себѣ на вѣнки для воскреснаго дня, а она своей вѣночкѣ утратила ⁵⁾), слѣдовательно не можетъ носить вѣнка изъ фіалокъ.

¹⁾ По садочку хожу,
Шевліеньку сажу;
Черезъ тебе, моя мати,
Нежонатий хожу.

²⁾ Посію шевлію раненько въ неділю;
За лютими морозами шевлія не сходить;
Ой хочъ вона зійде—одъ сонця зовьане:
Иде милий зъ корчми пьяний, на мене не глане;
Я не одчинися, бо тебе боюся.

³⁾ Ой Ганусю, душечко,
Чого шевлія потоптана?
— Кони ся розбрикали,
Шевлію потоптали.

⁴⁾ Чи ти въ шевліи купався,
Що такъ мни сподобався?
— Тоби, дивча, не питати,
Въ чимъ купала мене мати;
Чи въ любистку, чи въ шевліи:
За тобою сердце мліе.

⁵⁾ На долини ходять навялочки,
Та збирають хвіляччи,
На неділю на вивочки,
А я свій утратила,

Здѣсь можно бы невозможность дѣвицъ носить вѣнокъ изъ фіалокъ относить вообще къ вѣнку, а не къ фіалкамъ, такъ какъ вообще вѣнокъ есть символъ дѣвическаго состоянія; но есть другія пѣсенныя мѣста, гдѣ прямо цвѣтокъ фіалки, самъ по себѣ, безъ вѣнка, означаетъ дѣвственность; такъ въ свадебной пѣснѣ отецъ говоритъ выходящей замужъ дочери, что ей уже не нуженъ этотъ сивій цвѣтокъ, такъ какъ ей теперь завязанъ свѣтъ ¹⁾, т.-е. что ей предстоитъ брачная жизнь, исполненная труда и заботъ. Подобно тому, какъ топтаніе мяты дѣвицею вмѣстѣ съ молодыцомъ означаетъ, что дѣвица знакомится съ любовью и выходитъ изъ состоянія строгаго дѣвства, — въ галичской пѣснѣ дѣвица ходитъ по фіалкамъ и говоритъ своей матери, что уже не мило ей разговаривать съ нею, а милѣе съ кѣмъ-то другимъ—съ молодыцомъ ²⁾. Въ одной пѣснѣ барвинокъ, василекъ и фіалка одни за другими служатъ украшеніемъ для дѣвицы, и дѣвица разговариваетъ съ ними. Дѣвица рветъ фіалки и украшается ими, думая, что голосъ милаго не можетъ къ ней достигнуть черезъ лѣсъ, а вышло наоборотъ ³⁾. Здѣсь фіалка также приведена въ смыслъ дѣвственности и удаленія отъ любви. Украшеніе фіалками сопоставляется съ желаніемъ не слышать голоса милаго.

Трехцвѣтная фіалка (*viola tricolor*)—по-малорусски братъ съ сестрою—упоминается въ пѣснѣ, гдѣ разсказывается о превращеніи въ этотъ цвѣтокъ брата и сестры, которые, не узнавъ другъ друга, сочетались кровосмѣсительнымъ бракомъ: «Въ городѣ на рынкѣ пили козакъ водку; пьютъ они, гуляютъ, на шинкарку покрикиваютъ: шинкарка молодая, налей-ка меду-вина! — Не повѣрю не продамъ: на тебѣ изорванный жупанъ.—Хоть на мнѣ изорванный жупанъ, да у меня цѣлый кувшинъ денегъ.—О, если у тебя кувшинъ денегъ, — я за тебя отдамъ дѣвицу, а дѣвицу не какую-нибудь работницу — приличную барышню; какъ она заговорить—словно въ колокола зазвонить, а какъ она засмѣется—словно дунай разольется. Въ субботу они сговаривались, а въ воскресенье обвѣнчались; тогда стали спрашивать другъ друга о происхожденіи.— Скажи мнѣ, душа моя, какого ты рода?—Я изъ Кіева Войтенкова, по батюшкѣ Ивановна!—О, какой теперь свѣтъ насталь, что братъ сестры не узналъ! Я

Пидъ яворомъ зелененькимъ

Зъ козаченькомъ молоденькимъ.

¹⁾ На що жъ тобі, моя доно, сей сяєнькій цвѣтъ?

Що вже тобі, дитя мое, зав'язаний свѣтъ?

²⁾ Ой завітли хвіалоньки, завітли,

Цили гори и долини закрили!

Ходить по нихъ Марисенька сплншная,

За невъ, за невъ ей мати стихая.

Не ходъ же ти, моя мати, за миломъ,

Не мила ми розмова зъ тобою!

Лемъ ми мила розмова зъ кимъ вишимъ,

Зъ тимъ Василямъ молоденькимъ наймилышимъ. (Чт. 1866. III. 721).

³⁾ По диврови ходила, не находилася,

Кликала миленького, не докликалася,

Та нарвала хвіалочки тай затикалася,

Я жъ думала, хвіалочки, що лясокъ той висоць,

Ажъ заходить миленького та до мене голосокъ.

изъ Кіева Войтенко, по батюшкѣ Ивановичъ! Пойдемъ, сестра, по горѣ: развѣмса травю; пойдѣмъ, сестра, по дугамъ: развѣмса цвѣтами. Ты будѣшь синій цвѣтъ, а я буду желтый цвѣтъ. Будуть люди косить—за насъ Бога молить; будуть люди рвать цвѣты — собирать съ насъ грѣхи. Будуть люди говорить: вотъ та трава, что съ братцемъ сестрица ¹⁾).

Это превращеніе, какъ мы догадываемся, имѣетъ связь съ символизмомъ растенія, принадлежащаго къ разряду противныхъ половой любви Подобно тому,

- ¹⁾ У городи на ринку
 Пють козаки горилку;
 Пили вони, гуляли,
 На шинкарку гукали:
 — Шинкарочко молода,
 — Усипь меду и вина!
 „Не повірю, не продамъ.
 „Бо на тоби жупанъ дранъ!“
 — Хочь на мини жупанъ дранъ,
 — Есть у мене грошей джанъ.—
 „Якъ у тебе грошей джанъ,
 „Я за тебе дивку дамъ.
 „А дивку не наймичку,
 „Присталу ю панночку:
 „Якъ вона заговорить,
 „Мовь у дзвони задзвонить,
 „А якъ вона засміється,
 „Дунай розилється!
 У суботу змовлялись,
 А въ неділю звичались,
 Тоди роду питались:
 — Скажи мині, серденько,
 — Якого ти родоньку?—
 „Я зъ Кіева Войтивна,
 „По батькови Йванивна!“
 — Який теперъ свить настаєъ,
 — Що братъ сестри не признаєъ!
 — Я зъ Кіева Войтенко,
 — По батькови Йваненко!
 — Ходимъ, сестро, горою,
 — Розвіємось травю;
 — Ходимъ, сестро, дугами,
 — Розвіємось квітами.
 — Ой ти будѣшь синій цвѣтъ,
 — А я буду жовтий цвѣтъ!
 — Будуть люде косити—
 — За насъ Бога молити,
 — Будуть люде квіти рвати—
 — Изъ насъ грѣхи избирати;
 — Будуть люди казати:
 — Отсе жъ тая травица,
 — Що зъ братикомъ сестрица.

какъ рута находится въ благопріятномъ отношеніи къ любви между братомъ и сестрою, въ трехцвѣтную фіалку превращаются братъ съ сестрою. Нечаянно сблизившись недозволительно для нихъ пологою любовью, они прекращаютъ такія отношенія, превратившись въ такое растение, которое противно цѣловой любви и благопріятствуетъ братской. По другой пѣснѣ ¹⁾ въ трехцвѣтную фіалку превратились не братъ съ сестрою, а мать съ дочерью, послѣ того, какъ та и другая по незнанію вышли замужъ—первая за сына, вторая за брата.

Связь *лебедеи* съ исчисленными нами символами удаленія отъ любви можно выводить изъ того, что это растение встрѣчается, вмѣстѣ съ рудою, какъ ея дополненіе, и съ мятою. Въ одной пѣснѣ отъ имени дѣвницы говорится: посѣю

- 1) Надъ Дунаемъ глубокимъ,
Стоитъ явиръ високий,
А зъ пидъ того явора
Вийшла вдова молода,
Два синочки повила,
И на каминь зложила,
И сама ихъ хрестила,
И въ корабель зложила,
И на дунай пустила:
„Ой ви жовтїи писки,
„Кормить ви мои дитки!
„Ти, очереть, не шуми,
„Синнївъ моихъ не сварї!
„Ви, берега, не гудить,
„Синнївъ моихъ не будить!“
На виснадцатомъ году
Пишла вдова по воду,
Стала вдова воду брать,
Ставъ корабель припливать.
— Чого, вдово, думаешъ,
Чому води не берешъ?—
„Ой я думу гадаю—
„За дончика ити маю,
„За одного сама йду,
„За другого дочъ даю“.
— Ой ти, вдово молода,
— Дурна твою голова!
— Ти за сына сама идешъ,
— За другого дочъ даешъ.
„Ходимъ, доню, въ монастирь,
„Нехай же насъ Богъ простить!
„Ходимъ, доню, въ чисте поле,
„Ровїйдемось квітами;
„Зъ тебе буде жовтий цвїть,
„Зъ мене буде синїй цвїть;
„Буде слава на весь свїть,
„Буде слава славою,
„Що живе синъ зъ мамою.—

руту надъ водою;—родится рута съ лебедю ¹⁾; въ другой—на рѣчь молодца, что онъ жаждетъ на ней жениться, но, не имѣя собственной хаты, поведетъ ее въ чужую, она отвѣчаетъ: «сострой хату изъ лебеды, а въ чужую не веди; сострой хату изъ кудрявой мяты, а чужой я не буду знать» ²⁾. Такъ какъ намъ уже известна символика мяты, то, по нашему мнѣнiю, дѣвица хочетъ сказать холодцу, чтобъ онъ оставилъ свое намѣренiе жениться; лебеда здѣсь является «символомъ» мяты. Но затѣмъ символическое значенiе этого зелья остается сбывчивымъ и неопредѣленнымъ, такъ что, по пѣкоторымъ признакамъ, оно отъ символа дѣвства, а слѣдовательно одиночества, скуки, перешло въ символъ крайности и бѣдности. Такъ замужня женщина, которую мужъ дурно содержитъ, ходила по огороду, сломила лебеду и вслѣдъ затѣмъ говоритъ мужу: «что я у тебя, мой милый, служила развѣ работницею? Если работницею, такъ заплати мнѣ за службу, а если я у тебя хозяйка, то не води меня босикомъ ³⁾. Въ другой пѣснѣ лебеда сопоставляется съ вдовою, которая ходитъ съ ребенкомъ ⁴⁾, и ее хочетъ зарубить татаринъ; она проситъ не рубить ее, а повести къ роднымъ для выкупа; отецъ отрекается отъ нея, свекоръ тоже, но нашелся молодецъ, который ее выкупилъ.

Есть въ южнорусскихъ пѣсняхъ странные образы, въ которыхъ является лебеда. Мать спрашиваетъ сына, ходилъ ли онъ къ вдовѣ на вечерницы и чѣмъ его угощали. — «Варила вдова рыбу съ лобками ⁵⁾, отвѣчаетъ сынъ, прилагая при этомъ вѣжные эпитеты матери.—А гдѣ она поймала эту рыбу? спрашиваетъ мать.—Въ огородѣ на лебодѣ ⁶⁾, отвѣчаетъ сынъ. Другой образъ еще страннѣе. Дѣвица варила лебеду и послала козака за водою,—исчезъ козакъ; лебеда ⁷⁾ же вскипѣла безъ воды.

- 1) Ой носію рутоньку надъ водою,
Та вродится рутонька зъ лободою,
- 2) Поставъ хату зъ лободи
Та въ чужую не веди.
Поставъ хату зъ кудрявой мяті,
А чужой мнѣ не знати.
- 3) По городу ходила,
Лободоньку зломіла;
Чи я въ тебе, мій миленькій,
За наймичку служила?
Ой якъ же та за наймичку,
То ти мнѣ заплати,
А якъ же та за хозяйку,
То босою не води.
- 4) Ой по гори лобода,
Тамъ ходила удова
Зъ маленькою дитиною...
- 5) Варила, ньенько, щире серденько,
Рибоньку зъ лобками.
- 6) Піймала, ньенько, щире серденько,
Въ городи на лободи.....
- 7) Ой на гори, серденько, на валу,
Тамъ варила дівчина лободу,
Та й послала козаченька по воду.

Въ противоположность, такъ сказать, букету травянистыхъ растений, составляющихъ символику удаленія отъ любви, народная поэзія представляетъ другой букетъ символическихъ травъ, означающихъ половую любовь въ разныхъ видахъ. Болѣе всѣхъ ясными и опредѣленными являются барвинокъ (*vinca repivinsa*), василекъ (*osyrum basilicum*) и любистикъ (*levisticum*)—по-великорусски заря. Всѣ три не туземныя названія, два испорченныя латинскія, василекъ—греческое *οσυρον βασιλικον*; названіе василька, а можетъ быть и самое растеніе перешло изъ Византіи. У грековъ происхождение его приписывается къ легендѣ о нахожденіи креста—ср. *Gretseri opera. Ratisb. 1734. II, 430*, какъ у малоруссовъ и у грековъ оно издавна клалось подъ крестъ. Можно предполагать, что эти растенія замѣнили или другія названія тѣхъ же растений, болѣе древнія, или совсѣмъ другія растенія.

Въ купальской пѣснѣ всѣмъ тремъ этимъ растеніямъ дается мифологическое единое происхожденіе изъ изрубленнаго и посѣяннаго существа мужескаго пола, называемаго (разумѣется, въ позднѣйшемъ искаженіи древняго названія) Иваномъ¹⁾. Древность этого образа подтверждается подобными образами въ пѣсняхъ другихъ славянъ; такъ, напр., въ польской пѣснѣ изъ дѣвѣнцы изрубленной и посѣянной въ огородѣ должны вырасти три зелья: рута, лилія и шалфей (*Kozłowski. Lud. zesz. I, 42*).

Барвинокъ занимаетъ первое мѣсто. Онъ болѣе всего символъ брачнаго торжества—свадьбы, но также нерѣдко вообще любви и удовольствій, приближающихся къ любви. Онъ носитъ эпитеты зелененькій (вѣчно зеленый—по-вѣмецки *Immergrün*) и крещатый, по расположенію вѣтвей, которыя сделаются по землѣ. Различныя видоизмѣненія, происходящія съ этимъ растеніемъ—сажаніе, возрастаніе, цвѣтеніе, увяданіе, полотіе, топаніе, рваніе, плетеніе—приводятся приквѣнительно къ разнымъ положеніямъ свадьбы и любовныхъ сношеній. Сажаніе барвинка—символическій образъ приготовленія къ браку. Здѣсь представляется

Ни козаченька, ни води,
Та скипила лободонька безъ води.
1) Иване, Ивашечку,
Не переходь дороженьку!
Якъ перейдешъ—виновать будешъ:
Посичемо, порубимо,
Посичемо тебе на дрибний макъ,
На дрибний макъ, на капусту,
Посіемо тебе въ трѣхъ городяхъ.
Та вродиться три зильячка:
Въ першимъ городци—любисточокъ,
Въ другимъ городци—барвиночокъ,
Въ третимъ городци—василечокъ.
Любисточокъ—для любощивъ,
Барвиночокъ—сади устлае,
Василечокъ—три запахи маа.

Послѣдніе три стиха измѣняются и такъ еще:
Барвиночокъ—для дивочокъ,
Любисточокъ—для любощивъ,
Василечокъ—для запаху.

совершенная противоположность тому, что говорится о символах удаленія отъ любви. Такъ какъ садить руту или мяту значить соблюдать дѣвство, а ходить по нимъ (также по фіалкамъ) и топтать ихъ—значить знакомиться съ пологою любовью и предпочитать молодца родителямъ, такъ садить барвинокъ означаетъ именно приближеніе къ любви и предпочтеніе любовныхъ и супружескихъ чувствъ родственнымъ. Дѣвица садить барвинокъ: за нею идетъ отецъ. Не ходи, — говоритъ она, — за мною, батюшка: не мила мнѣ бесѣда съ тобою ¹⁾. Дѣвица садить барвинокъ вмѣстѣ съ своимъ суженымъ, а потомъ нарываетъ себѣ полный передникъ барвинку собственной посадки ²⁾. Мать невѣсты сама ходитъ за барвинкомъ, поливаетъ его—это образъ материнской заботы о выдачѣ дочери въ замужество; придетъ пора, и срѣжетъ его невѣста (княгиня) ³⁾. Барвинокъ срѣзывается на вѣнокъ. Сама невѣста рѣжетъ его своими руками ⁴⁾, а также и ея подруги—свадебный чинъ со стороны невѣсты, дружки ходятъ за барвинкомъ для своей княгини ⁵⁾. Барвиновый вѣнокъ—символь короткаго, но поэтическаго и праздничнаго періода въ жизни дѣвицы, состоянія невѣсты, послѣ котораго наступаетъ иная жизнь, когда уже для нея не существуютъ никакіе вѣнки и цвѣты. Невѣста хотѣла бы его «позолотити», чтобы только долѣе поносить. Но вмѣстѣ

- ¹⁾ Зелененькій барвиночокъ садила,
За нею батенько тихенько:
„Сади, сади, Марьечко, зилячко:
— Не ходи ти, мій батенько, за мною:
Не мила мини беседонька зъ тобою.
Ой ходи, ходи, Ивасенько, за мною,
Мила мини беседонька зъ тобою. —

- ²⁾ Зъ зими на весну походить;
Иванѣ городецъ городить.
Городи, Иване, городецъ,
Будемо садити барвинецъ,
То тобі, то мини на винецъ.
Ой скочила Марисенька въ городецъ,
А за нею Иванѣ молодець!
Ой скочила Мариня на хвильку,
Наризала запаску барвинку,
Тильки то їн присивку.

(Чт. 1866. 626).

- ³⁾ Де ти, барвинку, рись, рись,
Що-сь такий красний вирись?
Я въ лиси при керниці,
При студевій водици;
Мене вода пидходила,
Мене вода холодила,
Прийшовъ часъ годиненька:
Виризала княгиненька.

(Чт. 1866. III. 618).

- ⁴⁾ Ходитъ Марьечка по садочку,
Риже барвиночокъ соби на виночокъ.

(Русск. вес. 43).

- ⁵⁾ Въ долину, паяночки, въ долину,
По хрещатий барвинокъ,
Свой дивчини на винокъ,
Та ще зъ руточки два виночки...

съ тѣмъ этотъ же вѣнокъ надѣлалъ ей и гора, разлучая ее съ родителями ¹⁾. Уже заранѣе думаетъ дѣвица объ этомъ завѣтномъ вѣнкѣ. Молодецъ, нарвавши барвинку, показываетъ его дѣвицамъ. Угадайте, что это за зелье? говоритъ онъ, и дѣвицы застѣнчиво отвѣчаютъ, что это барвинокъ—на вѣнокъ (т.-е. свадебный) дѣвицамъ ²⁾.

Въ веснянкахъ дѣвица плететь барвиновый вѣнокъ и приходитъ въ раздумье, за кого придется ей выйти замужъ: если бы она вышла замужъ за илаго, она бы сплела его еще лучше, повѣсила бы его въ «теремъ» на золотомъ колкѣ, на шелковомъ свуркѣ ³⁾. Барвинокъ украшаетъ не только въ видѣ вѣнка голову невѣсты, но и шапку жениха (шапка—такой символъ мужескаго молодечества, какъ вѣнокъ дѣвчества). О, мой хрещатый барвинокъ! не разстилайся по саду: туда пойдетъ мой немилый, стопчетъ тебя ногами, сорветъ тебя руками. Разстелись, барвинокъ, когда будетъ итти мой милый, стопчетъ тебя ножками, сорветъ руками и заткнетъ за шапочку, на свою золотую ловку ⁴⁾.

Барвинокъ—свадебное зелье, вмѣстѣ съ тѣмъ и символъ тѣхъ дѣвческихъ увеселеній, той беззаботной жизни, которая начинается знакомиться съ любовью въ танкахъ и играхъ. Дѣвица, которой хорошо у родителей, ходитъ отъ ночи до ночи въ танкѣ (хороводѣ), въ хрещатомъ барвинкѣ, въ пахучемъ василькѣ ⁵⁾. Вырву я,—говоритъ дѣвица,—барвинъ-листякъ, синій цвѣтъ, совою себѣ вѣнецъ, пойду въ хороводъ; какъ глянетъ тотъ, кто мнѣ не любъ,—вѣ-

1) Наробивъ мнѣ, винку, гора,
Бо вѣжъ мене зъ монимъ батенькомъ
На вики розлучено!

2) То зильячко барвинокъ, барвинокъ,
Памяночкамъ на винокъ, на винокъ...

3) Ой винку мій, винку, хрещатий барвинку,
Я жъ тебе звѣла вчора зъ вѣчора;...
Ой якъ бы жъ я знала що за много пѣду,
Ябъ ище красчий звѣла,
Та повисила бъ у терема,
На золотимъ килку, на шовковимъ шнурку!

4) Ой мій хрещатий барвинку!
Не розстилайся по всѣму садочку:
Туди йтиме мій нелюбъ,
Стопче тебе ногами,
Зирве тебе руками.
Ой розстелись, барвинку,
Якъ буде йти мій миленький:
Стопче тебе ниженьками,
Зорве тебе рученьками,
Та заткне тебе за шапочку,
На золотую головочку!....

5) Зъ ночи до ночи въ таночку
Въ хрещатенькимъ барвиночку,
Въ запашенькимъ василечку.

нець мой вянецъ; какъ глянецъ милый,—вѣнецъ мой цвѣтеть ¹⁾. Почевать въ барвинку—значить предаваться любовнымъ наслажденіямъ ²⁾.

Барвинокъ означаетъ также молодца-любownika. Дѣвица называетъ его барвинкомъ ³⁾. Разстиланіе барвинка по землѣ—то приглашеніе дѣвицы молодцу ⁴⁾, то наоборотъ ⁵⁾. Мать на вопросъ сына: зачѣмъ онъ еще не женился, совѣтуетъ ему погулять, потому что онъ еще молодъ, и сопоставляетъ съ нимъ возрастаніе барвинка ⁶⁾. Нецвѣтеніе барвинка—образъ измѣны ⁷⁾, а увяданіе—несчастнаго брака и дурного обращенія мужа съ женою или любовницею ⁸⁾. Барвинокъ представляется также растущимъ и на могилѣ вѣстѣ съ рутою и клятою. Мы встрѣчаемъ такой образъ въ одной галицкой пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ козака въ битвѣ убили нечаянно его братъ и онъ заповѣдаетъ посадить на своей могилѣ эти три растенія ⁹⁾. Однако, это пѣсня—въ формѣ сравнительно позднѣйшей, такъ какъ здѣсь, очевидно, все пригоняется къ рѣшѣнью. Въ тѣхъ же значеніяхъ, которыми указаны нами, барвинокъ упоминается съ василькомъ. Оба растенія вѣстѣ—принадлежность свадьбы ¹⁰⁾, и дѣвица проситъ отца обсадить ее крещатымъ барвинкомъ и пахучимъ василькомъ ¹¹⁾, а отецъ

¹⁾ Щиплю, ломлю барвинъ листокъ,
Барвинъ листокъ—синій цвѣтокъ.
Совью винець, иду въ танецъ....
Нелюбъ гляне—винець тανε,
Милый гляне—винець цвите. (Чт. 1864. III. 680).

²⁾ Ночувала ничку въ зеленімъ барвинку,
Зъ тобою, мій недовирку?

³⁾ Ой Янку, мій Янку, хрещатий барвинку.
Ой въ чистому полю дивчина траву жала,
Прійшовъ до неи Янко
Хрещатий барвинко.

⁴⁾ Ой стелся, барвиночку, не корадемъ, листомъ;
Викликае козакъ дівку не голосомъ, свистомъ.

⁵⁾ Зелененький барвиночку, стелся ивиженько,
А ти милый, чорнобривий, присунься близенько.

⁶⁾ Рости, рости, барвиночку, ще ти зелененький,
Гуляй, гуляй, мій синоньку, ще ти молоденький.

⁷⁾ Зелененький барвиночку, чому рано не цвѣтешъ?
Чому милый, чорнобривий, не по правди живешъ?
Прійде вечирь, ти до иншої йдешъ!

⁸⁾ Хрещатенький барвиночку, завьявъ въ прискриночку.
Зьяливъ, асунувъ, вражий синю, чужу дитиночку.

⁹⁾ Посадимо на немъ троаке зилля:
Першее зиленько—пахнющая мятка,
Щобъ поминала ёго ридна матка;
Другее зиленько—крещатий барвинокъ,
Щоби поминавъ ёго увесь ёго рядокъ;
Третее зиленько—рутка дрибнесенька,
Щоби поминала его милесенька.

¹⁰⁾ Хрещатий барвиночокъ въ городѣ,
А пахучий василекъ у комори,
Дрибніи слизоньки на столи. (Чт. 1864. I. 112).

¹¹⁾ Обсади мене, мій батенько, хрещатымъ барвиночкомъ,

говорить, что онъ обставитъ ее полными кубками и обсадитъ нарядными дружками. Въ пѣснѣ, которую мы приводили, говоря о символическомъ значеніи криницы, мать юноши, желая, чтобъ онъ женился на дѣвицѣ, которая ходитъ за водою къ ея криницѣ, оплететъ эту криницу барвинкомъ и обмететъ василькомъ ¹⁾. Барвинокъ здѣсь—символь согласія матери на бракъ ея сына, а *василекъ* означаетъ привѣтливость.

Это послѣднее растеніе, состоя въ одной символической связи съ барвинкомъ, преимущественно означаетъ любовную привѣтливость. Въ такомъ смыслѣ дѣвица, приглашая молодца и обѣщая быть къ нему привѣтливою, сопоставляетъ это дѣйствіе съ сѣяніемъ и поливаніемъ васильковъ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ въ свадебныхъ пѣсняхъ о молодожъ поется, что его нельзя не полюбить, когда онъ вошелъ въ свѣтлицу василькомъ ³⁾. Этотъ же смыслъ растенія слышится и въ той пѣснѣ, гдѣ мать замечаетъ васильками слѣды любовнаго свиданія своей дочери ⁴⁾: мать снисходительно смотритъ на поступки своей дочери и скрываетъ ихъ изъ приличія. Но васильки, какъ зелье любовное, сопоставляются также и сами по себѣ, и вмѣстѣ съ барвинкомъ, съ разгуломъ любовнымъ: дѣвица хвалитъ запахъ васильковъ—и хочетъ побѣжать на улицу ⁵⁾; выростаніе васильковъ и вмѣстѣ барвинка, примѣняясь вообще къ браку и любви, примѣняется также и къ кутежу молодца ⁶⁾.

Есть образъ, встрѣчаемый въ нѣсколькихъ пѣсняхъ: у молодца скрипка изъ василька, а струны на ней изъ руты; онъ играетъ, а его слышно вдалекѣ ⁷⁾. Изъ пѣсни, которую мы приводимъ, видно, что смыслъ этого образа таковъ: козакъ любезенъ, красивъ, привѣтливъ; дѣвица считаетъ его лучшимъ молодцомъ въ свѣтѣ, но она съ нимъ въ разлукѣ. Музыка—символь его извѣст-

Обсїй мене ти, мій батенько, залашневькиимъ василечкомъ,
Обставлю тебе, доненько, повневькиими кубочками,
Обсажу я тебе, моя доненько, пишними дружечками.

¹⁾ И барвиночкомъ оплете,
И василечкомъ обмете.

²⁾ Посїю я василечки, буду поливати,
Ходи, ходи, коваченьку, буду привитати.

³⁾ У свитлицю василечкомъ пидиходить.

⁴⁾ Де стояли, розмовляли—видкивочки знати,
Колибъ мини та Господи раннишъ мати встати,
Та вирвати василечка, та позамитати,
А я таки та проспала, ненька раннишъ встала,
Василечки повирвала, та позамитала.

⁵⁾ Василечки, василечки, якъ хороше пахнуть!
Колибъ мини у вечери на улицю грахнути!

⁶⁾ Ой по гори василечки зходять,
Пидъ горою барвинокъ послався,
Молодъ козакъ роспився, розгулявся.

(Балл. 401).

⁷⁾ Не рада-бъ я журитися, милий покидае,
Покладае, одъязжае въ Китай городочокъ,
Въ Китай Китай—городочку красчого не мае.
Кїнь вороний, самъ молодий у скрипочку грае.
Що скрипочка зъ василечокъ, а струни изъ руты.

Якъ заграе на синимъ морі, то и до насъ чути! (Метр. 20).

ности, славы, какъ прекраснѣйшаго молодца. Есть очень распространенная пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ Василѣ: «Посѣю я васильки, буду поливать; ходи, ходи, Василь, буду тебя принимать привѣтливо! Приди, приди, Василечокъ, приди ужинать какъ не придешь ужинать,—приди обѣдать; не придешь обѣдать, приди хоть провѣдать; а не придешь провѣдать—будетъ тебѣ худо: ты утонешь у берега, гдѣ и воды (большой) не будетъ». Такое зачатіе положила на него дѣвица. Василь не послушался и утонулъ. Плавааетъ платокъ, вышитый дѣвицею, она плачетъ о Василѣ потому, что любить его ¹⁾. Хотя здѣсь не говорится прямо о превращеніи этого утонувшаго молодца Василя въ растеніе, но можно предполагать, что пѣсня эта имѣетъ такой смыслъ, и, вѣроятно, въ ней затерялся конецъ, тѣмъ болѣе, что въ различныхъ вариантахъ этой пѣсни конецъ бываетъ различенъ. Къ этому предположенію побуждаетъ насъ еще и то, что въ галицкомъ вариантѣ этой пѣсни Василь молодецъ сопоставляется съ растеніемъ василькомъ; дѣвица называетъ этого Василя «пахучимъ зельемъ». Тамъ представляется событіе иначе. Дѣвица подарила Василю платокъ, но хочетъ выходить за другого, а Василю говоритъ, чтобъ онъ ее приглашалъ на свою свадьбу. Затѣмъ Василь утонулъ, а дѣвица бѣжитъ и нанимаетъ молодцовъ, чтобы они достали сначала платокъ, а потомъ самого утонувшаго Василечка. Последній оборотъ, именно просьба къ рыболовамъ, чтобъ они вытянули изъ воды утонувшаго, мы встрѣчаемъ въ пѣснѣ, въ которой говорится не о Василѣ, а просто объ утонувшемъ козакѣ ²⁾; но всѣ подобныя пѣсни, должно быть, варианты одной и той же пѣсенной были, относящейся къ смерти Василя или Василечка, сопоставляемаго съ растеніемъ. Если въ извѣстныхъ намъ вариантахъ, при такомъ сопоставленіи, не говорится, однако, прямо, чтобъ утонувшій превратился въ цвѣтокъ-василекъ, то существуетъ преданіе, что этотъ цвѣтокъ выросъ на могилѣ юноши, по имени Василя.

Любистокъ—хотя растеніе любимое въ народной жизни и явно принад-

¹⁾ Посію я василечки, буду поливати;
Ходи, ходи, Василечку, буду привѣтати,
Прийди, прийди, Василечку, прийди вечерати.

Далѣе:

Якъ не придешь вечерати, прийди обидати;
Якъ не придешь обидати, прийди одвидати;
Якъ не придешь одвидати, неславонька буде,
Ой утонеш при бережку, хочъ води не буде.
Втонувъ, втонувъ Василечко, а хусточка плавле;
Ходить дивча по бережку, били ручки ламле:
Не жаль мни хустиночки, що я вишивала,
А жаль мни Василечка, що я поховала.

²⁾ Ой Василю, Василечку, ти запашне зелья,
Якъ ти будешъ женитися, кличь мя на весилья,
Ой буду, ой буду, коли не забуду,
Якъ забуду, якъ забуду, про тебе (пробуду) (?).
Хочъ бийтеса рубайтеса, я одного буду,
Василькови фустку купю, Иванкова буду.
Втонувъ, втонувъ Василечокъ, лишъ фусточка плавле,
Катеринка бѣжить, били ручки ламле. (Чт. 1863. IV. 119).

лежащее къ любовнымъ символамъ народной поэзіи, упоминается, однако, рѣдко, зато рѣзко. Купанье въ любисткѣ сообщаетъ свойство нравиться ¹⁾, и это купанье даетъ счастье въ жизни ²⁾.

«*Ромашка* — роменъ, зилья — принадлежить къ той же группѣ любовныхъ травъ. «Роменъ по дорогѣ разстиляется; мой милый чернобривый посылаеть мнѣ черезъ людей поклонѣ. Что мнѣ въ этомъ роменѣ, когда онъ цвѣтетъ, а ягоду нѣтъ; что мнѣ въ этомъ поклонѣ, когда его самого нѣтъ?» ³⁾.

Въ вариантѣ этой пѣсни, при сохраненіи всѣхъ словъ, роменъ замѣненъ зелененькимъ барвиночкомъ. Дѣвицы копаютъ роменъ, чтобы чародѣйскимъ дѣйствіемъ надъ нимъ нагнать кручину на молодцовъ: «Эй, на гору, копать роменъ! Ахъ, мое зелье, роменъ! Зачѣмъ я тебя копаю, когда я не умѣю чародѣйствовать». Потомъ обращеніе къ молодцу: «подожми крылышки, чтобы тебѣ было тяжело безъ меня» ⁴⁾.

То же значеніе имѣеть *розмай-зилья*—быть можетъ, тотъ же роменъ, а быть можетъ и отдѣльное даже чуть ли не баснословное растеніе. Молодецъ, будучи богатымъ, посылаетъ сказать дѣвицѣ, что онъ ее болѣе не любитъ, потому что у него семьсотъ воловъ въ загонѣ, мелкому скоту счета нѣтъ и т. п., а дѣвица въ одномъ литникѣ. Услыхала это дѣвица, побѣжала изъ улицы: ахъ, матушка родимая! Что будетъ дѣлать? Козакъ пересталъ любить. Бѣги, дочка, въ рощу, копай «зелье-розмай». Побѣжала въ рощу копать зелье-розмай. Еще она и до рощи не дошла, какъ нашла розмай-траву. Полоскала она его на льду, а варила на меду; какъ поставила на жару и говоритъ: каша, корень, понемногу! Еще корень не вскипѣлъ, какъ козакъ прилетѣлъ! Зачѣмъ же ты прилетѣлъ, когда не хочешь любить?—Какъ же мнѣ не летать, когда ты колдовать умѣешь!—Есть у меня чары—черныя брови» ⁵⁾.

1) Чи ти въ любистку купався

Що такъ мни сподобався.

2) Чи ти мене, моя мати, въ любистку не купала,

Що ти мни счастья та доли не даровала.

3) Роменъ-зилья (по другому выговору ромунъ-зилья) по дорогѣ
разстиляется;

Десь мій милій чернобривий черезъ люди поклоняється.

А що мни по ромену—роменъ цвѣте, ягодокъ нема;

А що мни по поклону, коли его самого не має.

4) На гору! копать зилья ромену!

Ой мое зилья ромену!

На що я тебе копаю,

Що я чаровати не знаю!

Пидгорни крыльця пидъ себе,

Щобъ тобі важко безъ мене!

5) Ой ви хлопци, молодци,

Накажете дивоньци,

Нехай мене не любить,

Свого вику не губить.

Бо я хлопець убогий:

Симъ сотъ воливъ въ обори,

Сотня коней на стани,

Къ любовнымъ зельямъ принадлежать *розмаринъ и лелія* (лелія), встрѣчающіеся, однако, преимущественно въ галицкихъ пѣсняхъ. Дѣвица говоритъ молодцу: «приди, козакъ, въ мой садикъ: повнюхаетъ розмарина, поцѣлуешь румяное личико» ¹⁾. Въ другой пѣснѣ молодецъ поетъ: «подъ моими дверьми, подъ моими окнами посѣяла моя милая бѣлую лелію, а вмѣсто леліи всходитъ розмаринъ: это—моя милая уже водится съ другимъ; посѣяла лелію, а взомель розмаринъ: это—моя милая пошла за другого замужъ» ²⁾. Есть угорская пѣсня о томъ, какъ выросли эти два цвѣтка на могилкахъ двухъ любовниковъ. Жили двѣ сестры. У одной былъ сынъ бѣлый Яничко, у другой—дочь бѣлая Ганичка. Они такъ полюбили другъ друга, что даже и въ церкви кидали другъ въ друга золотымъ яблочкомъ. Мать Ганички приказала сдѣлать стѣну отъ сестры. Яничко сталъ хворать. Мать, утѣшая его, говоритъ ему, что сдѣлаетъ корчму, пойдутъ туда и паны и панья—авось пустить и Ганичку ея мать. Но

А самъ въ синимъ жупани,
Яливику безъ лигу,
А дичина въ литнику.
Якъ тее дичя почуло,
Та зъ унди майнуло:
— Ой матинко, ненецько,
— Болить мое сердечко;
— Ой що будемо робить,
— Покида козакъ любить!
„Бижи, донько, до гаю,
„Конай зильля-розмаю“.
Ой побигла до гаю,
Конай зильля-розмаю.
Ще до гаю не дійшла,
Розмай-зильлячко знайшла.
Полоскала на лѣду,
Та варила на меду,
Поставила на жару;
Кипи, корню, помалу.
Ой ще корень не скипивъ,
А вже козакъ прилетивъ,
— Ой чого жъ ти прилетивъ,
— Коли любить не схотивъ?
„Якъ же мни не литати.
„Коли вмієшь чаровати“.
— Есть у мене чароньки,
— Тні чорни бривоньки.

¹⁾ Прийди, козаче, до мого городочку,
Понюхаетъ зильлячка розмаринного,
Поцѣлуешься личенька румяного.

²⁾ По-предъ мои окна, по-предъ мои двери,
Насяла миленька билон леліи;
Леліи насяла, розмаринъ сходитьъ:
Южъ моя миленька изъ нишима ходить;
Леліи насяла, розмаринъ зійшла;
Южъ моя миленька за иншого пішла! (Чт. 1863. IV. 337).

Ганичку мать не пустила. Потому мать Яничка хотѣла сдѣлать ремянный мостикъ: авось, когда паны и паньы пойдуть по этому мостику, пустать и Ганичку. Но и на мостикъ не пустили Ганичку. Наконецъ, мать Яничка обѣщаетъ сыну выстроить церковь, чтобы, когда пойдуть туда паны и паньы, и Ганичку мать пустила. Но мать Ганичкина не пустила и въ церковь своей дочери. Яничко умеръ. Ганичка, услыжавъ о его смерти, схватила ведро, побѣжала къ водѣ и утопилась. И такъ легло одно тѣло съ другимъ, а души ихъ почиваютъ съ Богомъ. Съ одной стороны церкви похоронили Яничка, съ другой—Ганичку въ обѣлая печальную могилу. На Яничковой могилѣ росъ розмаринъ, на Ганичкиной— обѣлая прекрасная лелія. И выросли они до верха церкви. Мать Гануси подставляла лѣстницы, срѣзывала верхи растений. Яничково тѣло проговорило из могилы: пренедобрая мать, не дала намъ жить, дай намъ почивать! Хотя тѣло въ могилѣ гнѣтъ, обращается въ прахъ, но любовь наша живетъ и за могилой ¹⁾.

Какъ ни поэтично можетъ показаться эта пѣсня, но она, по своему строю, чужда духу малорусской пѣсенности и, очевидно, заимствованная.

Къ любовнымъ зельямъ принадлежатъ, хотя не часто приводимые въ пѣсняхъ: *волошки* ²⁾ (*centaurea cyanus*), *намиджи* ³⁾ (*calendula officinalis*), *шафранъ* ⁴⁾ (*crocus sativus*), *прокись* ⁵⁾ (*carthamus tinctorius*),

1) Зъ одной страни церкви Яничка сховали,
 Зъ другой про Ганичку смутный гробъ выбрали.
 На Яничовомъ гроби росла розмарина,
 На Ганичиномъ била прекрасна лелія.
 Тоти двое зили такъ повирастали,
 Ажъ ся ихъ вершочкы верхъ церкви складжали.
 Ганусина мати на томъ застоляла,
 Драбини ставляла, верхки сожинала.
 Яничково тило съ гробу прогварило:
 „Ей мати, ти мати, пренедобра мати.
 Не дала-сь намъ жити, дай намъ почивати!
 Хоць тило во гроби гнѣ, порохнѣ,
 Але наша любовь и за гробомъ жие. (Чт. 1866. III. 7).

2) Ой у поли, въ чистимъ поле зацвѣли волошки,
 Полюбивъ тебе, дивчино, що чорнява тронки.

3) Ой у мене въ огороди зацвѣли нагідки,
 Тимъ я тебе полюбила, що не знаю звидки.

4) Въ огороди шафранъ, шафранъ,
 Стоить Миколай якъ панъ, якъ панъ,
 Коло его петрушечка, стоить Марьечка душечка.

5) Сяла зиронька, сала;
 Зъ книгъ ти дивочка стояла?
 Зъ тобою, козаче, зъ тобою,
 Пидъ зеленою вербою.
 Де дивочка стояла,
 Тамъ яра рута зивляла;
 Де козакъ стоявъ,
 Тамъ прокись поскодивъ.

петрушка ¹⁾, *пастернакъ* ²⁾, *чорнобривци* (*Tagetes patula*) ³⁾, *разсада* ⁴⁾.

Ленъ чаще всего имѣетъ также любовное значеніе. Въ весеннѣхъ выражаются раздумье дѣвицы, съ кѣмъ придется ей брать ленъ, который представляется только-что сѣемымъ ⁵⁾. Вторженіе молодца въ ленъ, посвященный дѣвицею, — символическій образъ овладѣнія сердцемъ дѣвицы, а самый ленъ представляется какъ символъ дѣвической красоты ⁶⁾. Сѣяніе льна составляетъ предметъ весенней игры. Дѣвица беретъ ленъ — образъ чистый въ народной поэзій въ описаніяхъ разныхъ положеній жизни. Дѣвица беретъ ленъ и прикладываетъ къ лицу, а потомъ задаетъ себѣ вопросъ: кому будетъ хранить вѣрность это личико ⁷⁾. Дѣвица беретъ ленъ и сожалеетъ объ утраченномъ возлюбленномъ ⁸⁾.

Макъ — символъ красоты и нарядности. Дѣвица срываетъ макъ и прикладываетъ къ своему лицу. «Вотъ еслибъ у меня, говоритъ она, было такое ли-

- 1) Зеленая петрушечка близко перелазу
Солоденьки губки були въ моей любви зразу.
- 2) Пастернакъ, неборакъ, зеленая гичка;
Люби мене, мій миленькій, хочь я невеличка.
- 3) Перше було литечко — а теперь нема.
Посіяла чорнобривци, та вже не пора:
Поки мои чорнобривци розцвітуть,
А вже жь мою русу косу рослетуть,
А вже жь мои чорнобривци разцвили,
А вже жь мою русу косу заплели!
- 4) Ой ходимо, мое серце, до саду,
Посіємо, мое серце, росаду;
А вже наша росада сходить,
Вже до мене мій миленькій ходить.
- 5) Ой за лисомъ, лисомъ, за темнимъ зеленимъ,
Ой лелю-ладо, за темнимъ зеленимъ.
Пахари пахали чотирма сохами,
Пятою бороною: насіємо лену.
Горю горивати! Зъ кимъ мнни сей ленъ брати.
- 6) Посію я ленъ
Передъ батьковимъ дворомъ;
Та вродився льониченко,
Та внадився паниченко,
Та витоптавъ ленъ.
Чи не лёвъ — то бувъ
Чи не врода ёго,
Жемчужное насинячко,
Золотее коринячко,
Самъ шовковий лёвъ!
- 7) Ой у поли зелененькимъ
Брала дивка ленъ дрибленькій,
До личенька приладала,
Лице мое биленькое,
Кому будешъ вирненькое?
- 8) Брала ленъ, всю долину исходила,
Не ма того и не буде, кого я любила.

чико»¹⁾. Описывая козака-молодца, идущаго въ шинюкъ на попойку въ нарядной одеждѣ, пѣсня говоритъ, что онъ идетъ словно панья, а шапка на немъ словно цвѣтущій макъ²⁾. Въ смыслѣ картинности и нарядности съ макомъ сопоставляются рекруты³⁾ и чумаки⁴⁾. Въ одной любовной пѣснѣ съ расцвѣтомъ мака сопоставляется козакъ, идущій съ любовнаго свиданія⁵⁾. Но болѣе всего маковый цвѣтъ служитъ эмблемою счастливой жизни, ея скоропроходимости. Существовать поговорка: «нашъ вѣкъ, какъ маковый цвѣтъ» и эта поговорка объясняется въ пѣсенные мотивы. Несчастливая въ замужествѣ женщина говоритъ: «проходить мой вѣкъ, какъ маковый цвѣтъ, что днемъ цвѣтеть, а ночью опадаетъ⁶⁾. Ахъ, мой бѣлый свѣтъ, какъ маковый цвѣтъ! Зачѣмъ тебя завязали въ бѣлую намитку»⁷⁾.

Макъ составляетъ предметъ весняночной игры: дѣвушки сценически представляютъ, какъ макъ сѣють, боронятъ, жнутъ, вытрясываютъ, а самое построение дѣвическаго хоровода сравнивается съ макомъ⁸⁾. Въ историческихъ пѣсняхъ съ цвѣтущимъ макомъ сравнивается козакъ-молодецъ⁹⁾.

Бурковина или буркунъ зилья (*melilothus officinales*) — символъ вѣрности. Это растеніе приводится въ сопоставленіе съ чумачихою, которая не можетъ успокоиться во время разлуки съ мужемъ¹⁰⁾. Дѣвица предостерегаетъ своего милаго, чтобъ онъ не ходилъ безъ нея на улицу, не полюбилъ другой, и приводитъ бурковину¹¹⁾. Козакъ въ дорогѣ вспоминаетъ о своей милой; ему по-

1) Урвала соби чорвоний мачокъ,
Та приложила до свого личенька, —
Якъ бы у мене таке личенько!

2) Иде до шинка якъ пани яка,
А на ему сличокъ якъ макъ процвітає.

3) Въ чистимъ поли маки процвітають,
На битій дорозі рекрути виступають.

4) Ой по горахъ маки цвітуть;
То не маки, то чумаки—
Изъ Криму идуть, рибу везуть.

5) Ой завила маківочка, почала бринити,
Иде козакъ одъ дівчини—починає днити.

6) Пішовъ мій свить, якъ маковъ цвѣть,
Що въ день цвите, въ ночи опаде,
Оттакъ, моя мати, мій вики проваде.

7) Ой мій свитку, білий свитку ставя,
Якъ маковий квітку!
На що тебе завязвали въ білу ю. намитку!

8) Маки, маки, маківочки,
Золоті голівочки!
Ставьте, дівочки, такъ,
Якъ зеленій макъ!

9) Морозенко козаченько якъ макъ росиускався.

10) Въ огороді буркунъ зилья по тичани вьється;
Молодая чумачиха за чумакомъ бьється.

11) . . . бурковина стега,
Не ходи, козаче, на улицу безъ мене;
Косарники косять—бурковина вяне,
Не люби иншю, бо серденько вяне.

стелью — желтая бурковина; при этомъ онъ заповѣдываетъ мысленно своей возлюбленной оставаться ему вѣрною и не ходить на улицу ¹⁾).

Хмель — (хмель) — символъ волокитства, разгула, непостоянства. Мать спрашиваетъ сына, который возбуждаетъ ропотъ своими шалостями, гдѣ онъ ночевалъ, и сравниваетъ его съ хмелемъ ²⁾. Съ хмелемъ сравнивается разгульный молодецъ, идущій къ дѣвицѣ и наигрывающій на инструментъ — на кобзѣ или свистѣлкѣ ³⁾).

Хмель — образъ вѣтреннаго молодца, на котораго дѣвица не должна полагаться. Дочь говоритъ матери: «ахъ, хмель, хмель! зеленъ, кудреватъ! Любить меня, матушка, хорошій чернявий». Дочка моя, отвѣчаетъ мать, все это неправда; если онъ тебя и возьметъ, то любить не будетъ ⁴⁾. Но съ увядающимъ хмелемъ сравнивается такой молодецъ, который, наконецъ, плѣнился дѣвцею и сохнетъ отъ любви ⁵⁾.

Съ хмелемъ сравнивается также и дѣвица, которая перебирала молодцами, кружила имъ головы, а наконецъ вышла за вдовца ⁶⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ хмель — символъ пиршества. «Катится хмель изъ межгородья; подкатился подъ ворота. Стелись, стелись, хмель, по плетню, играйте музыканты на дворѣ» ⁷⁾.

Въ козацкихъ пѣсняхъ хмель сопоставляется съ храбрыми и отважными

1) Ой ти козаче, хрещатий барвиночку,
Хтожь тоби постеле въ дорози постилечку.
Ой постеле, мила, жовта бурковина;
Ти жь мина, дивчино, и въ дорози мила.
Що витирь повие — бурковину розстеле,
Не ходи, дивчино, на улицу безъ мене.

2) Хвалилися молодци, що ти шкоду робишь...
Де ти хмелю зимовать,
Де ти синку ночувать?

3) Наберу я хмелю жменю, та посію надъ водою,
Ой здалека чути козака орла, якъ иде зъ кобзуромъ.

4) Ой хмелю, хмелю зелений кудравий.
Любить мене, моя мати, хорошій чернявий.
Доненька моя, то неправдонька вси:
Хочь винь тебѣ вьзьме, а любить не буде.

5) Зеленая хмелюнька одъ сонця зивляла,
Дивчинонька козакови та свить завязала.

6) Ой ти хмелюньку, буйнее зильля,
Мало разуму маєшь,
Ой пьяного, нетверезого,
Зъ разуму спровожаешь!
Ой ти, дивчино перебиринце,
Много перебирала,
Уснмъ молодцямъ догону дала,
А удивцени ся дистала.

7) Катиться хмель, зъ межи города,
Та подкотился подъ ворота.
Стелися, стелися, хмелюньку, по тину
Грайте, музики, по двору.

воиномъ ¹⁾. Фамилія Хмельницкаго, происходя отъ слова хмель, побуждала называть его просто Хмелемъ, такъ какъ въ народѣ существовалъ символъ, подчлвившій къ характеру Богдана ²⁾.

Сходное значеніе молодца дается *укрону*. Дѣвица не велитъ расти укроу въ огородѣ, не велитъ старому топтать ея мяты, то-есть не отдается ему, и, напротивъ, говоритъ: расти укропъ въ моемъ огородѣ; топчи молодець мою мяту ³⁾.

Хлѣбныя растенія — особенно *рожь* (жито) и *пшеница* любимы въ народной поэзіи. Въ колядкахъ и щедривкахъ они являются въ особенности какъ признаки довольства и благосостоянія, чего желаютъ колядницы тѣмъ, кому колядуютъ. На нихъ лежитъ отпечатокъ святости. Самъ Богъ со святыми даруетъ эти признаки счастья и даже самъ пашеть на нивѣ—это, какъ кажется, остатокъ древняго, общаго многимъ народамъ вѣрованія о небесномъ происхожденіи земледѣлія. «Отворяй дворъ, ворота со двора! Богъ тебя зоветъ, даръ тебѣ даетъ: широкое поле, густое жито, коренастое, стеблестое, колосистое, ядреное, чтобъ изъ колоса выходила цѣлая миса зерна, а изъ снопа цѣлыхъ три бочки ⁴⁾. Въ другой колядкѣ Богъ пашеть, а ему помогаетъ св. Петръ; Божія Матерь носить зерно и проситъ Бога: роди, Воже, яровую пшеницу и рожь, пусть будутъ стебли какъ тростникъ, колосья какъ былинны; жнецы будутъ молодницы, а вязальники молоденькіе, конны будутъ какъ звѣзды, а снопы какъ горы ⁵⁾. Въ

¹⁾ Чи не той-то хмель, хмель,
Що по тичини вьється?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що съ яхами бьється?

²⁾ Ой Хмелю, Хмельниченку,
Висипався хмель изъ миха,
Та наробишь яхамъ лиха!

³⁾ Ой не рости, кропе,
Высоко въ городи,
Ой не ходи, старий,
Коло моеї хати!
Не топчи ти, старий,
Кудравои мяти!
Ой порости, кропе,
Высоко въ городи,
Ой походи, молоденький,
Коло моеї хати,
Потопчи, молоденький,
Мою кудравую мяту!

⁴⁾ Одчнний двери, ворота отъ себе!
Богъ тебе зове, даръ тоби дае:
Широкое поле, жито густее,
Коренистее, стеблестее,
Колосистее, ядренистее:
Изъ колосочка— миса житечка,
А изъ снопочка— три зъ верхомъ бочки.

⁵⁾ Ей въ поли, поли, чистейнимъ поли,
Тамъ же ми оре золотий плужокъ,
А за тымъ плужкомъ ходитъ самъ Господь;
Ему погонять та святой Петро,

щедривахъ (а также въ вѣкоторыхъ колядкахъ) дааніе свыше обилія представляется въ образѣ ржаной плети, которою размахиваетъ Богъ или же св. Ілія ¹⁾. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на хлѣбное зерно, какъ на символъ и признакъ благосостоянія, худое состояніе стоящей на полѣ пшеницы сопоставляется съ дурнымъ состояніемъ человѣка въ нравственномъ отношеніи ²⁾. Также засѣянная пшеницею нива сопоставляется съ положеніемъ человѣка, окруженнаго добрыми друзьями, а опустѣлая—съ положеніемъ посреди враговъ ³⁾.

Хлѣбныя растенія примѣняются къ разнымъ положеніямъ любви. Сѣваніе и возрастаніе пшеницы и ржи сопоставляется съ годностью молодца къ женитьбѣ ⁴⁾ и дѣвци къ замужеству ⁵⁾. Сѣваніе также сравнивается со средствами возбуждать любовь ⁶⁾. Рожь, въ противоположность сорной травѣ, означаетъ красивую дѣвицу ⁷⁾, но въ противоположеніи съ пшеницею вдову, а пшеница дѣвицу ⁸⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ овесъ означаетъ жениха, а пшеница невѣсту ⁹⁾.

Матинка Божа насиничко носить,
Насинья носить, пана Бога просить:
Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку, ярейке житце;
Буде тамъ стебевле саме тростове,
Будуть колосойки яко били войки,
Будуть ми женци сами молодци,
А възальнички сами молодчики;
Будуть колойки, яко звяздойки,
Будуть стогойки, яко горойки.

(Чт. 1864. I. 8).

¹⁾ Дала ему (Богу) мати житану пугу:

Де пугою махне,
Тамъ жито росте!

²⁾ Ой чья то пшениченька, що колось схилився, —

Ой то того козаченька, що такъ замурился;
Ой вже тую пшениченьку та горобци пють,
А вже того козаченька та палками бють.

³⁾ Були колось яри пшениченьки,

А теперъ облоги;
Були колось вирни сусидоньки,
А теперъ вороги.

(Метл. 42).

⁴⁾ Насіяно пшениченьки, та нікому жати,

Питається синъ матери: которуо брати.

⁵⁾ Ой часъ, мати, жито жати, бо колось схилився,

Ой часъ, мати, замижъ дати, бо голось змінився.

⁶⁾ Ой я жита не сіла — само жито сходить;

Козака не чаровала — самъ до мене ходить.

⁷⁾ Жито, мати, жито, мати, жито не метлиця;

Чомъ дивчини не любити — лица, дивка билюлиця.

⁸⁾ Не буду я жита жати, ино пшениченьку.

(Чтен. 1864—IV. 342. 1863—IV. 268).

⁹⁾ Ой сипъ, мати, овесець,

Щобъ нашъ овесъ рясець бувъ,

Щобъ нашъ Юрасько красець бувъ.

Ой сипъ, мати, пшеницю,

Щобъ наша пшениця рясна була,

Щобъ наша Маруся красна была.

(Метл. 122).

Уборка хлѣба сопоставляется съ ходомъ любви ¹⁾, а трудность работъ съ томленіемъ сердца, ожидающаго возврата милаго ²⁾.

Просо въ народной поэзіи составляетъ предметъ весенняго хоровода, одного изъ самыхъ старинныхъ, съ припѣвомъ: ой дядь-ладо! Древность пѣсни, принадлежащей къ этой хороводной игрѣ, доказывается уже тѣмъ, что она болѣе, чѣмъ какая другая подобная, сохранилась въ одинаковомъ видѣ не только на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскими племенемъ, но и въ великой Руси. Сущность ея такова: хороводъ разбивается на двѣ половины; одна поетъ, что свѣяла просо, другая—что вытопчетъ его лошадыми; первая говоритъ, что перейметъ коней, другая, что ихъ выкупить, предлагаетъ сто, тысячу рублей; первая не соглашается; наконецъ, вторая предлагаетъ дѣвицу, и первая соглашается ³⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ просо сравнивается съ косою дѣвицы ⁴⁾. Полоніе проса—случай свиданія съ козакомъ, который снимаетъ съ себя рукавичи и отдаетъ дѣвицѣ, чтобъ она не колола себѣ рукъ ⁵⁾.

Гречиха—гречка,—въ народныхъ пѣсняхъ сопоставляется съ бѣдностью и лишеніями. Названіе гречкосій—презрительное. Въ думѣ объ Иванѣ Ковоченкѣ козакъ спѣшитъ въ походъ, между прочимъ для того, чтобъ его не на-

¹⁾ Я у поли жито жала—а ще спонивъ не вязала;
Я козака полюбила, а ще правди не казала.

²⁾ Ой у поли, при дорози пшениченька яра;
Тамъ молада дивчиновька пшениченьку жала;
Болятъ ручки, болятъ нижки, пшениченьку жнучи.
Та вже мини надокучило миленького ждучи. (Балл. 77).

³⁾ Ой ми просо сіяли, сіяли,
Оа диду-ладо, сіяли, сіяли!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ прибавленіемъ послѣдняго слова).

А ми просо витопчемъ, витопчемъ.
Ой чимъ же вамъ витоптатъ, витоптатъ?
А ми кони випустимъ, випустимъ.
А ми кони переймемъ, переймемъ.
А ми кони викупимъ, викупимъ.
Ой чимъ же вамъ викупить, викупить?
А ми дамо сто рубливъ, сто рубливъ.
Не хочемо сто рубливъ, сто рубливъ.
А ми дамо тысячу, тысячу.
Не хочемо тысячи, тысячи.
А ми дамо дивциу, дивциу.
Ми дивциу визьмемо, визьмемо.

⁴⁾ Ой на гори жито, а въ долини просо:
Ой жаль мини тебе, русявая косо!
Ой просо, просо золотья,
Ой косо, косо золотья!

⁵⁾ Въ чистимъ поли дивка просо поле,
Просо поле, били ручки коле.
Козакъ втима, рукавички зниме,
Щобъ дивця положо,
Билихъ ручокъ не кололо.

звали гречкосієм¹⁾). Женщина равняет двѣ горсти проса съ цѣлою кадью гречки и сооставляетъ съ этимъ количествомъ свою нищету²⁾). Въ другой пѣснѣ гречка сопоставляется съ несчастіемъ дѣвицы, отъ котораго она предостерегается³⁾). Въ третьей пѣснѣ—бѣдная дѣвушка, которую соблазняютъ, представляется сѣющею гречку⁴⁾). Съ опаданіемъ бѣлаго цвѣта гречки сравнивается взмѣна молодца⁵⁾). Но въ колядкахъ гречиха, однако, поминается съ другими родами глѣба, какъ даръ Божій⁶⁾). Гречиха годна на вареники, а глѣбъ гречневый—гречаникъ—въ пѣсняхъ имѣетъ значеніе самаго послѣдняго по достоинству. Въ шуточной пѣснѣ описывается, какъ женщина угощаетъ солдатъ (москалей) гречаниками очень плохого качества⁷⁾). Совсѣмъ противополож-

¹⁾ Тильки будуть мене, мати,

На підпнтку гречкосіємъ, домонтаремъ величати.

(Укр. Д. Макс. 83).

²⁾ Посію я дижку гречи, а дви жмени проса;

Ходила я въ черевичкахъ—теперь хожу боса.

(Чт. 1864. IV. 323).

³⁾ Чорна гречка, блии крупн

Не попадайся, дивчи, въ руки:

Бо якъ въ руки попадешся,

То-то лиха наберешся!

⁴⁾ Ой зъ подола витерь віе,

Подолянка гречку сіе;

Сіе, сіе, досивае,

За козакомъ поглядае.

Иде козакъ долинами,

Подолянко сядай зъ нами!

Не будешъ ти въ насъ робила,

Срибломъ золотомъ будешъ шила!

Срибломъ золотомъ винивала,

Чорни очка заплакала:

Чого плачешъ, моя мила?

Бо мя доля омилгла и пр.

(Чт. 1863. III. 87).

⁵⁾ Ой на гречци билий цвѣтъ—та вже опадае.

Любивъ мене гарній хлопецъ, та вже покидае.

⁶⁾ Пане господарю! Бигъ тебе виче!

Дае два лани жита, а третій пшеници,

А третій пшеници на палинниц,

А четвертій гречки на варенички.

⁷⁾ Гопъ мой гречаники,

Гопъ мой не вдалися!

Гопъ мой не вдалися,

На черини не спеклися!

Моловъ батько не віучи,

Пекла мати не сіучи.

Зъ помійнищи воду брала—

Гречаники учинила.

Наихали Москали,

Гречаники пішли.

Наихали коштани,

Гречаники похватали.

ное качество считается за пшеничнымъ хлѣбомъ—палайницами. Это признакъ хорошаго житья. Въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломъ его привольное житье, купленное измѣною козацкому дѣлу, выражается тѣмъ образомъ, что онъ ѣлъ все сало да палайницы ¹⁾. Такое же значеніе бѣдности, ничтожности имѣть чечевца, которая въ одной шуточной пѣснѣ называется безсчастною ²⁾.

Горохъ—предметъ весенней игры съ пѣснью: «вейся, горошекъ, въ три стручка, роди, Боже, въ четыре. Чтобъ тебя черви не точили! Чтобъ наши молодцы женились ³⁾).

Также и *огурецъ* народная поэзія коснулась въ формѣ весенней игры. Дѣвницы переплетаются руками, думая изображать вьющіеся стебли огуречной травы, съ примѣнительными припѣвами ⁴⁾. Въ одной любовной пѣснѣ огуречный цвѣтъ сопоставляется съ плачемъ дѣвницы въ отсутствіе своего милаго ⁵⁾.

Тыква, гарбузь и дыня въ одной пѣснѣ сопоставляются съ хозяиномъ и хозяйкою ⁶⁾. Есть шуточная пѣсня, въ которой огородныя растенія представляются въ видѣ семьи. Гарбузь—хозяинъ, отецъ семейства, дыня—хозяйка, огурцы—его дѣти, а морковь—сестра ⁷⁾.

¹⁾ Ой бувъ Сава та нвъ сало, та все палайници.

²⁾ Понхавъ би въ лисъ по дрова—
Въ мене жинка чорноброва...
Треба дома сидитъ,
Треба жинки глдитъ,
Щобъ и хтось не пришовъ,
Чтобъ и щось не принисъ,
Або сала шматокъ, або мила брусокъ,
Або теи безсчастной чечевници мшинокъ.

³⁾ Війся горошокъ въ три стручечки,
Роди Боже въ чотири,
Щобъ тебе черви не точили,
Щобъ наши парубки ся женили.

⁴⁾ Зеленьки огирочки развивайтесь,
Молодкі дивочки завивайтесь!

⁵⁾ Зеленьки огирочки—жовтеньки цвѣточки,
Не ма мого миленького—плачуть карі очки.

⁶⁾ А хто любить гарбузь, а я люблю дыньку,
А хто любить господаря, а я господиньку!

⁷⁾ Ходить гарбузь по городу—
Питається свого роду:
Чи вси живи, чи здорови,
Вси родичи гарбузови?
Обизвалася жовта дыня,
Гарбузова господиня:
Уси живи и здорови,
Вси родичи гарбузови.
Обизвалися огирочки,
Гарбузови сини и дочки:
Уси живи и здорови,
Вси родичи гарбузови.
Обизвалася морквиця,
Гарбузова сестриця и пр.

Съяніе вообще приводится въ иносказательномъ образѣ. Такъ существуетъ образъ съяніа судьбы ¹⁾). Въ военныхъ пѣсняхъ поле битвы изображается въ видѣ нахотнаго поля ²⁾). Есть образъ съяніа тоски (туги) ³⁾). Какъ этотъ образъ, такъ и предшествовавшій встрѣчаются въ пѣснѣ «О полку Игоря». Въ пѣснѣ о Марусѣ и гайдамакахъ грусть жены о мужѣ и нетерпѣливое ожиданіе его возвращенія выражено въ слѣдующей формѣ: «Маруся изорала поле мыслями, заборошила карими глазами, полила частыми слезами ⁴⁾). Женщина, сиротствующая въ чужой сторонѣ, хочетъ посѣять свой «родъ» мелкимъ сѣменемъ ⁵⁾).

Конопля въ народной поэзіи—образъ, большею частью грустный. Дѣвица-сирота беретъ коноплю и проситъ сырую землю принять ее (см. выше о землѣ); конопля, растущая въ полѣ, сопоставляется съ измѣною молодца дѣвицѣ ⁶⁾). Конопля, намоченная въ водѣ—образъ несчастнаго житія женщины на чужбинѣ ⁷⁾). Но уклоненіе отъ этого печальнаго значенія представляетъ шуточная пѣсня, гдѣ вторженіе журавля въ коноплю символизируетъ нарушеніе дѣвства (брачное) ⁸⁾).

Полинь—символь горемычнаго житія. Солдатъ сравниваетъ съ нимъ свой солдатскій бытъ ⁹⁾). Въ пѣснѣ, гдѣ описывается дурное обращеніе свекрови съ невѣсткою, говорится, что она полила ее полинемъ, вмѣсто того, чтобы повѣ

¹⁾ Ходила дивчина по полю;
Сіяла долю изъ приполю.

²⁾ Чорна рилля заорана,
А кулями засіяна,
Билимъ тиломъ зволочона,
А кровню сполощона.

³⁾ Ой посію тугу
Та по всѣму дугу,
По дугахъ, береженькахъ,
По монхъ вороженькахъ.

⁴⁾ Изорала Марусенька мысленьками поле,
Карими оченьками тай заволочила,
Дрибними слезоньками все поле змочила.

⁵⁾ Де тебе, роде, узати?
Чи посіяти дрибнимъ насинячкомъ?

⁶⁾ Ой у полѣ конопель—верхи зелененьки;
Покидае милій милу—вороги раденьки.

⁷⁾ Ой акъ тяжко конопельци въ сирій водѣ гнити,
А ще тяжче молодци на чужини жити.

⁸⁾ Та внадився журавель
До бабинихъ конопель;
Таки, таки журавель,
Таки, таки цибатий.

⁹⁾ Ой ти полинь трава,
Ой ти гиркая трава,
Черезъ тебе, полинюшка,
Гирше въ свити нема.
Ой ти служба моя солдацкая,
Черезъ тебе, черезъ службу,
Гирше въ свити нема.

медомъ и виномъ, какъ приказалъ уѣхавшій сынъ ¹⁾. О дѣвушкѣ, которая готится своимъ положеніемъ въ родительскомъ домѣ; говорится, что батюшкинъ хлѣбъ ей пахнетъ полынью ²⁾. Несчастная въ замужествѣ женщина сопоставляетъ горечь своего житія съ горечью полыни ³⁾.

Крапива—крапива встрѣчается рѣдко, но всегда въ смыслѣ зла и несчастья. Дѣвица не хочетъ идти замужъ, зная, что у ней будетъ лихая свекровь, и сравниваетъ ее съ гжучею крапивой ⁴⁾. Вѣдная женщина говоритъ, что бросить она дитя въ крапиву, а каково этому дитяти въ крапивѣ, таково и ей на чужбинѣ ⁵⁾.

Въ другой пѣснѣ дѣвица приноситъ своему соблазнителю ребенка и говоритъ, что закинетъ его въ крапиву, если отецъ не возьметъ его ⁶⁾. Въ этой же пѣснѣ образъ терпѣнія, которое она испытываетъ, ожидая себѣ наказанія, выражается тѣмъ, что она рубитъ крапиву, а за нею ползетъ ея ребенокъ ⁷⁾.

Камышъ—очереть—въ шуточныхъ пѣсняхъ съ осокой представляютъ любовную двойственность ⁸⁾; съ сухимъ очеретомъ сопоставляется глуповатый молодецъ, котораго дѣвушка дурачить ⁹⁾.

Въ малорусской поэзіи мы встрѣчаемъ нѣсколько растений, имѣвшихъ несомнѣнно поэтическое значеніе, но смыслъ его въ настоящее время теменъ, такъ

¹⁾ Великъ ей наповати медомъ та виномъ,
А вона и наповала гиркѣмъ полнинемъ.

²⁾ Батькова хлиба не хочеться,
Баткивъ хлибъ полнинемъ пахне.

³⁾ Гиркий полниъ, гиркий полниъ, гирько его исти;
А еще гирше видъ полнуну нзъ нелюбомъ систи.

(Чт. 1864. IV. 552).

⁴⁾ Не пиду я городами, бо кропива жалкая,
Не пиду я во осени замизъ, бо свекруха злая.

⁵⁾ Покину дитину въ кропивину,
А сама пиду гулять въ Украинну.
Ой якъ ти дитини въ кропивини,
То такъ мени гулять на чужини.

⁶⁾ Ой на тоби, козаченько, малую дитину;
Якъ не вимешъ, въ кропиву закину.

⁷⁾ Дивчинонька кропиву шаткуе,
А за нею дитина рачкуе.
Люли-люли ти, маленький синьку,
Набють мени та за тебе синьку!
Люли-люли ти, маленький враже,
За тобою вся худоба лаже!

⁸⁾ Очереть та осока,
Чорни брови въ козака,
На те мати родила,
Щобъ дивчина козаченька любила.

⁹⁾ Ой сухой очереть та прибреховатий,
Чи ти мене не признавъ, пришеленоватий,
Ти думаешъ, дурню, що я тебе люблю,
А я тебе, дурню, словами голублю;
Ти думаешъ, дурню, що я покохаться,
А я зъ тебе, дурню, аби посміяться.

как эти растенія встрѣчаются очень рѣдко и даже нѣкоторыя, сколько намъ извѣстно, по одному только разу, таковы: папоротникъ «царь-зилья», сонъ-трава, «трой-зилья», Божье дерево, ряска и жемчужная трава.

Папоротникъ—папороть—встрѣчается въ одной пѣснѣ ¹⁾, гдѣ по одному варианту—дѣвочка-жидовочка, по другому русалочка загадываетъ три загадки: что горитъ безъ пламени, что растетъ безъ корня и что цвѣтетъ безъ цвѣту? Такъ отгадывается эта загадка: безъ пламени горитъ золото, безъ корня растетъ камень, безъ цвѣта цвѣтетъ папоротникъ. По тому варианту, гдѣ загадываетъ дѣвочка-жидовочка (дѣвчя-жидѣвчя), козакъ отгадываетъ, по другому дѣвчя не отгадала и русалочка зашекетала ее ²⁾.

Хотя этотъ образъ состоитъ въ связи съ извѣстнымъ суевѣріемъ о цвѣтеніи папоротника въ ночь на Ивана Купала, въ отношеніи поэтической символики онъ остается для насъ неяснымъ.

О *царь-зилья* (*Delphinium elatum*) одна пѣсня говоритъ, что оно растетъ въ глубокой долинѣ, на высокой могилѣ и надъ нимъ кукуетъ кукушка. Оставшись одно, послѣ того какъ вся трава скошена, и дуброва вся опустошена, оно проситъ дѣвицу обполоть ее, но дѣвица не ситѣтъ, потому что у воротъ стоитъ нежилый и держитъ палки, которыми грозитъ бить ее по плечамъ ³⁾. Образъ совершенно непонятный.—Изъ другой пѣсни можно заключить, что этому зелью приписывали какую-то цѣлительную силу. Голубка говоритъ голубю, что не можетъ вымолвить словечка—сердце у ней обкипѣло кровью.—Я достану царь-зелья,—говоритъ голубь,—попарю твое сердце.—Не поможетъ царь-зилья—развѣ Богъ одинъ поможетъ ⁴⁾. *Сонъ трава* (*anemone pulsatilla*) встрѣчается

¹⁾ Ой що горитъ безъ полонья?
Ой що росте безъ корня,
А що цвите безъ всякого цвиту
(По галицкому варианту):
А що ми квітне безъ синего цвиту?
Горить золото безъ полонья,
Росте камень безъ корине,
Цвите папороть безъ цвиту.

²⁾ Дивчиньонька загадочки не видгадала,
Русалочка їн залоскотала.

³⁾ Уся травица покошена,
И дуброва спустошена.
Зосталось царь-зильячко.
Обполи мене, моя дивчочко!
Ой рада бь я обполоти,
Та стоять нелюбь у воротъ,
Держить кін тоненькіи
На мои плечи биленькіи.
Ой голубонько сивий,
Словця не промовлю;
Обкипило сердце
Чорвоюю кровью.
Ой голубонько сива,
Царь-зилья достану,
Серденько попарю!

въ одной только пѣснѣ, которую наши этнографы отнесли къ гетману Ивану Свирговскому. Хотя начальные два стиха этой пѣсни ¹⁾ очевидно выдуманы, но дальнѣйшіе ²⁾ могутъ быть народными, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ основанія положительно отвергать ихъ народность. Сестра рвала сонъ-траву и спрашивала старуху, что значить этотъ сонъ-трава — козацкую ли силу или козацкую могилу? Отвѣтъ на это таково: этотъ сонъ-трава выросъ въ полѣ, поймала эту траву недоля и дала моей дочери. Полно тосковать, моя дочь: уже нашъ Иванъ теперь въ могилѣ. Повидимому, эта пѣсня имѣетъ связь съ повѣрьемъ, существующимъ, по свидѣтельству Маркевича и Сахарова (укр. мелодіи и русск. чернокн. 43), въ Украинѣ и Великой Руси, о томъ, что, положивъ сонъ-траву подъ подушки, можно увидѣть и узнать во снѣ тайну, которую пожелаютъ. Но, приводя эту пѣсню, мы все-таки принуждены отнести ее къ разряду таинъ, о народности которыхъ можетъ возбуждаться до извѣстной степени сомнѣніе, о чемъ скажемъ послѣ. *Трой-зилья* упоминается въ пѣснѣ, которой содержаніе таково ³⁾: Маруся заболѣла, обвязала чернымъ шелкомъ голову. Приѣхали трое

Ой голубонько сивій,
Царь-зилья не поможе,
Хиба намъ поможе
Та нашъ милій Боже!

¹⁾ Пѣвала стара баба Грициха,
Мовъ перепелиха, мовъ перепелиха.

²⁾ Молода сестра сонъ-траву рвала,
Старую питала, старую питала:
— Чи той сонъ-трава козацкая сила?
— Чи той сонъ-трава козацкая могила?

Ой той сонъ-трава голубонько зростився у поли,
Та піймала ту траву недоля та дала мойй дони.
Ой доню моя, доню, годи сумовате,
Що нашого молодого Ивана въ могили шукати.

³⁾ Марисенька на дгижку (по др. варианту во полози) лежала,
Чорнимъ шовкомъ головку связала;
Наіхали три козаки зъ повку,
Розвязали Маруси головку.
Одинъ каже: я Марусю люблю,
Другой каже: я Марусю возьму,
Третій каже: на шлюбоньку стану.
Ой хто мени трой-зилья (по волниск. варианту трех-зилья) доставе,
Той зо мною на шлюбоньку стане.—
Обизвався козакъ молоденькій:
Есть у мене три кони на стани:
Першій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Другій коникъ якъ лебедь біленькій.
Однимъ конемъ море перепливу,
Другимъ конемъ поле переду,
Третимъ конемъ трой-зилья доставу.
Ой ставъ козакъ трой-зилья конати;
Стала надъ нимъ зозуля ковати:
Кидай, кидай трой-зилья конати,
Иди Марусю зъ весилья стричати.

козакъ; одинъ говоритъ: я Марусю люблю; другой говоритъ: я Марусю люблю; третій: я съ Марусей обвѣнчаюся.—Маруся сказала: кто мнѣ достанетъ трой-зилья, тотъ со мною обвѣнчается. Откликнулся молодой козакъ: у меня три кова въ конюшнѣ; первый—сизъ какъ голубь, другой черенъ какъ галка, третій бѣлъ какъ лебедь. На первомъ конѣ переплыву море, на другомъ переѣду поле, а на третьемъ доставу трой-зилья. Вотъ сталъ козакъ копать трой-зилья; стала надъ нимъ куковать кукушка: перестань копать трой-зилья; иди встрѣтить Марусю—она идетъ съ своей свадьбы! Ыдетъ козакъ по полю, ѣдетъ и по дру-гому; какъ сталъ онъ сворачивать на третье поле—встрѣчаетъ Марусю: она идетъ съ своей свадьбы! На то меня мать родила (говоритъ Маруся) чтобы я дурачила козака ¹⁾). По другому варианту козакъ снялъ съ Маруси голову и сказалъ: вотъ тебѣ, Маруся, свадьба, не посылай козака за зельемъ! ²⁾). Трой-зилья—растение совершенно баснословное и едва ли не напрасно было бы искать въ ботаникѣ этого растенія.

Божье дерево—Віжъ дерево (*Artemisia abrotanum*) упоминается только въ галицкой колядкѣ ³⁾); оно должно вырости, вмѣстѣ съ мятою и барвинкомъ изъ посѣяннаго пепла трехъ дѣвиць, убитыхъ мачихою за то, что не устерегли

Иде козакъ поле и другое,
А на третье та ставъ зворочати,
Ставъ Марусю зъ весилья стричати.

- ¹⁾ Ой на тее та мати родила,
Щобъ дивчина козака дурнила?
²⁾ Ой ставъ козакъ шаблю витатати,
Ставъ Маруси головку здіймати,
Ой у поли макивка бринила,
То Маруси головка злетила.
Ой у поли макивка зацвила,
То Маруси головка загнила.
Оттожъ тобі Марусю трой-зилья
Не починай безъ мене весилья!
³⁾ Посіла ленку за загуменку,
Ленокъ ся не вродивъ лень конопельки.
На тихъ конопелькахъ золота ряса.
Обдзюбають ю дрибни пташкове.
Огаяли ей три сиритоїки.
Ште, ге, ге, ге! дрибни пташкове
Не обдзюбайте золоту рясу:
Зій бо ми маме люту мачиху,
Она насъ спалить на дрибний попелець,
Она насъ посіе въ загородойци,
Та зъ насъ ся вродить тройке зилья: .
Перше зилейко—биздеревочокъ,
Друге зилейко—крутая мята,
Третье зилейко—зелений барвинчокъ.
Биздеревочокъ—дивкамъ до височокъ,
Крутая мята—хлопцемъ на шапата,
Зелений барвинчокъ—дівчатамъ на вночокъ.

Прим. Хотя Божье дерево собственно кустарникъ, но мы помѣщаемъ его здѣсь такъ, какъ оно упоминается разъ съ травянистыми растеніями.

отъ пташекъ золотой ряски на конопляхъ. *Золотая ряска* есть фантастическое представлѣніе золотыхъ блестокъ на подобіе водяной травы ряски. Что касается до самой этой травы въ натурѣ, то-есть водяной ряски, то она иногда встрѣчается въ пѣсняхъ и принадлежитъ къ любовнымъ растеніямъ ¹⁾. Золотая ряска встрѣчается еще въ другой галицкой же пѣснѣ, гдѣ описывается, что дѣвица стерегла золотую ряску, налетѣли райскія пташки, стряхнули ряску. Дѣвица, пробужденная звукомъ золотой рясы, собрала ее и понесла къ золотыхъ дѣль мастеру, который долженъ былъ дѣлать ей золотую шубу, золотой поясъ, серебряный перстень и перловую тканку на голову ²⁾.

Жемчужная трава—фантастическое растеніе, вырастающее изъ посѣянаго жемчуга. Въ пѣснѣ петровочной поется: «мы вспашемъ поле орлами, а засѣмъ жемчугомъ!» ³⁾ Въ другой веснянкѣ говорится, что дѣвица умывалась водою, утиралась китайкою, повѣсила китайку на морѣ, посѣяла жемчужину на полѣ ⁴⁾.

- ¹⁾ Одбивае одъ берега шука риба ряску;
Утеряла дивчинонька у козака ласку;
А я туу дрибну ряску зберу у запаску,
А ввечери козакови пидйду пидъ ласку. (Метл. 8).
- ²⁾ А въ поли близько дороги прип. Божа мати а все въ золоти ходля.
Садокъ сажений на осторожний;
А въ тймъ садочку била постляка,
А въ тій постелци игречная дива
Ряси стерегла, я тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули ряску, зшайнули,
Золота ряска дуже звенила,
Дуже звенила, диву збудила,
А дива встала, ряску збирала,
Збирала ряску, чомъ до поясу
Понесла жъ соби до золотнйка.
А помогай Бигъ золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку;
А зроби мни золоту шубу,
А зъ обривочкивъ золотій поясъ,
А зъ отрусочкивъ срибний перстенець,
По тймъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ ведилю рано
Перлова тканка головку клонить,
Шолковій поясъ лядвоньки ломить,
Золотая шуба слидъ займае,
Срибний перстенець пальчики щипле. (Чт. 1866. I. 644).
Ой Петре, Павле, Иване!
Та зоримо поле орлами,
Та засіемо жемчугами.
Ой лугомъ, лугомъ вода иде,
А надъ тймъ лужечкомъ стежечка иде;
Ой туду й шла молода дивчина,
Та тоу водицею вмивалася,
Червоною китайкою втиралася;

Въ галицкихъ колядкахъ жемчужная трава является вмѣстѣ съ золотою рясомъ. Черная гора не родила ни жита, ни пшеницы, а родила она жемчужную траву, золотую рясу. Гордый молодецъ пустилъ коня въ жемчужную траву; а самъ припалъ къ сырой землѣ и скоро заснулъ. Вдругъ откуда ни взялись буйныя вѣтры съ дождями, зашумѣли въ жемчужной травѣ, зазвенѣли въ золотой рясѣ. Гордый молодецъ пробуждается, сѣдлаетъ коня и говоритъ: конь мой сивый, будь счастливъ! Пойдемъ въ чистое поле въ темный лѣсокъ, за чернымъ туромъ за крупнымъ звѣремъ ¹⁾.

Въ галицкихъ пѣсняхъ упоминается растение, называемое «блкое тило». Дѣвица посѣяла это растение, потомъ, собравъ, приложила къ своимъ косамъ и сказала: вотъ какъ бы у меня были такія косы, я бы годилась тогда мѣщанскому сыну ²⁾. Въ другой пѣснѣ, по галицкому варианту, упоминается «бѣлый цвѣтъ», который долженъ вырости изъ разсѣяннаго по полю пепла молодца, котораго отравила сестра по наущенію чужеземца, встрѣтившаго ее тогда, когда она шла косить траву ³⁾. Неизвѣстно, впрочемъ, есть ли это особое растение,

Повисла китаечко на мори,
Посіала жемчужну на поли.

- ¹⁾ Зачорнилася чорная гора,
Шо не зродила жита пшеницю,
Але зродила жемчужну траву,
Жемчужну траву, золоту рясу.
Ихавъ надъ нею гордый молодець,
Та пустивъ коня въ жемчужну траву.
Ой а самъ припавъ, якъ сирій земли.
Та скоро припавъ, такъ борво заснувъ.
Ой деся взяли буйни витрове,
Буйни витрове шартя дождчове,
Та зашумили въ жемчужну траву,
Та зазвенели въ золотій рясѣ.
Гордый молодець въ тимъ прохонився,
Кона сидлає, гадку гадає;
Коню жъ мій, коню сивий, будь ти счастливий.
Пойдеможъ ми въ чистее поле,
Въ чистее поле та темний лѣсокъ.
За чорнимъ туромъ за грубимъ звиромъ. (Чт. 1864. I. 69).

- ²⁾ Пишла панночка въ чистее поле,
Та посіала блкое тило...
Урвала жъ соби блкое тило.
Та приложила жъ ёго къ своимъ косонькамъ,
Коби жъ у мене такі косоньки,
Годили жъ бимъ ся мистькому сину
Мистькому сину къ метицѣвъ бути. (Чт. 1864. I. 84).

- ³⁾ Эй шло дивчя на травичку,
До тихого Дунаечку,
Въ правій руци серпикъ несло,
Въ ливій руци плахту несло.
Стритивъ ин чужоземець,
Чужоземець-незнаемець.

называемое бѣлымъ цвѣтомъ, разумѣется ли подъ этимъ какое-нибудь растение, цвѣтущее бѣлымъ цвѣтомъ, не названное здѣсь по имени, или это бѣлый цвѣтокъ вообще безотносительно къ одному какому-нибудь растенію.

Кромѣ растений съ особыми названіями, въ народной повѣи является — *трава* въ неопредѣленномъ значеніи всякихъ травянистыхъ растений, преимущественно не высокихъ (такъ какъ для высокихъ есть другое общее названіе — бурьянъ). Трава сопоставляется съ различными положеніями любви и семейной жизни: Хожденіе по травѣ дѣвницы—символическій образъ счастливой любви ¹⁾: хожу по травѣ и не нахожусь; кого люблю, я вѣрно не налюблюсь. Дѣвица, разлюбившая молодца, сожалеетъ о травѣ, по которой ходила ²⁾. Трава дѣлается шелковою тамъ, гдѣ проѣзжалъ милый, и дѣлается гнилою и увядшею тамъ, гдѣ проѣзжалъ немилый сердцу дѣвницы ³⁾, а равнымъ образомъ вянетъ и чернѣетъ тамъ, гдѣ видѣлись любовники, которые потомъ разлучились ⁴⁾.

Дивча, дивча, зчаруй брата!
Кедь есь зъ нами пйти рада
Якъ би я го счаровала,
Кедь я не маю зилья того,
Бьей до саду вишневою,
Тамъ ти найдешъ зилья того,
И намочь го во шкляниці,
Буде пти братчикъ зъ поля,
Дай ми пти, сестро мол.
Братчикъ піе зо шкляниці,
„Посмотри, сестро, на мои дити!
Задзвонили на дзвиниці,
А сестриці на границі:
„Закуйте мя въ билий каминь
Най не чую дзвонить за нимъ,
Напальте жъ зъ мя тогъ понелу,
Тай посійте мя по полю:
Най зъ мя росте билий кветъ;
Най го знае цилій свить.

(Чт. 1863. IV. 309).

- ¹⁾ По травниці хожу, не нахожуся,
Кого вирне люблю, не налюблюся. (Метл. 147).
- ²⁾ Шкода трави мурави, шомъ по неѣ ходила;
Шкода мене молоденьки, шобъ дурня любила. (Чт. 1864. IV. 325).
- ³⁾ Чорвоная калинонька више млина стояла,
Що вона видала:
Куди нелюбъ ихавъ—тамъ трава гнила,
Куди милый ихавъ—тамъ трава шовкова,
Куди мій нелюбъ поихавъ—тамъ трава зивьяла,
Куди мій миленькій поихавъ,
Ой туди трава вже шовкова.
- ⁴⁾ Ой пиду я, пиду,
Де зъ милымъ стояла;
Тамъ була травка,
Була зелененька,
А теперъ вже повьяла,
Ой пиду я, пиду,

Рослая зелёная трава сопоставляется съ хорошимъ, а сухая съ дурнымъ состояніемъ замужней женщины ¹⁾. Увяданіе травы вообще означаетъ печаль. Дѣвица, которая отъ печали склоняется на столъ, сравнивается съ падающею травою ²⁾, а также мать, тоскующая послѣ отдачи замужъ дочери, печалится, словно трава наклоняется и плачетъ, какъ трава сохнетъ ³⁾.

Покосъ травы или срываніе — образъ взятія дѣвцы изъ родительскаго дома ⁴⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ есть такой образъ: дѣвица жнетъ траву и проситъ трехъ козаковъ помочь ей; первому общаетъ павлиный вѣнокъ, второму — золотой перстенецъ, третьему самую себя ⁵⁾. Разлука съ милымъ означается тѣмъ, что во той тропинкѣ, по которой онъ прежде ходилъ, вырастаетъ трава ⁶⁾, а образъ невозможности достигнуть желаемаго — выростаніе травы на помостѣ въ хатѣ ⁷⁾.

Былина — символъ бѣдности, одиночества, сиротства. Сирота говоритъ: я какъ былина въ полѣ; нѣтъ моеи бѣдной головѣ утѣшенія въ чужой сторонѣ! ⁸⁾. Большой козакъ лежитъ какъ былина ⁹⁾. Дѣвица говоритъ милому, что она не былина — у ней есть отецъ, мать и родные ¹⁰⁾.

Иногда въ пѣсняхъ встрѣчаются цвѣты, безъ обозначенія, о какихъ извѣстныхъ растеніяхъ говорится. Но это — случаи рѣдкіе. Такъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ, обращаясь къ ребенку, поютъ, что мать его пошла въ поле, откуда принесетъ три цвѣточка: одинъ — дающій сонъ, другой — ростъ, а третій — сча-

Де зъ милимъ сидла;
Тамъ була травка
Була зелененька —
А теперь почорнѣла!

- ¹⁾ Ой у саду при долини трава по колина,
Ой за добримъ чоловникомъ жинка якъ калина.
Ой у саду на горбочку трава жовкнѣ;
Ой за лихимъ чоловникомъ жинка помарнѣ. (Чт. 1868. IV. 267).

- ²⁾ Шовковая трава по полю полягла;
Молодая Марусенька до стола прилягла. (Метл. 142).

- ³⁾ Росла трава, росла, та й похилилася;
Дала мати дочку за мижъ — та й зажурилася.
Росла трава, росла трава, стала посихати;
Дала мати дочку за мижъ — та й стала плакати.

- ⁴⁾ Коло моря трава густо:
Кто тую травичку повосить,
Той мене у батенька попросить;
А кто тую травичку порве,
Той мене одъ батька возьме.

- ⁵⁾ Чт. 1864. I. 76.

- ⁶⁾ По стеженци куди ходивъ — трава зеленіе.

- ⁷⁾ Якъ виросте травиченька въ хати на помости.

- ⁸⁾ Якъ былина въ поли на чужій сторонѣ,
Нема порадоньки бидній головѣ.

- ⁹⁾ Стоить мила, якъ калина;
Лежить милий, якъ былина.

- ¹⁰⁾ Ты не витерь, ти не буйній, а я не былина,
Есть у мене отецъ, мати и уся родина.

стіе ¹⁾). Въ рекрутскихъ пѣсняхъ взятіе молодца сопровождается увяданіемъ цвѣтовъ въ саду ²⁾).

Вѣнокъ изъ цвѣтовъ—вообще принадлежность и священный символъ дѣвственности. Уваженіе къ вѣнку чрезвычайное: онъ выше горы, яснѣ звѣзды; стояли подъ вербою три дѣвицы: одна въ бархатѣ, другая въ золотѣ, а третья только въ вѣнкѣ. Та, что въ бархатѣ—годится топить печь, та, что въ золотѣ—мыть ложки, а та, что въ вѣнкѣ—въ хороводѣ ³⁾).

Вѣнокъ до того священъ, что дѣвица, утратившая дѣвство, не смѣетъ надѣть его, и въ одной галицкой пѣснѣ, убившая своего незаконнаго ребенка, сама выдаетъ себя тѣмъ, что не осмѣливается надѣть вѣнка; по этому признаку открыли виновницу преступленія и подвергли ее утопленію ⁴⁾. Потерять вѣнокъ—лишиться дѣвства; дѣвица потеряла вѣнокъ; мать допрашиваетъ ее: гдѣ она его

¹⁾ Ой первую зросливу,
А другую сонливу.

²⁾ Ой у саду зелененькимъ квіточки повьяли,
Помежъ тими квіточками дорожки лежали,
Помежъ тими дорожками кузовьки стояли,
Помежъ кузовьками ковали ковали;
Вони кують и гартують билое залізо,
Не на вора-розбійника, на вдовиного сина,
Ой піймали изъ вечира—повезли въ городочокъ,
Поставили у станочокъ—забрили лобочокъ.

³⁾ Ище вишчій одъ гори,
Ще яснийшій одъ зори...

Или:

Пидъ вербою три дівчини стояли,
Одна стоить въ оксамити,
Друга стоить въ щиромъ злоти,
Третья стоить у виночку.
Въ оксамити—печь палити,
Въ щиримъ злоти—ложки мити,
А въ виночку—до таночку.

⁴⁾ Три братчики рибарчики рибоньку ловили.
Ой не ймали щуку рибу, миле дѣтя ймали,
Витягли ту дитиночку та на бережечокъ;
Пшла слава на все село, ой на всихъ дивочокъ,
Ой ви пани, ой ви вѣйти, скликайте громаду,
Щоби сій дитиночки найти рідну маму,
А вдарили равесенько у голосний дивинъ:
Ой сходиться та до двора паняночки вси.
Вси дивочки паняночки до двора ступали,
Та й на своихъ головонькахъ все виночки мали.
А молода Марисенька по затиллю йде,
Та и на свой головоньци винца не несе.
Марисенько, Марисенько, чомъ вина не ма?
Богила мя головонька, томъ ю не ввела.
Ой узали Марисеньку пидъ биліи боки,
Та кинули Марисеньку у дунай глибокій. (Чт. 1863. III. 54).

дѣла? Я на рѣкѣ полотно бѣлила, въ воду вѣнокъ уронила ¹⁾, — отвѣчаетъ дѣвица. Наконецъ, когда мать пристаётъ къ ней неотвязчивѣе, она сознается, что бѣгалъ молодой козакъ и сорвалъ съ нея вѣнокъ ²⁾. Дѣвица, убѣгая изъ родительскаго дома, оставляетъ матери своей—вѣнокъ на колку ³⁾. Отдать вѣнокъ милому—значитъ отдаться ему вполне. Дѣвица, выходя замужъ, снимаетъ свой вѣнокъ. Есть образъ любимый въ народной поэзи: дѣвица пускаетъ на воду свой вѣнокъ, и кто его поймаетъ на водѣ, тотъ будетъ ея супругомъ ⁴⁾. Въ заживныхъ пѣсняхъ прославляется вѣнокъ изъ колосьевъ, который работниками представляется хозяину, какъ символъ окончанія тяжелаго жатвеннаго труда ⁵⁾.

Б. Кустарники и деревья.

Роза - рожа (тамъ, гдѣ почему-нибудь нѣтъ настоящей розы, ее замѣняетъ *Rosa althea*)—символъ красоты и забавъ. По пѣсенному мировоззрѣнью, это—прекраснѣйшій цвѣтокъ на свѣтѣ. Скажи мнѣ правду, моя душа (въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни съ такимъ вопросомъ обращаются къ какому-то мальчику), какое растеніе лучше всѣхъ въ свѣтѣ: хрещатый ли барвинокъ, пахучій ли василекъ или красная роза? На это слѣдуетъ такой отвѣтъ: хрещатый барвинокъ устилаетъ сады, пахучій василекъ нибѣтъ три запаха, а лучше розы, красной розы, нѣтъ ничего на свѣтѣ ⁶⁾. Дѣвица, хвалясь предъ матерью

1) Я на рѣчці бѣль бѣлила;
Тамъ я, мати, винчикъ загубила.

2) Треба мати правду сказати:
Ихаль полемъ козакъ молоденькій,
Зирвавъ зъ мене виночокъ зелененькій.

3) Ст. 1863. III. 74—78.

4) Пиду я въ садочокъ, та вирву листочокъ,
Да зовью виночокъ—пушу на ставочокъ;
Кто винокъ пойме, той мене возьме.

5) Наше село веселе,
Ми виночка несемо,
Не зъ золота,—зъ ярици,
Зъ назимой пшеници,
Не зъ золота, а зъ жита;
Намъ горилка налита.

.....
Ой обжинки, паночку, обжинки!
Дай намъ меду горилки;
Прочиний, пане, ворота,
Несемъ тобі винки изъ золота!

6) Та скажи мнѣ правду, мое сердця (въ др. вариантѣ: мале пахоля,
въ третьемъ—обращеніе къ дубровѣ),

Надъ якую травину на свѣти нема!
Чи надъ той-то хрещатий барвинокъ,
Чи надъ той-то запашний василекъ,
Чи надъ тую червоную роженку?
Хрещатенькій барвяночокъ сади устила,

своею красотою, сравниваетъ себя съ полною розою ¹⁾; прикладывая розовый цвѣтокъ къ своему лицу, дѣвица говоритъ ²⁾: еслибъ у нея было такое личико, то она бы могла выйти замужъ за цесаревича.

Роза—символь удовольствій, молодости. Предаваться живымъ забавамъ, веселости,—на пѣсенномъ языкѣ называется скакать въ розу. Въ веснянкахъ говорится, что молодыя и дѣвицы скачутъ въ розу и калину ³⁾, а старыя дѣды и бабушки—въ колючки и въ крапиву ⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ въ свадебныхъ пѣсняхъ братъ невѣсты, желая сказать, что сестра его еще молода и ей предстоятъ забавы и удовольствія молодости, выражается, что сестрѣ его не слѣдуетъ выходить замужъ, потому что уже процвѣтаетъ роза, а вибѣстѣ съ тѣмъ крещатый барвинокъ устилаетъ садикъ и пахучій василекъ поднимается до плетня ⁵⁾. Свадебное торжество въ пѣсняхъ изображается въ образѣ пути, усыпаннаго розами: по одному варианту это путь на дворъ, гдѣ происходитъ пляска ⁶⁾, а по другому—въ церковь ⁷⁾.

Роза—украшеніе дѣвицы. Молодецъ спрашиваетъ дѣвицу: отчего она не откликнулась къ нему, когда онъ бѣгалъ мимо ея воротъ; она отвѣчаетъ, что тогда цвѣла роза и она ⁸⁾ украшала себѣ ею волосы. Букетъ изъ розъ—по-

Запахненькій василечокъ три запаха ма,
А надъ тую роженку,
А надъ тую червоную,
На свити нема!

¹⁾ Ты думаешь, моя мати, що я не хороша,
А я, мати, такъ хороша, якъ повная роза.

²⁾ По загуменье червона роза;
Надійшла туда красна паннонька,
Урвала собі червону розу, та приклала къ своему личеньку:
Коби жъ у мене таке личенько, ладила жъ бимъ са за цисаронька!
(Чт. 1866. I. 615).

³⁾ То въ розу, то въ калину,
⁴⁾ То въ бодяки, то въ крапиву. (Чт. 1864. III. 182).

⁵⁾ Та нейді, сестрице, молодою замижъ;
Та вже роза процвітає,
А хрещатенькій барвинокъ
Устилає садочокъ,
А запахненькій василечокъ
Изъ тинюмъ ривняться. (Метл. 205).

⁶⁾ Ламлите роженку,
Стелить дороженку,
Щобъ мягче ступати,
На двіръ танцювати.

⁷⁾ Ламлите роженку,
Стелить дороженку
Нашому молодому
До Божого дому.

⁸⁾ Чи ти чула, дівчинонька, якъ я тебе кликавъ,
Мимо твої воритечка сивимъ конемъ їхавъ?
Ой хочъ чула, хочъ не чула—не озивалася,
Въ саду була, роза цвіла, а я затикалася.
(Метл. 10).

дарокъ милomu ¹⁾; милый, лаская свою возлюбленную, называетъ ее красною розою ²⁾).

Цветущая роза означаетъ также здоровье. Женщина, отданная замужъ въ далекую сторону, пускаетъ по водѣ розовый пучокъ. Мать, увидя его и заиѣтивъ, что цвѣты поблекли на водѣ, заключаетъ, что дочь ея больна ³⁾. Мысль, что отецъ бережетъ красоту и здоровье дочери, а напротивъ, свекоръ не заботится въ равной степени о своей невѣсткѣ, выражается такъ: женщина говоритъ, что посадить розу и поставить сторожемъ своего отца, — сторожъ надежный: роза не ошпиана ⁴⁾; то же преноручаетъ она свекру, но сторожъ оказывается ненадежнымъ: роза ошпиана ⁵⁾.

Въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ роза олицетворяется въ видѣ дѣвницы и ей придается мать. Тума (дѣвушка изъ поимѣн татарской и малорусской крови) водила хороводъ; ведетъ, ведетъ и станетъ, поглядитъ на дѣвицу, всѣ ли дѣвицы въ хороводѣ. Нѣтъ одной рожки. Мать чесала рожу и научала ее: дочь моя, роженъка, не становись близъ тумы: тума сведетъ тебя съ ума: сожметъ тебѣ ручку, сниметъ съ тебя золотой перстень ⁶⁾. Варианты этой пѣсни замѣчательны. Въмѣсто тумы — поимъ также дунай ⁷⁾ и туманъ ⁸⁾. а въ вариантѣ, за-

1) Прийди, миленькій, до мене,
Зивью тоби квітоньку
Зъ рожевого квітоньку..

2) Ой ти, дивчино, червоная рожа!

3) Ой зирву я зъ рожки квітку, та пушу на воду.
Пливи, пливи, зъ рожки, квітко, та до мого роду.
Ой прилила зъ рожки квітка, та й стала крутиться;
Вийшла мати води брати, та й стала журиться,
Дибонь же ти, моя доню, недужа лежала:
Що вже твоя зъ рожки квітка на води зовьяла.

4) Посажу я рожу, поставлю сторожу,
Поставлю сторожу, батенька мого;
Ой певна сторожа,—не шпиана рожа,

5) Непевна сторожа,—пошпиана рожа.

6) Тума танчокъ водила;
Веде, веде та й стане,
На дивочокъ погляне:
Чи вси дивочки въ таночку?
Тильки рожки не мае;
Мати рожу чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, роженъко,
Не становись край туми!
Тума зведе изъ ума,
За рученьку издавде,
Золотъ перстень издѣме.

7) Дунай танчикъ водивъ,
Веде, веде та й стане
.
Донько моя, роженъко,
Не становись край Дуная:
Дунай зведе изъ ума.

8) Туманъ танчикъ водивъ

писанномъ въ Кіевской губерніи, сама мать называется рожеею ¹⁾, въ вариантѣ же изъ Воронежской губерніи рожа носить двойное и непонятное имя рожеспажки (?) ²⁾. Мы не возьмемся разрѣшать, какая редакція правильнѣе. Что касается до олицетворенія розы и ея дочери вообще, то миеологическую древность этого представленія едва ли можно подвергать сомнѣнію. Есть весенняя игра такого рода: одна дѣвушка представляетъ собою дочь рожки: она садится на землѣ; впереди нея садятся гуськомъ дѣвицы; одна дѣвушка не садится, но ходитъ и спрашиваетъ каждую изъ сидящихъ на землѣ дѣвиць: не рожа ли она? Дѣвицы отвѣчаютъ: «ни», а когда очередь дойдетъ до той, которая изображаетъ собою рожину дочь, дѣвицы поютъ: я рожина дочь, я какъ барышня! Гдѣ твоя мать?—Въ свѣтлицѣ на скамьѣ, вьетъ вѣнки ³⁾. Подобная игра есть у чеховъ. Дѣвицы садятся гуськомъ на землѣ; задняя называется Рапі Růžová. Одна изъ дѣвиць называется chodačka; она не садится, а ходитъ и спрашиваетъ сидящихъ; когда же дойдетъ до задней, которая называется рапі Růžová послѣдняя въ свою очередь спрашиваетъ: чего тебѣ нужно?—Chodačka отвѣчаетъ: золотой ключъ отъ неба (chci zlatý klíč od nebe).—Упали ключи въ колодець. Вытяни себѣ одинъ! (Upadly mi klíče do studne: vytáhni si jeden) говоритъ рапі Růžová.—Какой?—Крайній. Тогда chodačka беретъ за руку дѣвочку, сидящую напередѣ, ведетъ ее и заставляетъ становиться на колѣни передъ рапі Růžová. Игра эта, отпавляемая въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, искажена прибавленіями и перемѣнами, возникшими подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій. Дѣвочка, которую берутъ за руку и водятъ, называется ангельчикомъ (anděliček). Chodačka всячески старается разсѣлшить ее, и если успеетъ, то ангельчикъ дѣлается чортикомъ, а если ангельчикъ удержится отъ смѣха, то говорятъ, что онъ возносится на небо. Сквозь эти позднѣйшіе наросты виднѣются, однако, слѣды древняго языческаго продолженія игры. Рапі Růžová спрашиваетъ ангельчика: на какую сторону онъ пойдетъ: на солнечную или на

. и пр.

Донько моя, роженько,
Не становись край тумана:
Туманъ звезде изъ ума!

1) Чи вси дивочки въ таночку.
Тильки роживни не мае;
Рожа дочку чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, роживно, и пр.

2) Чи вси дивочки въ таночку?
Роже-спажи не мае;
Мати рожу чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, роженько,
Не становись край Дуная.

3) Я рожина дочка,
Якъ паняночка.
Де твоя мати?
Въ свѣтлицѣ, на скамничѣ,
Вѣнки вь!

лѣсничную. Хороводъ разбивается на двѣ половины: солнечницъ (slunečnic) и лѣсничницъ (měsíčnic); на челѣ первыхъ рапі Růžová, на челѣ другихъ chodáčka; потомъ обѣ половины снова соединяются ¹⁾. Черта эта заставляеть насъ предполагать, что съ этой игрой нѣкогда соединялось почитаніе свѣтилъ. Самые ключи отъ неба показываютъ, что эта весенняя игра состоитъ въ связи съ тѣмъ представленіемъ объ отпираниіи неба и земли, о которомъ мы говорили. Мать рожки, вѣроятно, одна и та же мать, у которой Урай (въ другихъ вариантахъ Юрій) проситъ ключей отъ неба. Если бы мы не боялись скороспѣшныхъ заключеній, то признали бы эту мать рожки однихъ и тѣмъ же существомъ, что и весна, у которой дочь—весняночка.

Образъ чесанія матерью дочери, вѣроятно, составляетъ одну изъ чертъ исторіи древняго олицетворенія розы, и образъ этотъ до того усвоился народною поэзіею, что мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ сопоставленіе розы съ чесаніемъ дѣвницы. Такъ, въ одной веснянкѣ поется: въ долині роза стояла; подъ розою дѣвица чесала русую косу, ожидала къ себѣ милаго ²⁾; въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: братъ сестру расплетаетъ, все розу вспоминаетъ ³⁾. Что эти образы имѣютъ начало въ отдаленной древности, доказывается тѣмъ, что подобное встрѣчается въ словацкихъ пѣсняхъ; бѣлая роза процвѣтала; мать дочь заплетала ⁴⁾.

Роза является вмѣстѣ съ калиною признакомъ веселья. «Пойду я, говорить дѣвица, ущельемъ-долиною, сломаю розу съ калиною. Вѣтеръ вѣетъ, роза процвѣтаетъ. У моихъ воротъ играетъ свистилка, а меня мать бранитъ, не пускаетъ на улицу. Я украдкою уйду и нагуляюсь. Я вѣдь не стара еще, я не погуляла; я еще молода—охотница гулять» ⁵⁾. Образы срыванія розы и ломанія калины сопоставляются съ раздумьемъ дѣвницы о томъ: выходить ли ей замужъ, или оставаться въ дѣвцахъ ⁶⁾. Замужняя женщина, тоскуя о минув-

¹⁾ Erben. Prostonarodní české písní, a říkadla 68. О нѣмецкомъ олицетвореніи розы—Frau Rose—Mannhardt's Germ. Mythen.

²⁾ Городе, городе, куда ты стоишь воротыми?

Чи на улицу широку, чи на долину глубоку?
А въ долини роза стояла,
Пидъ розою дивочка русу косу чесала.
Къ соби миленького бажала.

³⁾ Ой братъ сестру расплетаетъ.

Все розу поминаетъ.

(Метл. 204).

⁴⁾ Бѣла ружа превѣтала,

Матка дцери заплетала.

(Nar. Sp. Koll. 225).

⁵⁾ Ой пиду я аромъ-долиною,

Ой сломаю я, сломаю розу зъ калиною,
Витеръ повиваетъ—роза процвѣтаетъ;
Пидъ моими воротами свистилочка граетъ;
Мене мати лае, на улицу не пускаетъ.
Я хочъ одрадуся, та нагуляюся,
Бо я ще не стара, ще я не гуляла;
Ще я молоденька—гуляти раденька!

⁶⁾ Ой пиду я горою-долиною.

Знайду я соби роженку зъ калиною;
Чи розу рвати, чи калину ломати,
Чи замужъ ити, чи дивою зистати.

(Чт. 1870. IV. 155).

шихъ дняхъ дѣвчества и о разлукѣ съ родными, встрѣчаетъ въ полѣ калину и розу, которыя припоминають ей бывшее и заставляютъ заплакать ¹⁾.

Есть пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину ²⁾. Пѣсня эта въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее слышали, очевидно, вариантъ пѣсни о превращеніи молодца въ тернъ, а дѣвицы въ калину (см. ниже). Однако, едва ли можно съ увѣренностью сказать, что въ основѣ здѣсь лежитъ одно только мифологическое событіе. Пѣсни могли смѣшаться, или, лучше сказать, пѣсня о тернѣ и калинѣ могла быть перенесена на розу и калину вслѣдствіе того, что существовала легенда, а можетъ быть и пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину, превращеніе же въ тернъ и калину составляло особую легенду. Это можно заключить изъ того, что и въ другихъ пѣсняхъ роза и калина сопоставляются съ мужескою и женскою двойственностью ³⁾. Съ расцвѣтшею розою сравнивается молодецъ козакъ. Такъ, напримѣръ, о знаменитомъ героѣ Уманской рѣзни, Максимѣ Зализнякѣ, пѣсня говоритъ, что онъ цвѣтетъ въ Украинѣ, какъ въ огородѣ роза ⁴⁾, тогда какъ нѣтъ примѣра, чтобы козакъ сравнивался съ калиною, которая есть исключительно женскій образъ.

Есть въ народной поэзій странный образъ: роза, растущая на морозѣ, это — символъ любовнаго страданія ⁵⁾.

Калина, вообще, символъ женственности въ обширномъ смыслѣ. Вся духовная жизнь женщины — ея дѣвичество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радости, горести, родственныя чувства — все находитъ себѣ примѣненіе въ калинѣ. Калина представляется слышащею, видящею, думающею и говорящею. Въ веснянкахъ спрашиваютъ ее, что говорить о красотѣ молодцовъ и дѣвицъ, и калина даетъ отвѣтъ въ смыслѣ благоприятномъ для дѣвичьей и невыгодномъ для молодецкой красоты ⁶⁾. Воображенію представляется, что калина находится

1) Ой пішла вона горою не долиною,
Та й знашла вона роженьку зъ калиною.
Узла вона роженьку пригинати,
Взяли їй дрибни слези обливати.

2) Пішовъ козакъ дорогою, дивка долиною;
Зацвівъ козакъ роженькою, дивка калиною!

3) Ишовъ козакъ зъ побережжа,
Ой якъ повная рожа,
А дівчина зъ долини,
Якъ червона калина.

4) Максимъ козакъ Зализнякъ, козакъ зъ Запорожжа,
Процвітає на Вкраїні якъ въ городи рожа.

5) Сію розу по морозу, по снігови сходить,
Велике закоханье до биди приводить. (Чт. 1864. IV. 341).

6) Ти, калино червоно,
Ти при лузі стояла,
Ти чувала, видала,
Що въ Києві дивонуть,
А на ринку говорять?..
— Парубоцька краса
Въ дѣгтю пурінає,

въ какомъ-то раздумьи. «Что ты, калина, желаешь ли дождя, боишься ли суши, что грустна?» спрашиваютъ ее. «Нѣтъ», отвѣчаетъ калина, «я не желаю дождя, не боюсь суши, я такъ себѣ стою, да думаю: какъ мнѣ зацвѣсти» ¹⁾. Калиновые рощи (луга) сочувствуютъ подоженію женщины и соболѣзнуютъ о ея несчастіяхъ. Въ пѣснѣ о женщинѣ, превратившейся въ кукушку, говорится, что когда она стала жалобно куковать, то калиновые рощи стали отъ печали расквашиваться ²⁾. То же въ галицкой пѣснѣ объ Оленочкѣ, которую братъ хотѣлъ продать туркамъ; она умертвила себя, и турки съ досады стали рубить въ куски ея тѣло: тогда калиновые рощи расколохались отъ великой печали ³⁾. Образъ этотъ напоминаетъ «Слово о полку Игоря», гдѣ древо съ тугою преклоняется къ землѣ послѣ нечаянной смерти князя Ростислава.

Калина обыкновенно носитъ эпитетъ красной (червоной). Влюбленный молодецъ называетъ свою возлюбленную виѣстѣ и полною розою и калиною ⁴⁾; дѣвица приравниваетъ калину къ своему лицу и говорить: акъ, кабы я была такая, какъ эта горячая калина ⁵⁾. Не меньше любимъ въ народной поэзій и бѣлый цвѣтъ цвѣтущаго калиноваго деревца. Молодецъ, называя свою милую красною калиною, виѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ей названіе бѣлаго дерева, разумѣя цвѣтъ ⁶⁾. Калиновый цвѣтъ—ласкательное выраженіе въ обращеніи дочери къ матери ⁷⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста ломаетъ цвѣтущія вѣтви калины и спрашиваетъ отца: будетъ ли она,—разумѣется, послѣ свадьбы,—такая, какъ эта калина? ⁸⁾. Здѣсь цвѣтъ калины—символь дѣвчества и красоты, свойствен-

А дивоцька краса
Въ молоци пуривае,
Въ меду виривае.

- 1) Червоная калино, чого въ тузи стоишь,
Чи дождчу жадаешь, чи суши си боишь.
Я дождчу не жадаю, суши не боюся.
Стою собі та гадаю, якъ зацвѣсти маю.

- 2) Якъ стала ковати, жалобно плакати,
Стали калинови луги зъ туги розлагати.

- 3) Ажъ ся калинови луги
Зъ великою дуже туги
Зачали ся розлагати.

(Чт. 1863. III. 40).

- 4) Ой ти дивчино, червона калино,
Якъ мини на тебе дивитися мило!

- 5) Калиноньку ламала,
У пучечки вѣязала,
До личенька ривняла:
Ой колибъ я така,
Якъ калина жаркая!

- 6) Червоная калинонька билее деревце,
Чомъ до мене не говоришь, мое лѣбе сердце?

- 7) Ой мати мод, калиновый цвѣтъ!..

- 8) Якъ прийшла Марусенька,
Наламала си квіту,
Калинового цвѣту;
Прийшла до свитлоньки,

ной дѣвичьей молодости; сообразно съ этимъ выходъ замужъ и, слѣдовательно, окончаніе дѣвичьей жизни выражается отцвѣтаніемъ калины ¹⁾: такъ какъ съ дѣвичествомъ совпадаетъ веселость, которая соединяется и съ любовью, то отцвѣтаніемъ калины выражается также и печаль дѣвицы по поводу разлуки съ милымъ ²⁾, а нецвѣтеніемъ калины обозначается вообще одинокая и грустная жизнь женщины. Убогая дѣвица, у которой при хатѣ нѣтъ ни забора, ни кола, говоритъ, что тамъ только стоитъ кустъ калины, но и та не цвѣла ³⁾. Калиновый цвѣтъ представляется съ свойствомъ утишать волненіе и томленіе сердца ⁴⁾.

Возрастаніе калиноваго дерева принимается къ разнымъ положеніямъ женщины. «Гдѣ ты, калина, росла, что ты такая прекрасная, такая тонкая, высокая, широколистная?—Выросла въ лѣсу при источникѣ, близъ холодной воды ⁵⁾. Спрашиваютъ затѣмъ дѣвицу: гдѣ она выросла, такая красивая, и слѣдуетъ отвѣтъ: у батюшки въ прохладѣ, на сладкомъ медку ⁶⁾. Робость и скромность дѣвицы сопоставляется съ положеніемъ калины, растущей въ укромномъ мѣстѣ, надъ водою ⁷⁾. Напротивъ, калина, растущая въ дурномъ мѣстѣ, надъ болотомъ, сравнивается съ глупою женщиною, которая полюбила пьянаго старика ⁸⁾.

Поставила на стольчюу,
Проти свого личенька,
Питалася батенька:
Чи буду я така,
Якъ калиненька тая?

- ¹⁾ Добре було калиноньци та при водиченьци,
Добре було дивчиноньци та при матиноньци.
Калинонька одцвѣтае, цвѣтокъ опадае,
Иде дивчина видъ матинки, гараздъ їй минае.

(Zeg. Pauli 1. 71).

- ²⁾ Стоитъ калина—опавъ на їй цвѣтъ;
Десь мій миленький пишовъ кризь свѣтъ.

- ³⁾ Коло мого двора
Ни плота, ни кола,
Тилька стоять куць калини,
Та й та не цвила!

- ⁴⁾ Цвѣтъ калину ламала, до серденька мала.
Чи не перестане мое сердце тужити?

- ⁵⁾ Де ти, калино, росла,
Щось така красна,
Тонка, та високая
Листомъ широкая?
— У лузи при криници,
При студеній водици.

- ⁶⁾ У тата въ холодочку,
На солодкимъ медочку.

- ⁷⁾ Червоная калинонька надъ водою стоишь,
Молодая дивчинонько, щожъ ти ся мя боишь?
Ой коби я не червона, я бьъ ты не стояла,
Ой кобъ я не молода, я бьъ ся ты не бала.

(Zeg. Pauli. 11. 173).

- ⁸⁾ Ой у лузи при болоти калина,
Дурна була нерозумна дивчина:

Порханіє пташекъ по вѣтвямъ калины—ухаживаніє молодцовъ за дѣвицею¹⁾. Птички любятъ калину, ѣдятъ ея ягоды и даже надоѣдаютъ ей: калина просилась изъ лугового лѣса въ дуброву: наскучили ей райскія пташки, обломали на ней зелень, поклевали ягоды²⁾. На калинѣ вьеть гнѣздо соколъ, поеть соловей³⁾, кукуеть кукушка⁴⁾, кричатъ даже воронъ⁵⁾; послѣдній образъ сопоставляется съ плачемъ сиротки на чужой сторонѣ.

Подъ калиною происходитъ любовное свиданіє, и козакъ, отправляясь къ дѣвицѣ на ночное свиданіє, привязываетъ своего коня къ калинѣ—символическому дереву⁶⁾. Въ томъ же смыслѣ любовнаго значенія дворъ, гдѣ отдають дѣвицу замужъ, представляется обсаженнымъ калиною и огороженнымъ терномъ, составляющимъ съ калиною, какъ увидимъ ниже, любовную пару⁷⁾.

Колебаніє калиноваго дерева и наклоненія вѣтвей его къ землѣ—образы женской печали. Калина качается безъ вѣтру—это дѣвица за лозами убивается за своимъ милымъ⁸⁾; калина наклонилась—это дѣвица задумалась: куда это дѣлась ея доля, а доля изъ-за моря откликается къ ней и говоритъ, что она несчастлива⁹⁾; калина наклонилась надъ водою—это дѣвица беретъ воду и

Полюбила козаченька старого,
Веде зъ корчми пьяного.

- 1) Коло млина калина,
А по тій калини пташечки ходили;
То жъ дивочку молодци любил.
- 2) Просилась калинонька зъ лужейка въ дуброву,
Во вже минн надокучили райскіи пташкоче,
Гилля минн поламали, ягдойки обдзюбали. (Рус. Вел. 75).
- 3) Стану гляну въ долину
На червону калину:
На червоній калини
Соловейко маленький
Въ его голось тоненький.
- 4) Заковала зозуленька въ калиновимъ лузи,
Тужить, тужить мое сердце за тобою дуже!
- 5) На могилы червона калина,
На калини чорний воронъ криче,
На чужини сиротина плаче.
- 6) Ой привязавъ кониченька къ червоній калини,
А самъ пшовъ до дивчини на били перини. (Метл. 98).
- 7) Знати, Ганнусенько, знати,
Зъ которой вона хати:
Двирь ии обтернений,
Калиною обсажений. (Zeg. Pauli. 1—86).
- 8) Червоная калинонька безъ витру хитається,
Молода дивчина за лозами за милымъ убивается.
- 9) Калина схилилася;
Дивчина зъулилася,
Де доля подилася.
Обивалась доля
По тимъ боци моря:
Дивчина вродлива,
Та доля несчастлива!

грустить о молодцѣ ¹⁾). Съ калиною, опустившею внизъ вѣтви, сопоставляется и несчастная въ замужествѣ женщина ²⁾, и жена чумака, оставшаяся съ дѣтми, когда мужъ ея уѣхалъ въ дорогу ³⁾. Еще болѣе грустный образъ представляетъ калина почернѣвшая: съ нею сравнивается глубоко тоскующая женщина ⁴⁾. Женщина, принужденная жить въ чужой сторонѣ, которую уговариваютъ не печалиться, сопоставляется со сломенной и въ иномъ мѣстѣ посаженною калиною ⁵⁾. Женщина, страдающая отъ невѣрности мужа, также сопоставляется со сломанною и брошенною калиною ⁶⁾. Подъ калиною вообще женщина ищетъ отдыха отъ житейскаго горя: подъ нею садится оплакивать свое горе и вдова съ ребенкомъ ⁷⁾, и молодая женщина, которую тяготитъ бракъ со старикомъ ⁸⁾.

Но съ роскошно-растущею калиною сравнивается мать, родившая козацкаго сына-красавца ⁹⁾. Вѣтеръ, вѣющій на калину—образъ вниманія молодца къ дѣвицѣ. Но вѣтеръ вѣетъ, а калина не зрѣетъ: это приводится въ сравненіе съ тѣмъ, что козакъ любитъ дѣвицу; но не объясняется въ любви, потому что хочетъ свататься на ней впоследствии ¹⁰⁾. Поспѣваніе калины—годность дѣ-

1) Ой у лузи калина на воду схилилася;
Брала воду молода дивчина,
За хлопцемъ тужила,
Бо хлопца любила.

2) Червоная калинонька, чого гилля опускаешъ?
Молодая молодежи, чого слѣзи проливаешъ?

3) Въ темнимъ лузи калинонька, схилилися вѣти;
Покинувъ чумака жинкуй маленькі дѣти.

4) Калина червона, чого почорнила?
Чи ти витру боишся, чи дождчу бажаешъ?
Ой я витру боюся, и дождчу бажаю:
Кого вирне люблю, за тымъ умираю!

5) Въ чистимъ ноли стоить кущъ калини;
Ой я тую червону калину изъ корнемъ зломаю.
Та посажу червону калину въ себе крий виконця.
Рости, рости, червона калино, рости, не хилися;
Живи, мила, въ чужій стороні: живи, не журися!
Росла, росла червона калина, та й похилилася.
Жила, жила мила въ чужій стороні, та й замурилася.

6) Ой возьму я червону калину,
Зломаю, зтрошу та й покяну:
Зъ невѣрною дружиною
Я не живу, тильки гяну.

7) Сама сяду пидъ калиною
И зъ маленькою дитиною.

8) Пожену я сиря воли на широку на долину,
Сама пиду спочивати пидъ червону калину.
Прихожу я пидъ калину—калина зелененька,
Тяжко мини за старенькимъ, бо я молоденька.

9) Ой червоная калина весь лугъ закрасила;
Породила мати козацькаго сына,
Дала ему станъ хороший и чорнии очи.

10) На калину вѣтеръ віє, калина не спіє;

вицы къ браку или вообще наступленіе времени брака. Въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ такой образъ: отецъ невесты подходитъ къ калинѣ; вѣтеръ не вѣетъ, солнце не грѣетъ, калина не спѣетъ. Подходятъ мать, братья, сестры— то же; но когда подходитъ къ калинѣ женихъ — и вѣтеръ вѣетъ, и солнце грѣетъ, и калина спѣетъ ¹⁾. Женихъ подходитъ къ калинѣ, чтобъ срубить ее— это символъ брачнаго соединенія. Сперва подходятъ къ калинѣ свадебный староста и свата; калина не дается имъ и говоритъ: не для тебя калина посажена, не для тебя Маруся изряжена; но жениху она говоритъ противное: для тебя калина посажена, для тебя Маруся изряжена ²⁾. По совершеніи вѣнчанія новобрачную сравниваютъ съ изрубленною калиною ³⁾. Когда же новобрачная оказывается цѣломудренною, тогда отъ нея имени помютъ: поѣду я въ рошу луговую по калину, сломя вѣтку калиновую, да заткну себѣ за намитку: пусть моя калина вянетъ; пусть мои родные веселятся ⁴⁾.

Ходить въ лугъ по калину и ломать ее—въ пѣсняхъ занятіе дѣвиць. Въ одной пѣснѣ соколъ говоритъ: «гдѣ-то я буду вить себѣ гнѣздышко?—Въ луговѣхъ лѣсу при долинѣ, на красной калинѣ. Вудуть дѣвицы ломать калину, будуть въ мое гнѣздышко засматривать» ⁵⁾. Дѣвица, жалуясь на свое несчастье, посылаетъ свою лихую долю заблудиться въ лѣсу, но лихая доля отвѣчаетъ ей, что какъ только дѣвица пойдетъ въ лѣсъ ломать калину, она тотчасъ за нее вѣщится ⁶⁾. Мать молодца видитъ тропинку, по которой дѣвица ходитъ въ рошу по калину, и догадывается, что дѣвица любитъ его сына ⁷⁾. Сломанныя вѣтви съ ягодами служатъ знакомъ любви: дѣвица бро-

Козакъ дивчиноньку любить—заняти не спіе;

Ой тимъ їи не займає, що сватати має.

1) И вѣтеръ вѣе, и сонце гріе,
И калина спіе.

2) Зъ пидъ боку шабельку вѣймає,
Та на туу калину замеряє;
Стала тая калинонька промовляти:
За для тебе ся калина сажена,
За для тебе тая Маруся изряжена.

3) Сичена калина, сичена.
Наша Марьечка винчана.

4) Ой пиду я у лугъ по калину,
Та й сломяю калинову вѣтку,
Та застромлю за бѣду намитку.
Нехай моя калина вяне,
Нехай моя родина гулає.

5) Ой зажурился сивий соколенько:
Ой бидна моя головонька,
Ой дежъ я буду гнѣздечко свивати?
Ой у лузи, на долини на червоный калини:
Будуть дивки калину ломати...

6) Хочъ я пиду, молода дивчино, въ лиси заблужуса,
А якъ пидешъ калини ломати—я за тебе учинялся!

7) Черезъ гору стежка, а въ гай по калину,
Тамъ дивчина ходила симъ день по калину.
Ой дивчино, дивчино, чого гаємъ блудншъ?
Видай ти, дивчино, мого сина любишъ.

саеть ими въ козака ¹⁾. Ходить по калину и не находить калины значитъ искать возможности видѣть милаго друга и не увидать ²⁾. Но сломанныя и связанныя въ пучокъ ягоды, подобно тому какъ и самое деревцо, служатъ также символомъ брака ³⁾. Для мужчины ломать калину или ходить по калину—значитъ способность къ супружеской жизни. Молодая женщина посылаетъ стараго мужа въ лѣсъ по калину и грозитъ покинуть его, если не наломаетъ онъ калины ⁴⁾. Въ этомъ же смыслѣ молодая женщина въ насмѣшку посылаетъ своего стараго мужа по калину, а сама тѣмъ временемъ вводитъ къ себѣ молодца ⁵⁾.

Калина представляется также посаженною на могилѣ. Жена говоритъ мужу: «Я умру, мой милый, умру, сдѣлай мнѣ кленовый гробъ, насыпь высокую могилу, посади мнѣ въ головкахъ калину; пусть склоняются калиновыя вѣтви; ко мнѣ придутъ маленькія дѣти» ⁶⁾. На могилахъ двухъ супруговъ, которые пали жертвою злой матери, посадили калину и шиповникъ: вѣтка въ вѣткѣ наклоняется, а мать за дѣтьми убивается ⁷⁾. Калина на могилѣ означаетъ любовь. Дѣвушка, томясь отъ любви, говоритъ: посадите мнѣ, сестры, въ головкахъ калину: пусть всѣ знаютъ, что погибамъ отъ любви ⁸⁾. Калина, поса-

¹⁾ Ой на гори калина,
Тамъ дивчина ходила,
Калиновку ламала,
На козака кидала.

²⁾ Ой пиду я, пиду, въ зеленый лугъ по калину,
Чи не зачую, чи не zobачу свою вирню дружину?
И калини не наломала,
И дружини не видала.

³⁾ Чи я въ лузи не калина була?
Чи я въ лузи не червона була?
Взяли мене поломали и въ пучечки повязали.
Така доля моя!...
Чи я въ батька не дитина була?
Чи я въ батька не кохана була?
Взяли мене замижъ дали, и свить мни завязали...
Така доля моя!

⁴⁾ Диду, диду! У лугъ по калину;
Якъ не пидешъ, не наламишъ—далеби покинну!

⁵⁾ Пиди, старий, бородатий, калину ломати;
Ой привела молодого тихенько до хати!

⁶⁾ Ой умру я, мій миленький, умру,
Зроби, милий, кленовую труну.
Насипъ, милий, високу могилу,
Посади, милий, въ головкахъ калину,
Изъ калини щобъ схилилися вити,—
Прійдуть до мене маленькіи дити.

⁷⁾ Посадили синови червону калину
Молодий невестци зелену шипшину;
Гилка до гилки прихилиється,
Мати за дитьми убивається.

⁸⁾ Посадить ми, мои сестри, въ головкахъ калину,
Нехай кожній о тмѣ знае, що зъ кохання гну.

женная въ головахъ покойника, даетъ ему спокойствіе во гробѣ. Въ одной пѣснѣ дочь говоритъ матери, чтобъ она надъ нимъ посадила калину: будетъ прилетать кукушка и рано кувать, а ей въ землѣ будетъ легко лежать ¹⁾. Козакъ, умирая въ чужой сторонѣ, проситъ посадить въ головахъ калину: пташки будутъ прилетать, ѣсть калину, а козаку будутъ приносить вѣсти отъ родныхъ ²⁾.

Есть пѣсня о превращеніи въ калину дѣвицы, а ея возлюбленнаго — въ тернѣ. Содержаніе этой пѣсни таково: козакъ любилъ дѣвицу, но люди разлучили ихъ. Козакъ тоскуетъ и хочетъ утопиться. Дѣвица говоритъ ему: «не топись, не губи души; лучше пойдемъ обвиняемся, если меня любишь». Козакъ клянется, что любить ее. Они пошли вѣнчаться, но не застали дома священника. «Или твое несчастье, или моя несудьба!» восклицаетъ козакъ и пригизываетъ запрягать коней. Они ѣдутъ вѣнчаться къ чужому священнику. Ѣдутъ они по одному полю, ѣдутъ по другому; какъ стали сворачивать на третье поле, сталъ спотыкаться конь. «Воротимся, дѣвица, сказалъ козакъ, намъ здѣсь не вѣнчаться». Козакъ пошелъ по горѣ, а дѣвица по долині; козакъ сталъ на горѣ терномъ, а дѣвица въ долині калиною. Вышла мать козака рвать тернѣ, а мать дѣвицы ломать калину. Это не тернѣ — это мой сынокъ! Это не калина — это мое дитятко! ³⁾.

- ¹⁾ Посади, матинко, червону калину,
Туди буде, матинко, зозуля литати,
Вона буде, матинко, раненько кувати:
Мини буде, матинко, легенько лежати!
- ²⁾ Казавъ соби насипати високу могилу,
Казавъ соби посадити въ головкахъ калину.
Будуть пташки прилетати калиноньку їсти,
Будуть мини приносити видъ родоньку вѣсти!
- ³⁾ Чомъ дубъ не зелений? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселый — лихая година!
Якъ мини, братци, веселому бути:
Любивъ я дивчину — розлучили люди.
Теперь мини, братци, пароньки не буде.
Тильки мини пари, що очици кари,
Тильки всей любви, що чорные брови.
Чорни брови маю, та й не оженюся,
Хяба иду зъ горя зъ мосту утоплюся.
— „Не топись, козаче, бо душу загубишь.“
Ходимъ, повинчаймось, коли вирне любишь.“
„Люблю тебе дуже... скарай мене Боже!..
Буду тебе цювати, поки сонъ изможе!“
Вже нацлювався и намиловався,
Якъ у саду соловейко та нащобетався!
Пшли вони виччатись — нема попа дома!
„Чи твое несчастья, чи моя недоля,
Що ми не zostали сѣго попа дома?“
Запрягай же, хлопку, коня вороного,
Пойдемъ виччатись до попа чужого.
Ихали ми поле, ихали друге,

Несмотря на признаки, указывающіе сравнительно позднее составленіе этой пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ она поется въ настоящее время, основа ея древняя, какъ можно заключать изъ того, что совѣстность терна и калины въ народной поэзіи довольно глубоко укоренилась. Такъ, напримѣръ, въ выше-приведенной свадебной пѣснѣ дворъ невѣсты представляется обгороженнымъ терномъ и обсаженнымъ калиною. Въ одной колядкѣ — фантастической соколъ вьетъ себѣ гнѣздо и обкладываетъ его терномъ, а внутри кладетъ калину ¹⁾. Въ другой пѣснѣ женщина, тоскуя о разлукѣ съ родными, говоритъ, что ея дорога къ роднымъ заросла терномъ, покрылась листьями, и калина нависла надъ нею ²⁾. Наконецъ, самый стихъ о превращеніи изъ приведенной выше пѣсни является съ измѣненіями въ другихъ пѣсняхъ уже не въ смыслѣ повѣстующаго событія, но какъ поэтическое сравненіе ³⁾. Есть еще пѣсня о превращеніи, гдѣ терень и калина играютъ хотя не главную, но важную роль. Это вариантъ пѣсни о женскомъ существѣ, бросившемся въ воду (см. выше о водѣ), которому дается имя Ганны. Здѣсь эта Ганна, бросаясь въ воду, произноситъ такіа слова: «не ломать цвѣтовъ съ калины, не щипать на горѣ (а въ пѣснѣ о превращеніи козака въ терень онъ превращается на горѣ) терна. Цвѣтъ калины — Ганнино лицо, а терень — ея очи» ⁴⁾.

Въ народной поэзіи есть еще два образа, относящіеся къ калинѣ: это калиновый мостъ и калиновая стрѣла. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется, чтобы на пути къ посаду, на который съ особенною торжественностью сажаютъ ново-

На третьему поля ставъ вѣнь спотыкаться.

„Вернимось, дивчино, намъ тутъ не винчатись!“

Пишовъ козакъ горою, дивка долиною,—

Ставъ на гори козакъ терномъ,

А въ долини дивчина калиною!

Вийшла сина мати того терну рвати,

Дивчинина мати калини ломати.

Сежь не терночокъ, се мій синочокъ,

Се не калина—се моя дитина!

1) На тымъ явори сивъ сокиль сидить,

Сивъ сокиль сидить, гнѣздечко вьетъ;

Обкладае го остримъ терничкомъ,

Остримъ терничкомъ, сухимъ бильячкомъ,

А въ середину—цвѣть та калинку.

(Чт. 1864. I. 64).

2) Терномъ поросла, листомъ припала,

Червоною калиною понависала.

3) Ишовъ козакъ по гори, дивка пидъ горою,

Зацвѣвъ козакъ терномъ, дивка калиною.

Ой ти живешъ на гори, а я пидъ горою,

Ой чи тужишъ такъ за мною, якъ я за тобою.

Ой колибъ ти такъ за мною, якъ я за тобою,

Жили бъ, жили, мое сердце, якъ риба зъ водою!

4) Щобъ зъ калиноньки цвиту не рвати,

Та щобъ на гори терну не щипати:

Бо калиновый цвѣть—Ганнино личко,

А на гори терень—Ганнини очи.

брачныхъ, мостили калиновые мосты ¹⁾). Точно то же поется и о пути новобрачныхъ въ домъ жениха изъ дома невѣсты ²⁾). Другой случай, гдѣ является калиновый мостъ—жалоба состарѣвшейся дѣвicy на то, что ея молодыя лѣта инуды. Она хочетъ догнать свои молодыя лѣта, догоняетъ ихъ на калиновомъ мосту и проситъ ихъ прибыть къ ней, хотя на часикъ, въ гости ³⁾). И тамъ, и здѣсь калиновый мостъ—символь молодой, здоровой, веселой жизни. Калиновая стрѣла упоминается въ одной пѣснѣ, въ которой описывается поединокъ между неповнымъ и вдовинымъ сыновьями за дѣвицу ⁴⁾).

Вишня нѣсколько разъ является также женскимъ символомъ, хотя не въ такой степени, какъ калина. Часто вишня означаетъ дѣвицу ⁵⁾, иногда убогую и красивую ⁶⁾. Дѣвица чародѣйка, очаровавшая козачка, сравнивается съ кудрявою вишнею-черешнею ⁷⁾. Прозрѣваніе ягодъ на вишнѣ сопоставляется съ дѣвичьюю веселостью ⁸⁾. Дѣвицѣ нельзя ходить на улицу гулять, какъ вишнѣ родитъ ягодъ за холодомъ. Заочинывая дѣвицу къ веселости, обращаются къ зеленой вишнѣ ⁹⁾. Но вишня сопоставляется также и съ замужнею женщиною: вишня не пускаетъ листьевъ зимою, женщина плачетъ оттого, что у нея невѣрный другъ ¹⁰⁾. Вишня сопоставляется также съ матерью и притомъ въ извѣстной намъ пѣснѣ — съ убогою, подобно тому какъ дѣвица убогая сравнивается съ вишнею ¹¹⁾).

1) А до того посаду пишого
Мостить мости калинови.

2) Помостили мости

Зъ калиновой трости...

(Метл. 229).

3) Ой нагнала лета мои на калиновымъ мости,

Ой вернитесь, вернитесь, хоть на часокъ въ гости! (Метл. 364).

4) То тоби, поповичу, тая дивка:

Въ твоимъ сердци калинова стрилка.

Ой вдовиць синь, дарую тоби дивку;

Вийми зъ серденька калинову стрилку.

Ой якъ тяжко каминь пидіймати,

Тяжче калинову стрилку виймати

5) Ой якъ вишня, якъ черешня ягідками рясна;

Молоденька дивчинонька на личенько красна.

6) Богатая, губатая, та ще къ тому пишна,

Убогая, хорошая якъ у саду вишня.

7) Ой вишенько, черешенько, верхомъ кучерява,

Дивчинонька козаченька та й причаровала.

8) Ой вишенько, черешенько, чомъ ягід не родишь?

Молодая дивчинонька, чомъ гулять не ходишь?

Ой якъ мини та родити та за холодами;

Ой якъ мини гулять ходити та за воротами.

9) Рости, рости, вишенька, бо ти зелененька.

Гуляй, гуляй, дивчинонько, поки молоденька.

10) Ой вишенько, черешенько, чомъ листъ не пуцаешь?

Молодая молодежи, чого слѣзы проливаешь?

Ой я листу не пускаю, бо лютую зиму маю;

Ой я слѣзы проливаю, невирного друга маю.

11) Ой у саду вишня ягідки зродила;

Я зъ тобомъ, мій миленькій, диточокъ сподила.

Въ пѣсняхъ встрѣчается и вишневый садикъ. Онъ—принадлежность жилища дѣвицы ¹⁾ и ея любимое мѣстопробываніе. Тамъ она чешетъ свою косу ²⁾, поливаетъ и рветъ свои цвѣты, тамъ происходятъ и любовныя свиданія ³⁾. Вишневый садикъ—принадлежность хозяйственного комфорта. Старикъ, уговаривая молодую женщину полюбить его, общается ей въ числѣ разныхъ удобствъ и вишневый садикъ ⁴⁾.

Береза—также женскій символъ; она особенно означаетъ замужнюю женщину и, между прочимъ, мать. «Вчера была красная калина, теперь стала бѣлая береза», поется о вышедшей замужъ дѣвушкѣ ⁵⁾. Есть пѣсня о превращеніи въ березу замужней женщины, которая терпѣла много отъ свекра, попрекавшего ее каждымъ кускомъ хлѣба. Ея отецъ отправился рубить березу и узналъ въ ней свою дочь ⁶⁾. Но есть другое превращеніе—утонувшей особы женскаго пола,—пѣсня, напоминающая Ганну и чуть ли не составляющая ея видоизмѣненія. «Братъ говорилъ сестрѣ: не становись на доску... Она не послушалась и утонула; а какъ утопала, сказала три слова: не руби, братецъ, бѣлой березы, не коси шелковой травы, не рви чернаго терна: бѣлая береза—это я, молодая, шелковая трава—моя русая коса, а чернѣй терень—мой капріа очн» ⁷⁾.

Ой у саду вишенька поміж вишеньками;
Що я бідна зроблю зъ моими диточками.

1) А въ неи зъ синечекъ, та двое дверечекъ
У вишневий садочокъ.

2) У садочку черешенька,
А пидь нею дивчиньонька
Русу косу чесала.

3) Ночувала нічку въ вишневимъ садочку,
И зъ тобою, сивий соколочку.

4) Куплю тобі хатку, та ще й синожатку,
И ставокъ, и млинокъ, и вишневий садокъ.

5) Вчора була червона калина,
А теперъ стала білая береза.

6) Ось иде батеньку берези рубати.
—Не рубай, батеньку, білои берези,
Бо я не березонька—я твоя дитиновька!—
„Ой коли дитина, чого такъ збиблила,
А коли береза, чого засмутнила?“
—Я въ батька була—чорвона калина.

А въ свекра стала—біла береза!
Замужній хлѣбъ добрий, тильки що вимовний;
Хто ёго роскусить, той плакати мусить;
Вкронивъ свекоръ лусту, якъ кленового листу,
Питається мене—чи зъяси, невестко?
Не зъила у хати, зъила за дверима,
Не зъила сухого, обила слизами!

7) Казавъ братъ сестрици: не становись на кладку!
Сестрица не слухала, на кладку ступила,
Кладка схитнулася, сестрица втопула,
Якъ потопала, три слова сказала:
„Не рубай, братику, білои березоньки,

Въ рекрутской пѣснѣ береза, опускающая вѣтви, сопоставляется съ матерью, оплакивающей сына, котораго отдають въ солдаты ¹⁾. Дѣвица, уходя изъ родительскаго дома, срываетъ вершину съ березки и принимаетъ ее къ своимъ родителямъ, остающимся безъ нея ²⁾. Женщина, идущая къ матери на совѣтъ, обращается къ березѣ по противоположенію символа тому, что онъ изображаетъ ³⁾.—Береза поставляется къ дубу, какъ мать къ сыну ⁴⁾ или сыновьямъ.

Вѣроятно, въ смыслѣ же символа матери береза является въ такомъ образѣ: подъ березой сидитъ братъ съ сестрою,—братъ богатый, сестра бѣдная,—и сестра говоритъ брату: «одна насъ, братъ, мать родила, да не одно счастье намъ дала: тебѣ—роскошь, а мнѣ—горе» ⁵⁾. Въ такомъ же значеніи символа матери въ одной галицкой пѣснѣ береза сопоставляется съ печальною матерью, которая носитъ на рукахъ плодъ беззаконной любви ⁶⁾.

Иногда береза принимается и къ дѣвицѣ. Со срубленною березою сравнивается невѣста ⁷⁾, а съ наклонившеюся березою ⁸⁾ дѣвица, плачущая по ми-

Не коси, братику, шовковой травы,
Не зривай, братику, черного терну:
Была березонька—то я молоденька,
Шовкова трава—то моя руса коса,
Черный терень—то мои карі очи.

¹⁾ Годи, берези, зеленій стоять,
Пора тобі, березо, гилля опускати;
Веруть, березо, молодца въ солдати;
За нимъ плаче его стара мати.

²⁾ Ишла дивочка зъ нидь винця,
Зломала березку зъ верхивця.
Стій, моя березко, безъ верха,
Живи, моя матинко, безъ мене.

³⁾ Ой березо, березо,
Не стій край дороги,
Не шуми по диброви,
Бо я туди йтиму
До матинки на пораду.

⁴⁾ Ой дубъ до берези верхомъ похилився;
Козаченько свой неньци низько поклонився.

⁵⁾ Ой у поли нидь березою,
Тамъ сидитъ братъ зъ сестрою...
Одна насъ, брате, мама породила,
А не одно намъ счастья вдарила:
Тобі, брате, панованья, а мнѣ злиднн...

⁶⁾ А тамъ доловъ, на долни береза стояла;
Смутна мати на рученькахъ дитину тримала:
На поляни, на поляни шугай траву косить,
За шугаёмъ смутна мати дитинючку носитъ. (Чт. 1866. III. 707).

⁷⁾ Мовила береза диброви:
Не стій, диброво, зашуми,
На мене, березу, не дивись:
Бо я сѣгодня біла й зелена,
А завтра буду зрубана.

⁸⁾ Зеленая березонька похилилася;
Дивчинювка за милимъ замурилася.

домъ. Нигдѣ не встрѣчается любовнаго свиданія подѣ березою, но есть случаи потери дѣвства; въ одной пѣснѣ поется: «подѣ бѣлою березою дѣвица стояла, хорошая, черныя, бѣлолица» ¹⁾, а потомъ описывается, какъ ее соблазняютъ и увозятъ. Въ другой пѣснѣ дѣвица сознается, что потеряла свой вѣнокъ, то-есть свое дѣвство, подѣ березою ²⁾.

Мы знаемъ двѣ пѣсни, въ которыхъ береза представляется говорящею— въ одной съ дубомъ, въ другой съ кукушкою. Въ первой— береза хвалится своею корою, широкими листьями, высокими вѣтвями, а дубъ говоритъ ей, что это все не она себѣ дала, а дала ей солнце, вѣтеръ и дождикъ ³⁾. Въ свадебной галицкой пѣснѣ съ березою, которая также хвалится своими достоинствами, сопоставляется дѣвица, которая хвалится своими косами, а дружки приписываютъ ей красоту попеченіямъ матери ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ, гдѣ изображается разговоръ кукушки съ березою, кукушка спрашиваетъ: «что это ты, береза, не зелена?» Береза отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ быть зеленою? Подо мною стояли татары; они обрубили вѣтви своими саблями, потоптали землю конскими подковами, доставали ключевой воды, поили своего пашу и говорили: паша, нашъ капитанъ, пойдемъ въ темный лѣсъ за ляхами. Эти ляхи—коварные люди; какъ поймемъ, такъ мы ихъ на висѣлицу ⁵⁾».

¹⁾ Подѣ бѣлою березою дивчина стояла,
Хороша, черныя, личкомъ бѣлая.

²⁾ Утратила свѣй винокъ
Подѣ бѣлою березою,
Не пьяною, тверезою.

³⁾ Ой хвалилася березонька,
Що на мнѣ кора та бѣлесенька,
Що на мнѣ листья та широкее,
Що на мнѣ гилья та високее.
Ой обвѣтеться зеленый дубочокъ:
Ой не хвалися, бѣла березонька;
Не ти свою кору вибилыла,
Не ти свое листья широчила,
Не ти свое гилья височила
Вибилыло кору яснее сонце;
Широчивъ листья буйний вѣтеръ;
Височивъ гилья та дрибний дождчикъ!

⁴⁾ Не хвалися, дивочко, своими косами:
Не ти ихъ, дивочко, вицохала,
Вицохала ихъ рѣдна матинка.

⁵⁾ У поли береза стояла;
На тѣй березѣ зозуля кувала;
Зозуля березѣ питала:
Чому ти, березо, не зелена?
— Ой якъ же мнѣ зеленою бути:
Подо мною татары стояли,
Шабельямаи гилья обтинали,
Пидкивками землю трахтували,
Кирничной води добували,
Въ криштолови шклянки наливали,

Береза, по народному вѣрованію. — любимое дерево русалокъ; онѣ любятъ качаться на березѣ ¹⁾.

Къ женскимъ символамъ принадлежитъ *лещина* (орѣшникъ), встрѣчаемая въ пѣсняхъ, хотя и не часто ²⁾. Въ одной пѣснѣ лещина противопоставляется дубу, который, сообразно своей постоянной символикѣ, здѣсь ясно означаетъ молодца ³⁾. Въ козацкой пѣснѣ молодець, уѣзжая въ степь, говоритъ своимъ роднымъ, что ему вымоютъ голову дожди, а расчешетъ лещина, иронически выражая ту мысль, что, лишенный попеченія любимой женщины, онъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что изображаетъ женщину ⁴⁾. Орѣкъ — символъ приглашенія къ любви ⁵⁾.

Къ разряду женскихъ символовъ можно причислить и тополь. Есть пѣсня о превращеніи въ тополь женщины, заклѣтой злою свекровью, въ отсутствие сына. Возвратившись домой, сынъ спрашиваетъ мать, куда она дѣла его жену. Мать отвѣчаетъ: пошла пасти стадо въ поле. Сынъ говоритъ: «изъѣздилъ я Польшу и всю Украину, да не видалъ такого тополя, какъ у насъ на полѣ. Отъ яснаго солнца не краснѣетъ, отъ буйнаго вѣтра не чернѣетъ» (иначе: отъ буйнаго вѣтра не качается, отъ яснаго солнца не окрашивается). — «Возьми, сынокъ, острый топоръ, руби тонкій тополь въ полѣ». — Какъ ударилъ первый разъ, дерево зашумѣло, ударилъ въ другой, — издало гулъ, похожій на человѣческую рѣчь, а какъ ударилъ въ третій, — оно проговорило: «не руби меня, я — твоя милая. Это мать твоя такъ намъ надѣлала: маленькитъ дѣтокъ осиротила, тебя вдовцомъ сдѣлала» ⁶⁾. Есть еще иная легенда о превращеніи женской лич-

Та своего башу наповали —
— Ой ти башо, нашъ конитане!
Ходимо въ темний дугъ за лахами;
А тѣ ляшки зрадливи люде;
А якъ піймаемо — шибениця буде!

¹⁾ На грانیи неділи
Русалки сиділи...
Сиділи русалки
На кривій берези.

²⁾ Зашуміла лещинонька,
Заплакала дивчинонька.

Или:

Зеленая лещинонька видъ сонця зав'язала;
Невірная дружина світъ зав'язала.

³⁾ Таки дубъ, таки дубъ, таки не лещина;
Прибувавъ, ночувавъ хлопецъ молодчина.

⁴⁾ Мене, мати, змиють дожди,
А висушать буйни витри,
А розчеше густа лещина:
О тожъ моя любая дивчина!

⁵⁾ Вийду за ворота, роскушу оришокъ,
Роскушу оришокъ, та вийму ядерце:
Вийди, вийди, дивчино, потишь мое серце!

⁶⁾ Мати сина та оженіла
Молоду невістку та зненавиділа.
Ой послала мати сина въ далеку дорогу,

ности въ тополь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи есть обычай «вести тополь», обыкновенно отправляемый на троицной недѣлѣ. Дѣвицы избираютъ изъ среды своей подругу, привязываютъ ей поднятыя вверхъ руки къ палкѣ и водятъ съ припѣвами ¹⁾). Быть можетъ, этотъ обычай въ темной области имнологіи окажется въ связи съ великорусскою березкою, но въ малорусскомъ народѣ соединяется съ нимъ преданіе, что въ тополь превратилась дѣвушка, ожидавшая своего жениха въ степи на могилѣ (на курганѣ). Только при такомъ значеніи дѣлается понятнымъ въ припѣвахъ приглашеніе, обращенное къ тополю: «не развиваться!» Дѣвицы какъ будто хотятъ удержать ее отъ превращенія въ дерево. Слова: «не поддавайся буйному вѣтру» — заставляютъ предполагать, что, вѣроятно, силѣ вѣтра приписывалось самое превращеніе, какъ и теперь народное вѣрованіе приписываетъ вѣтру всякаго рода измѣненія съ человѣкомъ. Достоинно замѣчанія, что и въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаются сближенія вѣтра и тополя. Въ галицкой пѣснѣ поется, что буйные вѣтры вѣяли на тополь, но не свѣяли съ него листьевъ, пока не повѣялъ восточный вѣтеръ; такъ точно много молодцовъ ухаживало за дѣвицею, но никто ее не взялъ, пока не явился женихъ ²⁾). Въ другихъ пѣсняхъ тополь является при разныхъ положеніяхъ жен-

Молоду невестку у поле до льону.

Випроважала та й заклинала:

„Не виберешъ льону—не приходи до дому.

Та стань у поли тонкою тополею!“

Ой прихавъ снѣ въ далекомъ дороги,

Та й поклонився матери въ ноги.

„Матусю, матусю, де дила Марусю?“

— Не схотила, синьку, у доми робити,

Пишла у поле стадечка глядити.—

„Извидивъ я Польщу и всю Украину,

Та не бачивъ тополи, якъ на нашихъ поли;

Одъ ясного сонца не почорвоніе,

Одъ буйного витру та не почорніе“.

(Иначе:

Одъ буйного витру та не колихається,

Одъ ясного сонца та не виграшається).

— Ой бери, синьку, гострую сокиру,

Та рубай въ поли тонкую блину.—

Ой перший разъ цюкнувъ—вона замумила,

Другий разъ цюкнувъ—та загомонила,

Третій разъ цюкнувъ—вона промовила:

„Не рубай мене, бо я твоя мила,

Се твої матуса намъ такъ поробила,

Маленькі дити та посиротила,

Тебе, молодого, вдивцемъ нарядила“.

¹⁾ Стояла тополя край чистого поля.

Стій, тополецько, не розвивайсь,

Буйному витроньку не поддавайсь!

²⁾ Една була тополонька въ тмѣ саду,

Една була дивчионька въ тмѣ доми.

Буйніи витри віяли,

ской жизни. Напр., двѣ дѣвцы сопоставляются съ двумя тополями ¹⁾; замужняя женщина говорить, что отецъ лелѣялъ ее когда-то какъ бѣлую тополь ²⁾ и свое несчастное замужество сравниваетъ съ рубленіемъ тополя ³⁾. Женщина, скучая въ чужой сторонѣ, жалуется, что ей не съ кѣмъ побесѣдовать, а мужъ говорить ей, чтобъ она пошла побесѣдовать къ двумъ тополямъ. «Уже я ходила и говорила, — отвѣчаетъ жена, — да ничего мнѣ не сказалъ тополь, не развеселилъ моего сердца ⁴⁾: здѣсь тотъ смыслъ, что женщинѣ хочется побесѣдовать съ женщинами, а мужъ въ насмѣшку указываетъ ей на тополь именно оттого, что въ его народномъ поэтическомъ воззрѣніи тополь символизируетъ женщину.

Грабина (грабъ—*carpinus betulus*), несмотря на то, что очень обыкновенное дерево въ лѣсахъ правой стороны Днѣпра, встрѣчается, однако, сколько намъ извѣстно, только въ одной пѣснѣ, которая есть не что иное, какъ вариантъ пѣсни о превращеніи женщины въ тополь, только тополь замѣняется грабиною ⁵⁾.

Зѣ тополи листу не зніяли:
Ажъ восходовий вѣтеръ повіявъ,
Уси хлопци за дивчиною вважали,
А дивчиноньки не взяли.
А Ивасенько якъ наважнивъ,
То й дивчиноньку соби взявъ.

¹⁾ Ой у поли дви тополи одна другу перехилюе;
У горохи дви дивчини—одна другу перепитюе. (Лавр. 118).

²⁾ Кохавъ мене батько якъ биду тополю...

³⁾ Та було бъ не рубити билон тополи,
Було бъ не давати до тяжкой неволи.

⁴⁾ Чоловиче мій, дружно моя,
Вже я ходила, вже говорила.
До мене тополи не промовила,
На сердди печали не розвеселила.

⁵⁾ У поли крапивонька жаливвал,
У мене свекруха свариввала!
Журила невестку день и ничь:
„Иди, невестко, одъ мене причь!
Иди дорогою широкою,
Та стань у поли грабиною,
Тонкою, та високою.
Кудрявою, кучеравою.
Туди итме мій синъ зъ виська,
Буде на тебе дивитися,
Прийде до дому хвалитися“.—
— Ой я, матинко, и свить пройшовъ,
Та не бачивъ дива дивнишого,
Якъ у поли грабинонька
Тонка, та висока.
Кудрава, кучерава.—
„Ой бери, синку, гострую сокиру,
Та рубай зъ кориня грабину“.
Перший разъ цокнуть—биле тило,
Другий разъ цокнуть—кровъ дзорнула,

Липа встрѣчается въ пѣсняхъ чрезвычайно рѣдко, хотя это дерево не только повсюду растеть, но и любимо въ домашнемъ быту. По одной купальской пѣснѣ можно ее примкнуть къ женскимъ символамъ. Она изображается утопающею и просить помощи у дуба, но дубъ говорить, что нустъ ей помагаеть кленъ, потому что онъ живеть съ ней ¹⁾. Въ одной пѣснѣ событіе о превращеніи женщины въ дерево отнесено къ липѣ (см. ниже. о яворѣ). Въ другой, петровочной, подъ липою происходитъ свиданіе и разговоръ козака съ сироткою семилѣткою, загадывающею ему загадки ²⁾. Эта семилѣтка должна быть русалка, такъ какъ въ другой пѣснѣ подобныя загадки загадываетъ русалка дѣвицѣ.

Дубъ—символь мужескій. Въ пѣсняхъ онъ постоянно означаетъ мужчину, преимущественно молодца. Въ купальскихъ пѣсняхъ прямо означаются красною калиною—дѣвицы, а зелеными дубами—молодцы ³⁾. Во многихъ пѣсняхъ дубъ

Третій разъ цокнувъ—промовила:

„Не рубай мене, зелененькую,
Не розлучай мене, молоденькую!
Не рубай мене зъ гілочками,
Не розлучай мене зъ диточками,
У мене свекруха розлушниця:
Розлучила мене зъ дружнвою
И зъ маленькою дитиною!“

¹⁾ Ой на риди на Дунай,
Тамъ липонька потопас:
Та на верхъ гілочка впливає,
Вона дубочка припливає:
Та подай, дубочку, хочъ гілочку!
Та нехай тобі кленокъ дае,
Що винъ зъ тобою врно живе.

²⁾ У городи підъ липою
Стоявъ козаць зъ сириткою,
Сириткою—семиліткою.

Куди идешь, пропашаешь,
Чи загадки не вгадаешь?
А що росте безъ кориня?
А що вється по дереву?
А що бижить безъ прогону?
А що свитить круту гору?
А що гріе безъ жарости?
А що лежить кинця нема?

Козаченько одгадує:
Каминь росте безъ кориня,
А хмель вється по дереву,
Вода бижить безъ прогону,
Мисяць свитить круту гору,
Сонце гріе безъ жарости;
А шляхъ лежить—кинця нема.

³⁾ Та йшли дівочки та по ягідочки;
Червоная калинонька—то дівочки;
Зелени дубочки—то парубочки.

сопоставляется съ различными положеніями молодца, напр., съ дубомъ зеленымъ сравнивается прѣзжавшій къ женщинѣ и ночевавшій у нея молодецъ ¹⁾). Рустые листья на дубѣ— слова ²⁾ и мысли козака ³⁾, а опаденіе листьевъ— его безразсудство ⁴⁾. Съ печальнымъ козакомъ сопоставляется дубъ наклоненный ⁵⁾ или прибитый грозой ⁶⁾. Образъ дуба до того сроднился съ образомъ молодца, что дѣвица, заблудившись въ лѣсу, думаетъ сначала, что передъ нею дубъ, а оказывается молодой лѣсникъ ⁷⁾. Двое ширющихъ мужчинъ сопоставляются съ двумя дубами ⁸⁾.

Сухой дубъ сопоставляется съ козакомъ, котораго постигаетъ невзгода, напримеръ, походъ, разлучающій козака съ его возлюбленною ⁹⁾, а также съ дурнымъ ¹⁰⁾ или съ развратнымъ ¹¹⁾ молодцомъ; сухой дубъ противопоставляется зеленому, какъ немилый человекъ милому ¹²⁾.

Такъ какъ вообще въ пѣсняхъ природа часто радуется вѣствѣ съ человекомъ и раздѣляетъ его горе, то и дубъ представляется въ близкихъ отноше-

1) Ой дубъ, таки дубъ,
Таки зелененькій;
Прибувавъ, ночувавъ
Хлопецъ молоденькій!

2) Ой ти дубе кучеравий, гилья твое рясне,
Ой козаче молоденький, слово твое красне!

3) Ой ти дубе кучеравий, рясний листъ на тоби;
Ой козаче, молоденький розумъ у тебе.

4) Ой ти дубе кучеравий, широкий листъ опаде,
Дурний козакъ молоденький — безъ розуму пропаде.

5) Зеленый дубе, чего похилився?
Молодий козаче, чего зажурився?

6) Чомъ дубъ не зеленый? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселый — лихая година.

7) Якъ думала, то дубъ зелененький,
Ажъ то стоить гайдай молоденький.

8) Похилився дубъ дубови;
Поклонився кумъ кумови,
За любую гостинюку,

За красную бесидюку! (Чт. 1864. I. 138—139).

9) Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде;
Убирайся, козаченьку, завтра походъ буде.

Я морозу не боюся, таки розвивься;
Я походу не боюся, вранци уберуса.

Таки зъ своею дивчиною та попрощаюся.

10) Сухий дубъ, сухой дубъ, сухой не зеленый,
На що мене полюбивъ, коли ти мерзений.

11) Якъ изъ тебе, сухой дубе, зеленый не буде,
Такъ изъ тебе, проїдсвите, господарь не буде.

Пройдсвите, зайдсвите, вси дороги знаешь,
На которе мисде прийдешъ, то дивчину маешь.

12) Сухий дубъ на долини, а зеленый въ лиси,
Мене мати годувала, якъ ластивку въ стриси;

Мене мати годовала, въ папиръ завивала,
Молодцями вибирала, за нелюбa дала.

ніяхъ къ сердечнымъ ощущеніямъ челоуѣка. Въ любовныхъ пѣсняхъ говорится: когда мы сошлись и полюбили другъ друга, тогда сухіе дубы развивались, а когда мы разошлись, то и зеленые и молоденькіе усохли ¹⁾).

Козакъ относится къ дубу, какъ къ мыслящему существу и спрашиваетъ: будетъ ли ему принадлежать любимая дѣвица ²⁾). Въ одной пѣснѣ дубъ противопоставляется отцу, а береза матери; сирота въ чужой сторонѣ говоритъ, что ему не къ кому пріютиться: пріютится онъ къ дубу, а дубъ—не батюшка; пріютится къ березѣ, а береза—не матушка ³⁾). Въ галицкой пѣснѣ съ паденіемъ дуба на дубъ сопоставляется ссора, возникшая у молодца съ его матерью ⁴⁾).

Есть въ народной поэзій образъ—голубь, сидящій на дубѣ; въ одной пѣснѣ любовнаго содержания голубь сидитъ на дубѣ—на мужескомъ деревѣ, а голубка на женскомъ—на вишнѣ ⁵⁾). Въ другой—голубь своимъ гудѣньемъ, сидя на дубѣ, предсказываетъ козаку грозящее ему безчестіе ⁶⁾). Въ третьей описывается, какъ на дубѣ сидѣли два голубочка, потомъ снялись и полетѣли ⁷⁾). Въ иной пѣснѣ подъ дубомъ сидѣли голубь съ голубкою ⁸⁾); вдругъ козакъ убилъ голубя, а голубка тоскуетъ. Подобныхъ образовъ сидѣнія голубей на дубѣ можно привести еще нѣсколько: они замѣчательны потому, что имѣютъ соотношеніе съ тѣми двумя голубями, которые представляются сидящими на двухъ дубахъ, стоящихъ посреди моря ⁹⁾ (см. ниже о голубѣ). Это обломокъ мѣта о всемірномъ

¹⁾ Якъ ми зъ тобою спизналися,—

Сухи дуби роввивалися:

А якъ кохатися перестали,—

То й однолитки повсихали.

(Чт. 1864. IV. 338).

²⁾ Ихавъ козакъ черезъ байракъ—помагай Бигъ, дубе,

Ой чи мол, чи не моя дивчинонька буде?

³⁾ Прихляюся й къ дубочку

А дубочокъ та не батенько;

Прихляюся й къ берези,

А береза та не матинка.

⁴⁾ Дубъ на дуба повалився;

Синь зъ мамкою посварився.

(Чт. 1870. IV. 196).

⁵⁾ Сидитъ голубъ на дубочку,

Голубка на вишни:

Скажи минн, мое сердце,

Що маешъ на мисли.

⁶⁾ Подивлюся я на дубъ чорними очима,

А на дубоньку сивъ голубонько гуде;

А на козака неславенька буде.

⁷⁾ Ой на дубоньку два голубоньки

Цілювалися, миловалися,

Сизими крилечками обіймалися;

Знялися вони полетѣли...

⁸⁾ Пидъ дубиною, пидъ зеленою,

Сидитъ голубъ и зъ голубкою...

⁹⁾ Колись то було зъ початку свѣта,

Тоди не було неба, ни земли,

Неба, ни земли, немъ сине море,

А середъ моря та два дубойки,

деревъ, составляющемъ одну изъ крупныхъ чертъ первобытной арийской мифологии и отразившемся, между прочимъ, въ додонскомъ дубѣ древней Греціи, который кажется особенно близкимъ къ нашимъ дубамъ, такъ какъ здѣсь и тамъ играютъ роль голуби.

Въ малорусской поэзіи есть одна нерѣдкая форма—письмо, написанное на древесномъ листѣ и посылаемое къ роднымъ или близкимъ. Дубовый листъ употребляется при такомъ оборотѣ. Дѣвушка, потерявшая невинность, хочетъ извѣстить отца о своемъ несчастьи посредствомъ такого письма ¹⁾.

Кленъ (клинъ-дерево) встрѣчается въ пѣсняхъ не часто, но изъ немногихъ мѣстъ видно его значеніе также въ качествѣ мужскаго символа. Съ кленомъ, разрастающимся въ разныя стороны раскидисто, сравнивается козакъ, угаживающій за дѣвичество и не обращающій вниманія на людскіе толки ²⁾. Въ одной козацкой пѣснѣ съ кленомъ сопоставляется предводитель отряда, котораго козаки похоронили, а съ опаденіемъ листьевъ съ клена—собственная погибель этого отряда безъ начальника ³⁾. Развѣтіе клена—прибытіе сына къ отцу, или ожиданіе отца ⁴⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ дѣвица поетъ, что клень зеленѣетъ тамъ, куда проѣзжаетъ ея милый, и вянетъ тамъ, куда проѣзжаетъ немилый ⁵⁾. Но въ пѣсняхъ болѣе играетъ роль кленовый листъ, чѣмъ само

Сили упали два голубойки,
Два голубойки на два дубойки.

1) Шиви, доле, за водою,

А я у слѣдъ за тобою;
Допливемо до дубчика,
Та вирвемо по листочку,
Та спихемо по письмечку,
Та пошлемо до батенька:
Нехай батько не турбуе,
И виночка не готуе;
Я свій винокъ утратила и пр.

2) Ой у поли клинь-дерево ризно,
Ходить козакъ до дивчини пизно.

Ой не ходи, козаче, до мене:
Буде слава на тебе й на мене.
Я неслави по вику не боюся:
Кого люблю, стану—обіймуся.

3) Росло, росло клинь-дерево, та у гору високо;
Закопали отамана въ спру землю глибоко.
Росло, росло клинь-дерево, та й ставъ листъ опадать,
Зосталися гайдарики, сами стали пропадать.

4) Клинъ-дерево розвивається:

Батько сына сподивається.

5) Ой куди мій нелюбий поихавъ,

Ой туди трава полегла,
И клинь-дерево зовьяло,
И мое серденько зостряло..
Куди мій миленький поихавъ,
Ой туди трава вже шовкова,
И клинь-дерево зелено
И мое серденько весело.

дерево кленъ. Въ веснянкѣ дѣвица хочеть написать на кленовомъ листѣ письмо къ отцу и просить его дозволенія погулять ¹⁾). Дѣвица хочеть закрыть кленовымъ листомъ слѣдъ своего милаго, чтобъ ея милаго другіе не любили ²⁾ (здесь, вѣроятно, разумѣется извѣстный способъ привораживанія посредствомъ слѣда). Съ кленовымъ листомъ сравнивается судьба новобрачной, удаленной отъ родительскаго дома ³⁾). Старикъ, вспоминая о своихъ молодыхъ лѣтахъ, спрашиваетъ: не завились ли они въ кленовый листъ ⁴⁾ и не полетѣли ли въ лѣса.

Въ пѣснѣ, въ которой разсказывается, какъ дѣвица, шедшая съ водою, прогнѣвила Бога, ходившаго по землѣ, тѣмъ, что не дала ему воды и назвала воду нечистою, она говоритъ, что въ воду нападали кленовыхъ листьевъ ⁵⁾).

Въ щедровкѣ поется, что на кленовомъ листѣ написаны имена солнца, луны и звѣздъ, которыя означаютъ хозяина, хозяйку и дѣтей ⁶⁾). Въ пѣсняхъ того же разряда говорится о томъ, что черезъ село везли кленъ; изъ него дѣлается церковь, въ которой три хоругви, принадлежащія молодцамъ, называемымъ по имени: имъ въ честь коладуютъ ⁷⁾). Всѣ эти неясныя черты о кленѣ

1) Ой пиду я въ зеленый листь,
Та вициплю кленовий листь,
Та пишло писловки до батенька:
Чи звелить батенько гуляти.

2) Ой пиду я у лисочокъ,
Вирву кленовий листочокъ,
Та прикрию слидочокъ,
Щобъ не припавъ слидочокъ,
Щобъ пташечки не ходили,
И слидочкивъ не зробили,
Щобъ мого голуба свяго
Инши не любили.

3) Кленовий листочокъ!
Куди тебе витерь несе
Чи въ гору, чи въ долину,
Чи въ чужую Украину?
Молода дивчинонька!
Куди тебе батько оддае.
Чи міжъ турки, чи міжъ татари,
Чи въ чужую землю
У великую семью?

(Метр. 222).

4) Лита мой молодін, де ся ви подили?
Чи завились въ кленовий листь та въ листь полетили?

5) Бо вода есть нечиста.
Нападало зъ клѣну листа.

6) Ой по рици, по осоци
Тамъ плавае кленовъ листьокъ,
На тмѣ листу написано
Три письмечка:
Первое письмечко—ясень мисяць,
Друге письмо—ясне сонце,
Третье письмо—ясни зори.

(Метр. 342).

7) Черезъ наше село
Клинь-дерево везено

и о кленовомъ листѣ указываютъ, что съ этимъ деревомъ соединялись нѣкогда особыя представленія, теперь уже угасшія и оставшіяся только въ обломкахъ.

Виноградъ—символь дѣвческаго состоянія, молодости, а также веселости и благоденствія. Дѣвица у родителей проводитъ веселые дни юности для того, чтобы достаться мужу: это выражается образомъ разведенія винограда. Виноградъ ея вытопчетъ женихъ съ боярами. Дѣвицѣ жаль его. «Не жалѣй винограда, говоритъ ей отецъ,—пожалѣй о своихъ молодыхъ лѣтахъ. Минетъ твоё веселое житье у батюшки» ¹⁾). Подъ виноградомъ дѣвица рядится и любитъ своимъ нарядомъ ²⁾). О дѣвицѣ-красавицѣ говорится, что она родилась въ саду и выросла въ виноградѣ ³⁾). Дѣвица разговариваетъ съ своимъ виноградомъ и проситъ его расти, цвѣсти, родить ягоды, если она пойдётъ за милого, и, напротивъ, не расти, не цвѣсти и не родить ягоды, если ей суждено идти за немилаго ⁴⁾). Вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, означающій дѣвичество, представляется пущеннымъ по водѣ: кто его поймаетъ, тотъ дѣвицу до-

Високе, зелене,
А зъ того дерева
Висока церквяца,
А у тій церквяци
Три корогивци.

- ¹⁾ Ой ходила дивочка по городу,
Та садила соби виноградъ изъ приполу,
Та забула воритечки зачинити,
Та мусила свого батенька упросити:
Ой зачини, мій батенько, ворота,
Не пускай Ивасенька зъ боярами,
Бо витопче садъ-виноградъ ногами.
Ой не жалуй, дитя мое, сихъ виновихъ витъ,
Та пожалій, дитя мое, молоденькихъ литъ,
Шо винні квиточки зростуться,
Батенькови роскоши минуться.
- ²⁾ Передъ воритями виноградъ росте,
А зъ пидъ винограду та вода тече:
Тамъ Марусенька билася,
Свого батенька просмисля,
Чи хорошенько вбралася.
- ³⁾ Вона въ саду родилася, въ винограду зросла.
Моли Бога, молодой коваче, щобъ за тебе пшла.
- ⁴⁾ Ой у городи виноградъ саженъ,
Ой хто его садивъ? Молода Маруся,
А садючи та говорила:
Винограде, виноградочку,
Якъ не пиду я за милого замижъ,
Винограде, не приймайся,
У виточки не роспускайся;
А якъ пиду за милого замижъ—
Винограде, приймайся,
У виточки роспускайся!

будет ¹⁾). Прибытіе жениха изображается еще и въ образѣ сокола, прилетѣшаго въ садъ, гдѣ растеть виноградъ,—тамъ онъ ищетъ голубки ²⁾).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показывается, что народное поэтическое мировоззрѣніе соединяетъ съ виноградомъ представленіе о благоденствіи. Такии образомъ, въ одной свадебной пѣснѣ говорится, что виноградъ стелется на доброе житье новобрачнымъ ³⁾. Въ одной галицкой колядкѣ виноградъ—символь селеннаго счастья и зажиточности. Отець и мать дѣвницы и сама дѣвица, которая садить виноградъ, называются виноградными ягодами; дѣвицѣ желаютъ выйти за поповскаго сына (идеаль болѣе богатаго быта для земледѣльцевъ), чтобы не работать, пить медъ-вино, да ключами позванивать, т.-е. надзирать за хозяйствомъ ⁴⁾. Виноградъ—также образъ пиршества и праздника. Дѣвица бережетъ виноградъ и отгоняетъ отъ него райскихъ птичекъ, потому что для ея семьи онъ нуженъ на свадьбу: для женитьбы молодцовъ и для выдачи замужъ дѣвницы ⁵⁾).

¹⁾ По садочку хожу,

Виноградъ сажу,

А посадивши поливаю,

А поливши нащипаю,

А нащипавши винка зивью,

Винка зивью, на воду пушу.

Хто винка пійме, той мене визьме.

²⁾ Летить, летить соколенько черезъ садъ,

Та вдарився крилечками въ виноградъ,

Та вдарився крилечками та й питае:

Чи тутъ моеи голубоньки не мае.

³⁾ У вишневиімъ саду виноградъ стелеться,

Нашимъ диткамъ на добрий битъ стелеться. (Гильтебр. 207).

⁴⁾ Садъ подмиталя, градки копала,

Градки копала, вино садила,

Вино садила, слово мовила;

Ой рости, вино, тонко, високо,

Тонко, високо—въ корни глубоко.

Ой не зродило но три ягодицы:

Перша ягодойка—еи матейка,

Другая ягодойка—еи батейко,

Третья ягодойка—сама молода,

Сама молода зарученая...

Ажъ до Люблина за поповогъ сына,

За поповогъ сына, щобъ не робила,

Щобъ не робила, медъ-вино пила,

Медъ-вино пила, ключами дзвонила.

(Чт. 1864. I. 92).

⁵⁾ Зажурилася крутая гора,

Що не зродила шовкова трава,

Тилько вродився зеленъ виноградъ;

Красная панна саду стерегла.

Та налізули райскии пташковые.

Ой ишла, ишла райськии пташечки,

Намъ того вина барзо потреба;

Есть у насъ синки—на жениньячко,

Есть у насъ дочки—на даваньячко.

Виноградъ является преимущественно въ обрядныхъ пѣсняхъ, свадебныхъ и колядкахъ; въ прочихъ, бытовыхъ, мы встрѣчаемъ только выраженіе садъ-виноградъ ¹⁾, подь которымъ уже не разумѣется специально виноградной лозы. Это не болѣе, какъ поэтическое названіе всякаго сада, тогда какъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, взятыхъ изъ обрядныхъ пѣсней, несомнѣнно идетъ дѣло о виноградной лозѣ. Въ настоящее время этого растенія почти нѣтъ въ быту малорусскаго поселяннина, но, по извѣстію архидіакона Павла, сопровождавшаго патріарха Макарія антиохійскаго въ половинѣ XVII вѣка (The travels of Macarius, part. II. transl. by X. C. Belfour, p. 206—211), въ Малороссіи въ садахъ росли виноградныя лозы и даже дѣлалось изъ нихъ вино. Такъ какъ виноградъ является въ такихъ пѣсняхъ, которыя наиболѣе древни и наименѣе подвержены искаженіямъ и заимствованіямъ, то поэтому мы можемъ предполагать, что знакомство съ виноградомъ истекаетъ изъ далекой древности.

Изъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются *яблоня, груша, тернъ, ожина* (ежевика). Яблочное дерево имѣетъ значеніе только по плодамъ. Яблоко — символъ любви и пріятности. Въ подольской колядкѣ поется, что дѣвица стерегла яблоки золотыя. Просилъ у ней отецъ, мать, братья; она не дала, говоря, что бережетъ ихъ для милаго ²⁾, а когда пришелъ ея милый, она сказала, что теперь сниметъ яблоки ³⁾, потому что берегла для него. Этотъ мотивъ очень распространенъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Галиціи ⁴⁾. Въ угорской пѣснѣ дѣвица проситъ вѣтеръ свалить ей два яблочка — одно ей, другое милому ⁵⁾.

Дѣвица покачиваетъ яблоко по слѣдамъ милаго, это — знакъ согласія на любовь ⁶⁾, тогда какъ по слѣдамъ стараго, немиллаго она катитъ камень. Яблоко,

¹⁾ Закотилося сонечко за садъ-виноградъ...

Или:

Черезъ садъ-виноградъ по воду ходила.

²⁾ А въ лиску, въ лиску на жовтихъ писку,

Росла яблонька тонка, висока,

Тонка, висока, листомъ широка,

Зродила вона золоти яблочка.

Ябка стерегла гречная панна.

Прійшовъ до неї батенько ей:

Ой здійми, доню, золоти яблочки,

Бигъ ми не здійму, милому держу.

³⁾ Оттеперь здійму, бо тобі держу.

⁴⁾ Чт. 1864. I. 93; I. 74.

⁵⁾ Подуй, витроньку, зъ Дуная,

Сваль ми яблочко зъ конаря,

Сваль же ми едно, або дви:

Едно милому, друге ми.

Кому жъ я го мажъ даровати?

Даровала би я го старому,

Не мило сердцу мому;

Демъ го дарую молодому, —

То мило сердцу мому“.

(Чт. 1866. III. 729).

⁶⁾ Ой по слиду старого

подаренное милымъ, имѣеть привлекающее свойство; молодецъ далъ дѣвницѣ яблоко: она раскусила первое и узнала его, раскусила другое — и полюбила его ¹⁾). Яблоко также означаетъ вниманіе къ роднымъ ²⁾).

Въ веснянкахъ золотое яблочко является въ рукахъ таинственнаго младенца, котораго приносятъ или привозятъ къ воротамъ ³⁾. (О немецкомъ значеніи золотого яблока смотри у Аонасьева. Поэт. возр. 11. 307). Съ яблочкомъ сравнивается лицо красавицы ⁴⁾

Груша не имѣеть опредѣленнаго постоянного значенія. Иногда съ опаденіемъ грушевого цвѣта сравнивается скоропроходимость радостей ⁵⁾).

Въ угорскихъ пѣсняхъ есть пѣсня о томъ, какъ дѣвица, попрецавшись съ милымъ, ждала его столько времени, сколько онъ велѣлъ—два года, а потомъ, вопреки его заказу, не ждать его долѣе двухъ лѣтъ, приблизилась къ чарамъ и творила ихъ надъ сухою грушею. Это такіе чары, что мертвое тѣло заговорить ⁶⁾. Въ силу этихъ чаръ надъ сухою грушею, въ четвергъ ввечеру (у литовцевъ въ это время особенно являются привидѣнія) явился къ ней умершій милый. Она удивилась, что у него лицо было блѣдно и волосы слеглись. Онъ зоветъ ее подъ черешню. Вдругъ запылъ пѣтухъ. Мертвецъ приказалъ ей идти домой не оглядываясь, а не то она погибнетъ ⁷⁾. Эта пѣсня, однако, имѣетъ ка-

Покотила каминемъ,
А по слиду молодого
Покотила яблучкомъ;
Ой якъ мило та любо
Яблучкови котиться,
Ой такъ мило та любо
Молодому жениться.

1) Одно твое яблучко раскусила,
Тебе, миленькій, пизвала;
Друге твое яблучко раскусила,
Тебе, милый, полюбила.

2) Якъ будете по яблучку рвати—заврите и мое.
Якъ повесете до отца, до веньки—понесите и мое.

3) Ой чимъ воно цятається?
Срибними оришками.
Ой чимъ воно пидкидається?
Золотимъ яблучкомъ.

4) Биле личко якъ яблуко, стало якъ калина.

5) Ой на груши билий цвѣть—та вже опадає.

Любивъ козакъ дивчиноньку—теперъ покидає. (Чт. 1864. I. 50).

6) За два роки го чекала,
А на третій чарувала...
Суху грушку подливала.
Боже, Боже, чьто за чари,
Же мертве тило прогварити!
Въ четверъ вечуръ по вечери,
Не вистало и полночи,
Иде милый дуркаючи.

(Чтен. 1866. III. 709—710).

7) Якъ они тамъ посидали,
То когуги заспывали.
Идъ до дому, моя мила,

жется не древняго происхожденія и если усвоена народомъ до какой-нибудь степени, то сложена на нѣмецкій образецъ. Баллады совѣмъ не въ духъ малорусской пѣсенности; никогда рассказы о мертвецахъ и чертяхъ не облакаются въ пѣсенныя формы. Притомъ въ западную южно-русскую пѣсенность вошла даже другая пѣсня, отчасти похожая на приведенную нами, но уже явно составленная по мѣркѣ Бюргеровой Леноры.

Терень, кромѣ приведеннаго выше превращенія молодца (см. выше о калнѣ), въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается какъ образъ очей ¹⁾. Дѣвица прикладываетъ терень къ глазамъ и говоритъ: еслибъ у меня были такія очи, я бы вышла замужъ за господчика ²⁾, а въ пѣснѣ объ утонувшей Ганнѣ, по нѣкоторымъ ея вариантамъ, въ терень превращаются ея очи ³⁾. Въ колядкѣ поется о золотомъ тернѣ, служащемъ какъ бы оградой господарю, котораго прославляютъ ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ говорится о терновомъ огнѣ или терновыгъ огняхъ, т.-е. о горящемъ тернѣ ⁵⁾; между этими пѣснями особенно поразительна одна, въ которой изображается хороводъ около тернового огня ⁶⁾. Далѣе разсказывается о какомъ-то княжичѣ (князя) Иванкѣ, котораго панъ приказалъ посадить въ тюрьму. Если мы сопоставимъ съ нвою пѣсню игру въ горѣлки или «горю дуба», то, быть можетъ, не ошибемся, если сдѣлаемъ такую догадку, что въ глубокой древности языческіе хороводы отправлялись при горѣнии костровъ и для этого употреблялся, между прочимъ, тернъ, имѣвшій священное значеніе.

Верба (*Salix fragilis*) въ пѣсняхъ—символъ сборищъ и свиданій, что вполне сообразно съ бытомъ, такъ какъ это дерево растетъ не только въ огородахъ, но въ селгахъ на улицахъ, при дворахъ, при илотинахъ,—вездѣ, гдѣ бывають сборища. Подъ вербою въ пѣсняхъ водять хороводы ⁷⁾, собираются

Жебись ся не обизрила,
А скоро ся ти оглянешь,
Та ти заразъ тамъ пропадешъ, и проч.

¹⁾ Чорни очи якъ терночокъ,
А бривоньки якъ шнурочокъ.

²⁾ Урвала соби чорного терну,
Та приложила къ своимъ оченькамъ:
Коби жъ у мене такіи очи,
Годила бимъ ся та паничеви.

(Чт. 1864. I. 83).

³⁾ У лузи терень—Ганнины очи.

⁴⁾ Ой славень, славень нашъ господарь,
Золотимъ терномъ обгородився.

⁵⁾ Ой по гори, по гори,
Тернови огни,
Коло тихъ огнивъ
Дванадцять молодивъ.

(Чт. 1863. IV. 157).

⁶⁾ А тамъ на лукахъ на баръ широкихъ,
Тамъ же ми горить терновий огниъ,
Коло огня ходитъ широкий танецъ,
А въ танци ходитъ княгиня Иванко.

(Чт. 1864. I. 57).

⁷⁾ Ой пидъ вербою, пидъ зеленою,
Ой тамъ круглий танецъ иде.

улицы ¹⁾, дѣвицы примаивають къ себѣ молодцовъ ²⁾, женщины бѣлятъ полотна ³⁾. Въ веснянкахъ приглашають дѣвицу обмести вербу и мѣсто подъ нею: туда прѣдетъ и станетъ съ товаромъ молодець, — у него хорошія кольца: всѣхъ дѣвицамъ онъ продасть, а одной изъ нихъ даетъ даромъ ⁴⁾.

Въ другой пѣснѣ, петровочной, поется, что подъ вербою стоятъ кони осѣдланые, съ уздами и нагайками, совсѣмъ готовые — только сѣсть на нихъ, да ѣхать сватать дѣвиць ⁵⁾. Здѣсь опять подъ вербою сборище. Подъ вербою свиданія молодцовъ съ дѣвицами ⁶⁾, она — свидѣтельница и ссоръ женъ съ мужьями ⁷⁾. Верба стоитъ на распутьи, все видитъ, все слышитъ, и къ ней обращается дѣвица, желая узнать, куда уѣхалъ ея милый ⁸⁾.

Верба, растущая на дворѣ дѣвицы, имѣетъ какъ бы приворотное значе-

1) Що на нашій улиці
Верба зеленіє;
Ой тимъ вона зеленіє,
Що челядь молода.

А на чужій улиці
Верба не зелена,
Ой тимъ вона не зелена,
Що челядь мерзена!

2) Пидь вербою дивочка
Русу косу чесала,
На молодцвѣ моргала.

3) Ой пидь вербою, пидь зеленою
Тамъ молодиця биле билла.

4) Ой пидь вербою не метено.
Пидь зеленою не прометено.
Та встань, Настечко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько,
Ой тамъ Ивасько зъ крамомъ стане,
Зъ крамомъ хорощимъ—зъ обидцями,
Усимъ дивочкамъ роспродає,
Дивци Настечци такъ дає.

5) Ой пидь вербою зеленою
Тамъ стоять кони посидлани,
И посидлани и поуздани,
И нагаечки почеплени.
Тильки систи та поихати,
У Високее дивокъ сватати.

6) На гори верба, пидь вербовъ вода.
Черпала ми еи дивча молода,
Дивча видь води, козакъ до води,
Зачекай ми кгречна панно,
Дай конимъ води.

(Чт. 1863. III. 130).

7) На двори верба, пидь вербою калюжа,
Розсердилась жинка та на свого мужа.

8) Ой вербо, вербице,
Ти на распутьи стояла.
Далеко чула, видала,
Куди ихавъ мій миленькій?

ше. Вѣтранный молодецъ говорить любящей его дѣвницѣ, которой онъ измѣняетъ, чтобъ она посадила у себя близъ воротъ вербу; онъ хотъ поидеть и къ другой, а зайдетъ къ ней. Дѣвица отвѣчаетъ, что она садила и поливала, да не принимается верба, и сопоставляетъ это обстоятельство съ тѣмъ, что молодецъ, котораго она любила, отвращается отъ нея ¹⁾).

Верба—признакъ собранія молодцовъ ²⁾, и запорожскій кошевой атаманъ собираетъ подъ вербою свою козацкую раду ³⁾. Верба прижмается, сверхъ того, къ различнымъ положеніямъ женщины, и потому въ этомъ отношеніи сходится съ другими женскими символами изъ деревьевъ. Такъ верба, у которой вода подымаетъ корень, сопоставляется съ женщиною, вышедшею замужъ за старика ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица, за которую бьются молодцы, сравнивается съ вербою, у которой гнутся вѣтви, да не переломятся ⁵⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ наклоненною вербою сравнивается обвѣнчанная новобрачная ⁶⁾, а съ расколотою вербою — перебравшаяся изъ родительскаго дома въ домъ мужа ⁷⁾.

Верба сопоставляется не только съ женскимъ, но и съ мужскимъ лицомъ: «время тебѣ, верба, развиться, поется въ одной веснянкѣ,—время тебѣ, Ваня, жениться» ⁸⁾.

1) Ой посади, молода дивчино, у воротъ вербу;
Ой я буду до другою йти, то й до тебе зайду.
Ой уже я садила, уже поливала, та не приймається;
Ой кого я любила, кого я кохала, той мене цурається.

2) Ой пидь вербою, пидь зеленою,
Стояла рада хлопцивъ громада.

3) Та стоять верба сама одна,
Та вона соби гостя мае,
Гостя мае, кошового:
Пріхавъ кошовий для порадоньки.

4) Ой не стій, вербо, надъ водою.
Непогожа вода пидь тобою;
У день и у ничъ пробувае,
У тебе коринь висихае,
Зверху гильлячко посихае.
Козакъ дивку вговоряе:
Не иди, дивча, за старого:
Старий вири не дїймае,
На улицю не пускае.

5) Ой ти, вербо зелененькая,
Та на тоби гольлячке гнется!
Нехай гнется, не поломається;
Таки на мни листъ знайдеться! (Гильт. 82).

6) Схилилася верба зъ верху до кориня;
Винчалася Маруся зъ ранку до полудня. (Метл. 188).

7) Роскололася верба одъ верха до корене,
Взята Марійка, взята одъ отца, одъ матери. (Чт. 1866. I. 555).

8) Ой вербо, вербо, вербице,
Часть тобі, вербо, розвиться;
Ой часть тобі, Іваську, жениться.

Въ пѣсняхъ встрѣчается шумъ вербъ. Въ козацкихъ пѣсняхъ и думать онъ является съ зловѣщимъ значеніемъ ¹⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ онъ находитъ воспоминанія объ утраченной любви ²⁾, а съ опаденіемъ листьевъ съ шумящихъ вербъ сравнивается разлука съ милымъ ³⁾.

Яворъ (*Acer pseudoplatanus* — чинаровидный клень; но именемъ явора въ другихъ мѣстахъ не называется какое-нибудь опредѣленное дерево, такъ что собственно это названіе исключительно пѣсенное и въ жизни неизвѣстно)—символь печали, несчастія и грусти. Во всѣхъ почти пѣсняхъ, гдѣ только является это дерево—содержаніе болѣе или менѣе грустное.

Яворъ — свидѣтель смерти и убійствъ. Подъ яворомъ лежитъ убитый козакъ ⁴⁾; подъ яворомъ разбойники умерщвляютъ свою жертву ⁵⁾; подъ яворомъ козакъ застаётъ свою дѣвицу на свиданьи съ другимъ и убиваетъ соперника ⁶⁾. Сопилка, съ которою послѣдній ходилъ къ дѣвицѣ, называется яворовой. Образъ явора сопоставляется съ фактомъ гибели человека вообще ⁷⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ мужъ убиваетъ свою жену, а оставшемуся послѣ нея ребенку дѣлаетъ изъ явора колыбель и оставляетъ младенца въ лѣсу ⁸⁾; здѣсь колыбель изъ явора—символь безвыходнаго положенія покинутого ребенка.

- 1) То не верби луговні зашумили;
То безбожніи ушкали влетіли. (Укр. Д. 25).
- 2) Шумлять верби, въ кінєць гребли, що я насадила;
Нема теперъ того тута, кого я любила.
- 3) Шумлять верби, шумлять верби, а листъ опадає,
Жалуй мене, мій батенько, милий покидає!
- 4) Підъ яворомъ зелененькимъ
Лежить козакъ молоденькій,
Постриляний, порубаний.
- 5) Повели въ чисте поле зъ голями мичами,
Звляли зъ ёго головоньку підъ трома яворами. (Вацл. изъ Олєск.).
- 6) Ступай, ступай, сивий коню, зъ гори на долину;
Доганяймо підъ яворомъ молоду дивчину.
Та що жъ вона, пане брате, нидъ яворомъ робить?
Ой тамъ вона зъ розлучникомъ на гуляння ходить.
Доломожи, мицний Боже, розлучника вбити;
Най не ходить, де я хожу, дивчину любити.
Най не ходить, най не носить сопилки въ кишені!
Сопилочка яворова, денце ялинове.
Любилися, кохалися,—теперь переставуть!
- 7) За воротьми въ папороти явиръ зелененькій;
Загибъ, загибъ у Свляниці Песєхъ молоденькій. (Чт. 1863. IV. 515).
- 8) Завивъ ёго до лисойка,
Справивъ ёму колысойку
Зъ яворовогъ деревойка.
Буде витрець подувати,
Буде синокъ такъ думати,
Же го колише родна мати,
Буде дожчикъ покращати;
Буде синокъ такъ думати,
Же го купать ридна мати.

Гробъ иногда представляется сдѣланнымъ изъ явора ¹⁾. Въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-женуху, яворъ сопоставляется съ гробомъ родителя, котораго сынъ призываетъ къ себѣ на свадьбу ²⁾.

Дѣвица подъ яворомъ теряетъ свое дѣвство и впоследствии сожалѣетъ о своемъ безразсудствѣ ³⁾; несчастная плѣнница, растлѣнная татаринкомъ, даетъ знать родителю, чтобъ онъ не готовилъ ей приданого, что она утратила его подъ яворомъ съ невѣрнымъ татаринкомъ ⁴⁾. Козакъ, лишивъ дѣвицу невинности, насмѣляется надъ ея горемъ ⁵⁾, играя на скрипкѣ подъ яворомъ. Подобный образъ встрѣчается въ пѣснѣ, въ которой злая мать научаетъ сына истязать жену ⁶⁾, которая, какъ описывается въ той же пѣснѣ, и умерла отъ побоевъ. Вода, текущая изъ-подъ явора — символъ плача ⁷⁾. Любовное свиданіе подъ яворомъ — образъ, означающій печаль, возникающую послѣ свиданія ⁸⁾.

1) Ой скажу я соби явирь зрубати,
Явирь зрубати, домовину збудовати.

2) Ой прилетли два голубоньки,
Та крикнули надъ яворомъ.
Ой заплакавъ Ивасенько
Надъ батькивськимъ гробомъ:
Ой прошу я тебе, мой батенько,
На весиллячко до себе!
Ой радъ би я соловейкомъ прилетати,—
Прилягла сира земля, та не могу встати.

3) Утратила свій виночокъ,
Черезъ дурний розумочокъ,
Пидъ яворомъ зелененькимъ
Зъ козаченькомъ молоденькимъ.

4) Най ся тато не турбуе
И посагу не готуе;
Я вже посагъ утратила
Пидъ яворомъ яворинкомъ,
И зъ невирнымъ татаринкомъ.

5) Ой у гаю явирь зелененький,
Пидъ яворомъ козакъ молоденький.
Сидить соби, на скрипочку грае,
Струна струни вирне розвомлае:
Нема вину вдовиному сину,
Звивъ зъ розуму молоду дивчину.

6) Пидъ яворомъ козакъ молоденький
Стиха соби на кобзоньци грае;
Струна струни голосу додае,
Ой мати такъ сина навчае:
Маешъ, синку, жинку молоденьку,
Не дай же їй розпусту тяженьку.
А зъ вечера комора бренила,
А въ пивночи нагайка шумила,
На розсвети миленька заснула.

7) Зъ пидъ явора вода тече,
Тече вода риченьками,
Плаче мила слезоньками.

8) У городи зелена яворина;

Яворъ въ пѣсняхъ нерѣдко изображается съ наклоненными вѣтвями надъ водою. Такой образъ принимается къ козаку, который, убѣжавъ въ Московщину, тамъ умеръ ¹⁾. Тотъ же образъ въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломѣ, какъ символъ пречувствія наступающей бѣды ²⁾. Этотъ же образъ сопоставляется съ прекращеніемъ любви. Козакъ, самъ находясь въ чужой сторонѣ, отклонялся дѣвцѣ, то-есть извѣстилъ ее, что разлучается съ нею навсегда ³⁾. Молодецъ, указывая на наклоненный яворъ, говоритъ, что если онъ не женится на той, которую любить, то навсегда останется неженатымъ ⁴⁾. Мужъ, недовольный своєю супружествомъ, самъ себя называетъ яворомъ ⁵⁾, а ревнивый молодецъ сопоставляетъ мученіе своего сердца, возбуждаемое разговоромъ его возлюбленной съ другимъ молодцомъ—съ яворомъ, стоящимъ надъ водою ⁶⁾ и палимымъ солнечнымъ жаромъ. Привороженный молодецъ, страдающій отъ любви, идетъ спать подъ яворъ ⁷⁾. Молодецъ, пораженный горькимъ несчастіемъ, идетъ въ лѣсъ подъ яворъ оплакивать свое горе ⁸⁾. Яворъ помѣщается и въ саду: и здѣсь онъ—символъ грусти ⁹⁾.

Ой тамъ дивчина зъ козакомъ говорила.

Зъ тобою говорю—не наговорюся,

До дому прииду—зъ жалю розвѣбься,

1) Стоить явирь надъ водою—въ воду похилився,

На козака пригодонька—козакъ зажурився.

Не хилися, явороньку, ще ти зелененький;

Не журися, козаченьку, ще ти молоденький.

Не радъ явирь хилитися—вода корни мие,

Не радъ козакъ журитися—та серденько ние

2) Стоить явирь надъ водою, въ воду похилився.

Иде Сава зъ Немирова, тажко зажурився.

3) Стоить явирь надъ водою, въ воду похилився,

Изъ чужини до дивчини козакъ одклонився.

4) Коло млина яворина, явирь похилився;

Якъ не возьму котру люблю—не буду женився!

5) Стоить явирь надъ водою,

Повидае свою долю:

Моя жинка некрасная;

Людски жинки якъ ластивки,

Моя жинка якъ жидивка.

6) Стоить явирь надъ водою, въ него соненько греіе,

Ой не стій же, мила, въ ничимъ на розмови,

Бо ми серденько мліе.

(Чт. 1863. IV. 286).

7) На добра-ничъ усімъ на ничъ,

Теперь же я пиду спати;

За воротами зеленъ явирь,—

Тамъ я буду почувати.

Ой чи явирь, хочъ не явирь,

Такъ зеленая ялина;

Мижъ усима дивчатами

Одна дивчина мини мила.

8) Ой пиду я боромъ, боромъ,

Та стану я пидъ яворомъ;

Явороньку зелененький!

Пропавъ мій вилъ молоденький!

9) У садочку явирь зелененький,

Яворъ, являясь въ началѣ пѣсни, тѣмъ самымъ указываетъ на ея печальное содержаніе и вообще опредѣляетъ грустный тонъ всего послѣдующаго. Это мы видимъ, напримѣръ, въ колыбельной пѣснѣ, которая начинается словами: «надъ моремъ-Дунаемъ вѣтеръ качаетъ яворъ» ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ грустное чувство матери, воображающей себѣ, какъ она будетъ разставаться съ сыномъ, когда онъ пойдетъ въ войско. Такъ пѣсня о кровосмѣсителѣ, гдѣ разказывается, какъ вдова бросила въ Дунай сына, а потомъ черезъ двадцать лѣтъ печально вышла за него замужъ, начинается яворомъ: изъ-подъ явора выходятъ эта вдова и этимъ опредѣляется печальное и мрачное содержаніе пѣсни ²⁾.

Въ народной поэзіи мы встрѣчаемъ также яворовый листъ. Въ одной угорской пѣснѣ поется, что солдатъ томится въ неволи, и пѣсня начинается словами: широкъ листъ на дубѣ, а еще шире на яворѣ. Дубъ здѣсь—символъ молодца, а яворъ—несчастія, горести, сообразно содержанію пѣсни ³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ говорится: пошла-бъ я къ криницѣ за водою, да криница не чиста: нападало въ криницу листьевъ съ явора. Сдѣлайте, молодцы, калиновый мостикъ, вычистите изъ криницы яворовые листья ⁴⁾. Зная уже символизацию криницы и калины, а также и калиноваго мостика, смыслъ этой пѣсни, повидному, загадочный, дѣлается понятенъ: женщина хочетъ разогнать свою грусть и проситъ молодцовъ пособить ей.

Вещи изъ явора также имѣютъ печальное символическое значеніе: дѣвица, томясь сердечнымъ недугомъ и не находя себѣ ни въ чемъ покоя, говоритъ, что она хочетъ брать воду, но вода не берется, и ея яворовый коромыселъ сгибается въ дугу ⁵⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ новобрачная, съ грустью разлучаясь съ родителями и родительскою хатой, называетъ свои сѣни яворовыми ⁶⁾.

Явиръ зелененький, козакъ молоденький,
Козакъ молоденький тяжко зажурился!

- 1) По надъ моремъ-Дунаемъ
Витеръ явиръ хитае.
Ой, сине мий Иване,
Дитя мое кохане!

- 2) По надъ моремъ глубокиимъ,
Стоитъ явиръ високий,
А зъ пидъ того явора
Вийшла вдова молода.

- 3) Широкий листъ на дубини,
А ще ширший на явори.
Сидить жовниръ у неволи
Сидить, сидить, тяжко здиме,
Та й до тата листи пише.

(Чт. 1866. I. 596).

- 4) Ой пила би'мъ та й водици, водица нечиста:
Нападало у криничку яворовогъ листа;
Ой уробитъ леднички, мостокъ калиновий,
Вичистити изъ кринички листокъ яворовий! (Чт. 1864. IV. 369).

- 5) Ой у бору воду беру—вода не береться,
Яворовий коромыселъ у дужечку гнеться.

- 6) Синечки мои яворови,
Будете неметени:
Ненька старенька, а сестра маленька,
Я пиду видъ батенька.

(Метл. 214).

Объ этомъ деревѣ въ пѣсняхъ есть мнѣшескія исторіи: то яворъ съ другими деревьями вырастаетъ изъ могилы и какъ бы изъ тѣла лица, познщѣнаго насильственной смертью, то живая личность, гнетомая тяжелымъ горемъ, превращается въ яворъ. Одна пѣсня, говоря объ убитомъ козакаѣ, заставляетъ вырастать яворъ изъ его ногъ ¹⁾, а другая, галицкая, пѣсня рассказываетъ, что два явора выросли изъ ногъ убитой и погребенной дѣвицы ²⁾. Но гораздо полнѣе и связнѣе представляется исторія двухъ супруговъ, погибшихъ жертвами злой свекрови ³⁾. Последняя, возненавидѣвъ свою невѣстку, хотѣла отравить ее, но сынъ выпилъ яду вмѣстѣ съ женою. И похоронили сына подъ церковью, а невѣстку подъ колокольнею. На могилѣ сына выросъ яворъ, а на могилѣ невѣстки бѣлый тополь. Мать приходитъ поминать сына и проклинать невѣстку и видитъ, что ихъ могилы стали придвигаться одна къ другой, а яворъ сталъ склоняться къ тополю. И мать сказала: вѣрно, дѣти, вы крѣпко любили другъ друга, когда верхушки ваши склонились одна къ другой. Галицкій вариантъ этой пѣсни,

- 1) Куди впали були ноги,
Тамъ виросли два явора.
- 2) Де Настини були ноги,
Тамъ виросли два явори.
- 3) Оженила мати сина молодого,
Та взяла невистку та не до любви,
Не билее личко, не чорні брови,
Та не знала мати, якъ розлучати:
Послала сина до виська служити,
Нелюбу невистку до стадечча пасти.
Та послужи, синку, та два годочки,
А на третій до мене въ гостиночку прийдешъ.
Якъ прийшовъ же синъ у саму неділю,
Нелюба невистка въ самій понеділокъ.
Посадила сина та за стільчиномъ,
Нелюбу невистку за скамничею;
Чествовала сина и виномъ и медомъ,
Нелюбу невистку та отругою.
Вишьемо, жинко, по половинци,
Щобъ насъ поховали въ одній домовинци,
Та вишьемо, жинко, по цилій чарци,
Щобъ насъ поховали обохъ въ одній амци.
Якъ умеръ же синъ та у неділю,
Нелюба невистка та у понеділокъ.
Поховали сина та підъ церквою,
Нелюбу невистку підъ дзвиничею.
Вирясь на синові зеленій явирь,
На невистонци біла топола.
Стали ихъ могилы та присуватися,
Ставъ явирь до тополи та прихилатися.
Вийшла тоді мати сина поминати,
Нелюбу невистку та проклинати...
Либонъ же ви, дитя, вирненько любились,
Що ваші верхечки до кулки схилились!

вмѣсто тополи, ставить на могилѣ невѣстки березу ¹⁾, а вариантъ Гродненской губерніи—лину ²⁾. Глубокая древность этой пѣсенной легенды доказывается

¹⁾ На середѣ села седла вдова.

Ой мала жъ вона сына Василя,
 Ой мала жъ вона, до школи дала,
 Зо школи взяла, въ вѣйсько виддала,
 Въ вѣйско виддала, на вѣйну пислала...
 Чекае рочокъ, не йде синочокъ,
 Чекае другій, не йде синъ любій;
 На третій рочокъ иде синочокъ,
 Синочокъ иде, невестку веде.
 Ой вийшла мати зъ новои хати,
 Ой взяла жъ вона сына витати.
 Винесла вона дви склянци вина,
 А третя бутылка сама тротина.
 До синонька нѣ червонимъ виномъ,
 Невистци дае саму тротину.
 Синъ вина не пивъ, пидъ коня вильявъ,
 А тротинюнку по половинци;
 Невистка пѣ, та й омливаеть,
 А синъ ся дивить, зъ коня ся хилеть.
 „Знала съ насъ мати, якъ чаровати,
 Знай же насъ, мати, вкунци словати!“—
 А мати сына не послушала,
 Якъ сама хтила, такъ ихъ словала:
 Сына Василя пидъ оконцями,
 А невесточку пидъ воротцями;
 На сину Василю соненько сходить,
 По невестонци увесь миръ бродить;
 На синонькови лавръ зеленъкій,
 На невестоньци бѣла березонька:
 Береза росте, розростаеся,
 Листъ до листонька привертаеся;
 А лавръ росте, розростаеся,
 Листъ видъ листонька видвертаеся.

(Чт. 1863. IV. 186—187).

²⁾ Мати сына оженила,

Да невестку ни злюбила.
 Дала сину каплуна нсти,
 А невестци чимирци;
 Синъ жъ тое зознавъ,
 Свой милой нсти ни давъ,
 — „Иижмо, мила, пиродъ мое,
 А потомъ будемъ нсти твое,
 Помремъ разомъ обое“.—
 Померъ синъ въ нидилю,
 А невестка въ понидилокъ.
 Кладуть сына въ церкви,
 А невестку на цвинтари.
 На синови вирось знаѣнь лворъ,

общностью не только народной поэзии других славянских народов, но и прочих, принадлежащих къ арийскому племени. Такъ, у сербовъ есть пѣсня, въ которой рассказывается, что двое любовниковъ были погребены вмѣстѣ и на могилѣ молодца выросло сосновое дерево, а на могилѣ дѣвицы красная роза, и роза прильнула къ соснѣ. Въ старинной англійской балладѣ William and Margareth на могилѣ красавицы вырастаетъ роза, а на могилѣ рыцаря боарышникъ (Ministrelsy of the Bord., 221). Подобные образы есть и въ скандинавской поэзии. (Uldralgte dunskevis, p. 352). Замѣчательно, что въ нашихъ пѣсняхъ дерево на могилѣ невѣстки измѣняется: то тополь, то береза, то липа. а деревомъ на могилѣ мужа остается все одинъ и тотъ же яворъ.

Въ яворъ превращается живой человѣкъ: это молодецъ, котораго мать прогнала отъ себя. Извѣстные варианты этой пѣсни—галицкіе: мать прогоняетъ сына за то, что въ пятницу пѣлъ, въ субботу умывался (?), въ воскресенье завтракалъ. Сестра спрашивала брата, когда онъ пріѣдетъ гостемъ. «Когда камень пустить корень, а верба родить яблоки», отвѣчалъ ей братъ. Мать терпѣла два года, на третій пошла искать его и стала подъ яворомъ. Начала она рвать листья съ явора, а яворъ сказалъ ей: «не рви, родимая, листья—это мои волосы. Куда только ты, мать, ни посмотрѣла, верхи деревьевъ ували. Куда, говорить яворъ, ты ни шла—за тобою кровавая рѣка бѣжала» ¹⁾.

На невѣстцѣ была липа,
Яворъ стину пробиваетъ,
Зѣ липки листовъ допягае,
Листъ зѣ листовомъ злипається,
Въ матки скипається.

(Гальтебр. 64).

¹⁾ Иди, синку, причь отъ мене.
Най не маю грихъ на тебе,
За пятничне спиваненько,
За недѣльне спиданенько.
Пишовъ синокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуша осиддала,
Наймоладша виправляла:
„Коли, брате, гостемъ будешъ?“—
— Тогди, сестро, гостемъ буду,
Та якъ каминь коринь пустять,
Та якъ верба ябно вродить.—
Терпила рякъ, терпила два,
А третого не стерпила:
Пишла мати въ лисъ шукати,
Стала соби пидъ яворецъ,
Та й узла листье рвати.
А явирь взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько.
Во то мое волосенько!
Куди съ мати подивила,—
Вси вершечки увалила;
Куди мати, каже, пишла,
То кровава ричка бигла.

(Чт. 1866. I. 585—86).

Другой, также галицкий, вариант излагает эту легенду несколько иначе. Мать разсердилась на сына и прокляла его. Сынъ, разгнѣвавшись, простился съ сестрами и далъ имъ обѣщаніе тогда возвратиться, когда камень поплыветъ по водѣ, а перо потонетъ, когда солнце будетъ ходить обратнымъ путемъ.

Сынъ уѣхалъ сначала въ темный лѣсъ, а тамъ въ чистое поле: конь его превратился въ камень, а онъ самъ въ зеленый яворъ. Мать стала плавать о сынъ и пошла искать его въ поле. Сталъ дождь капать; мать стала на бѣлый камень подъ яворъ; стали ее кусать мухи; она начала ломать вѣтви; тогда изрекъ ей слово яворъ: «о, мать проклятая! Ты не дала мнѣ проживать въ селѣ, не дашь и въ роцѣ стоять. Бѣлый камень—мой конь, зеленые листья—моя одежда, тонкіе прутья—мои пальчики». А мать растосковалась и расбѣялась прахомъ ¹⁾.

1) Въ неділю рано мати сина лала,
 Мати сина лала, та й проклинала,
 А синойко ся дай розгнѣвавши,
 Казавъ старшій сестрѣ хлиба напечи,
 А середульшій коня вивести,
 А наймолодшій коня всидлати.
 Найстарша сестра хлиба напекла,
 А середульша коня вивела,
 А наймолодша коня всидлала.
 Коня всидлала, та й ся авидовала:
 „Колижь, братцю, къ намъ гостейкомъ прийдеть?“—
 — Озьми, сестрице, билий каминиць,
 Билий каминиць, легкое перо,
 И пусти ти ихъ на тихий Дунай:
 Якъ билий каминиць на верхъ вишине,
 А легкое перо на спидъ упаде.
 Подумаи, сестро, що зъ сего буде?..
 Коли сонейко на зознакъ зійде,
 Втоди, сестрице, гостьомъ въ васъ буду.—
 Навернувъ коньомъ одъ схода сонца
 И понхавъ си въ темний лисочокъ.
 Внѣхавъ овинъ въ чистое поле,
 Ставъ ту коничокъ билимъ каминемъ,
 Винъ молодекий зеленимъ яворомъ.
 Ой стала мати за синомъ плавати
 И пошла она его гледати:
 Вийшла она въ чистейке поле,
 Въ чистейке поле, въ болоничейко.
 Ой ставъ ен дождчикъ кропити,
 Стала она на билий камень,
 На билий камень подъ зеленъ явирь.
 Ой стали ен мушки кусати;
 Стала она галузки ламати;
 Прорикъ яворецъ до неи словце:
 „Ой мати, мати, мати проклята!
 Не дала есь ми въ сели кметати,
 Еще ми не дашь въ полю стояти.

Есть еще одинъ вариантъ—угорскій, похожій на предыдущій, но здѣсь мать сама, проклиная сына, приказываетъ ему превратиться въ яворъ, а коня его въ камень. Это происходитъ на праздникъ русалій. Черезъ недѣлю изъ пошла искать сына, искала на ярмаркѣ и не нашла, а возвращаясь домой ушла отъ дождя въ лѣсъ и тамъ узнала въ яворѣ своего сына ¹⁾).

Въ пѣснѣ изъ Глуховского уѣзда жена прокляла своего мужа и велѣла ему превратиться въ яворъ: его коня долженъ былъ сдѣлаться горюю, сабля—

Билій каминець—мій свий коничокъ,
 Зелене листья—мое одинна,
 Дрибни прутяки—мои пальчики!
 А мати его ся розжаловала,
 Та и на порохъ ся розсіала.
 1) На сами святи Русала,
 Мати синочкя прокляла,
 А якъ она го прокляла,
 Та го до лиса послала,
 Вигнала его до лиса:
 „Иди ти соби до биса!
 Жеби ти тамъ сталъ яворомъ,
 А твій коничокъ каменемъ!“
 Якъ тому тиждень переходилъ.
 Матери жалъ ся уробилъ:
 „Ей Боже, Боже, Боже мой,
 Ахъ, где ся подилъ тотъ синъ мой.
 А буде ярмакъ на Левочи,
 Пійду я, пійду плачучи,
 Пійду я, пійду на него.
 Глядати сина моего“.
 Ходить отъ краму до краму,
 Смотрить до очей каждому.
 Треба ся домовъ вертати,
 Не можъ ту сина познати;
 Якъ ишла дошовъ, дощъ падалъ,
 Та ей до лиса тамъ загналъ.
 А стала она подъ яворъ,
 Вздихала: „Боже, Боже мой!
 Ей яворъ, яворъ зелений,
 Якій ти красний, румений:
 Таки на тоби голузки,
 Якъ мого сина волоски,
 Таки на тоби листочки,
 Якъ мого сина губочки“.
 А яворъ ку ней промовилъ:
 „Ой иди, мамо, ти домовъ,
 Отъ тамо до дому своего,
 Ужь я не пійду до него!
 Идъ оганяти худобу,
 Бо я до дому не пойду.
 Я ту остану яворомъ,
 А свий коникъ каменемъ!“

дорогом, шавка—кочкою, а синяя одежда чистимъ полемъ. Пошла вдова жать въ поле; дождь сталъ капать; она укрылась подъ яворъ и говорила: «яворушка зеленый! прикрой моихъ дѣтокъ-сиротокъ!»—Яворъ сказалъ ей: «я не яворъ. я—твоннѣ дѣтямъ батюшка; вспомни, какъ ты меня отправляла въ путь и проклинала»¹⁾. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, при всемъ ихъ разнообразіи, общимъ остается то, что въ яворъ превращается человѣкъ въ силу произнесеннаго надъ нимъ заклятія. Но въ археологическомъ отношеніи едва ли не важнѣе всѣхъ та пѣсня, гдѣ козакъ встрѣчаетъ на морѣ сиротку, которая закляла его въ яворъ, стоящій посреди моря. Мы уже приводили эту пѣсню.

Въ весеннихъ пѣсняхъ встрѣчается яворъ въ припѣвахъ къ такой пѣснѣ, въ которой, повидимому, нѣтъ ничего грустнаго. Но припѣвъ могъ быть отнесенъ и къ другой пѣснѣ, а не къ той, къ которой онъ принадлежалъ прежде. Въ купальскихъ пѣсняхъ является яворъ съ сосною, въ противоположеніе мужской личности женской. Молодецъ говоритъ, что онъ срубилъ яворъ и спугнулъ съ него трехъ соколовъ; эти соколы оказываются молодцами, которые вслѣдъ за тѣмъ называются по именамъ; потомъ онъ срубилъ сосну и спугнулъ съ нея трехъ кукушекъ, которыя также оказываются дѣвцами съ собственными именами²⁾. Здѣсь, какъ намъ кажется, проглядываетъ мрачное значеніе явора

1) Жона мужа виряжала,
Виряжачи, проклинала:
„Бодай ихавъ, не дохавъ,
Щобъ ему кинь горою ставъ.
А шабелька дорогою,
А шапочка купинною,
Синя сукни чистимъ полемъ
А самъ молодъ яворонькомъ!“
Пишла вдова въ поле жати,
Стала хмара набигати,
Та й ставъ дождъ накрапати.
Пишла вдова пидъ явора,
— „Явороньку зелененькій!
Прикрій дитя сиритенькі!“
„Ой и я жъ не яворонько.
Я жъ тнмъ дитямъ та батенько.
Згадай, якъ мене виряжала,
Виряжачи проклинала!“

(Метл. 291).

2) Нихто того не видавъ
Якъ я явора зрубавъ,
Три соколи зигнавъ:
Першій соколонько—молодий Иванько,
Другій соколонько—молодий Петрусько.
Третій соколонько—молодий Пархимко.
Нихто того не видавъ,
Якъ сосонку зрубавъ,
Три зозули зигнавъ:
Першая зозуленька—молада Орися.
Другая зозуленька—молада Явдося,
Третя зозуленька—молада Настуся.

какъ и сосны: молодецъ срубилъ яворъ и согналъ съ него соколовъ, то-есть освободилъ молодецъ отъ грусти и тоски и пустилъ ихъ веселиться.

Между галицкими пѣснями есть колядка, въ которой колибель младенца Христа представляется висящею на яворахъ ¹⁾; мы едва ли ошибемся, если объяснимъ, что присутствие яворовъ здѣсь означаетъ земныя невзгоды и страданія, ожидающія Христа въ земной жизни, тѣмъ болѣе, что въ другомъ вариантѣ той же колядки жиды покушаются надѣлать зла младенцу ²⁾.

Но въ галицкихъ пѣсняхъ есть, однако, слѣды такого значенія явора, которое не сходится со всѣми приведенными пригѣрами. Такимъ образомъ, въ колядкахъ поется, что среди двора стоитъ яворъ, на которомъ золотая кора и серебряная роса; прекрасная дѣвица обдираетъ золотую кору и стряхиваетъ серебряную росу, потомъ несетъ то и другое къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы онъ сдѣлалъ золотую чашу и серебряный кубокъ: изъ чаши будетъ пить самъ Господь, а изъ кубка хозяинъ, въ честь котораго колядуютъ ³⁾.

Въ другой колядкѣ наверху явора соколъ вьетъ гвѣздо; въ среднѣхъ дерева въ борти—пчелы, а у корня черныя бобры; все это, какъ предметы богатства, представляется хозяину ⁴⁾ и хозяйкѣ.

¹⁾ А въ полю, въ полю два яворойки,
На яворонькахъ суть ретязойки,
На ретязойкахъ колисанойки,
Въ колисанойци Бижее дѣта:
Колисала го Бижая мати,
Ей колисала, твердо заснула;
Прилетѣли къ ней вѣрлове птаси,
Полетѣли зъ нимъ ажъ пидъ небеса. (Чт. 1864. I. 43).

²⁾ На тихъ яворахъ висеть скобойка,
А въ тій скобойци колисанойка,
Въ тій колисанойци самъ милій Господь.
Тамтади лежить давна стежейка,
Товъ стежейковъ идетъ симъ-сотъ жидивъ.
Едни ми гварять: заколишмие!
Други ми гварять: переверниме!
А трети гварять: зъ собовъ возьмиме! (Чт. 1864. I. 41).

³⁾ Стоить яваръ посередъ двора,
На явори золота кора,
Золота кора, срибная роса,
А уточила (?) красная панна,
Золоту кору, тай обтручила,
Срибную росу тай обтрусала,
И повесла до золотничка:
Ой золотничку, голубоньку,
Зроби мни золотій келихъ,
Золотій келихъ, срибний кубокъ.
А зъ келиха самъ Господь ше,
А изъ кубка самъ господарь.

⁴⁾ Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Стоить мн, стоить зелений яваръ,
А въ тимъ явори три користоньки:
Една ми користъ—въ верху гнздонько,

Такимъ образомъ, въ общиѣ этихъ колядакъ яворъ является уже не съ обычнымъ своимъ иррациональнымъ значеніемъ, а скорѣе представляется образомъ богатства. Но нельзя поручиться, чтобы здѣсь было одно и то же дерево подъ именемъ явора, тѣмъ болѣе что въ чешскихъ и словацкихъ пѣсняхъ яворъ является совсѣмъ не тѣмъ глубоко-грустнымъ символомъ, какъ въ южно-русскихъ, и, можетъ быть, западно-славянское воззрѣніе отразилось здѣсь на западныхъ окраинахъ южно-русскаго племени. Наконецъ, надобно принять во вниманіе и то обстоятельство, что одно дерево могло замѣнить другое съ ослабленіемъ ясности инеологическнхъ воззрѣній. Такъ, въ чрезвычайно любопытной колядкѣ о сотвореніи міра (см. ниже о голубяхъ) въ одномъ ея вариантѣ—дубъ, въ другомъ—яворъ и, при соображеніи съ другими подобными образами, можно склониться къ тому, что яворъ замѣнилъ дубъ неправильно.

Лоза—также постоянный символъ несчастья и слезъ, чему не мало способствуетъ и созвучіе словъ, постоянно встрѣчаемое въ тѣхъ образахъ, гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ является это дерево: лозы—слезы—примѣнительно къ разнымъ положеніямъ и дѣвцы и молодца, и замужней женщины, и козака и дѣтей ¹⁾). Калина въ лозѣ—образъ несчастнаго замужества ²⁾). На пути козаку расцвѣтають лозы—невзгода ³⁾). Дѣвица, не дождавшись милаго, сопоставляетъ

Въ верху гниздоныко, сивъ соколонько;
Друга ми користь—а въ середини,
А въ середини въ борти пчолоныки;
Третья ми користь—у коринячка,
У коринячка чорні бобрі.
Сивъ соколонько—пану на славу,
Яри пчолойки—Богу на хвалу,
Чорні бобрі—та на шубоньку,
Та на шубоньку господиновци.

(Чт. 1864. I. 52).

¹⁾ Еще козакъ не захавъ за густн лози,
Вже обили дивчиноньку дрибнешкн слези.

Или:

Десь мій милий далеко
За густими за лозами
Умивається слизами.

Или:

Пшли дѣти за лозами,
Вливаються слезами,
Тоби бѣ, тату, такъ Бигъ давъ,
Якъ се ти насъ розигнавъ.

Или:

Заростало Запорожьє густими лозами,
Та вмилнся козаченьки дрибними слизами.

²⁾ Ой у лози калинонька въ лози,
Теперь моя головонька въ тузи.
А вжежъ въ лози калинонька зацвила,
А вжежъ мене мати за пьяницю дала.

³⁾ Ой зацвила густн лози
Козакови при дорози,
Козакъ блудить, козакъ нудить.

себя съ лозами ¹⁾. Лоза—страданіе отъ враговъ ²⁾. Почевать въ лозахъ или подъ лозою—образъ бѣдствія ³⁾. Лоза—постель утопленника ⁴⁾. Есть пѣсня, въ которой молодецъ бросаетъ свою возлюбленную въ Дунай и самъ общается за нею послѣдовать. Она, конечно мертвая, приплыла къ густимъ лозамъ ⁵⁾.

Хвойная деревья: ялина (ель) и сосна—также печальные символы. Ель встрѣчается рѣдко. Въ пѣснѣ, которую мы приводили выше, говоря объ яворѣ, она равняется съ этимъ послѣднимъ и сопоставляется съ томленіемъ изнывающего отъ любви молодца, которому и їда не идетъ на умъ ⁶⁾. Ель, въ другой пѣснѣ, является на могилѣ матери ⁷⁾, и здѣсь она имѣетъ только индифферентный смыслъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ обычая сажать ель на могилкахъ. Въ иной пѣснѣ объ умершемъ козакѣ—она матеріаль для гроба ⁸⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ она—символь смиренія, безгласности ⁹⁾.

Съ сосною сопоставляется плачущая дѣвица ¹⁰⁾, еще чаще замужняя женщина ¹¹⁾

¹⁾ Хилитесь, густы лози, видкиль витерь віе,
Дивитесь, карі очі, видкиль милий їнде;
Хилилися густы лози, та вже перестали,
Дивилися карі очі; та й плакати стали.

²⁾ Тяжко лозамъ хилитися черезъ береженьки;
Тяжко очамъ дивитися черезъ вороженьки.

³⁾ Пидь лозиною всю ничъ ночувала,
И зъ лозиною всю ничъ розмовляла:
Ой лозино, ти жовтий цвѣте,
Пропала я, охъ мій бидний квіте!
Ой лозино, ой ти жъ зелененька,
Пропала я, та щей молоденька!

⁴⁾ Моя постилонька у води лозинонька.

⁵⁾ Ой взявъ милий миду пидъ биденьки боки,
Пустивъ миду на Дунай глубокий.
„Пливи мила, миленька водою,
А я заразы плину за тобою!—
Ой виплила, мила, за густі лози,
Ой облили мене дрибненькі слѣши!

⁶⁾ Хочъ не явирь, хочъ не явирь,
Такъ зелена ялина;
Кличе мати вечеряти,
Вечеронька мнѣ не мила.

⁷⁾ Найшла въ поли ялину,
Матичину могилу.

(Чт. 1863. IV. 263).

⁸⁾ Будешъ мати домъ яловий,
Темненькую хатиноньку,
Високою могилоньку.

⁹⁾ Похилее дерево ялина,
Покирнее дитятко Маруся.

¹⁰⁾ Ой стояла сосоночка напроти сомечка,
Ой плакала дивчинонька, сидя въ вибонечка.

¹¹⁾ Віе витерь въ чистимъ поли,
По крутому береженьку,
По жовтенькому писочку,
По хрещатимъ барвиночку.

и мать-вдова ¹⁾). Женщина, скучая въ разлукѣ съ родными, воображаетъ изъ гуляющихъ подъ вишнею ²⁾, а самую вишню помѣщаетъ подъ сосною, вѣроятно, знаменуя этимъ послѣднимъ образомъ собственную грусть о томъ, что она не съ родными. Козакъ, тоскуя въ чужой землѣ, въ Турецкой, говорить, что его занесла туда вода, которая пошла отъ сосны ³⁾. Сосна, колымаемая вѣтромъ, возбуждаетъ у сироты думы о его лихой судьбѣ ⁴⁾. Ночевать подъ сосною—образъ горя и слезъ. Козакъ увезъ дѣвицу и спрашиваетъ ее: гдѣ она будетъ ночевать. Дѣвица говоритъ, что подъ сосною ⁵⁾, и потомъ—слѣдуютъ слезы ⁶⁾.

Сосна играетъ роль въ одной пѣсенной исторіи очень трагическаго свойства. Это пѣсня о молодцѣ, который соблазнилъ дѣвицу, а потомъ увезъ ее въ боръ и привязалъ къ соснѣ, а сосну зажегъ. Пѣсня эта чрезвычайно распространена и перешла повсюду въ Великую Россію. Дѣйствующія лица въ этой

Вода сосну подмывает,
Горюстай корень подыдае,
Зверху сосна усихае;
На верхъ сосни пчолы вьются,
Въ молодон слѣзи льются.

¹⁾ Ой сосенка, сосенка!

Дежь ти такъ выросла?
Ой выросла я въ лужу,
При крутому бережку,
Заскрипило деревце:
Я въ лугу стоючи заплакала,
Я, вдова, своего сына годуючи.

(Гильтебр. 53).

²⁾ Ой у саду сосна,

Пидъ сосною вишня;
Тамъ моя родина
На гулянья вийшла,
Родина гулае, мене не поминае.
Покладу и кладку на биструю ричку;
Пиду до матинки хочъ у темну ничку.

(Гильтебр. 54).

³⁾ Ой сосно, сосно кучерава,

Изросла на жовтимъ пасочку,
На крутимъ бережечку;
Туди вода ишла,
Вона мене занесла
Въ чужу землю—въ Туреччину.

⁴⁾ Витерь повивае, сосенку хитае.

Не хитайся, сосно, мими жити тошно!
Тошно на чужини, якъ на пожарни;
Няхто не пригорне при лихій години!

⁵⁾ Ой де мемо ночовати, моя мила дивчино!

Ой пидъ сосною пидъ зеленою, мій нелюбе, зъ тобою!

⁶⁾ Чомъ же ми ся повинваємъ, моя мила дивчино!

Вмиємося—ти росою, я слизою, мій нелюбе, зъ тобою.

Що жъ ми мемо поснидковати, моя мила дивчино!

Ой ти ягодоньки, я слизоньки, мій нелюбе, зъ тобою!

(Чт. 1863. IV. 200—20).

пѣснѣ, по настоящей общеходячей редакціи,—донецъ и шинкарка. Собственно въ томъ видѣ, въ какомъ она поется, эта пѣсня кажется первоначально скорѣе великорусскою, донскою, зашедшею въ Малороссію, но мотивъ ея, именно сожженіе женщины, является въ чистой малорусской пѣснѣ о пани-Марусенькѣ. Последняя пѣсня—время гайдамацкихъ: гайдамаки убили пана и приѣзжаютъ съ вѣстью къ его жевѣ, Марусѣ. Не всегда, но въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни мы встрѣчаемъ описаніе, какъ козаки-гайдамаки сожгли Марусю, привязавъ ее къ соснѣ ¹⁾. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы находимъ подобную нашей пѣснѣ—пѣсню о донцѣ, но вмѣсто донца тамъ дѣйствуетъ волошинъ: онъ соблазняетъ дѣвицу и увозитъ ее при пособіи товарищей; приѣхавши въ лѣсъ, ей приказываютъ стлать постель. «Меня, говоритъ она, моя мать еще не отдавала вамъ на то, чтобъ я вамъ стлала постель подъ зеленымъ яворомъ». Тогда волошинъ говоритъ: «встань, кремень, выруби огонь! Зажигай сосну сверху и снизу! Гори, гори, зеленая сосна, теки, черная смола, на бѣлое тѣло шинкаркѣ, чтобъ ей не хотѣлось идти отъ насъ прочь» ²⁾.

Галицкій вариантъ, по языку и тону, не можетъ быть послѣдующимъ видоизмѣненіемъ пѣсни о донцѣ и шинкаркѣ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ разряду колядокъ, пѣсенъ древняго склада. Поэтому, мы полагаемъ, что въ народныхъ пѣсняхъ мотивъ о сожженіи женщины, привязанной къ соснѣ, очень древній, быть можетъ, относящійся къ миѳологическому періоду и, вѣроятно, онъ состоитъ въ связи съ словацкою пѣснью о сожженіи дѣвицы посредствомъ зажженной липы,—пѣснью, въ которой Колларъ видѣлъ либо принесеніе въ жертву, либо же древнюю кару, постигающую дѣвицу, утратившую невинность ³⁾, а можетъ быть и казнь за волшебство.

1) Якъ взяли Марусю лугами-ляриц,
Та повезли Марусю битими шляхами,
Привязали Марусеньку до сосни плечима,
До сосни плечима, въ темний бирь очима;
Запалили сосну зъ верху до корина.
Сосенка горить, Маруся кричить:
„Не есть ви козаки, есть ви гайдамаки!
Уже мое биле тило та й попеломъ сію;
Уже моя руса коса до гори димомъ пішла“.

2) А вже вчинили дивчини зраду:
Ой ведуть мило, та й ведуть другу,
Ой на трети жъ би видпочивати,
Пустили жъ они коники пасти,
Казали ей все лишко власти,
„Мене ще мамка ба и не видала,
Щоби я зъ вами все лишко влади.
Ой пидъ яворомъ, пидъ зелененькимъ,
Изъ Волошиномъ та й молоденькимъ“.
— Устань кременя, викреши огню,
Запали сосну въ верху и споду:
Ой гори, гори зелена сосно,
Ой течи, течи, чорная смоло
Та на шенкарча, на биле тило,
Щоби шенкарча причъ не хотило!

(Чт. 1864. I. 88).

3) Горела липа, горела,

Въ свадебныхъ обрядахъ сосна не имѣетъ, повидимому, того грустнаго значенія, какое ей придается въ пѣсняхъ; такъ, изъ сосновыхъ вѣтвей дѣлается вильце, украшенное разными украшеніями и цвѣтами. Но сосна здѣсь означаетъ не себя, а другое дерево, и употребляется на вильце только зимою, потому что на вильце требуется дерево зеленое, а она одна въ это время года зеленѣетъ; если же свадьба бываетъ въ такое время года, когда можно достать иное зеленое дерево, то употребляютъ вѣтви яблони, груши, черемухи, калины. Вѣроятно, въ древности для этой цѣли назначалась специально калина, такъ какъ и теперь калиновыми ягодами непременно должно убираться вильце. Въ пѣсняхъ, приворовленныхъ въ обряду убиранія вильца, поется о калинѣ¹⁾, и намъ кажется, что сосна здѣсь стала замѣнять калину, что сдѣлалось уже при ослабленіи прежняго строгаго сознанія поэтической символики.

Говоря о соснѣ, мы не можемъ не упомянуть о чрезвычайно странной пѣснѣ, которой смыслъ для насъ совершенно непостижимъ. «За воротами, за праворотами (?) стоитъ сосна; она ярче сребра, прекраснѣе золота; въ этой соснѣ корабль плыветъ; въ томъ кораблѣ красная дѣвица; пришелъ маленькій мальчикъ; она на него засмотрѣлась; она поклонилась хоругви²⁾. А я (говорить, повидимому, мальчикъ) гетмана упрошу, тебя молодую замужъ за себя возьму». Никакъ нельзя поручиться, чтобы тутъ и первоначально была сосна: могло быть, конечно, другое дерево, могли образы совсѣмъ перепутаться и искажаться, что, вѣроятно, и произошло.

Осина въ пѣсняхъ малорусскихъ почти не встрѣчается; только въ галицкихъ колядкахъ поется, что Божія Матерь шла черезъ гору съ Младенцемъ-Спасителемъ и стала на пути отдыхать; тогда всѣ деревья склонили свои вѣтви, но проклятая осина не поклонилась, а съ нею также показалъ строптивость и проклятый тернъ. За это проклятой осинѣ суждено трястись, а терну—колоть до страшнаго суда³⁾. Это преданіе (совпадающее съ апокрифическимъ преда-

Подъ ноуу паненка сѣдѣла;
Кедь на ню искри падали,
Шведци младенци плакали.

(Nar. Spiew. 1. 429).

1) Якъ ми вильце вили,

Вси лужечки сходили,
Червону калину поламали.

2) За воритьми, за праворитьми,

Тамъ стоить сосна видъ срибла ясна,
Видъ срибла ясна, видъ злата красна.
А у тій сосни корабель пливе,
А въ тимъ корабли кгречная панна;
Прийшло до неи мале пахоля.
Вона на ёго задвиглася.
Короговци поклонилася.
А я гетмана перепрошу,
Тебе, молоду, замужъ возьму.

3) Стало ий ся стало галузья кланяти,
Бучья й коринья и всяке творинья,
Лемъ ся не вклонили проклята осика.
Проклята осика и прокляте терня.
Проклята осика! бодай ся трясла

нѣмъ о поклоненіи деревьевъ Христу), повидимому, нѣмецкое, по крайней мѣрѣ оно существуетъ въ Германіи (см. *Nord Mythol. der Volksg.* 951), и можно предполагать, что оно вошло въ Галицію отъ нѣмцевъ. Но есть другая пѣсня, гдѣ трясеніе осины происходитъ изъ другого источника. Идетъ рѣчь о какой-то дѣвницѣ. Ея отецъ пашетъ землю и говоритъ: вѣтъ моей дѣвочки, некому водить воловъ! Старшій братъ сѣетъ пшеницу и говоритъ: вѣтъ моей сестры, некому носить пшеницу! Средній братъ собирается боронить и говоритъ: вѣтъ моей сестрицы, некому водить лошадей! Старая мать ткеть и говоритъ: вѣтъ моей дѣвочки, некому навивать челноки. Меньшой братъ вынимаетъ пистолеть и собирается за сестрой. Какъ только сестра это услышала, такъ отъ печали распалась въ прахъ. Тогда черные вороны отправляли надъ нею погребеніе, а мелкія пташки хорошо пѣли. Поклонились деревья и корни и всякое твореніе. Не поклонилась несчастная осина. Дрожи же ты, осина, отнынѣ до вѣка, до страшнаго суда ¹⁾. Эта странная пѣсня непонятна, тѣмъ болѣе, что въ ней вѣтъ начала содержанія, да кромѣ того, можетъ быть, въ ея настоящемъ видѣ она смѣшалась съ другими пѣснями, но все-таки она показываетъ, что въ первой пѣснѣ о Младенцѣ-Христѣ трясеніе осины не христіанскаго происхожденія, а скорѣе этотъ образъ, будучи древнимъ языческимъ, приспособился къ христіанскимъ представленіямъ, и Богородица, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, такъ и здѣсь, замѣнила какое-то другое мифологическое лицо. Поэтому, несмотря на сходство съ нѣмецкимъ преданіемъ, образъ трясенія осины едва ли можно считать заимствованнымъ, особенно въ болѣе позднее время.

Въ галицкихъ колядкахъ проклятымъ деревомъ представляется ива, и начало проклятія надъ нею отнесено къ страданію Христа. «Когда жиды мучили Христа, клали ему на голову терновый вѣнецъ, подпоясывали его ежевикомъ и хмелемъ и забивали ему подъ ногти шепки разнаго рода, ни одно дерево не пошло подъ ногти, но согрѣшила червивая ива; она одна пошла подъ ногти, пролилась кровь, и самъ Господь проклялъ иву: чтобъ тебя, ива, точили черви отъ младости до старости, отъ корня до верхушки!» ²⁾.

До суду судного, до вику вичного;
А проклате терня! бодай-есь-колодо,
До суду судного, до вику вичного!

¹⁾ Скоро того дивча скоро вислухало,
Заразъ ся одъ жалю на прахъ розсипало,
А чорни гаврани погрибъ одправляли,
А дрибни птачкове барзъ красно спивали.
Вшитко ся кланяло древо и кориня,
Древо й кориня и шитко створиня,
Лемъ ся не вклонила несчастна осина.
Бодай ся трепала одъ нини до вика,
Одъ нини до вика до вика вичного,
До вика вичного, до суда страшного.

(Чт. 1866. III. 719).

²⁾ Якъ жидова Христа мучили,
Терновый винокъ на голову клали,
Ожиною, хмельомъ впереазували;
Всякое древо за ногти клали;
Всякое древо за ногти не йшло,
Червива ива та й прогримла,

Вотъ, насколько намъ извѣстно, всѣ растенія, какъ травянистыя, такъ и деревянистыя, встрѣчаемыя въ народныхъ пѣсняхъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ символическимъ значеніемъ. Намъ остается указать еще на значеніе лѣса вообще.

Лѣсъ въ народныхъ пѣсняхъ является въ видахъ и наименованіяхъ: *лѣса* (лѣсъ на низменномъ мѣстѣ) *дуброви* (дуброва), *лѣсъ* (роща), *лѣсъ* и *бирь* (боръ). Последніе два вида въ пѣсняхъ встрѣчаются рѣже. Близость человѣка къ природѣ рѣзко выражается въ пѣсенныхъ отношеніяхъ къ лѣсу. Народное сердце очень любитъ его. Къ лѣсу обращаются, какъ къ существу способному принимать участіе въ человѣческихъ ощущеніяхъ. Молодець находится въ раздумьи: жениться ли ему или оставаться холостымъ; онъ обращается къ рошѣ за совѣтомъ ¹⁾. Видя рощу въ опустошенномъ видѣ, спрашиваютъ ее: что это значить, а роща отвѣчаетъ, что была холодная зима; шло войско, ночевало подъ рощею и опустошило ее ²⁾. Дѣвица разспрашиваетъ у дубровы: какая птица раньше встаетъ, какое растеніе лучше цвѣтеть, кому худо, кому хорошо на свѣтѣ жить? Дуброва даетъ ей отвѣтъ ³⁾ (отвѣтъ о цвѣтахъ тотъ самый, какой мы привели

За ногти пишла, кривцю пустила,
Червиву иву самъ Господь проклялъ.
Бодай ты, иво, черва точила,
Видь молодости ажъ до старости,
Видь коринячка ажъ до вершечка!

¹⁾ Ой, гаю, гаю, ридний брате,
Порадь мене, гаю, що маю робити:
Чи мини женитися, чи такъ волочитися?

²⁾ Чого, гаю, невеселій?
Чого, гаю, незеленій?
Якъ я маю зеленити:
Була зима студена,
Ишло войсько великое,
Пидо мною ночувало,
Коринячка потоптало,
Коринячка копитами,
А гильячка шабельками.

(Гильтебр. 34).

³⁾ Зелена дибривонько, скажи мини правдоньку.
Котора пташина ранній устае;
Чи той-то малий воробейко,
Чи той соловейко.
Чи сивая зозуля?
Малий воробейко устае раненько,
А той соловейко щечече раненько,
А сива зозуля трошки заспае.
Зелена дибривонько скажи мини правдоньку:
Кому красче, кому гирше въ свити проживати,
Чи бидній вдови, чи мужній жони,
Чи той прекрасній дивици?
Бидна вдова хлибъ-силъ заробляе,
Мужняля жона все склади складае,
А у тои дивици и думки не мае.

выше, говоря о розѣ). Въ галицкихъ колядкахъ дуброва своимъ шумомъ даетъ знать охотнику, что въ ней есть дивный звѣрь ¹⁾. Скорбное чувство ищетъ у рощи участія къ своему горю. Мать, разлученная съ сыномъ, обращается къ рощѣ и говоритъ ей, что у нея нѣтъ болѣе любимаго дитяти ²⁾. Дѣвушка, потерявшая дѣвство, бросаетъ въ воду вѣнокъ и посылаетъ его по водѣ въ лѣсъ, чтобы рощи тосковали съ нею объ ея горѣ ³⁾. Шумъ лѣса усиливаетъ печаль сиротствующаго въ чужой сторонѣ молодца ⁴⁾, и женщина, разлученная съ мамъ, проситъ дуброву не шумѣть тогда, когда она будетъ ити черезъ нее, а зашумѣть тогда, когда она будетъ отъ нея вдалекѣ ⁵⁾. Но есть пѣсня, въ которой, наоборотъ, безмолвіе рощи производитъ томительное чувство на одинокую и грустную особу, находящуюся въ чужомъ краѣ ⁶⁾. Переполненное грустью сердце хочетъ избавиться отъ тяжести и разсыять грусть по лѣсу ⁷⁾.

Гай сопоставляется съ молодцомъ ⁸⁾, а разные качества рощи—съ разными положеніями человѣка, напр., дубровы съ плачемъ дѣвницы ⁹⁾, шумъ «луга»

¹⁾ Ой зашумила зелень дуброва,
Ой чожь ти шумишь, ой чожь ти звенишь?
Ой шумью, шумью, бо въ соби чую,
Дивное звира, тура-олема. (Чт. 1864. I. 84).

²⁾ Ой гаю мій, гаю!
Котору дитину
Кохала, любила—
У себе не маю!

³⁾ Задай тугу зеленому лугу,
Задай жалю зеленому гаю!

⁴⁾ Ой не шуми, луже, ти зелений гаю,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужимъ краю!

⁵⁾ Ой не шуми, дибривонько,
Та не шуми, зеленая,
У три ряди сажена;
Та не шуми надо мною,
Якъ я буду ити тобою.
Но зашуми тои хвили,
Якъ я буду за три мили. (Чт. 1863. 4).

⁶⁾ Ой гаю мій, гаю, густий, зелененький!
Що на тоби, гаю, витроньку не має,
Витроньку не має, гилья не колише?
Братець до сестрици часто листи пише:
Сестро моя, сестро, сестро украинко,
Чи привикла, сестро, на Вкраини жити?
Ой брате мій, брате, треба привикати:
Одъ роду далеко—никимъ наказати.

⁷⁾ Ой рослушу тугу
Та по всему лугу!

⁸⁾ Ой гай, мати, гай,
Гай зелененький!
Внізжає зь України
Козакъ молоденький.

⁹⁾ Зашумила дибривонька зелененька,
Заплакала дивчинонька молоденька.

съ думами козака, котораго волнуетъ мысль о предстоящей женитьбѣ и о горѣ, неразлучномъ съ семейною жизнью ¹⁾. Густота лѣса сравнивается съ трудностью знать, что станетъ впередъ, или съ трудностью возвратитъ потерянное ²⁾. Развиваніе лѣса сопоставляется со сватовствомъ ³⁾, а рубка лѣса означаетъ сближеніе съ дѣвницею ⁴⁾.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХЪ.

А. Птицы и насекомыя.

Кукушка у всѣхъ арійскихъ народовъ является съ болѣе или менѣе очевидными слѣдами древняго мифическаго значенія. Поэтическія воззрѣнія народовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга пространствами и историческими судьбами, представляютъ очень близкое сходство между собою; такъ, между прочимъ, обычай спрашивать кукушку о числѣ оставшихся лѣтъ жизни или дѣвчества, существующій у насъ, есть и у другихъ европейскихъ народовъ. Древность мифическаго значенія кукушки, кромѣ общности поэтическихъ воззрѣній, подтверждается еще и прямыми свѣдѣніями о роли, какую играла эта птица въ древнихъ мифологіяхъ. Такъ, у древнихъ индусовъ, какъ показываютъ ведическіе гимны, божество Индра превращалось въ кукушку, и эта птица, подъ разными наименованіями, сообразно разнымъ видамъ своей породы (sakuni, sakunta, karinjala, gavana, gavatha, kokila), была символомъ и вѣстницею благополучія, охраняющею отъ злыхъ людей и отъ всякихъ опасностей, дарующею благоденствіе, долголѣтіе и счастливое потомство. Это представленіе древности является и въ греческой мифологіи. Зевсъ, воспылавъ страстью къ гордой и неприступной Герѣ и не добившись отъ нея взаимности, увидѣвъ ее на горѣ Форнаксѣ, произвелъ громъ и прилетѣлъ къ ногамъ Геры въ видѣ кукушки, будто бы спасающейся отъ дождя и бури. Гера пріютила кукушку, и такимъ образомъ Зевсъ достигъ своей цѣли, но не иначе, какъ ставши ея за-

Или:

Зашумила дибривонька, якъ ся развивала;
Заплакала дивчинонька, якъ ся виддавала.

1) —Ой не шуми, луже, луже

Надъ моею головою!—

„Ой якъ мни не шумити,

Буйний витрець повивае!“

Ой задумаъ козакъ женитися:

Оженюся, зажуруюся,

И зъ дѣтьми, зъ жоноу

И зъ своею головою!

2) Ой гаю, мій гаю, густий не прогляну!

Сама я не знаю, що робити маю.

3) Лугомъ иду, коня веду, развивайся луже.

Сватай мене козаченьку, люблю тебе дуже.

4) Коло гаю конемъ граю, гаю не рубаю;

Люблю, люблю дивчиноньку, ні не займаю!

коннымъ супругомъ (Paus. 11—17). На этомъ-то основаніи у статуи Герм, находившейся въ Аргосѣ, въ одной рукѣ былъ скипетръ съ изображеніемъ кукушки. У Гезіода кукушка (κὐκὺξ)—провозвѣстница благодатнаго дождя и урожая: представленіе это мы встрѣчаемъ и въ нашихъ пѣсняхъ. Уваженіе къ кукушкѣ осталось и у нынѣшнихъ грековъ, которые величаютъ кукушку ласкательными именами и, подобно намъ, спрашиваютъ ее о лѣтахъ жизни ¹⁾. (О подобныхъ представленіяхъ у прочихъ европейскихъ народовъ можно найти свѣдѣнія въ превосходномъ изслѣдованіи Маннгардта: *der Kukuk* (см. *Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde*. 3 B. 2 H.).

Изъ разныхъ старинныхъ извѣстій о кукушкѣ ни одно такъ не близко къ намъ, какъ извѣстіе, записанное въ польской лѣтописи Прокоша. Оставляя въ сторону все, что можетъ сказать строгая историческая критика объ этой лѣтописи, мѣсто, нами приводимое ниже, нѣтъ признаки древняго достовернаго извѣстія, и для успокоенія тѣхъ для которыхъ важнѣе всего авторитета, мы можемъ прибавить, что оно было защищено знаменитымъ Яковомъ Гримомъ. Тамъ говорится, что въ языческой древности у поляковъ божеству Живѣ былъ построенъ храмъ на горѣ Живцѣ; туда въ первые дни мая сходилось множество народа. Молили божество о благополучіи и долгоденствіи. Богѣе всего добивались услышать ранѣе другихъ кукушку и вѣрили, что будутъ жить столько лѣтъ, сколько разъ она прокукуетъ. Они думали, что богъ, верховный правитель вселенной, превращается въ кукушку и возвѣщаетъ имъ время ихъ жизни. Убить кукушку считалось преступленіемъ, достойнымъ наказанія ²⁾. За мѣткимъ при этомъ, что до сихъ поръ въ народѣ у насъ существуетъ мнѣніе, что убить кукушку грѣхъ.

Въ малорусской пѣсенности кукушка (*зозуля*, древняя зегзица, старочешская *zezulice*) является именно въ такомъ видѣ, который согласуется съ древнѣйшими представленіями о превращеніи божества въ эту птицу. Кукушка—добрый геній человѣка, всевѣдущая прорицательница. Она не символъ грознаго рока, безчувственнаго, поражающаго безъ жалости; она если предсказываетъ и дурное, какъ доброе, то все-таки жалѣетъ о человѣкѣ, предостерегаетъ его и оплакиваетъ его гибель. Она говоритъ правду ³⁾; ея кукованье есть какъ бы особый языкъ, понимаемый поэтическимъ чутьемъ.

Дѣвица говоритъ, что еслибъ она была кукушка, она бы облетала всю Украину, узнала бы своего милаго, сѣла бы возлѣ него и сказала бы ему всю

¹⁾ *Κουκο μου κουκὺξι μου
κι ἀρχιροκουκὺξι μου
ποσοὺς χρῆνος θινὰ ζῆσα.*

²⁾ *Divinitate Zywie faunum exstructum erat in monte ad ejusdem nomine Zywie dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen litabatur ab iis qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose tot annos se victuros quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsi annuntiaret vitae tempora, unde crimine ducebatur capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.*

³⁾ Зозуля кувала, правдоньку казала;

Що вона кувала, то правду казала.

(Укр. Д. Макс. 62).

правду ¹⁾. Кукушкина правда связана съ полученіемъ счастливой доли; въ одной пѣснѣ женщина говоритъ: зачѣмъ ты, кукушка боровая, не куковала рано—мигъ правды не сказала? Чужія дѣвушки рано встали, разобрали счастливую долю, а мигъ встрѣтилась лихая доля ²⁾. Дочь, собираясь умирать, велитъ на своей могилѣ посадить калину: на этой калинѣ будетъ куковать кукушка и скажетъ матери правду, а ей будетъ легко лежать въ землѣ ³⁾. Также на могилѣ молодца, отравленнаго дѣвицею изъ ревности, въ одной пѣснѣ, садятъ калину, чтобы кукушка прилетала и куковала: умерь, умерь козакъ черезъ дѣвицу; пусть всё это звають ⁴⁾. Здѣсь кукушка даже, какъ видно, и обличительница преступленія. Такимъ образомъ кукушка имѣетъ отношеніе и къ отжившимъ. Это еще рѣзче выказывается въ причитаньи дочери надъ матерью, гдѣ дочь спрашиваетъ кукушку: не видала ли она ея умершей матери, и проситъ передать ей, что дочери горько на свѣтѣ жить безъ матери ⁵⁾. Въ другомъ причитаньи—сестры надъ братомъ—сестра говоритъ, что будетъ куковать кукушка и щебетать соловей, а она спроситъ у кукушки: не видала ли она ея брата ⁶⁾.

1) Ой коли бъ я зозуленька, то бъ я крильця мала,
Я жъ би туу Украинну кругомъ облитала,
Я би свого миленького въ свитахъ пизнавала,
Я би коло многого сила,
Я жъ би свому миленькому всю правду повила.

2) Ой боровая зозуленько,
Чому ти рано не кувала,
Чому правди не казала?
Чужи дивки рано встали,
Счастя-долю розибрали,
А я молода опизнилася,—
Лиха доля зъустрілася.

3) Туди буде, матинко, зозуля литати,
Вона буде, матинко, раненько кувати.
Тоби буде, матинко, всю правду казати,
Мини буде, матинко, легенько лежати.

(Метл. 45).

4) Викопали козаченьку високу могилу,
Посадили на могили червону калину,
Щобъ зозуля литала и рано ковала:
Померъ, померъ козакъ черезъ дивчину, щобъ вси люди знали.

5) Коли буде зозуля ковати,
Я буду ні питати:
Чи не бачила моеї неньки ридненької?
Скажи їй, зозуленько, якъ мини тошно,
Якъ мини гірко безъ неньки жити.

6) На червоній калини
Зозуля буде кувати,
Соловейко щебетати,
А ми свого братика
Въ гости будемъ дожидати.
На порози стояла,
Зозуля ковала,
А я про свого братика

Кукушка часто изображается, как и въ предшествующей пѣснѣ, вѣстѣ съ соловьемъ, и въ такомъ случаѣ она—символь благодушія. «Пусть тебѣ кукушка, а мнѣ соловей»,—говорить дѣвица молодцу; «пусть мнѣ будетъ легко, а тебѣ весело» ¹⁾. Въ иной пѣснѣ сестра проситъ брата пріѣхать къ ней, развеселить ее, и сопоставляетъ отраду сердца съ кукушкою и соловьемъ ²⁾. Въ галицкихъ колядкахъ, которыя, какъ мы уже не разъ замѣчали, особенно дышать древностью, кукушка—вѣстница и какъ бы даровательница обилія и благополучія. Дѣвица хотѣла бы прорубить лѣсъ, достать кукушку и пустить ее въ садъ, чтобъ она кукованьемъ своимъ будила хозяина и провозвѣщала ему большой урожай хлѣба ³⁾. Въ другой колядкѣ сама кукушка говоритъ, что ей не безопасно въ орѣшникѣ,—тамъ могутъ разорить ея гнѣздо; не безопасно при потокѣ на осокѣ,—вода затопитъ; хочеть она вить гнѣздо въ вышневомъ садикѣ, чтобы будить хозяина и извѣщать его, что у него будетъ изобиліе скота ⁴⁾. Она—принадлежность дѣта и его радостей. Дѣвица, говоря, что ей

Въ неѣ питала:

Чи не бачила мого братика?

- ¹⁾ Нехай минн возуленька, тоби соловейко,
Нехай минн такъ легенько, тоби веселенько!
²⁾ Хочь сивою зозулею або соловейкомъ,
Нехай минн розвеселить мое бидне серденько.

- ³⁾ „Ей коби я мала ясну шабевку,
Вистинала би я лисъ-буковину,
Лисъ-буковину, вшитку алину,
Жебимъ поймала сиву зазулейку,
Пустила бь ей до свого садойка,
Жеби она ми ранейко кукала,
Ранейко кукала, газду забуждала:
„Встань, газдо, горе, билий день на дворе,
Встань волойкимъ дати, часъ пійти орати.
Часъ пійти орати чорну землячку,
Чорну землячку на яру пшеничку,
На яру пшеничку, ва озиме житце!
Буде тамъ стебеце—саме тростове,
Будуть колосойки, яко билинойки,
Будуть тамъ женци—сами молодци,
А вязальнички—сами молодчики,
Будуть снопойки, якъ на неби звиздойки,
Будуть стогойки, яко горойки,
Будуть возойки, якъ чорни хмаройки,
Звезуть они, звезуть, за поле до стодолн“.

(Чт. 1864. I. 77—78).

- ⁴⁾ Стала ся томити, де ма'ть гнзидо вити:
„Вила бимъ го, вила, въ лиси при дорози,
Въ лиси, при дорози, та на лицинойци:
Лицинойку рушитъ, розпотрушитъ,
Гнзидо розпотрушитъ, дити ми оглушитъ“.
Кукула зозула въ сели и проч.
„Вила бимъ го, вила, при потичейку,
При потичейку, на ситничейку;
Водниця прійде, гнзидо забере,

было скучно и она не видала лѣта, выражается, что ей не куковала кукушка; она прячется, какъ наступаетъ зима ¹⁾; она возвѣщаетъ годовыя перемѣны ²⁾. Она все знаетъ, вездѣ бывала, и ее обмануть нельзя. Свадебные гости повтъ о золотыхъ горахъ и шелковыхъ травахъ, но кукушка обличаетъ ихъ вымыслы: все я облетала, но не видала золотыхъ горъ и шелковыхъ травъ; вездѣ горы каменныя и травы зеленыя ³⁾. Отъ этого къ ней дѣвица обращается съ вопросомъ: долго ли она будетъ оставаться у родителей ⁴⁾ и каково ей будетъ у свекрови ⁵⁾, и кукушка пророчить ей недоброе жительство ⁶⁾. Такой же смыслъ

Гнздо ми забере, мене осиротить;
 Буду го вѣти на вишнімъ садоўку,
 На вишнімъ садоўку, ажъ на вершейку,
 Та я си буду рано кукати,
 Рано кукати, газду зобуждати:
 Вставай, газдо, горе, билий день на дворе!
 Стала ти ся радистъ въ твоёму дворе:
 Коровици ти ся вси положили,
 Сиве стадейко та породили.

(Ibid., стр. 79).

¹⁾ Ой ковала, зозуленька ковала,
 Якъ упала тяжка зима, вона ся сховала;
 Якъ упала тяжка зима, ковати забула. (Чт. 1864. IV. 329).

²⁾ Заковала зозуленька у садочку,
 Прихиливши головоньку и къ листочку,
 Ой не буде садъ зимою зеленити,
 Таки буде зъ пидъ снѣжечка листь чорнити;
 А якъ буде та лѣтечко та й тепленьке,
 Такъ и буде садовника та й расненька.

³⁾ У насъ трави шовковні,
 У насъ гори золотні.
 Була тамъ зозуленька,
 Видѣла вона тоє:
 Всюди я облетѣла,
 Золотихъ гиръ не видѣла;
 Всюду гори каменні,
 Травоньки зеленні. (Žeg. Pauli. I. 108).

⁴⁾ Прилетѣла зозуленька зъ темного лисочку,
 Сила, пала, заковала въ вишневымъ садочку.
 Ой якъ вийшла Марусенька въ неи запитала:
 Скажи, скажи, зозуленько, чи довго буду у батька?

⁵⁾ Закувала зозуленька на хати въ загати;
 Якъ я буду пробувати въ свекрушиній хати?
 (Чт. 1864. IV. 372).

⁶⁾ Закувала зозуленька у садочку:
 Ой чи буде такъ у свекра, якъ у батька?
 Ой чи пустить на улицу погуляти?
 — Лихий свекоръ погуляти та не пустить,
 Ой хоть пустить молодую, та пригруститъ:
 Иди, иди, дитя мое, не барися,
 У снѣчки, за дверечки та й вернися,
 Увійшовши у свитлицю поклонися.

имѣть веснянка, очень распространенная въ различныхъ вариантахъ, гдѣ дѣвица представляетъ себя уже замужемъ и просить дубровную кукушку не куковать рано и не будить ее, потому что ее разбудить свекоръ съ попреками ¹⁾. Здѣсь дѣвица говоритъ кукушкѣ: не кукуй,—въ томъ смыслѣ, что она прокуковала ей именно то, что потомъ описывается и что совсѣмъ не отрадно и не желательно для дѣвицы. Но въ другой веснянкѣ сирота-дѣвица, которую чужая, а не родная мать утомляетъ невозможною работою, просить кукушку закуковать ей въ «комори» и какъ бы облегчить ея судьбу ²⁾. Кукушка предсказываетъ и открываетъ разныя нравственныя отношенія и случаи жизни. Кукушка кукуетъ о томъ, что дѣвицу ожидаетъ знакомство съ молодымъ ³⁾. Дѣвица, услышавъ кукушку, плачетъ, потому что узнаетъ по ея кукованью, что ей придется кончать жизнь не тамъ, гдѣ родилась ⁴⁾. Кукуетъ кукушка, и дѣвица соображаетъ: кто будетъ ее любить и томиться по ней ⁵⁾, — узнаетъ, гдѣ ея милый и что дѣлаетъ ⁶⁾. Кукушка сообщаетъ ей о невѣрности и

1) Ой дибривная зозуленько,
Та не куй рано у диброви,
Та не буди мене молодю!
Избудать мене раній тебе:
У мене свекорю—не батенько,
У мене свекруха—не матинка:
Уставай, невихно, неробитнице...

2) Ой зозуленько та дибривная,
Ой не куй рано въ диброви,
Ой закуй мни у комори:
Въ мене матусевька старая,
Ще до того и чужая.
Наказала мни робити:
Та решетою воду носити.
Зъ попелу джу мисити.

3) Закувала зозуля дибривная,
Хвалилася молода дивчина:
Що въ неи коса до пояса,
Що въ неи личко биленькее,
Що въ неи бривки чорненькі.
Ой обизветься молодой козакъ:
Ой не хвалися, молода дивчино,
Не ти сее личко вибилала,
Не ти спі брови вичернила.

4) Заковала зозуленька на гаю, на гаю;
А де жъ я ся не родила, вмирати гадаю.
Заковала зозуленька на хати, на рози;
Заплакала дивчинонька въ синехъ на порози.

5) Заковала зозуленька въ вишневиъ саду;
А хто жъ буде припадати до мого слиду?
Ой е въ мене такіи хлопецъ, буде припадавъ,
Буде мене молоденьку, що разъ споминавъ...

(Чт. 1863. IV. 294).

6) Тамъ на загумену тополя стояла,
И на тій тополи зозуля ковала;

лаго ¹⁾), предсказывает ей разлуку съ милымъ ²⁾), предостерегаетъ ее отъ увлеченія любовью: такъ, напримѣръ, дѣвица беретъ вымыть козаку рубашку, а кукушка велитъ ей оставить эту работу и идти жать пшеницу ³⁾). Отказывая молодцу въ любви, дѣвица ссылается на кукушку, какъ на изрекъшую приговоръ, что она не для него выросла ⁴⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ кукушка кукуетъ на калинѣ, какъ бы произнося приговоръ, что свадьба должна совершиться, и наводить грусть на отца невесты, который разлучается съ дочерью ⁵⁾). Она зоветъ новобрачную на посадъ ⁶⁾); ее посылаютъ вѣстницею къ матери невесты послѣ вѣнчанія послѣдней ⁷⁾), чтобы мать приготовила брачное пиршество.

Зозуленька куе, соловіи то чуе:

Богъ самъ знае, видае, де мій милій ночуе!

Ой ци винь въ обози, въ далекій дорози,

Ой ци зъ однораломъ въ чужимъ краю на залози!

А винь въ чистимъ полю по обози ходитъ,

Свого пана однорала вислуги ся проситъ:

„Пусти жъ мене пане, пусти мя до дому,

Ай бо затужила дивчина за мною!“ (Чт. 1863. IV. 285).

1) Закукала зозуленька,

Кукала вона біла:

Иншу милу любку маєшь.

(Чт. 1866. I. 541).

2) Сива зозуленька въ гай полетіла,

Въ гай полетіла на калину сила,

Сила на калину, та й стала кувати:

Кого я любила, того не видати.

3) Ой виперу, вимаглю,

Козацьку сорочку.

Ой летіла зозуленька,

Та й стала кувати:

Годи, годи чорнявал,

Сорочку прати;

Возьми серпи, иди въ степи —

Пшениченьки жати.

4) Ой у садочку заковала сивая зозуля, —

Не для тебе я уросла красная дивуля.

5) Въ огороди калинонька,

Куе на їй зозуленька

Ажъ мій батенько чуе:

Сива зозуленько,

Не задавай мине жалейку;

Я и безъ тебе жаль маю,

Що дивоньку замижъ даю.

6) Ой летіла зозуленька черезъ садъ.

Ой кликала Марусеньку на посадъ

7) Сива мала пташечко,

Рабая зозуленько.

Ой полинь дорогою,

Занеси матинци висти:

Нехай матинка чуе,

Нехай приготуе,

Мать, находясь въ разлукѣ съ сыномъ козакомъ, обращается къ кукушкѣ, чтобъ узнать, чтѣ съ нимъ ¹⁾).

Нерѣдко кукушка — вѣстница или пророчательница грядущаго несчастья. Такъ, сирота узнаетъ по кукованію, что ей ничего не остается на свѣтѣ, и проситъ сырую землю разступиться и взять ее ²⁾). Кукушка предсказываетъ рекрутамъ-новобранцамъ ихъ судьбу ³⁾. Въ галицкихъ гайдамацкихъ пѣсняхъ кукованье кукушки дѣлается сигналомъ ихъ сбора на добычу ⁴⁾ и пророчаніемъ того, что ихъ догонятъ солдаты ⁵⁾. Въ пѣснѣ объ утонувшемъ молодцѣ Василѣ кукушка поетъ въ лозахъ на калинѣ, какъ бы предсказывая, чтѣ будетъ съ молодцомъ ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ кукушка предсказываетъ козаку утопленіе въ водѣ и какъ бы предостерегаетъ его ⁷⁾. Также она предостерегаетъ влюбленнаго молодца и кукованіемъ своимъ пророчитъ ему бѣду. Этого молодца отравила (причаровала) дѣвица ⁸⁾. Кукушка приноситъ также вѣсти о смерти близ-

Нехай застеле тисовні столи,
Нехай поставитъ зелене вино.

1) Зозуленько сивенька, ти всюди летаешъ,
Чи ти мого сина у вичи видаешъ?

2) Въ мене ненька не ридная,
И ридъ мене оддалае.
Розступися, сира земле,
Бо я вйду мала въ тебе!
Ой летила зозуленька
Черезъ садъ куючи;
Та вже мини надокучило
На симъ свити горюючи.

3) Ой летила зозуленька черезъ садъ куючи:
Заплакали новобранци до приему идучи.

4) Заковала зозуленька та меже лисамн;
Ой ходи, Байчуку, на здобичъ и зъ нами. (Чт. 1863. IV. 160).

5) Заковала зозуленька, заковала жовта;
Здогонили лединикивъ на Рекети ровта. (Чт. 1863. IV. 161).

6) Закувала зозуленька въ лозахъ, въ очерети,
Ключе мила Василянну къ собі вечерети.

7) Закувала зозуленька, заковала,
Зъ вишневого саду вилигала,
На синее море поглядала:
Що синее море замерзае,
Ледкомъ тоненькимъ,
Та й припадае
Снижкомъ билесенькимъ.

Туди козаченько нагнався,
А пидъ нимъ кинь вороній розигрався,
Ой ставъ козаченько потопати и пр.

8) Ой летила зозуленька черезъ садъ куючи,
Плачавъ, плачавъ козаченько до дивчини идучи.
Ой чні то воли по горахъ ходили,
Ой то того козака, що ми въ трѣхъ любили:
Першая любила — подарочки шила,
Другая любила — сестра розлучила,
Третія любила — та й причаровала.

кихъ. Въ одной пѣснѣ молодецъ, котораго убиваютъ, передъ смертью обращается къ кукушкѣ и поручаетъ ей принести вѣсть его женѣ; кукушка исполняетъ это порученіе ¹⁾. Оборотъ этотъ очень древній, такъ какъ мы встрѣчаемъ вариантъ почти подобнаго въ шотландскихъ балладахъ: убитый охотникъ посылаетъ птицу (только не кукушку, а дрозда) передать вѣсть о его смерти матери (Chambers Ball. 181. См. Уланда Volksl. Abhandl. Schrift. 127). Въ пѣснѣ объ убитомъ молодцѣ Лебеденкѣ кукушка жалобнымъ кукованьемъ приноситъ вѣсть матери о смерти сына ²⁾. Въ думѣ о трехъ братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, кукушка садится въ головахъ искованнаго орлами и истерзаннаго волками тѣла козака и оплакиваетъ его, какъ сестра брата или мать сына ³⁾. Въ другой думѣ, при такомъ же положеніи, кукушкѣ влагается меланхолическое размышленіе ⁴⁾; подобное встрѣчается въ одной нѣмецкой балладѣ, гдѣ лѣсная птичка оплакиваетъ голову убитаго, не имѣющаго около себя никого близкаго (Mannbardt. 65, 68. Umland. 3, 87).

Но есть въ пѣсняхъ мѣста, гдѣ за кукушкой не признается всевѣдущей силы. Такъ. въ одной пѣснѣ заблудившійся въ лѣсу козакъ проситъ кукушку указать ему дорогу, но кукушка отвѣчаетъ, что она ему не скажетъ, а пусть онъ спроситъ объ этомъ соловья ⁵⁾. Затѣмъ въ той же пѣснѣ слѣдуетъ восклица-

1) Лети, лети, зозуленько, та й сядь на воротахъ;
Нехай вийде моя мила въ червонихъ чоботяхъ!
Прилетила зозуленька та й пала на хати
Чи не вийде его мила до двору изъ хати?
Ой не вийшла его мила, а найменьша свистъ:
Ой принесла зозуленька найсмутнишу вистъ.

2) Прилетила зозуленька та й сила,
Та й почала зозуленька жалбно кувати.
Пшла жъ наша Лебедиха сусидивъ питати:
Сусидоччи голубочка, який минн сонъ снєвєса,
Либонъ мій синъ Лебеденко сю ничь ожєнєвєса.

3) Де ся взяла сива зозуленька,
Въ головахъ сидала, жалбно кувала;
Якъ сестра брата або мати сына оплакала. (Макс. Укр. Дум. 23).

4) У неділю рано порану,
Сива зозуля вилетала,
На могилу сидала,
Жалбно ковала:
Голово козацька; голово молодецька,
Чи є въ тебе на Русі отець або мати,
Або сестра найменьша?
Якъ би отець, мати видали,
Билу постилъ би на смерть слали,
Або сестра найменьша видала,
То въ неділю бь раненько вставала,
Жалибненько оплакала,
Такъ якъ би зозуля закувала!

5) Зозуленько свєвєдєка,
Та скажи минн дорогу,
Куди ихати до роду,

ніе: какой же глупецъ козакъ, что спрашиваетъ кукушку ¹⁾. Еще рѣзче высказывается это въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвица спрашиваетъ кукушку, сколько времени она останется въ дѣвцахъ, и недовольная отвѣтомъ кукушки говоритъ: чтобъ ты, кукушка, семь лѣтъ не куковала за то, что ты не сказала правды ²⁾.

Быть можетъ, здѣсь нужно видѣть вліяніе сравнительно позднѣйшихъ временъ, когда уже прежняя языческая вѣра въ прорицанія кукушки поколебалась. Но, можетъ быть, это представленіе имѣетъ связь съ тѣмъ стариннымъ представленіемъ, по которому кукушка могла быть ложною, т. е. что-то другое принимало видъ или казалось людямъ кукушкою, не бывши на самомъ дѣлѣ ею. Такимъ образомъ въ нѣмецкой пѣснѣ спрашиваютъ кукушку, сколько времени остается жить, и при этомъ приговариваютъ: смотри же, не солги, не обмани, а то значить ты не настоящая кукушка ³⁾. Здѣсь же мы можемъ привести одно мѣсто изъ галицкихъ пѣсень, гдѣ мать сердится на кукушку за то, что она разбудила ея ребенка ⁴⁾. У германскихъ народовъ кукушка, кромѣ того, имѣетъ эротическое значеніе и часто представляется въ пѣсняхъ символомъ молодца и любителя прекраснаго пола ⁵⁾; у насъ въ народѣ такого представленія не могло образоваться уже и потому, что тамъ кукушка (der Kukuk) мужскаго рода, у насъ—женскаго; но въ одной веснянкѣ есть странный образъ, невольно побуждающій искать аналогіи съ древне-греческимъ мифомъ о превращеніи женоподобнаго Зевса въ эту птицу. Вставай, челядь, городите городъ, закрѣпите его терномъ, чтобы не прилетѣла сизая кукушка и не политила дѣвичьей красы ⁶⁾. Подобный образъ встрѣчается въ другой веснянкѣ о

Ой до роду, до родини,
До вирненькоя дружини?
— „Ой козаче, левенце,
Не скажу я тобі сердце,
Спитай же ти соловейка:
Винь ранесенько встає,
И високо литає,—
Винь дороженьку знає!

1) Козаче бурлаче, дурний розумъ маєшъ,
Що зовуди питаєшъ!

2) Бодай же ти, зозуленько, семь лѣтъ не кувала,
Що ти мни молоденькій правди не сказала!

3) Kukuksknecht,
Segg mi recht
Segg mi wâr
Wie viel Jahr ich leben soll.
Betrüg mich nicht
Betrüg mich nicht
Sonst bist du der rechte Kukuck nicht (Mannh. 232).

4) Бодай въ тебе, зозуленько, сиве перье вило,
Збудила съ ми дитиновьку, ще би було спало!

5) Ibid. 248 и т. д., напр.
Der Kukuck ist ein braver Mann
Der sieben Frauen halten kann.

6) Вставай, челядонько,
Городъ городити,

соколѣ, гдѣ онѣ соотвѣтствуетъ постоянной символизаци этой птицы. Такъ какъ эта пѣсня стоитъ особнякомъ и ничего другого въ такомъ же смыслѣ мы не отыскали въ пѣсенности, то и нѣтъ возможности приводить объ этомъ болѣе предположеній.

Кукушка иногда въ пѣсняхъ символъ женщины — жены, сестры, матери; лица, плачущія надъ убитымъ козакомъ, называются тремя кукушками ¹⁾. Но преимущественно кукушка — символъ матери ²⁾. Въ одной пѣснѣ сыновья сопоставляются съ соколами, а мать съ кукушкою ³⁾; въ другой — мать въ видѣ кукушки прилетаетъ на могилу погребеннаго сына и проситъ подать ей изъ могилы руку ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста изображается кукушкою, а ея дружки — галками ⁵⁾.

Кукушка также означаетъ и замужнюю женщину. Козаку, у котораго во

Тернеыкомъ тернито,
Щоби не злетела
Сива ей зозуленька,
Щоби не схватила
Паняньской красн.

(Чт. 1864. III. 181).

- ¹⁾ Ой надлетило двѣ, три зозуленьки,
Вси три просивеньки, та вси три смутненьки:
Ой одна упала по конци головки,
А другая впала по конецъ нежочокъ,
А третя упала по конецъ серденька:
По конецъ головки—то мати старенька,
По конецъ нежочокъ—сестричка ридненька,
По конецъ серденька—то его миленька! (Чт. 1863. IV. 192—193).

- ²⁾ Прилетитъ тамъ зозулейка,
Зозулейка риднейкая...
Зозулейка прилетае,
Зъ за бучейка дазирае,
Ходь, синойку, до домойку,
Ней ти змию головоуку!
(Чт. 1863. I. 473).

- ³⁾ Якъ би я, мати, сокиль—
Я бъ до тебе прилинувъ;
Якъ би я сива зозуля—
Я бъ до тебе прилинула.

- ⁴⁾ Прилетила зозуленька та й спазала: куку!
Подай, синку, подай, орле, хочъ правую руку!

- ⁵⁾ Та летать галочки въ три рядочки,
А зозуленька попереду,
Та вси галочки на гильяхъ сили,
А зозуленька на калини;
Та вси галочки защебетали,
А зозуленька заковала.
Та йдутъ дружечки та рядъ по ряду,
А Марусенька по переду;
Та вси дружечки за столомъ сили,
А Марусенька на посади;
Та вси дружечки заспивали,
А Марусенька заплакала!

время отсутствия изъ своего дома умерла жена, снится, что изъ его двора вылетѣла кукушка ¹⁾). Но въ этомъ значеніи первое мѣсто занимаетъ пѣсня о превращеніи въ кукушку замужней женщины, которую мать отдала за мужа за немногого человѣка и запретила бывать у себя по одному варианту семь лѣтъ, а по другимъ безъ означенія срока ²⁾). Пѣсня эта чрезвычайно распространена во многихъ, очень различныхъ вариантахъ. Такого же содержанія и такого тона есть пѣсня великорусская, и это указываетъ на глубокую древность ея темы. Въ галицкомъ вариантѣ превращеніе женщины въ кукушку, повидимому, совершается уже послѣ ея смерти, постигшей ее отъ жестокаго обращенія мужа или отъ самоубійства, вызваннаго жестокостью мужа ³⁾.

1) Що на мій димъ пчолн впали,
На подвір'є зоря упала,
А зъ двора зозуля вилетіла.
„Ахъ синоньку, мій златоньку,
Тидь же скоро до домоньку.
Маешъ дома пригодоньку!
Во пчоломьки—то сліззоньки,
А зоронька—дитинонька,
А зозуленька—Марисенька“.

(Чт. 1863. IV. 183).

2) Ой оддала дочку въ чужу стороньку,
Та й приказала снѣмъ литъ въ гостяхъ не бувати;
Пожила годочокъ, пожила и другий,
На третій годочокъ—стало мнѣ нудно,
Стало мнѣ нудно, на серденьку трудно,
Безъ свого отця, безъ своєнъ неньки!
Пороблю я крильця, та зъ широго сердца,
Та й полечу до отця, до неньки!
Летіла, сиділа—сади потопила,
А все своїми дрибними слізами,
Та й прилетіла до нової хати,
До нової хати, та й стала ковати,
Чи не виїде мати изъ нової хати;
Мати виходила та й заговорила:
„Чи ти зозуленька, чи ти голубонька,
Чи ти моя дочка изъ-за нелюбочка?
Ой якъ зозуленька—леті ковати,
А якъ моя дочка—то прошу до хати“.
— Ой не хочу, мати, до твоєн хати,
Коли заказала въ гостяхъ не бувати;
Такъ я полечу въ темний лісъ кувати!

3) „Коли съ ми детятко, де жъ твоє биле тило?“—
— Мое биле тило підъ нагайною витило,—
„Коли съ ми детятко, де жъ твоє чорні очі?“
— За нелюбомъ виплакала мѣ лѣ у день, такъ въ ночи.—
„Бодай его руки та дзѣбали круки,
Бодай его очі білий писокъ точивы!“

(Чт. 1863. IV. 196).

Или (угорская):

„Дивко моя любя, где же твоє тило?“
— Мое, мати, тило съ вятромъ улетило:

. Кромѣ самой птицы кукушки, въ пѣсняхъ встрѣчаются кукушкины перья. Кукушка летѣла черезъ Дунай и уронила перо: каково этому перу на Дунаѣ, таково сиротѣ въ чужомъ краю ¹⁾. Въ другой пѣснѣ кукушкины перья напад-дали въ криницу; они замѣняютъ кленовый листъ другихъ пѣсней (см. выше о кленѣ).

Соловей (*соловейко* съ эпитетомъ: «малый, маленькій») — пѣвецъ утра; въ пѣсняхъ онъ представляется чаще всего поющимъ (щебече) на зарѣ; онъ — символъ веселья, удовольствія. Его пѣніе возвѣщаетъ свѣтъ (и въ пѣснѣ объ Игорѣ: соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ) и радость. Съ нимъ сопоставляетъ дѣвица явленіе своего милаго ²⁾. Дѣвица, воображая для себя веселое житье, хочетъ, чтобъ къ окну ея прилетѣли соловьи и щебетали для нея ³⁾. Женщина, ожидая прихода матери, проситъ соловья не щебетать и не обивать ранней росы, — пусть обобьетъ росу ея матушка: этимъ выражаетъ она ту мысль, что удовольствіе видѣть мать для нея лучше самыхъ пѣсней соловья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она какъ бы хочетъ соловья сдѣлать соучастникомъ своего благодушія ⁴⁾. Но также и ночью поетъ соловей и веселитъ душу ⁵⁾.

Соловей, какъ мы уже замѣтили, нерѣдко упоминается вмѣстѣ съ кукуш-кою, какъ символъ благодушія. Въ колядкѣ, желая хозяйну, чтобъ ему было хорошо, выражаются, чтобъ онъ былъ какъ соловей въ луговой, а кукушка въ буковой рощѣ, и какъ ласточка на подворьи ⁶⁾. Мать разговариваетъ съ сыномъ; оба изъявляютъ другъ другу благодушную любовь (сыновнюю и материн-

Нягай го мужъ не бивае!

.. Доне моя, доне, где твои волосы?⁴

— Мои, мамо, власи тихій Дунай носитьъ,

Нягай ихъ мужъ не тирмоситъ! (Чт. 1866. III. 703).

- ¹⁾ Ой летила зозуленька черезъ поле гай,
Та впустила рябе перце на тихий Дунай.
Ой якъ тому сивенькому перцю на Дунаи,
Оттакъ мни сиротини на чужому краю!
- ²⁾ Безъ милого соловейка и свить не свитае,
А безъ мого миленького гулянья не мае.
Якъ вилетитъ соловейко то й свита раннише,
А якъ вийде мій миленькій — гулять веселише.

³⁾ Щобъ до мене соловейки прилитали,
Щобъ мни раненъко щебетали!

⁴⁾ Ой ти соловейко, пташечка мала,
Ой не щебечи садомъ летаючи,
Ой не оббивай раньней роси;
Нехай обибье матинка моя,
До мене йдучи, одвидуючи,
Мого життя роспитуючи!

(Метл. 245).

⁵⁾ Защебечи соловейко у ночи,
Розвесели мои чорни очи.

⁶⁾ Якъ соловейчина при тузи въ лузи,
А зозулечка при буквинци,
При буквинци, при верховинци,
А ластивочка на подвиречку.

(Чт. 1864. I. 36).

скую), и этот образ сопоставляется съ соловьемъ и кукушкой¹⁾. Невѣста сирота посылаетъ соловья и кукушку—перваго къ умершему отцу, послѣднюю въ «Украину» за родными, но ни тотъ, ни другой не возвратились, потому что нѣтъ возможности добыть для нея то, чего она желаетъ²⁾. Дѣвица и соловья, подобно какъ кукушку, спрашиваетъ о своей судьбѣ³⁾ или о томъ, гдѣ ея милый⁴⁾.

Впрочемъ, это качество прорицанія соловей раздѣляетъ и съ другими птицами (см. ниже).

Пѣніе соловья улаживаетъ горе одиночества въ чужой сторонѣ⁵⁾; но при сильномъ горѣ оно также усиливаетъ и боль, какъ вообще перѣдко веселое не въ силахъ разогнать тоску и еще болѣе увеличиваетъ ее своею противоположною и безсиліемъ⁶⁾. Съ соловьемъ сопоставляется молодой козакъ, играющій

1) У першому сади соловейко свище,
У другому сади зозуля куче,
У третьему сади мати съ синомъ стояла, и пр.

2) Молода Марьчка
Калиноньку прогортала,
Батенька шукала.
Пошли соловейка,
Пошли маленького
По батенька ридненького,
А зозуленьку на Вкраиноньку,
По свою родиноньку.
Ни соловейка зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни зозуля зъ України,
Ни моеї родини.

3) „Ворожи ми, соловіюку,
Чи буду я такъ до вику?“
— Не журися, дивчинонько,
Прийде на тя годинонько!

(Чт. 1863. IV. 318).

4) „Соловейко малесенький,
Въ тебе голось тонесенький!
Скажи, де мій миленький?“
— Твій миленький на риночку,
Пье винъ вино-горилочку.

5) Соловейко, мало пташечко,
Въ тебе голось тонесенький,
Защобечи ти минн,
Бо я на чужій сторонн.

6) Соловей маленький,
Въ тебе голось тоненький!
Ти раненько спиваешь,
Мое сердце вриваешь.
Не щобечи раненько,
Бо й самъ знаешь, маленький,
Який то жаль тяженький!
Бо якъ въ день, такъ въ ночи
Стоить милий передъ очи.

на дудочкѣ ¹⁾). Голосъ соловья—вообще счастье, и потеря голоса соловьемъ сопоставляется съ потерей счастья и доброй доли ²⁾). Свиваніе соловьемъ гнѣзда—образъ приготовленія молодца къ женитьбѣ, причѣмъ галка представляется парю соловья ³⁾). Такъ какъ соловей служитъ символомъ благодушія и веселья, то бѣдствіе выражается въ народной пѣснѣ, между прочимъ, образомъ разоренія соловьиного гнѣзда или понижкою соловья въ неволю. Вотъ изъ корабля вышли козаки; они стрѣляютъ и убиваютъ соловьиныхъ дѣтей; остается отецъ-соловей и плачетъ о погибелѣ дѣтей и о своемъ сиротствѣ ⁴⁾). Въ другой пѣснѣ козаки, стрѣляя, обожгли соловью крылья; соловей встрѣчаетъ сестрицу-перепелку, которая ему говоритъ: не сказывала ли я тебѣ: не вей гнѣзда въ дубровѣ; свей гнѣздо въ степи при дорогѣ,—тамъ будутъ идти чумаки, а ты станешь щебетать равно и чумаковъ будить ⁵⁾). Соловья хватаютъ соколы: это—образъ молодца, взятаго въ неволю ⁶⁾). Соловей любитъ свободу: чернецъ, у котораго соловей улетѣлъ изъ кѣтки, проситъ его воротиться, пѣть ему и обѣщаетъ ему соли и воды изъ самаго чистаго ключа, но соловей согласенъ лучше пить воду изъ рѣки, лишь бы оставаться на волѣ ⁷⁾).

¹⁾ Чи той, мати, соловей, що кризь садъ летѣе,
Чи той, мати, молодець, що въ дудочку грає?

²⁾ Чому, чому, соловейку, не спиваєшь,
Деся ти, соловейку, голосу не маєшь?
— Потерявъ я свой голосъ въ вишневиімъ садочку.—
Чому, чому, каваліру, чому не чумаєшь?
Деся ти, каваліру, счастья-доли не маєшь?—
— Потерявъ я счастья-долю черезъ тебе, дивчино.

(Гильт. 182).

³⁾ Ой тамъ на горѣ
Соловейко гнѣздо звивъ,
Та всю ниченьку не спавъ,
Соби галочку прикликавъ:
„Ой чи будешъ, галочко,
Моимъ дитямъ маткою!“

⁴⁾ Якъ прилетивъ батенько соловейко:
„Дитки мон, дитки соловьята!
Хто жъ буде у садочку щебетати,
Мене старенького розважати?“

⁵⁾ Тай зустривъ соловейко перепилку:
„Ой здорова, здорова, сестрице перепилко.“
— Здоровъ, здоровъ, брате соловейку.
А чи я тобі брате не казала:
Не бгай гнѣзда у дуброви,
Зобгай гнѣздечко въ степу край дороги:
Ай тамъ чумаченьки будуть прохожати,
То вони будуть равно уставати,
А ти будешъ раненько щебетати,
Та будешъ чумаченькивъ пробужати.

⁶⁾ Налетили соколи изъ чужої сторони,
Узяли соловейка въ чужую сторону.

⁷⁾ Повернися до клянтоньки,
Будешъ минни спиватоньки;

Чиждь (*чиждикъ*), сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, упоминается въ одной только пѣснѣ, но въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ же называется соловьемъ, а въ другія воробьемъ, оставаясь чиждомъ (*чиждику-соловейчику, или чиждику-воробейчику*). Дѣвица спрашиваетъ его, кому воля, кому нѣтъ воли, и онъ объявляетъ ей, что воля—дѣвушкамъ, а неволя—замужнимъ женщинамъ ¹⁾. Пѣсня эта очень древняя, какъ видно изъ того, что подобная существуетъ и въ Великобританіи. Смищеніе этихъ птицъ произошло оттого, что всѣмъ имъ въ отдаленности приписывалась одинаковая способность пророчанія.

Воробей (*воробецъ*) въ веснянкахъ—образъ молодца, впрочемъ недостойнаго любви; съ тремя воробьями дѣвица сравниваетъ трехъ молодыхъ, за которыхъ не хочетъ выходить замужъ ²⁾. У несчастнаго козака, котораго бьютъ палками, представляется пшеница, которую клюютъ воробьи ³⁾. Въ веснянкахъ же въ игрѣ «макъ» обращаются къ воробью, чтобъ онъ сказалъ: какъ сѣютъ макъ ⁴⁾.

Въ одной шуточной веснянкѣ говорится, что дѣвицы пѣли пѣсни и складывали ихъ въ рѣшето, а потомъ повѣсили это рѣшето на вербѣ; налетѣли воробьи и свалили рѣшето съ пѣснями на землю ⁵⁾.

Дамъ ти соли й водица
Зѣ якъ найчистои криници.
— Не хочу а води зъ криници,
Волю ся въ рици наптити,
Але вольности зажити.

(Zeg. Pauli. II. 44).

- ¹⁾ Ой *чиждику-соловейчику-воробейчику*,
Скажи мнѣ всю правдоньку:
Кому воля, кому нема волечки?
— Дівочкамъ своя волечка,
То за стричечку, то за виночокъ,
То на улочку, то у тачочокъ.
Молодичкамъ нема волечки:
Ой у личи горщикъ бижить,
У колисци дѣтя кричитьъ,
У запечку нелюбъ сидить.
Горщикъ каже: одставъ мене,
Дѣтя каже: росповий мене,
Нелюбъ каже: поцилуй мене.
- ²⁾ На улицѣ три горобчика,
А на улоньци три парубка:
Не давай, ненько, ни за одного,
Бо не буде добра ни видъ одного!
- ³⁾ Ой чия жъ то пшеничка, що горобци пьють?
Ой то того козаченька, що палками бьють.
- ⁴⁾ Воробейчику, чи бувавъ ти у садку,
Чи видавъ ти, якъ макъ сѣють?
- ⁵⁾ Співали дівочки, співали,
Въ рѣшето писеньки складали,
Та и повисили на верби:
Якъ налізули горобци,
Звалили рѣшето до долу;
Часъ вамъ, дівочки, до дому!

Жаворонокъ (по малоросс. *жайворонокъ*) упоминается въ одной веснянкѣ, какъ признакъ начала весны ¹⁾. Въ одной пѣснѣ, въ разговорѣ между братомъ и сестрою, сестра называетъ брата жаворонкомъ, а братъ сестру перепелкою ²⁾. Въ одной угорской пѣснѣ жаворонокъ начинаетъ справлять погребеніе Іисусу Христу, умершему на крестѣ, а за нимъ слѣдуютъ голубь и другія птицы ³⁾.

¹⁾ Ой чому ти, жавороночку,

Рано зъ вѣрия вилятавъ?

Ище по горонькахъ сниженьки лежать,

Ище по долинахъ криженьки стоять.

Ой коли пора прийшла,

Неволенька вийшла!

Ой я тѣ криженьки крилечками розжену,

Ой я тѣ сниженьки ногами поточу.

²⁾ Метл. 220.

³⁾ Ой повичъ же ми, соловію, правду,

Де я свого Спасителя найду,

Чи ли на гори, чи ли на долини,

Чи ли на крижовий висить деревини?

Гори и долини треба розмирати,

А на тій гори треба умерати.

На полудне солнце наступае.

А ужъ на крести Христось умерае.

Жиди взяли, во грибъ поховали

И каменіємъ запечатовали.

Жаворонокъ пискать, въ гору ся підноситъ,

Господу Богу погрибъ оголошать.

И ти, голубе, дармо не гуркаешь,

Господу Богу погрибъ отпраляешь.

Ище пташкове жалостно пискали,

Господу Богу погрибъ отпраляли.

(Чт. 1866. III. 736).

Колись то було зъ початку свита,

Подуй же, подуй, Господи,

Зъ духомъ святимъ по землі!

Втоди не було неба ни земли,

Неба ни земли, нимъ синє море,

А середъ моря та два дубойки,

Сили, упали два голубойци,

Два голубойци на два дубойки,

Почаля соби раду радити.

Раду радити и гуркотати:

Якъ ми маємо свить-основати?

Слустиме ми ся на дно до моря:

Винесеме ся дрибногю писку,

Дрибногю писку, синєго каменьце.

Дрибний писочокъ посіеме ми.

Синій каминець подунеми ми.

Зъ дрибногю писку—чорна земляца,

Студена водаця—зелена травица;

Зъ синєго каминьця—синєе небо,

Синєе небо, свитле сонейко.

Голубь (по малоросс. *голубь*) въ древности имѣлъ мнѳологическое значеніе, котораго самымъ виднымъ остаткомъ можетъ служить галицкая колядка о сотвореніи міра. Двое голубковъ (по другому варианту трое) садятся на два дуба (по другому варианту—на зеленый яворъ) посреди первобытнаго моря, существовавшего до сотворенія неба и земли. Они хотятъ спуститься на морское дно и достать песку для сотворенія земли, воды, растений и синяго неба (по другому варианту—золотого камня, изъ котораго образуются небо и небесныя свѣтила). Здѣсь удержались слѣды глубоко-древняго арійскаго мнѳологическаго представленія. Подобныя образы открываются въ зендской мнѳологій. гдѣ изображаются два чудныя дерева: одно—дерево жизни и исцѣленія, а другое, стоящее посреди первобытнаго моря Варушана, содержитъ въ себѣ всякія сѣмена; на его вершинѣ—мнѳическая птица (объясняемая соколомъ) разноситъ, при посредствѣ воды, эти сѣмена по всему міру (Windischmann. Zoroastrische Studien. 1863, S. 165—176). Въ древней Индіи встрѣчается подобное; въ послѣдней части Ригъ Веды говорится о деревѣ, изъ котораго созданы небо и земля, на немъ двѣ птицы обнимаются (Kuhn. Die Herabkunft des Feures. 1859, S. 126—129): послѣдній признакъ сближаетъ съ ними нашихъ голубей, которые сами по себѣ—птицы любви. Вѣроятно, изъ двухъ приведенныхъ нами вариантовъ тотъ, въ которомъ два голубя, сохранилъ болѣе стариннаго смысла, чѣмъ послѣдній, въ которомъ число три могло возникнуть подъ вліяніемъ представленій о христіанскомъ уваженіи къ тринности.

Съ этимъ глубоко-мнѳическимъ представленіемъ должны были нѣкогда состоять въ связи и другіе образы голубей въ пѣсняхъ, поражающіе своею странностью. Вотъ, наприимѣръ, поется о двухъ голубяхъ, сидѣвшихъ на дубѣ: они слетѣли и покрыли своими крыльями всѣ стѣны, взвеселили весь свѣтъ своими

Свѣтле сонейко, асенъ мясичокъ,
Ясенъ мясичокъ и вси звездойки.

Или:

Коли не было зъ нещада свѣта,
Подуй же, подуй, Господи,
Изъ святыхъ духовъ по землі!
Тогди не было неба, ни земли,
Ано лемъ было сяное море,
А середь моря зеленый яворъ,
На яворюку три голубоньки,
Три голубоньки радоньку радять,
Радоньку радять, якъ свѣтъ сновати:
„Та спустимеса на дно до моря,
Та дѣстанеме дрибногю писку,
Дрибний писочокъ посіеме ми,
Та намъ ся стане чорна земляца;
Та дѣстанеме золотий каминь,
Золотий каминь посіеме мо,
Та намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко, асенъ мясичкъ,
Ясенъ мясичкъ, ясна зирница,
Ясна зирница, дрибни звездойки“.

(Чт. 1864. I. 5).

голосами ¹⁾). Вѣроятно, это одни и тѣ же голуби, которыхъ мы встрѣчали въ колядкѣ о сотвореніи міра, тѣмъ болѣе, что и здѣсь ихъ двое, и здѣсь мѣсто ихъ на дубѣ, какъ въ первомъ изъ вариантовъ упомянутой колядки. Кроме того, въ иной колядкѣ поется о двухъ голубяхъ, которые объявляютъ, что они ангелы, слетѣвшіе съ неба для того, чтобъ узнать, живутъ ли люди такъ, какъ прежде жили ²⁾. Съ перваго взгляда можно здѣсь видѣть христіанское происхожденіе; но, соображая существованіе такихъ представленій о голубяхъ, которыя никакъ не дозволяютъ сомнѣваться въ томъ, что въ народной поэзіи удержалось ихъ древнее мнѣологическое значеніе, можно съ большою вѣроятностью подозрѣвать и здѣсь языческую основу, принявшую отчасти формы, подходящія къ христіанству. Сущность здѣсь та, что въ образѣ голубей являются высшія существа мыслящія; но и голуби, творящіе небо и землю, конечно, означали или символическое изображеніе высшихъ существъ, или же ихъ орудіе.

Есть слѣды легендъ о превращеніи въ голубя или о явленіи въ видѣ голубиномъ человѣческой личности. Такъ, въ одной пѣснѣ мать сожалеетъ, что она не слышала, какъ подъ ея окномъ ворковала сизая голубка. «Что это значить, что ко мнѣ дочь не приходитъ?»—говоритъ потомъ эта мать.—«Или ея не протоптанная дорожка изъ далекой стороны заросла травомъ?»—Дочь, неизвѣстно откуда, отвѣчаетъ ей: «не слыхала ты, матушка, какъ я у тебя подъ угольнымъ окошечкомъ гудѣла голубкомъ» ³⁾. Вѣроятно, здѣсь разумѣется умершая, такъ какъ вообще существуетъ представленіе объ явленіи души въ видѣ птицы ⁴⁾, между прочимъ, и въ видѣ голубя, по народнымъ рассказамъ. Вездѣ въ пѣсняхъ, какъ мы замѣтили, голубь является несомнѣнно символомъ любви. Дѣвица

¹⁾ Ой на дубоньку два голубоньки,
Знались вони, полетили,
Криличками вси стени вкрили,
Голосами весь свить звеселили

²⁾ Пане господарю, на твоимъ дворі
Ой два голуби пшениченьку дзюбають!
Хоче господарь на ихъ стреляти;
Стали до его та й промовляти:
„Господарю нашъ! Не бий же ти насъ.
Ми не голуби, ми есть ангели,
Ми випитуемъ и виглядуемъ:
Що се діється на билимъ свити;
Чи теперъ все такъ, якъ колись було?
Ой теперъ не такъ, якъ колись було:
Що братъ на брата тай ворогуе,
А сестра сестри чари готуе!“

³⁾ Не почувла, моя матинко,
Якъ я въ тебе була:
Пидъ покутнямъ виконечкомъ
Я голубкою гула.

⁴⁾ Прилетѣла пташка, билла мене впапа:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана!
Прилетѣла пташка— малѣвани крильця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Грица.

называет своего милого сыномъ голубемъ ¹⁾, а молодецъ—дѣвицу сызою голубкою ²⁾; братья и сестры между собою выражаютъ такъ же свою родственную привязанность ³⁾; любовь между молодцомъ и дѣвицею сравнивается съ любовью голубей ⁴⁾. Свойственное первобытному человѣку стремленіе передать свои сердечныя ощущенія природѣ выражается, между прочимъ, тѣмъ, что влюбленные, видя въ жизни голубей подобіе своихъ отношеній, думаютъ, что голуби принимаютъ участіе въ ихъ житіи ⁵⁾.

Разные приемы и случаи изъ жизни голубей служатъ въ народной поэзіи установленными символическими выраженіями любовныхъ отношеній. Таковы прежде всего половыя вѣжности голубковъ—образъ человѣческихъ отношеній подобнаго рода ⁶⁾. Голуби вѣсть пьютъ воду ⁷⁾: это—образъ любовнаго сближенія; одни голуби пьютъ воду, другіе возмущаютъ ее ⁸⁾: это—образъ препятствій, причиняемыхъ влюбленнымъ. Знакомство дѣвицы съ любовью символически выражается такимъ образомъ: дѣвица нарвала калины, продала ее и купила голубка; она сыплетъ ему пшеницу, ставитъ передъ нимъ воду, а онъ не клюетъ пшеницы, не пьетъ воды, все воркуеть ⁹⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица

1) Мій миленькій, голубонько сивенькій!

2) Девичионька мила, голубонька сива!

3) Сестро моя миленька, голубонька сивенька!

Братіку мій милий, голубоньку сивий!

4) Кохалися, любилися, якъ голубивъ пара.

5) На дубоньку два голубчики

И цілються и милуються,

Моєму життю дивуються.

6) Ой у саду та пидъ дулькою

Сидить голубъ изъ голубкою,

Цілюються та милуються,

Сама собі та дивуються:

Що у голуба та сива голова,

А въ голубки позолочувана.

А въ Ивася та на думци було:

Колибъ моя та Параска така,

То я бъ ні цілувавъ, милававъ...

7) Ой у броду, броду,

Пьютъ голуби воду;

И цілюються и милуються,

Сивими крилами обіймаються.

8) Два голуби воду пили, а два колотили:

Бодай же тимъ тяжко-важко, що насъ розлучили!

9) Цвить калину ломала,

Та понесла въ городокъ,

Та продала за шажокъ,

Та купила голубця,

Та принесла до дому,

Та пустила до долу,

Сипле ему пшеница,

Ставле ему водици:

Вниъ пшеници не хоче,

Вниъ водици не хоче,

Та все собі буркоче.

(Пѣсн собр. Лавренкова. 4.)

говорить, что къ ней прилетаетъ голубь. Мать говоритъ, что надобно его приручить: насыпать пшеницы по колѣна, а воды по крылья. Это, какъ ниже объясняется въ той же пѣснѣ, значитъ: дечь спать съ козакомъ, положить одну руку ему подъ голову, а другою обнять, прижать къ сердцу и поцѣловать ¹⁾ (въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни не голубь, а соколъ. См. ниже о соколѣ). Если приручить голубя значитъ сойтись съ молодцомъ, то выпустить голубя — потерять молодца ²⁾. Купанье голубя въ водѣ — символъ любовнаго волокитства и нѣжностей ³⁾. Разлетъ голубей врознь — разлука ⁴⁾; сидѣнье врознь голубя и голубки — нечистосердечіе и недоразумѣнія между влюбленными ⁵⁾. Разлука, причиненная влюбленными насильственными дѣйствіями другихъ, выражается образомъ нападенія другой птицы на голубей ⁶⁾. Голубка, лишившаяся своего голубка, представляется образомъ вѣрности. Орелъ — виновникъ разлуки; къ овдовѣвшей голубкѣ налетаютъ голуби, но голубка говоритъ имъ, что уже теперь не будетъ ни съ кѣмъ сближаться ⁷⁾. Въ другой пѣснѣ убиваетъ голубя стрѣлецъ, а въ утѣшеніе оставшейся голубкѣ нагоняетъ къ ней толпу голубей и предлагаетъ ей выбрать себѣ возлюбленнаго, но голубка отвѣчаетъ, что не хо-

1) „Голубь, мати, голубь, мати, голубь прилѣтае“.

— Давай, донько, принадоньку, нехай привикае!—

„Яку жъ мини, моя мати, принадоньку дати?“

— Посинь шовьця по колинца, водици по крыльця!—

„Козакъ, мати, козакъ, мати, козакъ привикае!“

— Давай, донько, принадоньку, — нехай привикае!—

„Яку жъ мини, моя мати, принаду давати?“

— Стели, доню, постель билу, лягай въ нимъ спати:

Одну ручку пидь головку, другою обняти.

Пригорнаuti до серденька, та й поцѣловати.

2) Ой гаю, мій гаю, густий, непрогляну,

Та випустила голубонька, та вже не піймаю!

Хочь піймаю, не шіймаю, та вже не такого:

Приложу ручку къ сердечку, та вже не такому!

3) Чи се тая криниченька, що голубъ кулався?

Чи се тая дивчиненька, що а женихався?

4) Коло рвачки, коло броду,

Пили два голуби воду,

Вона пила, полетѣли,

Криличками стрепенули,

Про любощи спомьянули,

Про любощи, про милощи,

А любощи та милощи

Та хуже всякои болисти.

Болисть буду, перебуду,

Кого люблю, не забуду.

5) Сидить голубъ на берези, голубка на кладци;

Скажѣ мини, мое сердце, що маєшь на гадци.

6) Надлетѣвъ орелъ старий,

Розигнавъ голубивъ зъ пари.

7) Вильше не хочу знатися ни зъ кимъ,

Пиду кривъ землю, исти не буду,

Пѣти не буду, жити' не стану.

четь жить, не станеть ни ѣсть, ни пить. Въ иной пѣснѣ голубку поймають воронъ, кормить ее пшеницею, поить водою; она не ѣсть и не пьетъ. Здѣсь—образъ насилія надъ дѣвницею со стороны сильного ¹⁾). Голубь, летающій безъ пары и ищущій голубки—образъ покинутого возлюбленной или лишеннаго возлюбленной молодца ²⁾).

Сивый пѣвтъ голубей—образъ пріятности ³⁾).

Воркованіе голубей—грусть ⁴⁾); оно сопоставляется съ плачемъ влюбленныхъ ⁵⁾). Оно возбуждаетъ и усугубляетъ тоску несчастнаго ⁶⁾). Подобно кукуванью кукушки оно имѣеть значеніе приговора ⁷⁾ и прорицанія ⁸⁾ (несчастія). Летаіе голубей—образъ нерѣдко грустный ⁹⁾ и, какъ вообще летаніе птицъ, возбуждаетъ тоску по утраченной молодости ¹⁰⁾). Голубь представляется переносчикомъ вѣстей между влюбленными. Молодецъ, не видя своей милой, посылаетъ за нею голубя съ письмами ¹¹⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ образъ,

¹⁾ Надлетивъ воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Голубку взявши, къ соби призвавши,
Силе лшеницю, лае водицю,
Голубка не есть, голубка не пье... (Žeg. Pauli. 11—82).

²⁾ Горамн-долами туманъ налагае,
А мнѣ тми туманами сивъ голубъ летас.
Якъ полетивъ сивий голубонько помижъ туманами,
Та зустрився сивий голубонько зъ буйными витрами.
Ви, витроньки буйнесеньки, далеко бували?
Чи видали ви, чи не видали ви моен пари?

³⁾ Сивий голубъ, сивий голубъ, голубка сивина,
Милый отецъ, мила мати, дружина милина.

⁴⁾ Ой пье голубъ воду, голубка буркоче:
Либонъ мене мий миленький покинути хоче.

⁵⁾ Ой загуде сивий голубонько, сидючи на тичини;
Ой заплаче молодой козаچه по своій дивчини.

⁶⁾ Нема въ мене дружиньонки, ни счастья, ни доли;
Самъ зостався на чужини, якъ билина въ полі!
Ходить голубъ коло хати, сивий, волохатий:
Якъ загуде жалибненько—на сердцю тяженько.

⁷⁾ Загули два голубоньки та надъ кривницею:
Горе мнини, моя мати, жити за пшеницею!

⁸⁾ Ой у лиси на гориси два голубоньки гуде:
Отсежъ тобі, мій синоньку, пригодонька буде!

Или:

Ой на дубоньку сивъ голубонько гуде,
А на козака неславонька буде.

⁹⁾ Ой вилитае сивий голубонько изъ темного лугу;
Ой не завдавай, молода дивчино, мому серденьку тугу.

¹⁰⁾ По надъ гору високою голуби литають,
Я гаразду не зазнала, та й лита мнѣвають.
Я гаразду не зазнала, та й вжо не зазнаю,
Почимъ же васъ, лита мои, споминати маю.

(Чт. 1868. IV. 263).

¹¹⁾ Чогось моя мила до мене не ходить?

въ которомъ голубь дѣлается символомъ дѣвчества. Голубь ходитъ по столу и обмакиваетъ крылья свои въ пиво; онъ угощаетъ дѣвицу, но обходитъ невѣсту, которая уже выходитъ изъ дѣвческаго круга. Будучи символомъ любви, онъ предсказываетъ этимъ дѣвицамъ любовь и оставляетъ ту, которая уже познако- нилась съ любовью ¹⁾.

Ласточка (малор. *ластиска*) — символъ домовитости. Въ колядкахъ поется, что ласточка прилетаетъ къ хозяину подь окно (древность подобнаго образа доказывается сходствомъ съ явленіемъ ласточки подь окномъ въ Любу- шиномъ судѣ) и кличетъ его посмотреть, что у него отелились коровы, и онъ возьметъ деньги, когда выростутъ телята ²⁾. Въ галицкомъ вариантѣ этой же колядки ласточка приказываетъ хозяину послать челядниковъ къ скоту, а са- мому осмотрѣть пчель ³⁾. Въ томъ же символическомъ значеніи домовитости колодець, желающій жениться и обзавестись семьей, посылаетъ ласточку искать

Чи їй мати заказала,
Чи ся зъ иншимъ закохала?
Напишу я три листоньки,
Та пошлю я голубонька.
Голубокъ литає,
Дивчини шукає.

¹⁾ Милый Боже, ходитъ голубъ по столу;

Крыльця въ пивце вмочає,
Вси панночки частує,
А Марусеньку минає,
Бо вже зъ панянства вистає,
До старихъ людей пристає.

²⁾ Прилетѣла ластивочка,

Сила соби на виконци;
Стала соби щebetати.
Господаря виєликата:
Вийди, вийди господарю,
Подивися до товару:
У тебе дви корови отелилося,
Два бичка народилося,
Тамъ-то чорни, тамъ-то красни,
Щей хороши,
Будешъ мати за ихъ гроши.

³⁾ Ой ластивонька та прилитає,

Господаренька та пробужає:
Ой устань, господареньку,
Побуди свою всю челядовьку,
Та пишли же ихъ по оборонькахъ,
Чи ся коровки та потелили?
Та пишли же ихъ по стаенкахъ,
Чи ся кобилки пожеребили?...
А самъ си пиди по пасиченькамъ,
Чи ти ся пчели та поровили,
Та поровили, понаровили?

себѣ подругу ¹⁾). Иногда ласточка означаетъ мать ²⁾). Упастъ ласточкою—выраженіе, означающее покорность и любезность ³⁾). Въ одной купальской пѣснѣ купающаяся ласточка сопоставляется съ дѣвцею, которая хвалится своею кошою и личикою ⁴⁾). Въ другой пѣснѣ, веснянкѣ, съ ласточками сравниваются красивыя дѣвцы въ противоположность безобразнымъ, похожимъ на воронъ ⁵⁾.

Перепелка (по малор. *перемилка, перепелля*)—женскій символъ. Малоруссы любятъ давать названія птицѣ въ качествѣ ласкательныхъ именъ женщинамъ: перепилочка—одно изъ самыхъ употребительныхъ. Въ пѣсняхъ съ перепелкою сопоставляется мать-вдова, обремененная дѣтьми ⁶⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ перепелкою сравнивается невѣста, но въ томъ смыслѣ, что ее ожидаютъ въ жизни семейныя трудности и заботы ⁷⁾). Въ заживныхъ пѣсняхъ съ

¹⁾ Пошлю жъ бо я ластивоньку

На чужую стороньку,
Нехай пролітає,
Дружини шукає,
Дружини такои,
До сподоби моєи,
Щобъ роду тихенького,
Щоби личка біленького,
Щоби чорни брови,
Сама до розмови.
— Я всю Польщу облітала,
Дружини не здібалала,
Дружини такои
До свободи твоєи.

²⁾ Матинко-ластивко! головка болить.

Или:

... Въ тій макивци ластивка
Ой вивела двое дітей.

(Zeg. Pauli. I. 92).

³⁾ Упаду я ластивонько,

Передь матинкою.

⁴⁾ Ой на Купала на Ивана

Та купалася ластивонька,
Та на бережку сушилася,
Дивка Марьечка хвалилася,
Що въ неї коса ажъ до пояса,
А біле личко якъ зблучко.

⁵⁾ Ой у нашій стороні

Красні дивки якъ ластивки,
А тутъ—якъ ворони!

⁶⁾ Перепилочко, не літай по ночі,

Бо повиколдешъ на стернинку очі.
Якъ мнї вдовч по ночамъ не літати,
Коли въ мене дрібні діти—ничимъ годувати?
Не журися, матинко-перепилочко, нами;
Якъ підростемъ, то розлетимось сами,
По густимъ лісахъ, по чистому полю.

⁷⁾ Зажурилася перепилочка:

„Видна моя головонько,

перепелкою сравнивается хозяйка, а съ мелкою пташкою ея работницы въ полѣ ¹⁾. Въ одной шуточной пѣснѣ избалованная въ дѣвчествѣ женщина говорить мужу, что онъ будетъ ее дѣлать какъ перепелку ²⁾. Въ другой шуточной, но аллегорической пѣснѣ перепелка—разборчивая невѣста—отказывается въ рукѣ щеглу и выходитъ замужъ за соловья ³⁾. Въ ряду весеннихъ пѣсень есть пѣсня о перепелкѣ, гдѣ эта птица—образъ женщины. Пѣсня сопровождается игрою: одна дѣвица изображаетъ перепелку, прочія дѣвицы поютъ, что у перепелки умеръ муженекъ, и она изъявляетъ знаки печали ⁴⁾; потомъ поютъ, что у ней ожилъ муженекъ ⁵⁾, и она становится веселою. Игра эта, вѣроятно, есть видоизмѣненіе Кострубонька. Всѣ эти примѣры показываютъ, что перепелка означаетъ женщину замужнюю или вдову. Но есть пѣсни, гдѣ перепелка озна-

Що я рано зъ вирня вилетѣла,
Нигде мнѣ гниада звѣти,
Нигде мнѣ дѣтиа сплодити!⁴
— Не журися, перепилочко,
Есть у мене три сади зелени:
Що въ першому сади—та гниадо зивьемъ,
А въ другому сади—дѣтокъ виведемъ,
А въ третьему сади—дѣтокъ нагодуемъ.

- ¹⁾ Полетѣла перепелочка по полю,
Убирала дрибни пташки до бору...
Ой ходила наша нани по полю,
Та збирала челядоньку до двору.
- ²⁾ Ой ти знавъ, на що бравъ мене невеличку:
Будешъ ти мене кохати якъ перепеличку.

- ³⁾ Перепилочка овдовѣла,
Замижъ итти захотѣла.
Ой прихавъ щеглякъ зъ пишна,
Сивъ соби въ саду на вишни.
Перепеличенька вийшла зъ хати,
Та й на ёго дивиться:
„Ой ти щегланку, ти багатий,
Ой ти привикъ довго спати.
На тоби сукни дуже приборни,
А до работи не здібни“.
Ой прихавъ соловей зъ пишна,
Та й сивъ соби въ саду на вишни,
Зачавъ псню щебетати.
Перепилочка вийшла зъ хати,
Та й на его дивиться:
„Ось мій мужъ, любий, коханий,
Того я давно ждала,
Щобъ соловейка замужъ взяла,
Ой щобъ ти все не спавъ,
А зо мною розмовлявъ“.

- ⁴⁾ А въ перепилочки умеръ мужичокъ...
⁵⁾ А въ перепилочки оживъ мужичокъ.

часть, повидному, и дѣвицу, и у ней возлюбленный — иногда голубь ¹⁾, иногда соколъ ²⁾.

Утка (по-малорусски — *утка*, *утишка*, также *качка*) — женскій символ, большою частію грустный. Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ уткою сравнивается сирота-невѣста, напрасно призывающая умершую мать ³⁾ или отца. Въ другой свадебной же пѣснѣ съ уткою, которая боится зимы, сопоставляется невѣста, которая боится житья у свекра ⁴⁾. Дѣвица, которая груститъ о томъ, что мать не пускаетъ ее гулять, сопоставляетъ себя съ уткою ⁵⁾. Молодець называетъ свою возлюбленную въ ласкательномъ смыслѣ сѣрою уткою ⁶⁾, а дѣвицу, которую молодець любилъ, но которая просватана за другого, онъ сравниваетъ съ застрѣленною уткою ⁷⁾. Въ одной пѣснѣ съ уткою сравнивается вдова, ходящая плакать на могилу своего мужа ⁸⁾. Въ козацкой пѣснѣ съ уткою, пла-

1) Перепилючка мала, невеличка,
По полю лятае, траву прогортае;
Траву прогортае, голуба шукае.

2) Перепилючка мала, невеличка,
Очереть прогортае, сокола шукае:
„Соволонюку асний, молодець ти красний!
Гордуешь ти мною, якъ антеръ травою,
Туманъ долиною, сонце каливою,
А морозъ водою, козакъ дивчиною“.

3) Ой плавала сира утка тихо по воді;
Ой кликала Марусенька матинку къ собі:
Прибуди, прибуди, моя мати, тепера ко мни;
Ой дай мни порадонюку бидний сироти.

4) Пливє утинка коло берега,
Коло липи, коло кориння,
Та боиться вона лютой зимі;
Ой хочъ вона боиться, хочъ не боиться,
Та на мори зимовать буде.
Ой боиться Марьечка свекорка свого
И наруганячка его;
Хочъ боиться вона, не боиться,
Та у свекорка викувать буде.

5) Та на мори утинка купалася,
Та на бережку сушилася;
Я, молода, журилася:
Мене мати не пускала
И въ комирочку замикала.

6) Дивчинонько, сира утко, чи сватати хутко?

7) Та вже моя утинка,
Та застреленая, та й повесеная;
Та вже моя дивчина,
Та полюбленая, та й засватаная.

8) — Ой не литай, сира утко, до озера води пити;
Засидають два стрельчани, хочуть тебе вбити. —
„Ой якъ мни не литати до озера води пити:
Есть у мене на озері маленькі дити,
Въ мене дити маленькі недужають въ степъ летити“.

взвощю по озеру, сопоставляется плачущая жена козака, ушедшаго въ походъ ¹⁾. Утка означаетъ мать въ одной весенней игрѣ съ принадлежащею пѣсней ²⁾.

Селезень (по-малорусс. *селезень*, также въ западной Малороссіи *качуръ*)—образъ молодца ³⁾ вмѣстѣ съ уткой, означающею дѣвицу, составляетъ подобіе любовной пары ⁴⁾, а въ свадебныхъ пѣсняхъ—женіха и невѣсты ⁵⁾. Въ одной

— Ой не ходи, удивонько, на цвинтарь тужити:

Засидать два диверки, хочуть тебе вбити.—

„Ой якъ минн не ходити на цвинтарь тужити:

Положила миленького, zostалися мои дити,

Мои дити малолити, ни зъ кимъ минн жити“.

(Метл. 291).

¹⁾ На бистрому на озері геть плавала качка.

Не по однимъ козаченьку плакала козачка.

(Максим. изд. 1834. 112).

²⁾ Утка йшла по берегу,

Сирая по крутому,

Вела дитей за собою,

И старого и малого,

Й середнего зъ надъ-бильшого.

Пиди, утиця, до дому:

Въ тебе семеро дитей,

Восьмий селезень,

Десятая утка,—

Ворочайся хутко!

³⁾ Пливи, пливи, селезеню, ноки води стане;

Вийди, вийди, хлопчино, якъ вечеръ настане.

⁴⁾ Ой ти селезень, а я утинка;

Ти полинешь, а я тутенька.

Иля:

Ой на ставу, на ставочку,

Піймавъ качуръ чирничку,

Посадивъ в подли себе,—

Люблю тебе, якъ самъ себе.

(Чт. 1863. IV. 317).

⁵⁾ Де бувъ селезень?

Де була утинка?

Селезень на ставку,

Утинка на плавку;

А теперъ же вони

На однимъ плавку,

Та идать же вони

Дрибную ряску,

Та пьють же вони

Зъ одной криници.

Де бувъ Пархимко?

Де була Кулинка?

Пархимко у батенька,

Кулинка у свого,

А теперъ же вони

За однимъ столомъ.

пѣснѣ изображается козакъ, который везетъ на возѣ дѣвцу ¹⁾; онъ сопоставляется съ селезенью, а дѣвица съ уткою; послѣдняя проситъ у селезня позволить ей покупаться, а селезень отвѣчаетъ, что пустить ее, но въ степи ²⁾ (тамъ, гдѣ она не можетъ въ свое удовольствіе воспользоваться свободой); такъ и козакъ общается дѣвцу, которую взялъ въ дѣвичьемъ вѣнкѣ, пустить подлѣ уборомъ замужней женщины ³⁾ (или дѣвушки, потерявшей невинность и, потому, обязанной покрывать волосы). Въ весенней игрѣ селезень представляется молодымъ, выбирающимъ себѣ дѣвцу ⁴⁾.

Утки, плавающія попарно, возбуждаютъ тоску въ одинокомъ молодцѣ, по противоположности образа, видимаго имъ, съ его собственнымъ положеніемъ ⁵⁾.

Утка и селезень, подобно многимъ другимъ птицамъ, переноситъ вѣсти ⁶⁾.

Лебедь (по малорусс. *лебидка, лебидонька*, множ. *лебеди*)—также символъ женскій, и плаваніе лебедей сопоставляется съ разными видами женской жизни. Дѣвица выходитъ на гулянье и сравниваетъ себя съ бѣлою лебедью на Дунаѣ ⁷⁾. Молодець говоритъ, чтобы дѣвица привыкала къ чужой сторонѣ, и сопоставляетъ это привыканіе съ плаваніемъ лебеди по теченію воды ⁸⁾. Съ плаваніемъ лебеди

¹⁾ Козакъ іѣде на конику,

Дивку везе на возику,
Поганя коня та дрючиною,
Називае дивчину дружиною.

²⁾ Селезень летить, утинку кличе,

А въ его утинка та прохалася:
„Ой пусти мене, мій селезеньку,
Та мижъ утата та покупатися“.
— Не тутъ тебе взявъ и не тутъ пушу.
Узявъ я тебе на синимъ морі,

³⁾ Узявъ я тебе въ чистому поли.

Пушу я тебе та у виночку,
Пушу я тебе та у рубочку!

⁴⁾ Ходить качуръ въ гороховимъ винку;

Вибирай си, качурику, що найкрасчу дивку. (Чт. 1866. III. 689).

⁵⁾ Ой зійду я на горбочокъ,

Та гляну я на ставочокъ:
Пливуть качки въ два рядочки,
Одно другого вперезае,
Кожна соби пару мае;
А я живу въ Божій карі,
Не давъ мниі Господь парі.

⁶⁾ Доливъ, доливъ, качурику, доливъ за водою,

Поклонись мому роду, що я сиротомъ. (Чт. 1863. IV. 238).

Или:

Ой пушу я утку по тихимъ Дунаю:
Пливи, пливи, утко, де родину маю. (Чт. 1863. IV. 451).

⁷⁾ Ой виїду я на улицю, гуляю, гуляю,

Якъ білая лебидонька на тихимъ Дунаю.

⁸⁾ Пливуть лебеди та по тихій воді,

Тихо за водою;
Привикай, привикай, молода дивчино,
Помижъ чужиною.

противъ теченія сравнивается грусть разлуки ¹⁾. Дѣвица просить козака не обезславить ее и сопоставляетъ себя съ лебедью, плавающею поперекъ пруда ²⁾. Двое лебедей, плавающихъ вмѣстѣ, имѣютъ символическое соотношеніе съ любовью и вступленіемъ въ бракъ ³⁾. Двое лебедей, пьющихъ воду и потомъ разлетѣвшихся—образъ любовниковъ, подобный тому, какой существуетъ и относительно голубей ⁴⁾. Дѣвица жалуется своему возлюбленному, что она уронила въ воду свой вѣнокъ изъ руты, и молодецъ отвѣчаетъ, что у него есть пара лебедей: онъ пошлетъ ихъ ловить вѣнокъ; но лебеди не могли уже поймать вѣнка ⁵⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ лебеди расплели навѣки косу невѣсты ⁶⁾.

Лебедь прилагается также и къ замужней женщинѣ ⁷⁾. Съ лебедями, которые, плавая, треплять крыльями, сопоставляетъ себя женщина, которая не можетъ свыкнуться съ чужою стороною ⁸⁾. Лебедь съ лебедятами—образъ матери, обремененной семействомъ ⁹⁾.

1) Ой якъ лебидоньци плисти проти води тяжко,
Такъ мини, козаченьку, жити безъ тебе важко. (Метл. 109).

2) Ой плавала лебидонька та поперекъ ставу;
Не вводи мене, козаченьку, въ великую славу.

3) Два лебеди на водѣ—обоє биленьки;
Ой будемо, сердце, въ пари, бо ще молоденьки.

4) Коло мину, коло броду,
Два лебеди пили воду,
Напившися полетили,
Крильцями стрепенули,
Про любови спомянули. (Лавр. 88).

5) Ой не турбуйся, молода дивчина, о своей пригоди;
Мамъ жъ бо я пару лебедивъ;
Попливуть проти води.
Лебеди плывуть—виночки потонають...

6) Ой сидили лебеди на водѣ,
Та полетили на рики;
Роспустили русу косу на вики:
Отсе тобі, Марьечко, за тое,
Не плети кисоньку у двое!

7) Ой плавала лебидонька за тихою водою;
Дала мати дочку замужъ молодю.

8) Пливуть лебеди
Та по тихій водѣ,
Крильцями треплять;
Чужа сторона,
Въ мене роду нема,—
Тутъ я не привикну. (Лавр. 92).

9) Ой на морі на синенькому
Пливе лебедь зъ лебедятами,
Изъ маленькими дитятами.
Ненько наша, лебидочко,
Погодуй насъ хочъ гршечки,
Погодуй насъ хочъ годочокъ,
Поки вбьемось у пушочокъ,
А зъ пушочка та въ крильчки,

Подобно другимъ птицамъ, и лебедь говорить то, что видитъ и знаетъ, *говорить правду*, по пѣсенному образу выраженія. Это мы встрѣчаемъ въ одной пѣснѣ, и страннымъ способомъ: орелъ принуждаетъ лебедь говорить правду; онъ бьетъ ее, и лебедь высказываетъ ему, что дѣлается въ городѣ Кистринѣ, гдѣ происходитъ битва московскихъ людей съ татарами. Рѣки протекають кровавыя, мостять мосты головами солдатскими ¹⁾. Подобный образъ встрѣчается въ великорусской хороводной пѣснѣ, гдѣ также орелъ нападаетъ на лебедь и терзаетъ ее. Есть въ малорусской пѣсенности очень замѣчательный образъ, также близкій къ упомянутымъ выше образамъ страданія лебеди. Дѣвица беретъ воду и загоняетъ лебедь съ лебедятами: вдругъ гдѣ ни взядся стрѣлецъ; онъ убилъ лучшую лебедь; перья лебяжьи рассыпались по лугамъ, а кровь разлилась красными рѣками: это не кровь—это красота дѣвичья ²⁾. Здѣсь, какъ будто облюмокъ какой-то мнѣологической исторіи, въ которой лебедь была женщина. Это можно заключить изъ того, что въ великорусскихъ былинахъ есть личность женскаго пола, называемая «лебедь бѣлая»; ея древняя исторія распалась на совершенно противоположные и несходные образы, дошедшіе до насъ въ былинахъ: по однимъ вариантамъ, эта лебедь бѣлая—вѣрвая и любимая супруга любящаго ее богатыря, по другимъ—она коварная предательница того же богатыря, который является уже грязнымъ пьяницею.

Въ одной козацкой пѣснѣ съ крикомъ лебеди на морѣ сопоставляется грусть черноморцевъ, потерявшихъ своихъ коней ³⁾.

Стрепнемся, та й полвнемо

Въ чистее поле живитися:

Тоди перестанемъ журитися.

- ¹⁾ Ой на мори на синенькому
Тамъ плавала бяла лебидонька
Зъ маленькими лебедятами.
Де ся взявъ сизоирий орелъ,
Ставъ лебидку бити й забивати,
Стала лебидка до ёго промовляти:
„Ой ни бий мене, сизоирий орлоньку,
Скажу тобі всю щирую правдоньку:
Якъ у тмѣ мисти у Кистрини
Та бьется орда уже три дни,
Бьется вона три дни й три години,
Розбилася вона на три половини;
Течуть рички та все кровавіи,
Черезъ ти рички мостять мости,
Мостять мости та все головами,
Головами та все московськими“.

(Макс. пѣс. 116).

- ²⁾ Ой плавала лебидочка зъ лебедятами;
Де ся взяла чорнявая воду брати;
Вала тні лебедята ваганяти;
Де ся взявся жвавий хлопень ше й стрилецъ,
Убивъ соби що найкрасчий лебедець.
Порозсилавъ биле ширя лугами,
Порозливавъ кровь червону риками,
То не кровь—то дивочая краса.

- ³⁾ Ой плавала лебидонька на синему мори;

Лебеди иногда являются въ пѣсняхъ вмѣстѣ съ гусьми и даже какъ бы одною птицею подъ двойнымъ названіемъ во множественномъ числѣ—гуси-лебеди. Такимъ образомъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ поется, что гуси-лебеди, означающіе здѣсь свадебныхъ гостей, зовутъ невѣсту на посадъ. Очень замѣчательна одна галицкая колядка, въ которой гуси-лебеди изображаются сидящими на деревѣ и видящими съ него то, что творится въ чистомъ полѣ и на синемъ морѣ. Они видятъ: плыветъ корабль, въ немъ красавица дѣвица; она обращается къ какому-то молодцу и проситъ взять ее съ корабля, обѣщая награду отъ братьевъ, которыхъ у нея семьдесятъ, а изъ нихъ трое родныхъ ¹⁾. Образъ непонятный и такъ какъ онъ является въ колядкахъ, то, вѣроятно, онъ древній и, можетъ быть, обломокъ какого-то мисологическаго представленія.

Гуси сами по себѣ не имѣютъ опредѣленнаго символическаго значенія, хотя встрѣчаются въ пѣсняхъ нерѣдко. Съ летящими дикими гусьми сравнивается толпа дѣвиць ²⁾ и толпа козаковъ ³⁾.

Гусиный крикъ—образъ вѣстей ⁴⁾. Тоскующая женщина посылаетъ гусей

Ой тамъ пасли чорноморци въ чистимъ поли кони;
Ой крикнула лебидонька, море переплывши;
Заплакали чорноморци, кони погубивши.

- ¹⁾ А въ лиску, въ лиску, на жовтимъ лиску,
Росте деревце тонко, високо,
Тонко, високо, въ коринь глубоко,
Въ коринь глубоко, листомъ широко.
На тимъ деревци гуси-лебеди
Ой сидятъ же вни, далеко видать,
Ой видать жи вни чистое поле,
Чистое поле, синее море;
На синимъ морі корабель пливе,
А въ тимъ кораблі гречна панночка,
Гречна панночка, та й Марусенька,
Обзиваеся до паниченька,
До паниченька, поповиченька:
„Ой паниченьку, поповиченьку!
Ой возьми мене та зъ кораблика,
Бо е у мене симдесять бративъ,
Симдесять бративъ, а три рядненьки,
Ой держать мни та партъ велику,
А якъ мня возьмешъ, все того дадутъ“.

(Чт. 1864. I. 89).

- ²⁾ Летили гуси рядкомъ-рядкомъ,
Крикнули вони разкомъ-разкомъ;
Летили гуси сязокрилі,—
У насъ все дивки чорнобриві;
Летили гуси волохаті,
У васъ все дивки пикаті.
³⁾ Налетили гуси, стали жирувати;
Нахвали козаченьки, стали ночувати.
⁴⁾ Летили гуси рядкомъ-рядкомъ,
Та крикнули гуси разкомъ-разкомъ,
Та вийшли люди дивитися,
Інде Івасько женитися.

къ своимъ роднымъ и велитъ имъ не говорить, что ей жить дурно, а приказываетъ сказать, что она роскошествуетъ ¹⁾, и въротно гуси, въ одной пѣснѣ такой женщины принесли вѣсть отъ ея родныхъ, такъ какъ она, упомянувши о гусахъ, просится у своего мужа къ роднымъ ²⁾. Летаніе дикихъ гусей, какъ вообще летаніе птицъ, наводитъ грусть о прожитыхъ лѣтахъ ³⁾, а дѣвушка, потерявшая невинность, изображается гонящею гусей на рѣку и въ то же время плачущею о своемъ горѣ ⁴⁾.

Въ одной пѣснѣ плаваніе гусей сопоставляется съ любовною бесѣдою ⁵⁾, а въ другой женщина, желающая погулять, сравниваетъ себя съ гусыней ⁶⁾.

Чайка (по-малорусски называется не та птица, которая носитъ это названіе въ Великороссіи, но та, которая по-великорусски называется *чубисом* или *пылолицею*) въ одной очень извѣстной пѣснѣ изображаетъ бѣдную мать, которой плохо жить: и жнецы хотятъ забрать у ней дѣтей, и птицы ее обижать ⁷⁾. Въ ней обыкновенно видятъ аллегорическое изображеніе Малороссіи:

¹⁾ Пливить, пливить, били гуси, та до мого роду,

Та не кажить, били гуси, що я тутъ горюю,

А скажете, били гуси, що я роскожую.

²⁾ Ой у броду, броду, или гуси воду;

Пусти мене, мій миленькій, та до мого роду,

Бо я въ свого роду ище не гуляла,

И въ своен родиньки въ гостяхъ не бувала.

³⁾ Изъ-за гори високом гуси вилитать;

Ще роскоши не зазнала, вже лета минають;

Не зазнала въ отця, въ неньки, замижемъ не буду;

Почимъ же я лета мои споминати буду?

⁴⁾ Ой гля, сирі гуси, гля на Дунай!

Завязала головоньку,—теперь сиди та й думай!

Ой гля, гля, сирі гуси, гля на море!

Завязала головоньку,—горе жъ мни, горе!

⁵⁾ Пливить, гуси, пливить, гуси, бистромъ риею;

Види, види, дивчинонько, розмовся зо мною

⁶⁾ Коби мни не ченець, не шовкова хустка,

То я бъ соби погуляла, якъ на ставу гуска.

⁷⁾ Ой беда чайци,

Чайци небози,

Що вивела дитки,

При битій дорози,

Киги, киги! злетивши въ гору,

Тильки втопиться въ Чорному морю!

Жито поснило,

Приспало дило,

Йдутъ женци жати,

Дитокъ забірати.

Ой дити, дити,

Де васъ подити?

Чи мни втопиться,

Чи зъ гори убиться?

И куликъ чайку,

Взявъ за чубайку;

ее приписывали то Хмельницкому, то Мазепѣ, то послѣднему запорожскому атаману Калнышу. Но едва ли въ своемъ корнѣ это не народная пѣсня, гдѣ, наравнѣ съ другими символическими образами, взятыми изъ жизни птицъ, обычными въ народной поэзіи, изображается бѣдная, горемычная мать. Въ Кіевской губерніи мы слышали отрывки думы о чайкѣ, въ которой подъ видомъ этой птицы рассказывается аллегорически судьба бѣдной матери семейства, обижаемой сильными людьми; но, къ большому сожалѣнію, невозможно было записать ее, оттого что кобзарь почти совершенно позабылъ ее и, вспоминая отрывочно разные мѣста, не могъ пропѣть или проговорить ничего въ стройномъ видѣ.

Подобный образъ бѣдной семьи представляетъ пѣсня о птичкѣ *ремезъ*. Обращаются къ этой птичкѣ съ совѣтомъ не вить гнѣзда надъ водою—надъ Десною, потому что рѣка можетъ затопить дѣтей ея ¹⁾. Вариантъ этой пѣсни,

Чайка кигиче:
 „Згнй ти, куличе,
 И бугай дугу,
 Ще зь лози дугу!“
 — Не кричи чайко,
 Бо буде тяжко! —
 „Якъ не кричати,
 Якъ не литати:
 Дятки маленьки,
 А я ихъ мати!“
 Ой бнда чайци,
 Чайци ребови,
 Що вивела дитки,
 При самій дорози:
 Хто йде, той ихне,
 Таки дурно не мине,
 Кигичь, кигичь,
 Злетивши въ гору,
 Тильки втопиться
 Въ Чорному морю.
 И куликъ чайци
 Не пидмогою,
 Тилько зневага,
 Що близьо дороги.
 И бугай дугу,
 Не вдавайся въ тугу.
 Бо повншу чайку,
 Не кричи въ дугу!
 Якъ не кричати,
 Якъ не плачати:
 Дятки маленьки,
 Жаль—я ихъ мати!
 Всякъ хоче бити,
 Никому хоронити
 Дяточокъ въ гневди,
 При тяжкій биди.

(Вариантъ южн. части Ворон. губ.).

¹⁾ Ой ти ремезе, ти ремезоньку,
 Та не мости гнѣзда надъ Десною;

съ прибавленіемъ, обращается въ щедровку. Совѣтуетъ ремезу не вить гнѣзда въ чистомъ полѣ, гдѣ за плугомъ ходять святые Петръ и Павелъ, а Божія Матерь носить нивъ ѣсть и молить Бога объ урожаѣ; совѣтуетъ ремезу свить себѣ гнѣздо въ лѣсу: орѣшникъ будетъ развиваться и прикроетъ его птенцовъ ¹⁾.

Куликъ въ одной пѣснѣ сопоставляется съ бѣдною вдовою, обремененною дѣтьми ²⁾.

Синица въ одной пѣснѣ-колядкѣ собираетъ съ конопли золотую росу и несетъ къ золотымъ дѣлѣ мастеру, чтобы сдѣлалъ ей перстень ³⁾. Есть очень распространенная въ разныхъ вариантахъ пѣсня о свадьбѣ щегла съ синицей ⁴⁾.

Бо Десна Десница що день прибуває,
Вона твоихъ дитокъ позатопає.

¹⁾ Ой ти ремезе, ти ремезочку,
Не клади хатки на льодочку:
Льодочокъ ся буде розтавати,
Твою хату забирати;
Не клади хатки и въ чистимъ полі:
Въ чистимъ полі плужокъ оре,
А въ тимъ плужку чотири воли половні,
А у ихъ роги золотні.

Святий Петро за плугомъ ходить,
Святий Павло воли гонить,
Пресвятая Дива исти носить,
Исти носить, пана Бога просить:
Уроди, Боже, жито-пшеницю,
Жито-пшеницю и всяку пшеницю.
Поклади гнѣздо въ густимъ лѣси,
Въ густимъ лѣси, та на горси;
Горнихъ ся буде розвивати,
Твою хаточку прикривати.

²⁾ Принавь куликъ надъ водою:
За дурною головою
Пшла замужъ молодю,
Тай зосталася вдовою
Зъ маленькими диточками.
Мали дити—мале лихо:
Побильшають, погиршають!

³⁾ Ой у полі конопельки,
На конопелькахъ золота роса;
Ой тамъ синица походила,
Тую росу потрусила,
До злотничка поносила:
Ой злотничку, голубочку,
Искуй мнѣ перстеняка.

⁴⁾ Ой свѣь соби щеглякъ, та й думаетъ;
Загадався: женитися має;
Полюбивъ соби синицю, прекрасную птицю,
Хорошую та гожую, горобця сестрицю.
Соловей коника седлає,
Веселья збирає.

Но однимъ вариантамъ всѣ птицы на этой свадьбѣ вели себя благочинно; сначала описывается ихъ обѣдъ ¹⁾, потомъ танцы, какъ слѣдуетъ на свадьбѣ ²⁾.

Сокиль за дружбу,
 А староста журавель,
 Сорока святилка,
 Сваха перепилка,
 Журавель зъ гусакомъ настройте музыки,
 Кани ся закрала,
 Курчать покрала
 На шиглове весилья.
 Кошту пидняла.
 А джмилъ меду додае,
 Всихъ гостей приймае,
 А сорока плеше,
 Гостей припрашае.

По другому варианту:

Самъ панъ орель за старосту,
 Шпакъ за дружбу, косъ въ ту службу.
 Хрущъ зъ крукомъ маршалкомъ,
 Журавель хоружимъ,
 А индикъ—панъ синдикъ,
 Боцанъ—пидхоружимъ,
 Пава садитъ каретою,
 Кани иде пихотою,
 Куропатва, перепилка—
 Свашка пристойная двѣка,
 А соя для покоя за пани сваху.

- ¹⁾ Шляхетний боцанъ свини близъ индика,
 А журавель при боку самого синдика,
 Орель сидитъ коло пави,
 Напившися сладкой кави,
 А тетери шафранъ терли,
 Даютъ обидъ соби,
 А гусакъ инсть въ смакъ кашу и зъ росоломъ,
 Лебедь пие, гукае, сидитъ за столомъ,
 Орель бере за печеню,
 Яструбъ напхавъ повну жменю,
 А кани ся запихае,
 Сорока вина додае,
 А павя ласкава гости частуе.
- ²⁾ Вставши гости по обиди, ввалися до танцю,
 Орель погланувъ на паву: пий моя коханиц!
 Журавель сою понть,
 Боцанъ зъ канею ся стронть.
 Зъ соколомъ зазуль коломъ на передъ ними,
 Крогулець иде въ танецъ, взявши соби пляшку;
 Когутъ квакъ заспивавъ, винивъ меду миску,
 А гупало дае знати—
 Вивать палить изъ гармати;
 Качоръ пороху додае,

Но въ другихъ вариантахъ дѣло ованчивается дракою и невѣста должна бѣжать ¹⁾; щеголь сталъ печалиться о женѣ, и воробей указалъ ему, что она на крапивѣ. Она убѣгаетъ отъ него потому, что онъ больно щипается ²⁾. По другому варианту онъ ее находитъ на калинѣ и приводитъ къ себѣ ³⁾.

Тема этой пѣсни очень древняя: она не только является въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ народовъ (напр., великорусскія Сахарова 222. 223. Пѣсни разг. № 26 — польскія Козловскаго Lud. zesz. 11.152), но и въ нѣмецкихъ, гдѣ, однако, женихомъ представленъ соловей, а невѣстою снегирь (Umland Volksl. № 10).

Чечотка въ одной очень распространенной у странствующихъ слѣпцовъ и кобзарей, аллегорически-шуточной пѣснѣ — мать семи дочерей, которыхъ выдаетъ замужъ ⁴⁾. Она угощаетъ своихъ зятьевъ, а потомъ ѣдетъ къ нимъ въ

Во му стрельби не достае,
 Все стройно, достойно и циломудрно.
 Ще ся натимъ не стало и часъ не збувае:
 Ще разъ больше гостей прибывае,
 Пришла чапла изъ работи,
 А чайка робить хворботи,
 Музиканти въ горобанти грають добраничъ.
 Скворонки на скрипки, канарки спивали,
 Яструби на труби, дудки на цимбали,
 Ластивки на свиставки, соловіи на обон,
 А бекаси тнуть на баса:
 Согласно, прекрасно и концентовно. (Zeg. S. 11. 98—100).

¹⁾ Сова сидитъ за столомъ, скося поглядае,
 А ворони стари жони пишли танцювати,
 А кричище вявъ дрючище, пишовъ идогонати.
 А сичъ на порози ставъ на сторожи,
 Погудькало уперлося, лягло на дорози,
 А горобецъ вився, зъ черногузомъ побився,
 Якъ ударивъ черногуза, ажъ той повалився,
 Якъ вяли ся бити, вяли мордовати,
 Молодая синица мусила втнеати.

²⁾ Сивъ щигликъ замурился, сивъ тай думае:
 Оженився утратився: а жинки не мае;
 Горобчикъ братичокъ его иоражаетъ,
 Гляди ві на крапиви — тамъ вона сидаетъ.
 Заросився щигликъ по сами колінца,
 Шукаючи на синицю доброго полинца.
 Навиженая синица щигла покидае,
 Во боиться его слубия, що добре кусаетъ.

³⁾ Горобчикъ хлопчикъ добрый ему приятель...
 Закотивъ си щигликъ штани по сами колінца,
 Ходить, глядитъ и шукае и жинки нитаетъ.
 Иди, швагру, на калину: такъ вона сидаетъ,
 Прививъ ві до дому, посадивъ на прилавку,
 Посадивъ на прилавку, давъ ій паланницю.

⁴⁾ Полетела чечоточка въ вишневи садокъ;
 Ой вивела чечоточка семеро дитокъ;

гости и вездѣ получаютъ дурной пріемъ. Пѣсня эта имѣетъ подобіе думы и любима народомъ. Есть подобнаго содержанія дума, гдѣ разсказываются подобныя

Явдосю, Хвевросю, Орину и Марину и Горпину ѿ Катерину.

И Настусю свою,

Що найменшую,

Що найкрасчюю.

Ой вона жь ихъ годовала ѿ замизь отдавала:

За Ивана Явдосю, за Романа Хвевросю,

За Демида Орину, за Давида Марину,

А Горпину за Яцько, Катерину за Стецько,

А за пана за Самійла Настусю свою,

Що найменшую,

Що найкрасчюю.

Наихали до чечотки любіи зятя,

Поставили короговци та все хороше:

Изъ Харькова панъ Иванъ, изъ Зинькова панъ Романъ,

Изъ Полтави панъ Демидъ, зъ Кременчука панъ Давидъ,

Изъ Хорола панъ Яцько, зъ Пирятина панъ Стецько,

А зъ Чернечого села панъ Самійло.

Наихали до чечотки любви старости:

И Данило и Борисъ, и Гаврило и Денисъ,

И панъ Марко и Захарько ѿ Северинъ.

Наихали до чечотки любіи свашки:

Кася, Вася и Гануся, Сося, Прися и Маруса,

ѿ Варварина любая дитина.

Сама сила чечоточка та на покути,

Якъ и стала чечоточка пити та гуляти,

И просила вона Бога и молила за мужа своего,

ѿ за себе саму:

Поздоровъ, Господи, самого того,

Господина чечота ѿ чечотку его,

И зятей и дитей, и свашокъ и дружокъ,

И бояръ и старость, подстарость, и музикъ и возникъ,

И всихъ домовихъ.

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ людей,

Поздоровъ Господи приѣзжихъ гостей,

Щобъ пили, гуляли, танцювали.

Жартовали, медъ-вино подпивали,

Пивомъ ся похмеляли.

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ зятивъ,

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ дочокъ,

Колибъ ви, Господь давъ, дочечки здорови були,

Колибъ ви, кожна, по симъ дочокъ привели,

Колибъ ви, сванечки, здорови були,

Колибъ по симъ синивъ кожна привели.

Просилася чечоточка у свого чечота,

Просилася чечоточка у свого старого:

Пусти мене мій старенький до зятивъ погуляти.

До Харькова одъ Лубень

Чухрала первый день,

приключенія тѣщи уже безъ всякой аллегоріи. То же содержаніе служитъ предметомъ старой великорусской пѣсни, и мы думаемъ, что пѣсня эта въ своемъ основаніи принадлежитъ къ древнимъ.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХЪ.

А. Птицы и насекомыи.

Павликъ (по-малорос. *pava*) иногда изображаетъ женщину ¹⁾. Чаше въ пѣсняхъ встрѣчается не сама эта птица, а перья ея; изъ нѣтъ дѣвица дѣлаетъ

До пана Ивана до любезного своего,
А у пана Ивана погуляла,
Якъ собака коло ворять постоляла;
До Зинькова одъ Лубень
Чухрала другій день,
До пана Романа до любезного своего,
А у пана Романа погуляла, поживилась,
Якъ сучечка кришь ворота подивилась;
До Полтави одъ Лубень
Чухрала третій день,
До пана Демида до любезного своего,
А у пана Демида погуляла,
Якъ корова край кошари постоляла;
До Кременчука изъ Лубень
Чухрала четвертій день,
До пана Давида до любезного своего
А у пана Давида погуляла,
Зъ помійниці помні похлибтала;
До Хорола изъ Лубень
Чухрала пятій день,
До пана Яцька любезного своего,
А у пана Яцька погуляла,
Вси мисочки, тарилочки полезала;
До Пирятина въ Лубень
Чухрала шостій день,
До пана Грицька до любезного своего,
А у пана Грицька погуляла,
Якъ кишечка пидъ столомъ поникала;
До Чернечого зъ Лубень
Чухрала семий день,
До пана Самійла зятя своего наймилшого.
А у пана Самійла погуляла,
Дубовихъ кнѣвъ скуштовала,
Втикаючи тнии поламала.
Якъ прибигла чечоточка до дому,
Поздоровъ, Боже, самого того,
Господина чечота и чечотку его.

¹⁾ Прилетила пав,
Прибизжала мила.

себѣ вѣнокъ (павяный вѣнокъ): такъ въ одной очень распространенной колядкѣ, которую поютъ дѣвчата¹⁾. Въ галицкой колядкѣ павяный вѣнокъ срываютъ съ дѣвчаты вѣтры²⁾. Дѣвица ищетъ свой вѣнокъ и на берегу рѣки встрѣчаетъ рыболововъ, которые, на вопросъ дѣвчаты: не видали-ль они ея вѣнка, спрашиваютъ ее: что имъ будетъ, когда они поймутъ ея вѣнокъ. Дѣвица обѣщаетъ одному золотой перстень, другому платокъ, а третьему саму себя³⁾. Въ иной колядкѣ поется, что въ Угорской землѣ нива заборонена павлинымъ перомъ⁴⁾. Образы эти, конечно, древни: павлиныя перья издавна были естественнымъ украшеніемъ, вещью обычною въ домашнемъ обиходѣ. Потому-то и козакъ, прощаясь съ родными и желая сказать, что онъ никогда не возвратится домой, говоритъ, что когда павлиное перо потонетъ, тогда родные дожнутся его⁵⁾. Здѣсь павлиное перо приведено, конечно, какъ предметъ часто попадающійся на глаза. Должно думать, что павлиное перо встарину было дѣвичьимъ украшеніемъ преимущественно въ зимнее время, когда не было ни зелени, ни цвѣтовъ на вѣнках, и можетъ быть оттого-то павлиныя перья играютъ роль въ колядкѣ, одной изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ исключительно зимняго времени. Затѣмъ оно стало символомъ убранства и довольства и въ послѣднемъ смыслѣ изображается нива, забороненная павлинымъ перомъ.

¹⁾ А въ лиску, въ лиску, на жовтнмъ пьску,
Тамъ нава ходитъ, пирьлячко ронить;
Марьечка ходитъ, пирьлячко збира,
Пирьлячко збира, въ рукаведь слада,
Зь рукавця бере, виночокъ плете.

²⁾ Пошла дивчина рано по воду,
Та сконилися буйни витрове,
Буйни витрове, шайни дождчове,
Та ископили павяний винокъ,
Занесли его въ тихий Дунаецъ.

³⁾ Та надійшли туда три риболови.
„Помай Бигъ, май Бигъ, три риболове,
Три риболови, паньски синове.
Чи не стричали павляний винокъ?“
— Бодай здорова, кгречна панночко,—
Хоть и стричали, коли не знали:
А шождъ намъ буде за перемещъ?—
„Едному буде хустка шовкова,
Хустка шовкова зь биломъ ши;
Другому буде золотий перстень,
Золотий перстень зь билого палця;
Третому буде сама молода,
Сама молода та якъ ягода“.

(Чт. 1864. I. 85—86).

⁴⁾ Угорська земля пречъ поерана,
Пречъ поерана и посиана,
Павянымъ перцемъ заволожена,
Ясними мечя обгороджена,
Обгороджена одъ злон тучи.

(Чт. 1864. I. 5).

⁵⁾ Толи я, нене, приїду до васъ,
Якъ навине пирье на спидъ потоне,
А мяновий каминь на верхъ вилине.

(Макс. Сб. У. Д. 107).

Пѣтухъ (по-малоросс. *півень, півникъ*, древн. *куръ*. Въ зап. Малоросс. польское: *когутъ*) и *курица* (по-малоросс. *курка, курочка, курточка, кеочка*—наседка) не имѣютъ опредѣленнаго символическаго образа. Въ веснянкахъ дѣвица сопоставляетъ съ кучею куръ молодцовъ, собравшихся на улицѣ, а своего милаго, котораго при ней нѣтъ, съ пѣтухомъ, и проситъ пѣтушка дать ей взаимъ крыльцѣвъ, чтобы полетѣть и узнать, гдѣ ея чернобробый ¹⁾). Въ веснянкахъ съ насѣдкою сравнивается мать, а съ пыпятами—молодцы, и послѣднимъ придаются разныя насѣдливныя признаки ²⁾). Пѣтухъ и курица въ одной веселой пѣснѣ изображаютъ мужа и жену ³⁾). Иногда пѣтухъ—вѣстникъ не счастья: его пѣвие извѣщаетъ мать о смерти сына ⁴⁾). Женщина жалуется, что пѣтухъ разбудилъ ее, и проклинаетъ его ⁵⁾). Оборотъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ древнѣй: подобный есть въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Въ галицкихъ пѣсняхъ есть легендарное преданіе о томъ, что когда русскій Богъ воскресъ, то его увидѣла первая жидовская дѣвочка и сказала своему отцу; но старый жидъ отвѣчалъ ей, что еслибъ она не была его дочь, онъ бы за такія слова приказалъ бросить ее въ Дунай: вустъ жаренный пѣтухъ, что лежитъ передъ нимъ на тарелкѣ, полетитъ, тогда онъ повѣритъ, что русскій Богъ возсталъ изъ мертвыхъ. Вдругъ пѣтухъ полетѣлъ, и жидъ остолбенѣлъ ⁶⁾.

1) Вся курочка до купочки, півень ходитъ рязно;

Уси хлопци на улицѣ, а мій ходитъ півно.

Курашечко, чубашечко, позичъ мини крыльцѣ,

Ой полину, одвидаю, де мій чернобривецъ.

2) Ой сидѣла квочка та коло клячка;

Та вивела квочка четверо дитокъ:

Иваська, Петруська, Василька, Миколку;

У того Иваська та кривні ноги,

У того Петруська кучерява голова,

У того Василька великіи зуби,

У того Миколки блині руки.

Кривими ногами жаръ загрибати,

Кучерявою головою пичъ винятати,

Великими зубами кориння глотати,

Билими руками листи висати.

3) На улицѣ півничокъ громаде,

Ой винъ свою куриночку проваде:

„Иди, иди, куриночко, до дому,

Та не давай пирьчѣка ни кому“.

— Хйба жъ би я, півничку, безъ ума,

Щобъ я свое пирьчѣко давала.

4) Злетивъ півень на ворота,

Каже: кукуруку!

Не споднайсь свого сына,

Матинко, до вилу.

5) Бодай той когутъ знидивъ,

Що менѣ рано збудивъ!

6) ... Ой дивча, дивча жидивча.

Ой кобись то такъ не моя дитина,

Я казавъ би ты въ Дунай кинути,

Втоди русскій Богъ изъ мертвихъ устави,

Галка—отчасти женскій символъ. Соколы представляются молодцомъ ей подь пару ¹⁾. Предостерегаютъ галку, чтобъ она не летала въ вишневый садъ: тамъ соколъ караулитъ ее, сидя на яворѣ; пусть дѣвица не ходитъ рано за водою: тамъ стережетъ ее козакъ ²⁾. Эта пѣсня какъ будто изображаетъ древнее умыканье дѣвицъ у воды. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, какъ мы уже указывали, говоря о кукушкѣ, галки означаютъ свадебныхъ дружекъ. Нерѣдко и одиночно дѣвица сравнивается съ галкою ³⁾. Но галка не исключительно изображаетъ только женскій полъ; есть пѣсня, въ которой галки сопоставляются съ козаками ⁴⁾. Въ одной сиротской пѣснѣ одинокій молодецъ въ чужой сторонѣ какъ бы сопоставляетъ самъ себя съ галкою, которая сидитъ на соснѣ, качаемой вѣтромъ ⁵⁾.

Галка—вѣстница. Она кличетъ новобрачную на посадъ, напоминая ей, что уже наступило время ⁶⁾. Козаки посылаютъ галку на Донъ ѣсть рыбу и

Коли тотъ каллунъ передъ мя злетитъ,
Передъ мя злетитъ, красно запіе.
Есть передъ жидомъ тарель точений,
Тарель точений, каллунъ печений;
А каллунъ злетивъ, та й на облокъ сивъ,
Красненько запивъ, а жидъ остовпивъ.

- ¹⁾ Чорна галочка невеличечка,
На що сокола перемовила?
Ой не я ёго перемовила:
Перемовило перья чорнее.
Ой дивчинонько молоденькая,
На що Грицка перемовила?
Перемовило личко билее,
Личко билее, слово вирнее.
- ²⁾ Чорная галочко, не лети въ вишневий садъ:
Стереже тебе соколъ, на явороньку сидючи.
Молода дивчино, не йди рано по воду:
Стереже тебе козаченько, на конику сидючи,
На тебе пильно поглядаючи.
- ³⁾ Чорна галочка невеличечка по дороженьци скаче;
Дурна дивча неразумная за козаченькомъ плаче.
- ⁴⁾ Ой галочки, чернопирочки, круту гору вкрили,
Пилили наши козаченьки, жалю паробили.
Ой галочки, чернопирочки, підніміться у гору,
Молоденькі козаченьки, верніться до дому.
Ой ради бѣ ми піднятися,—туманъ налагає;
Ой ради бѣ ми вернутися,—отаманъ не пускає.
- ⁵⁾ Вилетала галка зъ зеленого гайка,
Сила-чала галка на зеленій сосни,
На тоненькій гильци, на самій вершинци.
„Не хитайся сосно, мини жити тошно!
Не ламайся, галко, мини жити тошно!
Гирько сиротини жити на чужини!“
- ⁶⁾ Ой летнула галочка черезъ садъ,
Та крикнула галочка на весь садъ:
Ой часъ тобі, Марьечко, на посадъ.

принести имъ вѣсть отъ кошевого, но галка отказывается ¹⁾. Но подобное порученіе даетъ галкѣ дѣвица: она посылаетъ ее на Донъ вѣсть рыбу и привести ей вѣсточку отъ милаго, и галка исполняетъ порученіе и приноситъ желанную вѣсть ²⁾. Молодецъ, не зная, гдѣ его милая, спрашиваетъ объ этомъ галку, и она сообщаетъ ему то, что ему нужно знать ³⁾. Другой молодецъ поручаетъ галкѣ сообщить его роднымъ, что онъ остался сиротомъ, что у него люди отбили дѣвицу ⁴⁾. Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ галка приноситъ его женѣ роковую вѣсть объ его смерти ⁵⁾.

Соколъ и орелъ—символы мужественной красоты, отваги, удалства; во многомъ оба эти образа сходны между собою до того, что даже существуетъ въ народной поэзіи соколъ-орелъ, какъ бы одна двойственная птица ⁶⁾; но, всматриваясь глубже въ значеніе того и другого образа, можно, однако, найти между ними отличіе. Орелъ заключаетъ въ себѣ болѣе суровости и мрачности: такъ, между прочимъ, орлы представляются терзающими тѣло убитаго козака, между тѣмъ какъ о соколахъ нѣтъ ничего подобнаго.

Соколъ—символическій образъ богатыря. «Не видали ли вы моего сына-сокола?» спрашиваетъ мать козака у его товарищей. «Не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ сбилъ, а за восьмымъ полкомъ сложилъ голову?» съ своей стороны спрашиваютъ у ней козаки ⁷⁾. Мать, лаская сыновей своихъ, называетъ

1) Ой полети, полети, чорная галко, на Днигъ рибѣ исти,
Та принеси, принеси, чорная галко, одъ кошового вѣсти.

Та вжежъ минѣ не литати на Днигъ рибѣ исти,
Та вжежъ минѣ не носити одъ кошового вѣсти.

2) Ой полети, полети, чорная галко, на Днигъ рибѣ исти,
Та принеси, принеси, чорная галко, одъ милого вѣсти.
Полетѣла чорна галка, та й не барилася,
Та принесла таку звѣстку, щобъ не журилася.

3) Галочко моя, галочка чорненька,
Скажи минѣ, галочко, де моя миленька?
А твоя миленька въ лузи надъ водою
Умивається горячою слизою,
Утирається зльляльмъ кропивою.

4) Ой летѣла чорна галка та по надъ водою;
Накажи ти мому роду, що я сиротомъ,
Сиротомъ невеликою недавно остався,
Черезъ тую молоду дивчину, що я величався,
Величався, не смѣвся, думавъ—моя буде;
Розраали добри люде,—дівчинѣ не буде.

5) Ой летѣла черезъ тѣ будинки та чорненькая галка;
Ой зосталася сотничка Харчика, якъ прибудная ярка.

(Мета. 527).

6) Ой пиду я лужкомъ, бережкомъ,
Чи не зостринуся зъ орломъ-соколомъ.
Соколоньку ясний, ой, ти орле мій,
Чи не плаче, чи не тужить дівчинка по мнѣ?

7) „Чи не бачили мого сына-сокола?“

— Чи не то твій синъ, що синъ полковъ убивъ,
За восьмымъ полкомъ головку склавъ?

(Укр. Дум. 148).

нѣ соколами ¹⁾. Въ колядкѣ поется: люди говорятъ: это соколъ летитъ, а тѣсть скажетъ: это мой зять идетъ ²⁾. Также дѣвица называетъ молодца яснымъ соколомъ ³⁾ и употребляетъ это имя въ ласкательномъ смыслѣ, обращаясь къ своему милому ⁴⁾. Молодецъ-соколъ припадаетъ къ окну дѣвицы и проситъ у ней руку ⁵⁾. Съ соколами сравниваются козаки, которые въ одной пѣснѣ прѣзжаютъ ко вдовѣ съ извѣстіемъ о смерти ея мужа ⁶⁾. Молодецъ, желающій жениться, сравниваетъ себя съ соколомъ ⁷⁾, ищущимъ пары, а о дѣвицѣ, которая была разборчива насчетъ молодцовъ и изъ всѣхъ наконецъ избрала себѣ одного милаго, поется, что она перебирала соколами, всѣхъ пустила въ поле, а себѣ оставила одного ⁸⁾. Тотъ же образъ прирученія, который мы приводили выше, говоря о голубѣ, относится и къ соколу ⁹⁾. Упустить сокола—на пѣсенномъ языкѣ значить упустить жену ¹⁰⁾. Новобрачный вступаетъ за брачный столъ соколомъ ¹¹⁾. Какъ соколъ, перелетѣвъ черезъ четыре лѣса, сѣлъ на орѣшникѣ

¹⁾ Сини мои, сини, ясни соколоньки,
Тимъ же я васъ не женила, що ви молоденьки.

²⁾ Люде кажутъ: се сокиль летитъ;
Тестенько скаже: се мій зять иде.

³⁾ Соколоньку ясний, молодець ти красний!

⁴⁾ Ой якъ поидешъ, милий, на ничъ, заграй хочъ въ сопилку,
А я вийду, послухаю, чи ти тамъ сокилку.

⁵⁾ Чи не той то соколонько,
Що зъ орломъ литає,
До виконця підлитає:
Ой стуку, стуку!
Подай, сердце, руку!

⁶⁾ Налетили соколи изъ чужон стороны,
Сили-пали соколи въ удивоньки на дворі,
Криличками увесь дивір укрили,
Ниженьками у синечки вступили,
Оченьками всю світлоньку збудили.

⁷⁾ Сивий соколонько по полю литає,
По своихъ роскомахъ пароньки шукає;
А я молодець въ святи гадаю,
Що я собі пароньки не маю.

(Мета. 45).

⁸⁾ Ой ти, дивонько-перебиронько,
Тождь то си перебираешъ:
Вже вси соколи впустила въ поле,
Но одного не пускаешъ,—
Того сокола дрибненья мова
Золоти крилицы хороши.

(Чт. 1868. IV. 191).

⁹⁾ Сокиль, мати, сокиль, мати, сокиль прилитає!
Давай, донько, принадоньку,—нехай привикає.
Козакъ, мати, козакъ, мати, козакъ прибуває!
Давай, донько, принадоньку,—нехай привикає.

¹⁰⁾ Упустила соколонька, та вже не піймаю,
Розсердила миленького, та вже не вблагаю.

¹¹⁾ Ой зять намъ ся стелить
По подвирю хмелемъ,
По синехъ василькомъ,

и горделиво ивалится передъ лѣсомъ своею быстротою и ловкостью, такъ жѣнихъ, пробѣжавъ села, остановился на избравномъ имъ тестевомъ дворѣ ¹⁾). Когда молодцу говорятъ, чтобъ онъ подождалъ жениться до осени, онъ сопоставляетъ трудность ожиданія съ трудностью летѣть соколу подѣ небо; но ему говорятъ, что какъ ни далеко до неба, а соколу все-таки надобно долетать,—и козаку надобно ожидать, какъ ни кажется ему долго ²⁾).

Образъ печальнаго сокола, которому трудно или вовсе нельзя вить гнѣздъ, сопоставляется съ затруднительнымъ положеніемъ молодца, напр., козака, отбѣжающаго въ походъ ³⁾, или рекрутовъ ⁴⁾).

Есть въ нѣснѣ такой образъ: соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ его: не бывалъ ли онъ на его родинѣ, не печалится ли о немъ шилая, а орелъ сообщаетъ ему, что печалится и плачетъ ⁵⁾). Здѣсь или два козака въ аллегорі-

А къ хати барвинкомъ,
А за столомъ-столомъ
Сивесенькимъ соколомъ.

(Чт. 1866. III. 659).

¹⁾ Линувъ соколонько черезъ три лиси,
Черезъ три лиси, черезъ чотири,
На пятимъ лиси павъ на оришьє,
Павъ на оришьє, зъ лисомъ говорить:
Ой лису, лису, чомъ ти не шумишь?
Чомъ ти не шумишь, чомъ тихо стоишь?
Черезъ тебе лину, крыльцемъ не тину,
Крыльцемъ не тину, пердемъ не рухну.
Іхавъ Івасько черезъ три сели,
Черезъ три сели, черезъ чотири,
На натумъ сели зостановився,
Зостановився въ тестенька на дворі.

(Гильт. 87).

²⁾ Ой високо соколони до неба летати,
Ой далеко козакови до осени ждати;
Хочъ високо, невисоко,—треба долитати;
Хочъ далеко, недалеко,—треба дожидати.

³⁾ Зажурився свий соколоньмо:
Бидна мое головонька,
Що я рано зъ виря вийшовъ:
Нигде систи гнизда звити,
Малихъ дітей росплодити;
Що по горахъ сниги стоять,
А по долинахъ рики протікають и пр,

⁴⁾ Ой зажурився свий соколонько,
Що нигде систи гнизда звити;
Ізавью гниздечко хочъ зъ травици,
Роснушу дитоньки по всій Украини;
Ой самъ полину поле черезъ поле,
Поле черезъ поле, за синее море!
На битій дорози рекрути ступають;
Ой вийшла мати сина признавати.

⁵⁾ Ой на мори на синьому,
Сокил зъ орломъ купается.
Сокил зъ орла питається:

ческомъ образѣ сокола и орла, или же орелъ — дѣйствительно птица, а соколъ — козакъ.

Аллегорическій образъ сокола послужилъ предметомъ для цѣлой думы объ «ясномъ соколятѣ, бездольномъ дитятѣ», относящейся, безъ сомнѣнія, къ разряду пѣсенныхъ народныхъ произведеній о невольникахъ въ Турецкой землѣ. Дума эта рассказываетъ, что соколы, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, свили себѣ гнѣздо шерлатнее (скарлатное), свесли яйцо жемчужное и вывели дитя, которое названо бездольнымъ, то-есть несчастнымъ, потому что ему суждено претерпѣть неволю ¹⁾. Когда старый соколъ полетѣлъ искать живности, стрѣлки изъ Царьграда взяли соколенка, завезли его въ Царьградъ и отдали лицу, которое въ думѣ, по извѣстному намъ варианту, названо Иваномъ Богословцемъ ²⁾. Этому имени едва ли нужно придавать важное значеніе, такъ какъ, вѣроятно, кобзарь замѣнилъ нѣтъ что-то другое, взявши его изъ существующей думы объ Иванѣ Богуславцѣ, о которой мы будемъ говорить впослѣдствіи на своемъ мѣстѣ. Овладевшій соколенкомъ наложилъ на ноги ему серебряныя пугы, а на глаза жемчужную повязку ³⁾, какъ дѣйствительно поступали встарину знатные любители соколиной охоты съ любимыми птицами. Старый соколъ, возвратившись домой, узнаетъ отъ сизокрылаго орла о плѣнѣ своего соколенка и проситъ совѣта, какъ ему повидать свое дитя. Орелъ даетъ ему совѣтъ полетѣть въ Царьградъ и постараться прежде сказать своему дитяти *правду*, чтобъ онъ не прельщался ни серебрянными пугами, ни жемчугомъ, ни тѣмъ, что ему въ Царьградѣ хорошо жить, — пусть онъ поступитъ по-козаки. Какъ будетъ его господинъ гулять по

„Ой чи не бувъ, орле, въ мой сторонѣ,
Ой чи не журиться моя мила обо мнѣ?
Ой журиться, побивається,
Сивоньками умивається.

¹⁾ Вилнули соколи изъ чужой стороны.

Свили-пали въ лѣси, на привоздобному дереву ориси,
И свили соби гнѣздо драгоцінное, шерлатнее,
И знесли вони соби яйце жемчужнее,
И вивели вони соби дитя бездольнее.

²⁾ И полетѣвъ старый соколъ на чужу украину живности доставати;
Винъ живности не доставъ,

А тельки безридне та бездольне ясне ококола, свое ридне дитя,
утерявъ.

И шли стрильци булахивци (?) изъ Царьгорода,
Щерлатнее гнѣздо усмотрѣли,
Орихъ дерево взрубилъ,
И бездольне, безридне ясне сокола соби забрали,
Та въ Царьградъ ёго занесли,
Та Ивану Богословцеву на утиху ему отдавали.

³⁾ Сребрени пуги ему на ноги накладе,

И жемчугомъ глаза *) ему закривае,
И по Царьградѣ онъ похожае,
Свое сердце звеселѣе
И душу свою яснимъ соколямъ утишае.

*) Новѣйшій анахронизмъ.

Царьграду и носить его на руках, онъ пусть какъ будто въ изнуреніи склонитъ свою голову; господинъ смилосердуется надъ нимъ и велитъ своимъ слугамъ снять съ ногъ молодого сокола путы, а съ глазъ жемчугъ, выпустить за Царьградъ на высокій валъ, чтобы тамъ овѣяло его вѣтромъ и соколенекъ сталъ бы здоровъ ¹⁾. Дума не описываетъ, какъ старій соколъ исполнилъ со-

¹⁾ А старій соколъ зъ чужою украини прибуває,

Сизокрилого орла на своей украини стричае:

„Ой, здоровъ, здоровъ, сизокрилий орле!

Якъ ти тутъ живешъ, проживаешъ,

На свой украини пролетаешъ?

Чи чувъ ти, прочувъ, чи бачивъ, пробачивъ,

Чи мое дитя бездольне, безридне, ясне сокола, на мой украини
хочъ мало ще гуляє?“

— Э гей, ни, ясний соколе, твого дитати на сій украини немає,

А твое дитя бездольне, безридне, ясне сокола,

У вири бусурманській,

У каторзи турецькій,

У города Царегради пробуває,

У Ивана Богословца на ёго втихи проживае.—

То старій соколъ до орла сизокрилого словами промовляе:

„Якъ же мина свое дитя бездольне, безридне, ясне сокола, у вичи
увидити,

Свое сердце звеселити?—

Сизокрилий орелъ до ёго словами промовляе,

Бить-то (будто) гирко плаче-ридае:

„Ти не знаешъ, старій соколе, що робити.

Полети ти на Царьгородъ городъ, жалібненько заквили,

Своимъ голосомъ виру бусурманську, каторгу турецьку звесели.

А своему дитати бездольному, безридному, ясному соколати, всо
правду скажи:

Нехай вивъ на серебряни пути не взирае,

На жемчугъ не поглядае,

Що ему тамъ хороше жити,

Е що исти, е що пити,

Та нехай воно соби козацький звичай знае:

Якъ Иванъ Богословець буде по Царьгради городи гуляти

И его на рукахъ носити,

Свое сердце утишати,

То воно соби такъ безпечне головоньку свою нехай склоняе;

То Иванъ Богословець буде велике милосердие мати,

Буде зъ своихъ рукъ слугамъ одавати

И слугамъ своимъ промовляти:

Ой ви слуги мои дорогні

Возьмийте срибини пути дитати бездольному, безридному, ясному
соколати, зъ нигъ скидайте

И жемчугъ зъ головоньки зъ очей здіймайте,

Та за Цариградъ городъ вихождайте,

Та на високий валъ его вигидайте,

Чи не буде тихий витерь повивати,

Чи не буде дитя безриднее, бездольнее, ясне сокола здоровья соби
мати.

бѣть своего друга—орла, но по смыслу рѣчи видно, что онъ сдѣлалъ именно такъ, какъ говорилъ орелъ, и это ему вполне удалось. Господинъ, у котораго находились соколенокъ, приказалъ своимъ слугамъ поступить съ плѣнникомъ такъ, какъ предсказалъ орелъ старому соколу. Его слуги, исполняя повелѣнїе господина, вышли за городъ Царьградъ и покинули соколенка на высокому валу ¹⁾. Это аллегорїя отпуска на волю невольника. Старый соколъ уже дожидался сына и, какъ пришла пора, спустился на землю, подхватилъ на крылья своего соколенка и унесъ на высоту далеко ²⁾. Затѣмъ онъ дѣлаетъ дитяти вопросъ: что лучше—проживать ли въ Царьградѣ или метаться по бѣлому свѣту, и самъ же отвѣчаетъ, что послѣднее лучше перваго ³⁾. Дума оканчивается тѣмъ, что старый соколъ пролетаетъ надъ Царьградомъ, издаетъ жалобный голосъ и изрекаетъ проклятіе на Царьградъ за то, что хотя въ немъ много серебра и золота, изобиліе яствъ и питья, но нѣтъ отрады человѣку ⁴⁾. Дума эта въ дошедшемъ до насъ образѣ, конечно, принадлежитъ мозаичнымъ временамъ и притомъ, сколько намъ кажется, цвѣтущему періоду поэтическаго творчества козацкой пѣсенности; во основа аллегорическаго изображенїя символа очень древняя, и мы полагаемъ, что ранѣе, чѣмъ народное творчество изобразило аллегорически событіе изъ своей человѣческой жизни посредствомъ событія изъ жизни символа, послѣднее уже существовало само по себѣ безъ аллегорїи, по крайней мѣрѣ въ приблизительно сходныхъ чертахъ. Намъ побуждаетъ допускать это предположеніе, болѣе или менѣе приемлительное ко всякимъ подобнымъ аллегорїямъ, то, что всегда символы, кромѣ сонаставительной стороны съ человѣческими дѣйствїями, имѣютъ еще и ироническую сторону: дѣйствуютъ и мыслятъ какъ разумныя существа; сами по себѣ они подлежатъ собственной исторїи, которая хотя и потускнѣвшими отъ времени чертами все еще нерѣдко выказывается.

¹⁾ Го вони тее зачували

За Царьградъ городъ виждали.

Дитя бездолне, безридне, ясне сокола, на високий валъ викидали.

²⁾ А старий сокиль свои крила на землю спускае,

И свое дитя бездолне, безридне, ясне сокола на крила хапае,

Та лидъ високу висоту идношае.

³⁾ До свого дитати бездолного, безриднаго, ясного соколати, промовляє:

А що мое дитя, ясне сокола, чи лучше въ Царигради у Ивана

Богословця проживати,

Чи лучше по бѣлому свиту ганяти?

Ой же лучше, дитя мое бездолне, безридне, ясне сокола, по бѣлому

свиту гуляти,

Нижъ у Ивана Богословця у городи Царигради, у вири бусурманській,

у котори гурецкій пробувати.

⁴⁾ Го старий сокиль ясний черезъ Царьградъ городъ перелїтае,

То винъ жалбненько квалить, проквиле,

Царьградъ городъ клане, проклинае:

Хочъ ти, Царьградъ городъ, на все не жаденъ,

На срибло та золото,

У тоби хороше жити, е въ чимъ людямъ ходити,

Есть що исти й пити,

Но тильки чоловікови нема одрадошти!

Соколы сообщают вѣсти. Молодецъ видитъ двухъ летающихъ соколовъ и спрашиваетъ ихъ, не были ли они на его роднѣхъ и не тоскуютъ ли о немъ родители ¹⁾; а жена чумака хочетъ узнать отъ сокола, что дѣлаютъ чумакъ, и соколъ объявляетъ ей, что чумака проигралъ въ кости своихъ воловъ ²⁾. Новобрачная посылаетъ сокола къ отцу сказать ему, чтобъ онъ встрѣтилъ ее, когда она будетъ возвращаться съ вѣнчанія ³⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ также сирота посылаетъ сокола за умершимъ отцомъ на небо ⁴⁾.

Соколъ возвѣщаетъ судьбу. Женщина, которая тяготеетъ бракомъ съ немилымъ, слышитъ голосъ сокола, сидящаго на тополи (любимое дерево сокола, такъ какъ и въ веснянкахъ представляются соколы на тополѣ, а потому въ сопоставленіи оказываются молодцами), и понимаетъ, что это онъ о ней поетъ ⁵⁾.

Древнее мифологическое значеніе сокола не разъ проглядываетъ въ пѣсняхъ. Можно съ вѣроятностью полагать, что въ глубочайшей древности у арийскихъ племенъ эта птица уже стала опредѣленнымъ мифическимъ образомъ. У древнихъ индійцевъ птица изображала солнце и этой птицейъ былъ соколъ (Mannhardt, Die Göttersagen. 29). Съ развитіемъ племени образы видоизмѣнились, хотя основа древняя оставалась: такимъ образомъ, у германцевъ исто-

¹⁾ Изъ-за горы два сокола лине;
Мои жъ ви та оба сокола,
Чи не були у моеи сторонн?
Чи не тужать отецъ мати по мни?
Плачуть, плачуть, розбиваються,
Сливоньками умиваються,
Хустиною утираються;
Стара мати на лжечку,
Праву ручку на серденьку держить.

²⁾ Соколоньку, скажи всю правдоньку.
Катерино, та ти жъ наша пани,
Скажу тобі всю правду й неправду,
Скажу тобі вси чумацьки злости:
Програвъ чумака сирі воли въ кости.

³⁾ Лети, лети, соколоньку, до батька мого,
Нехай же винъ столи тесови застигае,
Нехай свичи восковні зажигае,
Нехай мене молодую ожидае. (Метл. 170).

⁴⁾ Пишлю сокола повище неба,
Мни батенька треба;
Чорну галочку на Вкраиночку
По свою всю родиночку.
Ни сокола зъ неба, ни батенька зъ раю. (Метл. 150).

⁵⁾ Иду милу, иду другу,
А нибого не здібую.
Ино соколъ на тополи
Шіе писню лихій доли.
Ой соколе, соколочку,
Не смуди ми головочку.
Бо вже мене засмучено,
Що зъ нелюбомъ излучено.

сокола во многомъ занималъ лебедь. У древнихъ персовъ соколъ былъ иионче-скою птицею: онъ помѣщается на одномъ изъ двухъ всемирныхъ деревь, именно на деревь, изъ котораго происходятъ сѣмена всѣхъ деревьевъ въ мирѣ. Соколъ пребываетъ на этомъ деревь и разноситъ съ него сѣмена, передавая дождю для оплодотворенія (Windischmann Zoroastrische Studien, 166—167). У насъ на подобномъ деревь, стоящемъ также, какъ и у персовъ, посреди моря, сидятъ голуби; но ииончeskій характеръ сокола проявляется въ другихъ образахъ: такъ, напримеръ, приведенное нами летаніе сокола къ небу и на небо намекаетъ на символическое отношеніе этой птицы къ небу. Еще ярче высказывается оно въ галицкой щедровкѣ, гдѣ соколъ-орелъ высоко сидитъ и далеко видитъ. Садись, говорятъ ему, на синемъ морѣ,—тамъ плыветъ корабль, въ которомъ трое воротъ: въ однихъ воротахъ свѣтитъ мѣсяць, въ другихъ—всходитъ солнце, въ третьихъ—самъ Богъ ходитъ съ ключами и отпираетъ рай, выпускаетъ души ¹⁾. Здѣсь синее море не что иное, какъ небо, которое въ первобытныхъ мнeологическихкихъ выраженіяхъ изображалось моремъ. Въ одной галицкой волядкѣ есть очень замѣчательный ииончeskій соколъ: онъ сидитъ на яворѣ и вьетъ гнѣздо, онъ обкладываетъ его терномъ, кладетъ въ средину калину, а на вершину золото. Лѣсной (охотникъ) молодецъ хочетъ стрѣлять въ него изъ лука, но соколъ проситъ не стрѣлять его: онъ будетъ молодцу полезенъ; когда молодецъ будетъ жениться, соколъ переведетъ его (черезъ воду) и возьметъ на свои крылья его невѣсту ²⁾. Древность этого образа, котораго сущность состоитъ

¹⁾ Ой вирле, вирле, сивий соколе!

Високо сидишь, далеко видишь.

Сидай ти соби на синимъ моря,

На синимъ мори корабель на воли,

Въ тимъ кораблейку трое воротца:

Въ першихъ воротейкахъ мисячокъ свитить,

Въ другихъ воротейкахъ соненько сходить,

Въ третихъ воротейкахъ самъ Господь ходить,

Самъ Господь ходить, ключи тримае,

Ключи тримае, рай видимае,

Рай видимае, души выпускае,

Ено еднои не допускае,

Що витця, матеръ не заць не мае,

Старшаго брата позивакала,

Старшу сестройку сполничковала.

(Чт. 1864. I. 158).

²⁾ Стоить ми, стоить, зелений явирь,

Повійний, повійний вятре,

Прихли явирь до земля!

На тимъ явори сивъ соколъ сидить,

Сивъ соколъ сидить, гнѣздечко впавть.

Обкладае го остримъ терничкомъ,

Остримъ терничкомъ, сухимъ бильечкомъ,

А въ срединку—цвѣть та калинку,

А на вершечку—широе злото.

Туда милала гладка стеженька,

До сивъ сокола намиряючи:

Надійшовъ нею гайний молодець,

въ томъ, что птица, представленная разумнымъ существомъ, помогаетъ человѣку въ добываніи красавицы, несомнѣнно доказывається пехожими образами не только у славянъ, но и у другихъ одноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательное сходство представляетъ древне-нѣмецкая былина о св. Освальдѣ, англійскомъ королѣ (дѣйствительно существовавшемъ въ VII столѣтіи и принявшемъ христіанство нортумберландскомъ королѣ), который посредствомъ ворава сначала завелъ сношенія съ красавицею, на которой хотѣлъ жениться, а потомъ, при помощи ворона, и досталъ ее, преодолевъ большія затрудненія. Въ довершеніе сходства съ нашею колядкою Освальдъ послѣ перваго подвига ворона оскорбилъ его, а воронъ потомъ опять-таки пригодился ему; такъ и нашъ молодецъ хочетъ убить сокола, который можетъ ему пригодиться впоследствии (Uhlands Schriften III. Alte hoch- und nieder deutsche Volkslieder. Abhandl. 111—117). Что у-насъ соколъ, а у нѣмцевъ воронъ, это не должно насъ смущать, такъ какъ вообще образы видоизмѣняются при неизмѣнности основанія; впрочемъ, въ другомъ средневѣковомъ поэтическомъ произведеніи—шотландской балладѣ—соколъ (Gochauk-Taubenfalke) переноситъ красавицѣ вѣсти и письма отъ своего господина.

Такъ же замѣчательна по своей странности другая колядка, гдѣ соколъ, сидя на калинѣ, говоритъ дѣвицѣ: «прекрасная дѣвица, иди за меня замужъ! У меня есть три бѣлыхъ города (здѣсь городъ въ древнемъ, болѣе обширномъ смыслѣ загорожья, огороженного пространства): въ первомъ городѣ мы сами будемъ жить, въ другомъ городѣ—яровая пшеница, въ третьемъ—зеленое вино (виноградъ)». Но дѣвица догадалась, что это обманъ, и сказала ему: «еслибъ у тебя были три бѣлыхъ города, не сидѣлъ бы ты на калинѣ, а сидѣлъ бы ты въ бѣломъ городѣ, клевалъ бы ты яровую пшеницу, а не желкій песокъ, пилъ бы ты зеленое вино, а не луговую воду»¹⁾. Этотъ соколъ такое же ра-

Золотимъ лукомъ потрясаючи,
Ясновъ шабельковъ вивваючи,
Та авъ сокола стрялковъ стрялати,
Стрялковъ стрялати, шабельвъ рубати.
Сивъ сокиль каже: „не стрялай мене,
Не стрялай мене, не рубай мене!
Коли ти будешъ ой женитися,
Я тоби стану та въ пригодоньци:
Срѣбними підкивками вибрякуючи,
Ясновъ шабельковъ вивваючи,
Сивовъ шапочковъ насуваючи,
Ряснями сукоцними потрясаючи
Тебе молодого самъ перепроваджу,
Твою княгиню на крыльци вовеми,
А твоя гроши вовеми на ноши“.

(Чт. 1864. I. 66).

¹⁾ Ой при лужейку, при бережейку,
(припѣвъ: калино, гей калино,
Чомъ тебе вода підмила?)
Тамтади лежить здавна стежейва,
На калиноци сивъ соколойко,
А товъ стежейковъ иде дивойка.

згнное существо, какъ и первый, но хочеть добыть красавицу не для молодца, а для себя. Быть можетъ, это молодець-чародѣй, превратившійся въ сокола, какъ это бываетъ въ сказкахъ, но вѣроятнѣе какое-нибудь мифологическое существо, о которомъ существовала исторія, подобная греческимъ похождениямъ Зевса. Въ нѣмецкой мифологій боги принимали образъ сокола (Simrock Myth., 30). Съ соколомъ галицкой колядки, повидимому, находится въ соотношеніи веснянка, въ которой молодая ключница велеть сторожу замкнуть «жарты» (шутки) четырьмя замками; чтобы не залеталъ сизый соколъ и не выносилъ дѣвичьей красы ¹⁾.

Орелъ (обыкновенно *сизый*, какъ соколъ—*сизый*), какъ мы уже сказали,—мужескій символъ. Мать называетъ сыновей своихъ сизыми орлами ²⁾, а дѣвица своего возлюбленнаго сизокрилымъ орломъ ³⁾. Въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, отрицательнымъ способомъ сравненія, козакъ, поражающій татаръ ⁴⁾, угодобляется орлу, гонящему ястребовъ, а въ думѣ о невольникахъ плѣнники сравниваются съ орлами ⁵⁾. Такое же сравненіе встрѣчается и въ другихъ пѣс-

„Бигъ помогай, Бигъ, сивъ соколойко.—
— Водай здорова, красна дивойко.
Красна дивойко, подь ти за мене!
Ой маю же я три гради били:
Въ единнѣ градойку сами будеме,
Въ другинѣ градойку ара шпенячка,
Въ третинѣ градойку зелене вино.—
„Ой жеби ти мавъ три гради били,
Не сидивъ би ти на калыноци,
Лемъ би ти сидивъ у граду билимъ;
Ой жеби ти мавъ три гради били,
Не дзѣбавъ би ти на лузи писокъ.
Лемъ би ти дзѣбавъ яру шпенячку;
Ой жеби ти мавъ три гради били,
Не пивъ би ти си лугову воду,
Лемъ би ти си пивъ зелене вино“.

(Чт. 1864. I. 78).

- ¹⁾ Молодая ключница по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила.
Стороже, жарты замкни въ чотири замки,
Щоби не залитавъ сизий соколонько,
Щоби не виносивъ павеньскои красы. (Чт. 1866. III. 681).
- ²⁾ Снии мои, сизи орли, ще й соловейки,
Тимже я васъ не женила, що ви молоденьки.

Или:

Подай, сине, подай орле, хочъ правую руку.

- ³⁾ Куди идешъ одъязмаешъ, сизокрилий орле
А хто жъ мене молодую безъ тебе пригорне?
- ⁴⁾ Не сизий орелъ аструбавъ ганяе,
Вдовиченко Коновченко на воронимъ кони розъязмае.
Мечемъ своимъ якъ блискавка сле,
Трохъ татаръ лянчаръ зъ коней збивае. (Укр. Дум. 85).
- ⁵⁾ У святу неділю не сизи орли залектали,
Якъ же бидни невольники у тяжкій неволи заплакали.

(Укр. Дум. 10).

нятъ, гдѣ изображается молодець въ неволѣ ¹⁾). Козакъ молодець—орель, а дѣвица—орлица ²⁾). Молодецъ между своими товарищами, какъ между орлами ³⁾).

Летаніе орла—символь быстроты ⁴⁾). Молодецъ хотѣлъ бы, чтобъ у него были орлиныя крылья, леталъ бы онъ къ дѣвицамъ ⁵⁾ или къ своей возлюбленной ⁶⁾). Въ одной пѣснѣ орель спорить въ быстротѣ съ конемъ ⁷⁾: образъ, вѣроятно, очень старинный, такъ какъ онъ встрѣчается въ великорусской поэзіи. Одинъ изъ любимыхъ образовъ въ народной поэзіи—летаніе орла надъ моремъ—сопоставляется съ разными положеніями и ощущеніями молодца ⁸⁾). Орлы, пьющіе воду изъ криницы—образъ, означающій овладѣніе дѣвицею другими ⁹⁾).

Орлы, товарищи козаковъ, сопровождаютъ ихъ въ походы въ степяты ¹⁰⁾. Орель—свидѣтель козацкой смерти въ степи: онъ и пожираетъ его тѣло. Въ думѣ о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова, орлы-чернокрыльцы лѣзутъ къ умирающему, но еще живому козаку: онъ проситъ ихъ помедлить, пока онъ

1) Въ славнѣмъ мѣстѣ Жаботини,
На высокѣмъ замку,
Сидитъ орель у кайданахъ
За Гандзо коханку.

2) Ой дивчина орлица
До козака горнеться
А козакъ якъ орель...

Или:

Пригорнулася, прилягла,
Вже орлица до орла.

3) Ой вижду я за ворота, стану міжъ орлами;
Чи не вижде дивчинонька зъ чорними бровами.

4) Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,
Та до свого та гетьмана таки прибуду.

5) Хотивъ би я орломъ бутя, та бистро летати,
Литавъ би я що вечора дивчать розглядати.

6) Колибъ я мавъ орловні крыла,
Полинувъ би, де моя мила.

7) Закладався орель зъ конемъ
А за тѣ криниченьки:
Ой чи скоримъ ти добжишъ,
Мини крыльця повтвнешъ?
Ой кинь бижить, земля дрижить,
Орель летить, перо дзвизать;
Ой кинь бижить все ярами,
Орель летить все лугами.

8) Летивъ орель по надъ моремъ: ой дай, мере, пити;
Ой якъ тяжко убогому багату любити!
Летивъ орель по надъ моремъ, на воду схилився;
Иде козакъ изъ чужини, тяжко закурився.
Десь мій милий чорнобривий тяжко закурився.

9) Та вже зъ тою криниченькою орли воду пьютъ;
Та вже мою дивчиноньку замижъ отдають.

10) Та Савуръ могила, та Савуръ могила, сивий орель пролітає,
Иде висько славне запоризьке, та якъ макъ процвітає.

вспустить духъ... По смерти его орлы сѣдѣли у головы его, наступали на его черныя кудри, выдирали изъ лба глаза, обирали бѣлое тѣло около желтыя костей. Это были похороны козацкія ¹⁾. Въ другой думѣ изнемогающій отъ ранъ козакъ силится подняться, достать ружье и послать подарокъ чернокрыльцамъ-орламъ, которые какъ будто приняли на себя обязанность присматривать за умирающимъ козакомъ ²⁾. Въ одной пѣснѣ изображается, какъ орелъ оторвалъ отъ козацкаго трупа руку, и эта рука проговорила къ нему: ахъ, еслибъ это звали отецъ и мать, они бы похоронили бѣлое тѣло ³⁾. Есть пѣсня, гдѣ козакъ, умирая въ степи, проситъ орла дать знать его матери и сказать, что ей сынъ женился на королевнѣ могилѣ, которую выслужилъ у крымскаго хана благодѣтеля ⁴⁾. Орелъ приноситъ горестныя вѣсти роднымъ убитаго козака.

- ¹⁾ Стали орли чорнокрыльци налитати,
Стали въ головкахъ козацкихъ сидати:
Ставъ козакъ словами промовляти:
„Орли мои чорнопирі, гости невесели,
Заждять мнѣ малую часинку:
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дрибний дождчикъ накрапати,
Буде козацька душа зъ билимъ тиломъ розлучати“.
То не чорная хмара наступала,
То душа козацька зъ билимъ тиломъ розлучала.
Стали орли чорнокрыльци налитати,
Въ головкахъ козацкихъ сидати,
На чорні кудри наступати,
Изъ лоба очі видирати,
Коло жовтої кости тило козацьке оббирати:
Тожъ вони похорони козацьки одправляли.
- ²⁾ Орли чорнокрыльци,
Козакови дозирци,
Налитаютъ,
Козацькую душу доглядають.
То вже козакъ молодий отця й нецьку споминає:
„Поможи мнѣ, отцева й матчина молитва,
На колінцяхъ стати,
Семип'ядну пицаль достати,
По три мирци пороху підсипати,
По три пудки свинцовихъ набивати,
Орламъ чорнокрыльцямъ,
Козацькимъ дозирцямъ,
Великий подарунокъ давати“.
- ³⁾ Десь узався сизоперий орелъ,
Та взявъ руку зъ козацького трупу,
Та понісъ руку у чистее поле,
Та й ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Колінь сее отецъ и мати знали,
Вони бъ сее тило поховали!
- ⁴⁾ Винъ до его промовляє:
„Сизий орле, побратаймось;

Вотъ идетъ вдова съ ребенкомъ и сѣла отдыхать; орелъ сидитъ надъ водою и извѣщаетъ ее, что знаетъ ея мужа: три раза на день корчится нѣтъ, щиплетъ его бѣлое тѣло, разноситъ желтыя кости по горамъ, по долинамъ и ущельямъ ¹⁾. Такія вѣсти орлы не только переносятъ людямъ, но сообщаютъ ихъ птицамъ. Такъ, напримѣръ, орелъ купается съ соколомъ и на вопросъ сокола, не удалъ ли онъ чумаковъ, рассказываетъ, какъ орда ихъ изрубила, а часть взяла въ плѣнъ ²⁾. Потомъ орелъ полетѣлъ туда, гдѣ случилось бѣдствіе, и въ заключеніе обращается къ матери: а ты, мать, сидишь дома, не знаешь, не гдаешь, что сдѣлалось съ сынками ³⁾.

Якъ ти брате, орле, будешъ
Зѣ лоба очи видирати,
Дай же мойи неньци знати;
Якъ у тебе моя мати
Буде про мене питати,—
Скажи: служитъ винъ у хама
У кримського добродія,
Та вислуживъ королевоныку—
Въ чистимъ поли моглюшыку!⁴⁾

(Укр. пѣсн. Макс. 152).

¹⁾ Та йшла вдова долиною
Изъ малои дитинои;
Сила вдова оддыхати,
Плаче вдова и ридае,
Що пана въ неи не мае.
Сидитъ орелъ надъ водою,
Розмовляе зъ удовою:
„Не плачь, вдово, не журися,
Ой я твого пана знаю,
Трейчи на день попаць маю,
И снідаю й обідаю,
Полуднюю й вечеряю,
Биле тило вищипую,
Жовти кости розношую
Ой по горахъ, по долинахъ,
По широкихъ байрачинахъ“.

(Метл. 288).

²⁾ Ой на мори, на синьому,
Сокиль зъ орломъ купається,
Сокиль орла питається:
„Чи не бувъ, орле, на Вираини,
Чи не бачивъ, орле, чумачі“?—
— Всихъ чумакивъ орда взяла,
Котрихъ старихъ порубала,
А молодихъ въ полонъ взяла.
Надъ ричкою Самаркою
Горять огни терновні,
Варять каши яловні,
Туди орелъ прилитае,
Чумачию одвидае:
Которіи порубани,
Которіи въ полонъ взяти.
Оттуть же имъ прихилище,

Осиротѣвшій козакъ обращается къ орлу съ вопросомъ, что ему дѣлать. Отецъ и мать померли,—не съ кѣмъ жить. Зачѣмъ спрашиваешь, когда самъ знаешь?—говорить ему орелъ. Не ходи въ ту сторону, гдѣ у тебя нѣтъ родныхъ ¹⁾. Однако не послушался козакъ орла. Козакъ въ чужой сторонѣ, въ степи. Онъ безпокоится: кто присмотритъ за нимъ, когда онъ будетъ умирать въ стѣнѣ. Орелъ говоритъ ему: ешь, братъ, много насъ, сизокрылыхъ орловъ; будемъ, братъ, присматривать за тобою при смерти, будемъ поминать тебя твоимъ же тѣломъ, похоронимъ кости твои въ терновыхъ кустахъ ²⁾.

Иногда, однако, являются болѣе дружескими отношенія козаковъ къ орлу. Встрѣчаетъ козакъ орла, сидящаго на камнѣ, и спрашиваетъ его, что дѣлается у него дома, тоскуешь ли о немъ милая. Орелъ сообщаетъ ему, что его милая даже заболѣла отъ тоски по немъ ³⁾. Тогда, по одному варианту ⁴⁾, извѣщаетъ невѣстку о скоромъ прибытіи мужа мать послѣдняго, а по другому собственно не говорится кто, но по смыслу можно заключить, что это исполняетъ тотъ же орелъ ⁵⁾. Козакъ, разлучаясь съ возлюбленною, обѣщаетъ ей пересылать письма посредствомъ сизыхъ орловъ ⁶⁾. Въ веснянкахъ орелъ является также птицею дружескою человѣку: онъ заохочиваетъ дѣвицъ къ играмъ, а самъ обѣщаетъ полетѣть и принести зеленое лѣто, крещатый барвинокъ, старымъ людямъ поспѣвы, мужамъ орать, женщинамъ жать, а дѣвочкамъ гулять ⁷⁾. Здѣсь

Сира земля прииме!

А ти, мати, дома сидишь,

И не знаешь, не видаешь,

Що зъ синочами зробилось!

¹⁾ Скажи мнѣ, орле, що мнѣ робити:

Померъ отецъ, мати, ни при кому жити!

— На що ти питаешь,

Що самъ добре знаешь?

Не йди въ ту сторону, де роду не маешь.

²⁾ Е въ мене, брате, много сизокрылого орла,

Будемъ твоей смерти, брате, доглядати,

Будемъ твоимъ тѣломъ та тебе поминати,

Твоя жовти кости по тернахъ ховати.

(Метл. 447).

³⁾ Въ чистимъ поли билъ камень лежить,

Ой на тымъ камни свѣз орелъ сидитъ,

Ой сидитъ же винъ та розмишляе,

Иде козакъ дорогою, та орла питае:

„Ой чи бувъ, орле, въ мой сторонѣ,

Ой чи тужить моя мила по мнѣ?“—

— Ой тужить, тужить на лежку лежить,

Правою рученькою за сердце держитъ.

(Метл. 242. Ср. вариантъ галицкій. Чт. 1863. IV. 185).

⁴⁾ Чт. 1863. IV. 185.

⁵⁾ Ой уставай, мила, несу тобі висть:

Ой прийде до тебе мильчикъ гистъ.

⁶⁾ А самъ поїнду, а самъ поїнду въ велику дорогу,

Буду писати й пересилати сивими орлами. (Баллан. 117).

⁷⁾ Грайте, дивочки, безъ орла,

Поки я принесу, принесу

Зеленое литечко, литечко,

орелъ является мифическою птицею. Намъ кажется, что древняя мифическая птица солнца и животворной силы разбилась на разные образы и между прочимъ на сокола и орла. На востокѣ ясно древнее значеніе сокола; въ Греціи соколъ, сколько извѣстно, не имѣлъ значенія, зато мифическою птицею Зевса былъ орелъ. У насъ это значеніе имѣеть, между прочимъ, соколъ-орелъ; такъ какъ въ грѣсенномъ языкѣ нерѣдко это одна птица съ двойнымъ названіемъ, то и естественно, что одиѣ и тѣ же мифическія черты есть и въ соколѣ и орлѣ. Въ веснянкѣ орелъ, приносящій лѣто и устанавлиющій занятія людей, есть тотъ же восточный соколъ, разсѣвающій животворныя сѣмена, и тотъ же греческій орелъ, спутникъ Зевса. Въ такомъ же смыслѣ, вѣроятно, надобно понимать странную въ настоящее время веснянку, гдѣ поется, что орелъ изоралъ поле и насыалъ пшеницы и ячменя ¹⁾; а также и одну петровочную грѣсеню, гдѣ говорится объ ораніи орлами и о засѣяніи поля жемчугомъ въ видѣ начала къ тому, что не имѣеть съ этимъ началомъ связи ²⁾. Быть можетъ, къ мифическому мировоззрѣнію относится, по своему основанію, колядка, гдѣ повѣствуется что орлы строили церкви, и одинъ изъ нихъ давалъ приказанія класть бѣлый камень, на камень дубовое сырое дерево, наверхъ его бѣлое желѣзо, а на самой вершинѣ поставить золотой крестъ. Въ этой церкви самъ Богъ — священникъ, а дьяками—ангелы; сами собою загораются свѣчи, сами собою читаются книги, само собою отправляется богослуженіе ³⁾.

Хрещатий барвинокъ, барвинокъ,
 Старимъ дѣдамъ, сѣяннѣ, сѣяннѣ,
 Чоловикамъ ораннѣ, ораннѣ,
 Молодницѣмъ гречку жати, гречку жати,
 Вамъ, дѣвочкамъ, погулять, погулять,
 Вамъ, молодымъ, погулять, погулять.

1) Орелъ поле изоравъ
 И пшеницы насыалъ,
 Дѣвочкамъ на коровай,
 Молодницѣмъ на ниво,
 Парубочкамъ на диво.
 Орелъ поле изоравъ
 И ячминю насыалъ,
 Парубочкамъ на коровай,
 Молодницѣмъ на ниво,
 Чоловикамъ на диво.

2) Ой Петре, Павле, Иване!
 Та зоримо поле орлами,
 Та засіемо жемчугами,
 Та поставимъ стовпи золотіі,
 Та повисимъ коври шовковіі.

3) Муровали ен (церковь) три вирлюнки,
 Ино одинъ не муровавъ,
 Но имъ тилько розказовавъ:
 „Кладить на спидъ биле камннѣ,
 По каминю сирю дубину,
 А по дубини та клениновку,
 По клениновци яворинновку,

Воронъ (малор. *воронь, крякъ, крячокъ, аврань*, съ эпитетомъ черный) — птица съ неизвѣнно-мрачнымъ значеніемъ. Онъ пожираетъ трупъ убитаго козака ¹⁾ и приноситъ матери роковую вѣсть ²⁾. Его крикъ — плачь ³⁾, горе ⁴⁾ и предвѣщаніе смерти ⁵⁾. Такое же мрачное значеніе въ народной поэзіи имѣетъ *филмиъ* (*пугачъ*), подобно тому, какъ въ народныхъ вѣрованіяхъ онъ — предвѣстникъ несчастія или смерти. Въ одной пѣснѣ, гдѣ описывается болѣзнь, а потомъ смерть чумака въ дорогѣ, этому несчастію предшествуетъ повторяющийся крикъ филмина на холмѣ (на могилѣ ⁶⁾). Въ пѣснѣ, въ которой изображено козачество, тоскующее о минувшемъ (въ пѣснѣ, однако, не чисто народной, а соединенной съ другою, болѣе распространенною), также является кричащій филмиъ ⁷⁾.

Лидь самий верхъ биле зализо,
На самий верхъ золотий крестъ⁴.
А въ тій церковци самъ Богъ попомъ,
А дятата—анголата,
Сами ся свичи посветили,
Сами ся книги почитали,
Сами ся служби повидправляли.

(Чт. 1864. I. 51).

1) Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Винъ на личку усцае,
Очи зъ лоба выдирае...

2) А я твого сына знаю,
Зъ лоба очи выдираю.
Иди, стара, до домоньку,
Возьми писку въ билу ручку;
Посій юго въ городочку;
Коли той писокъ изийде,
Тоди синъ до тебе прийде.

3) Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ, жалибенько кряче;
Не одинъ отецъ, мати за ситомъ заплаче.

Или:

Летить воронъ по надъ моремъ, та й жалбно кряче,
Сидить козакъ била моря, та сидючи плаче.

4) Летить воронъ, чорний воронъ, нижки підобгавши;
Тяжко мини въ свити жити, родини не мавши.

5) Ой у поли чорний воронъ кряче.
Ой тожъ винъ мою голову баче.

Или:

Нехай плаче, нехай плаче, та вже не виплаче;
Бо надъ синимъ, надъ Нецьвемъ чорний воронъ кряче.

6) Сидить пугачъ на могилі, та якъ пугу, такъ пугу!
Дотягайте, славни чумаченьки, до темного лугу.
Ой ради бъ ми поспизати, та чумака занедужавъ.
Та правою рученькою за серденько вхопився и пр.

7) Ой сивъ пугачъ на могилу
Та й крикнувъ винъ: пугу!
Чи не дасть Бигъ козаченькамъ хочъ теперъ потугу!
Що день ждемо, що ничъ ждемо,
Поживи не маемъ;
Давно була Хмельниченька, уже не згадаемъ!

Народное міровоззрѣніе причисляетъ къ птицамъ въ известномъ смыслѣ и напѣвкамъ, какъ летающихъ тварей. Изъ нихъ, впрочемъ, въ народной поэзіи встрѣчаются только *пчелы*, *комары* и *жуки*. Пчелы означаютъ слезы. Козаку приснился сонъ, что на его дворѣ сѣли пчелы. Ему объясняетъ ворона, что это — слезы ¹⁾ и потому онъ узнаетъ, что его жена родила младенца и умерла. Въ другихъ пѣсняхъ пчелы также сопоставляются съ плачемъ и слезами ²⁾. Вѣроятно, также въ сближеніи съ этими печальными значеніемъ пчель, женщина, терпящая нужду, говоритъ, что мать дала за нею въ приданое только пчель, которыя разлетѣлись ³⁾. Но пчелиный рой сопоставляется и не съ одними печальными явленіями. Такъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ пчелиный рой — какъ бы символъ благополучія новобрачныхъ ⁴⁾, и съ самою невѣстой, окруженною друзьями, сопоставляется пчелиный рой ⁵⁾. Согласно съ этимъ значеніемъ въ колядакахъ представляется, что пчелиная матка собираетъ пчель роятся и носить медъ хозяину, а воскъ на свѣчи Богу ⁶⁾.

Комары составляютъ предметъ шуточныхъ пѣсенъ. Въ одной, очень распространенной, пѣснѣ описывается смерть и погребеніе комара. При этомъ играютъ роль мухи. По однимъ вариантамъ комаръ женился на мухѣ, потомъ слѣдуетъ его смерть, и старая муха отправляетъ ему погребеніе ⁷⁾. По другимъ — не

¹⁾ А що пчелоньки, то слезоньки.

²⁾ На верхъ сосни пчолы вьются,
Въ молодон слези льются.

³⁾ Та дала мя моя мамта за високи гори,
Не дала ми больше ничогъ, лише один бджоли;
А бджоли ся разлетили, лише я ся лишила.
А теперьсь мя моя мамко на вѣки втопила. (Чт. 1864. IV. 829).

⁴⁾ Внися рій, внися:
На садокъ полетивъ
На Василькову (жени жениха) сосну.

⁵⁾ Не гуди, рой,
По надъ головою:
То не рій гуде,
То Маруса до дому йде.

⁶⁾ Ой шумить гуде, дибровою йде,
Пчелонька мати пчелочовъ веде,
Ой пчелочки мои, диточки мои,
Ой десь ми будемъ при саду мати,
Рой ронти, медокъ носити,
Медокъ-солодокъ пану господарю,
А жовтий воскъ — Богу на свичу.

⁷⁾ Ой шось за гукъ учинився,
Що комаръ та на муси оженився,
Та взявъ соби жинку молодичку!
Якъ полетивъ комарочокъ у лисочокъ,
Та й сивъ комарочокъ на дубочокъ.
Ой сивъ комарочокъ на дубочку,
Прихиливши головоньку и къ листочку.
Де ся взяли буйни витри,
Та звалили комарика та на мости,

говорится о бракосочетаніи комара, а описывается его смерть, сожалѣніе мухи (очевидно его подруги) и погребеніе ¹⁾. Пѣсня оканчивается родомъ эпитафій ²⁾, которая въ галицкомъ вариантѣ подробнѣе и произносится отъ лица покойника ³⁾.

Другая насѣшная пѣсня изъ веснянокъ описываетъ, какъ молодцы похвали комара и дѣлили его между собою (см. выше).

Жукъ въ шуточныхъ пѣсняхъ—символь молодца ⁴⁾.

Б. Четвероногія.

Изъ домашнихъ четвероногихъ животныхъ въ народной поэзіи занимаетъ первое мѣсто *конь*. Это—вѣрный другъ, товарищъ молодца, существо умное и любящее. Мать говоритъ сыну, который жалуется, что ему не съ кѣмъ бесѣдовать, что она купитъ ему коня, — пусть онъ съ нимъ разговариваетъ въ тем-

Розбивъ, поламавъ свои кости.
Де ся взяли старіи мухи,
Взяли того комарика пидъ руки,
Наихали гости зъ Прилуки,
Вони тому комарику труну будовали,
Чорними сукнами труну оббивали,
Край шляху, при дорози поховали.

¹⁾ Гукнуло, ступнуло въ лиси,
Комаръ зъ дубу повалився,
Розтовъ соби головище
На дубове коренище.
Вилитала муха зъ хати,
Комарушка жаловати:
„Ой комарю, мій комарю,
То ми ти жаль не по малу!
Поховали ёго въ лиси,
Ай у лиси, при ориси
(Или: при дубовимъ копариси).

²⁾ Ой що се лежить за покойникъ,
Чи панъ, чи гетманъ, чи полковникъ?
Ой се лежить возачище,
Се старого віська товарище.

³⁾ Насадьте ми петрушоньки,
Зелеон маруноньки,
Тоту будуть дѣвки рвати,
Комарушка шановоти.
Ай тутъ ёго лежить тило;
Не одного оно ішло,
А тутъ лежить ёго сало,
Не одного смаровало:
А тутъ лежить ёго труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду-ду-ду, ду-ду, ду-ду.
Комарушка не забуду.

(Чт. 1866. III. 565).

⁴⁾ По дорози жукъ, жукъ, по дорози чорний,
Подивися, дивчино, який я моторний.

ную ночь ¹⁾. И действительно, разговоръ козака съ своимъ конемъ—одна изъ обычныхъ формъ въ пѣсняхъ. Вотъ влюбленный козакъ спрашиваетъ у своего коня совѣта, что ему дѣлать: писать ли къ милой письмо, или самому къ ней поѣхать ²⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ спрашиваетъ у своего коня, гдѣ милая, и конь указываетъ ему ея мѣстопробываніе ³⁾. Видя, что хозяинъ печаленъ, конь хочетъ узнать отъ него причину печали, и молодецъ сообщаетъ ему, что люди говорятъ, что дѣвица уже не принадлежитъ ему ⁴⁾. Съ своей стороны, замѣчая, что конь его грустенъ, козакъ спрашиваетъ, не тяжело ли онъ коню и не тяжела ли для коня козацкая сбруя. Конь отвѣчаетъ ему, что тяжело для него безпутство козака, такъ какъ онъ, козакъ, гуляетъ до полуночи въ шинкѣ, а его конь, вызывая господина изъ шинка, въ это время копытами выбьетъ въ землѣ яму по колѣна ⁵⁾. Конь остерегаетъ козака отъ порока. Хозяинъ сообщаетъ коню свое намѣреніе бѣжать съ чужою женою, а конь представляетъ ему безправственность этого поступка ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ молодецъ, огорченный измѣною женщины, въ досадѣ прокликаетъ коней своихъ за то, что когда онъ ѣздилъ къ невѣрной, они не заржали, не дали ему знать о ея невѣрности.

1) Куплю тобі, синку, коня вороного,
Приїде темна нічка—говори до ёго.

2) По садочку хожу,
Коня въ рукахъ вожу.
До коника стиха промовляю:
Порадь мене, що я молоденький.
Чи мині листи писати,
До милої слати,
Чи самому сесті поїхати?

3) „Сивий коню, сивий коню, сива твоя грива!
Скажи мині, сивий коню, де моя дівчина?“—
— Ой тамъ гора, тамъ друга, гей тамъ долинонька,
Меже тими гороньками твоя дівчинонька. (Чт. 1863. IV. 302).

4) „Ой чого ти, козаченьку, плачешъ;
Либовъ же ти вечерати хочешъ?“—
— Ой вжежъ миши, коню, вечера не мила.
Люде кажуть: вже не твоя дівчина.

5) „Ой чого ти, мій коню, нудишъ?
Чи я тобі, мій коню, важокъ.
Ой чи моя козацкая зброя?“—
— Ни ти мині, мій пане, не важокъ,
А ни твоя козацкая зброя?
А тимъ я смутенький, що ти молоденький:
Куди погадаешъ, туди й погасаешъ,
Нигде того шинка не минаешъ,
До півночи въ шинкарки гуляєшъ,
А я сирои землі по коліна вибію,
Поки свого пана ізъ шинка не визву.

6) „Ой коню мій, коню, порадь же ти мене,
Хочу іїхати тобою причь и зъ чужою женою“.—
— Ой пане, мій пане, молодий розумъ маєшъ,
Що свою жону покидаешъ, ізъ чужою причь гадаешъ.

(Метл. 287).

«Ты самъ негодный, отвѣчаютъ ему кони, зачѣмъ не женишься, бѣды не знаешь, молодымъ хочешь казаться» ¹⁾).

Бдучи на свиданіе къ дѣвицѣ, козакъ просить коня заржать, чтобъ его возлюбленная услышала, и конь раздѣляетъ радость своего хозяина; козакъ дѣлаетъ окликъ, а конь ржетъ; дѣвица услышала ²⁾).

Конь—товарищъ козака въ битвахъ.—Насъ—говорить конь козаку—стерегутъ съ боковъ, встрѣчаютъ спереди, а сзади погони бѣжить.—«Не смущайся, мой вороной конь,—отвѣчаетъ ему козакъ,—мы сторожу обинемъ, отъ вогони уйдемъ, со встрѣчными побьемся».—Закидана дорога валежникомъ,—говорить конь козаку. Козакъ ему отвѣчаетъ: «а ты у меня, конь вороной, перескочишь этотъ мелкій валежникъ» ³⁾).

Конь оказываетъ козаку услуги. Вотъ козакъ соблазняется деньгами, хочетъ продать коня и говоритъ ему объ этомъ. «Не продавай меня,—говорить конь,—помнишь ли, какъ мы убѣгали отъ турокъ и татаръ, какъ за нами пули орала землю, а стрѣлы летали какъ свѣтъ?» ⁴⁾).

Конь чуетъ и удачу и несчастія хозяина. Прощаясь съ родными, козакъ говоритъ имъ, что грустить нечего: онъ воротится, потому что конь его заигралъ подъ нимъ ⁵⁾).

Козаку весело на душѣ, когда конь его играетъ, потому что козакъ, по этой примѣтѣ, надѣется себѣ благополучія; козакъ просить сво-

¹⁾ „Ой кони жъ мон, вороненькѣ, бодай жъ ви поздыхали!

Ой якъ я їздивъ до невирниці, чому жъ ви не заржали?“ —

— Ти самъ негідникъ, ти самъ обридникъ, що живки не маєшь, Жинки не маєшь, биди не знаєшь, молодимъ ся тримаєшь.

(Чт. 1863. IV. 262).

²⁾ Ой заржи, вороний коню, на круту гору идучи;

Нехай зачує моя мила, синдати готуючи.

Коничокъ заржавъ, козакъ засвиставъ, дивчина почувла.

³⁾ „Изъ бокивъ та сторожають,

А зъ переду зъустричають,

А сзаду погони бѣжить“.—

— Не журися, коню вороненькій,

Ми видъ погони втечемо,

А сторожу та обманемо,

А зъ устричемъ та побьемося,

Ой низомъ, кониченьку, низомъ!—

„Закидана дороженька хмизомъ“.

— А ти въ мене, кнѣ вороненькій,

Перескочишь той хмизъ та дрибенькій!—

⁴⁾ — Коню мій коню, я тебе продамъ,

Я жъ тебе продамъ за сто червонихъ!“—

„Пане мій, пане, не продавай мене:

Не продавай мене, спогадай мене:

Якъ ми зъ тобою зъ виська втикали,

За нами гнались турки, татари,

За нами пули землю зъорали,

За нами стрѣли, якъ сингъ, летали“.

(Метл. 337).

⁵⁾ Ой не плачте, не журитесь, въ тугу не вдавайтесь;

Загравъ мій кнѣ вороненькій, назадъ сподивайтесь.

(Макс. пѣсн. 140).

его коня заграсть подъ нимъ—разбить его тоску ¹⁾. Конь снытывается, оставливается, когда предчувствуетъ горе. Въ пѣснѣ о Берестечкой битвѣ у коня Хмельницкаго, когда джура (оруженосецъ) сталъ сѣдлатъ этого коня, задрожали ноги ²⁾. Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ козакъ говоритъ своему атаману, чтобы онъ не печалился, а Харько отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ, молодцы, не печалиться, когда мой буланый конь подо мною и ржетъ, и останавливается» ³⁾: это послужило предзнаменованіемъ гибели Харька ⁴⁾,—и другой его конь, вороной, ржетъ въ конюшнѣ, чувствуя, что господина его нѣтъ на свѣтѣ. Но болѣе всего проявляется сердечная связь между козакомъ и его конемъ тамъ, гдѣ конь—свидѣтель смерти своего хозяина. Козакъ поитъ своего коня, а конь не пьетъ и ржетъ, чувствуетъ несчастье: ржаніе, болѣею частью, дурное предзнаменованіе... И этого козакъ умеръ, а умирая, завѣщаль, чтобы конь его шелъ за его тѣломъ; конь заржалъ надъ нимъ, и услышать родители, скажутъ: «вѣрно, нашего сына Ивана нѣтъ на свѣтѣ, когда вороной конь подаетъ голосъ» ⁵⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о Харькѣ, когда этого сотника стали умерщлять его конь закричалъ жалобно ⁶⁾. Есть цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ, при всѣхъ разнообразіяхъ, проводится одинъ и тотъ же основной мотивъ разговора умирающаго въ степи или уже жертваго козака съ своимъ конемъ. Козакъ лежитъ въ полѣ смертельно раненый; надъ нимъ стоитъ конь, и козакъ посылаетъ коня извѣстить родныхъ или жену; всегда почти при этомъ смерть изображается въ видѣ брака съ могилою. Вотъ подъ яворомъ лежитъ убитый козакъ; надъ козакомъ стоитъ конь, не отходитъ отъ тѣла; ужъ онъ пробилъ въ землѣ яму по колѣна. Убитому козаку жаль коня: не стой надо мною,—говоритъ онъ ему,—вижу твою привязанность ⁷⁾. Встань, мой господинъ-хозяинъ,—

¹⁾ Заграй, коню, заграй подо мною,
Рожай тугу по темному луку.

²⁾ Якъ ставъ джура, якъ ставъ малий конька сѣдлати,
Стали пидъ тимъ кониченькомъ ниженьки држати.

³⁾ Іхавъ сотникъ черезъ Уланькѣ, на сидельце схилився;
За нимъ, за нимъ снѣкъ сотъ козаківъ: стій, батько, не журися!
„Ой якъ мини, пани молодци, ой якъ не журитися,
Колѣ пидо мною буланый конь и рже и становитися“.

⁴⁾ Ой заржавъ же вороной коникъ въ стани, на помости;
Та вже вбито Харька сотника
Въ Морозовци на мости. (Макс. 122).

⁵⁾ Ой у поли криниченька, тамъ водни прибуває;
Ой тамъ молодой козакъ кониченька наповає;
Ой конь и рже, води не пье—пригодоньку чує...
Отамане, товаришу, чини мою волю,
Виведь коня, винесъ зброю за тиломъ за мною;
Ой нехай зарже конь вороной, стоячи надо мною,
Ой щобъ зачули отець-мати, сидючи въ кимнати.
Ой десь нашего сына Ивана на свити не має,
Що коничокъ вороненький голосокъ подаває!

⁶⁾ Ой якъ стали Харька, якъ стали сотника изъ свѣта згубляти,
Ой и ставъ же ёго коникъ, коникъ вороненький, жалибенько
кричати. (Метл. 527).

⁷⁾ Надъ нимъ коникъ зажурився,

говорить въ другой подобной пѣснѣ конь,—хоть приводини ко мнѣ голову слов, укажи мнѣ дорогу ¹⁾.—Кому ты меня отдаешь—турку ли, татарину? спрашиваетъ конь убитаго хозяина, который на это отвѣчаетъ ему: «тебя турокъ не поймаетъ, а татаринъ не осѣдлаетъ» ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ убитый козакъ посылаетъ коня къ матери: она будетъ коню подкладывать сѣна, подсыпаетъ овса, поитъ водою и сквозь слезы спрашивать про сына ³⁾, и тутъ конь долженъ сказать ей о томъ, что сынъ ея женился. Не удивительно что при такомъ важномъ значеніи коня красота его является въ гиперболическихъ образахъ; такъ, въ колядкѣ, которая поется молодцу, прославляется его конь. Нѣтъ у короля такого коня; у этого коня глаза—какъ звѣзды, уши золотыя, грива серебряная, а хвостъ шелковый ⁴⁾. Въ другой колядкѣ поется, что отъ молодца убѣжалъ конь, и молодецъ предлагаетъ тому, кто поймаетъ коня, чашу золота и двѣ чаши серебра ⁵⁾. Ему не пришлось платить, потому что коня поймала дѣвица, которую онъ вазалъ себѣ женою ⁶⁾.

По колена въ землю вбился.

„Не стій, коню, надо мвою,

Бо я вижу ширить твою“.

¹⁾ Ой устань, пане хованне,
Ой хочь поведи головку до мене,
Прокажи шляхъ-дорожку мнѣ.

²⁾ „Ой кому мене вручаешь,
Кому мене покидаешь:
Чи турчану, чи татарину?“—
— Тебе турчинъ не піймае,
А татаринъ не осѣдае.

³⁾ Буде тебе за поводи брати,
Буде тобі сина підкидати,
Буде тобі кивса надсипати,
И скривъ слѣзи про мене питати;
Та не кажь, коню, що я вбился,
А кажь, коню, що я оженився.

(Максим. 158).

⁴⁾ Нема въ короля такого коня.
А въ того коня звездови очи,
А въ того коня золоти ушки,
А въ того коня срибная грива,
А въ того коня шовковий хвостикъ.
Звездови очи далеко видять,
Золоти ушки далеко чуютъ,
Срибная грива грудь покривае,
Шовковий хвостикъ слідъ зашитає.

⁵⁾ Ой хто мого коня изловить,
Тому буде чаша золота,
Чаша золота и двѣ чаши срибла.

⁶⁾ Ишла дивчина рано по воду,
Вала коника за поводочки,
Повела коня у ставницю,
А молодого у свитлицю.
Золото мое и срибло мое,
А ти моя красная панна

За конемъ такіе же близкіе, іотя въ меньшей степени, друзья челоуѣка—*воли* (волы). Подобно тому, какъ конь предчувствуетъ бѣду на своего хозяина, и воли не пасутся и не пьютъ воды, чуя скорую кончину своего хозяина-чумака ¹⁾). Умирая «въ дорогѣ», чумаки обращаются къ своимъ волиамъ съ нѣжнымъ участіемъ: кто-то будетъ надъ ними господиномъ ²⁾). Воли, какъ конь надъ убитымъ козакомъ, стоятъ и жалобно ревуть надъ могилою чумака, своего хозяина ³⁾).

Ораніе земли волами сопоставляется съ теченіемъ челоуѣческой жизни. Воли не ораютъ (правильнѣе дурно ораютъ); лѣто проходитъ напрасно ⁴⁾).

Вообще воли и коровы—образъ зажиточности и благопалучія, что вводитъ естественно въ поэзіи земледѣльческаго народа. Дѣвица, желая сказать богатому молодцу, что онъ богатъ, а она бѣдна, зато красива, говоритъ, что у него воли и коровы, а у нея только черныя брови ⁵⁾), и самъ молодецъ, сравнивая двухъ дѣвицъ—одну богатую, другую бѣдную, но красивую, характеризуетъ первую тѣмъ, что у ней воли и коровы ⁶⁾). Хвастливый молодецъ, величаясь своимъ богатствомъ и называя себя иронически бѣднякомъ, говоритъ, что у него семь сотъ воловъ, а мелкому скоту числа нѣтъ ⁷⁾). Съ ироніею, въ противоположномъ смыслѣ, свекровь, попрекая невѣстку ея бѣдностью, говоритъ, чтобъ она подоила коровъ, которыхъ пригнала съ собою ⁸⁾).

Въ колядкахъ хозяину поютъ, что Богъ ему далъ три рода счастья и

¹⁾ Чому съ воли мои не пасутся, та не хочуть води пити?

Лучше було хозяйновати, ніжъ по дорогахъ ходити...

Занедужавъ чумаченько, задумавъ умерти,

Та нікому чумакови доглядити смерти.

Или:

Воли ревуть, води не пьютъ, пригодоньку чувть,
Бодай же ви, сирі воли, та до Криму не сходили,
Що ви мене, молодого, на анкь засмутили!

Померь, померь чумаченько...

²⁾ Воли мои половні, хто надъ вами паномъ буде,
Ой якъ мене, чумака Макара, на свати не буде?

³⁾ Померь, померь чумака Макара, сидючи на вози,
Поховали чумака Макара въ стѣну при дорози;
Стоять воли сирі, половні, ревуть, ремигають.

⁴⁾ Воли мои половні, чому не орете?
Лита мои молоді, чому марно идете?

⁵⁾ Багачу, багачу, а тебе давно бачу:
Що въ тебе, багачу, воли та корови,
А въ мене, багачу, та чорні брови.

⁶⁾ Одна мила далека, а другая близька,
А у тои далекои воли та корови,
А у сеи близькою та чорні брови.

⁷⁾ Бо я хлопець убогий—
Симъ сотъ волиамъ въ обори,
Яльвику безъ лику!

⁸⁾ Та встань, невистко, та встань, небого,
Та подій ти корови,
Що ихъ навела, що нагнала до моеи обори.

одинъ изъ этихъ родовъ счастья—волы и коровы, остальные два—здоровье и хлебъ ¹⁾).

Овецъ вмѣстѣ съ козами служатъ иногда какъ бы добавочнымъ къ воламъ и коровамъ признакомъ благоденствія, напр., въ нѣкоторыхъ колядкахъ и въ той пѣснѣ, которую мы привели выше, гдѣ дѣвица говорить богачу о воллахъ и коровахъ, слѣдуютъ слова: у тебя, богачъ, козы и овцы, а у меня ласковыя слова ²⁾. Съ овцою, отбившеюся отъ стада, сравнивается одинокая сирота ³⁾, несчастная женщина, лишившаяся мужа, и лихая доля ⁴⁾).

Съ козлами и козою въ народной поэзіи соединяются остатки языческой старины. Древнее весеннее жертвоприношеніе козла, подробно описанное въ извѣстіяхъ о литовскомъ язычествѣ и существовавшее у славянъ, отражается и до сихъ поръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малорусскаго края есть обычай водить козла,—обычай, потерявшій свои прежнія принадлежности и состоящій только въ томъ, что на масленицѣ дѣвица бѣгаетъ по селу и поютъ пѣсни о козлѣ или козѣ съ припѣвами: «ой лелю-ладо» ⁵⁾, и «ой дяду-ладо»; припѣвы эти исключительно принадлежатъ веснянкамъ, такъ что пѣсни о козлѣ—самыя раннія веснянки и открываютъ собою великое древнее народное торжество весны, котораго признаками служатъ всѣ вообще веснянки и весеннія игры. Изъ одной пѣсни, гдѣ вмѣсто козла—коза, видно, что обычай водить козла или козу и, вѣроятно, жертвоприношеніе, которое за тѣмъ слѣдовало, соединялись съ надеждою или прощаніемъ урожая въ грядущее лѣто ⁶⁾. Другая пѣсня довольно

1) Ой вижди, вижди, пане господарю,
Кличе тебе Господь на порадовьку,
Даруе тобі три дола-счастя:
Першая доля—счастя-здоровья,
Другая доля—волы и коровы,
Третя доля—жито-пшениця.

2) У тебе, багачу, кози й овечки,
А у мене, багачу, ласкови словечки.

3) Ходить, бродить по улиці якъ прибудна вивця,
Ни съ кимъ стати промовити вирного словця.

4) Ой у полі, при дорози тамъ вивця насеться,
Ой тамъ моя лиха доля шляхомъ волочеться.

5) Та вскочивъ козелъ въ огородъ, въ огородъ,
Ой лелю-ладо, въ огородъ;
Та поивъ козелъ лукъ-чосникъ,
Ой лелю-ладо, лукъ-чосникъ!
И билую петрушку, петрушку,
Ой лелю-ладо, петрушку!
И чорную чернушку, чернушку,
Ой лелю-ладо, чернушку!

6) Го-го козо, го-го сира,
Ой розходися, розвеселися,
При своєму дворі, при господарі.
Де коза ходитъ, тамъ жито родить.
Де коза тупъ-тупъ,
Тамъ жыта симъ купъ:
Де коза рогомъ, рогомъ.

явно указывает на самое жертвоприношение, которое, должно быть, совершалось при посредствѣ старика ¹⁾). Это нибѣть, какъ видно, прямое соотношеніе съ извѣстною великорусскою пѣснью о томъ, какъ хотѣтъ козла зарѣзать: сидитъ старикъ, держитъ ножъ, а возлѣ него котелъ стоять.

Изъ прочихъ домашнихъ животныхъ въ пѣсняхъ является коза—символъ младенческой жизни, преимущественно упоминаемый въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Приглашаютъ коза качивать ребенка ²⁾); козь приносить сонъ дѣтямъ ³⁾); за-прещаютъ ему мурлыкать, чтобы не разбудить дѣтяти ⁴⁾); дѣлаются навани на его шаловливость и плутоватость ⁵⁾). Онъ проситъ ѣсть ⁶⁾), лезетъ всюду и испытываетъ непріятности ⁷⁾); посылаетъ комечку за водою, комечка падаетъ въ воду, а онъ вытягиваетъ ее за хвостъ и пр. ⁸⁾). Кромѣ того, козь—символъ волокиты, проказника по любовнымъ дѣламъ. Это проглядывается даже въ кам-бельныхъ пѣсняхъ ⁹⁾). Въ другихъ—большою частью шуточного тона—это яствѣ.

Тамъ жито стогомъ, стогомъ;
Де коза хвостомъ, хвостомъ,
Тамъ жито ростою, ростою.

²⁾ Не ходи, коза, у тее сельце,
А въ тому сельци все люде стральци;
Устрелять козу въ правее ухо,
Скризь полотенце въ щирое сердце.—
— Ой я не боюсь тихъ людей стральцивъ,
А тильки боюсь старого днда:
Устрелять козу въ правее ребро.

³⁾ Иди, коте, до хати,
Мое дитя колыхати.

⁴⁾ Ой кить-воркитъ ходитъ по гори,
Та носить сонъ въ рукави,
Чужимъ диткамъ продае,
А нашому такъ дае.

⁵⁾ Ой ти, коте, не гуди,
Мое дитя не збуди.

⁶⁾ Людм-людм, коточокъ,
Укравъ бабинъ клубочокъ,
Та й заховався у куточокъ.

⁷⁾ Ой коте, котку,
Та не сиди въ кутку.
Не проси панки,
Подбиваю лапки.
Ой ну, мовчи, коте,
Дитина спати хоче!

⁸⁾ Ой коте-котку,
Не лезь на колодку...
Улавъ кить изъ труби,
Одбивъ соби груди.

⁹⁾ Пославъ кить кицю,
Та унала киця у криницю;
Пишовъ котикъ ратовати,
За хвистъ кицю витягати.

⁹⁾ Ой ти коте-коточокъ,

Дівчина пригласила кь себѣ въ сѣни молодца; мать изъ хаты спрашиваетъ: кто такъ ходить въ сѣняхъ. Дочь отвѣчаетъ, что это котъ ловить мышей ¹⁾. Въ другой пѣсенѣ дівчина выпускаетъ отъ себя милаго въ образѣ kota ²⁾. Въ третьей—мужъ подстерегаетъ, въ образѣ kota, молодца, который ухаживаетъ за его женою ³⁾.

Изъ дикихъ звѣрей въ пѣсняхъ встрѣчаются—кунница, соболь, ласочка, олень, туръ, волкъ и медвѣдь.

Кунница и *соболь* символизируютъ молодца и дівчину ⁴⁾. О превращеніи въ кунницу чужой жены, убѣжавшей съ женатымъ молодцомъ, превратившимся въ камень, см. выше о камнѣ. Соболь—ласкательное прозвище молодца ⁵⁾. Въ одной

Та не ходи въ садочокъ,
Не полохай дивочокъ,
Нехай зовють виночокъ.

¹⁾ Донько моя, Марусенько, хто по сняхъ ходить?

Мати моя, матусенько, котокъ минки ловить.

²⁾ Я, молода, устала,

Виконечко одчинила,

Сирого kota выпускала.

Возьму котика въ припиль,

Ой винесу я на двір,

Та й пушу kota за двір,

Щобъ батенько не чувавъ,

Люде не вбачилъ,

Що ми зъ нимъ гулятимъ.

(Лавр. 27).

³⁾ Ой що жъ то за котикъ, що дви лапи має.

Винь до мого сала часто заглядає.

Ой винь ходить по підъ-стінню, підмовляє мою жинку.

⁴⁾ Та наказує куночка

Свому чорному соболю:

„Ой бувай, та соболоньку,

Та у мене та въ суботоньку“.—

— Ой радъ би я та бувати,

Тебе, куночку, видати,

Та у тебе лози густі,

Риченьки бистрі.—

А я лозоньки порублю,

Бистри риченьки випру“.—

— Ой бувай, бувай козаченьку

У мене у суботоньку“.—

— Ой радъ би я бувати.

Тебе, дивочку, видати,

Та у тебе двори нові,

Ще й замочки крипкі,

Ще й батенко сердитий—

„А я замочки одмикну,

Воритечки одчню,

Свого батенька вблагаю“.

⁵⁾ Козаченьку, мій соболю,

Визьми мене и зъ собомъ.

карпатской колядкѣ мы встрѣчаемъ *бобровъ*, какъ предметъ богатства для хозяина ¹⁾).

Ласочка является въ одной карпатской колядкѣ въ чрезвычайно странномъ образѣ. Дѣвица отправляется за водою и видитъ дивнаго звѣря—*ласочку*, которая оказывается не ласочкою, а Божьей Матерью ²⁾). Можно предположить, что здѣсь была какая-то мифологическая исторія о появленіи въ видѣ животнаго женскаго существа, внезапно потомъ принявшаго свой собственный вид—однѣмъ изъ обыкновенныхъ образовъ мифическаго міра, оставшіяся во многихъ сказкахъ: Божія Матерь замѣнила что-то иное.

Олень и туръ встрѣчаются преимущественно только въ галицкихъ пѣсняхъ. Понятіе объ этихъ звѣряхъ сблосло до того, что образовался однѣмъ звѣрь—туръ-олень. Въ одной колядкѣ поется, что хозяйка (газдина) посылаетъ слугъ поймать и убить тура-оленя и повѣсить его шкуру и рога въ ея покоѣ ³⁾).

¹⁾ Ой тамъ за дворомъ, за чистоломомъ,
Ой дай, Боже!

Стоить ми, стоить, зелений явіръ,
А въ тѣмъ явори три користоньки;
Одна ми користь—въ верху гнвздонько,
Въ верху гнвздонько, сивъ соколонько;
Друга ми користь—въ середини,
А въ середини, въ борти пчолоньки;
Трета ми користь—у кориненька,
У кориненька чорні бобрѣ.

(Чт. 1864. I. 52).

²⁾ Ой пішла жъ она зъ двома ведерцѣ:
Въ едно начерпла, зъ другимъ ся вергла,
Вергла ся борзо до матиночки:
Виділа жъ бо я дивное звѣря,
Дивное звѣря—ластивляточку;
Не е бо тото ластивляточка;
Але е жъ тото Божая Мати!

(Чт. 1864. I. 90).

³⁾ Стоить ми, стоить, свитлонька нова...
Ой дай Боже!
А въ тій свитлонци гей газдиненька,
В' на соби ходить, зъ ч'лядью говорить,
Зъ ч'лядью говорить, въ квартиру ся дивить,
Дивится, дивить, въ чистое поле:
Ой висмотріла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя,
На головици жъ му та девять риживъ.
Ой крикнула жъ в'на на свои слуги:
„Служенки жъ мои найвірнійши!
Берить же соби шовкови сити,
Други застрійте ясний стрили,
Чей спінмаете дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя.
Якъ поймаете, видъ разу вбѣете.
Видъ разу вбѣете, роги зщибете,
Роги зщибете, щубу здоймете,
Ой принесете, та й повисите,

Здѣсь ясно воспоминаіе о древней охотѣ на этихъ звѣрей, о которой не разъ говорится въ нашихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сочиненіяхъ. Затѣмъ эти звѣри представляются въ чрезвычайно мнѣческой оболочкѣ. Такъ въ одной колядкѣ, напримѣръ, черный туръ говоритъ молодцу, который промахнулся, что онъ убьетъ его послѣ, въ воскресенье, и чрезъ то добудетъ такую славу, что достанетъ себѣ дѣвицу ¹⁾. Въ другой колядкѣ на одномъ изъ роговъ тура-олена поставленъ теремъ, а въ этомъ теремѣ красная дѣвица ²⁾; далѣе описывается, что она шинокъ держитъ и за неплатежъ денегъ беретъ съ трехъ молодцовъ — коня, саблю и шубу. Кажется, все, что относится къ этой дѣвицѣ и молодцамъ, составляетъ особую пѣсню, не имѣющую связи съ рогами тура и приставленную къ пѣснѣ о турѣ случайно. Но вообще тотъ образъ, что на рогахъ у тура или оленя происходятъ сцены человѣческой жизни, вѣроятно, былъ присущъ народной поэзіи и основался на забытомъ теперь міеологическомъ представленіи; на это указываетъ другая колядка, въ которой поется, что отъ вѣтра высохъ Дунай и заросъ зельемъ; по этому зелью пасется олень; на немъ пятьдесятъ роговъ и тарелка; на тарелкѣ золотой стольчикъ; на стольчикѣ молодецъ играетъ на гуслихъ и поетъ ³⁾.

Волки встрѣчаются въ козацкихъ пѣсняхъ въ мрачныхъ образахъ. Волки растаскиваютъ кости умершаго козака ⁴⁾. Козакъ, ожидающій смерти въ степи,

Та повисите въ новій світлонци,
 Въ новій світлонци, чомъ на стинонци,
 Все жъ того буде гей газдиненьци. (Чт. 1864. I. 48—49).

- ¹⁾ Якъ надібали чорного тура,
 Чорного тура, грубого звяря,
 И сивнокъ стрілокъ не дострѣлає,
 И сивъ коничокъ изъ нигъ спадає,
 Гордий молодець зъ страху вмиловає,
 А чорний туръ такъ промовляє:
 «Не біяся мене, не забудешъ ти мене.
 Поїдешъ же ти въ неділю рано,
 Тодга жъ ти мене та й постріляшъ,
 А за славоньку панну достанешъ». (Чт. 1864. I. 63).

- ²⁾ Дивнее звяря тура-олена,
 Що на головци девять рижичківъ,
 А на десятихъ теремъ збудованъ,
 А въ тмъ терни кгречна панночка. (Чт. 1864. I. 84).

- ³⁾ Ой за гори-долу витерь повиває,
 Дунай висихає, зильемъ заростає,
 Зильемъ трепетьомъ, вшелякемъ листомъ;
 Дивное звирьє спасує зильє,
 Спасує зильє сивий оленецъ,
 На тмъ оленци пядесять риживъ,
 Пядесять риживъ, еденъ тарелець,
 На тмъ тарельци золотий стильчикъ,
 На тмъ стильчику гречний молодець
 На гусли грає, красно спиває. (Рус. Днѣстр. 58).

- ⁴⁾ Вовки сироманци набигали,
 Козацьки кости розношали

называетъ волковъ и лисицъ своими братьями и сестрами ¹⁾). Волкъ — образъ страха вообще: мать, предохраняя своего сына отъ всякаго рода опасностей, иносказательно говоритъ, чтобъ онъ не ходилъ въ темный лѣсъ, гдѣ его можетъ съѣсть волкъ ²⁾). Вообще погибель выражается символическии образемъ съѣденія волкомъ. Дѣвица, которая хочетъ выразить мысль, что ей не жаль, еслибъ она лишилась ненидаго, и жаль было бы, еслибъ погибъ ея милый, представляеть это такими образемъ, будто того и другого съѣли волки ³⁾).

В. Пресмыкающіяся и рыбы.

Змѣя (по-мал. *змія, задюка*)—образъ злой женщины. Злая мать, которая подстрекнула козака убить жену, называется гадиною ⁴⁾). Гадина служитъ для отравы или для чаръ, по народному выраженію ⁵⁾). Гнетомый горемъ молодець сравниваетъ тоску съ гадиною, вьющеюся около его сердца ⁶⁾). Но змѣя является и въ болѣе привѣтливомъ образѣ. Молодець увидалъ змѣю подъ бѣлыми камнемъ и хотѣлъ изрубить ее. «Не руби меня», сказала ему змѣя. «Я пригожусь тебѣ, какъ ты будешь жениться: я намошу тебѣ перстневые мости, поставлю золотые столбы, повѣшу шелковые ковры. Какъ будешь везти свою дѣвицу, мости звенятъ, столбы заблестятъ, ковры заколымаются, загорятъ восковыя свѣчи» ⁷⁾).

По байракахъ, по долинахъ,
По козацкихъ приметахъ.

¹⁾ Ой у поли вовки та лисици,
Ой тожъ моя брати и сестрици. (Метл. 282).

²⁾ Не їди, синку, въ темний лїсь,
Ой тамъ тебе вовкъ взїсть.

³⁾ Вовки завили, много зїли,
А я журюся, нїду утоплюся.
Вовки завили, нелюба зїли,
Я не журюся, та веселяся. (Метл. 313).

⁴⁾ Приїзла къ ему чорна гадина,
То не гадина—то мати его!...
Ой ти, мати моя, чорна гадина.

⁵⁾ На камини гадиньола,
На гадину сонце пече.
Нїз гадини рона тече.
Пидстаєть, дївко, коновочку
Пидъ гадючу головочку.

⁶⁾ Чогось мини, братци, горилка не пьеться?
Туга коло серця якъ гадина вьеться.

⁷⁾ У поли, въ поли та бїль каминь лежить,
А пидъ тимъ камнемъ та змїя лежить;
Ой тая змїя та промовила:
„Не рубай мене, не сичи мене!
Буду я тоби въ великій пригодї:
Ой якъ ти будешь та женитися,
Помошу мости все перстневні,
Поставлю стовпи все золотїи,
Повїшу коври все шовковнї.

Подобные столбы и ковры встрѣчаются въ другой пѣснѣ купальской, гдѣ говорится объ ораніи воли орлами и о засѣваніи жемчугомъ.

Рыба въ народной пѣзвѣ—символь раздолья, простора, веселаго житья. Изъ разныхъ породъ рыбъ преимущественно является въ пѣсняхъ щука, ииѣющая иногда значеніе видоваго названія рыбы — щука-рыба. За щукою окунь иногда является какъ бы парюу къ щукѣ. Молодецъ противопоставляетъ щукѣ, ведущей раздольное житье въ водѣ, свое бездолье ¹⁾. Дѣвица хотеть гулять, какъ рыба по Дунаю ²⁾, — какъ щука-рыба съ окунями, такъ она съ молодцами ³⁾. Дѣвица желала бы жить съ милымъ, какъ рыба съ водою ⁴⁾, да и мать любитъ дочь, какъ рыба воду ⁵⁾. Одиночество противопоставляется рыбѣ, у которой всегда есть своя пара ⁶⁾, а житейскія трудности и бѣды сопоставляются съ плаваніемъ рыбы противъ воды ⁷⁾, съ пребываніемъ рыбы въ мутной водѣ ⁸⁾ или вовсе безъ воды ⁹⁾. Рыба, подобно птицѣ, посылается вѣстникомъ ¹⁰⁾. Есть одна галицкая пѣсня, показывающая какъ будто на вѣрованіе, что утопленники превращаются въ рыбъ. Бѣдная вдова, гнетомая панщиною,

Ой якъ ти будешъ дивочку везти,
Забрызчатъ мости все перстневні,
Засяють стовпи все золотні,
Замають коври все шовковні,
Засяють свичи все восковні“.

1) Щука рыба въ мори гулае до воли,
А я одинъ сиротина, та не маю дола.

2) Щука рыба по Дунаю,
А я молода погуляю.

3) Щука рыба зъ окунцами,
Я молода зъ молодцами!

4) Ой коби ти такъ за мною, якъ я за тобою,
Жили бь, жили, мое сердце, якъ рыба зъ водою.

(Чт. 1864. IV. 335).

5) Кохалася мати мною, якъ рыба водою.

6) Щука рыба грае, соби пару мае,
А я, бидний сиротина, пароньки не маю.

Или:

Щука рыба грае, соби пару мае,
А я стою та гадаю, що пари не маю.

7) Ой якъ тяжко та рибоньци проти води плисти,
А ще тяжче, кохавшися, не мати користи.

8) Ой якъ гирько рибоньци,
Въ коломутній водици,
Оттакъ миня, сиротиньци,
Въ чужій сторононьци. (Чт. 1868. III. 189).

9) Якъ трудно та нудно
Вілій рибоньци безъ води, безъ води,
Такъ трудно, такъ нудно,
Молодому козакови безъ жони. (Чт. 1863. IV. 321).

10) Пливи, пливи, щука рыба, уплинь за водою,
Скажи мому миленькому, що я сиротою.

(Метл. 57).

бросаетъ въ озеро свое дитя и говоритъ: ты будешь въ озерѣ какъ рыбка плавать, а я до смерти плакать подь Маковицею (мѣсто проишествія) ¹⁾.

Здѣсь мы оманчиваеъ наше обоарънне сиволики природы. Безъ сомнѣнн, оно очень недостаточно; богатство южно-русской пѣсенности велико и далеко не все нами исчерпано.

Къ мнелогическому періоду народной жизни слѣдуетъ отнести и общество доль, которое встрѣчается въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Доля—ничтоское существо, дѣйствующее на жизнь человека, дающее счастье и несчастье.

У каждаго—своя доля. Она для него прирожденная, «средняя» ²⁾. Она дается родителями и преимущественно матерью. Такъ сирота, осужденный служить у чужихъ людей, вспоминаетъ родителей и жалуется на мать, что она, родивъ его, не удѣлила ему счастливой доли ³⁾. Но по другому представленію дитя само добываетъ себѣ долю; такъ дѣвица пеняетъ на мать, зачѣмъ не разбудила ее,—другія встали раньше и взяли себѣ по доброй долѣ, а она опоздала, и ей досталась лихая доля ⁴⁾. Въ одной свадебной пѣснѣ какъ будто язычески представленія сталкиваются съ христіанскими; являются двѣ доли разомъ: одна дается невѣстѣ Богомъ, а другая—родителемъ ⁵⁾.

Несчастье представляется по отношенію къ доли двумя различными образами: или существованіемъ у человека лихой доли, или отсутствіемъ доли.

Несчастливая женщина приписываетъ свое горе тому, что мать ей дала при

1) Утопнть ты мати, не будешь ся знати,
Будешь тамъ въ озерн на лнки плавати.
Тн будешь въ озерн якъ рыбка плавати.
Я пидь Маковицею до смерти плакати. (Чт. 1866. III. 700).

2) Ой я твоя доля родина,
Та не вельми счастлива.

3) Билнй сннжокъ впадае,
Бурлакъ внжки вндгнае,
Отца-неньку спомннае:
Мати моя старенькая!
На що мене породила,
Счастя-доли не вдилила,
Розбесчастнаго пустила.

4) Сама, мати, провинила,
Мене рано не збудила:
Чужи дочкн рано встали,
Та по добрій доли взяли,
А я, мати, спизнилася,
Лиха доля судилася.

5) Ой славень, славень Марусннъ посадь,
По вснхъ вконцнхъ ангелн сидять,
Ангелн сидять, доленьку судять,
А надъ дверьми самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, книжечку читае,
Книжечку читае, доленьку роздае.
Марусю дитятко, чня доля липша?
Ой чи болая, чи батенькова?

рожденіи лихую долю¹⁾. Нѣтъ возможности отвязаться отъ ней: лихой доли ни продать, ни промѣнять; люди неунѣли, не хотятъ покупать²⁾. Несчастная проситъ ее потеряться въ полѣ, утопиться въ водѣ, заблудиться въ лѣсу, присвятиться въ церкви — все напрасно: лихая доля вездѣ удѣляется за нее³⁾. Эта лихая доля иначе называется бѣда (бѣда), которая, по выраженію пѣсни, одинакова отъ Кіева до Кракова⁴⁾; она неотвязно слѣдуетъ за козакомъ, съ нимъ родилась, съ нимъ вѣнчалась она⁵⁾.

Впрочемъ, несчастная доля не всегда слѣдуетъ тѣмъ за человѣкомъ; иногда она вдалекѣ отъ него, а между тѣмъ управляетъ его жизнью на зло ему. Такъ, дѣвица слышитъ голосъ своей доли изъ-за моря, какъ она пророчитъ ей несчастное замужество⁶⁾.

- 1) Породила меня мати у святу недлю;
Дала мнѣ лиху долю; де ні покинну!
- 2) Лиху долю ни продати и ни промѣнати:
Теперь люди поразумѣли — не йдутъ купувати.
- 3) „Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ поли загубися,
А за мною, та за молодю, та не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ поли загублюся,
А якъ пидешь пшеници жати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ лѣси заблудися,
А за мною, та за молодю, та не волочися!“
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ лѣси заблудюся,
А якъ пидешь калини ломати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ води утопися,
А за мною, та за молодю, та й не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ води утоплюся,
А якъ вийдешь рано води брати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди доле, пиди, несчастная, въ церкви присвятися,
А за мною, та за молодю, та й не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ церкви присвятюся,
А якъ прийдешь молитися Боту, я за тебе вчеплюся.
- 4) А хто биди не знае,
Нехай мене снитае;
А я въ бѣди обидавъ,
А я биду одвидавъ:
Одъ Кіева до Кракова,
Всюди бѣда одинакова!
- 5) Ой пиду жъ я, пиду, та зъ сѣго краю пиду,
Ой покину я та у симъ краю биду.
Ой оглянусь я за крутою горою,
Ажъ иде бѣда слидочкомъ за мною...
Ой чого ти, бѣдо, за мною вчепилася?
—Я зъ тобою, бесталанний, зъ тобою родилася.
Ой чого жъ ти, бѣдо, за мною ввччалася?
Я зъ тобою, бесталанний, зъ тобою ввччалася.
- 6) Ой дивчино зъумилася
Де доленька подилася.
Обизветься ні доля
Ажъ на тѣмъ то боци моря:

Но существуетъ другое представленіе: человекъ несчастенъ оттого, что у него нѣтъ доли, никакой доли. Такимъ образомъ, доля имѣетъ здѣсь значеніе существа добраго, приносящаго счастье. Несчастливая женщина приписываетъ свои бѣдствія тому, что мать умышленно не дала ей доли, купала ее и проклинала, желая, чтобы дочь ея не имѣла доли ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ несчастіе называется недоля, бездолье, а несчастная женщина—бездольница ²⁾. Человекъ не только не имѣетъ доли отъ младенчества, но и теряетъ ее; доля уходитъ отъ него, отстываетъ, пропадаетъ... Образы потери и исканія доли обычны и любимы въ народной поэзіи. «Гдѣ ты моя доля?» восклицаетъ женщина; «заблудилась ли ты въ лѣсу, опоздала въ полѣ, или ты была на пиру, пила медь-горюлку? Зачѣмъ меня забыла» ³⁾. Устарѣвшая несчастная женщина хочетъ зарыгать воловь или лошадей и догонять убѣжавшую долю. Она догоняетъ ее на калиновомъ мосту (то-есть воспоминаетъ о молодыхъ лѣтахъ) и проситъ долю придти къ ней въ гости. Доля не возвращается: «было-бъ тебѣ,—говоритъ она,—меня прежде уважать, каждый день вечеромъ стлать постель» ⁴⁾. Чаше всего пропавшая доля—за моремъ или въ морѣ. Козакъ, возвращаясь съ Дону, садится надъ водою, проклиная долю, а доля откликается къ нему изъ-за моря (см. символику моря). Въ другой пѣснѣ козакъ идетъ искать долю и спрашиваетъ старика, гдѣ ему искать своей доли: въ Сѣчѣ ли, въ Самарѣ, или въ чистомъ

„Ой я твоя родима,
Та не дуже счастлива...
Ой ти підець, дитко, замийь,
Тоди будешь постиль стлати,
Та не будешь на ій спати,
Край кровати стоитимешь,
Матинку споминатимешь:
Породила мене мати,
Та не вишла прикопати
Та малою дитиною“...

1) Купавчи кляла, щобъ доли не мала.

2) Ой дежъ наша бездольница
На чужій стороні?

3) Изъ за гори витерь віе,
Моя доля въ гости йде.
Чи ти, доле, въ лиси заблудилась,
Чи у поли опизвилась,
Чи въ беседи була,
Медь-горюлку пила, —
Де ти, доле, була,
Що мене забула?

4) Ой запражу сири воли, воронні кони,
Ой поїду доганяти счастливою доли.
Ой дигнала свою долю на калиновімъ мости.
„Вернись, вернись, моя доля, хочъ до мене въ гости“.
— Не вернуся я до тебе, не буду у тебе.
Було бъ мене шанувати, булобъ поважати,
Було бъ мнии що-вечира білу постиль стлати!

целѣ. Старикъ говоритъ, что его доля выплываетъ на другой берегъ моря ¹⁾. Въ одной пѣснѣ, о которой мы упоминали уже, говоря о символическомъ значеніи моря, дочь проситъ мать дозволить ей купаться въ морѣ и искать въ немъ своей доли. Есть повторенный нѣсколько разъ въ пѣсняхъ образъ, какъ человекъ ловить свою долю въ морѣ или въ рѣкѣ неводомъ, какъ рыбу, и не можетъ поймать. Козакъ ходилъ искать доли въ гѣсу и не нашелъ, но встрѣтилъ рыболововъ, которыхъ просилъ закинуть неводъ въ воду и поймать его долю. Рыболовы исполнили его желаніе, но поймали вмѣсто доли рыбу ²⁾. То же дѣлаетъ женщина ³⁾. Съ этимъ сближеніемъ доли съ водою состоитъ въ связи также любимый народною поэзіею образъ, какъ дѣвица, потерявшая невинность, посылаетъ свою долю за водою ⁴⁾.

О потопленіи и сгорѣніи доли упоминалось выше, при изложеніи символики воды и огня. Такимъ образомъ доля, будучи тѣсно связана съ существомъ человѣческой личности, представляется подверженною уничтоженію прежде самого человека.

1) Пашовъ козакъ дорогою доленьки шукати,

Гей та зостривъ винъ старого дѣда,

Ставь ёго питати:

„Скажи мнѣ, старій дѣду,

Де шукати доли?

Гей чи въ Сичи, чи въ Самари,

Чи въ чистому полѣ?“ —

— Ой ни въ Сичи, ни въ Самари,

Ни въ чистому волѣ:

Гей вирнае твоя доля

По тимъ боцѣ моря!

2) Ой пѣду я гаемъ,

Гаемъ зелененькимъ,

Доленьки шукати.

Не знайшовъ я доли,

Знайшовъ рыболовци,

Гей ви, рыболовци,

Та ридниі братци!

Завдайте невидъ,

Та на билу ричку,

Та піймайте долю

Мини молодому.

Не знайшовъ я долю,

А піймали рыбку.

3) Ой пѣду я доломъ по надъ синнімъ моремъ

Доленьки шукати, доленьки шукати.

Не найшла я доли, найшла рыболови.

Ой ви, рыболочки, ви рыболови!

Закиньте невидъ видъ Днипра до моря,

Чи не випливе къ вамъ счастливая доля!

Невидъ закидали, й доли не піймали.

(Метл. 366).

4) Ой у поли надъ водою сіла дивка долю,

Ой сіла, говорила: пливѣ, доле, за водою!

Говоря о долѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о грѣсѣ, вѣроятно уже не древней, въ которой выразилась философія народа. Доля представляется уже существомъ, принадлежащимъ не каждому лицу исключительно, но всѣмъ вообще людямъ: это уже какая-то фортуна; она, какъ послѣдняя, слѣпа, помогаетъ злымъ, негоднымъ людямъ, а добрымъ заставляетъ терпѣть нужду: все имъ не удается, за что они ни возьмутся. Тѣ, къ которымъ милостива лукавая доля, живутъ въ свѣтѣ спусти рукава; живутъ хорошо люди безъ ума, но плохо съ умомъ, но безъ доли ¹⁾. Эта пѣсня распространена, но она очевидно сочиненная. Слово «доля» иногда въ переносномъ смыслѣ называетъ жена своего мужа или мужъ жену.

¹⁾ Ой доля людская доля есть слепая,
 Часто служить злымъ, негоднымъ, и злымъ помогает,
 Добри жъ терпѣть нужду, но миру толчуться,
 И все не въ ладъ имъ приходить, за что ни возьмутся;
 До кого жъ у святи ласкова ся доля лукава;
 То той живе въ святи спустивши рукава;
 Безъ розуму въ святи люди живутъ жарно,
 А зъ розумомъ безъ доли никъ проводить жарно.

II.

Южная Русь до козачества.

Народная южно-русская жизнь, мимо всяких второстепенных надбавок на основаніи различій, представляемыхъ временемъ и мѣстностью, можетъ быть раздѣлена на три періода: до-козацкій, козацкій и по-козацкій.

При обзорѣмъ способа явленія природы въ народныхъ пѣсняхъ мы видѣли, что народная поэзія сохранила древнѣйшія представленія и, наконецъ, во всемъ способѣ отношеній человека къ природѣ до сихъ поръ господствуетъ въ ней то первобытное мировоззрѣніе, которое могло возникнуть и образоваться въ глубочайшей древности, въ эпоху младенчества народовъ. Но не то окажется, когда мы начнемъ въ пѣсняхъ отыскивать слѣды наступившихъ послѣ того періодовъ—удѣльно-вѣчевыхъ временъ, особенно, когда станемъ надѣяться, что найдемъ прямыя воспоминанія о событіяхъ этихъ временъ.

Окажется, что привычки и приемы народной жизни очень крѣпки, а народная память сравнительно слаба. Не даромъ и въ жизни отдѣльнаго человека то, что составляло сумму его раннихъ впечатлѣній и образовало его индивидуальность, оказываетъ на человека сильнѣйшее вліяніе, удерживается въ немъ при всѣхъ перемѣнахъ жизни, становится для его духовнаго существа какъ бы подкладкою, тогда какъ послѣдующія ощущенія стираются скорѣе. Замѣтимъ еще, что періодъ, въ который народъ находился подъ господствомъ натуральной религіи, намъ хотя невзвѣстенъ, но, конечно, былъ продолжительнѣе періода отъ принятія христіанства до козачества, тѣмъ болѣе, что при слабости и медленности, съ какою христіанскія начала вытѣсняли древнія языческія, народъ все еще переживалъ языческій періодъ, хотя и считался христіанскимъ народомъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что отношенія народа къ природѣ и способы его поэтическаго выраженія въ удѣльно-вѣчевыя времена были похожи на тѣ, какіе представляютъ намъ сохранившіяся теперь пѣсни. Уже одно то, что въ теперешнихъ пѣсняхъ есть слѣды временъ болѣе древнихъ, чѣмъ квижескія времена, даетъ намъ право призывать логически несомнѣннымъ, что въ промежуткѣ между болѣе глубокою древностью и болѣе близкими къ намъ вѣками существовали эти же слѣды, и конечно въ большей свѣжести, чѣмъ позже. Въ этомъ же отношеніи важно для насъ и то, что «Слово о полку

Игоря» представляет поразительное внутреннее сходство съ южно-русскою народною поэзію, а это происходит оттого, что пѣвецъ XII вѣка черпалъ свои вдохновенія изъ тѣхъ же источниковъ, изъ котораго истекли наши пѣсни; народная поэзія прежнихъ вѣковъ была прародительницею поэзіи позднѣйшихъ и передала позднѣйшей даже многія свои выраженія цѣликомъ. Наконецъ, есть пѣсни, которыя не только по духу, мировоззрѣнію и поэтическимъ приемамъ, но даже по описываемымъ событіямъ имѣютъ почти дубликаты въ пѣсняхъ великорусскихъ (какъ, напр., превращеніе женщины въ кукушку, споръ коня съ орломъ, исторія матери, взятой въ плѣнъ татариницею, прежде похитившимъ ея дочь, убійство жены по наущенію матери), другія славянскія (какъ, напр., пѣсня объ отравленіи сестрою брата по наущенію молодца, посредствомъ змѣянаго яда, помѣщенная въ довольно близкомъ вариантѣ въ собраніи моравскихъ пѣсней Сумила, стр. 187) и даже другія арійскихъ народовъ (напр., пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ, котораго дѣвица хочетъ вытащить изъ воды, встрѣченная нами въ нѣмецкомъ сборникѣ Кретшмера).

Такого рода пѣсни, конечно, древни: онѣ не могли быть заимствованы однимъ народомъ отъ другого въ позднія времена; да притомъ пѣсни дѣйствительно заимствованныя (какъ, напр., великорусскія, которыя поютъ малоруссы, и, наоборотъ, малорусскія, передѣланныя на великорусскій ладъ) съ перваго раза даже для малоопытнаго взгляда обличаютъ свое происхожденіе. Указанное нами сходство съ пѣснями другихъ народовъ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ общности древнихъ мотивовъ, которые если и переходили отъ народа къ народу, то передѣлывались и вполне усвоивались, на что нужно было продолжительное время. Вѣроятно, такихъ пѣсней, а еще болѣе древнихъ найдется и много, но онѣ относятся къ семейному быту и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы показывало въ нихъ тотъ или другой періодъ народной исторіи: онѣ изображаютъ то, что равнымъ образомъ могло быть въ разные времена, такъ какъ семейная жизнь менѣе и медленнѣе, чѣмъ общественная, подвергается кореннымъ измѣненіямъ. Оттого-то народъ и удержалъ такіе мотивы, которые, будучи древняго происхожденія, не противорѣчили его строю жизни и въ болѣе позднія времена. Но послѣдующія поколѣнія народовъ, заимствуя отъ предшествовавшихъ поколѣній и поэтическое мировоззрѣніе, и поэтическіе приемы, и чувствуя тѣмъ же способомъ, какими чувствовали предки, не могли, однако, сочувствовать всему, чему въ свое время сочувствовали эти предки, и относятся съ одинаковымъ участіемъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, въ силу измѣнившихся историческихъ обстоятельствъ, не могли уже повториться. То, что оставалось попрежнему и было близко народному сердцу, что могло вновь случиться, какъ случалось прежде, къ тому народъ все еще относился такъ, какъ относился отцы его и праотцы. Но много было и такого, что уже не могло занимать восторговъ, какъ занимало предковъ, и потомки, увлеченные потокомъ новыхъ жизненныхъ переворотовъ, забывали старое. У потомковъ являлись другіе интересы, другія условія и притомъ болѣе могучія, шире захватывавшія народную жизнь. Воспоминанія о временахъ Владимира и вообще объ эпохѣ Кіевского столѣтія исчезли изъ Южной Руси и ушли въ Великую Русь: тамъ, потерявъ свои древнія формы, они нашли совершенно нынѣ, да и въ Великой Руси ихъ мѣсто оказалось тамъ, гдѣ народъ менѣе всего жилъ дѣятельною жизнью,—тамъ, гдѣ ничѣмъ другимъ болѣе живымъ нельзя было замѣнить ихъ. Въ Южной Руси

періодъ козачества былъ настолько могучъ, до такой степени поднялъ всю народную массу и въ такомъ волненіи держалъ нѣсколько поколѣній сряду, наконецъ, такъ много вызвалъ новыхъ условій, создалъ новые идеалы, увлекавшіе народъ, что очень естественно было прежнему лишиться народнаго сочувствія и исчезнуть изъ народной памяти, которая всегда, при той степени духовнаго развитія, на какой находился южно-русскій народъ, подчиняется чувству: народъ помнить въ своей поэзіи только то, чему сочувствуетъ. Періодъ козачества черезчуръ потрясъ его существо: народъ слишкомъ много видѣлъ впереди, чтобъ оглядываться назадъ, слишкомъ много ожидалъ, чтобы вспоминать, слишкомъ много страдалъ въ настоящемъ и боролся; чтобы сѣтовать и уныло мечтать о прошломъ. Достаточно было нѣсколькимъ поколѣніямъ прожить въ такомъ напряженномъ положеніи, въ какомъ находилась Южная Русь въ XVI и XVII вѣкахъ, чтобы всякія воспоминанія о прежнихъ удѣльно-вѣчевыхъ и послѣдовавшихъ за нимъ литовскихъ временахъ испарились изъ народной памяти. Да притомъ и по существу своему условія временъ предшествовавшихъ козачеству не могли западать такъ глубоко въ душу народа, какъ условія временъ козачества, когда народную массу всецѣло увлекала борьба съ невѣрными, безпрестанно уносившая изъ населенныхъ мѣстъ Южной Руси цѣлыя народы въ степи и на море. Позднѣе, когда наступила еще сильнѣйшая борьба съ Польшою, освященная знаменемъ религіи и вѣстѣй связанная съ социальными идеалами освобожденія народа отъ власти пановъ и свободнаго обладанія землею, — тогда возникла изъ предыдущей другая, внутренняя, тяжелей и неудавшаяся борьба народнаго стремленія къ волѣ и равенству подъ сродною для народа формою оказанія, — борьба, такъ сказать, съ враждебною судьбою, поставившею такому стремленію непреодолимые препятствія и извѣтъ, и въ самомъ народѣ.

Ничего такого, по крайней мѣрѣ, насколько намъ извѣстно, не представляютъ прежнія до-козацкія времена. Нѣкогда на первомъ планѣ въ народной жизни было вольное дружинное начало, составленіе воинственныхъ шаекъ, примыкавшихъ къ тому или другому князю. Время было кипучее, жизни было много, но она истрачивалась на болѣе или менѣе мелкія распри земель и князей, изрѣдка только задаваясь болѣе высокими предпріятіями защиты края противъ вѣшнихъ враговъ. Другая часть народа, конечно многочисленная, погружена была въ свои обычныя будничныя заботы о существованіи, часто прерываемыя всякаго рода бѣдствіями, — то междуусобіями, разорительными сегодня для того, завтра для другого уголка страны, то иноплеменными нашествіями и погромами.

Въ оное время была своего рода поэзія, которой образчикомъ (хотя уже, при народной основѣ, въ литературной передѣлкѣ) служить «Слово о полку Игоря»; но такая поэзія не была общимъ достояніемъ и ея интересы не могли всегда обнимать народныхъ идеаловъ; правда, пѣвецъ Игоря стоитъ выше дружинника: по своей широтѣ взгляда онъ — человекъ земскій, но вѣстѣй съ тѣмъ предметы, занимающіе его, не всенародны: какова бы ни была эта поэзія, мы не видимъ, чтобъ она была выраженіемъ какихъ-нибудь дѣятельныхъ всенародныхъ стремленій. Дружинный элементъ еще до татаръ началъ передѣлываться въ аристократію, которой народная масса не могла сочувствовать. Въ послѣдующія затѣмъ времена, при всей недостаточности нашихъ свѣдѣній объ этихъ временахъ, мы все-таки не видимъ народной дѣятельности, всенародныхъ

стремлений: мы замѣчаемъ поровъ то княжескій деспотизмъ (особенно въ XIII вѣкѣ), то аристократію князей и бояръ. Понятно, что если у народа и были какія-нибудь пѣсни, касавшіяся этихъ временъ, то онѣ не могли имѣть того смысла, какъ въ позднѣйшія времена пѣсни козацкія, и должны были умолкнуть и исчезнуть, какъ скоро народное сердце забилося сильнѣе, настала другая жизнь, несравненно шире первой, жизнь дѣятельная и всенародная, съ общими для массы стремлениями и идеалами. Такимъ образомъ между козацкіимъ періодомъ и предшествовавшими временами образовалась пропасть. Народъ южнорусскій могъ казаться не прямо происшедшимъ отъ прежнихъ поколѣній, жившихъ на той же землѣ, а какъ будто пришелъ откуда-то, новымъ народомъ: и дѣйствительно, были такіе гадатели, которые даже съ вѣсдръ считали южноруссовъ потомками торковъ и берендѣевъ и т. п. Ихъ смущало отсутствіе въ этомъ народѣ всякихъ воспоминаній о томъ, что совершалось на его землѣ,— отсутствіе всякаго, повидному, сочувствія къ прежнимъ судьбамъ своего отечества. На самомъ же дѣлѣ этотъ народъ, почти не помня своихъ князей и какъ будто не желая оказывать къ нимъ никакого вниманія, глубоко сохранилъ многое изъ того, съ чѣмъ жилъ еще до появленія въ его странѣ этихъ князей. Не удивительно, что онъ не показывалъ нѣжныхъ чувствъ къ памяти этихъ князей своихъ и даже забывъ объ ихъ существованіи. Паны и шляхта, съ которыми онъ боролся, были прямое перерожденіе княжичны и дружинничны былыхъ временъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показываются, а еще болѣе въ нѣкоторыхъ сборникахъ изданныхъ пѣсень намъ хотѣть показывать слѣды княжескаго періода.

Въ драгоценномъ своемъ сочиненіи «Записки о Южной Руси» П. А. Кулишъ помѣстилъ нѣчто въ родѣ думы о походѣ князя-язычника въ Царьградъ. Событіе глубочайшей древности: это то самое, о которомъ византійскіе писатели протрубили, какъ о первомъ принятіи крещенія русскими. Это скорѣе изустный разговоръ, чѣмъ дума: его записалъ нѣкто Шишацкій-Иличъ (писавшій въ «Черниговскихъ Вѣдомостяхъ» въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія), въ селѣ Красилковѣ, Козелецкаго уѣзда, отъ восьмидесятилѣтней старухи Гуйдики. Рассказывается, что встарину у невѣрныхъ былъ богъ Посвистать. Князь собралъ совѣтъ изъ своихъ слугъ и предложилъ вопросъ, что дѣлать на случай его смерти. Слуги дали ему совѣтъ жениться и вывѣдали достать ему красавицу.

Они отправились на корабляхъ въ христіанскую землю. Князю было какое-то предчувствіе грядущей бѣды. Когда они доплыли до христіанской земли, тамошній народъ собрался на берегу и молилъ Бога разогнать вѣтромъ и потопить вражескіе корабли. Вдругъ поднялась буря, разбила врознь корабли, и войско стало тонуть. Князь воскликнулъ тогда: «Посвистать не настоящій богъ. Что, онъ спалъ, что ли, или въ Маконѣ гулялъ?! Вотъ христіанскій Богъ—настоящій Богъ!» Онъ съ остатками кораблей отплылъ въ свою землю и, собравъ старшихъ людей, держалъ совѣтъ, какъ послать въ христіанскую землю посольство и принимать христіанскую вѣру. Одни отговаривали, другіе молча досадовали, третьи совѣтовали такъ поступить. Затѣмъ дума говорить о нирѣ у князя и обрывается на этомъ: она, вообще, какъ безъ начала, такъ и безъ конца ¹⁾.

¹⁾ „Оце слуги мои вирніи, намъ треба знати,

Рассказъ очень вялъ, рямованный, онъ походить на думы, но вовсе не имѣетъ ни поэтическаго порыва, ни силы выраженія, ни стройности повѣствованія, свойственныхъ послѣднимъ. Г. Кулинь замѣчаетъ, что «пѣсня какого-то соловья стараго времени дошла до насъ въ убогомъ видѣ». Но этотъ справед-

Кого послѣ мене на царство оставить,
 Щобъ вамъ, розумными головами, добре-предобре править,
 Часомъ моеи смерти, щобъ ни знали,
 Бого царевать поставитъ“.

Отъ ему й кажутъ:
 „Що ти, нашъ старший князь, наша голова народна,
 Що ти самъ можешъ добрый советъ дать,
 И своимъ розумомъ померковать.
 А коли дозволишь, такъ ми тоби отъ що скажемъ:
 Не прикажи насъ казнить и рубать,
 А позволь тоби красную княгиню достать,
 Позволь корабели стругать,
 Да на синемъ море вышждать“.

Тутъ старший князь усмихнувся...
 Повелить корабели сваряжать
 И ножи дубовать,
 А въ корабели войско насажувать
 И кадки меду уставлять,
 Щобъ було съ чимъ по синему морю гулять,
 Да красную княгиню затримать и шановать.
 Якъ зобрали жъ да збудовали корабели,
 Тогди ставъ князь у волосяну даху одягатыця,
 Да золотимъ чересломъ підперяжуватыця.
 Стали вирниі слуги его на майдавахъ громадыця,
 Да своему богу Посвястачу молитыця,
 Щобъ винъ имъ годину давъ,
 Да моря не турбовавъ.
 Стали за симъ вони збиратыця,
 Да корабели свои у море выпускаць,
 Стали корабели свои чайми піднимать:
 Якъ стадо лебедивъ вони одъ берега одливали,
 По синему морю якъ бжолы сновали,
 Що ажъ море собою, неваче хмарами тини, крима укривали.
 Іде князь старший зъ своимъ військомъ по круглому морю до земли
 христьянськомъ,
 Щобъ тамъ у якъ своими кораблями усихъ поставовити
 И соби красную княгиню въ замужже достати.
 Якъ стали вони до христьянськомъ земли донждати,
 Стало старшого князя удале сердце недобре зачувати,
 И каже винъ своимъ раднимъ слугамъ:
 „Эй ви слуги мои, рати вирниі!
 Щось моя душа недобре чуе:
 Що ни сонъ не йде, ни хлеба изиссти.
 Ни води испити...
 Коли бъ намъ часомъ отгуть своихъ душъ не положити!“
 Тогди стари голови стали князя резонити,

ливый приговоръ не помѣшалъ ему сказать, что открытіемъ этого памятника южно-русской народной поэзіи Шишацкій-Илчъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о полку Игоревѣ» («Зап. о Южн. Руси», I, 171).

Що на синему морю нмъ ничого болятсь:
 Бачь, вони свого бога Посвистача прохали мора не турбовати.
 Якъ тилки жь до берега христьянського вони стали допливати,
 Ставъ чорний орелъ надъ моремъ лятать,
 А литавши ставъ вінъ голосомъ казати:
 „Пхе, руська кость пахне!“
 Ставъ народъ христьянський до моря зиходитьця,
 Да Бога свого прохати,
 Щобъ вінъ корабели вражеськи витромъ розогнавъ,
 Чи водою потопить.
 Ставъ Богъ христьянський бурю піднимати,
 Да круглее сине море нзъ свого ложа вивертати.
 Тогди корабли по морю безъ ладу гуляли,
 Чайми ихъ витромъ ламало,
 Да по води роскидало.
 Стало війско князя старшого у морі потопати,
 Ставъ тогди старший князь своимъ раднимъ слугамъ казати:
 „Эй ви слуги мои вирни!
 Не естъ се богъ нашъ Посвистачъ Богъ настоящий,
 Що вінъ сѣеи бури не втипнивъ,
 Да наши корабли въ такій силі потопивъ.
 Десь нашъ богъ Посвистачъ спавъ,
 Чи въ Макоши гулявъ...
 Есть-то Богъ настоящий—
 Богъ христьянський!“
 Тогди старший князь корабли свои останни завертавъ,
 Да назадъ одпливавъ.
 Якъ прихавъ князь старший у свою невірну землю,
 Ставъ вінъ совитъ старихъ людей зивати да збирати,
 Да въ христьянську землю посылати,
 Щобъ вони тамъ виру займали
 Да христьянського Бога и соби Богомъ зазнали.
 Довго стари голови мовчали.
 Одни свого старшого князя отъ сѣеи думки одвертали,
 Другні сами соби нарекали,
 А трейти стали старшого князя важити,
 Щобъ швидче човни бударажити,
 Да у христьянську землю одпливати.
 Стали вони выжджати,
 Стали тогди уси пиръ пировати,
 Да крипкимъ медомъ дорогу поливати.
 Не день и не два вони тамъ гуляли,
 Покниль ажъ посланци зъ старшимъ княземъ назадъ повертались.
 У дутки грали
 И въ бряккити бряжчали...

Если бы намъ сказали, что подобная дума была записана отъ бандуриста, мы бы вострѣзъ сказали, что это невозможно. У бандуриста, который все-таки поетъ, сопровождая пѣніе музыкой, дума не можетъ обратиться, съеститься въ такую прозу, неудобную для думъ. Но намъ говорятъ, что ее записали отъ 85-лѣтней женщины. При этихъ условіяхъ искаженіе такого рода дѣйствительно возможно, но здѣсь возникаютъ другіе вопросы и недоумѣнія: мы не встрѣчали притѣра, чтобы женщины выучивали и пѣли думы; если-жъ эта дума, «броненная бандуристами», обратилась въ изустный рассказъ, какъ поясняетъ г. Кулишъ, то рассказъ уже не могъ быть достояніемъ одной только Гуйдихи въ цѣломъ свѣтѣ. Можно предположить, что дума, которую никто не пѣлъ, кромѣ бандуристовъ, умираетъ съ какимъ-нибудь послѣднимъ, знавшимъ ее, бандуристомъ: вѣроятно, такая участь и постигла очень многія думы; но извѣстный рассказъ не умираетъ съ однимъ какимъ-нибудь лицомъ, а между тѣмъ г. Кулишъ сообщаетъ намъ, что Гуйдихи уже нѣтъ на свѣтѣ и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей, сколько мы его знаемъ, не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-о языческихъ плователяхъ по круглому морю. Нѣтъ, если, быть можетъ, никто, кромѣ Гуйдихи, не могъ передать его въ томъ видѣ. въ какомъ она его передавала, то невозможно, чтобы уже кромѣ нея не знали никто содержанія ея рѣимованнаго рассказа, если только такой рассказъ существовалъ. Событіе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно могло быть предметомъ рассказа. Свѣдѣнія въ народѣ могли поддерживаться даже книжнымъ путемъ; многіе духовные знали о томъ, что русскіе язычники когда-то нападали на Цареградъ, что молитвами къ Богу произвели бурю, которая потопила корабли, и это произвело на язычниковъ такое впечатлѣніе, что они крестились: другое изъ старины удерживать въ памяти народу труднѣе было, чѣмъ это событіе, если только оно входило въ народную память. Такимъ образомъ мы не находимъ невозможнымъ, если намъ скажутъ, что рассказъ о немъ существуетъ, но также возможно, что его и нѣтъ; если же только онъ существовалъ, то никакъ не могъ быть достояніемъ одного лица, и какъ скоро окажется, что его никто не знаетъ и не слышалъ, тогда прямо возникаетъ сомнѣніе, чтобы и Гуйдиха его знала, и прославленное открытіе надобно признать поддѣлкою, можетъ быть, того же Шишацкаго-Илича (въ добросовѣстности г. Кулиша мы увѣрены, но вѣдь онъ самъ не записалъ и не слышалъ его).

Въ самой этой такъ называемой думѣ есть выраженія если не вполне побуждающія насъ признавать эту думу за поддѣлку, то возбуждающія важныя сомнѣнія; такъ, напримѣръ, стихи:

Якъ стадо лебедивъ вони одъ берега одливали,
По синѣму морю якъ бжолн сновали,
Що ажъ море собою, неначе хмарами тими, крийма укривали.

представляютъ искусственный складъ рѣчи: едва ли гдѣ можно отыскать рядомъ на одинъ и тотъ же предметъ три сравненія, изъ которыхъ два выраженія черезъ *якъ*, а третье—съ творительнымъ падежомъ; *бжолн сновали*—выраженіе не народное и никогда не говорится о пчелахъ *сновали*. Стихъ:

Да круглее сине море изъ своего ложа виверстати.

также представляетъ вычурность выраженія, чуждую народной рѣчи; самый эпи-

теть—круглое море—здѣсь является первый разъ въ народной поэзіи и кажется намъ сомнительно-народнымъ. Море называется обыкновенно по вѣтшиннѣ, бросающимся въ глаза признакамъ: *синее* море, *широкое* море, *глубокое* море, но круглое море предполагаетъ измѣреніе и изслѣдованіе географическаго положенія моря. Для народной пѣсни такой эпитетъ слишкомъ наученъ. Наконецъ, намъ кажется сомнительнымъ присутствіе Макоши (котораго неизвѣстно на какихъ причинахъ произвели въ славянскаго бога тучины. «Записки о Южн. Русѣ», I, 177). Едва ли могло уцѣлѣть имя божества совершенно непонятное и чуждое народному языку въ настоящее время, особенно еще такъ, гдѣ выраженіе о немъ приправлено юморомъ, тогда какъ народъ именно способенъ острить только надъ тѣмъ, что ему извѣстно и близко. Дума эта, искажаясь и разлагаясь (а самъ издатель ея соглашается, что она дошла до насъ въ убогомъ и жалкомъ видѣ), раньше всего должна была бы утратить имя языческаго божества, ставшее непонятнымъ. По нашему мнѣнію, и выраженіе *у ласъ постоновити* — также искусственное. Въ заключеніе мы скажемъ, что, не отрицая окончательно возможности народной основы этой думы, мы считаемъ ее сомнительную и поэтому полагаемъ, что она не можетъ замѣять мѣста въ ряду извѣстныхъ намъ произведеній народной поэзіи.

Въ «Запискахъ о Южной Руси» приведенъ такъ называемый «Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ»¹⁾. Пѣсня эта взята изъ описанія Васильковского уѣзда, составленная Зуликовскимъ по-польски; онъ относитъ ее къ Батыевымъ временамъ, полагая, что такъ какъ народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми, то поэтому имя Батмъ замѣнилось именемъ Орлика, а имена Мангу и Петы именами Грицька и Андрія. Но, отлагая въ сторону крайнюю произвольность такого толкованія, мы обратимъ вниманіе на то, что здѣсь собственно не одинъ отрывокъ, а три и, повидному, изъ различныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ первый не представляетъ никакой связи съ послѣдующими. Что касается до второго и третьяго, то хотя во второмъ говорится объ оборонѣ Кіева, а въ третьемъ о разореніи какого-то города неіверными, но мы не видимъ основаній, почему именно то, что описывается въ третьемъ, должно относить къ Кіеву, а не къ какому-нибудь городу. Отчего же, напротивъ, не къ Каменцу, взятому турками и татарами въ 1672 году, гдѣ дѣйствительно происходили сцены поруганія христіанской святыни. То, что во вто-

¹⁾ Да не славнійшии городъ Медведицка изъ своими городами,
Якъ славнійшии Пилип Орликъ зъ двома козаками:
Однѣ Грицько, другий Андрій, на вѣру гонитель,
Всімъ городамъ украинськимъ вѣнъ бувъ розоритель:
Въ неділю рано-пораненьку у вси дзвони дзвонять,
И старні, и мали въ весь голосъ голосять,
На коліна упадають и Бога просять:
„Поможи намъ, Боже, Кіевъ городъ боронити,
Дождемо Цершою Пречистою будемъ обидъ становити“.
Въ неділю рано-пораненьку города достали,
Всімъ церквамъ украинськимъ верхи позбивали,
Полотняни образи підъ кульбахи клали,
Дзвонами сніжовими кони наповали,
Въ святихъ церквахъ кони становили.

речь отрывкѣ говорится о Кіевѣ, не можетъ также давать намъ право приурочивать это непременно къ Батю, такъ какъ Кіевъ много разъ, въ болѣе позднія времена, былъ угрожаемъ татарами и находился въ такомъ положеніи, что могла быть рѣчь объ его оборонѣ: хотъ бы, напримѣръ, въ 1687 году (Лѣтоп. Самов., 79) языкъ этихъ отрывковъ ничуть не отзывался признаками древности и, напротивъ, носить на себѣ отпечатокъ искусственности, такъ что нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ отрывкахъ какихъ-нибудь остатковъ позвн до-козацкаго періода или даже смутныхъ воспоминаній о немъ. Гораздо больше права на дѣйствительное значеніе памятника до-козацкаго періода остается за легендою о Михайликѣ и золотыхъ воротахъ, приведенною П. А. Кулишомъ въ I т. «Записокъ о Южной Руси» (стр. 3—5). Собственно сказки и легенды не входятъ въ предметъ нашего изслѣдованія, но есть нѣкоторое основаніе заключить, что нѣкогда это была дума, которая утратилась и оставила по себѣ вуствную народную легенду, въ которой народъ удержалъ отъ прежней думы четыре стиха, составляющіе рѣчь Михайлика къ киевлянамъ. Когда татары (здѣсь, вѣроятно, во времена Батю) подступали къ Кіеву, витязь Михайликъ попалъ стрѣлою въ ниску обѣдавшему татарину (главному изъ нихъ). Понимая, что въ Кіевѣ есть славный богатырь, татаринъ послалъ къ киевлянамъ сказать, что онъ отступитъ отъ города, если ему выдадутъ Михайлика. Кіевляне согласились. Тогда Михайликъ сказалъ имъ: «О, кіяне, кіяне, честная громада! Вамъ со вѣтъ никуда не годится. Если бы вы Михайлика не выдавали, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, татары не взяли бы Кіева»¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ на свое копьѣ киевскія золотыя ворота и пробѣжалъ черезъ татарское войско невидимо для татаръ. Враги бросились въ Кіевъ въ пустое мѣсто, гдѣ стояли золотыя ворота, унесенныя на копьѣ богатыремъ. Михайликъ съ золотыми воротами уѣхалъ въ Царьградъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ: передъ нимъ стоитъ стаканъ воды и лежитъ просфора; другого онъ ничего не ѣстъ. Ворота стоятъ въ Цареградѣ, но будетъ такое время, когда Михайликъ возвратится въ Кіевъ и поставитъ ворота на свое мѣсто. Теперь же пока они стоятъ въ Цареградѣ, и если кто, пройдя мимо нихъ, скажетъ: «быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и заблеститъ, а если скажетъ: «не быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и померкнетъ.

Видно, что дума, которой слѣды замѣтны въ этой легендѣ, существовала до паденія Константинополя, такъ какъ и въ легендѣ Царьградъ, очевидно, еще христіанскій городъ. Видно, что народъ питалъ еще желаніе и надежду возобновленія прежней независимости и значенія Кіева, выразивъ это въ образѣ возвращенія Михайлика въ Кіевъ съ золотыми воротами. По этому остатку можно заключить, что прежняя дума относительно своего дѣла и способа поэтическаго воззрѣнія отличалась отъ тѣхъ, которыя намъ остались отъ временъ козачества. Здѣсь господствуетъ эпическій характеръ, сближающій это произведеніе съ великорусскими былинами: вѣроятно, Василій Пьяница въ послѣднихъ (Кирѣев., т. I, ч. 2)—есть тотъ же, но искаженный, Михайликъ. Въ малорусскомъ произведе-

¹⁾ Ой кіяне, кіяне, панове громада!

Погана ваша рада:

Якъ би ви Михайлика не оддавали,

Поки свить сонце, вороги бѣ Києва не доставали.

ни эническая гипербола имѣеть смыслъ аллегоріи. Михайлинь—какъ бы олицетвореніе народной самосилы, которая когда-то должна подаяться. По известному намъ иному варианту той легенды, онъ называется Михайло Смиливтокъ и представляется необыкновеннымъ ребенкомъ: ему предстоитъ возрасти въ Царьградѣ. Этотъ мотивъ — изображать необыкновенныя качества ума и тѣлесной силы въ дѣтяхъ—присущъ южнорусскому вымыслу. Такъ въ древней повѣсти о Басаргѣ, купцѣ киевскомъ, дѣйствуетъ тоже необыкновенный ребенокъ, а въ сказкѣ о дѣвкѣ семилѣтнѣ—маленькая дѣвочка изумляетъ своею смѣтливостью и находчивостью. Въ сказкахъ болѣе или менѣе одинаковыхъ или сходныхъ съ великорусскими третій сынъ—въ великорусскихъ редакціяхъ обыкновенно дурачокъ, въ малорусскихъ—часто малолѣтокъ. Въ этой чертѣ мы осмѣливаемся видѣть глубоко-лежащее въ народѣ предпочтеніе грядущаго предъ прошедшимъ, будущихъ поколѣній предъ отжившимъ, юнаго предъ увядающимъ.

Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ, преимущественно колыдакахъ (особенно галицкихъ), мы встрѣчаемъ такія черты, которыя сильно присущи удѣльно-вѣчевому строю южнорусскаго края. Такии образоиъ въ нѣкоторыхъ колыдакахъ обращаются къ хозяину (пану господарю), приписывая ему признаки, которые никакъ не приличны поселянину и вполне приличны древнему князю; повидимому, такого рода колыдаки пѣлись когда-то князьямъ и боярамъ и, переживъ ихъ, теперь уже совсѣмъ не кстатн поются поселянамъ. Такъ, напримеръ, господаря вѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ Судомиръ (едва ли Сандомиръ, а скорѣе аллегорическое названіе города, гдѣ происходитъ судъ и устанавливается миръ) судить суды и раздавать села: населили три села людьми¹⁾. Князья, какъ известно, разъѣзжали по землѣ творить судъ, раздавали села и населяли ихъ пришлыми людьми. Въ другой пѣснѣ онъ ѣдетъ въ Судомиръ судить суды и получаетъ за то три села, — черта очень важная, объясняющая историческій фактъ древняго удѣльно-вѣчевого быта. Князю села давались въ вознагражденіе за его обязанности, въ числѣ которыхъ былъ судъ. У господара дворъ представляется какъ городъ, гдѣ живетъ князь; тамъ собирается народное собраніе—древнее вѣче²⁾; его дворъ также обнесенъ каменною стѣною, тамъ со-

1) Ой похавъ винъ до Судомира
Суди судити, села дилити,
Насадилн винн три села людьми. (Чт. 1864. I. 11).

Или:

Похавъ же винъ до Судомира.
Щожъ тамъ похавъ?—Суди судити.
Щожъ ему дамо за тотн суди?—
Ой дано ему та три селечки. (Чт. 1864. I. 33).

2) У господаря остроженный двиръ,
Остроженный двиръ, тамъ збирається збиръ,
Все старні люди радять радочку,
Невеличкуу, стародавнюю.

Или:

Стояла сосна високого роста,
Пидъ тою сосною громада людей.
А мижъ ними гречний панъ
Свого коня въ рученькахъ водить.

бираются люди, ставят шатры, въ тѣхъ шатрахъ сидятъ господинь; онъ выдѣлываетъ стрѣлы и кладетъ на лукъ: лукъ и стрѣлы сами по себѣ уже признаки давняго угасшаго быта ¹⁾. Это приготовленіе къ войнѣ.

Въ другой колядкѣ видимъ древняго князя, собирающаго удалую рать и идущаго вмѣстѣ съ родителями на чужое княженіе; онъ готовитъ золотой лукъ (т.-е. въ золото оправленный), свопъ стрѣлъ и зоветъ отца вмѣстѣ съ собою идти на Галичъ ²⁾. Есть черты, напоминающія значеніе княжескаго стяга, очень важнаго знака по лѣтописямъ ³⁾. Много есть колядокъ, сходныхъ по содержанию, распространенныхъ по всей странѣ, гдѣ живетъ малорусское племя: изображается, что молодецъ собираетъ войско, приступаетъ къ городу и задаетъ ему стражу: жители приходятъ въ смятеніе и предлагаютъ ему окупъ ⁴⁾ то тѣмъ, то другимъ; обыкновенно, въ колядкѣ молодецъ не беретъ ни денегъ, ни даровъ, а добываетъ себѣ красную дѣвицу: послѣдняя черта выражаетъ только обычное желаніе неженатому молодцу жениться. Колядки эти носятъ черты княжескихъ временъ, когда дѣйствительно удалые князья съ своими дружинами и ратями осаждали города и брали съ нихъ окупъ или предавали на щитъ. Любимое раз-

1) Обмуровавъ двирь билими камнемъ,
А воретечка зъ жовтои миди.
А тамъ люди ставятъ намети,
А въ тихъ наметахъ сидитъ панъ Иванько,
Стрилочки струже, на лучокъ кладе,
А зъ лучка бере та й заправляе.

2) Коня сидлае, зброю збирае,
Бере винъ соби та снимокъ стрилокъ,
Золотий лучокъ, ясну шабельку,
Та до батенька винъ промовляе:
„Най ся батенько борзо збирае,
Ой поїндемо та до Галича“.

(Чт. 1864. I. 62).

3) По пидъ Каменець битий гостинець;
Тамъ вѣйско стоять, ладу не знае.
Панъ (имр.) прійшовъ, ладъ вѣйску знайшовъ.
Ставъ звинъ корогву, берегомъ пійшовъ.

4) Тамъ вѣйско шло, ладу не найшло;
Иванько ишовъ, ладъ вѣйску найшовъ,
Веливъ гармати порихтувати,
Въ Вирвий городъ стріли пускати.
Вси мищаночки валакалися,
По ринку ходять, рученьки ломлять,
Рученьки ломлять и радоньку радять,
Що такому паняти за дару дати,
Винесли ему мису червонихъ и пр.

(Метл. 335).

Или:

Ой пидъ Львовомъ на оболоню,
Тамъ Ивасенько коникомъ грае,
Коникомъ грае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на злоту баню стріляе,
Вийшли до него та три мищане,
Винесли ему мису червонихъ.

(Чт. 1864. I. 64).

влеченіе князей, о которыхъ въ летописяхъ сохранились повѣствованія, — охота — отразилось также и въ колядкахъ. Въ повсемѣстно-распространенной колядкѣ представляется молодець, который будитъ свою братію, велитъ сѣдлатъ коней, скликать псовъ и ѣхать на охоту: братьямъ будетъ кунница въ деревѣ (дуплѣ), а ему достанется дѣвица въ теремѣ. Кромѣ образа, чрезвычайно подходящаго къ древней княжеской жизни, самый языкъ этой колядки вѣсть древность, какъ показываютъ слова, теперь уже не употребительныя: *кура* вѣсто пѣтуя (півні), *теремъ*, *лукъ* ¹⁾. Составленіе дружинъ, пристававшихъ къ князьямъ въ надеждѣ выгодъ, нашло собѣ также память въ колядкахъ. Изображается сборъ молодцовъ, которые готовятся идти на службу къ нану ²⁾, даже въ данку

- 1) Ой рано, рано кури запли,
А ще ранніше панъ Михайло вставъ,
Панъ Михайло вставъ, лучкомъ задзвонивъ,
Лучкомъ задзвонивъ, бративъ побудивъ;
Братци, вставайте, кони сидайте,
Кони сидайте, хорти скликайте;
Пондемъ, братци, въ чистее поле,
Въ чистее поле, на полованьє;
Навдавъ и вамъ куну въ дереви,
Куну въ дереви, дивку въ тереми;
Вамъ, братци, буде куна въ дереви,
А мнѣ, братци, дивка въ тереми.

Или:

Поїдемо ми въ чистее поле,
Въ чистее поле, въ темний лисокъ,
За чорнимъ туромъ,
За грубимъ вниремъ.

- 2) А въ чистимъ поли, близько дороги,
Стоять намети, били шовкови,
А въ тихъ наметахъ все громадове,
Радонько радять, коби врадили.
Ой не справляймо на жони шуби,
На жони шуби, на дочкѣ злото,
Ано справляймо мідяни човна,
Мідяни човна, срибниі весла,
Та пускаймося края Дуная;
Чуеможъ ми тамъ доброго пана,
Доброго пана, то пана Петра,
Що платить добре за заслужєкку.
Ой дає на рикъ по сто червоникъ,
По коникови по вороному,
По жупанови по китаєву,
По ясній стрільци, по хорошиі дивци.

Или:

Он чи много насъ, панове молодци,
Изложимося та по золотому,
Купимъ собі золотого човна,
Та поїдемо пана шукати,
Пана шукати, на ями Івана,

страну—въ Царьградъ, куда, какъ извѣстно, ходили русскіе опредѣляться на службу у греческихъ императоровъ ¹⁾. Эти же дружины возводили и прогоняли князей. Эту черту, какъ намъ кажется, слѣдуетъ видѣть въ одной колядкѣ, гдѣ молодецъ беретъ въ плѣнъ короля (князь могъ легко замѣниться въ плѣнѣ королею, тѣмъ болѣе, что въ Червонной Руси Данило остался въ исторіи подъ именемъ короля). Король просить, чтобъ его отпустили или убили, но молодецъ говорить, что онъ не убьетъ его и не пуститъ, а повезетъ въ Русскую землю: въ Русской землѣ нѣтъ короля, такъ плѣнникъ будетъ королею ²⁾. Но въ другомъ вариантѣ подобной колядки молодецъ побѣждаетъ такимъ же образомъ и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя и хочетъ его везти въ Чешскую землю, гдѣ вѣтъ короля, и самъ молодецъ какъ бы за такой подвигъ будетъ королею въ Чешской землѣ ³⁾. Здѣсь первоначальные образы видоизмѣнились: турецкій царь явился впоследствии, а Чешская земля, должно быть, вошла сюда изъ какого-то другого народнаго памятника, въ которомъ, быть можетъ, оставалась память Данилова похода въ Чехію (въ 1254 г. См. Полн. Собр. лѣт., II, 184), или же русскихъ во времена гуситовъ.

Походы князей въ чужія земли для пріобрѣтенія славы и богатствъ на-шли себѣ только отголосокъ въ колядкахъ и притомъ очень ясно, такъ что въ этомъ случаѣ прямо говорится о князьяхъ и ея мужъ-князь, воротившемся изъ Угорь домой: братья спрашиваютъ его, что дѣлается въ Угорской землѣ ⁴⁾.

То ми ему будемъ вѣрне служити,
То винь намъ буде добре платити,
Що недилоньки по золотому,
Що мисяченька по чорвовому.

- ¹⁾ Ой пустиможь ся на тихий Дунай,
Долнѣ Дунаемъ нидь Цареградъ;
Ой чаемо тамъ доброго пана,
Що платитъ добре за заслуженьку.
Ой дае на ривъ по сто червонихъ,
По коникови та й по шабельци,
По пари суконь та й по шапочци,
Та й по шапочци, та й по панючци.

(Чт. 1864. I. 67).

- ²⁾ Коника гонивъ, короля ловивъ,
По чагарочку, по пожарочку,
А въ его король силне прохався:
„Або мене зотни, або мене пусти,
А ни тебе зотни, а ни тебе пушу,
Повезу тебе у свою землю,
А въ Руській земли нема князя,
Тн будешъ королею, намъ слава буде“.

- ³⁾ Ой якъ го узривъ, та й мечемъ извивъ,
Якъ панокъ нашъ тязъ, то туръ царя стязъ;
Ой взявъ же его по нидли ковя,
А повязъ его въ Ческую землю,
А въ Ческій земли короля нема;
Ой ти, паночку, господаречку,
А въ Ческій земли королею будешъ.

(Чт. 1864. I. 30).

- ⁴⁾ Тисови синци, яворови скидци
Ходить ми по нихъ молода княгиня;

Въ другомъ вариантѣ говорится, что мужъ пріѣхалъ изъ горъ и привезъ женѣ дары ¹⁾, а въ иномъ сестра хвалится, что братъ ея пріѣхалъ съ войны и привезъ ей подарковъ ²⁾. Въ иной колядкѣ описывается походъ въ «нимецчину», откуда молодецъ везетъ деньги, которыми будетъ платить войску ³⁾.

Въ колядакахъ можно найти и другія черты нравовъ удѣльно-вѣчевого быта, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ изъ лѣтописныхъ источниковъ, какъ нѣкоторые князья приглашали къ себѣ мастеровъ иноземцевъ и воздвигали храмы (см., напр., Полн. собр. лѣт., II, 136), но также встрѣчаемъ и примѣры своеволія князей, которые при случаѣ и грабили ихъ (тамъ же, II, 111), и это встрѣчаемъ въ колядкѣ: волохи строятъ церковь, а панъ велитъ засадить ихъ въ тюрьму и забрать у нихъ серебро ⁴⁾. Достоинно

На тій княгини кований поясъ,
 На тймъ пояси золоти ретязка,
 На тыхъ ретязьбахъ мидяни ключи.
 Мидяни ключи тихо дзвините,
 Тихо дзвините, пана не збудите,
 Бо теперъ нашъ панъ зъ Угоръ прііхавъ;
 Зійшлися къ нему вшитки панове,
 Вшитки панове, его братове,
 Стали ся ёго швидувати:
 Ой пане, пане, що тамъ чувати,
 Що тамъ чувати въ Угорський землі?
 Угорська земля пречъ побрана,
 Пречъ побрана и носіана,
 Павалимъ перцемъ заволочона,
 Ясними мечами обгорожена,
 Обгорожена одъ злои тучи.

¹⁾ Наша княгинька господиноуька
 Ключами дзвонить, до нихъ говоритъ:
 „Ой ключи мои срибли, золоти,
 Ой не дзвоните, не голосите,
 Ой мого пана я не збудите,
 Бо мій панъ теперъ зъ гиръ прийшовъ,
 Привизъ винъ мени дорогіи дари.

²⁾ Теперъ мій братикъ зъ войны прііхавъ,
 А привизъ мни та три радости,
 Первая радощъ—перловий винокъ,
 Другая радощъ—золотий перстень,
 Третья радощъ—дорога суконька.

³⁾ Зъ немецчини иде, грошники несе,
 Грошники несе, коника веде,—
 Грошниками виську платити,
 А коникомъ зъ виськомъ ся бити.

⁴⁾ Генъ тамъ волохи церкву мурують,
 Ой коло споду каминичейкомъ,
 А въ середини деревичейкомъ,
 А къ верхечькови срибломъ, золотомъ.
 Видили ми то панскіи служи,
 Скоро звидили, пану повили:

замѣчанія, что такой поступокъ не порицается, а какъ бы славится; точно такъ же отголоскомъ тѣхъ временъ, когда грабежъ не всегда былъ предосудителенъ, но даже считался дѣломъ молодечества и доблести, можетъ считаться колядка, въ которой изображается дѣвица, ограбившая трехъ купцовъ ¹⁾). Въ колядкахъ встрѣчаемъ и внезапные набѣги иноплемениковъ, которые могли въ оное время быть печенѣгами, половцами или угранн, а впоследствии замѣнились въ пѣсняхъ турками ²⁾).

Въ этомъ отношеніи особенно выдается рѣзкостью чертъ, переносящихъ въ княжескія времена, одна червоно-русская колядка (о которой мы уже упоминали по поводу символики терна): разведенъ огонь терновый, водять около него хороводъ (по-малор. «танецъ»), а въ хороводѣ (замѣтимъ, что слово танецъ иносказательно употреблялось и въ смыслѣ битвы) ходитъ князь Иванко съ соколомъ на головѣ; въ одной рукѣ у него гусли, а другою ведетъ коня. Увидя его панъ и приказалъ взять въ неволю; его соколъ жалобно кричить,—хочется ему взлетѣть на голову князю; играютъ гусли,—вспоминаютъ Иванка; его конь скребетъ землю,—хочется ему въ поле; Иванко плачетъ,—хочется ему къ милѣй ³⁾).

Подобный образъ взятія въ пѣнь князя былъ не рѣзкостью; но эта

Идьте же ви, идьте, волохнѣ возьмите,
Волохнѣ возьмите, въ темницю всадите,
Въ темницю всадите, сребло заберите.

(Чт. 1864. I. 12).

- ¹⁾ А вна жъ бо ся помирковала,
Три крамарчички заграбовала:
Въ одного взяла снѣ кониченька,
Въ другого взяла яснѣ шабельку,
Въ третего взяла дорогу шубу.
- ²⁾ Ой стучать, гримить зъ поля сторожа,
Та вдариться въ жовти ворота,
Пане Иване, чи спишь, чи не спишь?
Ой коли не спишь—Господь зъ тобою:
Що въ твои города турки вступили,
Ой я тихъ туркнѣ та не боюся.

(Чт. 1864. I. 84).

- ³⁾ А въ танци ходитъ княгиня Иванко,
На головойци сокола носить,
Въ правій ручейци коничка водить,
Въ ливій ручейци гусевки носить,
Нихто не видивъ, лемъ пански слуги
Скоро ввелили, пану дозовали:
Ой идьте, идьте, Иванка звязите,
Иванка звязите, ту го приведите,
Соколойца пустьте до сокивници,
Гусевки шмарьте до гусевници,
Коничка вставте до конничейки,
Иванка всадте до темничейки.
Соколикъ квилить, головойки хоче;
Гусевки грауть, Иванка споминать;
Коничокъ греде, до поля хоче;
Иванко плаче, до милейкой хоче.

(Чт. 1864. I. 57).

пѣсня болѣе всего напоминаетъ намъ судьбу Ивана Берландика, изгнанника и скитальца, который притомъ нѣсколько времени находился въ неволѣ и въ оковахъ. Мы, однако, не рѣшимся утверждать, чтобы эта колядка непремѣнно относилась къ нему. Довольно того, что его судьба можетъ служить образчикомъ той бытовой стороны княжескаго періода, которая выражается въ приведенной нами пѣснѣ.

Наконецъ замѣтимъ, что слѣды возрѣній, вообще присущихъ княжескому періоду, видны отчасти и въ княжескихъ обрядахъ, тѣсно соединенныхъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Женитъ носятъ названіе князя, а невѣста—княгини, спутники жениха—его бояре; одинъ изъ нихъ называется старшимъ, точно такъ же, какъ и около князя были старшіе и младшіе бояре. Подруги невѣсты—«дружки»—названіе, напоминающее дружину. Невобрачныхъ, въ знакъ вступленія въ ихъ достоинство, сажаютъ на посадъ, такъ точно, какъ и князей сажали на столъ, въ знакъ вступленія въ должность. Даже весь свадебный ритуалъ какъ будто представляетъ въ семейной жизни параллельный образъ тому, что происходило въ общественной жизни. Женитъ соединяется съ невѣстою, какъ князь съ землею. Какъ у земли были свои бояре, свои старосты, какъ у князя свои, такъ у жениха и невѣсты свой свадебный чинъ. Сначала обѣ стороны становятся какъ будто бы въ позицію, готовая перейти во вражду; сторона невѣсты хочетъ показать свою самостоятельность, братъ невѣсты готовится защищаться и не давать жениху мѣста, а потомъ заключаетъ съ нимъ договоръ и взводитъ его на посадъ. Влѣзъ него держать знакъ, называемый мечъ, что, какъ извѣстно, было символомъ княжеской власти. Это сближеніе происходитъ оттого, что одинакій складъ древнихъ представленій отражался одинаковымъ образомъ какъ въ области семейной, такъ и общественной.

Исторія козачества въ памятникахъ южно-русского народнаго пѣсеннаго творчества ¹⁾.

Народная поэзія, касающаяся періода козачества, можетъ быть классификована, сообразно историческимъ явленіямъ, на слѣдующіе циклы или разряды.

1. Борьба козачества съ могомеданскимъ міромъ. Она выразилась:

а) рядомъ козацкихъ походовъ на Черное море, которыхъ послѣдствіями были набѣги на приморскіе турецкіе и татарскіе города;

б) столкновеніями козаковъ съ крымскими, ногайскими, буджацкими татарами на степяхъ;

в) нападеніями мусульманъ на жилища мѣстности Южной Руси.

¹⁾ Въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда“ печаталось сочиненіе „Историческое значеніе южно-русского народнаго пѣсеннаго творчества“. Предлагаемое нинѣ изслѣдованіе считаемъ непосредственнымъ продолженіемъ означеннаго сочиненія. На этотъ разъ для приводимыхъ въ выносахъ текстовъ южно-русскихъ пѣсеннѣй принимаемъ общерусское правописаніе, употреблявшееся съ древнихъ временъ въ южно-русской письменности. Считаемъ нужнымъ объяснить, что, по выговору южно-русского нарѣчія, согласная *h* выговаривается какъ латинское *h*; гласныя буквы выговариваются: *и* тверже, чѣмъ обыкновенно принято, занимая ерედину между звуками *и* и *ы*, *е* какъ *э*, а *ѣ* какъ мягкое *и*. Сверхъ того въ нѣкоторыхъ словахъ буква *о* выговаривается различно, смотря по мѣстностямъ: иногда—и большею частью, какъ мягкое *и*, иногда же удерживается звукъ *о*, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ какъ *у*, какъ *ю* и какъ *уй*, такъ, напр., *конь* можетъ выговариваться—*конь*, *кынь*, *кунь*, *кюнь*, *куинь*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ пишеть *о*, такъ какъ нѣтъ возможности иначе опредѣлить этого звука *). Народныя пѣсеннѣй, которыя при этомъ сочиненіи служатъ матеріаломъ, могутъ быть раздѣлены на думы и собственныя пѣсни. Думами (въ народѣ это названіе неизвѣстно) принято называть такія народныя произведенія, всегда почти эпическаго содержанія, которыя собственно не поются, но декламируются нараспѣвъ подъ звуки инструмента кобы или бандуры и лиры, чтд составляетъ достоиніе не всего народа, а цовварей, пѣвцовъ, обыкновенно слѣпыхъ, которые ходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими инструментами и распѣвають передъ желающими. Думы опредѣленнаго размѣра стиховъ не имѣють, то въ мѣрной рѣчи употребляются рими, которыя въ пѣніи соотвѣтствуютъ повышенію и пониженію голоса.

*) *Примѣчаніе редакціи.* По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, правописаніе, указанное авторомъ, измѣнено.

2. Борьба южно-русского народа съ Польшею:
 - a) Хмельницина;
 - б) послѣ Хмельницкаго.
3. Внутреннія общественныя явленія, возникшія вслѣдствіе борьбы съ Польшею.

1. Борьба козачества съ могомеданскимъ міромъ.

А. Морскіе козацкіе походы.

Черноморская буря.—Галерные невольники.—Самийла Книжа.—Богуславецъ.—Маруса Богуслава.—Сокозь.—Пѣсня о ватіи Варин.

Козацкіе морскіе походы были нѣкогда очень громки и производили много шума даже въ отдаленныхъ странахъ Европы. Кромѣ указаній у многихъ историковъ онаго времени, свидѣтельствомъ важнаго значенія козацкихъ морскихъ походовъ для своего времени могутъ служить отдѣльныя сочиненія, издававшіяся специально о козацкихъ подвигахъ на языкахъ странъ, по географическому своему положенію очень далекихъ отъ театра описываемыхъ событій ¹⁾. Понятно, какъ важно и любопытно видѣть, какъ отражались эти событія въ поэтическихъ памятникахъ туземнаго южно-русскаго населенія.

Скажемъ прежде всего, что и въ этомъ циклѣ народная память не всегда сходится съ писанною исторіею. Многое, что прославлено историками, остается для народа неизвѣстнымъ, и о многомъ, что народъ прославляетъ, трудно бываетъ докопаться въ писанныхъ историческихъ матеріалахъ.

Изъ думъ, которыхъ содержаніе касается козацкихъ морскихъ походовъ, самая распространенная дума объ Алексѣѣ Поповичѣ. Очевидно—это имя полуинопчесскаго древняго витая, являющагося въ великорусскихъ былинахъ подъ

¹⁾ Укажемъ для примѣра на нѣкоторые:

Relazione della segnalata vittoria ottenuta da Cosacchi di Zaporovia. Bologna. 1683.

Nuova Relazione che contiene nuove Battaglie da Cosacchi e Tartari. Roma. 1684.

Relazione della ricca presa fatta da Cosacchi nel Maré Negro. Bologna. 1685. Venezia e Modena. 1688.

Relazione vera e distinta della segnalata vittoria riportata dal principe cosacco nel Mare Negro contra turchi e tartari. Venetia. 1690.

Nueva relacion della senalata vittoria consequida del principe cosaco en el Mar Negro contra los Turcos y Tartaros. 1691.

Relazione novissima della segnalata vittoria ottenuta dalli cosacchi, Valachi e Moldavi contro Tartari. Venezia. 1684.

Relazione dell' incursioni, vittorie prese di diverse citta e prigionii fatti da Cosacchi nella Tartaria Crimense. Venezia. 1684.

Vielfache hoechsterfreuliche relation von der Cosacken preiswürdigen Sieg wieder die Tartaren und Türcken heldenmüthigst erhalten. 1688.

Relazione con la quale s' hanno diverse notizie di quello si vá operando nella Polonia da Cosacchi ed altri con l'attaco e presa del luogo di Perkop. Venezia e Milano.

именемъ Алешы Поповича, одного изъ богатырей Владимира Краснаго Солнышка, а въ летописныхъ спискахъ подъ именемъ Александра Поповича, который является то витяземъ Владимира, то гораздо позже при описаніи битвъ Мстислава Удалого съ суздальцами. Это древнее имя перешло и въ малорусскую поэзію козацкихъ временъ и прильпилось къ думѣ, принадлежащей, по своей основной идее, къ разряду религиозно-нравственныхъ, когда пѣвецъ, распѣвая нѣтъ предъ народомъ, нѣтъ цѣлью возбудить у слушателей благочестивыя размышленія о наградахъ за добродѣтели и карѣ за пороки. Дума переноситъ насъ на Черное море. Тамъ плаваютъ козацкія суда. Вотъ на бѣломъ утесѣ жалобно кричатъ птица, называемая въ думѣ соколомъ-бѣлороромъ; крикъ ея предвѣщаетъ бѣду. Поднимается буря ¹⁾). Козацкая флотилія разбилась на три части. Одну часть дунайское гирло забрало, другая занесена въ агарсею (по другому варианту въ арабскую) землю, а третья тонетъ посреди Чернаго моря ²⁾). Тамъ былъ козацкій гетманъ, названный въ однихъ ³⁾ вариантахъ Грицько Коломнѣченко, а въ другихъ ⁴⁾—Грицько Зборовскій. Былъ тамъ и войсковой писарь Олексѣй пирятинскій поповичъ. Козацкій предводитель, видя приближеніе послѣдней минуты для всѣхъ, находившихся съ нимъ на суднѣ, съ возвышеннаго мѣста объявляетъ, чтобы всѣ исповѣдвали свои грѣхи Богу, Черному морю, всему днѣпровскому войску и ему, кошевому атаману, такъ какъ вѣрно бѣдствие посылается теперь на всѣхъ за тяжелые грѣхи кого-нибудь изъ нихъ. Пусть всѣ принесутъ покаянiе, а тотъ, кто окажется грѣшнѣе всѣхъ прочихъ, пусть самъ бросится въ море ради избавленія всего войска отъ гибели ⁵⁾). Всѣ молчали;

¹⁾ На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ
Тамъ ясенькій сокиль бѣлорорець квітить проквітняе,
На небо поглядає, смутно себе має,
Що на синему морѣ недобре щось починає:
Усѣ звѣзди на небѣ похмарило,
Половину мѣсяця хмарами закрило;
А зъ низу буйний вѣтеръ лавѣає,
По Чорному морю сувротявну хвилю недїймає.

²⁾ Одну часть гирло дунайське забрало,
Другу—въ землю агарську занесло,
А третя середь Чорнаго моря потопає.

³⁾ При той части бувъ Грицько Коломнѣченко,
Гетманъ козацкій запорожській.
(По варианту, записанному въ Харьковѣ).

⁴⁾ При той части бувъ Грицько Зборовскій,
Отаманъ козацкій запорожській.

(Максимовичъ. Сборн. Укр. пѣс. 50).

⁵⁾ Якъ стало судно потопати,
Ставъ Грицько Коломнѣченко на чердакъ вихомати,
Словами промовляти:
Може ктось межъ вами великій грѣхъ має,
Що ся хуртовина на насъ налягає,
Судно наше потопляє:
Сповѣдайтеся, панове, милосердому Богу,
Чорному морю и всему войску Днѣпровому,
И менѣ отаману кошовому!

никто не вспомнил за собою тяжких грѣховъ; къ удивленію всѣхъ, вейсевой писарь Олексій Поповичъ проситъ бросить его въ море, какъ самаго грѣшнѣйшаго. Какъ,—говорятъ ему,—ты берешь въ руки св. писаніе и насъ, простаковъ, наставляешь всякому добру, какъ же на тебѣ лежать больше грѣховъ? ¹⁾ Олексій Поповичъ объявляетъ, что онъ, выѣзжая въ походъ изъ города Пирятина, не принималъ благословенія отъ родителей, ссорился съ братомъ, отнималъ хлѣбъ-соль у сосѣдей, развѣзая по улицамъ веркомъ, толкалъ стременами вдовъ и дѣтей и не снималъ шапки передъ церковью, храмомъ Божиимъ. Не волни это,—заключаетъ Олексій свою исповѣдь,—не волны поднимаются на Черномъ морѣ, караетъ меня отцовская и материнская молитва ²⁾.

Тутъ (по вариантамъ: записанному нами въ Харьковѣ, и по тому, который напечатанъ въ сборникѣ Максимовича) чистосердечное покаяніе тотчасъ оказываетъ свое спасительное дѣйствіе: буря утихаетъ, и козаки, всѣ цѣлые, съ своими судномъ пристають къ острову Тендреву ³⁾. Но по варианту, сооб-

Нехай той, хто найбільше гріхивъ має,
Въ Чернѣмъ морѣ одинъ потонає,
Війска козацького не загубляє.

(Вариантъ, записаний въ Харьковѣ).

- ¹⁾ Добре, братія, вчиніте,
Чорвоною китайкою очі зав'яжіте,
До шнѣ бѣлий камінь причепіте,
Карбачемъ затнѣте,
Въ Чорнеє Море зилхнѣте!
Нехай я одинъ погибамъ,
Війска козацького не загублямъ!
То козаки тее зачували,

Словами промовляли:

Ты святое письмо въ руки берешъ, читаешъ,
Насъ простихъ людей на все добре наставляешъ.
Якъ-же ты на собѣ найбільшій грѣхъ маєшъ!

(Ibid. Ср. Максимов. Сборн. Укр. пѣс., стр. 50—51).

- ²⁾ Якъ я зъ города Пирятина, панове, виѣзжавъ,
Опрошенъ съ панотцемъ и съ паннаткомъ не бравъ,
И на свого старшого брата великій грѣхъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдівъ хлѣба-соли безневинно збадавъ,
Дѣти маліи, вдови старши стремениемъ въ груди тонтавъ,
Безпечно по улицѣ конемъ гулявъ,
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ, шапки съ себе не здымавъ,
За те, панове, великій грѣхъ маю, теперъ погибамъ!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля вставає,
А есть се мене отцевська и матчина молитва карає.

(Максимов. Сборн. Укр. п. 51).

- ³⁾ То якъ ставъ поповичъ Олексій грѣхи свои сновѣдати,
То стала злая хуртовина по Чорному морю стихати.
Судна козацьки до-горн якъ руками нидіймала,
До Тендрева острова прибывала.
То всѣ козаки дивомъ дивовали,
Що по якому Чорному морю по быстрій хвилѣ потонали,
А нѣ одного козака зъ мѣжъ себе не втерпѣли!

(Вар. запис. въ Харьковѣ.—Макс. Сб. Укр. пѣс., стр. 52).

ценному намъ г. Котляревскимъ и записанному съ устъ народа не позже начала нынѣшняго столѣтія, — вслѣдъ за исповѣдью Олексѣя Поповича, гетманъ возводитъ его на чердакъ и приказываетъ обрубить ему на правой рукѣ палець-мизинецъ, и море, поглотивши спущенную въ него кровь, утихаетъ. Такимъ образомъ, по этому варианту, который старѣе прочтѣть, къ часто христіанской идеѣ о силѣ покаянія предъ Богомъ примѣшивается идея уже чисто-языческая: умноженіе человѣческой кровью разъяренной морской пучины ¹⁾ — такой же мотивъ, какъ и въ великорусской былинѣ о Садкѣ богатомъ кунцѣ.

Во всѣхъ указанныхъ вариантахъ спасенные отъ гибели козаки выходятъ на берегъ. Олексѣй Поповичъ беретъ въ руки св. писаніе и произноситъ правоученіе — главнымъ образомъ, онъ велитъ почитать родителей и слушать ихъ, потому что ихъ молитва вынимаетъ человѣка изъ дна морского, искупляетъ отъ смертныхъ грѣховъ, вездѣ оказываетъ помощь — и на сушѣ, и на морѣ ²⁾.

Имя древняго русскаго богатыря, преобразившагося въ пиратинскаго поповича, привалось однако, повидимому, случайно къ идеѣ, составляющей суть этой думы. Есть подобнаго содержанія дума, въ которой итъ и намекъ на Олексѣя Поповича. Мы знаемъ три варианта этой думы: одинъ напечатанъ въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (см. т. I, стр. 29), другой — въ Сборникѣ Лукашевича: Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни (стр. 61), третій — записанный отъ кобзаря Вересаю и напечатанный въ I-мъ томѣ Записокъ Юго-западнаго Отдѣла русскаго Географическаго Общества (стр. 5). По всѣмъ тремъ вариантамъ въ этой думѣ, вмѣсто Олексѣя Поповича, дѣйствуютъ два брата: они не выказываются броситься въ море; вѣтъ здѣсь и гетмана, который приглашалъ бы козаковъ исповѣдоваться и добровольно броситься въ пучину; — они просто при-

1) Добре ви дбайте

Олексѣя поповича на чердакъ виводѣте,
 Правои руки пальца мизинца урубайте,
 Христіанськой крови въ Чорнее море впускайте,
 Якъ буде Чорнее море кровь христіанську пожирати,
 То буде на Чорнѣмъ морѣ супротивна валечна хвиля утихати.
 Тогдѣ козаки добре дбали,
 Олексѣя поповича на чердакъ вивожали,
 Правои руки пальца мизинца урубали,
 Христіанську кровь въ Чорнее море впускали
 Стало Чорнее море кровь христіанську пожирати,
 Стала на Чорнѣмъ морѣ супротивна валечна хвиля утихати.

2) Отже тогдѣ Олексѣй поповичъ изъ судна вихомае,

Бере святее письмо въ руки, читае,
 Всѣхъ добрыхъ людей на все добре наставляе,
 До козакивъ промовляе:
 Отъ тымъ бы то, панове, треба людей поважати,
 Панотця и паниматку добре шанувати,
 Бо который чоловікъ тее уробляе,
 Повѣкъ той счастья собѣ мае,
 Смертелный мечъ того минае,
 Отцева й матчина молитва зо дна моря выйшае,
 Отъ грѣховъ смертелныхъ душу откупляе,
 На полѣ й на морѣ помогае!

знають только поднявшуюся на морѣ бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Олексѣй Поповичъ. По Кулишовскому варианту, который распространеннѣе двухъ другихъ, они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители дозволили идти только одному, а другому велѣли заниматься хлѣбопашествомъ ¹⁾. Черта, стоящая замѣчана. Видно, что черезчуръ многолюдные побѣги молодежи въ степи и на море ослабляли въ край хозяйство; печальные плоды этого должны были раньше другихъ понять люди старыя и потому разсудительныя; это и выразилось въ думѣ: уже составилось нравственное правило, что изъ двухъ братьевъ въ семьѣ одному только, по благословенію родителей, дозвоительно искать рыцарской славы, а другому слѣдовало работать за плугомъ, косякомъ и цѣпомъ, потому что все это—почтенное занятіе, вопреки горячимъ удалцамъ, честившимъ презрительно такихъ хозяевъ-земледѣльцевъ названіемъ гречкосѣевъ и домотарей. Дале братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью ²⁾. Гуляя по ульдамъ, они не только топтали дѣтей, какъ Олексѣй, но раздавливали ихъ до смерти своими конями ³⁾; три старухи хотѣли ихъ вразумить, а они имъ отвѣтили грубо ⁴⁾; наконецъ, они были гуляки и, предпочитая церкви корчмы, заводили танцы въ то время, когда другіе козакъ нанимали поповъ служить себѣ молебны ⁵⁾. Покаяніе ихъ возвышло силу; буря утихла; они добрались до востанъ, ухватились за бѣлый камень и, вышедши на сухой берегъ, провозгласили нравоученіе о почитаніи родителей. Въ вариантахъ Лукашевича и Вереса является лицо, повидимому, безъ органической связи съ остальнымъ въ думѣ; оно промелькаетъ мимоходомъ, но оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Это—безродный сирота, которому съ вышеупомянутыми братьями приходилось ждать гибели отъ бури на морѣ: ему не съ кѣмъ было на цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды ⁶⁾. Когда братья, спасшись отъ бѣды, пришли въ Русь къ своимъ родителямъ, и родители спросили ихъ: хорошо ли имъ было въ пути, тутъ они вспомнили о чужестранцѣ, вспомнили, какъ тяжело было ему видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься и некому было подѣ-

¹⁾ Пацъ отецъ-мати позволили одному въ войско вступати,
А другому дома хлѣба пахати.

А то ми, брате, не добре вчинали:
Обидва конѣ посѣдали, у войско вступали.

²⁾ — Стременемъ у груди отягали.

³⁾ Дѣти маленьки кнѣми розбивали,
Кровь христіанську безневинно проливали.

⁴⁾ Тамъ стояли три жонн стареньки;
Може думали-гадали противъ насъ що добре сказати,
Да ми тымъ съ гордостью да ишностью
Противнымъ словомъ отказали.

⁵⁾ Не пытали церкви святой,
А пытали корчмы новон,
Чужи козакъ по церквамъ молебнѣ наймали,
А ми въ шинку пьемъ, гуляемъ, танцѣ-музыку наймаемъ.

⁶⁾ Между ними третій чужій чуженица,
Бездильный, безридный, беспомощный потопае,
Нѣ прощенья, нѣ порятунку нѣ звидкнѣли не має.

мать о его спасеніи! ¹⁾). Этотъ чужестранецъ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями или погибъ въ волнахъ.

Такія думы, какъ приведенныя нами, должны были удовлетворять нравственнымъ понятіямъ народа; не въ меньшей степени, но еще сильнѣе должны были въ старое время затрогивать народное сердце тѣ думы, которыя изображали горькую судьбу христіанскихъ невольниковъ, страдавшихъ на турецкихъ галерахъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ русскихъ плѣнниковъ было тамъ неисчислимое множество; ихъ цѣнили, какъ выносливытъ и дожить работниковъ, и потому перепродавали изъ рукъ въ руки, изъ одного края въ другой. Это были отчасти козаки-молодцы, потерпѣвшіе неудачу въ своихъ морскихъ походахъ, но болѣе всего плѣнники, захваченные татарскими набѣдниками и проданные въ рабство. Слагались и распѣвались пѣсни о судьбѣ такихъ несчастливцевъ, и не въ одномъ селѣ или городѣ слушались онѣ со слезами, а нерѣдко съ рыданіями и причитаніями. У многихъ въ памяти были близкіе по крови и по сердцу, когда-то безвѣстно пропавшіе и, можетъ быть, гдѣ-нибудь томившіеся въ турецкой неволѣ. Такія пѣснопѣнія возбуждали въ слушателяхъ желаніе отыскивать и выкупать невольниковъ. Выкупъ невольниковъ въ тѣ времена былъ своего рода ярмаркою; мусульмане иногда заранѣе давали знать христіанамъ, что тамъ-то въ ихъ землѣ и у такихъ-то есть невольники, и кушцы, которые веди торгъ невольниками, какъ теперь ведутъ торгъ скотомъ, привозили свой живой товаръ на извѣстное мѣсто, на украинской границѣ отъ татарскихъ степей, и объявляли цѣну. Иногда же и самъ хозяинъ, поймавшій невольника, везъ его, предлагая выкупить. Находились охотники выкупать ихъ не только по кровному родству, но и по христіанскому благочестію, потому что, по нравственнымъ понятіямъ вѣка, выкупить невольника было богоугоднымъ, душевспасительнымъ дѣломъ. Случалось внынѣ невольникамъ и такое горе, что не находилось желающихъ ихъ выкупать, и тогда бусурмане увозили ихъ обратно. Печальное и почти безнадежное положеніе ожидало бѣдняковъ тогда, когда ихъ запродавали куда-нибудь въ далекую землю, напримѣръ, въ арабскую. Объ этомъ сохранила память народная южно-русская поэзія. Одна дума раскрываетъ внутренній міръ такого невольника въ отдаленной землѣ, разобщеннаго съ родиною. Онъ можетъ послать къ своимъ родителямъ развѣ одного только голубка и ему поручить просить ихъ, чтобъ они сбывали все свое достояніе и выручали сына изъ неволи, но чтобъ дѣлали это какъ можно поскорѣе, потому что съ наступленіемъ теплаго времени уже трудно будетъ сыскать его: прибѣгутъ турки-янычары и запродадутъ его за Красное море въ арабскую землю ²⁾). Въ другой

¹⁾ Добре, пань-отець и паниматко, на синѣмъ морѣ гулати,
Тильки не добре чужому чуженнѣцѣ на чужинѣ помирати,
Тому нѣ съ кѣмъ опрощенья приняти,
На чужинѣ порятунокъ дати!

²⁾ Поклоняється бѣдний невольникъ,
Изъ землѣ турецькою изъ вѣрн бусурманською,
У городи христіанськыи, до отця до матусѣ,
Що не можеть винѣ имъ поклонитися,
Тильки поклоняється голубонькамъ свенькымъ:
— Ой ти голубонько свенькій!

думъ изображаются невольники галерные, которые отъ невыносимыхъ страданій желаютъ, чтобы буря сорвала съ якорей турецкія каторги, которыя нѣтъ чре-
мѣрно опротивѣли ¹⁾. Затѣмъ описываются страданія невольниковъ: кандалы
разъѣдаютъ имъ ноги; сырая ременная кожа проточила имъ тѣло до самыхъ
костей; турецкій паша приказываетъ своимъ янычарамъ бить невольниковъ тер-
новыми прутьями и таволгою. Исполняется приказаніе начальства: кровь льется,
тѣло обивается около костей ²⁾. Невольники, при видѣ собственной текущей

— Ты высоко лѣтаешь, ты далеко буваєшь,
— Полени ты въ города христіянські,
— До отца моего до матусь;
— Сядь, пади на подвирьѣ отцевскѣмъ,
— Жалобненько загуди,
— Объ моеи пригодѣ козацкой спомъяни;
— Нехай отець-мати мою пригуду козацкую знають,
— Статки-маетки збувають,
— Ведки сварбы собирають,
— Головоньку козацкую зъ тяжкою неволѣ вызволяють. []
— Бо якъ стане Чорнее море согрѣвати,
— То незнатиме отець любовь мати
— У которѣй каторгѣ шукати:
— Чи у пристанѣ Козловской,
— Чи у городѣ Царѣградѣ на базарѣ!
— Будуть ушкалы турки-янычари набѣгати,
— За Червонее море у Орабську землю запродавати!—

¹⁾ У святу недѣлю не сизѣ орли залекотали,
Якъ то бѣдѣи невольники у тяжкѣи неволѣ залакакали,
У гору руки пиднямали,
Кайданами забрижчали,
Господа милосердного прохали да благали:
— Подай намъ, Господи, зъ неба дрибенъ дощичь,
— А зъ низу буйний вѣтеръ;
— Ой чи бы не встала по Черному морю быстрая хвиля,
— Ой чи бы не повнывала якорѣвъ зъ турецкой каторги!
— Да вже намъ ся турецька бусурманська каторга надоѣла!—

²⁾ Кайдани залѣзо ноги повривало,
Сырая сыриця /до жовтои кости тѣло козацке проѣдала.
Баша турецкій бусурманскій,
Недовѣрокъ христіянскій,
По рынку вниъ похажае,
Самъ вниъ тее добре зачувае.
На слуги свои, на янычари зо-зла гукае:
„Кажу я вамъ, турки-янычари, добре дбайте,
„Изъ ряду до ряду захожайте,
„По три пучки тернины и червонои таволги набирайте,
„Бѣдного невольника по тричи въ однѣмъ мѣстѣ затинайте!“
То (тѣ) слуги-янычари добре дбали,
Изъ ряду до ряду захожали,
По три пучки тернины и червонои таволги набирали,

крови, проклинаять турецкую землю ¹⁾. Дума эта, какъ и всё подобнаго содержанія думы, гдѣ поется о невольникахъ, оканчивается воззваніемъ къ Богу, чтобъ онъ избавилъ христіанскихъ невольниковъ отъ каторги и возвратилъ ихъ на родину, въ край веселый, въ міръ крещеный, въ города христіанскіе. Безъ сомнѣнія, такіа думы, возбуждая въ слушателяхъ состраданіе къ участи невольниковъ, подвигали молодцовъ козаковъ къ браннымъ подвигамъ противъ мусульманъ для освобожденія страдающихъ въ неволѣ земляковъ и единовѣрцевъ.

При сочувствіи народа къ горькой участи невольниковъ естественно возникли и съ наслажденіемъ слушались думы болѣе отраднаго содержанія, гдѣ описывалось освобожденіе отъ плѣна, представлялись народному воображенію и народному чувству образы героевъ, которые какими-нибудь необычнымъ способомъ избавлялись отъ ужасной неволи. Образчикомъ такого рода поэтическихъ произведеній можетъ служить дума о Самийлѣ Кишкѣ, поражающая какъ своею объемистостью, такъ и замѣчательною отчетливостью въ изображеніяхъ. Дума эта была напечатана въ Сборникѣ Лукашевича «Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни», изданномъ въ 1836 году, записанная, какъ сообщаетъ издатель, въ Полтавской губерніи со словъ кобзаря-слѣпца. Профессоръ университета св. Владиміра А. А. Котляревскій сообщилъ мнѣ вариантъ этой думы въ рукописномъ собраніи малорусскихъ думъ, записанныхъ, какъ показываетъ по черку, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго столѣтія. Кромя того, профессоръ новороссійскаго университета Зайкевичъ удѣлилъ мнѣ иной вариантъ той же думы, записанный отъ кобзаря въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Вариантъ г. Котляревскаго болѣе древней редакціи, судя по нѣкоторымъ чертамъ, на которыя мы укажемъ.

Вариантъ г. Зайкевича начинается описаніемъ, какъ герой думы попалъ въ неволю. Турецкій паша, плывая галерою по Черному морю, прибылъ въ гости къ Самийлѣ Кишкѣ, который съ сорока козаками находился въ урочищѣ Вазавлукѣ; тамъ паша захватилъ всѣхъ этихъ молодцовъ, заковалъ и увезъ ²⁾. Съ

По тричи въ одній мѣстѣ бѣдоваго невольника затинали,
Тѣло казацъке коло жовтою костою оббивали,
Кровь христіанську-неповинну проливали.

- 1) Стали бѣдити невольники на собѣ кровь христіанську зобачати,
Стали землю турецьку бусурманську клясти проклинати.
„Ты земле турецька, бусурманська, розлука христіанська!
„Не одного ты розлучила съ отцемъ съ матерью,
„Брата съ сестрою, мужа съ вѣрною жовною!“

или (по другому варианту):

Земле турецька, вѣро бусурманська!
Ты еси наповнена сѣрбромъ, златомъ, дорогими напнтками,
Тільки бѣдный невольникъ у тобѣ пробуває,
Праздника Рожества будь ли Воскресенія не знає.

- 2) Ой у лузѣ Вазавлудѣ тамъ стоявъ курѣнь бурлацкій
Тамъ бувъ-пробувавъ Кишка Самийло, гетманъ козацкій,
И мавъ винъ собѣ товариства сорока чоловѣка.
То турецьке паня молоде баша
По Черному морю безпечно галерою гулявъ,
Да до Кишки Самийла въ-гостѣ побувавъ,

этого начинается исторія, рассказываемая дуною. Въ другихъ вариантахъ этого нѣтъ. Дѣйствіе открывается прямо въ Черномъ морѣ. Самийло Кишка и его товарищи — давніе невольники на турецкой галерѣ. По варианту Лукашевича прошло уже пятьдесятъ четыре года съ той поры, какъ они въ неволѣ, по варианту Котляревскаго — сорокъ лѣтъ ¹⁾. Галера плыветъ, по варианту Лукашевича, изъ Трапезунта въ Козловъ, а по варианту Котляревскаго — изъ Козлова въ Трапезунтъ. Галера эта разукрашена златошными лентами, уставлена пушками и покрыта сверху бѣлою турецкою габою ²⁾, а другой вариантъ прибавилъ еще два украшенія: она окрашена христіанскою кровью и обсажена невольниками ³⁾. На этой галерѣ было семьсотъ турокъ ⁴⁾, а вариантъ Лукашевича прибавляетъ еще четыреста янычаръ ⁵⁾. Старшій надъ всѣми былъ Алканъ-паша, по одному варианту трапезунтскій князь ⁶⁾, по другому — молодое трапезунтское дитя, то-есть, просто молодой человекъ. По обоимъ вариантамъ было тамъ триста пятьдесятъ ⁷⁾ невольниковъ, считая безъ войсковыхъ старшинъ. Вариантъ Котляревскаго указываетъ только двухъ старшинъ: Самийла Кишку, гетмана запорожскаго и Марка Рудого, судью червасскаго, а вариантъ Лукашевича прибавляетъ еще третьяго: Мусей Грачъ — войсковый трембачъ (трубачъ). Очень можетъ быть, что этотъ Грачъ, выражая не собственное прозвище, а названіе его занятія, есть позидѣйная прибавка въ думѣ, вымышленная ради рѣчи, что нерѣдко бываетъ въ произведеніяхъ малорусской народной поэзіи. Слѣдуетъ за ними еще ключникъ галерный, бывший нѣкогда, по одному варианту, переславскій полковникъ, по другому — сотникъ; былъ онъ тридцать лѣтъ въ неволѣ, вотъ уже двадцать четыре года живетъ на свободѣ — сталъ онъ туркомъ ради того, чтобы жить въ утѣхахъ, на вѣчную свою погибель захотѣлось ему быть великимъ господиномъ ⁸⁾. Въ вариантѣ Лукашевича эта личность называется

То такъ до нихъ въ-гостѣ перебувавъ.

Що всѣхъ козакивъ гетманскихъ запорожскихъ на мѣстѣ заставъ,
Залѣзавъ имъ пута подававъ.

¹⁾ Уже вони сорокъ лѣтъ (въ рукописи поправлено другою рукою: многіе годы) въ неволѣ перебували,

Объ землѣ христіанскій нѣчого не знали.

²⁾ Златосніжніи киндяками побивана
(въ вариантѣ Котляревскаго: обивана).

Гарматами арештована
Турецкою бѣлою габою покровена.

³⁾ Третімъ цвѣтомъ процвѣтана,
Христіанскою кровію хварбована,
Четвертимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Невольниками осажена.

(вариантъ Котляревскаго).

⁴⁾ Сѣмсотъ туркивъ,

⁵⁾ Янычаръ штиреста.

⁶⁾ У тѣй галерѣ перебувало сѣмъ сотъ турокъ-янычаръ,
Межь ними бувъ старшимъ старшиною,
Алканъ-паша, трапезунтское дитя молодее
(вариантъ Котляревскаго).

⁷⁾ Пивчварта ста.

⁸⁾ Ляхъ Бутурлакъ ключникъ галерскій,

лякомъ Вутурлакомъ, а въ вариантѣ Котляревскаго Иляшомъ или Ляшомъ (т.-е. Илью) Вутурлакою. Въ вариантѣ Котляревскаго Алканъ-паша, направляясь морскимъ путемъ изъ Козлова въ Трапезонтъ, дѣлаетъ изъясненія невольникамъ ¹⁾, а въ вариантѣ Лукашевича это происходитъ позже, послѣ бывшаго Алкану-пашѣ сновидѣнія.

По обоимъ вариантамъ (слѣдуя у Лукашевича изъ Трапезонта въ Козловъ, а у Котляревскаго изъ Козлова въ Трапезонтъ) галера приходитъ въ Кефу, гдѣ, по варианту Лукашевича, отдыхали продолжительное время, а по варианту Котляревскаго, только переночевали.

Здѣсь Алкану-пашѣ привидѣлся сонъ: будто козаки невольники истребили на галерѣ всѣхъ турокъ, а его самого Кишка Самийло изрубилъ и бросилъ въ море. Алканъ-паша рассказываетъ о своемъ сновидѣнн туркамъ, и никто изъ нихъ не можетъ объяснить ему смысла этого сновидѣнія. Объясняетъ ему отступникъ ключникъ галерный: нечего Алкану-пашѣ бояться; нужно только по-строже содержать невольниковъ. Рассказъ объ этомъ въ вариантѣ Котляревскаго проще и короче ²⁾, а въ вариантѣ Лукашевича онъ распространеннѣе и прини-

Сотникъ переклявській,
Недовѣрокъ христіанській,
Що бувъ тридцять лѣтъ въ невогѣ,
Двадцять штыре акъ ставъ на волгѣ,
Потурчився, лобусурманився,
Для панства великого,
Для лакомства несчастного.

(вариантъ Лукашевича).

- ¹⁾ Алканъ-паша, трапезонтское дитя, добре винъ дбае,
На неволнимыгъ по два по три кайданы набивае,
Тогдѣ березиною по голныхъ рукахъ христіанськихъ затинае,
Кровъ христіанськую проливаетъ,
Добре ви, неволники, дбайте,
Сворѣйше галеру до города Трапезонта догоняйте!
- ²⁾ То Алкану-пашѣ трапезонтському
Опивночи приснився сонъ чуденъ да причуденъ.
То Алканъ-паша отъ сна прочинае,
Промежду турками-яничарами похожае:
— Которий би межъ вами турокъ могъ сей сонъ отгадати,
— Могъ би я ёго великимъ цаномъ наставляти!
— Да приснився менѣ сонъ чуденъ да причуденъ.
— Видитьсь: козаки неволники моихъ турокъ-яничаръ всѣхъ порубали,
— Въ Чорнее море вкидали;
— А видитьсь Кишка Самийло, гетманъ запорозькій
— Мене на руки бравъ,
— Менѣ съ плечъ голову знімавъ,
— Въ Чорнее море вкидавъ!—
То межъ турками-яничарами нѣкто не мигъ сѣго сна отгадати,
Тільки бувъ межъ ними старшій старшиною
Лашъ Вутурлака полковникъ переклявській
Недовѣрокъ христіанській,
А винъ ключникъ галерській.

маєть тонъ ¹⁾, отступающій отъ простоты повѣствованія перваго варіанта, бѣшаго, вѣроятно, болѣе старою редакціею думы. Въ варіантѣ Лукашевича Алканъ-паша приплываєть въ Козловъ свататися за дѣвку Санджакивну (дочь губер-

- Той мигъ сей сонъ отгадати,
 Ставъ словами промовляти:
 Велю я тобѣ, цане молодой, зъ невольникъ старни кайдани зѣмлати,
 А новихъ по два по три набивати,
 То буде твоя галера въ цѣлости пробувати.
 То турки-яничаре зъ невольникъ старни кайдани зѣмлати,
 Новихъ по два по три набивали,
 Скоренько до города Трапезонта пригоняли.
- ¹⁾ То представитися Алкану-пашатѣ,
 Трапезонтському молодому панятѣ,
 Сонъ дивенъ, барзо дивенъ на причудѣ.
 То Алканъ-паша, трапезонтское княжа,
 На туркивъ-яничарѣ на бѣднихъ невольникъ покликлає:
 — Турки, каже, турки-яничаре
 — И вы бѣднѣ невольники!
 — Который бы мигъ турчинъ-яничарѣ сей сонъ отгадати
 — Мигъ бы я ему три грады даровати,
 — А который бы мигъ бѣдний невольникъ отгадати
 — Мигъ бы я ему ласты выволонѣ писати,
 — Щобъ не мигъ его нѣгде нѣкто зачинвати. —
 Сее турки зачували—нѣчого не сказали,
 Бѣднѣ невольники хочъ добре знали, собѣ промовчали.
 Тильки обизвется межъ туркивъ ляхъ Бутурлакъ, ключникъ галерскій,
 Сотникъ перелаславскій, недоверокъ християнскій:
 „Якъ-же, каже, Алкане-пашо, твій сонъ отгадати,
 „Що ти не можешъ намъ повѣдати?“
 — Такій менѣ, небожата, сонъ присявися,
 — Богъ дай, нѣколи не явився!
 — Видитися: моя галера цѣтвована, малѣвана,
 — Стала вся обидрана, на пожарѣ спускана,
 — Видитися: мои турки-яничаре стали всѣ въ вень порубанѣ,
 — А видитися: мои бѣднѣ невольники,
 — Котори були у неволѣ,
 — Тѣ всѣ стали на волѣ.
 — Видитися: мене гетманъ Кишка на три части розставъ,
 — У Чорное море пометаєтъ!
 То скоро ляхъ Бутурлакъ зачуваєтъ,
 Къ нему словами промовляєтъ:
 „Алкане-пашо! трапезонтскій княжату,
 „Молоднѣ паняту:
 „Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачинати,
 „Скажи менѣ получше бѣдного невольника доглядати,
 „Съ ряду до ряду сажати,
 „По два по три старни кайдани исправляти,
 „На руки на ноги мадѣвати,
 „Червоной таволги по два дубця брати,
 „По шияхъ зачинвати,

натора), и она приглашаетъ его въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ, сама беретъ его за руку, ведетъ въ каменную свѣтлицу, сажаетъ за скамью, угощаетъ дорогими напитками, а войску, бывшему у него на галерѣ, устраиваетъ угощеніе посреди рынка ¹⁾). Образъ—скорѣе козацкаго, чѣмъ мусульманскаго міра. По варианту Котляревскаго, Алканъ-паша приплываетъ къ себѣ, въ свой Трапезонтъ, какъ видно, въ свой гаремъ входитъ, и дѣвка Санджакивна не болѣе какъ одна изъ его женъ. Алканъ-паша беретъ съ собою турокъ, а ключника оставляетъ на галерѣ стеречь скованныхъ невольниковъ ²⁾).

Затѣмъ слѣдуетъ самая существенная часть думы—подвигъ Самийла Кишки, рассказъ о томъ, какъ онъ перебилъ турокъ, овладѣлъ галерою и отплылъ на ней съ своими козаками въ отечество. Здѣсь-то вполнѣ оказывается превосходство болѣе старой редакціи въ вариантѣ Котляревскаго въ сравненіи съ позднѣйшею амплификаціею въ вариантѣ Лукашевича. По этому послѣднему, ляхъ Бутурлакъ приглашаетъ Самийлу Кишку отречься отъ христіанства. Кишка съ омерзѣніемъ отвергаетъ такое приглашеніе; ляхъ Бутурлакъ бьетъ его по щекамъ и грозитъ обращаться съ нимъ суровѣе, чѣмъ съ прочими невольниками. Услышавши это, турки съ похвалою отзываются объ отступникѣ-ключникѣ передъ пашею. Но вдругъ, ни съ сего, ни съ того, ключникъ, подпивши, вздумалъ любезничать съ Кишкою, захотѣлъ съ нимъ вести бесѣду о вѣрѣ христіанской, сталъ поить его виномъ, а Самийло Кишка, воспользовавшись этимъ, взялъ у соннаго ключника ключи отъ кандаловъ и роздалъ невольникамъ; они отперли свои кандалы, но, по совѣту своего гетмана, не снимали ихъ съ ногъ, ожидая полуночнаго времени. Прибылъ Алканъ-паша и приказалъ туркамъ освидѣтельствовать кандалы на невольникахъ. Турки осмотрѣли, но не дотрогивались до кандаловъ руками, а Кишка самъ обвязалъ себя втрое цѣпью. Турки спокойно заснули, увѣренные, что ключникъ хорошо сдѣлалъ свое дѣло ³⁾).

„Кровь христіанську на землю проливати!“

Скоро турки сее зачували,

Тогдѣ бѣднихъ невольниковъ до опачивъ руками приймали,

Щироглибокю морською води доставали,

Отъ пристанѣй галеру далеко отпускали.

¹⁾ До города Козлова

До дѣвки Санджакивны на залѣтн поспѣшали,

Да до города Козлова прибували;

Дѣвка Санджакивна на истрѣчу вихожала,

Алкана-пашу въ городъ Козловъ со всѣмъ вийскомъ затягала,

Алкана за бѣлу руку брала,

У свѣтлицѣ камяницѣ зазывала,

За бѣлу скамью сажала,

Дорогими напитками нановала,

А вийско середь рынку сажала.

²⁾ Стали до города Трапезонта приплывати,

Стали галеру до берегу припинати,

Ставъ Алканъ-паша молодой до дѣвки Санджакивны прибувати,

Ставъ туркивъ-янычаръ съ собою брати,

Тилько ключника на галерѣ оставляти.

³⁾ То Алканъ-паша, трапезонтское княжѣ.

Не барзо дорогн напитки вживае,

Як до галери двохъ Турчинивъ на подслухи посылае,
 Щобъ не могъ лаше Бутурлакъ Кишку Самийла отмигати,
 У поручъ себе сажати,
 То скоро тѣ два турчини до галери прибували,
 То Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, словами промовляе,
 „Ай лаше Бутурлаче, брате старесенькій!
 „Колись и ти бувъ въ неволѣ, якъ ми тепера:
 „Добре ты вчини, хочъ насъ старшину одмигни,
 „Хай би и ми въ городѣ побували,
 „Панське весѣлыя добре знали!“
 Каже ляхъ Бутурлакъ:
 — Ой, Кишко Самийло, гетмане запорозькій, батько козацькій!
 — Добре ты вчини: вѣру христіанську пидъ нозѣ пидтопчи,
 — Крестъ на собѣ поломини!
 — Аще будешъ вѣру христіанську подъ нозѣ топтати,
 — Будешъ у нашего нана молодого за ридного брата пробувати.—
 То скоро Кишка Самийло тее зачувавъ,
 Словами промовляе:
 „Ой, лаше Бутурлаче, недовѣрку христіанскій!
 „Богдай же ты того не дждавъ,
 „Щобъ я вѣру христіанську пидъ нозѣ топтавъ.
 „Хочъ я буду до смерти бѣду да неволю пріймати,
 „А буду въ землѣ козацькій голову христіанську покладати.
 „Ваша вѣра погана,
 „Ваша земля проклята!“
 Скоро ляхъ Бутурлакъ тее зачувае,
 Кишку Самийла въ щоку затинае.
 — Ой, каже, Кишко Самийло, гетмане запорозькій!
 — Будешъ ти мене въ вѣрѣ христіанській укоряти,
 — Буду тебе паче всѣхъ неволниківъ доглядати,
 — Старши и новни кайдани направляти,
 Ланцюгами за-поперакъ втрое буду брати!
 То тѣ два турчина тее зачували,
 До Алкана-паши прибували:
 — Алкане-пашо! трапезонтськое княжѣ!
 — Безпечне гуляй!
 — Доброго й вѣршого ключника маєшъ:
 — Кишку Самийла въ щоку затинае,
 — Въ турецькую вѣру ввертае!—
 То Алканъ-паша, трапезонтськое княжѣ, великую радость мило,
 Пололамъ дорогѣн напѣтки роздѣляло,
 Половину на галеру отсылало,
 Половину съ дѣвкою Санджакивною уживало.
 Ставъ Алканъ-паша дорогѣн напѣтки пити, пидиввати,
 Стали умисли козацьку голову ключника розбивати.
 — Господи! Есть у мене що и спити, и сходити,
 Тильки нѣ зъ кимъ обѣ вѣрѣ христіанській поговорити!
 До Кишки Самийла прибубае,
 Поручъ себе сажаетъ,
 Дорогого напѣтка метаетъ,

Въ вариантѣ Котляревскаго ¹⁾ все это рассказывается съ большою есте-

По два по три кубка въ руки наливає.
 То Кишка Самийло по два по три кубка у руки бравъ,
 То въ рукава, то въ пазуху скривъ третю хусту до долу пускавъ.
 Ляхъ Бутурлакъ по одному выпивавъ,
 То такъ напився,
 Що съ нигъ свалився.
 То Кишка Самийло тее угадавъ,
 Ляха Бутурлака до лижка замѣсть дитини спати клавъ,
 Самъ висемдесять чотыри ключи съ нидь головы выйивавъ,
 На пяти чоловѣкъ по ключу дававъ:
 „Козаки молодцѣ! добре майте,
 „Одинъ другого одмыкайте,
 „Кайданы изъ рукъ, изъ нигъ не скидайте.
 „Полуночною години ожидайте!“
 Тогдѣ козаки одинъ другого отмыкали.
 Кайданы съ рукъ и съ нигъ не кидали,
 Полуночною години ожидали,
 А Кишка Самийло чогось догадавъ,
 За бѣднаго неволника ланцюгами втрое себе прійнявъ,
 Полуночною години ожидавъ.
 Ставъ полуночная година наступати,
 Ставъ Алканъ-паша съ вйскомъ до галеры прибувати,
 То до галеры прибувавъ, словами промовлявъ:
 — Вы турки-янычаре помаленьку ачѣте,
 — Мого вѣрнаго ключника не збудѣте.
 — Сами жѣ добре помѣжъ рядами прокожайте,
 — Всякого чоловѣка осматрайте,
 — Бо теперь винъ подгулявъ,
 — Щобъ кому пильги не давъ. —
 То турки-янычаре свѣчи въ руки брали,
 Помѣжъ рядивъ прокожали,
 Всякаго чоловѣка осматрали,
 Богъ помогъ, за замокъ руками не прійняли:
 „Алкане-пашо, безпечне почивай!
 „Доброго и вѣрнаго ключника маешъ,
 „Винъ бѣднаго неволника зъ ряду до ряду посажавъ,
 „По два по три старни кайданы новни посправлявъ,
 „А Кишку Самийла ланцюгами втрое прійнявъ“.

¹⁾ Тогдѣ турки-янычаре въ галеру вхожали,
 Безпечне спати полягали,
 А котори хмельни були на сонъ знемогали,
 Коло пристанѣ козловської спати полягали.
 Двохъ янычаръ ставъ на подслухи послати,
 Що буде ляхъ Бутурлака съ гетманомъ Самийломъ розмовляти.
 Тогдѣ Иляшъ Бутурлака до Кишки Самийла словами промовляе:
 — Колибъ ты Кишка Самийло свою вѣру христіанську потоптавъ,
 — Уже бѣ я тебе зъ кайданивъ росковавъ,
 — И съ собою за однимъ столомъ сажавъ! —
 То Кишка Самийло будто свою вѣру христіанську помагае,

ственностью. Ильяшъ Бутурлака уговариваетъ Кишку отречься отъ христіанства и принять мусульманскую вѣру. Кишка притворно соглашается. Бутурлака расковалъ его, и тогда началась попойка. Самъ Алканъ-паша присылаетъ вѣзъ города на галеру дороге напитки своему ключнику, пирующему съ новымъ ренегатомъ. Мусульманское запрещеніе пить вино не даетъ намъ повода считать такого факта невозможнымъ, такъ какъ мусульмане относительно этого запрещенія нѣрѣдко держались взгляда, который по-русски у насъ выражается поговоркою: не всякое лыко въ строку. Кишка искусно притворяется пьянымъ, между тѣмъ, пронеситъ горѣлку мимо себя, а Ильяша Бутурлаку постарался онъ напоить до полного опьяненія и, вынувъ у него, соннаго, ключи, отомкнулъ кандалы невольниковъ и опять положилъ ключи ключнику, у котораго они должны были всегда находиться. Алканъ-паша прибылъ на галеру, велѣлъ осмотрѣть невольниковъ, повѣ-

А Бога милосердаго въ сердцѣ собѣ мае.
Ильяшъ Бутурлака Кишку Самийла зъ кайданивъ росковать,
И съ собою за однимъ столомъ сажавъ,
Про козацкы звичай роспытавъ.
То турки-янычары тогдѣ тее вслухали,
До Алкана-паши прибували,
Словами промовляли:
„Алкане-пашо! Пійте—гуляйте,
„Тильки ляша Бутурлаку не забувайте!“
Алканъ-паша пѣе да гулае,
Въ галеру напитки посылае.
Якъ ставъ Ильяшъ Бутурлака лидиввати,
Ставъ гетмановѣ по три чаркы горѣлки давати,
То Кишка Самийло по одній чарцѣ выливае,
А по другій въ рукавъ выливае,
А третю чарку черкасскому судѣ посылае.
То вже Ильяшъ Бутурлака якъ испився,
То на лажко звалвся.
То Кишка Самийло отъ ёго пьяного зъ за-пояса ключи отобравъ,
Усѣмъ неволникамъ у руки подававъ:
„Вы, братцѣ, сами себе отмикайте,
„Брязку не вчиніте,
„Иляша Бутурлаки не збудіте!“
Тогдѣ неволники сами себе отмикали,
Брязку не вчинили,
Иляша Бутурлаку не збудили.
Тогдѣ Кишка Самийло Иляшу Бутурлацѣ ключи до пояса привязавъ.
Опивночною години Алканъ-паша, дитя молодее,
Отъ дѣвки Санджакивны съ турками до галеры прибувавъ.
То вже самъ лягае-спочивае
И тильки двоухъ туркивъ ради смотрѣньня кайданивъ посылае;
То тин турки межъ неволниками пожокали,
За кайданы руками не хватали,
До Алкана-паши прибували,
Словами примовляли:
— Теперъ ты, пане нашъ молодой, почивай,
— Тильки ляша Бутурлаку не забувай!—

рилъ, что все обстоит благополучно и успокоился. Ильяшъ Бутурлака представляется въ этомъ вариантѣ, очевидно, не принадлежавшимъ къ той группѣ козаковъ, которая попала въ неволю вмѣстѣ съ Самийломъ Кишкою. Это — ренегать, въ иное время или при иныхъ обстоятельствахъ измѣнившій вѣрѣ.

Далѣе слѣдуетъ извѣщеніе турокъ невольниками: въ вариантѣ Лукашевича, по которому часть турокъ, бывшихъ на галерѣ, легла спать не на суднѣ, а на берегу, козаки въ полночь, побросавши въ море снятыя съ себя кандалы, выходили на берегъ и тамъ избивали, а самъ Кишка изрубливаетъ Алкана-пашу и кидаетъ въ море куски его тѣла. Всѣ турки погибаютъ; остается въ живыхъ ляхъ Бутурлакъ войсковымъ ярыгомъ—(лазутчикомъ) для порядка ¹⁾ (т.-е. когда нужда въ немъ окажется). Въ вариантѣ Котляревскаго этого выхода козаковъ на берегъ нѣтъ. Все совершается на галерѣ. И этотъ ходъ событія кажется естественнѣе; напротивъ, кажется невѣроятнымъ, чтобы триста пятьдесятъ коза-

¹⁾ Тогда Кишка Самийло полуночної години дожидавъ,

Самъ межъ козакивъ уставъ,
Кайданы зъ рукъ и зъ нигъ у Чорнее море поронявъ,
У галеру вхожае, всѣхъ козакивъ побужавъ,
Саблѣ булатни на выбирь выбирае,

До козакивъ промовляе:
„Вы панове молодцѣ, кайданами не стучѣте,
„Ясини не вчнѣйте,
„Нѣ которого турчина не збудѣте“.

То козаки добре зачували
Сами съ себе кайданы скидали,
У Чорнее море кидали,
Нѣ одного турчина не збудили.

Тогда Кишка Самийло до козакивъ промовляе:

„Вы, козаки молодцѣ, добре братіе, майте!
„Отъ города Козлова забѣгайте;
„Турокъ-янычаръ у пень рубайте.
„Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте!“

Тогда козаки отъ города Козлова забѣгали,
Турокъ-янычаръ у пень рубали,
Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.

А Кишка Самийло Алкана-пашу изъ лижка взявъ,
На три части роставъ
У Чорнее море побросавъ,
До козакивъ промовлявъ:

„Панове молодцѣ, добре дбайте,
„Всѣхъ у Чорнее море побросайте,
„Тильки ляха Бутурлака не рубайте,
„Между вийскомъ для порядку за ярызу вийскового зоставляйте!“

Тогда козаки добре мали
Всѣхъ туркивъ у Чорнее море пометали,
Тильки ляха Бутурлака не срубали,
Между вийскомъ для порядку за ярызу вийскового зоставляли.
Тогда отъ пристанѣ галеру отпускали,
Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.

ковъ, только-что освободившихся изъ неволи, рѣшались выходить на берегъ въ большой городъ, гдѣ ихъ легко могла окружить толпа вооруженныхъ мусульманъ. По варианту Котляревскаго, Самийло Кишка, послѣ расправы съ турками, торопится скорѣе сняться съ якоря, чтобы въ Трапезонтѣ не узнали о томъ, что произошло на галерѣ, и не предприняли бы мѣръ къ погонѣ за освободившимися козаками ¹⁾.

Въ вариантѣ Лукашевича слѣдуетъ затѣмъ плачь дѣвки Санджаквины о томъ, что отъ ней такъ скоро убѣжалъ Алканъ-паша: она бы желала переночевать съ нимъ одну ночь, хотя бы за то навлекла на себя упреки отъ своихъ родителей ²⁾. Образъ малорусской жизни, совсѣмъ не идущій къ повѣствованію; въ вариантѣ Котляревскаго этого мѣста нѣтъ, и, безъ сомнѣнія, оно — позднѣйшая вставка.

Слѣдуетъ пробужденіе ключника. Въ вариантѣ Котляревскаго онъ сталъ-было выговаривать Кишкѣ его поступокъ, но Кишка пригрозилъ ему бросить его въ море, если онъ будетъ ему говорить упрека ³⁾. По варианту Лукашевича,

¹⁾ Тогда Кишка Самийло до невольничьими словами промовляе:

„Невольники! изъ рукъ, и зъ нигъ кайданы спускайте,

„Брязку не учинѣте,

„Гурокъ-яничаръ не збудѣте,

„Саблѣ булатныи въ руки хватайте,

„Туркамъ головы зѣймайте,

„Въ Чорнее море вкидайте,

„Тильки Иляша Бутурлаку незаймайте,

„Для порядку козацького зоставляйте!“

Кишка Самийло Алкана-пашу трапезонтськее дитя молодеє на руки бравъ,

Съ плечъ голову зѣймавъ,

Въ Чорнее море вкидавъ,

До козакнѣи словами промовлявъ:

„Нумо жъ, мы, братця, сюмъ турецькую галеру

„Отъ пристанѣ трапезонтськой далѣ отгоняти,

„Щобъ не могли турки трапезонтцѣ насъ догоняти!“

²⁾ Да ще у недѣлю барзо рано пораненьку

Не сива зозуля заковала

Якъ дѣвка Санджаквина коло пристанѣ похажала,

Да били руки ламала.

Словами промовляла:

Алкане-пашо, трапезонтськее княжату!

На що ты на мене такеє велике пересердіє маєшь?

Що отъ мене сѣгодишъ барзо рано виѣжаєшь!

Когды бъ була отъ отца отъ матери сорома й наруги прїйняла,

Съ тобою хочъ единую ничъ переночовала.

(Малор. и Червоноор. думы и пѣсни, стр. 22).

³⁾ Стало ясне сонце схожати,

Ставъ Иляшъ Бутурлака отъ сна прочинати,

Тогдѣ по галерѣ поглядає,

Що нѣ одного турка не має,

Тогдѣ до козакнѣи промовляе:

— Козаки панове молодцѣ, нехай бы я митъ знати,

— Кого межъ вами паномъ назвати?—

ключникъ ведетъ себя униженно ¹⁾; въ этомъ мѣстѣ вариантъ Лукашевича представляетъ больше естественности и, быть можетъ, сохраняетъ древнюю редакцію думы.

Слѣдуетъ затѣмъ встрѣча съ плывущими турецкими галерами, и тутъ пригодился козакамъ оставленный въ живыхъ ключникъ; онъ именемъ Алкана-пашы не велитъ встрѣтившимся турецкимъ судамъ приближаться къ галерѣ, чтобъ не разбудить Алкана-пашу. По варианту Котляревскаго, эти встрѣчныя турецкія суда были въ числѣ девяти. Вутурлака, завидя ихъ издали, посоветовалъ Самийлу Кишкѣ часть козаковъ заковать въ кандалы, а другую часть ихъ одѣть въ турецкое платье, чтобы туркамъ, бывшимъ на встрѣтившихся судахъ, показала галера въ своемъ прежнемъ видѣ: съ турецкимъ войскомъ и съ закованными невольниками-гребцами. Вутурлака взомелъ на чердакъ съ турецкимъ знаменемъ, закричалъ къ туркамъ, что Алканъ-паша спитъ и нуждается въ покоѣ послѣ веселой ночи, проведенной съ дѣвкой Санджакивною, и тѣмъ удалилъ турецкія суда, а потомъ, обратившись къ козакамъ, сказалъ, что теперь надобно поскорѣе гнать галеру къ Сѣчѣ ²⁾. Въ вариантѣ Лукашевича ляхъ Вутурлакъ

Козаки словами промовляли:

„Иляше Вутурлако, полковнику переяславській!

„Ты и самъ добре знаешь.

„На що ты насъ питаешь?“

Тогдѣ ляхъ Вутурлака зъ лижка вставае,

До Кишка Самийла приступае:

— Эй, гетмане запорозькій, зрадинъ ты мене старого

— И мого пана молодого!—

А Кишка Самийло словами промовляе:

„Якъ будешъ ты менѣ се задавати,

„То буду я тебе въ Чорнее море уждати,

„А то я тебе мигъ для порядку козацького оставляти“.

¹⁾ У нехѣлоньку, у полуденну годину ляхъ Вутурлакъ отъ сна пробужае,

По галерѣ пожоае,

Що нѣ одного турчина у галерѣ не мае.

Тогдѣ ляхъ Вутурлакъ съ лижка вставае,

До Кишка Самийла прибувае, въ ноги впадае:

— Ой Кишко Самийло, гетмане запорозькій,

— Батьку козацькій!

— Не будь же ты на мене,

— Якъ я бувъ на останцѣ вѣку моего на тебе!—

(Малор. и Червонор. думы и пѣсни, стр. 22).

²⁾ Въ обѣднѣй годинѣ стали ихъ девять галеръ турецькихъ встрѣчати,

Ставъ Иляшъ Вутурлака словами промовляе:

— Кишко Самийло, гетмане запорозькій!

— Половину козакивъ у кайданы забивай,

— А половину въ турецькее платье наряжай!—

Тогдѣ Кишка Самийло половину козакивъ у кайданы забивае,

А половину въ турецькее платье наряжае.

Иляшъ Вутурлака на чердакъ выжоае,

Турецькую короговъ выставляе,

До турокъ-яничаръ словами промовляе:

— Турки-яничаре! Не близько вы пидходѣте,

подасть мудрый совѣтъ козакамъ еще заблаговременно до встрѣчи съ турецкими судами. Онъ знаетъ, что изъ Царьграда будутъ плыть двѣнадцать галеръ съ поздравленіемъ Алкану-пашѣ, послѣ его сватовства. Козаки, неизвѣстно зачѣмъ, направляются къ Царьграду; ихъ на пути встрѣчаютъ галеры, идущія изъ Царьграда. Ключникъ подасть знакъ, велитъ не шумѣть, потому что Алканъ-паша на похмельѣ спитъ; но вслѣдъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ раздаются, въ знакъ взаимныхъ вѣжливостей, пушечные выстрѣлы, что, разумѣется, противорѣчатъ данному приказанію не шумѣть и не разбудить пашу ¹⁾. Такимъ образомъ, въ

— Цитѣте не кричѣте,
 — Мого пана молодого не збудѣте!—
 — Бо мій панъ цѣлу ничъ съ дѣвкою Санджакивною гулявъ,
 — А тепера винъ спочивае,—
 Тогдѣ турки-янычаре тее зачували,
 За три версты галеры турецкїи отвертали.
 Тогдѣ Иляшъ Бутурлака словами промовле:
 — Эй, нумо, козаки, галеру швиденько до Сѣчи пригонати:
 — Щобъ не могли турки того дызнати,
 — Назадъ галеры привертати.—

- 1) Богъ тобѣ помигъ неприятеля побѣдити,
 — Да не виѣтмишешъ у землю христіянську вступити.
 — Добре ты вчини:
 — Половину козакивъ у оковн до опачинъ посади,
 — А половину въ турецкее дорогое платья наряди.
 — Бо ще будемо отъ города Козлова до города Царь-града гуляти,
 — Будуть изъ города Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати,
 — Будуть Алкана-пашу съ дѣвкою Санджакивною по залѣтахъ поздравити—
 — То якъ будемъ отвѣтъ давати?

Якъ ляхъ Бутурлакъ научивъ,
 Такъ Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, учинивъ:
 Половину козакивъ до опачинъ у оковн посадивъ,
 Половину въ турецкое дорогое платья нарядивъ.
 Стали отъ города Козлова до города Царьграда гуляти,
 Стали зъ Царьграда дванадцять галеръ выбѣгати,
 И галеру изъ гармать торкати,
 Стали Алкана-пашу съ дѣвкою Санджакивною по залѣтахъ поздравити.
 Тогдѣ лихъ Бутурлакъ чого-сь догадавъ,
 Самъ на чердакъ выступавъ,
 Турецкимъ бѣднимъ завивайломъ махавъ,
 Разъ мовить по-грецки,
 У друге по-турецки,
 Каже: —вы турки-янычаре, по маленьку, братіе, ячѣте,
 — Отъ галеры отвернѣте,
 — Бо теперь винъ пидгулявъ, на впокои спочивае,
 — На похмелья знемогае,
 — До васъ не встане—головы не зведе...
 — Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,
 — То не буду вашой милости и по вѣкъ забувати!—
 Тогдѣ турки-янычаре отъ галеры отвертали,
 До города Царьграда убѣгали,
 Изъ дванадцяти штукъ гармать гримали,

вариантъ Лукашевича вводится двоякая несообразность: казаки плывутъ по направлению къ Царьграду, когда нѣтъ отнюдь не слѣдовало избирать такого пути, а надлежало плыть въ противоположную сторону къ русскимъ предѣламъ. Ляхъ Бутурлакъ предупреждаетъ встрѣтившихся турокъ, чтобъ не производили шума и, безъ сомнѣнія, поступаетъ такъ для того, чтобъ скрыть отъ турокъ положеніе галеры, находившейся уже во власти казаковъ. Вопреки просьбѣ лаха Бутурлака, турки съ своихъ судовъ стрѣляютъ, хотя и отступивши немного. Съ галеры тоже даются выстрѣлы. Отъ такихъ выстрѣловъ Алканъ-паша долженъ былъ пробудиться и, спросивши въ чемъ дѣло, могъ появиться передъ соотечественниками, которые оказывали ему почести. Но Алкана-паша не было и тайна освобожденія невольниковъ могла открыться. Въ вариантъ Котляревскаго это естественноѣ.

Прибывши къ русскимъ берегамъ, казаки встрѣтили своихъ соотечественниковъ подъ начальствомъ Семена Скалозуба, которые держали сторожу у устья Днѣпра. Увидя турецкую галеру, направлявшуюся въ лиманъ, казаки начали было палить по ней изъ пушекъ, но Кишка Самийло выставилъ козацкую красную хоругвь; — тогда казаки бросились къ галерѣ и притянули ее къ берегу. Въ вариантъ Лукашевича это разсказывается подробно и притомъ съ эпическими повтореніями ¹⁾; въ вариантъ Котляревскаго обычный повѣствовательный тонъ дѣлается здѣсь особенно короткимъ.

Ясу раздавали.

Тогдѣ казаки собѣ добре дбали,

Сѣмъ штукъ гармать собѣ арештовали,

Ясу раздавали.

(Малор. и Червомор. думы и пѣсни, стр. 23).

¹⁾ На Лиманъ рѣку испадали,

Къ Днѣпру-Славути низенько укланали.

„Хвалимъ тя, Господи, и благодаримъ!

„Були пятьдесятъ штыри годы въ неволѣ,

„А теперъ чи не дасть намъ Богъ хоть на часъ по волѣ!

А у Тендревѣ островѣ Семень Скалозубъ съ вийскомъ на заставѣ стоявъ,

Да на тую галеру поглядавъ,

До козакивъ словами промовлявъ:

— Козаки, панове-молодцѣ! Що сія галера чи блудить.

— Чи свѣтомъ нудить,

— Чи много люду царського мае,

— Чи за великою добычю гоняе?

— То вы добре дбайте;

— По двѣ штукъ гармать набирайте,

— Тую галеру зъ гризною гарматы привѣтайте,

— Гостинця їй дайте.

— Если бѣдныи неволники, то помочи дайте!

Тогдѣ казаки промовляли:

„Семене Скалозубе! гетьмане запорозькій, батьку козацькій!

„Десь ты самъ боишься,

„И насъ козакивъ страшишься?

„Есть сія галера не блудить,

„Нѣ свѣтомъ нудить,

Вѣсто Тендрева и дѣпровскаго лимана, гдѣ, по варианту Лукашевича, возвращающихся изъ неволи козаковъ встрѣчаетъ сторожевой отрядъ, по варианту Котляревскаго, освобожденные невольники достигаютъ прямо «города Сѣчи». Ильяшъ Бутурлака оказываетъ еще услугу козакамъ: когда ихъ братья сѣчовики, не узнавши, кто плыветъ, хотѣли-было падать по судну, Бутурлака подаетъ гетману Самийлѣ Кишкѣ совѣтъ выставить на чердакѣ судна козацкое знамя ¹⁾. Вопросительнаго замѣчанія, что это за галера, влагаемаго, по варианту Лукашевича, въ уста сторожевыхъ козаковъ — здѣсь нѣтъ. Козаки, увидавши козацкую хоругвь, притягиваютъ крючьями галеру къ берегу. Невольники выступаютъ изъ галеры. Тогда Семень Скалозубъ, и въ вариантѣ Котляревскаго названный гетманомъ, подходитъ къ нимъ и узнаетъ Самийлу Кишку. — Ты, сказалъ онъ: — сорокъ лѣтъ (въ рукописи написано число 40, и ноль неизвестно зачѣмъ и кѣмъ перечеркнуто) былъ въ неволѣ и не потерялъ ни одного козака изъ своего войска! — Кишка нарядилъ Семена Скалозуба въ турецкую одежду и далъ козакамъ приказаніе изрубить Ильяша Бутурлаку ²⁾. Въ вариантѣ Лука-

„Нѣ много люду царського мае,
„Нѣ за великою добычю гонае.
„Се можетъ давній бѣдний невольникъ зъ неволѣ втѣкае!“ —

— Вы вѣри не диймайте,
— Хоть по двѣ гарматы набирайте,
— Тую галеру зъ гризной гарматы привѣтайте,
— Гостиници їй дайте:
— Якъ турки-янычаре, то у пень рубайте,
— Если бѣдний невольникъ, то помочи дайте,—

Тогдѣ козаки якъ дѣти не гараздъ починали,
По двѣ штуки гармать набирали,
Тую галеру зъ гризной гарматы привѣтали,
Три доски въ суднѣ пробивали,
Воды дѣпровом напускали.
Тогдѣ Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, чогось догадавъ,
Самъ на чердакъ виступавъ,
Чорвонни, хрещатля давнии корогви изъ кишенѣ виймавъ,
Роспустивъ, до води похиливъ,
Самъ низенько вклонивъ:

¹⁾ Стали сѣчовѣ козаки тее зобачати,
Стали вони зъ лушокъ гримати,
— Нумо, братцѣ, сюю турецку галеру розбивати,
— Щобъ могли турки въ Чорному морѣ потопати! —
Иляшъ Бутурлака тее зачувае,

До Кишки Самийла словами промовяе:
Кишко Самийло, гетмане запорозькій!

Ты межъ козаками пробуваешъ,
Чи козацькихъ звичайѣвъ не знаешъ?
Козацькую цвѣтну хрещату корогву на чердакъ выноси,
Будуть сѣчовни козаки тее зобачати,
Будуть нашу галеру крюками за лавки хватати,
До берега ближче привертати.

²⁾ Стали козаки зъ галеры виступати,
Семень Скалозубъ гетманъ до галеры ближче приступае,

шевича его не постигаетъ такая безжалостная кара: онъ, этотъ ляхъ Бутурлакъ, исчезаетъ безслѣдно. И въ этомъ мѣстѣ мы отдадимъ преимущество варявту Котляревскаго, сообщающему любопытную черту нравовъ и понятій. Услуги, оказанныя отступникомъ козакамъ, не снимали съ него пятна отступничества отъ вѣры, тѣмъ болѣе, что эти услуги были невольными. Ставши мусульманиноу, Бутурлака ругался надъ прежними своими единовѣрцами и довѣрять ему, оставивши жить среди козаковъ, по козацкому понятію, было невозможно. Разъ уже избѣживши вѣрѣ и козачеству, онъ могъ при случаѣ поступить такъ же и въ другой разъ и сдѣлать козакамъ пущее зло.

Дума, по варианту Котляревскаго, кончается замѣчаніемъ, что Кишка Самийло прибылъ въ Сѣчь около праздника Покрова, а въ рождественскій постъ около Николина дня умеръ ¹⁾.

Вариантъ Лукашевича ведетъ свой рассказъ далѣе; описывается, какъ козаки дѣлили привезенную турецкую добычу: матеріи шли по достоинству на козаковъ и атамановъ, серебро и золото подѣлено на три пая, — одинъ пошелъ на церкви, бывшія патрональными у сѣчевиковъ: то были Межигорскій и Терехтемировскій монастыри и Покровская церковь въ Сѣчѣ. Эти церкви, по замѣчанію той же думы, козаки строили и содержали на свой счетъ съ тѣмъ, чтобъ за строителей совершались повседневныя моленія; другой пай шелъ въ раздѣлъ между товарищами, а третій — покрылъ издержки пиршества, устроеннаго по поводу радостнаго возвращенія Кишки съ товарищами его изъ многолѣтней неволи ²⁾. Мы думаемъ, что эта послѣдняя часть варианта Лукашевича не можетъ,

Гетмана Самийла тамъ познавае,

И ще до ёго словами промовляе:

„40 годивъ ты въ неволѣ пробувавъ,

„Нѣ одного козака зъ свого вийська не втеравъ!“

Тогдѣ Кишка Самийло зъ галеры виступае.

Семена Скалозуба въ турецьку одѣжу наряжае,

До козакивъ словами промовляе:

„Козаки нанове молодцѣ!

„Ильша Бутурлаку взрубайте!

„А то мы тогдѣ тимъ ёго не рубали,

„Що для порядку козацького оставляли!“

¹⁾ Прїѣхавъ Кишка Самийло въ осени о Покровѣ,

Да умеръ въ Пилиповку объ Миколѣ!

²⁾ Тогдѣ алатосинѣи кидяки на козаки,

Златоглавы на атаманы,

Турецьку бѣлую габу на козаки на бѣяки,

А галеру на пожаръ спускали.

А сѣбро злато на три части паювали:

Первую часть брали на церкви накладали,

На святого Межигорського Спаса,

На Терехтемировскій монастырь,

На святую сѣчовую Покровъ давали,

Котори давнѣмъ ковадьнимъ скарбомъ будовали,

Щоби за ихъ, вставаючи й лягаючи, милосердного Бога благали,

А другую часть помежъ собою паювали,

А третю часть брали: очертами сѣдали, пили да гуляли,

подобно некоторым предшествовавшим частям, быть позднейшею амплификацією и составлять принадлежность древней редакции думы. Позднейшие кобзари не могли знать ни названий матерій, теперь уже ни для кого неизвестных, ни способа обращенія съ добычею у запорожцевъ, а между тѣмъ, эти черты въ думѣ сходны съ извѣстіями, оставшимися намъ о запорожскомъ бытѣ. Вслѣдъ за описаніемъ пиршества, вариантъ Лукашевича сообщаетъ, что Кишка умеръ въ монастырѣ, который, непонятнымъ для насъ образомъ, погнѣщается въ Кіевѣ-Каневѣ. Въ вариантѣ Лукашевича, въ концѣ, къ думѣ приложенъ финалъ, который прикладывается у кобзарей ко многимъ козацкимъ думамъ. Онъ заключаетъ прославленіе богатыря, котораго подвиги изложены въ думѣ, и молитву о многотлѣтн козацкаго народа.

Вариантъ Зайкевича очень скуденъ. Кобзарь, очевидно, позабылъ многое изъ думы и сообщилъ записавшему только то, что случайно удержалось у него въ памяти. По вступленію, приведенному уже выше, и по многимъ другимъ мѣстамъ можно, однако, видѣть, что этотъ вариантъ—обломокъ другой редакціи, въ существенныхъ чертахъ отличной отъ вариантвъ Кетляревскаго и Лукашевича. Пребываніе Самийла Кишки въ неволѣ не растагивается на большое число лѣтъ. Указывается только на возрастъ Бутурлака, которому дается шестьдесятъ лѣтъ, и это лицо—не Ильашъ и не Яхъ, какъ въ предшествовавшихъ вариантахъ, а «малороссійскій христіанинъ»¹⁾. Захвативши въ полонъ Кишку съ товарищами, турецкій паша (не называемый Алканомъ-пашою) поплылъ къ дѣвкѣ Санджакивнѣ, но куда именно, мѣсто не обозначается. Слуга паша, Бутурлака—не отступникъ, а христіанинъ, сговаривается съ Кишкою Самийломъ, какъ погубить турокъ и освободиться изъ неволи²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ паша

Изъ семипядныхъ пицалей гримали,
 Кишку Самийла по волѣ поздравляам:
 — Здоровъ, кажуть, здоровъ Кишко Самийло, гетмане запорозькій!
 — Не загинувъ еси въ неволѣ,
 Не загинешъ съ нами козаками по волѣ!
 Правда, панове, полягла Кишки Самийла голова
 Въ Кіевѣ-Каневѣ (?) монастырѣ.
 Слава его не вмире, не поляже,
 Буде слава славна помежъ козаками,
 Помежъ друзьями, помежъ лыпарями,
 Помежъ хобрыми молодцами!
 Утверди Боже, люду царського народу христіянського,
 Войска запорозького, донского
 Со всею чернью днѣпровом, низовом,
 На многія лѣта, до конца вѣка!

(Малор. и Червонор. думы и пѣсни, 27).

- ¹⁾ А коло себе винъ мавъ Ивана Бутурлаку
 Шестидесяти лѣтъ малороссійського христіянина,
 Той бувъ ёму вѣрний слуга.
²⁾ Паша у дѣвки Санджакивны цѣлый мѣсяць гуляе,
 А Иванъ Бутурлака на пристанѣ съ Кишкою Самийломъ пробуае
 Живность собѣ получае,
 Съ Кишкою Самийломъ, съ гетманомъ козацкимъ, розмови собѣ

хорошіи має:

съ Бутурлакою, но отъ этого разговора остался отрывокъ, изъ котораго нельзя видѣть о чемъ собственно шла рѣчь ¹⁾. Затѣмъ—Бутурлака отдасть козакамъ ключи отъ кандаловъ съ тѣмъ, чтобы они, освободившись, убили пашу ²⁾. Затѣмъ пропускъ,—очевидно, здѣсь слѣдовало описаніе освобожденія невольниковъ и истребленіе турокъ. Коротко говорится, что освобожденные поплыли по Черному морю и приплыли къ какому-то дѣду Солонкѣ, который узнаеть Самийла Кишку, поздравляетъ его и спрашиваетъ: не забылъ ли онъ царя Бога? Я Бога милосерднаго не забуду, а турецкому пашѣ служить не буду, отвѣчаетъ Кишка ³⁾. Этимъ вариантъ Зайкевича оканчивается или, вѣрнѣе, обрывается.

Сравнивая варианты этой думы между собою, мы найдемъ, что вариантъ Котляревскаго сохранилъ болѣе простоты и естественности разсказа, чѣмъ вариантъ Лукашевича, подвергавшійся позднѣйшей амплификаціи. Но зато въ вариантѣ Котляревскаго есть пропуски, и особенно въ концѣ думы, а въ вариантѣ Лукашевича есть мѣста, несомнѣнно принадлежащія древней редакціи, которыхъ недостаетъ въ вариантѣ Котляревскаго. Сличеніе вариантовъ очень полезно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность понять, хотя отчасти, какими путями и способами видоизмѣнялись думы. Не будучи записываема и переходя отъ пѣвца къ пѣвцу, наша дума уже въ древнее время подвергалась разнымъ видоизмѣненіямъ и разбивалась на варианты. Но эти варианты не могли тогда вносить въ думу ничего чуждаго быту, духу и пріемамъ того круга, въ какомъ эта дума первоначально сложилась и распространилась. Кобзарь или бандуристъ, по личному вдохновенію, могъ вносить одну-другую черту или замѣнить прежде бывшую новою, но не могъ создавать анахронизмовъ противъ народнаго быта и времени; самъ онъ былъ слишкомъ близокъ къ тому жизненному кругу, въ которомъ создавалась и стала распространяться распѣваемая имъ дума.

„Що вжежь, Кишко Самийло, погно (великоруссизмъ) паву нашому
служити,

„Христіанськои вѣри ломити,

„Що ми есть за христіане, що будемъ ёму служити?

„Можно по Вожому закону христіанському ёго и згубити!

¹⁾ Молодее паня турецьке баша отъ дѣвки Санджаквины на пристань прибуває,

До Бутурлаки Ивана словами промовляє:

Будешъ ты до мого отця прибувати,

Словами промовляти;

Будешъ ты отъ мого отця сребреники получати.

²⁾ Бутурлака ключи козакамъ отдавъ,

Щобъ вои съ себе залъзвѣи пути поздѣймали,

Турецьке паня молоде баша съ мѣсяца брали.

Въ Чорнее море метали.

³⁾ Тогдѣ стали безпечне по Чорному морю гуляти,

Да до дѣда Солонки въ-гостѣ прибувати,

То дѣдъ Солонка у вичи Самийла Кишку зобачавъ:

— Ой здоровъ, здоровъ—каже—Кишко Самийло!—

— Якъ ты живешъ, проживаешъ,

— Чи ты царя Бога не забуваєшь?—

„Я Бога милосерднаго не забуду,

„А турецькому башѣ служити не буду!“

Не могъ онъ ни въ какомъ случаѣ сообщить думѣ уродства, противнаго народному вкусу и народному поэтическому чутью: всякая неумѣстная прибавка къ думѣ не была бы усвоена другими кобзарями, и, какъ плодъ бездарности одного какого-нибудь лица, она исчезла бы скоро сама собою. При всякомъ измѣненіи въ выраженіяхъ кобзарями руководить могло только одно побужденіе—желаніе угодить слушателямъ. Но съ теченіемъ времени условія жизни становились иными; поэтическая потребность въ народѣ обращалась къ инымъ сферамъ; рассказы о событіяхъ такой среды, въ которой народъ уже болѣе не вращался, потеряли свою прежнюю свѣжесть, перестали съ прежнею силою дѣйствовать на сердце, а потомъ уже не для многихъ оставались даже и предметомъ развлеченія. Тогда думы подвергались двойнымъ измѣненіямъ, одному вслѣдъ за другимъ. Сперва онѣ расширялись и, такъ сказать, пухли и надувались, теряли простоту и естественность рассказа, принимали анахронизмы противъ условій жизни прежнихъ временъ, уклонялись отъ господствовавшего нѣкогда въ народѣ вкуса и усвоивали черты сухости и вялости, обыкновенно сопровождающія такіа повѣствованія, въ которыхъ не участвуетъ сердце повѣствователя. Потомъ съ думами стало происходить противоположное прежнему: онѣ стали сокращаться. Кобзаря забывали то одну, то другую часть думы. На трехъ вариантахъ думъ о Самийлѣ Кишкѣ мы видѣть можемъ явленіе такой процедуры, вѣроятно, общей всѣмъ думамъ. Въ вариантѣ Котляревскаго думъ эта ближе къ своей древней редакціи, въ вариантѣ Лукашевича она въ значительной степени подвергается амплификаціи, а въ вариантѣ Зайкевича она уже сокращается и забывается. Теперь, сколько намъ извѣстно, дума эта почти вышла изъ употребленія, по крайней мѣрѣ даже такой кобзарь, какъ Остапъ Вересай, ее не знаетъ. Если бы она не была до сихъ поръ записана въ тѣхъ вариантахъ, на которые мы указывали выше, то это превосходное произведеніе народной поэзіи козацкаго времени исчезло бы, и мы бы не имѣли о его существованіи ни малѣйшаго представленія, какъ не имѣемъ о многихъ такомъ, чѣмъ, не бывши никогда записаннымъ отъ народа, исчезло навсегда.

Личность героя этой думы въ историческихъ источникахъ является сбивчиво и противорѣчиво. Письмо кошевого Стрка къ крымскому хану сообщаетъ, что гетманъ или кошевой, носившій имя Самийла Кишки, воевалъ противъ турокъ около 1575 года (см. Лѣтоп. Величка, II. 380. Симоновск. 7). Если допустить, что плѣнь Самийлы Кишки происходилъ около этого времени, то замѣтимъ, что въ думѣ говорится о Семенѣ Скалозубѣ, а лѣтопись Самовидца называетъ Семена Скалозуба гетманомъ, бывшимъ послѣ 1577 года (Лѣтоп. Самов. 2). По другимъ извѣстіямъ той же лѣтописи Самовидца и Лѣтописнаго Повѣствованія Ригельмана (Лѣтоп. Самов. 4. Ригельм. 36—37), гетманъ Самийло Кишка попался въ плѣнь около 1619—1620 годовъ. Изъ книги: *Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584—1620 гг.*—мы узнаемъ, что Самийло Кишка былъ старшимъ у козаковъ запорожскихъ въ генварѣ 1602 года, участвовалъ въ лифляндской войнѣ, которую вела Рѣчь Посполитая противъ шведовъ, и пребывалъ въ этомъ званіи до марта того же года, когда старшимъ козацкиимъ подалиса другой—Гаврило Крутневичъ, который также недолго начальствовалъ, потому что въ декабрѣ того же года козаки ворочались изъ лифляндскаго похода въ Украину, а старшимъ у нихъ былъ Иванъ Куцьковичъ. Изъ этого можно заключить, что Кишка воевалъ на морѣ и былъ взятъ турками прежде похода въ

Лифляндію, пменно около 1575 года, какъ указываетъ письмо Сѣрка къ хану крымскому, а возвратился въ 1598 или 1599 г., когда на Запорожьѣ начальствовалъ Семень Скалозубъ, называемый въ современномъ письмѣ асауломъ (Listy Zołkiewsk: 80. 104). Такъ думаютъ издатели историческихъ малорусскихъ пѣсенъ—гг. Драгомановъ и Антоновичъ. (Ист. пѣсни малор. народа, I, 228). Но могло быть, что событіе плѣна и освобожденія случилось послѣ похода въ Лифляндію, и Самийла Кишка, утративши свое старшинство надъ козаками, могъ снова его получить по выбору и потомъ уже отправиться въ морской походъ и достаться въ плѣвъ туркамъ. Не разъ въ дѣйствительности случалось то, что описывается въ этой думѣ: когда козаки, находясь въ плѣну, успѣвали воспользоваться случаемъ, истребляли турокъ и, овладѣвши непріятельскимъ судномъ, возвращались въ отечество. Объ одномъ такомъ событіи извѣстіе мы случайно встрѣтили въ дѣлахъ Архива Юстиціи: оно относится къ девяностымъ годамъ XVII вѣка и представляетъ такое сходство съ тѣмъ, что описывается въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ, что мы бы не затруднились признать тождество событій, если бы насъ не удерживала хронологическая несообразность.

Можно указать, какъ на думу, самую близкую по духу и содержанию съ думою о Самийлѣ Кишкѣ, на думу объ Иванцѣ Богуславцѣ, гетманѣ запорожскомъ. Намъ она извѣстна по двумъ вариантамъ: одинъ сообщенъ г. Котляревскимъ въ его старинномъ рукописномъ сборникѣ, о которомъ мы говорили; другой вариантъ помѣщенъ въ историческихъ малорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ гг. Драгомановымъ и Антоновичемъ (т. I, стр. 241—242). Дума эта представляетъ такую близость съ думою о Самийлѣ Кишкѣ, что кобзари при пѣніи нерѣдко смѣшивали части двухъ этихъ думъ, и пашу, который дѣйствуетъ въ думѣ о Богуславцѣ, называли Алканъ-пашою. Кромѣ того, въ одной части этой думы видно сходство съ думою о Марусѣ Богуславкѣ, напечатанной въ запискахъ о Южной Руси Кулиша (т. I, стр. 210).

Дѣйствие происходитъ въ крымскомъ городѣ Козловѣ. Тамъ стоитъ каменная темница, вдѣланная въ землю глубиною на семь сажень. Тамъ сидятъ уже десять лѣтъ невольники: ихъ числомъ семьсотъ, а между ними гетманъ запорожскій Иванецъ Богуславецъ ¹⁾. Далѣе рассказывается: Иванецъ Богуславецъ извѣщаетъ ихъ, что въ этотъ день у христіанъ великая суббота, а завтра будетъ Свѣтлое Воскресенье. Невольники за это проклинаютъ его, а онъ говоритъ имъ, чтобы они его не проклинали, что онъ ихъ освободитъ. Весь этотъ разговоръ Иванца Богуславца съ невольниками есть не что иное, какъ перенесенный изъ другой думы кобзарями разговоръ Маруси Богуславки съ такими же невольниками. Сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, и, еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ Богуславецъ и Богуславка произвели это

¹⁾ У городѣ Козловѣ стояла темница камѣнная,
Сѣмъ сажень въ землю вмурованная,
У тѣхъ темницѣ пробувало сѣмъ сотъ козакивъ
Бѣдныхъ невольникивъ.
Межъ ними старшвыи козацкою не бувало.
Бувъ одинъ старшій старшиною
Иванецъ Богуславецъ гетманъ запорожьскій.
Вони десять лѣтъ пробували въ неволѣ.

смѣшеніе думъ. Проклятiе, произвосное невольниками въ думѣ объ Иванцѣ Богуславцѣ, совершенно некстати, тогда какъ оно у мѣста въ думѣ о Марусѣ, гдѣ отступница говоритъ то же самое невольникамъ, какъ бы ругаясь надъ ними.

Здѣсь оканчивается сіодство думы объ Иванцѣ Богуславцѣ съ думою о Марусѣ Богуславкѣ. Далѣе вся дума объ Иванцѣ относится уже къ иному событію.

Вдова паши, названная въ вариантѣ Котляревскаго Алканъ-пашовою (имя Алкана перенесено изъ думы о Самийлѣ Кишкѣ), а въ вариантѣ Драгоманова и Антоновича «панѣ Кизлевская» входитъ въ темницу и предлагаетъ Иванцу принять бусурманскую вѣру и пановать въ городѣ Козловѣ, а всѣхъ невольниковъ общааетъ отпустить въ христіанскую землю. Иванецъ Богуславецъ соглашается и общааетъ жениться на ней съ тѣмъ, если она не будетъ упрекать его христіанскою вѣрою (то-есть, отступничествомъ отъ христіанской вѣры) ¹⁾.

Въ вариантѣ Драгоманова и Антоновича панѣ Кизлевская предлагаетъ ему то же, но онъ отвергаетъ предложеніе, и разсерженная Кизлевская приказываетъ своимъ мурзакамъ связать ему руки сыромятною кожею и положить противъ солнца. Когда солнце стало пригрѣвать его, а высыхавшаяся сыромятная кожа начала его беспокоить, онъ закричалъ, что согласенъ покинуть христіанскую вѣру и перейти въ бусурманство. Тогда Кизлевская приказала мурзакамъ связать его и вести въ ея теремъ на пиръ свадебный ²⁾. На этомъ обрывается

¹⁾ У недѣлю рано пораненьку

Алканъ-пашовая турецкая отъ мужа zostавала,

Своего мужа поховала,

До темницѣ прихожала,

Темницу отмыкала,

Помежъ невольниками похожала,

Иванца Богуславца за бѣлую руку брала,

Словами промовляла:

„Иванче Богуславче! колибъ ты вѣру христіанську поламавъ,

„А нашу бусурманську на собѣ бравъ,

„Уже-бъ ты въ городѣ Козловѣ пановавъ!

„Я-бъ твоихъ невольниківъ всѣхъ зъ темницѣ выпускала,

„Въ землю христіанську хорошенько провожала!..

Иванецъ Богуславецъ те зачувае,

Словами промовляе:

— Алканъ-пашовая, панѣ молодая!

— Якъ не будешъ ты мене христіанскою вѣрою урѣкати,

— Буду я за жону тебе брати!—

²⁾ „Покидай-же ты, Иванце Богуславце,

„Вѣру свою христіанську пидъ ноги,

„А воспріймай нашу бусурманскую у руки,

„Да будемъ пити-гуляти,

„Мене за тебе пропивати!

— Да бодай-же, панѣ Кизлевская, вѣро бусурманская,

— Да не диядала того говорити,

— Щобъ я свою вѣру христіанскую пидъ ноги пидтоптавъ.

— А твою бусурманскую на руки воспринявъ!—

Якъ крикнула панѣ Кизлевская, вѣра бусурманская

вариантъ Драгоманова и Антоновича. Но вариантъ Котляревскаго ведетъ разсказъ далѣе. Послѣ того, какъ Иванецъ Богуславецъ согласился принять бусурманскую вѣру и сдѣлаться мужемъ турецкой госпожи, семь недѣль прошло. Алканъ-пашова не брала въ ротъ ничего опьяняющаго и не дѣлала упрековъ своему мужу, а всѣхъ его товарищей-невольниковъ отпустила въ христіанскую землю. Но на восьмой недѣлѣ, отвѣдая хмельного, стала она гулять съ молодыми турецкими господами, а мужа своего упрекнула:—Смотрите,—сказала она своимъ туркамъ,—какой у меня прекрасный мужъ. Только онъ побусурманился ради роскоши турецкой!—Тогда Иванецъ бѣжитъ къ Черному морю, садится въ ладью и догоняетъ своихъ козаковъ ¹⁾).

Затѣмъ описывается, какъ покинутая турецкая госпожа бросается къ берегу моря и проклинаетъ Иванца: <чтобъ Господь милосердный лишилъ тебя этого свѣта, какъ ты нѣтъ, молодой, извѣнчилъ!>

Образъ этой женщины перенесенъ въ думу о Самвилѣ Кншкѣ по варианту Луканевича, приложенъ къ дѣвкѣ Санджакивнѣ и неумѣстно, тогда какъ здѣсь, въ думѣ объ Иванцѣ Богуславцѣ онъ совершенно у мѣста.

Козаки, по требованію Иванца Богуславца, повернули вмѣстѣ съ нимъ на-

Да на бѣсовыхъ мурзакнѣ;

— Да возмѣть-же Иванца Богуславца

— Козака дѣстрового, отамана вѣскового,

— Да связѣть ёму руки сыроу сырцею,

— Да положѣть ёго передъ праведнымъ сонечкомъ.—

Якъ стало сонечко пригрѣвати,

Стала сырца ссыхати,

Ставъ Иванецъ Богуславецъ да на пробу кричати:

„Покладаю вѣру христіанську нидѣ ноги,

„А воспріймаю вашу бусурманську на руки!“

Тогдѣ крикнула панѣ Кизлевская, вѣра бусурманская

Да на бѣсовыхъ мурзакнѣ:

— Развязѣть Иванцю Богуславцю

— Козаку дѣстровому, отаману вѣсковому бѣлни руки,

— Да возмѣть ёго нидѣ пышнии боки,

— Да ведѣть ёго у теремъ высокій:

— Будемо пити-гуляти, мене за ёго пропивати!

¹⁾ То вже Алканъ-пашовал, панѣ молодал,

Сѣмъ недѣль хмелю не заживала,

Христіанською вѣрою не урѣвала,

Якъ стала на восьму недѣлю хмель заживати,

Стала съ молодыми турецкими панями гуляти,

Стала Иванцевѣ Богуславцевѣ

Христіанською вѣрою урѣвати:

„Дневѣться, панове, якій у мене мужъ прекрасный,

Да винъ у насъ побусурманнися для роскоши турецкой.

Иванецъ Богуславецъ те зачувае,

До Чорного моря швиденько прибѣгае,

У човенъ сѣдае,

Козакнѣвъ середъ Чорного моря догоняе,

До козакнѣвъ въ судно вступае.

задь въ Козловъ, напали неожиданно ночью на сонныхъ турокъ, изрубили ихъ, забрали много сокровищъ. Самъ Иванецъ Богуславецъ не понаидилъ своей освободительницы. Наконецъ, всё козаки уплыли въ Сѣчу и тамъ раздѣлили награбленныя въ Козловѣ богатства, а Ивану Богуславцу провнесли такую же похвалу, какая была провнесена Самийлу Книжкѣ за то, что онъ не потерялъ ни одного ковака изъ своего войска. Дума оканчивается молитвою, или воззваніемъ къ Богу объ избавленіи и о возвращеніи въ христіанскую землю невольниковъ ¹⁾.

Лицо, подъ названіемъ Ивана Богуславца, является въ псевдо-исторіи Конисскаго при описаніи похода Скалозуба. По извѣстію, сообщаемому этимъ сочиненіемъ, Скалозубъ, взятый въ плѣнъ турками, былъ отвезенъ въ Царьградъ и тамъ заморенъ голодомъ, а писарь его Богуславецъ, захваченный въ плѣнъ при городѣ Козловѣ, былъ вырученъ запорожцами, при содѣйствіи жены турецкаго паши Семиры, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславецомъ къ Украинѣ и стала его женою (Ист. Русовъ, стр. 32). Хотя Исторія Русовъ, неправильно приписываемая Конисскому, пренебрежена какъ и безцеремоинныхъ вымысловъ, но указываемое нами мѣсто можетъ служить доводомъ, что составители не всегда произвольно выдумывали сами, но иногда заимствовали свои извѣстія изъ народныхъ думъ, пѣсень и преданій. По крайней мѣрѣ, вѣроятно, нигъ была извѣстна дума объ Иванцѣ Богуславцѣ; трудно только рѣшить: сами ли они выдумали развязку, болѣе счастливую для турчанки и болѣе безукоризненную для Иванца Богуславца, или существовала редакція этой думы съ такою развязкою.

Максимовичъ, довѣряя вполне рассказамъ Конисскаго, отнесъ къ тому же Ивану Богуславцу пѣсню, гдѣ послѣ нѣкотораго лишняго вступленія, въ которомъ прославляется Днѣпръ, принимающій въ себя семьсотъ четыре рѣки, представляется козакомъ, управляющій ладьею на Черномъ морѣ. Онъ видитъ, что плыветь одинокое судно; въ немъ сидитъ турокъ съ турчанкою; турчанка вышиваетъ ручникъ. Кому-то онъ достанется: турку ли, татарину, или козаку по-

¹⁾ Якъ стала темная нічча наступати

Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,

Стали на Туркивъ сонныхъ набѣгати,

Стали ихъ рубати,

Городъ Козловъ огнемъ-мѣчемъ воевати,

Стали турецькіи лѣхи розбивати,

Срѣбро-золото, дорогую одѣжду забирати.

Ставъ Иванецъ Богуславецъ Алканъ-Пашову молодую рубати,

Ставъ отъ пристанѣ Козловськой посиѣшати,

И ще до свѣту до города Сѣчи прибувати,

Въ городѣ Сѣчѣ сокровища турецькіи роздѣляти.

Стали козаки словами промовляти:

— Иванецъ Богуславецъ, гетмане запорозькій!

— Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувавъ,

— Нѣ одного козака не втерять!

Визволь, Господи, невольники зъ неволѣ,

У край веселый между народъ хрещеный!

(Вариантъ Котляревскаго).

лодому? Онъ достанется молодому кошовому ¹⁾). Заключение Максимовича о томъ, что здѣсь разумѣется Иванъ Богуславецъ—произвольно. Смыслъ пѣсни теменъ. Неизвѣстно, что думаетъ козакъ, встрѣчая турецкое судно: ограбить ли его или овладѣть турчанкою и взять ее къ себѣ въ жены. И то, и другое можно подозревать, но ни то, ни другое не идетъ исключительно къ одному Иванцу Богуславцу. Болѣе вѣроятности имѣеть предположеніе Драгоманова и Антоновича: не относится ли эта пѣсня къ событію, бывшему въ 1602 году, когда казаки овладѣли на морѣ турецкимъ купеческимъ судномъ, шедшимъ изъ Кефы; событие это въ свое время произвело такое впечатлѣніе, что по этому поводу чуть не послѣдовало разрыва между Рѣчью Посполитою и Оттоманскою державою. (Ист. пѣсни малор. нар. I. 245).

Выше замѣчено, что нѣкоторыя части думы объ Иванѣ Богуславцѣ представляютъ сходство съ думою о Марусѣ Богуславкѣ. Въ думѣ этой, до сихъ поръ извѣстной намъ по одному варианту, напечатанному въ запискахъ о Южной Руси Кулиша, и по другому, записанному Метлинскимъ, но похожему на первый, изображается малороссійка-плѣнница, уже сжившаяся съ своимъ положеніемъ: она отреллась отъ христіанства и находится въ имлости у своего господина. Всѣ живыя связи ея съ отечествомъ порваны, но при случаѣ въ ней пробуждаются воспоминавія дѣтства: она вспомнила, что наступаетъ день Свѣтлаго Воскресенія—великое празднество на ея родинѣ, и въ этотъ день хочетъ освободить христіанскихъ невольниковъ, которые тридцать лѣтъ томились въ каменной тюрьмѣ, гдѣ-то на скалѣ, на Черномъ морѣ, не видя Божьяго праведнаго солнца. Маруса Богуславка приходитъ къ нимъ и спрашиваетъ: какой сегодня день? Почему намъ знать? говорятъ невольники. Сегодня великая суббота, завтра Свѣтлое Воскресенье, говоритъ имъ Маруса. Воспомяніе о великомъ дѣѣ христіанскаго міра раздражило невольниковъ. Они проклинають отступницу, которая извѣстала ихъ объ этомъ, какъ будто для растравленія ихъ горя. Маруса Богуславка обѣщаетъ ихъ освободить, когда панъ ея поѣдетъ въ мечеть ²⁾).

¹⁾ Гей зъ устьѣ Днѣпра да до вершини

Сѣмъ сотъ рѣчокъ и чотырѣ,
То усѣ вони у Днѣпръ впаи,
У Днѣпръ правний (?) несказанный.

Да повѣйте, вѣтры низовини,
Да на паруси безоднии (?)

Ой сидитъ козакъ да на деменѣ,
И вниъ деменомъ повертае,
И на Чорнее море поглядае.

Ой плыве судно однимъ одно:
У ёму турчинъ сидитъ, съ туркенею,
А туркени сидитъ, вона не гулае,
Шовковенькій рушникъ вышивае.

Ой кому сей рушникъ буде?

Чи турчину, чи татарину,
Чи козаковъ молодому?

Ой се буде кошовому молодому!

²⁾ Що на Чорному морѣ, на каменѣ бѣленькому

Тамъ стояла темница камѣнная.

На другой день, въ праздникъ Пасхи, Маруся исполняетъ свое обѣщаніе—

Що у тѣй темницѣ пробувало сѣмь-сотъ козакивъ,
Бѣднихъ невольникивъ.

То вони тридцять лѣтъ у неволѣ пробувають,
Божого свѣту, сонця праведного у вичи не видають.

То до нихъ дѣвка бранка,
Маруся попивна Богуславка,

Приходяе,
Словами промовляе:

— Гей козаки,

— Бѣднѣ невольники!

— Угадайте, що въ нашѣй землѣ христіанськѣй за день тепера?

Що тогдѣ бѣднѣ невольники зачували,

Дѣвку бранку

Марусю попивну Богуславку

По рѣчахъ визнавали,

Словами промовляли:

„Гей дѣвка бранко,

„Маруся, попивна Богуславко!

„Почимъ ми можемъ знати, що въ нашѣй землѣ христіанськѣй за день
тепера?..

Що тридцять лѣтъ у неволѣ пробуваємъ,

Божого свѣту сонця праведного въ вичи не видаємъ?

То ми не можемъ знати, що въ нашѣй землѣ христіанськѣй за день тепера?

Тогдѣ дѣвка бранка,

Маруся попивна Богуславка,

Тее зачувае,

До козакивъ словами промовляе:

— Ой козаки, ви бѣднѣ невольники!

— Що сѣгоднѣ у нашѣй землѣ христіанськѣй великодна суббота,

— А завтра святнѣй праздникъ роковнѣй день Великденѣ!

То тогдѣ тѣ козаки тее зачували,

Бѣлимъ лицемъ до сирои землѣ припадали,

Дѣвку бранку,

Марусю попивну Богуславку,

Кляли проклинали:

„Да богдай ти, дѣвка бранко.

„Маруся попивна Богуславка,

„Счастья й долѣ не мала,

„Якъ ты намъ святнѣй праздникъ роковнѣй день Великденѣ сказала!“

То тогдѣ дѣвка бранка,

Маруся попивна Богуславка,

Тее зачувала,

Словами промовляла:

— Ой козаки, ви бѣднѣ невольники!

— Да не лайте мене, не проклинайте!

— То якъ буде нашъ панъ турецькѣй до мечети видѣзжати,

— То буде менѣ дѣвцѣ бранцѣ,

— Марусѣ попивнѣ Богуславцѣ,

— На руки ключи видавати;

— То буду я до темницѣ прихожати,

выпускает невольниковъ и говоритъ имъ: «Бѣгите въ города христіанскіе, только прошу я васъ, не пропустите города Богуслава; скажите тамъ моимъ родителямъ: пусть не сбываютъ ни гуртовъ, ни великихъ имѣній, пусть не собираютъ капиталовъ, пусть не выкупаютъ меня изъ неволи: я уже отурчилась, обусурманилась для турецкой роскоши, для несчастнаго лакомства ¹⁾».

Невозможно рѣшить: послужило ли какое-нибудь событіе къ составленію этой художественной думы; несомнѣнно, однако, что въ ней много исторически-бытовой правды. Плѣнниковъ и плѣнницъ было всегда множество у мусульманъ, и по временамъ большая часть ихъ была русскаго происхожденія. При многихъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ о звѣрскомъ обращеніи мусульманъ съ христіанскими невольниками, въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ есть не мало показаній возвратившихся изъ турецкой и татарской неволи русскихъ полоненниковъ, которые приносили извѣстія о примѣрахъ человѣчнаго и добраго отношенія мусульманскихъ господъ къ невольникамъ. Иной русскій полоненикъ, прослуживши гдѣ-нибудь въ Сиріи или Аравіи лѣтъ десять или пятнадцать у господина, получалъ свободу и даже деньги для возвращенія въ отечество. Такъ поступали даже съ

— Темницу видмыжати,
— Васъ всѣхъ, бѣднихъ невольниковъ на волю выпускати!—

- ¹⁾ То на святыи праздникъ, роковой день Великдень,
Ставъ павъ турецкій до мечети видѣжжати,
Ставъ дѣвцѣ бранцѣ
Марусъ попивѣ Богуславцѣ,
На руки ключи выдавати.
Тогдѣ дѣвка бранка,
Маруся попивна Богуславка,
Добре дбае:
До темницѣ прихождае,
Темницу видмыкае,
Всѣхъ козакивъ,
Бѣднихъ невольникивъ,
На волю выпускае,
И словами промовлае:
— Ой козаки,
— Вы бѣднѣ невольники!
— Кажу я вамъ: добре дбайте,
— Въ города христіанскіи утѣкайте;
— Тильки прошу я васъ: одного города Богуслава не минайте,
— Моему батьку и матерѣ знати давайте!—
— Нехай мий батько добре дбае,
— Гуртнѣ, великихъ маєтковъ нехай не збувае,
— Великихъ скарбивъ не збѣрае,
— Да нехай мене дѣвки бранки,
— Марусъ попивны Богуславки,
— Зъ неволѣ не выкупае.
— Бо вже я потурчилась,
— Побусурманилась
— Для роскоши турецкой,
— Для лакомства несчастного!

такими, которые оставались христианами; ренегатамъ же почти вездѣ жилось недурно у мусульманъ. Пльнницу могла ожидать судьба лучшая, чѣмъ пльнница: пльнница могла понравиться господину и стать его женою. Въ исторіи мусульманскаго міра указываются женщины малороссійскаго происхожденія, игравшія важную роль. Въ XVI вѣкѣ жена турецкаго султана Сулеймана I-го, Роксана или Роксолана, малороссійка, поповна изъ Рогатина, имѣла огромное вліяніе на султана и на всю его политику. Въ XVII вѣкѣ любимая жена Османа II-го была малороссійка и притомъ незнатной породы. Въ XVIII вѣкѣ султанша, мать Османа III-го, отличавшаяся мусульманскою набожностью, была также русская по происхожденію (Драгоманова и Антоновича «Народныя Историческія пѣсни» I, стр. 237). Кто знаетъ: можетъ быть, и образъ Маруси Богуславки созданъ подъ впечатлѣніемъ слуховъ объ этихъ женщинахъ, достигшихъ величія, а слухи эти могли доходить до запорожцевъ, часто дѣлавшихъ набѣги на турецкія области. Въ особенности подъ Марусею Богуславною могла укрыться знаменитая Роксолана, которая такъ же, какъ и Маруся нашей думы, была поповна, мѣсто же ея родины—Рогатинъ легко могъ, при долговременномъ обращеніи думы въ устахъ народа, превратиться въ Богуславъ. Въ думѣ не досказывается, но съ вѣроятностью можно подразумѣвать, что Маруся Богуславка поступаетъ въ увѣренности, что господинъ не сдѣлаетъ ей ничего дурного, или же освобождаетъ своихъ земляковъ съ предварительнаго согласія самого господина. До какой степени ренегатка могла принимать близко къ сердцу горе своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, показываетъ примѣръ судьбы крымскаго хана Ислама-Гирея, котораго, говорятъ, отравила его любимая жена, родомъ малороссійка, отомщая ему за то, что, бывши нѣсколько лѣтъ сряду помощникомъ козаковъ въ ихъ борьбѣ съ поляками, ханъ вдругъ повернулъ на сторону поляковъ-враговъ и дозволялъ своимъ ордамъ разорять южнорусскія поселенія.

Мы не въ силахъ объяснить причину замѣчательнаго факта, но укажемъ на его существованіе. Имя Богуславца въ народной повѣи козацкой прильнуло какъ-то къ образу козацкаго героя, сошедшагося съ невѣрными и служащаго имъ; кажется, по этому соотношенію и поповна Маруся, ренегатка, стала «Богуславною». Есть еще дума о соколѣ; дума аллегорическаго содержанія, гдѣ козаки являются подъ видомъ соколовъ. Старый соколъ летитъ въ чужину доставать себѣ живности и теряетъ своего сына, котораго стрѣльцы, свативъ, завезли въ Царьградъ и отдали Ивану Богуславцу, проживающему въ Царьградѣ въ бусурманской вѣрѣ. Иванъ Богуславецъ опутываетъ молодому соколу ноги, закрываетъ ему глаза и употребляетъ его на потѣшную охоту. Между тѣмъ, старый соколъ возвращается въ свою сторону и тутъ встрѣчаетъ сивокрылаго орла, который сообщаетъ ему, что его дитя проживаетъ въ Царьградѣ у Ивана Богуславца въ бусурманской вѣрѣ, на турецкой каторгѣ. Орелъ совѣтуетъ старому соколу полетѣть въ Царьградъ и сказать своему дитяти правду: чтобъ оно не прельщалось ни серебряными путами, ни жемчугомъ, которымъ у него закрыты глаза, ни хорошею жизнью въ Царьградѣ, гдѣ есть чѣмъ пить и ѣсть; пусть поступитъ оно по-козацки; какъ будетъ господинъ носить его на рукахъ, пусть соколенокъ начнетъ какъ бы въ изнуреніи склонять голову: Иванъ Богуславецъ умилосердится, прикажетъ своимъ слугамъ снять съ ногъ соколенка путы, съ глазъ жемчугъ, велитъ выпустить его за Царьградъ на высокой валъ, чтобъ тамъ его обвѣяло вѣтромъ. Затѣмъ Иванъ Богуславецъ приказалъ сво-

имъ слугамъ вынести соколенка за Царьградъ и оставтъ его на высокомъ валу. Старый соколъ подхватилъ свое дитя на крылья и унесъ. Дума оканчивается тѣмъ, что старый соколъ пролетаетъ надъ Царегородомъ и проклинаетъ его за то, что хотя въ немъ много серебра и золота, вдоволь яствъ и питья, но нѣтъ тамъ человѣку отрады ¹⁾).

До сихъ поръ въ ряду народныхъ произведеній, касающихся морскихъ походовъ козацкихъ, мы приводили только думы. Къ такимъ произведеніямъ, которыя слѣдуетъ означать собственно названіемъ пѣсенъ, принадлежитъ пѣсня о взятіи Варны, напечатанная въ Сборникѣ галицко-русскихъ пѣсенъ Жеготы Паули. Она не записана изъ устъ народа, а выписана изъ стараго рукописнаго собранія XVII вѣка, хранившагося въ Старосамборскомъ замкѣ и писаннаго какими-то Юріємъ Ковалемъ Грушатицкимъ вмѣстѣ съ другими малорусскими памятниками. Пѣсня эта разбивается на двѣ части, почти не имѣющія между собою связи: это, должно быть, два пѣсенныхъ отрывка, попавшіе случайно въ одну пѣсню, можетъ быть, по сходству мотивовъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ первой части какая-то царица проклинаетъ Черное море за то, что оно взяло къ себѣ ея единственнаго сына. Развѣ бы я—говоритъ потомъ эта царица—не заплатила войску золотыми червонцами и бѣлыми талерами, развѣ бы не одѣла его красною китайкою за козацкую услугу ²⁾).

Затѣмъ уже начинается собственно пѣсня о взятіи Варны. Козаки въ раздумьи, съ какого конца брать имъ Варну: съ моря ли или съ поля, или съ небольшой рѣчки. Они поймали турка, стараго знахаря, который сказалъ имъ, что надобно приступить къ Варнѣ не съ моря, не съ поля, а съ небольшой рѣчки.

¹⁾ Старый соколъ ясный черезъ Царьградъ городъ перелѣтае,
Внѣ жалобно келить проклятие,
Царьградъ городъ кляне, проклинае:
Хоть ты, Царьградъ городе, на все не жадеи
На серебро, на злато,
У тобѣ хороше жити, ё въ чимъ людямъ ходити,
Ё що ѣсти й пити,
Тилько чоловѣковѣ нема отрадошти...

(Эта дума напечатана въ „Бесѣдѣ“ 1872 г. № 11, стр. 14—16, по поводу народной пѣсенной символики птицъ, а потому считанъ излишнимъ снова повторять ее здѣсь).

²⁾ Кляла царица, вельможна панѣ,
Чорнее море проклиннала:
Богдай же море не процвѣтало,
Вѣчными часи висыхало,
Да що мого сына одиначка,
Единачка у себе взяло!
Ци бы я вѣйску не заплатила
Червоними золотыми
Да бѣленькими талерами?
Ци бы я вѣйско не приодѣла
Червоною китайкою,
За услужейку козацкую?

И такъ поступили козаки: поплыли челнами по рѣчкѣ, ударили изъ ружей и пушекъ: турки покинули Варну, убѣжали и проклинали рѣку, надѣлавшую имъ бѣды. Пѣсня оканчивается словами: была Варна издавна славною, но славное ея козаки, которые взяли Варну и забрали въ ней турокъ ¹⁾.

Событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, Жегота Паули отнесъ къ 1605 году.

То же принимаютъ и издатели историческихъ пѣсней малорусскаго народа гг. Драгомановъ и Антоновичъ (т. I, стр. 248), ссылаясь на Исторію Малой Россіи Бавтыша-Каменскаго (т. I, стр. 182).

Въ «Исторіи о козакахъ Запорожскихъ», составленной въ 1739—1740 годахъ, по изысканіямъ Бодянскаго, инженеръ-подпоручикомъ княземъ Мышецкимъ и напечатанной въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ 1847 году, объ этомъ событіи сказано, что неизвестно, за давностью времени, въ какомъ году оно происходило, а въ «Краткомъ описаніи о козацкомъ малороссійскомъ народѣ Симоновскаго», напечатанномъ въ тѣхъ Чтеніяхъ того же 1847 года, время взятія Варны, какъ и Трапезунта, указано около 1620 года, и по поводу этихъ козацкихъ подвиговъ возгорѣлась война между Портою и

¹⁾ А въ недѣленьку поранейку
Зобрали ся громадойки
До козацькой порадойки,
Стали рады додавати;
Отколь Варны мѣста достати:
Ой чи съ моря, чили съ поля,
Чили съ той рѣчки невелички?
Послали посла ажъ подъ Варну,
Поймавъ же посевъ турчаннина,
Старейкого ворожбита,
Стали ёго выштовати:
Отколь Варны мѣста достати,
Ой ци съ поля, цили съ моря,
Цили съ той рѣчки невелички?
А нѣ съ поля, а нѣ съ моря,
Ино съ той рѣчки невелички.
А въ недѣлейку поранейку
Бѣгнуть, плынуть човенцями,
Поблискують весесяями.
Вдарили разомъ зъ самопаловъ
Въ седми пядесять залаловъ,
Якъ подсокю зъ гарматы,
Стали козаки до ней ся добувати,
Стали турки утѣвати,
Тую рѣчку проклинати:
Богдай рѣчка не процвѣтала
Вѣчными часы высыхала,
Що насъ туркивъ у себе взяла!
Була Варна здавну славна,
Славнѣйшіи козаки,
Що той Варны мѣста достали
И въ ней туркивъ достали.

(Żeg. Pauli. Pieśni ludu Ruskiego. I. 134—136).

Польневу (стр. 11). Также и польскій историкъ Шайноха къ этому послѣднему времени относитъ это событіе. (Dwa lata Dziejow naszuch, т. I, 85).

Б. Сухопутныя козацкія походы противъ мусульманъ.

Байда.—Козакъ Голота.—Атаманъ Матяшъ.—Иванъ Коновченко.—Козакъ Михайло.—Козакъ Василь.—Козакъ и конь.—Атаманъ Федоръ Безродный.—Самарскіе братья.—Азовскіе братья.—Морозенко.—Дѣти Сѣрка.—Долина Кодяна.—Супрунь.—Чупрунь.—Головатый.—Послѣдняя борьба Сѣчи съ мусульманами.

Самую старинную пѣсню въ этой области можно признать пѣсню о козацѣ Байдѣ, подъ именемъ котораго справедливо усматриваютъ князя Дмитрія Вишневецкаго. О немъ составилось преданіе, записанное у польскихъ историковъ, будто онъ, взятый въ плѣнъ турками и привезенный въ Царьградъ, за то, что отказался принять мусульманство, какъ ему тогда предложили, по приказанію турецкаго султана Селима II, былъ сброшенъ съ высокой башни, зацѣпився за крюкъ ребромъ и въ такомъ положеніи провисѣлъ два дня, прославляя Христа и проклиная Мугамеда. Другіе прибавляютъ, что онъ просилъ лугъ со стрѣлами и убилъ нѣсколькихъ турокъ, пустивши стрѣлы, одну вслѣдъ за другою, въ собравшуюся глазѣть на него народную толпу. Султанъ Селимъ, услышавши объ этомъ, самъ пріѣхалъ посмотреть на него. Вишневецкій пустилъ въ него оставшуюся еще стрѣлу, но промахнулся отъ изнеможенія, и тогда султанъ приказалъ разстрѣлять его стрѣлами. (M. Bielski kron. str. 614. Starowolski Bellatores Sarmatorum. stron. 188. Stanisl. Temberski Chronologia synoptica palmitis Coributei). Это преданіе, зашедшее въ польско-латинскія книги, было народнымъ, и оно-то послужило основой для настоящей пѣсни.

Турецкій царь подговариваетъ козака Байду, чтобъ онъ взялъ за себя его дочь, а козакъ Байда отвѣчаетъ, что его, султана, вѣра проклятая, а дочь поганая (по иному варианту дочь хорошая, да вѣра проклятая) ¹⁾. Турецкій царь приказалъ схватить козака Байду и повѣсить ребромъ на крюкъ ²⁾.

¹⁾ Въ Царьградѣ да на рыночку

(повѣть еще вмѣсто „въ Царградѣ“ „въ Берестечку“ и „въ Киевѣ“).

Да пьеть Байда да горѣлочку,

Да пьеть Байда да кивається,

На свого цюру (или на свого хлонця) поглядаеться:

Ой цюро жь мій молодесенькій,

Да чи будешь менѣ вѣрнесеенькій?

Да турецкій царь заѣжае,

Либонь Байду подмовляє:

Возьми въ мене доньку царѣвнючку,

Да будешь мати за живнючку.

(Или: „будешь паномъ на всю Украинючку“).

Твоя, царю, вѣра проклятая,

Твоя, царю, дочка поганая!

(Или: твоя, царю, дочка хорошая,

твоя, царю, вѣра поганая!).

²⁾ Ой, крикнувъ царь на гайдуки,

„Возмѣть Байду добре въ руки,

Байда висить и говорит своему цюрь (правильнѣе джурѣ—оруженосцу):
подай мнѣ лукъ и стрѣлы; убью я три голубки на ужинѣ для царя и для его
дочери. Какъ выстрѣлилъ Байда, такъ и попалъ въ царя, а царицѣ попалъ въ
затылокъ, дочери же его, царевнѣ, въ головку. Вотъ тебѣ царь—произнесъ тогда
Байда:—за кару надъ Байдою. Было-бъ тебѣ знать—какъ его карать: снять бы
съ него голову, на ворономъ конѣ его самому бы ѣздить, а его слугу приго-
лубить къ себѣ ¹⁾).

Замѣчательно, что эта пѣсня о событіи XVI вѣка, раннихъ временъ коза-
чества одна только уцѣлѣла и дошла до насъ, по крайней мѣрѣ, если не счи-
тать такихъ, которыхъ подлинность народнаго происхожденія можетъ быть оспа-
риваема. Много, вѣроятно, содѣйствовала тому затѣйливость разсказа, но, должно
быть, память о Вишневецкомъ (оставшемся подъ кличкою Байды) надолго вѣзва-
лась въ народное сердце. Это былъ одинъ изъ раннихъ предводителей козак-
никъ, положившій починъ поступательному движенію козачества на югъ и, такъ
сказать, указавшій на грядущіе вѣна козакамъ дорогу въ турецкія области.
Несмотря на его знатное происхожденіе, въ этомъ человѣкѣ было то, что всегда
могло нравиться козакамъ: онъ не слишкомъ слушался верховной власти и не
слишкомъ дорожилъ ея милостью къ себѣ, самовольно ходилъ воевать, само-
волью поступалъ на службу московскому государю и самовольно оставилъ ее.
Войско козацкое, состоявшее подъ его начальствомъ, не было княжескою или

Возмѣть Байду, извѣжѣте,
На гакъ ребромъ зачепѣте“.

1) Ой висить Байда да не день не два,

Да не одну ничку да годиночку,

Ой висить Байда да и гадае,

Да на свого хлопця (или цюру) поглядае:

Ой ты хлопче (или цюро) молодесенькій,

Подай менѣ лучокъ да тугесенькій,

Подай мене лучокъ и три стрѣлочки,

(или: подай менѣ лучокъ и стрѣлочокъ пучокъ)

„Ой бачу я три голубочки,

Хочу я убить для ёго дочки,

Нехай же я убью царю,

Да на славную вечерю.

Где я вмѣрю, тамъ я вцѣлю,

Где я вѣвижу, тамъ я врѣжу!

Якъ стрѣлишь—царя уцѣлишь,

А царицю у потылицю,

А ёго дочку въ головочку.

„Отъ тобѣ, царю, за Байдину кару!

Було тобѣ знати, якъ Байду карати:

Було Байдѣ голову изтяти,

Его тѣло поховати,

Воронимъ конемъ ѣздити,

Хлопця (или: цюру) собѣ зголубити.

(Žegot. Pauli. I. 182).

Максимов. Укр. пѣсни 107.

Драгом. и Антон. I. (145—153).

панскою дружиною, а скорѣе было оно вольною шайкою, добровольно признававшимъ князя Вишневецкаго своимъ излюбленнымъ предводителемъ. Онъ не долюбивалъ ни пановъ литовскихъ, ни Великаго Княжества Литовскаго, а тѣмъ паче польскихъ пановъ и Польши. Уклоняясь отъ польскаго и отъ литовскаго, онъ сталъ самъ по себѣ въ своей Украинѣ, и если признавалъ надъ собою первенство короля польскаго и великаго князя литовскаго, то только уступая необходимости. Что-то его какъ будто тянуло прочь изъ государственныхъ предѣловъ, и слѣдствіемъ такой тяги былъ его походъ въ Молдавію, гдѣ онъ попался въ плѣнъ туркамъ для того, чтобъ быть отправленнымъ въ Царьградъ на мучительную расправу. Димитрій Вишневецкій былъ болѣе козакъ, нежели панъ, и ужъ никакъ не походилъ онъ на такого пана, какого типъ сталъ козакамъ ненавистенъ въ образѣ пана-ляха. По этимъ-то признакамъ личность Вишневецкаго-Вайды оставалась долго въ свѣтломъ воспоминаніи у козачества, а его трагическая кончина сдѣлалась предметомъ пѣснопѣнія, удержавшагося даже и тогда, когда память о Вишневецкомъ совершенно испарилась.

Въ малорусской народной поэзіи есть цѣлая группа думъ и пѣсенъ, изображающихъ степныя битвы и схватки козаковъ съ татарами и гибель козаковъ въ степи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣснопѣній—съ собственными именами козацкихъ богатырей, другія же безъ собственныхъ именъ, съ однимъ нарицательнымъ—козакъ; но вообще и тамъ, гдѣ есть собственное имя, трудно бываетъ содержимое въ пѣснѣ приурочить къ тому или другому событію и ко времени. Пѣсни эти вообще для исторіи гораздо важнѣе, по изображенію бытовыхъ чертъ прошедшей жизни и по выраженію народныхъ взглядовъ, чѣмъ по отношенію къ фактической правдѣ.

Со второй половины XVI вѣка и весь XVII вѣкъ между козаками и татарами въ степяхъ происходило непрестанное состязаніе: кто кого одолѣетъ, кто съ кого возьметъ добычу. Татарамъ главная и желательная добыча была человекъ—ассиръ. У нихъ развился своего рода промыселъ: ловить русскихъ людей, забирать ихъ въ полонъ и продавать. Опустошительныя набѣги на украинскіе городки и села (о чемъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ) вызывали и со стороны козаковъ походы противъ татаръ въ степи; кромѣ того, козакъ ѣздилъ на югъ въ степи ради звѣриной и рыбной ловли и соляной добычи; но ѣздить туда нельзя было иначе, какъ совершая въ то же время военный походъ, потому что всегда можно было встрѣтить татаръ, ищущихъ своего рода промысловъ. Такимъ образомъ, часто завязывалась борьба между козакомъ и татаринимъ на широкой степи. Татаринъ не старался убить противника, напротивъ, домогался схватить его живого и здороваго, зацѣпить на чамбулъ и потовъ везти на продажу. Козакъ же всегда думалъ убить встрѣчнаго татарина: брать его въ полонъ было ему не для чего, и плѣнникъ былъ бы для него лишнею тягостью. Если татаринъ, не въ силахъ будучи обороняться, сдавался козаку, то козакъ часто безъ жалости убивалъ его; не дѣлалъ онъ этого только въ такомъ случаѣ, когда попадался ему татаринъ завѣдомо ему знатный и за него можно было взять выкупъ или промѣнять на плѣвеннаго козака; падалъ козакъ татарина еще и тогда, когда тотъ могъ служить языкомъ во время войны съ крымцами; но и въ послѣднемъ случаѣ козаки изъ многихъ попавшихся имъ въ полонъ татаръ оставляли для языковъ только немногое число, а остальныхъ побивали. И вотъ въ одной думѣ татаринъ представленъ глуповатымъ. Онъ заранѣе хва-

лится поймать козакъ и продать его. Встрѣчая въ степи козакъ, татаринъ сразу бросается на него и кричитъ: Я тебя схвачу, продамъ и возьму за тебя серебряныя деньги.— Не богатъ ты умомъ! отвѣчаетъ козакъ. Не бывалъ ты межъ нами, козаками, не ѣдалъ нашей козацкой каши, не знаешь козацкихъ шутокъ! У меня карманъ набитъ пулями. Я дамъ тебѣ гостинецъ. Выстрѣлитъ козакъ, убьетъ татарина, возьметъ себѣ его двухъ коней: одного поведетъ къ шинкаркѣ пропивать, а на другомъ, котораго при себѣ велъ татаринъ для будущаго пльнника, станетъ самъ гулять по Кіеву и будетъ вспоминать единого Бога ¹⁾).

Въ прекрасной думѣ, записанной г. Кулишомъ отъ кобзаря Архипа Никоненка и напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси (томъ I, стр. 14), козакъ, такимъ образомъ побѣждающій татарина, промышленяющаго ловлею людей, называется козакъ Голота, то-есть голыдыба-козакъ. Это одинъ изъ рѣзкихъ типовъ онаго времени. При бурныхъ потрясеніяхъ, какія испытывала Южная Русь, многие впадали въ крайнюю нищету, въ особенности при господствовавшемъ между козаками порокѣ пьянства, какъ говорится въ одной пѣснѣ, что козакъ коли не

- ¹⁾ Ой гдесъ за Климиомъ городомъ козаченько гуляе,
 А зъ Клима города татаринъ вибажае.
 Загадавъ татаринъ татарцѣ пару коней сѣдлати,
 Да того козаченька догоняти.
 Якъ выбѣгъ татаринъ старій, бородатій,
 На розумъ небогатій,
 Выбѣгъ того козаченька догоняти,
 — Ты, козаченьку молоденькій,
 — Пидъ тобою кинь вороневскій!
 — Коли бъ я тебе пиймавъ,
 — Я бъ тебе у Климиъ городъ запродавъ,
 — И срѣбнѣ бъ за тебе гроши побравъ.—
 А козаченько оглядається,
 И карбачемъ отбивається.
 „Ой ты, татаринъ, старій, бородатій,
 „Да на розумъ небогатій!
 „Ты межъ нами козаками не бувавъ,
 „И козацкой каши не ѣдавъ,
 „И козацкихъ жартивъ не знаешъ!
 „Гдесъ у мене бувъ съ кулями гаманъ,
 „Я жъ тебѣ гостинца дамъ!“
 Якъ ставъ ему гостинця посылати,
 Ставъ татаринъ съ кони похилати.
 „Ой ты, татаринъ старій, бородатій,
 „На розумъ небогатій!
 „Еще ты мене не пиймавъ,
 „Да вже въ Климиъ городъ запродавъ!
 „Отъ теперъ твого одного коня вороного
 „Поведу до шинкарки пропивати,
 „А другимъ твоимъ конемъ воронимъ
 „Буду по Кіеву городу гуляти.
 „Ой гуляти, гуляти, гуляти,
 „Да единого Бога вспоминати!

бѣтъ враговъ, такъ пѣтъ и допивается до того, что и сорочки не нѣтъ ¹⁾. При иныхъ условіяхъ общественнаго строя обнищавшіе должны были бы отпра- вляться для поправленія своего положенія въ большіе города, въ мѣста скопле- нія людей, и тамъ добывать себѣ хлѣбъ заработками. Такъ теперь обыкновенно дѣлается. Но въ давнія времена въ Украинѣ обнищавшій молодецъ уходилъ въ степь на югъ, и если не приставалъ къ запорожской морской экспедиціи, то, доставши коня и оружіе, искалъ себѣ счастья на степи. Тамъ, при случаѣ и при счастья, могъ онъ сдѣлать, какъ говорится въ наше время, для себя ка- кую-нибудь аферу, хотя часто невѣрную и всегда не безопасную; но въ тѣ вре- мена опасностей нигдѣ нельзя было избѣжать, и опасностей не боялись. Дума съ обычнымъ народнымъ юморомъ изображаетъ нищенскую наружность козака-Голоты и его одежду, которую для смѣха называетъ дорогою. На немъ три сер- мяги: одна плохая, другая негодная, а третья стоящая того, чтобъ ее бросить въ хлѣвъ. На козакѣ лапти изъ вязаовой коры, а онучи, названныя въ насмѣшку кытайчатами—изъ настоящей бабьей дерюги, оборы къ нимъ шелковые, изъ на- стоящей бабьей сурови. На головѣ у него шапка баранья, сверху въ ней дыра, спята она травомъ, подбита вѣтромъ; какъ вѣтеръ подуеъ, такъ ее и продуеъ: молодого козака прохлаждаетъ ²⁾. Но при такомъ нарядѣ у козака одно боль- шое достоинство: онъ не боится ни огня, ни меча, ни болота ³⁾.

Таковъ украинскій аферистъ давнихъ лѣтъ. Противъ него выступаетъ афе- ристъ татаринъ. На послѣднемъ нарядѣ совсѣмъ иной: татаринъ, отправляясь на людоловлю, надѣваетъ на себя дорогое платье. обувается въ сапоги, на головѣ у него бархатная шапка; онъ садится на коня и смѣло гонится за козакомъ ⁴⁾. Еще сидя въ домѣ своемъ, онъ завидѣлъ развѣзжающаго козака и говоритъ своей татаркѣ, что поѣдетъ ловить его съ тѣмъ, чтобы продать. Какъ только въ степи онъ догналъ козака, тотчасъ кричить, что хочетъ поймать и продать

¹⁾ Козакъ душа правдивая сорочки не має.

²⁾ Правда: на козаковѣ шаты дорогіи,
Три семерязѣ лихія,
Одна недобра, друга негожа,
А третья и на хлѣвъ не згожа.
А ще правда: на козаковѣ постолы вязовѣ,
А унучи кытайчатѣ,
Щирѣ жиночи ряднянѣ,
Волоки шовковѣ
Удвоє жинопцьки щирѣ валовѣ.
Правда: на козаковѣ шапка бирка,
Зверху дирка,
Травомъ шита,
Вѣтромъ підбита;
Куди вѣе, туди провѣває,
Козака молодого прохоложає.

³⁾ Не боється вѣ огня, вѣ меча, вѣ третѣго болота.

⁴⁾Дороге платьята надѣває,
Чоботи обуває,
Шлыкъ бархатний на свою голову надѣває,
На коня сѣдає,
Безпечне за козакомъ-Голотою ганяє.

его въ городъ Килию, и тутъ же прибавляетъ, что уже похвалился передъ великими господами пашами взять за свою добычу много червонцевъ и дорогихъ суконъ ¹⁾. Не промахъ козакъ-Голота, знаетъ козакіе обычаи: посмотрилъ онъ на татарина съскоса, какъ волкъ, и говоритъ ему тѣ же слова, которыя привели мы въ предыдущей думѣ, потомъ стрѣляетъ въ татарина и убиваетъ не повалъ, но не довѣряя себѣ—точно ли онъ убилъ врага, подъѣзжаетъ къ нему лежащему, бьетъ чеканомъ по затылку и тогда только удостовѣряется, что у татарина нѣтъ болѣе дыханія ²⁾. Тогда начинается переодѣванье. Козакъ-Голота снимаетъ съ убитаго татарина сапоги, платье, бархатный шлыкъ, все это надѣваетъ онъ на себя, беретъ за поводья коня и отправляется на ночь въ Сѣчу, притомъ всѣхъ подобныхъ ему молодцовъ. Тамъ онъ пьетъ, гуляетъ и благословляетъ поле, на которомъ ему удалось достать кое-какую добычу ³⁾. Козакъ-Голота—не эгоистъ; онъ добрый товарищъ: онъ кончаетъ выраженіе своего восторга желаніемъ, чтобъ и всѣ козаки пили и гуляли, да получали отъ непріятелей добычу, еще лучшую, чѣмъ онъ, чтобъ топтали подъ ногами враговъ своихъ ⁴⁾. Дума оканчивается восславленіемъ подвиговъ, которымъ приписывалось нравственное достоинство ⁵⁾.

1) Я тебе хочу живцемъ въ руки взять,
Въ городъ Килию запродати,
Передъ великими панами пашами выхвалати,
Много червонныхъ не лѣвачи набрати,
Дорогін суква не мѣрячи посчитати.

2) Безъ мѣры пороху насыпае
Татарину гостинця въ груди посылае,
Ой ще козакъ не примѣрився,
А татаринъ и къ лихий матери съ коня покотився!
Винь ему вѣры не диймае,
До ёго прибувае.
Келепомъ межн плечи гримае,
Колнж оглядиться—ажъ у ёго и духу не мае

3) Винь тогдѣ добре дбавъ,
Чоботы татарськїи истягавъ,
На свои козацькїи ноги обувавъ,
Одежу истягавъ,
На свои козацькїи плечи надѣвавъ,
Бархатный шлыкъ надиймае.
На свою козацьку голову надѣвае,
Коня татарського за поводн бравъ,
У городъ Сѣчу припавъ,
Тамъ собѣ пье-гулие,
Поле Килимське хвалить выхвалае:
„Ой поле Килимське.
„Богдай же ты лѣто и зиму зеленѣло,
„Якъ ты мене при несчастливѣй годнѣ сподобило!“

4) Дай же, Боже, щобы всѣ козаки пили да гуляли,
Хороши мысли мали,
Отъ мене ще бильшу добычу брали,
И непріятеля пидъ носѣ топтали!

5) Слава не умре, не поляже!

Въ драгоценномъ рубричномъ сборникѣ Котляревскаго есть одна дума, гдѣ представляетъ счастливый подвигъ надъ мусульманами атамана Матьяша съ своею козацкою жайкою. Дѣйствіе происходитъ на устьѣ «Самарки Богу» (быть можетъ, Савранки, владающей въ Бугѣ), на урочищѣ Семеновъ Козацкій Рогъ ¹⁾. Дѣвѣнадцать козаковъ бравославцевъ (вѣроятно Браславцевъ) небывальцевъ (помилкою въ воинскомъ дѣлѣ) ²⁾, расположились на отдыхъ, разложили «терновый» огонь, разсѣдлали коней и распустили пастись по полю, а свои семнадцатидесяти пидлаи сложили въ уголку ³⁾. Они—небывальцы, оттого и неосторожны. Но атаманъ ихъ Матьяшъ—человѣкъ старый и бывалый; онъ совѣтуетъ имъ не поступать такъ, напоминаетъ, что мѣсто, на которомъ они находятся—долина Кайнарская, а отъ нея недалеко и земля татарская. Молодежь подсмѣивается надъ старымъ воиномъ въ такихъ выраженіяхъ, каковыя въ предшествовавшей думѣ козакъ-Голота угощаетъ татарина ⁴⁾. Матьяшъ не отвѣчалъ имъ, отошелъ отъ нихъ, разложилъ себѣ отдѣльно отъ другихъ, терновый огонь и держалъ при себѣ осѣдланнаго коня. Чуть наступила ночь, какъ налетѣли съ горы въ долину турки-янычары и захватили въ полонъ двѣнадцать бравославцевъ-небывальцевъ. Но атаманъ Матьяшъ тотчасъ выручаетъ ихъ ⁵⁾. Тогда, по его приказанію, всѣ вскакиваютъ на коней и одерживаютъ надъ турками побѣду. Дума преувеличиваетъ число побѣжденныхъ турокъ до десяти тысячъ: шесть тысячъ изъ нихъ побѣждаетъ одинъ Матьяшъ, а четыре тысячи одолеваетъ бравославцы. Они набираютъ у побѣжденныхъ золота и серебра и поспѣшаютъ въ Сѣчу; тамъ дѣлятъ они между собою добычу и молятъ Бога за стараго атамана Матьяша. Видно,—говорятъ ему,—твоя мать присвятилась въ небѣ; ты былъ

Отъ нынѣ и до вѣка,
Даруй, Боже, на многіи лѣта!

1) На устьи Самарки Богу
Семенова козацкого Рогу.

2) Дванадцать козаківъ бравославцівъ небывальцівъ.

3) Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновни огнѣ розкладати,
Стали по чистому полю козацкіи конѣ пускати,
Стали козацки сѣдла отъ себе далеко покидати,
Стали козацки семнадцатидѣ пидлаѣ по закутамъ ховати.

4) Козаки павове молодці!
Небезпечне ви майте,
Козацкіи конѣ изъ приноши не пушайте,
Сѣдла козацки пидъ голову пидкладайте,
Бо се долина Кайнарська,
Недалече здесь земля татарська.
Где-сь ты козацкои каши не їдавъ,
Где-сь ты козацкихъ звичаївъ не знавъ,
Що ты намъ, козакамъ бравославцямъ, великій страхъ задавъ!

5) Не буйнии вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычари зъ чистого поля, зъ гори въ долину принали,
Дванадцять козаківъ бравославцівъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матьяшъ на доброго коня сѣдае,
Шість тисячъ турокъ-янычаръ побѣдае,
Бравославцівъ небывальцівъ изъ полону отбивае.

въ чистомъ полѣ и не утратилъ никого изъ насъ бравославцевъ-небувальцевъ ¹⁾. Тѣмъ и кончается дума, которая сохранила бы строго историческій характеръ, если бы не принято было—конечно позднѣйшими кобзарями—тысячныхъ чиселъ побѣжденныхъ турокъ.

Въ ряду пѣснопѣвннхъ этого отдѣла пользуется до сихъ поръ большою распространенностью у кобзарей дума объ Ивасѣ Коновченѣ, извѣстная намъ по шести главнымъ вариантамъ: одинъ—изъ собранія Котляревскаго; второй, записанный нами въ Харьковѣ въ 1840 году отъ бандуриста, очень непохожій на предыдущій, но отличающійся болѣе новыми выраженіями; третій, напечатанный въ сборникѣ Лукашевича, записанный отъ того же бандуриста, который сообщалъ думу о Самийлѣ Кишкѣ, пространннй съ признаками позднѣйшей амплификаціи; четвертый, напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, записанный г. Кулишомъ отъ кобзаря Андрея Шута въ Сосницкомъ уѣздѣ; пятый, сообщенный намъ Д. К. Морозомъ, и шестой, напечатанный въ сборникѣ Максимовича 1834 года. Кромѣ этихъ записано было нами отъ кобзарей еще три варианта, но съ пропусками, и они не представляютъ большой важности.

Дѣйствіе начинается въ городѣ Корсунѣ. Передъ нами одно изъ важныхъ явленій козацкой жизни: вербовка охотниковъ въ походъ противъ бусурманъ. Мы знаемъ, что кромѣ козаковъ реестровыхъ, признаваемыхъ закономъ и правительствомъ, безспорно принадлежавшими къ козацкому сословію, въ козацество постоянно порывались посполитые люди, и они-то, составляя шайки, убѣгали на Низъ, гдѣ, называя себя козаками самовольно, задирали татаръ и турокъ. Козаки, легально носившіе это званіе, нерѣдко не только не противодействовали этому стремленію народа, но содѣйствовали ему. Сами гетманы и полковники, при случаѣ, когда имъ нужно было военной силы поболѣе, устраивали изъ такихъ удаловъ охотные козацкіе полки. Въ приводимой нами думѣ такого рода сборъ охотныхъ происходитъ въ Корсунѣ, по приказанію тамошняго полковника Хвилоненка. Полковникъ (по вариантамъ Метлинскаго и Лукашевича) черезъ своихъ асауловъ (которымъ онъ далъ для этого значокъ—красный прапоръ) скликаеть въ народѣ охотниковъ ²⁾ идти съ нимъ подъ бусурманскій городъ

¹⁾ На конѣ козацкімъ сѣдайте,
 Менѣ старому помощи давайте!
 Тогдѣ козаки на конѣ сѣдали,
 Чотири тисячи безбожнихъ бусурменѣвъ побѣждали,
 Срѣбло-золото турецьке отъ нихъ забирали,
 До города Сѣчи швиденько посігали,
 Въ городѣ Сѣчѣ безпечно себе мали,
 Срѣбло й золото турецке между собою роздѣляли,
 За отамана Матяша Господа Бога прохали:
 „Где-сь твоя мати въ небѣ присвятилась,
 Що ти въ чистѣмъ полѣ пробувавъ,
 Изъ насъ бравославцѣвъ небувальцѣвъ
 Нѣ одного козака изъ війска не втеравъ!

²⁾ Асаули по улицяхъ розславъ,
 Червоны праперки у руки давъ;
 Асаули по улицяхъ пробѣгали
 Червоны праперки у рукахъ проношали,
 Козаківъ на Черкень долину у охотне війско виглядали. (Метлинск. 414).

Тягнѣ (Бендеры), на долину Черкень доставать «славы рыцарства». Это не была праздная риторическая фраза; это значило приглашеніе сдѣлаться козакомъ изъ мужика, потому что кто поступить въ ряды охотниковъ и пойдетъ съ прочими въ походъ, тотъ, воротившись изъ похода, уже будетъ считать себя козакомъ какъ бы по праву, и ни за что не захочетъ возвратиться къ прежнимъ мужичьимъ повинностямъ, чего такъ домогались польскіе паны, когда властвовали надъ козаками. Охотники, которыхъ приглашаетъ къ себѣ въ походъ Хвилоненко—винники и броварники, то-есть батраки, работающіе на винокурняхъ и пивоварняхъ, народъ, конечно, бѣдный, молодой и безсемейный ¹⁾). Варіантъ Лукашевича присоединяетъ къ нимъ грубниковъ (печниковъ или истопниковъ) и лазниковъ (банщиковъ), а варіантъ Котляревскаго заставляетъ Хвилоненка приглашать еще всякихъ пьяницъ и игроковъ; Харьковскій же варіантъ присоединяетъ къ нимъ еще воровъ и разбойниковъ ²⁾). Нѣтъ ничего мудренаго, если въ набираемыя оюлченія попадали нечистые народные элементы разомъ съ честною молодежью, и начальники умышленно допускали къ себѣ всякій сбродъ. Асаулы, отправленные для созыва охотниковъ, заклиная такой народъ, тутъ же и подсмѣиваются надъ нимъ: полно вамъ, валяясь по печамъ, кормить мухъ своими толстыми рожалами, глаза дымомъ выкуривать, пачкать сажею свои плечи ³⁾). По варіанту Лукашевича, асаулы собираютъ только черноработчій народъ: винниковъ, броварниковъ и прочую братію, а самъ Хвилонъ или Хвилоненко приглашаетъ въ охотники людей, болѣе степенныхъ и зажиточныхъ какъ изъ козаковъ, такъ и изъ послолтыхъ, такихъ, что носятъ желтые сафьянные сапоги и красные суконныя одежды (едаманы) ⁴⁾.

¹⁾ Корсунскій полковникъ Хвилонъ якъ ставъ въ охотне війско вряжати,
Крикне-покркне на винники, на броварники,
На ньаницѣ, на костерники:
Которому не хочеться по винницяхъ горѣлокъ курити,
Которому не хочеться по броварняхъ нивъ варити.
Которому не хочеться въ кости дурно грати,
Идѣть зо мною въ охотне війско гулати!

(Варіантъ Котляревскаго).

²⁾ Збирайтесь охотники,
Вы ворн розбойники,
Пьяницѣ, костерники,
Винники, броварники.

³⁾ Годѣ вамъ по винницяхъ горѣлокъ курити,
По броварняхъ нивъ варити,
По лазняхъ лазень тонити,
Годѣ вамъ по грубахъ, по зашѣчкахъ валятися,
Товстимъ видомъ мухъ годовати,
Очей своихъ молодецькихъ дымомъ выкуряти,
Своими молодецькими плѣчи сажи витирати;
Ходѣть съ Хвилономъ Корсунскимъ полковникомъ
На Черкень-долину въ охотне війско гулати.

(Варіанты: Харьковск. Лукашевича; Малор. и Червонор. думи
и пѣсни, стр. 37).

⁴⁾ Котори козаки то и мужики
Не хотять по рильѣхъ спотикати,

Такая вербовка не ограничилась городомъ Корсуномъ и его ближайшими окрестностями. Корсунскій полковникъ Хвилоненко отправляется въ другой полковой городъ Черкасы, водружаетъ тамъ цвѣтное знамя съ изображеніемъ креста и дѣлаетъ призывъ къ тамошней полковой старшинѣ, къ молодымъ козакамъ и войсковымъ слугамъ ¹⁾. Въ Черкасахъ (по варианту Метлинскаго, въ Крыловѣ) жила вдова Грициха Коновчиха (то-есть, вдова Григорія Коновки) съ молодымъ сыномъ. Было это, какъ видно, семейство не козацкое, а посполитое, земледѣльческое, зажиточное въ своей средѣ. Мать не отпускала сына въ наемники, на работу къ чужимъ людямъ, хотѣла дожить при немъ вѣкъ свой, а по смерти своей надѣялась отъ него поминовенія ²⁾. По однимъ вариантамъ, Ивась Коновченко услышалъ призывъ Хвилоненка на рынокѣ ³⁾, по другимъ—въ полѣ, куда мать послала его изъ предосторожности, чтобъ онъ не увлекся призывомъ въ охотники ⁴⁾. Денегъ готовыхъ не было. Ивась проситъ мать свою продать жиду воловъ и купить ему коня: хочется ему идти на Черкень-долину сражаться за вѣру, добывать рыцарской славы ⁵⁾.

Характеристиченъ отвѣтъ матери, которая вообще въ думѣ представляется законченно-очерченной личностью. Она, какъ женщина простая, посполитая, хочетъ, чтобъ сынъ ея оставался въ обычной для нея земледѣльческой средѣ: какъ любящая мать, она страшится въ козацествѣ военной опасности для сына; но, видѣвъ съ тѣмъ, слѣдуя за общимъ мнѣніемъ своего вѣка, питаетъ уваженіе къ козачеству, хочетъ, поэтому, дружить съ козаками и думаетъ достичь этого тѣмъ, что сынъ ея, оставаясь земледѣльцемъ, будетъ приглашать къ себѣ

За плугомъ спину ломати,
Жовтого саяпану калати,
Чорвоного едаману пилломъ набивати.

- ¹⁾ Цвѣтную хрещатую короговъ выставляе,
То вже крикне-покрикне на сотники, на полковника,
На отаманы, на асаулы,
На козаци молоди, на слуги війсковни.

(Вариантъ Котляревскаго).

- ²⁾ Вона ёго до зросту гѣтъ держала,
Въ найми не пускала,
Чужимъ рукамъ на стараніе не давала,
При старости гѣтъ дожити дождала,
По смерти славы-пам'ятати сподѣвала.

(Варианты: Котляревск. Харьковск. Метл. 414. Лукаш. 37).

- ³⁾ Котляревск. Лукашев. 37.
⁴⁾ Ище жъ то вдова гласъ козацькій зачуває,
Сына свого Ивася вдовиченка у поле до плуга отсылає.

(Метлинск. 414).

- ⁵⁾ Мати моя, мати удово, старая жоно!
Когда бы ты, мати, чотири воли половини а три чабанни позаймала,
До города Крылова отогнала,
До жиды орендара, ще пиддесять золотыхъ приплатила,
Коня менѣ на славу козацькую купила,
Що моя душа козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.

(Лукашев. Мал. и Черв. Д. и П. 38).

въ гости козаковъ и оказывать имъ хлѣбосольство ¹⁾). Но сынъ понималъ несогласимость того, что такъ легко возможнымъ казалось женскому воображенію матери. Хотя я, отвѣчалъ онъ, и буду зазывать къ себѣ козаковъ на хлѣбъ на соль, но козаки будутъ прикладывать ко мнѣ прозвища, стануть величать меня домохлѣбомъ, лѣнтяемъ, гречкосѣемъ ²⁾).

Козакъ-воинъ, въ тотъ воинственный вѣкъ, смотрѣлъ свысока на земледѣльца, а страсть малоруссовъ прикладывать насмѣшливыя прозвища, столь обычныя въ народѣ до сихъ поръ, встарину служила не для одного повода къ вступленію въ охотное козачество. И Ивася Коновченка судьбу рѣшилъ страхъ насмѣшки.

На другой день послѣ того, въ воскресенье, мать, отправляясь въ церковь, заперла все оружіе, но забыла запереть висѣвшую на стѣнѣ семипядную пищаль, а по другому варианту еще и саблю ³⁾. Оружіе въ домѣ не только козаковъ, но и посполитыхъ въ тотъ вѣкъ было не рѣдкостью, особенно въ пограничныхъ краяхъ, подвергавшихся внезапнымъ татарскимъ набѣгамъ.

Ивась, вышедши утромъ на рынокъ, услышалъ опять призывъ Хвилоненка; тотъ призывъ былъ послѣдній и сопровождался ѣдкой насмѣшкой надъ всякимъ,

¹⁾ Сыну мій, Ивасю Коновченку,

Чи у тебе нічого з'ѣсти,

Чи нѣ въ чимъ хорошенько походити?

Чи тебе городова старшина не знае,

Чи тебе мѣщанська челядь не поважае?

Чи тебе козацька громада не поважае?

Лучше ты будешъ тѣ воли чабаны и половни у плугъ запрягати,

Будешъ по рильцѣ хлѣбъ орати.

Будешъ козакимъ и мужикимъ на хлѣбъ на силъ къ собѣ зазывать,

Будуть тебе козаки и безъ лицарства знати.

(Вариантъ Харьковск.).

²⁾ Мати моя, старенькая жоно!

Не хочеться менѣ на воли козацькимъ голосомъ гулати,

Не хочеться менѣ въ пыду китайки пылати;

Хочъ я буду козакимъ до себе на хлѣбъ на силъ зазывать,

Будуть менѣ козаки прозваніе прикладати,

Домонтаремъ, гречкосѣемъ, полежаемъ прозывать,

Лучше я піду, мати, на Черкень долину гулати,

За вѣру христіянську одностойно стати.

(Харьков. Лукашев. 38).

³⁾ Въ недѣлю рано пораненьку

Вдова старенькая до Божѣй церкви отхожала,

Все оружіе въ кимнату позамыкала,

Тилько одну семипядную пищаль на стѣнѣ zostавляла.

(Вариантъ: Котларевск. Харьковск.).

или:

Всю зброю козацькую замыкала,

Саблѣ булатни, пищаль семипядни на стѣнѣ zostавляла,

Дзвиня зачувала —

До Божого дому до церкви отхожала.

(Малор. и Черв. Д. и П., стр. 39).

кто почему-нибудь станет медлить сборомъ въ походъ. Кто будетъ ожидать отцовскихъ да материнскихъ обѣдовъ, тотъ будетъ догонять меня за шесть миль ¹⁾. Не утерпѣлъ Ивась, схватилъ попавшееся ему на глаза оружіе и пѣшкомъ пошелъ за войскомъ ²⁾. Сосѣди сказали объ этомъ его матери въ церкви ³⁾. Старуха Коновчица, добродушная и глубоко любящая сына, но, виѣсть съ тѣмъ, самолюбивая и своенравная, привыкли до сихъ поръ видѣть отъ сына повиновеніе материнской волѣ, не вынесла, когда услышала, что сынъ затѣялъ распоряжаться безъ ея воли своею судьбою и разразилась проклятіями; о, чтобы ты, сынъ мой Иванъ, не имѣлъ счастливой доли за то, что ты меня, вдову старую, покинулъ на хозяйствѣ ⁴⁾. По вариантахъ Мороза и Лукашевича, проклятіе это еще рѣзче: поднавши руки къ небу, мать проситъ Бога, чтобы сынъ ея погибъ отъ пули на третьей стычкѣ съ неприятелемъ ⁵⁾. По варианту Метлинскаго, для такого проклятія представляется иного рода побужденіе: Ивась Коновченко отбилъ запертую комнату, куда мать припрятала оружіе, вооружился и, выходя изъ своего двора, встрѣтилъ въ воротахъ мать; онъ обошелся съ нею грубо, сказалъ ей, что ея нѣтъ сидѣть въ углу да качать ребенка, хотя бы чужого. Вотъ эта-то выходка и раздражила огорченную мать ⁶⁾. Но скоро, по варианту

- 1) Ивась изъ постелѣ встаетъ,
На рынокъ выходитъ,
Слухаетъ, послушаетъ,
Що Корсунскій полковникъ промовляетъ:
— Который козакъ буде батькивськихъ и матчиныхъ обѣднѣ дожидати.
— Той буде мене за шість миль отъ города Черкасъ доганяти!—
(Вар. Харьковск.).
- 2) Саблю булатную у руки бере,
Пицаль семипядную на плече кладетъ,
За війскомъ пѣшки иде. (Малор. и Червонопр. Д. и П. 39).
- 3) Сосѣди въ церковь ушли, вдовѣ сказали:
Ты, вдово, въ церквѣ стоишь, нічого не знаешь,
Що твого сына Ивася въ домѣ не має.
- 4) Щобъ ты, сынъ мій Иванъ, счастья-долѣ не мавъ,
Якъ ты мене вдову, жону стареньку, на господарствѣ покидає!
- 5) До господи прибувала
По зброѣ козацькій пизвала,
Що Ивася у господѣ не застала,
Слѣзми плакала ридала,
До небесъ руки индиймала,
Свого сына Ивася проклиннала:
Богдай мій сыну, слези на тебе упали,
Богдай вони тебе на третій стрелбѣ спотыкали!
- 6) Тогдѣ Ивась Коновченко шаблю булатну и пицаль семипядну забирає,
Козацьке собѣ запалчиве сердце має,
Келепомъ кинжату отбиває,
Всю козацьку зброю на плечи забирає,
Пѣхотою въ охотне війско посиѣшає,
Матѣрь старенькую на воротахъ стрѣчає,
Игорда словами промовляетъ:
— Эй мати моя вдово, старенька жоно!

Лукашевича, въ тотъ же день ¹⁾, а по варианту Котляревскаго на другой ²⁾, а по варианту Метлинскаго ³⁾, черезъ два дня мать стала жалѣть, просила Бога не исполнить ея желанія зла сыну и обратить на нее самую произнесенное ею на сына проклятіе.

Видоизмѣненія въ вариантахъ нашей думы не лишены важнаго значенія для изслѣдователя народныхъ воззрѣній, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о важнѣйшемъ нравственномъ понятіи, охраняющемъ дружелюбныя отношенія между родителями и ихъ дѣтьми. Вообще, въ этой думѣ несчастіе, постигшее въ послѣдствіи Ивася Коновченка, состоитъ въ связи съ проклятіемъ, произнесеннымъ матерью въ пылу досады; хотя, по варианту Метлинскаго, сила проклятія не столько выказывается по своему существу, какъ произнесенный роковой способъ выраженія материнской досады, сколько по дурному поступку, который подалъ поводъ къ произнесенію проклятія.

Онамятовавшись отъ увлеченія гнѣвомъ, мать скорѣе спѣшитъ доставить сыну то, чего онъ просилъ у нея — коня; воображеніе матери беспокоитъ образъ Ивася, который, вслѣдъ за конными, долженъ бѣжать пѣшкомъ и топить себѣ ноги ⁴⁾. Денегъ у нея не было: чтобъ купить что-нибудь цѣнное, земледѣльцу

- Не подобало-бъ тобѣ козаковѣ молодому и дороги переходити,
- Подобало-бъ тобѣ въ кутку сидѣти,
- Да хоть чужую дитину малую колыхати,
- Абы якъ зъ успокоемъ хлѣба-соли уживати.

Тогдѣ то вдова, старенька жона, удариться объ-полю руками,
Обильеться дрибными слѣзами.

Промовить стиха словами:

- „Эй Ивасю вдовиченку, дитя мое,
- „Богдай ты и туды не дийшло,
- „И видти не прійшло!

Щобъ тебе перва куля не миновала,
У першѣ військової потребѣ споткала!

(Метл. 416—417).

- ¹⁾ Знову отъ великого сердца отхожала,
Обѣдати сѣдала,
У загороду вхожала,
Словами промовляла:

Господи милосердїи! будь мене мои слова старую на постелѣ споткала,
Що я на свого сына Ивася нарѣкала. (Малор. и Черв. Д. и П. 39).

- ²⁾ Рано въ понедѣлокъ отъ сна вдова прочинала,
Словами промовляла:

- Бѣдна, побѣдна моя голова вдовина!
- Що я свого сына ругала проклинала,
- Счастьи-долю ёго козацьку потеряла!—

(Вар. Котляр.).

- ³⁾ Два днѣ свого сына кляне-проклинае,
На третій день подумае, погадае,
Руки до Бога здиймае,
Господа съ небесъ благае:

„Дай менѣ, Господи, сѣ слова передъ собою мати,
„А свого сына Ивася вдовиченка хочъ разъ у вичи повидати!“

(Метл. 417).

- ⁴⁾ Нехай винчъ по походахъ пѣшки не ходитъ,
Своихъ молодецькихъ нижокъ не врывае.

(Метл. 418).

приходилось всегда сбывать что-нибудь из хозяйства. Денежнымъ человекомъ и тогда, какъ теперь, былъ жидъ корчмарь (орандарь). къ которому, собственно, и стекалась вся добыча козацкая. Къ нему отправляетъ вдова своихъ воловъ (по другому варианту, съ прибавкою двухъ лошадей), доплачиваетъ пятьдесятъ (по варианту Мороза сто) золотыхъ, покупаетъ коня ¹⁾ и посылаетъ съ каза-тѣмъ для того козакомъ, да еще прибавляетъ подарокъ козаку на горѣлку и на жупанъ за то, что доставитъ сыну ея коня ²⁾. Этотъ козакъ догналъ отрядъ Хвилоненка за двѣнадцать миль (по варианту Метлинскаго, на Гайманъ-долгѣ) отъ Черкасъ между пѣхотою ³⁾. Я думалъ, сказалъ молодець, что меня мать знать не хочеть ⁴⁾ и проклинаеть, а она обо мнѣ старается! ⁵⁾. Еслибъ то Богъ далъ мнѣ совершить этотъ походъ, не пошла бы моя мать по чужимъ дворамъ спотыкаться, занимать хлѣба-соли; я бы содержалъ ее до смерти ⁶⁾ и уважалъ ⁷⁾; а въ вариантѣ Котляревскаго Ивасъ хотѣлъ бы даровать матери въ услуженіе двѣнадцать плѣнныхъ турокъ ⁸⁾. Здѣсь оканчивается первая половина думы. Вторая содержитъ въ себѣ описаніе подвиговъ Ивася Коновченка, его смерти и погребенія.

- 1) Чотыре воли чабавни, а три половни
До города Крылова до жидъ орандаря,
Ще пядьдесятъ золотыхъ приплатила,
Коня на славу козацку кунила.

(Вар. Котляревск.).

или:

Тогдѣ вона добре дбала, чотыри воли чабавни и два конѣ воронни зъ
стада вырчала,

До жидъ орандаря отгонила,

Сто золотыхъ еще доплатила и пр.

(Вар. Мороза).

- 2) И зъ жидомъ рандаромъ торгъ торговала,
Ивасю вдовиченку коня на славу сноровляла,
Ще козаку запорозькому сѣмъ книъ на жупанъ даровала,
А три кони на медъ да на оковиту горѣлку:
Эй козаче, козаче, колибъ ты добре дбавъ,
Гдѣ мого сына нагонишь, тамъ его оконишь!

(Метл. 418).

- 3) За дванадцять миль корсунського полковника догоняе,
Скоро полковника дигнавъ, мѣжъ пѣхоту вбѣгавъ,
Ивася Коновченка мѣжъ пѣхотою низнавъ,
Доброго коня ёму въ руки подавъ.

(Вар. Котляр.).

- 4) Я жъ думавъ, братцѣ, що обо мнѣ мати не знае не вѣдае.

(Вар. Котляр.).

- 5) Я жъ думавъ, що мене мати у домѣ клевет-проганяе,
Ажъ вона обо мнѣ велике стараніе мае!

(Метл. 418. Мал. и Черв. Д. и П. 40).

- 6) Колибъ менѣ Богъ помигъ сією дорогою у потребу сходити,
Не пишла бъ моя мати по чужихъ дворамъ спотыкати,
Хлѣба да солѣ позмчати,
Мигъ бы я ѣи при собѣ до вѣку содержати.

(Мал. и Черв. Д. и П. 40).

- 7) Знавъ бы я якъ свою матѣрь у домѣ споважати.

(Метл. 418).

- 8) Мигъ бы я ѣи дванадцять турокъ на послугу даровати.

(Вар. Котляр.).

Козаки прибыли къ цѣли. Вотъ Черкень-долина. По козацкому обычаю, битва открывалась герцами: то были передовыя святки: съ обѣихъ сторонъ выступали на поле отважнѣйшіе молодцы и вступали между собою въ единоборство. Герцы въ козацкомъ быту имѣли особенно поэтическое значеніе: здѣсь могла проявиться личная храбрость ярче, нежели тогда, когда козаки выступали въ бой дружнымъ строемъ (лавою). Полковникъ Хвилоненко вызываетъ охотниковъ на герцы ¹⁾. Дума, для увеличенія славы своего героя, заставляетъ всѣхъ замолчать ²⁾. Вызывается съ согласіемъ одинъ Ивасъ Коновченко ³⁾. Корсунскій полковникъ замѣтилъ, что онъ еще молодецъ, не выдалъ козацкой крови: какъ увидитъ, такъ и сомлѣетъ! ⁴⁾. У полковника найдется для этого постарше козакъ ⁵⁾. Ивасъ Коновченко поражаетъ полковника своею смысленностью, которая, по народному воззрѣнію, проявляется иѣткимъ и удачнымъ сравненіемъ. Ивасъ представляетъ Хвилоненку въ примѣрѣ старую и молодую утку: молодая такъ же хорошо плаваетъ, какъ и старая ⁶⁾. Полковникъ отвѣчалъ, что если онъ ему загадалъ такую загадку, то благословляетъ его погулять на герцѣ ⁷⁾. Слѣдуетъ битва. Коновченко показываетъ чудеса храбрости ⁸⁾. Вариантъ

¹⁾ Козаки молодці!

Который межъ вами козакъ обереться, щобъ на доброго коня сѣдати,
Щобъ и зъ кримицами да съ нагайцами на роспутѣ погуляти.

(Вар. Котляр.).

²⁾ То всѣ козаки замолчали.

(Вар. Котляр.).

³⁾ Благослови ты менѣ, пане Хвилоне, на доброго коня сѣдати,
Съ кримицами да съ нагайцами на поединку погуляти!

(Вар. Харьковск.).

⁴⁾ Ты Ивасю Коновченку, дитина молода,
На полѣ й на морѣ не бувала,
Козацкой крови не видала,
Якъ кровь христіанську узришь —
Такъ и зомлѣешь!

(Вар. Котляр.).

или:

Корсунскій полковникъ до ёго словами промовляе:

Сину, Ивасю вдояченку, ты дитя молодецъ,

Ты козацкого звичаю не знаешь,

Ты не способенъ гараздъ козакамъ и каши наварити,

А то-бъ то ты вышовъ першій разъ на герецъ погуляти,

Слави козацкой спробовати.

(Вар. Мороза).

⁵⁾ Еще у мене обереться старѣйшій козакъ на доливи Черкени погуляти.
(Малор. и Черв. Д. и П. 41).

⁶⁾ Пане Хвилоне! пійди ты на рѣку
Да пиймай ты утя старее и малее,
И пусти ты ихъ на тихій Дунай,
Чи не попливе малее якъ и старее.

(Вар. Харьк.).

⁷⁾ Коли ты мигъ менѣ загадку таку загадати,
Благословляю тебе на герцѣ погуляти.

⁸⁾ Межъ кримицѣ и нагайцѣ вбѣгае,
Шестидесятъ кримицѣвъ да нагайцѣвъ съ коней зивмае,
Голови збивае,
Чотырнадцатъ рыцарей турецкихъ на арванъ хватае,
Живдемъ до козацкого намету пригоняе. (Вар. Котляр. Харьк.).

Лукашевича замѣчаетъ, что Ивась Коновченко, встрѣчая стараго человека, оказываетъ ему уваженіе, какъ отцу, а встрѣчая молодого, обращается съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ ¹⁾, а по варианту Метлинскаго прибавляется, что Ивась, будучи на бой, снялъ шапку, положилъ на себѣ крестное знаменіе, вспомнилъ отцовскую и материнскую молитву и сердечно простался со всякимъ козакомъ ²⁾.

По возвращеніи съ боя Корсунскій полковникъ оказываетъ Ивасю Коновченко почетъ, называетъ его братомъ, приглашаетъ его въ свой шатеръ поговорить о козацкихъ прихѣтахъ ³⁾. По варианту Лукашевича, полковникъ Хмилоненко, сохраняя свой постоянно шутливый и насмѣшливый характеръ, говорилъ: я думалъ, что ты дитя молодое еще не дошелъ до разума и не знаешь козацкихъ обычаевъ, а ты, видно, за плугомъ ходилъ да все козацкіе обычаи собиралъ ⁴⁾. Ивась Коновченко садится рядомъ съ полковникомъ ⁵⁾, радуется.

Или:

По три яничары артельникивъ турецкихъ у степь заганае,
По чотыри арканами накидае,
До палаты притягае,
Коло ихъ чересы червовѣ обирае:
То винъ хорошенько по-козацки велику сдобить має. (Вар. Мороза).

Или:

На турецки таборы набѣгавъ,
Турецки наметы поперевертавъ,
Турокъ пятьдесятъ надъ мечъ узавъ,
Деятеро живцемъ извазавъ. (Вар. Метл. 420).

Или:

Первого рыцаря стрѣчавъ, чоломъ давъ: съ плечъ голову звавъ,
Другого сострѣчавъ—и тому такий отвѣтъ подаровавъ,
Самихъ найстаршихъ пятьсотъ человекъ рыцарей надъ мечъ пускавъ,
Шести живцемъ пиймавъ. (Мал. и Черв. Д. и П. 42).

¹⁾ Старого чоловѣка сострѣчае,
За ридного батька поважае,
Молодого сострѣчае—
За ридного брата почитае. (Малор. и Черв. Д. и П. 42).

²⁾ Шликъ съ себе скидавъ,
Хрестъ на собѣ складавъ,
Отцеву й матчину молитву споминавъ,
И зъ усланимъ козакомъ сердечне прощеніе мавъ. (Вар. Метл. 420).

³⁾ Эй Ивасю вдовиченку, братецъ мій ридний!
Где-сь ты, каже, у походахъ бувавъ,
Козацкихъ звычаевъ признавъ:
Прошу жъ теперъ до мого намету,
Сядемъ мы съ тобою, поговоримо объ козацкихъ прихѣтахъ.
(Метл. 420).

⁴⁾ Я казавъ: ты дитя молодое съ розумомъ не дійшло,
Звичай козацкого не знаєшь,
Ажъ бачу: ты за плугомъ похажавъ,
Всѣ звичай козацкіи собиравъ! (Малор. и Черв. Д. и П. 42).

⁵⁾ Тогдѣ Ивась Коновченко
Съ Хмилономъ полковникомъ корсунскимъ по-плѣчь сѣдае.
(Метл. 426).

что полковникъ зоветъ его братомъ и говоритъ полковнику: благослови мнѣ, панъ полковникъ, выпиться оковитой: я еще лучше побьюсь съ крымцами и нагайцами. Ивась Коновченко — отвѣчалъ полковникъ: — я слыхалъ отъ старытъ людей, что эта оковитая (водка, лат. aqua vitae) очень вредная вещь: не одвого челоуѣка она со свѣта свела! ¹⁾. По варианту Котляревскаго, полковникъ послѣ этой рѣчи вышелъ на время изъ шатра, а Ивась Коновченко безъ спросу самъ хватилъ достаточное количество горѣлки, сѣлъ на коня и пустился въ бой съ крымцами и нагайцами ²⁾. По другимъ вариантамъ, самъ полковникъ дозволилъ ему выпить, но тутъ же предрекалъ ему бѣду, если онъ пьяный пустится въ бой ³⁾. По варианту Мороза. Ивась Коновченко два раза, одинъ за другимъ, выѣзжалъ на бой и воровался съ побѣдою, но въ третій разъ, не послушавшись полковника, напился водки изъ бочки, черезъ трубочку, и пустился въ битву ⁴⁾. По вариантамъ Лукашевича, Мороза и Метлинскаго, въ

¹⁾ Ивась Коновченко тее зачувае,
Великую радисть мае,
Що курсунскій полковникъ братомъ ёго называе.
То винъ словами промовляе:
— Курсунскій полковнику пане Хвилоне,
— Благослови менѣ оковитомъ горѣлки напиться,
— То я могу еще и лучше съ крымцами и нагайцами побиться.—
Полковникъ словами промовляе:
„Ивась Коновченко! я слыхавъ отъ старыхъ людей,
„Що сая оковитая горѣлка барзо вадить,
„Не одного чолоуѣка зъ сѣго свѣта збавить. (Вар. Котляревск.).

²⁾ У той часъ годину где-сь курсунскій полковникъ отгодувся,
Ивась Коновченко доволно горѣлки напился,
На доброго коня сѣдае,
Межъ крымцѣвъ и нагайцѣвъ вбѣгае.

³⁾ Ой Ивасю Коновченку, ще ты дитя молодее,
Будешъ ты хмель уживати,
Будешъ передъ мене, напа молодого,
На долині Черкенѣ голову козацьку покладати.
(Малор. и Черв. Д. и П. 43).

Или:

Не веля я тобѣ, сину, оковитомъ напивати,
Да вди съ бусурманами на долину гуляти,
Коли жъ уже ты хочешъ ѣи напивати,
То веля въ моему намѣтѣ лягти спочивати.

(Макс., изд. 1834, стр. 55).

⁴⁾ А винъ на radoшахъ, якъ узивъ пяти-гуляти,
Смѣлости сердцю надавати,
То ще въ третій разъ на герець вихолавъ гуляти.
А курсунскій полковникъ до ёго словами промовляе:
Сину Ивасю вдовиченку! Я тобѣ не веля въ третій разъ вихожати,
На герець гуляти,
Бо ты теперъ горѣлочку попиваешъ, а горѣлочка часомъ израдлива,
Хоть якого козака зъ свѣта избавляла.
А винъ отъ полковника тѣ слова зачуваеъ,
Та ще собѣ хорошеньку цѣвочку до рукъ прибравъ,

этотъ разъ Ивась Коновченко является уже не такимъ благочестивымъ и благо-
нравнымъ, какъ при первомъ его выѣздѣ въ бой, и отъ этого-то Богъ не по-
могъ ему ¹⁾. Въ прочіихъ вариантахъ этой черты нѣтъ. По варианту Котлярев-
скаго, Ивась Коновченко и въ этотъ свой послѣдній выѣздъ на бой успѣлъ
еще свалить съ коней семьдесятъ человекъ враговъ; но потомъ бусурманы до-
гадались, что козакъ въ хмелю, отбили его отъ козацкаго табора, окружили,
свалили съ коня, покрыли смертельными ранами, но коня его не поймали. Пол-
ковникъ, увидя, что козацкій конь безъ всадника мечется по полю, посылаетъ
козаковъ ловить его и найти тѣло убитаго козака ²⁾. По варианту Лукашевича,
для этой цѣли отряжается огромное число козаковъ ³⁾.

Да и до кухни дохватился,
Да зъ кухни нишчюмъ цѣвочку горѣлки напився,
Самъ молодець добрый на коника схватился...

¹⁾ Шляка не здіймае, хреста на собѣ не слагае. (Метл. 431).

Или:

Старого козака стрѣчае, гордимъ словомъ знавамае.
Молодого стрѣчае, опрошеня не пріймае, стременою о грудь потормае.
То Богъ ему не помогъ. (Мал. и Черв. Д. и П. 43).

Или:

По табору поѣзмае, да зъ казаннвъ козакамъ каша перевертае,
Да старого й молодого козака уннштомае,
Самъ у собѣ выхваляеться, що вниъ у собѣ велике лицарство мае;
Що-жъ-то я козакъ добрый, да нидо мною ней кинь добрый.

(Вар. Мороза).

²⁾ Межъ кривцѣ да нагайцѣ вѣбгае,
Сѣмдесятъ человекъ съ коней збѣгае.
Стали безбожни бусурманы козака въ хмелю пнзнавати,
Стали отъ табора козацкаго далѣ отбавляти,
Скоро отъ табора козацкаго отбавляли,
Округъ ёго остунали,
Тамъ ёго посѣкли—порубали,
Смертельными ранами даровали,
Тильки козацкаго коня не піймали.
Кинь козацкій по табору играе,
Нѣбмъ асень сокиль лѣтае
Корсунскій полковникъ зобчае и промовлае:
„Не дурно нашего Коновченна кинь по табору играе,
„Знати: ёго въ живыхъ не мае.
„Вы, панове, сами не добре учинили,
„Що льного человека зъ своихъ рукъ спустили.

Добре, ви братія, дбайте,
На конѣ козацкн сѣдайте,
Козацкае тѣло позбравайте,
До козацкаго намету привезѣте. (Вариант. Харьков. и Котлар.).

³⁾ Самъ Хмелоненко у полудню годяну зъ намету виступае.

На таборъ поглядае,
Що кинь козацкій волеми гулае,
Вниъ до козакнвъ промовлае:
Эй козакн молодцѣ, добре дбайте,
Кости да карты покидайте,

Затѣмъ во всѣхъ вариантахъ слѣдуетъ погребеніе Коновченка ¹⁾). Но въ вариантѣ Метлинскаго и въ Галицкомъ его привесли къ полковнику, хотя раненнаго, но еще живого. Такъ какъ, по этому варианту, Ивасъ Коновченко оскорбилъ мать свою при выступленіи изъ дома въ походъ, то смерть его является какъ бы карою за такой дурной поступокъ, и онъ самъ произноситъ, что его покарала родительская молитва. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ съ полковникомъ Хвилоненкомъ. Полковникъ спрашиваетъ: похоронять ли его здѣсь на мѣстѣ смерти, или отвезти въ Крыловъ? Нѣтъ, — отвѣтилъ умирающій, — не причиняйте печали и тоски моей матери; похороняте меня на Черкень долини ²⁾).

По-мѣжъ собою висѣшь тысячь вѣска на вибирь вибирайте,
Штыри тысячи по тѣло посылайте,
А штыри тысячи коня козацького піймать посылайте.

- 1) Шаблями надилками суходилъ копали,
Шалками, приполами персть вибирали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
Въ семипяднѣ пицалѣ гримали,
У суремки малибно выгравали,
Славу козацьку вихвалали. (Максим., изд. 1834, стр. 56).

Или:

Високу могилу насыпали,
У головонькахъ червоннй прапоръ постановили,
Изъ семипядныхъ пицалей прозвонили.

(Малор. и Червон. Д. и Ш. 45).

- 2) Козаки добре дбали,
На конѣ сѣдали,
На Черкень долину пробѣгали,
Ивася вдовиченка у трупу тѣло знаходили.
Вжежь винь и очима не згляне,
И руками не здиіме,
И ногами не пийде,
Тилько словами промовляе:
„Помалу, братця, не вразте моихъ смертельныхъ рань:
„Не булатными шаблями мене порубали,
„Не ордниськими стрѣлами зъ коня збивали,
„Се мене отцева молитва да матчини слѣзы побилн!“
Оттогдѣ козаки добре дбали,
Ивася вдовиченка взяли,
Передъ Хвилона корсунського полковника у наметъ представляли,
Тогдѣ-жь то Хвилонъ корсунскій полковникъ зъ намету вихожае,
И стиха словами промовляе:
— Где-жь теперъ, Ивасю вдовиченку, повелишь себе поховати!
— Чи до города Крылова отбавляти?
— Чи на Черкень долини по-козацьки поховати!—
„Эй, Хвилоне, полковнику корсунскій, батьку старий!
„Не велю я тобѣ до города Крылова отбавляти,
„Моей матери тоски й печали задавати,
„А велю на Черкень долини по-козацьки поховати!“

Въ Галицкомъ вариантѣ умирающій Ивасъ Коновченко говоритъ полковнику:

Ой, не кажѣть мамѣ, що такъ марне згибаю;

И было поступлено такъ, какъ желалъ онъ ¹⁾. Здѣсь конецъ второй части думы. Слѣдуетъ затѣмъ еще третья, посвященная матери убитаго въ бою богатыря.

Въ ночь съ субботы на воскресенье, передъ днемъ смерти Иваса Коновченка, приснился матери его такой сонъ. Видѣлось ей, будто сынъ ея женился и взялъ себѣ женою турчанку, гордую, пышную дѣвину; она ни на кого не работаетъ барщины, никому не платитъ дани, никто къ ней въ уголь не стучитъ (то-есть, не вызываетъ къ исполненію повинностей, какъ обыкновенно дѣлали въ малороссійскихъ городахъ и селахъ); она одѣта въ зеленую одежду съ бѣлыми шурками, она такова, что ни царю, ни королю не поклонится. Старуха пошла къ сосѣдкамъ и стала рассказывать свой сонъ. Сосѣдки сразу поняли, что этотъ сонъ не къ добру, но не стали тревожить старухи, а утѣрали ее, что сонъ ея предвѣщаетъ благополучіе: сынъ ея воротится и будетъ дарить ее кармазиномъ (краснымъ сукномъ) ²⁾. По народному южнорусскому повѣрью, бракъ, видѣнный во снѣ, предвѣщаетъ смерть тому, кого видѣли вступившимъ въ бракъ. Но въ думѣ старуха-мать представляется какъ бы вовсе незнающею такого общераспространеннаго повѣрья, и вообще она представляется во всеобщемъ простоватомъ.

Ожидая возвращенія козаковъ изъ похода, старуха готовится для

Але кажить, що три барвы (три цвѣта) на рикъ убераю,
Ой, убераю на веснѣ зелененькую.

А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую.

(Чт. И. Общ. П. в Др. 1863. III. 11).

¹⁾ Оттогдѣ-жъ козакъ добре дбали,
Штыками суходилъ копали, шапками землю вносили,
Иваса вдовиченка похоропили
Изъ ризныхъ пицаль подзвонили,
По Ивасю вдовиченку похоронъ ичинили.

(Метр. 423).

²⁾ Въ субботу на недѣлю вдовѣ старенькѣй Коновчискѣ
Снився, приснився сонъ чуденъ на причудѣ,
Барлю дивенъ да й предивенъ.

Вдова отъ сна прочянала,

На рынокъ выходжала,

Съ сусѣдами говорила:

— Сусѣду, приснився менѣ сонъ чуденъ да причуденъ,

— Що видитьса менѣ: сынъ въ войску оженився,

— Понявъ собѣ жону туркеню, горду да пышну,

— Въ зеленѣй сукнѣ, съ бѣлыми басанами:

— Вона подача не дае,

— Никто до неѣ въ уголь не товкае.

— Вона панщины не робить,

— Царевѣ й королевѣ головы не склонить,

— Тильки вона собѣ правдивого судію Господа на небѣ має!—

Сусѣди тее зачували,

Вдовинъ сонъ отгадали,

Тильки вдовѣ правды не сказали.

„Вдово небого! Буде твий сынъ зъ войска прибувати,

„Буде тебе козацькимъ кармазиномъ даровати!“

угощенія ихъ медъ и горѣлку ¹⁾). Козаки появляются. Идетъ первая сотня. Вдова спрашиваетъ о сынѣ. Козаки сказали ей, что сынъ ея женился на турчанкѣ и простоватая старуха принимаетъ ихъ слова въ буквальный смыслъ, угощаетъ козаковъ и благодаритъ Бога, что далъ ей дожидаться невѣстки ²⁾. Идетъ другая сотня (по варианту Котляревскаго дивизія). Вдова еще разъ спрашиваетъ о сынѣ. Козаки говорятъ ей аллегорическій образъ брака, приведенный уже выше, изъ котораго можно было бы догадаться, что случилось; но вдова остается недогадливою, несмотря на то, что они ей рассказываютъ, почти до-словно, ея собственный сонъ ³⁾. Идетъ, наконецъ, третья сотня: ведутъ коня убитаго Ивася Коновченка—(по однимъ вариантамъ, ведутъ его самъ корсунскій полковникъ ⁴⁾), по другимъ, хоружій ⁵⁾, по третьимъ, два козака ⁶⁾. Тутъ только поняла вдова въ чемъ дѣло и въ ужасѣ упала ⁷⁾. По варианту Котляревскаго, судьба Коновченка и теперь объясняется послѣдствіемъ непреодолимой

¹⁾ Цеберъ меду, кинув горѣлки наточила.

(Малор. и Червон. Д. и П. 45).

Или:

Вдова не убога бывала:

Чотыри бочки горѣлки и шість меду на брамѣ становила.

(Вар. Котляревск.).

²⁾ Вдово небога! Не журися!

Твій сынъ оженився,

Появъ собѣ жинку туркеню

Горду да пишну невѣсту;

Вдова теб зачувала,

Кождого козака частовала,

Словами промовляла:

„Хвала тобѣ, Господи,

„Що я собѣ тихон да веселон невѣстки диджала,

„Хочъ буду козакамъ куренѣ підмітати,

„Аби мене могли при старости лѣтъ у себе держати!“

³⁾ Эй, мати, вдово, старенька жоно!

Не журися по своему сыну Ивасеньку!

Ужежъ теперъ твій сынъ на Черкень-долинѣ оженився,

Появъ винъ туркеню, препишную нанну,

Ужежъ теперъ винъ въ війско не ходить,

Нѣ якои подачи не дае,

Никто въ козацкій уголь не стукае,

Оттогдѣ-то вдова недогадлива була.

(Метл. 423).

⁴⁾ Корсунскій полковникъ иде,

Коня въ рукахъ за поводы веде.

(Вар. Котлар. Вар. Мороза).

⁵⁾ Трета сотня пидъ полковою корогвою,

По переду хоружій иде,

Вдовного коня за поводы веде.

(Вар. Харьк. — Вар. Лукаш. Мал. и Черв. Д. и П. 45).

⁶⁾ Два козаки козацкого коня на поводяхъ веде.

(Максим. Укр. пѣсни. 1834 г. 57).

⁷⁾ Вдова на воротахъ стае, коня пизнае,

Коня пизнала, до землѣ впала,

И слѣзьми плакала ридала,

(Вар. Мороза).

силы произнесеннаго матерью въ пылу досады проклятiя. Вдова упрекаетъ и клянеть полковника; а Хвилоненко отвѣчаетъ ей, что виновата во всеѣ она сама: зачѣмъ не пускала сына въ охотное войско и проклинала его ¹⁾. Въ вариантахъ Лукашевича и Мороза полковникъ оправдывается предъ вдовою тѣмъ, что не онъ посылалъ Ивася, а молодець самъ, напившись пьянъ, выгналъ на бой и оттого палъ ²⁾. Въ заключенiе, по всеѣмъ вариантамъ, вдова угощаетъ и одариваетъ козаковъ, отправляя тѣмъ и свадьбу и похороны своему сыну ³⁾. Дума заканчивается прославленiемъ героя.

- ¹⁾ Скоро тее удрѣла то барзо зомлѣла,
На ногахъ не устояла къ сырѣй землѣ грудью унала,
Въ гору руки пидиймала полковника проклинала:
Богдай ты, полковнику, счастья-долѣ не мавъ,
Якъ ты мого сына зо всеѣго вiйска потерявъ.
Полковникъ самъ не пишенъ буває,
Зъ козацького коня злѣзае,
Вдову, старенькую жону, зъ землѣ пидиймае, словами промовлае:
— Вдово небога мене не проклинай,
— Счастья мого, долѣ козацькон не терай!
— Ты сама недобре починала,
— Що свого сына въ вiсько охотнее не пускала,
— Сына свого проклинала,
— Счастья ёго и долю потеряла.

- ²⁾ Я твого сына на герецы не пускавъ,
Винъ самъ охоту козацькую мавъ. (Малор. и Черв. Д. и П. 46).

Или:

Я ёму не велѣвъ третiй разъ выхожати,
Бо винъ горѣлочку попивавъ,
А винъ постився да до кухни дохватився.
Да зъ кухни вишечкомъ цѣвочкою горѣлки напився. (Вар. Мороза).

- ³⁾ Тогдѣ вдова небога ся мала,
Три сотни вiйска у свой домъ закликала.
— Оттепера козаки, панове молодець, пiйте и гуляйте,
— Разомъ похоронъ и весѣлья отправляйте!—
Тогдѣ козаки пили да гуляли
Изъ семипядныхъ пищалей гримали,
Славу козацькую виславляли. (Малор. и Черв. Д. и П. 46).

Или:

Тогдѣ вдова небога ся мала,
Сорокъ тысячъ (?) козацького вiйска въ свiй двиръ зазывала,
Трое сутокъ нѣ їсти, нѣ пити не забороняла,
Всѣхъ козакивъ якъ бояръ даровала,
Давала хустки тканѣ вышиванѣ,
Заразомъ похоронъ и весѣлья отправляла,
Козацькую славу прославляла. (Вар. Котляр.).

Или:

...До себе всѣхъ козакивъ зазывала,
Медомъ, виномъ да горѣлкою наповала,
За сына свого Ивася вдовиченка похороны да й весѣлья отправляла,
Словами промовляла:

Событіе, составляющее предметъ этой думы, Максимовичъ, въ своемъ изданіи Украинскихъ пѣсень 1834 года, отнесъ къ 1684 году. Его мнѣнію послѣдовали и другіе издатели (Метлинскій, Жюгота Паули). Нельзя съ этимъ согласиться. Обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго; и спокойное пребываніе въ краѣ іудеевъ-арендаторовъ и денежныя средства въ ихъ рукахъ, все это — черты времени до возстанія и до избиенія жидовъ. Въ концѣ же XVII вѣка, именно около 1684 года, край праваго берега Днѣпра былъ разоренъ и обезлюденъ. Полковникъ Хвильоненко дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII вѣка и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Острицы въ возстаніи противъ поляковъ: вмѣстѣ съ ними онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство, по крайней мѣрѣ, его имя не встрѣчается послѣ усмиренія тогдашняго козацкаго возстанія.

Едва ли мы ошибемся, если отнесемъ къ періоду до Хмельницкаго двѣ пѣсни, впервые у насъ записанныя Максимовичемъ и теперь извѣстныя намъ уже и по другимъ вариантамъ. Въ первой изъ этихъ пѣсень ¹⁾ описывается

Гости мои милѣ да любѣ, пійте, гуляйте,
Да мого сына Ивася вдовиченка по смерти споминвайте!

(Вар. Мороза).

Или:

Всѣхъ козакивъ на хлѣбъ, на силъ зазывала,
Похоронъ и весѣлья Ивася отбувала,
Полковниковъ коня козацкаго даровала,
Старшимъ шаблѣ пицалѣ Ивасеви родала.

(Макс. 57).

Или:

Всѣхъ козакивъ на хлѣбъ, на силъ зазывала,
Усѣмъ рушники подавала
Тожь вона Ивасевѣ похоронъ и весѣлья справляла. (Вар. Харьк.).

¹⁾ Видкиль їдешъ? Отъ Дунаю.

А що чувавъ про Михайлу?
Эге! Чувавъ? Я самъ видавъ:
Ишли ляхи на три шляхи,
А козаки на чотыри,
А татары поле крыли,
А въ тимъ війську козацкому
Їхавъ возокъ да й покритый
Чорвою китайкою
Заслугою козацкою,
А въ тимъ возку бѣле тѣло,
Порубане, почорнѣле:
За тимъ возкомъ кинь лицарскій,
Веде коня хлопъ козацкій,
Держить въ руцѣ списъ довтенскій,
А у другій — мечъ ясненскій,
А изъ меча кривця тече;
По Михайлѣ мати плаче.
Не дуже винъ порубаний:
Головонька на три части,
Бѣле тѣло на чотыри.

привозъ тѣла убитаго козака-богатыря съ береговъ Дуная, куда ходили козаки разомъ съ ляхами. Богатырь называется Михайломъ, а въ Галицкомъ вариантѣ Михаешъ. Имя Михайла подало поводъ подозрѣвать въ этомъ богатырѣ отца Богдана Хмельницкаго—Михайла, убитаго въ сраженіи подъ Цепорою. Это, разумеется, одна догадка, впрочемъ, ниѣющая за собою извѣстную степень вѣроятія, если допустить, что уваженіе къ освободителю Южной Руси распространилось и на его родителя. Еще болѣе вѣроятія, что эта пѣсня во всякомъ случаѣ относится къ эпохѣ совмѣстнаго движенія поляковъ и козаковъ противъ турокъ, когда происходили битвы Цепорская и Хотинская.

Другая пѣсня изображаетъ прощаніе козака съ матерью и сестрами, а потому мать напрасно ожидаетъ своего сына изъ «Гостина». Виѣсто сына возвращаются козаки и на вопросъ матери: не видали ли ея сына? говорятъ ей: не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ разбилъ, за восьмыиъ полкомъ голову сложилъ? Надъ нимъ летала и куковала кукушка, кони ржали, когда вели его тѣло, скрипѣли подъ нимъ колеса и плакали слуги, слѣдуя за нимъ ¹⁾). Въ Га-

— Шукай, доню, лѣкароньки,
— Зеленой муравоньки.—
„На що, мати, лѣки дбати.
Треба досчокъ добувати.
Хоромину будувати,
Безъ дверь хата, безъ виконецъ
Бо вже прійшовъ ему конецъ“.

(Макс. Укр. П.)

Галицкій вариантъ:
Доливъ, доливъ долинами,
Ѣдутъ турки съ татарами,
А мѣжъ ними визъ кованый,
А въ тимъ возѣ Михай лежить,
Порубаный, постреляный,
Капле кривда у кирницю,
Съ кирниченьки рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ криче,
По Михай мати плаче.
— Не плачь, мати, не журися.
— Не дуже го порубано.
— Не дуже го постреляно,
— Головонька на четверо,
— А серденько на шестеро,
— А ниженьки на гишечки,
— Бѣле тѣло якъ макъ мѣло (мелко).
— Не плачь, мати, не журисъ,
— Бо вже сына поховано,
— Уже му хату збудовано,
— Безъ дверь хата, безъ виконецъ,
— Михаешъ вѣчний конецъ!—

(Чт. И. Общ. Ист. и Др. 1863. III. 24).

¹⁾ Ой мала вдова сына сокола
Внгодовала, въ вѣйско отдала,
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,

лицкомъ вариантѣ этотъ богатырь названъ Василемъ¹⁾. Максимовичъ догадывался, что названіе «Гостинъ» есть испорченное названіе Хотина, и пѣсня эта отно-

А наймолодча впровожала,
 А мати ёго выпитовала:
 Сину мій, коли прійдешь до насъ?
 — Тодѣ я, нене, прійду до васъ,
 — Якъ павине пѣрве на снѣдъ потоне,
 — А млинновій камѣнь на верхъ выплане, —
 „Вже жь млинновій камѣнь на верхъ выпланувъ,
 „А павине пѣрве на снѣдъ потонуло,
 „А мого сына зъ Гостина не видно“.
 Вийшла на гору—ой все полки йдуть,
 Да мого сына коника ведуть.
 Питалась вона всей старшини:
 Чи не бачили сына сокола?
 Чи не то твій снѣгъ, що сѣмъ полкиємъ збивъ,
 За восьмимъ полкомъ голову схинивъ?
 Зовуля лѣтала надъ нимъ куючи,
 А коники ржали ёго везучи,
 Колеса скрипѣли подъ нимъ котючись,
 Служеньки плакали, за нимъ идучи.

(Макс. Укр. П. 1834. IX, стр. 157).

1) Галицкій вариантъ:

Ой мала вдова сына сокола,
 Выговувала, въ військо отдала,
 Ой старша сестра коня сѣдлала,
 А середульша хустку качала,
 А наймолодча шаблю подала,
 Якъ подавала, то й промовляла:
 — Ой, брате милій, брате Василю!
 — Коли жь ты прійдешь до насъ въ гостину?
 „Вийди, сестричко, на круту гору
 „Да виглядай мене по край Дунаю“.
 Вийшла сестричка на круту гору
 Да гляне очкомъ на край Дунаю!
 На крутій горѣ бѣль камень лежить,
 Тамъ все сестричка за братомъ тужить.
 Вийшла сестричка на круту гору
 Да гляне очкомъ на край Дунаю:
 Ажъ тамъ козаки купоньками йдуть.
 Брата Василя коника ведуть.
 Ой ви козаки, ой ви шалѣвѣри,
 Где-сь ви мого братонька дѣли?
 Чи не той-то твій братъ, що три війська збивъ,
 А за четвертымъ голову положивъ?
 Зовуля летѣла намъ нимъ куючи,
 Коники ржали ёго везучи,
 Колеса скрипѣли подъ нимъ котючись,
 Служеньки плакали за нимъ идучи.

(Чт. И. Общ. И. в Др. 1863 г. III. 25).

сится къ эпохѣ Хотинскаго сраженія, но въ Галицкомъ вариантѣ вмѣсто изъ «Гостина» поется «въ-гостину», т.-е. къ намъ въ гости. И такимъ образомъ смыслъ измѣняется. Во всякомъ случаѣ, всякъ, у кого есть чутье настолько, чтобы въ народной поэзіи отличить старое отъ болѣе поздняго, долженъ будетъ согласиться съ мнѣніемъ Максимовича, находившаго, что весь складъ этой пѣсни обличаетъ древнее происхожденіе: между прочимъ, указывалось на размѣръ стиха въ этой пѣснѣ и на сравненіе невозвратности козака съ невозможностью тонуть тому, что по своей природѣ плаваетъ, и плавать тому, что должно тонуть; это напоминаетъ извѣстное выраженіе мирнаго договора князя кievскаго, Владиміра Святого съ Волгарами Волжскими. Изъ древнѣйшихъ элементовъ, продолжавшихъ существовать въ народной поэзіи въ отрывочномъ видѣ, складывались пѣсни прикѣпительно къ событіямъ поздняго времени. Такъ дѣлается теперь, такъ дѣлалось и прежде. Поэтому, если бы эта пѣсня составила въ ея данномъ видѣ въ эпоху Хотинской войны, то основа ея, вѣроятно, еще старѣе.

Такъ же точно, по своей основѣ, принадлежатъ глубокой древности тѣ пѣсни, гдѣ убитый козакъ представляется бесѣдующимъ съ своимъ конемъ: онъ посылаетъ его съ вѣстью къ своимъ роднымъ и приказываетъ сказать, что онъ женился: могила въ этомъ случаѣ аллегорически изображаетъ невѣсту. Общность такого образа съ малорусскимъ въ пѣсняхъ великоруссовъ, сербовъ и даже грековъ свидѣтельствуетъ о его древности. Въ южнорусской народной поэзіи такой образъ приуроченъ къ явленіямъ степной борьбы козаковъ съ бусурманами. Вотъ, напримѣръ, надъ убитымъ козакомъ стоитъ его конь и спрашиваетъ: кому отдаетъ его господинъ? Турку или татарину? Тебя турокъ не поймаетъ, а татаринъ не осѣдляетъ, отвѣчаетъ козакъ ¹⁾ и приказываетъ бѣжать къ матери козака и извѣстить, что сынъ ея женился и взялъ жену боярышню въ чистомъ полѣ землянку ²⁾. Подобныхъ пѣсневъ такое множество, что приводить изъ было бы и утомительно, и бесполезно.

Описаніе смерти козака въ степи, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ образомъ въ народной пѣсенности. Такіе образы были милыми сердцу и воображенію многихъ. Родители вспоминали своихъ дѣтей, не возвратившихся изъ похода въ степь, сыновья своихъ отцовъ, погибшихъ въ степяхъ; много въ Украинѣ было женщинъ, лишившихся въ степяхъ своихъ мужьевъ и братьевъ, или томив-

¹⁾ — Кому мене вручаешъ,
— Кому коня покидаешъ,
— Чи турчину, чи татарину? —
„Тебе, коню, турчинъ не пиймае,
А татаринъ не осѣдае“.

²⁾ Прибѣжи, коню, до двору,
Да вдарь копытомъ въ болону,
А вижде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька,
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився.
Да поглянь собі паняночку,
Въ чистімъ полѣ земляночку,
Куди вѣтеръ не вѣе,
Куди сонечко не грѣе.

нився незнаємъ о постигшей ихъ судьбѣ, послѣ того какъ они, покинувши свой домъ, отправились на степные подвиги. Отъ такихъ-то сердечныхъ движеній исходили эти грустные пѣсни, часто сложенные на старой подкладкѣ, усвоенной безсознательно отъ прежнихъ поколѣній. Тогда же слагались о такихъ предметахъ думы, и распѣвали ихъ кобзари; слушались тѣ думы народомъ съ любовью, и нѣсколько такихъ дошло до насъ.

Такова, во-первыхъ, дума о смерти атамана Безроднаго, иногда называемаго Хведоромъ, иногда Хомою Безроднымъ. Максимовичъ, на основаніи историческихъ соображеній, пытался опредѣлить: кто такой именно былъ этотъ атаманъ Безродный, но кажется, что зтр имя въ началѣ было не собственное, а нарицательное. Это типъ козака сироты, безъ рода, безъ племени. Это подтверждается тѣмъ, что иногда къ слову безродный прибавляютъ еще слово «безплеменный». Это кличка, которая могла даваться многимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время; хотя эта кличка легко могла перейти и въ собственное имя, какъ прозвище, но также могла даваться и такому, который уже носилъ другое прозвище. У насъ четыре варианта этой думы: одинъ напечатанъ въ сборникѣ Максимовича, другой—въ сборникѣ Метлинскаго, третій—въ Запискахъ Югозападнаго Отдѣла Географическаго Общества напечатанъ со словъ кобзаря Вересая, четвертый—въ рукописномъ собраніи Котляревскаго. Есть между ними отличія, но общаго между ними то, что козакъ Хведоръ (Федоръ) безродный, бездольный, безплеменный умираетъ на берегу Днѣпра отъ полученныхъ ранъ, разговариваетъ съ своимъ чурю, называемымъ въ одномъ вариантѣ Вересая собственнымъ именемъ «Ярема», посылаетъ его отыскать козаковъ. Стекаются товарищи и погребаютъ испутившаго духъ отъ ранъ.

По варианту Максимовича, молодой козакъ обѣдалъ надъ днѣпровскимъ заливомъ; вдругъ набѣжали ушкалы (татарскіе наѣзники), изрубили его, но не поймали его чуры (иначе джуры). Чура возвращается къ своему раненому господину и промываетъ его глубокія раны ¹⁾. По вариантамъ Котляревскаго и Вересая, изображается поле битвы, много козаковъ побито ²⁾, и одинъ Хведоръ Безродный чуть живъ лежитъ, по варианту Вересая, между трупами ³⁾, по ва-

- ¹⁾ По надъ сагою Днѣпровою,
Молодой козакъ обѣдъ обѣдае,
Не думаетъ, не гадаетъ,
Що на ёго молодого, ще ё на чуру малого бѣда настагае,
То не вербы луговми зашумѣли,
Якъ безбожнѣ ушкалы налетѣли,
Хведора Безроднаго, отамана курѣннаго, постреляли, порубали,
Тыльки чуры не пиймали.
То малый чура до козака прибуває,
Раны ёму глубокіи промывае. (Максим. Укр. П. 1834 г., стр. 26).
- ²⁾ Тиен дороги потреби вийськовои противъ земгѣ цесарськои
Не богато вийска козацького понажено
И передъ мечемъ положено,
Нѣ одной души живои козацькою не оставлено.
- ³⁾ По потребѣ, по потребѣ барзе царськои
Ей то тамъ-то много вийска понажено
То черезъ мечу положено,

рианту Котляревскаго, подъ увѣсистю вербою надъ днѣпровскимъ заливомъ, и чура промываетъ ему раны ¹⁾). Въ вариантѣ Метлинскаго подобный же образъ: козакъ лежитъ израненный, но неизвѣстно, гдѣ, и какъ, и кѣмъ; близъ него слуга, зажженная свѣча въ рукахъ (эта свѣча, должно быть, позднѣйшее измышленіе) ²⁾. Далѣе, по варианту Максимовича, израненный Хведоръ Безридный слышитъ шумъ и посылаетъ чуру узнать, что это такое, и если ушкалы, то приказываетъ ему укрыться, а если козаки, то пригласить ихъ къ нему. Чура, пробѣжавши по берегу, увидалъ козаковъ, замахалъ на нихъ шапкою, и когда козаки, плывя въ челнахъ, причалили къ берегу, просилъ ихъ поспѣшить къ его раненому господину ³⁾. Въ вариантѣ Котляревскаго, напротивъ, слуга совѣтуетъ своему господину черезъ войско днѣпровское подать вѣсть родителямъ и роднымъ, чтобъ доставили ему покрывало для погребенія ⁴⁾. Надобно при этомъ знать, какое важ-

То тамъ-то между тѣмъ трупомъ Хведоръ Безридный, бездольный пробывае.
(Зап. Юг. Отд. Геогр. Общ. I. 18).

¹⁾ Тильки видъ зеленою похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою, надъ холодною водою,
Лежитъ козаке молодой товарищу вийськовий,
Хведиръ Безридный, отаманъ курѣнный,
Постреленный, порубанный на рани смертельныи знемогае,
Нѣ отецъ, нѣ мати, нѣ родина кривна сердечна того не знае,
Тильки у ёго слуга сидитъ,
Изъ днѣпровой саги холоднои воды набирае,
Рани козацкѣи смертельныи промывае. (Вариантъ Котляр.).

²⁾ Надъ сагою днѣпровою
Лежитъ Хведоръ Безридный, безплеменный,
Постреленный, порубанный,
На рани смертельныи знемоганный.
У головахъ свѣый кнѣзь стоитъ,
А въ ниженькахъ слуга сидитъ,
А въ рученькахъ свѣча горитъ. (Метл. 440).

³⁾ Чуро мий, чуро вѣрный слуго!
Пийди ты степомъ по-надъ-Днѣпромъ.
Послухай ты, чуро: чи то гуси кричать, чи лебеди ячать,
Чи ушкалы гудуть, чи козаки Днѣпромъ идуть?
Коли гуси кричать, або лебеди ячать—то зжени,
Коли ушкалы идуть—то скорони,
Коли жъ козаки идуть—то обяви,
Нехай вони човны до берега привертають,
Мене, Хведора Безридного, навіщають.
То чура малый по берегу пробѣгавъ,
Ковакнѣ зобачавъ,
Шапкою махавъ, словами промовавъ:
Панове молодцѣ, добре вы дбайте, човны привертайте,
До отамана курѣнного прибувайте. (Укр. П. 27).

⁴⁾ Пане мий молодой, Хведоре Безридный,
Добре ми дбаймо,
До твого отца—панѣ-матки, до родины сердечной вийськомъ Днѣпровомъ
накажѣмо.

Нехай твий отецъ и мати добре дбае.

ное значеніе придаютъ вообще южноруссы такому покрывалу: многіе, особенно старые люди, заранѣе готовятъ себѣ покрывало на смерть. «Не поможетъ мнѣ — говоритъ умирающій — тонкое покрывало: ты, мой слуга, на чужой сторонѣ — мнѣ и отецъ, и мать, и братъ, и сестра» ¹⁾. Онъ приказалъ снять съ его вышитаго золотомъ воротника шелковые шурки и, сѣвши на его коня, ѣхать въ козацкое войско ²⁾. Въ вариантѣ Вересая о покрывалѣ нѣтъ рѣчи, но Хведоръ отдаетъ своему джурѣ Ярема двухъ коней, красные шурки, отъ поля до воротника вышитые золотомъ, оружіе и велитъ проѣхать, чтобъ на него посмотреть ³⁾. Когда джура Ярема исполнилъ приказаніе, Хведоръ поблагодарилъ Бога, что его достояніе достанется такому доброму козаку, а потомъ, слыша шумъ, послалъ узнать, что это такое, и если то козаки плывутъ Днѣпромъ-Славутою, то объявятся передъ ними и поклонятся кошевому и всему козацкому товариству ⁴⁾. По обоимъ вариантамъ — и Котляревскаго и Вересая — кошевой и запорожцы заподозрѣваютъ чужу: не убилъ ли онъ своего господина. Слуга объясняетъ имъ, что его господинъ израненный лежитъ при смерти и упрашиваетъ прибыть къ нему, хотя бы, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы похоронить его тѣло и не дать на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ ⁵⁾.

Покрывало тонесеньке тобѣ пересняле,

Нехай бы мы могли знати,

Якъ тебе на чужѣй сторонѣ поховати!

(Вар. Котлар.).

¹⁾ Хведиръ Безридный тее зачуває

Словами промовляе:

Слуго мий молодий,

Не поможе мейѣ на чужѣй сторонѣ покрывало тоненьке,

Ты въ мене слуга на чужѣй сторонѣ отецъ и мати ридненьки,

И братъ и сестриця вѣрненьки.

²⁾ Добре ты, слуга молодий, дбай,

Изъ мого помозицкаго кожьра шовкову тягню зѣймай,

На добраго коня сѣдай, промежу вийськомъ козацкымъ проѣжай,

Чи будешъ ты угодець вийську Днѣпровому, отаману кошовому!

³⁾ Ой джура Ярема! дарую тобѣ по смерти своѣй коня вороного,

А другого бѣлогривого,

И тягеля червоныи отъ пня до кожьра золотомъ гаптованѣ,

И шаблю булатную ѣ пицаль семипядную.

Ой да добре жъ ты дбай, да на коня сѣдай,

Да предо мною повертай,

Да нехай я буду знати,

Чи удобенъ ты будешъ помежъ козаками пробувати.

(Зал. Югов. Отд. Геогр. Общ. I. 19).

⁴⁾ Ой ты їдь да надъ лугомъ Базавлукомъ,

Да по надъ Днѣпромъ-Славутою,

То якъ ушкалы гудуть, то ты скоронися,

А якъ козаки йдуть Днѣпромъ-Славутою, то ты объявися,

Та шпичокъ на копю искладай,

А самъ низько уклоняй,

Напередъ Господу Богу

И батьку кошовому, отаману вийськовому,

И всему товариству кривому ѣ сердечному. (З. Югов. О. Г. О. I. 20).

⁵⁾ Слуга молодий добре дбае,

По варианту Максимовича, запорожцы, извѣщенные чурою, застали еще въ живыхъ Хведора Безроднаго, и онъ, давши своему слугѣ наставленіе служить вѣрно войску, умеръ ¹⁾. По другимъ вариантамъ, Хведора уже не застали живыхъ козаки, прибывшіе по извѣщенію чуры.

Описание погребенія почти въ однихъ и тѣхъ же чертахъ во всѣхъ вариантахъ. Подробнѣе всѣхъ оно въ вариантѣ Вересаея. Козаки, нашедши тѣло Хведора Безроднаго, обмыли его, положили на красную китайку, выкопали сабли и могилу, вынося изъ нея землю шапками и полами, похоронили въ ней Хведора

Межъ вийськомъ козацькимъ поѣзжае.

Отаманъ кошовый тее зобачае,

Словами промовляе:

Слуго молодой, не своимъ ты конемъ поѣзжаешъ,

Не своею абруею выхваляешся!

Где-сь ты свого пана вбивъ либо ранивъ,

Либо козацькою души тѣла збавивъ!

Слуга молодой добре дбае,

Изъ коня встаетъ, словами промовляе:

Отаманъ кошовый! Я свого пана не вбивъ и не зрадивъ,

Нѣ козацькою души тѣла не збавивъ;

Тождь ёго турецька булатна шабля порубала,

Тождь ёго стрѣлка татарська пострелала.

Отаманъ кошовый тее зачувае,

Словами промовляе:

Павове молодцѣ, добре вы дбайте,

На конѣ козацькинъ сѣдайте,

Коло лугу Базавлуку объѣзжайте,

Хведора Безроднаго живого заставляйте!

(Вар. Котляр.).

Въ вариантѣ Вересаея:

„А мий панъ лежить у лузѣ Базавлуцѣ,

Постреленный, порубанный на раны смертєлннн знемогає.

То прошу я милости вашої всенижающе

У лузѣ Базавлуку прибывати,

Тѣло козацьке молодецьке въ чистѣмъ полѣ находити й поховати,

Звѣру-птицѣ на поталу не дати“.

Ой то кошовый отаманъ вийськовый добре дбавъ

Изъ сѣмсотъ козакивъ пятьдесятъ выбиравъ

Да въ лузѣ Базавлуку въ субботу пославъ. (З. Ю. О. Г. О. I. 21).

¹⁾ Козаки тее зачували, до берега привертали,

Отамана навѣщали.

Тогдѣ козакъ чуру выхвалиє,

• Словами промовляе:

— Чуру мий, чуру вѣрный слуго!

— Коли ты будешъ вѣрно пробувати,

— Будуть тебе козаки поважати!—

То тее промовлявъ, опрощенье зо всѣми бравъ,

Милосердому Богу душу отдавъ.

(Макс. Укр. II. 27).

По варианту Котляревскаго:

Козаки добре дбали

Коло лугу Базавлуку объѣзжали,

Хведора Безроднаго живого не застали.

Безроднаго, насыпали надъ нимъ высокую могилу, воткнули на ней значокъ и помянули умершаго запльсневѣлыми сухарями ¹⁾). Въ вариантѣ Максимовича послѣ слоднаго съ предшествовавшимъ описанію погребенія приводится такое изреченіе: еще знала хорошо козацкая голова, чтобъ не умирать безъ козацкаго войска ²⁾). Эти слова составляютъ смыслъ того впечатлѣнія, какое должна была оставлять въ душѣ слушателей дума—чувство войскового товарищества и братства; козаку будто легче оттого, что привелось ему испустить духъ среди товарищей бранной жизни. Не меньше знаменателенъ финалъ думы, по варианту Метлинскаго, хотя вообще неполному и случайно разорванному: слава его не умереть, не погибнетъ между нами, народными головами, пока солнце будетъ сіять и свѣтъ свѣтитъ, будемъ славу его всегда прославлять ³⁾). Слова: между народными головами показываютъ, что думы слагались между людьми, считавшимися передовыми въ козацествѣ, и пѣлись въ ихъ кругу ими самими, прежде чѣмъ становились достояніемъ бродячихъ кобзарей. Слава, игравшая такую важную роль, выражалась тѣмъ, что о славномъ козацкѣ слагалась дума и пѣсня и расходилась въ народѣ, и подвигъ богатыря переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

За думою о Хведорѣ Безродномъ мы укажемъ на думу о трехъ братьяхъ, умирающихъ на берегу рѣки Самары у криницы Салтанки. Вся дума составляетъ одну только картину: трое братьевъ, изстрѣленныхъ, изрубленныхъ, борятся со смертью. Старшій проситъ середняго достать ему воды, середній не въ силахъ этого сдѣлать; оба просятъ меньшого заиграть, чтобъ услышали козаки и подали имъ помощь. Но меньшей также лишился силъ и не можетъ этого сдѣлать. Наконецъ всѣ трое умираютъ. Передъ нами четыре варианта этой думы: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 году въ Харьковѣ, 3) напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, 4) напечатанный въ сборникѣ Максимовича. Варианты Котляревскаго и Харьковскій отличаются отъ

¹⁾ То вони у лугъ Базавлугъ прибували,
У субботу проти недѣли, у четвертій полуночній годинѣ
Да тѣло молодецьке знаходили,
На червону китайку клали,
Тѣло козацьке молодецьке обмывали.
А шаблями сходили конали.
А шапками да приполами персть вносили,
Глибокую яму копали,
Хведора Безроднаго-безроднаго похоронили,
Высокую могилу висыпали
И прапорокъ у головы устроили
И премудрому лицаревѣ славу учпили.
А тимъ вони ёго поминвали, що у себе мали,
Цяленькими сухенькими вийсковими сухарями (З. Юг. О. Г. О. I. 21).

²⁾ То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийска козацького не вмирала. (Макс. Сб. Укр. II. 27).

³⁾ Слава ёго не вмире, не поляже
Между нами,
Народними головами,
Покудова буде свѣтъ свѣтити
И сонце сіяти,
Будемъ славу ёго всегда прославляти.

(Метл. 441).

двухъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ нравственной причины несчастія, достигшаго трехъ братьевъ.

Въ началѣ сходно во всѣхъ вариантахъ изображается положеніе равныхъ братьевъ ¹⁾. Слова старшаго брата, который проситъ у середняго воды, также сходны, за малыми отличіями ²⁾, только въ вариантѣ Котляревскаго старшій братъ прибавляетъ, чтобъ середній взялъ жбанъ ³⁾, а въ вариантѣ Метлинскаго, чтобъ онъ связалъ голову тетивою изъ лука ⁴⁾.

Отвѣтъ середняго брата представляетъ уже не маловажныя отличія во вариантахъ; въ особенности же слѣдующее затѣмъ обращеніе, чтобъ меньшій заигралъ на трубѣ ⁵⁾. Здѣсь поводъ къ игранію на трубѣ, по вариантамъ Харь-

¹⁾ Ой усѣ поля самарськи погорѣли, почорнѣли,
Тильки zostалися два терны дрибененьки,
Два байраки зелененьки,
У рѣчки Самары, у криниць Салтанки
Тамъ лежало три брѣта ридненьки,
Якъ голубоньки сивельки,
Постреленѣ, порубанѣ, на рани смертелнѣ знемогали,
Порубанѣ кровью зийшли,
Постреленѣ къ сердцю прійшли. (Вар. Харьк.)

Или въ вариантѣ Метлинскаго:

Порубанѣ кровью искожають,
Постреленѣ къ сердцю прилягають,
Куль душу съ тѣломъ розлучають. (Метл. 438.)

²⁾ Озоветься старшій братъ до середульшого словами.

Обильеться геркими слѣвами:

Братку мий милнй,

Голубоньку мий сивнй!

Добре дбай,

На ноги козацькн вставай:

До рѣчки Самарки, або до криниць Салтанки

Холоднои води зайди;

Рани мои смертелннн охолоди.

(Харьк.)

³⁾ Колябъ ти, братку добре дбай,

Щобъ ти на ноги козацькн встававъ,

Збанокъ козацькнй въ руки бравъ—

До рѣчки Самарки, до криниць Салтанки

Холоднои води заходиъ

Рани мои смертелннн охолодиъ.

(Вар. Котлар.)

⁴⁾ Добре ти вчини,

Зъ мого лука шовкову тетиву яини,

Козацькую голову звяжи.

(Метл. 438.)

⁵⁾ Якъ-же менѣ, брате, на ноги козацькн вставати,

Що у мене ноги козацькн порубанѣ,

Руки козацькн постреленѣ,

Голова моя козацька пробита.

Попросимо ми свого меньшого брата:

Нехай нашъ найменьшій братъ на ноги козацькн вставае,

У тонкнй внйсковнн суремки заграе.

(Вар. Котляревск.)

Или:

ковскому и Максимовича, тотъ, чтобъ козаки, услышавши ихъ, прибыли къ нимъ и покоронили ихъ въ чистомъ полѣ ¹⁾, а по варианту Котляревскаго изъ-является желаніе, чтобъ козаки сообщили родителямъ извращенныхъ, чтобъ они прѣзжали къ сыновьямъ и совершили надъ ними приличное погребеніе ²⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго собственно то же ³⁾, но съ признаками амплификаціи, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Отвѣтъ меньшого брата представляетъ еще больше отжѣгъ въ вариантахъ Котляревскаго и въ Харьковскомъ (въ послѣднемъ не упоминается вовсе объ отцѣ и матери): меньшой братъ отвѣчаетъ среднему, что если онъ занграеть на трубѣ, то ихъ услышать не козаки, а тѣ же турки янычары, которые ихъ изрубилы, и теперь они, враги, явятся снова для того, чтобъ ихъ живьемъ задать на каторги, и лучше ихъ помирать въ чистомъ полѣ, не увидавши ни отца, ни матери ⁴⁾. Затѣмъ слѣдуетъ смерть

Братуку мій ридненькій,
 Якъ голубонько сивенькій!
 Чи ти менѣ, брате, вѣри не дѣймаешъ,
 Чи ти мене на-смихъ підіймаешъ?
 Чи не одна насъ шабля порубала,
 Чи не одна насъ куля постреляла?
 Що маю я на собі девять ранъ рубанѣ широки,
 А чотири стрелецѣ глибоки.
 Такъ ми, брате, добре вчинѣмо,
 Свого найменшого брата попросѣмо,
 Нехай найменшій братъ добре дбає,
 Хочъ на вколюшкѣ встаєає,
 Вийскову суремку въ головкахъ достигає,
 У вийскову суремку добре грає—програєає.

(Максим. Сб. Укр. Д. и П. 1849, стр. 18).

- 1) Нехай би насъ страннѣ козаки зачували,
 До насъ дожидали, смерти нашої доглядали,
 Тѣло наше козацьке въ чистѣмъ полѣ поховали.
 (Харьк. у Максим. ви. зачували: стали зачувати, до насъ дожити и пр.).

- 2) То будуть козаки чистимъ полемъ проѣзжати, гуляти,
 Будуть наши игри козацьки зачувати.
 Будуть вони до насъ прѣзжати.
 Будемъ ми добре дбати,
 Отцевѣ й матерѣ въ землю християнську поклонъ передавати,
 Щобъ насъ отецъ и мати добре знали,
 Вони-бъ до насъ прибували,
 Вони-бъ насъ хоршенько поховали. (Вар. Котляревск.).

- 3) А вже въ насъ отецъ мати все добристь собѣ мали-бъ,
 Да въ чисте поле вони вихожали-бъ,
 Кошулѣ тоненьки, покривала тоненьки вони виношали-бъ
 Наше тѣло козацьке-молодоцьке
 Хоршенько въ чистомъ полѣ поховали-бъ,
 Звѣру и птицѣ на поталу не дали-бъ. (Метл. 499).

- 4) Меньшій братъ тее зачуває,
 Слово промовляє:
 Брати мои милѣ,
 Голубоньки сивѣ!

всѣхъ троицъ ¹⁾. Но въ вариантахъ Максимовича и Метлинскаго меньшей братъ представляетъ смерть всѣхъ троицъ братьевъ, какъ наказаніе, посланное отъ Бога за то, что они отправились въ охотное войско безъ позволенія родителей и не прощаясь съ ними ²⁾; а вариантъ Максимовича прибавляетъ еще, что они, проѣзжая мимо церкви, не снимали шапокъ и не призывали къ себѣ помощи милосердаго Бога ³⁾. Послѣдняя черта, сохраненная вариантомъ Максимовича, пришта въ думу въ позднѣйшее время кобзарями изъ другихъ думъ, между прочимъ, изъ думы о Черноморской бурѣ. Впрочемъ и вся эта нравственная сентенція, влагаемая меньшому брату, едва ли есть принадлежность первоначальной редакціи думы. Цѣль настоящей думы—изобразить картину страдальческой смерти израненныхъ козаковъ въ дикой безлюдной степи, что постигало одиавково и добрыхъ, и худыхъ; поэтому, нравоученіе здѣсь какъ-то мало вяжется съ содержаніемъ.

Есть другая дума о трехъ братьяхъ, распространенная болѣе предшествовавшей. Эта дума о братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, гдѣ они находились въ неволѣ у турокъ. Намъ извѣстна эта дума по пяти вариантамъ: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 г. въ Харьковѣ отъ бандуриста, 3) изъ сборника Максимовича, напечатаннаго въ 1849 году,

Чи не тѣ жъ мене саблѣ турецьки порубали якъ и вась?
 Чи не тѣ жъ мене стрѣлки лычарьски постреляли якъ и вась?
 Якъ вамъ, братцѣ, не можно на ноги козацьки вставати, также й менѣ.
 Хочъ я буду въ тонкіи суремки жалибенько грати,
 То будуть турки-лычары, безбожныи бусурманы чистымъ полемъ гуляти,
 Будуть наши игри козацьки зачувати,
 Будуть до насъ наѣзжати,
 Будуть намъ житьемъ каторгу задавати.
 Лучше намъ, братцѣ, оттуть, въ чистѣмъ поле помирати,
 Отця й панѣ маткы и родини сердечной въ вичи не видати.

(Вар. Котляревск.).

- 1) Стала чорная хмара на небѣ наступати,
 Стали козаки въ чистѣмъ полѣ помирати,
 Стали свои головы козацьки на рѣчцѣ Самарцѣ покладати.
 Чимъ тая Самара стала славна,
 Що вона много вийська козацького у себе видала. (Вар. Котлар.).
- 2) Не есть се насъ сабля турецька порубала,
 Не есть се насъ куля лычарьська постреляла,
 А есть се отцева й панѣматчина молитва насъ покарала,
 Якъ мы въ охотне вийсько отъ отця отъ матерѣ отъ роду отъѣзжали,
 Мы съ отцемъ съ матерью и съ рокомъ опрошеньня не брали.

(Макс. 1849 г. 18).

Или:

Не добре мы, братця, сами починали,
 Що всѣ три охотою въ вийско виступали,
 Насъ отецъ и мати спинали,
 Мы великую гордость собѣ мали,
 Роспрошеньня не приймали.

(Метл. 439).

- 3) А якъ противъ церкви дому божого проѣзжали,
 Мы шапокъ съ головы не снимали,
 Милосердаго Бога на помичъ не прохали.

(Макс. 18).

4) изъ записокъ о Южной Руси Кулиша, напечатанныхъ въ 1856 году, 5) кобзаря Вересая, напечатанный въ первомъ томѣ Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества. Сущность этой думы состоитъ въ описаніи страданій и смерти одного изъ трехъ братьевъ, убѣжавшихъ изъ азовской неволи; меньшей братъ погибаетъ оттого, что принужденъ бѣжать пѣшкомъ, тогда какъ другіе два брата бѣжали верхомъ.

Въ Азовѣ сдѣлался большой туманъ—такъ начинается эта дума, по Харьковскому варианту, и въ это-то время двое братьевъ убѣжали изъ неволи, покинувши третьяго пѣшехода ¹⁾. По вариантамъ Максимовича, Кулиша и Вересая, туманъ не сопровождаетъ побѣга и не содѣйствуетъ ему, какъ это видно по Харьковскому варианту, а приводится вмѣстѣ съ поднявшеюся пылью въ качествѣ сравненія въ отрицательной формѣ ²⁾. По этимъ вариантамъ, всѣ три разомъ убѣжали, по Харьковскому же, третій пустился послѣ вслѣдъ за конными пѣшей.

Въ этомъ началѣ Харьковскій вариантъ, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы, такъ какъ онъ заключаетъ болѣе правды: вполне естественно, что бѣжавшіе воспользовались такимъ временемъ, когда насталъ большой туманъ, и погоня за ними по первымъ слѣдамъ была трудна. Также естественно, что они двое, овладѣвши двумя конями, не имѣли времени позаботиться о средствахъ побѣга для третьяго брата.

Пѣшей бѣжить за конными. По варианту Котляревскаго, онъ разбиваетъ себѣ ноги о сырое коренье, а по другимъ, обжигаетъ себѣ ноги на пожарищѣ ³⁾. Пожаръ степной травы—явленіе очень обыкновенное, и татары часто умышленно производили его, чтобъ не допускать черезъ степи русскихъ и польскихъ военныхъ силъ; но въ настоящую думу образъ этотъ внесенъ, вѣроятно, позже, потому что если бы въ самомъ дѣлѣ бѣжавшіе изъ неволи наткнулись на степной пожаръ, то едва ли могли бы спастись и конные. Несчастный пѣшеходъ

1) Ой у городѣ Азовѣ великіи туманы вставали,
Тодѣ три брати рідненьки кинно зъ тяжкою неволѣ втѣкали,
Меньшого брата пѣшого-пѣшеницю покидали.

2) Изъ города изъ Азова не великіи туманы вставали,
Три брати рідненьки зъ тяжкою неволѣ втѣкали. (Макс. Сб. 1849. 19).

Или:

Изъ города изъ Азова не пылы туманы вставали,
Тѣкавъ полчокъ малый невеличокъ,
Тѣкали три братики рідненьки. (Кул. 32).

Или:

Ой то не пылы пыляли, не туманы уставали,
Якъ изъ города Азова изъ тяжкою неволѣ три братица втѣкали,
Два кинныхъ, третій пѣшей-пѣшеница.

(Вар. Верес. З. Югов. О. Г. Общ. I. 6).

3) На сыре корѣнныя ноги козацьки збивае. (Вар. Котляр.).

На пожаръ нижки попалае,
Кровью слѣды заливае.

(Харьк.).

Или:

За кинными бѣжить-подбѣгае
Чорний пожаръ нидѣ бѣлѣ ноги пидпадае,

Кровью слѣды заливае. (Кул. 32. Тоже въ вар. Верес. З. Юг. I. 6).

умоляеть їдущихъ впереди конно братьевъ остановиться и посадить его съ собою ¹⁾, провезти хоть на милоу ²⁾, хоть на полчетверти мили ³⁾, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ дорогу: куда ему слѣдовать въ христіанскіе города ⁴⁾. По Кулишовскому варианту, онъ просить братьевъ скинуть съ лошадей добычу ⁵⁾, которую они везли, чтобъ дать ему мѣсто съ собою, но, кажется, это поздѣвшая прибавка; у такихъ бѣглецовъ едва ли могла быть добыча, — да и въ прочихъ вариантахъ этого нѣтъ. Старшій братъ отвѣчаетъ: по варианту Котларевскаго, что неудобно брать на себя такую тяжесть: изъ Азова за ними можетъ пуститься погоня; мы—говорить онъ—и сами не уйдемъ, и тебя не увеземъ ⁶⁾. По варианту Вересая ⁷⁾, старшій братъ прибавляетъ, что онъ можетъ пѣшью сторониться въ терновникахъ и оврагахъ, а ихъ скорѣе догонять и нобѣлтъ! То же и по варианту Кулиша ⁸⁾. Окажите же имъ милосердіе, говоритъ несчастный, отрубите имъ голову и похороните въ чистомъ полѣ, не дайте имъ растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ ⁹⁾. На это, по варианту

¹⁾ Станьте, братцѣ, подождѣте

Мене, меньшого брата пѣшу-пѣшенцю зъ собою вьзъмѣте.

²⁾ — Хоть на одну милоу въ города христіанскіи подвезѣте.

(Вар. Харьковск.)

³⁾ Хоть на полчетверти милѣ подвезѣте.

(Вар. Котл.)

⁴⁾ Вниъ своихъ братьихъ догнае, мѣждо конѣ вѣбгае,

Словами промовлае,

Гирко слѣзами рьдае, за стремена хапае:

Браты мои старшин милѣ,

Якъ голубоньки снѣ!

Ей то станѣте, конѣ попасѣте,

Мене, меньшого брата, подождѣте,

Або назадъ завернѣте, да на коня возъмѣте,

Хоть мало подвезѣте,

Нехай я буду знати

Куди въ города христіанскіи до отця до матки въ гости прибувати.

(Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 6.)

⁵⁾ Добычъ изъ коней сьмадайте,

Мене брата пѣхотинца мѣждо коней берѣте.

(Кул. 32.)

⁶⁾ Чи подобно, брате, дѣло, щобъ я тебе, ваготу, на коня братъ,

Свого коня томить:

Будеть изъ города Азова тяжкая великая погоня,

Ми и сами не втечемъ

И тебе не увеземъ,

А якъ ты живъ и здоровъ будешъ,

То и самъ въ землю христіанськую дийдешъ.

(Вар. Котл.)

⁷⁾ Якъ изъ города Азова такъ велика погоня буде,

То ты будешъ на тернахъ по байракахъ скоронитися,

А насъ погоня буде догонати.

(Вар. Верес. Ibid.)

⁸⁾ — Будуть кримцѣ нагайцѣ безбожнѣ бусурмане

Тебе, пѣшого-пѣшенцю, на спочинкахъ минати,

А насъ будуть вѣнними догонати

И назадъ у Турещину завертати.

(Кул. 33.)

⁹⁾ Добре ви, братци, зробіте—

Мени найменьшому брату съ плечъ голову знимѣте,

Кулиша ¹⁾, старшій братъ отвѣчаетъ, что на такое дѣло у него рука не поднимется и сердце не осмѣлится. Но, по варианту Вересаея, подобный отвѣтъ исходить отъ обоихъ братьевъ ²⁾, а въ вариантахъ Котляревскаго ³⁾ и Максимовича ⁴⁾ этотъ отвѣтъ выговаривается въ уста только среднему брату, который представленъ вообще мягче и добродушнѣе старшаго брата, разсудительнаго правника и сухого згонста. Тогда меньшой братъ обращаетъ къ братьямъ послѣднюю просьбу; онъ умоляетъ ихъ, когда они дойдутъ до терновыхъ кустовъ—наломать вѣтвей и разбросать по своему пути ⁵⁾, чтобы пѣшій, идя вслѣдъ за конными, могъ найти дорогу на родину ⁶⁾. Въ Харьковскомъ вариантѣ вѣтъ трагическаго разговора между братьями. На просьбу меньшаго брата подождать братья не дали отвѣта и по-

Мое гѣло козацьке въ степу на дорозѣ поховайте,
Звѣру-птицѣ на нотагу не дайте.

(Вар. Котляр. тоже у Верес. 6. Максим. 26. Кулиша 34).

- 1) Чи подобенство, брате, тебе рубати?

Одначе шабля не вьземе,
Рука не зведеться.

Сердце не осмѣлится тебе рубати.

(З. о Ю. Р. 34).

- 2) То тѣ брати промовляють словами,

Обиьляються гирко слѣзами:

Ой братяку нашъ меншій, милнй,

Якъ голубонько сивнй,

Ой хоть у насъ ясенъ мечъ,

Такъ наше сердце козацькее молодецькее не осмѣлится,

И рука наша козацька молодецька не воздйме,

И нашъ ясенъ мечъ твоеи головоньки не име,

На прахъ роспаде!

(З. Юг. О. Г. О. I. 7).

- 3) Средній братъ тее зачуває,

Словами промовляє:

Брате мнй милнй, голубонько сивнй,

Наша рука козацькая на тебе не здйметься,

Сердце наше козацьке на тебе не осмѣлится,

Мечъ нашъ булатнй твоеи шпй не имеетъ

На дрибнй макъ весь падеть.

(Вар. Котл.).

- 4) Сего, брате, зроду не чували,

Щобъ риднои кровью шаблѣ обивали.

(Макс. Сб. 1849 г. 20).

- 5) Коли не хочете, братцѣ, мене рубати,

То прошу васъ, братцѣ, якъ будете до байракивъ прибувати,

Терновѣ вѣтки въ зашпцля брати,

Мене признаку покидати.

(Макс. 21).

Или:

Хочъ одинъ же вы милосердіе майте,

Будете до тернивъ, до байракивъ прибувати,

Такъ у боки забѣгайте,

Вѣти терновими рубайте,

По шляху покидайте!

(Кул. З. о Ю. Р. 34).

- 6) Нехай бы я могъ знати,

Куди въ землю християнську до отця, до матери прибувати.

(Вар. Котляр.).

бѣжали отъ него ¹⁾). Но потомъ, по тому же Харьковскому варианту, происходитъ между убѣжавшими верхомъ братьями такая сцена. Середній братъ желаетъ остановиться, отдохнуть въ кустахъ, подождать меньшого брата, взять его съ собою на коня и подвезти, хоть немного. Старшій братъ съ своею безсердечною разсудительностью возражаетъ на это: Какой ты глупый! Развѣ тебѣ не надоѣла тяжелая неволя? Если мы станемъ ожидать своего меньшого брата, то тѣмъ временемъ нагонятъ насъ и изрубятъ, либо возьмутъ въ неволю, которая для насъ будетъ горше прежней ²⁾). Середній братъ—человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, но со слабою волею: у него недостало рѣшимости воспротивиться брату и остаться самому ждать пѣшаго. Онъ упрямилъ только согласія срывать вершины терновыхъ вѣтвей и разбрасывать на пути за собою для примѣты меньшому пѣшему ³⁾). Такимъ образомъ, въ другихъ вариантахъ это представляется выдумкой самого пѣшаго брата, а въ Харьковскомъ — выдумкой середняго брата. Затѣмъ, въ вариантахъ: Харьковскомъ ⁴⁾, Котляревскаго ⁵⁾ и

¹⁾ Тее братики зачували,
Видѣть побѣгали.

(Вар. Харьк.).

²⁾ Скоро стали вони до Міуса до байрака добѣгати,
Ставъ середульшій братъ до старшого словами промовляти:
„Брате мій старшій ридненькій!

„Прошу я тебе тутъ спочиньмо,

„Бо тутъ хочъ и буде насъ погоня догоняти,

„То буде вона насъ на спочинку въ байракахъ минати,

„Станьмо хочъ трохи, меншого брата подождѣймо,

„На коней возьмѣймо, у вѣру христіанську хочъ трохи подвезѣймо.

„Нехай нашъ найменшій братъ буде знати,

„Куди у вѣру христіанську до отца, до матери прибувати“.

То старшій братъ тее зачуває

Словами промовляє:

„Брате середульшій! дурний розумъ маєшь:

„Чи то тобѣ не далася тяжкая неволя знати?

„Бо якъ ми будемо свого меншого брата дожидати,

„Буде за нами зъ города Азова великая погоня угоняти,

„Буде насъ въ байракахъ нажозати,

„На три штуки рубати,

Або въ горшюю неволю буде насъ живцемъ завертати.

³⁾ Тогдѣ середульшій братъ тее зачуває,

Словами промовляє:

Нумо, брате, хочъ верховѣття тернове стинати

Меншому братовѣ, пѣшому-пѣшеницѣ, на прикмету покидати.

Щобъ знавъ зъ тяжкою неволю въ христіанську землю куди вѣбати.

(Вар. Харьковск.).

⁴⁾ Скоро ставъ меншій братъ пѣша-пѣшениця

До Міуса до байрака добѣгати,

Ставъ верховѣття тернове знажозати,

Ставъ до свого сердца козацького молодецького прикладати,

Слѣзми заливати.

(Вар. Харьк.).

⁵⁾ Ставъ меншій братъ девятого дня до тернивь до байракивь пробувати.

Ставъ терновѣ вѣття знажозати,

Словами промовляти:

Кулиша ¹⁾ описываются чувства кроткаго меньшого брата, выраженные въ то время, когда онъ находилъ вѣтви, брошенные на примѣту ему. Въ вариантѣ Максимовича этого нѣтъ, и терновыя вѣтви бросаетъ одинъ только середній братъ ²⁾.

Скоро потомъ, однако, братья выѣхали изъ кустарниковъ въ открытое поле на Муравскій шляхъ ³⁾. Тутъ происходитъ между братьями такой разговоръ: средній братъ предлагаетъ, за недостаткомъ древесныхъ вѣтвей въ степи, обрывать, по Харьковскому варианту, красныя кисти ⁴⁾, а по другимъ — подкладку своихъ жупановъ ⁵⁾. Но старшій братъ слишкомъ дорожилъ своею одеждою турецкою, захваченною при побѣгѣ ⁶⁾, чтобы въ ней пощеголять передъ родителями ⁷⁾ и передъ сосѣдями, которые, по случаю ихъ возвращенія изъ неволи, станутъ почитать ихъ и созывать въ гости ⁸⁾. По Кулишовскому варианту, онъ еще прибавилъ: будетъ нашъ братъ живъ-здоровъ, такъ и безъ нашихъ примѣтъ прибудетъ въ землю христіанскую ⁹⁾. Но на этотъ разъ слабохарактерность средняго брата уступила силѣ любви къ меньшому брату. Онъ не

„Я-жь то думавъ, що обо мнѣ браты нѣчого не дбали,
Вонижь на мене великое милосердіе мали.
Терновее вѣття стинали,
Менѣ, найменшому брату, на прикмету покидали. (Вар. Котляр).

1) Боже мий милый, сотворителю небесный!

Видно, то мои братики сюды зъ тяжкою неволею вѣзали,
Объ мене велике стараніе мали!
Колибъ менѣ Господь помигъ изъ сен тяжкою неволею озовською вѣзати,
Могъ бы я своихъ братикивъ при старости лѣтъ шанувати й поважати.

(З. о Ю. Р. 35).

2) Середульшій братъ милосердіе мае,

Верховѣття у тернивъ стинае,
Меншому брату на прикмету покидае. (Макс. Сб. 1849. VII. 21).

3) Скоро стали два братика риденьки до шляху Муравського добѣгати.

Не стало уже ни байраковъ, ни тернивъ,
Тильки поле желѣе, трава въ полѣ зеленѣе. (Вар. Харьк.).

4) Ну-мо червоныя киты зъ пидъ чорного жупана выдирати,
Меншому брату, пшѣй-пшеницѣ, на прикмету покидати.

5) Ну-мо, брате, ми зъ себе зеленѣя жупаны скидати,

Червону да жовту китайку выдирати,
Пѣшому брату меншому на признаки покидати. (З. о Ю. Р. 36).

6) Чи подобенство, брате, щобъ я свое добро турецьке на шматы дравъ.
(Ibid).

7) Брате середульшій, дурный розумъ маешь,

Що ты свою дорогу хвантину на дурную охоту теряешь!

Якъ мы будемъ до отця, до невкии прибувати,

Якъ-то мы будемъ передъ отцемъ передъ невкою гостѣвати.

(Вар. Котл.).

8) Буду я до отця, до невкии въ землю христіанскую прибувати,

Будуть мене ближніи сосѣды почитати, поважати,

Будуть проти мене шапка знимати,

Будуть мене на хлѣбъ-на силъ зазввати.

(Вар. Харьк.).

9) Якъ винъ живъ-здоровъ буде,

То и самъ въ землю христіанскую безъ нашихъ признакивъ прибуде.

(З. о Ю. Р. 36).

повиновался старшему брату, отсталъ отъ него, сталъ — по вариантамъ Котляревскаго ¹⁾, Кулиша ²⁾ и Вересая ³⁾ — вырывать изъ-подъ своего жупана подкладку и разбрасывать за собою. У Максимовича описаніе разбрасыванія подкладки совершается безъ предварительнаго разговора со старшимъ братомъ, а въ Харьковскомъ вариантѣ есть этотъ разговоръ, но самое разбрасыванье не описывается, хотя изъ нѣслѣдующаго затѣмъ видно, что оно произошло.

Это не принесло, однако, пользы бѣдному пѣшеходу, а только ускорило его погибель. Увидавъ куски одежды, меньшей братъ подумалъ, что погоня догнала и изрубилъ его братьевъ; несмотря на собственные страданія, несмотря на суровость, съ какою обошлись съ нимъ братья, ювеша плакалъ и тосковалъ о нихъ, хотѣлъ найти ихъ тѣла, чтобы предать погребелію и не дать на растерзаніе хищнымъ животнымъ ⁴⁾. Подобное происшествіе меньшей братъ и по варианту Вересая ⁵⁾. По варианту Кулиша, на девятый

1) Середульшій братъ тее зачуває,
Назадъ отставає,
Зъ пидъ свого жупана червону кытайку выдирає,
Свому брату найменшому на прикмету покладає. (Вар. Котляр.)

2) То братъ середульшій милосердіє має,
Изъ свого жупана кытайку червону да жовту выдирає,
По шляху стега покладає,
Меншому брату признаки даває. (З. о Ю. Р. 36).

3) Ей то братъ середульшій добре дбає,
Зъ пидъ лудану червону кытайку выймає,
Дере шляхомъ роскидає,
Меншому брату, пѣшій-пѣшеницѣ, прикмету даває. (З. Юг. О. Г. О. I. 8).

4) Ставъ до Муравьского шляху добѣгати,
Ставъ червоніи кити (по вар. Котляревскаго: червону кытайку) знаходити.
Слѣзми обливати, къ сердцю прикладати, словами промовляти:
Отъ сежъ суди бративъ моихъ двоихъ киннихъ побѣгаю,
Отъ сежъ на ихъ озовська орда (въ вар. Котляр. погоня) набѣгала,
Мене на спочивку минала,
Моихъ бративъ у пень сѣбла-рубала,
Коли-бъ то менѣ Богъ давъ хоча тѣло ихъ неживее въ степу находити.
Минъ бы я ихъ у степу поховати,
Минъ бы суходилъ шаблею копати,
Шанкою, приполомъ землю носити,
Тѣло козацьке въ степу закопати,
Звѣру, птицѣ на поталу не дати.

(Вар. Харьк. и Котляр. у Максим. (Сб. У. II. 22) и у Кулиша (З. о Ю. Р. 37) отъ мѣни есть, но не важныя).

5) Ей и знать-то Азовська орда велики збитки мала,
Мене на спочивку минала,
А моихъ бративъ догонила, стреляла рубала,
А може живыхъ въ позонъ займала.
Ей Господи Боже мий, колибъ я могъ знати, чи моихъ бративъ постремиво,
Чи ихъ порубано, чи ихъ живихъ у руки забрано?
Ей да пийшовъ бы я по тернахъ, по байракахъ блукати,
Тѣла козацького-молодецького шукати,

день ¹⁾ пути, ничего не ѣвши, не пивши, достигъ онъ Савуръ (или Осавуръ) могилы; но по варианту Котляревскаго выходитъ, что онъ страдалъ долѣе, такъ какъ въ девятый день онъ только нашелъ терновыя вѣтви, разбросанныя братьями ²⁾. Полно, — сказалъ онъ, достигши Савуръ-Могилы, — полно уже мнѣ гонаться нѣшему за конными братьями! Пора дать отдыхъ козацкимъ ногамъ ³⁾. Онъ взошелъ на Савуръ-Могилу и плакалъ на ней о братьяхъ ⁴⁾. Три горя его свалили: безхлѣбье, безводье и безродье ⁵⁾. Вѣтеръ буйный сбиваетъ его съ ногъ ⁶⁾. Онъ все болѣе и болѣе изнемогаетъ: трудно стало ему и глазами смотрѣть, и тѣломъ двинуться, и голову повернуть: куда вѣтеръ повѣетъ, туда онъ и клонится вмѣстѣ съ травой! ⁷⁾. Чернокрылые орлы заглядываютъ ему въ глаза ⁸⁾. Орлы черноперые, гости невеселые, — произносятъ онъ, — подождите пока я не перестану видѣть свѣтъ Божій: тогда уже будете выбирать у меня изо лба очи ⁹⁾.

Да тѣло козацке-молодецьке у чистѣмъ полѣ поховати,
Звѣру, птицѣ на поталу не дати. (З. Юг. О. Г. О. I. 9).

¹⁾ До Осавуръ-могилы прибуває,
На Осавуръ-могилу вихожає,
Тамъ собѣ безпечне девятого дня опочивоеъ мѣе,
Девятого дня изъ неба води погоди вижидає. (З. о Ю. Р. 38).

²⁾ Ставъ меншій братъ девятого дня до тернивъ, до байракивъ прибувати,
Ставъ терновѣ вѣтвѣя знахожати. (Вар. Котляр.).

³⁾ Ой годѣ менѣ за кинными братами угоняти,
Часъ менѣ козацкимъ ногамъ пильгу дати.
(Макс. Сб. У. П. 1849 г., стр. 22).

⁴⁾ Ставъ же винъ до Савуръ-могилы прибувати,
Ставъ на Савуръ-могилу всхожати,
Ставъ своихъ братиць ридненькихъ омлакати.
(Варианти Харьк. и Котляр.).

⁵⁾ Що одно безхлѣбье, а друге безвидье, а третье безродье,
Що братиць своихъ ридненькихъ кинныхъ не нагнавъ,
Стали тѣ три недолѣ козака зъ нигъ валяти. (Вар. Харьков.).

Или:

Одно безхлѣбье, друге безвидье, третье бездорожье.
На Савуръ-могилѣ голову склонає,
Гирко ридає. (Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 9).

⁶⁾ Буйный вѣтеръ въ полѣ повѣває,
Бѣдного козака зъ нигъ сбиває. (Вар. Харьк.).

⁷⁾ На очи не гляне, на ноги не встане,
Головки козацком не зведе,
Куды вѣтеръ повѣне, туди похлѣтѣся,
Куды траву поклонити, туди и поклонитѣся. (Вар. Котляр.).

⁸⁾ Стали тогдѣ орлы чернокрилѣ налѣтати,
Пильно въ очи козаковѣ заглядати. (Вар. Харьк. и Котляр.).

Или:

Ой тожъ орлы сизопери налѣтали,
Да на чорни кудри наступали. (Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 9).

⁹⁾ То винъ тее помѣчає,
Словами промовляє:
Орлы чернокрилѣ, гости не милѣ (или не веселѣ),
Хочъ мало подождѣте;

По вариантамъ Харьковскому, Максимовича и Вересая, онъ затѣмъ умираетъ ¹⁾, но, по варианту Кулиша ²⁾, онъ еще приговариваетъ обращеніе къ собственной козацкой головѣ: бывала ты, голова, въ земляхъ турецкихъ, въ вѣрахъ бусурманскихъ, а пришлось тебѣ погибать отъ бездѣбья и безводья; девятый день въ устахъ хлѣба не было: погибаю отъ безводья и бездѣбья! Но это, какъ намъ кажется, поздняя амплификація; перенесено сюда мѣсто изъ другой думы. Въ вариантѣ Котляревскаго наступаетъ черное облако, когда козацкая душа разлучается съ тѣломъ ³⁾, въ вариантахъ Вересая ⁴⁾ и Кулиша ⁴⁾ эта мысль обращена въ форму отрицательнаго сравненія. Но, кажется, здѣсь вариантъ Котляревскаго правильнѣе, и черное облако здѣсь—остатокъ древняго, конечно, еще языческаго представленія души въ видѣ облака; а дождь, о которомъ выше говорить умирающій козакъ орланъ, состоитъ въ связи съ этимъ облакомъ.

Сообразно тому же древнему представленію души въ видѣ дождевого облака, въ одной свадебной южнорусской пѣснѣ встрѣчается явленіе умершей матери невѣсты въ образѣ облака и дождя.

Умершему, по народному южнорусскому понятію, нужны погребальщички и плакальщицы: мать, сестра, жена.

И вотъ для козака, испутившаго духъ одиноко въ степи, на Савур-Мо-

Тогдѣ я прошу васъ нагѣтати,
Зѣ лобу очи выбирати (или висмыкати),
Коли я не буду вже сѣту Божого видати.

(Вар. Харьк. сходно съ Максим. Сб. У. II. 1849 г. 22).

Или:

Зождѣть на малую часинку,
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дрибень дощичкѣ накрапати,
Буде козацька душа съ бѣлымъ тѣломъ розлучати. (Вар. Котляр.)

¹⁾ То тее промовлявъ,
За часъ, за годину милосердому Богу душу отдавъ. (Макс. 22).

²⁾ Мало не много спочиваю,
Отъ руками не визьме, ногами не пийде,
И ясно очима на небо не гляне,
На небо взирае, тажко вздыхае:
Голово моя козацька! Бувала ты въ земляхъ турецкихъ,
У вѣрахъ бусурманскихъ.
А теперъ принало тобѣ на бездѣбѣ, на безвидѣ погибати,
Девятый день хлѣба въ устахъ не маю,
На безвидѣ, на бездѣбѣ погимаю. (З. о Ю. Р. 39).

³⁾ Тогдѣ вже чорная хмара наступила,
Якъ душа козацька съ бѣлымъ тѣломъ розлучила. (Вар. Котляр.)

⁴⁾ Да тожъ не чорна хмара наступала.
Якъ душа козацька молодецька съ бѣлымъ тѣломъ ростривала.
(З. Юг. О. Г. О. I. 10).

⁵⁾ Не чорная хмара нагѣтала,
Не буйнѣ вѣтры вѣнули,
Якъ душа козацька молодецька зѣ тѣломъ розлучалась.
(З. о Ю. Р. 39).

гидѣ, все это является. Похороны отправляютъ орлы и волки, терзая его тѣло, а оплакиваетъ его добрая птица кукушка. Въ вариантѣ Харьковскомъ сначала оплакиваетъ его кукушка, а потомъ уже совершаются ужасныя похороны ¹⁾; въ вариантѣ Максимовича прежде похороны, потомъ кукушка ²⁾. Въ вариантѣ Кулинина кукушки нѣтъ вовсе; а въ вариантахъ Котляревскаго ³⁾ и Вересаева ⁴⁾

1) Где ся взяла сива зозуленька,
 Въ головкахъ сѣдала,
 Жалибно кувала,
 Якъ ридна сестра брата жалковала,
 Такъ вона меншого брата, пѣшу пѣшеницю, оплакала,
 Тогдѣ орлы налѣтали зъ лоба очи высмакали,
 Тогдѣ дрибна птица налѣтала,
 Коло жовтой кости тѣло оббирала,
 Тогдѣ ще й вовки сѣроманцѣ набѣгали.
 Бѣле тѣло рвали, жовту кисть по тернахъ, по балкахъ розношали,
 Жалибно квилили-проквляли
 Тожъ вони меншому брату, пѣшей пѣшеницѣ, похоронѣ видиравали.

(Вар. Харьк.).

2) Сб. Укр. Пѣс. 1849 г. 23 о кукушкѣ: Якъ сестра брата, або мати сына
 оплакала.

3) Стали орлы чорнокрыльцѣ налѣтати,
 Въ головкахъ козацькихъ сѣдати,
 На чорни кудри наступати,
 Изъ лоба очи видирати,
 Коло жовтой кости тѣло козацьке обдирати.
 Стали вовки сѣроманцѣ нахожати,
 Козацькѣ кости ровношати,
 По долинахъ, байракахъ,
 По козацькихъ прикметахъ,
 Тилькѣ козацька голова на Савурь-могалѣ пробуває;
 Нѣшто тея головы не дбае,
 Кроме: сива зозуленька прилѣтала,
 Въ головкахъ козацькихъ сѣдала,
 Жалибненько закувала, нѣби словами промовляла:
 „Голово, голово, козацькая!
 „Якъ ты силла зѣла, хорошененько сходила.
 „По чужихъ земляхъ пробувала,
 „Козацьки звичай добре знала,—
 „Теперь ты ни обь чимъ не дбаешъ,
 „Кроме суда праведнаго Судѣн Господа съ небесъ жадаети!“

(Вар. Котляр.).

4) Орлы сизоперѣ налѣтали,
 Отъ жовтыхъ костей тѣло оббирали,
 А изъ лоба очи выймали,—
 Тожъ вовки сѣроманцѣ зъ великихъ степивъ набѣгали,
 Отъ суставъ кости отривали,
 Да по тернахъ, по байракахъ розношали;
 Ей да тоже буйный вѣтри повѣвали
 Да комышами жовтыи кости покрывали;
 Ей то тоже козака нѣ отецъ нѣ мати оплакала,

сначала отправляются похороны козака, состоящія въ томъ, что орлы и волюк терзають трупъ его и разносятъ кости; остается на Савуръ-Могилѣ одна голова козака, и къ этой головѣ прилетаетъ кукушка и оплакиваетъ ея судьбу такимъ причитаньемъ: Голова, голова ты козацкая! Ты пила-ѣла, хорошо поживала, по чужимъ землямъ пробывала, хорошо козацкіе обычаи знала; теперь тебѣ нѣтъ ни о чемъ заботы, ничего ты не желаешь, кромѣ праведнаго суда надъ собою отъ Судіи Господа! Мѣсто это есть въ другой думѣ, и не беремъ рѣшать, отъ куда ли сюда, или отсюда туда оно перешло. Скорѣе предположить можно первое, потому что обращеніе къ головѣ приличіе можетъ относиться къ козаку бывалому, пожилому, чѣмъ къ юношѣ, какимъ былъ меньшой изъ трехъ бѣжавшихъ братьевъ.

Но вотъ конные братья приближаются къ христіанскимъ городамъ ¹⁾. У рѣки Самарки, близъ криницы Салтанки ²⁾ (это, должно быть, случайный переносъ изъ другой думы объ иныхъ трехъ братьяхъ, приведенной нами выше), они расположились отдыхать, уже не опасаясь погони за собою ³⁾. Старшій братъ уже теперь согласенъ дожидаться меньшого. Въ сердце середняго брата закрадывается тоска предчувствія: вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ меньшого брата ⁴⁾. По варианту Максимовича, эта тоска сразу овладѣваетъ обоими братьями ⁵⁾, а по варианту Кулиша, самъ старшій братъ соболеваетъ о судьбѣ меньшого и хочетъ его подвезти, но середній братъ напоминаетъ, что уже девятый день прошелъ, и вѣрно теперь нѣтъ меньшой братъ умеръ отъ голода и жажды ⁶⁾.

Якъ сива зозули прилѣтала,

Да у головкахъ сѣдала, да жалбно закувала:

„Ой голову, голову козацка молодецкая!

„Сежь ты нѣ допила, нѣ доѣла, а нѣ хороше сходила,

„А н довелоса валитися,

„Звѣру-птицѣ на поталу податися“. (З. Юг. О.-Г. О. I. 10).

¹⁾ Стали кинѣ братьи до городивъ христіанськихъ доѣзжати.

(Максим. Сб. Укр. П. 1849 г., стр. 23).

²⁾ До рѣчки Самарки, до криницъ Салтанки. (Вар. Котляр.).

³⁾ Стали два братики кинѣ до Самарь рѣчки прибувати,

Тамъ три днѣ спочивати,

Меншого брата, пѣшу пѣшеницю, дожидали,

Зеленымъ сѣномъ конѣ годовали. (Вар. Харьк.).

⁴⁾ Братъ середульшій у велику тугу вступае,

Словами промовляе:

Щось недурно до мого сердца велика туга наступае,

Мабуть нашого меншого брата, пѣшѣй пѣшеницѣ, на свѣтѣ не має.

(Вар. Харьк.).

⁵⁾ Стала къ нхъ сердцямъ велика туга налягати. (Макс., *ibid.* 23).

⁶⁾ Стала ихъ темна ничка обіймати,

Ставъ братъ старшій до середульшого промовляти:

— Станьмо, братику, тута конѣ попасѣмо,

— Тутъ моголи высоки, трава хороша

— И вода погожа,

— Станьмо тутечка обождѣмо, поки сонце обѣтрѣе,

— Чи не прибуде къ намъ нашъ пѣшій вѣхотинець,

— Тогдѣ на ѣго велике усердіе маю,

Такой принадокъ милосердія въ этомъ братѣ практикѣ-эгоистѣ очень естественъ въ то время, когда можно оказать добро другому, самому не подвергаясь опасности. Загѣвъ, здѣсь, на берегу Самары, прохлѣдитъ между братьями разговоръ, въ которомъ снова рѣзко высказываются характеры двухъ братьевъ. Старшій братъ задаетъ вопросъ: что имъ отвѣчать родителямъ, когда тѣ спросятъ ихъ о меньшомъ братѣ, и самъ даетъ совѣтъ сказать, что они были въ неволѣ не у одного господина, и когда собрались бѣжать, то и меньшого брата будили, да не добудились ¹⁾, а по варианту Кулиша, старшій братъ прибавляетъ, что надобно родителямъ сказать, что меньшой братъ самъ не захотѣлъ бѣжать съ нами, надѣясь лучшаго для себя счастья, когда останется въ неволѣ ²⁾. При этомъ, по обоимъ вариантамъ, Котляревскаго и Кулиша, старшій братъ, вѣрный своей эгоистической натурѣ, замѣчаетъ, что имъ двоимъ будетъ теперь лучше: когда родители помрутъ, то они достояніе ихъ раздѣлятъ себѣ

— Усю добычъ скидаю,

— Его, пѣшого, мѣждо коней хватаю!—

„Було-бъ тобѣ, брате, тогдѣ якъ я казавъ хватати;

„Теперь, девятый день минувъ,

„Якъ хлѣбъ-силъ ѣвъ,

Воду пивъ,

„Досѣ й на свѣтъ не мае!

(З. о Ю. Р. 40).

¹⁾ Старшій братъ тее зачувае,

Словами промовляє,

Уже й дрибинни слѣзами поливає:

— Що мы, брате, будемъ думати, гадати,

— Якъ будемъ ми до отця, до панѣ мати прибувати?

— Якъ мы будемъ отцевѣ й матцѣ казати,

— Якъ будуть насъ вони пытати?

— Якъ будемъ ми отцю й матцѣ по-правдѣ казати,

— Будуть насъ отецъ и мати проклинати!—

Середній братъ тее зачувае,

Словами промовляє:

„Будемъ ми, брате, отцю й матцѣ правду казати,

„То може, буде отецъ-мати на насъ великее милосердіе мати!“

Старшій братъ тее зачувае,

Словами промовляє:

— Оттакъ ми, братѣку, скажѣмо:

— Що у городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,

— Не одному пановѣ слуговали,

— Мы сами два насъ утѣкали,

— Свого найменшого брата отъ сна будили не збудили.

(Вар. Котляр.).

²⁾ Не въ одного пана пробували, не одну неволю мали,

И ночной добы зъ тяжкою неволѣ втѣкали,

Такъ мы до ёго забѣгали,

Устань, брате, зъ нами козаками, зъ тяжкою неволѣ втѣкати!

Либонь-то винъ такъ отказавъ:

Тѣкайте жъ вы, братцы, а я буду тутъ оставаться,

Чи не буду собѣ лучшого долѣ-счастья мати. (З. о Ю. Р. 41).

на двѣ, а не на три части ¹⁾). Въ вариантахъ Харьковскомъ и Максимовича есть та же рѣчь старшаго брата къ среднему, но безъ намека о наслѣдствѣ; зато въ Харьковскомъ, какъ и въ другихъ вариантахъ, есть отвѣтъ средняго брата, что за ложь передъ родителями будетъ имъ карать родительская молитва ²⁾).

Затѣмъ, варианты Харьковскій и Котляревскаго оканчиваются сходно между собою: оба брата прїѣзжаютъ домой. Старшій братъ на вопросы родителей началъ отлыгаться такниъ способомъ, какой придумалъ прежде ³⁾). Но средній братъ обличалъ его ложь ⁴⁾). Тогда родители прогнали отъ себя и проклиная старшаго, а средняго приняли къ себѣ ⁵⁾).

1) То будутъ отецъ-матѣ помирати,
Будеть худоба зоставати,
Будемъ мы худобу на двѣ части павати,
Мѣжь нами третій не буде никто мѣшати. (Вар. Котляр.)

Или:

А буде отецъ-матѣ помирати,
И будемъ грунта-худобу на двѣ части павати,
И третье межъ нами не буде мѣшати. (З. о Ю. Р. 42).

2) Якъ не будемъ отцю й матерѣ правды казати,
То буде насъ отцевська й материнська молитва карати.
(Вар. Максим. *ibid.* 23. Харьк. тоже).

Или:

Будемо мы передъ отцемъ маткою неправду казати,
Буде насъ Господь милосердїи видимо й невидимо карати.
(Вар. Котл. тоже у Кулиша, но вм. „неправду казати“ — ослати. (Зап. о Ю. Р. 41).

3) Стали вони до отця, до матусѣ приставати,
Стали отецъ-матуся за ворота выжовати:
Сынн мон яснѣ соколм!
Где вы вашого меншого брата подѣвали?
Чи вы разомъ зъ неволѣ вѣкали?

(Въ вариантѣ Котляр. прибавляется: Чи вы его за конѣ турецкїи, за сѣ шати дорогїи лянчарамъ отдали?)

То старшій братъ имъ рече:
Отець-матуся! не въ одний неволѣ бували,
Не одному ману слуговали,
Не разомъ зъ неволѣ вѣкали.

(Въ вариантѣ Котляревскаго здѣсь прибавляется: сами зъ темницѣ вѣкали, своего брата будили не збудили).

4) Отець-матуся! У одний неволѣ бували
И одному пановѣ слуговали.
Изъ одной неволѣ вѣкали
Сами собѣ конѣ похватили,
Свому наименшому брату кони не ухватили.
Тильки не добре мы учинили,
Що свого брата на конѣ не брали,
По пивчверти милѣ до отця до матусѣ въ городи христїянскїи не подвозили,
Я добре знаю, що нашого меншого брата на свѣтѣ не має,
Знать его козацкая голова въ степу при дорогѣ полягае.

(Вар. Харьк. и Котляр.)

5) Тогдѣ отецъ-матѣ старшого сына зъ двора згнавши,

Но по вариантамъ Максимовича ¹⁾ и Кулиша ²⁾, братья не достигли родительскаго дома: на берегу Самары ихъ настигнули и изрубил бусурманы.

Первая редакція—по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго, должно быть, и ближе къ первоначальной редакціи думы, и правильнѣе, а вторая, по которой братья погибли отъ бусурманъ, есть позднѣйшій переносъ въ эту думу содержанія думы о трехъ братьяхъ самарскихъ, приведенной выше, по случайному совпаденію въ обѣихъ думахъ рѣки Самары. Конецъ настоящей думы, по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго, гармонируетъ съ предшествовавшей бесѣдою братьевъ о томъ, что имъ говорить родителямъ, когда тѣ стануть ихъ спрашивать о меньшемъ братѣ, тогда какъ при окончаніи думы, по вариантамъ Максимовича и Кулиша, бесѣда эта останется внѣ связи съ думою. Притомъ же, во всемъ тонѣ этой думы чувствуется потребность нравственной цѣли, которая превосходно достигается концомъ по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго.

Было бы напраснымъ и бесполезнымъ трудомъ донскиваться съ точностью, когда составлена эта дума, и къ какому событію она относится. Съ большою вѣроятностью она относится вообще къ XVII вѣку, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ, какъ намъ извѣстно, было много случаевъ дѣйствительныхъ побѣговъ русскихъ плѣнниковъ изъ Азова. Едва ли даже опредѣленное, дѣйствительное какое-нибудь событіе легло въ началѣ въ основаніе этой думы; скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ.

Едва ли не самая распространенная въ народѣ пѣсня этого отдѣла—пѣсня о Морозенкѣ. Это народное произведеніе при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края едва ли можетъ быть отнесено къ какой-нибудь эпохѣ или къ какому-нибудь историческому лицу. Одва личность съ именемъ Мороза или Морозенка является въ числѣ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго. Но одно ли это лицо съ пѣсеннымъ Морозенкомъ—рѣшить нельзя, тѣмъ болѣе что въ пѣснѣ разсказывается о битвѣ Морозенка съ бусурманами, а мы не знаемъ ничего такого за историческимъ Морозенкомъ, современникомъ Хмельницкаго.

Кляли-проклинали:

Богдай ты, сынку, отъ нимѣ до вѣку счастья-долѣ не знавь,

Що ты намъ объ меншѣмъ синѣ правды не оказавъ!

А середнѣго сына въ свѣй двѣрь прийняли.

(Вар. Котляр. по Харьк. тоже, но вмѣсто: „въ свѣй двѣрь прийняли“—у гости прийняли).

¹⁾ Въ той часѣ безбожни бусурманы набѣгали,

И тихъ двоухъ братѣвъ порубали,

Тѣло возацьке карбовали,

Головы на шаблѣ здымали,

Довго глумовали.

(Максим., *ibid.* 24).

²⁾ И не сизы орлы залякотали,

Якъ ихъ турка-линиченки зъ за могилы напали.

Постреляли, порубали,

Конѣ зъ добычею навадъ у городъ у турещину позавертали.

Полягла двоухъ братѣвъ голова вышче рѣчки Самарки.

А третя у Осавурь-могили.

А слава не вире, не поляже

Отвнѣ и до вѣка.

(З. о Ю. Р. 42).

Пѣсня о Морозенкѣ, несмотря на многочисленные варианты, несомнѣнно одна, и всѣ варианты заключаютъ общія для всѣхъ ихъ черты. Пѣсня эта сложена по смерти героя, какъ это видно изъ того, что она начинается плачемъ Украинны о немъ ¹⁾. Слѣдуетъ затѣмъ разговоръ козаковъ съ Морозенкомъ, матерью Морозенка. Козаки, видя ея тоску, стараются развеселить ее и приглашаютъ виѣсть съ ними выпить меду и вина, а Морозика имъ отвѣчаетъ, что ей не пьется медь-вино оттого, что ея сынъ, Морозенко, гдѣ-то бьется съ туркомъ ²⁾. Пусть бьется, пусть рубится—онъ этимъ тѣшится! ³⁾—прибавляется въ одномъ вариантѣ.

Пѣсня затѣмъ переноситъ насъ на поле битвы. Изъ-за горы крутой выступаетъ войско, которое называется гордымъ ⁴⁾ во всѣхъ вариантахъ, гдѣ только есть имя Морозенка.

Впереди Морозенко на сѣромъ конѣ. Во многихъ вариантахъ затѣмъ поется: «Онъ склонилъ голову коню на гриву; бѣдная моя голова: это чужая сторона!» ⁵⁾. Подобная сантиментальность не вяжется съ характеромъ всей пѣсни, и мы думаемъ, это случайная позднѣйшая прибавка, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ вариантахъ пѣсни о Морозенкѣ мы ее встрѣчали.

Слѣдуетъ битва съ бусурманами. Въ нѣкихъ вариантахъ дѣлается только намекъ на эту битву въ образѣ кровавой рѣки, сопоставляемой съ красною лентою, которую носить на себѣ Морозенко ⁶⁾; въ другихъ вариантахъ описаніе битвы пряже и подробнѣе ⁷⁾. Морозенко пладаетъ въ неволю татарамъ ⁸⁾.

¹⁾ Ой, Морозе Морозенку! Ты славный козаче!

За тобою, Морозенку, вся Украинна плаче.

²⁾ Не такъ тая Украинна, якъ те горде вийсько.

Заплакала Морозика, плучи на мѣсто.

„Не плачь, не плачь, Морозико, обь сиру землю не бѣйся,

„Иди съ нами, козаками, меду вина напѣйся“.

— Ой, що-сь менѣ, милѣ братята, медь-вино не пьється.

Ой, гдѣсь мий сынъ, Морозенко, да изъ туркомъ бьється.

³⁾ Нехай бьється, рубається,

Винъ у тому кохається.

⁴⁾ Изъ-за горы, изъ-за кручи горде вийсько виступае,

По-самъ передъ Морозенко славныи конемъ выграваетъ.

⁵⁾ Склонивъ же винъ головоньку коню на гривоньку:

Бѣдна моя головонька, се чужая сторонька!

⁶⁾ А въ нашего Морозенка да на шіѣ стричка

(Или: червоная стричка).

Гдѣ проѣде Морозенко—кровавая рѣчка.

Ой виѣхавъ Морозенко за керебердою.

⁷⁾ Ой зустрѣвся Морозенко съ вражею ордою.

Ой бьється винъ три днѣ, три днѣ, три години,

Ой лежить трупу, лежить орды на три милѣ.

Ой и ставъ же Морозенко да въ полѣ гуляти,

Стали тогдѣ Морозенка бусурмавы оступати.

Въ другомъ вариантѣ:

Стали ёго турки й ляхи оступати.

⁸⁾ Морозенко, козаченько, якъ мавъ роспускався,

Морозенко, козаченько, въ неволю попался.

Его ведутъ на Савурь-Могилу и въ насмѣшку велеть ему посмотрѣть на свою Украину ¹⁾; понимается, что это значитъ: въ послѣдній разъ посмотрѣть на нее. Въ заключеніе его казнятъ мучительнымъ способомъ: по однимъ, обобравши у него червонцы, снимаютъ съ него красную рубашку, то-есть кожу ²⁾, по другимъ, вынимаютъ сердце ³⁾ и потомъ сердце бросаютъ въ воду, а трупъ несутъ на Савурь-Могилу и провозносятъ тѣ же слова, которыя въ другихъ вариантахъ говорятся ему еще живому ⁴⁾; пѣсни оканчиваются прощаніемъ съ Морозенкомъ, котораго оплакиваетъ вся Украина ⁵⁾.

Или:

Ой чіа то корогивця, що на ратищѣ вьється,
Ой то того Морозенка, що съ ордою бьється.
Ой чіа то корогивця, що ратище изломила?
Ой то того Морозенка, що орда изловила!

Или:

За рѣчкою за быстрою поконавѣ шанцѣ—
Взяли, взяли Морозенка въ недѣлоньку вранцѣ.
Бѣжать, бѣжить татарюга Морозенка вьзвати,
Ой ставъ ѣму Морозенко всю правду казати:
Хочь ты зважешь, татарюго, мон руки стуга,
Буде на вась, козаченьки, велика потуга.

Или:

Хочь ты зважешь, татарюго, мон бѣлѣ руки—
Не завдавай молодому смертельному муки.

- ¹⁾ Ой повели Морозенка на Савурь-могилу,
Дивись, дивись, Морозенку, на свою Украину.
²⁾ Посадили Морозенка на тесовѣмъ стильцѣ,
Сняли-сняли съ Морозенка зъ чересивъ червинцѣ.
Посадили Морозенка на жовтѣмъ пѣсочку,
Сняли-сняли съ Морозенка червону сорочку,
(Или: кроваву сорочку).
³⁾ Вони жь его и нѣ били нѣ въ чверти рубали,
Тильки зъ его молодого живцемъ сердце взяли.

Или:

Невеличку Морозенковѣ да кароньку дали,
Тильки зъ его молодого да серденько взяли,

Или:

Посадили Морозенка на бѣле раденце,
Да вийняли зъ Морозенка кривавое сердце.

- ⁴⁾ Ой вийняли серденько да кинули въ воду;
Теперь дивись, Морозенко, на свою вроду.
Ой вынесли Морозенка на Савурь-могилу,
Теперь дивись, Морозенко, на свою Украину.
⁵⁾ Прощай, Морозенку, ти найславний козаче,
За тобою, Морозенку, вся Украина плаче.

Въ одномъ вариантѣ прибавляется:

На явору зеленому сизий орелъ краче,
За Морозомъ матусенька силнесенько плаче.

(Пѣсни о Морозенкѣ см. у Метлинскаго стр. 408—412, у Максим. Укр. П. 1834 г. 74—75. Чд. И. Общ. Истор. и Др. 1863 г., ч. 3, стр. 5. Żeg. Pauli piesni

Въ рукописномъ сборникѣ Котляревскаго мы нашли одну, до сихъ поръ нигдѣ неслышанную и нечитанную, думу о вдовѣ Ивана Сѣрка и о его сыновьяхъ. Вѣроятно, это одна изъ множества таквихъ, которыя безслѣдно искали для науки, не поднавши, подобно этой, счастливой случайности, извлекающей ее изъ забвенія.

Вдова знаменитаго въ XVII вѣкѣ кошевого атамана Ивана Сѣрка представляется въ этой думѣ жительствовающею въ городѣ Мерехвѣ. Изъ современныхъ XVII в. актовъ мы знаемъ, что въ Мерехѣ, въ слободской Украинѣ, въ двадцати восьми верстахъ отъ Харькова дѣйствительно имѣлъ владѣніе Сѣрко, и тамъ жило его семейство. Въ думѣ вдова Сѣрчина живетъ съ двумя сыновьями Петромъ и Романомъ.

Дума о женѣ кошевого Сѣрка и о ея двухъ сыновьяхъ рассказываетъ слѣдующее: Однажды старшій сынъ Сѣрка, Петръ сталъ спрашивать свою мать: что значить, что онъ не видитъ отца? Хотѣлъ бы онъ звать: куда ему идти, чтобъ искать своего отца? ¹⁾ Вдова отвѣчала, что отецъ ихъ отправился къ стародавнему Тору, чтобы тамъ положить свою козацкую голову ²⁾. Петръ поговорилъ съ собою мерехвянскаго сотника Пидина (Филиппа) и взялъ съ собою своего джуру Голуба волошина (молдаванина). Добѣгали они до стародавняго Тора и встрѣтили тамъ торскаго атамана Якова Лохвицкаго. Петръ объявляетъ, что онъ сынъ Сѣрка, уже семь лѣтъ не видалъ своего отца и не знаетъ гдѣ онъ. Отвѣта на это нѣтъ въ думѣ; вѣроятно онъ былъ, но утратился. Петръ отправляется къ тремъ зеленымъ байракамъ (оврагамъ). Козаки предостерегаютъ его, чтобъ онъ не пускалъ далеко отъ себя своихъ лошадей, но Сѣрченко не послушалъ такого совѣта и поручилъ присмотрѣть за лошадьми своему джурѣ волошину Голубу ³⁾. Вдругъ изъ лѣсистыхъ овраговъ нападаютъ на этого джуру

ruskie w Galicyi, 146. Кроме того, у насъ было около двадцати вариантовъ подъ рукою, нигдѣ ненапечатанныхъ и записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ изъ устъ народа).

¹⁾ Мати моя старенькая жоно!

Скільки я у тебе пробувавъ,

Отця свого Ивана Сѣрка въ очи не видавъ.

Нехай бы я нигѣ звати,

Гдѣ свого отца Сѣрка Ивана шукати?

²⁾ До стародавняго Тору пийшовъ пробувати,

Тамъ ставъ винъ свою голову козацкую накладати.

³⁾ Козаки до Сѣрченка Петра словами промовляли:

(Сѣрченко Петре! не безпечно себе май,

Коней козацкихъ отъ себе не пускай!

Сѣрченко Петро на те не повѣряе,

Щиѣ тернами байраками лягче-спочивае,

Конѣ свои козацки далеко отъ себе отпускае,

Тильки Голуба волошина до коней послае.

Турки тее зобачае,

Изъ тернявъ зъ байракивъ вибѣгали,

Голуба волошина у полонѣ до себе брали,

И ще словами промовляли:

Голубе волошине! не хочемъ твоихъ коней воронихъ,

Хочемъ мы добре знати,

Щобъ твого пана молодого изрубати.

турки и берутъ въ плѣнъ. Турки ошиблись: они хотѣли схватить самого Петра Сѣрченка, а схватили его слугу. «Турки», сказали имъ волошинъ, чужой для козачества человѣкъ: «отпустите меня на волю; я за это услугу вамъ; самъ сниму съ него голову съ плечъ».

Турки довѣрились ему и отпустили его. Тогда Голубъ волошинъ коварно выманнлъ Петра Сѣрченка на битву ¹⁾ съ турками и самъ снялъ съ него голову. Турки между тѣмъ убили Пилипа мерехвянскаго сотника.

Но горскіе «стародавніе» козаки догнали турокъ, побѣдили ихъ, собрали козацкія тѣла и привезли ихъ въ свой стародавній курѣнь. Тамъ убитые козаки были погребены; при этомъ въ думѣ являются черты, которыя сдѣлались въ думѣ вообще, такъ сказать, рутинными въ описаніяхъ козацкихъ похоронъ въ степи ²⁾. Эпитетъ «стародавній», который дается и рѣкѣ Тору, и козацкому поселенію (курѣню), и козакамъ, тамъ живущимъ, показываетъ увѣренность въ томъ, что въ упомянутомъ краѣ было издавна жительство козаковъ, хотя, на основаніи историческихъ документовъ, этотъ край, принадлежавшій къ области слободскихъ полковъ, является населеннымъ козаками не ранѣе второй половины XVII вѣка.

Въ заключеніе горской атаманъ Яцько Лохвицкій написалъ къ матери Сѣрченка о смерти ея сына. Письмо это пришло къ старухѣ въ то время, когда въ ея домѣ случилось ей другое горе: меньшой сынъ ея Романъ былъ при смерти. Сѣрчиха, получивши извѣстіе о смерти Петра, падаетъ на землю и промываетъ: «на мою голову три печали разомъ легло: первая печаль—уже семь лѣтъ не вижу я своего мужа Ивана; вторая печаль—нѣтъ въ живыхъ моего сына Петра, а третья печаль—умираетъ мой другой сынъ Романъ» ³⁾. Этими дума и оканчивается.

Голубъ волошинъ словами промовляе:

— Турки! коли вы можете мене отъ себе пускати,

— Могу я самъ ёму съ плечъ голову снати!—

¹⁾ Голубъ волошинъ до Сѣрченка Петра прибуває,

Словами промовляе:

Сѣрченко Петре, пане молодой,

На доброго коня сѣдай,

Межъ турками поспѣшай!

Не успѣвъ Сѣрченко Петро межъ турки-янычары вбѣжати,

Ставъ ёму Голубъ волошинъ зъ плечъ голову знимати.

²⁾ Козацьке бѣле тѣло посбирали,

До стародавнёго курѣня привозили,

Суходилъ шаблями копали,

Шапками приполами землю выносили.

³⁾ Яцько Лохвицкій тее вачуває,

До вдови старемькой Сѣрчихи Иванихи въ городъ Мерехву листъ посилае.

Сѣрчиха Иваниха въ городѣ Мерехвѣ письмо читае,

Словами промовляе,

Къ сырѣй землѣ крыжемъ упадае.

— Що вже теперъ на моей головѣ три печали пробуває:

Первая печаль—що я сѣмъ годъ пробувала,

Сѣрка Ивана въ вичи не видала;

Другая печаль—що Сѣрченка Петра на свѣтѣ живого не мае;

Третья печаль—що Сѣрченко Романъ умирае!—

При настоящихъ средствахъ мы не въ силахъ сказать: было ли какое-нибудь происшествіе поводомъ къ составленію этой думы, хотя это вѣроятно. Несомнѣнно, дума эта возникла не ранѣе конца XVII вѣка. Болѣе тѣмъ вѣроятнымъ признать можно, что когда-то о самомъ Сѣркѣ Иванѣ существовали думы, такъ какъ въ самыхъ лѣтописяхъ этотъ богатырь представляется въ поэтическомъ свѣтѣ. Трудно допустить, чтобъ народная поэзія не коснулась его. Настоящая дума могла быть послѣдкомъ думъ о Сѣркѣ.

Участіе къ дѣтямъ Сѣрка до такой степени, чтобъ они могли стать предметомъ особой думы, можно предполагать плодомъ того интереса, какой возбуждали думы или дума о самомъ Сѣркѣ, умершемъ, какъ извѣстно, въ 1680 году, послѣ тридцатилѣтней богатой событіями дѣятельности въ исторіи козачества, преимущественно въ званіи кошевого атамана, которое онъ многократно принималъ и слагалъ съ себя для того, чтобы, по желанію уважавшаго его запорожскаго товарищества, снова принимать на себя. Характеръ думы о дѣтяхъ Сѣрка, о которой мы теперь говоримъ, носить, однако, на себѣ признаки упадка этого рода поэтическаго народнаго творчества: вялъ и отрывоченъ рассказъ, мало энергіи въ выраженіяхъ; только конецъ, изображающій плачь Сѣрчихи, при своей крайней простотѣ, дышетъ истиннымъ глубокимъ чувствомъ. Думы, какъ кажется, прекратились создаваться съ конца XVII вѣка. По крайней мѣрѣ о событіяхъ XVIII вѣка думъ нѣтъ и даже такія бурныя народныя эпохи, какъ возстаніе въ правобережной Украинѣ въ 1768 году и разореніе запорожской Сѣчи, отразившіе во множествѣ народныхъ пѣсенъ, не выразились ни въ одной думѣ.

Къ послѣднимъ, по времени появленія, думамъ принадлежитъ очень замѣчательная дума о смерти козака на долині Кодымѣ или Кодени (какъ поютъ нѣкоторыя). Къ какому событію можетъ относиться эта дума—опредѣлить нельзя, потому что на долині кодымской, по которой течетъ рѣка Кодыма, впадающая въ Бугъ (Херсонской губерніи), были частыя схватки козаковъ съ татарами, а въ 1759 году Минихъ одержалъ тамъ надъ турками побѣду, въ которой участвовали козакъ. Но дума наша не относится къ этому событію, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ и намёка на какое-нибудь бывшее тамъ сраженіе. Рѣчь идетъ о козакѣ, который прибылъ на эту долину, гдѣ ему суждено было умереть не въ ряду войска съ другими, а одному. Несмотря на нѣкоторыя красоты этой думы, въ ней видны признаки упадка творчества этого рода произведеній народной поэзіи; они выказываются уже въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ она повторяетъ другія намъ извѣстныя думы, напр., выраженія о ранахъ: «пострелени—кровью зійшли, порубани—къ сердцю прийшли»—взяты цѣлкомъ изъ думы о трехъ братьяхъ, погнобиыхъ на рѣчкѣ Самаркѣ. Самый конецъ думы сложенъ по образцу думы о Хведорѣ Безродномъ; аллегорическіе цвѣта на морѣ показываютъ вліяніе думы о Самойлѣ Кишкѣ, гдѣ три аллегорическіе цвѣта принимаются къ галерѣ. Намъ кажется, что дума эта сложена подъ давленіемъ вліянія прежнихъ думъ; сюжетъ ея—смерть козака въ степи—самый избитый; новаго, своеобразнаго здѣсь только двѣ черты: проклятіе, посылаемое долині Кодымѣ, и борьба умирающаго козака съ хищными птицами, выражаемая усиленіемъ выстрѣлить въ нихъ, когда онѣ налетѣли на него въ ожиданіи его смерти. Но самый образъ появленія хищныхъ птицъ къ умирающему козаку и разговоръ съ ними сильно напоминаетъ думу объ Азовскихъ братьяхъ. Выше мы показывали образчики того, какъ подъ струнами кобзарей думы пережѣшивались и части одной

думы заходили въ другую, напримѣръ, изъ думы о Богуславцѣ въ думу о Богуславкѣ и наоборотъ, или изъ думы о Самойлѣ въ думу о Богуславцѣ; но за исключеніемъ частей, которыя можно сейчасъ же признать привнесенными изъ одной думы въ другую, въ каждой изъ указанныхъ нами думъ есть такъ много самобытнаго, оригинальнаго, ей самой принадлежащаго, и самый сюжетъ ея содержитъ въ себѣ цѣльность и своеобразность. Въ думѣ же о смерти козака на долині Кодиной не представляется такихъ условий. Поэтому-то и вѣроятно, что и она сложена въ такую эпоху, когда хотя еще совершенно не прекратился обычай слагать думы, но уже мало хватало творчества къ созданію ихъ въ той свѣжести и силѣ, въ какой оно являлось въ прошедшія времена; первобытная редакция такихъ думъ неволью являлась спивкою образовъ и приемовъ, заимствованныхъ изъ прежнихъ думъ, и расходясь между кобзарями, новая дума не находила творческихъ элементовъ для своей переработки. Для незнакомаго съ ранними образцами и это подражательное народное произведеніе можетъ показаться замѣчательнымъ поэтическимъ явленіемъ. Дѣйствительно, народная поэзія, какъ и литература вообще, какъ и всякое умственное, духовное движеніе, непрерывно достигаетъ эпохи упадка, смѣняющей эпоху расцвѣта; но явленія времени упадка, нося на себѣ свойственный ему отпечатокъ, могутъ имѣть различное достоинство: одни могутъ еще показывать проблески стараго, другія, напротивъ, болѣе свидѣтельствуютъ о близости полнаго увяданія. Наша дума принадлежитъ къ явленіямъ перваго рода ¹⁾.

¹⁾ На узбоччѣ долины бѣла двоухъ сокоривъ (?) козацькихъ,

Тамъ козакъ постреленій, порубаній на раны смертелнѣ знемогае,

И праведного судію зъ неба бажае:

При собѣ отця-неньки не мае.

Раны постреланѣ—кровью зийшли,

Порубанѣ—къ сердцю прийшли.

Тогдѣ козакъ долину Кодику трома влятьбами проклинае:

Бодай ты, долино Кодино, мхами, болотами западала,

Щобъ у весну Богу нѣколи не зорла не позорала,

Що я на тобѣ третій разъ гуляю,

Въ тебе козацкоѣ здобичи собѣ нѣякоѣ не маю;

Первый разъ гуляю—ковя вороного втеравъ,

Другій разъ гуляю—товарища сердечного втеравъ.

Третій разъ гуляю—самъ голову козацькую покладаю.

Орли чернокрыльцѣ,

Козацькіи дозирцѣ,

Нагѣтають,

Козацькую душу доглядають.

То вже козакъ молодой отця й неньку споминае:

Поможі менѣ, отцева й матчина молитво, на колѣнцяхъ стати,

Семипядную пицаль у руки достати,

По три шѣрдѣ пороху підсыпати,

По три кулькѣ свинцевыхъ набивати,

Орламъ чернокрыльцямъ,

Козацькимъ дозирцямъ,

Великій подарунокъ посилати.

То вже козакъ молодой

Товарищѣ військовий

Такъ какъ борьба съ могомеданствомъ на югѣ Россіи собственно не окончилась иначе, какъ съ пріобрѣтеніемъ всего сѣвернаго побережья Чернаго моря, то и есть пѣсни этого разряда, относящіяся сравнительно къ позднимъ временамъ. Таковы пѣсни о Супрунѣ или Чупрунѣ. Супрунъ помѣщенъ у Метлинскаго въ двухъ вариантахъ: въ первомъ Супрунъ современникъ Калныша, послѣдняго кошевого (слѣдовательно, событіе, воспѣваемое въ пѣснѣ, отнесено ко временамъ прежде 1775 года). Онъ проситъ у Калныша дозволенія идти въ походъ въ воскресенье, а Калнышъ велитъ ему ждать до понедѣльника ¹⁾. Зачѣмъ это дѣлается, что изъ этого выходитъ — остается темнымъ. Супрунъ (неизвѣстно послушавшійся или не послушавшійся Калныша) отправляется подъ Очаковъ битъ орду, но попадаетъ въ плѣнъ. По этому варианту Супрунъ обланулъ двухъ мурзаконъ, своихъ стражей, упросивъ ихъ повести его на Палѣву могоду посмотрѣть — гдѣ ему придется погибнуть. Простаки-мурзаконъ исполняли его желаніе, какъ видно изъ смысла дальнѣйшихъ стиховъ пѣсни, такъ какъ Супрунъ очутился въ такомъ положеніи, что видитъ предъ собою великую силу, то-есть козацкое войско, и приказываетъ арестовать мурзаконъ, у которыхъ находится въ плѣну ²⁾.

По три мѣрць підсыпає,
 По три кульєъ набиває,
 Орламъ чернокрыльцямъ,
 Козацькимъ дозирцямъ,
 Великій подарунокъ посилає...
 Самъ на себе въ землю шириць сердцемъ знає;
 Тисячу (?) пицаль на колѣниця одиває.
 Ще й на море поглядає,
 Що море трома цвѣтами процвѣтає:
 Первымъ цвѣтомъ — островами,
 Другимъ цвѣтомъ — кораблямъ,
 Третімъ цвѣтомъ — молодими козаками.
 Що козаки добри молодцѣ,
 На долину Кожину прибували,
 Срѣбла — золота много набирали,
 Козака постреленаго порубаного знаєжали,
 Шаблями надилками йому копали,
 Въ семипядну пицаль прозвонили,
 Славу козацьку учинили,
 Шапками приполами семикожину виспали,
 На могилѣ прапорокъ устромили,
 Славу козацьку учинили.

- ¹⁾ А вже Чупрунъ до Калныша листи посилає:
 Ой чи звелишь, пане Калнышу, у недѣлю рунати?
 Ой чи звелишь, пане Калнышу, понедѣлка ждати?
 Ой не вѣлю тобѣ, козаче Супруне, у недѣлю рунати,
 А вѣлю тобѣ, козаче Супруне, понедѣлка ждати.
- ²⁾ Ой не знавъ же козакъ Супрунъ якъ слави зажити,
 Веде вийсько запоризьке підъ Очакивъ, велитъ орду бити.
 Ой выстреливъ зъ малои пушки, а зъ однеи дѣвчи,
 А сунула вража орда, а осомъ въ-вичи.
 Ой козаковъ Супруновъ да назадъ руки вьлажуть,

По другому варианту Метлинскаго же, въ которомъ перепутана географія (ѣдутъ изъ Кубани подь Очаковъ, да заѣхали въ Варшаву; — должно думать, стихи, сюда принадлежащіе ¹⁾), занесены случайно изъ другой какой-то пѣсни. Супрунь попался въ неволю, но освобожденъ козаками ²⁾), потомъ онъ вступаетъ въ битву съ татарами снова, и ему бѣда—его ведутъ губить: онъ опять въ плѣну. Пѣсня завершается словами: «поведите меня, враги, на высокій курганъ: пусть знаетъ Украина, гдѣ погибъ Супрунь ³⁾». Есть еще у насъ подь руками вариантъ, записанный нами въ Харьковской губерніи: Супрунь отправляется съ запорожцами бить Орду, но не подь Очаковъ, какъ въ предшествовавшихъ вариантахъ, а неизвестно куда. Онъ попадается въ плѣнъ. Онъ обращается неизвестно къ кому, просить передать вѣсть въ Сѣчь атаману, чтобъ онъ сбывъ имущество Супрува за безцѣнокъ и выручалъ его ⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ какъ бы отвѣтъ атамана. «Зачѣмъ мнѣ сбывать за безцѣнокъ Супруново имущество, когда мнѣ уже не видать въ глаза козака Супрува» ⁵⁾. Потомъ идутъ слова Супруна, обращенныя видимо къ татарамъ,

А козакъ Супрунь двоимъ мурзакамъ правдоньки не кажетъ.

Ой поведѣть мене, да два мурзакъ, да на Палъеву могилу,

Нехай же я самъ побачу, где марно загину.

Ой якъ глянувъ да козакъ Супрунь а на свою великую силу:

А берѣте двоихъ мурзакивъ, бо я ще не згину.

¹⁾ А въ середу пораненьку зъ Кубанѣ рушали,
А восьмой недѣлюшки у Варшавѣ стали.

²⁾ А въ недѣлю пораненьку коникъ розигрався,
А къ вечеру нашъ панъ Супрунь въ неволю попался.
Надъ рѣчкою, надъ Дунаемъ орли загравали,
А козаки атамана зъ неволѣ достали.

³⁾ Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ короговка вьється,
Ой тамъ-то нашъ да панъ Супрунь зъ татаряномъ бьється
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ короговка має:
Гдєсь нашого да Супруна на свѣтѣ не має.
Ой не стрѣлы громовни, гармати ворожськи
Напирать на козакивъ да на запорозьцѣвъ.
Бийте, бийте да Супруна, пана коменданта,
Бийте, бийте, не жалуйте, хочъ ридного брата.
Ой не орла не сокола збираються вбити,
Ой то жъ то пана Супруна ведутъ загубити.
Ой не ведѣть мене, братцѣ, въ глибоку долину,
Ой поведѣть мене вороги на високу могилу,
Нехай буде знати Украина, где панъ Супрунь згинувъ.

(Метл. 429—480).

⁴⁾ Ой не знавъ козакъ не знавъ Супрунь якъ слави зажити,
Забравъ вѣйсько запоризьке—та прийшовъ орду бити.
Ой у субитоньку проти недѣлюшки и зъ ордою стявся,
А въ недѣлю въ обѣдню годину въ неволю попался.
Ой накажѣте або напашѣте до атамана въ Сѣчѣ,
Ой нехай же вишь Супруново добро за безцѣнокъ збуває,
Нехай козака Супруна зъ неволѣ виручає.

⁵⁾ На що менѣ Супрунове добро за безцѣнокъ збувати,
А вже менѣ козака Супруна въ вичи не видати.

у которыхъ онъ въ плѣну, чтобъ они вывели его на Савуръ-могилу, а затѣмъ описывается, что «стоитъ запорожское войско», которое сравнивается съ блестящимъ золотомъ и съ цвѣтущимъ макомъ ¹⁾. По этому варианту здѣсь пѣсня прерывается. Къ сожалѣнію, всѣ три извѣстныхъ намъ варианта не принадлежать къ лучшимъ, и потому остается ждать собранія другихъ для опредѣленія смысла и значенія этой пѣсни.

Въ 1770—1774 годахъ было дѣятельное участіе запорожцевъ въ войнѣ, происходившей тогда между Россією и Турцією. Въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго приведено нѣсколько современныхъ извѣстій о подвигахъ запорожцевъ и, между прочимъ, подъ самымъ Очаковымъ; однако имени Супруна нѣтъ. Но, во-первыхъ, у запорожцевъ былъ обычай, сверхъ фамильнаго прозвища, придавать какое-нибудь другое—большую частью характерное или насмѣшливое, и, слѣдовательно, подъ именемъ Супруна здѣсь могло укрыться имя, извѣстное въ историческихъ сочиненіяхъ и официальныхъ документахъ совсѣмъ иначе; во-вторыхъ, народная память могла почитать такія личности и событія, которыя въ писанныхъ бумагахъ прошли вовсе незамѣченными. Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь простой козакъ, попавшій въ плѣнъ, уиѣлъ ловко обмануть схватившихъ его татаръ и ускользнуть отъ нихъ, а потомъ, быть можетъ, опять попался въ плѣнъ и погибъ. — этого было достаточно, чтобъ на его личность поэзія народная обратила свое вниманіе болѣе, чѣмъ на какого-нибудь атамана, который за свою храбрость получалъ отъ правительства золотую медаль. Наконецъ, могло быть, что пѣсня о Супрунѣ существовала ранѣе, и событіе, описываемое въ ней, позже примѣнилось, чрезъ смѣшеніе воспоминаній, ко времени Калныша.

У Метлинскаго помѣщена особая пѣсня о Чупрунѣ. Хотя названія Супрунъ и Чупрунъ кажутся принадлежащими одному лицу, потому что пѣвцы въ своихъ пѣніяхъ ихъ смѣшиваютъ, однако здѣсь описывается нѣчто другое: козакъ попадаетъ въ неволю на морѣ ²⁾. Но потомъ, подобно какъ Супруна, и Чупруна ведутъ татары на могилу и приказываютъ ему взглянуть на свою Украйну ³⁾: мотивъ, занесенный изъ пѣсни о Морозенкѣ. Пѣсня прерывается сожалѣніемъ Чупруна о томъ, что въ Украйнѣ у него остается чернобровая дѣвица ⁴⁾.

- 1) Хочь выведѣть, хочь вынесѣть на Савуръ-могилу:
Хай гляну подивляюся где я марно загину.
А Савуръ-могила, глибока долина, сивий орель прогѣтае...
Стоить виісько славе запоризьке якъ золоте сяе;
А Савуръ-могила, глибока долина сивий орель прогѣтае...
Стоить виісько славе запорожське якъ макъ процѣтае.
- 2) Ой у суботу пораненьку Чупрунъ розигрався,
А въ недѣлю пораненьку въ неволю понався,
Ой почали превражін мурзальцѣ Чупруна вѣзати:
Вѣжитъ, бѣжить Петро Кошовенко руками махае;
Гдежъ нашъ паць Чупрунъ молоденькій на морѣ пропадае.
- 3) Ой повели превражін мурзальцѣ да на високу могилу:
Поглянь, поглянь, Чупрунъ молоденькій, на свою Украйну.
- 4) Уже-жъ менѣ превражін мурзальцѣ Украйна не мила,
Остається на тѣй Украйнѣ дѣвичиновька чернобрива.

Послѣ разрушенія Сѣчи остатки запорожцевъ, не послѣдовавшіе за своими братьями, убѣжавшими въ Турцію, участвовали во второй турецкой войнѣ и объ этомъ остались также пѣсни: одна, записанная Сквальковскимъ (Ист. Нов. Сѣчи. III. 222) ¹⁾, о подвигахъ Антона Головатого подъ Кибурномъ и Очаковомъ, гдѣ запорожцы овладѣли островомъ Березанью; другая—о взятіи Измаила, записанная черноморцемъ Вареникомъ и сообщенная Метлинскому для его Сборника (Нар. Южнор. П. 431) ²⁾; въ этой пѣснѣ приписывается запорожцамъ побѣда. Вообще, однако, всѣ пѣсни послѣдняго времени, относящіяся къ циклу борьбы съ могомеданскимъ міромъ, носятъ сильно отпечатокъ эпохи упадка пѣсеннаго творчества въ народѣ. Недостатокъ одушевленія, подражательность старымъ приемамъ, отсутствіе оригинальности, неясность и аляповатость изображенія, вялость и несвязность мыслей въ повѣствованіи отличаютъ ихъ.

В. Вторженія татаръ и турокъ.

Ордынский разгромъ. — Зять и теща. — Три плѣнныя дѣвцы. — Двѣ сестры. — Выкупъ плѣнницъ. — Невыкупленный плѣнникъ. — Братъ покупаетъ сестру. — Продажа сестры братомъ. — Коваленко. — Козакъ на сторожевой могилѣ. — Нападеніе орды на чумаковъ. — Почаевское чудо. — Дорошенко.

Вѣдствія отъ вторженія «бусурманъ» въ южную Русь были нѣкогда явлениями частыми и должны были отражаться въ памяти и скорбномъ чувствѣ

- ¹⁾ Ой стояли на Таванѣ проти Яникола,
 Ой тамъ була хуртовина изъ Чорного моря,
 Ой въ недѣлю пораненьку якъ стало свѣтати,
 Ой ставъ нашъ Головатый на хлопцѣвъ гулати.
 „Пидняйте, добрѣ хлопцѣ, паруси всѣ въ гору;
 Ой бѣе турокъ изъ Кибуру зъ пушокъ на травогу“.
 Пидняли добрѣ хлопцѣ всѣ паруси въ гору,
 Пийшли Днѣпромъ противъ воды кораблѣ на воду,
 Пийшли наши добрѣ хлопцѣ Днѣпромъ протавъ воды,
 Набралиси сердечніи превеликон бѣды.
 Ой поглянувъ нашъ Головатый въ прозорную трубу,
 Ой теперъ вражихъ туркивъ боляться не буду.
- ²⁾ Видѣ Килин до Измаилова покопанѣ шанцѣ,
 Ой вирубали турки нововицѣвъ у середу вранцѣ.
 А Чорноморцѣ храбрѣ запорозьцѣ черезъ Дунай переѣздили,
 Вони жъ туу проклятуу измайлівську орду зъ батарен збили.
 Ой дали жъ дали измайлівські турки Надольскому башѣ звати,
 Що не мусишъ, Анадолюскій башо, противъ Чорноморцѣвъ стояти.
 Ой ставъ же Измайлівській баша бѣлий флагъ выкидати,
 Ой тогдѣ стали славнѣ Запорозьцѣ запасы и ружья видбирати.
 Ой брали ружья й кони дорогіи
 Брали и сукна дорогіи...
 Усе размилише...(!)
 Которихъ порубали—
 То тихъ у востровѣ поховали,
 А которѣ пораненѣ—у Килию одправляли.

(Метл. 431).

народа. Однако, пѣсенъ, относящихся къ этой сторонѣ прошедшей жизни, до сихъ поръ собрано было не такъ много, какъ можно было ждать, и собранныя—преимущественно галицкія. Конечно, наши этнографическія работы такого рода, что не даютъ намъ права дѣлать заключенія о несуществованіи того, что намъ неизвѣстно, но и при той недостаточной степени знакомства нашего съ народною пѣсенностью, на которую до сихъ поръ мы себя осуждаемъ, все-таки мы бы могли надѣяться встрѣтить ихъ болѣе, чѣмъ встрѣчали, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что тамъ, гдѣ мы наводили изустныя преданія о бывшихъ татарскихъ набѣгахъ, не отыскивали или мало встрѣчали пѣсенъ объ этихъ событіяхъ. Въ настоящее время, при всѣхъ нашихъ добросовѣстныхъ усиліяхъ, мы бы уже не въ силахъ были вообще овладѣть и десятою долею того богатства, какое представляла эпоха расцвѣта пѣсеннаго народнаго творчества, а потому, вѣроятно, много народныхъ пѣснопѣній, относившихся къ упомянутой сторонѣ прошедшей жизни, испарилось наравнѣ со множествомъ пѣсенъ иного рода; но едва ли мы ошибемся, если обратимъ вниманіе на такія свойства татарскихъ набѣговъ, которыя представляли мало долговѣчности слававшимися о нихъ пѣснямъ. Были эпохи громаднхъ бѣдствій, потрясавшихъ весь край и оставившихъ влечательные на весь народъ. Таково, напримеръ, было разореніе, достигшее отъ татаръ южнорусскія земли, въ 1653 году, послѣ Жванецкаго договора, когда поляки купили себѣ миръ постыднымъ дозволеніемъ татарамъ брать ясырь въ русскіхъ странахъ. Бѣдствіе это ускорило присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству; и это бѣдствіе отразилось въ пѣснѣ, въ которой изображается, что Украинѣ некуда дѣться: орда топчетъ лошадыи дѣтей, рубить старыхъ, беретъ въ плѣнъ взрослыхъ и — какъ послѣдствіе этого — малороссъ отказывается служить и пану католику, и пану бусурману, а рѣшается служить восточному царю ¹⁾). Но большая часть татарскихъ набѣговъ имѣли единичный характеръ, происходя то въ томъ, то въ другомъ краѣ, поражая то ту, то другую группу селеній, и въ каждомъ такомъ случаѣ татарскій набѣгъ касался только одного угла — часто небольшого; при томъ набѣги эти были всѣ однообразны; вездѣ одни и тѣ же черты: вездѣ народъ, слышавши о приближеніи татаръ, разбѣгался въ города или лѣса; иногда татары нападали на села нечаянно, сожигали дома и уводили плѣнниковъ, иногда ловили послѣднихъ по полямъ и лѣсамъ. Повидно, что если гдѣ-нибудь составится былевая пѣсня о такомъ событіи, то она должна была походить на другую такую же, которая составила бы въ краѣ отдаленномъ отъ перваго. Эти пѣсни ступшеывались; черты ихъ были до того общи, что одной пѣснѣ нельзя было распространяться далѣе того края, гдѣ она возникла, потому что она встрѣчала другую подобную себѣ и, сталкиваясь съ нею, утрачивала первичный видъ, такъ какъ признаки ихъ сливались. Такимъ путемъ, какъ

1) Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти:
 Вытоптала орда кивыми маленькми дѣти,
 Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
 А молодыхъ середульшихъ у полонъ загнала.
 Ой служивъ же я служивъ пану католику,
 А теперь ёму служити не буду до вѣку!
 Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
 А теперь служити стану восточному царю.

ны думаемъ, невозможно было составить и распространить такимъ пѣснямъ о татарскихъ набѣгахъ, которыя бы могли интересовать народъ на далекомъ пространствѣ; поэтому-то разказовъ объ этихъ событіяхъ много, а пѣсень почти совсѣмъ нѣтъ. Если же въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ найдутся черты бытовныя, по-видимому, указывающія на эту эпоху, то это такія, которыя, равнымъ образомъ, пригодны ко всякому краю малороссійскаго народа и не могутъ быть относимы исключительно къ извѣстной одной мѣстности и къ одному времени. Изъ пѣсень этого разряда укажемъ прежде всего на пѣсню, которой содержаніе таково: татары взяли въ плѣнъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей ¹⁾). Теща достается зятю ²⁾), то-есть татарину, который прежде взялъ въ плѣнъ дочь ея и женился на этой дочери. Не зная, какъ видно, что везетъ мать своей жены, татаринъ не обращается съ нею лучше того, какъ обыкновенно обращались татары съ плѣнными въ то время, какъ угоняли ихъ къ себѣ. Привязанная ремнемъ, она бѣжала за конемъ, на которомъ сидѣлъ взявшій ее въ плѣнъ татаринъ; колючія растенія до крови пробивали ей ноги, черный воронъ летѣлъ по ея слѣдамъ и пилъ ея кровь ³⁾). Татаринъ привезъ ее къ себѣ и говорилъ своей женѣ: «выходи, татарка, я привезъ тебѣ невольницу; она будетъ тебѣ работать до смерти» ⁴⁾). Дочь не узнала матери и приказывала ей исполнять разныя работы: пасти стадо, пряхъ пряжу и качать ребенка. Когда плѣнница качала ребенка, то приговаривала: «баю, баю, татарченочъ, а по дочкѣ мой внученочъ! Пусть околѣветъ все стадо, пусть сгоритъ пряжа, пусть окаменѣетъ ребенокъ» ⁵⁾). Слуга услышалъ эти проклятія

1) Одинъ полонъ зъ жѣночками,
Другій полонъ зъ дѣвочками,
Третій полонъ зъ дѣточками.

2) А тещенька затеньковѣ

3) Взявъ винъ ѣи по при конѣ,
По при конѣ на ремень.
Ой кинь бѣжить дорогою;
Тещу веде тернявою,
Терня ноги пробивае,
Кривця слѣды заливае,
Черный воронъ залетае
То-ту кривцю испивае.

4) Выйди, выйди, татаронько:
Привѣвъ е'мъ тѣ кухароньку,
Привѣвъ е'мъ тѣ невольницу,
Ажъ до смерти робѣтницю!

5) Три работи загадала:
Оченьками стадо пасти.
Рученьками кужель пряхти.
Ниженьками колысати.
Теща дѣтя колысала
Дай дѣтинѣ приспѣвала:
Люди, люди, татарчятко,
А по доньцѣ унучятко!
Богдай стадо выдыхало,
Богдай кужель спепелѣла,
Богдай дѣтя сваменѣло!

и донесъ госпожѣ. Госпожа прибѣжала и ударила мать свою по лицу ¹⁾. «Дочь моя любезная!» сказала тогда мать, «я не только тебя кормила, но и никогда тебя не била по лицу». — «Мать моя старая! Какъ ты меня узнала и назвала дочерью! — воскликнула дочь ²⁾. Мать объяснила, что у дочери остался признак: когда-то въ воскресенье рѣзала она барвинокъ и обрѣзала себѣ пальчикъ: по этому признаку узнала ее мать. Здѣсь дѣлается намекъ на то, что обрѣзъ, вѣроятно, совершился въ наказаніе за то, что она рѣзала ножомъ, следовательно, работала въ воскресный день. Барвинокъ — символъ любви и рѣзать барвинокъ значить на пѣсенномъ языкѣ предаваться любви. Дочь предлагаетъ матери скорѣе скинуть свое рубище и надѣвать дорогія одежды, общается ей, что она будетъ госпожею вѣсѣтъ съ нею. — Мои убогія дохотья лучше твои дорожитъ одеждѣ — сказала мать ³⁾. Хочешь ли здѣсь быть госпожею или поѣдешь на родину? — спрашиваетъ ее еще дочь. — Лучше жить въ бѣдности на родинѣ, чѣмъ въ чужбинѣ быть мнѣ госпожею! — былъ отвѣтъ ⁴⁾. Тогда дочь, исполняя ея волю, приказываетъ слугамъ везти мать ея на родину ⁵⁾.

Пѣсня эта очень старая. Подобнаго содержанія, даже со сходными выраженіями, есть пѣсня великорусская и притомъ распространенная. (Она помѣщена въ сборникѣ пѣсень, собранныхъ мною и г-жею Мордовцевою и напечатанныхъ въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова).

Другая галицкая пѣсня изображаетъ, какъ турки гонятъ въ плѣнъ треть дѣвицъ: одна привязана къ ремню при лошадяхъ, другая при возѣ, третью

- 1) Ой прибѣгла татаронька,
Вбѣгла боса безъ пояса,
Да ударила по личеньку
Свою ридну матѣночку.
- 2) Довю моя прелюбезна!
Не тількимъ ты годовала,
По личиньку мѣ ты не била.
Мамко жѣ моя старенькая,
По чомъ же съ мя испизнала,
Що съ мя доненьковъ назвала?
Въ недѣлю съ барвѣнокъ рѣзала
Да съ си пальчикъ видрѣзала,
Потому мѣ ты испизнала!
- 3) Мати моя старенькая,
Скидай зъ себе свои латы,
Вберай дорогіи шаты:
Будешъ съ нами пановати!
— Лѣпшѣ мой вбогѣ латы,
Нѣжъ дорогѣ твои шаты.
- 4) Чи схочешъ тутъ пановати
Чи поѣдешъ въ риднѣ край?
Волю дома бѣдовати,
Нѣжъ въ чужинѣ пановати!
- 5) Слуги жѣ мои да й вѣрны!
Впряжѣть конѣ вороннѣ,
Везѣть мамку въ ридный край.

везуть въ черной татарской мажѣ ¹⁾. Первая съ воплемъ вызываетъ къ своей косѣ, которую не матушка расчесываетъ, а растрепываетъ бичемъ возница ²⁾. Вторая жалуется, что ноги ея не мать умываетъ, а песокъ раздѣдаетъ,—съ кожныхъ пальцевъ льется кровь ³⁾. Третья обращается къ своимъ глазамъ; но здѣсь пѣсня оканчивается непонятнымъ выраженіемъ ⁴⁾.

Въ другой подобной пѣснѣ двѣ сестры, идущія босикомъ по сжатому полю съ окровавленными ногами, плачутъ о потерянномъ дѣвствѣ: «пусть турокъ-мужъ отрѣжетъ косу и пошлетъ къ матери: пусть мать не беспокоится, не готовить приданаго; мы его потеряли подъ яворомъ съ молодымъ туркомъ ⁵⁾. Черты чрезвычайно живыя, правдивыя, драгоцѣнныя для исторіи народа!

Иногда несчастнымъ плѣнникамъ и плѣнницамъ (а послѣднихъ было больше, потому что ихъ-то болѣе всего ловили наѣздики) была надежда на возвращеніе, на выкупъ: ихъ похитители надки были на деньги. Но не всегда родители

1) Коли турки воювали,
Вѣлу челядь забирали,
И въ нашої попадоньки
Взяли вони три дѣвоньки.
Едну взяли по при конѣ,
По при конѣ на ременьѣ,
Другу взяли по при возѣ,
По при возѣ на мотузѣ,
Третю взяли въ чорнѣ мажѣ.

2) То та плаче: ой Боже жъ мий!
Косо моя жовтенькая,
Не мати тя рощѣсуе,
Визниць бичемъ рощѣпуе!

3) Ой Боже жъ мий—нижки мои,
Нижки мои бѣленькіи!
Не мати васъ умывае,
Пѣсокъ пальцѣ роздѣае,
Кривца пуки заливае.

4) Ой Боже жъ мий, очка мои.
Очка мои чорненькіи,
Тилько орсакъ (?) проходили,
А бѣлий свѣтъ невидѣли.

5) Повели ихъ по жѣрницѣ (по скошенному полю)
А жѣрница нижки коле,
Чорну кривцю проливае,
Чорний воронъ залѣтае,
Тую кривцю попивае.
Сестра сестрѣ промовляе:
Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу русу утне,
Най до мамки не пошле,
Най ся мамка не фрасуе,
Най намъ вѣна не готуе!
Бо мы вѣно утратили
Подъ яворомъ зелененькимъ
За турчаномъ молоденькимъ.

были въ состояніи выкупить дѣтей, когда сами были бѣдны. Въ одной пѣснѣ бѣдная плѣнница кланяется своему господину турку и проситъ не губить ее: пріѣдетъ отецъ или мать—привезутъ выкупъ. Но ея надежда не сбывается: не везутъ выкупа. Дѣвица горько плачетъ ¹⁾. Эта пѣсня оканчивается счастливо для дѣвицы; если родные ее не выкупили, то выкупилъ ее молодецъ и сталъ для нея лучше родного брата ²⁾. Въ другой пѣснѣ изображенъ молодецъ, страдающій въ неволѣ, вѣроятно, татарской или турецкой, и напрасно черезъ письма умоляющій о выкупѣ отца, мать, братьевъ, сестеръ; за него требуютъ по четыре штуки лошадей, воловъ, коровъ, овецъ, всѣ родные отвѣчаютъ ему, что лучше имъ поминать его въ неволѣ, чѣмъ такъ дорого за него давать ³⁾. Бѣдный молодецъ сидитъ въ неволѣ, окованный сизымъ желѣзомъ, обвязанный бѣлыми ремнями ⁴⁾.

Продажа плѣнныхъ женщинъ выразилась въ одной пѣснѣ, гдѣ рассказано преданіе о томъ, какъ братъ купилъ сестру у турка.

Представляется образъ турка, продающаго на рынкѣ дѣвицу: много требуетъ онъ за нее серебра и золота ⁵⁾. Нашелся господинъ ⁶⁾, купилъ дѣвицу, приводитъ ее домой: вотъ онъ приказываетъ ей стлать постель. Дѣвица, исполняя приказаніе господина, горько заплакала ⁷⁾. Господинъ спрашиваетъ ее: есть ли у нея родные, и отчего она погибаетъ въ неволѣ? ⁸⁾. Дѣвица рассказываетъ, что у ней было три брата ⁹⁾: одинъ ушелъ въ Волощину, другой въ

¹⁾ Передъ нимъ дѣвча поклонъ бие;

Турчинъ, турчинъ, турчинойку,
Не губь мене молодежку:
Иде тато, одмѣнь несе,
Одмѣнь несе, возомъ везе,
Не дасть винъ мѣ загнуги.
Одмѣвойки да й не стало,
Дѣвча горько заплакала!

²⁾ Милый прійшовъ, да й одмѣнивъ,
Лѣпшии милый, якъ братъ ридный.

(Чт. 1863. III. 51).

³⁾ Волѣю ты сняку въ неволенецѣ поминати,
Нѣжъ такъ дорого за ти дати.

⁴⁾ Сидитъ ледѣнь (молодецъ) у неволѣ,
Гей у синѣмъ залѣзлячку,
Да й у бѣлымъ ременячку.

(Чт. 1863. III. 78).

⁵⁾ Ходить турокъ по рыночку,
Водить зъ собовъ дѣвчиночку,
Править за ню сръбло-злото,
Править сръбло не мѣрене,
А золото не важене.

⁶⁾ Ой знайшовся одинъ панокъ.

⁷⁾ Вона тую постѣль стлала
Да й ревненько заплакала.

⁸⁾ Яку маешъ родиненьку
Чи богато роду маешъ,
Що въ неволѣ погибаетъ?

⁹⁾ Ой мала я три братчики,
Три братчики риднесенки,

Угорщину, третій въ Туречину. Узнала ли бы ты ихъ?—спрашиваетъ господинъ. Нѣтъ,—говоритъ плѣнница,—не узнаю: мнѣ погибать въ неволѣ! Тогда господинъ открывається, что онъ ея братъ ¹⁾.

Но были и такіе безчувственные злодѣи, которые сами продавали своихъ родныхъ. Эта сторона древней жизни отразилась въ пѣснѣ о Романѣ, продавшемъ сестру свою Олену,—пѣснѣ, помѣщенной въ собраніи галицкихъ пѣсней (Чт. 1863. Ш. 37—42); она напечатана въ трехъ вариантахъ—одномъ иностранномъ ²⁾ и двухъ ³⁾ болѣе краткихъ. Какой-то Романъ поѣхалъ на Сучаву на ярмарку и тамъ турки (по вариантамъ № 2 и 3, подповивши его) искусили его продать сестру. Прельстившись деньгами ⁴⁾ и (по варианту 2-му) богатого сброею ⁵⁾, Романъ возвратился домой и пришелъ въ раздумье ⁶⁾. Но корыстолюбіе превозмогло. Онъ приказываетъ сестрѣ убрать дошъ и домашнюю утварь ⁷⁾, а по варианту № 1-й и сѣмой сестрѣ велитъ принарядиться ⁸⁾. Бѣдная жертва увидала приближающуюся толпу: братъ объявляетъ ей, что это турки и татары:

Где жъ вони ся подѣли,
Три братчики риднесеньки?

1) Одинъ пийшовъ въ Волощину,
Другій пийшовъ на Вгорщину,
Третій пийшовъ въ Туречину.

Чи жъ бы ты ихъ не признала
Свои браття риднесеньки?

Вже ихъ теперъ не признаю,
Я въ неволѣ погибаю!

Що теперъ за свѣтъ наставъ,

Що братъ сестры не признавъ!

2) Ой поѣхавъ Романонько } № 1.
До Сучави на ярмарокъ. }

3) На зеленѣмъ дариночку } № 2.
Пили турки горѣлочку. }

Ой пивъ и Романъ у Сочавѣ } № 3.
Цѣлий тыждень и зъ турчиномъ. }

4) Дамъ тѣ срѣбла не вагою,
Дамъ тѣ злота не личбою (варіан. 1).

5) За коники воронни
И за сѣдла серебряни,
За уздѣла шовковни и пр. (вар. 2).

6) Прійшовъ Романъ до домочку,
Склонивъ на стилъ голобочку,
Да й гадає си думочку,
Чи продати Оленочку.

(Чт. 1863. Ш. 40, вар. 2).

7) Помий двори мостовни,
Застель столы кедровни,
Помий миски серебряни,
И лижечки золотни (вар. 2).

8) Ой сестричко Оленочко,
Русу косу собѣ измый,
Да й краснейко заплѣтайся,
Гостей завтра сподѣвайся.

(Чт. 1863. 38).

это ея свадебные бояре ¹⁾. Тогда Олена умертвила себя—по варианту 2-му нечем ²⁾, по варианту 1-му ножомъ, который выпросила у кухарки, как будто для того, чтобъ отрѣзать покрывало ³⁾, по варианту 3-му, допустивъ турокъ прїѣхать за нею и, попросивъ ножъ у самого турка, подъ предлогомъ срѣзать калину ⁴⁾—свадебную вѣтвь. Вариантъ прибавляетъ, что турки изрѣзывали и разстрѣливали съ досады ея мертвое тѣло ⁵⁾, а калиновые лѣса начали качаться отъ тоски.

Есть довольно распространенная пѣсня о Коваленкѣ, который собралъ въ воскресенье жнецовъ; вдругъ нахлынула орда и взяла его въ плѣнъ ⁶⁾. Это представляется карою отъ Бога за работу въ воскресный день ⁷⁾.

Едва ли изъ бытовыхъ пѣсень этого разряда есть пѣсня, распространенная въ различныхъ вариантахъ болѣе той, гдѣ козакъ, высланный по наряду на караулъ къ сторожевой могилѣ ⁸⁾, засыпаетъ подъ могилой (или на могилѣ): вдругъ является дѣвица, будитъ его и извѣщаетъ о приближеніи орды ⁹⁾.

¹⁾ Лишь-то турки и татаре,
А всѣ твои суть бояре.

²⁾ До свѣтлицы хутко впала,
Мечъ вхопила, шнѣю стила.
Ой Олено, сестро моя!
На щось собѣ шнѣю стила?

Лучше тутка погибати,
Нѣжъ въ татарми пробувати.

³⁾ Ой кухарко, кухарочко,
Дай мѣ ножа остренького
До завоя тоненького;
Тонкій завой укронла,
Нижъ у сердце си встромила, и пр.

⁴⁾ Ой, турчине, турчиночку,
Дай мѣ ножа остренького,
Най я пойду въ лужиночку,
Вырѣзати калиночку.
Жде годину. жде другую,
Далѣй пойшовъ по самую.
Волѣвъ е'мъ ся самъ пробити,
Нѣжъ могъ е'мъ то тобѣ дати.

⁵⁾ Вбѣгли турки до свѣтлоньки,
Вздрѣли тѣло Оленоньки;
Ой взяли ю за реберцѣ,
Да й кинули черезъ дверцѣ,
Стали до ёго стрѣляти,
А потимъ въ штуки рубати.

⁶⁾ Ой жнуть женцѣ розжинаються,
На чорну хмару озираються;
Ой тожъ не хмара, то орда йде,
А Коваленко передокъ веде,
Изъвязавъ руки сирицею.

⁷⁾ Оттожъ будешъ, ковалю, знати
Якъ недѣлоньку шановати.

⁸⁾ Гонять мамко на сторожу,
Пидъ чорний лѣсъ на могилу

⁹⁾ Теперъ ничка да темненькая

(Чт. 1863. III. 22).

Въ чумацкихъ пѣсняхъ встрѣчаются образы нападенія орды на чумаковъ. Соколъ спрашиваетъ орла: не былъ ли ты, орель, въ Украинѣ, не выдалъ ли ты чумаковъ? Орель отвѣчаетъ: всѣхъ чумаковъ орда взяла, старыхъ порубала, а молодыхъ взяла въ полонъ ¹⁾).

Въ другой пѣснѣ коротко описывается нападеніе орды на чумацкій обозъ ²⁾).

Всѣ приведенныя вами пѣсни, несмотря на ихъ малочисленность, однако, живо и наглядно воскрешаютъ для насъ нѣсколько сторонъ тѣхъ несчастныхъ отношеній, въ какихъ находился украинскій народъ къ посвщеніямъ татаръ и турокъ. Изъ крупныхъ явленій этого рода ничто не достигло такой популярности, какъ нашествіе турокъ на Почаевъ, обыкновенно указываемое въ 1675 г., и чудо Божіей Матери, совершенное по этому поводу. На событіе это, имѣвшее религиозное значеніе, сочинено много виршъ; многія были въ разныя времена напечатаны; но хотя ихъ распѣваютъ лирники и слушаетъ народъ, онѣ, болѣею частью, не потеряли первоначальной книжности, дубоватости и далекости

А дороженька далекая...

Где козакъ поле, где друге,

На третьему полю козакъ избѣгаетъ

Ставъ кинь вороний спотыкаться.

Менѣ молодому да дрѣматися.

Привязавъ коня до лециновки (или до дубиновки)

А самъ спать лѣгъ край могилонки (или на могилоньцѣ)

Де ся взяла молода дѣвчина,

Та вырвала вона да былиночку

Та ударила козаченьку по личеньку.

„Вставай, козаче, годѣ тобѣ спати,

Наступае орда—хоче коня взяти,

Коня взяти, тебе порубати.

Коня визьмутъ—кинъ другій буде,

Тебе порубають—на свѣтѣ не буде.

Или вмѣсто пяти послѣднихъ стиховъ:

„Вставай, козаче, годѣ тобѣ спати,

А вже твого коня давно не видати.

Пшли татары да стороною

Взяли вони твого коня зъ собою;

Кинувся козакъ коня догонати,

Кинулась дѣвчина его переимати

Хай кинъ пропадае—другій кинъ буде,

Тебе зарубають—менѣ жаль буде.

¹⁾ Всѣхъ чумакивъ орда взяла,

Которыхъ старыхъ порубала,

А молодыхъ въ полонъ заняла.

²⁾ Изъ за лѣсу зъ за рѣки,

Выходили чумаки,

Ой у яру становились,

Безъ опаски спать лягли;

Где не взялася орда,

Порубала чумака,

Порубала, посѣкла

И у полонъ зайняла.

отъ народнаго образа выраженія. Изъ слышанныхъ нами виршъ только одна, и то сравнительно, нѣсколько живѣе и народнѣе ¹⁾.

Въ сборникѣ Галицкихъ пѣсенъ (Чт. 1863. III, стр. 30) между пѣснями, обозначенными названіемъ думъ бывшихъ козацкихъ и относящихся къ известнымъ событіямъ, помѣщена одна—скорѣе вирша, чѣмъ пѣсня, о Дорошенкѣ. Такъ какъ мы до сихъ поръ въ народной поэзіи не встрѣчали отраженія богатой событіями и чрезвычайно бурной эпохи этого гетмана, то это стихотворствіе не безъ значенія для исторіи. Обозначая въ рѣзкихъ выраженіяхъ печальную эпоху руины, опустѣнія края ²⁾, разрушенія и поруганія церквей ³⁾, отдачу народа въ неволю и всеобщій плачъ на Украинѣ и въ Подольѣ ⁴⁾, оно

1) Надъ Почаевомъ ясная скала:

Ой тамъ вийсько турецьке бусурманське

Гору оступило, якъ чорная хмара,

Ой обточило и обсочило,

Хотѣли Почаевъ звоєвати...

Матко чудовна! почаевська!

Ходи насъ рятовати!

Отець Загѣзо зъ келіи вийшовъ,

Сльзьми ся обливає:

— Ой рятуй, рятуй Божая Мати,

— Монастырь загубає!

„Ой не плачь, не плачь, отець Загѣзо,

„Монастырь не загине!

„Мусимо стати, чудъ показати

„Монастырь рятовати!“

Ой якъ же вийшла Божая Мати,

Да на крижевъ стала

Куль вертала, киньми дрясовала,

Воевати не дала.

А ти турки хочъ недовѣрки,

Дизнали що Божая Мати,

Обѣцалися до Почаева

Що року дань давати.

А ти турки й сами татари

Неславы наробили,

Въ славному мѣстѣ Вишневецѣ

Пѣсокъ кровью змочили.

А ми люде, мы христіане,

Бога вихваляймо,

Матцѣ чудовній—Почаевській

Усѣ поклонъ оддаймо!

2) За Дорошенка гетмана

Пуста Украина стала.

3) Церкви Божіи опустѣли,

Обители розорили,

Оскверненная земля

Черезъ турецькое племя.

4) Вкраина тяжко вдихає,

Подольє плаче ридає

тѣмъ важнѣе, что явно сочинено еще при жизни Дорошенка ¹⁾ сторонникомъ московской власти ²⁾ и вѣроятно духовнымъ; все это показываютъ стихи въ видѣ молитвы къ Богу. Но упоминая о немъ, мы все-таки не причисляемъ его къ народнымъ произведеніямъ и потому не входимъ въ его разсмотрѣніе.

2. Ворьба южнорусскаго народа съ Польшею.

А. Хмельницкаго.

Дума о похищеніи королевской привилегіи. — Первая война Хмельницкаго. — Пѣсни о Желтоводской битвѣ. — Думы объ угнѣсеніяхъ народа отъ іудеевъ, объ ихъ изгнаніи и о корсунской побѣдѣ. — Перебійность, народный богатырь возстанія 1648 года. — Збаражская осада. — Насмѣшки надъ поляками. — Дума о походѣ въ Молдавію. — Нечай, народный богатырь второй войны Хмельницкаго. — Берестечское пораженіе. — Дума о состояніи народа послѣ второй войны. — Татарское опустошеніе 1653 года и присоединеніе Малороссіи къ Россіи. — Ропотъ на Хмельницкаго. — Дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Въ существующихъ сборникахъ южнорусскихъ народныхъ произведеній на- ходятся пѣсни и думы, относимыя къ событіямъ ранней борьбы козаковъ съ поляками до Богдана Хмельницкаго ³⁾, но многіе признаки сочиненности въ языкѣ этихъ произведеній, выдаваемыхъ за народные, анахронизмы въ изложе-

Чадъ своихъ заповенныхъ
И въ неволю отведенныхъ;
А въ Уманьскіи повѣтъ
Брали жоны й дѣти
Самыхъ уманьскихъ мѣщань
Звовавшихъ отъ погань
Головы имъ лупли
До цезаря возли.

¹⁾ Ой Боже нашъ милостивый,
Ты-сь судія справедливый,
Не даждь бисурману
И Петру Гетману
Въ замыслахъ тое чинити,
Рачь ихъ отомстити
Абы южъ перестали...

²⁾ А московскому царевѣ
Дай силу Сударевѣ,
Покори бисурмана
Петра Гетмана.

(Чт. 1863. III. 33).

³⁾ Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Серпягѣ, подъ которыми думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Наливайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трехъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстаній Павлюка, Острианна и Гуци, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрывочныя произведенія, выдаваемыя за народные. Есть еще нѣсколько пѣсенъ объ эпохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о пилявскомъ дѣлѣ, пѣсня о взятіи Бендеръ и пѣсня о жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ основаній разсвѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности.

ни историческихъ событій, сходные съ извѣстїями подложныхъ лѣтописныхъ сочиненій, и, наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что до сихъ поръ въ народѣ не отыскано не только этихъ думъ и пѣсенъ, но даже и яснаго слѣда, чтобъ онѣ когда-нибудь прежде существовали,—все это возбуждаетъ сомнѣнїе въ ихъ подлинности, и мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящемъ сочиненїи не касаться ихъ вовсе, оставляя критическій разборъ ихъ другому изслѣдованїю. Займемся только тѣмъ запасомъ, въ принадлежности котораго къ народному творчеству не является сомнѣнїй.

Славная эпоха освобожденїя части южнорусскаго народа при Богданѣ Хмельницкомъ оставила по себѣ послѣдовавшимъ вѣкамъ обильную сокровищницу произведеній исторической былевой поэзїи. Вѣроятно, этотъ запасъ былъ бы еще богаче, если бы, даже относительно въ недавнее время,—тогда уже, какъ у насъ стали дорожить народными памятниками,—собиранїе ихъ происходило съ большимъ участїемъ къ этому дѣлу и съ большею добросовѣстностью, чѣмъ это дѣлалось.

Изъ думъ и пѣсенъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, первая по времени излагаемаго событїя есть дума о Хмельницкомъ и Барабашѣ,—дума, гдѣ разсказывается, какъ Богданъ Хмельницкій, напоявши до-пьяна Барабаша, назначеннаго отъ короля Владислава старшимъ надъ всѣми козаками, похитилъ у него королевскую привилегїю и потомъ воспользовался ею, чтобы возбудить въ народѣ возстанїе.

Поступокъ этотъ отиѣченъ у всѣхъ малорусскихъ лѣтописцевъ съ особымъ вниманїемъ; онъ, какъ по всему видно, занималъ долго и народныя воспомнанїя. О немъ ходили и до сихъ поръ ходятъ въ народѣ изустныя разсказы; о немъ-то въ оное время сложилась дума, которая широко распространилась и долго слушалась изъ устъ кобзарей съ сочувствїемъ. Тонъ этой думы чрезвычайно простъ, но силенъ; нѣтъ въ ней поэтическаго увлеченїя, нѣтъ сравненїй и сопоставленїй, зато разсказъ драматиченъ. У насъ два варианта этой думы и одинъ другому, по смыслу, не противорѣчатъ. Первый напечатанъ въ Сборникѣ Максимовича, второй—въ Сборникѣ Метлинскаго. Послѣднїй отличается отъ перваго отчасти амплификаціею, отчасти же и тѣмъ, что сохранилъ нѣкоторыя характеристическія черты, потерявшїяся въ первомъ, и ведетъ повѣствованїе далѣе, излагая въ сжатомъ видѣ начало народнаго возстанїя и смерть Барабаша, чего въ вариантѣ Максимовича нѣтъ.

Дума начинается посольствомъ козаковъ къ королю Владиславу. Въ послѣднїе дни сдѣлалась тревога въ Украинѣ. Никто не могъ отважиться стать за христіанскую вѣру; отважились только Барабашъ, да Климъ бѣлоцерковскїй (въ вариантѣ Метлинскаго онъ, вмѣсто Клима, названъ Клиша бѣлоцерковскїй) да Хмельницкій¹⁾.

Подъ именемъ Клима или Клиши, вѣроятно, надобно разумѣть или Не-

¹⁾ Изъ день-години

Якъ сталась тревога на Украинѣ,

То нѣкто не може обирати

За вѣру христіанську одностойно стати.

Тильки обирались Барабашъ да Хмельницкій

Да Климъ (Клиша) бѣлоцерковскїй.

стеренка, который ѣздилъ тогда къ королю вмѣстѣ съ другими козацкими старшинами, или же Ильяша Каранювча, котораго лѣтописецъ Самовидца смѣшиваетъ съ Барабашемъ, повѣствуя, что Хмельницкій сдѣлалъ съ Ильяшемъ то самое, что, по другимъ источникамъ и по свидѣтельству самой разбираемой нами думы, сдѣлалъ онъ съ Барабашемъ. Въ вариантѣ Метлинскаго, вмѣсто выраженія: сдѣлалась тревога въ Украинѣ, говорится: начинались великія войны; и здѣсь, быть можетъ, слѣдуетъ понимать намѣреніе Владислава начать войну съ Турціею, направивши на турецкіе предѣлы козаковъ,—намѣреніе, которое и открыло путь ко взрыву, происшедшему въ Украинѣ.

Три личности, обозначенныя въ думѣ, просятъ у короля универсаловъ. Король далъ ихъ въ руки Барабашу ¹⁾, назначилъ его гетманомъ, Клима (иначе Клишу) сдѣлалъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, а Хмельницкаго войсковымъ писаремъ ²⁾. Барабашъ, взявши королевскія грамоты, держалъ ихъ въ секретѣ и не давалъ о нихъ знать козакамъ—по одному варианту три года ³⁾, по другому полтора года, пока былъ гетманомъ ⁴⁾.

Далѣе: въ обоихъ вариантахъ драматически разсказывается похищеніе Хмельницкимъ у Барабаша королевскаго письма, и разсказывается согласно тому, какъ это событіе изложено въ лѣтописяхъ. Хмельницкій пригласилъ Барабаша быть у него кумомъ. Хмельницкій подвоилъ своего гостя и тогда говорилъ ему: дай мнѣ хоть прочитатъ королевскія грамоты ⁵⁾; или, какъ выразительнѣе въ вариантѣ Метлинскаго: «Нельзя ли, кумъ Барабашъ, молодой гетманъ, намъ вдвоємъ прочитатъ королевскія грамоты, дать козакамъ порядокъ, стать дружно за христіанскую вѣру?» ⁶⁾. Влагаемое Хмельницкому вариантомъ Метлинскаго ближе къ правдѣ и потому, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы. Хмельницкій, ѣздившій къ королю вмѣстѣ съ Барабашемъ, конечно, уже прежде зналъ, что такое заключается въ королевской грамотѣ, и странно было для него просить Барабаша дать ему прочитатъ эту грамоту, какъ что-то ему невѣдомое и новое. Хмельницкій именно могъ убѣждать Барабаша вмѣстѣ съ нимъ воспользоваться ею для пользы козакамъ. «Эй, кумъ Хмельницкій! — отвѣчалъ Барабашъ: — зачѣмъ намъ вдвоємъ читатъ королевскую грамоту и даватъ козакамъ

¹⁾ То король наversaли писавъ,

Самому Барабашу до рукъ подававъ.

²⁾ Будь ты, Барабашъ, у городѣ Черкасскому гетманомъ,

А ты Клиша въ Бѣлѣй-церкви полковничимъ,

А ты, Хмельницкій, у городѣ Чигиринѣ писаремъ войсковымъ. (Метл. 386)

³⁾ А Барабашъ листы якъ узавъ,

Три годи козакамъ знати не дававъ. (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

⁴⁾ Не багато Барабашъ гетьманъ

Молодий гетьмановавъ,

Тільки пивтора года. (Метл. 386).

⁵⁾ Годъ тобѣ, пане куме, листы королевскіи держати

Дай менѣ хоть прочитати! (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

⁶⁾ Эй пане куме, пане Барабашу, гетьмане молодой,

Чи не могли бы мы съ тобою у-двохъ королевскихъ листивъ прочитати,

Козакамъ козацкіи порядки подавати,

За вѣру христіанську одностойно стати? (Метл. 386).

порядокъ? ¹⁾ Вѣдъ мы дани не даешъ, въ польскомъ войскѣ не служишь. Не лучше ли намъ съ ляхами милостивыми панами жить мирно ²⁾, да водить съ ними хлѣбъ-соль ³⁾, чѣмъ идти натирать луга, да корнить комаровъ своимъ тѣломъ? ⁴⁾ Хмельницкій, слыша такіа рѣчи, подавалъ куму лучшіе напитки до тѣхъ поръ, пока Барабанъ не упился и не заснулъ, упавши на постель ⁵⁾. Тогда Хмельницкій беретъ у соннаго: по варианту Максимовича — одни только ключи ⁶⁾, а по варианту Метлинскаго — еще, кромѣ ключей, перстень и платокъ ⁷⁾, и съ этими вещами посылаетъ своего чуру (или джуру) въ Черкасы къ панѣ Барабашевой за королевскими грамотами. Въ вариантѣ Максимовича описывается коротко, какъ чура отдалъ ей ключи и потребовалъ королевскія грамоты ⁸⁾, а въ вариантѣ Метлинскаго явленіе чуры излагается съ подробностями, впрочемъ мало видовзмѣняющими сущность. Барабашита изображается въ думѣ женщиною стѣливою; она поняла, что изъ этого выйдетъ дурное; она клянетъ охоту своего мужа гулять съ Хмельницкимъ, но она не противится его волѣ ⁹⁾, не хочетъ

¹⁾ Эй пане куме, пане Хмельницкій, пане писарю військовий,
На-що намъ съ тобою королевскія листы читати,
На-що намъ козакамъ козацкія порядки давати? (Метл., *ibid.*).

²⁾ Ми дачи не даешъ, у військо польске не йдемъ:
Не лучше бъ намъ съ ляхами милостивими панами мирно пробувати.
(Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

³⁾ Съ-упокоемъ хлѣбъ-силъ на вѣкъ вѣчный уживати (Метл. 386).

⁴⁾ А нѣжъ пийти лугивъ потирати,
Своимъ тѣломъ комаривъ годовати. (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

⁵⁾ Тогдѣ-то Хмельницкій на кума свого Барабаша велике пересердіе мае.
Ще красними напитками витае.
Оттогдѣ-то Барабашъ гетьманъ молодой
Якъ у кума свого Хмельницкого дорогого напитку напився,
Такъ у ёго спать повалився (Метл.).

У Максимовича:

То Барабашъ якъ упився,
На лижко спати повалився.

⁶⁾ Тогдѣ Хмельницкій ключи отбиравъ,
Чуру свого до города Черкасъ пославъ. (Макс. 66)

⁷⁾ Изъ правой руки изъ мизиннёго пальца щиро-золотый перстень зявля,
Изъ лѣвой кишенѣ ключи выймавъ,
Изъ пидъ пояса шовковый платокъ высмыкавъ.
— Эй слуго мий, повѣренный Хмельницкого,
Велю я тобѣ добре дбати,
На доброго коня сѣдати,

До города Черкаського до панѣ Барабашевои прибувати,
Кралевскія листы до рукъ добре приїмати. (Метл. 387).

⁸⁾ — Панѣ Барабашовал! Твий панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы кралевскія подати. (Максим. 66).

⁹⁾ Эй не-въ-шора-бѣды моему пану Барабашу
Схотѣлось на славний Украинѣ съ кумомъ своимъ Хмельницкимъ велики
бенкеты вчиняти;

На-що нмъ кралевскія листы читати?

Не лучше нмъ съ ляхами мостивими панами съ упокоемъ хлѣбъ-силъ
уживати?

она своими руками творить того, что будет иметь вредныя послѣдствія, только указываетъ чурѣ мѣсто, гдѣ хранятся требуемые документы ¹⁾. Чура взялъ ихъ въ шкатулкѣ, зарытой въ землѣ подъ воротами, привезъ въ Чигиринъ и отдалъ Хмельницкому ²⁾. Барабашъ, пробудившись, тихо съѣзжаетъ со двора Хмельницкаго и совѣтуется съ Кречовскимъ (который въ думѣ названъ старостою, а въ самомъ дѣлѣ былъ въ то время переяславскимъ полковникомъ) какъ бы найти способъ поймать Хмельницкаго и отдать ляхамъ ³⁾. По варианту Максимовича дума на этомъ и кончается, сохранивъ за собою значеніе думы исключительно объ отнятій Хмельницкимъ у Барабаша королевской грамоты. Но вариантъ Метлинскаго присоединяетъ сюда возстаніе Хмельницкаго и расправу съ Барабашемъ. Хмельницкій совѣщается съ четырьмя полковниками ⁴⁾, въ которыхъ не трудно

Теперь нехай не зарѣкається Барабашъ гетьманъ молодий
На славний Украинѣ огнѣвъ да тернивъ изгнати,
Тѣломъ своимъ панськимъ кожарн годовати,
Отъ пана кума свого Хмельницкого. (Метл. 398).

- 1) Не могу я тобѣ листы кралевськи до рукъ подати,
А велью я тобѣ до воритъ отхожати,
Кралевськи листы у шкатулѣ зъ землѣ выимати. (Метл. 388).

Или:

Где-сь моему пановѣ лихо въ занудилось,
Що съ Хмельницкимъ гуляти скотѣлось!
Пийди въ глухимъ кинцѣ пидъ воритями
Листы королевськи въ шкатулѣ визьми! (Макс. 66).

- 2) Скорнимъ часомъ, пилною годиною до воритъ отхожавъ,
Шкатулу зъ землѣ съ кралевськими листами выймавъ,
Самъ на доброго коня сѣдавъ,
Скорнимъ часомъ, пилною годиною до города Чигирина прибувавъ,
Своему пану Хмельницкому кралевськи листы до рукъ добре отдававъ.
(Метл. 388).

- 3) Да на старосту свого Кречовського кличе, добре покликае:
Эй старосто, каже, ты мий старосто Кречовський!
Коли-бъ ты добре дбавъ,
Кума мого Хмельницкого живцемъ узавъ,
Ляхамъ мостивимъ панамъ до рукъ подавъ,
Щобъ насъ могли ляхи милостивѣ паны за бѣлзоривѣ почитати! (Метл. 389).

Или:

Тогдѣ Барабашъ рано прочинае,
У карманы поглядае, ажъ ключѣвъ не мае!
Винъ старосту Кречовського пробужае,
Двома коньми тихо съ двора зѣвзае,
Думае-гадае:
Якъ пана Хмельницкого до рукъ прибирати,
Ляхамъ одати. (Максим. 66).

- 4) Оттогдѣ-то припало ему зъ правои руки,
Чотыри полковники:
Первый полковниче: Максиме Ольшанській,
Другій полковниче: Мартине Полтавській,
Третій полковниче: Иване Богуне,
А четвертый: Матвѣй Боруховичу. (Метл. 389).

узнать четырех главных дѣятелей возстанія, сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго: Максима Кривоноса, Мартина Пушкаря, Ивана Богуня и Матѣя Гладкого (ошибочно переименованнаго въ думѣ въ Боруковича — имя гадяцкаго помовника, бывшаго уже послѣ Хмельницкаго, въ концѣ XVII вѣка). Хмельницкій возбуждаетъ козаковъ, приказываетъ имъ читать русскій «Отче нашъ», бить ляховъ, мѣшать кровь ихъ съ желтымъ пескомъ, не давать на поруганіе вѣры. Козаки исполняютъ повелѣніе: исполненіе выражается тѣми же словами, въ какихъ даетъ имъ приказъ Хмельницкій. Мѣсто это встрѣчается цѣлкомъ въ другой думѣ, которую приведемъ ниже и которая относится только къ жиданѣ. Кобзари здѣсь перепутали думы. Но далѣе въ думѣ слѣдуетъ казнь надъ Барабашемъ: она состоитъ въ связи съ рассказомъ о похищеніи королевской грамоты, составляющимъ сущность содержанія думы. Барабашъ укоряетъ Хмельницкаго за его поступокъ и еще разъ, какъ бы въ видѣ совѣта, произноситъ тѣ же слова, которыя произносилъ прежде, когда отказывалъ Хмельницкому въ просьбѣ читать виѣстѣ съ нимъ королевскую грамоту ¹⁾. За это Хмельницкій обѣщаетъ (почти такими же выраженіями, которыя встрѣчались въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ) святъ съ него голову ²⁾, а вслѣдъ затѣмъ исполняетъ свою угрозу ³⁾. Дума, по варианту Метлинскаго, оканчивается обращеніемъ козаковъ къ Хмельницкому съ желаніемъ, чтобъ козакамъ подъ его начальствомъ жилось хорошо, чтобъ они пили да гуляли и не давали бы никому на поруганіе православной вѣры ⁴⁾. Затѣмъ слѣдуетъ многолѣтіе всему народу и слушающимъ думу. Ясно, что послѣднее обращеніе къ Хмельницкому принадлежитъ первоначальной редакціи, такъ какъ Хмельницкій изображается еще живымъ.

Въ приведенной думѣ три дѣйствующихъ лица. Всѣ они представлены выпукло, типично и исторически вѣрно, сообразно своему времени. Барабашъ — живой типъ мелкой, узкосмотрящей, эгоистической натуры, которая болѣе всего занята собственной безопасностью, часто не понимая того, что именно тамъ-то и нѣтъ безопасности, гдѣ она думаетъ найти ее. Для такой натуры ничего не значатъ ни горе ближнихъ, ни ихъ счастье и свобода — священнѣйшія идеи.

¹⁾ Эй куме, куме пане Хмельницкій,

Пане писарю військовий!

На щобъ тобѣ кралевські листы у панѣ Барабашови вызволити,

На що тобѣ козацьки поряди козакамъ давати?

Не лучше-бъ тобѣ съ нами ляхами мостивими панами хлѣба-солѣ съ ужо-
кoемъ уживати (Метл. 390).

²⁾ Якъ ты будешъ менѣ сими словами докоряти,

Не зарѣкаюсь я тобѣ самому съ плечъ голову якъ галку зняти. (Ibid.)

³⁾ Такъ гараздъ добре й учинивъ:

Куму своему Барабашевѣ гетьмановѣ молодому съ плечъ голову якъ галку
знявъ,

Жоуу ёго и дѣтей живцемъ забравъ,

Турському сатану въ подарунокъ одиславъ.

Съ того часа Хмельницкій гетьмановати ставъ. (Ibid.)

⁴⁾ Оттогдѣ-то козаки, дѣти друзѣй молодцѣй, стиха словами промовляли:

Эй гетьмане Хмельницкій,

Батя нашъ Зинове Богдане Чигиринскій,

Дай Боже, щобъ мы за твоєю головою пили да гуляли,

Вѣры своєю христіанською у поругу вѣчными часи не подавали. (Ibid., 391).

оживляющія добродѣтельнаго челоуѣка въ его общественной жизни. Нерѣдко такіа натуры горько платятъ за свою слѣпоту и безсердечіе. Такихъ личностей вездѣ и всегда бываетъ много тамъ, гдѣ одинъ народъ подпадаетъ подъ матеріальное или духовное господство другого народа: изъ порабощенной и унижаемой массы выходятъ эти люди, отрѣзываются отъ соотечественниковъ и прилипаютъ къ порабощителямъ; иные поступаютъ такъ ради эгоистическихъ видовъ, другіе престо по трусости. Это такіе люди, которыхъ въ обыкновенное спокойное время называютъ практически, житейски-благоразумными людьми. Пока порабощители сильны, они дѣйствительно выигрываютъ; если же угнетенная сторона поднимаетъ голову, то они первые дѣлаются жертвою своего прежняго малодушія. Въ XVII вѣкѣ въ Украинѣ и вообще въ Южной Руси такою личностію былъ ожирѣвшій и ошляхетѣвшій козацкій или мѣщавскій урядникъ, пѣловашій руки вельможнымъ панамъ, ползавшій у нихъ нога и содѣйствовавшій имъ къ утѣсенію своихъ русскихъ православныхъ земляковъ. Такимъ былъ Барабашъ: такимъ является онъ въ современныхъ историческихъ извѣстіяхъ, такимъ представляется онъ и въ приведенной думѣ. Жена его представляется въ думѣ умнѣе своего мужа; она способна усматривать опасность тамъ, гдѣ тотъ не видитъ, но она женщина своего времени: чуя и предвидя грядущую бѣду, она только заявляетъ объ этомъ, но не смѣетъ сопротивляться мужнину приказанію, — сама только не хочетъ быть участницею такого дѣла, въ гибельныхъ послѣдствіяхъ котораго увѣрена. Хмельницкій въ этой думѣ — челоуѣкъ умный, ловкій, хитрый, но преданный всею душою народному дѣлу, истинный вождь своего народа. Нельзя не обратить вниманія, что въ обоихъ извѣстныхъ намъ вариантахъ этой думы Хмельницкій нѣсколько различенъ: по одному варианту — онъ уже давно знаетъ Барабаша, ему не нужно его испытывать; ему остается какии-нибудь хитрыми способами похитить у него спрятанный важный для козаковъ документъ. По другому варианту, напротивъ, Хмельницкій обращается къ Барабашу съ послѣднимъ попыткою склонить его къ служенію народному дѣлу и приобретаетъ къ хитрости только тогда, когда эта его попытка разбивается о бездушный эгоизмъ его кума. Хмельницкій въ думѣ не отличается великодушностію: онъ не только убиваетъ Барабаша, но продаетъ въ рабство его жену и невинныхъ дѣтей и за эту жестокость народная дума нисколько не цорпцаетъ его: такая жестокость была въ народныхъ нравахъ онаго времени. Самъ Барабашъ представленъ не только до крайности несправившимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безчестнымъ: видя Хмельницкаго уже торжествующимъ, онъ и теперь не въ состояніи отвѣстись къ нему иначе, какъ со своей прежней философіею; выше ея онъ нигдѣ и никогда стать не можетъ; онъ не умѣетъ даже и притвориться.

За этою характерною думою слѣдуетъ въ народной повѣи рядъ пѣсенъ и думъ, относящихся къ первому году возстанія, какъ къ эпохѣ народнаго торжества. Изъ всего гетманствованія Хмельницкаго, продолжавшагося около девяти лѣтъ, только время отъ весны 1648-го до осени 1649 года было вполнѣ эпохою всенароднаго дѣла, и только это время было въ равной степени дорого всему южнорусскому народу, такъ какъ Зборовскій договоръ, состоявшійся въ августѣ 1649 г., начерталъ роковой рубежъ между козачествомъ и посполствоиъ. Рубежъ этотъ впоследствии былъ непроченъ и очень часто стирался, и самъ Хмельницкій, проведшій его, принужденъ былъ уступать напору народной

волны; но южнорусский народ уже никогда послѣ того не доходилъ до такого единодушія, до такого напряженнаго воодушевленія, какъ въ непродолжительный періодъ отъ Желтоводской битвы до Зборовскаго мира; и потому-то лучшія пѣсни и думы о временахъ Хмельницкаго принадлежать преимущественно этому періоду. Отличительное качество этихъ пѣснописнѣй—восторгъ и вѣстѣ юморъ, расточаемый надъ побѣжденными поработителями, которыми народъ припоминаетъ содѣянную несправедливость. Рѣзко при этомъ выступаетъ на видъ игра словъ и рѣзмъ, вообще свойственная южнорусскому способу поэтическаго выраженія. Въ пѣснѣ, въ которой главнымъ образомъ вспоминается Желтоводская битва—первая (а поэтому особенно дорогая народной памяти) побѣда козаковъ надъ поляками, мы встрѣчаемъ игру слова «хмель» съ прозвищемъ гетмана Хмельницкаго ¹⁾. Сопоставленіе это, независимо отъ сходства, возбуждаемаго именемъ Хмельницкаго, само по себѣ въ народномъ дугѣ, такъ какъ въ малорусской пѣсенности вообще растение хмель—символь удачества и отваги. Современники звали Богдана Хмельницкаго «хмелемъ» или (быть можетъ) хмѣлемъ, и такая кличка была, вѣроятно, всеобщемою, такъ что проѣзжавшій черезъ Украину арабъ Павелъ діаконъ въ своихъ запискахъ иначе не называетъ славнаго козацкаго вождя, какъ «Ахмель», конечно, перенявши это названіе отъ тогдашнихъ малоруссовъ. «Не пей, Хмельницкій, этой Желтой воды черезъ мѣру», — обращается къ нему пѣсня, символически выражая этихъ мысль: «будь остороженъ, не отваживайся!» «Идешь, — продолжаетъ та же пѣсня, — на тебя сорокъ тысячъ отборнаго ляхскаго войска!»—Сорокъ тысячъ—число символическое, означающее вообще на пѣсенномъ языкѣ мысль: много войска,—подобно тому, какъ встарину говорилось: «тьма» или «тьма темъ». «Я не боюсь ляховъ,—отвѣчаетъ Хмельницкій въ той же пѣснѣ,—я не тревожусь; знаю, что у меня не малая сила, да еще и орду веду за собою; а все это, враги ляхи, вамъ на бѣду!» ²⁾. Пѣсня не вдается въ описаніе битвы, а одною чертою рисуется пораженіе ляховъ: сказавши, что не боится ляховъ, Хмельницкій ѣдетъ къ Желтому Броду, и не мало ляховъ лежитъ, погрузивши головы свои въ водѣ ³⁾. Затѣмъ изображается бѣгство враговъ и ихъ гибель съ намекомъ на потери ихъ богатствъ, выраженнымъ въ образѣ растерянныхъ ими шубъ ⁴⁾; дѣлается намекъ и на ихъ неудавшееся стремленіе водвориться навсегда въ Украину: они строили тамъ себѣ дома, а теперь придется имъ

¹⁾ Чи не той-то хмель, хмель, що по тичинѣ вѣється?

Гей то нашъ панъ Хмельницкій, що зъ ляхами бється!

²⁾ „Ой не пей, Хмельницкій, дуже той Жовтої води:

Иде ляхивъ сорокъ тысячъ хорошихъ вроди!“

— А я ляхивъ не боюся и гадки не маю:

За собою потугу великую знаю;

Да ще й орду за собою веду:

А все, вражи ляхи, на вашу бѣду!

³⁾ Гей, поѣхай Хмельницкій и къ Жовтому Броду:

Гей не одинъ ляхъ лежитъ головою въ воду!

⁴⁾ Утѣкали ляхи, погубили шуби,

Не одинъ ляхъ лежать вищиривши зуби.

бѣжать въ свою Польшу ¹⁾). Пѣсня оканчивается словами: послѣ многихъ ляховъ плакали дѣти, остались вдовы ²⁾).

Какъ по мысли, такъ и по поэтическимъ образамъ и по юмористическому тону пѣсня эта представляетъ нѣкоторое подобіе съ другою, относящеюся къ той же битвѣ Желтоводской пѣсней, теперь уже исчезнувшей. Мы списали эту пѣсню съ рукописи XVII вѣка, но, по неразборчивости почерка и по ветхости рукописи, не всѣ слова могли надлежащимъ образомъ прочесть. Безъ сомнѣнія, это произведеніе народнаго творчества также нѣкогда ходило въ народѣ. Здѣсь также сопоставляется прозвище гетмана Богдана Хмельницкаго съ символическимъ хмелемъ. «Хмель высыпался изъ мѣшка и надѣлалъ бѣды ляхамъ. Научилъ онъ ихъ уму-разуму, выбилъ изъ нихъ чертовскую спесь. Въ Жолтую воду наложили для нихъ черзчуръ много хмельной травы: не устояли они на ногахъ, пустились бѣжать» ³⁾). Пѣсня обращается къ сыну короннаго гетмана Потоцкаго, Стефану, погибшему въ этой битвѣ: онъ хвалился прежде разорить Запорожье. «Что, гетманничъ бѣдняжка! Не попалъ на Запорожье, дороги не нашель въ Сидоровомъ оврагѣ!» ⁴⁾. Далѣе въ той же пѣснѣ казаки приглашаютъ ляховъ вести въ таборы молодцовъ козаковъ и отдавать имъ деньги за хутора, которые у нихъ паны отнимали ⁵⁾. «Уже теперь, ляхъ, не будешь отдавать козацкія хаты негодяямъ, не будешь брать пересудовъ (пошлина за панскій судъ, несносная для козаковъ, всегда хотѣвшихъ судиться только своими собственными судомъ), не будешь воевать козаковъ! Вамъ милѣе жиды разбойники, чѣмъ запорожцы молодцы! Вотъ крымскія овчины: снабдите ихъ (ляховъ) теперь тулупами. Вотъ что можетъ Хмельницкій! Помогай ему, Боже, бить этихъ куроѣдовъ (то-есть роскошно ядущихъ, такъ какъ курмное мясо считается въ народѣ праздничнымъ кушаньемъ) и не оставлять въ

¹⁾ Становили ляхи на Украинѣ хаты:

Прійдется лашенькамъ у Польшу втѣкати.

²⁾ Гей тамъ поле, поле, а по полю кѣфты,

Не по однимъ ляху заплакали дѣти;

Гей тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку глиця,

Не по однимъ ляху осталась вдовица.

³⁾ Высыпався хмель изъ мѣха

И наробивъ ляхамъ лиха,

Показавъ имъ розуму,

Вивернувъ дѣду думу;

До Жовтой водиць,

Наклавъ имъ дуже хмеляницъ,

Не могли на ногахъ стати,

Водили утивати.

⁴⁾ Гетманнчу небоже,

Не туди на Запороже!

Не найшовъ гараздъ шляху

У Сидоровѣмъ байраку.

⁵⁾ Не угѣкай же, ляху,

Съ самого перестраху.

Вождай юнаковъ въ табори,

Готуй деньги за хуторы.

живыхъ и жидовъ. Уже они убѣгаютъ съ валовъ: боятса ружьевъ! Татарской похлебки лучше хотять, чѣмъ козацкой плети» ¹⁾).

Въ лѣтописи Ерлича, современнаго Хмельницкому православнаго шляхтича въ Южной Руси, есть нѣсколько стихотвореній на южнорусскомъ языкѣ, по содержанию относящихся къ событіямъ эпохи Хмельницкаго. Нѣкоторыя — явно произведенія шляхетской стороны и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть включены въ рядъ народныхъ южнорусскихъ пѣснопѣній. Но два останавливаютъ наше вниманіе. Въ одномъ изображается торжество русскаго народа и прославляется Богданъ Хмельницкій ²⁾. Пѣснопѣіе это, какъ показывается его языкъ и складъ, могло быть сначала сложено бурсаками того времени; но, будучи по своему содержанию и духу сочувственно тогдашней народной массѣ, вѣроятно, оно было усвоено и пѣлось народомъ, и оттого-то Ерличъ помѣстилъ его въ своей лѣтописи. Второе, по своему строю, болѣе народное, чѣмъ первое, очень сходно съ несомнѣнно-народными произведеніями той эпохи и не обличаетъ въ себѣ слѣдовъ единой авторской головы. Это настоящая народная пѣсня. Въ этой пѣснѣ, съ обычнымъ тому времени юморомъ, козаки отпугиваютъ къ татарамъ плѣнныхъ ягловъ, взятыхъ послѣ корсунскаго погрома. «Вотъ какъ гордость надѣлала бѣды коронному гетману Потоцкому! Да и тебѣ приключилась скорбь, польный гетманъ Калиновскій! Идите-ко, жонѣры, сѣбло идите на зиніиа квартиры! Въ Вѣлгородѣ (Акерманѣ, въ ордѣ Вѣлгородской) будетъ вамъ

¹⁾ Южь не будешъ ихъ хаты
 Поганцямъ отдавати;
 Не будешъ пересудивъ брати,
 А нѣ ихъ воувати!
 Милѣшь вамъ жиды збойцѣ,
 Нѣжь запорожцѣ молодцѣ,
 Отъ же маєте крмичухи:
 Дайте имъ теперъ кожухи.
 Отъ-же Хмельницкій може,
 Поможи ему, Боже,
 Тыхъ куркофдивъ бити
 И жидивъ не живити.
 Южь утѣкають зъ валовъ,
 Боятся самопаловъ.
 Волятъ татарской юки,
 Нѣжь козацкой пуки.

(Послѣдніе два стиха въ рукописи, бывшей въ нашемъ распоряженіи, искажены переписчикомъ; вѣроятно вмѣсто „татарской юки“ — слѣдуетъ читать: „татарской юки“, а вмѣсто „козацкой пуки“ — „козацкой пуги“).

²⁾ Честь Богу, хвала, на вѣки слава війську днѣпровому!
 Що съ Божой ласки загнали ляхи къ порту висяному.
 А ридь проклятый жидивскій стятий, чиста Украина!
 А вѣра святая вцале (въ цѣлости) зостала: счастлива година!
 И ты, Чигирине, мѣсто украинне, не меншую славу
 Теперъ въ собѣ маєшь, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву
 Задного Богдана мудрого гетмана, доброго молодца,
 Хмельницкаго чигиринскаго давнѣго запорожца.

помищеніе въ загонѣ! Пусть тѣмъ временемъ христіане ваши (подданные) подолане поразведутъ курь, а то у нихъ выносили и выловили ихъ ваши слуги. Вы же сидите у татаръ до смерти въ тяжелыхъ кандалахъ! Какъ мы отъ васъ терпѣли, такъ вы отъ насъ теперь потерпите!»¹⁾

По духу къ этому произведенію подходитъ первая половина стихотворенія, занесеннаго въ Лѣтопись Грабянки при описаніи Корсунской побѣды. Она гласитъ такъ: «Вотъ какъ пышно поѣхали въ Крымъ рыдваны. Это—Потоцкій и Калиновскій, польскіе гетманы съ своими совѣтниками. А возы съ сокровищами остались козакамъ, чтобъ имъ было чѣмъ поправить свою скудную рухлядь»²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ другая половина, ясно присочиненная бурсаками или дьячками и ни въ какомъ случаѣ не принадлежащая къ народной поэзіи.

Такимъ же духомъ насмѣшки надъ пораженными врагами проникнуты двѣ прекрасныя думы, относящіяся къ 1648 году: одна—о Корсунской битвѣ, другая—объ утѣшеніяхъ, причиняемыхъ южнорусскому народу іудеями, и о народномъ мщеніи надъ этими утѣснителями. Передъ нами по два варианта обѣихъ думъ: варианты первой напечатаны—одинъ въ Сборникѣ Максимовича 1849 года, другой—въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша. Изъ вариантовъ второй думы напечатанъ одинъ у Кулиша, а другой не былъ еще нигдѣ напечатанъ и доставленъ былъ намъ въ рукописи Д. К. Морозомъ. Эти варианты двухъ думъ иногда смѣшиваются между собою: части второй думы заходятъ въ первую, и наоборотъ; иное въ одномъ вариантѣ поставлено впереди, тогда какъ въ другомъ то же самое поставлено послѣ. Поэтому мы разсмотримъ эти двѣ думы вѣстѣ по предметамъ, входящимъ въ ихъ содержаніе. Эти предметы слѣдующіе.

- 1) Угнетеніе народа отъ іудеевъ.
- 2) Начало возстанія.
- 3) Вареніе пива: образъ битвы и пораженіе поляковъ.
- 4) Взятіе въ плѣнъ Потоцкаго.
- 5) Бѣгство поляковъ.
- 6) Плачь польскихъ женщинъ.
- 7) Бѣгство и плачь іудеевъ.

Угнетеніе русскаго народа іудеями, бывшее до возстанія Хмельницкаго, изображено очень картинно во второй изъ разсматриваемыхъ думъ. Оно состояло: а) въ устроеніи шинковъ или «орандъ» при дорогахъ; б) во взятіи на

1) Оттакъ пиха наробила лиха коронному Потоцкому.
Оттакъ була и тобѣ скрута польному Калиновскому!
Оттакъ, жоліѣре, идѣте смѣло на зинковско,
Въ Бѣлогородѣ у загородѣ майте становиско.
Нехай христіане ваши подолане переспложуютъ курм,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ въ тяжкихъ кандалахъ до смерти сидѣте:
Якъ мы отъ васъ, такъ вы одъ насъ теперь потерпѣте!

2) Поѣхали бучно до Крыму рыдваны,
Съ совѣтниками обое польскіи гетманы,
А возы скарбови козакамъ зостали,
Абы съ нихъ худобу свою полатали.

откупъ рѣчныхъ угодій; в) въ собираніи мытъ съ проѣзжихъ; г) въ арендованіи церквей.

«Земле Польша, Украина подолька! (вѣроятно, земля подольная, равнина-подолье). Вотъ уже не годъ и не два прошло, какъ въ христіанской землѣ вѣтъ добра. Запечалилась, затруднилась бѣдная вдова: то не бѣдная вдова, то королевская земля» ¹⁾. Такой приступъ дѣлаетъ дума о жидлахъ, по варианту, записанному Морозомъ.

У Кулиша это выражается такъ: «Отъ Кумейщины (отъ пораженія козакъ подъ Кумейками) до Хмельнищины, отъ Хмельнищины до Бранщины (вѣроятно, эпоха забранія края къ русскому государству) въ королевской землѣ не было добра» ²⁾. Намъ кажется, здѣсь вариантъ Мороза древнѣе, у Кулиша же старое начало передѣлалось позднѣе кобзарями, но во всякомъ случаѣ знакомыми съ главными чертами прошедшаго своей родины.

Постановка шинковъ или орандъ по дорогамъ изображается въ вариантѣ Кулиша такъ: «какъ жида арендаторы взяли въ аренду всѣ дороги козацкія, то на одной миль заводили по три шинка, устроивали шинки на долинахъ, а на высокихъ курганахъ водружали большіе шести» ³⁾. Въ вариантѣ Мороза объясняется, почему именно заведеніе шинковъ было стѣснительнымъ. «Жида стали давать панамъ большой откупъ и заводили оранды одна отъ другой за милью. Идетъ украинскій козакъ мимо корчмы: жидъ выбѣгаетъ и хватаетъ за вихоръ украинскаго козака, да еще бьетъ его кулаками въ затылокъ. Козакъ-молодецъ, — говоритъ онъ, — чѣмъ буду я ляхамъ платить арендную плату, когда ты проходишь мимо корчмы и не заходишь туда? Да еще жидъ отнимаетъ у козака все оружіе, а козакъ величаетъ жида вельможнымъ паномъ. Тогда жидъ говоритъ своей жидовкѣ: — Хозяйка моя Рейза! Вотъ до какой чести дожилъ я въ Украинѣ: меня украинскій козакъ величаетъ вельможнымъ паномъ» ⁴⁾

¹⁾ Земле Польша, Украину подолько!

Да вже не рікъ не два минає,
Якъ у христіанскій землѣ добра не має,
Якъ зажурилась да заклопоталась бѣдна вдова;
То не вдова — то кралевська земля! (вар. Мороза).

²⁾ Якъ отъ Кумѣйщины да до Хмельнищины,

Якъ отъ Хмельнищины да до Бранщины,
Якъ отъ Бранщины да и до сѣго жъ дня
Якъ у землѣ кралевській да добра не було (вар. Кулиша).

³⁾ Якъ жида рандарѣ всѣ шляхи козацкіи заарендовали,

Що на одній милѣ да по три шинки становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щоглы по високихъ могилахъ (вар. Кул.).

⁴⁾ Ще стали жида великій откупъ давати,

Стали одинъ отъ одного на милью оранды становити.
Якъ иде украинскій козакъ да и корчму минає,
А жидъ выбѣгає да украинського козака за чубъ хватає,
Да ще єго двома кулаками по потлицѣ затинає.
— Козаче-левице! А що я буду ляхамъ рату платити,
Що ты мимо корчмы идешъ да и корчму минаешъ?
Коло украинського козака всю зброю отбирає,
А на Украинѣ козакъ съ жидомъ похожає.

Въ вариантѣ Кулиша этотъ разговоръ жиды съ своею женою ставится послѣ. Отбирание жидомъ у козака оружія въ думѣ есть оставшаяся въ народѣ память о томъ, что передъ возстаніемъ Хмельницкаго паны, предвидя скорую вспышку народнаго мщенія, дѣйствительно отбирали у своихъ подданныхъ южно-руссое оружіе, и это исполнялось панскими подручниками—жидами.

Арендование іудеями рѣкъ выражается по варианту Мѳороза такъ: «одна рѣчка—Каирочка (?), другая—Гнилобережка (вѣроятно, Гнилой Тикачъ, или Гнилопять, впадающій въ Тетеревь), третья рѣчка—Самарка за Днѣпромъ. Если пойдетъ человекъ къ водѣ для питья или ловить рыбу, то еще не добѣжить до рѣки, а ужъ общается жиду самое лучшее изъ улова»¹⁾. По варианту Кулиша это излагается съ большими подробностями: «Жида взяли въ аренду на славной Украинѣ всѣ козацкія рѣки: на Самарѣ, на Саксанѣ (Саксаганѣ), на Гнилой, на Пробойной (?), на Кудескѣ (?). Если какой-нибудь козакъ, либо мужикъ, вздумаетъ половить рыбы, чтобы покормить жену свою съ дѣтьми, то долженъ идти за позволеніемъ не къ пану, а къ жида и посулить ему часть улова. Идетъ козакъ мимо шинка, несетъ мушкетъ за плечами, хочетъ застрѣлить утку, а жидъ-арендаторъ посматриваетъ изъ окна и говоритъ своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася, что этотъ козакъ затѣваетъ? Что это онъ не войдетъ въ кабакъ, да не купитъ на денежку водки и не попроситъ меня, чтобъ я дозволилъ ему на рѣкѣ застрѣлить утку и покормить ею свою жену и дѣтей? Потому жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ поглядываетъ на жида съискоса, какъ медвѣдь, и называетъ жида милостивымъ паномъ. — Жидъ-арендаторъ, — говоритъ онъ, — милостивый панъ! Позволь мнѣ на рѣкѣ застрѣлить утку—накормить жену и дѣтей. Жидъ входитъ въ кабакъ и говоритъ потихоньку своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася! Быть мнѣ въ Вѣлой Церкви наставнымъ раввиномъ: козакъ назвалъ меня милостивымъ паномъ»²⁾.

Ще ёго вельможнымъ паномъ называе.

А жидъ до жидивки словами промовляе:

Хозяйко моя Рейза! Якон-то я на Украинѣ славы заживавъ,

Що мене украинскій козакъ вельможнымъ паномъ называв!

1) Ищезъ и тимъ жида не сконтентовали;

Ще рѣчки въ откупъ закупили,—

Одна рѣчка Каирочка, другая рѣчка Гнилобережка,

А третья за Днѣпромъ Самарка.

Що ишовъ бы человекъ пити або рыбы ловити,

Да ще винъ до рѣчки не добѣгае,

Уже винъ жидовъ за откупъ найкрасче общае.

2) Ищезъ то жида на тимъ не перестали:

На славнѣй Украинѣ всѣ козацкія рѣки зарандовали,

Перва на Самарѣ, друга на Саксанѣ,

Трета на Гнилѣй, четверта на Пробойнѣй,

Пята—на рѣцѣ Кудесцѣ.

Который бы козакъ альбо мужикъ исхотѣвъ рыбы вловити,

Живку свою съ дѣтьми покормити,

То не иди до пана благословитися,

А ийди до жида рандара да поступи ёму часть отдати,

Щобъ позволивъ на рѣцѣ рыбы вловити.

Собіраніє жидами мить въ Украинѣ, по варіанту Мороза, производится на мостахъ, построенныхъ черезъ большія рѣчки. Жиды берутъ съ верховъ іудеяго по два гроша, съ пѣшаго по грошу и даже у бѣднаго нищаго отбирають то, что тотъ выпросилъ: шшено и яйца ¹⁾). По варіанту Кулиша: жиды взяли въ аренду торгои и брали съ іудеяго возомъ ползолота, а съ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги же нищаго брали куръ и яйца и еще спрашивали (згѣсь дума передразниваетъ іудейскій выговоръ): нѣтъ ли еще, котикъ, чего-нибудь? ²⁾. Почти то же повторяется въ думѣ о Корсунской побѣдѣ, по варіанту Кулиша, тамъ поляки послѣ своего пораженія, понесеннаго отъ козаковъ, съ досадов

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити.
Тогдѣ-жъ то одинъ козакъ мимо кабака иде,
За плечима мушкетъ несе,
Хоче на рѣчцѣ утя вбити,
Жѣнку свою съ дѣтьми покормити.
То жидъ рандаръ у квартиру поглядае,
На жидивку свою стиха словами промовлае:
„Эй жидивка моя Раса, що сей козакъ думае що винъ у кабака не вступити,

За денежку горѣлки не купити,
Мене, жид-рандаря, не перепросити,
Щобъ позволивъ ёму на рѣчцѣ утя вбити,
Жѣнку свою съ дѣтьми покормити!“
Тогдѣ-то жидъ-рандаръ стиха подхождае,
Козака за патлы хватае;
То козакъ на жид-рандаря скося якъ медвѣдь поглядае
Ище жид-рандаря милостивымъ наномъ узывае.
„Эй жиду, каже, жиду рандаре,
Милостивый пане,
Позволь менѣ на рѣчцѣ утя вбити,
Жѣнку свою съ дѣтьми покормити!“
Тогдѣ жидъ-рандаръ у кабака вхождае,
На жидивку свою стиха словами промовлае:
— „Эй жидивочко моя Раса!
Буть менѣ теперъ у Бѣлѣй Церквѣ наставнымъ равомъ:
Назвавъ мене козакъ милостивымъ наномъ!“

(Кулиша: „Записки о Южн. Русн“, т. I, стр. 59).

- ¹⁾ Где була велика рѣчка—мосты въ откупъ забрали,
Отъ верхового по два шаги брали,
Отъ пѣшого по шагу, а отъ бѣднаго старца,
Що винъ выпросить, те отбирали: шшено и яйца!
- ²⁾ На славнѣй Украинѣ всѣ козацкыи торгои заоравывали,
Да брали мыто-промыто:
Отъ воевого
По пив-золотого,
Отъ пѣшого ішменнѣ по три денежки мыта брали,
Отъ неборака старца
Брали куры да яйца,
Да ище пытае: „Ци нема, котикъ, сче цого?“

(Кул., З. о Ю. Р., т. I, стр. 57).

упрекають жи́довъ: «Ахъ, вы, жи́ды, невѣрные сыны! Зачѣмъ произвели вы зтотъ великій бунтъ, эту тревогу? Вы ставили на каждой милѣ по три корчмы, брали большіе мыта: отъ ѣдущаго возомъ полязотого, отъ пѣшаго по два гроша, да еще не пропускали и бѣднаго нищаго: и у него отбирали пшено и яйца? Теперь собирайте свои сокровища, да унижествляйте Хмельницкаго» ¹⁾).

Народныя преданія о жи́довскихъ откупахъ и мытахъ, вошедшія въ думы, не всегда отличаются строгою точностью и вѣрностью въ подробностяхъ, какъ это можно видѣть изъ того, что названія рѣкъ, которыя брали въ откупъ іудемъ, перепутаны. Не говоримъ уже о томъ, что количество мытнаго сбора въ одномъ вариантѣ не то, какое въ другомъ. такъ какъ оно въ разныхъ мѣстностяхъ могло быть не одинаково и на самомъ дѣлѣ. Сущность отъ этого не утрачивается. Ясно, что въ народной поэзіи отразилась впечатлѣніе тягости, лежавшей на жизни народа, память объ унижительномъ положеніи, въ какомъ находился южнорусскій человекъ подъ произволомъ зазнавашагося іудея.

Не лѣтописцы, которыхъ личностей нужно бываетъ доискиваться, чтобы опредѣлять вѣрность ихъ взгляда, не акты, которыхъ подлинность и достоверность иногда бываетъ труднѣе доказать, чѣмъ имъ вѣрить,—самъ народъ, цѣлый народъ, устами нѣсколькихъ своихъ поколѣній, заявляетъ намъ и свидѣтельствуетъ, что экономическія стѣсненія отъ іудеевъ были одною изъ главныхъ причинъ возстанія южнорусскаго народа,—возстанія, составившаго главнѣйшую страницу въ нашей исторіи.

Тотъ же народъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ сообщаетъ намъ еще и о другой, болѣе, повидимому, духовной причинѣ возстанія. По варианту Кулиша говорится: «Жи́ды арендаторы эти́мъ не удовольствовались: они взяли въ аренду всѣ козацкія церкви въ Украинѣ. Когда, случится, козаку или мужику Богъ дастъ дитя, то не ходи за благословеніемъ къ попу, а иди къ жи́ду-арендатору и положи ему *шестьакъ*, чтобы позволилъ отворить церковь да окрестить ребенка. Когда какому-нибудь козаку или мужику дастъ Богъ сочетать бракомъ дитя свое, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а иди къ жи́ду-арендатору да положи ему битый талеръ, чтобы позволилъ отворить церковь да совершить бракосочетаніе» ²⁾).

¹⁾ Тогда ляхи чо́гось догадались,

На жи́дынь на́рѣкали:

Гей вы, жи́дове,

Поганські сынове!

На що-то вы великій бунтъ тревоги зривали,

На милѣ по три корчмы становили,

Великія мета брали:

Видь вогового

По пив-золотога,

Видь пѣшого по два гроши,

А ще не минали й сердешного старця—

Видьбирали пшомо да яйца!

А теперъ вы тинь скарбы сбѣрайте,

Да Хмельницкаго ѣдвайте. (Кул., З. о Ю. Р., т. I. стр. 225).

²⁾ И ще жъ то жи́ды-ранда́ръ на тинь не перестали:

На славній Украинѣ всѣ козацкія церкви заорандовали.

Какъ ни особенно возмутительнымъ кажется для насъ теперь это оскорбленіе религіозной святыни, но по духу этой думы можно полагать, что и оно тяжельше и чувствительнѣе для народа отразилось болѣе въ смыслѣ экономическаго утѣсненія, чѣмъ собственно религіознаго, и отиѣтилось въ народной пѣсенности заурядъ съ другими утѣсненіями. Изъ двухъ вариантовъ думы о жидовскихъ утѣсненіяхъ только въ одномъ оно приводится и то не послѣ всѣхъ прочихъ, какъ бы можно было ожидать, признавая его самымъ невыносимымъ и унизительнымъ; напротивъ, послѣ описанія поруганій церкви слѣдуетъ фраза: «еще этии жиды не удовольствовались», а далѣе разсказывается, что жиды взяли въ аренду козацкія рѣки въ Украинѣ. Самый способъ извѣстія объ арендованіи церкви и церковныхъ требъ, гдѣ читателю бросаются въ глаза шестаки и битые талеры, показываетъ какъ будто, что здѣсь южнорусскому мужику всего чувствительнѣе было то, что жиды его обирали.

Касаяся начала возстанія, вариантъ Мороза восходитъ къ тому событію, когда Хмельницкій обращался къ польскому королю, котораго дума ошибочно титулуетъ императоромъ. Хмельницкій подалъ ему въ руки просьбу, называемую въ думѣ указомъ, а король послалъ въ Черкасы (къ Варабашу) свой указъ. Хмельницкій, чигиринскій житель, реестровый козакъ, войсковою писарь, досталъ этотъ указъ, вышелъ съ нимъ на рынокъ и сталъ кличь кликать всему міру такимъ же способомъ, какой придается въ думѣ объ Иванѣ Ковалевѣ полковнику, Хвилоненку. Онъ созываетъ охотниковъ — пивоваровъ, винокуровъ, приглашаетъ ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ прогнать жидовъ и ляговъ изъ Украини, обѣщаетъ охотникамъ хоть три дня погулять по-козацки ¹⁾. Въ послѣднихъ

Которому бь козаку альбо мужику давь Богъ дитину повити,

То не иди до попа благословиться,

А иди до жида-рандаря,

Да положь шостаць, щобъ позволивь церкву отчинити.

Тую дитину охрестити.

И ще жь то: которому-бь то козаку альбо мужику давь Богъ дитину одружити,

То не иди до попа благословиться,

А пийди до жида-рандаря,

Да положь битый тарель, щобъ позволивь церкву отчинити,

Тую дитину одружити. (Кул., З. о Ю. Р., т. I, стр. 57).

¹⁾ Якъ то бувъ панъ Хмельницкій житель чигиринскій

Козакъ лейстровый, писарь військовый,

Якъ винъ сее зачувавъ, то указъ писавъ,

Императору до рукъ подававъ;

А императоръ указъ писавъ,

Въ Черкасы до рукъ отдавъ.

А панъ Хмельницкій якъ того указу до-рукъ доставъ,

На рынокъ вихожае, знамена выставляе,

Друзѣвъ панивъ молодцѣвъ на герець выкликае:

— „Друзѣ панове молодцѣ охотники винники броварники,

Годѣ вамъ по броварняхъ пива варити,

По винницяхъ горѣлокъ курити,

Годѣ вамъ по провальяхъ валитися!

Да идѣть вы жидивъ да ляхивъ зъ Украини згоняти,

То будете вы собѣ матъ хочъ на три днѣ хорошенько по козацки погуляти“.

словахъ какъ будто слышится иронія надъ судьбою той громады народа, которая, по призыву Хмельницкаго, такъ горячо бросилась къ возстанію во имя общаго всѣмъ козачества, а на самомъ дѣлѣ, какъ послѣдствія показали, большинство возставшихъ трудилось только для того, чтобъ одна часть изъ нихъ поступила въ привилегированное сословіе, остальныхъ же силою стали принуждать къ пребыванію въ мужичествѣ, оставивши имъ одно воспоминаніе, что и они какихъ-нибудь дня три были козаками. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ съ этимъ воспоминаніемъ соединилось и кое-что вещественное: дума вслѣдъ затѣмъ поясняетъ намъ, что эти оборвыши, которыхъ Хмельницкій тащилъ къ себѣ въ войско изъ винокуренъ и овраговъ, все-таки да повосили жидовскіе кармазины и, погулявши недолго по-козацки, успѣли-таки наполнить себѣ карманы серебряною монетою ¹⁾.

Началомъ думы о Корсунской битвѣ и о плѣнѣ Потоцкаго, по обоимъ вариантамъ ея, служить символическій образъ варенія пива въ смыслѣ битвы козаковъ съ поляками. Хмельницкій взываетъ къ козакамъ: «Друзья молодцы, братья козаки запорожцы! Подумайте хорошенько, да постарайтесь: начинайте-ко варить пиво съ ляхами! Будетъ ляхскій солодъ, а козацкая вода,—будутъ ляхскія дрова, а козацкіе труды ²⁾. Въ вариантѣ другой думы, о жидовскихъ откупахъ, по списку Мороза, встрѣчаемъ подобный же символическій образъ, но только по отношенію къ нѣсколько позднѣйшему событію — къ битвѣ на рѣкѣ Случѣ ³⁾.

За этимъ аллегорическимъ воззваніемъ Хмельницкаго къ своимъ козакамъ въ обоихъ вариантахъ — какъ Максимовича, такъ и Кулиша — слѣдуетъ игривое изображеніе этого варенія пива: вся сила впечатлѣнія сосредоточивается на рѣчахъ, изъ которыхъ одна относится къ символическому образу варенія пива,

¹⁾ Якъ почали молодці жидивъ да ляхивъ зъ України згоняти,
То въ кого не було и драною невѣрною кожущины,
То и той надѣвавъ жидивськи кармазины,
То вони собѣ хорошенько по козацки погуляли,
Да ще по кишеняхъ сръбівѣ гроши мали.

²⁾ Ой обизветься панъ Хмельницкій
Отаманъ батько чигиринській:
Гей друзѣ молодці,
Братья козаки запорожці!
Добре знайте (у Кулиша: дбайте),
Барзо гадайте,
И зъ ляхами пиво варити затирайте (у Кул. начинайте);
Лядскій солодъ, козацка вода,
Лядски дрова, козацки труда. (Макс., 67; Кул., Зап. о Ю. Р. I. 223).

³⁾ Якъ почали жиды да ляхи
Съ паномъ Хмельницкимъ смялятися,
Щобъ пополамъ пива наварити,
То вжежъ то бували лядски дрова,
А Хмельницкого вода,
Да бувъ жидивській ячень,
А Хмельницкого хмель,
То якъ вони на рѣчцѣ Случи пива наварили,
Тодѣ Хмельницкому славу на вѣки сотворили.

а другая, соответствующая первой, къ поражению ляховъ ¹⁾. У Кулиша это все относится въ Корсунской битвѣ, происходившей между Корсуномъ и Стебловомъ ²⁾, а въ вариантѣ Максимовича видно, что дума эта воспоминаетъ не только Корсунскую, но и предшествовавшую ей Желтоводскую битву, и образъ варенія пива относится къ послѣдней, происходившей въ день Преполовенія, называемый по-малорусски правую середю ³⁾. Вариантъ Кулиша, описывая собственно только одну Корсунскую битву, говорить, что ляхи, догадавшись въ чемъ дѣло, пустились бѣжать, а козаки кричали на нихъ: «Ахъ вы ляхи, собачьи сны! Что это вы не дожидаете, нашего пива не допиваете?!» ⁴⁾. Вслѣдъ за этимъ разсказывается, что козаки поймали Потоцкаго и привели, связавъ какъ барана, къ своему гетьману Хмельницкому ⁵⁾. Въ вариантѣ Максимовича, напротивъ, за вареніемъ пива, которое относится, какъ выше было сказано, къ Желтоводской битвѣ, слѣдуетъ бѣгство поляковъ и жидовъ и плачь побѣжденныхъ (о чемъ скажемъ подробно ниже), а потомъ уже Хмельницкій приказываетъ козакамъ перекопать рвомъ дорогу отъ села Ситниковъ до города Корсуна и взять Потоцкаго ⁶⁾, — черта, относящаяся къ корсунскому дѣлу, и притомъ черта исто-

¹⁾ Ой за тее пиво

Зробили козаки съ ляхами превеликое диво,

Ой за той-то пивный молотъ

Зробили козаки съ ляхами превеликій колотъ;

Ой за той-то пивный квась—

Не одного ляха козакъ якъ бы скурвого сына за чуба потрясъ. (Макс. 65).

²⁾ Пидъ Стебловомъ вони солодъ намочили;

Ще й пива не сварили,

А вже козаки съ ляхами барзо посварили;

За тую бражку

Счинили козаки съ ляхами велику драчку,

За той молотъ

Зробили ляхи съ козаками превеликій колотъ,

А за той незнатъ-ляій квась

Не одного ляха козакъ якъ-бы скурвого сына за чуба страсъ.

(Кул., З. о Ю. Р. I. 224).

³⁾ Бо на праву середу

Заняли козаки ляхивъ якъ-бы череду.

(Макс. 68).

⁴⁾ Ляхи чогось догадали

Видъ козакивъ утѣкали,

А козаки на ляхивъ нарѣкали:

Ой вы ляхове

Песьки сынове!

Чомъ вы не дожидаете,

На шого пива не допиваете?

(Бул. 224).

⁵⁾ Тогдѣ козаки ляхивъ догоняли,

Пана Потоцького ніймали,

Якъ барана связали

Да передъ Хмельницького гетьмана примчали.

(Бул. I. 224).

⁶⁾ Гей обовѣтсья панъ Хмельницькій

Отаманъ батько Чигиринській:

Гей друзѣ молодцѣ,

Братья козаки запорожцѣ!

рически вѣрная, такъ какъ дѣйствительно важнѣйшій оборотъ, сдѣланный козаками въ этой битвѣ и давшій имъ побѣду, состоялъ въ томъ, что они успѣли въ пору перекопать дорогу и вообще путь, по которому приходилось идти отступавшему передъ ними польскому войску.

Въ обоихъ вариантахъ за плѣненіемъ Потоцкаго слѣдуетъ насмѣшливое обращеніе къ нему козаковъ. У Кулиша оно полнѣе и живѣе. «Ахъ ты, панъ Потоцкій! Что это у тебя до сихъ поръ умъ бабій? Не умѣлъ ты проживать себя въ Каменцѣ-Подольскомъ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ и шафраномъ: я теперь не съумѣешь ты воевать съ нами козаками да улетать ржаную саламать съ тузлукомъ (но объясненію Кулиша, рыбный рассоль). Велю-ко я тебя лучше отдать въ руки хану крымскому, чтобъ научили тебя крымскіе нагайцы жевать сырую кобылятину ¹⁾».

Бѣгство разбитаго польскаго войска, по варианту Максимовича, послѣ битвы, въ день Преполовенія, изображается снова такъ, что сила впечатлѣнія опирается на рѣнахъ, изъ которыхъ одна выражаетъ географическую мѣстность, чрезъ которую бѣжали поляки, а другая, соответствующая первой, признакъ трудности, сопровождавшей ихъ бѣгство ²⁾. Въ вариантѣ Кулиша такое же описаніе. Относясь правильнѣе къ Корсунской битвѣ, съ подобными оборотами рѣчи изображаетъ болѣе бѣгущихъ іудеевъ, чѣмъ поляковъ ³⁾. Плачъ польскихъ женщинъ

Добре знайте, барзо гадайте,
Отъ села Ситниківъ до города Корсуна шляхъ канавою перекопайте,
Потоцького пиймайте,
Менѣ въ руки подайте. (Макс. 71).

- ¹⁾ Гей пане Потоцкій,
Чомъ у тебе й досѣ розумъ жѣноцкій?
Не умѣвъ ты еси въ Каменцѣ Подольскимъ пробувати,
Печеного поросятя, курицѣ съ перцемъ да съ шафраномъ уживати.
И теперь не съумѣешь ты зъ нами козаками воевати,
И живтѣй соломахи съ тузлукомъ улѣтати,
Хѣба велю тебе до рукъ хану крымському дати,
Щобъ научили тебе крымски нагай смрон кобылини жовати.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 225).

- ²⁾ Бо на праву середу
Заняли козакъ ляхивъ якъ-бы череду.
Ой которихъ гнали до Прута—
Була дориженька барзо крута,
Которихъ до Бузька
(Бузь—городъ Таращ. уѣзда, уже нинѣ не существующій)—
Була дориженька барзо грузька,
А которихъ до Хотина—
Тѣ бѣжучи повотѣли,
То видали козакъ ляхивъ въ воду,
Къ чортовѣй матери на прохолоду. (Макс. 68).

- ³⁾ Жидове чого-сь догадались,
На рѣчку Случъ тѣкали.
Котори тѣкали до рѣчки Случи,
Тѣ погубили чоботи й онучи,
А котори до Прута,

о своихъ погибшихъ въ бою мужьяхъ открывається сравненіемъ вдовства нѣ съ черною тучею, нависшею надъ Польшею ¹⁾). Затѣмъ выступаютъ четыре плачущія польки: одна плачетъ о своемъ Грицѣ, похвѣвшемъ смотрѣть, какъ будетъ вариться козацкое пиво ²⁾), другая—о своемъ Янѣ, котораго козаки гдѣ-то связали какъ барана ³⁾), третья—о Кардашѣ, котораго козаки увели въ свой кошъ ⁴⁾), четвертая—о своемъ Якубѣ: «Ахъ, Якубъ, Якубъ,—говоритъ она по варианту Максимовича,—тебя уже во вѣки не будетъ съ Желтой-Воды, съ быстраго Прута!» ⁵⁾—«Нѣтъ моего Якуба.—говоритъ она по варианту Кулиша:—взяли его козаки Хмельницкаго и повѣсили на дубѣ» ⁶⁾). Такъ народъ издѣвается надъ горемъ семействъ своихъ пораженныхъ утѣснителей. Еще съ большимъ злорадствомъ тѣшатся онѣ надъ іудеями, придавая имъ черты растерянности и подлой трусости, постигшей ихъ при первомъ ударѣ послѣ прежняго еще недавняго, нахальства. Въ думѣ о Корсунской побѣдѣ выводится разомъ нѣсколько іудеевъ съ выраженіями ужаса и горя. Одинъ, самъ не зная что ему дѣлать, хватается за бичъ, какъ будто думаая защищаться такимъ слабымъ оружіемъ ⁷⁾), другой восклицаетъ, что ему уже не придется быть дома на шабашѣ ⁸⁾ (при этомъ дума передразниваетъ іудейскій говоръ); третій, Абрамъ, спѣшитъ собрать свой мелочной товаръ, иглы, кремни, курительныя трубки, все складываетъ въ коробочку и улепетываетъ отъ козаковъ ⁹⁾); четвертый съ своимъ

То була видь козакивъ Хмельницкого доризенька барзо крута;
На рѣчцѣ Случи
Обломили мисть идучи,
Да потопили всѣ влейноты и всѣ ляпки бубны;
Котори бѣгли до рѣчки Росѣ,
Тѣ zostалися голѣ й босѣ. (Кул. З. о Ю. Р. I. 228).

- 1) Ой не чорная хмара надъ Польщю встала,
То жъ не одна ляшка удовою стала. (Макс. 69).
- 2) Ой обизветься перва панѣ ляшка: нема мого Грица,
Где-сь похвѣвъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться. (Макс. 68).
- 3) Ой обизветься друга панѣ ляшка—нема мого пана Яна.
Где-сь извазали козаки якъ-бы барана. (Макс. 68; Кул. З. о Ю. Р. I. 228).
- 4) Озоветься друга панѣ ляшка: нема мого Кардаша!
Где-сь ёго Хмельницкого козаки повели до свого коша. (Кул. 228).
- 5) Ой обизветься трети панѣ ляшка: нема мого Якуба!
Ой Якубе, Якубе!
Где-сь тебе зъ Жовтой-води зъ быстрои рѣчки Прута и до вѣку не будѣ! (Макс. 68).
- 6) Озоветься трети панѣ ляшка: нема мого пана Якуба!
Где-сь узали Хмельницкого козаки да либовъ повѣсили ёго где-сь на дубѣ. (Кул. З. о Ю. Р. I. 228).
- 7) Обизветься первый жидъ Гичикъ,
Да й хапається за бичикъ. (Кул. З. о Ю. Р. I. 226).
- 8) Обизветься другій жидъ Шлѣма:
Ой я пакъ не буду на сабась дома! (Кул. З. о Ю. Р. I. 226).
- 9) Ой озоветься третій жидъ Оврамъ:
У мене не великій крамъ,
Шинильки, голки,

товарищем смотритъ вдаль и видитъ выступающіи изъ-за горы козацкія знамена ¹⁾; пятый по этому поводу кричитъ: давайте скорѣе уходить въ Полонное ²⁾. Всѣхъ характеристичнѣе и забавнѣе одинъ, называемый въ вариантѣ Максимовича Юдкою, а у Кулиша Лейбою. Онъ съ горестью и ужасомъ обращается къ своей іудейской школѣ или синагогѣ и говоритъ: «Школа моя, школа каменная! Теперь тебя нельзя ни въ пазуху взять, ни въ карманъ спрятать! Придется тебя отдать на отхожее мѣсто козакамъ Хмельницкаго ³⁾».

Въ другой думѣ, о которой мы уже выше упоминали и которую г. Кулишъ озаглавилъ думою о жидовскихъ откупакъ, по двумъ ея вариантамъ: Кулиша и Мороза—іудеи рисуются еще полнѣе. Здѣсь описывается ихъ бѣгство и добываніе козаками Полоннаго, куда бѣглецы тогда укрылись. Проносится злобѣющая тревога. Іудеи-арендаторы собираются на свой сеймъ въ Бѣлую-Церковь. «Что слышно въ славной Украинѣ?» — спрашиваютъ они другъ друга. — «Слышно,—говорятъ знающіе,—проявился тамъ у насъ гетманъ Хмельницкій!» — «Э, теперь отъ Бѣлой-Церкви до славнаго Запорожья не такъ, какъ прежде было, вездѣ стоитъ наша жидовская сторожа!»—говорятъ самонадѣянные арендаторы-богачи, разумѣя, что іудеевъ теперь населилось много и они черезъ нихъ посредство могутъ узнать заранѣе обо всемъ, что затѣвуютъ противъ нихъ русскіе. Но тутъ является нашъ знакомый бѣднякъ Абрамъ съ своимъ мелочнымъ товаромъ, которымъ, по замѣчанію думы, одурачивалъ онъ за Днѣпромъ козацкіе женщины. Этотъ іудей лучше прочихъ знаетъ народъ въ Украинѣ и предупреждаетъ зазнавшихся арендаторовъ: «Ахъ вы жида, жида-арендаторы! Только новѣтъ вѣтеръ съ Низу (т.-е. изъ Запорожья), вся ваша жидовская сторожа погубнетъ» ⁴⁾).

Кремѣнья, люльки,

Такъ я свій крамъ у коробочку склавъ

Да козакамъ пятами нахивавъ!

(Кул. З. о Ю. Р. I. 227).

¹⁾ Обизветься четвертый жидъ Давидко:

Ой брате Лейбо, ужежъ пакъ изъ-за горы козацкы корогвы видко!

²⁾ Обизветься пятый жидъ Юдко:

Ой нумо до Полоннаго утѣкати прудко

(Ibid.).

³⁾ Тогдѣ жидъ Лейбо бѣжить,

Ажъ живить дрижить,

Якъ на школу погляне,

Ёго сердце жиднеськы зивьяне:

„Ой школо-жъ моя, школо мурована!

Теперь тебе нѣ въ пазуху вяти,

Нѣ въ кишеню сховати,

Але-жъ доведеться Хмельницкаго козакамъ—на срачъ на балакы покидати“

(Кул. З. о Ю. Р. I. 227).

Или по варианту Максимовича:

Ой школо-жъ моя, школо!

Чи тебе продати,

Чи въ карманъ забрати?

А чи тому пану Хмельницкому

Отаману батьку Чигиринському

На срачъ подаровати?

(Макс. 69).

⁴⁾ Жида-рандарѣ у Бѣлую-Церкву на сеймъ сбирались,

Одинъ до одного стиха словами промовляли.

Является Хмельницкій, во святой Божій день во вторникъ (на Духовой недѣлѣ) отправляетъ въ походы козаковъ истреблять жидовъ-арендаторовъ, не давая на поруганіе христіанской вѣры, не допускать жидовскаго шабаша ¹⁾. Но жида были догадливы: они бѣжали; Хмельницкій, прибывши въ Украину, не нашелъ тамъ уже ни одного іудея-арендатора ²⁾. Здѣсь дума, по варианту Мороза, играя рѣзкими, изображаетъ, какъ іудей бѣжал: одинъ хватаетъ доску, другой—ружье, третій—ось, четвертый—бить, тотъ—подгерсть (палку, которою прикрѣпляютъ шворень въ малорусскомъ возѣ), а иной просто дубину; между ними встрѣчаемъ и знакомаго намъ іудея — мелочного торговца: это созданный народною изобрѣтательностью типъ, котораго признаки подмѣнены ею въ бесчисленномъ множествѣ іудейскихъ личностей въ натурѣ; онъ является въ народныхъ пѣсняхъ въ разныхъ положеніяхъ и подъ разными именами: здѣсь онъ называется Хвайдынь; онъ уже старикъ, но забылъ свою старость, когда пришлось спастись отъ Хмельницкаго ³⁾. Іудей укрывсь, по варианту Кулиша, въ

„Эй жида ви, жида-рандарѣ,
Що теперъ у насъ на славній Украинѣ слышно?“
— Слышенъ,—говорить,—теперъ у насъ гетманъ Хмельницкій!—
„Якъ отъ Бѣлой-Церкви да до самого Запорожья
Не така стоять жидивська сторожа“.
Тогдѣ озоветься одинъ жидъ Овранѣ:
У того бувъ не великій крамъ,
Тильки шпильки да голки,
Що ходивъ по за Днѣпро да дуривъ козацкыя жѣнки.
— „Эй жида ви, жида-рандарѣ!
Якъ изъ низу тихій вѣтеръ повѣне,
Вся ваша жидивська сторожа погине!“

¹⁾ Тогдѣ жъ-то якъ у святий божественный день у висторокъ
Гетманъ Хмельницкій козацкы до сходу сонця у походы вправлявъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки ви, дѣти друзѣ,
Прошу васъ, добре дбайте,
Отъ сна вставайте,
Руській отче нашъ читайте,
На славу Украину прибувайте,
Жидивъ рандарѣвъ упень рубайте,
Кровь ихъ жидивську у полѣ съ жовтими пѣскомъ мѣшайте,
Вѣри своєю христіанською у поругу не подайте,
Жидивському шабашу не пильгуйте. (Кул. З. о Ю. Р. I. 61).

²⁾ Тогдѣ-то Хмельницкій на славу Украину прибувавъ,
Нѣ одного жида не застававъ (ibid.).

³⁾ Которы жида шабашовали,
А которы до города Польного утѣкали,
— Вжежъ ты, рабине Мошку, бери на визъ дошку,
Ты, Срулю, бери порохъ да кулю,
А ты, Ицю, бери ручницю,
А ты, Гершку, бери лідгерстя,
А ты, Юсю, бери на поготовѣ ось,
А ты, Шмулю, бери дучья да двилю,
А ты, Ицекъ, бери бичикъ,

Полонномъ, по варианту Мороза—въ Польномъ городѣ. Мѣстечко Полонное на Волыни было въ тотъ годъ дѣйствительно сценою истребленія іудеевъ, но такіа сцены тогда происходили и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ; въ думѣ мѣстечко Полонное или Польный городъ, по сродству своего названія съ именемъ Польши, играетъ здѣсь роль идеальнаго города, означающаго вообще польскій край съ городами и мѣстечками, гдѣ запирались тогда бѣжавшіе изъ Украины іудеи и гдѣ козаки ихъ истребляли. Въ вариантѣ Мороза названіе Польный городъ ближе къ такому значенію. Хмельницкій, по словамъ думы, двинулся къ этому городу.

По варианту Мороза, іудеи, запершись въ Польномъ городѣ, послали одного изъ своей братіи, іудея Майорку, провѣдывать, далеко ли Хмельницкій, но жидъ Майорку сбился съ толку и самъ едва на третій день убѣжалъ все въ тотъ же Польный городъ ¹⁾. По варианту Кулиша, Хмельницкій, подступивши къ Полонному, посылаетъ въ городъ собственноручное письмо и требуетъ выдачи жидовъ-арендаторовъ, но осажденные отвѣчаютъ, что лучше всѣ погнубнутъ, а жидовъ-арендаторовъ не выдадутъ ²⁾. Черта историческая того времени. Подобныя требованія выдачи іудеевъ со стороны козаковъ въ тотъ роковой годъ бывали во многихъ мѣстахъ и отвѣты получались разные: бывали случаи, когда шляхта и мѣщане некрѣпко стояли за іудеевъ, но случалось и иначе. По словамъ думы, Хмельницкій, получивъ отказъ, въ другой разъ послалъ въ городъ письмо и грозилъ горожанамъ пушкою-сиротою, которая должна отворить для козаковъ желѣзные ворота города ³⁾. Объ этой пушкѣ, кромѣ на-

Да будемо коня погонати,
 Да будемо отъ пана Хмельницкого до города Польного втѣкати.
 А якъ буиъ собѣ жидъ старий Хвайдишъ,
 Да мавъ собѣ крамъ: шильки да голки,
 А третій люльки,
 То и той у клунки складавъ,
 Да за ними пѣшки бѣжавъ;
 Той старистъ свою утерявъ,
 Отъ пана Хмельницкого утѣкавъ!

¹⁾ А якъ у Польный городъ убралися,
 То стали жиды Майорку на видслуши вислати:
 Чи ще-жъ то далеко панъ Хмельницкій зъ війскомъ пробувае?
 А жидокъ Майорка съ глузду спавъ
 Да ледѣ и самъ винъ третёго дня до города Польного припавъ.

²⁾ До города Полонного прибувавъ,
 Отъ своихъ рукъ листы писавъ,
 У городъ Полонне подававъ,
 А въ листахъ прописовавъ:
 „Ой полоняне полонянська громадо!
 Коли-бъ вы добре дбали,
 Жидивъ-рандарѣвъ менѣ до рукъ подали“.

Тогдѣ-то полоняне ёму отписали:
 „Пане гетьмане Хмельницкій!
 Хоть будемъ одинъ на одному лягати,
 А не можемъ тобѣ жидивъ рандарѣвъ до рукъ подати“.

³⁾ Отъ тогдѣ-то Хмельницкій у-другій разъ листы писавъ,
 У городъ Полонне подававъ:

стоящей думы, сохранилось известіе у историка козацких войск Самуила Гроцкаго; описывая осаду Замостья Хмельницкимъ, онъ разсказываетъ, что козакъ страдали осажденных скорымъ привозомъ въ козацкій станъ пушки-сироты, представлявшей орудіемъ огромнѣйшаго развѣра. Въ настоящей думѣ именно это фантастическое орудіе послужило Хмельницкому для овладѣнія Половномъ или Польнымъ городомъ. Когда козаки стали палить изъ пушки-сироты, іудеи завопили: «Половяне! ахъ, еслибъ вы отбили ворота, что со стороны Польни, и выпустили насъ хоть бы въ однихъ рубахахъ! Жили бы мы себѣ за Вислоу, да учили бы дѣтей своихъ добру, чтобъ они на козацкую Украину и сѣвскоса никогда не посматривали» ¹⁾. Здѣсь, какъ и въ другихъ пѣсняхъ, народъ очерчиваетъ какъ для іудеевъ, такъ и для поляковъ границею рѣку Вислу; все пространство за этой рѣкою по направленію къ Руси онъ считаетъ своимъ, русскимъ достояніемъ. Не было въ Польномъ городѣ спасенія іудеямъ, какъ и въ дѣйствительности въ то время нигдѣ имъ не оказывали пощады козаки, разнеленные не столько религиознымъ изувѣрствомъ, сколько духомъ справедливаго мщенія за крайнія нахальства и поруганія надъ русскимъ народомъ. Хмельницкій, взявши Половное или иначе Польный городъ, далъ козакамъ три часа съ половиною времени погулять и поживиться на счетъ жидовъ-арендаторовъ ²⁾, а по варианту Мороза — онъ жидами ораль, жидовками бороноваль, а маленькиъ жидовскиихъ дѣтей лошадыи потопталъ ³⁾. Тѣ іудеи, которымъ удалось убѣжать

„Эй половяне, половянська громадо!

Не хороша ваша рада!

Есть у мене одна пушка сирота:

Отчинаться ваши залѣзвѣ широки ворота!“

(Кул., З. о Ю. Р. I, 62).

¹⁾ Тогдѣ-то у святыи божественный день четвертокъ

Хмельницкій до сходу сонця устававъ,

Пидъ городъ Поляное ближей прибувавъ,

Пушку Сироту упереду поставовлявъ,

У городъ Поляного гостинца подававъ,

Тогдѣ-то жиды-рандарѣ

Горькимъ голосомъ заволали:

— „Эй половяне, половянська громадо!

Колн-бъ вы добре дбали,

Отъ Польщи ворота отбивали,

Да насъ за Вислу рѣку хочъ у однихъ сорочкахъ пускали!

То-бъ мы за рѣкою Вислою пробували,

Да собѣ дѣтей дожидали,

Да ихъ добрыи дѣлами научали,

Щобъ на козацкую Украину и кривымъ окомъ не погладали“.

(Кул., З. о Ю. Р. I, 63).

²⁾ Отътогдѣ-то козакамъ у городѣ Полоновѣ дана воля на три часа съ

половиною:

„Пійте, гуляйте,

Коло жидиць-рандарѣвъ собѣ здобу хорошу майте!“ (Ibid).

³⁾ До города Польного прибувавъ,

Да старыми жидами ораль,

А жидивками бороновавъ,

А которми були малѣ дѣти, то винъ ихъ киньми порозбивавъ!

проклинали своихъ богатыхъ единоземцевъ за то, что прежде брали на Украинѣ чрезвѣрные поборы по откупамъ и черезъ то вооружили козаковъ. «Вотъ,— говорили они,—еслибъ ты, Мошка, бралъ съ откупа повемногу, то мы бы себѣ въ Украинѣ проживали и насъ козаки величали бы вельможными панами» ¹⁾. При этомъ является опять нашъ знакомецъ, тотъ іудей, который въ думѣ о Корсунской побѣдѣ—въ одномъ вариантѣ подъ именемъ Юдка, въ другомъ подъ именемъ Лейбы—плакалъ о грядущемъ поруганіи своей синагоги. И здѣсь онъ плачетъ о ней же, хотя называется Янкель, и не употребляетъ слишкомъ рѣзкихъ названій предметовъ. «Не бывать намъ болѣе въ тобѣ, наша школа богомольница! — восклицаетъ этотъ іудей. — Нельзя намъ тебя ни продать и получить за тебя деньги, ни въ карманъ спрятать,—придется тебя въ Украинѣ погнунуть, козаки тебя уничтожатъ, станутъ загонять въ тебя свиной неопрятный» ²⁾.

Въ думѣ, по варианту Кулиша, козаки, взявши Полонное и овладѣвши достоиніемъ іудеевъ, возвращаются въ свою Украину и тамъ дѣлать свою добычу тѣмъ же способомъ, о какомъ говорится въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ: одна часть поступила на церковь Покровскую въ Сѣчѣ и на Межигорскаго Спаса, другая пропивалась, а третья шла въ дѣлежъ между козаками. И не одинъ козакъ тогда просилъ Бога за пана Хмельницкаго, за то, что сносилъ на себѣ не одинъ жупанъ жидовскій ³⁾.

Вариантъ Мороза ведетъ повѣствованіе далѣе. Хмельницкій изъ Польнаго

1) Богдай ты, Мошку, счастья-долѣ не мавъ,
Якъ ты по богату на Украинѣ откупу бравъ!
А якъ-бы ты, Мошку,
Да бравъ на Украинѣ откупу по-трошку,
Такъ мы-бъ на Украинѣ проживали,
И насъ бы козаки вельможными панами величали!

2) А якъ то бувъ жидъ Янкель,
То винъ коло школи похожае,
Да по школѣ плаче рыдае:
„Школа наша, школа богомольнице!
Уже намъ у тобѣ не бувати,
И тебе не продавати,
И за тебе грошей не брати,
И у кишеню не ховати:
Треба тебе на Украинѣ покидати:
Да ще будуть тебе козаки уничтожати,
Да ще въ тебе будуть нескребенѣ свиной загонати!“

3) Тогдѣ-то козаки въ городѣ Полонозѣ пили-гуляли,
Здобу хорошу собѣ коло жидивъ рандарѣвъ мали.
Обратно на славу Украину прибували;
Очертомъ сѣдали,
Срѣбло й злато на три части паѣвали:
Первую часть на Покровъ сѣчовую да на Спаса Межигорського отдали,
Другу часть на меду да на оковитѣй горѣлцѣ пропивали,
Третю часть между собою, козаками, паѣвали,
Тогдѣ-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмельницкаго Бога просивъ,
Що не одинъ жидивскій жупанъ зносивъ. (Куд., З. о Ю. Р. I, 63).

города направляется къ рѣкѣ Случи и еще разъ приказываетъ своимъ воякамъ рубить ляховъ и жидовъ, а притомъ приговариваетъ такъ: «Притѣчайте, ляхи: по ту сторону рѣки Случи — ваше, а по сю сторону — пана Хмельницкаго» ¹⁾. Рѣка Случь при Хмельницкомъ сдѣлалась первымъ рубежомъ, отдѣлявшимъ козацкій край отъ Волыни, но постоянного значенія границы русскаго народа отъ Польши никогда ова не имѣла, ни для всего этого народа, ни для самихъ козаковъ. Да и предѣлы собственно козацкой земли расширялись уже въ 1649 году, когда по перемирію, послѣдовавшему на короткое время въ началѣ этого года, границею поставлена была уже не Случь, а Горынь.

Затѣмъ въ вариантѣ Мороза, по поводу пораженія ляховъ и жидовъ на берегахъ Случи, повторяется тотъ же образъ варенія пива, который указанъ въ думѣ о Корсунской побѣдѣ. Наконецъ, вариантъ Мороза заключается тѣмъ рутиннымъ прославленіемъ героя думъ, которое составляетъ финалъ, удобоприимимый ко всякой почти козацкой думѣ ²⁾.

Вникая въ смыслъ содержанія и въ тонъ этихъ двухъ думъ въ ихъ вариантахъ, мы легко усмотримъ между ними такую связь, что обѣ онѣ окажутся не только истекающими изъ одного источника, какииъ было господствовавшее настроеніе народнаго духа, но даже до нѣкоторой степени какъ будто частями одного цѣлаго произведенія, и эти части, отъ времени до времени, то распадались, то смѣшивались снова: это приводитъ насъ къ такому предположенію, что великая, небывалая до тѣхъ поръ эпоха единодушнаго стремленія народа къ одной цѣли отразилась и въ народной поэзіи соответствующими признаками единенія, а пѣснопѣнія о событіяхъ того времени, слагавшіяся вслѣдъ за самими событіями, если бы всѣ сохранились до нашихъ дней, вѣроятно, безъ всякихъ литературныхъ натяжекъ съ вашей стороны предстали бы передъ нами цѣльною народною поэмою.

Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что съ этими думами, по

1) То панъ Хмельницькій,
Житель чигиринський,
То вінъ ночей не доспляє,
Коло Случи рѣчки ляхивъ и жидивъ догонає,
Скоро догнавъ у вечерѣ пиво,
И тамъ стало дуже по улицяхъ тѣсно:
И тамъ до ихъ прибуває,
Ще й на козакивъ гукає,
Да ще й словами промовляє:
Друзѣ, панове молодці! До Случи рѣчки прибувайте,
Жидивъ да ляхивъ у пень рубайте
И до ихъ козацкими словами промовляйте:
Ото буде на той бикъ Случи ваше,
А по сей бикъ Случи буде пана Хмельницького и наше!

2) То хотя жъ то бувъ Хмельницькій
Житель чигиринський,
Козакъ лейстровий,
Писаръ військовий,
Лыцаръ добрий да й умеръ, —
А таки слава его козацка молодецька не умре не поляже!

пріемамъ и тону, очень сходны пѣсни, относящіяся къ событіямъ той же эпохи. Читатели могли видѣть это по тѣмъ пѣснямъ, которыя уже приведены выше. То же представляетъ и пѣсня, очень замѣчательная и распространенная въ народѣ: это—пѣсня о Перебійносѣ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть лицо, известное въ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ Максима Кривоноса. По источникамъ послѣдняго рода, это былъ изъ самыхъ рьяныхъ и задорныхъ героевъ народнаго возстанія. И въ народной пѣснѣ о Перебійносѣ къ его имени приимается вся дѣятельность козаковъ, и пѣсня эта можетъ быть названа пѣсней о народномъ возстаніи 1648 года вообще. Причина, почему Перебійносъ (иначе Максимъ Кривоносъ) сталъ до такой степени памятенъ и любезенъ народу, объясняется нѣсколькими данными, которыя о свойствахъ и характерѣ этого чело-вѣка сообщаютъ намъ современныя ему письма и повѣствованія. Видно, что это былъ козакъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, а не въ такомъ, въ какомъ заявлялъ себя такъ называемый реестровый козакъ, который хотя и ополчался за дѣло всенародное и возбуждалъ народную толпу слѣдовать въ рядъ съ собою, но потомъ, особенно въ виду неудачъ, становился въ разрѣзъ съ желаніемъ распространить козачество на весь южнорусскій народъ въ смыслѣ всеобщаго уравненія сословій и полной для всѣхъ одинакой свободы. Войско Перебійноса или Кривоноса преимущественно состояло не изъ реестровыхъ козаковъ, а изъ возставшихъ хлоповъ, — изъ тѣхъ, которымъ далеко не всѣмъ полагалось впоследствии остаться въ козацкомъ званіи. Кривоносъ не ограничивался какими бы то ни было стародавними рубежами козацкаго жительства, а разносилъ возстаніе куда только могъ по южнорусской землѣ. Пойманные поляками его соратники подъ пытками показывали, что у нихъ у всѣхъ было желаніе разнести это возстаніе до самыхъ береговъ Вислы. Кривоносъ безжалостно истреблялъ шляхту и жидовъ-арендаторовъ вездѣ, гдѣ только заставалъ ихъ среди русскаго кореннаго населенія, разорялъ и до-тла сожигалъ панскіе дворы, экономіи, костѣлы,—все, что только пахло прежнимъ утѣснительнымъ господствомъ ляховъ надъ Русью,—все, что противорѣчило всеобщему народному желанію не видѣть на Русской землѣ ни пана—владельца надъ народомъ, ни ксендза—представителя панской вѣры, ни жида—панскаго слуги и финансоваго агента пановъ,—никого, кромѣ свободнаго козака, независимаго, равнаго всѣмъ соотечественникамъ русскаго чело-вѣка. Въ ту эпоху, по народному идеалу, не могло быть иного козака, кромѣ православнаго южнорусскаго обывателя, и съ другой стороны, каждый православный южнорусскій обыватель нигдѣ невозбранное право быть козакомъ, гдѣ бы онъ ни жилъ на древле-русской землѣ: въ чертѣ ли, въ давнее время проведенной на договорной бумагѣ для козацкихъ жилищъ, или же за этою чертой. За такимъ народнымъ идеаломъ шелъ Кривоносъ и не даромъ поляки ненавидѣли его болѣе всѣхъ другихъ козацкихъ предводителей. Іеремія Вишневецкій, величайшій противникъ оказанія народа, былъ какъ бы личнымъ, непримиримымъ врагомъ Кривоноса. Самъ Хмельницкій, называвшій Кривоноса простакомъ, былъ имъ недоволенъ, такъ какъ Кривоносъ, подобно всей простонародной громадѣ, не хотѣлъ допускать никакихъ компромиссовъ, никакихъ перемирій съ ляхами, преслѣдовалъ одну цѣль—полное изгнаніе утѣснительныхъ элементовъ изъ среды южнорусскаго народа. Преслѣдовать эту цѣль наравнѣ съ Кривоносомъ прямо, неуклонно, гетману не позволяло его польско-шляхетское воспитаніе. Въ началѣ возстанія Хмельницкій, нуждаясь въ

силахъ, потакалъ народному стремленію къ оказанію, и въ это время онъ былъ дѣйствительно народнымъ вождемъ. Но слишкомъ скоро сталъ онъ показывать, что не можетъ понимать общественной организаціи иначе, какъ въ словесномъ раздвоеніи козака отъ посполитаго человѣка, такъ что на первого должны падать привилегіи война, а на второго — тягости мирнаго работника. Не всѣ въ его время изъ его полковниковъ думали такъ же; иные на первыхъ порахъ расходились во взглядахъ съ своимъ гетманомъ. Не видимъ никакихъ основаній не только утверждать, но даже подозрѣвать, чтобы кто-нибудь изъ тогдашнихъ второстепенныхъ предводителей возставшаго народа былъ способенъ Хмельницкаго къ осуществленію народныхъ задачъ; но часто бываетъ, что иные личности пользуются въ потомствѣ памятью и сочувствіемъ не по силѣ ихъ историческихъ достоинствъ, а по той духовной связи стремленій, какая въ свое время существовала между ними и народною громадою. Къ такимъ личностямъ принадлежалъ Кривонось, на языкѣ народныхъ пѣсень — Перебийнось.

Пѣсня, о которой идетъ рѣчь, напечатана у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси» (стр. 27) и въ Сборникѣ Мотлинскаго (стр. 329); известна намъ она и по другимъ, записаннымъ нами отъ народа, вариантамъ. Пѣсня эта всегда начинается воззваніемъ или приглашеніемъ повѣдать и послушать о томъ, что произошло въ Украинѣ ¹⁾. За этимъ слѣдуетъ извѣстіе, что за Дашевомъ (нѣстечко Кіевской губ., Липовецкаго уѣзда), подъ Сорокою (въ другомъ вариантѣ подъ Сорочемъ моголю), пропало множество ляховъ ²⁾. Перебийнось проситъ (вѣроятно, у Хмельницкаго) немного себѣ козаковъ—по одному варианту, семьсотъ ³⁾, по другому—немного, не означая числа ⁴⁾. Онъ рубить ляхамъ головы, а остальныхъ топить въ водѣ ⁵⁾. Разное число козаковъ у Перебийноса, по разнымъ вариантамъ пѣсни, — признакъ случайный, едва ли нявлющій историческое основаніе; народная фантазія произвольно хочетъ дать своему герою меньше воинской силы, чтобы тѣмъ болѣе поднять и возвысить его подвигъ, а можетъ быть, первоначально это въ пѣснѣ имѣло тотъ смыслъ, что у Перебийноса было немного настоящихъ козаковъ, уже прежде считавшихся въ этомъ званіи и присланныхъ ему гетманомъ. Но это не значитъ, что у Перебийноса было мало военной силы, такъ какъ отрядъ его безпрестанно наполнялся возставшими хлопанами, которые стовсюду примыкали къ нему, добываясь сдѣлаться козаками. Пѣсня отъ имени Перебийноса и его соратниковъ говоритъ ляхамъ, бросаемымъ въ воду: «пейте, ляхи, изъ грязныхъ лужъ воду, болотную воду, за то что пивали въ Украинѣ пиво и вина хорошія» ⁶⁾. Это, очевидно, намекъ на бражни-

- 1) Ой послушайте и повѣдайте
Що на Украинѣ повстало.
- 2) Що за Дашевомъ идѣ Сорокою
Множество ляхивъ пропало.
- 3) Перебийнось просить немного
Сѣмь-сотѣ козакивъ съ собою.
- 4) Трохи козаченькивъ съ собою.
- 5) Рубае мечемъ головы съ плечей,
А рещту топить водою!
- 6) Ой пійте, ляхи, зъ калюжи воды,
Води болотянини,

чанье польских пановъ въ южнорусской землѣ. Итъ чрезвѣтная роскошь, самодурное мотовство, широкое гостепримство для лицъ своего сословія — все это падало тягостью на подвластный имъ русскій народъ. Проснувшись отъ долговременнаго рабскаго усыпленія, этотъ народъ со злорадствомъ припоминаетъ своимъ прежнимъ угѣснителямъ ихъ свойства. Въ противоположность роскошной жизни пановъ, доведшей ихъ до того, что за давнее питье хорошихъ винъ пришлось имъ теперь заллѣбываться въ болотной водѣ, южнорусскій рабъ сопоставляетъ свою горькую жизнь, всегда проводимую въ скудости, исполненную лишений, зато закаленную въ терѣніи, и заставляетъ теперь пановъ удивляться: какъ это козакъ съ плохими средствами пропитанія можетъ ихъ одолевать. — Чѣмъ козакъ питается? — «Питается козакъ рыбницею-щукою да саламатю на водѣ», говорятъ паны, которымъ пѣсня тутъ же придаетъ эпитетъ собачьихъ сыновъ. — Оттого-то, — продолжаетъ пѣсня, — козакъ и славенъ, что наѣлся саламатю съ водою. Какъ станетъ съ ружьемъ, такъ сердце вянетъ (глядя на его жалкую фигуру), а ляхъ все-таки умираетъ отъ одного духа козачкаго ¹⁾. Видишь ли, ляхъ, — поется далѣе, — какъ панъ Хмельницкій поднялся вверхъ на желтомъ песку? (намекъ на Желтоводскую битву, первую побѣду Хмельницкаго). Отъ насъ, козаковъ, отъ насъ, богатрей, ни одинъ ляхъ не укрылся ²⁾ и за Вислою ³⁾. Видишь ли, ляхъ, какъ козакъ пляшетъ за тобою на ворономъ конѣ? Ты, ляхъ, испугаешься, упадешь съ коня, прикроешься землею ⁴⁾. Здѣсь пѣсня, очевидно, касается того паническаго страха, который овладѣлъ застигнутыми врасплохъ поляками, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду они, вмѣсто сокрушеннаго подъ Корсуномъ войска, едва могли выставить другое, но такое, которое на Пилявскомъ полѣ разбѣжалось при одномъ появленіи мстящаго врага. Уже по самую рѣку Случъ не было въ Украинѣ ни одного поляка, ни одного іудея и пѣсня восклицаетъ: вотъ видишь, ляхъ, по

А що вивали на тій Украинѣ
Пива да вина сытими.

¹⁾ Дивують паны песькіи смны
Що козакъ уживае!
Вживае козакъ щуку-рыбаху
Ще й' соломаху зъ водою.
Ой по тимъ козакъ да дуже славенъ:
Наѣвся соломахи зъ водою,
Зъ мушкетомъ стане, ажъ сердце вяне,
А ляхъ отъ духу вмѣрае!

²⁾ Ой бачишь, лаше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтими пѣску підбився;
Одъ насъ козаківъ, одъ насъ юнаківъ
Нѣ одинъ лашокъ не скрився.

³⁾ Семи (?) козаківъ добрихъ юнаківъ
И за Вислою не скрився.

(Г. Кулишъ толкуетъ, что подъ этими семью козаками разумѣлись какіе-нибудь герои эпохи Хмельницкаго, особенно любимые и отличаемые народомъ).

⁴⁾ Ой бачишь, лаше, якъ козакъ пляше
На воронимъ (въ другомъ вариантѣ: на свинимъ) коню за тобою!
Ты, лаше, злякнешъ и съ коня спаднешъ,
Самъ прикрешся (въ другомъ вариантѣ: присмилешся) землею.

Случь все наше, по Костянуу могилу ¹⁾. Есть ли гдѣ-нибудь такое урочище, которое носило бы названіе Костяной могилы—не знаемъ, но, кажется, здѣсь надобно разумѣть идеальную Костяную могилу, соединяющую въ себѣ представленіе о многихъ могилахъ, наполненныхъ костями, и выражающую совокупность жертвъ, принесенныхъ за очищеніе южнорусской земли. Какъ не захотѣли,—продолжаетъ пѣсня, обращаясь къ врагамъ,—забунтовали и утерали Украину ²⁾. Здѣсь намекъ на то упорство, съ какимъ паны сопротивлялись всему тому, что могло охранить народъ южнорусскій отъ ихъ произвола. Но для русскаго народа мало того, что «ляхи» потеряли Украину,—на этомъ одномъ народное возстаніе видимо не остановится. Пѣсня провозноситъ такое рѣшеніе: нависли ляхи, нависли словно вороны на вишнѣ: не уступимъ мы Польшу ляхамъ, пока въ насъ жизни есть сила ³⁾. Но какую же это Польшу хочетъ народъ не уступать ляхамъ?—Конечно, ту Польшу, которая населена южнорусскими народами, сочувствующимъ возстанію Украины. Это та Польша, о которой говорилъ Хмельницкій прѣзжавшему къ нему посланцу отъ Рѣчи Посполитой пану Адаму Киселю, выражаясь такими словами: «поможетъ мнѣ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, я не отступлюсь отъ ней: она вѣрная порука нама, чтобъ вы, усмиривши хлоповъ, не ударили на козаковъ. Будетъ съ меня Украины, Подоли, Волыни, довольно достатка въ княжествѣ нашихъ русскожь, по Холмъ, по Львовъ, по Галчъ». Въ это время Хмельницкій выражался передъ панами вноднѣ искренно, безъ тѣхъ дипломатическихъ приемовъ, которые употреблялъ въ другіе разы,—говорилъ то, что думалъ и чего желалъ весь народъ. Это самое желаніе и выразилось въ разбираемой нами народной пѣснѣ. Что русская земля названа въ пѣснѣ Польшею, это естественно, такъ какъ она передъ тѣмъ принадлежала Польскому государству и слово Польша для южнорусскаго народа нигдѣ только географическое значеніе, а не означало тотъ панско-шляхетскій государственный организмъ, противъ котораго такъ усиленно боролся русскій народъ. Козаки и оказаченные хлопы воевали не съ Польшею, а съ панами-ляхами. Выгнать ляховъ изъ Польши не значило уничтожить Польшу: страна, населенная русскими народами и называвшаяся Польшею по ея зависимости отъ Польскаго государства, не перестала бы еще долго, по давней привычкѣ, называться Польшею. Далѣе пѣсня заканчивается указаніемъ, что предѣломъ притязанія на изгнаніе ляховъ изъ Польши была рѣка Висла. Ну-те, козаки, теперь скачите, беритесь въ боки,—загнали мы ляховъ даже за Вислу: не возвратятся къ намъ никогда (по другому варианту—не возвратятся и въ три года) ⁴⁾. За Вислою—другая Польша, настоящая ляхская Польша: до ней и до ея обитателей народу южно-

¹⁾ Ой бачнишь, ляше, да и по Случь наше по Костянуу могилу.

²⁾ Якъ не скотѣли, забунтовали да й утерали Украину.

³⁾ Нависли ляхи, нависли
Якъ вороны на вишнѣ...
Не попустимо ляхамъ Польши
Поки нашей жизноти!

⁴⁾ Ну-же, козаки, ну-же у-скопи,
Поберемося въ-боки:
Загнали ляхивъ геть ажъ за Вислу,
Не вернуться *николи!*
Или:—и въ три роки!

русскому нѣтъ никакого дѣла, лишь бы тамошніе ляхи оставили его навсегда въ покоѣ. Сообразно съ этимъ народнымъ мировоззрѣніемъ Хмельницкій въ той же приведенной выше своей рѣчи къ Адаму Киселю и его товарищамъ говоритъ: «Дойду до Вислы, стану надъ нею и скажу живущимъ далеко за нею ляхамъ: сидите себѣ, ляхи, да молчите: вашу всю знать, всѣхъ вашихъ князей туда загоно, а если стануть за Вислою кричать, я ихъ и тамъ найду!»

Такимъ образомъ въ этой превосходной пѣснѣ высказались всѣ завѣтныя желанія, вся политическая программа стремленій южнорусскаго народа въ его отношеніяхъ къ полякамъ.

Въ Сборникѣ Метлинскаго, кромѣ этой пѣсни, помѣщены еще двѣ пѣсни о Перебійносѣ, которыхъ содержаніе—битва съ ляхами и смерть Перебійноса. Къ сожалѣнію, пѣсни эти записаны въ Черноморской землѣ, въ обитомъ и, кажется, даже искаженномъ видѣ. Онѣ смѣшиваются съ пѣснями о козацкѣ Нечаѣ, да кромѣ того сюда подмѣшаны мѣста изъ извѣстныхъ намъ бытовыхъ пѣсенъ. Въ первой изъ этихъ пѣсенъ о Перебійносѣ ляхи собираются убить Перебійноса, но онъ ихъ не боится и выступаетъ противъ нихъ—совершенно такъ же, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Битва Перебійноса съ ляхами происходитъ близъ Сорочей могилы и описывается такими же чертами, какъ битва Нечая съ ляхами въ пѣснѣ о послѣднемъ, которую мы приведемъ ниже. Во второй пѣснѣ о Перебійносѣ ляхи поймали джуру Перебійноса и стали ему крутить пальцы, допрашивая: чѣмъ можно убить Перебійноса? Джура, какъ видно, не вытерпѣлъ пытки и объявилъ врагамъ, что для этого надобно употребить въ дѣло серебряную пуговицу¹⁾.

У козаковъ было повѣрье, что между ними были *характерники*, то-есть люди, знавшіе таинственные средства, охраняющія отъ непріятельскаго оружія; но вѣрилось также, что существуютъ средства противъ такихъ характерниковъ. Однимъ изъ такихъ средствъ считалась серебряная пуля, вмѣсто свинцовой, или серебряная пуговка, вложенная въ ружейный стволъ вмѣсто пули. Такимъ характерникомъ, очевидно, изображается и Перебійносъ. Пѣсня не говоритъ прямо, что онъ погибъ отъ невольной измѣны своего джуры, а даетъ только подразумевать, что именно такъ произошло. Пѣсня оканчивается разговоромъ Перебійноса съ своимъ джурую, какъ бы происходившимъ уже послѣ гибели Перебійноса и приводимымъ въ пѣснѣ какъ бы для смягченія вины джуры.—«Не захотѣлъ ты служить мнѣ,—говоритъ Перебійносъ,—будешь же ты ляхамъ стадо поить» (то-есть дурно ляхи тебѣ заплатятъ за измѣну). Джура отвѣчаетъ: «Радъ бы я служить тебѣ, панъ Перебійносъ, да угнались мы черезчуръ за ляхами и пришлось погибать!»

¹⁾ Ой догнали ляхивъ вражихъ синивъ да до рѣчки Жулины;

Ой уже ляхи вражи сини джуру уловили.

Ой стали джурѣ да й пальцѣ крутити.

— Скажи, джуру, скажи малій, да чимъ Перебійноса вбити!—

— „Ой видрѣжете або видирвѣте да срѣбного гудзи:

То чи не вбьете, або чи не скараете мого вѣрнаго друга!“—

— Ой не схотѣвъ ты менѣ, хлопку, хлопковати:

Вудешъ ты ляхамъ стадо наповати!—

— „Ой радъ бы я тобѣ, пане Перебійносе, хлопковати,

Да угнались мы далеко за ляхами: доведеться погибати. (Метл. 403).

Въ другой пѣснѣ, помѣщенной въ томъ же Сборникѣ, джурѣ не пощадятся въ плѣнъ къ ляхамъ; говорится о смерти Перебийноса послѣ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго джурою, такъ что, повидному, Перебийносы погибаетъ отъ измѣны слуги своего. Сцена происходитъ близъ Сорочей могилы ¹⁾.

Какъ ни искажены и ни перебиты эти отрывки, но они показываютъ, что имя Перебийноса или Кривноноса было славно въ народной памяти, какъ имя доблаго народного богатыря.

Въ польскихъ историческихъ повѣствованіяхъ XVII вѣка разсказывается, что при осадѣ поляковъ подъ Збаражемъ, происходившей въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1649 года, русскіе отпускали насмѣшки надъ стѣсненными до крайности и терпѣвшими голодъ польскими панами. Образчики такихъ насмѣшекъ передаются тогдашними писателями въ польскихъ и латинскихъ переводахъ. Собственно нѣтъ у насъ никакой думы или пѣсни, о которой бы ясно и несомнѣнно можно было сказать, что она относится къ этой осадѣ непосредственно. Но слѣды воспоминанія объ этомъ событіи, намъ кажется, можно видѣть въ одной пѣснѣ, которая должна быть приспособленною къ этому событію передѣланъ обрядной весенней пѣсни. Въ южнорусскихъ веснянкахъ есть обычный мотивъ, что дѣвѣны насмѣхаются надъ молодцами и изображаютъ ихъ въ комическомъ положеніи. Тѣмъ же веснянкамъ присущи припѣвы, повторяемые послѣ известнаго количества стиховъ. Въ числѣ такихъ припѣвовъ, послѣ каждыя двѣ стихи пѣсни, есть такой:

Выступець
Тихо иду,
А вода по камѣню,
А вода по бѣлому
Ище тихше.

Въ одномъ изъ вариантовъ этой пѣсни припѣвъ этотъ измѣняется такъ:

Выступець,
Пане Вишневецкій,
Воевода грецькій,
Да виведи танчики
По нѣмецки!

(То-есть: мѣрнымъ ходомъ, панъ Вишневецкій, отважный воевода. пусть-ка въ плясъ по-нѣмецки!)

Далѣе слѣдуетъ пѣсня съ повтореніемъ такого припѣва послѣ каждыя двѣ стихи: изображается, какъ молодцы сидѣли подъ клѣтушкою и облюпливали собакъ: они полопали свои ножи и тянули зубами собачью шкуру ²⁾.

¹⁾ Ой пойдѣмо, малый джуро, да на Сорочу могилу,
Отвѣдаемъ, джуро малый, вражу лядську силу.
Не вспѣвъ козакъ Перебийнисъ да до могилы дохати,
Якъ узавъ джуро, узавъ малый пистолѣ зарядати.
Ой не вспѣвъ козакъ Перебийнисъ на могилу съвѣдати,
Якъ узавъ джуро, да узавъ малый да зъ пистолѣвъ палати.
Ой теперъ же, ляхи, ой теперъ же, паны, ви слави важели,
Що неживого Перебийниса пидъ могилою положили. (Мелл. 401).

²⁾ Ой що-то за хижка
Тамъ на вирижку.

Полагаешь, что эта пѣсня, по формѣ своей и по голосу несомнѣнно хоро-
водная весенняя, была въ началѣ насѣвнкою надъ тѣми поляками, которые, бу-
дучи осаждены подъ Збаражемъ, дошли до такой степени голода, что ѣли со-
бакъ, кошекъ, мышей, грызли зубами сапожную кожу. На это отношеніе нашей
веснянки къ збаражской осадѣ 1649 года указываетъ имя воеводы Вишневец-
каго, подъ которымъ легко узнать знаменитаго князя Іеремію — героя этой осады,
свирѣпаго и лютаго врага русскаго народа и православной вѣры. Есть того вре-
мени извѣстіе, что во время збаражской осады былъ онъ раненъ въ ногу; и
вотъ поэтому-то настоящая пѣсня приглашаетъ его пуститься въ плясъ по-нѣ-
мецки.

Замѣтишь между прочимъ, что козаки и поляки въ тѣ времена называли
битву танцемъ въ переносномъ смыслѣ. Южнорусскіе люди, участвовавшіе въ
войнѣ подъ Збаражемъ и издѣвавшіеся тамъ надъ стѣсненными врагами, сло-
жили эту пѣсню, а возвратившись въ свои дома, передали ее своимъ семьямъ;
итакъ, эта пѣсня, переходя отъ бабушекъ ко внучкамъ, утратила для послѣ-
дующихъ поколѣній свой первоначальный смыслъ и осталась до сихъ поръ про-
стою веснянкою, но сохранивши нѣкоторыя черты, которыя и теперь еще могутъ
указывать на ея происхожденіе. Иначе, какъ въ веснянку, пѣсню чисто дѣвичью,
могло попасть имя воеводы Вишневецкаго съ приглашеніемъ пуститься въ плясъ
по-нѣмецки, посреди какихъ-то молодцовъ, которымъ пришлось грызть зубами
собачьи шкуры?

Зборовскій миръ, постановленный Хмельницкимъ съ польскимъ королемъ
Яномъ-Казимиромъ, не покончилъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшою но
еще создалъ новые поводы къ недоразумѣніямъ и кровопролитіямъ. Весь южно-
русскій народъ единодушно поднялся за свою свободу, помогаясь всеобщаго ура-
венненія подъ формою козачества, а по силѣ Зборовскаго договора получали же-

Выступцемъ,
Пане Вишневецкій
Воеводо грецкій
Да введи танчикъ
По нѣмецки!

Пидь тоу хижкою
Павичи сидѣли
Выступцемъ и проч.

Павичи сидѣли
Собакъ лупили,
Выступцемъ и проч.

Собакъ лупили,
Ножи поломали.
Выступцемъ и проч.

Ножи поломали,
Зубами тагали,
Выступцемъ,

Пане Вишневецкій,
Воеводо грецкій,
Да введи танчикъ
По нѣмецки!

ланную свободу только сорокъ тысячъ въ значеніи привилегированнаго сословія. Остальные, во время войны считавшіе себя козаками, обращались въ посольство или чернь, то-есть престопадіе, которому тогдашнія общественныя условія угрожали прежнимъ, быть можетъ еще и болѣе тяжелымъ, порабощеніемъ. Изъ этого посольства люди, не мирившіеся съ своимъ положеніемъ, порывались въ козаки, то-есть на свободу. Дѣлаться свободнымъ въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ значило то же, что сдѣлаться козакомъ, иначе, по нашему способу выраженія, стать военнымъ человѣкомъ. Иного пути въ тѣ времена и быть не могло; вездѣ желавшіе сбросить съ себя какое бы ни было ярмо должны были браться за оружіе. Въ Украинѣ всякая война способствовала приобрѣтенію свободы для извѣстнаго числа людей именно потому, что тогда удобнѣе было и льготнѣе людямъ изъ посольства вступать въ козачество, и существовавшимъ въ Украинѣ властямъ было тогда желательнѣе увеличеніе числа военныхъ людей; а кто только вступалъ въ козаки, тотъ уже считалъ себя вольнымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока неблагоприятныя условія не вернули его силою къ прежнему положенію. Оттого всякая внѣшняя война въ Украинѣ для многихъ была болѣе или менѣе популярнымъ дѣломъ. Такъ было и въ 1650 году, когда Хмельницкій двинулъ свои силы на Молдавію. Грубые, драчливыя инстинкты естественно господствовали издавна въ козачествѣ, какъ въ военномъ обществѣ. рядомъ съ другими болѣе высокими и нравственными побужденіями, а въ послѣднее время развивались при побратимствѣ съ татарами и высказались ярко въ этомъ походѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ намъ побужденія къ этому походу въ козацкой громадѣ малорусскій старинный повѣствователь, котораго правдивое сказаніе, дошедши до насъ, получило названіе «Лѣтописи Самовида» (стр. 16). Посполитые люди увеличивали собою козацкія силы и шли въ походъ съ реестровыми въ качествѣ охотнаго войска въ видахъ стать вольными людьми.

Объ этомъ-то походѣ сохранилась дума, извѣстная въ печати по двумъ вариантамъ: одинъ—въ Сборникѣ Максимовича (изд. 1849 года, стр. 71), другой—въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 391—395).

По своему духу эта дума отклоняется отъ поэзіи всенародной къ поэзіи козацкой, принимая это слово въ смыслѣ близкомъ къ военно-сословному. Здѣсь не то, что въ прежнихъ думахъ и пѣсняхъ, гдѣ Хмельницкій является народнымъ заступникомъ, двигателемъ народныхъ потребностей для всѣхъ южнорусскихъ людей, вообще доступныхъ и дорогихъ,—здѣсь козаки идутъ за своихъ гетманомъ, сами не зная зачѣмъ идутъ; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не совѣтуется, а они слѣпо ему повинуются; одному Богу предоставляютъ они знать, зачѣмъ любимый предводитель ведетъ ихъ ¹⁾. Недавняя слава слишкомъ, видно, ослѣпила ихъ, просвѣчиваетъ уже обычный въ исторіи примѣръ, когда толпа,

¹⁾ Изъ вѣзу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣває;
Військо козацькее у походъ выступає;
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницкій думає-гадає,
Объ тымъ не знали нѣ сотники,
Нѣ отаманы курѣнники, нѣ полковники;
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницкій думає-гадає (Макс.).

недавно оживленная единодушнымъ порывомъ борьбы за свою свободу, сразу и легко становится способною попастьъ подъ деспотизмъ того, кто руководилъ ею въ этой прошлой борьбѣ. По варианту Метлинскаго приводится черта, намекающая на то, какого рода частные интересы могли тогда подвигать многихъ, которые тогда пошли за Хмельницкимъ въ Молдавію. «За нимъ козаки идутъ—какъ молодыя пчелы гудуть; у иного нѣтъ ни сабли булатной, ни пицали семипядной: тотъ вваливается на плечи дубину и поспѣваетъ въ войско за гетьманомъ Хмельницкимъ»¹⁾. Здѣсь, конечно, надобно разумѣть такихъ, которые по слѣдъ Зборовскаго договора не вошли въ козацкое званіе и теперь спѣшили на войну, чтобъ инымъ путемъ, черезъ вступленіе въ охотное войско, снова сдѣлаться козаками. За самимъ Хмельницкимъ дума не знаетъ какого-нибудь нравственнаго побужденія къ этой войнѣ, а набрасываетъ на него тотъ поэтический отсвѣтъ, какой въ сказкахъ и былинахъ дается древнимъ богатырямъ. У Хмельницкаго развернулась охота къ браннымъ подвигамъ; онъ вызываетъ на бой «Василія Молдавскаго» и заранѣе требуетъ отъ него уступокъ, если не захочетъ съ нимъ биться. Прибывши, по варианту Максимовича, въ Хотинъ²⁾, а по варианту Метлинскаго—въ Сороку³⁾, Хмельницкій посылаетъ къ Василію Молдавскому требовать, по первому варианту, половину Волосчины⁴⁾, а по другому—волошскихъ городовъ, либо же полумисковъ, наполненныхъ червонцами⁵⁾. По варианту Максимовича, Василій Молдавскій посылаетъ просить помощи у поль-

¹⁾ А ще самъ зъ города Чигирина рушаєь.

За нимъ козаки йдуть,
Якъ ярая пчола гудуть,
Который козакъ не мае въ себе
Нѣ шаблѣ булатной,
Нѣ пицали семипядной,
Той козакъ кій на плечи забирає
За гетьманомъ Хмельницкимъ у охотне вѣйсько поспѣшає (Метл.).

²⁾ Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали,
Самъ Хмельницкій напередъ рушаєь,
До Хотин прибувавъ,
У старшого капитана на квартирѣ ставъ,
До Василя Молдавського листы посилаєь.

³⁾ Пидъ городомъ Сорокою шапцѣ копаєь,
У шанцахъ курѣнемъ ставъ,
И ще отъ своихъ рукъ листы писаєь,
До Василя Молдавського посилаєь.

⁴⁾ Що ти со мною будешъ гадати?
Чи будешъ битися,
Чи будешъ миритися?
Чи на перемврѣ будешъ пріймати,
Чи славной Волосчины половинну отдавати?

⁵⁾ Чи будешъ со мною битися,
Чи миритися?
Чи города свои волоськи уступати?
Чи червинцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмельницкаго бламати?

скаго короннаго гетмана Потоцкаго. Дума заставляеть Василія Молдавскаго обращаться къ Потоцкому въ такомъ точно тонѣ, въ какомъ, въ другой думѣ, говорятъ съ этимъ самымъ Потоцкимъ козаки послѣ Корсунской побѣды. «Ахъ ты Потоцкій! Умъ у тебя-то бабій! Ты хлопчешь только о дорогихъ наниткахъ да о пюрушкахъ. Зачѣмъ не удержижаешь Хмельницкаго? Вотъ уже началъ онъ орать конскими копытами землю молдавскую и поливать молдавскою кровью ¹⁾. Но въ вариантѣ Метлинскаго Василь Молдавскій, прежде своего обращенія къ Потоцкому, отвѣчаетъ Хмельницкому отказомъ на богатырскіе запросы послѣдняго и притомъ дѣлаеть замѣчаніе, что приличнѣе было бы Хмельницкому, считая себя меньшимъ, покориться Василію Молдавскому, какъ старѣйшему ²⁾. Такой отвѣтъ раздражилъ Хмельницкаго; подступаетъ онъ къ городу Сорокѣ и говоритъ такую рѣчь: «О, городъ, городъ Сорока! Не испугать тебѣ монѣ дѣтей козаковъ! Я покорю тебя, я возьму съ тебя не малая сокровища, обогачу тѣя свою голтыбу, стану выдавать ей мѣсячное жалованье, каждому по битому тарелу» ³⁾. Видно, надежда на поживу была признанкой въ охотное войско не-

1) Василій Молдавскій тее зачувавъ,
До Потоцкаго листы пославъ,
Словами промовлявъ:
Гетьмане Потоцкій!
У тебе розумъ жѣноцкій!
Ты за дорогими нанитками, бенкетами уганяешъ,
Чомъ ти Хмельницкаго не еднаешъ?
Уже почавъ винъ землю кинськими копытами орати,
Кровью молдавською поливати.

2) Господарь волоській листы читае,
Назадъ отсылае,
И въ листахъ приписуе:
Папе гетьмане Хмельницкій,
Батьо Зиновъ Богдане Чигиринскій!
Не буду я съ тобою нѣ биться,
Нѣ мириться,
Нѣ городявъ тобѣ своихъ волоськихъ уступати,
Нѣ червинцами полумискивъ сповняти;
Не лучше бъ тобѣ покоритися меншому
Не нужли (нижли) менѣ тобѣ старшому!

3) ... Хмельницкій якъ сѣи слова зачувавъ,
Такъ винъ самъ на доброго коня сѣдавъ,
Коло города Сороки повѣзавъ,
На городъ Сороку поглядавъ,
И ще съ-тиха словами промовлявъ:
— Эй городе, городе Сороко!
Ще ти монѣ козакамъ дѣтямъ не заполоха.
Буду я тебе доставати,
Буду я зъ тебе великіи скарби мати,
Свою голоту сповняти,
По битому тарелю на мѣсяцъ жалованья давати.—
Отъ-тогдѣ-то Хмельницкій якъ похвалився,
Такъ гараздъ и учинивъ:
Городъ Сороку у недѣлю рано задобѣдья взявъ,

иудиимъ; голь, какъ мы уже видѣли и прежде, отправлялась на войну какъ на промыселъ, чтобы тамъ добычею отъ непріятеля поправить скудное житіе свое. Въ предшествовавшій передъ тѣмъ годъ, 1649, южноруссы таки достаточно поживались грабежомъ панскаго и шляхетскаго достоинства (шарпаниномъ добръ панскихъ и шляхетскихъ), но очень многое изъ добытаго было скоро спущено съ рукъ московскимъ и волоскимъ купцамъ, устремившимся въ Украинну покупать за безцѣнокъ вещи, которыхъ значенія цѣнить не умѣли продавцы. Кромѣ того былъ большой отливъ народонаселенія на войну въ 1649 году, и поэтому много пахотныхъ полей оставалось не обработанными: на слѣдующій годъ почувствовалась скудость и дороговизна хлѣба. Не мудрено, если условія тѣхъ лѣтъ дѣлали возможнымъ появленіе голи, бросившейся за поживою въ Молдавію, гдѣ Хмельницкій надѣлялъ ее на счетъ чужой земли. Вслѣдъ затѣмъ въ думѣ неподробно упоминается о сожженіи и разграбленіи Сочавы. Тогда, по разсказу думы, сочавцы, еще не повидавши въ глаза Хмельницкаго, убѣгаютъ въ Ясы, извѣщаютъ господаря о вторженіи козаковъ и грозятъ отдаться подъ власть иного властителя, если Василь не постоитъ за нихъ. Василь ѣдетъ изъ Ясъ въ Хотинъ и оттуда посылаетъ письмо къ Потоцкому ¹⁾. Обращеніе господаря къ Потоцкому въ вариантѣ Метлинскаго ²⁾ приводится образнѣе, чѣмъ въ вариантѣ Максимовича, который, должно быть, есть позднѣйшее сокращеніе и въ немъ уже многія существенныя черты выпали изъ думы. Слѣдуетъ затѣмъ—въ томъ же ва-

На рынку обѣдъ пообѣдавъ,
 Къ полуднѣй годинѣ до города Сичавы припавъ,
 Городъ Сичаву огнемъ запаливъ
 И мечемъ сплюндровавъ.

¹⁾ Отъ-тогда-то сочавцѣ гетьмана Хмельницкаго у-внчи не видали,

Усъ до города Ясъ повтѣкали,
 До Василя Молдавскаго съ-тиха словами промовляли:

Эй Василю Молдавскій,
 Господарю нашъ волоскій!
 Чи будешъ за насъ одностойно стояти,
 Будемъ тобѣ голдовати;
 Колижъ не будешъ за насъ одностойно стояти,
 Будемъ иному пану голдовати.

Отъ-тогда-то Василь Молдавскій,
 Господаръ волоскій,
 Пару коней у колясу заклававъ,
 До города Хотинѣ отѣзжавъ,
 У Хвилецкаго копитана станцѣю ставъ,
 Тогда-жъ-то отъ своихъ рукъ листы писавъ,
 До Ивана Потоцкаго кроля польскаго пославъ.

²⁾ Що-жъ то въ васъ гетьманъ русинъ

Хмельницкій всю мою землю волоську обрушивъ,
 Все мое поле копьемъ изборавъ,
 Усъмъ монѣмъ волохамъ лѣвъ галкамъ съ плечъ головки знаяъ,
 Где були въ полѣ стежки-дорожки,
 Молдавскими головками повмищовавъ.
 Где були въ полѣ глубоки долины,
 Волоською кровію повмищовавъ.

ріантъ Метлинскаго—отвѣтъ Хмельницкому отъ Потоцкаго, котораго дума называетъ «кролемъ» польскимъ (не беремса рѣшать—ошибка ли это, или же дается ему такой титулъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ южноруссы въ васиѣнку звали польскихъ пановъ королями или королевенятами). Польскій коронный гетманъ вспоминаетъ, какъ Хмельницкій когда-то побѣдилъ его. Дума говоритъ о пятнадцати рыцаряхъ, высланныхъ къ Жолтой Водѣ, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Кромѣ того, въ думѣ сообщается, что трехъ сыновей Потоцкаго Хмельницкій, взявши въ плѣнъ, отдалъ въ неволю турецкому султану, наконецъ самого отца ихъ, Потоцкаго, продержалъ три дня прикованнымъ къ пушкѣ ¹⁾. Здѣсь одинъ изъ многихъ образчиковъ того, какъ въ историческихъ пѣснопѣніяхъ всмѣжаются дѣйствительныя событія, оставляя, однако, на себѣ слѣды правды. Гетманы польскіе отправили противъ Хмельницкаго отрядъ, который чуть не весь былъ истребленъ козаками при Жолтыхъ Водахъ: это въ думѣ выражается въ образѣ высылки пятнадцати рыцарей, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Сынъ короннаго гетмана Потоцкаго, Стефанъ, былъ убитъ въ Желтоводской битвѣ, а самъ гетманъ, отецъ его, взятъ въ плѣнъ подъ Корсуномъ и отданъ татарамъ. Вмѣсто одного сына въ думѣ явилось любимое сказочною поэзіей число три, а потому ихъ трохъ Хмельницкій отсылаетъ турецкому султану. На этихъ вымышленныхъ сыновей дума переноситъ—впрочемъ, въ измѣненномъ видѣ—то, что на самомъ дѣлѣ случилось со старымъ Потоцкимъ. О прикованіи Потоцкаго къ пушкѣ говорятъ и нѣкоторыя украинскія лѣтописи: фактъ сомнительный, хотя подобныя приемы практиковались въ козацкой жизни; но едва ли Хмельницкій, человекъ, получившій и образованіе, и доскъ, могъ позволить себѣ такую грубость.

Вариантъ Максимовича оканчивается сокращеннымъ воспоминаніемъ о подвигахъ Хмельницкаго и прославленіемъ его времени. «Тогда-то была честь и слава, тогда былъ и строй добрый въ войскѣ, не давали мы себя на посмѣваніе, а топтали ногами непріятели» ²⁾. Это окончаніе, быть можетъ, взято сюда

¹⁾ Оттогдѣ Іванъ Потоцькій,

Кролю польскій,

Листи читае, назадъ отсылае.

А въ листахъ приписуе:

Эй Василю Молдавскій

Господарю волоській,

Колижъ ты хотѣвъ на своїй Украинѣ проживати,

Було-бъ тобѣ Хмельницкаго у-вѣччѣ часы не займати,

Бо давса менѣ гетьманъ Хмельницкій добре гараздъ знати:

У первій войнѣ

На Жовтій Водѣ

Пятнадцатъ моихъ лицарѣвъ стрѣчавъ,

Невеликій имъ отвѣтъ дававъ,

Всѣмъ якъ галкамъ съ плечъ головки поздишавъ,

Трохъ синицъ моихъ живцемъ улавъ,

Турському салтану въ подарунку одславъ,

Мене Івана Потоцкаго три днѣ на приковѣ край пушки державъ,

А въ пяти менѣ нѣ їсти не дававъ.

²⁾ То панъ Хмельницкій добре учинивъ

Польшу засмутивъ,

изъ другой думы, или присоединено къ думѣ о молдавскомъ походѣ уже послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, когда воспоминанія о немъ были еще очень свѣжи и дороги въ противоположность съ тѣмъ общественнымъ разстройствомъ, какое наступило въ Украинѣ тотчасъ послѣ его смерти.

Вторая война Хмельницкаго съ Польшею совсѣмъ иначе кончилась для козачества, чѣмъ первая. Козаки были жестоко поражены подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ и Хмельницкій принужденъ былъ заключить съ поляками бѣлоцерковскій миръ, по которому рубежи края, гдѣ допускалось существованіе козачества, ограничены были кievскимъ воеводствомъ вмѣсто прежнихъ трехъ воеводствъ: кievскаго, черниговскаго и брацлавскаго. Такимъ образомъ, наперекоръ народному стремленію распространить козачество на всѣ южнорусскія земли, оставшіяся въ непосредственной власти панства и шляхетства, пришлось потерять и то, что уже по Зборовскому договору состоялось во владѣніи козацкаго гетмана. Само собою разумѣется, новыя условія, какія возникали послѣ бѣлоцерковскаго мира, еще менѣе могли обѣщать спокойствія въ будущемъ, чѣмъ тѣ, которыми народъ былъ недоволенъ послѣ мира Зборовскаго.

Вторая война не могла уже создать въ народѣ такихъ пѣсень, какія создала первая война, — пѣсень, въ которыхъ слышатся и восторгъ побѣды, и поруганіе надъ побѣжденнымъ тираномъ. Въ пѣсняхъ этой эпохи отразилась позсія пораженія. Народнымъ героемъ этой эпохи представляется Нечай, лицо, извѣстное въ исторіи подъ именемъ брацлавскаго полковника Данила Нечая. Пѣсня о пораженіи и смерти этого козацкаго вождя распространена повсюду въ западной части южнорусскаго края. Народъ любитъ эту личность. Давнія событія сблизись между собою, смѣшались въ народной памяти и Нечай представляется какъ бы главнымъ богатыремъ въ бывшей когда-то борьбѣ съ ляхами. Въ мѣстахъ, гдѣ поются о Нечай пѣсни, составились и различныя представленія объ этой личности: то онъ—верховный предводитель козаковъ противъ ляховъ, то онъ—соперникъ Хмельницкаго. Въ мѣстечкѣ Берестечкѣ, гдѣ сохранились вещественные памятники эпохи пораженія козаковъ, одни изъ мѣстныхъ обывателей на вопросъ: что означаютъ на ихъ поляхъ окопы и курганы, отвѣчали, что здѣсь когда-то бились козаки съ ляхами и у козаковъ былъ тогда главный богатырь Нечай, который здѣсь и погибъ. Другіе, тамъ же, рассказывали, что на ихъ поляхъ когда-то бились другъ противъ друга двое козацкихъ предводителей: одинъ—Нечай, другой—Хмельницкій.

Но какъ ни видоизмѣнились въ теченіе долгаго времени прежнія преданія о Нечай, какъ ни искажилась въ современныхъ представленіяхъ историческая дѣйствительность, а все-таки несомнѣнно, что Нечай пѣсень и преданій есть Данило Нечай, брацлавскій полковникъ, погибшій въ битвѣ съ поляками, происходившей въ февралѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Красномъ. Едва ли мы ошибемся, если въ лѣтописяхъ нашихъ отыщемъ причины, почему именно этотъ, а

Волосчину побѣдиль,
Гетьманщину звеселиль.
Въ-той часъ была честь слава,
Військова справа.
Сама себе на смѣхъ не давала,
Неприятеля пидъ ноги топтала.

не другой какой-нибудь из сподвижников Хмельницкаго, сталъ пѣсенникъ народный герой этой эпохи второй войны козаковъ съ поляками. Въ 1650 году народъ сильно взволновался противъ исполненія Зборовскаго договора, по которому сокращалось число козаковъ сорока тысячами, а не входившіе въ составленный козацкій реестръ предавались снова произволу пановъ. Нечай заступался за народъ, Нечай сталъ на челѣ недовольной громады, Нечай отважно заговорилъ съ гетманомъ, а Хмельницкій, который вообще не любилъ себя противорѣчій и расправлялся рѣшительными способами со всякимъ, кто осмѣлится не слушать его повелѣній, долженъ былъ перенести эту оппозицію и даже, по возможности, мирволить народнымъ стремленіямъ. Понятно, что такого человѣка, какимъ былъ Нечай, народъ любилъ и передалъ свою любовь къ его имени грядущимъ своимъ поколѣніямъ. Вѣроятно, это и было причиною, почему имя это вошло въ народную поэзію. Въ пѣсняхъ, однако, удержалось воспоминаніе не о его энергическомъ заступничествѣ за народъ, а о его смерти въ бою за народное дѣло. Смерть—любимый мотивъ козацкихъ пѣсенъ; смерть завершаетъ подвиги и поприще героя, и чтущіе его память невольно обращаются къ этому грустному, но торжественному и замѣчательнѣйшему моменту славной жизни богатыря.

Намъ извѣстно множество вариантовъ пѣсни о смерти Нечая. Пять изъ (стр. 403, подъ литерами: а, б, в, г, д) напечатаны въ Сборникѣ Метлинскаго, два въ Сборникѣ Максимовича, изд. 1834 г. (стр. 97—101), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Вацлава изъ Олеска (стр. 482), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ же пѣсенъ Жеготы Паули (стр. 145): оба послѣдніе соединены въ собраніи галицкихъ пѣсенъ, помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1863 г., ч. III, стр. 7); сверхъ того у насъ въ рукахъ было два писанныхъ варианта, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ мною въ Волынской губерніи, другой г. Руданскимъ въ Подольской. Наконецъ, въ изданіи «Историческихъ пѣсенъ малорускаго народа», напечатанныхъ въ 1874 году, гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, помѣщено 38 вариантовъ (конечно, со включеніемъ приведенныхъ выше) этой пѣсни, показывающихъ, до какой степени популярно было воспѣваемое въ ней лицо.

Всѣ эти варианты замѣчательно сходны между собою и различаются другъ отъ друга сравнительно большею или меньшею полнотою. Если мы сравнимъ содержаніе пѣсни съ извѣстіями о битвѣ и смерти брацлавскаго полковника у современныхъ ему дѣписателей, то смѣло можемъ сказать, что мало такихъ пѣсенъ, въ которыхъ бы отразилась до такой точности историческая дѣйствительность, какъ въ пѣснѣ о Нечайѣ. Во всѣхъ вариантахъ за Нечаемъ удерживается одинъ типъ, одинъ характеръ. Это—козакъ во всей полнотѣ козацкой натуры, отважный, разгульный, безпечный и безразсудный. Свойства эти общенародныя, а потому народъ ихъ легко извиняетъ и даже они возбуждаютъ къ герою болѣе сочувствія. Нечай на масленицѣ гуляетъ съ «кумасемъ», попиваетъ съ нею вино и не обращаетъ вниманія на предостереженія, которыя ему дѣлаются.

На него внезапно нападаютъ яхи, онъ ихъ не боится, самонадѣнно пускается въ битву, совершаетъ чудеса храбрости и погибаетъ подъ напоромъ огромнаго числа непріятелей.

Первый образъ въ этой пѣснѣ тотъ, что козаки обращаются къ Нечай

съ совѣтомъ, чтобъ онъ стерегся и убѣждать бы съ ними ¹⁾. «Не бойтесь, казаки,—отвѣчаетъ Нечай,—я поставилъ сторожу по всѣмъ путямъ» ²⁾. По другому варианту, онъ восклицаетъ: «какъ я могу убѣгать отсюда и топтать ногами свою козацкую славу! У меня есть Шпакъ, онъ молодецъ; онъ мнѣ даетъ знать, когда нужно убѣгать!» ³⁾. Этотъ Шпакъ есть то самое лицо, которое въ исторіи Веспасіяна Коховскаго, описывавшаго своего времени событія, значится подъ именемъ Шпаченка (сына Шпакова) сотника. Обстоятельство, что въ пѣснѣ сохранилось вѣрно собственное имя, имѣвшее второстепенное участіе въ сообщаемомъ пѣсней событіи, придаетъ въ нашихъ глазахъ большую важность самому народному произведенію: сохранились такія черты, которыя могли только составлять принадлежность самой древней редакціи, слѣдовательно, пѣсня мало подвергалась искаженіямъ въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ вариантахъ.

Далѣе въ пѣснѣ Шпакъ говоритъ, что онъ не успокоиваетъ его, Нечая, на счетъ опасностей, что во всякомъ случаѣ надобно ему быть наготовѣ—держать коня своего подъ сѣдломъ, а саблю подъ опанчою ⁴⁾, чтобъ можно было обороняться отъ ляховъ, когда тѣ явятся рубить Нечая. По галицкимъ вариантамъ, Нечай посылаетъ молодца провѣдать о ляхахъ, и молодецъ, сбѣгавши до Полоннаго, извѣщаетъ, что ляховъ идетъ сорокъ тысячъ безъ единого ⁵⁾ (эпическое число). Здѣсь Полонное—идеальная мѣстность, какъ и въ думѣ о расправѣ съ жидами; иначе, если бы разумѣть мѣстечко Волинской губерніи, носящее это названіе, то Нечая незачѣмъ было посылать туда гонца на провѣдки при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился.

Нечай не обращаетъ вниманія на угрожающія вѣсти. Онъ ставитъ въ городѣ караулъ, а самъ идетъ пить медъ-вино и ѣсть щуку-рыбу къ кумѣ ⁶⁾,

¹⁾ Ой изъ темного лѣсу изъ Чорного гаю,

Ой крикнули козаченьки: утѣкай (или втѣкаймо) Нечай!

(У Жеготы Паули первый стихъ такъ:

У Краснѣмъ при ставѣ зъ Зеленого гаю (географическая точность!).

²⁾ Ой не бийтесь не бийтесь нани отамаан:

Я поставивъ стороженьку усѣма шляхами.

³⁾ Якъ я маю козакъ Нечай звидѣлъ утѣкати,

Славу свою козацкую пидь ноги топтати!

Ой е у мене Шпакъ, Шпакъ... Отъ-той добрый хлопець,

Отъ-той менѣ дае знати коли утѣкати!

⁴⁾ А я тебе, мий Нечая, не обезпечая,

Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свого звичая.

Ой я тебе мий Нечая обезпечая,

Держи свою шабелечку да пидь опанчею.

Коли прійдуть тебе ляхи, Нечая, рубати,

Що би ся мавъ, мий Нечая, чимъ оборонати!

⁵⁾ Сѣдай, сѣдай, малый хлопе, коня вороного,

А побѣжи въ чисте поле—чи йде ляхкивъ много?

Вертається малый хлопець ажъ изъ Полонного,

А йде ляхкивъ сорокъ тысячъ тилько безъ одного.

⁶⁾ Ой поставивъ Нечай козакъ да сторожу (въ др. вар. три сторожи) въ мѣстѣ,

А самъ пишовъ до кумоньки щуку-рыбу ѣсти (Метл. вар. подольскій).

называемой по одному варианту Хмельницкою¹⁾, а по другому Ведельскою, по третьему кумой любасею, то-есть кумою любовною²⁾. Вдруг взглядывает онъ въ оконную форточку и видитъ ляховъ: ихъ тамъ такъ много, какъ куръ на рынкѣ³⁾.

По варианту Метлинскаго, Нечайъ приносятъ вѣсть, что поставленная имъ въ городѣ сторожа уже пропала⁴⁾. Нечайъ приказываетъ сѣдлатъ коня и вѣстѣ съ своимъ джурою выгѣзжаетъ на битву⁵⁾. Во всѣхъ вариантахъ битва изображается сходными чертами. Нечайъ рубитъ ляховъ какъ капусту⁶⁾, кладетъ ихъ какъ снопы⁷⁾ въ четыре ряда⁸⁾, сбиваетъ съ коней какъ солому⁹⁾, кровь течетъ рѣкою¹⁰⁾; наконецъ, Нечавъ конь уже не можетъ выскочить изъ кучи

- 1) Козакъ Нечай, козакъ Нечай на тее не дбае,
Да съ кумою, Хмельницкою, медь-вино круглае:
Ой поставивъ козакъ Нечай да сторожу въ мѣстѣ,
А самъ пишовъ до кумоньки шука-рыбы вѣсти (Макс.).

2) Да съ кумою любасею медь-вино круглае.

(У Антон. и Драг., стр. 66: но съ кумою Ведельскою медь-вино круглае).

- 3) Якъ поглане козакъ Нечай у вишно въ квартиру,
Ажъ тамъ лашкивъ вражихъ сннннвъ якъ курей по рынку (вар. волниск.
Макс.).

Или:

Подивитсь козакъ Нечай въ горѣшню квартиру.

А вже ляхннвъ вражихъ сннннвъ повиѣсененько въ рынку.

(Чт. 1863 г. III. 8).

- 4) Ой сѣвъ же да Нечаенко да шука-рыбы вѣсти,
Охъ и прилетѣли до Нечаенка да не мудрыи вѣсти.
Охъ иже ты, Нечаенко, да медь-вино круглаешъ,
А вже твой стороженьки да на мѣстѣ не мае.
5) Ой кривнувъ да Нечаенко да на джуру малого:
Сѣдай, джура, коня вороного, а пидь мене гнѣдого.
Ой подтягай, да малый хлопче, да попруги истуга:
Буде на ляхннвъ да на тихъ нанннвъ велика потуга.
6) Не вснѣвъ Нечай, не вснѣвъ козакъ на коника сѣсти,—
Якъ взявъ лашкивъ вражихъ сннннвъ на капусту сѣсти.

(Метл., вар. волниск.).

- 7) Проѣхався козакъ Нечай отъ башты до башты,
Дай ставъ лашкивъ вражихъ сннннвъ якъ снопыи класти.
8) Обернувся козакъ Нечай отъ брямы до брямы,
Выкладъ лашкивъ вражихъ сннннвъ у чотыри ляди.

(По вар. Ант. и Драг., стр. 67).

Или:

Переѣхавъ козакъ Нечай видъ брамы до брамы,

Сколотивъ лашеньками якъ вовкъ вивцями. (Вар. подольск., Метл., Макс.)

- 9) Ой проѣхавъ козакъ Нечай отъ дому до дому:

Почавъ класти вражихъ ляхннвъ съ коней якъ солому.

(Вар. волниск., галиц.).

- 10) Повернувся козакъ Нечай на гѣвее плече,
А вже зъ ляхннвъ вражихъ сннннвъ кровъ рѣчками тече.

(Макс., волниск., подольск., галиц.).

Или:

А за нимъ же Нечаенкомъ кровавая рѣчка тече.

(Метл. 3).

ляшскихъ труповъ и козакъ приходитъ въ опасное положеніе отъ избытка собственной побѣды ¹⁾). Черты эти составляютъ главные признаки пѣсни о поражени Нечая, но переносятся иногда и въ пѣсни о Перебийнось, Морозенкѣ, Саввѣ Чаломѣ, такъ что могутъ съ перваго взгляда показаться типическими пѣсенными изображениями битвы вообще; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, легко замѣтить, что въ пѣсняхъ о всѣхъ личностяхъ, кромѣ Нечая, черты эти являются случайно, и во многихъ вариантахъ пѣсенъ объ этихъ личностяхъ ихъ нѣтъ, тогда какъ онѣ неизбѣжны во всѣхъ вариантахъ пѣсни о поражени Нечая.

По варианту Метлинскаго, Нечай, видя за собою множество враговъ, пытается бѣжать, а панъ Потоцкій пустился за нимъ въ погоню ²⁾; по всѣмъ другимъ вариантамъ, на самомъ мѣстѣ боя конь Нечая споткнулся и въ это мгновеніе поймалъ его за чуприну, по однимъ вариантамъ, панъ Потоцкій ³⁾, по другимъ—панъ Калиновскій ⁴⁾, по третьимъ же—панъ Хмѣлевскій ⁵⁾, а по галицкимъ—какой-то неизвѣстный ляхъ, называемый въ пѣснѣ бранною кличкой ⁶⁾.

Схватившій за чуприну Нечая ляхъ заговариваетъ съ нимъ съ издѣвками и сравниваетъ его съ хмелемъ ⁷⁾. Козакъ Нечай, находясь уже въ рукахъ враговъ, кричитъ своимъ козакамъ ⁸⁾, а по галицкому варианту—своему брату ⁹⁾,

1) Повернувся козакъ Нечай на правую руку,—
Не вискочить Нечаявъ кинь изъ ляцького трупу.

(Варианты: галицкіе, волынский, подольскій).

Или: -

Конь вороний самъ молодой да не вискочить зъ трупу. (Метл. 3).

2) Ой бросився козакъ Нечай зъ мѣста утѣкати,
За нимъ, за нимъ панъ Потоцкій да почавъ здоганяти.
Ой побігъ же да Нечай козакъ въ полѣ на долину,
Да исхвотивъ панъ Потоцкій Нечая заду за чуприну. (Метл. 405).

3) Ой питкнувся Нечаявъ кинь на малу тычину,
Пойнявъ ёго панъ Потоцкій съ коня за чуприну. (Вацл. из. Олеськ.).

4) Гей питкнувся пидъ Нечаявъ да кинь на корню,
Добравъ го ся Калиновскій съ верха за чуприну. (Żeg. Pauli. 144).

5) Пимавъ ёго панъ Хмѣлевскій съ заду за чуприну. (Вар. волынск.).

6) Пошпотався пидъ Нечаявъ коникъ на купинку:
Зловивъ ляшокъ скурвий снюнокъ ёго за чупринку. (Чт. 1863. III. 8).

7) А що теперь, козакъ Нечай, що теперь думаешъ,
Що зъ ляшками и съ панками войну починаешъ?
Чи не ты той хмель, хмель, що по тычки вьешся?
Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляшками бьешся?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ граешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшкивъ рубаешъ?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ киснешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшенькивъ тиснешъ?
Годѣ тобѣ, годѣ, хмелю, да по тиву виться;
Годѣ тобѣ, козакъ Нечай, вражій снну, изъ ляшками биться!

8) Ой который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ:
Поклонѣться моѣй жѣвцѣ несчастній невѣстѣ.
(У Жеготы).

9) Гей зобачивъ козакъ Нечай свого брата въ мѣстѣ:

чтобы передали поклонъ его женѣ: пусть выкупаютъ его, по крайней мѣрѣ его тѣло ¹⁾; посылаетъ также поклонъ матери, несчастной женщины ²⁾; будетъ она только плакать, да уже ничего не выплачетъ: надъ ея сыномъ вьется чернѣй воронъ ³⁾.

Поляки не хотѣли брать ни серебра, ни золота за его тѣло ⁴⁾: они врубали его и пускали по водѣ ⁵⁾. Осталась только голова Нечая и катается по рынку.

Тогда козаки стали думать, гдѣ имъ похоронить голову козака Нечая, и говорятъ они: похоронимъ ее, братцы, въ церкви Св. Варвары. Приобрѣлъ ты себѣ, козакъ Нечай, великую славу! По другому варианту, козаки хоронятъ его на могилѣ и садятъ надъ нимъ каливу ⁶⁾. Это погребеніе головы Нечая встрѣчаемъ только въ вариантѣ, записанномъ нами на Волини, и въ другомъ, издѣланномъ у Метлинскаго. Въ другихъ вѣтъ о погребеніи, а въ одномъ изъ вариантовъ у Метлинскаго все тѣло убитаго Нечая козаки похоронили въ польскомъ костелѣ ⁷⁾. Это, быть можетъ, позднѣйшее искаженіе. У Максимовича послѣ всего задаются Нечаю такіе вопросы: гдѣ его воронные кони, окованные повозки, суконныя и шелковыя одежды? На эти вопросы слѣдуютъ такого рода отвѣты: его воронные кони у польнаго гетмана, его повозки завезены въ кусты верболоза подъ Берестечкомъ, а его одежды забрали и истребили ляхи. Но эти стихи собственно принадлежатъ къ другой пѣснѣ, къ пѣснѣ о Берестечкомъ пораженіи, и относятся не къ Нечаю, а къ Хмельницкому, имя котораго здѣсь замѣнилось Нечаемъ, что вполне естественно, такъ какъ вообще берестечское

Поклонися моѣй жѣницѣ, а своѣй невѣстѣ (Zeg. 144).

¹⁾ Мае вона, нехай бере сръбла злота досить,
Нехай мене выкупляе и останку просить.

²⁾ Ви молодѣ козаченьки, чи не були въ мѣстѣ:
Поклонѣться матусеньцѣ несчастнѣй невѣстѣ.

³⁾ Нехай вона плаче да вже не выплаче,
Бо надъ синомъ надъ Нечаемъ чорнѣй воронъ кряче.

⁴⁾ Не хотѣли вражи ляхи сръбла-злота брати,
А воцѣли Нечаенка въ дрибнѣй макъ ссѣкати.

⁵⁾ Ой не дбали вражи ляхи на козацьку вроду
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду (Макс.).

⁶⁾ Не за довгій довгій часъ за малу годнику,
Качається Нечаева головка по рынку.
Стали тогдѣ козаченьки думати-гадати:
Где козаченька Нечая голову сховати.
Поховаймо, пани братцѣ, въ церквѣ у Варвары.
Заживъ еси, козакъ Нечай, великою славы!

По варианту, записан. въ Харьковской губ. (Антон. и Драгом., стр. 81).

Ой нуможъ мы премилее браття думати-гадати:
Где намъ сее тѣло Нечаево бѣло где намъ его поховати.
Гей зийдемось, премилее браття, на високу могилу,
Да выкопаемъ, премилее браття, глибокую яму,
Да посадимъ, премилее браття, червону калину,
Гей щобъ зайшла лицарська слава на всю Украину!

⁷⁾ Похоронили его тѣло у польскѣмъ костелѣ,

А сами розийшлися козаченьки по своѣй господѣ. (Мета. 405).

дѣло приписывается въ народномъ преданіи Нечая, хотя дѣйствительнаго Нечая во время Берестечской битвы уже не было на свѣтѣ.

Пораженіемъ и смертію Нечая не ограничилась память объ этомъ козацкѣ-богатырѣ въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества. Еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія привелось мнѣ увидѣть записанную неизвѣстнымъ любителемъ пѣсню о Нечаѣ совсѣмъ иного склада и пошиба, чѣмъ та, которая описываетъ его пораженіе и смерть въ Красномъ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ я самъ изъ устъ народа первую половину этой пѣсни, но не съ именемъ Нечая, а съ неопредѣленнымъ именемъ козака. Первая половина (именно та, которую слышалъ я въ народѣ) изображаетъ прїѣздъ козака къ своей возлюбленной, встрѣчу его дѣвицею, угощеніе и грусть дѣвицы, чувствующей, что козакъ прїѣхалъ съ нею прощаться передъ походомъ ¹⁾. Вторая по-

1) Ой по горахъ по долинамъ,
 По козацкимъ украинамъ,
 Сивъ голубонько лѣтае,
 Собѣ пароньки шукае,
 Ой тожъ Нечай похожае,
 Въ свистѣлочку выгравае,
 Чи менѣ, каже, жениться,
 Чи менѣ, каже, журиться?
 Чи менѣ листы писати?
 Будуть мене люди знати.
 Напишу я дрибнѣ листы
 Да положу за пазуху,
 Кониченька осѣдлаю,
 Кониченька вороного,
 Да пидъ себе молодого.
 Їде козакъ дорогою
 Свѣтитъ мѣсяць дибровою.
 Ты, мѣсяцю, свѣти ясно,
 Ты, конику, бѣжи страшно!
 Ой ставъ мѣсяць примеркати,
 Ставъ коничокъ приставати,
 До дворика привертати.
 Вийшла съ двора миленькая,
 Голубонька сивенькая:
 Взяла коня за уздечку,
 А милого за ручечку,
 Повела коня въ ставницю,
 А милого у свѣтлицю,
 Дала коню вивса й сѣна,
 А милому меду й вина,
 Сама сѣла въ кинецъ стола,
 Сама сѣла задумала,
 Карѣ очи зарюмала.
 Чого, мила, задумала,
 Карѣ очи зарюмала?
 Ни жаль тобѣ вивса й сѣна,
 Чи жаль тобѣ меду й вина?
 Не жаль менѣ вивса й сѣна,

ловина (которую я не слышалъ, а только читалъ въ спискѣ) изображаетъ, какъ входятъ отецъ и мать этой дѣвицы, оказывающейся уже прямой невѣстой Нечая. Родители дѣвицы спрашиваютъ Нечая, когда имъ ждать его для вѣнчанія съ ихъ дочерью. Нечай загадочно говоритъ, что, быть можетъ, его поджидаютъ къ себѣ волны и стелятъ ему бѣлую постель, и онъ ляжетъ на ней спать и станетъ поджидать къ себѣ милую, но она, черноокая, не придетъ къ нему ¹⁾. Слова Нечая о томъ, что его поджидаютъ волны, какъ намъ кажется, по своему смыслу состоятъ въ связи съ тѣмъ мѣстомъ въ пѣснѣ о смерти Нечая, гдѣ говорится, что лахи рвали по кусочку его тѣло и бросали въ воду.

По стихосложенію обѣ половины отличны между собою и могли быть отдѣльно каждая, самобытными пѣснями и притомъ козацко-бытовыми съ нарицательнымъ именемъ козака, замѣнившимся впоследствии собственнымъ именемъ Нечая, потому что въ народномъ представленіи онъ сдѣлался идеаломъ козака. Это особенно возможно предположить относительно первой половины.

Въ томъ предположеніи, что имя Нечая, какъ идеала козацкой красоты, легко замѣнять могло нарицательное имя козака, подкрѣпляетъ насъ еще и то, что въ одной пѣснѣ соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ орла, не бывалъ ли онъ на Дунаѣ, не слышалъ ли про Нечая? Затѣмъ говорится, что уже три дня и три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ убили Нечая ²⁾. Слѣдуетъ послѣ того вариантъ очень распространенной пѣсни о томъ, какъ убиты

Не жаль менѣ меду й вина;
А жаль менѣ миленького
Голубонька сивенького.

1) Ой и выйшовъ старий батенько,
Ще й старая ненька..
Ой колижъ тебе, нашъ зятенюу,
До домоньку ждати,
До домоньку ждати
Бѣлу постѣль стлати
Съ донькою вѣнчати.
Ой Богъ знае, святѣ знають
Да що починають,
Ой Богъ знае, може хвилѣ
Мене пиджидають..
Пиджидають Нечаенка
Постѣль стеляють бѣлу,
А я ляжу на нихъ спати,
Пиджидати милу.
А я буду пиджидати,
Да й просплю до ночи,
Да й не прійдуть да до мене
Моя чорнѣ очі.

2) Сокилѣ зъ орломъ купается,
Сокилѣ въ орла пытається,
Чи бувъ, орле, на Дунаѣ,
Чи що чувавъ про Нечая,
А вже три днѣ, три недѣли
Якъ Нечая въ воинѣ вбили.

въ стѣни козакъ посылаетъ своего коня къ роднымъ извѣстить, что онъ женился, и при этомъ въ переносномъ смыслѣ вѣсто новобрачной изображается когеля. Въ галицкомъ вариантѣ безъ предисловія о соколѣ и орлѣ эта пѣсня прямо относится къ Нечая ¹⁾).

Выше было замѣчено, что въ народныхъ воспоминаніяхъ о старинѣ битва подъ Берестечкомъ приписывается то Нечая, то Хмельницкому но имя Нечая усвоено болѣе Хмельницкаго. Въ пѣснѣ о Берестечкой битвѣ нѣсколько лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню, произносили имя Нечая, и только одно лицо (послѣ нашего замѣчанія, что вѣсто Нечая вѣроятно поютъ Хмельницкій) согласилось съ этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ дѣйствительно знало, что подъ Берестечкомъ воевалъ противъ поляковъ Хмельницкій ²⁾. Эту пѣсню слыналъ я не въ иномъ

1) А вже три днѣ, три недѣлѣ
Якъ Нечая въ войнѣ вбили.
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився.
Не стій, коню, надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою.
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубравою,
Якъ прибѣжишь до-домоньку,
Такъ ударь ты копытами
Передъ нашими воротами;
Вийде отець—утѣшитися,
Вийде мати—засмутиться.
— Где-жъ ты, коню, подѣвъ Ивана,
Мого сына твого пана?—
— „Нась ляшеньки догонили,
Твого сына съ собовъ взяли.
Но ты, мати, не журися,
Взявъ винъ собѣ дружиноньку
Высокую могилоньку“ (Žeg. Pauli. I. 145).

2) Выступали козаченьки зъ высокои горы,
Попереду козакъ Нечай на воронѣмъ конѣ.
Ступай, коню, дорогою широко ногами!
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтой Воды:
Йде на тебе сорокъ тысячь хорошой вроды.
Якъ ставъ джура, якъ ставъ малый коника сѣдлати—
Стали падъ тимъ кониченькомъ ниженьки дрижати.
Заговорить козакъ Нечай до коня словами:
Не доторкайся, вражій коню, до землѣ ногами!
Чи не ты той хмель зеленый, що коло тѣчки бьешься?
Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ лихами бьешься?
Ой не я той хмель зеленый, по тѣчки не вьюся,
Ой не я той козакъ Нечай, зъ лихами не бьюся.
А где-жъ твои, Нечаенку, ворони конѣ?
У гетмана Потоцького стоять на пригонѣ!
А где-жъ твои, Нечаенку, кованни возы?
Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы!

какомъ мѣстѣ, какъ въ самомъ Берестечкѣ. Нѣкоторые стихи этой пѣсни (въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, имя Нечая вставлено анахронизмомъ вѣсто имени Хмельницкаго) встрѣчаются въ вариантахъ приведенной выше пѣсни о поражениі и смерти Нечая въ Краснонѣ. Седьмой и восьмой стихи являются, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, одинадцатымъ и двѣнадцатымъ стихами варианта пѣсни о Нечайѣ, помѣщеннаго въ Сборникѣ Метлинскаго подъ знакомъ б¹⁾. Стихи одинадцатый и двѣнадцатый сходны съ тридцать-девятымъ и сороковымъ перваго изъ вариантовъ, напечатанныхъ у Максимовича²⁾, стихи пятнадцатый и восемнадцатый похожи на стихи девятнадцатый и двадцать-четвертый втораго варианта у Максимовича³⁾. Ясно, что двѣ народныя пѣсни, отмосившіяся ко второй войнѣ Хмельницкаго противъ поляковъ: пѣсня о поражениі и смерти Нечая въ Краснонѣ и пѣсня о несчастномъ для козаковъ сраженіи подъ Берестечкомъ сбивались въ одну, и при этомъ имя Хмельницкаго замѣнялось, даже некстати, именемъ Нечая, — именемъ болѣе любимымъ народомъ.

Есть основаніе отнести къ Берестечкому поражению пѣсню, записанную на Волыни и самими пѣвцами относимую къ этому событію⁴⁾. Пѣсня эта представляетъ черты, напоминающія обстоятельства того времени, когда послѣ страшнаго поражениа, нанесеннаго козакамъ и возставшему съ ними народу, остатки сражавшихся подъ Берестечкомъ сходились съ своими полковниками къ Хмельницкому: по свидѣтельству польскихъ дневниковъ, это происходило въ Паволоч. Стихи девятый и десятый о какомъ-то конѣ — непонятны, относясь къ какому-то неизвѣстному для насъ обстоятельству. Что касается до двухъ послѣднихъ сти-

Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правдѣ бився

Якъ припустивъ коня вороного—мисть менѣ вломивси!

1) Гей а выскочивъ козакъ Нечаенко самъ коника сѣдлати;

Гей пидъ кониченькомъ пидъ вороненькимъ стали ноженьки дряпати!

2) Чи не той-то хмель, хмель, що високо вється!

Чи не той-то козакъ Печай, що зъ ляшками бється?

3) Ой гдѣжь твои, Нечаенку, кованни вози?

Пидъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы.

Ой гдѣжь твои, Нечаенку, воронни конѣ?

У гетьмана у польного стоять на пригонѣ!

Ой гдѣжь твои, Нечаенку, сукнѣ, блаватасы?

Гей посѣбли, порубали ляхи въ шабельтасы!

(Максим. Сб. изд. 1834, стр. 100).

4) Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,

А до свого отамана таки прибуду.

Чоломъ, чоломъ, нашъ гетьмане, чоломъ батьку нашъ!

А вже нашего товариства багацько не машъ!

Ой якъ же вы, паны молодцѣ, ой якъ вы ставали.

Що вы свое товариство навѣки втерли?

Становились, нашъ гетьмане, плечемъ о-плече.

Ой якъ крикнуть вражи ляхи: у пень посѣчемъ!

Ой щожь вы, паны молодцѣ, що за здобичъ мали?

Вели коня у нарядѣ, а ляхи отнали!

Зима прійшла—хлѣба нема: тожь намъ не хвала!

Весна прійшла, лѣсъ розвила, всѣхъ насъ покрыла.

ховъ этой пѣсни, то здѣсь выражается печальное состояніе Украины зимою послѣ вѣстачной второй войны Хмельницкаго противъ Польши, и потомъ поправленіе народнаго дѣла весною, когда вспыхнуло опять возстаніе.

Самый крупный памятникъ эпохи послѣ второй войны козаковъ съ поляками при Хмельницкомъ—дума о состояніи Украины послѣ Бѣлоцерковского договора и о возстаніи южнорусскаго народа въ 1652 году. Дума эта извѣстна намъ по двумъ вариантамъ: одинъ напечатанъ у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси», другой—въ Сборникѣ Максимовича въ изданіи 1849 года по списку, доставленному ему г. Мурзакевичемъ. Въ подробностяхъ есть въ этихъ вариантахъ отличія, но въ содержаніи и тонѣ—полное единство. Дума заключаетъ въ себѣ послѣдовательно слѣдующіе предметы:

а) Угнетеніе южнорусскаго народа отъ польскихъ жолнѣровъ, послѣдовавшее оттого, что Хмельницкій допустилъ въ Украинѣ квартировать польскимъ войскамъ.

б) Первое столкновеніе козаковъ съ ляхами въ корчмѣ.

в) Посланіе козаковъ къ Хмельницкому съ просьбою дозволить начать возстаніе и отвѣтъ Хмельницкаго.

г) Воззваніе Хмельницкаго и изгнаніе поляковъ.

Дума начинается вопросомъ: хорошо ли сдѣлалъ Хмельницкій, постановивши съ ляхами договоръ въ Бѣлой Церкви и дозволити имъ вступить въ Украину ¹⁾, по варианту Максимовича, на четыре мѣсяца ²⁾.

Послѣ этого вопроса описывается народное отигощеніе. Хмельницкій допустилъ стацію. Этимъ именемъ назывался постой войска, но подъ понятіе о стаціи подводились всякіе повинности и поборы, налагаемые съ народа въ пользу войска, квартировавшаго въ краѣ; говорилось не только стоять стаціею, но говорилось также—давать стацію, брать стацію. Стація была предметъ въ высшей степени противный народу, тѣмъ болѣе, что польскіе жолнѣры, подъ предлогомъ стацій, совершали надъ жителями крайнія неистовства и нахальства, и оттого въ одномъ вариантѣ вмѣсто слова стація ³⁾ употреблено слово кривда ⁴⁾.

Обращеніе жолнѣровъ съ жителями подъ предлогомъ стаціи изображается такъ: когда наступилъ четвертый мѣсяць, паны-ляхи стали отбирать и у козаковъ и у мужиковъ ключи отъ кладовыхъ и сдѣлались хозяевами надъ козацкимъ и мужицкимъ достояніемъ ⁵⁾. Нахальство ихъ пошло далѣе: ляхъ отсылаетъ

¹⁾ Ой чи гараздъ чи добре нашъ панъ гетьманъ Хмельницкій учинивъ,
Що зъ ляхами мостивими панями у Вѣлѣй Церквѣ замиривъ,
Да велѣвъ ляхамъ мостивимъ панамъ по козакахъ по мужикахъ стацѣю
стояти. (Кул. „Зап.“ I. 51).

²⁾ Ой чи добре панъ Хмельницкій починавъ
Якъ зъ Берестецького року всѣхъ панивъ-ляхивъ на Украину на чотырѣ
мѣсяцѣ выславъ. (Макс. 74).

³⁾ Да не велѣвъ великомъ стаціи вымышляти.

⁴⁾ А нѣ козаку, а нѣ мужику жодной кривды починати.

⁵⁾ Стало на четвертый мѣсяць повертати,
Стали паны-ляхи способъ прибирати,
Отъ козацкихъ и отъ мужицкихъ комиръ ключи отбирати,
Надъ козацкимъ надъ мужицкимъ добромъ господарями знахожатись.

хозяина на конюшню, а самъ ложится съ его женою ¹⁾. Бѣдный хозяинъ со двора черезъ окно видитъ, что творится у него въ домѣ, и съ горя идетъ, по варианту Кулиша, въ кабакъ ²⁾, а по варианту Максимовича—въ корчму ³⁾ пропивать послѣднюю бездѣлицу, какую удалось ему передъ тѣмъ приобрести. Но ляхъ и тамъ ему не даетъ покоя. Хочется ляху знать: что про него и про его братію говорятъ козаки и мужики ⁴⁾; ляхъ, словно свинья, прикладываетъ свое ухо къ корчмѣ и подслушиваетъ ⁵⁾; и вѣроятно онъ услышалъ тогда что-то очень непріятное: вскочилъ ляхъ въ корчму и схватилъ козака за чубъ ⁶⁾; козакъ принимаетъ видъ смиренія, наливаетъ вина, какъ будто подноситъ ляху, вдругъ ударяетъ его склянницею промежъ глазъ, хватаетъ въ свою очередь ляха за чубъ и прикасается дубиною къ его ребрамъ ⁷⁾. «Ахъ ляхи, вы ляхи, господи вы милостивые! Отобрали вы у насъ ключи и стали хозяевами у насъ въ домахъ; ужъ хоть бы вы не совались-то въ нашу бесѣду» ⁸⁾. Такъ, по варианту Кулиша, говоритъ козакъ ляху: по варианту же Максимовича, раздражен-

1) Хозяина на конюшню отсылае,

А самъ и зъ ёго женою на подушкахъ спочивае.

2) То козакъ альбо мужикъ изъ конюшнѣ прихождае,

У квартиру поглядае,

Ажъ ляхъ мостивый панъ ише зъ ёго женою на подушкахъ спочивае.

То винъ одинъ осьмакъ у карманѣ мае,

Пийде съ тоски да съ печалѣ въ кабакъ

Да й той прогулае.

3) То вже не одинъ козакъ добраго клича и лучшой руки

Одинъ шостакъ розгадавъ,

Да й той къ катовѣй матерѣ въ корчмѣ прогулявъ.

4) То ляхъ мостивый панъ отъ сна уставае ялицею иде,

Казавъ бы якъ свиня нескребена по переду ухомъ веде,

Ише слушае, прислухае:

Чи не судить ёго где козакъ альбо мужикъ...

5) То ляхъ до корчмы прихожае,

Якъ свиня ухо до корчмы прикладае.

6) А слушае ляхъ що козакъ про ляхивъ розмовлае,

То ляхъ у корчму вбѣгае и козака за чубъ хватае.

7) То козакъ козацкій звичай знае,

То будто до ляха медомъ и оковитою горѣлкою припивае,

А тутъ ляха за чубъ хватае,

И склянницею межи очн морсьвае,

И келепомъ по ребрахъ торкае.

(Макс. 75).

Или:

То ему здається що ёго козакъ медомъ шлянкою, або горѣлки чаркою
витае.

Ажъ ёго козакъ межи очн шлянкою шмагае.

(Кул. „Зап. о Южн. Русн“. I).

8) Эй ляхи вы ляхи,

Мостивни паны!

Хотяжъ вы отъ насъ ключи поотбирали.

И стали надъ нашими домами господарями,

Хотяжъ бы вы на нашу кумпанію не находжали!

ный козакъ припоминаеть, въ тонѣ издѣвки, преступныя отношенія ляховъ къ женамъ козацкимъ ¹⁾.

Дума живо переноситъ насъ въ условія изображаемаго времени. Выведенный изъ терпѣнія оскорбленіями, насиліями и поруганіями, русскій бѣжитъ въ корчму, но не за тѣмъ только, чтобъ тамъ залить свое горе: корчма—обычное мѣсто сходбищъ, а слѣдовательно удобное и для совѣщаній и мѣропріятій; понятно, что насильникамъ ляхамъ корчма кажется самымъ опаснымъ мѣстомъ и оттого-то какъ ни ругаются они надъ поработаннымъ русскимъ народомъ, а боятся корчмы и шпионятъ за толпою народа, который тамъ собирается. Не удивительно, если и первое столкновение русскихъ съ своими угнѣсителями происходитъ въ корчмѣ. Собравшись тамъ, русскіе совѣщаются, какъ имъ избавиться отъ враговъ ляховъ; тѣмъ временемъ ляхъ имъ подслушиваетъ, вбѣгаетъ къ нимъ, и тутъ случайно полагается начало новому народному столкновению. Вслѣдъ за этимъ приключеніемъ съ ляхомъ въ корчмѣ дума сообщаетъ, что казаки и мужики сходятся удѣ-то между собою на совѣтъ и пишутъ къ Хмельницкому: «или вели намъ бѣжать подѣ державу москаля, или позволь произвести великій матежъ!» Но Хмельницкій не дозволяетъ имъ ни того, ни другого и только намекомъ даетъ имъ понять, что въ скоромъ будущемъ измѣнится порядокъ дѣлъ ²⁾. Такъ по варианту Максимовича. И нельзя не видѣть, какъ вѣрно здѣсь напечатлѣлась въ народной поэзіи сущность дѣйствительности давняго времени. Мы знаемъ изъ историческихъ источниковъ, что нахальства польскихъ жолѣровъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси вызвали отдѣльныя вспышки возстанія, кончившіяся истребленіемъ угнѣсителей. Другіе южноруссы, не отваживаясь подвергать свою судьбу невѣрному исходу борьбы, предпочитали убраться заранѣе изъ родины въ южныя степи Московскаго государства, гдѣ такимъ образомъ положено было начало Слободской Украины. Хмельницкій не одобрялъ ни того, ни другого; нѣсколько храбрыхъ его сподвижниковъ въ первыхъ двухъ войнахъ съ Польшою, и въ числѣ ихъ миргородскій полковникъ Гладкій, были каз-

¹⁾ Не лучше-бъ тобѣ, лаше, превражій сыну,
На Украинѣ съ козацкою жѣвкою спати,
А нѣжъ у корчму входить?
Да вѣжъ на Украинѣ не одна жинка курку зготовала,
Тебе, ляха кручого сына, на ничѣ чекала.

²⁾ То ужежъ то и козаки и мужики
У недѣли рано Богу помолившись листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмельницкого у Полоние посмляли.
Гей пане Хмельницкій
Отамане Чигиринскій
Батьку козацкій!
Звели намъ пидѣ москалей угѣвати,
Або звели намъ зъ ляхами великій бунтъ зривати.
То Хмельницкій листы читае,
До козакинъ словами промовляе:
Гей стийте дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю васъ нѣ пидѣ москаля тѣвати,
Нѣ зъ ляхами великого бунта зривати.

нены смертью за потачку народнымъ волненіямъ. Хмельницкій считалъ долгою благоразумной политики до поры до времени, скрѣпя сердце, мирволить порабитителямъ и виѣстѣ съ ними укрощать преждевременныя народныя движенія. Самъ народъ понималъ тогдашнее свое положеніе и, по варианту Кулина, събѣда южнорусскаго народа съ козацкими гетьманомъ представляется до нѣкоторой степени искреннею и сердечною. Дума сознаетъ опрометчивость козаковъ и сравниваетъ ихъ съ малыми дѣтми за то, что они преждевременно стали собираться, затѣвать возстаніе и обращаться къ гетьману съ просьбою одобрить ихъ предприятие ¹⁾). Собственно козаки не просятъ у гетьмана помогать возстанію, а только возносятъ болѣзненные жалобы на свое горькое положеніе ²⁾). И Хмельницкій, съ своей стороны, не огорчаетъ ихъ прятнымъ запрещеніемъ, а ведетъ дружелюбный совѣтъ подождать немного—до весны, до Свѣтлаго Воскресенія, когда, Богъ дастъ, придетъ весна и соберется во множествѣ вся голытьба ³⁾).

Окончаніе думы заключаетъ воззваніе Хмельницкаго, послѣдовавшее въ 1652 году, и вслѣдъ затѣмъ — народное возстаніе и изгнаніе ляховъ изъ Украины. Хмельницкій обращается, повидяному, къ запорожцамъ, такъ какъ приглашаетъ козаковъ прибывать въ Украину, слѣдовательно обращается къ такимъ, которые находятся не въ самой Украинѣ ⁴⁾). По варианту Максимовича, самъ Хмельницкій прѣзжаетъ къ козакамъ, выбираетъ по три и по четыре изъ курѣи, потому слѣдуетъ приглашеніе братья за дубье да за оглобли и въ «пючу-тет-вертовку» загонять ляховъ какъ кабановъ ⁵⁾). Это, по своему смыслу, могло

¹⁾ Тогдѣ козаки стали у радѣ якъ малыи дѣти,
Отъ своихъ рукъ листи писали,
До гетьмана Хмельницкаго послали,
А въ листахъ приписовали.

²⁾ Пане гетьмане Хмельницкій,
Ватьку Зиновѣ нашъ Чигиринскій!
За що ты на насъ такій гѣвъ положивъ,
На що ты на насъ такій ясиръ наславъ?
Уже-жъ мы теперъ нѣ въ чому волѣ не маемъ;
Ляхи мостивны пани отъ насъ лядчи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями.

³⁾ Эй козаки дѣти, друзѣ, небожата,
Подождѣте вы мало, трохи, не-багато,
Якъ отъ святой Покровы до Свѣтлого тридневного Воскресенія,
Якъ дастъ Богъ що прийде весна красна,
Буде наша голота рясна.

⁴⁾ Тогдѣ-то панъ Хмельницкій добре дбавъ,
Козакивъ до схиць сонця въ походъ випроважавъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки, дѣти друзѣ,
Прому васъ, добре дбайте,
На славу Украину прибувайте,
Ляхивъ мостивныхъ панивъ у пень рубайте,
Кровь ихъ лядську у полѣ съ жовтыми пѣскоми мѣшайте,
Вѣрн святой християнськой у поругу не подайте.

(Кул., З. о Ю. Р. I. 54).

⁵⁾ То вжежъ Хмельницкій до козакивъ прѣзжае,
Словами промовляе:

относиться къ массѣ украинскихъ мужиковъ, которыхъ должны возбудить при-
бывшіе къ нимъ козаки. Выраженіе «ночка-четвертошка» не вполне ясно, но,
можетъ быть, здѣсь какой-то недосказанный намекъ на батогское дѣло, гдѣ
въ іюнѣ 1652 года было истреблено огромное скопище вооруженныхъ поляковъ,
собранныхъ противъ южноруссовъ. На томъ полѣ, гдѣ тогда были истреблены
поляки, есть урочище, называемое «Четвертошка».

Въ вариантѣ Максимовича словами воззванія Хмельницкаго выражается
исполненіе козаками гетманскаго приказа ¹⁾, а дагѣ изображается въ коми-
ческомъ видѣ бѣгушій отъ народнаго мщенія ляхъ: онъ заползаетъ въ кустъ;
мимо куста скачетъ козакъ и замѣчаетъ, что кустъ чего-то дрожить; отжирѣв-
шій ляхъ лежитъ тамъ и по своей толстотѣ представляетъ подобіе съ букомъ,
въ какомъ бѣлье бучать; козакъ, завидя ляха, соскакиваетъ съ коня, хватается
ляха за чубъ и задѣваетъ его дубиною по ребрамъ. «О, лучше-бъ мой глаза
стали на затылкѣ,—говоритъ несчастный ляхъ,—чтобъ я могъ изъ-за рѣки Вислы
глядѣть назадъ себя въ Украинну» ²⁾. По варианту Кулиша, здѣсь козакъ съ
ироніею напоминаетъ врагамъ ихъ волокитство за козацкими женами, то-есть
то, что изъ всѣхъ оскорбленій должно было для сердца козака отзываться всего
больше ³⁾.

Вариантъ Кулиша ведетъ повѣствованіе дагѣ и кончается характери-
стическимъ описаніемъ разговора козаковъ съ ляхами, которыхъ они бросаютъ въ

Гей нуте, дѣти по три по чотырѣ зъ куренѣвъ уставляте,
И до дрючкѣвъ и до оглобель хватайте,
И ляхѣвъ-панѣвъ у ничку-четвертошку такъ якъ кабанѣвъ загоняйте!
(Макс. 76).

¹⁾ То уже-жъ изъ курѣнѣвъ по три по чотырѣ вставали,
До дрючкѣвъ и до оглобель хватали,
И ляхѣвъ-панѣвъ такъ якъ кабанѣвъ у ничку-четвертошку загоняли.

²⁾ То уже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжить,
Коли дивиться на кушъ, ажъ кушъ дрожить,
Коли дивиться у кушъ, ажъ у кушѣ ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацкій звчай знае

Изъ коня встаетъ,
И ляха за чубъ хватае,
И келепомъ по ребрамъ торкае,
То ляхъ до козака словами промовляе:
„Лучше-бъ, козурю, могли мой очи на потылицѣ стати,
Такъ бы я могъ изъ-за рѣки Вислы на Украинну поглядати“.

(Макс. 77).

³⁾ То козакъ ляха за кушомъ знаходжае,
Келепомъ межъ плечи наганяе,
И стиха словами промовляе:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны.
Годѣ-жъ вамъ по закушамъ валяться,
Пора до нашихъ жѣнокъ на опочивокѣхъ идти.
Уже наши жѣнки и подушки поперебивали,
Вась, ляхѣвъ, мостивыхъ панѣвъ, ожидали.

(Кул., З. о Ю. Р. I. 55).

рѣку Вислу. Враги, прежде нахальные и высокомерные, теперь становятся кроткими, покорными; они унижаются передъ козаками, называютъ ихъ родными братьями, умоляютъ ихъ пустить за Вислу хоть въ одинъ рубашкаѣ. Козаки говорятъ имъ: когда-то надъ этой рѣкою козаковали наши дѣды и спрятали на днѣ этой рѣки большіе клады. Когда найдете эти клады и подѣлитесь съ нами, тогда мы будемъ съ вами жить какъ съ родными братьями. Ступайте: вамъ дорога одна—до самаго дна! ¹⁾

И въ этой думѣ, какъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, рѣка Висла назначается рубежомъ между Польшою и Русью. Козаки правый берегъ этой рѣки считаютъ какъ бы наследственнымъ достояніемъ русскаго народа и сохраняютъ преданіе о томъ, что ихъ дѣды когда-то жили и были свободными (козаковали) на берегахъ Вислы. То было вѣковое, глубокоукоренившееся вѣрованіе.

Въ 1653 году происходила третья война Хмельницкаго съ поляками. Она началась по поводу молдавскихъ дѣлъ, въ которыя ввязался сынъ Хмельницкаго Тимошей, поддерживавшій своего тестя на молдавскомъ господствѣ и погибшій отъ непріятельскаго оружія. За нимъ и самъ отецъ гетманъ принялъ участіе съ татарами, своими союзниками. Поляки были на противной сторонѣ. Осенью польскій король Янъ-Казимиръ со всѣми панами Рѣчи Посполитой былъ осажденъ козаками и татарами подъ Жванцею. Полякамъ тогда приходилось такъ же плохо, какъ подъ Зборовомъ въ 1649 году, но они спасли себя тѣмъ, что купили у хана унизительный для себя миръ, обязавшись платить ему ежегодную дань, а для козаковъ обѣщали возстановить силу Зборовскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали дозволеніе татарамъ въ продолженіе шести недѣль разорять южнорусскій край и уводить въ неволю плѣнниковъ. Это событіе, происходившее въ декабрѣ 1653 года, почти совпадаетъ съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству, и оба эти событія отразились въ народномъ воспоминаніи единою пѣсней; въ ней изображается прежде горе бѣдной Украины: некуда ей дѣться; орда потоптала коньми малыхъ дѣтей, старыхъ людей изру-

¹⁾ Тогда-то ляхи козакѣвъ ридными братами зывали:

Ой козаки, риднѣ братцѣ,
Коли-бъ вы добре дбали,
Да насъ за Вислу рѣчку хоть у въ одинѣхъ сорочкахъ пускали.
Оттогда-то ляхамъ Богъ погодишь,
На рѣцѣ Вислѣ гдѣ обломить;
Тогда козаки ляховъ ритовали,
За патли хватали,
Да ще й далѣ пидѣ гдѣ пидникали,
И съ-тиха словами промовляли:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивни пани!

Колись наши дѣды надъ сею рѣчкою козаковали,
Да въ сѣй рѣцѣ скарби поховали,
Якъ будете скарби находити,
Будемъ зъ вами пополамъ дѣлити;
Тогда будемъ зъ вами за родного брата жити.
Ступайте. Тутъ вамъ дорога одна
До самаго дна.

бѣла, а взрослых погнала въ полонь¹⁾. Затѣмъ отъ лица украинца говорится, что служилъ онъ прежде пану католику, а теперь вѣдьки не станетъ ему служить; служилъ онъ также и пану бусурману, но теперь станетъ служить восточному царю. Пѣсня оканчивается такою картинною: ляхъ ходять на рынкѣ, пожимають саблю, но козакъ не боится ляха, не снимаетъ передъ нимъ шапки. Ляхъ беретъ за плеть, а козакъ за дубину: вотъ тутъ тебѣ, вражій сынъ, будетъ съ душой твоей разлука!²⁾

Въ этомъ разореніи южнорусскаго края, совершенномъ въ 1653 году, а можетъ быть вообще въ томъ дружелюбіи, съ какими гетманъ относился не разъ и къ крымскому хану и постоянно къ Оттоманской Портѣ, и находился въ дружескихъ связяхъ съ мусульманами, надобно искать источника нерасположенія къ нему въ народѣ, которое просвѣчивалось разомъ съ горячею любовью и уваженіемъ. По крайней мѣрѣ есть пѣсня, гдѣ имя Хмельницкаго произносится, какъ имя врага, а не защитника южнорусскаго народа. Такую пѣсню отыскалъ г. Кулишъ и помѣстилъ въ «Запискахъ о Южной Руси» (ч. I, стр. 322)³⁾. Другой вариантъ, очень похожій на предыдущій, былъ записанъ мною и напечатанъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мердвцева (стр. 185)⁴⁾. Третій ва-

1) Зажурилась Украина, що нѣгде прожити:

Витоптала орда киньми маленькія дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А молодыхъ середульшихъ у полонь забрала.

Или:

Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти,
Гей витоптала орда киньми маленькія дѣти,
Ой маленькихъ витоптала, великихъ забрала,
Назадъ руки постягала, нидъ хана погнала.

2) Ой служивъ же я служивъ пану католику,

А теперь ѣму служити не буду до вѣку;
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперь служити стану восточному царю.
Ходить лашокъ по риночку, шабельку стискае,
Козакъ ляха не боится, шапки не снимае,
Ось лашокъ до ванчула, а козакъ до дрюка:
Теперь тобѣ, вражій сину, съ душею розлука!

(Макс. изд. 1884 г., стр. 108, ср. Малор. и Червонол. Д. и П., стр. 47;—Сб. Антон. и Драг. I, 74, 234).

3) Ой богдай Хмеля-Хмельницького

Перва куля не минула!
Що велѣвъ брати парубки й дѣвки
И молодѣ молодичѣ.
Парубки йдуть спѣваючи,
А дѣвчата рыдаючи,
А молодихъ молодичѣ
Старого Хмеля проклинаючи:
Ой богдай Хмеля Хмельницького
Перва куля не минула!

4) Ой Хмеле, Хмельниченку

Учнинь еси асу,
И мѣжь панами великую трусу!

риантъ, очень отличный отъ двухъ предыдущихъ, записанъ былъ покойнымъ А. В. Марковичемъ и напечатанъ въ «Сборникъ историческихъ пѣсень» Антоновича и Драгоманова (ч. 2, стр. 116) ¹⁾. По вѣсьмъ тремъ вариантамъ проносится проклятіе Хмельницкому: по второму изъ приведенныхъ вариантовъ за то, что велѣлъ ордѣ забирать въ полонъ дѣвокъ и молодыхъ женщинъ, а въ первомъ изъ этихъ вариантовъ хотя собственно не говорится, что Хмельницкій велѣлъ ихъ забирать именно ордѣ, но г. Кулишъ сообщаетъ, что Кодратъ Тарануха, проговорившій ему эту пѣсню, какъ отрывокъ какой-то большей, имъ уже позабытой, объяснилъ, что, по сохранившемуся народному преданію, Хмельницкій отдавалъ народъ въ ясырь татарамъ и пѣсня эта однозначительна по своему смыслу съ такимъ преданіемъ. Въ третьемъ же вариантѣ, гдѣ нѣтъ пѣсни объ ордѣ и о забраніи народа, проклятіе на Хмельницкаго исходитъ исключительно отъ одиѣхъ вдовъ: изъ всего народа недовольны гетманомъ только женщины, оставшіяся вдовами послѣ своихъ мужей, сложившихъ головы въ продолжительной борьбѣ съ поляками.

Последнее произведеніе народнаго творчества объ эпохѣ Хмельницкаго это—дума о смерти гетмана, извѣстная въ двухъ вариантахъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Сборникѣ Максимовича (1834 г., стр. 44—47, и 1849 г., стр. 78—81), другой въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 395—399). Оба варианта въ подробностяхъ изложенія довольно отличны, но единая основа называется сразу.

«Запечалился сѣдой гетманъ Хмельницкій. Нѣтъ при немъ ни сотниковъ, ни полковниковъ. Приходить ему время умирать». Такъ начинается дума. Хмельницкій приказываетъ своему писарю Выговскому (передѣланному въ Луговскаго) писать универсальные листы, разсылать по полкамъ и сотнямъ и созывать на раду старшинъ ²⁾.

Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула,
Що велѣвъ ордѣ брати дѣвки й молодци,
Парубки йдуть гукаючи, а дѣвчата сѣваючи,
А молодѣ молодци старого Хмеля проклинають:
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула!

¹⁾ Види, Василю, на могилу,
Поглянь, Василю, на Украину;
Що Хмельницького військо йде.
Що все парубочки да дѣвочки,
Да безчастныи удовички.
Парубочки йдуть—у дудочки грають,
А дѣвочки йдуть—пѣснѣ сѣвають,
А удовички йдуть—сило ридають,
Да Хмельницького проклинають:
Богдай того Хмельницького перва куля не минула,
А другая устрелила,
У серденько удѣлила!

²⁾ Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму нѣ сотниківъ, нѣ полковниківъ нема.
Часъ приходитъ умѣрати,
Нѣвому порады дати.
Повликине винъ на Ивана Луговського

По варианту Метлинскаго мѣсто, гдѣ былъ сборъ созываемыхъ на раду, названо Загребельною могилою ¹⁾. Проходили праздники одинъ за другимъ: прошла Пасха, прошли Вознесение, Духова Недѣля, дни Петра и Павла, Ильи Пророка, — козаки не увидали своего гетмана. И вотъ, собравшись на раду, порѣшили они идти въ Суботово, мѣстопробываніе Хмельницкаго. Онъ имъ (вѣроятно, еще прежде) хвалился устроить тамъ ярмарокъ на день Спаса Преображенія ²⁾.

Козаки пришли оттуда въ Суботово, увидали Хмельницкаго, воткнули въ землю свои копья, сняли съ себя шапки и отдавали низкій поклонъ своему гетману, спрашивая, что ему отъ нихъ нужно ³⁾. Хмельницкій объявляетъ, что онъ сталъ старъ, болѣзненъ, уже не въ силахъ гетманствовать и велитъ имъ учинить выборъ новаго гетмана изъ своей среды. Козаки отвѣчаютъ, что не хотятъ выбирать, а желаютъ, чтобъ онъ имъ указалъ ⁴⁾. Хмельницкій указалъ имъ на Выговскаго. Козаки замѣтили, что этотъ человекъ живетъ близко съ ляхами, будетъ держаться ихъ стороны, а козаковъ начнетъ ставить на во что ⁵⁾.

Писаря військового:

Иванъ Луговскій,

Писаря військовий!

Скорѣйше бѣжи,

Да листы пиши:

Щобъ сотники, полковники до мене прибували,

Хоть мало порады давали.

(Макс.)

¹⁾ До Загребельной могилы прибували.

²⁾ Хвалился панъ гетманъ Хмельницкій,

Батьо Зиновъ Богдану Чигиринскій,

У городъ Суботовъ

На Спаса Преображеніе ярмарокъ закликати.

³⁾ До города Суботова прибували,

Хмельницкого стрѣчали,

Штыки въ суходилъ встромяли,

Шляки съ себе скидали:

Хмельницькому низкій поклонъ отдали.

Пане гетьмане Хмельницкій,

Батьо Зиновъ нашъ Чигиринскій,

На що ты насъ потребуешъ?

⁴⁾ Прому васъ, добре дбайте,

Собѣ гетмана наставляйте!

Вже я часъ отъ часу хорѣю,

Междо вами гетьмановати не здоѣю,

То велю я вамъ междо собою козака на гетманство обѣрати,

Буде междо вами гетьмановати,

Вамъ козацьки порядки давати.

Тогдѣ-то козаки съ-тиха словами промовляли:

Пане гетьмане Хмельницкій,

Батьо Зиновъ нашъ Чигиринскій!

Не можемъ ми сами междо собою козаками гетьмана обѣрати,

А жолодемъ отъ вашої милости послыхати.

⁵⁾ Есть у мене Иванъ Луговскій,

Который у мене дванадцать лѣтъ за джуру пробувавъ,

Хмельницькій указавъ имъ на Павла Тетеренка. Но и того не захотѣли козаки. Хмельницькій спрашиваетъ, кого же хотятъ они? Козаки объявили, что желаютъ сына Хмельницкаго Юраска, названнаго въ думѣ по варианту Метлицкаго Еврахомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ излагается это дѣло въ думѣ по варианту Метлицкаго, который вообще позднѣйшей редакціи и отзывается черезчуръ уже простонароднымъ тономъ, сложившимся уже въ то время, когда дума могла быть достояніемъ исключительно простонародія. Въ вариантѣ Максимовича чувствуется какъ-то болѣе старая редакція, проникнутая козацкимъ тономъ.

По варианту Максимовича, Хмельницькій, еще не давая козакамъ пригласенія къ выбору гетмана, по своему усмотрѣнію прямо указываетъ сразу на четырехъ полковниковъ, годныхъ, по его мнѣнію, быть допущенными къ выбору: Антона Волочая Кіевскаго, Грицька Костыря Миргородскаго, Хвилона Чича Кропивянскаго и Мартина Пушкаря Полтавскаго ²⁾. Кромѣ полтавскаго полковника, которымъ тогда дѣйствительно былъ Мартинъ Пушкарь, прозвища остальныхъ совсѣмъ не тѣ, какія носили извѣстные намъ полковники тѣхъ полковъ, о которыхъ въ думѣ упоминается. Но крещенныя имена ихъ были именно тѣ, что и здѣсь въ думѣ. Такъ кіевскимъ полковникомъ былъ Ждановичъ, по имени Антонъ, миргородскимъ—Лѣсницкій, по имени Григорій, кропивянскимъ—Деджалій, по имени Филонъ. Максимовичъ очень удачно объяснилъ, что въ думѣ удержаны не официальные, значащіяся по всѣмъ тогдашнимъ документамъ, а народныя прозвища этихъ лицъ, такъ какъ обыкновенно у малоруссовъ имя официального или документальнаго прозвища человѣку дается еще какаѣ-нибудь народная, иначе—уличная, кличка и по такой кличкѣ человѣкъ бываетъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ по своему родовому документальному прозвищу. Козаки отвергаютъ всѣхъ четырехъ лицъ, предложенныхъ гетманомъ, и объявляютъ желаніе

Всѣ мон козацьки звичай признавъ,
 Буде между вами козаками гетмановати,
 Буде вамъ козацьки порядки давати.
 Тогдѣ-то козаки стиха словами промовляли:
 Пане гетьмане Хмельницькій
 Батю Зиновъ нашъ Чигиринський,
 Не хочемъ мы Ивана Луговського:
 Иванъ Луговський близько ляхнѣ мостивихъ паннѣ живе,
 Буде зъ ляхами мостивими панами наладати,
 Буде насъ козаки за-не-вищо мати.

¹⁾ Тогдѣ-то Хмельницькій стиха словами промовляе:

— „Эй козаки, дѣти, друзі!
 Коли вы не хочете Ивана Луговського,
 Есть у мене Павелъ Тетеренко“.
 — Не хочемъ мы Павла Тетеренка.—
 — „Даѣь скажѣть,—говорить,—кого вы жолаете?“
 — Мы, кажутъ, жолаетъ Еврахъ Хмельниченка (Метл.).

²⁾ Коли хочете, панове, Антона Волочая кіевського,
 Або Грицька Костыря миргородського,
 Або Хвилона Чича кропивянського,
 Або Мартина Пушкаря полтавського.

избрать его сына Юрся ¹⁾). Хмельницкій представляет, что онъ еще молодъ, не знаетъ козачкихъ обычаевъ ²⁾).

Но козаки отвѣчаютъ, что будутъ держать около него старыхъ людей, которые будутъ его наставлять, сами общаются оказывать ему уваженіе и вспоминать о своемъ батькѣ, старомъ гетманѣ ³⁾). Хмельницкій, услышавши это, очень обрадовался, кланялся сѣдою головою, проливалъ слезы. Вскорѣ потомъ,—говорить даѣе дума,—онъ заболѣлъ еще тяжелѣе, со всѣми прощался и отдалъ душу милосердому Богу ⁴⁾). По варианту Метлинскаго, козаки кладутъ бунчукъ и булаву, возводятъ сына Хмельницкаго въ гетманское достоинство, палатъ изъ пицалей, поздравляютъ новаго гетмана ⁵⁾).

По варианту Метлинскаго, Хмельницкій посылаетъ своего сына на Ташлыкъ и приказываетъ ему: если онъ тамъ не будетъ долго гулять, то застанетъ отца въ живыхъ, а иначе—не застанетъ. «Еврасъ» долго гулялъ на рѣкѣ Ташлыкѣ и не засталъ отца въ живыхъ ⁶⁾). Въ своей основѣ это исторически вѣрно, по крайней мѣрѣ, Хмельницкій отправилъ сына на Ташлыкъ въ находившійся тамъ

¹⁾ А хочешъ ми сына твоего Юрся молодого,
Козака лейстрового.

²⁾ Винь, панове молодцѣ, молодой розумъ мае,
Звичаѣевъ козачькихъ не знае.

³⁾ Будемъ ми старыхъ людей била ёго держати,
Будуть вони ёго научати,
Будемъ ми ёго добре поважати,
Тебе, батька нашего гетьмана, вспоминати (Макс.).

⁴⁾ То Хмельницкій тее зачувавъ,
Великую радость мавъ,
Сѣдою головою поклонъ отдававъ,
Слѣзан проливавъ.
Скоро після того ще й гиршъ Хмельницкій занемогавъ,
Опрошенье со всѣми бравъ
Милосердому Богу душу отдавъ (Макс.).

⁵⁾ ... Бунчукъ, булаву положили,
Еврася Хмельниченка на гетманство наставовили.
Тогдѣ изъ разныхъ пицалъ погрімали,
Хмельниченка гетьманомъ поздоровляли (Метл. 398).

⁶⁾ Оттогдѣ Хмельницкій якъ благословеніе сгноуѣ сдавъ
Такъ и въ домъ отправився и сказавъ ему:
Глядижъ, говорить, сыну мий,
Якъ будешъ немного Ташлыккомъ рѣкою гуляти,
На бубны, на цурочки выгравати,
Такъ будешъ отца живого заставати!
А якъ будешъ много Ташлыккомъ рѣкою гуляти,
На бубны цурочки выгравати,
Такъ не будешъ отца живого заставати!
Тогдѣжъ Еврасъ, гетьманъ молодой,
Ташлыккомъ рѣкою довго гулявъ,
На бубны цурочки выгрававъ,
До дому приѣзжавъ,
И отца живого не застававъ.

козацькій обозъ («Лѣтопись Самов.» изданія 1847 г., стр. 27.— «Лѣтопись Гр-бянки», стр. 152).

Погребеніе Хмельницькаго, по варіанту Метлинскаго, происходитъ гдѣ-то на высокой горѣ, въ Штомыномъ дворѣ, и сопровождается тѣни приѣмами, какіе обыкновенно приводятся въ думѣ при описаніи козака, умершаго въ стѣнѣ ¹⁾. Поэтичнѣе и правдивѣе оно изображено по варіанту Максимовича отрицательнымъ сравненіемъ тучъ и вѣтровъ съ козацкою скорбью объ умершемъ гетьманѣ ²⁾.

По обоимъ варіантамъ дума, сообщивши о смерти и погребеніи Богдана Хмельницькаго, заглядываетъ въ дальнѣйшія страницы исторіи. По варіанту Метлинскаго, козаки почитали гетьманомъ сына Богданова только до тѣхъ поръ, пока слышан надъ собою старую голову Хмельницькаго; но когда не стало послѣдняго, они сказали ему: не идетъ тебѣ гетьмановать надъ нами козаками, а идетъ тебѣ наши козацкіе курѣни подметать ³⁾. По варіанту Максимовича, послѣ Хмельницькаго полтора года держалъ булаву «Луговскій», т.-е. Выговскій, а потомъ сотники и полковники, собравшись, избрали гетьманомъ Юрся Хмельниченка, и козаки произносили желаніе, чтобы далъ нѣтъ Богъ жить при молодомъ гетьманѣ, какъ жили при старомъ, вкушать отъ него хлѣбъ-солъ, разорать города турецкіе, добывать рыцарской славы козацкому войску ⁴⁾.

И по тому и по другому варіанту дума вѣрна здѣсь исторіи: варіантъ

¹⁾ Тогдѣ-то велѣвъ у Штомыномъ дворѣ

На высокой горѣ

Гробъ копати,

Тогдѣжъ-то козаки штыками суходилъ копали,

Шляхами землю выносили,

Хмельницькаго похоронили,

Изъ розныхъ пицаль подзвонили,

По Хмельницькому похоронъ счинили.

²⁾ Не чорнии тучи яснѣ совще заступали,

Не буйнии вѣтры въ темнѣмъ лувѣ бушонали:

Козаки Хмельницькаго ховали,

Батька свого оплакали. (Макс., изд. 1849 г., стр. 81).

³⁾ ... Козаки локи старую голову Хмельницькаго зачували,

Поты и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитали;

А якъ не стали старон головы Хмельницькаго зачувати,

Не стали и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитати.

Эй Еврасю Хмельниченку, гетьмане молодой!

Не подобало-бъ тобѣ надъ нами, козаками, гетьмановати,

А подобало-бъ тобѣ наши козацкіе курѣнѣ подметати. (Метл. 399)-

⁴⁾ Не багато Луговскій гетьмановавъ,

Пивтора года булаву державъ.

Скоро сотники, полковники прибували,

Юрся Хмельниченка гетьманомъ поставили.

„Дай Боже,—козаки промовляли,—

За гетьмана молодого

Жити якъ за старого

Хлѣба-солѣ ёго вживати,

Города турецкыя плюдровати,

Славы лицарства козацкому войску доставати. (Макс. 1849 г., стр. 81)-

Метлинскаго касается болѣе ранняго, варіантъ Максимовича — нѣсколько болѣе поздняго времени. Дѣйствительно, козацкіе старшины, угождая старику Богдану, дали ему слово возвести на гетманское достоинство его сына, но тотчасъ послѣ кончины Богдана избрали Выговскаго, а въ 1569 году, когда Выговскій, отпавши отъ царя, соединился съ поляками, отступились отъ него и избрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Мы разсмотрѣли весь находившійся въ нашемъ распоряженіи запасъ памятниковъ народной пѣсенности, относящійся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Многое, безъ сомнѣнія, унесено потокомъ времени еще тогда, когда наука не оцѣнивала важности простонародныхъ поэтическихъ произведеній и никому не являлась охота ихъ записывать и предавать печати. Но было бы слишкомъ самонадѣянно утверждать, что этнографія уже исчерпала всю народную сокровищницу въ этомъ отношеніи; вѣроятно, въ краѣ, населенномъ южноруссами, найдется не одинъ уголокъ, въ которомъ случайно собиратель народныхъ памятниковъ услышитъ неизвѣстную еще намъ какую-нибудь старинную пѣсню или думу о событіяхъ славной эпохи Хмельницкаго.

Б. Пѣснь Хмельницкаго.

Руина.—Чайка.—Перепелка.—Пѣсня о Дорошенкѣ.—Возрожденіе козачества въ правобережной Украинѣ.—Абазинъ.—Палѣй.—Палѣй и Мазепа.—Палѣй въ Сибири.—Палѣй подъ Полтавой.—Орликъ.—Цимбаленко и Швайка.—Гайдамачина.—Дѣсь Чута.—Лебеденко.—Пани Марусенька.—Левенцы.—Восстаніе Верлана.—Савва Чалый.—Битва подъ Солопковцами.—Медвѣдь.—Пятигоры.—Сотникъ Харько Жаботинскій.—Максимъ Залѣзнякъ.—Гонта.—Уманская рѣзня.—Умирненіе Гайдамаковъ.—Казнь Гонты.—Швачка.—Панъ Каневскій староста и Бондаривна.—Панщина.—Пѣсни о страданіи народа подъ гнетомъ крѣпостнаго права у польскихъ пановъ.—Пѣсни объ уничтоженіи крѣпостничества.

Эпоха Богдана Хмельницкаго не окончила завязавшейся на животѣ и на смерти борьбы южнорусскаго народа съ Польшою. Возникла и велась эта борьба за свободу южнорусскаго народа, а свобода не была достигнута вполне; слѣдовательно, и вражда къ полякамъ не могла прекратиться. Въ самой той части южнорусскаго края, который Богданъ Хмельницкій успѣлъ уже освободить отъ польскаго господства и присоединить къ русскому міру, возникли пререканія и недоразумѣнія съ московскою властью и поляки по смерти Богдана Хмельницкаго успѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы образовать партію, которую можно было бы обманомъ отвлечь отъ Москвы къ Польшѣ. Отсюда отпаденіе Выговскаго и Юрія Хмельницкаго. Но партія, поддававшаяся обману, состояла только изъ козацкихъ старшинъ, да и тѣхъ большая часть недолго оставалась въ оболъженіи; народная же масса не пошла за ними, и новыя посягательства поляковъ на подчиненіе себѣ Украины встрѣчены были единодушнымъ энергическимъ отпоромъ. При гетманѣ Брюховецкомъ на правой сторонѣ Днѣпра разлилось горячее и широкое возстаніе народа противъ поляковъ, но оно не могло имѣть желаннаго успѣха безъ руководящей главы и почти безъ поддержки со стороны московской. Поляки все-таки не одолѣли этого возстанія собственными силами; имъ пособила московская политика, рѣшившаяся уступить Польшѣ обратно весь правый берегъ Днѣпра. Въ этомъ духѣ постановлено было Авдрусовское пере-

миріе на 13 лѣтъ, и въ продолженіе этого срока предполагалось заключить окончательный миръ между Польшею и Московскимъ государствомъ. Всѣмъ малороссіянамъ отъ мала до велика ничего не могло быть противнѣе этого договора, такъ какъ договоръ этотъ стоялъ ребромъ противъ національнаго сознанія своего единства и крѣпкой принадлежности къ русскому міру. Вотъ пролетѣла разрушительною бурей десятилѣтняя эпоха Дорошенка. Ни за что не соглашались воротиться подъ неважное польское иго, не находя уже болѣе ни омыры, ни даже надежды на опору отъ московскаго правительства, украинскій народъ правой стороны Днѣпра былъ отданъ своимъ гетманомъ подъ верховное господство турецкаго султана; Украина подверглась опустошеніямъ и жители ея, убѣгая отъ господства и католическихъ пановъ и мусульманскихъ деспотовъ, ушли громадными толпами на лѣвый берегъ Днѣпра искать новаго отечества въ земляхъ, управляемыхъ единымъ подъ солнцемъ православнымъ монархомъ. Салъ Дорошенко, послѣ напрасныхъ метаній во всѣ стороны, отдался безусловно на милость того же монарха. Турки, не желая выпустить изъ-подъ своего господства Украину, выставили въ званіи своего подручника сына славнаго Богдана Юрія Хмельницкаго; но и это не удалось имъ: народъ продолжаетъ усерднѣе бѣжать изъ правобережной Украины въ Московское государство и, наконецъ, вся правобережная Украина совершенно пустѣетъ. Мы не въ состояніи рѣшить: до какой степени въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества отпечатлѣлась эта эпоха «Руины», какъ она называется въ современныхъ ей актахъ и въ народной памяти. Есть множество южнорусскихъ пѣсень, въ которыхъ говорится о переселеніи въ чужую сторону, о грустномъ житіи на чужой сторонѣ, о тоскѣ по оставленной родинѣ, есть даже такія, гдѣ говорится о бѣгствѣ въ Украину¹⁾, о житіи въ Украинѣ чужой²⁾ (при этомъ можетъ разумѣться слободская Украина, главный притонъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра); но будетъ слишкомъ смѣло относить такія бытовые пѣсни къ какому-нибудь опредѣленному историческому моменту. Гораздо съ большимъ правомъ позволимъ себѣ отнести къ эпохѣ «Руины» повсемѣстно распространенную пѣсню о чайкѣ, — пѣсню, въ которой подъ аллегорическимъ образомъ птицы «чайки» (по-великорусски — иголица) изображается Украина: такъ, по крайней мѣрѣ, издавна понимали и

¹⁾ Покинь батька, покинь матѣрь, покинь всю худобу.

Иди съ нами козаками на Украину на слободу.
 На Украинѣ всего много и наши и браги,
 Не стоять тамъ враги ляхи козацкіи враги,
 На Украинѣ суха рыба изъ шапраномъ,
 Будешъ жити изъ козакомъ якъ изъ паномъ,
 А у Польщи суха рыба изъ водою,
 Будешъ жити съ вражмъ лихомъ, якъ съ бѣдомъ!

²⁾ Ой гаю мій гаю, гаю зелененькій!

Що на тобѣ, гаю, вѣтроньку не має?
 Вѣтроньку не має, гилья не колыше;
 Братъ до сестриць часто листи пише;
 Сестро мой, сестро, сестро Украинко!
 Чи привикла, сестро, на Украинѣ жити?
 Ой брате мій, брате, треба привикати:
 Отъ роду далеко нѣкимъ казати!

такъ теперь понимаютъ смыслъ этой пѣсни всѣ малороссіяне. Бѣдная «чайка» вывела при большой дорогѣ дѣтей и боится за нихъ: приближается время жатвы и жнецы могутъ забрать ихъ. Не знаетъ бѣдная птица, что съ собой дѣлать: утопиться ли или броситься съ горы и убиться ¹⁾. Чайку тѣснятъ двѣ птицы: куликъ и бугай (выпь); первый хватаетъ ее за хохольчикъ, другой грозитъ согнуть ее въ дугу за то, что она кричитъ; первая она проклинаетъ, второму она жалобно объясняетъ, что нельзя ей не кричать, потому что у ней маленькія дѣти, а она ихъ мать ²⁾. Нельзя не согласиться со всеобщимъ толкованіемъ, что подъ этими двумя птицами разумѣлись два государства, спорившія за Украину—Польша и Московское государство; съ первой у ней нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго—и она ей отвѣчаетъ проклятіемъ, другой—она только жалуется; хотя и другая поступаетъ съ ней не очень дружелюбно, но она противъ ней не смѣетъ стать враждебно. Есть еще иная также аллегорическая пѣсня «перепелка»: маленькая птичка эта вылетаетъ рано, еще до свѣта, и ее предостерегаютъ, что она выколзетъ себѣ глаза въ темнотѣ ³⁾. Перепелка говоритъ, что у нея маленькія дѣтки, нужно ихъ найти кормъ ⁴⁾. Тогда дѣтки перепелята говорятъ матери: не печалься о насъ; мы подростемъ и разлетимся! Будетъ насъ много и по горамъ и по долинамъ, будетъ насъ много по чужимъ украинамъ ⁵⁾. И здѣсь въ перепелкѣ, какъ и въ чайкѣ, видятъ аллегорическій

- 1) Ой бѣда чайцѣ, чайцѣ небозѣ,
Що вивела дѣтки при битѣй дорожѣ.
Киги! киги! злетѣвши въ гору,
Прійшлося втопиться въ Чорному морю!
Жито поспѣло, приспѣло дѣло;
Идутъ женцѣ жати, дѣтокъ забѣрати!
Киги! киги! злетѣвши въ гору,
Прійшлося втопиться въ Чорному морю!
Ой дѣти, дѣти! Где васъ полѣти?
Чи менѣ втопиться, чи съ горы убиться?
Киги! киги! Злетѣвши въ гору,
Прійшлося втопиться въ Чорному морю!
- 2) И куликъ чайку, взявъ за чубайку;
Чайка кигиче: згнй ты, куличе!
Киги! киги! злетѣвши въ гору,
Прійшлося втопиться въ Чорному морю!
И бугай: бугу! гне чайку въ дугу;
Не кричи, чайко, бо буде ташко!
Киги! киги! и проч.
Якъ не кричати, якъ не лѣтати:
Дѣтки маленьки, а я ихъ мати!
Киги! киги! и проч.

3) Перепѣлочка, мала невеличка.

Не вылѣтай рано по-ночи,

4) Повныколзешъ на былиночку очи.

Ой якъ менѣ рано въ полѣ не летѣти.

Треба годовати маленькіи дѣти.

5) Не журися матѣнко нами,

Пндростемо, розлетѣмося сами.

скій образъ Украины, которая до разсвѣта слишкомъ рано, когда еще вездѣ темно, выступаетъ въ свѣтъ—то-есть на историческое поприще, какъ привыкли мы выражаться въ наше время. Бѣ дѣти заранѣе говорятъ, что они разойдутся, рассядутся, чтѣ и произошло съ южнорусскимъ народомъ, который, вынужденный въ эпоху «Руины» покинуть свои древнія жилища на правомъ берегу Днѣпра, все двигался переселеніями своими къ востоку, пока, наконецъ, его колоніи (слободы) очутились вблизи Тихаго океана на берегахъ Усури.

Изъ произведеній пѣсеннаго творчества, прямо относящихся къ эпохѣ Руины съ именами тогдашнихъ историческихъ дѣятелей, мы укажемъ на пѣсню о Дорошениѣ, которую мы привели выше, и гдѣ излагается печальная эпоха Рухны.

Послѣ «Руины» и окончательнаго выхода жителей съ праваго берега въ мирныхъ договорахъ Россіи съ Турціею и Польшею постановлено было правобережной Украинѣ оставаться навсегда впускѣ. Но не все можно привести въ дѣло изъ того, чтѣ можно писать на бумагѣ. Украина праваго берега скоро стала снова заселяться. Польскій король Янъ Собѣскій, поставившій себѣ задачей войну съ турками, видѣлъ для этой цѣли полезность козацкой силы и въ 1684 году издалъ универсалъ о возобновленіи козачества, предоставляя ему украинскія пустыни для заселенія. Универсалъ этотъ, утвержденный въ слѣдующемъ году сеймомъ, произвелъ волненіе въ южнорусскомъ народѣ, жившемъ въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ краѣ, поступившемъ подъ власть московскаго государя. Народъ бѣжалъ въ пустыни правобережныя отовсюду, хотя малороссійскіе гетманы лѣваго берега Украины, Самойловичъ и преемникъ его Мазепа, по волѣ верховнаго московскаго правительства, уотребляли суровыя и жестокія мѣры противъ бѣглецовъ. Въ правобережной Украинѣ явились козацкіе полки и надъ ними полковники: Самусь, Искра, Абазинъ и славный своего времени богатырь—Палѣй. Разомъ съ возобновленіемъ козачества возобновилась прежняя вражда южноруссовъ съ поляками. Палѣй основался въ городѣ Хвастовѣ, бывшей нѣкогда маетности кievскаго католическаго епископа, и устроилъ изъ бѣглецовъ многочисленный козацкій полкъ, расположенный жительствомъ въ территоріи бывшаго бѣлоцерковскаго полка. Такъ какъ Палѣй съ своимъ полкомъ находился вблизи Подѣсья и Волини, гдѣ сохранялось господство польской шляхты, то его полкъ болѣе другихъ сталъ вести борьбу съ поляками. Козаки безпрестанно нападали на панскія и шляхетскія имѣнія, изгоняли поляковъ и жидовъ, обращали мѣстности въ козачества и, такимъ образомъ, расширяли предѣлы козацкой области. Болѣе десяти лѣтъ велась такая борьба, поддерживаемая и другими полковниками въ новозаселявшейся Украинѣ, борьба, явно задававшаяся цѣлью освобожденія южнорусскаго народа отъ польскаго господства. Нѣсколько разъ Палѣй обращался къ московскому правительству съ моленіями взять подъ свою опеку правобережныхъ козаковъ и присоединить эту область къ лѣвобережной Украинѣ; но царь Петръ постоянно отказывалъ ему, не желая вступать въ непріязненные отношенія къ Польшѣ. По смерти польскаго короля Яна Собѣскаго, въ царствованіе преемника его Августа II, въ 1699 году сеймовою конституціею уничтожилось козачество и отъ всѣхъ правобережныхъ козаковъ требовалось: либо добровольно поступить подъ власть пановъ и ста-

Буде насъ, мати, по горахъ по долинахъ,
Буде насъ, мати, по чужихъ украиннахъ.

рость, либо уходить изъ края. Паны являлись съ вооруженными командами, съ ними стали набѣжать ненавистные южнорусскому народу іудеи арендаторы.

Это привело рѣшительное всеобщее возстаніе въ 1702 году. Главнымъ дѣятелемъ въ немъ съ южнорусской стороны былъ все тотъ же Палѣй. Его пособниками были полковники: Самусъ въ Богуславѣ, Искра въ Корсунѣ, Абазинъ въ Немировѣ и другіе полковники въ подольскихъ городахъ. Вездѣ по Украинѣ козаки стали избивать польскія хоругви, пришедшія въ край для водворенія польскаго порядка, и разсылать воззванія къ крестьянамъ, призывая ихъ подниматься противъ своихъ владѣльцевъ. Провозглашалась конечная цѣль: освобожденіе всего народа и изгнаніе ляховъ изъ Украины навсегда ¹⁾. Вспыхнуло разомъ крестьянское возстаніе около Каменца, Летичева, Межибожа, Бара, на Волини около Константинова, Луцка... Вооруженныя шайки напали на панскіе дворы, костелы, истребляли шляхту, ксендзовъ и жидовъ, отрубали имъ руки и ноги, насиловали женщинъ и дѣвицъ шляхетскаго званія; другіе поселяне забирали съ собою семьи свои, сожигали собственныя хаты и спѣшили переходить въ Украину, въ козаки, по призыву козацкихъ полковниковъ. Полякамъ не легко было въ скоромъ времени погасить это возстаніе: войско польское было занято военными дѣйствіями противъ шведовъ, такъ какъ король Августъ II, въ союзѣ съ Петромъ, объявилъ тогда войну Карлу XII-му. Потому-то первыя попытки усмирить южноруссовъ кончились неудачей. 16 октября 1702 года польское войско, состоявшее изъ шляхетскаго ополченія воеводствъ подольскаго и волинскаго, подъ начальствомъ Потоцкихъ, было разбито козаками подъ Бердичевомъ. Но въ слѣдующую затѣмъ зиму поляки поправились. Коронный польный гетманъ Сѣвявскій разсѣялъ одну за другою крестьянскія шайки, выгналъ Самуся и Абазина изъ Немирова, вступилъ въ Браславщину и, преслѣдуя Абазина, осадилъ его въ Ладзынѣ; Абазинъ съ двумя тысячами возставшаго народа защищался отчаянно, потерялъ три четверти своихъ силъ и, наконецъ, самъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Тогда началась расправа: множество подолянъ съ полковниками Дубиною и Скоричемъ успѣли уйти въ Молдавію ²⁾, жители городовъ и селъ, участвовавшіе въ возстаніи, были осуждены поляками на безжалостное истребленіе и свирѣпыя кары. По предложенію Іосифа Потоцкаго, какъ свидѣтельствуется современный польскій историкъ Отвиновскій, всѣмъ крестьянамъ, кого только изъ нихъ подозрѣвали въ участіи въ возстаніи, рѣзали лѣвое ухо и, если вѣрить означенному историку, такимъ образомъ было тогда заклемено до 70.000 народа (Otwinowski, str. 42). Затѣмъ всѣ оставшіеся крестьяне подольскаго и волинскаго воеводствъ были обложены поборами и работами, а у тѣхъ, которые участвовали въ бывшемъ возстаніи, отнимали весь скотъ на прокормленіе войску. Самъ Абазинъ былъ посаженъ на колъ.

Почему именно Абазинъ, который не былъ, однако, главнымъ двигателемъ

¹⁾ Żeby od tego czasu Laszkowie z ojczyzn naszych ukraińskich ustępowali i więcej już na Ukrainie nie rozpościerali się.

²⁾ Poszli na wołoski kraj Kalus, Uszyca z włosciami, Łojowce, Kozłow, Łatawa, Łaskowce, Jaryszow, Zwan, Mohylow, owo zgoła od samego Mohylowa począwszy wszystkie dobra które zbuntował Skorycz wielki zdrajca poszli za nim za Dniestr. (Арх. вѣст. р. ч. III, 2 стр. 561)

этого возстанія, какъ можно заключать изъ современныхъ актовъ, является въ народной поэзи одинъ, какъ герой этой эпохи, объяснить трудно по неимѣнью памятниковъ, которые бы вводили насъ въ подробности тогдашнихъ событій и всѣхъ бытовыхъ условій. Быть можетъ, этому содѣйствовалъ трагическій конецъ его. Пѣсня объ Абазинѣ напечатана въ числѣ галицкихъ пѣсень въ Читаніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 13). Она начинается какъ бы любовною пѣснью: женщина тоскуеть о своемъ милomъ, черномъ бровомъ Абазинѣ, козакъ пишетъ къ ней, что воротится къ ней чрезъ пять недѣль съ половиною, но его возлюбленная не перестаетъ называть отъ тоски ¹⁾. Затѣмъ описывается какъ Абазинъ ѣдетъ на гнѣдомъ конѣ, подѣзжаетъ къ Ладыжину, преслѣдуемый ляхами. Дано знать козаку Палѣнку, чтобъ имѣть на выручку, но Палѣнку не подождать и пришлось козакамъ погибать ²⁾.

Уже въ этой части пѣсни въ описаніи сѣзда козаковъ съ горы и въ обращеніи Абазина къ своему коню замѣтно сходство съ пѣсней о Берестечкомъ дѣлѣ, приписываемомъ Нечаю. Далѣе еще болѣе проявляется это сходство, показывающее, что ходившіе въ народѣ образы изъ пѣсни о Нечаѣ цѣлкомъ вошли въ новосоставленную пѣсню объ Абазинѣ ³⁾. Тѣ же вопросы о его женѣ, воронныхъ коняхъ, возахъ, одеждахъ и прочая, подобные же отвѣты ⁴⁾. Сразу

- 1) Ой закурила затопила сырими дровами;
 Ой не машь мого Абазина съ чорними бровами;
 Ой у полѣ вѣтеръ дыше, былинну колыше,
 Козаченько до милои штыри листы пише!
 Ой не тужи, моя мила, въ тугу не вдавайся,
 За пившести недѣленьки мене сподѣвайся.
 Видить мѣ ся козаченьку, въ тугу не вдаюся,
 Противъ тебе выходяю, безъ вѣтру валюся.
 Коло гаю походяю, гаю не рубаю,
 А въ Вербивцѣ пробуваю милого не маю.
- 2) Ой спускалися козаченьки зъ високою горы,
 На передѣ Абазинъ да на гнѣдомъ конѣ,
 Ой ступай ступай, гнѣдый коню, прудкою ступою;
 Гей не далеко въ Ладыжинѣ лишеньки за мною!
 Ой вдарено въ Бѣлой Церквѣ зъ ручной гарматы,
 Щобъ ѣхавъ Палѣнку козакъ рятовати,
 Ой не выѣздавъ Палѣнку козакъ рятовати,
 Гей прійшлося козаченькамъ марне погибати.
 Ой здыбалися козаченьки въ Ладыжинѣ въ лѣсѣ,
 Не еденъ тамъ козаченько головою звѣсивъ!
- 3) Ой не встигъ же Абазинъ на коника вѣсти,
 Поглянеся назадъ себе,—повно ляхивъ въ мѣстѣ.
 Ой то тобѣ, Абазине, видъ ляховъ залата,
 Середъ рынку въ Немировѣ головонька знята.
 Ой вдарився Абазинъ въ кудю головою;
 Ой вжежь менѣ не бувати зъ дѣтьми и зъ жоною.
- 4) — А гдежь твоя, Абазинъ, Базишыха панѣ?
 — Пидъ мѣстечкомъ Берестечкомъ зъ усѣма ляхами.
 — Ой гдежь твои, Абазине, воронни конѣ?
 „Ой у мѣстѣ Берестечку въ кунѣ на припонѣ.
 — Ой гдежь твои, Абазине, окованѣ вози?

опредѣлнить можно, что пѣсня эта сложилась тогда, когда уже геній народнаго творчества руководствовался прежними старыми образцами.

Возстаніе народа было подавлено, но не уничтожено. Палѣй овладѣлъ Бѣлоу-Церковью и ни за что не хотѣлъ оставить ее вновь полякамъ. Самусь въ Богуславѣ, Искра въ Корсунѣ укрѣпляли свои городки, расширяли область козацкаго владѣнія и выжидали времени, чтобъ снова, вмѣстѣ съ Палѣемъ, подняться за освобожденіе Украины отъ польской власти. Душею народнаго движенія былъ постоянно Палѣй. Этотъ человекъ былъ родомъ изъ Бораны и назывался Семень Гурко. Прозвище Палѣй дано было ему запорожцами. Палѣй помалорусски значитъ зажигагель. Получивши хорошее по тому времени воспитаніе, можетъ быть въ кievской коллегіи, Гурко служилъ козакомъ въ нѣжинскомъ полку, тамъ женился, овдовѣлъ и потомъ отправился въ Запорожье. Это было приблизительно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка, такъ какъ извѣстно, что въ 1677 году у него была уже взрослая дочь, вышедшая за Танскаго. При королѣ Янѣ Собѣскомъ Палѣй вступилъ въ королевскую службу, участвовалъ въ войнахъ противъ турокъ и татаръ, сдѣлался предводителемъ охочаго полка козаковъ и установился, какъ сказано выше, въ Хвастовѣ. Тамъ женился онъ на второй женѣ, которая была вдова, сестра какого-то Саввы, и отъ перваго мужа имѣла сына; и братъ ея Савва и сынъ Семашко были ревностными пособниками Палѣя во все время его дѣятельности. Палѣй преслѣдовалъ неуклонно одну цѣль: заселить снова опустѣлую Украину и сдѣлать ее свободною отъ господства поляковъ. Территорія, занятая имъ, быстро населялась приходившими отовсюду малоруссами; охочій полкъ его возрасталъ числомъ козаковъ и становился все болѣе и болѣе опаснымъ для поляковъ. Подчиненные чрезвычайно любили начальника. Палѣй во всей Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра пріобрѣлъ въ народѣ и славу и любовь, именно за то, что былъ вѣренъ народному идеалу, стремился къ такой цѣли, которая для всѣхъ малоруссовъ отъ мала до велика давно уже стала заветною задачею политическаго бытія—освободить южнорусскій народъ отъ власти всякаго панства, въ какой бы формѣ оно ни укрылось, и утвердить въ немъ вольный козацкій строй подъ верховной властью единаго русскаго православнаго монарха. Того желали всѣ малоруссы уже давно, но не желали того въ Москвѣ. Палѣй безпрестанно обращался къ царю Петру, умоляя принять подъ свою царскую руку правобережную Украину и повѣрить ее управленію малороссійскаго гетмана. О томъ же посылали прошенія Самусь и Искра. На всѣ такія мольбы отъ царя давался безпрестанно одинъ и тотъ же отказъ. Этого мало. Поляки, занятые войною со шведами, не могли обратить достаточно военной силы для уничтоженія Палѣя и обращались къ царю Петру съ просьбою оказать имъ съ своей стороны содѣйствіе къ подавленію мятежа въ Украинѣ, и царь Петръ по такой просьбѣ давалъ Палѣю приказаніе сдать полякамъ присвоенную имъ Вѣлоу-Церковь, не допускать своихъ козаковъ причинять разоренія польскимъ павамъ и шляхетству въ По-

„Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенъ въ лозы,

— Ой где твои, Абазине, сукнѣ едамашки?

„Ой побрала вражи ляхи паннамъ на запаски...

— Ой где твои, Абазине, писанни скринѣ?

„Ой побрала вражи ляхи, що пасали свинѣ.

лѣвъ, на Волынѣ и въ подольскомъ воеводствѣ, оставаться въ повиновеніи королю Августу и поставленнымъ отъ него властямъ. Палѣй не слушалъ цара, отдѣлывался отъ исполненія царской воли разными отговорками и проволочками. Между тѣмъ, въ Польшѣ произошелъ государственный расколъ. Карлъ XII, побѣдявши короля Августа, образовалъ въ Польшѣ противную послѣднему партію, которая при живомъ королѣ избрала въ короли другое лицо—познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Тогда все польское шляхетство разбилось на два враждебные стана.

Одни поляки стояли за короля Августа, другіе за короля Станислава и, по обычному польскому легкомыслію, многіе по нѣскольکو разъ перебѣгали то къ тому, то къ другому, мѣняя свою присягу и убѣжденія. Гетманъ Мазепа не любилъ втайнѣ Палѣя уже по разности принциповъ, которыхъ держались тотъ и другой: Мазепа, по своему воспитанію, впечатлѣніямъ юности, привычкамъ и составившимся убѣжденіямъ, былъ весь душою полякъ и папъ; Палѣй—истинный козакъ, неутомимый врагъ всякаго поляка и папа. Мазепа, зная, какъ усиливалась въ народѣ любовь къ Палѣю, считалъ его для себя и опаснымъ соперникомъ въ будущемъ. Сначала Мазепа относился въ своихъ писаніяхъ, посылаемыхъ въ Москву, очень дружелюбно и сочувственно о Палѣѣ, потомъ изображалъ его беспросыпнымъ пьяницею, способнымъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, на всякое безразсудство, наконецъ, сообщалъ, что Палѣй сблизается съ Любомырскими, которые тогда сдѣлались сторонниками Станислава Лещинскаго. Московское правительство дало Мазепѣ приказаніе найти, по своему усмотрѣнію, способъ захватить Палѣя и отдать подъ караулъ. Мазепа, на своемъ военномъ пути на Волынь, куда шелъ съ войскомъ по царскому указу въ іюлѣ 1704 года, пригласилъ къ себѣ въ станъ подъ Бердичевомъ Палѣя, арестовалъ его вмѣстѣ съ его пасынкомъ Семашкомъ, взялъ потомъ Бѣлую Церковь, назначилъ вмѣсто Палѣя полковникомъ другое лицо (тѣкаго Омельченка) и отправилъ Палѣя и Семашку въ Батуринъ. Тамъ ихъ держали нѣкоторое время въ тюрьмѣ, потомъ передали русскимъ властямъ. Палѣй былъ сосланъ въ Книсейскъ.

Уже не первый разъ Семень Палѣй былъ въ неволѣ. Еще нѣскольکو лѣтъ назадъ поляки какимъ-то обманомъ схватили его и заслали въ Мариенбургъ (Лѣт. Граб., стр. 240. Симоновск. кр. опис. о козацк. малор. народѣ. стр. 118). Но Палѣю удалось уйти изъ заточенія (въ лѣтоп. Грабянки: по доволномъ сидѣніи, на нарочно подведеннаго коня, въ кайданатъ спадши къ своему войску прибѣгъ). Въ исторіи Руссовъ (стр. 189) разсказывается, какъ козаки выручили своего полковника изъ заточенія: они сварили большой воловій обозъ и наложили на возы товары, покрывъ ихъ кожами, а между товаромъ на возахъ подъ слоемъ шерсти и кожъ спрятано было триста молодцовъ. Подойдя къ городу Мариенбургу, они упростили дозволеніе везти обозъ въ городъ, а для пастбища воламъ наняли городское поле подъ городомъ. Когда наступила ночь, скрытые въ фурахъ козаки вышли, пробрались въ замокъ, сватили привратниковъ, освободили Палѣя и увезли съ собою. Погоня ихъ поймать не успѣла. Приписываемая неправильно архіепископу Конисскому Исторія Руссовъ до того преисполнена ошибками и выдумками, что извѣстія, сообщаемыя ею только одною, не могутъ имѣть никакого значенія; но здѣсь представляются данныя, побуждающія насъ догадываться, что сказаніе это о Палѣѣ не совершенно измышлено фантазією автора, а въ основаніи своемъ заимствовано изъ

народнаго преданія. Есть у насъ пѣсня, записанная изъ устъ народа въ Каневскожь уѣздѣ Кіевской губерніи; тамъ описывается сходное событіе, отнесенное къ городу Щущину (?). Какой-то бурлакъ ночью созываетъ молодцовъ, народъ мастеровой (т.-е. искусный), приглашаетъ приобрести какой-то широкій листъ (т.-е. проѣздную грамоту), взять полтораста и семь возовъ, полтораста паръ воловъ, посадить на нихъ по семи молодцовъ, на каждомъ восьмомъ возѣ—погонялу, на каждомъ девятомъ—кухара, а на каждомъ десятомъ сторожею и такъ ѣхать въ Щущинъ на базарь. «Вотъ, какъ мы станемъ въ темныхъ улицахъ—придетъ къ намъ купецъ молодой и ставеть спрашивать: какой такой дорогой товаръ въ вашихъ возахъ? У насъ куницы, лисицы и черные соболя. Какъ откроется рожежа—а тамъ добрые молодцы»¹⁾. Конечно, такъ какъ имя Палѣя здѣсь не упоминается, то мы не считаемъ себя въ правѣ признать несомнѣннымъ принадлежность этой пѣсни къ событію съ Палѣемъ, но, тѣмъ не менѣе, всякій увидитъ, что пѣсня эта, всего вѣроятнѣе, могла сложиться на основаніи такого событія, ставшаго народною легендою.

Гораздо рѣзче и вѣрнѣе отразилось въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества второе взятіе Палѣя въ неволю, совершенное Мазепою. Пѣсня объ этомъ довольно распространена въ разныхъ вариантахъ, мало имѣющихъ между собою существенной разницы. Думаетъ Мазепа: какъ бы ему зазвать Семена Палѣя къ себѣ на пирушку,—просить его на чашу вина, Палѣй смекаетъ, что Мазепа хочетъ его сгубить, отказывается и укоряетъ его прямо въ коварствѣ²⁾. Мазепа въ другой разъ зоветъ его—на охоту, увѣряетъ, что съ нимъ не сдѣлается ничего дурнаго. Палѣй на этотъ разъ поддается, ѣдетъ къ Мазепѣ и едва сходитъ съ коня, какъ Мазепа угощаетъ его медомъ и виномъ³⁾. Во время пирушки одинъ изъ собесѣдниковъ, Максимъ Искра, тайно предупре-

¹⁾ Крикнувъ на хлопцівъ бурлака въ ночи:

Гей собірайтесь, братята, на усе народъ майстровий,
Ой закупимо ми, братята, да широкій листъ найбільшій,
Зробимо, братята, пивтораста сѣмъ возивъ,
Закупимо ми, братята, пивтораста паръ воливъ,
Да якъ посадимо, братята, по сѣмъ молодцівъ,
А на восьмому для поганяночка,
По дев'ятому за-для-куховарочка,
По десятому за-для-осторожності.
Поїдемо, братята, у Щущинъ на базаръ,
А якъ станемъ, братята, все по темнимъ улицамъ,
Приїде якъ намъ славний купецъ молодий!

— Гей що въ вашихъ возахъ да за товаръ дорогій?—

„У насъ куницѣ, да лисицѣ, да чорними соболя!“

Якъ відкриє рожежу, ажъ тамъ добрі молодці.

²⁾ Ой не знавъ, не знавъ проклятий Мазепа якъ Палѣя зазвати.

Ой ставъ же ставъ проклятий Мазепа на бенкетъ запрошати.

— Ой прошу тебе, Семене Палѣю, по чаші вина пити.—

„Брешешъ, брешешъ, вражий сину, хочешъ мене згубити!“

³⁾ — Ой приїдь, приїдь, Семене Палѣю, на охоту до мене:

— Ой не буде тобѣ, Семене Палѣю, кривди отъ мене“.

Ой приїхавъ Палѣй Семень да ставъ зъ коня вставати,

Ставъ ёго песь Мазепа медомъ-виномъ частувати.

ждаетъ Палѣя, что Мазепа что-то недоброе затѣялъ ¹⁾. Семень Палѣй шеть-гуляетъ и ужъ склоняетъ голову, а въ это время чура (иначе джура) Мазепы готовить на него кайданы. Семень Палѣй унылся до того, что свалился съ ногъ. Тогда Мазепа приказываетъ своимъ слугамъ заковать его и везти въ тюрьму, а самъ пишетъ къ царю, что Семень Палѣй измѣнникъ, хочетъ отступить отъ Царя, рубить московскихъ людей съ тѣмъ, чтобъ самому ему царствовать въ столицѣ. Палѣй, сидя въ темницѣ, возглашаетъ, что проклятый Мазепа лжетъ, самъ онъ сноится со шведани ²⁾.

Изъ многихъ вариантовъ этой пѣсни мы привели ее здѣсь по двумъ: одинъ напечатанъ въ Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1860 г. въ № 14—15. Другой, записанный въ селѣ Суботовѣ Чигиринскаго уѣзда, похожъ на предыдущій, нигдѣ не былъ напечатанъ.

Народъ не покинулъ своею любовью Палѣя и въ ссылкѣ. Сложилась пѣсня о его пребываніи въ Сибири. «Высоко восходитъ солнце, низко заходитъ, гдѣ-то нашъ Семень Палѣй бродитъ въ Сибири» ³⁾. Такъ начинается эта поэтическая пѣсня. Далѣе описывается, какъ Палѣй подымается къ себѣ своего вѣрнаго чуру по имени Стоуса, и собирается идти въ часовню—молиться Богу; онъ чувствуетъ себя усталымъ, дряхлымъ отъ старости, ему нужно молиться, чтобы Богъ помиловалъ его душу грѣшную. Чура надѣваетъ на него сѣрый кафтанъ (свиту) и даетъ ему въ руки еловую вѣтвь. Семень Палѣй идетъ молиться

¹⁾ А тамъ Максимъ Искра сидитъ про Мазепу добре знае,
Палѣевъ Семеновъ оттакъ промовляе:

Ой годѣ, Семене Палѣю, въ Мазепы вина пити,
Ой хоче Мазепа проклятый тебе вбити!

²⁾ Ой пье Палѣй пье Семень да головоньку клонитъ,
А Мазепинъ чура Палѣю Семену кайданы готовить.
Ой пье Палѣй ой пье Семень да изъ нихъ извалился,
Дуже тому гетьманъ Мазепа столъ свесалился.
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои гайдуки:
Ой визьмѣть Палѣя Семена да у тѣснѣ руки!
Ой якъ крикне песь Мазепа проклятый на свои лейтарм.
Ой визьмѣть Палѣя Семена да залите въ кайданы!
Ой залили Семена Палѣя у тутѣи скриницѣ,
Да вкинули Семена Палѣя въ темнѣи темницѣ;
Не давъ гетьманъ Палѣю Семену ни вѣсти ни нѣти,
Докиль не выславъ проклятый Мазепа на столицю листи,
Оттожь тебѣ, промовляе, царю: естъ Палѣй измѣнникъ.
— Винъ тебе хоче вже отступати, въ цень Москву рубати,
— А самъ хоче вже на столицѣ царемъ царевати.
Ой шожь мовить да Палѣй Семену сидючи у темницѣ:
„Бреше, бреше песь проклятый Мазепа въ листахъ на столицѣ“.
Ой хмелю-жъ мий хмелю зелененькій чомъ головокъ не складнешь?
Ой либонъ ты, проклятый Мазепа, изъ шведомъ накладнешь!
Ой хмелю-жъ мий хмелю зелененькій часъ изъ тычнин до долу!
Не пускай, Семене Палѣю, тихъ шведивъ до дому!

³⁾ Высоко сонце сходитъ, низенько ложиться;
Ой гдѣсь-то панъ Семень Палѣй тевера журиться?
Высоко сонце сходитъ, низенько заходить;
Ой гдѣсь-то панъ Семень Палѣй по Сибири бродить?

Богу и не знаетъ, что ему дѣлать: молиться или тосковать ¹⁾. Вотъ онъ возвращается домой, садится въ шатръ, беретъ въ руки бандуру. Отчего пѣсня помѣщается сосланнаго въ Сибирь Палѣя въ шатръ—указать мы не беремся: можетъ быть, это вошло въ пѣсню по рутинной привычкѣ изображать козака въ шатръ, какъ въ принадлежности боевой жизни. Но бандура въ давнія времена не была, какъ теперь, исключительнымъ достояніемъ пѣвцовъ ходячихъ да еще къ тому слѣбыхъ. Тогда всякій молодець-козакъ, умѣвшій владѣть струнами, возилъ съ собою бандуру для собственнаго утѣшенія, и съ помощью этого народнаго музыкальнаго инструмента слагались героическія пѣсни рыцарей. Палѣй, какъ видно, былъ поэтъ-творецъ: онъ поетъ пѣсню, совершенно подходящую къ его положенію,—пѣсню, исполненную философскаго размышленія: «бѣда жить въ свѣтѣ; тотъ, заложивши свою душу, украшаетъ себя золотымъ шитьемъ кафтанъ, а другой въ Сибири, словно въ дремучемъ лѣсу, слоняется безпріютнымъ и одинокимъ» ²⁾.

Сосланному Палѣю не довелось угаснуть въ Сибирскихъ сѣбныхъ пустыняхъ, какъ многимъ его землякамъ, прежде него туда отправленнымъ. Мазепа отступилъ отъ царя, передался шведамъ. Тогда вспомнилъ царь о Палѣѣ, приказалъ освободить его и возвратитъ въ Украину. Это была одна изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ жертвъ коварства малоросійскихъ старшинъ и московской непроницательности. Царь вспомнилъ тогда и о несчастномъ Самойловичѣ, но уже не было въ живыхъ ни его самого, ни потомковъ его мужскаго пола. Палѣй прибылъ въ царское войско и, по извѣстію украинскихъ лѣтописцевъ, участвовалъ въ полтавской битвѣ; хотя онъ былъ уже такъ немощенъ, что безъ поддержки не могъ сѣсть на коня, однако своимъ присутствіемъ и рѣчами ободрялъ своихъ земляковъ, воевавшихъ вѣстѣ съ русскимъ войскомъ противъ шведовъ и мазепинцевъ. Народная фантазія въ своихъ изустныхъ легендахъ и отчасти въ пѣсняхъ даетъ большое значеніе этому участію и самую судьбу Палѣя расцвѣчиваетъ чудесными вымыслами. «Палѣй сидѣлъ въ заточеніи, замурованнымъ въ стѣнѣ, куда его запровадилъ чрезъ клевету (брехню) Мазепа, замышлявшій поднять войну противъ царя. Когда шведъ осадилъ Полтаву, царь Петръ искалъ такого богатыря, который бы могъ отстоять Полтаву. Царю указали на Палѣя. Царь не звалъ даже, что Палѣй живъ на свѣтѣ и приказалъ представить его

¹⁾ Ой чуро мий чуро, мий вѣрний Стоусу,
Ой ходѣмо до каплицѣ, Богу помолюся!
Ой Боговъ помолюся, святимъ поклонюся,
Знедашѣвъ я понурій, старенькимъ здаюся,
Старенькимъ здаюся, молитися мушу:
Хай милує Милостивий мою грѣшну душу!
Ой натягнувъ ёму чура да сѣру свиту,
Да давъ ёму въ руки словую вѣту.
Прийшовъ панъ Палѣй Семень Боговъ молитися,
Не то Боговъ молитися, а не то журитися.

²⁾ Прийшовъ панъ Палѣй до дому да й сѣвъ у намѣтѣ,
На бандурицѣ выгрававъ: ляхо жити въ свѣтѣ!
Той, душу заклави, свиту, бачъ, гаптує,
А той по Сибири, мовъ въ лузѣ, дубує!

(Максим. Укр. Пѣсни 1834, стр. 113).

предъ свою особу. Вывели Палѣя изъ тюрьмы. Онъ былъ такъ старъ и дряхлъ, что весь трясся. Покормили, попили Палѣя дня три, сталъ онъ входить въ силу. Царь велѣлъ ему достать наилучшаго коня. Но не могли достать подходящаго Палѣю коня, пока онъ не увидалъ жиды, который везъ бочку воды на клячѣ. Эта кляча, худая и заморенная, былъ прежній боевой конь Палѣя, бѣлой масти. Ты бѣлъ, а я сѣдъ, сказалъ Палѣй коню,—послужимъ же бѣлому царю! Сѣлъ онъ на своего коня и поѣхалъ къ неприятельскому войску. Обладая Палѣй такимъ даромъ, что будетъ вѣдять промежду чужимъ войскомъ и никто его не увидитъ, а на кого онъ кинетъ взглядъ, тотъ его взгляда не выдержитъ. Видитъ Палѣй: сидитъ Мазепа со шведомъ, по однимъ вариантамъ, въ шатрѣ, по другимъ—на вершинѣ какого-то каменнаго зданія, и пьютъ себѣ чай или обѣдаютъ. Палѣй зарядилъ серебряной пулею ружье, выстрѣлилъ и попалъ въ сосудъ, изъ котораго хлебалъ чай или ѣлъ какое-то кушанье Мазепа. Тотчасъ догадался Мазепа, что это Палѣй явился. На Мазепу напалъ страхъ и сообщилъ всѣмъ его приверженцамъ и всему шведскому войску. Царскіе неприятели пустились обѣжать въ такой суматохѣ, что сами своихъ убивали. По другимъ вариантамъ, проклятый Мазепа не обѣжалъ, а тотчасъ вынулъ ядъ, который при себѣ носилъ, и отъ дѣйствія отравы тутъ же, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, пропалъ, а Палѣй приказалъ палками, не тратя зарядовъ, прогнать неприятельскія силы. Былъ Палѣй «знатникъ», но не волшебствомъ, а чиноу ангельскимъ далась ему та вѣщая наука—«че божему». Легенда эта ходитъ въ устахъ народа въ очень разнообразныхъ вариантахъ, и нѣкоторые варианты были напечатаны въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (ч. I, стр. 115—128) и въ сборникѣ Малорусскихъ преданій и рассказовъ Драгоманова (стр. 201—208). Изъ этой приведенной нами легенды видно ясно, что народная фантазія приписала Палѣю Полтавскую побѣду надъ Мазепомъ и его союзниками. Сообразно тому, онъ является такимъ же богатыремъ-побѣдителемъ и въ думѣ, напечатанной у Максимовича въ изданіи 1849 года. Собирались—говорится въ этой думѣ—въ городѣ Лебединѣ (гдѣ, дѣйствительно, находилась главная царская квартира во время вторженія шведовъ въ Малороссію) цари и князи, и порѣшили воротить Семена Палѣя изъ Сибири ¹⁾, куда заслалъ его проклятый Мазепа, который безвинно сгубилъ еще Кочубея и Искру ²⁾. Въ великомъ посту, съ наступленіемъ весенней погоды прибылъ Семенъ Палѣй къ Бѣлому царю въ столицу, и радость была великому государю отъ пріѣзда такого великаго рыцаря ³⁾. Но если радость была царю, то бѣда грозила Мазепѣ. Сталъ онъ говорить шведскому королю: шведскій король, благодѣтель, найяснѣйшій, мой государь! Доставать ли намъ Полтаву или уходить изъ-подъ Полтавы? Москва не даромъ насъ кругомъ обступила. У Семена Палѣя хоть немногочисленно охотное войско, только оно таково, что одна сотня будетъ гнать и рубить нашихъ тысячу и задасть

¹⁾ Да Семена Палѣя зъ Сибиру на Москву выслали.

²⁾ Начиная тее проклятый Мазепа, Якъ Искру и Кочубея безвинно самъ зъ сѣго-свѣта зогналъ, Семена Палѣя на Сибирь завдалъ.

³⁾ Скоро то ставъ Семенъ Палѣй, великимъ постомъ Весняною погодою до Бѣлого царя на столицу прибавати, То свѣтъ праведный государъ великую радость мае, Що до себе великого лицаря Семена Палѣя у-гостъ сподѣває.

звалъ: «великимъ господамъ, большого страха». Король Шведскій на это сказалъ: «безумная у тебя голова, Мазепа! Развѣ у меня войско не вооруженное? Могу я рубить, крошить московскія силы. Не зарекаюсь побывать и на столицѣ бѣлаго царя ¹⁾. Но когда въ день Николая Чудотворца Семень Палій прибылъ яедъ Полтаву виѣстѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, сталъ король шведскій съ Мазепою тайно уходить, попытавшись, однако, въ послѣдній разъ, можетъ быть, для сокрытія своего побѣга, завязать съ царскимъ войскомъ битву ²⁾. Далѣе говорится о томъ, будто въ Батуриѣ они, непріатели, истребляли мужчинъ и женщинъ, жгли церкви; топтали ногами священныя вещи, потому плоты изготовили и убѣгали на другой берегъ Днѣпра ³⁾. Здѣсь въ думѣ—анахронизмъ: взятіе и разореніе Батурина совершено ранѣе, и не шведами, а русскими, подъ начальствомъ Меншикова, въ отищеніе за то, что Батуриѣ держался Мазепа. Далѣе въ думѣ говорится, что Семень Палій непріателей подъ Полтавою побиваетъ и разхетываетъ ихъ, какъ мякину.

Онъ прибываетъ къ Днѣпру и видитъ: на противоположномъ берегу ходитъ король шведскій съ Мазепою. Палій размахиваетъ саблею и кричитъ Мазепѣ черезъ рѣку: «помоли за меня Бога, Мазепа, что я тебя не догналъ, не шрубилъ тебя или не задалъ тебѣ живомъ на вѣчно въ каторгу!» ⁴⁾. Дума

¹⁾ То Мазепа тогдѣ якъ почувъ,

Що ёго проклятого Мазепу лихо догоняе,

До короля шведського такъ рѣчи промовляе:

„Королю шведській добродѣю, найяснѣйшій мий пане!

Чи будемъ мы бильше города Полтавы доставати,

Чи будемъ зъ нидь города зъ нидь Полтавы утѣкати?

Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ оступати!

Бо у Семена Палія хочъ и не великое войско охотное,

Тшьки одна сотня буде нашу тысячу гнати и рубати,

Буде намъ великимъ панамъ великій страхъ задавати!“

То король шведскій те зачувае,

Словами промовляе:

— Мазепо безумная глава! Чи у мене войско не збройне?

Чи у мене войско не панцирне?

Да я ще туу Москву могу сѣкти и рубати,

Ще не зарѣкаюсъ у Бѣлого царя на столицѣ побувати.

²⁾ Скоро ставъ Семень Палій на святого отца Миколая зъ Шереметомъ

Борисомъ Петровичомъ нидь Полтаву прибувати,

То ставъ король шведскій нзъ Мазепою тайно утѣкати,

На царськихъ людей ударяти,

Много царськихъ людей побивати.

³⁾ А у городѣ Батуриѣ мужикивъ да жѣнокъ у нень сѣкли да рубали,

Церкви ламали, святые иконы нидь ноги топтали.

Плиты справляли,

На той бокъ Днѣпра утѣвали.

⁴⁾ То Семень Палій нидь Полтаву прибувае,

Сѣче й рубаетъ, на всѣ стороны якъ молоту метаетъ,

До Днѣпра прибувае, на той бокъ Днѣпра поглядаетъ,

Що король шведскій зъ Мазепою на тимъ боцѣ Днѣпра похожае,

То ванъ мечемъ махае,

Словами промовляе:

оканчивается сожалѣніемъ о томъ, что земля христіанская наполнилась тоскою и печалью, что родные не помышляютъ о своихъ родныхъ ¹⁾ и прославленіи Семена Палѣя за его побѣду надъ шведами ²⁾. Итакъ, по народному воззрѣнію, вся слава полтавской побѣды приписывается Палѣю, который, такимъ образомъ, сдѣлался какимъ-то ижеическимъ богатыремъ, олицетворяющимъ въ своей личности всю силу цѣлаго народа. То же воззрѣніе высказывается и въ пѣснѣ о томъ же событіи, въ которой говорится: «еще хмель, хмель зеленый не взялся по тычинѣ, а ужъ Палѣй подъ Полтавою побился со шведомъ; еще хмель, хмель зеленый не склонилъ головокъ, а уже Палѣй Семенъ подъ Полтавою побилъ шведовъ. Крикнулъ, крикнулъ король шведскій, стоя на пушкѣ: Бѣжимъ, бѣжимъ, Мазепа, съ полтавскаго поля. И быстро тогда бѣжали шведы по лѣсамъ, по терновникамъ. А чтобъ они не дождали больше бится съ козаками» ³⁾.

Отчего же возникла такая любовь малорусскаго народа къ этому Палѣю? Оттого, что на правобережной Украинѣ онъ явился главнымъ проводникомъ идеи возстановленія козачества и возобновленія борьбы съ ненавистными ляхами за освобожденіе отъ ихъ власти всего южнорусскаго православнаго народа, а это была идея заветная и для всего народнаго бытія.

Послѣ своего возвращенія на родину Палѣй сталъ опять въ своемъ полку полковникомъ вмѣсто смѣненнаго тогда Омельченка, родственника Мазепы, хотя и непроставшаго къ возстанію гетмана противъ царя. Какъ только уцѣлся Палѣй въ своей Хвастовщинѣ, такъ немедленно принялся за прежнее, сталъ разсылать своихъ козаковъ въ Польсье и волновать крестьянъ противъ польскихъ пановъ; по его призыву крестьяне волостей Горвостай-польской, Козаровской, Вородянской отказались работать своимъ владѣльцамъ и давать имъ поборы ⁴⁾, а Палѣй записалъ ихъ въ компутъ своего козацкаго полка. Шляхта кievскаго воеводства жаловалась на козаковъ Палѣя, что они врываются въ шляхетскія владѣнія за рѣку Ирпень, а въ январѣ 1710 года обращалась къ королю и къ князю Меншикову ⁵⁾ съ просьбою удержать полковника Палѣя отъ покушеній

— Помоги ты, Мазепо, за мене Бога, що я тебе не догнавъ,
Альбо-бъ посѣкъ, альбо порубавъ,
Альбо живцемъ на вѣчну каторгу отдавъ!—

¹⁾ Земле, земле христіансьо!

Егда ты була смутками и печалами наполнена,
Не знала где родина объ родинѣ помшляе!

²⁾ Дай Боже честь и хвалу свѣтъ праведному государю!

Дай Семену Палѣю, превеликому пану,
Що не давъ Шведу христіанъ на погалу!

³⁾ Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененькій по тычинѣ не звися,

А вже Палѣй нидъ Полтавою изъ шведомъ побився,
Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененькій головокъ не схиливъ,
А вже Палѣй нидъ Полтавою дай Шведивъ побивъ!

Тогда крикне, крикне ясний король Шведскій на гарматѣ стол:
Утѣкаймо, Мазепо, зъ Полтавскаго поля!

Тогда швидко, швидко шведы утѣкали лугами да тернами.—

Богдай вони не диджались битися съ козаками.

⁴⁾ (Арх. Югоз. Рос. З. 2. 710).

⁵⁾ (Ibid. 717—726).

на шляхетскія маєтности и запретить ему разставлять козаковъ въ житомирскомъ и овручскомъ повѣтахъ. Но старикъ, уже немощный, не долго могъ вести свое завѣтное дѣло. Въ началѣ 1711 года уже его не стало на свѣтѣ.

Тотчасъ по смерти Палѣя въ правобережной Украинѣ произошло смутное событіе, отразившееся въ народныхъ пѣсняхъ. Это было покушеніе Филиппа Орлика, бывшаго генеральнаго писаря при Мазепѣ, а по смерти послѣдняго, избраннаго въ званіе гетмана небольшоимъ числомъ козаковъ, ушедшихъ съ Мазепою въ Турцію. Въ мартѣ 1711 года ворвался Орликъ въ Украину со сбродною толпою, состоявшею, кромѣ запорожцевъ и козаковъ, изъ поляковъ подъ начальствомъ Потоцкаго и Галецкаго и изъ татаръ бѣлгородскихъ и буджацкихъ подъ начальствомъ самого хана. Городки были малолюдны на правой сторонѣ Днѣпра, и жители не любили начальниковъ, насланныхъ туда гетманомъ Скоропадскимъ, а потому и не дѣлали большого отпора. Орликъ овладѣлъ Немировымъ, разбилъ высланнаго противъ него отъ Скоропадскаго съ козаками генеральнаго есаула Бутовича; Богуславъ и Корсунъ ему сдались. Въ Вѣлой Церкви сидѣлъ преемникъ Палѣя Танскій. Орликъ подступилъ къ этому городку. Что было бы далѣе—неизвѣстно, но разноперая дружина Орлика оказалась никуда негодною. Поляки ушли на Волныи подъ предлогомъ поддерживать партію, враждебную Петру и Августу, а татары ограбили гдѣ могли въ Южной Руси церкви и монастыри, надѣлали поруганій надъ святынею и ушли во-своися. Тогда и самъ Орликъ, хвалившійся взять самый Кіевъ, отступилъ за Днѣстръ. Этого набѣга, бывшаго въ числѣ поводовъ къ войнѣ Россіи съ Турціею, упоминается въ пѣснѣ, напечатанной въ первый разъ Руликовскимъ въ его описаніи Васильковского уѣзда, а потомъ перепечатанной Кулишомъ въ Запискахъ о Южной Руси (т. I, стр. 315), и обонимъ издателями отнесенный ко временамъ Ватя, несмотря на упоминаемое въ ней имя Филиппа Орлика: «Не такъ славенъ городъ Медвѣдовка между городами, какъ славнѣе всѣхъ Филиппъ Орликъ съ двумя козаками: одинъ былъ Грицько, другой Андрей. Гонитель вѣры, всѣмъ украинскимъ городамъ онъ сталъ разоритель» ¹⁾. Кого разумѣютъ здѣсь подъ этими двумя товарищами Орлика, мы опредѣлить не-можемъ, не зная съ кѣмъ именно приходилъ тогда Орликъ, притомъ и самыя имена могли въ пѣснѣ измѣниться. Далѣе рассказывается, что ранымъ рано въ день воскресный гремятъ колокола, старыя и малыя молятъ Бога оградить городъ Кіевъ и общають устроить обѣдъ въ день Успенія ²⁾. Вѣроятно, здѣсь описывается тревога, происходившая тогда въ Кіевѣ, а обѣдъ въ день Успенія разумѣется обѣдъ въ Печерской Лаврѣ, гдѣ въ день храмоваго праздника всегда устраивались большіе обѣды для всего народа. Въ третьей части пѣсни говорится, что враги достали украинскіе города, посбивали съ церквей кресты, полотняные образы клали себѣ подъ сѣдла, понли ковей

¹⁾ Да не славнѣйшій городъ Медвѣдка съ своими городами,
Якъ славнѣйшій Филиппъ Орликъ съ двома козаками:
Одинъ Грицько, другій Андрій. На вѣру гонитель,
Всѣмъ городамъ украинскимъ винъ бувъ разоритель!

²⁾ Въ недѣлю рано-по-раненьку въ усѣ дзвони дзвонять,
И старши й молодши въ весь голосъ голосать,
На коляна упадають и Бога просятъ:
Поможи намъ, Боже, Кіевъ городъ боронити,
Дождемо первои Пречистон, будемъ обѣдъ становити.

изъ мѣдныхъ колоколовъ и въ церквахъ ставили коней ¹⁾). Это поруганіе святыни учинили татары, только тѣмъ и отличившіеся тогда въ походѣ, предпринятый для водворенія въ Украинѣ гетмана, поставленнаго въ турецкія владѣнія.

Послѣ этого нашествія царь Петръ рѣшилъ отдать правобережную Украину Польшѣ, а козаковъ вывести на лѣвый берегъ, причѣмъ Петръ обѣщаль Мещникову оттуда «онихъ скотовъ, въ подарокъ его милости для поселенія въ губернію, на пустыя мѣста, прислать», за исключеніемъ переводимыхъ къ гетману козаковъ; это дѣлалось съ украинцами за то, что «заднѣпрская Украина вся было къ Орляку и воеводѣ кievскому Іосифу Потоцкому пристала, кромѣ Таскаго и Галагана» (Солов. XVI, 75). Такъ несчастная правобережная Украина, послѣ всѣхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій неудавшейся борьбы за независимость южнорусскаго народа, продолжавшейся полстолѣтія, выдана была головою тѣмъ же деспотамъ, противъ которыхъ въ началѣ возстала.

Немедленно послѣ отдачи правобережной Украины во власть поляковъ запорожцы подъ начальствомъ атамановъ Поповича и Перебийноса и козаки, ушедшіе съ Мазепою въ Турцію, подъ начальствомъ бывшаго прилучкаго полковника Горленка и сотника Швайки пытались еще разъ отстоять Украину отъ поляковъ, но ничего не могли сдѣлать при несообразности своихъ силъ съ силами враговъ. Быть можетъ, къ этому времени относится не вполне вѣроятная пѣсня о Цимбаленкѣ и Швайкѣ, въ которой говорится о сраженіи при Товстой Могилѣ, о смерти Цимбаленки, о канихъ-то нейарменцахъ (?), воевавшихъ съ нимъ заодно противъ ляховъ, и о козацѣ Швайкѣ, который кричитъ сотнику, чтобъ онъ не тратилъ козацкаго войска; а сотникъ отвѣчаетъ, что не можетъ удержать сильнаго напора многочисленныхъ враговъ ²⁾.

Но то, что устанавливается для будущей судьбы народовъ дипломатіемъ, не всегда открываетъ народу путь, по которому онъ потомъ пойдетъ. Могъ русскій царь отказать отъ Украины и отдать ее Польшѣ; могли поляки счи-

¹⁾ Въ недѣлю рано-пораненьку городъ достали,
Всѣмъ церквамъ украинськимъ верхи позбивали,
Полотнянѣ образы пидъ кульбаки клали,
Дзвонами свѣжовыми конѣ наповали,
Въ святыхъ церквахъ конѣ становили.

²⁾ Ой пили пили запорожцѣ пили да гуляли,
Да пидъ Товстою могиллою баталію мали,
Да пидъ Товстою могиллою зацвѣла калнна,
Тамъ убито Цимбаленка вдовиного сына,
Да було-бъ тобѣ, Цимбаленку, ляхивъ поважати,
Не йти було пидъ Товстою баталію счннати,
Да пидъ Товстою могиллою широки ровдоли,
Где догнали нейформенцѣвъ, то всѣхъ покололи,
Да лежать, лежать нейформенцѣ (?) где два, где три въ ямиѣ,
Да йдуть наши запорожцѣ якъ риллять савьянцѣ.
Ой якъ крикне козакъ Швайка на сотника гризно:
„Не тратъ, не тратъ, вражій смну, козацкаго війска!“
— Не радъ же бмъ я ихъ тратити — не могу спнннати,
Наважали смнмъ вражи й ноги не нустити.

тать ее своею неотъемлемою собственностью; но южнорусскій народъ не хотѣлъ такого рѣшенія судьбы своей, не желалъ оставаться въ порабощеніи у ляховъ, которымъ отданъ головою царемъ своимъ, а сохранилъ вѣрность завѣщанной отъ предковъ цѣли національнаго бытія своего — освободиться отъ польской власти и соединиться съ остальными своими братьями, уже отомедшими къ русской державѣ. И этотъ народъ стремился къ этой завѣтной цѣли, вопреки усиліямъ Польши и Россіи удержать его въ налѣченномъ для него положеніи: въ концѣ концовъ народъ южнорусскій преодолѣлъ всѣ препятствія. Его немовѣрно-трудная, мелочная, а потому неудобобудовиная для насъ борьба съ Польшею заняла весь XVIII вѣкъ до самаго окончательнаго разбора польскихъ областей. Способъ этой борьбы выразился въ гайдамачиннѣ. Народъ, почти исключительно ограниченный простымъ крестьянскимъ класомъ, остался безъ руководящей интеллигенціи, безъ военной силы, безъ капиталовъ и фондовъ, безъ поддержки отъ внѣшнихъ государственныхъ силъ и, однако, вступилъ въ борьбу съ непримиримымъ врагомъ. Борьба эта открылась возстаніями порабощенныхъ крестьянъ (хлоповъ) противъ польскихъ пановъ и ихъ управителей и іудеевъ арендаторовъ. Эти возстанія происходили спорадически въ Украинѣ, Подолиі, Вольни и Полѣсьи. Такія же побужденія, такія же страсти, какія отличали хмельницину, дѣйствуютъ и въ гайдамачиннѣ: та же отвращенная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадьбъ и костеловъ; тѣ же ужасныя казни, слѣдовавшія какъ репрессалии отъ поляковъ въ случаяхъ укрощенія мятежей; то же упорство со стороны южноруссовъ. Никакія суровыя мѣры не искореняли возстаній. «Наши подданные» — говорилъ одинъ волынской шляхтичъ — «по своей природѣ склонны къ преступленіямъ и бунтамъ: они помнятъ своихъ дѣдовъ, совершавшихъ достойныя оплакиванія поступки, и идутъ по слѣдамъ предковъ». Тѣ, которымъ удавалось избѣжать казни, скрывались въ лѣсахъ, окаймлявшихъ рубежъ Украины отъ южныхъ степей, другіе забѣгали въ эти самыя степи, принадлежавшія Запорожью, иные находили себѣ убѣжище на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ жили, такіе же южноруссы, какъ и они, сочувствовали имъ. Въ своихъ пріютахъ они составляли снова шайки и шли опять на борьбу, а къ ихъ шайкамъ тотчасъ же приступали другіе ихъ земляки. На это, между прочимъ, указываетъ пѣсня о лѣсѣ Чутѣ, гдѣ собирались бѣглецы въ шайки и откуда выходили грабить поляковъ и іудеевъ ¹⁾. Такія шайки назывались гайдамацкими,

¹⁾ Славная Чута товстими дубами,
Ще славнѣйша Чута низомъ козаками,
Що козаченьки завжди пробувають,
Изъ льячкои области здобичъ собѣ мають,
Що драли ляхивъ драли обдирали,
Где бувъ жидъ богатый и того не мисляли.
Драли адамашки видъ панської ласки,
Драли кармазини, сами поносили,
Драли оксамити, шили шаровари.
Якъ загнали ляхивъ въ калыны бобота,
Брали много сръбла-злота.
Да загнали ляхивъ до лѣса до Чуты,

а сами участники въ нихъ гайдамаками, удерживая, впрочемъ, и прежнее названіе, даваемое такимъ молодцамъ: левенцы. Окончательно еще не рѣшено: существовало ли это названіе гайдамаковъ еще въ XVII вѣкѣ, какъ на это указываютъ нѣкоторые лѣтописныя повѣствованія о временахъ Богдана Хмельницкаго, или же оно возникло не ранѣе XVIII вѣка, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые на томъ основаніи, что не встрѣчаютъ этого названія въ актахъ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ, это слово татарское и означаетъ гонителя или нарушителя общественнаго порядка. Лѣтъ двадцать гайдамацкое движеніе происходило отрывочно, между прочимъ, поддерживалось даже нѣкоторыми польскими шляхтичами, склонными къ своевольству посреди всеобщей безалаберщины, господствовавшей въ Рѣчи Посполитой, и нерѣдко имѣло видъ простаго разбойничества, такъ что гайдамаки обдирали не только поляковъ и жидовъ, но и своихъ; впрочемъ, безвыходное положеніе бездомныхъ скитальцевъ неволью вынуждало ихъ на такіе поступки: въ превосходномъ сочиненіи Кулиша «Записки о Южной Руси» приводится много любопытныхъ разсказовъ въ этомъ родѣ. Гайдамаки особенно нуждались въ лошадяхъ и не могли удержаться отъ искушенія отнять, гдѣ возможно, лошадь, какъ о томъ поетъ одна пѣсня о Лебеденкѣ, въ которой разсказывается, какъ трое гайдамаковъ отнимаютъ у поселянина, бѣжавшаго за мукою въ мельницу, лошадь и самого убиваютъ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ такой молодецъ, левенецъ, овладѣваетъ пазскими лошадями, и самихъ пановъ убиваетъ ²⁾. Въ третьей пѣснѣ—къ госпожѣ, которая съ безпокойствомъ ожидала отсутствовавшаго мужа, пріѣзжаютъ козаки; но госпожа узнаетъ коня своего супруга и говоритъ пріѣзжавшимъ, что они—гайдамаки. «По

Ой тамъ ляшенькамъ отпоръ дали;
Паматайте, ляхи, где козацькіи шляхи,
Да насъ не забувайтесь,
Ще насъ сподѣвайтесь! (Малор. и Черв. Думи и Пѣсни. 57).

- 1) Ой поѣхавъ Лебеденко у млинъ за мукою,
Изострѣли Лебеденка да три гайдамаки;
Здоровъ, здоровъ, Лебеденку, здоровъ, батькивъ сыну.
Отдай, отдай, Лебеденку, гнѣдую кобылу.
Не дамъ, не дамъ, вражи дѣти, хочъ самъ тутъ загину!
Якъ подняли Лебеденка на три списы къ горѣ,
Опустили неживого на жовтѣмъ пѣсочку!
Прилетѣла зозуленька да й сѣла на хатѣ,
Да й почала зозуленька жалюбно ковати.
Выходила Лебедиха изъ новои хати:
Сусѣдочки, голубочки, якій менѣ сонъ снився,
Либонь мій сынъ Лебеденко сю нять оженився!
- 2) Ой пійшовъ Левенець загуживши,
Пійшовъ же винъ да нидь лугомъ,
Да підпирарчись тугимъ лукомъ.
Прійшовъ же винъ до криниць,
До холоднои до водиць:
Ой стоять конѣ да попутанѣ, да новіученѣ,
Вони отъ Левенця не утеченѣ!
Да лежать пани порубанѣ, да помученѣ,
Вони отъ Левенця не утеченѣ. (Малор. и Черв. Д. и П., стр. 51).

какихъ признакахъ ты это узнала?—спрашиваютъ ее. Я узнала коня!—отвѣчаетъ госпожа. Мы этого коня, говорятъ гайдамаки, у твоего пана купили, посчитали деньги въ зеленой дубравѣ, заплли могорымчъ изъ холоднаго ключа и подкатали твоего пана подъ гнилое бревно!¹⁾

Съ тѣхъ поръ какъ запорожцы, послѣ изгнанія своего изъ старинныхъ мѣстъ своего жительства проживавшіе въ крымскихъ предѣлахъ въ Алешкахъ, въ 1738 г. воротились на свое прежнее поселеніе, гайдамацкое движеніе яснѣе получаетъ видъ систематической борьбы за народные интересы противъ поляковъ и всего польскаго строя. Запорожцы приняли энергическое участіе въ этой борьбѣ и гайдамацкія шайки находили себѣ опору въ организованной военной силѣ. Запорожцы давали южнорусскимъ бѣглецамъ пріютъ въ своихъ городкахъ (поселеніяхъ при рыбныхъ ловляхъ), пасѣкахъ и зимовникахъ, помогали имъ составлять шайки и принимали сами начальство надъ такими шайками. Съ этихъ поръ бѣглые хлопы уже перестаютъ составлять шайки или загоны изъ своей среды, а, убѣгая въ Запорожье, поступаютъ въ ряды вольныхъ запорожцевъ и принимаются на борьбу со шляхтою въ Украину уже въ качествѣ запорожцевъ, а пристающіе къ нимъ гайдамаки изъ хлоповъ становятся также козаками. Идетъ дѣло къ возобновенію прежняго вольнаго козачества въ Украинѣ.

Кромѣ появленія запорожцевъ на прежнихъ мѣстахъ своего жительства была еще причина, оживившая народъ южнорусскій въ то же время. Въ томъ же году въ польскія области вступили русскія войска съ цѣлью содѣйствовать партіи, желавшей избрать въ короли саксонскаго принца, подъ именемъ Августа III, противъ партіи, придерживавшейся Станислава Лещинскаго. Часть русскаго войска расположилась въ южной Руси для противодействія шляхетскимъ конфедераціямъ, составившимся въ пользу Лещинскаго. Одинъ изъ полковниковъ въ этомъ русскомъ отрядѣ Полянской, квартировавшій въ Умань, издалъ объ этомъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ козацкихъ милицій, служившимъ у пановъ. Надобно замѣтить, что въ Польшѣ, при крайнемъ умаленіи военныхъ силъ Рѣчи Посполитой, главная войсковая сила состояла изъ такихъ милицій, набираемыхъ и содержимыхъ на собственный счетъ панамъ: эти милиціонеры назывались козаками, но носили, притомъ, прозвище надворныхъ, въ отличіе отъ вольныхъ козаковъ, которыхъ существованіе въ польскихъ земляхъ уже не дозволялось. Эти надворные козаки были посылаемы панами противъ гайдамаковъ, но, будучи одной вѣры и народности съ гайдамаками, болѣе сочувствовали этимъ послѣднимъ, чѣмъ своимъ господамъ. Одинъ изъ начальниковъ такой надворной команды въ Шарогредѣ, мѣстности князей Любомирскихъ, по имени Верланъ, получивши циркуляръ Полянскаго, поднялъ на ноги свою

1) Не есть вы, козаки, есть вы гайдамаки,
Що вы мого пана молодого вбили.
— Марусенько-панѣ, по чимъ ты признала?—
„Потимъ я признала, правдоньку сказала,
„Що я своего пана коника признала.—
Неправдоньку кажешъ, неправду говоришъ,
— А мы того коника въ твоего пана купили,
— Въ зеленій дубровѣ гроши погѣчили,
— Въ холодній кринницѣ могорымчъ заплли,
— Пидъ гнилу колоду пана подкотили!

надворную команду, сталъ вербовать къ ней новыхъ козаковъ, принявъ званіе козацкаго полковника, раздѣливъ свой отрядъ въ качествѣ полка на сотни, а сотни на десятки, назначилъ сотниковъ и десятскихъ, какъ слѣдовало въ вольномъ козацкомъ полку, и объявилъ своимъ козакамъ, будто русскій полковникъ сообщилъ ему именной указъ Императрицы о томъ, что она принимаетъ подъ свою власть всю Украину и Русь по Збручъ и по Случь, всѣ жители сдѣлаются вольными козаками и теперь дозволяется имъ истреблять иноземцевъ — ляховъ и жидовъ. Верланъ началъ скликать къ себѣ сербовъ и волоховъ, поселенныхъ въ край, чиншовую шляхту, но, разумѣется болѣе всего илюновъ, изъ которыхъ охотибѣ и прежде всѣхъ приставали къ нему выивки (работники на винокурняхъ) и пасѣвники — люди бездомовные. Откликнулись на его призывъ начальники другихъ козацкихъ надворныхъ командъ и привели присягу Императрицѣ съ своими подчиненными козаками. Увеличивая такимъ образомъ свои силы, Верланъ прошелъ по воеводствамъ Брацлавскому и Подольскому, разорялъ шляхту и жидовъ, привелъ южноруссовъ къ присягѣ русской Императрицѣ, разбилъ польскіе отряды, занялъ города Броды и Жванецъ и отаравилъ изъ своей, уже многочисленной, ватаги заганы къ Каменцу и Львову (Арх. Югов. Р. ч. III, 3, стр. 108, 70, 95). Восстаніе разливалось и угрожало нещучною бѣдою всему шляхетскому строю. Но шляхетство въ шору обратилось къ русскому главнокомандующему ландграфу Гессенъ-Гомбургскому, изъясняя повновненіе королю Августу III, поддерживаемому русскою Императрицею, и умоляло русскаго военачальника оказать со стороны русскихъ войскъ пособіе къ укрощенію крестьянскаго мятежа. Ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій распорядился чрезъ посредство кievскаго губернатора приказать генералу русскихъ войскъ фонъ Гейне содѣйствовать къ усмиренію гайдамаковъ и предавать казни нойманвыхъ мятежниковъ. При пособіи русскаго войска возстаніе южнорусскаго народа было тогда на время погашено. Главный зачинщикъ Верланъ съ нѣкоторыми другими предводителями ушелъ въ Молдавію, многіе скрывались въ Запорожскихъ степяхъ и потомъ стали опять появляться въ Украинѣ съ гайдамацкими ватагами, другіе тогда же попались въ плѣнъ и были казнены русскими или подянали расправѣ польскихъ судовъ. Но были и такіе, что поддались приглашеніямъ поляковъ, обѣщавшихъ имъ пощаду и прощеніе, и пристали къ польской сторонѣ. Между такими былъ Савва Чалый, прежде бывшій сотникомъ въ Комаргородѣ, а потомъ присягнувшій передъ Верланомъ русской Императрицѣ и заурядъ съ другими ему подобными грабившій и истреблявшій шляхту и иудеевъ (Ibid. III). По настоянію шляхты Брацлавскаго воеводства онъ былъ схваченъ русскими и препровожденъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, но оттуда ушелъ неизвѣстно какимъ способомъ (*nescitur quo medio et modo wyszedłszy*), а въ 1736 году принесть присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой и сдѣлался слугою шляхетства. Въ 1738 году онъ разбилъ гайдамацкую ватагу, отнялъ у ней батовню (обозъ съ добычею), ворвался въ запорожскія владѣнія и разорилъ тамъ зимовники запорожцевъ. За такіе подвиги и за вѣрность Рѣчи Посполитой гетманъ коронный Іосифъ Потоцкій сдѣлалъ его начальникомъ своихъ надворныхъ козаковъ и подарилъ ему въ пожизненное владѣніе села Рубанъ и Степашки. Желая еще болѣе отличиться передъ своимъ благодѣтелемъ, Савва Чалый въ 1740 году съ надворными козаками Потоцкаго напалъ на Запорожскій гардъ, находившійся на рѣкѣ Бугѣ, разорилъ поселеніе и сжегъ церковь. Этого

подвига не могли уже простить ему запорожцы. У нихъ была особая причина злобы къ этому человѣку: они считали его по породѣ своимъ и вмѣстѣ наизвѣнникомъ. Дѣдъ этого Саввы Яковъ Чалый былъ кошевымъ въ Запорожьѣ. По тогдашнимъ обычаямъ дѣти и потомки запорожскихъ старшинъ часто проживали и выростали въ Украинѣ, какъ и вообще изъ Украины приходили въ Запорожье служить козачеству, а изъ Запорожья переселялись въ Украину. Такъ случилось и съ Саввою; предки его служили въ Сѣчѣ, а онъ самъ уже поселился въ Украинѣ и занималъ тамъ должность сотника. Приставши къ гайдамацкому движенію, онъ сдружился и сблизился съ запорожцами, но потомъ, ради собственныхъ выгодъ, сталъ ихъ врагомъ. Преданіе говоритъ, что Савва былъ «характерникъ», подобно многимъ другимъ козацкимъ богатырямъ, которымъ приписывалось таинственное знаніе средствъ оставаться невредимымъ отъ непріятельскаго оружія. Какой-то чародѣй (ворожбитъ) открылъ запорожцамъ тайну, что Савву можетъ взять только тотъ, у кого въ одно время одна нога будетъ стоять на запорожской землѣ, а другая на польской. Козакъ Медвѣдовскаго куреня Игнатъ Голый смекнулъ, что надобно дѣлать и выврался съ кравишною (отрядомъ или ватагою) добыть Савву: онъ набралъ въ одинъ сапогъ запорожской земли подъ подошву ноги, а другую ногу оставилъ свободною. Нападеніе запорожцевъ на Савву составляетъ содержаніе превосходной народной пѣсни, которую, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ произведеній народнаго творчества.

По этой народной пѣснѣ у Саввы былъ живъ еще отецъ: онъ старый запорожскій козакъ и находится въ Сѣчѣ. Сынъ его Савва не захотѣлъ служить козачеству, а перешелъ къ ляхамъ, приобрѣсть славу, и началъ онъ съ ляхами разорять православную церковь. Козаки запорожцы сошлись на раду и говорятъ старому своему товарищу Чалому: видишь, старикъ Чалый, что вытворяетъ твой сынъ? какъ только запорожець поймаетъ — водить ихъ въ кандалахъ ¹⁾. Старый отецъ, какъ отецъ, думаетъ нельзя ли какъ-нибудь еще образумить преступнаго сына и отвѣчаетъ товарищамъ: ахъ, какъ бы мнѣ побывать въ Польшѣ, да повидать сына моего Савву ²⁾. По другому варианту старикъ Чалый уклонился отъ рады ³⁾. Козаки говорили, что Савву нельзя цѣлою Сѣчью взять, потому что онъ не только разоряетъ церковь, но спо-

¹⁾ Ой бувъ въ Сѣчѣ старий козакъ прозваніємъ Чалый,
Вигодовавъ сына Саву козакамъ на славу,
Не хотѣвъ же да панъ Сава козакамъ служити,
Пийшовъ же вінъ до ляшеньківъ славу залучити.
Ой вінъ пийшовъ до ляшеньківъ служби витярвати.
И зъ ляхами православну церковь руйновати.
Сбиралися запорожцѣ всѣ въ раду схожати,
До козака до Чалого словами мовляли:

Ой чи бачишъ, старий Чалый, що синъ Сава робить,
Якъ пиймає запорожцѣвъ—у кайданахъ водить.

²⁾ Коли бъ менѣ милѣ братя въ Польшѣ побувати,
Въ Польшѣ въ Польшѣ побувати, Саву повидати.

³⁾ Чогожъ менѣ, да панове, у раду ходити,
Що хочете мого сына изъ свѣта згубити.

знался съ бѣсами и кое-что знаетъ волшебнаго. Но тутъ откликнулся Игнатъ Голый: я знаю какъ этого Савву поймать ¹⁾.

И вотъ, еще до разсвѣта, Игнатъ съ кравчиною сѣдасть коней. Гдѣ-то, вѣроятно уже на пути къ Саввѣ, козаки расположились медъ-вино пить; напали на нихъ ляхи, палаты на нихъ въ окно покоя, въ которомъ козаки пировали, два ляха уже загородили Игнату путь скрещенными саблями, но козаки Игнатъ выскочилъ изъ-подъ рукъ ихъ и убѣжалъ съ кравчиною. Бѣжитъ Игнатъ надъ Росью, одна нога у него въ сафьянномъ сапогѣ, другая босая ²⁾. Вотъ здѣсь-то, вѣроятно, намекъ на то преданіе о средствѣ взять Савву, которое приведено выше. Далѣе говорится, что Игнатъ уже не бѣжитъ, а идетъ тихо съ кравчиною по берегу Буга: будетъ бѣда Саввѣ, но некому предупредить его ³⁾. Савва живетъ у ляховъ роскошно, по народному способу представленія зажиточнаго быта, ѣсть все сало да бѣлый хлѣбъ пшеничный. — Савва не любилъ братьевъ козаковъ, а любилъ католиковъ, что все равно, какъ бы онъ не любилъ молодыхъ дѣвицъ, а чужемужнихъ женъ, Савва погубилъ, Савва протерялъ свою вѣру навѣки ⁴⁾.

Сидитъ Савва въ Немировѣ у пана ляха на обѣдѣ и, не вѣдая объ ожидающей его бѣдѣ, пьетъ-гуляетъ, ляха изъ себя корчитъ, и вотъ вдругъ прибѣгаетъ къ нему гонецъ изъ его дома. Что ты малый, — спрашиваетъ Савва, — все ли благополучно у насъ? Все благополучно, отвѣчаетъ гонецъ, только протоптывается дорожка къ твоему двору, изъ-за горъ стали выглядывать гайдамаки! О, я ихъ не боюсь, у меня есть военная сила; оборонюсь, не замедлю ⁵⁾.

¹⁾ Да не машь ёго, старый Чалый, всею Сѣчью взяти:

Бо не тильки да панъ Сава церковь да руйнуе,
И зъ бѣсами ставъ за-право и барзо знахорше.
Обизався Игнатъ Голый, каже: добре знаю,
Ой я того пана Саву у руки пиймаю.

²⁾ Да ще не свѣтъ, да ще жъ не свѣтъ, да ще не свѣтае,

А вже Игнатко съ кравчиною коники сѣдае.
Посѣдали кониченьки, стали медъ-вино пити,
Стали ляхи, вражи сыны, у викио палити.
Обмахнулись два лишенька на-вхрестъ шабельками,
Ой выскочивъ козаки Игнатко по пидъ рученьками.
Ой бѣжить бѣжить по надъ Росью, гдѣ холодна роса,
Одна нога у сапьянцѣ, а другая боса.

³⁾ Да пийшовъ Игнатко съ кравчиною по-надъ-Бугомъ тихо.

Ой вѣкому наказати: буде Савѣ лихо!

⁴⁾ Ой бувъ Сава да вѣъ сало, да все наляницѣ,
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчатъ да все молодницѣ,
Не кохавъ Сава панивъ козакивъ да все католики,
Загубивъ Сава, протесаъ Сава свою вѣру на вѣки!

⁵⁾ Ой бувъ Сава въ Немировѣ въ ляхивъ на обѣдѣ,

И не знае и не вѣдае о своей бѣдѣ.
Ой пье Сава и гулае ляхомъ вирубае,
А до ёго що до Савы гонецъ приѣжае.

„А що ты тутъ, малый хлонку, чи все гараздъ дома?“

— Протоптана, пане, стежка до вашого двора.

— Усе гараздъ, усе гараздъ усе хорошенько,

сказалъ Савва, стараясь казаться твердымъ, но въ то же время страхъ опасности начинаетъ его тревожить и онъ, продолжая еще пировать, говорить лжамъ: что-то уже мнѣ и медъ-вино не пьется, звать, на меня молодого, складается какая-то бѣда ¹⁾.

Пиръ кончился. Савва ѣдетъ съ своимъ джурою на ворономъ конѣ въ свой дворъ, находившійся, какъ намъ извѣстно изъ другихъ извѣстій, въ селѣ Степашкаль. Онъ выѣхалъ изъ Немирова невеселъ, съ поникшею головою, словно яворъ, наклонившій свои вѣтви въ воду. Онъ жалуется на свою долю, называетъ ее шербатаю ²⁾.

Онъ пріѣхалъ къ своему двору. Онъ спрашиваетъ у прислуги: Все ли благополучно? Ему отвѣчаютъ то же, что говорилъ гонецъ: побавляются гайдамаковъ, радуются, что видятъ его, и сообщаютъ ему пріятную новость: его жена родила сына ³⁾.

Савва садится въ концѣ стола и пишетъ мелко письмо, а его жена, сидя на постели, качаетъ ребенка. Савва сидитъ въ концѣ стола, сталъ читать написанное, а его жена Анастасія начинаетъ тяжело вздыхать. Савва сидитъ въ концѣ стола и думаетъ думу, вотъ нанъ Савва что-то замышляетъ. А сходи-ко, джура молодець (но другому варианту онъ посылаетъ дѣвку), въ погребъ да внеси оттуда горѣлки: выпью-ко я за здоровье жены! А сходи-ко, джура молодець, да внеси пива: выпьемъ-ко мы за здоровье маленькаго сына! А сходи-ко, джура молодець, да внеси меду: мнѣ чего-то тяжело, головы не поверну. Не успѣлъ джура, не успѣлъ молодець снять со стѣнъ ключей, какъ Игнатъ Голый съ кравчиною началъ ломать ворота. Не успѣлъ джура дойти до погреба, гайдамаки обступили кругомъ свѣтлицу. Не успѣлъ молодець вернуться изъ погреба въ хату, вскочили гайдамаки, стали Савву привѣтствовать: помогай Богъ тебѣ, Савва, какъ ты поживаешь, сидишь себѣ въ свѣтелкѣ да поживаешь винцо!

— Выглядываютъ гайдамаки изъ-за-горы частенько.

Отъ-то лихо! Выглядываютъ! Я ихъ не боюсь,
Хиба жъ нема въ мене вѣйска? Я не забарюся или: оборонюся!

1) Да чому съ менѣ, милѣ братья, медъ-вино не пьется,
Где-сь на мене, молодого, бѣдонька кладется!

2) „Сѣдлай джуру, сѣдлай малый, коня вороного,
А собѣ сѣдлай, джуру, старого гнѣдого,
Да поѣдемъ до господи, хочъ насъ и не много!
Стоить явиръ надъ водою, въ воду похилився“.
Ѣде Сава изъ Немирова, тжко засмутився;
Ѣде Сава изъ Немирова на воронимъ коню,
А ѣдучи да гадае про свою долю:
Ой ты доле, каже, доле, шербатая доле!

3) Ой пріѣхавъ да нанъ Сава до своего двора.
Пытається челядоньки: чи все гараздъ дома?
За все гараздъ пане Сава, тильки одно страшно,
Выглядать гайдамаки изъ-за-горы часто!
Гараздъ, гараздъ, пане Сава, ще лучше съ тобою,
Якъ ми тебе побачили на воронимъ коню.
Гараздъ, гараздъ, пане Сава, счастлива година:
Твоя жѣнка, наша нанѣ породила сына.

Челомъ тебѣ бьемъ, въ добрый часъ: издалека къ тебѣ гости прибыли; чѣмъ-то ты ихъ будешь угощать? ¹⁾.

По нѣкоторымъ вариантамъ Савва сразу понимаетъ, что надъ нимъ идутъ и говорятъ имъ, что они пріѣхали убить его ²⁾, да и они сами намекаютъ ему объ этомъ тотчасъ же ³⁾, но, по другимъ, Савва говоритъ гайдакамъ, что даровалъ ему Богъ сына и онъ ихъ будетъ просить къ себѣ въ кумы ⁴⁾. Еслибъ ты, отвѣчаютъ ему гайдаки, панъ Савва, точно хотѣлъ насъ брать къ себѣ въ кумовья, то не ходилъ бы до Гарда разорять церковь! Не за тѣмъ пришли мы къ тебѣ, чтобъ кумовать у тебя, а за тѣмъ, чтобъ рассчитаться съ тобою. Веди-ко насъ, панъ Савва, въ свою новую кладовую, да отдавай намъ свое козацкое оружіе. Гдѣ твои, панъ Савва, платья дошаковыя, чтѣ ты нажилъ, вражій сынъ, по милости козаковъ своей жёнѣ на «запаски» (женскія нижняя одежда у малороссіянокъ). Гдѣ твои, панъ Савва, битые талеры, чтѣ ты набралъ, водячи по Украинѣ ватаги? Гдѣ твои, панъ Савва, китайки да атласы, чтѣ ты набралъ на Украинѣ своей жёнѣ на полса! Гдѣ твое, панъ Савва, козацкое оружіе: вонъ, вонъ оно виситъ на колку, да уже теперь не твое оно! Не за тѣмъ пришли мы къ тебѣ, чтобъ у тебя кумовать, а за тѣмъ, чтобъ съ тебя голову снять! Вросился панъ Савва къ оружію, а гайдаки говорятъ

- 1) Ой сѣвъ Сава въ концѣ стола да листоньки пише,
А Савиха на лѣженьку дитину колише:
Ой люляй же люляй, люляй вродливый синочку,
Най си лягну, най спочину, зложу головочку,
Сидить Сава въ концѣ стола, ставъ листи читати,
Его жѣвка Настасѣя тяженько вздыхати.
Сидить Сава въ концѣ стола, Сава думку дбае,
Отъ нже Сава да панъ Сава гадку замышляе:
Пійди, джуро, до пивницѣ да уточи горѣлка,
Ой я выпью за здорovie да своен жѣнки.
Да пійди джуро, пійди малій, да принеси нива
Мы выпьемъ за здорovie маленького сина.
Да пійди джуро, пійди малій, да унеси меду:
Чогось менѣ тажко-важко, головки не зведу!
Не вспѣвъ хлопецъ, не вспѣвъ джуро ключей зъ стѣнъ звяти,
Ставъ Игнатъ Голій съ кравчиною ворота ломати.
Ой ще хлопецъ не постигнувъ по медъ до пивницѣ,
Обступили гайдамаки около свѣтлицѣ.
Не встигъ хлопецъ вернутися зъ пивницѣ до хати—
Ускочили гайдамаки, стали вривѣтати.
Помогай Богъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь,
Сидишь собѣ у свѣтлицѣ вино попиваєшь.
Здорovie здорovie, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь.
Идалека гости маєшь, чимъ ихъ привѣтаєшь?

²⁾ Пріймавъ би васъ виномъ пивомъ не будете пити,
Либонъ вы са, козаченьки, пріѣхали бити? (Чт. 1868 г. 19).

³⁾ Ой чи медомъ ой чи пивомъ ой чи горѣлкою
Попрощайся, пане Саво, изъ синомъ изъ жѣнкою (Мавс. 98).

⁴⁾ Ой не знаю мигѣ братья чимъ же васъ витати.
Даровавъ намъ Богъ сына, буду въ куми брати.

ему: постой, постой, панъ Савва, это вѣдь не въ чистомъ полѣ! ¹⁾). Кинулся панъ Савва къ своему ясному мечу; подхватили его двумя копыями съ праваго плеча. Кинулся панъ Савва къ своему оружію—его взяли и подняли двумя копыями вверхъ! «Вотъ же тебѣ, вражій сынъ, за твои выходки, чтобъ не зазывалъ насъ въ кумы къ твоей сукѣ улиткѣ!» ²⁾). Этимъ кончается большой вариантъ, записанный мною. Пѣвцы объясняли послѣднія слова такъ: Савва Чалый въ поруганіе запорожцамъ приглашалъ ихъ въ кумы къ своей собацѣ, которую звали улиткою, и они теперь, въ послѣднюю его минуту, припомнили ему эту оскорбительную выходку, и это случилось именно тогда, когда у Саввы родился сынъ, и онъ, застигнутый внезапно запорожцами, отъ страха приглашалъ ихъ быть воспріемниками его сына.

Въ другихъ вариантахъ изображается испугъ и бѣгство Савви. Она выскакиваетъ въ окно и кричитъ своей кухаркѣ или просто прислугѣ (челяди), чтобъ спасали ея ребенка, общается, что прислуга будетъ жить хорошо, если она сама не пропадетъ ³⁾). Ребенокъ, родившійся тогда у Саввы Чалаго, былъ дѣйстви-

¹⁾ Коли бъ же ты, пане Саво, хотѣвъ въ кумы насъ брати,

Ты бъ не ходивъ да до Кгарду церковь руйновати.

Не зъ того прійшли до тебе да щобъ кумовати,

А мы зъ того прійшли до тебе, да щобъ розсчитати.

Ой веди насъ, пане Саво, у нову комору,

Да отдавай, пане Саво, козацьку зброю.

А гдежъ твою, пане Саво, сукнѣ едамашки,

Що ты навивъ, вражій сину, зъ козацькою ласки.

(По друг. варианту—Чт. 1863. III. 19—вмѣсто зъ козацькою ласки—

жѣнцѣ на запаски).

А гдежъ твою, пане Саво, битки талары,

Що ты набравъ по Вкраинѣ водичи ватаги!

(Въ др. вар. вмѣсто ватаги: затыги).

А гдежъ твою, пане Саво, китайки, атласи

Що ты набравъ по Вкраинѣ жѣнцѣ на поясы?

А гдежъ твою, пане Саво, козацька зброя?

Озде висить на килочку, да уже не твою!

Мы не того прійшли къ тобѣ, да щобъ кумовати;

А мы прійшли щобъ изъ тебе головоньку сняти!

Гей порвался да панъ Сава до своєю збров;—

Почкай, почкай, пане Саво, то не въ чистѣмъ полѣ!

²⁾ Ой кинувся да панъ Сава до яснаго меча,

Ухватили на два списи изъ праваго плеча.

Ой кинувся да панъ Сава до своєю збров,

Его взяли да й виділи на два списи къ горѣ!

Отсежъ тобѣ, вражій сину, за твою ушитку,

Щобъ не кликавъ у кумы до сучки улитки.

Въ галицкомъ вариантѣ гайдамаки, подливши Саву на копыя, говорятъ:

Годъ, годъ, пане Саво, годъ воувати

Ой не будобъ, пане Саво, церковь рабовати (Чт. 1863. III. 20).

³⁾ А Савица молодая виномъ утѣкала,

На молодую челядоньку спяльна поглядала;

Хапай, хапай, челядонько, малую дитину,

тельно спасенъ, и когда выросъ, служилъ полякамъ, отличался подвигами храбрости, нося отцовское имя Саввы, и былъ убитъ во время барской конфедераціи въ битвѣ съ Суворовымъ. Въ польской исторіи назывался онъ генераломъ Цалинскимъ.

Въ Галицкихъ вариантахъ прибавляются въ концѣ пѣсни стихи, которыхъ мы нигдѣ въ извѣстныхъ намъ вариантахъ, записанныхъ въ Малороссіи, не встрѣтили: видѣли многіе люди украинскую сову, которая принесла пану Саввѣ смертную рубашку; прилетѣли къ пану Саввѣ украинскія вороны; зазвонили пану Саввѣ разомъ во всѣ колокола ¹⁾. Эта прибавка кажется намъ позднѣйшею и даже не народною, а присочиненною.

Гайдамачество развивалось въ южной Руси болѣе и болѣе. Предводители вступали въ предѣлы Украины изъ запорожскихъ степей съ образовавшимися тамъ ватагами, грабили и разоряли дворы шляхетскіе и жидовскіе, истязали въ нихъ ховяевъ, особенно іудеевъ, подчасъ нападали даже на городки, какъ, напримѣръ, на Паволокъ, Чернобыль, Грановъ, Умань, Летичевъ, Хвастовъ, проникали даже въ Полѣсье, въ окрестности Мозыря и Овруча. Крестьяне повсемѣстно имъ сочувствовали, одни приставали къ гайдамакамъ и увеличивали собою ихъ ватаги, другіе тайно призывали ихъ на расправу съ своими господами. Вездѣ гайдамаки могли найти себѣ и пропитаніе, и притонъ, и всякаго рода возможное пособіе отъ жителей крестьянскаго званія и православной вѣры. Помѣщики, напротивъ, не могли получать доходовъ съ своихъ маєностей, не могли безопасно ѣздить отъ одного къ другому и сѣзжаться въ городскіе суды по своимъ дѣламъ. Такъ было сплошь до 1768 года, когда разразилось самое сильнѣйшее гайдамацкое волненіе въ уманской рѣзнѣ. Появлялось и исчезало множество атамановъ гайдамацкихъ ватагъ, приобрѣвшихъ въ свое время извѣстность: Рудый, Жига, Грива, Харько, Иванца, Медвѣдъ, Невѣнчаный, Серета, Беркутъ, Мельникъ, Вечорка, Игнатко Голый, Сухій, Горкуша, Кривохата, Кошовенко, Дрикса, Клеохвастъ, Иванъ Борода, Игнатъ, Блакитенко, Чабала, Выракуль, Таранецъ, Слинкѣ Хошеевко, Бородавка, Чернявченко, Гапонъ, Романъ Черный, Отрущенко, Ткаченко, Подоляка и другіе. Къ этому періоду, вѣроятно, относятся пѣсни, записанныя собирателями въ Червонной Руси и напечатанныя сначала въ сборникѣ Жеготы Паули, а потомъ съ прибавленіями еще иныхъ въ Чтеніяхъ за 1863 годъ. Такова, напримѣръ, пѣсня о битвѣ подъ Солопковцами (Чт. 1863, ч. III, стр. 13). Она начинается призывомъ идти подъ Гусятинъ грабить жидовъ ²⁾. Козаки грабили жидовъ въ Гусятинѣ и Иванковцахъ, какъ вдругъ поставленный на сторожѣ козакъ запорожскій далъ знать, что идутъ ляхи съ волынскимъ воєво-

Будемъ жити, пановати, коли я не згину. (Макс. 94).

Иис: Въ тымъ Савиха молоденька кризь вѣкно вѣкала,

Съ чистыхъ устокъ но (?) словенько кухарцѣ видіала;

Ой кухарко, вѣрна слуга, подай мѣ дитину,

Будешъ доси пановати доки я не згину! (Чт. 1863. III. 19).

¹⁾ Гей бачили многи люде Враньську совочку,
Що принесла пану Саввѣ смертельную сорочку,
Прилетѣли къ пану Саввѣ Украинскія вороны
Зазвонили пану Саввѣ разомъ у всѣ дзвони.

²⁾ Годѣ, годѣ, козаченки, въ обовѣ лежати,
Ой ходѣмо підъ Гусятинъ жидивъ рабовати.

дою ¹⁾). Козаки пошли въ бой, прогнали десять тысячъ ляховъ, ударили на нихъ гдѣ-то на перекресткѣ дорогъ, потомъ выступили противъ нихъ изъ мѣстечка Зинкова и многихъ сбили съ лошадей, потомъ окончательно расправился съ ними Медвѣдъ или Медвѣдонько (по галицкому говору Медвѣдойко), перетопивши ихъ въ городецкомъ озерѣ ²⁾).

Волинскій воевода только глядѣлъ съ горы, какъ региментарь (начальникъ украинскаго отряда польскаго войска) Борейко убѣгалъ съ поля битвы, сидя на конѣ безъ сѣдла. Несчастливый мѣсяцъ апрѣль былъ для ляховъ въ этомъ году: у Борейка изъ бока текла кровь. Борейко добѣжалъ къ воеводѣ, поклонился ему и сказалъ: уже теперь мнѣ не воевать съ козаками. Самъ воевода, стоявшій во время битвы Борейка съ козаками въ резервѣ (на отводѣ), хотъ и былъ славный рыцарь, но также бѣжалъ отъ страха ³⁾). Борейкова дружина растерялась, кричала, что нѣтъ болѣе господина и всѣмъ нѣтъ остается разойтись ⁴⁾). Пѣсня далѣе говоритъ: несчастная была эта битва подъ Солопковцами для ляховъ ⁵⁾).

1) А въ пятницю до полуднѣ жиды рабовали,
А въ субботу въ Иванькѣвцахъ худобу забрали,
Козаченько стороженько своимъ знати дае:
Ой зъ за горы високой да зъ зеленой дубины
Идутъ ляхи на три шляхи за пивторы милѣ.
Крикнутьъ козакъ запорожскій да на свои люде:
Йдетъ волинскій воевода— баталія буде!

2) Передъ собою десять тысячъ ляхивъ прогнали,
На крыжовий дороженьцѣ тамъ ся испиткали,
Дали ляхамъ привѣташня ажъ зъ коней спадали.
Выступили козаченьки изъ мѣста Зинкова,
Ой летѣли вражи ляхи съ коней якъ солома,
А добре ся паны ляхи съ козаками били,
Що лежить ихъ зъ пидъ Городка на пивтретѣ милѣ,
Гей показавъ Медвѣдойко богатырську славу,
Що потопивъ панивъ ляхивъ въ Городецькимъ ставу.

Въ другой пѣснѣ два послѣднихъ стиха замѣняются такими:

А козаки въ день и въ ночи за ними вганяли,
А нагнавши пидъ Городокъ тамъ ся потыкали,
Въ великое озерище тамъ ихъ повганяли.

3) А Волинскій воевода съ горы поглядае:
Панъ Борейко безъ кульбаки охляпъ утѣкае.
Несчастливый мѣсяцъ квітень наставъ у сѣмъ року,
Рейментарю Борейковѣ потекла кровь зъ боку.
Поклонився панъ Борейко пану воеводѣ:
А вже жъ менѣ съ козаками воевати годѣ!

Въ другой пѣснѣ:

Воевода славный лндарь на отводѣ зставъ,
А учуши о неславѣ си страхомъ бѣжавъ.

4) Борейкова дружинойка волае долами,
Одень каже до другого: вже пана не мамн!
Борейкова дружинойка волае до неба,
Одень каже до другого: розийтися треба!

5) Несчастная баталія пидъ Солопквцями,
Лежать ляхи съ козаками да все купоньками.

Образовалась изъ нѣтъ тѣлъ высокая насыпь ¹⁾. Все это оттого, что Борейкова дивизія пришла въ замѣшательство и разстроила ряды польскаго войска ²⁾.

Слѣдуетъ затѣмъ въ пѣснѣ восторгъ козаковъ о пораженіи враговъ, выражаемый сопоставленіемъ ружейной и пушечной стрѣльбы съ плачемъ и воплемъ польскихъ женщинъ о погибшихъ ляхахъ ³⁾.

Объ этомъ событіи въ Чтеніяхъ напечатаны двѣ пѣсни настолько отличныя, что не могутъ быть признаны вариантами одной и той же, хотя и не заключаютъ противорѣчій. Тамъ же (Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1863 г. III, стр. 15) о другомъ событіи, въ которомъ участвовалъ тотъ же Медвѣдь или Медвѣдойко, есть пѣсня такого содержанія:

Бдуть ляхи въ Украинну и спрашиваютъ дорогу къ козацкому лугу, то есть къ тому лѣсу, гдѣ былъ заложень гайдамацкій станъ ⁴⁾. Ляхи изъ города Шарогрода ⁵⁾ прошли черезъ Кичманскій лѣсъ съ помощью измѣны и пришлось пропадать лужецкой громадѣ ⁶⁾. Региментарь окружилъ со всѣхъ сторонъ лугъ, а Подгурскій заглядываетъ козакамъ въ глаза ⁷⁾. Козаки зовутъ изъ Вербокъ Медвѣдойка выручать лугъ, а не то пропадетъ все нѣтъ сборище въ лугѣ. Медвѣдойко приближалъ, но не могъ сладить и долженъ былъ уходить назадъ. Но онъ посылаетъ сотника Сорича въ погоню за ляхами до Жабокрича. Подгѣ села Жабокрича, гдѣ былъ станъ ляховъ, они посадили на колъ троицъ козаковъ, словно трехъ скворцовъ. Не спрашивай теперь ляхъ дороги въ Украиннѣ, а гляди только, гдѣ по дубамъ висятъ козачушки. Не одного козацкаго сына смерть постигла. Не гулять ужъ намъ, видно, тутъ, братья; Борейчики такіе-сакіе сыны ставутъ насъ вѣшать ⁸⁾. Здѣсь подъ Борейчиками разумѣется дружина павшаго

¹⁾ Несчастлива тая битва лиха наробила:

Въ Солопкивцяхъ изъ лашенькивъ висока могила!

²⁾ Борейкова дивизія въ той часъ ся змішала,

Дай лядькому всему війску шика поламала.

³⁾ Въ славнѣмъ мѣстѣ у Камяницѣ стрѣльнули зъ гарматы,

Не по однимъ ляху заплакала мати;

Въ славнѣмъ мѣстѣ у Камяницѣ стрѣльнули зъ рушницѣ,

Не по однимъ по лашеньку плакали сестрицѣ!

⁴⁾ Бдуть ляхи на Украинну, все собѣ думаютъ

А до лугу козацкаго дороги питають.

⁵⁾ Стоять ляхи въ Шарогродѣ. Въ Лузѣ дають знати:

Да вжежъ ляхи, пани брати, козакнѣвѣ витають.

⁶⁾ Гей изъ лѣсу изъ Кичмана сталася тамъ зрада,

Ахъ пропала лужецкая велика громада!

⁷⁾ Панъ Любковскій рементарь вколо лугъ обгочивъ,

А Подгурскій съ молодцами въ очн нмъ заскочивъ.

⁸⁾ Вийди зъ Вербокъ, Медвѣдойко, лугу ратовати,

А вжежъ намъ тутъ, пане брате, прійде загнати,

Прибѣгъ зъ Вербокъ Медвѣдойко луга ратовати,

Не мигъ дати лихамъ рады, мусивъ утѣкати.

Гей закликавъ Медвѣдойко сотника Сорича:

Съдай, брате, ляхнѣвѣ гнати ажъ до Жабокрича:

Били села Жабокрича, где ляхи стояли,

Три козакнѣвѣ якъ шпаконькивъ на палѣ повбивали.

Не пытайся на Украиннѣ, лаше, дороженьки,

подъ Солоповцами regimentаря Борейка, о которомъ говорилось въ предшествовавшей пѣснѣ.

О Медвѣдѣ или Медвѣдойкѣ мы узнаемъ изъ актовъ того времени, что такъ назывался одинъ изъ предводителей гайдамацкихъ. Онъ былъ разбитъ Саввою Чалымъ послѣ перехода послѣдняго на сторону поляковъ, но потомъ оправился и разомъ съ другими предводителями гайдамацкихъ ватагъ взялъ городки Паволочъ, Погребыще, ограбилъ въ окрестности шляхетскіе дворы, мучилъ и умерщвлялъ шляхту и жидовъ, а въ 1748 году вмѣстѣ съ предводителями гайдамацкихъ ватагъ: Рудемъ, Жилою, Харьковъ и Иваницею находился въ плѣну у русскихъ. Поляки требовали всѣхъ этихъ гайдамаковъ къ своему суду и жаловались на генерала Миниха, что тотъ ихъ не выдавалъ, подозрѣвали даже Миниха въ томъ, что онъ мирволить гайдамакамъ (Арх. югозападн. Росс. III, 2, стр. 111—409). О дальнѣйшей судьбѣ Медвѣда, какъ и другихъ предводителей, мы не нашли извѣстій.

Въ числѣ галицкихъ пѣсней, относящихся къ періоду гайдамачины, слѣдуетъ обратить вниманіе на пѣсню о казни гайдамаковъ въ Пятигорахъ, напечатанную въ Сборникѣ Жеготы Паули (ч. I, стр. 162) и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 17). Въ ней говорится: какъ орелъ летаетъ по глубокой долинѣ, такъ рассылаютъ ляхи свои писанія по всей Украинѣ, извѣщая украинцевъ (то-есть своихъ поляковъ, живущихъ въ Украинѣ), чтобъ они жили спокойно и ничего не боялись, потому что въ Пятигорахъ перевѣшали много гайдамаковъ. Блеститъ ясный мѣсяцъ, рано въ воскресный день у сотника Лаврина повѣсили козаковъ. Атаманъ съ асауломъ просятъ пана regimentаря и жалобно взываютъ къ Богу: избавь насъ, Боже, изъ этой неволи, дай еще разъ засѣять волѣ козацкой! А панъ regimentарь, похаживая, говоритъ имъ: умѣли, сякіе-такіе сыны, воевать поляковъ! Зато вамъ надобно погибать въ Пятигорахъ¹⁾. Плачъ козаковъ сравнивается со щebetаньемъ соловья на разные голоса. Они умываются слезами и ропщутъ на какого-то Заяца, своего козака, который соблазнилъ ихъ всѣхъ къ бунту противъ поляковъ²⁾. Слѣдуетъ

Тільки гляди где по дубкахъ висять козаченьки.

По несчастній Украинѣ слынула новина

Не одного смерть спиткала козацького сына!

Да вжежъ намъ тутъ, пане брате, бильше не гуляти:

Борейчики, скурвѣ сыны, будуть насъ вѣшати.

1) Лѣтай, лѣтай, сивый орле, по глубокий долиниѣ,

Засылають пани листы по всѣй Украинѣ:

Живѣть, живѣть, украинцѣ, не бийтесь ничего,

Повѣшено въ Пятигорахъ козаченькивъ много.

Мрѣе, мрѣе ясенъ мѣсяцъ, а въ недѣлю рано,

У сотника а въ Лаврина козаківъ повѣшано.

Отаманъ же зъ асауломъ пана рейментаря просятъ,

Да й до Бога жалибенько свои руки вносять:

Визволь же насъ, милий Боже, да зъ тои неволѣ,

Да дай ще разъ засѣяти козацкой волѣ.

Панъ рейментарь похожае, имъ отповѣдае:

Умѣли-сте, скурвѣ синове, полякивъ воевати,

За тое же вамъ потреба въ Пятигорахъ погибати.

2) Щebetавъ же соловейко ризными голосами,

затѣмъ скорбь семействъ козацкихъ, выражаемая въ сопоставленіи ружейной и пушечной стрѣльбы ¹⁾. Но тутъ же дѣлается какъ бы намекъ на будущую вражду съ поляками и взывается къ оставшимся въ живыхъ козакамъ объ-отпущеніи за смерть товарищей ²⁾.

Мы не можемъ опредѣлять съ точностью къ какимъ именно годѣмъ относятся эта прекрасная пѣсня и на нѣкоторыхъ основаніяхъ, о которыхъ скажемъ ниже, предполагаемъ, что событіе, здѣсь описанное, случилось во время уже близкое къ Уманской рѣзвѣ.

Почти всѣ пѣсни о гайдамачинѣ поются на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ совершались самыя событія въ нихъ изображаемыя, и только немногія распространены на лѣвой, становясь достояніемъ всего южнорусскаго племени. Къ такимъ, кромѣ пѣсни о Саввѣ Чаломѣ, принадлежатъ и пѣсня о Харьковѣ, Жаботинскомъ сотникѣ, убитомъ поляками въ 1766 году.

Послѣ избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію; она завязалась подъ знаменемъ самаго изувѣрнаго католическаго фанатизма и не хотѣла допускать въ Польшѣ никакой вѣротерпимости ни для какого исповѣданія, несогласнаго съ католичествомъ; но въ особенности члены этой конфедераціи были озлоблены противъ православной вѣры, какъ религіи, господствовавшей въ Россіи, а русская Императрица, чувствуя силу свою и слабость Польши, настойчиво требовала свободы совѣсти для всѣхъ польскихъ подданныхъ некаатолическаго вѣроисповѣданія. Подъ покровительствомъ военной силы, вступившей въ Украину съ региментаремъ Вороничемъ, католическіе и униатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, упорно державшихся отеческаго православія и обращали насильно приходы за приходами изъ православія въ унию. Со стороны православной дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви явился тогда Матронинскаго монастыря игуменъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, намѣстникъ православнаго архіерея, имѣвшаго постоянное пребываніе въ Переяславлѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Этотъ игуменъ Мельхиседекъ съѣзжалъ въ Варшаву и получалъ отъ короля привилегію, обезпечивавшую свободу православной церкви въ Украинѣ. Поляки вообще мало оказывали уваженія къ подобнымъ королевскимъ привилегіямъ въ пользу православной вѣры, всегда противной и ненавистной имъ ксендзамъ и монахамъ; но въ это время, не любя тогдашняго своего короля Станислава Понятовскаго, они не только не хотѣли соображать свои поступки

Да вымысли козаченьки дрибними слѣзами:

Гей не слухати було бѣ Заяця, милми брати,

Не прійшло бѣ намъ небожатамъ марне погибати.

Бѣгавъ, бѣгавъ козакъ Заяць теперъ въ сѣть упавъ,

Не одинъ же козакъ добрый черезъ него пропавъ!

- ¹⁾ Вдарено въ Бѣлий Церкви зъ гризною гарматы,
Заплакала не одна козацькая мати;
А вдарено у Києвѣ зъ гризною ручницѣ,—
Заплакали за козакомъ риднии сестрицѣ.

- ²⁾ Вытягнуено въ Пятигорахъ изъ тугого лука:

Да вжежъ, пане рейментарю, съ тобою розлука!

Гей, которимъ козаченьки будутъ въ свѣтъ жити,

Не забудьте козацькою смерти видомстити.

съ выданною имъ привилегією, а еще болѣе озлобились за нее противъ православныхъ. По настоянію изувѣра Мокрицкаго, офиціала уніатской интродуціи, поставлена была сторожа съ цѣлью поймать Мельхиседека, собиравшагося ѣхать за Днѣпръ къ своему архіерею. Но Мельхиседека счастливо провелъ объѣзднымъ путемъ за Днѣпръ Харько Жаботинскій, сотникъ козаковъ маестностей князей Любомирскихъ. За это, по настоянію уніатскихъ духовныхъ, региментарь Вороничъ приказалъ Харьку схватить, привести къ нему въ обозъ подъ Ольшанами и безъ всякаго суда и разслѣдованія отрубить ему голову въ конюшнѣ (Ист. изв. о возн. въ Польшѣ Уніи Вантышъ-Каменскаго, стр. 432—Кояловича: Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ, стр. 41). Это событіе, бывшее какъ бы предвѣстникомъ большого гайдамацкаго возстанія въ 1768 году, извѣстнаго подъ названіемъ коливщины, отразилось въ народной памяти, и о немъ сложилась пѣсня, распространенная повсюду въ разныхъ вариантахъ. Въ одномъ (довольно пространномъ, записанномъ мною) вариантѣ рассказывается, что Харько былъ схваченъ измѣннически въ Павлочи, куда пріѣхалъ въ гости къ какому-то паволоцкому пану съ семисотнымъ отрядомъ козаковъ. На пути въ Павлочъ конь Харьковъ остававливается и въ этомъ Харько видитъ дурное предзнаменованіе ¹⁾. По варианту, напечатанному въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 526—527), Харько, прибывши въ Павлочъ, былъ приглашенъ къ своей крестной матери въ панскія палаты и тамъ паны ляхи взяли его, пьянаго ²⁾. По галицкому варианту, помѣщенному въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 21), Харько, проѣзжая черезъ мѣстечко Улановъ, смутился предзнаменованіемъ; онъ обращается мысленно къ своей женѣ, предсказываетъ, что она скоро заплачетъ, приготавливая завтракъ; потомъ Харько проситъ своего коня заиграть подъ нимъ, потому что ляхи уже гонятся за нимъ ³⁾. По варианту Метлинскаго, Харька умерщвляютъ въ конюшнѣ, какъ

¹⁾ Ой ѣхавъ сотникъ Харько черезъ Улане мѣсто, сѣвъ горѣлку пшти.

А за нимъ, за нимъ сѣмъ сотъ молодцѣвъ: стий батьку не журися!

Ой якъ же менѣ, панове молодцѣ, якъ менѣ не журиться,

Коли пидо мною мий кинь буланый да ставъ становиться.

Ой и ставъ Харько, да и ставъ батько до Павлочи пріѣзжати:

Ой и ставъ же ёго панъ Паволоцькій медомъ-виномъ наповати.

Ой и ставъ Харько, ой и ставъ батько меду-вина пидпивати,

Да на людськее бѣлее гѣвенько да й ставъ спати лягати,

Ой и пріѣхали два козаченьки да изъ людського полку,

Да узали Харька, узали батька, да забили въ колоду.

²⁾ Ой якъ ставъ сотникъ, ой якъ ставъ Харько у Павлочѣ уѣзжати.

Ой и выйшовъ же а панъ Паволоченскій медомъ-виномъ частовати.

Ой якъ ставъ сотника, а сотника Харька, медомъ-виномъ частовати,

У панськи палацы и къ матцѣ хрещений у гостину зазывати.

Ой якъ ставъ же сотничокъ Харько меду-вина напиваться,

А потомъ ставъ сотникъ, а сотничокъ Харько да и ставъ забуваться,

На панськи перини ставъ вниъ похилаться,

Ой теперъ же вы, ляхки, ой теперъ вы, паны, ой теперъ вы позволяйте.

Ой лежить же пьяный Харько да теперъ ёго збавляйте,

Теперъ маєте часъ, маєте годину, теперъ ёго оступайте!

³⁾ Ёхавъ сотникъ черезъ Уланувъ, горѣвки напився,

За нимъ за нимъ сѣмъ-сотъ молодцѣвъ: нашъ батьку не журися!

дѣйствительно съ нимъ и было; а его конь, видя смерть своего хозяина, испустилъ жалобное ржаніе, и Харька похоронили въ зеленомъ хвощѣ ¹⁾. По вариантамъ галицкому ²⁾ и Максимовича (изд. 1834 г. 122) ³⁾, Харька убиваютъ на мосту въ Морозовкѣ, и конь, не будучи свидѣтелемъ смерти хозяина, гдѣ-то стоя въ конюшнѣ, отзывается жалобнымъ ржаніемъ какъ бы по сочувствію. Вѣсть подаетъ, по однимъ вариантамъ, какъ бы воронъ ⁴⁾, по другому—галка ⁵⁾ сотничкѣ о томъ, что она осталась сиротою, словно овца заблудшая отъ стада ⁶⁾. Сотничиха проклиняетъ, по однимъ вариантамъ, полковника ⁷⁾ и всѣхъ ляховъ ⁸⁾, по другимъ—регентаря ⁹⁾, желая, чтобъ онъ не звалъ о собственныхъ дѣтяхъ за то, что оставилъ ее вдовою съ сиротами-дѣтьми. Въ вариантѣ, записанномъ мною, вѣсть описанія смерти Харька. а только, вслѣдъ за взятіемъ Харька, приходятъ ляхи вѣсти къ сотничкѣ въ то время, когда она готовила пищу и выбѣжала съ руками, испачканными тѣстомъ. Она произноситъ доставившимъ ей злую вѣсть желаніе болѣть три

Ѣхавъ сотникъ черезъ Уланівъ на гривоньку похилився.

Ой чого ты, пане сотнику, чого зажурився?

Якъ же менѣ, панове братья, да не жураться,

Коли пидо мною сивъ уланъ (буланъ) коникъ почавъ становиться.

Ой заржій, заржій, сивъ уланъ-коню, въ круту гору йдучи,

Ой заплачешъ панѣ сотничка, сибданья готуючи.

Ой заграй, заграй, сивъ уланъ-коню, хотъ разъ пидомъ,

Бо вже ляшеньки вражіи синки настигають за мною.

1) Ой и заржавъ коникъ вороненькій а стоячи на станѣ,

А скололи Харька, скололи сотника въ голубимъ жупанѣ.

Ой якъ стали Харька, якъ стали сотника изъ свѣта згубляти,

Ой и ставъ же ёго коникъ, коникъ вороненькій жалобененько кричати.

Ой и заржавъ да коникъ буланенькій, стоячи на помостѣ.

Или (въ другомъ вариантѣ тамъ же напечатанномъ):

Ой щожъ тому да сотнику Харьку зробилось въ Паволочѣ?

Ой и поховали сотника Харька въ зеленѣй пехворощѣ.

2) Ой заржавъ, заржавъ сивъ-уланъ коникъ въ станѣ на помостѣ,

Бо вже вбито пана сотника въ Морозивцѣ на мостѣ.

3) Ой заржавъ же вороний коникъ въ станѣ на помостѣ.

А вже вбито Харька сотника въ Морозовцѣ на мостѣ.

4) Ой летить крычокъ черезъ байрачокъ да й жалобененько криче,

Стоить сотничка съ полковникомъ да й жалобененько плаче,

Или:

(Макс. 1834 г. 122).

Ой летѣвъ воронъ зъ чужихъ сторонъ да жалобененько криче,

Ой иде сотничка до полеовника да й жалобененько плаче.

(Чт. 1863. III, стр. 22).

5) Ой и летѣла черезъ тми будинки а чорненъкая галка.

6) Ой и осталася сотничка Харчиха, якъ прибаудная лрка.

7) Ой богдай же ты, полковнику, да наложишъ головою,

Що ты мене молоденьку да нарядивъ удовою.

Или:

8) Ой богдай же вы, вражи ляшеньки, наложили головою,

Що вы мене молоденькую да вчинили вдовою, (Чт. 1863. ч. III, стр. 22.)

9) Ой богдай же ты, пане лментарю, а не знавъ объ свои дѣти,

Що ты посиротивъ сотничку Харчиху и маленькіи дѣти. (Метл. 527).

года. Региментарь ходить съ оружіемъ за плечами, а сотничиха шатается, бѣдняжка, словно заблудившаяся овца ¹⁾. Въ галицкомъ вариантѣ между описаніемъ смерти Харька и вѣстью, несомною ворономъ Харчихѣ, есть стихи, которыхъ нѣтъ въ прочихъ вариантахъ, такого содержанія: еслибъ вы, враги ляхи, хотѣли господствовать, то вамъ бы слѣдовало сотника Харька живого поймать ²⁾. Эти слова, очевидно, произносятъ козаки, и они какъ будто имѣютъ смыслъ ожиданія ищенія за смерть.

Послѣ казни Харька поляки усилили свои неистовства въ Украинѣ. Мельхиседекъ былъ таки схваченъ и послѣ разныхъ допросовъ засажень въ Дерманскій монастырь, откуда, впрочемъ, скоро освободился и уѣхалъ въ Переяславль. Вороничъ, убійца Харька, скоро послѣ казни этого человѣка занялъ войскомъ Жаботинъ, разставилъ жолнеровъ по домамъ обывателей, жолнеры обирали хозяевъ и творили надъ ними всякія насилія, а самъ региментарь хотѣлъ принудить жаботинцевъ силою принять унію и привелъ ихъ въ такой страхъ, что они, рѣшаясь оставаться вѣрными православной вѣрѣ, стали всѣмъ міромъ готовиться къ мученичеству (Коялов. Ист. возст. западн. ун. 56). Подъ Ольшаной, гдѣ убитъ былъ Харько, при многочисленномъ стеченіи согнаннаго южнорусскаго народа, былъ мучительно сожженъ Данило Кушнѣрь, ктиторъ церкви мѣстечка Мглѣва за то, что спряталъ дароносицу ³⁾ вмѣстѣ съ прочими прихожанами, не желая отдавать святыни уніатамъ. Въ слѣдующемъ году страхъ въ народѣ усилился отъ слуховъ, что придетъ въ Украину составившаяся въ Подоліи барская конфедерація и начнетъ обращать всѣхъ насильно въ унію. Сверхъ того барская конфедерація хотѣла всѣхъ надворныхъ козаковъ, бывшихъ у пановъ украинскихъ, повернуть на войну противъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ тогда противъ конфедератовъ, а козаки не хотѣли идти воевать противъ русскихъ войскъ. Всѣ эти обстоятельства, возбуждая въ народѣ и усиливая вражду къ полякамъ, содѣйствовали тому, чтобы гайдамацкое движеніе, которое временами ослаблялось, но никогда не прекращалось, вдругъ возрасло и нашло бы себѣ рьяную опору въ народной массѣ. Козаки, не хотѣвшіе идти къ конфедератамъ, убѣгали толпою за Днѣпръ и тамъ сошлись съ запорожцами, пріѣзжавшими въ Переяславъ на богомолье. Въ числѣ этихъ запорожцевъ былъ знаменитый Максимъ Залѣзнякъ, который объявилъ имъ всѣмъ, будто русская Императрица издала грамоту, писанную золотыми буквами; въ этой грамотѣ она

¹⁾ А вже прислали панѣ сотничцѣ да лихія вѣсти,
Ой выбѣгла панѣ сотничча, а въ неѣ рученьки въ тѣстѣ.
Богдай же вамъ, панове молодцѣ, да три лѣта боляти,
А що вы мене посиротѣли и дрибненькіи лѣти.
А въ нашого пана лейвентаря за плечима ручниця;
Ой похожае сотничка Харчиха бѣдная вдовица.
А въ нашого пана лейвентаря за плечима янчарка;
Ой и похожае сотничка Харчиха, якъ прибудная ярка.

²⁾ Ой коли-сте, вражи лашеньки, хтѣли пановати,
То було жъ вамъ пана сотника живцемъ испиймати.

(Чт. 1863 г. III, стр. 22).

³⁾ А не плащаница, какъ ошибочно было объяснено слово „гробница“ въ моемъ сочиненіи: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, по незнанію значенія слова гробница въ западной Украинѣ.

побуждала возстать за вѣру противъ барской конфедераціи, которая задалась намѣреніемъ истребить православіе въ Украинѣ. Эту подложную грамоту выдумалъ, по свидѣтельству современника поляка Мощинскаго, монахъ эконоиъ Переяславскаго архіерея, мстившій за смерть своего племянника, казеннаго поляками (Сол. т. XXVII, стр. 306). Эта грамота произвела одурающее дѣйствіе на козаковъ. Они нарекли Залѣзняка своимъ предводителемъ, соединились съ запорожцами; всѣ перешли потокомъ на правый берегъ Днѣпра и расположились станомъ близъ Матронинскаго монастыря въ лѣсу, на урочищѣ, называемомъ Холодный-Яръ.

Инокіи сочувствовали гайдамакамъ и, какъ гласитъ преданіе, освятили оружіе, которымъ гайдамаки готовились поражать враговъ, православной вѣры и русскаго народа. Къ Залѣзняку отовсюду стекались новыя толпы гайдамаковъ изъ крестьянъ правобережной Украины. Они взяли мѣстечко Жаботинъ. Преминикъ Харькя, Мартынъ Бѣлуга, новый сотникъ жаботинскихъ козаковъ, присталъ къ Залѣзняку съ своими подчиненными. Убили жаботинскаго губернатора, поляка Степовскаго, занимавшаго тамъ должность намѣстника отъ владѣльца, перебили поляковъ и жидовъ, какіе не успѣли въ пору убѣжать изъ Жаботина. Полчище Залѣзняка съ каждымъ часомъ увеличивалось. Имя его стало громкимъ по Украинѣ, какъ возобновителя козацкой славы. Народная пѣсня о пребываніи его въ Жаботинѣ и о дальнѣйшемъ походѣ гайдамаковъ говоритъ: Максимъ козакъ Залѣзнякъ изъ славнаго Запорожья процвѣтаетъ въ Украинѣ, какъ роза въ саду ¹⁾. Онъ собралъ ²⁾ и распустилъ козацкое войско въ славномъ городѣ Жаботинѣ, и разлилась тогда козацкая слава по всей Украинѣ ³⁾. Враги пишутъ къ нему: выпусти изъ Жаботина хоть дѣтей ляхскихъ. Максимъ Залѣзнякъ, получивши изъ письма, собираетъ въ одну толпу всѣхъ ляховъ и жидовъ и отдаетъ ихъ въ распоряженіе жаботинскому сотнику Мартыну Бѣлугѣ. Мартынъ Бѣлуга ходитъ по рынку, водить за собой пана губернатора и говоритъ: не одного ляха голова теперь поляжетъ ⁴⁾.

Гайдамацкое полчище, увеличиваясь новыми охотниками, тотчасъ же разбивалось на ватаги или загоны, шли по разнымъ сторонамъ разорять шляхетскіе дворы, католическіе костелы, мучить безъ состраданія поляковъ и іудеевъ, не щадя ни дряхлой старости, ни беззащитнаго дѣтства. Вотъ, пришелъ—гово-

¹⁾ Максимъ козакъ Залѣзнякъ зъ славнаго Запорожья
Провцвѣтае на Украинѣ, якъ въ городѣ рожа.

²⁾ Зибравъ вѣйска десять тысячъ въ мѣстѣ Жаботинѣ.

³⁾ Роспустивъ вѣйско козацкее въ славнимъ мѣстѣ Жаботинѣ—
Гей, разлилась козацка слава по всѣй Украинѣ.

⁴⁾ Гей, Максиме полковнику, ты славный воину,
Гей, выпусти зъ Жаботина хочъ лядскій дитину.
Максимъ козакъ Залѣзнякъ листы отбирае,
Усѣхъ ляхивъ и зъ жидами до купы собирае.
Изигнавши усѣхъ ляхивъ зъ жидами до купы,
Отдавъ ляха губернатора да Бѣлузѣ въ руки.
Бѣлуга Мартинъ Жаботинскій да по рыночку ходить,
Свого пана губернатора за собою водить.
И водючи за собою да й до ёго каже:

Не одного теперь ляха голова залаже! (Макс., изд. 1834 г., стр. 123).

рять пѣсня—смѣлянскій (изъ мѣстечка Смѣлы, принадлежавшаго также князьямъ Любомирскимъ) сотникъ Шило съ своими козаками; его отправляютъ въ Богуславъ, и какъ вѣхали козаки въ Богуславъ въ среду утромъ, тотчасъ завалили всѣ шанцы жидовскими трупами ¹⁾. Народная легенда передаетъ память о другомъ предводителѣ Неживомъ. Тотъ пошелъ тогда на Каневъ, сжегъ тамошній замокъ, погубилъ запершихся въ немъ поляковъ, сажалъ рядами жидовокъ и приказывалъ ихъ разстрѣливать, но оставлялъ въ живыхъ изъ нихъ тѣхъ, которыя изъявляли желаніе креститься. Другіе предводители, Бондаренко, Уласенко, Тимченко, Швачка, Гнида, поступали подобнымъ же образомъ въ другихъ мѣстахъ. Самъ Залѣзнякъ взялъ Лисянку, которую сдать гайдамакамъ принудили жители губернатора Кучесскаго. Козаки, взявши городъ, положили губернатору на спину сѣдло, сядились на него верхомъ, потомъ закололи, перебили всѣхъ католиковъ и іудеевъ, а надъ дверьми францискайскаго костела повѣсили ксендза, іудея и собаку и надписали надъ ними: ляхъ, жидъ да собака, все вѣра однака! Этими гайдамаки мстили врагамъ за то, что у нихъ тогда вошло въ обычай называть православіе собачьею вѣрою (psia wiąga).

Католики, іудеи и увіаты, не хотѣвшіе заранѣе возвратиться къ православію, безъ оглядки бѣжали изъ края, а многіе думали найти убѣжище въ Умани, городкѣ, принадлежавшемъ пану Потопкму, укрѣпленномъ хотя не отлично, но лучше другихъ украинскихъ городковъ. Но и въ Умани, какъ вездѣ по Украинѣ, были и сторонники гайдамацкаго дѣла и къ Максиму Залѣзняку прибылъ оттуда козакъ, называемый въ пѣснѣ Дзюма. Онъ приглашалъ гайдамаковъ посѣтить къ Умани, гдѣ накопилось множество ляховъ и жидовъ и показывалъ надежду, что оттуда не успѣетъ ускользнуть и духъ польскій, а обыватели уманскіе (разумѣется православные) ждутъ не дождутся запорожцевъ ²⁾.

Въ Умани губернаторомъ, поставленнымъ отъ владѣльца, былъ нѣкто Младановичъ. Народа, пришедшаго туда искать спасенія отъ гайдамаковъ, было такъ много, что онъ не могъ помѣститься въ срединѣ города и множество расположилось таборомъ подъ городомъ въ рошѣ, называемой Грековымъ лѣсомъ; но для охраненія города противъ гайдамаковъ отъ этого народа мало можно было ожидать полезнаго. Собственно въ Умани гарнизонъ состоялъ изъ шестисотъ человекъ, но главная сила считалась въ козакахъ надворныхъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обука. Полкъ дѣлился на сотни, которыя были подъ начальствомъ сотниковъ; изъ этихъ сотниковъ извѣстны оста-

¹⁾ Гей, якъ вийшовъ сотникъ Смѣлянскій зъ своими козаками:

Ступай, ступай, Шило сотнику, въ Богуславъ и зъ нами!

А вѣхали въ Богуславъ у среду вѣ-ранцѣ,
Накидали вѣ-тий-годинѣ жидивъ повѣ шанцѣ.

²⁾ Дзюма козакъ Уманскій конемъ приїзжає,

До Уманя Залѣзнякъ зъ собою подмовляє:

Гей, Максиме полковнику, ты, батьку козацькій,
Гей не втече изъ Уманя навѣтъ и духъ людскій!
Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великія кручи,
Гей, помгѣли Уманьчнки Запорозцѣвъ ждучи.

лись двое—Гонта и Ярема. Всѣ козаки были малороссіяне по происхожденію. Младановичъ, услышавши о распространяющемся гайдамацкомъ движеніи, выслалъ этихъ козаковъ для укрощенія гайдамаковъ. Ему не приходила въ голову мысль объ измѣнѣ, хотъ онъ недавно передъ тѣмъ приказалъ полковнику Обуху, чтобъ его козаки не распѣвали пѣсенъ о Хмельницкомъ, котораго имя не переставало еще наводить страхъ на поляковъ.

Высланные сотники Гонта и Ярема стали сноситься съ гайдамаками. Народная пѣсня говоритъ, что сотникъ Гонта стоялъ въ степи три недѣли и тутъ пріѣхали къ нему Смѣлянчики, то-есть козаки изъ Смѣлой. Гонта не поддался на увѣщанія пристать къ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что ни за что не пойдеть разорять Умань и не подниметь рукъ на своего господина и отца ¹⁾.

Между тѣмъ, іудей провѣдали, что у Гонты ведутся сношенія съ гайдамаками и донесли Младановичу. Тотъ велѣлъ кликнуть къ себѣ Гонту. Сотникъ Гонта явился тотчасъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, съ нѣсколькими атаманамъ. На всѣ выставленныя противъ него обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно, съ рѣшимостью и со слезами на глазахъ клялся въ своей невинности. Уликъ противъ него не было, тѣмъ не менѣе нѣкоторые поляки тогда уже наставляли, чтобы отрубить ему голову. За Гонту ходатайствовала жена полковника Обуха. Но главное обстоятельство, почему Младановичъ не рѣшался круто поступить съ Гонтою, было то, что Гонта былъ въ милости у пана Потоцкаго и панъ подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни Росожки и Сладовку. Ничто въ прежней жизни Гонты не могло возбудить подозрѣнія въ способности измѣнить полякамъ. Гонта былъ почти совсѣмъ ополяченъ, говорилъ и писалъ по-польски правильно и служилъ своему пану ревностно. Губернаторъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ Гонтѣ въ другой разъ присягнуть предъ крестою и евангеліемъ, потомъ отправилъ его снова къ полку.

Тогда Гонта свидѣлся съ Залѣзнякомъ и виѣстѣ съ Яремою и со всѣми козаками присталъ къ гайдамакамъ. Всѣ виѣстѣ двинулись на Умань ²⁾.

Причина такой перемены Гонты была та, что Залѣзнякъ показалъ ему золотую грамоту императрицы Екатерины, и Гонта искренно увѣровалъ въ ея подлинность.

По безопасности и легкомыслію въ Уманѣ не ждали подобнаго. Пѣсня изображаетъ одобреніе, выражаемое, конечно, отъ лица враговъ гайдамацкаго дѣла: нечего бояться обывателямъ Уманѣ, потому что въ Пятигорахъ перевѣшали много гайдамаковъ ³⁾. (Эта черта здѣсь повторяется такъ же, какъ она

¹⁾ Да стоявъ, стоявъ сотникъ Гонта въ степу три недѣлѣ,
Наѣхали Смѣлянчики, да вонъ ся имъ звѣривъ.
— Годѣ, годѣ сотнику Гонта, у степу стоять,
Ходи зъ нами козаками Умань грабовати.
Ой, якъ менѣ, пани молодцѣ, Умань грабовати,
И на свого пана батька руки підіймати?

(Макс. Укр. П. 1834 г., стр. 124).

²⁾ Гонта сотникъ Уманській помѣжъ військомъ ходить,
А зъ Максимомъ Залѣзнякомъ черезъ листы говорить.
А въ недѣлю рано стати да у двонн бити,
Гей, ставъ Гонта съ козаками нидъ Умань подходить.

(Макс. Укр. П., изд. 1834 г., стр. 124).

³⁾ Ой, гуляйте, уманьчики, не бійтесь нічого,

уже встрѣчалась въ одной изъ предшествовавшихъ, приведенныхъ нами, пѣсень, въ которой говорилось о Заяцѣ; изъ этого можно предположить, что событіе казни гайдамаковъ въ Пятигорахъ, о которомъ тамъ намекается, происходило во время, близкое къ эпохѣ Уманской рѣзни). Говорится затѣмъ о повѣшеніи какого-то Котовича, его любимая сестра приноситъ въ даръ regimentарю червонцы и проситъ дозволенія снять съ висѣлицы трупъ своего брата. Regimentарь забираетъ у нея червонцы, а трупа Котовича съ висѣлицы снять не дозволяетъ¹⁾. Намъ неизвѣстно, кто былъ этотъ Котовичъ и какая тутъ связь съ Уманскою рѣзнюю.

Подступивши къ Умани, гайдамаки прежде всего напали на таборъ, расположенный у Грекова лѣса, и перебили скопившихся тамъ католиковъ, унѣатовъ и іудеевъ. По извѣстіямъ современниковъ, въ этомъ таборѣ было до восьми тысячъ душъ. Въ Умани сто арестантовъ, содержавшихся подъ карауломъ, разломали тюрьму, истребили стражу и убѣжали къ гайдамакамъ. Туда же ушла вся экономическая прислуга, состоявшая изъ вжноруссовъ. Въ городѣ не было воды. Отстояться отъ гайдамаковъ было невозможно, Младановичъ рѣшился вступить въ переговоры съ непріателемъ и послалъ въ подарокъ Залѣзняку и Гонтѣ брика съ дорогими матеріями. Гайдамацкіе предводители приняли подарки и отложили переговоры до слѣдующаго утра. На другой день оба гайдамацкіе предводители выѣхали верхомъ къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на внѣшней сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый черезъ глубокій ровъ. Вышелъ къ нимъ губернаторъ съ нѣсколькими поляками. Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ съ товарищами противъ ляховъ по указу императрицы Екатерины.

Былъ постановленъ такой договоръ: шляхтѣ и всѣмъ вообще полякамъ выговаривалась безопасность, а іудеевъ съ ихъ имуществомъ отдавали на произволъ гайдамаковъ. По заключеніи этого договора одинъ изъ поляковъ, бывшихъ при Младановичѣ, Ленартъ, сказалъ гайдамацкимъ предводителямъ: просимо на хлѣбъ на силъ, но другой полякъ, по имени Рогашевскій, не утерпѣлъ и крикнулъ: стрѣлять шельму! Этого было достаточно. Младановичъ стрѣлять не приказалъ и поспѣшно убѣжалъ въ костель, гдѣ уже была собрана толпа, но за нимъ вслѣдъ гайдамаки вошли въ городъ и принялись избивать іудеевъ, а потомъ принялись и за католиковъ; ихъ выволакивали изъ костела, кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Поляки падали къ ногамъ разъяренныхъ гайдамаковъ и умоляли о пощаждѣ. «Гарненко лшшенъки просяться, — сказалъ Гонтѣ какой-то козакъ: — треба имъ перепустити!» Гонта на это сказалъ. «А що зъ тобою буде, якъ мы

Выѣхали гайдамаки въ Пятигорахъ много.

1) Да повѣсили Котовича на зеленѣмъ дубѣ;

Пріѣхала его сестра животовѣ люба.

Да незличенѣ червиньцѣ да въ запольѣ носить,

Хорошенько рейментаря, кланяючись, просить:

Да, дозволю пане рейментарю, червиньцѣ забрати,

Мого брата Котовича зъ шибеницѣ зняти.

Да дозволивъ панъ рейментаръ червоньцѣ забрати,

Не дозволивъ Котовича зъ шибеницѣ зняти

(Макс. Укр. Пѣсни, изд. 1834 г., стр. 125).

ить перепустимо?» Дѣтей прокалывали насквозь, поднимая вверхъ на копьѣхъ. Перебили всѣхъ духовныхъ и школяровъ въ базилянскомъ монастырѣ; глубокій колодезь на рынкѣ—до тридцати саженой, какъ говорятъ—забросянъ былъ человѣческими трупами. Гайдамаки ругались надъ католическою святынею, плевали на распятія и иконы, выбрасывали св. дары, топтали ногами, говоря: «ото ихъ богъ лядскій!» Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими, но его дѣтей—сына и дочь—гайдамаки пощадил и перекрестил насильно въ православной церкви, воспріемниками были Залѣзнякъ и Гонта.

Послѣ этой кровавой расправы Залѣзнякъ назвалъ себя кіевскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ—Залѣзнякъ былъ нареченъ гетманомъ, а Гонта уманскимъ полковникомъ. Полагался зародышъ возстановленію гетманщины. Отъ поляковъ, казалось, южнорусскому возстанію тогда было неопасно, потому что у поляковъ тогда происходили крайнія безурядица и междоусобія, но гибельнымъ врагомъ для гайдамацкаго дѣла оказалась военная сила той самой Императрицы, которой именемъ поднимали гайдамаки народъ южнорусскій. 7—8 іюня расправились Залѣзнякъ и Гонта съ врагами въ Умань, а нѣсколько дней ранѣе того, 2 іюня, генераль-маіоръ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ Бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго ихъ региментаря Пулавскаго (журн. Кречетн. Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1863 г. III, стр. 164); во второй половинѣ іюня Кречетниковъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умань, приказавши не предпринимать противъ гайдамаковъ непріятельскихъ дѣйствій, а уговорить ихъ разойтись по домамъ, такъ какъ уже войско Императрицы всероссійской уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего (ibid., стр. 171). По извѣстіямъ современниковъ поляковъ, козацій офицеръ Кривой поддѣлался къ Залѣзняку и Гонтѣ и уговорилъ ихъ распустить гайдамацкое скопище по домамъ, а самимъ идти съ козаками къ русскому войску. Залѣзнякъ и Гонта устроили прощальную пирушку и перепились, донцы ихъ перевязали (журн. Кречетн. Чт. 1863, III, стр. 175). Запорожцевъ было взято 65 человѣкъ, а разныхъ украинскихъ козаковъ 780, съ ними взято 14 пушекъ, до тысячи лошадей, которыя были розданы козакамъ русскаго войска. По рапорту Кологривова (Чт. ibid.), однако, видно, что отъ гайдамаковъ подѣ Уманью было оказано нѣкоторое сопротивленіе, послѣ котораго ихъ всѣхъ перевязали. Кречетниковъ далъ приказаніе: запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, отослать въ Кіевъ, а украинскихъ козаковъ выдать, какъ польскихъ подданныхъ, Браницкому, предводителю военныхъ силъ партіи, противной барской конфедераціи,—все же награбленное гайдамаками возвратитъ хозяевамъ, если они найдутся, а въ противномъ случаѣ раздать карабинерамъ и донскимъ козакамъ.

Объ этомъ-то роковомъ для гайдамацкаго дѣла событіи народная пѣсня говоритъ: какъ вышелъ донской козакъ изъ-за Острой могилы, тогда Уманьчичи (то-есть гайдамаки, взявшіе Умань) растеряли штаны свои; а Максимъ Залѣзнякъ безстрашно выѣхалъ изъ стана къ донскимъ козакамъ на встрѣчу¹⁾. Они

¹⁾ Гей, якъ вышовъ донскій козакъ зъ-за Гострой могилы,
Утѣкали Уманьчичи, штаны погубили.
Максимъ козакъ Залѣзнякъ зъ лагра выѣжає,
Передъ донськими козаками и страху не має.

говорили ему: ступай, Залѣзнякъ, полно тебѣ воевать! Иди въ Печерскую работать Богу ¹⁾). Здѣсь звучитъ насмѣшка: Залѣзняка отвозили въ Печерскую крѣпость въ заточеніе. Но Залѣзнякъ—по словамъ той же народной пѣсни—сидя въ неволѣ, говоритъ себѣ въ утѣшеніе: не будетъ въ Украинѣ воли врагамъ лязгамъ! Текуть рѣчки со всего свѣта въ Черное море, миновалась въ Украинѣ жидовская воля! ²⁾). Такъ-то народная поэзія передаетъ память о Залѣзнякѣ потомству въ образѣ истиннаго героя. Потерпѣвшій неуспѣхъ, лишившись свободы, онъ утѣшается тѣмъ, что все-таки трудился не даромъ, судьба все-таки устроитъ такъ, что цѣль, за которую онъ подвизался, будетъ достигнута хоть бы и инымъ путемъ, хотя бы и мимо него, уже лишеннаго свободы. Государственные люди и военачальники русской Императрицы далеки были признавать въ гайдамакахъ борцовъ за униженную православную вѣру и за русскую народность противъ исконныхъ враговъ. Для нихъ они были не болѣе какъ подлые мужики, бунтовавшіе противъ господъ своихъ. «Дошли до насъ подлинныя извѣстія»—писалъ Кречетникову русскій посланникъ въ Варшавѣ князь Репнинъ—«что здѣшніе украинскіе мужики около Гумаця, Чагрина, Крылова, Черкасова и Богуслова взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ и какъ изъ оныхъ многихъ, такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Причину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо хотя они униаты, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону, а считаютъ себя нашего. Однако нашъ высочайшій дворъ много не желая, какъ спокойствія здѣшней земли, слѣдственно отнюдь не надлежитъ способствовать сему новому огню, а напротивъ, всячески надлежитъ стараться оный утушить (Чт. 1863 г. III, стр. 70). Для русскаго князя, православнаго потомка цѣлаго ряда православныхъ князей и бояръ казалось, что мужики эти только по своему мужицкому невѣжеству неправильно называли себя православными, а на самомъ дѣлѣ они были униаты, потому что господа ихъ хотѣли, чтобъ они были униаты. Правда, Репнинъ не предписывалъ употреблять противъ этихъ мужиковъ слишкомъ жестокихъ мѣръ, а приказывалъ уговаривать ихъ дружески, чтобъ они въ свои дома возвратились; но, признавая ихъ законными подданными пановъ, обязанными даже быть такой вѣры, какой хотѣли ихъ паны, русскія власти ничего не могли дѣлать иного, какъ выдавать непокорныхъ мужиковъ ихъ законнымъ панамъ на расправу; такъ и поступалъ генераль-маіоръ Кречетниковъ. Истребленіе гайдамаковъ онъ взялъ на свое попеченіе (Чт. 1863, III, 179) и разсылалъ разѣзды для поимки ихъ, а пойманныхъ приказывалъ отсылать къ Враницкому ³⁾).

¹⁾ Ступай, ступай Залѣзняку! Годъ вже гуляти:
Пійдемо въ Кієвъ въ Печерськее Богу работати.

(Макс. Укр. Пѣсни, изд. 1834 г., стр. 124).

²⁾ И говоритъ Максимъ козакъ, сидячи въ неволѣ:
Не будуть мати вражи ляхи, на Украинѣ воли.
Течуть рѣчки въ всёго свѣту до Чорного моря,
Минула на Украинѣ жидовська воля!

(Макс., *ibid.*).

³⁾ Такимъ образомъ, 14 іюля отведено было къ нему 865 человекъ, 18-го Кречетниковъ извѣщалъ Репнина о пойманныхъ 225 гайдамакахъ и о назначеніи московскому карабинерному полку истреблять гайдамаковъ (Чт., *ibid.*, стр. 183), 21-го іюля Кречетниковъ писалъ, что уже около двухъ тысячъ гайдамаковъ поймано и болѣе пяти

О взятіи Гонта рассказывает дочь Младановича графиня Кребсъ, будто Кречетниковъ самъ подошелъ къ Умани, но такъ какъ съ нимъ было мало войска, то онъ обходился съ гайдамаками дружески; десять дней въ станѣ гайдамаковъ происходили постоянно гулянки, угощали прибывшихъ великороссянъ и пѣли пѣсни подь музыку бандуръ, но на одиннадцатый день прибыли изъ Кіева донцы съ повозками, наполненными кандалами. Тогда Кречетниковъ сказалъ Гонтѣ, что желаетъ познакомиться съ его родными. Гонта пригласилъ Кречетникова и весь его штабъ въ свое имѣніе село Росопки, и тамъ, когда гайдамаки, перепившись, уснули, донцы отогнали ихъ лошадей, похватили сонныхъ гайдамаковъ и заковали въ привезенныя съ собою кандалы (Ум. рѣзня, стр. 30). Авторъ ошибся, назвавши Кречетникова; этотъ генералъ самъ лично не забиралъ гайдамаковъ подь Уманью, но здѣсь можетъ быть ошибка только въ имени, а что-нибудь подобное сдѣлалъ съ Гонтою не Кречетниковъ, но другой, посланный Кречетниковымъ. Отосланнаго къ Браницкому Гонту казнили въ Сербалѣ, куда привезли его вмѣстѣ съ двумя тысячами осужденныхъ на казнь гайдамаковъ. По свидѣтельству современниковъ, съ него рѣзали полосы кожи, а потѣмъ четвертовали. Гонта показалъ необыкновенное присутствіе духа, а по выраженію поляка Охочнаго (pintign. I. 108) шелъ на казнь съ такимъ вѣселимъ видомъ, какъ бы на крестины къ куму. Когда палачи производили надъ нимъ свою адскую операцію, Гонта не вопилъ, не кричалъ, но произнесъ: «отѣ говорили що воно боляче, а воно нѣ кришки не болять». Графиня Кребсъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что когда палачъ приступалъ къ совершенію надъ нимъ казни, Гонта спросилъ: Почему здѣсь нѣтъ Залѣзняка и его указа? Тогда къ нему подбѣжали два солдата и забили ему ротъ землей (Уманск. рѣзня стр. 31). Русскій переводчикъ воспоминаній графини Кребсъ полагаетъ, что это извѣстіе недостоверно и Гонта не могъ такъ говорить въ виду отсутствія самаго указа (ibid., стр. 33). Намъ, напротивъ, кажется, что Гонта не только могъ, но долженъ былъ говорить такія слова, въ виду того, что этотъ человекъ, долгое время вѣрный павамъ, сотникъ надворныхъ панскихъ козаковъ, присталъ къ гайдамакамъ только въ силу своей вѣры въ существованіе такого указа могущественной русской Государыни.

Народная пѣсня почти согласно съ современными извѣстіями описываетъ смерть Гонты.

У пановъ въ Украинѣ—говорить эта пѣсня—были добрые оборонители; паны довѣрили сотнику уманскому Гонтѣ. У пановъ нашихъ въ Украинѣ добрый напитокъ, они умны и съумѣютъ найти себѣ выручку¹⁾. Здѣсь, кажется

соть перевѣшано региментаремъ Браницкимъ (ibid., стр. 191). 27-го іюля, свидѣвшись съ Браницкимъ, Кречетниковъ послалъ три партіи въ тысячу человекъ для искорененія гайдамаковъ. (Чт., ibid., 195). 29-го іюля отправлено къ Браницкому 63 человекъ гайдамаковъ. 2-го августа поймано 28 человекъ. 8-го августа 49, изъ которыхъ 29, какъ польскіе подданные, отосланы къ Браницкому (ibid., 200). 16-го августа донесено о 165 человекъхъ, взятыхъ подполковникомъ Мещерскимъ и майоромъ Серезіемъ, 18-го отправлено къ Браницкому еще 15-ть человекъ и проч. и проч.

¹⁾ Мали паны на Украинѣ добръ оборонцѣ,

Звѣрили сотниковъ уманському Гонтѣ.

Мали паны на Украинѣ дуже добрый трунокъ.

Паны ты розумни дадутъ себѣ ратунокъ.

сквозить насмѣшка надъ промахомъ пановъ, оказавшихъ довѣріе Гонтѣ. Слово трунокъ—напитокъ употреблено въ переносномъ смыслѣ способностей, умѣнья. Далѣе говорится о взятіи Гонты:

«Уразумѣли паны и учинили между собой согласіе», подошли подъ Умань и изловили Гонту. «Слова: учинили между собою согласіе, кажется, выражаютъ согласіе поляковъ съ русскими военачальниками; и тѣ и другіе—паны» ¹⁾.

«Они его, Гонту»,—продолжаетъ пѣсня,—«сначала дружелюбно привѣтствовали, а потомъ, черезъ семь дней, сдирали съ него кожу по-поясъ, облупили голову, насолили солью и потомъ ему, какъ честному человѣку, назадъ приложили. Панъ региментаръ похаживаетъ и говоритъ: смотрите, люди, кто только забунтуетъ, то всѣмъ такое будетъ» ²⁾.

Въ этой пѣснѣ тому, что относится къ Гонтѣ, предшествуетъ краткое изображеніе возмущенія страны, а потомъ, по поводу его, народная философія. Возмутилась Украина—попы и дьяки, погибли въ Украинѣ жида и поляки ³⁾. Далѣе говорится о прилетѣ въ Украину съ запада гусей ⁴⁾, въ смыслѣ, конечно, аллегорическомъ, но для насъ, теперь, темно; можно давать какія угодно предположенія и толкованія, но они не объяснятъ сути дѣла, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, слово «съ запада» вкралось въ пѣсню послѣ, по ошибкѣ, и вмѣсто него было что-то другое, образъ же гусей могъ относиться къ запорожцамъ. Какъ бы слѣдствіемъ прилета этихъ гусей и погибли въ Украинѣ невинныя души, погибли депутаты шляхетскаго происхожденія, погибла и мелкая шляхта, званная «земледѣлемъ» ⁵⁾.

Слѣдуетъ затѣмъ такое философское размышленіе: «о, Боже безконечный! что это теперь настало? Все вѣра, да вѣра, а любви мало! О, Боже безконечный! какъ прискорбно смотрѣть, что на этомъ свѣтѣ въ наше время вѣра боретъ вѣру» ⁶⁾. Подобныхъ жѣсть мало въ произведеніяхъ народной поэзіи и оно для насъ очень драгоцѣнно. Въ то время, когда религіозный вопросъ охватилъ отношенія между польскою и южнорусскою народностями, и сторонники двухъ

¹⁾ Паны тее арозумѣвши згоду учинили,
Пидкинувшись пидъ Умань, Гонту изловили.

²⁾ Вони жъ ёго на самъ передъ барзо привѣтали,
Черезъ сѣмъ день зъ ёго кожу по поясъ здирали,
И голову облупили, сильно насолили,
Потѣмъ ёму, якъ честному, назадъ положили,
Панъ рейментаръ похажаетъ: дивѣтесе, люде,—
Кто ся тильки збунтовавъ, то всѣмъ тее буде.

(Макс., изд. 1884 г., стр. 126).

³⁾ Збунтовалась Украина, попы й дьяки,
Погинули на Украинѣ жида й поляки.

⁴⁾ Прилетѣли на Украину изъ запада гуси.

⁵⁾ Погинули на Украинѣ невинны души:
Погинули депутаты шляхетной вроди
Навѣтъ тая дрибна шляхта тни хлѣборобы.

⁶⁾ О, Боже мий несконченый! що ся теперь стало?
Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милости мало!
О, Боже мий несконченый! дивитися горе,
Що тепера, на сѣмъ свѣтѣ, вѣра вѣру борет!

(Максим Укр. Пѣсни 1834 г., стр. 126).

вѣроисповѣданій стоятъ враждебно другъ противъ друга—католики, задаваясь идеею вѣкового папскаго всевластія и клерикальнаго деспотизма, а православные, думая только охранить существованіе и свободу своей древней религіи; когда эта враждебность высказывается въ очень рѣзкіе черты крайняго изуверства, раздается голосъ той любвеобильной истины, которая всегда хранилась въ глубинѣ крещенаго сердца, даже и тогда, когда страсти затеняли его душою злости. Мы слышимъ этотъ голосъ именно въ этой пѣснѣ и, сколько можемъ себя припомнить, нигдѣ въ произведеніяхъ народнаго творчества не встрѣчали его съ такою ясностью.

Далѣе пѣсня показываетъ несочувствіе мятежамъ, такъ какъ вообще никакіе мятежи не оправдываются духомъ христіанской любви, повелѣвающей вложить ножъ въ ножи даже и такимъ, которые извекаютъ его за правое и святое дѣло и помнить, что кто берется за ножъ, тотъ можетъ и погибнуть отъ ножа. «О, Боже мой безконечный! У насъ такъ да не будетъ! Помните, бунтовщики, вамъ это не пройдетъ даромъ»¹⁾.

Вмѣстѣ съ Гонтою захвачено множество гайдамаковъ, которые, подобно ему, должны были понести жестокаго кары отъ пановъ. Есть одна пѣсня, упоминающая вмѣстѣ съ Гонтою о Швачкѣ и о Гнидѣ. «Прославился въ Украинѣ козакъ Швачка, говорить эта пѣсня:—учинилась съ ляхами большая драка. Славенъ былъ Максимъ Залѣзнякъ; славенъ сталъ и Гнида; не осталось въ Украинѣ ни ляха, ни жида! Прославился въ Украинѣ козакъ Гонта; онъ сажавъ жидовъ на колья рядами по веру забора. Гонта и Швачка рано въ день воскресный выработывали на жидовскихъ ногахъ красные сафьяновые сапожки». Это мѣсто поясняется преданіемъ, сохранившимся въ изустныхъ разсказахъ о свирѣпствахъ гайдамаковъ: они обдирали у жидовъ на ногахъ живьемъ кожу и говорили при этомъ, что наряжаютъ жидовъ и жидовокъ въ красные сапожки»²⁾. «Гонту и Швачку забрали двухъ вмѣстѣ словно парочку голубковъ»,—продолжаетъ пѣсня,—«хоть и взяли ихъ, да слава осталась»³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ предостерегательное обращеніе къ запорожцамъ. Приглашаютъ ихъ подумать и поразмыслить, что съ ними быть можетъ. Погоня не сегодня—завтра пойдетъ во ихъ слѣдамъ и скажутъ имъ: довольно вамъ тутъ жить, довольно воевать⁴⁾. Это предчувствіе судьбы, постигшей Запорожье черезъ семь лѣтъ.

¹⁾ О, Боже мій несконченній, въ насъ такъ не ведеться!

Памятайте бунтовники, вамъ те не минеться.

²⁾ Прославився на Украинѣ козаченько Швачка,
Стинилась промѣжъ ляхами великая драчка,
Славный козакъ Залѣзнякъ, прославився Гнида,
Що не зосталося на Украинѣ нѣ ляха нѣ жида,
Прославився на Украинѣ козаченько Гонта,
Що сажавъ жидивъ на килыа рядомъ поверхъ плота.
Що Гонта да Швачка въ недѣлюнку въ-ранцѣ,
Выробляли на ногахъ жидивськихъ червонѣ сальняцѣ.

³⁾ Якъ побрали попаровали, якъ голубивъ пару,
Якъ взяли Гонту й Швачку пару, зоставили славу,
Ой, ви козаки, ви запорожьцѣ, добри люди,
Поговорѣте, да помаркуйте, що зъ вами буде.

⁴⁾ Ой ви козаки, ви Запорожьцѣ, нуте выступати,

Другая пѣсня о Швачкѣ помѣщена въ запискѣ о Южной Руси Кулиша (I, стр. 135). Сначала описывается какъ москали въ полдень въ среду забрали запорожцевъ. Швачка въ этой пѣснѣ, но всему видно, не гайдамакъ, а настоящій запорожецъ, не хочетъ отдаваться москалямъ въ плѣнъ, но москали умны, они нашли способъ связать Швачку вѣстѣ съ осауломъ, и помѣстили ихъ на возахъ и повезли въ Вѣлую Церковь ¹⁾. Потомъ слѣдуютъ обращенія къ козакамъ съ вопросами: гдѣ дѣлись ихъ кони, серебряныя узды, копыя, ружья, голубые жупаны, красныя сафьянныя сапожки, и на все слѣдуютъ отвѣты въ такомъ смыслѣ, что все это досталось чужимъ, а ихъ постигли бѣды ²⁾. Въ заключеніе посылаютъ черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу и принести вѣсть кошевому атаману, но галкѣ не ворочаться назадъ, а молодцамъ уже не видаться съ кошевыми ³⁾.

О судьбѣ Залѣзняка, взятаго русскими и отосланнаго въ Кіевъ, существуютъ разныя вѣстія, говорили, что онъ подвергся тѣлесному наказанію кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, какъ вообще поступали тогда съ разбойниками; а поляки разносили слухи, будто императрица оставила его безъ наказанія, такъ какъ сама тайно подстрекала его къ истребленію поляковъ. Было еще преданіе, что, подвергшись наказанію, онъ водворенъ былъ не въ Сибири, а гдѣ-то въ Слободской Украинѣ и тамъ потерялся среди безчисленныхъ слободъ и хуторовъ, возникавшихъ въ этомъ плодородномъ и привольномъ краѣ. Образовалась легенда, будто Екатерина приказала его разстрѣлять, но Залѣзнякъ былъ характерникъ: пули его не брали. Въ 1839 году я слышалъ думу о немъ, въ которой расказа-

Бо завтра погоня до вашего слѣду буде припадати.

Годъ вамъ тутъ жити, годъ воевати.

- 1) Ой на козаченьковъ ой на Запоровцѣвъ притодонька стала,
Ой у середу да въ обѣднѣй часъ ихъ Москва забрала.
Крикнувъ Швачка да на осаулу! Изъ коней до-долу!
Охъ и не даймося, панове молодцѣ, ми москалямъ у-неволю.
Москалики умнѣ, москалѣ розумнѣ, розуму добрали,
Ой напередъ Швачку изъ осаулоу до-купи звязали,
Охъ и звязали и вогаровали й на вози покляли,
Изъ Вогуслава до Вѣлий Церкви ихъ въ неволю побрали.
- 2) Охъ где-жъ ваши, панове молодцѣ, воронни конѣ?
Ой наши конѣ въ пана на припонѣ, а сами ми въ неволѣ.
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, да сребнни узды?
Ой наши узды въ коняхъ на занузѣ, а сами ми у нуждѣ.
Охъ, а гдежъ ваши, панове молодцѣ, ясенькин списы?
Ой наши списы вже въ пана у стрисѣ, а сами ми у глѣсѣ.
Охъ, а гдежъ ваши, панове молодцѣ, громкин рушницѣ?
Ой наши рушницѣ въ пана у свѣтлицѣ, а сами ми въ темницѣ.
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, голубни жупанѣ?
Ой наши жупаны повосида паны, а сами ми пропали!
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, чоботи сапьянцѣ?
Ой наши сапьянцѣ позабирали райцѣ у недѣлоньку въ-ранцѣ.
- 3) Охъ пошлемо галку, охъ пошлемо чорну а до Сѣчи рыбы ѣсти,
Ой нехай донесе, нехай донесе до кошового вѣсти.
Охъ ужѣ галцѣ, охъ уже чорнѣй да назадъ не вертаться!
Ой уже намъ, панове молодцѣ, изъ кошовымъ не видаться.

зывается, что Залѣзнякъ началъ говорить про Екатерину-царицу неспрстойныя рѣчи. Залѣзняка ведутъ къ царицѣ. Государыня приказываетъ разстрѣлять его. Сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Залѣзнякъ подхватываетъ руками всѣ пушечныя въ него пули, собираетъ ихъ въ полу своего кунтуша и говоритъ царицѣ: матушка Екатерина! Не трать понапрасну казны своей. Меня твои пули не проберутъ! Ступай, сказала Екатерина:—ступай прочь изъ моего царства и не возвращайся никогда: чтобъ ты въ моемъ царствѣ не творилъ смутъ ¹⁾.

Какъ на характерную черту безправія и произвола польскаго панства, противъ господства котораго надъ народамъ шли гайдамаки, мы укажемъ на содержаніе очень распространенной въ народѣ, особенно на правой сторонѣ Днѣпра, пѣснѣ о Бондаривнѣ. Она касается заблудыжныхъ подвиговъ пана Потоцкаго старосты канѣвскаго, славнаго забіяки, о которомъ между поляками ходитъ множество затѣйливыхъ анекдотовъ, часто повторяемыхъ съ сожалѣніемъ о томъ, что подобныя явленія бывшей золотой панской вольности стали уже невозможны. Этотъ панъ, шатаясь съ своею ватагою (оршакомъ), гдѣ-то встрѣчаетъ кружокъ дѣвушекъ, собравшихся веселиться у сельской корчмы въ воскресный день. Понравилась ему одна дѣвушка, дочь бондаря (бочара). Панъ сталъ ей расточать свои ласки, а она, защищаясь отъ его ласокъ, замахнулась на него и зацѣпила рукою пана ²⁾. Гдѣ собственно это происходило—въ нѣсенныхъ вариантахъ не соблюдается на счетъ того никакого единства, въ одномъ вариантѣ поставится такой городъ, въ другомъ—иной. Но дѣло не въ собственномъ имени мѣста, гдѣ происходило событіе, а въ характерѣ самого событія. По совѣту старыхъ людей дѣвица пустилась бѣжать, но ее привели къ пану схватившіе панскіе гайдуки. Панъ спрашиваетъ ее: что для нея лучше, распивать ли медъ-вино или гнить въ сырой землѣ? Бондаривна отвѣчаетъ, что послѣднее ей въ десять кратъ угодное перваго ³⁾. Тогда панъ Каневскій староста,

¹⁾ Дума эта была записана мною въ Харьковской губерніи въ 1889 году и потомъ была отослана М. П. Погодину для напечатанія въ Москвитинѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими думами, нигдѣ еще до того времени не напечатанными. Но М. П. Погодинъ не напечаталъ ихъ, и когда спустя потомъ двадцать лѣтъ я припомнилъ ему при личномъ свиданіи, онъ очень жалѣлъ, что оставилъ ихъ безъ вниманія. Въ числѣ посланныхъ тогда думъ была еще дума о кошевомъ атаманѣ Гречѣ, котораго, по нагайтатъ лукаваго писаря, запорожцы свергли съ атаманства и назначили табунщикомъ, но потомъ, узнавши его невинность, снова выбрали кошевымъ, а клеветника писаря заколотили до смерти дубинами.

²⁾ Въ славнѣмъ мѣстѣ (имкѣ) казели грае,
Молодая Бондаривна у корчмы гуле,
Ой пріѣхавъ панъ Канѣвскій, добри-день всѣмъ давъ,
Молодую Бондаривну ще ѿ поцѣлювавъ.
Молодая Бондаривна ще жартя не знала,
Ударила рученьюю да пана затала,

³⁾ Говорили старѣ люди, говорили стиха:
Втѣкай, втѣкай, Бондаривно, буде тебе лихо!
Утѣкала Бондаривна да понежъ плотами,
А за нею три гайдуки съ голыми шаблями;
Узявъ ти старый жовниръ за бѣлую руку,
Припродовивъ Канѣвському на велику муку.

не привыкши сдерживать своих побуждений, не стерпел такого къ своей особѣ пренебреженія, выстрѣлилъ въ нее изъ ружья и убилъ сразу; въ пѣснѣ описывается, что когда несли ее, всю украшенную цвѣтами въ волосахъ, то капли крови оставляли за нею слѣды ¹⁾. Ее принесли, положили на лавкѣ, стали убирать къ погребенію ²⁾ и положили ей на голову вѣнокъ изъ барвинка, словно невѣстѣ, которую готовились вести къ вѣнцу ³⁾. Здѣсь въ пѣснѣ намѣчается на существовавшій прежде обычай хоронить дѣвицъ съ особыми обрядами, сходными съ свадебными, обычай, превосходно изображенный Оснофьяненко въ его повѣсти Маруся.— Но панъ Канѣвскій староста не безсердечный злодѣй; онъ произвелъ убійство, можно сказать, нечаянно, по увлеченію; его благородное панское чувство скоро проснулось, ему жаль стало убитой и онъ посѣдѣвши удочинить своимъ панскимъ вниманіемъ ея похороны; онъ самъ лично пріѣхалъ, въ убогую хату бондаря и глядя, на мертвую Бондаривну, произнесъ: хорошее дѣвичье было, а долженъ былъ стрѣлять ⁴⁾. Онъ не пожалѣлъ обить ея гробъ атласомъ и пригласилъ музыкантовъ, чтобы проводить усопшую въ вѣчное жилище съ почетомъ, и грустно заиграла музыка, когда стали опускать ея тѣло въ землю ⁵⁾. Въ заключеніи въ пѣснѣ изображается скорбь злополучнаго отца бондаря: онъ, въ припадкѣ тоски, бился головою о столъ и произносилъ: дочь моя! ты за всѣхъ положила голову! ⁶⁾. По народному преданію, приключеніе съ этой Бондаривной связывалось какъ-то съ возстаніемъ народа въ эпоху уманской рѣзни, когда однимъ изъ предводителей гайдамаковъ былъ вѣкто Бондаренко—отецъ или братъ убитой паномъ Бондаривны. Можетъ быть, и слова бондаря въ пѣснѣ: дочь моя! ты за всѣхъ положила голову! заключаютъ смыслъ угрозы, смыслъ тотъ, что смерть этой дѣвицы послужитъ побужденіемъ къ мести за всѣхъ, къ дѣлу народному.

Гайдамацкое движеніе, послѣ уманской трагедіи подавленное не поляками, а русскими военными силами, окончательно лишилось подогрѣвательнаго мате-

— Ой чи волишь, Бондаривна, меду-вина пити,
— Ой чи волишь, Бондаривно, въ сирой землѣ гнити?—
„Ой волю я десять разы въ сирій землѣ гнити,
„Нѣжь съ тобою, мий паночку, да медь-вино пити!“

- 1) А въ нашой Бондаривны за косами кѣтки,
Куды несли Бондаривну кровавни слѣдки.
- 2) Ой принесли Бондаривну до новой хаты,
Положили на лавонцѣ стали убирати.
- 3) Ой повили Бондаривнѣ вѣночокъ съ барвинку,
Такъ убрали Бондаривну якъ до шлюбу дѣвку.
- 4) Ой пріѣхавъ панъ Канѣвскій да й ставъ жалювати:
— Хорошее дѣвиче було, мусилемъ стрѣляти!—
- 5) Ой казавъ же панъ Канѣвскій атласу набрати,
Молодой Бондаривны домовину убрати;
Ой казавъ же панъ Канѣвскій музыки достати,
Да молодѣй Бондаривнѣ до гробу заграти.
Якъ же стали Бондаривну въ землѣ опускати,
Тогда вегвѣвъ панъ Канѣвскій ще жалюбивъшъ грати.
- 6) Ударився старый Бондаръ объ стилъ головою:
Наложилась, моя донько, за всѣхъ головою!

(по рукописному варианту, записанному мною въ Волинской губерніи).

ріала съ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи. Южнорусскій народъ въ польскихъ областяхъ почувствовалъ, что его унаслѣдованныя отъ предковъ надежды на помощь отъ русскаго престола не сбываются, долженъ былъ поневолѣ, какъ говорится, опустить руки и показывать видъ покорности польскимъ панамъ, хотя отдѣльные случаи то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ давали полякамъ чувствовать, что этотъ ненавидѣвшій ихъ народъ способенъ былъ, при первыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, повторить гайдамаччину. Въ 1789 году въ шляетскомъ обществѣ распространилась паника, носились зловѣщія слухи, что въ Украинѣ опять собираются рѣзать ляховъ и жидовъ, и что для этой цѣли уже гдѣ-то освятили ножи. Причинъ ненависти къ себѣ южнорусскаго народа поляки не видали, однако, въ своемъ панско-шляетскомъ строѣ и въ своемъ католическомъ изувѣрствѣ искали они ихъ въ томъ, будто всероссійская императрица возбуждаетъ и поддерживаетъ эту ненависть чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. Какъ далеко было Петербургское правительство отъ того, чтобъ митвольить возстаніямъ народа противъ польскихъ пановъ, показываетъ, между прочимъ, то, что даже въ роковой для Рѣчи Посполитой 1794 годъ, когда уже Суворовъ съ войскомъ двигался къ Варшавѣ, сдѣлано было распоряженіе объ оставленіи части русскаго войска на Волыни на случай необходимости усмирять южнорусскихъ крестьянъ, если между ними вспыхнутъ бунты противъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ Россія, даже воюя съ поляками, оберегала ихъ отъ раздраженнаго южнорусскаго народа.

Уничтожилась Рѣчь Посполитая. Области ея пошли въ раздѣлъ между сосѣдями. Южная Русь, бывшая такъ долго поприщемъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшою, въ большей половинѣ присоединена была къ Россійской державѣ. Казалось, совершилось давнее стремленіе этого народа, такъ какъ въ ея движеніяхъ такое присоединеніе всегда проглядывало, какъ конечная цѣль. Но въ жизни народной было не то, что казалось по кабинетнымъ документамъ и по историческимъ книгамъ. Польское господство для этого народа не прекращалось еще долго. Народность южнорусская въ этомъ краѣ почти исключительно сосредоточилась на крестьянскомъ, мужичьемъ классѣ, а онъ весь почти оставался въ порабощеніи у владѣльцевъ, и послѣдними были поляки. Новая верховная власть показывала свою силу надъ мужикомъ только тѣмъ, что принуждала этого мужика быть безправнымъ рабомъ польскаго пана. Поэтому политическій переворотъ, совершившійся надъ Рѣчью Посполитой, мало касался южнорусскаго мужика, погруженнаго въ свои узкіе интересы насущной жизни. Правда, жизнь его уже ограждена была отъ полнаго произвола пана и жида, но вѣ только. Положеніе южнорусскаго мужика походило на положеніе Іова, отданнаго Богомъ въ распоряженіе духу злобы, съ правомъ дѣлать надъ нимъ все, что захочетъ, но съ единымъ условіемъ не лишать его души. Мужикъ этотъ былъ не человѣкъ, не самостоятельное существо, а рабочее животное, которое хозяинъ могъ бить, отягощать до изнуренія трудомъ и продавать. Такъ было до самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости. И вотъ, въ то время, когда съ нашихъ профессорскихъ кафедръ съ умиленіемъ говорилось о томъ, какъ этотъ народъ, долго томившійся подъ польскимъ гнетомъ, наконецъ, воссоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ, у этого народа, безграмотнаго и не знавшаго нашихъ историческихъ сочиненій о немъ, излагалась въ пѣсняхъ своя исторія со всѣмъ подъ другою точкою зрѣнія. Вотъ народная пѣсня, записанная нами въ

Волынской губерніи. Наступила черная туча, настала еще и сизая. Была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! Не отбудеть отецъ за сына, ни сынъ за отца. Живутъ люди, живутъ слободою, идетъ мать на ниву, идетъ вѣсть съ дочкой. Проншли онѣ на нивушку: помогай намъ Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Съли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ—экономъ ѣдетъ. Пріѣхаль онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: отчего васъ, вражьиъ людей, не трое? И началъ экономъ ругаться и драться: зачьжь же вы, вражьи люди, сноповъ не носите? А у нашего эконома красная шапка, какъ пріѣдетъ онъ на барщину, скачетъ словно лягушка. А у нашего эконома шелковые чулки; плачутъ, плачутъ бѣдные люди съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери, можь, ярового хлѣба полтторы коня, а озимагъ — копу! Хоть какому мужику подъ силу все вымолотить, провѣять и въ амбаръ сложить. А вечеромъ, поушнавши, въ караулъ ступай. Поншли они въ шинокъ; дай, шинкарка, квартиру. Выпьемъ съ горя по стакаду, да пойдемъ въ караулъ! Ходить пощ по церкви, читаетъ книжку. А отчего васъ, добрыхъ людей, въ церкви нѣтъ? Какъ же намъ, благодѣтель, въ церковь-то ходить. Намъ съ воскресенья до воскресенья велятъ молотить ¹⁾. Въ другомъ вариантѣ этой пѣсни поется: «Отца гонять въ степь косить, сына молотить, дочку дѣвицу садить табакъ, а невѣстку со свекровью на ниву рожать. Съли они обѣдать: горекъ ихъ обѣдъ; посмотрятъ они позади себя—ѣдетъ

- 1) Наступала чорна хмара, настала ще й сива,
 Була Польша, була Польша, да стала Россія:
 Не отбуде сынъ за батька, а батька за сына.
 Живуть люде, живутъ люде, живутъ слободою,
 Иде мати на лавъ жати разомъ и зъ дочкою,
 Прійшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже,
 И святая недѣленька велика госпоже!
 Съли вони обѣдати: гіркій нашъ обѣде!
 Оглянутъся назадъ себе ажъ окомонъ ѣде.
 Пріѣхавъ винъ до ланочку, нагай роспускае:
 — Ой чомъ же васъ, вражьиъ людей, но трое не мае?
 Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти да бити.
 Ой чомъ же вамъ, вражьиъ людямъ, снопивъ не носити?
 А въ нашого эконома червоня шапка:
 Якъ пріѣде до нанщины—скаче якъ та жабла.
 А въ нашого эконома шовковѣ онучи,
 Плачуть, плачуть бѣднѣ люди изъ панщины идучи,
 Пооблазнили воламъ шіѣ, бѣдннмъ людямъ руки....
 Ой ярини по пивторы, а зинини копу;
 Треба стати поправитись, хоть якому хлопцу,
 Змолотити и звѣяти и въ шинхлѣръ собрати,
 А въ вечерѣ по вечерѣ да на варту стати.
 Прійшли вони до шинкарки: дай, шинкарко, квартиру,
 Выпьемъ зъ жалю по стакаду, да й станемъ на варту.
 Ходить понокъ по церквинѣ у книжку читаетъ:
 — Ой чомъ же васъ, да добрыхъ людей, у церкві не мае?—
 „Ой якъ же намъ, добродѣю, у церкву ходити,
 Отъ недѣлѣ до недѣлѣ кажуть молотити“.

экономъ... подѣхалъ, расправилъ нагайку, говорить: а зачѣмъ васъ, вражьи дѣтей, дѣтъ здѣсь всѣхъ? — Экономъ батюшка, что намъ дѣлать, мы покинули малыхъ дѣтей, некому ихъ прислать. — Я велю малыхъ дѣтей въ прудѣ потопить, а вамъ, вражьиимъ людямъ, всѣмъ приказываю ходить на работу ¹⁾.

Въ другой пѣснѣ мужикъ жалуется, что паны забрали у него розъ еще зеленую на сѣчку. Онъ ходилъ просить объ уплатѣ — его поколотили и прогнали ²⁾.

Мужики говорятъ, что имъ пришелъ чередъ ходить на винокурню въ работу пѣлюю недѣлю. «Пришелъ я въ понедѣльникъ, пришелъ и во вторникъ: выѣхалъ панъ комиссаръ, далъ мнѣ сорокъ багаекъ. Ходилъ я на работу всю недѣлю до субботы, а въ субботу прѣхалъ самъ владѣлецъ и говорить: ничего не работаете. Въ воскресный день раннимъ рано стали звонить колокола, а асаулы съ козаками гонять насъ въ винокурню. Я, братъ, думалъ: помолюсь Богу, а асаулъ хватаетъ меня за голову, да бьетъ палкою по ушамъ! Въ чужомъ селѣ доколода гудуть, а въ нашемъ тихо; въ чужомъ селѣ нѣтъ ничего добраго, а въ нашемъ — горе. Наши асаулы знаютъ господскую милость, съ мужика сдеруть штаны, съ бабы юбку ³⁾. Пѣсня оканчивается приглашеніемъ по-

1) Женуть, батюка въ степь косити, сына, молотити,

Третю дочку паняночку тютюну садити,
А невестку съ свекрухою у ланъ жито жати.

Сѣли вони обѣдати, гиркій ихъ обѣде,
Озвирнуться позадь себе ажъ окомонъ ѣде.

Пидѣзжае панъ окомонъ, канчукъ распускае.

„Чому, чому вражѣ люде, усѣхъ васъ не мае!“

— Окомене, добродѣю, що маемъ робити?

— Покидали малѣ дѣти, нѣкому глядѣти.—

„А я велю малыхъ дѣтокъ въ ставкахъ потопити“.

„Да всѣмъ же вамъ, вражьиимъ людямъ, въ работу ходити“.

По иному варианту поется:

Иде батюко въ степь косити, а сынъ молотити.

Его дочка паняночка тютюну садити,

А ихъ мати старенька обѣдати носити,

А въ нашего дворянина (двороваго, приказчика) сивая кобылѣ;

Гей побилъ бѣдныхъ людей лихая година!

„Ой вы, люде-крестьяне, ви-люде безсчастнѣй,

„Ой выходте на ланъ жати по трое изъ хати:

— Ой якъ же намъ, дворянину, по трое ходити,

— Есть у насъ малыи дѣти, нѣкому глядѣти:

„А вы дѣти потопѣте, на ланъ жати идѣте!“

2) Ой Содома, пане брате, Содома, Содома!

Нема въ мене снпка жита нѣ въ полѣ, нѣ дома!

Було въ мене, куме, жито зелене, зелене....

Заѣхали вражи паны, забрали на сѣчку.

Охъ пийшовъ я пане брате, плати поминати,

А винъ мене выбивъ добре, дай й выпхавъ изъ хати.

3) А що маемъ, пане брате, тепера робити?

Иде черга до винниці весь тыждень ходити.

Ой пийшовъ я въ понедѣлокъ, пийшовъ и во второкъ,

Ажъ выѣхавъ панъ комисаръ — давъ нагаѣвъ сорокъ.

Ой ходивъ я увесь тыждень ходивъ до субботы.

кинуть мѣсто жительства, оставивши разводиться тамъ воронамъ и идти въ степь въ гайдамаки.

Эта пѣсня, повидимому, тѣхъ временъ, когда еще не уничтожилось совершенно гайдамачество, и представляетъ образчикъ при какихъ житейскихъ условияхъ крестьяне поодняли собою гайдамацкія ватаги.

Въ Галиціи, гдѣ южнорусскій народъ попалъ подъ власть иностраннаго государства, встрѣчаемъ пѣсни тажого же содержанія и даже составляющія варианты тѣхъ, которыя распространены въ народѣ, вошедшемъ въ составъ Россійской Имперіи. Вотъ для примѣра галицкая пѣсня:

«Пока старыя паны были непритязательны къ работамъ, тогда, бывало, цѣлую недѣлю на себя работай, а пану въ субботу. Теперь же настали паны нынѣ: выгоняють въ понедѣльникъ на господскую ниву и гоняють до субботы, да еще говорятъ: отъ васъ, негодяевъ, нѣтъ никакой работы! Въ субботу назначаютъ на четырехъ кварту; выпилъ ли не выпилъ, а ступай на караулъ! Въ понедѣльникъ же съ восходомъ солнца, часу въ третьемъ господинъ окомонъ ѣдетъ на сѣрой кобылѣ. Запасся водочкой, чтобъ было чтѣ выпить; какъ выѣдетъ на господскую ниву, то велитъ всѣхъ бить. Тѣ, которыхъ побьютъ, вьются словно пискари, а наши господа окомоны смѣются надъ этимъ. Въ Лычковцахъ вѣтеръ вѣетъ, въ Постоловцахъ тихо; въ Лычковцахъ бѣды нѣтъ, а въ Постоловцахъ горе. Уже наша Постоловка обросла вербовникомъ; у кого было по шести воловъ, тѣ пошли съ мѣшками собирать милостыню!»¹⁾

Ажъ выѣхавъ и самъ дѣдичъ: чортъ-ма съ васъ работы!

А въ недѣлю дуже рано да у дзвонъ дзвонять

Осаули съ козаками до винницѣ гонять,

Отъ, думавъ я, пане брате, Богу помолюся:

Осаула бере за лобъ бѣе кіемъ по унахъ,

Въ чужимъ селѣ дзвонѣ дзвонять, а въ нашому тихо,

Въ чужимъ селѣ добра чортъ-ма, а въ нашому лихо!

А наши осаули знаютъ панську ласку,

Съ чоловѣка штаны деруть, а съ жинки запаску.

Ой ходѣмо, пане брате, да за крутѣ горы,

Нехай тута виводяться круки да ворони,

Ой ходѣмо, пане брате, въ степь да въ гайдамаки.

(Основа 1862 г. II. 98—99).

¹⁾ Доки були старі паны плохи на роботу

Цѣлий тиждень собѣ робѣ, пановѣ въ субботу.

А теперки, пане брате, якъ настали паны,

Выгоняють въ понедѣлокъ на панскіи лани,

Выганяють въ понедѣлокъ, гонять до суботы,

И ще кажуть: вы гайдаки, нема зъ васъ роботы!

А въ суботу вызначено на четырехъ кварту,

Ой ци выпивъ, ци не выпивъ да й пишовъ на варту,

Въ понедѣлокъ съ сходомъ солнца о третій годивѣ

Вже выѣдять панъ вокомонъ на сивій кобылѣ,

Призберавъ си горѣвочку да мае що пити,

Якъ выѣде на ланъ панскій, да каже всѣхъ бити;

А котри побитни якъ пискарѣ вьються,

Нашы паны вокомоны ще съ того смѣються!

Въ другой, галицкой же, пѣснѣ изображается, какъ мужикъ въ воскресный день сѣлъ пить горѣлку, стали звонить къ богослуженію, а тутъ людей гонять на господскую работу. Рѣшаются идти къ пану и представить ему, что не слѣдуетъ работать въ воскресенье, чтобъ за то не покаралъ воскресный день. Но панъ приказалъ дать имъ черезъ асаула и козаковъ по сто палокъ ¹⁾.

Уничтоженіе крѣпостного права также отразилось въ народномъ творествѣ. Объ этомъ отрадномъ для народа событіи сложились пѣсни. Мы знаемъ изъ нихъ двѣ, которыя поются крестьянами, освободившимися въ западной части южной Руси отъ власти польскихъ пановъ. Въ одной — кукушка, поэтическая птица южнорусской поэзіи, съ весеннимъ развѣвающимъ лѣсовъ приноситъ радостную вѣсть. Тутъ являются олицетворенныя отвлеченныя понятія — свобода и барщина. Приемъ этотъ хотя не особенно частъ въ народной поэзіи, но не чуждъ ей, какъ показываютъ пѣсни, въ которыхъ олицетворяются правда и кривда, доля и недоля. Здѣсь олицетворенная «свобода» прогоняетъ олицетворенную «барщину», а паны бѣгутъ за послѣднею, умоляютъ вернуться, потому что они, бѣдняжки, безъ ней остаются безъ средствъ къ жизни; не умѣютъ они молотить, а ихъ жены жать глѣбъ. Они еще не знали, какъ тяжело трудомъ доставать пропитаніе ²⁾. Въ другой пѣснѣ, гдѣ также изображается олицетворенная барщина, назъжаютъ становые пристава и мировые посредники и объявляютъ народу, что болѣе не будутъ работать барщины и снимать шапки передъ господами. Барщина, сопоставляемая съ дикою уткою, улетающею въ тростникъ, бѣжитъ въ лѣсныя дебри: ее гонитъ народная громада ³⁾.

А въ Личкивцяхъ вѣтеръ вѣе, въ Постоливцяхъ тихо,
А въ Личкивцяхъ бѣды нема, въ Постоливцяхъ лихо.
А вже наша Постоливка обросла вербами,
Котрѣ мали по шѣсть воливи, то пляли съ торбами.

(Чтен. 1864. IV, стр. 376).

¹⁾ Свѣя я собѣ кола стола да горѣвку нѣти,
А вже стали до церквяцѣ всѣ дзвони дзвонити.
А въ недѣлю о-полудню у всѣ дзвони дзвонятъ.
Осаула съ козаками на панщину гонятъ
Зберемося, паны брати, да ходѣмъ до пана
Аже бы насъ недѣлюшка ось не покарала.
Прійшли жъ бо ми передъ пана, стали говорити.
— Берить, савуло съ козаками, по сто палокъ бити!

(Чт. 1863 г. III, стр. 20).

²⁾ Ой летѣла зозуленька да й стала ковати:
Почекайте, добрѣ люде, що-сь маю казати,
А вже ган зеленѣли, якъ до васъ летѣла,
Тильки трохи въ темнѣмъ лѣсѣ спочивати сѣла.
Ось тутъ разомъ що-сь загуло, а же-жъ ся злякала;
То свобода панщиноньку передъ себе гнала,
А за нею панки бѣжать, стали їй просити:
Вернись, вернись, панщинонька, нема змѣдки жити,
Мы не вмѣемъ молотити, наши жѣнки жати,
Мы жъ не знали якъ-то тяжко на глѣбъ заробляти.

³⁾ Наѣхали становни, стали говорити:
Не будете, люде добрѣ, панщини робити!
Наѣхали мировни да й стали казати.

Прилетаетъ птица пава, садится посреди села. Это олицетворенная вольность. Собрались господа атамань, лановые (надсмотрщики за господскими пахотными полями), все народъ правящій и только одинъ подвластный. Старая госпожа выходитъ на заднее крыльцо своего дома и восклицаетъ къ барщинѣ, умоляя ее вернуться назадъ къ господамъ хоть бы до ужина. Но барщина отвѣчаетъ: не вернусь къ вамъ. Я была вамъ вѣрна, а вы не умѣли беречь меня. Въ томъ не моя вина ¹⁾. Здѣсь пѣсня хочетъ выразить ту мысль, что господа не умѣли съ умѣренностью пользоваться своими привилегіями, но злоупотребляли ими и оттого потеряли ихъ теперь. Является эконокъ съ нагайкою, обычною издавна принадлежностью своего званія, являются комиссары, собираются у тихаго озерца, разсуждаютъ какъ мужика пронять. И стали они говорить: что намъ теперь раніе врасіе (пѣсня передразниваетъ польскій языкъ, который въ краѣ играетъ роль господскаго языка), что намъ теперь дѣлать? Мы не умѣемъ косить, жены наши не умѣютъ жать, нѣкому болѣе на насъ барщину отбывать, мы не умѣемъ молотить, жены наши не умѣютъ прастъ: развѣ намъ идти учиться красть по дорогамъ ²⁾. Чисто сельскій крестьянскій взглядъ: крестьянинъ и не подозреваетъ, что можетъ еще существовать какой-нибудь производительный трудъ, кромѣ обычнаго для него полевого земледѣльческаго труда. Пѣсня оканчивается восторженною, но простодушною благодарностью царю, царицѣ и царевнѣ ³⁾. Народъ верховную и всякую власть представляетъ не иначе какъ въ

Не будете предъ панами шапокъ издймати!
 Ой летѣла дика качка, сѣла въ очеретѣ,
 Утѣкала панщинонька въ темнѣ пущи, нетри,
 Не сама жъ вона втѣкала, громадонька гнала.
 Якъ загнала въ пущи-нетри, тамъ вона пропала!

- 1) Ой летѣла птица пава, середъ села внала,
 А два паны, а два паны, а два отаманы
 Висѣмнадцатъ лановыхъ а единъ пидданны;
 Ажъ выходитъ стара панѣ на затиннѣ дверѣ:
 Вернись, вернись, панщинонька, хоча до вечерѣ! .
 „Не вернуса, не вернуса, я вамъ була вѣрна:
 „Не вмѣли мя шанувати, я зъ того невинна!“

- 2) А въ нашего отамана нагай за плечима,
 За ковчѣромъ купа востей съ чорными очима.
 Сбירותься комиссары на тихе озерце:
 Чымъ бы мужика пѣняти? Щобъ выняли сердце (?).
 Якъ вонъ тамъ збиралися, стали говорити:
 Що мы будемъ раніе врасіе, тепера робити?
 Бо не вмѣемъ мы косити, наши жѣнки жати;
 А нема вже намъ кому панщину втбувати.
 Що не вмѣемъ молотити, наши жѣнки прасти,
 Хиба пийдемъ на шляхи учитися красти!

- 3) Подъякуймо жъ мы Боговѣ, да своему царевѣ,
 Що винъ зробивъ добродѣйство въ своему краевѣ;
 Подъякуймо мы царевѣ и своѣй царицѣ,
 Бо не ходять на панщину наши молодичѣ:
 Подъякуймо мы царицѣ, щей своѣй царевнѣ,
 Що вони насъ поривнали съ ляхами на ривнѣ!

семейной обстановкѣ ея предержателей. Народъ радуется, что наконецъ верховная власть сравняла его съ ляхами, у которыхъ онъ столько столѣтій былъ безправнымъ рабомъ, безпрестанно, но безплодно напрягаясь освободиться изъ этого рабства. Въ I-мъ томѣ Записокъ югозападнаго отдѣла Географическаго Общества помѣщена очень пространная пѣсня объ этомъ же событїи, но пѣсня эта, хотя и выдаваемая за чисто народную, при ближайшемъ разсмотрѣнїи угребленнѣхъ въ ней приѣмовъ оказывается амплификаціею мотивовъ, выражаемыхъ въ приведенныхъ нами здѣсь пѣсняхъ, амплификаціею, составленною какии-то досужимъ любителемъ и знатокомъ малорусской народной поэзіи.

Враждебныя отношенія борьбы южноруссовъ съ поляками переходили и въ шуточные образы. Есть шуточная пѣсня о ляхѣ, сдѣланномъ изъ моркови, онъ ѣдетъ на конѣ изъ свекловицы, шапка на немъ изъ пастернака, жупанъ изъ лопуха, сабля изъ петрушки, копые изъ фасоли, пистолеты изъ капустнаго кочана, пули изъ картофлей, плащъ изъ огурца, поясъ изъ кукурузы, сапожки изъ рѣпы, подвязки изъ тыквенной травы, сѣдло изъ капустнаго листа, а стремяна изъ березы. Какъ напился ляхъ кантабалу (какое-то неизвѣстное намъ питье), такъ и опьянѣлъ. Вѣдалъ такой ляхъ изъ Украины, конь подъ нимъ выплясывалъ. Вдругъ на встрѣчу ему свиньи: а подожди-ко ляхъ! Повернулся свинь то въ одну, то въ другую сторону, сталъ онъ стрѣлять въ свиней, но свиньи расхватали его пули и ляху нечѣмъ воевать! Схватили ляхъ за свою саблю, но сабля изломалась, и опять ляху нечѣмъ воевать! Повернулся онъ то въ одну сторону, то въ другую—хотѣлъ бѣжать въ лѣсъ: отъ такихъ лютыхъ звѣрей пришлось ему погибать. Свиньи проглотили коня его и самого ляха съѣли со всею его одеждою и сбруею: только стремяна изъ березы остались цѣлыми ¹⁾.

Есть также насмѣшливая пѣсня, гдѣ предметомъ насмѣшки — козакъ, воюющій съ ляхами. Это пѣсня о Козубаѣ, пѣсня червонорусскаго склада (Малор. и червонор. думы и пѣсни, стр. 112). Какой-то Козубай собрался съ товарищами воевать противъ ляховъ, взялъ ружье и лукъ со стрѣлами. Взялъ онъ съ собою своего боевого коня вороного, саблю въ ножнахъ и скляницу съ

¹⁾ Вхавъ ляшокъ морквяний, коникъ бураковий,
Шапка на немъ изъ пастернаку, жупанъ лопуховий,
А шабелька изъ петрушки, вика изъ хвасолѣ,
Пистолеты изъ качана, кулѣ зъ бараболѣ,
Хонтушина огиркова, поясъ зъ кукурузы,
Чоботата изъ рѣпы, подвязки зъ гарбузы,
Ляхъ напился кантабалу (?)—ляшокъ не тверезий!
Вхавъ ляшокъ зъ Украинѣ: коникъ нидъ нимъ пляше,
Ляхъ зострѣли его свинѣ: а ножди ко ляше!
Обернувся сюды-туды, ставъ свиней стрѣляти,
Свинѣ кулѣ росхпали, нѣчимъ ляху воевати.
Винѣ узався за шабельку, ставъ свиней рубати,
И шабелька ся зломала—нѣчимъ воевати!
Обернувшись сюды-туды, хотѣвъ въ лѣсъ втѣкати:
Черезъ тни лютѣ звѣрѣ мушу погибати.
И коника поглотили, й ляхка зъусѣмъ зѣбли,
Тильки стремяна зъ берези zostалися цѣлѣ!

водкой. Приѣхали подъ Бѣлую Церковь къ самому караулу. Не стало у нихъ водки, уныло у нихъ дурацкое сердце, думаютъ какъ имъ идти въ бой. Пришли къ Козубаю Федько и двоюродный братъ его Иванъ. Напился водки Козубай безпечный и говорятъ: Стойте, молодые братья, не бойтесь, не страшитесь, я самъ влѣзу на ветлу и стану съ ней воевать на проклятыхъ ляховъ; на ветлѣ установлюсь и ружье нацѣлю, будете ляховъ братъ, за руки ихъ вязать. Пришелъ къ нему Федько Цюра и бьетъ его, а нашъ Козубай уже не живъ. Заплакалъ Федько и говоритъ: свиней бы тебѣ пасти, а не воевать, скорбь намъ задавать ¹⁾.

3. Внутреннія общественныя явленія, возникшія вслѣдствіе борьбы съ Польшою.

Лѣвобережная гетманщина.—Народные идеалы.—Дума о Ганжѣ Дендеберѣ или Андыберѣ.—Пиршество сѣромахъ.—Козакъ Нетяга и его жена.—Запорожецъ на картинкѣ.—Вечирченко.—Костя Гордѣнко.—Пѣсни о разореніи Сѣчи и о послѣдней судьбѣ запорожцевъ.

Въ періодъ, слѣдовавшій за смертію Богдана Хмельницкаго, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, оставшейся подъ управленіемъ гетмановъ, утверждаемыхъ московскимъ царемъ, катились одно за другимъ важныя историческія событія, которыя, однако, не отражались въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества. Избирались гетманы и теряли свой санъ всегда съ трагическимъ концомъ. Новые политическіе дѣятели смѣняли прежнихъ, занимая старшинскіе и другіе уряды, устанавливались и отменялись законоположенія и правительственныя распоряженія, а въ народныхъ пѣсняхъ обо всемъ этомъ вѣтъ почти и намёка. Это оттого, что всѣми политическими дѣлами, обращающими на себя вниманіе историковъ, заправляли старшины генеральные и полковые съ своими гетманомъ во главѣ и съ ними значныя лица изъ козачества и отчасти изъ мѣщанства, а у

¹⁾ Выбирался Козубай на войну съ ляхами,
 Взявъ съ собою самопалъ и лукъ зо стрѣлами,
 Взявъ съ собою вороного коня своего вѣйськового,
 Шаблю и съ похвою, плашку съ горѣвкою.
 Ажъ приѣхавъ подъ Бѣлую Церковь на самую стражу!
 Горѣвки имъ не стало, кепске сердце устало,
 Думать съ собою якъ пийдуть до бою.
 Пришовъ къ нему Хведько и Иванъ стрѣчный,
 Напился горѣвки Козубай безпечный:
 — Стойте, братія молодѣ, не бийтесь страхивъ,
 — Я самъ влѣзу на вербу на проклятыхъ ляхивъ,
 — На вербѣ ушикаю и самопалъ вырештую,
 — Будемъ ляхивъ брати, за руки вязати!
 Пришовъ къ нему Хведько Цюра, дай го бье,
 А вжежъ мий Козубай не жие.
 Заплакавши Хведько собѣ:
 „Свинѣ було пасти тобѣ,
 „А не воевати,
 „Жалю задавати!“

нихъ были идеалы, совершенно противныя народной массѣ. Эту народную массу составляли: козацкая чернь или простые рядовики да мужики, или песолюство. Старшины и значные, хотя лично между собой часто враждебные, нѣли ту общую черту, что желали образовать въ Украинѣ новое панство, привилегированный классъ, который бы повелѣвалъ остальнымъ народонаселеніемъ, хотѣли сложить въ своемъ отечествѣ, такъ сказать, вторую Польшу, а народу не могло быть ничего противнѣе этого. Народъ желалъ козачества всеобщаго, для всѣхъ равнаго, народъ не хотѣлъ, чтобъ существовало различіе между значнымъ товариствомъ козацкимъ и простыми рядовиками, между козаками и мужиками, между богачемъ и бѣднякомъ; истому украинцу хотѣлось, чтобъ каждый былъ собственникомъ той земли, которую обрабатывалъ, каждый могъ бы свободно располагать собою и своимъ занятіемъ, каждый былъ бы равенъ всякому другому. Такой идеалъ былъ намѣченъ въ 1648 году въ порывѣ возстанія противъ Польши и съ той поры оставался въ нравственномъ сознаніи народа. Но достигъ его не могъ народъ, потому что каждый изъ того же народа измѣнялъ этому идеалу, какъ только обстоятельствами выдвигался впередъ надъ остальною массою; держался того идеала только тѣ, которые не могли чѣмъ-нибудь возвыситься надъ своими собратіями, тѣ, которыхъ можно было назвать послѣдками въ общественной механизмѣ; всякія проявлявшіяся попытки къ достиженію и водворенію такого идеала въ Малороссіи на административномъ языкѣ назывались бунтами: ихъ преслѣдовали и уничтожали старшины и значные; ихъ не одобряла и верховная московская власть, предоставлявшая Украинѣ управляться по войсковымъ правамъ войска Запорожскаго и по старымъ законамъ, бывшимъ въ силѣ до присоединенія края къ Московской державѣ. Для малороссійскаго народа чужими были всѣ гетманы войска Запорожскаго, сталкивавшіе одинъ другого, всѣ эти Выговскіе, Юрій Хмельницкіе, Сомки, Золотаревки, Бруховецкіе, Многогрѣшные, Самойловичи, Мазепы, — все это были навязанные ему господа, всѣхъ ихъ народъ не любилъ, всѣми былъ недоволенъ, никого изъ нихъ не жалѣлъ, когда постигала ихъ роковая судьба; народъ желалъ иной власти, подобной своему идеалу, не отыскалъ ее ни въ своей средѣ, ни извнѣ и отыскать ее былъ не въ силахъ. Идеалъ его, никогда не осуществленный, остался только идеаломъ, и притомъ неяснымъ. Народная пѣсенность не поминаетъ дѣйствительно существовавшихъ въ исторіи гетмановъ, но она величаетъ выдуманнаго народною фантазіею гетмана, никогда не бывалаго Ганжу Андыбера. Напрасно было бы строить догадки — не открывается ли подъ этимъ вымышленнымъ именемъ какое-нибудь историческое лицо. Такой личности не было въ дѣйствительности, но народу хотѣлось, чтобы такая личность была. Это — гетманъ, ненавидящій значныхъ и богатыхъ, пекущійся о бѣдномъ простомъ народѣ. Словно сказочный восточный халифъ, этотъ легендарный гетманъ шатается среди простого народа въ образѣ бѣдняка, простака. О такомъ походе не существуетъ дума, извѣстная намъ по двумъ вариантамъ, доставленнымъ Кулишомъ Метлинскому и напечатаннымъ въ Сборникѣ пѣсенъ, изданномъ послѣднимъ (стр. 377—385) и по вариантамъ, напечатаннымъ въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (часть I, стр. 200—209, 319—321).

Въ думѣ этой является козакъ бѣднякъ, простакъ, такой, что одиввадцать лѣтъ шатался гдѣ-то на путяхъ Ордынскихъ, въ поляхъ Книльскихъ, въ степяхъ, гдѣ обыкновенно запорожскіе удалыцы мѣрялись отвагою съ татар-

скими наѣздниками. Козакъ этотъ ворочается въ Украину въ самомъ жалкомъ видѣ; у бѣдняка три серяги, на немъ епанча, сдѣланная изъ ситника, на ногахъ сафьянные сапоги такіе худые, что сквозь нихъ виднѣются пяты и пальцы, — какъ только ступить, такъ и оставить слѣдъ босой ноги; на головѣ бѣдняка баранья шапка дырявая, мѣхъ на ней облѣзъ, околыша нѣтъ, прикрыта она дождемъ, а подбита вѣтромъ на славу козацкую ¹⁾. Этотъ козакъ прибываетъ въ городъ Черкасы; всѣ ему подобныя, приходя куда-нибудь, не спрашиваютъ гдѣ можно остановиться и пасти коня, а спрашиваютъ: гдѣ корчма. Такъ и этотъ козакъ ищетъ Настю горовую шинкарку, кабацницу степную. Видеть онъ — богачи значные козаки (дуки сръбляники) собираются идти къ этой шинкаркѣ пить медъ и «добрую» водку. Козакъ-бѣднякъ забѣжалъ впередъ въ шинокъ, сѣлъ себѣ у печи и грѣется. Вошли трое богачей серебрянниковъ, первый Гаврило Довгополенко Переяславскій, второй Войтенко Нѣжинскій, третій Золотаренко Черниговскій. Они не даютъ привѣта козаку-бѣдняку, не угощаютъ его ни склянницей меда, ни чаркою водки, да и козакъ-бѣднякъ поглядываетъ на нихъ съскоса ²⁾. Богачи эти называются въ думѣ «три ляха» ³⁾, потому что съ этимъ именемъ не перестало у малороссійцевъ соединяться понятие о панствѣ, тѣмъ болѣе, что малороссійскіе значные товарищи корчили изъ себя поляковъ. Сѣли богачи пить и стали насмѣяться надъ козакомъ оборвышемъ; говорятъ они шинкаркѣ: намъ подбавь еще меду и доброй водки, а этого козака сякого-такого сына вытолкай изъ хаты взапой: онъ гдѣ-то валялся по винокурнямъ, да по пивоварнямъ, осмолѣный, отрѣпанный, сюда втесался, думаетъ отъ насъ поживиться, а потомъ станетъ пропивать не у тебя, а въ другой корчмѣ ⁴⁾.

¹⁾ На козаку бѣдному Нетязѣ

Три сѣромязѣ,

Опанчина рогозовая,

Поясина хмельовая,

На козаку бѣдному Нетязѣ сальницѣ,

Видны пяты и пальцѣ,

Где ступить — босой ноги слѣдъ пише!

А ще на козаку бѣдному Нетязѣ шапка бирка, зверху дирка,

Хутро голе, околцѣ Богъ-мае, вона дождчемъ прикрыта,

А вѣтромъ на славу козацкую подбита.

²⁾ Ище жъ бѣдного козака Нетягу не витало

Нѣ медомъ шклянкою, нѣ горѣлки чаркою,

А козакъ бѣдний Нетяга на дукивъ сръбляникивъ скоса погледае.

³⁾ Три ляхи дуки сръбляники.

⁴⁾ Отъ вони пили-пидиввали,

Съ козака Нетяги насмѣхались.

На шинкарку покликали:

Гей шинкарко Горовая

Настя жолода!

Добре ты дбай

Намъ солодкого меду, оковиту горѣлку ще подспнай,

Сѣго козака, пресучого сына, у потылицю зъ хаты выпихай!

Бо где-сь виизъ по винницяхъ по броварняхъ валялся,

Опалився, ошарпанвся, обидрався,

Шинкарка, угождая богачамъ, на потѣху имъ, начинаетъ выталкивать козака оборыша. Тотъ не сопротивляется, только пятится задомъ и, дошедши до порога хаты, хватается за дверной косякъ, а голову прячетъ подъ полку съ посудой, устроенную надъ дверью. Богачи потѣшаются такимъ зрѣлищемъ униженія надъ бѣднякомъ ¹⁾).

Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгополенко, болѣе сострадательный, даетъ шинкаркѣ денежку и поручаетъ ей поднести бѣдняку мартовскаго пива; пусть лодкрѣпитъ свой животъ козацкій. Ты — говоритъ онъ шинкаркѣ — къ этимъ оборышамъ хоть и зла, а все-таки внимательна! Не пошла Настя сама въ погребъ, а послала дѣвку свою работницу и приказала, взявши ендову, миновать въ погребѣ восемь стоящихъ съ пивомъ бочекъ и наточить изъ девятой дрянного пива. «Все равно» — говорила, она, потѣшая богачей — «придется же свиньямъ выливать это пиво; такъ мы его будемъ раздавать этимъ оборышамъ». Но дѣвка работница, вмѣсто того, чтобъ наточить, по приказанію хозяйки, изъ девятой бочки дрянного пива, наточила изъ десятой крѣпкаго меда, который носилъ названіе «пьяное чело». Пришедши въ хату, работница отворачиваетъ носъ, показывая тѣмъ, будто несетъ такой напитокъ, который издаетъ дурной запахъ ²⁾).

До насъ прійшовъ добувати,
А въ иншу корчму буде нести пропивати!

¹⁾ Тогдѣ шинкарка Горовая,
Настя кабашиця степовая,
Козака Нетягу за чубъ брала,
Въ потылицю зъ хаты выбивала,
То козакъ Нетяга добре дбае,
Козацкіи пятаи спинае,
Поти пьявся,
Поки до порога дибрався,
Козацкіими пятами у порогъ зачинае,
А козацкіими руками за одвѣрокъ ханае,
Пидъ мисникомъ голову козацку молодецьку ковае.

²⁾ А третій Гаврило Довгополенко бувъ обашный:
Изъ кармана людську денежку выймавъ,
Настѣ кабашицѣ до рукъ отдававъ,
А ще стиха словами промовлявъ:
„Гей“ — каже — „ты, шинкарко молода, Настя кабашиця,
Ты — каже, — до сихъ бѣднихъ козаківъ хочъ злая да обашна,
Коли бъ ты добре дбала,
Ся денежку до рукъ пріймала,
До погребя отходила,
Хочъ норцогово пива уточила,
Сѣму козаку бѣдному Нетязѣ на похмѣльїа живить ёго козацкій скрепила.“
Тогдѣ Настя Горовая.
Шинкарка степовая,
Сама въ лѣхъ не ходила
Да наймичку послала:
— Гей дѣвко-наймичко, добре ты вчини,
— Кинву четвертякку до рукъ ухопи, да въ лѣхъ убѣжи,
— Висѣмъ бочокъ мина, зъ девятой поганого пива наточи.

Когда подали козаку ендову съ питьемъ, тотъ сталъ себѣ у печи и принялся за хорошее питье. Первый разъ поднесъ онъ его себѣ къ губамъ—только отвѣдалъ, второй—отпилъ, а въ третій разъ, какъ взялъ ендову за ушко, такъ всю и осушилъ. Тогда сталъ его разбирать хмель и какъ ударить онъ ендовом о помясть, такъ и запрыгали у богачей со стола чарки и бутылки ¹⁾. По Кулишовскому варианту отъ такого удара треснула даже печь въ десяти мѣстахъ и стала по свѣтлицѣ летать сажа, такъ что богачи не взвидѣли свѣта Божьяго ²⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго этихъ словъ нѣтъ. «Видно, этотъ козакъ-бѣднякъ нигдѣ не бывалъ и добрыхъ водокъ не пивалъ, когда его такъ разобрало дрянное пиво»,—замѣтили потомъ пирующіе богачи ³⁾.

Тутъ, по варианту Кулиша, козакъ-бѣднякъ вдругъ закричалъ грознымъ голосомъ: «ляхи, вы, вражьи сыны! Подвиньтесь къ порогу, дайте мѣсто козаку-бѣдняку въ переднемъ углу, чтобъ мнѣ можно было тутъ усѣсться съ монни лантями!»—и богачи-серебрянники исполнили его требованіе ⁴⁾. Въ вариантѣ, помѣщенномъ у Метлинскаго, этого мѣста нѣтъ и, кажется, въ Кулишовскомъ

— Якъ маемъ мы ёго свинямъ выливати,
 — То будемъ мы ёго на такихъ нетягъ роздавати.—
 Тогдѣ дѣвка наймичка у лѣхъ убѣгала,
 Да девять бочокъ минала,
 Да съ десятой пьяного чола меду наточила,
 Да въ свѣтлицю вхожае,
 Свий нисъ геть отъ кинвы отвертае,
 Будьто те пиво воняе.

- 1) Якъ подали козаку въ руку сю кинву, то винъ ставъ била печи,
 Да и почавъ підпивати пивце грече.
 Взявъ разъ—покуштовавъ, у-друге—напився,
 А въ третье якъ узявъ кинву за ухо,
 То зробивъ у тѣй конивцѣ сухо.
 Якъ ставъ козацьку хмель голову розбирати,
 Ставъ козакъ конивкою по мосту добре погрѣмати.
 Стали въ дукнѣ-срѣбляникѣхъ изъ стола чарки й пляшки скакати.
- 2) И стала шинкарська груба на десять штукъ по хатѣ лѣтати.
 Не стали тогдѣ ляхи дукн-срѣбляники за сажею свѣту Божого видати.
- 3) Тогдѣ тѣхъ ляхи срѣбляники на ёго поглядали,
 Словами промовляли:
 — Где-сь сей козакъ Нетяга нѣгде не бувавъ,
 — Добрихъ горѣлокъ не пивавъ,
 — Що ёго и погане пиво опьянило!
- 4) Якъ ставъ козакъ Нетяга тее зачувати,
 Ставъ на ляхивъ гризно гукати;
 Гей вы, ляхове,
 Вразьки синове!
 Изъ порогу посувайтесь,
 Менѣ, козаку Нетязѣ, на покутѣ мѣсце попускайте.
 Посувайтесь тѣсно,
 Що бь було менѣ, козаку Нетязѣ, где на покутѣ изъ лантями сѣсти.
 Тогдѣ ляхи дукн-срѣбляники добре дбали,
 Дальше якъ дорогу посували,
 Козаку Нетязѣ бильше мѣсца на покутѣ попускали.

вариантъ оно случайно переставлено ранѣе, тѣмъ ему быть надлежало по первоначальной редакціи, потому что богачи-серебренники еще не могли ничѣмъ быть до такой степени поражены, чтобъ исполнять приказаніе бѣдняка, надъ которымъ они еще и потомъ продолжали издѣваться. Но это мѣсто совершенно кстати ниже, когда уже богачи имѣли поводъ догадываться, что козакъ-бѣднякъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ, какииъ показался.

Далѣе, и по варианту Метлинскаго ¹⁾, и по варианту Кулиниа ²⁾, козакъ-бѣднякъ вынимаетъ изъ-подъ своей нищенской епанчи золоченный чеканъ и предлагаетъ шинкаркѣ подъ закладъ за ушатъ меду. Богачи и теперь подтруниваютъ надъ нимъ и говорятъ шинкаркѣ: «Этотъ козакъ-бѣднякъ не выкупить у тебя своего заклада, развѣ станетъ намъ, богачамъ, гонять воловъ, а тебѣ, шинкаркѣ, тонять вечи» ³⁾.

Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, слѣдовало быть тѣмъ словамъ козака-бѣдняка, которыя мы привели выше, потому что, по обоимъ вариантамъ, послѣ того козакъ-оборвышъ садится на переднее мѣсто, разстегаетъ свой кожаный чересь и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ ⁴⁾.

Тутъ сразу все вокругъ него измѣнилось. Богачи-серебренники стали предлагать ему медъ и водку, а шинкарка спрашивала его: не хочетъ ли онъ завтракать или обѣдать, и для этого приглашала войти къ ней въ комнату ⁵⁾.

¹⁾ Оттогдѣ-то козакъ бѣдний Нетьга якъ ставъ у себе бильший хмель зачувати,
Ставъ зъ пидъ панцини рогожовои,
Зъ пидъ поясныи хмельовои,
Щиро золотный обушокъ выимати,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй за чеберъ меду застановляти. (Метл., стр. 379).

²⁾ Изъ пидъ пои позлотистый недолимокъ вынимае,
Шинкарцѣ молодѣй за чеберъ меду застановляе. (Кул. I, стр. 206).

³⁾ Тогдѣ тѣ ляхи дуки-срѣбляники на его поглядали,
Словами промовляли:
Гей шинкарко Горовал,
Настя молодая кабашнице степовал!
Нехай сей козакъ бѣдний Нетьга не мається въ тебе сей заставщиномъ
выкупляти,
Намъ, дукамъ-срѣбляникамъ нехай не зарѣкається волн погоняти,
А тебѣ, Настѣ кабашнѣй, грубъ тонити. (Кул., ibid.).

⁴⁾ Оттогдѣ-то козакъ бѣдний Нетьга якъ ставъ съ слова зачувати,
Такъ винъ ставъ чересокъ вынимати,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй Настѣ кабашнѣй увесь стиль червинциами
устилати. (Кул. 206. Метл. 380).

⁵⁾ Тогдѣ дуки-срѣбляники якъ стали въ ёго червинци зоглядати,
Тогдѣ стали ёго витати
Медомъ шелянкою,
И горѣлки чаркою.
Тогдѣ и шинкарка молодая
Настя Горовал,
Истиха словами промовляе:
Эй козаче, каже, козаче!
Чи снѣдавъ ти сѣгоднѣ, чи обѣдавъ?
Ходи зо мною до кимнати,
Сядемъ ми съ тобою, поснѣдаешъ ли нообѣдаешъ.

Но козакъ, въ отвѣтъ на все это, прошелся по свѣтлицѣ, подошелъ къ оконной форточкѣ и закричалъ: Эй вы, рѣки низовыя, помощницы днѣпровскія! Теперь либо меня одѣвайте, либо къ себѣ принимайте ¹⁾. По другому варианту, указанному у Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I. 319), онъ ударяетъ своимъ чеканомъ по столу три раза и поетъ козацкую пѣсню: Ахъ ты, рѣка козацкая! Теперь либо меня одѣвай, либо меня къ себѣ принимай ²⁾.

По этому кличу явилось трое козаковъ или джуръ ³⁾; одинъ надѣваетъ на него принесенныя съ собой дорогія одежды ⁴⁾ или жупаны ⁵⁾, другой подаетъ ему сафьянные желтые сапоги ⁶⁾, третій шапку; а по другому варианту— выѣстъ съ шапкою еще приноситъ ему широкія красныя шаровары ⁷⁾.

По этому послѣднему варианту они говорятъ ему: «Хвесько Дендеберь! отецъ козацкій! славный рыцарь! Полно тебѣ здѣсь шалить. Пора идти надъ Украинной управлять!» ⁸⁾.

Тогда богачи-серебренники стали между собой потихоньку говорить: «Такъ это, братцы, не козакъ бѣдняга оборвышь, а это Хвесько Ганжа Андыберь (или Дендебера), гетманъ запорожскій!» И потомъ, обратившись къ нему, связали:

¹⁾ Тодѣ-то козакъ бѣдный Нетьага по кабаку похаждае,

Кватиру видчинае,
На быстрин рѣки поглядае,
Кличе, добре покликае:

— Ой рѣки, каже, рѣки вы низовни,
— Помощницѣ Днѣпровни,
— Теперь або мене зодягайте,
— Або до себе пріймайте!

²⁾ Изъ надъ поли позлотистий недолимокъ вынмае,

По столу три разы затинае,
Козацку пѣсню спѣвае:

— Ой рѣка козацкая!
— Теперь мене або зодягай,
— Або до себе пріймай.

(Кул. I. 319).

³⁾ Тодѣ где явились три джури малыхъ невеличкихъ.

⁴⁾ Оттогдѣ одинъ козакъ иде,

Шаты дорогія несе.

⁵⁾ Що первый джура иде,

Пару жупанивъ ѣму несе.

⁶⁾ Другій козакъ иде,

Боты сапьяновѣ несе.

или:

Жовтѣ сапьянцѣ ѣму несе.

⁷⁾ Третій джура иде,

Широкѣ що ѣ слѣдъ замѣтають червонѣ шаровары несе,

И оксамитну шапку на голову ѣму несе.

(Кул. I. 319).

или:

Шинчокъ козацкій несе,

На голову ѣго козацку надѣ.

(Кул. I. 207. Метл. 381).

⁸⁾ Гей Хвесько Дендебере

Батьку козацкій, славный лыцаре,

Доки тобѣ тутъ пустовати?

Чась пора йти на Враннѣ батьковати.

(Кул. I. 320).

«Придвинься же къ намъ поближе, поклонися мы тебѣ пониже, станемъ со-
вѣтъ держать, какъ бы хорошо и счастливо въ славной Украинѣ проживать».
И тутъ стали они ему предлагать медъ и водку ¹⁾).

Но Ганжа Андыберъ, принявши отъ нихъ питье, не пилъ его, а проли-
валъ себѣ на одежды и приговаривалъ: «Наряды вы мои, наряды! Пейте, гуляйте.
Не меня чествуютъ, а васъ уважаютъ. Когда на мнѣ васъ не было, такъ и
чести я не зналъ отъ богачей-серебрянниковъ» ²⁾).

И сказалъ тогда своимъ козакамъ Ганжа Андыберъ, гетьманъ запорожскій:
«Козаки, дѣтки, друзья, молодцы! Выводите-ко этихъ богачей-серебрянниковъ
изъ-за стола, какъ воловъ, за головы, разложите ихъ подѣ окнами, да валийте
ихъ въ три березовыхъ палки. Пусть они меня вспоминаютъ и до конца жизни
не забываютъ» ³⁾). Но Гаврила Довгополенка Переяславскаго онъ посадилъ близъ
себя за то, что тотъ ему за свою денежку купилъ пива ⁴⁾).

Козаки начали расправу. Они вытащили изъ-за стола богачей, вывели и
передъ окнами отвалили ихъ въ три березовыя палки, а при этомъ приговари-
вали: «Эхъ вы дуки, дуки! Забрали вы себѣ всѣ роцци и луга, нашему брату
бѣдняку негдѣ остановиться, чтобъ коня понасти!» ⁵⁾).

1) Тогда дуки-срѣбляники стиха словеса промовляли:

Эй не есть се, братцѣ, козакъ бѣднѣй Нетага,

А есть се Хвесько Ганжа Андыберъ

Гетьманъ запорожскій!

Присунься ты до насъ—кажуть—ближче,

Поклонимось мы тебѣ нижче,

Будемъ радиться чи гараздъ добре на славнѣй Украинѣ проживати.

Тогдѣ стали его витати медомъ шклянкою

И горѣлки чаркою.

2) То винъ тее отъ дукивъ-срѣбляникивъ приймавъ,

Самъ не выпивавъ,

А все на свои шаты проливавъ:

„Эй шаты мои, шаты! пійте, гуляйте!

„Не мене шанують, бо васъ поважають.

„Якъ я васъ на собѣ не мавъ,

„То и чести отъ дукивъ-срѣбляникивъ не знавъ!

3) Тогдѣ-то Хвесько Ганжа Андыберъ гетьманъ запорожскій стиха

промовляе:

— Эй козаки—каже—дѣти, друзѣ, молодцѣ!

— Прошу я васъ, добре дбайте,

— Сихъ дукивъ-срѣбляникивъ за либѣ, наче воливъ изъ-за стола

вывождатѣ,

— Передъ викнами покладайте,

— У три березини потягайте,

— Щобъ вони мене споминали,

— Мене до вѣку намятали.

4) Тильки Гаврила Довгополенка Переяславського за те улюбивъ,

Край себе садовивъ,

Що винъ ёму за свою денежку пива купивъ.

5) Тогдѣ жъ то козаки дѣти, друзѣ молодцѣ,

Сихъ дукивъ-срѣбляникивъ за либѣ брали,

Изъ-за стола наче воливъ вивождали,

По двумъ Кулиновскимъ вариантамъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Южной Руси, а другой въ Сборникѣ Метлинскаго, дума на этомъ и кончается. Но въ вариантѣ, на который г. Кулишъ указываетъ какъ на дополненіе (Зап. о Ю. Р. I, стр. 319—321), богачи приносятъ гетману въ подарокъ соболя шубы ¹⁾, а гетманъ ругаетъ шинкарку, издѣвается, приказывая ей поставить по ушату меду и водки и общая за то три года топить у ней печи ²⁾, какъ говорили про него богачи, когда онъ явился въ корчму въ видѣ бѣдняка. Шинкарка исполняетъ приказаніе и извиняется, говоря, что если бы знала, кто онъ таковъ, то не выталкивала бы его взашей ³⁾. Все это, можетъ быть, поздняя прибавка.

Повторяемъ: такого гетмана, какъ Ганжа Андыберъ или Дендебера, не было въ Украинѣ, но такого гетмана желалъ себѣ черный простой народъ и такого создалъ себѣ въ своемъ воображеніи. Замѣчательно, что при этомъ въ думѣ не высказывается какой-нибудь утопіи общественнаго строя. Легендарный гетманъ только отколотилъ богачей. Бѣдняки ненавидѣли богачей и эта-то ненависть въ народной думѣ выразилась побоями, нанесенными двумъ изъ такихъ богачей гетманомъ Ганжею Андыберомъ. Этимъ и кончилась расправа съ ними. Такъ было и въ дѣйствительной народной исторіи. Бывали народныя возстанія, и тогда доставалось богатымъ и знатымъ, но черезъ то не выработывалось для народа ничего опредѣленнаго, новаго. Изъ тѣхъ же бѣдняковъ и простаковъ выдвигались люди, которые дѣлались знатыми и богатыми и въ свою очередь возбуждали зависть и ненависть къ себѣ своей бѣдной братіи. Такъ катилась жизнь внутри края. Одно только выработалось въ народномъ характерѣ. Бѣдняки не теряли сознанія своего человѣческаго достоинства и не всегда раблѣпствовали передъ знатыми и богатыми, какъ того хотѣли послѣдніе; напротивъ, случалось, что гордились передъ ними своею бѣдностью.

Есть пѣсня, въ которой описывается, какъ въ походѣ, когда наступилъ дождь, казаки раскидываютъ шатеръ, и тѣ, которые были познатиѣ и попорнѣе, вошли въ шатеръ, а убогіе «сѣромахи» не посмѣли входить туда, но,

Передъ вицнами покладали,

У три березини потягали:

А ще стиха словами промовляли:

— Эй дуки—кажуть—вы дуки!

— За вама лути й луки.

— Нѣгде нашому брату козаку-нетязѣ стати коня попасати.

¹⁾ А опися до ёго приходяли,

Соболѣвыми шубами ёго даровали,

Словами промовляли:

— Гей Хвесько Дендебера! Колибъ мы тебе знали,

— Садли бъ були тебе, не займали.

²⁾ Теперь менѣ цеберъ меду, а другій горѣлки паснпай,

Велю тобѣ ихъ на seamsю становити,

А я якъ не могу тобѣ заплатити,

То стану до тебе на три годи груби топити.

³⁾ Гей Хвесько Дендебера, гетманъ запорожскій, чергаскій,

Товарищу насъкій!

Якъ бы я була тебе знала,

То я бъ тебе зъ хаты въ потылицю не выбивала.

взявши водки, разсѣлись себѣ подъ дождемъ ¹⁾. У нихъ, у бѣдняковъ, свой атаманъ, а у знатныхъ—свой. Вдругъ изъ шатра, гдѣ засѣли знатные козаки, вышелъ атаманъ и сталъ подсмѣиваться надъ бѣдняками и надъ ихъ атаманомъ. Но атаманъ сѣромахъ крикнулъ: «Ахъ ты, вражій сынъ? Коли пришелъ сюда, то сиди прилично и не насмѣхайся». Потомъ, обратившись къ своимъ, онъ сказалъ: «Возьмите его за чуприну и выведите провъ» ²⁾. По его приказанію одинъ изъ сѣромахъ схватилъ непрощеннаго гостя за чуприну, а другой надблялъ его кулаками... и оба приговаривали: «Не ходи туда, вражій сынъ, гдѣ пьеть голытба» ³⁾.

Характеръ этой голытбы, «сѣромы, козаковъ-нетягъ», какъ они называются на поэтическомъ языкѣ народа, прекрасно изображенъ въ думѣ, напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (I, стр. 215—222), съ очень вѣрнымъ объясненіемъ издателя и кромѣ того извѣстный намъ по другому варианту, мною записанному въ Харьковской губерніи. Не одинъ козакъ повредилъ себѣ тѣмъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ—начинаеть эта дума. Тогда жена проклинала его пожеланіями разныѣхъ неудачъ ⁴⁾, но козакъ не послушалъ ее, пошелъ въ войско и счастье такъ повезло ему, что его сдѣлали куреннымъ атаманомъ ⁵⁾.

Козакъ въ кругу товарищей говоритъ, что клятва женская словно вѣтеръ, дующій на сухое дерево, а женскія слезы—вода ⁶⁾. Но жена этого ко-

¹⁾ Чорна хмара наступала ставъ дощъ накрапати;

Благослови, отамане, намѣтъ напинати.

Богати моторни тѣ въ наметѣ сѣли,

А вбогн сѣромахи—тѣ и не посмѣли.

Взяли кварту, взяли другу, и на дощѣ сѣли.

²⁾ Ой и выйшовъ отаманъ изъ чужого курѣня,

На порозѣ ставъ,

Да зъ нашого отамана смѣятися ставъ.

Ой и крикнувъ нашъ отаманъ:

Коли прийшовъ вражій сыне, той по-чеськи сидь,

А изъ насъ сѣромахъ да не насмѣхайся!

Ой и крикнувъ нашъ отаманъ на своихъ ковакявъ:

Возмѣть ёго за чуприну да выведѣте причъ!

³⁾ Одинъ веде за чуприну, другій дула бье:

Не йди туды, вражій сыну, где голота пье!

⁴⁾ Не одинъ козакъ самъ собѣ шкodu шкoдавъ,

Що видъ молодон жѣнки въ вийсько ходивъ.

Его жѣнка кляла-проклинала:

Богдай тебе, козаче сѣромахо, побило въ чистимъ полѣ

Три недолѣ:

Перша недоля—щобъ пидъ тобою добрый кнѣ приставъ,

Друга недоля—щобъ ты козакявъ не дигнавъ,

Третья недоля—щобъ тебе козаки не злюбили и въ курень не пустили!

⁵⁾ Господь ёму давъ,

Що пидъ нимъ добрый кнѣ не приставъ,

Винъ кизаковъ дигнавъ,

Що ёго козаки злюбили

Ще й отаманомъ настановили.

⁶⁾ Тогдѣ козакъ у вийську пробувае,

зака стоитъ своего мужа: оставшись одна, она безпрестанно гуляетъ въ корчмѣ, а дома не живетъ, и домъ ея уже пропахнулъ пустыремъ. Когда же пришло время возвращаться ея мужу изъ похода, она затопила печь и стала разогрѣвать прокислый борщъ, давно уже стоявшій у нея подъ лавкою ¹⁾). Козакъ, прѣбывши домой, сразу привѣтствуетъ жену крикомъ и побоями, лупитъ ее чеканомъ по плечамъ, нагайкою по спинѣ, да еще машетъ надъ ея головою нагайкою и оставляетъ синяки на лицѣ ²⁾). Козачка, видя, что мужъ ея вовсе не въ нѣжномъ расположеніи, боится угощать его прокислымъ борщемъ, начинаетъ варить другой, свѣжій, а между тѣмъ, не имѣя денегъ на покупку для него водки, достаетъ тридцать локтей полотна и сѣшить съ нимъ къ шинкаркѣ, покупаетъ три кварты «доброй» водки; разогрѣваетъ съ медомъ и съ перцемъ и угощаетъ своего мужа ³⁾). На другой день выходитъ козачка со двора и видитъ кружокъ женщинъ: на ней слѣды козацкаго угощенія нагайкою. Одна старушка и говоритъ ей: «Что это у тебя за значки подъ глазами?» ⁴⁾—«Это,—отвѣчаетъ она,—я пошла въ хлѣвъ за лучиною, да наткнулась на жердь, оттого у меня и синева подъ глазами». Такъ-то она покрыла своего козака ⁵⁾).

Свою новину козакамъ оповѣдае:

Слушайте, павове молодці!

Якъ то жѣноцька клятва дурно йде,

Такъ якъ мимо сухе дерево вѣтеръ гуде.

Жѣноцьки слезы дурні—якъ вода тече.

¹⁾ Жѣнка въ корчмѣ пила да гуляла,

Да домивки не знала,

Мовъ їи хата къ нечистѣй матери пусткою завоняла.

Скоро стала козака зъ походу сподѣватись,

Стала до домивки приходати,

Стала въ печи ростоплати,

Стала той борщъ кислий оскомистий чор-зна колишій зъ пидъ лави

выставляти,

Стала до печи приставляти,

Отъ-тимъ борщемъ хотѣла козака привѣтати.

²⁾ Хорошенько їи келеномъ по плечахъ привѣтае,

Нагайкою по спинѣ махае,

Да ще й поробивъ по пидъ очима синье!

³⁾ То козачка неборачка той борщъ полѣномъ къ нечистой матерѣ обертае,

Новий борщъ добрий оскомистий приставляе,

Сама до скринѣ тагла, тридцять локтѣвъ доброго полотна добула,

До шинкарки пишла

Три кварты оковитон горѣлки взяла,

Съ перцемъ да съ медомъ розогрѣвае,

Тимъ козака свого частуе, витае,

Живить козацкій скрѣпляе.

⁴⁾ Козачко, козачко,

Що се у тебе пидъ очима значко?

Львонь твий козакъ зъ походу прибувавъ

Що таки тобѣ гостинцѣ подававъ?

⁵⁾ Не дивуйтеса, жѣночки,

Давъ менѣ Богъ—пишла я въ хлѣвъ по лучину,

Да пидбила собѣ очи на ключину.

Хорошъ мужъ козакъ-сѣромаха, хороша и жена его, какъ можно видѣть изъ этого. Между тѣмъ козакъ-сѣромаха идетъ въ корчму, кружится медъ, вино и восхваляетъ корчму: «Ахъ ты корчма наша, корчма княгиня! Много въ тебѣ нашего козацкаго добра погибаетъ. И сама ты не очень-то щеголяешь, и насъ, козаковъ-бѣдняковъ, иной разъ оставляешь безъ платья! Между десятью хатами узнаешь хату нашего брата козака: соломою не покрыта, завалиной не обсыпана, около двора ни кола, а на дровосѣчѣ ни полѣна. Сидитъ въ ней козацкая жена, околѣла отъ холода. Она зимою ходить босикомъ, носить воду горшкомъ, большой ложкою дѣтей своихъ поить!»¹⁾

Это характеристика житья-бытья многихъ сѣромахъ бѣдняковъ: пьянство, шатаніе, отсутствіе домовитости, презрѣніе къ семейной жизни—вотъ что дѣлается причиною бѣдности. Такимъ образомъ, если народная поэзія изображаетъ въ возмутительномъ видѣ зазнавшихся богачей, ругающихся надъ бѣднякомъ, то зато не менѣе въ возмутительномъ образѣ представляетъ и бѣдняка, обвиняшаго отъ собственныхъ пороковъ. Эти пороки, естественно, порождались непрочнымъ общественнымъ порядкомъ, когда, при частыхъ татарскихъ набѣгахъ и войнахъ съ поляками, требовалось отдавать себя бранному житью и оставлять въ пренебреженіи домашнее хозяйство и, какъ этотъ козакъ въ думѣ, не слушать женскихъ увѣщаній. Впрочемъ, народъ не представляетъ себѣ такого житья-бытья образцомъ для народной жизни. Эти козаки-сѣромахи были неизбѣжны, потому что мирное домашнее житье-бытье обставлялось такими трудностями и лишениями, что для многихъ легче его и привлекательнѣе казалось воинственное шатаніе по степямъ и по морю. Но такіе не всегда пользовались добрымъ мнѣніемъ, напротивъ, многіе изъ нихъ заслуживали прозвище «ледащо» (дрянь), и вотъ такого-то, повидимому, изображаетъ дума, приведенная нами. Только тѣ, которые находили себѣ притонъ въ Запорожьѣ и поступали въ ряды запорожскаго низового войска, заслуживали у народа иного взгляда на себя. На Запорожьѣ, по народному воззрѣнію, былъ законный пріютъ тѣмъ, кому не по вкусу приходилась домашняя жизнь въ украинскихъ городахъ и селахъ. Тамъ

Тимъ у мене пидь очима синѣ!

Оттакъ, та козачка добре дбала,

Свого козака покрывала.

1) А козакъ сидитъ у корчмѣ да медъ-вино кругляе,

Корчму сохваляе:

Гей корчмо наша, корчмо княгиня!

Чомъ то въ тобѣ козацкаго добра богато гине!

И сама еси нешотно хдишь,

И насъ, козакивъ-нецягъ, пидь случай безъ свитокъ водишь.

Знати-знати козацку хату

Скризь десятю:

Вона соломою не покрыта,

Приспою не осыпана,

Коло двора нечиста ма й кола,

На дривиднѣ дровъ нѣ полѣна,

Сидитъ въ нѣй козацка жѣнка околѣла;

Знати-знати козацку жѣнку шо всю зиму боса ходитъ,

Форшкомъ воду носить,

Полоникомъ дѣти наповае!

ни съяли, ни пахали, не заводились семьями, исключая тѣхъ, у которыхъ были зимовники или хутора, гдѣ можно было содержать женъ и дѣтей. Запорожцы всѣ жили войною, а война, ради охраненія края отъ непримиримыхъ враговъ— татаръ и ляховъ, была неизбежна, и потому запорожецъ, какъ человѣкъ, посвятившій себя исключительно бранному житью и для него отрекавшійся отъ того, чтó привлекало человѣка въ кругу семейной и домашней жизни, было всегда въ уваженіи у народа. У малорусса въ домѣ лучшимъ украшеніемъ было изображеніе запорожца съ конемъ и съ воткнутымъ въ землю копьемъ, иногда играющаго на бандурѣ. Подъ такимъ изображеніемъ красовалась стихотворная надпись, говорившая отъ лица изображеннаго запорожца: «Гляди на меня и угадывай! Чай не угадаешь! Откуда я родомъ и какъ меня зовутъ... ни, ни... не знаешь. У меня имя не одно, а много ихъ. Такъ зовутъ меня, какъ случится на кого наткнуться: жидъ въ бѣдѣ меня величаетъ роднымъ отцомъ, ляхъ—милостивымъ добродѣемъ, а ты какъ хочешь меня назови—на все позволяю, лишь бы не торгашемъ: за это я тебя изругаю» ¹⁾. У запорожцевъ, какъ и у польскихъ шляхтичей, заниматься торгашествомъ считалось дѣломъ непочтеннымъ; да и вообще у малоруссовъ существовалъ, а отчасти и до сихъ поръ существуетъ презрительный взглядъ на торгашество. Торгашъ, по малорусскому возрѣнію, непремѣнно обманщикъ, добывающій себѣ выгоды отъ вреда для другихъ. Торгашъ старается купить у производителя какъ можно дешевле, а продать потребителю какъ можно дороже, все, чтó убыточно для того и другого, ему полезно, и потому онъ правды не скажетъ ни тому, ни другому. Торгашъ не работаетъ, ничего не производитъ, однимъ обманомъ живетъ. Впрочемъ, говорить запорожецъ далѣе въ надписи подъ своимъ изображеніемъ, случалось и ему вести мѣншой торгъ съ ляхами: промѣнивать свои тулупы на ихніе жупаны, и съ жидами у него такого же рода шла торговля и, бывало, какъ удачно пойдетъ торгъ, то не одинъ ляхъ съ жидомъ лягутъ въ барышакъ. Чортъ съ ними!.. какъ пристанутъ, такъ вѣдь приходится имъ уступать и за шкатулку съ червонцами да за конскій приборъ, вышитый золотомъ, отдать истасканный тулупъ ²⁾. Такъ въ комическомъ образѣ торговли описываетъ этотъ запорожецъ свои наѣзды на дяховъ и жидовъ.

Запорожецъ этотъ на картинкѣ изображается обыкновенно старикомъ. Онъ

¹⁾ Дивись да гадай, да ба: не вгадаешь:

Видкиль родомъ и якъ зовуть... иѣ ччиркѣ! не знаешь!
 Въ мене имя не одно, а есть ихъ до кѣта,
 Такъ зовуть якъ набѣжиць на якого свата.
 Жидъ зъ-бѣды за ридного батька почитае,
 Милостивимъ добродѣемъ ляхъ называе,
 А ты якъ хочь назови—на все позволяю,
 Абы тильки не крамаремъ, бо за те й полаю!

²⁾ Кожухъ мѣнати на жупанъ зъ ляхами,

То якъ ярмарокъ добрый удачи покаже,
 То въ барышѣ ляхъ съ жидомъ не одинъ поляже.
 Цекъ имъ! якъ наможуться, то мусишь уступити,
 За шкатулу съ червинцами и за рондикъ золотомъ шитый
 Кожухъ скрупѣлий скинешъ имъ до кѣта,
 Абы якъ спуратися упрямого свата.

вспоминаетъ, какая у него была когда-то великая сила, какъ у него рука не мѣла, когда приходилось бить ляховъ ¹⁾. «Случалось—разсказываетъ онъ—на степи варить пиво; пилъ его и турокъ, и татаринъ, и ляхъ, всё пили на славу. И теперь еще послѣ такого пива валяется по степи много-много мертвыхъ головъ и костей съ похмеля» ²⁾. Но то—событія молодости. Теперь у запорожца «и плечи и ногти болятъ, когда случится ему день побиться». Размышляетъ этотъ запорожецъ о мірской суетѣ и о своей кончинѣ такъ: «Непродолжительно, вижу я, время лѣтъ жизни нашей. Скоро цвѣтетъ она, скоро и увядаетъ, какъ полевая трава. Хоть мнѣ и не страшно помирать въ степи, а все-таки жаль, что некому будетъ похоронить меня: татаринъ отворотится, а ляхъ не приступитъ! Развѣ какое-нибудь звѣрьё за ногу въ оврагъ меня стащить. Когда я еще старѣе стану, то пойду въ Русь,—пусть тамъ попы поминаютъ мою душу. Только не годится мнѣ умирать на лавѣ: забираетъ меня охота погулять съ ляхами. Хоть я одряхлѣлъ, а еще мои плечи чувствуютъ, что поборолся бы славно съ ляхами: не мало ихнихъ хоругвей прогнать бы за Вислу, разлетѣлись бы они, какъ блохи отъ пожара... надежда у меня вѣрная: ружье мое закадышное, да и сабля, моя сваха, не заржавѣла! Не разъ уже она обмывалась кровью; и теперь, кабы розозлилась, такъ не одинъ бы католикъ перевернулся, а коли пустился бы убѣгать, то застрѣлъ бы на копьѣ у меня; да еще, какъ я натяну лукъ да брызну тетивой, такъ пустится бѣжать и крымскій ханъ съ своею ордою» ³⁾.

1) Гай, гай! якъ я бувъ молодъ, що въ мене була за сила?

Ляхивъ нешадно бьючи рука и рауу незамѣла.

2) Лучалось менѣ на степу варити пиво,
Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво.
Богато и теперъ лежать на степу съ похмѣлья
Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весѣлья.

3) Плечи и ногтѣ болятъ якъ день попобьешся—
Така то, бачу, недовга лѣтъ нашихъ година,
Скоро цвѣте, скоро вяне—якъ у полѣ былина,
Хочъ менѣ й не страшно на степу вмѣрати,
Тильки жалко, що нѣкому буде поховати.
Татаринъ цурається, а ляхъ не приступитъ.
Хиба якъ звѣрюва за ноги въ байракъ спунитъ.
Давжежъ пристарѣвшися на Русь пийти мушу,
А чей таки отпоминають поны мою душу.
Тильки жъ менѣ негоже на лавѣ вмѣрати,
Бо ще мене бере охота съ ляхами гуляти.
Хоча вже трохи зледащѣвъ, да ще чуютъ плечи.
Кажеться: поборовся бъ съ ляхами къ-речи.
Ише бъ прогнавъ ляхивъ хоругвъ за Вислу не трохи,
Розлетѣлись бы вони всѣ якъ отъ пожару блохи...
Надѣя въ мене певна мушкетъ сѣрѣмаха,
Ише не заржавѣла й сабля, моя сваха.
Хочъ уже не разъ пасокою вымѣлась,
Таки вона й теперъ якъ бы розозлилась,
То не одинъ католикъ лобомъ до-горни доставе,
Коли жъ поквапитъся втѣтакъ, на синсу зостряне.

Вездѣ для малорусса запорожець сдѣлался идеаломъ браннаго богатыря. И зато запорожцы всегда вызывались съ любовью и охотою содѣйствовать видамъ и стремленіямъ простаго народа въ Украинѣ. Мы уже выше указали, какое важное вліяніе оказывали запорожцы на борьбу южнорусскаго народа въ правобережной Украинѣ съ польскимъ шляхетствомъ въ періодъ гайдамачины. На лѣвой сторонѣ Днѣпра они также сочувствовали козакамъ-нетягамъ, стронахамъ, слѣдили за тою враждою, которая постоянно глѣла въ Гетманщинѣ между знатными и простыми и всегда готовы были идти на помощь тѣмъ, которыхъ считали угнетенными. Во всю вторую половину XVII вѣка въ гетманскихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ въ Москву, безпрестанно встрѣчаются опасенія, что запорожцы замышляютъ волновать въ Гетманщинѣ простой народъ и побудить его, вмѣстѣ съ запорожцами, истреблять старшинъ, владѣльцевъ маестностей и арендарей, продававшихъ съ откупа статьи, составлявшія монополію гетманскаго правительства. Собственно, важнаго переворота въ общественномъ строѣ Гетманщины запорожцы не въ состояніи были произвести. Контингентъ, готовый стать ядромъ горячаго матеріала для возстанія, составляли въ средѣ ихъ только недавніе пришельцы въ Запорожье изъ Украины, по большей части бѣдники, оборвыши, прокутившіеся или излѣившіеся у себя на родинѣ; запорожцы же старые, то-есть обжившіеся въ Запорожьѣ, всегда наклонялись къ тому, чтобъ не раздражать московскаго правительства и, угождая ему, получать отъ него постоянно благостыню. Изъ послѣднихъ же чаще выбирались и долѣе удерживались на урядахъ старшины запорожскаго коша, державшіе въ данное время въ своихъ рукахъ все управленіе дѣлами запорожскаго низоваго войска. Притомъ Запорожье само собою никогда не въ силахъ было сладить съ властью, господствовавшею въ Украинѣ; и даже въ эпоху Хмельницкаго оно не иначе могло поднять украинскій народъ противъ поляковъ, какъ съ помощью татаръ. Но, ополчаясь противъ ляховъ-католиковъ и жидовъ-нехристей, можно было успокоить православную совѣсть южнорусскаго народа. Не такъ легко было то же сдѣлать, начиная раздоръ съ православною Москвою и возбуждая противъ нея татаръ; а обратиться запорожцамъ было не къ кому, кромѣ какъ только къ бусурманамъ. Во время гетманства Мазепы, когда господство значнаго товариства въ Гетманщинѣ достигло высшей степени, запорожцы, подъ вліяніемъ Петрика или Петриковскаго, замыслили повторить Хмельницину только уже не противъ Польши, а противъ Россіи, вошли подобно тому, какъ нѣкогда Богданъ Хмельницкій, въ союзъ съ крымскимъ ханомъ и вторгнулись въ предѣлы Гетманщины, провозглашая свободу и независимость Малороссійскаго края и возбуждая простой народъ къ истребленію значныхъ товарищей и арендарей. Сначала было имъ повезло: стали приставать пограничныя городки, начались тамъ и сямъ народныя вспышки, но не надолго. Участіе вмѣстѣ съ бусурманами въ открытой войнѣ противъ силъ православнаго царя слишкомъ претило благочестивому чувству русскому и народная масса въ Украинѣ не пристала къ замыслу Петрика и его запорожскихъ удалцовъ. Послѣ трехлѣтнихъ безполезныхъ усилій и нѣсколькихъ вторженій въ Гетманщину съ татарами, Петрикъ былъ въ началѣ 1696 г. убитъ охотнымъ козакомъ Палѣева полка Вечиркою,

Да якъ и лукъ натягну, брязну тетивою,
То мусить утѣкати ханъ крымскій съ ордою.

близъ мѣстечка Книшенки. Объ этомъ рассказываетъ исторія Русовъ Коинскаго, прибавляя, что и самъ Вечирка былъ потомъ схваченъ татарами и зачуженъ. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ недостовѣрная эта исторія сообщаетъ извѣстіе не вымышленное авторомъ, а заимствованное изъ народной памяти, по крайней мѣрѣ относительно судьбы самого Вечирки. О смерти Вечирки или Вечирченка сохранилась пѣсня такого содержания:

«Стояла сосна противъ солнышка; ѣдетъ впереди другихъ Вечирченко на ворономъ конѣ. Только-что сталъ онъ сѣзжать на траву, какъ позади него Петриковскій натянулъ тугой лукъ ¹⁾).

Пѣсня не говоритъ объ убіеніи Петрика или Петриковского, а только о взятіи самого Вечирченка. «Его привели въ свѣтлицу.—«Такая у васъ свѣтлица, говоритъ онъ, какъ у меня скотскій загонъ!»—Съ него снимають жупаны, одѣвають въ сермягу, снимають сапоги, отбирають червонцы ²⁾, ведутъ на жетые пески за густой верболозъ и вынимають живьемъ у него сердце. Его жена Уляна не можетъ ни ѣсть, ни пить, заливаема горькими слезами ³⁾. Пѣсня даетъ ему послѣднее слово: «Сотники полковники и великіе господа! Передайте моей женѣ Улянѣ, что не будетъ она болѣе ѣздить въ новой коляскѣ» ⁴⁾.

Отчего смерть Вечирки вошла въ пѣсни и пѣсня объ этомъ событіи сохранилась, мы рѣшать не беремся. Могло быть, она принадлежала къ разряду многихъ, которыя исчезли, или же гдѣ-нибудь существуютъ не открытыя собрателями. Пѣсня о Вечирченкѣ не изъ распространенныхъ повсемѣстно и была записана случайно гдѣ-то въ Черниговской губерніи А. Вас. Марквичемъ, который былъ ревностѣйшимъ и искусѣйшимъ этнографомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Если запорожцамъ не удалось возбудить въ Гетманщинѣ чернь противъ знатныхъ и произвести мятежъ противъ власти московской съ Петрикомъ, то

¹⁾ Охъ и стояла сосночка да противъ сонечка;

А по переду Вечирченко на ворономъ коню.

Охъ и лишень же да Вечирченко да на тую траву изѣзжае,

А позадь ёго да панъ Петриковскій да тугій лукъ натягае.

²⁾ Якъ узля да Вечирченка да нидъ пыши боки,

Да якъ повели Вечирченка у нову свѣтлицу.

„Ой така ваша свѣтлица якъ моя стадня!“

Посадили Вечирченка на тесовѣй лавѣ.

— Ой зѣймайте съ Вечирченка да жупаны лудани!

Якъ посадили Вечирченка на тесовѣ стільцѣ.

— Ой зѣймайте съ Вечирченка чоботи й червицицѣ.—

Охъ и либонь тобѣ, Вечирченко, да сермяжше важко,

Що учора бувъ у жупанахъ, а теперъ лишъ сермяжка.

³⁾ Якъ повели да Вечирченка да за жовтні пѣски,

Охъ и не вдалася его жѣнка—Уляна нѣ пити нѣ ѣсти.

Якъ повели да Вечирченка да за густні лозы.

Ой облили ёго жѣнку Уляну дрибненькіи слѣзы.

Ой якъ стали да Вечирченку да муку завдавати,

Що зъ живого да Вечирченка да серденько выимати!

⁴⁾ Ой ви сотники, полковники и великіи паны.

Охъ и накажѣть вы, панове братцѣ, моѣй жѣницѣ Улясѣ,

Що не буде вона ѣздити да у новѣй коляскѣ.

мало нашли они склонности и въ эпоху шведской войны, когда съ своимъ кошевымъ Костею Гордѣенкомъ пристали къ замыслу Мазепы. Съ Полтавскаго побоища они, какъ извѣстно, бѣжали вмѣстѣ съ другими, а подъ Переволочною оказали важныя услуги Карлу XII и Мазепѣ, доставивши имъ возможность переправиться въ-пору черезъ Днѣпръ и уйти отъ плѣна. О кошевомъ Гордѣенкѣ и его запорожцахъ по поводу полтавскаго боя сохранилась народная пѣсня. Сообразно приемамъ народной символики, военное дѣло изображается аллегорически въ образѣ уборки хлѣба. Запорожцы приглашаются осмотрѣть (дозрѣвшую) пшеницу и сжать ее. Запорожцы отвѣчаютъ, что хоть и пойдутъ ее осматривать, но жать не будутъ ¹⁾. Этими словами заранѣе выражаются неувѣренность въ успѣхѣхъ предпріятія. Далѣе въ пѣснѣ говорится: хвалились запорожцы, что возьмутъ Полтаву, но они Полтавы не взяли, а шведъ уже проигралъ дѣло и остался, на горе себѣ, кошевой. У него умерла старенькая мать, и никто не подаетъ ему теперь добраго совѣта ²⁾. Въ аллегорическомъ образѣ матери здѣсь разумѣется Украина, а смерть ея значитъ потерю надежды на самостоятельность, которую питали тогда обольщенные Мазепою.

Восточный царь недоувѣривъ къ Украинѣ—говорить въ заключеніе пѣсня:—онъ посылаетъ Голицына стеречь, чтобъ не появлялся измѣна, а самъ хочетъ вслѣдъ за нимъ идти съ московскимъ войскомъ ³⁾. Здѣсь идетъ рѣчь о Дмитріи Михайловичѣ Голицынѣ, кіевскомъ губернаторѣ, бывшемъ тогда представителемъ царской власти въ Малороссіи, котораго первую обязанностью было смотрѣть, чтобъ не возникло какой-нибудь шатости въ краѣ, котораго положеніе было еще довольно непрочнымъ.

Сочувствіе всего южнорусскаго народа къ запорожцамъ отпечатлѣлось тѣмъ, что въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества послѣднее разореніе Сѣчи составило цѣлый циклъ пѣсенъ, очень распространенныхъ, но которыхъ очень небольшая часть намъ извѣстна. Событіе это, какъ извѣстно, произошло въ 1775 году. Главною причиною были, конечно, государственные виды политики объединенія русскаго міра, признававшей существованіе запорожской военной общины несвоевременнымъ, а ближайшимъ поводомъ послужили давно уже возникшіе и передъ тѣмъ, такъ сказать, обострившіеся споры поземельные. Запорожцы издавна уже были недовольны заведеніями поселеній на земляхъ, которыя считали своею принадлежностью. Всякій шагъ въ такомъ смыслѣ, исходившій отъ московскаго правительства или малороссійскаго гетмана, встрѣчаемъ былъ ропотомъ, жалобами, угрозами, а подчасъ и самоуправствомъ. Несмотря

1) Запорожьцѣ небожата! Пшеница не жата!
Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажьѣте.
Ой хочъ поїдемо оглядати, не будемо жати!

2) Хвалилися Запорожьцѣ Полтави достати.
Ще Полтави не достали, а вже Шведъ издався.
На бѣдную головоньку' кошовий zostався.
Ой умерла въ кошового старенькая мати,
Ой нѣкому кошовому порадошки дати.

3) Восточный царь на Украинѣ не диймае вѣры,
Посилає Голицына щобъ не було змѣны.
Ой иди жь ты, Голицыну, иди жь ты горою,
А я прийду съ москалями у-слѣдъ за тобою!

на это, степныя пространства на югѣ Россіи все болѣе и болѣе заселялись и въ царствованіе Екатерины II Запорожская Сѣчь съ ея паланками (округами, на которыя дѣлились запорожскія владѣнія) была отовсюду окружена поселеніями великороссіявъ, малороссіявъ и сербовъ, призванныхъ въ Россію предшествовавшей императрицею Елисаветою. Въ 1774 году Запорожская Сѣчь отправила къ императрицѣ депутацію съ челобитною, чтобъ всѣ земли и угоды, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, отшедшія и, какъ запорожцы выражались, самовольно захваченныя, были возвращены въ вѣдомство запорожскаго низового войска, будучи изстари его достояніемъ, какъ свидѣтельствовали документы, которые должны были представить посланные депутаты. Но такая челобитная сочена была неумѣстною. Депутація была задержана. Главное лицо, на котораго запорожцы особенно надѣялись, Григорій Александровичъ Потемкинъ, былъ противъ нихъ, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по собственному его желанію, Потемкинъ былъ принятъ въ число товарищей Запорожскаго низового войска и, сообразно обычаю давать новопоступившимъ прозвища, получилъ у запорожцевъ кличку Грицька Нечосы. Задержавши депутацію, правительство отправило для уничтоженія Сѣчи и всего низового войска генераль-поручика Текеля съ сильнымъ отрядомъ.

На эту отправку запорожской депутаціи указываетъ народная пѣсня: «Встань, Харькѣ, встань, батюшка! Довольно спать намъ. Пойдемъ къ царицѣ просить милости. Встань, Харькѣ! Встань, батюшка! Просить тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—попрежнему будетъ. Скажемъ царицѣ: смилуйся надъ нами, отдай намъ наши прежнія степи съ темными рощами!—Радъ бы я,—отвѣчаетъ тотъ, къ кому обращена рѣчь,—сдѣлать по вашему хотѣнію, да за господами нельзя приступить въ сенатъ!»¹⁾

Кто таковъ этотъ Харькѣ—рѣшить трудно. Депутатами посланными тогда были: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій и Антонъ Головатый. Никакого Харька (Захара) тогда не посылалось. Но, можетъ быть, здѣсь обращаются къ Харьку Чепѣгѣ, одному изъ тогдашнихъ старшинъ запорожскихъ, который впоследствии игралъ важную роль и котораго имя стало очень популярнымъ. Въ пѣснѣ же, напечатанной въ Сборникѣ «Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни» (стр. 55) и составляющей, по началу, варіантъ приведенной нами, вмѣсто Харька, обращаются къ Грицю. «Встань, батюшка, встань, Гриць! Зовуть тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—по старому будетъ. Попросишь царицу: не отдасть ли она земель нашихъ, не возстановитъ ли правъ нашихъ»²⁾. По этому ва-

¹⁾ Устань Харьку, устань батьку, годъ вже намъ спати!

Ой ходѣмо до царицѣ милости прохати.

Устань Харьку, устань батьку! Просить тебе люде!

Ой пийдемъ у столицу—по прежнему буде.

Ой якъ скажемъ мы царицѣ: смилуйся надъ нами,

Отдай же намъ наши степи съ темными лугами!

Ой радъ же бъ я, дѣти мои, волю учинити,

Такъ не можно за панами въ сенатъ уступити.

²⁾ Да встань, батьку, да встань, Грицю! Кличуть тебе люде!

Ой якъ пийдешъ на столицу—по старому буде!

Ой якъ пийдешъ на столицу, попросишь царицу:

Чи не отдасть нашихъ земель, клейноты не верне!

ріанту можно предположить, что запорожцы здѣсь обращаются къ Григорію Потемкину, на котораго тогда возлагались большія надежды.

Далѣе, по нашему варианту, говорится, что запорожцы воротились съ плачемъ, который уподобляется бурной рѣкѣ, разрывающей крутые берега. Царица не велитъ отдавать запорожцамъ степей, а посылаетъ москалей разорить Сѣчу ¹⁾.

Другая народная пѣсня такъ изображаетъ совѣтъ вельможъ о способахъ уничтоженія запорожской вольности. «Подъ городомъ Елисаветомъ слетались орлы, а въ Москвѣ городъ въ правительственномъ мѣстѣ засѣли господа сенаторы» ²⁾.

Подъ городомъ Елисаветомъ здѣсь разумѣется крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), основанная въ 1753 году на Запорожской землѣ и до чрезвычайности ненавистная для запорожцевъ, которые видѣли въ ея основаніи большое посягательство на ихъ права владѣнія. Крѣпость эта была сборнымъ пунктомъ для русскихъ военныхъ силъ, готовыхъ усмирить Запорожье, еслибъ оно заволновалось. Въ этомъ-то смыслѣ здѣсь въ пѣснѣ говорится объ орлахъ, слетающихся подъ городомъ Елисаветомъ: разумѣются воинскія силы.

«Собравшись»,—продолжаетъ пѣсня:—«господа сенаторы стали измышлять способы, какъ бы отобрать у запорожцевъ ихъ льготы. Если бы только—говорили они между собою—намъ у нихъ да отобрать ихъ льготы, то будемъ мы и потомки наши поживать въ ихъ отчизнѣ. И избрали они способъ добрый: давать (для вида) запорожцамъ волю, а по всей ихъ землѣ населять слободы. Какъ была съ туркомъ война, тогда запорожцевъ поощряли портретами (то-есть въ видѣ награды раздавали портреты императрицы), а запорожцы—люди добрые: коварства ихъ не знали и доверились сенаторамъ, считая ихъ людьми правдивыми. Какъ дознались сенаторы, что запорожцы имъ доверяютъ, то приказали измѣривать всю землю запорожскую и наводить на планы. А чтобъ запорожцы никакъ не смекнули въ чей ихъ намѣреніи, послали къ нимъ въ подарокъ новые мѣдные котлы (литавры) и черезъ эти-то котлы всѣ запорожскіе старшины были взяты» ³⁾.

1) Тече рѣчка невеличка, подмывает кручи,
Заплакали Запорозьцѣ видѣ царицѣ йдучи.
Ой не велитъ да царица степу отдавати,
Посылае москаликівъ Сѣчу розорати.

2) Ой видѣ городомъ Елисаветомъ много орливъ налеталось;
Въ Москвѣ городъ въ засѣданному мѣсцѣ панівъ сенаторівъ сбиралось.

3) Ой зибравшись вони въ одно мѣсце стали способъ собирати,
Якъ бы въ війська запорозького всѣ волности отобрати.
Ой коли бъ же намъ, пани сенаторы, у нихъ волность отобрати,
То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизнѣ поживати.
Ой избрали вони способъ добрый: Запорозьцямъ волю дати,
Приказали вони по всѣй землѣ ихъ слободы заселяти.
Когда була съ туркомъ война—патретами поощряли,
А Запорозьцѣ добрѣ люди ихъ ласкательства не знали,
Да тѣмъ сенаторамъ якъ правдивимъ людямъ, во всѣмъ вѣрні дїяли.
Ой якъ дезнали тѣмъ сенатори, що Запорозьцѣ имъ вѣрять,
Ой да й приказали запорозьку землю всю крутомъ мѣрять.

Подъ новыми мѣдными котлами разумѣются литавры, которыя не задолго передъ тѣмъ Потемкинъ прислалъ въ даръ всему низовому войску, какъ звать благосклонности и вниманія.

Генераль-поручикъ Текели овладѣлъ Запорожскою Сѣчю безъ боя. Искусно занявши прежде всѣ окрестности своимъ войскомъ и подступивши къ самой Сѣчи, онъ чрезъ полковника Мисюрева потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Петра Калнышевскаго, войскового писаря Семена Глобу и войскового судью Павла Головатаго, и тотчасъ приставилъ къ нимъ караулъ, потому что правительство уже держало въ подозрѣнн ихъ всѣхъ, а въ особенности кошевого атамана. Послѣ этого Текели приказалъ войску занять Сѣчу и поставить караулы къ войсковой кавѣ, пороховому погребу, къ артиллеріи, къ церкви, канцеляріи, вообще ко всѣмъ принадлежностямъ коша и къ имуществу задержанныхъ старшинъ. Въ народной пѣснѣ говорится, что какой-то козацкище васюринскаго куреня, большой пьяница, упрямиваетъ кошевого стоять упорно у воротной башни и не допускать москалей разорять Сѣчу. Пусть москали съ тесаками,—запорожцы станутъ противъ нихъ съ одними кулаками: лишь бы честь козацкая была сбережена. Кошевой отвѣчаетъ, что онъ радъ бы такъ поступить, да невозможно уже нѣмъ защитить Сѣчи, нѣтъ силъ у нихъ, не дозволяетъ онъ становиться у воротной башни къ отпору ¹⁾. Но при этомъ кошевой въ порывѣ досады произноситъ восклицаніе: «Какъ это не стыдится бѣлая царица разорять Сѣчь!» ²⁾.

Изъ драгоцѣннаго разсказа глубокаго старца Коржа, запорожца и очевидца событій (Ист. Нов. Сѣчи, III, стр. 190—200), видно, что дѣйствительно такъ настроены были тѣ, которые носили собирательное названіе «сѣчона», то-есть молодые, одинокіе и бѣдные, которымъ терять было нечего. Но тѣ, у которыхъ въ запорожскихъ земляхъ были устроены зимовники или хутора, гдѣ проживали ихъ семьи,—тѣ боялись, чтобъ русское войско Текели за такое сопротивленіе не разорило ихъ жилищъ и не истребило ихъ женъ и дѣтей. Они представляли на радѣ, что при совершенной несоразмѣрности ихъ силъ, ихъ не остается болѣе ничего, какъ покориться волѣ царицы. Много способствовало и голосъ сѣчевого священника, недавно пожалованнаго въ санъ архимандрита, Владимира Сокальскаго. И онъ, во имя христіанской любви и вротости, убѣ-

А розмѣривши запорозьку землю на планы зѣмляли,
 А щобъ Запорозьцѣ того не дызнали—казаны имъ въ Сѣчь прислали.
 Ой якъ прислали на всѣ куренѣ мидцѣ мѣднни казаны,
 А за тѣ казаны запорозьки всѣ паны були побравѣ.
 А отсежъ тобѣ, пане кошовий, за всѣ твои вѣрнимъ службѣ,
 Ой якъ пийдешъ въ городъ столицю, наберешся нужды.

¹⁾ Васюринскій козарлюга все пѣе да гуляе,

Кошового атамана батькомъ називае.

— Благослови ты нашъ батьку, намъ на баштѣ стати,

— Щобъ не впуститъ москаликнѣ да Сѣчь руйновати.

— Москаль стане съ тесаками, а мы съ кулаками;

— Нехай слава не загине помѣжъ козаками!—

„Ой радъ бы я, дѣти мои, волю учинити,

„Да не зможемъ усѣ мы Сѣчи защитити.

„Не позволю, Васюринскій, вамъ на баштѣ стати!“

²⁾ Якъ не стыдно Бѣлѣй царицѣ да Сѣчь руйновати!

ждалъ во всемъ покориться царской волѣ. «Въ Исторіи Новой Сѣчи» приведена большая пѣсня, въ которой событія рассказываются точно такъ, какъ въ рассказѣ Коржа. Пѣсня эта, какъ сообщаетъ авторъ «Исторіи Новой Сѣчи», записана дворяниномъ Бобринецкаго уѣзда Скопинимъ изъ устъ лирника; но она, по своему складу, внушаетъ намъ сомнѣніе въ ея дѣйствительной принадлежности къ подлиннымъ народнымъ произведеніямъ и кажется сочиненною, на основаніи рассказа Коржа, въ близкое намъ время, послѣ того, какъ этотъ рассказъ появился въ печати. Въ извѣстныхъ намъ пѣсняхъ, признаваемыхъ нами за несомнѣнно-народныя, запорожцы, предъ отъѣздомъ кошевого и старшинъ къ русскому генералу, говорятъ кошевому: «Куда-жъ ты, господинъ Петръ Калнышевскій отъ насъ отъѣзжаешь? На кого покидаешь напрасно славное Запорожье? Написалъ генералъ Румянцевъ ордеръ къ матушкѣ про измѣну: будто ты, Петръ Калнышевскій пристаешь въ турецкую вѣру. А матушка возражаетъ на это: велика моя держава; могу я укротить Запорожье и козацкую отвагу» ¹⁾). Пѣсня изображаетъ, какъ потомъ москали отобрали у запорожцевъ оружіе ²⁾, запасы, имущества ³⁾, поставили караулы около Сѣчевой церкви и не допустили отца Владимира совершать богослуженіе ⁴⁾. Кошевой, находясь уже подъ арестомъ у московскаго генерала, съ крутой горы смотритъ на все это и произноситъ: «Не разоряйте вы, черти короткохвостые, хоть Божія дѣла!» ⁵⁾. Набрали москали серебра и золота и стали размышлять: какую бы славнымъ запорожцамъ задать кару? Взяли-бъ мы ихъ да изрубили, такъ они на насъ не поднимали рукъ; обратили бы мы ихъ въ пикинеры, такъ на это указа не получили ⁶⁾. Собралось московскаго войска тысячъ сорокъ, расположились они прикрытые рощами. Какъ увидалъ это Петро Калнышевскій, такъ и замялся слезами. Плачетъ онъ, какъ рѣка льется, поднимая крутые берега, плачетъ ѣдучи къ матушкѣ: «Ахъ, матушка наша, царица, сжалась надъ нами. Пожгли наши степи, забрали ихъ себѣ московские генералы. Всѣ наши приволья, всѣ наши угодыя, всѣ наши рыбныя ловли опустѣли; уже всѣ мои славные запорожцы до сихъ поръ въ оковахъ!» ⁷⁾).

1) Ой и гдежъ ты, Петро Калнышевскій, видъ насъ витѣжаешь?

На кого ты славне Запорожье такъ марне покидаешь?

Ой и пише ордеръ генералъ Румянцовъ до матушки змѣну,

Що бутсьмъ ты, Петро Калнышевскій, у турецку пристаешь вѣру,

Ой а матушка выдвгае: що великую я державу маю,

Можу упинати славне Запорожье и козацкую славу.

2) Ой акъ пийшовъ москаль по куреняхъ да ставъ ружья отбирати,

А московскіи паны генералы пийшли церкви руйновати.

3) Ходить москаль по куреняхъ запасъ отбирае,

Брали срѣбло, брали злато восковыя свѣчи...

4) Кругомъ церкви сѣчовой калауры стали,

Священнику отцю Владимиру служити не дали.

5) Ой изийшовъ же Петро Калнышевскій а на круту гору:

Ой не руйнуйте вы, чорты кудѣ, хоть Божого дому.

6) Ой набрали вони срѣбла злата да стали думати-гадати:

Ой якужъ будемъ славнымъ запороздямъ ми кару давати?

Взяли бъ мы ихъ порубали, такъ вони рукъ не здймали,

Забрали бъ мы ихъ въ пикинеры, такъ указу ми не получали.

7) Ой збралось ихъ сорокъ тысячъ да й покрылись лугами,

О судьбѣ посланныхъ въ столицу подъ стражею запорожскихъ старшинъ никакихъ официальныхъ свѣдѣній мы не видали. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ открыто, что Калнышевскій томился въ суровомъ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ и не равнѣ, какъ послѣ вступленія на престолъ Императора Павла получилъ освобожденіе, но, достигши тогда уже столѣтняго возраста своей жизни, воспользовался дарованною свободою только для того, чтобы постричься въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ. Народныя пѣсни не могли ни о немъ, ни о его товарищахъ сказать болѣе ничего, какъ только то, что ихъ отвезли куда-то въ неволю. Въ одной пѣснѣ рассказывается, что еще прежде козакъ Супрунъ предостерегалъ Калнышевскаго, что ему и всему Запорожью угрожаетъ бѣда «отъ чистаго озера», а Калнышевскій не уберется отъ бѣды, наступившей отъ синяго моря ¹⁾. Здѣсь—пріемъ народной символики: вибѣстилице водъ служитъ образомъ губительной силы. Калнышевскій не уберется отъ бѣды самой тяжелой, и въ этомъ смыслѣ названа эта бѣда исходящею отъ моря. Калнышевскому—заключаетъ пѣсня—въ Петербургѣ вѣчная неволя ²⁾.

Въ другой пѣснѣ поется, что взятыхъ запорожскихъ старшинъ повезли вѣско-ро въ Москву и засадили въ неволю, а господа сенаторы съ генералами утѣшались, такъ какъ они послѣ того завладѣли запорожскими землями ³⁾. Это исторически вѣрно: послѣ уничтоженія Сѣчи громадныя полосы земель, принадлежавшихъ запорожскому низовому войску, достались разнымъ вельможамъ.

Объявленіе верховной воли объ уничтоженіи запорожскаго коша выражено въ пѣсняхъ символическими образами стрѣльняія изъ ружей и пушекъ и паденія бомбы посреди Сѣчи ⁴⁾.

Ой побачивъ Петро Калнышевскій да облився слѣзами.
Ой тече рѣчка невеличка, підимывае кручи;
Ой заплакавъ да Петро Калнышевскій до матушки йдучи.
„Ой матушка наша, Катре царце, смилуйся надъ нами,
Що погорѣли да позавладѣли наши степи да московськи генералн.
Ой усѣ наши волности, усѣ наши роскоши всѣ наши рыболовнѣ пусть
стали.

Ой досѣ мон славнѣ Запорозьцѣ ажъ у оковѣ стали!

- ¹⁾ Славно було Запорожьє всіми сторонами;
А теперъ намъ вѣгде прожити за вражними панами.
Ой уже Супрунъ козакъ до Калнша часто листы пише:
Ой бережися, пане Калнышевскій, видъ чистаго ставу,
Бо втраєшь Запорожьє й козацькую славу.
Не вберѣгся Калнышевскій видъ синяго моря...
- ²⁾ Теперъ ёму въ Петербурѣ довѣчна неволя.
- ³⁾ Ой повезли запорозькихъ панивъ у Москву городъ спѣшно;
Ой посадили ихъ у неволю; сенаторамъ стало вѣшно,
Ой тѣшилися паны сенаторы и меньшин генералн,
Що отбирали въ Запорозьцѣвъ землѣ и владѣють сами.
- ⁴⁾ Ой вдарили на столицѣ зъ новою ручницѣ;
Вы кидайте, славнѣ Запорозьцѣ, pistolsети и ручницѣ!
Ой вдарили на столицѣ изъ новою пушки,
Утѣшайте, славнѣ Запорозьцѣ, не те киньми—й пѣшки!
Летить бомба изъ столицѣ, середъ Сѣчи впала:
Хочъ пропало Запорожьє, да не пропала слава.

Приведенный нами выше очевидец событий запорожець Коржъ (Ист. Нов. Сѣчи, III, стр. 197—200) сообщаетъ, что послѣ арестованія и отправки въ столицу запорожскихъ старшинъ запорожскіе сѣромахи отпросились у Текели на заработки «въ Тилигуль до ямы», то-есть на Тилигуль тянуть неводы. Текели отпустилъ ихъ, приказавши выдать имъ письменные виды по одному на пятьдесятъ человекъ. Тогда они сѣли въ челны, стояшіе во множествѣ у Дибровскихъ островковъ, расположенныхъ на рѣкѣ близъ Сѣчи, и ушли въ турецкія владѣнія. За ними послѣдовали другіе, не спрашиваясь ни у кого, и вся такъ называемая «сѣрома» (то-есть бездомовные, холостые и немущіе) ушла за границу. Объ этомъ событіи говорятъ народныя пѣсни: стали рыболововъ собирать, стали тогда запорожцы уходить къ туркамъ; разбѣжалось все славное Запорожье, присягу дали турчину вѣрно служить: оно бы всѣмъ хорошо подь туркомъ жить, да нехорошо только невѣрному служить ¹⁾). Въ другой пѣснѣ говорится: разорили Запорожье, уничтожили правъ, надѣлали сѣромахамъ большой скорби. Собрались запорожцы на дубахъ и поплыли къ Лиману. Оглянулись они на свою старую Сѣчь и облились слезами. Словно калиновыя вѣтви, опущенныя внизъ, запечалились запорожцы, какъ дѣти по матери. Нашла на нихъ черная туча, полился дождь съ неба. Разорили Запорожье, а его когда-нибудь нужно будетъ бѣлымъ царямъ ²⁾). Въ третьей пѣснѣ убѣгающіе къ туркамъ запорожцы прощаются съ Россіею, покидая въ ней свое приволье, говорятъ, что на нихъ разсердился родной отецъ и потому приходится теперь имъ служить вотчиму. Онъ, этотъ вотчимъ, добрый человекъ; будутъ они ему служить всю правдою и можетъ быть Всевышній Творецъ поможетъ имъ достать опять свою природную степь ³⁾).

¹⁾ Наѣхали закутцны (?) риболовы скупляти,
Тогдѣ стали Запорозьцѣ пидь Турка вѣкати.
Повтѣкало славне Запорожье пидь Турчина жити,
Заприсягли Турчиновѣ якъ вѣрно служити.
За все гараздъ, за все гараздъ пидь Турчиномъ жити,
А за одно не гараздъ, що за невѣру служити.

²⁾ Зруйновали Запорожье, побрали клейноты,
Наробили сѣромахамъ великой скорботы.
Побралися сѣромахи на Лиманъ дубами,
Оглянулись на Стару Сѣчь—вмилися слѣзами.
Ой у лузѣ калиновька похилилися вѣтки:
Зажурили Запорозьцѣ якъ по матери дѣтки!
Наступила чорна хмара, дрибенъ дождчикъ съ неба;
Сплюндровали Запорожье—колись буде треба!

По другому варианту послѣдній стихъ такъ:

Буде колись бѣлымъ царямъ Запорозьцѣвъ треба!

³⁾ Ой прощай, прощай свѣтъ бѣла Росія, тобѣ вольность зоставляемъ,
Ой тимъ же мы тобѣ вольность зоставляемъ, що у себѣ батька не маемъ.
Ой розсердився нашъ ридный батько, немає насъ за сына;
Отъ-теперъ же мы, милѣ братья, ходѣмъ служити до витчима;
А витчимъ же нашъ чоловѣкъ добрый, а ридный батько нѣчого...
Дастъ намъ помочъ Всевышній Творецъ—що терпимо много
Ѣму будемъ служити всю правдою; винъ намъ буде батько ридный.
А ще Творецъ поможе Вышній достать намъ степъ природный.

Русское правительство, видя побѣгъ большихъ массъ народонаселенія за предѣлы своего государства, старалось и угрозами и ласковыми обѣщаніями остановить ихъ. Объ этомъ говорятъ и народныя пѣсни,—въ одной такъ поется: «Пошли наши запорожцы по-надъ вольными рѣками, широкими, глубокими лиманами. Они въ раздумьи: не знаютъ какому царю поклониться.—Поклонися—говорятъ они—турку; подъ его властью хорошо живется; вотъ только то неприятно, что придется свою братью бить.—А москаль имъ говоритъ: «идите ко мнѣ жить; я вамъ дамъ земли по Днѣстръ границю».—А, врешь, врешь, врагъ москаль! Хочешь насъ подманить; а какъ мы пойдемъ подъ твое царство, ты ставешь намъ забривать лбы.—«Что вы это, молодцы!»—говоритъ москаль.—«Славные запорожцы! Я въ своемъ царствѣ никого не обвинявалъ. Все ваши господа старшины поступали дурно: они въ мапастъ ввели вашу хорошую степь, вашъ веселый край!»¹⁾ Въ четвертой пѣснѣ такое обращеніе отъ запорожцевъ къ москалю: «Ахъ ты москаль, еретичій ты сынъ! Зачѣмъ чинишь такое зло, изводишь славное войско запорожское».—Ахъ, не жалуйтесь, славные запорожцы, на московскихъ генераловъ. Жалуйтесь на своихъ вражьиъ господъ. Ваши господа, еретичьи сыны, надѣлали зла, степь хорошую, край веселый московскихъ генераламъ уступили²⁾. Это—голосъ запорожскихъ стромахъ, которые, будучи разогнаны какъ звѣри по степи³⁾, сами не знали кого обвинять, и, по старопредковскому обычаю, взваливали вину прежде всего на своихъ старшинъ, вообразая, что они добровольно сдали Запорожье, которое, какъ имъ казалось, можно было отстаивать.

Однако, предчувствіе, выраженное въ пѣснѣ, что когда-нибудь Бѣлые Царямъ окажутся нужными запорожцы, оправдалось, и довольно скоро. Уже въ 1783 году, по проекту того же Потемкина, заявившаго себя врагомъ запорожцевъ, когда пріѣзжала изъ Сѣчи депутація съ челобитною о возвратѣ земель.

- 1) Ой пошли наши Запорозьцѣ по надъ вольными рѣками,
Широкими да глубокими по надъ лиманами.
Що тепера наши Запорозьцѣ въ великому жалю,
Що не знаютъ поклонитись которому царю.
Поклонимось тому Турковѣ, а пидъ нимъ добре жити,
Тилько одно те неприятно, що на свою братью бити.
Ой прійшовъ Москаль до Запорозьцѣвъ: йдѣть до мене жити.
Ой отдамъ землю по прежнему по Днѣстръ по границю“.
— Ой брешешъ, брешешъ, вражій Москалю, хочешъ подманити.
— А якъ пийдемъ нидъ твое царство, ставешъ лобы голяти. —
„Ой и що вы, хлонцѣ славнѣ Запорозьцѣ, ой не бийтесь нѣчого,
„Ой щезъ я, бачитися въ своѣму царствѣ не зрадивъ нѣкого!
„А се все ваши паны да не добре зробили
„Що степъ вашъ добрый, край веселый да занастали!“
- 2) Ой ты Москалю еретичій сину! Ой що ты за зле робишь?
Ой все виійсько славне Запорозьке у кионецъ переводишь!
Ой не жалкуйте, славнѣ Запорозьцѣ, да на Московськихъ генералнѣ.
Ой и жалкуйте, славнѣ Запорозьцѣ, на своихъ вражиъ паннѣ.
Бо ваши паны еретичи сини, да недобре зробили,
Степъ добрый край веселый московськимъ генераламъ уступили!
- 3) Гдѣ збѣрались славнѣ Запорозьцѣ якъ на небѣ звѣзды.
А теперъ розбѣглися якъ по степу звѣри.

возстановлялось низовое козацкое войско подъ именемъ Черноморскаго. Объ этомъ есть въ народныхъ пѣсняхъ такой намекъ: «Собирались господа генералы на сеймъ и держали совѣтъ, какъ бы собрать запорожское войско. Сеймуйте себѣ, господа генералы, да не такъ оно будетъ. Воротите войсковыя права, такъ войско само прибудеть»¹⁾).

Новосоставленное войско, подъ начальствомъ бывшихъ прежде въ Запорожьѣ старшинами Сидора Вѣлаго, Харька Чепѣги, Антона Головатаго, Легкоступа и другихъ, отличилось геройскими подвигами въ послѣдовавшую вторую турецкую войну, и Потемкинъ, считавшійся гетманомъ войскъ козацкихъ, назначилъ возобновленному Черноморскому войску во владѣніе земли, находившіяся между Бугомъ и Днѣстромъ до Чернаго моря. Но смерть Потемкина не допустила осуществиться этому проекту. По поводу этого событія сложилась отъ имени запорожцевъ такая пѣсня: «Боже нашъ, Боже милосердый! Какіе мы въ свѣтѣ несчастные! Служили мы вѣрно и на полѣ и на морѣ, а остаемся голыми и босыми. Думали-было мы заслужить себѣ землю, чтобы намъ было гдѣ въ привольѣ вѣкъ свой проживать, и дали-было намъ землю отъ Днѣстра до Буга, границею по Бендерскую дорогу, дали-было намъ два лимана: Днѣстровскій и Днѣпровскій: тутъ бы намъ, братцы, и наживать себѣ жупаны. Дали землю, а теперь отнимають, а намъ сулятъ какую-то Тамань²⁾». Въ «Исторіи Новой Сѣчи» эта пѣсня приписывается Антону Головатому. Не беремся рѣшать, имъ ли дѣйствительно сочинена она, или, можетъ быть, только ему приписывается и сложена вообще запорожцами,—только эта пѣсня до сихъ поръ вездѣ поется въ народѣ. Дѣйствительно, тотчасъ по смерти Потемкина составлялся проектъ устроить Черноморское войско на Таманскомъ полуостровѣ, и запорожцы, ожидавшіе себѣ другого, были этимъ проектомъ недовольны. Это и выражается въ настоящей пѣснѣ. Но вскорѣ, однако, запорожцы помирились съ планомъ правительства поселить ихъ на берегахъ Чернаго моря, имъ издавна знакомаго, хотя и не тамъ, гдѣ бы они хотѣли, а поблизости къ Кавказу, гдѣ они могли быть полезны государству своими военными подвигами противъ черкесъ. Антонъ Головатый въ іюнѣ 1792 года выхлопоталъ Высочайшую грамоту, которою Черноморскому войску отводился для поселенія островъ Фанагорія съ землями между

1) Ой збѣралися пани генерали и сенатъ сеймовати:

Ой якъ же намъ се вийсько славне Запоризьке зібрати.

Хочъ сеймуйте, пани генералы, да не такъ воно буде:

А вериѣть вийсковни клейноты то и само вийсько прибуде.

2) Ой Боже мій, Боже, Боже милостивий!

Якн жъ мы вродились въ свѣтѣ несчастливѣ!

Служили мы вѣрно на полѣ й на морѣ,

А теперь застаемся и босѣ и голѣ!

Думали мы землю собѣ заслужити,

Щобъ у вильности вѣку намъ дожити.

Дали були землю отъ Днѣстра до Бугу

Границею по Бендерську дорогу,—

Днѣстровскій и Днѣпровскій обидва лиманы:

Отъ-тутъ бы намъ, братцѣ, наживати жупаны.

Дали були землю да впѣять отнѣмають,

А намъ тую якуось Тамань урочають!

Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями (Ист. Нов. Сѣчи, III, 226). Такъ по-
ложено было основаніе войску черноморскихъ козаковъ, нынѣ переименованному
въ Кубанское. Тогда сложилась пѣсня, приписываемая Антону Головатому. Она
стала народною на всемъ пространствѣ, заселенномъ южнорусскими племенемъ.
Такъ гласитъ эта пѣсня:

«Довольно намъ уже скорбѣть. Пора перестать. Дождались мы отъ ца-
рицы награды за службы наши. Дала намъ и хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрную
службу. Теперь, любезные братья, забудемъ всѣ наши лишенія. Въ Таманѣ бу-
демъ жить, вѣрно служить, беречь границу, будемъ ловить рыбу, водку будемъ
пить, еще станемъ и богатыми. Надобно уже и жениться и хлѣбопашествомъ
заниматься, а кто придетъ изъ невѣрныхъ, того бить, какъ врага. Слава Богу
и царю. Покой гетману! Залѣчили мы великую (жгучую) рану въ нашихъ
сердцахъ. Помолимся же Богу, поблагодаримъ царя за то, что указала намъ
дорогу на Кубань» ¹⁾).

Вотъ все, чтѣ намъ извѣстно о томъ, какъ въ несомнѣнно народныхъ
произведеніяхъ поэтического творчества у южноруссовъ отпечатлѣлись событія
періода козачества. Этимъ, вѣроятно, не исощается вся народная сокровищ-
ница; быть можетъ, въ такихъ уголкахъ, куда еще мало проникала пылливость
собирателей народныхъ памятниковъ, отыщутся еще такія произведенія, о какихъ
мы и не догадываемся. Предоставляемъ ихъ счастью будущихъ этнографовъ.

¹⁾ Годъ, годъ журитися! Пора перестати.

Диждалися видъ царя за службу заплати:
Дала хлѣбъ-соль и грамоти за вѣрнии служби;
Отъ теперь же мы, милѣ братья, забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границу держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить ще ѣ станемъ богатѣ,
Да все треба женитися и хлѣба робити,
А кто йтима изъ невѣрныхъ—ляъ ворога бити.

По другому варианту этотъ послѣдній стихъ измѣняется такъ:

И превражого черкеса по кручахъ гонити.
Слава жъ Богу и царю, а покой гетману:
Иаголи въ сердцахъ нашихъ горючую рану!

По другому варианту вмѣсто: горючую рану—великую рану

Подъякуемо царя помолимось Богу,
Що вона намъ показала на Кубань дорогу.

Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества ¹⁾.

Семейный бытъ народа въ его пѣсняхъ выражается въ изображеніи любви, какъ между молодыми людьми обоего пола до брака, такъ и послѣ брака, со всѣми послѣдствіями и условіями домашняго быта и семейныхъ связей.

Пѣсни этого рода раздѣляются на два отдѣла: любовныя и собственно семейныя, но строгой грани между тѣми и другими провести невозможно, во-первыхъ, оттого, что народныя пѣсни въ текущемъ своемъ обращеніи часто смѣшиваются, во-вторыхъ, не всегда можно отличить—говорится ли о находящихся въ положеніи до брака или уже состоящихъ въ брачной связи. Замѣтимъ, что пѣсни свадебныя, по своему содержанію, одинаково принадлежать и къ любовнымъ, и къ семейнымъ пѣснямъ. Южнорусскія пѣсни, изображающія любовь между обоими полами, преимущественно поются женскимъ поломъ и потому носятъ на себѣ отпечатокъ женственности. Это особенно надлежитъ замѣтить относительно настоящаго времени, когда мужчины перенимаютъ и поютъ великорусскія пѣсни, искажая ихъ самымъ безобразнымъ способомъ.

ГЛАВА I.

Народное понятіе о любви.—Весна.

Жизнь поселянъ протекаетъ въ постоянной близости съ природою, и эта близость отражается на ихъ пѣснопѣніяхъ. Какъ въ природѣ въ поляхъ, рощахъ, садахъ можно прослѣдить періоды прозябанія, роста, цвѣтенія, оплодотворенія растений, такъ и въ народной поэзіи—прослѣдить исторію любви, ея зарожденіе, развитіе, можно видѣть, что по внутреннимъ душевнымъ проявленіямъ и по

¹⁾ Въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда“ печаталось сочиненіе: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Продолженіе этого сочиненія печаталось въ журналѣ „Русская Мысль“ въ 1880 и 1883 годахъ подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Печатаемое нынѣ изслѣдованіе авторъ считалъ окончаніемъ означеннаго сочиненія.

(Примѣч. издат.).

вѣшнимъ житейскимъ условіямъ способствовало этому развитію или задерживало его и—конецъ, завершающійся или бракомъ, или разлукою.

Всего вѣрнѣе и удобнѣе изучать любовный элементъ въ пѣсняхъ сообразно сопоставленію народной пѣсенности съ годовымъ теченіемъ природы. Вотъ начинается весна. Сходитъ снѣгъ. Текутъ воды. Появляется травка. Потомъ начинаютъ развиваться и цвѣсти деревья. Въ пѣсняхъ начало весны выражается символическимъ изображеніемъ жаворонка, прилетѣвшаго изъ теплыхъ странъ,—народнаго вырѣя;—еще видѣются снѣжные останки и льдины, онъ будетъ разгонять ихъ крылышками и топтать ножками ¹⁾.

Весна приноситъ тепло и доброе лѣто ²⁾; каждому возрасту свое—дѣткамъ игры, старикамъ совѣты объ общественныхъ дѣлахъ, старымъ бабамъ праздное сидѣнье, хозяевамъ полевая работа, хозяйкамъ домашнее тканье, а дѣвцамъ—гулянье ³⁾. Воскресла весна, принесла съ собой дѣвичью и молодецкую красу: дѣвичья краса—коса до пояса, а молодецкая—платокъ за поясомъ, шапка съ пучкомъ цвѣтовъ, а въ правой рукѣ—дѣвица ⁴⁾.

Дѣвицамъ гулянье—ихъ стихія. Пусть замужняя женщина ведетъ бесѣды съ своимъ мужемъ, пусть бѣдная одинокая вдова сидитъ въ раздумьи,—дѣвицѣ всѣхъ лучше на свѣтѣ; она до поры до времени гуляетъ, цѣлую недѣлю ходить въ вѣнкѣ, а придетъ воскресный день—идеть въ хороводъ ⁵⁾.

- ¹⁾ — Чомъ ты, жаворонку,
— Раво зъ вырѣя вылитавъ?
— Ище по горонькахъ снѣженьки лежали,
— Ой ще по долинахъ крыженьки стояли.
„Ой коли пора прійшла,
„Неволенька вийшла.
„Ой я тни крыженьки крыльцями розжену,
„Ой я тни снѣженьки ніжками потопчу.

(Чубинскій: „Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ“. Томъ III, стр. 110).

- ²⁾ Ой вынесла тепло и доброе лѣтечко.
³⁾ Малымъ дѣткамъ—ручечки бити,
А старымъ дѣдамъ—раду радити,
А старымъ бабамъ—посѣдѣньячко,
А господарямъ—поле орати,
А молодымъ господинямъ—кросеньця теати,
А молодымъ дѣвонькамъ—тай погуляти (Ibidem).

- ⁴⁾ А вже весна воскресла,
Що то намъ принесла?
Принесла вамъ росу,
Дѣвоцькую } Пѣсня поется дважды, и одинъ разъ говорится про
Парубоцькую } красу. } дѣвоцькую, другой—про парубоцькую.
Дѣвоцькая краса
Коса до пояса,
Парубоцька краса
Хустына до пояса,
За шапкою квѣтка,
Въ правій рудѣ дѣвка.

(Чуб. III. 109—110).

- ⁵⁾ Мужняя жона зъ мужемъ розмовляе,

Сами родители подсказывают это дѣвцамъ. Спрашиваетъ дочь матери: гулять ли ей? Мать отвѣчаетъ: гуляй, доченька, сколько хочешь! Дважды молодою не будешь. Когда замужъ пойдешь—позабудешь, а когда постарѣешь—вспомнишь про молодость ¹⁾. Спрашиваютъ дѣвицы птицу—чижа или воробья—кому на свѣтѣ воля, и кому нѣтъ воли ²⁾, и получаютъ такой отвѣтъ: Дѣвочкамъ во всемъ воля: схвати монисто—да на рынокъ, вѣнокъ—да въ хороводъ, ленту—да на игрище ³⁾. А замужнимъ нѣтъ воли; все ихъ стережетъ ⁴⁾: и кушанье въ печи, и поросенокъ подъ лавкою, и ребенокъ въ колыбели ⁵⁾; всѣ къ ней съ требованіями ⁶⁾, а тутъ еще мужъ или свекоръ-воркунъ съ своими желаніями ⁷⁾.—Наступаетъ веселая пора игръ весеннихъ и пѣнія веснянокъ или гавнокъ, какъ этого рода пѣсни называются въ Червонной Руси. Игры и пѣсни специально посвящаются веснѣ. Все здѣсь отзывается отрочествомъ, невинностью. Любовь еще не коснулась сердца дѣвическаго, голова дѣвическая еще не завлакивалась думами. Изъ весеннихъ игръ нѣкоторыя выказываютъ въ себѣ мифологическій смыслъ, теперь уже совершенно или почти утраченный; это остатки глубокой старославянской языческой старины. Таковы: Кострубонько съ воспроизведеніемъ дѣйства погребенія мнѣческаго существа (Чуб. III, 77), Воротарь (Володарь), гдѣ поется о ребенкѣ, котораго подвозятъ въ золотомъ креслѣ къ дому и отдаютъ хозяйкѣ (Чуб. III, 38)—должно быть, символическое изображеніе наступающаго лѣта, Шумъ (тамъ же, 50), Бѣлоданчикъ (Голов. IV, 175), Рожка и Рожина мать (Чуб. III, 100)—игра, показывающая какъ бы на существованіе легенды, похожей на греческій мифъ о Прозерпинѣ, Пылающая ду-

Бѣдная вдова десять думокъ має,
А дѣвчиноньцѣ—на свѣтѣ не має,—
Дѣвчина молодая до поры гулає,
Цѣлый тыждень у вѣночку,
Приде недѣля—въ таночку!

(Ср. Чуб. V. 487).

- 1) Гуляй, доненько, сколько хочъ,
Дѣтъ молодою не будешь!
Якъ замужъ пойдешь—забудешь,
Якъ стара станешь—згадаешь!

- 2) Ой чижичку, воробейчику, скажи менѣ всю правдочку:
Кому воли, кому нема? (Максимовичъ, „Малороссійскія пѣсли“, изд. 1827 г., стр. 130).

- 3) А дѣвочкамъ—уса волечка,
За намистечко да на мѣстечко,
За вѣночокъ да и у таночокъ,
За стричечку да на улочку,

- 4) А жиночкамъ вся неволечка:

- 5) Що въ печи огонь горить,
На припѣчку горшокъ кипить,
Подъ порогомъ да пороса кричитьъ,
А въ колисцѣ дитя плаче.

- 6) Огонь каже: „загреби мене!“
Горшокъ каже: „помѣшай мене!“
Свина каже: „нагодуй мене!“

- 7) Воркунъ каже: „поцѣлуй мене!“
Дитя каже: „розповій мене!“

(Чуб. III. 59. Максимов. 131).

брова ¹⁾ (Голов. IV, 160). Другія игры прямо заимствованы изъ природы. Таковы: Ласочка (Чуб. III, 103), Коть (тамъ же, 105), Перепелка (тамъ же, 63), Коза (тамъ же, 84), Галка (тамъ же, 71), Воронъ (тамъ же, 73), Зозуля (Голов. IV, 181), Занька (Чуб. III, 60), Горобейко (тамъ же, 56), Козликъ (тамъ же, 89), Жукъ (Голов. IV, 157), Макъ (Чуб. III, 47), Просо (тамъ же, 65). Левъ. Есть, наконецъ, игры, изображающія сцены изъ семейной жизни. Напримѣръ, мать собирается отдавать дочь замужъ и рекомендуетъ ей нѣсколько жениховъ, описывая при этомъ ихъ хорошия и худыя качества; отъ однихъ дочь прямо отказывается, а къ другимъ относится съ благорасположеніемъ (Голов. IV, 168, 179, 182, 183). Жельманъ, гдѣ представляется, что дѣвицу предлагаютъ отдать за одного изъ нѣсколькихъ жениховъ, называя ихъ одного за другимъ по ихъ занятіямъ (за шевца, за кравца, за коваля, за кушнира) и въ заключеніе даютъ такой отвѣтъ представляющему лицо свата, что дѣвица еще не подросла (Чуб. III, 53; Голов. IV, 183). Кривой Танецъ, гдѣ представляется, что дѣвицѣ рекомендуютъ жениховъ, о которыхъ говорятъ, что они съ разными физическими недостатками (одинъ слѣпой, другой кривоногий, третій горбатый, четвертый заиковатый и т. п.). Дѣвица не хочетъ выходить ни за одного изъ нихъ, наконецъ, ей предлагаютъ парубка степеннаго, работающаго, и она соглашается (Голов. IV, 168—169).

Въ это время дѣвицы подтруниваютъ надъ молодыми. Есть цѣлый рядъ пѣсень, гдѣ парубки изображаются въ видѣ смѣшномъ или униженномъ въ сравненіи съ дѣвицами. Напримѣръ, парубковъ гонять возить навозъ, а дѣвицъ къ нарядамъ, парубковъ молотить, а дѣвицъ ѣсть хлѣбъ; парубковъ рубить хлѣсъ, а дѣвицъ на площадь гулять ²⁾. Сопоставляется краса дѣвическая съ парубочкою и первая сравнивается съ лѣтнею, а послѣдняя съ зимнею розою ³⁾; дѣвицы представляются одѣтыми въ хорошій нарядъ, а парубки въ отрепьяхъ ⁴⁾. Приглашаются парубки ѣсть мякину вмѣстѣ съ свиньями ⁵⁾ или

¹⁾ Вариантъ, слышанный мною на Волни:

Ишла дѣвочка черезъ дворъ, черезъ дворъ,
На ѣй суконька въ девять полъ, въ девять полъ,
Стала суконька сляти,
Стала дуброва палати.

²⁾ А вы, парубоньки, до гною,

А вы, паняноньки, до струю:

А вы, парубоньки, до цѣпа,

А вы, паняноньки, до хлѣба;

А вы, парубоньки, до лѣса рубати,

А вы, паняноньки, до мѣста гуляти!

(Голов. II. 183—184).

³⁾ Та дѣвочья краса

Якъ лѣтняя роса,

Парубочья краса

Якъ зимняя роса.

(Чуб. III. 31).

⁴⁾ На дѣвочкахъ добре платятъ,

А на парубочкахъ усе шматятъ,

То мѣхъ, то раднина,

То драва кожушина.

⁵⁾ Чась, вамъ, дѣвочки, до дому,

приготовленныхъ для нихъ лягушекъ; разсказывается, какъ парубки блудили многіе годы въ хатѣ за печью и на припечкѣ, наконецъ заблудились до угольного окна и просили хлѣба у дѣвицъ ¹⁾),—какъ ѣздили на охоту и затравили комара, а потомъ дѣлили между собою эту добычу ²⁾). Чуждою такихъ веселыхъ юношескихъ игръ представляется въ пѣснѣ дѣвица-сиротка. Она, бѣднаяжка, беретъ ленъ и, припадая къ сырой землѣ, умоляетъ принять ее къ себѣ, какъ уже приняла отца и мать ³⁾), или съ такою же мыслью о скорой смерти своей обращается къ Богу ⁴⁾), или наконецъ, пришедши къ родительской могилѣ, проситъ отца встать и дать ей добрый совѣтъ, но отецъ изъ могилы отвѣчаетъ, что не пускаютъ подняться дубовыя гробовыя доски, притиснувшія ему руки ⁵⁾). Кромѣ сироты, еще существо дѣвическое чуждо бываетъ забавъ: это—дѣва, не успѣвшая выйти замужъ и уже начинающая увядать. Ей не досталась добрая доля. Другія дѣвки расцветали добрыя доли, а ее, видно, мать не разбудила въ-время, она опоздала и ее встрѣтила доля лихая и проходить напрасно ея лѣта какъ маковъ цвѣтъ, что днемъ подцвѣтаетъ, а къ ночи опадаетъ ⁶⁾). Не гуляла она у родителей, не пришлось ей быть замужемъ. Не по-

Мѣшати свинямъ полову.

А вы, хлопцѣ, за нами

Ѣйте полову зъ свинями.

¹⁾ Блудили хлопьята, блудили

Сѣмъ лѣтъ да по запѣчку.

А чотыри да по припѣчку.

Приблудились до польного вокна

Дѣвчаточки, голубочки!

Дайте хлѣба хочъ спирочку.

²⁾ Поѣхали на лови

Да вловили комаря,

Стали его дѣлити:

Сему-тому по стегну,

А Ивасю тулупецъ,

А Василю голова,

Що великій безъ ума, и пр.

³⁾ Земля-жъ моя, земля сиренькая,

Мати-жъ моя рідненъкая,

Приняла-жъ ты отца й неньку

Прійми й мене молоденьку.

(Чуб. V. 359).

⁴⁾ Ой, Боже, взявъ есь витця и матенку,

Возьми и мене бѣдную сиритку!

(Голов. I. 295).

⁵⁾ Ой радъ бы я встати, тобѣ правду сказати,

Ой сыралъ земля а все тѣло приняла;

Дубовни дощечки притиснули рученьки.

(Чуб. V. 324).

⁶⁾ Чужи дивки рано встали,

Счастья-долю розобрали,

Да моя матка, що ты учинила,

Чому рано не збудила?

Я молода, спизнилася,

Лиха доля зустрѣлася:

Прошли лѣта, якъ маковъ цвѣтъ,

Що въ день цвите, въ ночи пада.

(Чуб. V. 360).

чемъ вспомнить протекшіе годы ¹⁾. Видитъ она, какъ чужой человекъ наплетъ, а его подруга помогаетъ ему, и заплачетъ она, потому что ей не дано жить въ парѣ. Въ церковь ли войдетъ она, въ корчму ли пойдетъ—вездѣ людей много, все для нея—чужіе, а милаго друга нѣтъ у ней ²⁾. Люди не знаютъ, какъ она заливается слезами, и даже думаютъ, что она счастлива. Уже половина дѣтъ ея исходить, а ей все нѣтъ счастья: не съ кѣмъ ни пить, ни ѣсть, не съ кѣмъ гулять; все только дума за думою идутъ объ одномъ и томъ же, какъ ей на свѣтѣ жить ³⁾. Такая увядшая красота, само собою разумѣется, не причастна дѣвическимъ забавамъ; впрочемъ, и то сказать надобно, что такіе женскихъ личностей въ сельскомъ быту встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ этомъ быту почти всѣ соединяются бракомъ въ молодости.

Кромѣ сироты—безродной и устарѣвшей дѣвки, всѣ родительскія дочери дѣвницы спѣшаютъ участвовать въ великомъ всеобщемъ праздникѣ природы. Съ весеннимъ временемъ начинаются вечернія и ночныя сборища молодежи обоого пола, называемыя «улицами». Участники въ нихъ—парубки и дѣвчата—носятъ собирательное названіе челядь, встарину корогодъ или хороводъ, — названіе и до сихъ поръ еще не вездѣ и не совсѣмъ испарившееся изъ народной поэзіи.

Въ древности несомнѣнно существовали священные обряды составленія такихъ хороводовъ: на это указываютъ сохранившіяся до сихъ поръ пѣсни съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ пріемовъ, показывающихся остатками какихъ-то дѣйствъ. Такова пѣсня: А мы просо сѣяли, сѣяли! съ пригѣвомъ: «Ой дѣду-ладо! Пѣсня эта употребительна и у малоруссовъ, и у великоруссовъ и одинакова почти дословно. Смыслъ ея таковъ: образуются двѣ группы, одна противъ другой. Одна сторона грозитъ выпустить коней и потоптать посѣянное другой просо. Другая угрожаетъ захватить коней. Первая хочетъ выкупить ихъ и общается сначала сто рублей, потомъ тысячу, на придачу бабу, потомъ молодецъ: отъ всего другая сторона отказывается, наконецъ, предлагаютъ дѣвицу, и дѣвица принимается ⁴⁾. Другая подобная весенняя пѣсня представляетъ хороводъ

¹⁾ Отца-матки не знала, а мужа не маю,
По чьмъ же васъ, дѣта мои, споминати маю!
Дѣта мои молодни, жаль мени за вами,
Що я васъ не вгуляла у риднои мамы. (Чуб. V. 488—489).

²⁾ Ажъ тамъ оре милый плугомъ,
Чужа мила помогае,
Мое сердце омлѣвае.
Ой винь оре, а я плачу,
Дѣта свои марну трачу,
А въ церковцѣ людей много:
Нема мени миленькаго!
А въ корчомцѣ людей бильше:
Мому сердцю жаль ще гиршій. (Ibid. 492).

³⁾ Кажуть люди щомъ счастлива, я съ того тѣпуса,
Най не знаютъ, якъ я не разъ слезами залюся.
Половина литъ минае, я счастья не маю.
Нѣ съ кимъ ѣсти, нѣ съ кимъ пити, нѣ съ кимъ погуляти.
А йде думка за думкою, якъ на свѣтѣ жити. (Чуб. V. 360—361).

⁴⁾ Намъ дѣвицѣ надобно. (Ср. Чуб. III. 67. Голов. Метл. 296).

дѣвицъ въ видѣ войска, порывающагося на войну. Ихъ не пускаютъ, не допуская ломать мосты ¹⁾, предлагаютъ за пропускъ деньги, наконецъ, дѣвицу— и на этомъ состоятъ сдѣлка ²⁾. Эти пѣсни съ остатками дѣйства хотя и сохранились, но прежній смыслъ ихъ уже утраченъ. «Улица» въ наше время складывается сама собою изъ произвольно набравшейся челяди изъ односельчанъ. «Что ты улица не зелена?» спрашивается въ одной пѣснѣ.—Какъ мнѣ зеленою быть—отвѣчаетъ улица:—меня дѣвицы топчутъ желтыми сапожками, золотыми подковками, а молодцы своею неуклюжею обувью! ³⁾.—Вотъ открывается роскошное весеннее торжество, брачное пиршество природы: разливаются на всѣ стороны воды ⁴⁾, кукуетъ кукушечка, чуя наступленіе лѣта ⁵⁾, щебечетъ соловей въ развивающихся садахъ ⁶⁾, играетъ софѣлка, скликая молодежь на игрище ⁷⁾, приглашаются дѣвицы гулять, потому что зазеленѣли травы, наступила красная весна ⁸⁾. Но тутъ уже даетъ о себѣ знать будущее, неизбежное для многихъ житейское горе. Дѣвицу отдадутъ замужъ за немилаго ей человѣка, она плачетъ, предчувствуя свою горькую судьбу ⁹⁾. Ея нелюбъ—пьяница, онъ пропьетъ ея приданое, а когда она придетъ въ гости къ своей матушкѣ, станетъ мать ее спрашивать: гдѣ твои дорогіе кораллы? Гдѣ твои волы и коровы?—Все пошло къ шинкаркамъ ¹⁰⁾.

Неизвѣстность неизбежнаго брака тревожитъ дѣвическое сердце. Дѣвица боится, какъ бы съ нею не было того, что она уже видѣла съ другими. Ее беспокоитъ незнаніе, за кого-то ее отдадутъ родители. Вотъ она плететъ себѣ

1) „Пустѣте насъ, пустѣте насъ сей свѣтъ возвати!“

— Не пустимо, не пустимо мосты поламатъ. (Голов. II. 191).

Или:

„Пустѣте насъ, пустѣте насъ до Угорской земли!“

— Не пустимо, не пустимо, поламатъ мосты! (Голов. IV. 178).

2) „Заплатимо, заплатимо тымъ бытымъ таларомъ“.

— Не хочемо, не хочемо тыхъ бытыхъ таларивъ.

— Но хочемо, но хочемо хорошой нани,

— Въ зеленѣмъ барвѣночку

— Въ рутинѣмъ вѣночку. (Голов. IV. 179, ср. Чуб. III. 43).

3) Якъ мени зеленою бути,

Коли мене дѣвчата зтопчатъ

Жовтими чобитками, золотими подковками.

Якъ мени зеленою бути,

Коли мене парубки зтопчатъ

Постолами-постолицами, волоками-волочищами. (Чуб. III. 158).

4) Розлилися воды на чотири броды.

(Чуб. III. 142).

5) Зозуленька чуе, бо лѣтечко чуе.

(Ibid. 143).

6) Соловейко щебече—садки розвивае.

(Ibid.)

7) Сошлочка грае въ улицю сликае.

(Ibid.)

8) Гей дѣвки! Весна красна! Зѣлля зелененьке.

(Ibid.)

9) Дѣвчинонька плаче за нелюба идучи,

Гей мати лихо знати—за нелюбомъ жити!

(Ibid.)

10) „Дежъ твои, доню, дороги корали?“

Въ шинкарки въ Парани.

„А дежъ твои, доню, воли та коровы?“

Гей мати, лихо знати—въ шинкаря въ обори.

(Чуб. III. 144).

вѣнокъ изъ барвинка, повѣсила его на золотомъ колкѣ и говорить къ нему: еслибъ она знала, что пойдетъ за милого, то сплела бы лучше, а если за немилго—она бы заранѣе порвала и потоптала его ¹⁾. Между весенними пѣснями можно отмѣтить цѣлый отдѣлъ такихъ пѣсенъ, гдѣ дѣвушка мечтаетъ, какъ ей будетъ нехорошо, когда ее отдадутъ замужъ въ чужой домъ, межъ чужихъ людей; она ожидаетъ худого себѣ особенно отъ будущей свекрови. Эти пѣсни есть выраженіе того состоянія, когда дѣвица еще не познакомилась съ любовнымъ чувствомъ, отодвигающимъ на задній планъ всякія подобныя опасенія. Но пока сердце дѣвицы еще свободно отъ любви, на нее кладеть отпечатокъ подмигивенное съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Теперь она у родителей, какъ калина красная, а когда будетъ замужемъ, станетъ какъ береза бѣлая ²⁾. Теперь у нея всего изобильно, а тогда отрѣжетъ ей свекоръ глѣба тонкій кусокъ, не съестъ она его въ хатѣ, а съестъ за дверьми, обливши слезами ³⁾.

Въ другой веснянкѣ дѣвица воображаетъ себѣ, какіе ее отдадутъ въ многочисленную семью и тамъ станутъ помыкать ею, заставляя исполнять разныя домашнія работы ⁴⁾. Она все сдѣлаетъ, потомъ подойдетъ къ окну и услышитъ, какъ мужу ея станутъ говорить: зачѣмъ ты не бьешь своей жены? Зачѣмъ не карашь ее? А мужъ отвѣтитъ такъ: нельзя бить ее, когда надобно съ нею жить! Если она сонлива—разбудайте ее. Если она лѣнива—научайте ее ⁵⁾. Болѣе всего боится дѣвическое воображеніе свекрови, и въ народной поэзіи есть цѣлая группа веснянокъ, гдѣ выражается опасеніе дѣвицы испытывать неприятели отъ будущей свекрови. Въ одной повсемѣстно распространенной пѣснѣ дѣвица обращается къ дубровной кукушечкѣ, просить не будить

1) Ой вѣнку мій вѣнку, хрещатій барвинку,
Якъ тебе звѣла вчора зъ вечора,
Дай повѣсила въ теремѣ да на деревѣ,
На шовковимъ шнурку, на золотимъ килку.
Ой якъ бы жъ я знала, що за милнимъ буду,
Я бъ ще красчій звѣла!
Ой якъ бы жъ я знала що за нелюбомъ буду—
Я бъ его порвала руками,
Потоптала ногами.

2) Я у батька була червона калина,
Якъ до свекра пійшла—бѣлая береза. (Чуб. III. 121).

3) Вкронвъ свекоръ лусту, якъ кленоваго листу.
Чи зъѣси, невѣстко? Не зъѣмъ я у хати,
Та зъѣмъ за дверима.
Не зъѣмъ я сухого—обилью слизами. (Чуб. III. 121).

4) Мене замужъ отдали, а въ великую семью.
Семья сяде вечеряти, я по воду пойду. (Ibid. 156).

5) Покиль воду принесла, той вечера одійшла.
Я ложки помню, бѣлу постель постелю,
Сама спати пійшла, нидь виконце пидійшла.
Ой щось мени говорють, мене молоду судять.
„Чомъ ты ѣи не бьешъ, чомъ не карашъ?“
— Ой якъ же менѣ ѣи бить, коли треба зъ нею жить?
— Коли вона сонливая—то збудте ѣи,
— Коли вона лѣнивая—научите ѣи.

(Чуб. III. 156)

ее рано, когда она спитъ въ родительскомъ гнѣздѣ. Придетъ время, стануть будить ее еще раньше; свекровь не родная мать, станеть укорять ее за лѣнь и долгое спанье, упрекая тѣмъ, что она въ семьѣ своего мужа не трудящаяся, не скопидомка ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, еслибъ ее не ожидали упреки и непріятности суроваго обращенія отъ свекрови, свѣкра и всей мужниной родни, все-таки минулось тогда для нея прежнее время дѣвичьяго гулянья: дитя малое не пустить ее ²⁾).

Но какъ бы ни безпокоила своего воображенія дѣвица пугливыми образами ожидающихъ ее непріятностей въ замужествѣ, а прирожденная потребность любви беретъ свое. «То мнѣ печаль»—говоритъ дѣвица,—что я молода, а у меня милаго друга нѣтъ ³⁾). Вонъ, видитъ она, играютъ въ рѣкѣ рыбы—у каждой своя пара, а у меня только пара черныхъ глазъ и черныхъ бровей» ⁴⁾). Томительно дѣйствуетъ на дѣвицу видъ постели, на которой ей надобно спать. Бѣла постель, нѣма стѣна, у которой постель поставлена. «О, сжался, Боже,—воскликаетъ дѣвица,—сжался надо мною, милосердый, вѣдь я молоденькая! Дала бы я свою бѣлую руку, да не знаю кому дать ее» ⁵⁾). Боятся она, чтобъ не отдали ее за вдовца: онъ вспомнить прежнюю жену и станеть съ нею сурово обращаться ⁶⁾). Не хочеть выходить она за стараго, хо-

1) Ой дибривно да зозуленько, да не куй рано у диброви,

Не збуди мене да молодон,

Избудать мене да ранній тебе...

У мене свекруха не матонька:

„Уставай невестко, неробитница,

Та свому роду не кукибница.

Уже свини да й у долини,

Молода невестка спитъ у перини;

Уже вивци на крутій гирци—

Молода невестка спитъ у комири».

(Чуб. III. 145—146).

2) Мѣсяць надъ водою, дѣвки на улицѣ,

А я молода крозь тинь выглядаю.

Свекорко батенько! Пусти на улицу.

Хочъ свекорко пустить, свекруха не пустить,

Хочъ свекруха пустить, дѣверко не пустить,

Хочъ дѣверко пустить, зовица не пустить,

Хочъ зовица пустить, милый не пустить,

Хочъ милый пустить, дитя не пустить

3) Една туга—сама молодал,

Друга туга—милого не маю!

4) Шука рыба въ морѣ гуляе до волѣ,

Шука рыба грае, собѣ пару мае,

А я стою да думаю, що пары не маю.

Тильки менѣ пары, що оченьки кары,

Тилька всен любови, що чорныи брови.

5) Постѣлька бѣленька, а стѣна нѣменька—

Сжался, сжался, милый Боже, що я молоденька!

Постѣлька бѣленька, да все не по тому,

Дала бъ же я бѣлу ручку, да не знаю кому!

6) Ой не пійду за дивця, буде менѣ лихо!

четь за молодого ¹⁾. Не хочеть за рыжаго, а хочеть за черноволосаго ²⁾.

Если сильно волнуется сердце у дѣвцы, то еще сильнѣе волнуется оно у молодца. Онъ чувствуетъ грусть одиночества ³⁾, отгадываетъ, чего ему нужно, и просить Бога послать ему въ подруги жизни хорошую дѣвицу ⁴⁾. Всего у него вдоволь, и въ хатѣ, и въ комнатѣ полно всякой благодати: богатые обрара, размалеванныя стѣны, куда ни глянешь, все у него такъ, какъ слѣдуетъ быть, недостаетъ только подруги. Слышимое дѣвическое пѣніе нагоняетъ на него тоску ⁵⁾. Гдѣ она, эта невѣдомая его суженая? Онъ пошлетъ на всѣ стороны пословъ искать, гдѣ живетъ она ⁶⁾. Пусть летать ласточки и галки въ чужую сторону, пусть прилетать къ нему и принесутъ вѣсть о ней ⁷⁾. Тогда и онъ осѣдаетъ коня, поѣдетъ на край Дуная, найдетъ ту, которая ему по сердцу, и скажетъ ей—добрый день, а она дастъ ему свою руку ⁸⁾. Вотъ

А вдовець не молодець всѣ норовы знаѣ,
И згадае першу жинку—нагайкою вкрае.

Или:

За удивцець хлѣбъ готовый, сердце засмучено,
За удивцець хлѣбъ готовый, лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати, нижъ до него сѣсти.

(Голов. II. 391).

- ¹⁾ Ой не ходи, старый, коло мой хаты,
Ой не топчи, старый, кудрявой мяты.
Я того старого одъ роду не любила,
По его слѣдочку каменемъ покотила.
Ой походи, молоденькій, коло моеи хаты,
Ой потопчи, молоденькій, кудрявой мяты,
Я того да молодого одъ роду да полюбила,
По его слѣдочку перстникомъ да покотила.

(Чуб. III. 141).

- ²⁾ Мати моя хороша, мати моя мила,
Не дай мене за рудого, бо я чорвобрива.
У рудого грошей много, буде мене бити;
Я безъ того чорнявого не могу прожити.

- ³⁾ Жаль серцю моему такъ жити самому.

- ⁴⁾ Боже зъ неба високого!
Глянь на мене молодого;
Дай мѣ що я въ тебе прошу:
Дай мѣ дѣвичину хорошу.

- ⁵⁾ А въ тій хати и кимнатѣ усякон благодати:
Боги въ мене дорогин, малеваны стини,
Куды не глянь—все якъ треба, да нема дружини.
У дибровѣ зелененькій дивчина спивае;
Вона жъ мени молодому тугу наганяе.

(Чуб. V. 22).

- ⁶⁾ На всѣ свѣта стороньки пошлю послоньки,
Где вона живе, где проживае?
Нехай буду знати, где ѣи шукати!

- ⁷⁾ Пошлю жъ бо я ластивочку на чужую стороночку.
Нехай пролітають, дружини шукать.

(Чуб. V. 35).

- ⁸⁾ Самъ я коня осидлаю, поѣду край Дуная,
Буду проѣзжати, дружини шукати,
Пріѣзжаю край Дуная, на день-добрий милій даю,
Милая витае, билу ручку дае.

(Чуб. V. 35).

прилетаетъ къ нему галка и приноситъ вѣсть: его суженая сидитъ гдѣ-то на берегу моря, умывается морскою водою, утирается своею русою косою¹⁾. Въ какой очарованный міръ заноситъ молодца воображеніе! Какой огонь пылаетъ у него въ сердцахъ!²⁾ Не знаетъ онъ, какая судьба ожидаетъ его въ грядущемъ, проситъ рыбаковъ закинуть въ море сѣть и поймать его долю. Рыбаки исполнили его желаніе, но вытанили не его долю, а рыбу. Онъ видитъ, что рыба живетъ въ парѣ, а у него вѣтъ пары, и становится ему еще досаднѣе³⁾.

Что ему въ красотѣ его, когда онъ не можетъ жениться! Лучше ему броситься въ воду и утопиться⁴⁾. Но тутъ воображенію его представляется образъ дѣвницы, которая удерживаетъ его отъ самоубійства и общаетъ ему любовь свою⁵⁾. Въ темную ночь не спится молодцу: ему все мерещится будущая подруга⁶⁾. Онъ бѣжитъ въ рошу. Онъ проситъ у нея совѣта: жениться ли ему и какую подругу взять себѣ. Онъ перебираетъ всякихъ: богатую бы взялъ—такъ не захочетъ трудиться, умную взять—станетъ умничать, глупую возьму—съ нею будетъ горе, стануть судить люди и не будетъ намъ житья⁷⁾. Роди-

¹⁾ Галочко мол, галочка чорненька!

Ты скажи, галочко, где моя миленька?
А твоя миленька въ лузѣ надъ водою,
Умывается морскою водою,
Утирается русою косою.

²⁾ Ой чи не найдеться такого чоловічка,
Щобъ розрѣзавъ парубкови бѣли груди!
Поглядѣвъ би подивився на свое серденько,
Якъ изъ жару сердце молодецьке розотлѣлось,
Якъ изъ поломья воно сердце молодецьке розгорѣлось.

³⁾ Хлопци рыболовци, удали молодци!
Вы закиньте сѣтку черезъ синє море,
Та вытягнѣть долю мени молодому!
Не вытягли доли, та вытягли рыбу,
Рыба шука грає, соби пару має,
Мени молодому пароньки не має.

(Чуб. V. 28).

⁴⁾ Чорны брови маю тай не оженися,
Пійду до рѣченьки зъ жалю утопаюся.

(Ibid.)

⁵⁾ Не топись, козаче, не топись, орле:
Хто жъ мене дивчину сей вечеръ пригорне!

(Чуб. V. 28).

Или:

Не топись, милый, марне душу згубишь,
Ой ходимо звинчаймося, коли вирно любишь.

(Чуб. V. 357).

⁶⁾ Темна ничка невеличка, и чого-сь не спитесь,
Чого съ моя головонька та й морочитесь.
Треба мени, моя мати, ожентися,
Перестане головонька морочитися.

(Чуб. V. 31).

⁷⁾ Порадь мене, гаю, що маю робити.
Чи мени женитися, чи такъ волочитися?
Порадь мене, гаю, яку милу брати!
Узявъ би багату—не схоче робити,
Узявъ би розумну—буде замышляти,
Узявъ би дурную, горе жъ мени буде,
Судитимуть люде: намъ житья не буде!

(Чуб. V. 495—496).

тели посылають его косить, а онъ бросилъ косу и сталъ плакать ¹⁾. На синень морѣ мраморный камень, на немъ сидитъ молодець и наигрываетъ на сопѣлкѣ. Что мнѣ богатство: есть ли оно, нѣтъ ли его—все для меня едино, говоритъ онъ, а съ доброю подругою мнѣ было бы легче ²⁾. Вотъ онъ возвращается домой, кланяется въ ноги своей матери и говоритъ ей: еслибъ ты знала, матушка, какая мнѣ досада, ты бы меня женила, чтобы мнѣ было съ кѣмъ совѣтъ держать! Мать отвѣчаетъ ему: женись, мой сыночекъ, возьми любимую свою и цѣлуй ее да милуй какъ голубку ³⁾. Мать не совѣтуетъ сыну жениться на вдовѣ ⁴⁾, а совѣтуетъ взять себѣ въ жену сироту ⁵⁾. По нравственному народному воззрѣнiю, при бракѣ не должно разсчитывать на богатство. Погибель постигнетъ того,—говоритъ пѣсня,—кто ищетъ въ имуществѣ сердца ⁶⁾. Жена станетъ говорить ему: ты убогъ, а я богата, моя хата, моя правда! Бѣднякъ станетъ проклинать себя за то, что изъ-за денегъ нажилъ себѣ хлопоть ⁷⁾. Вотъ я, говоритъ кто-то въ поученiе молодежи взялъ себѣ жену убогую, но живу съ нею, слава Богу, и милъ мнѣ кусокъ хлѣба, заработанный ея руками. Въ погоду ли, въ непогоду—иду съ нею на работу, и въ полѣ мило мнѣ съ нею трудиться ⁸⁾. Если дѣвица, въ чаянiи будущаго брака, пугается неприятностей, которыя могутъ ее ожидать въ новой жизни, то и молодець также

¹⁾ Яжъ думала, мій сыночку, що будешъ косити,
Ажъ ты косу приклавъ до покосу да й ставъ голосити. (Чуб. V. 32).

²⁾ На синѣму морѣ стоять камень мрамуровый;
На немъ сидитъ хлопецъ чорнобровый,
Сидитъ собі та й въ сопѣлочку грає,
Гирко ему на серденьку, що дружини не має.
А що мени по худоби, а вже буде чи не буде,
Съ хорошою дружиною легче буде. (Чуб. V. 31).

³⁾ Ой коли бъ ты, мати, знала, яка то досада,
То-бъ ты мене оженила, щобъ була порада.
Оженися, мій сыночку, возьми собі любку,
Цилуй їи, милуй їи якъ голубъ голубку. (Чуб. V. 32).

⁴⁾ Не бери вдовоньки, не буде доленьки.

⁵⁾ Возьми собѣ сиритоньку, будешъ мавъ долежку.

⁶⁾ Но погибель прійде тому,
Хто бѣду веде до дому
Въ жѣвцѣ зарибку шукає,
За маєтокъ серце має!

⁷⁾ Ты убогий, я богата,
Моя правда, моя хата.
Тільки бѣдний проклинає,
Що за гроши клопотъ має!

⁸⁾ Я собѣ взявъ жинку вбогу,
Жію съ нею хвала Богу!
Менѣ хлѣба кусокъ милый,
Що ей руки заробили.
Чи въ погоду, чи то въ слоту.
Иду съ нею на работу,
Иду въ поле съ нею жати,
Мило разомъ працювати.

оставлявается передъ опасеніемъ, что его жизнь съ женою станетъ для него тяжелымъ камнемъ и станетъ онъ плакать о своей судьбѣ, да не воротитъ разъ потерянной свободы ¹⁾. Но и молодца, какъ дѣвицу, такіе страхи не удержать отъ того, къ чему влечетъ всѣхъ природа и что указано человѣку самимъ Богомъ ²⁾.

Первая встрѣча молодца съ дѣвицею, то время, съ котораго завязывается между ними любовь, иногда представляется какъ бы случайнымъ событіемъ, хотя, разумѣется, въ сельскомъ быту дѣти обоего пола знаютъ другъ друга съ малыхъ лѣтъ. Вотъ изображаются двѣ горы; между ними въ долинѣ всходитъ заря: то не заря—говоритъ пѣсня—то молодая дѣвица шла по воду. Молодецъ за нею на сѣромъ конѣ верхомъ по надъ Дунаемъ (т.-е. по берегу большой рѣки). Онъ догоняетъ дѣвицу и проситъ напоить его коня ³⁾. Дѣвица, понимая, какъ видно, символическій смыслъ такой просьбы, отказываетъ ему, потому что еще не принадлежитъ ему; она говоритъ, что ей надобно снѣшить, потому что у нея дома лежитъ больной отецъ ⁴⁾, а молодецъ научаетъ ее, какъ отговориться передъ матерью, зачѣмъ она замѣшалась; налетѣли де гуси и взмугили воду, а она подождала, пока вода устоялась ⁵⁾. Въ пѣсняхъ стараго козацкаго быта встрѣчаются такіе образы: козакъ, ѣдучи, встрѣчаетъ дѣвицу, спрашиваетъ у нея дорогу, она ему показываетъ три дороги—въ Польшу, на Донъ и къ славному Запорожью, и отсюда завязывается между ними любовь; пѣсня кончается словами козака къ дѣвицѣ: пока живъ—тебя не забуду и по веснѣ стану тебя сватать ⁶⁾. Или—козакъ заснулъ въ степи подъ могилою; вдругъ является неизвѣстно откуда дѣвица, будитъ козака, потому что идутъ бусурманы, возъ-

¹⁾ Хлопче молодче зъ карыми очима!
На що тобѣ жѣнка, камѣнь за плечима?
Будешъ колѣсь долю свою пропливати,
Будешъ кулаками слези утирати,
Выплачешъ очи, да не вернешъ долѣ...

²⁾ Видкылъ Богъ небо створилъ и свѣти повстали,
Богъ написавъ на камѣнѣ, що бы ся кокали.

³⁾ И видтилъ гора, и видсилъ гора;
Помижъ тими крутими горами сходила ясная зоря;
Я-жъ думавъ що зоря зійшла,
Ажъ то моя дивчинонька по водицю йшла.
А я за нею, якъ за зорею,
Чистимъ полемъ, сивимъ конемъ по надъ Дунаемъ.
Дивчино-жъ моя, напій мого коня
Зъ рубленой та криниченьки, зъ поввога ведра. (Чуб. V. 120).

⁴⁾ Пусти мене молодцу:
Въ мене батько слабый лежить,
Холодной води бажить.

⁵⁾ Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зъ пѣскомъ воду,
А я стала, постояла,
Нимъ ся вода устояла. (Чуб. V. 138).

⁶⁾ Якъ живъ буду, то я тебе не забуду,
И на весни сватать буду. (Чуб. V. 113).

нуть у него коня, а его изрубятъ. Дѣвица прибавляетъ, что конь можетъ быть и другой, а если козака убьютъ, то ей жаль станетъ ¹⁾.

Изъ быта болѣе поздняго встрѣчаемъ въ пѣсняхъ такіе образы: ходила дѣвица по грибы и заблудила въ лѣсной чащѣ. Тамъ встрѣчаетъ она молодца, котораго принимаетъ за лѣсничаго, и проситъ вывести ее на дорогу ²⁾. Молодецъ говоритъ, что его слѣдуетъ назвать не лѣсничимъ, а своимъ «серденькомъ» ³⁾. Или—молодецъ пасъ козъ и, заснувши, потерялъ козу; онъ сталъ искать ее и наткнулся на спящую дѣвицу; онъ не будилъ ее, а сталъ цѣловать ее сонную, пока она не проснулась, не начала кричать, браниться, а онъ таки нацѣловался вдоволь ⁴⁾. Въ распространенной повсюду пѣснѣ первое сближеніе изображено такъ: дѣвица пахла и не умѣла кричать на воловъ ⁵⁾, а потому пригласила молодца, по однимъ вариантамъ—погонять воловъ ⁶⁾, по другимъ—играть на дудочкѣ ⁷⁾, а тотъ, исполняя свою обязанность, сталъ въ то же время моргать, неизвестно на что: на воловъ ли и коровъ или на бѣлое лицо и черныя брови дѣвицы ⁸⁾. Въ другой пѣснѣ, безъ всякихъ предварительныхъ чертъ, изображается, что дѣвица въ полѣ жала хлѣбъ, мимо проѣхалъ молодецъ и сказалъ ей: здравствуй, жница, а она отвѣчала: здравствуй, дуна моя! И съ той поры всѣ узнали, что дѣвица козака назвала такимъ нѣжнымъ словомъ ⁹⁾.

1) Коня возьмутъ, коня другій буде,
Тебе зарубаютъ—другого не буде,
Мене жаль буде. (Ср. Малор. и Червононорусск. народн. думы и пѣсни,
изд. 1836. 123 и Чуб. V. 19).

2) Ой гайдаю, гайдаю, виведе мене зъ гаю!
Бо справдѣ дороги не знаю!

3) Коли-бъ же ты дороги не знала,
То ты-бъ мене гайдаешь не знала,
То ты-бъ мене серденькомъ назвала. (Малор. и Черв. думы и пѣсни. 81).

4) Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу.
Щось лежить пидъ садомъ зъ далека виджу,
Обачу и зъ близка дивчинну спячу,
Не смѣю збудити, тильки не плачу,
И стисну дивчинѣ бѣла ручоньки,
Оглянетъся, отворить чорни очоньки;
Кричала, лаяла, я не лаявся,
Най же мѣ, оченька, нацѣловався. (Голов. III. 343).

5) Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорненькимъ,
Орала, орала, не вмѣла гукати.

6) Да наняла козаченька волявѣ поганати.

7) Да наняла дударника у дудочку грати.

8) Дударикъ играе, бровами моргае,
Врагъ же ёго батька знае, на що винъ моргае:
Чи на мои воли, а чи на коровы,
Чи на мое лице бѣле да на чорнѣ брови.

9) Вхавъ козакъ дорогою: помогай Бигъ женчел!
Вона ему видповѣла: бувай' здоровъ, серце!
А вже тая слава по всѣмъ свѣтѣ стала,
Що дѣвчина козаченька серденькомъ назвала. (Ср. Малор. и Черв. думы и пѣсни. 120).

Но прїямѣ, естественнѣе и чаще первая встрѣча любви бываетъ на улицахъ. Такія сходбища на тотъ конецъ и составились въ сельскомъ бѣту, чтобъ молодые люди обонхъ половъ сходились между собой и приготовляли себя къ супружеству. Не даромъ въ весеннихъ пѣсняхъ молодцы, участвующіе на улицѣ или въ хороводѣ, символически представляются въ образѣ мѣсяцевъ ¹⁾, а дѣвѣнцы въ образѣ звѣздочекъ ²⁾ и каждому мѣсяцу ³⁾ и звѣздочкѣ ⁴⁾ придаютъ имена, какія носятъ молодцы и дѣвѣнцы. Собирается улица гдѣ-нибудь на выгонѣ, близъ села въ долинѣ или на холму; туда изъ родительскихъ домовъ выступаютъ дѣвѣнцы гулять, словно лебеди на тихомъ Дунаѣ, и пускаютъ голоса, чтобъ ихъ услышали тѣ, кому это нужно. Весело дѣвѣнцѣ на улицѣ, а ея сердце порывается туда, гдѣ тотъ, которому она полюбилась ⁵⁾. Вотъ на такую-то улицу сталъ утащать молодецъ, и всѣ стали замѣчать, что онъ чего-то вздыхаетъ, догадываются, что онъ уже полюбилъ ⁶⁾. Не можетъ онъ насмотрѣться и любоваться на нее, когда пойдетъ она въ танецъ подъ звуки скрипки, и кажется ему—благоухаетъ она розою ⁷⁾. И дѣвѣнца, которой онъ полюбился, втайнѣ говорить, что нѣтъ на той улицѣ, куда она ходитъ, красивѣе молодца, какъ тотъ, кого она удостоиваетъ звать нашимъ ⁸⁾. Она имъ любитесь, когда увидитъ, что онъ проѣхалъ верхомъ ⁹⁾, она ради него идетъ въ гости ¹⁰⁾. Если случится ей во снѣ увидѣть его—ей дѣлается весело, но когда, пробудившись, она пойметъ, что его нѣтъ при ней, ей станетъ грустно ¹¹⁾. Гдѣ только увидитъ, что онъ

1) Три мѣсяцѣ ясныхъ, три молодцѣ красныхъ.

2) Три зирочки ясныхъ, три дѣвочки красныхъ.

3) Первый мѣсяченько—молодой (имя-рекъ).

4) Первая зирка—молода (имя-рекъ).

5) Ой выйду я за ворота, гуляю, гуляю,
Якъ бѣлая лебедочка по тихимъ Дунаю.

Ой выйду я на ярочокъ та пушу голосочокъ:

Нехай мене той зачуетъ, що въ поле ноче...

И се село и те село, мени не весело,

Тильки мени веселенько, де мое серденько.

(Чуб. III. 166—167).

6) Молодци и дѣвчата стали говорити:

Що такъ часто на вулицю почавъ я ходити.

Уся челядь догадалась, чого я зитхаю,

И тепера уси знають, котру я кохаю.

(Чуб. V. 25).

7) Якъ пійде пидъ скрипочку то й не надивався...

Нема красоч дѣвчини, якъ моя Маруса!

Якъ пійде пидъ скрипочку ще й платочкомъ махне,

Такажъ моя Маруса ажъ рожою пахне.

(Чуб. V. 37).

8) На нашей на вулиці

Все купали молодци,

Ой нема, нема найкупавшого

Надъ Ивана надъ нашего.

(Чуб. III. 201).

9) Ой Василю, Василю, любая дитино!

Якъ ти їдешъ сивимъ конемъ, дивитися мило.

10) Ой Василю, Василечку, хорошій стане,

Съ кимъ я въ гости пійду, якъ тебе не стане!

(Чуб. V. 14).

11) Ой я сплю, мильй снитися,

Душа-жъ моя веселитися,

идеть, ей показывается, что солнышко всходить ¹⁾. Онъ, съ своей стороны, полюбивши дѣвицу, воображаетъ себя, какъ бы онъ ее ласкалъ, берегъ и баловаль, если бы она стала его подругою ²⁾.

Цѣлую ночь гуляетъ на улицѣ челядь и расходится уже свѣтомъ ³⁾, когда проснутся работающіе люди и въ селѣ начнется доеніе коровъ ⁴⁾. Молодецъ, залюбезничавшись съ дѣвицею, не въ силахъ отъ нея оторваться, какъ и она отъ него ⁵⁾, пѣтухи ночные поютъ одинъ за другимъ, а онъ все продолжаетъ стоять съ нею и только тогда, когда наступитъ ясный день, пожелаешь ей доброй ночи ⁶⁾, а удалившись домой, никакъ не можетъ удалить отъ себя ночныхъ воспоминаній и самъ себя не слышитъ ⁷⁾. Пока еще онъ не успѣлъ отдать свое чувство исключительно одной, его сердце, по выраженію пѣсни, разбивается на двѣ половины. Двѣ дѣвицы разомъ ему нравятся. Одна—дальше, другая—поближе. У молодца происходитъ внутреннее бореніе, а потомъ и рѣшимость: ту, которая отъ него подалше, онъ подаритъ людямъ, а къ другой, которая поближе, пойдетъ самъ ⁸⁾. Если одна изъ этихъ дѣвицъ богата, другая убога—предпочтѣннѣе отдается послѣдней ⁹⁾. Если же молодецъ начнетъ ухаживать за дѣвицею только ради опыта и станетъ хорохориться передъ нею, то подвергается несправедливости быть разгаданнымъ, и дѣвица скажетъ ему, что коли онъ ее любить такъ, какъ увѣряетъ, то можетъ сватать ее ¹⁰⁾, а иначе долженъ отцѣпиться отъ нея, и

Прокинулся—ажъ не мае,
Ажъ серденько замирае.

(Чуб. V. 13).

¹⁾ Я-жъ думала, що сонечко сходитъ,
Ажъ то милій по риночку ходитъ.

(Чуб. V. 40).

²⁾ То-бъ я ѣи цюловавъ, миловавъ,
И до печи куховарочку нанявъ,
И самъ-бы я по водницю ходивъ,
А Одарю та за ручечку водивъ.

(Чуб. V. 34).

³⁾ Цѣвли лозы при дорозѣ синенькимъ цвѣтомъ,
Иде козакъ изъ улицѣ бѣлесенькимъ свѣтомъ...

⁴⁾ Нова церква, нова церква, а стари пороги,
Тогди козакъ видъ дивки йде якъ доять корови.

(Чуб. V. 93).

⁵⁾ Ой якъ менѣ, козаченьку, раненько ходити
Бо якъ визмешъ за рученьку—не мусишъ пустити!
Таку-жъ бо я дѣвичиненьку натуроньку маю,
Якъ зійдуся изъ тобою—про все забуваю.

⁶⁾ Куроньки піють, я зъ дивчиною стою,
На день займае, на добраничъ даю.

(Чуб. V. 36).

⁷⁾ Люблю дивчину, та й трудно ѣи забути,
Прійду до дому—самъ себе не чути!

(Ibid.).

⁸⁾ Одна гора високая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.

А я тую далекую людямъ подарю,
А до сєи близьенькон самъ помандрую.

(Чуб. V. 38).

⁹⁾ Багатая губатая, та ще й къ тому пышна,
Убогая хорошая якъ у саду вишня...
Великая худоба то серденьку досада,
А хорошая дружина то серцю одрада.

(Чуб. V. 496—497).

¹⁰⁾ Не козерись, парубоньку, и не копыль губу;

Коли любишъ такъ якъ кажешъ, то веди до шлюбу.

(Чуб. III. 178).

если онъ станетъ передъ нею говорить, что радъ бы жениться, да не велать родители ¹⁾, то она скажетъ: коли не велать, такъ и не таскайся на нашъ край на улицу ²⁾. Она еще пригрозитъ ему, что расскажетъ о его уязвленіи около нея всей челяди, чтобы про него сложили веснянку и приложили бы ему какое-нибудь прозвище ³⁾. Не то отрѣжетъ ему и почище ⁴⁾. Даже мать молодца станетъ корить его, если узнаетъ, что онъ ради шутки уязвляеть за дѣвучкою ⁵⁾. Любовныя свиданія и взаимныя нѣжности молодца и дѣвицы изображаются въ народныхъ пѣсняхъ съ усвоенными въ народной поэзіи приѣмами, часто повторяющимися, хотя и съ нѣкоторыми разнообразіемъ. Вотъ молодець бродитъ около хаты, гдѣ живетъ дѣвица, и дожидается, пока у нея въ хатѣ погаснетъ свѣча и улягутся ея родители: тогда она выйдетъ къ нему ⁶⁾. Вотъ онъ стоитъ подь окномъ, окутавшись свитою съ капюшономъ, согнулся, ожидаетъ, пока выйдетъ его Маруса ⁷⁾. Онъ проситъ выйти скорѣе, поговорить съ нимъ, пусть сойдутся они какъ мѣсяць съ звѣздою ⁸⁾. Постой, милый, говорить она: вотъ я матушкѣ старой изготавлю ужинать, постелю бѣлую постель, тогда выйду и развеселю тебя ⁹⁾. Вотъ она вышла, наконецъ; какъ звѣзда вечерняя освѣтила все поле, такъ она взвеселила сердце молодецкое ¹⁰⁾. Впрочемъ, трудно бываетъ матери удержать дочь, когда она искренно полюбитъ молодца. Хоть построй мать для нея особую комору, хоть запирай ее замками, хоть поставь

1) Ой радъ бы я шлюбъ узати
Та не велить мати. (Ibid.)

2) Якъ не велить, то й не ходи
На нашъ край гуляти. (Ibid.)

3) Ой скажу всѣмъ, щобъ про тебе
Веснянки спивали,
Що бъ призвища та прикладки
Тоби прикладали! (Чуб. Ш. 179.)

4) Ще я такихъ дуринь зъ роду не видала,
Я такими дурнями тымъ видирала.
У городѣ бузина, на йй листу нема;
Не ходи, не люби, коли хисту нема! (Чуб. V. 176.)

5) Ой грихъ, синочку, въ недиленьку синдати
А ще гиршій грѣхъ зъ сироты ся сміяти. (Чуб. V. 390.)

6) Ходить сорока коло потока тай краче! тай краче!
Ходить Микола коло виконця та й плаче! та й плаче!
Вийди, Наталко, вийди серденько, та й вийди! та й вийди!
Свѣчечка горить, то батенько не спить,—не вийду! не вийду!
Свѣчечка згасне, батенько засне, то й вийду! то й вийду!
(Чуб. V. 139.)

7) Чи не цей-то Микитка, що по локти свитка?
Пидъ виконцемъ зигнувся, чи не вийде Маруса. (Чуб. V. 67.)

8) Вийди, вийди, молада дѣвчино, поговору зъ тобою
Якъ мисяць зъ зорою. (Чуб. V. 18.)

9) Чекай, парень, годину,
Нехай свой неньця старій вечероньку зготую,
Билу постель постелю.
Тоди я, молоденька, на всю ниченьку вийду. (Чуб. V. 18.)

10) А зиронька зійшла, усе поле освитла,
А дивчина вийшла, козаченька звеселила. (Чуб. V. 76, 134.)

она караульных наблюдать за дочерью... дочь все-таки найдетъ способъ выско-
чить и проведетъ ночь съ милымъ своимъ въ вишневомъ садикѣ ¹⁾, или въ
теплой рощѣ ²⁾, либо же украдетъ у матери ключи и выпуститъ къ себѣ мо-
лодца ³⁾. Дѣвица блаженствуетъ съ милымъ, сравниваетъ себя съ кукушкой, а
его съ соловьемъ ⁴⁾. Дорожа своимъ счастьемъ, молодецъ допрашиваетъ ее: лю-
бить ли она его, не разлюбитъ ли? Дѣвица увѣряетъ его въ своей любви, со-
знаетъ, что у ней нѣтъ ни серебра, ни золота, ничего, кромѣ любви къ молодцу.
Молодецъ отвѣчаетъ, что ему и не нужно золота: онъ приобрететъ его, а нужно
ему любимую дѣвицу ⁵⁾. Молодецъ толкуетъ ей какъ будетъ хорошо, когда она
станетъ его женою, матерью дѣтей его, слугою родителей его, а между близ-
кими сосѣдями хозяйкою ⁶⁾.

Дѣвица увѣряетъ, что ихъ никто никогда не разлучитъ, кромѣ смерти ⁷⁾.
Иногда, проникнутые мечтательностью, такъ свойственной вообще малорусской
натурѣ, они собираются разомъ умирать, чтобы ихъ вѣстѣ положили въ одной
могилѣ и тамъ бы они вели между собою бесѣду ⁸⁾.

¹⁾ Збудуй менц, мати, комору нову,
Та замкнай мене, молодую,
Комора нова, сторожа стояла,
А я молода в садю ночувала.
Ночувала ничку в вишневим садочку
А съ тобою свий голубочку. (Чуб. V. 341).

²⁾ Ночувала другу в теменьким лугу,
Я съ тобою не звинчана буду. (Ibid.).

³⁾ Вирала ключи дѣвчинонька, мати не почувала,
Вона жъ свого миленького до себе кликнула. (Чуб. V. 136).

⁴⁾ Ой прилетивъ соловейко, щибече гарненько,
Якъ прѣхавъ мий миленькій—гулять веселенько!
Нехай тобі зозуленька, мени соловейко,
Нехай тобі тамъ легенько, где мое серденько.
Мени буде соловейко рано щибетати,
Тобі буде зозуленька раненько кувати. (Чуб. V. 73).

⁵⁾ „Не маю я срибла, не маю злота;
„Опричъ любви що къ тобі маю.
„Я всимъ убога—того не таю“.
— Не треба жъ мени злота—я в самъ придбаю.
— А треба дивчини, що я кохаю. (Чуб. V. 77).

⁶⁾ Будешъ ты мени жоною,
А моему батеньку слугою,
Мой матерци другою,
Мои дѣткамъ маткою,
Близкимъ сусидамъ панею. (Чуб. III. 177—178).

⁷⁾ Насъ не розлучитъ матуся твоя...
Хиба насъ розлучитъ сырая земля.
Насъ не розлучитъ ни пилъ, ни громада,
Хиба розлучитъ сосновая хата. (Чуб. V. 80).

⁸⁾ Якъ ты умрешъ а зъ вечора, то я умру рано,
Скажемо-ся поховати обидвое в одну яму;
Скажемо-ся поховати вкупу головами,
Щобъ була розмовонька на темъ святи межъ нами! (Чуб. V. 78).

Влюбленные угощают друг друга лакомствами. Маруся выходит из своего дома къ возлюбленному съ орѣшками ¹⁾). Молодець зимою подходит къ окну своей возлюбленной съ чашею меда въ рукѣ и жалуется, что она медлитъ выходить къ нему; ей тепло расказывать по свѣтлицѣ, а ему свѣгъ забиваетъ глаза, чаша съ медомъ отъ мороза пристаётъ къ рукавъ ²⁾). Свиданія происходятъ обыкновенно ночью, чтобъ люди ихъ не увидали и не стали разлучать ³⁾). Дѣвица проситъ козака не подвергать ее безславію и настаиваетъ, чтобъ онъ поскорѣе ее сваталъ ⁴⁾).

Оригинальная черта въ малорусской народной жизни—жениханье, обычай, состоящій въ томъ, что молодые люди обоого пола ложатся вмѣстѣ, любезничаютъ и часто засыпаютъ во взаимныхъ объятіяхъ ⁵⁾). Это обычай старый и не разъ приводилъ онъ въ удивленіе и возбуждалъ порицаніе тѣхъ, которые его наблюдали, не будучи сами малоруссами; но всего удивительнѣе казалось всегда то, что при такомъ близкомъ обхожденіи между собою двухъ половъ, рѣдко нарушалось цѣломудріе дѣвицъ. Малорусскія дѣвицы слишкомъ берегли свою честь, потому что за потерю чести жестоко преслѣдовало общественное мнѣніе, а по свадебному чину существовали такіе обряды, которые не допускали скрыть отъ другихъ прежде содѣянный грѣхъ, который наказывался унижительными насмѣшками и поруганіями, даже и тогда, когда бы самъ новобрачный призналъ, что грѣхъ содѣявъ съ нимъ. Такія жениханья происходятъ обыкновенно лѣтомъ на улицахъ, гдѣ послѣ общаго гулянья, пѣнія, музыки и плясокъ молодежь расходится парочками, улегаются гдѣ попало, иногда подъ кустами, подъ мельницами или другими сельскими постройками, а иногда просто на дорогѣ ⁶⁾). Осенью и зимою вмѣсто улицъ отправляются вечерницы или досвѣтки, такія же сборища, какъ и лѣтнія улицы, только происходящія въ хатѣ. Обыкновенно хозяйками такихъ хатъ бывають вдовы, преимущественно солдатки. Такая женщина пускаетъ къ себѣ въ хату молодежь: тамъ нерѣдко пьютъ вино и готовятъ ужинъ, состоящій чаще всего изъ ячичницы, жареныхъ куръ и колбасъ, поютъ и пля-

1) И Маруся выходит и горішки выносить,
Чи горішки кусати, чи Марусю цілувати? (Чуб. V. 67).

2) Добре тобі, дивчино, по свитлонці ходити,
Мени тяжко, на морози стоючы,
Чашу зъ медомъ держучи.
Чаша зъ медомъ до рукъ прилипає,
Чернии очи снігъ замигає. (Чуб. V. 18).

3) „Не ходи въ день, не смѣши людей,
Приходь у ночи при ясній свѣчи,
Що бь на насъ люде не говорили,
Що бь насъ зъ тобою не розлучили“. (Ibid.).

4) Сватай мене, козаченьку, та не вводи мене въ славу. (Чуб. V. 52).

5) Дай менѣ, миленькій, повечеряти,
Повечерявши да ляжемо спати,
Будемо, миленькій, правду казати.

6) Стелить, стелить молода дивчина
Биду постіль въ дорозі,
Твердо стелить, а м'ягко лежати,
Люблю зъ нею розмовяти. (Чуб. V. 110).

шуть подь сельскую музыку. Хозяйка хаты носить всегда названіе «досвѣтчаня маты». На взаимное угощеніе участники дѣлають складчину, а хозяйка получаеть известную долю по уговору въ свою пользу за хлопоты и труды. Послѣ гулянья молодцы и дѣвицы располагаются гдѣ попало на землѣ и женихаются, лежа вѣсть попарно ¹⁾. Дѣвицы на такія сборища отправляются подь благовиднымъ предлогомъ прясть и каждая беретъ съ собою прядево и гребешъ, но, само собою разумѣется, работа идетъ плохо ²⁾. Каждая выглядываетъ своего милаго ³⁾; кто кого любитъ—стремится къ своему предмету ⁴⁾, обвиняются, цѣлуются и наконецъ укладываются ⁵⁾. Если какой-нибудь молодець отвертывается отъ дѣвицы, то это знакъ, что не любитъ и презираетъ ее ⁶⁾. Вообще стараются, чтобы всѣ были парами, третьему между двухъ быть неумѣстно ⁷⁾. Не только на улицахъ и досвѣткахъ происходитъ жениханье. Въ одной нѣсвѣ дѣвица впускаетъ къ себѣ возлюбленнаго тайкомъ отъ родителей ⁸⁾. Въ другой, козакъ добивается, чтобы дѣвица пустила его къ себѣ на ночь, а дѣвица сначала отговаривается, что боится утратить ласки матери ⁹⁾, потомъ соглашается съ условіемъ, чтобы молодець не номялъ ей руты ¹⁰⁾, т. е. не нарушилъ цѣломудрія. Въ строго-нравственной семьѣ дѣвица приглашаетъ въ гости своего возлюбленнаго и предупреждаетъ, что можно говорить между собою только шопотомъ, чтобы мать не услышала ¹¹⁾. Такая мать не пускаетъ дочери на улицу и

- ¹⁾ Ой стелитъ моя чорнявая билу постель для мене.
Ой стеле вона два подушки а третю перину. (Чуб. V. 55).
- ²⁾ Де ходивъ, то ходивъ, прійшовъ пидь виконце:
Свидите, прядите, дивки, волоконце.
А Оксана не приде, на Ивася дметься,
Вона ёго впрно любить до его сміється! (Чуб. V. 109).
- ³⁾ Яжъ думала чужій иде та стала коваться,
Ажъ то мое серденько иде цѣловаться. (Чуб. V. 56).
- ⁴⁾ Сядь, Грицю, коло мене, ще й нижечки видгорни,
Я жъ тебе поцилую, а ти мене обійми.
Обійми жъ ты мене, мое серденьято,
Поцилуй же мене, якъ мати дитятко. (Чуб. V. 56).
- ⁵⁾ Ой дѣвино, бѣдна сирото,
Не стели мени постели широко,
Постели мени постель вузеньку,
Та й пригорнися до мене близенько! (Чуб. V. 399).
- ⁶⁾ Ой знати знати хто зъ кого кпиться,
Далево сидае, чортомъ дивиться.
- ⁷⁾ Ой десь стоить парочка, любял розмова,
Ой якъ третій умишається, то й потерається,
Якъ четвертый прибуде, то все гараздъ буде. (Чуб. V. 105).
- ⁸⁾ Ой прійди, прійди, впушу до кимнаты,
То закажу всимъ въ хати, щобъ не знала мати.
Ой якъ впускала—тяженько вдыхала,
Ой якъ выпускала—то й плакати стала. (Чуб. V. 44).
- ⁹⁾ „Ой добры-вечоръ, дивчинонько, пусти мене на ничъ,
— Ой боюси, козаченьку, бо я сама плачу.
Ой я въ своїй матусеньки певне ласку втрачу. (Чуб. V. 130).
- ¹⁰⁾ Прошу тебе, козаченьку, не толочъ ми руты. (Голов. I. 84).
- ¹¹⁾ Прійдешъ, козаче, сей вечиръ до мене.

на досвѣтки и дѣвица говоритъ своему милому, что только тогда они будутъ неразлучны, когда повѣчаются ¹⁾).

Но есть матери, гораздо снисходительнѣе относящіяся къ молодежи и ея увлеченіямъ. Дочь поручаетъ матери готовить ужинъ, а сама собирается спать, и говоритъ, что тотъ, кому она мила, самъ придетъ въ ея хату ²⁾). Другая мать сама научаеъ дочь, какъ привлечь къ себѣ и наставляеъ ее въ приѣмахъ любовнаго дѣла ³⁾). Однако такимъ матерямъ бываетъ награда за такіе уроки, когда придется имъ сидѣть за печью и качать внуковъ ⁴⁾).

Такія матери воспитали легкомысленный взглядъ на жизнь у дѣвицъ: женитанье съ разными молодцами попережѣнно не представляется предосудительнымъ. Дѣвица приглашаетъ пѣлый кружокъ молодцовъ къ себѣ на ужинъ, общаая притомъ и перину съ подушками ⁵⁾). Оттого въ пѣсняхъ попадаются такіа черты, гдѣ дѣвица не сердится на милаго, зная, что онъ ночуетъ съ другою, лишь бы только опять къ ней обратился ⁶⁾, а также и парубокъ дозволяетъ своей возлюбленной полюбезничать съ другимъ молодцомъ, только просить не быть съ этимъ другимъ такъ откровенною, какъ съ нимъ ⁷⁾, а уходящій въ

Зготувала стара мати вечерю для тебе,
Якъ прийдешъ до мене, сядь соби на лавци,
Та будемъ розмовляти, щобъ не чула мати.

(Чуб. V. 137).

¹⁾ Ой рада бъ я выйти, такъ неволенька моя,
Не пускають гулять, що я молода;
Не пускають, не велать

Изъ тобою, серденько, стоять;
Ой поможи, Боже, намъ на рушнику стати,
Тоди не розлучить ни батько, ни мати.

(Чуб. V. 131).

²⁾ Вари, мати, вечеряти, а я ляжу спати;
А хто мени любній-милий, най иде до хати.

(Чуб. V. 87).

³⁾ „Що то, моя мати, за пташокъ гѣтае?“

— Дай же ему принадочку, нехай привыкае.

„Якъ жъ ему, моя мати, принадочку дати?“

— Силь пшеници по колінця, водици по крыльця.

„Козакъ, мати, коло двора кругомъ обѣзжае,

„Та на мой воритечка коня наvertsае“.

— Давай, дочко, принадоньку, нехай привыкае.

„Яку жъ ему, моя мати, принаду давати?“

— Стели, дочко, билу постиль, лягай изъ нимъ спати.

— Одну ручку въ головочку, другою обняти,

— Пригорнувшись до серденька дай подцлувати.

(Чуб. V. 68).

⁴⁾ Оть то тобѣ, моя мамцю, за твою науку,

Сиди соби у запичку, колыхай увуку.

(Чуб. V. 69).

⁵⁾ Якъ любила кавалеривъ, такъ любити буде...

Тамъ дивчина кавалеривъ на вечерю просить,

Просить вона на вечерю и рыбку лининку,

На пухову подушечку, биленьку перинку.

(Чуб. V. 50).

⁶⁾ Десь мій милий, чорнобривий зъ иншою ночуе?

„Ночуй, ночуй, мій миленькій, да й не зазнавайся;

Ой якъ выйдешъ на улици, до мене привжайся“.

(Чуб. V. 85).

⁷⁾ — Пригортайся, дивчинонько, къ другому такому,

— Та не кажи теи правды, шо мени самому.

военную службу молодецъ предоставляет своей дѣвицѣ гулять попрежнему со всѣми, съ кѣмъ захочетъ, только не съ москалями, вѣроятно потому, что тѣ, не зная малороссійскихъ обычаевъ въ ихъ внутреннемъ смыслѣ, могутъ ихъ употребить во зло ¹⁾. Впрочемъ, такія черты легкомысленнаго обращенія половъ въ народныхъ пѣсняхъ не часты; чаще представляется, что парубки съ дѣвцами женихаются, въ надеждѣ соединиться вѣчными узами супружества. Такъ молодецъ говоритъ, что онъ ночевалъ съ дѣвицею, которую хотѣлъ посватать ²⁾, а дѣвица въ одной веснянкѣ на вопросъ козака: будетъ ли она принимать его къ себѣ на ночь, отвѣчаетъ: какъ принимала съ осени, такъ будетъ и теперь, что указываетъ на постоянство связи и на ея продолжительность.

Обычная и часто повторяющаяся черта въ малорусскихъ любовныхъ пѣсняхъ — жалобы на враговъ, разными средствами затѣвающихъ разлучить любящихся. Первыми такими врагами бывають нерѣдко родители дѣвицы. Она жалуется своему возлюбленному, что мать грозитъ ее бить за то, что она полюбила молодца, и затѣмъ проситъ козака не ходить болѣе къ ней ³⁾. Козакъ проситъ свою Катрусю выйти на крыльцо и поговорить съ нимъ, а дѣвица отвѣчаетъ, что мать не пускаетъ ее къ нему ⁴⁾.

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ появленіе враговъ у молодыхъ людей, между которыми возникаютъ любовныя отношенія. Начинають за ними присматривать родные и близкіе съ обѣихъ сторонъ, нѣтъ недостатка и въ совѣтничкахъ, которые стараются вооружить противъ ихъ союза родителей. Поднимаются также толки и сплетни. Являются, кромѣ того, соперники и соперницы. Дѣвица жалуется, что за нею подглядываютъ и ей невозможно черезъ враговъ ходить на

„Ой якъ мени, козаченьку, правды не казати,

„Ой якъ стане пригортати, то стане питати“.

(Чуб. V. 73).

¹⁾ „А чи мени за мужъ ити, чи гуляти?

— Гуляй, молода дивчино, якъ гуляла,

Збирай челядоньку, якъ збирала,

Наймай музиченьки, якъ наймала,

Топчи черевички, якъ топтала.

Да не гуляй, молода дивчино, зъ москалями:

Москальчики — обманщики, вони обманять.

У нову комирочку запровадять,

Вони твою русую косу рестрѣпають,

Вони твої білі руки поламають,

Вони твою білу постіль помирають.

(Чуб. V. 304).

²⁾ Де жъ ты, козакъ, сю нічъ ночувавъ, що й не роззувався?

— Ночувавъ я нічку, ночувавъ я й другу

— То все въ тѣ дивчиноньки, що сватати буду.

(Чуб. V. 67).

³⁾ „Дивчинонько моя мила,

За що жъ тебе мати била?“

— Ще не била, ще не била, хваллася бити,

— Ой перестань, козаченьку, тай до мене ходити. (Чуб. V. 136).

⁴⁾ — Катрусю, сердечко! Вийди на крыльцо,

— Вийди на крыльцо, промовъ хоть словечко...

„Не вийду, Иваню, мене мати лає,

„Мене мати лає, гулять не пускає.

(Чуб. V. 135).

улицу ¹⁾). Съ своей стороны жалуется молодецъ, что враги не допускаютъ его проникнуть къ милой ²⁾). Дѣвица прячется съ своей любовью и отъ враговъ и отъ матери; зазавши молодца къ себѣ, раньше всѣхъ встаетъ, чтобы замести слѣды своего милаго и не дать врагамъ повода осуждать ихъ, а матери своей проклинать ее ³⁾). Недоброжелатели стараются между влюбленною парюю посѣять раздоръ: наговариваютъ дѣвицѣ, будто ея возлюбленный полюбилъ другую дѣвушку ⁴⁾, а молодецъ отъ людей слышитъ, будто съ его дѣвицею проводить ночи кто-то иной ⁵⁾). Молодецъ и дѣвица взаимно увѣряютъ другъ друга, что все это выдумали враги, и въ раздраженіи противъ враговъ дѣвица сравниваетъ ихъ съ лаящими собаками ⁶⁾, которыя, однако, ничего ей не могутъ сдѣлать, когда она выйдетъ замужъ ⁷⁾). Приходится, однако, дѣвицѣ предупреждать молодца, когда ему угрожаютъ враги ⁸⁾, а ему—ускользнуть отъ нихъ и прятаться въ траву ⁹⁾). На улицахъ поднимаются иногда между молодцами драки. Въ одной пѣснѣ парубокъ угрожаетъ, что кто прикоснется къ его дѣвицѣ, тому онъ изломаетъ руки и ноги ¹⁰⁾. Въ другой пѣснѣ двое молодцовъ ходили на вечеринцы къ одной и той же дѣвушкѣ и разсудили, что лучше приказать сдѣлать гробъ и одному изъ нихъ достанется этотъ гробъ, а другому дѣвица молодая ¹¹⁾. И дѣвицѣ бываетъ не безопасно отъ враговъ: въ одной пѣснѣ, молодецъ зоветъ ее

¹⁾ Затопила, закурила сырыми дровами,
Нельзя выйти на улицу да й за ворогами.

А я тыи сыри дрова та й повыкидаю;
Вже вороги спать полягли, пойду погуляю.
Хоть полягли, не полягли, дакъ не будуть спати,
Вони будуть прислухаться—съ кимъ буду стояти,
Съ кимъ буду да стояти, да що говорити. (Чуб. V. 262).

²⁾ Ой радъ бы я прийти, радъ бы я прихати,
Кругомъ тебе стоять вороженьки, да никуды обминати. (Чуб. V. 291).

³⁾ А я встану равесенью слиду замитати,
Що бъ не знали вороженьки ще й ридная мати,
Якъ узнають вороженьки—будуть осуждати.
Якъ узнае ридна мати—буде проклинати. (Чуб. V. 128).

⁴⁾ Ой я чую черезъ люди, що ты иншую кохаешъ. (Чуб. V. 125).

⁵⁾ Тее я та скажу, що видъ людей чую,
Що у тебе, дивчинонько, инший вочуе. (Чуб. V. 127).

⁶⁾ На що мени собаки тримати,
Есть въ мене сусидоньки, що вміють брехати. (Чуб. V. 126).

⁷⁾ Брешить, брешить, вороженьки, най буде Богъ зъ вами!
Я молода, пійду за межъ—товчить головами. (Ibid.).

⁸⁾ Тикай, тикай, козаченьку, хотять тя злппати. (Чуб. V. 127).

⁹⁾ Козакъ молоденькій та й того злякався,
Хильци, хильци по-пидь-плотомъ, та й въ зилля сховався. (Ibid.).

¹⁰⁾ — Нехай мойей дивчиноньки никто не займае—
Бо хто йи займе, биду соби знайде:
Бо поломаю руки, ноги, до дому не зайде. (Чуб. V. 111—112).

¹¹⁾ Ой якъ мы будемъ до одной ходити,
Наймемо соби тесника домовину зробити.
Ой одному буде домовина новая,
А другому буде дивка молодая! (Максим, изд. 1827, стр. 114).

къ себѣ, а она отвѣчаетъ, что стоитъ врагъ и хочетъ убить ее ¹⁾. Матери, которая дозволяетъ дочери половину ночи проводить на улицѣ ²⁾, дочь говоритъ, что на нее находить безславіе, какъ черная туча, но она перенесетъ эту невзгоду, зная, что какъ за тучею слѣдуетъ громъ и наконецъ дождь, такъ и дѣвица не выходитъ замужъ, чтобъ не испытать клеветы и сплетенъ отъ враговъ ³⁾. Ахъ, враги, враги!—говоритъ дѣвица: сходитесь себѣ въ бесѣду, пейте, гуляйте, только не разлучайте тѣхъ, что уже сошлись въ пару, а напротивъ, сводите въ пару тѣхъ, что еще не сошлись ⁴⁾. Иногда препятствіе къ соединенію любящихъ другъ друга исходитъ отъ родни молодца; такъ въ одной пѣснѣ молодецъ говоритъ своей дѣвицѣ, что онъ радъ бы жениться на ней, но мать его не велитъ ⁵⁾, а въ другой пѣснѣ говоритъ, что сестра его отговариваетъ ⁶⁾. Чаще всего, однако, мать дѣвицы бываетъ причиною разлуки, и въ одной пѣснѣ, обращаясь къ суровой матери, которая колотитъ ее за любовь къ молодцу, дѣвица проситъ лучше повести ее къ рѣкѣ и утопить ⁷⁾. Или же грозятъ самоубійствомъ, если ее станутъ отдавать насильно замужъ ⁸⁾. Преслѣдованіе влюбленныхъ доводитъ ихъ до мечтательнаго желанья смерти. Молодецъ, которому враги-сосѣди не дозволяютъ ходить къ своей милой, собирается умирать и проситъ свою дѣвицу посѣтить его могилу на берегу моря, но не махать рукою, когда его станутъ класть въ гробъ, чтобъ не узнали враги, что они любили

¹⁾ — Выйди, дивчино, поговоримо зъ тобою!

„Ой якъ я маю зъ тобою говорити:

„Стоитъ воржененько, хоче мене забити!“

(Чуб. V. 132).

²⁾ Піють пивни, піють други, а дочка не має,

Нехай наша дочка молода трохи погулає.

(Чуб. V. 143).

³⁾ Пидъ монни воротами чорна хмара стала;

А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,

Перебула поговирь, перебуду неславу.

Ой не піде дробень дощикъ безъ хмары, безъ грому,

Ой не піде дивка за-мижъ та безъ поговору.

(Чуб. V. 144).

⁴⁾ Прошу, вороги, на беседу къ соби,

И пейте и їжте и беседуйте,

Где двое стоять не розлучайте,

А хто безъ пары—пары шукайте.

(Чуб. V. 149).

⁵⁾ А радъ бы я тебе взяти,

Та не каже рідна мати.

(Чуб. V. 57).

⁶⁾ Не беря, брате, дивча—безъ доли зросла,

Безъ долъ зросла, безъ счастья родилася,

Вона тобі, брате, дружиною не судилася.

(Чуб. V. 312).

⁷⁾ Ой не бій, мати, и не лай, мати, не роби каличеньки,

Зав'язи очі темною ночью, тай веди до риченьки,

А якъ приведешъ ти до риченьки, розв'язи карі очі,

Та нехай же я та й подивлюся, зъ святомъ Божиимъ попросався.

(Чуб. V. 146).

⁸⁾ Ахъ волю сама собѣ смерть зробити,

Якъ въ богатствѣ зъ нелюбомъ жити...

Не дала-сь, мати, его любити,

Не буде твоя дочка въ свѣтѣ жити.

(Чуб. V. 259).

другъ друга и не кидать земли на гробъ его, потому что подъ землею тяжело ¹⁾.

Встрѣчается только въ одной пѣснѣ такая черта, что молодець, полюбивши дѣвицу, не рѣшается сватать ее потому, что она бѣдна, а бѣдная дѣвица съ презрѣніемъ относится къ такому искателю ея любви ²⁾. Но чаще въ пѣсняхъ молодець, сообразно усвоенному въ народѣ нравственному воззрѣнію, не думаетъ о приданомъ ³⁾ и даже съ пренебреженіемъ относится къ богатымъ дѣвицамъ, обличая ихъ въ лѣни и склонности къ нарядамъ изъ желанія прельщать мужчинъ ⁴⁾.

Въ другой пѣснѣ молодець, встрѣтивши рыжую и некрасивую дѣвицу, которая хвалится тѣмъ, что она дочь богача и чванится вывѣшеннымъ на груди червонцемъ, смѣется надъ нею ⁵⁾.

Есть черты, что бѣдная дѣвушка не хочетъ выходить за богатаго изъ-за того, чтобъ онъ впоследствии не пожалѣлъ и родители его не были недовольны такимъ союзомъ ихъ сына ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица бѣдная отвергаетъ руку

¹⁾ ... Сусиди близкіи, вороги тяжкіи,
Не велять ходити, дивчини любити,
А я ѣи люблю и зъ любочивъ возьму
А въ скорости помру...

А моя могила край сивѣго моря,
Прійди подивися, любая розмова,
Якъ будуть въ труну класти, не махай рукою:
Скажуть вороженьки що я живъ съ тобою!
Ой якъ будуть въ гробъ пускати, не кидай землѣю,
Бо, ты сама добре знаешь, якъ тяжко лидъ нею. (Чуб. V. 147—148).

²⁾ — Ой коли бъ ты, дивчинонько, трошки багатенька —
То взявъ би тебе до себе до свого батенька! —
„Ой якъ би жъ я, козаченьку, трошки багатенька,
„Наплювала бъ я на тебе й на твого батенька“. (Чуб. V. 115).

³⁾ Ты думаешь, ти любляться, що багато грошей,
Я молодой я здоровый, ще къ тому й хорошой.
Буду вставать я раненько, буду заробляти,
Ты не будешь, дивчинонько, ни въ чимъ нужды знати. (Метл. 65).

⁴⁾ Засватавъ я вбогу дивку, нехай багаче плаче,
Бо багачка, вража дочка, не хоче робити:
Начиплае кораликивъ, що бъ ѣи любити.
Начиплае кораликивъ на билую шію,
Люби мене ты, Семене, або ты, Василю. (Чуб. V. 113).

⁵⁾ Хотя я руда и погана
Такъ мій батько багачъ.
Чорты вбили бъ твого батька
Зъ твоимъ багачемъ,
Твои воли выдыхають.
Ты погана зъ дукачемъ.

⁶⁾ Теперь ты скажешь: зиронька ясна!
А потимъ скажешь: доленька безсчастна.
Хочъ не ты скажешь, скаже твоя мати:
Було бъ тоби убогой не брати.

богача и съ гордостью указываетъ, что вмѣсто всякихъ матеріальныхъ богатствъ дорожить своей дѣвической честью ¹⁾).

ГЛАВА II.

Разлука.—Тоска дѣвушки безъ молодца.—Тоска молодца въ разлукѣ съ милою.—Смерть козака при участіи дѣвицы.—Бѣгство дѣвицы съ молодцомъ.—Дѣвица въ отсутствіи милого выходитъ за другого.—Потеря дѣвической чести.—Отношенія соблазнителя къ дѣвицѣ.—Чары.—Отравы.

Разлука любящихъ другъ друга изображается въ пѣсняхъ чаще всего по поводу отъѣзда молодца въ чужую сторону. Это естественно въ тѣ времена, когда козацкая служба отвлекала здоровыхъ и молодыхъ людей къ походамъ и битвамъ. Вотъ молодецъ отправляется въ походъ. Ему не мило отрываться отъ своей мирной домашней среды; его положеніе сравнивается съ сухимъ (безлиственнымъ) дубомъ, которому велать развиваться въ морозное утро, но козакъ пересиливаетъ себя ²⁾. Дѣвушка, которая прильнула къ нему, какъ сѣдъкъ въ мятель прилипаецъ къ дереву, провожаетъ его ³⁾. Она ведетъ ему и сѣдлаецъ коня, подаетъ ему стрѣлы и лукъ; даетъ ему въ воспоминаніе о себѣ бѣлый платокъ. Козакъ покроецъ имъ сѣдло, а когда платокъ запылится—это будетъ ему знакомъ, что дѣвица безъ него тоскуецъ ⁴⁾. Заботясь о своемъ миломъ, дѣвица заявляетъ страхъ, что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ постигнетъ его недугъ и некому будетъ безъ нея ухаживать за нимъ ⁵⁾. Молодецъ обвиняецъ и цѣлуецъ

¹⁾ Ой чи ты, багачу, зъ розуму зступаецъ,
Ой що ты мене за присивки пытаецъ?
Въ мене присивокъ—на городи барвинокъ,
Въ мене стижочокъ—на голови виночокъ. (Чуб. V. 124).

²⁾ Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде!
Убирайся, гохий хлопче, завтра походъ буде!
Я морозу не боюся, вранцѣ розвивюся,
Я походу не боюся, зараць уберуся.

³⁾ Ой якъ тая метелица до дерева липне,
Иванъ коня наповае, а Палажка хлипне.
Иванъ коня наповае, а Палажка плаче,
Ой куды жъ ты одѣжаецъ, сердце козаче! (Чуб. V. 288).

⁴⁾ Ой вивела коня, взяла, привязала,
И вынесла сиделечко, взяла, осидлала,
Вывесла лучокъ и стрилочокъ пучокъ:
Отсе жъ тобѣ, мій миленькій за для билихъ ручокъ!
Вывесла хустинку, а якъ бѣлъ биленьку:
Отсе жъ тоби, мій миленькій, а про недиленьку!
Мени хустоньку въ рукахъ не носити,
За для славы козацькои сидельце покрыти.
А вже хустинька тай запылилась—
Либонь моя чорнявая тай зажурилась.
Гляну на сидельце—втишу свое сердце,
Гляну на хустинку—згадаю дивчину! (Чуб. V. 289).

⁵⁾ Не дай, Боже, недуги на тебе:

въ послѣдній разъ свою возлюбленную, увѣряетъ, что не забудетъ ее, хотя бы ему пришлось умирать въ стѣни. Плохо довѣряя постоянству дѣвическаго сердца, козакъ высказываетъ опасеніе, что, быть можетъ, оставшись безъ него, она его забудетъ и достанется иному—богачу. Дѣвица, съ своей стороны, увѣряетъ возлюбленнаго, что будетъ ждать его возвращенія и никому иному не достанется.—Не одна изъ васъ, красавицѣ, любила искренно, а правды не сказала, возражаетъ онъ ей ¹⁾. Иной предъ отъѣздомъ поддается искушенію переночевать послѣдній разъ съ своею милою, хотя и опасается потерять походъ. Дѣвица обѣщаетъ разбудить его рано и исполняетъ обѣщаніе ²⁾. Козакъ ухалъ, догоняя своихъ товарищей, а дѣвицѣ остается гонять на воду гусей и плакать о разлукѣ съ милымъ ³⁾. Вырываясь изъ объятій своей милой, козакъ завѣщаетъ ей, ожидая его возврата, выбѣгать почаще на дорогу ⁴⁾. Помнить она послѣднія слова милаго, истаптываетъ черевички, выбѣгая на дорогу, выплакиваетъ глаза, выглядывая своего возлюбленнаго ⁵⁾. Она все тоскуетъ, думаетъ о немъ каждую минуту, называетъ себя сиротою безъ него ⁶⁾. Многое напоминаетъ ей прежнія утѣхи съ милымъ и усиливаетъ ея тоску ⁷⁾. Иногда эта тоска разражается отчаяніемъ, доходящимъ до того, что дѣвушка бредитъ самоубійствомъ ⁸⁾. Пѣ-

Хто жъ ти буде постильнюкку слати...

Хто жъ съ тобою буде ничку розмовати? (Голов. III. 153).

1) „Прощай, сердце-дивчинонько, ты моя не будешь,
Достанется богачу, та й мене забудешь!“

— Не бійсь, сердце-козаченьку, буду дивовати,
Не достанусь богачу, буду тебе ждати.—

„Не одна зъ васъ, чорнявая, намъ свить завязала,

„Не одна широ любила, правды жъ не сказала. (Чуб. V. 65).

2) Выражаюсь, моя мила, у велику дорогу!

— Переночуй, мій миленькій, хочъ цю ничку зо мною!

„Ой радъ бы жъ я, моя мила, и чотыри ночувати,

Та боюся, мое сердце, щобъ походу не втерати.

— Ой не бійся, мій миленькій, бо я рано устаю.

А ще раньше тебе, молодого, ище раньше розбужу.

Уставай же мій миленькій, уже свить биленькій! (Чуб. V. 274).

3) Тилько систы и поѣхати товарищивъ догоняти,

А я пійду, молодая, сирыхъ гусей наповать...

Гля, гля, та сирини гуси, та вже жъ вы наплавались,

Та вже жъ мои каренькин очи та й наплакались. (Ibid.).

4) Ой перестань, дивчинонько, слизоцьками умиватися,

Всѣ козаки въ походъ пійшли, треба мени поснишатися.

Якъ будешь, дивчино, зъ походу сподиватися,

То выбѣжи въ чисте поле на дороженьку. (Чуб. V. 304).

5) Вытоптала черевички, на дорогу выбѣгаючи,

Выплакала чорни очи, тебе сердце выглядючи.

(Ibid.).

6) Ой ты поѣхавъ, мене покинувъ, сироту на чужини.

Плачу, рйдаю, ты вспоминаю въ кожнисеньку годиву. (Чуб. V. 264).

7) Нема мого миленького, нема моѣй души,

Ни съ кимъ лечи выкачати бѣденьки подушки.

Нема мого миленького, нема моѣй квітки,

Стала бъ его визирати да не знаю звидки. (Голов. II. 384).

8) Лучче бъ було не любитися, чымъ тепера розлучитися.

сенный міръ представляеть образчики скорой смерти дѣвицы отъ разлуки съ милымъ. Козакъ, отъѣзжая въ походъ, спрашиваетъ дѣвицу: будетъ ли она за нимъ печалиться? Она отвѣчаетъ, что забудеть, какъ только онъ выѣдетъ за ворота ¹⁾. Но не успѣлъ козакъ скрыться изъ вида, какъ дѣвица не могла ни спать, ни работать отъ тоски ²⁾. Она посылаетъ свою сестру заворотить своего милого и сказать ему, что его дѣвица прѣ смерти ³⁾. Когда козакъ, возвратившись, доѣзжалъ до двора, гдѣ жила его возлюбленная, онъ увидалъ, что ее несутъ хоронить ⁴⁾.

Оставаясь въ разлукѣ съ предметомъ своей любви, дѣвушка подвергается большимъ искушеніямъ. Ея родная мать хочеть отдать ее за богатаго жениха. Дочь упорствуетъ. Напрасно мать пытается возстановить ее противъ избраннаго ея сердцемъ ⁵⁾, напрасно представляетъ ей, что съ этимъ человекомъ ей будетъ худо, и лучше ей полюбить богатаго, дѣвица говоритъ ей рѣшительно, что не будетъ такъ, какъ матери хочется, а станется такъ, какъ желаетъ сама дочь ⁶⁾. Не зная гдѣ ея милый, дѣвица посылаетъ галку принести ей отъ него вѣсть ⁷⁾. Галка не замедлила доставить ей слово милого: не предавайся тоскѣ, ты молодая, пойдешь замужъ, а я, молодой, женюсь на тебѣ ⁸⁾. Дѣвица отъ такой вѣсти ободрилась, весело стала заниматься домашними работами. Замѣтила это мать и спрашиваетъ: что это она улыбается? Дочь говоритъ ей аллегорически: «пей, матушка, ту воду, что я наносила; зови, матушка, того зятя, кого я полюбила!—Нѣтъ, отвѣчаетъ мать, не буду я пить этой воды, а начну разливать ее! Не приму немиллаго себѣ зятя—стану разлучать его съ тобою! «Ахъ, матушка, проговорила дочь: не разливай воды, вѣдь ее тяжело носить. Не разлучай меня съ милымъ—тебѣ съ нимъ не жить ⁹⁾.—Ну, смотри же,—пугаетъ

Хиба пійду утоплюся, хочъ обь камѣнь розбьюся. (Чуб. V. 359).

1) Ой не буду, козаченьку, дале-би не буду,
Якъ выѣдешъ за нови ворота—я тебе забуду. (Чуб. V. 366).

2) Та не вziali дивчиноньки ни сонъ, ни работа. (Ibid.).

3) Ой вернися, козаченьку, дивчина вмирае. (Ibid. 367).

4) Не доѣхавъ козаченько до новои хаты:
Несуть ёго дивчиноньку до гробу ховати. (Ibid.).

5) Буде тобі, доню, буде лихая година,
Що ты сѣго козаченька широ полюбила! (Чуб. V. 491)

6) Але съ власной твоей водѣ нѣчого не буде,
Бо моего миленького сердце не забуде. (Голов. IV. 490).

7) Якъ пошлю я чорну галку на Динь рыбы вѣсти.
Ой принеси, чорна галка, одъ милого вѣсти. (Чуб. V. 490).

8) Полетѣла чорна галка та й не барилася,
Та принесла таку змстку, щобъ не журилася:
Не журися, дивчинонько, въ тугу не вдавайся,
Ты, молода, замижъ пійдешъ, а я оженюся. (Ibid.).

9) Мела хату, мела сини, та й засміялася,
Вийшла мати води брати, та й догадалася.
„Чого дочко, чого дочко, та засміялася?
— Ой пій, мати, туя воду, що я наносила,
Шануй, мати, того зятя, що я полюбила.
„Ой не буду води пити, буду розливати,

мать свою дочь:—дѣлай по-своему, только уже не жалуйся потому на мать свою. «Не буду, матушка, на тебя жаловаться; какую бы ни послалъ Богъ мнѣ судьбу—стану терпѣть ¹⁾».

У одной дѣвицы рождается подозрѣніе: а что если въ то время, когда она за милымъ такъ плачетъ, онъ, быть можетъ, окруженъ толпою дѣвушекъ и избѣняетъ ей! Пусть же, если такъ, одолбѣтъ его тоска такая, какою томится его возлюбленная, пусть избѣнитъ ему та, которая стала ему всѣмъ милымъ! Пусть узнаетъ на опытъ, какво томиться въ разлукѣ ²⁾.

Между тѣмъ, мозакъ въ чужой сторонѣ также тоскуетъ о своей милой дѣвицѣ. Онъ хочетъ написать къ ней письмо, прилить его слезами и послать съ буйными вѣтрами ³⁾. Ему хотѣлось бы, чтобы у него были крылья—полетѣлъ бы онъ соколомъ во дворъ своей милой, а та вышла бы изъ хаты и произнесла слово сожалѣнія о томъ, что соколъ летаетъ одиноко, безъ пары ⁴⁾.

Время идетъ, мозакъ не возвращается. Дѣвица бонится, что сбылось то, что онъ предракалъ о своемъ возвратѣ въ минуты унынія ⁵⁾: онъ гдѣ-нибудь

Нелюбого зѣтя маю, буду розлучати!

— Не розливай, мати, воды, бо тяжело носити,
Не розлучай мене зъ милымъ, тобѣ зъ нимъ не жити. (Чуб. V. 491).

¹⁾ „Живи, дою, въ свою волю, такъ якъ полюблиа.

Не жалкуй на свою матирь, що тебе згубила!

— Ой не буду жалковати, моя ридна мати,

Яку мени дасть Богъ долю—буду горювати!

(Чуб. V. 491).

²⁾ Може я за нимъ дармо плачу...

Може винъ мае дѣвчатою громаду,

Може мене любитъ на яку зраду,

Най му той жаль самий и туга тая,

Щобъ зрадила его котра наймилиша.

Тогдѣ винъ пизнае що то есть розлука

И жаль правдивий, на серцю мука!

(Чуб. V. 16).

³⁾ Чи письма писати,

До милон слати.

Напишу перами,

Та прильлю слезами

Та й пошлю втрами.

(Чуб. V. 329).

⁴⁾ Ой коли бъ же я мавъ орловни крыла...

То бъ я полинувъ бы, сивъ бы у двори:

Чи не выйде моя мила и къ мени.

Ажъ мила выходитъ изъ чорными бровами,

Промовляе до мене изъ дрибными слезами:

Ой ты соколоньку прекрасный,

Якій же ты у свѣтъ несчастный!

Що кожне древо на весни процвитае,

Що кожная пташка соби пару мае,

А ты, милый, въ свѣтъ летаешь,

Да й парочки собѣ не маєшь.

(Чуб. V. 296—296).

⁵⁾ Сподѣвайся мене, серденатко мое, та й у ти пори въ гости.

Якъ поросте трава мурава та у горницѣ на помости.

(Чуб. V. 239.)

паль въ чужой сторонѣ и его тѣло расклевали птицы. Ей хотѣлось бы въ такомъ случаѣ самой собрать его останки и похоронить ¹⁾.

Въ малорусской поэзіи есть цѣлая группа пѣсенъ о кончинѣ козака, гдѣ такимъ или инымъ способомъ показывается присутствіе и участіе дѣвницы. Вотъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что молодецъ и дѣвница были долго въ разлукѣ и какъ свидѣлись, то оба заболѣли ²⁾. Дѣвница лежала въ отцовской коморѣ, а козакъ въ зеленой дубравѣ. За дѣвницею ухаживали домашніе и давали ей ѣсть и пить, а козакъ просилъ дать ему хоть бы холодной воды и дѣвница умоляла мать послать ему пива ³⁾. Умеръ козакъ, умерла и дѣвница, завѣщавши похоронить себя вмѣстѣ съ козакомъ въ одной могилѣ. По дѣвницѣ звонили колокола, надъ ея тѣломъ пѣли поны и дѣяки, а по козаку шугтели лѣса, кричали вороны ⁴⁾. (Для сравненія см. польскую Kolb. 5. 1. 148—150).

Есть пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ и о плачѣ по немъ дѣвницы: пѣсня эта очень распространена въ разныхъ вариантахъ не только у малоруссовъ, но и у другихъ славянскихъ народовъ, и у нѣмцевъ. По однимъ нашимъ вариантамъ, дѣвница ожидаетъ козака изъ похода и готовитъ для него ужинъ и постель ⁵⁾, зажигаетъ предъ образами свѣчи и молитъ Бога, чтобы козакъ благополучно переправился черезъ рѣку ⁶⁾. По другимъ—дѣвница приглашаетъ къ себѣ молодца, по имени Василя, и даетъ зарокъ, что если онъ не прійдетъ къ ней, то утонетъ ⁷⁾. Козакъ утонулъ ⁸⁾. Дѣвница приглашаетъ рыболововъ вытянуть утопленника и оплакиваетъ его ⁹⁾ (см. подобнаго содерж. польскія пѣсни Kolb.

1) Сороки й вороны тило поклювали,
А жовтні кости по кущамъ бросали,
Ой я жовтні кости, кости позбираю,
У тихимъ Дунаю кости поховавъ. (Чуб. V. 297).

2) Ой якъ ся узрили, обое поболали. (Чуб. V. 372).

3) Дѣвчина лежить у батенька въ коморѣ,
Молодой козакъ при зеленой дѣброви,
Дѣвчиноньци та е що й ѣсти й пити,
Молодой козакъ зимной воды просить:
„Ой мати, мати, пожалуй свою дочку,
„Зашли козакови пива коновочку“ (Ibid.).

4) А по дѣвчини дзвони задзвонили,
А надъ козакомъ луги зашумили,
А надъ дѣвчиною поны, дѣяки спивають,
А надъ козаченькомъ вороны летають. (Чуб. V. 373).

5) Якъ прійдешъ изъ вечора—вечера готовенька,
Якъ прійдешъ онявночи—постилька биленька.
(Чуб. V. 269, ср. Голов. I. 104—105).

6) Ой засвѣчу на божичку воскову свичку,
Хай мой милый перереде сю быстру ричку.

7) Якъ не прійдешъ обидати, прійди одвидати,
Якъ не прійдешъ одвидати, то грихъ тобі буде,
Ой утонешъ на берези, що й води не буде!

8) Утонувъ утонувъ козаченько, лешъ хусточка плавлє,
Ходить дивчя по бережку, блиа ручки ламлє.

9) — Ой rybари rybареньки, дамъ вамъ напитиси,
— Ой вытягнѣть Василенька хотъ подивитиси!

5. I. 133—143, *ibid.* 194—206). Не менѣе распространена пѣсня о смерти и погребеніи козака, котораго дѣвица ожидала къ себѣ изъ похода въ гости. Во многихъ вариантахъ этотъ козакъ называется прилуцкимъ полковникомъ, въ иныхъ—просто козакомъ ¹⁾. Дѣвица чернявая-бѣлая ждала его и не дождалась, а потомъ получила вѣсть, что полковникъ захворалъ, находится при смерти и желаетъ ее видѣть ²⁾. Затѣмъ—умеръ панъ полковникъ и не слышно болѣе его повелительной рѣчи ³⁾. Козаки, собравшись въ раду ⁴⁾, приговорили передать оставшаго послѣ полковника коня атаману, а вооруженіе—сотнику, чтобы похоронить полковника съ большимъ почетомъ ⁵⁾. И вотъ везутъ тѣло умершаго, ведутъ коня, конь склоняетъ голову; за нимъ идетъ чернявая и отъ горести ломаетъ себѣ руки. На цѣломъ свѣтѣ не найти ей такого возлюбленнаго ⁶⁾.

Есть пѣсни, гдѣ представляется, что дѣвица уходитъ противъ воли родителей съ козакомъ, котораго любитъ. На пути козакъ задремалъ. Его подруга не даетъ ему спать, предостерегаетъ, что за ними отправлена погоня, и если ихъ догонять, то ее возьмутъ, а его убьютъ ⁷⁾. Такъ и случилось, какъ показываетъ окончаніе пѣсни ⁸⁾. Въ пѣснѣ, которую, по нѣкоторымъ повторяющимся такъ выраженіямъ, можно считать вариантомъ предшествовавшей, пара, такимъ образомъ убѣжавшая съ наѣвреніемъ обвѣнчаться, превратилась въ деревья ⁹⁾. Но мы считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ вариантъ пѣсни о побѣгѣ

Якъ вытягли Васмечка, вода зъ рота лється,
Ходить мила по бережку якъ горлиця бється!

(Чуб. V. 309, 371, 424. Голов. I. 228).

¹⁾ Ждала, ждала, дождала полковника въ гости,
Ждала-ждала не дождала, сама спать лягала. (Чуб. V. 316).

²⁾ Вранци рано уставала, листы получала:
Занедужавъ полюбовникъ, прилуцкій полковникъ,
Зъ ведугу помирае, дивчины полковникъ бажаетъ.

³⁾ Умеръ, умеръ панъ полковникъ и гризная мова.

⁴⁾ Собирались козаченьки всю раду радити.

⁵⁾ Атаману коня дали, сотникови зброю,
Що бъ сховали полковника зъ большою хвальбою.

⁶⁾ Тило везуть, коня ведутъ, кинь головку клонить,
За нимъ иде чорнявая, били ручки ломить.
Нехай ломить, нехай ломить, та не зломить пальця,
Весь свить сходить та не найде такого коханця.

(Чуб. V. 316—317, ср. Голов. I. 94—95).

⁷⁾ Сили спочивати, ставъ козакъ дримати.

„Не дримай, козаче, не дримай зо мною,
Самъ же ты знаешь—погнѣй за тобою!

Мене, милай, возьмутъ, а тебе покннуть

А тебе покннуть—съ пличь головку знимуть. (Чуб. V. 278).

⁸⁾ Ой милого конякъ, та не милай ѣде,

Милого й сидельце, та не милай-серце.

Милого й дудочка, та не милай грае,

Милого писенька, не милай спиваетъ.

(*Ibid.*).

⁹⁾ Пойшовъ козакъ яромъ, дивка долиною,

Зацвивъ козакъ рожиною, дивка калиною.

(Чуб. V. 283).

(Для сравн. см. польск. Kolb. 5, 1. 4, 8).

молодца съ дѣвицею, гдѣ молодець погибаетъ не отъ погони, а отъ рукъ той самой дѣвицы, которая подговорила его къ побѣгу вмѣстѣ съ собою, стоя у колодца и набирая воду ¹⁾). На дорогѣ козакъ, именуемый въ пѣснѣ Маркомъ, задремалъ, вдругъ дѣвица будитъ его и велитъ ему сражаться съ нею саблею ²⁾). Она побѣдила Марка, взяла его коня ³⁾ и поѣхала на немъ въ домъ матери Марка, объявить ей, что сынъ ея Марко женился и взялъ себѣ въ жены могилу ⁴⁾). Въ другихъ пѣсняхъ о побѣгѣ дѣвицы вмѣстѣ съ козакомъ представляются лишеныя, какинѣ подвергается бѣглянка съ своимъ возлюбленнымъ. Гдѣ домъ его?—Въ чистомъ полѣ, близъ Дуная; обставленъ камышомъ, подпертъ лебедой ⁵⁾). На чемъ имъ вести путь?—Много лошадей въ степи; коли поймаетъ то поѣдемъ, а не поймаетъ, поѣдемъ пѣшкомъ ⁶⁾, отвѣчаетъ козакъ. Чѣмъ будемъ одѣваться?—Сдѣлаемъ себѣ жупаны изъ лопуха ⁷⁾. На какой постели спать?—Подъ бокъ кулакъ, а подъ голову нагайку подложимъ ⁸⁾. Разумѣется, такія пѣсни о побѣгѣ дѣвицы съ козакомъ изображаютъ исключительные случаи. (Для сравн. польская пѣсня Kolb. 5. 1. 275).

Обыкновенно козакъ отправляется на свои подвиги одинъ, а его дѣвица возлюбленная остается дома. Иногда, стосковавшись по своей милой, пытается козакъ у своего начальника просить отпуска, но получаетъ отказъ. Его не увольняютъ прежде срока службы ⁹⁾. Если, возвратившись домой, козакъ находитъ

1) На дубовѣмъ мости тамъ Гаяя стояла,
Тамъ Гаяя стояла, воду набирала
Воду набирала, Марка намовляла:
Ой Марку жъ, мій Марку, щось маю казати,
Мандруй зо мною молодю! (Чуб. V. 425).

2) Стали спочивати, ставъ дощикъ накрапати,
Ставъ дощикъ крапати, ставъ Марко дримати,
„Ой Марку жъ, мій Марку, не дримай зо мною,
Наготуй шабельку, та й воюй зо мною.“ (Ibid.).

3) Марка звоювала, коня видобрала,
Коня видобрала, сѣла, поѣхала. (Ibid.).

4) А вжежъ твій Марко въ поли оженився,
А взявъ соби панну-паняночку въ поли могилочку. (Чуб. V. 426).

5) Въ чистимъ поли, край Дунаю
Очеретомъ обставляю,
Лободою підпираю. (Чуб. V. 482).

6) Ой у степу ковей много,
Якъ піймаемъ такъ поѣдемъ,
А не піймемъ—пѣшкомъ пійдемъ. (Ibid.).

7) Якъ пійдемо въ долину, да вирвемо лопушну
Да пошіемъ жупанну. (Ibid.).

8) Кулачище підъ бочище
Нагайце въ головище.

9) Ажъ тамъ козакъ по рыночку ходить,
У гетмана выслуги ся просить:
„Пусти мене, мій пане, до дому,
Затужила дивчина за мною!“
— Не такъ вона якъ ты по ней тужишь,
— Не пушу тя, ажъ року дослужишь.

свою возлюбленную вѣрною себѣ, то, разумѣется, все кончается благополучно—свадьбою. Вѣрная подруга проплакала глаза, выглядывая своего милаго: Она будить слугъ, чтобъ свѣтили возвратившемуся. Онъ похуѣлъ въ дорогѣ оттого, что долго не видѣлъ своей Маруси ¹⁾. Кто теперь наградить меня за труды?—спрашиваетъ козакъ. Я,—отвѣчаетъ ему возлюбленная,—я награжу тебя тѣмъ, что сорокъ пять разъ тебя поцѣлую и отдамъ тебѣ все, что есть для меня милаго и дорогого ²⁾. Если же молодець ревниво бережетъ чувство любви къ себѣ и узнаетъ, что безъ него дѣвушка играла съ другими, то ей это не обойдется даромъ ³⁾. Случится, что молодець, возвратившись изъ далекаго похода, заставетъ свою дорогую женою другого. Одна изъ такихъ оправдываетъ себя тѣмъ, что ей сказали, будто ея милый умеръ и теперь она у него просить прощенія, говоря, что, отдавши себя иному, она будетъ ему вѣрна ⁴⁾. Другая въ отсутствіе милаго своего вышла замужъ по принужденію за немилаго ей человѣка ⁵⁾, плача и проклиная судьбу свою ⁶⁾. «Для чего-жъ ты не писала ко мнѣ, когда тебя сватали?» ⁷⁾—спрашиваетъ козакъ.—Я писала и пересылала, только мои письма не доходили: мои каріе очи исходили слезами. Меня мать отдала за того, за кого я не хотѣла! Теперь шумить надо мною нагайка ⁸⁾. О, милая моя! Душа моя!—восклицаетъ несчастный молодець.—Я умираю оттого, что не довелось мнѣ быть твоимъ мужемъ, а тебѣ моею женою ⁹⁾. Тоскуетъ молодець: все

1) Всѣ свои служеньки позбужовала:

„Встаньте, служеньки, свѣтите свѣченки!

„Най ми ся свѣтитъ якъ въ день такъ въ ночи,

„Най ся подивлю милому въ очи:

„Чи змарнѣвъ милый по свѣтѣ ходячи“.

(Голов. I. 135).

2) — А хто жъ менѣ нагородить за мои труды?

„Я сама труды нагороджу:

Сорокъ пять разъ ты поцѣлую,

Що люблю, що милого, то тѣ подарю.

(Голов. I. 280).

3) Хоть радій, не радій, то не буду брати:

Було бѣ тобі зъ другими не жартовати.

(Чуб. V. 284).

4) Людская обмовонька то съ мя обманула,

Що казали, що ты вмерь, я той часть забула.

Прощай, мій миленькій, що я учинила.

Що иному вѣрне послубила.

Коли ёму послубила, мушу бути вирна.

Тильки для тебе, мій миленькій, ииша

(Чуб. V. 118).

5) Ой тамъ въ темнимъ лѣсѣ церковця стояла,

Тамъ-то дѣвчиньонька безъ неволю шлюбу брала.

6) Ой шлюбе мій, шлюбе, примушенный шлюбе,

Та ци гораздъ менѣ за тимъ нелюбомъ буде?..

Волѣла бы мѣ, мати, твердый камѣнь глотати,

Нѣжли изъ нелюбомъ до шлюбу ставати.

(Голов. I. 285).

7) Ой якъ будешъ ты, дивчино моя, рушники давати,

Пиши листи на билий бумази, та давай до мене знати. (Чуб. V. 128).

8) Уже жъ я писала й пересылала, мои листи не доходятъ.

Тильки жъ мои баренькин очи слезоньками виходять.

Отдала жъ мене мати за кого я не хотѣла,

Шумить, гуде нагаечка коло моего тила.

(Ibid.).

9) Милая моя, серденько мое, я умираю за тобою,

ему напоминает прежнюю любовь. Вот родникъ, при которомъ они прежде сходились на свиданіе; какъ голубокъ тамъ въ водѣ купался, такъ онъ женихался съ своею милою ¹⁾. Но его милую повели къ вѣнцу; у него сердце болить; не ему досталась дѣвица ²⁾. Горе!—восклицаетъ онъ:—горе мнѣ ногамъ, которыми я ходилъ къ тебѣ, горе мнѣ рукамъ, которыми обнималъ тебя, горе мнѣ бровямъ, которыми я моргалъ на тебя, горе мнѣ устамъ, которыя цѣловали тебя! Богъ бы тебя наказалъ за твой грѣхъ: я любилъ тебя и не взялъ женою себѣ ³⁾. Встрѣтятся они и вспомнятъ о прошломъ. Богъ тебѣ помогай, другъ не суженый! скажетъ она. Любились мы и матушка того не знала, а теперь вотъ разошлись, какъ черныя тучи! Помнишь ли, какъ я тебя въ вишневый садъ водила, какъ тамъ тебя ягодками угощала; помнишь ли, какъ я постель стлала, съ тобою спать ложилась, одну ручку подложивши подъ голову тебѣ, а другой обнимала тебя? Лучше жилось тогда дѣвцею, чѣмъ теперь замуженю ⁴⁾. Чѣмъ ближе къ нему живеть его бывшая возлюбленная, тѣмъ тяжелѣе его сердцу ⁵⁾. Вотъ она проходитъ съ водою и посылаетъ ему привѣтъ ⁶⁾, и ему такъ становится досадно, что онъ готовъ броситься къ ней и нобить у ней ведра ⁷⁾. Она просить не дѣлать этого и не наносить ей безславія ⁸⁾. Тяжелѣе еще ему сидѣть у окна и смотрѣть, какъ она идетъ рука объ руку съ своимъ мужемъ, его соперникомъ. Такъ бы вотъ и выскочилъ онъ и сталъ допрашивать: зачѣмъ, любивши его, оставила? ⁹⁾.

Що не довелось мени быть чоловікомъ, тоби дружиномъ. (Ibid.)

- 1) Чи се жъ тая криниченька, що голубъ купався,
Чи се жъ тая дѣвчиненька що я женихався?
- 2) Досталася дѣвчиненька людамъ—не мени.
- 3) Шкода жъ монхъ бѣлыхъ нижокъ що мѣ до тя ходжавъ,
Шкода жъ монхъ бѣлыхъ ручокъ щомъ та обіймавъ,
Шкода жъ монхъ чорныхъ бровей що мѣ на ти моргавъ,
Шкода жъ монхъ красныхъ устокъ що мѣ тя цѣлувавъ,
А за тоту провинюнку Богъ би тя скаравъ,
Що я тебе вѣрно любивъ, любивъ, та не взявъ. (Голов. I. 294.)
- 4) Ой помагай Бигъ, ты, несуженый друже.
Да здорова, серденько, то жъ любилися дуже.
Любилися, кохалися, а матуса й не знала,
А тепера розійшлися якъ темвенька хмара.
Якъ тебе любила, въ вишневый садъ водила,
Ягодоньки првала, я жъ тебе годувала,
Вилу постіль постигала, съ тобою спать лягала,
Одну ручку въ голівоньку, а другою обіймала. (Чуб. V. 227.)
- 5) Не жалъ би мени, коли бъ зъ стороны,
А то черезъ дивръ да й товарищъ мій! (Чуб. V. 167, 242.)
- 6) По воду йде—жалю завдае,
Изъ водою йде—добри-день дае. (Чуб. V. 168.)
- 7) Чужа, не моя, товаришова!
Черезъ дивръ не йди, жалю не роби:
Бо я зъ того жалю видерця побью. (Ibid.)
- 8) Ой милий чужій! видерця не бій!
Мени молодон славы не роби. (Ibid.)
- 9) Жаль въ свѣтѣ одному!
Сизу край виконця—моя милая ходить,

Иной молодець въ такомъ положеніи думаетъ найти утѣшеніе въ горѣлкѣ, но не находитъ: у него около сердца словно какая-то змѣя бьется ¹⁾.

Иной молодець, зная, что причиною разлуки мать дѣвницы, произноситъ надъ нею проклятіе передъ своею прежнею милою ²⁾. Иной, раздраженный неудачею въ первой любви, говоритъ, что пойдетъ въ чужой край, тамъ поищетъ себѣ другую, безродную, убогую, прежняя милая будетъ вспоминать о немъ добрыми словомъ, а онъ вслакнетъ, когда о ней вспомнитъ ³⁾. Иной же въ досадѣ зарекается когда-нибудь любить дѣвницъ и говоритъ, что не перестанетъ плакать о прежней возлюбленной ⁴⁾. Напрасно мать его совѣтуетъ идти ему межъ челядь и развлечься отъ тоски ⁵⁾. Молодець собирается умирать, проситъ похоронить его прилично въ вишневои садкѣ и пусть вся родня пируетъ, творя поминки о немъ ⁶⁾.

Ворогъ ѣи зъ боку—за рученьку водить.

Ой пійду я приближуся,

На серденьку оживлюся,

Спытаю причини

Милои дивчини:

Дивчиньонька мила,

Першь мене любила,

Теперь залишила!

(Чуб. V. 168).

- ¹⁾ Ой пійду я до корчомки—горѣлки напыюся,
Ой чого съ менѣ, братцѣ, горѣлка не пьеться,
Бо на моѣмъ щось серденьку якъ гадина вьеться.
А все тое менѣ наробила

Милая дѣвчина, що отдалась за багача сына!

- ²⁾ Бодай твоя мати на свѣтѣ не жила,
Що насъ молоденькихъ съ тобою розлучила,
Бодай твоя мати въ пекли згоріла,
Що насъ молоденькихъ на тое пидвела.

(Чуб. V. 231).

- ³⁾ А я пійду въ чужій край, то тамъ буду жити,
Ты не будешъ, мила, знати, якъ я буду тужити.
Знайду соби другу милу, щобъ не мала роду,
Що бъ не було, якъ зъ тобою, жадного заводу.

Спогадаешъ мене, мила, милими словами,

А я тебе спогадаю гиркими слѣзами.

(Чуб. V. 255).

- ⁴⁾ Ой хто хоче на свѣтѣ жити,
Най перестане дивчать любити,
Бо то есть сгуба цілого свѣта,
Пропали лѣта и життя трачу,
Якъ спогадаю—гирко заплачу.

Плакавъ я, плакавъ, плакати буду,

Поки ты, мила, въ вѣкъ не забуду.

(Чуб. V. 269).

- ⁵⁾ „Не плачь, козаче, не плачь не журися,
Вийдешъ за ворота, на челядь дивися“.

(Чуб. V. 260).

- ⁶⁾ — А вже жъ мени, мати, челядь не до того,

Ой продавай, мати, коня вороного,

Пошій менѣ, мати, льняную сорочку,

Сховай мене, мати, въ вишневиѣмъ садочку.

Высыпъ мени, мати, високу могилу,

Бывало и такъ, что въ отсутствіе молодца его возлюбленную дѣвницу отдавали за иного замужъ по волѣ пана и вообще высшей власти: такое событіе изображается въ пѣсняхъ въ символическомъ видѣ орла или сокола, разгоняющаго голубей изъ пары и предлагающаго голубкѣ семь другихъ голубей на выборъ, вмѣсто того, котораго она любила и утратила. Голубка не хочетъ никѣмъ замѣнить его и говоритъ, что будетъ вѣчно горевать о своемъ миломъ ¹⁾, у нея такое горе, что отъ слезъ на твердыхъ камятахъ останутся знаки ²⁾.

Въ другой подобной пѣснѣ сизокрылый орелъ, убивши голубя, беретъ голубку не съ тѣмъ, чтобъ отдать ее по выбору другому голубкѣ, а удерживаетъ ее для себя, сыплетъ ей пшеницу, ставитъ воду, но она не прикасается ни къ чему ³⁾, чувствуетъ, что она въ неволѣ, орла не любитъ ⁴⁾ и ходитъ въ вишневый садъ плакать о своемъ миломъ голубкѣ ⁵⁾. Здѣсь, очевидно, изображается аллегорически насиліе имѣющихъ власть надъ бѣдною дѣвницею.

Но причину разлуки любящихся паръ изображается также измѣна одного изъ нихъ. Вотъ молодецъ приходитъ къ своей милой, и та напромакъ заявляетъ ему, что надо перестать имъ любить другъ друга, мать его этого не хочетъ ⁶⁾. О, лучше бы тебѣ вонзить мнѣ въ сердце ножъ, чѣмъ говорить такія слова ⁷⁾. восклицаетъ молодецъ. Этотъ молодецъ вынужденъ покинуть дѣвницу потому, что его мать произнесла такой приговоръ: ея материнскому чувству легче увидать его въ солдатахъ, нежели мужемъ той, на которой онъ хочетъ жениться ⁸⁾.

Посади въ головкахъ червону калину.

Збери, мати, всю свою родину,

То буде родина и пити в гулати,

Мене молодого будуть споминати.

(Чуб. V. 260—261).

¹⁾ ... Що ся не хоче вже знати зъ никимъ,

„Буду тужити поки вимъ вимомъ“.

(Чуб. V. 238).

²⁾ Стану плакати ажъ мени горе,

Хочъ выпадають слѣзы на камятахъ,

Хочъ найтвердѣйшихъ— пороблять знаки.

(Ibid.).

³⁾ Ой де узався сизокрыл орелъ,

Голуба убивъ, голубку влюбивъ,

Голубку влюбивъ, узавъ пидъ полу,

Узавъ пидъ полу, првнись до-дому;

Сыле пшеници, ставитъ водици,

Голубка не нє, встоньки не йде.

(Чуб. V. 246).

⁴⁾ „Ой я жъ и въ горѣ я жъ у неволи, „

Сизокрыл орелъ не до любви“.

(Чуб. V. 247).

⁵⁾ Да все въ вишневъ садъ плакати йде:

„Голубонько мій, коли бъ же ты живъ,

Я бъ твои крыла позолотила,

Я бъ твои перья пожемчужила.

(Чуб. V. 246).

⁶⁾ Перестанемо жъ ся любити,

Самъ ты знаешъ намъ зъ тобою не жити.

(Чуб. V. 233).

⁷⁾ Волѣла жъ бы ты нижъ въ мене вгородити,

Нѣжъ маешъ мила ти слова говорити.

(Ibid.).

⁸⁾ — Пйду я до неньки, буду ся питати,

— Чи не позволить ненька тебе взяти.

„Волю жъ я тя, сыну, въ солдати видати,

Нижъ я тя маю зъ тою дѣвчиною звѣчати.

(Ibid. 234).

Раздраженный сынъ провозноситъ проклятіе суровости матери ¹⁾. Другой молодецъ заявляетъ своей милой, что онъ ее намѣренъ покинуть, оттого что ея родня наговариваетъ на него, будто онъ пьяница и гуляка ²⁾. Третій, полюбивши новую дѣвицу, приходитъ къ прежней и говоритъ ей просто: тебѣ одна дорога, а мнѣ иная, прощай! ³⁾. Иной же не объясняется вовсе, а спознавшись съ другою, идетъ мимо двора прежней и дразнить ее тѣмъ, что не заходитъ къ ней, а проходить мимо, напѣвая пѣсенку, и еще говоритъ ей, чтобъ она обсадила вишнями дворъ свой, дабы къ ней не заходилъ его голосъ ⁴⁾.

Иной безъ всякой, повидимому, причины объявляетъ дѣвицѣ, что нашелъ себѣ получше ⁵⁾. Въ одной пѣснѣ богатый овчаръ посылаетъ товарищей передать дѣвицѣ, чтобъ она его больше не любила, потому онъ ей не пара, онъ богатъ, а она бѣдна ⁶⁾.

Дѣвица различно принимаетъ къ сердцу заявленіе молодца о прекращеніи любви къ ней, смотря по личному характеру. Иная предоставляетъ ему поступать, какъ хочетъ, только не судить ее промежду людей, потому что людской судъ ей всего страшнѣе ⁷⁾. Другая—характера рѣшительнаго и разсудительнаго—говоритъ, что, узнавши его невѣрность, сама уже не любить его, будетъ любить кого-нибудь другого, а о немъ забудетъ ⁸⁾.

- ¹⁾ Бодай же ти, мати, такъ легко конати
Якъ мени легко зъ дивчиною ся розстати. (Чуб. V. 234).
- ²⁾ — Скажу тобі, моя мила, скажу, що думаю:
— Що я тебе, моя мила, поквдати маю.
„Скажи мени, мій миленькій, що то за причина,
„Чи ти мене самъ не хочешъ, чи твоя родина?“
— Ой я тебе и самъ люблю и ридъ не боронить—
— Тилько ридъ твій все говорить, що я пью, гуляю. (Чуб. V. 220, 232).
- ³⁾ „Тоби дорога, а мени шлячовъ битий!“
— Якъ же я буду безъ тебе, серце, жити?
„Мени дорога ривна, тобі поперечна,
„Бувай здорова, моя мила сердечна! (Чуб. V. 190).
- ⁴⁾ „Ой не по правди, мій милий, живешъ,
„Мимо вороточки, та до иншої йдешъ,
„А до мене стиха голосъ подаешъ“.
— Ой обсади, мила, вишеньками двирь,
— Ой щобъ не зайшовъ до тебе голосъ мій. (Ч. V. 80, 396—397, 411, 412).
- ⁵⁾ „Ой де жъ ти, мій милий, довго забарився?“
— Ходивъ я по лугу, та найшовъ соби другу,
— Въ червонымъ намисти, вона мени по мысли,
— У поляхъ меремжа, та до неи утоптана стежка,
— У байковій юбци, вона мени все на думци. (Чуб. V. 403):
- ⁶⁾ Вы молодця, молодци... накажите дѣвочки,
Нехай мене не жде, нехай за мужъ иде.
Бо я вивчаръ нетяга, сивковая сермяга,
Симъ сотъ овецъ у лузи и четверникъ у плузи. (Чуб. V. 124).
- ⁷⁾ Якимъ схочешъ, такимъ будь,
Меже людьми мя не судъ;
Смерть не такъ страшная,
Якъ осуда людська. (Чуб. V. 397).
- ⁸⁾ Дотимъ я тебе вирно кохала,

Гордая показывается къ нему презрѣніе и невниманіе ¹⁾. Вольно молодцу искать себѣ другой дѣвицы, но и дѣвица найдетъ себѣ лучшаго молодца, а онъ тогда поплачетъ о ней ²⁾. Дѣвушка язвительнаго характера въ отвѣтъ молодцу, извѣщающему, что онъ полюбилъ другую и хочетъ на ней жениться, говоритъ: женись, желаю, чтобъ невѣрнаго Богъ покаралъ не огнемъ, не водою, а лихою подругою ³⁾. Иная, однако, произнесла проклятіе, по свойственному добродушію тотчасъ ономинится, проситъ Бога не послушать ея проклятія ⁴⁾ и желаетъ измѣннику счастья съ его новою возлюбленною ⁵⁾. Она для себя хотѣла бы только такого зелья, которое бы помогло ей забыть невѣрнаго ⁶⁾, но теперь же сознается, что такое зелье окажется безсильнымъ и она забудетъ только тогда, когда закроетъ глаза навѣки ⁷⁾. Но вибѣсть съ тѣмъ она говоритъ, что если онъ и найдетъ другую съ болѣшими достоинствами, то не найдетъ такой, которая любила бы его, какъ прежняя ⁸⁾.

Тоска покинутой милымъ дѣвицы составляетъ содержаніе цѣлой группы пѣсенъ любовныхъ. Одинокая, постелевъ она себѣ съ вечера постель, одинокая, вставши, садится у окна и видитъ, какъ ея милый гуляеть съ мною; онъ се цѣлуеть-милуеть, а если бы она, прежняя, осмѣлилась выйти и подойти къ нему— онъ бы ее уостилъ проволоочною нагайкою, она же не была еще ни отъ кого

Докимъ нецирить твою дознала.

Теперь вишого буду кохати

О тоби завше запоминати.

(Чуб. V. 386).

¹⁾ Нехай ёго ти просать, що гребли розносять,

Нехай ёго ти благодать, що въ болоти градьть.

(Чуб. V. 210).

²⁾ Шукай, шукай парень дивки, а я соби молодца;

Що ты будешъ ити винчатися, а я буду одъ винца,

Покотяться дрибни слези съ твого билого лица. (Чуб. V. 188—189).

³⁾ Женися, женися, поможи тоби Боже!

За мою щирить покарай тебе Боже!

Не карай, Боже, ни огнемъ, ни водою,

Но карай, Боже, лихою дружиною!

(Чуб. V. 394).

⁴⁾ Ой поѣхавъ, поѣхавъ, не звинчався зо мною,

Бодай же му коникъ издохъ, самъ положивъ головою!

Ой не слухай, милый Боже, що я тоє говорила,

Бодай мого миленького Пречистая боронила! (Голов. III. 177).

⁵⁾ Будь здоровый и счастливый съ тою що ю маешь,

А еднакъ же ты надъ мене щирѣйшою не знайдешъ,

А я усе Бога прошу зъ вечера до ранку,

Що бы ты мавъ счастья всюда, мій милый коханку.

(Голов. I. 263, ср. Чуб. V. 177).

⁶⁾ Якъ не хочешъ, сердце, дружиною бутн,

То дай мени таке зилья, що бѣ тебе забути.

(Чуб. V. 177).

⁷⁾ Буду пити черезъ силу и кашли не пишу,

Тодя тебе я забуду, якъ очи заплющу.

(Ibid.).

⁸⁾ Хочъ ты знайдешъ на личко билійшу,

То таки не знайдешъ надъ мене милійшу...

Хочъ ты знайдешъ, щобъ добре робила,

То таки не знайдешъ, щобъ тебе любила.

(Чуб. V. 194—195. Метлин. 111—112. Максимов., изд. 1827. 120).

битою ¹⁾). Она раздражается злостью къ соперницѣ, даетъ ей эпитеты: мерзкая, постыдная ²⁾, мурая ³⁾ (т.-е. смуглянка), шельма-разлучница ⁴⁾). Она готова дать этой мурой полотна на рубаху, лишь бы не видѣть ее съ своимъ милымъ ⁵⁾). Вотъ такъ и хочется эту разлучницу ударить въ щеку ⁶⁾, да нельзя ее бить, когда она сидитъ съ ея милымъ ⁷⁾; въ запальчивости зарекается покинутая согнать ее со свѣта и опять сойтись съ милымъ ⁸⁾). Нерѣдко такая соперница бываетъ ея прежняя подруга, которой она повѣряла свои сердечныя тайны и которая, сошедшись съ ея милымъ, притворяется передъ нею, будто ея милый спрашивалъ о ней, своей возлюбленной ⁹⁾). Уразумѣвши коварство подруги, дѣвица раздражается проклатіемъ, выражая желаніе, чтобъ комары выѣли ей глаза за полуночныя бесѣды съ милымъ ¹⁰⁾.

Въшеная злоба обрушивается на измѣнника, когда она услышитъ, что онъ смѣется надъ нею. Не смѣхъ—говоритъ она—придетъ тебѣ, какъ будешь ты трястись семь лѣтъ, лежать въ постели и просить у своей матери воды; тогда-то пожалѣешь, что посмѣялся надъ красной дѣвицей ¹¹⁾. Но несмотря на

- ¹⁾ Постелю билу постылъ, сама спати ляжу,
Та встану раненько, та вмню личенько,
Сяду собі край вконця та й до сходу сонця.
Та иде мій милий тихою водою,
Та за ннчою милою.
Винь їи цѣлуе, винь їи любуе,
А на мене, молоду, нагайку готуе.
Нагайка-дротянка, тонкимъ дротою вита,
А я молодая ще й зъ роду не бита. (Чуб. V. 398).
- ²⁾ Сидитъ стыдко зъ моимъ милымъ да ще й обнялася,
Ой на тобѣ стыдка-брыдка на ставъ полотениця,
Да не сиди зъ моимъ милымъ, не рѣжи мого сердца. (Макс., изд. 1827. 128).
- ³⁾ Сидитъ муря зъ моимъ милымъ та й обнялася. (Чуб. V. 403).
- ⁴⁾ Стоить шельма-розлучниця, зъ милымъ обнялася. (Чуб. V. 185).
- ⁵⁾ Ой на тобѣ, розлучницю, да ще й на сорочку,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ въ вишневымъ садочку,
Ой на тобѣ, розлучницю, да ще на рукава,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ, ногана, лукава.
(Макс., изд. 1827. 129, ср. Чуб. V. 404).
- ⁶⁾ Таки тую розлучницю по щоци урижу. (Чуб. V. 185).
- ⁷⁾ Сидитъ муря зъ моимъ милымъ не можно їи бити. (Чуб. V. 404).
- ⁸⁾ А я мурю зъ свята сжену, зъ милымъ оженюся. (Ibid.).
- ⁹⁾ А въ козака та дви дивоньки—одна другу перепытуе:
„Чи була ты, подруженька, чи була ты на улиці?
„Чи бачила, подруженько, на улиці жениха мого?
— Ой бачила, не бачила, тільки тронки та постояла,
Винь важко здыхавъ, та про тебе пытавъ: чомъ дивчина не выходила?
¹⁰⁾ Водай тобі, подруженько, та выѣли комари ози,
Щобъ ты не стояла изъ моимъ миленькимъ изъ вечора до пиввочи.
(Чуб. V. 379).
- ¹¹⁾ Перечула черезъ люде—ледащо сміється.
— Ой хоть смійся, хоть не смійся, за смихъ тобі буде,
— Симъ годъ трясаця труситеме, а смерти не буде:
— У постели лежатимешъ, смерти багатимешъ,

такія проклятія, несмотря ни на то, что она хочет, чтобъ тотъ, кто былъ причиною раздуки ея съ милымъ, не видалъ яснаго солнца ¹⁾, все-таки она сама передъ собою сознается, что продолжаетъ его любить ²⁾. Она считаетъ свою судьбу погибшею, вѣрно мать проклала ее въ дѣтствѣ, вѣрно ее въ церковь не носили и не вымолили у Бога доброй доли ³⁾. Напрасно мать увѣряетъ ее, что она и въ церковь носила ее маленькою, и доли доброй у Бога ей просила ⁴⁾, она съ ропотомъ обращается къ Богу, укоряетъ зачѣмъ онъ допускаетъ спознаваться съ тѣмъ, съ которымъ не суждено сочетаться бракомъ ⁵⁾, признаетъ себя самую несчастнѣйшею въ мірѣ и думаетъ утопиться ⁶⁾, либо идти въ темный лѣсъ и отдаться лютымъ звѣрямъ на растерзаніе ⁷⁾. Въ пѣсняхъ изображаются случаи, когда разлука происходитъ отъ невѣрности дѣвicy. Иная на первое же объясненіе въ любви молодца ⁸⁾ сразу обольетъ его холодною водою, объяснивши, что не любитъ его и не можетъ своему сердцу приказать любить ⁹⁾, а когда молодецъ, по обычной замашкѣ влюбленныхъ, начнетъ говорить, что онъ убьетъ себя съ горя ¹⁰⁾, то дѣвица напрямикъ объявляетъ ему.

— У своей ты матери воды прохатинешь:

„Ой дай мени, моя мати, водици съ криници,
Насмѣяся розсукивъ снѣ зъ красной дѣвици. (Чуб. V. 185).

1) Кто бувъ причиною роастання мого,
Щобъ мои слѣзы упали на нѣго,
Щобъ винъ не бачивъ сонца ясного! (Чуб. V. 358).

2) Не збуду смутку а ни въ день, ни въ ночи,
Бо я тебе люблю и любити буду. (Ibid.).

3) Пропала моя доля! Проклала мене ненька,
Проклала мене ненька якъ була я маленька.
Ой на Дунаю целюшки полоскала:
„Бодай ты, доню, счастья-доли не мала!“
Чи ты мене мати въ церкву не носила,
Чи ты мени, моя мати, доли не впросила? (Чуб. V. 356).

4) И въ церкву тебе носила, Богу молилася. (Ibid.).

5) Ой, Боже, Боже, давь ся познати,
Коли не судишь намъ ся побрати,
Ой коли судишь, чомъ же не злучишь,
На що жъ насъ, Боже, даремно мучишь! (Чуб. V. 356).

6) Вже жъ я бачу на симъ святи що все мени горе,
Прійдеться утопити въ глибокое море! (Чуб. V. 357).

7) А я пійду въ темний лѣсъ: нехай мене звирь изьютю:
Ой ви звирі ви люті! Не займає ви мене:
Розорвите мое тило и по маленькимъ частямъ,
Рознесите мои кости по рокитовимъ кущамъ,
Наберте крови моеї близько серденька мого,
Повесите душу мою а до милого мого. (Чуб. V. 358).

8) Панно моя, любя мила,
Позволь же ми ся кохати. (Чуб. V. 303).

9) Рада бы я тя кохати,
Трудно сердцю розказати. (Ibid.).

10) Ой дѣвично, серденько! згубишь мою душу,
Якъ ся зъ тобою не ожениу, то умерти мушу. (Гол. I. 247, ср. Ч. V. 303).

что она не будет его женою и онъ долженъ выбить себѣ изъ головы мысль объ этомъ ¹⁾; иная же дѣвица, болѣе живого нрава, приправитъ еще свой отказъ шуточнымъ сообщеніемъ, что у ней безъ него найдется такихъ молодцовъ пять ²⁾, а онъ ей кажется не хорошимъ ³⁾. Но вотъ уже, когда между молодцомъ и дѣвицею возникла сердечная взаимная связь, дѣвица вдругъ неожиданно изиѣняется. Сталъ молодецъ замѣчать, что его возлюбленная подолгу стоитъ на улицѣ съ другими молодцами. Это рѣжетъ ему сердце ⁴⁾. Одинъ, не рѣшаясь объясниться съ дѣвицею прямо и уличать ее, передаетъ ей черезъ своего товарища, чтобы она не любила двухъ ⁵⁾; другой, подмѣтивши, что у дѣвицы явился новый милый, молча отъ нея хочетъ удалиться ⁶⁾ и когда дѣвица заворачиваетъ его къ себѣ ⁷⁾, говоритъ, что не зачѣмъ ему ворочаться, когда видѣлъ самъ, стоя у нея подъ окномъ, какъ она любезничала съ другимъ молодцомъ ⁸⁾. Третій является къ дѣвицѣ и укоряетъ ее, что она полюбила другого, красивѣйшаго ⁹⁾. Иная дѣвица не отрицается и ссылается на Бога, который владѣетъ чувствомъ—но и постоянныхъ въ любви разлучаетъ ¹⁰⁾. Другая же въ такомъ положеніи начинаетъ оправдываться тѣмъ, что родители ея не хотятъ, чтобы она любила этого, молодца, что такова ужъ видно судьба ¹¹⁾, а молодецъ отвѣчаетъ, что незачѣмъ обвинять судьбу, лучше прямо сказать, что молодецъ нехорошъ, но и

1) Не чортій, не маритій, не нуди собою.

Не будешь ты менѣ мужомъ, я тобѣ жоною

(Голов. I. 247).

2) Умри, умри, Богъ ты бери!

Есть у мене хлопцвъ штыри,

Есть у мене ще и пятый

Хоць и зарачъ показати.

(Чуб. V. 308).

3) Не ходи, не люби, не залпцяйся,

Не люблю, не пійду, не сподвайся,

Не ходи, не люби, не носи грошей;

Не люблю, не пійду, бо съ нехоромій.

(Чуб. V. 175).

4) Не стій, мила, изъ нишими, не край мого сердца,

Бо ты стоишь зъ нишимъ, та й думку думаешь,

Та безъ ножа, безъ тарилки, мое сердце краешъ.

(Чуб. V. 382).

5) Ой, чи буде двоохъ пріймати?

Вуде ти Богъ карати;

Коли любишь—люби гариздъ,

А не любишь—кидай заразъ.

(Чуб. V. 383).

6) Ой ще вчора изъ вечора зійшовъ мисядъ и зора,

Ой часъ мени, молодому, мандровати изъ двора.

(Чуб. V. 384).

7) Ой вернися, любе закоханья.

(Ibid.).

8) Не вернуса, любе закоханья, бо нема до кого,

Ой бузь я въ тебе лндъ виконцемъ, а ты мала нишого. (Ibid.).

9) Бо ты того любишь, що красный изъ твари.

(Чуб. V. 253).

10) Трудно занехати—я ничого маю;

Скажи мени, хлопче, що я винна съ того?

А вѣжъ то Господь Богъ и а всимъ тямъ владае,

Иниій вирне кохаеться, винъ ихъ розлучае.

(Ibid.).

11) Я жъ тому невинна, лѣсъ тому владае:

Заказуе ридной отецъ и мати не дае.

(Чуб. V. 172).

молодец найдетъ себѣ другую возлюбленную ¹⁾). Одинъ молодецъ, которому отказала дѣвушка въ любви, желаетъ достать такого зелья, чтобы забыть ее ²⁾, а дѣвушка говоритъ ему, что есть такое зелье, перекажи-поле, двое придуть, поцѣлуютъ, а третій ее приголубитъ ³⁾). Бываютъ приемы отказа въ любви грубѣе: молодецъ случится къ своей дѣвицѣ и жалуется, что его чуть не покусали злыя собаки. Дѣвица отвѣчаетъ: пусть тебя загрызутъ собаки; у меня сидятъ молодцы покрасивѣе тебя ⁴⁾.

Случается, что дѣвица, простившись съ отъѣзжающимъ молодцомъ, измѣняется къ нему въ чувствахъ во время его отсутствія. Козака извѣстали въ чужой сторонѣ, что его возлюбленная обручилась съ другимъ. Козакъ возвратился домой и тогда сталъ упрекать дѣвицу въ измѣнѣ, припоминая, какъ она принимала отъ него подарки ⁵⁾. Тогда дѣвица предлагаетъ ему обратно его подарки и заявляетъ, что она его никогда не любила ⁶⁾. Въ другой подобной пѣснѣ молодой человекъ, надаривши дѣвухнѣ жемчугу и коралловъ ⁷⁾, несмѣетъ къ ней, по народному обычаю, сватовъ, а самъ становится подъ окномъ ея хаты, чтобы быть незримымъ для другихъ свидѣтелей того, что будетъ происходить ⁸⁾. Первый же приемъ показался ему зловѣщимъ: ворота на дворѣ заперты, двери сѣнныя на засовѣ, а въ хатѣ темно ⁹⁾. У молодца подъ окномъ все тѣло трясется отъ страха, и видитъ: сидитъ баба за печью, а дѣвка ва

¹⁾ На що жъ, невдячнице, на лѣсъ наркаати,
Лучше скажи: не хорошій—не могу кохати.

Хоць я нехорошій, я на то не дбаю,
Будь здорова, моя мила, бо я пишу маю.

(Ibid.).

²⁾ Вона менѣ одказала щобы въ ней не бути,
Дайте менѣ таке зилья, щобы ей забути!

(Голов. III. 333).

³⁾ Есть у мене ище зилье—перекоти-поле,
Що два приїде—поцѣлуе, а третій пригорне.

(Чуб. V. 172).

⁴⁾ Підійшовъ я пидъ синечки—грукувувъ,
„Ой одчини, дивчинонько, сини!“
Були мене зли собаки зъли!“

— Нехай тебе зли собаки ѣдятъ,
Коло мене кращи тебе сидять.

(Чуб. V. 171).

⁵⁾ Взяти козаковѣ люде повѣдати

Вже дѣвичина заручена... Дѣвичино, дѣвичино, зъѣла бы ты витра,
Я не сподѣвався, що ты така хитра:

Тогдѣ мене ты кохала,

Кои съ мов дары брала.

(Голов. III. 330—331).

⁶⁾ Забирай си тїи дары, тїи дары,

А я въ дарахъ не ходила та й ходитъ не буду,

Тебе не любила и любить не буду.

(Голов. I. 303. III. 331).

⁷⁾ Ой що жъ то мени за такі дарунки,

Били перлы и корали билу шїю гнули

(Чуб. V. 156).

⁸⁾ Ой пошла я до дивчины люде,

Ой самъ пїду пидъ виконце що то зъ того буде.

(Ibid. 155).

⁹⁾ Приїшли люде до ворить, ворота заперти,

Зъ того боку, изъ подвирья остроколомъ пидперти,

Приїшли люде до синей, сѣни засунени,

Приїшли люде до хаты,—въ хати не видно си.

(Ibid.).

постели и кобенится; баба гонить сватовъ изъ хаты вонъ ¹⁾, а дѣвушка встаетъ съ своего мѣста, обувается и, увидя чрезъ окно молодца, кричитъ ему: прочь пошелъ ²⁾. Молодецъ говоритъ, что она тогда не прогнала, когда брала подарки, а дѣвушка требуетъ у матери ключей, чтобы достать подарки и швырнуть ему ихъ въ глаза ³⁾.

Отвергнутый и осмѣянный дѣвицею молодецъ иногда также найдетъ способъ отнестись къ ней съ презрѣніемъ. Такъ молодецъ, получившій отъ матери дѣвицы холодный приемъ ⁴⁾, говоритъ, что дѣвица ему не нравится и онъ пойдетъ ко вдовѣ, у которой двѣ свѣтлицы, а у дѣвицы одна бѣдная хатенка и сама дѣвица убога ⁵⁾. Хотя я и убога, да все-таки отечкая дочь, не для тебя, сякой такой, выросла ⁶⁾. Обмѣнявшись такими нелюбезностями, оба разойдутся и тѣмъ дѣло кончится. Есть въ пѣсняхъ примѣры отчаянія молодца: испытываши пренебреженіе къ себѣ отъ любимой дѣвицы, которая выпроваживаетъ его отъ себя ⁷⁾, молодецъ собирается ѣхать къ Дунаю и броситься въ воду ⁸⁾. Но есть примѣры и свирѣпой расправы козака съ измѣнившюю ему дѣвицею. Пріѣзжаетъ козакъ къ дѣвицѣ и спрашиваетъ: для кого она устраивала и украшала свой дворъ. Получивши отвѣтъ, что не для него, а для другого, кого она полю-

¹⁾ Сила люде на лавкахъ, взяли говорити,

А взалося на мени все тѣло трусити,

Сидить баба на запичку та видповѣдає:

Идять собѣ, люде, зъ хаты, я дивки не маю.

(Чуб. V. 156).

²⁾ Сидить дивка на постели та ся гонорує...

Взула ся въ черевички та й по хати допче:

„Вара, вара зъ пидъ виконця, хлопче!

(Ibid.).

³⁾ Чому жъ мени, мол мила, тогди вара не сказала,

„Якъ видъ мене подарунки брала?“

— Дай же мени, моя мати, золотыи ключи:

— Най я ёму кину тьи дарунки въ очи!

(Ibid.).

⁴⁾ „Добры ветѣрь, удивонько, дай води напнитися,

— Пусти дочку на гулянки, хочю подивитися!“

— Стоить вода у синечкахъ, коли хочъ нанійся,

— Сидить дочка въ виконечка, коли хочъ дивися.

(Чуб. V. 170).

⁵⁾ Не вшодобавъ козакъ дивки, шйде до вдовици,

А въ вдовици дви свѣтлицы, а третя кимвата,

А въ дивчины одна хата, да й та не прибрата.

Ой тимъ вона не прибрата. що стеця дубова...

Чомъ дивчины не сватати? Що дивка убога?

(Чуб. V. 169—170).

⁶⁾ Хочъ убога, не убога та въ батька дитина,

Не для тебе, слійк сину, мати породила.

(Чуб. V. 170).

⁷⁾ Сидлай коня да їдь зъ двора,

Бо ты не мій, я не твою!

(Чуб. V. 169).

⁸⁾ Я жъ доѣду до Дунаю.

Да стану я подумаю.

„Вы, ангели, возьмечь душу,

„Ты, рыбонько, возьми тило,

„Ты, риченько, ты быстрая.

„Вкинь кости на сущу!“

(Ibid.).

била ¹⁾, козакъ схватилъ ее за бока и утопилъ ²⁾. (Для сравн. см. польскіи Кольб. 5, 1, 80 и др.).

Есть распространенная повсюду легендарная пѣсни о трое-зельѣ, баснословномъ какомъ-то растеніи, въ нѣкоторыхъ вариантахъ царь-зельѣ ³⁾; содержаніе ея таково: дѣвица Марусенька захворала и пожелала, чтобы козакъ досталъ ей трое-зелье, общая ему за то свою руку ⁴⁾. Козакъ отправился за море, нашелъ тамъ трое-зелье и сталъ его выкапывать изъ земли. Вдругъ закуковала кукушка и подала ему вѣсть, что Марусенька измѣнила ему и празднуетъ свою свадьбу съ кѣмъ-то другимъ ⁵⁾. Козакъ немедленно возвратился и, доѣзжая до двора, встрѣтилъ свадебный поѣздъ своей Маруси. Онъ приказалъ играть музыкѣ, а самъ пошелъ танцовать съ Марусею. Онъ схватилъ ее за лѣвую руку, а въ правую взялъ саблю и отрубилъ ей голову, промывая: вотъ тебѣ, Маруся, и трое-зелье; не начинай безъ меня своей свадьбы ⁶⁾.

Немалочисленный отдѣлъ между любовными пѣснями въ малорусской народной поэзій составляютъ пѣсни о потерѣ дѣвической чести. И прежде бывали, и теперь есть молодцы съ эгоистическимъ легкомысліемъ относящіеся къ связямъ съ женщинами. Такой молодецъ въ малорусской пѣснѣ говоритъ о себѣ: изъ свѣтъ не малъ, а мнѣ въ немъ не нашлось четы; я не женился и только подговариваю чужихъ жень ⁷⁾. Зато ему и доставалось: много разъ его и псами травили, и подкарауливали, и если бы только поймали, то вѣрно бы и убили ⁸⁾.

¹⁾ За для того що вирно кохала.

(Чуб. V. 167).

²⁾ Узавъ милнй милу за билин боки,
Кинувъ милу у Дунай глибокій.

(Ibid.)

³⁾ Метлинск., стр. 104—105.

⁴⁾ Ой хто мени трой-зилья достане,
То той мени дружиною стане.

⁵⁾ Стала зозула кувати:

Ой не колай, козаче, трой-зилья
Бо сѣгодня въ Маруси весилья.

⁶⁾ Зостривъ винъ Марусио весилья,

Звеливъ винъ музыки заграти,
А самъ пійшовъ зъ нею танцювати,
Взявъ же ѣи у лівую руку,
А шабельку у правую руку,
Ми жъ думали хмара замутила,
А жъ въ Марусѣ головка злетѣла,
Отсе тобі, Марусо, трой-зилья

Не зачинай безъ мене весилья. (Метл. 105. Максим., изд. 1827. 224).

⁷⁾ Ци я несчастливый на сей свѣтъ родився?

Якій свѣтъ не малый, я ще не женился!

А я ходжу та й думаю, чужи жонки підмовляю. (Голов. III. 183).

⁸⁾ Не разъ стою, та й боюся,

Та якъ на рожи трасуся,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.
Якъ бы були ймили
Були бы мя вбили!

(Голов. III. 184).

У такого молодца разом двѣ возлюбленныхъ: одну онъ обнимаетъ и цѣлуетъ, а другая обливаётся слезами ¹⁾.

Въ старыхъ козацкихъ пѣсняхъ соблазнъ дѣвицы козакомъ совершается нерѣдко подговоромъ къ побѣгу. Козакъ описываетъ чудеса въ томъ краю, куда хочеть увлечь дѣвицу къ побѣгу вмѣстѣ съ собою ²⁾. Глупая дѣвочка послушала соблазнителя, а не вѣщей кукушки, которая тогда же предостерегала ее и говорила, что она весь свѣтъ облетала, а того, что козакъ рассказываетъ, не видала ³⁾. Прошли двѣ горы и вступили въ третью; наступаетъ ночь. Козакъ приказалъ дѣвицѣ стлаться. Тутъ увидала дѣвица, что худо. Меня мать не отдавала, чтобы я тебѣ стлала постель!—сказала она ⁴⁾. Но ужъ было поздно. Своя воля погубила ее. Видитъ она: ходятъ въ долигѣ дѣвушки и рвутъ фіалки на вѣнки для себя на воскресенье. А она, бѣдная, уже не нужна для дѣвическаго общества и недостойна носить вѣнка ⁵⁾. Тогда дѣвица написала къ родителю письмо, въ которомъ выразила, что не нужно ей готовить вѣнка: уже она свой вѣнокъ потеряла, по своей глупости, подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ козакомъ ⁶⁾. Послѣдній приемъ писанія письма къ родителямъ о своемъ паденіи очень любимъ въ народной поэзіи и встрѣчается часто. Между прочимъ такъ: дѣвица, потерявшая свое дѣвство, ходитъ надъ моремъ и свѣтъ долю. Она поплыветь по морю и доплыветь до куста, гдѣ сорветъ листокъ и на немъ на-

1) Горе жъ тому козаченьку, що дви дивчини кохає.

Ще якъ одна та чорняваа, а другая та бѣляваа.

А винъ съ тою чорнявою цѣлується, обнимается,

А тая бѣленька, що сердцю миленька, слизеньками обливається.

(Чуб. V. 196).

2) Мандруй, мандруй, дивча, зъ нами,

Въ насъ криници рубленни,

Въ насъ реки меданни,

Въ насъ вербы грушки родать,

Въ насъ дивки въ злати ходять.

(Чуб. V. 335).

3) Подлетила зозуленька:

„Не слухай дивчинонько,

Бо я весь свѣтъ пролетала,

Золотыхъ горивъ не видала“ и проч.

(Ibid. 336).

4) Мене мати не давала

Що бъ я тобі постіль стлала.

(Ibid. 335, для сравн. см. польскую Kolb. 5. 1. 28 и др.).

5) Ой тамъ ходять дивочки,

Та збирають фіалочки,

На неділю на вѣночки.

Я до дивокъ не потрібна,

Я до вѣнка не способна.

(Ibid.).

6) Най ся батько не турбує.

Най вѣночка не готує:

Ой вронила я вѣночокъ,

Черезъ свій дурний розумочокъ:

Въ чистимъ полі, безъ неволи,

Пидъ яворомъ зелененькимъ,

Съ козаченькомъ молоденькимъ.

(Чуб. V. 335).

пишетъ письмо къ родителямъ, извѣстивши ихъ о потерѣ вѣнка своего ¹⁾. Море здѣсь символъ безъисходнаго горя, гибели, какъ вездѣ въ народной поэзіи. Въ другой пѣснѣ козакъ уговорилъ дѣвицу бѣжать съ нимъ и она тернитъ всякія лишения. Это выражается въ такой формѣ: она спрашиваетъ, что они будутъ постилать, когда придется спать ²⁾, чѣмъ покрываться ³⁾, чѣмъ, вставши отъ сна, умоются ⁴⁾, чѣмъ утрутся ⁵⁾. На все получаютъ отвѣты, показывающіе ожиданіе недостатковъ и лишеній, а въдобавокъ еще и суроваго обращенія съ нею. Дѣвушку, которую сванили съ собою запорожець, онъ потому водилъ босикомъ по морозу и тамъ съ нею любовничалъ ⁶⁾. Другую сванившій ее козакъ привязываетъ къ соснѣ и зажигаетъ дерево ⁷⁾ (въ польской народн. поэзіи есть пѣсни, гдѣ молодець, соблазнивши къ побѣгу дѣвицу, убиваетъ ее. Kolb. 5. 1. 28—72).

Обольщеніе дѣвицы обыкновенно происходитъ на вечерницахъ. Оттуда козакъ уводитъ ее въ густой лѣсъ, подъ зеленый яворъ, символически изображающійся въ пѣсняхъ свидѣтелемъ горя ⁸⁾. Употребляется какъ средство увлеченія

¹⁾ Ходить дивка по надъ моремъ,

Сѣе долю изъ принолу.

— Пляви, доле, за водюв,

Допливемо до кущика,

Та й вирвемо по листочку,

Да синшемо по письмечку,

Пошлемо до отця, неньки,

Нехай много не турбують

И виючка не готують.

(Чуб. V. 345).

²⁾ „Що будемо постилати?“

— Ой у тебе запашнина,

— А у мене спрачина.

³⁾ „Чимъ будемо укрываться?“

— Якъ наступить чорна хмара,

— То вона насъ покрывае.

⁴⁾ „Ой чимъ будемъ умываться?“

— Я вымыся росоньками,

— Ты вынешься слизоньками.

⁵⁾ „Чимъ будемо утираться?“

— Ой я утрусь китайкою,

— Тебе утру нагайкою!

(Чуб. V. 191, 337).

⁶⁾ Запорожець, моя мамцю, запорожець,

Вывивъ мене, моя мамцю, на морозецъ,

Ставь винъ мене пригортати,

Стали мои блии нижки примерзати.

(Чуб. V. 339).

⁷⁾ Поїдемо до лису, нарубаемо хмизу,

Запалимо сосну зъ верху до низу,

А сосонка горять, а дивчина говоритъ:

„Хто въ лиси ночуе, нехай голосъ чуе,

Сосна догорае, дивчина вирае.

(Чуб. V. 324, см. ibid. 394).

⁸⁾ Ой зрадинъ козакъ молоде дивча

На славныхъ вечерницахъ:

Та завивъ ти въ густый лисокъ

Пидъ явиръ зелененькій.

(Чуб. V. 337).

и вино: козакъ напоилъ дѣвушку медомъ и виномъ и увелъ подь бѣлую березу, гдѣ она лишилась невинности ¹⁾). Вѣдая, опомнившись отъ своего обольщенія, хотѣла бы нѣтъ крылья: полетѣла бы она къ родителямъ, черезъ лѣса, ломала бы древесныя вѣтки, залила бы слезами луга, прилетѣла бы къ родному двору, упала бы она на калину, а съ калины передетѣла бы на порогъ родительской хаты; воспоминанія о ласкахъ отца, о любви матери исторгають у ней потоки слезъ: горькая доля досталась ей въ удѣлъ ²⁾). Какъ все измѣнилось: вчера еще была она, какъ луговая калина, какъ огородная лоза, а теперь побѣдѣла она словно глина, стала похожа на руту, брошенную въ воду ³⁾). Какъ такая несчастная открывается матери въ своемъ паденіи—объ этомъ существуетъ цѣлая гнѣсня, повсюду распространенная. Мать вдова сердится на свою дочь и допрашиваетъ ее, гдѣ она дѣла свой дѣвическій вѣнокъ. Не смѣя открыться, она говоритъ, что уронила его въ воду, когда бѣлила полотно. Но когда мать сказала, что если такъ, то придется собирать громаду людей, чтобъ доставать упавшій въ воду вѣнокъ, дѣвица открывается: ѣхаль, говоритъ она, черезъ рощу молодой козакъ, снялъ съ меня рутяной вѣнокъ и пустилъ его по водѣ, а дѣвица осталась съ бѣдою ⁴⁾). О, лучше было бы,—говорить дѣвица матери

¹⁾ Гей поставлю я кватирочку меду,

Таки тебе зъ розуменьку звезду,

Гей я поставлю кватирочку, другую,

Таки тебе звезду молодую...

Ще й дѣвичина меду не допила,

Пидь березу голову склонила.

(Чуб. V. 347).

²⁾ Ой колибъ я мала орлови крыла, соловейковы очи,

Я бь полетела до свого батька темнеькои ночи.

Лисомъ летела—гилья ламала,

Лугомъ летела—луги топила дрибными слѣзами!

Якъ прилетела до свого батенька, та й сила на калину,

А съ калини та й сила на порози...

Якъ погадаю батькову щирность, обливають мене слѣзы.

Я въ батька росла, въ матинки ся кокала,

Таки жь бо я лихий доленьци зостала.

(Чуб. V. 338).

³⁾ Вчора була якъ у лузи калина,

А сѣгодні стала якъ бѣлая глина.

Вчора була якъ рожонька въ городи,

А тепера стала якъ рутонька въ води.

(Чуб. V. 346, 353—354).

⁴⁾ Удивонька дочку свою била:

„Де ты, доню, вѣничикъ загубила?“

— За ричкою полотно бѣлила,

— Тамъ я, мамцю, вичникъ загубила!

„Суди, Боже, недилѣ джидати,

„Будемъ, доню, громаду збирати!“

— Шкода, мамцю, людей турбовати;

— Волю, мамцю, всю правду сказати:

— По пидь гаемъ, гаемъ зелененькимъ,

— Ъхавъ козакъ гошій, молоденькій;

— Изнявъ зъ мене винець рутяненъкій!

— Покотивъ вичникъ по надь водою: (и др. вар. за водою).

— Оставайся, дивчино, и зъ бидою!

(Чуб. V. 413).

въ отчаяніи,—лучше было бы меня похоронить маленькою: теперь бы уже мать забыла, что у ней была когда-то давно дочь ¹⁾). Мы знаемъ одну только пѣсню (впрочемъ распространенную во многихъ вариантахъ), гдѣ соблазнитель сознается въ своей ошибкѣ и желаетъ загладить ее. Козакъ, находясь на службѣ въ Польшѣ, получаетъ письмо и проситъ пана отпустить его домой, сознаваясь, что оставилъ дѣвушку беременною ²⁾). Панъ его совѣтуетъ отказаться и сложить вину на кого-нибудь другой, а онъ самъ ³⁾). Козакъ не соглашается и утверждаетъ, что виною не кто-нибудь другой, а онъ самъ ⁴⁾). Козакъ ѣдетъ къ дѣвицѣ, находитъ ее больною, ласкаетъ, цѣлуетъ и увѣряетъ, что какъ только она оправится, такъ тотчасъ соединится съ нею бракомъ ⁵⁾).

Но такой козакъ въ пѣсняхъ одинъ только и составляетъ исключеніе. Другой еще все-таки, самъ будучи богатъ ⁶⁾), хочетъ вознаградить дѣвушку деньгами ⁷⁾). Но чаще разгульный молодецъ сѣется надъ жертвою собственнаго легкомыслія ⁸⁾), надъ ея безчестіемъ ⁹⁾), надъ ея слезами ¹⁰⁾), да еще хвастаетъ своимъ подвигомъ, надѣясь еще обмануть десять такихъ дѣвицъ ¹¹⁾). Нѣтъ удержу

- 1) Ой було жъ мене, мати,
Малою поховати,
Подъ тією калиною,
Якъ була дитиною!
Ти бъ була бъ и забула
Що въ тебе дочка була. (Чуб. V. 119).
- 2) Пусти жъ мене, пане, съ Польши на Волниє,
Пише дивча листы що вже має сына. (Чуб. V. 343).
- 3) Можна, листы взявши та перечитавши, назадъ одослати,
А туя причину на иншого скласти. (Чуб. V. 344).
- 4) „Не могу я, пане, на ничихъ казати,
„Бо моя причина, буде Богъ карати!“ (Чуб. Ibid.).
- 5) Козакъ приѣзжає—родина витає,
Козакъ у свителку—дивчина хорує.
Козакъ за рученьку—сердешне жалує:
„Не журись, дивчино, Господь Богъ зъ тобою!
„Якъ ти выдужаешъ, визьму шлюбъ зъ тобою!“ (Чуб. V. 345).
- 6) „Молоднй козаче, не зражай дивчини!
„Бо тая дивчина бидна сиротина!“
— А я за ту зраду сто червонныхъ кладу. (Чуб. V. 353).
- 7) Ой виснивавъ на стіль карбованиць двисті:
Отсе жъ тобі, мила, дорога спидниця. (Чуб. V. 346).
- 8) Будь здорова, моя чорноброва:
Я парубокъ, а ти бидна вдова.
А теперъ же ты ни жинка ни дивча,
А теперъ же ты людська поговорка. (Чуб. V. 387).
- 9) Прощай, шельмо, вже я не боюся,—
Покаюся, та ще й ожениюся;
Ожениюся, возьму соби дивку,
А на тебе, шельмо, надинуть намитку. (Чуб. V. 343).
- 10) Плакала, рыдала, слезы утирала,
Русою косою, биндою голубою, правою рукою. (Чуб. V. 277).
- 11) Любишь я тя, здрадивъ я тя, я й самъ то знаю,

вдовиному сыну—поется въ одной пѣснѣ: свель съума чужое дитя, самъ садится подъ яворомъ, играетъ на скрипкѣ и приговариваетъ: прощай, прощай, моя пріятная бесѣда! Ужъ я не твой, а ты не моя! ¹⁾). Есть пѣсня, гдѣ подобный гуляка, встрѣчая въ слезахъ свою прежнюю любовницу, имъ обольщенную, приглашаетъ ее въ насѣтку къ себѣ на свадьбу пировать ²⁾).

Послѣдствіемъ потери дѣвической чести естественно бываетъ появленіе незаконнорожденныхъ дѣтей. Тутъ положеніе дѣвицы становится крайне униженнымъ и невыносимымъ, особенно когда на нее наложить намѣтку—уборъ замужней женщины, покрѣпляютъ ей голову, такъ какъ, по народному міровоззрѣнію, дѣвушкѣ, потерявшей честь, уже недозволительно ходить съ открытыми волосами и съ лентами въ косахъ. Она съ этихъ поръ называется покрѣткою, и достигнуть такого положенія считается, а въ старь еще болѣе, чѣмъ теперь, считалось большимъ срамомъ. Пока дѣвушка не родила ребенка, ей возможно утаивать отъ свѣта свое паденіе, но тогда уже скрываться нельзя: надобно показаться покрѣткою, чего всѣ дѣвушки очень боятся. Но молодца-соблазнителя не слишкомъ огорчала судьба его любовницы съ ея порожденіемъ. Дѣвица, качая дитя, плачетъ, а козакъ свѣтется надъ нею, сѣдлая коня, чтобы улепетнуть подалеже отъ ея упрековъ и ропота ³⁾). Она требуетъ, чтобы онъ взялъ ребенка, иначе грозить кинуть его подъ коня ⁴⁾). Если козакъ ей прежде давалъ подарки, то припомнить ихъ въ такую минуту ⁵⁾). Есть пѣсня, гдѣ дѣвушка приноситъ козаку его дитя и угрожаетъ закинуть въ крапиву, а сама

Хоць я тебе одну здражу, то я десять маю.

(Чуб. V. 395. Гол. I. 253).

¹⁾ Нема вини вдовиному сыну,
Що звивъ зъ ума чужую дитину,
Сидить соби на скрипочку грае:
— Будь здорова, любая розмова,
Вже я не твій, ты не моя!

(Чуб. V. 275—411).

²⁾ За густими лозоньками,
Плаче дівка слизоньками.
Не плачь, мила, не журися,
Ще я молодъ, не женися:
Ой якъ буду женитися,
Прійди, серце, дивитися.

(Чуб. V. 187).

³⁾ Тамъ у лузи при долини
Колыхала дівчина дві дитини,
Колыхала и плакала:
„Чого я, моцний Боже, дождала!“
А винъ стоить, нічого не мовить,
Осидлавши коня, смішки строить.

(Чуб. V. 354).

Или:

Плаче дівчина, дитину гойдаючи,
Сміється козакъ, коника силдаючи.

(Чуб. V. 342).

⁴⁾ Ой на тоби, козаче, дитину,
Бо далебо пудъ коника пудкину!

(Ibid.).

⁵⁾ Умила дівчина подарочки брати,
Умій дитину колыхати.

(Ibid.).

она пойдёт на Украину, гдѣ ее не знаютъ и гдѣ будутъ признавать ее за непорочную дѣвицу ¹⁾).

Въ другой пѣснѣ, очень распространенной повсюду въ различныхъ вариантахъ, козакъ предлагаетъ такой дѣвушкѣ одно за другимъ—овечь, коровъ, кадь масла, кадь сыра и т. п., съ тѣмъ, чтобы она кормила ребенка и не показывала бы на него, а на кого-нибудь иного—хоть бы на стараго дѣда. Дѣвушка не соглашается и козакъ долженъ былъ все-таки, приплатившись ей, взять на свое попеченіе ребенка, хотя жалуется, что ему за то набьютъ палками спину ²⁾. По послѣднимъ чертамъ можно догадываться, что этотъ козакъ запорожець, такъ какъ у запорожцевъ за незаконное сожитіе съ дѣвушкой называли палками.

Въ одномъ вариантѣ этой пѣсни является еще третье лицо—мать козака, которая загоняетъ его съ сѣнокоса, гдѣ онъ видался съ дѣвушкой, называемою въ этомъ вариантѣ Марійкою. Мать остерегаетъ его, что эта Марійка (только что передъ тѣмъ принесившая къ нему на сѣнокосъ ребенка) заберетъ у него все его достояніе. Козакъ отвѣчаетъ, что если и такъ станется—пусть пропадетъ его достояніе, а онъ ни за что не обвиняется съ Марійкою ³⁾.

Въ другой пѣснѣ подобнаго содержанія покинутая дѣвушка съ ребенкомъ сидитъ на постели въ коморѣ, клянеть свое легкомысліе ⁴⁾, и увидя чрезъ окно своего соблазнителя, который гарпуетъ на конѣ, обращается къ нему съ упрекомъ за его къ ней невниманіе. Ей посылается насмѣшливый отвѣтъ ⁵⁾. Дѣ-

¹⁾ Дѣвчина зъ ольшини виходить,

И на ручкахъ дитину выносить.

„Ой на тоби, коваче, дитину,

„Якъ не возьмешъ, на межѣ покину,

„Я дитину въ кропиву укнну,

„Сама пійду у свить на Вкраину,

„Та не будутъ мене люди знати,

„Будуть мене дѣвиною звати“.

(Чуб. V. 347).

²⁾ Ой тамъ козакъ дрибны листы пише,

И ногою дитину колише:

Люли, люли, муй сынку,

Дадуть менѣ сто палокъ на спинку.

(Чуб. V. 346—347).

³⁾ „Ой сину Василю, иди жъ ты до дому,

„Забере Марійка всю твою худобу!“

— Нехай забирае, худобу добуду,

А таки вѣнчатись зъ Марією не буду!

⁴⁾ Що бъ я була матусеньки слухала,

Була бы я дѣвонькою гуляла.

Не слухаламъ ни матинки, ни отця,

Послухала козаченька-подлеца.

(Чуб. V. 347).

Въ коморонци кроватонька тисова,

На кроватонци периночка пухова,

На периночци дѣвичинька молода,

Вилой ручкой дѣтя мале взяла.

(Ibid. 348).

⁵⁾ Ой гляну я въ нову кватирку,

Десь мій милий на конику выграе,

До мене а ни окожь не выгляне.

вѣшка раздражается отчаяннымъ возгласомъ: теперь мнѣ хоть изъ моста въ воду, а уже не войти членомъ въ свою семью ¹⁾. Но козакъ на это не посмотритъ: много ночей провелъ онъ безъ сна, соблазняя молоденькую дѣвицу; теперь поѣдетъ онъ куда-то прочь, а дѣвушка пусть трубитъ себѣ въ кулакъ ²⁾. Остается она живымъ укоромъ для матерей, чтобъ не пускали своихъ дочекъ по ночамъ и научали бы ихъ не любить козаконъ и не вѣрить ихъ словамъ, подобнымъ пѣнѣ на морѣ ³⁾, а своимъ сверстницамъ дѣвицамъ послужить она своимъ наставительнымъ приѣромъ ⁴⁾. Есть пѣсня, гдѣ соблазняетъ дѣвушку ляхъ съ своими товарищами земляками. Они увезли ее изъ родительскаго дома въ Кіевъ, но мать, спохватившись, что дочери нѣтъ, послала въ погоню сыновей, которые догнали сестру въ Полтавѣ и требовали, чтобъ она отдала ихъ на расправу своего ляха и вѣдала бы съ ними въ матери ⁵⁾. Дѣвушка умоляла ихъ пощадить ляха, но они не послушали ее, изрубили ляха и забрали все богатство, какое было съ нимъ ⁶⁾ ⁷⁾.

По всему надобно считать вариантомъ этой пѣсни и подобную галицкую

„Що жъ ты, милый, думаешь-гадаешь,

„Що до мой кватирочки и не поглядаешь?“

— Ой я тебе думаю-гадаю,

— Що до тебе окомъ не взгляну!

(Чуб. V. 348).

¹⁾ „Теперь мени хоць зъ мосту та въ воду,

А вже жъ мени не признаться до роду“.

(Ibid.).

²⁾ Не спавъ ничку, не спавъ другую,

Извинивши зъ розума дивчину молодую.

А теперь осидлаю коня вороного,

Та й поѣду изъ двора нового.

Теперь, дивчино, затруби соби въ кулакъ,

Що звивъ зъ розуму молоденькій козакъ.

(Чуб. V. 408).

³⁾ Ой сусиди панѣ-маточки, навчайте свои дочки,

Що бъ по ночамъ не ходили, козаченькивъ не любили...

И вироньки не доймали и правдоньки не казали...

У козака вѣра, якъ на морн пѣна.

(Чуб. V. 352).

⁴⁾ Вы, дѣвчата, мои голубочки, не дѣймайте козакамъ вѣри,

Я молода вѣри дѣймала, теперь же я навѣки пропала.

(Чуб. V. 353).

⁵⁾ Що ты, сестро, наробила,

Нашу матѣрь спечалила.

Вона тебе проклинае,

Сама зъ туги помирае.

Ой велѣла тобѣ мати

Недовѣра покидати.

Мы тебе къ собѣ приймаемъ,

А ляхка твого зрубамъ.

(Максим., изд. 1827. 123).

⁶⁾ Що хочете вы робите

Тільки ляхка не рубите.

Братья Гали не слухали,

Срѣбло злато все побрали

И ляхенька порубали.

(Ibid.).

⁷⁾ Подобнаго содержания польскія пѣсни Kolb. 5. 1. 241—252.

пѣсню, гдѣ описывается, какъ сманили дѣвицу не ляхи, а прямо молодцы, называемые даже козаками. Мать посылаетъ въ погоню сыновей, которые умертвили соблазнителя сестры своей медленнымъ изрубленіемъ, съ приговорами: вотъ тебѣ за подговоръ! Вотъ тебѣ за сестру нашу! Вотъ тебѣ конецъ ¹⁾).

Стыдъ, какъ послѣдствіе потери дѣвической чести, приводитъ иногда къ трагическимъ событіямъ дѣтоубійства. Въ пѣсняхъ встрѣчаются эти черты, хотя не въ большомъ количествѣ. Есть повсюду распространенная пѣсня о ковалевой дочери Катеринѣ, пѣсня тѣмъ замѣтная, что одно и то же собственное имя ведетъ удерживается, тогда какъ большею частью собственныя имена въ пѣсняхъ видоизмѣняются. Дочь коваля Катерина родила сына, тайно утопила его въ колодезѣ и обращается къ буйному вѣтру, чтобъ онъ нанесъ тучу, изъ тучи пошелъ бы дождь и залилъ всѣ тропинки, чтобы люди не ходили къ колодезю и не будили ея сына. Ея преступленіе было извѣстно отцу, такъ какъ въ пѣснѣ говорится въ началѣ, что коваль (кузнецъ) не работаетъ отъ тоски ²⁾). Въ другой пѣснѣ единственная дочь вдовы (вдовы единица) родила дитя. Виновникъ этого козакъ даетъ ей корову и червонцы съ тѣмъ, чтобъ она кормила ребенка ³⁾). Но когда

- ¹⁾ Скоро вни го забачили,
Ручку ножку му отняли,
Якъ го втали коло пальця:
„На жъ ти, Ясю, намовляньця!
Якъ го втали коло пасу:
„На жъ ти, Ясю, сестру нашу;
Якъ го втали коло шів:
„Нашъ ти, Ясѣ, южъ не жіе!“

(Голов. I. 86—87).

- ²⁾ Ой ты ковалю коваленьку
Чомъ ты не куешъ рано-пораненьку?
Ой да никто того горя не знае,
Що коваленька журба обнимае.
Ой ковалева дочка Катерина
Вона собі сына породила,
Въ глибокимъ колодези потонила,
Да за ворота право выходила,
Зъ буйнимъ вѣтромъ говорила:
Да повій вѣтре буйненькій,
Да нажени хмарку чорнесеньку,
Да спусти дощикъ дрибнесенькій,
Да замій стежки й дорожки,
Щобъ туды люди не ходили,
Зъ колодезя воды не носили,
Що бъ мого сына не будили (въ др. вар. не ворухили),
Що бъ мого сердца не сушили (изъ моего руковисн. сб. ср. Чуб. V. 368.
Макс., изд. 1827. 73).

- ³⁾ Ой гуляла единица рикъ якъ годину,
Выгуляла единица маленьку дитину,
Сидить козакъ въ концѣ стола, дрибня листы пише,
А вдовина единица дитину коляше.
Ой дамъ тобі, единице, корову рябую,
Годуй, годуй, единице, дитину малую.

козакъ пошелъ въ корчму пить—единица вдовица понесла топить дитя свое ¹⁾. Есть у насъ еще одна пѣсня объ Оленочкѣ, которую въ Харьковѣ ведутъ въ тюрьму ²⁾ за дѣтоубійство и она провожающей ея матери даетъ совѣтъ не пускать на вечерницы другихъ своихъ дочерей ³⁾.

Въ малорусской любовной поэзій не маловажную роль играютъ чары. Народное вѣрованіе приписываетъ тайную силу, сообщаемую чародѣйствомъ зельямъ и другимъ предметамъ и дѣйствующую на человѣческой организмъ большею частью зловредно. Отрава всегда однозначительна съ чарами. Женщина, занимающаяся собираніемъ травъ и знающая ихъ волшебное свойство, называется чаровницею. Иногда такая чаровница старуха, иногда же молодая дѣвушка, употребляющая свое знаніе таинственныхъ силъ надъ тѣмъ, съ которыми находится въ любовныхъ отношеніяхъ. Въ пѣсняхъ, преимущественно съ чарами, является дѣвица, иногда съ цѣлю приворожить молодца, но чаще съ цѣлю отомстить за измѣну, и въ послѣднемъ случаѣ чары выражаются отравою. Самый невинный способъ чарованія—прикрытіе слѣда милого человѣка: это дѣлается съ цѣлю, чтобъ его не полюбили другія особы женскаго пола, а онъ бы всецѣло принадлежалъ той, которую полюбилъ прежде ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ берутъ песокъ изъ-подъ ногъ молодца и производятъ надъ нимъ чародѣйственные приемы, чтобы привязать молодца къ дѣвухѣ ⁵⁾. Въ одной пѣснѣ называется, что козакъ, бывшій въ чужой сторонѣ, возвращается къ семьѣ своей ⁶⁾, но случайно встрѣчается съ дѣвицею, которая полюбила его и причаровала ⁷⁾ съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ѣздилъ къ своей семьѣ, а остался бы навсегда съ нею. Скрывая отъ него свой умыселъ и вида, что онъ торопится къ любимой семьѣ, она снаряжаетъ его къ отъѣзду изъ ея жилища и подаетъ ему поужи-

Ой дамъ тобі, единнице, червонця на страву,
Годуй, годуй, единнице, козацьку славу.

(Чуб. V. 363).

¹⁾ Иде козакъ до корчмы пйти,

А вдовица единница дитину топить.

(Ibid.) .

²⁾ У городѣ, у Харьковѣ задзвонили дзвони,

Що бѣ усѣ люди, усѣ панн до церкви ишли.

А всѣ люди, усѣ панн до церкви идуть

Молодую Оленочку до турми ведутъ.

За нею йде стара мати, все плаче й рыдае...

³⁾ Есть у тебе, стара мати, да ще дочекъ пять:

Не пускай ихъ на вечерницѣ—нехай дома сплять.

Бо на вечерницахъ хатка маленька, а всѣ долѣ сплять,

Били кажною дивчиноньки женихѣвъ по пять.

(Ср. Чуб. V. 891 подобн. Голов. I. 54. III. 26. 226. Для ср. подобныя польскія Kolb. 5. 1. 151—169).

⁴⁾ Пйду я въ лисочокъ, вйру я листочокъ,

Я покрыю свого миленького слидочокъ,

Що бѣ витерь не звйль, пташка не сляували,

Що бѣ мого милого ниши не сприяли.

(Чуб. V. 46, 212, 282).

⁵⁾ Брала писокъ съ нидѣ моухъ нижокъ, мене чарувати. (Чуб. V. 263).

⁶⁾ Есть у мене жинка и маленьки дити.

(Чуб. V. 272).

⁷⁾ Молода дивчина козака любила,

Любила, любила, та й причарувала.

(Чуб. V. 271).

нать наскоро хлѣба и рыбы ¹⁾). Тутъ-то и были подданы козаку чары. Отъ хотѣлъ бы къ своей женѣ и дѣткамъ на крыльяхъ летѣть ²⁾, а она ему говоритъ: далеко къ нимъ на крыльяхъ летѣть; оставайся-ко со мною ночевать ³⁾). Козакъ не устоялъ противъ искушенія, и потому дѣвушка говоритъ ему, что теперь уже не летать ему къ семьѣ своей, а придется здѣсь коротать своей вѣкъ, и здѣсь найти козацкую смерть ⁴⁾). Но въ пѣсняхъ главная сила очарованія приписывается женской красотѣ, такъ что собственно чародѣйственнымъ снадобья только какъ бы помогаютъ этой естественной силѣ. Въ той же пѣснѣ козакъ говоритъ, что онъ полетѣлъ бы къ семьѣ своей, да дѣвица прижгла ему дуну—не огнемъ, не водою, а своею красою ⁵⁾). Такъ и въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвушка очаровываетъ молодца выборомъ слѣда изъ-подъ ногъ его, онъ говоритъ ей: ну, очаровывай, коли такъ пришлось, когда я полюбилъ твое бѣлое лицо и черныя брови ⁶⁾). Ту же мысль встрѣчаемъ въ одной очень распространенной пѣснѣ. Дѣвица, покинутая молодцомъ, нашла въ лѣсу чародѣйственный корень, выкопала и стала варить, но еще не успѣлъ вскипѣть этотъ корень, какъ уже прилетѣлъ козакъ. Зачѣмъ же прилетѣлъ, когда не захотѣлъ любить?—спрашиваетъ дѣвица. Какъ же мнѣ не летать, когда умѣешь чаровать?—сказалъ молодецъ. О, есть у меня чары—бѣлое лицо и черныя брови!—отвѣчала дѣвица ⁷⁾.

Употребляются чары не только для того, чтобы приворотить молодца къ

¹⁾ Ты вынесла рыбку ще й хлѣба скибку:

Отсе тоби, серденько, вечера на швидку.

(Ibid.).

²⁾ Ой радъ бы я, серденько, на крылахъ летити.

(Чуб. V. 272).

³⁾ Далеко, далеко крылами летати,

Зоставайся, серденько, зо мною ночувати.

(Ibid.).

⁴⁾ Вже тобѣ, серденько, до ихъ не лѣтати,
Вже тобѣ, серденько, тутъ вѣкъ коротати,
Кучерявымъ чубомъ степъ устѣлати,
Своимъ бѣлымъ тѣломъ воронъ годувати,
Жовтою костью мости вымошати,
Червоною кровью моря доновлати.

(Чуб. V. 273).

⁵⁾ Полетѣвъ бы да не мушу,

Припалила дѣвчина душу,

Ой чи огнемъ, чи водою, чи своєю хорошою вродою?

Нѣ огнемъ, нѣ водою, а своєю хорошою вродою.

(Чуб. V. 273).

⁶⁾ Чаруй, чаруй, молода дивчино, коли довелося,

Коли твое та биле личко зъ моимъ понялося,

Коли жъ твои та чорни брови

Прійшлись до любви.

(Чуб. V. 263).

⁷⁾ А ще коринь не скинивъ,

А вже козакъ прилетивъ.

„Ой чогожъ ты прилетивъ,

Коли любити не схотивъ?“

— Якъ же менѣ не литати

Коли вмѣешъ чарувати?—

„Ой е въ мене чароньки:

„Биле личко, бровоньки!“

дѣвницѣ, но также и съ цѣлью отворотить отъ нея. Такъ въ одной пѣснѣ козакъ, встрѣчая дѣвицу съ водою въ ведрахъ, проситъ напиться, а она ему отвѣчаетъ, что мать не велѣла давать этой воды; какъ принесетъ она ее домой—примутся чародѣйствовать, а какъ онъ придетъ къ нимъ вечеромъ, такъ ему опутаютъ чарами руки, ноги и глаза, чтобъ онъ не ходилъ къ другой дѣвицѣ и не любилъ другихъ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ, которая, кажется, извѣщенный по содержанию вариантъ предыдущей, несущая воду дѣвица отвѣчаетъ козаку, что она опутаетъ его чарами для того, чтобъ онъ къ ней не ходилъ болѣе, и молодецъ укоряетъ ее, что прежде ласкали его, а теперь не хотятъ уже его видѣть, потому что появились другіе молодцы ²⁾.

Опутанный чарами молодецъ подвергается тоскѣ. Онъ проситъ свою мать положить ему за пазуху руку, не станетъ ли ему оттого лучше на сердцѣ. Мать отвѣчаетъ: не поможетъ тебѣ и рука моя, что тебѣ надѣлала злодѣйка дѣвица ³⁾. Мать узнаетъ, что дѣвица чаровала надъ пескомъ, вьятымъ изъ-подъ его ногъ, и пошла его водою изъ зеленого брода ⁴⁾. Сама дѣвица сознается, что творила чары и что ей извѣстно такое зелье, что когда онъ напьется, то сразу полюбить ⁵⁾. Существомъ, занимающимся чародѣйствомъ, считается цыганка, и въ

¹⁾ Тамъ дивчина воду несла, коромысло гнетъся.

„Дай, дивчино, воды нити, бо серденько бьется“.

— Не казала мене мати сен воды дати,

Якъ прийдешъ у вечери, будемъ чарувати:

Очаруемъ руки, ноги и чорныи очи,

Що бъ не ходивъ до иншон теменькои ночи.

Бодай тебе, козаченько, ворота прибили,

Що бы тебе писля мене инши не любили... (Чуб. V. 421).

²⁾ — Ой дай мила, ой дай мила зъ ведра воды пити,

— Ой чи якъ перестану за тобою тужити! —

„Не дамъ, не дамъ зъ ведра воды, не казала мати,

„Прийди, прийди самъ зъ вечира, буду чарувати.

„Обчарую руки, ноги, обчарую очи

„Щобъ до мене не ходили теменькои ночи“.

— Перше-сь мене голубила сама-сь ми мовила,

— Теперъ хочешъ що бы-сь мене бильше не видила,

— Якъ узаяв бильше людей къ тоби прибувати,

— А ты мене, молодого, взяла чарувати. (Голов. I. 286—287).

³⁾ „Ой ты, стара нене, та сядь коло мене,

„Заклади ручину та й за пазушину,

„Чи не полегчае моему серденьку?“

— Уже тоби не поможе и моя ручина,

— Бо шось учинила та превража дивчина. (Чуб. V. 420).

⁴⁾ „А то тоби, мій сыночку, дивчина наробила,

„Брала писокъ зъ пидъ бильхъ ногъ та вычарувала,

„Брала воду зъ зеленого броду, тебе наповала!“ (Чуб. V. 423).

⁵⁾ „Чи ты мени зилья дала у горильца спити,

„Що я тебе такъ узаявса вирненько любити?“

— Ой якъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,

— Сядокъ брала, къ серцю клала, що вирно кохала.

— Есть у мене таке зилья, била перелазу

— Якъ дамъ тоби напиться, полюбишь одъ разу. (Чуб. V. 418).

народномъ возрѣніи и въ пѣсняхъ. Молодецъ просить у ней такого средства, чтобы дѣвица вступила съ нимъ въ супружество, и цыганка стрижеть коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья (вѣроятно, молодца) ¹⁾. Въ другой пѣснѣ, очень похожей по складу на первую, дѣвица прибѣгаетъ къ цыганкѣ съ просьбою причаровать къ ней молодца ²⁾. По одному варианту цыганка, отрѣзавши у коня часть гривы, обкуривала дѣвицу ³⁾, и это провзвело такое дѣйствіе, что козакъ сталъ убиваться за этой дѣвицей ⁴⁾; по другому варианту, цыганка, отрѣзавши часть русой косы дѣвицы, напавла ее съ коварною цѣлью, чтобъ ее не любила ни челядь на улицѣ, ни родная мать, которая не пускала бы ее на улицу ⁵⁾.

Вечерницы изображаются опаснымъ мѣстомъ, гдѣ чаровницы наносятъ вредъ молодцамъ своими чарами ⁶⁾. Есть очень распространенная пѣсня о Грицѣ, котораго дѣвица заввала къ себѣ на вечерницы ⁷⁾. Въ пѣснѣ описывается цѣлая недѣля, когда совершается преступленіе. Въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ готовится отравка ⁸⁾, въ среду Гриць отравленъ ⁹⁾, въ четвергъ онъ умеръ ¹⁰⁾, а въ пятницу его схоронили ¹¹⁾. Въ субботу мать чаровницы допрашиваетъ ее, за что она свела со свѣта Гриця и получаетъ отвѣтъ, за то, что Гриць любилъ двухъ дѣвицъ ¹²⁾, а не одну ее. Въ другой пѣснѣ ядовитое зелье,

1) „Цыганочко-вороженько вчини мою волю.

„Чи не стане дивчиньонька дошлюбу зо мною“.

Цыганочка-вороженька волю учинила

Сивому кониченьку гриву устригла,

Бодай тебе, дивчиньонько, вся семья любила!

(Чуб. Ibid.).

2) Цыганочко-вороженько вчини мою волю

Ожаруй ты козаченька, що бѣ винъ живѣ зо мною... (Ibid. 418—419).

3) Увирвала да съ коня гривы, дивчину курила.

(Чуб. V. 419).

4) Молоденькій козаченько якъ рыбонька бьється,

Молодая дивчиньонька зъ козаченька сміється.

(Ibid.).

5) Уривала русои косы, їм напоила

Що бѣ їм молодои челядь не любила;

Не такъ челядь, якъ ридная мати,

Не пускае на улицу межъ челядь гуляти.

(Чуб. V. 420).

6) Не йди, синку, на вечерници,

Де дивчата чаривници,

Держать чары на полиця.

(Чуб. V. 421).

7) „Ой ты, Грицю, дорогій кришталю,

„Чи ты не знаешь, де я мишкаю?

„Моя хатина близько криници

„Прійди до мене на вечерници!“

(Чуб. V. 431).

8) Въ неділю рано зильля копала,

Въ понеділокъ рано зильля пополокала,

Въ виторокъ рано—зильля варила.

(Ibid. 429).

9) Въ середу рано Гриця отруила.

(Ibid.).

10) Прійшовъ четвергъ—уже Гриць померъ.

(Ibid.).

11) Прійшла пятниця—поховали Гриця.

(Ibid.).

12) Въ субботу рано мати дочку била:

На що ты, суко, Гриця отруила?

Охъ мати, мати, жаль ваги не мае,

Нехай Грицуне насъ двоохъ не кохае.

(Чуб. V. 429—430)

которымъ отравляетъ дѣвица молодца, называется «коханъ-зѣбля», т.-е. любовное зелье ¹⁾. Дѣвица подаетъ молодцу отраву то въ стаканѣ съ медомъ ²⁾, то въ пирогахъ ³⁾, то въ перепелкѣ, сжаренной въ маслѣ ⁴⁾; въ пятой пѣснѣ, носящей печать вліянія великорусскаго пошиба, отравленнаго молодца хоронять, за гробомъ его съ плачемъ идутъ родители, а злодѣйка стоитъ у своихъ воротъ и насмѣхается ⁵⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ отравленный дѣвицею молодецъ, чувствуя скорую смерть, проситъ мать не преслѣдовать отравительницу, чтобы она его не проклинала, потому что ему тогда будетъ трудно умирать ⁶⁾. Отравы не всегда влекутъ послѣ себя скорую смерть. Мать съ дочерью грозятъ молодцу, что его постигнетъ такая бѣда, что онъ будетъ сохнуть-увядать, семь лѣтъ лежать въ постели и желать смерти, а смерти ему долго не будетъ ⁷⁾. Подобно тому въ одной пѣснѣ молодецъ, любившій разомъ трехъ дѣвицъ, былъ одною изъ нихъ отравленъ, и хотя не умеръ сразу, но не могъ отъ безсилія ни пахать, ни косить ⁸⁾, ни молотить ⁹⁾ и помышлялъ только о смерти ¹⁰⁾. Это то, что въ народномъ вѣрованіи называется «даванья». Малороссіане вѣрятъ, что чародѣйки находятъ средства нагнать на человѣка тоску, упадокъ силъ и, не при-

- ¹⁾ Дала дивчинюлька козакови коханъ-зѣбля спити,
Що бь ему молодому на свити не жити. (Чуб. V. 429).
- ²⁾ Собя меду наварю та й у гости позову,
Козаченька молодого на ослинци посажу,
Стаканъ меду пиднесу, зло-кориньямъ отрую. (Чуб. V. 435).
- ³⁾ Прійшовъ Василь до дивчини, тай сивъ на порохѣ,
Вона ему дала чары въ пшеничнымъ пирозк:
Въ единымъ рази у пирозк шавлія и рута,
Въ другимъ рази у пирозк проклата отрута
Гадивночка люта. (Чуб. V. 434, 436).
- ⁴⁾ Ой пиславъ я до дивчини Насти,
Дала вона мени перепилку въ масли.
Ой изивъ же я но крыльце и реберце,
Пиднерло мене пидъ груди, пидъ серце. (Чуб. V. 435. Голов. III. 163).
- ⁵⁾ Зъ вечора удалый молодчикъ все пивъ и гулявъ,
А къ пивночи удалый молодчикъ Богу душу отдавъ.
А у неділю въ обидню годину везуть хоронить,
За нимъ иде отецъ,—ненька розбивається,
Стоить шельма на новыхъ воротахъ—насмѣхается. (Чуб. V. 432).
- ⁶⁾ Якъ мѣ дала склянку вина, треба умирати,
Не позывай, моя мати, богацькую дочку,
Богацькая дѣвичнюлька буде проклинати,
Буде мнѣ молодому тяжко умирати. (Голов. III. 161).
- ⁷⁾ Йисохнешъ, изовьянешъ якъ рожева квітка,
У постели лежатимешъ смерти бажатимешъ,
У своен матусеньки воли прохатимешъ.
Сѣмъ лѣтъ трасця трусятеме, а смерти не буде. (Чуб. V. 422. Метл. 86).
- ⁸⁾ Не здужаю, брате, на воля гукати
Не здужаю, брате, косы волочити. (Чуб. V. 364).
- ⁹⁾ Не здужаю, брате, ципа поднимати. (Ibid.).
- ¹⁰⁾ На що жъ мени, мати, людей старихъ съвати,
Треба жъ мени, мати, заступа, лопаты,
Дубовои хаты, глибокою амы. (Ibid. 365).

чинная сразу смерти, медленно уничтожать его тѣлесный организмъ (о царствѣ великор. ср. Шейна I. 327—329).

Обыкновенно въ пѣсняхъ представляется, что дѣвица отравляетъ молодца изъ мщенія за невѣрность, но есть пѣсня, гдѣ по наущенію молодца дѣвица отравляетъ своего брата. Это пѣсня о сербинѣ. Дѣвушка говоритъ молодцу, чтобъ онъ ее сваталъ, а молодецъ сербинѣ отвѣчаетъ, что боится ея брата, и если бы она отравила своего брата, тогда онъ бы ее сваталъ ¹⁾. Дѣвица говоритъ, что умершіе ея родители не научили ее чародѣйствовать ²⁾. Тогда сербинѣ научаютъ ее, какъ достать змѣйнаго яда ³⁾. Въ другомъ вариантѣ вѣсто сербина искусителемъ является ариянинъ ⁴⁾, а въ иныхъ—просто козакъ ⁵⁾.

Дѣвушка къ пріѣзду возвращающагося брата наварила пива, подкинула туда яда и поднесла брату, какъ только онъ подѣблалъ къ ея порогу ⁶⁾. Во многихъ вариантахъ фабула оканчивается тѣмъ, что искуситель не женился на преступницѣ, опасаясь, чтобъ она съ нимъ не сдѣлала того же, что съ братомъ ⁷⁾. Она выжила за нищаго и носила за нимъ мѣшокъ съ выпрошенными

1) Ой Сербине, Сербиночку!

Возьми мене дивчиночку!

Ваявъ бы я тебе небого,

Якъ счаруешь брата свого.

(Ср. Голов. I. 206. II. 583).

2) А вмерь батько, вмерла мати,

Не навчила чарувати.

(Чуб. V. 433).

3) Ой у лисѣ на алинѣ

Ой тамъ висить три гадини,

На гадину сонце пече,

А зъ гадини ропá течѣ.

Пидставъ, дивча, коновочку

Пидъ гадючу головочку.

(Чуб. V. 432).

4) Тамъ вармяне пасли кони.

Пасли жъ вони попасали

Дивчиноньку пидмовляли:

„Мандруй, мандруй дивча зъ нами,

Зъ молодими вармянами:

— Ой рада бъ я мандрувати,

— Коли буде мій братъ знати.

„Счаруй, дивча, брата свого,

„Иди за мене молодого!“

(Чуб. V. 433).

5) Ой козаче, козаченьку

Сватай мене молоденьку.

(Ibid.).

6) Братъ пріѣхавъ зъ дароньками,

Сестра къ брату зъ чароньками.

„Ой на, брате, сего пива,

„Що я вчора наробила.“

Якъ братъ пива да й напився,

По конику покотився.

— Що се, сестро, да й за пиво

— Коло серця заварило!

(Чуб. V. 432).

7) „Ой Сербине, Сербиночку,

„Бери мене дивчиночку,

кусками хлѣба, претерпѣвая подчасъ отъ него побой ¹⁾. Въ вариантѣ галицкомъ выхода въ замужество за нищаго нѣтъ. (Подобнаго содержанія польская пѣсня у Кольберга. 5. 1. 134).

Хотя обыкновенно отравительницами въ пѣсняхъ являются дѣвушки, но видно, что чародѣйская наука изъ поколѣній въ поколѣнія переходитъ отъ старыхъ къ молодымъ и дѣвѣнцы научаются чародѣйственнымъ тайнамъ отъ женщинъ-вдовъ. Въ одной пѣснѣ молодецъ, не влюбивши дѣвушки и предпочитая ей вдовицу, говоритъ, что у вдовицы стоятъ на полкѣ приготовленныя чародѣйственныя сладоби ²⁾. Въ другой пѣснѣ говорится о трехъ бабахъ чаровницахъ: изъ нихъ одна оклодовывала коровъ (занятіе вѣдьмъ, по народнымъ вѣрованіямъ, портить чужихъ коровъ), другая занимается тѣмъ, что разстраиваетъ домашнее житье-бытье, а третья—разлучаетъ дѣвицъ съ ихъ милыми ³⁾. Въ одной пѣснѣ указывается на вѣрованіе, что есть возможность чародѣйственнымъ способомъ устроить на пути преграду между желающими видаться. Дѣвица говоритъ своему милому, что ей нѣтъ возможности ни придти къ нему, ни поговорить съ нимъ, потому что тропинка опутана чарами ⁴⁾. Молодецъ говоритъ, что когда онъ поѣдетъ на своемъ конѣ, тогда чары потеряютъ свою силу: вороной конь черезъ нихъ перескочитъ ⁵⁾.

„Вже ся не бій брата мого,

„Строила мѣ го рожегого“.

— Не возьму тя, дивчинонько,

— Строила съ ти брата свого,

— Брата свого рожегого,

— Строишь й мене молодого.

(Голов. I. 207. Голов. II. 588).

1) Пшла дѣвка за жebraна,

Жebraнъ ходить хлѣба просить,

А дивчина торбы носить.

Жebraнъ хлѣба що выпросить, то все въ торбу,

А дивчину та все въ морду.

(Чуб. V. 433).

2) А въ вдовици дви свитлици гарни вечерницы,

Стоять чары завязани въ горшку на полицѣ.

(Чуб. V. 423).

3) Ой пійду я на воду—тамъ коло броду,

Тамъ три бабы чаривници набирають воду,

Една бабонька чаривниченька що коровы чаруе,

Друга бабонька чаривниченька що мишеаньнячко псуе;

Третья бабонька чаривниченька що зъ чорными очима,

Ой тая мене зъ монимъ миленькимъ та и розлучила. (Голов. I. 271).

4) Ой горами, мій милий, горами

Перепята стежка чарами,

А ни прійти, а ни перейти,

Ни съ тобою говорити.

(Чуб. V. 193).

5) Тогди будешъ, мила, говорити,

Якъ я буду коникомъ ѣздити.

Тогди горы розійдуться,

Тогди чары розиллюються.

(Ibid.).

ГЛАВА III.

Свадьба.

Сватовство.—Сговоръ или заручины.—Суббота.—Гильце.—Коровай.—Дѣвчѣ-вечеръ.—Расплетаніе косы.—Вѣнчаніе.—Прїѣздъ жениха за невѣстою.—Игра въ войну.—Братъ невѣсты.—Подарки.—Ужинъ у невѣсты.—Отъѣздъ новобрачныхъ изъ дома невѣсты.—Комора.—Перезва.

Свадьба—эпоха полного расцвѣта молодости, эпоха высшего торжества въ скромной жизни поселаннина, рѣдко выдвигающейся за предѣлы однообразнаго домашняго быта. Свадьба—время самое веселое, на всю остальную жизнь незабвенное, оно въ малорусской рѣчи даже носитъ нарицательное имя веселы (весилья). Нѣкоторые привыкли думать, что вообще въ мужицкомъ быту нѣтъ обоеднаго выбора въ бракѣ и господствуетъ авторитетъ старшихъ и насилие. Ошибаются, если полагаютъ, что такое существуетъ во всей жизни малорусской. Принудительные браки по волѣ старшихъ, такъ часто совершаемые у великоруссовъ, у малоруссовъ бываютъ рѣже. Супружества начинаются чаще всего по взаимному желанію жениха и невѣсты и это вполне естественно тамъ, гдѣ существуютъ улицы, вечерницы и досвѣтки; все это на тотъ конецъ и сложилось, чтобы молодежь обоеихъ половъ знакомилась и сближалась между собою. Обыкновенно молодецъ женится на такой дѣвушкѣ, которую звалъ уже давно на улицахъ и вечерницахъ, а часто на такой, съ которою цѣлый годъ передъ тѣмъ или долѣе женился и даже ложился спать вмѣстѣ. Если такіе расходятся и не оканчиваютъ бракомъ своей любви, то по исключительнымъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ.

Когда молодецъ приметъ твердое намѣреніе вступить въ супружескій союзъ, онъ объявляетъ объ этомъ родителямъ. Какъ смотрятъ старые люди въ этомъ случаѣ на бракъ—показываетъ пѣсня: сынъ спрашиваетъ матери: какую дѣвучку ему сватать. Мать даетъ совѣтъ не сватать такой, которая выставляется съ своими нарядами, а сватать такую, которая умѣетъ дѣло дѣлать, а объ этомъ разспрашивать людей ¹⁾. Сынъ говоритъ, что такая именно у него есть въ виду и проситъ родительскаго благословенія ²⁾. Родители жениха переговаривать съ родителями невѣсты, согласятся, условятся, выпьютъ на радостяхъ горѣлки, и тутъ вся суть дѣла. Устраняется свадьба. Это—народная полуязыческая интур-

¹⁾ „Чи ту, мамо, сватать, що головка гладка?“

— Сватай, синку, й людей пытай, чи метена хатка.—

„Чи ту, мамо, сватать, що намистичко висить?“

— Сватай, синку, й людей пытай, чи джу замисить!—

„Чи ту, мамо, сватать, що дрибенько ходить?“

— Сватай, синку, й людей пытай, чи длечко робить!

(Чуб. IV. 52—53).

²⁾ „Робить вона дило, да все хорошенько:

„Благослови жъ ты насъ, Боже, и ты, матусенька!“

(Ibid.).

гія со множествомъ крупныхъ и мелкихъ символическихъ приѣмовъ, сопровождаемыхъ исключительно къ нимъ принадлежащими припѣвками и пѣснями. Весь этотъ обиходъ, всѣ приѣмы, обряды, символическіе вещественные предметы, пѣсни, припѣвки, аллегорическія рѣчи, движенія—все это сохраняется въ народѣ, какъ дань уваженія къ старинѣ, доходящаго во многомъ до суевѣрія. На всемъ лежитъ отпечатокъ сѣдой, можно сказать, доисторической старины. Но на этой первичной почвѣ видны наслоенія послѣдовавшихъ эпохъ народной исторіи. Вообще свадебный малорусскій ритуалъ остается неизмѣнно одинакимъ въ своихъ главныхъ чертахъ на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскими племенемъ, но въ подробностяхъ видоизмѣняется, не утрачивая нигдѣ своего основного смысла. Вся свадьба или свадебное дѣйство раздѣляется на три главныя части: стговоръ или заручины, дѣвичь-вечеръ и брачное торжество, происходящее въ день вѣнчанія. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется, а въ заключеніе, уже послѣ совершенія брачнаго торжества, происходитъ эпилוגъ, такъ называемая перезва.

Сговоръ состоитъ въ началѣ изъ посѣщенія жениха съ толпою своей родни и съ избранными сватами, играющими роль какъ бы посредниковъ. Получивши первое согласіе, черезъ день или на другой день происходятъ заручины или рукодаини. Сваты, по обряду, проводятъ рѣчь о князѣ, который, отправившись на охоту, гонялся за кунцею или лисцею. Звѣрь забѣжалъ въ этотъ дворъ и они затѣмъ зашли сюда, чтобы достать его. Князь-женихъ въ это время стоитъ въ сѣняхъ за дверьми. Здѣсь очевидно слѣдъ звѣроловнаго быта. Въ другихъ мѣстностяхъ сваты представляютъ видъ, что отъ нихъ ушла телушка и они хотятъ добыть ее къ своему бычку. Здѣсь является уже признакъ другого быта, который проходилъ народъ—быта пастушескаго. Хозяева говорятъ гостямъ, что они вѣрно худые люди, разбойники, и надобно ихъ перевязать. Это и дѣлается: всѣхъ гостей перевязываютъ платками и (рушниками) полотенцами. Тогда гости предлагаютъ окупъ. Здѣсь также слѣды того давняго времени, когда захожаго иновемца, какъ чужого человѣка старались при возможности обобрать, посягали на его свободу и заставляли откупаться отъ неволи. Въ первое посѣщеніе жениха со сватами неврѣста обыкновенно прячется за печь или убѣгаетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ жепихъ, а потомъ, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ въ хату или сошедши съ печи, даетъ согласіе. Во второе посѣщеніе въ значеніи окупа отъ жениха предлагается водка и кромѣ того подарки неврѣстѣ (сапоги, рубаха и разныя лакомства). Родители неврѣсты ставятъ на столъ закуску. Жениха и неврѣсту заставляютъ кланяться родителямъ неврѣсты, а тѣ ихъ благословляютъ хлѣбомъ, соединеннымъ изъ двухъ слѣпленныхъ хлѣбовъ, и пучкомъ ржи изъ сноповъ, заранѣе приготовленныхъ и разставленныхъ по четыремъ угламъ хаты (Чуб. IV. 67). Тогда заранѣе приглашенные составляютъ свадебный поѣздъ неврѣсты начинаютъ запѣвать свадебныя пѣсни, принадлежащія по обряду именно къ этой части свадебнаго ритуала. Жениха и неврѣсту сажаютъ на почетное мѣсто (на покутѣ) въ углу подъ образами, около нихъ садятся гости—обокъ жениха сваха и его родители, близъ неврѣсты, которую сажаютъ на лѣвую сторону отъ жениха—ея дружки, т. е. дѣвицы, составляющія свадебный персоналъ неврѣсты¹⁾.

¹⁾ Въ дѣльномъ и ученомъ изслѣдованіи харьковскаго университета профессора Н. О. Сумцова, стр. 9—35 о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, очень н. костюмаровъ, книга VIII.

Изъ множества пѣсенъ, принадлежащихъ этой части обряда, мы укажемъ на болѣе характеристическія. Такъ въ одной пѣснѣ поется, что невѣста изъ нѣсколькихъ претендентовъ избрала одного, жениха своего. Трое старость приходило ее сватать; одинъ она просто отказала, другихъ угощала, третью руку подала и подаривла по полотенцу, а жениху (имя-рекъ) платочекъ ¹⁾. Въ другой—женихъ сравнивается съ соколомъ, который ищетъ себѣ черную галку: такъ и молодецъ прибылъ изъ чужой стороны, сѣлъ за столомъ и поглядываетъ на дѣвицу: всѣ веселы, одна невѣста печальна и плачетъ ²⁾.

Ей жаль своего дѣвчества, не знаетъ ли ея руки такъ бѣны, какъ были онѣ у родного батюшки ³⁾. Она садила у себя садъ-виноградъ, за-была затворить ворота. Найдетъ молодецъ съ боярами, вытончетъ виноградъ. Не жалѣй, говорятъ ей, винограднаго цвѣта, жалѣй о молодыхъ лѣтахъ: виноградные цвѣты обновятся, а молодые лѣта твои не вернуться ⁴⁾.

удовлетворительно изложены историческіе фазисы прежнихъ эпохъ народной жизни, какъ они выражаются до сихъ поръ въ удѣлѣвшихъ приемахъ свадебнаго ритуала, начиная съ первообитнаго грубого умыканья и кончая болѣе культурными формами сдѣлокъ и договоровъ, въ формѣ кули и продажи невѣсты. Это, по нашему убѣжденію, самое лучшее, до чего доработалась наша наука по вопросу объ историческомъ значеніи свадебнаго ритуала.

¹⁾ Ой прислалоса до дивки Маруськи трое старостивъ разомъ:

Первыи прійшли—у присинечки ввійшли.

Други прійшли—въ синечки ввійшли.

Третіи прійшли—въ свитлоньку ввійшли.

Що въ присинечкахъ—тихъ частовала,

Що въ синечкахъ—тимъ одказала;

Що у свитлоньки—тимъ ручку давала,

Ще й по рушничку, молодому (имя-рекъ) хусточку. (Чуб. IV. 68).

Или:

Первыи сваты—пидь сѣньми киньми.

А други сваты въ синечки ввійшли,

А третіи сваты въ свитлочку ввійшли.

Пидь сѣньми-киньми—хусточку дала,

А що въ синечкахъ—перстенечокъ дала,

А що въ свитлоньцѣ—сама молода.

(Ibid. 69).

²⁾ Налынувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ—

Ой поглядае по всѣхъ галонькахъ...

Его галонька найчорнійша.

Найхавъ Ивашко изъ чужихъ селъ,

Ой сивъ соби въ тества за столомъ,

И поглядае по всѣхъ дивонькахъ:

Ой вси дивоньки веселеньки,

Его Маруса смутянька сидить.

(Ibid. 70).

³⁾ Одвидала-бъ чужу сторону,

Не такъ сторону, не такъ чужу—якъ чужого батенька.

Чи вишь добрый, чи добровирный

Якъ мій рідный?

(Ibid. 71).

Или:

Била моя рученька да у батенька

Чи буде блиша у свекорка.

(Ibid. 70).

⁴⁾ Забула воротечки зачинити...

Особенно отличаются глубиной чувства и живостью поэтических образов пѣсни, которыя въ этотъ періодъ свадебной пьесы поются сиротѣ-невѣстѣ. Отвори, Боже, ворота—поется—идеть сирота на посадъ. Ноетъ ея сердце, будто ножемъ его рѣжутъ; нѣтъ у ней родного батюшки. Господь встрѣчаетъ ее со счастливою долею, даруетъ ей добрую семью ¹⁾. Сирота хотѣла бы послать соловья и кукушку за родными, но соловей не возвращается съ неба и отецъ не приходитъ изъ рая, а родныхъ нѣтъ изъ Украины ²⁾. Здѣсь, какъ намъ кажется, отпечатались тѣ времена, когда происходили народныя переселенія на слободы, и много было оставшихся въ малороссійскомъ краѣ, лишившихся своихъ родныхъ, выселившихся съ родины.

Дѣвичь-вечеръ—второй актъ свадебнаго дѣйства. Въ народной жизни онъ обыкновенно бываетъ въ субботу, накануне вѣнчанія, которое почти всегда назначается на воскресенье. Есть двѣ вещественныя символическія принадлежности этого субботняго дня: гильце или вильце и коровай. Гильце—это вѣтвь обыкновенно сосновая, разубранная цвѣтами, лентами, цвѣтными бумажками, колосьями, ягодами и пр.; лѣтомъ или весною употребляютъ на гильце вѣтвь калиновую, вишневую, яблонную, черемухную, иногда въ полномъ цвѣту ³⁾. Но такъ какъ болѣею частью браки совершаются зимою, то употребленіе сосновой вѣтви на гильце представляется уже какъ бы неизмѣннымъ видомъ, о чемъ намекается въ пѣсняхъ ⁴⁾. Вѣтвь эту втыкаютъ въ хлѣбъ и ставятъ въ такомъ видѣ на концѣ стола, противоположномъ тому, который подходитъ къ образному углу, а сверху вѣтвь эту подвязываютъ сурочкомъ, зацѣпленнымъ за гвоздь, воткнутый въ потолокъ. Эта вѣтвь, украшаемая и вставляемая на столѣ съ приличными обрядами и пѣснями, имѣетъ символи-

Якъ принде Иванъ съ боярами,
То вытопче садъ-виноградъ кониками.
— Ой не жалуй, моя доню, виноградовыхъ евить,
Тилько жалуй, моя доню, молодыхъ лять,
Виновыи квити обновляться,
Лята твои молодии не вернуться.

(Ibid. 70—71).

¹⁾ Одиная, Боже, ворота:
Иде на посадъ сирота.
Нне серденько, якъ ножемъ крас,
Що батенька не мае.
Стричае ѳи Господь самъ
Изъ долею счастливою,
Изъ доброю родиною.

(Чуб. IV. 67).

²⁾ Пошла зозуленьку на Краинойнку
По свою родиноньку;
А соловейка вище неба,
Бо мени батенька треба.
Ни соловья зъ саду, ни батенька зъ раю,
Ни родины зъ Украины.

(Ibid.).

³⁾ Чуб., т. IV, стр. 98 и дал.
⁴⁾ До бору, старосты, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосенку-деревце—
Молодій Маруси на гильце.

(Чуб. IV. 101).

ческое значеніе брачнаго вѣнка, а потому-то говорится: не *ставитъ* гильце, а *вѣситъ* гильце, и притомъ самое гильце въ нѣкоторыхъ вариантахъ одной и той же пѣсни замѣняется словомъ барвинковый вѣнокъ ¹⁾). Въ другихъ пѣсняхъ оно неоднократно называется прямо вѣнкомъ ²⁾). Оно дѣлается въ честь какъ новобрачной, которая называется княгиней, такъ и въ честь новобрачнаго, именуемаго на обрядномъ языкѣ княземъ ³⁾). Собственно нормально символическое дерево для гильца, какъ видно изъ пѣсенъ, есть калина ⁴⁾, которая всегда и повсюду въ пѣсенномъ мірѣ есть символъ выходящей въ замужество женщины. Хотя обыкновенно гильце зимою дѣлается изъ ели ⁵⁾ или сосны, но какъ бы въ память того, что настоящимъ деревомъ для этого предмета должна быть калина ⁶⁾, все деревцо сосновое или еловое сверху до низу унизывается калиновыми ягодами ⁷⁾ вмѣстѣ съ символическими травами барвинкомъ и василькомъ. Барвинокъ, какъ символъ любви, противопоставляется рутѣ и мятѣ, символамъ дѣвственности: невѣста изображается подходящею къ окну хаты въ то время, когда въ этой хатѣ вьютъ ея гильце, и она говоритъ друзьямъ: мнѣ вейте изъ барвинка, а себѣ изъ руты и мяты ⁸⁾. Въ пѣсняхъ убранство гильца—колосья ⁹⁾.

¹⁾ Благослови, Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти гилечко (барвинковый винокъ) звѣти. (Ibid. 99, 100).

²⁾ Благослови, Боже,
Пречиста Госпоже,
Сей виночокъ звѣти!..
Ой мы вильце вили,
Да мы меду не пили. (Чуб. IV. 100, также 101).

³⁾ Зѣ чого мы будемъ князеви винець плести?
Ой е въ городи хрещатый барвинокъ,
Зѣ того мы будемъ князеви винець плести..
(Основа. 1862. Апр. Ст. VIII, стр. 4).

⁴⁾ Якъ Марусѣ гильце вили,
То вси лужечки выходили.
Чорвону калину выламали,
Такъ мы Маруси гильце звили. (Метл. 135).

⁵⁾ Коли бѣ я знала, коли бѣ я вѣдала, шо елечко буде. (Метл. 134).

⁶⁾ То бѣ я послала свого батенька да въ дугъ по калину. (Метл. 134).

⁷⁾ Гильце деревце въ линни
Изъ червонои калины,
Изъ хрещатого барвѣнку,
Изъ пахнющого васильку;
Гильце деревце—ялина,
Видь верху до споду калина. (Чуб. IV. 104).

⁸⁾ Коло свитлоньки, коло новои,
Тамъ Маруса объѣзжае,
Въ оконечко заглядае.
Тамъ дивочки гилечко вьютъ.
Вѣйте, дивочки, соби й мени,
Соби звѣйте зъ руты, зъ мяты,
Мени звѣйте зъ барвиночку. (Чуб. IV. 104).

⁹⁾ Пивъ стога виса висмыкали,
Закыл свое гильлячко вбрали. (Ibid. 103).

вишня ¹⁾, перья изъ птицъ ²⁾). По окончаніи приготовленія гильца невѣста испрашиваетъ у родителей благословенія идти съ дружкой по селу и звать гостей на свадьбу ³⁾. По выраженію пѣсни, матушка, родившая ее, оградила ее мѣсяцемъ, опоясала солнцемъ и снарядила въ село ⁴⁾. Во время хожденія по селу дружки, сопровождающія невѣсту, безпрестанно поютъ принадлежащія къ этому обряду пѣсни. Подступая къ воротамъ то того, то другого двора, онѣ въ пѣсняхъ приглашаютъ обметать дворы, застилать столы и встрѣчать радушно невѣсту и дружекъ ⁵⁾. Невѣста ведетъ съ собою дружекъ, какъ утка утятъ ⁶⁾. Въ одной изъ пѣсенъ, какія поются во время этого хожденія по селу, изображается, что невѣста утопала, звала къ себѣ на помощь, но къ ней не подошли ни родители, ни братья, ни сестры, а подошелъ и спасъ ее молодецъ, за котораго она выходитъ замужъ ⁷⁾. Но высказывается также сожалѣніе вступающей въ бракъ о минувшихъ дняхъ дѣвчества: не примутъ ее въ свой кругъ веселыя дѣвицы въ вѣнкахъ и лентахъ ⁸⁾, напрасно будутъ пѣсти въ ея саду розы, барвинокъ, василекъ; ей уже не вить изъ нихъ себѣ вѣнка и не мать въ

- ¹⁾ Да вси жъ ми сады выходили,
Да вси жъ ми вишеньи виглядали,
Одну вишенью злюбили,
Да й той вершокъ зломилн. (Ibid. 103—104).
- ²⁾ Летѣвъ горностай по надѣ ставъ,
Пускавъ пирячко на весь ставъ;
Збирайте пирячко до пирца
Молодому до гильца. (Чуб. IV. 102).
- ³⁾ Благослови, Боже, и отецъ, и мати,
Своему дитяти на село вихожати. (Чуб. IV. 133).
- ⁴⁾ Мѣсяцемъ обгородила,
Сонячкомъ видперезала,
На село вряжала. (Ibid.).
- ⁵⁾ Обмитайте дворы,
Застилайте столы,
Идутъ къ вамъ дружекчи! (Ibid. 184).
- ⁶⁾ Утинька йде,
Утенята за собою веде;
Да не утка се йде—
То Марьечка йде, соби дружекѣкъ веде! (Чуб. IV. 135).
- ⁷⁾ А батенько та на бережечку,
А матьника
Е човничокъ и веселечко:
„Потопай, мое сердечко!“
.
А Ивась та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
Не потопай, мое сердечко! (Чуб. IV. 138).
- ⁸⁾ Якъ же мени дай не плакати,
Що дивочки гуляють,
Стричечками мають.
А мене не пріймають. (Чуб. IV. 137).

рукахъ пахучаго василька ¹⁾). Жалко ей и отцовскаго двора; обошла она всѣ дворы, а какъ вернулась и подошла къ родительскому, то стало ей грустно ²⁾).

Во время хожденія неvěсты по селу, которое иногда продолжается весь день до вечера, происходитъ въ ея домѣ, какъ и у жениха, приготовленіе короваевъ. Это старинный обрядъ — приготовить и печь свадебный хлѣбъ, называемый коровой. Обычай этотъ былъ, какъ кажется, въ древности повсемѣстно у славянскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ въ оставшихся описаніяхъ свадебъ московскихъ государей и близкихъ къ нимъ лицъ всегда упоминаются короваи. Одинъ коровой жениха, другой неvěсты ³⁾). Эти короваи носились вмѣстѣ со свѣчами во всѣхъ церемоніяхъ, приносились въ храмъ во время вѣчанія, а потомъ неслись въ сѣнникъ, приготовленный для брачнаго ложа. На свадьбѣ великаго князя Василія Ивановича коровой убирался двадцатью семью пѣнягами, а при свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича короваи покрыты были: жениховъ — золотнымъ турскимъ бархатомъ, а царицынь — золотнымъ атласомъ; на покрывахъ было нашито 27 пѣнязей позолоченныхъ ⁴⁾). Такъ же точно и въ описаніи свадьбы вообще великоруссовъ XVII вѣка, сохранившемся у Котошкина, мы видимъ, что коровой или свадебный хлѣбъ составлялъ неотъемлемую вещественную принадлежность свадебнаго ритуала ⁵⁾).

У малорусскаго народа коровой считается важнымъ и необходимымъ, хотя время приготовленія его различно: иногда ранѣе въ пятницу, иногда же утромъ въ воскресенье, но чаще всего въ субботу, въ то время какъ неvěста ходитъ съ дружками по селу.

Коровой готовятъ (бгаютъ по народному выраженію, что буквально значить заламывають) непременно замужнія женщины, которыхъ мать неvěсты для этой цѣли приглашаетъ ⁶⁾), и отецъ жениха представляется дѣлающимъ для

¹⁾ Все роженъка процвѣтае,

Хрещатый барвиночекъ

Встпале садочокъ,

А запашный василѣчокъ

Зъ тыномъ рывнається.

— Все жъ мени зъ теи роженъки

— Виночка не носить,

— И запашного василѣчка

— Въ рученьки не вѣлять!

(Чуб. IV. 140).

²⁾ Молода Маруся вси дворы обходила,

Но нигде слѣзы не вронила,

А якъ прійшла на батькивъ двіръ,

То стала, подумала, жалюбно заплакала:

„Ой дворе мій, дворе, яке тобі горе;

„Не такъ дворонькови, яке своєму батецькови. (Чуб. IV. 140—141).

³⁾ Др. Росс. Виллюонка. Изд. Новикова. 1790. Ч. XIII, стр. 5, 6, 9, 23.

39, 48, 63, 76, 82, 118, 125, 151, 165, 167, 183, 190.

⁴⁾ Ibid. 183.

⁵⁾ О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Спб. 1840, гл. I, статья 11, стр. 7.

гл. XIII, статья 5, стр. 121.

⁶⁾ Марусина мати по сусидоньци ходить

Сусидъ своихъ просить:

своего сына то же ¹⁾). Они просят коровайницу приготовить коровай ясный какъ мѣсяцъ ²⁾). Коровайницы, явившись къ дѣлу, прежде всего желаютъ выпить горѣлки ³⁾). Коровай долженъ быть приготовленъ изъ такой пшеницы, которая уже семь лѣтъ стояла въ стогѣ ⁴⁾, а по другому варианту изъ пшеницы, взятой изъ семи стоговъ ⁵⁾ и на водѣ непремѣнно ⁶⁾ родниковой — по одному варианту изъ трехъ ⁷⁾, по другому изъ семи родниковъ ⁸⁾, и разубравъ калиною ⁹⁾. Въ другой пѣснѣ, кромѣ пшеничной муки и родниковой воды, къ короваю считаются нужными масло изъ молодыхъ коровъ, яйца изъ молодыхъ куръ и прозрачная соль ¹⁰⁾. Тѣсто коровай должно такъ подойти вверхъ, чтобъ быть выше того, какъ высоко стояла пшеница, изъ которой дѣлался коровай, когда находилась на нивѣ въ снопахъ и на гумнѣ въ стогѣ ¹¹⁾. Мать невѣсты должна подать коровайницамъ родниковой воды, чтобъ онѣ помыли себѣ руки предъ починномъ работѣ ¹²⁾. Приступаютъ къ работѣ съ пѣснями, въ которыхъ призы-

Да сусидовки мои, прибудте къ мени,
Да до моеи хаты, до моего дитяти,
Короваю бгати.

(Чуб. IV. 215).

1) Ивашковъ татко по юлоньци ходить,
По юлоньци ходить, сусидъ своихъ просить,
Не къ соби къ дитяти, короваю бгати.

(Чуб. IV. 216).

2) Та злинить коровай красный, якъ мѣсяцъ ясный!
3) На Бога жъ вы гляньте, та намъ горилки дайте.

(Ibid.).

(Ibid.).

4) Що въ нашемъ короваю семилитня пшеница.

(Чуб. IV. 222).

5) Зъ семи стогивъ пшеница.

(Ibid. 228).

6) Якъ ми коровай мисли —

Зъ дунаю воду восли...

А дунай же къ намъ промовляе:

Да не берить водици зъ дунаю,

Да наберить водици зъ криници.

(Чуб. IV. 224—225).

7) Изъ трехъ криницъ водици

(Чуб. IV. 222).

8) Зъ семи криницъ водици.

(Ibid. 228).

9) Мовила, говорила червона калина:

Не подѣба моя у лузи стояти,

Але подѣба моя у короваѣ сѣти.

(Ibid. 217, также 228).

Или:

Пийдемо до рѣчки калины ламати,

Коровай убирати.

(Чуб. V. 229).

10) Ой короваю, короваю.

Мени до тебе кошту треба:

Корець муки пшеничнои,

Цеберъ воды криничнои,

Хваску масла яровныхъ коровъ,

Копу лець молодыхъ курей,

Гарнець соли ледовои...

(Чуб. IV. 224).

11) Густая буйная (пшеница) на ниви,

Частыи снопочки на жниви,

Да высоки стоги на гумни,

Выщій нашъ коровай на столи.

(Чуб. IV. 218).

12) Марусяна мати нехай приїде,

вается содѣяствіе Бога и святыхъ его ¹⁾). Кромѣ калиновыхъ вѣтвей съ ягодами, которыя вмѣстѣ представляются цвѣтуцни надъ тою коморою, гдѣ приготавливаютъ коровой ²⁾, убранство коровай составляютъ вишни, виноградъ ³⁾, птичьи перышки ⁴⁾ и червонцы ⁵⁾, которые дѣйствительно клалась въ жарскія короваихъ, а у малоруссовъ остаются только въ пѣсняхъ, на дѣлѣ замѣнясь кофѣйками. Коровайницы разрисовываютъ коровай узорами съ изображеніемъ звѣздочекъ и птичекъ ⁶⁾. Онѣ хотять заказать вузнецу особую котергу для выгребанія золы изъ печи и особую лопату для посадки въ печь своего коровай ⁷⁾ да еще мечъ, которымъ бы можно было прорубить въ печи отверстіе, чрезъ которое вставить коровай и дать ему испечься и выйти изъ печи въ комору ⁸⁾.

Нехай принесе зъ криници водици;
Нехай помнятъ коровайнички ручки. (Чуб. IV. 220).

1) Поможи Боже, Пречиста Мате,
Въ тымъ дому на тисовнмъ столу коровай бгати. (Чуб. IV. 218).

Или:

Самъ Богъ коровай мисить,
Пречистая свитить,
Анголи воду носять,
Господа Бога просать. (Ibid. 222, также 223).

2) Зацвила калина не литомъ—зимомъ, надъ тею коморою
Де коровай вбирають, хорошенько спивають. (Чуб. IV. 234).

3) Свити, мисляченьку, ясною зоромъ
Де коровай убираютъ; вишни якъ черешни,
Винни яголоньки, райскіи пташоньки,
Де коровай убираютъ, хорошенько спивають. (Чуб. IV. 230).

4) Летѣвъ горностаей черезъ садъ,
Пустивъ пирячю на весь садъ:
Ходѣтъ, сестрици, зберемъ
Да хорошенько коровай уберемъ. (Чуб. IV. 234).

5) Мнъ жъ були коровайнички,
Мнъ вмили коровай негги
Около окільцями
Въ середнѣй червинцими. (Чуб. IV. 231).

6) Въ насъ хорощиськи (язъ села Хорошавки) жиночки
Хороше коровай гафтуютъ:
До коло зороньками,
Райскими пташечками. (Чуб. IV. 230).

7) Ходимъ до ковала,
Щобъ намъ сковавъ котергу,
Щобъ намъ пичку выгребти.
Рано мнъ, рано ходимъ до ковала,
Щобъ намъ сковавъ лопату
Да широку якъ лаву,
Опечемъ коровай на славу. (Чуб. IV. 231).

8) Да скупъ мени, коваленьку, гострий мечъ,
Да й прорубамъ зверху пецъ,
Щобъ нашъ коровай спужався,
Зъ печки на вецко собрався,
Зъ вецкомъ у комору сховався. (Чуб. IV. 231).

Преси Бога, Марусенька, поется съ обращеніемъ къ невѣстѣ—преси Бога, чтобы твоей коровой вышелъ прекрасенъ, какъ божій день, какъ солнышко, что на насъ слотрнть черезъ окно ¹⁾. Передъ посадкою въ печь коровай испрашивается благословеніе старостъ ²⁾, потомъ приглашаютъ двухъ молодцовъ, изъ которыхъ одинъ въ пѣснѣ называется кудрявымъ (кучерявымъ), а другой богатымъ, перваго выметать печь, а втораго сажать туда коровай ³⁾. Посадивши такимъ образомъ коровай въ печь ⁴⁾, коровайницы поднимаютъ трижды квашню, ударяютъ ею о перекладину потолка, цѣлуются между собою ⁵⁾, обращаясь къ печи съ просьбой спечь хорошенько коровай. Вспоминается и сосна, которая должна горѣть, когда будетъ печься коровай ⁶⁾. Пока коровай печется, коровайницы угощаютъ герѣлкой, которую сами у хозяевъ выпрашиваютъ ⁷⁾, подтруниваютъ другъ

1) Преси Бога, Марусенько, щобъ Богъ давъ,

Що бъ ти ся коровай давъ:

Якъ день билий, якъ Богъ милий,

Якъ яснее сонечко, що свѣтять въ виюнечко. (Чуб. IV. 284).

2) „Старосто, пане подстаросто, благословить коровай у пичъ посадить!“

— Богъ благословить! (отвѣчаетъ староста). (Чуб. IV. 286).

3) Кучерявий пѣчъ вымѣтае,

А багатый сажаетъ.

(Чуб. IV. 287).

4) Описаніе коровай у Чубинскаго: „Обыкновенная форма коровай — большой хлѣбъ, но иногда готовятъ его и другимъ способомъ. Берутъ коржъ, посыпаютъ его овсомъ, сверху кладутъ копѣйку или больше“ (что замѣняетъ червонецъ, о которыхъ поется). „На этотъ коржъ накладываютъ одна на другую семь палиницъ (хлѣбовъ пшеничныхъ) и на верхней дѣлаютъ изображенія мѣсяца, а вокругъ него раскладываютъ пять шишекъ, обводятъ каймой“: это называется подперезать коровай. „Въ большую, находящуюся по срединѣ коровай шишку, втыкаютъ пять слѣвленныхъ вмѣстѣ свѣчей (восковыхъ) или обтыкаютъ ими вокругъ коровай, зажигаютъ ихъ и вмѣстѣ съ короваемъ сажаютъ въ печь. Кромѣ коровай дѣлаютъ „верць“ (очень похожъ на коровай): шишки—пшеничныя, булочки, снизу обведенныя каймой изъ тѣста, а сверху до низу двѣ такія же каймы, прекращающіяся по срединѣ, гдѣ придѣляется кусокъ тѣста на подобіе сосновой шишки. Двѣ большія шишки красятъ сурникомъ: онѣ назначаются для молодыхъ, которые ходятъ съ ними приглашать на свадьбу“. (Миргород. у. Полт. губери.). (Чуб. IV, стр. 286).

5) Пече жъ наша, пече

Спечи намъ коровай съ гречи.

(Чуб. IV. 289).

6) Пичъ стоить на сохахъ,

Джу носить на рукахъ.

Подилуймося, помилуймося,

Хто кому радъ.

(Ibid.).

Да рубайте сосну здорову,

Да трошите ея на дризки,

Да кладите ея на загнть...

Славный нашъ коровай на весь свѣтъ.

(Чуб. IV. 282).

7) Мали сваненьки працю,

Замисли муки, мацю,

А ви ся догадайте,

Горилки имъ дайте!

(Ibid. 240).

Или:

Почни, свате, бочку,

надъ другомъ ¹⁾, и дурачатся ²⁾. Наконецъ приходитъ пора вынимать изъ печи коровай ³⁾ и это дѣлается съ обрядною торжественностью. Вынувши изъ печи коровай, кладутъ его на крышку отъ квашни, покрытую скатертью сверхъ положеннаго подъ исподъ слоя соломы, ставятъ на столѣ ⁴⁾ и уносятъ на головѣ въ назначенную хозяйкою для храненія комору ⁵⁾.

Неся коровай, продолжаютъ величать его въ пѣсняхъ ⁶⁾. Тѣмъ и кончается обрядъ приготовления коровай, который отправляется точно такимъ же образомъ и у жениха.

По возвращеніи невѣсты съ дружкой съ прогулки по селу, отправляется дѣвичь-вечерь. Невѣсту сажаютъ на посадъ, на почетное мѣсто въ углу подъ образами, на которомъ тогда стирають тулупъ, замѣняющій соболей, которые играли такую роль въ старинныхъ свадьбахъ царей и вельможъ московскихъ. Въ пѣсняхъ воображается городъ съ четырьмя стѣнами, изъ которыхъ три каменные, четвертая — золотая; на стѣнѣ маковка, гдѣ ласточка себѣ гнѣздо свила и выплудила двое дѣтокъ, эти дѣтки — женихъ и невѣста ⁷⁾. Во всѣхъ окон-

Що стоить у куточку,
Поки тебе, короваю, впечемо,
Тебе, бочечко, виточемо.

(Ibid. 241).

- ¹⁾ Губатая вчиняла, горбатая сажала,
Хорошала, румяная у пичь заглядала

Или:

Котра мѣсила — щобъ тряся трусила.

(Ibid. 238).

- ²⁾ Ой де жъ тая пійшла,
Що въ пичь коровай несла?
Сила на рогъ печи
Коровай стеречи,
Щобъ хлопци не вкрали
И за дунай не задали.

(Чуб. IV. 242—243).

- ³⁾ Чась тоби, короваю,
Зъ кахлевои печи
На дубове вико.

(Ibid. 244).

- ⁴⁾ Славляно да прославляно,
Да на столи поставляно.
На столи-престоли

Славень нашъ коровай стоить!

(Ibid. 247).

- ⁵⁾ Обидялася мати намъ комороньку дати,
Де коровай сховати.

(Чуб IV. 245).

- ⁶⁾ Ой Богъ намъ давъ — коровай намъ ся вдавъ,
Льк мѣсяченько, льк ясное соненько.
Війся, короваю, ище высцій видъ гаю,
Льк душенька въ раю, льк рыбонька по дунаю.

(Чуб. IV. 247).

- ⁷⁾ Славный городъ, да дѣвичь-вечѣрь;
Хороше зражень, та не такъ зражень, льк обсажень:
Славно жъ ёго збудовано,
На три стини камьянни,
А четверту золотую.
На тій стини маквочка,
На маквочцѣ ластивочка,

цать этого города — ангель Божій, а на дверяхъ самъ Господь стоитъ и раздаетъ долю ¹⁾). Родитель невѣсты стоитъ со всею роднею и всѣ любятъ ея ²⁾). Въ пѣснѣ заставляютъ невѣсту клясться отцу. Онъ прослезился: она пойдетъ изъ родительскаго дома и забудетъ родителя ³⁾). Теперь она прекрасна, но когда пойдетъ прочь — исчезнетъ красота лица ея ⁴⁾). Если невѣста сирота, ей приходится кланяться чужимъ, названнымъ родителямъ ⁵⁾, зато ангелы, сидя на яворѣ, заботятся о ней, собираются полетѣть и посмотрѣть, какъ плачетъ сирота, сидя на посадѣ ⁶⁾). Въ пѣснѣ она представляется взывющею къ умершему родителю или родительницѣ съ приглашеніемъ прибыть къ ней и подать

- Звила гнѣзечко зъ чорного шовку
А червонымъ обвила.
Вывела дитки однолитки:
Перше дитатко роженее,
Другее дитатко суженее.
Роженее-то (имя-рекъ нев. или жениха)
Суженее-то (имя-рекъ другого). (Чуб. IV. 148).
- ¹⁾ Ой славень, славень Марусинь посадь!
По всякъ виконцахъ янголи сидять,
Янголи сидять, доленьку судять,
А надъ дверей самъ Господь стоитъ,
Книжочку читае доленьку роздае. (Чуб. IV 156).
- ²⁾ Сѣла Мариня на посаженьку
Якъ на роженця квітка,
Ѣи батенько, Ѣи ридненькій,
Не може ся на нюю надвити. (Чуб. IV. 154).
- „Оглянься назадъ себе,
„Стоить ридиньockа коло тебе,
„Склонися, Марисенько, низенько,
„Щобъ було ридиньockѣ жалибеньockо“. (Чуб. IV. 151).
- ⁴⁾ Кланяйся, Марися, старому й малому и батеньку своему.
Бо южъ бильше не будешъ, а о батеньку забудешъ. (Чуб. IV. 151).
- ⁵⁾ „Ой мій батеньку, мій голубоньку!
„Чи довго я буду такая?
— Будешъ, дитатко, будешъ,
— Якъ у мене будешъ.
— А якъ пійдешъ видъ мене —
— Спаде красота съ тебе,
— Зъ личенька руманого,
— Зо стану паняньского. (Чуб. IV. 154).
- ⁶⁾ „Кому жъ ты ся кланяешъ,
„Коля батька (или матери) не маешъ?
— Поклонюся чужому,
— Буде ми ся видило, що своему. (Чуб. IV. 153).
- ⁶⁾ Въ лиси на явори сидило два анголи,
Сидячи говорили:
Полньомо, полньомо, брате, до тоя сиротоньки,
Сядешъ, та послушаемъ, якъ сиротонька плаче,
До стола припадае, що батенька не мае. (Чуб. IV. 151).

ей совѣтъ. Умершее лицо отвѣчаетъ, что это невозможно, потому что насыпанная земля не пускаетъ встать ¹⁾. Душа умершаго предъ Богомъ и проситъ отпустить ее посмотреть на свое дитя, сидящее на посадѣ ²⁾.

Невѣстѣ нельзя сидѣть одной, безъ жениха. Какъ мѣсяцъ хочеть взойти разомъ со звѣздой, освѣтитъ небо и землю, возвеселитъ и звѣря въ полѣ, и путника въ дорогѣ, такъ и невѣста не хочеть сидѣть одна, а хочеть състѣ вѣстѣ со своимъ суженымъ и возвеселитъ разомъ два рода ³⁾.

Время проходитъ въ пѣніи свадебныхъ пѣсней и въ танцахъ до прибытія жениха, котораго, какъ князя, сопровождаютъ названные бояре и музыканты. Дружко взводитъ на посадѣ князя. Начинается обрядъ пришиванія цвѣточной кисти (квѣтки) къ шапкѣ жениха. Женихъ входитъ въ хату и садится на посадѣ не иначе какъ въ шапкѣ. Старшая дружка—лицо важное въ свадебномъ женскомъ персоналѣ стороны невѣсты—снимаетъ съ головы жениха шапку и приваливаетъ къ ней «квѣтку», отколовши у невѣсты. Дружка (иначе дружка) или старшій бояринъ, надѣваетъ на жениха свою шапку на время, чтобы женихъ вовсе не оставался съ открытой головою. Поются при этомъ полуступотнаго содержанія пѣсни. Пришивалка налонала золотую иголку и поколола себѣ

- 1) Прибудь, прибудь $\frac{\text{моя матѣнко}}{\text{мій батенько}}$ теперь и къ менѣ,
 Ой дай менѣ порадоньку, бѣдній сиротѣ!
 Ой рада бѣ я, дитя мое, првбути къ тобѣ,
 Сленилися карѣ очи и уста мои. (Чуб. IV. 158. Метл. 129).

Или:

Ой $\frac{\text{радѣ бы}}{\text{радѣ бы}}$ я встати къ своему дитяти
 Сырая земля двери залагла,
 Виконца заслонила,
 Жовтій пѣсочокъ залѣгъ носочокъ,
 Нельзя продохнути. (Метл. 151).

- 2) Марусина мати $\frac{\text{Марусинѣ батько}}$ да передъ Богомъ стоять,
 Госиода Бога просить:
 Та пусти мене, Боже, та зъ неба на землю,
 Да до моеи хаты, до мого дитяти,
 Нехай я подивлюся на свое дитяточко
 Чи хороше да наражена,
 Чи въ добрый часъ посажене? (Чуб. IV. 158).

- 3) Слава зоря до мисяця:
 Ой мисяцю, мій товаришу!
 Не зиходь ты раній мене;
 Изійдемо обое разомъ,
 Освitemo небо и землю!
 Зрадується звирь у поли,
 Звирь у поли, гисть у дорози.
 Слава Маруса до Ивасечка:
 Ой Ивасе, мій сужений,
 Не ситай на посаду раній мене.
 Обсядемо обое разомъ,
 Звеселимо два двора разомъ.

(Чуб. IV. 156).

руку ¹⁾). Она именуется себя швеею, нарочно приѣхавшею изъ Львова, требуетъ заплатить себѣ за работу и выкупить шапку ²⁾, надѣваетъ эту шапку себѣ на голову, вскакиваетъ на лаву и поетъ, что она теперь—козакъ, красивѣе, чѣмъ женихъ и продолжаетъ требовать выкупа шапки ³⁾. Дружкѣ и женихъ предлагаютъ ей сумму, она говоритъ, что мало ⁴⁾, и шутка въ пѣсняхъ превращается въ издѣвки надъ скупостью и нищенствомъ жениха и его дружины ⁵⁾. Наконецъ, сдѣлка какъ будто состоится и старшая дружка снимаетъ съ головы шапку и кладетъ на голову жениху. Во все это время и послѣ того гости танцуютъ въ сопровожденіи пѣнія пѣсень, въ которыхъ отражаются слѣды стариннаго военного быта. Въ поэтическомъ образѣ представляется, что бояре, танцуя, навели облако своими жупанами, пустили дождь стрѣлами и произвели сіяніе саблями ⁶⁾.

Идетъ разгулъ: танцы и пѣніе, и углы и лавки—все движется ⁷⁾. Настаетъ время ужинать. Невѣста съ благословенія родителей ⁸⁾ должна просить

¹⁾ Золотую голочку зломилъ,
А свою ручечку сколола.

(Ibid. IV. 191).

²⁾ Я швачка зъ Ильвова
Принхала позавчора,
Привезла голку
И ниточку шовку,—
Квиточку пришивати
И по талару брати.

(Ibid.).

³⁾ Ой глянь, зятенку, на мене
Красій я козакъ одъ тебе.

(Чуб. IV. 195).

⁴⁾ Маните не маните—
Шостака не владите!
Якъ купкою брязнешь—
Тоди шличокъ возьмешъ!

(Чуб. IV. 196).

.....
Посягни въ кишеню,
Вийми грошей жменю,
Посыпъ на тарели.

(Чуб. IV. 197).

⁵⁾ Ой казали люде: зять богатій,
Ой казали люде: грошей михъ!
Кладе копійку якъ на смихъ!
Убоги, бояре, убоги:
Симъ литъ по смитьтяхъ ходили,
Черепки збирали,
Да сваси за квитки давали.

(Чуб. IV. 198, также 199).

⁶⁾ Где бояре танцювали
Наробили хмарно жупанами,
И спустили дощикъ стрѣлочками,
Наробили ясно шабельками.

(Метл. 200).

⁷⁾ Бійтеса кутки, лавки!
До запичной бабки!
А ви ся догадайте,
Намъ вечеряты дайте!

(Чуб. IV. 201).

⁸⁾ Благослови Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти цей ридъ частувати.

(Ibid.).

гостей, чтобъ они были веселы, какъ весеннія птички ¹⁾. Всѣ садятся ужинать ²⁾, начинается попойка ³⁾. Поется о разныхъ снѣдахъ, составляющихъ ужинъ: о капустѣ ⁴⁾, похлебкѣ ⁵⁾, горохѣ ⁶⁾, кашѣ ⁷⁾, жареномъ мясѣ ⁸⁾, которое разрѣзывать долженъ дружба ⁹⁾, борщѣ ¹⁰⁾, пряностяхъ ¹¹⁾, пирогахъ ¹²⁾, о винѣ ¹³⁾, горѣлкѣ и пивѣ ¹⁴⁾, ко всему соотвѣтствующія припѣвки. При этомъ допуска-

- 1) Проси своихъ гостей
Що бѣ вони ѣли й пили,
И веселеньки були,
Якъ птичка на весни. (Чуб. IV. Ibid.)
- 2) Бразнули да ложечками
Срибними тарилочками,
Марусина челядь
Сидеє вечерять. (Чуб. IV. 200.)
- 3) Стань, батенько, проти мене.
Та напійся до мене,
Зъ повною повночкою,
Зъ счастливою долечкою. (Чуб. IV. 201.)
- 4) Ъжте, боляре, капусту,
Наша капуста не пуста. (Чуб. IV. 202.)
- 5) Ъжте, боляре, юшку,
Да тгайте петрушку.
У васъ юшка горшками.
А петрушка градками. (Ibid.)
- 6) Ой гороше, гороше, сїяно тебе хороше. (Чуб. IV. 203.)
- 7) На Бога гляньте, намъ каша дайте! (Ibid.)
- 8) На Бога вы гляньте, намъ печени дайте! (Ibid. 204.)
- 9) Нашъ дружбонько чорнобривий,
Не жаль ѣму дати печеню покраяти! (Ibid.)
- 10) Добрая господня добрый борщъ зварнла. (Чуб. IV. 208.)
- 11) Же намъ готують ѣсти:
Курочку печеную, шейку перченую,
Чи зъ перцѣмъ, чи не съ перцѣмъ,
Абы було съ щиринь сердцемъ. (Чуб. IV. 200.)
- 12) Повидала намъ ворона:
— Повна пирогиць комора.
А ми поти не пїйдемо,
Поки всихъ не поѣмо. (Чуб. IV. 208.)
- 13) Два голубойки гнзздо вьють,
Наша боляри вино пьють. (Чуб. IV. 206.)
- 14) Тече горѣлка зъ потока,
А ми поти не пїйдемо,
Поки всен не выпѣмо. (Чуб. IV. 208.)
-
- Повѣдала намъ синиця:
— Повная пива пивниця,
А ми поти не поѣдемо,
Поки всен не выпѣмо. (Ibid.)

ются разными насѣшками надъ боярами ¹⁾, дружбою или дружкомъ ²⁾, свѣтилкою ³⁾, надъ старшею дружкой и вообще надъ всѣми свадебными гостями, уличаютъ ихъ въ жадности и обжорствѣ ⁴⁾. Только новобрачные изъята отъ издѣвокъ надъ ними. Невѣстѣ поется только, что она должна сказать, что будетъ почитать свекра и свекровь какъ родителей ⁵⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ женихъ говоритъ, что ей нечего уже будетъ бояться отца, а грозюю для нея станетъ онъ, ея будущій мужъ ⁶⁾. Послѣ ужина староста выводитъ новобрачныхъ ⁷⁾ и гостей погулять и потанцовать на дворѣ ⁸⁾. Въ пѣсняхъ отъ лица всѣхъ выражается благодарность хозяевамъ за хлѣбосольство ⁹⁾.

На другой день послѣ дѣвичь-вечера, обыкновенно въ день воскресный, происходитъ третій актъ свадебной трилогіи. Первый обрядъ у невесты—рас-

- 1) Ъли бояре юшку да вкрали галушку,
Да въ мѣхъ, да въ рукавици
Дѣвчатамъ на вечериници. (Ibid. 203).
- 2) Крае дружбонька крае,
Дружкамъ пидъ столъ дас,
За пазуху ховае,
Зъ пазухи въ кишению
Свѣтильци на вечерю. (Чуб. IV. 204).
- 3) Свѣтилочка пани, вечеряй зъ нами!
Не велила мати рота раззявляти:
Великіи зубы висятъ черезъ губы. (Чуб. IV. 205).
- 4) Наша дружка пидъ сволокъ, зѣла калачивъ сорокъ,
Най ся никто не прогнивитъ, най ся здорова живитъ. (Чуб. IV. 206).
-
- Ъли бояре, ѣли, цѣлого вола зѣли,
На столѣ ни кришечки, пидъ столомъ ни кисточки. (Ibid.).
- 5) „Не сиди, Марусю, розмышляйся,
„Чимъ своего свекорка называть будешъ?
— Назову я свекорка риднымъ батенькомъ:
„Чимъ свою свекруху называть будешъ?
— Назову свекруху ридною мативкою. (Чуб. IV. 207—208).
- 6) Ой не бійся батенька своего,
Ой бійся мене та й молодого:
Батенько гроза якъ лятня роса,
А моя гроза гирше лютото мороза. (Чуб. IV. 248).
- 7) Ведемо Марьечку зъ застильи,
На яснее, на краснее подвирья. (Ibid.).
- 8) Нашъ староста чорнобровый
Да введи насъ зъ хаты
На двирь погуляти...
На двирь танцувати. (Чуб. IV. 209).
- 9) Встаньте, дружечки, встаньте
Честь Богу хвалу дайте...
Потимъ отцю и матинци,
За хлѣбъ поставленный
За силъ положену.
Встаньте, бояре, встаньте,
Шапочки поздїймайте и подякуйте. (Чуб. IV. 211).

плетаніе косы ея, совершаемое холостымъ братомъ ея въ кругу подругъ невѣсты, ея дружекъ свадебныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается позже, уже послѣ вѣчанія. Дружки расчесываютъ невѣстѣ косу ¹⁾, мажутъ масломъ ²⁾, медомъ, вилегаютъ въ волосы нѣсколько монетъ, подаренныхъ женихомъ, кусочекъ хлѣба и кусочекъ чесноку, которому, по суевѣрію, приписывается предохранительная сила отъ заразы и отъ всякаго зла. Косу снова заплетаютъ въ послѣдній разъ вѣнкомъ ³⁾. Изъ пѣсней, какія помтса при этомъ обрядѣ, видно, что вѣнкомъ такимъ признается вѣнокъ, сплетенный изъ барвинка, изъ калины и руты ⁴⁾. Расплетаніе косы—грустная минута для молодой княжны. У всѣхъ подругъ ея волосы заплетены въ косы, а у ней распущенные волосы покрыли плечо, а слезы покрываютъ ей лицо ⁵⁾. Жаль ей косы, которую она много лѣтъ холила, мыла краснымъ борщомъ, расчесывала золотымъ гребешкомъ и въ темную ночь при свѣчѣ и въ день передъ окномъ ⁶⁾. Но жалче ей родной матушки, потому что ей никто такъ не услужитъ, какъ она, когда рано вставала и загоняла коровъ ⁷⁾. Плачь, Марусенька—поется ей—какъ рано на зарѣ кукуетъ кукушечка: вѣдь ужъ въ другой разъ дѣвницею не будешь, забудешь веселыя вечерницы ⁸⁾. Покидать приходится ленты дѣвическія: она проситъ мать отдать ихъ дѣвцамъ-подругамъ ⁹⁾. И братъ соблазняетъ ее не

¹⁾ Трутсья, мнутсья дружечки
Коло ѣи русои кисочки.

(Чуб. IV. 253).

²⁾ Дай мѣнѣ, мати, масла,
Давай хоць грошечки
Помастити косочки.

(Ibid.).

³⁾ Чуб. IV, стр. 251—252.

⁴⁾ Въ долину, панянки, въ долину
По червону калину,
По хресчатый барвиннокъ
Изъ руточки дви киточки.

(Чуб. IV. 252).

⁵⁾ Всѣ дивоньки въ косахъ,
А я свою та ѣ распустила,
Кисоньками да плечи вкрыва,
Слизоньками личенько змыла.

(Чуб. IV. 254).

⁶⁾ Ой косо, косо золота!
Та не рикъ я тебе кохала,
Що ведѣлоньку убирала,
Чорвонимъ борщикомъ умывала,
Золотимъ гребинцемъ чесала,
Темной нички до свички,
Ясного сонця до вичонця.

(Чуб. IV. 259).

⁷⁾ Та не жаль же мѣнѣ русои косы, ни дѣвчои красы,
Але жаль мѣнѣ матинокчи, що не мае послугочки,
Що нѣкому рано встати, коровоньки заганяти!

(Голов. IV. 357).

⁸⁾ Чому ты, зозулько, рано не куешь?
На другу весну не будешь,
Зелени ганчки забудешь!
Чому ты, Марьечка, не плачешь?
Другій разъ дѣвкою не будешь,
Славніи вечерници забудешь!

(Ibid.).

⁹⁾ Прийди, матинко, прийди,

идти замужъ, когда кругомъ все расцвѣтаетъ — и роза, и крестчатый барвинокъ, и нахучій василекъ ¹⁾). Она сама чувствуетъ то же, но слишкомъ ужъ она полюбила жениха своего ²⁾). Вотъ прибываетъ женихъ, молодой князь съ своими боярами. Отправляются пѣшкомъ или на лошадахъ, какъ случится, въ церковь. Волосы невѣсты развѣваются по вѣтру ³⁾). Сами собой открываются церковныя двери, сами собой зажигаются свѣчи, сами собою читаются книги ⁴⁾). Самъ Господь трижды встрѣчаетъ новобрачныхъ ⁵⁾). При возвращеніи съ вѣчанія поется, что женихъ далъ обѣтъ не отнискать отъ себя жену до страшнаго суда Божіа ⁶⁾, а невѣста обѣщала жить не при родителяхъ, а съ мужемъ ⁷⁾). Новобрачные прѣзжаютъ въ домъ. Ихъ встрѣчаютъ съ церемоніями ⁸⁾, слѣдуетъ затѣмъ обѣдъ для гостей, за которыми не участвуютъ новобрачные. Послѣ обѣда идутъ танцовать, поютъ пѣсни большою частью шуточнаго содержанія, насмѣляясь другъ надъ другомъ. Потомъ женихъ уѣзжаетъ домой. Тамъ происходитъ свой обѣдъ. Женихъ садится на почетномъ мѣстѣ: онъ — князь. По правую руку отъ него размѣщаются бояре, по лѣвую — старшая и меньшая свѣтллки и двѣ свашки, а напротивъ жениха дружокъ, возница и старосты ⁹⁾). Послѣ этого обѣда начинается собственно народное свадебное дѣйство, древнее языческое священно-

Та зними зъ мене бинды,
Уже мени въ биндахъ не ходити,
Треба дружокъ обдлинити.

(Чуб. IV. 254).

- 1) Ой братъ сестрицю та росплнтае,
Все рожу споминае:
— Та не йди, сестрице, молода замужъ.

Якъ роза процвѣтае,
А хрестчатій та барвиночокъ устилае садочокъ,
А запашный та василецокъ и съ тымомъ ся ривляе.

(Чуб. IV. 257).

- 2) Хоть не рада та мушу:
Полюбила Иваса якъ душу.
3) Повій, витре, дорогою за нашою молодою,
Росмай косу по волосу по червоному пошу!

(Чуб. IV. 254).

(Чуб. IV. 269).

- 4) Де-сь та Маруся боарського роду,
Якъ мы нидъ церковци прѣзжали,
То сами ся двери одчиняли,
То сами ся книги читали,
То сами ся свѣчки засвѣчали.

(Чуб. IV. 268).

- 5) Стричай насъ, Боже,
Першій разъ на дорози,
Другій разъ на порози,
Третій разъ при шлюби
При Божому суди.

(Чуб. IV. 269).

- 6) Не забувай отця и матки до суду,
Не пускай Марусини до суду.

(Чуб. IV. 273).

- 7) Присягала Марисенька...
При батейку не ходити
Дѣвойковъ не ходити.

(Ibid. также Żeg. Pauli. Piesni ludu Ruskiego. 72. 80).

⁸⁾ Чуб. IV. 299.

⁹⁾ Чуб. IV. 313.

дѣйствию, сохранившись теперь въ обломкахъ. На дворѣ ставятъ покрытую чистую скатертью квашню, на нее кладутъ хлѣбъ, которымъ благословили женина родители, соль и ведро воды съ ковшикомъ. Передъ этимъ нипровизованнымъ алтаремъ становится женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Выходитъ изъ избы мать жениха, одѣтая въ тулупъ вверхъ шерстью, на головѣ у нея шапка, а въ подолѣ у нея насыпаны орѣхи, овесъ, подсолнечныя и тыквенныя сѣмена и мелкія деньги, которыя нарочно для этого дня скоплялись со дня рожденія сына, ставшаго теперь женихомъ. Дружко подаетъ ей вилы или грабли, представляющія въ данномъ случаѣ коня; мать садится на нихъ какъ будто верхомъ на лошади, дружко, ухватившись за передній конецъ, какъ будто ведетъ коня подъ уздцы вокругъ квашни, а другой бояринъ издали подгоняетъ бичомъ воображаемую лошадь. Мать разбрасываетъ во всѣ стороны сѣмена, причѣмъ поются присутствующими дѣвцами соответствующіе пригѣвы ¹⁾. Три раза проведенни кругомъ квашни мать жениха, сѣдающую верхомъ на вылаги или грабляхъ, дружко зачерпаетъ изъ ведра воды и дѣлаетъ видъ какъ будто поить воображаемаго коня. Во время такого шествія вокругъ квашни за матерью идетъ женихъ съ платкомъ въ рукѣ; за платокъ держится одинъ бояринъ и несетъ въ рукѣ платокъ, за который держится другой бояринъ, затѣмъ третій и т. д. Позади всѣхъ или же рядомъ съ матерью идетъ свѣтыка съ пучкомъ васильковъ, въ срединѣ котораго вставлены деревянное подобіе сабли, зажженная свѣча и кусокъ хлѣба ²⁾. Древность этого обычая указывается подобіемъ въ немъ многихъ чертъ съ обычаями, о которыхъ остались намъ извѣстія въ описаніи свадебъ великокняжескихъ, царскихъ и боярскихъ. Такъ въ этихъ свадьбахъ постоянно играли роль свѣтчики со свѣчами ³⁾—то же, что малорусскія свѣтылки—независимо отъ обручальныхъ свѣчъ. Обрядъ осыпанія одѣтой въ вывороченной вверхъ шубѣ является также въ старинной московской великокняжеской свадьбѣ ⁴⁾. Свѣтылка съ де-

¹⁾ Ой сій, мати, овесъ,
Та на нашъ ридъ увесъ,
Що бѣ нашъ овесъ рисенъ бувъ,
Що бѣ Іванивъ ридъ красенъ бувъ. (Чуб. IV. 314—315).

Роди, Боже, жито
На новее лято,
Густее, колосистее
На стебло стеблестее,
Що бѣ наши дити мали
И стоячи жали. (Ibid. 315).

Коло нашої дички
Зародили сирѣжки,
Чи сирѣжки брати,
Чи въ дорогу ступати,
Въ дороженьку счастью
По Марьюхну красну. (Ibid.).

²⁾ Чуб. IV. 314.

³⁾ Др. Росс. Вивл. XIII. 125. Св. Вас. Ів. Шуйскаго. 151. Св. Мнх. Бел.

⁴⁾ ... И тысяцкаго жена положить на себѣ двѣ шубы собольи, одну положить по обычаю, а другую шубу положить на верхъ, на изворотъ, шерстью вверхъ, да осниваетъ

ревяннимъ мечемъ и мать, сѣвшая верхомъ на вилы или грабли, воображаемая конемъ, составляютъ соотвѣтствіе съ московскимъ конюшнимъ, который ѣздилъ съ облаженнымъ мечомъ въ рукѣ вокругъ сѣвника ¹⁾). Видно, что основныя черты были едины, но потомъ разбѣлись и развѣтвились, тѣмъ не менѣе все-таки видно нѣтъ древнее единство. Какое символическое значеніе имѣла вода, ставимая въ ведрѣ на квашнѣ и напованіе ею воображаемаго коня, мы съ точностью опредѣлить не беремся, но несомнѣнно, что оно въ древности было, и вѣроятно состояло въ связи съ поклоненіемъ водѣ языческихъ славянъ. По смыслу, который и теперь свѣтится въ этомъ обрядѣ, можно предположить, что это имѣетъ значеніе приготовленія къ походу князя за своею княгиней, для чего и поять воображаемаго коня, какъ бы собираясь въ дорогу.

Затѣмъ поѣздъ съ женихомъ на четиѣ отправляется къ невѣстѣ. Везуть съ собою подарки невѣстѣ и ея родителямъ ²⁾). Въ пѣснѣ поется, что мать, выпроваживая сына въ путь, оградилъ его мѣсяцемъ, опоясала солнышкомъ и снарядила въ дорогу за молодою невѣстою ³⁾). Отецъ далъ ему девять коней, а десятого вороного подъ него самого ⁴⁾). Мать напекла ему на дорогу девять печей хлѣба, а десятую короваю ⁵⁾). Отецъ велитъ сыну брать съ собою въ путь всю родню свою и близкую и далекую, и богатую и убогую, богатую ради славы, а убогую для совѣта ⁶⁾). Отецъ даетъ сыну заранѣе такое предостереженіе:

великаго князя и великую княгиню (Свадьба в. кн. Василія Ивановича. Др. Росс. Вивл. XIII, стр. 12).

¹⁾ А въ то время на армака сѣлъ конюшій бояринъ Лыковъ и ѣздилъ около сѣвника въ то время, какъ государь былъ въ сѣвникѣ съ голымъ мечемъ (Др. Росс. Вивл. XIII, 165). У Котошикина: какъ пошелъ царь съ дарницею опочивать и въ то время конюшей ѣздитъ около той палаты на конѣ выма мечъ нагомо и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ, и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта. (Котом., стр. 9).

²⁾ Для невѣсты и ея матери берутъ сапоги, для отца—бараньи рукавицы, для родственницъ—свашекъ, свѣтилокъ и другихъ—нѣсколько платковъ, очинковъ, для брата невѣсты складаникъ (складной ножъ), для сестры нѣсколько аршинъ красной ленты...

Все это несетъ младшій дружба. Старшему дружбѣ даютъ гильце съ короваю, а иногда и самый короваю. Молодой беретъ хлѣбъ, которымъ его благословили, когда онъ шелъ къ вѣнцу. Ѣдутъ только въ томъ случаѣ, когда невѣста живетъ далеко. Обыкновенно идутъ пѣшкомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди женихъ съ старшимъ дружкомъ, за ними всѣ бояре идутъ попарно, за послѣднею ихъ парой—музика, а за музикою—родители и родственники жениха. (Чуб. IV. 315).

³⁾ Мати Иванка родна,
Мисяцемъ обгородила,
Сонечкомъ пидперезала,
Въ доризеньку выпроважала.
Въ туу свитлоньку новуу
По туу Марью молодую.

(Чуб. IV. 316).

⁴⁾ Осидлавъ ему девять коней свихъ,
А десятого вороного
Пидъ ёго молодого.

(Чуб. IV. 317).

⁵⁾ Напекла ему девять печей хлѣба
А десяту пичъ—короваю.

(Ibid.).

⁶⁾ Беря, синку, всю родиноньку
И близькую, и далекую,
И вбогую, и багатую.

смотри, сыночек, не говори всей правды тестюшки; вѣдь онъ тебѣ все-таки не то, что родной отецъ ¹⁾). Кроме того, отецъ заповѣдуетъ ему не пить поднесенной ему первой чарки, а вылить ее на гриву коню.—Отъ этого конь твой пойдетъ гордо, и всѣмъ боярамъ твоимъ будетъ слава ²⁾). Женихъ-князь какъ бы выѣзжаетъ на ловитву ³⁾, онъ будетъ проѣзжать зеленымъ боромъ, по каменнымъ мостамъ, будетъ боръ шумѣть, будетъ камень звенѣть, заслышать люди, войдетъ молва между ними, услышатъ невѣста и возрадуется ⁴⁾). На пути женихъ-князь встрѣтитъ символическую калину и захочетъ рубить ее, а она скажетъ ему, чтобъ онъ не рубилъ ее: она не для него посажена, для него приготовлена молодая невѣста ⁵⁾). Если князь и заѣдетъ въ чужую сторону, зато съ нимъ вся родня его ⁶⁾, у него конь вороной, съ нимъ бояринъ молодой, и сваха пѣвунья, и свѣтлица черноброя ⁷⁾).

Выѣздъ представляется совершающимся ночью ⁸⁾. Князь призываетъ своихъ бояръ ѣхать съ нимъ во дворецъ къ его тестю, къ своей Марусенькѣ за

Багатую—для славоньки,

Убогую—для порадоньки.

(Ibid.).

¹⁾ Отецъ сына выражае, выражае, наказуе:

Та не кажи, сыну, тестевн всю правду,

Бо тесть тоби не батенько.

(Чуб. IV. 319).

²⁾ Не пій, синоюку, першого напоеньку;

Ой вылії жє го коненькови на гривоньку,

Коничокъ пійде пидъ тобою горденько,

Тожъ то намъ буде всимъ боярамъ славненько. (Чуб. IV. 317—318).

³⁾ Намъ Ивасенько, намъ короленько, на лони виѣздае! (Ibid. 317).

⁴⁾ Да будемо ѣхать боромъ зеленымъ,

Боромъ зеленымъ, мостомъ камьянымъ;

Боръ буде шумѣти, а камень звенѣти:

Да зачуть людє—намъ слава буде,

Да зачує Марусенька—намъ рада буде!

(Метл. 181).

⁵⁾ По пидъ лугомъ стежечка;

Туды ѣхавъ молодій Ивасько,

Изъ подъ бока шабельку витатае,

Да на туд калиноньку закѣрае.

Стала къ ему калинонька промовляти:

Ой стой, Иванко, не рубай!

Не для тебе ся калинонька сажена,

За-для тебе Марусенька зряжена. (Метл. 182. Чуб. IV. 322).

⁶⁾ А въ кого конѣ—сѣдлайте,

А въ кого сини—выряжайте!

Ой поѣдемо въ чужину, въ чужую сторону

Ой не бійсь, Иванко, да не чужа сторона,

А въ насъ родина все своя.

(Метл. 180—181).

⁷⁾ ... Чи маєшь кониченька вороного,

Чи маєшь боярина молодого,

Чи маєшь сваху спиваху,

Чи маєшь свѣтилку чернобривку?

Бо чужая сторона, що бъ не було намъ сором!

(Чуб. IV. 319).

⁸⁾ Ой ти, Иване, видважний козаче!

Де ся вибираешъ въ дорогу по-ночи?

(Чуб. IV. 320).

столь ¹⁾. Но не даромъ батюшка, снаряжая сына-князя, совѣтовалъ ему не вполне довѣряться тестю. Придется таки не легко добывать красавицу. И вотъ виднѣтъ имъ въ пѣсняхъ отраженіе тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда при рѣдкости населенія, при господствѣ разныхъ побужденій у народностей, отдѣленныхъ другъ отъ друга лѣсами и болотами, приходилось дѣйствительно подвергаться всякимъ неудобствамъ и опасностямъ звѣроловваго быта ²⁾; ѣздить можно было въ путь только съ значительнымъ кружкомъ своихъ родичей,—тогда дружескія связи между родами устанавливались только послѣ того, какъ подружившіеся прежде помѣряются взаимно между собою удалью и отвагой,—самые суиружескіе союзы заключались тогда съ бою, о чемъ говорятъ наши старыя лѣтописи, сообщая, что у многихъ племенъ брака въ нашемъ смыслѣ еще не образовалось, а было только умыканіе дѣвицы, а умыканіе вело столкновеніе между родами молодца и дѣвицы. Вотъ такое-то умыканіе дастъ о себѣ вспомнить и въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Князь со своими боярами собирается дѣйствовать силою, разбивать каменные стѣны, ломать замки, чтобы достать невѣсту ³⁾. Онъ не даромъ князь. Онъ—князь временъ древнихъ, богатырь-витазь, идетъ съ своею болгарскою дружиною, по лѣсамъ охотятся они за кунницами, въ поляхъ за перепелами, чрезъ село проѣдутъ—подрубаютъ колья, на дворъ ли въѣдутъ—конь его раскопаетъ землю на дворѣ, а самъ онъ въ сѣни войдетъ—не снимаетъ шапки ⁴⁾. Онъ какъ вѣтеръ идетъ съ брани: гдѣ стаетъ, тамъ земля стонетъ, куда глянетъ—трава вянетъ, прикажетъ разбивать Львовъ, доставать себѣ королеву ⁵⁾. Но не при-

¹⁾ Бояры молодцы, учинить мою волю,

Та ходимъ зо мною до тстенъка въ двирь,
До Марусеньки за стилъ.

(Ibid.).

²⁾ Вода луги позаливала, дороги позабирала,
Нѣкуды переѣхати.

(Голов. IV. 220).

³⁾ Та пійдемо тихимъ Дунаемъ до замку,
Постаємося во три радочки на ганку,
Тамъ будемо билій каминь лунати,
Же би съ мо могли молоду Марисю піймати.

(Чуб. IV. 320, 321).

По вснигъ селъ заграно,
Заграно, забубнено,
Бояры побуждено:

— Встаньте, бояры, встаньте!

Ковики посидлайте,

Сами ся убирайте,

Бо поїдемо ранкомъ

По лядъ высокимъ замкомъ

Будемъ замки ламати,

Марусеньку доставати,

(Чуб. IV. 321).

⁴⁾ Ой лисомъ ѣдутъ—на кунейки стріляють,
Ой полемъ ѣдутъ—перепелоньки гнають,
Селомъ виѣзжають—колоньки підтинають,
На двирь пріѣжає—коничокъ двирь копає,
До сѣней входитъ—шапоньки не здіймає.

(Чуб. IV. 324).

⁵⁾ Повѣе вѣтеръ по гори,

дется ему прибѣгать къ такимъ мѣрамъ ¹⁾. Въ пѣсняхъ отразилось наклоніе послѣдующей эпохи, когда сила стала замѣняться миролюбивыми сдѣлками. Вѣдь и въ тѣ времена, когда господствовали умыканія дѣвицъ, уже глѣбош-сецъ замѣчаетъ, что умыкали такихъ, съ которыми прежде совѣщались на игра-щахъ. Тогда умыкатель примирялся съ недовольнымъ родомъ умыкаемой дѣ-вицы посредствомъ даровъ, откуда и вышелъ древній обычай платить вѣно за невѣсту. И эта черта есть въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Князь несетъ дары и отъ себя, и отъ своей матери ²⁾. Невѣста уже ожидаетъ его. Отсувъ окво, говорятъ ей, погляди, хорошъ ли Иванъ на конѣ? Хорошъ, матушка,—отвѣ-чаетъ невѣста,—красе всѣхъ, стоитъ на конѣ, словно солнце, конь его блестя павшею на него росою, а самъ молодецъ—красотомъ ³⁾. Прекрасенъ дворъ у тестя, въ немъ трое воротъ: въ одинъ вiodитъ мѣсяцъ, въ другія — солнце, въ третью — молодецъ ѣдетъ и съ нимъ станетъ весело. Идетъ молодецъ къ дѣвицѣ, словно мѣсяцъ къ звѣздочкѣ ⁴⁾. Изъ дѣвической стыдливости говорить невѣста отцу, чтобъ затворили ворота и не впускали молод-ца ⁵⁾. Какъ его не впустить, отвѣчаютъ ей, когда онъ просится, разсти-лаясь хмелемъ около двора, барвинкомъ въ сѣняхъ, василькомъ въ хатѣ, ста-новится соколомъ за столомъ ⁶⁾. Запрятъ меня, матушка,—говоритъ невѣста,—

Прійшовъ молодой зъ войны;
Ой где стане—земля стогне,
Куды глане—трава вѣлане,
А каже Львиль розбивати
Королеву добувати.

(Чуб. IV. 325).

¹⁾ И замкнѣ не зламали,
И Марусеньку достали.

(Чуб. IV. 321).

²⁾ Дары идуть, дары идуть,
Одъ Иваса молоденького
Одъ его неньки старенькой.

(Метл. 186).

³⁾ — Чи хорошъ Ивашко на кони?—
„Та хорошій, матинко, красчій всихъ,
Ой одсуну жъ я винонде,
Стоить Ивашко якъ сонце,
Ковничокъ припавъ росою.
Самъ вінъ молодой красою.

(Чуб. IV. 323).

⁴⁾ А въ мого тественка трое воритецъ,
Въ одинъ воритьци мисяцъ засвѣтитъ,
Въ други воритьци соненько зійде,
Въ трети воритьци молодчикъ вѣде.
Мѣсяцъ засвѣтитъ—видненько буде,
Соненько зійде—тепленько буде;
А хлопецъ вѣде—веселенько буде:
Иде хлопецъ до дѣви,
Якъ мѣсяцъ до зирки.

(Чуб. IV. 324).

⁵⁾ Просила Марусенька свого татусенька:
„Татунечку мій любній,
„Залирай воротечка—не пусти Ивасенька“.

(Чуб. IV. 326).

⁶⁾ Якъ го не пустити, коли вінъ ся просить,
Коли вінъ ся стелеть по подвирью хмелемъ,

въ вишневый садикъ, обсади вишнями и черешнями ¹⁾. Запрячу тебя—отвѣ-
чаетъ мать—за тесовый столъ, обсажу дружками ²⁾.

Въ пѣснѣ приглашается мать невѣсты встрѣчать зятя уже не только нареченнаго, но обвѣнчаннаго ³⁾. Тутъ въ свадебномъ дѣйствіи опять вспоми-
наются времена отдаленныя, времена умиканія и насилія. Поѣздъ жениха дол-
женъ нѣкоторое время ждать у воротъ. Принадлежащіе къ поѣзду невѣсты
стерегутъ ворота двора. Происходить какъ бы примѣрная битва, кончающаяся
переговорами ⁴⁾.—Мы тебѣ не докучимъ, только ночью переночуемъ, бочонки
твоя опорожнимъ и дѣвочку съ собой возьмемъ! ⁵⁾.—Предлагаютъ водки въ ка-
чествѣ окуна за впускъ ⁶⁾. При этомъ и подписываются надъ хозяевами, кото-
рые не пускаютъ гостей ⁷⁾. Роль примирителей принимаютъ на себя старосты
съ обѣихъ сторонъ. Двое жениховыхъ старостъ перелѣзаютъ черезъ ограду во
дворъ, гдѣ уже приготовлена хлѣбъ-соль и тамъ стоятъ двое невѣстныхъ ста-
ростъ. Старосты обмѣниваются между собою хлѣбомъ, цѣлуются, угощаютъ другъ
друга водкой и наконецъ ворота открываются: весь поѣздъ вваливается во
дворъ ⁸⁾. Мать невѣсты встрѣчаетъ жениха въ тулупѣ, вывороченномъ шерстью

А въ синяхъ—барвиночкомъ,

А въ хати—василечкомъ,

А за столомъ—соколомъ.

(Чуб. IV. 327. Żeg. Pauli. Piesni. rusk. nar. 114).

¹⁾ Уже гости, уже на помости,

Въ синечки вступать.

„Захочай мене, моя матинко,

„Въ вишневый садочокъ.

„Обсади мене вишнями, черешнями“.

(Чуб. IV. 326).

²⁾ Захочу тебе, моя доненько,

За тесовый столникъ,

Обсажу тебе, моя доменько,

Молодыми дружечками.

(Ibid. 327).

³⁾ Вйди, мати, зъ хати,

Своего зятя вятати;

Втора бувъ нареченный

А сѣгодня звичавый.

(Ibid. 328).

⁴⁾ Ъхали ми три мели,

Конники попотили;

Ой нашъ милый свату,

Пусти-жь насъ у хату,

Конникамъ супочти

Намъ суконьки посушити!

(Чуб. IV. 328).

⁵⁾ Мы тоби не докучимо,

Сюу ниченьку заночуемо,

И бочечки попорожнимо,

И дивочку собѣ возьмемо.

(Чуб. IV. 329).

⁶⁾ Даемо вамъ горилки

Пускайте насъ до дивки.

(Ibid. 330).

⁷⁾ Ой у нашего свата соломьяна хата:

Бойтса насъ пустити, щобъ ѣи не розвалити!

(Ibid. 330).

⁸⁾ Ой, где жъ вы тамъ посланци бували?

наверхъ, какъ бы думая испугать гостей ¹⁾. Она предлагаетъ жениху водки въ угощеніе. Женихъ, помня заповѣдь своего родителя, не долженъ пить, а долженъ передать чарку старшему боярину изъ своего поѣзда, а тотъ выливаетъ водку на гриву коню, чтобы теща была ласкова къ зятю ²⁾. Что-жъ ты мнѣ подарить?—спрашиваетъ зять у тещи ³⁾. Теща предлагаетъ одно за другимъ—пару лошадей, пару воловъ, стадо овецъ, скринию, перину,—зять отъ всего отказывается, наконецъ теща предлагаетъ дочь и тогда зять говоритъ, что будетъ ее считать за родную мать ⁴⁾. Тогда постя въ пѣснѣ—теща съ своей стороны сознается, что до сихъ поръ не совсѣмъ довѣрала ему, но теперь принимаетъ какъ милого сына ⁵⁾. Между тѣмъ въ хатѣ невѣста бросается къ вогамъ отца и проситъ ввустити во дверь поѣздъ, а самого жениха ея посадить за столъ ⁶⁾.

Вступая въ хату, гости обмѣниваются съ принимающими изъ пѣсенными привѣтствіями ⁷⁾. Друзьки, сидяція съ невѣстою, должны подвинуться и дать мѣста боярамъ ⁸⁾. Но братья невѣсты сидятъ около нея съ поднятыми пальцами, особенно старшій братъ, сидящій ближе всѣхъ къ невѣстѣ, принимаетъ вопи-

Ой, бувалисьмо въ тимъ дому,

Ой, видалисьмо молоду Марисю за столомъ.

(Ibid. 338).

¹⁾ Вбралась теща у вочники,

Для зятвѣн причинки,

Да хотила зятя злякати,

Не хотила дочки отдати.

Да зять того не боится,

Близько кляла дочки садовиться. (Чуб. IV. 339—340. Метл. 191.)

²⁾ Не пій, Ивасю, первого привиту,

Во першій привитъ лихій.

Дай старшому свату, родному брату,

Ой нехай вылье конику на гриву...

Що бъ у коня грива кудрява була,

Що бъ на тебе теща ласкова була.

(Чуб. IV. 339).

³⁾ А зять тещу пытае:

„Тещенько, сива голубонько,

„Щожъ ты мени даруешь?“

(Чуб. IV. 340).

⁴⁾ Тещенько, ридна матинко,

Я жъ тепера тоби снйъ буду!

(Ibid.).

⁵⁾ Ой зятю жъ мій зятю, да милій же ты сиву!

Я жъ тебе змовляла да вѣровьки не ймала,

Теперь вѣровьку иму, що за затенька прииму.

(Метл. 192).

⁶⁾ Батеньку до нигъ вшала:

А мій батеньку ридный,

Пускай бояреньки на двиръ,

Мого Ивася за тесовий стигъ!

(Чуб. IV. 337).

⁷⁾ Добрий вечеръ тому, хто въ цѣму дому:

Бодай здорови були, що насъ не забули,

За старого й малого, и за Бога святого!

(Чуб. IV. 340).

⁸⁾ Посувайтесь, та дивчаточка,

А видъ стола да до запичка,

Нехай сиде чужина,

Вся Иванкова дружина.

(Ibid.).

ственный видъ. Сама она готова встать привѣтствовать жениха и принять его гостинцы ¹⁾, а братья не сдаются и хотять драться ²⁾. Имъ предлагаютъ окупъ. Брата уговариваютъ въ пѣснѣ, чтобъ онъ не продавалъ сестры ³⁾. Онъ ее крѣпко удерживаетъ за руку ⁴⁾, готовъ даже защищать ее съкирою ⁵⁾. Но потомъ онъ прельщается предложеніями жениха ⁶⁾. Пѣсня уговариваетъ жениха не ску- питься и заплатить пощедрѣе ⁷⁾, хотя бы пришлось семь дней молотить, чтобы заработать на сведеніе шуриня съ его мѣста ⁸⁾. Когда, наконецъ, сдѣлка со- стоится и шуринъ сойдетъ—пѣсни подсмѣиваются надъ нимъ ⁹⁾, называютъ его татаринномъ ¹⁰⁾, отсылаютъ его за печь воевать съ котами ¹¹⁾; пѣсни шутять и

1) Ой устань, Марусю, не лежи,
Ой Иванько йде, гостинцѣ несе,
Ой я встану и привѣтаю
И гостинцѣ принимаю.

(Метл. 193).

2) Не наступай лѣтва,
Буде межъ нами битва;
Будемъ бити да воєвати,
Маруси не давати.

(Чуб. IV. 346).

3) Не продавай сестри
За гришѣ за чотыри:
Сестрица родима,
За столомъ якъ калина.

(Чуб. IV. 346).

4) Братъ коло сестрицѣ сидить,
Да за рученьку держить,
Да не хоче да попустити
Чужой чужиньони
Своеи роднои сестрици.

(Чуб. IV. 347).

5) Братчанку та, голубчанку!
Возьми соби сокирочку.
Сѣчи, рубаѣ, сестры не дай.

(Ibid.).

6) Запродамъ тебе, сестрице моя,
За сто золотыхъ червонныхъ.

(Ibid.).

7) Не стой, зятю, за плечима,
Да не лупай очима,
Клади руку у клшеню,
Да виймай грошей жменю;
Клади на тарѣлку
За Марьечку дѣвку.

(Чуб. IV. 348).

8) Треба сѣмъ день молотити
Що бѣ шуриня зъ покута скупити.

(Метл. 194).

9) Не въ правдѣ братко кохався
Що за сестрицю змагався,
Да побачивъ чарку на тарѣцѣ
Противъ сестрицю на горѣцѣ.

(Ibid.).

10) Татаринъ братко татаринъ
Продавъ сестрицю за талаяръ,
Русу косу за шостаекъ,
А бѣле личко пошло й такъ.

(Ibid. 195).

11) Въ запичѣ, шурине, въ запичѣ

надъ боярами и даже надъ женщиою, если онъ не съумѣетъ ловко поцѣловать своей невѣсты ¹⁾.

Во всѣхъ описанныхъ нами обрядахъ отразилась, какъ мы вообще замѣтили, исторія народа. Вотъ времена далекия, языческія — поклоненіе водѣ; остатки жертвоприношеній, — вотъ времена, когда народъ не составлялъ государственнаго тѣла, но былъ разбитъ по селамъ, разстоявшимъ одно отъ другого на немалое пространство, разбитъ на роды, или не знавшіе одинъ другого по неудобству путей, или враждовавшіе между собою. Видниъ слѣды умиканія, слѣды насильственныхъ похищеній. Жизнь, подходившая къ жизни звѣрей, которыхъ ловилъ тогдашній человекъ. Но вотъ шагъ выше на дорогѣ къ образованности. Эпоха примиренія между ссорившимися родами. Эпоха сдѣлокъ, и эта эпоха выработалась главнымъ образомъ чрезъ женщинъ, подобно тому, какъ римляне соединились съ сабинянами чрезъ посредство похищенныхъ сабинянокъ. Вотъ и эпоха князей, когда они съ набранными изъ вольныхъ удалцовъ дружинами рыскали, ища себѣ столовъ и власти, и заключали рядъ съ земляни, или бывшими не въ силахъ прогнать ихъ, или сами въ нихъ находившими нужду для успокоенія внутреннихъ беспорядковъ у себя. Вотъ и память о Литвѣ, которая завоевала когда-то разрозненную Южную Русь и соединила ее въ одно политическое тѣло, сама подчинившись ея духовному культурному вліянію. Вотъ и татары, торговавшіе людьми, вотъ старый козацкій бытъ, когда все удалое, рыцарское, молодецкое облекалось въ образъ козака.

Что всего замѣчательнѣе, это — свадебные обряды, съ накопившимися на нихъ слоями разныхъ періодовъ и укладовъ народной исторіи, наглядно указываютъ на демократическій строй, господствовавшій всегда въ сознаніи этого народа, хотя внѣшнія условія постоянно препятствовали его водворенію и укрѣпленію въ общественной средѣ. Хотя пѣсни свадебныя съ принадлежащими къ нимъ приѣмами и дѣйствами — исключительное достояніе мужицкаго быта, во многое и представляетъ черты быта болѣе высшаго, болѣе знакомаго съ удобствами жизни: это несомнѣнный признакъ, что тѣ же приѣмы, тѣ же обряды, тѣ же пѣсни были достояніемъ и другихъ слоевъ общества. Такъ называемый высшій классъ не былъ въ культурномъ отношеніи отдѣленъ китайскою стѣною отъ низшаго, какъ теперь. Народъ развивался одинаково: если косѣли въ темяхъ, то не одинъ мужикъ, а также и панокъ или войсковой товарищъ, часто не умѣлъ подписать своего имени, зато и мужицкія дѣти одинаково учились наравнѣ съ панскими, если у родителей ихъ было состояніе и кругъ свѣдѣній цѣлаго народа расширялся одинаково. Вотъ, сообразно этому, въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ черты, указывающія, что эти самыя пѣсни пѣлись не въ однихъ мужицкихъ хатахъ, но и въ домикахъ панскихъ.

Съ котами воювати,
Не сестру продавати.

(Чуб. IV. 356).

¹⁾ Боляре шляхецкіи,
Межъ вами женишише,
Якъ горлае днине.
Боярамъ свиши пасти,
А Ивашку заганяти,
Що не вмѣ пилувати.

(Чуб. IV. 354).

Слѣдуетъ затѣмъ раздача подарковъ отъ жениха ¹⁾ и отъ невѣсты ²⁾ съ пригѣвами, потомъ приносъ въ хату и дѣлежъ коровай ³⁾.

Послѣ раздачи коровай происходитъ покрываніе невѣсты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и расплетаніе косы, которое въ другихъ совершается, какъ выше показано, предъ вѣнчаніемъ. Невѣста представляется въ пѣсняхъ оплакивающею сокрытіе своей косы дѣвической ⁴⁾. Мать идетъ въ комору за серпанокъ или напѣткою, которая въ пѣсенной рѣчи носитъ названіе завивайла. Последній косникъ — лента въ косѣ — снимается женихомъ: это его достояніе на память. Серпанокъ-завивайло — представляется пугаломъ. Вѣзль — поется — за нимъ дружба за море доставать изъ-подъ бѣлаго камня, но не поднимать камня и не добыть завивайла ⁵⁾. Мать выноситъ серпанокъ изъ коморы. Дружки поютъ: догадайся, Маруся, затѣмъ это ходила мать въ комору: за рутаными вѣнкомъ

1) Ой на двори призва
На ній рушникивъ триста,
Пійдите, принесите,
Та боарь прикрасите.

(Чуб. IV. 361).

Несите дары за дары,
Да щобъ наши дары
Да у Києви стали,
Шовкомъ мерезани,
Золотомъ гаптовани
Свому роду даровани.

(Чуб. IV. 362).

2) По тихому Дунаечку билла,
По крутому бережку стелла,
А всю свою родиноньку обдарла.
Тожь-то наша Маруся прядка була,
Тожь-то вона раненько вставала,
На подарочки напрала
Усю свою родиноньку обделила.

(Чуб. IV. 363).

3) Коровай зъ шишками
Розлука зъ дружками.
Святи, Боже, зъ раю,
Нашому короваю,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько,
Дрибненько, боляроньку,
Коровай край,
Всю нашу родиноньку обсьмай
Нась, дружечокъ, не забувай!

(Чуб. IV. 376).

4) Ой жаль менѣ тебе русая коса!
Да не ровъ я тебе кохала,
Що недѣлоньки виввала,
За одинъ ранокъ утерала.

(Метл. 206).

5) Дружку вѣхати по завивайло,
Та на море пидъ билъ камень.
Дружко поѣхавъ, камения не знявъ,
И завивайла не взявъ.

(Чуб. IV. 365).

или за бѣлнить, какъ бумага, завивайломъ ¹⁾. Дружба принимаетъ отъ матери серпанокъ и держитъ его на тарелкѣ. Его—поеть пѣсня—не свѣтъ вѣтеръ, не сожжетъ солнце, не смоетъ дождь; его вносить молодая Маруся ²⁾. Это бѣлое завивайло будетъ ей вѣчное покрывало ³⁾. Не хочется ей покрываться, не нило ей завивайло, милѣе — дѣвичьи ленты ⁴⁾, но еслибъ она сильно не хотѣла, то не шла бы замужъ, сидѣла бы у батюшки ⁵⁾. Не такъ ей тяжело покрываться, какъ разлучаться съ подругами ⁶⁾. Не объ отцѣ и не объ отцовскомъ дворѣ она тоскуеть: жаль ей русой косы своей, дѣвической красоты: дѣвицы гуляютъ, колыхаются ихъ косы, а ее въ свою средѣ онѣ уже не примутъ ⁷⁾. Мать ⁸⁾ и подруги ⁹⁾, покрывая ее, желаютъ ей здоровья и красоты ¹⁰⁾. Но гдѣ теперь коса твоя, поестя въ пѣснѣ,—не полетѣла ли въ поле? Нѣтъ, она свернувшись въ клубочекъ ¹¹⁾. Гдѣ теперь твой вѣнокъ дѣвическій? Отдала его спрятать подъ

1) Догадайся, Марусе,
Чого мати въ комору пійшла?
Чи по руганий вѣночокъ,
Чи по бѣле завивайлочко?
Бѣле да бѣлесеньке
До паперу рівненькее.

(Метл. 206).

2) Поглянь, Марусю, на порогъ
То йде дружбонько ворогъ твій.
Несе коровай на вѣцѣ
Бѣле завивайло на тарелцѣ,
То не вѣтеръ его не звѣ,
Ни сонце его не спале,
Ни дрибний дощичкъ его не змоче
Молода Маруся вносе.

(Метл. 207—208).

3) Ой бѣлое завивайло,
Да вѣчное покрывайло.

(Ibid.).

4) Покриванниця плаче—
Покриватись не хоче.
Серпанки—погавки,
Биндочки—коханки.

(Чуб. IV. 367).

5) Якъ бы вона не хтила
Тобъ у батенька сидѣла.

(Ibid.).

6) Не такъ покриватись,
Якъ съ нами роставатись.

(Чуб. IV. 368).

7) Ой не жаль менѣ батенька старого,
Тыльки жаль мени русой коси,
Дивоцькою красы;
Дѣвки гуляють, кисками мають,
А мене не пріймають.

(Ibid.).

8) Покриваю тебе, моя доненько.

9) Мы жъ тебе, сестрице, скриваемъ,
Счастьямъ-здоровьемъ надѣляемъ!

(Ibid.).

10) Будь здорова якъ вода,
Будь прекрасна якъ весна.

(Чуб. IV. 371).

11) Где са косойка дѣла?
Чи у воле полетѣла?

замокъ на вѣчные вѣки ¹⁾). Какъ бы играя, въ пѣснѣ говорятъ ей подруги: не хорошо, не хорошо тебѣ въ этомъ нарядѣ! Скинь чепецъ, брось подъ печь, скинь кибалку—брось подъ лавку! Надѣнь опять свой рутяной вѣнокъ, уберись въ ленты, идежь съ нами на вечерницы ²⁾). Не будетъ по-вашему, дается на это приговоръ въ пѣснѣ: Иваша сдасть свое молодечество, а Маруся свое дѣвичество ³⁾.

Наступаетъ затѣмъ ужинъ съ пригѣвками. Въ пѣсняхъ, относящихся къ этой части ритуала, выражается невозвратность положенія, которое потеряла новобрачная. Ей грустно, она склоняетъ голову, но все уже напрасно, ни вѣтеръ, ни дождь, ни людскіе языки—ничто не разорветъ союза новобрачныхъ ⁴⁾). Какъ селезень съ уточкою виѣстѣ щиплютъ водяную травку, такъ они сидятъ виѣстѣ парочкою за трапезою ⁵⁾.

Вотъ уже и вони запряжены и вонницы сидятъ на возахъ, собираются везти новобрачныхъ въ домъ мужа ⁶⁾). Въ пѣснѣ изображается, какъ новобрач-

Вона въ поле не летала
Ено са въ клубойко звала.

(Чуб. IV. 369).

¹⁾ Где съ дила свій винойко?

Дала мѣ ю оковати,
До сярнойки сховати,
На вики вицни.

(Чуб. IV. 370).

²⁾ Покни чепецъ пидъ печь,

А кибалку пидъ лавку,
Тобѣ не подоба,
Бо не пристало до лоба.

Рутяний вѣнокъ
Склада на головку,

Да надни стрички и коснички,

Да ходимъ зъ нами на вечернички. (Метл. 209. Чуб. IV. 372—373).

³⁾ То Ивашъ гомонить—молодечество здае,

То Марусенька гомонить—дивовальне здае.

(Чуб. IV. 373).

⁴⁾ „Вже жъ ты, Марусю, звичана:

Буйни витри не розвють,
Дрибни дощи не розмють,
Людські язмки не розмовлять“.

И схилилася верба сверха до кореня,

Схилилася Маруся черезъ стилъ до матинки,

На стилъ головоньку клонить,
А подъ столомъ слизоньки ронить.

(Чуб. IV. 389).

⁵⁾ Де жъ бувъ селезень, де жъ була уточенька?

Селезень—на ставку, уточка—на плаву.

Теперь на одному сидятъ вони плаву,

Да ѣдятъ расочку.

Де жъ бувъ Иванко, де жъ була Марьечка?

Иванко—у батенька, Марьечка—у матинки;

У одній свитлиці ѣдятъ паланиці,

Пють вони медъ-вино изъ кубка одного. (Метл. 214—215. Ч. IV. 390).

⁶⁾ Вже жъ коники позапрягани,

Погоничи на возахъ сидять.

(Чуб. IV. 393).

ная кланяется въ ноги родителю и благодаритъ за то, что, живучи у него, была любима и не отягощалась лишнею работою ¹⁾).

По окончаніи ужина начинается отправка новобрачной четы. Это выражается и въ пѣсняхъ. Новобрачная должна садиться на возъ и покидать привычки житья, какое вела у отца ²⁾). Укладываютъ на возы скриню съ приданнымъ ³⁾). Пѣсня представляетъ, что мать, въ порывѣ материнской нѣжности, проситъ дочь переночевать у нея еще одну ночь, потому что расцвѣтаетъ роза, стелется барвинокъ. Но дочери уже не украшать себя розою и барвинкомъ: полюбила она Ивася и не хочетъ разстаться съ нимъ ⁴⁾). Такъ пѣсни до послѣднихъ минутъ изображаютъ въ невѣстѣ колебанія между сожалѣніемъ о невозвратно переходящемъ дѣвчествѣ и между любовью къ своему суженому, и все-таки переходящее остается за этой любовью. Все готово къ отъѣзду. Мѣсяць освѣщаетъ путь. Братъ провожаетъ сестрицу въ домъ свекра ⁵⁾). Жениховъ поѣздъ заранѣе хвалитъ житье-бытье, ожидающее ее въ этомъ домѣ ⁶⁾). Посылается напередъ соколъ во дворъ родителей жениха, чтобы тамъ дожидались невѣстки, застлали столы, клали на нихъ пшеничные хлѣбы, зажигали свѣчи ⁷⁾). Вотъ

¹⁾ Впала Маруся ажъ до нигъ:

— Спасибѣ тоби, ти мій батенько.

— За твое коханячко,

— Що я жъ у тебе була, важкого дѣла не знала. (Чуб. IV. 392).

²⁾ Ой садовись, дивочко, на вози,

Да покидай батькови норови.

(Чуб. IV. 401).

³⁾ Скриня моя малѣвана!

Да не рикъ не два прѣла,

Да не змочку тѣла.

Ну-мо, мамо, дѣлитися:

Тоби хата, та компрочка,

Мени скриня, та худибочка.

(Чуб. IV. 405—406).

⁴⁾ Ъи матинка просить:

— Молоденька Марисенька,

— Переночуй хочъ ниченьку.

— Бо вже роза розцвѣтається,

— Барвиночокъ розстиляється!

„Мени въ рожи не ходити,

„Барвиночку не носити:

„Полюбила Ивася, та й не могу одступити. (Чуб. IV. 405—406).

⁵⁾ Мисяць доризеньку освѣтивъ;

Братъ сестриченку выпроводивъ:

„Отъ тоби, сестрице, дорога,

„Їдь до свекорка здорова!

(Чуб. IV. 406).

⁶⁾ Южъ сонце надъ горами,

Збирайся, Марусю, зъ нами,

Бо ми добри люди,

Добре тоби въ насъ буде:

Вода сама въ гарнець тече,

А сонейко хлѣбъ пече.

(Ibid.).

⁷⁾ Наша Маруся одъ батенька одъязжає,

По переду соколонька посилає:

„Лети, лети, соколоньку, до свекорка въ двиръ.

новобрачная въ послѣдній разъ обращается къ родной матери, кланяется ей въ ноги, устилаетъ землю своими косами, слезами обливаетъ ноги матери ¹⁾). Женыхъ торопитъ ее ²⁾, а она хочетъ вдоволь напроцѣяться съ отцомъ, съ матерью ³⁾, даже съ порогами, по которымъ ступали ея ноги и по которымъ уже не будутъ ступать ⁴⁾. Не переходите, враги, дороги, пусть ея перейдетъ сперва Богъ, а потомъ мои родители ⁵⁾, поетъ пѣсня. Вотъ наконецъ двинулись, зазвенѣли колокольчики ⁶⁾. Осталась мать. Поглянетъ въ комору—нѣтъ скрини, нѣтъ и вѣшалки для одежды; посмотритъ по свѣтлицѣ—нѣтъ ея дитяти, глянетъ въ окно—тамъ слѣдъ ея; пѣсня заставляетъ по дорогѣ уѣзжавшей новобрачной расти символическіе васильки ⁷⁾. Исчезъ и зятекъ—истоптавши конскими копытами подворье, обобравши комору и взявъ съ собою ея дитя ⁸⁾. Скучно будетъ матери безъ дочки: выйдетъ она въ поле работать, некому бу-

„Нехай двори вымитають,

„Нехай столи тисовни застилають,

„Нехай хлѣбн пшениччии накладають,

„Нехай свичи восковии незгасають,

„Нехай мене, молодца, дождають.

(Чуб. IV. 408; Метл. 219).

¹⁾ Яжъ тоби, матухно, поклонюся.

Кискою земельку устелю,

Слезками нижки облию.

(Чуб. IV. 410).

²⁾ Ой, ты Марусю, вбирайся...

Ой сидай, сидай, коханьня мое,

Ниць не поможе плаваньня твое.

(Чуб. IV. 416—417).

³⁾ Зачекай мене хочъ пивтора дня,

Я ще своему батеньковѣ не дяковала.
своей матинци

Дякую тобі, тату що ходила въ тебе гарно
мамо

А теперь не буду.

(Чуб. IV. 417).

⁴⁾ Ой дякую вамъ, пороги,

Де ходили были ноги,

Теперь не будутъ.

(Чуб. Ibid.).

⁵⁾ Пересердиться, вороги, не переходьте дороги;

Нехай же намъ перейде Господь Богъ, а послѣ батько мій,

А ясная зора—то мати моя

А ясенъ Богъ—то батько мій.

(Чуб. IV. 418).

⁶⁾ Бряжчали колоколи, бряжчали,

Туды жъ нашу Марьечку помчали.

(Чуб. IV. 420).

⁷⁾ Пійди, мати, у комору—скрини нема!

Ой глянь, мати, на вѣшалку—одежи нема!

Пійди, мати, у свѣтлицю—дитини нема!

Ой глянь, мати, у вѣконце—тільки слѣдъ...

По дорози василечки поросли,

Куды твою дитинючку повезли.

(Чуб. IV. 419).

⁸⁾ Такъ будь зятенько, якъ не бувавъ,

Тільки мое подворья киньми стоптавъ,

Тільки мою комору ограбовавъ,

Тільки мою дитину собі взявъ.

(Чуб. ibid.).

дѣть помогать, сядетъ полудновать—не съ кѣмъ вести разговоръ ¹⁾. Воспититъ она о дочери и жалъ ей станеть тогда, когда начнеть она растоплять дрова и загребать жаръ въ печи или пойдетъ къ водѣ съ бѣльемъ ²⁾. На пути къ дому жениха поются пѣсни, гдѣ говорится о радости, какая ожидается мать жениха, когда привезутъ къ ней невѣстку ³⁾. Но, оглядываясь назадъ къ родительскому дому, новобрачной становится грустно ⁴⁾. Вотъ пріѣхали. Пѣсня приглашаетъ мать жениха выходить и посмотреть, что привезли ей бояре ⁵⁾. Новобрачная сравнивается съ пугливой тетеркою: не надобно подходить ея; пусть привыкаетъ къ своему дому ⁶⁾. Женихъ, кланяясь родителю, увѣряетъ, что его подруга будетъ угождать ему ⁷⁾. Есть слѣды стараго военного быта: женихъ говоритъ, что онъ ѣздилъ на войну и полонилъ хоровадъ дѣвокъ, но выбралъ себѣ одну изъ нихъ ⁸⁾. Мать жениха представляется въ высшей степени довольною и говоритъ, что теперь она радуется паче, нежели тогда, когда родила своего сына, и расточаетъ похвалы молодой невѣсткѣ и за ея красоту, и за походку, и за рѣчь ея ⁹⁾. Уже и сама новобрачная начинаетъ быть довольна своею переѣзною: ей

- 1) „Якого-сь буде, якого-сь буде да безъ донечки жити!“
 Пійдешъ, матинко, у поле та зеленого жита жати,
 Та займешъ широкую постать—ни зъ кимъ жита жати.
 Сядешъ, мати, да полуднати—ни зъ кимъ розмовляти. (Чуб. IV. 414).
- 2) Загрибай, мати, жаръ, жаръ,
 Буде тобі дочки жалъ, жалъ,
 Якъ итмешъ сорочокъ прати
 Будешъ дочку споминати! (Ibid. 401—402).
- 3) Отвори, мати, лиску,
 Ведемо ти невѣстку,
 До коморы ключницю,
 До поля робитницю. (Ibid. 429).
 Ой радуйся, мати, своему дитяти,
 Своему рожденному, другому сужденному. (Ibid. 422).
- 4) Ой плачу я плачу поки батькивъ двірѣ бачу. (Ibid. 424).
- 5) Ой вийди, мати, погляди,
 Що жъ тобі бояре привезли:
 Да привезли скриню кованую
 И невѣсточку коханую. (Ibid. 429—430).
- 6) Привезена тетеречка...
 Не кишкайте, не полохайте,
 Нехай вона къ своему дому привыкае. (Ibid. 430).
- 7) Прііхавъ Ивась съ дружиною,
 Батенькови въ ниженьки вклонився:
 — Не гнивайся, мій батеньку, на мене,
 Що прііхавъ зъ дружиною до тебе!
 Моя дружбонька буде тобі годети,
 По твоимъ дворн садъ-виноградъ садети! (Чуб. IV. 431).
- 8) Що я на войну ѣздивъ,
 Звоевавъ да дивокъ танокъ;
 Выбравъ я соби одну дивоньку молодую. (Чуб. IV. 432).
- 9) Рада була, мій синочку, що ти народився,
 А тепера и раднійша, що ти оженився.

сталъ милъ ченець и надобль дѣвическій уборъ ¹⁾. Но тутъ же проглядываетъ и опасеніе, что какъ зима не будетъ такою, каково тихое лѣто — такъ и свекоръ не будетъ таковъ, какинь былъ родной батюшка ²⁾.

Новобрачнымъ готовятъ ложе въ коморѣ ³⁾. Между тѣмъ всё садятся за столъ: молодые супруги на посадѣ въ почетномъ углу. Но тутъ помютъ, что новобрачная не хочетъ ни пить, ни ѣсть, а хочетъ уснуть ⁴⁾. Дружка ведетъ чету въ комору. Помутся припѣвы нѣсколько двусмысленнаго содержанія ⁵⁾. Потомъ выводятъ изъ коморы чету и раздаютъ веселыя пѣсни, въ которыхъ величается калина — символъ соблюденія дѣвства невѣстою и брачнаго соединенія ⁶⁾. Вѣтвь калины, воткнутая у новобрачной за намѣтку, служитъ призывомъ къ всеобщему веселью ⁷⁾. Такая же калиновая вѣтвь, вмѣстѣ съ бутылкою воды, посылается къ родителямъ новобрачной на знакъ, что она соблюла цѣломудріе ⁸⁾. Это доставляетъ большую радость и честь родителямъ. На знакъ

Выбравъ соби дивку червону, акъ калиноньку;

Що ступить—не похляяться,

Що скаже—не помнятися.

(Чуб. IV. 432.)

1) Отожь тебе Господь погодивъ,

Що ты мене въ чипчикъ нарядивъ;

Бо вже мени бинда обридла,

А вже жъ мени чипчикъ— прилипчикъ.

(Ibid.)

2) Не буде зима якъ тихе лито,

Не буде свекорка якъ ридный батенько.

(Чуб. IV. 433.)

3) Ой хто буде спати,

Будемъ ёму да постилъ стлати,

Соломки въ головки,

Сѣнци пидъ колѣнця,

А мятъ пидъ пяты,

Що бь було м'ягко спати.

(Чуб. IV. 435.)

4) Не хочу я ѣстоньки да питоньки,

Бо вже мое тило спати захотило...

(Чуб. IV. 436; также 437.)

5) „Ой мамцю, мамцю, до комори ведуть!“

— Цить, доню, тоби меду дадуть!

„Ой мамцю, козакъ на мене лизе“.

— Цить, доню, винъ тебе не заріже.

„Ой мамцю, вже й ножникъ выймае?“

— Цить, доню, винъ боже думаетъ.

(Чуб. IV. 437.)

6) Темного дуга калина, весь лугъ окрасила,

Доброго батька дитина, весь ридъ звеселила,

Ничого дивувати: така була ѣи й мати.

(Чуб. IV. 443—444.)

7) Ой пойду я у лугъ по калину,

Да выломлю калинову вѣтку,

Да застромяю за бѣлу намѣтку.

Нехай моя калинонька вяне,

Нехай моя родина гулае.

(Метл. 284.)

8) Калинонька наша Маруся,

Подъ калиною лежала,

Калину ламала,

До батенька слала:

— Отъ тоби, батенько, отъ тоби да подарочокъ,

Въ понедѣльникъ старшій бояринъ водружаетъ на большомъ шестѣ красную ткань и вѣшаютъ такой же кусокъ на воротахъ. Старшій бояринъ обвязывается красною лентою, беретъ съ собою черную курицу и пирожки, обмязанные медомъ, за нимъ слѣдуютъ опоясанные черезъ плечо красными лентами дружки, а замужнія женщины, принадлежащія къ числу свадебныхъ гостей, называемыя приданки, обвязываютъ себѣ красными лентами головы поверхъ своихъ обыкновенныхъ головныхъ уборовъ; даже бутылки съ водкою обвертываютъ чѣмъ-нибудь краснымъ. Вообще красный цвѣтъ — признакъ свадебнаго торжества, если невѣста окажется цѣломудренною ¹⁾). Идутъ къ родителямъ новобрачной и женихъ зазываетъ ихъ къ своимъ родителямъ на обѣдъ ²⁾). Тогда происходитъ раздача подарковъ новобрачнымъ со стороны собравшейся родни ихъ ³⁾). Во вторникъ пируютъ у родителей новобрачной. Въ эти дни свадебные поѣзжаны разгуливаютъ по селу и поютъ перезвянскія пѣсни. Это короткіе припѣвы, каждый стихъ въ четыре, а нѣкоторые только въ два, шуточнаго содержания, не принадлежащіе къ обряду. Ихъ безчисленное множество; онѣ вездѣ импровизируются по вдохновенію. Иныя — двусмысленнаго содержания и даже циничны и непристойны, если новобрачная окажется потерявшею цѣломудріе до брака. Въ послѣднемъ случаѣ, по народному понятію, никакъ нельзя вспоминать въ пѣсняхъ о калинѣ, которая есть символъ исключительно цѣломудренной женщины. Преступница подвергается поруганіямъ и насмѣшкамъ, даже побоямъ отъ мужа, если она ему заранѣе не сознается о своемъ паденіи. Не только она, но и даже ея родители подвергаются поруганіямъ: на шею отца надѣваютъ хомутъ, а ворота его двора и стѣны хаты снаружи и внутри обмазываютъ дегтемъ, о чемъ есть указаніе въ пѣсняхъ ⁴⁾). Свадебные обряды съ ихъ пѣснями до сихъ поръ повсюду свято сохраняются, гдѣ только живетъ малорусское племя, и надобно

¹⁾ Чуб. IV. 455.

²⁾ Ой зять тещу просить,
У рукахъ шалку носить;
Охъ и теща моя,
И голубка моя,
И ходижь до мене.
Есть у мене семь бочѣкъ
И полубочѣкъ
Да солодкаго меду—
Прошу жъ тебе та й на беседу.

(Чуб. IV. 462).

³⁾ Ой роде, роде багатый,
Даруй товаръ рогатый,
А вы, братья,
Даруйте все быки,
А вы, сестрици,
Даруйте все ягници.

Дала мени мати бодню
Да на п'ядь не повну,
Да на ти серпаночки
Що здарують приданочки.

(Чуб. IV. 464).

⁴⁾ Ой знати знати, где взяли халыву
Обмазали дѣгтемъ хату и стѣны и лаву.

(Чуб. IV. 459).

замѣтить, что свадебныя пѣсни удѣляли въ своей старой чистотѣ больше, чѣмъ всякія другія. Народъ, повиданому, даетъ значеніе своему свадебному ритуалу болѣе, чѣмъ самому церковному вѣчанію. Нерѣдко бываетъ, что церковное вѣчаніе совершается раньше, чѣмъ отправляется свадьба или «веселья», по народному образу выраженія. Такъ до отправленія свадьбы уже обвѣнчанная невѣста живетъ въ родительскомъ домѣ, ходитъ въ дѣвическомъ нарядѣ вѣстѣ съ дѣвцами, а не считается замужнею женщиною; въ такомъ положеніи проходятъ времени иногда цѣлый мѣсяць, а иногда и болѣе.

ГЛАВА IV.

Супружество.—Согласное житье.—Бѣдность.—Женскіе пороки.—Лѣнь.—Пьянство.—Капризы.—Мужъ отлучаетъ жену строгостями.—Слабый мужъ.—Разумная жена.—Невѣрность жены.—Недовольство замужествомъ.—Чужая сторона.—Мужъ пьяница.—Мужъ ревнивецъ.—Невѣрность мужа.—Жестокость.—Отношенія жены къ своей роднѣ.—Отношенія жены къ роднѣ мужа.—Злоба свекрови.—Убийство жены мужемъ.—Смерть жены.—Смерть мужа.—Вдовство.

Согласное и счастливое супружество въ пѣсняхъ изображается явленіемъ не частымъ, по крайней мѣрѣ число такихъ пѣсней гораздо менѣе, чѣмъ пѣсней съ противнымъ содержаніемъ. Славу Богу,—говоритъ въ пѣснѣ счастливая жена,—у меня мужъ добръ, не ругаетъ меня, ласкаетъ какъ голубку ¹⁾. Собравшись ѣхать на работу въ поле, подложить мнѣ подъ голову подушку или отпустить гулять къ моимъ роднымъ. Гуляй, милая,—говоритъ онъ,—гуляй, пока моя голова жива, а вотъ какъ моя голова поляжетъ, тогда всякое зло тебѣ себя покажетъ; когда мои руки сложатся, тогда вся роскошь жизни минетъ для тебя ²⁾. Когда такая чета вѣстѣ выйдетъ въ поле и работаетъ—люди, глядя на нее, завидуютъ ей, а любящіе другъ друга супруги желаютъ всѣмъ такого же счастья ³⁾.

¹⁾ Спасибн Богу, що мій чоловікъ добрий,
Пошли ёму, Боже, и счастье и вѣкъ довгий:
Що винъ мене не бье, не лае,
Винъ мене за голубоньку мае.

(Чуб. V. 517).

²⁾ Самъ бере пидъ поясъ нужку,
А мени кладе въ головку подушку;
Самъ иде въ поле орати,
А мени велить съ своимъ родомъ гуляти.
Та гуляй, мила, поки моя голова жива,
А якъ моя голова поляже,
То тоди тоби й ледащо докаже;
Якъ мои ручки згорнутья,
То тоди твои роскоши минутья.

(Ibid.).

³⁾ Ой хто жъ то оре? То жъ Пилипченко,
А ягода смородина—то жъ Парасочка.
Да на ихъ люде позавидовали,
Що хороше, да пригоже, да любовно живуть.
Ой вы, люде, не завидуйте;
Сами собі любитесь да любовно живить.

(Ibid. 516).

Любящей женѣ мужъ дороже всѣхъ родныхъ и онъ болѣе, чѣмъ всѣ они, внимателенъ къ ней. Другіе близкіе и родные ѣдутъ мимо нея и къ ней не завернуть, а мужъ непременно къ ней завернетъ, и она сознаетъ, что ея судьба прекрасна ¹⁾. Одна бесѣда съ нею такъ дорога ему, что ради ней онъ подвергаетъ себя опасности. Воображаетъ она: плыветъ лодка; въ ней сидятъ ея родные, мать, отецъ, братья, сестры, и никто для нея не остановится, страшась, чтобы въ лодку не набѣжала вода. Но ея милый не боится остановиться, лишь бы съ нею поговорить, хотя бы челвъ водою наполнялся и погружался въ пучину ²⁾.

Воображаетъ она себѣ, что мужа ея берутъ въ рекрутство, которое представляется неволею. Ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не хотятъ сбывать воловъ, коровъ, лошадей и золотыхъ перстней, чтобы его выкупить, а жена будетъ готова всего лишиться, лишь бы видѣть милаго передъ собой ³⁾. Ей такъ любо пребывать съ нимъ, что всякая разлука томитъ ее. Вотъ онъ поѣхалъ въ отдаленное поле орать, а подруга въ одиночествѣ провела четыре ночи, онъ показались ей десятью ночами. Ей бы даже хотѣлось, чтобы у него волю пристали или изломался плугъ, лишь бы онъ скорѣе возвращался домой съ работы ⁴⁾.

Въ прежнія времена, въ козациѣ, разлука мужа съ женой была чаще и продолжительнѣе. Оставшись въ одиночествѣ, жена обращается къ вѣтру и проситъ сообщить милому, какъ она тужитъ за нимъ ⁵⁾. Въ одной пѣснѣ былыхъ временъ живописуется картина семейнаго быта по поводу возвращенія козака. Онъ везетъ женѣ дорогой гостинецъ—шелковый платокъ, спрашиваетъ ее, какъ она проводитъ ночи безъ него; она сидитъ съ двумя дѣтьми, указываетъ мужу воду умыться, утереться полотенцемъ. указываетъ на приготовленный ужинъ

¹⁾ Ничъ моя свѣтла и зиронька ясна,
Доленька жъ моя прекрасна! (Ibid. 507).

²⁾ — Хоть весь човникъ воды набижить,
А все жъ зъ тобою буду говорить:
Уже човникъ воды набира,
А мій милый зо мною розмовля.
А вже човникъ у море пурива,
А мій милый зо мною розмовля. (Ibid. 505).

³⁾ Ой лучче жъ мени всю худобу изъ рукъ избути,
Абы жъ мени мого миленького у вичи видати. (Чуб. V. 500).

⁴⁾ Ой поѣхавъ мій миленькій у поле орати:
Оре три дни у ярини, а день у толоци,
Выплакала кари очи за чотыри ночи:
Та вже жъ мени си чотыри та за десять стали—
Бодай мого миленького волики пристали!
Бодай волю живи були, а плугъ поламався,
Що бъ мій милый изъ волами до дому вертався! (Чуб. V. 533).

⁵⁾ Повій, повій витроньку,
Съ Побережа въ Литвоньку:
Занеси висть милому,
Що я тужу по нему.
Коли бъ я крыла мала
То бъ я за нимъ летала. (Чуб. V. 322).

изъ рыбы осетрины и приглашаетъ ложиться. Козакъ говоритъ ей, что онъ бился съ туркомъ и татаринномъ, утомилъ коня своего, и прежде пойдетъ привязеть его къ бѣлой березѣ ¹⁾).

Есть трогательная пѣсня о смерти любимой жены, постигшей ее отъ несчастливаго разрѣшенія отъ бремени во время отсутствія мужа, котораго въ однихъ вариантахъ называютъ королевичемъ, а въ другихъ просто козакомъ. Пѣсня эта, преимущественно въ вариантахъ съ наименованіемъ королевича, распространена повсюду и даже зашла въ Великороссію, гдѣ совершенно обнаружилась въ великорусскую пѣсню. Молодецъ отправился, по однимъ вариантамъ, на войну, по другимъ — на охоту. Тамъ приснился ему сонъ: изъ-подъ одной руки у него вылетаетъ соколъ, изъ-подъ другой — кукушка ²⁾. Баба вѣрнее, къ которой онъ обратился, объяснила ему что это значитъ — у него въ дѣтѣ родилось дитя, а жена его сама умерла ³⁾.

Молодецъ спѣшитъ домой и находить, что случилось такъ именно, какъ сказала разгадчица. Вошедши въ домъ, онъ увидѣлъ мамокъ и нянекъ съ новорожденнымъ младенцемъ ⁴⁾ и трупъ жены своей ⁵⁾. Ударивши себя въ грудь, онъ разразился горькимъ причитаніемъ, обращаясь къ ногамъ, рукамъ, глазамъ и устамъ своей подруги, которая окончила свою жизненную работу ⁶⁾ *).

¹⁾ Привязъ мени гостничикъ дорогій:

Въ левой руди платочикъ шовковнй...

„Ой здорова, моя мила, чи чуешь?

„Съ кимъ же ты сюю нячку ночуешь?“

— Зъ маленькими диточками ночур...

— Стоить вода въ видеречку — умийся,

— Висить руминъ на килочку — утрися,

— Лежить рыба осетрина — кормися.

— Стоить кровать пуховая — ложися.

„Ой я съ туркомъ, съ татаринномъ воювавъ,

„Тамъ я своего кониченька стурбовавъ.

„Ой не ляжу, моя мила, не ляжу,

„Ой пійду до кониченька да до бѣлой берези привязжу.

(Чуб. V. 520—523).

²⁾ Съ пидъ правон та рученьки вылашувъ соколъ,

Съ пидъ ливон, съ пидъ бѣлон, сива зозуля.

(Ibid. 766).

³⁾ Бижи, бижи, королевичу, до своего двора...

Учора изъ вѣчера сына вродила,

А сѣгодня къ свиту й сама померла!

(Ibid. 778, 767).

⁴⁾ Ажъ тамъ мамки, ажъ тамъ няньки, та дитя колишуть.

„Ой ну люли, мале дитя, що вѣчера вранца родилося,

„А сѣгодня въ вечери осиротилося.

(Ibid. 767).

⁵⁾ Увиходить королевичъ у нову светлицю,

Лежить ёго молода жона на всю скамницю.

(Ibid. 770).

⁶⁾ Ударився королевичъ у бѣлыи груди:

„Нижки мои ривисеньки, чомъ не ходите?

„Ручки жъ мои билесеньки, чомъ не робите?

„Очи жъ мои каресеньки, чомъ не дивитесь?

„Уста мои сахарняи, чомъ не мовите?

(Ibid. 767).

*) Пѣсни подобнаго содержания польск. см. Kolb. 5. 1. 172—189. Ср. великорус. Кир. VII. 21—25.

Небогатые средства къ жизни не мешаютъ согласнымъ супругамъ считать себя счастливыми ¹⁾, даже при крайней бѣдности и горѣ ²⁾, и онъ и она находятъ какъ бы утѣшеніе въ томъ, что видѣтъ горюють ³⁾. Вѣрная и любящая жена навсегда сохраняетъ горячее чувство къ своему супругу. Есть пѣсня гдѣ изображается, какъ козакъ возвращается послѣ девятилѣтняго отсутствія, и жена, считающаяся всѣми вдовою, не узнала его сразу, хотя неизмѣнно любить его и предава ему. Козакъ пріѣзжаетъ къ ней, какъ чужой, требуетъ сперва пустить его на постой, потомъ овса своему коню, потомъ себѣ ѣсть и пить. Минимая вдова отвѣчаетъ, что она не сѣетъ, не коситъ, не топитъ, не варитъ ⁴⁾, живетъ въ горѣ безъ мужа уже десятую зиму ⁵⁾. Наконецъ козакъ приказываетъ слезть постель и ложиться спать съ гостемъ ⁶⁾. Тогда вдова хотѣла бѣжать ⁷⁾, выйдши чрезъ окно ⁸⁾. Но тутъ козакъ открывается кто онъ ⁹⁾. Подобная пѣсня есть у великоруссовъ, гдѣ представляется солдатъ, воротившійся со службы, но обѣ пѣсни самостоятельны и не показываютъ слѣдовъ заимствованія.

Лѣнь и пьязство представляютъ обычными пороками какъ мужчины, такъ и женщины, подвергаясь въ пѣснѣ насмѣшкѣ, какъ одна изъ видимыхъ причинъ обѣдѣнія. Жена чистосердечно сознается, что оба они лѣнны ¹⁰⁾. Вотъ — говорить она — еслибъ ты былъ хозяинъ — были бы у тебя волю, я бы сидѣла дома и глядѣла за ними, была бы корова, я бы за нею глядѣла, были бы овечки, я бы шерсть чесала ¹¹⁾, а то люди бѣдутъ пахать, а мы съ тобою въ

¹⁾ Ой взялъ жинку убогую,

Счастливъ зъ нею, слава Богу...

(Чуб. V. 519),

²⁾ Чи я яку тугу маю — вона дилить все во мною!

(Ibid.).

³⁾ „Жинко моя, жинко, ты моя милая,

„Зъ воли Бога найвншого така съ несчастная!

(Голов. I. 277).

⁴⁾ Я не сію, не орю — де жъ я тобі наберу?

Я не топлю, не варю — де жъ я наберу?

(Чуб. V. 817).

⁵⁾ Уже тому девять лить

Чоловика дома нить,

А десятая зима,

Якъ горюю я сама.

(Ibid. 815).

⁶⁾ Стели гостю постилоньку

Давай зъ гостемъ спати.

(Ibid. 815—816).

⁷⁾ Да лучше ись хаты выступати.

(Ibid. 816).

⁸⁾ Въ оконечки утикати.

(Ibid. 815).

⁹⁾ Мелодая удивонько, се жъ ты не вгада

Кого, сердце, лить за десять въ походѣ виправляла:

Що на ливой на рученци дитину держала,

А правомъ рученьюю очинци втирала.

Ой не ешь ты удова, ешь ты вирная жона.

(Чуб. V. 815—816).

¹⁰⁾ Серденько мое, ледащо ми обою!

Нехай я, а то й ты, не хочемо робити.

(Чуб. V. 684).

¹¹⁾ Ой коли бъ ты хазяинъ, та волики соби мавъ,

Тобъ я дома соби сидла, та волики глядила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та коровку соби мавъ,

Тобъ я дома сидла, та коровку глядила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та овечки соби мавъ,

Тобъ я дома сидла, вовночку чухрала.

(Чуб. V. Ibid.).

корчму, люди за дровами, а у насъ болятъ головы, люди — за сѣномъ, а на насъ бѣда настѣла! Дрянъ мы съ тобой, не хотимъ работать ¹⁾.

Иногда жена одна подвергается этому пороку. Въ одной пѣснѣ жена говорить, что мать, выдавая ее замужъ, дала ей въ приданое постель и на ея горе пеструю корову: надобно рано вставать, чтобы доить корову, а ей хочется спать до полудня, и она такъ исполняетъ свои хозяйственные занятія, что доить корову въ среду, а цѣдить молоко въ пятницу, и сосѣдки, видя это, восклицаютъ: вотъ такъ хозяйка ²⁾. Надоѣла ей возня съ коровой, она гонитъ ее въ долину съ тѣмъ, чтобы ее съѣли волки; это случилось, и она очень довольна ³⁾. Такая хозяйка любитъ посѣщать шинокъ и если пойдетъ изъ дома покупать соль, то забредетъ въ шинокъ, а между тѣмъ у ней дома въ окна прыгаютъ свиньи, а ея малыя дѣти, оставшись безъ матери, просятъ ѣсть и отецъ самъ принужденъ варить имъ ѣству ⁴⁾.

Лѣнь и разгулъ бывають качествомъ жены тамъ, гдѣ бѣднякъ женится на богатой, прельстившись ея состояніемъ ⁵⁾. Тутъ начинаются наряды, шата-нія по корчмамъ и шутки съ молодыми парнями ⁶⁾. Мужъ хочетъ ласкою отвѣть

¹⁾ Люде ѣдутъ орати, а мы въ корчму гуляти,
Люде ѣдутъ по дрова, а у насъ болитъ голова,
Люде ѣдутъ по сино, а на насъ лихо насило.

(Ibid.)

²⁾ Якъ отдала мене мати замужъ,
Дала мени билу постель заразы,
Дала мени ще й рабу корову,
Та на мою бидну голову.
До корови треба рано встати,
А я люблю до полудня спати:
У середу корову доила,
А въ пятницу молоко цѣдила...
Диваються сусидочки зъ боку,
Кажуть, буду хозяйка ни-вроку!

(Чуб. V. 634.)

³⁾ Да пожену корову въ долину,
Гей, гей, корово, до вовка!
Добре, добре, що постигъ вовчикъ:
Изъ корови голова та хвостикъ.
Теперь мени пити та гуляти,
Нищо доити, нищо заганяти!

(Ibid. 635.)

⁴⁾ А я піду на базаръ соли купувати.
Соли не купила, та въ шинкѣ заблудила.
Свини въ вишна скачуть, малы дѣти плачуть:
„Ой тату жъ нашъ, тату, затони намъ хату,
Та зварн намъ ѣсти.

(Чуб. V. 663—664.)

⁵⁾ Даютъ плуга, воли сирн,
Сто червонныхъ даютъ въ руки.
Лишь бери биду на вики.

(Чуб. V. 216.)

⁶⁾ И чоботы, и спидниця,
И корали и заушниця,
Що недѣли—все музыки,
Зъ корчмы до корчмы имъ водять,
За нею хлопци гурмоу ходять.

(Чуб. V. 215, также 519.)

ее отъ этого, и не смѣя заявлять слишкомъ рѣзко ревность, просить не давать цѣловать своего лица другимъ ¹⁾). Она или прямо безъ обиняковъ напомнить, что онъ бѣденъ, а ей принадлежитъ хата, въ которой они живутъ ²⁾, или подсмѣиваясь надъ нимъ, велитъ сдѣлать комору и держать ее въ ней подъ замкомъ, подъ сторожею, а она все-таки уйдетъ ³⁾. Она ругается надъ бѣднымъ мужемъ, заставить его кудахтать по куриному, танцовать до пота, смѣяться, когда ему не до смѣха, все на потѣху своимъ гостямъ: попу, дяку и разнымъ благородягъ, приказываетъ покупать себѣ наряды, а на обѣдъ гостямъ рыбу, мясо и вино ⁴⁾. Онъ не смѣетъ грубо обойтись съ нею, хотя она по двое сутокъ не бываетъ дома и приходитъ на третью ньяною ⁵⁾. Онъ самъ даетъ ей похмелиться, просить прибраться, причесаться и наградить его приятнымъ взглядомъ ⁶⁾. Только тайкомъ отъ жены подѣлится онъ своею скорбью съ родною катушкою ⁷⁾.

По народному воззрѣнiю нѣтъ ничего достойнѣе посмѣянiя и презрѣнiя, какъ мужъ, дозволяющiй женѣ помыкать собою и даже бить себя. Въ одной пѣснѣ жена заставляетъ мужа въ угоду себѣ называть гречихою ячмень ⁸⁾, въ другой—жена посылаетъ мужа отыскивать свой чепецъ, который она потеряла,

- 1) Да иди, живочко, да иди до дому,
Не давай личенька цѣловать никому:
Твое личенько—биле-рамьяне,
Хто на ёго гляне—серденько зьяне. (Чуб. V. 529—530).
- 2) Ой ты вбогій—я багата.
Моя хата, моя й правда. (Чуб. V. 519).
- 3) Зрубай тополю, зроби комору,
Да купи замочокъ, замыкай мене,
Сторожа заснула, а я моледа, гулять махнула. (Чуб. V. 530).
- 4) Вона ёго за чубу скубе, а винь бидный плаче.
Якъ заставить, по куричи Сидирь кудкулаче,
Якъ заставить, то й танцюе, ажъ пить зъ лоба льеться,
Ему уже не до смѣху, заставить—смѣється!
Поки Сидоръ не женився—були въ ёго гроши,
А якъ же винь оженився—капшукъ загубився.
Бо у жинки що недля, що праздникъ, то гости,
Прійде пиять, прійде дякъ, прійдуть ёго мости.
Купи плахту, черевки, чоботи сальянцы,
Треба рыбы, треба мяса и горляки въ шкланци. (Чуб. V. 676).
- 5) Ой мій милий, чорнобривий, я не забарюся,
Черезъ два дни, ажъ на третій день до дому вернуса. (Чуб. V. 677).
- 6) Приходь рано на зори ище и похмиляйся.
Да прійди до дому, головку причешешъ, да вже и не валайся,
Чепураа, хорошаа, на мене дивися. (Чуб. V. 678).
- 7) Гдѣ-сь ты, синку, да плачешъ, рыдаешъ,
Гдѣ-сь ты у себе доленьки не маешъ!
Твоя доля у корчмѣ гулае!
Пійди, сыну, зажени до дому! (Чуб. V. 676).
- 8) Ой посилаь мужикъ ячминь,—жинка каже: гречку.
„Не кажи жъ мени ни словечка, нехай буде гречка! (Ibid. 682).

таскаясь по шинкамъ ¹⁾; въ третей—жена бьетъ мужа и обливаетъ попоами ²⁾; бѣднякъ проситъ покормить его ³⁾, а жена указываетъ ему на борщъ, поставленный подъ лавкою наравнѣ съ попоами ⁴⁾.

Подобныя жены—прилавка для волокитъ. Въ малорусской народной поэзі можно отыскать группу пѣсень, гдѣ является разгульная женщина, которая вводитъ себѣ любовника и проводитъ мужа, нерѣдко изображаемаго старикомъ, такъ какъ, по народному возрѣнію, старикъ, женившись, скорѣе всего можетъ быть нелюбимъ женою ⁵⁾. Молодецъ заранѣе говоритъ, что ему не захочется жениться, когда чернавая, красивая замужняя женщина зазываетъ его къ себѣ ⁶⁾. Эта женщина, еще будучи дѣвушкой, просила мать отдать ее за стараго мужа ⁷⁾ и, ставши женою такого мужа, кланчетъ къ себѣ молодца. Онъ сначала боится, чтобы мужъ не поймалъ его и не избилъ ⁸⁾, но потомъ поддается искушенію и приходитъ. Жена заранѣе отравила стараго мужа ломать калину ⁹⁾: это символическое выраженіе; калина—символь брачнаго соединенія, и посылая стараго мужа ломать калину, она какъ будто съ ироніей хочетъ сказать ему, обесцѣлшему отъ дѣтъ: вайди способность быть супругомъ! Молодецъ садится за столъ,

¹⁾ „Ой піла я, піла, чинчакъ загубила
Прійшла-мъ до дому, еще мужа біла:
Ой иди, мужу, хата видь хаты чипчика шукати.
Пійшовъ мій мужъ підлашпуючи,
Своій жинци чипца видимтуючи“.

(Чуб. V. 681—682).

²⁾ И смихъ и публика!
Била жинка чоловіка,
Била, біла, волочила,
Та въ помнахъ намочила.

(Ibid. 666).

³⁾ Ой жинко моя, голубко моя!
Дай мені вечерати, коли ласка твоя.

(Ibid.).

⁴⁾ Отъ тамъ борщъ идиъ лавою,
Съ хорошою приравою,
Помийшицею накрито—
Такъ наѣжся до-сыта.

(Ibid.).

⁵⁾ Задумає старій женитися, да никого брати,
Що стара не піде, молода не схоче,
Ой хочъ вона піде дакъ не ляже спати,
Ой хочъ вона ляже, мене не обниме,
Хочъ вона обниме да не поцилує,
Ой хочъ поцилує, дакъ до долу сплюне.

(Чуб. V. 842).

⁶⁾ На що мені женитися, бувши молодому,
Зазиває чорнявал, до своѣго дому.

(Чуб. V. 650).

⁷⁾ Отдай мене, моя мати, замижъ за старого,
Буду ёго шавувати лучче молодого.
Дала мене моя мати за мижъ за старого;
Сюди-туди повернуся—треба молодого.

(Чуб. V. 649).

⁸⁾ „Прійди, прійди, серце мое, въ неділю до мене!“
— Ой не піду я до тебе, маєшь чоловіка;
— Якъ попаде, буде бити, вмилиць мене вика.

(Чуб. V. 651).

⁹⁾ „Пійди старій, піди старій, калини ламати!“
Ой вискочивъ сиромаха съ кововель до хати.

(Ibid.).

начинает ёсть курницу (которая между кушавьями по народному мировоззрѣнію имѣетъ символическое значеніе свадебной и любовной яствы) и обвиняетъ красивую женщину ¹⁾). Ея дочь высылается матерью смотрѣть, чтобы дать знать, когда отецъ будетъ возвращаться съ калиною; дочка хлопаетъ въ ладоши, сообщая, что отца еще нѣтъ и мать можетъ себя гулять ²⁾). Наконецъ, завидѣвши въ окно подходящаго къ хатѣ мужа ³⁾, женщина прячетъ молодца подъ кровать ⁴⁾, притворяется больною и посылаетъ только-что воротившагося съ калиною мужа принести ей медоваго сота ⁵⁾. Когда старикъ ушелъ за медомъ, она спровадила отъ себя молодца ⁶⁾. Старый мужъ возвращается съ медовымъ сотомъ и догадывается, что происходило, но открыть и обличить не можетъ ⁷⁾.

Не всякаго мужа можно такъ обманывать. Другая пѣсня рассказываетъ, что жена старенькаго мужа прикинулась больной ⁸⁾. Мужъ сперва тревожится, ухаживаетъ, предлагаетъ ей то пива, то меду, то горѣлки ⁹⁾, все напрасно; жена твердитъ, что умереть и онъ долженъ будетъ искать себѣ другую жену ¹⁰⁾. Вѣрно — говорить она — ты меня не любишь, когда не доставишь мнѣ лекарства ¹¹⁾.

- 1) Снѣзь винь соби кинецъ стола, курчи обберае,
А все ей за рученьку къ соби пригортае. (Голов. I. 218).
- 2) „Вийди, доню, на улицу, та й стань выглядати;
„А якъ буде тата нти — давай борзо знати!“
Вийшла доня на улицу, тай въ доломи плече:
— Гулай, гулай, моя мати, не йде тато еще! (Ibid.).
- 3) Ой глянула въ кватирочку — калиночку видко;
— Увивався, превражій снѣзь, коло мене швидко. (Чуб. V. 650).
- 4) Уже старій бородатій двери видчинеа,
Вона свого миленького підъ кровать ховае. (Чуб. V. 650. Голов. I. 219.
III. 227).
- 5) Прийшовъ старій бородатій зъ калиновъ до хаты,
Якъ стояла такъ упала, зачала стогнати. (Голов. I. 219).
— Чого жъ ты, моя мила, такъ заболѣла?
„Не знаю жъ я, старій дяду, трохи не зоманяла! (Чуб. V. 650).
„Пійди, старній, старесенькій, та наколуйай меду,
То може я, старній дидоньку, головоньку введу. (Ibid. Голов. I. 219,
III. 227).
- 6) Пійшовъ старній бородатій меду колувати,
Вона свого миленького за руку та зъ хаты. (Чуб. V. 650. Голов. I. 219)
- 7) Иде старній бородатій у тарнаки креше:
Ой бувъ же тутъ, вражій снѣзь, тильки мисце тепле. (Чуб. V. 650).
- 8) Розсердилась мила тана свого мужа!
Ползала на пичъ, зробилась медужа.
Ходить милній, ходить, били руки ломить,
Умре моя мила, уже и не говоритъ! (Чуб. V. 643).
- 9) Ой устань же, мила, куплю тобі пива...
Ой устань же, мила, куплю тобі меду...
Ой устань же, мила, я куплю горилки... (Ibid.).
- 10) Ой не встану: милній, шукай собі жинки. (Ibid.).
- 11) Видай ты мене, милній, не любишь,
Що для мене лекарства не купишь. (Чуб. V. 576).

Мужъ отправляется искать лекарства ¹⁾, срубилъ дубину ²⁾, нашелъ дубоваго сала, намастилъ имъ спину своей милой ³⁾ и она стала здорова, съѣла около своего мужа, поѣла, попила, какъ здоровая, и обняла мужа ⁴⁾.

И нарушитель супружескихъ правъ не всегда такъ легко, какъ прежній, избѣгаетъ расправы. Есть распространенная въ разныхъ вариантахъ пѣсня о Шмаровозѣ и дьякѣ. Шмаровозъ (возомазъ, т.-е. чумакъ) лѣтою и зимою ходитъ въ дорогу, а жена въ одиночествѣ скучаетъ дома ⁵⁾. Явился развлекать ее отъ скуки дьякъ (дьячокъ), — онъ гулящій человекъ; онъ самъ набивается къ ней ужинать ⁶⁾. Но тутъ неожиданно возвращается домой хозяинъ, ѣздившій въ дорогу. Дьякъ прячется подъ печь. Шмаровозъ, допросивши жену и узнавши все, приказываетъ зажечь свѣчу ⁷⁾, отыскиваетъ дьяка, который сидѣлъ за печью согнувшись и увѣрялъ, что онъ невиненъ; его пригласила хозяйка ⁸⁾. Шмаровозъ отвала дьячка и прогналъ его читать азбуку въ школѣ ⁹⁾. Прибѣжавши въ свою школу, дьячокъ говоритъ своей братин дьячкамъ: лучше дома ѣсть сухари съ водою, нежели пироги у чужой жены! Вы, дьячки, будете себѣ пѣть, а я цѣлый мѣсяцъ буду лежать ¹⁰⁾. Подобную роль волокиты дьячокъ играетъ во многихъ народныхъ рассказахъ ¹¹⁾.

¹⁾ Пійшовъ старый вилъ хаты до хаты
Молодій жинци ливарства шукати. (Ibid.)

²⁾ Зрубаешъ дубинку мнѣй на спинку. (Ibid. 643.)

³⁾ Ой надбавъ дубоваго сала,
Якъ змастивъ милу, ажъ шкура видстала! (Чуб. V. 576.)

⁴⁾ Милая устала, край милого сила,
Шматовъ хлѣба изъвила,
Водн напилася, зъ милимъ обнялася! (Чуб. V. 643, ср. ibid. 406.)

⁵⁾ Святій Боже, святій крипкій, святій и безсмертний!
Полюбила шмаровоза, треба въ жало вмерти.
Ой якъ лето такъ и зима усе по дорогахъ,
А я бидна несчастлива, погибаю въ дома. (Чуб. V. 674.)

⁶⁾ Обизвався панъ дяченъко, чоловікъ гулящій,
Прійми мене на вечерю, я въ тебе найкрасчій. (Ibid.)

⁷⁾ „Прошу, милый, сей разъ выбачати,
„Я приймала дячка панка, та до своей хаты?
— Ой выбачу, моя мила, выбачу,
Ой засвѣти ясну свѣчку, най ёго zobачу. (Ibid. 673.)

⁸⁾ Найшовъ дячка-неборачка—въ куточку зигнувся,
„А хто тебе тутъ запросивъ?“—Просила Ганнуся. (Чуб. V. 673.)
Или:

Ой засвѣти, Марусенько, восковую свичку,
Нехай же я подивлюся хто сидить въ запичку,
Ажъ тамъ лачокъ-неборачокъ у кузубъ зогнувся:
„Присяй Богу, я невиненъ, просила Маруса“. (Чуб. V. 674.)

⁹⁾ Тай зачали пана-дяка въ штыри кїи прати:
— А до школы, пане дяче, азбуки читати! (Чуб. V. 676.)

¹⁰⁾ Лучче було дома ѣсти сухари зъ водою,
Нижъ въ чужой молодниці пироги на столи.
Вы, дячки-неборачки, будете спивати,
А я буду цѣлый мѣсяцъ лежати. (Чуб. V. 673.)

¹¹⁾ То же повторяется съ видоизмѣненіями въ малорусскихъ сценическихъ про-

Есть не мало пѣсенъ съ такимъ же содержаніемъ, гдѣ молодець, заводя связь съ чужою женой, подвергается суровой карѣ ¹⁾. Иногда невѣрная жена кидаетъ мужа, семью и убѣгаетъ съ любовникомъ. Такова исторія Семена и жены его Катерины, о которыхъ поется повсюду въ малорусскомъ народѣ. Семень выѣхалъ въ поле пахать и не могъ дожидаться жены своей Катерины, которая должна была принести ему обѣдъ ²⁾. По однимъ вариантамъ, она гуляла съ москалями и ушла съ ними куда-то ³⁾, по другимъ—она сама соблазнила сына богатаго человѣка бѣжать съ нею и найти новоселье въ Украинѣ ⁴⁾. Пришедши домой, Семень узналъ отъ дѣтей, что мать ихъ попросилась съ ними и отреклась отъ нихъ ⁵⁾. Ее не было; имущество было расхищено ⁶⁾. Семень разразился плачемъ объ осиротѣлыхъ дѣтяхъ и призывалъ кару высшаго правосудія за свои слезы ⁷⁾. Тѣмъ пѣсня и оканчивается.

Въ Галичинѣ поется пѣсколько пѣсенъ, изображающихъ убійство женою мужа. Первая изъ такихъ пѣсенъ—о поповичевой женѣ Теклѣ. Событіе произошло въ Монастырщачѣ. Текля—жена Андруся, впускаетъ къ себѣ чрезъ окно любовника по имени Яненька, вручаетъ ему топоръ, а онъ зарубаетъ лежащаго въ постели поповича ⁸⁾. Преступница убѣжала съ своимъ любовникомъ, но была схвачена и приведена на судъ передъ пана Замойскаго. Ея родители приносятъ

изведеніяхъ, наур., въ Москалѣ Чаривникѣ, въ Кумѣ Мирошникѣ, въ Рязвляной ночи — оперѣ Лисенка.

1) Чогось мужикъ догадався, въ синахъ притаввся,
А я хлопецъ гарный бувъ до жинки згодився.
Мужикъ думавъ, що лишній смипъ, почавъ молотити,
Побивъ руки, побивъ ребра, не можна ходити. (Чуб. V. 655).

2) Оре Семень, оре, на шляхъ поглядае,
Чужи жинки обидъ носать, а ёго не мае. (Чуб. V. 658).

3) Его жинка Катеринка гуля зъ москалями.
(Ibid. Макс., изд. 1827. 135).

4) Подмовила Катерина багачьего сына:
„Повивъ отця, матку, а покину дѣтки,
Пійдемъ въ Украинну помилшканя глядити. (Чуб. V. 656).

5) „Ой пійшла жъ наша мати у лугъ по калину,
Ой щось вона говорила, що я васъ покину.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по телаты,
Ой щось вона говорила, що не ваша я мати.
Ой пійшла жъ наша мати у лисъ по коровы,
Ой щось вона говорила—бувайте здоровы. (Чуб. V. 656).

6) Узавъ Семень ключи, одчиняе скрини,
Нема сукень, нема плаття, нема Катерины. (Чуб. V. 659).

7) Ударився Семень объ полн руками:
— Дитки мои маленькіи, пропавъ же я зъ вами!
Ударьте морозы на сухіе лозы!
Побій, Боже, Катерину за Семенови слѣзы.
(Чуб. V. 659. Максим., изд. 1827. 136. Ср. Голов. I. 79—80).

8) Ой загубила свого мужа та поповича жинка,
Ой не сама жъ вона ёго загубила,
Тилько къ соби Яненька да виномъ впустила...
То заразъ бо ему совирю вручила;
Та почавъ же Яненько та сокирою рубати. (Голов. I. 51—52).

Замойскому деньги, умоляя пощадить дочь отъ смертной казни ¹⁾. Это ей не помогло. Текля присуждена къ смерти ²⁾, а когда ее вывели казнить, мать ея съ отчаянія хотѣла утопиться, но козаки удержали ее ³⁾. Сама Текля безстрашно встрѣтила смерть, произнося увѣренія въ любви къ своему любовнику и въ ненависти къ мужу ⁴⁾.

Другая пѣсня—о Парасунѣ, которая въ Голыградахъ умертвила своего мужа Иванка, черезъ три дня послѣ свадьбы съ нимъ, находясь въ соумышленіи съ Семеномъ Гапюкомъ ⁵⁾. Она бросила трупъ мужа въ воду ⁶⁾, но черезъ шесть недѣль ⁷⁾ трупъ выплылъ; преступленіе открылось ⁸⁾. Парасуня, позваная къ суду, сватала не сознавалась ⁹⁾, но когда ее повели въ Станиславъ и передали суду нѣмцевъ — она открыла всю правду ¹⁰⁾ и была повѣшена за городомъ ¹¹⁾.

Третья пѣсня—о шинкарьѣ Явдосѣ въ Тужилувѣ. Она зарубила своего мужа шинкаря топоромъ. Во время совершенія преступленія проснулось дитя; преступница, испугавшись, побѣжала къ своей матери и въ тревогѣ объявила, будто гайдамаки напали на ея мужа. Мать догадалась въ чемъ дѣло и сказала, что вѣрно она сама его убила ¹²⁾. Тогда она бросилась на колокольню и стала

¹⁾ А Теклинъ батенько кошикомъ гроши носитъ,
Пана Замійського низькимъ уклономъ просить:
Ой рачь же, паноньку, тін талары взяти,
А мою дочку Теклу видь смерти рятувати. (Ibid. 53).

²⁾ Не помогли ей а ни батенькован гроши...
Отъ уже жъ бо осуджено, щоби Теклу не пушено,
Та щоби ей голову пидъ мечъ положено. (Ibid.).

³⁾ Ой въ пятницю вывели вже Теклу губити,
А Теклина мати пійшла ся въ води втопити.
Ой стояло жъ тамъ два козаченьки въ броду,
Тако и не пустили Теклиной матки въ воду. (Ibid.).

⁴⁾ А Текла на смерть та сильна поглядає,
До свого Явенька стіла промовляє:
„Чи видишь, Яленьку, тамъ Андрусеву яму?
Я Андруса не любила, зъ Андрусемъ не лягну! (Ibid. 53).

⁵⁾ Въ Голыградахъ на пушинья стала ся публика:
Зарубала Парасуня свого чоловіка.
Ой у четверъ тай шлюбъ брала, въ неділю гуляла,
А зъ вечера изъ пизенька Иванка зрубала,
Бо съ Семеномъ Гапюкомъ одну раду мала. (Розов. I. 58).

⁶⁾ Порубала-сь Иваночка та пустилась въ воду. (Ibid.).

⁷⁾ Нема, нема Иваночка цилыхъ неділей шість.
⁸⁾ Ой выплынувъ Иваночко на Делявське поле,
Даютъ знати до Голыградъ тай Делинськи люди:
„Семень Гапюкъ съ Параскою несчастливый буде!“ (Ibid.).

⁹⁾ Не хоче ся Парасуни за Иванка признати. (Ibid.).

¹⁰⁾ Ой узяли Парасуню ажъ до Станислава,
Ажъ тамъ буде Парасуни справедлива сирава,
Ой казали Парасуни передъ Нѣмци стати,
Втогды взяла Парасуня всю правду казати. (Ibid.).

¹¹⁾ Повели ю за Станиславъ да й тамъ повѣсили. (Ibid.).

¹²⁾ Ой лѣгъ шенкаръ на постелѣ, шенкарка въ запичку.

звонить. Сошлась на звань тужиловская громада ¹⁾; преступницѣ, какъ видно, не повѣрили и отправили ее во Львовъ, на расправу ²⁾. Она жалуется на мать свою, обвиняя ее за то, что ее отправили во Львовъ, гдѣ ей придется согнѣть въ мукахъ ³⁾. Тамъ постигла ее кара ⁴⁾.

Четвертая пѣсня—галицкихъ Лемковъ ⁵⁾—изображаетъ жену, которая убиваетъ мужа, и, скоронивъ его въ саду, посадила на его могилѣ руту (символическое растение одиночества), которая выросла у ней подъ самое окно ⁶⁾. Пріѣхали братья покойника, сравниваютъ: гдѣ братья? Она отвѣчаетъ, что на войну услала его; они обличаютъ ее ложь, говоря, что они тамъ были сами и видѣли бы своего брата, еслибъ онъ поѣхалъ на войну ⁷⁾. Потомъ увидали они кровь по стѣнамъ; преступница сказала, что служанка рѣзала курицу, но братья возразили, что еслибъ десять куриць зарѣзали, такой крови бы не было ⁸⁾. Наконецъ, они замѣчаютъ, что дѣти смотрятъ какъ-то уныло, будто долго не ѣли и не пили. Мы ѣли и пили,—сказали дѣти,—но то намъ не мило, что отецъ лежитъ, а у него ножъ въ сердцѣ ⁹⁾. Тогда братья повели ее въ

Не встигъ шенкаръ задремати, вона зажгла свѣчку...

Ой свѣтитися бѣла свѣчка, вона взяла гадати:

„Поможи жъ ми, діаволе, шенкаря зрубати“...

Затяла го разъ въ голову, а двичи у груде...

А дитя ся прохопило: „що то, мамо, буде?“...

Вона була молоденька, того ся злякала,

Вже у двери не трафила—викномъ утїкала.

Ой прибѣгла до матинки: „пускайте жъ до хати!“

Яксь прішли гайдамаки шенкаря рубати!

Еи мамка стара була, та ся здогадала:

„Вѣдавъ же ти, Евдосенько, сама го зрубала!“ (Голов. I. 59).

¹⁾ Якъ прибѣгла до двинницѣ, взяла въ дзвони бити.

А взяла ся Тужилівська громада сходити... (Голов. I. Ibid.).

²⁾ А взяли ся исходити, взяли судъ судити:

Треба тебе, Евдосенько, ажъ до Львова взяти. (Голов. I. 60).

³⁾ Дяковать ти, моя мамко, за таку науку!

Теперь я йду, молоденька, до Львова на муку. (Ibid.).

⁴⁾ Пійшовъ шенкаръ молоденькій въ спру землю гнити,

А шенкарка Евдосенька карами робити!.. (Ibid.).

⁵⁾ Лемки—одинъ изъ вѣдовъ карпатскихъ горцевъ, живущій въ сѣверной части карпатскаго подгорья.

⁶⁾ Сошла намъ ся новна,

Пани пана забила,

Въ огородку го сховала,

Рутку на немъ посѣвала,

А рутка ся сбхатала,

Ажъ до вишна достала. (Голов. II. 729).

⁷⁾ Голов. II. 730.

⁸⁾ Голов. II. 730.

⁹⁾ „Наша невѣсть не мила!

„Чомъ ти дѣти смутни?“

„Ци ти хлѣбець не ѣли?“

„Ци ти винце не пили?“

— Ой ѣли ми, пили ми,

лѣсь... она говоритъ, что у ней въ Краковѣ есть братья и тѣ ее откупятъ. Братья не хотятъ ни серебра, ни золота, а требуютъ смерти за смерть ¹⁾). Пѣсня эта чуть не дословно схожій вариантъ съ такою же польскою ²⁾). замѣчательно потому, что она послужила Мицкевичу для его баллады «Лилия» — которой названіемъ замѣнилъ польскій поэтъ названіе слишкомъ протонародной руты.

Изъ пѣсень такого же содержанія, гдѣ бы изображалось убійство мужа совершенное его женою, въ малорусскомъ краѣ, вошедшемъ въ предѣлы Россійской Имперіи, мы не встрѣтили ни одной, если не считать очевидно заимствованнаго изъ Галичины варианта предшествовавшей пѣсни ³⁾.

Но есть пѣсня, гдѣ жена сводитъ со свѣта мужа не оружіемъ, не каинъ-либо смертоноснымъ веществомъ, а волшебствомъ слова, которому вообще народъ суевѣрно приписываетъ чудодѣйственныя силы. Выправляя мужа въ дорогу, жена прокляла его, пожелавъ, чтобъ его конь превратился въ холмъ, его сабля — стала бы дорогою, его шапка — глыбою земли, его синяя одежда — чистымъ полемъ, а онъ бы самъ — яворомъ ⁴⁾. Такъ и свершилось. Вдова вышла съ дѣтми, сталъ накрапать дождикъ; она хочетъ укрыться подъ яворомъ, а яворъ открываетъ ей, что онъ — отецъ ея дѣтей ⁵⁾.

Большинство пѣсень семейныхъ поется женскимъ поломъ и сообразно съ этимъ чаще всего въ пѣснѣ говорить и чувствуетъ женская особь. Не мало пѣсень, въ которыхъ выражается недовольство женщины замужествомъ. Супружество сравнивается съ тяжелымъ мельничнымъ жерновомъ ⁶⁾. «Развяжи, матушка,

— Але намъ есть не миле,

— Бо нашъ отецъ на ложѣ

— Серденько му на ножѣ.

(Ibid.).

1) — Ведте же насъ безъ Кракнвъ,

— Маю я тамъ трѣхъ братнвъ.

— Мене братнвъ откуплати!—

„Срибла, злата не хочеме,

„Лешъ смерть за смерть кладеме.

(Ibid.).

2) Собрн. Kozłowski. Zesz. I. 27.— Kolberg. 18.

3) Чуб. V. 840.

4) Що бъ ёму кнвъ горою ставъ,

А шабелька дорогою,

А шапочка купнвою,

А сини сукни чистымъ полемъ,

А самъ молодъ—яворонькомъ.

(Чуб. V. 834—835).

5) Дай ставъ дощикъ накрапати...
Пійшла вдова лндъ явора:

„Явороньку велененькій,

„Покрый дити свритоньки!“

— Ой и я жъ не яворонько,

— Яжъ тымъ дитамъ да батенько.

— Згадай, якъ мене вряжала,

— Вряжаючи проклинала!

(Ibid. 835).

6) Якій то великій тотъ камнъ млинскій,
Якій то тяжкій тотъ станъ малженскій!

Тотъ камнъ млинскій можно обернути;

А ставъ малженскій не можно кинути.

миѣ свѣтъ, который миѣ завязала, надѣвши на меня бѣлую намитку», — говоритъ отданная замужъ своей матери ¹⁾, и мать сознается, что свѣтъ развязать дочери трудноѣе, чѣмъ пустить камень плавать противъ теченія ²⁾. Впрочемъ, далеко не всегда недовольная замужествомъ винить другихъ, а часто сознается, что попала въ бѣду по собственному неразумію ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ причиною недовольства является пребываніе въ чужой сторонѣ межъ чужими людьми, въ удаленіи отъ рода. Вотъ слѣды того древняго быта, когда при разбѣденности и разбросанности жительство дѣйствительно вышедшая замужъ жила далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проводила дѣвичество, и между чужими, а иногда и враждебными ей роду людьми. Еще тогда, когда мать отправляла ее изъ родного дома въ чужую сторону и спрашивала, когда ее дожидать къ себѣ въ гости, дочь съ уныніемъ отвѣчала, что тогда дожидать ее, когда вырастетъ трава на помостѣ ⁴⁾. Она жалуется своему брату, что она плачетъ на чужой сторонѣ, прада чужую кудель, что ее зовутъ чужестранкою, сравниваетъ свое положеніе съ переходомъ въ бродъ быстрой рѣчки, скорбитъ объ отсутствіи родныхъ, недовольна чужою матерью ⁵⁾. Она бы

Тотъ камень минскій можно крутить.

А стань малженскій не можно лишити.

(Голов. III. 241).

¹⁾ „Розв'язки ми, мамко, свѣтокъ, якъ есь зав'язала!

Ой мій свѣтку, ой мій свѣтку, якъ маковій цвѣтку,

Тосьте ми го зав'язали въ бѣлу перемитку. (Голов. I. 289 — 290).

²⁾ „Ой якъ тяжко каменеви верхъ води плавати,

Еще тяжче, моя дочко, свѣтокъ розв'язати;

Хиба тобѣ вже розв'язе рискаль та лоната! (Ibid.).

³⁾ Ой мала жъ я дурний розумъ — замужъ квапналася,

Не силовать мене отецъ, ни ридная мати:

Сама мѣ бѣду полюбила, ни на кого нарикати. (Голов. III. 322).

⁴⁾ Выправляла мати дочку въ чужу стороночку,

Въ чужу стороночку, межъ чужимъ люде.

— А хто жъ тебе, моя доню, жаловати буде?

„Пожалуютъ, мамцю, чужимъ люде,

„Якъ у моѣй головоныци добрый розумъ буде!..

— Коли жъ тебе, моя доню, сподиваться въ гости?

„Якъ виросте травесенька въ хати на помости. (Чуб. V. 745 — 746).

⁵⁾ За ричкою, за водою братъ сестри поклоняється —

Я до него листы пишу, слѣзюньками умываюся.

— Добре тобі, мій братчику, на коньку играючи,

Ой якъ мени на чужини, чужу кужидь выпрадаючи.

Ой въ далекій стороньци называють заволокою,

Кажуть мени ричку брести широкою та глибокою.

Ніякъ їй перебрести, ни перетякнути,

Прійдеться на чужини безъ родины загинути.

Не такъ мени та чужина, якъ та мени чужа мати,

Каже мени чужа мати зъ надѣ каменя огонь брати.

Не збыткуйся, чужа мати, не збыткуйся надо мвою!

Зав'язки менѣ чорни очя, пускай мене за водою!

Нехай мои чорни очя въ сырой землѣ та писокѣ точатъ,

Нехай мени чужа мати головоныки та не клоочувать.

(Чуб. V. 547 — 548).

запѣла пѣсню въ свое утѣшеніе, но на чужой сторонѣ станутъ надъ нею стѣяться ¹⁾. Мужъ, стараясь развлечь жену, совѣтуетъ ей пойти къ сосѣдкѣ кутѣ и поговорить съ нею ²⁾, но жена не избавляется такимъ способомъ отъ гнетущей ея тоски ³⁾. Около нея все чужіе, а ей хотѣлось бы сообщиться душою съ своими родными. Поплеть она къ нимъ птицъ, но птицы не доставятъ ей сна отъ родныхъ ⁴⁾. Она сорветъ розовый цвѣтокъ и броситъ въ воду; воображаетъ она—приплыветъ цвѣтокъ на ея родину, мать ея выйдетъ за водою, поймаетъ цвѣтокъ, замѣтитъ, что цвѣтокъ завялъ, и сообразитъ, что должно быть и дочь ея такъ вянетъ, подумаетъ—болѣла дочь долго, когда брошенный ею цвѣтокъ увялъ на водѣ. Нѣтъ, матушка, скажетъ она, я не болѣла, не лежала ни дня, ни часа, а отъ тоски и грусти лицо мое исхудало ⁵⁾. Большею частью недовольство замужней женщины на свое положеніе представляется происходящимъ отъ безпутнаго поведенія мужа, выдающаго въ обычный народный порокъ—пьянство. Посмотрите, люди добрые, говорится въ одной пѣснѣ—каковъ пьяница! Чтѣ у него есть? Все тащить онъ и отдаетъ за водку, все вытряхиваетъ жидъ изъ его дома. Лѣзетъ, шатаясь, домой изъ ворчны, страшнѣ какъ клонъ, голъ какъ быкъ, глупъ какъ козелъ, все лицо его испарано, общинали его какъ гуся, нагишомъ пустили, обливается онъ слезами: его колотили ⁶⁾. Вотъ женщину

¹⁾ Ой кувала зосуленька, теперъ не чувати:

Ой де я ся не родила — муму привикати.

Спѣвала би-мъ спѣваночку, кобъ то еи вдати,

Ту чужая стороненька, будуть ся свѣтати.

(Голов. I. 287).

²⁾ Ой жинко моя, дружино моя!

Черезъ улицу—кума моя,

Огню огреби та й поговори.

(Чуб. V. 626).

³⁾ „Ой я ходила, тай говорила;

Та твоя кума мене осудила.

(Ibid. 626).

⁴⁾ Накажу я до родоньку свого хочъ черноу та вороною,

Ни родини зъ Украини, ни чернои та вороночки,

Та вже жъ мени надокучила а чужая та стороненька.

Щебетала ластивонька зо дна моря выгтаючи,

Та вже жъ мени надокучило родивоньки да не маючи. (Чуб. V. 550).

⁵⁾ Вырву жъ бо я квітку, та пушу на воду.

Та плыви, та й до роду,

Да буде ненька води набирати,

Зачерпнула зъ рожи квітку:

„Чи ты, моя дочко, три годи лежала,

Чи два болила, що квітка зивъла?”

— Не лежала ни дня, ни годины,

Лишь сухоты, та згризоти на личку змаринила.

(Чуб. V. 209—210. Голов. I. 298).

⁶⁾ Дивѣтеса люде добри, що пьяница має!

А що видить—бере зъ хаты, за горѣнку дае,

Затягнувся самъ у корчму, тай ставъ годдувати,

А що зависъ—усе пропивъ, жидъ вытрусивъ зъ хаты.

Лѣзе въ потячь до домочку, страшнѣй якъ блещидла,

Голой якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подрывани лица,

Обскупил го якъ гусака, голого пустили,

Ажъ го слѣзамъ обливать: отъ тожъ то го били!

(Голов. III. 224).

противъ ея воли отдала за такого пьяницу мать ¹⁾, другая, оставшись круглою сиротою, вышла за пьяницу ²⁾, послушавшись совѣта добрыхъ людей, и утопила свою головушку ³⁾. Третья—не слушала своихъ старыхъ родителей, полюбила молодого козака, а теперь водить его изъ корчмы пьянаго ⁴⁾ и сожалѣть о своей несправимой ошибкѣ ⁵⁾.

Вотъ одна жена пьяницы идетъ искать своего мужа, который пьетъ безъ просыпу уже болѣе недѣли, и не знаетъ она гдѣ отыскать его ⁶⁾, находить его въ корчмѣ ⁷⁾, онъ уже весь пропился, и коня и сѣдло пропилъ, и штаны и рубанку съ себя отдалъ за водку—остался нагишомъ въ шинкѣ ⁸⁾. Стала-было жена его укорять ⁹⁾, а онъ—тотчасъ сталъ драться ¹⁰⁾. Тутъ является у него какая-то кума, даетъ ему вина, даетъ штаны и сорочку ¹¹⁾. Кума въ народномъ образѣ выраженія имѣетъ подозрительный смыслъ, если съ нею находится въ дружбѣ женатый человѣкъ ¹²⁾. Другая жена пьяницы сидитъ одна дома; возвра-

¹⁾ Мене матюнка не жалувала;

Силомиць замнѣжь отдала

Ддала мене за пьяниченьку!

(Чуб. V. 590).

²⁾ А на мой головѣ штыри крушины:

Ой перша крушина—отець-мати померла,

А другая крушина—сестра зъ братомъ померла.

А третя крушина—пѣйшла за мужъ молода,

Четвертая крушина—за пьяницю пѣйшла!

(Чуб. V. 585).

³⁾ А ще къ тому прирали люди:

Пѣйди за-мужъ, добре тобі буде,

А я людську воленьку вволинила,

Да на вики головоньку втопила.

(Чуб. V. 592).

⁴⁾ Ой дурная жъ я й да нерозумна дивчина,

Не слухала тай отця-нееньки старого,

И послухала й да козаченька молодого—

Веду жъ его й да за рученьку пьяного!

(Чуб. V. 595).

⁵⁾ Якъ не силувавъ батько, а ни рідная мати,

Сама пѣйшла, гирьку долю знайшла—нѣ на кого жалувати!

(Чуб. V. 575).

⁶⁾ Пѣе пьяница недѣлю, пѣе пьяница другуу...

Да й забула попытати, де пьяниченьку шукати.

(Чуб. V. 588).

⁷⁾ У шинькарки спить пидъ лѣжкомъ.

(Чуб. V. 584).

⁸⁾ Пропивъ коня и сидло,

Пропивъ штаны, сорочку

Та сивъ голый у ^{шиньочку}
куточку.

(Чуб. V. 583).

⁹⁾ Ой проноу, проноу, пронала я съ тобою!

(Ibid. 584).

¹⁰⁾ Якъ ударить мене разъ,

Покотилась я у грязь,

Якъ ударить мене вдруге,

Покотилась я межъ люди.

(Чуб. V. 583).

¹¹⁾ Где съ узялася кума,—

Штаны й сорочку дала,

И до дому привела.

(Чуб. V. 584).

¹²⁾ Ой кумъ куму полюбивъ

По садочку проводивъ,

шается из корчмы пьяница. Ей велеть выходить къ нему навстрѣчу, брать его подъ руки, раздѣвать, разувать его ¹⁾, а ей это противно ²⁾. Пьяница это знает и, приближаясь къ дверямъ своей хаты, кричитъ: отвори, жена, двери, я твой милый ³⁾; его голосъ наводитъ на нее страхъ, она хотѣла бы убивать, но не успѣетъ ⁴⁾; онъ является и тотчасъ ее за косу ⁵⁾, да въ лицо ⁶⁾, да по головѣ ⁷⁾, хватаетъ плеть и стегаетъ по плечамъ ⁸⁾. Она пытается его усломить ⁹⁾, а сама въ то время желала бы, чтобы земля разступилась и укрыла ее отъ него ¹⁰⁾. Пьяница велитъ постлать себѣ постель, а самой женѣ готовить ему ѣсть ¹¹⁾, иногда же приказываетъ поцѣловать себя, а ей, конечно, не хочется ¹²⁾. Цѣлую ночь бѣдная жена готовить пьяницѣ завтракъ, но что могло сохраниться въ домашнемъ обиходѣ у пьяницы! Ставить ему жена борщъ безъ мяса ¹³⁾. Раздраженный пьяница мечетъ миску къ порогу ¹⁴⁾. Ему хочется похмелиться. Давай, жена, свою намітку пропить, а не то встану бить тебя ¹⁵⁾.

Нарвавъ кумѣ ягидокъ
Та наснававъ въ квартирушокъ.
Ѣйте, кумо, ягидки,
Котори солодки,
Котори гиреньки—
То то жъ мой миленькій.

(Чуб. V. 615).

- 1) Велитъ мени дай устричь выходить,
Велитъ мени ще й подъ рученьки брать.
Велитъ мени розувать-роздагати.

(Чуб. V. 591).

(Чуб. V. 581).

- 2) Чуб. V. 495. 591.

- 3) Ой, одчини жъ, мила, двери, бо я твій миленькій.

(Чуб. V. 601).

- 4) „И ой не одчинюся, бо дуже боюся,
Зачую жъ твій голосокъ, дежъ подинюся:
Въ виконце не смію, у дверечки не вспію.

(Ibid.).

- 5) Мила одчиняє, за двери стукає,
А винь їи бє сердешну, за коси хватає.

(Чуб. V. 602).

- 6) Вдаривъ милоу по плечи, ще й по бѣлому лицу,
Ажъ полилася кровь чорвона по шитому рукавцю.

(Чуб. V. 584).

- 7) Чуб. V. 691.

- 8) Да взявъ милій дротяну плеть,
Дай ставъ милую у плеченьки грить.

(Чуб. V. 592).

- 9) Чуб. V. 579.

- 10) Розступися земле, да розступися жъ, мати,
Пойду сама жива въ тебе, що бъ не горювати!

(Чуб. V. 602).

- 11) Загадує білу постіль стлати,
Загадує мнѣ снідати готувати.

(Чуб. V. 593).

- 12) Заразъ велитъ цілувати,
Не хочеться цілувати.

(Чуб. V. 578).

- 13) Борщъ поставила безъ м'яса,
Сама сила и підперлася.

(Чуб. V. 579).

- 14) Летить миска до порога.

(Ibid.).

- 15) „Здіймай, жинко, хоть намітку,
Неси їи за горилку.
А устану—буду бить,
Що нічого буде пити“.

(Чуб. V. 579).

кричитъ онъ. Жена бросается вонъ изъ хаты ¹⁾.—Развѣ ты моего права не знаешь, что убѣгаешь? говоритъ онъ ей ²⁾.—Знаю твой нравъ и оттого бѣгу,—отвѣчаетъ жена ³⁾. Она по опыту знаетъ, что нагайка—не игрушка,—какъ ударить, такъ и разядется кожа ⁴⁾. Не разъ уже приходилось ей послѣ напрасныхъ просьбъ не бить ее ⁵⁾ ночевать въ вишневомъ садикѣ, слушая птичекъ ⁶⁾ или бесѣдуя съ ежевичнымъ кустомъ о своемъ горѣ ⁷⁾. Уже не разъ приходилось ей бѣлыми ножкамъ ходить по морозу, а ея русой косѣ трепаться по двору ⁸⁾. Но какъ ни несносенъ мужъ пьяница, а женѣ бываетъ жаль его ⁹⁾, и когда онъ бьетъ ее, она напоминаетъ, чтобъ онъ не билъ ее, потому что ему самому будетъ жалко, когда онъ протрезвится ¹⁰⁾. Приходить къ ней родная мать и, узнавши, что пьяница спитъ, говоритъ, что лучше когда бы онъ не просыпался вовсе ¹¹⁾, но дочь отвѣчаетъ ей, что если съ нимъ горе, то безъ него также будетъ горе, когда она останется съ дѣтьми ¹²⁾.

Поведеніе мужа-гулаки становится болѣе оскорбительнымъ для жены его, когда онъ заведетъ себѣ куму. Законная жена дѣлается ему отвратительна, противно ему все, что она дѣлаетъ. Вотъ жена проситъ не бить ее: она въ суботу покажетъ ему свою работу. Мужъ отвѣчаетъ, что работа ея не мила ему, что онъ будетъ бить, истязать жену, а въ воскресный день у него будетъ иная подруга ¹³⁾. Зачѣмъ тебѣ другая?—говоритъ ему огорченная до ожесточенія жена.

1) Чуб. V. 593—594.

2) „Да чога, мила, за порогъ утикаешь.

Хиба моихъ норовивъ не знаешь?“

(Ibid. 594).

3) — Ой я твои норовоньки знаю,

Що шо-день твоихъ ручокъ не минаю!

(Ibid. 593).

4) Чуб. V. 596.

5) Голов. I. 292.

6) Съ хаты виконцемъ втикала,
Въ вишневимъ саду ночувала,
Ризимъ пташки вислухала,
Въ саду возуленька: куку, куку!
А я, молода, терпю муку;
Въ саду соловей тѣхъ, тѣхъ!
Котяться слѣза якъ горохъ.

(Чуб. V. 586).

7) Стала мила окномъ утикати,
Зъ ожиною стиха розмовлати:
— Ой ожино, ожино синенька!

Пропала жъ я теперь молоденька!

(Чуб. V. 593).

8) Уже мои билишки по морозу походили...

Уже моя руса коса по двору помаяла.

(Чуб. V. 582).

9) ... Оно ми жаль миленького прекраснаго молодца.

(Чуб. V. 585).

10) Та не бій мене, мій миленькій, якъ ты п'яний,

Бо на другій день буде тобі мене жаль!

(Чуб. V. 581).

11) — Спать пьяница въ новій коморѣ—гляди ёго не збудя!

Нехай спитъ, нехай лежить, та нехай и не встане,

Нехай твоя бидна головонька одъ журботы одстане.

(Чуб. V. 624).

12) Въ мене дитки маленькія—горе жити безъ ёго!

(Ibid. 625).

13) „Не бій мене, мій милый, въ суботу

Покажу я тобі всю свою роботу!“

Ты ее до смерти замучишь?—0, нѣтъ,—говорить мужъ, дразня ее,—мучить ее не стану, найму къ ней работницу, чтобъ она сама работала только слегка и въ добрѣ и въ холѣ проживала ¹⁾). Бѣдная женщина послѣ такой выходки мужа обращается мысленно къ своей матери и думаетъ, какъ было бы матери горько узнать про это ²⁾).

Иной мужъ потому возненавидитъ свою жену, что женился на ней не во собственному влеченію, а по приказанію отца ³⁾); такой послѣ самъ не знаетъ, что-бъ съ нею сдѣлать, и готовъ бы извести ее со свѣта ⁴⁾). Онъ заводитъ себѣ куму-разлучницу, а покинутая жена разговариваетъ съ кукушкой и узнаетъ черезъ нее, что ея отсутствующій мужъ ходитъ въ городѣ и покупаетъ подарки не жевѣ, не дѣтямъ, а разлучницѣ ⁵⁾); своей жевѣ онъ также привесетъ подарокъ, но этотъ подарокъ — проволочникъ плетъ ⁶⁾). Ты не искрененъ, душа моя ⁷⁾), скажетъ ему жена, догадываясь, что у мужа есть гдѣ-то на степенѣ зазубушка. Мужъ съ донжуановскимъ самохвальствомъ отвѣтитъ ей: сколько въ степи цвѣтовъ, столько у меня найдется милыхъ по бѣлу свѣту. Вѣдь у меня и конь вороной и я самъ молодецъ, вотъ только у меня великая жена ⁸⁾). Хотя бы нѣтъ у тебя быдо двадцать четыре, а я все-таки старше для

— Нечиста, плюгава, ще й къ тому гдливва,

— Менѣ твоя робота жодна не мила;

— Буду бити, буду катовати,

— Якъ прийде неділя—буду нишу мати.

(Чуб. V. 624).

¹⁾ „На що жъ тобі, милий, иншою шукати!

„Будешъ ты ѣи на смерть забивати!“

— Не буду я ѣи на смерть забивати,

— Буду для неї наймичку держати,

— Щобъ вона въ мене легченько робила,

— Що бъ вона въ мене хороше ходила!

(Ibid.).

²⁾ Коли бъ тее ридна мати знала,

То бъ вона по мені зъ жалю умишала.

(Ibid.).

³⁾ „Великъ мені батько, що бъ я й оженився,

Що бъ не ходивъ въ темной ночи, да й не волочився;

Ой я батька послушавъ и взявъ оженився,

Да взявъ жінку не пидъ мысли, не хочу зъ нею жити. (Чуб. V. 678).

⁴⁾ Ой живко голушко!

Ой де мені тебе дити,

Не хочу глядити!

Чи мені продати,

Чи въ службу видати?

(Чуб. V. 678).

⁵⁾ ... По рыночку ходитъ,

За бѣлу рученьку розлучницю водитъ;

Медъ-горѣвку носить, кармазинъ торгує,

Не менѣ молоденькій, не дѣтямъ маленькимъ,

Но тій розлучницѣ, що насъ розлучила.

(Голов. I. 246).

⁶⁾ Мій милий иде, иде, гостинцевъ несе,

А який же гостинець—дротлянушъ плить.

(Чуб. V. 607).

⁷⁾ Ой десь у тебе, серденько мое, й уся нещирая правда,

Да и ой ты иншую маешъ!

(Чуб. V. 611).

⁸⁾ Пойди, мила, въ степъ, да глянь по степу,

Скільки въ степу билого цвиту?

тебя всѣхъ нѣ: мы вѣдь въ церкви вмѣстѣ были, вѣнчались, Единому Богу присягали ¹⁾. Чѣмъ болѣе приближается онъ съ разлучницею, тѣмъ ненавистнѣе станетъ ему законная жена ²⁾. Одинокая, она, какъ былина въ полѣ, постелеть постель, сама одна ляжетъ спать ³⁾. Передъ разсвѣтомъ возвращается мужъ отъ своей любовницы ⁴⁾. Жена хочетъ его раздѣть, разуть, приласкать, онъ отталкиваетъ ее и говорить, что есть другая, которая, какъ онъ хотѣлъ бы, раздѣнетъ, разуетъ и въ бѣлое лицо поцѣлуетъ его ⁵⁾.

Бываетъ горе замужней женщинѣ и оттого, что мужъ у ней окажется ревнивымъ. Всѣмъ угрожу — говорить въ нѣснѣ такая женщина — и свекру, и свекрови, а ревнивому мужу никакъ не угрожу, до тѣхъ поръ, пока не положить его въ могилу ⁶⁾. Самъ онъ пьетъ, гуляетъ, а приведши домой дуется на жену, не хочетъ говорить съ нею, не садится съ нею ѣсть и пить ⁷⁾. Разсердится невѣдомо за что: вѣрно, — говорить жена, — за то, что я у кумы сидѣла, да женатому поднесла стаканъ меду ⁸⁾. Ей, молодой, хотѣлось бы погулять, вспомнить свое красное дѣвичество ⁹⁾, но ревнивый мужъ ей скажетъ: тогда веро-

До стѣлки въ мене чужихъ милыхъ е по бѣлому свѣту!

Коникъ вороннѣ, самъ я молодой — нелюбю жинку маю,

Ой колибъ я знавъ, хорошу бъ узавъ. (Ibid. 610—611).

¹⁾ Нехай буде двадцать и штыри,

Таки я старша надъ ними!

Въ еднѣи ми церкви бували,

На еднемъ ми рушникку столѣи.

Едному ми Богу присягали.

(Чуб. V. 401).

²⁾ Чужа жинка слаше меду и вина,

Чужу жинку цѣлувавъ бы мѣлувавъ,

Свою жинку ростерзавъ бы, розирывавъ.

(Чуб. V. 615).

³⁾ Ой сама я сама якъ былина въ полѣ,

Да никто не порадить мене, молодом...

Постелю постѣлюньку й сама спати ляжу.

(Чуб. V. 619).

⁴⁾ Пидъ бѣлий свѣтъ до дому йде.

(Чуб. V. 615).

⁵⁾ Одступися одъ мене, нелюбѣ,

Тял жъ мене роздине, розуе,

Да въ билеє личко поцѣлує.

(Ibid.).

⁶⁾ А милому-ревнивому

И по виць не вгожу,

Хиба жъ тоди угрожу,

Якъ на лаву положу.

(Чуб. V. 564).

⁷⁾ Я вношу ёму ѣсти,

Винъ не хоче во мною сѣсти,

Я вношу ёму пити,

Винъ не хоче говорити.

(Чуб. V. 604).

⁸⁾ . . . Иде ревнивий мужъ до дому,

Несе... три плѣточки дротяныи

Тай не знаю, що и за що!

Хиба за те що я въ кумы гуляла,

Що й жоватому стаканъ меду поднесла?

(Чуб. V. 663).

⁹⁾ Хотѣлось бы молоденькѣи погулять,

Свое красне дивовавьянчєко згадать.

(Чуб. V. 575).

тится къ тебѣ гулянье твое, когда зимою кукушка закукууетъ ¹⁾; пустать ее свекоръ и свекровь и всѣ прочіе члены мужицкой семьи, а мужъ ревнивый не пустать, да вдобавокъ погресать ей нагайкою ²⁾, а если какъ-нибудь она самаволью проберется на чужую свадьбу, то загоняеть оттуда батогомъ ³⁾. Ревниву дѣлается досадно даже и оттого, что жена похорошеетъ безъ него, въ его отсутствіе ⁴⁾. Нагайка постоянно висеть на крючкѣ для жены и не разъ ей въ тѣло влипаеть ⁵⁾. Нагайка и побой—восточная принадлежность замужества; если между женою и мужемъ нѣтъ согласія и любви.

Часто жена скрываетъ свое домашнее горе, такъ что со стороны людей кажется будто она живетъ благополучно, тогда какъ она безпрестанно проливаетъ тайкомъ слезы ⁶⁾. Когда зимою мужъ ей подъ глазами фонарей наставитъ, она, вышедши на улицу, говоритъ сосѣдкамъ, что это ее пчелы укусили, хотя сосѣдки смѣются надъ этимъ, зная, что зимою пчелы не жалать ⁷⁾. Даже роднымъ своимъ такая не жалуется, а видя летающихъ гусей, просить ихъ передать ей роднымъ, что она благоденствуетъ, но отнюдь не говорить ни въ что она терпитъ горе, потому что иначе родные не стануть бывать у ней въ гостахъ ⁸⁾. Это, впрочемъ, черта не всеобщая: есть много другихъ, показывающихъ какъ несчастная въ замужествѣ хочетъ поддѣлаться своимъ горемъ съ родными, особенно съ матерью. Объ этомъ скажемъ ниже.

Особенно тяжело бываетъ замужней жить съ нелюбимъ мужемъ, если до

¹⁾ Якъ зимою возуленька закуе,

Тоди вернуться гуляньячо твое.

(Ibid.)

²⁾ Хоть же я пуду—дакъ нагайка не пустить!

(Чуб. V. 607).

³⁾ Людськи жанки пьютъ, гуляють, мене слѣзы обливають.

Своей воли набралася, на веселья погналася,

Иде милай за мною, несе батигъ нидь полюю,

Якъ взявъ мене грети, не знала жъ я якъ гуляти.

(Чуб. V. 562).

⁴⁾ Да прінхавъ мій миленькій нивно,

Да роскидавъ білу постіль ривно.

„На кого жъ ты, мій миленькій, зауешь,

„Що мою білу постіль гайнуешь?“...

— А на тебе, жону молодую,

— Що покинувъ якъ нитку тоненьку,

— А заставъ якъ рожу повненьку,

— Що покинувъ якъ рыбоньку вялу,

— А заставъ якъ ягодку красну.

(Чуб. V. 555—556).

⁵⁾ Нагайка дротянка съ кручка не збувае.

Съ кручка не збувае, у тило влипае.

(Чуб. V. 607).

⁶⁾ Кажуть люде, що панується.

Не паную, мамо, я горюю.

Кажуть люде, щомъ счастлива: я тымъ веселився:

Ой не знають якъ я не разъ слѣзами залюся.

(Чуб. V. 626—627).

⁷⁾ „А шо у тебе сницѣ нидь очима?“

— Ой ходила по садочку, пчняка мя вкусила.

⁸⁾ Не кажите, били гуси, шо я тутъ горюю,

А скажите, били гуси, шо я тутъ паную.

Якъ будете, били гуси, правдоньку казати,

То не схоче родимонька въ гостини бувати.

(Чуб. V. 627).

замужества она любила другого и была имъ любима ¹⁾. Иную сватали женки получше, а она не пошла, полюбила негодая и погубила себя ²⁾. Бываетъ, что прежній, который любилъ ее, встрѣтится съ нею, попрекнетъ ее ³⁾; помчатутъ они вмѣстѣ, если прежде любили другъ друга взаимно ⁴⁾, иногда пожелаютъ смерти старому мужу ⁵⁾; помянетъ она недобрымъ словомъ и мать свою, если она противъ ея воли принуждала дочь выходить замужъ ⁶⁾, или же попеняетъ на себя, что сама вышла за немилаго по своей охотѣ ⁷⁾.

Нѣтъ средствъ оторваться отъ нелюбѣ. Станетъ она надъ водою вербою, а онъ явится близъ нея тонкимъ верболозомъ. Станетъ она въ полѣ березою — онъ яворомъ, станетъ она на нивѣ пшеницею — онъ близъ нея куколкомъ ⁸⁾. Сонъ не приходитъ къ ней, когда она ночью лежитъ съ своимъ нелюбомъ. Что ты вздыхаешь? спрашиваетъ онъ: развѣ у меня хлѣба-соли нѣтъ? — Противна имъ хлѣбъ-соль твоя, — говоритъ она. — Нѣтъ имъ жизни съ немилымъ ⁹⁾. Не

- 1) Ой гаю жъ мій гаю, густнй—не прогляну!
Пустыла жъ я голубонька та вже не піймаю.
Ой гаю жъ мій гаю, цвѣтешъ дуже рідко;
Кого родомъ я не знала—присудивъ мя дядько. (Чуб. V. 556).
- 2) Сватали красчи — я за нхъ не пійшла,
Ледачого полюбила
Сама себе погубила,
Така доля моя! (Чуб. V. 539).
- 3) Охъ державъ мене та за рученьку славний паренъ мій чорнявий,
А державши за рученьку, вниъ говорить зо мною:
„Ой не йти бъ було, мое серце, за-нижъ, лучче-бъ було дивчиною!
(Чуб. V. 575).
- 4) Якъ зійдуся съ кимъ любила—напачуея стиха. (Чуб. V. 224).
- 5) Дала жъ мене моя мати за мужъ за старого...
А, Господи милосердний, видри зъ дѣда душу. (Чуб. V. 225).
- 6) Кого жъ я любила не давъ мени Господь.
Не давъ мени Господь, мати не казала;
Бодай вона за то тяжко видболѣла. (Чуб. V. 225).
- 7) Сама пійшла, гирку долю знайшла, —ни на кого жалкувати.
(Чуб. V. 575).
- 8) „Ой стану я стану надъ водою вербою!“
А нелюбъ тое чуе пидъ синцями стоя.
— Ой не збудешъ, Катерино, моя будешъ,
— А я коло тебе тонкимъ верболозомъ. —
„Ой стану я стану у поли березою“..
— А я коло тебе зеленнй яворомъ!
„Ой стану я стану на ниви пшеницею!“..
— А я била тебе буйнимъ кукильчикомъ. (Чуб. V. 574).
- 9) Тай ляжу я спати край свого нелюбѣ.
Вже зиронька зійшла, а я ще не спала,
Другая зійшла, а я вже й устала.
Я вже и устала, тяженько зткнула
— Ой чого жъ ти, мила, такъ тяжко вдыхаешъ —
— Чи ти въ мене хлѣба и соли не маєшь? —
„Ой якъ твій хлѣбъ и сль занехаю,
„Съ тобою, нелюбнй, я житья не маю! (Чуб. V. 572—573).

сѣбѣ она пожелать ему смерти, иначе тогда люди, знающіе, что между ними нѣтъ любви, скажутъ, что она его извела; желаетъ она лучше смерти самой себѣ, чтобы не тяготиться свѣтомъ ¹⁾. Нелюбъ не хочетъ, чтобы она выдалась съ своими родными и пересказала имъ о томъ, что дѣлается съ нею ²⁾—и она общается не говорить, хотя бы ее и спрашивали ³⁾. Но она воображаетъ, что уходитъ тайно, садится въ лодку, никто ее не замѣчаетъ, она плыветъ къ матери и мать, увидавши, приглашаетъ къ себѣ ⁴⁾. Ахъ, матушка, дай совѣтъ, какъ уживаться съ немилымъ. Мать совѣтуетъ посадить его за столомъ, угощать и называть яснымъ соколомъ ⁵⁾. Дочь отвѣчаетъ, что ей легче подвинуть камни и ѣсть горькій помынь, чѣмъ ласкать немилга и садиться съ нимъ за обѣдъ ⁶⁾. И тоска ея раздражается бесполезнымъ сожалѣніемъ, затѣмъ она вышла замужъ ⁷⁾.

Все сочувствіе женщины, недовольной замужествомъ, обращается исключительно къ своему роду, т.-е. къ своей прежней роднѣ и къ семьѣ, особенно къ родителямъ. Она проситъ вѣтеръ повѣять къ ней въ свѣтлицу изъ того края, гдѣ ея родина, изъ того села, гдѣ осталась ея мать ⁸⁾. Она посылаетъ

¹⁾ Ходить смерть-чухна по снювосу.

Тай хвалиться смерть нелюба взять.

— Смерть, чухно-мачухно, та не бери ёго.

Бо знаютъ люди, що я не любила,

То скажутъ що я и зъ свиту згубила;

Ты возьми мене молоденьку...

Нехай я не буду свитомъ лудити!

(Чуб. V. 573).

²⁾ Не пусто ты, мила, до броду до воду,

Бо ти выдвигашъ ажъ до свого роду,

Скажешъ своему роду за свою пригоду.

(Чуб. V. 213).

³⁾ Не окажу я роду за свою пригоду,

Хоць будуть пытати, не буду казати,

Обильють дрибни слѣзы, а я вийду съ хати.

(Ibid.).

⁴⁾ Сила собі у човничокъ одъ берега одманнула,

Отглянулась назадъ себе, та въ долони сплеснула...

Нихто того не почуе, тилько рідная мати;

Одчинила кватироньку: „ходи, дома, до хати!“

(Чуб. V. 568).

⁵⁾ — Порадь мене, моя мати,

— Якъ зъ нелюбомъ жити ти мати! —

„Охъ и слядъ же ти, дою, за тисовимъ столомъ,

„Та называй нелюбовька ясеньевимъ соколомъ.“

(Ibid. 559).

⁶⁾ -- Лучче мени, моя мати, важкій камінь підняти,

— А ніжъ мени нелюбовька соколонькомъ назвати.

— Луччи жъ мени, мати, гиркій помынь ѣсти,

— А ніжъ мени изъ нелюбомъ обидати сѣсти.

(Ibid.).

⁷⁾ Кобы я була знала, що за нелюбомъ лихо,

Була жъ бимъ сидѣла, косочки чесала при матусенцѣ тихо!

(Голов. III. 310).

⁸⁾ Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку новеньку,

Съ того краю, де родню маю,

Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку ще й новійшу .

Съ того села де и матинку маю.

(Чуб. V. 762).

туда и плавающих и летающих птиц — привести родным вести о ней и пригласить их посетить ее ¹⁾). Сердечные всекъ относятся она къ родной матери. Есть одна очень распространенная пѣсня о томъ, какъ мать приходила въ гости къ дочери замужней ²⁾, а та провожала ее ³⁾ и при этомъ намекала, что жизнь ея спутана ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ дочь говоритъ матери, что она прилетала къ ней голубкою ⁵⁾. Въ третьей, несомнѣнно очень древней (такъ какъ съ тѣмъ же содержаніемъ пѣсня есть у великоруссовъ), замужняя дочь превращается или воображаетъ себя превратившеюся въ кукушку, чтобы въ такомъ видѣ посетить свою мать и сообщить ей впечатлѣнія своего горя. Мать отдала дочь замужъ и не велѣла бывать у ней ранѣе семи лѣтъ, но дочь не утерпѣла и, превратившись въ кукушку, прилетаетъ на третій годъ послѣ своего замужества ⁶⁾. Она пролетаетъ черезъ лѣса, дуга, сады, садится на черешнѣ въ родительскомъ саду и начинаетъ куковать, чтобы вызвать свою мать ⁷⁾.

1) Нливи, пливн, утко, проти воды прудко,
Да накажи мому роду, що я умру хутко. (Ibid. 744).

Полени, орле, де батецько оре,
Нехай орать покидае, мене одвидае..
Полетить синици, де ридни сестрици,
Нехай мене одвидають мои жалобници. (Чуб. V. 747).

2) Ще сонечко не зиходило,
Щось до мене та приходило,
Приходила моя матюнка,
И правдонька моя вирнал.
Вона въ мене не обидала
Тильки мене тай одвидала. (Чуб. V. 553—554).

3) Проведу я свою матюнку,
За горы та высокии. (Ibid.).

4) Ой що тебе да попутало,
Чи хмель чи паутиновья,
Чи малаа да дитиновья?

5) — Чи чула жъ ты, немья, якъ я въ тебе була? —
— Цидь причильнымъ виновечномъ якъ голубка гула? —
„Ой якъ бы жъ я, доню, твій голосъ зачула, —
„Ябъ розбила виновечко аби ти винула.
„Ой якъ тоби, донько моя, на чужини жити?
— Горе сиротини жити на чужини,
Никто ей не догляне при лихій годзини. (Чуб. V. 743).

6) Отдала мене мати на чужу сторовоньку межъ чужин люде.
Ой якъ отдавала да и приказывала,
Що бъ ты, доню, сѣмъ лѣтъ не бувала..
Пожила я годокъ, пожила другій,
А на третій стала искучати.
Обернувшись зовулею да и прилетѣла. (Метл. 257).

7) Летила степами — степи посушила все своими та думоньками,
Летила лугами — луги потопила все своими да слизоньками,
Летила садами — сады звеселила все своими голосочками.
Ой сяду я паду у матинки въ саду, та на крайній черешенци,
Буду лятати, буду лувати,
Чи не вийде моя мати зъ новою хаты. (Чуб. V. 750, 752).

Вышла из хаты мать, вышла потом и отец; оба сказали, что если эта кукушка их дочь, то просить ее войти в хату, а если это просто птица, то пусть себя летит куковать в зеленый лес¹⁾. Врать хотѣлъ-было застрѣлить птицу²⁾, но она такъ жалобно стала куковать³⁾, что мать расчувствовалась, остановила сына и велѣла ему накормить и напоить кукушку⁴⁾. По малорусскому варианту пѣсни, кукушка, наклевавшись и напившись у матери, отлетаетъ во-свояси⁵⁾, а по галицкому варианту—она открывается кто она и сообщаетъ матери на вопросы, сдѣланные послѣднемъ, что ей мужъ пьяница, перетаскалъ въ шинокъ все ея приданое и мучитъ ее жестокимъ обращеніемъ⁶⁾. (Ср. ведикорус. Шейна. I. 338—340).

Случается, что дочь замужняя не всегда съ нѣжностью относится къ своему родителю. Въ одной пѣснѣ отецъ говоритъ дочери, что онъ вскорнилъ ее и выдалъ замужъ, а дочь отвѣчаетъ, что ему до нея уже нѣтъ дѣла: она—отрѣзанный ломоть⁷⁾. Но въ другой пѣснѣ замужняя дочь высказываетъ увѣренность, что отецъ о ней вспоминаетъ и сожалѣетъ, что она, живучи у грознаго свекра, рано встаетъ и горько плачетъ⁸⁾. Что касается до братьевъ, то

1) Вийшла моя мати, стала на порозѣ,
Пригадала собѣ свою рідану доми, обильляли ея слѣми:
— Если-сь моя доня—прошу ти до хати,
Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати...
Вийшовъ мій батенько, ставъ си на порозѣ;
„Ахъ если-сь моя доня—прошу ти до хати,
„Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати.
(Голов. I. 193—194).

2) Та мій братицюкъ по дворикю ходитъ и лучокъ натягае,
И на садъ поглядає, та на туд зозуленьку. (Чуб. V. 748).

3) Якъ взяла кувати, жалбно спѣвати,
Ажъ ся взяли въ землѣ луги калиновы видѣ голосу роздѣгати.
(Голов. I. 193).

4) А матенька ондѣть у вивовько гладитъ, съ своимъ синюмъ розмовляє:
— Та не бій, мій синючку, та той зозул, що на крайній черешенци,
Та той зозуловця, якъ моїй дочци, у чужой стороненьци:
Та поспивъ, сину, жемчужного проса, шахай вона надѣбьбається,
Та поставъ, синючокъ, водичи кубочокъ, шахай вона напиться.
(Чуб. V. 748—749).

5) Уже нагостилась, уже набарнась у своїй матюнки въ гостяхъ,
Та треба думати, та треба гадати: часъ-пора до дому спати.
(Ibid. 749).

6) Голов. I. 196.

7) — А я тебе не знаю, не знаю,
Що ти гукаешъ суди та суди.
„Чи не я тебе годувавъ,
Чи не я тебе замикъ давъ?“
— Та одризнала смѣба одъ хлѣба —
Та теперъ менѣ нема дѣла. (Чуб. V. 760).

8) Ой далеко, далеко мій батенько одъ мене,
Ой хочъ же винъ далеко, таки мене спомьяне,
Таки мене спомьяне й дитятокъ назове:

дружескія отношенія нѣ къ замужней сестрѣ выражаются тѣмъ, что они прибываютъ къ ней въ гости и она нѣ радушно угощаетъ ¹⁾).

Часто неудачное и тяжелое положеніе замужней женщины происходитъ оттого, что, вышедши замужъ, она не слодится съ мужниной семьей и родней. Вообще житье въ мужниной семьѣ не то, что преждее житье у родителей. Тутъ не стануть баловать ее какъ отецъ и мать, которые берегли ея сонъ ²⁾, здѣсь, напротивъ, в свекоръ, и свекровь, и золовки, всѣ укоряють ее за сонливость ³⁾. Если мужъ добръ и не хочетъ бить жены, какъ ему совѣтують родные, то притворно показывается къ ней суровость въ угоду своей семьѣ ⁴⁾. Самымъ суровымъ существомъ изображается «свекруха» (свекровь). Въ пѣсняхъ это — настоящая мегера, и мы не помнимъ пѣсни, гдѣ бы свекровь являлась съ привѣтливымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ невѣсткѣ. Живучи въ согласіи и въ любви съ мужемъ, жена жалуется ему, что она никакъ не можетъ угождать его матери ⁵⁾. Если невѣстка взята изъ бѣдной семьи, тутъ представляется поводъ злой свекрови издѣваться надъ невѣсткою. Она рано будитъ ее и говоритъ съ ироніей, что время доить коровъ, которыхъ она пригнала отъ

Ой дѣ-сь мое дитятко у тѣй чужій стороны,
У чужого батенька, у грозного свекорка,
Встае вона раненько, плаче вона ревненько. (Чуб. V. 763).

1) Браты мои, братья, сивы соколоньки,
Прибывайте та до мене ой хоть въ гостиновку.
Настою я горилочки у зеленій пляшци:
Съ перцемъ, изъ вербецемъ, съ своимъ ширимъ сердцемъ.
(Чуб. V. 761).

2) Ой спи, доненько милая... (Чуб. V. 701).

3) У насъ невѣстка не робитниця,
Сонливая да дремливая,
На дѣлечко лѣнивая. (Чуб. V. 700, 727).

4) А великая семья,
Мого мужа бранить,
Що не хоче мене бить;
А мій мужъ говоритъ:
„За що мени жинку бить:
„Вона дѣло мени робити!“
Ой хочъ бивъ, хочъ не бивъ,
Аби семью звеселивъ.
Ой бивъ по стини,
Та казавъ — по жони. (Чуб. V. 702).

5) Яжъ тобі, миленькій, не скажу:
Твоей матери не вгожу:
Навечу хліба — не вдатний,
Наварю борщу — не смашний,
Помажу коминь — не било,
Помню ложки — не въ діло,
Да принесу водниця — розливае,
Да помню лавочки — не сяде,
Постеляю постѣль — не ляже,
Спытаю діла — не скаже!

(Чуб. V. 690).

родителей, и гнать въ поле овецъ, полученныя отъ матери ¹⁾). Невѣстка отвѣтитъ, что если она не пригнала съ собою коровъ, то и не застала ихъ въ новомъ дворѣ своемъ ²⁾, и при этомъ замѣтитъ, что она не силовала ея сына брать ее себѣ въ жену ³⁾ и не стояла у ней на порогѣ, утраивая, чтобы ее взяли въ семью безъ коровъ ⁴⁾. Свекровь грубо приказываетъ ей не раскрывать рта и грозитъ ударить ее пестомъ въ зубы ⁵⁾. Невѣстка скажетъ ей, что свекровь не дала ей зубовъ и выбивать не будетъ ⁶⁾, а свекровь на это произнесетъ угрозу ударить ее кочергой и заставить собирать свои зубы.—У кочерги два конца—скажетъ тогда невѣстка,—будемъ мѣрять себѣ зубы! ⁷⁾. Такую картину домашняго дрязгъ рисуютъ намъ народныя пѣсни. При скудости средствъ, при тяжелой работѣ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту ⁸⁾, при постоянной воркотнѣ свекрови, а иногда и свекра ⁹⁾ понятно, почему прежде крестьянкая дѣвица, вышедши замужъ, худѣетъ и дурнѣетъ лицомъ ¹⁰⁾ и приходитъ въ умныя ¹¹⁾.

1) Вышла свекруха та невестки будити:

„Уставай, суко, корову донти,
„Уставай, невихно, вставай, молодая,
„Подій коривки, що одъ батенька нагнала,
„Прожени й овечки, що вешья надавала.

(Чуб. V. 693. Ср. Голов. I. 192).

2) Хочъ я не нагнала дакъ и въ васъ не застала.

(Ibid.).

3) Я твое сына не силовала брати.

(Чуб. V. 694).

4) Я жъ тебя, свекрухна, у порога не стояла,
Що бъ ти мене да безъ корововъ брала.

(Чуб. V. 697).

5) Мовчи, невестко, не роздзявляй губи,
Якъ ухвачу м'яло, выбью тобі зубы.

(Чуб. V. 696).

6) Не дала зубивъ, не будешъ выбивати!

(Ibid.).

7) „Та цить, невестко, та не роспускай губи,
Якъ бачивъ коцюбу, то позбираешъ зубы“.

Я молодецька умла отвѣть дати:

— Въ коцюби два конци, будемо зуби мирати.

(Чуб. V. 698).

8) Дала мене мати замужъ,

Дала мени горе заразъ:
Треба мени рано встати,
Хату мести, сини мести.
И до плуга ѣсти нести.

(Чуб. V. 719).

9) Втора зъ вечора мене свекоръ бивъ,

А побивши мене у шинюкъ пойшовъ,
А въ шинюкъ сядя, похваляється,
Що добре бити а чуже дити,
Що не лається, не змагається,
Тильки слизоньками обливается.

(Чуб. V. 692—700).

10) Якъ я була въ батенька молодая,

Да тоди я водици набирала въ новин видерця.
И билее да личенько умивала;
А якъ пійшла до свекорка,
Да стало мени билило не мило,
И билее личенько почорнило.

(Чуб. V. 724).

11) Ой вїйду я лясомъ боромъ,

Злоба свекрови рѣзко выражается въ пѣсняхъ, гдѣ изображаются трагическія событія, происходившія въ семейной жизни и оставившія по себѣ память въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вотъ, напримеръ, въ одной пѣснѣ, довольно распространенной, мать подстрекаетъ сына истязать свою жену ¹⁾. Сынъ, исполняя материнскій совѣтъ, заводитъ жену ночью въ комнату и, не смотря на ея трогательныя мольбы, бьетъ ее до того, что она вся посинѣла и къ свѣту испустила дыханіе ²⁾. Мать съ своимъ обычнымъ свекрушечнымъ ворчаніемъ является будить невѣстку и звать ее донть корову, но сынъ блѣдный отъ ужаса говоритъ матери, что теперь уже придется ей самой при старости донть корову, а ему пусть даетъ совѣтъ, куда скрываютъ убитую жену ³⁾. По одному варианту этой пѣсни, мать даетъ совѣтъ сыну скорѣе бѣжать въ чужой край ⁴⁾, по другимъ—похоронить трупъ жены подъ половицей въ горенкѣ ⁵⁾. Сынъ не принимаетъ ни того ⁶⁾, ни другого совѣта ⁷⁾ и отдаетъ себя въ руки правосудія ⁸⁾. Оставленная дома мужемъ жена подвергается отъ свекрови по-

Да стану я пидъ яворомъ:

Шумить яворъ зелененькій,

Пропавъ мій винокъ молоденькій!

(Чуб. V. 718).

1) Пійди, сину, на ярмарокъ нинишн,

Купи мени реминни вижки

А ще къ тому й дротяну нагайку

Та бій суку зъ вечора до ранку!

(Чуб. V. 727).

2) Изъ-вечора да комора звеніла,

А пидъ пивничъ мила говорила:

„Не бій, милый, по голови больно.

„Не жарай билон постели въ кровъ!“

Пидъ билый свить милая не жива,

Лежить мила якъ ожина синя!

Стоить милый якъ полотно билый.

(Чуб. V. 730).

3) Пійшла мати невестки будити:

— Вставай, суко, корову донти.

„Ще ти, мати, сама не старая,

„Да подоншъ корови й самая.

„Мати моя, мати, дорадище въ хати,

„Дорадила, якъ жинку карати,

„Теперь дорадь, де ин сховати!“

(Чуб. V. 729).

4) — Сиддай, сину, ворону кобылу,

Тикай, сину, у чужу кранну.

(Чуб. V. 729).

5) Пійди, синку, въ горняку новуш,

Зорви, синку, нову волостоньку

Та сховаемъ чужую дитину.

(Чуб. V. 734).

6) Ой нѣкуди, мати, и утикати,

Якъ заробивъ требаи одвичати.

(Чуб. V. 732).

7) Нельза, мати, чуже дитя ховати,

Треба, мати, людямъ заявляти.

(Чуб. V. 734).

8) На милую домовину тешуть,

А милого въ три нагайки крешуть,

А милую въ гробъ опускають,

А милого въ Сибирь провожають!

„Бодай тобѣ, мати, такъ важко конати,

„Якъ теперъ мени вику доживати.“

(Чуб. V. 732).

боями и оскорбленіямъ. Козакъ, возвратившись домой, спрашиваетъ у матери: гдѣ его Настуся? Мать сначала отлыгается, говоря, что она въ саду, въ лѣтѣ, пошла за водою, но когда козакъ вездѣ побывалъ и не нашелъ своей Настуси, мать объявила, что увидитъ ее завтра на лавкѣ, т.-е. мертвую. Свекровь говорить, что заколотила ее за то, что невістка не называла ее родною матерью ¹⁾. Въ другой пѣснѣ о дощѣ (а по галицкому варианту—о кременюшкѣ), рассказы-ваются, что мать, которой дается званіе черной гадины ²⁾, встрѣтивши воровтившагося изъ похода сына, сообщила ему, будто жена его выпала безъ него замужъ за другого, оставивши дѣтей сиротами и опустошивши домъ его ³⁾. Денець, повѣривши на слово матери, отрубилъ женѣ голову ⁴⁾, но, приближиви до-мой, увидалъ совсѣмъ не то, что говорила мать его. Тогда онъ разразился проклятіемъ: мать моя, анѣя черная! Сожрала ты солнце, сожри и мѣсяцъ, и частыя звѣздочки, мои милыя дѣтушки! ⁵⁾. (Ср. великорус. Кирѣевск. В. VII. 34—36).

Въ другой пѣснѣ свекровь, не терпя невістки, угощаетъ воровтившагося изъ похода сына виномъ, а невісткѣ подноситъ смертельной отравы. Сынъ, до-гадавшись, пьетъ самъ половину того, что было предназначено одной женѣ его ⁶⁾. Сына похоронили подъ церковью, невістку подъ колокольнею, на могилѣ сына выросъ яворъ, на могилѣ невістки тополь ⁷⁾ или береза ⁸⁾: вершины деревьевъ

1) ... „Прійди завтра вранци—побачишь на лавці!“

— Мати жъ моя мила, чимъ Настусю была?

„Была качалкою, що бѣ звала маткою,

„Была кочергою, щобъ звала ридною.

(Чуб. V. 724).

2) Пришла къ нѣму чорна гадина;

То не гадина—то мати ёго.

(Чуб. V. 734—735).

3) Ой уже твій двіръ испустошений,

Вже твоя жінка за-мижъ пійшла,

Вже твої дѣти посиротили,

Вже твої слуги безъ пана живуть,

Вже твої жупани поношені,

Вже твої меда одпечатані. (Чуб. V. Ibid. Максим., изд. 1827. 41).

4) Зустріла ёго жона молода.

Ой якъ вихопивъ да гостренькій мечъ

Да визнавъ жѣнцѣ головку изъ плечъ.

(Макс. Ibid.).

5) Ой мати моя, моя мати,

Ты не мати—чорна гадина,

Зъела сонце, зъиждь и мѣсяцъ,

Зъиждь и зирочки—дрийбѣ диточені!

(Макс., изд. 1827. 42. Чуб. V. 735).

6) Да частуе сына горилкою,

Молоду невістку отрутов...

Вниймо, жінко, да по половини,

Що бѣ насъ поховали въ одній домовинци.

(Чуб. V. 711).

7) Поховали сына та подъ церковю,

Нелюбу невістку подъ двинищцемъ,

Посадили надъ сномъ зеленій яворъ,

На невісточнѣ—білу тополь.

(Чуб. V. 718).

8) Та на синови яворъ зеленіе,

А на невісточки береза біліе.

(Чуб. V. 712).

стали склоняться другъ къ другу; могилы стали присовываться одна къ другой. Стала тогда уби́ца-мать расквашаться въ своемъ влодѣяннѣ ¹⁾ (ср. великорусск. Онежск. Был. Гильфердингъ, 1873, стр. 155).

Есть пѣсня, очень похожая по строю на предшествовавшую, но содержанія фантастическаго. Злая свекровь отправила своего сына козака въ походъ, а невѣстку послала въ поле брать ленъ и дала ей заклѣtie не возвращаться домой, а остаться навсегда въ полѣ, превратившись въ дерево, по однимъ вариантамъ, въ тополь ²⁾, а по другимъ, въ рябину ³⁾, въ грабъ ⁴⁾ или просто въ былинну ⁵⁾. Сынъ, возвращаясь домой, увидалъ на своемъ полѣ невиданное прежде дерево, которое стало склоняться передъ нимъ, когда онъ проѣзжалъ мимо него ⁶⁾. Приѣхавши домой, онъ обвинилъ матери объ этомъ, а мать приказала ему срубить дерево ⁷⁾. Но когда сынъ, исполняя материнское приказаніе, ударилъ дерево топоромъ первый разъ—оно зашумѣло ⁸⁾, когда ударилъ въ другой разъ—изъ дерева брызнула кровь ⁹⁾, а когда ударилъ въ третій разъ—оно произнесло: не рубай мене, я твоя милая. Намъ надѣлала такой бѣды матушка твоя ¹⁰⁾ (ср. великор. Кирѣевск. В. VII. 26).

Въ иной пѣснѣ злая свекровь посылаетъ невѣстку, по имени Ганну, въ воскресный день жать въ полѣ, и тѣмъ заставляеть ее совершить грѣхъ, по народному воззрѣнію очень тяжелый. Послушная невѣстка работала до вечера и воротилась, оставивши, по забывчивости, въ полѣ своего ребенка. Свекровь сама напомнила ей о ребенкѣ; Ганна побѣжала за нимъ, но ей на встрѣчу летитъ соколъ и сообщаетъ, что ея ребенка растерзали хищныя животныя, кото-

¹⁾ Ставь же той явирь та приживатися,
До теи тополи та прихилатися,
Стали ихъ могилы та присуватися. (Чуб. V. 718).

Или:

Гилька до гильки схиляется,
Мати за дѣтьми да побивается:
„Кои бъ я була знала, то дитей не трула,
Своего серденька да не печалила“. (Чуб. V. 712).

²⁾ Не выберешъ лѣну, не вертайсь до дому,
Ой стань у поли тонкою тополею! (Чуб. V. 710).

³⁾ Да и стань у бору ребиною,
Ой ребиною кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 706).

⁴⁾ Да и стань у поли грабиною,
Тонкою та высокою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 710).

⁵⁾ Стань соби въ поли былинною,
Былинною кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 707).

⁶⁾ Ой якъ ихавъ миленькій съ пути-дорожки,
Клонилась ^{былинка} ^{тополинка} коню въ ножки! (Чуб. V. 705).

⁷⁾ Ой вьзьми, сынку, гоструу совиру,
Да зрубай въ поли тонку тополину (или былинну). (Чуб. V. 705. 710).

⁸⁾ Ой цюкнувъ разъ першій—вона зашумѣла. (Ibid. 710).

⁹⁾ Другій разъ цюкнувъ—кровь дзюрнула. (Ibid.).

¹⁰⁾ Третій разъ цюкнувъ—проговила:
— Не рубай мене, бо я твоя мила,
То твоя матуся такъ намъ поробила. (Ibid.).

рыя въ смыслѣ проиші называются няньками ¹⁾. Тогда въ отчаяніи мать прикладываетъ ножъ себѣ къ сердцу и упрекаетъ свекровь, что она наложила на себя три грѣха: первый за младенца, второй за невѣстку, третій за воскресный день ²⁾.

Къ ожесточенію противъ злой свекрови присоединилось народное суевѣріе о вѣдьмѣ, летающей по воздуху и мечущей изъ себя пламя. Жестокая свекровь въ наказаніе невѣсткѣ за то, что она, пивши, задремала, заставила ее большимъ ведромъ носить воду и молотъ сырую пшеницу. Когда мужъ, узнавши объ этомъ, пошелъ освободить жену свою отъ такого утомительнаго труда, вдругъ увидали они оба свекровь, которая влетала на нихъ: пламя исходило изъ ея устъ, а дымъ изъ ноздрей ³⁾. По другому варианту этой пѣсни, невѣстка превращается въ змѣю, а мужъ ея въ камень; вѣдьма опускается на камень и проклинаетъ себя за то, что разогнала дѣтей отъ себя ⁴⁾.

Такими вымыслами утѣшали себя женщины, терпѣвшія отъ суровости свекровей. Въ Галичинѣ поется пѣсня, въ которой рассказывается, что молодецъ, уѣхавши на семь лѣтъ воевать, поручилъ свою Марусеньку родной матери своей, но свекровь обращалась съ ней совершенно противно тому, какъ хотѣлъ и просилъ ее отъѣзжающій сынъ ⁵⁾. Отъ такого обращенія она умерла. Когда сынъ возвратился и не нашелъ жены, мать объявила ему, что она скончалась. Тогда сынъ отправился къ могилѣ жены и спрашивалъ ее: оставаться ли ему вдовою или искать снова жены? Умершая отвѣчала: «Я не запрещаю тебѣ, но твоя мать — чародѣйка, она погубить чарамъ и другую, какъ погубила меня, накорнивши лютыми ящерицами. Вдобавокъ она не банала звонить по мнѣ, чтобы мнѣ было тяжело въ могилѣ лежать!» ⁶⁾.

¹⁾ Бигла Гандза, бигла густыми лосами,
Здѣбалася она зъ трома соколами.

— Ой вы, соколоньки, въ полю летали,

— Дитини моєи чи съ да не видали?

„Ой тамъ твою дитину няньки колмсали,

„Они твою дитину на три штуки рвали.

(Чуб. V. 722).

Или (по другому варианту):

„Одна нянька очки вибирає,

„Друга нянька головоньку сьмає,

„Третья нянька й кишечки мотає.

(Чуб. V. 721).

²⁾ Приложила ножикъ до свого серденька:

— Теперь ты, мамцю, ажъ три грѣхи маєшь,

Еденъ грѣхъ маєшь за дитину малую,

Другій грѣхъ маєшь за Гандзю молодую,

А третій грѣхъ—за недлювоньку святую!

(Чуб. V. 722).

³⁾ „Глянь, Василю, бѣжить твоя мать,

„Зъ ѣи рота поломячко пише,

„Зъ ѣи носа димъ кужелемъ иде!“

(Чуб. V. 703).

⁴⁾ — Зкидай-сь ты, Домно, гадюкою,

— А я молодецъ да билимъ каменемъ стану.

Якъ летѣла, на каменѣ сѣла:

„Бодай же я на вики провала,

Якъ я своихъ дитокъ розитвала!“

(Чуб. V. 704).

⁵⁾ Голов. I. 76.

⁶⁾ „Ой, матусю-матусенько, где съ ми дѣла Марусеньку?“

Пѣсенъ о насильственной смерти жены по винѣ мужа не мало. Въ одной, очень распространенной, старой пѣснѣ, жена проситъ мужа не бить ее по головѣ, иначе она умретъ и ему не съ кѣмъ будетъ жить ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ просьбы похоронить ее въ букеровѣ (а въ другихъ вариантахъ—въ кедровомѣ) гробѣ, надѣтъ на нее дорогую покупную сорочку, но мужъ отвѣчаетъ, что негдѣ будетъ взять такого дорогого матеріала и будетъ она лежать въ посконной сорочкѣ въ сосновомѣ гробѣ. Наконецъ, она проситъ похоронить ее въ саду, посадить ей въ головкахъ калину, а въ ногахъ барвинокъ, и когда оны будутъ женить сына, то придетъ на ея могилу за калиною, а когда станетъ выдавать замужъ дочь, то придетъ туда рвать барвинокъ ²⁾. Вотъ восходитъ солнце. Вдовецъ ходитъ съ дитятемъ и взываетъ къ умершей: встань, милая, встань, дорогая! расплакался нашъ ребенокъ!—Пусть плачетъ,—отвѣчаетъ умершая изъ могилы,—онъ перестанетъ, а матушка вовѣки не встанетъ ³⁾. Часто въ пѣніи пѣсня этиги и оканчивается, но иногда къ этому прибавляется еще и такая картина: по саду ходитъ мужъ уже со второй женой, и вторая жена спрашиваетъ: что это за могила въ саду, а узнавши, что тамъ погребена первая подруга ея мужа, съ презрѣніемъ говорить, что не слѣдовало ее хоронить въ саду, а надобно было бы, завернувши въ худую простыню, отвезти въ

— А вже въ гробѣ, сынку, лежить, та на охрестъ ручки держитъ!

Ой та пійшовъ Ивасенько на Марусичинъ гробъ,

Да улякъ же Ивасенько Марусѣ до ногъ:

„Чи кажешъ ми, Марусенько, чи кажешъ ся женити?“

„Чи кажешъ ми, Марусенько, вдивцемъ ходити?“

— Ахъ я жъ тобѣ, Ивасеньку, та й не бороню...

— Твоя мати чаривниця старуе и тоту.

— Якъ вона мня Ивасеньку та й счаровала,

— Лютими мня яшурами нагодувала,

— Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,

— Щобъ менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати!

(Голов. I. 77).

¹⁾ Ой тамъ мила зъ милымъ говорила:

— Ой ты, милый, ты мій милый друже,

Не бій мене въ головоньку дуже,

Якъ ты будешъ въ головоньку бити,

Ой я умру, зъ кимъ ты будешъ жити!

(Чуб. V. 631).

²⁾ — Выкопай же мени глыбоку могилу,

Посади въ головкахъ червону калину,

А въ ниженькахъ хрещатый барвинокъ.

Ой якъ ты будешъ та сына женити,

Прийдешъ до мене калини ламати.

Ой якъ ты будешъ дочку отдавати,

Прийдешъ до мене барвиночку рвати.

(Чуб. V. 632. 367. 365).

³⁾ А въ неділю рано якъ сонечко сходить.

Милый по садочку зъ дитиною ходитъ:

„Ой устань, мила, устань, дорогая,

„Росплакалась дитина малая!“

— Нехай плаче, вона перестане.

— А матѣнка до вику не встане!

(Метл. 267. Чуб. V. 632).

поле и тань погоронить ¹⁾). Мужь сѣрдится на свою вторую жену за такую выходку ²⁾).

Другой мужь жестоко и язвительно обращается съ женою ³⁾, потому еще издѣвается надъ нею, спрашивая: не причинилъ ли онъ вреда ея здоровью побоями? Получивъ отрицательный отвѣтъ, произнесенный отъ страха ⁴⁾, онъ ведетъ ее на крутизну и сбрасываетъ ее оттуда въ воду ⁵⁾).

Какъ на общезвѣстную пѣсню, содержащую разсказъ о насильственной смерти жены, укажемъ на пѣсню о Немеривнѣ или Лемеривнѣ. Какая-то Немериха (или Лемериха) пропала свою дочь какому-то Шкандыбенку ⁶⁾. Но сама дочь не любила Шкандыбенка, и когда онъ привезъ ее къ себѣ, она ушла отъ него пѣшкомъ ночью и притомъ босикомъ. Шкандыбенко погнался за нею и сталъ выговаривать: развѣ у него нѣтъ лошадей, черевиковъ, дорогихъ одеждъ, что она уходитъ отъ него пѣшкомъ, босикомъ и въ простой мужичьей свиткѣ? Немеривна отвѣчаетъ, что все это есть, да только принадлежать ему, а не ей, а онъ самъ ей не по сердцу ⁷⁾. Тогда онъ хватаетъ ее на коня и везетъ посреди терновника ⁸⁾, а по другому варианту, она побѣжала сама въ терновникъ, и онъ погнался за нею на лошадаяхъ ⁹⁾. Она попросила ножа вынуть терновья

¹⁾ — Було обертити въ подрану раднину,
— Було ѣи вывезти у степь на долину. (Метл. 268. Чуб. V. 632).

²⁾ „А що бъ же ты, жинко, того не диджала,
Що бы моя перша на степу лежала!“ (Метл. 268).

³⁾ Ой взявъ свою миленькую,
За рученьку бѣленькую,
Повивъ ѣи въ компрочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрився колушками,
Милу укривъ кулачками,
Самъ укрився свитиною,
Милу укривъ дубиною. (Чуб. V. 632—633).

⁴⁾ „Чого съ моя миленька поблидла?
„Чи яжъ тебе по личеньку вдаривъ,
„Чи я тоби здоровьячка вмаливъ?“
— Ой ты жъ мене по личеньку не вдаривъ,
— Ой ты жъ менѣ здоровья не вмаливъ. (Ibid. 633).

⁵⁾ Повивъ ѣи та на крученьки:
Тай кинувъ ѣи та изъ крученьки:
— Плыви, мила, за водою—
Горе мени жить зъ тобою! (Ibid.).

⁶⁾ Пила, пила Немериха на меду,
Да пропала свою дочку молоду.
(Чуб. V. 626. Метл. 284. Макс., изд. 1827. 77. Голов. III. 15).

⁷⁾ Та ѣи самъ, молодъ, не до мисловки мени. (Ibid.).

Или:

А ты, молодъ, не до красы до моей. (Голов. III. 16).

⁸⁾ Якъ взявъ винъ Немеривну на коня,
Та ѣи потащивъ Немеривну по тернахъ!
(Чуб. V. 626. Макс., изд. 1827. 78).

⁹⁾ Ой побигла Лемеривна тернами
А за нею Шкандыбенко конями. (Метл. 285).

ягли, занозившіяся ей въ ноги, но ударила нмъ себя въ сердце, предпочитая смерть житю во дворѣ Шкандыбенка ¹⁾). Тогда Шкандыбенко привозить ее къ тещѣ и съ ироніей вызываетъ ее принять опьянѣвшую дочь. Отъ чего она упи- лась?—спрашиваетъ теща. Упилась отъ терна, а заснула отъ ножа,—отвѣчаетъ зять ²⁾).

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсенъ объ убійствѣ жены мужемъ, отно- сящихся къ истиннымъ событіямъ ³⁾). Такова пѣсня о Якимѣ, который связался съ какою-то вдовою и по ея наущенію ⁴⁾ сталъ бить жену и, несмотря на ея жалобныя просьбы о пощадѣ ради ея молодости и малаго ребенка, заколо- тилъ ее кулакомъ до смерти, а потомъ затянулъ подъ лавку и прикрылъ плат- ками ⁵⁾). По наущенію той же вдовы, похоронивши убитую жену, злодѣй скоро почувствовалъ, что ему неудобно жить безъ жены ⁶⁾, а вдова, искусившая его на злодѣяніе, отвернулась отъ него ⁷⁾, и Якимъ, напившись пьянъ въ корчмѣ, клялъ вдову Марисю за то, что она лишила его жены ⁸⁾).

Другая пѣсня о какомъ-то Кулиничѣ Степанѣ, который убилъ свою жену, дочь какого-то Прокопа. Несчастливая молила его пощадить ее, говорила, что ей съ нимъ жить мило, но злодѣй въ отвѣтъ на такія мольбы обѣщаетъ истязать ее и исторгать у ней глаза; она пыталась дать знать своей матери, чтобъ та поспѣшила спасти ее—все напрасно. Мужъ зарубилъ ее топоромъ и сообщилъ о томъ своей матери. Мать дала ему совѣтъ скорѣе бѣжать въ чужой край ⁹⁾).

¹⁾ „Ой дай мени Шкандыбенку гострий ніжъ,
„Повиймаю чорний терень зъ билихъ нигъ!“
Не виїнала чорний терень зъ билихъ нигъ,
А встроїила проти серця гострий ніжъ.

(Чуб. V. 626. Метл. 285. Макс. 78).

²⁾ Привизъ їи Шкандыбенко до тещеньки въ диврѣ:

„Ой одчїнай, моя тещенько, ворота,
Їде къ тобѣ дочка твоя пьяненька.
— Ой одъ чого, мїй зятеньку, виїлася?
Ой одъ чого дїтя мое заснула?

„Упилася, моя тещенько, одъ терна,
А заснула, моя тещенько, одъ ножа.

(Ibid.).

³⁾ Подобнаго содержания польскїя пѣсни для сравненїя см. у Kolb. 5. 1. 85—16

⁴⁾ Ой учера изъ вечера, ше курн не пїли,

Прїйшовъ Якимъ до вдововицї, люде не видїли.

„Добрий вечеръ, Марисенько, добрий вечеръ, серце!“

Вона ему одповїла: забїй жїнку перше! (Голов. I. 56. Ш. 20).

⁵⁾ Прїйшовъ Якимъ до домоньку тай вазъ жїнку бити,

Катеринка якъ зозулька вазла ся просити.

„Не жаль же ми, Якимоньку, щомъ ся не нажила,

„Тїлькя ми жаль, Якимоньку, що мала датина.

Ой ударивъ у грудоньки, рещту кулаками,

Дай затягнувъ лїдъ лавицю, да накрывъ платками.

(Ibid.).

⁶⁾ „Нема жъ моєи Катеринки виїрати сорочку!“

(Голов. I. 56).

⁷⁾ Не дає ся Марисенька личка цїлувати.

(Ibid).

⁸⁾ Прїйшовъ Якимъ до корчмоньки, напився горївки,

Выкрикає на Марисю: збавилась ми жїнки.

(Ibid).

⁹⁾ Чи чули ви, добри люде, таку новїпочку,

Цанъ экономя отправилъ за нимъ въ погоню козаковъ. Напрасно мать хотѣла подкупить ихъ ¹⁾. Преступника схватили и отдали навѣки въ заточеніе ²⁾.

Укажемъ еще на одну галицкую пѣсню. Она кажется вариантомъ приведенной нами пѣсни о Семенѣ, котораго жена, Катерина, убѣжала изъ дома, покинувши дѣтей. Но конецъ здѣсь совсѣмъ иной.

Мужъ, налѣзшій въ полѣ и не дождавшійся своей жены съ обѣдомъ (здѣсь онъ называется не Семеномъ, а Андрейкомъ, а жена—не Катериною, а Одокією), по возвращеніи домой, не нашедши жены дома, не ограничился воплями и стenanіями, какъ Семенъ, а погнался за бѣглянкою и нашелъ Одокію въ домѣ какого-то Круя съ сыновьями. Онъ привязалъ ее за косы къ своему коню и потащилъ съ собою. Встрѣтившіеся съ нимъ жида просили пощадить ее, но Андрейко замѣтилъ имъ, что они, жида, чужой вѣрн, имъ, какъ иновѣрцамъ, въ семейныя дѣла русскихъ не слѣдуетъ мѣшаться ³⁾. Притащенная домой полу-живая Одокія была положена на лавкѣ; призвали ея родныхъ и похоронили лицомъ къ землѣ ⁴⁾.

Ой що забивъ Кулиничъ сынъ Прокопову дочку.

Якъ вниъ ѣю та й забивавъ, вона си просила:

— Не бій мене, Степаночку, ще-мъ ся не нажила!

— Не бій мене, Степаночку, ты мій чорнобривий!

— Ой бо менѣ, Степаночку, съ тобою свѣтъ милій!

„Буду, мила, ты рѣзати, буду пробивати,

„Буду твои чорни очи на низъ выбирати.

„Не нажилась ся, негідна, и не будешъ жити;

„Ой пійдешъ ты еще вытѣ въ сиру землю гнити“.

— Бѣгай, хлопче, бѣгай, малій, дай до ньєнки знати,

— Ой наѣ же ми вна не дає марно загинати!

Ой якъ порвавъ ю Кулиничъ за бѣлыми руки,

Вточивъ въ нею сокирону, задавъ їи муки.

Прійшовъ Степанъ до домочку, та й взявъ повѣдати:

„Заризавъ емъ, мати, жинку. що маю дѣлати?“

— Ой утикай, мій синочку, въ чужу сторовочку,

— Що бы тебе не зловили на лиху долѣчку!

(Голов. I. 57).

¹⁾ Ой нате жъ вамъ по талару, горѣвки напійте.

Якъ найдете мого сныка, не дуже жъ го бійте!

Ой нате жъ вамъ по талару, ще дамъ по другому,

Якъ найдете мого сныка, не ведѣть до дому!

(Ibid.).

²⁾ Ой якъ злавали Степана тай руки звязали,

До тяжкой го неволи навѣки виддали. (Голов. I. 57—58. III. 20).

³⁾ Найшовъ, найшовъ Одокійку у Круя зъ сныками.

А присягливъ Одокійку до коня кясками,

Поволочивъ горѣ, доливъ, тыми потоками.

Зострѣчатсе Андрѣйко зъ чотирема жиды:

„А дай-во ты, Андрѣечку, Одокіи жити!“

А вы, жида, не руснаки, то не наша вѣра.

(Голов. III. 38).

⁴⁾ Донесли ей до домочку, поклали на лавку,

Издоймили зъ Одокійки сорочку кривавку;

Издоймили кривавочку, вволокли бѣленьку,

Та пислали по їи дѣля, да по їи ньєнку.

Поется у малорусского народа пѣсня, заимствованная изъ великорусскаго пѣсеннаго склада, но она значительно обтерлась у малоруссовъ и приняла много малорусскаго, такъ что, не зная въ точности ея происхожденія, можно по ошибкѣ признать ее за чисто малорусскую. Это пѣсня о разбойникѣ мужѣ, который убилъ родныхъ жены своей и жена въ числѣ привезенной добычи узнаетъ ихъ одежды и уборы ¹⁾. Не плачь, — говорить ей разбойникъ, — по отцу твоему волкъ воетъ, по матери воронъ крикаетъ, по брату вся Украина плачетъ, а по сестрѣ ты по-грустнишь ²⁾. По другому варианту, разбойникъ спрашиваетъ жену: рада ли она привезенному серебру и золоту? рада ли, что онъ здоровъ воротился? Жена отвѣчаетъ, что не рада она ни серебру, ни золоту, ни его здоровью. Тогда мужъ приказываетъ закопать ее въ землю и посадить на могилѣ ея рабину, подобно тому, какъ уже надъ ея родителями растеть елка, а надъ матерью — калина ³⁾ (подобная польская: Kolberg. 5. 1. 279).

По смерти жены оставшійся вдовецъ убивается, не зная что ему дѣлать съ дѣтьми, но дѣти утѣшаютъ отца, что они подрастутъ и разлетятся по разнымъ сторонамъ, обрекая себя и на хорошее и на худое житье, смотря по тому, въ какой край занесетъ ихъ судьба ⁴⁾. Хотя вдовецъ для женскаго пола не представляется привлекательнымъ женихомъ ⁵⁾, но вступленіе во вторичный

Писали по їй дѣда, да по їй брата,
Поховали Одокію та доливъ лицъ хреста.

(Ibid).

- ¹⁾ — Се жъ коники та батенька жъ мого,
Се жупаны та братика жъ мого,
Се перины та й матияки моєи,
Се спидници та й моєи сестрици.

(Чуб. V. 738).

- ²⁾ По батькови сирій вовчокъ скиглиць,
По матинци чорний воронъ криче,
По братику вся Украина плаче,
По сестрици сама зажурися.

(Чуб. V. 738).

- ³⁾ „Ой чи рада, мила, ты золоту й сриблу,
„Ой ще чи радниша моему здоровью?“
— Ой не рада, милий, ни злоту, ни сриблу.
— А ще не радниша твоему здоровью!

„Слуги моє, слуги молодні!
Закопайте милу въ глибоку могилу.

„На батькови зелена ялина,
„На матери червона калина,
„Поставте на милу червону рабину.

(Чуб. V. 742).

- ⁴⁾ „Дити жъ моє, сиротята, пронавь же я зъ вами!“
— Не журися ты батьку нашъ, не журися ты нами,—
Ой якъ же ми подрастемо, розлетимось сами.
Розлетимось, розбижимось, якъ кленове листья.
Которое на Вкраїну, котре на Полісся.
Которое на Вкраїну, тому добре буде,
Которое на Полісся, тому горе буде!
А на тій же Вкраїни жито да пшеница,
А на тому та Полісся кукля та метлиця.

(Чуб. V. 790).

- ⁵⁾ Їо а вдовцю, скурвому сыну, не вмію годити,
Внвъ мене буде. моя мати, безъ причиньки бити. (Чуб. V. 793—794).

бракъ для вдовца дѣло кажется очень легкимъ; одинъ чрезъ недѣлю по смерти жены женился на другой ¹⁾). Дѣти отъ перваго брака недружелюбно относятся ко вступленію отца во вторичный бракъ. Итъ, плачущимъ по умершей матери, отецъ говорить въ утѣшеніе, что онъ имъ купитъ три дома новыхъ и возьметъ для нихъ молодую мать. Пусть загорятся твои дома,—отвѣчаютъ дѣти,—пусть пропадетъ молодая мать! Не говори намъ, чтобъ мы звали ее матерью! Тебѣ она будетъ женою, а намъ не будетъ родимой матушкой ²⁾). Женившись на второй женѣ, современемъ самъ онъ почувствуетъ, что его положеніе плохое: разгонитъ онъ дѣтей отъ перваго брака и не соберетъ къ себѣ, хотя бы и хотѣлъ ³⁾).

Положеніе вдовы изображается въ пѣсняхъ грустнымъ. Въ былыя козацкія времена женщина, оставшись съ дѣтьми, не знаетъ гдѣ мужъ и чтѣ съ нимъ творятся. Идетъ она по полю съ малымъ ребенкомъ, садится опочить и разго-

¹⁾ А въ субботу ослабла,
Въ недѣлю лежала,
Въ понедѣлюкъ умерла,
Въ витороекъ ховали,
Въ среду плакали,
Въ четвергъ журився,
Въ пятницу голився,
Въ субботу сватавса,
Иъ недѣлю звинчавса.

(Чуб. V. 794)

²⁾ „Ой не плачте, дити, не плачте сирити,
„Куплю я вамъ, дити, три дома новии,
„Возму я вамъ, дити, мать молодую“.
— Нехай тоби, тату, дома загоряться,
— Мати молодая нехай пропадае!
— Тоби, тату, мати дружиною буде,
— А насъ, тату, мати далеби забуде!
— Було бъ тоби, тату, сѣго не казати,
— Якъ намъ твою жинку матерью звати.

(Чуб. V. 792—793).

³⁾ Да лучше жѣнка першая,
А вѣжь тая другая.
Изъ першою дѣти мавъ,
А зъ другою розигнавъ!
„Да идѣть, дити, служити,
„Чѣмъ мачусь годити!“
Да одинъ пійшовъ до попа,
Другой пійшовъ до жиди,
Третій пійшовъ до пама —
Щобъ мачуха пропала!
Ходитъ батько по валу,
Кличе дѣтей до-дому:
„Да идѣть, дѣти, до-дому,
„Не буде вамъ розгону!“
— Живи, тату, якъ Богъ давъ:
— Коли ти насъ розигнавъ,
— Мы будемо служити
— По матерн тужити! (Макс., изд. 1834 г. 164. Голов. III. 141).

вариваетъ съ луговыми цвѣтами ¹⁾. Вдругъ летитъ орелъ и приноситъ вѣсть, что онъ пожиралъ ея мужа ²⁾. Умирающій въ чужой сторонѣ козакъ поручаетъ товарищамъ сказать женѣ, чтобъ она не ждала его, а выходила замужъ: если ей хорошо будетъ, то она забудетъ о немъ ³⁾. А она ждетъ мужа, ея мужа нѣтъ, ведутъ его коня ⁴⁾, везутъ его тѣло. Она чувствуетъ, что дѣти ея стали сиротами, а у слугъ нѣтъ болѣе господина ⁵⁾. Горестъ вдовы выражается такими чертами: она засѣяла поле своими думами, покропила его слезами, какъ росой. Чтѣ ей въ молодости, когда нѣтъ счастья.—Или моя доля въ огнѣ сгорѣла или въ водѣ утонула! ⁶⁾. Она принадлежитъ къ могилѣ мужа, своего хозяина, и желала бы, чтобъ земля, принявшая ея милаго, приняла и ее съ нимъ ⁷⁾. Если у ней

- 1) Пійшла вдова долиною,
Зъ маленькою дитиною.
Пійшла вдова все садами
Розмовляла зъ бѣлыми цвѣтами.
„Цвѣты мои, бѣленьки прекрасны,
Дѣти мои маленьки безчастны!
(Чуб. V. 806).
- 2) Летитъ орелъ по-надъ горомъ,
Розмовляє зъ бѣдною вдовою:
— Не плачь, вдова, не журися,
Бо я твоего мужа знаю,
Тричи на день одвидаю:
Ой першій разъ обидаю,
А другій разъ полуднюю,
А третій разъ вечераю,
На чорний чубъ наступаю,
Зъ лоба очи колуаю.
(Чуб. V. 806—807).
- 3) „Нехай вона мене не жде,
Нехай за мижъ иде,
Бо вона мене не джидеться,
Тилько горя-биди набереться.
Якъ ій добре буде
То мене и забуде!
(Чуб. V. 808—810).
- 4) Чужи мужи изъ полку идуть.
А мого мужа коня ведутъ.
(Чуб. V. 808).
- 5) „Чужи паны изъ похода идуть,
„Твоего пана тильки тило несуть,
— Уже жъ бо я зовсімъ удова,
— Дѣти жъ мои да сиротята,
— Слуги мои да безъ пана живуть!
(Ibid. 834).
- 6) Засѣяла бѣдна вдова мислоньками поле,
Чорними очима та й заволочила,
А дрибними слизоньками все поле зросила.
Що жъ по моей молодости, я счастья не маю;
Доле моя, доле! Гле жъ ты ся подѣла?
Чи ты въ Дунай утонула, чи въ огнѣ згорѣла?
(Голов III. 325).
- 7) Къ сирій земли принадлеала:
„Земле ты сирова!
Взяла съ у мя господара,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдуя!“

есть малыя дѣти, она не соберется съ мыслями, что дѣлать съ ними? Не бросить же ихъ въ краниву ¹⁾. Пока они малы—малое съ ними горе, а горше матери станетъ, когда дѣти подрастутъ ²⁾. Не плачь, не унывай, вдова, вѣщаетъ ей какой-то утѣшительный голосъ. Богъ будетъ помогать и кормить твоихъ сиреть ³⁾. О, матушка лебедушка, — говорятъ бѣдной вдовѣ дѣти, — воспитай насъ хоть недолго, мы подрастемъ и разлетимся, тебѣ, матушка, покинемъ ⁴⁾. Ей представляется, что она будетъ когда-то просить ихъ не покидать ее; она готова быть у нихъ хоть слугою и колыхатъ имъ дѣтей ⁵⁾. А каково хозяйство у ней: родится пшеница, она сожметъ ее, свозить—нечѣмъ, надо работать, чтобы заработать на свозку сноповъ, а свозать—тына нѣтъ, обгородить нечѣмъ, сѣсныя рвутся и хлѣбъ портятъ (на гумнѣ) ⁶⁾. А въ отдаленномъ будущемъ ей представляется: тяготять ее, бѣдную, людскіе пересуды и клеветы. Не знаетъ она какъ держать себя, чтобы угодить сосѣдямъ ⁷⁾. У ней хата окнами на большому

1) „Поведи ихъ по зеленымъ садочку,
„Покитай ихъ поединцѣ въ кранивоньку!“
— Ой злѣ ты мени, моя мати, порадила,
— Най я буду гиренько бядувати,
— Тихи свои дити дрибненьки годувати. (Чуб. V. 801).

2) Зосталася удовою
Зъ маленькими дѣточками,
Умылася слѣзоньками.
Малѣ дѣти—мале лихо,
Побильшають—погоршають.

3) Не журися, вдово, та молися Богу,
Господь буде помогати, сирить годувати! (Чуб. V. 824).

4) — Ой матинко-лебидочко,
Пядгодуй насъ хоть тришечки...
Та тоди ми поплывемо,
Тебе, мати, покинемо! (Чуб. V. 883).

5) „Ой диточки-лебидочки
Озьмиеть мене нсь собою,
Буду я вамъ хочъ слугою,
Буду хату подмитати.
Мали дити колыхати! (Ibid.).

6) Пшеница поспила, пшеницю изжала,
Тай обняла головоньку, тай плакати стала:
„Жать же я сжала, та ничимъ звонити,
Та все мени, бидній вдови, треба голосити!“
Воливъ одробила, пшеницю звозила,
Та и зновъ била вдова дуже затужила:
„Хоть я извозила, та не маю тину,
То таки я, бидна вдова, на вкии загину.
Не маю тину вже й свини волочатъ,
Вже мою головоньку на вкии морочать. (Чуб. V. 824).

7) Ой Боже, Боже, коли той вечеръ буде,
Коли обо мени наговорються люде!
Говорить люде старий й малыи,
Та ще й къ тому сусидоньки близькии,
Сама не знаю якъ ворогамъ годити—

дорогу: всякій мимо идущій заглядываетъ къ ней и судить ее ¹⁾, а никто не знаетъ каково ей на сердцѣ ²⁾. Она еще молода, нищетъ родной души; не находитъ ее—находитъ только могилу своей матери, обращается къ ней, а мать изъ загробнаго мира говоритъ ей: живи, дочка, съ бѣдою, какъ живется, меня не поднимешь! ³⁾.

Природа беретъ свое. Молодая вдова помышляетъ о вторичномъ замужествѣ ⁴⁾. По народному воззрѣнію, какъ мы уже приводили, женитьба на вдовѣ не оправдывается и всегда выставляется молодцу болѣе подходящимъ избрать въ подруги дѣвицу ⁵⁾. Вракъ со вдовою представляется иногда слѣдствіемъ разчета и при этомъ женихъ затрудняется, если у ней есть дѣти. Въ одной пѣсни описывается сватовство на вдовѣ. Сколько у ней того, другого хозяйскаго добра?—спрашиваетъ искатель ея руки. Она показываетъ достаточное количество хозяйственнаго изобилія ⁶⁾. Но когда спросили ее: сколько у ней дѣтей и она отвѣчала, что ихъ много ⁷⁾, козакъ отступается отъ нея ⁸⁾. Но будущій новый мужъ и тогда

Чи въ чорному, чи въ билому ходити?

Выйду въ чорному—скажуть, що ледащо,

Выйду въ билому—скажуть чепуритися.*

Сама я не знаю якъ до нихъ примиритися.

(Чуб. V. 861).

1) Ой бѣда бѣда вдовицѣ небожѣ,

Що їи хатина виномъ при дорозѣ,

Хто їде, хто їде до вдовоньки штурмує.

Либонь у нею молодѣ козакъ ночує.

(Голов. I. 271).

2) „Ой удово, вдово, й удово-небога,

„Якъ живешъ, бидна вдово, що ворогнєть много?

— Ой ви дивнии люде, що ви пытаете!

— На серденьку тижко-важко, а ви й не знаете.

(Чуб. V. 829).

3) Ходе удивонька по полю та збирає родину,

Та не найшла родини, найшла въ поли былинну,

Найшла въ поли былинну, матусинну могилу,

До могилы припала, матусеньки гукала.

— Ой куды ти, доню, йшла, що мене тутъ найшла?

Чи чорною хмарою, чи дрибненькимъ дощикомъ,

Чи тихою водою?— Живижь, доню, зъ бидою,

Живи, доню, якъ живешъ, бо ты мене не зведешъ!

(Чуб. V. 838—839).

4) А я бидна вдова, мене ларя нема,

Або мене, Боже, вмертви, або мени пару знайди.

(Чуб. V. 828).

5) У вдивоньки таке серце, якъ зимное, каже, сонце:

Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, то все зимний вѣтрець вѣе.

У дѣвочки таке серце, якъ лѣтнее Боже сонце:

Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, все тепленькій вѣтрець вѣе. (Голов. II. 576, ср. великор Шейна I. 331).

6) А въ мене воливъ на дванадцять плугивъ,

Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь,

А въ мене коривъ на дванадцять хлѣвивъ,

Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь.

А въ мене овецъ повенъ хлѣвень,

Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь. (Чуб. V. 818).

7) А въ мене дитокъ повенъ кутокъ

(Ibid.)

8) Цуръ тобі, некъ тобі, молода вдова,

очень откровенно высказывает свою душу и сообщает вдовѣ, чего можетъ она ждать отъ него для своихъ дѣтей и для себя, если станетъ его женою ¹⁾.

Мы уже говорили, какъ иногда въ пѣсняхъ вдова представляется въ непривлекательномъ видѣ ²⁾. Есть повсемѣстно извѣстная пѣсня о кровосмѣстителяхъ. Вдова, родивши двухъ дѣтей мужского пола, пустила ихъ по Дунаю ³⁾, а черезъ двадцать лѣтъ они, называемые двумя донцами, приплыли кораблемъ къ берегу, встрѣтили вдову и одинъ сталъ предлагать ей себя въ мужья. Она не только согласилась, но предложила сама отдать за другого свою дочь ⁴⁾. Тогда донцы открываются кто они такіе ⁵⁾ и наконецъ тотъ, который становился быть мужемъ своей матери, говоритъ ей: пойдн, мать, утопись, а я пойду въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ меня пожрали звѣри ⁶⁾.

Да якая же ты хорошая!
Узявъ бы тебе, узявъ за себе,
Да въ въ тебе дѣтей много.

(Чуб. V. 821).

- ¹⁾ — Ой якъ мени жити, ой якъ горювати,
— Якъ мени свои дитки тай нагодувати!

Ой озоветься та козажъ-бурлакъ:
„Не журися, бидная вдова,
Я твойму добру хазяинъ буду;
Я твоимъ диткамъ батенькомъ буду;
Я твою худобу попрошываю,
Я твои дитоньки порозгоняю,
Тебе, молоду, побью, щей полаю.

(Ibid).

- ²⁾ Оженися, сынку, оженися, небоже,
Та не бери вдовицы — не дай тобі, Боже!

(Чуб. V. 889).

- ³⁾ Вийшла вдова молода,
Породила два синва...
На корабель вложила
Въ тихій Дунай пустила.

(Чуб. V. 888 — 889).

- ⁴⁾ У двадцятому году
Вийшла вдова на воду,
Стала воду набирать,
Ставъ корабель принимать...
А у тому кораблѣ
Два дунца молодци.
— Здорова була вдова,
Чи любишь ты дунца,
Чи пійдешъ ты за дунца?
„Ой я люблю дунца,
И за дунца пійду,
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.

(Ibid).

- ⁵⁾ Охъ ты вдова молода,
Дурна твоя голова!
Ты насъ сама родила,
Въ тихій Дунай пустила.

(Ibid).

- ⁶⁾ — Да пійди, мати, утопись,
А я пійду въ темный лѣсъ,
Нехай мене звиръ изьить.

(Ibid).

ГЛАВА V.

Родители. Братья и сестры.

Родители въ народной поэтической рѣчи обозначаются собирательнымъ именемъ: отець-мати или отець-ненька. Было глубокое вѣрованіе издавна въ силу родительской молитвы, спасающей отъ бѣдъ, дарующей помощь во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и способствующей вѣчному спасенію души въ будущей жизни. Въ періодъ козачества молитва и благословеніе отца и матери сохраняли козака и отъ вражескаго смертоноснаго оружія и отъ потопленія въ морѣ во время козачьихъ походовъ на Черное море ¹⁾. Въ послѣдующій затѣмъ періодъ мирной земледѣльческой и промысловой жизни не оскудѣла увѣренность въ покровительство Божіемъ по молитвѣ родителей ²⁾. Хотя вообще отецъ и мать составляютъ нераздѣльную святиню сердца, но любовь и уваженіе къ матери какъ-то чаще, рѣзче и сильнѣе выказывается въ народной поэзіи, чѣмъ тѣ же чувства къ отцу, можетъ быть, оттого, что въ семейныхъ пѣсняхъ преимущественно является женское естество. Въ одной пѣснѣ мать спрашиваетъ сына, кто ему дороже: теща, жена или родная мать? Сынъ отвѣчаетъ, что тещѣ онъ оказываетъ привѣтливость, съ женою держитъ совѣтъ, а родная мать ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что когда она его носила въ своей материнской утробѣ, тогда свое сердце томила, когда его, младенца, колыгала, тогда — ночей не досыпала ³⁾.

Народная поэзія сознаетъ, что любовь материнская бываетъ совершенно безкорытна; мать любитъ дѣтей даже и тогда, когда дѣти поставятъ себя въ такое положеніе, что не могутъ уже быть полезными родителямъ и воздавать имъ за ихъ попеченія. Въ аллегорической пѣснѣ, въ которой мать съ малолѣтними дѣтьми изображается подъ видомъ лебедки съ лебедятами, дѣти просятъ

¹⁾ Отъ тымъ бы-то, панове, треба людей поважати

Пан-отца и панѣ-матку добре шанувати.

Бо котрый чоловікъ тее уробляе,

Повѣкъ той счастья собѣ мае,

Смертельный мечъ того минае,

Отцева й матчина молитва зо́дна моря виймае,

Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,

На полѣ й на морѣ на помичъ помагае. (Макс., изд. 1849. 52).

²⁾ А котрый чоловікъ отцеву и матчину молитву чтить-поважае,

То отцева-матчина молитва зо дна моря вынимае,

Въ купецтва, въ ремества, на поли й на морі помагае. (Метл. 349).

³⁾ Теща для привѣту,

Жѣнка для совѣту,

А матѣнка рідна лучче всего свѣту.

Якъ мною ходила —

Свое сердце вѣляла,

Якъ мене колыгала,

Ночи не спала.

покорить ихъ съ годикъ, пока они покروются перьями: тогда они разлетятся въ чистое поле на поживу и мать перестанетъ печалиться ¹⁾. Смыслъ этой пѣсни таковъ: хоть дѣти будутъ далеко отъ матери, но мать будетъ довольствоваться, что ея дѣти сами могутъ проживать безъ посторонней заботы о нихъ. Материнская любовь такъ безпредѣльна, что не оладѣваетъ даже и къ дурнымъ дѣтямъ, которыя оскорбляютъ родительницу. Въ одной думѣ, которую поетъ въ Украинѣ кобзари и бандуристы, рассказывается какъ сыновья, спознавшись съ знатыми лицами, прогоняютъ мать, потому что имъ становится стыдно жить съ нею передъ гостями, съ которыми они пируютъ ²⁾. Мать вдова уходитъ къ чужимъ людямъ, пригласившимъ ее жить у нихъ и роицетъ на дѣтей своихъ ³⁾. Но вскорѣ сыновья почувствовали, что Богъ сталъ карать ихъ, а близкіе люди смѣяться надъ ними ⁴⁾, даже и тѣ, которые постоянно пиروвали съ ними, дѣлали неприятыя для нихъ вопросы: отчего они не видятъ у нихъ ихъ матери ⁵⁾. Это побудило сыновей всѣхъ трохъ почувствоваться. Старшій изъ нихъ идетъ въ церковь къ заутрени и, возвратившись оттуда, какъ бы напутствуемый незримую благодатью, подаетъ братьямъ совѣтъ воротить къ себѣ изгнанную мать,

1) Ненька жъ наша лебидочко,
Погодуї насъ хоть съ годочокъ,
Поки вбьемось у пушочокъ,
А зъ пушочку да въ пирьачко,
А зъ пирьачка да въ крылечко.
Тоди стрепенемъ та й полынемъ.
Въ чисте поле живитися,
Тогдѣ перестанешъ, мати, журитися. (Чуб. V. 858).

2) Старшій сынъ до матери мовляе:
Пійди ты, нене, причъ одъ мене,
Будуть, нене, гости въ мене,
Пани да князи въ жуланахъ златоглавахъ,
Будуть нити й гуляти,
А ти, стара мати, будешъ у порога стояти. (Чуб. V. 847).

3) Скоро блявкїи сусиди наглидали,
До вдови промовляли:
„Ой удово, ты старая жоно!
„Пійди жъ, ты, у нашъ димъ жити проживати!“
„Будемо тебе хлѣбомъ солью годувати!“
То удова тее зачуває,
У чужой димъ ужожае, живе проживае,
По ранній вечерній зори спочинку соби николи не має. (Чуб. V. 848. Метл. 348).

4) Стала ти вдовиченьки безъ отца безъ неньки пробувати,
Тогди ставъ ихъ Господь безневинно карати,
Тогди стали зъ нихъ близкїи и дальнїи сусиди насмихати. (Метл. 348).

5) Которыи у ихъ пили та гуляли,
За ворота вийшовши ихъ осужали:
Скільки ми у васъ цємо, гуляемо,
Чому ми у васъ старон матери не видаемо.
Чи ви еи завдали, чи запродали,
Чи вона у васъ хлїбъ-силь перевила,
Чи вона васъ при старости лять осудила. (Чуб. V. 848).

потому что, какъ замѣчаетъ онъ. Богъ ихъ сталъ карать, хлѣба-соли у нихъ стало меньше и порядка въ домашнемъ строѣ недостаетъ безъ старой матери ¹⁾. Затѣмъ всѣ трое пошли просить мать возвратиться къ нимъ, общая на будущее время почитать ее ²⁾. Дума оканчивается словами всепрощающей дѣтямъ матери, что даже и въ тѣ минуты, когда мать и проклинала сыновей. она все-таки въ помышленіи желала имъ всякаго благополучія, избавленія отъ бѣды и царствія небеснаго ³⁾.

Прекрасная эта дума приводитъ намъ высшую, по народному міросозерцанію, степень материнской любви, которая непоколебима никакими огорченіями отъ дѣтей, что дѣйствительно вѣрно и въ человѣческой природѣ. Тотъ же взглядъ просвѣчивается вездѣ въ народной повѣи. Въ одной козацкой пѣснѣ мать гнѣвается на сына, и тотъ, чтобъ избѣжать ея безпрестаннаго ворчанья, хочетъ уходить отъ нея въ Украину ⁴⁾. Но мать тотчасъ опомнилась, останавливаетъ его и велитъ ему одѣться въ зеленый жуланъ, а она полюбуется на его красоту ⁵⁾. Въ другой пѣснѣ, также козацкихъ временъ, мать, разсердив-

¹⁾ Старшій братъ тее зачуває,

До утрени божественной одхожає,

Усю утрению божественную вислухає,

До господи прибуває,

До бративъ словами промовляє:

„Братики мои мили, голубоньки сини!

„Нумо думати, гадати,

„Якъ бы намъ старую матѣрь у свій димъ изьискати;

„Ставь насъ Господь видимо карати,

„Ставь у погѣ й домъ хлѣба-соли збавляти,

„Не стало у насъ безъ старой матери порядку доставати! (Чуб. V. 848).

²⁾ Тогди вдовиченьки въ чужій двирь впадали,

Панки въ руки знимали,

Матери старенькій низенько въ ноги уклонялися:

„Иди ти, мати, въ свій домъ пробувати;

„Можемъ ми тебе за матку старенькую до смерти почитати. (Метл. 349).

³⁾ — Сини мои, ясни соколи!

Не такъ то отцевон й матчиной молитвы прохати,

Якъ ти прогнивляти.

Якъ удова кляла проклинала,

А все думала, гадала.

Зъ моря душу выймала,

Одъ грихивъ одкупляла,

До царствія небеснаго провожала.

(Чуб. V. 849).

⁴⁾ Матуся свого сына била.

А винъ молодъ не гнивився,

Винъ матусеньки попросився:

— Годи жъ мене, моя мати, гризти,

Пійду зъ туги на Украину жити.

Я и тамъ молодъ не загину.

(Чуб. V. 875—876).

⁵⁾ Ой стій, сыну, завернися,

Та въ зеленый жуланъ одягнися,

Та я на тебе подивлюся,

Чи е козакъ на Украини красчій?

(Чуб. V. 876).

шись на сына, прогоняет его и говоритъ: пусть его орда возьметъ ¹⁾. Но когда сынъ отвѣчаетъ, что орда его знаетъ и онъ ее не страшится ²⁾, мать съ любовью зоветъ его къ себѣ и хочетъ вымыть ему голову ³⁾—обычный приемъ любви малороссіянки-матери къ дѣтямъ. Но по народному вѣрованію, гнѣвъ матери на дѣтей бываетъ настолько злокачественъ, что оставляетъ на нихъ слѣды даже и тогда, когда мать, произнесши слово проклятiя, сама потомъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Такое вѣрованіе проглядываетъ въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, который погибаетъ въ бою вслѣдствіе материнскаго проклятiя, хотя мать, произнесши его, пожалѣла и молила Бога не слушать ее ⁴⁾.

Мать гордится красотой своего сына и желаетъ, чтобы его любили женщины ⁵⁾. Сынъ обращается къ ней за совѣтомъ, когда думаетъ жениться и получаетъ совѣтъ жениться на той, которая мила его сердцу ⁶⁾. Но есть пѣсни, гдѣ мать неблагоприятно относится къ такому намѣренію и совѣтуетъ сыну козаку довольствоваться дружескою бесѣдою со своимъ конемъ ⁷⁾, за что сынъ раздражается противъ матери ⁸⁾. Иногда это происходитъ отъ страха за судьбу сына, такъ какъ есть пѣсня, гдѣ изображается, какъ мать предостерегала сына на счетъ дѣвицы, съ которою онъ сошелся ⁹⁾, и когда сынъ сказалъ, что она ему будетъ подругомъ, мать предсказала, что она его отравитъ ¹⁰⁾—и это исполнилось. Тогда уже сынъ сознался ¹¹⁾, что мать говорила правду, но было уже поздно—онъ погибъ. Бываетъ и такъ, что мать, не допуская сыновей до женитбы, горько раскаивается впоследствии. Вотъ орелъ приноситъ ей

1) Иди, сыну, причъ одъ мене:

Нехай тебе орда возьме!

(Макс., изд. 1827. 5).

2) Мене, мене, орда знае,

Срѣбломъ, золотомъ надѣлае.

(Ibid.).

3) Вернись, сынку, до домовьку:

Змыю тобѣ годовоньку.

(Ibid. 6. Чуб. V. 890).

4) Мое сочиненіе: Исторія козачества въ памятникахъ южнор. народного творчества. (Русская Мысль, 1880, кн. I. 56. 62).

5) Пійди, сынку, до криници, напійся водици,

Та що бъ тебе полюбили дивки й молодици.

Пійди, сынку, до криници, умийся водою,

Та що бъ тебе полюбили всею слободою!

(Чуб. V. 882).

6) Возьми соби, сыну, тую, що до сердца пристала.

(Чуб. V. 867).

7) — На що тебе, сынку, молодымъ женити?

„Прійде ничка темнесенька, ни съ кимъ говорити“.

— Есть у тебе, сыну, срибла-злота много,

Купи соби, сыну, коня вороного,

Коня вороного,—говори до ёго.

(Чуб. V. 868—869).

8) — Бодай тобі, мати, такъ важко конати,

Ой якъ мене, мати, зъ конемъ розмовляти.

(Ibid. 868).

9) — Отъ тожь тебе, мій синочку, своя волецька воле,

Що до тебе, мій синочку, сама дивчина ходе.

(Чуб. V. 879).

10) „Вона менѣ молодому та й дружиною буде,

— Вона тебе, мій синочку, отрутою нагодуе.

(Ibid.).

11) Ой правдоньку, ненько моя, ой правдоньку казага. (Чуб. V. 879).

вѣсти о гибели сына ¹⁾; но тогда сынъ произноситъ, что виною всему она, не женивши своихъ синовей во-время ²⁾.

По отношенію къ дочери—та же материнская любовь. Отдавая дочь за-мужъ, мать тутъ же готова вернуть ее къ себѣ въ домъ ³⁾, а если потомъ станетъ чѣмъ-нибудь недовольна, то не надолго и всегда съ прежнимъ радушіемъ готова принять ее и обласкать ⁴⁾. Она приходитъ къ своей дочери по-смотреть на ея житье-бытье, а дочь, какъ уже говорено было, во время не-взгоды ищетъ утѣшенія въ томъ, чтобы подѣлиться своими ощущеніями съ ма-терью ⁵⁾.

Нигдѣ такъ трогательно не высказывается материнская любовь къ дѣ-тямъ, какъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ мать оплакиваетъ сына, умершаго въ чу-жомъ краѣ, что такъ часто случалось во времена козачества. Мать, сидя у себя дома, какъ бы внутривниимъ чутьемъ слышитъ жалобное ржаніе коня своего сына и по немъ узнаетъ, что его уже не стало на свѣтѣ. Хотѣла бы она пре-вратиться въ кукушку, летать сюда и туда; она бы узнала могилу своего сына, припала бы къ ней своими крылышками и произнесла бы: куку! мой сыночекъ, подай мнѣ хоть одну руку! А сынъ изъ могилы отвѣчаетъ: я бы радъ былъ и обѣ руки подать тебѣ, да насыпали на нихъ сырой земли, поднять нельзя, и глаза мои закрылись, и уста сомкнулись, и уши сжались: ни глянуть, ни услы-шать, ни промолвить слова ⁶⁾. Тотъ же образъ повторяется по отношенію къ сыну рекруту ⁷⁾ и къ сыну чумаку ⁸⁾.

¹⁾ — Ой ты орелъ сивокрилий, высоко летаешь!

Ой чи часто мого сына у вичи выдаешь?

„Ой чи часто, чи не часто, таки ёго бачу:

На чубъ, на чубъ наступаю, очи колунаю!“

(Чуб. V. 888).

²⁾ — Сама-сь, мати, винна, сама провинила

Що насъ молодими та не поженила!

(Ibid.).

³⁾ Вернися, дочко, вернися, помиркуймося,

Хочь рочокъ, хочь два у мене покрасуешся!

(Чуб. V. 906).

⁴⁾ Ой кажутъ люде, що мене мати лае;

А я зъ-далека йду—ворота одчиняе;

„Въ мене хаточка теплая, веселая,

Та въ мене дочка любая, сердешная!

(Чуб. V. 494—495).

⁵⁾ Чуб. V. 327. 629.

⁶⁾ Ой зачула стара мати сидючи въ кимнати:

„Та вжежь мого та синовька на свити не мае!

Ой якъ бы жъ я зозуленька та крылечка мала,

Полетила бь сю-тую сторононьку облитала,

Свого сына Ивана на гробу признала,

Объла бь пала на могилы, та й сказала-бь: куку!

Подай мени, мій сыночку, хоча одну руку!“

— Ой радъ бы я, моя мати, обидви подати,

— Насыпано сырїи земли, не можно пидняти.

— Свренилися уста мои, не могу промовить,

— Закрылися ясни очи, не могу проглянуть,

— Студлилися чутки уши, не могу прослухать.

(Чуб. V. 865).

⁷⁾ Чуб. V. 884.

⁸⁾ Чуб. V. 1049.

Такъ же трогательны плачи дочерей надъ могилою матери. Въ народной поэзи они, подъ названіемъ причитаній, составляютъ особый отдѣлъ, какъ бы обрядовыхъ пѣсень, какія допустительно пѣть только при извѣстныхъ случаяхъ жизни съ соблюденіемъ въ нѣкоторомъ родѣ какого-то священнодѣянія. Такіе плачи или причитанья — памятники языческой древности, прошедшіе въ перво-бытной своей чистотѣ черезъ многіе вѣка и не принявшіе на себя слѣдовъ христіанства. Такъ здѣсь плачущая о потерѣ родительницы дочь въ своихъ причитаніяхъ ничѣмъ не показываетъ признаковъ христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь, напротивъ, ея обращеніе къ кукушкѣ даетъ ясный намекъ на языческое олицетвореніе природы. Сама умершая воображается какъ бы пребывающею въ землѣ, куда ее сокрыли, и можетъ, при нѣкоторыхъ неясно представляющихся условіяхъ, возвратиться въ прежнемъ видѣ ¹⁾.

Отецъ въ народной поэзи является съ той же любовью къ дѣтямъ, какъ и мать, и большею частью въ пѣсняхъ оба родителя, какъ уже сказано, изображаются нераздѣльно подъ выраженіемъ: отець-мать или отець-ненька. Все, что относится къ матери—относится и къ отцу. Разлада между отцомъ и матерью въ пѣсняхъ мы почти никогда не встрѣчаемъ. Гдѣ отецъ, тамъ и мать, гдѣ мать, тамъ и отецъ. Умирающій въ чужомъ краѣ козакъ посылаетъ вѣсть къ отцу и къ матери, и оба къ нему являются, онъ проситъ обоихъ похоронить его ²⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ разогнался на конѣ своемъ на море, покрывшееся льдомъ, ледъ проламывается и онъ сталъ тонуть: въ это время онъ обращается къ коню, проситъ его выбиваться изъ-подъ льда и принести о его гибели вѣсть обомъ родителямъ ³⁾. Отецъ безъ матери является рѣдко и,

¹⁾ Ой коли намъ тебе сподиваться

Що бъ намъ и къ тоби прибраться:

Чи къ Риздву, чи къ Великодню, чи къ Святій недилі?

И къ Риздву стежки позамитае,

Къ Великодню води порозливае,

А къ Святій недилі травою позаростае.

И николи тебе не сподиваться!

Коли буде зозуля кувати,

Я буду ея пытати:

Чи не бачила моеи неньки ридненьком?

Скажи їй, зозуленько, якъ мени тошно, якъ мени гірко безъ неньки жити!

Хто завидить, той мене сиритоньку зобидить,

А зозуленька не буде правды казати!

Де жъ, моя ненько, теперъ мени счастья шукати?

Чи мое счастья въ огни згоріло,

Чи мое счастья въ води потонуло,

Чи мое счастья втромъ роздуло? (запис. мною въ Сарат. губ. и доставл.

Метлинскому, напечатанному въ своемъ сборн. „Народина Южно-русскія пѣсни, стр. 292—293).

²⁾ Приѣзжае отець-мать зблизька—здалека,

Прикладае свое лячко до ёго серденька,

— Годи, отецъ, годи мати, годи жалувати,

— Тільки прошу отця-мати хороше сховати.

(Чуб. V. 88^а).

³⁾ — Бийся жъ, коню, бийся выбивайся,

вѣроятно, чаще всего тогда, когда матери не было на свѣтѣ. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, козаку подается совѣтъ не покидать престарѣлаго отца, иначе угрожаетъ ему гибель ¹⁾. Въ аллегорической пѣснѣ старый козакъ изображается въ образѣ сокола, а его дѣти въ образѣ соколятъ: онъ отлетаетъ въ чужіе края и оставляетъ своихъ соколятъ на попеченіе товарищу орлу, но воротившись домой, узнаетъ, что его соколятъ забрала ляхи и отдали невѣрному царю ²⁾. Въ другомъ народномъ произведеніи, именно въ думѣ, о которой мы говорили, излагая символку птиць, въ видѣ соколовъ изображаются козаки: отецъ и сынъ, изъ которыхъ первый освобождаетъ послѣдняго изъ турецкой неволи ³⁾. Въ пѣсняхъ собственно семейныхъ и преимущественно женскихъ, но въ немногихъ, является отецъ безъ матери, быть можетъ, тогда, когда матери уже не было, или въ смыслѣ главы семейства и хозяина. Такъ въ одной пѣснѣ дочь съ восторгомъ говоритъ о веселомъ привольномъ житіи у родителя, который ласкалъ и лелѣялъ ее ⁴⁾. Въ колядкахъ изображается, какъ отецъ любитъ своей дочерью, которой за красоту всѣ восхищаются ⁵⁾. По народному воззрѣнію родители учатъ дѣтей добру, и пороки молодыхъ людей представляются чаще всего происходящими отъ непослушанія родителямъ. Мать—добрая совѣтница дѣтямъ, и отправляя сына въ дорогу, приказываетъ ему всегда помнить о Богѣ ⁶⁾. Но въ видѣ позорнаго исключенія въ пѣсняхъ упоминаются и обратные примѣры. Такъ въ одной пѣснѣ изображается мать, избаловавшая свою дочь и сдѣлавшая ее лѣнливою ⁷⁾. Въ другой пѣснѣ мать сама подстрекаетъ сына воровать, по-

— До батька й до неньки поспитайся,

— Та батькови й неньци покланяйся.

(Чуб. V. 370).

¹⁾ Не покидай, мій миленькій, старенького батька:

Якъ батька покинешь, самъ молодъ загинешъ,

Быстренькою рѣченкою у Дунай заплинешъ (Малорос. и Червонор. Думи и Пѣсни. 124).

²⁾ Чуб. V. 852. 853. Въ одномъ изъ вар. вмѣсто мамы поется ляхи.

³⁾ Журналъ Бесѣда, 1872, томъ XI, стр. 18.

⁴⁾ Чуб. V. 904.

⁵⁾ Ясна калина въ лузи,

Ще найкрасча Катерина въ батька.

По двору ходить якъ місяць сходить,

Триски сбирає, якъ зоря сле.

Ввійшла въ світлоньку—пань встануть,

А еденъ каже: чія це дочка?

Другій каже: королівночка,

А батько каже: це моя дочка,

Це моя дочка, такъ якъ панночка.

(Чуб. III. 396).

⁶⁾ Будешъ, синку, въ дорогѣ —

Не забудь о Богѣ.

(Голов. II, 580).

⁷⁾ Сидитъ же мати набивається,

Своею дочкою вихвалиться:

„Вона у тебе не робитема,

По землі хвартує волочитеме,

А у неї пань помнють лави,

А у неї ласки помнють миски,

Вона хлѣба напече,

Водиця въ хату сама натече.

(Чуб. V. 896—897).

хваливая его за каждую кражу ¹⁾, пока наконецъ онъ попалъ въ заключеніе и тогда уже не шли вырывать его ни мать, ни родные ²⁾.

Чувству къ родной матери противопологаются отношенія къ мачихѣ и къ вочичку. Имѣть мачиху для дѣвушки такое же горе, какъ для молодца быть отданнымъ въ рекруты ³⁾. Мачиха, какъ вода студеная, которую трудно переходить въ бродъ ⁴⁾. Мачиха бьетъ и ругаетъ падчерницу и некому за бѣдную заступиться ⁵⁾. Самъ отецъ, женившись на второй женѣ, только сожалеетъ о дѣтяхъ отъ перваго брака, видя, какъ съ ними обращается мачиха ⁶⁾. О вочичкѣ въ пѣсняхъ говорится мало: есть, впрочемъ, дума, гдѣ изображается, какъ мать выпроваживаетъ изъ своего дома сына, чтобъ избавить его отъ неродного, названнаго отца ⁷⁾.

Братья и сестры въ неразрывной связи, пока живы родители, и дѣти нѣкъ составляютъ единую семью. Братъ защитникъ и покровитель сестры. Охранять честь ея—его обязанность. Рассказывается, какъ лати подговорили къ побѣгу

¹⁾ Ой укравъ я, мати, корову рабую,
Ты сказала, мати: украдь и другую...
Ой укравъ я, мати, ажъ семеро овецъ,
Ты сказала, мати, мій синь молодець. (Чуб. V. 882—883).

²⁾ Якъ піймали, мати, у неволю брати,
Не йшла мене, мати, дай вызволяти,
Ой не йшла жь, мати, не йшла й родинонька,
Не пришла й вирная да дружинонька. (Ibid.).

³⁾ Ой хлопляча бѣда—у некруты брати,
А дивчача бѣда—не ридная мати:
Не пускає мене нікуди гуляти. (Чуб. V. 892).

⁴⁾ Студена вода, студена вода, тяженько ю сбродити,
Чужій матинцѣ, чужій матинцѣ тяженько догодити,
Чужа матинка, чужа матинка якъ соломонька въ стрѣвѣ,
Своя матинка, своя матинка якъ калинонька въ лѣсѣ. (Голов. III. 145).

⁵⁾ Въ мене мати та не ридная,
Головочка моя бидная!
Буде мене бити, ругати,
Я не знаю якъ одказати. (Чуб. V. 897—898).

⁶⁾ Якъ ми перша жинка вмерла въ зини, поховавъ емь,
Зисталося двое дѣтій, гирко працювавъ емь...
Наравнѣ мѣ нашъ кумъ реентъ: „е въ дворѣ дѣвчата;
„Возьми собѣ зъ двора дѣвку, буде намъ за свата!“
„Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, алежъ не такая;
И нещаца, и ледаца, до того й лихал;...
Дѣти ходять якъ святія и свѣтють колѣньми,
Повбивала имъ мачуха якъ била колѣньми. (Голов. III 119—180).

⁷⁾ „Ой сыну мій, удовичевку, бездольний, безчасний!
Не веда я тобі во вторнѣмъ отцѣмъ жини-прокивати,
Нехай не буде тебе вторнѣмъ отцѣмъ названнѣмъ: класи-прокивати,
Долю твою козацькую зневажати,
За хлѣбъ-за-силъ нарикати, зъ домивки зганяти;
А веда я тобі въ чужу сторону одъезжати. (Чуб. V. 849).

дѣвку Касю ¹⁾. Мать, узнавши объ этомъ ²⁾, посылаетъ сыновей въ погоню ³⁾. Молодцы догнали бѣглецовъ и, не внимая жалобамъ сестры ⁴⁾, изрубилъ ея соблазнителя ⁵⁾. На такое покровительство старшаго брата надъ сестрою указываютъ и свадебные обряды, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Такое покровительство становится пользею, когда не станеть родителей и старшій братъ занимаетъ ихъ главенство въ семьѣ.

Въ плачахъ или причитаніяхъ, произносимыхъ сестрою надъ могилкою умершаго брата, та же мысль, и сестра называетъ его защитителемъ, а себя обзываетъ сиротою безъ него. Сестра спрашиваетъ, куда онъ отъѣзжаетъ, говорить, что будетъ допрашивать кукушку, когда дожидать ей брата къ себѣ въ гости, и прощается съ нимъ въ отчаянной увѣренности, что не будетъ уже никогда видѣть его и разговаривать съ нимъ въ жизни ⁶⁾. И въ причитаніяхъ сестры надъ умершимъ братомъ, какъ въ приведенномъ выше причитаніи дочери надъ матерью, нѣтъ ни слова о христіанскихъ представленіяхъ.

Когда родители умирають, сыновья поженятся, дочери выходятъ замужъ и обзаведутся своими собственными семьями, тогда связь между братомъ и сестрою слабѣетъ, хата брата для замужней сестры не то, что хата родительская. Хоть бы самъ братъ лично былъ привѣтливъ къ сестрѣ, но не такова будетъ къ ней братова жена ⁷⁾. Въ пѣсняхъ можно найти слѣды возмутительно

¹⁾ Пасла Кася кони й воли,
И насучи, погубила,
Шукаючи, заблудила.
Ой прибила до риночку,
Пьють лашеньки горѣлочку.
Ой пють вони, підпивають,
Касю їхати підмовляють.

(Чуб. V. 909).

²⁾ Ibid.

³⁾ — Та снми жъ мон и дорогій,
Сидлайте кони вороний,
Доженитъ Катю зъ лашеньками!

(Ibid. 908).

⁴⁾ „Сребло-злото забирайте,
Тільки лямка не рубайте“.

(Ibid. 909).

⁵⁾ Сребло-злото все забрали,
И лашенька зарубали.

(Ibid. Макс., изд. 1827. 121).

⁶⁾ Ой куди жъ ти, братнику, виїхавъ въ якій край,
Що до тебе ни письма написати,
Ни люди переказати?
У яку дороженьку?

Чи до чистого поля, чи до синього моря?

Чи до чорвонои калини, чи до чорнои могилы?

Зозульки будуть кувати, соловейки щебетати.

А ми свого братника въ гости будемъ дожидати!

На порози стояла, зозуленка кувала,

А я жъ про свого братника въ неї пытала:

— Чи не бачила мого братника, чи не йде винъ у гостеньки?

Уже жъ мени, мій братнику, не розмовляти,

Уже жъ мени, мій братнику, не видати тебе поки свить сонця.

(Чуб. IV. 703).

⁷⁾ Якъ батенько умре, гостина минесе, матинка схитнесе.

грубаго обхожденія брата съ сестрой, особенно когда эта сестра убога, а братъ зажиточенъ. Увидя изъ окна хаты ѣдущую къ нему сестру, онъ слышитъ приказать женѣ убрать со стола хлѣбъ. Идетъ сестра, — говоритъ онъ, — спрячь хлѣбъ; я ее ненавижу. Сестра уже въ сѣняхъ, слышитъ, что говорится въ хатѣ и привѣтствуетъ брата при своемъ входѣ въ его домъ такою рѣчью: «Не пугайся, братецъ. Я не обѣдать къ тебѣ иду; я уже дома пообедала. Я хочу поглядать твоихъ дѣтей, чтобъ они знали, что у нихъ есть тетка. Я заработалъ себѣ на хлѣбъ, да еще тебя накормлю, когда придешь ко мнѣ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ изображается, что братъ устраиваетъ у себя въ домѣ пирунку и зоветъ въ гости двухъ своихъ сестеръ. Одна изъ нихъ богата, другая убога. Богатую сажаютъ съ почетомъ за столкомъ, убогую—у порога ²⁾; богатую угощаютъ медомъ и виномъ, убогую горькими пивомъ; богатой даютъ калачи, убогой — сухари ³⁾. Сидя у порога, убогая, чувствуя свое униженіе, заливается слезами ⁴⁾. Подививши, богатая сестра начинаетъ надѣяться надъ убогой. Вотъ если бы ты, сестра, была такова, какъ я, то сидѣла бы теперь тамъ, гдѣ я сижу ⁵⁾. Какъ же мнѣ—отвѣчаетъ убогая—быть такою, какъ ты? Работаю за чужими дѣлами, выгребая чужія печи, праду чужую пражу, выполняю чужіе сундуки ⁶⁾. Тогда

А ийду я до брата—то не моя хата:

Братъ сестру вѣтае, а братова стѣха лае.

(Голов. III. 331).

¹⁾ Одсунувъ братъ кватирочку:

Иде сестра къ ѣму въ гостиночку.

А винъ каже: „пріймай, жинко, хлѣбъ зо стола,

ѣде въ гости сестра моя.

Ховай, жинко, хлѣбъ у хажу,

Я своен сестри ненавижу.

Сестра къ синечкамъ прѣжае,

То братови слова зачуае:

— Ой стій, брате, не лякайся,

— Зъ хлѣбомъ-силлю не ховайся!

— Ой я, брате, дома обидала

— А бы тебе одвидала...

— Не такъ тебе, якъ твоихъ дѣтокъ,

— Щобъ вони знали своихъ тѣтокъ.

— Ой я, брате, хлѣба загорю.

— Та прійди до мене—нагоду.

(Чуб. V. 929. Голов. II. 375).

²⁾ Багатую садятъ у конци стола,

А убогую садятъ у порога.

(Чуб. V. 914).

³⁾ Напуае багату медомъ-виномъ,

А убогу-небогу—горькимъ пивомъ,

Закусе багата калачами,

А убога-небога—сухарцами.

(Ibid. 916).

⁴⁾ Та багатая сестра медъ-вино пье

А убогая у порога слезоньки лье.

(Чуб. V. 914).

⁵⁾ Та багатая сестра подивнае,

Та до убогой сестри промовлае:

„Та коли бъ же ты, сестро, такая жъ була,

То бъ и ты тута посажена була“.

(Ibid.).

⁶⁾ „Якъ же мени, сестро, такіи бути,

Чуже дѣло роблячи, чужіи печи хутруючи,

богатая дѣлаетъ ей тотъ упрекъ, который недавно обычно дѣлаютъ богачи бѣдникамъ. Не работаешь, оттого и въ огрѣняхъ ходишь. Вставала бы раньше, да прядла постарательнѣе ¹⁾. Встану я — отвѣчаетъ убогая — раньше тебя и пряду много, да все только приводится мнѣ наполнять чужіе сундуки и одѣвать чужихъ дѣтей ²⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ этой пѣсни изображается разговоръ обѣихъ сестеръ съ своею долею. Одной изъ нихъ доля приготовляетъ новые жупаны, а другой — заплаты на сермягѣ. Богатую провожаютъ съ музыкою, а бѣдную травятъ собаками ³⁾. Подобное обращеніе никакъ не оправдывается народнымъ міровоззрѣніемъ, напротивъ, недостатку любви между близкими родными приписываются неурожан и всякія потери, какъ наказанія отъ Бога за грѣхи людскіе ⁴⁾.

Но показываются въ произведеніяхъ народной поэзіи и образцы участія брата къ сестрѣ. Въ одной, напримѣръ, пѣснѣ, женщина терпитъ горе и говоритъ, что видно мать прокляла ее, когда она была еще дитятею ⁵⁾. Но у ней есть двое братьевъ, словно двое голубковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ къ другому: не допустишь сестрѣ нашей погибать въ чужой сторонѣ; сестра наша хороша и красива, только судьба ея несчастна ⁶⁾. Въ одной аллегорической пѣснѣ

Чужі мотки одпрадаючи,
Чужі скрини словнаючи⁴⁾.

(Чуб. V. 917).

¹⁾ Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
То бъ у такихъ латахъ не ходила.
Вставай ты, сестро, ранесенько,
Пряди кужилечку тонесенько.

(Ibid. 916).

²⁾ — Я устаю, сестро, раньше тебе,
Пряду кужилечку тоньше тебе.
А я устаю, сестро, велики починки напращаю
Да все чужимъ скрини наполняю,
Да все чужихъ детей зодигаю.

(Ibid.).

³⁾ Та озвалася доля до багатомъ:
„Чи вже жъ ты жупаны поносила,
Уже жъ я тобі суконь навушила“.
Озвалася доля до вбогомъ:
„Чи вже жъ ты свитину изодрала,
Бо вже жъ я тобі латокъ набирала!
Багатую проводятъ изъ музиками,
А вбогую цѣкують та собаками.

(Чуб. V. 915).

⁴⁾ Тимъ на свити хлибъ не родить,
Що братъ до сестрици не говорить;
Тимъ на свити теряється,
Що братъ сестри цурається,
Тимъ на свити добра нема,
Що братъ сестри за ридъ не ма.

(Чуб. V. 929).

⁵⁾ Ой гол, гол, несчастлива доля!
Прокляла нянька якъ бузамъ маленька.

(Ibid. 917).

⁶⁾ Тамъ надъ Дунаємъ сидить два голуба свєнькиихъ,
Тамъ есть у мене два братчики риднєнькиихъ.
Еденъ голубъ воду пєе, другій лїтає;
Старшій братъ коня напуває, молодшій старшого навчає:
„Не дамо сестри въ чужини пропадати,

сестра изображается въ видѣ чайки, а братъ въ видѣ журавля; чайка скорбитъ за своихъ дѣтокъ, а братъ журавль утѣшаетъ ее, что ея дѣтки останутся при Божіей помощи цѣлы и будутъ летать по волѣ ¹⁾). Въ другой пѣснѣ братъ является въ образѣ соловья, а сестра въ образѣ кукушки. Соловей скорбитъ о погибшихъ дѣтяхъ, сожженныхъ чумаками; прилетаетъ сестра кукушка и говоритъ, что она предупреждала его добрымъ совѣтомъ мостить себѣ гнѣздо въ безопасномъ мѣстѣ ²⁾). Сестра, забѣжавшая на житье въ далекую Украину, находитъ себѣ только въ томъ и отраду, что получаетъ часто письма отъ брата, который съ участіемъ обращается къ ней ³⁾). Есть большая дума, распѣваемая кобзарями, гдѣ сестра, живущая въ чужой сторонѣ, обращается къ брату и умоляетъ его посѣтить ее, потому что ей въ чужой сторонѣ грустно и никто ее знать не хочетъ ⁴⁾). Говоря объ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ между собою

Бо наша сестра хороша й вродлива,
Тільки ей Богъ давъ, що доля нещаслива“.

(Чуб. V. 917).

¹⁾ Стерегла чаєнька маленькіи дѣти,

Привела журавля къ собѣ на пораду:

— Брате мій любимий, дай ми яку раду:

— Де я маю ти дѣти подѣти,

— Приїдуть ми ся у свѣтъ полетѣти.—

„Не журися, сестро любимая,

„Нимъ жито прислѣ, Богъ старанье мае,

„Будуть твои дѣти до воли гуляти,

„Будуть вони акъ орли быстрии лѣтати!“

— Бодай твои, брате, слова ся сповнили.

— Щобъ мон дѣти въ той часъ були цѣли. (Голов. II. 517—518).

²⁾ Ой йшли чумаки зъ Украины,

Дай пустили пожаръ по долини,—

Соловейковы дѣти погорили.

„Ой и зовуленько, сестро моя,

„Пропали диточки, пропаду й я!“

Прилетѣла сестра зъ Украины -

— Чи я тобі, брате, не казала,

— Не мости гнѣздечка у лужечку,

— Помости гнѣздечко у садочку,

— На высокіи древку, на яворку,

— Нихто того древка не зрубає,

— Соловьѣвыхъ дитокъ не займає.

(Чуб V. 850—851).

³⁾ Ой витерь не віє, гилья не колыше,

Тільки братъ до сестри часто листи пише.

Пише на Вранню, туди ихъ шле швидко.

— Сестро моя, сестро, сестро украинко!

— Що мени на свити зъ тобою робити,

— Чи привикла, сестро, на чужини жити?—

„Хоча не привикла, треба привикати,

„Коли уродила безъ доленьки мати“.

(Метл. 244).

⁴⁾ Сестра то зачуває, словами промовляє:

Прошу тебе: черезъ быстри рики билимъ лебедонькомъ переплыви,

Черезъ широки степи малимъ невеличкимъ перепеловькомъ перебижи;

Черезъ темни луги асинымъ соколонькомъ перелити,

въ народной поэзіи упоминаемъ, наконецъ, о легендарной пѣснѣ, очень распространенной, гдѣ разсказывается о происхожденіи цвѣтка: «братъ съ сестрою», по-русски—Иванъ да Марья (*viola tricolor*); мы уже приводили эту пѣсню, излагающую символику растений ¹⁾.

Такъ выражается семейная жизнь южнорусскаго народа въ его поэтическихъ созданіяхъ. Народная поэзія представляетъ намъ въ ней послѣдовательное развитіе дѣятельности одухотворяющаго ее начала—любви, которой зарожденіе видно въ полудѣтскихъ весеннихъ играхъ и забавахъ, дальнѣйшее возрастаніе въ юношескихъ взаимныхъ стремленіяхъ молодыхъ людей обоего пола: ихъ свиданія, сердечныя изліянія чувствъ, боязнь родительскаго наблюденія, страхъ постороннихъ препятствій, случайныя (могущія быть и не быть) явленія, какъ измѣна, ревность, отчаяніе, ссоры, примиренія, злоба, месть, потомъ при пережитіи всякихъ неизбѣжныхъ и случайныхъ явленій—бракъ, выражаемый свадебнымъ торжествомъ. Это, какъ мы замѣтили, самый поэтический моментъ расцвѣта жизни, съ котораго начинается другой ея періодъ—семейно-родственный, который также обильно выражается въ произведеніяхъ пѣсеннаго творчества со всѣми какъ присущими и потому неизбѣжными, такъ и случайными явленіями. Читатель можетъ замѣтить, что все здѣсь сообразуется съ тѣмъ военно-земледѣльческимъ бытомъ, который народъ проживалъ съ разными формами общественнаго своего строя многіе вѣка и напечатлѣлъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ настоящее время жизнь народная сгузилась въ формы земледѣльческаго сельскаго быта, но въ пѣсняхъ народныхъ, какъ было нами не разъ указываемо, слишкомъ ярко еще видѣются слѣды прожитаго. Мы считаемъ излишнимъ далѣе и шире распространяться, предоставляя каждому судить по представленному нами очерку сообразно поэтическому изображенію, сдѣланному самимъ народомъ о своемъ бытѣ и жизни.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

А въ моимъ дворѣ синимъ голубонькомъ сядь-пады,
Жалибненько загуды,
Тугу мою, брате, роздиди.
Що теперь, брате, святой день Великдень праздникъ роковой,
Що люди зъ церкви йдутъ,
Якъ бджилоньки гудуть—
Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене ниhto по родинѣ не займае,
Будто воно мене та й не знае!

(Метл. 356).

¹⁾ Журн. Бесѣда. 1872 года. VI. 14—16.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

	СТРАН.
Введеніе	429
I. Періодъ языческой.—Отдаленная древность	439
II. Южная Русь до козачества	677
Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго письменнаго творчества	193

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Пущено:</i>
512	12 сн.	taciunt	faciunt
522	7 св.	οχημον βασιλικον—	οχημον βασιλικόν
552	17 "	ieden	jeden
553	23 сн.	rikadla	řikadla
602	3 св.	κόκκηξ	κόκκοξ
—	10 сн.	πόςος χρόνος	πόσος χρόνος
618	16 св.	Feures	Feuers.
638	4—5 св.	л и ш н і я	
648	17 св.	getteracet	Götterwelt
693	Передъ заголовкомъ	пропущена цифра III	
694	12 сн.	Venetzia	Venezia
—	11 "	senalata	senalata
—	10 "	contro	contra
—	7 "	citta	città

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

RENEWALS ONLY—TEL. NO. 642-3405
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

MAR 17 1969 OT

RECEIVED

MAR 27 '69 - 3 PM

LOAN DEPT.

LD 21A-40m-2,'69
(J6057s10)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley